ФАНТАСТИКА И ДЕТЕКТИВ №1

ХИМИЯ И ЖИЗНЬ

1965-1974

КОМПИЛЯЦИЯ

«Химия и жизнь». Фантастика и детектив

Борис Васильевич Зубков, Фред Хойл, Александр Александрович Мееров, Станислав Лем, Артур Конан Дойль, Всеволод Александрович Ревич, Айзек Азимов, Лео Сцилард, Вацлав Голембович, Роберт Шекли, Михаил Владимирович Волькенштейн, Артур Кларк, Сакё Комацу, Артур Порджес, Валентин Рич, Фредерик Л. Уоллес, Андре Моруа, Ромэн Ефремович Яров, Валентин Варламов, Станислав Францевич Старикович, Ларри Айзенберг, Мюррей Лейнстер, Алан Эдвард Нурс, Дэнни Плектей, Лестер Дель Рей, Норман Хантер, Север Феликсович Гансовский, Рэй Брэдбери, Фредерик Браун, Михаил Абрамович Кривич, Л. Ольгин, Джон Холдейн,

Джон Уиндем, Кейт Лаумер, Геннадий Моисеевич Файбусович, Леона Райноу, Георгий Иосифович Гуревич, Стивен Голдин, Ежи Валлих, Кир Булычев, Андрей Дмитриевич Балабуха, Валентин Красногоров, Леонид Письмен

Аннотация
«Химия и жизнь». Фантастика и детектив. ___ ___ ___ ___
1965. ___ ___ ___ ___
№№ 1–3. ___ ___ ___ ___
Б. Зубков. Е. Муслин. Бациллус Террус. ___ ___ ___ ___
Ф. Хойл. Чёрное облако
Пролог
Глава первая. История начинается
Глава вторая. Собрание в Лондоне
Глава третья. В Калифорнии
Глава четвертая. Принимаются важные решения
Глава пятая. Норстонстоу
Глава шестая. Облако приближается
Глава седьмая. Облако надвинулось

Глава восьмая. Изменения к лучшему
Глава девятая. Подробное обсуждение
Глава десятая. Связь установлена
Глава одиннадцатая. Ракеты и бомбы
Глава двенадцатая. Облако уходит
Заключение
Эпилог
№ 4. ___ ___ ___ ___
Александр Мееров. Сиреневый кристалл. ___ ___ ___ ___. ___ ___ ___ ___
Сокровище звёздных миров ● Вместо пролога
Часть первая. ●. БЕСПОКОЙНОЕ НАСЛЕДСТВО
Глава первая. ●. Нетленная ткань. ___ ___ ___ ___
Глава вторая. ●. Легенда о Рокомо и Лавуме
Глава третья. ●. Открытие профессора Вудрума
Глава четвёртая. ●. Встреча с Парсетом
Глава пятая. ●. Господин Ширааст
Глава шестая. ●. Борис Шорпачёв. ___ ___ ___ ___
Глава седьмая. ●. Золотая ладья
Глава восьмая. ●. Сиреневый кристалл

Часть вторая. ●. ПОЯВЛЕНИЕ БИОСИЛИЦИТОВ
Глава девятая. ●. Тайник Вудрума
Глава десятая. ●. Живое вещество
Глава одиннадцатая. ●. Господин Асквит
Глава двенадцатая. ●. Труп Баокара
Глава тринадцатая. ●. Генератор запахов
Глава четырнадцатая. ●. Кочан капусты
Глава пятнадцатая. ●. Господин Фурн
Глава шестнадцатая. ●. Родбариды
Часть третья. ●. ПОТОК ИНФОРМАЦИИ
Глава семнадцатая. ●. 70_355_653_361_664
Глава восемнадцатая. ●. Юсгориды
Глава девятнадцатая. ●. Первый сигнал
Глава двадцатая. ●. В мир недоступности
№ 5. ___ ___ ___ ___
Станислав Лем. Верный робот. ___ ___ ___ ___
I
II
III
IV
№ 6. ___ ___ ___ ___
Артур Конан-Дойл. Машина Эрика Свенсона
№№ 7–8 . ___ ___ ___ ___
Всеволод Ревич. Штурмовая неделя

Айзек Азимов. Удивительные свойства тио-тимолина

№ 9. ___ ___ ___ ___

Айзек Азимов. Тиотимолин и космический век. ___ ___ ___ ___

№ 10. ___ ___ ___ ___

В. Голембович. Бриллианты лорда Сандвича. ___ ___ ___ ___

№ 12. ___ ___ ___ ___

В. Голембович. Пьяный паук 1966. ___ ___ ___ ___

№ 1. ___ ___ ___ ___

Лео Сцилард. Всем звёздам!. ___ ___ ___ ___

№ 2. ___ ___ ___ ___

Роберт Шекли. Специалист

№№ 3–4. ___ ___ ___ ___

Михаил Владимиров. Остров Пуат-Тахи. ___ ___ ___ ___. ___ ___ ___ ___. ___ ___ ___ ___

Глава 1. Сколько ног у бабочки?. ___ ___ ___ ___

Глава 2. Странный остров. ___ ___ ___ ___

Глава 3. Судьба Мартина Уиндгема. ___ ___ ___ ___

Глава 4. Аминокислоты в зеркале. ___ ___ ___ ___

№ 7 . ___ ___ ___ ___

Артур Кларк. Техническая ошибка. ___ ___ ___ ___

№ 8

Сакё Комацу. Бумага или волосы?

№ 10. ___ ___ ___ ___

Артур Порджес. 1,98

№ 11. ___ ___ ___ ___

Валентин Рич. Горе от ума

1967. ___ ___ ___ ___

№ 1. ___ ___ ___ ___

Ф. Уоллес. Ученик. ___ ___ ___ ___

№ 2

А. Азимов. Ловушка для простаков

1. ___ ___ ___ ___
2. ___ ___ ___ ___
3. ___ ___ ___ ___
4. ___ ___ ___ ___
5. ___ ___ ___ ___
6. ___ ___ ___ ___
7. ___ ___ ___ ___
8. ___ ___ ___ ___
9. ___ ___ ___ ___
10. ___ ___ ___ ___
11. ___ ___ ___ ___
12. ___ ___ ___ ___
13. ___ ___ ___ ___

14. ___ ___ ___ ___
15. ___ ___ ___ ___
16. ___ ___ ___ ___
17. ___ ___ ___ ___
18. ___ ___ ___ ___
19. ___ ___ ___ ___
20. ___ ___ ___ ___
21. ___ ___ ___ ___
22. ___ ___ ___ ___
23. ___ ___ ___ ___
24. ___ ___ ___ ___
25. ___ ___ ___ ___
26. ___ ___ ___ ___

№№ 7–8

Андре Моруа. Из "Жизни людей". ___ ___ ___

Глава CXVIII. ___ ___ ___ ___

«Из „Жизни людей“». Трактат академика А. Е. 17

№ 9

Р. Яров. Вторая стадия 1968. ___ ___ ___ ___

№ 3. ___ ___ ___ ___

В. Яров. Горькие слезы

№ 5. ___ ___ ___ ___

В. Варламов. С. Старикович. Облы. ___ ___ ___ ___

№ 6. ___ ___ ___ ___
Ларри Айзенберг. Эффект Пирокина
№ 8. ___ ___ ___ ___
Ален Нурс. Эликсир Коффина
№№ 9-10. ___ ___ ___ ___
Мюррей Лейнстер. Этические уравнения
№ 12. ___ ___ ___ ___
Дэнни Плектей. Не нашей работы
1969. ___ ___ ___ ___
№ 2. ___ ___ ___ ___
Норман Хантер. Скандал из-за ковров
№ 5. ___ ___ ___ ___
Лестер Дель Рей. Крылья ночи
№№ 11–12. ___ ___ ___ ___
Север Гансовский. Пробужденье
1970. ___ ___ ___ ___
№№ 1–4. ___ ___ ___ ___
Север Гансовский. Винсент Ван Гог
№ 6. ___ ___ ___ ___
Рей Бредбери. Вино из одуванчиков
№ 7. ___ ___ ___ ___
Фредерик Браун. Знаменитость
№ 12. ___ ___ ___ ___
Станислав Лем. Новые страницы Звездных
дневников Ийона Тихого. ___ ___ ___ ___
Путешествие восьмое. ___ ___ ___ ___

1971. ___ ___ ___ ___

№ 2. ___ ___ ___ ___

М. Кривич. Л. Ольгин. Вегетарианец

№ 3. ___ ___ ___ ___

Рей Бредбери. Тот, кто ждёт. ___ ___ ___ ___

№ 5. ___ ___ ___ ___

Айзек Азимов. Что значит имя?. ___ ___ ___ ___

№ 6. ___ ___ ___ ___

Дж. Б. С. Холдейн. Добытчики золота

№ 7. ___ ___ ___ ___. ___ ___ ___ ___

Джон Уиндем. Колесо

№ 11. ___ ___ ___ ___

Кейт Ломер. Черный день для паразитов

1972. ___ ___ ___ ___

№ 1. ___ ___ ___ ___

Валентин Рич. Вася. _ ___ ___ ___

№№ 2–4. ___ ___ ___ ___

Леона Т. Райноу. (при участии Роберта Райноу). Год последнего орла. ___ ___ ___ ___

№ 5. ___ ___ ___

Геннадий Файбусович. Марципанов, или 1001-й научно-фантастический рассказ

№ 6. ___ ___

М. Кривич, Л. Ольгин. Пора-не пора,. ___ ___ ___ ___. ИЛИ ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ ПОСАДКИ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ НА ШЕСТУЮ ПЛАНЕТУ,

КОТОРАЯ ВРАЩАЕТСЯ ВОКРУГ ОДНОЙ ОЧЕНЬ БОЛЬШОЙ ЗВЕЗДЫ, НАСТОЛЬКО ДАЛЕКОЙ, ЧТО ЕЕ ПЛОХО ВИДНО НЕВООРУЖЕННЫМ ГЛАЗОМ ДАЖЕ В БЕЗЛУННУЮ НОЧЬ

№ 7. ___ ___

Джон Уиндем. Ставка на веру

№№ 8-11. ___ ___

Георгий Гуревич. Приглашение в зенит

Глава I. Дело о розыске исчезнувшего

Глава II. Приглашение. ___ ___ ___ ___

Глава III. Космические заметки. ___ ___ ___ ___

Глава IV. Вселенские заботы. ___ ___ ___ ___

Глава V. Астродипломатия. ___ ___ ___ ___

Глава VI. Диспут продолжается. ___ ___ ___ ___

Глава VII. Яхта Здарга. ___ ___ ___ ___

Глава VIII. Мы предлагаем. _ ___ ___ ___

Глава IX. Зенит — Земля. _ ___ ___ ___

1973. ___ ___

№ 1. ___ ___

Роберт Шекли. Человек по Платону

№ 3. ___ ___

Айзек Азимов. Некролог

№№ 4–7. ___ ___ ___ ___

Север Гансовский. Часть этого мира

№ 8. ___ ___ ___

Стефан Голдин. Сладких снов, Мелисса!
Михаил Кривич, Ольгерт Ольгин. Не может быть
№№ 9-12. ___ ___ ___ ___
Роберт Шекли. Координаты чудес
Часть I. Отбытие ___. ___ ___ ___
Глава 1. ___ ___ ___
Глава 2. ___ ___ ___
Глава 3. ___ ___ ___
Глава 4. ___ ___ ___
Часть II. Куда?. ___ ___ ___
Глава 5. ___ ___ ___
Глава 6. ___ ___ ___
Глава 7. ___ ___ ___ ___
Глава 8. ___ ___ ___ ___
Глава 9. ___ ___ ___ ___
Глава 10. ___ ___ ___ ___
Глава 11. ___ ___ ___ ___
Глава 12. ___ ___ ___ ___
Глава 13. ___ ___ ___ ___
Глава 14. ___ ___ ___ ___
Глава 15. ___ ___ ___ ___
Глава 16. ___ ___ ___ ___
Глава 17. ___ ___ ___ ___
Часть III. Когда?. ___ ___ ___ ___
Глава 18. ___ ___

Глава 19. ___ ___
Глава 20. ___ ___
Глава 21. ___ ___
Часть IV. Какая Земля?. ___ ___ ___ ___
Глава 22. ___ ___ ___ ___
Глава 23. ___ ___ ___ ___
Глава 24. ___ ___ ___ ___
Глава 25. ___ ___ ___ ___
Глава 26. ___ ___ ___ ___
Глава 27. ___ ___ ___ ___
Часть V. Возвращение на Землю. ___ ___ ___ ___
Глава 28. ___ ___ ___ ___
1974. ___ ___ ___ ___
№ 4. ___ ___ _
Ежи Валлих. Эксперимент. ___ ___ _
№ 7. ___ ___ _
Кир Булычев. О некрасивом биоформе
№ 9. ___ ___
А. Балабуха. Две копейки
№ 10. ___ ___
В. Красногоров. Ничего невозможного
№ 11. ___ ___
Кир Булычев. Сказка про репку
№ 12. ___ ___
Леонид Письмен. Всякие там цивилизации

Дневник наоборотника
Донжуанский список . _

Аннотация

Сборник беллетристики, напечатанной за все годы в журнале «Химия и жизнь». В компиляции представлены, по возможности, полные версии произведений, опубликованных в журнале по большей части в сокращённом виде.

Все журнальные комментарии, предваряющие либо резюмирующие произведения сборника, приведены целиком.

Fb2•

«Химия и жизнь»
Фантастика и детектив

1965

№№ 1–3

Б. Зубков
Е. Муслин

Бациллус Террус

Бацилус терциус

Сейчас все, что рядом со мной, чисто и прозрачно — и моя собственная рука, и шкафчик с термометрами, и стакан с горьковатым ле-

карством. Вся больница пронизана чистотой и прозрачностью. Кстати, мои врачи не говорят «больница», они любят слово «лечебница». Будто бы меня можно лечить и вылечить. Увы, в свое время я слишком много копался в книгах, посвященных мельчайшим и бездушным тварям, которые, ничего не зная о существовании человека, заставляют его так жестоко страдать.

Левенгук называл их «анималькулями»— маленькими животными. О доблестные анималькули, вы и сами погибаете мириадами и идете на дно мирового океана. Там под тяжестью ваших крошечных трупов прогибается земная кора, и океан выходит из берегов. Ярость вашего размножения неистощима. Горе тому, кто становится на пути этой ярости. Вы можете и его пригнуть к земле, как заставляете прогибаться саму Землю…

До чего додумался — трупы, ярость, пригнуть к земле… Долой такие мысли, долой!

Опять эта боль… Она начинается в одной точке тела, расширяется, захватывает все его уголки… Все темнеет вокруг…

Я мечтал подарить людям бессмертие всех вещей, которые их окружают… С чего все началось? Забыл. Неужели и память моя заболела? Кто-то говорил: «Наше „я“ — это синтез памяти». Если я

не помню, значит, я не существую… Вспомнить бы самое начало. Начало… Да, все началось, когда в институт привезли эту трубу. Удивительную, ржавую, чудесную, заскорузлую трубу. Она полгода пролежала в земле, храня внутри себя высоковольтный кабель. Однажды понадобилось вытащить его из трубы. Не тут-то было! Вытянули одни медные жилы, оболочка кабеля осталась в трубе. Прилипла! Кусок злополучной трубы привезли в институт. Собрался консилиум, не хуже, чем сейчас собирается возле моей постели. Подошел и я. Внутри труба покрыта блестящей слизью. Мазнул по ней пальцем. Так просто, для солидности, будто что-то про себя соображаю. Оказалось, что это вовсе не слизь, а твердый металлический налет.

Вот когда проснулась дремавшая столько лет идея!

Участники консилиума разошлись, я схватил кусок трубы и утащил на свой стол. Вечером я исцарапал, изрезал, исковеркал серебристый налет перочинным ножом. Нож сломался. Для отвода глаз насыпал в трубу земли из цветочного горшка, воткнул в землю какой-то цветок. Это была моя — первая лаборатория. Она умещалась на подоконнике рядом с чертежным столом. Тер-

пение, терпение! Я ждал три месяца.

Был вечер, когда трясущимися руками я выколотил землю из трубы в корзину для бумаг. Блестящий слой залечил раны! Царапины исчезли. Какие-то неизвестные доселе микробы нарастили в трубе тончайший налет металла.

…Крохотные богатыри окружают нас. Я прочел где-то слова Пастера, обращенные к пивоварам, виноградарям и кожевникам: «Думаете, вы делаете пиво, обрабатываете кожу, получаете вино? Вы всего лишь управляете слепо, а потому не слишком умело полчищами невидимых глазом существ, которые и работают в ваших чанах!..». Сколько написал Пастер? Два тома, сто? А что застряло в моей памяти? Три строчки… Люди не помнят всё после всех. Счастье, если из книги твоей жизни они запомнят хотя бы одну строчку. Странные мысли лезут в голову, когда болен.

Увы, микромалютки несли не только вечную жизнь металлу. Одновременно они готовили быструю смерть человеку. Первый кандидат я. Единственный в своем роде больной. Поздравления принимаются в часы посещения больных родственниками и знакомыми.

Впрочем, на первых порах микробы вели себя вполне мирно. Я сделал для них специальный

термостат — теплое, уютное гнездышко. Там, в гараже. Каждый первооткрыватель первым делом открывает свою лабораторию. У меня были четыре неоштукатуренные стены и длинные полки со следами бензина и машинного масла. Вперед!

Очень скоро я убедился, что в серебристом налете скрывались микроорганизмы десятков различных пород. Из живой смеси нужно было выделить малюток только одной породы — и приручить их. Я чувствовал себя укротителем на манеже цирка. Алле, гоп! Удар хлыста и… ничего за этим ударом не следует. Пустое сотрясение воздуха. Львы и медведи — нечто весьма осязаемое. Даже слепой смог бы отличить бурого медведя от белого. Даже микроскоп не подсказывал мне, где бактерии одного сорта, где другого.

Иногда брала верх порода честных строителей. Тогда опыт удавался. Я ликовал. Крошки-строители восстанавливали металл из окислов, добывали молекулы металла из пыли, носившейся в воздухе, из остатков смазки, из ржавчины… Они строили и строили, наращивая из крупинок тончайшие слои металла, восстанавливая исковерканную деталь, зализывая любые раны, трещины, каверны. С идеальной точностью они возвращали обезображенному куску металла

потерянную форму. Обновление свершалось непрерывно, бесшумно и точно. Я уже видел мир вещей, не знающих тлена и распада. Вечные статуи, нестареющие двигатели, незыблемые мосты и башни…

Но рядом с малютками-строителями приютились анархисты. Они оттесняли строителей в сторону, наращивали на металле безобразные наросты, мохнатые иглы, бесформенные нашлепки. Скульптор-абстракционист сгорел бы от зависти, глядя на их упражнения. Они носились в воздухе гаража и, оседая на чем попало, тут же принимались за работу. Как они мне досаждали! Однажды они проникли в замок, которым я запирал гараж, и прирастили к нему ключ. Чтобы выбраться, пришлось «разбирать» замок зубилом и кувалдой.

В другой раз я обнаружил, что не могу вылезти из собственной куртки. Застежка-молния превратилась в нечто, похожее на хребет рыбы, все ее звенья намертво слились. Испорченная куртка — пустяк, хуже было на следующий день, когда сзади меня в гараже раздался оглушительный взрыв, зазубренный кусок металла просвистел над головой и вонзился в деревянную полку. Это бактерии разорвали огнетушитель.

…Вероятно, тогда, при взрыве это и случилось. Но и до взрыва все кругом пропиталось ими. Бутерброд, который я ел, вода, которую я пил. В человеческом организме найдутся любые металлы. Даже золота с полграмма наберется. Мне кажется, что я чувствую, как бактерии вытягивают из гемоглобина молекулы железа, устилают железом вены и артерии.

Когда эпидемия чумы косила жителей Афин, один Сократ остался здоров. Может быть, философ уже тогда знал тайну врачующих прививок? Всё ли мы знаем про мир мельчайших сегодня? А вдруг рядом со мной живет современный Сократ? И я надеюсь. Надежды — сны бодрствующих. Утешительно.

Боль… опять все кругом темнеет от боли.

Меня лечит Ростислав Георгиевич. Милый доктор старомодного вида. Галстук свалялся трубочкой, очки в «школьной» оправе — в самой уродливой, какую только можно изобрести. Его авторучка подтекает и обернута тряпочкой. Но все равно на пальцах синие пятнышки. Каждый день Ростислав Георгиевич является ко мне с какой-нибудь новой и совершенно оригинальной медицинской идеей. Ободряет? Вероятно. Я узнаю, что где-то доктор икс рекомендует при

гипертонии поменьше дышать, а доктор игрек исцелил неизлечимых шизофреников, совершив с ними восхождение на Эльбрус, а в Австралии некий профессор по цвету глаз распознает сорок четыре болезни. Так Ростислав Георгиевич вселяет в меня надежду, что и мою болезнь поможет раскусить некий медицинский гений. Надежды — сны бодрствующих…

Несмотря на всяческие странности, больные уважают Ростислава Георгиевича. Не знаю, творит ли он чудеса… Хорошее, добротное чудо в моем положении оказалось бы очень кстати.

Последние два дня Ростислав Георгиевич напускает на себя вид таинственный и секретный. Но его маленькие хитрости наивны и легко разгадываются. Весь секрет в том, что сегодня меня будет смотреть «светило микробиологии». Светило вынесет приговор. Окончательный, обжалованию не подлежит.

Я уже сталкивался с одним таким «светилом». Он давал отзыв на мое открытие. Это тоже был приговор. Суровый и несправедливый…

Полгода я возился в гараже-лаборатории, пока решился официально заявить о своих микробах.

Как я писал тогда в заявке на изобретение? «Предлагается способ самообновления или само-

восстановления любых металлических частей, деталей и узлов машин, механизмов, зданий и сооружений. Способ отличается тем, что с целью постепенного и непрерывного наращивания мономолекулярных слоев металла применяются инициирующие восстановительные реакции бактерии, открытые и выделенные в чистом виде автором заявки, и названные им „бациллус торрус“…».

Официальное косноязычие.

А тот написал отзыв на мое предложение. Он увильнул от сути дела, его не зацепила идея вечности вещей. Он смотрел со своей колокольни. Он нудно и непререкаемо изложил пункты и подпункты, по которым выходило, что я чуть ли не злонамеренный отравитель. Он доказывал, что было бы преступной неосторожностью поселить рядом с людьми неизвестную доселе расу микробов. Необходимы предварительные массовые эксперименты на животных. Необходимо проследить, не будут ли «бациллус террус» оказывать вредное влияние на потомство подопытных обезьян в четвертом поколении. Практически дело откладывалось на пятьдесят, а может быть, на сто лет.

Но (вот ведь я заболел? Глупости. Всякая тех-

ника опасна для неумейки. И швейной машиной можно отрубить себе палец. Моя болезнь — глупая случайность. А светило — трус. Я так и сказал ему!

Прогресс техники — всегда риск. Автомобиль пытались запретить, полагая не без основания, что он распугает лошадей и от этого восседающим в каретах и на извозчиках последует членовредительство. На паровоз ополчились врачи, суля пассажирам судороги и расстройство всего тела как следствие быстрой езды и тряски. Даже невинный телефон — и тот в свое время считали губительным для здоровья.

Ни автомобили, ни паровозы, ни телефоны запретить не удалось. И никакому «светилу» не запретить мое открытие. Мы еще поборемся. Если… если я когда-нибудь еще смогу с кем-то бороться. Бессмертен ли человек?

Ростислав Георгиевич старается лечить мое тело. Добрый доктор Айболит! Я думаю, не так-то легко было ему добиться визита светила микробиологии. Интересш — кто он? Знаю ли я его фамилию по журналам?

…Медсестрички засуетились. На больничном горизонте восходит «светило»… Вот оно приближается. Это мое «светило»! То самое, на которое

я топал ногами и кричал: «Трус! Консерватор!». Благодарю вас, Ростислав Георгиевич, за приятный сюрприз. Какую, оказывается, роль играет в жизни положение человека — горизонтальное или вертикальное. Обезьяна стала человеком, когда приняла вертикальное положение. Я в горизонтальном положении — я повержен, я неправ, уличен в легкомыслии и невежестве. «Светило» возвышается вертикально — он торжествует, он прав и непогрешим. Что он говорит? Нет, не говорит. Произносит!

— Вы доставили нам массу хлопот. От меня потребовали, чтобы я решил, как поступить с вашим гаражом, извините, с лабораторией.

— Как поступить с моей лабораторией? В каком смысле?

— В единственно возможном. В смысле — уничтожить. Но как? Сжечь? Где гарантия, что бактерии не возродятся из пепла? Продезинфицировать? Сулема для этих террус — все равно, что глоток нарзана. Интересно, что бы вы предложили?

— Не знаю.

— Ну что ж. Благодарю вас, коллега.

Сколько яда в слове «коллега»! Но все-таки я спрашиваю:

— И вы придумали способ уничтожения лаборатории?

— Придумал. Гараж обнесли сплошной высокой стеной и вылили сверху пятьдесят самосвалов бетона. Теперь там бетонная глыба, из которой вашим террус не выбраться. Я предупреждал, что самодеятельная возня с неизученными микроорганизмами чревата последствиями, выходящими из-под контроля…

— Я уже не нуждаюсь в лекциях.

Как он банален! Скоро он уйдет?…

— Мы займемся бациллус террус. Сделаем все, что в наших силах. До свидания.

Он сделает все, что в его силах… Какая великолепная формулировка! Он сделает все, что в его силах. Ради кого? Ради недоучки, осмелившегося проникнуть в науку, которую он считает своей личной собственностью? Ради чего? Нет, он разумеется, добропорядочный человек. Разве у меня есть повод сомневаться в этом? Он сделает все, что в его силах. Вызовет к себе свободного лаборанта… Лаборант бывает свободным, когда он плохой лаборант. Попросит к себе свободного научного сотрудника. Свободным научный сотрудник бывает только в том случае, если его голова свободна от науки. Он поручит им «разо-

браться» с террус. Заместителю — у него есть заместитель — скажет «проследите». И успокоится. Он сделал все, что в его силах — вызвал, поручил, обязал проследить. Я могу спокойно лежать.

Сестричка, сестричка, подойди ко мне! Начинается приступ…

Почему за окнами пламя? Солнце заходит… Отблески желтой звезды светят сейчас не только Земле. Я уже не лежу, я лечу. Я мог бы подлететь сейчас к другой планете… Багровые языки за стеклами иллюминатора. Зловонные вихри обжигают стекла. Клочья ядовитых туманов ищут людей, укрывшихся за тонкой металлической обшивкой. Но все спокойны. Нас охраняют полчища бациллус террус. Они живут в обшивке нашего корабля. Раскаленные вихри слизывают миллиарды огнестойких крошек. И тут же им на смену рождаются миллиарды миллиардов новых. Они размножаются с чудовищной поспешностью. Потоки огня не в силах побороть размножение живых огнеупорных частиц.

Как далеко ты залетел! Вернись на землю. Лабораторию превратили в глыбу бетона. Надгробный камень, на обломках мечты.

Сегодня Ростислав Георгиевич печален. Не

находит слов ободрения. «Светило» взошло на нашем больничном небосклоне и скрылось. Не торопится. Десятые сутки делает все, что в его силах…

Я хотел бы подарить Ростиславу Георгиевичу чугунную собачку. Единственную в мире и теперь — увы! — неповторимую.

Фигура собачки стояла на столе в гараже. Старенькая статуэтка, одна лапка отломана. И эта лапка выросла заново! Я сам видел это!

Когда статуэтка рождалась из огненного расплава, ее пронизывали силовые линии земного магнитного поля, в ней возникали усилия, сцепившие частицы металла в одно целое. Застывший чугун сохранил следы этих сил. Теперь микробы-строители двигались по следам. Они достраивали скульптуру, создавая исчезнувшее, восстанавливая потерянное…

Все прошлое человечества записано в металле. Коринфская бронза и монисты славян. Картины писали красками с примесью свинца и железа, надписи на мраморе вырубали металлическим клином, книги печатали металлическими литерами. Всюду куски металла, его следы, его оттиски, его пыль и пятна. Все это можно восстановить — изуродованные фанатиками статуи, стертые надписи, истлевшие рукописи, потускневшие картины. Малюткам-строителям предстоит большая жизнь… Ничего им не предстоит. Они замурованы в глыбе бетона.

Кончился очередной приступ. На меня смотрит Ростислав Георгиевич. Какие у него странные глаза. Какие у него воспаленные глаза…

— Не обращайте внимания! Просто давно не спал. Помните, с чего у вас все началось? С ржавой трубы. Мы отыскали место, откуда ее выкопали.

Нас интересовала земля в этом месте. Бактерии, выделяющие грамицидин, тоже нашли на подмосковном огороде. Так вот, в той земле я тоже отыскал кое-что… Причина болезни и возможность ее лечения лежали рядом. Теперь я думаю уже о другом. А не могут микробы, подобные вашим террус, внести нечто принципиально новое в медицину? Что если заставить их обновлять некоторые ткани нашего организма? На первых порах это могла бы быть костная ткань…

Может быть, вечными станут не только машины?

Ф. Хойл

Чёрное облако

Выдающийся английский ученый Ф. Хойл хорошо известен астрономам и физикам во всем мире. В самое последнее время особенное внимание ученых привлекла разработанная Хойлом вместе с индийским математиком Дж. В. Нарликаром новая теория тяготения, опубликованная ими летом 1964 г.

Суть этой так называемой «теории С-поля», состоит в том, что в ней делается попытка установить зависимость массы тел не только от скорости, как в теории относительности Эйнштейна, но и от гравитационного взаимодействия.

Пока еще трудно сказать, что станется с новой теорией. Речь идет пока что о направлении экспериментов, которые подтвердят или опровергнут ее. Бесспорно одно — теория эта вполне удовлетворяет выдвинутому однажды Нильсом Бором полушутливому, полусерьезному требованию, согласно которому всякая заслуживающая внимания новая научная идея должна быть «немного сумасшедшей».

Но профессор Кембриджского университета Фред Хойл не только ученый. Он автор своеобразных фантастических произведений, для которых — как и для работ Хойла-ученого — характерны прежде всего смелость и оригинальность мышления, глубокий анализ явлений мира, открывающий в них совершенно новые, неожиданные стороны. Ф. Хойл написал однажды, что «при попытках заглянуть вперед... мы мыслим слишком узко, мы слишком связаны настоящим». Вряд ли это

можно отнести к фантастическим произведениям самого Хойла, в том числе к повести «Черное облако».

Действие повести, написанной в 50-е годы (до запуска первого искусственного спутника Земли), происходит в 1964 году. Астрономы обнаруживают у границ Солнечной системы новое небесное тело. Несколько месяцев спустя оно должно подойти к Солнцу и Земле. Это грозит человечеству неисчислимыми бедами.

Группа ученых под руководством астрофизика Кингсли — главного героя повести — собирается в Англии, в специально Оборудованном научном центре Нортонстоу, чтобы вести непрерывные наблюдения за Облаком и попытаться предсказать возможные последствия его приближения. Среди них — известный астроном Марлоу, физик-теоретик Вейхарт, радиоастрономы Лестер и Барнет, француженка Иветт Хедельфорт. К ученым, изолированным от всего мира проволокой и усиленной охраной, приставлен личный секретарь английского премьер-министра Паркинсон. Кингсли позаботился и о том, чтобы пригласить в этот «центр» пианистку Энн Хэлси и врача Мак-Нейла.

…Катастрофы, предсказанные учеными, обрушиваются на Землю. В результате отражения солнечных лучей от приблизившегося Облака температура повсюду поднимается до 35–40 градусов. Резко возрастает скорость испарения с поверхности океанов, и вся Земля затягивается сплошными тучами. Идут непрерывные ливни.

Исследователи замечают новое загадочное явление — приближаясь к Солнцу, Облако, вопреки всем законам небесной механики, замедляет движение. Наконец, оно окутывает Землю. Солнце исчезает, и палящая жара сменяется небывалыми холодами. Сколько времени это будет продолжаться, не знает никто — предсказать поведение Облака оказалось совершенно невозможно.

Затем нарушается радиосвязь. На каких бы волнах ни шла передача, через несколько минут после ее начала верхние слои атмосферы настолько ионизируются, что прохождение волн прекращается. Это и наталкивает героя повести на мысль, которая, как он считает, может логично объяснить все происходящее.

Мы публикуем отрывки из «Черного облака» в переводе проф. Д. А. Франк-Каменецкого.

В данной компиляции текст повести приведён полностью и (Издавалось — Сборник НФ. Выпуск № 4. — Москва: «Знание», 1966.) использованы все иллюстрации из обоих источников — и журнальные, и книжные.

Пролог

Эпизод с Черным облаком всегда очень интересовал меня. Диссертация, которая принесла мне звание члена Колледжа королевы в Кембридже, касалась некоторых сторон этой эпопеи. К моему большому удовольствию, работа моя послужила основой для соответствующей главы «Истории Черного облака» сэра Генри Клейтона.

Не удивительно, что покойный сэр Джон Мак-Нейл, бывший заслуженный член нашего колледжа и широко известный врач, завещал мне после своей смерти большое количество материалов о том, что он пережил сам в связи с появлением Облака. Замечательно было письмо, приложенное к этим бумагам. Вот оно:

Колледж королевы, 19 августа 2020 г.

Дорогой Блайс,

Надеюсь, вы простите старика, если некоторые ваши рассуждения относительно Черного облака вызывают у него усмешку. Случилось так, что во время бедствия я находился в положении, позволившем мне изучить действительную природу Облака. Эти данные по ряду веских причин нигде не были опубликованы и, кажется, остались неизвестными авторам официальной традиционной версии. Меня очень волновала мысль, должно ли то, что я знаю, сойти вместе со мной в могилу или нет. В конце концов, я решил поведать вам о моих трудностях и сомнениях» Я думаю, все станет яснее, когда вы получите мою рукопись, где я выступаю от третьего лица, чтобы моя персона не занимала слишком много места в повествовании. Кроме того, я оставляю вам конверт, содержащий рулон перфоленты, который прошу вас бережно хранить до тех пор, пока вы не поймете его значения.

Искренне Ваш Джон Мак-Нейл.

Глава первая
История начинается

Было восемь часов утра на гринвичском меридиане. 7 января 1964 года над Англией поднималось зимнее солнце. По всей стране люди мерзли в своих плохо отапливаемых домах, проглядывая утренние газеты, завтракая и ругая погоду, и в самом деле отвратительную в последнее время.

Гринвичский меридиан идет к югу по Западной Франции, через покрытые снегами Пиренеи и Восточную Испанию. Линия тянется затем к западу от Балеарских островов, где северяне поумнее проводят зимний отпуск — на пляже в Менорке можно было встретить смеющихся людей, которые возвращались с утреннего купанья, — и дальше пересекает Северную Африку и Сахару.

Нулевой меридиан затем направляется к экватору, проходя через Французский Судан, Ашанти и Золотой Берег[1], где новые алюминиевые заводы выросли вдоль реки Вольты. Здесь меридиан выходит на бескрайную гладь океана, прости-

---

[1] notes: 1

Бывшие английские колонии Ашанти и Золотой Берег — теперь государство Гана.

рающегося до самой Антарктиды. Экспедиции из многих стран работают тут бок о бок. Вся Земля к востоку от этой линии до самой Новой Зеландии была повернута к Солнцу. В Австралии приближался вечер. Длинные тени легли на крикетную площадку в Сиднее. Шли последние минуты встречи между командами Нового Южного Уэльса и Квинсленда. На Яве рыбаки делали последние приготовления к ночному лову.

На большей части Тихого океана, в Америке и Атлантике стояла ночь. В Нью-Йорке было три часа пополуночи. Город был ярко освещен и, несмотря на недавно выпавший снег и холодный северо-западный ветер, на улицах сновало много машин. И на всей Земле вряд ли нашлось бы в эту минуту более шумное место, чем Лос-Анжелос. Вечернее оживление продолжалось здесь за полночь, по бульварам шли нескончаемые толпы народа, машины неслись по автострадам, рестораны были переполнены.

В ста двадцати милях к югу от Лос-Анжелоса астрономы на горе Паломар уже приступили к ночному дежурству. И хотя ночь стояла ясная и звезды искрились от горизонта до зенита, с точки зрения профессионального астронома условия были неблагоприятные: плохая видимость из-за

слишком сильного ветра на больших высотах. Поэтому все без сожаления оставили приборы, когда пришло время перекусить. Еще вечером стало ясно, что наблюдения вести будет нельзя, и ученые договорились встретиться в куполе 48-дюймового Шмидта.

Поль Роджерс прошел целых четыреста ярдов, отделяющих 200- дюймовый телескоп от Шмидта, и увидел, что Берт Эмерсон уже принялся за суп, а его ночные ассистенты Энди и Джим заняты у плиты.

— Я жалею, что начал, — сказал Эмерсон, — все равно эта ночь пройдет впустую.

Эмерсон вел специальное обозрение неба, и для его работы были необходимы хорошие условия наблюдения.

— Берт, тебе везет. Похоже, ты собираешься сегодня улизнуть пораньше.

— Я повожусь еще часок-другой и, если не прояснится, залягу спать.

— Суп, хлеб с вареньем, сардины и кофе, — сказал Энди. — Что вам?

— Суп и чашку кофе, пожалуйста, — попросил Роджерс. — Что вы собираетесь делать на 200-дюймовом? Применить качающуюся камеру?

— Да, я все-таки поработаю сегодня. Хочу сде-

лать несколько снимков.

Разговор был прерван появлением Кнута Йенсена, который пришел сравнительно издалека — с 18-дюймового Шмидта. Эмерсон приветствовал его:

— Привет, Кнут. Есть суп, хлеб с вареньем, сардины и кофе, его сварил Энди. — Начну-ка я с супа и сардин, пожалуй. Молодой норвежец, любитель подурачиться, взял тарелку супа из томатов и бросил туда несколько сардин. Остальные изумленно взирали на него.

— Черт возьми, парень, верно, проголодался, — сказал Джим.

Кнут взглянул на него с притворным удивлением. — Вы никогда не ели сардины с супом? Ну, тогда вы не знаете, как их надо есть. Попробуйте, вам понравится.

Поразив таким образом воображение слушателей, он добавил:

— Мне показалось, когда я подходил сюда, что здорово несет скунсом.

— Именно такой запах идет от вашей стряпни. Кнут, — сказал Роджерс. Когда смех утих, Джим спросил:

— Вы слышали о скунсе, который был здесь две недели назад? Он испустил всю свою вонь возле

того места, где засасывается воздух в вентиляционную систему 200-дюймового. Прежде чем успели выключить насос, всё здание наполнилось этой гадостью. Вот уж вонь стояла! А внутри было человек двести посетителей.

— Хорошо, что мы не берем денег за вход, — усмехнулся Эмерсон, — иначе пришлось бы возвращать их обратно, и обсерватория бы разорилась.

— Задали они, верно, работы химической чистке, — добавил Роджерс.

По дороге назад к 18-дюймовому Шмидту Йенсен остановился и стал слушать шум ветра в деревьях на северном склоне горы. Сходство пейзажа с его родными холмами вызвало волну неудержимой тоски по дому, страстного желания быть снова со своей семьей, с Гретой. Двадцатичетырехлетний норвежец приехал в Америку для совершенствования.

Йенсен двинулся дальше, пытаясь стряхнуть с себя непонятную грусть. Причин унывать у него не было. Все к нему относились прекрасно, работу ему дали по силам.

Астрономия добра к начинающим. Здесь много работы, которая может привести к важным результатам, но не требует большого опыта. Йенсен

был одним из таких начинающих. Он искал Новые звезды, которые взрывались с необычайной силой. У него были все основания надеяться, что в течение года он обнаружит одну или две. Так как нельзя заранее знать, когда взрыв может произойти и в какой части неба может оказаться взрывающаяся звезда, единственное, что остается — это фотографировал все небо ночь за ночью, месяц за месяцем. В один прекрасный день ему повезет. Правда, если он обнаружит Новую, расположенную не слишком далеко в глубинах космоса, тогда более опытные руки возьмутся за работу. Вместо 18-дюймового Шмидта вся мощь огромного 200- дюймового будет направлена на то, чтобы раскрыть манящие тайны этих странных звезд. Но в любом случае ему будет принадлежать честь первооткрывателя. И опыт, который он приобретет в самой большой в мире обсерватории, поможет ему, когда он вернется домой: будет надежда получить хорошую работу. Тогда он и Грета смогут пожениться. Чего ему еще желать? Он ругал себя, что так глупо разнервничался из-за ветра на склоне горы.

Он уже подошел к помещению, где находился маленький Шмидт. Войдя, он прежде всего заглянул в свой журнал узнать, какую часть неба ему

нужно теперь фотографировать. Затем установил соответствующее направление к югу от созвездия Ориона: середина зимы — единственное время года, когда эту область неба можно наблюдать. Следующий шаг — начать экспозицию. Все, что нужно затем, — это ждать, пока сигнальные часы не возвестят о ее конце. В это время ничего не остается, как сидеть в темноте и ждать, дав волю своим мыслям бродить, где им вздумается.

Йенсен работал до зари, меняя пластинки одну за другой. Но работа его на этом не кончилась. Ему нужно было еще проявить пластинки, накопленные за ночь. Работа требовала большого внимания. Промах на этой стадии — и тяжкий труд пропадал впустую.

Обычно он не спешил проявлять пластинки. Он шел в спальню, спал пять или шесть часов, завтракал в полдень и только потом снова брался за работу. Но сейчас смена подходила к концу. Теперь по вечерам вставала луна, а это означало прекращение наблюдений на две недели, так как поиск Новых не может производиться в те полмесяца, когда ночью в небе луна. Она засвечивает чувствительные пластинки, используемые при этой работе.

Вот почему в тот день он должен был вер-

нуться в управление обсерватории в Пасадену, расположенную в 125 милях. Автобус в Пасадену отправлялся в половине двенадцатого, и к этому времени нужно было проявить пластинки. Йенсен решил, что лучше всего сделать это немедленно. Затем он поспит четыре часа, быстро позавтракает и будет готов ехать в город.

Ему удалось сделать все по плану, но, сев в автобус, он почувствовал страшную усталость. Их было трое: водитель, Роджерс и Йенсен. У Эмерсона дежурство должно было продолжаться еще две ночи. Друзья Йенсена в ветренной, снежной Норвегии немало удивились бы, узнав, что он спит в то время, когда автомобиль мчится сквозь апельсиновые рощи, по которым проходит дорога..

На следующее утро Йенсен проснулся поздно, и было почти одиннадцать, когда он добрался до управления обсерватории. Ему предстояло еще не меньше недели работать над пластинками, заснятыми в течение последних двух недель. Нужно было сравнить последние наблюдения со снимками, сделанными в прошлом месяце. И это следовало сделать отдельно для каждого участка неба.

Поздним утром 8 января 1964 года Йенсен спустился в подвал обсерватории и сел за прибор,

называемый мигалкой. Как показывает само название, мигалка — это прибор, который позволяет взглянуть сначала на одну пластинку, затем на другую, затем опять на первую и так далее с очень большой частотой. Если так делать, то звезда, которая существенно изменилась за время между двумя наблюдениями, будет выглядеть, как осциллирующая, или «мигающая» точка света, в то время как подавляющее большинство звезд, которые не изменились, мигать не будут. Таким способом можно сравнительно просто извлечь из десятков тысяч звезд ту, что изменилась. При этом сберегается огромный труд, так как не нужно проверять каждую звезду.

Чтобы пластинки можно было использовать в мигалке, необходима огромная точность. Пластинки должны не только сниматься одним и тем же инструментом, но по возможности и в одинаковых условиях: время экспозиции должно быть одинаково, и проявление должно производиться настолько стандартно, насколько это возможно. Вот почему Йенсен был так аккуратен при экспозиции и проявлении.

Трудность теперь состояла в том, что взрывающиеся — не единственные, блеск которых изменяется со временем. Хотя в огромном

большинстве звезды остаются неизменными, существует несколько типов переменных звезд Такие истинные переменные звезды должны быть отдельно выявлены к исключены из рассмотрения. Йенсен высчитал, что ему придется выявить и исключить не меньше десяти тысяч переменных звезд, прежде чем он обнаружит одну новую. Как правило, он исключал такую «ложную мигалку» после короткой проверки, но иногда бывали сомнительные случаи. Тогда ему приходилось обращаться к звездному каталогу, а это требовало точного измерения положения каждой сомнительной звезды. В целом просмотр всей пачки пластинок требовал изрядного труда. Работа была довольно утомительная.

К 14 января он просмотрел уже почти всю пачку. В тот день он решил пойти в обсерваторию вечером. Днем он был на интересном семинаре в Калифорнийском технологическом институте, где обсуждался вопрос о спиральности галактик. После семинара возникла оживленная дискуссия. Йенсен и его друзья продолжали спорить по этому вопросу и за обедом, и позднее, по дороге в обсерваторию. Затем Йенсен решил просмотреть последнюю серию пластинок, ту, которую он заснял в ночь на 7 января.

Он закончил просмотр первой пластинки. Ему пришлось немало потрудиться над ней. Снова и снова каждая из «подозрительных» звезд оказывалась обычной, давно известной переменной звездой. Скорей бы уж разделаться наконец с этой работой. Куда лучше быть на горе у трубы телескопа, чем портить глаза над этим чертовым прибором, думал он, согнувшись над окуляром. Он нажал кнопку, и вторая пара пластинок появилась в поле зрения. Через мгновение Йенсен на ощупь вынул пластинки. Он долго изучал их, просматривая на свет, затем опять вставил в мигалку и включил ее снова. На густо покрытом звездами поле было расположено большое, почти круглое, темное пятно. Но поразило его кольцо звезд вокруг этого пятна: все звезды были «переменными», мигающими. Почему? Он не мог найти удовлетворительного ответа на этот вопрос: он никогда не видел и не слышал ничего подобного.

Йенсен почувствовал, что не может продолжать работу: он был слишком возбужден этим открытием. Его тянуло с кем-нибудь поговорить. Конечно, нужно обратиться к Марлоу — одному из старших сотрудников. Большинство астрономов — узкие специалисты в той или иной

области своей науки. У Марлоу тоже была своя узкая специальность, но, кроме того, он был человеком широчайшей общей эрудиции. Вероятно, именно поэтому он делал меньше ошибок, чем большинство его коллег. Он готов был говорить об астрономии в любое время дня и ночи и с одинаковым энтузиазмом пускался в рассуждения и с крупными учеными, каким был он сам, и с молодыми людьми, только начинающими свою научную деятельность. Естественно поэтому, что именно с Марлоу захотел поговорить Йенсен о своем любопытном открытии.

Он осторожно уложил обе пластинки в коробку, отключил приборы, притушил свет в подвале и направился к доске объявлений, которая находилась возле библиотеки. Здесь он просмотрел список наблюдений и тех, кто их вел, и к радости своей убедился, что Марлоу не уехал ни в Паломар, ни в Маунт Уилсон. Но, конечно, вечером его могло и не быть дома. Однако Йенсену повезло. Он позвонил Марлоу по телефону и застал его. Когда он объяснил, что хочет поговорить об одном очень странном явлении, Марлоу сказал:

— Приходите, Кнут, я буду вас ждать. Нет, пустяки, никаких особых дел у меня нет.

То, что Йенсен вызвал такси, чтобы поехать к

Марлоу, ясно свидетельствовало о его душевном состоянии. Студенты с годовым доходом в две тысячи долларов в такси обычно не разъезжают. Это в особенности касалось Йенсена. Ему нужно было, беречь деньги, потому что до возвращения в Норвегию он хотел побывать в различных обсерваториях Соединенных Штатов и, кроме того, купить подарки домой. Но сейчас ему и в голову не пришло подумать о деньгах. Он ехал в Пасадену, сжимая в руках коробку с пластинками и размышляя о том, не свалял ли он дурака, не сделал ли какой-нибудь нелепой ошибки. Марлоу ждал его.

— Входите, — сказал он. — Выпейте чего-нибудь, у вас в Норвегии много пьют, не правда ли? Кнут улыбнулся.

— Не так много, как вы думаете, доктор Марлоу. Марлоу указал Йенсену на кресло у горящего камина, столь дорогого сердцу всех, кто живет в домах с центральным отоплением, и, согнав большого кота с другого кресла, сам.

— Хорошо, что вы позвонили, Кнут. Жены сегодня нет дома, и я не знал, куда себя девать.

Затем, как обычно, он перешел прямо к делу — тонкости дипломатии были ему чужды.

— Ну, что у вас там? — сказал он, кивнув на

желтую коробку, которую принес Йенсен. Чувствуя некоторую неловкость, Кнут вынул первую из двух пластинок, ту, что была заснята 9 декабря 1963 года, и молча протянул ее Марлоу. Реакция собеседника его обрадовала.

— Боже, — воскликнул Марлоу. — Сделано на 18-дюймовом. Ага, вот и отметка на краю пластинки. — Вы думаете, здесь какая-нибудь ошибка? — Насколько я вижу, нет. — Марлоу вынул лупу из кармана и внимательно осмотрел пластинку. — Все выглядит совершенно нормально. Никаких дефектов на пластинке не видно.

— Скажите, почему вы так удивились, доктор Марлоу?

— Именно это вы и хотели мне показать?

— Не совсем. Странное явление становится очевидным, лишь когда сравниваешь ее со второй пластинкой, которую я снял месяцем позже.

— Но эта и сама по себе достаточно удивительна, — сказал Марлоу. — И вы целый месяц держали ее у себя в столе! Жаль, что вы не показали мне ее раньше. Но, конечно, откуда вам было знать.

— Но я не понимаю, почему вас так удивляет одна эта пластинка?

— Посмотрите-ка на это темное круглое пятно.

Очевидно, это темное облако, не пропускающее свет звезд, расположенных позади него. Такие глобулы нередки в Млечном Пути, но обычно они имеют очень маленькие размеры. Боже мой, а взгляните на эту! Громадина! Чуть ли не два с половиной градуса в поперечнике!

— Но, доктор Марлоу, существует много облаков, больших, чем это; особенно в созвездии Стрельца.

— Если вы внимательно посмотрите на такие очень большие облака, вы обнаружите, что они состоят из огромного числа гораздо более мелких. А эта штука, на вашей пластинке, напоминает отдельное сферическое облако. Что мне действительно непонятно, так это то, как я мог ее проглядеть.

Марлоу снова осмотрел пометки на пластинке.

— Правда, это на юге, и мы не особенно много занимались зимним небом. Но все равно, я не могу понять, как я мог его не заметить, когда работал над Трапецией Ориона. Это было всего три или четыре года тому назад, и я бы такого не забыл.

То, что облако оказалось для Марлоу незнакомым, а это несомненно было так, очень удивило Йенсена. Марлоу знал небо и все необычные объ-

екты, которые могут встретиться там, не хуже, чем улицы Пасадены.

Марлоу подошел к буфету наполнить бокалы. Когда он вернулся, Йенсен сказал:

— Меня удивила вторая пластинка.

Марлоу смотрел на нее несколько секунд, а затем снова взглянул на первую пластинку. Его опытному глазу не нужно было мигалки, чтобы увидеть на первой пластинке кольцо звезд вокруг облака, которое полностью или частично отсутствовало на второй. Он продолжал задумчиво смотреть на эти две пластинки.

— Не было ли чего-нибудь необычного в способе, которым вы получили эти снимки?

— По-моему, нет.

— Они действительно выглядят нормально, но никогда нельзя быть полностью уверенным.

Марлоу резко вскочил. Теперь, как всегда, когда он был возбужден или взволнован, он выпускал огромные клубы пахнущего анисом табачного дыма. Он курил табак какого-то южноафриканского сорта. Йенсен удивлялся, почему его трубка не загорается.

— Иногда происходят самые дикие вещи. Лучше всего нам заснять как можно быстрее новую пластинку. Хотел бы я знать, кто сегодня на горе.

— Вы имеете в виду Маунт Уилсон или Паломар?

— Маунт Уилсон. Паломар слишком далеко.

— Да, насколько я помню, один из приезжих астрономов работает со 100-дюймовым. На 60-дюймовом, кажется, Харви Смит. Послушайте, пожалуй, лучше будет, если я поеду сам. Харви разрешит мне немного поработать с его приборами. Я не смогу, конечно, исследовать всю туманность, но заснять некоторые звезды у ее края смогу. Вы знаете точные координаты? — Нет. Ведь я позвонил вам сразу, как только проверил на мигалке. У меня не было времени установить их.

— Пустяки, мы можем сделать это по дороге. Но, по-моему, вам нет необходимости проводить эту ночь без сна. Подвезти вас домой? А Мэри я оставлю записку, что не вернусь до завтра.

Йенсен был еще очень возбужден, когда Марлоу высадил его около дома. Прежде чем лечь спать, он написал письма домой. Одно — родителям, в котором упомянуло своем необычайном открытии, и другое — Грете, где рассказал, что, по-видимому, натолкнулся на какое-то интересное явление.

Марлоу поехал в управление обсерватории.

Прежде всего он позвонил в Маунт Уилсон Харви Смиту, Услышав голос Смита с мягким южным акцентом, он сказал:

— Говорит Джефф Марлоу. Послушай, Харви, произошло нечто удивительное, настолько удивительное, что я хотел бы попросить у тебя 60-дюймовый на эту ночь. Что? Я и сам не знаю и хочу выяснить. Касается работы молодого Йенсена. Приходи сюда завтра в десять часов, и я смогу рассказать побольше. Если тебе будет скучно, поставлю бутылку виски. Идет? Прекрасно! Скажи ночному ассистенту, что я буду около часа, ладно?

Затем Марлоу позвонил Биллу Барнету из Калифорнийского технологического.

— Билл, это я, Джефф Марлоу, звоню из управления. Хочу сообщить, что завтра в десять утра здесь будет довольно важное собрание. Я хотел бы, чтобы ты приехал и захватил с собой нескольких теоретиков. Не обязательно астрономов. Захвати несколько способных ребят… Нет, я не могу сейчас ничего объяснить. Завтра я буду знать гораздо больше. Я собираюсь сейчас на 60-дюймовый. Но обещаю тебе, если завтра будет скучно, или ты подумаешь, что это розыгрыш — ставлю тебе ящик виски. Договорились!

Возбужденно напевая что-то, он сбежал по лестнице в подвал, где этим вечером работал Йенсен. Около часа он измерял пластинки Йенсена. Точно определив место, в которое следовало направить телескоп, он вышел, сел в машину и поехал на Маунт Уилсон.

На следующее утро, придя в семь тридцать в управление, доктор Геррик, директор обсерватории, поразился, что его уже поджидает Марлоу. У директора была привычка приходить на работу часа за два до начала рабочего дня «сделать кое-что», как он говорил. Марлоу, напротив, обычно появлялся не раньше половины одиннадцатого, а то и позже. На этот раз, однако, Марлоу сидел за столом и внимательно разглядывал пачку снимков. То, что Геррик услышал от Марлоу, отнюдь не уменьшило его удивления. Они горячо о чем-то разговаривали в течение следующих полутора часов. Около девяти они наспех позавтракали и вернулись как раз вовремя, чтобы успеть подготовить все к собранию, которое должно было состояться в десять часов в библиотеке.

Когда пришел Билл Барнет со своей компанией из пяти человек, в зале собралось уже с десяток сотрудников обсерватории, среди них Йенсен, Роджерс, Эмерсон и Харви Смит. Доска, экран и

проектор для диапозитивов были подготовлены. Среди вновь прибывших собравшиеся видели впервые только Дэйва Вейхарта. Об этом блестящем молодом физике Марлоу уже много слышал и был рад, что Барнет привел его.

— Будет лучше, — начал Марлоу, — если я объясню все по порядку и начну с пластинок, которые Кнут Йенсен принес ко мне домой вчера вечером. Когда я их покажу, вы поймете, почему было созвано это экстренное совещание.

Эмерсон, сидевший у проектора, поставил диапозитив, который Марлоу сделал с первой пластинки Йенсена, снятой ночью 9 декабря 1963 года.

— Центр темного пятна, — продолжал Марлоу, — имеет прямое восхождение 5 часов 49 минут, склонение минус 30 градусов 16 минут.

— Прекрасный образец глобулы Бока, — сказал Барнет. — Каковы ее размеры?

— Около двух с половиной градусов в поперечнике. У астрономов захватило дух.

— Джефф, оставь мою бутылку виски себе, — сказал Харви Смит.

— И мой ящик тоже, — добавил Билл Барнет среди общего смеха.

— Я думаю, вам все же понадобится глоточек,

когда вы увидите следующий снимок. Берт, подвигай их взад-вперед, чтобы можно было сравнить, — продолжал Марлоу.

— Невероятно! — воскликнул Роджерс. — Выглядит, будто целое кольцо переменных звезд окружает облако. Но разве это возможно?

— Нет, — ответил Марлоу, — это я понял сразу. Если же мы примем невероятную гипотезу, что облако окружено кольцом переменных звезд, все равно совершенно немыслимо, чтобы они осциллировали в фазе друг с другом — все одновременно вспыхивали, как на первой картинке, и все одновременно гасли, как на второй.

— Нет, это абсурд, — отрезал Барнет. — Если предположить, что на снимке все верно, то остается, очевидно, одно объяснение. Облако движется к нам. На второй картинке оно ближе к нам и поэтому закрывает больше звезд. Каков интервал времени между этими двумя снимками? Чуть меньше месяца. Тогда наверняка дефект на снимке. Точно так же я рассуждал вчера вечером. Но поскольку я не увидел ничего ненормального на пластинках, самым естественным было сделать новые снимки. Если за месяц произошли такие изменения, как на пластинках Йенсена, тогда эффект должен быть легко замечен и за

неделю. Последняя пластинка Йенсена была заснята 7 января. Вчера было 14 января. Я помчался на Маунт Уилсон, отнял у Харви 60-дюймовый и всю ночь фотографировал края облака. Вот все мои новые снимки. Они сняты, конечно, не в том же масштабе, что у Йенсена, но довольно хорошо видно, что за это время произошло. Покажи их одну за другой, Берт, а потом снова йенсеновский снимок от 7 января.

Следующие несколько минут в мертвой тишине астрономы сравнивали звезды, расположенные у края облака. Наконец Барнет сказал:

— Сдаюсь. Насколько я понимаю, нет ни тени сомнения — это облако движется к нам.

И было ясно, что все собравшиеся с ним согласны. Облако по мере того, как приближалось к солнечной системе, постепенно закрывало звезды.

— Да, действительно, нет никаких сомнений. Когда я обсуждал это сегодня утром с доктором Герриком, он напомнил мне, что эту часть неба у нас фотографировали двадцать лет назад.

Геррик вынул фотографию.

— Мы не успели сделать с нее диапозитив, — сказал он, — так что придется передавать ее из рук в руки. Вы видите темное облачко, но оно на

этом снимке совсем маленькое — обыкновенная маленькая глобула. Я отметил ее стрелкой.

Он протянул снимок Эмерсону, который, передав его Харви Смиту, сказал:

— Оно невероятно выросло за двадцать лет. Трудно представить себе, что произойдет в следующие двадцать лет. Похоже, оно закроет все созвездие Ориона. Этак астрономы скоро останутся без дела. И тут впервые заговорил Дэйв Вейхарт:

— Я хотел бы задать два вопроса. Первый относительно положения облака. Как я понял из ваших слов, кажущийся размер облака увеличивается из-за того, что оно приближается к нам. Это совершенно ясно. Но я хотел бы узнать, остаются ли центр облака на месте или он сдвигается по отношению к окружающим его звездам?

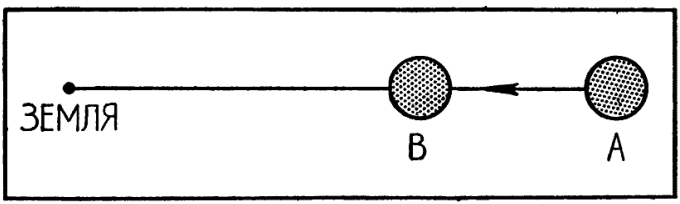
— Дельный вопрос. За последние двадцать лет центр сместился очень незначительно относительно звезд, — ответил Геррик.

— Это значит, что облако летит точно на солнечную систему.

Вейхарт соображал значительно быстрее, чем обычные люди, поэтому, увидев, что его не все сразу поняли, он вышел к доске.

— Я могу пояснить это на рисунке. Вот Земля.

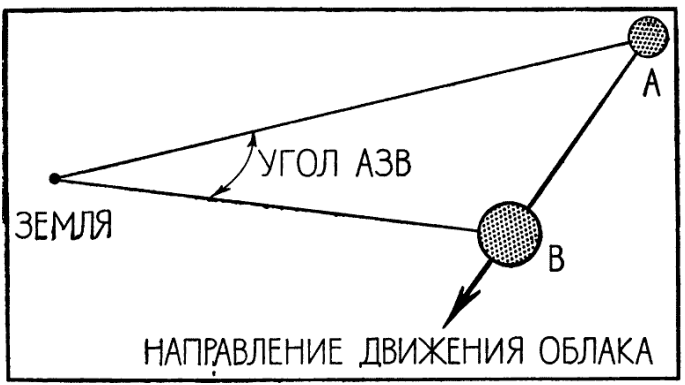
Предположим сначала, что облако движется прямо на нас, как здесь из *A* в *B*. Тогда в *B* облако будет казаться больше, но центр его будет находиться там же. Это соответствует тому, что мы увидели на снимках.



Все согласились, и Вейхарт продолжал:

— Теперь предположим, что облако, двигаясь к нам, повременно движется в сторону, и предположим, что ярости этих движений одного порядка. Тогда облако может двигаться вот так. Если вы теперь рассмотрите двияие из *A* в *B*, то обнаружите два эффекта: облако будет даться больше в *B*, чем в *A*, точно так же, как в предыдущем случае, но теперь центр будет двигаться. И он переместится

на угол *АЗВ*, который должен быть порядка 30°.



— Я не думаю, чтобы центр переместился больше, чем на четверть градуса, — заметил Марлоу.

— Тогда боковое движение не должно составлять больше одного процента от движения к нам. Такое впечатление, будто облако летит на солнечную систему, как пуля в мишень.

— Вы хотите сказать, Дэйв, что нет шансов, что облако пролетит мимо солнечной системы или,

скажем, лишь чуть ее заденет?

Судя по фактам, которыми мы сейчас располагаем, облако летит прямо в цель, в самый центр мишени. Помните, оно уже два с половиной градуса в диаметре. Чтобы оно пролетело мимо, необходима поперечная скорость, по крайней мере равная десяти процентам от радиальной. А это вызвало бы гораздо большее угловое смещение центра, чем то, которое, по словам доктора Марлоу, наблюдается сейчас. Другой вопрос, который я хотел задать: почему облако не было замечено раньше? Не хочу никого обидеть, но, по-моему, удивительно, как его не зарегистрировали раньше, скажем, лет десять назад.

— Это, было, конечно, первое, о чем я подумал, — ответил Марлоу, — и было это столь удивительно, что я с трудом поверил в открытие Йенсена. Но потом мне в голову пришло много объяснений. Если бы в небе произошла вспышка Новой или Сверхновой, она немедленно была бы замечена тысячами простых людей, не только астрономами. Но ведь это не свет, а нечто темное, а темное пятно не так-то просто заметить: оно очень хорошо маскируется на небе. Конечно, если бы облако закрыло яркую, ранее хорошо видную звезду, такое не прошло бы незамеченным. Хотя

исчезновение яркой звезды не так легко засечь, как появление новой яркой, все же тысячи астрономов, профессионалов и любителей заметили бы это. Случилось так, однако, что все звезды вокруг облака имеют яркость не выше восьмой величины. Это первое объяснение. Далее, вам должно быть известно, что для того, чтобы иметь хорошие условия видимости, мы вынуждены работать с объектами, расположенными близко к зениту, а наше облако лежит очень низко над горизонтом. И мы, естественно, избегаем наблюдений над этой частью неба, если она не содержит чего-нибудь особенно интересного. Действительно, до того, как мы узнали об облаке, так оно и было. Это вторая причина. Правда, для обсерваторий южного полушария облако высоко над горизонтом, но этим обсерваториям было бы трудно обнаружить его вследствие малочисленности персонала, загруженного к тому же решением таких важных проблем, как Магеллановы Облака и ядро Галактики. Раньше или позже облако должны были заметить. Это случилось позже, но могло случиться и раньше. Вот все, что я могу сказать.

— Не стоит из-за этого волноваться, — сказал директор. — Наша следующая задача — измерить

скорость, с которой облако приближается. Мы с Марлоу долго обсуждали этот вопрос и думаем, что это возможно. Как показывают снимки, полученные Марлоу этой ночью, звезды, находящиеся на каемке облака, уже частично затемнены. На их спектре можно найти линии поглощения облака, и их доплеровское смещение даст нам скорость.

— Тогда можно будет вычислить, когда облако достигнет нас, — подхватил Барнет. — Должен сказать, мне не очень все это нравится. То, как увеличился угловой диаметр облака за последние двадцать лет, показывает, что сбудет здесь лет через пятьдесят или шестьдесят. Как вы думаете, сколько времени потребуется, чтобы верить доплеровское смещение?

— Около недели. Это не очень сложная работа. Извините, но я не совсем понимаю, зачем это, — сказал вдруг Вейхарт. — Для чего вам понадобилась скорость облака? Вы можете прямо вычислить время, за которое облако достигнет нас. Позвольте, я сделаю это. По моему подсчету, потребуется не пятьдесят лет, а гораздо меньше.

Вейхарт опять поднялся с места, вышел к доске стёр свои предыдущие рисунки.

— Покажите, пожалуйста, еще раз снимки Йенсена.

И когда Эмерсон показал их по очереди, Вейхарт спросил:

— Можете вы определить, насколько облако больше на втором диапозитиве?

— Мне кажется, процентов на пять. Может быть, несколько больше или меньше, но около того, — ответил Мерлоу.

— Правильно, — сказал Вейхарт. — Введем сначала некоторые обозначения.

Далее последовали относительно длинные вычисления, в конце которых Вейхарт провозгласил:

— Итак, мы видим, что черное облако будет здесь к августу 1965 года, или, возможно, раньше, если некоторые из принятых в расчете предположений не совсем точны.

Он отошел от доски, исписанной его математическими вкладками.

— Похоже, что это правильно. В самом деле, все весьма сложно, — сказал Марлоу, выпуская

огромные клубы дыма.[2]

— Да, это безусловно верно, — ответил Вейхарт.

Когда Вейхарт закончил свое необычайное сообщение, директор счел необходимым предупредить всех, что обсуждение было секретным. Верны эти вычисления или нет, не следует говорить о них вне обсерватории даже дома. Малейшая искра может превратиться в бушующее пламя, если эта история попадет в газеты. У директора никогда не было причин придерживаться высокого мнения о репортерах, в особенности об их точности при изложении научных фактов.

От полудня до двух часов он сидел один в своем кабинете, переживая самую острую в своей жизни внутреннюю борьбу. Только проверив и

---

2 notes: 2

Вот более подробно замечания Вейхарта и то, что он делал на доске.

Обозначим через a теперешний угловой диаметр облака, выраженный в радианах,

d— линейный диаметр облака,

D— расстояние от него до нас,

V— скорость, с которой оно к нам приближается,

T— промежуток времени, через который оно достигнет солнечной системы.

В начальный момент, очевидно, имеем $\frac{d\alpha}{dt} = \frac{d}{D^2} V \frac{dD}{dt}$.

Продифференцировав это уравнение по времени *t*, получим $V = -\frac{dD}{dt}$.

Но, $\frac{d\alpha}{dt} = \frac{d}{D^2} V$, так что мы можем написать $T = \alpha \frac{dt}{d\alpha}$.

Мы также имеем $T = \alpha \frac{dt}{d\alpha}$. Получается даже проще, чем я думал. Ответ следующий:

Последнее, что надо сделать — это представить в виде отношения конечных интервалов, где Δt

= **1 месяц**, что соответствует интервалу времени между двумя снимками доктора Йенсена; и так как доктор Марлоу установил, что **Δα** порядка 5 %, то есть= **20**, то мы получаем **T** = **20Δt**= **20 месяцев**.

тщательно продумав результаты исследований, он считал возможным их оглашать. Однако вправе он молчать еще полмесяца, а то и больше? Пройдет по крайней мере две или три недели, прежде чем какая-либо сторона вопроса будет полностью исследована. Могут ли они себе это позволить? В десятый раз он проверял выкладки Вейхарта. Он не видел в них никаких ошибок. В конце концов он вызвал секретаря.

— Пожалуйста, закажите для меня через Калифорнийский технологический место в ночном самолете на Вашингтон. В том, который вылетает около девяти. И потом соедините меня с доктором Фергюсоном.

Джеймс Фергюсон был важной шишкой в Национальном научном фонде: он ведал вопросами физики, астрономии и математики. Его немало удивил вчерашний телефонный разговор с Герриком. Было совсем непохоже на Геррика предупреждать о своем приезде всего лишь за день.

— Не понимаю, какая муха укусила Геррика, — сказал он жене на следующее утро за завтраком. — Помчаться Вашингтон ни с того ни с сего. Он очень настаивал. Слышно было, что он очень взволнован, и я сказал, что приеду за ним в аэропорт.

— Не надо принимать это так близко к сердцу, — ответила жена. — Скоро все узнаешь.

По дороге из аэропорта в столицу Геррик отделывался ничего не значащими фразами. Лишь когда они вошли в кабинет Фергюсона, он заговорил о деле. На вопрос Геррика:

— Надеюсь, нас здесь никто не подслушает? — Фергюсон ответил:

— А что, это так серьезно? Подождите минутку! — он снял телефонную трубку. — Эми, позаботьтесь, пожалуйста, чтобы меня не отрывали… Нет-нет, никаких телефонных разговоров… Ну, может, час, а может два, не знаю.

Спокойно и последовательно Геррик объяснил, что происходит. Пока Фергюсон разглядывал фотографии, Геррик говорил:

— Вы видите предварительные данные. Если мы огласим и потом окажется, что это ошибка, мы будем выглядеть последними дураками. Если же мы потратим месяц на проверку и окажется, что мы правы, нам влетит за трусость и медлительность.

— Конечно, влетит, как старой опытной курице, высиживающей тухлое яйцо.

— Джеймс, мне всегда казалось, что у вас огромный опыт общения с людьми. Вы для меня

человек, к которому можно обратиться за советом. Что я должен делать?

Некоторое время Фергюсон молчал. Затем он сказал:

— Я думаю, это может оказаться делом серьезным. А принимать серьезные решения экспромтом я люблю ничуть не больше вашего, Дик. Вот что я предлагаю сейчас. Возвращайтесь в гостиницу и спите весь день — этой ночью вы, наверное, не особенно выспались. Мы можем встретиться с вами снова за обедом, к тому времени я все обдумаю. Попытаюсь прийти к какому-нибудь решению.

Фергюсон оказался верен своему слову. Когда он и Геррик приступили к обеду в одном тихом ресторане, Фергюсон начал:

— По-моему, я во всем разобрался. Мне кажется, не следует тратить еще целый месяц на проверку ваших данных. Картина и так достаточно ясная, а полной уверенности все равно никогда не будет. Разве что вместо девяноста девяти процентов уверенности — девяносто девять целых и девяносто девять сотых. Ради этого не стоит терять времени. С другой стороны, вы недостаточно подготовились, чтобы идти в Белый дом прямо сейчас. По вашим собственным словам, вы и ваши сотруд-

ники пока что потратили на эту работу меньше дня. Наверняка есть еще многое, что вам надо обдумать. Именно: сколько времени пройдет, пока облако приблизится к нам? Что произойдет при этом? Вот вопросы, которые встают перед нами.

Мой совет — возвращайтесь немедленно в Пасадену, запрягайте всех в работу, напишите за неделю доклад, изложите в нем ситуацию, какой она вам представляется. Пусть все ваши сотрудники под ним подпишутся, чтобы не возникло разговоров о спятившем директоре. А потом возвращайтесь в Вашингтон. Тем временем я постараюсь подготовить почву здесь. В подобных случаях мало толку начинать снизу, шептать на ушко какому-нибудь члену конгресса. Единственное разумное — это идти прямо к президенту. Я постараюсь пробить вам к нему дорогу.

Глава вторая
Собрание в Лондоне

За четыре дня до этого в Лондоне, в помещении Королевского астрономического общества, состоялось весьма примечательное собрание Британской астрономической ассоциации, объ-

единяющей в основном астрономов-любителей.

Крис Кингсли, профессор астрономии Кембриджского университета, приехал поездом в Лондон специально на это собрание. Присутствие этого чистейшего теоретика на сборище астрономов-любителей было случаем из ряда вон выходящим. Однако он прослышал, что обнаружены не объяснимые отклонения от расчетных значений в положении Юпитера и Сатурна. Кингсли не верил этому, но, считая, что всякие сомнения должны быть обоснованными, решил все же послушать, о чем будет речь. По прибытии в Берлингтон-хаус он с удивлением обнаружил там многих своих коллег и среди них Королевского астронома. «Никогда ничего подобного не видывал. Похоже, распространением слухов занялся какой-то лихой рекламный агент», — подумал Кингсли. Через полчаса он вошел в зал заседаний и увидел свободное место в первом ряду возле Королевского астронома. Как только он сел, доктор Олдройд, председатель, открыл собрание такими словами:

— Леди и джентльмены, мы собрались здесь сегодня, чтобы обсудить некоторые новые и необычные данные. Но прежде чем предоставить слово первому докладчику, я хотел бы сказать,

как приятно нам видеть здесь так много выдающихся ученых. Я уверен, что время, которое они проведут с нами, не будет для них потерянным, и я надеюсь, что важная роль любителей в астрономии будет продемонстрирована еще раз.

Тут Кингсли усмехнулся про себя, а некоторые из его коллег заерзали на стульях. Доктор Олдройд продолжал:

— Я имею удовольствие предоставить слово мистеру Джорджу Грину.

Мистер Джордж Грин вскочил со своего места в середине зала и поспешил к трибуне, сжимая в правой руке большую кипу бумаг.

Первые десять минут Кингсли смотрел с вежливым вниманием, как мистер Грин показывает диапозитивы, на которых было изображено оборудование его частной обсерватории. Но когда десять минут перешли в четверть часа, он начал ерзать на стуле; следующие полчаса он тоже промучился: вытягивал ноги, убирал их под стул, клал ногу на ногу, поминутно оборачиваясь, чтобы взглянуть на стенные часы. Все было напрасно — мистер Джордж Грин несся, закусив удила. Королевский астроном с довольной улыбкой посматривал на Кингсли. Другие астрономы не спускали с него глаз, предвкушая удовольствие.

С минуты на минуту они ожидали взрыва.

Однако взрыва не последовало, ибо мистер Грин, казалось, внезапно вспомнил о цели своего выступления. Покончив с описанием своего возлюбленного детища, он быстро выпалил полученные результаты, точно пес, который спешит отряхнуться после купания. Он наблюдал Юпитер и Сатурн, тщательно измерял их положение и обнаружил расхождения с Морским альманахом. Затем он подбежал к доске, выписал величины расхождений и сел.

	Расхождение в долготе	*Расхождение в склонении*
Юпитер	*+1 мин 29 сек.*	*-49 сек.*
Сатурн	*+ 42 сек.*	*-17 сек.*

Кингсли был так взбешен, что даже не слышал громких аплодисментов, которыми наградили мистера Грина. Идя на собрание, Кингсли был уверен, что речь будет о расхождениях, во всяком случае не превышающих десятых долей секунды. Такие расхождения он мог отнести за счет

неточности или некомпетентности наблюдателя. Могла вкрасться также и ошибка статистического характера. Но числа, написанные на доске мистером Грином, были нелепы, фантастичны; они были так велики, что даже слепой мог бы увидеть их. Мистер Грин должен был сделать совершенно нелепую ошибку, чтобы получить такие числа.

Не следует думать, что Кингсли был интеллектуальный сноб и относился к любителям с предубеждением. Менее двух лет назад он слушал в этом же зале доклад совершенно неизвестного автора. Кингсли сразу же почувствовал высокий уровень и грамотность работы и первым публично похвалил ее. Но он не выносил неграмотности, когда ее обнаруживали не в частном разговоре, а выставляли на показ. Она раздражала его не только в науке, но и в живописи и в музыке. Поэтому теперь он кипел от ярости. Столько негодующих мыслей теснилось у него в голове, что он никак не мог выбрать из них главную: так жаль было отказываться от всех остальных. Но прежде чем он успел излить свой гнев, доктор Олдройд преподнес следующий сюрприз:

— Я имею честь предоставить слово следующему оратору — Королевскому астроному, — сказал

он.

Королевский астроном собирался говорить кратко и по существу. Но теперь он не мог противиться искушению растянуть речь, просто чтобы насладиться бешенством Кингсли. Ничто не могло вывести последнего из себя больше, чем второе выступление в духе мистера Джорджа Грина, и Королевский астроном начал именно так. Он показывал диапозитивы, на которых было сфотографировано оборудование Королевской обсерватории, наблюдатели, работающие с этим оборудованием, отдельные его детали; затем он приступил к подробному объяснению работы телескопов в терминах, вполне пригодных для беседы с умственно отсталыми детьми. Все это говорилось спокойным уверенным тоном в отличие от нерешительной манеры мистера Грина. Минут через тридцать он почувствовал, то все это может пагубно отразиться на состоянии Кингсли, и решил прекратить болтовню.

— Наши результаты в общих чертах подтверждают то, что мистер Грин уже доложил вам. В положении Юпитера и Сатурна наблюдаются отклонения, величины которых приводил мистер Грин. Между его результатами и нашими имеются небольшие расхождения, но в основном они

одинаковы. В Королевской обсерватории наблюдались также отклонения в положении Урана и Нептуна, правда, не такие значительные, как для Юпитера и Сатурна, но все же весьма заметные.

Кроме того, ко мне пришло письмо из Гейдельберга от Гротвальда, в котором он сообщает, что в Гейдельбергской Обсерватории получены результаты, хорошо согласующиеся с данными Королевской обсерватории.

Королевский астроном вернулся на свое место. Доктор Олдройд тут же обратился к собравшимся:

— Джентльмены, теперь вы слышали то, что я осмелюсь назвать результатами самой первостепенной важности. Сегодняшнее собрание может стать поворотным пунктом в истории астрономии. Я не хочу более занимать ваше время, так как полагаю, вам самим есть что сказать. В особенности многое, я думаю, могут сообщить нам теоретики. Разрешите начать дискуссию и попросить профессора Кингсли поделиться с нами своими соображениями.

— Сейчас мы получим хорошую порцию злословия, — прошептал один из астрономов другому.

— Господин председатель, — начал Кингсли. — Пока выступали предыдущие ораторы, я

имел возможность проделать довольно длинный расчет.

Астрономы-профессионалы обменялись улыбками, Королевский астроном усмехнулся.

— Собравшимся, возможно, будет небезынтересно узнать результат этого расчета. Я пришел к выводу, что если данные, которые были доложены нам сегодня, правильны, если, повторяю, эти данные правильны, то это говорит о наличии в окрестностях солнечной системы какого-то никогда ранее не наблюдавшегося тела. Причем масса этого неизвестного тела примерно равна или даже больше массы Юпитера. Совершенно невероятно, чтобы результаты, которые были здесь доложены сегодня, являлись следствием простой ошибки наблюдения, повторяю, простой ошибки наблюдения, но так же невероятно, чтобы тело, обладающее столь большой массой и находящееся в пределах солнечной системы или вблизи от нее, оставалось так долго незамеченным.

Кингсли сел. Специалисты уловили ход его рассуждений и поняли, что он изложил свою точку зрения до конца.

В вагоне поезда, отходившего в 8.56 вечера от

станции Ливерпуль-стрит в Кембридж, Кингсли так свирепо глянул на железнодорожного служащего, который попросил у него билет, что тот поспешно отступил в сторону. Раздражение Кингсли отнюдь не улеглось после того, как его накормили скверным обедом в претенциозном, но грязном ресторане с высокомерными официантами. На должном уровне там были только цены. Кингсли шел по вагонам, отыскивая свободное купе, где он мог бы, наконец, остаться в одиночестве. Когда он быстро проходил через вагон первого класса, один из мелькнувших перед его глазами затылков показался Кингсли знакомым. Проскользнув в купе, он плюхнулся на диван рядом с Королевским астрономом.

— Первый класс, приятно и комфортабельно. Что может сравниться с государственной службой!

— Нет, что вы, Кингсли. Я еду в Кембридж на банкет в Тринити-колледж.

Кингсли состроил гримасу. Он еще ощущал во рту вкус отвратительного обеда.

— Меня всегда поражает, откуда эти нищие в Тринити берут столько еды, — сказал он. — Банкеты по понедельникам, средам и пятницам и четырехразовое питание в остальные дни!

— Это не так уж плохо. Вы сегодня не в духе, Кингсли. Что случилось?

Можно добавить, что при этом Королевский астроном внутренне ликовал.

— Не в духе! Хотел бы я посмотреть, кто на моем месте был бы в духе. Послушайте, сэр, что это за водевиль разыграли сегодня?

— Все, что было сказано сегодня, — просто-напросто трезвые факты.

— Трезвые факты! Было бы значительно трезвее, если бы вы вскочили на стол и сплясали джигу. Отклонение положений планет на полтора градуса! Чепуха!

Королевский астроном снял с багажной сетки портфель и вынул из него большую папку с бумагами, где было собрано огромное количество наблюдений.

— Вот факты, — сказал он. — На первых, примерно, пятидесяти страницах приведены необработанные данные наблюдений всех планет за каждый день в течение последних нескольких месяцев. Во второй части содержатся те же данные, пересчитанные к гелиоцентрическим координатам.

Кингсли почти на целый час погрузился в изучение бумаг. Наконец, он сказал:

— Вы понимаете, сэр, что у вас нет ни малейшего шанса протащить такое жульничество? Здесь столько материала, что я легко могу проверить его подлинность. Не дадите ли вы мне эти таблицы на денек-другой?

— Кингсли, если вы думаете, что я устраивал все это представление или, как вы выражаетесь, жульничество только для того, чтобы обмануть или подразнить вас, то уверяю вас, вы себе льстите.

— Ладно, — сказал Кингсли, — в таком случае я могу предложить две гипотезы. Обе на первый взгляд кажутся невероятными, но одна из них должна быть правильной. Согласно первой гипотезе, неизвестное тело с массой порядка массы Юпитера вторглось в солнечную систему. Согласно второй — Королевский астроном спятил. Я не хочу вас обидеть, но, откровенно говоря, вторая гипотеза кажется мне более вероятной.

— Что меня в вас восхищает, Кингсли, это привычка резать правду в глаза. — Королевский астроном задумался ненадолго. — Вам следовало бы заняться политикой.

Кингсли ухмыльнулся:

— Так вы дадите мне эти таблицы дня на два?

— Что вы собираетесь делать?

— Во-первых, я проверю согласованность данных, во-вторых, определю местонахождение неизвестного тела.

— Как вы это сделаете?..

— Сначала, исходя из данных об отклонении одной из планет, скажем, Сатурна, я определю расположение вторгшегося в солнечную систему тела или массы вещества, если это не отдельное тело. Это будет сделано примерно так же, как Адамс и Леверье определили положение Нептуна. Затем, зная характеристики вторгшегося тела, я смогу вычислить вызываемые им возмущения в движении Юпитера, Урана, Нептуна, Марса и так далее. И тогда я сравню полученные результаты с вашими наблюдениями этих планет. Если у меня получится то же, что у вас — значит это не жульничество. Если же результаты не сойдутся, то…

— Все это прекрасно, — сказал Королевский астроном. — Но как вы собираетесь сделать столько расчетов за несколько дней?

— О, с помощью электронной машины. К счастью, у меня уже есть соответствующая программа для кембриджской машины, за завтрашний день я немного ее изменю и напишу несколько дополнительных подпрограмм для этой задачи. Завтра вечером можно будет начать расчеты.

Послушайте, сэр, почему бы вам не прийти в лабораторию после вашего банкета? Если мы поработаем всю ночь, мы быстро управимся.

На следующий день в Кембридже было холодно, город затянуло мелкой сеткой дождя. С утра до середины дня Кингсли упорно работал, сидя перед камином в своем кабинете в колледже. Он выписывал на бумаге каракулями различные символы, составляя программу, в соответствии с которой машина должна выполнять всевозможные арифметические и логические операции. Вот краткий пример такой записи:

0	***23***
1	***11***
2	***2***
3	***13***

Около половины четвертого он вышел из колледжа, закутавшись по уши в шарф, пряча под зонтом объемистую пачку бумаг. Кратчайшим путем он прошел на Корн-Экстейндж-стрит к зданию, где помещалась счетная машина, способная

сделать за одну ночь расчет, на который человеку потребовалось бы пять лет. В этом здании некогда вмещался анатомический театр, и говорили, что в нем водятся привидения, но Кингсли думал совсем о другом, сворачивая с узкой улицы в боковую дверь дома. Сначала он пошел не в то помещение, где находилась машина, которая все равно была еще занята решением другой задачи. Кингсли должен был прежде всего превратить написанные им буквы и цифры в знаки, которые могли быть введены в машину. Это он сделал с помощью перфоратора — устройства, напоминающего пишущую машинку; при нажатии клавиш, соответствующих различным буквам и цифрам, на бумажной ленте, протягивающейся через это устройство, пробиваются в определенном порядке отверстия. Каждое из многих тысяч отверстий должно быть пробито точно на своем месте, иначе расчет будет неправильный. Работать на перфораторе приходится весьма тщательно, так как должна быть достигнута буквально стопроцентная точность.

Было уже около шести, когда, дважды проверив свои перфоленты, Кингсли убедился, что все сделано как следует, проверено и перепроверено. Тогда он направился к машине на верхний

этаж здания. В холодный и сырой январский день было особенно приятно попасть в комнату, где было сухо и тепло от тысяч электронных ламп. В помещении стоял приглушенный шум электромоторов и раздавался стук печатающего устройства.

…Королевский астроном приятно провел день в гостях у старых друзей и вечер на банкете. Теперь, около полуночи, он размышляло том, что ему гораздо больше хотелось бы провести ночь в постели, чем в математической лаборатории. Тем не менее, видимо, пора было пойти посмотреть, как там этот сумасшедший. Один из друзей подвез его к лаборатории на автомобиле, и вот теперь он стоял под дождем и ждал, когда ему откроют. Наконец Кингсли появился.

— Привет, вы как раз вовремя, — сказал он. Они поднялись по лестнице к счетной машине. — Ну как, есть какие-нибудь результаты?

— Пока нет, но, кажется, я все подготовил, и можно приступить к работе. В программах, которые я написал сегодня утром, были ошибки, и мне пришлось потратить несколько часов, вылавливая их. Теперь, надеюсь, все верно. Так, во всяком случае, мне кажется. Если с машиной ничего не случится, через час или два мы должны получить

правильные результаты. Ну, как банкет?

Около двух часов ночи Кингсли сказал:

— Теперь уже скоро. Через несколько минут мы получим первые результаты.

Не прошло и пяти минут, как раздался шум скоростного перфоратора, и из него выползла длинная бумажная лента. Пробитые в ней отверстия содержали решение задачи, которую без помощи машины один человек решал бы целый год.

— Посмотрим, что получилось, — сказал Кингсли и вставил ленту в печатающее устройство. Вместе с Королевским астрономом они смотрели, как машина печатает один за другим ряды цифр.

— Боюсь, я выбрал довольно неудачный порядок выдачи результатов. Вероятно, их следовало привести к более удобному для понимания виду. Первые три ряда дают значения серии параметров, которые я ввел в расчеты, исходя из данных ваших наблюдений.

— А как насчет положения вторгшегося тела? — спросил Королевский астроном.

— Его положение и масса даны в следующих четырех рядах. Но они записаны в довольно неудобной форме — как я уже говорил, порядок выдачи результатов неудачен. Я собираюсь

использовать эти результаты для того, чтобы рассчитать, какое влияние должно оказывать вторгшееся тело на Юпитер. Для этой цели такая запись как раз вполне пригодна. — Кингсли указал на бумажную ленту. — Чтобы привести эти данные к действительно удобному виду, мне еще придется сделать самому кое-какие расчеты. Но прежде всего давайте рассчитаем положение Юпитера.

Кингсли нажал несколько кнопок, затем вставил катушку с бумажной лентой в читающее устройство машин.

Как только он нажал другую кнопку, катушка начала вертеться, разматывая ленту.

— Посмотрите, что происходит, — сказал Кингсли, — когда лента сматывается с катушки, через пробитые в ленте отверстия проходят пучки света, которые затем попадают на расположенные в этом ящике фотоэлементы. В результате в машину поступают серии электрических импульсов. Лента, которую я сейчас поставил, содержит инструкцию для машины о том, как рассчитывать отклонения в положении Юпитера. Но это еще не все. Машина должна также знать положение вторгшегося тела, его массу, скорость его движения. Пока мы не введем эти данные, машина не

начнет расчета.

Кингсли был прав. Машина остановилась, как только размоталась вся длинная бумажная лента. Одновременно на пульте зажглась маленькая красная лампочка. Кингсли показал на нее:

— Машина остановилась, потому что введенная в нее информация недостаточна. Где тот кусок ленты, на котором отперфорированы результаты предыдущего расчета? Да вот он, на столе около вас.

Королевский астроном передал ему длинную полоску бумаги.

— Здесь содержится недостающая информация. Когда мы введем ее, машина будет знать всё о вторгшемся теле.

Кингсли нажал кнопку. После того как этот кусок ленты прошел через читающее устройство точно так же, как предыдущий, по электронно-лучевым трубкам начали пробегать огоньки.

— Ну вот, она заработала. Теперь в течение часа машина будет умножать за каждую минуту сотни тысяч десятизначных чисел. Давайте пока выпьем кофе. Я ничего не ел с четырех часов дня и очень проголодался.

Так они работали всю ночь. Уже занимался холодный рассвет январского дня, когда Кингсли

сказал:

— Ну, все в порядке. Все результаты получены, но их надо еще обработать, прежде чем мы сможем сравнить их с вашими наблюдениями. Это сделает сегодня лаборантка. Давайте пообедаем вместе сегодня вечером, и потом обсудим все как следует. А сейчас идите скорее спать. Я подожду, пока народ придет на работу.

Вечером после обеда Королевский астроном и Кингсли встретились и пошли к Кингсли в его квартиру в колледже Эразма. Обед был очень хорош, и теперь они оба уютно устроились у пылающего камина.

— Болтают всякую ерунду об этих закрытых печках, — сказал Королевский астроном, кивая на огонь. — Предполагается, что все это высоконаучно, однако на самом деле ничего нет в них научного. Самое приятное тепло — излучение открытого огня. Закрытая печка дает лишь много горячего воздуха, а он крайне неприятен для дыхания. Душит, но не согревает.

— Совершенно верно, — согласился Кингсли. — Никогда не пользуюсь такими приборами. Может, выпьем по рюмочке, прежде чем заняться

делами? Мадеры, кларета, бургундского?

— Чудесно. Мне, пожалуй, бургундского.

— Прекрасно, у меня есть очень недурной помар пятьдесят седьмого года.

Кингсли наполнил два больших бокала, вернулся на свое место и продолжал:

— Так вот. Я получил рассчитанные нами ночью величины отклонений Марса, Юпитера, Урана и Нептуна. Согласие с вашими наблюдениями фантастически точное. На каждом из этих четырех листков я выписал основные данные по каждой из четырех планет. Вот, посмотрите сами.

Королевский астроном несколько минут рассматривал листки.

— Да, здорово, Кингсли. Эта ваша машина — совершенно потрясающий инструмент. Ну, теперь вы удовлетворены? Все соответствует гипотезе о вторгшемся в солнечную систему постороннем теле. Кстати, вы получили подробные данные о его массе, положении и скорости? Здесь они не приведены.

— Да, эти данные тоже есть, — ответил Кингсли и взял еще один лист бумаги из толстой папки. — Они-то и беспокоят меня. Получается, что масса тела равна примерно двум третям массы

Юпитера.

Королевский астроном улыбнулся:

— Помнится, на собрании вы говорили, что она по крайней мере равна массе Юпитера. Кингсли проворчал:

— Если вспомнить, как меня отвлекали, то это неплохая уценка. Но посмотрите на расстояние тела от Солнца: 21,3 астрономической единицы, всего в 21,3 раза больше расстояния от Земли до Солнца. Это же невозможно!

— Почему вы так думаете?

— На таком расстоянии его можно было бы легко увидеть невооруженным глазом. Тысячи людей видели бы его. Королевский астроном покачал головой. — Ни из чего не следует, что это обязательно планета, вроде Юпитера или Сатурна. Может быть, у этого тела гораздо большая плотность и меньшая отражательная способность. Это должно сильно затруднить визуальное наблюдение.

— Все равно, его должны были бы обнаружить с помощью телескопа. Видите, оно находится на ночной стороне неба где-то к югу от Ориона. Вот его координаты: прямое восхождение 5 часов 46 минут, склонение минус 30 градусов 12 минут. Я не очень-то хорошо знаю небо, но это где-то

южнее Ориона, не правда ли? Королевский астроном опять усмехнулся: Когда вы последний раз смотрели в телескоп, Кингсли?

— Да, наверное, лет пятнадцать назад.

— По какому случаю?

— Показывал обсерваторию группе посетителей. Так вот, не кажется ли вам, что хватит нам спорить — лучше пойти в обсерваторию и посмотреть самим, можно ли что-нибудь разглядеть. Может случиться, что это вторгшееся тело, как мы с вами его называем, вовсе не твердое.

— Вы хотите сказать, что это облако газа? Да, это уже лучше. Такое облако было бы не столь легко увидеть, как конденсированное тело. Но облако должно быть довольно компактным, с диаметром не намного больше диаметра земной орбиты. Выходит, оно должно иметь плотность около 10^{-10} *г/см*^{3}. Может, это очень маленькая звезда в процессе образования?

Королевский астроном кивнул.

— Мы знаем, что очень большие газовые облака, вроде туманности Ориона, имеют плотность около 10^{-21} *г/см*^{3}. С другой стороны, внутри таких газовых туманностей постоянно образуются звезды типа Солнца с плотностью порядка 1 *г/см*^{3}. Это, очевидно, значит, что должны быть сгустки

газа со всевозможными плотностями от, скажем, 10^{-21} *г/см*^{3} до плотности звездного вещества. Ваши 10^{-10} *г/см*^{3} попали как раз в середину этого интервала, что кажется мне весьма правдоподобным.

— Да, похоже на правду. Я считаю, что облака с такой плотностью должны существовать. Но вы совершенно правы, нам надо съездить в обсерваторию. Пойду позвоню Адамсу и схвачу такси, а вы пока кончайте свое вино.

Однако когда они приехали в университетскую обсерваторию, небо было покрыто облаками, и хотя они прождали несколько часов, сырая холодная ночь, так и не прояснилась, и звезды были скрыты за облаками. То же повторилось и в следующие две ночи. Так Кембридж потерял честь первооткрытия черного облака, как он потерял честь открытия планеты Нептун более ста лет назад.

17 января, на следующий день после того, как Геррик побывал в Вашингтоне, Кингсли и Королевский астроном снова пообедали вместе и отправились к Кингсли домой. Снова они сидели перед огнем, попивая поммар пятьдесят седьмого года.

— Слава богу, не придется опять сидеть там всю ночь. Я думаю, на Адамса можно положиться, он

позвонит нам, если небо очистится.

— Пожалуй, мне надо ехать завтра к себе в обсерваторию, — сказал Королевский астроном. — В конце концов, там тоже есть телескопы.

— Я вижу, эта проклятая погода опротивела вам так же, как и мне. Послушайте, сэр, надо браться за дело. Я составил телеграмму Марлоу в Пасадену. Вот она. Там им не помешает облачность.

Королевский астроном посмотрел на листок бумаги в руке Кингсли.

«Пожалуйста, сообщите, есть ли необычный объект в точке прямое восхождение пять часов сорок шесть минут, склонение минус тридцать градусов двенадцать минут. Масса объекта две трети массы Юпитера, скорость семьдесят километров в секунду прямо по направлению к Земле. Расстояние от Солнца 21,3 астрономической единицы».

— Как вы думаете, отправить? — спросил Кингсли озабоченно.

— Отправляйте. Я хочу спать, — благодушно ответил Королевский астроном, подавляя зевок.

На следующий день в девять утра у Кингсли была лекция, поэтому к восьми он уже умылся, оделся и побрился. Его слуга накрыл стол к завтраку.

— Вам телеграмма, сэр, — сказал он.

Не может быть, подумал Кингсли, чтобы так быстро пришел ответ от Марлоу? Распечатав телеграмму, он изумился еще больше.

НАСТОЯТЕЛЬНО НЕОБХОДИМО ВАМ И КОРОЛЕВСКОМУ АСТРОНОМУ НЕМЕДЛЕННО, ПОВТОРЯЮ, НЕМЕДЛЕННО ПРИБЫТЬ В ПАСАДЕНУ. САМОЛЕТ В НЬЮ-ЙОРК ВЫЛЕТАЕТ В 15.00. БИЛЕТЫ ЗАКАЗАНЫ. ВИЗЫ ПРИГОТОВЛЕНЫ В АМЕРИКАНСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ. В АЭРОПОРТУ ЛОС-АНЖЕЛОСА ЖДЕТ АВТОМАШИНА.

ГЕРРИК.

Самолет медленно набирал высоту, держа курс на запад. Кингсли и Королевский астроном рас-

положились в своих креслах, и Кингсли смог, наконец, спокойно вздохнуть впервые с того момента, как он утром прочел телеграмму. Сначала ему пришлось перенести лекцию, затем обсудить тысячу вопросов с секретарем факультета. Нелегко было все устроить, уж очень внезапно пришлось уезжать, но в конце концов все уладилось. Было уже, однако, одиннадцать часов. Оставалось всего три часа, а нужно было еще долететь до Лондона, оформить визу, получить билеты и успеть на автобус до аэропорта. Спешка была невероятная. Королевский астроном находился в лучшем положении: он так часто ездил за границу, что его паспорта и визы всегда были на всякий случай оформлены.

Теперь они оба достали взятые в дорогу книжки. Кингсли взглянул на книгу Королевского астронома и увидел яркую обложку с изображением группы головорезов, паливших друг в друга из револьверов. Бог знает, до какого чтива можно так дойти, подумал Кингсли.

Королевский астроном посмотрел на книгу Кингсли и увидел «Истории» Геродота. Господи, этак он скоро до Фукидида дойдет, подумал Королевский астроном.

Глава третья
В Калифорнии

Теперь нужно рассказать, как встретили телеграмму Кингсли в Пасадене. Вернувшись из Вашингтона, Геррик собрал всех в своем кабинете. Присутствовали Марлоу, Вейхарт и Барнет. Геррик объяснил, что необходимо срочно выработать определенную точку зрения на возможные последствия сближения с черным облаком.

— Положение таково: наши данные показывают, что облако достигнет Земли примерно через восемнадцать месяцев; во всяком случае, такая оценка кажется вероятной. Но что мы можем сказать о самом облаке? Сильно ли оно будет поглощать солнечное излучение, если окажется между нами и Солнцем?

— Пока у нас слишком мало данных, чтобы ответить на этот вопрос, — проговорил Марлоу, выпуская клубы дыма. — Сейчас мы не знаем, является ли облако чем-то очень маленьким и близким, или, наоборот, чем-то огромным, но весьма удаленным. Мы не имеем также ни ма-

лейшего представления о плотности вещества внутри облака.

— Если бы мы получили скорость облака, мы узнали бы его размеры и расстояние от Земли, — заметил Вейхарт.

— Да, я думал об этом, — продолжал Марлоу. — Такую информацию можно получить у ребят с австралийского радиотелескопа. Весьма вероятно, что облако состоит в основном из водорода, и тогда можно получить допплеровское смещение на линии 21 сантиметр.

— Прекрасная мысль, — сказал Барнет. — Надо прямо послать телеграмму Лестеру в Сидней.

— По-моему, это не наше дело, Билл, — вмешался Геррик. — Давайте заниматься тем, что касается нас самих. Мы пишем доклад, а Вашингтон уже сам договорится с австралийцами насчет радиоизмерений.

— Но ведь мы должны указать, что следует подключить группу Лестера к этой проблеме?

— Конечно, мы можем это сделать и, пожалуй, должны. Но я хотел сказать, что не наше дело проявлять инициативу в таких вопросах. Вся эта история может принять политическую окраску. Я думаю, нам лучше держаться подальше от таких вещей.

— Правильно, — вмешался Марлоу. — Не хватало еще впутываться в политику. Но, очевидно, для определения скорости нам нужны радиоастрономы. Что касается определения массы облака — это труднее. Насколько я могу судить, лучший и, вероятно, единственный путь для этого — наблюдение возмущений движения планет.

— Довольно архаическая штука, не правда ли? — спросил Барнет. — Кто же занимается этим? Разве что англичане.

— Да, хм, — проворчал Геррик, — вероятно, не стоит особенно углубляться в эту сторону дела. Правда, самый подходящий у них человек, по-моему, Королевский астроном. Я укажу на это в докладе, за который мне нужно браться как можно скорее. Ну, по основным пунктам мы как будто согласны. Еще кто-нибудь хочет высказаться?

— Нет, мы обсудили все достаточно основательно, вернее, настолько основательно, насколько могли, — ответил Марлоу. — Мне хотелось бы вернуться к работе; по правде говоря, совсем ее забросил за последние дни. А вам, я полагаю, нужно закончить доклад. Рад, что не мне его вписать.

Они вышли из кабинета Геррика, оставив его работать над докладом, к чему он немедленно и приступил. Барнет и Вейхарт уехали к себе в

институт, а Марлоу отправился в свой кабинет. Но оказалось, что работать он не в состоянии, поэтому он решил прогуляться до библиотеки, где оказалось несколько его коллег. Время до обеда они провели в оживленном обсуждении диаграммы цвет-светимость для звезд галактического ядра. Когда Марлоу вернулся с обеда, его разыскал секретарь.

— Вам телеграмма, доктор Марлоу. Слова, напечатанные на листке бумаги, показались ему выросшими до гигантских размеров:

> ПОЖАЛУЙСТА, СООБЩИТЕ, ЕСТЬ ЛИ НЕОБЫЧНЫЙ ОБЪЕКТ В ТОЧКЕ ПРЯМОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ ПЯТЬ ЧАСОВ СОРОК ШЕСТЬ МИНУТ, СКЛОНЕНИЕ МИНУС ТРИДЦАТЬ ГРАДУСОВ ДВЕНАДЦАТЬ МИНУТ. МАССА ОБЪЕКТА ДВЕ ТРЕТИ МАССЫ ЮПИТЕРА, СКОРОСТЬ СЕМЬДЕСЯТ КИЛОМЕТРОВ В СЕКУНДУ ПРЯМО ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ЗЕМЛЕ. РАССТОЯНИЕ ОТ СОЛНЦА 21,3 АСТРОНОМИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ.

Вскрикнув от изумления, Марлоу кинулся к

кабинету Геррика и ворвался в него без стука.

— Вот они, — вскричал он, — все данные, которые нам нужны!

Геррик внимательно читал телеграмму. Затем он довольно криво улыбнулся и сказал:

— Это значительно меняет дело. Похоже, что теперь мы должны консультироваться с Кингсли и Королевским астрономом.

Марлоу еще не оправился от волнения.

— Нетрудно догадаться, как это произошло. Королевский астроном получил наблюдательный материал о движении планет, а Кингсли сделал расчеты. Насколько я знаю этих парней, весьма маловероятно, чтобы они ошиблись.

— Мы легко можем проверить их результат. Если объект находится на расстоянии 21,3 астрономической единицы и приближается к нам со скоростью семьдесят километров в секунду, мы можем быстро подсчитать, через сколько времени он достигнет Земли, и сравнить ответ с теми восемнадцатью месяцами, которые получились у Вейхарта.

— Ваша правда, — сказал Марлоу. Затем, он набросал на листке бумаги следующее:

«Расстояние 21,3 астр. ед. — 3×10^{14} см приблизительно. Время, нужное для того, чтобы преодолеть это расстояние при скорости 70 км/сек: $3\times10^{14}/7\times10^{6}=4.3\times10^{7}$ секунд = 1.4 года = 17 месяцев приблизительно».

— Великолепное совпадение! — воскликнул Марлоу. — Более того, положение, которое они указали, почти точно совпадает с нашим. Все сходится.

— Это делает мой доклад гораздо более трудным делом, — сказал Геррик, нахмурившись. — Его, действительно, нельзя писать без Королевского астронома. Я думаю, мы должны вызвать их с Кингсли сюда как можно скорее.

— Совершенно верно, — сказал Марлоу. — Пусть секретарь этим немедленно займется. Я думаю, они смогут здесь быть через тридцать шесть часов, то есть к утру послезавтра. Лучше всего устроить это через ваших друзей в Вашингтоне. Что же касается доклада, то почему бы не написать его в трех частях? Первая часть может содержать наблюдения нашей обсерватории. Вторую часть напишут Кингсли и Королевский

астроном. Наконец, третья часть — это будут выводы, которые мы сделаем совместно с англичанами после их приезда.

— Вы говорите дело, Джефф. Я смогу закончить первую часть к приезду наших друзей. Вторую часть мы оставляем им и в заключение тщательно обсуждаем выводы.

— Ну, прекрасно. Вы, наверное, управитесь к завтрашнему дню.

Марлоу поднялся и уже выходил из кабинета, тогда Геррик обратился к нему:

— Все это довольно серьезно, не правда ли?

— Конечно. У меня было что-то вроде предчувствия, когда я увидел в первый раз снимки Кнута Йенсена. Но я не мог себе представить, до чего это скверно, пока мы не получили телеграмму. Получается, что плотность облака порядка 10^{-9}—10^{-10} *г/см*^{3}. Значит, солнечный свет сквозь него не проходит.

Кингсли и Королевский астроном прибыли в Лос-Анжелос рано утром 20 января. Марлоу ждал их в аэропорту. Они быстро позавтракали в аптеке, сели в машину и помчались по автостраде в Пасадену.

— Боже мой, до чего не похоже на Кембридж, — проворчал Кингсли. — Шестьдесят миль в час вместо пятнадцати, вместо бесконечно моросящего дождя — голубое небо, такая рань, а температура уже под двадцать градусов.

Он очень устал: сначала долгий перелет через Атлантику, затем несколько часов ожидания в Нью-Йорке — слишком мало, чтобы успеть сделать что-либо интересное, но достаточно, чтобы вконец утомить путешественника и, наконец, ночной полет через Соединенные Штаты. Правда, это было много лучше, годичного морского путешествия вокруг мыса Горн, которое пришлось бы совершить сто лет назад в подобном случае. Он хотел лечь и хорошенько выспаться, но так как Королевский астроном намеревался сразу же пойти в обсерваторию, Кингсли решил, что должен присоединиться к нему.

После того, как Королевскому астроному и Кингсли представили сотрудников обсерватории, с которыми они раньше не встречались, и после обмена приветствиями со старыми знакомыми, в помещении библиотеки началось совещание. Кроме гостей из Англии, в нем участвовали те же, кто обсуждал открытие Йенсена на прошлой неделе.

Марлоу сделал краткий отчет об открытии Йенсена, о своих собственных наблюдениях и о том, как Вейхарт пришел к своим поразительным выводам.

— Итак, вы видите, — сказал он в заключение, — почему ваша телеграмма вызвала у нас такой интерес.

— Да, конечно, — ответил Королевский астроном. — Фотографии необычайно интересны. Вы рассчитали, что центр облика находится в точке прямое восхождение 6 часов 49 минут, склонение минус 30 градусов 16 минут. Это прекрасно согласуется с расчетами Кингсли.

— Не расскажете ли вы нам теперь коротко о своих исследованиях? — сказал Геррик. — Видимо, Королевский астроном сможет сообщить нам все, что касается наблюдений, а затем доктор Кингсли мог бы информировать нас о своих расчетах.

Королевский астроном описал отклонения в положениях планет, особенно тех, которые находятся на периферии солнечной системы. Он подчеркнул, что результаты наблюдений тщательно проверялись с целью выявить возможные ошибки. Королевский астроном не преминул также воздать должное мистеру Джорджу Гри-

ну. О небо, опять он за свое, подумал Кингсли. Остальные, однако, слушали с интересом.

— Итак, — закончил Королевский астроном, — я уступаю место доктору Кингсли, который ознакомит вас в общих чертах со своими расчетами.

— Тут не о чем особенно говорить, — начал Кингсли. — Если допустить правильность данных наблюдений, о которых только что рассказал нам Королевский астроном, — а я должен признаться, что поначалу мне было трудно в них поверить, — становится ясно, что на планеты действует возмущающая гравитационная сила от какого-то тела или массы вещества, вторгшегося в солнечную систему. Проблема заключалась в том, чтобы, исходя из имеющихся данных об отклонениях планет, вычислить положение, массу и скорость вторгшегося вещества.

— При расчетах вы предполагали, что это тело ведет себя, как точечная масса? — спросил Вейхарт.

— Да, мне казалось, что такое предположение наиболее удобно, во всяком случае для начала. Королевский астроном указал, что мы, возможно, имеем дело с протяженным облаком. Однако, должен сознаться, размышляя над этой задачей, я, по привычке, представил себе конденсирован-

ное тело сравнительно малых размеров. Только теперь, когда я увидел эти фотографии, я стал воспринимать это явление как облако.

— Как вы думаете, сильно ли повлияло это неправильное предположение на результаты расчета? — спросили у Кингсли.

— Едва ли оно вообще на них повлияло. Поскольку речь идет о влиянии данного объекта на положения планет, разница между вашим облаком и гораздо более конденсированным телом совершенно ничтожна. Возможно, этим и объясняются незначительные различия между моими результатами и вашими наблюдениями.

— Да, это совершенно ясно, — вмешался Марлоу, окруженный клубами пахнущего анисом дыма. — Какое количество информации понадобилось вам для получения этих результатов? Вы использовали возмущения всех планет?

— Одной планеты оказалось достаточно. Я использовал наблюдения Сатурна для получения данных об облаке. Затем, зная положение, массу и другие характеристики облака, вычислил, каковы должны быть возмущения Юпитера, Марса, Урана и Нептуна.

— И тогда вы могли сравнить ваши результаты с наблюдениями?

— Совершенно верно. Вот, посмотрите, на этих таблицах произведено сравнение. Вы видите, совпадение достаточно близкое. Поэтому у нас появилась уверенность в полученных результатах, и мы решили послать вам телеграмму.

— Теперь мне хотелось бы сказать, как ваши оценки согласуются с моими. У меня получилось, что облако должно достигнуть Земли примерно через восемнадцать месяцев. А у вас? — спросил Вейхарт.

— Я уже проверял это, Дэйв, — заметил Марлоу. — Совпадение очень хорошее. Данные доктора Кингсли дают около семнадцати месяцев.

— Вероятно, несколько меньше, — сказал Кингсли. — Семнадцать месяцев получается, если не учитывать ускорения облака по мере его приближения к Солнцу. В данный момент оно движется со скоростью около семидесяти километров в секунду, однако когда оно подойдет к Земле, скорость возрастет до восьмидесяти. В результате облако достигнет Земли примерно через шестнадцать месяцев.

Геррик незаметно стал направлять разговор в нужное ему русло.

— Итак, теперь мы поняли точку зрения друг друга. Какие напрашиваются выводы? По-моему,

до сих пор все мы представляли себе ситуацию несколько неверно. Что касается нашей группы, мы представляли себе большое облако, находящееся далеко за пределами солнечной системы, в то время как, судя по тому, что говорит доктор Кингсли, он думал о конденсированном теле внутри солнечной системы. Истина где-то посредине. Мы имеем дело с небольшим облаком, которое находится уже в пределах солнечной системы. Что можно о нем сказать?

— Не так уж мало, — ответил Марлоу. — Измеренное нами значение углового диаметра облака — два с половиной градуса и полученное доктором Кингсли расстояние около 21 астрономической единицы показывают, что диаметр облака равен примерно расстоянию от Земли до Солнца.

— Да, и зная диаметр облака, мы сразу можем оценить плотность вещества в нем, — продолжал Кингсли. — Получается, что объем облака равен, грубо говоря, $10^{40} см^3$, его масса равна примерно $1{,}3 \times 10^{30}$ *г.*, что приводит к значению плотности $1{,}3 \times 10^{-10}$ *г/см*^{3}.

Последовало молчание. Его нарушил Эмерсон:

— Исключительно высокая плотность. Если пространство между нами и Солнцем будет за-

полнено этим газом, он полностью поглотит солнечный свет. В результате на Земле наступит адский холод.

— Нет, необязательно, — возразил Барнет. — Газ может разогреться и станет пропускать через себя тепло.

— Это зависит от того, сколько потребуется энергии, чтобы нагреть облако, — заметил Вейхарт.

— А также от прозрачности газа и еще от ста одного фактора, — добавил Кингсли. — Должен сказать, мне кажется весьма маловероятным, что газ будет пропускать заметное количество тепла. Давайте вычислим энергию, необходимую, чтобы нагреть облако до обычной температуры.

Он подошел к доске и написал:

Масса облака $1{,}3\times10^{30}$ *г.*

Состав облака, вероятно, газообразный водород, в основном нейтральный. Энергия, которая потребуется для того, чтобы поднять температуру газа на Т градусов, равна:

$1{,}5 \times 1{,}3 \times 10^{30}$ ***RT эрг,***

где R — газовая постоянная. Обозначим через L полную энергию, испускаемую Солнцем за одну секунду. Тогда время, нужное для нагрева облака, есть: $1{,}5 \times 1{,}3 \times 10^{30}$ RT/L секунд.

Возьмем RT = $8{,}3 \times 10^7$, T = 300°, L = 4×10^{33} *эрг/сек*. Тогда получим, что время равно $1{,}2 \times 10^7$ секунд, то есть около 5 месяцев.

— Это выглядит вполне правдоподобно, — заметил Вейхарт. — Время нагрева облака во всяком случае не меньше этой величины.

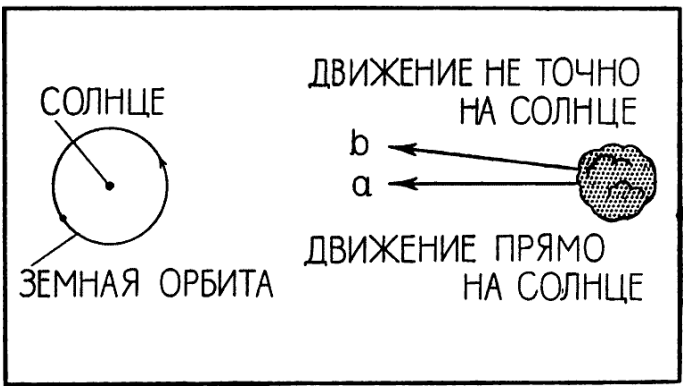
— Верно, — кивнул Кингсли. — И эта минимальная оценка уже гораздо больше, чем время, за которое облако пройдет мимо нас. При скорости восемьдесят километров в секунду оно будет находиться в пределах земной орбиты примерно месяц. Поэтому мне представляется несомненным, что если облако окажется между нами и Солнцем, оно полностью прекратит доступ тепла от Солнца.

— Вы сказали, если облако окажется между нами и Солнцем. Вы думаете, есть вероятность, что оно может пролететь мимо, не вторгаясь в земную орбиту? — спросил Геррик.

— Да, такая возможность несомненно существует. Вот, посмотрите. Кингсли опять подошел к доске.

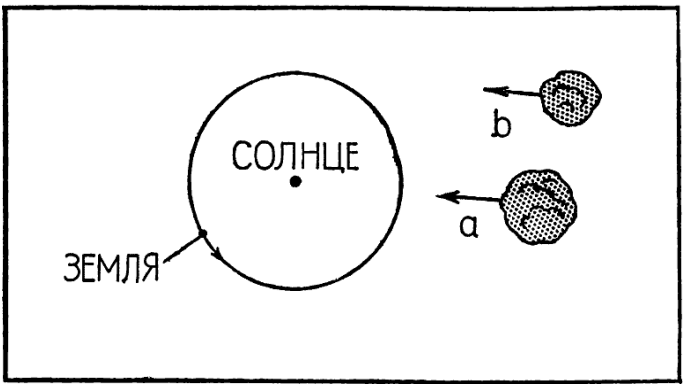
— Вот орбита Земли вокруг Солнца. В настоящий момент мы находимся здесь. А облако, нарисуем его в масштабе, находится здесь. Если оно движется, как показано в случае *а*, прямо к Солнцу, оно, несомненно, закроет его от нас. Если же оно движется так, как показано в случае *б*, то весьма вероятно, что оно пролетит мимо, за пределами орбиты Земли.

Нынешнее положение. Рисунок Кингсли



Мне кажется, нам еще повезло, — Барнет невесело рассмеялся. — Так как Земля движется вокруг Солнца, через шестнадцать месяцев она будет находиться на противоположной стороне орбиты по отношению к облаку.

Положение спустя шестнадцать месяцев. Рисунок Кингсли.



— Это означает лишь, что облако достигнет Солнца раньше, чем Земли. При этом солнечный свет все равно не будет попадать на Землю, если облако закроет Солнце, как в случаен на рисунке Кингсли, — возразил Марлоу.

Что же можно сказать относительно движения облака: летит оно точно по направлению к Солнцу или нет? — спросил Геррик.

Наши наблюдения не могут дать ответа на этот вопрос, — ответил Марлоу. — Взгляните на

первый рисунок Кингсли. Облако может попасть между Солнцем и Землей или пролететь мимо в зависимости от ничтожной разницы в направлении его движения. Мы сможем определить это направление со столь высокой точностью, лишь когда облако подойдет ближе к Земле.

— И сделать это чрезвычайно важно, — заметил Геррик. — Может ли теория помочь нам еще в чем-нибудь? — обратился он Кингсли.

— Думаю, что нет. Расчеты недостаточно точны для этого.

— Странно слышать, Кингсли, вы — и вдруг сомневаетесь в своих расчетах, — заметил Королевский астроном.

— Так ведь мои расчеты основаны на ваших наблюдениях! Во всяком случае, я согласен с Марлоу. Надо проводить тщательные наблюдения за облаком. В конце концов мы разберемся, суждено ли ему угодить прямо в нас, или оно пролетит мимо, не причинив особых неприятностей. Я полагаю, это должно выясниться через один-два месяца.

— Что до наблюдений, — сказал Марлоу, — можете положиться на нас: мы будем следить за облаком так пристально, как если бы оно было из чистого золота.

После ленча Марлоу, Кингсли и Королевский астроном сидели в кабинете Геррика. Геррик изложил им свои соображения о необходимости написания совместного отчета.

— По-моему, выводы наши совершенно ясны. Я сформулировал бы их так:

1. В солнечную систему вторглось облако газа.

2. Оно движется почти прямо на нас.

3. Оно появится у земной орбиты примерно через 16 месяцев,

4. Оно будет находиться вблизи Земли в течение времени порядка одного месяца.

Если облако окажется между Солнцем и Землей, Земля погрузится в темноту. Сейчас еще неясно, произойдет ли это, но дальнейшие наблюдения позволят определенно ответить на этот вопрос.

— Я думаю, нам следует остановиться также на дальнейших наблюдениях, — продолжал Геррик. — Оптические наблюдения будут продолжаться. Было бы полезно дополнить их наблюдениями австралийских радиоастрономов, особенно при определении пути движения облака.

— По-моему, вы прекрасно обрисовали сложившуюся обстановку, — согласился Королевский астроном.

— Предлагаю закончить отчет как можно скорее, затем мы четверо подпишем его и немедленно направим правительствам наших стран. Я думаю, излишне говорить о том, что все это совершенно секретно; во всяком случае, мы обязаны этого не разглашать. К сожалению, получилось так, что много людей уже в курсе дела, но я надеюсь, мы можем положиться на их благоразумие.

В этом Кингсли был не согласен с Герриком. Кроме того, он очень устал, и это, несомненно, усилило его раздражение.

— Сожалею, доктор Геррик, но тут я не могу вас понять. Почему мы, ученые, должны идти к политиканам и вилять перед ними хвостом, как собачонки: «Пожалуйста, сэр, вот наш доклад. Пожалуйста, похлопайте нас по спине: может быть, мы заслужили даже кусочек сахару?» Зачем нам связываться с людьми, не умеющими навести порядок в обществе даже в обычных условиях, когда все идет нормально. Они что, могут издать закон, по которому облако не должно больше к нам приближаться? Или предотвратить катастрофу? Если да, мы должны во что бы то ни стало уведомить их, а если нет, то зачем вообще с ними связываться. Доктор Геррик оставался тверд.

— Простите, Кингсли, но, насколько я понимаю,

правительство Соединенный Штатов и Британское правительство являются демократически избранными представителями наших народов. Я считаю, что наш прямой долг — представить этот отчет и сохранять молчание до тех пор, пока наши правительства не выскажутся на этот счет. Кингсли встал.

— Прошу извинить, если я был резок, я устал. Мне надо пойти и выспаться. Посылайте ваш доклад, если хотите, но, пожалуйста, имейте в виду, если я и решил воздержаться на какое-то время от публичных высказываний, то лишь потому, что мне так захотелось, а не потому, что меня к этому обязывают, и не из чувства долга. А теперь, с вашего разрешения, я хотел бы вернуться к себе в отель.

Когда Кингсли вышел, Геррик взглянул на Королевского астронома:

— Да, Кингсли, кажется, несколько… э-э…

— Несколько ненадежен? — Королевский астроном улыбнулся и продолжал: — Трудно сказать. Если правильно воспринимать суждения Кингсли, они всегда абсолютно логичны, убедительны и нередко блестящи. Я думаю, что он кажется странным только потому, что исходит из необычных предпосылок, а не потому, что ход его мысли

нелогичен. Кингсли, вероятно, смотрит на общество, совершенно иначе, чем мы.

— Тем не менее, я думаю, неплохо, если бы Марлоу присматривал за ним, пока мы будем работать над этим докладом, — заметил Геррик.

— Прекрасно, — согласился Марлоу, который в это время возился со своей трубкой, — у нас с ним есть о чем поговорить.

Когда на следующее утро Кингсли спустился к завтраку, Марлоу уже ждал его. — Хотите прокатиться на денек в пустыню? — Великолепно! Что может быть лучше! Через несколько минут я буду готов.

Они выехали из Пасадены, резко свернули вправо с главного шоссе, пересекли холмы, минуя поворот на Маунт Уилсон, и помчались прямо к пустыне Мохаве. Через три часа они были у горной стены Сьерра-Невады, откуда была видна покрытая снегом вершина Уитни. Пустынные дали, простирающиеся к Долине смерти, были окутаны голубоватой дымкой.

— Сколько ходит рассказов и историй, — сказал Кингсли, — о том, что переживает человек, когда узнает, что ему остался год жизни — болезнь

неизлечима и прочее. Да, странно подумать, что каждому из нас осталось, вероятно, жить немногим больше года. Пройдет несколько лет, горы и пустыни останутся точно такими же, как теперь, но уже не будет ни вас, ни меня, ни одного человека вообще, и никогда уже никто здесь не проедет.

— Боже мой, вы слишком пессимистичны, — проворчал Марлоу. — Вы же сами считали вполне возможным, что облако пролетит мимо нас.

— Послушайте, Марлоу, я не хотел слишком нажимать на вас вчера, но если у вас есть старая фотография облака, вы должны четко представлять себе, как оно движется. Можете ли вы сказать, с какой стороны от Солнца пролетит облако?

— Нет, во всяком случае, поручиться не могу.

— Так вот, одно это является достаточно веским основанием считать, что облако летит прямо на нас или во всяком случае прямо на Солнце.

— Я все-таки не уверен в этом.

— То есть вы согласны, что облако скорее всего попадет в нас, но есть еще надежда, что оно пролетит мимо.

— Все равно, я думаю, вы слишком мрачно настроены. Посмотрим, что покажут ближайшие

один-два месяца. Но пусть даже Солнце будет заслонено от нас, разве мы не сумеем пережить это время? В конце концов это будет продолжаться всего около месяца.

— Что же, давайте продумаем, как это пойдет с самого начала, — сказал Кингсли. — После обычного заката Солнца температура начинает падать. При этом охлаждение ограничивается двумя факторами. Первый из них — наличие атмосферы, огромного резервуара, накапливающего для нас тепло. Однако, по моим подсчетам, этот резервуар будет исчерпан менее чем за неделю. Вспомните хотя бы, как холодно становится здесь, в пустыне, ночью.

— Почему же тогда поверхность Земли не так уж сильно охлаждается полярной ночью, когда Солнце исчезает на месяц и более? — возразил Марлоу, но затем добавил: — Хотя, наверное, в Арктику постоянно поступает нагретый Солнцем воздух из более низких широт.

— Конечно. Арктику все время обогревает воздух из тропических и умеренных областей.

— А какой же второй фактор?

— Вторая причина, замедляющая потерю тепла поверхностью Земли, — пары воды в атмосфере. В пустыне очень мало водяных паров, и темпе-

ратура падает ночью очень резко. Наоборот, в местах с большой влажностью, как в Нью-Йорке летом, ночью воздух почти не охлаждается.

— И какой же вы делаете вывод?

— Произойдет следующее, — продолжал Кингсли. — Предположим, что Солнце скроется. В течение одного или двух дней после этого охлаждение пойдет не очень быстро — отчасти из-за того, что воздух еще теплый, отчасти из-за водяных паров. Однако по мере охлаждения воздуха пары начнут выпадать на Землю в виде осадков — сначала в виде дождя, потом — снега. И дней через пять, а может быть даже через неделю или десять дней, водяные пары полностью исчезнут из атмосферы. После этого начнется резкое падение температуры, и за месяц мороз дойдет по крайней мере градусов до ста пятидесяти — ста шестидесяти.

— Выходит, здесь будет такой же холодина, как на Луне?

— Да, как известно, на Луне после заката Солнца температура падает примерно на сто пятьдесят градусов за час. Из-за атмосферы на Земле охлаждение будет происходить гораздо медленнее, но конечный результат будет примерно таким же. Нет, Марлоу, хоть месяц и не такой уж долгий

срок, нам все-таки его не выдержать.

— Вы считаете, интенсивное центральное отопление зданий, как, например, в холодных районах Канады, не поможет?

— Вряд ли есть здания, которые достаточно хорошо теплоизолированы, чтобы выдержать такие громадные перепады температур. Во всяком случае, их должно быть очень мало, ведь при строительстве домов никогда не рассчитывают на такую низкую температуру. Я все же допускаю: некоторые люди, те, которые живут в зданиях, приспособленных к условиям сурового климата, могут выжить. Однако у остальных, я думаю, никаких шансов нет. Население тропиков окажется в совершенно безнадежном положении — вспомните, какие там домишки.

— Да, все это не очень-то весело.

— По-моему, самое лучшее, что можно сделать — это найти глубокую пещеру и отсидеться под землей.

— А воздух для дыхания? Как же быть, когда он охладится до такой степени?

— Построить энергетическую установку и нагревать идущий в пещеру воздух. Вряд ли это так уж сложно. Вот чем займутся все эти правительства, о которых так пекутся Геррик и Королевский

астроном. Они будут отсиживаться в уютных теплых пещерах, а мы с вами, мой друг Марлоу тем временем превратимся в сосульки.

— Ну, не такие уж они плохие, — засмеялся Марлоу.

— Ну, конечно, кричать об этом на всех углах они не будут. Они всегда найдут тысячу веских доводов себе в оправдание. Когда станет ясно, что спасти можно лишь ничтожную горстку людей, они сумеют доказать, что этими счастливцами должны быть те, кто крайне необходим обществу; затем, после ряда манипуляций, окажется — а ведь это не кто иной, как политические деятели, фельдмаршалы, короли, архиепископы и так далее. Разве они не самые необходимые для общества?

Марлоу решил, пока не поздно, менять тему разговора.

— Ладно, оставим пока людей в покое. Что же будет с животными и растениями?

— Сами растения, конечно, погибнут, но с семенами, вероятно, все будет в порядке. Они могут переносить очень низкие температуры и сохранять способность к прорастанию в подходящих условиях. Поэтому можно с уверенностью сказать: флора планеты в сущности не пострадает.

С животными дело обстоит гораздо хуже. Не представляю себе, как сумеет выжить какоелибо из обитающих на суше крупных живых существ, кроме небольшого числа людей и, быть может, нескольких животных, которых люди возьмут с собой в убежище. Правда, маленькие пушные зверьки смогут укрыться от холода в своих глубоких норках и тоже выживут. В гораздо лучшем положении будут представители морской фауны. Моря и океаны сохраняют тепло значительно лучше, чем атмосфера. Температура воды в них понизится не очень сильно, так что рыбы, вероятно, уцелеют.

— Подождите, получается непонятно — возбужденно воскликнул Марлоу. — Раз моря остаются теплыми, воздух над ними тоже будет согреваться. И на сушу должен все время поступать теплый воздух с моря!

— Нет, не согласен, — ответил Кингсли. — Нет никакой уверенности, что воздух над морями будет нагреваться. Поверхностные слои воды замерзнут, хотя в глубине вода останется теплой. А как только моря замерзнут, не будет уже большой разницы в температуре воздуха над ними и над землей. Всюду будет лютый холод.

— Печально, но вы, видимо, правы. Выходит,

неплохо было бы укрыться на это время в подводной лодке.

— Ну, как сказать, ведь лед не позволит ей подниматься на поверхность, а создать в лодке запас кислорода на такой долгий срок совсем нелегко. И корабли не смогут двигаться из-за льда. И еще одно возражение против ваших доводов. Даже если бы воздух над морем оставался сравнительно теплым, он бы практически не поступал на материк, где скопление холодного плотного воздуха вызовет устойчивый антициклон. В результате воздух над сушей остался бы холодным, а над морем — теплым.

— Послушайте, Кингсли, засмеялся Марлоу, — вам не удастся испортить мне настроение своими мрачными прогнозами. Вы не подумали, что внутри самого облака может существовать тепловое излучение с довольно высокой температурой? Ведь облако может содержать заметное количество тепла, и оно будет компенсировать нам потерю солнечного света, если предположить, что мы окажемся внутри облака — а я все еще в этом не уверен.

— Но я считал, что температура в облаках межзвездного газа всегда очень низкая.

— В обычных облаках — да, но это облако зна-

чительно плотнее и меньше, и его температура, насколько я понимаю, может быть вообще какой угодно. Конечно, она не может быть очень высокой — тогда бы облако ярко светилось, но может быть вполне достаточной, чтобы обеспечить нас теплом.

— И вы еще считаете себя оптимистом? А откуда вы знаете, вдруг облако такое горячее, что мы сваримся заживо? Ведь вы сами говорите, температура его может быть какая угодно. Откровенно говоря, такая возможность нравится мне даже, меньше. Если облако слишком горячее, это уже верная гибель для всего живого.

— Тогда мы залезем в пещеры и будем охлаждать поступающий снаружи воздух!

— Но семена растений хорошо переносят только охлаждение, они не выдержат сильного перегрева. Что толку, если человечество уцелеет, а вся растительность на Земле погибнет.

— Семена можно сохранить в пещерах вместе с людьми, животными и холодильными установками. Смотрите-ка, пожалуй, мы посрамим старика Ноя!

— Да, и, может быть, эта тема вдохновит будущего Сен-Санса.

— Ну, Кингсли, даже если эта беседа не была

особенно утешительной, по крайней мере выявилась одна важная деталь: мы должны выяснить температуру облака, и как можно скорее. Вот еще работка для радиоастрономов.

— Двадцать один сантиметр? — спросил Кингсли.

— Верно! Кажется, у вас в Кембридже есть группа, которая может делать такие измерения?

— Да, совсем недавно у нас начали заниматься этим. Надеюсь, они смогут достаточно быстро получить что нужно. Я свяжусь с ними, как только вернусь.

— И, пожалуйста, дайте мне поскорее знать, что получилось. Видите ли, Кингсли, хоть я и не совсем согласен с вашими взглядами на политику, мне не очень-то по душе полное отсутствие контроля с нашей стороны. Но один я ничего сделать не могу. Геррик просил держать все в секрете, он мой хозяин — я должен подчиняться. Но к вам это не относится, особенно после того, что вы сказали вчера. Поэтому вы можете спокойно заниматься этим делом, и я посоветовал бы вам времени не терять.

— Не беспокойтесь, тянуть я не собираюсь.

Ехать пришлось долго. Только к вечеру они спустились через перевал к Сан-Бернардино. Марлоу подвел машину к одному ресторану в западной части городка, и они отлично пообедали.

— Вообще-то я не любитель ходить по гостям, но, мне кажется, нам обоим не помешало бы сегодня провести вечер подальше от ученых. Один мой приятель, здешний бизнесмен, приглашает меня заехать вечерком.

— Но ведь я не могу врываться без приглашения..

— Ерунда, вам будут рады — гость из Англии! Вы будете гвоздем вечера. Вероятно, с полдюжины киномагнатов из Голливуда тут же захотят подписать с вами контракт.

— Тем более нечего идти, — сказал Кингсли, но все-таки пошел.

Дом мистера Сайласа У. Крукшенка, крупного агента по продаже недвижимости, оказался большим, просторным и хорошо обставленным. Марлоу не ошибся. Кингсли встретили с восторгом. Ему налили огромный бокал крепкого виски.

— Ну вот, замечательно, — сказал мистер Крукшенк. — Теперь все в порядке.

Кингсли так и не понял, почему именно теперь

все было в порядке.

После обмена любезностями с вице-президентом авиационной компании, директором большой фруктовой компании и другими почтенными людьми Кингсли разговорился с хорошенькой темноволосой девушкой. Их беседа была прервана появлением красивой блондинки.

Подойдя, она обняла их за плечи и сказала хрипловатым низким голосом:

— Пойдемте с нами. Мы собираемся к Джиму Холиди, потанцевать.

Увидев, что темноволосая девушка склонна принять это предложение, Кингсли тоже решил пойти.

— Зачем мне беспокоить Марлоу, — подумал он. — Доберусь как-нибудь сам до отеля.

Жилище Джима было значительно меньше резиденции мистера С. У. Крукшенка, тем не менее удалось освободить большой пятачок, на котором две или три пары начали танцевать под сиплую мелодию проигрывателя. Опять появилось множество напитков. Кингсли это вполне устраивало, так как в мире танца он отнюдь не был светилом. Темноволосую девушку приглашали два раза какие-то мужчины, к которым

Кингсли, несмотря на виски, проникся сразу глубокой антипатией. Он решил немного погодя вырвать ее из рук этих грубиянов, а пока что поразмыслить над судьбами мира. Но это ему не удалось. Низкий голос обратился к нему:

— Милый, станцуем, — сказала она.

Кингсли изо всех сил старался войти в ленивый ритм танца, но, по видимому, угодить партнерше не смог.

— Почему вы танцуете так напряженно, дорогой? — прошептала она.

Замечание это совсем обескуражило Кингсли — по-другому танцевать в такой толкучке он бы все равно не сумел. Совсем упав духом, Кингсли вывел ее из гущи танцующих и, добравшись до своего стакана, хватил хороший глоток. Бормоча что-то невнятное, он ринулся в вестибюль, где, как ему помнилось, был телефон.

— Ищете что-нибудь? — сказал кто-то позади. Эта была темноволосая девушка.

— Вызываю такси. Как говорится в старой песенке, «я устал и хочу в постельку».

— Разве можно так разговаривать с порядочной молодой женщиной? Нет, правда, я сама уезжаю. У меня машина, я вас подвезу. Такси не понадобится.

Девушка лихо катила по окраинам Пасадены.

— Ездить медленно опасно, — объяснила она. — В это время ночи полицейские вылавливают пьяных и тех, кто возвращается домой из гостей. И они останавливают не только машины, которые гонят вовсю, медленная езда тоже вызывает у них подозрения.

Она включила свет на приборной доске, чтобы проверить скорость. Затем увидела уровень горючего.

— Черт возьми, мы остались почти без бензина. Придется задержаться у следующей колонки.

Когда она стала платить за заправку, то увидела, что ее сумочки нет в машине. Кингсли заплатил за бензин.

— Не пойму, где я могла ее оставить, — сказала она. — Я думала, она сзади, в машине.

— И много там было?

— Не очень. Но вот беда — я не знаю, как теперь попасть домой. Ключ от двери в сумке.

— Да, действительно, неудачно. К сожалению, я не особый мастер взламывать замки. Можно туда как-нибудь еще забраться?

— Можно, но только нужна помощь. Там есть окно, оно довольно высоко, я всегда оставляю его открытым. Одна через него влезть не смогу, но ес-

ли бы вы подсадили меня?.. Вас это не затруднит? Я живу совсем недалеко.

— Нисколько, — сказал Кингсли. — Интересно вообразить себя на минутку квартирным вором.

Девушка не преувеличивала: окно было высоко. Туда можно было влезть, только забравшись сперва к кому-нибудь на плечи. Предприятие было не из легких.

— Давайте, я полезу, — сказала девушка. — Я легче вас.

— Итак, вместо блестящей роли грабителя, мне суждена скромная доля подставки.

— Именно, — сказала девушка, снимая туфли. — Теперь пригнитесь, а то мне не взобраться к вам на плечи. Не так низко, вы не сможете выпрямиться.

Сначала девушка чуть не свалилась, но удержала равновесие, вцепившись Кингсли в волосы.

— Не оторвите мне голову, — проворчал он.

— Простите, знаю, не надо бы мне пить столько джина.

Наконец операция была завершена. Окно было открыто, и девушка полезла внутрь: сначала в окне исчезли голова и плечи, потом — ноги. Кингсли подобрал туфли и пошел к двери. Девушка открыла.

— Заходите, — сказала она. — У меня все чулки поехали. Заходите, не стесняйтесь.

— А я и не стесняюсь. Хочу получить обратно свой скальп, если он вам больше не нужен.

Было около двух часов, когда Кингсли явился в обсерваторию на следующий день. Он пришел прямо в кабинет директора, где застал Геррика, Марлоу и Королевского астронома.

Ого, похоже, он вчера здорово перебрал, подумал Королевский астроном.

Ну и ну, до чего может довести человека непомерная доза виски, подумал Марлоу.

Да, вид у него такой же дикий, как всегда, даже еще похуже, подумал Геррик.

— Ну как, все доклады закончены? — спросил Кингсли.

— Все закончены и ждут вашей подписи, — ответил Королевский астроном. — Мы не могли понять, куда вы запропастились. Нам заказаны билеты на вечерний самолет сегодня.

— Билет на самолет обратно? Глупость какая! Сначала несемся как угорелые через весь земной шар по всем этим чортовым аэропортам, а теперь, когда мы уже здесь и можно хоть погреться

на солнышке, надо мчаться обратно. Смешно, Королевский астроном. Почему бы вам не дать себе передышки?

— Вы что ж, забыли, какое у нас серьезное дело?

— Дело серьезное, я с вами согласен. Но я говорю вам со всей ответственностью: с этим делом ни вы, ни я и никто другой справиться не может. Черное облако на пути к нам, и ни вы, ни вся королевская конница, ни все королевская рать, ни сам король не в силах его остановить. Мой совет — бросить всю эту чепуху с докладом. Надо греться на солнышке, пока оно еще нам светит.

— Мы были уже знакомы с вашей точкой зрения, доктор Кингсли, когда Королевский астроном и я решили лететь на восток сегодня вечером, — заявил Геррик размеренным тоном.

— Должен ли я понять вас так, что вы направляетесь в Вашингтон, доктор Геррик?

— Я уже договорился о встрече с секретарем президента.

— Если так, то, я думаю, лучше будет нам с Королевским астрономом отправиться без задержки в Англию.

— Кингсли, как раз это мы и пытаемся вам втолковать, — проворчал Королевский астроном,

думая, что в некоторых отношениях Кингсли самый бестолковый человек, какого он когдалибо встречал.

— Это не совсем то, что вы пытаетесь мне втолковать, сэр, хотя, может быть, так вам кажется. Ну, теперь насчет подписей. В трех экземплярах, наверное.

— Нет, здесь только два экземпляра, один для меня и один для Королевского астронома, — сказал Геррик. — Будьте любезны подписать здесь.

Кингсли вынул авторучку, нацарапал свою фамилию в обоих документах и сказал:

— Вы точно знаете, сэр, что нам заказаны билеты на самолет в Лондон?

— Да, конечно.

— Тогда все в порядке. Господа, я к вашим услугам у себя в номере, начиная с пяти часов. Но до этого времени есть кое-какие неотложные дела, я должен ими заняться.

И с этими словами Кингсли ушел из обсерватории. Астрономы в кабинете Геррика посмотрели друг на друга с изумлением.

— Какие неотложные дела? — спросил Марлоу.

— Один бог ведает, — ответил Королевский астроном. — Образ мышления и поведение Кингсли выходят за пределы моего понимания.

Геррик сошел с самолета в Вашингтоне. Кингсли и Королевский астроном полетели дальше, в Нью-Йорк, где они должны были три часа ждать самолета на Лондон. В аэропорту из-за тумана не знали, полетит ли самолет вовремя. Кингсли очень волновался, пока, наконец, им не предложили пройти в ворота №13 и приготовить билеты. Через полчаса они были в воздухе.

— Слава богу, сказал Кингсли, когда самолет взял курс на северовосток.

— Я могу согласиться, что есть много вещей, за которые вам следует благодарить бога, но не понимаю, за что вы ему так благодарны сейчас, заметил Королевский астроном.

— Я рад бы вам объяснить, но едва ли мое объяснение вас устроит. Давайте лучше выпьем. Чего вы хотите?

Глава четвертая
Принимаются важные решения

Правительство США было первым, узнавшим о приближении Черного облака.

Геррику понадобилось несколько дней, что-

бы добраться до высших правительственных инстанций США, но после этого дело пошло довольно быстро. Вечером 24 января он получил приглашение явиться на следующее утро к половине десятого на прием к президенту.

— Вы ознакомили нас с очень странным явлением, доктор Геррик, очень странным, — сказал президент. — Но у вас и ваших сотрудников такая блестящая репутация, что я ни на минуту не усомнился в справедливости ваших утверждений. Напротив, я пригласил некоторых официальных лиц, чтобы мы могли обсудить дальнейшие действия.

Результаты двухчасового обсуждения суммировал министр финансов:

— Наши выводы кажутся мне совершенно ясными, господин президент. Нет оснований опасаться серьезных экономических потрясений по двум причинам. Доктор Геррик заверил нас, что этот э-э… визит не будет продолжаться много больше месяца. Это настолько короткий срок, что даже если расход горючего сильно возрастет, общее требуемое количество его все равно останется весьма умеренным. Следовательно, нет особой необходимости создавать для этого специальные запасы горючего. Возможно даже

хватит тех, что есть. Более серьезный вопрос: сможем ли мы достаточно быстро доставлять горючее к жилым массивам и индустриальным объектам? Могут ли нефте- и газопроводы функционировать достаточно эффективно? Эту проблему нужно обязательно изучить, однако за оставшиеся полтора года все трудности, конечно, будут преодолены.

Вторым благоприятным фактором является время визита. К середине июля, когда, по мнению доктора Геррика, должны начаться события, мы соберем уже большую часть урожая. И повсюду урожай будет уже почти собран. Так что недостаток продуктов, который мог бы оказаться действительно угрожающим, если бы похолодание пришлось на май или июнь, будет на самом деле вполне терпимым.

— Я думаю, мы все согласны, какие шаги нужно предпринять, — добавил президент. — Когда мы решим вопрос о нашей подготовке к этому периоду, возникнет более трудная проблема о помощи, которую мы сможем предложить другим народам. Так что сначала давайте наведем порядок в своем собственном доме. А теперь, я полагаю, все вы, джентльмены, хотели бы вернуться к своим разнообразным и важным делам, а у меня есть

несколько вопросов, которые я хотел бы задать лично доктору Геррику.

Когда все разошлись и они остались одни, президент обратился к Геррику:

— Итак, доктор Геррик, вы понимаете, пока все это нужно держать в строжайшей тайне. Я видел в докладе, кроме вашей собственной, еще три другие подписи. Эти джентльмены, по видимому, работают у вас? Не можете ли вы назвать имена других сотрудников, знакомых с докладом.

Отвечая на этот вопрос, Геррик кратко изложил обстоятельства, приведшие к открытию, подчеркнув, что до того, как стала очевидной исключительная важность новых данных, о них уже знала вся обсерватория — иначе и быть не могло.

— Конечно, это вполне естественно, — заметил президент. — Хорошо еще, что информация не пошла дальше обсерватории. Я убежден, я искренне убежден, доктор Геррик, что вы можете заверить меня в этом.

Геррик заметил, что четыре человека вне обсерватории располагают всеми имеющимися сведениями о Черном облаке: Барнети Вейхарт из Калифорнийского технологического, но это одна компания, и двое английских ученых: доктор

Кристофер Кингсли из Кембриджа и сам Королевский астроном. Подписи двух последних и стоят под докладом.

— Двое англичан! — воскликнул президент. — Скверное дело! Как это случилось?

Геррик понял, что президент прочитал только резюме его доклада, и рассказал, как Кингсли и Королевский астроном независимо от американцев сделали вывод о существовании Облака, как в Пасадену пришла телеграмма от Кингсли и как два англичанина были приглашены в Калифорнию. Президент успокоился.

— А-а, они оба в Калифорнии, не так ли? Вы правильно сделали, пригласив их. Это, по-видимому, самое разумное, что вы могли сделать, доктор Геррик.

И только сейчас Геррик по-настоящему понял, зачем Кингсли так внезапно понадобилось возвратиться в Англию.

Спустя несколько часов Геррик летел на запад, вспоминая все подробности своего визита в Вашингтон. Он не рассчитывал получить от президента сдержанный, но суровый выговор, не ожидал он и того, что его так скоро отправят назад в Пасадену. Как ни странно, но выговор беспокоил его гораздо меньше, чем он мог бы

ожидать. Он знал, что выполнил свой долг, а строжайшим судьей для Геррика был он сам.

Королевскому астроному тоже понадобилось несколько дней, чтобы проникнуть в высшие правительственные сферы. Его путь к вершине шел через первого лорда Адмиралтейства. Восхождение на вершину прошло бы значительно быстрее, если бы ученый пожелал объяснить суть дела. Однако Королевский астроном не хотел пускаться в объяснения, он лишь требовал аудиенции у премьер-министра. В конце концов он добрался до личного секретаря премьера, молодого человека по имени Фрэнсис Паркинсон. Паркинсон был откровенен: премьер-министр чрезвычайно занят. Как должно быть известно самому Королевскому астроному, кроме обычных государственных дел, премьеру в ближайшее время предстоит одна весьма сложная международная конференция, весной ожидается визита Лондон мистера Неру и, кроме того, намечается визит самого премьер-министра в Вашингтон. Если Королевский астроном не изложит сути своего дела, то, очевидно, рассчитывать на аудиенцию нечего. Конечно, дело должно быть исключительной важности, иначе, как это ни прискорбно, он, секретарь, не станет оказывать

никакого содействия. Королевский астроном капитулировал и сообщил секретарю самые краткие сведения о Черном облаке. Через два часа он давал объяснения, на этот раз со всеми деталями, премьер-министру.

На следующий день премьер-министр созвал экстренное совещание узкого кабинета, на которое был приглашен также министр внутренних дел. Паркинсон присутствовал здесь в качестве секретаря. Дав точное изложение доклада Геррика, премьер-министр обвел собравшихся глазами и сказал:

— Цель этого совещания ознакомить вас с фактами, могущими привести к серьезным последствиям. Обсуждать безотлагательные действия, которые следует предпринять, мы пока не будем. В первую очередь нам нужно, видно, проверить точность данных этого доклада.

— А как мы можем это сделать? — спросил министр иностранных дел.

— Ну, прежде всего я попросил Паркинсона осторожно навести справку об э…э… научной репутации джентльменов, подписавших доклад. Наверное, вы хотели бы услышать, что он скажет? — Собравшиеся выразили такое желание. — Было не очень легко получить нужную

информацию, особенно о двух американцах. Но самое главное, я узнал от своих друзей в Королевском обществе, что любой доклад, подписанный Королевским астрономом или обсерваторией Маунт Уилсон, является абсолютно достоверным с точки зрения наблюдения. Они были, однако, значительно менее уверены в дедуктивных способностях подписавших. Я понял, что только Кингсли из этих четверых может претендовать на компетентность в данном вопросе.

— Что вы подразумеваете под «может претендовать»? — спросил лордканцлер.

— Говорят, что Кингсли блестящий ученый, но не все считают его вполне нормальным человеком.

— Как же это получается? Выходит, что дедуктивная часть доклада зависит только от одного лица, одновременно и блестящего ученого и не совсем нормального человека, — сказал премьер-министр.

— То, что мне удалось узнать, сводится именно к этому. Хотя, пожалуй, это резко сказано, — ответил Паркинсон.

— Возможно, — продолжал премьер-министр, — но во всяком случае за нами остается право сомневаться. Наша обязанность всесто-

ронне разобраться в этом вопросе. Что именно мы можем сделать для получения дополнительной информации — вот, о чем я хотел бы поговорить с вами сейчас. Можно поручить совету Королевского общества создать комиссию, которая выполняла бы все необходимые исследования. Вторая и последняя возможность, осуществление которой зависит уже от меня лично, — это связаться с правительством США. Ведь оно тоже заинтересовано в достоверности или, вернее сказать, в точности выводов профессора Кингсли и его коллег.

После дискуссии, продолжавшейся несколько часов, было решено немедленно обратиться к правительству США. Это решение было принято под сильным нажимом министра иностранных дел. Он не пожалел красноречия, добиваясь решения, которое передавало этот вопрос в его ведомство.

— Решающим, — сказал он, — является то, что хотя передача дела Королевскому обществу и желательна со многих точек зрения, но в этом случае неминуемо очень одного людей узнает о фактах, которые на теперешней стадии лучше было бы держать в тайне. Я думаю, все мы согласимся с этим.

Все согласились. Конечно, министр обороны хотел бы знать, «какие шаги следует предпринять, чтобы знать с уверенностью, что ни Королевский астроном, ни доктор Кингсли не смогут сеять повсюду панику, излагая свою точку зрения на предполагаемые факты».

— Это тонкий и серьезный вопрос, — ответил премьер-министр. — Об этом я уже подумал. Потому, собственно, я и попросил министра внутренних дел присутствовать на совещании. Я намеревался обсудить с ним этот вопрос после совещания.

Все согласились, что последний вопрос должен быть рассмотрен премьером и министром внутренних дел, и совещание было закрыто.

В глубокой задумчивости министр финансов вернулся к себе в кабинет. Из всех присутствовавших на совещании он единственный был серьезно встревожен, так как он один знал, сколь неустойчива национальная экономика и как мало нужно, чтобы вконец ее развалить. Напротив, министр иностранных дел был очень доволен собой. Он думал о том, как прекрасно он держался на совещании. Министру обороны все это казалось бурей в стакане воды, и, во всяком случае, его ведомства это не касалось. Непонятно,

зачем его пригласили на это совещание. Министр внутренних дел был очень доволен и с радостью остался для дальнейшего обсуждения с премьер-министром.

— Я уверен, — сказал он, — что мы отыщем закон, который даст нам право взять под стражу этих двоих: Королевского астронома и ученого из Кембриджа.

— Я тоже в этом уверен, — ответил премьер. — Ведь не зря свод законов существует столько веков. Но гораздо лучше действовать как можно тактичнее. Я уже имел случай поговорить с Королевским астрономом. Я намекнул ему насчет соблюдения государственной тайны и из ответа понял, что мы можем быть совершенно уверены в его осторожности. Но по некоторым его замечаниям можно сделать вывод, что с доктором Кингсли дело обстоит совсем иначе. Ясно, что мы должны без промедления связаться с доктором Кингсли.

— Я пошлю кого-нибудь в Кембридж немедленно. — Не кто-нибудь, а вы сами должны поехать. Доктор Кингсли будет э...э... можно сказать, польщен, если вы посетите его лично. Позвоните ему и скажите, что вы будете в Кембридже завтра утром и вы хотели бы получить консультацию

по одному важному вопросу. Я думаю, это самый действенный путь и в то же время самый простой.

Кингсли чрезвычайно много работал с тех пор, как вернулся в Кембридж. Он хорошо использовал те несколько дней, которые потребовались, чтобы колеса политической машины пришли в движение. Им было отправлено за границу множество заказных писем. Сторонний наблюдатель отметил бы, вероятно, два письма, адресованных Грете Йохансен в Осло и мадемуазель Иветте Хедельфорд в Клермонферранский университет. Только эти два письма были адресованы женщинам.

Больше всего дела он имел с радиоастрономами. Он уговорил Джона Мальборо и его сотрудников заняться интенсивными наблюдениями приближающегося Облака к югу от Ориона. Было нелегко убедить их в необходимости взяться за эту работу. Радиотелескоп для наблюдений на волне 21 сантиметр в Кембридже только что вступил в строй, и Мальборо хотел вести на нем другие исследования. Но в конце концов Кингсли удалось, не раскрывая своей действительной

цели, переубедить Мальборо. И как только радиоастрономы направили свой телескоп на Облако, были получены столь удивительные результаты, что уже не было необходимости уговаривать Мальборо продолжать работу. Вскоре его группа уже работала круглосуточно. Кингсли едва успевал обрабатывать результаты и извлекать из них самое существенное. На четвертый день Кингсли завтракал с Мальборо, который был в приподнятом настроении.

Сочтя момент наиболее подходящим, Кингсли заметил:

— Ясно, что мы могли бы в ближайшее время опубликовать эти новые результаты. Но, по моему, хорошо бы получить независимое подтверждение. Почему бы кому-нибудь из нас не написать Лестеру?

Мальборо попался на удочку.

— Хорошая мысль, — сказал он. — Я напишу. Я и так собирался написать ему письмо в связи с другими делами.

Как Кингсли хорошо знал, дело было в том, что Лестер ранее претендовал на первенство в открытии одного или двух явлений, и Мальборо хотел воспользоваться случаем, чтобы показать Лестеру, мол, и другие тоже не лыком шиты.

Мальборо действительно написал Лестеру в Сиднейский университет в Австралию. И то же самое сделал для верности (не сказав об этом Мальборо) сам Кингсли. Оба письма содержали один и тот же фактический материал, но Кингсли добавил несколько косвенных намеков, которые многое могли сказать человеку, знающему, чем грозит Черное облако, но не Лестеру, который об этом ничего не знал.

Когда на следующее утро Кингсли вернулся в колледж после лекции, его окликнул взволнованный привратник.

— Доктор Кингсли, сэр, вам тут очень важное письмо!

Это была записка от министра внутренних дел о том, что он был бы рад, если бы профессор Кингсли согласился принять его в три часа дня.

Для ленча слишком поздно, для чая слишком рано, ну да он, видно, сам приготовил мне хорошенькое угощение, подумал Кингсли.

Министр внутренних дел был точен, чрезвычайно точен. Часы били три, когда тот же самый, все еще взволнованный привратник проводил его в комнату Кингсли.

— Министр внутренних дел, сэр, — провозгласил он торжественно.

Министр был одновременно и резок и тактичен. Он прямо перешел к делу.

Правительство, естественно, удивлено и, возможно, несколько встревожено докладом, полученным от Королевского астронома. Правительство высоко оценило замечательные дедуктивные способности доктора Кингсли, которые проявились в этом докладе. Он, министр внутренних дел, специально приехал в Кембридже с целью, во-первых, поздравить профессора Кингсли с блестящим научным успехом и, во-вторых, сообщить, что правительство очень хотело бы поддерживать постоянную связь с профессором Кингсли и иметь возможность советоваться с ним.

Кингсли понял, что ему остается лишь принять с должной скромностью хвалебную речь и обещать сделать все, что в его силах.

Министр выразил свое восхищенье деятельностью ученых и добавил так, как будто он сейчас только вспомнил, что премьер лично заинтересовался вопросом, который профессору Кингсли может показаться незначительным, но который он, министр внутренних дел, считает весьма деликатным: число лиц, посвященных в суть дела, должно быть строго ограничено. По сути дела об

этом должны знать только профессор Кингсли, Королевский астроном, премьер-министр и узкий кабинет, в который на этот случай включен и он, министр внутренних дел.

Хитрый дьявол, подумал Кингсли, хочет заставить меня делать как раз то, чего я не хочу. Я могу избежать этого только, если буду чертовски груб, хоть он и мой гость. Попытаюсь постепенно накалить атмосферу, Вслух он сказал:

— Можете быть уверены, я понимаю и полностью разделяю ваше естественное стремление держать это дело в тайне. Но здесь имеются трудности, о которых, по-моему, не следует забывать. Во-первых, мало времени: шестнадцать месяцев — это срок небольшой. Во-вторых, нам нужно получить об Облаке слишком много сведений. В-третьих, эти сведения не могут быть получены при сохранении секретности. Королевский астроном и я не можем что-либо делать в одиночку. В-четвертых, тайна может сохраняться лишь некоторое время. Другие могут проделать то же, что изложено в докладе Королевского астронома. Вы можете рассчитывать самое большее на одно- или двухмесячную отсрочку. А к концу осени уже и каждому, кто посмотрит на небо, все будет ясно.

— Вы меня не так поняли, профессор Кингсли. Я имею в виду лишь настоящее время, лишь данный момент. Как только наша политика в этом вопросе будет выработана, мы намереваемся развить самую активную деятельность. Все, кому надо знать об Облаке, будут о нем знать. Мы просим лишь об одном — строгое соблюдение секретности в промежуточный период, пока вырабатываются наши планы. Мы, естественно, не хотим, чтобы этот вопрос стал предметом сплетен до тех пор, пока мы, так сказать, не приведем в боевую готовность наши силы.

— Я крайне сожалею, сэр, но все это не кажется мне достаточно убедительным. Вы говорите, что сначала выработаете нужный курс, а потом займетесь этим делом вплотную. Это очень сильно напоминает телегу впереди лошади.

Невозможно, уверяю вас, выработать хоть мало-мальски стоящую политику, пока не будут получены новые данные. Мы не знаем, например, столкнется ли вообще Облако с Землей. Мы не знаем, ядовито ли вещество, из которого состоит Облако, или нет. Прежде всего приходит в голову мысль, что из-за Облака на Земле станет чрезвычайно холодно, но может случиться и обратное, может стать очень жарко. Пока мы не получим

необходимые научные данные, выработать какую-нибудь политику совершенно невозможно. Единственная разумная политика — это сбор всех относящихся к делу сведений, причем без промедления, что, повторяю, невозможно при соблюдении строгой секретности.

Когда же, наконец, думал Кингсли, кончится эта беседа, которой скорей надлежало бы происходить в восемнадцатом веке. Может быть, поставить чайник?

Развязка, однако, быстро приближалась. Эти два человека слишком сильно отличались друг от друга образом мыслей, чтобы разговор между ними мог продолжаться более получаса. Когда говорил министр внутренних дел, его целью было добиться от собеседника той реакции, которая была предусмотрена заранее разработанным планом. При этом ему было совершенно все равно, как он достигал успеха, лишь бы его достигнуть. Любые средства хороши для достижения цели: лесть, обращение к здравому смыслу, политическое давление, игра на честолюбии собеседника и даже откровенное запугивание. В большинстве случаев, как и другие администраторы, он удачнее всего использовал эмоции собеседника, облекая, однако, свои доводы в кажущуюся

логической форму. Он никогда не обращался к истинной логике. Для Кингсли, напротив, логика была всем или почти всем. И тут министр допустил ошибку:

— Дорогой профессор Кингсли, боюсь, что вы нас недооцениваете. Можете быть уверены, при составлении планов мы будем предусматривать самые худшие возможности.

Кингсли так и подпрыгнул.

— Тогда, я боюсь, вам придется предусмотреть такую возможность, когда все мужчины, женщины и дети погибнут и на Земле не останется ни животных, ни растений. — Позвольте спросить, какую политику вы выработаете на этот случай?

Министр внутренних дел не принадлежал к разряду людей, которые защищаются в проигранном споре. Когда он заходил в тупик, он просто менял тему разговора и больше уже к старой не возвращался. Он счел, что пора взять новый тон в беседе, и таким образом совершил вторую, еще более грубую ошибку.

— Профессор Кингсли, я пытался представить дело в разумном виде, но, видимо, вы просто хотите сбить меня с толку, поэтому буду говорить прямо. Я должен заявить, что если это дело получит огласку по вашей вине, у вас будут очень

большие неприятности.

Кингсли застонал.

— Мой дорогой друг, как ужасно! Очень большие неприятности! Как же, я тоже уверен, что больших неприятностей не избежать, особенно в тот день, когда Облако закроет Солнце. Каким образом ваше правительство собирается это предотвратить?

Министр с трудом сдерживал себя.

— Вы исходите из предпосылки, что Солнце непременно будет закрыто Облаком, как вы выражаетесь. Позвольте мне быть с вами откровенным и сказать, что правительство навело некоторые справки и правительство не уверено полностью в достоверности вашего доклада.

Удар попал в цель.

— Что?!

Министр внутренних дел продолжал атаку.

— Возможно, это и не относится к вам, профессор Кингсли. Предположим, я говорю, предположим, что все это окажется бурей в стакане воды, химерой. Представляете ли вы себе, профессор Кингсли, ваше положение — вы возмутили всеобщее спокойствие, а потом вдруг оказалось, что вы попали пальцем в небо? Я со всей ответственностью заявляю вам, что это могло бы иметь только

один исход, очень неприятный исход.

Кингсли слегка оправился. Он чувствовал, что сейчас взорвется.

— Я не нахожу слов, чтобы выразить свою благодарность за ту заботу, которую вы обо мне проявляете. Я также весьма удивлен тем, как глубоко правительство изучило наш доклад. Говоря откровенно, я просто поражен. Жаль только, что вы не столь глубоко изучаете вопросы, в которых вы с гораздо большим основанием можете считать себя компетентным.

Министра больше ничто не сдерживало. Он поднялся, взял шляпу и трость и сказал:

— Любое ваше действие в том направлении, о котором здесь говорилось, будет рассматриваться правительством как серьезное нарушение закона о сохранении государственной тайны. В последние годы было много случаев, когда ученые ставили себя выше закона и выше общественных интересов. Вам следовало бы знать о том, что с ними случалось.

Впервые Кингсли заговорил резко и повелительно:

— Разрешите мне указать вам, господин министр внутренних дел, что любая попытка со стороны правительства лишить меня свободы пе-

редвижения уничтожит для вас последний шанс на сохранение секретности. Таким образом, пока этот вопрос не стал известен широкой публике — вы в моих руках.

Когда министр ушел, Кингсли посмотрел на себя в зеркало.

— Я, по-моему, прекрасно сыграл свою роль, но лучше бы он не был моим гостем.

Далее события развивались стремительно. Группа сотрудников МИ5[3] сделала обыск на квартире у Кингсли, пока он обедал в зале колледжа. Был найден длинный список лиц, с которыми он переписывался. С него сняли копию. Из почтового ведомства получили сведения о письмах, посланных Кингсли после его возвращения из США. Сделать это было очень просто, поскольку письма были заказные. Выяснилось, что, вероятно, только одно письмо, адресованное доктору Лестеру в Сиднейский университет, еще находилось в пути. Из Лондона полетели телеграммы. Через несколько часов письмо было перехвачено в Дарвине, в Австралии. Его содержание телегра-

[3] notes: 3

«Милитари интеллидженс» — английская военная разведка. *(Прим. ред.)*

фировали в Лондон в зашифрованном виде.

На следующее утро ровно в десять часов на Даунинг-стрит, 10[4] состоялось совещание. На нем присутствовали министр внутренних дел сэр Гарольд Стэндард, начальник МИ5, Фрэнсис Паркинсон и сам премьер-министр.

— Итак, джентльмены, — начал премьер-министр, — все вы имели возможность ознакомиться с относящимися к делу фактами, и я думаю, все мы согласны с тем, что надо принять какие-то меры в отношении этого Кингсли. Содержание перехваченного в Австралии письма заставляет нас действовать без промедления. Остальные молча кивнули.

— Вопрос, который мы должны сейчас решить, — продолжал премьер-министр, — это, как нам конкретно действовать.

Министр внутренних дел не колебался в своем решении. Он настаивал на немедленном аресте.

— Я думаю, мы можем не принимать всерьез угрозу разглашения со стороны Кингсли. Мы можем перекрыть все явные каналы, по которым возможна утечка информации. И если это и причинит нам некоторый ущерб, он будет гораздо

---

[4] notes: 4
Резиденция премьер-министра.

меньше, чем если мы пойдем на какой бы то ни было компромисс.

— Я согласен, все явные каналы можно перекрыть, сказал Паркинсон. — Что мне не ясно, это как мы перекроем скрытые. Могу я говорить откровенно, сэр?

— Почему бы нет? — ответил премьер-министр. — Хорошо. Неловко получилось с моим докладом относительно Кингсли на предыдущем нашем совещании. Я сказал тогда, что многие ученые говорили о нем как о человеке талантливом, но в то же время не совсем нормальном. Это я изложил вам правильно. Я не сказал, однако, что нет ни одной области, в которой люди так завидовали бы успехам и таланту другого, как в области науки. А зависть не позволит никому признать другого одновременно и блестящим и нормальным. Откровенно говоря, сэр, я очень сомневаюсь, что в докладе Королевского астронома может содержаться сколько-нибудь существенная ошибка. — И что отсюда следует?

— Сэр, я изучил доклад очень тщательно, и мне кажется, что я представляю себе характеры и способности людей, подписавших его. И я попросту не верю, что человек такого интеллекта, как Кингсли, затруднился бы найти способ предать

все гласности, если бы он действительно этого хотел. Если бы мы могли медленно затягивать сеть вокруг него в течение нескольких недель, так медленно, чтобы он ничего не заподозрил, то, быть может, мы достигли бы успеха. Но он, конечно, предвидел, что мы можем допытаться внезапно его схватить. Мне хотелось бы спросить сэра Гарольда вот о чем. Сможет ли Кингсли разгласить эти сведения, если мы его арестуем внезапно?

— Боюсь, мистер Паркинсон совершенно прав, — начал сэр Гарольд. — Мы можем перекрыть все явные каналы: прессу, радио — наше радио. Но можем ли мы предотвратить распространение информации через радио Люксембурга или предусмотреть десятки других возможностей? Несомненно, да, если бы у нас было время, но боюсь, что за одну ночь мы с этим не справимся. Но кроме того, — продолжал он, — слух об этом будет распространяться, как лесной пожар, стоит только ему просочиться даже без помощи газет или радио. Слухи поползут, как цепные реакции, о которых мы столько теперь слышим. Очень трудно бороться с такими возможностями, они могут возникнуть где угодно. Кингсли, предположим, оставит в одном из тысячи возможных мест

запечатанный конверт с тем, чтобы его вскрыли в определенный день, если не поступит других указаний. Вы же знаете, это обычная вещь.

— Это то же, о чем говорил Паркинсон, — прервал премьер. — Ну, Фрэнсис, мне кажется, у вас есть что-то еще про запас. Мы хотели бы услышать, что именно.

Паркинсон изложил план, который, по его мнению, мог себя оправдать. После некоторого обсуждения было решено его испробовать, тем более, что если этот план использовать вообще, то нужно действовать немедленно. Если же с ним ничего не выйдет, всегда останется возможность применить план министра внутренних дел. Совещание закончилось. Последовал звонок по телефону в Кембридж. Не сможет ли профессор Кингсли принять мистера Фрэнсиса Паркинсона, секретаря премьер-министра, в три часа дня? Да, профессор Кингсли сможет. Паркинсон отправился в Кембридж. Он был всегда точен и появился на квартире у Кингсли, когда часы били три.

— Гм, — проворчал Кингсли, — для ленча слишком поздно, для чая слишком рано.

— Надеюсь, вы не вышвырнете меня так же быстро, как других, — парировал Паркинсон с улыбкой.

Кингсли оказался гораздо моложе, чем ожидал Паркинсон; вероятно, ему было лет тридцать семь — тридцать восемь. Паркинсон представлял себе его рослым стройным мужчиной. В этом он не ошибся, но он никак не ожидал замечательного сочетания густых темных волос с удивительно синими глазами, которые были бы необычными даже у женщины. Кингсли несомненно был не таким человеком, которого легко забыть.

Паркинсон пододвинул кресло к огню, устроился поудобнее и сказал:

— Я слышал все о вашем вчерашнем разговоре с министром внутренних дел и разрешите мне сказать, что я категорически не одобряю вас обоих.

— По-другому он закончиться не мог, — ответил Кингсли.

— Может быть, но я все-таки жалею о случившемся. Я не одобряю таких дискуссий, в которых обе стороны занимают позиции, исключающие компромисс.

— По этому нетрудно угадать вашу профессию, мистер Паркинсон.

— Вполне возможно, что этой так. Но, откровенно говоря, я был поражен, узнав, что такой человек, как вы, занял столь непримиримую позицию.

— Я был бы рад узнать, какой компромисс мне предлагается.

— Это как раз то, зачем я сюда пришел. Давайте, я пойду на компромисс первым, чтобы показать, как это делается. Вот, кстати, вы упомянули о чае недавно. Не поставить ли нам чайник? Это напомнит мне дни, которые я провел в Оксфорде, и многое другое, о чем помнят всю жизнь. Вы — парни из университета, и не представляете себе, как вам повезло.

— Вы намекаете на финансовую поддержку, оказываемую правительством университетам? — проворчал Кингсли, возвращаясь на свое место.

— Я далек от того, чтобы быть столь неделикатным, хотя министр внутренних дел об этой самой поддержке упоминал.

— Еще бы! Но я все еще надеюсь услышать о компромиссе, которого от меня ждут. Уверены ли вы, что слова «компромисс» и «капитуляция» не являются синонимами в вашем понимании?

— Ни в коем случае. Позвольте мне доказать это, изложив условия компромисса.

— Кто их составлял, вы или министр внутренних дел?

— Премьер-министр.

— Понятно.

Кингсли занялся приготовлением чая. Когда он накрыл стол, Паркинсон начал:

— Итак, прежде всего я приношу извинения за все то, что министр внутренних дел сказал о вашем докладе. Во-вторых, я согласен: первый наш шаг — это собрать возможные научные данные. Я согласен, что мы должны взяться за дело как можно быстрее и что все ученые, которые потребуются для этого, должны быть полностью информированы о положении дел. Однако я не могу согласиться с тем, что остальные должны теперь уже все знать. Вот та уступка, которой я у вас прошу.

— Мистер Паркинсон, я восхищен вашей откровенностью, но не вашей логикой. Держу пари, вы не сможете назвать ни одного человека, который узнал о страшной угрозе со стороны Черного облака от меня. А сколько человек узнали об этом от вас или от премьер-министра? Я возражал против намерения Королевского астронома информировать вас, ведь я знал, понастоящему держать что-нибудь в секрете вы не можете. Теперь я особенно жалею, что он меня не послушался.

Паркинсон так и подскочил.

— Но вы, конечно, не будете отрицать, что написали весьма многозначительное письмо

доктору Лестеру из Сиднейского университета?

— Конечно, я не отрицаю этого. Зачем? Лестер ничего не знает об Облаке.

— Но он знал бы, если бы письмо дошло до него.

— Если бы да кабы — это дело политиков, мистер Паркинсон. Как ученый, я имею дело только с фактами, а не с мотивами, подозрениями и прочей бессмыслицей. Я утверждаю, что по сути дела никто от меня ничего не узнал. В действительности разболтал все премьер-министр. Я говорил Королевскому астроному, что так оно и будет, но он мне не поверил.

— Вы не очень высокого мнения о моей профессии, профессор Кингсли, не правда ли?

— Поскольку вы сами ратовали за откровенность, я откровенно скажу вам — нет. Для меня политики то же, что приборы на щитке моего автомобиля. Они мне говорят, в каком состоянии машина, но держать ее в исправности не могут.

Внезапно Паркинсона осенило, что Кингсли просто морочит ему голову. Он расхохотался. Кингсли тоже.

С этого момента между ними больше не возникало натянутых отношений.

После второй чашки чая и беседы на общие

темы Паркинсон вернулся к основному вопросу.

— Позвольте мне изложить цель моего визита, без этого вам от меня не отделаться. Путь, который вы избрали для накопления научной информации, не является самым быстрым и не дает нам гарантированной безопасности в широком смысле этого слова.

— У меня нет иных возможностей, мистер Паркинсон, и не мне вам напоминать, как теперь нам дорого время.

— Может быть, у вас и нет иных возможностей сейчас, но они могут появиться.

— Я не понимаю.

— Правительство предполагает собрать вместе тех ученых, которых следует информировать обо всех фактах, Мне известно, что вы работали последнее время с группой радиоастрономов во главе с мистером Мальборо. Я верю вам, что вы не передали мистеру Мальборо сколько-нибудь существенной информации, но разве не лучше устроить так, чтобы можно было посвятить его в суть дела?

Кингсли вспомнил трудности, которые он испытывал сначала с радиоастрономами.

— Несомненно.

— Значит, договорились. Далее, нам пред-

ставляется, что Кембридж или любой другой университет вряд ли является удобным местом для проведения исследований. Вы тесно связаны со всем университетом и трудно надеяться, чтобы вы смогли здесь одновременно и соблюдать секретность и свободно обсуждать интересующие вас вопросы. Невозможно создать замкнутую группу среди тех, кто работает вместе. Правильнее всего создать совершенно новую организацию, новую группу, специально занимающуюся этим вопросом, и предоставить ей неограниченные возможности. — Как Лос-Аламос, например.

— Совершенно верно. Подумайте сами, и я уверен, вы согласитесь что другого реального пути нет.

— Я, по-видимому, должен вам напомнить, что Лос-Аламос находится в пустыне.

— Никто не собирается загонять вас в пустыню. Я думаю, у вас не будет никаких оснований для недовольства. Правительство как раз заканчивает перестройку удивительно живописного загородного дома восемнадцатого века в Нортонстоу.

— А где это?

— В Котсуолдзе, на возвышенности к северо-за-

паду от Сайрэнсестера.

— Почему и как его переоборудуют?

— В нем должен был разместиться сельскохозяйственный колледж. В миле от дома построено совершенно новое здание для обслуживающего персонала: садовников, рабочих, машинисток и так далее. Я же вам сказал — у вас будут все необходимые условия для работы, и заверяю вас, что будут.

— А не станут эти люди возражать, ведь их выставят и вместо них въедем мы?

— В этом отношении не будет никаких трудностей. Не все относятся к правительству так же пренебрежительно, как вы.

— И очень жаль. Но есть трудности, о которых вы не подумали. Потребуется научное оборудование, например радиотелескоп. Прошел целый год, пока смонтировали один такой телескоп здесь, в Кембридже. Сколько времени вам понадобится, чтобы его перенести?

— Сколько человек его монтировали?

— Человек двадцать.

— Мы сможем использовать тысячу, а если нужно — десять тысяч человек. Мы можем обеспечить перестановку и монтаж любого прибора, который вам необходим, в самые короткие сро-

ки, скажем, в течение двух недель. Нужны еще какие-нибудь большие установки?

— Нам будет нужен хороший оптический телескоп, хотя и не обязательно очень большой. Новый Шмидт здесь, в Кембридже, подходит лучше всего, хотя я не знаю, как вы сумеете уговорить Адамса с ним расстаться. Он столько лет добивался этого телескопа!

— Ну, это будет не так уж трудно. Не пройдет полугода, и он получит новый телескоп, лучше прежнего.

Кингсли подбросил в огонь поленья и снова сел в кресло.

— Не будем спорить о вашем предложении, — сказал он. — Вы хотите, чтобы я позволил посадить себя в клетку, пусть она и позолоченная. Это уступка, которой вы от меня ждете, уступка весьма существенная. Теперь мы должны поговорить о тех уступках, которые я хочу получить от вас.

Но, по-моему, мы только тем и занимаемся, что идем вам на уступки.

— Да, но в весьма неясной форме. Я хочу, чтобы все было ясно до конца. Первое: я буду уполномочен комплектовать персонал этого дома в Нортонстоу, я буду уполномочен назначать заработную плату, которую сочту разумной, и ис-

пользовать любые аргументы, которые не будут раскрывать истинное положение дел. Второе: никаких я повторяю, никаких государственных служащих и никаких политических связей, кроме как через вас.

— Чему я обязан столь исключительной честью?

— Тому, что хотя мы мыслим по-разному и защищаем разные интересы, у нас достаточно много общего, чтобы столковаться. Это редкий случай, который едва ли повторится.

— Вы мне льстите.

— Ошибаетесь. Я говорю совершенно искренне. Я торжественно заявляю: если я или кто-то из моих сотрудников обнаружит в Нортонстоу джентльменов вышеуказанной разновидности, мы просто-напросто вышвырнем их вон. Если в это вмешается полиция или если эти джентльмены будут столь упорны, что мы не сможем их выставить, то я столь же торжественно предупреждаю — какое бы то ни было сотрудничество станет невозможным. Если, по-вашему, я слишком упорствую в этом вопросе, то могу ответишь: я поступаю так потому, что знаю, насколько неразумны бывают политики.

— Благодарю вас.

— Не за что. Теперь перейдем к третьему пункту. Для этого понадобятся бумага и карандаш. Я хочу, чтобы вы записали со всеми подробностями, чтобы не могло возникнуть никакой ошибки, все до единого предметы оборудования, которые должны быть на месте, прежде чем я перееду в Нортонстоу. Еще раз повторяю, оборудование должно прийти в Нортонстоу раньше, чем приеду я. Я не буду принимать никаких отговорок, что, дескать, произошли неизбежные задержки и что то или другое прибудет в течение нескольких дней. Вот, берите бумагу и пишите.

Паркинсон вернулся в Лондон с длинным списком. На следующее утро у него был серьезный разговоре премьер-министром.

— Все в порядке? — спросил премьер.

— И да, и нет, — отвечал Паркинсон. — Мне пришлось пообещать оборудовать это место как настоящее научное учреждение.

— Это делу не повредит. Кингсли совершенно прав: нам нужно больше фактов, и чем быстрее мы их получим, тем лучше.

— Я в этом не сомневаюсь, сэр. Но я бы предпочел, чтобы Кингсли не был столь важной фигурой в новом учреждении.

— Разве он для этого не подходит? Можно найти

кого-нибудь лучше?

— О, как ученый он вполне подходит. Но не это беспокоит меня.

— Я понимаю, гораздо лучше работать с более сговорчивым человеком. Но его интересы в основном как будто бы совпадают с нашими. По крайней мере, пока он не разъярится, узнав, что не может выезжать из Нортонстоу.

— О, он не питает никаких иллюзий на этот счет. Он рассматривает это как основу для сделки.

— Каковы же его условия?

— Прежде всего он требует, чтобы не было никаких государственных служащих и никакой связи с политикой, кроме как через меня. Премьер-министр засмеялся:

— Бедный Фрэнсис, теперь я понимаю, что вас беспокоит. Ну, ничего. Что касается государственных служащих, это не так уж серьезно, а насчет связей с политикой, там будет видно. Может быть, они рассчитывают, что мы будем платить им э…э… астрономические суммы.

— Вовсе нет. Кингсли только хочет воспользоваться высоким жалованьем как средством заманивать людей в Нортонстоу, пока он не сумеет объяснить им истинную причину.

— Что же тогда вас тревожит?

— Я не могу ясно выразить, но у меня какое-то беспокойное ощущение: тысячи мелочей, каждая в отдельности — пустяк, но все вместе они тревожат.

— Продолжайте, Фрэнсис, выкладывайте все.

— В общем, у меня такое чувство, что не мы ведем игру, а нас используют.

— Не понимаю.

— Я ведь тоже не совсем понимаю. С виду как будто все в порядке, но так ли это? Вот, например, такой вопрос: если учесть, что Кингсли отлично во всем разбирается, зачем ему надо было возиться, отправлять эти письма заказными — ведь нам за ними так легче проследить?

— Это мог сделать для него привратник колледжа.

— Возможно, но во всяком случае Кингсли должен был знать, если тот отправил их заказными. Потом это письмо к Лестеру. Похоже, Кингсли хотел, чтобы мы перехватили его, нарочно заставил нас это сделать. И не слишком ли он грубил бедному старику Гарри (так Фрэнсис называл министра внутренних дел)? Потом, взгляните на этот список. В нем такие подробности, словно его обдумали заранее. Насчет продуктов и горючего я

еще могу понять, но зачем столько землеройного оборудования?

— Не имею ни малейшего понятия.

— Но Кингсли-то имеет, ведь он уже все тщательно продумал.

— Мой дорогой Фрэнсис, какое нам дело, тщательно он все продумал или нет? Мы хотим заполучить группу компетентных ученых, изолировать их, и пусть радуются жизни. Если Кингсли можно задобрить этим списком — дайте ему все, чего он хочет. Зачем нам попусту голову себе морочить?

— Дело в том, что в этом списке много, электронного оборудования, невероятно много. Оно может быть использовано для радиосвязи.

— Тогда вычеркивайте его сразу. Этого он не получит.

— Минутку, сэр, это не все. У меня возникли подозрения насчет этой аппаратуры, и я проконсультировался со специалистами, и, по-моему, людьми очень сведущими. Дело вот в чем. При любой радиопередаче необходимо производить кодирование, а на принимающем конце дешифровку. У нас в Англии обычно используется кодирование, имеющее техническое название «амплитудная модуляция», хотя Би-би-си по-

следнее время применяет также другую форму кодирования, называемую частотной модуляцией.

— А, это та самая частотная модуляция? Я часто о ней слышу.

— Да, сэр. В этом все дело. Передачи, которые Кингсли мог бы вести с помощью своего оборудования, были бы закодированы по-новому, так, что понадобилось бы специальное приемное устройство для их дешифровки. Таким образом, хотя он и посылал бы сообщения, никто их не смог бы принимать.

— За неимением специального устройства?

— Совершенно верно. Так как же, дадим мы Кингсли это электронное оборудование или нет?

— Как он объясняет, зачем оно ему нужно?

— Для радиоастрономии. Для исследования Облака с помощью радиоволн.

— Оно может быть использовано для этой цели?

— О, да.

— Тогда что же вас беспокоит, Фрэнсис?

— То, что его очень много. Я, конечно, не ученый, но мне трудно представить, зачем понадобилось столько приборов. Итак, позволим ему это или нет?

Премьер-министр задумался.

— Проверьте все хорошенько. Если то, что вы сказали о кодировании, окажется верным, дайте ему эту аппаратуру. Ведь она может оказаться весьма полезной. Фрэнсис, до сих пор вы подходили к делу с национальной точки зрения, с национальной в противоположность интернациональной, я хочу сказать, не так ли?

— Да, сэр.

— А теперь надо взглянуть на это шире. Американцы наверняка стоят сейчас перед теми же вопросами, что и мы. Почти наверняка они придут к мысли организовать учреждение, подобное Нортонстоу. Я думаю попробовать предложить им объединиться для обоюдной пользы.

— А не получится, что нам ехать туда, а не они сюда? — спросил Паркинсон, забыв о грамматике. — Ведь они считают, что их ученые лучше наших.

— Может быть, это не относится к этой области э… э… радиоастрономии, в которой мы и австралийцы, насколько я знаю, идем впереди? Так как в этой проблеме самое важное, по-видимому, радиоастрономия, я хочу ее использовать как основу для сделки.

— Безопасность, — простонал Паркинсон. —

Американцы говорят, что у нас пренебрегают государственной безопасностью, и порой мне кажется, они недалеки от истины.

— Это компенсируется тем, что англичане флегматичнее американцев. Я подозреваю, что американская администрация хочет держаться подальше ото всех ученых, работающих в этой области. Иначе они все время сидели бы на бочке с порохом. До сих пор мне было неясно, как мы будем поддерживать связь. Но теперь я вижу: проблема будет решена, если мы установим прямую связь между Нортонстоу и Вашингтоном, используя новый код. Я буду всячески на этом настаивать.

— Когда вы говорили о международных аспектах, вы имели в виду только англо-американские отношения?

— Я имел в виду международное сотрудничество и австралийских радиоастрономов в частности. И, по-моему, скоро сведения об Облаке перестанут быть достоянием только Америки и Англии. С главами других государств тоже нужно поговорить. Затем я постараюсь намекнуть, где следует, что доктор такой-то и доктор такой-то получали от Кингсли письма, касающиеся деталей этого вопроса, после чего мы вынуждены

были ограничить свободу передвижения Кингсли пределами Нортонстоу. Я также скажу, что если доктор такой-то и доктор такой-то будут посланы в Нортонстоу, мы будем рады принять их и проследим, чтобы они не причинили никаких неприятностей своим правительствам.

— А согласятся они на это?

— Почему бы и нет? Мы ведь сами убедились, какие могут возникнуть затруднения, когда ученые ускользают из-под контроля правительства. Чего бы мы ни отдали вчера, чтобы избавиться от Кингсли? Может, вы и сейчас не прочь избавиться от него. Их ученые прибудут очень быстро, с первым же самолетом.

— Не исключено. Но к чему нам вся эта возня, сэр?

— А не бросилось ли вам в глаза, что Кингсли заранее подобрал себе сотрудников? Не для того ли он посылал все эти заказные письма? И я думаю, для нас очень важно собрать здесь самых толковых ученых. Сдается мне, что придет день, когда Нортонстоу станет важнее, чем Организация Объединенных Наций.

Глава пятая
Норстонстоу

Усадьба Нортонстоу расположена среди большого парка на возвышенности Котсуолдз, недалеко от крутого западного склона, на плодородных землях. Когда здесь впервые предложили разместить правительственное учреждение, это встретило резкий отпор в газетах всего Глостершира. Однако, как всегда в таких случаях, правительство сделало по-своему. Местное население несколько успокоилось, когда стало известно, что новое учреждение имеет сельскохозяйственный уклон, и фермеры могут обращаться туда за советом.

На землях Нортонстоу построили большой поселок примерно в полутора милях от поместья. Он состоял в основном из двухквартирных домиков для рабочих; было построено также несколько отдельных домов для начальства.

Хелен и Джо Стоддард жили в одном из белых двухквартирных домиков. Джо устроился садовником; он был близок к земле как в прямом,

так и в переносном смысле. Его отец тоже был садовник. Сейчас Джо было тридцать один год, из которых тридцать лет он занимался своим делом: он стал учиться у отца, едва начав ходить. Работу свою он любил, так как мог проводить круглый год на воздухе. Кроме того, ему не приходилось возиться с бумажками — редкий случай в наше время, время анкет и документов, а, надо признаться, Джо читал и писал с большим трудом. Просматривая каталоги семян, он ограничивался изучением картинок. Это, впрочем, не могло привести ни к каким недоразумениям, так как все семена заказывал старший садовник.

Несмотря на изрядную его тупость, товарищи любили Джо и вовсе не считали ничтожеством. Никогда он не выходил из себя и ни при каких обстоятельствах не падал духом. Если он бывал озадачен чем-нибудь, что случалось нередко, лицо его расплывалось в добродушной, беззлобной улыбке.

Насколько слабо Джо шевелил мозгами, настолько прекрасно управлял он мышцами своего могучего тела. Он отлично играл в кегли, лучше всех в округе, хотя и предпочитал, чтобы счет за него вели другие.

Хелен Стоддард совершенно не походила на

своего мужа. Это была хорошенькая хрупкая молодая женщина лет двадцати восьми, очень умная, но без образования. Совершенно непостижимо, как Джо и Хелен умудрялись так хорошо ладить друг с другом. Возможно, это было потому, что Хелен верховодила в семье, а добродушный Джо подчинялся. Во всяком случае, двое их детей унаследовали лучшие качества родителей: природный ум матери и физическую силу отца.

Но сейчас Хелен была сердита на своего Джо. В большом доме творилось что-то странное. За последние две недели туда съехались сотни людей. Старые постройки были снесены, чтобы освободить место для новых; был расчищен большой участок земли, на котором протянули, множество каких-то странных проводов. Джо не удосужился разузнать, что все это значит, а сразу поверил в смехотворное объяснение, будто провода нужны для подвязывания деревьев — додумался же кто-то до такой чепухи.

Что до самого Джо, он не понимал, чего ради поднимать такой шум. Ей кажется, это все очень чудно, да ведь мало ли на свете чудного, «Они»-то знают, что делают, и ладно.

Хелен сердилась, потому что теперь она могла узнавать все новости только от своей соперницы

миссис Олсоп, дочь которой, Пегги, работала секретаршей в Нортонстоу. Пегги и сама была любопытна ничуть не меньше, чем ее мать или Хелен, поэтому семейство Олсоп было прекрасно осведомлено обо всем происходящем. Искусно пользуясь этим преимуществом, Агнес Олсоп сумела высоко поднять свой престиж среди соседей.

Нужно еще отметить склонность этой дамы к далеко идущим выводам. Ее авторитет утвердился в тот день, когда Пегги раскрыла тайну огромного количества ящиков с надписями «Стекло! Обращаться с осторожностью», доставленных в усадьбу.

— Там радиолампы, вот что, — сообщила миссис Олсоп многочисленной аудитории, собравшейся у нее во дворе.

— Миллионы ламп.

— На что им столько? — спросила Хелен.

— Да, на что? А на что все эти башни да провода, ведь пятьсот акров земли отхватили? Если хотите знать, они делают лучи смерти, вот что, — ответила миссис Олсоп.

Дальнейшие события ничуть не поколебали ее уверенности в этом.

В день, когда «они» прибыли, волнение в Гор-

ном поместье достигло предела. Захлебываясь от возбуждения, Пегги рассказала матери, как высокий синеглазый мужчина разговаривал с важными шишками из правительства, «как с мальчиками на побегушках, мам». «Ну, точно, лучи смерти», — только и могла вымолвить миссис Олсоп.

На долю Хелен Стоддард тоже все-таки выпала удача узнать интересную новость, и притом, видимо, самую важную с практической точки зрения. На следующий день после того, как «они» приехали, Хелен поехала рано утром на велосипеде в соседнюю деревню и обнаружила, что дорогу перекрыли шлагбаумом, который охранял полицейский сержант. Да, сейчас еще проехать можно, но в будущем въезд и выезд из Нортонстоу будет только по специальным пропускам. Пропуска должны быть готовы уже сегодня к концу дня. Пока они будут без фотографий, но до конца недели все должны сфотографироваться. Как быть с детьми, которым надо ходить в школу? Ну, он думает, что сюда уже послали учителя, так что детям вообще не надо будет ходить в деревню. К сожалению, больше ему ничего не известно.

Теория лучей смерти получила еще одно подтверждение.

Это было странное предложение. Энн Холей получила его через своего импресарио. Согласна ли она сыграть две сонаты, Моцарта и Бетховена, 25 февраля в некоем месте в Глостершире? Гонорар был высокий, очень высокий даже для способной молодой пианистки. Кроме нее, в концерте будет участвовать квартет. Больше никаких подробностей не сообщалось, за исключением того, что ей надо прибыть в Бристоль в два часа дня паддингтонским поездом; у вокзала будет ждать машина.

Что за квартет будет выступать с ней, выяснилось лишь в вагоне-ресторане поезда, куда Энн зашла выпить чашку чая: оказалось, это некто иной, как Гарри Харгривс со своей компанией.

— Мы играем Шенберга, — сказал Гарри. — Малость обработаем их барабанные перепонки. Кстати, кто они такие?

— Насколько я понимаю, это прием в загородной вилле.

— Должно быть, богачи, судя по деньгам, которые они платят.

Поездка из Бристоля в Нортонстоу была очень приятной. Уже появились первые признаки ран-

ней весны. По приезде шофер провел их в дом и по коридору к двери, которую он открыл.

— Гости из Бристоля, сэр!

Кингсли никого не ждал, однако он быстро сориентировался.

— Хэлло, Энн! Хэлло, Гарри! Рад вас видеть!

— Мы тоже рады вас видеть, Крис, но что все это значит? Почему это вы вдруг превратились в помещика? Или, вернее, в лорда, если учесть великолепие этого места — имение среди холмов и прочее.

— Да нет, мы тут на специальной работе для правительства. Они, видимо, решили позаботиться о нашем культурном росте и поэтому пригласили вас сюда, — объяснил Кингсли.

Вечер прошел весьма удачно — и обед, и концерт, и музыканты с сожалением покидали этот гостеприимный кров на следующее утро.

— Ну, прощайте, Крис, спасибо за хороший прием, — сказала Энн.

— Машина, должно быть, уже ждет вас. Жаль, что вам нужно уезжать так скоро.

Однако ни шофера, ни машины не оказалось.

— Ну, ничего, — сказал Кингсли. — Я уверен, что Дэйв Вейхарт охотно отвезет вас в Бристоль на своей машине, хотя вам будет нелегко втис-

нуться в нее со всеми инструментами.

Конечно, Вейхарт согласился подвезти их; они со смехом втиснулись в машину и отправились в путь. Однако не прошло и получаса, как вся компания возвратилась. Музыканты были в полном замешательстве, а Вейхарт просто рассвирепел. Он провел всех в кабинет Кингсли.

— Что тут творится, Кингсли? Когда мы доехали до охранника, он не пропустил нас за шлагбаум. Сказал, что ему приказано никого не выпускать.

— У нас у всех сегодня вечером выступления в Лондоне, — сказала Энн, — и если нас сейчас не выпустят, мы пропустим поезд.

— Ладно, если вы не можете выйти через главные ворота, надо попробовать другие пути, — ответил Кингсли.

— Дайте-ка, я наведу справки.

Минут десять он провел у телефона; Вейхарт и музыканты совсем раскипятились. Наконец он положил трубку.

— Не одни вы здесь сейчас яритесь. Люди из поселка пытались пройти в деревню, и никого из них не выпустили. Охрана поставлена вокруг всего поместья. Я думаю, лучше прямо связаться с Лондоном.

Кингсли набрал номер.

— Хэлло, это сторожевой пост у передних ворот? Да, да, конечно, вы действовали в соответствии с приказами начальника полиции. Я это понимаю. Нужно, чтобы вы сделали следующее. Слушайте внимательно. Позвоните по номеру Уайтхолл 9700. Когда вам ответят, скажите следующие буквы: QUE, а затем попросите мистера Фрэнсиса Паркинсона, секретаря премьер-министра. Когда вас соединят с мистером Паркинсоном, скажите ему, что профессор Кингсли хочет говорить с ним. Затем соедините меня с ним. Пожалуйста, повторите все, что я сказал.

Через несколько минут их соединили. Кингсли начал: — Хэлло, Паркинсон. Я вижу, вы захлопнули ловушку… Нет, нет, я не жалуюсь. Я этого ожидал. Можете ставить сколько угодно охранников вокруг Нортонстоу, лишь бы их не было внутри. Я вам звоню, чтобы сказать, что связь с Нортонстоу теперь будет осуществляться по-другому. Мы собираемся обрезать все провода, ведущие к сторожевым постам. Если вы хотите связаться с нами, используйте радио… У вас еще не готов передатчик? Ну, это ваше личное дело. Вовсе незачем настаивать, чтобы министр внутренних дел вел всю радиосвязь… Не понимаете? А пора бы. Если ваши деятели в состоянии управ-

лять страной во время кризиса, они должны быть в состоянии изготовить передатчик, особенно после того, как мы дали вам схему. Теперь я хочу обратить ваше внимание вот на что. Если вы не будете никого выпускать, мы не будем никого впускать в Нортонстоу. Или другой вариант: вы сами, Паркинсон, можете приехать, если захотите, но обратно мы вас не выпустим. Вот все, что я хотел сообщить.

— Но ведь какая нелепость, — сказал Вейхарт. — В самом деле, выходит, нас засадили в тюрьму. Вот уж не думал, что в Англии такое возможно.

— В Англии возможно все, — ответил Кингсли, — нужно только уметь подобрать подходящую мотивировку. Если вы захотите запереть группу мужчин и женщин в загородном поместье в Англии, не следует говорить страже, что она охраняет тюрьму. Скажите ей лучше, что те, кого она охраняет, нуждаются в защите от преступников, рвущихся к ним снаружи. Защита — вот наилучшее объяснение в данном случае, а вовсе не тюрьма.

И действительно, начальник полиции полагал, что в Нортонстоу хранятся атомные секреты, которые совершат переворот в области промыш-

ленного использования ядерной энергии. Он не сомневался, что иностранная разведка сделает все возможное, чтобы выведать эти секреты. Он знал, что скорее всего информация может просочиться через кого-либо из работников Нортонстоу. Отсюда естественно вытекало, что самый верный способ сохранения секретности — запретить вход в поместье и выход из него. Это решение было утверждено самим министром внутренних дел. Последний даже готов был признать, что, возможно, следует придать в помощь полицейской охране воинское подразделение.

— Но я не понимаю, причем тут мы? — спросила Энн Холей.

— Я мог бы сделать вид, что вы оказались здесь случайно, — сказал Кингсли. — Однако на самом деле это не так. Все делается по плану. Кроме вас, сюда послали еще кое-кого. Правительство поручило художнику Джорджу Фишеру сделать несколько зарисовок Нортонстоу. Еще здесь Джон Мак-Нейл, молодой врач, и Билл Прайс, историк, разбирает старую библиотеку. Я думаю, лучше всего попробовать собрать всех вместе, и я постараюсь объяснить вам, в чем дело.

После появления Фишера, Мак-Нейла и Прайса Кингсли обратился к ненаучной части населе-

ния усадьбы с популярными весьма красочным докладом об открытии Черного облака и о событиях, которые привели к созданию научного центра в Нортонстоу.

— Теперь ясно, откуда здесь охрана и прочее. Но это не объясняет, почему мы оказались здесь. Вы говорите, это не случайность. Почему же именно мы, а не кто-нибудь другой? — спросила Энн Холей.

— Моя вина, — ответил Кингсли. — Наверное, произошло вот что. Правительственные агенты обнаружили записную книжку. Там были фамилии ученых, с которыми я советовался о Черном облаке. Затем, видимо, правительство решило, что лучше обезопасить себя полностью, и они просто собрали здесь всех, чьи фамилии были у меня в записной книжке. Мне очень неловко перед вами.

— Вот ваша проклятая беззаботность, Крис! — воскликнул Фишер.

— Откровенно говоря, за последние полтора месяца у меня было слишком много всяческих забот. И в конце концов нечего вам особенно расстраиваться. Всем вам без исключения здесь понравилось. В то же время у вас здесь гораздо больше шансов выжить, если разразится ката-

строфа, чем в любом другом месте. Если будет вообще хоть какая-то возможность уцелеть, то мы здесь уцелеем. Так что в сущности можете считать, что вам повезло.

— Вся эта история с вашей записной книжкой, Кингсли, не имеет, по моему, ни малейшего отношения ко мне, — сказал Мак-Нейл. — Насколько я помню, мы с вами впервые встретились всего несколько дней назад.

— В самом деле, Мак-Нейл, как вы здесь оказались, позвольте вас спросить?

— Меня тоже обманули. Я подыскивал место для санатория, и мне рекомендовали Нортонстоу. Министр здравоохранения предложил мне поехать сюда и осмотреть все самому. Почему именно мне — не имею представления.

— Видно, для того, чтобы у нас был свой доктор.

Кингсли встал и подошел к окну. По земле неслись, обгоняя друг друга, тени облаков.

Однажды, в середине апреля, вернувшись домой после прогулки, Кингсли обнаружил, что его комната наполнена клубами пахнущего анисом дыма.

— Что за...! — воскликнул он. — Клянусь чем угодно, это Джефф Марлоу. Я уже потерял надежду заполучить вас сюда. Как вам удалось к нам пролезть?

— С помощью обмана и вероломства, — ответил Марлоу, набивая рот поджаренным хлебом. — У вас тут очень мило. Не хотите ли чаю?

— Спасибо, вы очень любезны.

— Не за что. После того, как вы уехали, мы вернулись в Паломар, и я успел еще немного поработать, затем нас отправили в пустыню, всех, кроме Эмерсона, которого, я полагаю, послали сюда.

— Да, у нас тут Эмерсон, Барнети Вейхарт. Я так и думал, что вас загнали в пустыню. Потому я и сбежал, как только Геррик сказал, что собирается в Вашингтон. Здорово ему досталось, когда он дал мне уехать из США?

— Думаю, да, хотя он особенно об этом не распространялся.

— Кстати, не к вам ли послали Королевского астронома?

— Да, сэр! Королевский астроном — Главный британский представитель при американском проекте.

— Тем лучше для него. Мне кажется, это ему

очень подходит. Но вы не рассказали мне, как вам удалось улизнуть из пустыни и почему вы решили это сделать?

— Почему — объяснить легко. Потому что там все было до смерти заорганизовано.

Марлоу взял несколько кусочков сахара из сахарницы и положил один из них на стол.

— Вот парень, который делает дело.

— Как вы его называете?

— Кажется, у нас нет для него никакого общепринятого названия.

— Мы здесь называем его «роб».

— «Роб»?

— Да, сокращенное от «робот».

— Ну, что же, пусть будет «роб», хоть мы его так и не называем, — продолжал Марлоу. — Как вы скоро увидите, это роб что надо.

Затем он выложил в ряд остальные кусочки.

— Над робом стоит начальник отдела. Я как раз и есть начальник отдела. Затем идет заместитель директора — у нас им стал Геррик, хотя его кабинет не больше собачьей конуры. Далее наш друг — сам директор. Над ним — помощник инспектора, потом, естественно, сам инспектор. Они, конечно, военные. Потом идет руководитель проекта. Этот уже из политиков. Так, шаг за

шагом, мы доходим до заместителя президента. Потом, я полагаю, идет президент, хотя тут я не совсем уверен, никогда не забирался так высоко.

— Думаю, вам все это не очень-то по нраву?

— Нет, сэр, — продолжал Марлоу, с хрустом жуя кусок поджаренного хлеба. — Я был на слишком низкой ступеньке этой лестницы, чтобы мне могла нравиться вся система. Кроме того, я никогда не мог узнать, что происходит вне моего отдела. Все было устроено так, чтобы держать нас совершенно изолированными друг от друга. В интересах безопасности, говорят они, но, я думаю, точнее было бы сказать в интересах волокиты. Так вот, мне это не нравилось, как легко понять. Такая организация дела не по мне. Поэтому я начал приставать, чтобы меня перевели сюда для участия в вашем спектакле. Я думал, здесь все делается много лучше. И я вижу, это так и есть, — добавил он, взяв еще один ломтик поджаренного хлеба. — Кроме того, меня внезапно охватило страстное желание взглянуть на зеленую травку. Когда такое находит, ничего с собой уже не поделаешь.

— Отлично, Джефф, но как же все-таки вы сумели вырваться из этого кошмарного заведения?

— Просто повезло, — ответил Марлоу. — На-

чальству в Вашингтоне пришла в голову мысль — а вдруг вы тут знаете больше, чем говорите. И так как они были уверены, что я с радостью соглашусь на перевод, меня послали сюда в качестве шпиона. Я же говорил вам — попал сюда благодаря вероломству.

— То есть предполагается, что вы будете докладывать обо всем, что мы тут, возможно, скрываем?

— Вот именно. Ну, и теперь, когда вы знаете, почему я здесь, разрешите вы мне остаться или выкинете вон?

— Всякий, кто попадает в Нортонстоу, остается здесь — такой у нас порядок. Мы никого не выпускаем.

— Значит, Мери тоже можно приехать? Она делает в Лондоне кое-какие покупки, но уж завтра обязательно приедет.

— Вот и прекрасно. Дом тут большой, места много. Мы будем рады принять миссис Марлоу. Откровенно говоря, у нас полно работы и почти некому ее делать.

— Может быть, мне все-таки посылать время от времени в Вашингтон какие-нибудь крохи информации? Чтобы доставить им удовольствие.

— Вы можете им говорить, что угодно. Я при-

шел к выводу: чем больше скажешь политикам, тем больше они расстраиваются. Поэтому мы решили сообщать им обо всем. Вообще у нас тут нет никакой секретности. Вы можете посылать все, что захотите, по прямой радиолинии в Вашингтон. Мы наладили связь как раз с неделю назад.

— В таком случае, может быть, вы расскажете мне в общих чертах о положении дел. Ведь я в сущности знаю почти столько же, сколько в день нашего разговора в пустыне Мохаве. За это время я кое-что сделал, но ведь сейчас нам нужны не оптические наблюдения. К осени мы сумеем что-нибудь выяснить, но мы уже договорились — это дело радиоастрономов.

— Да, я помню. И я растолкал Джона Мальборо, как только вернулся в Кембридж в январе. Пришлось порядком потрудиться, чтобы убедить его начать работу, ведь сначала я не говорил ему, зачем это в действительности нужно — хотя теперь он, конечно, все знает. Так вот, мы узнали температуру облака. Она несколько больше ста двадцати градусов, градусов Кельвина[5], конечно.

---

[5] notes: 5

В градусах Кельвина измеряется абсолютная температура, нуль которой лежит на 273° ниже нуля по Цельсию. Температура 120° Кельвина составляет около минус 150° Цельсия. *(Прим. перев.)*

— Что же, это довольно хорошо. Почти так, как мы надеялись. Немного холодновато, но терпимо.

— На самом деле, это еще лучше, чем кажется на первый взгляд. Ведь когда Облако приблизится к Солнцу, в нем должно начаться внутреннее движение. Согласно моим первым расчетам, это приведет к увеличению температуры на пятьдесят — сто процентов, в результате чего температура станет немногим ниже нуля по Цельсию. Выходит, что некоторое время будет стоять морозная погода, и только.

— Лучше и быть не может.

— По-моему, тоже.

— Продолжайте.

— В то время, еще в январе, я думал, что всех, кого хочешь, проведу. Поэтому я решил попробовать обмануть власти. Я исходил из того, что политикам нужны во что бы то ни стало две вещи: научная информация и секретность. Я решил обеспечить им и то и другое, но на моих собственных условиях — на каких условиях, вы видите сами здесь, в Нортонстоу.

— Да уж вижу: местечко отличное, никакие военные вас не изводят, никакой секретности. А как вы набирали персонал?

— С помощью преднамеренных неосторожностей, как например заказные письма. Ведь совершенно естественно, что сюда доставляли каждого, кто мог знать что-либо от меня. При этом я сыграл одну нехорошую шутку. Это уж на моей совести. Вы тут встретите одну очаровательную девушку, она великолепно играет на рояле. Кроме нее, вы встретите других музыкантов, а также художника и историка. Мне казалось, что если тут будут одни ученые, то заточение в Нортонстоу на год станет совершенно невыносимо. Поэтому я устроил подходящую неосторожность — и они оказались здесь. Только смотрите, не проболтайтесь, Джефф. Я думаю, обстоятельства в какой-то степени меня оправдывают, но все-таки лучше пусть они не знают, что я сознательно их сюда заманил. Не будут знать, не будут и сердиться.

— А как насчет пещеры, о которой вы говорили прошлый раз? В этом вопросе, я полагаю, вы тоже все уже уладили?

— Конечно. Вы, вероятно, не видели ее; это здесь недалеко, пониже холма. Там у нас работает много землеройных машин.

— Кто же этим занимается?

— Парни из нового поселка.

— А кто убирает тут в доме, готовит еду и так

далее?

— Женщины из того же поселка; секретаршами работают тоже здешние девушки.

— Что же с ними будет, когда заварится каша?

— Они тоже укроются в убежище, конечно. Поэтому пещеру придется делать гораздо больше, чем первоначально предполагалось. Вот почему мы начали работы так рано.

— Ну, что же, Крис, я вижу, вы неплохо устроились. Но я не понимаю, почему вы считаете, что обманули политиков. В конце концов, им удалось загнать вас сюда, и, насколько я вас понял, они получают всю информацию, какую только вы можете им дать. Выходит, и они устроились совсем неплохо.

— Давайте, я расскажу вам, как мне все представлялось в январе и феврале. В феврале я думал взять под свой контроль все мировые события.

Марлоу засмеялся.

— О, я знаю, это звучит до смешного мелодраматично. Но я говорю серьезно. И я не страдаю манией величия, во всяком случае так мне кажется. Это только на один-два месяца, а потом я великодушно отказался бы от своей власти и вернулся бы к научной работе. Я не из тех, из кого получаются диктаторы. Я чувствую себя по-на-

стоящему хорошо, только когда я мелкая сошка. Но это уж дар небес, что мелкой сошке удалось урвать такой кусок у власть имущих.

— В этом поместье вы как раз похожи на мелкую сошку, — сказал Марлоу со смехом, принимаясь за свою трубку.

— За все это пришлось бороться. Иначе мы получили бы организацию вроде той, на которую вы так гневаетесь. Разрешите, я коснусь немного философии и социологии. Приходило вам когда-нибудь в голову, Джефф, что, несмотря на все изменения, которые внесла наука в жизнь общества, такие, скажем, как освоение новых видов энергии, древняя общественная структура остается неизменной? Наверху политики, затем — военные, а действительно умные люди — внизу. В этом отношении нет никакой разницы между нами, древним Римом и ранними цивилизациями Месопотамии. Мы живем в обществе с нелепыми противоречиями, современном в области техники, но архаичном по своей социальной организации. Годами политики сетуют на нехватку квалифицированных ученых, инженеров и так далее. Они, кажется, никак не могут понять, что дураков существует весьма ограниченное количество.

— Дураков?

— Да, людей вроде нас с вами, Джефф. Мы дураки. Мы предоставляем свои мыслительные способности в распоряжение толпы ничтожеств; допускаем, что они вовлекают нас в свои сделки.

— Ученые всех стран, соединяйтесь! Такова ваша мысль?

— Не совсем. Ученые против остальных — это не совсем то. Суть дела глубже. Это столкновение между двумя совершенно различными формами мышления. Современное общество зиждется в области техники на математическом мышлении. С другой стороны, по своей социальной организации оно основано на мышлении, облеченном в слова. Конфликт возникает, таким образом, между мышлением словесным и математическим. Вам нужно бы встретиться с министром внутренних дел. Вы бы тогда увидели, о чем я говорю.

— И вы представляете себе, как все это изменить?

— Я представляю себе, как помочь математическому мышлению. Но я не такой осел, чтобы воображать, будто какие-либо мои действия могут иметь важное значение.

— Я думал, в случае удачи я смогу показать хороший пример того, как накручивать политикам

хвосты.

— Боже мой, Крис, вы говорите о числах и словах, но я никогда не видел человека, который употребляет столько слов. Можете вы попросту объяснить, что вы замыслили?

— Говоря «попросту», что вы подразумеваете «с помощью чисел»?

— Что же, попробую объяснить. Предположим, что когда Облако окажется здесь, мы сможем уцелеть. Все равно, конечно, условия жизни будут отнюдь не из приятных. Мы будем либо мерзнуть, либо задыхаться от жары. Крайне маловероятно, что у людей при этом сохранится возможность нормального передвижения. Самое большее, на что можно надеяться, — это пещеры и подвалы, спрятавшись, мы как-нибудь продержимся. Другими словами, всякое нормальное передвижение из одного места в другое будет прекращено. Поэтому вся связь и человеческая деятельность будут целиком зависеть от радио.

— Вы говорите, что согласованность общества — та согласованность, благодаря которой оно не распадается на множество разобщенных индивидуумов, будет зависеть от радиосвязи?

— Совершенно верно. Газет не будет, так как все газетчики попрячутся.

— И тут появляетесь вы, Крис? Вы собираетесь устроить в Нортонстоу пиратскую радиостанцию? Ух, ты! Где моя накладная борода?

— Подождите. Когда радиосвязь приобретет такое громадное значение, жизненно важной станет проблема количества информации. Власть постепенно перейдет к людям, у которых будет возможность управлять наибольшими потоками информации. Согласно моим планам, Нортонстоу будет в состоянии оперировать количеством информации, по крайней мере, в сто раз большим, чем все остальные радиопередатчики на Земле, вместе взятые.

— Но это же немыслимо, Крис! Откуда вы, например, возьмете столько энергии?

— У нас есть собственный дизельный генератор и большой запас топлива.

— Но вы не в состоянии будете производить то колоссальное количество энергии, которое вам понадобится.

— А нам не нужно колоссальное количество энергии. Я не говорю, что у нас будет в сто раз большая мощность, чем у всех других передатчиков, вместе взятых. Я сказал, что мы будем передавать в сто раз больше информации, а это отнюдь не то же самое. Мы не будем передавать

программы для отдельных людей. Мы будем вести передачи на очень малой мощности для правительств всего мира. Мы станем как бы международным центром по обмену информацией. Правительства будут сообщаться друг с другом через нас. Вскоре мы станем нервным центром всемирной связи и именно в этом смысле будем контролировать мировые события. Наверное, после моего вступления вы ожидали чего-нибудь более потрясающего, но я не склонен к мелодраматическим эффектам.

— Да, вижу. Но каким же образом вы предполагаете обеспечить передачу такого количества информации?

— Давайте, я сначала изложу вам теорию. На самом деле все это хорошо известные вещи. Причины, по которым они до сих пор не применялись, — частично инертность, капиталовложения в уже существующее оборудование, а частично некоторые неудобства: все программы записываются на магнитную ленту, а потом передаются в эфир.

Кингсли уселся в кресле поудобнее.

— Конечно, вы знаете, что вместо того, чтобы передавать радиоволны непрерывно, как это обычно делается, их можно передавать пре-

рывисто, импульсами. Предположим, что мы можем передавать три сорта импульсов: короткие, средние и длинные. Практически длинный импульс может быть, вероятно, вдвое больше по продолжительности, чем короткий, а средний — соответственно в полтора раза больше. С помощью передатчика, работающего в диапазоне от семи до десяти метров — обычный диапазон при дальней радиосвязи, — при обычной ширине интервала частот можно было бы передавать около десяти тысяч импульсов в секунду. При этом три вида импульсов могут быть расположены в любом заданном порядке, и таких импульсов будет десять тысяч в секунду. Теперь предположим, что мы используем средние импульсы для обозначения конца каждой буквы, слова и предложения. Один средний импульс обозначает конец буквы, два средних импульса, следующих друг за другом — конец слова, три средних импульса подряд — конец предложения. Для передачи букв остаются длинный и короткий импульсы. При этом можно использовать, например, азбуку Морзе. Тогда в среднем на каждую букву понадобится около трех импульсов. Положив в среднем по пять букв на каждое слово, получим, что для передачи одного слова нужно около пятнадцати длинных

и коротких импульсов. Если учесть еще средние импульсы, обозначающие концы букв, получим около двадцати импульсов на каждое слово. При скорости в десять тысяч импульсов в секунду это дает скорость передачи порядка пятисот слов в секунду, в то время как при обычных радиопередачах скорость не достигает и трех слов в секунду. Итак, выигрыш в скорости по крайней мере в сто раз.

— Пятьсот слов в секунду. Боже мой, вот это скороговорка!

— В действительности мы, вероятно, расширим интервал частот и сможем посылать более миллиона импульсов в секунду. Мы полагаем, что можно передавать сто тысяч слов в секунду. Ограничения возникают только из-за необходимости предварительной обработки. Очевидно, никому не под силу произнести сто тысяч слов в секунду; даже, — слава тебе, господи! — политикам. Поэтому программы придется записывать на магнитную ленту и затем считывать с огромной скоростью на специальном магнитофоне. Однако скорость считывания при современном оборудовании ограничена.

— Может быть, тут все-таки дело не так просто? Что помешало правительствам обзавестись та-

ким оборудованием?

— Тупость и инертность. Как обычно — ничего не делается, пока не наступает кризис. Единственное, чего я опасаюсь, это, что политики со своей апатией не удосужатся изготовить даже по одному экземпляру приемника и передатчика, не говоря уже о целых радиостанциях. Мы нажимаем на них, как можем. Они ведь хотят получать от нас информацию, и мы отказываемся передавать ее иначе, чем по радио. Но тут есть еще одна трудность: в ионосфере могут произойти такие изменения, что станет необходимо перейти на более короткие волны. Мы здесь готовим оборудование для работы на волнах до одного сантиметра и все время предупреждаем их об этом. Но ведь они дьявольски медлительны и еле-еле поворачиваются.

— Да, кстати, кто здесь всем этим занимается?

— Радиоастрономы. Вы, вероятно, знаете, что у нас тут их собралась целая орава из Манчестера, Кембриджа и Сиднея. Их стало слишком много, и они наступали друг другу на пятки. Так было, пока нас не заперли на замок. Эти ослы чуть не спятили от злости, словно не было ясно с самого начала, что мы окажемся за решеткой. Тогда я разъяснил им с присущим мне тактом, что един-

ственное, что мы можем сделать, это причинить политикам как можно больше неприятностей, для чего часть радиоастрономов должна заняться вопросами радиосвязи. Выяснилось, что у нас имелось, конечно, гораздо больше всякого электронного оборудования, чем нужно для радиоастрономических целей. Итак, скоро у нас уже работала целая армия радиоинженеров. И если бы мы захотели, то могли бы переплюнуть даже Би-би-си по количеству передаваемой информации.

— Знаете, Кингсли, я совершенно ошеломлен тем, что вы мне рассказали об этом импульсном методе. Я никак не могу поверить, что наши радиостанции посылают всего два-три слова в секунду, когда они могли бы передавать пятьсот.

— Но ведь это очень просто, Джефф. Человеческий рот может произносить около двух слов в секунду. Человеческое ухо способно воспринимать информацию лишь со скоростью менее трёх слов в секунду. Великие умы, которые вершат нашими судьбами, решили, что электронное оборудование также должно быть сконструировано в соответствии с этими ограничениями, хотя с точки зрения электроники таких ограничений не существует. Ведь я же все время говорю — наша

социальная система архаична, люди знающие находятся внизу, а на вершине — толпа недоумков.

— Мне кажется, — засмеялся Марлоу, — вы все-таки слишком упрощаете действительное положение вещей.

Глава шестая
Облако приближается

Все следующее лето Облака не было видно, так как оно находилось на дневном небе, однако его весьма интенсивно исследовали с помощью радиотелескопа в Нортонстоу.

Положение было лучше, чем ожидал премьер-министр. Новости из Нортонстоу позволяли надеяться, что Облако не вызовет острой нехватки топлива, чем премьер был очень доволен. Пока что не грозила и паника. Кроме Королевского астронома, в котором он был полностью уверен, опасность исходила от ученых, в особенности от Кингсли, но все они были надежно закупорены в Нортонстоу. И уступки, на которые пришлось пойти, были поистине смехотворные. Хуже всего было то, что он лишился Паркинсона.

Пришлось послать Паркинсона в Нортонстоу, чтобы там не выкинули какого-нибудь фокуса. Но там, судя по сообщениям, ничто не давало поводов для подозрений, и поэтому премьер-министр решил не трогать лиха, покуда оно спит, невзирая на возражения со стороны некоторых министров. Иногда премьер-министр колебался в своем решении, в особенности когда ему приходилось проглатывать весьма часто поступавшие от Кингсли послания, в которых тот призывал сохранять государственную тайну.

В действительности намеки Кингсли были вполне оправданы: правительство не проявляло должной осторожности. На каждом уровне политической иерархии вышестоящие считали допустимым передавать информацию своим непосредственным подчиненным. Информация об Облаке медленно спускалась по политической лестнице, и к началу осени она уже почти достигла уровня парламента. Вскоре она чуть не стала достоянием прессы. Но еще не настал подходящий момент, чтобы Облако сделалось сенсацией.

Всю осень погода стояла очень плохая и небо над Англией хмурилось. Поэтому, хоть Облако и закрыло часть созвездия Зайца, до ноября тре-

воги не возникло. Первые вести пришли оттуда, где было ясное небо, — с Арабского Востока. Инженеры большой нефтяной компании бурили скважины в пустыне. Они заметили, что рабочие пристально вглядываются в небо. Арабы показывали на Облако, или, вернее, на темное пятно на небе, которое было теперь около семи градусов в поперечнике и походило на округлую зияющую яму. Они сказали, что такой ямы здесь не должно быть и что это небесное знамение. Что это знамение означает, никто не знал, но рабочие испугались. Конечно, никто из инженеров не видал до этого таких темных пятен, но они не достаточно хорошо знали расположение звезд и не могли с уверенностью определить, что это такое. У одного из них была, однако, звездная карта на базе. Закончив бурение и вернувшись на базу, он посмотрел звездную карту и понял — что-то в небе не так. Полетели письма в английские газеты.

Газеты не предприняли никаких немедленных действий. Но в течение недели поступило еще несколько подобных сообщений. Как часто бывает, за одним сообщением последовало множество других — так одна дождевая капля предвещает начало ливня. Лондонские газеты послали спе-

циальных корреспондентов с фотоаппаратами и звездными картами в Северную Африку. Репортеры выехали в отличном настроении, радуясь возможности удрать от ноябрьской непогоды. Они возвращались обескураженными. Оказалось, что с черной ямой в небе не так-то просто совладать. Ни одной фотографии не удалось сделать. Редакторы газет не знали, что фотографировать звезды обычными камерами дело не из легких.

Британское правительство не давало прессе никаких указаний о том, публиковать сообщение об Облаке или нет. Было решено ничего не предпринимать, так как любое давление лишь повысило бы интерес к этому делу.

Тон поступавших сообщений удивлял редакторов. Они отдали распоряжение сделать его более легким и беззаботным, и к концу ноября в газетах появились такие довольно банальные заголовки:

ПРИЗРАК В НЕБЕ.

В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ ОБНАРУЖЕНО ЗВЕЗДНОЕ ЗАТМЕНИЕ.

ЗВЕЗД НА РОЖДЕСТВО НЕ

БУДЕТ,

ГОВОРЯТ АСТРОНОМЫ.

Лед тронулся. Фотографии поступали из многих обсерваторий и в Великобритании, и в других странах. Они появлялись на первых страницах ежедневных газет (но, конечно, на последней странице газеты «Тайме»), иногда основательно отретушированными. Помещались статьи известных ученых.

Читателям сообщалось, что существует сильно разреженный газ, занимающий огромные пространства между звездами. Указывалось, что в этом газе взвешены мириады мельчайших частичек, вероятно, частичек льда, не более стотысячной дюйма в диаметре. Именно эти частички создают десятки темных заплат, которые можно наблюдать вдоль Млечного Пути. Помещались снимки этих темных заплат. Новое небесное явление — просто одна из заплат, которую нам видно с близкого расстояния. Такие скопления иногда подходят близко к солнечной системе или даже проходят через нее. Это давно известно астрономам. Встречи такого рода даже

послужили основой для одной широко известной теории происхождения комет. Снимки комет также помещались.

Научные круги не были полностью удовлетворены такими объяснениями. Облако стало темой разговоров и размышлений в научных лабораториях всего мира. Соображение, высказанное Вейхартом за год до этого, было снова выдвинуто. Вскоре стало ясно, что все зависит от того, какова плотность облака. Общей тенденцией было преуменьшать ее, но некоторые ученые вспомнили замечания, высказанные Кингсли на собрании британской астрономической Ассоциации. Обратили внимание и на исчезновение из университетов группы ученых. Миром овладело вполне понятное беспокойство. Без сомнения, тревога росла бы день ото дня, если бы правительства всех стран не обратились за помощью к ученым.

Ученых призывали принять участие в работе, связанной с подготовкой запасов пищи, горючего и строительством убежищ.

Однако страх непрерывно рос. В течение первых двух недель декабря появились признаки нетерпения. Известные фельетонисты требовали от правительства разъяснений в таком же рез-

ком тоне, как в период дела Берджесса-Маклина несколько лет назад. Но эта первая волна тревоги схлынула весьма любопытным образом. Третья неделя декабря была морозной и ясной. Несмотря на холод, люди на машинах и автобусах устремились из городов, чтобы посмотреть на небо. И никакой ямы в небе они не обнаружили. Всего-то из-за яркого лунного света было видно несколько звезд. Напрасно пресса пыталась втолковать, что Облако можно увидеть только на фоне звезд. Как газетная сенсация, на время по крайней мере, Облако умерло. К тому же до рождества оставалось всего несколько дней.

У правительства были все основания радоваться, ибо в декабре оно получило весьма тревожный доклад из Нортонстоу. Но сначала нужно упомянуть о событиях, предшествовавших этому докладу.

В течение лета организация дел в Нортонстоу окончательно устоялась. Ученые разделились на две группы, одна из них занималась «изучением Облака», а другая — вопросами связи, о которых Кингсли рассказывал Марлоу. Специальный штат занимался хозяйственными делами и по-

стройкой убежища. Каждая из этих трех групп еженедельно проводила совещания, на которых мог присутствовать любой сотрудник. Таким образом, можно было узнать, как идут дела каждой группы, не вдаваясь в детали ее работы.

Марлоу работал в группе «изучения Облака» на телескопе Шмидта, взятом из Кембриджа. К октябрю он и Роджер Эмерсон решили вопрос о направлении движения Облака. Доклад Марлоу на созванном по этому случаю совещании изобиловал, пожалуй, слишком большим числом малосущественных деталей. В заключение он сказал:

— Таким образом, момент количества движения Облака относительно Солнца, по-видимому, равен нулю.

— А что это значит на обычном языке? — спросил Мак-Нейл.

— Это значит, что как Солнце, так и Земля окажутся внутри Облака, очевидно. Если бы Облако имело хоть какой-то момент количества движения, оно могло бы отклониться в сторону. Но теперь совершенно ясно, что этого не будет. Облако движется прямо на Солнце.

— Не странно ли, что Облако движется так точно прямо на Солнце? — снова задал вопрос

Мак-Нейл.

— Должно же оно куда-то двигаться, — ответил Билл Барнет. — В одну ли сторону, в другую ли, но должно.

— Но мне все же кажется странным, что Облако движется прямо на Солнце, — настаивал упорный ирландец.

Еще несколько минут прошло в таких непоследовательных пререканиях, а потом Иветта Хедельфорт встала и обратилась к собравшимся:

— У меня есть причины для беспокойства! — воскликнула она.

Кругом захихикали, и кто-то заметил: «Черт возьми, как странно, не правда ли?»

— Да я не об этом, — продолжала девушка. — Я о том, что действительно вызывает беспокойство. Доктор Марлоу говорит, что Облако состоит из водорода. Измерения показывают, что плотность газа внутри Облака больше, чем 10^{-10} граммов на кубический сантиметр. Я подсчитала, что если Земля будет двигаться через такое облако около месяца, то количество водорода, добавленное в нашу атмосферу, превысит сто граммов на каждый квадратный сантиметр земной поверхности. Это верно?

Стало тихо — собравшиеся, во всяком случае

большинство ученых, поняли значение сказанного.

— Нужно проверить, — пробормотал Вейхарт.

Минут пять он писал что-то на клочке бумаги.

— Верно, по-моему, — заявил он.

Почти сразу же совещание было закрыто. Паркинсон подошел к Марлоу.

— Ну, доктор Марлоу, что все это значит?

— Боже мой, разве не ясно? Это значит, что водорода окажется достаточно, чтобы соединиться со всем атмосферным кислородом. Водород с кислородом образует взрывчатую смесь. Вся атмосфера взлетит к чертям. И уж, конечно, сообразила это женщина.

Кингсли и Вейхарт провели весь день в спорах. Вечером они вместе с Марлоу и Иветтой Хедельфорт собрались в комнате Паркинсона.

— Послушайте, Паркинсон, — начал Кингсли после того, как вино было налито. — Вам нужно решить, что сообщать Лондону, Вашингтону и всем другим греховным городам. Все оказалось совсем не так просто, как мы думали утром. И водород не так уж важен, как вы думали, Иветта.

— Я не говорила, что он важен, Крис. Я просто задала вопрос.

— И правильно сделали, мисс Хедельфорт, —

прервал Вейхарт. — Мы чересчур много внимания уделяли температуре и забыли про влияние Облака на земную атмосферу. Первый вопрос — энергия. Каждый грамм водорода, проникший в атмосферу, может высвободить энергию двумя способами: во-первых, путем удара об атмосферу и, во-вторых, путем соединения с кислородом. В первом случае выделится больше энергии и, следовательно, этот фактор важнее.

— Господи, час от часу не легче, — воскликнул Марлоу.

— Почему? Подумайте, что будет, когда газ Облака столкнется с атмосферой. Самые верхние слои атмосферы сильно нагреются, так как там произойдет сжатие. Мы подсчитали, что температура внешних слоев атмосферы достигнет сотен тысяч градусов, может быть даже миллионов градусов. Следующий вопрос связан с тем, что Земля и атмосфера вращаются, и Облако будет налетать на атмосферу только с одной стороны.

— С какой стороны? — спросил Паркинсон.

— Положение Земли на орбите будет такое, что Облако будет двигаться на нас приблизительно от Солнца, — объяснила Иветта Хедельфорт.

— Хотя самого Солнца не будет видно, — добавил Марлоу.

— Таким образом, Облако будет налетать на атмосферу в то время, когда должен быть день?

— Правильно. И оно не будет налетать на атмосферу ночью.

— В этом все дело, — продолжал Вейхарт. — Из-за очень высокой температуры, о ней я уже говорил, внешние слои атмосферы будут стремиться улететь от Земли. Это не будет происходить в «дневное время», так как давление Облака будет удерживать их, но «ночью» верхние слои атмосферы устремятся в пространство.

— А, я понимаю, что вы хотите сказать, — прервала Иветта Хедельфорт. — Водород будет проникать в атмосферу в «дневное время», но будет снова улетучиваться «ночью». Значит никакого накопления водорода в атмосфере не будет.

— Совершенно верно.

— Но можно ли быть уверенными, что весь водород будет так улетучиваться, Дэйв? — спросил Марлоу. — Даже если малая часть его будет оставаться, скажем, один процент или десятая процента, это вызовет пагубные последствия. Мы должны помнить, сколь малого возмущения — малого с астрономической точки зрения — может оказаться достаточно, чтобы мы перестали существовать.

— Я уверен, что практически весь водород будет уходить. Опасность совсем в другом, в том, что слишком много других газов также будет улетучиваться из атмосферы в космическое пространство.

— Как это? Вы же сказали, что только внешние слои атмосферы будут нагреты.

На это возражение ответил Кингсли:

— Дело вот в чем. Верхняя часть атмосферы станет горячей, чрезвычайно горячей. Нижние ее слои, та часть, где мы живем, будет сначала холодной. Но постепенно возникнет поток энергии сверху вниз, он будет стремиться нагреть нижние слои.

Кингсли поставил на стол свой стакан с виски.

— Все дело в том, чтобы оценить, насколько быстрым может быть этот перенос энергии. Как вы сказали, Джефф, незначительные эффекты могут привести к самым пагубным последствиям. Нижняя часть атмосферы может так нагреться, что мы изжаримся, в буквальном смысле слова — изжаримся на медленном огне, все, включая и политиков, Паркинсон!

— Вы забываете, мы — толстокожие, и нас придется поджаривать дольше.

— Здорово сказано. Один — ноль в вашу пользу!

Конечно, вертикальный перенос может оказаться настолько сильным, что вся атмосфера улетит в пространство.

— Это можно выяснить?

— Да, имеется три способа переноса энергии, все они наши старые знакомые: теплопроводность, конвекция и излучение. Уже сейчас мы совершенно уверены, что теплопроводность не может играть существенной роли.

— И конвекция тоже, — прервал Вейхарт. — Атмосфера, в которой температура растет с высотой, будет устойчива. Следовательно, никакой конвекции не будет.

— Значит, остается излучение, — заключил Марлоу.

— И каково будет действие излучения?

— Не знаем, — сказал Вейхарт. — Это нужно подсчитать.

— Вы это можете сделать? — спросил настойчивый Паркинсон.

Кингсли кивнул.

Через три недели Кингсли попросил Паркинсона зайти к нему.

— Мы получили результаты со счетной маши-

ны, — сказал он. — Хорошо, я настоял на том, чтобы у нас была машина. Похоже, с излучением все в порядке. Мы имеем в запасе множитель порядка десяти и, следовательно, надежно защищены. По-видимому, сверху обрушится огромное количество смертоносных лучей — рентгеновские лучи, ультрафиолетовый свет. Но, видимо, в нижние слои атмосферы они не проникнут. На уровне моря мы будем прекрасно защищены. Но высоко в горах дело будет обстоять хуже. Я думаю, придется переселять людей вниз. В таких местах, как Тибет, никого оставлять нельзя.

— Но, вообще-то, по-видимому, все будет в порядке?

— Точно не знаю. Откровенно говоря, Паркинсон, я несколько обеспокоен. Это не относится к излучению. Здесь, я думаю, все в порядке. Но я не согласен с Дэйвом Вейхартом относительно конвекции и не думаю, что он говорит с полной уверенностью. Вы помните его точку зрения, что конвекция не может иметь места при возрастании температуры с высотой. В обычных условиях это верно, так называемые температурные инверсии хорошо известны, особенно в Южной Калифорнии, откуда сам Вейхарт родом. И совершенно правильно, что при температурной

инверсии не происходит вертикального перемещения слоев воздуха.

— Тогда что же вас беспокоит?

— Самый верх атмосферы, с которым столкнется Облако. Из-за давления снаружи, со стороны Облака, в этой области должна будет возникнуть конвекция. Эта конвекция, конечно, не сможет проникнуть в нижние слои атмосферы. Тут Вейхарт прав. Но на небольшое расстояние вниз она проникнуть может. И в этой области возникнет огромный перенос тепла.

— Но если тепло не проникнет в нижние слои, чего же беспокоиться?

— Все-таки оно может туда проникнуть. Смотрите, как это будет развиваться во времени. В первый день потоки слегка проникнут внутрь. Затем ночью мы потеряем не только водород, который просочится за день, но и ту часть атмосферы, куда проникнут потоки тепла. Таким образом, в первые сутки мы потеряем внешнюю оболочку нашей атмосферы. За следующие сутки мы потеряем другую оболочку. И так далее. День за днем атмосфера будет сбрасывать с себя одну оболочку за другой.

— На месяц ее хватит?

— В этом-то и вопрос. И я не могу вам на него

ответить. Может быть, она улетучится за десять дней, может быть, за месяц, точно не знаю.

— А можете определить?

— Попытаюсь, но очень трудно учесть все важные факторы. Это посложнее, чем проблема излучения. Несомненно, мы дадим какой-то ответ, но я не знаю, насколько ему можно будет верить. Скажу вам прямо, все будет висеть, по-видимому, на волоске. Откровенно говоря, не думаю, что через шесть месяцев мы будем знать намного больше. Это, вероятно, одна из проблем, которые слишком сложны для расчетов. Боюсь, нам остается только ждать и наблюдать.

— Что же мне передать в Лондон?

— Это ваше дело. Конечно, вы должны сказать об эвакуации высокогорных районов, хотя в Англии нет таких уж высоких гор. А что еще передать, решайте сами.

— Хорошего мало, не правда ли?

— Да. Если вы уж очень падете духом, советую поговорить с одним из садовников, Стоддардом. Он такой тугодум, что его невозможно вывести из равновесия, хоть вся атмосфера взорвись.

С третьей недели января судьбу рода человече-

ского можно было уже прочесть на небе. Звезда Ригель в созвездии Ориона исчезла. В последующие недели то же произошло с мечом и поясом Ориона и яркой звездой Сириус. Исчезновение любого другого созвездия, кроме разве Большой Медведицы, могли бы и не заметить, но исчезновение Ориона и Сириуса заметили все.

Пресса снова заинтересовалась Облаком. Ежедневно публиковались сообщения о происшедших изменениях. Чрезвычайно возросла популярность «ночных путешествий в погоне за тайной» на автобусах. Количество слушателей лекций Би-би-си по астрономии увеличилось втрое.

К концу января, наверное, уже каждый четвертый видел Облако. Но и всем остальным тоже захотелось увидеть его собственными глазами. Так как большинству горожан было трудно выезжать ночью за город, решили выключать в городах по ночам на некоторое время уличное освещение. Сначала это вызвало протест со стороны городских властей, но он только привел от вежливых просьб к студенческим демонстрациям. Первым городом в Англии, в котором стали каждую ночь тушить свет, был Вулвергемптон. За ним быстро последовали другие, а к концу второй

недели февраля капитулировали и лондонские отцы города. Теперь наконец большинство населения могло само видеть, как Черное облако, подобно жадной руке, сжимало Орион — небесного охотника.

То же происходило в США и во всех других развитых странах. Соединенным Штатам пришлось, кроме того, заняться эвакуацией населения большинства западных штатов, так как значительная часть их территории лежит выше 1500 метров — предела, указанного в докладе Нортонстоу. Правительство США справилось, конечно, у своих собственных экспертов, но их заключения почти не отличались от полученных в Нортонстоу. США организовали также эвакуацию в высокогорных республиках Южной Америки.

Аграрные страны Азии были удивительно безразличны к тому, что сообщила им Организация Объединенных Наций. Их политика «жди и наблюдай» была в действительности, может быть, самой мудрой. За тысячи лет восточные народы привыкли к стихийным бедствиям — «божьей воле», как их называют на Западе. Жители Востока привыкли смиренно встречать и наводнения, и грабительские набеги, и налеты саранчи, и болезни, так же они отнеслись и к новой небесной

напасти.

С приходом весны в северное полушарие Облако все больше и больше перемещалось с ночного неба на дневное. Поэтому хотя оно быстро затянуло часть неба уже вне созвездия Ориона, которое полностью скрылось, его присутствие стало менее заметным для случайного наблюдателя. Англичане все еще играли в крикет и копались у себя в садах; то же самое делали и американцы.

Широкий интерес к садоводству был вызван необычайно ранним летом — оно началось в середине мая. Мрачные предчувствия, конечно, жили повсюду, но они принимали с каждой неделей необычайно ясной, солнечной погоды все более смутные очертания. Овощи поспели к концу мая.

Правительства прекрасной погоде отнюдь не радовались — в ней таилась зловещая причина. С того времени, как его увидели в первый раз, Облако прошло около девяноста процентов своего пути до Солнца. Было ясно, что по мере приближения к Солнцу Облако должно отражать все больше и больше солнечных лучей, и это приведет к повышению температуры на Земле. Как и предсказывал Марлоу, количество видимого света не возросло. В течение всей чудесной

весны и раннего лета заметного увеличения яркости неба не наблюдалось. Та часть, света от Солнца, которая попадала в Облако, переизлучалась им в форме невидимых инфракрасных тепловых лучей. К счастью, не весь падающий на Облако свет переизлучался, иначе Земля стала бы необитаемой. И к счастью, значительная часть инфракрасных лучей не проникала внутрь нашей атмосферы. Она отражалась назад в космическое пространство.

К июню стало ясно, что температура повсюду на Земле поднимется приблизительно на пятнадцать градусов Цельсия. Мало кто представляет себе, как близко к предельно допустимой для жизни температуре живет большая часть человечества. При очень малой влажности воздуха человек может выдерживать температуру до 65° Цельсия. Температура достигает такого уровня летом в низколежащих областях Западно-Американской пустыни и в Северной Африке. Но в условиях большой влажности предельная температура снижается до 45° Цельсия, при очень высокой влажности — до 40°, и эта температура обычно держится летом на восточном берегу США и иногда на Среднем Западе. Как это ни странно, на экваторе, при наличии высокой влажности,

температура редко бывает выше 35. Этот парадокс вызван тем, что на экваторе очень плотный облачный покров отражает значительную часть солнечных лучей.

Таким образом, во многих областях земного шара температура ниже предельной лишь на 10°, а в некоторых местах и того меньше. Перспектива дополнительного увеличения температуры на 15° вызывала серьезнейшие опасения.

Нужно еще добавить, что неспособность тела избавиться от постоянно выделяемого в нем тепла может вызвать смерть. Выделение этого тепла необходимо, чтобы у человеческого тела была нормальная рабочая температура, около 37° Цельсия. Увеличение температуры тела до 39° приводит к болезненному состоянию, до 40° — к бредовому состоянию, а 42° или больше вызывает смерть. Может возникнуть вопрос, как тело избавляется от тепла в среде с большей температурой, скажем, при 43°. Это происходит благодаря испарению пота с кожи. Такое испарение возможно, однако, лишь при малой влажности окружающего воздуха. Вот почему человек может переносить большие температуры при низкой влажности и жаркую погоду всегда легче переносить в сухих местах.

Следовательно, многое зависело от влажности воздуха, и это порождало какую-то надежду. Инфракрасные лучи от Облака будут быстрее нагревать сушу, чем море, и температура воздуха будет быстро расти с ростом температуры суши, в то время как содержание влаги в воздухе будет повышаться медленнее, так как оно зависит от температуры моря. Следовательно, относительная влажность должна была падать, во всяком случае, сначала. Именно это падение относительной влажности явилось причиной невиданно ясной весны и раннего лета в Англии.

Вначале значение инфракрасных лучей недооценивали. Иначе американское правительство никогда не расположило бы свой вновь организованный научный центр в западной пустыне. Теперь они вынуждены были эвакуировать людей и оборудование. Они стали в большей мере зависеть от информации из Нортонстоу, и роль Нортонстоу возросла еще больше. Но и в Нортонстоу были свои затруднения.

Джон Мальборо получил новые результаты, которые показались всем невероятными, однако он уверял, что не ошибся. Чтобы не зайти в тупик, решили, что работа будет повторена Лестером, который занимался проблемой связи. Работа бы-

ла проделана заново, и спустя десять дней Лестер докладывал на многолюдном собрании.

Вернемся немного назад. Когда Облако было впервые обнаружено, мы выяснили, что оно движется по направлению к Солнцу со скоростью несколько меньшей, чем семьдесят километров в секунду. Было установлено, что скорость должна постепенно увеличиваться по мере приближения к Солнцу и что конечная скорость должна быть порядка восьмидесяти километров в секунду. Наблюдения, сделанные Мальборо две недели назад, показали, что Облако ведет себя не так, как мы предполагали. Вместо того чтобы ускоряться по мере приближения к Солнцу, оно на самом деле замедляется. Как вы знаете, было решено повторить наблюдения Мальборо. Лучше всего показать несколько диапозитивов.

Единственный, кого эти снимки порадовали, был Мальборо. Его работа получила подтверждение.

— Но, черт побери, — сказал Вейхарт. — Облако должно ускоряться в гравитационном поле Солнца.

— Если оно не отдает каким-либо способом свой импульс, — возразил Лестер. — Взгляните еще раз на последний снимок. Видите эти маленькие

зернышки вот здесь? Они так малы, что можно их принять за дефект на снимке. Но если они действительно существуют, то скорость их должна быть около пятисот километров в секунду.

— Интересно, — пробормотал Кингсли. — Вы хотите сказать, что Облако выстреливает маленькие сгустки вещества с очень большой скоростью и таким образом замедляется?

— Может быть и так, — ответил Лестер. — По крайней мере такое объяснение согласуется с законами механики и является до некоторой степени разумным.

— Но почему Облако ведет себя таким чертовски странным образом? — спросил Вейхарт.

Паркинсон присоединился к Марлоу и Кингсли, когда они гуляли днем в саду.

— Интересно, изменится что-нибудь существенным образом из-за этого нового открытия? — сказал он.

— Трудно сказать, — ответил Марлоу, пуская клубы дыма. — Рано чтонибудь говорить. Теперь мы должны смотреть в оба.

— Наше расписание может измениться, — заметил Кингсли. — Мы считали, что Облако достигнет Солнца в начале июля, но если торможение будет продолжаться, это может отодвинуть

сроки. Все начнется, может быть, в конце июля или даже в августе. И я теперь не уверен в наших оценках температуры внутри Облака. Изменение скорости изменит и температуру.

— Правильно я понял, что Облако замедляется таким же способом, как ракета — выбрасывает вещество с большой скоростью? — спросил Паркинсон.

— Похоже на то. Мы только что обсуждали возможные причины такого явления.

— Что же вы думаете на этот счет?

— Вполне вероятно, — продолжал Марлоу, — что внутри Облака действуют очень сильные магнитные поля. Уже наблюдались исключительно большие возмущения магнитного поля Земли. Может быть, конечно, они вызваны солнечными корпускулярными потоками, как обычная магнитная буря. Но мне кажется, мы испытываем влияние магнитного поля Облака.

— И по-вашему, все явления связаны с магнетизмом?

— Да, может быть. Целый ряд явлений может быть обусловлен взаимодействием магнитных полей Солнца и Облака. Сейчас еще не ясно, что именно происходит, но из всех объяснений, которые можно придумать, это выглядит самым

вероятным.

Они завернули за угол дома и увидели коренастого человека, который снял перед ними кепку.

— Добрый день, джентльмены.

— Прекрасная погода, Стоддард. Ну, как сад?

— Да, сэр, прекрасная погода. Помидоры уже поспевают. Никогда раньше такого не бывало, сэр.

Когда они отошли, Кингсли сказал:

— Откровенно говоря, если бы у меня была возможность поменяться с этим малым местами на ближайшие три месяца, честное слово, я бы ни минуты не колебался. Какое облегчение не видеть ничего вокруг, кроме зреющих помидоров!

Остаток июня и весь июль на всём земном шаре температура непрерывно поднималась. На Британских островах жара перевалила за 30 Цельсия и продолжала увеличиваться. Люди страдали от зноя, но серьезного беспокойства не возникало.

Количество жертв в США оставалось совсем небольшим, главным образом благодаря широкому использованию аппаратов для кондиционирования воздуха. По всей стране температура приближалась к летальному пределу, и люди были вынуждены неделями не выходить из дома.

Иногда аппараты для кондиционирования воздуха отказывали, и это приводило к самым плачевным последствиям.

Отчаянное положение сложилось в тропиках, это видно из того, что 7943 вида растений и животных полностью вымерли. Люди продолжали существовать лишь потому, что укрывались в пещерах и погребах. Не было никаких путей уменьшить непереносимый зной. Неизвестно, сколько людей погибло за это время. Можно только сказать, что всего за время нахождения Облака вблизи Солнца погибло более семисот миллионов человек. И если бы не различные благоприятные обстоятельства, о которых еще будет идти речь, число это было бы значительно больше.

Затем поднялась и температура воды на поверхности морей, не так, как температура воздуха, недостаточно, чтобы увеличение влажности приняло угрожающие размеры. Именно увеличение влажности привело к трагедии, которая была только что описана. Миллионы людей в широтах между Каиром и мысом Доброй Надежды жили в душной парильне, где температура и влажность неумолимо росли день ото дня. Всякие передвижения людей прекратились. Человеку ничего не оставалось, как только лежать, часто и тяжело

дыша, как собака в жаркую погоду.

К четвертой неделе июля условия в тропиках колебались между жизнью и смертью всех обитателей. Затем внезапно надо всей землей стали собираться дождевые тучи. Через три дня уже нельзя было найти ни одного просвета. Земля окуталась толстым слоем облаков, как планета Венера. Жара немного спала — облака отражали больше солнечных лучей. Однако нельзя сказать, чтобы условия улучшились. По всей Земле прошли теплые дожди, даже на далеком Севере в Исландии. Необычайно возросло количество насекомых, так как для них жара настолько же полезна, насколько она губительна для человека и других млекопитающих.

Растения небывало разрослись. Пустыни зацвели, как они никогда не цвели за все время, пока человек существует на Земле. По иронии судьбы, однако, никакой пользы от неожиданного плодородия ранее бесплодных земель получить не удалось. Поля засеяны не были. Только на Северо-Западе Европы и на Крайнем Севере люди были в состоянии трудиться, во всех других местах они просто старались не умереть. Венец творения был поставлен на колени средой, в которой он жил, той самой средой, способностью управлять кото-

рой он так кичился последние пятьдесят лет.

Но, хотя улучшений не было, хуже тоже не становилось. При частичном или полном отсутствии пищи, но теперь с изобилием воды многие из тех, кто попал в эту страшную жару, умудрились выжить. Смертность достигла невероятных размеров, но она перестала увеличиваться.

За неделю до того, как облачный покров окутал Землю, в Нортонстоу было сделано открытие, представляющее определенный астрономический интерес. При столь драматических обстоятельствах было подтверждено существование на Луне пылевых вихрей.

Увеличение температуры сделало обычно прохладное английское лето тропически жарким, но не больше. Трава вскоре выгорела и цветы погибли. По сравнению с уровнем, существовавшим на всей Земле, можно было считать, что Англии просто повезло, несмотря на то, что температура днем поднималась до 38, а ночью падала только до 32. Морские курорты были переполнены и все побережье было забито прицепными домиками спасающихся от жары людей.

В Нортонстоу теперь было убежище с конди-

ционированным воздухом, и все большая часть обитателей замка располагалась в нем на ночь. В остальном все шло по-прежнему, только прогулки теперь совершались ночью, а не днем.

Однажды лунной ночью Марлоу, Эмерсон и Йенсен гуляли неподалеку от дома и вдруг заметили, что свет Луны изменился. Взглянув вверх, Эмерсон сказал:

— Знаете, Джефф, это чертовски странно. Я не вижу никаких облаков.

— Вероятно, это частички льда на большой высоте.

— В такую жару!

— Да, вряд ли.

— И кристаллики льда не могут дать такого странного желтого цвета, — добавил Йенсен.

— Тогда остается только одно. Сомневаешься — посмотри. Давайте пойдем на телескоп.

Они отправились к куполу Шмидта. Марлоу направил шестидюймовый поисковый телескоп на Луну.

— Боже, — воскликнул он, — она вся бурлит!

Эмерсон и Йенсен взглянули по очереди. Затем Марлоу сказал:

— Надо пойти в дом и всех позвать. Такое зрелище можно увидеть лишь раз в жизни. Я хочу

получить снимки на самом Шмидте.

Энн Холей присоединилась к группе, поспешившей к телескопу в ответ на настойчивые приглашения Эмерсона и Йенсена. Когда до нее дошла очередь смотреть в поисковый телескоп, Энн не представляла себе, что она может там увидеть. Правда, у нее были самые общие представления о серой, изрытой безжизненной поверхности Луны, но она не была знакома с лунной топографией. Энн не улавливала смысла взволнованных восклицаний, которыми обменивались астрономы, и подошла к телескопу скорее из чувства долга. По мере того как Энн наводила на фокус, перед ее глазами предстал совершенно фантастический мир. Луна была лимонно-желтого цвета. Обычно четкие детали были размыты гигантским облаком, распространившимся за границы ее диска. В облако вливались потоки, исходящие из более темных участков, которые все время рвались на части и мерцали поразительным образом.

— Хватит, Энн. Мы хотим посмотреть, пока ночь не кончилась, — сказал кто-то.

Она неохотно уступила место.

— Что это значит, Крис? — спросила Энн у Кингсли, когда они шли к убежищу.

— Вы помните, мы говорили, что Облако замедляется? Что оно замедляется по мере приближения к Солнцу, вместо того чтобы ускоряться?

— Помню, все еще беспокоились из-за этого.

— Так вот, Облако замедляется, выбрасывая сгустки газа с очень большой скоростью. Мы не знаем, почему и как это происходит, но данные Мальборо и Лестера определенно говорят об этом.

— Не хотите ли вы сказать, что один из этих сгустков попал в Луну?

— Именно это я и думаю. Темные участки — гигантские вихри пыли, вихри, возможно, в две или три мили высотой. Все дело в том, что давление газа, движущегося с большой скоростью, подняло пыль на сотни миль над поверхностью Луны.

— А может один из этих сгустков попасть в нас?

— Не думаю, что вероятность этого велика. Земля слишком маленькая мишень. Но Луна еще меньше, и все же один из них в нее угодил.

— Что произойдет, если…?

— Если попадет в нас? Не хочется думать об этом. Мы беспокоились, что может случиться, если Облако ударится о нас, двигаясь со скоростью пятьдесят километров в секунду. Было бы

гибельно, если бы один из этих сгустков столкнулся с нами, ведь его скорость чуть ли не тысяча километров в секунду. Боюсь, что вся земная атмосфера просто улетучилась бы в космическое пространство, подобно тому, как это произошло с лунной пылью.

— Чего я в вас не пойму, Крис, так это, как вы можете, зная такие вещи, уделять столько внимания политике и политикам. Это кажется таким незначительным и мелким.

— Энн, дорогая моя, если бы я все время думал о сложившейся ситуации, я бы сошел с ума за несколько дней. Одни сошли бы с ума. Другие спились бы. Я ухожу от этого кошмара, кидаясь на политиков. Старина Паркинсон прекрасно знает, что мы с ним просто участвуем в игре. Но, по правде сказать, теперь жизнь измеряется часами.

Она придвинулась ближе к нему.

— Или, — прошептал он, — говоря словами поэта:

Поцелуй меня нежно и крепко,
Наша жизнь ведь так коротка.

Глава седьмая
Облако надвинулось

С конца июля в Нортонстоу были введены ночные дежурства. Джо Стоддард, естественно, участвовал в них, потому что его работа садовника к этому времени прекратилась. Садоводство — неподходящий вид деятельности в условиях тропической жары.

Случилось так, что в ночь на 27 августа была как раз его очередь дежурить. В течение ночи ничего не произошло. Тем не менее, в семь тридцать утра Джо робко постучался в дверь комнаты Кингсли. Предыдущим вечером Кингсли в компании с другими изрядно выпил. Поэтому сначала он никак не мог понять, чего хочет от него садовник. Постепенно он начал осознавать, что весельчак Джо на этот раз весьма озабочен. — Нету, сэр, нету!

— Чего нет? Принесите мне, ради бога, чашку чаю. У меня во рту, как на дне клетки с попугаями.

— Чашку чаю, сэр! — Джо было заколебался, но

потом опять принялся за свое: — Вы же сказали, сэр, я должен докладывать обо всем необычном, а его и вправду нету.

— Вот что, Джо, при всем моем к вам уважении, должен сказать вам совершенно серьезно, что я распотрошу вас сейчас на этом самом месте, если вы не скажете мне, чего это такого нет.

Затем Кингсли медленно и громко произнес: «ЧЕ-ГО НЕТ?»

— Дня, сэр! Нету Солнца!

Кингсли схватил часы. Было 7 часов 42 минуты утра, конец августа, когда рассвет наступает задолго до этого часа. Он выскочил из убежища наружу. Кромешная тьма, даже свет звезд не мог проникнуть через сплошной облачный покров. Казалось, повсюду воцарился какой-то бессмысленный первобытный страх. Свет покинул мир.

В Англии и других странах Запада ночь смягчила удар: момент исчезновения солнечного света совпал там как раз с ночными часами. Вечером Солнце, как обычно, закатилось, однако восемь часов спустя оно уже не взошло. За это время Облако достигло Солнца и закрыло его.

Населению восточного полушария довелось в полной мере пережить ужас исчезновения света. Кромешная тьма опустилась на них среди дня. В

Австралии, например, небо стало темнеть около полудня, и к трем часам нигде не было уже ни малейшего проблеска света, кроме тех мест, где включили искусственное освещение. Во многих крупных городах мира начались беспорядки.

Три дня Земля была погружена в полную темноту. Исключение составляли страны, где люди обладали техническими возможностями, чтобы обеспечить себя искусственным освещением. Лос-Анжелос и другие американские города жили при ярком свете миллионов электрических ламп. Однако это отнюдь не спасало американский народ от ужаса, охватившего все человечество. В самом деле, у американцев было больше времени и возможностей следить за происходящим, они толпились у телевизоров и ожидали последних официальных сообщений от властей, не способных ни понять, ни контролировать ход событий.

Через три дня произошли некоторые перемены. Днем небо опять светлело и стали выпадать дожди. Сначала дневной свет был совсем тусклый, но день за днем светлело, пока, наконец, освещение не стало похожим на нечто среднее между обычным ясным днем и лунной ночью. Но этот свет не принес людям душевного облегчения — его темно-красный оттенок с несомненностью

указывал, что это не естественный свет.

Дожди сначала были теплые, но температура медленно и неуклонно понижалась. В то же время интенсивность ливней стремительно нарастала. Пока стояла жара, в воздухе накопилось громадное количество влаги. С понижением температуры, которое началось с исчезновением солнечного света, все больше и больше этой влаги стало выпадать в виде дождя. Реки быстро поднялись и вышли из берегов, разрушая дороги и лишая крова бесчисленное множество людей. Трудно описать состояние миллионов людей во всем мире, застигнутых неуемными ливнями после нескольких недель изнуряющей жары. А с неба струился тусклый темно-красный, потусторонний свет и отражался в потоках воды.

Но еще страшнее этого потопа были пронесшиеся над Землей яростные бури. При конденсации водяных паров в дождевые капли в атмосфере высвободилось совершенно беспримерное количество энергии. Это вызвало огромные колебания атмосферного давления, приведшие к ураганам невиданной, невероятной силы.

Усадьба в Нортонстоу сильно пострадала во

время одного из таких ураганов. При этом под обломками погибли двое рабочих. Однако этой трагедией дело не ограничилось. Кнут Йенсен и его Грета, та самая Грета Йохансен, которой Кингсли писал в свое время, попали в жестокую грозу и были убиты упавшим деревом. Их похоронили вместе неподалеку от старого дома.

А температура все падала и падала. Дождь постепенно сменился снегом. Затопленные поля покрылись льдом, а к концу сентября даже бурные реки превратились в недвижные каскады льда. Снеговой покров медленно распространялся, подбираясь к тропикам. И к тому времени, как вся Земля была скована морозом и льдом и покрыта снегом, небо очистилось от облаков. Люди снова увидели вселенную.

Теперь уже было очевидно, что таинственный красный свет исходил не от Солнца. Свет распределялся почти равномерно от горизонта до горизонта, а не шел из какой-то одной точки. Каждый участок дневного неба, казалось, слабо тлел, испуская тусклое красное сияние. По радио и телевидению сообщили, что свет исходит не от Солнца, а от Облака. Это объясняется, говорили ученые, нагревом Облака при его соприкосновении с Солнцем.

К концу сентября передний чрезвычайно разреженный край Облака достиг Земли. При этом, как и было предсказано в докладе из Нортонстоу, верхние слои земной атмосферы начали разогреваться. Но пока еще газ был слишком разреженный, чтобы вызвать нагрев до сотен — тысяч или миллионов градусов. Все же температура верхних слоев атмосферы поднялась до нескольких десятков тысяч градусов, а этого было уже достаточно, чтобы оттуда начал исходить мерцающий синий свет, хорошо видимый с Земли ночью. Ночи стали неописуемо прекрасными, однако едва ли кто-нибудь по-настоящему мог оценить эту красоту: ведь человек способен в полной мере наслаждаться прекрасным, только если у него спокойно на душе. Разве что на севере какой-нибудь привычный ко всему пастух, охраняя свои стада, всматривался, быть может, с изумлением и благоговейным трепетом в испещренное фиолетовыми полосами ночное небо.

Так это и продолжалось: сумрачные красные дни и светящиеся синие ночи, и ни Солнце, ни Луна не имели к этому никакого отношения. И все ниже и ниже падала температура.

За это время погибли массы людей во всех странах, кроме самых развитых. Сначала несколько

недель стоял почти невыносимый зной. Затем многие умерли во время бурь и наводнений. С наступлением сильных холодов люди стали гибнуть от воспаления легких. За время с начала августа до первой недели октября вымерла примерно четверть всего населения планеты. Невыносимое горе выпало на долю бесчисленных семей. Смерть безжалостно и неотвратимо навеки разлучала мужа с женой, родителей с детьми, влюбленного с возлюбленной.

Премьер-министр был зол на ученых из Нортонстоу. Гнев даже заставил его туда поехать. В дороге он продрог и измучился, что отнюдь не улучшило его настроения.

— Выясняется, что правительство было совершенно дезориентировано, — сказал он Кингсли. — Сначала вы говорили, что критическое положение будет длиться один месяц, не больше. Так вот, оно уже длится больше месяца, а конца все не видно. Когда же можно ожидать прекращения всей этой истории?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил Кингсли.

Премьер-министр сердито посмотрел на Паркинсона, Марлоу, Лестера и затем, уже совсем свирепо, — на Кингсли.

— Чем же, я вас спрашиваю, объяснить столь грубую дезинформацию? Нужно ли напоминать, что Нортонстоу были предоставлены все возможности? Не будет преувеличением сказать, что вы тут как сыр в масле катаетесь. За это мы в праве ожидать от вас полной научной компетентности. Должен сказать, что условия жизни здесь значительно лучше тех, в которых вынуждено работать само правительство.

— Конечно, условия здесь гораздо лучше. Они лучше потому, что мы предвидели то, что сейчас происходит.

— Кажется, это единственное предвидение, на которое вы оказались способны, и предвидение к собственной выгоде и безопасности.

— В этом мы старались не отставать от нашего правительства.

— Я не понимаю вас, сэр.

— Тогда давайте я изложу обстановку более ясно. Когда начал обсуждаться вопрос об Облаке, главной заботой, вашего правительства, да и других правительств, насколько мне известно, было воспрепятствовать распространению фактов. На самом деле вся эта секретность была нужна, конечно, только для того, чтобы не дать народу подобрать себе более деятельных руко-

водителей.

Теперь премьер-министр рассвирепел окончательно.

— Скажу вам без обиняков, Кингсли: я считаю себя вынужденным, вернувшись в Лондон, сделать некоторые шаги, которые едва ли вас обрадуют.

Паркинсон заметил, как непринужденно-насмешливый тон Кингсли внезапно стал жестким.

— Боюсь, вам не придется возвращаться в Лондон, вы останетесь здесь.

— Я не могу поверить, что даже такой человек, как вы, профессор Кингсли, может настолько обнаглеть, чтобы ему пришло в голову арестовать меня!

— Что вы, мой дорогой премьер-министр, почему же арестовать, — сказал Кингсли с улыбкой. — Имеется в виду совсем другое. Если положение станет критическим, вы будете в гораздо большей безопасности в Нортонстоу, чем в Лондоне. Давайте так и говорить — мы считаем целесообразным в интересах всего общества, конечно, чтобы вы оставались в Нортонстоу. А теперь, я думаю, лучше нам с Лестером и Марлоу оставить вас с Паркинсоном наедине; у вас, без

сомнения, найдется много о чем поговорить.

Марлоу и Лестер вышли из комнаты вслед за Кингсли. Они были несколько ошеломлены.

— Крис, но ведь этого нельзя делать, — сказал Марлоу.

— Можно и нужно. Отпустить его обратно в Лондон — это значит подвергнуть опасности жизнь каждого, кто находится здесь, начиная с вас, Джефф, и кончая Джо Стоддардом. Я просто обязан не допустить этого. Видит бог, у нас и без того положение не из блестящих.

— Но если он не вернется в Лондон, они пошлют за ним.

— Не пошлют. Мы сообщим по радио, что дороги здесь временно стали непроходимыми, и поэтому его возвращение откладывается на несколько дней. Температура опускается сейчас так быстро, что через несколько дней дороги на самом деле будут непроходимы. Помните, я говорил вам, еще когда мы беседовали в пустыне Мохаве, о том, что температура резко снизится; вот это сейчас и происходит.

— Не понимаю. Ведь непохоже, чтобы опять возобновились снегопады.

— Конечно, нет. Но скоро температура опустится так низко, что двигатели внутреннего

сгорания не смогут работать. Прекратится всякое движение по земле и по воздуху. Я понимаю, конечно, можно сделать специальные двигатели, но пока с этим справятся, положение настолько ухудшится, что никому уже не будет никакого дела до того, в Лондоне ли премьер-министр или где-нибудь еще.

— Пожалуй, вы правы, — сказал Лестер, — нужно только поводить их за нос около недели, а потом все будет в порядке. Должен сказать, мне совсем не улыбается, чтобы нас выкинули из нашего уютного убежища, да еще после того, как мы положили на него столько трудов.

Паркинсону не часто доводилось видеть премьер-министра во гневе. Прежде в таких случаях он отделывался поддакиванием, считая, что самый простой выход — не возражать. Однако на этот раз он чувствовал, что должен принять на себя полный заряд ярости премьер-министра.

— Простите, сэр, — сказал он, послушав несколько минут, — но боюсь, что вы сами вызвали это. Вам не следовало упрекать Кингсли в некомпетентности. Обвинение было несправедливым.

Премьер-министр взорвался.

— Несправедливым! Да вы понимаете, Фрэнсис, — закричал он, брызгая слюной, — что исходя

из предсказанного Кингсли одного месяца, мы не сделали специальных запасов топлива? Понимаете вы, в каком положении мы оказались?

— То, что кризис будет продолжаться один месяц, высчитал не только Кингсли. То же самое нам сообщили из Америки.

— Ошибки одних никогда не оправдывают ошибок других.

— Я не согласен, сэр. Я ведь хорошо помню, что мы в Лондоне часто были склонны воспринимать обстановку не слишком серьезно. В докладах Кингсли всегда был тревожный оттенок, которого мы не хотели замечать. Мы всегда старались убедить себя, будто на самом деле все обстоит лучше, чем кажется. Мы никогда не учитывали возможности, что все может обернуться, наоборот, хуже, чем тогда казалось. Кингсли, возможно, ошибался, но он был ближе к истине, чем мы.

— Но почему он ошибся? Почему все ученые ошиблось? Вот что я пытался узнать, и никто мне этого так и не объяснил.

— Они бы объяснили, если бы вы потрудились спросить, вместо того, чтобы грозиться снести им головы.

— Я начинаю думать, что вы жили здесь, пожалуй, слишком долго, Фрэнсис.

— Я живу здесь достаточно долго, чтобы осознать, что ученые не претендуют на непогрешимость, и только мы, дилетанты, можем считать их выводы непогрешимыми.

— Ради бога, перестаньте философствовать, Фрэнсис. Будьте так добры, расскажите мне, наконец, в чем была ошибка.

— Ну, насколько я понимаю, Облако ведет себя так, как никто не ожидал, и причину этого никто не может понять. Все ученые ожидали, что скорость его будет возрастать по мере приближения к Солнцу, что оно пролетит мимо Солнца и станет удаляться. Вместо этого оно замедлило движение, и когда достигло Солнца, практически остановилось вообще. И теперь, вместо того, чтобы унестись в мировое пространство, оно просто торчит около Солнца.

— Но сколько оно еще там пробудет? Вот что я хочу знать.

— Никто не может сказать этого. Оно может оставаться здесь неделю, месяц, год, тысячелетие или миллионы лет. Никто этого не знает.

— Но, боже мой, послушайте, вы понимаете, что говорите? Если Облако не улетит, мы пропали.

— Вы думаете, Кингсли этого не знает? Если Облако останется еще на месяц, погибнет очень

много людей, но и выживет порядочно. Если оно останется два месяца, выживет очень немного людей. Если оно останется три месяца, мы здесь в Нортонстоу умрем, несмотря на то, что все было хорошо подготовлено, и мы будем умирать одними из последних на Земле. Если оно останется год, ничто живое на всей планете не уцелеет. Как я уже говорил, Кингсли все это знает, вот почему он относится не особенно серьезно к политическим аспектам дела.

Глава восьмая
Изменения к лучшему

Хотя в то время никто и не сознавал этого, приезд премьер-министра совпал с самыми тяжелыми днями в истории Черного облака. Первые признаки улучшения обстановки были замечены радиоастрономами, которые ни на минуту не прекращали своих наблюдений, несмотря на то, что приходилось работать на открытом воздухе в невыносимых условиях. 6 октября Джон Мальборо созвал совещание. Прошел слух, что будет сообщено нечто интересное, поэтому собралось

много народу.

Мальборо рассказал, что за последние десять дней количество газа между Землей и Солнцем непрерывно уменьшалось, примерно вдвое за каждые три дня. Если бы это продолжалось еще две недели. Солнце засияло бы в полную силу, но никакой уверенности в том, что так будет продолжаться дальше, конечно, не было.

Мальборо спросили, не собирается ли Облако покинуть Солнце.

— Таких признаков нет, — ответил он. — Создается впечатление, будто вещество Облака распределяется таким образом, чтобы Солнце могло светить только в нашу сторону, но ни в какую другую.

— Не чересчур ли это смело — надеяться, что Облако будет пропускать свет как раз в нашу сторону? — спросил Вейхарт.

— Это странно, конечно, — ответил Мальборо. — Но я только привожу вам факты. Я никак их не объясняю.

Премьер-министр сказал:

— Разрешите, я перейду на обычный язык. Правильно ли я понял, что кризис должен кончиться через две недели?

— Если все будет развиваться таким же обра-

зом, — ответил Мальборо.

— Тогда вы должны провести тщательные наблюдения и сделать выводы.

— Глубокая идея! — вырвалось у Кингсли.

Нужно сказать, что никогда за всю историю науки не делалось более ответственных измерений, чем те, которые были выполнены радиоастрономами в последующие дни. Построенная ими на основании полученных данных кривая была буквально кривой жизни или смерти: спад ее означал жизнь, подъем — смерть.

Каждые несколько часов наносилось новая точка. И ночью, и сумрачным тусклым днем все, кто понимал смысл происходящего, нет-нет да подходили взглянуть на новую появившуюся на графике точку. В течение четырех дней и ночей кривая продолжала понижаться, по на пятый день спад уменьшился, однако на шестой день вновь появились признаки сильного понижения. Никто ни с кем не разговаривал, перебрасывались изредка только случайными отрывистыми фразами. Напряжение достигло предела. На седьмой день спад продолжался, а на восьмой день кривая поползла вниз круче, чем когда-либо раньше. Страшное напряжение сменилось бурной радостью.

Кривая продолжала идти вниз, а это значило, что уменьшается количество газа между Землей и Солнцем. 19 октября на дневном небе появилось желтое пятно. Оно было еще тусклым, но перемещалось по небесному своду. Без сомнения, это было Солнце, появившееся впервые с начала августа, едва просвечивающее еще сквозь слой газа и пыли. Но этот слой становился все тоньше и тоньше. К 24 октября над замерзшей Землей Солнце вновь засияло в полную силу.

Те, кому приходилось встречать восход солнца после холодной ночи в пустыне, могут хоть в какой-то мере представить себе радость, охватившую людей 24 октября 1965 года.

Несколько слов нужно сказать о религии. По мере приближения Облака бурно расцветали все виды религиозных верований. Всю весну свидетели Иеговы полностью затирали любых других ораторов в Гайд-Парке. Изумленные священники в Англии читали проповеди в переполненных церквах, чего ранее никогда не бывало. Все это кончилось 24 октября. Мужчины и женщины всех вероисповеданий — христиане, магометане, буддисты, индуисты, евреи и атеисты — глубоко

прониклись чувствами своих предков-солнцепоклонников. Правда, поклонение Солнцу не стало настоящей религией, ведь некому было его организовать и направлять, но некий оттенок древней религии появился и никогда больше не исчезал.

Первыми оттаяли тропики. С рек сошел лед. Таяние снега сопровождалось паводками, но они не шли ни в какое сравнение с тем, что было раньше. Северная Америка и Европа оттаяли лишь частично до уровня, обычного для наступавшей зимы.

Хотя городское население в странах с развитой индустрией немало пострадало, но ему не довелось переносить того, что выпало на долю народам в странах слаборазвитых, у которых не было ни промышленности, ни запасов энергии. Нужно отметить, однако, что все резко изменилось бы, если бы холод стал сильнее; улучшение произошло как раз тогда, когда и в передовых странах промышленность находилась на грани гибели.

Как это ни удивительно, сильнее всего пострадало от холода население тропиков, а меньше

всего — эскимосы. Во многих районах тропиков и субтропиков погиб каждый второй. Среди эскимосов смертность была сравнительно невелика — немногим больше, чем в обычное время. На дальнем Севере в период жары повышение температуры не было столь значительным. Эскимосы в то время испытывали лишь некоторые неудобства, не более того. Таяние льда и снега сильно ограничило свободу их передвижения и, следовательно, уменьшило пространство, на котором они могли охотиться. Но жара в тех местах не была губительной. Не вызвал больших потерь и холод. Они просто зарылись в снег и пережидали. При этом они находились во многих отношениях в лучшем положении, чем обитатели Англии.

Премьер-министр вернулся в Лондон, не испытывая к Нортонстоу такого враждебного чувства, как можно было ожидать. Во-первых, он перенес кризис в гораздо лучших условиях, чем на Даунинг-стрит. Во-вторых, он вместе с учеными Нортонстоу пережил страшные дни, полные тревоги, а совместно перенесенные испытания всегда располагают людей друг к другу.

Перед отъездом премьер-министру разъяснили, что в целом инцидент еще не исчерпан. На

обсуждении, состоявшемся в одной из лабораторий, перенесенных в убежище, все согласились с тем, что Облако теперь приняло форму диска, очень сильно наклоненного к эклиптике.

— Все-таки во всем этом есть очень много непонятного для меня, — сказал Кингсли. — Кстати, каков, по вашему мнению, наружный радиус диска?

— Около трех четвертей радиуса земной орбиты, он приблизительно равен радиусу орбиты Венеры, — ответил Мальборо.

— Когда мы говорим, что Облако сплющивается в диск, мы, конечно, выражаемся неточно. Мы хотим сказать, что большая часть вещества приняла форму диска. Но должно оставаться также много вещества, распределенного по всей земной орбите. Это ясно хотя бы из того, что наша атмосфера постоянно соприкасается с веществом Облака.

— Да, слава богу, образовался диск, а то мы до сих пор не видели бы Солнца, — сказал Паркинсон.

— Но помните, что мы не всегда будем оставаться сбоку от диска, — сказал Кингсли.

— Как это понимать? — спросил премьер-министр.

— Просто-напросто Земля, двигаясь вокруг Солнца, войдет в тень, отбрасываемую диском. Конечно, мы выйдем из тени снова.

Премьер-министр был обеспокоен, и не без оснований.

— А можно узнать, как часто это будет происходить?

— Два раза в год! Согласно теперешнему положению диска, в феврале ив августе. Продолжительность солнечного затмения будет зависеть от толщины диска. Вероятно, затмение будет длиться от двух недель до месяца.

— Все это чревато последствиями, — вздохнул премьерминистр.

— В первый раз я с вами согласен, — заметил Кингсли. — Но жизнь на Земле не становится невозможной, хотя условия будут весьма тяжелыми. Прежде всего, люди должны теперь жить очень большими группами вместе. Мы не сможем больше жить в отдельных домах.

— Не понял.

— Ну, ведь потери тепла в домах происходят через поверхность. Это ясно?

— Да, конечно.

— С другой стороны, число людей, которое может жить в доме, пропорционально его объему.

Так как отношение поверхности к объему для больших домов гораздо меньше, чем для маленьких, то в больших домах люди могут жить с меньшими затратами горючего на жильца. Если в дальнейшем периоды похолодания будут бесконечно повторяться, наши топливные ресурсы не допустят другой организации жилья.

— Почему вы говорите «если»? — спросил у Кингсли Паркинсон.

— Потому что произошло слишком много странного. Я не могу уверенно предвидеть будущее, пока не пойму того, что уже случилось.

— Могут произойти весьма существенные изменения климата, — заметил Марлоу. — Хотя в ближайший год или два особых изменений, наверное, не будет, мне кажется, они обязательно произойдут в дальнейшем, если дважды в год будут повторяться эти затмения Солнца.

— Что вы хотите сказать, Джефф?

— Я хочу сказать, что не миновать нам нового ледникового периода. Прошедшие ледниковые периоды показали, сколь чувствительно сбалансирован климат на Земле. Сильное похолодание два раза в год, один раз зимой и один раз летом, должно сместить равновесие в сторону нового ледникового периода.

— Вы хотите сказать, что ледяной покров распространится на Европу и Северную Америку?

— Это безусловно должно произойти, хотя и не в ближайшие год или два. Процесс будет медленный. Как говорит Крис Кингсли, человек должен прийти к соглашению с окружающей средой. И мне кажется, не все условия этого соглашения будут человеку по вкусу.

— Существующие океанские течения могут не сохраниться, — сказал Кингсли. — Если такие изменения произойдут, последствия могут оказаться гибельными. А это может случиться очень скоро, скорее, чем наступит ледниковый период.

Премьер-министр почувствовал, что с него довольно.

В течение ноября пульс жизни усилился. И по мере того, как правительства осваивались с положением, все нужнее становилась связь между странами и внутри стран. Телефонные линии и кабели были отремонтированы. Но в основном люди пользовались радиосвязью. Вскоре длинноволновые радиостанции работали уже нормально, но с их помощью нельзя было, разумеется, осуществлять дальнюю связь.

Для этого необходимо использовать короткие волны. Но по причинам, которые были вскоре найдены, коротковолновая радиосвязь вышла из строя. Оказалось, что атмосфера на высотах около восьмидесяти километров необычайно сильно ионизирована. Это привело к существенному затуханию радиоволн, как называют радиоинженеры. Высокая степень ионизации была вызвана излучением сильно нагретых верхних слоев атмосферы: небо из-за этого излучения по-прежнему мерцало голубоватым светом. Итак, радиоволны поглощались в атмосфере.

Единственное, что оставалось — это уменьшать длину волны. Попытались уменьшить ее до одного метра, но поглощение продолжалось, а подходящих передатчиков, работающих на более коротких волнах, не было, так как меньшие длины волн до этого никогда широко не применялись. Затем вспомнили, что в Нортонстоу есть передатчики, которые могут работать на волнах от одного метра до сантиметра. Более того, передатчики в Нортонстоу могли передавать огромное количество информации, на что Кингсли не замедлил указать. Было решено использовать Нортонстоу в качестве всемирного информационного центра. План Кингсли нако-

нец начал осуществляться.

Требовалось произвести чрезвычайно громоздкие вычисления и, поскольку их надо было сделать быстро, использовали электронную вычислительную машину. Задача состояла в том, чтобы найти наиболее подходящую длину волны. Если она будет слишком велика, то волна будет поглощаться. Если длина волны будет слишком мала, то радиоволны будут проходить сквозь ионосферу и устремляться в космическое пространство, вместо того чтобы огибать Землю при передаче сообщения, скажем, из Лондона в Австралию. В конце концов пришли к заключению, что наилучшая длина волны — двадцать пять сантиметров. Она представлялась достаточно короткой, чтобы не слишком поглощаться, и в то же время не слишком короткой, чтобы не так много мощности излучалось в пространство, хотя некоторые потери все равно были неизбежны.

В первую неделю декабря был введен в действие передатчик в Нортонстоу. Как и предвидел Кингсли, он мог передавать громадное количество информации. В первый день для передачи всего необходимого оказалось достаточно получаса. Вначале только у некоторых стран были подходящие передатчики и приемники, но си-

стема работала так хорошо, что вскоре многие другие страны стали поспешно налаживать оборудование. Частично изза этого сначала объем информации, проходящей через Нортонстоу, был невелик. Поначалу трудно было также освоиться с тем, что часовой разговор передается за малую долю секунды. Однако с течением времени разговоры и сообщения становились длиннее и подключалось все больше стран. Таким образом, продолжительность действия передатчика и приемника в Нортонстоу постепенно возросла от нескольких минут до часа в день и более.

В первую неделю декабря был введен в действие передатчик в Нортонстоу. Как и предвидел Кингсли, он мог передавать громадное количество информации. В первый день для передачи всего необходимого оказалось достаточно получаса. Вначале только у некоторых стран были подходящие передатчики и приемники, но система работала так хорошо, что вскоре многие другие страны стали поспешно налаживать оборудование. Частично изза этого сначала объем информации, проходящей через Нортонстоу, был невелик. Поначалу трудно было также освоиться с тем, что часовой разговор передается за малую долю секунды. Однако с течением времени

разговоры и сообщения становились длиннее и подключалось все больше стран. Таким образом, продолжительность действия передатчика и приемника в Нортонстоу постепенно возросла от нескольких минут до часа в день и более.

Однажды Лестер, который заведовал системой передачи, позвонил Кингсли и попросил его прийти к нему в отдел связи.

— Что за паника, Гарри? — спросил Кингсли.

— У нас поглощение!

— Как!

— Да, самое настоящее. Посудите сами. Мы принимали сообщение из Бразилии. Посмотрите, сигнал затухает полностью.

— Невероятие. Должно быть, чрезвычайно быстро увеличивается ионизация. — Как вы думаете, что нам делать?

— По-моему, ждать. Может быть, это случайный эффект. Похоже, что именно так.

— Если так будет продолжаться, мы можем уменьшить длину волны.

— Мы-то сможем. Но вряд ли кто-нибудь еще. Американцы смогут работать на новой длине волны очень скоро и, вероятно, русские тоже. Но сомнительно, чтобы другие страны смогли. Мы и так затратили немало усилит, пока заставили их

сделать хоть такие передатчики.

— Тогда, значит, остается только держаться этой длины волны?

— Ну не думаю, что нужно пытаться передавать сообщения сейчас, ведь вы не узнаете, достигнут ли они кого-нибудь вообще. Видимо, приемник нужно оставить настроенным. Тогда мы сможем принять любое сообщение, которое до нас дойдет, если, конечно, условия станут лучше.

Ночью в небе полыхало сияние удивительной красоты. Ученые связывали его с внезапным увеличением ионизации. Наблюдались также необычайно сильные возмущения магнитного поля Земли.

Марлоу и Билл Барнет обсуждали это явление, прогуливаясь и восхищаясь сиянием.

— Господи, взгляните только на эти оранжевые полосы, — сказал Марлоу.

— Самое удивительное, Джефф, что сияние, вероятно, исходит из низколежащих слоев. Видно по цвету. Можно было бы снять спектр, но я и так в этом уверен. По-моему, это происходит на высоте не больше восьмидесяти километров, а может быть и меньше. Это как раз та высота, на которой, по нашему убеждению, имеется избыточная ионизация.

— Я знаю, о чем вы думаете, Билл. Можно легко себе представить, что сгусток газа столкнулся с внешними слоями атмосферы. Но это привело бы к гораздо большим возмущениям. Трудно поверить, что это вызвано ударом.

— Нет, не думаю. Мне представляется более вероятным, что это электрический разряд.

— Магнитные возмущения тоже могут быть вызваны разрядом.

— Но вы понимаете, Джефф, что это значит? Это не от Солнца. Никогда раньше Солнце не вызывало подобных явлений. Если это электрические возмущения, то, должно быть, от Облака.

На следующее утро Лестер и Кингсли сразу же после завтрака поспешно направились в отдел связи. В шесть двадцать пришло короткое сообщение из Исландии. В 7 часов 51 минуту начали принимать длинное сообщение из США, но через три минуты началось поглощение, и остальная часть сообщения не была принята. Около полудня приняли короткое сообщение из Швеции, но более длинная передача из Китая прервалась из-за поглощения вскоре после двух часов.

Во время чая к Лестеру и Кингсли подсел Пар-

кинсон.

— Пренеприятная история, — сказал он.

— Да, весьма, — ответил Кингсли. — И, кроме того, очень странная.

— Досадно, конечно. Я думал, проблема связи у нас в кармане. А что здесь странного?

— То, что мы все время находимся на грани возможности вести передачу. Иногда сообщения проходят, иногда — нет, как будто степень ионизации колеблется.

— Барнет полагает, что это электрический разряд. Разве в таком случае колебания не вполне естественны?

— Вы становитесь настоящим ученым, а, Паркинсон? — засмеялся Кингсли. — Но это не так просто, — продолжал он. — Колебания — да, но не такие, какие мы наблюдаем. Знаете ли вы, насколько они необычны?

— Нет, не знаю.

— Сообщения из Китая и США! Оба поглощены. Впечатление такое, что когда передача возможна, она едва-едва проходит. Колебания позволяют вести передачу, но она проходит на грани. Это может произойти раз, случайно, но весьма примечательно, что это повторилось дважды.

— Нет ли здесь ошибки, Крис? — Лестер грыз

трубку; затем он стал ею жестикулировать. — Если происходит разряд, колебания могут быть очень быстрыми. Оба сообщения, и из США, и из Китая, были длинные, больше трех минут. Возможно, что период колебаний равен приблизительно трем минутам. Тогда мы сможем понять, почему мы получаем короткие сообщения полностью, такие, как из Бразилии и из Исландии, но не можем целиком получить длинное сообщение.

Весьма остроумно, Гарри, но на мой взгляд это не так. Я просмотрел запись сигналов во время приема сообщения из США. Сигнал строго постоянен, пока не начинается поглощение. Это не похоже на колебания, ведь в таком случае сигнал должен был бы изменяться постепенно. Кроме того, если колебания происходят с периодом в три минуты, то почему к нам не приходит еще множество других сообщений или, по крайней мере, их отрывков? Похоже, вам нечего ответить на мое возражение.

Лестер снова принялся грызть трубку.

— Да, верно. Все это кажется чертовски странным.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Паркинсон.

— Хорошо бы, Паркинсон, если бы вы попросили, чтобы из Лондона телефонировали по кабелю в Вашингтон и попросили их посылать сообщения по пяти минут в начале каждого часа. Тогда мы узнаем, какие сообщения потерялись, а какие нет. Вы можете также информировать другие правительства о положении дел.

За три следующих дня не пришло ни одного сообщения. Никто не знал, вызвано ли это поглощением или тем, что, сообщения просто не посылали. Такое положение вещей никого не устраивало, и было решено изменить план действий. Марлоу сообщил Паркинсону:

— Мы решили как следует разобраться в этом явлении вместо того, чтобы надеяться на случайные передачи.

— Каким образом вы хотите это сделать?

— Мы направим все антенны вверх, а не почти горизонтально, как сейчас. Тогда можно будет использовать наши собственные сигналы для исследования этой необычной ионизации. Будем ловить отражения своих собственных сигналов.

Следующие два дня радиоастрономы налаживали антенны. К концу дня 9 декабря все

приготовления были закончены. Целая толпа собралась в лаборатории в ожидании результатов.

— Порядок. Начали, — сказал кто-то. — С какой длины волны начнем?

— Попробуем сначала один метр, — предложил Барнот. — Если Кингсли прав и двадцатипятисантиметровая волна заходится на границе прохождения и если действительно все дело в том, что она затухает, то эта длина волны должна быть близка к критической, если направить ее вертикально вверх.

Передатчик, генерирующий метровую волну, был включен.

— Она проходит, — заметил Барнет.

— Как вы узнали? — спросил Паркинсон Марлоу.

— Возвращается только очень слабый сигнал, — ответил Марлоу. — Видно на экране. Большая часть мощности поглощается или уходит через атмосферу в космос.

Следующие полчаса прошли в наблюдении и обсуждениях. Затем все оживились.

— Сигнал растет.

— Смотрите! — воскликнул Марлоу. — Он стремительно растет!

Отраженный сигнал продолжал расти около

десяти минут.

— Он достиг насыщения. Сейчас он полностью отражается, — сказал Лестер.

— Похоже, вы были правы, Крис. Мы находимся, вероятно, около самой критической частоты. Отражение происходит на высоте около восьмидесяти километров, как мы и ожидали. Ионизация там, должно быть, в сто или тысячу раз выше нормы.

Еще полчаса потратили на измерения.

— Лучше посмотрим, что делается на десяти сантиметрах, — предложил Марлоу. Переключили тумблеры.

— Мы на десяти сантиметрах. Волна свободно проходит сквозь атмосферу, как, конечно, и должно быть, — отметил Барнет.

— Осточертела мне эта наука, — сказала Энн Холей. — Пойду заварю чай. Пойдемте со мной, Крис, если вы в состоянии оставить на несколько минут свои метры и шкалы.

Немного погодя, когда они пили чай и разговаривали на общие темы, Лестер изумленно воскликнул:

— Боже праведный! Взгляните-ка!

— Невероятно!

— Но это так.

— Отражение десятисантиметровой волны увеличивается. Это значит, что ионизация растет с колоссальной скоростью, — объяснил Марлоу Паркинсону.

— Опять какая-то чертовщина. — Выходит, ионизация увеличилась в сотни раз, хотя не прошло и часа. Невероятно.

— Давайте теперь пошлем сигнал на волне в один сантиметр, Гарри, — сказал Кингсли Лестеру. Вместо десятисантиметрового сигнала был послан односантиметровый.

— Ну, он отлично проходит, — заметил кто-то.

— Погодите. Через полчаса и односантиметровая волна начнет отражаться, попомните мое слово, — сказал Барнет.

— Какое сообщение вы посылаете? — спросил Паркинсон.

— Никакого, — ответил Лестер. — Мы просто посылаем непрерывную волну. Как будто это что-нибудь мне объяснило, подумал Паркинсон. Но, хотя ученые просидели у приборов несколько часов, ничего значительного не произошло.

— Да, волна по-прежнему проходит. Посмотрим, что будет после обеда — сказал Барнет.

После обеда односантиметровая волна продолжала беспрепятственно проходить сквозь

атмосферу.

— Может быть, переключим опять на десять сантиметров? — предложил Марлоу.

— Ладно, попробуем. — Лестер переключил тумблеры. — Интересно, — сказал он. — Она проходит теперь и на десяти сантиметрах. Видимо, ионизация падает, и к тому же очень быстро.

— Возможно, это образование отрицательных ионов, — проговорил Вейхарт.

Через десять минут Лестер возбужденно закричал:

— Глядите, сигнал снова растет!

Он был прав. В течение следующих нескольких минут отраженный сигнал быстро рос, приближаясь к максимальному значению.

— Теперь полное отражение. Что нам делать? Возвращаться к одному сантиметру?

— Нет, Гарри, — сказал Кингсли. — У меня есть революционное предложение пойти наверх в гостиную, выпить там кофе и послушать, что нам сыграют дивные руки Энн. Я предлагаю выключить все часа на два, а потом вернуться опять.

— Ради бога, Крис, что вы придумали?

— О, это совершенно дикая, сумасшедшая идея. Но надеюсь, вы простите мне ее в виде исключения.

— В виде исключения! — воскликнул Марлоу. — Да вам потакают, Крис, с того самого дня, как вы родились.

— Может, этой так, но едва ли ваше замечание очень вежливо, Джефф. Пошли, Энн. Вы давно собиралось сыграть нам Бетховена. Опус 106.[6] И вот вам удобный случай.

Часа через полтора, когда в ушах у всех еще звучали аккорды Большой сонаты, компания вернулась к передатчику.

— Попробуем один метр сначала, вдруг повезет, — сказал Кингсли.

— Держу пари, что на одном метре полное отражение, — сказал Барнет, включая тумблеры.

— Нет, черт побери! — воскликнул он, когда через несколько минут приборы нагрелись. — Волна проходит. Трудно поверить, но это совершенно ясно видно на экране.

— Будете ли вы, Гарри, держать пари о том, что случится дальше?

— Я не буду держать пари, Крис. Это хуже, чем играть в жмурки.

— Держу пари, что снова будет насыщение.

— А можно это объяснить?

---

[6] notes: 6

Речь идёт о сонате Бетховена си бемоль мажор № 29, сочинение 106 (Большая соната для фортепиано). *(Прим. перев.)*

— Если насыщение будет, то да, конечно. Если этого не произойдет, то нет.

— Играете наверняка, а?

— Сигнал растет! — крикнул Барнет. — Похоже, Крис прав. Растет!

Через пять минут сигнал достиг насыщения. Он полностью отражался атмосферой, ничто не излучалось в пространство.

— Теперь попробуйте десять сантиметров, — приказал Кингсли.

В течение следующих двадцати или тридцати минут все молча и напряженно следили за приборами. Повторилась прежняя картина. Сначала отражение было очень слабым. Затем интенсивность отраженного сигнала стала быстро возрастать.

— Ну, так и есть. Сначала сигнал проникает через ионосферу. Затем через несколько минут ионизация возрастает и наступает полное отражение. Что это значит, Крис? — спросил Лестер.

— Давайте вернемся наверх и обдумаем это. Если Энн и Ив будут так добры и приготовят нам еще кофе, мы, возможно, сумеем разобраться, что к чему.

Когда варили кофе, пришел Мак-Нейл. Пока проводились эксперименты, он был у больного

ребенка.

— Почему у всех такой торжественный вид? Что происходит?

— Вы как раз вовремя, Джон. Мы собираемся обсудить полученные факты, но не начинаем, пока не подали кофе.

Кофе был подан, и Кингсли начал.

— Для Джона я начну с самого начала. То, что случится с радиоволнами при передаче, зависит от двух вещей: от длины волны и от степени ионизации атмосферы. Предположим, мы выбрали определенную длину волны для передачи; рассмотрим, что произойдет при увеличении степени ионизации. При малой степени ионизации радиоизлучение будет проходить сквозь атмосферу с очень маленьким отражением. Затем, по мере увеличения степени ионизации, отражается все больше и больше энергии, затем внезапно коэффициент отражения начинает расти очень быстро, пока вся энергия волны не начинает отражаться. Мы говорим тогда, что сигнал достигает насыщения. Это понятно, Джон?

— Более или менее. Я не понимаю только, при чем здесь длина волны.

— Просто, при меньшей длине волны, для насыщения нужна большая степень ионизации.

— Значит, если одна волна может целиком отражаться атмосферой, излучение с меньшей длиной волны может почти полностью уходить в пространство.

— Совершенно точно. Но вернемся на минутку к моей определенной длине волны и к последствиям увеличения степени ионизации. Для удобства назовем это «ситуацией А».

— Что вы хотите так назвать? — спросил Паркинсон.

— Вот, что я имею в виду:

1. Сначала низкая ионизация и, следовательно, почти полная прозрачность.

2. Затем увеличение ионизации, приводящее к усилению отраженного сигнала.

3. Наконец, столь сильная ионизация, что получается полное отражение.

Вот что я называю ситуацией А.

— А в чем состоит ситуация Б? — спросила Энн Холей.

— Никакой ситуации Б нет.

— Тогда зачем вы обозначили ту буквой А?

— Спасите меня от бестолковых женщин! Я назвал ее ситуацией А, потому что мне так захотелось, понятно?

— Конечно, дорогой мой. Но почему вам этого

захотелось?

— Продолжайте, Крис. Она просто вас разыгрывает.

— Ладно, вот здесь записано, что случилось сегодня днем и вечером. Позвольте мне зачитать это как таблицу.

Длина волны	Приблизительное время опыта	Результат
1 метр	14 час. 15 мин.	Ситуация А в течение приблизительно получаса
10 сантиметров	15 час. 15 мин.	Ситуация А в течение приблизительно получаса
1 сантиметр	15 час. 45 мин.	Полная прозрачность ионосферы в течение трех часов
10 сантиметров	19 час. 00 мин.	Ситуация А в течение приблизительно получаса
Передачи прерваны с 19 час. 30 мин. до 21 час. 00 мин.		
1 метр	21 час. 00 мин.	Ситуация А в течение получаса
10 сантиметров	21 час. 30 мин.	Ситуация А в течение получаса

— Это выглядит вполне закономерно, когда собрано вместе, — сказал Лестер.

— Вот именно.

— Боюсь, до меня не дошло, — проговорил Паркинсон.

— И до меня тоже, — добавил Мак-Нейл.

Кингсли заговорил медленно.

— Насколько я понимаю, все это может быть объяснено очень просто с помощью одной гипотезы, но предупреждаю, это совершенно дикая гипотеза.

— Крис, перестаньте, пожалуйста, разыгрывать драму, скажите попросту, что это за дикая гипотеза.

— Хорошо. В двух словах — на любой длине волны от нескольких сантиметров и выше наши собственные сигналы автоматически приводят к увеличению ионизации, которая растет до насыщения.

— Но это просто невозможно, — покачал головой Лестер.

— Я не сказал, что это возможно, — ответил Кингсли. — Я сказал, что это объясняет факты. И это на самом деле так. Это объясняет всю мою таблицу.

— Я, кажется, немного понял, куда вы клони-

те, — заметил Мак-Нейл. — Значит, ионизация уменьшается, как только вы прекращаете передачу?

— Да. Когда мы прекращаем передачу, ионизующий фактор исчезает, и ионизация очень быстро падает. Дело в том, что область ионизации располагается в данном случае ненормально низко в атмосфере, где плотность очень велика. Поэтому спад ионизации должен быть очень быстрым.

— Давайте обсудим это несколько подробнее, — начал Марлоу, чей голос доносился из клубов пахнущего анисом дыма. — Выходит, этот гипотетический ионизирующий фактор должен очень хорошо соображать. Предположим, что мы посылаем десятисантиметровую волну. Тогда, согласно вашей гипотезе, Крис, фактор, какой бы он ни был, увеличивает степень ионизации атмосферы до уровня, при котором десятисантиметровая волна будет отражаться. И — это то, что я хотел сказать — ионизация не будет больше возрастать. Все это требует очень точной работы. Фактор должен знать, до каких пор идти и где остановиться.

— Что не слишком-то правдоподобно, — сказал Вейхарт.

— И есть еще другие трудности. Почему нам уда-

лось так долго вести передачи на волне двадцать пять сантиметров? Это продолжалось много дней, а не полчаса. И почему вашей ситуации А, как вы ее назвали, нет в случае односантиметровой волны?

Лестер взглянул на часы.

— Прошло уже больше часа после нашей последней передачи. Если Крис прав, то мы должны получить его ситуацию А, если начнем передачу на волне десять сантиметров и один метр. Давайте попробуем.

Лестер и еще человек пять ушли к передатчику. Через полчаса они вернулись.

— Все еще полное отражение на одном метре. Ситуация А на десяти сантиметрах, — сообщил Лестер. — Как будто, это подтверждает точку зрения Криса.

— Я в этом не уверен, — заметил Вейхарт. — Почему на одном метре не было ситуации А?

— Я могу высказать некоторые предположения, но они еще фантастичнее, так что я пока воздержусь. Дело в том, я настаиваю, именно в том, что как только мы начинаем вести передачу на десяти сантиметрах, сразу же резко возрастает ионизация, и как только мы выключаем передатчик, ионизация начинает спадать. Кто-нибудь

может это отрицать?

— Я не отрицаю, пока что все обстоит так, как вы утверждаете, — проговорил Вейхарт. — Согласен, здесь не возникает никаких сомнений. Я только сомневаюсь, можно ли делать заключение о причинной связи между флюктуациями ионизации и нашими передачами.

— Вы хотите сказать, Дэйв, что все, что мы видели сегодня днем и вечером, было случайным совпадением? — спросил Марлоу.

— Да, это то, что я хочу сказать. Я согласен, вероятность такой серии совпадений чрезвычайно мала, но предлагаемая Кингсли причинная связь кажется мне абсолютно невозможной. По-моему, невероятное может случиться, но невозможное — никогда.

— Невозможное — это слишком сильно сказано, — настаивал на своем Кингсли. — И я уверен, Вейхарт в действительности не может настаивать на этом слове. Мы должны сделать выбор между двумя невероятными вещами, а я с самого начала говорил, что моя гипотеза невероятна. Более того, я считаю, что единственный способ проверить гипотезу — это проверить предсказания, которые она даст возможность сделать. Прошло около сорока пяти минут, как Гарри

Лестер провел свою последнюю передачу. Предлагаю ему пойти и провести еще одну на десяти сантиметрах. Лестер тяжело вздохнул:

— Опять!

— Я предсказываю, — продолжал Кингсли, — что повторится ситуация А. Хотел бы услышать, что предсказывает Вейхарт.

Вейхарт не хотел снова вступать в спор и решил уйти от прямого ответа. Марлоу засмеялся.

— Он вас прижал к стенке, Дэйв! Нечего теперь увиливать. Если вы правы и раньше были просто совпадения, то нужно согласиться, что вряд ли на этот раз предсказание Кингсли сбудется.

— Конечно, вряд ли, но это может случиться, как случалось раньше.

— Ну, смелее, Дэйв! Что вы предсказываете? Пойдете на пари?

И Вейхарт был вынужден сказать, что он держит пари против Кингсли.

— Отлично. Пойдемте и посмотрим, — сказал Лестер. Когда компания выходила из комнаты, Энн Холей сказала Паркинсону:

— Не поможете ли вы мне, мистер Паркинсон, приготовить кофе? Они попросят еще, когда вернутся.

Они принялись за дело, и Энн продолжала:

— Вы слышали когда-нибудь столько разговоров? Я всегда думала, ученые — молчаливый народ, а между тем никогда еще не слышала столько болтовни. Как это Омар Хайям сказал о науке?

— Кажется, что-то в таком роде:

Я видел Землю, что Земля? Ничто.
Наука — слов пустое решето.
Семь климатов перемени — все то же.
Итог неутоленных дум — ничто.

— Меня удивляет не обилие разговоров, — продолжал Паркинсон, улыбаясь. — У нас, политиков, разговоров тоже хватает. Меня поражает, как часто они ошибаются, как часто происходит то, чего они не ожидают.

Вскоре все вернулись, и с первого взгляда было ясно, что произошло. Марлоу взял чашку кофе из рук Паркинсона.

— Благодарю. Да, так-то. Крис был прав, а Дэйв ошибался. Теперь, я полагаю, нам нужно попытаться решить, что это значит. — Ваше слово, Крис, — сказал Лестер.

— Предположим, что моя гипотеза верна и что наши собственные передачи так заметно воздействуют на ионизацию атмосферы.

Энн Холей протянула Кингсли чашку кофе.

— Мне было бы гораздо легче, если бы я узнала, что такое ионизация. Вот, пейте, пожалуйста.

— Ну, это значит, что с атомов сдираются их внешние оболочки.

— И как это происходит?

— Это может произойти по многим причинам: при электрическом разряде, например при вспышке молнии, или в неоновой лампе — газ в таких лампах частично ионизован.

— Я полагаю, все дело в энергии? Ваша волна не обладает достаточной энергией, чтобы вызвать такое увеличение ионизации, — сказал Мак-Нейл.

— Верно, — ответил Марлоу. — Совершенно исключается, чтобы наша волна могла непосредственно вызвать такие флюктуации в атмосфере. Господи, да чтобы их вызвать, нужна колоссальная энергия.

— Тогда как может гипотеза Кингсли быть правильной?

— Наши передачи не являются непосредственной причиной, как сказал Джефф. Это исключено. Тут я согласен с Вейхартом. Моя гипотеза состоит в том, что наши волны играют роль спускового механизма, приводя в действие гораздо более

мощный источник энергии.

— И где, по-вашему, Крис, расположен этот источник энергии? — спросил Марлоу.

— В Облаке, конечно.

— Но дико же предполагать, что Облако может действовать таким образом, причем с такой прекрасной воспроизводимостью. Вы должны тогда предположить, что Облако снабжено неким механизмом, осуществляющим обратную связь, — сказал Лестер.

— Это очевидное и прямое следствие моей гипотезы.

— Но неужели вы не понимаете, Кингсли, что это совершенная чушь? — воскликнул Вейхарт.

Кингсли посмотрел на часы.

— Самое время пойти попытаться снова, если кто-нибудь хочет. Хочет кто-нибудь?

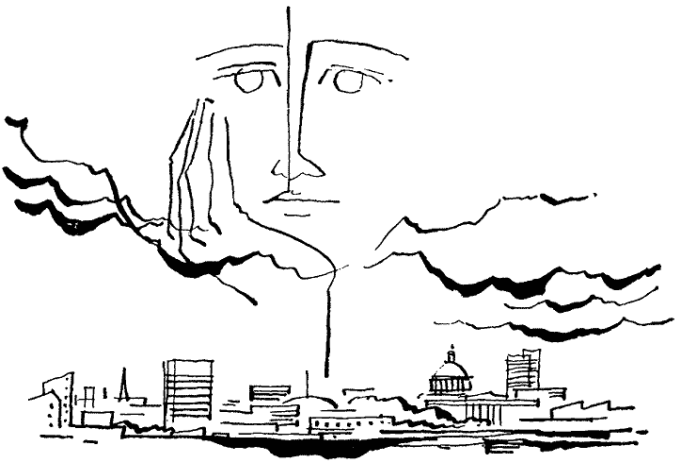
— Ради бога, не надо! — сказал Лестер.

— Либо мы идем, либо нет. И если нет, значит мы приняли гипотезу Кингсли. Ну как, ребята, пойдем мы или останемся? — спросил Марлоу.

— Останемся, — сказал Барнет, — и посмотрим, куда нас приведет наш спор. Пока мы дошли до наличия у Облака механизма обратной связи, механизма, высвобождающего огромное количество энергии, как только в Облако снаружи

проникает радиоизлучение. Следующий шаг, вероятно, рассуждение о том, как работает этот механизм и почему он работает. У кого есть соображения?

— Я считаю, — начал Кингсли, — что Облако наделено разумом. Прежде чем кто-либо захочет возражать мне, позвольте сказать, что я прекрасно понимаю всю нелепость этой мысли, и она ни на минуту не пришла бы мне в голову, если бы все другие предположения не были еще более дикими. Неужели вас не удивляет, как часто наши предсказания о поведении Облака не сбываются?



Паркинсон и Энн Холей удивленно переглянулись.

— Только в одном все наши ошибки походят друг на друга. Все они были бы оправданны, если бы Облако было не неодушевленным сгустком газа, а чем-то живым.

Глава девятая
Подробное обсуждение

Любопытно, как сильно прогресс всего человечества зависит от отдельных личностей. Тысячи и миллионы людей кажутся организованными в некое подобие муравейника.

Но это не так. Новые идеи — движущая сила всякого развития — исходят от отдельных людей, а не от корпораций или государств. Хрупкие, как весенние цветы, новые идеи гибнут под ногами толпы, но их может взлелеять какой-нибудь одинокий путник. Среди огромного множества людей, переживших эпопею с Облаком, никто, кроме Кингсли, не дошел до ясного понимания его истинной природы, никто, кроме Кингсли, не объяснил причины посещения Облаком солнечной системы. Его первое сообщение было воспринято с открытым недоверием даже его собратьями-учеными. Вейхарт выразил свое мнение весьма откровенно.

— Все это вздор, — сказал он. Марлоу покачал головой.

— Вот до чего доводит чтение научной фантастики. Мак-Нейл, врач, заинтересовался. Новая гипотеза была больше по его линии, чем всякие передатчики и антенны.

— Я хотел бы знать, Крис, что вы в данном случае подразумеваете под словом «живое».

— Видите ли, Джон, вы сами знаете лучше меня, что разница между понятиями «одушевленное» и «неодушевленное» весьма условна. Грубо говоря, неодушевленная материя обладает простой структурой и относительно простыми свойствами. С другой стороны, одушевленная, или живая, материя имеет весьма сложную структуру и способна к нетривиальному поведению. Говоря, что Облако может быть живым, я подразумеваю, что вещество внутри него может быть организовано каким-то необычным образом, и поведение этого вещества, а следовательно, и поведение Облака в целом гораздо сложнее, чем, мы предполагали раньше.

— Нет ли здесь элемента тавтологии? — вмешался Вейхарт.

— Я же сказал, что такие слова, как «одушевленный» и «неодушевленный», — всего лишь условность. Если заходить в их применении слишком далеко, тогда, действительно, получит-

ся тавтология. Если перейти к более научным терминам, мне представляется, что химия внутренних слоев Облака очень сложна — сложные молекулы, сложные структуры, построенные из этих молекул, сложная нервная деятельность. Короче говоря, я думаю, у Облака есть мозг.

Марлоу обратился к Кингсли:

— Ну, Крис, мы понимаем, что вы имеете в виду, во всяком случае, приблизительно понимаем. Теперь выкладывайте свои аргументы. Не торопитесь, выкладывайте их по одному, посмотрим, насколько они убедительны.

— Ну, что ж, приступим. Пункт первый. Температура внутри Облака как раз подходит для образования очень сложных молекул.

— Верно! Один — ноль в вашу пользу. Действительно, температура там, вероятно, несколько больше подходит для этого, чем здесь, на Земле.

— Пункт второй. Благоприятные условия для образования крупных структур, построенных из сложных молекул.

— Это почему же? — спросила Иветта Хедельфорд. — Слипание на поверхности твердых частиц. Плотность внутри Облака так велика, что почти наверное там есть довольно крупные частицы твердого вещества; вероятнее всего

— кристаллики обыкновенного льда. Я полагаю, сложные молекулы сцепляются друг с другом, оказавшись на поверхности этих частиц.

— Очень верная мысль, Крис, — согласился Марлоу.

— Нет, простите, мне непонятно, — Мак-Нейл покачал головой. — Вы говорите о сложных молекулах, образующихся путем слипания на поверхности твердых тел. Но молекулы, из которых состоит живое вещество, имеют большую внутреннюю энергию. Все жизненные процессы основаны на этой внутренней энергии. Неувязка в вашей идее слипания в том, что так вы не получите молекул с большой внутренней энергией.

Кингсли это замечание ничуть не поколебало.

— А из каких источников получают свою внутреннюю энергию молекулы живых организмов у нас на Земле? — спросил он Мак-Нейла.

— Растения — от Солнца, а животные — от растений или, конечно, от других животных. Так что в конечном счете энергия всегда идет от Солнца. Ну, а откуда набирает сейчас энергию Облака?

Аргументы Мак-Нейла обернулись против него самого, так как ни он, ни кто-либо другой, казалось, не были склонны спорить, Кингсли продолжал:

— Давайте примем доводы Джона. Допустим, этот зверь в Облаке построен из тех же молекул, что и мы с вами. Тогда для образования этих молекул нужен свет какой-нибудь звезды. Конечно, свет от звезд есть и в межзвездном пространстве, но там он слишком слаб. Поэтому, чтобы получить действительно мощный заряд энергии, зверю надо приблизиться вплотную к какой-либо звезде. Как раз это он и сделал!

Марлоу разволновался.

— Боже мой, ведь это сразу связывает три разных явления. Первое — потребность в солнечном свете. Второе — Облако держит курс прямо на Солнце. Третье — достигнув Солнца, Облако останавливается. Очень хорошо, Крис.

— Действительно, прекрасное начало, — заметила Иветта Хедельфорд, — но кое-что остается еще неясным. Я не понимаю, отчего получилось так, что Облако оказалось в межзвездном пространстве. Если ему нужен солнечный или звездный свет, значит, оно должно всегда оставаться возле какой-нибудь одной звезды. Или вы думаете, этот ваш зверь только что родился где-то в пространстве и теперь решил пристроиться к нашему Солнцу?

— И кстати, не объясните ли вы, Крис, как этот

ваш зверь управляет своими запасами энергии? Как ему удавалось выстреливать сгустки газа с такой фантастической скоростью, когда он тормозил свое движение? — спросил Лестер.

— Только не все сразу! Сначала я отвечу Гарри, потому что его вопрос вроде полегче. Мы пытались объяснить выбрасывание этих сгустков газа действием магнитных полей, но это не удалось. Ведь для этого потребовались бы поля огромной интенсивности, они просто разорвали бы Облако на куски. Иными словами, мы не могли представить себе способа, которым большие количества энергии можно собрать магнитными силами на сравнительно малых участках. Теперь давайте взглянем на эту проблему с нашей новой точки зрения. Начнем с того, что спросим, какой метод использовали бы мы сами, чтобы получить высокие локальные концентрации энергии.

— Взрывы! — воскликнул пораженный Барнет.

— Совершенно верно, взрывы с использованием либо ядерного деления, либо, более вероятно, ядерного синтеза. Водорода в этом Облаке хватает.

— Вы это серьезно, Крис?

— Вполне. Если я прав в предположении, что в Облаке живет какой-то зверь, то зачем отказы-

вать ему хотя бы в той доле интеллекта, какой наделены мы?

— Тут есть небольшая трудность с радиоактивными продуктами. Не слишком ли вредны они для всего живого? — спросил Мак-Нейл.

— Конечно, они были бы вредны, если бы соприкасались с живым веществом. Но хотя невозможно производить взрывы с помощью магнитных полей, вполне возможно предохранить два различных вещества от соприкасания друг с другом. Мне представляется, что этот зверь управляет веществом Облака с помощью магнитных полей и может таким образом перемещать массы вещества, куда ему угодно, по всему пространству внутри Облака. Я думаю, он внимательно следит, чтобы радиоактивный газ был полностью отделен от живого вещества — напомню, что я использую термин «живое» только для удобства. Я не собираюсь затевать философский спор на эту тему.

— Знаете, Кингсли, — сказал Вейхарт. — Все, действительно, получается гораздо лучше, чем я думал. Насколько я понимаю, вы хотите сказать, что в то время как мы в основном действуем своими руками или с помощью машин, сделанных опять-таки нашими руками, этот зверь действует

при помощи магнитной энергии.

— Примерно так. И должен добавить, как мне кажется, он находится по сравнению с нами в гораздо более выгодном положении. Во всяком случае в его распоряжении гораздо больше энергии, чем у нас.

— Бог мой, еще бы! Я думаю, по крайний мере в миллиарды раз больше, — воскликнул Марлоу.

— Ну, ладно, кажется, с этим вопросом вы управились, Крис. Но мы, ваши противники, возлагаем большие надежды на вопрос Иветты.

По-моему, это очень дельный вопрос. Что вы можете на него ответить?

— Да, это дельный вопрос, Джефф; не знаю даже, смогу ли я на него ответить достаточно убедительно. Можно предположить следующее. Вероятно, зверь не может оставаться слишком долго в непосредственной близости от звезды. Видимо, он периодически подходит к той или иной звезде, строит молекулы, которые являются для него как бы запасом питания, а затем убирается прочь. Время от времени это, вероятно, повторяется.

— Но почему бы ему не жить постоянно около одной звезды?

— Ну, простое, обыкновенное облако, в котором нет никакого зверя, осталось бы навсегда около какой-то звезды и постепенно превратилось бы в компактное конденсированное тело или в несколько таких тел. В самом деле, ведь мы все хорошо знаем, что наша Земля, вероятно, некогда образовалась из точно такого же облака. Очевидно, нашему другу зверю было бы крайне неприятно обнаружить, что его защитное облако превратилось в планеты. Отсюда ясно — он спешит удалиться прежде, чем произойдет что-нибудь в этом роде. И, уходя, захватывает свое

облако с собой.

— А как вы думаете, когда это произойдет? — спросил Паркинсон.

— Не имею представления. Думаю, что он удалится после того, как возобновит свои запасы продовольствия. Это может продолжаться неделю, месяц, год, а может быть, и тысячи лет.

— По-моему, что-то вы здесь накрутили, — заметил Барнет.

— Возможно, попробуйте раскрутить, Билл. А что вас волнует?

— Да многое. Мне кажется, ваши замечания относительно конденсации применимы только к неодушевленному облаку. Если мы допускаем, что Облако может регулировать распределение вещества внутри себя, то оно легко сможет не допустить конденсации. В конце концов, конденсация — это процесс очень постепенный, и я уверен, ваш зверь с помощью минимального контроля может полностью исключить конденсацию.

— На это есть два ответа. Во-первых, я думаю, что зверь потеряет возможность управления, если будет оставаться около Солнца слишком долго. Ведь в этом случае магнитное поле Солнца проникнет в Облако. Затем вращение Облака

вокруг Солнца закрутит магнитное поле, и всякая возможность управления будет потеряна.

— Ну и ну, ловко придумано!

— Вы с этим согласны? А вот еще. Как бы этот наш зверь ни был отличен от земных живых существ, одно качество у нас должно быть общим. Он должен подчиняться тем же простым биологическим законам отбора и развития. Я хочу сказать вот что. Мы не можем предполагать, что Облако с самого начала содержало вполне развитого зверя. Вначале должно было быть нечто примитивное, точно так же, как жизнь на Земле началась с простейших форм. Поэтому сперва в Облаке могло и не существовать такого четкого управления распределением вещества. И если бы Облако было первоначально расположено поблизости от звезды, оно не смогло бы предотвратить конденсацию в планету или в несколько планет.

— Тогда как вы представляете себе его начало?

— Оно должно было зародиться далеко в межзвездном пространстве. Сначала жизнь в Облаке, вероятно, существовала за счет общего поля излучения звезд. Даже это дало бы ей больше энергии излучения для построения молекул, чем получает жизнь на Земле. Дальше, я думаю, было так: по мере того как в этом существе развивался

интеллект, оно должно было понять, что источники питания несравненно увеличиваются, если ненадолго приблизиться к звезде. А вообще зверь, по-моему, должен быть обитателем межзвездных пространств. Ну как, Билл, вас еще что-нибудь волнует?

— Еще один вопрос. Почему Облако не может испускать свое собственное излучение? Зачем ему себя утруждать, подходить к звезде? Если оно умеет использовать реакцию синтеза ядер для гигантских взрывов, то почему бы ему не использовать этот же ядерный синтез, чтобы получить нужное излучение?

— Чтобы производить энергию в виде излучения контролируемым образом, нужен термоядерный реактор; как раз такими реакторами являются звезды. Солнце — гигантский реактор, использующий реакцию ядерного синтеза. Чтобы генерировать излучение в масштабах, сравнимых с солнечными, Облаку пришлось бы самому превратиться в звезду. Но тогда там стало бы слишком жарко, и наш зверь изжарился бы живьем.

— И притом я сомневаюсь, чтобы облако такой массы могло генерировать сильное излучение, — заметил Марлоу. — Его масса слишком мала. В

соответствии с соотношением масса-светимость оно должно было бы испускать совершенно ничтожное количество энергии по сравнению с Солнцем. Нет, тут вы неправы, Билл.

— Я тоже хотел бы задать вопрос, — сказал Паркинсон. — Почему вы все время говорите об этом звере в единственном числе? Почему в Облаке не может быть много маленьких зверей?

— На это есть свои причины, но объяснять их было бы слишком долго.

— Да теперь уж все равно, полночи мы и так проговорили, давайте, выкладывайте все.

— Что ж, предположим, в Облаке не один большой зверь, а много маленьких. Я думаю, вы все согласны, что между различными индивидуумами обязательно должна быть связь.

— Несомненно.

— И в какой же форме будет осуществляться такая связь?

— Уж об этом вы должны рассказать сами, Крис.

— Мой вопрос был чисто риторический. Я хочу сказать, что наши методы связи в данном случае не подходят. Мы сообщаемся друг с другом акустически.

— То есть разговорами. Это, действительно, ваш

излюбленный метод, Крис, — сказала Энн Холей.

Но Кингсли сейчас не понимал шуток. Он продолжал:

— Любая попытка использовать звук потонула бы в невероятном шуме, который стоит внутри Облака. Это было бы еще труднее, чем пытаться разговаривать, когда ревет сильнейшая буря. Я думаю, можно не сомневаться, что связь осуществляется с помощью электричества.

— Да, пожалуй, это достаточно ясно.

— Хорошо. Кроме того, надо иметь в виду, что по нашим масштабам расстояния между индивидуумами были бы очень велики, так как размеры Облака, с нашей точки зрения, огромны. Очевидно, нельзя полагаться при таких расстояниях на постоянный ток.

— Нельзя ли попроще, Крис?

— Ну в сущности это то, что мы называем телефоном. Грубо говоря, разница между связью на постоянном и переменном токе та же самая, что и между телефоном и радио.

Марлоу улыбнулся Энн Холей.

— Кингсли пытается объяснить нам в своей неподражаемой манере, что связь должна осуществляться с помощью радиоволн.

— Если вы думаете, так понятнее…

— Конечно, все понятно. Подождите минутку, Энн. Когда мы посылаем световой или радиосигнал, испускаются электромагнитные волны. Они распространяются в пустоте со скоростью 300 тысяч километров в секунду. Даже при такой скорости для передачи сигнала через все Облако потребовалось бы около десяти минут.

— Теперь прошу обратить внимание на то, что количество информации, которое может быть передано при помощи электромагнитных колебаний, во много раз больше той информации, которую мы можем передать с помощью обычного звука. Это хорошо видно на примере наших импульсных радиопередатчиков. Поэтому если в Облаке живут отдельные индивидуумы, они могут общаться друг с другом значительно оперативнее, чем мы. Им должно хватать сотой доли секунды, чтобы изложить друг другу то, на что нам требуется целый час.

— Ага, я начинаю понимать, — вмешался Мак-Нейл. — При таком уровне обмена информацией становится вообще сомнительным, вправе ли мы говорить об отдельных индивидуумах!

— Ну, вот до вас и дошло, Джон!

— А до меня не дошло, — сказал Паркинсон.

— Попросту говоря, — дружелюбно пояснил

Мак-Нейл, — Кингсли сказал, что если в Облаке и есть индивидуумы, то они должны быть в высокой степени телепатичны; настолько, что в сущности бессмысленно считать их существующими отдельно друг от друга.

— Почему же он сразу так и не сказал? — спросила Энн.

— Потому что, как и многие другие широко используемые слова, слово «телепатия» на самом деле не так уж много значит.

— Ну, во всяком случае для меня оно означает очень многое.

— И что же оно означает для вас, Энн?

— Оно означает передачу мыслей без помощи слов и, конечно, без всяких записей, жестов и так далее..

— Иными словами, оно значит — если оно вообще что-нибудь значит — неакустическую связь.

— А это означает использование электромагнитных волн, — вставил Лестер.

— А электромагнитные волны означают использование переменных токов, а не постоянных токов и напряжений, которые возникают у нас в мозгу.

— Но я думал, что в какой-то степени мы обладаем способностью к телепатии, — возразил

Паркинсон.

— Вздор. Наш мозг просто не годится для телепатии. В нем все основано на постоянных электрических потенциалах, в этом случае никакого излучения не возникает.

— Я понимаю, что вообще-то это жульничество, но мне казалось, иногда у этих телепатов получается здорово, — настаивал Паркинсон.

— В науке засчитывается только то, что позволяет делать правильные предсказания, — ответил Вейхарт. — Именно таким образом Кингсли побил меня всего час или два назад. Если же сначала делается множество экспериментов и только потом в них обнаруживаются какие-то совпадения, на основе которых никто не может предсказать исход новых экспериментов, — от этого нет никакого толка. Все равно, что заключать пари на скачках после заезда.

— Идеи Кингсли очень интересны с точки зрения неврологии, — заметил Мак-Нейл. — Для нас обмен информацией — дело крайне трудное. Нам приходится переводить все с языка электрических сигналов — постоянных биотоков мозга. Этим занят большой отдел мозга, который управляет губными мускулами и голосовыми связками. И все-таки наш перевод весьма далек

от совершенства. С передачей простых мыслей мы справляемся, может быть, не так уж плохо, но передавать эмоции очень трудно. А эти маленькие зверьки, о которых говорит Кингсли, могли бы, видимо, передавать и эмоции, и это еще одна причина, по которой, пожалуй, довольно бессмысленно говорить об отдельных индивидуумах. Страшно даже подумать: все, что мы с таким трудом втолковываем друг другу целый вечер, они могли бы передать с гораздо большей точностью и полной ясностью за сотую долю секунды.

— Мне бы хотелось проследить мысль об отдельных индивидуумах немного дальше, — обратился Барнет к Кингсли. — Как вы думаете, каждый из них сам изготовляет себе передатчик?

— Нет, никто никаких передатчиков не делает. Давайте я опишу, как я себе представляю биологическую эволюцию Облака. Когда-то на ранней стадии там было, наверное, множество более или менее отдельных, не связанных друг с другом индивидуумов. Затем связь все более совершенствовалась не путем сознательного изготовления искусственных передатчиков, а в результате медленного биологического развития. У этих живых существ средство для передачи электромагнит-

ных волн развивалось, как биологический орган, подобно тому, как у нас развивались рот, язык, губы и голосовые связки. Постепенно они должны были достигнуть такого высокого уровня общения друг с другом, какой мы едва ли в силах себе представить. Не успевал один из них подумать что-либо, как эта мысль тут же передавалась. Всякое эмоциональное переживание разделялось всеми остальными еще до того, как его осознавал тот, у кого оно возникло. При этом должно было произойти стирание индивидуальностей и эволюция в одно согласованное целое. Зверь, каким он мне представляется, не должен находиться в каком-то определенном месте Облака. Его различные части могут быть расположены по всему Облаку, но я рассматриваю его как биологическую единицу с общей нервной системой, в которой сигналы распространяются со скоростью 300 тысяч километров в секунду.

— Давайте обсудим подробнее природу этих сигналов. Наверное, они длинноволновые. Использование обычного света, по видимому, невозможно, так как Облако непрозрачно для него, — сказал Лестер.

— Я думаю, это радиоволны, — продолжал Кингсли. — Есть веские основания так думать.

Ведь для того чтобы система связи были действительно эффективной, все колебания должны происходить в одной фазе. Этого легко достигнуть с радиоволнами, но, насколько нам известно, не с более короткими волнами.

— Наши радиопередачи! — воскликнул Мак-Нейл. — Они, наверное, помешали нервной деятельности Облака.

— Да, помешали бы, если бы им позволили.

— Что вы хотите этим сказать, Крис?

— Дело в том, что зверю приходится бороться не только с нашими радиопередачами, но и с целой лавиной космических радиоволн. Поступающие отовсюду из Вселенной радиоволны постоянно мешали бы его нервной деятельности, если бы он не выработал какую-то форму защиты от них.

— Какого рода защиту вы имеете в виду?

— Электрические разряды во внешних слоях Облака, вызывающие ионизацию, достаточную для того, чтобы не пропускать внутрь радиоволны. Такая защита играет столь же важную роль для Облака, как череп для человеческого мозга.

По комнате поплыли густые клубы анисового дыма. Марлоу вдруг почувствовал, что его трубка очень сильно нагрелась, ее невозможно было держать в руках, и он осторожно положил ее

на стол.

— Боже мой, так вы думаете, это объясняет возрастание ионизации в атмосфере, когда мы включаем передатчики?

— Приблизительно так. Помните, мы говорили о механизме обратной связи? Так вот, он имеется у нашего зверя. Если внешние волны проникли слишком глубоко, напряжение возрастает и возникают электрические разряды. Они повышают ионизацию до тех пор, пока волны не перестают проходить.

— Но ведь ионизация происходит в нашей атмосфере.

— В данном случае, я думаю, мы можем рассматривать нашу атмосферу как часть Облака. Свечение ночного неба говорит нам, что все пространство между Землей и наиболее плотной, дискообразной частью Облака заполнено газом. Короче говоря, с точки зрения радиотехники мы находимся внутри Облака. Этим, я думаю, и объясняются наши неполадки со связью. Раньше, когда мы были еще снаружи Облака, зверь защищал себя от идущих с Земли радиоволн не ионизацией нашей атмосферы, а внешним ионизованным слоем самого Облака. Но раз мы оказались внутри этого защитного экрана,

электрические разряды стали возникать у нас в атмосфере, нарушая радиосвязь.

— Логично, Крис, — сказал Марлоу.

— А как быть с передачами на волне в один сантиметр? Они проходили беспрепятственно, — возразил Вейхарт.

— Хотя цепь рассуждений становится довольно длинной, здесь напрашивается одна мысль. По-моему, она заслуживает внимания, она может подсказать нам, что делать дальше. Мне кажется маловероятным, что это Облако — единственное в своем роде. Природа ничего не изготовляет в одном экземпляре. Поэтому допустим, что нашу Галактику населяет множество таких зверей. Тогда естественно предположить наличие связи между ними. А это означало бы, что какие-то длины волн нужны для внешней связи, а именно, такие волны, которые могут проникать внутрь Облака и не причинять вреда его нервной системе.

— И вы думаете, для этого подходит длина волны в один сантиметр?

— Ну, конечно.

— Но почему тогда не было ответа на наши передачи на этой волне? — спросил Паркинсон.

— Видимо, потому, что мы не посылали ника-

ких сообщений. Что можно ответить на передачу, не несущую никакой информации?

— Тогда мы должны начать передавать на одном сантиметре импульсные сообщения, — воскликнул Лестер. — Но можно ли надеяться, что Облако сумеет их расшифровать?

— Для начала это не так уж важно. Будет очевидно, что наши передачи содержат информацию. Это будет ясно из частого повторения различных сочетаний сигналов. Как только Облако поймет, что наши передачи отправлены разумными существами, я думаю, можно будет ждать от него какого-либо рода ответ. Сколько вам понадобится времени, чтобы начать, Гарри? Пока вы, кажется, не готовы передавать модулированные сигналы на одном сантиметре?

— Да, но дня за два мы управимся, если будем работать по сменам круглые сутки. Я так и знал, не добраться мне сегодня до постели. Пошли, ребята, начинаем.

Лестер встал, потянулся и вышел из комнаты. Все стали расходиться. Кингсли отвел Паркинсона в сторону.

— Послушайте, Паркинсон, — сказал он, — об этом не стоит болтать, пока не узнаем больше.

— Ну, конечно, премьер-министр и так уже

подозревает, что я малость тронулся.

— Но одно вы можете ему сказать. Если бы Лондон, Вашингтон и другие могли наладить десятисантиметровые передатчики, весьма возможно, что связь между странами была бы установлена.

Поздно вечером, когда Кингсли и Энн Холей остались одни, Энн спросила:

— Как тебе пришло в голову такое, Крис?

— Видишь ли, на самом деле это было довольно очевидно. Основная трудность заключалась в нашем предубеждены против таких мыслей. Представление о Земле как о единственной обители жизни укоренилось во всех нас глубоко, несмотря ни на какие научно-фантастические романы и детские комиксы. Если бы мы с самого начала смотрели на эти события не предвзято, мы бы все поняли уже давным-давно. С самого начала было много непонятного, и в этом непонятном была своя система. Как только я преодолел психологический барьер, я увидел, что все трудности могут быть просто и естественно устранены, если сделать одно-единственное предположение. И все сразу становится на свои места.

— И ты серьезно думаешь, что эта затея со связью удастся?

— Вся надежда только на это. От этого зависит все.

— Почему?

— Подумай, какие бедствия уже претерпела Земля, хотя Облако ничего предумышленно против нас не делало. Небольшое отражение света от его поверхности чуть не изжарило нас живьем. Краткое затмение Солнца чуть не заморозило. Если Облако направит против нас ничтожнейшую часть находящейся в его распоряжении энергии, все люди, растения и животные, будут стерты с лица Земли.

— Но почему это обязательно должно произойти?

— Откуда я знаю! Много ты думаешь о каком-нибудь ничтожном жучке или муравье, когда наступаешь на него ногой во время прогулки? Достаточно одного газового сгустка вроде того, что попал в Луну три месяца назад, и нам конец. Рано или поздно Облако, вероятно, станет снова выбрасывать такие же сгустки. Или мы можем погибнуть от какого-нибудь чудовищного электрического разряда.

— Неужели это и в самом деле возможно?

— А почему бы и нет? И Облако располагает поистине колоссальной энергией. Если же мы

сумеем что-то ему сказать, возможно, оно и позаботится о том, чтобы не растоптать нас.

— Станет ли оно о нас беспокоиться?

— Ну, если бы жучок сказал тебе: «Пожалуйста, мисс Холей, постарайтесь не ступать сюда, а то вы меня раздавите», — неужели бы ты его раздавила?

Глава десятая
Связь установлена

Спустя четыре дня, после тридцати трех часов передач из Нортонстоу, от Облака поступили первые сигналы. Это привело всех в неописуемое волнение. По-видимому, было получено какое-то осмысленное сообщение — среди сигналов можно было обнаружить регулярное повторение одинаковых импульсов, и были предприняты отчаянные попытки их расшифровать. Но все попытки оказались безуспешными. Впрочем, в этом не было ничего удивительного; как отметил Кингсли, достаточно трудно раскрыть шифр даже в тех случаях, когда известен язык, на котором составлено сообщение. В данном случае язык

Облака был совершенно неизвестен.

— Вы правы, — заметил Лестер, — причем перед Облаком стоит, очевидно, точно такая же проблема, как перед нами, и оно не поймет наших передач, пока не научится английскому языку.

— Боюсь, для нас это гораздо сложнее, — возразил Кингсли. — У нас есть все основания полагать, что у Облака значительно более развитый интеллект, чем наш, и язык его, — каким бы он ни был, — вероятно, много сложнее нашего. Я думаю, нам нужно бросить эти бесполезные попытки расшифровать полученные сообщения. Подождем, пока Облако разберется в наших. Оно освоит наш язык и сможет ответить в нашем собственном коде.

— Чертовски удачная мысль — всегда заставлять иностранцев изучать английский, — заметил кто-то из иностранных ученых.

— Для начала, я думаю, нужно в основном придерживаться тем, связанных с математикой и вообще с наукой, так как они, вероятно, наиболее общие. Позднее можно попробовать социологический материал. Нам предстоит огромная работа — записать все, что мы хотим передать, на магнитную ленту.

— Вы хотите сказать, что нам следует передать

нечто вроде краткого курса математики и других наук, а также английского языка? — спросил Вейхарт.

— Вот именно. И, по-моему, нужно приступать к делу немедленно.

Их ожидал успех, и успех большой. Уже через два дня был получен первый вразумительный ответ. Он гласил:

«Сообщение получено. Информации мало. Шлите еще».

Следующую неделю почти все были заняты тем, что читали вслух выдержки из различных, заранее выбранных книг. Все это записывалось на магнитную ленту и затем передавалось по радио. Но в ответ приходили только краткие требования все новой и новой информации.

Марлоу сказал Кингсли:

— Так невозможно, Крис, мы должны что-то придумать. Эта скотина скоро нас совсем измотает. Я хриплю, как старая ворона, от этого непрерывного чтения.

— Гарри Лестер старается придумать что-то новое.

— Рад слышать. И что же?

— Попробуем убить сразу двух зайцев. Беда не только в том, что сейчас мы делаем все очень мед-

ленно. Есть и другая трудность: ведь практически все, что мы посылаем, должно казаться крайне невразумительным. Большая часть слов в нашем языке относится к объектам, которые мы видим, слышим или осязаем. Откуда Облаку понять наши сообщения, если оно не знает, что это за объекты? Если вы никогда не видели апельсинов и не прикасались к ним, то будь вы семи пядей во лбу, не представляю себе, как вы сможете узнать, что означает слово «апельсины».

— Ясно. Что же вы предлагаете?

— Это идея Лестера. Он считает, что можно использовать телевизионную камеру. К счастью, я заставил Паркинсона запастись ими в свое время. Гарри думает, ему удастся приспособить камеру к нашему передатчику и, более того, он даже уверен, что сможет переделать ее для передачи около 20 тысяч строк вместо жалких 450 в обычном телевидении.

— Это возможно из-за того, что мы работаем на более коротких волнах?

— Конечно. Мы сможем тогда передавать великолепные изображения. — Но у Облака нет кинескопа!

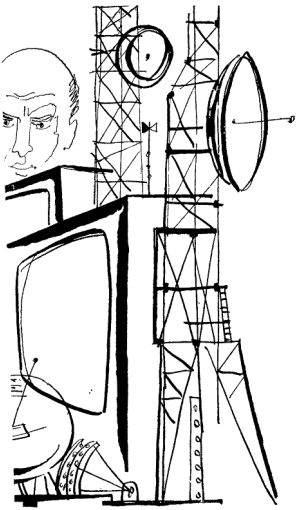
— Конечно, нет. Как оно будет анализировать наши сигналы, это уж его личное дело. Мы долж-

ны обеспечить передачу как можно большего количества информации. До сих пор мы делали это неудачно, и Облако имело полное право выражать недовольство.

— Как вы предполагаете использовать телевизионную камеру?

— Мы начнем с того, что будем показывать отдельные слова — просто различные существительные и глаголы. Это будет предварительная часть. Надо подготовить ее как можно тщательнее, примерно пять тысяч слов, вряд ли это займет слишком много времени — неделю, не больше. Затем мы сможем передавать содержание, целых книг — будем помещать их страницы перед телевизионной камерой. С помощью такого метода можно разделаться за несколько дней со всей Британской энциклопедией.

— Это, конечно, должно удовлетворить жажду знаний нашего животного. Ну, пожалуй, мне пора вернуться к чтению. Сообщите, когда камера будет готова. Не могу передать, до чего я буду рад избавиться от этой каторжной работы.



Через некоторое время Кингсли пришел к Лестеру.

— Мне очень жаль, Гарри, — сказал он, — но появились кое-какие новые проблемы.

— В таком случае, я надеюсь, вы оставите их при себе. Наш отдел и так загружен выше головы.

— К сожалению, они имеют к вам непосредственное отношение, боюсь, они означают, что работы у вас еще прибавится.

— Послушайте, Крис, почему бы вам не снять пиджак и не взяться за полезную работу вместо того, чтобы сбивать с толку трудящихся? Ну, в чем дело? Давайте послушаем.

— Мы мало думаем об узле приема информации, то есть о том, как мы ее будем здесь принимать. Когда мы начнем передачи с помощью телевизионной камеры, мы будем, по-видимому, получать ответы в такой же форме. То есть, получаемые нами сообщения будут появляться в виде слов на телевизионном экране.

— Ну, что же. Это будет очень приятно и удобно для чтения.

— Да, с передачами все будет в порядке. Но ведь мы можем читать только около ста двадцати слов в минуту, в то время как собираемся передавать по крайней мере в сто раз больше.

— Надо будет объяснить этому Джонни в небесах, чтобы он уменьшил скорость передачи своих ответов, вот и все. Мы скажем ему — мы такие тупицы, что можем воспринимать лишь сто двадцать слов в минуту, а не десятки тысяч, которые он, кажется, в состоянии заглатывать.

— Отлично, Гарри. Я могу только согласиться со всем, что вы сказали.

— Но при этом вы хотите все-таки прибавить мне работы, да?

— Совершенно верно. Как это вы догадались? Я думаю, неплохо бы не только читать поступающие от Облака сообщения, но и слушать их акустически. Читая, мы будем уставать гораздо сильнее, чем слушая.

— Ничего себе! Вы представляете, что это значит?

— Это значит, нам нужно будет хранить звуковой и визуальный эквивалентны каждого слова. Для этого мы могли бы использовать счетную машину. Нам надо хранить всего около пяти тысяч слов.

— Всего-навсего!

— Не думаю, что это так трудно сделать. Учить Облако отдельным словам мы будем очень медленно. Считаю, что на это потребуется около недели. Пока передается изображение какого-нибудь слова, мы можем одновременно записать соответствующий сигнал от телекамеры на перфоленту. Это нетрудно сделать. Вы можете записать на перфоленту и звуки, соответствующие отдельным словам; понадобится, конечно,

микрофон для превращения звука в электрический сигнал. Но раз вся эта информация будет у нас на перфоленте, мы в любой момент можем заложить ее в электронную машину. При этом придется использовать магнитную память большой емкости. Скорость, которую она может обеспечить, в данном случае вполне достаточна. А в быстродействующую память машины мы заложим программу перевода. Тогда мы сможем либо читать сообщения Облака на телевизионном экране, либо слушать их через громкоговоритель.

— Ну, скажу я вам, никогда не видел человека, который так здорово придумывал бы работу для других. А вы, я полагаю, будете составлять программу перевода?

— Конечно.

— Приятно работать, сидя в мягком кресле, а? А мы, несчастные, должны в это время вкалывать, как проклятые, с паяльниками, прожигая дыры в собственных штанах. А чей голос мне записывать?

— Свой собственный, Гарри. Это будет наградой за все дырки, которые вы прожжете в своих штанах. Мы будем слушать вас часами!

Постепенно идея о превращении сообщений

Облака в звук, казалось, привлекала Гарри Лестера все больше и больше. Через несколько дней у него уже не сходила с лица довольная ухмылка, но что его так радовало, никто не знал.

Телевизионная система оказалась в высшей степени удачной. Через четыре дня после начала ее работы было получено следующее сообщение:

«Поздравляю с усовершенствованием аппаратуры».

Эта фраза появилась на телевизионном экране — звуковая система еще не работала.

При передаче отдельных слов возникли непредвиденные затруднения, однако в конце концов все обошлось. Передача же научных и математических сообщений оказалась делом совсем легким. Правда, скоро стало ясно, что эти передачи служили лишь для ознакомления Облака с уровнем развития человечества; выглядело это так, будто ребенок демонстрирует взрослому свои достижения. Затем были показаны книги на социальные темы. Выбирать подходящие оказалось довольно трудно, и в конце концов был передан обширный и в значительной степени случайно отобранный материал. Усвоение этого материала оказалось для Облака гораздо более трудным. Наконец, на телевизионном экране

появился следующий ответ:

«Последние передачи кажутся наиболее запутанными и странными. У меня есть много вопросов, но я изложу их несколько позже. Дело в том, что ваши передачи очень сильно мешают мне, вследствие близости вашего передатчика, получать необходимые внешние сообщения. Поэтому я посылаю вам специальный код. В дальнейшем всегда пользуйтесь этим кодом. Я собираюсь создать электронную защиту от вашего передатчика. Этот код будет служить сигналом о том, что вы хотите проникнуть через защиту. Если в данный момент это будет удобно, я предоставлю вам такую возможность. Следующую передачу от меня вы можете ожидать приблизительно через сорок восемь часов».

На экране промелькнул какой-то сложный световой узор. Затем последовало дальнейшее сообщение:

«Пожалуйста, подтвердите, что вы получили этот код и можете пользоваться им».

Лестер продиктовал следующий ответ:

«Мы записали ваш код. Надеемся, что

сможем им пользоваться, но не уверены. Сообщим об этом во время нашей следующей передачи».

Наступила пауза. Минут через десять пришел ответ:

«Очень хорошо. До свидания».

Кингсли объяснил Энн Холей:

— Пауза возникает из-за того, что проходит некоторое время, пока наши сигналы достигнут Облака и пока ответ вернется обратно. Эти паузы делают, очевидно, невыгодным использование в разговоре коротких реплик.

Но Энн Холей гораздо больше интересовалась тоном сообщений Облака, чем паузами.

— Оно разговаривает совсем как человек, — сказала она, изумленно раскрыв глаза.

— Ну, конечно. А как же еще оно могло бы говорить? Ведь оно пользуется нашим языком и нашими фразами, поэтому оно вынуждено говорить, как человек. — Но это «до свидания» звучит так мило. — Чепуха! Для Облака «до свидания» является, вероятно, просто кодовым обозначением конца передачи.

— Ну, ладно, Крис, а как вы вообще смотрите на то, что произошло? — спросил Марлоу.

— Мне кажется, посылка кода — очень хоро-

ший признак.

— Мне тоже. Это нас очень подбодрит. Видит бог, мы в этом нуждаемся. Последний год был далеко не из легких. Сейчас я чувствую себя лучше, чем когда-либо, с того самого дня, как встретил вас в аэропорту Лос-Анжелоса. Кажется, это было сто лет назад.

Энн Холей сморщила нос.

— Не могу понять, вы совсем помешались на своем коде, а на меня почему-то вылили ушат холодной воды за то, что я восхитилась этим «до свидания».

— Потому, дорогая, — ответил Кингсли, — что посылка кода была разумным, рациональным действием. Это доказательство контакта, понимания, совершенно не связанное с языком, а дорогое вашему сердцу «до свидания» — просто украшение речи.

Лестер подошел к ним.

— Двухдневный перерыв очень кстати. Я думаю, за это время мы успеем подготовить звуковую систему.

— А как насчет кода?

— Я почти убежден, что все в порядке, но на всякий случай проверим еще.

Через два дня вечером все собрались в лабора-

тории связи. Лестер и его товарищи были заняты последними приготовлениями. Около восьми часов на экране появились первые сигналы. Вскоре появились и слова.

— Ну, давайте, включим звук, — сказал Лестер. Донесшийся из громкоговорителя голос был встречен дружным хохотом, так как это был голос Джо Стоддарда.

Сначала все были уверены, что это просто шутка. Но вскоре стало ясно: голос произносит те же слова, которые появляются на экране. И то, что он говорил, явно не подходило для Джо Стоддарда.

Из-за недостатка времени Лестер не смог снабдить голос интонациями: все слова произносились одинаково и следовали друг за другом через равные интервалы; только между предложениями были небольшие паузы. Эти несовершенства звукового воспроизведения были незаметны, потому что у Джо Стоддарда речь и на самом деле была маловыразительна. Кроме того, Лестер искусно подобрал почти точно такую же скорость произнесения слов, с какой разговаривал Джо. В результате, хотя речь Облака была всего лишь имитацией речи Джо, эта имитация оказалась чрезвычайно удачной. Невозможно было привыкнуть к тому, как Облако говорило, слегка

раскатывая «р», в несколько медлительной манере жителя западных графств Англии, и как оно неописуемо комично коверкало некоторые слова. Отныне Облако именовалось не иначе, как Джо.

В первом сообщении Джо содержалось приблизительно следующее:

— Ваша первая передача явилась для меня сюрпризом, ибо крайне необычно было обнаружить животных с техническими знаниями на планетах — телах с весьма неблагоприятными условиями для жизни.

На вопрос, почему он так считает, Джо ответил:

— По двум весьма простым причинам. Живя на поверхности твердого тела, вы испытываете воздействие силы тяжести. Это резко ограничивает размеры, до которых могут вырасти ваши животные и, следовательно, ограничивает возможности вашей нервной деятельности. Это приводит к тому, что вам необходимо иметь систему мускулов для того, чтобы двигаться, и защитную броню для предохранения от резких ударов, — например, череп необходим вам для защиты мозга. Лишний вес мускулов и брони еще больше сужает возможности вашей нервной деятельности. Поэтому ваши наиболее крупные

животные состоят в основном из костей и мускулов и у них очень маленький мозг. Как я уже говорил, причиной этого является сильное гравитационное поле, в котором вы живете. Вообще наличия разумной жизни следует ожидать в рассеянной газовой среде, а не на планетах.

Второй неблагоприятный фактор — острый недостаток у вас основных химических продуктов. Для синтеза химических веществ в больших масштабах необходим свет от какой-нибудь звезды. А ваша планета поглощает лишь ничтожную часть солнечного света. В данный момент я как раз синтезирую нужные мне химические вещества, причем в количестве примерно в 10 миллиардов раз большем, чем их синтезируется на всей поверхности вашей планеты.

Недостаток у вас химических продуктов вызывает необходимость бороться за существование с помощью зубов и когтей, а в таких условиях первым проблескам разума трудно выдержать конкуренцию с крепкими костями и сильными мускулами. Конечно, при достаточном развитии интеллекта конкуренция с чисто физической силой становится легкой, однако первые шаги чрезвычайно трудны, настолько, что достигнутый вами уровень является большой редкостью

среди планетных форм жизни.

— Вот вам, энтузиасты космических путешествий, — сказал Марлоу. — Спросите его, Гарри, благодаря чему появилась у нас на Земле разумная жизнь?

Вопрос был послан, и через некоторое время пришел ответ:

— Вероятно, благодаря стечению различных обстоятельств, среди которых я выделил бы, как наиболее важный, тот факт, что около шестидесяти миллионов лет назад на Земле развился совершенно новый тип растений: то, что вы называете травой. Появление этого растения вызвало коренную перестройку всего животного мира, так как траву, в отличие от всех других растений, можно щипать прямо с земли. По мере того, как трава распространялась по всей Земле, те животные, которые могли извлечь пользу из этой ее особенности, выживали и развивались. Остальные виды приходили в упадок или вымирали. По-видимому, это была главная перемена, благодаря которой разум впервые утвердился на вашей планете.

— В вашем способе связи имеется целый ряд весьма необычных особенностей, которые сделали расшифровку ваших сообщений довольно

сложным делом, — продолжало Облако. — Особенно странным для меня является то, что символы, которые вы употребляете для связи, не имеют непосредственного отношения к деятельности вашего мозга.

— Тут, мне кажется, нам надо ему что-то ответить, — наметил Кингсли.

— Ну, конечно. Я вообще не понимаю, как это вы так долго сидели молча, Крис, — вставила Энн Холей.

Кингсли изложил свои идеи относительно связи на постоянном и переменном токе и спросил, действительно ли функционирование самого Джо основано на переменном токе. Джо подтвердил это и продолжал:

— Но необычно не только это. Наиболее поразительным у вас является наличие большого сходства между отдельными индивидуумами. Это позволяет вам пользоваться очень грубым способом связи. Вы обозначаете штампами свое психическое состояние; гнев, головная боль, смущение, счастье, меланхолия — все это штампы. Если А хочет сказать Б, что страдает от головной боли, он не пытается описать, какие это нарушения деятельности его нервной системы. Вместо этого он выбирает нужный штамп. Он говорит:

«У меня болит голова». Когда Б это слышит, он воспринимает штамп «головная боль» и истолковывает его в соответствии со своим собственным опытом. Таким образом, А может сообщить Б о своем недомогании, даже если оба не имеют ни малейшего представления о том, что такое в действительности «головная боль». Такой весьма своеобразный метод связи возможен, конечно, только между почти идентичными индивидуумами…

— Насколько я понял, вы имеете в виду следующее, — сказал Кингсли. — Если бы существовали два абсолютно тождественных индивидуума, то им вообще не нужно было бы никакой связи, каждый автоматически знал бы переживания другого. Для связи же между очень разными индивидуумами требуется уже гораздо более сложная система.

— Это именно то, что я пытался объяснить. Теперь вам ясно, почему я испытывал трудности при расшифровке вашего языка. Это язык, удобный для почти одинаковых индивидуумов, тогда как вы и я очень сильно отличаемся друг от друга, гораздо больше, чем вы, вероятно, можете себе представить. К счастью, ваша психическая структура оказалась довольно простой. После того, как

я в ней немного разобрался, стала возможной и расшифровка.

— Но есть все-таки что-нибудь общее в функциях нашей нервной системы? Можете вы, например, испытывать что-нибудь соответствующее нашей головной боли? — спросил Мак-Нейл.

— Вообще говоря, у меня, так же как у вас, могут быть ощущения приятного и неприятного. Но эти ощущения должны быть у любого существа, обладающего какой-то нервной системой. Неприятные ощущения возникают при внезапном разрыве связей, а это может случиться со мной так же, как и с вами. Счастье — это динамическое состояние, когда нервные связи устанавливаются, а не разрываются, и это тоже может случиться со мной, как и с вами. Однако я все же считаю, что мои субъективные переживания совершенно отличны от ваших, за исключением одного — неприятные ощущения для меня, так же как и для вас, это то, чего я хочу избежать, а приятные ощущения, наоборот, желательны.

Более конкретно: ваша головная боль проистекает от недостаточного кровоснабжения, в результате чего нарушается точность электрических импульсов в мозгу. Я испытываю нечто весьма похожее на головную боль, если в мою

нервную систему попадают радиоактивные вещества. Это приводит к электрическим разрядам, как в ваших счетчиках Гейгера. Разряды нарушают синхронность процессов в нервной системе и производят крайне неприятные субъективные ощущения.

Теперь я хочу выяснить совершенно другой вопрос. Меня заинтересовало то, что вы называете «искусством». Литературу я могу понять как искусство выражения идей и эмоций в виде слов. Изобразительные искусства очевидным образом связаны с вашим восприятием мира. Но я совершенно не представляю, что такое музыка. Мое невежество в этом отношении едва ли удивительно, так как, насколько я понимаю, вы никогда не передавали музыки. Нельзя ли восполнить этот пробел?

— Ну, Энн, вот вам случай отличиться, — сказал Кингсли. — И какой случай! Ни один музыкант никогда еще не играл для такой аудитории!

— Что же мне сыграть?

— Как насчет той вещи Бетховена, которую вы играли на днях?

— Опус 106? Пожалуй, слишком сильно для начинающего. — Ну-ка, Энн! Задайте работы старине Джо, — подбодрил Барнет.

— Не обязательно играть, Энн, если вам не хочется. Вчера я записал вас на магнитофон, — сказал Лестер. — Ну, и как получилось?

— С технической точки зрения мы сделали все возможное. Если вы были довольны исполнением, то мы начнем передачу хоть сейчас.

— Пожалуй, лучше, если вы поставите запись. Это звучит смешно, но мне кажется, я бы очень волновалась, если бы играла для этого существа, какое бы оно ни было.

— Ну, что за глупости! Старина Джо не кусается.

— Может, и не кусается, но я все-таки прошу поставить запись.

Итак, запись передали. Последовала такая реакция:

— Очень интересно. Пожалуйста, повторите первую часть со скоростью, увеличенной на тридцать процентов.

После того, как это было сделано, пришло сообщение:

— Лучше. Очень хорошо. Я хочу поразмыслить об этом. До свидания.

— Боже мой, вы прикончили его, Энн! — воскликнул Марлоу.

— Но я не понимаю, как музыка может нра-

виться Джо. В конечном счете музыка — это звук, а как было выяснено, для Джо не существует звуков, — удивился Паркинсон.

— С этим я не согласен, — сказал Мак-Нейл. — Хотя с первого взгляда кажется, что наше восприятие музыки неотделимо от звуков, на самом деле это совсем разные вещи. Наш мозг воспринимает электрические сигналы, идущие от ушей. В данном случае звук используется просто как удобное средство для возбуждения в мозгу электрических импульсов определенного типа. Имеются достаточные основания полагать, что музыкальные ритмы отражают главные электрические ритмы нашего мозга.

— Это очень интересно, Джон! — воскликнул Кингсли. — Тогда выходит, что музыка является наиболее прямым выражением деятельности нашего мозга.

— Нет, так, пожалуй, чересчур сильно. Я бы сказал, что музыка является наилучшим крупномасштабным отражением работы мозга. Но речь дает более полное представление о тонкой структуре мозговой активности.

Дискуссия продолжалась до глубокой ночи. Все сказанное Облаком подробнейшим образом обсудили. Вероятно, наиболее поразительное

замечание сделала Энн Холей.

— В первой части сонаты си бемоль мажор есть пометка для метронома, требующая совершенно фантастического темпа, гораздо более быстрого, чем может достичь любой обычный пианист и, конечно, совершенно недостижимого для меня. Вы обратили внимание на просьбу увеличить скорость? Меня просто дрожь пробирает, хотя, вероятно, это было всего лишь странное совпадение.

На этой стадии развития событий все пришли к выводу, что следует сообщить политическим властям о действительной природе Облака. Правительства разных стран опять налаживали работу радиопередатчиков. Было обнаружено, что если передавать вертикально вверх трехсантиметровые волны, ионизация атмосферы может поддерживаться на уровне, удобном для связи на десятисантиметровых волнах. Нортонстоу еще раз стал мировым центром связи.

Никто особенно не радовался тому, что приходится огласить сведения, касающиеся Облака. Каждый чувствовал, что связь с Облаком будет изъята из-под контроля Нортонстоу. А было

еще много такого, что ученые хотели бы узнать. Кингсли был категорически против передачи информации политикам, но на сей раз ему пришлось подчиниться общему мнению, что, как это ни печально, сохранять в тайне новые сведения больше нельзя.

Лестер записывал на пленку все разговоры с Облаком, и теперь они были переданы правительствам на десятисантиметровых волнах. У правительств всех стран, однако, не было никаких сомнений относительно целесообразности хранить все в секрете. Простые люди так никогда и не узнали о существовании жизни в Облаке, тем более, что в дальнейшем события приняли такой оборот, когда секретность стала совершенно необходимой.

В то время ни одно правительство не располагало односантиметровым передатчиком и приемником подходящей конструкции. И связь с Облаком, по крайней мере временно, должна была осуществляться из Нортонстоу. Специалисты в США указывали, однако, что связь на десятисантиметровых волнах с Нортонстоу и передачи оттуда на волне в один сантиметр позволят правительствам США и других стран установить с Облаком контакт. Было решено, что Нортонстоу станет центром не только для передачи информации по всей Земле, но и для связи с Облаком.

Обитатели Нортонстоу разделились на два лагеря. Те, кто поддерживал Кингсли и Лестера, считали, что нечего принимать план политиков и надо откровенно послать к чертям все правительства. Остальные, во главе с Марлоу и Паркинсоном, доказывали, что открытое неповиновение ничего не даст, и политики могут в случае необходимости добиться своего силой. За несколько часов до очередной передачи от Облака между двумя группами разгорелся жаркий спор. Было принято компромиссное решение: сделать приспособление, позволяющее отключать приемник десятисантиметровых волн, чтобы правительства могли только слышать Облако, но

не разговаривать с ним.

И это решение провели в жизнь. В тот день самые высокопоставленные и высокочтимые персоны слушали Облако, но не могли отвечать. Случилось, что Облако произвело плохое впечатление на своих августейших слушателей, ибо Джо начал откровенно высказываться на сексуальные темы.

— Не можете ли вы объяснить мне такой парадокс? — сказал он. — Я вижу, весьма значительная часть вашей литературы посвящена тому, что вы называете «любовью»; главным образом, так называемой «плотской любви». В самом деле, из предоставленной мне литературы около сорока процентов, по моим подсчетам, посвящены этому предмету. Тем не менее, нигде в литературе не разъяснено, в чем же заключается «любовь»; то, чем она кончается, всегда тщательно скрывают. Это привело меня к убеждению, что «любовь» должна быть каким-то редкостным и необычайным процессом. Можете представить мое удивление, когда, наконец, я выяснил из медицинских учебников, что «любовь» всего лишь очень простой, обычный процесс, свойственный и большинству других животных?

Эти слова вызвали бурное недовольство со

стороны высокопоставленных и высокочтимых представителей рода человеческого. Лестер заткнул им рты, отключив динамик.

— А ну, молчать, — сказал он, после чего передал микрофон Мак-Нейлу. — Полагаю, это по вашей части, Джон. Попытайтесь ответить Джо получше.

Мак-Нейл попытался:

— С чисто логической точки зрения производить на свет и воспитывать детей — дело весьма незавидное. Для женщины это означает страдание и бесконечные заботы. Для мужчины это означает лишнюю работу в течение многих лет, чтобы содержать семью. Итак, если бы мы были полностью логичны в половом вопросе, мы бы, вероятно, вообще не заботились о продолжении рода. Поэтому природа позаботилась сделать нас полностью и абсолютно нелогичными. Как это ни странно, если бы мы не были столь нелогичны, мы просто не могли бы существовать. Это касается, вероятно, и всех других животных. Лестер указал на мигающие огоньки. — Политики пытаются пробиться. Вашингтон, Лондон, Тимбукту… Соединить их, Крис?

— Конечно, нет. Держите их за глотку, Гарри. Джон, спросите Джо, как он воспроизводит себя.

— Как раз об этом я и хотел спросить, — сказал Мак-Нейл. — Ну, так давайте. Посмотрим, насколько он деликатен, когда речь идет о нем самом.

— Крис!

Мак-Нейл обратился к Облаку:

— Нам было бы интересно узнать о вашем способе размножения: сильно он отличается от нашего?

— Да. Размножение, появление нового живого существа происходит у нас совершенно иначе. Видите ли, если бы не несчастные случаи или непреодолимое желание уничтожить себя — такое случается с нами иногда, как и с вами — я мог бы жить бесконечно. Следовательно, в отличие от вас у меня нет необходимости породить кого-то, кто остался бы после моей смерти.

— Сколько же вам сейчас лет?

— Несколько больше пятисот миллионов.

— И ваше рождение было, так же как возникновение жизни на Земле, следствием какой-то спонтанной химической реакции?

— Нет. Во время наших путешествий по Галактике мы подыскиваем подходящие скопления вещества — облака, которые можно заселить. Мы делаем это примерно так же, как вы сажаете

черенки от деревьев. Если бы я, например, обнаружил подходящее облако, еще не наделенное жизнью, я снабдил бы его сравнительно простой «нервной системой». Я посадил бы туда то же, из чего сделан я сам, часть себя самого.

Таким образом можно избежать тех многочисленных опасностей, с которыми сталкивается спонтанно возникшая разумная жизнь. Возьмем хотя бы такой пример. Как я уже объяснял в одной из наших предыдущих бесед, радиоактивные вещества не должны ни в коем случае попадать в мою нервную систему. Для этого у меня есть специальный весьма сложно устроенный электромагнитный экран, который препятствует доступу любого радиоактивного газа к моим нервным центрам — иначе говоря, к моему мозгу. Стоит только этому экрану выйти из строя, как я почувствую сильнейшую боль и вскоре погибну. Выход из строя экрана — один из возможных несчастных случаев, о которых я только что говорил. Суть этого примера в том, что мы можем снабдить своих «потомков» как экранами, так и разумом для управления ими, тогда как практически невероятно, чтобы такие экраны могли появиться в ходе самопроизвольного развития жизни.

— Но ведь это должно было случиться, когда появился первый из вашего рода, — возразил Мак-Нейл.

— Я не верю, что вообще когда-либо существовал «первый», — ответило Облако.

Мак-Нейл не понял этого замечания, но Кингсли и Марлоу переглянулись, как бы говоря: «Ого, вон он куда гнет! Что бы сказали сторонники теории «взрывающейся вселенной»[7]!

— Обеспечив своих «потомков» такими защитными средствами, — продолжало Облако, — мы предоставляем им в остальном развиваться по своему усмотрению. Здесь я должен объяснить важное различие между нами и вами. Число клеток в вашем мозгу почти не изменяется с момента рождения. Поэтому ваше развитие заключается в том, что вы учитесь использовать наилучшим образом мозг фиксированной емкости. В нашем случае дело обстоит совершенно иначе. Мы можем увеличивать свой мозг сколько угодно. И, конечно, можем удалять или заменять изношенные или испорченные части. Наше развитие заключается, таким образом, как в развитии самого мозга, так и в том, что мы учимся исполь-

[7] notes: 7

Имеется в виду теория, по которой вселенная возникла в результате «первичного взрыва». *(Прим. перев.)*

зовать его наилучшим образом для решения возникающих перед нами проблем. Теперь вам должно быть ясно, что наши «дети» начинают со сравнительно простого устройства мозга; по мере того, как мы взрослеем, наш мозг становится все больше и сложнее.

— Не могли ли бы вы описать так, чтобы нам было понятно, как создаются новые части вашего мозга? — спросил Мак-Нейл.

— Думаю, что могу. Сначала я изготовляю сложные молекулы нужных типов из имеющихся химических продуктов, запасы которых у меня всегда под рукой. Затем молекулы укладываются соответствующим образом на поверхности твердого тела, образуя «нервную структуру». Материал твердого тела выбирается так, чтобы его температура плавления не была слишком низкой — лед, например, не подходит в данном случае, — и чтобы в электрическом отношении это был хороший изолятор. Поверхность тела также должна быть хорошо подготовлена, чтобы закреплять «нервную структуру» — мозговое вещество, как вы бы сказали, — там, где нужно.

Схема «нервной структуры», конечно, самое трудное. Надо добиться, чтобы новый мозг действовал как единое целое при выполнении своих

задач. Необходимо также, чтобы этот новый узел не начинал работать самопроизвольно, а ждал поступления соответствующих сигналов от остальных частей моего мозга. Обмен такими сигналами между старой и новой частями мозга может происходить по многим каналам. В результате работа нового мозга может контролироваться, и он включается в общую нервную сеть.

— У меня еще два вопроса, — сказал Мак-Нейл. — Как производится доставка энергии к вашим нервным элементам? У человека для этого есть система кровоснабжения. Есть ли у вас что-либо подобное этой системе? Вовторых, какого приблизительно размера ваши нервные элементы? Последовал ответ:

— Размер меняется в зависимости от того, для какой цели служит данный элемент. Твердое тело, на котором он строится, бывает от одного-двух до нескольких сот метров. Да, у меня есть нечто, подобное системе кровоснабжения. Доставка нужных веществ осуществляется потоком газа, который постоянно омывает нервные элементы. Но поток этот приводится в движение не сердцем, а электромагнитным насосом. Следует отметить, что насос имеет неорганическую

природу, поэтому при насаждении нового очага жизни «родитель» обязательно обеспечивает своего «потомка» таким насосом. Идущий от насоса газ захватывает питательные вещества, затем проходит вблизи нервных элементов, которые поглощают различные нужные для работы мозга молекулы. Отработанные продукты деятельности организма выделяются в этот же поток газа и затем фильтруются в органе, подобном вашим почкам. Поток очищенного газа поступает опять в электромагнитный насос.

Чрезвычайно важно, что мое сердце, почки и кровь имеют неорганическую природу. В случае, если они перестают работать, ничего страшного не происходит. Если мое «сердце» начинает плохо работать, я просто подключаю запасное «сердце», которое держу всегда наготове. Если выходят из строя мои «почки», я не умираю, как ваш композитор Моцарт. Я опять-таки перехожу на запасные «почки». Пополнять объем крови я также могу практически неограниченно.

Вскоре после этого Джо «покинул трибуну».

— Все-таки потрясающе, насколько общими оказываются принципиальные основы жизни, — заявил Мак-Нейл. — Детали, конечно, сильно отличаются: газ вместо крови, электромагнитное

сердце и почки и так далее. Но общая структура организма почти одинакова.

— И то, как он достраивает свой мозг, имеет что-то общее, мне кажется, с программированием для вычислительных машин, — сказал Лестер. — Вы обратили внимание, Крис? Это очень похоже на составление новой подпрограммы.

— Я думаю, наше сходство не случайно. Я как-то слышал, что коленный сустав мухи очень похож по своей конструкции на человеческий. Почему? Да потому, что существует, видимо, только одна хорошая конструкция коленного сустава. Точно так же существует какой-то единственный вполне определенный принцип, в соответствии с которым может быть построено разумное существо.

— Но почему вы думаете, что этот принцип единственный? — спросил Мак-Нейл Кингсли.

— Мы знаем, что вселенная построена в соответствии с некоторыми основными законами природы, которые постигает или пытается постичь наша наука. Мы склонны к некоторому зазнайству, когда, обозревая свои успехи в этой области, мы говорим, что вселенная построена логично с нашей точки зрения. Но это то же, что ставить телегу впереди лошади. Не вселенная

построена логично с нашей точки зрения; это мы и наша логика развились в соответствии с логикой вселенной. Таким образом, можно сказать, что разумная жизнь есть нечто, отражающее самую суть строения вселенной. Это справедливо как для нас, так и для Джо. Вот почему у нас оказывается так много общего, вот почему в разговоре у нас обнаруживается нечто вроде общих интересов, несмотря на столь большое различие в нашем детальном строении. Ибо в основных чертах как мы, так и Джо построены по принципам, которые вытекают из общего устройства вселенной.

— Эти политики все еще пытаются пробиться. Проклятье, пойду выключу лампочки, — сказал Лестер.

Он направился к панели с лампочками, которые вспыхивали, извещая о том, что из разных стран поступают какие-то сообщения. Минуту спустя он вернулся на свое место, задыхаясь от смеха.

— Здорово! — еле выговорил он, его душил смех. — Я забыл прекратить трансляцию нашего разговора на десятисантиметровых волнах. Они слышали все, наши разговоры насчет того, чтобы держать их за глотку и прочее. Сейчас они, конеч-

но, в дикой ярости. Ну что ж, теперь, я считаю, все стало на свои места.

Никто, казалось, не знал, как быть. Наконец, Кингсли подошел к пульту. Он переключил несколько тумблеров и сказал в микрофон:

— Нортонстоу. Говорит Кристофер Кингсли. Если есть какие-либо сообщения, передавайте.

В динамике послышался раздраженный голос:

— А, наконец-то. Это вы, Нортонстоу? Мы пытаемся связаться с вами уже три часа подряд.

— Кто это говорит?

— Громер, министр обороны США. Должен вам сообщить, что вы говорите с весьма рассерженным человеком, мистер Кингсли. Я жду объяснений относительно вашего возмутительного поведения сегодня.

— В таком случае, боюсь, вам придется еще подождать. Даю вам тридцать секунд, и если за это время ваши высказывания не облекутся в приемлемую форму, я отключаюсь опять.

Голос стал более спокойным, но и более угрожающим:

— Мистер Кингсли, я уже наслышан о вашем невыносимом характере, но сам я сталкиваюсь с вами впервые. К вашему сведению, я намерен принять меры, чтобы этот раз был и последним.

Это не предостережение. Я просто говорю вам со всей ответственностью, что очень скоро вы будете удалены из Нортонстоу. Вопрос о том, куда вы будете удалены, я предоставляю вашему собственному воображению.

— Я хотел бы отметить, что в своих планах относительно меня, мистер Громер, вы не учли одного очень важного обстоятельства.

— Какого именно, смею я спросить?

— Что в моей власти вообще уничтожить весь Американский материк. Если вы сомневаетесь в правдивости моих слов, спросите своих астрономов, что случилось с Луной вечером 7 августа. Вам следовало бы также принять во внимание, что мне потребуется менее пяти минут, чтобы привести в исполнение эту угрозу.

Кингсли переключил несколько тумблеров, и лампочки на контрольной панели погасли. Марлоу был бледен; на лбу и над верхней губой у него выступили капельки пота.

— Нехорошо, Крис, нет, нехорошо, — сказал он.

Кингсли смутился.

— Мне очень жаль, Джефф. У меня совершенно вылетело из головы, что вы американец. Еще раз прошу прощенья, но имейте в виду, я ответил бы то же самое и Лондону, и Москве, и вообще

кому угодно.

Марлоу покачал головой.

— Вы неправильно поняли меня, Крис. Я возражал не потому, что Америка — моя родина. В любом случае я прекрасно понимают вы его просто запугиваете. Меня беспокоит, что такие угрозы могут иметь чертовски опасные последствия.

— Чепуха. Не стоит делать из мухи слона. Газеты приучили вас думать, будто политики — важные персоны, и вы никак не можете отвыкнуть. Они, вероятно, понимают, что я пытаюсь их запугать, но пока остается какая-то вероятность, что я могу осуществить свою угрозу, они не решатся пустить в ход самое сильное свое оружие. Вот увидите.

Однако, как показали дальнейшие события, в данном случае прав был Марлоу, а не Кингсли.

Глава одиннадцатая
Ракеты и бомбы

Через три часа Кингсли разбудили.

— Извините, что я разбудил вас, Крис, но случилось нечто важное, — сказал Гарри Лестер.

Убедившись, что Кингсли окончательно проснулся, он продолжал:

— Паркинсона вызывает Лондон.

— Да, времени они не теряют.

— Но ведь мы не можем допустить этого разговора. Это слишком большой риск.

Некоторое время Кингсли молчал. Затем, видимо, на что-то решившись, он сказал:

— Я думаю, нужно пойти на этот риск, Гарри, но мы будем стоять у него над душой во время всего разговора. Мы можем быть уверены, он не проболтается. Дело вот в чем. Хотя я и не сомневаюсь, что длинная рука Вашингтона может дотянуться и до Нортонстоу, нашему правительству, по моему, не очень-то будет приятно, если ему начнут давать распоряжения, что оно должно делать на своей собственной территории. Следовательно, мы сейчас имеем то преимущество, что на нашей стороне симпатии нашего народа. Если не дать Паркинсону провести этот разговор, мы лишимся такого преимущества. Пойдемте к нему.

Когда они разбудили Паркинсона и сообщили ему о вызове, Кингсли сказал:

— Послушайте, Паркинсон, я буду говорить откровенно. Что до нас, мы все время вели честную игру. Верно, мы поставили много условий

перед тем, как переселиться сюда, и мы потребовали, чтобы эти условия были выполнены. Но в свою очередь мы честно сообщали вашим людям все, о чем узнавали сами. Верно и то, что мы не всегда оказывались правы, но причина наших ошибок теперь совершенно ясна. Американцы тоже организовали соответствующее учреждение, но им руководили политики, а не ученые, и от него поступало меньше информации, чем из Нортонстоу. Вы отлично знаете, если бы не наши предупреждения, смертность в минувшие месяцы была бы значительно выше.

— Куда вы клоните, Кингсли?

— Я просто хочу дать вам понять следующее: мы вели честную игру, хотя временами и могло казаться, что это не так. Мы продолжали играть в открытую, даже когда обнаружили истинную природу Облака, и передавали информацию, получаемую от него. Но с чем я не могу смириться, так это с напрасной тратой времени, которое отводится Облаком для связи с нами. Нечего рассчитывать, что Облако будет без конца с нами разговаривать, слишком мы для него мелкая рыбешка. И я ни в коем случае не буду, если это окажется в моих силах, тратить драгоценное время на политическую болтовню. Нам слишком

многое еще нужно узнать. Кроме того, если политики ударятся, как на женевских совещаниях, в дебаты о повестке дня, Облако, вероятно, вообще не выдержит. Оно не захочет тратить время на разговоры с болтливыми идиотами.

— Мне всегда очень лестно слышать ваше мнение о нас. Но я все еще не понял, к чему вы клоните.

— Вот к чему. Вас запрашивает Лондон, и мы собираемся присутствовать при разговоре. Если в ваших словах промелькнет хотя бы тень сомнения относительно моего заявления о союзе между нами и Облаком, я продырявлю вам череп гаечным ключом. Пошли.

Оказалось, что Кингсли составил себе неверное представление о ситуации. Премьер-министр всего-навсего хотел узнать у Паркинсона, как он считает, есть ли хоть малейшее сомнение в том, что Облако может стереть с лица Земли целый континент, если оно действительно этого захочет. Паркинсон без труда ответил на этот вопрос. Он заявил вполне откровенно и без колебаний о своей полной уверенности, что Облако это сделать может. Премье-рминистр удовлетворился таким ответом и, сделав несколько несущественных замечаний, закончил разговор.

— Очень странно, — сказал Лестер Кингсли, когда Паркинсон ушел досыпать. — Слишком много от Клаузевица, — продолжал он. — Их интересует только сила оружия.

— Да, им, видно, никогда не приходило в голову, что кто-нибудь может обладать оружием невиданной силы и не применить его. — Особенно в таком случае, как этот. — Что вы имеете в виду, Гарри? — Ну, разве не аксиома, что всякий нечеловеческий интеллект должен быть злым?

— Полагаю, что да. Действительно, в девяноста девяти процентах историй о нечеловеческом интеллекте он мерзок по природе. Я всегда объяснял это тем, что трудно создать по настоящему убедительного мерзавца, но, возможно, здесь и более глубокие причины.

— Да, люди всегда враждебно относятся к тому, чего не понимают, а по моему, политики не очень-то поняли, что происходит. И вы еще думаете, они поверят, что мы со стариной Джо — друзья? Как бы не так.

— Если только они не рассматривают нашу дружбу, как сговор с дьяволом.

Первое, что предприняло правительство США

после угрозы Кингсли и после того, как Лондон подтвердил разрушительную мощь Облака, была срочная постройка односантиметрового передатчика и приемника того же типа, что в Нортонстоу (при этом они воспользовались информацией, которую ранее получили из того же Нортонстоу). Технические возможности Америки были столь велики, что работу выполнили в чрезвычайно короткий срок. Но результаты оказались обескураживающими. Облако не отвечало на американские передачи, не удалось перехватить также ни одного сообщения от Облака в Нортонстоу. Эти неудачи были вызваны двумя причинами. Неудача с перехватом была вызвана серьезной технической трудностью. Как только связь между Облаком и Нортонстоу приняла характер беседы, отпала необходимость в очень быстрой передаче информации, как например, в период, когда Облако изучало нашу человеческую науку и культуру. Это позволило сильно уменьшить ширину полосы, на которой велась передача, что было весьма желательно для Облака, так как благодаря этому сообщения с Земли создавали меньше помех при приеме сообщений от обитателей других галактик. Ширина полосы была столь мала и так низка была

мощность передачи, что американцы не смогли найти точную длину волны, на которой они могли бы перехватить связь. Причина, по которой Облако не отвечало американцам, была проще. Облако не отвечало, если в начале сообщения не было специально закодированного сигнала, а правительство США не знало кода.

Неудача со связью вызвала к жизни новые планы. Весть о них произвела в Нортонстоу впечатление разорвавшейся бомбы. Новость сообщил Паркинсон.

— Почему на свете столько дураков? — завопил он диким голосом, врываясь в кабинет Кингсли.

— Отлично, наконец-то у вас появились проблески сознания, — прокомментировал Кингсли.

— И вы среди них, Кингсли. Теперь мы находимся в страшно запутанном положении из-за вашего идиотизма в сочетании с кретинизмом Вашингтона.

— Ладно, Паркинсон, вот вам кофе и успокойтесь.

— Пошли вы к черту со своим кофе! Слушайте. Давайте вернемся к 1958 году, когда никто еще не слышал об Облаке. Вспомните гонку вооружений, вспомните о том, как США вслед за Советами стали готовить межконтинентальные ракеты с

водородными зарядами. И как ученый вы понимаете, что запустить ракету на шесть или семь тысяч миль от одной точки земной поверхности в другую — это в общем то же самое, что запустить ракету в космическое пространство.

— Паркинсон, вы что, хотите сказать…

— Я говорю вам, что работа в США над этой проблемой продвинулась гораздо дальше, чем Британское правительство могло себе представить. Мы узнали об этом только день или два назад. Мы узнали об этом, только когда правительство США заявило, что они запустили ракеты, запустили их в Облако.

— Дураки непомерные! Когда это случилось?

— На этой неделе.

— Пойдемте к Марлоу и Лестеру и подумаем все вместе, что можно предпринять, чтобы предотвратить катастрофу.

Мак-Нейл был в это время у Марлоу, и он тоже принял участие в обсуждении. Когда Паркинсон повторил свой рассказ, Марлоу сказал:

— Свершилось. Это то, чего я опасался, когда мы ругались с вами на днях, Крис.

— Вы хотите сказать, что предвидели это?

— Ну, неточно, если говорить о деталях. Я не представлял себе, что они так далеко продвину-

лись со своими злосчастными ракетами. Но я печенкой чувствовал, что-нибудь такое должно случиться. Видите ли, вы слишком увлекаетесь логикой, Крис. Вы не знаете людей.

— Сколько этих ракет было послано? — спросил Лестер.

— По нашим сведениям, больше сотни.

— Ну, не думаю, чтобы это имело особое значение, — заметил Лестер. — Энергия сотни водородных бомб может казаться огромной для нас, но она ничтожна по сравнению с энергией Облака. По моему, это так же глупо, как пытаться убить носорога зубочисткой.

Паркинсон покачал головой.

— Насколько я понял, они не пытаются разнести Облако в клочья. Они пытаются его отравить!

— Отравить! Как?

— Радиоактивными веществами. Вы слышали, как Облако рассказывало, что может случиться, если радиоактивные вещества проникнут сквозь его экран. Они все это узнали из слов самого Облака.

— Да, я думаю, несколько сот тонн сильно радиоактивного вещества — это совсем другое дело, — заговорил Кингсли.

— Радиоактивные частицы могут вызвать

ионизацию в очень неприятных местах. Вернемся к старому разговору о том, что мы работаем на постоянном токе, а Облако на переменном. Для работы на переменном токе на больших расстояниях необходимы высоковольтные системы. В нашем теле не может возникать высокое напряжение, поэтому оно может работать только на постоянном токе. Но Облако должно иметь высокие напряжения, чтобы осуществлять высокочастотную связь на больших расстояниях. А при больших напряжениях несколько заряженных частиц в определенных местах в изолирующем веществе могут привести к чертовски серьезным повреждениям.

— А экран? Может быть, он не пропустит ракеты внутрь Облака? — спросил Марлоу.

— Видно, в этом заключается самая мерзкая часть плана, — ответил Кингсли. — Экран, вероятно, действует на газ, а не на твердые тела, так что он не может остановить ракеты. А пока они не взорвутся, не будет никаких радиоактивных веществ, и я думаю, главное в том, чтобы они не взрывались, пока не проникнут сквозь экран. Паркинсон подтвердил это.

— Верно, — сказал он. — Они должны автоматически направляться к любому твердому телу

значительных размеров. Таким образом, они попадут прямо в нервные центры Облака. По крайней мере, таков замысел.

Кингсли вскочил и зашагал по комнате, продолжая говорить:

— Все равно, это дикая глупость. Действительно, во-первых, это может не сработать, или, предположим, это принесет Облаку серьезный ущерб, но не убьет его. Последуют ответные действия. Облако может уничтожить всю жизнь на Земле так же безжалостно, как мы давим муху. По-моему, оно никогда не выказывало особого восторга по поводу жизни на планетах.

— Но оно бывает всегда так рассудительно во время бесед, — вставил Лестер.

— Да, но из-за неистовой боли оно может потерять всю свою рассудительность. Во всяком случае, не думаю, чтобы разговоры с нами занимали хоть сколько-нибудь значительную часть мозга Облака. Оно, вероятно, одновременно делает тысячи других дел. Нет, я не думаю, что мы можем надеяться на сколько-нибудь деликатное отношение. Но это только одна сторона дела. Ничуть не лучше, если удастся убить Облако. Прекращение его нервной деятельности приведет ко взрывам колоссальной силы — назовем это его

предсмертной агонией. По нашим масштабам, запасы энергии Облаке неимоверно грандиозны. В случае неожиданной смерти вся эта энергия высвободится — и опять у нас ни малейшего шанса выжить. Все равно, что вас запрут в загоне с бешеным слоном, и еще похуже, как сказал бы ирландец.

Наконец, и от этого тоже можно с ума сойти, если Облако убито и нам настолько повезло, что мы избежали всех этих возможностей подохнуть, мы вынуждены будем жить постоянно с диском газа вокруг Солнца. И все мы знаем, чем это пахнет. Таким образом, со всех точек зрения эти действия непонятны. Вам ясна психологическая подоплека этого дела, Паркинсон?

— Как это ни странно, но, по-моему, ясна. Несколько минут тому назад Джефф Марлоу заметил, что вы всегда мыслите логически, Кингсли, но здесь нужна не логика, нужно знание людей. Возьмем для начала ваш последний аргумент. Из того, что мы узнали от Облака, можно заключить, что оно собирается оставаться около Солнца примерно от пятидесяти до ста лет. Для большинства людей это все равно, что навсегда.

— Это совершенно разные вещи. За пятьдесят лет произойдут значительные изменения в зем-

ном климате, но не произойдет столь коренных перемен, как в случае, если бы, Облако осталось здесь навсегда.

— Я в этом не сомневаюсь. Я только говорю, что для подавляющего большинства людей совершенно все равно, что произойдет через пятьдесят, или, если хотите, через, сто лет. Что до двух других возможностей, то тут уж идут на риск.

Значит, вы согласны со мной?

— Нисколько. При каких обстоятельствах вы пойдете по пути, сопряженному с громадным риском? Нет, не пытайтесь отвечать. Я скажу вам. Ответ таков: вы пойдете на опасные действия, если все другие возможности будут казаться еще худшими.

— Но другие возможности не хуже. Была возможность ничего не предпринимать, и это не было связано ни с каким риском.

— Это было связано с риском, что вы станете всемирным диктатором!

— Чепуха! Я не из того теста, из какого делаются диктаторы. Моя единственная агрессивная черта — я терпеть не могу дураков. Разве я похож на диктатора?

— Да, Крис, — сказал Марлоу. — Не с нашей точки зрения, конечно, — добавил он поспешно, пока

Кингсли не успел взорваться, — но с точки зрения Вашингтона — да. Когда человек разговаривает с ними, как с умственно отсталыми школьниками, и когда оказывается, что этот человек обладает невиданной мощью, можете ли вы осуждать их за несколько поспешные выводы?

— И еще есть причина, по которой они никогда не пришли бы к другому решению, — добавил Паркинсон. — Можно, я расскажу историю моей жизни? В детстве я учился в привилегированной школе. В таких школах особенно способных ребят обычно поощряют к изучению классиков, и, хотя, может быть, нескромно с моей стороны так говорить, я тоже этим занялся. Я получил стипендию в Оксфорде, учился довольно хорошо и обнаружил на двадцать втором году жизни, что голова моя нашпигована бесполезными знаниями, во всяком случае для человека, не обладающего особо выдающимися способностями — а я ими не обладал. Ну, я и поступил на административную службу. И она привела меня к теперешнему моему положению. Мораль этой истории такова: я пришел в политику совершенно случайно, а не преднамеренно. То же самое случается и с другими — я не уникум и не претендую на это. Но нас, случайных рыбешек, ничтожное меньшинство, и мы обычно

не занимаем особо влиятельных постов. Почти все политики избирают политическую карьеру потому, что она их привлекает, потому, что они стремятся быть в центре внимания, потому, что им нужно чувствовать свою власть.

— Какая исповедь, Паркинсон!

— Теперь вы видите, куда я клоню?

— Пока еще весьма смутно. По-вашему, ход мыслей у ведущих политиков таков: они не могут себе представить, что кому-то перспектива стать диктатором может казаться совершенно неприемлемой. Но почему перспектива нашей диктатуры над миром, пусть совершенно нелепая, как мы знаем, могла показаться им худшим вариантом, чем те пагубные действия, которые они предприняли?

— Полная и окончательная потеря власти — самая ужасная перспектива, которую политики могут вообразить. Все другое перед этим меркнет.

— Паркинсон, вы меня убили. Видит бог, я весьма невысокого мнения о политиках, но я не могу себе представить человека, сколь бы плох он ни был, для которого личное честолюбие значит больше, чем судьба всего живого.

— О мой дорогой Кингсли, как мало вы знаете

людей! Вам известно библейское изречение: «Да не будет знать твоя правая рука, что творит левая»? А известно вам, что оно означает? Оно означает — держите свои мысли в маленьких, удобных непроницаемых отделениях, никогда не давайте им взаимодействовать и противоречить друг другу. Оно означает, что можно ходить в церковь один раз в неделю и грешить все остальные шесть дней. Не воображайте, что кто-нибудь предвидит, как эти ракеты могут принести гибель человечеству. Ни в коем случае. Это рассматривается как смелый удар по агрессору, который уже однажды причинил столько вреда населению Земли и привел даже сильнейшие нации на грань гибели. Это дерзкий ответ демократии на угрозу потенциального тирана. О, я не смеюсь, я говорю совершенно серьезно.

— Но это же такая нелепость!

— С нашей точки зрения — да. С их — нет. Не приписывайте своего образа мыслей другим.

— Откровенно говоря, Паркинсон, по-моему, эта передряга лишила вас здравого смысла. Не может быть, чтобы все было так скверно, как вы думаете. Откуда вы узнали об этих ракетах? Из Лондона?

— Да, из Лондона.

— В какой-то степени это честно с их стороны?

— К сожалению, я должен вас разочаровать, Кингсли. Я не могу этого доказать, но думаю, никогда бы мы об этом не узнали, если бы Британское правительство могло присоединиться к США. Вы должны понять, эта страна менее других обеспокоена вашим предполагаемым господством над миром. Нечего себе глаза закрывать, Британия неуклонно и быстро теряет положение одной из ведущих стран мира. Возможно, Британское правительство не очень бы огорчилось, если бы США, Советы, Китай, Германия и остальные страны оказались в подчинении у группы людей, обосновавшихся на Британских островах. Возможно, они думают, что будут ярче сиять в лучах вашей, или, если позволите, нашей славы. Они надеются, быть может, обвести вас вокруг пальца так, чтобы вы передали эффективный контроль в их руки.

— Как ни странно, Паркинсон, но было время, когда я считал себя сверхциником.

Паркинсон усмехнулся.

— Впервые в вашей жизни, Кингсли, мой дорогой друг, я скажу вам с жестокой откровенностью то, что вам должны были сказать много лет назад. Как циник вы никуда не годитесь — вас кто

угодно заткнет за пояс. По существу, и я говорю это совершенно серьезно, вы — неисправимый идеалист.

Марлоу вмешался в разговор.

— Может быть, все-таки, когда вы покончите с самоанализом, мы обсудим, что делать дальше?

— Совсем как в чеховской пьесе, — заметил кто-то.

— А все-таки интересно и весьма тонко, — сказал Мак-Нейл.

— Что нам делать, решить очень просто, Джефф. Расскажем все Облаку. Это единственное, что нужно сделать, как ни крути.

— Вы уверены в этом, Крис?

— Конечно, какие могут быть сомнения? Сначала я изложу наиболее эгоистические соображения. Мы, видимо, сможем предотвратить гибель всего живого на Земле, так как Облако, возможно, смягчится, если мы его предупредим. Но, несмотря на то, что говорил Паркинсон, я сделал бы то же самое, даже если бы этого мотива и не существовало. Пусть это звучит странно, и слова не совсем точно передают мою мысль, я считаю, что поступить так значит поступить человечно. Но я думаю, что этот вопрос мы должны решать сообща и, если не все с этим согласны, бу-

дем голосовать. Мы могли бы спорить еще много часов, но мне кажется, каждый уже все обдумал и решил про себя. Итак, голосуем. Лестер?

— Я за.

— Марлоу?

— Согласен.

— Мак-Нейл?

— Да.

— Паркинсон?

— Согласен.

— Для интереса, хотя это опять похоже на Чехова, объясните нам, Паркинсон, почему вы согласились? С нашей первой встречи и по сей день я считал, что мы с вами по разные стороны баррикад.

— Меня обязывала работа, а я хотел выполнять ее добросовестно. Сегодня, кажется, я освободился от этой добросовестности и обрел новую, истинную добросовестность. Возможно, я и сам становлюсь идеалистом, но я согласен с тем, что вы понимаете под человечностью.

— Итак, договорились, мы вызываем Облако и сообщаем ему об этих ракетах.

— Может быть, посоветоваться с другими? Как вы думаете? — спросил Марлоу. Кингсли ответил:

— Пусть это звучит по-диктаторски, но я решительно против какого-либо расширения дискуссии. Во-первых, если мы посоветуемся со всеми и в результате будет вынесено противоположное решение, я наложу на него запрет — придется стать диктатором. Но есть и еще одно обстоятельство — нам всем могут просто перерезать глотки. Мы всегда презирали общепризнанные авторитеты, но выражали это в полушутливом тоне. Обвинить нас в нарушении законов нельзя, суд такого иска и рассматривать не станет. Но тут дело обстоит иначе. Если мы передаем Облаку эту информацию, а ее можно назвать военной информацией, мы берем на себя громадную ответственность, и я против того, чтобы другие делили с нами эту ответственность. Я не хочу, например, чтобы Эйн была к этому причастна.

— А вы что думаете по этому поводу, Паркинсон? — спросил Марлоу.

— Я согласен с Кингсли. Вспомните, фактически мы совершенно бессильны. Мы даже не можем воспрепятствовать полиции арестовать нас, когда им вздумается. Конечно, Облако, быть может, захочет нас поддержать, в особенности после этого случая. Но потом мы опять можем оказаться

без поддержки; или же Облако вообще прекратит всякую связь с Землей. И останется у нас в руках только блеф. Пока блеф проходит успешно, и нет ничего удивительного, что он удается. Но мы не можем блефовать всю жизнь. Более того, даже если нам удастся заполучить Облако в качестве союзника, в нашей позиции все равно остается губительная брешь. Это звучит очень лихо: «Я могу стереть с лица земли Американский континент», но ведь вы прекрасно знаете, что никогда мы на такое не пойдем. Так что в любом случае нам остается блеф и только.

Эти слова несколько умерили пыл собравшихся.

— Тогда совершенно ясно: мы должны держать свой план в строжайшем секрете. Кроме нас, никто о нем ничего не должен знать, — заметил Лестер.

— Соблюдать секретность не так просто, как вы думаете.

— Что вы имеете в виду?

— Вы забываете, что информация была получена мной из Лондона. В Лондоне уверены, что мы собираемся известить Облако. Поэтому все будет в порядке, пока идет наш блеф, но если он не…

— Раз уверены, значит надо действовать. Уж

если нас все равно ждет наказание, то можно пойти и на преступление, — прервал Мак-Нейл.

— Да, надо действовать. Хватит разговоров, — сказал Кингсли. — Гарри, наговорите на пленку объяснение. Затем начинайте его непрерывно транслировать. И не бойтесь, что кто-нибудь, кроме Облака, перехватит нашу передачу.

— Ну, Крис, объяснение лучше составьте вы. Вы лучше умеете говорить, чем я.

— Ладно, начнем.

После пятнадцати часов передачи пришел ответ от Облака. Лестер отыскал Кингсли.

— Оно хочет знать, как мы такое допустили. Ему это не нравится.

Кингсли вошел в отдел связи, взял микрофон и продиктовал следующий ответ:

— Нападение предпринято вне всякой связи с нами. Я думал, это будет ясно из моего предыдущего послания. Вам известны основные факты, касающиеся организации человеческого общества, которое разделено на множество групп, имеющих самостоятельное управление, так что ни одна группа не контролирует деятельность других. Следовательно, вы должны понять, что ваше прибытие в солнечную систему не было воспринято другими группами так же, как это

восприняли мы. Вам, может быть, будет интересно знать, что, предупредив вас, мы очень сильно рискуем не только своей безопасностью, но, возможно, и своей жизнью.

— Господи! Вы не должны были говорить этого, Крис. Вы не смягчите его гнев такими разговорами.

— Почему бы и нет. Во всяком случае, если нас подвергнут репрессиям, так хоть выскажемся напоследок.

Вошли Марлоу и Паркинсон.

— Вам будет приятно узнать, что Крис сейчас пытался умилостивить Облако, — заметил Лестер.

— Господи, он что, пошел по стопам Аякса?

Паркинсон внимательно посмотрел на Марлоу.

— Вы знаете, это очень похоже на идеи древних греков. Они верили, что Юпитер мечет молнии, восседая на грозовом облаке. Совсем как у нас сейчас. Удивительно, правда? Только бы это не кончилось для нас в духе греческой трагедии.

Однако трагедия была ближе, чем кто-либо предполагал.

Пришел ответ на послание Кингсли.

— Сообщение и аргументы поняты. Из того,

что вы сказали, я заключил, что эти ракеты не были посланы из близкой к вам части Земли. Если в течение следующих нескольких минут я не получу опровержения этому, то буду действовать согласно выработанному мною решению. Вам, быть может, интересно узнать, что я изменю направление движения ракет относительно Земли на противоположное. Направление будет изменено на обратное, но скорость останется та же. Это будет сделано в момент, когда каждая ракета пролетит целое число дней. Когда ракеты повернутся, к их движению будет добавлено небольшое возмущение.

Облако смолкло. Кингсли тихонько свистнул.

— Господи, ну и решение, — прошептал Марлоу.

— Простите, я не совсем понял, — проговорил Паркинсон.

— Ну, изменение движения ракет на обратное означает, что они полетят назад по своим траекториям — заметьте, что все это относительно Земли.

— Вы хотите сказать, что они попадут в Землю?!

— Конечно, но это еще не все. Если они повернут назад через целое число дней, чтобы лететь

обратно по тем же траекториям, то, когда они достигнут Земли, они попадут точно в те же точки, из которых были пущены.

— Почему точно в те же?

— Потому что через целое число дней Земля будет находиться в той же фазе своего вращения.

— А что значит «относительно Земли»?

— Это значит, что учитывается вращение Земли вокруг Солнца, — сказал Лестер.

— И движение Солнца вокруг центра Галактики, — добавил Марлоу.

— И, значит, те, кто послал ракеты, получат их назад. О, боги, воистину соломоново решение.

Кингсли сначала только слушал этот разговор. Теперь он сказал:

— Еще одна последняя пикантная подробность для вас, Паркинсон: к движению будет добавлено малое возмущение, так что мы не можем точно знать, куда они попадут. Мы знаем лишь приближенно, с точностью до сотен миль, или, возможно, до тысяч миль. Я выражаю вам соболезнования по этому поводу, Джефф.

Казалось, Марлоу постарел сразу на много лет.

— Могло быть хуже; можно утешаться хоть этим. Слава богу, хорошо еще, что Америка — большая страна.

— Ну, вот и конец нашей секретности, — заметил Кингсли. — Я никогда не верил в секретность, и теперь это ударило по мне. Еще одно соломоново решение.

— Что вы, имеете в виду, какой конец секретности?

— Гарри, мы должны предупредить Вашингтон. Если сотня водородных бомб упадет через несколько дней на США, они, по крайней мере, должны рассредоточить население больших городов.

— Но если мы расскажем, что мы сделали, нас просто разорвут в клочья.

— Знаю. Все равно мы должны идти на риск. Как вы думаете, Паркинсон?

— Вы правы, Кингсли. Мы должны их предупредить. Но нельзя допустить ошибки, иначе наше положение будет совершенно безнадежным. Нужно продолжать этот блеф, иначе…

— Не к чему выпутываться из беды, в которую мы еще не попали. Первое, что надо сделать — это связаться с Вашингтоном.

Кингсли включил десятисантиметровый передатчик. Марлоу подошел к нему.

— Не так просто с этим справиться, Крис. Если вы не возражаете, я это сделаю. И я бы хотел бе-

седовать с ними наедине. Не хочу попадать у вас на глазах в унизительное положение.

— Нелегко вам будет, Джефф. Но если вы так решили, что ж, валяйте. Мы вас оставим, но помните, мы будем рядом на тот случай, если вам понадобится помощь.

Кингсли, Паркинсон и Лестер оставили Марлоу отправлять сообщение — сообщение, которое явилось следствием тягчайшей государственной измены в том смысле, в каком любой земной суд понимает государственную измену.

Приблизительно через час Марлоу бледный, как полотно, и обессиленный вернулся к остальным.

— Им, конечно, не очень это все понравилось, — только и сказал он.

Еще меньше понравилось американскому правительству то, что спустя два дня водородная бомба стерла с лица земли город Эль Пасо, а другая попала в юго-восточную часть Чикаго. Хотя правительство США предприняло срочные меры по рассредоточению населения, это рассредоточение было, конечно, неполным, и более четверти миллиона человек погибло.

Гибель людей от стихийного бедствия вызывает скорбь, даже глубочайшую скорбь, но она не вы-

зывает гневного возмущения. Совсем другое дело, если люди гибнут в результате преднамеренных действий человека. Слово «преднамеренных» здесь важно. Одно преднамеренное убийство может вызвать куда более бурную реакцию, чем десять тысяч смертей на дорогах. Можно понять, почему четверть миллиона погибших при взрывах бомб произвели на правительства во всем мире значительно большее впечатление, чем катастрофические бедствия в период великой жары и затем в период великого холода. Тогда все это было воспринято как стихийное бедствие. Но правительство Соединенных Штатов гибель сотен тысяч людей от водородных бомб рассматривало как убийство гигантского масштаба, осуществленное кучкой отчаянных негодяев, которые для удовлетворения своего ненасытного честолюбия заключили союз с какой-то штукой в небе; людьми, которые предали весь род человеческий. Отныне ученые в Нортонстоу были обречены.

Глава двенадцатая

Облако уходит

История с ракетами и водородными бомбами принесла Кингсли много жестоких и непримиримых врагов. Но, против ожидания, на ближайшее время положение Кингсли и его друзей сильно упрочилось. Ответный удар продемонстрировал устрашающую силу Облака. Всем уже было ясно теперь, что Облако причинит Земле непоправимый ущерб, если ученые из Нортонстоу попросят его об этом.

Вашингтон раньше сомневался, готово ли Облако встать на сторону Кингсли; теперь таким сомнениям уже не осталось места. Обсуждали возможность стереть Нортонстоу с лица земли межконтинентальными ракетами. Серьезного сопротивления со стороны Британского правительства не будет — ведь его собственное поведение далеко не безупречно; тем не менее от этого плана скоро отказались. Точность попадания ракет была недостаточной, а неточная бомбардировка могла привести к невероятным и бессмысленным разрушениям.

Но увы — сознание своей силы не подняло дух обитателей Нортонстоу, во всяком случае тех,

кто был в курсе дела. К ним теперь относился и Вейхарт. Он поправился от жестокого гриппа, который вывел его из строя в самые тяжелые дни. Но скоро его пытливый ум проник в существо дела. Однажды он участвовал в забавном споре. Споры теперь затевались часто. Прежние сравнительно беззаботные дни прошли. Им не суждено было возвратиться.

— Я подозреваю, что эти возмущения в движении ракет не случайны, ими словно управляли умышленно, — начал Вейхарт.

— Что вы хотите сказать, Дэйв? — спросил Марлоу. — Ведь если выпустить, не целясь, сотню ракет, едва ли можно попасть в два города. Поэтому я прихожу к выводу, что ракеты летели неслучайно. Я думаю, их направили именно на эти цели.

— Тогда непонятно, — заметил Мак-Нейл, — почему только две ракеты попали в цель?

— Может быть, только две были нацелены, а может быть, точность прицела оказалась недостаточной. — Странная аргументация. Но Вейхарт не сдавался, он продолжал: — Мне совершенно ясно. Если эти штуки имели определенную цель, им было гораздо легче в нее попасть, чем если они летели как придется. А раз они попали в цель, то,

очевидно, значит, их полет направлялся.

— Ну, что ж, самое правильное — спросить об этом Облако. Это единственный способ решить вопрос. Спор здесь не поможет.

Тут все вспомнили о весьма неприятном обстоятельстве. После истории с ракетами всякая связь с Облаком прекратилась. И ни у кого не хватало духа попытаться ее возобновить.

— Вряд ли Облаку такой вопрос придется по вкусу. Похоже, оно на нас разгневалось, — заметил Марлоу.

Но как они узнали через два или три дня, Марлоу был не прав. Неожиданно пришло сообщение, что Облако собирается улететь от Солнца дней через десять.

— Невероятно, — сказал Лестер Паркинсону и Кингсли. — Раньше казалось, что Облако твердо намерено остаться лет на пятьдесят, не меньше, а может быть, и на сто.

Паркинсон разволновался.

— Должен сказать, для нас теперь это хуже всего. Как только Облако уйдет, мы — конченые люди. Ни один суд на свете не оправдает нас. Сколько еще времени можно надеяться на связь с Облаком?

— Ну, что касается мощности передатчиков, мы

можем держать связь лет двадцать, а то и больше, даже если оно будет улетать с максимальной скоростью. Но судя по последнему сообщению, нам вообще не удастся поддерживать с ним контакт, пока оно ускоряется. По-видимому, электрические поля в его внешних частях станут в это время беспорядочными, и слишком много появится электрических «шумов», в таких условиях связь невозможна. Так что пока идет ускорение, связь будет прервана и, вероятно, на несколько лет.

— О боже, Лестер, вы хотите сказать, что у нас осталось всего десять дней, а потом несколько лет мы ничего не сможем сделать.

— Именно.

Паркинсон простонал:

— Тогда нам конец. Что же делать?

Тут в разговор вступил Кингсли:

— Ничего тут особенно не придумаешь. Но, во всяком случае, попробуем выяснить, почему Облако решило улететь. Оно, видно, изменило свои планы совсем неожиданно, и тут должна быть какаято веская причина. Интересно, в чем дело. Посмотрим, что оно нам скажет.

— Может быть, мы вообще не получим никакого ответа, — сказал Лестер угрюмо.

Но ответ пришел.

— Мне трудно объяснить все так, чтобы вы поняли. Речь идет о вещах, о которых ни я, ни вы ничего не знаем. Прежде мы с вами не обсуждали вопросов религии. Религиозные верования людей, по моему, крайне нелогичны. Раз и вы смотрите на них так же, значит, не было смысла поднимать этот вопрос. Коротко говоря, обычная религия нелогична, потому что она пытается осмыслить нечто, лежащее вне вселенной. Вселенная включает все, и ничто не может находиться вне ее. Идея «бога», сотворившего вселенную, — механистический абсурд, явно придуманный по аналогии с человеком, творящим машины. Я считаю, что в этом мы с вами согласны.

Но многое остается таинственным. Вам, вероятно, приходилось размышлять, существует ли более высокая ступень интеллекта, чем ваша. Теперь вы знаете, что существует. Подобным же образом и я размышлял, существует ли разум, высший в сравнении с моим. Насколько мне известно, такого нет ни в нашей, ни в других галактиках.

И все же есть веские доводы в пользу того, что такой высший разум играет определяющую роль в нашем существовании. Иначе кто же решил,

как должна вести себя материя? Чем определяются ваши законы физики? Почему эти законы такие, а не другие?

Эти проблемы исключительно трудны, так трудны, что я не в состоянии решить их. Одно ясно — такой разум, если он существует, никоим образом не может быть ограничен ни во времени, ни в пространстве.

Хотя эти проблемы, как я сказал, предельно трудны, есть основания считать, что решить их можно. Около двух миллиардов лет назад один из нас утверждал, что нашел такое решение. Он сообщил об этом по радио, но не успел объяснить, в чем дело, так как передача внезапно прервалась. Попытки возобновить контакт с существом, о котором идет речь, оказались безуспешны.

Аналогичный случай повторился опять около четырехсот миллионов лет назад. Я тогда только что родился и хорошо помню, как все было. Помню восторженное известие, что решены величайшие загадки природы. Я ждал, «затаив дыхание», как вы сказали бы, но опять связь внезапно прервалась. И опять не нашли никаких следов существа, которое вело передачу.

То же самое только что повторилось в третий раз. И случилось так: тот, кто утверждает,

что сделал великое открытие, находится лишь немногим дальше двух световых лет отсюда. Я — его ближайший сосед, и поэтому мне нужно немедленно направиться к нему. Вот почему я ухожу.

Кингсли взял микрофон.

— Что вы надеетесь узнать? Есть ли у вас достаточный запас пищи?

Пришел ответ:

— Благодарю за участие. У меня есть запас пищевых химических веществ. Он невелик, но его хватит, если я буду двигаться с максимальной скоростью. Я хотел отложить свой уход на несколько лет, но для этого нет оснований. Вы спрашиваете, что я надеюсь узнать. Я надеюсь разрешить старый спор.

Считалось и, по-моему, без особых на то причин, что эти необычайные явления — результат ненормального состояния нервной системы, приводящего к самоубийству. Для таких существ, как мы, самоубийство может означать громадный ядерный взрыв, причем все тело разлетается. Может быть, поэтому не удалось найти никаких остатков погибших.

Сейчас я могу подвергнуть эту теорию решающей проверке. Ведь это явление, что бы оно

собой ни представляло, произошло очень близко. Я смогу туда добраться за двести-триста лет. Это короткий промежуток времени, остатки взрыва, если там был взрыв, не успеют полностью исчезнуть.

В конце передачи Кингсли оглядел лабораторию.

— Ну, ребята, это, видимо, одна из последних наших возможностей задавать вопросы. Составим список. У кого есть предложения?

— Что случилось с этими типами, если они не кончали жизнь самоубийством? Спросите, нет ли у него каких-нибудь предположений на этот счет, — сказал Лестер.

— Интересно знать, постарается ли оно не повредить Земли, когда будет покидать солнечную систему, — сказал Паркинсон. Марлоу кивнул.

— Верно. Могут случиться три неприятности:

1. В нас попадает одна из тех газовых пуль, которые Облако выбрасывает при ускорении.

2. Наша атмосфера будет захвачена Облаком и уйдет вместе с ним.

3. Мы будем изжарены заживо либо отраженным от поверхности Облака солнечным светом, как было во время великой жары, либо выделившейся в процессе ускорения энергией.

— Идет. Задаем эти вопросы.

Ответ Облака на вопросы Марлоу оказался утешительнее, чем можно было ожидать.

— Я ни на минуту об этом не забываю, — сказало оно. — Я собираюсь создать экран, чтобы защитить Землю на ранних стадиях ускорения, а ускорение будет гораздо более мощным, чем замедление при моем приходе сюда. Без этого экрана вся жизнь на Земле, несомненно, погибнет, все сгорит. К сожалению, этот экран одновременно заслонит Солнце от Земли и лишит вас солнечного света примерно на две недели; но это, я думаю, не причинит серьезного вреда. На поздних стадиях моего ухода вы получите некоторое количество отраженного солнечного света, но нагрев от этого будет не столь сильным, как во время моего приближения.

Трудно дать ответ на другой ваш вопрос так, чтобы вы поняли его при современном состоянии вашей науки. Грубо говоря, по видимому, существуют естественные ограничения физического характера для типа информации, которой могут обмениваться мыслящие существа. Есть предположение, что существует как бы непреодолимая преграда для передачи информации, связанной с глубокими проблемами. Быть может, всякое

разумное существо, которое пытается передавать такую информацию, как бы заглатывается окружающим пространством, то есть пространство замыкается вокруг него таким образом, что любая связь с другими существами того же ранга исключается.

— Вы понимаете это, Крис? — спросил Лестер.

— Нет, не понимаю. Но есть еще один вопрос, который мне хотелось бы задать.

И Кингсли спросил:

— Вы, вероятно, заметили, что мы не пытались задавать вопросов, касающихся физических теорий и фактов, неизвестных нам. Этот пробел произошел не от недостатка интереса, а оттого, что мы думали перейти к таким, вопросам позднее. Теперь, оказываются, у нас такой возможности не будет. Можете вы нам посоветовать, как лучше использовать оставшееся время?

Пришел ответ:

— Я думал об этом. Здесь возникает принципиальная трудность. Наши беседы велись на вашем языке. Мы поэтому вынуждены были ограничиваться тем кругом идей, которые могут быть поняты при использовании вашего языка, а это значит, что мы по существу ограничивались вопросами, которые вы уже знаете. Ни о какой

быстрой передаче совершенно новой информации не может быть и речи, пока вы не выучите кое-что из моего языка.

Не говоря о чисто практических трудностях, перед нами встает коренной вопрос: обладает ли человеческий мозг достаточной мощностью? Дать на него точный ответ я не могу. Однако, позволю себе сказать, что теории, которыми обычно объясняют появление гениальных людей, кажутся мне заведомо неверными. Гении — не биологическое явление. Дитя не может родиться гениальным; чтобы стать гением, нужно учиться. Биологи, которые думают иначе, не считаются с данными собственной науки: человек как биологический вид не получил в процессе эволюции задатков гениальности, и нет оснований считать, что гениальность передается от родителей к детям.

То, что гении появляются редко, объясняется простыми вероятностными соображениями. Ребенок должен многое выучить раньше, чем он достигнет зрелости. Можно по-разному научиться делать такие арифметические действия, как, скажем, умножение. Это значит, что мозг может развиваться в различных направлениях, каждое из которых дает возможность умножать числа, но

отнюдь не одинаково легко. Тех, кто развивается удачно, называют «сильными» в арифметике, а тех, кто вырабатывает в своем мозгу неудачные способы, называют «слабыми» или «неспособными». Отчего же зависит, как будет развиваться данная личность? Я уверен, что только от случая. И случай же определяет разницу между гением и тупицей. Гений — тот, кому повезло в процессе обучения. С тупицей случилось обратное, а обычный человек — это тот, кто не был ни особенно удачлив, ни особенно неудачлив.

— Боюсь, я слишком похож на тупицу, чтобы понять, о чем оно там толкует. Может быть, кто-нибудь объяснит? — заметил Паркинсон во время перерыва в передаче.

— Ну, если считать, что обучение может проходить разными путями, из которых один лучше, чем другие, то я думаю, что это действительно вопрос случая, — ответил Кингсли. — Это как пари на футболе. Вероятность того, что ребенок выберет самый лучший способ обучения для каждого из дюжины предметов, не больше, чем вероятность заранее угадать победителя в двенадцати футбольных матчах.

— Понимаю. И это объясняет, почему гений — такая редкая птица, верно? — воскликнул

Паркинсон.

— Да, он встречается не чаще, чем человек, который выиграл все пари за целый футбольный сезон. Это также объясняют, почему гений не может передать детям свои способности. Везение не передается по наследству.

Облако возобновило передачу.

— Это наводит на мысль, что человеческий мозг от природы способен действовать гораздо совершеннее, если только вести обучение наилучшим образом. Вот это я и предлагаю сделать. Я предлагаю, чтобы кто-нибудь из вас попытался научиться моему способу мышления и потом мы постараемся найти наилучший метод обучения. Ясно, что учиться придется не на вашем языке и связь нужно организовать совсем по-новому. Из ваших органов чувств наиболее подходят для получения сложной информации глаза. Правда, вы почти не пользуетесь глазами в обычном разговоре, но именно с помощью глаз ребенок воспринимает картину окружающего мира. И с помощью глаз я хочу открыть вам новый мир.

Мои требования будут сравнительно просты. Сейчас я их изложу.

Последовали технические детали, которые Лестер тщательно записал. Когда Облако кончило,

Лестер сказал:

— Ну, это будет не так уж трудно. Что-то вроде громадного телевизора со множеством экранов.

— А как мы должны получать информацию? — спросил Марлоу.

— Ну, конечно, первичная информация будет поступать по радио, а затем через узкополосные усилители отдельные группы сигналов будут подаваться на электронно-лучевые трубки.

— Для каждого усилителя будет свой код.

— Правильно. Так что какая-то упорядоченная картина будет поступать на трубки, хотя ума не приложу, как мы будем в ней разбираться.

— Пора начинать. Времени у нас мало, — сказал Кингсли.

Настроение обитателей Нортонстоу значительно улучшилось после этой беседы. Вечером они, возбужденные и заинтересованные, собрались у только что установленной аппаратуры.

— Пошел снег, — заметил Барнет. — Боюсь, нас ждет суровая зима, не говоря уже об этой двухнедельной арктической ночи, — сказал Вейхарт. — Вы понимаете, к чему все это представление?

— Понятия не имею. Что можно узнать, глазея на эти трубки?

— И я тоже ничего не понимаю.

Первое сообщение Облака вызвало некоторое замешательство:

— Лучше, если участвовать будет только один человек, во всяком случае вначале. Позднее я смогу обучить остальных.

— А я-то думал, мы все получим билеты в ложу бельэтажа, — заметил кто-то.

— Нет, это правильно, — сказал Лестер. — Видите, аппаратура установлена так, что на нее удобно смотреть только сидя вот в этом кресле. Нам были даны специальные инструкции, как расположить места для зрителей. Я сам не понимаю, что все это значит, но надеюсь, мы все сделали правильно.

— Ну, вызовем добровольца, — объявил Марлоу. — Кто первый?

Последовала долгая пауза. Наконец Вейхарт вышел вперед.

— Если все боятся — я согласен быть первым подопытным кроликом.

Мак-Нейл пристально посмотрел на него.

— Есть одно обстоятельство, Вейхарт. Понимаете ли вы, что это опасная затея? Отдаете себе в

этом отчет?

Вейхарт рассмеялся.

— Не волнуйтесь. Не в первый раз мне придется провести несколько часов, глядя на экран.

— Ну, смотрите сами. Если хотите попробовать, садитесь в кресло.

— Будьте осторожны с креслом, Дэйв. Может быть, Гарри специально для вас подключил к нему ток, — пошутил Марлоу.

Вскоре на экранах стали вспыхивать огоньки.

— Джо начинает, — сказал Лестер. Трудно было сказать, вспыхивали огоньки в каком-то порядке или нет.

— Что он говорит, Дэйв? Вы что-нибудь понимаете? — спросил Барнет.

— Пока ничего не понятно, — ответил Вейхарт, закидывая ногу на ручку кресла. — По-моему, это полная неразбериха. Но я все-таки попробую найти в ней какой-нибудь смысл.

Время тянулось тоскливо. Большая часть общества потеряла интерес к переливающимся огонькам. Начались разговоры, и Вейхарта оставили наедине с экраном.

Наконец, Марлоу спросил его:

— Как дела, Дэйв?

Ответа не было.

— Эй, Дэйв, в чем дело?

Молчание.

— Дэйв!

Марлоу и Мак-Нейл подошли с двух сторон к креслу Вейхарта.

— Дэйв, почему вы не отвечаете?

Мак-Нейл тронул его за плечо, но ответа по-прежнему не было. Они следили за его глазами, направленными сначала на одну группу трубок, затем быстро перебегающими на другую.

— В чем дело, Джон? — спросил Кингсли.

— По-моему, он в каком-то гипнотическом состоянии. Похоже, сейчас он способен воспринимать что-либо только глазами, а глаза не отрываются от экранов.

— Как это могло случиться?

— Хорошо известно, что зрительные воздействия могут вызвать гипнотическое состояние.

— Вы думаете, оно было вызвано умышленно?

— Очень похоже, на то. Едва ли это могло произойти случайно. И посмотрите на его глаза. Глядите, как они двигаются. Это не просто так, в этом какой-то смысл, глубокий смысл.

— По-моему, Вейхарт — не очень подходящий объект для гипнотизера.

— Согласен. Страшное зрелище и совершенно

необычное.

— Что вам кажется необычным? — спросил Марлоу.

— А вот что. Обычный гипнотизер может пользоваться зрительными воздействиями, но он никогда не ограничивается только ими. Гипнотизер говорит своему объекту, он передает смысл словами. Но здесь нет слов. Чертовски странно.

— Интересно, ведь вы предупреждали Дэйва. У вас были какие-то предчувствия, Мак-Нейл?

— Да нет, ничего определенного. Правда, физиологи недавно обнаружили, что вспышки света при частоте, близкой к частоте сигналов в мозгу, производят необычное действие. С другой стороны, было ясно, что Облако может выполнить свое обещание только каким-то совершенно необычайным способом.

Кингсли подошел к креслу.

— Не думаете ли вы, что мы должны что-то сделать? Может быть, утащить его? Мы могли бы легко это сделать.

— Я бы не советовал, Крис. Он, вероятно, стал бы яростно сопротивляться, а это может быть опасно. Самое лучшее — оставить его в покое. Он пошел на это с открытыми глазами в буквальном и переносном смысле слова. Я, конечно, останусь

с ним. Остальные должны уйти отсюда. Оставьте кого-нибудь на случай, если нужно будет связаться с вами — Стоддард подойдет — и тогда я позову вас, если понадобится.

— Хорошо. Мы будем наготове, — согласился Кингсли. Уходить из лаборатории никому не хотелось, но было ясно, что Мак-Нейл говорит дело.

— А то еще, чего доброго, всех нас загипнотизируют, — заметил Барнет, — только бы со стариной Дэйвом все обошлось, — добавил он с беспокойством.

— Можно, наверное, просто выключить установку. И Мак-Нейл боится, как бы не наделать этим беды.

— Еще вызовешь у Вейхарта какой-нибудь шок, — сказал Лестер.

— Чертовски интересно, чему он сейчас учится, — Указал Марлоу.

— Скоро узнаем. Едва ли передача будет продолжаться много часов. Такого до сих пор не бывало, — заметил Паркинсон.

Но передача оказалась долгой, и постепенно все разбрелись по своим комнатам.

Марлоу выразил общее мнение:

— Ну, Дэйву мы помочь все равно не можем, а

спать хочется. Я, пожалуй, пойду вздремну.

Стоддард разбудил Кингсли.

— Доктор просит вас, мистер Кингсли.

Оказалось, что Мак-Нейл и Стоддард уже перенесли Вейхарта в одну из спален — сеанс был закончен.

— Как дела, Джон? — спросил Кингсли.

— Не нравится мне его состояние, Крис. Температура быстро повышается. Думаю, вам незачем к нему идти. Он без сознания и едва ли придет в себя с температурой 40.

— Как выдумаете, в чем дело?

— Не знаю, никогда в жизни ничего подобного не видел. Но если бы я не знал, что здесь происходило, я сказал бы, что у Вейхарта воспаление мозга.

— Это ведь очень серьезно?

— В высшей степени. Помочь ему мы все равно не можем, но, по-моему, вам надо быть в курсе дела.

— Да, конечно. Как выдумаете, отчего это?

— Я бы сказал, слишком напряженная работа нервной системы и всех связанных с ней тканей. Но это тоже только предположение.

Весь день температура у Вейхарта повышалась, и к вечеру он умер.

По профессиональным мотивам Мак-Нейл хотел произвести вскрытие, но, щадя чувства окружающих, решил этого не делать. Он избегал людей и был полон мрачных мыслей — ведь он должен был предвидеть трагедию и принять меры, чтобы предотвратить ее. Но он не предусмотрел ни того, что случилось, ни того, что еще предстояло.

Первое предупреждение исходило от Энн Холей. Она прибежала к Мак-Нейлу, близкая к истерике.

— Джон, вы должны мне помочь. Это Крис. Он собирается убить себя.

— Что?!

— Он хочет сделать то же, что Дэйв Вейхарт. Я уже несколько часов его отговариваю, но он и слушать не желает. Говорит, что попросит эту штуку вести передачу с меньшей скоростью, чем когда она убила Дэйва. Вы думаете, это поможет?

— Как знать? Я ни за что поручаюсь. Слишком мало об этом знаю.

— Скажите мне откровенно, Джон, есть хоть какая-нибудь надежда?

— Может быть. Но мне трудно сказать что-то определенное.

— Тогда вы должны его остановить.

— Попробую. Пойду и поговорю с ним напрямик. Где он?

— В лаборатории. Говорить бесполезно. Его нужно остановить силой. Это — единственный способ.

Мак-Нейл пошел прямо в лабораторию радиосвязи и забарабанил изо всех сил в запертую дверь. Голос Кингсли едва можно было расслышать: — Кто это?

— Это Мак-Нейл. Впустите меня.

Дверь открылась. И Мак-Нейл сразу увидел — аппаратура была включена.

— Энн только что пришла и рассказала мне, Крис. Это чистое безумие. Ведь не прошло и нескольких часов после смерти Вейхарта.

— А вы думаете, Джон, я это делаю с удовольствием? Могу вас заверить, я люблю жизнь не меньше вашего. Но на это нужно пойти, и непременно сейчас. Через неделю будет уже поздно, а такую возможность мы, люди, просто не можем позволить себе упустить. После бедняги Вейхарта едва ли кто-нибудь другой отважится, так что это мой долг. Я не из тех храбрецов, которые хладнокровно рассуждают о предстоящей опасности. Если я должен делать опасную работу, то предпочитаю браться за нее сразу — меньше будет

времени на неприятные раздумья.

— Все это понятно, Крис, но никому от вашей смерти лучше не станет.

— Глупости. Ставки в этой игре очень высоки, так высоки, что стоит попытаться даже при небольших шансах на выигрыш. Это во-первых. А во вторых, мои шансы, может быть, не так уж малы. Я уже связался с Облаком и попросил его уменьшить, насколько возможно, скорость передачи. Оно согласилось. Вы сами сказали, что это может устранить главную опасность.

— Может, да. А может, и нет. Кроме того, если даже вы избежите того, что погубило Вейхарта, могут быть другие опасности, о которых мы и не подозреваем.

— Тогда вы узнаете о них благодаря мне, а это облегчит дело для кого-нибудь еще — ведь после Вейхарта мне легче браться за дело. Ни к чему это, Джон. Решение мое бесповоротно, и я начну через несколько минут.

Мак-Нейл понял, что Кингсли не переубедишь.

— Ну, что ж, делать нечего, — сказал он. — Я думаю, вы не будете возражать, если я останусь здесь. У Вейхарта это продолжалось около десяти часов. У вас будет дольше. Вам понадобится пища, чтобы поддерживать приток крови к мозгу.

— Но я не могу делать перерыва для еды, Джон! Вы понимаете, что я должен сделать? Освоить целую новую область знаний, освоить ее всего за один урок!

— Я и не настаиваю на перерыве для еды. Я хочу время от времени делать вам инъекции. Судя по состоянию Вейхарта, вы этого даже не заметите.

— О, меня это нимало не тревожит. Уколы так уколы, если вам приятно. Но простите, Джон, пора приступать к делу.

Нет необходимости подробно описывать последующие события. С Кингсли все происходило примерно так же, как и с Вейхартом. Гипнотическое состояние продолжалось, однако, дольше — около двух дней. Наконец Кингсли уложили в постель по указанию Мак Нейла. В течение последующих нескольких часов обнаружились симптомы, устрашающе сходные с теми, что наблюдались у Вейхарта. Температура у Кингсли подымалась до 38… 39… 40. Но затем жар стал спадать — температура установилась и час за часом стала медленно понижаться. И по мере того, как температура падала — росла надежда тех, кто был у постели больного: у Мак-Нейла и Энн Холей (она не отходила от Кингсли), у Марлоу и Паркинсона.

Больной пришел в сознание через тридцать шесть часов после окончания передачи. Несколько минут выражение лица Кингсли менялось самым неожиданным образом; иногда оно становилось совершенно неузнаваемым, и внезапно стало ясно, что с Кингсли творится что-то страшное. Это началось с непроизвольных подергиваний лица и нечленораздельного бормотания, которое быстро перешло в крики, а затем в дикие вопли.

— О боже, у него какой-то припадок! — вскричал Марлоу.

Наконец, приступ утих после того, как Мак-Нейл сделал укол и потребовал, чтобы его оставили одного с больным. Весь день остальные слышали время от времени заглушенные крики, которые затихали после новых инъекций.

Марлоу удалось уговорить Энн Холей выйти с ним погулять после обеда. Это была самая тяжелая прогулка в его жизни.

Вечером он мрачно сидел у себя в комнате, когда вошел Мак-Нейл, без сил, с потухшими глазами.

— Он скончался, — проговорил ирландец. — О боже, какая ужасная трагедия, ненужная трагедия!.

— Это еще более страшная трагедия, чем вы думаете.

— А что еще?

— Я хочу сказать, что он чуть не выпутался. После обеда он был в полном сознании около часа. Он объяснял мне, что произошло. Он боролся, и минутами я думал, что он победит. Но получилось не так. Наступил новый приступ и убил его.

— Но что же это было?

— Нечто совершенно закономерное, мы должны были это предвидеть. Мы не учли, какое невероятное количество нового материала Облако способно сообщить мозгу. Это, конечно, должно повлечь широкие изменения в структуре многочисленных электрических контуров мозга, изменения местных сопротивлений в больших масштабах и так далее.

— Вы хотите сказать, весь мозг должен был полностью перестроиться?

— Нет, не совсем так. Перестройки не требовалось. Старые нервные связи мозга остались нетронутыми. Новые связи устанавливались параллельно со старыми, так что и те и другие могли работать одновременно.

— То есть, получилось так, как если бы мои познания были добавлены в мозг древнего грека?

— Да, но, пожалуй, в еще более крайней форме. Можете вы представить себе, какие жестокие противоречия будут раздирать мозг вашего бедного грека, привыкшего к представлениям о Земле как о центре вселенной и еще к сотне подобных анахронизмов, если внезапно на него обрушится запас ваших современных знаний?

— Да, нелегко ему придется. В конце концов, ведь все мы очень тяжело переживаем, если хотя бы одна из взлелеянных нами научных идей оказывается неверной.

— Именно, и представьте себе религиозного человека, который внезапно теряет веру, а это означает, конечно, что он узнает о противоречии между его, религиозными, и нерелигиозными убеждениями. Такой человек часто переживает тяжелый нервный кризис. А случай Кингсли был в тысячу раз хуже. Его убило невероятное возбуждение нервной активности, или, пользуясь ходячим выражением — ряд невообразимо жестоких душевных потрясений.

— Но вы сказали, он почти преодолел это.

— Так оно и было. Он понял, в чем дело и выработал своего рода план, как с этим справиться. Вероятно, он решил принять за правило, что новое всегда должно пересиливать старое, ка-

ковы бы ни были противоречия между ними. Я наблюдал, как он целый час систематически прослеживал ход своих мыслей с этой точки зрения. Стрелка отсчитывала минуты, и мне казалось, что битва выиграна. Потом что-то случилось. Вероятно, какое-то переплетение логических ходов, неожиданное для него. Сначала расстройство мысли было незначительным, но затем оно начало нарастать. Он отчаянно боролся, но, видимо, у него иссякли силы, и наступил конец. Он умер спокойно — я ввел ему успокаивающее. Наверное, это была своего рода цепная реакция в его мыслях, которая вышла из-под контроля.

— Хотите виски? Нужно бы предложить вам раньше.

— Теперь, пожалуй, выпью, благодарю вас.

— Не кажется вам, — сказал Марлоу, передавая стакан, — что Кингсли не годился для этого эксперимента? Кто-нибудь другой, с гораздо более низким умственным уровнем подошел бы больше? Если его погубило противоречие между старыми знаниями и новыми, то, несомненно, кто-нибудь с очень малым запасом старых знаний подошел бы куда лучше.

Мак-Нейл посмотрел на Марлоу поверх своего стакана.

— Интересно, как интересно, что вам это пришло в голову! Когда Кингсли уже перед концом пришел в себя, он сказал — я постараюсь вспомнить точно его слова: «Какая злая ирония, — сказал он, — меня эта история убила, а ведь Джо Стоддард или кто-нибудь вроде него остался бы цел и невредим».

Заключение

А теперь, мой дорогой Блайс, я могу снова говорить, обращаясь непосредственно к Вам. Так как Ваша мать родилась в 1966 году, а ваша бабушка с материнской стороны носила фамилию Холей, вы поймете теперь, почему я завещал эти документы вам.

Остается сказать немногое. Солнце появилось ранней весной 1966 года; однако холода продолжались. Но, удаляясь от Солнца, Облако принимало такую форму, которая могла отражать в направлении Земли часть падающей на него солнечной энергии. И уже в начале мая установилась теплая летняя погода, а это было особенно приятно после холодной зимы и весны. Итак, Облако ушло из солнечной системы. Исто-

рия Черного облака, как ее обычно понимают, пришла к концу.

После смерти Кингсли и ухода Облака те из нас, кто остался в Нортонстоу, не видели смысла продолжать свою прежнюю тактику. Паркинсон отправился в Лондон и объявил, что уход Облака был результатом наших благородных усилий. Эту версию было не так уж трудно поддерживать: истинная причина ухода Облака не могла прийти в голову никому за пределами Нортонстоу. Меня всегда огорчало, что Паркинсон позволил себе бросить тень на бедного Кингсли: изобразил его как своенравного упрямца и дал понять, что мы его убрали силой. Этому тоже поверили, ведь по вполне понятным причинам и в Лондоне, да и во всем мире, Кингсли считали крайне неприятной личностью. Смерть Кингсли делала эту версию совсем правдоподобной. Короче говоря, Паркинсону удалось убедить британское правительство не предпринимать мер против своих подданных и не соглашаться на высылку иностранцев. Другие правительства неоднократно требовали выдачи своих подданных, но по мере того как политическое положение становилось устойчивым и Паркинсон приобретал все больший вес в правительственных кругах,

становилось все легче отражать эти нападки.

Марлоу и все остальные, кроме Лестера, остались Англии. Их имена можно найти в научных журналах. Лестер, как я уже сказал, не захотел остаться. Вопреки советам Паркинсона, он стремился домой, в родную Австралию. Но ему не суждено было туда вернуться: пришло сообщение, что в пути он исчез с корабля. Марлоу оставался в близкой дружбе и с Паркинсоном и со мной до своей смерти в 1981 году.

Все события, описанные мной, уже отделены от нас пятьюдесятью годами. На сцену вышло новое поколение. Люди, которых я описал здесь, давно забыты. Но я по-прежнему вижу их всех так ясно: Вейхарт, молодой, талантливый, с едва сформировавшимся характером; кроткий Марлоу, вечно дымящий своим отвратительным табаком; Лестер, остроумный и веселый; Кингсли, блестящий, необычный, многословный. Этому поколению было свойственно ошибаться, оно не совсем понимало, куда идет. Но в некотором смысле это было героическое поколение, неразрывно связанное в моем сознании с первыми звуками великой сонаты, которую Ваша бабушка играла в ту памятную ночь, когда Кингсли впервые разгадал истинную природу Черного облака.

Итак, я подхожу к концу, казалось бы, довольно безрадостному. Однако это не так. Я оставил под конец один сюрприз. Код! Вначале только Кингсли и Лестер имели доступ к коду, с помощью которого устанавливалась связь с Облаком. Марлоу и Паркинсон думали, что код погиб вместе с Кингсли и Лестером, но они ошибались. Кингсли передал его мне, когда в последний раз пришел в себя. Код находился у меня все эти годы, и я не мог решить, должен я раскрыть тайну его существования или нет. Предоставляю теперь вам решать эту проблему.

В последний раз примите мои наилучшие пожелания.

Джон Мак-Нейл.

Эпилог

Я впервые прочел удивительный рассказ Мак-Нейла о Черном облаке в холодный, дождливый день — такой же январский день, какой пережил Кингсли много лет назад. И весь вечер я сидел перед камином у себя в комнате в Колледже королевы. Кончив читать рукопись (я закончил чтение с грустью, ибо Мак-Нейл покинул нас несколькими днями раньше с неумолимой

неизбежностью, присущей только смерти), я распечатал последний оставшийся пакет. Внутри находилась маленькая металлическая коробка с катушкой бумажной ленты, пожелтевшей от времени. На ленте было пробито больше десяти тысяч крохотных дырочек, какие употреблялись в считывающих аппаратах старой конструкции. Это был код! Я мог швырнуть бумагу в огонь и в один миг всякая возможность дальнейшей связи с Облаком погибла бы навеки.

Но я сделал другое. Я заказал тысячу копий кода. Должен ли я разослать их по всему миру, чтобы кто-нибудь, где-нибудь, раньше или позже опять установил с Облаком связь? Хотим ли мы остаться большими людьми в маленьком мире или стать маленькими людьми в более обширном мире? Вот основная мысль, к которой ведет все это повествование.

Дж. Б. 17 января 2021 года

Перевод с английского проф. Я А. Франка Менецкого

№ 4

Александр Мееров

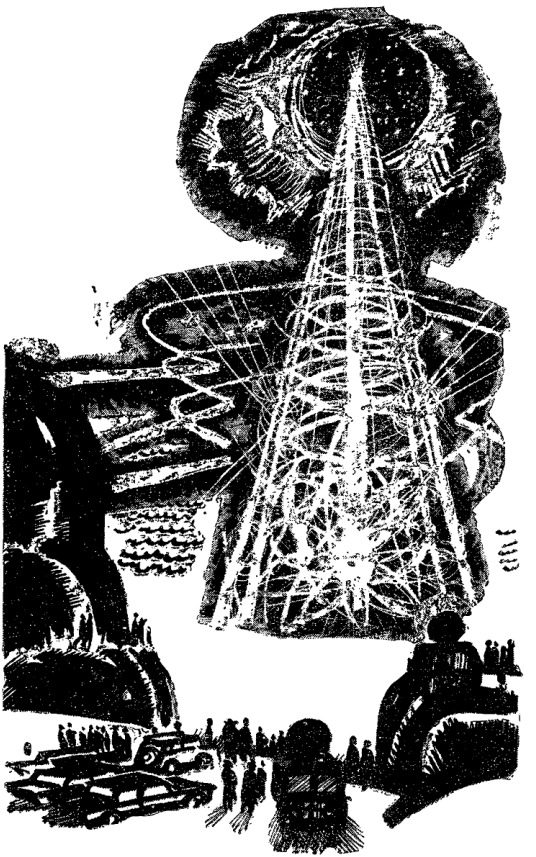
Сиреневый кристалл

Мы должны знать, что нет в мире силы, более мощной, чем сила разумной человеческой воли. Чудеса на Земле творит разум, только он и никто больше.

М. Горький

Записки Алексея Курбатова

В данной компиляции текст романа приведён полностью. Использованы все иллюстрации из книги. (Издавалось — Сиреневый кристалл (Записки Алексея Курбатова). Научно-фантастический роман. М., «Мысль», 1965.)



Моему читателю

Записки о Сиреневом Кристалле я не считал готовыми к опубликованию, собирался еще работать над ними. Но обстоятельства сложились иначе. За последний год я окончательно их забросил и не имел возможности даже перечитать. А теперь, когда вопрос о броске в Мир Недоступности решен окончательно, я тем более не располагаю временем для их завершения.

До старта осталось сорок восемь часов, и уже поздно что-либо изменять или исправлять. Я готов уйти в неведомое и верю, что удастся не только вернуться, но и написать о далеком мире, о наших собратьях по разуму. А пока я располагаю только этими записками, созданными под свежим впечатлением событий, связанных с появлением на Земле силидитов. Записки эти не отличаются полнотой изложения, совершенством формы и стиля, но хочется надеяться, что они помогут читателю понять многое из того, что не попало в научные отчеты и газетные сообщения.

Алексей Курбатов

Сокровище звёздных миров ● *Вместо пролога*

Прежде чем приступить к систематизации своих записей, я немало раздумывал над тем, как построить повествование, как доступнее и интереснее изложить огромный материал, накопившийся у меня за несколько лет работы над силициевой проблемой. Передо мной встала нелегкая задача: с чего начать? Рассказом о событиях тысячелетней давности? Рассказом о случившемся в конце прошлого века или о происходящем в наше время? Любой вариант был возможен, казался закономерным, и все они представлялись не совсем удачными. Наконец мои поиски завершились решением начать почти с конца, с того момента, когда я сам впервые увидел в Амстердаме Сиреневый Кристалл. Почему пришло такое решение? Затрудняюсь ответить. Вероятнее всего, потому, что именно он, этот феномен, и является, если так можно сказать, душой и сердцем всей хорошо теперь известной силициевой эпопеи.

На первое свидание с Сиреневым Кристаллом я несколько опоздал. Не по своей вине, правда. «Летучий Голландец», на который я пересел в Праге с нашего турбореактивного лайнера, опустился на аэродроме в Схипхол в субботу 29 августа. Знаменитый аукцион был назначен на 10 сентября, и я рассчитывал успеть за оставшиеся дни выполнить задание института, командировавшего меня в Голландию. Однако все вышло несколько иначе. Уже в аэропорту, где меня встретил сотрудник торгпредства Сергей Васильевич Ушаков, я узнал, что аукцион перенесен. Он состоится завтра, и я не смогу уже провести намечавшиеся исследования Сиреневого Кристалла. Настроение у меня упало. Сергей Васильевич поспешил подбодрить меня:

— Принимаются все меры к тому, чтобы достать для вас разрешение на вход в подвалы Алмазной фирмы. Часам к двенадцати это должно выясниться. Ну, не унывайте! Попробуем все устроить. А теперь, если не возражаете, давайте пробираться к выходу. Ваш багаж уже в машине. Я отвезу вас в «Викторию», вполне приличный отель на набережной Принца Хендрика. Знаете, эта часть города сохранила характер старого Амстердама. В ней вы увидите старинные дома,

портовые магазины. Их нарочно поддерживают так, что, побывав там, невольно переносишься во времена освоения голландцами заморских земель. Рядом порт. Современные океанские лайнеры — чудо техники — и Башня плачущих, у которой жены провожали мужей, отправлявшихся на небольших суденышках в далекие и рискованные плавания. Недалеко от отеля — старинная площадь Ниу Маркет, ратуша. Вам непременно нужно сходить в Национальную галерею. Увидите шедевры Рембрандта «Ночной дозор», «Синдики». А я в восторге от Ван дер Хольса, непременно посмотрите его великолепное полотно. Стоит побывать и в парке Фондель, и у гранильщиков бриллиантов на Цвейн-бюргер-страат, и, конечно, съездить в Заандам, где сохранился маленький домик Петра Первого. Да что там говорить, достопримечательностей масса. Вы ведь впервые в Голландии?

Сергей Васильевич был любезен, приветлив и, сочувствуя мне, старался вовсю. Его радушие было приятно, но все же меня не покидала досадная мысль, что я прилетел сюда зря.

Садясь в машину, мы накупили свежих газет, и это привело к тому, что впечатления от дороги из Схипхол до Амстердама были для меня потеряны.

Газеты пестрили сенсационными сообщениями о Сиреневом Кристалле и предстоящем аукционе. С помощью Сергея Васильевича я занялся их изучением, позабыв совсем, что еду по новым для меня местам, приближаясь к городу, в котором давно мечтал побывать.

В те дни о Сиреневом Кристалле знали еще слишком мало, и журналисты информировали читателей, полагаясь больше на свою изобретательность, чем на факты. Газетами особенно подчеркивалась заинтересованность в этом феномене научных учреждений многих стран мира, известных химических концернов Нума Ченснеппа и Отэна Карта, расписывались были и небылицы об этом камне — словом, делалось все возможное, чтобы владельцы кристалла заработали на нем побольше. О кристалле писали обильно, броско, взахлеб и, главное, пространно. Газеты даже перечисляли всех лиц, приехавших в Амстердам в связи с предстоящим событием. Упоминалось и обо мне: «Знаменитый советский ученый Алексей Курбатов прибыл в Амстердам, намереваясь принять участие в аукционе». Здесь газета соврала трижды: я не был знаменитым ученым, я еще не прибыл, когда она была отпечатана, и, наконец, меня никто не уполномочивал

покупать с торгов кристалл.

Отель «Виктория» был переполнен. Повсюду слышались разговоры о кристалле и предстоящем аукционе, высказывались фантастические предположения о его стоимости, заключались пари — словом, ажиотаж вокруг драгоценности, о которой всего месяц назад в Амстердаме никто ничего не знал, достиг апогея.

Историю появления Сиреневого Кристалла в Голландии я узнал из источников разнообразных, вполне достоверных и смогу рассказать о ней довольно подробно.

Примерно за месяц до моего приезда в Амстердам уроженец далеких островов Паутоо Дагир привез в «столицу бриллиантов» камень, который считал невероятной драгоценностью. Однако в течение многих дней паутоанцу не удалось сбыть его ювелирам. Желающих, к его удивлению, не находилось. Ювелиры с нескрываемым интересом рассматривали невиданный сияющий кристалл, восхищались им, но купить не решались. Он не похож был ни на один из привычных, известных драгоценных камней, и это отпугивало. Знатоки всего «драгоценного», веками накопленного человеческой жадностью, они не могли не заподозрить в чудо-кристалле

какого-то подвоха, фокуса, впрочем весьма возможного в наши дни совершенной техники и научных чудес.

— Это нам не подходит. Мы очень сожалеем… Вам пришлось проделать такой далекий путь, но… Вот если бы у вас был алмаз такой величины или изумруд… Когда у вас появится что-нибудь в этом роде, заходите. Не забудьте наш адрес. Вот карточка. Непременно заходите к нам.

У паутоанца не было алмаза «такой величины». Изумруда у него тоже не было. Был Сиреневый Кристалл, который никто не хотел покупать. По крайней мере так думал Дагир, не подозревая, что за ним уже следят агенты химического концерна Ченснеппа. Потерпев неудачу в Голландии, Дагир стал подумывать: не попытать ли счастья в других странах, но перед отъездом решил предпринять последнюю попытку и добиться свидания со знаменитым Бейсом. Старый знаток драгоценностей, узнав, что Дагир привез из Паутоо какой-то необычайный камень, принял паутоанца, пришел в восторг от кристалла, заявил, что ничего подобного нет на Земле, назвал его «сокровищем звездных миров», однако оценить сокровище отказался.

Агент Ченснеппа господин Мальбэ счел, что

теперь Дагир продаст камень по дешевке, и предложил ему сделку. Эффект оказался неожиданным для Мальбэ. Хитрый и подозрительный паутоанец насторожился, поняв, что Сиреневым Кристаллом все же заинтересовались, и теперь соглашался продать камень только в том случае, если несколько известных в стране ювелиров подтвердят ему правильность оценки, сделанной Мальбэ. Договориться с ювелирами господину Мальбэ удалось довольно легко. На посредничество были согласны многие, так как предлагался приличный процент комиссионных, но некоторые из них немедленно сообщили знаменитой Алмазной фирме о Сиреневом Кристалле, которым заинтересовался крупнейший в Европе химический концерн «Ченснепп-каучук». Алмазная фирма решила не упускать случая и взять в свои руки сделку, которая, видимо, сулила немалые барыши.

В это время Дагир подвергся совершенно небывалому нападению.

Вечером, сойдя с автобуса на Суринам-плейн, он направился в гостиницу. Узкая Деркиндер-страат, довольно тихая и малолюдная даже в дневные часы, в это время была совсем пустынна. Дагир знал, что позади него никто не идет, и вдруг по-

чувствовал толчок в спину. Быстро обернувшись, он увидел какой-то продолговатый темный предмет, напоминающий длинный прямой огурец. «Огурец» висел в воздухе. Неподвижно, пугающе. Дагир попятился, «огурец» приблизился к его груди, где была спрятана ладанка с кристаллом. Паутоанец ощутил, что от таинственного темного тела исходит тепло, что тело это начинает давить ему на грудь с довольно большой силой, и, прижав рукой драгоценную ладанку, бросился бежать. Редкие прохожие с недоумением шарахались в сторону при виде человека, стремглав несущегося по тихой чопорной улице. Кто-то даже заметил, как потом выяснилось, что за мчавшимся в развевающихся одеждах паутоанцем будто бы летел какой-то странный предмет.

Дагир спасся от преследования в своей гостинице.

На другой день Дагиру, видимо, показалось, что «огурец» снова появился у него за спиной. Он вскочил в такси и помчался в контору Алмазной фирмы. По выходе из автомобиля Дагир явственно почувствовал толчок в спину, но уже не оборачивался, а поспешил вбежать в вестибюль.

Эти странные нападения ускорили события, и паутоанец, запросив несколько больше, чем ему предлагал Мальбэ, продал Сиреневый Кристалл Алмазной фирме.

Дагир, по всей вероятности, вздохнул с облегчением, а у фирмы наступили тревожные времена.

В первые дни, однако, все было спокойно. Сиреневый Кристалл находился в надежном хранилище фирмы, а рассказам Дагира о нападении на него «огурца» управляющий просто не придал никакого значения. Его в то время интересовало другое: уникальный кристалл должен быть продан как можно дороже. Мальбэ, упустив возможность приобрести кристалл непосредственно у Дагира, попытался купить его у Алмазной фирмы, но и здесь получил отказ. К этому времени стало известно, что Сиреневым Кристаллом помимо концерна «Ченснепп-каучук» интересуется

конкурирующий с ним концерн, возглавляемый Отэном Картом. Агенты Карта уже предлагали сумму большую, чем Мальбэ. Дело принимало благоприятный для Алмазной фирмы оборот. Управляющий фирмой не привык упускать возможностей, умел поставить дело на широкую ногу и разослал описание паутоанского феномена научным учреждениям различных стран мира. Описание это он сопроводил учтивым приглашением принять участие в изучении кристалла и, если будет угодно, в аукционе.

Я имел возможность ознакомиться со всеми документами, связанными с исследованиями Сиреневого Кристалла. Самым внимательным образом я изучал тогда протоколы, акты, связанные с непонятными явлениями, показавшими, что Дагир и в самом деле имел основание поскорее избавиться от своей драгоценности. Теперь, когда о Сиреневом Кристалле уже известно много, легко объяснить происшествия, которые случились в то время в Амстердаме, но тогда…

На приглашение Алмазной фирмы откликнулось несколько научных организаций, пославших в Амстердам своих представителей. Ученые сразу же установили, что кристалл действительно представляет собой нечто загадочное,

обладает удивительными свойствами, которых мы не наблюдаем ни в одном земном веществе. Весть об этом распространилась с такой скоростью, с какой узнаются сенсационные новости в наше время. Алмазной фирме, собственно говоря, только это и требовалось.

И вот днем (невиданное дело!) во всех помещениях фирмы раздались сигналы тревоги, возвещавшие о нападении, которое за ее восьмидесятилетнее существование было самым необычным.

Я побывал в здании Алмазной фирмы, беседовал со многими очевидцами и довольно четко представляю себе, как все произошло. На пятом этаже одно из просторных помещений было отведено для лаборатории, где и проводились исследования кристалла всеми доступными в то время средствами.

В субботу 22 августа, то есть как раз за неделю до моего приезда в Амстердам, в Алмазной фирме на два часа дня было назначено очередное заседание комиссии ученых. На заседании присутствовал управляющий фирмой господин Йонгель, который объявил собравшимся о решении членов правления назначить аукцион на 10 сентября. Господин Йонгель сообщил также,

что в оставшееся время ученые смогут спокойно продолжить исследования кристалла.

В этот момент раздался звон разбиваемых стекол, словно несколько крупных камней было брошено кем-то в огромные зеркальные окна. В помещении вдруг появились три темных продолговатых предмета. Они повисли над столом, вокруг которого собрались заседавшие, и через несколько секунд стали медленно сближаться друг с другом, в то же время пододвигаясь к тому месту, где лежал Сиреневый Кристалл. Как только расстояние между ними и кристаллом уменьшилось примерно до полутора метров, кристалл вместе со стеклянным колпаком, которым он был прикрыт, стал плавно подниматься в воздух, приближаясь к повисшим над ним коричневатым, излучающим тепло предметам.

Трудно представить, что чувствовали присутствовавшие при этом люди, но с уверенностью можно сказать одно: растерянность у всех была изрядная. Меньше всех растерялись два человека: корреспондент газеты и управляющий фирмой. Корреспондент и в этой вряд ли встречавшейся в его жизни ситуации не сплоховал и успел сфотографировать происходящее. Что касается господина Йонгеля, то и он проявил

профессиональную хватку. Все вновь услышали звон разбиваемого стекла — это управляющий отшвырнул стеклянный колпак и зажал в кулаке драгоценность. В тот же миг продолговатые предметы беспомощно засуетились, то подскакивая к замершему бледному Йонгелю, то отлетая от него в дальние углы помещения, и вдруг исчезли столь же внезапно, как и появились.

Как и куда исчезали таинственные предметы, которые с недавнего времени стали носиться по Амстердаму в погоне за Сиреневым Кристаллом, никто не мог сказать. Для Алмазной фирмы, рассчитывавшей без особых неприятностей поживиться на паутоанском феномене, наступили нелегкие дни. В тот же день вечером было созвано совещание членов правления и принято решение перенести аукцион на 30 августа, с тем чтобы поскорее избавиться от таинственной и слишком беспокойной драгоценности. Члены правления были единодушны, так как жаждущих заполучить кристалл теперь было достаточно. Невероятное нападение послужило фирме такой рекламой, которую не могли бы измыслить самые изощренные специалисты.

Вот так обстояли дела в Амстердаме к моменту моего приезда. Сиреневый Кристалл теперь

хранился в особых фондах Алмазной фирмы. Хлопоты Сергея Васильевича Ушакова успехом не увенчались. Господин Йонгель был любезен, предупредителен, сам вызвался проводить нас в хранилище, чтобы показать кристалл до начала аукциона, однако доставить его в лабораторию для исследований больше не рискнул. Делать было нечего — пришлось удовольствоваться осмотром.

В хранилищах фирмы были предприняты все возможные меры предосторожности, какие только могли защитить загадочную драгоценность. Мы переходили из одного помещения в другое, за нами автоматически задвигались стальные двери. Было немного жутковато: вдруг автоматика подведет и ты останешься здесь навеки! Каждое помещение тщательно осматривалось: не проникли ли сюда охотники за кристаллом, и только после этого по кодированному сигналу, даваемому лично господином Йонгелем, перед нами раздвигалась следующая стальная дверь. «Шлюзование» это заняло порядочно времени, но все же мы очутились наконец в небольшой стальной комнатке, где я и увидел впервые Сиреневый Кристалл, которому суждено было сыграть в моей судьбе совершенно особенную роль —

быть средоточием всего, что позволит совершить бросок в Мир Недоступности.

Но это потом, а тогда в слабоосвещенном хранилище… Впрочем, уже в те минуты я сразу понял, что передо мной действительно нечто необыкновенное.

От кристалла величиной с голубиное яйцо исходили лучи нежно-сиреневого цвета. Прозрачный, он светился всеми оттенками от голубоватого до густолилового. Казалось, в нем самом скрыт источник мягкого, но интенсивного света. Камень словно был живым. Он то заполнялся сиреневым свечением, в котором угадывались кровавые искорки, то вспыхивал фиолетовым сиянием. Сиреневые лучи, исходящие от его граней, то укорачивались, то удлинялись, создавая над ним своеобразную корону.

Сознаюсь, мне, всегда равнодушному ко всякого рода драгоценностям, не легко было оторвать взгляд от зачаровывающего камня. Хотелось взять его, нести на вытянутой руке, любоваться им непрестанно.

Но любоваться им было некогда. В Алмазной фирме спешили: на следующий день был назначен аукцион. Провести намеченные исследования так и не удалось. Мне пришлось

удовлетвориться только осмотром необычайного камня.

Я не буду подробно описывать аукцион. Достаточно сказать, что он привлек не только аукционеров-дельцов и представителей научных обществ, но и немалое количество любопытствующих бездельников, богатых дам, неравнодушных к драгоценностям, и, конечно, репортеров всех и всяческих разновидностей. Какие только пересуды не велись о предмете торгов, о его заманчивых и опасных свойствах! Вспоминалось, что Сиреневый Кристалл наподобие знаменитого «Орлова», украсившего вершину русского скипетра, а раньше служившего глазом одной из статуй Брамы, тоже принадлежал божеству и тоже был глазом древнепаутоанского Небесного Гостя. Шли разговоры об имеющих мировую известность камнях, таких, как «Регент», «Звезда Юга», «Санси», «Кохинур» (шлифованный, кстати, в Амстердаме); вспоминались приключения, связанные с этими камнями, их кровавые истории. Кто-то уже успел распространить слух о гибели паутоанца Дагира, совсем недавно продавшего Алмазной фирме кристалл. Словом, возбуждение публики было немалым, страсти разгорались, пари о предполагаемом исходе аукциона завя-

зывались повсюду. Но вот все стихло. Аукцион начался.

Даже мне, человеку не искушенному в таких делах, довольно скоро стало понятно: усилия представителей научных обществ, желающих приобрести столь интересующий науку феномен, тщетны. Борьба, собственно, разгорелась между агентами двух гигантских химических концернов, которые, как об этом догадывались собравшиеся на аукционе ученые, знали о кристалле нечто такое, что побуждало их предлагать за него все большие и большие суммы. Состязание шло с переменным успехом. Был момент, когда казалось, что камень останется за концерном Отэна Карта, но агенты Нума Ченснеппа назначили еще большую сумму.

Удар молотка. Тишина. Тишина такая, при которой мне подумалось: а почему здесь, когда кристалл стоит вот так, на высоком постаменте, покрытый двумя стеклянными колпаками, в зал аукциона не врываются охотившиеся за ним таинственные и, видимо, могущественные предметы? До чего же забавно было бы здесь, в переполненном зале…

Удар. Еще удар, и Сиреневый Кристалл остается за концерном «Ченснепп-каучук».

Сразу же после аукциона с невероятными предосторожностями Сиреневый Кристалл был помещен в специальную машину, напоминавшую танк. Охрана разместилась в этом своеобразном сейфе-танке. Восемь вооруженных мотоциклистов окружили передвижное хранилище. Зрелище было внушительным.

Сергей Васильевич довольно резонно заметил, что следует поспешить, так как вся эта процессия не даст нам возможности проехать. Мы тронулись в путь, ловко маневрируя между автомобилями, скопившимися у здания, где проходил аукцион, и вскоре были за несколько кварталов от медленно двигавшегося эскорта, направлявшегося к Утрехтскому шоссе, чтобы прямо в танке-сейфе доставить чудо-камень за границу, в институт концерна «Ченснепп-каучук».

Мне уже казалось, что приключения этого дня кончились, но не тут-то было! Не успели мы выехать к площади Ватерлоо, как услышали вой полицейских машин. Их было много. Они мчались в сторону Ниу Маркет, и мы поняли: началось нападение на покупку Ченснеппа.

Об уличном движении, о его недостатках в больших старых городах уже писалось много, подчас остроумно и почти всегда бесполезно. Я не

берусь развивать эту тему, тем более что не осведомлен, обладает ли Амстердам самыми узкими улицами в мире. Знаю только, что в центральной, старинной части города уличное движение затруднено до крайности, а пешеходы соблюдают самый строгий, достойный подражания порядок. И все же заторы бывают.

Что-то произошло и на площади Ниу Маркет, куда направилась процессия с кристаллом. Из-за этого автобус одиннадцатого маршрута застрял при въезде на площадь, за ним столпилось еще несколько автомашин, и танк-сейф со всеми сопровождавшими его машинами остановился среди площади, в десяти — пятнадцати метрах от здания старинных городских ворот, занятого теперь коммунальным архивом-музеем. В этот момент и началось нападение.

Попасть к месту происшествия стало нашим самым жгучим желанием. Сергей Васильевич, хорошо знавший путаный старый город, в несколько минут, ловко обогнув улицы, по которым проносились полицейские машины, выехал к площади Ниу Маркет. Забравшись на крышу нашей машины, мы увидели всю площадь, танк-сейф, окруженный охраной, и жмущихся к домам людей. Вокруг Ниу Маркет, на всех ближайших

улицах и набережных подходящих к ней каналов, движение прекратилось. На мостике через Гельдерс-канал замерли десятки автомобилей, на их крышах тоже виднелись любопытные. Вооруженные отряды полиции прибывали со всех сторон, с трудом пробиваясь через запруженные подходы к месту происшествия. Корреспонденты, разумеется, были тут же. Один из них успел примоститься на ветвях высокого дерева и успешно обстреливал кинокамерой всю площадь.

В первый момент ничего нельзя было разобрать, мы даже не поняли, что именно явилось причиной всей этой суматохи. К тому времени, как мы добрались до Ниу Маркет, здесь воцарилось затишье. Уже после мы узнали, с чего все это началось. Как только танк, задержанный затором, остановился на площади, на него обрушилось несколько «огурцов». Мотоциклисты открыли огонь по нападающим, поднялась тревога. Нападающие, не обращая никакого внимания на обстрел из автоматов, безуспешно пытались проникнуть внутрь танка-сейфа. Положение сидящей в нем охраны было сложным. Отстреливаться от «охотников» за драгоценностью они не могли, не рискуя попасть в прохожих. А «охотники» все настойчивее стремились к кристаллу.

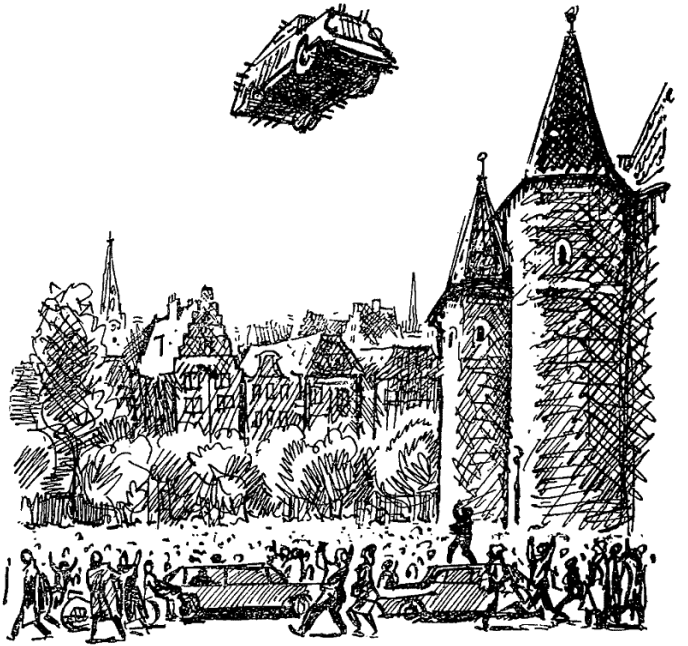
Они бились о стальные стенки, залезали под колеса, нигде не находя нужного им отверстия, и наконец начали прожигать броню. Взвился фейерверк ярко-фиолетовых искр, танк скрылся в клубах сиреневого дыма. Все это вконец обескуражило автоматчиков. Подоспевшая к этому времени полиция была также беспомощна. Но все стреляли. Пожалуй, больше в воздух для собственного успокоения. Старинная площадь, которая когда-то была безмятежным изобильным и пестрым рыбным рынком города, превратилась в поле сражения. Словом, смятение было немалым, так как сражаться со столь необычными грабителями еще никому не приходилось.

Когда мы взобрались на крышу своей машины, возле танка нападающих уже не было. Клубы дыма медленно уплывали вверх, влево, исчезая где-то за остроконечной Новой Кирхой. Все замерло. Но каждому почему-то казалось, что атака должна возобновиться. Полиция теснила толпы любопытных, не очень-то убоявшихся стрельбы, мотоциклисты выстроились вокруг танка, и танк двинулся. В этот момент на него невесть откуда снова посыпался град «камней».

Танк-сейф начал приподниматься.

Вот колеса бронированного автомобиля уже

беспомощно вращаются в воздухе, вот он уже повис на высоте человеческого роста над площадью, а темные загадочные предметы, словно рождаясь из ничего, все летят и летят на него, облепляя со всех сторон. Танк-сейф продолжает медленно подниматься. Вот он уже над восьмигранными пирамидами, венчающими низкое здание музея. Здесь он замер ненадолго, подался немного в сторону, по направлению к Дамраку, потом решительно двинулся к северу и поплыл где-то над улицей Зеедайк, приближаясь к собору Святого Николая, хорошо видимому с площади Ниу Маркет. Через несколько минут танк стал уменьшаться на наших глазах. Вот он уже выше серебристо-зеленого купола собора. Здесь он плавно разворачивается на восток, вскоре превращается в едва заметную точку и исчезает вместе с Сиреневым Кристаллом и людьми, его охраняющими.



На площади стоит тишина, пожалуй еще более глубокая, чем в самое решительное мгновение

аукциона. Мы потихоньку слезаем с машины, растерянно оглядываемся по сторонам и первое, что слышим, — возглас шустрого парнишки, как и мы, наблюдавшего необычайное происшествие:

— Вот это здорово!

Часть первая

БЕСПОКОЙНОЕ НАСЛЕДСТВО

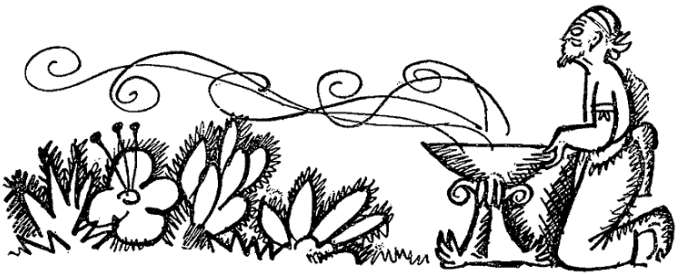
Камни немы, если человек не заставит их говорить.

М. Горький

Глава первая

●

Нетленная ткань



Я начал эти записки с описания своей первой встречи с Сиреневым Кристаллом, однако знакомство мое с силициевой загадкой состоялось значительно раньше, примерно за два года до поездки в Амстердам. Произошло это совершенно случайно.

В то время я работал в Ленинграде в Институте космической химии и занимался главным образом изучением метеоритов, особенно тех, в которых удавалось найти признаки органических включений. Когда нашей группе предложили заняться находкой профессора Мурзарова, мы были удивлены и порядком огорчены. Это отрывало нас от исследования метеорита, в котором

мы обнаружили микроорганизмы. Кроме того, археологическая находка, как мы считали, не имела к нам никакого отношения. Но вероятно, моя страсть к необыденному и знание химии кремнеорганических соединений определили выбор Мурзарова, и он сумел настоять на том, чтобы именно наша группа занялась его уникальной находкой.

При первом же визите к нам Ханан Борисович Мурзаров рассказал, что не так давно в Средней Азии при раскопках древнего Урашту был найден кусок необыкновенной ткани. Откровенно говоря, сообщение это не произвело вначале особого впечатления. Многие из нас сразу же представили себе кусочек истлевшей, грубо сотканной материи, которая по каким-то смутным для химиков соображениям так волнует и столь дорога историкам.

Но вот Ханан Борисович начал свой рассказ, и я понял, что археологи, в большинстве своем поэты в душе, наделены незаурядным воображением и могут образно, красочно представить, какова была жизнь в раскапываемом городе тысячу лет назад, умеют воскресить эти города для современников. Действительно, в описании профессора Мурзарова раскопки оживали. Несколько с вооду-

шевлением рассказанных эпизодов — и мы уже видели древний многолюдный город, залитый палящим солнцем, расцвеченный яркими красками одежд, представляли, как тянутся к этому городу-оазису истомленные в пути караваны и как от раскаленной мглы люди прячутся в живительной пахучей тени.

Археологи все это видят и чувствуют, снимая вершок за вершком вековые наносы, расчищая от них остатки зданий, находя обрывки тканей, ковров, черепки посуды. По полуистлевшим обрывкам, едва сохранившимся обломкам они мазок за мазком восстанавливают картину давно ушедшего. Так было и в Урашту. Раскопки уже оживали, археологи уже видели древний город таким, каким он был сотни лет назад, но все померкло, когда в руках исследователей засверкал кусок необыкновенной ткани. Домысливать краски, дополнять воображением то, что было источено временем, не приходилось: ткань была свежей, сияла так, будто время не властно над нею.

Ханан Борисович открыл папку, вынул из нее большой толстый картон, на котором была прикреплена его находка в Урашту.

Если бы не авторитет Мурзарова, не его имя

в науке, никто бы из нас не поверил, что ткань эта пролежала в развалинах древнего города не менее семисот пятидесяти лет. Действительно, казалось, время не коснулось ее и она только что вышла из рук каких-то изумительных мастеров. Яркие, чистые тона оригинального рисунка, приятная фактура этой мягкой, прочной, почти прозрачной и вместе с тем плотной ткани — все говорило нам: находка и в самом деле из ряда вон выходящая.

Перед нами лежал кусок нетленной ткани!

Вот тут-то химики преисполнились еще большим уважением к археологам и были готовы сделать все возможное, чтобы помочь проникнуть в тайну происхождения удивительного изделия. И сразу же мнения разделились, образовалось две партии — «земная» и «космическая». Наиболее горячие головы считали, что ткань, словно выделанная из стеклянного волокна, не могла быть изготовлена семь-восемь веков назад. Совершенно невероятным представлялось, что какие бы то ни было народы умели в древности вырабатывать подобные синтетические волокна. Возникла догадка: а не обрывок ли это одежды каких-то существ, в давние времена посетивших Землю? Может быть, следует организовать

в окрестностях Урашту более широкий поиск? Вдруг удастся кроме этого маленького клочка найти и другие доказательства прилета к нам братьев по разуму? Неважно, что найден только этот маленький кусочек неведомого. Любой самый долгий путь начинается с первого шага, нередко большой научный поиск в истоке своем имеет небольшой, сам по себе незначительный факт!

Ханан Борисович улыбался, радуясь энтузиазму, с которым отнеслась к его находке наша по преимуществу молодежная группа, однако уверенно придерживался иной, «земной» точки зрения. Как только возбуждение от первого осмотра редкостного экспоната немного улеглось, в институте начались его исследования. Чем больше мы изучали ткань, тем больше недоумевали. Химический анализ показал: образчик на сорок шесть процентов состоит из силиция — кремния. Под микроскопом было видно, что волокна нитей явно растительного происхождения, но в результате каких-то непонятных процессов они стали стекловидными, прозрачными и, сохранив яркость красок, практически нетленными. Это нанесло первый удар по сторонникам космического происхождения ткани, но они не сдавались,

резонно доказывая, что в мире, пославшем нам гостей, растительность тоже должна встречаться. Здесь я употребил местоимение «они» и этим самым как бы отмежевался от «космической» партии. Придерживался ли я точки зрения Мурзарова? Тоже нет. Я считал, что доля истины есть и в утверждениях Мурзарова, и в предложениях его противников. Как ни странно, именно моя позиция оказалась ближе всего к истине.

Находка археологов сразу же привлекла внимание ученых разных специальностей. Однако, чем больше людей занималось этой загадкой, тем больше разнообразных и противоречивых мнений она рождала. Единодушие было только в одном: ткань изготовлена никому не понятным способом. Где же, когда, каким народом она была создана? Вот что хотели узнать прежде всего. По характеру орнамента специалистами было бесспорно доказано: ткань не могла быть изготовлена в древнем Урашту. Профессор Мурзаров не оспаривал этого. Он считал, что ткань могла быть привезена в Урашту. Однако и это не давало нужного решения. Историки уже довольно хорошо знали, с какими государствами вел торговлю процветавший восемь веков назад город. Но ни в одной из этих стран не производили нетленных

тканей, ни один народ в те времена не владел секретом силицирования волокна.

Задача казалась неразрешимой. «Космическая» партия торжествовала.

Как химик, я уже давно выполнил все от меня зависящее. Анализы сделаны, и мое касательство к этому куску ткани, сработанному столь чудесным образом, исчерпано. И тогда я почувствовал: оборвалась какая-то нить, так заманчиво связавшая меня с необыденным, вторгшимся в мою жизнь. Но с тех пор как загадочная ткань, через века пришедшая из какой-то таинственной страны, побывала в моих руках, я понял, что никогда не устану интересоваться силициевой загадкой.

На первых порах мне не оставалось ничего другого, кроме частого общения с Хананом Борисовичем. Незаметно для себя я сделался его добровольным помощником. Теперь мы немало вечеров просиживали вместе, ломая голову над задачей, лишившей нас покоя. Ханан Борисович умел двигаться к цели как вездеход. Он не обращал внимания на препятствия и умело отбрасывал все лишнее. Он стремился только к одному — найти родину уникальной находки. А для этого надо было хорошенько изучить ткани.

Мы поспешили в Москву, где в то время де-

монстрировалась богатая коллекция тканей. Особенно поразили нас образцы, экспонированные Востоком, и в первую очередь Индией.

Когда в десятках витрин видишь ткань парчового типа, сразу чувствуешь, что это «царица тканей». Тончайшие, совсем прозрачные амру, сделанные из чистого шелка, изумительной окраски химру и, наконец, кхимкаб, тканные золотом и серебром. Золото в легких, просвечивающих тканях, золото в более тяжелых и более богатых по отделке и рисунку. Золото украшает мягко, не назойливо. Сразу представляешь, как в южных краях оно играет на солнце, закрепляя солнечный блеск на земле. Южный характер узора особенно чувствуется в прозрачных, нежно окрашенных, казалось, небрежно, но на самом деле со вкусом накинутых на подставки воздушных тканях. В них не может быть жарко даже там, под солнцем Юга. Они прикроют наготу, но позволят солнцу золотить кожу.

Парча хороша! Рассматривая ее здесь, представляешь, как она в давние времена совершала долгий и опасный путь. Через пустыни в медлительных караванах она мерно покачивалась в увесистых тюках на спинах верблюдов. Через Среднюю Азию, по Волге, по заснеженным про-

сторам Руси она прибывала в первопрестольный град и здесь служила украшением царских нарядов, палат, трона. Немало слез и крови стоили эти куски ткани. Немало гибло людей, пока от примитивного станка, затененного бамбуковым навесом, они попадали в белокаменные палаты, куда сквозь маленькие, изукрашенные морозом оконца нет-нет да проглянет солнечный луч, и парча вспыхнет так же великолепно, как у себя на родине, вызвав волнующие представления о далеком загадочном Востоке.

Парчу хранили как драгоценность, как святыню. Парча выцветала, тускнела с годами, но все же оставалась красивой. В музеях и храмах она и сейчас будит немало восторженных мыслей о древних временах, о далеком когда-то, а теперь близком и менее загадочном Востоке.

И вот я увидел, как в сравнении с этой померкшей от времени красотой засверкала привезенная нами из Ленинграда нетленная силициевая ткань. Она не могла соперничать с лучшими образцами «царицы тканей» по рисунку, расцветке или замысловатости плетения. Она была старше многих экспонатов, представленных на выставке, однако насколько же она была свежее, ярче их, несмотря на свои семьсот пятьдесят лет!

Профессор Мурзаров пристально всматривался в витрины, где были представлены ткани Китая и Индии, Персии, древней Кореи, Паутоо и Вьетнама, Японии и Ближнего Востока, продолжая искать, искать и искать. Он вновь и вновь обходил все залы, часто присаживался, делая пометки и зарисовки в своем большом блокноте. От его внимания не ускользал ни один экспонат. Дольше всего он задерживался у витрин, где были выставлены ткани древнего Паутоо.

Было поздно. Мы направлялись уже к выходу, но он вдруг резко повернулся, подошел к паутоанским стендам и тихо, почти шепотом сказал:

— Вот! Вот родина нашей силициевой красавицы. Ткань родилась на архипелаге Паутоо. Теперь я в этом убежден. Меня никто не переубедит. Да!

Однако никто и не стал оспаривать утверждение Мурзарова. Его заключение было принято специалистами, все они сошлись на том, что стиль рисунка, своеобразное сочетание красок и даже тип плетения этого куска характерны для тканей, вырабатывавшихся на островах древнего Паутоо. Это открытие внесло замешательство в ряды «космических» противников Мурзарова, но… Но это ведь опять ничего не решало. Да, старинные ткани Паутоо действительно походили

на кусок, найденный при раскопках Урашту, но ведь ни одна не обладала замечательным свойством нетленности! Не было никаких сведений в истории материальной культуры Паутоо, указывавших на то, что там некогда знали какой-то секрет силицирования тканей.

Все больший круг ученых — историков, этнографов, археологов, биологов, географов и химиков — заинтересовывается этой находкой. В ленинградский музей, где временно находилась ткань, наведываются самые различные специалисты, каждый из которых по-своему увлечен этой необычайной находкой и старался разгадать ее тайну. О ней говорят, спорят, выдвигают самые различные гипотезы.

И вот когда интерес к ткани достиг апогея, она была похищена.

Никто не мог себе представить, что будет организовано похищение, да еще такое, виновников которого так и не удалось обнаружить.

Ткань пропала.

А через неделю в Ленинград приехал Юсгор.

Глава вторая

●

Легенда о Рокомо и Лавуме

Юсгора я знал давно — мы с ним учились в Московском университете. Не помню, при каких именно обстоятельствах я впервые увидел этого высокого золотистокожего парня с темными вьющимися волосами, выразительными, чуть раскосыми глазами, в которых всегда светился огонек боевого задора, а по временам угадывалась тоска. Сблизил нас шахматный клуб, куда мы оба захаживали, влекомые страстью к сражениям на клетчатой доске. Из шахматного клуба мы часто возвращались в общежитие вместе. В те времена я много и с интересом беседовал с ним о его родном, далеком от Москвы, всегда волновавшем мое воображение архипелаге Южных морей. Но университетские годы давно остались позади. Я уехал в Ленинград, а Юсгор отправился к себе на родину. Нахлынули новые заботы, одолевали дела повседневные, житейские, и наша переписка постепенно становилась все менее интенсивной.

Да это и понятно: никакие письма не могли заменить живого общения, ночных прогулок по набережным Москвы-реки, когда мы спорили, мечтали, стремились заглянуть в будущее.

В связи с находкой в Урашту ткани, родиной которой теперь уже многими учеными считались острова Паутоо, я, естественно, сразу же вспомнил о Юсгоре, единственном знакомом мне паутоанце. Тут же я упрекнул себя за то, что уже очень давно не писал ему, все собирался сесть за обстоятельное письмо и, к своему стыду, так и не собрался. Юсгор сам пожаловал ко мне.

Разговор обо всем, что произошло у нас обоих за годы разлуки, как-то не клеился. Мне казалось, что Юсгору не терпится заговорить о чем-то другом, значительно больше волнующем его сейчас. И действительно, как только он счел, при свойственной ему деликатности, возможным, он начал расспрашивать о находке в Урашту. Признаюсь: я был удивлен, узнав, какой интерес он проявляет к силициевой ткани. Оказалось, Юсгор успел прочитать о ней все появившееся в печати и задался целью принять личное участие в ее исследовании. Узнав от меня о похищении, Юсгор сперва пришел в негодование, но вскоре успокоился и даже повеселел.

— А знаете, Алеша, это даже хорошо.

— Что хорошо?

— Хорошо, что ткань украли. — Видимо, недоумение мое было столь явным, что Юсгор тут же поспешил объяснить:

— Украли — это, конечно, плохо, а вот почему украли — это хорошо. Ведь в это время в Ленинграде был Фурн. О, если это так, Алеша! Вы понимаете, ведь если это действительно дело рук Фурна, то, значит, и они считают, что находка в Урашту имеет отношение к тайне храма Буатоо, а они знают много. О, к сожалению, пока больше нас!

Я ничего не мог понять. Кто такие «они», о каком храме идет речь, кто такой Фурн, подозревавшийся в краже? Но я набрался терпения и ждал, когда Юсгор расскажет мне все. Так оно в конце концов и получилось. Я понял, что Юсгор, оказывается, уже давно занимается в Паутоанском университете силициевой загадкой и находка нетленной ткани только маленькая частица этой загадки.

Юсгор увлекся. Он был возбужден и частенько, позабыв нужное русское слово, не задумываясь, употреблял английское или — что было для меня похуже — паутоанское. Говорил он вдохновенно,

его лицо было подвижно, глаза блестели. По мере того как у Юсгора остывало волнение, рассказ его становился все более связным и спокойным.

— Тайна храма Буатоо, — продолжал Юсгор, — волновала меня еще в юношеском возрасте, когда я готовился стать жрецом Небесного Гостя.

— Юсгор, вы… Может быть, я не совсем правильно понял вас. Вы были жрецом храма?

На лице Юсгора появилась мягкая улыбка, а в глазах опять показалась давняя тоска.

— Я не был им. Но много лет меня готовили к тому, чтобы я стал жрецом старинного храма Буатоо. Эта часть моей жизни вам неизвестна. Я почти никогда ни с кем не говорю о тех днях. Не говорил я и с вами, но теперь… Теперь многое изменилось. Я расскажу вам обо всем, покажу все собранные материалы, находки. Да, Алеша, вы меня знаете как биохимика, знали студентом, приехавшим в Москву с дальних островов, представлявшихся вам экзотическими.

— Знаю еще как прогрессивного деятеля Паутоо, — перебил я Юсгора.

— Да, и как человека, который очень хотел, чтобы люди его родных островов были свободными, — скромно и не без гордости добавил Юсгор, — но вы не знали, какое у меня было дет-

ство и юность. Я расскажу вам о них. Это имеет отношение к силициевой загадке.

Юсгор помолчал немного и потом начал тихо, заметно волнуясь:

— Мой отец был белым, мать — паутоанка. Мать я не помню. Меня вскормила и вырастила чужая женщина — добрая и ласковая Менама. О матери она всегда говорила с такой любовью, что эту любовь я сохранил на всю жизнь, несмотря на то что мать... Вы, быть может, читали где-нибудь, что, до того как острова Паутоо завоевали независимость, у европейцев, владевших нашей страной, существовал мерзкий обычай. Солдат колониальной армии при желании брал себе «паутоанскую жену», и она считалась его законной женой, пока он находился в колонии, а потом... Девочки, рожденные от таких «браков», обычно становились также «паутоанскими женами», а мальчики превращались в «цветных» полицейских. В подобные браки вступали не только солдаты, но и высокопоставленные сановники. Таким был и мой отец. Отца я видел только один раз. Перед самой его смертью. Меня привели к нему в дом-дворец, и он... Мне трудно говорить о нем... Тогда я понимал слишком мало, после я понял слишком много...

Юсгор снова замолчал. На его смуглое лицо набежал сероватый оттенок. Он поник головой, но вскоре продолжил внятно, медленно:

— До семи лет я жил у Менамы, в ее пальмовой лачуге, в небольшой деревушке у моря. Муж ее, рыбак, и ее сын были ласковы со мной. Я никогда не чувствовал себя чужим в их семье. Но больше всех меня любила толстая, добродушная, всегда улыбающаяся Менама. То было хорошее время: я был еще мал и потому очень свободен. Яркое солнце родных островов, золотистый песчаный берег, запах моря… Хорошо!

Но вот всего этого меня лишили и отослали в далекие горы. Там в страшном и непонятном для меня храме я должен был учиться — такова была воля моего отца.

В пятнадцать лет я отлично знал язык древнего Паутоо и массу обрядов. Я уже многое понимал, стал находить своеобразную прелесть в жизни сосредоточенной и уединенной, но все еще тосковал по запаху рыбы и шуму прибоя. Кончились годы тупой зубрежки. Я мог легко и свободно читать древние рукописные тексты, начал разбираться в сути написанного, и постепенно, будто редел гнетущий туман, с ветхих страниц ко мне приходила мудрость древних…

Многие мальчики, учившиеся вместе со мной, как только овладевали основами знаний, увлекались обрядовой стороной жреческого учения. Их прельщали празднества, часто устраиваемые жрецами, чтобы поддержать веру в народе. Меня же влекла таинственная мудрость старинных летописных преданий. Я начинал все больше и больше интересоваться историей нашей древней, некогда могущественной страны.

Все мальчики, когда им исполнялось семнадцать лет, проходили обряд посвящения и только после этого допускались к чтению тайных книг. О, с каким нетерпением я ждал этого дня. Мои наставники не подозревали, что не роскошные черно-желтые жреческие одеяния, ожидавшие посвященного, и не возможность впервые за многие годы очутиться вне стен храма заставляли меня с таким усердием готовиться к торжественному обряду. Меня прельщало другое.

Из старинных преданий я узнал, что много веков тому назад на наших островах был Век Созидания — благословенное время, когда, как утверждали древние книги, боги открыли людям великую тайну и люди постигли непостижимое. Мое юношеское воображение было поражено, когда я узнал, что боги научили жрецов Буатоо

чудесным образом возводить храмы и дворцы сказочной красоты и величия, создавать мосты, дороги, необыкновенную утварь и нетленные ткани. Я жаждал приобщиться к этой тайне, стремился узнать, как жили народы Паутоо в то легендарное время, как и почему утратили чудесный дар созидания.

Юношей, еще мальчиком, я мечтал вернуть людям этот дар, вырвать у веков тайну и сделать всех счастливыми. Мечтал стать новым Рокомо, новым героем Паутоо. Но я понимал, что прежде всего надо было изучить ритуальные записи, относящиеся ко времени великого жреца Раомара. Однако для всего этого, как говорили жрецы-наставники, надо быть посвященным. Тайные из тайных книг Буатоо доступны только избранным, достойным.

Я верил и ждал. Но еще до того как мне исполнилось семнадцать лет, меня выгнали из храма.

В жалких отрепьях, не знающий жизни вне храма, я очутился за воротами Буатоо, был предоставлен самому себе. Я побрел по дорогам, выпрашивая подаяние, ночуя на обочинах пыльных дорог. К морю, к морю, к моей доброй Менаме! Что еще оставалось у меня? Выпроводившие меня из храма жрецы сказали, что никто

больше не делает взносов за обучение и я не могу оставаться под сенью храма. В священной школе могли учиться дети только очень состоятельных родителей.

Долго я добирался до деревушки Менамы… Измученный, голодный, я приплелся наконец к морю, но не нашел ни Менамы, ни ее семьи, ни деревушки: незадолго до этого там было восстание и колониальные войска уничтожили все, что могло быть уничтожено пушками и огнем.

Так я впервые познакомился с миром — большим, ярким и страшным. Вскоре я узнал, что восстание подавлял мой отец, что он был тяжело ранен повстанцами и сейчас уже при смерти. И я пошел к отцу. Не знаю, почему пошел, но, вероятно, тогда я не мог не пойти. Меня допустили к нему. Отец смотрел на меня долго, молча, казалось, изучал каждую черточку на моем лице, стараясь в предсмертный свой час определить отношение к тому живому существу, которое было частицей его самого и было глубоко ненавистно ему. Наконец он сказал… сказал всего несколько слов. Я запомнил их на всю жизнь: «Иди. Иди туда… к своим цветным… убийцам…» И я пошел к своим, пошел навсегда.

В тот день Юсгор больше ничего не говорил о

себе. Мы долго бродили по набережным Невы, изредка обмениваясь ничего не значащими фразами. Незаметно для себя обогнули Исаакиевский собор, подошли к «Астории». Юсгор протянул большую сильную руку, дольше обыкновенного подержал в ней мою и сказал на прощанье:

— Алеша, если позволите, я завтра приду к вам. Принесу перевод древнего списка легенды о Рокомо и Лавуме.

На другой день пунктуальный и аккуратный Юсгор появился у меня в назначенный час с объемистым портфелем. В нем была не только обещанная легенда о Рокомо и Лавуме. Юсгор вынул фотокопии с нескольких страниц древних священных книг, перевод песен из паутоанского эпоса «Себерао», пачку темно-желтых, исписанных затейливой вязью листков и, как оказалось, подлинный, уникальный экземпляр одного из обрядовых свитков храма Буатоо. Я был приятно удивлен, когда узнал, что все это, по мнению Юсгора, имеет отношение к силициевой загадке. Невозможно передать, с каким волнением я принялся в то время штудировать (при помощи Юсгора) весь этот материал. Каждый прочитан-

ный листок будил мысли, одну загадочнее и рискованнее другой. Документы заслуживали самого пристального внимания и вскоре изучались не только нами, но и еще десятками людей, а многие и до сих пор составляют предмет исследования, источник споров, смелых догадок.

Однако расскажу по порядку.

Пожалуй, в первый же день моего знакомства со старинной поэтической легендой о Рокомо и Лавуме я понял и поверил, что только она могла послужить толчком к началу интереснейших изысканий о загадочном периоде древней истории Паутоо.

До сих пор никому не удалось обнаружить подлинную легенду, написанную еще до катастрофы, в результате которой скрылся под водой остров Себату. Все списки, с которыми знакомы паутоанские и европейские ученые, — это только более или менее удачные записи изустных старинных преданий. Вот с этими-то материалами и знакомил меня в тот вечер Юсгор. Читал он легенду задушевно, немного напевно, мягко произнося слова и ритмично, едва уловимо покачиваясь. Я то смотрел на его лицо, то закрывал глаза и представлял его там, на родных островах, еще совсем юного, бредущего вместе с оборванными стран-

никами, отдыхающего на привалах, где какой-то иссушенный солнцем, почти коричневый старец с горящими глазами проникновенно обращался к окружавшим его соплеменникам:

Путник!

Если ты остановился у прохладного ручья зной полдневный переждать в тени пандана, не спеши, сними поклажу.

Если путь твой долог, труден и далек, набирайся сил и мудрости в пути: встречных расспроси и встречным расскажи о дорогах, уже пройденных людьми.

Если на привале встретишь старца, будь почтителен и слушай о былом величии страны, выслушав, запомни, а случится, младшим расскажи.

Если на привале будешь самым старшим ты, не забудь поведать о героях древних, о любви бессмертной храбреца Рокомо и красавицы Лавумы.

Слушай, путник!

Никто не знает, что было тогда, когда еще ничего не было!

Но самые мудрые знают, что было по-

том.

Потом был Свет.

Он царил во всей Вселенной, но царил без радости. Свет заполнял собой все и нигде не находил ничего. В его неистовом сиянии исчезало даже то, что появлялось, и не появлялось то, что должно было быть.

Проходили сотни веков, а Свет ничего не встречал в своем царстве Вселенной, не мог познать даже самого себя и стал постепенно меркнуть.

Так возникла Тьма.

А из Света и Тьмы появилось все сущее.

Тьма все больше овладевала Вселенной, наполняя ее холодом, и для Света уже остались только маленькие островки в океане мрака. Но там, где был Свет и была Тьма, возникала Жизнь.

На грани Света и Тьмы зародилась Земля, любимица царствующих. Ее согревал Свет, давала прохладу Тьма, и Земля наполнилась жизнью. На Земле то бушевал Огонь, сын Света, то заливала ее Вода, дочь Тьмы. Они всегда враждовали

между собой, и там, где они сражались, возникали Острова.

Никто не знает, когда появились острова Паутоо.

Но самые мудрые знают, что было потом.

Потом был Человек.

Самые древние люди еще видели, как сражались Огонь и Вода, а древнейшие из древних видели, как родился священный остров Себату. Он вышел из пучины Океана, одетый в роскошный зеленый наряд, и принес на себе людям кокосы и таро, бататы и рис, манго и бананы. Его леса были наполнены зверем в птицей, а вода, плескавшаяся вокруг него, кишела рыбой. Священный Себату вскормил и одел Человека, в отсюда пошел Человек на другие острова и в дальние страны и прославил величие и щедрость Рожденного Океаном.

Так шли века, пока на Землю не снизошел Светящийся.

Слушай, путник!

Те, кто жили в то время, сложили о нем сказания. Те, кто видел, как Светящийся

появился среди ночи, рассказывали об этом своим детям, и те своим, а самые мудрые из детей Паутоо записали сказания в священных книгах храма.

И там записано.

В ту ночь Сияющий был маленьким и светил как Звезда. Затем стал ярче, начал освещать весь остров Себату, и в ночи стало так же светло, как днем. Лучезарный шел к людям, окруженный царственной свитой. Деревья и травы склонились долу перед его приходом, а звери и птицы укрылись в лесах, траве и скалах.

И раздался гром, и запылала гора Себарао, и содрогнулся остров, и вздыбился океан, и никто не знает, что творилось в ту ночь дальше.

Но самые мудрые знают, что было потом.

Потом был Небесный Гость на Земле.

Небесный Гость стоял на священной горе Себарао и в ночи сиял своим немеркнущим взором, и люди поклонились ему и принесли цветы, и рыб, и моллюсков. Люди построили храм Небесного Гостя, и жрецы молились ему, призывая при-

носить людям счастье, давать обильный урожай и удачную охоту, и Небесному Гостю служили красивейшие девушки Себату, и каждый год, когда наступал праздник пришествия Света, ему в услужение посвящали новую девушку.

Так начался Век Небесного Гостя.

Так шли годы, так шел год за годом, пока не наступил Век Созидания. А о нем говорится вот что.

Слушай, путник!

Не было в княжестве Себату смелее охотника, чем Рокомо.

Не было в княжестве Себату красивее девушки, чем Лавума.

Не было в лесах Себарао зверя, который не боялся бы храбреца Рокомо.

И не было в селениях Себату человека, который не восхищался бы красавицей Лавумой.

Но больше всех ее любил Рокомо.

В ее честь он совершал свои подвиги.

В ее честь он слагал свои песни.

И все люди на Себату гордились его подвигами. Но больше всех ими гордилась Лавума.

Все люди Себату были рады услышать чудесную песню Рокомо.

Но больше всех радовалась песне Лавума.

И все люди на Себату с нетерпением ждали месяца Зорь, когда справляют счастливые свадьбы. Но больше всех месяца Зорь ждали Рокомо и Лавума.

Однако раньше месяца Зорь наступил праздник пришествия Небесного Гостя.

И жребий пал на Лавуму.

И возликовали люди Себату, довольные, что любимица народа будет посвящена в вечное услужение божеству.

Но великий ужас обуял Лавуму, и великий гнев охватил Рокомо.

Никто не видел, как расставались влюбленные, но все понимали, как велико их горе.

Никто не увидел, куда ушел Рокомо, но самые мудрые знали, что он вернется.

Слушай, путник!

Нет горы неприступнее Себарао, и нет святилища неприступнее храма Небесного Гостя, когда его охраняют жрецы-воины в ночь пришествия Света.

Не бывает гроз сильнее, чем в месяце Ливней, и не бывает гроз страшнее, чем в ночь пришествия Небесного Гостя. В ту ночь к храму пришел Рокомо в окружении друзей своих — Молний.

И упали в страхе жрецы-воины. И рухнули ворота храма, разбитые Молниями.

И увидел Рокомо Лавуму.

На вершинах всех гор Себату собирал Рокомо своих друзей, спеша к храму, но Лавума уже была посвящена Небесному Гостю. Она стояла в отсвете Молний, и на прекрасном лице ее застыли скорбь и раскаяние. Всей душой своей она потянулась к любимому, но все существо ее уже было отдано богу.

«Теперь я принадлежу ему и должна служить ему», — молвила тихо Лавума.

И тут страшный гнев охватил Рокомо. И Рокомо разбил божество и бросил его обломки к ногам любимой.

«Его нет больше! Ты снова моя!»

Друзья Молнии в ликовании вонзились в обломки и засверкали неистовее прежнего, друзья Громы загрохотали раскатистее прежнего.

Но мгновенно все стихло вдруг. Умолкли Громы. Исчезли в страхе Молнии, а в наступившем мраке засветилось разгневанное божество и поразило влюбленных.

И превратило Рокомо и Лавуму в каменные статуи.

Быстро множилось воинство оскорбленного бога, и уже стала светиться от его сияющих потоков роща вокруг храма. И все живое превращалось в камень в ту страшную ночь.

И в ту ночь не отходил жрец Раомар от жертвенного огня. И только там, где курился священный дымок, не бушевало воинство рассерженного посланца неба.

И никто не знает, что творилось в ту ночь дальше.

Но самые мудрые знают, что было потом.

Потом был Век Созидания.

Слушай, путник!

В ночь Великого Гнева воссияла мудрость Раомара, и Раомар призвал всех молиться. Дни и ночи курились фимиамы, и там, где благовонные дымки касались

божества, божество умиротворялось.

Так был укрощен гнев Небесного Гостя.

Так боги открыли Раомару тайну укрощения Гнева.

И Небесный Гость открыл Раомару тайну Созидания.

А великий жрец научил мудрейших чудесным образом возводить храмы и дворцы сказочной красоты и величия, создавать никем не виданную утварь, циновки и ткани.

И стали народы дальних островов и далеких стран приходить и дивиться мудрости сынов Себату.

И стали священными статуи окаменевших Рокомо и Лавумы.

И был благословен богами Век Созидания на священном острове Себату.

Слушай, путник!

Если ты остановился у прохладного ручья зной полдневный переждать в тени пандана, не спеши, сними поклажу.

Если путь твой долог, труден и далек, набирайся сил и мудрости в пути: встречных расспроси и встречным расскажи о дорогах, уже пройденных людьми.

Если на привале встретишь старца, будь почтителен и слушай о былом величии страны, выслушав, запомни, а случится, младшим расскажи.

Если на привале будешь самым старшим ты, не забудь поведать о героях древних, о любви бессмертной храбреца Рокомо и красавицы Лавумы!

Юсгор кончил читать легенду, но весь он еще был там, на пропитанных ароматами и зноем родных островах, а не у меня в ленинградской квартире. Теперь уже не иссушенного солнцем старца, а его, молодого, стремящегося познать истину, я представлял себе среди паутоанцев, набирающихся сил и мудрости в прохладной тени на привале.

Трудно, нет, пожалуй, просто невозможно вспомнить, каково было первое впечатление, вызванное легендой. С тех пор прошло немало времени, и я очень часто возвращался к ней — ведь так много последовавших за тем событий было связано с легендой, — и нельзя установить сейчас, какие чувства и мысли возникли тогда, какие появились позже в результате постоянного

изучения этого старинного предания.

В тот вечер Юсгор читал мне не только легенду, но и выдержки из принесенных им древних паутоанских летописей, священных книг и свитков. Читал, комментировал, дополнял, и в его рассказе оживали картины той легендарной ночи, когда древний герой Паутоо, движимый великой любовью, низверг божество. Слушая Юсгора, я представлял, как молнии ударяют в кусок камня, отвалившийся от идола, и камни начинают расти. Как бесформенная, легкая, шевелящаяся масса приближается к отважным влюбленным. Рокомо не покидает любимую. В своих объятиях он охраняет ее от надвигающегося бедствия, но все напрасно. Разъяренная пена быстро подползает к ним и, едва прикоснувшись, убивает.

Я смотрел на Юсгора и представлял его на месте красивого и сильного Рокомо, видел, как он, тоже сын паутоанского народа, гордо и смело защищает любимую от разбушевавшейся стихии. Да, казалось, Юсгор сам был в ту грозную ночь в таинственном храме — так живо он описал случившееся сотни лет назад.

— Представляете, Алеша, — продолжал Юсгор, — вдруг наступает тишина и, быть может, в ней предсмертный крик Рокомо и Лавумы. Ста-

рый жрец, услышав крик, увидев поверженного бога, падает ниц перед курящимся фимиамом и уже больше не в силах отойти от курильницы. Сквозь причудливую дымку он видит, как застыли Рокомо и Лавума, как подползает к деревьям растущее божество и деревья каменеют. Все заполняется движущейся массой, которая в отсветах зарниц и пламени жертвенника кажется то фиолетовой, то огненно-красной. Всюду возникают струи живого вещества, и только в том месте, где курится фимиам, где стелется благовонный дымок, нет всеподавляющего чудища. Наступает утро. Быстро светает. И когда из-за океана показывается краешек солнца, к святилищу осмеливаются подойти уцелевшие жрецы. Они видят разбитого идола, окаменевшую рощу, застывших, как статуи, двух молодых людей. Серо-зеленая с розоватыми от восходящего солнца бликами масса покрывает уже всю площадку перед храмом, и только у жертвенника, где верховный жрец все время поддерживал огонь, площадка остается чистой. Вы понимаете, Алеша, уже тогда, в те времена, человеческий разум встретился один на один с неведомой силой и победил!

Слишком много впечатлений сразу. Я не мог разобраться во всем, что так внезапно предложил

мне Юсгор. Я не был скептиком, но все же… Легенда, славословящая древних богов, мифические герои и карающее божество. Непривычно, уж очень нереально. Было соблазнительно, конечно, связать воедино находку нетленной ткани с мифом о Веке Созидания, но… Не увлекается ли Юсгор? Я припомнил все, что знал о нем, и сразу же подумал о его «жреческом» прошлом. А может быть, в нем каким-то причудливым способом сочетаются воззрения материалиста с мистическими представлениями паутоанских жрецов? Неужели неискоренимо впиталось в него жреческое учение, сказались все же годы, проведенные в школе храма Буатоо?

— Легенд, Юсгор, на свете немало, — начал я осторожно, — во многих из них ученые старались увидеть реалистическое начало, но вы ведь знаете, сколь часто эти попытки заканчивались неудачей. Все это впечатляет, разумеется, особенно когда вы так красочно описываете эти давние события… Вы художник, Юсгор, в вашем рассказе с такой убежденностью прозвучали слова об окаменевших Рокомо и Лавуме, о разгневанном божестве, о быстрорастущей серовато-зеленой массе, бушующей в отблесках восхода. Вы даже знаете, какого она была цвета! Можно подумать,

будто вы и впрямь верите во все это?

— Да, верю. И больше того, надеюсь, что в самом скором времени поверите и вы. Рокомо и Лавума — это исторические личности.

— Может быть, не могу оспаривать, но это еще не значит, что они были превращены Небесным Гостем в каменную статую!

— Выли, и именно Небесным Гостем. Этому есть доказательства. Вы сыронизировали, услышав, что цвет растущей массы я определил как серо-зеленый. Смотрите, — Юсгор поспешно полез в портфель и вынул из него деревянную коробочку, в которой лежала пористая, похожая на пемзу грязновато-зеленая масса.

— Что это?

— Останки Небесного Гостя.

Глава третья

Открытие профессора Вудрума

Кусок пенообразной твердой массы и сейчас лежит у меня на письменном столе. Он некрасив, бесформен, но как с ним много связано! Я

укрепил его на плитке полированного розового орлеца и люблю смотреть на него. Теперь уже много известно о легендарном Небесном Госте, и, вероятно, поэтому хочется узнать еще больше. Совсем иначе обстояло дело в то время, когда Юсгор приехал в Ленинград.

На карте мира уже не осталось «белых пятен», но их еще много в истории народов. Начиная с памятного вечера встречи с Юсгором я пустился в путешествие по огромному «белому пятну» в истории древнего Паутоо. Уже тогда я понимал, что путешествие будет долгим, беспокойным и не похожим ни на какое другое. И это привлекало особенно сильно, вероятно, потому, что все мы извечные странники, все несемся в мировом пространстве с непостижимой скоростью. Необходимость движения, по-видимому, у нас в крови. Отсюда всегдашнее стремление человека в неведомое, тяга к овладению пространством. Но начали мы с Юсгором с познания времени. Это удается пока только историкам, палеонтологам да археологам.

Общеизвестна формула: новое открывается, как правило, на стыке наук. Ожидавшие нас открытия расположились на стыке таких, казалось, далеких наук, как история и биохимия.

Биохимику Юсгору к моменту нашей встречи в Ленинграде пришлось стать серьезным историком. Предстояло и мне, тоже биохимику, глубже познакомиться с историей.

…Через несколько дней Юсгор выступил с докладом в ленинградском Институте космической химии. Здесь и завершился наш спор по поводу пришествия Небесного Гостя. Юсгор прочитал легенду о Рокомо и Лавуме, выдержки из привезенных им исторических документов и перешел к демонстрации экспонатов. Вначале присутствовавшие на совещании склонны были считать легенду чистейшим вымыслом и большинство не очень-то доверчиво относилось к утверждению, будто грязновато-зеленый кусок пористой пенной массы и есть вещественное доказательство пришествия Небесного Гостя. Когда споры стали особенно жаркими, Юсгор положил перед нами… руку Лавумы. Да, не больше не меньше как кисть руки легендарной героини.

На первый взгляд она не представляла ничего особенного, казалась обломком какой-то статуи. Поражало, правда, с каким удивительным мастерством была высечена из камня эта изящная женская рука, и довольно быстро возникло сомнение: из камня ли?

Мы поспешили вооружиться лупой. Обломок переходил из рук в руки. Дошла очередь и до меня. Я глянул и содрогнулся. На тыльной стороне кисти не только проступали чуть заметные выпуклости вен, но и различимы были мелкие складочки, поры. На ладони и пальцах можно было найти характерные линии, по которым криминалисты и хироманты — каждый по-своему — делают умозаключения. Никакому скульптору не могла прийти в голову мысль так скрупулезно изваять кисть руки, да никто из них, несомненно, и не мог бы создать ничего подобного.

Неужели вера паутоанцев в божество, превращавшее живых людей в каменные статуи, основана на фактах?!

Мы столпились у бинокулярной лупы. Юсгор поместил под ее объективами кисть таким образом, что мы могли рассмотреть сделанный на ней шлиф. Плотные кружочки костей, несколько менее плотный и более темный костный мозг внутри них; нервы, сухожилия, кровеносные сосуды… Юсгор подготовил микроскоп, и мы увидели клетки тканей, строение как бы застеклованного тела. Сомнений не оставалось: перед нами было не изваяние, а окаменевшая рука некогда жившего человека.

— Позвольте, позвольте! — вскричал профессор Мурзаров. — Да ведь это напоминает картину, которую мы видели под микроскопом, изучая нетленную ткань, найденную в Урашту! И здесь, и там клетки живых тканей прекрасно сохранили свою форму, хотя и подверглись в свое время воздействию какого-то могущественного и пока совершенно непонятного нам фактора. Судя по всему, оба эти явления как-то связаны, имеют одну и ту же причину. Возраст находок примерно одинаков. Не исключено, что в древнем Паутоо и в самом деле обладали секретом нетленности.

Это были первые слова признания правильности сделанных Юсгором выводов. Ханан Борисович, пожалуй, раньше нас всех непоколебимо уверовал в существование в древнем Паутоо Века Созидания.

Обсуждения доклада в общепринятом смысле этого слова не получилось. Совещание это скорее походило на бурную студенческую сходку, чем на солидное академическое обсуждение вопроса. Всем не терпелось узнать о паутоанской тайне как можно больше. Прежде всего возник вопрос, кем и когда были добыты экспонаты.

— Это сделал русский ученый Иван Александрович Вудрум в 1914 году, — ответил Юсгор.

Мы возвращались из института пешком. Говорили о далеких островах Южных морей, намечали волнующие планы предстоящих исследований. Решением, принятым дирекцией института, Юсгор был доволен только отчасти. Он понимал, что некоторая настороженность, сквозившая в этом решении, оправданна, и все же выказывал нетерпение.

— Алеша, меня беспокоит вот что. Планом предусмотрено провести совместные работы по изучению наследия Вудрума. Это правильно, конечно. Именно здесь, где Иван Александрович начал свои работы, в городе, откуда он отправился в свою экспедицию, и надо постараться найти как можно больше материалов о его открытии. Но этого, я считаю, недостаточно. Необходимо уже сейчас и побыстрее развернуть экспериментальные работы, а у нас, в Паутоанском университете, не хватает специалистов, оборудования, средств.

— Не все сразу, Юсгор. С вашим приездом появилось уж очень много неожиданного, необычайного. Надо, чтобы люди освоились со всем этим. Я убежден, Юсгор, Паутоанскому университету будет оказана самая разнообразная и

деятельная помощь.

— Ее воспримут у нас с величайшей благодарностью, Алеша. Мы очень надеемся на поддержку Советского Союза и хотим работать именно с вашими научными учреждениями, особенно теперь, когда мы так обеспокоены усиленным интересом, проявляемым в метрополии к паутоанской тайне.

— Для меня это ново.

— А это именно так.

— Странно, поскольку я знаю, профессор Мурзаров — а он самым внимательным образом следит за литературой — не обнаружил ничего для себя утешительного. Ведь если правильны ваши предположения и есть люди, заинтересовавшиеся паутоанской загадкой, в печати должны были появиться какие-то публикации.

— А они проявили интерес несколько своеобразно. Именно поэтому я не упомянул о них в официальном сообщении. Помните, я говорил вам о Фурне?

— Это господин, которого вы подозреваете в краже нетленной ткани?

— Да, да. О нем. Этот человек, помяните мои слова, доставит нам немало хлопот. Он работает на Отэна Карта.

— Юсгор, я понятия не имею и о том, кто такой Карт.

— О, простите, Алеша. Я сваливаю на вас массу неизвестных имен, фактов. Давайте сядем.

— А может быть, поедем ко мне, выпьем по чашечке кофе?

— Спасибо, Алеша. Как всегда, мне очень приятно ваше приглашение, но сейчас… Я так возбужден. Голова кружится при мысли о том, какие мы дела теперь сможем начать… Хочется побыть у реки. Мне так хорошо здесь. Какой простор! — Юсгор облокотился о гранитный парапет и долго смотрел вдоль Невы, одетой в сверкающее ожерелье ярких зеленоватых огней. — Катерок. Такой запоздалый. Куда он спешит? Освещенный и совсем пустой. Вам не бывает жутковато, когда вы смотрите на темные, суровые волны Невы? Москва-река какая-то ручная, почти ненастоящая, а вот Матуан… Опять имя собственное — и вы будете сердиться.

— Не буду. Матуан я помню из ваших рассказов. Это Нева столицы Паутоо Макими.

— Да, и вы ее скоро увидите, Алеша! Мы поедем с вами в Макими, и вы увидите океан.

— Вы неисправимый мечтатель, Юсгор.

— Мечтать — это плохо?

— Это всегда хорошо!

Мы потихоньку пошли вдоль набережной, и Юсгор продолжил свой рассказ.

— Итак, Отэн Карт. Это конкурент Нума Ченснеппа. Обе фирмы сейчас развернули работы по получению силициевых каучуков, материалов с новыми свойствами, оставляющими далеко позади все, что раньше делалось в области органического синтеза. Отсюда понятен интерес Ченснеппа к силициевой загадке древнего Паутоо. Интерес этот уже имеет свою историю. Отец Нума Ченснеппа, Гун Ченснепп, владел практически всеми плантациями каучука на островах Паутоо, несколькими заводами в метрополии. Чьи бы то ни было интересы на Паутоо были его интересами. Силициевой загадкой Паутоо люди Гуна Ченснеппа начали заниматься еще в начале века.

— Вот как?!

— Да, Алеша, старый Ченснепп уже тогда чуял, что древняя паутоанская тайна стоит того, чтобы потратить время и средства. Добраться нам до материалов, имеющихся в метрополии, трудно. Почти невозможно. Да это, пожалуй, и не потребуется. Изучая материалы экспедиции Вудрума, мы узнаем многое. Может быть, даже все, что нам

необходимо. Очень хочется думать, что сможем, сумеем разобраться во всей этой истории. Ведь это не только увлекательно, но и нужно. Вы не прочь окунуться в архивы, начать восстанавливать документы прошлого, разыскивать людей, когда-то занимавшихся всем этим?

— Не так-то легко стать историком.

— Зато чертовски интересно. Только здесь, в Ленинграде, можно восстановить утерянное, вскрыть то, что упорно замалчивают ченснеппы. Думаю, нам удастся раскопать многое недостающее для решения силициевой загадки, достать такое, чего нет у Ченснеппа. В руки его отца попало кое-что из добытого экспедицией, однако воспользоваться этим ему не пришлось. Началась первая мировая война, в Европе было не до тайн далекого Паутоо, а через несколько лет Гун Ченснепп умер.

Его сын, Нум, унаследовал плантации, заводы. Плантаций, правда, поубавилось: у нас, в свободном Паутоо, уже почти завершена национализация земель, но у Нума Ченснеппа сохранились обширные владения в Западном Паутоо, а вы знаете, что там еще властвует метрополия. Ченснепп умен, изобретателен и властолюбив. Он не может и не хочет примириться с независимостью Пау-

тоо. Все, что исходит не от него, им не признается, что не подвластно ему, им отвергается. Он достаточно современен, чтобы понять, как устарели методы его отца и ему подобных, удерживавших национальные богатства паутоанцев силой оружия, и достаточно энергичен, чтобы изыскивать новые методы. Насколько я понимаю, девиз Ченснеппа — «владеть это распоряжаться».

В свободном Паутоо Нуму Ченснеппу сейчас не принадлежит практически ничего, но на архипелаге его влияние продолжает сказываться во всем. Он не только поддерживает, но и расширяет сферы своего влияния, не упуская ничего. Искусство, наука, печать, религия, не говоря уже о банках и промышленности, так или иначе находятся под его контролем, незаметно направляются его людьми. Вот и силициевой загадкой Ченснепп занимается уже много лет. Вернее, не он, конечно, а профессор Асквит, который сумел привлечь к этому нашего крупного ученого профессора Куана Родбара. Ченснепп оборудовал превосходные лаборатории, но что делается в них — нам пока неизвестно.

— Теперь мне ясно, почему Мурзаров не нашел ничего в литературе.

— И не найдет. По крайней мере до тех пор,

пока… Я убежден: силициевая тайна привлекательна и опасна. Надо сделать все возможное, чтобы она не попала в руки людей, которые употребят ее во зло. Прав был Вудрум. Он сделал все возможное, чтобы его открытие не досталось…

Юсгор замолчал. Я думал, что он подыскивает нужное слово, хотел помочь ему, подсказать, но дело, оказывается, было в другом. Увидев зеленый огонек, приближавшийся к нам со стороны набережной Кутузова, Юсгор, яростно жестикулируя, закричал:

— Такси! Такси! — Машина, противно визжа тормозами, остановилась возле нас. — Алеша, поехали!

— Куда?

— В порт.

— Ночью? Зачем?

— Алеша, я не могу. Я стоял и смотрел туда… Смотрел, где море… Вспомнил записи, дневники… Как это было интересно. Ведь именно отсюда к нам на Паутоо уходил пароход с экспедицией Вудрума… Ну, пожалуйста, ну поехали!

Мы вскочили в такси и помчались в порт. В порт нас не пустили. Но море было совсем рядом. Где-то здесь, неподалеку, пирс, от которого отвалил пароход с экспедицией. Вот по этим же

камням проезжали пролетки, подвозя к порту отважных исследователей… Впоследствии мы несколько раз приезжали в порт, ознакомились с его историей, представили себе обстановку, в которой осенью 1913 года происходил отъезд экспедиции, но это уже были другие, деловые визиты. Они не впечатляли так, как тот первый, ночной, когда Юсгор, переполненный впечатлениями дня, успехом доклада, планами на будущее, и в самом деле должен был получить какую-то разрядку. Тогда он только подержался за железные прутья ворот, всматриваясь в темноту, жадно вдыхая влажный морозный воздух, и был, кажется, очень счастлив. Во всяком случае, он часто потом вспоминал эту бестолковую, но очень понравившуюся ему поездку.

Больше трех месяцев Мурзаров, Юсгор и я все свободное время посвящали поискам материалов, так или иначе связанных с Вудрумом, его семьей, друзьями, учеными, с которыми он вел переписку. Сперва я никак не мог понять Ханана Борисовича. Мне представлялось пустой тратой времени его стремление расширить круг наших изысканий, выкапывать такие документы, кото-

рые, на мой взгляд, не имели прямого отношения к интересующему вопросу.

Сложность стоявшей перед нами задачи была в том, что Иван Александрович Вудрум не успел закончить работу, не свел накопленные материалы и соображения в единый труд. Сделанные им выводы были настолько смелы и так опережали взгляды современников, что публикацию их он считал преждевременной и даже невозможной. Достаточно представить себе состояние науки в дореволюционной России, чтобы понять, в каком положении находился ученый, выдвинувший подобную догадку. В письме к своему учителю и другу знаменитому ученому Парсету Иван Александрович писал: «Едва я намекнул о своих предположениях, как встретил не только непонимание, но и осмеяние хулителями самого различного толка и расцветки. Выпады их были столь резки, что некоторые, почитавшие себя умнейшими, договорились до необходимости самым добросовестным образом поисследовать мои умственные способности».

Сколько иронии и вместе с тем горечи в этих словах талантливого ученого, не нашедшего не только сочувствия, но и элементарного понимания. Неопубликованные материалы Вудрума

дошли до нас в виде рабочих тетрадей и черновых набросков к докладу в Академии наук. Доклад этот он так и не решился прочитать. Он считал более целесообразным сделать его по возвращении из новой экспедиции на Паутоо.

Впервые на острова Паутоо Иван Александрович попал в 1891 году и пробыл там несколько лет, участвуя в работах голландской экспедиции Арнса Парсета. Вернувшись на родину, он принимается за обработку накопленных материалов, издает свои интересные историко-этнографические труды о Паутоо и паутоанцах, вскоре получает звание и должность профессора в Петербургском университете, но ни в своих трудах, ни в лекциях почему-то не упоминает о находке, которая по существу определила всю его дальнейшую жизнь.

Долго мы не могли установить, с чего началась работа Ивана Александровича над разгадкой тайны древнего Паутоо, что натолкнуло его на эту тайну. Вот здесь и сказалась обстоятельность Ханана Борисовича, стремившегося к исчерпывающей полноте списка людей, когда-либо общавшихся с Вудрумом. Нам удалось разыскать письмо Ивана Александровича, адресованное его университетскому товарищу, также путе-

шествовавшему по островам Южных морей. В этом письме Вудрум картинно, с еще юношеским задором и радостью описывает заброшенный сотни лет назад маленький храм в джунглях и свою удивительную находку — уникальный обрядовый сосуд тонкой художественной работы. Сосуд этот не был высечен из камня, как это можно было предположить, а изготовлен наподобие плетеных корзин из стеблей и листьев растений, которые каким-то неведомым способом были превращены в камень и сохранили естественную окраску. Более внимательное изучение показало, что окаменение сосуда произошло в результате жизнедеятельности каких-то организмов, содержащих огромное количество кремния; они заполнили все клетки растений и почему-то погибли. Этот вывод навсегда лишил покоя ученого. Он решил во что бы то ни стало понять, что это за неведомые существа и почему найденный предмет оказался единственным.

Изучение черновых записей и рабочих тетрадей Вудрума доставляло ни с чем не сравнимое наслаждение. От первой робкой записи до ошеломляющего своей смелостью окончательного

вывода следили мы за ходом мысли ученого, неустанно искавшего решение задачи. Вначале заметки были отрывочны. Видно было, что, ведя большую работу в университете и географическом обществе, он только изредка мог заниматься решением столь волновавшей его проблемы.

В тетрадях, относящихся к 1896–1898 годам, Иван Александрович вновь и вновь обращается к историческим документам Паутоо в надежде найти хотя бы какое-нибудь упоминание о предметах, подобных найденному им сосуду.

И вот пришло принципиальное решение. Исполненная ликования запись на полстранички, датированная 30 июня 1898 года, и подчеркнутый красным карандашом вывод: легенда о Рокомо и Лавуме — вот ключ ко всему!

Иван Александрович спешит поделиться радостной новостью с Парсетом. Из письма видно, как много труда отдал Вудрум изучению и расшифровке легенды. Стараясь отбросить все мистическое, наносное, добавлявшееся из века в век, он стремится доказать, что в первооснове легенды лежат события, действительно имевшие место в истории древнего Паутоо.

«Легенда вплелась в историю», — вспоминает Иван Александрович слова Виктора Гюго, пони-

мая, что сосуд — это лишь капля в море загадок, которыми полна древняя история островов Паутоо.

К сожалению, до нас дошли далеко не все письма Парсета, однако, изучая сохранившиеся, можно сделать вывод, что даже Арнс Парсет, задолго до Вудрума знавший о легенде, не сразу понял русского ученого.

«Теперь я на правильном пути, — писал Иван Александрович 5 августа 1898 года, — *переброшен мост: сосудик — легенда. Есть ниточка, связывающая эти с трудом добравшиеся до нашего времени сигналы древности, и наша задача укрепить эту ниточку, превратить ее в прочный канат, познать, наконец, что же произошло много веков назад на островах Паутоо. Радость познания! Что может сравниться с этим прекрасным чувством? Поверьте, дорогой Парсет, я очень далек от того, чтобы обольщать себя надеждами необоснованными, но, мне кажется, я уже близок к решению главной задачи. Да, вы правы, современная наука, базирующаяся на объективном анализе фактов, не в состоянии еще объяснить всего, что утверждает легенда, поэтически воспевающая паутоанский Век Созидания. Но почему? Я наберусь смелости и отвечу*

вам: наука еще бессильна и легенда творилась не для нашей науки. Однако, согласитесь, людям, создававшим ее, были свойственны пытливость и дух дерзания. В легенде огонь поэзии, преклонение перед прекрасным, силой и тайнами природы и вместе с тем большая гордость могуществом разума и красотой побуждений человека. В легенде я улавливаю какую-то покоряющую подлинность, которой не могло коснуться время.

Вы пишете, дорогой Парсет, что легенда не исторична. Думаю, вы правы лишь постольку, поскольку она не выглядит историчной. Собственно говоря, мы очень мало знаем о прошлом человечества, так как история — это ложь. Да, ложь, быть может, самая благовидная из всех оттенков лжи, но все же ложь, ибо всякая история писана с чьей-либо точки зрения. Мы не всегда можем уловить, когда действительно менялись исторические события, а когда менялись взгляды на них. История пришествия Небесного Гостя, паутоанского Века Созидания написана с точки зрения жрецов, последователей легендарного Раомара. Убежден, совершенно убежден, что нам, стоящим на пороге XX века, надо суметь взглянуть на этот отрезок истории с нашей, реалистической точки зрения».

Сейчас уже трудно проследить за всей перепиской между Вудрумом и Парсетом, но все же видно, как Парсет постепенно начинает разделять точку зрения русского ученого, а вскоре становится непоколебимым сторонником его гипотезы.

Последняя тетрадь за 1901 год заполнена данными микробиологических исследований окаменевших существ. Что это были за существа, откуда они появились на Паутоо, почему исчезли — вот что занимало в то время ученого.

Затем следует значительный перерыв в записях. Видимо, все попытки решить эту загадку кончались неудачей.

Тетрадь за 1904 год: *«Загадочные организмы, приведшие к окаменению сосуда, принципиально отличаются от всех известных науке живых существ».*

В этой тетради самые подробные выписки о глубоководных кремниевых губках с иглами, образующими красивые сплетения, похожие на стеклянные кружева; о попадающихся в силурийских отложениях радиоляриях, имеющих кремниевый скелет; о содержании кремния — силиция в бамбуке, в междоузлиях которого образуются конкреции, на девяносто девять

процентов состоящие из кремнезема; о силиции в кукурузе, овсе, ячмене и табаках; о жгутиках крапивы, по составу совершенно аналогичных со стеклом. В земной природе не так уж мало организмов, содержащих силиций, но они не похожи на те, что вызвали окаменение обрядового сосуда, нет! Шаг за шагом прослеживает Вудрум, какую же роль играет силиций в жизнедеятельности организмов, изучает процессы силициевого обмена и его влияние на физиологию растений и животных, а с выходом в свет работы профессора колледжа в Нотингеме Фредерика Стенли Киплинга углубляется в изучение кремнеорганических соединений.

Характерны записи за март 1904 года.

«Аналогия между кремнием — силицием и углеродом проявляется в том, что их предельные

соединения с водородом, хлором и кислородом имеют одинаковое строение...» «У силиция, как и у углерода, ясно выражена тенденция к полимеризации, к образованию соединений с несколькими атомами силиция в частице...» «Из обзора главнейших классов кремнеорганических соединений видно, как велика аналогия между соединениями углерода и силиция...» «Существуют соединения силиция, не только построенные по одному и тому же типу и обладающие сходными формулами с аналогичными соединениями углерода, но и во многих случаях чрезвычайно близкие по химическим и физическим свойствам...»

И наконец, такие записи:

«Силиций, так же как углерод, способен давать огромное количество различных соединений. Две и четыре валентные связи... Атомы силиция, так же как и углерода, способны соединяться в длинные цепочки...» «Они должны давать соединения, подобные углеродистым, так называемым органическим. Должны! А если так, то почему не допустить, что в каких-то условиях эти соединения становились все сложнее и сложнее (как это происходило на нашей планете с углеродистыми соединениями) и наконец образовались вещества типа белков, приведших к зарождению силицие-

вой жизни?»

Велика была прозорливость ученого, уже в те времена предвидевшего бурное развитие кремнеорганической химии. Вудрум был прав: силиций дает сложнейшие органические соединения. Как был бы он рад, узнав, что в наше время в практической жизни уже применяются кремнеорганические лаки и смолы, пластмассы и эластомеры, клеи, теплоносители и, самое главное, силициевые каучуки, имеющие сложную органическую структуру!

Иван Александрович Вудрум, не зная всего этого, уже шел дальше. В черновых материалах доклада Академии наук (октябрь 1906 г.) мы читаем:

«Жизнь может возникнуть во Вселенной везде, где для этого есть необходимые и достаточные условия».

Положение совершенно верное. На нашей планете эти условия-были особенно благоприятны для появления такой жизни, единственным носителем которой являются углеродистые белковые соединения. Для возникновения белковых веществ необходимы определенная, колеблющаяся в очень узких пределах температура, обилие влаги, наличие плотной атмосферы и

т. д. Но нетрудно представить себе, что жизнь существует и в совершенно иных, отличных от земных условиях, выливается в необычайные, непривычные для нас формы, например формы силициевой жизни. Для зарождения кремниевых белков, для развития силициевой жизни не потребовалось столь исключительных условий, как для зарождения жизни углеродистой.

«Миры Вселенной, вероятно, населены силициевой жизнью в несравненно большей степени, чем углеродистой!»

Какая смелая и увлекающая догадка![8]

Ведь действительно можно предположить, что условия, при которых могла возникнуть силициевая жизнь, более суровы, чем те, какие понадобились для зарождения углеродистой жизни на Земле. Гипотеза о существовании силициевой жизни разрешит многолетний спор ученых о наличии жизни в суровых (с нашей, земной точки зрения) условиях Марса, да и не только Марса. Ведь и, в самом деле, там, где углеродистая

---

[8] notes: 8

На пятьдесят лет позже И. А. Вудрума примерно ту же мысль высказал Г. Спенсер Джонс (1946 г.): «Можно представить себе существа, у которых клетки тел содержат силиций вместо углерода… Можно представить себе также, что в силу разницы в составе этих клеток и клеток, из которых построен весь животный и растительный мир на Земле, те существа могут жить при столь высоких температурах, какие не в состоянии вынести ни один вид жизни на Земле».

жизнь влачит лишь жалкое существование, возможен бурный расцвет жизни силициевой.

Но даже такое опережающее взгляды современников Вудрума предположение еще не объясняло тайну древнего Паутоо и, главное, требовало подтверждений, доказательств. Если допустить, что в легендарном Веке Созидания и была на островах Паутоо известна силициевая жизнь, то предстояло ответить на множество вопросов: как она появилась, почему развилась именно на этих островах, почему только в полумифическом княжестве Себату она способствовала расцвету невиданной культуры и почему эта культура не стала достоянием если не всего человечества, то по крайней мере какой-то большой группы стран? А для этого, считал Вудрум, нужно главное — нужна хорошо оснащенная научная экспедиция на острова Паутоо.

Глава четвёртая

●

Встреча с Парсетом

Готовил экспедицию Иван Александрович

долго, трудно и во многом, как оказалось впоследствии, неудачно. Об этом периоде его жизни нам удалось собрать не так уж много сведений. Объясняется это не только тем, что Вудрум был человеком скромным, осмотрительным, он не спешил афишировать сделанные выводы, считая совершенно обязательным сперва подкрепить их вескими доказательствами.

Причин, приведших к неудачам, было много. Главная из них — полное непонимание большинства его идей, настороженное, если не сказать враждебное, отношение «официальной науки» царской России. Мы с Мурзаровым просмотрели все русские газеты и журналы за октябрь 1913 года и нигде не нашли ни строчки о том, что 21 октября из Петербурга отправилась на острова Паутоо экспедиция, возглавляемая русским ученым.

Ненамного лучше обстоит дело с памятью о Вудруме и в наше время. Силициевой проблеме теперь уже посвящены сотни книг, тысячи статей, а о замечательном исследователе, о его учениках и помощниках упоминается вскользь, довольно необъективно, а зачастую и с искажением фактов.

Мы с Мурзаровым и Юсгором считали своим

долгом исправить это положение и изысканием исторических материалов о Вудруме занимались как можно тщательнее.

В своей работе мы не удовольствовались только архивным материалом. Мы разыскали всех еще оставшихся в живых, кто знал Вудрума, его соратников, близких. Мы побывали в квартире на Васильевском острове, где со дня рождения и до отъезда в свою последнюю экспедицию жил Иван Александрович; собрали все уцелевшие вещи, которыми он пользовался, все оставшиеся после него письма, дневники, черновые наброски, заметки, зарисовки, фотоснимки, книги, с которыми он работал. Мы вошли в его время. На крыльях воображения мы перенеслись в Петербург начала века, на крыльях реактивного самолета на Паутоо (Юсгор был прав; я увидел океан!), и теперь… Теперь довольно полно представляем все, что произошло в то время.

Огромных усилий стоила Вудруму организация экспедиции, в которой надо было провести подводные археологические раскопки; предстояло столкнуться с враждебными силами, стоящими на страже древней тайны. Из писем Парсету вид-

но, как Иван Александрович бился в то время над главной задачей — «где достать средства». Парсет к этому времени всячески поддерживал Вудрума. Он, конечно, не был исключением. В России у Вудрума тоже нашлись друзья и помощники. Самыми преданными и увлекающимися, как всегда, оказались самые молодые. Они, понятно, не могли изменить того отношения, которое складывалось в официальных кругах к затеваемой беспокойным ученым экспедиции, но они давали много. Большинство из них предлагали свои услуги, свои маленькие сбережения. Непохожими путями пришли они в экспедицию; столкнувшись с необыденным, никто из них не остался равнодушным, все разделили трудности и судьбу своего наставника и старшего товарища. Мы увидели из путевых дневников Ивана Александровича Вудрума, как он ценил этих преданных науке молодых ученых, как заботливо, по-отечески относился к ним. Мы узнали из его записей многое о нем самом, человеке, прожившем жизнь младенцем и мудрецом, удивительно умевшем сочетать в себе пренебрежение к житейским трудностям с деловитостью.

Несколько слов о дневниках и переписке Ивана Александровича. В наше время, время больших

скоростей, всепланетно налаженной радио- и телесвязи, все реже встречаются случаи, когда дневники, а особенно переписка были бы обстоятельными, порой поднимались до стиля и образности художественного произведения. Но еще сравнительно недавно было иначе. Вудрум оставил обширное эпистолярное наследство. Ну а что касается его путевых дневников, то они, на мой взгляд, просто великолепны. В них настолько полно, подчас скульптурно выписано происходившее, что, читая их, сопереживаешь события, видишь и чувствуешь людей, принимавших участие в этих событиях. К сожалению, объем записок о Сиреневом Кристалле не дает мне возможности привести эти дневники полностью. Я постараюсь пользоваться ими как можно шире, но вместе с тем вынужден буду иногда прибегать и к простому пересказу материала, к сокращенному описанию событий и характеров людей.

Немного о людях, совершивших с Вудрумом путешествие на Паутоо. Из России экспедиция отправилась в составе всего лишь пяти человек. Это был основной костяк. Вудрум рассчитывал пополнить ее двумя водолазами, а рабочую силу, необходимую при раскопках и для обслуживания, набрать на месте.

Своим помощником Вудрум сделал Николая Николаевича Плотникова. Этнограф и географ, он еще студентом с группой ученых совершил путешествие в Юго-Восточную Азию, собрал там интересный материал, опубликованный впоследствии в «Известиях императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Будучи учеником профессора Вудрума, он специализировался по истории народов Паутоо и, по мере того как Иван Александрович развивал свою теорию происхождения силициевой жизни, становился все более и более приверженным сторонником его гипотезы. Биологом экспедиции стал молодой ученый, уже несколько лет сотрудничавший с Вудрумом, Серафим Петрович Очаковский. В качестве «хозяина» экспедиции был приглашен отставной моряк, мастер на все руки, добрейший человек Василий Афанасьевич Жерднев.

Сложные обстоятельства привели в экспедицию сына профессора Вудрума Александра. Из сохранившейся переписки видно, как мать Александра, Наталья Сергеевна Вудрум, всеми силами противилась тому, чтобы он ехал вместе с отцом. Мягкий, уступчивый, судя по всему не очень умевший вникать в дела повседневные,

житейские, Иван Александрович в этом случае был непреклонен. Ни один из документов не подтверждает, что Александр сам хотел принять участие в намечавшихся исследованиях или стремился в экзотические страны. Молодой Вудрум всего за два года до отъезда на Паутоо окончил Петербургский университет и к моменту сформирования группы еще не имел такого опыта, каким располагали остальные члены экспедиции. Однако рассудительный и далеко не опрометчивый Вудрум все же настоял на том, чтобы сын принял участие в нелегком, если не сказать рискованном, походе.

Итак, экспедиция была наконец сколочена. Многолетние усилия Ивана Александровича Вудрума, казалось, увенчались на этом этапе успехом: настал день отплытия. Кто же, как не он сам, лучше всего может рассказать о первых днях путешествия?

Откроем его дневник:

«3 (21) ноября 1913 года.

Борт парохода «Азалия».

Счастливый, утомительный и очень тревож-

ный день — сегодня мы покинули родной берег. Сколько лет я ждал этого дня, стремясь к своей цели! И вот он пришел. Осенний петербургский день, холодный, ветреный, полный предотъездных забот и волнений.

Пароход отходил в два часа пополудни, но мы с Александром приехали в порт к девяти утра. Николай Николаевич был уже там и хлопотал о погрузке нашего объемистого имущества.

К отъезду мы готовились долго, много вечеров проводя над составлением списков всего потребного, продумывая все до мелочей. Несколько раз даже откладывали сроки отплытия. Однако, чем больше мы делали, тем больше оставалось незаконченного, а в последние дни дел накопилось столько, что казалось: «Азалия» и на этот раз отойдет без нас. Уже в порту Александр вспомнил о невыкупленном заказе в книжном магазине Риккера и, взяв извозчика, помчался в город. Ко всем тревогам прибавилась еще одна: не опоздал бы сын к пароходу.

Не все было улажено с погрузкой, а уже стали подъезжать с семьями и близкими наши сотоварищи по путешествию. Приехала Натали с матерью, а Александра не было. К часу дня народу набралось порядочно, и у меня защемило сердце:

сколько людей вверяли мне свою судьбу! Сколько близких будут ждать, волноваться, молиться!

Мы, разумеется, никакого шума вокруг наших планов путешествия не поднимали, о намерениях наших специально никого не оповещали, и все же провожающих набралось больше, чем можно было ожидать. Кроме родных и близких приехали многие знакомые, друзья и просто люди, тепло относящиеся к задуманному предприятию. Это было приятно, но я никак не мог понять, почему Николая Николаевича совершенно искренне огорчало отсутствие корреспондентов.

Во втором часу наконец приехал Александр и с ним большая компания молодых людей, часто бывавших у нас в доме. Судя по их виду и настроению, отъезд Александра они успели отметить достаточно весело, да и книг от Риккера он так и не привез.

Густые, низкие гудки парохода застали нас врасплох: последний час промелькнул незаметно. Незаметно же стали отдаляться от борта берег, приветливые, добрые и грустные лица провожающих. Внезапно потемнело. Повалил снег. Крупный, все залепляющий мокрыми хлопьями. Как опустившийся занавес, он скрыл от нас и близких, и порт, и город.

Снег прекратился так же внезапно, как и начался. Проходя морской канал, мы обратили внимание, что значительно посветлело, и вскоре увидели лес мачт. Перед нами был Кронштадт. Никто не покидал палубы: прощание с Петербургом заканчивается не раньше чем скроются грозящие морю форты Павел и Александр и исчезнет из виду купол Андреевского собора.

Вскоре не стало видно Толбухина маяка. Мы оставили палубу и поспешили поудобнее расположиться в каютах.

...На протяжении двадцати лет почти не было дня, когда бы я не вспоминал своего первого путешествия на острова Паутоо. Вернувшись на родину, я не мог свыкнуться с мыслью, что я это видел и пережил. Долго казалось, будто грезится какой-то волшебный сон, от чарующих и волнительных впечатлений которого не мог, да и не хотел отделаться. И вот сейчас особенно сильно желание не только воскресить пережитое, но доставить эту ни с чем не сравнимую радость Александру, попытаться и других познакомить со своими впечатлениями и наблюдениями. Просматривая записи первой поездки теперь, уже глазами, ставшими на двадцать лет пристальнее, понимаешь, как много было видено

молодыми глазами, вспоминаешь, как сильно было чувствовано, и сознаешь, как мало и плохо было записано.

Удастся ли на этот раз записать лучше?

4

ноября 1913 года.

Ночь была трудной: «Азалию» изрядно швыряло. Утром, глядя в зеркало на свое позеленевшее лицо, я не без ехидства приговаривал: «Увы, ты сам этого хотел!» Больше всех измучился наш славный Серафим Петрович. Он весь день пролежал в каюте, проклиная море, меня и даже свою биологию, любовь к которой заставила его принять участие в нашей экспедиции. Я его ничем не мог утешить, памятуя, что и раскопки у нас будут подводные и базироваться мы будем на плавучих островках, которые тоже порядком покачивает у прибрежных рифов.

Как ни странно, Александр, никогда не отличавшийся здоровьем, чувствует себя превосходно.

К утру море несколько успокоилось. Еще на рассвете мы вышли из неприветливого в эту пору Финского залива, проводившего нас сырым и пронзительным ветром. Балтийское море, кажется, будет покладистее. Но сейчас оно черно (выходил

перед сном на палубу). Черно и на небе, сплошь одетом облаками. Как радостно встречать в этой черноте каждую светящуюся точку, зажженную рукой человека на рассеянных по пути банках и отмелях, будто провожают нас заботливые люди, намечая огнями безопасный путь, желая доброго странствования.

Огни судов попадаются редко, но радуют по-особенному: ведь корабли идут к нам, в Петербург, Гельсингфорс, Ревель!

Днем обогнули невысокий лесистый берег Даго и направились почти правильно на юг. Позади остался Дагеррортский маяк, похожий на судно, и вскоре мы ничего не видели, кроме волн и неба. Волны серые, тяжелые и быстрые. Они сердито сталкиваются друг с другом, подчас вздымаясь очень высоко, и бессильно падают, чтобы через мгновение снова столкнуться, вспениться. И так без конца. Сколько волн разных, то грозных, то ласковых, то иссиня-черных, то прозрачно-зеленоватых, нам еще предстоит увидеть, прежде чем мы войдем в спокойные воды Макими! Меньше трехсот миль отделяет нас от суровых и таких милых сердцу гранитных берегов Невы. Где-то совсем рядом остров Эзель, последние свои берега. Еще не открылась первая чужая земля, а кажет-

ся: родина покинута очень давно, невозвратимо. Нехорошее это чувство, нельзя поддаваться ему, памятуя, как много желанного и радостного ждет впереди.

5

ноября 1913 года

Погода установилась. Бывалые люди говорят, что в это время Балтика редко столь приветлива. На несколько минут проглянуло солнышко — и стало веселее. Даже Серафим Петрович, оправившись от морской болезни, вышел на палубу. Ветер утих, волны улеглись, и «Азалия» довольно бойко движется вперед. Если так пойдет и дальше, то сегодня к вечеру будем в Штеттине, завтра в Любеке, а в пятницу, смотришь, и в Амстердаме.

Очень обеспокоил меня разговор с Александром.

Разумеется, не следовало ожидать, что он изменит свое отношение к жизни тотчас же, как только мы ступим на борт «Азалии» и начнем увлекательное, многообещающее путешествие. Но все же… Собственно говоря, до сих пор меня не оставляют опасения, верным ли было решение взять его с собой. Может быть, права Натали, считавшая эту затею ненужной и даже опасной?

Но ведь так хочется встряхнуть его, вырвать из тепличного, искусственного мирка усталых чувств, неосуществленных и смутных желаний, душевной неудовлетворенности. Хочется предоставить его всем морским ветрам, столкнуть с трудностями и опасностями живого научного поиска, наконец, дать почувствовать, сколь привлекательна романтика открытий.

Недостает слов для описания чувств, заполнивших меня в ту минуту, когда я понял, что мы уже реально приближаемся к неизведанному. Как хорошо было бы заметить подобное в Александре, увидеть, что и его увлекает свежее дуновение предстоящего.

Да, пожалуй, ничего не изменилось в нем, если не считать какой-то беспокойной озабоченности, появившейся, может быть, в связи с тем, что покинуто привычное уютное тепло петербургской квартиры и надолго утрачена возможность болтать с эстетствующими шалопаями о «принципиальной непознаваемости мира».

Все мы, кроме Александра, который предпочитает оставаться в каюте, перечитывая Ницше, много времени проводим на палубе. Большинство из нас не впервые в море. Немало попутешествовал Николай Николаевич. Наш биолог Очаковский

несколько лет проработал в экспедициях на Средиземном море. А что касается Василия Афанасьевича, то он, будучи некогда моряком, пожалуй, больше всех нас побродил по белу свету. И кажется мне, что все они, не в пример больше, чем Александр, радуются далям, открывающимся перед нами.

Балтика в это время года сурова, неприветлива — серое низкое небо, серые короткие и быстрые волны и серые скалистые берега островов, часто попадающихся на нашем пути. Только и разнообразят картину башни и маяки на островах. Мимо некоторых проходим настолько близко, что ясно различаем маленькие рыбацкие деревушки с кирхами и ветряными мельницами. Они быстро остаются за кормой «Азалии», и нашим взорам открываются все новые пейзажи. Показались довольно высокие горы — это Готланд. Вдоль него мы идем долго, более трех часов. Но вот и он позади. За отвесной скалой Гоборга, на южной его оконечности, перед нами открытое море. Исчезнут из виду мрачные скалы Гоборга, и нам не увидать берегов до самого Борнгольма.

Вытащил на палубу Александра, ведь он никогда не видел открытого моря, и попробовал встряхнуть его, расшевелить, сбить с привыч-

ного минорного тона. Заговорил о временах, когда море казалось людям беспредельным и бездонным, о временах поэзии и чудесных приключений, когда на море смотрели как на нечто непонятное, как на волшебный мир, скрывающий неведомые страны. Увлекся и представил в рассказе, как сильна была мечта тех, кто в давние времена из этих седых и суровых волн выбирался на невиданный простор теплых, ласковых морей. Размечтался о предстоящем, еще скрытом для нас за многими морями. Александр слушал рассеянно, скептически улыбаясь, и наконец заявил, что я несовременный человек, неисправимый романтик, что пар и электричество давно уничтожили поэзию, а промышленность навсегда убила мечту. Мы идем, дескать, на теплоходе современной конструкции, по расписанию, точно знаем, куда и когда придем, ну а море... море не столь поэтично, сколь удобно. Александр охарактеризовал его, употребив известное изречение одного англичанина, как отличную дорогу, которая хотя и колеблется, но постоянно починяет самое себя. Что же касается открытий, которые нас ожидают, познаний, которыми мы должны обогатиться, то что они значат по сравнению с трудностью познать самого себя!

Да, как это ни прискорбно, Александр, видимо, принадлежит к числу безвременно и безмерно уставших молодых людей. Они слишком жадно и слишком поспешно впитали в себя все, что в наше время получали по каплям и за что платили дорого — тяжким трудом, свободой, а кое-кто и жизнью. Мы открывали для себя мир благоговейно, как сокровенное вместилище прекрасного и светлого. Каждая отвоеванная у жизни крупица познаний была восторженной находкой, с каждой такой крупицей в нас утверждалась вера в могущество и всесилие человеческого разума... Молодые люди, к кругу которых, к сожалению, относится и Александр, не только не пытливы, но и не любознательны. Быстро вобрав культуру, созданную предыдущими поколениями, они решили, что познали все, пресытились, утомились и теперь им не остается ничего, кроме самолюбования и «самопознания» (словечко-то какое нелепое!) — занятий по сути своей никчемных, а посему порождающих пессимизм, скепсис. Их чувства притуплены, им недостает простых, свежих впечатлений трезвого дня, их влечет надуманная ночь, мистика, заумь, жажда все более утонченных наслаждений. Отсюда рождается неудовлетворенность, подавленность, скорбь.

Как это противно!

6 ноября 1913 года.

Амстердам, отель «Виктория»

…Всей компанией поселились в отеле «Виктория», выходящем одной стороной на Дамрак, а другой — на набережную Принца Хендрика. Отель не из дешевых (комнаты от трех гульденов и выше), однако для нас чрезвычайно удобен: в двух шагах от Центрального вокзала, порта, нужных нам присутственных мест и магазинов и мы не издержим лишнего на извозчиков и таксомоторы, которые здесь дороги. Вообще, нужно сказать, Голландия принадлежит к наиболее дорогим странам Европы, однако посещают страну плотин, ветряных мельниц и тюльпанов довольно усердно. Сейчас сезон закончился и отели пустуют, но еще немало любителей попутешествовать наслаждаются своеобразной прелестью страны, люди которой пядь за пядью отвоевывали у моря клочки земли, утвердились на этой земле и создали из зыбкой трясины царство плодороднейшей почвы. Веками здесь велась борьба со стихией. Человек противостоял

воде, осушал почву, удачно избрал девизом для герба своей страны слова, характеризующие нравственную энергию ее обитателей: «Борюсь и выплываю!»

Впечатлений одного только дня, разумеется, недостаточно, чтобы составить сколько-нибудь полное представление о старинном и богатом городе. Однако и сейчас уж можно сказать, что Амстердам определенно хорош. Расположенный на девяноста двух островах, он, естественно, может считаться городом на воде. Бесчисленны лодки, плывущие по его улицам-каналам, вдоль которых над тихой темной водой склонились густые кроны лип и вязов; множество изящных мостиков перекинуто через каналы; теснятся узкие высокие дома, построенные из кирпича и черепицы, украшенные розовыми, белыми, нежно-сиреневыми и светло-коричневыми изразцами, островерхими башенками, медальонами, всевозможной лепкой. Все это поражает чистотой и опрятностью, свежо и сочно выделяется на белесоватом фоне неба, на котором нет-нет да и прорвется бледная лазурь, а когда вдруг луч солнца заиграет на чешуе вымытой дождем кровли или изразцах затейливой колоколенки, невольно восторгаешься поразительной игрой

красок, притушенной вечно влажным воздухом.

Но самое большое впечатление на впервые прибывшего в Амстердам производит перезвон колоколов, заполняющий город каждые четверть часа. На всех церквах, на ратуше, на бирже колокола вступают в чудесный хор. С каждой колоколенки несутся мелодичные звуки гимнов и песен. Звуки переплетаются и плывут над домами и каналами, создавая ощущение праздника, повторяющегося каждые пятнадцать минут. Сперва все твое внимание сосредоточивается на этой непривычной, но красивой пляске медно-серебряных звуков, однако постепенно, от часа к часу, привыкаешь к этому торжеству и вскоре кажется: прекратись этот хор — и жизнь города замрет.

Сегодня мы уже успели ознакомиться с городом. Закончив хлопоты по устройству в гостинице и по улаживанию в порту формальностей, касающихся нашего экспедиционного имущества, мы все часам к трем были свободны и отправились в кафе на Вормштаат, неподалеку от площади Старой кирхи, где, как нас уверил Василий Афанасьевич, кормят отлично по ценам вполне умеренным. Обед действительно оказался обильным, недорогим, и нам осталось только

лишний раз подивиться сметке и находчивости нашего отставного морячка, который, не зная языка, никогда не бывав ранее в Амстердаме, за несколько часов отлично сориентировался. На оставшееся до сна время не предвиделось никаких обязательных дел, и каждый из нас мог отдохнуть и поэкскурсировать, избрав для себя наиболее приятное направление. Вся наша компания разделилась на группы, видимо по принципу общности интересов, и, не теряя времени, разбрелась по Амстердаму…

Завтрашнего дня жду с нетерпением и трепетом — завтра поездка в загородный домик Парсета. Каким найду его? С ногами у него, наверное, настолько плохо, что он даже не смог приехать в порт к пароходу, хотя и намеревался нас встретить. Как примет, что посоветует? Очень нужно сейчас его умное, доброе напутственное слово, его благословение!

Завтра у Парсета, а послезавтра можно и в путь. Как раз в воскресенье днем «Лютцов» отходит в Сингапур…»

Вудрум тревожился не зря. Встреча с Парсетом изменила многое. Экспедиция застряла в Амстердаме почти на две недели, и думать об отплытии

на «Лютцове» в ближайшее воскресенье уже не приходилось.

В этот период Вудрумом написано особенно много. Кроме дневников письма жене, письма своему самому близкому другу и поверенному во всех делах в Петербурге Е. А. Евдокимову, а также Гуну Ченснеппу. Почти всю эту переписку удалось найти, и мы довольно хорошо представляем, что произошло в те дни в Амстердаме.

Рано утром 7 ноября Иван Александрович отправился к Парсету. Оставаясь верным своей привычке, он подробно описывает в дневнике путь, который проделал от «Виктории» до загородного дома, где жил на покое знаменитый ученый. Окрестности города, равнинные, несколько монотонные, какой-то добродушный покой и серьезность, царящие вокруг, настроили Ивана Александровича на лад умиротворенный и несколько приподнятый. Беспокойный Амстердам остался позади, приближался маленький, поразительно чистый и тихий поселок, окруженный зелеными польдерами с пасущимися коровами, каналами и мельницами, виднеющимися повсюду до самого горизонта. Кое-где среди равнины высятся ряды деревьев, чернеют канавы, наполненные поблескивающей водой.

Река, через которую перекинут мостик, течет мимо старинных городских ворот против основания невысокого холма. А над всем этим низкое, нависшее небо с разноцветными облаками; колорит всего простора то серо-сизый, то желтовато-розовый от чуть-чуть выглянувшего солнца. Невольно вспоминаются картины Рюйсдаля и Поттера. Вот и маленький, уютный, окруженный игрушечным садом домик с протертыми до блеска стеклами в темных полированных рамах. За окном — Парсет.

«Первое впечатление, — пишет Иван Александрович в своем письме жене, таково, — *будто Парсет категорически отказывается стариться. Все такой же огромный, добродушный, с маленькими изящными руками, выразительно дополняющими его неторопливую емкую речь. Он по-прежнему насмешлив, остроумен, и, знаешь, Натали, не глядя на то, что многолетнее сотрудничество придало нашим отношениям характер некой интимности, я в его присутствии все еще немножко робею, вернее, чувствую себя несколько смущенным».*

Радостными были только первые минуты встречи. Вскоре огорчения стали взаимными. Поговорив немного с Парсетом, Иван Александро-

вич понял, как глубоко несчастлив этот внешне, казалось, не изменившийся, увлекающийся, упрямый, чуть неуравновешенный и, однако, уже сломленный неизлечимым недугом человек.

— Прошло то время, дорогой Вудрум, когда жизнь мне казалась радостной, полной высокого смысла, надежд, когда я шел и земля пружинила подо мной. Помните, на Себарао? В ту ночь, когда с нами затеяла игрушки гроза? О, как это было хорошо! Двадцать лет прошло. Вы были тогда совсем молодым… Ну, ничего… Теперь пойдете вы с друзьями, с сыном, преисполненные больших надежд и благородных устремлений. К сожалению, без меня. Как бы мне хотелось разделить с вами трудности похода, но без ног… Без ног в поход не отправляются.

И все же Парсет присоединился к походу. Головой, сердцем. Его ум, талант, опыт, безраздельная любовь к науке — все это сейчас особенно нужно было Вудруму. Парсет начал с того, что самым подробным образом ознакомился с оснащением экспедиции, и пришел в искреннее отчаяние. Он возмущался с осторожностью профессионального ученого, тщательно взвешивающего каждое свое утверждение, но все же возмущался, не щадя самолюбия собеседника, заботясь только о

правильности даваемой оценки. Он, как никто другой, понимал Вудрума, зная, с каким трудом русскому ученому удалось собрать средства для своего смелого и опасного предприятия, но считал, что с подобным снаряжением и средствами отправляться на Паутоо слишком рискованно и, пожалуй, просто бессмысленно.

На другой день Вудрум приехал к Парсету с Плотниковым, привез (по требованию Парсета) всю документацию экспедиции. Втроем они сидели до поздней ночи, подсчитывая, прикидывая все возможности и пытаясь предусмотреть случайности, однако выходило так, что Парсет был прав: рисковать было слишком безрассудно. С этого дня Арнс Парсет начинает развивать бурную деятельность.

«Парсет беспощадно добр, — пишет Иван Александрович Евдокимову, — *вы понимаете, он, не задумываясь, не взвешивая, что произойдет вскоре с ним самим, готов вложить в наше ненадежное дело все свое маленькое состояние, все свои накопленные трудом ученого скромные средства. Я не хотел и слушать об этом, тем более что эта жертва может оказаться бессмысленной. Последнее время произошли события (мы о них не знали), изрядно меняющие наши пред-*

ставления о способах подводных археологических раскопок. На Средиземном море совсем недавно проведены работы, опыт которых доказывает, что намечавшиеся нами методы уже устарели и, более того, могут оказаться опасными для людей. Учитывая все это, следует специально хлопотать о приобретении в Германии новейшего водолазного снаряжения и нанимать водолазов-профессионалов, знакомых именно с этим оборудованием. Словом, все это повлечет издержки непосильные. Парсет согласился наконец, что даже наши совместные усилия будут недостаточны, и стал незамедлительно действовать по-другому. Вскоре у него начали появляться всякого рода дельцы и предприниматели.

Дорогой Елизар Алексеевич, как тяжело мне наблюдать все это, как тревожно за его здоровье, но ничего поделать я не могу. Парсет упорно решил добиться своего, составив себе убеждение, что в каких бы обстоятельствах я ни был, а довести до конца задуманное обязан. Несколько примиряет меня с этим то, что, занявшись устроением наших дел, он помолодел, воспрянул духом и весь отдался пристальной работе. Да, он не потерял еще охоты к деятельности и в результате, кажется, преуспел. Он решил меня

познакомить с неким господином Ширастом. Вы знаете, Парсет чуждается всякого преувеличения, резкости, всегда преисполнен любви и чуткого расположения к людям, умея видеть в них хорошее и радоваться, умея угадывать в них плохое, понимать и прощать. О господине Ширасте он говорит сдержанно. Насколько известно, это довольно толковый молодой ученый, происходящий из состоятельной семьи, владеющий, кажется, капиталом. За ним, собственно, не значится никаких особенных достоинств. Он давно, старательно, но без всякого блеска и заметных открытий занимается историей Паутоо. Парсет полагает, что он заинтересуется нашими начинаниями и, быть может, примет участие в финансировании экспедиции. Посмотрим. Положительно не знаю, как все это обернется. Трудно, Елизар Алексеевич, трудно, дорогой. Но что делать? Возвращаться в Питер? Я считаю это решительно невозможным. Днями Ширас должен приехать в Амстердам...»

Глава пятая

●

Господин Шираст

Настроение у членов маленькой группы было отвратительным. Вудрум всячески подбадривал своих сотрудников, однако это слабо помогало. Все понимали сложность создавшегося положения, не допуская и мысли о возвращении в Петербург. Плотников и Очаковский всячески убеждали Ивана Александровича решиться на поход с имеющимися средствами и оборудованием.

— Я очень уважаю старого Парсета, — говорил Николай Николаевич, — но думаю, это все западные штучки, Иван Александрович, поверьте мне. Здесь привыкли ко всяческому комфорту и не мыслят без сверхновых приспособлений консервную банку открыть. А список всего необходимого, предложенный господином Парсетом… Конечно, хорошо все иметь в изобилии и совершенстве, но… Обойдемся, Иван Александрович, управимся. Давайте рискнем!

Очаковский беспрерывно протирал пенсне, смущался больше обычного, но стоически поддерживал Плотникова. Василий Афанасьевич

чутьем бывалого и очень добросовестного человека понимал правоту Вудрума, высказываний, конечно, он никаких себе не позволял, а все свое добродушие и старание употреблял на то, чтобы в эти дни всем членам экспедиции было удобно и сытно.

Что касается Александра, то он меньше всех принимал участие в спорах и, казалось, не интересовался дальнейшей судьбой экспедиции, всецело посвятив себя изучению достопримечательностей города, главным образом… ночных. Накануне приезда Шираста Иван Александрович не на шутку обеспокоился, узнав, что, несмотря на четвертый час ночи, Александр не появлялся в отеле. Василий Афанасьевич, всегда знавший все и вся, смущенно заулыбался и сказал, что они все еще на Ворме-страат.

Отдых перед решающим днем был испорчен. Заснуть Иван Александрович так и не смог, оделся и вышел на Дамрак. Пройдя канал, он незаметно для самого себя очутился на Ворме-страат — одной из трущоб, расположенных в центре огромного портового города. Опутанная сетью темных, подозрительных переулков, она и в этот поздний час кишела народом, привлеченным сотней маленьких кафешантанов с кричащими

названиями: «Палас Индиана», «Эльдорадо», «Валгала», странными и весьма сомнительными заведениями, из которых неслись звуки органов, шарманок, оркестриков, гомон, крики и брань на всех языках и наречиях. Было странно, что здесь, в центре, совсем рядом с добропорядочными на вид, чинными и чистенькими улицами идет эта темная, буйная, стоном стонущая всю ночь жизнь… И где-то здесь в каком-то отвратительном вертепе Александр. Что с ним? Чего он ищет, на что надеется?.. Чужой, метущийся, непонятный…

Утром собрались у Парсета. Первое впечатление Шираст производил не очень приятное, настораживающее и вместе с тем незаурядное. *«Весь какой-то острый,* — писал Иван Александрович Евдокимову, — *не смотрит, а всматривается во все, щуря зеленоватые, узкие и чуть раскосые глаза. Мне никак не удается уловить его взгляд и понять, когда он искренен. Но едва заговорили о деле, лицо его стало умнее, значительнее, даже глаза потемнели и сделались не такими зелеными. Ну, да бог с ним, ничего не попишешь — люди бывают разными. Похоже, что он может быть полезен, а это сейчас главное. Деловит, несомненно. Толково и обстоятельно, выказав*

необходимые познания, знакомился с имеющимися у нас материалами...»

Ширaст с неожиданной готовностью принял смелую гипотезу Вудрума. Однако, разбираясь в ее отдельных положениях и знакомясь с дальнейшими планами русского ученого, он ничего не принимал на веру. Споря и размышляя, Ширaст старался вникнуть во все досконально и оценить объективно.

— Значит, вы предполагаете, господин профессор, что силициевая жизнь могла быть занесена на Землю из мирового пространства?

— Несомненно. Вы ведь знаете, что в некоторых метеоритах обнаружены вещества довольно сложного строения, по всей вероятности относящиеся к органическим. Я убежден, что, находясь в метеорите, могли попасть на нашу планету зародыши жизни, состоящей из силициевых соединений. Они не разрушились ни при высокой температуре, развившейся при вторжении метеорита в атмосферу, ни от холода Вселенной. Ну так вот, паутоанские предания относят пришествие Небесного Гостя к концу VIII — началу IX века нашей эры. Интересно, что и в старинных записях

китайцев, индийцев и княжества Чосон[9] встречаются упоминания о необыкновенном свечении неба, о пролетевшем, ярко светящемся теле. Даты, указанные в этих рукописях, совпадают с датой легендарного пришествия Небесного Гостя.

— Это очень убеждает, господин профессор. Действительно, если откинуть мистические представления древних паутоанцев, то можно считать, что именно в это время на какой-то остров Паутоо упал метеорит, которому они стали поклоняться. Но я никак не могу уловить связи между ним и найденным вами сосудом. Допустим, в нем могли быть какие-то зачатки силициевой жизни ваши микробиологические исследования впечатляют, но, может быть, это никак не связано с легендой, с Веком Созидания в княжестве Себату, которое до сих пор считается мифическим. Почему только один обрядовый сосудик сохранился от этого, очевидно, богатого событиями и произведениями материальной культуры времени?

— А я, — вступил в разговор Парсет, — считал и считаю, что раз сохранился хотя бы один предмет, то уже по нему ученый обязан восстановить

---

[9] notes: 9
Древняя Корея.

картину прошлого, ну и, конечно, постараться отыскать новые факты, подтверждающие его предположения.

— Но где?

— На дне моря, господин Ширaст, — ответил Вудрум. — Долго я не мог найти решения, и вот как-то, просматривая описание извержения вулкана Кракатау, которое произошло в 1883 году, я подумал: а что, если нечто подобное произошло и на Паутоо? Во время этого извержения, как вы знаете, исчезла большая часть острова Кракатау, оно сопровождалось выбросами мельчайшей вулканической пыли, которая поднялась высоко в атмосферу и разнеслась ветром на огромные расстояния. Вулканическая пыль вследствие незначительных размеров частиц, ее составляющих, годами держалась в воздухе. Небо приняло красноватый оттенок.

— О, я начинаю догадываться — «красные зори»! Вы считаете, что это оптическое явление должны были наблюдать за сотни миль от извержения?

— Совершенно верно. Это и подбодрило меня, натолкнуло на путь дальнейших поисков. Я опять обратился к старинным рукописям и, представьте, нашел в них записи о красных зо-

рях, наблюдавшихся в тридцатых годах XII века. Затем мне удалось установить, что в это время на Себату действительно произошло вулканическое извержение и в результате тектонического опускания почвы большая часть острова ушла под воду. Княжество Себату нельзя считать мифическим. Оно существовало и, по моему мнению, подобно Атлантиде было поглощено океаном.

— Допустим, что именно так погибла неведомая нам культура. Но до этого, в годы расцвета ее? Почему тогда не распространились силицированные предметы? Почему они до сих пор никем еще, кроме вас, не найдены?

— Пока, господин Шираст, пока не найдены. Больше того, кое-что, возможно, и было найдено, но не изучено как подобает. И именно потому, что при изучении находок не руководствовались гипотезой о силициевой жизни. Доказано будет ее существование, и, поверьте, находки последуют одна за другой.

— Итак, вы все объясняете катастрофой?

— Не только катастрофа покончила с Веком Созидания. Это был первый акт трагедии. Культура Паутоо во время могущества княжества Себату достигла большого, хотя и очень своеобразного, расцвета, и все же она была обречена. Культура

Века Созидания была понятна и любима только избранными, этакой «аристократией духа». После катастрофы уцелевшая кучка жрецов сосредоточила в своих руках все, что людям посчастливилось извлечь полезного из необычайной силициевой жизни, держала в глубочайшей тайне — вспомните египетских жрецов! — все способы управления созидательной силой, и это привело необыкновенную культуру к гибели. Социальные неурядицы, набеги соседних диких, еще не приобщенных к культуре Себату племен вконец сломили ее. У нее не было крепких корней в народе, она не стояла на Себату, как могучий баобаб, а цвела ярким изнеженным цветком. Нашествия кончились, но они уничтожили все на своем пути, и только немногие из числа посвященных в высшие таинства уцелели и сделали записи, видимо намереваясь оставить потомкам хотя бы какое-нибудь представление о Веке Созидания. По словам этих легенд и преданий я стараюсь воссоздать картины расцвета и гибели древней, не похожей ни на какую другую культуры.

Обсуждение продолжалось долго. Ширас согласился с планом Вудрума, собиравшегося организовать подводные раскопки у берегов

Себату. Увлечение его представлялось искренним, а энергия, с какой он взялся способствовать экспедиции, — обнадеживающей. Денег, однако, Ширaст не предложил, а посоветовал Вудруму обратиться к Гуну Ченснеппу, владельцу множества каучуковых плантаций на Паутоо. Такой оборот дела порядком смутил Вудрума. Парсет мрачнел, дулся, попыхивая трубочкой, а в отсутствие Шираста отпускал по его адресу меткие, притом не совсем лестные, словечки, но скрепя сердце все же пришел к выводу, что совет этот принять следует, особенно учитывая огромное влияние старого плантатора на Паутоо.

— Поверьте, господин профессор, — уговаривал Ширaст, — удастся вам заручиться поддержкой Гуна Ченснеппа, и перед экспедицией отворятся такие ворота, которые без этого будут закрыты наглухо.

Нам не удалось найти описания встречи Вудрума с Гуном Ченснеппом. По-видимому, Иван Александрович выехал из Голландии на несколько дней вместе с Ширастом. Известно, что Ченснепп согласился финансировать экспедицию на двух условиях:

1. Отчеты экспедиции будут доставлены фирме «Ченснепп-каучук».

2. Шираст входит в состав экспедиции как доверенный и полномочный представитель Гуна Ченснеппа.

Вудрум принял оба условия.

По возвращении из поездки к Ченснеппу Вудрум собрал членов своей маленькой группы, представил им Шираста уже как сотрудника экспедиции, поделился обнадеживающими планами и тут же предложил, не медля, всем отправиться на Торгово-промышленную выставку. Приподнятое настроение Ивана Александровича передалось остальным. Повеселевшие, радуясь редкому в Амстердаме погожему дню, все направились пешком вдоль канала Сингль, окаймленного садами, широкими улицами с постройками новейшего типа, к Дворцу Промышленности. Дворец окружали галереи с магазинами, и нашим путешественникам представилась возможность закупить и заказать все необходимое. День прошел деловито, оживленно и весело. Вечером, уставшие и довольные, они уселись за столиками в уютном саду, примыкавшем к Дворцу Промышленности, и бокалами зеленоватого рейнвейна отметили новый этап в жизни экспедиции.

Дни заполнились новыми сборами. Плотников с Ширастом отправились в Германию, чтобы

договориться с фирмой о поставке специальных скафандров и о привлечении в экспедицию водолазов. Иван Александрович с Очаковским продолжали производить закупки приборов и оборудования. Василий Афанасьевич не отставал от них, заказывая недостающее ему хозяйственное имущество. Александр уже не посещал Ворме-страат, однако особо активного участия в сборах не принимал, флегматично и точно выполняя отдельные поручения. Как только Плотников с Ширастом вернулись из Германии, успешно завершив сделку с фирмой и наняв водолазов, экспедиция двинулась в далекий, трудный путь.

Амстердам остался позади.

Окончены хлопоты по погрузке разросшегося теперь имущества экспедиции, все устроились по своим каютам, и началось довольно комфортабельное, но пока малоинтересное путешествие.

В течение всего перехода морем, как это и намечал Вудрум, все члены экспедиции были заняты той или иной работой, готовились к предстоящим исследованиям, вели дневники, обучались паутоанскому языку. Словом, все были деятельны, несмотря на то что немало времени и сил уходило на поглощение бесконечного числа блюд, пред-

лагаемых пароходной компанией «Пакетваарт» и составляющих одно из отличий и приманок для туристов на океанских пароходах. Различие в нравах и привычках членов экспедиции в этом замкнутом бортами парохода пространстве было особенно заметно. Каждый проводил оставшееся от занятий время по-своему, стараясь найти развлечения на свой вкус и на этом зачастую довольно неустойчивом кусочке тверди.

Что касается Ивана Александровича и Шираста, то они все свободное время, особенно вечера, проводили на деке, удобно устроившись в длинных креслах. Шираст, не теряя времени попусту, углубился в изучение материалов, продолжая работу при всяком удобном случае. Его не переставал мучить вопрос: почему исторические документы, касающиеся Века Созидания, практически отсутствуют, а те, что есть, туманны, невразумительны и противоречивы? Продолжая и на пароходе знакомиться с изысканиями, касающимися силициевой загадки, он как-то порадовал Ивана Александровича, найдя довольно интересное объяснение, удачно дополняющее гипотезу Вудрума.

— Я считаю, что здесь все дело в борьбе религиозных течений. Для сторонников древнего

верования «пришествие» Небесного Гостя было ударом. Они всячески боролись с все возрастающим новым культом. Но вот произошла катастрофа и вновь воспрянула древняя вера. Ее жрецы, воспользовавшись гибелью храма Небесного Гостя, приложили все усилия к тому, чтобы искоренить веру в него. Вероятно, всякое упоминание о Веке Созидания, о великом Раомаре стало кощунственным. Не исключено, что известные нам из истории Паутоо кровопролитные войны, происходившие в конце XII века, в основе своей были религиозными войнами. Тогда-то, видимо, и уничтожалось все имевшее отношение к Веку Созидания, к культу Небесного Гостя.

Иван Александрович с удовлетворением принял вклад Ширасты. Обсуждение вопросов, интересовавших их обоих, становилось все живее и увлекательнее.

К концу января путешествие на благоустроенном океанском красавце кончилось. В Сингапуре все перегрузились на маленький пароходишко, который должен был доставить экспедицию в Макими.

Здесь, пожалуй, уместно вновь привести странички из дневника Ивана Александровича.

«26 января 1914 года

Ушел еще один день. Один из последних дней почти двадцатилетнего ожидания. Завтра на рассвете должны показаться вершины Шонганоу. Его мы увидим первым из островов архипелага Паутоо. Что ждет нас там, в стране гористых островов, джунглей, древней культуры и древних загадок? Видимо, каждый из членов нашей экспедиции так или иначе задает себе подобный вопрос, ожидая, что вот-вот появится земля, для большинства никогда не виданная и для всех таящая так много нового, увлекательного и опасного.

Сегодня все оживлены по-особенному. Кончилась монотонность длительного морского перехода, и, несмотря на дурманящий влажный жар, все деятельны, подтянуты. Молодежь особенно нетерпелива и уже готовится к прибытию в столицу, хорошенько проглаживая залежавшиеся в кофрах костюмы.

«Принцесса Эмма» после порта Шонганоу зайдет еще в несколько портов на маленьких островках архипелага, везде оставляя почту из Европы, захватывая пассажиров, и только на третьи сутки доставит нас в Макими.

Сегодня работалось отвратно. Чем ближе к

цели, тем с большей озабоченностью думается о затеянном, становится все более ощутительно, какую принял ответственность. Нет, до последнего своего часа буду уверен в правильности сделанных выводов. Беспокоит другое. Вспоминая хлопоты, искательства, перебирая в памяти все, что удалось стяжать для оснащения экспедиции, возникает сомнение: достанет ли сил и средств вырвать тайну у людей и природы?

Да, почти двадцать лет назад мы также приближались к этим островам. Парсету тогда было примерно столько же, сколько мне сейчас. Молодость беспечно радостна. Перед ней всегда широкие горизонты, вера в большую жизнь впереди... Спокойно было тогда, с Парсетом, а он, уже обремененный годами, был, надо полагать, не спокоен за нас, молодых...

Написал письмо Парсету, и захотелось узнать, что делает Александр, очень захотелось именно сейчас увидеть его, поговорить с ним.

Он стоял на верхней палубе, пытливо всматриваясь туда, где завтра появятся острова Паутоо. На лице его застыло выражение радостного ожидания, а глаза были грустны, в них почуялась мне какая-то страшинка, тоска. О чем он думал? Об оставленном там, за тысячи миль, или об ожи-

давшем впереди? Почему к чаянию неведомого примешивался страх? Может быть, это предчувствие?.. Так боязно было брать Александра с собой...

Быстро наступила ночь, а мы все стояли с ним бок о бок, чувствуя тепло друг друга и не произнося ни слова. Юго-западный муссон принес прохладу. Море волновалось умеренно, и мы еще долго любовались переливами искрящегося незнакомыми созвездиями неба, чудесной игрой света в волнах, светящимися в них существами.

В десятом часу Александр пожелал мне спокойной ночи и отправился к себе, а я все еще размышлял о трудах и радостях, о прекрасном и страшном, ожидающем нас в давно полюбившейся мне, давно желанной стране».

Глава шестая

●

Борис Шорпачёв

«27 января 1914 года

И вот снова, после почти двадцатилетней раз-

луки, передо мной острова Паутоо.

Я рано разбудил Александра, и мы поспешили на палубу. Вершины Шонганоу еще были свободны от облаков, и только пониже их, на крутых, чернеющих густолесьем скалах, кое-где лежали пышные массы розовато-сиреневых облаков.

Солнце взошло и осветило узкую полосу берега, светло-зеленую, не столь мрачную, как каскады вздымавшихся над нею гор. Наш пароходик обогнул восточную, более низменную оконечность острова, и часам к десяти перед нами открылась широкая бухта, в глубине которой виднелись спокойно поднимавшиеся к небу дымки, а вскоре уже можно было различить крыши построек, спешащие к пароходу лодки, людей.

Горы отступили, полоска берега стала шире, и светлая зелень кокосовых пальм показалась особенно приветливой в лучах уже крепко подогревавшего нас солнца».

Так экспедиция Вудрума прибыла на первый из островов Паутоо, где встретила человека, немало повлиявшего на развернувшиеся в дальнейшем события.

В те времена на Шонганоу пароход заходил раз в несколько месяцев. Островок насчитывал несколько тысяч паутоанцев, заготовлявших

копру, и одного европейца, получавшего доходы от этой копры. На Шонганоу шла тихая, медлительная тропическая жизнь, но с прибытием парохода все оживало.

Не успела «Принцесса Эмма» бросить якорь, как тотчас же была атакована целой флотилией паутоанских лодок. Все вокруг наполнилось веселым шумом, выкриками продавцов, предлагавших связки бананов, кокосовые орехи, безделушки из кости и дерева, циновки, сушеных рыбок и мангустаны. В течение трех часов, пока шла разгрузка и погрузка, вокруг парохода царило необычное для этого острова оживление. Шум все нарастал, а «Принцесса Эмма» уже готовилась отдать концы. В это время по пристани, отбиваясь от окружавшей его толпы паутоанцев, с завидной энергией пробивался к пароходу высокий белокурый паренек. Уцепившись наконец за поручни трапа, он прилагал все усилия к тому, чтобы расстаться с благоухающим тропическими ароматами Шонганоу, но преследователи, видимо, никак не разделяли его стремления и удерживали изо всех сил. Третий помощник капитана, стоявший у трапа, не пускал юношу на пароход без билета. Положение парня было отчаянным.

Скучающие пассажиры довольно безучастно

наблюдали за происходящим до тех пор, пока в хаосе выкриков не раздались ругательства такие разудалые и забористые, по которым русские сразу же и безошибочно узнали в бойком парне соотечественника. Первым вмешался Василий Афанасьевич. Большой, сильный, он ловко пробился к земляку. Тот назвал себя Борисом Шорпачевым, сказал, что его уволили с парохода, плававшего в этих водах, оставили на Шонганоу, и стал умолять отставного моряка взять его с собой, хотя бы до Макими. Добрый, отзывчивый хозяйственник экспедиции был вместе с тем человеком расчетливым и, когда узнал, что Шорпачеву не только надо купить билет, но и оплатить его долги, несколько замялся, соображая, как бы все это уладить. Делу помог Александр Вудрум. Всегда несколько медлительный, меланхоличный и далеко не отличавшийся радушием, здесь он вдруг с несвойственной ему быстротой пробрался через галдящую толпу и, вынув бумажник, разом успокоил и паутоанцев, и пароходную администрацию.

Очутившись на пароходе, молодой человек скоро расположил к себе членов экспедиции. Веселый, деловитый, услужливый, но не подобострастный и никогда не терявший достоинства,

он быстро снискал расположение Ивана Александровича и вместе с тем, совершенно, конечно, об этом не подозревая, стал причиной первой размолвки между Вудрумом и Ширастом. Вудрум решил не только довезти Бориса Шорпачева до Макими, но и зачислить его в состав экспедиции, резонно считая, что энергичный, способный и преданный молодой человек, несомненно, будет полезен делу. Узнав об этом решении, Ширас выразил неудовольствие и в форме деликатной, но весьма решительной сказал профессору, что подобные действия непременно должны согласовываться с ним. Вудрум вспылил:

— Позвольте, позвольте, господин Ширас, этак вы договоритесь до того, что я и знать не буду, где мне позволено распоряжаться, а где я должен буду исспрашивать вашего соизволения. Рабочего экспедиции я нанять не имею права, оказывается, а отдать в починку башмаки разрешаете?

— Иван Александрович, помилуйте, да зачем же представлять все в таком виде? Ведь я только хотел предупредить, предостеречь. Вы человек чуткий, добрый, но увлекающийся. Сегодня пожалели этого бродягу, а завтра…

Вудрум не успокаивался.

— А завтра? Продолжайте, продолжайте. Вы

что же это, сударь, опеку учинить желаете? Не выйдет!

— Да я вовсе не об этом, профессор, помилуйте. Я просто хотел бы, ну как вам сказать… Поймите, мое положение весьма щекотливо. Вы ведь знаете, я отношусь к вам с величайшим уважением, и вместе с тем… Вместе с тем я обязан выполнять поручение Гуна Ченснеппа, принимать в расчет многие, подчас вовсе не учитываемые вами обстоятельства. Экспедиция еще не начала работу, нам предстоят трудности самые различные, и прежде всего такие, которые связаны с людьми. Поверьте, наши работы на Паутоо будут встречены далеко не радушно. Возникнет противодействие жреческой касты, а получить поддержку губернатора будет не так уж просто. Он человек нерешительный, консервативный — и вдруг в составе экспедиции беглый каторжник.

— Ваша настороженность мне понятна. Я тоже не жду, что жрецы встретят нас с распростертыми объятиями, но уверен, что смогу с ними поладить. Губернатор… Губернаторы, по-видимому, везде одинаковы. А вот что касается этого парня, то вы слишком опрометчиво зачисляете его в «каторжники». Я беседовал с ним. Молодой человек работал в подпольной типографии, был выслан

на поселение в Восточную Сибирь и… и решил попытать счастья в чужих краях. Как вы можете понять, счастья он не нашел, хлебнул только горя, и притом предостаточно. Нужда его гнала из страны в страну. Нигде он не мог получить постоянную работу. В довершение всего тоска по родине, одиночество… И вот теперь он, русский человек, увидев наконец соотечественников, ожил, воспрянул духом… Да можете ли вы себе представить его состояние? Ведь он будет предан нам всей душой.

— Итак, профессор, вы все же не хотите изменить своего решения?

— Безусловно. Я уже обещал его устроить и не откажусь от своего обещания. Вот так.

Иван Александрович настоял на своем. Ширасту пришлось уступить. Каждый понимал, что не только в Шорпачеве дело, что эта первая размолвка не будет последней. Светлые часы прибытия в долгожданный Макими были омрачены для Ивана Александровича. Инцидент этот заставил его еще раз задуматься о положении, в которое он попал, согласившись на условия Гуна Ченснеппа. Что касается Ширасты, то он стал еще более настороженным, делал все возможное, чтобы укрепить свою власть в экспедиции, а Бориса

Шорпачева иначе как каторжником не называл.

Макими встретил путешественников, омытый тропическим ливнем, сияющий и оживленный.

В первые дни по приезде Иван Александрович пишет в дневнике:

«Возможность любоваться здесь тропической природой всегда побуждала меня взяться за перо, но всегда чувствовал, как бедны слова и беспомощны попытки образно передать ее буйную прелесть. Однако все о тропической природе можно сказать несколькими словами: она разнообразна до бесконечности и роскошна до утомления».

И тут же тревожные размышления о переменах в стране:

«…Да, изменилось многое. Изменилось чуть ли не все в стране, в быту паутоанцев, и изменилось, нужно сказать, под влиянием всевозрастающего стремления европейцев во что бы то ни стало подогнать под свои вкусы и привычки даже то, что было на Паутоо замечательно именно коренными отличиями от вкусов и привычек европейцев.

Не покидает чувство озабоченности и ответственности за нововведения, привнесенные зачастую насильственным путем в этот край, по-особенному милый моему сердцу. Сколь недав-

но он был еще далек от суеты и никчемных треволнений так называемого цивилизованного мира. Невольно думается о бережливости и уважении, с коими обязаны мы относиться к здешним обычаям и цивилизации… Насколько же она древнее, утонченнее и своеобразнее по сравнению с той, железно-электрической, которую зазнавшиеся обитатели Европы почитают не только передовой, но и единственной!»

Но не одно это огорчало русского ученого, вскоре отчетливо представившего себе, что теперь Паутоо не так уж далек от «суеты, дрязг и треволнений цивилизованного мира». Обстановка в колонии стала запутанной и тревожной.

Сразу по прибытии в Макими Вудрум начал готовиться к посещению губернатора островов Паутоо.

Вскоре он был принят в загородной резиденции правителя архипелага самым радушным образом. Деловая часть встречи состоялась после тропически роскошного обеда, устроенного в его честь, однако закончилась для Вудрума весьма и весьма неприятно. Губернатор был предупредителен во всем. Он не только со вниманием выслушал планы русского ученого, но и рассказал ему о тех начинаниях, которые проводятся

в Паутоо. Метрополия всячески поддерживает самые разнообразные научные изыскания на островах. Здесь уже создано несколько лабораторий, эпидемиологическая станция, замечательный ботанический сад, расположенный близ Макими, приезжают ученые из различных стран мира, этнографический музей постоянно пополняется редкими и интересными экспонатами, собранными главным образом европейскими и американскими учеными.

— Да, господин профессор, — продолжал губернатор, — времена теперь другие. Европейская промышленность все больше нуждается в сырье, и множество фирм охотно субсидирует исследования в колонии. Добыча каучука возросла за эти двадцать лет во много раз. Пряности, сахар, джут, марганец, олово, редкие породы дерева — все это имеет огромный спрос в Европе и Америке. Страна процветает, население неуклонно увеличивается. Вы, вероятно, обратили внимание, что порт Макими перестроен заново. Проведены железные дороги, построены мосты и воздвигнуты новые отели. Электростанции теперь не только в Макими, но и в Пога, в Уинассе.

— Ведь это превосходно, господин губернатор!

— Разумеется, но… Но знаете, вместе со всем

этим на Паутоо происходят события, порядком огорчающие администрацию. Участились восстания паутоанцев, в городах возникают забастовки. Паутоанская интеллигенция все чаще выступает с требованиями независимости архипелага, и даже жречество Паутоо начинает склоняться к требованиям, никак не устраивающим метрополию. Да, должен признаться, в колонии напряженное положение. И в это время вы просите разрешение на подводные раскопки у берегов Себату. Боюсь, что мы не можем рисковать этим. Сейчас страшен любой повод. Ведь остров Себату у паутоанцев считается священным. Они до сих пор верят, что именно там погребен при вулканической катастрофе храм-обиталище мистического существа, покой которого никто не смеет нарушить… Нет, нет, господин профессор! Произвести изыскания именно в этом месте не представляется возможным: это может вызвать ярость фанатиков и, как знать, события могут обернуться очень опасно для нас, европейцев.

…Вудрум отослал экипаж и от загородной виллы отправился в город пешком, размышляя о случившемся, в отчаянии соображая, что же можно предпринять. Мысль о крушении всех начинаний была нестерпимой. Усилия, направ-

ленные к тому, чтобы сколотить экспедицию, разбивались о совершенно непредвиденное и, казалось, непреодолимое препятствие. Самым мучительным представлялось возвращение в отель. Как, какими словами рассказать друзьям о постигшем экспедицию внезапном ударе?..

Вудрум шел медленно, стараясь перехитрить время. Кирпично-красное латеритовое шоссе, недавно добросовестно отмытое тропическим ливнем, тускло поблескивало в свете редких фонарей. Внизу, у моря, переливал не очень щедрыми огнями Макими. Иван Александрович любил побродить ночью. Обычно ночные прогулки успокаивали, помогали собраться, сосредоточиться, но эта тропическая ночь не унимала волнения. Ярко сверкали жемчужины южного неба — Сириус, звезды Центавра, искрился великолепный Южный Крест, как-то беспокойно, словно светлая, но опасная река, струился Млечный Путь. На гладкой поверхности крупной кожистой листвы, все еще мокрой от ливня, отражались лунные лучи, соревнуясь в блеске со множеством ярко светящихся насекомых, беспрерывно прорезывающих, как метеоры, таинственный и жутковатый мрак тропической чащи, подступавшей к шоссе. Неумолчное, надо-

едливое пение крупных цикад перемешивалось с тысячеголосыми звуками, издаваемыми ночными обитателями леса, сливалось с громким серебристым стрекотом древесных лягушек. Над шоссе то и дело мелькали мрачные тени гигантских летучих мышей. Иван Александрович ускорил шаг. Ночь не принесла успокоения, вдруг захотелось поскорее пройти этот оказавшийся утомительным путь до города, побыстрее добраться до отеля…

Утром Вудрум собрал всех участников экспедиции и объявил о решении губернатора. Молчание было тягостным и долгим. Его прервал Шираст:

— Разрешите, Иван Александрович, мне взяться за устройство этого дела?

Вудрум не возражал, предложение Шираста оживления не вызвало, однако через два дня он вернулся от губернатора с разрешением на проведение археологических раскопок на всей территории архипелага, включая и полузатонувший священный остров Себату.

Вудрум понял, что без вмешательства всесильного на Паутоо Гуна Ченснеппа осуществить свои намерения он просто не смог бы…

Не прошло и двух недель, как на острове, лежащем в нескольких милях от Макими, вырос

городок экспедиции. Началась повседневная трудная работа, сопряженная с опасностями подводных археологических раскопок.

Работы решено было начать в юго-восточной части острова, где, судя по древним документам, и должен находиться ушедший под воду храм Небесного Гостя. Светлая морская лагуна, окруженная покачивающимися кокосовыми пальмами и сверкающими, словно усыпанными снегом, пляжами, считалась особенно удобной для проведения подводных археологических раскопок. Довольно быстро, хотя и не без трудностей, были сооружены большие плавучие площадки, с которых предполагалось производить погружения. Экспедиция наняла рабочих-паутоанцев, обзавелась моторными катерами, обеспечившими хорошее сообщение с Макими. На острове Себату началось невиданное до того оживление. Днем лагуна заполнялась лодками, на плотах и на базе экспедиции кипела работа, а долгими, темными вечерами слышалось протяжное, очень мелодичное пение паутоанцев, расположившихся на отдых у костров, да мерный стук керосинового мотора, приводившего в движение походную электростанцию экспедиции.

Как только были закончены необходимые

приготовления и места поисков мысленно разграфлены на квадраты, начались первые погружения водолазов. Кроме привезенных из Европы специалистов, снабженных костюмами самого последнего образца, экспедиция использовала ныряльщиков — искателей жемчуга. На их долю были отведены участки не столь глубокие, как для водолазов с тяжелым оборудованием.

Довольно скоро экспедиция зажила размеренной, трудовой и довольно спокойной в этот период жизнью. Вот как это время описывает Иван Александрович:

«Работа спорится. Все налажено. День начинаем с восходом солнышка, всегда появляющегося здесь в шесть часов, и трудимся с перерывом в самое жаркое время до полной темноты, которая наступает здесь внезапно и порой застает нас, увлекающихся, врасплох. Приходится заниматься многими делами, в том числе и хозяйственными, но, нужно сказать, Плотников и Василий Афанасьевич проявляют себя с наилучшей стороны, всячески стараясь освободить меня от множества повседневных забот. Худо только, что у Николая Николаевича склонность к делам экономическим положительно берет верх над желанием вести научные занятия, занимаясь

которыми он становится вял, медлителен и зачастую рассеян. Думал, в климате здесь дело, однако вскоре заметил, что, как только он окунается в полюбившиеся ему хозяйственные дела, так становится оживлен, быстр и не забывает ни о какой мелочи, умея из всего изобрести пользу.

Неужели в нем так и погибнут хорошие задатки способного этнографа? Поживем — увидим! Но пока что мы все ощущаем благотворные заботы помощника начальника экспедиции о нашем благополучии и удобствах. Как только прибыли завербованные Ширастом паутоанцы, Плотников немедленно выбрал для себя несколько человек, наименее пригодных для работ на раскопках, зато вполне подходящих для его целей. В результате на следующий же день у нас к столу была отменная свежая рыба. Теперь ее вполне хватает на всех членов экспедиции, включая и нанятых паутоанцев. Они, однако, предпочитают питаться на свой лад и, кончив работу, приготовляют себе пищу сами, привычно устроившись у костров.

Вообще же стараниями Николая Николаевича, который со знанием дела и особой охотой ведет торг с поставщиками, наши запасы пополняют-

ся, и, как он утверждает, пополняется его запас паутоанских слов. Дай-то бог, но вот если его хозяйственные увлечения приведут к тому, что он, вернувшись в Россию, из этнографа превратится в управляющего каким-либо имением в Симбирской губернии, то, думается, язык Паутоо там ему не понадобится.

А в общем жизнь экспедиции наладилась. Работы достает всем, и все идет своим довольно быстро установившимся порядком».

Это были последние безмятежные записи в дневнике Ивана Александровича. Вскоре он стал отмечать, что бесплодность сотен погружений начала неблагоприятно сказываться на настроении членов экспедиции, трудности работы в томящем влажном зное отразились на самочувствии многих, и в первую очередь Очаковского. Но хуже было другое. Несмотря на покровительство губернатора, экспедиция все время чувствовала неприязненное отношение паутоанцев. Их явно кто-то будоражил. Стали ходить слухи о том, что местное население напугано деятельностью ученых. Среди рабочих кто-то начал распространять слух, что, как только найдена будет учеными святыня, на Паутоо обрушатся беды, что потревоженное божество, как и тысячу лет

назад, обратит свой гнев на нечестивых и горе тому, кто содействовал осквернителям храма!

Участились непослушание, дерзость. Ныряльщики все с большей и большей неохотой опускаются под воду. Как-то ночью начался пожар на складе припасов, на другой день над самым ухом немца-водолаза пролетела отравленная стрела, выпущенная из длинной тонкой трубки — сумпитана. Обстановка накалялась.

Вудруму в высшей степени неприятно было просить защиты у губернатора, но пришлось в конце концов прибегнуть к этому, и вскоре лагерь экспедиции стал охраняться солдатами.

Но беда следует за бедой. Однажды, явно по чьему-то сигналу, все паутоанцы, в том числе и ныряльщики — искатели жемчуга, покидают экспедицию.

В это трудное время Вудрум особенно доволен тем, что не только довез Шорпачева до Макими, но и приютил соотечественника в экспедиции. Он оказался смелым и смышленым, ловким и преданным. О нем Иван Александрович много раз упоминает не только в дневниках, но и в письмах в Петербург, жене: *«В энтузиазме этого юноши какая-то стихийная, покоряющая сила. Александр, видимо, привязался к этому молодо-*

му человеку, и теперь я с каждым днем замечаю, как исчезает у него столь претившая мне суховатость и несколько надменное отношение к людям, особенно стоящим ниже его по положению (откуда это?!).

Неплохо, если бы с Борисом он был более близок, чем со своими петербургскими «сверхчеловеками». Не хочу предугадывать события и обольщать себя пустыми надеждами, но поверь, Натали, все меняется к лучшему. Ты бы не узнала теперь Александра. Не только предпринятое нами путешествие, но и общение с этим молодым, но уже много повидавшим человеком ему явно на пользу».

Молодых людей, таких разных по интересам, воспитанию и образованию, объединяло дело, которому они стали посвящать все больше и больше времени. Теперь они находили взаимное и всепоглощающее удовольствие проводить дни и долгие вечера вместе, старательно готовясь к осуществлению задуманного. Александр выхлопотал у Николая Николаевича большую лодку, Шорпачев оборудовал ее таким образом, что в ней можно было не только приготовить еду, но и устраиваться на ночь.

Вскоре в самом отдаленном конце залива, скры-

тая глубоко врезавшейся в море косой, выросла как бы вторая, почти никому не известная база экспедиции. Знал о их затее, пожалуй, только один Иван Александрович; он притворно ворчал, но тайну молодых людей хранил. А тайна возникла из-за того, что еще в самом начале подводных поисков предложение Шорпачева самим освоить скафандры встретило рьяное сопротивление привезенных из Германии водолазов. Шорпачев первым подсказал профессору, что не следует надеяться только на немецких водолазов, надо самим научиться работать в новейших подводных костюмах. Вудрум согласился с этой мыслью, но не мог преодолеть упрямство обоих водолазов, считавших, что право работать в опытных фирменных костюмах — их монополия. Александр и Шорпачев монополию нарушили. Тайком даже от Плотникова запасной комплект оборудования был увезен на «подпольную» базу, и там по очереди, помогая друг другу, разбираясь в инструкциях и постепенно овладевая трудным, опасным и увлекательным делом, молодые люди все глубже и глубже проникали в морское царство. Оно открывалось для них как новый, наполненный жизнью, блестевший необыкновенными красками мир, пронизанный мягким, зеленоватым

светом.

Александр и Шорпачев не уставали любоваться коралловыми зарослями, причудливыми, бесконечно разнообразными, окружавшими их как заколдованный сказочный лес, в котором то плавно, то с быстротой молнии мелькали стайки невиданных, неправдоподобных рыб. Среди толстых, неподвижных ветвей кораллов виднелись яркие, словно органные трубы, тубинофоры; свисали синие ниточки гефей; протягивали свои руки-щупальца изящные офиуры. Красочные морские звезды, морские ежи с черными угрожающими иглами, целый увлекательный набор полузарывшихся в песок диковинных раковин — все это разнообразилось красными, бурыми, зелеными водорослями, все это жило, интенсивно поглощало друг друга, размножалось и умирало, заполняя собой все вокруг, надежно скрывая от исследователей следы древней, ушедшей под воду цивилизации. Увлечение красотами впервые увиденного волшебно-привлекательного мира омрачалось мыслью о том, что вся эта буйная растительность, кораллы, раковины уж слишком плотно замуровали развалины храма Небесного Гостя. Утешали себя молодые люди мыслью о том, что здесь, на сравнительном мелководье,

они только тренируются. Успех их может ожидать там, на глубоких местах, где день ото дня совершаются погружения, исследуется квадрат за квадратом.

А дни шли томительно, не принося никаких успехов. Мрачнел Иван Александрович, все более скептически начинал высказываться о затее подводных раскопок Ширас, и в это время экспедицию постиг новый удар.

Под вечер усталые после безрезультатных поисков водолазы возвратились с плота на базу. На маленькой пристани они вылезли из лодки и направились к своему бунгало. До ужина оставалось еще больше часа. Немцы расположились в своих плетеных креслах на затененной веранде, овеваемой легким ветерком. Высокие казуарины, раскидистые габитусы почти вплотную подступали к бамбуковому домику, их запутанная, переплетающаяся зелень могла скрыть не только человека, но и слона. Никто не разглядел прячущихся в темной тропической чаще врагов. Услышали только выстрел. Сухой, короткий, всполошивший колонию исследователей. Через минуту все были у домика водолазов. Один из них, окровавленный, бледный, лежал на плетенном из бамбука полу веранды. Очаковский оказал

первую помощь водолазу, его сразу же водворили на катер и отвезли в Макими. Ранение было не очень серьезным, однако последствия этого нападения были тяжелы для экспедиции. Второй водолаз наотрез отказался продолжать работу на Себату, и, как только немного поправился раненый, оба немца немедленно отправились в Европу.

Все замерло в маленьком поселке. Без водолазов, без паутоанцев рабочих и ныряльщиков — продолжение изысканий представлялось немыслимым.

Но однажды, возвращаясь с очередной поездки в Макими, Вудрум застал в лагере оживление: бежавших от опасностей водолазов с успехом заменили Александр и Борис. Снова бодро стучит двигатель, попеременно сменяя друг друга, члены экспедиции трудятся у насосов. Вечерами все собираются на веранде домика Вудрумов. Здесь намечаются планы на следующий день, ведутся оживленные споры. Настроение поднялось, но все понимают, что без вспомогательной силы, без рабочих-паутоанцев, не обойтись. Шираст предлагает на время приостановить работы, нанять рабочих на дальних островах и только после этого продолжить изыскания. Предложение

его принимается только наполовину. Все соглашаются с его мыслью попробовать завербовать рабочих в тех местах, где еще не знают о провокациях фанатиков, но никто не считает возможным прервать работу. И поиски продолжаются изо дня в день. Однако силы постепенно оставляют самых выносливых. Все с нетерпением ждут приезда Ширасто, отправившегося в путешествие по архипелагу.

Проходит неделя, кончается вторая, исследуются новые и новые участки, но нигде не находят следов древнего храма. Теперь уже никто не оспаривает необходимости временно приостановить работы: все истомлены до предела. Шорпачев, самый неугомонный и крепкий, уговаривает Вудрума разрешить ему обследовать еще один участок вблизи места, где они тренировались с Александром. Иван Александрович соглашается на это крайне неохотно: выбранное Шорпачевым место лагуны практически не обследовано и погружение может оказаться опасным для недостаточно опытного водолаза.

Медленно спускается по веревочной лестнице облаченный в полный водолазный костюм Шорпачев. Вот за толстым стеклом шлема в последний раз показалась его приветливая фи-

зиономия, и шлем ушел в воду. Тянется за ним шланг, сигнальная веревка. Он опускается все глубже и глубже, уже не проглядываются сквозь толщу воды блестящие части шлема, и вскоре молодой водолаз скрывается в мрачной глубине.

Беспрерывно сменяются дежурные у насоса, нагнетающего воздух водолазу. Проходит десять, двенадцать минут. Иван Александрович распоряжается подать сигнал к подъему, но Борис отвечает условным сигналом «нет». Вудрум сам становится к насосу, сменяя истомленных жарой и работой товарищей. Мучительно долго идет время, и наконец сигнал. Подъем ведется медленно, чтобы не вызвать у водолаза кессонной болезни. Кажется, конца не будет этой трудной и беспокоящей всех операции, но вот шлем показывается над водой. Шорпачева подхватывают под руки, помогают подняться на плот и быстро снимают с него шлем. Лицо его, вспотевшее, измученное, выражает предельное утомление и вместе с тем радость. Он почти без сил опускается на канаты, сложенные на палубе, и произносит только одно слово:

— Там!

Забыта усталость. Подводные поиски ведутся не только днем, но и ночью. Теперь и Вудрум,

по примеру молодежи освоивший водолазный костюм, иногда совершает погружения. Сомнений нет: они у древнего храма Небесного Гостя. Храм оказался на меньшей глубине, чем это предполагалось, поиск вести стало легче, но возникли новые трудности. Мало найти храм. Нужно добыть материальные остатки, которые подтвердили бы гипотезу, найти что-то такое, что неоспоримо доказывало бы существование Века Созидания, подтверждало правильность реалистического толкования легенды о Рокомо и Лавуме. А для этого нужно попытаться проникнуть в святая святых — в обрушившуюся часть храма. Она расположена на возвышенном участке дна, работать здесь легче, но хаотическое нагромождение камней не дает возможности добраться к заветному.

Вудрум и Плотников выехали в Макими, с тем чтобы нанять несколько рабочих-европейцев, закупить подъемные краны, лебедки. Теперь, когда цель была так близка, злила каждая неудача, раздражали затруднения, возникавшие по пустякам.

Больше недели прошло, пока удалось приобрести оборудование, нанять людей. Наконец механизмы установлены на баржах-плотах. С

их помощью оттащили отбитые под водой, обросшие кораллами части скал, однако и это не решило задачи. Тогда Вудрум счел необходимым взорвать часть преграды.

Применение взрывчатки привело к результатам эффективным и вместе с тем довольно неожиданным. Неподатливые подводные скалы были удалены, подход к затонувшему святилищу подготовлен, но при первых же взрывах, всполошивших тихую лагуну, доблестная охрана, состоявшая из паутоанских солдат, покинула лагерь.

Такой оборот дела мог означать только одно: успешное продвижение к цели исследователей пришлось не по вкусу жрецам Паутоо. Было очевидно, что лагерь теперь не оставят в покое, и уж если спровоцировано бегство солдат, то следует ожидать всего самого худшего. И действительно, на другой же день вокруг лагеря были обнаружены засады. Стало понятно: готовится нападение.

Иван Александрович созвал «военный совет», на котором было решено работы не останавливать и в пролом, образовавшийся после удачно произведенного взрыва, пройти возможно быстрее. Все понимали, что времени терять нельзя. Нападение на лагерь могло привести к таким

потерям, при которых продолжать работы уже не удастся. Выход был только один; пробраться к святилищу до наступления ночи — наиболее вероятного времени нападения.

«Военный совет» заседал несколько минут, решение было принято единодушно, и погружения начались тотчас же.

Шаг за шагом прокладывается под водой путь к тому месту, где, по предположениям профессора Вудрума, должна находиться статуя Небесного Гостя. Расчистка взорванной породы оказалась делом более сложным, чем предполагалось. День подходил к концу, а до святилища так и не удалось добраться.

Короткие сумерки — и на лагуну накинулась ночь. Был момент, когда вдруг усталость показалась безмерной, настороженность — преувеличенной, угроза нападения — скорее вымышленной, чем реальной, и даже Ивану Александровичу подумалось, что, быть может, работы следует отложить до следующего дня. Но благоразумие взяло верх над усталостью и сомнениями. Прорыв к заветному решено было продолжать и ночью.

Горят подводные прожекторы, мерно стучит движок походной электростанции, насосы

неустанно качают воздух спускающимся под воду смельчакам. Работы не прекращаются ни на минуту, все увлечены, с нетерпением ждут, что же принесет столь мучительный поиск, что же удастся извлечь из-под воды, и вместе с тем никто не забывает о нависшей опасности. Катера наготове. По первому сигналу следует поднять водолазов и уходить в открытое море.

Только к десяти часам вечера удалось наконец расчистить последний завал. Вход в святилище свободен. Если и там не окажется останков Небесного Гостя…

Вудрум надевает скафандр и вместе с Шорпачевым начинает погружение.

Николай Николаевич Плотников писал в своем дневнике, что восемь минут, которые провел профессор под водой, показались ему самыми долгими и самыми трудными в жизни. Этому легко поверить, если представить, что произошло в лагере за эти восемь минут.

Члены экспедиции, находившиеся в «дозоре», внимательно следили за берегом и морем, но и они не смогли заметить, как один, а может быть, и несколько паутоанцев сумели бесшумно пробраться к плавучему островку-барже, где размещалось оборудование подводников. В момент,

когда Вудрум подал сигнал «подъем», замолк движок, погасли огни, остановились насосы. Стало темно и тихо. На какое-то мгновение. Тотчас же отовсюду раздались крики паутоанцев, устремившихся к плавучей базе на легких лодчонках. Во тьме вспыхнули выстрелы, завязалось сражение.

Подъем спущенных под воду профессора Вудрума и Шорпачева Плотников, Очаковский и два рабочих производили с возможной скоростью. Спешить было нельзя, чтобы не вызвать у Вудрума и Шорпачева кессонной болезни, но нельзя было и медлить: нападающие, несмотря на выстрелы отчаянно и мужественно обороняющихся исследователей, уже приблизились на расстояние нескольких десятков метров от плавучей базы.

В момент, когда оба шлема показались над водой, стрела вонзилась в плечо Очаковского. Продолжая крутить лебедку одной рукой, он позвал на помощь Жерднева. Василий Афанасьевич выпустил в темноту несколько пуль и бросился к лебедке. В это же время стрелами серьезно был ранен один из рабочих.

Положение ученых представлялось безнадежным. Усилившиеся, скорее победные, чем отчаянные крики нападающих стали нестерпи-

мы. Казалось, еще немного — и баржа заполнится фанатиками, готовыми разорвать на части людей, которые все же осмелились проникнуть в затонувший храм.

Вот тут-то Василий Афанасьевич и оставил лебедку. Плотников вынужден был один управиться с подъемом Вудрума.

Раздался оглушительный взрыв — и торжествующие крики нападающих умолкли. Отставной моряк оказался прав, покинув лебедку на попечение Николая Николаевича. Не швырнул бы он вовремя динамитную шашку, неизвестно, чем бы обернулось для ученых ночное сражение.

Время было выиграно. Катера экспедиции успели уйти в открытое море. Брошено было все, кроме раненых, разумеется. Казалось, погибло все предприятие, которое так долго и упорно готовилось Вудрумом, но он ликует.

— В Макими! Полный, самый полный в Макими! Мы победили, друзья мои!

Еще никто, даже сын, не видел его в таком радостном настроении. Он ни на шаг не отходил от поднятого со дна обломка.

Этот обломок был частью статуи Небесного Гостя.

Глава седьмая

●

Золотая ладья

На базу в Макими исследователи добрались только к исходу ночи. Рана Очаковского оказалась, к счастью, не очень опасной. Немедленно вызванный врач сделал ему перевязку, дал порядочную дозу хинина, и через некоторое время Серафим Петрович почувствовал себя значительно лучше. У рабочего ранение было серьезнее, и его пришлось госпитализировать.

Следующего дня едва дождались. Волнения, испытанные накануне, бурные и опасные переживания вскоре были забыты, о потере базы в лагуне почти не вспоминали — так сильно было возбуждение, вызванное долгожданной находкой. Началось самое интересное — тщательная расчистка «божества», пролежавшего под водой несколько веков. Исследования подтвердили, что «божество» было явно космического происхождения, но такое, которое, вероятно, еще никогда не попадало на Землю.

Материалы этого исследования дошли до нас почти полностью, они цитированы во многих специальных работах, хорошо освещены в научных трудах, и, мне кажется, приводить их в этих записках не имеет смысла. Жаль только, что нам так и не удалось найти фотоснимки находки, сделанные профессором Вудрумом в те дни. Судя по записям в его дневнике, часть фотографий обломка статуи была отослана Арнсу Парсету. В архиве профессора Парсета, хранящемся в Национальной академии наук, эти снимки тоже не найдены, однако письмо, с которым они были отосланы в Голландию, сохранилось. Сохранилось и письмо, отправленное Иваном Александровичем профессору Евдокимову. Оно, на мой взгляд, очень любопытно. У меня имеются фотокопии этого письма, и здесь я могу привести выдержки из него.

Вудрум не мог представить, как случилось, что его экспедиция была встречена столь недружелюбно, не мог простить себе, что, увлекшись организацией поисков, тратя силы и время на преодоление связанных с ними трудностей, не сумел наладить отношения с местным населением. В письме он пишет:

«…Очень жаль, что вам не довелось встре-

чаться с представителями этого спокойного, изысканно-вежливого и мудро-гостеприимного народа. Паутоанцы в массе своей красивы. Золотисто-бронзовая их кожа, стройные тела, прямой и не лишенный достоинства взгляд — все это вызывает восхищение, располагает. Мягкая и одновременно могущественная природа здешняя наложила определенный отпечаток на их характер. Они поражают своей общительностью и простотой, свойственной разве только нашим хорошо воспитанным и интеллигентным людям. В движениях, в речи, во всем своем повседневном обиходе они умеют соблюдать меру и приличие. И заметьте, Елизар Алексеевич, эти определения я отношу отнюдь не к классу избранному или привилегированному, а к самым широким слоям этого очень симпатичного, имеющего свою древнюю историю и культуру народа. Народ Паутоо, несомненно, должен быть отнесен к богато одаренным, и его ожидает, я уверен в этом, лучшая будущность сравнительно с настоящим его подчиненным положением.

Теперь вы понимаете, какое тягостное впечатление произвели на нас описанные мной события, нарушившие ход всего дела нашего, но, должен сказать, нисколько не поколебавшие мою веру в

добропорядочность и благородство паутоанцев. Нет и еще раз нет! Здесь не отвращение к нам, европейцам, тем более ни настороженность или неприязненное отношение к ученым — здесь сыграло роль другое. Уверен: в данном случае действовал чей-то злой умысел, чья-то злобная и коварная рука направляла покушавшихся на нас людей. Сейчас меня занимает одно: кто мог быть подстрекателем, организовать нападение, кто был заинтересован в разгроме нашей базы?..»

Иван Александрович не только размышлял над этим вопросом, но и действовал. При первом же удобном случае он отправился с официальным визитом к верховному жрецу храма Буатоо, и через несколько дней состоялось по-восточному пышное, взбудоражившее весь архипелаг торжество передачи храму великой паутоанской святыни — части статуи древнего божества.

Последствия этого шага превзошли все ожидания. Экспедиция приобрела возможность вести дальнейшие работы уже без поддержки солдат губернатора колонии. Влиятельные жрецы храма сказали свое слово — и враждебного отношения паутоанцев к работе ученых как не бывало. Больше того, к услугам исследователей теперь было все, что только могло дать местное население.

Но наслаждаться успехом пришлось недолго. Вернулся из поездки по островам Шираст, и радость была омрачена. Он, как видно, самым искренним образом обрадовался первым успехам экспедиции, высказал толковые, не лишенные изобретательности соображения, касающиеся планов дальнейших исследований, но, когда выяснилось, что обломок статуи уже передан храму Буатоо, вдруг заговорил таким тоном, который опять вывел из себя профессора. Иван Александрович не узнавал всегда корректного, скромного и подчеркнуто почтительного с ним молодого ученого. Шираст в вежливых, но по существу возмутительных выражениях дал понять Вудруму, что он не имел права предпринимать такие ответственные действия, не согласуя их с ним как с официальным представителем Гуна Ченснеппа на Паутоо.

— Да, помилуйте, господин Шираст, вы, кажется, забываетесь! Покамест я руковожу экспедицией, научными изысканиями и все относящееся до их состояния намерен решать без столь любезных вам хитросплетений. Мне представляется совершенно обязательным, чтобы вы, господин Шираст, раз и навсегда отказались от взятого вами тона.

— К сожалению, господин профессор, я не могу переменить своего мнения. Если вам показался оскорбительным тон моих высказываний, я готов принести свои извинения. Я действительно, кажется, погорячился, узнав о вашем столь опрометчивом поступке, но по существу дела…

— Я просил бы вас и по существу дела высказаться, не руководствуясь различными посторонними, не касающимися экспедиции доводами, а сообразуясь только с интересами проводимых нами исследований.

— Необходимо не забывать, профессор, что исследования эти делаются в интересах фирмы «Ченснепп-каучук». Вы приняли условия господина Гуна Ченснеппа и, следовательно, не вольны распоряжаться по своему усмотрению как полученными результатами, так и добытыми здесь экспонатами.

— Статуя паутоанского божества принадлежит паутоанскому народу!

— О, господин профессор, конечно, я уважаю ваши крайне либеральные взгляды, но мне этот вопрос представляется слишком сложным и, я бы сказал, щекотливым. Мне кажется, его просто не следует касаться.

— Для меня этот вопрос не кажется сложным: я

никогда не забываю, что мы находимся на земле Паутоо.

— Которая фактически принадлежит Ченснеппу, господин профессор.

— Что?!

— Ну, не одному ему, разумеется, есть еще несколько крупных фирм, имеющих интересы на этих островах, немало средств вкладывающих в их развитие, однако «Ченснепп-каучук» доминирует. От Ченснеппа в какой-то мере зависят все эти фирмы, не говоря уже о предприятиях и торговых заведениях состоятельных паутоанцев.

— Все это, вероятно, так… Ну что же, тем хуже для паутоанцев… Значит, вы находите, что и мы, наша изыскательская группа ученых, должны быть на положении паутоанцев?

— Ну, зачем же так резко, профессор, поверьте…

— Не хочу! Давайте без обиняков. Если я не соглашусь на ваши требования, что вы намерены предпринять?

— Я распоряжусь прекратить финансирование и отзову все принадлежащее Гуну Ченснеппу оборудование.

«Вот каков оказался господин Шираст, — пишет Иван Александрович в письме Арнсу

Парсету, — *мне он был несколько подозрителен еще там, в метрополии, когда мы были с ним у этого ворочающего миллионами магната, а теперь... Ничего не поделаешь, мне просто не приходило на мысль, что все это обернется так пакостно. Да, дорогой учитель, я согласился с его наглыми требованиями. Пришлось согласиться, памятуя, что основные работы фактически еще не начаты. Издержки предстоят немалые, и в силу этого мы вынуждены полностью зависеть от благорасположенности этих господ. Я еще понимаю — Ченснепп, но этот, с позволения сказать... Ведь какой ни на есть, а ученый, притом человек, надо отдать ему справедливость, способный. Из него бы вышел, если не отменный, то по крайней мере очень обстоятельный и, может быть, заметный исследователь... Ну, да бог с ним... Понял я только, что попал в положение пренеприятное, однако не отчаиваюсь найти средство к выходу из него, и, как знать, может быть, в конечном счете господин Шираст останется с носом. А пока... пока весьма противно на душе. Только и отдохновения сейчас — это общение с нашим замечательным Преойто. Кстати, поклон от него. Вспоминает с радостью и душевной теплотой встречи с вами. Он все так*

же обаятелен и мудр, жизнерадостен и спокоен, хотя знает, что дни его сочтены. Преойто теперь прикован к своему креслу, и удел его — тихое наслаждение жизнью созерцательной. Пора и необременительная, и спокойная. Уже спокойная и еще не обременительная. Он болен настолько, что уже может позволить себе редко доступную роскошь не иметь нежелательных обязанностей, и все же бодр в такой мере, что не требуется за ним какого-либо унижающего ухода. Он умеет рассудительно и уверенно оценивать окружающий мир, видеть особенную красоту его, часто недоступную другим...»

В эти дни Иван Александрович часто бывает в белом низеньком доме под сенью кокосовых пальм, заботливо склонивших свои кроны над легкой черепицей. Домик прост и удобен. Широкая веранда почти со всех сторон окружает его внутренние и в жару сравнительно прохладные комнаты. Вечерами под неумолчный и ставший уже привычным шум живности, обильно населяющей тропики, Вудрум часами просиживает у кресла больного старика, слушая его содержательную, неторопливую речь, делясь своими планами изучения древней и загадочной истории Паутоо, невзгодами и сомнениями, с

благодарностью принимая его советы.

Преойто — потомок старинного влиятельного паутоанского рода. Он сумел сочетать в себе высокую культуру некогда, могущественного и славного народа Паутоо и многое из того, что принесла на Восток европейская цивилизация. Он одним из первых паутоанцев получил блестящее образование в Европе, его дом стал центром для свободомыслящей паутоанской интеллигенции и объектом подозрительного внимания колониальных властей. Преойто много сделал для своих соотечественников, достиг огромной известности и почета, оставаясь скромным, доступным и бескорыстным.

«Я не перестаю восхищаться Преойто, — пишет Вудрум Наталье Васильевне. — *Ты не представляешь себе, как скромен уклад жизни этого и по происхождению, и по личным достоинствам выдающегося человека.*

Я испытываю ни с чем не сравнимое ощущение радости, которое доставляет мне общение с Преойто. Его неторопливые, полные достоинства манеры показывают человека содержательного и уравновешенного. Все в нем говорит, что он унаследовал мудрость многих веков. Всегда чувствуешь себя в присутствии этого величавого

паутоанца невозможно наивным и малоопытным.

Наш господин Шираст весьма скептически, даже неодобрительно относится к моим визитам к Преойто. А я люблю у него бывать, отдыхаю у него душой и вовсе не намерен разделять страхов Шираста, уже потому настороженного, что Преойто — гордость и знамя паутоанцев — не угоден властям метрополии. Его стремление обеспечить торжество идеалов — истины, добра и красоты, его проповедь справедливости (он считает, что в мире должен быть один главенствующий закон справедливости, в силу которого никто не смеет строить своего счастья на несчастье другого) еще кое-как устраивает власти. Но их страшит другое. Преойто авторитетен, к его словам прислушивается народ, а он идет дальше многих националистов и учит, что надобно стремиться не к тому, чтобы заменить европейских властителей на паутоанских, а к правлению, действующему в интересах народа, служащему народу, к ликвидации бедноты и нищеты во всех ее проявлениях. Этого-то учения ему и не могут простить власть имущие. Ни европейские, ни паутоанские...»

Каждое свидание с Преойто радует Ивана Алек-

сандровича, прибавляет бодрости и уверенности. После любой встречи с ним легче переносить тяжелую обстановку, сложившуюся из-за Шираста. Шираст стал набирать в поисковую группу новых людей. Подчас он не утруждает себя тем, чтобы согласовать с Вудрумом свои действия, и явно стремится к тому, чтобы окружить себя нужными ему людьми. Незаметно получилось так, что русские оказались в меньшинстве. Нет былой сплоченности, единства, во всем начинает царить дух делячества.

Александра Вудрума не узнать в эти трудные дни. Он оживлен, деятелен. Впервые встретившись с житейскими невзгодами, с людьми разными, в том числе и нечистоплотными, а зачастую просто подлыми, он включается в борьбу активно, проявляя себя далеко не мягкотелым, настойчивым и, когда надо, даже отважным. Неиссякаемый оптимизм Бориса Шорпачева, несомненно, служит ему примером, и «русская партия», хотя и малочисленная, держится стойко. Находчивый, общительный Шорпачев сумел ближе других европейцев сойтись с рабочими-паутоанцами, стать и среди них своим человеком. Он вскоре выяснил, что Шираст в числе нанятых рабочих привез замаскированного служителя

храма Буатоо. Узнав, что его секрет раскрыт Шорпачевым, Шираст стал еще хуже относиться к юноше, выжидая удобного повода, чтобы уволить его из экспедиции.

Иван Александрович, его друзья не могут понять причины двойной игры Ширастa, сперва недовольного наладившимися отношениями с жрецами, а затем установившего с ними какие-то подозрительные связи. Услышав об этих происках, Вудрум то впадает в уныние, то грозится, несмотря ни на что, порвать с Ширастом и Ченснеппом. Однако он вскоре снова углубляется в работу, не в силах ничего предпринять, стараясь не обращать внимания на все ухудшающуюся обстановку в экспедиции.

А между тем успех следует за успехом. Расчищена часть площадки перед святилищем храма и уже найден кусок ветки, о которой можно с уверенностью сказать, что она из окаменевшей в свое время рощи, воспетой в легенде о Ракомо и Лавуме. Разобран завал нижнего портика храма, и там, среди хаоса обломков, найдена окаменевшая кисть руки Лавумы, а вскоре водолазы пробираются все дальше в глубь развалин и одному из них удается найти еще один обломок статуи Небесного Гостя, который Иван Александрович

Вудрум считал ядром метеорита. Но и эта радость омрачается Ширастом. Ширас уж очень много времени проводит вне экспедиции, то и дело посещает высокопоставленных лиц колонии. За спиной Вудрума ведутся какие-то переговоры. Ширас сносится с метрополией, посещает губернатора и жрецов Буатоо. Возня эта неприятна и подозрительна Вудруму, он чувствует, что затевается что-то неблаговидное. Все это кончается совершенной неожиданностью: Ширас заявляет Вудруму о необходимости прекратить подводные раскопки, и притом безотлагательно.

Судя по тому что работы не прекратились, Иван Александрович просто не посчитался с требованиями полномочного представителя Гуна Ченснеппа. В те дни Вудруму было не до того. Он все меньше бывает на месте раскопок, поручив их Плотникову и сыну, а сам почти все время проводит на основной базе экспедиции в Макими, работая над изучением добытых экспонатов. Все его внимание привлечено ядром метеорита. Осторожно, ювелирно, миллиметр за миллиметром он расчищает сердцевину космического тела, заброшенного из какого-то далекого мира.

Изучая извлеченные из ядра метеорита небольшие, похожие на арахис зерна, он убеждается,

что это не просто частицы неизвестного на Земле минерала. Зерна одинаковы, похожи друг на друга, на их поверхности сложный, повторяющийся на каждом зерне узор. Строение их явно показывает принадлежность к органическому миру. Но ни одно углеродистое вещество не имело такого огромного удельного веса. Что, если это действительно зародыши или какие-то зерна, споры неведомой, но явно силициевой жизни?

Долгие ночи просиживал Вудрум с Очаковским над удивительной находкой, изучая, споря, зарисовывая и записывая все возникшие соображения. И радость необычайного открытия, и вместе с тем страх охватывают ученого. Что, если в зародышах еще **таится жизнь и она сможет воспрянуть**, как некогда под ударом Рокомо? Что, если в зародышах притаилась на века неведомая, быть может, невероятно могущественная сила? Какова будет дальнейшая судьба этого открытия, в чьи руки эта сила попадет? Что произойдет тогда на планете?..

«13 мая 1914 года, среда.

Вчера за мной прислали от Преойто. Слуга сказал, что господин покорнейше просит прибыть к

нему незамедлительно. Я бросил все дела и поспешил к старцу. Он встретил меня извинениями, отослал слугу и пригласил для беседы.

Как описать ее, как передать вызванные ею чувства? Не припомню день более тягостный, чем вчерашний, разве только тот, когда пришел для последнего прощания с матушкой.

Застал я Преойто таким, как всегда, — приветливым, спокойным, однако уже в первые минуты мне показалось, что его неурочное приглашение вызвано обстоятельствами особенными. Был он тих и сосредоточен более обычного. Все так же ласков и умиротворен, однако чувствовалась в нем большая, чем обычно, отрешенность. Едва начав разговор со мной, Преойто сказал:

— Видимся мы в последний раз. Завтра я переступлю порог непознаваемого. Не возражай, мой друг, и не спеши с утешениями, которые хотя и возникают у тебя — я это знаю — сердечно, но сейчас излишни. Я долго прожил, изведал немало счастья, выпало на долю мою много и горьких минут. Такова жизнь, и я благословляю ее, вовсе не сетуя на неизбежность ожидающего всех нас. Не будем предаваться отчаянию и бесполезной скорби, а лучше истратим оставшееся время разумно. Я хочу рассказать о делах, всеми дав-

но забытых, еще об одной заманчивой загадке Паутоо. Посмотри, мой друг, внимательно, не подслушивают ли нас, и снова сядь возле меня.

Вот так. Хорошо. Давно я знаю тебя, знаю твою любовь к паутоанскому народу и потому именно тебе хочу в свои последние часы рассказать о сокровенном.

Это было давно. В те времена, когда жизнь нашего народа считалась полной, чудесным образом гармонировала с природой, а человек с восторгом и изумлением взирал на тайны Вселенной. Предания говорят, будто небо и земля тогда находились ближе друг к другу и люди, случалось, становились богами, а боги любили жить среди людей. То, что теперь мы относим к области чудесного, непостигаемого нашими чувствами и даже умом, тогда являлось доступным пониманию не только избранных, но и простых паутоанцев. Однако очень многое из того, что освоено человеком в наши дни, разумеется, было еще недоступно древним. Я хочу утешить себя мыслью о том, что, может быть, тебе удастся соединить знания, разделенные веками, и, когда ты изучишь свойства Золотой Ладьи, открыть ее тайну.

Род наш, как ты знаешь, старинный, и семейное

предание говорит, что на Паутоо во времена великого правителя Нийона жил смелый и мудрый человек, которого звали Преойто-Моу. Тебе известно, что паутоанцы в далеких странствиях и смелых путешествиях обнаруживают большую предприимчивость и много истинного мужества. С островов Паутоо еще в древние времена в далекие страны отправлялись хорошо оснащенные суда. Уже тогда предки наши общались с народами, о которых европейцы узнали не так уж давно. Так вот, предание гласит, будто именно Преойто-Моу, наделенный пытливым умом, необыкновенной жаждой познаний, и был создателем паутоанского флота. Он первым предпринял отважные морские путешествия, чем и прославил Паутоо. Царь Нийон приблизил Преойто-Моу, щедро вознаградил его, и Преойто-Моу стал одним из самых значительных людей в стране, а вскоре полюбил прекрасную царевну Рагнаа.

Говорят, что еще в те времена паутоанцы якобы ходили к берегам островов, которые теперь называют Новой Зеландией, и Преойто привез оттуда чудесную птицу поэ. Темно-зеленая, отливающая блеском, словно сталь, с пучком белых, как морская пена, перышек на изящной шейке, эта

птица наделена такой способностью петь, какой не обладает ни одна из ее пернатых сородичей. Поэ превосходно подражает всем услышанным звукам, особенно голосу человека. Преойто-Моу в долгом пути от новозеландских берегов пел песни своей родины, и поэ научилась петь голосом Преойто-Моу. Никто не мог отличить ее песен от песен Моу, который был превосходным певцом. Чудесную птицу он подарил принцессе Рагнаа, и с тех пор в прекрасном дворцовом саду часто слышалось пение Преойто, а ее сердце стало принадлежать прославленному моряку.

Царь Нийон воспротивился этой любви, так как обещал свою дочь князю Тансея, но Рагнаа и слушать не хотела ни о ком, кроме Преойто-Моу. Всемогущий правитель Паутоо не в силах был противиться единственной, беззаветно любимой дочери. Он знал ее порывистость и отвагу, настойчивость и волю, понимал, что, полюбив, она будет готова на все вплоть до смерти, и пустился на хитрость. Он дал согласие на ее брак с Преойто-Моу, но при том условии, что знаменитый открыватель дальних и богатых стран женится на его дочери только по возвращении из плавания к легендарной земле Анупау.

Узнав о таком решении, Рагнаа в отчаянии

бросилась к своему дяде, верховному жрецу храма Буатоо, умоляя его повлиять на отца, уговорить отца смягчить свое решение, так как боялась, что Моу не вернется из опасного похода к таинственной стране.

Жрец, любивший свою прелестную племянницу, утешил ее, пообещав непременное возвращение Преойто-Моу, если она вернет любимому его подарок и если эту чудесную птицу он будет всегда, в течение всего похода, оберегать, лелеять и держать при себе.

Все дни и вечера стала проводить принцесса в своем саду среди прудов и фонтанов, окруженная диковинными растениями и прекрасными постройками, созданными искуснейшими мастерами Паутоо, напевая песни прощания с любимым, и птица поэ научилась петь ее голосом.

Быстро пролетели оставшиеся до похода дни. Вот уже готовы суда, предназначенные для невиданного плавания, вот уже наступил час расставания.

Принцесса Рагнаа вернула Моу его дар.

Ушли корабли к неизвестным, манящим и страшным берегам.

Во многих странах побывали отважные мореплаватели, везде спрашивая людей о путях

к таинственному материку Анупау, но нигде не могли узнать о нем ничего определенного. Прошло больше года, а моряки, истосковавшиеся по родным островам, все еще не могли ничего разведать и начали впадать в уныние, болеть, а некоторые из них умерли, так и не дождавшись возвращения на родину. Трудно было Преойто-Моу, труднее, чем всем остальным, однако у него было великое утешение — птица поэ, не устававшая петь голосом любимой.

Не мог вернуться Преойто-Моу, не найдя земли Анупау, потеряв надежду на счастье с любимой, и отважился пересечь Великий Океан. Много месяцев шли суденышки через ласковый в ту пору и спокойный океан. Все же достигли смельчаки цели, и свидетельство тому стоящий и до сих пор на Паутоо обелиск с изображением медного человека, вывезенного из той удивительной страны. Но обратный путь оказался ужасным. Разыгрались бури на Великом Океане, погибло два суденышка вместе с находившимися на нем моряками, и люди сбились с пути. Не знал и Преойто-Моу, как довести оставшиеся суда к благословенным родным берегам Паутоо, растерявшись среди необозримых волн, обуянный ужасом перед величием и безответственностью стихий.

И тогда произошло чудо. Птица поэ превратилась в Золотую Ладью, в маленький кораблик с крыльями такими же, как у поэ, с носом та-

ким же, как у поэ. И кораблик этот, висевший на тоненькой золотой цепочке, всегда указывал на Паутоо.

Исполнилось пророчество верховного жреца: не потерялся Преойто-Моу в безбрежных водах океана, нашел благодаря Крылатой Ладье дорогу к родным островам, благополучно прибыл в Макими, но там его ожидало непоправимое. В тот самый час, когда поэ перестала петь, превратившись в Золотую Ладью, навеки умолкла, так и не дождавшись возлюбленного, принцесса Рагнаа.

Вот о чем говорит наше семейное предание, — закончил старый Преойто, надолго опустив веки, застыв в своем кресле. Я с тревогой смотрел на него, улавливая в неподвижном теле признаки жизни, не представляя себе, почему в эти, как он считал, предсмертные часы он истратил столько сил и времени на пересказ семейного предания.

Быстро темнело. С океана потянуло оживляющей прохладой, зашумели за верандой беспокойные ночные обитатели тропиков, а я все сидел у кресла Преойто, боясь нарушить покой его, раздумывая над случившимся.

Вдруг он открыл глаза. Спокойно, будто и не впадал в длительное небытие, поманил меня к себе и четко выговорил:

— Пойди посмотри, не появились ли поблизости от нас чьи-то слишком внимательные уши.

Я снова осмотрел все помещение, правда доволь-

но невнимательно, так как пребывал в состоянии несколько растерянном и возбужденном. Когда я вернулся на веранду, Преойто протянул мне связку ключей.

— Пойди к черному шкафчику, что в моей комнате. К тому, инкрустированному бирюзой и перламутром. Отомкни его этим ключом. На задней внутренней стенке увидишь отверстие. В него опусти вот этот мой перстень, и тогда откроется потайная дверца. Увидишь вырезанную из кости шкатулку. Возьми ее и неси сюда.

Я проделал все в точности. Почему-то у меня дрожали руки. Нервы были возбуждены, и я ругал себя, что против обыкновения владею собой далеко не так, как должно.

Резная шкатулка была поставлена на низенький столик у кресла больного. Преойто смотрел на нее как-то пристально, вроде даже весело. Лицо его, темно-бронзовое, почти коричневое, с чертами строгими и впечатляющими, было особенно величественно в этот момент, а в глазах, спокойных и мудрых, светилась лукавинка. Руки у него были тонкие, умные; они потянулись к шкатулке, и шкатулка распалась. Я не успел заметить, как это произошло. Передо мной была Золотая Ладья, какую описал только что

Преойто.

На большой пластинке полированного рубина была укреплена стоечка с кольцом. К верхней части кольца на тончайшей цепочке (без лупы не рассмотреть звеньев) висела крылатая лодочка искусной работы.

— Ты знаешь, — спросил меня Преойто, — в каком направлении от моего дома находится храм Буатоо? — Я указал на восточный угол веранды. Правильно. Посмотри теперь, куда указывает эта птичка. — Нос кораблика, выполненного в виде клюва новозеландского поэ, указывал на восточный угол веранды. — Куда бы ты ни отнес эту Ладью, — продолжал Преойто, — она будет неизменно указывать не на север, как изобретенный китайцами компас, нет, на Буатоо. Еще в молодости, вскоре после того как я получил от отца эту семейную реликвию, я проверял ее всячески: уезжал с нею на дальние острова, бродил в разных направлениях вокруг храма и всегда ее острие было направлено на то место, где стоит храм Небесного Гостя. В Европе Золотая Ладья указывала на острова Паутоо. Этот удивительный компас я брал с собой в храм Буатоо и незаметно для окружающих ухитрялся наблюдать за ним в самом храме. В Буатоо острие указывало на то место, где, по преданию, находится Верхний Храм, до сих пор ревностно охраняемый жрецами от непосвященных.

Преойто собрал ловко устроенную шкатулку, чудо-птица скрылась в ней, и он протянул ко мне иссохшие, морщинистые руки со шкатулкой.

— Возьми! Себе возьми!

Я не в силах был поднять своих рук и оторопело смотрел на реликвию.

— Бери. Ты достоин. Ведь ты знаешь; у меня нет наследников. Мне трудно держать, Вудрум, возьми, пожалуйста.

Я взял шкатулку.

— Мне выпала горькая участь пережить сыновей и еще горшая — не иметь внуков. Не дай бог тебе такой доли!.. Ты еще полон сил. Ум твой смел и меток... Ты уже много сделал, чтобы проникнуть в древнюю тайну Паутоо. Пусть же удача сопутствует тебе и дальше. Я знаю: ты любишь наш народ, ты сумеешь рассказать миру о его былом правду, открыть людям то, что было похоронено в течение стольких веков. Может быть, тебе доведется разгадать и тайну Крылатой Ладьи, так стремящейся к Верхнему Храму; открыть, что же в нем находится сокровенного, какие силы, еще не известные науке, влекут туда этот проплывший через столетия кораблик. Держай... Прости... И прощай. А сейчас... Сейчас иди... Предоставь меня уединенному размышлению.

15

мая 1914 года, пятница

Вчера, в два часа пополудни, скончался Преойто…

17 мая 1914 года, воскресенье

Проводы Преойто в его последний путь, кажется, выльются во всенародное шествие. Весть о смерти паутоанского учителя распространилась со скоростью непостижимой. В Макими съезжаются люди с отдаленнейших островов. Приезжают паутоанцы и из других стран. Возбуждение в столице небывалое и весьма тревожащее власти. В Макими много военных частей, прибывших сюда из Пога и Уинасса.

В устье Матуана вошли две канонерки метрополии…»

Глава восьмая

●

Сиреневый кристалл

В день, на который были назначены похороны Преойто, произошли события, в корне изменившие по сути судьбу экспедиции.

С утра Иван Александрович не поехал на Себату, а остался в Макими, собираясь принять участие в похоронах. Неожиданно в отель вбежал вконец измученный, запыхавшийся Шорпачев.

— Иван Александрович, скорее, скорее на Себату!

— Что с тобой, Борис? Что случилось?

Шорпачев тянул профессора за рукав, широко раскрывал рот, силясь ответить, но, видимо, был не в состоянии произнести ни звука. Промчавшись по жаре от пристани до отеля, он не в силах был говорить. Вудрум понял, что произошло нечто из ряда вон выходящее, и, уже не сопротивляясь, вышел к извозчичьей коляске, помог Шорпачеву взобраться в нее и крикнул:

— В порт! Живее!

Только немного отдышавшись, Шорпачев наконец выдохнул:

— Шираст храм хочет взорвать.

Пока ехали к порту, молодой человек успел немного прийти в себя и рассказал Вудруму, как ему удалось удрать с базы, как друзья паутоанцы привезли его на быстроходной лодке в Макими.

А на месте раскопок произошло следующее. Небольшие подводные взрывы производились экспедицией часто. Это помогало удалять мешав-

шие водолазам скалы, коралловые образования.

Шираст, имея теперь в составе экспедиции своих людей, распорядился заложить такое количество динамита, от которого могли погибнуть развалины найденного под водой храма.

— Ну, а Николай Николаевич? Он-то что же?

— Иван Александрович, так ведь у Шираста в руках взрыватель. Мы с Александром Ивановичем было к нему, а он говорит: «Не подходи — взорву!» Николай Николаевич тогда и распорядились удалить всех с плота. Боялись, видать, как бы этот шалый и с людьми не рванул. С него станется!

— Ну, ну, Борис, не забывайся. А баржи? Баржи-то как? Оборудование?

— Николай Николаевич приказали отбуксировать.

От коляски к катеру Вудрум бежал, не отставая от Шорпачева, забыв про свои пятьдесят два года. Такого паутоанцы еще не видели. Они привыкли к тому, что европейцы метрополии не идут, а шествуют, не говорят, а изрекают и уж никогда, конечно, не бегают.

Катер шел к островку на предельной скорости. Вот уже видна мрачная оголенная вершина острова — Себарао, вскоре в бинокль можно будет

увидеть, что делается у подошвы горы, у берега, близ которого стоят баржи экспедиции. Но поздно. Еще не показалась белая полоска прибоя, а Вудрум и Шорпачев увидели гигантский столб воды, выброшенный над тем местом, где еще утром велись работы экспедиции.

Взрыв в лагуне взбудоражил Макими, отвлек в какой-то мере внимание паутоанцев от истории, связанной с похоронами Преойто. А история эта была довольно загадочной. Утром в понедельник, когда толпы людей стали стекаться к домику Преойто, было объявлено, что он, согласно его последней воле, похоронен на скалистом безлюдном островке Биу, в самой дальней, восточной части архипелага. Как и когда это произошло — осталось невыясненным. Возбуждение толпы было огромным, но никто не знал, что предпринять. Взрыв у берегов Себату усилил растерянность. В толпе начали сновать какие-то люди, распространяя слухи о гибели дерзких ученых, посягавших на паутоанскую святыню. Кто-то уже говорил, что находящийся в Буатоо обломок статуи Небесного Гостя шевелится и начинает расти. Многие поспешили к храму, многие устремились в порт. Словом, замешательство было изрядным и усиливалось тем, что еще ночью были аресто-

ваны наиболее активные, преданные Преойто паутоанцы.

…Вудрум нашел Шираста в экспедиционном поселке. Едва владея собой, он закричал:

— Кто дал вам право, господин Ширас, бесчинствовать?!

— Присядьте, профессор. Вот стаканчик холодного аполлинариса, и давайте поговорим рассудительно, спокойно.

— Не паясничайте, господин хороший, я еще раз вас спрашиваю: какое вы имели право самолично, не сообразуясь ни с моим мнением, ни с мнением прочих членов экспедиции, варварски загубить дело, на которое нами уже потрачено столько усилий? Что все это значит, наконец? — Вудрум все же сел и залпом выпил искристый, чуть запотевший стакан минеральной воды.

— Иван Александрович, я ведь предупреждал вас. Я ставил вас в известность о том, что подводные раскопки необходимо прекратить, но вы не посчитались с нашими требованиями и настаивали на продолжении работы.

— Мы получили на них разрешение губернатора.

— О, с тех пор многое изменилось. И в этих изменениях немаловажную роль сыграл ваш

неосмотрительный поступок. Вы меня простите, профессор, но нельзя же в наше время вмешиваться в дела политические, не учитывая, к чему это может привести.

— Вы отлично знаете, что я ни в какие политические дела не вмешивался.

— А ваш дар храму Буатоо? Он-то и сыграл в политике Паутоо немаловажную роль. Вы ведь знаете, что в народе давно стала угасать вера в Небесного Гостя и жреческая партия влачила довольно жалкое существование. Теперь, обретя «святыню», она воспрянула духом. Со всех сторон архипелага к храму Буатоо начали стекаться тысячи паутоанцев. Но самое неприятное заключается в том, что жреческая партия, сама по себе слабая, объединилась с национальной партией, а та, пользуясь этим, стремится приобрести влияние на народ, возглавить его борьбу с властями колонии, чего, само собой понятно, метрополия допустить не может. Мы живем в реальном мире, и, поверьте, как ни увлекает меня перспектива заняться историческими изысканиями, я всегда должен считаться с тем, что происходит в окружающей нас действительности. Вот и теперь, вместо того чтобы отдаться дорогому мне делу, я обязан был улаживать вызванный вами конфликт.

— Ах, вот вы как поворачиваете! Значит, по вашему разумению, я во всем и виноват?

— Хотели вы этого, профессор, или нет, но вы способствовали усилению на Паутоо революционного брожения.

— Ерунда какая-то.

— Вовсе нет. Это жизнь. Согласитесь, религия — это всегда политика. Вот политика — это уже не всегда религия. Жрецы на Паутоо, кому бы они ни поклонялись, могут существовать и усиливать свое влияние только в том случае, если они будут опорой колониальных властей. Сейчас они все больше и больше уходят из-под контроля метрополии. Вот потому и нельзя было допускать, чтобы продолжались раскопки храма. Теперь уже найдены такие реликвии, как ветка из священной рощи, рука Лавумы. Фанатики, подогреваемые националистами, потребуют их, ведь о находках уже знают. Что прикажете делать тогда?

— Отдать, конечно.

— О, нет, дорогой профессор! Это не так просто. Отдать реликвию — это значит усилить мощь паутоанского движения, не отдать — это может послужить поводом к всеобщему подъему колонии против метрополии. Храм Буатоо надлежит

держать в руках. Кто владеет храмом, тот владеет сейчас огромной силой.

— Ваши соображения, может быть, и верны, но они меня не интересуют. Я занимаюсь своим делом и не намерен ввязываться в ваши дела. Я считаю себя свободным от обязательств, данных Гуну Ченснеппу.

— Вот как?!

— Разумеется. Вы, его полномочный представитель, первым нарушили договоренность, прекратив раскопки без согласования со мной.

— Я же объяснил вам причины…

— А мне это безразлично. Договариваясь с Ченснеппом, мы не рассматривали вопрос, сообразуясь с политической ситуацией на Паутоо. Не так ли?

— Совершенно верно, профессор, но поймите мое положение; я обязан соблюдать интересы Ченснеппа и вместе с тем я не могу отказаться от возможности вести с вами работу. Я получил от вас так много. Сделанные вами открытия, перспектива опубликования совершенно неизвестных науке данных о силициевом Веке Созидания на Паутоо — ведь это…

— Это все, видимо, вас интересует меньше, чем доходы, получаемые с Паутоо как Ченсне-

ппом, так и вами. Ведь вашим батюшкой, если не ошибаюсь, немало средств вложено в здешние плантации.

— Я не делаю из этого секрета. Отец мой — состоятельный человек, это и дает мне возможность заниматься интересующей меня областью науки. Ведь и вам, господин профессор, потребовались немалые средства, чтобы осуществить свои планы. Ведь и вы столкнулись с необходимостью прибегнуть к финансистам.

— Столкнулся и очень сожалею.

— Ничего не поделаешь, такие взаимоотношения необходимы, хотя и не всегда бывают приятны. Я никогда не разделял тенденцию тех ученых, которые считают, что наука должна стоять над или вне политики, государства, партий. Не могу понять, почему столь распространено это заблуждение. Ведь всегда, во все времена наука была подчинена политике. В наше время в особенности. В XX веке развивающаяся промышленность потребует от науки всех ее сил, но и даст науке такие материальные возможности, каких она еще никогда не получала.

— Бедная наука. Впрочем, мы отвлеклись. Меня все это не прельщает. Спасибо, я уже сыт по горло. Я получил такое, что с меня вполне достаточно.

— Простите, не верю.

— Чему?

— Тому, что вы откажетесь от своих планов, от прекрасного стремления к познанию, открытиям, научному подвигу.

— Вы правы — не откажусь. Но от сотрудничества с вами, с Ченснеппом и подобными вам господами отказываюсь. Решительно. Я возвращаюсь в Россию.

— Вы это говорите, чтобы меня дезориентировать. Хотите, чтобы я поверил в ваш отъезд отсюда.

— Почему бы вам и не поверить? Раскопки вести теперь бессмысленно, да и, нужно сказать, основное найдено. Домой! Домой! На камеральную, как говорят, обработку. Вы собираетесь в Европу?

— Иван Александрович, раньше вас я отсюда не уеду. Я еще пригожусь вам.

— Для погрузки? С этим справится Василий Афанасьевич.

— Еще раз простите, профессор, но позвольте быть откровенным… Вам не удается роль дипломата. Я не могу поверить и представить себе, зная вашу настойчивость, умение добиваться своего, что вы покинете Паутоо, не попытавшись

пробраться в Верхний Храм, не узнав тайны его притягательной силы для Золотой Ладьи…

— Вы… Вы… Проникли и в это? Ваши щупальца протянулись и к священному для меня дому Преойто?.. Да как вы смеете!

Вудрум выбежал из домика Шираста, задыхаясь от гнева, преисполненный отвращением к окружающей его подлости и обессиленный всем случившимся. Таким его и нашел на маленькой пристани Александр. Он поджидал отца на веранде бамбукового домика и все слышал. Сидел он тихо, сжав кулаки, готовый избить Шираста, но понимал, что дело не в Ширасте, конечно, и отчетливо представлял, что дракой ничего не исправишь.

— Ну, что же будем делать, отец? — Вудрум молчал. — Мне жаль, что ты так расстраиваешься из-за Шираста. Плюнь на этого прохвоста. Ты вынужден был терпеть Шираста, когда в его руках были основные материальные средства экспедиции, необходимые для дорогостоящих подводных раскопок. А теперь? Иван Александрович с удивлением и радостью посмотрел на сына. — Для похода в Верхний Храм не потребуются катера, островки-баржи, электростанция, водолазное снаряжение. Мы проберемся к святилищу сами,

маленькой группой и узнаем все, поймем, что притягивает на огромном расстоянии Ладью. И… И вернемся в Петербург…

Вудрум ничего не ответил Александру, а только пожал ему руку. Крепко, как верному и чуткому товарищу. Для Ивана Александровича в эти минуты его сын родился во второй раз. Родился таким, каким он его хотел видеть в жизни.

19 мая, утром, закипела работа; экспедиция начала быстро сворачиваться.

Ширaст, кажется, впервые растерян. Он всячески заискивает, еще и еще раз доказывая, что действовал по необходимости, стараясь уладить все как можно лучше, что прежде всего он ученый и готов разделить все трудности похода к Верхнему Храму с Вудрумом и его сотрудниками. Но профессор понимал, что Ширaст в лучшем случае хочет разделить с ним славу открытия. Вудрум непоколебим. Освободившись теперь от материальной зависимости, он отбирает для рискованного, но заманчивого похода безусловно преданных ему людей и только самое необходимое. Все, что только можно, оставляется в Макими, с тем чтобы по возвращении из похода к Верхнему Храму взять с собой в Европу. Самые сокровенные находки — руку Лавумы, ветку из

окаменевшей рощи и зародыши Иван Александрович решает взять с собой, боясь расстаться с ними и на минуту. Реликвии тщательно упаковываются, и Шорпачев запаивает их в жестянку из-под консервированного датского масла.

Давно уже Вудрум не чувствовал такой приподнятости, облегчения, как в эти дни сборов, подготовки к новому, манящему и многообещающему походу. Все приготовления делаются быстро, весело, полностью игнорируя Шираста. Иван Александрович уже считает, что окончательно отделался от него, но и на этот раз ошибается.

Когда подготовка к походу была почти закончена, Шираст доказывает Вудруму, что затея эта совершенно несостоятельна. Он доверительно сообщает, как все время, даже в обход местных властей, поддерживал связь с жреческой верхушкой и одновременно подкупал жреца-предателя, который сообщал ему о замыслах жрецов. В храме Буатоо уже известно намерение Вудрума посетить Верхний Храм, и жрецы не остановятся ни перед чем, чтобы погубить экспедицию. Она не дойдет выше скалы Прощания. Дальнейший путь к храму преодолеть не удастся: там уже подготовлены засады. Жрецы и на этот раз не до-

пустят, чтобы европейцы проникли в их тайное святилище.

Шираст предлагает другое. Все имущество и люди должны быть погружены на пароход, через несколько дней отправляющийся в Голландию. Устраиваются официальные проводы, и все сочтут, что ученые покинули Паутоо. Однако имущество должно быть разделено на две части: одна и в самом деле будет отправлена в Европу, другая, меньшая, необходимая для похода к Верхнему Храму, упакуется отдельно. Как известно, пароход делает остановку на Нересу, последнем острове архипелага, и дальше берет курс на Европу. На Нересу группе, предназначенной к походу, надо сойти и окольными путями, переправляясь на небольших катерках, курсирующих между островами, а затем и на паутоанских лодчонках, незаметно подплыть к острову Сеунор с западной, безлюдной, заросшей непроходимыми джунглями стороны. В восточной части Сеунора от храма Буатоо идет дорога к Верхнему Храму. Сейчас ею не удастся воспользоваться: она охраняется жрецами, уверенными, что с остальных сторон храм неприступен. Западный склон, действительно, считается непроходимым, однако Шираст разыскал человека, который знает потайную тропинку

и берется провести маленькую группу до самых развалин Верхнего Храма.

Предложение Шираста показалось Вудруму уж очень неприятным, однако он не мог не согласиться с силой его доводов. Он сам знал, что жрецы не пропустят его выше Буатоо. Переговоры с ними ни к чему не привели, губернатор категорически отказался от вмешательства в эту затею, опасаясь эксцессов.

Вся группа энтузиастов поддерживала Ивана Александровича в его стремлении исследовать необычайное явление. Сомнения этического порядка больше всего беспокоили самого Вудрума. Все остальные считали, что, коль скоро заброшенный много веков храм, оживающий раз в году в день «пришествия» Небесного Гостя, таит в себе нечто неизвестное науке, необходимо проникнуть в его развалины, не считаясь с суевериями паутоанских жрецов. Обсуждения были горячими. Вспоминали, как европейцы впервые проникли в Лхасу — город, куда далай-ламы так упорно не допускали иноверцев; в египетские пирамиды и храмы, сокровища которых теперь известны всем; в буддистские дагобы, тысячу лет хранившие древние реликвии, теперь тоже встречающиеся в музеях. Примеры эти мало успо-

каивали совесть профессора. Он долго не решался на шаг, казавшийся ему уж очень сомнительным, но наконец не устоял.

— Мы предпримем это исследование, господа, только в том случае, если не встретим открытого сопротивления. Никакого насилия, ни одного неблаговидного поступка! Если считать правильными имеющиеся у нас сведения, то обстоятельства таковы. Храма, собственно говоря, нет. Остались две стены и полуразрушенные колонны, невысокий постамент среди них, на котором стоит нечто неведомое нам, составляющее предмет поклонения тех паутоанцев, которые еще верят в божественное происхождение Небесного Гостя. В этот храм, расположенный на самой возвышенной части Сеунора, семьсот лет назад перенесены какие-то реликвии, спасенные при затоплении священной рощи и статуи Небесного Гостя. Вот, насколько мне известно, и все. К нему ведет от Буатоо трудная, давно не поддерживаемая жрецами дорога, по которой раз в году и пробираются к святилищу давшие обет паломники. Обыкновенно жрецы не охраняют дорогу к Верхнему Храму. Да это и понятно: никто не поддается искушению проникнуть к нему, исследовать его. Если бы не дар, полученный мной от

Преойто, то и нам, надо полагать, не пришло бы на ум так настойчиво стремиться именно к этим развалинам. Мало ли их, древних и загадочных, разбросано по этой удивительной и так еще мало изученной стране? Но вот указывает Золотая Ладья на Верхний Храм, и это не дает нам покоя. Так что же будем делать, господа?

— Идти!

— Во что бы то ни стало пробраться к развалинам!

— Узнать, что будет делаться с лодочкой там, у самого святилища.

— Это все равно что побывать с компасом на магнитном полюсе…

— И ничего не найти там, кроме льда и снега…

Во время этих оживленных дискуссий Шираст вел себя скромнее скромного, боясь справедливых попреков Вудрума, не простившего ему посылку соглядатаев в дом умирающего Преойто. Шираст оживился только тогда, когда решение уже было принято и начиналась подготовка к осуществлению предложенного им плана. Прежде всего предстояло решить, в каком составе следует идти к Верхнему Храму. По всем соображениям, группа должна быть маленькой. Проводник ни при каких условиях не соглашался вести

больше четырех-пяти человек, и Шираст, все же дождавшись удобного случая, требует исключить Шорпачева. Вудрум снова почувствовал зависимость от Шираста, но и на этот раз ничего не мог поделать: оставалось или настоять на своем, не отпуская нужного экспедиции молодого человека, или не иметь ширастовского проводника, знающего потайную дорогу к Верхнему Храму.

С тяжелым чувством Иван Александрович начал разговор с Шорпачевым. Он предложил ему вместе с Василием Афанасьевичем сопровождать в Европу имущество экспедиции, заверил, что по прибытии в Петербург позаботится о его дальнейшей судьбе, поможет получить образование — словом, был ласков и предупредителен. Не без волнения ожидал Иван Александрович, как воспримет все это Борис, до этой минуты считавший себя непременным участником похода. К немалому удивлению Вудрума, молодой человек ничем не проявил своего огорчения.

Теперь Ивана Александровича не оставляло беспокойство при мысли о том, как все это воспримет Александр, как расстанется с Борисом, с которым они за короткий срок стали очень дружны, успели вместе, подчас рискуя жизнью при подводных поисках, добыть так много для

экспедиции. Безразличие, проявленное Шорпачевым, резануло впечатлительного и немного сентиментального пожилого человека. Неужели эта неблагодарность, сухость порождены разницей в положении, занимаемом в обществе Вудрумами и этим пареньком? Иван Александрович решил подготовить сына, не дать ему пережить разочарование, которое он и за себя, и за него уже пережил, разговаривая с Борисом. Александр, несмотря на такт и заботливость, проявленные отцом, воспринял весть о необходимости уволить Бориса тяжело и нисколько не изменил своей привязанности к другу. А тот, как всегда, был неунывающим, бойким и веселым. От предложения составить компанию Василию Афанасьевичу он вежливо, но твердо отказался, сославшись на какие-то дела в Макими, и, расставаясь с друзьями, самым приветливым образом размахивал на пристани платком до тех пор, пока неразличимыми стали их лица, пока не скрылся за отрогами гор пароход…

Поход начался удачно. Видимо, никто не сомневался, что исследователи окончательно покинули Паутоо. Ученые не были уверены, а

не следит ли кто-либо за ними на пароходе, но и это обстоятельство не упустил из виду Шираст. Высадка поисковой группы именно на Нересу была намечена не случайно и должна была определить многое. Сойдя с парохода на малолюдном островке, она без труда почувствовала бы за собой слежку.

Маленькой экспедиции, в которую кроме Вудрумов и Шираста входили Плотников и Очаковский, удалось незамеченной пристать к западному берегу Сеунора, откуда начался трудный и столь трагически закончившийся поход.

Джунгли подступали к самой воде. Сплошная, без разрыва, без какого-нибудь видимого лаза стена растительности высотой в десятки метров преграждала путь неискушенному путешественнику. Кажется, шага невозможно сделать в этом чудовищном переплетении безумствующей природы, пробиться через роскошную и зловещую чащу, в которой смешалось все тянущееся к жизни и уже отжившее. Вокруг лесных гигантов, стволы которых уходят куда-то в недосягаемую высь, ярус за ярусом пробиваются к солнцу, к свету пальмы и ротанги, мхи и кустарники. Изобретательность природы здесь демонстрируется с невероятной изощренностью. Растения сплета-

ются так, что только немалые знания да умение ловко орудовать специальным ножом помогают кое-как пробраться через этот не желающий пускать к себе человека зеленый океан.

Нужно отдать справедливость проводнику Шираста: он, особенно на первых порах, оказался на редкость толковым и знающим. Как только нанятые для похода паутоанцы укрыли лодки в надежном месте, вся процессия во главе с проводником начала довольно успешно двигаться в, казалось, совсем недоступных зарослях.

Первый день пути был очень утомительным, но закончился благополучно: до наступления темноты путешественники выбрались к небольшому ручью и здесь в относительно спокойном месте разбили лагерь и устроились на ночлег.

Утро следующего дня выдалось радостным, путь вдоль ручья показался более легким, чем вчерашнее сражение с неумолимыми и коварными зелеными стражами Сеунора. К полудню прошли намеченную часть дороги и, расположившись на привале, стали обсуждать планы дальнейшего наступления на джунгли. Вот в это-то время и начал впервые беспокоиться проводник, настаивая на том, чтобы поскорее пройти открытый участок дороги, вьющейся вдоль ручья,

спрятаться в зарослях и начать подъем в горы. Торопливость его, настойчивое желание уйти от ручья были непонятны ученым, но добиться от него объяснений им не удалось.

— Друзья мои, — сказал Вудрум, — здесь капитан не я, а наш проводник. Считаю его мнение обязательным и предлагаю, не откладывая, двинуться в поход! К вечеру мы должны расстаться с равнинной частью пути.

Привал никого не удовлетворил. Не отдохнув как следует, все снова отправились в путь. До захода солнца успели прийти к месту, намеченному проводником для бивака. Таким образом, большая часть пути была пройдена удачно. Осталась, правда, самая трудная — подъем по горным чащам, но у всех было вполне определенное впечатление, что проводник действительно хорош, ведет группу уверенно, и участники похода, воодушевленные близостью цели, стали весело устраиваться на ночлег.

Костер проводник разжигать не позволил.

Это вызвало недоумение у исследователей и шум среди носильщиков, однако проводник был неумолим и всем вновь пришлось подчиниться. Как и на полдневном привале, проводник снова стал беспокоен, но и, как тогда, оставался

молчаливым. Еще на предыдущем биваке он не позволял пить воду из ручья. Здесь он срезал кусок лианы метра два длиной и вылил из него литра полтора воды. Воду из лиан теперь пили все, хотя никто и не находил этот источник достаточно приятным.

Усталый лагерь быстро заснул, а часов в десять вечера темноту прорезал крик. Долгий, протяжный крик умирающего в муках человека. Все усилия Очаковского, самого медицински образованного человека в экспедиции, ни к чему не привели: носильщик корчился в судорогах минут десять, затем распрямился весь и застыл.

Ночь не принесла отдыха. Тревога подкрадывалась вплотную.

Похороны носильщика заняли немного времени и не вызвали среди паутоанцев паники, так как они считали, что их товарища укусил тоу-бы — смертельно ядовитый паук, и поход продолжался.

Тропинка — если можно назвать тропинкой ложе иссякшего горного ручья временами поднималась почти отвесно. Перелезая с камня на камень, цепляясь за скользкие, сочащиеся водой уступы, люди метр за метром преодолевали препятствия. Ноги постоянно срывались с гладких

камней или разъезжались на липкой красноватой грязи. Отсюда, с почти отвесных обнаженных склонов, сложенных из серых, желтоватых, красных и коричневых лавовых масс, виден был противоположный склон ущелья. Разделявшая оба склона пропасть кипела зеленью, испускала доносящиеся и сюда, на довольно большую высоту, пряные, удушающие ароматы. Пропасть уходила все дальше, вниз, и вскоре из-за нависшей скалы, увитой ползучей зеленью, усеянной огромными яркими цветами, показался океан — ярко-голубой у берега, скрывающийся в белесом жарком мареве на горизонте.

Снова подъем, еще один потруднее, и наконец измученные путешественники почувствовали живительную прохладу, представляющую на этой высоте столь приятный контраст с томительной, банной жарой равнинных джунглей.

Казалось, что могло быть отраднее этого привала, когда позади остался самый трудный участок пути, когда прохладно и сухо, почти нет нещадно жалящих, порой приводящих в исступление насекомых, а впереди, совсем близко, заветная цель! И все же тревога не покидает никого из участников похода.

Проводник как-то по-особенному озабочен,

суетлив. Иван Александрович по возможности спокойнее и ласковее завел с ним разговор, устроившись, как и паутоанец, на корточках, но проводник не успокоился, все время оглядывался по сторонам и наконец заявил, что дальше не пойдет. Он не знает, где именно находятся развалины храма. Вот отсюда, от этой скальной площадки, надо идти немного вверх, но куда — он не знает. Несколько путей ведут к древнему разрушенному храму. И этот — прямо, и вот тот, левее. Можно и вправо взять. Пойти к вершине можно любым из них, но в каком направлении святилище — он не знает, идти не хочет. Вудрум достал шкатулку с Золотой Ладьей, и она указала направление. Проводник не удивлен и не обрадован. Он продолжает настаивать на возвращении. Вместе с тем он, как видно, чем-то напуган настолько, что и возвращаться боится.

Иван Александрович посоветовался с друзьями. Никто не может понять, что же происходит, но все чувствуют, как нарастает тревога. Серафим Петрович как-то больше всех ослаб, недомогает. Вудрум предложил остаться на привале, подождать, пока Очаковскому станет лучше, но он, волнуясь, протирая очки чаще обычного, спорит, не соглашается, просит:

— Что же я буду… из-за меня будем задерживаться все. Право, ни к чему, господа. Одолеем эту скалу, а там, на самой вершине, развалины. Ведь так? Ну, пожалуйста, не откладывайте из-за меня. Иван Александрович, прикажите собираться. А я полежу немного. Как все будут готовы, и пойду. Я двужильный, вы же знаете, дойду… Лишь бы с вами… Лишь бы со всеми быть, не расставаться…

Это были последние слова отважного биолога.

Оставшийся переход оказался самым легким физически, но сколь же он был тяжел морально! Похороны товарища ни у кого не выходили из головы. У Ивана Александровича сердце сжималось при мысли, что уже нет славного Серафима Петровича, работящего, доброго, влюбленного в свое дело и бесконечно преданного науке, что в Питере не встретит его семья… Вспомнился октябрьский суровый день, порт, внезапно поваливший снег, проводы и щемящее чувство ответственности, вдруг охватившее тогда беспричинно и властно…

Когда перед взором исследователей предстала выстроенная полукругом, слившаяся со скалами стена, они посмотрели на нее так, как если бы и

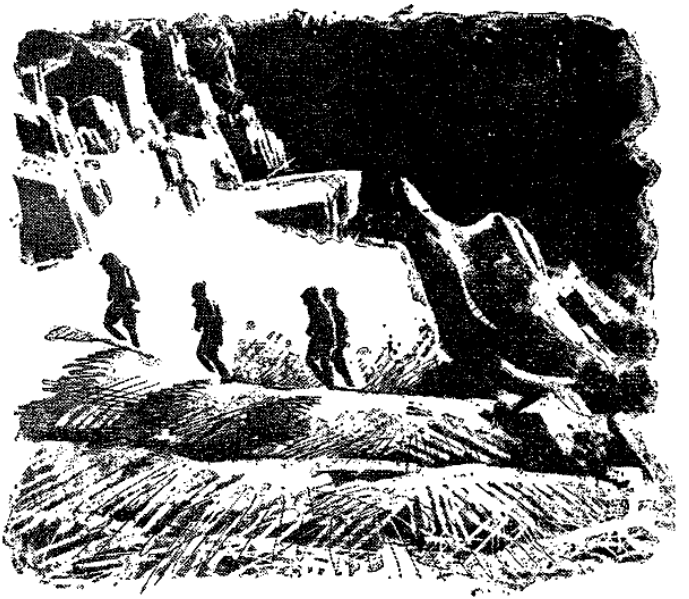
не стремились к ней всеми силами, будто уже видели ее много раз. Площадка перед развалинами, скальный обрыв высотой в четыре-пять метров. Взобраться туда и там… Что же там?..

Какая-то апатия у всех. Плотников вял, рассеян, но не сдается. Он первым подходит к обрыву, выискивает, где полегче взобраться на его верхушку, к развалинам. Быстро темнеет. Вудрум считает, что в развалины надо пробираться утром, но Николай Николаевич просит не откладывать.

— Тревожно как-то, Иван Александрович. Кажется, вот-вот что-то должно помешать. Надо поднатужиться. Ведь последний шаг. Иван Александрович, берите Ладью, пойдемте.

— Да что с вами, голубчик? На вас ведь лица нет! Вы плохо себя чувствуете?

— Иван Александрович, я очень вас прошу — пойдемте… Пойдемте, если можно, а то… А то я не успею…



Как в бреду, как в каком-то кошмаре, четверо ученых взбираются на скалистый обрыв. Впереди Александр, за ним Плотников и Вудрум. Ширaст замыкает четверку, всячески помогая

профессору, поддерживая в трудных местах. Никто из паутоанцев и близко не подходит к обрыву. Кажется, их и вовсе нет на площадке — так тихо и мрачно все вокруг. Из-за тяжелых, готовых к грозе облаков изредка выглядывает луна, освещая развалины, и тогда виден угрюмый полукруг стены, колонны с осыпавшимися верхушками и граненый постамент, на котором возвышается что-то странное, напоминающее кусок окаменевшей волны. В лунном свете она кажется полупрозрачной, темно-зеленой, а когда луна скрывается и на таинственное святилище наваливается мрак, на гребне волны начинают сверкать две сиреневые искры.

Неужели достигнута цель и вот сейчас, в это именно мгновение, можно будет совсем близко подойти к немеркнущим тысячу лет посланцам далеких миров? Какая сила донесла их до Земли, возле каких звезд затеплились эти сияющие в ночи, воспетые древней легендой «глаза божества»?

Вудрум подошел к «волне» первым. Никто не следовал за ним, понимая, что именно он по праву должен раньше других приблизиться к так давно ускользавшей тайне.

Иван Александрович не спешил. Он забыл о творящемся внизу, в джунглях, о засадах и преследовании, обо всем на свете и внимательно рассматривал испускающие лучи кристаллы.

— Подойдите, друзья. Вот два Сиреневых Кристалла, назовем их так. Это они пронеслись через Пространство, попали на Землю, вызвали поклонение древних паутоанцев, и это к ним так стремится таинственная Золотая Ладья. Давайте проверим.

Вудрум, осторожно ступая по источенным временем плитам, отошел от постамента, приблизился к самому краю площадки. Золотая Ладья своим острием указывала на кристаллы. Профессор обошел всю площадку, и везде, с любо-

го места Ладья ориентировалась на кристаллы, переливающиеся мягким, нежно-сиреневым, то меркнущим, то вспыхивающим с новой силой светом.

— Да, друзья мои, мы соприкоснулись с чем-то неведомым, огромным. Науке предстоит исследовать это явление, и, как знать, быть может, познав его, человек станет во много раз сильнее.

Ивану Александровичу не терпелось представить, как именно надо начать изучение, ему хотелось тут же поделиться своими планами с помощниками, но Шираст первым напомнил о тревожных обстоятельствах, в которые попала экспедиция.

— Надо спешить, профессор.

— Да-да, конечно, вы правы. Давайте спускаться к лагерю.

— А кристаллы? — воскликнул Плотников.

— Кристаллы, — уверенно заявил Шираст, — надо поскорее выковырять и уходить отсюда.

— Грабеж? Вы предлагаете учинить отвратительнейший грабеж, господин Шираст. Никогда! В интересах науки мы пробрались сюда, поступившись своей совестью. Это еще куда ни шло, но посягнуть на святыню паутоанского народа?! Нет, нет! Мы рассмотрим эти кристаллы завтра,

днем. Попробуем установить, какие же силы возникают в них. Опишем это явление, зарисуем, сфотографируем, но вырвать их и унести… Ни за что! Не надо забывать, господин Ширaст, что наука наукой, но существует еще и такое понятие, как порядочность. Да!

Отчаянный крик, раздавшийся внизу, прервал спор. На привале поднялся шум, послышались голоса встревоженных чем-то паутоанцев, крики. Ученые поспешили спуститься к лагерю и застали там панику. Два носильщика корчились в судорогах, остальные атаковали забившегося в кусты проводника. Ширaст бросился ему на выручку. Разогнав нападающих, он выволок проводника из его ненадежного убежища и повел к себе в палатку. Только там, немного успокоившись, проводник признался, что считает и себя, и всех их обреченными.

— Иван Александрович, надо скорее спускаться, — убеждал Ширaст. Отбросьте щепетильность, возьмите кристаллы и скорее вниз, пока мы не погибли все.

— На это я не пойду. Ежели проводник прав и всех нас действительно сумели как-то отравить, то бегство уже ни к чему не приведет.

— Совершенно верно, Иван Александрович, —

поддержал профессора Плотников. — Пожалуй, и в самом деле уже поздно.

— Что поздно?

— Бежать поздно. Надо дождаться дня. Коль мы уж сумели добраться сюда, надо возможно полнее исследовать феномен. Я уже не смогу, кажется… Боль, понимаете. Боль во всех суставах. Я пойду лягу.

— Николай Николаевич, будем надеяться, что это чрезмерное переутомление. Вы будете здоровы.

— Иван Александрович, я настаиваю на немедленном уходе отсюда, — не сдавался Шираст.

— Как, сейчас, ночью?

— Да.

— Николай Николаевич не сможет идти с нами.

— Идите. Идите без меня. Теперь уж ни к чему…

— Ну нет! Мы не оставим вас. А вы, господин Шираст, как желаете.

— Иван Александрович, да я…

…Ночь подходила к концу. Плотников корчился от боли, не произнося ни звука, то забываясь, то вновь приходя в себя. Вудрум не отходил от него ни на шаг, не в силах ничем помочь его

страданиям.

Под утро забывшегося в тяжелом полусне отца разбудил Александр:

— Ширaст бежал!

Выйдя из палатки, Вудрум не увидел на биваке ни одного человека. Ширaст бежал вместе с напуганными витающей над экспедицией смертью носильщиками и проводником, прихватив с собой запаянную жестянку с драгоценными находками и коробку с Золотой Ладьей.

…Плотникова отец с сыном хоронили молча, понимая, что все кончено, что все теперь дело в том, кто останется последним.

Иван Александрович долго сидел над могилой своего преданного и скромного помощника, не в силах предпринять что-либо, не в состоянии придумать, как же спасти самое дорогое в жизни — сына. Идти вниз? Бесполезно. Если болезнь уже внутри, спасения нет. Как все это произошло? Неужели следили и сумели как-то отравить всех. Всех ли? Мелькнула на миг надежда: а вдруг беда не коснулась Александра?.. Натали, как она была права!.. Очаковский, три паутоанца, теперь вот Николай Николаевич… Он уже не будет ни управляющим симбирским имением, ни этнографом, а сын? Может быть, еще не все потеряно, может

быть, яд коснулся не всех… или по крайней мере подействовал не в равной мере на каждого. Надо что-то предпринять, нельзя прекращать борьбу, но как?

— Пойдем, отец. — Александр взял под руку Вудрума, и они вдвоем, помогая друг другу и уже чувствуя, что яд прибирается в суставы, шаг за шагом начали преодолевать крутой спуск. К вечеру они дошли до привала, на котором похоронили Очаковского. Иван Александрович вынул дневник и начал очередные записи. Александр распаковал походную сумку, преодолевая боль открыл консервы и протянул банку отцу:

— Поешь немного. А я пойду… Пойду прилягу.

— Не надо, не ложись!

— Не могу… Прощай. Больше не могу.

Теперь было кончено все. Не надо было преодолевать боль при каждом движении, спускаясь вниз, никуда не надо было стремиться. Нужно только одно — похоронить сына, как-то найти в себе силы предать земле самое дорогое. И силы нашлись. Боль вдруг ушла куда-то. Тело вновь слушалось приказа мозга: «Не оставлять так, прикрыть землей, найти силы, найти, найти!» И тут появилась страшная мысль: а что, если отравление было не таким полным, как у остальных, что,

если не придет смерть? Пережить всех? Неужели послано такое, самое страшное испытание?..

…Вудрум сидел над могилой сына обессиленный, безучастный ко всему, без единой мысли в голове, даже не понимая, болит ли тело или нет, когда вдруг услышал шорох в кустах.

Исхудавший, изодранный, еле держащийся на ногах пришел Шорпачев.

Прощаясь с Вудрумами, он задумал перехитрить коварного Шираста. Еще в Макими он знал, к какому месту должна незаметно причалить экспедиция, и отправился туда берегом. Пока группа Вудрума делала огромный крюк по морю, Борис подошел к месту высадки, видел, как подплыли лодки, и с тех пор не упускал из виду исследователей, незаметно пробираясь по их следам через джунгли, пользуясь покинутыми ими привалами, рассчитывая, что друзьям может понадобиться его помощь. Что она понадобится — он не сомневался. Увидев могилу Очаковского, Шорпачев попытался нагнать друзей, не в состоянии дольше таиться от них, предчувствуя беду, но тут ему показалось, будто и за ним кто-то следит. Подумал: а не открыто ли намерение ученых тайно пробраться к развалинам храма, не скрываются ли в зарослях преследователи?

Он решил немного вернуться назад, проверить, но прошел сравнительно немного, не рискуя на большое расстояние отрываться от идущей впереди группы, и снова поспешил вслед за экспедицией. Тревога нарастала, да что говорить — попросту становилось страшно, особенно по ночам. И Борис начал пробираться к привалу друзей, как вдруг заметил движение впереди. Он притаился в зелени и вскоре увидел быстро спускающихся паутоанцев носильщиков, среди которых был и Шираст.

Преодолеть скальный подъем Шорпачеву удалось с трудом: сказалось напряжение последних дней, измотали тревоги. Выбиваясь из сил, он спешил к друзьям, но пришел уже поздно. Александр был мертв.

Шорпачев едва узнал Ивана Александровича, поседевшего, осунувшегося, раздавленного непомерным горем. Слов утешения сказано не было. Ни у кого не могло найтись таких слов в те минуты, и Борис просто протянул Вудруму запаянную жестянку.

Да, она не у Шираста. И не пришлось даже отбивать ее у бежавшего в панике ученого. Еще в Макими, запаивая коробку с добытыми находками, Шорпачев запаял их две. Настоящую сохранял

сам, уже тогда не доверяя Ширасту, подозревая, что рано или поздно он попытается ее похитить. Так оно и случилось: Ширас, удирая, прихватил жестянку, наполненную ничего не стоящими обломками.

— Подобрать точно такую же коробку было просто, Иван Александрович, они из-под датского консервированного масла, а вот взвесить обе, чтобы никто не заметил разницы, — это было потруднее. Ну, а к Ладье двойника не подберешь.

Иван Александрович немного оживился. Он понял, что надо спешить, что яд упорно овладевает телом. Еще несколько минут — и будет упущена внезапно открывавшаяся последняя возможность написать и отправить завещание. Над чувствами взял верх разум. Вудрум вновь нашел в себе силы: ученый стал в нем сильнее отца, и он принялся за письмо Арнсу Парсету.

«…Вот и все, дорогой друг! Теперь Вы знаете, если дойдет до Вас это письмо, как все нелепо получилось и какой трагедией все закончилось.

Много лет я стремился разгадать тайну Небесного Гостя, и теперь, когда мы прикоснулись к самому сокровенному, я раздавлен. Последние силы собираю для того, чтобы распорядиться наиболее важным и пугающим, что было добыто

нами. Не оставляет мысль о зародышах. Кто знает, как величественно и как опасно затаенное в этих крупинках? Может быть, в них гибель для всего живущего на Земле, а может быть, великая, поистине божественная сила созидания или даже нечто просто непостижимое для нас, еще не ведающих, что творится в бесконечных мирах Вселенной.

Признаюсь, дорогой, мне страшно. Вы знаете, как я верю в гений человеческого разума, в его грядущее торжество. Но готовы ли мы сейчас к великому сражению? Думаю — нет. Человек только формируется, еще не создал такого общества, которое было бы избавлено от угнетения, вражды. Придет время, возмужает человечество, и оно будет в силах вступить в борьбу с неведомой, быть может, грозной и могучей силой космоса. Человек не только победит эту силу, но и заставит служить себе, сделает ее помощницей на пути к будущему. Верю!

Но пока...

Дорогой Парсет, только Вы можете понять мои сомнения, но Вы так далеко. Очень нужны мне именно сейчас ваши дружеские слова, ваша поддержка и мудрый совет. Но Вы слишком далеко. Нас разделяют не только 10.000 миль,

но и вечность. Да, мои часы сочтены, и сейчас я должен принять решение. Мысленно советуюсь с Вами. Зная Вас, я стараюсь поступить так, как бы поступили Вы, и решаю… Открывать миру находку рано!

Все найденное нами я погребаю. **Завещаю открыть тайник только тогда, когда мои наследники по духу будут в состоянии овладеть великой силой неведомой жизни.**

О тайнике знает только один человек. Я верю ему так же, как и Вам, а этим сказано все. С ним, с Борисом Евграфовичем Шорпачевым, я передаю это письмо и свои дневники. Попадет ли оно в ваши руки? Не знаю. Но ничего не поделаешь — другого выхода нет…

Страшно подумать о Натали. Сделайте что возможно для нее. Передайте: в последние минуты я был с ней.

Верьте, дорогой Парсет, я сделал все возможное для науки.

Ваш Вудрум.

10 июня 1914 года.

Остров Сеунор, на скале

близ развалин Верхнего Храма».

Иван Александрович попросил Бориса вскрыть

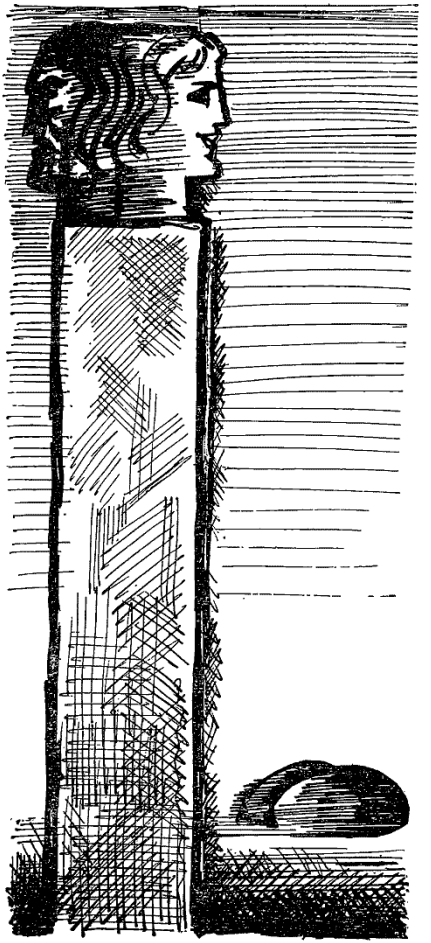
жестяную коробку. Когда это удалось, Вудрум вынул оттуда зерна и с его помощью уложил их в тайник.

Жестянку с окаменевшей рукой легендарной Лавумы, веткой из священной рощи и кусочком метеорита Вудрум отдал Шорпачеву с просьбой передать все это в Национальный музей Паутоо в Макими.

Часть вторая

●

ПОЯВЛЕНИЕ БИОСИЛИЦИТОВ

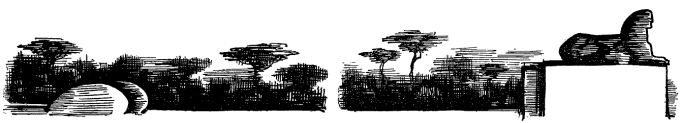


Если человек зависит от природы, то и она зависит от него. Она его сделала, он ее переделывает.

Анатоль Франс

Люди никогда не считают таинственным то, что служит им и приносит пользу, но только то, что грозит им опасностью или причиняет вред.

Карел Чапек



Глава девятая

●

Тайник Вудрума

И Мурзаров, и я, изучив наследие Ивана Александровича Вудрума, оценили, как огромно, увлекательно и пока недоступно найденное. Что касается Юсгора, то для него многое уже было

знакомо по материалам, имевшимся на Паутоо и в Европе. Теперь всех нас интересовало главное — где находки Вудрума? Сиреневые Кристаллы, Золотая Ладья, зародыши — все это надо было разыскать, исследовать — словом, продолжить труд нашего замечательного соотечественника.

Десятки лет нас отделяли от того времени, когда Вудрум начал работу над силициевой загадкой, а проблема оставалась такой же заманчивой, таинственной и, как знать, может быть, опасной. Ведь такие проблемы не остаются без своих исследователей. Не мы, так другие в конце концов придут и откроют миру еще неизвестное сегодня. Так бывало всегда. Что касается силициевой загадки, то с нею дело обстояло особенно сложно. Были все основания считать, что нас могут опередить, и вовсе не хотелось, чтобы кто-то другой выпустил духа из бутылки. Рассчитывали ли мы на свое проворство в этой соблазнительной и вместе с тем рискованной операции, считали ли себя способными совладать с этим духом и заставить его трудиться именно на нас? Разумеется. Во всяком случае нам хотелось надеяться.

Собранные материалы об экспедиции Вудрума вызвали горячую заинтересованность самых различных ученых, сделались объектом при-

стального изучения. Мурзаров, Юсгор и я в то время были «ударной группой». «Ударять» приходилось главным образом по неверующим, но очень нужным для осуществления наших намерений людям. Однако все это было весьма и весьма затруднительным. Да, рука окаменевшей Лавумы впечатляла, собранные нами документы вызывали самый живейший интерес, волновали, но нас спрашивали: «Ну и что же вы хотите? Каковы ваши намерения, планы?» А планы у нас были грандиозные и дерзкие. Мы хотели узнать, что представляют собой Сиреневые Кристаллы, за сотни километров ориентирующие Золотую Ладью, найти и изучить зародыши силициевой жизни. Мы хотели (но об этом еще не решались говорить на официальных совещаниях) оживить эти зародыши!

Само собой разумеется, что для этого прежде всего надо было иметь зародыши. У нас их не было. Мы собрали все материалы, касающиеся походов И. А.Вудрума. Мы знали, какие продукты запасались для экспедиции, в каком магазине и за сколько они приобретались. Но мы не знали самого главного: где завещание русского ученого, написанное в предсмертный час на острове Сеунор в июне 1914 года?

Дневники и часть писем Ивана Александровича Вудрума удалось найти у дочери профессора Евдокимова. Она бережно хранила их и, узнав о нашей работе, любезно предоставила их в распоряжение Института космической химии, рассказала о своем отце, который, уже будучи очень пожилым человеком, решил заняться систематизацией материалов, касающихся изысканий Вудрума, собрать о нем возможно более полный материал, написать работу об исследованиях своего так незаслуженно забытого друга, но не успел. В 1920 году его не стало.

Из черновых набросков, начатых Елизаром Алексеевичем в конце 1919 года, мы установили, как попали в Россию документы об экспедиции Вудрума.

Борис Шорпачев похоронил Ивана Александровича рядом с сыном и от привала у развалин страшного Верхнего Храма отправился в Макими. Трудно представить себе, сколь тяжким был этот путь через джунгли для молодого человека, только что потерявшего своих друзей. Одинокий, изголодавшийся, все время опасаясь, что и его могут отравить где-то таящиеся в зарослях враги, он брел едва проходимыми дебрями с одной только мыслью: во что бы то ни стало выполнить волю

покойного, сохранить находки, дневники, завещание. Силы покидали молодого человека, порой казалось, что уже не преодолеть всех трудностей опасного пути, но он все же добрался до Макими. Здесь уже можно было сделать передышку, привести себя в порядок и, главное, выполнить хотя бы один наказ Вудрума — передать находки Национальному музею. Хранитель музея без всякого восторга принял жестянку, видимо не представляя себе толком, как велико значение находящегося в ней. Был момент, когда Шорпачев, почувствовав столь безразличное к находкам экспедиции отношение, хотел было забрать их у хранителя обратно, но не решился. Воля Ивана Александровича была для него священна.

Еще в Макими Шорпачев узнал, что в Европе началась война. Выстрел в Сараево отозвался даже на островах Паутоо. Надо было спешить. Не теряя времени, едва подправив немного здоровье, Борис пустился в длительное, трудное путешествие. Пока добирался до Голландии, Парсет умер. Передать завещание было некому. Последний, быть может самый сложный, участок пути и Шорпачев наконец в городе, откуда отправилась в 1913 году экспедиция Вудрума. В России гражданская война, разруха, голод.

Родина встретила сурово, а на сердце радостно. Победа революции воспринимается молодым человеком, повидавшим мир, полный несправедливости и жестокости, всей душой. Ему неведомы сомнения, с кем быть. Он берет винтовку в руки, чтобы защищать Петроград от Юденича.

Таким, с винтовкой, готовым к походу, и увидел его профессор Евдокимов. В первый и последний раз. В Петрограде Шорпачев не нашел никого из семьи Вудрумов: Наталья Сергеевна умерла в начале восемнадцатого года. Смятение и неуверенность овладели молодым человеком: кому передать пакет? Шорпачев понимал, что Вудрум доверил ему нечто огромное, чувствовал, как значительно сделанное русским ученым открытие, и хорошо знал, что Иван Александрович хотел сохранить его в тайне, боясь доверить людям, которые не могли быть его единомышленниками. Из разговоров с Вудрумом, из его записей в дневниках Борис Шорпачев знал о профессоре Евдокимове и перед отправкой на фронт пошел к нему. Весь вечер и часть ночи они просидели вдвоем в большой нетопленной комнате у керосиновой лампочки, вспоминая дорогих им обоим людей. Елизар Алексеевич в своих записках очень подробно и тепло описывает эту встречу, свои

впечатления о молодом человеке, пронесшем через полмира завещание ученого, рассказывает, как ранним утром проводил Шорпачева, готового к походу, и замечает, что больше ничего не слышал о славном русском парне.

Нам тоже больше ничего не удалось узнать о Борисе Евграфовиче Шорпачеве, сыгравшем такую значительную роль во всей вудрумовской эпопее, с честью выполнившем обещание, данное Вудруму, и отдавшем жизнь за то, что стало его главной правдой.

А завещание? В бумагах профессора Евдокимова его не оказалось. Мы подняли не только архивные материалы, касавшиеся самого Елизара Алексеевича, но и разыскали уйму документов о его друзьях, знакомых, сотрудниках, учениках. Терпение наше и настойчивость были вознаграждены: в одном из писем его сотрудника мы обнаружили фразу, казалось не имевшую к нашим изысканиям прямого отношения: «От Елизара Алексеевича, дабы, не откладывая, выполнить его поручение, прямо поехал к Колесникову...» Письмо было написано за день до смерти Е. А.Евдокимова. Мы сочли, что поручение это, вероятно, было серьезным, и начали перебирать всех Колосниковых, которые могли

быть знакомы профессору Евдокимову. Трудные поиски увенчались успехом. Иван Петрович Колесников, старинный знакомый Елизара Алексеевича, работал в то время в архиве Академии наук. Естественно, возникло предположение: не отправил ли перед смертью профессор Евдокимов завещание Вудрума на хранение в архив?

В архивах Академии и был найден пакет с адресом тайника, черновики писем Вудрума, копии отчетов экспедиции — словом, все то, что профессор Евдокимов счел наиболее важным. Эти материалы и легли в основу наших изысканий.

Юсгор ликовал больше нас всех: его поездка в СССР оказалась успешной. Предположение, что только в Советском Союзе можно найти ключевой материал к силициевой проблеме, блестяще подтвердилось.

Теперь наша «ударная группа» обрела цель совершенно определенную поскорее на Паутоо! Мы покончили с надоевшими нам архивными изысканиями и жаждали действий: разыскивать Сиреневые Кристаллы, зародыши, продолжать работу с загадочным метеоритом. Юсгор считал обязательным, как можно скорее приступить к поискам, а когда получил письмо из метрополии от своего друга и сотрудника молодого паутоанца

Худжуба, стал настаивать на необходимости нашей совместной поездки на Паутоо. Юсгор всегда самым лучшим образом отзывался о Худжубе, но вместе с тем опасался излишней порывистости, а подчас и безрассудности в действиях этого молодого человека. Увлекающийся, не умеющий ждать, он тревожил уравновешенного, рассудительного Юсгора и вместе с тем импонировал ему своей живостью и глубокой порядочностью. Худжуб имел все основания стать хорошим ученым. Его помощь и энергию Юсгор ценил, но никак не мог справиться с буйным нравом своего соотечественника.

Письмо Худжуба насторожило Юсгора, да и нас: Худжубу стало известно, что интерес к силициевой загадке возрастает. Ему удалось узнать в метрополии Западного Паутоо, что Фурн, доверенное лицо владельца каучукового концерна Отэна Карта, человек изворотливый, наглый и вместе с тем умный и хитрый, успел побывать в СССР, по-видимому с целью разведать все возможное о работах Вудрума.

Юсгор мог успокоить Худжуба. Фурн не имел никакой возможности пробраться в архивы Академии наук, но сам факт внимания к наследству Вудрума заставлял задуматься, спешить с поезд-

кой на Паутоо, коль скоро мы не хотели, чтобы нас опередили в метрополии Западного Паутоо.

Нельзя не сказать, что получение адреса тайника сразу же изменило положение нашей «ударной группы». Раньше у нас, кроме энтузиазма, ничего не было, теперь мы располагали уникальными документами, конкретными планами исследований. Институт космической химии, который наиболее сочувственно относился к нашим намерениям, начал самым настойчивым образом хлопотать в нужных инстанциях, доказывая необходимость посылки на Паутоо небольшой группы советских ученых.

Множество совещаний, докладов, демонстрации привезенных Юсгором экспонатов, доказывающих, что наука действительно столкнулась с явлением совершенно особенным и, как знать, быть может, грозным... Немало уговоров, настойчивых просьб, надежд и огорчений — и наконец решение состоялось: профессор Мурзаров и я получили длительную командировку в Восточный Паутоо.

Разумеется, время, ушедшее на эти сугубо организационные дела, было не зря потеряно. Мы неустанно продолжали вести работу, изучая кусок метеорита (осколок статуи Небесного

Гостя), привезенный Юсгором вместе с окаменевшей пеной и рукой Лавумы. Скептиков теперь становилось все меньше. Наши исследования, проведенные в Институте космической химии, уж очень убедительно показали, что впервые за всю историю изучения метеоритов, этих пока единственных посланцев неведомых миров, человек столкнулся с новыми, совершенно особенными формами жизни, о которой можно достоверно сказать, что эта жизнь силициевая. Современные средства науки позволяли глубже, чем во времена Вудрума, проникнуть в силициевую проблему.

И вот, настал день, когда Мурзаров и я покинули Москву. Конечно, вспомнили Вудрума и его друзей… Снежный осенний петербургский день, горсточка русских людей, отправляющихся за тысячи миль, чтобы совершить замечательное открытие, людей, собственно говоря, не получивших почти никакой поддержки на родине, вынужденных надеяться только на самих себя и вскоре попавших в зависимость от Гуна Ченснеппа. Да, тревожно было Ивану Александровичу Вудруму на борту маленькой «Азалии»,

уходившей в черноту Балтики! Мы с Мурзаровым вылетели на Паутоо в комфортабельном реактивном лайнере, который за двенадцать часов лета перебросил нас в Макими. Дело, конечно, не в изменившихся технических средствах. Мы не испытывали опасений Вудрума прежде всего потому, что у нас на родине оставались единомышленники, была возможность в любое время получить помощь многих десятков научных учреждений.

Итак, мы летели в Макими. Часы полета, несмотря на комфорт, оказались довольно утомительными. Развлекаться созерцанием земли, ушедшей от нас куда-то вниз, на глубину девяти тысяч метров, нам не удалось, да почему-то и не очень хотелось. Облачность почти на всей трассе мешала наблюдениям, и мы только кое-когда узнавали знакомые по географическим картам очертания морей, иногда правильно определяли, над каким местом пролетаем, а в общем не очень часто заглядывали в небольшие, малопригодные для обозрения иллюминаторы.

По мере приближения островов Паутоо меня все больше одолевали неспокойные мысли о предстоящих поисках, исследованиях, о дружественной стране, казавшейся хорошо знакомой

и в то же время недостаточно нами изученной, сложной. Молодая республика в становлении, еще сильны в ней феодальные и религиозные традиции. В Восточном Паутоо наряду с крепкой централизованной властью существуют независимые княжества, а нет-нет и начинают орудовать банды. В Западном Паутоо, где еще хозяйничает метрополия, действуют партизанские отряды, не прекращается борьба за независимость, за воссоединение страны. Словом, обстановка сложная. Будет трудно — мы это понимали превосходно.

Пожалуй, именно в часы полета я особенно отчетливо представил себе, как по-разному мы с Мурзаровым относимся к силициевой проблеме. Ханан Борисович, человек довольно прямолинейный, если не сказать догматичный, не разделял, по-видимому, многих моих сомнений. И он, и Юсгор, как только нам досталось «наследство», кажется, ни разу не задумались над вопросом: доросли люди до соприкосновения с неведомым или нет? Вечерами я часто перечитывал предсмертное письмо Вудрума. Я уже наизусть помнил каждую строчку этого документа, написанного человеком, прекрасно понимавшим, как велико может быть несчастье, если люди не

сумеют совладать с пробужденной ими силой космоса. Вудрум писал: «…рано!» А сейчас?.. Да, за прошедшие десятилетия изменилось многое, появился новый общественный строй, окрепли силы, которые не допустят, чтобы силициевая жизнь была использована во зло, как не дают ядерным силам погубить жизнь на планете… Не допустят!.. Но как?.. Что, если там, где еще живут по законам, создаваемым ченснеппами, раньше нас подберутся к тайнику, сумеют взять в свои руки то огромное, что таит в себе необычайный посланец космоса?.. Похоже, они не собираются ждать и уже действуют, активно, не очень-то стесняясь в средствах и способах. Значит, нужно действовать и нам, да так, чтобы опередить, чтобы иметь неоспоримые преимущества, и для этого… Для этого прежде всего надо думать не над тем, как вызвать к жизни грозную силу, а над тем, как научиться владеть ею! Однако, не вызвав ее, мы, очевидно, и не найдем способа покорить, подчинить ее себе. Тогда где же выход? Голова шла кругом, я запутывался в противоречиях и вместе с тем отчетливо понимал необходимость найти какое-то оригинальное решение. Найти во что бы то ни стало! Но как?..

Столица Паутоо произвела на нас особенное впечатление. По литературе, из рассказов Юсгора мы знали, конечно, что с тех пор, как здесь побывала экспедиция Вудрума, в стране и городе произошли огромные перемены, но вместе с тем мы настолько сжились с Макими, описанным Вудрумом, настолько хорошо представляли себе его дома, улицы, базары, храмы и отели, что казалось, приехав, будем себя чувствовать в нем как в давно знакомом и полюбившемся городе. И вот все оказалось другим, очень близким и вместе с тем неузнаваемым. Тишина заросших зеленью улиц; скрывающиеся в глубине садов белые, как правило, одноэтажные домики, окруженные тенистыми верандами; неспешный шаг маленьких лошадок, запряженных в экипажи с полосатыми тентами; редкие цепочки тускловатых фонарей, развешанных только в порту да на главных улицах; пестрые, довольно жалкие, торгующие до глубокой ночи лавчонки — где все это? Мы очутились в огромном процветающем городе. Множество высоких ультрасовременных зданий, заполненных конторами, банками, редакциями газет и нарядными магазинами; почти везде хорошие мостовые и тротуары. Движение такое,

что на перекрестках нередки заторы. Потоки самых разнообразных автомашин — от джипов до скоростных приземистых лимузинов; трамваи, автобусы вперемежку с легкими, крытыми полосатыми тентами колясками и трехколесными велосипедами-такси — все это спешит и движется отнюдь не с «восточной медлительностью». Люди приветливы, красочно и со вкусом одеты, всюду царит свойственное паутоанцам непринужденное веселье.

Вечером центр столицы расцвечивается огнями реклам, а на окраинных, не очень людных улицах, таких же зеленых, как и во времена Вудрума, идет жизнь специфическая, чисто паутоанская, сохранившая древние национальные обычаи и впитавшая плоды современной цивилизации. Паутоанцы предпочитают жить не внутри дома, а во дворе, на открытом воздухе. Здесь можно увидеть и приготовления к старинным, имеющим многовековую давность мистическим обрядам, и выставленный под сень широченных банановых листьев телевизор. Прохлада звездного вечера вызывает оживление, не угасающее до позднего часа. Все наполнено звуками жизни разнообразной, подчас непонятной и привлекательной. Откуда-то доносится мелодия маленького наци-

онального оркестра — там, прямо на улице, уже танцует молодежь; слышится протяжное песнопение — это собрались на молитву верующие; а вот раздаются из репродуктора позывные радиостанции и начинается передача метеосводки. В городе причудливо смешалось стародавнее с современным; столица, как и вся страна, хранит и чтит традиции и вместе с тем полна стремления создать новую жизнь, которая впитает лучшее от прошлого и все нужное паутоанцам от современности.

Таким мы нашли Макими, родину Юсгора. Встретил он нас, как и было условлено, на аэродроме. Юсгор выехал из Москвы недели на две раньше меня и Мурзарова и за это время успел побывать в столице метрополии Западного Паутоо. Юсгор принимал нас как самых дорогих гостей. Он прилагал все старания к тому, чтобы у нас осталось самое приятное впечатление от знакомства со страной, городом, людьми. Юсгор искренне волновался, видя какой-нибудь непорядок, настораживался, ожидая, как воспримем мы тот или иной обычай, ту или иную национальную черту паутоанцев. Он не уставал извиняться за то плохое, что еще бытовало в стране, весело, по-мальчишески гордился всем хорошим. Словом,

принимал он нас как хозяин, хозяин, любящий страну, верящий в нее и работящий.

Разместились мы в скромном удобном коттедже на территории университета. Благодаря заботливому вниманию Юсгора и его друзей жизнь в нем наладилась быстро.

Первое утро в Макими я встретил, как и подобает в тропиках, в пять тридцать, не дожидаясь, когда неистовое светило начнет приветствовать слишком пылко. Проснувшись так рано, я похвалил себя и собрался идти будить Ханана Борисовича, но он уже был на веранде. В одних шортах, с газетой в руках, профессор дожидался короткой, вернее сказать, мимолетной зари.

Мы любовались вершиной Себарао, разгоравшейся в первых лучах солнца, всего несколько минут. Чистый небосклон стал быстро заполняться белыми облаками. Вскоре над вершиной повисла дымка, величественная картина потускнела и Мурзаров уже читал газету. Вероятно, в мире не может случиться ничего такого, что заставило бы Ханана Борисовича отказаться от его непременной дозы газет. День перелета и первого знакомства с Паутоо несколько выбил его из колеи, и теперь он без аппетита, но, как всегда, усердно дожевывал свою вчерашнюю порцию.

Еще с вечера Ханан Борисович попросил Юсгора пораньше прислать нам газеты. Я, грешный, в это же время завел разговор об утреннем питье тропиков — кокосовом молоке. Юсгор, разумеется, пообещал и то и другое.

Настроение у меня в первое паутоанское утро было задорное, и я, как бы играя в чет-нечет, загадал, что принесут нам раньше — орехи или газеты? Если орехи, то найду решение мучавшего меня вопроса, если газеты… Впрочем, как-то не хотелось думать ни о чем тревожащем в то чистое утро. Уж очень хорошо было. Легкий ветерок, еще освежающий, бодрящий, приносил на веранду аромат крупных, белоснежных, как лилии, цветов древовидных дотур и нежный запах красного жасмина. Перед нами простиралась огромная территория университета. Проглядывалась она хорошо: голые, слегка изогнутые стволы пальм позволяли рассмотреть белые двухэтажные корпуса факультетов, лабораторные здания и даже кусочек океана, заманчиво синевшего вдали.

Ару появился на веранде, как бы возникнув из ничего. Ни я, ни Мурзаров так и не поняли, откуда взялся здесь этот приветливый, прекрасно сложенный молодой человек, но как-то сразу догадались, что это и есть Ару, сотрудник Юсгора,

о котором он нам рассказывал не меньше, чем о Худжубе.

Ару принес и газеты, и орехи.

С юношеского возраста, прочтя книжку Геккеля, превосходно описывавшего тропики, я мечтал о том, чтобы начинать свой день в тропиках, выпивая содержимое кокосового ореха.

Ару изъяснялся по-английски очень бойко и очень неправильно. Был он человеком общительным, остроумным и быстро завоевал симпатии — мою и даже Мурзарова, понимающе и по-доброму отнесясь к нашим маленьким прихотям. Ханану Борисовичу он остроумно охарактеризовал местные газеты разных направлений, а угощая меня, священнодействовал столь уморительно, то вытягивая трубочкой губы, то забавно причмокивая, что я понял: Ару предвкушает мое разочарование. После этого я пил бы сок из ореха, если бы он даже оказался каким-нибудь едкохимическим. Но было хуже. Из разрубленного ореха вытекла мутноватая древесная бурда, отдававшая мылом, имеющая кисловатый вяжущий вкус подозрительного кваса. Больше я никогда не повторял попытку по утрам подбадривать себя доброй порцией кокосового молока. Что касается Мурзарова, то он за время пребывания на Паутоо,

кажется, ни разу не пропустил случая выпить натощак орех.

Превосходное настроение вскоре было испорчено. Не орехом, разумеется.

Пришел Юсгор, приветствовал он нас, как всегда, радостно, славная его улыбка освещала лицо, когда он самым радушным образом приглашал нас к себе.

— Севена ждет вас, друзья, сегодня, часов в восемь. Она у меня очень хорошая жена — уже научилась работать в лаборатории и еще не забыла, как готовить атмау. О, это будет настоящий паутоанский ужин. Мы славно посидим вечерок в нашей хижине. Не бойтесь, она не такая, как была у моей доброй старой Менамы в жалкой рыбацкой деревушке.

— А вы думаете, Юсгор, мы бы не решились навестить вас в бамбуковой избушке?

Юсгор рассмеялся. Он верил в нашу готовность побывать у него, в какой бы хижине он ни жил, но и великолепно понимал, что мы предпочитаем помещение с кондиционированным воздухом. Веселье Юсгора в это утро мне как-то не нравилось. Я уже хорошо знал и любил его и не мог не почувствовать, что он чем-то серьезно огорчен или встревожен.

— Что-нибудь случилось, Юсгор?

— Да. Пойдемте посидим. Надо поговорить.

Мы оставили веранду вовремя: начинался очередной (здесь они действуют довольно точно по «расписанию») тропический ливень. В комнате было куда уютнее.

— Вчера я не успел рассказать вам о своем посещении столицы метрополии Западного Паутоо, — начал Юсгор. — Знаете, все начинает выглядеть, как это?.. Забавно. Мы становимся заметными людьми. Если так пойдет дальше, то о нас будут знать больше, чем бы этого хотелось. Я убедился, что о моем приезде в метрополию знали, следили за мной, так как в первый же день по приезде я получил приглашение. К кому бы вы думали?

— К самому президенту?

— Хуже.

— К звезде экрана Лилиан Бартней?

— О!

— Да бросьте, Юсгор, не томите!

— К Отэну Карту.

Я свистнул. Мурзаров вынул блокнот и надел роговые очки.

— Да, к самому Отэну Карту.

Юсгор довольно подробно рассказал нам о

том, как его принял один из богатейших людей Европы, живо обрисовал обстановку, в которой встретил его этот тучный, очень подвижный и энергичный пожилой человек, обладающий способностями не только сколачивать деньги, но и вникать в самые различные области, казалось бы чуждые его кругу интересов. Отэн Карт потратил на Юсгора почти полтора часа. Одно это уже говорило о том, что каучуковый магнат затеял крупную игру, а его заинтересованность в силициевой проблеме значительна. Он самым лестным образом отозвался о работе Юсгора в Паутоанском университете, выказал удивительную осведомленность о делах Юсгора и не без бахвальства рассказал о возможностях возглавляемого им концерна.

— Я хорошо познакомился с его институтом, — продолжал Юсгор. — Это просто здорово, друзья. Там, видимо, работают весьма толковые люди. Лаборатории великолепны, оборудование первоклассное, впрочем, я и не ожидал иного, коль скоро Отэн Карт конкурирует на мировом рынке с концерном «Ченснепп-каучук». Меня поразило другое. Как бы это сказать… Размах цинизма. Вы знаете. Карт по-своему привлекателен. Чему вы удивляетесь? Я думаю, каждому из вас ин-

тересно было бы повидать саблезубого тигра, предположим. Я побывал в очень совершенном и фешенебельном логове. Было и интересно, и жутковато. Со мной он был отменно предупредителен, если хотите, даже ласков, но… Не помню, какие животные бывают ласковы со своей жертвой, прежде чем ее съесть…

— Человек, кошка, да вот, пожалуй, и все, — спокойно констатировал Мурзаров. Юсгор посмотрел на него недоуменно, видимо с трудом отрываясь от своих воспоминаний, а потом рассмеялся.

— Не знаю, представлял ли он меня мышонком, но всячески старался выказать свое расположение. Начал Отэн Карт с рассказа об абстрактной скульптуре, которая стоит у него в кабинете. Карт рассказал, с каким трудом ему удалось приобрести «шедевр», и не лишил себя удовольствия упомянуть мимоходом о стоимости. Цена какая-то почти нереальная. Говорил он обо всем этом с легкостью, изяществом и верой в свою неотразимость. Нет, он не забавлялся. Он просто был уверен, что я никуда не денусь, обольщенный его головокружительными обещаниями. С таким же увлечением, как о скульптуре, он начал рассказывать о вещах, поразивших меня куда больше. Его откровенность была строго продумана: она

была одним из средств воздействия. От скульптуры он перешел к сейфу и вынул оттуда… Как выдумаете, что?

— Живого динозавра, — спокойно ответил Мурзаров.

— Нет, Ханан Борисович, вы ошибаетесь. Кусок силицированной ткани, который вы нашли при раскопках в Урашту.

Мурзаров сперва записал что-то в блокноте, а уже потом, сняв очки, недоуменно уставился на Юсгора.

— Удивляться не стоит, друзья. Вы помните, я еще в Ленинграде предполагал, что похищение ткани из музея должно быть связано с Картом. Так оно и получилось.

Удивляться и в самом деле было нечему. Просто было непривычно и противно. К этому времени мы уже немало знали о Ченснеппе и Карте, о их могущественных концернах. Отношения между ними нельзя было назвать враждебными. Просто главы двух фирм всегда были непримиримыми конкурентами, такими, как их отцы и, вероятно, деды.

Тягаться с Ченснеппом, имевшим огромные плантации каучука на Паутоо, Карту было трудно. Выход был только один — синтетический каучук.

И он появился. Изделия из него получались не только дешевле изготовляемых из натурального, но и в ряде случаев превосходили их по качеству. Это было ударом для Ченснеппа. Он стал особое внимание уделять исследовательским работам. Институт его был расширен, туда привлекли квалифицированных специалистов, появился и у Ченснеппа синтетический каучук, обострилась борьба за рынки сбыта. Борьба шла с переменным успехом. Возросли запросы промышленности, обе фирмы стали изыскивать новые способы производства и вскоре начали выпускать кремнеорганический, силициевый каучук. На рынке почти одновременно появились силициевые каучуки и с маркой Ченснеппа, и с маркой Карта.

Отэн Карт считал, что затрачивать средства на разработку прогрессивной технологии было, конечно, необходимо и даже выгодно, однако еще дешевле было просто выведать, как обстоят дела у конкурента. Немало служащих Ченснеппа приумножили свой заработок, своевременно сообщая о кое-каких производственных секретах фирме Отэна Карта. Он был в достаточной степени осведомлен об изысканиях института Ченснеппа, и только одна лаборатория, вернее, самая секретная ее часть оставалась для него

неприступной. В отличие от остальных ею руководил не химик, а известный биолог Асквит, работавший с паутоанским ученым Куаном Родбаром. В лаборатории проводились исследования, связанные с загадкой древнего Паутоо, однако какие именно оставалось тайной.

В лабораторию Асквита проникнуть не удавалось. Несколько человек, работавших с Родбаром, — почти все паутоанцы — были совершенно неподкупны. Сам Родбар вел странный, отшельнический образ жизни. Паутоанец, сын одного из богатейших плантаторов Тансея, он юношей приехал в метрополию, закончил колледж и продолжил образование в Англии. По окончании Кембриджа вернулся в метрополию и вскоре получил место на кафедре столичного университета тогда это был единственный профессор паутоанец. Несколько лет назад он встретился с профессором Асквитом, который в это время уже занимался силициевой проблемой. Асквит предложил Куану Родбару сотрудничество; Родбар согласился, оставил университет и обосновался в институте Ченснеппа, в Таркоре. Больше о прошлом, о связях, семье и привязанностях Родбара почти ничего не удавалось узнать. Замкнутый по натуре, одержимый какой-то целиком охватив-

шей его идеей, биолог, как моллюск в раковину, ушел за крепкие стены секретной ченснепповской лаборатории, где не только работал, но и жил.

— Чего же добивается Отэн Карт? — спросил я у Юсгора. — Видимо, ему не дают покоя лавры Нума Ченснеппа? Он что, и у себя намерен организовать такую же таинственную лабораторию, предложив руководство вам?

— Интересно, — подхватил Мурзаров, — кажется, в метрополии стало модным поручать руководство подобными лабораториями ученым-паутоанцам. Там Родбар, у Карта — Юсгор.

— Нет, дело, конечно, не в моде. Карт позволил себе роскошь быть откровенным. Он считал, что мне, как паутоанцу, да еще знакомому с профессором Куаном Родбаром, легче будет устроиться в Таркоре. Ну и если я проникну туда, то… то я должен буду информировать концерн Карта о работах, ведущихся в секретном отделении лаборатории Асквита — Родбара.

— Каков наглец!

— Я ему так и заявил.

— И он приказал вас вышвырнуть из своего сугубо абстрактного кабинета.

— Ничуть. Кнопку он действительно нажал,

в кабинете появился его личный секретарь, принесший лед и виски. Вот тут-то Отэн Карт стал обольщать меня, предлагая условия такие, от которых, как он полагал, отказаться немыслимо. Разумеется, я отказался и от виски, и от «сказочного» вознаграждения за подлость. Тогда он довольно ловко все обернул в шутку, однако сумму уменьшил вдвое и предложил работать у него в лаборатории. Я сказал Карту, что не покину университет в Макими. Карт по-прежнему любезно пытался объяснить мне разницу между возможностями Паутоанского университета и теми, которые будут созданы для меня его концерном.

— Что же вы ему ответили?

— Индонезийской пословицей: «Пусть на чужбине идет дождь золотой, а у нас каменный, все равно на родине лучше». Карт понял меня и поубавил любезность. Теперь, вероятно, я нажил себе сильного и злобного врага.

— Вас это очень огорчает?

— Как вам сказать, Ханан Борисович?.. Скорее, вызывает озабоченность. Наше положение сложно и трудно. Мы, правда, никогда с вами не заблуждались на этот счет. Но знаете, при всех трудностях и сравнительно небольших силах не

хватало нам только борьбы с Картом да, пожалуй, еще и с Ченснеппом. Но надо признаться, огорчает меня другое. Подлость врага — это полбеды, а вот то, что я не сумел удержать друга от явно недобропорядочного поступка, — вот это уже беда! Худжуб оставил нас и поступил на работу к Ченснеппу.

— Худжуб?

— Да, представьте себе. В столице метрополии Западного Паутоо он успел разведать больше, чем вся сыскная система Отэна Карта. В Таркоре, у Ченснеппа, профессор Куан Родбар работает с зародышами, найденными Вудрумом.

— Этого не может быть!

— Юсгор, надо думать, Худжуб ошибся. Вероятно, его ввели в заблуждение. Вы рассказали ему о наших изысканиях в Ленинграде?

— Разумеется. Я показал Худжубу добытые нами документы, фотокопию завещания. Это его не убедило. Он продолжал настаивать на своем.

— И все же Худжуб ошибается. Как могли попасть зародыши в Европу? Давайте, друзья, обсудим. — Мурзаров положил свой большой блокнот на стол и стал в колонку, нумеруя, записывать высказываемые соображения по порядку. Проку в этом было мало. Просто Ханан Борисович

несколько успокаивался, когда вооруженная пером его рука привычно бегала по листу бумаги. Мы перебирали все варианты, так и не найдя ни в одном путь к разгадке.

— Юсгор, а что вам известно о судьбе Шираста? Не тянется ли ниточка от него?

— Шираст? Его постигла участь всех остальных членов вудрумовской экспедиции. Только несколько позже. Яду досталось ему, видимо, поменьше. Он успел все же добраться до Макими. Заболел и умер он уже там, в городской больнице.

— Значит, он… Впрочем, он ничего не мог. У него была коробка с обломками, подсунутыми Шорпачевым, и Золотая Ладья. Он ничего не мог знать о намерении Вудрума запрятать зародыши в тайник.

— Совершенно верно, Алеша. Материалы экспедиции, отчеты о ней после смерти Шираста действительно попали Гуну Ченснеппу, их унаследовал Нум Ченснепп, но о тайнике с зародышами упоминается только в завещании Вудрума, содержание которого знали мы, и никто больше.

Тропический ливень не утихал. Удары грома время от времени сотрясали все вокруг, молнии прорезывали тяжелые тучи, нависшие над Макими. Опустился живой серый занавес дождя. Из окон коттеджа уже не стало видно университетских зданий, так приветливо белевших в утренних лучах. Высокие гибкие пальмы, теряя крупные вайи, раскачивались из стороны в сторону, будто стараясь вынырнуть из сплошного потока. Потемнело, и Юсгор включил настольную лампу. Стало душно. Думалось трудно… Потра-

тить столько сил, средств и времени, с огромным трудом добыть адрес тайника, приехать сюда и вдруг… Неужели каким-то невероятным образом кто-то смог все же добраться до тайника, не зная его описания? Это казалось невозможным. Как могли узнать о нем, найти его? Ведь это было не легче, чем найти песчинку, оброненную на многокилометровом пляже. В тропической глуши, в местах, где сотни лет не появляется человек, среди диких скал, увитых буйной растительностью, разыскать выдолбленную в камне лунку со спрятанной в ней горсточкой зерен? Нет, нет, не верилось…

— Юсгор, — прервал молчание Мурзаров, — а что вам известно о намерениях Худжуба?

— Я рассказал Худжубу о наших планах, однако он не согласился с ними. Бунтарь, человек нетерпеливый, он не разделял нашу тактику, назвал все наши намерения блужданием в потемках и мелкой возней. Он жаждет деятельности, свершений немедленных, действий рискованных и впечатляющих. Когда я передал ему разговор с Отэном Картом, он решил сам проникнуть к Родбару.

— Ого!

— Да, мои уговоры не помогли. Худжуб наста-

ивал на своем. Я не мог одобрить его намерения тайно проникнуть к Родбару, мне противны такие методы. Все это и привело к разрыву наших давних и очень теплых отношений.

— Это прискорбно, конечно, но все же у меня не выходит из головы мысль: что же стало с зародышами? — недоумевал Ханан Борисович.

— Вчера вечером, после того как я отвез вас сюда, в коттедж, я встречал еще один самолет. Он прилетел из метрополии Западного Паутоо. Мне передали записку.

— От Худжуба?

— Да. Вот она.

Записка была короткой:

«Юсгор!

Я был прав. Действовать нужно решительно, а если потребуется, то и проникать в логово врага.

Зародыши у Родбара!

Худжуб».

Так неожиданно усложнилась наша и без того нелегкая задача. Неужели вопреки последней воле Вудрума зародыши, добытые и распознанные ценой таких невероятных трудов и жертв,

попали в ненадежные руки? Что происходит с ними в таинственных лабораториях Таркора?.. А если профессору Родбару удастся их оживить? Такое предположение больше пугало, чем радовало. С новой силой нахлынули тревожные соображения о судьбе силициевой жизни и о силе, вероятно таящейся в зародышах. Больше всего хотелось думать, что экспансивный Худжуб ошибся. Впрочем, все эти раздумья и сомнения не мешали нам продолжать начатое.

В Паутоанском университете закончилось строительство и оборудование комплекса новых лабораторий, выполняемого по проекту и под руководством советских специалистов, и наша группа разместилась в превосходных помещениях.

Сомнения сомнениями, а поход к тайнику с зародышами и к Верхнему Храму, где, по данным экспедиции Вудрума, находились Сиреневые Кристаллы, мы готовили.

Все шире разворачивались работы по исследованию куска метеорита, теперь уже получившего официальное название Себарао. Мы предполагали, что оплавленная оболочка его заключала в себе зачатки *двух* форм силициевой жизни. Одна из них, возможно, таилась в зародышах, спря-

танных Вудрумом, а другая, простейшая, судя по легенде о Рокомо и Лавуме, начала стихийно проявлять себя еще в древности. Освобожденная из метеорита ударом, нанесенным Рокомо, и, быть может, под влиянием электрических разрядов бушевавшей в то время грозы, эта форма воспрянула к жизни. Найдя благоприятные условия — большое количество веществ, содержащих силиций, являющийся для нее питательной средой, она стала бурно развиваться. Эта низшая форма, вероятно, представляла собой нечто вроде подвижной плазмы, чрезвычайно реакционно способной, как многие другие известные на Земле соединения силиция, а также крайне ядовитой: она мгновенно убивала все живое (смерть Рокомо и Лавумы!). Углеродистые вещества — земные растения и животные — являлись как бы ферментами для силициевой жизни. Она стремилась распространиться главным образом в живых существах, заполняя их, проникая во все клетки тканей, силицируя их. Но в природе все построено на борьбе противоположных сил. Находятся благоприятные условия для развития той или иной формы жизни, но и возникают условия, ее угнетающие. Такими и были дымы фимиама Раомара. Как силициевая плазма, будучи ядовитой

для углеродистых существ, мгновенно убивала их, так и вещества, содержащиеся в смолах, сжигаемых в курильницах древнего храма, оказались губительными для силициевой плазмы. Это и помогло древним паутоанцам приостановить дальнейшее развитие чужеродной жизни в растениях, которыми она успевала овладеть, и плазма окаменевала в них. Таким образом, сугубо эмпирически был найден в древности способ созидания.

Конечно, это была только рабочая гипотеза, но она довольно быстро завоевала среди ученых университета право гражданства.

К нашим работам отнеслись в Макими трезво, сочувственно, и все, кто только имел возможность, старались помочь нам.

Теперь принято в широкой печати замалчивать роль Паутоанского университета и значение открытия, сделанного Вудрумом. Я считаю совершенно необходимым объективно, приводя имеющийся у меня фактический материал, обрисовать обстановку, в которой были достигнуты первые успехи в решении задачи, вскоре взбудоражившей весь мир. Нельзя забывать и о том, что первые практические шаги были начаты в Макими, первые результаты были получены в

университете Восточного Паутоо, а не в Таркоре. Больше того, благодаря этим успехам лаборатория в Таркоре смогла осуществить то, что она осуществила.

Итак, начали мы с того, что условно назвали низшей формой силициевой жизни. Это она, бушевавшая в священной роще храма Небесного Гостя в виде «пены гнева», при ударе Рокомо возникла из органических включений, обнаруженных нами при микроскопическом исследовании метеорита Себарао. Вероятно, условий, которые были достаточными для стимуляции низшей формы, не хватило для зародышей, обнаруженных Вудрумом, и они остались такими же, какими прибыли со своей далекой родины.

Нашей мечтой стало повторить «подвиг Рокомо». На более высоком техническом уровне, разумеется, с применением современной аппаратуры и новейших методов исследования. Повторить непременно!

А зародыши? О них мы не забывали ни на минуту, считая необходимым проверить, сохранились ли они в тайнике Вудрума. На первых порах все дело было за подходящим вертолетом. Мы не собирались пускаться в поход, преодолевая те же трудности, какие выпали на долю Вудрума и

его спутников. Обстановка изменилась, и притом в благоприятную для нас сторону. Почти все жрецы Буатоо после победы народа в Восточном Паутоо переселились в Западный Паутоо. Храм влачил жалкое существование. Нам не грозило нападение фанатиков, как это было во времена Вудрума, но джунгли… Джунгли оставались все такими же, и мы решили не тратить времени и сил, пробираясь через них пешком.

Юсгор сумел выхлопотать подходящий для нас вертолет. День вылета уже был назначен, а накануне Юсгору позвонил из Западного Паутоо профессор Асквит.

Юсгор прибежал ко мне в лабораторию, запыхавшийся, возбужденный:

— Алеша, пойдемте поскорее в кабинет начальника лаборатории. Меня вызывают из Пога. Асквит. Разговор будет, вероятно, интересным.

Мы поспешили к телефону. Пока телефонистки готовили соединение, Юсгор дал мне трубку параллельного телефона и успел отдышаться.

— Алло! Алло! Макими? Говорит профессор Асквит. Я прошу к аппарату господина Юсгора.

— Я вас слушаю, профессор.

— А, Юсгор, здравствуйте. Я с удовольствием приветствую вас в вашем университете.

— Благодарю вас, господин профессор. Здравствуйте.

— Юсгор, я поздравляю вас с правильным решением.

— Я не совсем понимаю вас.

— Вы хорошо сделали, не соблазнившись предложением Карта. Молодчина! Как это вы его обрезали, отказываясь от золотого дождя? Ага, вспомнил. Пусть на родине идет каменный. Превосходно!

Юсгор многозначительно и недоуменно посмотрел на меня. Асквит знал о разговоре у Отэна Карта в таких подробностях, будто сам присутствовал при этом.

— Дорогой Юсгор, — продолжал Асквит. — Вы собираетесь в вудрумовские места?.. Что за черт! Почему там такой дикий треск? Алло! Алло! Макими? Юсгор?.. Ага, вот теперь хорошо… Юсгор, дорогой, вы хотите вылететь на поиски зародышей. Напрасно. Не теряйте сил и времени. В тайнике вы ничего не найдете.

— Вы очень любезны, профессор, но мы все же намерены совершить намеченное путешествие к тайнику. Меня трогает ваша забота, но, если мне не изменяет память, вы отличались способностью ставить свои интересы выше чьих бы то ни

было. Откуда вдруг такой приступ альтруизма?

— Я не изменился, Юсгор, и не огорчаюсь по этому поводу. Вы правы: я и сейчас пекусь исключительно о собственных интересах. Просто мне не хочется, чтобы вы попусту теряли время, пробираясь к пустующему тайнику. Меня больше устроит, если вы продолжите работу, остроумно названную в Макими «подвигом Рокомо». Примите мой совет: плюньте на тайник и займитесь плазмой, коль скоро вы являетесь обладателем куска метеорита с силициевыми микровключениями…

Человеку присуще любопытство. Неизвестно, как пошел бы прогресс, если бы эта черта не была так сильна в человеке. Во всяком случае, открытий, книг и кинофильмов было бы меньше, а путешествия не занимали бы столь значительного места в жизни людей. Если не вдаваться в лингвистические тонкости, не обсуждать вопрос, где же грань между любопытством и любознательностью, то можно смело утверждать: в наше время для удовлетворения этих страстей человеческих изобретены отличные средства. Я имею в виду телевидение и вертолеты. Мне не раз при-

ходилось пользоваться вертолетами, но только на Сеуноре я почувствовал, насколько это удобно. Начиная с полета над берегом, окаймленным узкой полосой беловатого кораллового песка, к которому вплотную подступали казаурины, издали похожие на наши ели, и кончая мрачными ущельями у самой вершины Сеунора, мы не отрывались от окошек. Под нами неистовствовали джунгли. Все такие же, как и пятьдесят, тысячу, десять тысяч лет тому назад, — хищные, безжалостные к человеку и все же пленяющие.

Горное ущелье, по которому мы пролетали, замыкалось почти отвесными скалами. С них низвергался поток воды. Быстрый, пенистый, рассыпающийся мириадами искр, радужно сверкавших на солнце. По обе стороны горной речки, клокотавшей внизу, на гребне обрывистых склонов высились перевитые лианами высокоствольные исполины с шатрообразной вершиной. Вряд ли кто взбирался когда-либо на их восьмидесятиметровые вершины. Мы это проделали запросто, медленно, словно на спокойном лифте, поднимаясь вдоль зеленой стены, рассматривая причудливые переплетения, яркие, огромные, порой растущие прямо из стволов цветы. Пилот доставил нам возможность вволю

и безопасно насладиться созерцанием чудес дикого тропического леса. Впрочем, как мы поняли несколько позже, его неспешное прочесывание джунглей было вызвано не только желанием удовлетворить нашу любознательность, но и необходимостью найти подходящее место для посадки. Оказывается, это было не так-то просто. Однако пилот у нас был отменный, и мы довольно удачно приземлились на маленькой скалистой площадке.

Через полчаса мы добрались до места, обстоятельно описанного в завещании, нашли скалу, прикрытую большим плоским камнем, под которым должна быть лунка, и уже собирались с Юсгором отодвинуть ее, но Мурзаров попросил пока ничего не трогать. Он осмотрел все вокруг и начал нам пространно рассказывать о том, с какой скоростью в этих местах произрастает тропическая растительность. Казалось, он просто решил испытать наше терпение и выдержку. Покончив со своими ботаническими выкладками, профессор Мурзаров заявил:

— Под плитой, возможно, лунку мы обнаружим. Ну а зародыши?.. Зародышей там нет.

— Ханан Борисович, вы что же, пророчествуете?

— Вовсе нет. Я просто внимательно рассмотрел все здесь, прикинул, с какой скоростью прорастает этот, как его называют на Паутоо, науразз. Посмотрите, науразз обвил все вокруг, а у камня он реже, побеги не успели проникнуть в расщелину. Вот я и решил: примерно год назад у тайника кто-то побывал. Двигали этот плоский камень и… Ну что же, давайте все-таки двинем и мы.

Камень мы с трудом столкнули, лунку обнаружили, нашли в ней жестянку из-под леденцов «Бликен и Робинсон». На ней еще виднелась полуистлевшая надпись: «Санктъ-Петербургъ», но зародышей в тайнике не было.

Наш маленький отряд продолжил поход, с тем чтобы побывать на месте гибели отважных русских исследователей. Потратив немало сил на расчистку тропических зарослей, мы наконец отыскали могилы участников трагически закончившейся экспедиции. Нашли большой плоский камень, на котором Борис Шорпачев выбил прощальные слова, немудрящие и очень искренние. Мы сделали все возможное, чтобы могилы не заросли вновь, хотя бы на то время, пока не установят здесь достойный памятник.

Сейчас на месте гибели русской экспедиции стоит обелиск из специальной стали, который

уже не покроется зарослями.

Приведя в порядок могилы участников вудрумовской экспедиции, мы устроили привал, расположившись в тени эпифитных папоротников, дававших удобное, хотя и кратковременное, убежище от солнца. Отдыхая, перечитывали те строки дневника Ивана Александровича, в которых он описывал свою последнюю стоянку. Все точно. Вот перед нами скала высотой четыре-пять метров, на которую в ту ночь первым взобрался Николай Николаевич Плотников, а там и развалины храма.

Добрались мы и до него. Не ночью, правда, а днем, но и днем развалины являли собой картину внушительную и немного жутковатую. Во время боев за независимость Паутоо пострадали и эти древние развалины: две бомбы, сброшенные с самолета метрополии, разорвались неподалеку от Верхнего Храма. Остатки колонн, во времена Вудрума окружавшие выложенную плитами площадку с постаментом, теперь валялись бесформенными грудами, обильно заросшими зеленью. Постамент был цел, и на нем все так же горделиво возвышалась «волна». Мы изучили ее с возможной тщательностью, взяли пробы для анализа и исследования в лабораториях уни-

верситета. Полупрозрачный зеленоватый кусок какой-то не известной никому из нас породы, действительно напоминавший застывшую волну, стоял на высеченном из красноватой лавовой породы постаменте. На самой верхушке стекловидной массы белел вспенившийся гребешок, еще больше усиливая сходство с окаменевшей волной, но ничего похожего на так красочно описанные Иваном Александровичем Сиреневые Кристаллы мы не обнаружили.

Глава десятая

●

Живое вещество

Все мне нравилось в тропиках. Люди, города, океан и пальмы. Все было хорошо, кроме… тропической жары. Впрочем, донимала не жара. Средняя наиболее высокая температура в Макими и, например, в Киеве одинакова. Изматывало другое. На Паутоо при необыкновенно насыщенном парами воздухе дышалось тяжело, голова работала плохо, тело было вялым, непослушным. Оживал я только искрящимися росой утрами

да в те ночи, когда небо было ясным, горели чужие, но удивительно заманчивые звезды, а с гор тянуло освежающей прохладой. Это были лучшие часы суток, самое подходящее время для работы. Помню: вот в такую, почти приемлемую для жизни ночь, вернее, поздним вечером мы все трудились над составлением нашего первого отчета. Нелегкое это было занятие. Собственно, отчитываться еще было не в чем. Мы, правда, успели уже потратить много времени, извели немало денег и в результате… Да, результаты выражались, как говорят математики, величиной исчезающе малой. Строго говоря, коль скоро ни зародышей, ни Сиреневых Кристаллов нам не удалось найти, дальше оставаться на Паутоо мне и Мурзарову вроде было и ни к чему.

«Подвиг Рокомо» — вот единственное, что в какой-то мере оправдывало наше пребывание в Паутоанском университете, но… в Москве, например, считали (и не без оснований), что исследования метеорита Себарао, имеющего силициевые микровключения, необязательно продолжать на Паутоо, можно их проводить и в отечественных институтах. Теперь все дело было в том, чтобы как можно скорее, пока нас не отозвали, добиться успеха. А успех не приходил.

Что только не перепробовали мы в те дни, какие только не подбирали условия, чтобы вызвать к жизни маленькие, неподвижно лежащие в каменном куске существа!

...Ночь. Тишина. В открытые окна врываются неистовые запахи цветов, доносится отдаленный рокот океана, луна заливает неярким, немного тревожным светом лужайку перед зданием нашей лаборатории, стало прохладней, легче дышится, но отдохнуть, насладиться умиротворенной природой нам недосуг. Мы забросили проклятущий отчет и лихорадочно, забыв о времени, о еде, обо всем на свете, делаем еще одну попытку, стараясь оживить микровключения. Испытано, казалось, все, но вот Юсгор в очередной раз предложил внести изменения в условия эксперимента, мы ухватились за его не лишенный остроумия план опыта и уже не отходим от установки.

Ару всегда с нами. Его энергия, пытливость и веселье неиссякаемы. Он готов вообще никогда не покидать лабораторию, умеет как-то ловко, словно уменьшившись в несколько раз, уютно устроиться на циновке и поспать в укромном уголке. Полчаса, час — и он снова на ногах, опять такой же бодрый и неутомимый. Севена,

казалось, соревнуется с ним в выдержке и выносливости. Подвижная, ловкая, грациозная, всегда подтянутая, она своим весельем, заботливостью неизменно скрашивала часы томительного и тревожного ожидания результатов, умела мягко, приветливо и чутко умерить горечь неудач, подбодрить.

Проба закончена, я склоняюсь над микроскопом. Метеорит по-прежнему мертв.

Мы молча, не перекинувшись и словом, усаживаемся за свои столы и продолжаем опостылевшую отчетную писанину. Ару и Севена исчезают как-то совсем незаметно, но не проходит и часа, как Севена появляется в лаборатории с плетенкой из бамбука. В ней деревянные мисочки с курицей и рисом, облитыми пряным соусом; поджаренные бананы, своей аппетитной коричневой корочкой напоминающие пирожки; белоснежные дольки мангустанов и объемистый, дивной старинной работы кувшин с имшеу — питьем превосходным, о котором я так и не удосужился узнать, из чего же оно делается. Многострадальный отчет опять откладывается в сторону. Поглощая превосходные дары тропиков, мы с жаром начинаем обсуждать новый вариант эксперимента и, едва покончив с едой, устремляемся в аппаратную.

Ару уже там. Он всегда оказывается там, где особенно нужен. Ару все подготовил и только ждет, что же мы решили. А мы решили пробовать, пробовать и пробовать!

Дни идут за днями. Идут быстро, не принося так страстно желаемого результата, доставляя нам огорчения за огорчениями. Тревог масса. Приходят письма из Москвы и Ленинграда. Суховатые, начальственно-назидательные, с требованием высылать отчет. Задерживается получение аппаратуры, на которую мы возлагаем особые надежды. А больше всего тревожит тающий кусок метеорита. Расходуем мы его экономно, трясемся над каждой крупинкой, но он уменьшается в размерах и уменьшается. Все чаще думается: вот закончим последнюю крошку и работа прекратится. Безрезультатно и бесславно.

…И все же отчет завершен. Особенно полным и интересным разделом в нем получилось описание работы по туароке, сделанной паутоанскими химиками. Это радовало меня больше всего, давало надежду, что в случае удачи, если все же сумеем мы оживить силициевые микроорганизмы, у нас будет средство обуздать их. Мне даже в те небогатые успехами дни не давала покоя мысль о их силе, о их способности убивать все

живое, распространяясь с неимоверной быстротой, и туароке… Вот здесь-то и нужно оценить по заслугам профессора Мурзарова, сумевшего на стыке двух таких наук, как история и химия, помочь важному открытию.

Туароке — неприхотливый, растущий на всех островах Паутоо кустарник, почти круглый год унизанный невзрачными цветочками. Туароке — это сорняк паутоанского архипелага. Надоедливый и злой, распространяющийся активно, не боящийся ни засухи, ни обильных дождей, проникающий в так трудно отвоевываемые у джунглей культурные делянки, он был нелюбим местным населением и всячески изгоняем. Вот он-то, этот неказистый кустарник, уничтожаемый при всяком случае, вскоре сделался героем, спасителем архипелага. Но об этом несколько позже.

Здесь я только хочу вспомнить, что, в то время когда мы безуспешно сражались с метеоритом, Ханан Борисович углубился в древние паутоанские записи и восстановил состав фимиама, курившегося некогда в храме Небесного Гостя. Оказалось, это была смола, добываемая из туароке. Химики выделили ароматические вещества из нее в чистом виде, определили их состав, разработали современную технологию получения

смол из туароке. Оставалось испробовать, будет ли туароке, как и в легендарные времена, укрощать силициевую плазму. Но, увы! укрощать пока было нечего.

Работали мы в то время много, трудно и порой, приходя в отчаяние, начинали сомневаться в успехе. Все попытки повторить «подвиг Рокомо» неизменно кончались ничем. Структуры, которые, несомненно, представлялись нам какими-то микроформами силициевой жизни, оставались в своем первозданном состоянии. Юсгор безуспешно пытался выступить в роли нового Рокомо, с той только разницей, что вместо друзей Молний, помогавших легендарному герою, ему помогали современные приборы и мы все.

Со дня на день мы ожидали отправленную с московского завода в адрес Паутоанского университета мощную электростатическую установку. Наконец великан пришел, был спешно установлен, испытан, и срез метеорита очутился в его разрядах. Ничего! Впрочем, отчаиваться еще было рано. Огромное количество комбинаций нужно перебрать, чтобы попытаться создать точно такие же условия, при которых образовалась «пена гнева — созидания» тогда, тысячу лет назад, в загадочном храме Небесного Гостя…

А может быть, и не образовалась?.. А что, если легенда — это плод безудержной фантазии?.. Но окаменевшая пена? Рука Лавумы? Наконец, нетленная ткань, найденная Мурзаровым?.. И все же сомнениям не было конца. Допустим, верны наши соображения и «пена гнева» как низшая, чрезвычайно стойкая форма силициевой жизни и в самом деле возникла тогда из метеорита. Кто может поручиться, что она сохранила жизнеспособность еще в течение тысячелетия?

А опыты мы все же продолжали. Сотни опытов все с тем же результатом. Метеорит почему-то не желал воскресать.

Трудное это было время. Через какой-нибудь месяц события начали нарастать с кинематографической быстротой, но тогда… Тогда мы с Юсгором не могли похвастать обилием новостей и тихо завидовали Мурзарову. Как историк и археолог, он откапывал в древних рукописных документах Паутоо массу увлекательных сведений о событиях, так или иначе связанных с силициевой загадкой, и уже успел отослать для опубликования две чертовски интересные статьи.

Да, Мурзарову было куда легче, чем нам, биохимикам. Мне в особенности. Я все еще не мог

свыкнуться с тропиками, из Ленинграда приходили неприятные, вызывающие тревогу письма: серьезно болела мать; в Паутоанском университете из-за бесконечных неудач складывалась нервозная напряженная обстановка, а тут еще начался период дождей и окончательно поверг меня в уныние. В те дни я все чаще и чаще ловил себя на трусливой нехорошей мысли: «Домой! А как бы уехать домой?»

Но вот в момент наиболее тягостный все вдруг повернулось, как говорят, на сто восемьдесят градусов.

Лаборатория наша стояла несколько особняком, на самой окраине большой университетской территории. Как-то поздним вечером, возвращаясь к себе в коттедж, я проклинал все на свете и особенно тропические ливни. «Не бывает гроз сильнее, чем в месяце Ливней, и не бывает гроз страшнее, чем в Ночь пришествия Небесного Гостя», — вспомнил я слова легенды о Рокомо и Лавуме и, несмотря на потоки, низвергавшиеся с неба, бросился назад, в лабораторию, к телефону.

— Юсгор? Это я, Алексей. Юсгор, мы еще не пробовали ливней!

Да, мы перепробовали, кажется, все, кроме ливней. Начался перемонтаж всего нашего теперь

уже довольно сложного хозяйства. Установку мы поместили в отдельном небольшом бетонном здании и теперь возились с ней, выкатывая ее под тропические ливни, сочетая искусственные разряды колоссальной мощности с естественными потоками тропического дождя. Это было не очень забавно и, скорее всего, бесполезно. Силициевым микроорганизмам, сидящим в осколке метеорита, обильное душирование не помогало. Не охлаждало оно, правда, и нашего пыла. Мы продолжали ставить опыты, усложнившиеся теперь до крайности. Каждый раз, закончив работу, мы должны были втаскивать все оборудование в помещение и только тогда, уставшие и злые, отправлялись, под ливнем конечно, отдыхать.

На Паутоо ливни обрушиваются, нагоняя ужас на всю природу. Поднимается ветер, вздымающий к небу пыль и листья, грохочет гром, лиловые молнии прорезывают тяжелые тучи, и в их вспышках ослепительно загораются скалистые склоны Себарао. Вскоре все заволакивается непроглядной серой лавиной воды, срывающей листья, ломающей сучья, а то и целые деревья. Но достаточно случиться, что день-два не выпадет дождь, и природа изнывает от засухи: вянут листья, все покрывается слоем пыли и замирает. Две

недели без потоков живительной влаги — и на островах беда, угроза полного неурожая. Дожди в Макими часты и обильны. Когда они неистовствуют, кажется, нет никакой возможности жить в этом водяном царстве, но, к счастью, они кончаются быстро. Полчаса, час — и воды стекают, впитываются в почву, а утром вновь начинается сказка. Еще стелются клочки оставшегося от ночи тумана у подножия пальм, а солнце уже пронизывает их кроны. Вершина Себарао переливает волшебными красками, на листьях, больших и глянцевитых, еще хранящих крупные, будто стеклянные капли, возникают мириады радужных лучиков, все блестит и сверкает, все свежо и празднично. Дышится легко, ароматы цветов бодрят, и кажется, не будет конца этому веселью в природе.

Вот в такое же нарядное и легкое утро мы шли с Юсгором к нашему бетонному домику, о чем-то непринужденно болтая, всецело отключившись от наших тревог, неудач и трудных раздумий о метеорите. Охранник предъявил нам пломбы. Мы, как всегда, тщательно проверили запоры, и Юсгор стал возиться с ключом, безуспешно стараясь втолкнуть его в замочную скважину. Скважина оказалась намертво забитой чем-то

вроде штукатурки.

— Что за хулиганство!

— А может быть, хуже? Юсгор, что, если и здесь, как в свое время в музее, успели побывать охотники до нашего метеорита?

Вызвали начальника охраны. Сбежались охранники, дежурившие в предыдущие смены, подошло несколько сотрудников из физического корпуса. Начались споры и крики, слова произносились всеми одновременно и с такой скоростью, что мои познания паутоанского языка мне не помогали вовсе. Чем бы все это кончилось — не знаю, но в это время из маленького, расположенного довольно высоко над землей окошка полетели стекла.

Поток грязно-зеленой пены хлынул из окна и стал растекаться по траве. Местами пена тотчас же окаменевала, образуя, как и в замочной скважине, похожую на штукатурку массу, но местами ее ручейки уж очень проворно и быстро пробирались между расщелинами в камнях, подползали к кустам, и кусты…

Кусты окаменевали.

Океанские отливы и приливы чередуются с

еще большей точностью, чем в период дождей ясная погода сменяется плохой. Полсуток вода стремится убежать подальше от берега, полсуток она ведет свое неутомимое наступление на сушу, а затем снова обнажает дно. Местами вода остается. Бродя в ней по пояс или по колено, можно увидеть копошащиеся среди ветвистых кораллов огромные серые с красными кольцами голотурии, синие морские звезды, тридакны, мелькающие среди темно-багровых зарослей золотисто-голубые рыбки, прозрачные медузы, окрашенные в зеленоватый цвет сифонофоры и яркие губки.

В дни, когда удалось наконец оживить кусок метеорита, когда мы, забыв обо всем на свете, обуздывали резвящуюся после тысячелетней спячки силициевую плазму, Ханан Борисович исправнейшим образом отправлялся к лагуне Сеунора. Вставал он часов в пять и, запасшись огромным зонтиком, газетами и термосом с хорошенько охлажденным паутоанским питьем — имшеу, спешил к маленькой лодочке, привязанной к бамбуковой пристани. Вид он имел дачно-курортный. Загорелый, в пестрых трусиках и тюбетейке, профессор удобно располагался в тени зонтика, наслаждаясь созерцанием кра-

сот подводного царства. Худенький парнишка паутоанец, сидящий на веслах, очень умело лавировал среди выступавших то здесь, то там коралловых образований, направляя лодчонку по указанию Мурзарова в самые различные места лагуны. Время от времени Ханан Борисович, изловчась, вылавливал из воды губку, внимательно осматривал ее и выбрасывал за борт. Отливы были грандиозны, коралловый, будто усыпанный свежевыпавшим снегом, берег уходил далеко, лодочка Мурзарова покачивалась над теми местами, где во время прилива слой воды был весьма внушительным, но и здесь ему не удавалось найти глубоководную обитательницу, кружевную, словно сплетенную из тончайшего стекла, красавицу губку. Других ему не требовалось. Нужна была именно такая, образующая тонкие, изящные переплетения, какую ему удалось увидеть в руках ныряльщика за губками только раз. Мельком.

Губки не употребляет в пищу ни одно живое существо на свете. Губки, которые выискивал Ханан Борисович, — кремниевые, силициевые — не пригодны и в обиходе. И все же кремниевые губки вылавливают. Кому они нужны? Кто покупает их и зачем? При попытке достать такую

губку Мурзаров натолкнулся на довольно неожиданное препятствие. Ныряльщики, беднейшие из бедных, за гроши проделывавшие трудную и опасную работу, шарахались от профессора как от прокаженного, когда он хотел купить у них губки. Вот тут-то Ханан Борисович и решил добыть их любыми путями, предполагая, что в самое ближайшее время они нам могут пригодиться в борьбе за овладение живой силициевой плазмой.

А овладеть ею было нелегко. С первого же момента, с той минуты, когда мы увидели извивающиеся у нашей лаборатории серо-зеленые пористые змейки, мы не имели ни минуты покоя. Радость открытия и ни с чем не сравнимая тревога, глубокая, хватающая за сердце, — вот, пожалуй, основные чувства тех дней. Опять, как и в древние времена, но на этот раз уже сознательно человек вызвал к жизни представителя иного, быть может враждебного, мира!

Представитель этот, нужно сказать, выглядел довольно невзрачно, однако в первые же часы после оживления начал проявлять себя агрессивно. Количество серо-зеленой массы увеличивалось со скоростью, которая вынуждала нас принимать решения неотлагательно.

Прежде всего здание нашей опытной установки было окружено охраной. Сперва она разместилась кольцом, проходившим метрах в десяти от установки, но уже к восьми часам утра ее пришлось передвинуть дальше. «Пена гнева», как и во времена Рокомо, наступала бойко. Зеленоватые гроздья уже свисали изо всех окон. Ноздреватая масса заполнила площадку возле нашего бетонного сооружения и ручейками, как бы отыскивая наиболее удобные пути для продвижения вперед, растекалась все дальше и дальше. В восемь двадцать рухнула дверь, а без четверти девять мы увидели, как исчезают стены. Это было похоже на удачный кинотрюк, когда зритель видит на экране, как оплывает, струится, словно тает, изображение, только сейчас бывшее четким, строгим, как расплываются его контуры, а оно переходит в нечто совсем другое, непохожее на только что виденное. За каких-нибудь пять минут гладкие бетонные стены опытной установки перестали существовать. Мы увидели, как из ровных, выбеленных известкой они превратились в шершавые, бугристые, стали серовато-зелеными, а затем осели и в какое-то неуловимое мгновение начали шевелиться и вскоре составляли одно целое с торжествующей

пенящейся массой. Как на пожарище, на месте здания лаборатории теперь возвышались только металлические части наших установок и приборов, видневшихся через каркас из железных прутьев и проволоки, являющихся прочностной основой бетонных стен.

К этому времени мы уже были вооружены всем, чем только было мыслимо. Бинокли, фото- и кинокамеры, дюары с жидким воздухом, баллоны с хлором, бутыли с серной и азотной кислотой — чего только не было подтянуто к девяти часам на поле сражения! Непосредственно у цепочки охраны, теперь усиленной студентами старших курсов, была разбита палатка, и в ней, как верховный главнокомандующий, восседал ректор университета, доктор Ямш. Обстановка и в самом деле напоминала фронтовую. К доктору Ямшу все время поступали донесения с «линии огня» — с границы, где силициевая плазма дециметр за дециметром безостановочно отвоевывала для себя территорию университета; от палатки доктора Ямша, как по эстафете, в главное здание, к дежурившему у телефона сотруднику, шли распоряжения.

Кроме Юсгора, меня и заведующего химической лабораторией, в круг, созданный охраной, реше-

но было никого не допускать. В непосредственное соприкосновение с противником входили только мы трое. Входили осмотрительно, стараясь действовать быстро, четко, но — что греха таить не все время мы были достаточно хладнокровны и спокойно-рассудительны. Перед нами стояли две основные задачи: не довести наш эксперимент до катастрофы и вместе с тем повести борьбу так, чтобы сохранить какую-то частицу силициевой жизни для дальнейшего изучения.

Не забывая о печальном опыте наших предшественников во времена Рокомо и Раомара, наблюдения за опять вырвавшейся на свободу «пеной гнева» мы вели, соблюдая всяческие предосторожности. Впрочем, в то утро мы еще ничего толком не знали ни о сущности вызванного нами явления, ни о его свойствах и «намерениях». В первое время мы даже не смогли разобрать толком, как же именно проявляет себя силициевая жизнь, в какой форме она существует, как взаимодействует с окружающей средой, чем питается, как размножается, да и вообще проявляет ли она себя как истинное, с нашей, земной точки зрения, живое существо или представляет собой еще невиданное, непонятное и непривычное для нас живое вещество.

Первые наблюдения дали нам немного. Мы с Юсгором, подойдя как можно ближе к пенящейся массе, решили, что она в некоторых местах удивительно напоминает кораллы. Довольно быстро затвердевающая пена была то ветвистой, то собиралась, как и некоторые кораллы, в шары с изрезанной поверхностью наподобие мозговых извилин, то образовывала какие-то стволы, грибы, змеевидные отростки, пузырчатые нагромождения. Двигалась только та часть, которая соприкасалась со зданием, почвой или растениями. Этот фронт пены как бы впитывал в себя все попадающееся на его пути и вскоре становился неподвижным, застывал.

Мы не могли понять, что же является действующим, активным началом, до тех пор пока не рассмотрели на губкообразной зеленоватой поверхности капельки. Прозрачные, легкоподвижные, они подобно росинкам покрывали всю поверхность переднего края, ту поверхность пены, которая и вела наступление, завоевывала все новые пространства. Капельки вбирали в себя песчинки, частицы земли, траву, проникали в ветки, в стволы кустов, в расщелины камней, превращая все это в пышную, быстро твердеющую пену. Перед тем как застыть, пена эта выделяла

новые, ярко блестевшие на солнце росинки, и они продолжали все уничтожающую работу своих предшественниц.

Теперь нам стало ясно, что все внимание следует направить на эти сверкающие подвижные частицы живого вещества.

Доктор Ямш, тучный, спокойный даже в подобной далеко не обычной ситуации, с лицом открытым, смуглым, с взглядом прямым и смелым, одним своим присутствием вселял в нас уверенность, вносил в наши действия упорядоченность и осмысленность. Выслушав рассказ о наших наблюдениях, он сам подошел к наступающей пене, легко присел на корточки и, вооружившись большой лупой, пристально начал рассматривать силициевые росинки.

— А ведь они, эти чужеродные бестии, могут довольно быстро пожрать архипелаг. Медлить нельзя!

И мы начали подготовку к сражению.

Севена получила автомобиль ректора, взяла трех студентов и умчалась в город добывать полиэтиленовую пленку. Ару и два аспиранта были допущены в окруженное охраной пространство.

Азотная и серная кислоты, казалось, не производили на живое силициевое вещество никакого

впечатления. Отвердевшая пена, политая кислотами, реагировала с ними, частично разрушалась, изменяла свой внешний вид и цвет, но тотчас же из-под этого облитого химикатами участка выползали чистенькие, все такие же прозрачные росинки и, казалось, с удвоенным аппетитом продолжали жадно вбирать в себя все окружающее. Щелочи и хлор, спирты и ядохимикаты — словом, все, что только мы ни пробовали, или вовсе не мешало успешному наступлению врага, или подбадривало его чрезвычайно. Особенно понравилась маленьким силициевым разбойникам плавиковая кислота. Юсгор изловчился вылить содержимое пол-литрового парафинового баллона на самый тоненький ручеек пены, и она ожила, бурно задвигалась, мгновенно разрослась в целый холмик.

Теперь, когда окончательно исчезли стены нашей лаборатории, мы могли рассмотреть, что же утилизировано было живым веществом. Съедено было практически все, кроме стальных деталей. Впечатление было такое, будто алюминий и стекло они употребляли с особенным успехом.

В палящих лучах солнца мы сперва не обратили внимания на исходящий от развалин лаборатории жар, но вскоре поняли, что все это

и в самом деле напоминает пожарище. Теперь уже явственно чувствовалось повышение температуры по мере приближения к клубящимся зеленоватым массам. За счет чего выделялось это тепло? Доктор Ямш распорядился доставить к полю сражения счетчики Гейгера.

В непосредственной близости от «пожарища» они показали несколько повышенную радиацию.

К «переднему краю» подтащили баллоны с ацетиленом и кислородом. Аспиранты размотали шланги, я вооружился щитком, надел рукавицы и пошел в наступление, оперируя мощной газовой горелкой.

Враг сдавался только на тех участках, где температура достигала полутора-двух тысяч градусов. Лихие упражнения с ацетиленовым пламенем пришлось оставить: возникала угроза разбрызгивания живых сияющих капелек сильной газовой струей, еще большего их распространения.

Пришла машина с полиэтиленовой пленкой. Доктор Ямш собрал человек двадцать студентов, и они, толково и быстро им проинструктированные, начали прикреплять пленку к стволам пальм, создавая вокруг «пожарища» высокий забор.

Доктор Ямш распорядился выделить еще два грузовика и отправить их за пленкой. Все готовилось к генеральной, решающей схватке. Мы вызвали грозные силы, сражение было неизбежно, и мне вдруг отчетливо, будто написанное на каком-то ярком фоне, представилось вудрумовское слово «рано!». Что, если и смола туароке не подействует, не подавит эту безумствующую, как бы наслаждающуюся обретенной свободой жизнь?.. Бетонный глубокий желоб, проходивший в нескольких метрах от установки, был наполнен водой, еще сохранившейся от ночного ливня. Поток пены продвигался через желоб особенно успешно, нисколько не смущаясь, действовал и под водой… Значит, поглотив один из островов Паутоо, силициевая пена легко проложит себе путь по дну пролива, переберется через него на другой, на третий остров, оденется камнем весь цветущий архипелаг и тогда…

В палатку доктора Ямша я вошел усталым, разбитым и сразу опустился в плетеное кресло.

— Хорошо, что вы зашли, — обратился ко мне доктор Ямш. — Время сейчас горячее, нельзя терять ни минуты, но все же я попрошу вас просмотреть вот это. Юсгор уже читал. Надо обсудить текст телеграмм, которые я заготовил для от-

правки в Организацию Объединенных Наций и в Советский Союз президенту Академии наук и директору Института космической химии.

Я быстро прочел и одобрил написанное ректором, затем спросил:

— Доктор Ямш, правительство уже осведомлено о происходящих у нас событиях?

— Разумеется. Я звонил министру. Он должен скоро приехать. Надо подготовить ему материал для доклада президенту республики. Алексей Николаевич, как вы думаете, начнем окуривание, до того как ребята установят защиту от ветра, или можно рискнуть, подождать еще немного? Мне только что звонили из порта. Пленку перегружают прямо из трюма «Интернейшнл» в наши машины. Она должна быть здесь через полчаса.

— Думаю, следует подождать. Рискованно, конечно, все рискованно. Опасно ждать и боязно начинать без защиты от воздушных потоков. — Я говорил сбивчиво, волнуясь, все еще не в силах избавиться от предупреждающего вудрумовского «рано!». — У нас, я считаю, слишком мало смолы туароке, и если дымки разнесет по всей округе, если они не в достаточной концентрации войдут в соприкосновение с активными капельками… А может быть, смола и не подействует…

— Посмотрим. Будем надеяться. Это наш главный шанс.

— А если?..

— Не будем терять выдержки и спокойствия, а пробу… Первую пробу давайте начнем!

У палатки Ямша меня ждал Ару. В руках у него была большая фарфоровая кювета, покрытая стеклянным колпаком, под которым поблескивали на жарком солнце тигли.

— Это платиновые и золотые, Алексей Николаевич. Мне удалось у биологов достать маленькую ложечку. Если ее взять щипцами, то совсем не будет опасно. Можно собрать довольно много росинок.

Я посмотрел на Ару так, будто видел его впервые. Немного скуластое, смуглое, улыбчивое лицо его было спокойно и приветливо, только черные глубокие глаза блестели не то встревоженно, не то нетерпеливо. Подтянутый, хорошо тренированный, умеющий всегда, как только требовалось, быть под рукой и всегда исчезать вовремя, он ничего не забывал. Казалось, не могло быть такой ситуации, в которой он мог растеряться.

— Молодец, Ару! Спасибо. Пойдемте. Мы вместе с вами займемся этим довольно рискованным

делом.

— Со мной? — радостно воскликнул Ару.

— Да, с вами.

Мы стояли на коленях у самого края надвигающейся массы и собирали с нее подвижные, быстро размножающиеся капельки в золотые и платиновые тигельки. Сотни движений, а тигельки наполнены едва наполовину. Жара, душный, предгрозовой воздух, сознание, что одно неловкое движение — и чистая, казалось, такая безобидная росинка, только коснувшись тела, превратит тебя в быстро каменеющий труп, а ты все носишь и носишь капельку за капелькой в небольшие металлические сосудики. Сотня, еще сотня движений…

Юсгор в это время оперировал с приспособлением, напоминающим мехи для раздувания горна. Мне хотелось раздвоиться: не терпелось как можно больше набрать росинок и в то же время неудержимо влекло поскорее стереть большое, застрявшее в сознании «рано!». Я не выдержал, оставил Ару продолжать сбор и подошел к Юсгору.

Из горловины меха тонкой струйкой вырывался душистый дымок. Там, где он обволакивал подвижные блестки живого вещества, оно мут-

нело, росинки из прозрачных становились опаловыми, а затем жемчужными, отваливались от питавшей их пены, падали и уже больше не шевелились.

Итак, мы приняли эстафету, через века переданную нам древними паутоанцами. Людской опыт, первооснова всех и всяческих знаний, помог нам одержать победу над силой космоса, и это произошло только потому, что объединились усилия людей, разделенных почти тысячей лет. Неужели мы не сможем объединить для борьбы всех живущих на земле сейчас.

— Юсгор! — Я вышиб, кажется, у него мех, бросился к нему на шею, и он крепко прижал меня к себе. Нас обоих обнял доктор Ямш.

— Поздравляю, друзья. Теперь я уверен… архипелаг уцелеет… Впрочем, борьба только начинается!

Глава одиннадцатая

●

Господин Асквит

Кончился очередной паутоанский ливень. В

этот день он был особенно неистовым. Как потоп, обрушился на «пожарище», порвал в нескольких местах наше заграждение из пленки, но на силициевую плазму не произвел никакого впечатления. Ее победоносное наступление продолжалось, аппетит нисколько не умерился, она съедала все попадавшееся ей на пути, угрожая распространиться к утру до ближайших университетских зданий. Времени терять было нельзя, и мы приготовились к бою.

Раскатывались последние рулоны пленки, к нашей боевой площадке поднесли заготовленные запасы смолы туароке. Еще с утра, как только мы убедились в неизбежности сражения, не меньше сотни студентов выехали за город рубить крепкий колючий кустарник. Теперь туароке, наваленный в кузова грузовых автомашин, начал прибывать к университету, пополняя наш аварийный запас. Мы заботились о резерве на тот случай, если нам не хватит смолы.

Разогретые жаровни расставлены большим полукругом. Теплятся угли под ними. На жаровни насыпают щепотки драгоценной золотистой смолы. Она плавится на железе, и легкие ароматные дымки плывут в спокойном влажном воздухе полиэтиленового загона, окружающего

силициевого противника.

Быстро темнеет. Вот в последний раз вспыхивает вершина Себарао. Еще белеют запрятанные в зелени университетские постройки, а здесь, в толпе пальм, обступивших площадку, завоеванную силициевой плазмой, уже ложатся густо-лиловые тени. Оранжевыми теплыми пятнами, мягко, обнадеживающе светятся жаровни, чуть розовеют спасительные душистые струйки.

Теперь остается одно — ждать! Что-то делается там, на месте нашей установки, меньше суток назад вызвавшей к жизни это непонятное явление? Совладают ли с ним дымки, такие безобидные, пахучие, вовсе не схожие с едкими кислотами, не обладающие силой огня и холода? Справятся ли, тихо обволакивая росинки, таящие неизвестное людям могущество? Сейчас там, на участке земли, взятой в пластмассовое кольцо, дымки смиряют прозрачные капельки, подчиняют их воле людей так, как и тысячу лет назад в священной роще возле коленопреклоненного Раомара.

Никто из нас на колени не становился, но никто в течение долгой черной ночи не оставался спокойным, не покидал поле сражения. В штабной палатке доктора Ямша жизнь била ключом, не утихая ни на минуту. Отсюда шли указания,

как отражать атаки корреспондентов, сюда приносили телеграммы, здесь составлялись первые донесения, просматривались только что отпечатанные фотоснимки и листки с результатами анализов, набрасывались и обсуждались планы овладения силициевой плазмой. В палатке, освещенной наскоро подвешенной на стойках лампочкой, шум не смолкал до утра, а утром, как только начало светать, мы двинулись к «пожарищу».

В розоватом отсвете первых солнечных лучей мы увидели бесформенную серо-зеленую массу. Она была неподвижна, а плазма мертва.

Вот тогда-то и начались самые горячие денечки. Немало сил мы потратили на уничтожение (соблюдая все меры предосторожности) пемзообразной массы, облепившей каркас нашей лаборатории, но еще больше пришлось затратить на создание новой установки. Из Института космической химии прилетели в Макими ученые различных специальностей. Из Паутоанского химико-технологического института к нам в группу влились химики-аналитики и химики-органики. Специальным решением Министерства высшего образования Паутоо в наше распоряжение были отданы дополнительные помещения. Оживление

чувствовалось во всем.

Через несколько дней мы уже смонтировали новую установку, точную копию той, которую недавно съела силициевая плазма, однако вновь воспроизвести опыт нам так и не удалось. Мы самым тщательным образом копировали условия и наконец израсходовали все остатки метеорита. Стало ясно: наши усилия бесполезны. Может быть, и не в ливнях было дело. Что-то неуловимое, не схваченное нами, какие-то особенные сцепления обстоятельств оказались благоприятными и помогли нам тогда вызвать к жизни неведомое. Какие это были обстоятельства, какие именно условия помогли — мы так и не выяснили. Загадка осталась загадкой.

В те дни внимание нашего уже довольно солидного коллектива ученых было сосредоточено на четырех маленьких тигельках, в которых хранилась собранная мной и Ару легкоподвижная, чуть зеленоватая жидкость.

С тех пор прошло несколько лет. Об исследовании плазмы уже написаны десятки книг, каждый шаг, сделанный учеными в направлении познания ее свойств, описан в сотнях отчетов и диссертаций, в тысячах официальных документов. Здесь я хочу рассказать лишь о том, как

мы ее тогда спасали. Да, было время, когда мы поняли, как трудно сохранить живое силициевое вещество. Легко представить, как мы были взволнованы, когда убедились, что еще раз повторить «подвиг Рокомо» невозможно, а плазма начинает погибать. В платиновых сосудах она вообще вскоре потеряла всякую активность и держалась только в золотых. Но и в них она становилась не такой деятельной, как прежде, начала терять свои свойства. Было ясно: все живое независимо от того, вещество это или существо, надо кормить.

Но как?

Попытки поддержать жизнедеятельность плазмы в тигельках ни к чему не привели. Создавшееся у нас впечатление о ее неприхотливости, неразборчивости в пище оказалось ложным. В предлагаемом нами широком ассортименте ей явно чего-то не хватало. По-видимому, перемалывая все встречавшееся ей на пути, она очень тщательно выискивала себе что-то абсолютно ей необходимое. Не желая питаться в тигельках, она, видимо, не просто была привередлива, а не получала самого нужного. Как найти то единственное, что поддерживает ее существование, как не допустить плазму до гибели в тигельках-

тюрьмах?

Можно было, конечно, дать ей свободу, пустить ее охотиться за земными растениями, камнями и постройками, но рисковать не хотелось, да и не представлялось удобным вновь и вновь собирать ее по капелькам. Словом, нам нужна была плазма в чистом виде, чтобы изучить ее повадки, свойства, определить, чем она питается, как размножается, каковы ее состав, структура. Встал вопрос: как сохранить плазму? Мы понимали трудности задачи, но не считали ее безнадежной, памятуя, что еще в древности, в паутоанском Веке Созидания, она была уже решена.

Вот тут-то историк Мурзаров снова помог биохимикам. Знание древних обрядов и обычаев народа Паутоо позволило ему сделать важное открытие. Происхождение обычая собирать и хранить священную губку теряется в веках. Уже никто, даже жрецы уцелевших храмов, не знает, как возник этот обычай, для чего нужны губки, и все же во многих селениях верующие добывают со дна океана или покупают у ныряльщиков кремниевые губки и раз в году, в праздник пришествия Небесного Гостя, относят их в ближайший храм. Профессор Мурзаров прав был, считая, что традиции оказались более живучими, чем

силициевое вещество. Давно утерян жрецами секрет, известный на Паутоо в Век Созидания; семь столетий назад паутоанцы разучились создавать храмы и дворцы сказочной красоты и величия, применяя силициевую плазму, а губки все еще добывают, выращивают и хранят. Ханан Борисович предполагал, что кремниевые губки, и не какие-нибудь, а именно те, которые с таким трудом и в наши дни еще выискивают в океане ныряльщики, нужны были древним паутоанцам для поддержания жизнедеятельности плазмы, хранившейся в золотых храмовых сосудах.

Полученное нами силициевое вещество нуждалось в поддержке, и немедленной. Оно умирало у нас на глазах. Плазма или хотела питаться только на свободе, или требовала специальной пищи. Оставалось одно испробовать губки и, если это не поможет, опять рисковать.

Достать у верующих губку было практически невозможно: никто не решался на такое святотатство, как продажу храмовой жертвы неверующим. Тогда в ход были пущены аквалангги. Это привело в немалое смятение бедных ныряльщиков, опасавшихся, что люди, обладающие хитроумными приборами и подводными ружьями, отобьют их скудный хлеб. Но этого

не случилось. Насколько я знаю, они и теперь, как и сотни лет назад их предки, продолжают свой трудный промысел, вылавливая для верующих священные губки. Верующие все так же возлагают на жертвенники губки, и они там постепенно засыхают. Выловленные аквалангистами обитательницы подводных долин нашли у нас несколько иное применение.

Эксперимент был обставлен тщательно. Мы действовали, как говорится затаив дыхание. Ведь если не придутся нашей плазме по вкусу губки, задача наша усложнится стократно.

Губка плазме понравилась. Осторожно опущенный в золотой тигелек маленький кусочек губки — и уже слегка помутневшая жидкость становится прозрачной, подвижной. Бросаем еще и еще крохотные кусочки. Плазма вокруг них вспенивается, они нацело растворяются в плазме, и объем ее начинает увеличиваться. Мы переливаем плазму в другой сосудик, она и там, питаясь этим кормом, совершенно несъедобным для всего земного, растет, ее можно размножать, сколько это угодно экспериментаторам. Они уже расхватывают плазму по капелькам, разносят по лабораториям, исследуют ее свойства и повадки, Физиологи вводят ее животным — и животные

мгновенно погибают (но не окаменевают!). Химики изучают ее состав, физики определяют физические свойства, биохимики... Впрочем, всего не перечесть. Как только мы убедились, что с соблюдением необходимых предосторожностей живое вещество можно транспортировать, несколько граммов его с приложением губок на специальном самолете было отправлено в Институт космической химии для всестороннего изучения.

В это же время появились публикации о сделанном открытии, и в это же время в Макими приехал из Пога профессор Асквит.

Асквит производил в общем приятное впечатление. Узкое, умное лицо, породистый с горбинкой нос и глаза, окруженные мелкими морщинами, казалось, всегда смеющиеся, то вдруг ясные до наивности, то колючие и озорные. Подвижный, складный, выглядевший намного моложе своих лет, он, видимо, обладал завидным здоровьем. Седина не старила Асквита, а делала его моложавое лицо привлекательным и значительным. Все в нем, от элегантного платья до интонации голоса, было прилично, солидно, и только руки с большими неспокойными пальцами, казалось, принадлежали не ему, а

какому-то другому, не очень располагающему к себе жадному человеку. Скептик, откровенный циник, человек незаурядного ума, находчивый, изворотливый и вместе с тем бесцеремонный, он одновременно располагал к себе и настораживал. Асквит предложил нам совместно разработать план решения силициевой проблемы. Однако предлагаемое им сотрудничество показалось уж слишком однобоким: Асквит хотел как можно скорее получить у нас силициевую плазму, но не спешил поделиться информацией о проводившихся им и Родбаром работах. Он охотно и подробно рассказывал о неудачных попытках оживить заключенные в осколке метеорита (добытого в храме Буатоо) силициевые микровключения, но для нас это уже был пройденный этап. Нас интересовало другое — зародыши. О том, как идут работы с ними, Асквит умалчивал, предпочитая пространно описывать историю поисков тайника Вудрума.

По его словам, все началось с того, что Нум Ченснепп, разбирая документы, оставшиеся от отца, обнаружил записи, сделанные Ширастом, его дневники, отчеты вудрумовской экспедиции и шкатулку с Золотой Ладьей. Наследник Гуна Ченснеппа по традиции уделял самое присталь-

ное внимание островам Паутоо и, естественно, заинтересовался найденным после отца. Золотая Ладья упорно, как и много лет назад, указывавшая на архипелаг Паутоо, особенно заинтересовала Нума Ченснеппа: значит, таят еще острова загадку, видимо, никуда не делись Сиреневые Кристаллы.

Ченснепп поручил профессору Асквиту заняться силициевой тайной, выделил для этого специальную лабораторию, пригласил в институт профессора Куана Родбара. Родбар превосходно изучил летописи Паутоо и материалы русской экспедиции, верил, что древним паутоанцам, как это утверждала легенда о Рокомо и Лавуме, удалось использовать силициевую жизнь для целей созидательных, и считал необходимым повторить их опыт. Концерн к этому времени уже широко производил силициевые каучуки, клеи, эластомеры. Органические силициевые производные входили в практику повсеместно, промышленность нуждалась в них все больше и больше. Стало известно, что они незаменимы для оболочек космических ракет. Ученых не покидала мысль о возможности использовать плазму для проведения синтеза. Что, если с ее помощью, мечтал Асквит, удастся производить

не сказочные дворцы и храмы, а силициевые материалы, необходимые промышленности. Такой подход к делу устраивал Нума Ченснеппа, и он щедро финансировал лабораторию энергичного и предприимчивого профессора. Главной задачей Асквит и Родбар считали исследование органических форм, заключенных в куске метеорита Себарао, оживление их, получение живого силициевого вещества. Но оживление не получилось. Повторить «подвиг Рокомо» им не удалось. Однако Асквит не унывал. Чтобы поддержать заинтересованность Ченснеппа в работах лаборатории, он решил отправиться на Паутоо.

К этому времени на архипелаге положение несколько стабилизировалось: образовалась свободная, независимая республика, но часть территории Западный Паутоо — все еще принадлежала метрополии. Гражданская война то утихала, то вспыхивала с новой силой. Однако Асквит рискнул вылететь в Пога. Здесь Золотая Ладья указывала на остров Себату, где, судя по описаниям профессора Вудрума и по дневникам Шираста, находился Верхний Храм. Несмотря на то что остров Себату все еще переходит из рук в руки, Асквит со своим паутоанским помощником Дагиром ухитрился опуститься на

вертолете вблизи развалин Верхнего Храма. Где-то неподалеку идут бои, рвутся снаряды, но Дагир, посланный Асквитом, как змея, пробирается к развалинам и вынимает «глаз божества».

Так Сиреневый Кристалл оказался в метрополии еще задолго до того, как мы с Мурзаровым прилетели в Макими.

Асквит, прибыв для переговоров в Макими, держался уверенно, словно дипломат могущественной державы, и настаивал только на одном — на выделении институту Ченснеппа небольшого количества плазмы.

Ситуация была сложной. Доктор Ямш считал необходимым выяснить, согласится ли Асквит на обмен информацией, расскажет ли о работах секретной лаборатории в Таркоре, пойдет ли на то, чтобы поделиться зародышами, и решил созвать совещание.

На совещание кроме ученых, непосредственно занимающихся силициевой проблемой, были приглашены руководители кафедр университета и директор Химико-технологического института. Доктор Ямш сделал все, чтобы совещание не носило официального характера, а представляло собой встречу ученых, на которой должен произойти обмен информацией, интересующей обе

стороны. Собрались мы не в кабинете Ямша, а в небольшом прохладном холле главного корпуса и расположились вокруг стола, уставленного бутылками с охлажденной минеральной водой и вазами с фруктами. Асквит, видимо, готовился к выступлению более официальному, однако быстро сориентировался и в этой обстановке, сразу приняв ее как нечто само собой разумеющееся. Он не развернул принесенные с собой рулоны каких-то таблиц, а только поставил на стол коробочку с Золотой Ладьей. Совещание действительно поначалу напоминало непринужденную беседу людей, занимающихся увлекательными, имеющими огромное значение вопросами, но не желающих превратить обмен информацией в спор трудный и неразрешимый уже потому, что слишком различны цели, намерения и подход к вопросу у каждой стороны.

Асквит начал беседу, именно беседу, а не доклад, легко, неторопливо. Рассказывал он о своих похождениях на Паутоо с юмором, а работы, проводившиеся в Таркоре, описал содержательно и вместе с тем живо, образно. Поведав нам, как ему удалось добыть Сиреневый Кристалл, он перешел к сообщению об исследованиях, проводящихся в ченснепповском институте. Для

изучения кристалла были привлечены различные специалисты, применены всевозможные приборы и самая разнообразия аппаратура, но фактически установить толком так ничего и не удалось. Несомненно одно: Сиреневый Кристалл создавал какое-то поле и Золотая Ладья, как чрезвычайно чувствительный прибор, всегда была строго ориентирована в нем. Никакие известные науке методы не помогли не только установить характер этого поля, но и обнаружить его вокруг кристалла. Единственным прибором, безотказно действовавшим уже сотни лет, была Золотая Ладья. Она уверенно продолжала указывать на Сиреневый Кристалл даже тогда, когда его упрятывали в солидную свинцовую броню. Поиски способов изоляции поля оставались безрезультатными, до тех пор пока Асквит не решил применить силициевые соединения. Даже в стеклянной оболочке Сиреневый Кристалл терял в какой-то мере свою активность, а когда создали защиту из чистейшего кремния, задача была решена. Эффект поля перестал наблюдаться. Сиреневый Кристалл можно было переносить из помещения в помещение, а всегда следовавшее за ним острие Ладьи теперь оставалось безучастным к этим перемещениям.

Какая же загадка таилась внутри Золотой Ладьи? По характеру орнамента, по стилю работы было ясно, что сама Ладья, кольцо, ее удерживающее, подставка из рубина — все это изготовлено в древнем Паутоо. Долго исследователи не решались ее вскрыть, боясь утерять возможность наблюдать интереснейшее, еще невиданное на Земле явление, но наконец отважились.

В Золотой Ладье находилось небольшое, похожее на арахис зерно, описанное в свое время русским ученым. Зародыш… зародыш силициевой жизни!

Зерно снова поместили в кораблик, построенный для него древними паутоанскими умельцами, и нехитрое приспособление продолжало действовать безотказно. Вскоре решили попробовать поместить в кораблик не зерно, а Сиреневый Кристалл. Опыт поставили, и лодочка с кристаллом начала исправно указывать на зерно. Но дальше произошло непонятное. Казалось, стоит теперь изолировать зерно, покрыть его кремниевым колпаком, и Ладья с кристаллом утеряет способность устойчивой ориентации в пространстве. Но не тут-то было. Ладья с кристаллом снова на что-то указывала, и притом всегда в одном и том же направлении.

Перевозя Ладью с места на место, из города в город, удалось установить: Сиреневый Кристалл указывал на острова Паутоо!

Значит, именно там до сих пор хранятся остальные зародыши!

Путешествие на Паутоо, по словам приятно улыбавшегося Асквита, обошлось без особых приключений, и тайник с зародышами был найден.

Нетрудно догадаться, сколько противоречивых чувств вызвало у каждого из нас сообщение профессора Асквита.

Доктор Ямш поблагодарил за информацию, Юсгор в свою очередь ознакомил Асквита с работами нашей группы, с намечающимися планами, подчеркнув при этом, что силициевая проблема опасна и требует систематического и осторожного разрешения. Я выступил после Юсгора и попробовал развить свои соображения, касающиеся необходимости работать над силициевой проблемой, объединив усилия. Профессор Асквит поддержал эту мысль с готовностью, даже с некоторой горячностью. Разговор стал особенно оживленным, но все же больше напоминал дипломатическую встречу, чем беседу ученых, работающих над одной проблемой.

Любезность и учтивость, с какой протекали

переговоры, не могли скрыть растущего взаимного недоверия. Не внеся никаких реальных предложений, Асквит продолжал настаивать на передаче ему силициевой плазмы для работы с зародышами. Он еще раз подчеркнул, что в Таркоре Родбару до сих пор не удалось их вызвать к жизни.

— Должен признаться, господа, — продолжал Асквит, доверительно улыбаясь, — дело уже считалось безнадежным. Все чаще нас посещали сомнения: а не угасла ли жизнь окончательно в этих зародышах? И вот когда мы готовы были сдаться на милость скептиков и маловеров, нас подбодрили вести из Макими. Ваша удача, господа, убедила нас, что жизнь еще теплится в силициевом посланце космоса. Больше того, коллега Родбар уверен, что именно силициевая плазма, эта низшая форма силициевой жизни, весьма вероятно, и является той средой, в которой могут воскреснуть зародыши.

— Вы не считаете, профессор, — обратился к Асквиту Ханан Борисович, что оживление зародышей связано с риском? Ведь никому не известно, какого типа существа могут быть выведены в результате ваших экспериментов.

— Совершенно верно. В этом случае мы риску-

ем, очевидно, в такой же мере, в какой рисковали у вас, здесь, в Макими, оживляя метеорит.

— Я должен вам возразить, профессор, — вступил в полемику Юсгор. Работая с микроорганизмами, вкрапленными в кусок метеорита, в случае удачи мы могли получить силициевую плазму, и только плазму. Изучив древние документы Паутоо, мы имели некоторое представление о свойствах и повадках этой формы силициевой жизни. Но самое глазное — мы знали, что уже в древности совершенно случайно, правда, но был все же найден способ ее укрощения, средство борьбы с ее невероятной активностью. Я говорю о смоле туароке.

— И все же вы рисковали, — возразил Асквит. — Туароке мог оказаться недостаточно эффективным. Но вы рисковали правильно! Насколько мне известно, вы ведь тоже собирались добыть зародыши из тайника профессора Вудрума, не так ли? Скажите, получив зародыши, вы бы стали вести опыты по их оживлению?

— Да, господин Асквит, — ответил профессор Мурзаров, — мы готовились начать работы в этом направлении. Но должен сказать, опыты эти, больше того, всю работу по освоению силициевой проблемы намечено вести так, чтобы она

никогда, ни при каких обстоятельствах не была использована во зло человеку.

— Это очень важное заверение, господин Мурзаров. Я не сомневаюсь, что правительство нашей страны выскажется примерно в таком же духе, как только мы, ученые, чего-нибудь ощутимого добьемся от этих зародышей. Право, я не считаю нужным открещиваться от политики, как это делают многие ученые. Это по меньшей мере неостроумно. В наше время наука не может быть вне политики, как и политики не могут обходиться без науки. Но я вместе с тем не принадлежу и к числу тех ученых, которые не ведают, что творят, а сотворив, ужасаются. Я трезвый человек, а это значит реальный политик. Да, я отдаю себе отчет в том, что, оживив зародыши, мы можем впустить в наш неспокойный мир неведомого дьявола Вселенной и начнется… Разумеется, я не знаю, что именно начнется, как не знали этого физики-атомщики, которые впервые осуществили цепную реакцию. А ведь, несмотря на опасения, что эта реакция может охватить всю планету, они спустили курок. Не могли поступить иначе. Так будет и с зародышами силициевой жизни. Если в них еще хранится жизненное начало, люди рано или поздно нажмут на курок. Непременно! Уж

таков человек, и это прекрасно, господа! Будет борьба. Быть может, схлестнутся силы земные с силами космоса, быть может, земляне, не поделив между собой гостей, начнут состязаться в гостеприимстве. Все может быть. Такова жизнь.

Запальчивая речь Асквита вызвала довольно длительную паузу. Понимая, что спор Асквита с Мурзаровым нескончаем, так как они придерживаются крайних взглядов, я воспользовался паузой и попробовал направить беседу в другое русло.

— Я считаю: не обязательно представлять встречу с инородной жизнью в слишком траурных тонах. А если она будет полезной человечеству? Как знать, не приведет ли попытка этого первого контакта с посланцем далекого мира к результатам благотворным, позволяющим в какой-то мере познать этот мир. Стоит ли сейчас говорить о борьбе, и только о борьбе? Почему мы рассматриваем силициевую жизнь как нечто заведомо нам враждебное. Разумеется, она по природе своей чужда нам, существам углеродистым, и все же, пожалуй, следует подойти к проблеме шире, взять ее в самых различных аспектах и быть готовыми не только к борьбе, но и к контактам. Самое главное сейчас — готовность всего чело-

вещества к осмысливанию столь необычайного положения, коль скоро оно может возникнуть, а значит, — и это мне представляется непременным — объединение усилий всех ученых, на какой бы политической платформе они ни стояли, какого бы мировоззрения ни придерживались.

— Вот это правильно, — поддержал Асквит. — Основная цель моего приезда в Макими — это налаживание творческого контакта между нашими группами. Ведь мы бьемся над одной и той же задачей! Давайте же работать сообща.

Мурзаров наклонился ко мне и тихонько сказал по-русски: «Ведь врет, все врет. Только плазму заполучить хочет, а зародыши… И словом не обмолвится о них. Вот увидите!»

Под тучным доктором Ямшем беспокойно заскрипело кресло. Он был явно смущен недипломатичностью нашего перешептывания и поспешил вступить в беседу:

— Я очень рад, профессор, что вас привели сюда самые добрые намерения. Со своей стороны я готов всячески поддержать стремления к взаимному сотрудничеству и деловым контактам. Мне кажется, например, что ваши исключительно интересные исследования Сиреневого Кристал-

ла следовало продолжить, углубить. Вероятно, имеет смысл привлечь к этим изысканиям целый ряд научных учреждений, и прежде всего, разумеется, Институт космической химии. В Советском Союзе — это общеизвестно — особенно далеко продвинулись в деле освоения и изучения космоса. Не считаете ли вы, господин Асквит, возможным передать один из вывезенных вами с островов Паутоо Сиреневых Кристаллов другим организациям для дальнейшего изучения?

— Доктор Ямш, я нахожу вашу мысль несомненно правильной. Феномен обязательно должен быть изучен самым доскональным образом. Именно этим и продолжает заниматься институт Ченснеппа. Однако прервать исследование, для того чтобы передать кристалл в другие руки… Это, знаете ли, как-то неудобно…

— Но у вас два кристалла.

— Нет, доктор, у нас один кристалл, и двух никогда не было.

— Странно. Мы хорошо знакомы с материалами Ивана Александровича Вудрума. В них совершенно определенно упоминается о двух кристаллах. Кроме того, о кристаллах, сиявших в ночи, как два глаза божества, говорится и в храмовых записях Буатоо.

— Мне об этом тоже известно, и вместе с тем, смею вас заверить, в нашем распоряжении только один кристалл по той простой причине, что мне при изучении заброшенного храма удалось найти только один кристалл.

— Мы были бы вам признательны, профессор, если бы вы продемонстрировали нам содержимое Золотой Ладьи, некогда принадлежавшей нашему знаменитому соотечественнику Преойто. Никто из нас не видел силициевых зародышей. Они известны нам только по описаниям и фотографиям профессора Вудрума.

Все оживились, увидев, как Асквит потянул к себе коробку с Ладьей, но он, ловко нажав невидимую кнопку, открыл золотую лодочку и продемонстрировал, что она пуста.

— Я не считал, господа, возможным подвергать излишнему риску столь ценную реликвию и оставил зерно в лаборатории Таркора.

— Еще один вопрос, — уже гораздо суше продолжал ректор. — Вы не находите приемлемым обмен сотрудниками с целью улучшить взаимную информацию? Мы готовы принять в лабораторию, руководимую Юсгором, кого-либо из ваших сотрудников, с тем чтобы кто-то из наших ученых смог отправиться в лабораторию

профессора Родбара.

— Я должен согласовать этот вопрос с господином Ченснеппом.

— О, разумеется, разумеется, профессор. Мы будем ждать этого решения и, если оно будет положительным, с удовольствием примем у себя в Макими вашего сотрудника.

Мы с Мурзаровым переглянулись. В чем, в чем, а в допуске наших работников в Таркор Асквит, конечно, был меньше всего заинтересован. О наших делах он знал куда больше, чем мы о его.

Чем дольше продолжался обмен мнениями, тем больше мы убеждались в непоколебимости Асквита, в его намерении не уступить ни по одному пункту и настойчивом желании заполучить для Таркора плазму. Мурзаров прямо задал вопрос, будет ли передана в Макими какая-то часть зародышей, и представитель Ченснеппа ответил, даже не сославшись уже на необходимость проконсультироваться, категорическим отказом. После этого настойчивость Асквита, с какой он продолжал добиваться силициевого вещества, выглядела уж очень неприглядно, однако это его нисколько не смущало.

— Советский Союз, насколько мне известно, не делился с вами зародышами, — сыронизировал

Асквит, — однако несколько граммов плазмы уже передано в Институт космической химии. Я не вижу причин, которые в данной ситуации препятствовали бы выделению плазмы моей стране.

— Как вам сказать, господин Асквит, — медленно начал доктор Ямш. Прежде всего позволю себе напомнить, что с научными учреждениями Советского Союза мы ведем совместную работу уже давно и плодотворно. Открытие, сделанное в Паутоанском университете, принадлежит в такой же мере советским ученым, как и паутоанским. Но главное заключается не в этом. Каждый из нас совершенно уверен, что полученная Советским Союзом силициевая плазма не будет употреблена во зло. Я старый человек, я на себе испытал благодеяния, щедро отпускавшиеся нашим островам метрополией, когда мы боролись за правду, за справедливость.

— Мне трудно принять ваши доводы, господин ректор. Деловым вопросам — а получение силициевой плазмы, на мой взгляд, вопрос сугубо деловой — очень мешают, как правило, высокие рассуждения о справедливости, правде. Я как-то по-другому, вероятно, воспринимаю все это, так как считаю, что правд столько, сколько людей, убежденных, что их правда самая правдивая.

С того дня, как состоялась эта беседа, прошло больше двух лет. Мне трудно вспомнить, как именно она кончилась. Помню только, что сражение продолжалось долго с равным неуспехом для обеих сторон. Асквит встречался еще несколько раз с Юсгором, с доктором Ямшем, с Хананом Борисовичем и со мной, оставаясь все таким же настойчивым, не уступая ни в чем в этой «холодной войне».

Глава двенадцатая

●

Труп Баокара

Пасека. То густые, пряные, то едва уловимые, свежие ароматы цветов приносит чуть заметное дуновение ветерка. Пчелы собирают в улья нектар. Зной, тишина. Особенная тишина, когда все наполнено жужжанием миллионов насекомых. Это тишина умиротворенной природы, радующая душу, вселяющая ни с чем не сравнимый покой, так редко выпадающий на долю людей,

постоянно живущих в городе. Покой разлит всюду, исходит от каждой травинки, от душистой, знойной земли. Все вокруг удивительно знакомое, все кажется очень родным, когда-то виденным. И действительно, если не смотреть в сторону моря, где у самого берега слегка покачиваются огромные задумчивые пальмы, можно на какое-то время почувствовать себя на родных южнорусских просторах. Но до них далеко. Тысячи километров. До Макими — двадцать. Каждое утро я и Севена выезжаем из Макими часов в пять утра и день за днем проводим на пасеке. Работы в университете так много, овладение плазмой требует столько сил и внимания, что многим моим коллегам начинает не нравиться мое «увлечение пчеловодством», но я упорно продолжаю добиваться своего.

В маленьком бамбуковом шалаше, крытом листьями веерной пальмы, у нас походная лаборатория. Думается легко и много. Севена своими тонкими, искусными, как у виртуозного хирурга, руками готовит пробы, и мы ставим опыт за опытом. Я склонился над шатким бамбуковым столиком, размышляя над записями в лабораторном журнале, сижу спиной к ее столику и слышу, как мелодично позвякивают в ее пальцах

пробирки, кюветки, маленькие колбочки. В ее работе, четкой, слаженной, всегда чувствуется какой-то ритм. Я, не оборачиваясь, знаю, что вот сейчас она берет пробу, оттитровывает ее (размеренно, как бы в такт падающим из бюретки каплям, позвякивает о настольное стекло маленькая коническая колбочка), вот она ставит пробу и берет следующую. Так же, вероятно, она брала на оптический прицел едва показавшуюся в диких зарослях голову противника, спускала курок и досылала в ствол следующий патрон, по каплям копила в себе выдержку, терпеливо и настойчиво выслеживая врага. Слава о знаменитом партизанском снайпере летела куда дальше, чем ее пули. В те революционные годы ее называли Лесным Дьяволенком, и попадись она в руки противника… Но она не попалась. Оптический прицел от ее винтовки и до сих пор висит на циновке, прибитой над диваном Юсгора…

— Алексей Николаевич, пробы готовы. Будем начинать?

— Будем. Будем продолжать, Севена.

И мы продолжаем. Снова и снова. Я то надеюсь, то отчаиваюсь. Севена не только исполнительна, но и пытлива. Не так давно освоив технику лабораторных работ, она уже идет дальше, старается,

как и все на Паутоо, учиться, каждый день радуется новому, так щедро теперь открывающемуся перед ней, и, главное, самым сочувственным образом относится к моим начинаниям, к стремлению во что бы то ни стало создать генератор запахов.

— Получится? — в этом вопросе столько надежды.

— А как вы думаете?

— О, конечно!

Сдержанная, скромная и неутомимая, она не только старается безукоризненно выполнить свою часть работы, но и поддержать меня и все же… Все же и ей мало слепой веры.

— Я плохо понимаю, Алексей Николаевич, в чем принцип генератора. Юсгор дал мне почитать протокол совещания, на котором утвердили программу ваших разработок, но там все так сложно. Я еще мало знаю. Нужно учиться, догонять упущенное в джунглях. Я учусь, но учеба идет не так, как хотелось бы. Трудно.

— Не отчаивайтесь. Все придет со временем. Ну, а разобраться в протоколе этом вам и в самом деле нелегко. Я постараюсь объяснить все как можно проще. Самое сложное понять, что же такое запах. Ученые еще ничего толком не знают

о физической сущности запахов, недостаточно изучили механизм обонятельных органов. Попытки установить связь запахов с химической структурой и физическими свойствами веществ привели к созданию нескольких гипотез о природе возбуждения рецепторов обоняния, но ни одна из них не получила общего признания. Мне показались очень привлекательными работы профессора Фролова, который попробовал немного разобраться в этом и получил удивительно интересные результаты. Знаете, Севена, если вы положите немного меду у себя на открытом окне даже в большом, шумном городе и если в городе найдется хотя бы несколько пчел, они непременно прилетят к вашему окну. Что их привлекает?

— Запах, конечно.

— Вот здесь-то и приходится задуматься, решить, а что же такое запах?

— Молекулы пахучего вещества, носящиеся в воздухе. Они действуют на наши органы обоняния, и мы их чувствуем.

— Это общепринятая трактовка. А вот профессор Фролов проделал такой опыт. Он поместил мед в ящичек. Ящичек не пах медом: все было проделано довольно тщательно, но ящичек имел окошко, пропускавшее электромагнитные волны

определенного диапазона, и пчелы стали слетаться к ящичку, не издававшему запаха, они бились у окошечка, стремясь к легкой добыче. Следовательно, пчелы ориентировались по потоку электромагнитных волн, испускаемых медом. Это понятно?

— Даже мне, — улыбнулась Севена. — А вы что же, Алексей Николаевич, не доверяя профессору Фролову, хотите воспроизвести его опыты?

Вопрос был задан не без лукавства.

— Как вам сказать, профессору Фролову я доверяю, но и проверяю его. Конечно, дело даже не в проверке. Здесь есть нечто новое. Плоские кюветки, которые служат в наших экспериментах окошечками, залиты жидкостями. Теми самыми, которые вы готовите по различным рецептам. Я хочу подобрать фильтры электромагнитных колебаний, используя растворы. Это куда проще, чем подбирать фильтры из каких-нибудь твердых веществ. Вот мы и тренируемся на уже известном опыте с пчелиным медом, с тем чтобы повторить его на смоле из туароке.

— Вот это я понимаю, — серьезно и задумчиво ответила Севена. — Вы хотите, чтобы и на силициевую плазму, существо куда более беспокойное, чем пчелы, существо, «жалящее» насмерть, мгно-

венно, можно было воздействовать волнами?

— Совершенно верно. Надо найти, какие именно электромагнитные колебания излучает туароке, опробовать их на плазме, и если она… О, Севена, тогда все будет в порядке! Признаюсь, плазма не дает мне покоя. Понимаете, мы справились с ней только благодаря «секрету Раомара», воскурив фимиам. Мы бесконечно благодарны древним паутоанцам, но, знаете ли, целиком полагаться на туароке… Нет, Севена, это слишком рискованно. Меня не покидает мысль о том, что живое силициевое вещество может наделать много бед. Пока, кроме душистых смол, содержащихся в невзрачных кустарниках, нет ничего, что давало бы людям власть над этой формой силициевой жизни. А вдруг она как-нибудь вырвется, начнет буйствовать, овладеет большим пространством? Что тогда, дымки фимиама? Чепуха! Нужны мощные генераторы. Исследовав характер излучения, надо немедленно строить такие генераторы. Тогда нам не страшны будут никакие проделки живого силициевого вещества, даже если оно окажется в недобрых руках. А может быть, такое излучение поможет овладеть и новой, еще неизведанной формой жизни, таящейся в зародышах.

— Тогда давайте продолжим опыты!

И мы работали, отдавая делу все свое время и силы, хорошо понимая, как важно своевременно получить необходимый результат.

Сторонников этой идеи становилось все больше. Специальная группа товарищей уже закончила изучение свойств смолы туароке. Из нее удалось выделить вещества, являвшиеся действенным началом, подавлявшие развитие силициевой жизни. Так же как и мед, мы поместили полученное из ароматных обрядовых смол вещество в ящичек и подобрали фильтры, стараясь определить характер испускаемых им колебаний. Мы еще не умели этого сделать физическими приборами, а плазма, «облученная» таким простеньким приспособлением, уже чувствовала их и замирала.

Прозрачная, чуть зеленоватая очень подвижная жидкость налита в позолоченную изнутри чашечку. С превеликими предосторожностями, действуя манипуляторами, мы подносим к ее поверхности две веточки астоки с крупными оранжевыми, похожими на тюльпаны цветами. Слегка касаемся изломами веток поверхности плазмы, и плазма как бы вскипает в этом месте, вся темнеет на миг, и уже какая-то

часть ее проникает в ветки. Цветы на них вдруг становятся ярче, вспыхивают как огоньки. Чувствуется, как растения наливаются чужими, смертоносными соками. Листья на них быстро меняют окраску, светлеют, постепенно начинают приобретать жемчужный оттенок, а вскоре становятся полупрозрачными, будто изваянными из великолепного куска опала. Стальные руки манипулятора бережно переносят одну из веточек в следующую камеру. Здесь на нее направляется окошко ящичка с помещенной в нем смолой, и через несколько часов астока каменеет. Теперь она не опасна. Ее можно взять в руки, не боясь губительной плазмы, уже убитой излучением смолы туароке. Веточка, словно сделанная из тончайшего фарфора, позванивает своими яркими тюльпанами. Это красиво и немного страшно. Все время думается, что вот подползет струйка силициевой плазмы к какому-нибудь лесному великану и он за несколько часов превратится в такое звонкое, но не очень-то нужное людям сокровище.

А необлученная ветка? Судьба ее иная. Плазма, как и в первой ветке, проникла в ее сосуды, пробралась к листьям и почти мгновенно набросилась на самое лакомое для нее — хлорофилл.

Цвет листьев из сочно-зеленых постепенно перешел в жемчужный, интенсивнее стала окраска цветов, но все это ненадолго. Процесс не был приостановлен облучением, силициевое вещество продолжало разрушать растение, и вскоре оно превратилось в серо-зеленоватую бесформенную массу.

Значит, и лесных великанов, не защищенных дымками туароке или нашими излучателями, постигнет участь второй веточки!..

Итак, в наших руках верное, хотя и маломощное, средство. Действует оно безотказно. Вот над позолоченной металлической чашечкой с плазмой мы помещаем прототип излучателя — ящичек со смолой, и плазма вспенивается, превращаясь в твердую, похожую на пемзу массу, — силициевое вещество уже безжизненно, не опасно, но и бесполезно. А ведь хочется сделать так, чтобы оно служило людям!

Нашей главной задачей являлось создание достаточно эффективного генератора.

Так делались первые шаги.

Сейчас, когда тысячи людей связаны с силициевой проблемой, трудно понять, почему мало известно о том, как все это начиналось. А мне особенно дороги воспоминания о тех днях. Тогда мы

только прощупывали пути, неудачи следовали одна за другой, а первые успехи были радостны по-особенному. Конечно, в нашем подходе к вопросу много было несовершенного, но мы ни на миг не оставались спокойными, понимали, что добровольно и радостно обрекли себя на непроторенный, заведомо нелегкий путь. Да, это было чертовски трудное и прекрасное время, еще не омраченное бедой, вызванной людьми жестокими и алчными, людьми, которым не дано наслаждаться ни с чем не сравнимым чувством творческого подвига. Бескорыстного и удовлетворяющего, как ничто другое.

Физики и конструкторы разрабатывали эскизный проект генератора, началась работа по исполнению технического проекта. Часть заказов уже была размещена на предприятиях, изготовлявших электронную аппаратуру. Дело шло, но хотелось, чтобы оно шло еще быстрее.

Чем только мы не занимались в это время! Каждый день приносил открытия. Паутоанский университет напоминал осаждаемую крепость. В Макими съехались ученые из многих стран мира. Но беда была не в этом. Соотношение приехавших ученых и журналистов было примерно 1:10. Вот это было трудновато. Мурзарова, как человека,

обладавшего характером далеко не мягким, если не сказать больше, назначили руководителем пресс-группы. Работать стало вольготнее. Журналисты были в панике.

Признаться, донимали нас тогда не только нашествиями извне, но и атаками изнутри. Это были более приятные атаки. При всей нашей занятости кое-каким из них мы не могли противиться. Группа студентов-старшекурсников, прикрепленная к нашей лаборатории, все же уговорила руководство построить «дворец сказочной красоты и величия» наподобие того, что описывала легенда о Рокомо и Лавуме.

И прельщала, и немного пугала мысль попробовать не в пробирках, а в огромном масштабе, на виду у всех и для всего народа продемонстрировать мощь силициевого вещества, умение человека владеть им — словом, и в наше время повторить то, что некогда делали в Век Созидания. Предстояло решиться на проверку наших возможностей. Мы пошли на это, рискуя и радуясь, рассчитывая, что в случае удачи наш эксперимент будет превосходным показом славного прошлого народа Паутоо, превратится в праздник его единства и преемственности. Душой этой затеи были паутоанские девушки-студентки.

Это они переплели ветвями, увили гирляндами цветов железный каркас, оставшийся от лаборатории, «съеденной» силициевой плазмой. Из сотен самых различных растений искусно и со вкусом были сплетены башенки, арки, карнизы и балкончики. Листья веерных пальм, словно причудливое кружево, заполнили промежутки между колоннами, создав ажурные стены. Всю постройку венчала стройная башня из бамбука, затканная лианами, перевитая огромными цветами, достигающими полуметра в диаметре.

И начался праздник.

Он был тревожный и радостный.

Не так-то легко было решиться «поджечь» все это сооружение. Доктор Ямш, хотя и уступил настояниям молодежи, не переставал волноваться, опасаясь, как бы плазма не вышла из подчинения, не наделала бед. Тяжело отдуваясь, постоянно прикладываясь к термосу с охлажденным имшеу, он с юношеской легкостью обегал всю стройку, покрикивал, давал указания, предостерегал, ругал всех и вся, но так радостно и добродушно, что все понимали, что и сам он увлечен этой поэтической затеей.

Стало быстро темнеть. Новоявленные зодчие заканчивали последние детали. Площадку вокруг

выросшего за несколько часов изумительного сооружения спешно убирали от не пошедших в дело растений, окружили канатом, за которым разместились сотни зрителей: студенты, ученые, преподаватели, гости, корреспонденты. Вспыхнули прожекторы, осветив со всех сторон дворец.

Наконец все было готово. Юсгор, Ару и я с осторожностью, уже вошедшей в привычку, с трех сторон «подожгли» благоухающее строение, вылив под его основание по тигельку силициевой плазмы.

Не прошло и десяти минут, как невидимое пламя охватило всю постройку. Вот уже ярче стали краски у основания колонн и пилонов, вот побледнели кружевные стены. А там, на нижнем карнизе, вспыхивают пунцовые цветы, чтобы навеки окаменеть, превратиться в нетленные и все такие же прекрасные чашечки. Часа два — и изменили окраску самые высокие цветы, украсившие шпиль башни. Все здание стало полупрозрачным, каждая его деталь немного набухла от переполнявших ее живых силициевых соков, все спаялось, слилось в единый ансамбль, а вскоре в свете вольтовых дуг сооружение стало переливать всеми оттенками радуги, но не яркими, а нежными, едва уловимыми, такими, как на

гигантской раковине. Перламутровым отблеском заискрились колонны, орнамент, пилястры и сетчатые тонкие стены.

Теперь дорога была каждая минута.

Всю ночь никто не отходил от совершаемого на глазах чуда. Всю ночь курились дымки туароке, до самого утра его укрощающая сила подавляла силициевую плазму, так вольготно было разместившуюся в земных тропических растениях.

Только часам к шести доктор Ямш вздохнул свободно. Успокоились и мы с Юсгором. Беды не случилось. Плазма не вышла из повиновения, а гордый, словно перламутровый, дворец розовел в первых лучах восходящего солнца.

Выходной день начался национальной паутоанской пляской. Вся площадка вокруг дворца запестрела нарядными одеждами танцующих. Появились оркестры, вся территория заполнилась народом. Весть о новом Веке Созидания облетела Макими молниеносно, и к окаменевшей песне из цветов потянулись люди. Они проходили нескончаемой чередой, осматривая возникшее из тысячелетнего забытья чудо. Люди шли весь

день, манифестация была нескончаемой. Казалось, весь город перебывал у силициевого сооружения.

А праздник длился и длился. Одних танцоров сменяли другие, на смену уставшим музыкантам приходили новые. Торговцы сластями и холодным питьем, хлопушками и бананами, мороженым и зонтиками заполняли пальмовую рощу вокруг волшебного дворца, увеличивая веселый шум, продолжавшийся до темноты, когда над силициевым дворцом взвились ракеты. Огненные их хвосты устремлялись в южную черноту неба, к звездам, и рассыпались разноцветными огнями. Новые и новые потоки огня взмывали вверх, вели свой хоровод вокруг теперь изнутри освещенного здания.

В десять вечера прозвучал гонг.

Все затихло. Доктор Ямш выступил с короткой, очень теплой речью, и праздник закончился.

После Праздника Созидания начались будни. Но какие это были будни! Романтика открытий, особая приподнятость, чувство такое, что ты в центре событий увлекательных и многообещающих. В это время строились особенно заманчивые

планы практического использования силициевой жизни. Помню: наиболее оживленные обсуждения начинались по вечерам, когда даже самые неутомимые уже покидали свои лаборатории и обычно собирались в большом прохладном холле, возле кабинета доктора Ямша. Вскоре уютный холл этот сделался чем-то вроде «силициевого клуба», куда частенько приходили почти все участники нашей группы.

Сколько было споров, смелых предложений, вскоре во многом оправдавшихся, и все же как мы были далеки тогда от истины. Никто не мог представить, сколь своеобразно явление, с которым столкнется вскоре человечество. Наиболее предусмотрительные из нас не шли тогда дальше рассуждений о том, каким способом можно заставить плазму работать на людей, как приспособить для дел чисто практических и обуздать ее.

Душой «силициевого клуба» был доктор Ямш. Как всегда приветливый, тяжело отдувающийся, он обычно приходил с пачкой только что полученных писем. Письма читались вслух, их передавали из рук в руки, все оживлялись, и даже Мурзаров отрывался от газет и включался в обсуждение.

К этому времени силициевая плазма уже изучалась во многих научно-исследовательских институтах. Паутоанские ныряльщики (и на них повлиял Праздник Созидания) отбросили древний запрет жрецов и продавали свои губки не только истинно верующим, но и нам, грешным. Однако мы не могли ориентироваться лишь на кремниевые губки, добываемые с таким трудом и в малом количестве. В Новосибирске был найден способ кормить плазму менее деликатесной пищей, и она не только сохраняла жизнеспособность, но и очень успешно размножалась.

Однажды вечером доктор Ямш пришел с одним письмом, но оно стоило десятка радостных сообщений: в Пензенском технологическом институте налажен синтез силициевых производных! Капля плазмы в реакторы — и процесс идет с таким выходом, о котором раньше химики и мечтать не могли.

А письма приносили все новые и новые вести. Каракумский химкомбинат начал исследования по получению из песка пластической массы, пригодной для покрытия дорог.

Из Польши приходят вести об удачных опытах по силицированию тканей. Там уже получены образцы превосходных материй, пригодных и

для технических целей, и для небывало красивых, практически неизносимых плащей, зонтов, футляров и накидок, палаток и тентов.

В Чехословакии уже налаживают выпуск кремнеорганических каучуков, пробуют изготовить «вечные» покрышки для автомобилей, мотоциклов и велосипедов.

Паутоанские инженеры приступили к разработке проектов гигантских дамб и перемычек между островами. Эти возможности, естественно, в первую очередь взволновали голландцев, и вот уже в Макими пишут из страны, где почва во многих местах создана искусственно.

Но, как и прежде, успех силициевой плазмы и радовал, и настораживал. Не покидали тревожащие раздумья и весьма основательные сомнения, как обернутся с ней дела. Разговоры все чаще и чаще возникали вокруг проблемы «плазма для мира».

— Вот, полюбуйтесь, — показывал на статью в газете Мурзаров, журналисты атакуют нас не зря. Я был прав: любознательность многих из них играет третьестепенную роль. Теперь, когда силициевое вещество стало пригодно не только для повторения «чудес» древних паутоанцев, но и для практических целей, газеты начинают

кампанию, добиваясь «интернационализации» плазмы.

— О, Ханан Борисович, это вопрос сложный, Имеем ли моральное право владеть ею монопольно?

— Если бы Асквиту удалось оживить силициевые включения, он не терзался бы по этому поводу, а действовал столь же прямолинейно, как и с зародышами: не дам, и все тут!

— Меньше всего хотелось бы уподобляться Асквиту, — возразил я Ханану Борисовичу. — Дело, конечно, серьезное, монополизировать плазму вроде неэтично, но допустить распространение ее по свету тоже страшновато. Думается, есть в данном случае только один выход…

— Алексей Николаевич, мы понимаем: «Карфаген должен быть разрушен!»

— Совершенно верно. Я не устану повторять: нужен, и как можно скорее, мощный «генератор запахов». Только владея надежным средством обуздания плазмы, мы сможем справиться со всяческими случайностями. А они могут быть любыми. Я уверен: силициевая плазма еще себя покажет и не исключено, что нам придется повозиться с ней как следует. Пока нами открыто только какое-то маленькое окошечко в неведомый

мир. Мы еще знаем слишком мало. Плазма может как-то трансформироваться, повести себя совсем по-другому. Могут возникнуть обстоятельства самые неожиданные. Да и люди, не задумываясь, Попытаются применить ее в военном деле, как применили практически все, открытое наукой. К счастью, человек почти всегда одновременно с газом разрабатывал противогаз.

— Не скажите, — возразил Юсгор, — ядерные взрывы люди уже осуществляют с превеликим успехом, а вот что-то до сих пор не видно средств, спасающих не только от их разрушающей силы, но и от радиации.

Спор разгорелся с новой силой. Часть товарищей поддерживала мое стремление как можно скорее иметь генератор, часть считала силициевую плазму вообще непригодной для агрессивных целей, но все находили безусловно благоразумным не выпускать из своих рук силициевое вещество, способное мгновенно убивать все живое.

Пришел доктор Ямш и поделился с нами последними новостями: Ленинградский институт электроники закончил монтаж первого опытного образца генератора; арестованы два паутоанца Западного Паутоо, пытавшиеся выкрасть из на-

шей лаборатории плазму.

В этот вечер мы засиделись в «силициевом клубе» позже обычного, а на другой день в университет привезли труп Баокара.

Баокар был давним знакомцем людей, охранявших порядок в Восточном Паутоо. Матерый контрабандист, он не раз хаживал через границу, таская наркотики из Западного Паутоо. На этот раз он шел в обратном направлении и не дошел. Его нашли почти на перевале, вблизи границы, лежащим на каменистой почве и каким-то непонятным образом вдавленным в грунт сантиметров на тридцать. Создавалось впечатление, будто кто-то подкапывал под ним землю и он опускался все глубже и глубже. Извлечь тело из земли оказалось делом довольно затруднительным: оно было твердым, закостеневшим. Отрыли землю вокруг трупа, но и тогда оторвать его от грунта не удалось. На спине труп имел отросток, которым он был прочно, как разросшимся корнем, скреплен с почвой. Отросток пришлось подрубить, и только после этого тело приподняли. При каком-то неосторожном движении людей, извлекавших труп, от него откололся кусок ноги. Излом был стекловидный. По излому можно было судить, какие глубокие изменения претерпел

организм погибшего. Все ткани преобразовались в новое, твердое и вместе с тем хрупкое вещество. Баокар окаменел, как в древности окаменели Рокомо и Лавума.

Вот это-то и дало повод полиции сообщить об удивительном явлении прежде всего нам. Доктор Ямш договорился с властями, и тело Баокара было доставлено вместо морга в университет. Мы не знали, что может дальше произойти с телом, боялись возникновения чего-то похожего на эпидемию, опасались, не распространится ли плазма (а несомненно было, что убила Баокара силициевая плазма) и не приведет ли все это к каким-то тяжелым последствиям.

Но как удалось Баокару раздобыть плазму?!

Этим вопросом занялись следственные органы. Мы в это время были озабочены другим.

Оперативно созданная комиссия из ученых нескольких стран — благо они находились тогда в Макими — немедленно начала изучение трупа, который сразу же был помещен в бронированную комнату, в специальный «саркофаг», снабженный исполнительными частями манипулятора. Это позволяло вести исследование дистанционно, соблюдая все возможные предосторожности.

Комиссия потребовала, чтобы лица, так или

иначе имевшие дело с трупом Баокара, были обследованы специалистами.

Весть об окаменении человека распространилась мгновенно. Газетчики, особенно из числа находившихся на службе у концернов, интересующихся силициевой плазмой, поспешили раздуть события, предвещая неисчислимые бедствия, рисуя картины одну мрачнее другой, утверждая в каждой своей статье, что силициевое вещество попало в ненадежные руки.

А исследования трупа шли своим чередом. Врачи, биологи и микробиологи, химики и биохимики — все старались разобраться в феноменальном явлении.

Прежде всего удалось установить, что Баокар стал нетленным. Химический состав проб, взятых из самых различных частей тела, показал, что содержание в нем силиция — кремния огромно — до тридцати — сорока процентов. Цитологи определили, что во всех клетках тела произошла глубочайшая перестройка и они заполнились твердым стекловидным веществом.

Нельзя сказать, чтобы часы возни с трупом контрабандиста были самыми приятными в нашей работе над силициевой проблемой. Мы чувствовали, что на нас легла огромная ответственность,

и старались не допустить оплошности. Взятые из тела Баокара пробы были введены животным, и животные не погибали. Все мы вздохнули с облегчением: отпало самое страшное опасение возможность какой-то силициевой эпидемия, спокойнее стало за людей, вынужденных возиться с трупом. Врачи, конечно, не ослабили за ними наблюдения, а мы продолжали исследования. Ведь сделаны были только первые шаги, предстояло еще изучить и решить многое, однако тогда нам это так и не удалось.

Неожиданно труп Баокара начал расти.

Превосходно сохранявшееся в течение двенадцати дней тело вдруг начало быстро менять форму, разбухать, от него стали отваливаться (без каких-либо признаков тления) куски губкоподобной каменистой массы.

Продолжать исследование становилось все труднее. Тело разрослось до чудовищных размеров, угрожая разворотить «саркофаг» и манипулятор и, как знать, может быть, заполнить собой все помещение.

На экстренном совещании комиссии было принято решение: труп уничтожить!

Мы трудились до глубокой ночи, стараясь проводить окуривание дымами туароке с предо-

сторожностями, совершенно исключавшими какую-либо опасность.

На другой день утром нас поджидали еще две новости, исходившие из метрополии.

Юсгор получил письмо от Худжуба, все еще работающего у Родбара. В святая святых его не допускали, поручали дела второстепенные, и все же он настойчиво утверждал, что Асквит и Родбар достали силициевую плазму. Больше того, похоже, что именно она помогла им все же оживить зародыши. Впрочем, в этом Худжуб пока убежден не был и собирался во что бы то ни стало проникнуть в секретную лабораторию.

Вторую новость из метрополии привез профессор Асквит.

Появился он у нас очень оживленный, сыпля острыми словечками, говоря комплименты, похожие на колкости, охотно отпуская колкости, походившие на комплименты. Асквит заявил, что должен сообщить нам нечто сенсационное.

Никто из нас не разделял его приподнятого настроения, все мы держались с Асквитом официально, а Мурзаров прежде всего потребовал разъяснений, каким образом в ченснепповской лаборатории могла очутиться силициевая плазма.

— Господа, я никогда не делал секрета из того, что меня обслуживает весьма совершенная система. Я и Родбар пользуемся ею широко, но, разумеется, мы не входим в детали. Это дело специальных ведомств Ченснеппа.

— Спасибо за откровенность, профессор, — поблагодарил Юсгор, усмехаясь. — Может быть, вы будете правдивы до конца и скажете нам, кто же именно так превосходно сотрудничает для хваленой ченснепповской системы, видимо одновременно находясь в нашем университете?

— Ну, знаете, вот это меня уже вовсе не касается. А кроме того, нужно не забывать, что в любой стране, даже самой свободной от общепринятых условностей, вы не найдете заведения с вывеской: «Скупка краденого».

Юсгор не принял шутки и продолжал тоном, который становился все суше и строже:

— Значит, вы не отрицаете, господин Асквит, что пользуетесь силициевой плазмой, уже размножили ее и имеете, вероятно, в достаточном количестве?

— Не отрицаю, — притворно вздохнул Асквит, — не отрицаю. Сами боги не могут сделать бывшего не бывшим, как говорит греческая пословица. Жизнь идет своим чередом, господин

Юсгор. Промышленность требует все новых и новых материалов. В институте Ченснеппа ведется довольно успешная разработка такой технологии, при которой силициевая плазма играет решающую роль. Вскоре фирма «Ченснепп-каучук» выпустит на рынок продукцию, вырабатываемую при участии силициевых посланцев космоса. Это грандиозно, господа! Какова реклама: сила космоса на службе у всемирно известной каучуковой фирмы!

— Ну что же, это, вероятно, укрепит позиции Ченснеппа и Отэн Карт может обанкротиться.

— Не исключена такая возможность, господин Мурзаров, но меня это мало волнует.

— Да, вся эта история будет волновать не вас, не Родбара, а тысячи людей, которые могут остаться без работы.

— Ничего не поделаешь — таковы уж пути прогресса, создаваемого соревнованием предпринимателей, их инициативой.

— У вас в метрополии народ слишком дорогой ценой оплачивает эту инициативу.

— Мне трудно судить об этих вещах, господин Мурзаров…

Спор становился уж очень острым. Мурзаров перешел в наступление, Асквит отбивался рья-

но, подчас теряя сдержанность. Невозмутимый Ханан Борисович старательно сводил разговор к вопросам морального порядка, всячески варьируя тему похищения плазмы из Макими, предлагая применить чрезвычайные меры, способные оградить от «ченснепповской системы» работу над силициевой проблемой.

— Исследования только начаты, а уже принесена человеческая жертва, продолжал Мурзаров. — Погиб Баокар, человек опустившийся, связанный с преступным миром. Но этот паутоанец не родился таким. Преступником он стал, живя в стране «свободной инициативы», в Западном Паутоо, а погиб, обслуживая ченснепповскую систему шпионажа. Кто поручится, что эта первая жертва будет последней?

— В данном случае вы совершенно необоснованно нападаете на «ченснепповскую систему». Не менее совершенная существует и у Отэна Карта.

— Я в этом не сомневался, ну а кому служил Баокар — это вам виднее.

— Оставим это, господа. Вы ведь тоже не отличаетесь отменной святостью. Вы, например, утверждаете, что не делаете секретов из своих работ, публикуете якобы все. Однако и вы греш-

ны, коль скоро умалчиваете о своих работах с Сиреневым Кристаллом.

— Нам довольно затруднительно что-либо сообщать в печати о Сиреневом Кристалле по той простой причине, что у нас его нет и никогда не было.

Асквит стал серьезным.

— Если вы делаете это заявление официально…

— Совершенно официально.

— Тогда интересующий меня вопрос осложняется и принимает весьма неприятный оттенок. Я не знаю, право, как и начать разговор об этом деле, которое, видимо, будет весьма и весьма щекотливым. Отправляясь в Макими, я рассчитывал на лучший вариант и, во всяком случае, на откровенность за откровенность. Я надеялся, что за это время вам как-то удалось достать второй кристалл.

— Вы же знаете, профессор, что мы предприняли поиски в Верхнем Храме и ничего там не обнаружили.

— Совершенно верно, но, может быть, не там, а где-то в другом месте вам посчастливилось найти кристалл.

— Нет, мы не делали никаких попыток в этом

направлении.

— Странно, это очень странно. В таком случае как мог Сиреневый Кристалл оказаться у вас в университете?

Такая настойчивость Асквита выводила из себя. Юсгор, едва сдерживаясь, еще раз повторил, что в университете никакого Сиреневого Кристалла не было. Мы были намерены оборвать разговор на эту тему, но тут Асквит сообщил нам о пропаже Сиреневого Кристалла из Таркора.

— Если вы помните, господа, в прошлом своем сообщении я ознакомил вас с работами, которые мы вели с кристаллом. Мы получили надежную экранировку поля, создаваемого кристаллом, и Золотая Ладья в этом случае уже не указывала на него. Мы продолжали работы, убедились, что Сиреневый Кристалл имеет огромное значение для решения силициевой проблемы. И вот Сиреневый Кристалл исчез.

— То есть как исчез? — переспросил Мурзаров.

— Мы до сих пор не знаем, как именно это произошло. Недели три тому назад мы с профессором Родбаром работали с кристаллом. В лабораторию, где производились опыты, имели доступ всего несколько человек, в которых мы были уверены, и вместе с тем… Исчезновение кристалла было

загадочным. Никто из нас не мог понять, куда он делся. Было, разумеется, предпринято все, чтобы решить эту задачу, но нам ничего не удавалось понять до тех пор, пока мы не догадались…

— Воспользоваться Золотой Ладьей? — быстро подхватил Юсгор.

Асквит улыбнулся:

— Совершенно верно.

— И она показывала?

— На острова Паутоо!

Мы все еще не понимали, куда клонит Асквит. Поначалу всех нас занимала, так сказать, детективная сторона этого дела.

— Интересно. Вы это установили в метрополии?

— Да.

— Не считаете ли вы, что определение может быть недостаточно точным, учитывая огромные расстояния между странами?

— Это исключено, господин Курбатов, и вот почему. Располагая зародышами, мы с профессором Родбаром решили соорудить еще два приспособления, по сути ничем не отличающиеся от Золотой Ладьи, созданной древними паутоанцами. Мы исключили только витиеватые украшения, которыми в свое время снабдили жрецы этот

удивительный компас, и изготовили приборы в стиле вполне современном. Вот их фотоснимки. Приборы эти мы развезли на достаточное расстояние друг от друга, и специалисты очень точно нам рассчитали, что линии, проведенные через продольные оси зерен, перекрещивались на Паутоо. Тогда я вылетел в Пога. Оттуда мы снарядили экспедиции вот на эти острова. — Асквит развернул перед нами географическую карту и продолжал: — Золотая Ладья находилась в Пога, один из сделанных нами приборов — на острове Биу, а второй — на самой западной оконечности Сеунора, на мысе Теригес. Все три «компаса» указывали на Макими.

— Указывали?

— Указывают и сейчас. Я регулярно получаю сведения от своих наблюдателей. Мне удалось запеленговать Сиреневый Кристалл, и теперь, обладая приборами, я могу следить за ним с достаточной точностью. Это доказательно, господа?

— Несколько минут тому назад, господин Асквит, вы утверждали, что кристалл якобы находится в Паутоанском университете, — уточнил Мурзаров, — теперь вы говорите о Макими. Макими, как известно, очень большой город.

— Вот, вот, — быстро подхватил Асквит, — я к

этому и веду. Если вы продолжаете утверждать, что не обладаете Сиреневым Кристаллом, давайте засечем, где же именно он находится. В этом, по-моему, должны быть заинтересованы все исследователи, работающие над силициевой проблемой. Господа, я готов в любое время доставить из Пога в Макими все три приспособления и немедленно начать разведку. Я убежден: мы найдем кристалл, если вы его не накроете колпаком из чистейшего кремния.

Это было уже слишком, но нам пришлось принять от Асквита и эту пилюлю. Положение у нас было отвратительным. Не верить Асквиту мы не могли: он, кажется, и в самом деле готов был продемонстрировать свои приборы. Однако и мы недоумевали, откуда мог взяться в Макими Сиреневый Кристалл. Теперь мы больше всего боялись, как бы не перестали работать его лодочки. В этом случае была бы задета честь университета, Асквит раззвонил бы о похищении Сиреневого Кристалла и… В общем было противно. Можно было, конечно, пренебречь мнением Асквита, но, признаться, нас стала привлекать перспектива найти Сиреневый Кристалл, коль скоро он мог оказаться в Макими.

Вызов Асквита был принят, и начались перего-

воры о том, как именно провести эксперимент, как начать хлопоты по поводу разрешения на допуск асквитовских групп в столицу Восточного Паутоо. Доктор Ямш уладил все необходимые формальности довольно быстро, и мы приступили к проверке доводов Асквита.

Все три прибора Асквит привез в Макими, их расставили на окраинах города, и начались замеры. В каждой из трех групп находились люди Асквита, сотрудники нашей лаборатории и ученые, так сказать, нейтральных стран. По обоюдному согласию прессу решено было пока не приглашать.

Вычисления были сделаны опытными геодезистами быстро, и мы убедились: приборы точнейшим образом показывали на Паутоанский университет. Решение перенести приборы на территорию университета возникло сразу же, как только мы убедились в правильности замеров. В этот же день наблюдательные точки перенесли, замеры сделали и к вечеру стало очевидным: приборы точнейшим образом показывали на нашу лабораторию.

Мы во второй раз собрались для беседы с Асквитом за круглым столом в холле нашего «силициевого клуба». Началось совещание, на-

поминавшее дипломатические переговоры о том, как организовать «контроль без шпионажа». В роли наиболее непримиримого дипломата неизменно выступал профессор Мурзаров. Обсуждение затягивалось, переговоры становились томительными, обстановка делалась нервозной. Никому из нас, зная, что в университете нет и не было Сиреневого Кристалла, не хотелось соглашаться с предложениями Асквита, которые представлялись нам унизительными, а Асквит посмеивался, давая понять, что и нас уличил в поступках неблаговидных. Это злило все больше и больше. Даже доктор Ямш, человек сдержанный и находчивый, всегда отменно вежливый и сообразительный, никак не мог предложить что-то такое, что решило бы вопрос и, самое главное, позволило бы сохранить достоинство университета. Все устали, всем надоела эта процедура до чертиков, но откладывать решение до следующего дня было невозможно, так как могли возникнуть неприятные для нас подозрения.

Большие часы в холле пробили одиннадцать, и в это время с наблюдательных постов, на которых находились приборы Асквита и Золотая Ладья, сообщили, что все приборы вдруг засуетились. Совещание прервалось, начали производить

новые наблюдения, подсчеты.

Лодочки уже не указывали на нашу лабораторию.

— Прелестно, господа, — теперь Асквит не улыбался, в его узких темных глазах поблескивали злорадные огоньки. — Кажется, вы добились своего. Пока мы здесь совещались, кто-то из ваших сотрудников вывез кристалл из университета.

— Господин Асквит! — доктор Ямш встал из-за стола, и мы не узнали всегда добродушного ректора. — Я считаю ваше заявление оскорбительным. Все сотрудники лаборатории налицо, за исключением Севены и Ару, которые сегодня работают на аппаратуре, находящейся в технологическом институте Макими.

— Прошу простить меня, господин ректор, — спокойно поднялся со своего места Асквит. — Я был очень далек от того, чтобы высказать в чей-либо адрес что бы то ни было обидное, а тем более оскорбительное. Я только констатировал факт. Посудите сами, приборы уже указывают не на лабораторию, как это было час тому назад. Все три, подчеркиваю. Это говорит о том, что предмет нашего наблюдения, то есть Сиреневый Кристалл, удаляется от вашей лаборатории с довольно большой скоростью. Может быть, кто-нибудь из

присутствующих здесь предложит какое-либо другое объяснение этому явлению?

Никто из нас предложить ничего другого не мог.

Утром, плохо отдохнувшие, больше обычного возбужденные, мы снова собрались на этот раз уже в кабинете ректора. Замеры были проделаны еще раз, еще раз произведены расчеты — все три лодочки указывали на Австралию.

Совещание, как и накануне, было довольно тягостным и бесплодным до тех пор, пока Мурзаров, как человек самый бдительный из нас, не предложил проверить, какие самолеты ушли вчера вечером в направлении Австралии. Все поняли, что это выход из создавшегося положения, легче вздохнули. Проверку произвели быстро. Накануне в 22:35 в регулярный рейс Макими — Мельбурн вылетел большой лайнер. На борту его находилось тридцать шесть пассажиров.

Доктор Ямш еще дозванивался в аэропорт, стараясь выяснить, кто именно числился в списках вылетевших в Австралию, когда в кабинет вошел секретарь и подал ему записку. Ректор прочел записку, положил трубку на аппарат и обратился к собравшимся:

— Мне сейчас сообщили, что следственным

органам выдан ордер на арест сотрудника лаборатории Юсгора лаборанта Ару, обвиняемого в хищении из университета силициевой плазмы и в преступной связи с контрабандистом Баокаром.

Не трудно было заметить, как изменился в лице Асквит. Нельзя сказать, что эта новость оставила спокойным кого-либо из нас. Ару мы верили, с ним начали работу, и вот теперь…

Ару значился в списках пассажиров, накануне вылетевших из Макими в Австралию. Приборы Асквита, видимо, и в самом деле работали превосходно, коль скоро они были строго ориентированы по направлению Австралии. Оставалось непонятным, откуда у Ару, который никуда не выезжал из Паутоо, взялся Сиреневый Кристалл, пропавший в Таркоре?

Впрочем, как я узнал впоследствии, это было загадкой для всех, кроме Асквита.

Как только официальная часть встречи с профессором Асквитом, так неудачно старавшимся уличить нас в неблаговидных поступках, окончилась, Ханан Борисович подошел к нему и уже без всякой запальчивости, даже как бы участливо спросил:

— Вы огорчены, профессор?

— Чем именно?

— Потерей такого превосходного разведчика.

— Вы позволите мне не отвечать на этот вопрос?

— О, разумеется. Мне и так все ясно. Ару не только совершал подлости по отношению к нам, но и вас подвел порядком. Ну что же, все это закономерно, господин Асквит. «Ченснепповская система» не может быть совершенной: она подбирает людей, способных предавать. Жаль только, что мы не раскусили этого парня своевременно.

— От меня он никуда не денется, — спокойно и зло заключил Асквит.

Это прозвучало приговором. Мурзаров был больше всех удовлетворен выигранным сражением. Повеселели все мы, но ненадолго. В этот же день события повернулись так, что всем нам уже было не до Ару и не до проектов Асквита, который предлагал запеленговать похитителя Сиреневого Кристалла в Австралии. Вскоре и Асквит вынужден был отложить свои намерения.

Надвигалась беда, с которой надо было бороться, собрав все силы. Угрожала опасность, для борьбы с которой стоило даже объединиться с людьми, работающими в Западном Паутоо и в метрополии, — погибал огромный цветущий

край.

Матуан, река, берущая начало в горах Восточного Паутоо, орошает большую плодородную долину, неисчислимые рисовые плантации. Это Нил Западного Паутоо. И вот жизненосный поток, кормилец миллионов людей, иссякает. Беда двойная: не только убавляется вода в Западном Паутоо, но и прибывает в Восточном, затопляя поля и поселки.

В горах, в том месте, где нашли труп Баокара, начала свое нашествие силициевая плазма. Что именно произошло с контрабандистом в то время сказать было трудно, но факт оставался фактом; именно здесь начала свой разрушительный путь силициевая плазма, уничтожая все живое, местами окаменевая, забивая живительные потоки, наступая на страну, лишая ее урожая, губя селения и скот.

Глава тринадцатая

●

Генератор запахов

Кировские острова. Утро. Легкий морозец, ро-

зовый иней на деревьях и сине-сиреневые тени за сугробами. До Института электроники далеко, но я оставил машину и иду пешком. Времени у меня мало. Нет ни минуты лишней, а я все равно решаю идти пешком, хочу вдыхать полной грудью холодный воздух, впитывать и впитывать эту ни с чем не сравнимую, подернутую нежным утренним туманом красоту аллей, старинных дач, дворцов-санаториев, мостиков, перекинутых через речушки и каналы. В моем распоряжении всего три дня. На все. На встречи с родными, на любование Ленинградом, на приемку в институте генератора. Но в это утро я не в силах был экономить минуты и шел пешком. Шел долго, терзаясь и радуясь.

Солнце поднялось, засверкали кристаллики снега на вершинах деревьев, подступающих к реке Крестовке, таяла сизая дымка, скрывавшая Елагин остров… Солнце показалось из-за яхт-клуба. Огромное, багрово-красное и совсем ручное. Неужели это то же самое солнце, которое неистовствует там, на Паутоо? Такое казалось неправдоподобным. Ведь там, на Паутоо… Вот тогда я забываю об искрящемся кружеве заколдованных морозом деревьев у Крестовки, вспоминаю бушующую у истоков Матуана пену.

Перед моим взором встают гигантские окаменевшие исполины тропиков, умерщвленные силициевой плазмой джунгли, и я вскакиваю в автобус.

Уже в вестибюле института, просторном и теплом (тут только я почувствовал, как продрог утром), меня обрадовали и огорчили одновременно: генератор действительно готов к сдаче государственной комиссии; получено сообщение о введении чрезвычайного положения на всем архипелаге Паутоо.

Три дня, проведенные в Ленинграде, промелькнули незаметно. Из Паутоо непрерывно поступали тревожные телеграммы. Никто из нас, занятых генератором, не давал себе отдыха. Питались мы кое-как, на ходу, уезжали на часок-другой отдохнуть и все остальное время не покидали испытательную площадку.

Последняя регулировка, оформление документации, испытания. Проверка агрегата вновь и вновь и наконец последняя проба на плазме, выпущенной на испытательный участок.

Сосновые ветки, стволы, сучья, сваленные на выложенной чугунными плитами площадке, пришлись силициевой плазме по вкусу ничуть не меньше, чем пальмы и ротанги на Паутоо.

Пенистая масса подбиралась все к новым и новым порциям приносимого ей в жертву сосняка. Но вот включался генератор, установленный на расстоянии сорока метров, и все прекращалось. Пена затвердевала, мертвела. Портативный, мощный, изящно выполненный генератор своими невидимыми лучами смело и безотказно разил надвигающееся на нас чудище.

Рядом лежащие стволы свежесрубленных деревьев оставались неповрежденными, все такими же синевато-зелеными, чуть припудренными снежком.

Успех вызывал чувство огромного удовлетворения, а тревога не покидала ни на миг: вести из Макими не радовали.

На следующее утро я уже прощался с Ленинградом. К полудню в специальный скоростной самолет был погружен генератор, и я вместе с главным инженером института вылетел в Макими.

Теперь, рассматривая потрепанные записные книжки тех боевых дней, я удивляюсь, как мы успевали справляться со всем навалившимся на нас так внезапно. Из Ленинграда я вылетел 18 февраля, а 22-го мы уже начали наступление на самом ответственном участке бедствия — у

водопада Никтеу.

В Макими я застал обстановку, напомнившую дни войны. Правительство заседало почти беспрерывно. Создан был комитет по борьбе с силициевой опасностью. Доктор Ямш и Юсгор несколько раз в день выступали по радио и телевидению, призывая все население островов собирать туароке. Газеты были полны сообщениями о «продвижении противника».

Плазма надвигалась, захватывая все новые и новые площади.

На Паутоо в это время во всех местах, маломальски пригодных для производства смолы, день и ночь шла работа. Сотни тысяч людей сносили кустарник в кучи, рубили его, варили, вытапливали смолу. И уже тысячи костров окружают силициевое живое вещество в горах Канатура, и там, где дымки туароке окутывали потоки плазмы, она каменела, замирала, становилась не такой уж страшной. Весть об этом дошла до населения Западного Паутоо. Вскоре и там стихийно начался сбор туароке.

Туароке в какой-то мере спасал положение. К окуриванию плазмы удалось привлечь огромное количество людей, но все же дымки душистой смолы не в состоянии были нацело ликвидиро-

вать опасность. Чуть заметный ветерок, слегка отклонившийся в сторону поток дыма — и плазма оставалась нетронутой, находила лазейку, растекалась и завоевывала новые участки. В часы, когда низвергались с неба ливневые потоки, костры мгновенно тухли, а живое силициевое вещество, освеженное, приободрившееся, действовало особенно бурно и гордо.

Все надежды в то время мы возлагали на генератор запаха. Ночью 21 февраля его установили на вертолет, и еще до рассвета мы с Юсгором ринулись в бой. Возбуждение было столь велико, что не замечался грохот мотора. Внимание привлекало только одно — вершина Канатура, уже розовевшая на темном небе. Что там делается? Как удастся справиться с нашествием? Я пристально всматривался в таящие угрозу горы, с нетерпением ожидая момента встречи с плазмой, стараясь представить, что она уже успела натворить.

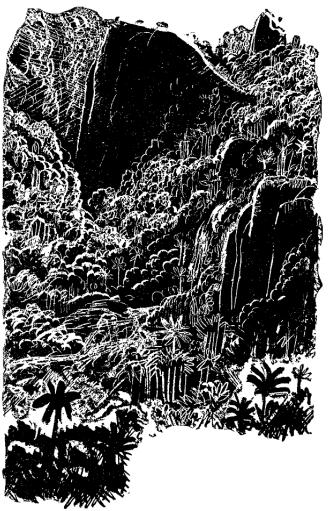
Внизу, в долине, все выглядело привычным, мирным, ничего не говорило о надвигающейся беде.

Восток быстро светлел, и, как только показался раскаленный диск солнца, все озарилось золотым блеском. Террасы рисовых полей засияли

смарагдовой зеленью, среди маленьких, зеркально голубевших прудиков уютно темнели участки еще не тронутого топором тропического леса. Все постепенно оживало. Задымились лесные порубки, в паутоанских деревушках, прятавшихся среди кокосовых пальм, бананов, хлебных деревьев, показались люди. По красному латеритовому шоссе уже шли грузовики, полные рабочих, едущих на каучуковые и ананасные плантации. Вертолет уносил нас все дальше и дальше от океана. Кончалась цветущая, прорезанная речушками и каналами равнина, начинались холмы, поросшие лоланг-лолангом, а вскоре под нами заклубились темные непроходимые джунгли, показались скалистые обрывы, в ярком солнце четко обозначились глубокие расщелины в вулканических массивах Себарао.

В окнах замелькали тени от вращавшихся над головой лопастей. Мы снижались, стремительно приближаясь к могучим лесным исполинам. В первый момент я не мог сообразить, что с ними произошло. Казалось, каким-то чудом за несколько минут из нежащихся под солнцем тропиков мы перенеслись на далекий север. Я не узнавал джунглей. Лесные великаны, опутанные переплетением лиан, двуперистые вайи стройных пальм,

древовидные папоротники, бамбуки, как струи фонтана взвивающиеся ввысь, длиннобородые мхи, эпифиты, огромные, похожие на слоновые уши листья таро — все это не было, как обычно, зеленым всех тонов и оттенков, а представлялось заснеженным, скованным лютым морозом. Перламутровые, опаловые, то словно посыпанные солью, то будто припорошенные тончайшей слюдой, растения искрились в лучах солнца, переливались радужным блеском. Но блеск этот был каким-то холодным, не верилось, что все это происходит вблизи экватора. Проделки злого волшебника породили красоту мертвящую, от созерцания которой сжималось сердце.



А в глубине джунглей, в тех местах, где силициевое живое вещество хозяйничало дольше, пугающая красота сменялась тускло-серым хаосом. Там пропитанные плазмой и не закрепленные дымками туароке растения уже разбухли, превратились в бесформенные груды никому не

нужного материала, таящего в себе разрушительную силу.

Мы опустились на небольшую полянку. Еще зеленую, не охваченную всепоглощающей пеной, еще безмятежно радующуюся солнцу, жизни, источающую ласковые ароматы. В десяти — пятнадцати метрах от нас начинался передний край. Безмолвная битва шла совсем рядом. Миллионы миллионов прозрачных искристых капелек, пришедших из неведомых глубин Вселенной, вели свое неутомимое наступление на теплые, полные живых соков творения земной природы. Окаменевая, растения в течение некоторого времени еще сохраняли свои формы, становясь звонкими, хрупкими и безжизненными, а потом разбухали, превращаясь в грязно-зеленую бесформенную массу. Эта пористая каменная масса забивала все ущелья, не давала ручьям стекать в реки, а рекам — в долины, к плодородным полям. Силициевые громады вздымались все выше и выше, подбираясь к скалистым утесам гор, преображая все вокруг, грозя омертвить весь цветущий край, перебраться на другие острова, а может быть, и на континенты, проникнуть в глубины морей и океанов…

В той части горного хребта, где приземлился

наш вертолет, наступление силициевой плазмы проходило особенно успешно. Здесь преобладали холодные воздушные течения, медленно сползавшие с гор в долины, и дымки от костров из туароке не достигали фронта. Здесь назревала катастрофа. Как только мы снова поднялись в воздух, оставив приветливую лужайку, нам представилась величественная и грозная картина. Оба склона огромного ущелья уже были завоеваны плазмой. В низовье, почти у самой долины, она образовала колоссальную плотину, забив выход для стекавших с гор потоков, и ущелье наполнилось водой. Вода уже просачивалась через возведенную силициевым веществом дамбу небольшими струйками, и мы ясно представили себе, что вот накопится она до краев, образуется слишком большой запас, преграда не выдержит, вода хлынет в долину и стремительным потоком смоет деревни, плантации, сахарные заводы, дороги, склады.

«Гидросооружение» мы осмотрели минут за десять, и вертолет вернулся к месту нашей первой посадки. Всего прошло каких-нибудь полчаса, минут сорок, не больше, а сесть на приглянувшуюся нам полянку уже не удалось: она была оккупирована плазмой. Пришлось немедленно

радировать в Макими и поставить Комитет по борьбе с силициевой опасностью в известность о прогрессивно увеличивающемся наступлении плазмы.

Генераторы! Нужны были генераторы! Мы пустили в ход наш единственный, видели, как он успешно справляется с опасностью, понимали, что это мощное средство борьбы, но что мы могли поделать с одной установкой!

Методично, повисая над передним краем наступления, мы облучали участок за участком. Скорость продвижения противника уменьшилась, мы видели, как враг подавляется нашим излучением, однако это успокаивало нас мало: занятая плазмой территория была огромна.

К двум часам дня нам прислали еще один вертолет. Теперь мы могли, меняя вертолеты, действовать беспрерывно. К вечеру были организованы смены операторов, и облучение шло круглосуточно.

Я не собирался покидать фронт, пристроился в палатке быстро организованного лагеря, но вечером 23 февраля меня вызвали в Макими. «Главнокомандующим» остался Юсгор.

На следующий день утром я присутствовал на экстренном заседании Комитета по борьбе с си-

лициевой опасностью. Обсуждался один вопрос: о решении правительства Западного Паутоо применить артиллерию и напалм для борьбы с силициевой плазмой. Рискованность и даже безрассудность такого решения для нас были очевидны, но при сложившихся почти враждебных отношениях между обеими частями Паутоо договориться с политическими деятелями Пога было почти невозможно. В Организацию Объединенных Наций, где к этому времени уже находились представители СССР и Восточного Паутоо, в том числе доктор Ямш и профессор Мурзаров, были посланы телеграммы, предупреждавшие, что такие действия Западного Паутоо могут окончиться катастрофой, но мы понимали, что решение ООН может оказаться недостаточно оперативным.

Я предложил комитету обратиться за посредничеством к профессору Асквиту. Члены комитета встретили мое предложение далеко не единодушно. Возникли споры, наиболее рьяные противники Западного Паутоо и слушать не хотели о подобном сотрудничестве, однако победило большинство и Асквит все же был приглашен в Макими.

К этому времени я уже оставил уютный университетский коттедж и переселился в отель

«Макими». Прельщал меня здесь не столько комфорт, сколько близость к правительственным учреждениям, в которых теперь приходилось бывать особенно часто. Узнав о приезде в Макими Асквита, я поспешил встретиться с ним и поговорить с глазу на глаз, до того как он появится на заседании комитета.

Это был превосходный вечер. На город опустилась долгожданная прохлада, было ясно, душный утомительный день закончился. Мы сидели с Асквитом на балконе, любуясь сияющей огнями столицей. Все было, как и прежде, расцвечено рекламами, наполнено звуками большого полнокровного города, и все было как-то не так. Стало тревожнее, неопределеннее. Не оставляла мысль, что там, в горах, совсем недалеко, в каких-нибудь пятидесяти километрах, наступает силициевая плазма. Против обыкновения Асквит почти не улыбался. Впервые я увидел его не таким уж задиристым, колючим и самоуверенным. Не то он устал, не то и его угнетала какая-то невеселая мысль. Даже холодный имшеу он тянул без видимого удовольствия, забывая подливать в него ром.

— Это ваша затея?

Я кивнул молча, поняв, что он спрашивает о

приглашении комитета.

— Зачем это вам?

— Мне или комитету?

— Вам.

— Мне хотелось посмотреть, сумеем ли мы найти общий язык в этой не совсем обычной ситуации.

— Это разве любопытно?

— Как вам сказать, и да и нет. Я могу заранее предугадать исход завтрашней встречи в комитете, если буду знать, какие инструкции вы получили от Нума Ченснеппа.

— Дерзите? Ну-ну, продолжайте. Со мной можно. Я люблю дерзких и находчивых, но терпеть не могу ханжей.

— Возьмите лимон. Имшеу без него вам покажется приторным.

— Спасибо. Сегодня я рассеян.

— Неприятности?

— Скорее, слишком хорошие вести.

У меня мелькнула надежда, и я быстро спросил:

— Из долины верхнего Матуана?

— О нет! Не радуйтесь. Там и в самом деле плохо.

— Так зачем же усугублять и без того трудное

положение? Согласитесь, профессор, решение применить артиллерию безумно. Вы же понимаете, что снаряды, взрываясь в толще окаменевшей пены, расшвыряют ее на большое расстояние, а силициевой плазме ровным счетом ничего не сделается. Она только начнет распространяться еще интенсивнее. Все это и в самом деле может кончиться катастрофой.

— Может.

— Так что же тогда происходит в Пога? Паника там, что ли? Неужели они не понимают, к чему это приведет?

— Ситуация сложная. Вокруг силициевой проблемы разгораются страсти. В Пога есть люди, которые не прочь использовать создавшееся положение и обвинить во всех грехах Восточный Паутоо.

— Чтобы выслужиться перед метрополией?

— Вы слишком прямолинейны, коллега. Не так все просто, как это вам представляется. Западный Паутоо преследует свои цели, концерн Ченснеппа свои, а что касается Отэна Карта, то он только и ждет случая, чтобы ухудшить положение Ченснеппа. Карт знает о наших работах с биосилицитами, и это не дает ему покоя.

— И все готовятся свои счеты сводить на Паутоо!

Да ведь здесь люди. Миллионы людей. Профессор, неужели и вы сможете остаться спокойным, видя, как нарастает катастрофа, понимая, что может возникнуть война?

— Мне трудно ответить вам. Вы ведь требуете искренности. Я не воспринимаю все это так эмоционально, как вы. Раздумья о судьбе паутоанского народа бессонницы у меня не вызывают.

— У вас есть дети?

— О, конечно! — Асквит усмехнулся, глаза его стали насмешливыми и чуть подобрели. — Два превосходных сорванца, которые еще доставят мне немало хлопот.

Я не знал, как продолжать разговор, не мог понять, чудовище передо мной или человек. Асквит наполнил мой бокал, слегка дотронулся до него своим и мягко продолжал:

— Вы все идеализируете. События, людей. Хотите, чтобы все смотрели на вещи вашими глазами. Так не бывает. Да, все мы люди, но люди разные. Да, всех нас в школе учат писать одинаково, по клеточкам, каллиграфически, а подрастаем мы, и оказывается, что почерк у нас у всех разный.

— К сожалению, кое-кто его просто не имеет.

— Бывает и так. Но знаете, не иметь своего почерка — это тоже почерк.

— Не верю. Не верю вам, вы не можете так думать. Простите, но я считаю, что это только поза. Вы же умный, энергичный, наконец, деловой человек. Ученый и политик, человек в достаточной мере независимый. Вам ведь не угрожает безработица, например. Не сойдясь с Нумом Ченснеппом, вы не останетесь без куска хлеба. Что же заставляет вас отказаться от своего почерка? Нажива? Не могу поверить.

— И правильно делаете. Если уж вы вызвали меня на откровенность, я буду откровенен. Силициевая проблема захватила меня, и теперь я уже не могу быть в стороне. Я честолюбив и не считаю это пороком. Я хочу быть в центре событий, я должен, понимаете, должен, руководить изысканиями, связанными с биосилицитами. Нажива, доходы, прибыли! Да ведь это не цель, а средство, поймите! Нельзя делать большие дела, вести научную работу крупного масштаба, не обладая средствами. Кто имеет деньги, тот имеет право распоряжаться. Таков закон.

— В метрополии. На Паутоо — я уверен в этом — будет распоряжаться народ, и только народ.

— Народ никогда ничего не решал. Всегда находились или вожаки, или погонщики народа. И те и другие, если они были достаточно сооб-

разительны, действовали именем народа. Вся известная истории борьба — это не борьба народов, а борьба тех, кто ими управляют. Вспомните Талейрана, лучше его не скажешь: «Армия львов, предводительствуемая бараном, слабее армии баранов, предводительствуемой львом».

Асквит встал, посмотрел на часы, и я понял, что с ним мы не можем найти общий язык, увидел, как он чужд мне, моему жизнепониманию. Это было естественно. Только обидно стало, что не удалась моя дипломатическая миссия.

Уже прощаясь, Асквит сказал:

— Все дело сейчас в том, кто возьмет верх — Ченснепп или Карт. Кто окажется сильнее. В этом все дело.

— И вы бы хотели?..

— Я бы хотел быть сильнее их обоих. Вот ради чего я готов на все. На все решительно.

Асквит опять сел к столу, налил себе рюмку рому, долго вертел ее в пальцах, поставил, не дотронувшись, а потом спросил:

— Заседание в десять?

— В девять.

— Я буду. Поддержу ваше предложение и сделаю все от меня зависящее, чтобы идиотская затея с бомбежкой плазмы сорвалась. Мне это

должно удаться. В Пога со мной считаются.

Я не удержался:

— А Ченснепп?

— Я это сделаю, потому что убежден… Нет, нет, не обольщайтесь, не в превосходстве вашей системы. Я убежден, что силициевая эпопея только начинается. Слишком ретивые политики спешат использовать силициевую плазму, не предвидя, как повернутся события в ближайшем будущем, не понимая толком, что такое биосилициты. О, силициты покажут себя! Людям еще предстоит многому удивляться.

— Зародыши?.. Значит, вам все же удалось?..

— О, да вы не только дерзки, но и догадливы.

— Оживили… Все же оживили… Ну что же, тогда передайте при случае мои поздравления профессору Куану Родбару. А вас, вас разрешите поздравить лично.

— Спасибо, конечно, за поздравления, только… Никто не знает, как все это обернется… До завтра. Я провел вечер с огромным удовольствием. Имшеу был действительно хорош.

С Асквитом мне пришлось встречаться часто, мы и теперь связаны общей работой в Объеди-

ненном силицитовом институте. Я узнал о нем много, но узнать его до конца, понять его, кажется, просто немыслимо. Только что принятое решение через несколько времени может быть им перевернуто до неузнаваемости, данное слово с невероятной легкостью взято обратно, и вместе с тем почти всегда он как-то выходил сухим из воды, а нередко оказывался прав. Так было и тогда, в Макими.

Утром я постучал в номер к Асквиту, собираясь пригласить его вместе поехать на заседание комитета. В номере Асквита не оказалось. Я спустился в вестибюль к администратору, и там мне сказали, что профессор Асквит ночью выехал в Пога. Я был взбешен. Казалось, уже надо было привыкнуть к поступкам этого человека, но я не умел. Не мог себе представить, как появлюсь на заседании, что скажу членам комитета.

Уже внизу, у машины, меня нагнал служащий отеля и вручил записку от Асквита:

«Господин Курбатов!

Не считаю нужным терять время на заседания, памятуя, что каждое дело надо делать хорошо, если нельзя не делать вовсе.

Заседайте без меня. За это время я сделаю все

необходимое в Пога.

Телеграмму вы получите не позднее чем в 10:30 утра.

Еще раз спасибо за имшеу.

Ваш Асквит».

В десять часов утра в комитете стало известно о начале артиллерийского обстрела наступающей плазмы, предпринятого в Западном Паутоо.

В 10:30 радиостанцией Пога было передано правительственное сообщение об эвакуации всего населения из долины Матуана.

В 10:35 пришла телеграмма от Асквита.

Мы вздохнули с облегчением.

С этого момента наметился перелом. В комитете, конечно, прекрасно понимали, что борьба предстоит длительная, будет нелегкой, но теперь уверенность в победе крепла с каждым часом.

В конце февраля состоялось решение ООН о создании Международной комиссии по борьбе с силициевой опасностью. Комиссия была представлена многими странами. От Восточного Паутоо в нее входили доктор Ямш и Юсгор, от Западного — Асквит, от СССР — профессор Мурзаров и я. Комиссия сразу же приняла ряд деловых и конкретных решений. Входившие в нее ученые

от Канады, Бельгии, Индии и США очень быстро и объективно оценили создавшееся положение, споры теперь возникали сравнительно редко, и, самое главное, все единодушно считали необходимым как можно шире применять генераторы.

Ленинградцы нас не подвели. Четыре красавца были закончены за неделю, как и обещали рабочие опытного завода. Теперь уже пять генераторов были у нас на вооружении. Облучение шло круглосуточно, по всему фронту, однако и этого было мало. Наибольшая опасность архипелагу грозила с западных склонов Канатура. Недостаточно было приостановить нашествие только в Восточном Паутоо, необходимо было ликвидировать его повсеместно, а для этого надо было заставить правительство Западного Паутоо принять решение о допуске туда наших вертолетов с генераторами.

Вот здесь-то и сыграла свою роль Международная комиссия. Ее заседания были перенесены в Пога, продемонстрированы успехи борьбы с плазмой при помощи наших генераторов, показано, что буйная силициевая пена практически уже укрощена на территории Восточного Паутоо. Правительству Западного Паутоо пришлось согласиться с мнением Международной комиссии

и разрешить «вторжение» наших вертолетов.

Помню первые атаки, произведенные нами над чужой территорией. Здесь обстановка была посложнее, чем в Восточном Паутоо. Не блокированная как следует дымками туароке, не облученная генераторами, разбросанная взрывами снарядов, силициевая плазма разгулялась вовсю, захватив колоссальные площади. Долина Матуана была практически вся выжжена. Лишенная влаги, испепеляемая солнцем, из цветущей, обильно плодоносящей она за две недели превратилась в пожелтевшую, покинутую людьми и животными пустыню. Трудно сказать, каков был бы исход сражения, если бы не подоспело еще несколько генераторов. Методично, квадрат за квадратом, мы облучали те места, где все живое сжирала ненасытная пена. Сжирала она, впрочем, не только живое. Растения служили ей лакомой приправой, не то витаминами, не то ферментами, необходимыми для успешного развития. Поглощала она все: латеритовые земли, базальт и гнейс, кирпичи и глину, бетон и гранит. В тех местах, где в породах было велико содержание марганца или вольфрама, силициевое живое вещество пировало особенно охотно. Это было установлено позже, когда человек не только

обуздал плазму, но и использовал ее свойства для целей утилитарных.

К середине марта практически вся территория Западного Паутоо, захваченная силициевой плазмой, была обезврежена, взорваны образованные ею заторы и вода пошла к полям и плантациям.

А вертолеты все еще продолжали прочесывать пенные нагромождения. Считалось необходимым не прекращать облучение по крайней мере в течение месяца, чтобы исключить какую бы то ни было возможность нового наступления, новой вспышки деятельности уж слишком активного живого вещества. Капля плазмы могла затаиться где-то в расщелине, под корнями, в труднодоступных местах, и «эпидемия» неизбежно началась бы вновь. Обезвреживание продолжалось повсеместно — в обеих частях Паутоо. К этому времени все вертолеты с установленными на них генераторами имели достаточное количество обученных нами людей.

Работая над этими записками, я обращался к самым различным документам, помогавшим мне уточнить, как именно происходили те или иные события, восстановить забытое или узнать о том, чему я не являлся свидетелем. Поднял я и протоколы Международной комиссии, работав-

шей в те дни. Теперь эти протоколы показались особенно любопытными. Из них было видно, как менялся облик самой комиссии. Когда шла борьба с плазмой и все силы были брошены в наступление, решения принимались быстро, разногласий между членами комиссии, как правило, не возникало, протоколы писались лаконично, деловито и выпускались в свет оперативно. Но как только положение стабилизировалось, дебаты стали длительными, нудными, а решения расплывчатыми и по многим вопросам далеко не единодушными. Еще не была закончена повсеместная ликвидация нашествия плазмы на Паутоо, а уже началось обсуждение вопроса о необходимости соблюдения самых тщательных мер предосторожности при освоении силициевой жизни для нужд человека. Представитель Бельгии доктор Дювьезар, возглавлявший комиссию, начал с того, что предложил принять решение о безусловном и немедленном запрещении применять силициевую плазму.

Предложение доктора Дювьезара не получило поддержки, но представитель Индии потребовал установить самый строгий контроль за применением плазмы. Делегат метрополии Западного Паутоо охотно подхватил это предложение, на-

стаивая на допуске специальных наблюдателей на все без исключения предприятия, где исследуется или применяется силициевая плазма.

Профессор Мурзаров в свою очередь поставил вопрос о необходимости контроля над работами с силициевыми зародышами, подчеркивая, что трудно предусмотреть, какие последствия может вызвать их оживление. Выступая с поддержкой этого предложения, мы с Юсгором ссылались на личное сообщение профессора Асквита о широком размахе такого рода работ в специальных лабораториях Таркора. Но тут мы опять не учли особенности характера Асквита. Он выступил и стал начисто отрицать не только факт проведения в институте Ченснеппа опытов с зародышами, но и возможность существования самих зародышей.

Такими были первые шаги по пути к организации объединенных усилий человечества для борьбы с силами космоса. Начались они со споров, мелких и крупных разногласий, взаимных попреков и взаимного недоверия.

Переговоры в Международной комиссии стали заходить в тупик.

…21 апреля пленарные заседания закончились. Многие члены комиссии уже выехали из Макими.

Уехал и профессор Мурзаров. Он получил назначение на пост постоянного представителя наших научных организаций в одном из комитетов ЮНЕСКО и больше практически к силициевой проблеме не возвращался. В Макими некоторое время продолжали работу только несколько членов комиссии. Группа эта, возглавляемая доктором Дювьезаром, должна была оформить решения комиссии и составить отчет о ее деятельности. Вскоре кончилась и эта работа. 28 апреля я должен был вылететь в Москву, отдохнуть наконец на родине, но события, неожиданно разыгравшиеся в метрополии Западного Паутоо, все изменили.

Пришла тревожная телеграмма от Нума Ченснеппа с приказом профессору Асквиту немедленно вылететь в Европу, но Асквита в Макими не оказалось. Как я узнал позже, в это время он находился в Австралии и охотился за похитителем Сиреневого Кристалла.

Утром 27 апреля стало известно о решении правительства метрополии начать бомбежку Таркора.

Доктор Дювьезар срочно собрал всех оставшихся в Макими членов Международной комиссии. Заседали мы старательно, но безрезультатно.

Из метрополии Западного Паутоо поступали отрывочные и, на наш взгляд, совершенно неправдоподобные сведения: неподалеку от столицы в мирное время появились бомбардировщики и институт Ченснеппа в Таркоре всеми доступными человеку средствами был подвергнут уничтожению.

Я получил предписание вылететь в метрополию Западного Паутоо.

Глава четырнадцатая

●

Кочан капусты

Как члену Международной комиссии мне пришлось участвовать в расследовании всего, что случилось в Таркоре и Пропилеях, довелось побеседовать и познакомиться со многими участниками этих событий. В Пропилеях я, правда, побывал уже после того, как там похозяйничали «черепаха» и танк капитана Феррана, но все же рискну описать их и попробую возможно обстоятельнее изложить, что же произошло в метрополии с 25 по 28 апреля.

Вилла Отэна Карта, не совсем удачно, хотя и звучно, названная Пропилеями, не походила ни на одну из загородных вилл столицы. Обычай строить для себя загородные виллы появился у богатых людей еще во времена Юлия Цезаря. С тех пор немало вилл перестали служить своим хозяевам загородными домами и стали музеями. Что же касается виллы Отэна Карта, то она никогда не служила ему загородным домом, а была задумана и строилась как своеобразный музей.

Отэн Карт слыл человеком не лишенным оригинальности, и, пожалуй, не без оснований. Однако оригиналом он был лишь в той мере, в какой из этого можно было извлечь выгоду. Сооружение Пропилеев он затеял в тридцатые годы, именно в то время, когда после невиданного «процветания» деловой мир охватила небывалая депрессия. Расчет незаурядного предпринимателя оказался правильным: вилла строилась как нечто единственное в своем роде, стоимость ее сразу бросалась в глаза, и ни у кого не могло возникнуть подозрений, что Отэн Карт именно в это время, как никогда, был близок к разорению. Уже одно то, что виллу строил знаменитый Антонио Ульмаро, говорило о неограниченных возможностях богатого заказчика.

Архитектор и превосходный скульптор, Ульмаро много лет носился со своей идеей создания Анфилады Искусств, не имея возможности осуществить ее, нигде не находя человека, который мог бы по достоинству оценить эту идею, а главное, хотел бы затратить достаточные средства для воплощения ее в камень, мрамор, гипс. Встреча с Отэном Картом решила дело, и вскоре неподалеку от города, в низине, заросшей тополями, буком и светлым ясенем, сотни рабочих стали возводить сооружения, которые должны были принести славу архитектору и упрочить кредитоспособность дельца.

Начались работы успешно, воздвигнуты удивительные сооружения, собраны произведения искусств со всего света, однако по мере того как укреплялось финансовое положение Отэна Карта, исчезала надежда на славу у Антонио Ульмаро. Разговоры о необычайном сооружении постепенно стали стихать, строительство затянулось на добрый десяток лет, Карт с каждым годом все меньше и меньше отпускал средств. С началом второй мировой войны работы вовсе прекратились и Ульмаро умер, так полностью и не завершив задуманное.

Пропилеи Отэн Карт считал довольно обреме-

нительным приобретением. Огромные деньги, вложенные в их постройку, не приносили дохода, продать недостроенное сооружение было невозможно, да, вероятно, и не имело смысла, так как репутации одного из богатейших людей страны способствовал сам факт обладания оригинальной виллой-музеем. В дни, когда голова Карта бывала занята каким-нибудь важным делом, требующим особой собранности, он ненадолго заезжал в Пропилеи, бродил по величественным, хранившим вдохновенное творчество прошедших времен залам и в этом инстинктивном стремлении к красоте обретал покой и сосредоточенность, так необходимые в деловом сражении.

Изредка в Пропилеях появлялась шумная толпа друзей дочери Отэна Карта, и тогда римский атриум оживал, наполнялся запахом роз, пряных яств и звуками джазовой музыки. Но как только пиршество стихало и автомобили увозили молодых людей в город, вилла погружалась в тишину и снова ее единственным обитателем оставался скульптор и искусствовед Поль Ритам.

Я немало беседовал с Полем Ритамом. Заходил к нему в больницу, когда он уже стал поправляться и приходить в себя после бурных и необычайных событий в Пропилеях, бывал в его маленькой

квартирке, смотрел его скромные и какие-то очень трогательные работы. Словом, я успел узнать этого доброго и умного человека хорошо, успел полюбить его искренне.

Поль Ритам, всю жизнь проживший в искусстве и живший для искусства, как никто другой подходил для управления и надзора за Пропилеями. С тех пор как в голову Отэна Карта, ворочавшего большими делами и никогда не допускавшего ненужной расточительности в малых, пришла мысль назначить Ритама на эту должность, он мог больше не беспокоиться о своей вилле-музее. Ритам беззаветно любил все собранное в Пропилеях, начиная с самой дешевенькой геммы в глиптотеке и кончая монументальными статуями, высеченными выдающимися мастерами.

В последние годы жизни знаменитого скульптора и архитектора Поль Ритам работал с ним, и это давало ему возможность считать себя «учеником самого Антонио Ульмаро». Ритам ничего не создал в искусстве, оставаясь неудачником и мечтателем. Будучи дилетантом, он хотел стать творцом, будучи малоталантливым, он стремился к славе и подвигу в искусстве, не понимая или не имея мужества понять, что, кроме мечты о творчестве, у него не было ничего творческого.

Война отняла у него руку и ногу, и этим примирила его с самим собой: ему осталось утешение, что, не случись этого, он смог бы стать Праксителем современности, но сейчас он живет в прошлом искусства, верно охраняя это прошлое, талантливо воспроизведенное в Пропилеях, Впрочем, он не только охранял его, он изучал его и если не стал знаменитым скульптором, то огромным трудом развил в себе глубоко таившиеся способности оригинального искусствоведа. Я не много смыслю в живописи, в старых работах скульпторов, художников, но с удовольствием тешу себя надеждой, что именно я убедил Ритама целиком отдаться искусствоведению. Скажу только о фактах. Выздоровев, Поль Ритам уже не вернулся к Отэну Карту, а совсем недавно я получил с его авторской подписью превосходно написанную и хорошо изданную книгу об Антонио Ульмаро. Но я забегаю вперед и несколько отвлекаюсь. Вернусь к описанию событий, происходивших в те апрельские дни в Пропилеях.

Каждое утро в половине десятого Поль Ритам аккуратнейшим образом появлялся у массивных ворот Пропилеев. Дружески поприветствовав привратника (старый привратник мне запомнился не меньше Ритама, но — что поделаешь

— в этих записках о всех не расскажешь), Ритам каждый раз привычно сокрушался, что металлическая ограда ржавеет, и очень подробно излагал, как именно он намерен уговорить господина Карта раскошелиться на поддержание Пропилеев. Разве можно жалеть средства на содержание в порядке такой красоты? Ведь ограда изготовлена по эскизам самого Канибуно! Ее отливали лучшие мастера Пьеррона и, когда окончили отливку первого варианта решетки…

Привратник наизусть знает всю историю уникальной ограды, с деланным интересом выслушивает скульптора, сокрушается вместе с ним, оживленно поддерживает разговор — ведь это его единственное развлечение на протяжении всего скучного дня — и удаляется в привратницкую не раньше, чем Ритам исчезнет за купой деревьев, отделяющих ворота от виллы-дворца.

Так Поль Ритам начинает свой утренний обход.

Каждый раз, пройдя буковую чащу и очутившись перед Анфиладой Искусств, восторженный искусствовед замирает на несколько минут, никогда не уставая восхищаться созданием Ульмаро. Отсюда от буковой рощицы, лучше всего видна Анфилада, постепенно спускающаяся к самому

низкому месту усадьбы, где громоздится мрачное сооружение, названное архитектором «Средневековье». Отсюда же начинается широкая, мощенная огромными плитами Дорога сфинксов. По обеим ее сторонам правильными, унылыми рядами тянутся цоколи из красного песчаника, на которых лежат львы с человеческими головами. Однообразные, бесстрастно-загадочные, они как бы символизируют вереницу веков, полных тайн и непознанного, веков, предшествовавших наибольшему расцвету искусства египтян.

Медленно, скрежеща металлической ногой по каменным плитам Дороги молчания, Ритам проходит мимо сфинксов, приближаясь к массивному строению с косыми срезами стен.

Вход в Анфиладу Ульмаро начал строить еще в то время, когда Отэн Карт предоставлял ему наиболее широкие возможности, и архитектору удалось в совершенстве передать стиль древней египетской постройки. Темные, таинственные здания были сложены из больших каменных глыб, притесанных почти с такой же поражающей точностью, с какой это делали рабы Снофру и Хеопса.

Дорога заканчивалась широкой площадкой, на которой Ульмаро установил иглу обелиска, иссе-

ченную иероглифами, и колоссальную сидячую фигуру, превосходно гармонировавшую с общим спокойствием архитектурных линий постройки. Вход в египетские залы представлял собой две совершенно одинаковые грузные башни с косыми стенами — пилоны, связанные порталом, со сравнительно небольшой дверью, придавленной массивностью постройки.

Затворив тяжелую бронзовую дверь, Ритам, словно в машине времени, переносился в глубь веков, в царство величавой неподвижности египетских статуй, в царство множества одинаковых колонн, в мир искусства, скупого, прямоугольного, застывшего и зловеще угрюмого.

Внутренний египетский дворик архитектор выполнил так, что в любую погоду в нем ощущалось солнце Египта: умело замаскированные источники света посылали лучи через верхние отверстия, расположенные над бассейном. Однако это не уменьшало чувства придавленности. Его не рассеивала ни пестрая роспись золотом, синью, ярко-красной краской, столь же загадочная, как иероглифы, и заполнявшая все стены, колонны, карнизы; ни зелень пальм, столпившихся у бассейна; ни голубизна прохладной воды.

Египетская часть Анфилады всегда навевала

тоску на Ритама.

«Искусство мертвое, искусство для мертвых, — часто думал он, рассматривая застывшие изображения барельефной живописи, — искусство, созданное страхом перед превратностями загробного мира, созданное для потусторонней жизни, призванное умилостивить богов небытия. Отсюда и поиски форм абсолютного покоя, отсюда таинственность, мрачность».

Ритам всегда старался пройти египетский дворик поскорее, спеша в залы одухотворенного искусства Эллады, но его частенько задерживал крокодильчик.

Крокодильчик, греясь на отмели глубокого бассейна, не подавал никаких признаков жизни, часами лежал бревном, как и подобает этим милым животным, и ничем, собственно, не обременял Ритама. Но одного только присутствия в храме искусств этого существа было достаточно, чтобы натура художника бунтовала. Крокодильчик был водворен в Анфиладу волей самого господина Карта — это был его единственный «творческий» вклад в дело создания Пропилеев, — и Поль Ритам не уставал негодовать при мысли о том, как был бы огорчен этим Ульмаро. Неужели недостаточно передал он самый дух глубокой древности?

Неужели от каждого камня, колонны, фрески не веет подлинным искусством Египта и требуется еще вселять сюда это мерзкое творение? Блажь! Прихоть собственника, не умеющего ценить настоящее искусство, большой талант. С какой силой и достоверностью переданы колорит и рисунок, применявшиеся зодчими Древнего Египта, как поражает величавая неподвижность в позах статуй, строгое спокойствие линий, столь характерное для египтян, стремившихся в своем искусстве к выражению абсолютного покоя!.. Покоя?

А может быть, все же прав Отэн Карт?

Ритам, с трудом устраивая свою металлическую ногу, наконец присаживается у края бассейна и начинает пристально рассматривать плоскую голову с длинным рылом, со вздутыми краями ноздрей, с характерно изогнутым, словно улыбающимся во сне, разрезом рта. Крокодил был мертвенно-застывшим, совершенно неподвижным, хотя чем-то неуловимым давал понять, что он жив.

Крокодил олицетворял собой покой!

Может быть, именно поэтому египтяне поклонялись живым крокодилам и бальзамировали мертвых?

«Неприятное животное все-таки», — неизменно заключал Ритам и спешил в залы Эллады.

Здесь все было светлым, жизнерадостным. Ульмаро, стремясь полнее передать сущность искусства Древней Греции, сумел удивительно тонко примирить разнородность стилей. Все было сооружено на разных высотах без всякого признака симметрии, и в то же время все было гармонично, как гармонична сама весьма несимметричная природа.

Ступени, ведущие от выхода из египетского дворика, спускались к обширной, мозаично выложенной площадке. На ней между эллинскими фигурами, блиставшими белизной паросского мрамора, били веселые фонтанчики. К площадке подходили небольшие здания с колоннами, кариатидами, к ней спускались лестницы, ведущие во внутренние помещения, и все это радовало глаз, со вкусом передавало беззаботное, праздничное миросозерцание грека, сумевшего создать святой, чистый гимн искусству. Сооружения, выходившие на площадку, как и у древних греческих архитекторов, были раскрашены в самые веселые, яркие цвета: глубоким суриком, чистого тона синькой, бледной охрой, зеленью. Позолоченные акротерии и львиные головы водостоков, каза-

лось, придавали улыбчивость всему ансамблю.

Ульмаро сделал все, чтобы воскресить небывалую чудесную красоту, некогда воплощенную греками в Акрополе. Весь свой талант он отдал тому, чтобы и теперь, спустя двадцать пять веков, люди могли воспринимать эллинское зодчество так же свежо, ясно, как и тогдашний эллин, так же чувствовать его поражающую прелесть.

— Достиг ли он своей цели? — размышляя о Пропилеях, частенько говорил мне Поль Ритам. — Вряд ли. Красивый, гармоничный эллин, создавший улыбающийся стиль, звучащий в едином аккорде с ликующей природой, улыбался и ликовал сам, тогда как наш огромный, тучный господин Карт, обремененный борьбой с конкурентами, улыбается редко, а ликует только одерживая крупную победу на бирже. Вы знаете, господин Курбатов, публика никогда не допускается в Пропилеи, и все собранное здесь, созданное нашим дорогим Антонио, остается красиво-мертвым, застывшим, недоступным. Старый Ульмаро видел, что его творение не пробуждает возвышенных чувств, что его детище не согрето тысячами взглядов людей, любящих искусство. Все это очень омрачало последние дни учителя! Ему казалось, что люди уже не способны воспринимать

красоту легко и празднично, казалось ему, что в Элладе кончилась юность человечества. Так ли это? А что, если бы в Пропилеи вошел народ? Я часто прислушиваюсь к тишине, царящей в Анфиладе, — продолжал Ритам. — Прислушиваюсь и думаю: слишком еще много надо сделать, для того чтобы в Пропилеи вошел народ. Правда?

Что я мог ответить Ритаму? Я ему рассказывал об Эрмитаже, о штурме Зимнего, о Дворце пионеров в Москве…

…Каждый день скромный и трудолюбивый Ритам методично обходил Анфиладу, деловито, по-хозяйски все осматривая, делая в блокноте заметки о необходимости ремонта или о реставрации того или иного экспоната, и только после этого отправлялся в хранилище, где до позднего вечера занимался разбором и описанием, коллекций.

С залами Эллады Ритам всегда расставался с грустью. Пройдя римский атриум, он спускался по лестнице, представлявшей собой полукруглую колоннаду, проходил площадку с установленной на ней статуей Августа и останавливался у пустыря. В самой низине участка обширное пространство заросло бурьяном, мелким кустарником и было усеяно замшелыми валунами. По

замыслу Ульмаро, это место должно было олицетворять века, последовавшие за падением Рима. Он велел не убирать камни, не планировать площадку, все оставить в смутном хаосе, в котором в эти века находились эстетические стремления, и только посреди пустыря воздвиг свое Средневековье павильон, в миниатюре напоминавший и мрачный рыцарский замок, и тяжелый, угрюмый храм только что находившего себя искусства ранней эпохи христианства.

Все, что произошло в четверг 26 апреля, Ритам помнил отлично. Как и всегда, он совершал свой обход Пропилеев. Но на этот раз обход ему не удалось закончить. В то время как он стоял над крокодильчиком, решая очень важный для себя вопрос, необходимо ли это отвратительное животное в египетском дворике, и в который раз прикидывая, как бы отнесся к этому Антонио Ульмаро, за ним пришли от привратника. Надо было побыстрее вернуться к воротам: подъехал автофургон и шофер требовал управляющего. Он привез какую-то зверушку по распоряжению самого Отэна Карта.

«Неужели еще один крокодил!»

Поль Ритам поспешил к привратницкой.

У ворот виллы действительно стоял громоздкий алюминиевый автофургон из прачечной Бартни.

— Здравствуйте, господин, управляющий.

— Здравствуйте, Вилли.

— О, как вы могли узнать, что меня зовут Вилли? — расплылся в улыбке шофер, показывая отличные белые зубы.

— У нас в стране всех негров зовут Вилли или Том. Вильямов больше. Что вы привезли? Кто вас прислал?

— Я привез железный ящик, в котором какая-то зверушка, кажется черепаха.

— Черепаха? — недоуменно переспросил Ритам.

— Ну да, черепаха. Что же это еще может быть? — шофер смутился и, стараясь скрыть, что по дороге в Пропилеи был излишне любопытен, понес изрядную чепуху, выпаливая слова с невероятной скоростью.

— Подождите минутку. Вы говорите слишком быстро. Расскажите толком: откуда вы, кто вас прислал и зачем эта черепаха. Почему в фургоне из прачечной? Я ничего не могу понять. И говорите, пожалуйста, помедленнее.

Вилли понял просьбу Ритама несколько своеобразно. Он уселся на скамье у ворот, закурил сигарету и начал довольно обстоятельно рассказывать обо всем, что с ним случилось в то утро. Удивительный день. Еще отправляясь из дому на работу, он понял, что день будет необычным. Всегда, когда старая Метин — это соседка, чтоб ей пусто было, — затевает ссору с раннего утра… Ритам несколько раз останавливал шофера, пытаясь заставить его говорить о сути дела, но это ни к чему не привело. Этот общительный человек всякий раз, когда его прерывали, считал своим долгом начинать рассказ с начала. Ритам понял, что тут уж ничего не поделаешь, и запасся терпением. Только в результате того, что Вилли говорил невероятно быстро, Ритаму стало кое-что ясно меньше чем в полчаса.

Фургон, с которым ездил по городу словоохотливый шофер, каждый четверг заезжал в институт Ченснеппа в Таркоре, завозил туда выстиранные халаты и забирал тюки с грязными. В это утро Вилли, как обычно, въехал на территорию института. Фургон разгрузили, и он преспокойно ждал, пока погрузят все накопившееся за неделю. Всегда в эти ранние часы в институте царила тишина, но сегодня здесь творилось нечто непо-

нятное. В главные ворота въезжали автомобили один за другим. Необычные машины — не то пожарные, не то военные. Среди них были и платформы с поставленными на них огромными шарами, из которых все время вился парок, а трубы, отходящие от шара, были покрыты инеем. Это в апрельскую теплынь! Вскоре двор перед главным корпусом заполнился людьми и машинами. Все пришло в движение. Чувствовалось, что случилось нечто необычное. Сотрудники института бегали озабоченные, внимание всех было обращено на дом, окруженный высокой стеной. Оттуда доносились непонятный шум, мощное гудение, хлопки, напоминавшие выстрелы, а может быть, там и стреляли. Вилли ничего не знает. Дом за стеной всегда хорошо охраняется, а Вилли не имеет привычки совать нос куда не следует. Он уже четыре года работает шофером в прачечной Бартни, и еще ни разу полицейские…

Ритам вовремя догадался предложить сигарету, и рассказ снова был направлен в нужное русло. Да, так вот, может быть, и стреляли. Неизвестно. Машин медицинской помощи во дворе института тоже было достаточно. Они стояли, как видно, наготове. Вилли не покидал фургона ни на минуту, он только влез на крышу своей

машины, а оттуда все было отлично видно и даже слышно лучше. Интересно, все же посмотреть и послушать, почему это люди вдруг забегали, как муравьи, когда их потревожишь палочкой. Внезапно шум прекратился, и из внутреннего двора, обнесенного высокой стеной, стали поспешно выносить массу всяких вещей. Какие-то ящики, столы, шкафы, связки бумаг и разные приборы, блестевшие на солнце лаком, стеклом и никелем, как хорошие автомобили. Приборы были большие и маленькие. Величиной с электрический чайник и величиной пианино. Такие вытаскивали несколько человек. Все это поспешно грузили в автомобили, и они один за другим выезжали из института, направляясь по Аретскому шоссе к городу.

В общей суматохе все забыли о Вилли, но он стоял спокойно: он знал, что его фургон может понадобиться людям, когда у них творится что-то неладное. Хороший случай заработать. Не правда ли? В прачечной Бартни с этим, правда, строго, но вот, когда в прошлом году…

Новая сигарета — и Вилли подходит к главному. Как он и ожидал, его услуги, конечно, понадобились. Из ворот выбежал высокий худющий мужчина с желтым лицом, в перепачканном

белом халате, быстро оглядел двор и бросился к его фургону. Он спросил, знает ли Вилли, где находится вилла господина Отэна Карта. О, Вилли, конечно, знал. Совсем недавно он развозил белье именно в этом районе. Правда, на виллу господина Карта он никогда не доставлял белье, но, проезжая по направлению к Эно, где у него живет… Быстрый человек махнул рукой — такие люди никогда не имеют терпения выслушать Вилли до конца — и скрылся за высокой стеной. Через несколько минут четверо крепких парней тащили небольшой железный ящик к его фургону. Ящик вдвинули в фургон. Только один ящик, тогда как в другие машины их грузили десятками: они, очевидно, были пустыми. Ну вот, когда ящик наконец поставили, быстрый человек дал ему крупную кредитку. О, этого хватит надолго. Нужно не меньше месяца ездить с фургоном, собирая тюки с бельем, чтобы заработать столько. Как только рабочие, притащившие ящик, снова убежали во внутренний двор, быстрый человек велел немедленно ехать на виллу. Это не так сложно в конце концов. Он только чертовски тяжел, этот ящик, хотя и сделан из тонкого железа. Прямо невероятно: неужели черепаха может так много весить?

— Ладно, Вилли. Мне почти все ясно. Вернее, ясно, какой вы великолепный рассказчик. Постарайтесь вспомнить, что еще вам сказал этот, как вы его называете, быстрый человек?

— Он сказал, что отвезти сюда ящик велел сам господин Карт.

— Вот как? Превосходно. Давайте посмотрим черепаху.

Ритам не мог считать себя знатоком рептилий, но то, что лежало на дне ящика, никак не походило на зеленую черепаху, столь необходимую для торжественных обедов. Да, очевидно, господин Карт не собирался баловать своих гостей лакомым блюдом, а имел в виду какую-то другую цель. Ну что же, хозяин знает лучше. Черепаха так черепаха. Вот только куда ее девать? Ритам еще раз заглянул в темноту ящика, где лежало что-то большое, диаметром около полуметра, и действительно напоминающее черепаху. Животное было неподвижно. Очевидно, оно втянуло в свою броню и голову, и конечности. Черт знает что такое! К заботам о крокодильчике прибавились заботы об этом застывшем в страхе создании.

Еще одно олицетворение покоя!

— Сгружайте ее.

— О, господин управляющий, это не так просто.

Я же говорил вам, что она слишком тяжела.

Ящик с черепахой оказался действительно неподъемным, и Ритам решил все же впустить фургон на территорию виллы, с тем чтобы подвезти его поближе к пустырю. Там, в средневековом гроте, пожалуй, лучше всего поместить черепаху. В нем прохладно и сыровато. Впрочем, они, кажется, как и крокодилы, любят выползать на отмели и греться на солнышке. Но черепахи бывают разные. Эта вообще ни на какую не похожа. Нужно непременно сегодня же дозвониться к господину Карту, Это, правда, не так просто, но ничего не поделаешь.

Ритам раздражался все больше и больше: сегодня, наверное, так и не удастся заняться делом. Обход не закончен, описание кипрских ваз не сделано, а тут еще эта пакость. Раздражительность, однако, не мешала Ритаму позаботиться о живом. Он был добрым человеком и прежде всего подумал, что зверушку следует накормить. Служителю, ухаживавшему за крокодилом, были даны в свое время подробные указания, исходившие от специалистов, и он аккуратнейшим образом кормил «египтянина» рыбой, птицей, доставлял ему лягушек и мелкое зверье. Что же касается черепахи, то тут служитель ровным

счетом ничего не знал. Не знал, чем нужно кормить черепаху, и Ритам. Он смутно помнил, что черепахи могут долго обходиться без пищи, но лучше, конечно, накормить животное. Ритам отправился в библиотеку, раскопал там все, что только можно было вычитать о черепахах, и это окончательно сбило его с толку. Одни виды черепах были плотоядными, хищными, другие питались исключительно растительной пищей. К какому виду принадлежала присланная Отэном Картом — он решительно не мог разобраться и распорядился бросить в ящик и лягушку, и кочан капусты.

Если бы он знал, к чему это приведет!

В течение всего остатка дня он тщетно пробовал связаться с Отэном Картом. Секретари неизменно отвечали, что шеф в отъезде. Да, Ритам порядком надоел хозяину просьбами о средствах для поддержания Пропилеев, и не удивительно, что он не желает с ним разговаривать. Однако как же быть с черепахой? А может быть, Карт и в самом деле занят. Ну, ничего, завтра он непременно свяжется с ним. Не исключено, что тот и сам пришлет какие-нибудь инструкции, успокоил себя управляющий. Перед уходом домой он хотел было наведаться в Средневековье, но после

утомительного и бестолкового дня не нашел в себе сил ковылять в такую даль и поздно вечером отправился отдыхать.

На следующее утро обычной неспешной беседы с привратником о плачевном состоянии уникальной ограды не получилось. Привратник встретил управляющего непривычно возбужденным и, даже забыв поздороваться (этого никогда с ним не случалось!), сразу же спросил:

— Вы слышали, что творится в городе?

— Нет, а что там творится?

— Сегодня я ночевал у сына. Мы еще спали, а к нам уже вбежала невестка с криком «Война!». Мы было обругали ее спросонок, но все же вскочили с постелей. Не успели мы с сыном натянуть на себя одежду, как услышали взрывы, потрясшие воздух. Над поселком — вы же знаете, господин Ритам, сын мой живет неподалеку от Пэма — проносились самолеты. Они поднимались с Асуйского аэродрома и летели к Таркору. Нам было видно, что там высится колоссальный столб дыма. Самолеты направлялись именно к этому месту, и оттуда слышны были взрывы бомб.

— Что вы такое говорите? — Ритам вспомнил, что, выйдя из дому, ничего не заметил. В его поселке не раздавались леденящие душу

звуки сирен, не ощущалось никакой паники и редкие прохожие, как обычно, шли по кирпичным тротуарчикам тихой, затененной молодой апрельской листвой улицы. Никто не спешил в укрытия. Радио передавало рекламные объявления, сдобренные веселой танцевальной музыкой. — Может быть, вы что-нибудь спутали? Я ничего не заметил.

Привратник, самодовольно улыбаясь, молча указал на восток, откуда показались самолеты. Они быстро приближались, и вскоре рев совсем низко пролетевших бомбардировщиков захлестнул Ритама вибрирующим воем.

— Опять?

Улыбка ушла с лица привратника. Он грустно и понимающе посмотрел на искалеченного войной художника — привратник сам был тяжело ранен, у него погиб сын на войне — и отрицательно покачал головой.

— Слава богу, войны еще нет, но там, в лесопарке Таркор, творится нечто непонятное. Этой ночью туда стянуты войска. Вы знаете озеро, которое немного в стороне от дороги, ведущей в Пэм? Там в дни моей молодости бывали гуляния и мы катались на лодочках. Впрочем, вы помоложе и этого уже не застали. Теперь вся эта местность

откуплена концерном «Ченснепп-каучук». На берегу Таркорского озера построили институт. Химия. Что-то исследуют. Говорят, теперь ткани будут делать прямо из песка. Из него же будут готовить резину и еще какие-то там вещи. Но не в этом дело. Начиная с прошлой ночи в тех местах происходит черт знает что. Ни одной живой души не осталось в парке Таркор: всех удалили. Войска плотным кольцом опоясали всю округу. Подошли танки и машины с огнеметами. Струями огня заливают здания, в которых еще вчера располагались лаборатории Ченснеппа, а с воздуха на все это сбрасывают бомбы. Самолеты идут волнами, один за другим.

Ритам тяжело опустился на скамейку, на которой сидел вчера с болтливым шофером, приехавшим из Таркора. Смутная тревога охватила художника. Он не мог вот так, сразу, понять, что же происходит. Таркор и черепаха в бельевом фургоне, бомбежка и вроде нет войны. Надо сейчас же попробовать позвонить Карту. Не ответит, наверно… Может быть, проехать к нему?.. Не примет, конечно, ни за что не примет.

— Не понимаю. А вы не спутали чего-либо?

— О нет, господин Ритам! Я поспешил сюда, чтобы сменить Нисута, а сын сейчас же помчался

к Таркору. Он у меня пронырлив и любознателен не в меру. Только перед вашим приходом он уехал отсюда. Рассказал мне все, что видел, оставил для меня еду и умчался на завод: ему во вторую смену. Так вот, дальше переезда на дороге, ведущей в Пэм, ему, правда, пробраться не удалось: всюду стояли цепи солдат. От конечной станции метро он уже шел пешком: в сторону Таркора транспорт не пропускают. По шоссе одна за другой проносились пожарные машины. Говорят, их не хватило в столице и команды вызвали из Пэма, Нуви и даже Лонара. Пожарники оберегают парк от огня. Нельзя, чтобы огонь распространился. Уничтожают все только вблизи озера.

— Кошмар какой-то. Да что же уничтожают?

— Никто толком ничего не знает. Мой парень побывал вблизи этого ада: любопытно ему, он, слава богу, не был на войне. Сын говорит: уже на переезде нечем дышать. Дым идет не только вверх, но и стелется по всему лесопарку. Солдаты в противогазах. Самолеты, как в фонтан чернил, влетают в столб дыма и сбрасывают бомбу за бомбой. Черные клубы то и дело становятся багрово-красными.

— Как это все странно. Надо попытаться позвонить господину Карту. Не пойму ничего. Зачем

этот фургон из Таркора. И здесь, в Пропилеях, где так много ценного…

— Но вам-то что беспокоиться. Таркор ведь на противоположном конце города.

Ритам встал, собираясь немедленно пойти к телефону, но привратник, услышав доносившиеся из своей комнаты позывные, потащил управляющего к репродуктору.

В десять утра началась передача специального заявления муниципалитета. В нем сообщалось, что техническими причинами была вызвана настоятельная необходимость принять срочные меры к уничтожению испытательного института концерна «Ченснепп-каучук» в Таркоре. Правление концерна обратилось к правительству с просьбой о помощи, которая и была немедленно оказана. Причины, побудившие правление прибегнуть к столь экстраординарным мерам, весьма уважительны, но так как они связаны с производственными секретами фирмы, то не могут стать достоянием гласности.

Проведение операции осуществляется высококвалифицированными военными и не вызовет никаких жертв.

Интересы пайщиков фирмы затронуты не будут.

Очередная выплата дивидендов будет произведена полностью и в надлежащий срок.

Население призывалось к спокойствию.

Спокойствия Ритам не ощущал и поспешил в Пропилеи: ему не терпелось позвонить Карту, хотелось как-то унять охватившую его тревогу, поскорее все выяснить.

Когда художник прошел буковую рощицу и, как всегда, окинул взглядом всю Анфиладу, его охватил ужас. Средневековье исчезло. Даже отсюда, издалека, было видно, что на его месте теперь стоит стройное, блестящее на солнце сооружение.

С тех пор как Ритам потерял ногу, он никогда не передвигался с такой скоростью. Всю Анфиладу — а это не меньше двухсот метров — он пробежал, если можно назвать бегом ускоренное до предела ковыляние на металлической ноге, и уже через несколько минут очутился перед пустырем. Да, у него не помутилось сознание, он не грезил. Средневековья не было. На его месте возвышалась изумительной красоты постройка, как бы выделанная из превосходного перламутра, переливавшая нежными полутонами всех цветов радуги. В теневой стороне постройки стены мягко светились. Впрочем, это были даже не стены. Скорее это было скопление колонн,

составленных вплотную друг к другу. Коротких и более длинных. Колонн большего и меньшего диаметра, колонн стройных и величавых в своей непонятности.

Только тот, кто в ясном небе видел сверкание молний, кто видел, как вода превращается в песок, а камни в хлеб, может понять состояние Ритама. Он не мог даже вскрикнуть, не говоря о том, чтобы пошевелиться или тем более предпринять что-либо.

Из охватившего его оцепенения вывела черепаха. Только теперь, немного придя в себя после потрясшего его впечатления, он обратил внимание, что от сияющей постройки шла дорога. Там, где еще вчера были навалены камни и буйно разрастался чертополох, репейник и вереск, теперь сверкала, как стекло гладкая, углубленная в землю полоса. В конце этой полосы, поближе к тому месту, где стоял Ритам, виднелся полутораметровый холмик, который медленно двигался, приближаясь к римской балюстраде. Позади него, как позади дождевого червя, проползшего по мокрой земле, оставалась стекловидная дорожка. От холмика, как от трансформатора, исходило гудение, поверхность его тела пульсировала, и весь он, как гигантская, сплющенная под своей

тяжестью капля ртути, перекатывался, приближаясь к тому месту, где стоял художник.

«Черепаха» выросла в холм.

Чем ближе она подвигалась к Ритаму, тем яснее он мог различить шестиугольные маленькие щитки или выпуклости на ее теле, тем лучше мог ее рассмотреть. Ни головы, ни конечностей видно не было. Чудовище передвигалось всей массой, очевидно обладая способностью перемещать центр тяжести внутри своего тела. По мере его приближения Ритам, как загипнотизированный, не в силах оторвать глаз от невиданного отступал по выложенной полированными плитами площадке.

Как только «черепаха» оставила позади себя пустырь и передним краем своего огромного тела, напоминавшего круто замешанный ком теста, коснулась гранитных плит, она стала двигаться быстрее. Расстояние от пустыря до статуи Августа она прошла минуты за две.

Ритам, отступая, приблизился к ступеням балюстрады, споткнулся о них, упал и продолжал лежать, не в силах шевельнуться.

А тем временем «черепаха», встретив на своем прямолинейном пути препятствие в виде постамента статуи Августа, стала вытягивать-

ся. Из овального холмика она превратилась в длинную колбасу, один конец которой стал огибать постамент. Другой конец некоторое время оставался в покое, но вот тоже зашевелился и быстро сомкнулся с первым. Не прошло и полминуты, как холм-черепаха превратился в бублик, окруживший творение великого скульптора. Гул усилился. Увеличилось самосвечение все время вибрирующего кольца, и оно стало расти. Оно плотнее смыкалось вокруг статуи, утончалось и за счет этого тянулось вверх, превращаясь в огромный стакан. В две-три минуты постамент и статуя были окружены выросшей вокруг них стеной и уже стали невидимы все еще лежавшему на ступенях художнику.

Гудение усилилось до нестерпимо пронзительной, давящей ноты и мгновенно стихло. Завеса, только что закрывавшая статую, опустилась — и статуи не стало.

Груда тонкого порошка возвышалась на том

месте, где еще несколько минут назад стояла высеченная в позапрошлом тысячелетии фигура Августа.

Ритам закричал. Дико, неистово, закричал так, как кричит насмерть испуганный зверь.

Глава пятнадцатая

●

Господин Фурн

В метрополии и на островах Паутоо я пробыл в общей сложности не менее двух лет. За это время я познакомился с многими людьми, так или иначе имевшими отношение к силициевой проблеме. Но Пита Фурна, сыгравшего такую значительную, хотя и неблаговидную, роль в силициевой эпопее, мне повидать не пришлось. Он был неуловим и предпочитал действовать незаметно, зачастую выступая под чужим именем.

В обширной литературе, посвященной истории этого вопроса, о Фурне практически нигде не упоминается, а его роль в событиях, приведших к бомбежке Таркора, старательно замалчивается. Ничего не сказано о деяниях Пита Фурна

и в отчете Международной комиссии по силицитам, проводившей расследование в столице метрополии Западного Паутоо. Уже значительно позже, и то благодаря обстоятельствам не совсем обычным, мне удалось узнать, что поведала о событиях в Таркоре абстрактная скульптура, стоявшая в кабинете Отэна Карта.

Месяца три назад, уже готовя эти записки к печати, я разговорился с Асквитом и признался, что для меня так и остались непонятными причины, вызвавшие катастрофу в Таркоре. Ответ был чисто асквитовский:

— Трудно судить: клюнет или не клюнет, если удочка закинута не тем концом. Вы все ручки боитесь замарать, чистюли и праведники, а мне вот немало пришлось повозиться с пакостью, повидать в разведывательной ченспепповской системе людишек подлейших, но и презанятных, право. Дело прошлое. Могу вам сказать, что о причине, вызвавшей бомбежку, мы узнали только благодаря Низэму.

Я мучительно вспоминал, откуда мне знакомо это имя. Низам?.. Низэм?..

— Да ведь это личный секретарь Отэна Карта!

— Он самый. Я его знал еще паршивым прожорливым галчонком. У Карта он превратился в

большую раскормленную птицу.

— Понятно. Кормился он из рук одного и другого.

— Вы делаете успехи. Да, Низэм. Вот он-то и подсунул Отэну Карту эту дикую нержавеющую скульптуру, и подсунул, нужно сказать, ловко. Вы знаете, Алексей Николаевич, я люблю пройдох. Они занятны. Если не очень противны, конечно.

Я вовремя прикусил язык. Асквит был очень занятный и не очень противный, да и о Таркоре мне хотелось узнать как можно подробнее. Асквит в то время уже порвал с Ченснеппом, работал, как и я, в Объединенном силицитовом институте и, следовательно, мог быть более откровенным, чем прежде.

— Так что же это за скульптура? — подталкивал я Асквита.

— Вы были у Карта, помните его ультрасовременный кабинет? Ну так вот, увлечение Карта абстракционистскими творениями давнее и, пожалуй, еще более нелепое, чем увлечение Анфиладой Искусств. Вы, наверное, обратили внимание на огромную, в полстены, картину «Торжество неизбежности»? С нее-то увлечение и началось. Затем он приобрел эту, с позволения сказать, скульптуру, при виде которой с покой-

ным Антонио Ульмаро неизбежно случился бы инфаркт. Всучили Карту эту скульптуру не без участия Низэма. Как я говорил, Низэм жил в этом кипучем мире трудно. Человек он, несомненно, способный, знающий, но безрассудно алчный и рассудительно подлый. Бедовал он, терзаясь от несоответствия между «хочу» и «могу» до тех пор, пока не освоился с довольно простой, распространенной и практичной истиной: «Все покупается, и все продается». Низэм, покупавший для Карта сотрудников моего бывшего шефа, вскоре запродался сам. Ченснепп заполучил его со всеми потрохами, рассчитывая, между прочим, что он поможет узнать хотя что-нибудь о Фурне, этом сущем дьяволе. Однако не тут-то было. Даже Низэм, уже будучи личным секретарем Карта, не имел доступа в кабинет, когда Отэн оставался наедине со своим Питом.

— И скульптура решила этот вопрос?

— Да, Низэму в нужный момент оставалось только нажимать кнопку и вовремя менять ленты магнитофона. Но все это наладилось поздно. Намного позже, чем было нужно. Дьявольщина! До сих пор не могу простить: не будь я тогда на Паутоо, а Нум Ченснепп в Ницце, мы бы раньше узнали о проделке Фурна. Впрочем, у меня девиз:

«Сделав глупость, не жалей, но не делай снова».

— Очень хороший девиз. Интересно, каким образом вы умудряетесь прятать магнитофончики здесь, в Объединенном институте?

Асквит рассмеялся от души. В излишке искренности его обвинять не приходилось, но похоже, что в это время он лукавил меньше, чем когда-либо.

— Знаете, Алексей Николаевич, с вами иногда бывает интересно. Хотите узнать, что же произошло в ту ночь в Таркоре? — Вероятно, я посмотрел на него, как мальчишка, у которого спрашивают, хочет ли он получить в подарок пугач. — Приезжайте сегодня ко мне. Послушаем, какими голосами говорила скульптура. Но это чепуха, главное — к столу будет имшеу, привезенный на самолете из Макими.

Я, конечно, поехал к Асквиту. Подробный разговор с ним, прослушанные пленки — и я в новом свете представил себе таркорские события.

Долго Отэн Карт бесполезно тратил время и деньги, пытаясь узнать о работах Асквита и Родбара. Все его попытки были безрезультатны до тех пор, пока на помощь не пришел случай.

Уже давно «дело Родбара» Карт поручил Питу Фурну, который, пожалуй как никто другой, подходил для этой цели. Довольно толковый химик-синтетик и вместе с тем страстный любитель приключений, человек с неиссякаемой энергией и весьма своеобразными взглядами на такие понятия, как честь, совесть и порядочность, он с азартом завзятого игрока вел порученное ему «дело». Не будь у Фурна этого азарта, Отэн Карт не рискнул бы доверить даже ему «дело Родбара». Именно в этом азарте Карт видел залог успеха. Зная, что Фурн занялся распутыванием тайны скорее из «спортивного» интереса, чем из желания нажиться, можно было меньше опасаться, что он продастся противнику. Отэн Карт не имел привычки доверять целиком кому бы то ни было, даже Фурну, с которым у него были близкие, почти приятельские отношения. На первый взгляд эта дружба казалась странной. Фурн был значительно моложе Карта, не принадлежал к числу богатых людей, однако умел держать себя так, что шеф никогда не тяготился близостью с ним. Секрет их дружбы объяснялся, пожалуй, тем, что, всегда настороженный, вынужденный почти всем выказывать недоверие, Отэн Карт по существу был человеком очень одиноким.

Главное, конечно, заключалось в том, что Карт многим был обязан Фурну, умевшему ловко и не очень-то разбираясь в средствах вершить на Паутоо такие дела, которые давали возможность каучуковому магнату укреплять свои позиции даже в тех местах, где прочно обосновался его конкурент Ченснепп.

Чем дольше Родбар оставался недосягаем, тем больше распалялись страсти неугомонного Пита и тем настойчивее он шел к цели. При всем при этом Фурн не был горяч безрассудно. Он не сделал ни одного неверного шага и, несмотря на свою экспансивность, умел выжидать случай. Месяца за полтора до бомбежки Таркора Фурн порадовал Карта, заявив о случае, который наконец подвернулся.

— Чепуха, старина, я уже теряю терпение и не верю ни вам, ни случаю. Выпьем лучше.

— Что? Не верите мне?!

— Но, но, Пит, здесь не джунгли. Я серьезно говорю: давайте выпьем. Упоминаний о джунглях Фурн, по-видимому, недолюбливал: Карт знал о его похождениях в колонии больше, чем Фурну хотелось. — Рассказывайте, какие у вас появились надежды. Какой случай вы имеете в виду. Пит?

— Несчастный.

— Точнее можно?

— Отчего же. Несчастный случай, который произошел на днях с одним человеком, только что приехавшим из-за границы.

— Пока непонятно, но уже интригует. Если это имеет отношение к Родбару, то выкладывайте подробнее.

— Имеет. Вчера позвонил полицейский комиссар и попросил моей консультации. Речь шла о химике, позавчера приехавшем из-за границы. При выходе из метро, как только он направился по шоссе, идущему в Пэм, на него налетела машина. Через час он скончался в больнице «Святой Анны», так и не придя в сознание. Полиции удалось установить, что он снял номер в скромной гостинице и вещей почти никаких не имел. Найденные в номере документы оказались в полном порядке. Из них видно, что он совсем одинок.

— История, конечно, трогательная, но какое все это имеет отношение к интересующему нас делу?

— Прямое. При нем было рекомендательное письмо.

— О, я, кажется, начинаю вас понимать. Пит.

— Мы у цели, Отэн!

— Не будем спешить, но будем надеяться. Давайте разберемся как следует, главное, спокойно. Прежде всего причем тут полицейский комиссар и почему он обратился именно к вам?

— Это и есть случай. Все остальное зависит от того, как мы этот случай используем. В рекомендательном письме не назван адресат. Письмо было найдено без конверта. Комиссар, немного знающий меня, попросил: не могу ли я по содержанию определить, к кому из ученых мог направляться погибший?

— И вы определили?

— Разумеется. Я заверил комиссара, что письмо, несомненно, адресовалось нашему профессору Нэмиту. Сказал, что профессор будет, наверное, очень расстроен, узнав о гибели протеже своего друга, и взялся сам подготовить старика к этому печальному известию.

— А письмо?

— Вот оно.

Письмо начиналось просто и сердечно:

«Дорогой друг!

Уже давно не имею вестей от тебя, и это начинает меня тревожить. Я продолжаю трудиться над проблемой, которая тебя интересует. Ду-

маю, близок к успеху. О результатах сообщу, как только смогу, а сейчас рад исполнить твою просьбу и направляю тебе верного человека. Это сын нашего покойного и., и этим уже много сказано. Он, несомненно, талантлив, натура увлекающаяся и честная. На него можешь вполне положиться.

Верю в успех и силу Разума.

С приветом, твой А.»

Отэн Карт несколько раз перечитал коротенькое малопонятное для постороннего человека письмо и задумался. Случай и в самом деле выпадал исключительный.

Карт и Фурн засели за разработку «плана вторжения», и, когда план был выработан, Фурну представилась возможность проявить свои таланты. Прежде всего следовало позаботиться о том, чтобы репортеры, зарабатывающие свой хлеб на так называемой полицейской хронике, не слишком много расписывали о несчастном случае на шоссе Пэм. Репортерам было заплачено во много раз больше, чем они могли получить в своих редакциях, и в результате только в одной мелкой газетенке появилась короткая строчка, которая, вероятно, не должна была попасться на

глаза какому-то А., рекомендовавшему химика профессору Родбару. Справившись с этим, Фурн выехал за границу.

В старинном университетском городке, из которого прибыл погибший химик, было не так уж трудно узнать, кто скрывался под скромной подписью. Как и предполагал Фурн, это был знаменитый профессор Арнольде, давнишний корреспондент Куана Родбара. Фурн разведал все возможное о человеке, которого Арнольде рекомендовал Родбару, и решил, что теперь можно рискнуть.

Так под именем погибшего химика в Таркор, в лабораторию профессора Родбара, направился Фурн. Родбар принял Фурна на работу, как будто не усомнился ни в чем и ничего не заподозрил, но для планов Отэна Карта это мало что дало. Все сотрудники Родбара, даже те, которые были допущены внутрь двора, стоявшего особняком на территории ченснепповского института, не знали, что делается в совершенно засекреченных отделениях лаборатории. Родбару помогали там два человека. Они никогда не выходили из лаборатории, там работали и там жили, отдав себя в полное распоряжение паутоанскому ученому вплоть до окончания намеченных им работ.

Остальные сотрудники ничего не знали об этих людях, никогда их не видели, и только сам Родбар осуществлял для них связь с внешним миром.

Это было неожиданно и порядком обескуражило Фурна. Он проклинал Куана Родбара, злясь, что тот с восточной мудрой предусмотрительностью так ловко оградил свою тайну от непрошеного вторжения, но поделать ничего не мог. Как европеец, Фурн был нетерпелив и уже хотел было уйти от Родбара, но, как человек, немало проживший на Востоке и научившийся выжидать, он понимал: нужно терпение.

По заданиям, которые давал своим химикам и биологам Родбар, нельзя было составить представление о творящемся в святая святых, но уже и эти задания говорили о том, что Родбар, казалось, работает над чем-то не имеющим прямого отношения к деятельности ченснепповского института, и это было уже интересно, хотя и мало приближало Фурна к цели. Его кипучая натура едва мирилась с необходимостью усидчиво день за днем проводить кропотливую, требовавшую недюжинных знаний работу. Пришлось вспомнить все, чему его учили в университете, и забыть все, что так помогало на плантациях. Пришлось засесть за книги и вечерами, после напряженного

дня, — в ченснепповском институте хорошо платили, но и умели спрашивать работу учиться и учиться, чтобы не показать себя профаном. Фурн был сметлив, изобретателен и находчив. Там, где у него не хватало знаний, он брал смекалкой и, главное, энергией.

Порой он увлекался порученным ему делом настолько, что забывал, зачем пришел сюда, а порой ему нестерпимо хотелось окунуться в привычную жизнь прожигателя жизни, кутилы и интригана, однако надо было играть роль рядового химика, хотя и получающего приличное содержание, но не имеющего права жить не по средствам. Самое неприятное было сознавать, что какая-то особенная, тщательно оберегаемая тайна здесь, за стеной, и не иметь возможности ничего предпринять. Впрочем, кое-что Фурн предпринимал. Осторожно, не увлекаясь, но и ничего не упуская, он пробирался к заветному.

Он сумел завоевать если не полное доверие, то расположение к себе профессора. Родбару нравилась живость и предприимчивость нового химика, его способность не уставать и настойчиво преодолевать трудности. Видимо, все эти черты были свойственны самому Куану Родбару, и, как знать, может быть, профессор не раз

подумывал: не приблизить ли Фурна, поручив ему часть самой секретной работы? Понимая, что опаснее всего быть слишком любопытным, Фурн никогда не задавал вопросов, которые могли бы насторожить Родбара, и старался зарекомендовать себя человеком положительным, и умеющим быть деликатным в необычной ситуации. Но Фурн не мог рассчитывать только на то, что Родбар когда-нибудь наконец посвятит его в тайну; как всегда, он больше всего уповал на подходящий случай, стараясь не упустить его.

Но на этот раз выждать не удалось.

В середине апреля стало известно, что в Таркор должен приехать Арнольде. Не совсем понятно, почему проделка Фурна до сих пор оставалась незамеченной. Очевидно, Родбар в свое время написал Арнольдсу, что рекомендованный им человек принят, вполне его устраивает, и уже больше не заботился об этом деле. Теперь, когда приезд Арнольдса мог привести к разоблачению, рушились надежды Фурна и Отэна Карта. Надо спешить, не дожидаясь провала, и Фурн решился на отчаянный шаг. Даже Карту он не изложил подробно свой план, много пил, пожелтел еще больше и лихорадочно готовился к атаке. Вскоре Фурн исчез из поля зрения Карта. Фурн опасался,

что за ним следят, решил быть начеку и вместе с тем не терять ни минуты: приезд Арнольдса ожидался со дня на день.

Карт не имел никаких вестей от своего лазутчика, а утром 27 апреля началась бомбежка Таркора.

«Что там? — недоумевал Карт. — Что делает Фурн, почему от него нет никаких вестей, что предпринять?»

Люди, посланные Картом в Таркор, вернулись ни с чем: войска, окружавшие лесопарк, не пропускали никого. Об официальном сообщении муниципалитета он узнал еще до того, как оно было передано по радио, но и от этого было не легче. Карт уже собирался отправиться в муниципалитет сам, но в этот момент с шумом, отбиваясь от загораживавшего ему дорогу Низэма, в кабинет ввалился пожарный. В измазанном грязью брезентовом костюме он плюхнулся в низкое мягкое кресло и хрипло сказал:

— Виски, Отэн! И велите подать поскорее.

— Фурн? Вы откуда?

— Считайте, прямо из преисподней.

— Не терзайте. Пит, говорите поскорее, что в Таркоре?

— Поскорее? — Фурн рассмеялся. В его смехе

слышались нервные, диковатые нотки. — А вы не испугаетесь?.. Нет, лучше начну с начала. Мне все казалось, что за мной следят. Может быть, и следили, не знаю. Во всяком случае я старался не провалить дело и был осторожен. Приходилось спешить: со дня на день мог приехать Арнольде, и тогда все полетело бы к черту. Не без труда мне удалось снять слепок и изготовить ключ от первой двери. Тысячу раз я продумывал, как буду ее открывать, стараясь не вызвать тревоги, и... и, когда я пошел, дверь оказалась не запертой.

Знаете, Отэн, это скорее огорчило меня, чем обрадовало: ведь я столько сил потратил на изготовление ключа! Но я забегаю вперед. Прежде всего я должен кое-что рассказать о Худжубе. Я как-то говорил вам о нем, но тогда я не знал, что он сыграет такую роль в нашем деле. С первых же дней пребывания у Родбара я обратил внимание на этого несколько экспансивного, порывистого, но волевого и вдумчивого человека. Общительный, приветливый, он пользовался всеобщим уважением, хотя и не занимал положения, ставящего его выше других. Родбар, правда, поручал ему наиболее ответственные работы, но никогда не выделял его, всегда обращался с ним так же, как и с остальными сотрудниками. И тем не

менее я всегда чувствовал в Худжубе что-то ставящее его выше других. Что, если Родбар держит среди нас своего человека — паутоанца?

С тех пор как мне это пришло в голову, я стал внимательнее к Худжубу и вскоре понял, что он наблюдает за мной. Почему? Или как соглядатай Родбара, или он сам стремится проникнуть в тайну и, почуяв человека, задумавшего то же самое, насторожен? С того времени как мне удалось заполучить ключ, мне показалось, что Худжуб начал следить за мной еще пристальнее. Я не стал выходить из коттеджа, в котором жил при институте, боялся хотя бы чем-то навлечь подозрение. Выдержка никогда не покидала этого парня, однако я изучил его настолько, что от меня не ускользнули некоторые детали, показавшиеся мне подозрительными. В среду 25-го он нервничал. Вряд ли это заметил кто-нибудь, кроме меня. Внешне он был все так же весел, шутил, смеялся, но я уже знал его больше, чем кто-либо из окружающих. Я решил идти. Больше откладывать было безрассудно.

В этот вечер я не мог выдумать никакого предлога, чтобы задержаться в лаборатории попозже, и отправился к себе в коттедж. В полночь я пошел в лабораторию. В комнате, где работал Худжуб,

горел свет. На его столе все было оставлено в беспорядке, чего с ним не бывало, когда он уходил домой. Халата его тоже не было на месте, горели газовые горелки, кипятился сокслет. Все говорило о том, что он не покидал лабораторию. Может быть, он у Родбара? Неужели именно в такое время, ночью, они встречаются и Худжуб получает наставления? Я решил это проверить. В конце коридора была стальная дверь. Из нее к нам выходил Родбар и в нее уходил, скрываясь в своем недоступном убежище. Ключ у меня был, но что было там, за этой первой дверью? Еще несколько дверей, сигнальная система? Признаться, Отэн, я был в более выгодном положении, чем Худжуб, если он не сотрудничал с Родбаром, конечно: я знал, что он пошел, а тревоги не было. И я решил пойти.

— И там? — нетерпеливо спросил Карт.

— Там было не самое страшное, Отэн, страшное было потом… Я имел с собой микролокатор и потайной фонарик. Бесшумно я приоткрыл дверь и очутился в маленьком коридорчике. В него выходили четыре двери. Думаю, это были двери в жилые помещения Родбара и его помощников. Несколько шагов с затаенным дыханием — и я в большом высоком зале. Осторожно шарю

фонариком, осматриваюсь. Через весь зал проходят рельсы, на них тележки с металлическими ящиками. Тележки устроены так, что их вместе с ящиками можно вдвигать в аппараты, стоящие вдоль длинного зала. Сообразите, Отэн, что здесь можно понять? Аппаратура совершенно мне незнакомая. Нечто вроде печей на хлебозаводе, в которые вкатываются тележки с тестом. Уже забываешь, что тебя могут накрыть каждую минуту, и чертовски хочется узнать, что же здесь выпекают. Но аппараты трогать боюсь. Боюсь даже пустить в ход микролокатор — мало ли что могут вызвать его лучи. Заглядываю в ящики — пусто. Прохожу весь зал. В конце его такой же коридорчик, как и в начале, и вдруг мой фонарик освещает Худжуба. Вы знаете, Отэн, вот это и было самое страшное.

Не удивляйтесь, потом было такое, от чего стынет кровь в жилах даже у человека, стоявшего безоружным против тигра в джунглях, но это потом. Потом уже все притупилось, нервы сдали. Здесь как с болью — когда она слишком велика, то ее уже не чувствуешь: наступает шок. Но в тот момент… Вы понимаете, Худжуб бился между двух толстенных стекол, как муха между рамами. Я потушил фонарик и, как только немного опом-

нился, сообразил, что совсем недавно, проделав такой же путь, он вошел в этот коридор и, когда уже подходил к концу, спереди и сзади него быстро задвинулись стеклянные стенки. Теперь было ясно: Худжуб был против Родбара. Меня охватила радость — я мог, я должен был сделать его нашим сообщником! Я осветил его фонариком. Мы долго молча смотрели друг на друга, наконец он что-то сказал мне, но я ничего не мог разобрать: стекло было органическим и настолько толстым, что не пропускало звуки. Дай не до разговоров было: я хотел делом показать, что заодно с Худжубом, и решил попробовать высвободить его. Я рискнул пустить в дело микролокатор, исследуя им, как проходят заделанные в стену провода, управляющие этой чертовой ловушкой. Я возился не меньше часа и наконец, как мне показалось, разобрался в схеме. Отэн, поймите, положение было таково, что стоило рискнуть, и я нажал рычаг.

— И что же?

— Худжуб исчез.

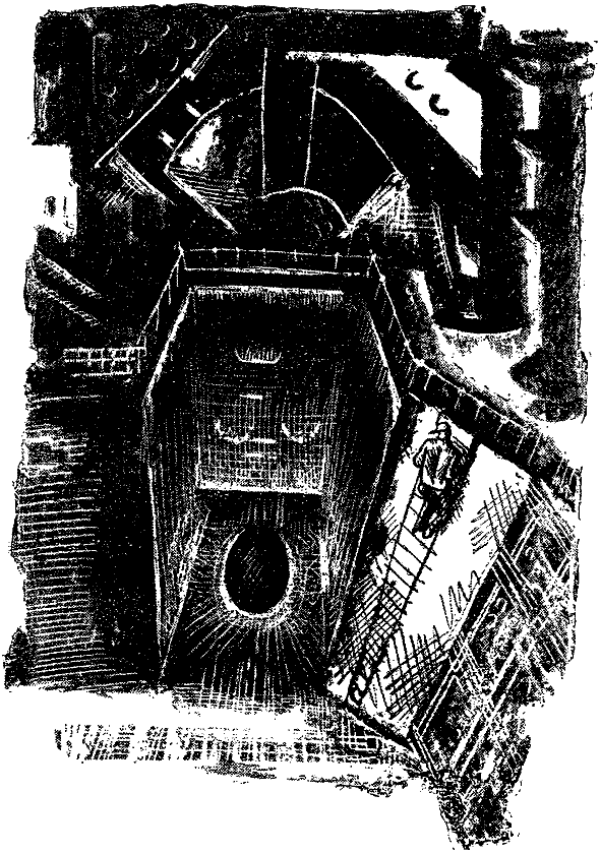
— Фурн!

— Я говорю вам: Худжуб исчез. Обе стенки отошли в сторону, проход освободился, но вместе со стенками уволокло куда-то и его. Я до сих пор не знаю, к чему это привело. Я перепробовал

все рычажки, тыкал локатором куда попало, забыв об опасности вызвать тревогу, но я вызвал в миллион раз худшее… В поисках кнопок управления ловушкой я обшаривал каждый метр стены и сам не заметил, как прошел коридорчик и очутился в другом зале. Это был какой-то уж слишком мрачный зал. Сперва я ничего не мог толком разглядеть, да мне было и не до того: я все еще старался понять систему управления этой дьявольской штукой. Конечно, можно было уйти, оставив все как есть, можно было… Нет, Отэн, несмотря на все, что произошло, я не жалею… Я рассказываю подробно, и это необходимо. Нужно, чтобы вы знали все доподлинно. Итак, о проклятых кнопках. Я чувствовал, что мой мозг уже мечется в черепе, как Худжуб между этими стеклами. Все еще не теряя надежды вызволить его, я нажал какую-то кнопку, в мрачном зале опустилась одна из стальных дверей, и оттуда выползло что-то круглое, слегка светящееся, издающее тихое гудение.

В несколько секунд я очутился под потолком. Как я мог разглядеть идущую вверх по стене наподобие пожарной железную лестницу — я сам не понимаю. Вы знаете, Отэн, я не из робкого десятка, и, когда мне приходилось сталкиваться

со зверьем, которое водится на нашей планете, я чувствовал себя человеком, то есть таким существом, которое сильнее любого зверя, но здесь… Если бы у чудища были свирепые глаза, смертоносные когти, зубы, какие-нибудь огромные клыки, наконец, это было бы не так страшно. У него не было ничего. Поймите, ни-че-го! Ни глаз, ни конечностей — ничего. Но оно двигалось, светилось, гудело, и я чувствовал: это было живое существо. В первые минуты встречи с ним я ощутил, что оно обладает чем-то таким, что выше нашего понимания, чем-то совершенно непостижимым. Животный страх прижал меня к лестнице. Руки впились в холодные прутья, и это немного успокаивало… Отвращение, как при виде какого-то гада, — вот, пожалуй, что я испытывал, глядя на это медленно перекатывающееся, все время пульсирующее тело.



Но побороть отвращение, видимо, легче, чем что бы то ни было. На верху лестницы я был как будто в безопасности, и вскоре любопытство, страсть охотника взяли верх над всеми другими чувствами. Я уже подумывал, как бы приблизиться к диковинному существу, рассмотреть его получше, узнать его нрав и повадки. Стало светать, и это придало мне еще больше смелости. Теперь мной овладело только одно желание: узнать все до конца, затаиться где-нибудь и следить, следить. Я осмотрелся. Свет проникал через застекленную крышу, и мрачный зал немного повеселел. Половина таинственности ушла из него вместе с ночью. Лестница, на которой я все еще висел, вела к какой-то дверце. Я освоился со своим положением настолько, что стал подумывать о путях отступления.

Согласитесь, узнать о таком и не иметь возможности рассказать преступление. Дверка была не заперта, я вышел на балкон, который обегал весь зал-лабораторию. Теперь я по желанию мог находиться то в одном, то в другом помещении. Балкон висел на высоте четыре-пять метров. Отсюда мне было видно все. Гул, испускаемый питомцем Родбара, усилился. Чудище продвинулось на несколько метров и в бетонном полу

выело след в виде желоба. Как только оно приблизилось к стене, разделявшей оба зала, гул стал сильнее. Минуты две — и оно исчезло в стене.

— Послушайте, Пит, если бы я не знал вас как человека…

— Отэн, у нас слишком мало времени. Прошу, не перебивайте. Скоро вы сами сможете убедиться, что я не сумасшедший. Вы понимаете, что это значит — исчезло в стене! В толстую бетонную стену оно вошло, как в масло, и через каких-нибудь две-три минуты уже было в соседнем зале. Оно стало передвигаться с большей скоростью, ни на миллиметр не уклоняясь от взятого направления. Метлахские плитки, которыми был выложен пол, будто испарялись в том месте, где проползало чудовище. Казалось, оно вбирало их в себя и увеличивалось в размерах, теперь уже достигая в диаметре не меньше метра. По балкончику я подбежал поближе к тому месту, где оно орудовало, и убедился, что для него не существует препятствий. Один из огромных аппаратов, о которых я вам говорил вначале, был целью путешествия этого адского создания. Оно коснулось сплошного бетонного цоколя, на котором возвышался аппарат, и стало входить туда, будто там было отверстие. Гул усилился до

высокой, ноющей ноты. Гул оглушал, давил на барабанные перепонки, и все же я услышал крик. Это кричал Родбар.

Он выскочил на шум и звал своих подручных. Я совсем забыл, что мое присутствие на балконе может возмутить Родбара больше, чем проказы его питомца, но тогда мне было плевать на все: я должен был знать, чем это кончится. Это-то меня и спасло. Попытайся я бежать тогда, меня бы заметили, но в тот момент им было не до меня, а чуть позже я нашел себе подходящее убежище и мне удалось разведать многое.

Вскоре я убедился, что Родбар не располагал средствами для обуздания своих подопечных. Он выкрикивал какие-то распоряжения — из-за гула я не все их мог разобрать, — его помощники выслушивали, убегали, прибегали снова, но, как видно, поделать ничего не могли. Цоколь под аппаратом распался, все сооружение рухнуло, и гул мгновенно стих. Я думал: чудовище погибло под обломками, но, оказывается, не тут-то было. Обломки аппаратуры зашевелились, и оттуда, как танкетки, стали выбираться уже два питомца Родбара. Родбаридов, как я их назвал про себя, теперь стало вдвое больше. Потому так прямолинеен был путь выпущенного мной существа.

Каким-то неизвестным мне способом оно отыскивало себе подобное существо, посаженное Родбаром в аппарат. Ничто не могло воспрепятствовать этому стремлению их друг к другу. Родбар вступил в борьбу с ними. Он прилагал все силы к тому, чтобы удержать их хотя бы в пределах лаборатории, но это было не в его власти.

Прежде всего он дал распоряжение эвакуировать железные ящики. Как я потом узнал, в них находились еще такие же существа. Диаметром около полуметра, они в виде сплющенных шаров лежали на дне ящиков, тех, которые по рельсам перевозили в тележках. В этих ящиках они не подавали никаких признаков жизни, были мертвы или спали. Борьба с освободившимися родбаридами продолжалась весь день. Я незаметно пробрался к себе в коттедж. Какая в институте была паника! Кроме меня, никто из сотрудников не знал, что происходит у Родбара.

Ченснепп уже отдал распоряжение эвакуировать лаборатории. В это же время начали прибывать машины с жидким воздухом. Всяческими путями его старались залить в зал, где резвились родбариды, но и это не помогло. Не помогли и дымы туароке, так удачно укрощающие плазму. Родбариды уже начали углубляться

в почву и могли вдруг выползти в самых неожиданных местах, выйти из пределов института, появиться в городе и начать пожирать дома, мосты и мостовые, как сжирали бетонные цоколи аппаратов и метлахскую плитку пола.

Теперь уже Нум Ченснепп принял решение эвакуировать весь институт. Мне нужно было не упустить случай и во что бы то ни стало втереться в доверие. Улучив момент, я подошел к Родбару, высказал ему свои подозрения в отношении Худжуба и предложил свою помощь.

Мне удалось это сделать с таким сочувствием, что Родбар не усомнился в моей преданности. Профессор, очевидно, уже что-то знал о Худжубе. Он пожал Мне руку, поблагодарил и распорядился допустить меня к эвакуации секретного отделения; людей не хватало, и моя кандидатура, очевидно, оказалась наиболее подходящей. Таким образом, я присоединился к двум его темнолицым помощникам. Нам было поручено самое главное — спасать законсервированных родбаридиков, вернее, не допускать, чтобы освободившиеся особи приблизились к ним. Но это было не так-то просто. Какой-то момент был упущен, и теперь уже не два, а полдюжины чудовищ вырвались на свободу. Они освобождали

друг друга.

В Таркоре все делалось, нужно сказать, довольно бестолково — никакой дисциплины и организации. Но удержать родбаридов в пределах лаборатории было невозможно во всех случаях. К вечеру эвакуация Таркора почти закончилась, Ченснепп попросил помощи у правительства, а сегодня утром, как вы знаете, Таркор начали уничтожать.

Фурн замолчал. В кабинете стало тихо. За окном слышалось далекое громыхание бомб.

— Что же они наделали, — прохрипел наконец Карт. — Что они наделали. Уничтожить такое! Да ведь это… Подумайте, Фурн, существа, которые поглощают цемент и керамику, проходят сквозь бетон и рушат все на своем пути!

— Они неуязвимы, Отэн. Я не знаю, что они собой представляют, но я сам видел, как, облитые жидким воздухом, они оставались подвижны. Я не терял времени зря. Когда Ченснепп…

— Дурак Ченснепп — упустить такое! — не унимался Карт.

— Когда Ченснепп, — спокойно и настойчиво продолжал Фурн, — отдал распоряжение эвакуировать секретную лабораторию, я постарался сделать все, чтобы увеличить сумятицу. Вхо-

дить в секретное отделение разрешалось только нам троим, ну и Родбару, разумеется. Оттуда мы вытаскивали все, на что он нам указывал. Остальные сотрудники подхватывали это и грузили на машины. Грузили все без разбора: и ценное, и никому уже не нужное. Это как на пожаре: бросаются выносить из огня треснутую супницу и оставляют столовое серебро. Вместе со всяким имуществом вытаскивали тележки с пустыми ящиками. Те ящики, в которых были маленькие родбаридики, мы затаскивали в стальные контейнеры. Пустые стали грузить со всем оборудованием. Из секретного отделения, под шумок, я выкатил один полный.

— И этот ящик?

— Не спешите, Отэн. Я выбежал во двор, для маскировки захватив с собой какой-то громоздкий штатив, и увидел фургон прачечной Бартни. Вы знаете, у меня есть правило — всегда иметь с собой пачку денег. Несколько слов с тупицей шофером — и он повез ящик в Пропилеи.

— Что? В Пропилеи?!

— Да, другого выхода у меня не было: я почуял неладное. Видимо, Родбар уже понял, что я или дурак, или нарочно делаю не то, что следует. Не знаю, заметил ли он мой маневр с ящиком. Ду-

маю, нет. Иначе он поднял бы тревогу. На всякий случай я отправил ящик в Пропилеи — меньше подозрений. Отправлять к нам в институт я не решился. Шоферу я велел разыскать управляющего и сказать, что ящик прислал господин Карт, иначе ваш уж слишком педантичный и мнительный Ритам мог вообще не принять ящика. Негр возил бы его по городу, не зная, куда девать. Вы представляете, какая могла бы выйти история! — Фурн нервно рассмеялся, но быстро успокоился и гордо заявил: — Зверь теперь у нас. Понимаете, что это значит?! Они черт знает сколько возились с добыванием этих тайн на Паутоо, а мы… Отэн, теперь от нас зависит многое. Мы или овладеем этой чудовищной силой, или…

— Спокойно, Фурн, спокойно, — волнуясь, заговорил Карт. — Это все заманчиво и страшно. Ответственность слишком велика. Мы даже не знаем, что это такое, что с ним делать.

— Узнаем! Пока это создание, как испуганная черепаха, лежит в металлическом ящике, все будет спокойно. Мне удалось узнать очень важные вещи. Родбар, когда мы возились с законсервированными особями, настойчиво предостерегал, чтобы в ящики не попала какая-нибудь органика. Вероятно, она необходима родбаридам как какой-

то катализатор, фермент, что ли. Родбар держал их без всего этого, и они не могли развиваться, были скованы и совершенно безопасны. Вот почему я рискнул один ящик отправить в Пропилеи. Как только уляжется паника в Таркоре, мы сможем сами начать экспериментировать.

— Вы увлекаетесь, Фурн. Думается, все это не так просто. Асквит и Родбар уже много успели сделать. В Паутоанском университете при помощи русских достигли значительных успехов, а мы только осваиваем силициевую плазму. Юсгора мне так и не удалось заполучить. Кто же сможет вести эту работу, привлекательную, не спорю, но и опасную. Чрезвычайно опасную. Вот если бы Куан Родбар… Но об этом и мечтать не приходится.

— Особенно потому, что Родбар, вероятно, уже не жилец на этом свете.

— Что случилось с Родбаром?

— Все дело в проклятой ловушке и в том, что я, путаясь в схеме со своим микролокатором, кажется, изрядно ее попортил. Родбар, боясь, что начнется бомбежка, а Худжуб так и останется в ловушке, отправился высвобождать своего излишне любопытного помощника. Не знаю, что именно там произошло. Говорили, Худжуб вышел

все-таки, но Родбара придавило механизмом. Парень бросился спасать профессора и погиб. Родбара в тяжелейшем состоянии отправили в больницу. С этого времени мое положение в Таркоре чертовски усложнилось. Видимо, Худжуб успел что-то сказать помощникам Родбара. Мне приказали не покидать лабораторию и уже не спускали с меня глаз. Помогли паника и моя находчивость. Не поменяйся я платьем с пожарным, отвалив ему приличную сумму, я бы не вырвался оттуда без неприятностей. Что они сделают с пожарным, мне наплевать, конечно.

Зазвонил телефон. Карт нажал рычаг, но телефон снова стал трещать.

— Я же сказал, чтобы меня не беспокоили… Звонил Ритам… Пошлите его ко всем чертям! Мне надоели его… Что?..

Отэн Карт упал в кресло. Микрофон раскачивался из стороны в сторону на никелированном шарнире-гармошке, и из него все еще слышался голос Назэма.

— Фурн, — едва выдавил из себя хозяин уникальной виллы-музея. — Фурн, гибнут Пропилеи!

Глава шестнадцатая

●

Родбариды

Многое из происходившего в то время в метрополии стало мне особенно понятным, после того как судьба свела меня с Пуно Тавуром, известным журналистом, человеком задорным, веселым и неугомонным. Его блестящие, остроумные статьи принесли ему славу, но не сделали его жизнь благополучной. Он любил говорить, что «журналист — это не просто человек с авторучкой, но и человек с совестью. Авторучка — вещь продающаяся, а совесть…». Вот тут-то обычно и возникали затруднения. Тавур, правда, редко ладил с владельцами газет и вместе с тем далеко не всегда был в ладах и со своей совестью. В этом он признавался сам, хотя тут же не упускал случая рассказать о своей неутомимой и постоянной борьбе с газетами: «Из университета меня выгнали один раз, из редакций меня выгоняли чаще».

Как бы то ни было, Пуно Тавур прослыл человеком, умеющим отстаивать себя и свои убеждения.

Беда была только в том, что убеждения его менялись слишком часто. Наиболее стойкой, как я могу судить, была его страсть обличать коррупцию, разоблачать монополистов и картели. Когда я с ним встречался в метрополии, он с успехом занимался нападками на концерн «Ченснепп-каучук». Удавалось ему это в основном потому, что статьи его выходили в «Трибуне», которую субсидировал Отэн Карт.

В то время когда Отэн Карт, беседуя в своем кабинете с Фурном, узнал очень много о происходящем в Таркоре, редактор «Трибуны», беседуя со своим помощником Аджином, не узнал об этом событии ничего.

Положение редактора было критическим. Самая солидная, имеющая наибольшее число подписчиков газета все еще не получила достоверной информации о невероятном событии. В мирное время вблизи от столицы государства производилась неистовая бомбежка — случай беспрецедентный, — и о причинах, вызвавших эту бомбежку, влиятельному органу печати ничего не было известно. Небывало, невероятно! За все сто двадцать лет существования газеты ничего подобного в «Трибуне» не происходило. Бывали случаи, как, например, во время подавления вос-

стания на Паутоо, когда сообщения специальных корреспондентов готовились к печати раньше, чем начинались события, но такого!.. Редактор разослал репортеров, сам по телефону связывался со всеми, кто мог помочь выяснить, почему Ченснепп вынужден был начать уничтожение своего загородного института, однако все было бесполезно.

А между тем в городе нарастало волнение, ширилась тревога. Редакцию осаждали сотни людей, желавших узнать, что же наконец случилось в Таркоре.

Корреспонденты иностранных агентств, пользуясь радио, телеграфом и телефоном, распространили по всему миру весть о необычайном происшествии, не забывая упомянуть, что концерн занимался изготовлением продукции, имеющей военное значение.

В девять тридцать утра из муниципалитета была получена официальная, ничего не объяснявшая информация. Специальный выпуск был сделан редакцией «Трибуны» немедленно, но и это не принесло редактору успокоения. Публика настойчиво добивалась более подробных сведений, звонки не прекращались.

— Да, я. Да, да, шеф-редактор «Трибуны». Я ниче-

го не знаю и не даю никаких разъяснений… Нет, нет… Поймите, я не могу разговаривать с каждым подписчиком, их у нас… О, это господин Тордер! Здравствуйте, господин Тордер. Я не думал, что вы лично… Понимаю, понимаю… Нет, ничего… Ничего не в состоянии поделать. Поверьте, предпринимаю все возможное, но… Ченснепп? Не могу с ним связаться. Видите ли, я… Я сделал все от меня зависящее. — Кругленькое лицо шеф-редактора налилось краской, лоб покрылся мельчайшими капельками пота, и он искоса поглядывал в сторону помощника, прикрывая ладонью трубку. — К Ченснеппу я уже направил заведующего информационным отделом. Быть может, господин Ченснепп примет его… Хорошо, хорошо, поеду сам…

Редактор осторожно опустил на рычаг трубку и вытер платком лоб.

— Что, жарко? — Сухощавый, всегда несколько надменно улыбающийся помощник редактора спокойно оттачивал карандаш. — Боитесь упустить сома?

— Глупые шутки, Аджин. Тордер ворочает делами на бирже, а биржа… Вы представляете, что там сейчас происходит! Акции «Ченснепп-каучук» летят в пропасть, несмотря на заверения,

успокаивающие акционеров. Падают акции всех фирм, так или иначе связанных с концерном Нума Ченснеппа.

— Зато поднимаются — и я в этом совершенно уверен — акции концерна «Карт-каучук».

— Разумеется. Вот поэтому-то нам и необходимо получить информацию о таркорском деле.

— Не думаю, что Ченснепп будет в восторге, если в «Трибуне» появятся обо всем этом статьи.

— Что поделаешь, Ченснепп никогда не поддерживал нашу «Трибуну», отдавая предпочтение «Новостям» и сейчас, когда предоставляется возможность...

— Угробить его, то можно быть уверенным в еще большей благосклонности Отэна Карта. Светлая идея!

— Вы циничны, Аджин.

— Вероятно. Вы в «Трибуне» третий год, а я девятнадцатый. Очевидно, все дело в этом, да еще в том, что вы держите свои деньги и в акциях «Трибуны», и в акциях «Карт-каучук», а я попросту не имею акций.

— И все же информацию о Таркоре давать надо.

— Ничего не поделаешь — надо. Могу вам посоветовать, как ее добыть.

— Выкладывайте.

— Дело надо поручить Пуно Тавуру. Если ничего не сумеет раздобыть он, то, значит, не сумеет никто.

Шеф-редактор недолюбливал Тавура, человека, как говорил Аджин, колючего, умеющего держать себя довольно независимо. Редактор не прочь был отделаться от слишком нестандартного и строптивого сотрудника. Выгнать Тавура было легко, обойтись без Тавура было труднее. Как только в «Новостях» начнут появляться статьи Пуно Тавура — а это произойдет на другой же день после его разрыва с «Трибуной», — тираж «Новостей» поднимется, а то, чего доброго, станет выше тиража «Трибуны». Да, с Тавуром приходилось считаться и терпеть его занозистость, учитывая, каким успехом пользовались у читателей его статьи. Секрет этого успеха, скорее всего, заключался в умении талантливого журналиста сближаться с людьми. В трущобах близ порта, среди грузчиков и моряков, в восточном квартале, среди пестрой, оборванной нищеты, в деловом центре и фешенебельных особняках, среди коммерсантов, военных и политических деятелей — где бы Пуно Тавур ни появлялся, он умел быть своим человеком, человеком с

юмором, открытым и смелым, находчивым и веселым, неизменно умевшим располагать к себе людей самых разных. Тавуру никогда не приходилось рыскать в поисках материала: материал сам находил его.

Утром 27 апреля, когда шеф-редактор решил принять совет Аджина, найти Тавура оказалось не так-то просто. Безрезультатные поиски продолжались не меньше часа, и, когда Аджин потерял всякую надежду разыскать Тавура, он вдруг сам появился в кабинете шеф-редактора. В новенькой форме лейтенанта-танкиста Пуно Тавур четким шагом подошел к столу редактора, откозырял, прищелкнув каблуками, и тут же, не дожидаясь приглашения, сел в кресло. Из-под черной пилотки, залихватски сдвинутой набок, упрямо выбивались его жесткие рыжеватые волосы. Маленькие, светлые, немного прищуренные и слегка насмешливые глаза его быстро перебегали с редактора на помощника.

— Вам не нравится форма?

— Тавур, это что-то новое. Уж не решили ли вы опять заделаться военным корреспондентом на островах Паутоо?

— Нет, войны из-за силициевого «нашествия» не получилось. Военная форма по другому пово-

ду: я просто люблю новости. Скажите откровенно, почему у вас такие удивленные лица? Неужели вам не нравится форма? Мне кажется, она хороша. Аджин, у вас нет зеркальца? Жаль.

Каждое слово Пуно Тавура все больше и больше раздражало редактора. События в городе разворачиваются удивительнейшим образом, и ценна каждая минута, а он позволяет себе какие-то дурацкие выходки. Черт знает где пропадал, когда так нужен, и эта форма…

— Тавур, мы разыскиваем вас все утро. Срочно нужна корреспонденция о Таркоре. Вы беретесь ее сделать?

— Дорогой шеф, с Таркором дело будет обстоять так: или газеты всего мира наполнятся небывалыми сенсационными сообщениями или… или об этом никто ничего и никогда не узнает. По-видимому, произойдет последнее. Ченснепп приложит все усилия к тому, чтобы ни одна строчка о Таркоре не появилась в газетах.

— Ченснепп приложит усилия! Скажите, пожалуйста! А наша задача, господин Тавур, заключается в том, чтобы узнать все и дать читателю достоверную информацию.

— Да Нум Ченснепп просто не позволит печатать.

— Вы забываете, что наша газета помещает сведения о любых событиях, дает самую разностороннюю информацию, не считаясь с тем, угодно ли это кому-либо или нет. «Трибуна» сто двадцать лет была и остается свободным и независимым органом печати!

— О, господин редактор, вы меня обрадовали. Благодарю вас. Значит, вы готовы поместить в «Трибуне» корреспонденцию о происходящем сейчас в столице? — Пуно Тавур встал, оправил китель, подтянулся, и теперь его небольшая складная фигурка уже не казалась такой смешной, как тогда, когда он вошел в кабинет. По-мальчишески задорно он поглядывал то на редактора, то на его помощника. — Итак, вас интересует, почему затеяли бомбежку?

— Да ведь это само собой разумеется!

— Великолепно. Значит, вы даете слово, — еще раз подчеркнул Тавур, что мои статьи пойдут.

— Даю слово.

— Мне жаль вас, шеф. Не позже вечера вам придется отказаться от своего слова.

— Послушайте, Тавур…

— Вы напрасно кипятитесь и теряете время, читая мне лекции о славном стодвадцатилетнем и независимом существовании «Трибуны». Вы,

очевидно, решили, что Отэн Карт заинтересован в разоблачении своего конкурента, и потому так легко дали слово. Думаю, вы ошиблись. Отношение к этому делу Карта будет зависеть от исхода событий в Пропилеях.

— При чем здесь Пропилеи?

— Пропилеи, так же как и Таркор, окружены войсками, туда стягиваются пожарные и санитарные машины, полиция и спасательные отряды. Туда, как и в Таркор, не будет допущен ни один корреспондент.

— Аджин, что он говорит?

— Я люблю новости, шеф, и стараюсь узнавать их первым. Вот почему я в этой форме, господа. Аджин, вы всегда были хорошим парнем, скажите по совести, мне идет военная форма? Вы молчите, я вас понимаю. Ну что же, господа, мне нужно ехать. Меня ждут. Через несколько часов я привезу материал, и мы продолжим разговор о независимости «Трибуны». До скорой встречи!

Пуно Тавур совершенно правильно информировал редактора «Трибуны». Пропилеи, так же как и Таркор, были окружены войсками. Но больше того, предусмотрительный Фурн сделал

все возможное, чтобы о происходящем в Пропилеях узнали еще меньше, чем о случившемся в Таркоре.

Как только Отэн Карт немного оправился от сообщения Ритама, Фурн подал ему мысль немедленно направить к Пропилеям служащих и рабочих завода резиновых изделий. Фурн уже имел опыт, полученный в Таркоре, и действовал более осмотрительно и практично, чем действовали в ченснепповском институте.

Через несколько минут после того, как машина доставила Карта и Фурна к Пропилеям, туда стали прибывать автобусы, грузовики, автомобили и мотоциклы, заполненные служащими и рабочими контор и заводов концерна «Карт-каучук». Фурн подсказал Карту, в каком духе следовало, по его мнению, объяснить людям создавшееся положение, и тот, став на подножку своей машины, произнес проникновенную речь, призывая всех своих сотрудников «принять посильное участие в деле, которое может сослужить огромную службу науке».

— Сегодня, — продолжал Карт, — мы внезапно столкнулись с явлением, до сих пор совершенно неизвестным науке. Объяснять вам, дорогие соотечественники, в чем суть этого явления,

еще преждевременно, как потому, что мы сами слишком мало знаем о нем, так и потому, что непременно найдутся люди, готовые посеять панику и недоумение среди честных тружеников нашего города.

Отэн Карт не лишен был дара слова и умел, когда это требовалось, говорить много, не сказав ничего, а когда нужно, то в нескольких словах выразить многое. Он упомянул, что от бдительности, с какой служащие станут охранять Пропилеи, будет зависеть благополучие и спокойствие их самих, населения столицы, а может быть, и всей страны. Сообщил также, что немедленно выезжает в город, чтобы побыстрее вернуться с виднейшими представителями Национального научного общества.

Карт действительно тотчас же уехал, однако не к ученым, как заявил, а в военное министерство.

Фурн занялся обеспечением охраны Пропилеев. Он распорядился расставить прибывших цепочкой на расстоянии не больше двух шагов друг от друга вдоль наружной стороны чугунной ограды, о плачевном состоянии которой обычно так сокрушался заботливый Ритам. Фурн сам объехал на джипе Пропилеи, проверил посты, выделил старших, связных, от имени Отэна Карта объявил

о приличных наградах за точное выполнение инструкций и позаботился, чтобы этой своеобразной охране были своевременно доставлены еда и питье. Апрельский день выдался тихим, безоблачным, и, следовательно, не нужно было беспокоиться о каких-либо укрытиях для выставленных пикетов.

Одновременно со служащими к Пропилеям стали прибывать вызванные Фурном отряды полиции. Вдоль ограды вытянулась вторая, более редкая цепочка из полицейских, которые посматривали за служащими Карта и за тем, чтобы к ограде не подошел никто из посторонних. Фурн рассчитывал на взаимное недоверие и не ошибся. Уже к двум часам дня полицейские задержали нескольких служащих, пытавшихся, оставив цепь охранения, перелезть через ограду, а служащие задержали двух корреспондентов, которые подкупили полицейских и стремились во что бы то ни стало проведать, что же творится в Пропилеях.

Вскоре к вилле Отэна Карта стали подходить войска. Они располагались на опушке букового леса-заповедника, примыкавшего к вилле с юго-востока, на севере, вблизи Асуйского аэродрома, на берегу озера Эно, вдоль шоссе, ведущего

в город. На юго-западе, заняв ближайшие к Пропилеям холмы, спешно устанавливались артиллерийские батареи, а на юге, смыкаясь с частями, стоявшими у букового заповедника, располагались моточасти, оснащенные ракетным оружием ближнего действия и специальные отряды министерства внутренних дел. Из города прибывали санитарные машины, пожарные части. Из Лонара приехали горноспасательные отряды, из порта были привезены водолазы с тяжелым снаряжением. Фурн ждал приезда Карта, волнуясь и вместе с тем сгорая от нетерпения снова лицом к лицу встретиться с питомцами Родбара. Сражение обещало быть интересным. Страстный охотник, он руководил окружением Пропилеев с чувством особого подъема. Он вспоминал свои охотничьи похождения на островах Паутоо и хорошо понимал, что эта облава не шла в сравнение ни с какими, даже самыми грандиозными охотами паутоанских князей.

Зверь был обложен.

Там, за уникальной оградой, сквозь зелень деревьев виднелись постройки Анфилады Искусств. В них теперь и хозяйничало вырвавшееся на свободу чудовище. Фурн прислушивался, стараясь уловить уже знакомое ему гудение, но ничего не

услышал. Вокруг было настороженно тихо. Не верилось, что Пропилеи, окружены тысячами людей. Чем больше народу прибывало сюда, тем глубже, тревожнее становилась тишина: все понимали, что происходит нечто необычайное, и все приутихли, как солдаты перед решающим боем.

Около трех часов дня всеобщую тишину нарушил шум подъезжавших к привратницкой автомобилей. Вместе с Отэном Картом прибыл военный министр в сопровождении трех генералов.

Старшим офицерам, собравшимся у ворот, было приказано не впускать в Пропилеи ни одной живой души.

— Кроме господина Нума Ченснеппа, — добавил Фурн таким не терпящим возражения тоном, что офицер, руководивший охраной, почтительно приложил руку к козырьку.

— Вы думаете, сюда приедет Ченснепп?

— Я уверен в этом.

— Вы правы, Фурн. Господин Нум Ченснепп должен приехать. Что же, я буду рад, если и он посетит этот не совсем обычный раут. Войдем, господа. Ну, Ритам, принимайте гостей. — Отэн Карт пробовал шутить, его побледневшее лицо

даже улыбалось, однако улыбка была напряженной.

Ритам открыл калитку. Карт жестом предложил ему пройти первым, и шествие, возглавляемое калекой, двинулось к Анфиладе. Фурн несколько раз пытался опередить ковылявшего впереди художника, но Карт все время останавливал его, придерживая за руку.

Дорогу Молчания прошли, не обронив ни слова, и только на площадке перед массивными египетскими пилонами началось обсуждение вопроса, как двигаться дальше. Все говорили отрывисто, явно нервничая, приглушая голос почти до шепота.

Ритам оставил «черепаху» возле того места, где еще сегодня утром стояла статуя Августа. Как только испуг прошел, он бросился к телефону; больше он в Пропилеи не возвращался и теперь не знал, где находилось страшное создание. Решено было не входить в помещения, а попробовать по боковым аллеям, тянувшимся вдоль Анфилады, приблизиться к римской балюстраде, то есть к тому месту, где в последний раз Ритам видел то, что упорно продолжал называть черепахой.

В аллеях, прогретых апрельским ласковым солнцем, наполненных пьянящим запахом зелени и беззаботным щебетом птичьей мелюзги, было удивительно мирно. У всех участников этой своеобразной разведки стало как-то покойнее на душе, и уже не верилось, что где-то здесь, совсем близко, за несколькими рядами деревьев притаилось чудовище.

Аллея кончилась у пустыря, и Ритам молча указал на то место, где архитектором Ульмаро некогда было сооружено Средневековье. Теперь здесь таинственным и еще не познанным людьми архитектором-чудовищем было возведено строение, привлекавшее своей красотой и загадочностью.

— Начнем осмотр отсюда, — нарушил молчание Фурн.

Из всех присутствующих он первым увидел силициевые существа и уже тогда в мрачном зале вольеров понял, что они обладают необычайными свойствами, невероятной живучестью, а теперь узнал о их способности не только разрушать, но и созидать.

— Нам необходимо выяснить, господа, что же это такое. Посмотрите, какие великолепные стройные формы. Колонны, собранные в диктор-

ский пучок! Но каковы колонны! Нет, господа, нам совершенно необходимо подойти поближе.

Энтузиазм Фурна не разделяли ни военный министр, ни его генералы. Отэн Карт выглядывал из-за их плеч. Что касается Ритама, то он, ошеломленный свалившимися на него впечатлениями, стоял в стороне и довольно безучастно поглядывал то на ликующего Фурна, то на притихших, поблескивавших галунами военных.

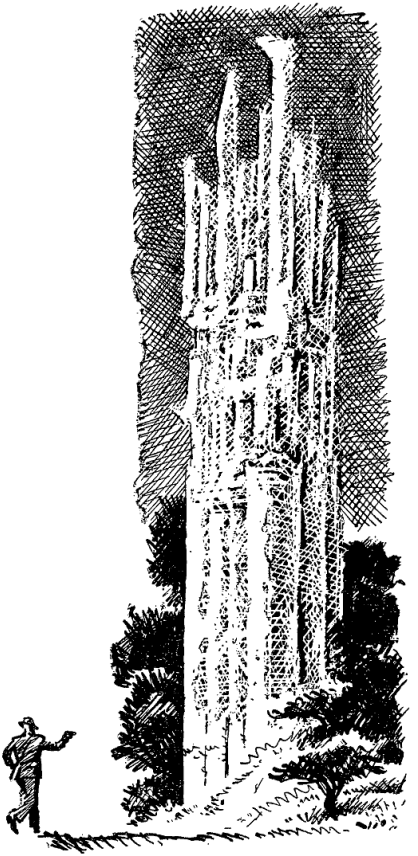
— Я полагаю, — медленно начал министр, — что мы не имеем права рисковать. Мы должны всесторонне обсудить это малопонятное явление.

— С вашего разрешения, господин министр, — почтительно вступил в разговор старый артиллерийский генерал, — я бы считал необходимым направить на это сооружение несколько снарядов.

— Снаряды? Снаряды — это, конечно, хорошо, очень хорошо, генерал, но мы не знаем, что последует за этим.

— Право, господа, мы преувеличиваем опасность, — не унимался Фурн. Это практичное существо, попав на свободу, видимо, просто позаботилось об удобной квартире для себя, а вероятнее всего, для своих детенышей. Постройка

напоминает виденные мной в тропиках гигантские постройки термитов. Они, правда, возводят их не столь красивыми, как эта, но тут уже дело вкуса и способностей. Генерал, вы подали мне замечательную идею, — обратился Фурн к артиллеристу, вынул револьвер и, покинув тень аллеи, твердым и вместе с тем осторожным шагом бывалого охотника направился к постройке. Не дойдя до нее шагов пятьдесят, он прицелился и спустил курок.



По мере того как Фурн приближался к постройке, вся группа, исключая Ритама, который не сдвинулся с места, довольно быстро отходила от нее мало ли что могло произойти! Ведь еще никому не известно, что таится в этом загадочном сооружении. Может быть, чудовище засело там и, потревоженное выстрелом Фурна, проявит свой крутой нрав. А может быть, оно просто находится неподалеку и, почуяв опасность для своего потомства, бросится его защищать. Может произойти что угодно.

Но ничего не произошло.

Фурн выпустил еще несколько пуль, все время приближаясь к постройке, и осмелел настолько, что уже подошел к ней вплотную. Прошло несколько минут, а Фурн все еще был жив и вскоре ощупывал стены-колонны, жестами призывая оставшихся в аллее подойти поближе. «Разведчикам» пришлось последовать примеру Фурна. Он бегал вокруг постройки не в силах произнести ни слова и только указывал на те места, куда попали его пули. Пули оставили едва заметные следы в стекловидном, полупрозрачном и излучающем изнутри особенный свет материале. Казалось, постройка выполнена из какого-то чудесного сплава стали и стекла. Большинство пуль, особен-

но выпущенных первыми, вовсе не повредили гладких, как бы полированных искуснейшими мастерами, колонн. Колонны вырастали прямо из земли. Они устремлялись вверх, нагромождённые друг на друга в каком-то удивительно гармоничном беспорядке.

От постройки, направляясь к Анфиладе, шла прямая шириной около полутора метров полоса, немного углубленная в землю.

— Здесь прошла «черепаха», — ни к кому не обращаясь, тихо проговорил Ритам.

Сразу же были забыты недавние опасения, и грузный Отэн Карт первым присел у края полосы, ощупывая гладкую, словно отлитую из черного стекла, дорогу. Военный министр долбил подобранным возле дороги камнем чудесный материал. Все три генерала кто кортиком, кто рукояткой пистолета, кто перочинным ножом тщетно старались отколупнуть хотя бы кусочек плотной, как лава вулкана, крепкой дороги.

— И это сделано за одну ночь!

— Разрешите узнать, господа, что здесь происходит?

Карт поднялся достаточно ловко для своей тучной фигуры. Министр и генералы, быстро и едва уловимо поправившие свои мундиры, были

уже на ногах.

— А, господин Ченснепп, — Карт натянуто улыбнулся. — Я весьма рад, что вы пожаловали в мои владения. Здесь, мне кажется, все вам знакомы.

Присутствовавшие раскланялись.

— Да, все, кроме этого господина. — Ченснепп смотрел на Фурна пристально, стараясь припомнить, где видел это лицо, лицо, каких много, и вместе с тем такое, в котором чувствуется что-то особенное, свойственное незаурядным натурам. Ритама Ченснепп просто не принял в расчет, угадав в нем человека мелкого, подчиненного, то есть такого, который не мог иметь отношения к разговору людей с самым высоким положением в стране.

— Это мой старинный друг. Путешественник и великолепный охотник, господин Пит Фурн. Он только вчера прибыл с островов Паутоо.

— Вот как, только вчера? Впрочем, это его личное дело. Господин Карт, я был бы весьма доволен, если бы мне удалось, и особенно в присутствии этих господ, — Ченснепп слегка склонил голову в сторону военных, — узнать, каким образом принадлежащее нашему концерну экспериментальное животное оказалось в пределах вашей усадьбы?

— Этот же самый вопрос я хотел предложить вам, господин Ченснепп. Я рад, что вы признаете, Особенно в присутствии этих господ, — теперь Отэн Карт наклонил голову в сторону военных, — что чудовищное животное принадлежит концерну «Ченснепп-каучук».

— Да, я не собираюсь этого отрицать.

— Превосходно! Вы, очевидно, также не сможете отрицать, что, выпустив это ужасное создание, вы подвергаете опасности спокойствие столицы, а может быть, и всей страны.

— Не будем заходить слишком далеко, господин Карт.

— Как, вы намерены утверждать, что не способствовали бедствиям, которые нагрянули на нашу страну?

— Я хотел бы, господин Карт, — Ченснепп внешне оставался спокойным, но слова, услышанные им от конкурента, заставили его содрогнуться, — я хотел бы вести нашу беседу в более спокойных тонах. Мне ничего не известно, о каких бедствиях вы говорите.

— Гибель Пропилеев вы не считаете бедствием?

— Гибель?

— Да, уже разрушена значительная часть этого

великолепного, имеющего огромную ценность произведения искусства, и мы еще не знаем, что последует дальше.

— Я готов дать вам обязательство возместить стоимость Пропилеев.

— Возместить стоимость? — Отэн Карт почуял возможность сделать дело, о котором он не мог и мечтать: покрыть расходы по Пропилеям и тем самым вынудить своего исконного соперника произвести большие затраты. При потерях Ченснеппа в Таркоре, при уплате огромной суммы, составлявшей стоимость Пропилеев, ему уже не так легко будет вести конкурентную борьбу с фирмой «Карт-каучук».

— Да, возместить стоимость, — повторил Ченснепп, вынимая блокнот и авторучку, — но только при одном условии: вы должны немедленно покинуть Пропилеи и предоставить право мне одному руководить операцией.

Отэн Карт посмотрел на дорогу, на возникшее за одну ночь сооружение и опустил руки в карманы.

— Мне кажется, господин Ченснепп, нам не стоит в такой ответственный для страны момент поднимать вопрос о стоимости Пропилеев. Нам необходимо объединить усилия и вместе

постараться совладать с грозной и, кажется, многообещающей силой.

— В таком случае, — улыбнулся Нум Ченснепп, — не будем терять времени.

— Господа, я как член правительства, — начал военный министр, — должен прежде всего напомнить вам о той ответственности, которая ляжет на вас, в случае если эти существа причинят какие-либо бедствия или материальный ущерб населению. Вы, господин Ченснепп, приняли правильное решение, пойдя на уничтожение института в Таркоре, и мы оказали содействие в этом. Мы готовы и здесь применить всю мощь нашего оружия и все средства уничтожения, которыми располагаем, лишь бы не вызвать бедствия, если не сказать катастрофы.

— Прибегнуть к средствам уничтожения мы всегда успеем. Не так ли, господин Карт?

— Совершенно верно.

— В Таркоре, господин министр, дело обстояло несколько сложнее. Эксперименты были в такой стадии, когда мы не имели возможности контролировать поведение этих существ. Мы держали их в законсервированном состоянии, но одно с умыслом выпущенное животное развило ужасающую энергию и начало высвобождать

других. В Таркоре их было несколько, и мы не могли справиться с ними. Здесь, насколько мне известно, находится один экземпляр, и мы должны приложить все усилия, чтобы обуздать эту невероятную силу, попробовать справиться с ней, чтобы постараться дать человечеству невиданное средство созидания, а если это понадобится, то и разрушения.

— Тогда начнем, господа, — согласился военный министр.

— С чего?

— Слышать этот вопрос от вас, господин Ченснепп, более чем странно. Ведь вы, надеюсь, лучше, чем кто-либо из нас, должны знать, что представляют собой эти существа, воссозданные в вашем институте профессором Куаном Родбаром. Не считаете ли вы возможным пригласить сюда профессора Родбара, профессора Асквита?

— Профессор Куан Родбар, господа, прошедшей ночью скончался. — Отэн Карт перекрестился, военные вытянулись, наступила минута молчания, после которой Нум Ченснепп продолжал: — Нам не удалось достаточно быстро связаться с профессором Асквитом. За несколько дней до прискорбных событий в Таркоре профессор Асквит вылетел из Макими в Мельбурн. Как только

произошла авария в лаборатории Родбара, мы радировали в Мельбурн, но оказалось, что Асквит уже выехал оттуда. Служащие нашей австралийской конторы лишь вчера смогли разыскать его и сообщить о случившемся. Профессор вылетел из Австралии на специальном самолете и сегодня будет здесь. Я с нетерпением жду его, однако я должен еще раз напомнить вам, господа: ни Родбар, ни тем более Асквит, который в последнее время вынужден был находиться на Паутоо, еще не имели никакой практики в обращении с силициевыми созданиями, находящимися вне инкубационных камер. Если не считать паутоанского опыта борьбы с плазмой, то можно сказать, что с силициевыми существами, вырвавшимися на свободу, мы сталкиваемся впервые. Опыт овладения, подчинения человеку силициевого живого вещества, вероятно, нам мало пригодится. Здесь мы имеем дело с иными, совершенно неведомыми нам формами силициевой жизни. Сейчас, господа, следует решить, рискнем ли мы, найдем ли в себе силы и мужество начать сражение с ними.

— Игра стоит свеч. Надо пробовать, дерзать, сражаться!

— Но как?

— Надо действовать, полагаясь на наш общежитейский опыт и разум.

— Я готов, господа, — воскликнул старый генерал-артиллерист, — я готов отдать распоряжение стрелять!

— Боюсь, господин генерал, — улыбнулся Ченснепп, — что начинать нужно будет не с этого.

— Совершенно верно. Если ничего не удастся поделать, то этим надо будет заканчивать операцию. Прежде всего необходимо разведать, где находится сейчас животное и что можно предпринять для его обуздания.

Так решено было начать необычную охоту.

Пока генералы и промышленники пререкались, обсуждая, как можно овладеть столь заманчивой силой, Фурн действовал. Он успел пройти по пустырю вдоль стекловидной дорожки, проложенной таинственным животным, и дошел до места, где недавно стояла статуя Августа. Проследить дальнейший путь животного было нетрудно. Уничтожив статую, оно двигалось по прямой линии, не уклоняясь ни на миллиметр. Пройдя римскую балюстраду, оно, видимо, уперлось в стену атриума, но и тут, кажется, не задержалось надолго — в стене было

прорезано отверстие диаметром около полутора метров. Совсем неподалеку от этого отверстия была широкая дверь — арка, ведущая в атриум, но животное не воспользовалось ею и проникло в помещение сквозь толстую каменную стену. Пройдя немного наискось весь атриум, оно снова просверлило стену, все так же не меняя взятого направления, и очутилось в эллинском дворике.

Фурн смотрел через эти два отверстия, стараясь разглядеть, что делает животное. Оно лежало на мраморных плитах дворика, не подавая никаких признаков жизни. Фурн почти бегом бросился обратно к пустырю, спеша сообщить о виденном, но на середине пути остановился и снова окинул взглядом пройденный странным существом путь. Фурн встал на дорожку — он был первым человеком, вступившим на эту своеобразную мостовую, — и начал внимательно присматриваться к видневшимся оттуда отверстиям в римском здании. Далеко на горизонте, как раз на том месте, где оба отверстия совпадали, вздымался гигантский столб дыма. Там был Таркор. Стало ясно: животное стремилось на выручку себе подобных. Почему же оно остановилось и больше не продолжает свой не знающий никаких преград путь? Закончилось уничтожение его со-

братьев в Таркоре или оно почему-либо потеряло способность двигаться?

Фурн поспешил к серебристому строению, около которого все еще продолжалось обсуждение, и рассказал о своих наблюдениях. Пример Фурна заставил собравшихся направиться к эллинскому дворику. Животное действительно лежало неподвижно, и группа рискнула наконец приблизиться к нему настолько, чтобы рассмотреть его хорошенько, пользуясь, разумеется, биноклями. Биноклей было только два, и почтенные господа, забыв о чинах и субординации, вырывали их друг у друга, как мальчики, которым впервые в руки попал калейдоскоп.

— Да ведь оно совсем не страшное! — воскликнул министр.

— Совершенно верно, милое, безобидное существо, — сыронизировал Отэн Карт, — которое уничтожает все попадающееся на его пути.

— А я согласен с господином министром, — уверенно проговорил Фурн. Существо действительно не страшное, больше того, я убежден, что оно добродушно по природе своей и разрушает только то, что мешает ему двигаться к цели.

Прежде всего было решено проверить, почему животное перестало двигаться. Может быть, оно

уже мертво?!

Фурн счел возможным применить уже испытанный им способ и снова двинулся вперед, вынув револьвер. Вся остальная компания довольно удобно устроилась за солидными колоннами, предпочитая находиться в большей безопасности. Отэн Карт боялся, что Фурн может застрелить животное, погубить выращенное профессором Род баром существо, но он понимал, что другого выхода пока не было.

Пули, выпущенные Фурном, исчезали в теле чудовища, как камешки в воде, видимо не причиняя никакого вреда. При каждом выстреле по его телу пробегала волна судорог, немного увеличивалось самосвечение. Попытка Фурна не оказалась напрасной: животное подавало признаки жизни, и это подбодрило участников охоты. Предложения посыпались одно за другим. Все они сводились к тому, чтобы загнать животное в какой-нибудь загон. В этих предложениях сказывался тысячелетний опыт человека, еще в доисторические времена справлявшегося с огромными мамонтами, загонявшего их в ямы, ловившего в сети и западни в десятки раз более сильных, чем он сам, зверей. Но что предпринять в данном случае, никто не знал. Никакие камен-

ные помещения для этого не подходили: опыт уже имелся, было очевидно, что питомцы Родбара свободно проникают сквозь стены. Загнать животное в глубокий бассейн, находившийся в египетском дворике? Неизвестно, как оно будет себя чувствовать в воде. Если оно просто утонет, то какой смысл возиться с ним, рисковать людьми. Если оно может существовать в воде, то оно сумеет пробуравить каменные стены бассейна и выползет оттуда куда ему вздумается. Ченснепп знал, что небольшие, законсервированные существа совершенно спокойно лежали у профессора Родбара в металлических ящиках, их можно было перетаскивать куда угодно. Но существо, уже получившее возможность двигаться, вышедшее из состояния своеобразного анабиоза благодаря полученной им органической углеродистой пище (роковой кочан капусты Ритама!), вряд ли будет укрощено, даже попав в металлический сосуд. В Таркоре они сумели каким-то непонятным способом высвободить из стальных вольеров своих законсервированных собратьев.

Положение казалось безнадежным. Время шло. Было неизвестно, как поведет себя пока еще спокойно лежащее существо. Если оно будет продолжать путь в Таркор, стремясь на выручку себе

подобных, то это может привести к огромным бедствиям: на прямой от Пропилеев до Таркора лежала густонаселенная часть города. Какие бы то ни было попытки обуз дать его можно было предпринимать только до тех пор, пока оно не покинуло территорию виллы Отэна Карта. Здесь все было подготовлено к тому, чтобы в случае необходимости начать уничтожение, локализировать бедствие.

Из всех предложений участников охоты мысль попробовать обуздать страшное животное, запутав его в стальных сетях, казалась единственно приемлемой. Фурн уже направился к воротам, чтобы отдать распоряжение немедленно доставить сети, как животное вдруг зашевелилось. Словно угадав намерение своих противников, оно прямым путем двинулось вдоль эллинского дворика и, встретив на своем пути высокие перила, густо уставленные балясинами, спокойно прошло сквозь них. Шарообразное, сплюснутое тело его растеклось на несколько ручейков, которые, как змеи, проползли между балясинами и уже по ту сторону перил собрались в сплошной ком.

— Господа, — воскликнул Фурн, — это не одно животное, это целая колония животных, собран-

ная в мощный коллектив и, как знать, может быть, наделенная разумом! Строение этого кома, его шестиугольные частицы — это элементарные родбаридики.

— Как вы сказали? Родбаридики?

— Ну да, как же их назовешь? Ведь их изобрел профессор Родбар!

— Изобрел! — Ченснепп задумался. — Родбар сделал такое, оживив силициевые зародыши... Впрочем, сейчас не до этого. Сейчас надо во что бы то ни стало овладеть этим «изобретением», неважно, одно это существо или целая колония.

Поведение родбаридов навело на мысль, что их можно попробовать «влить» в какой-либо подходящий сосуд. Если срочно выкопать яму, поместить туда стальной котел, попробовать загнать в него непонятное существо, то не исключено, что с ним будет легче управиться. Это предложение всем показалось наиболее удачным. Решено было поспешить с его осуществлением.

Отэн Карт распорядился немедленно доставить огромный, диаметром около трех метров, стальной котел с завода силиконовых каучуков и начать рытье котлована. Предстояло выбрать место для этого котлована с таким расчетом, чтобы с наименьшим трудом можно было загнать

туда родбарида. Спор был коротким: всем понравилось предложение Фурна рыть яму на прямой, избранной могучим существом как направление на Таркор.

— Я думаю, господин министр, теперь нам понадобятся услуги капитана Феррана.

— Вы правы, господин Карт. Надо вызвать сюда Феррана с его танком, согласился министр.

— Танк сюда, в Анфиладу Искусств! — с негодованием воскликнул Ритам, но на него никто не обратил внимания.

Фурн был предусмотрителен настолько, что при отъезде Отэна Карта к военному министру напомнил ему о капитане Ферране. Танкист, завзятый охотник, страстный любитель приключений, человек, побывавший в самых невероятных переделках, он с готовностью согласился принять участие в небывалой, еще никем не виданной охоте. Ферран был давним приятелем Фурна. Фурн считал, что на него можно вполне положиться, можно допустить в Пропилеи, не рискуя, что капитан разболтает о виденном. Не прошло и десяти минут, как, к великому ужасу Ритама, тяжелый танк Феррана появился в Пропилеях. Капитан уже около часа с нетерпением ждал, когда его пригласят принять участие в сражении, и не

замедлил появиться вблизи эллинского дворика.

Сминая газоны, ряды штамбовых роз, искусно подстриженного букса, опрокидывая на своем пути постаменты с уникальными вазами, огромная, испускающая тепло машина остановилась у изящной колоннады, замыкающей дворик с юго-западной стороны.

Из танка выпрыгнул поджарый военный, похожий на кузнечика, и откозырял высокому начальству. Военный министр в нескольких словах обрисовал Феррану обстановку, подчеркнул, что сражение с существом совершенно неизученным, могучим может оказаться опасным, но, видимо, нисколько не смутил отважного капитана.

— Мы с лейтенантом Тавуром готовы помериться силами с этим чудовищем. Я понял все, господин министр. Задача заключается в том, чтобы попробовать припугнуть его танком, постараться заставить двигаться в нужном направлении. Превосходно! Будет выполнено. Господин Карт, мой танк, к сожалению, не может пройти, не зацепив этой изящной колоннады.

— Действуйте, господин капитан, не считаясь не только с этой колоннадой, но и вообще со всем, что вам будет попадаться на пути.

Танк взревел, двинулся на колоннаду и через несколько секунд, обсыпанный ее обломками, уже выворачивал своими гусеницами прелестные мозаичные плиты эллинского дворика, направляясь к родбаридам.

Животное не двигалось.

Спокойно пульсировало его слабо люминесцирующее тело. Танк подошел на расстояние десяти метров и остановился.

Генерал, устроившийся у радиоприемника, запросил у Феррана, что он намерен делать дальше, и тотчас же получил ответ:

— Отступая, наступать!

Танк попятился назад, снова придвинулся к животному и так, немилосердно уродуя уникальные плиты, сшибая драгоценные статуи, приминая все еще струившие кристальную воду фонтанчики, атаковал его со всех сторон, как бы дразня, вызывая на бой.

— Ни в коем случае не подходите к нему слишком близко, — радировал генерал. — Не прикасайтесь к нему танком. Мы не знаем его свойств. Оно, быть может, способно выделять какие-нибудь излучения или электрические разряды!

Танк упорствовал в своем намерении непременно побудить животное к деятельности,

наступая все более и более рьяно. В керосиновом перегаре, пыли обломков наблюдающим довольно смутно было видно, как протекает поединок. Но вот общий крик восторга вырвался у всех, за исключением Ритама, — животное сдвинулось с места, поползло прочь от танка. Первая победа была одержана. Маленькая, но уже дававшая надежду. Создавалось впечатление, что животное испугалось танка, уходит от него, а значит, можно было ожидать, что удастся направить его путь так, как это нужно человеку.

Танк ревел, скрежетал своими металлическими частями, в Ферране пробудился азарт охотника. Он продолжал наступление, стремясь загнать животное в проход между двумя постройками, выполненными в греческом стиле, за которыми уже была приготовлена ловушка. Казалось, что животное уже мечется, стремясь избежать встречи с металлическим громадным зверем, казалось, оно готово бежать, так оно ускорило свои до тех пор медлительные движения, но вдруг остановилось. Остановился и танк. Животное стало светиться более интенсивно. Теперь даже сквозь рев мотора можно было услышать его гудение. Пульсация его тела увеличилась, оно сделалось более плоским и начало быстро

зарываться в землю.

Этого не ожидал никто.

Растерялся даже Ферран. Наступать он готов был на что угодно, и, чем рискованнее было наступление, тем неистовее он его вел, но тут… Нет, его танк не имеет никакой возможности преследовать противника под землей! Однако этого и не потребовалось. Через несколько минут животное, вобрав в себя массу грунта, увеличилось в размерах и само стало приближаться к танку, оставив за собой значительных размеров воронку.

Танк отступил. Животное ускорило свое наступление, Ферран увеличил заднюю скорость и вдруг смело бросил танк вперед.

Дальнейшее произошло с ужасающей быстротой. Каждый из наблюдавших эту сцену составил о ней свое собственное мнение, мало сходное с мнением других. Никто не мог толком разобрать, каким образом танк за какие-то несколько секунд был накрыт, как огромным одеялом, темной, чуть светящейся массой. Радиосвязь мгновенно прекратилась, замолкли моторы танка. Танк стоял неподвижно, скованный родбаридами, изменившими свою форму, из приплюснутого шара ставшими плоской, как блин, залепившей

весь танк массой. Гудение усилилось еще больше, и так как теперь, кроме него, ничего не было слышно, то казалось, это гудение главенствует над всем, заполняет воздух чем-то плотным и страшным.

Как только танк Феррана был вынужден остановиться, пыль, поднятая его гусеницами, немного осела, стало лучше видно, что делается на месте сражения. Ритам первым обратил внимание ошеломленных наблюдателей на то, что родбариды продолжают двигаться по направлению к выходу из эллинского дворика, приближаясь к египетским залам. Охватив всю поверхность танка, остекловав его полупрозрачной и, очевидно, очень прочной массой, лишающей танк возможности двигаться, животное уменьшилось почти до прежнего объема, снова приняло форму приплюснутого шара и преспокойно двинулось в нужном ему направлении. Теперь оно гудело едва слышно, светилось не так интенсивно, как несколько минут назад, ползло медленно, не то устав от содеянного, не то прикидывая, стоит ли продвигаться дальше.

Все наблюдавшие происшествие застыли как изваяния. Только Ритам, развив невероятную для него скорость, бросился к месту сражения.

Спотыкаясь на обломках, падая, он спешил наперерез «черепахе». С него слетела шляпа, он потерял свою палку, двигаться ему было труднее, чем обычно, но он все же обогнал животное, подбежал к невысокой колонке, на которой стояла мраморная статуя, высеченная его учителем Антонио Ульмаро, и уже прилагал все усилия, чтобы снять ее с возвышения.

— Остановите безумца! Ведь он погибнет!

— Оно сейчас наползет на него и раздавит.

— Ритам, Ритам! Вернитесь, Ритам!

— Оставьте его, Отэн, мы еще не знаем… мы не знаем, как оно ведет себя при встрече с человеком.

Никто ничего не ответил Фурну, но никто уже больше и не звал Поля Ритама.

Художник, напрягши все силы, все же стащил статую с колонки. Сумев взвалить ее на плечо, Ритам не удержал равновесия и упал. Не выпуская из рук дорогое ему создание учителя, он безуспешно старался снова подняться на ноги.

Родбариды приближались. Не меняя взятого направления, они спокойно перекатывали свое темное пульсирующее тело. Ритам понял, что встать ему не удастся, и пополз, волоча за собой статую.

Яркая вспышка. Резкий звук, напоминающий звук, с которым разряжается мощный конденсатор, и неведомая людям сила отбрасывает Ритама от родбаридов.

— Это ужасно! Господа, это…

— Это означает, что там, где будет стоять заслон из родбаридов, пехота не пройдет! Это означает…

Слова генерала покрыл орудийный выстрел.

Стрелял капитан Ферран.

Скованный стекловидной массой, как муха затвердевшим полупрозрачным клеем, его танк потерял способность двигаться, но капитан довольно быстро сообразил, что орудия могут стрелять. После первого выстрела последовала целая серия выстрелов, сотрясавших танк. Вскоре сковывавшая его масса стала отпадать кусками. Ферран включил электромоторы, башня пришла в движение, и капитан показался из люка. Выскочив из танка, он вприпрыжку, еще больше напоминая кузнечика, приблизился к министру и отрапортовал:

— Господин военный министр, по не зависящим от меня причинам танк вышел из строя. Готов продолжать сражение пешим порядком.

Министр поблагодарил капитана и пообещал

награду. Сражение все же решено было продолжать.

Собственно, это уже нельзя было назвать сражением. Всем стало ясно, что справиться с родбаридами нет никакой возможности. Оставалось только одно следить за действиями невиданного животного, состоявшего, вероятно, из десятков отдельных особей, попробовать изучить их повадки.

Животное оставило позади себя эллинский дворик и вошло в египетский зал. Здесь, круша на ходу частокол мрачных древних колонн, сминая пальмы и бамбук, окружавшие бассейн с крокодильчиком, оно двигалось все так же плавно, не меняя взятого направления. Приблизившись к воде, оно тоже не изменило скорости, не остановилось, а шлепнулось в воду и исчезло под ее поверхностью. Крокодильчик мгновенно вышел из своего дремотного состояния. С быстротой, на которую способны эти обычно малоподвижные и медлительные существа, когда бросаются на добычу, он метнулся в глубь бассейна. Через секунду сопровождаемый целым водопадом брызг крокодильчик со страшной силой был вышвырнут из бассейна.

Пройдя свой путь под водой, выбравшись

из бассейна, родбариды направились к тяжелой бронзовой двери, ведущей в массивную, сложенную из огромных камней постройку, представлявшую собой вход в египетский двор.

— Закрыть, закрыть эти двери! — вскричал хозяин Пропилеев. — Там, с другой стороны здания, на входе, такие же двери. Они закрыты. Из этого здания нет других выходов. Чудовище будет взаперти.

Капитан Ферран, не задумываясь, не боясь, что может разделить участь Ритама и крокодильчика, поспешил к двери. Но Ферран был так же смел, как и осторожен, и выждал ровно столько времени, сколько, по его расчетам, потребовалось, чтобы животное продвинулось вперед на более безопасное расстояние.

Животное было заперто в помещении со стенами метровой толщины, но все понимали безнадежность попытки. Действительно, не прошло и тридцати минут, как до замерших в вынужденном ожидании ловцов стал доноситься уже знакомый им гул. Было очевидно: родбариды, пробуравив толстые каменные стены с таким же успехом, как и тонкие, не преминут вскоре появиться там, где им это будет угодно.

И они появились. Теперь это уже был не один

ком, а четыре. Получив необходимую для их деятельности обильную пищу — кремний гранитных стен, они достигли таких размеров, при которых одна колония могла разделиться на четыре; Колония родбаридов с удивительной легкостью покинула убежище, показавшееся людям пригодным для того, чтобы удержать чудовище взаперти.

Родбариды расползались в разные стороны, как бы намереваясь заселить возможно большие просторы. На их пути будет попадаться немало строений, пригодных им в пищу, и они будут размножаться делением, все дальше и дальше расходиться и, не боясь никаких преград, не встречая сопротивления ни со стороны животных, ни со стороны человека, распространяться на все большие и большие пространства. Все это было осознано первыми свидетелями ужасного нашествия немного позже, но в тот момент, когда родбариды покинули здание, окруженное египетскими пилонами, никто из наблюдавших эту сцену не мог прийти в себя. Наиболее сметливым из них было ясно, что дальнейшие попытки обуздать чудовищных животных бесполезны и пора последовать совету старого генерала-артиллериста. Однако принять это решение, и притом

самым безотлагательным образом, заставило нечто новое в поведении силициевых существ.

Теперь они двигались несколько быстрее. Двое из них уже успели развалить на своем пути цоколи со сфинксами, а двое, как только прошли каменные плиты, устилавшие Дорогу Молчания, и достигли песчаного пологого откоса, стали внедряться в него и вскоре скрылись с глаз.

— Они уйдут! — вскричал Карт. — Они исчезнут под землей и, прокладывая неведомые ходы, смогут…

— Бомбить!

— Уничтожать все немедленно!

Теперь, когда решено было действовать методами привычными и понятными, всеми овладело достаточное спокойствие. Фурн, Ферран и Пуно Тавур, вооруженные киносъемочными камерами, вызвались не покидать район Пропилеев до последнего момента, чтобы проследить за дальнейшим поведением родбаридов. Отэн Карт распорядился прежде всего удалить охрану территории, состоящую из служащих его контор и заводов.

Начали отходить отряды полицейских. Кольцо людей, окружавшее Пропилеи, становилось все более широким. Горноспасательные отряды бы-

ли отосланы обратно в Лонар, отправлены в порт непонадобившиеся водолазы с их тяжелыми металлическими скафандрами, уехали в город почти все санитарные машины, а к позициям, занимаемым войсками, стали прибывать все новые и новые части, главным образом ракетные и артиллерийские.

Стало темнеть. Теплый апрельский день подходил к концу. Подходили к концу и приготовления людей, намеревавшихся начать еще одно, такое же, как в Таркоре, уничтожение существ, так и не познанных, страшных и вместе с тем прельщающих неугомонного человека своей непостижимой мощью и невиданной жизнеспособностью.

На ближайшей от Пропилеев возвышенности, неподалеку от озера Эно, в штабной палатке собрались участники неудачной охоты. Связисты уже закончили свою работу, а артиллерийский генерал, оживленный, как бы помолодевший в эти минуты, уже готов был отдать команду «огонь!», когда послышался стрекот вертолета.

Вертолет, прибывший с центрального столичного аэродрома, опустился метрах в тридцати от штабной палатки. От него, без шляпы, на ходу сбрасывая макинтош, бежал к палатке Асквит.

— Не бомбить, ни в коем случае не бомбить! Есть выход.

Часть третья

●

ПОТОК ИНФОРМАЦИИ

Прошлое нам не подвластно, но будущее зависит от нас.
Чаадаев

Глава семнадцатая

●

70 355 653 361 664

Доктор Дювьезар и я прилетели в столицу метрополии на двенадцать часов позже Асквита, утром 28 апреля. На аэродроме нас, как членов Международной комиссии, встретили несколько помпезно и тотчас же препроводили в лучший отель города. Такое внимание было лестно, однако нас интересовало совсем другое. Мы не рассчитывали, что подобно Асквиту нас сразу же доставят к штабной палатке, но и не ожидали

заточения в комфортабельных гостиничных номерах без обещания допустить на «передовую». Положение наше, конечно, было несколько двусмысленным. Мы являлись членами Международной комиссии, но прекрасно понимали, что комиссия эта была создана Организацией Объединенных Наций для борьбы с силициевой плазмой на Паутоо и в метрополии, разумеется, могли не признавать наших полномочий. Рассуждения эти, однако, мало успокаивали. Хотелось поскорее окунуться в гущу событий, и мы не отходили от телефонов, стараясь пробиться через окружившие нас наивежливейшие заслоны.

Выручил Асквит. Он позвонил из Пропилеев, просил извинить, что сам не мог встретить — его не отпускали ни на шаг от штабной палатки, — пообещал немедленно уладить все формальности. Допуск к месту сражения и в самом деле был получен быстро. Объяснялось это просто: в те часы обстановка в метрополии была настолько тревожной, что правительство не рисковало взять на себя всю ответственность за последствия силициевого вторжения.

В полдень мы подъехали к Пропилеям, охраняемым строже любого секретного объекта. Асквит встретил нас радушно. Выглядел он неважно.

Волнения последних дней, бессонная ночь, сознание огромной ответственности, взятой на себя, — все это, конечно, отразилось на нем, но нисколько не умерило задора. Осунувшийся, уже не казавшийся моложе своих лет, но очень оживленный, он, видимо, наслаждался своим положением, упивался сознанием, что стоит в самом центре необычайных событий, — словом, чувствовал себя Наполеоном под Аустерлицем.

Больше всего Асквит был доволен тем, что смог убедить промышленников и военных не учинять в Пропилеях такого же уничтожения, как и в Таркоре. Удалось ему это, видимо, потому, что первоначальное предположение охотников за родбаридами оказалось ложным. Родбариды, как это вышло на поверку, не собирались распространяться, подкапываться под столицу и рушить все и вся. Деятельность их была менее воинственной. Попав на песчаную почву, они сразу же занялись делом чисто созидательным. На этот раз они не возводили перламутровую постройку из стройных красивых колонн, а трудились над чашей, употребляя песок в качестве строительного материала. Через несколько часов работа была закончена, и на вилле Отэна Карта образовалось пятнадцатиметровое, идеально отполированное

углубление параболической формы. Для чего? Кто же тогда мог знать об этом!

Закончив сооружение, на которое людям потребовались бы невероятные усилия и масса времени, родбариды мирно устроились по краям чаши, как бы застыв в ожидании чего-то. Они не издавали гула, не пульсировали. Такими я их и увидел впервые. Словно сваренные из шестигранных щитков, они в самом деле немного напоминали черепах.

С нашим приездом возобновилось обсуждение вопроса, как же быть в дальнейшем, что предпринять. Настороженность и страх перед неведомым оставались, но, убедившись в довольно спокойном поведении родбаридов, люди стали уже подумывать, как бы не лишиться этих проворных и, очевидно, способных строителей. Всех нас, по правде сказать, мучила одна смелая и очень заманчивая мысль: как заставить их работать.

«План спасения», предложенный Асквитом, прельщал и вызывал споры. С момента, когда он вбежал в палатку с криком «Есть выход!», обсуждение этого плана длилось почти беспрерывно. Включились в обсуждение и мы с Дювьезаром, а через два часа совещание наше было перенесено в только что созданную правительственную

комиссию. Я не буду описывать это заседание подробно, скажу только, что в тот момент Асквиту не помогла страсть, с какой он отстаивал свое предложение. Отчаянные его попытки защитить родбаридов, засевших в Пропилеях, оказались безрезультатными: правительственная комиссия вынесла решение «уничтожать!».

В момент, когда загромыхали стулья и мы все поднялись, уставшие за бурный день настолько, что даже не имели сил огорчаться принятым решением, председатель комиссии получил сообщение, заставившее его побледнеть. Дрогнувшим голосом он произнес:

— Господа, кажется, это катастрофа!

…Двадцать четыре часа на Таркор сыпались бомбы, не умолкали орудия и минометы, низвергались струи напалма. Все доступные человеку средства уничтожения (кроме ядерного оружия) применялись там с такой ожесточенностью и сноровкой, при которых, казалось, ничто не могло уцелеть.

Родбариды уцелели.

Теперь уже никого не интересовал вопрос, уничтожать или не уничтожать Пропилеи. Всем стало ясно, как бессмысленны попытки человека что-либо предпринять по отношению к силицие-

вым существам.

Не помню, кто — кажется, доктор Дювьезар — предложил немедленно выехать к Таркору. Необходимо было создать хотя бы иллюзию деятельности, и его идея показалась особенно важной. Через несколько минут Дювьезар, Асквит, еще два члена правительственной комиссии и я уже были в автомобиле.

Никогда не забуду этой поездки. Ночь. Фары выхватывают из темноты куски ярко освещенного шоссе. Впечатление такое, будто деревья, стоящие плотной толпой у обочины, валятся на быстро несущуюся машину. Сонливость преодолеть трудно. С момента вылета из Макими фактически ни часу отдыха. Временами охватывает дремота, но вдруг вспоминаешь о надвигающейся беде и усталости как не бывало. Что там? Что ждет нас при столкновении с родбаридами?

А родбариды, побывавшие в аду, искусно имитированном человеком, чувствовали себя не так уж плохо. Видимо, в каждой планетной системе структура ада должна быть своя. Нельзя сказать, что силициевые создания не понесли никакого урона. В тех местах, где наблюдались прямые попадания бомб и снарядов, где развивалось чудовищное давление и колоссальная, по нашим

понятиям, температура, родбариды несли потери. Но какие? Родбариды, как это и предполагалось при первом же с ними знакомстве, представляли собой колонии силициевых существ. При бомбежке шарообразные конгломераты распадались, отдельные их части разлетались в стороны, некоторые гибли, но большинство элементарных родбаридиков уцелело. В тех местах, где температура и давление не достигали максимума, они переждали слишком пылкую встречу с человеком, и, как только нападение на них прекратилось, особи, оставшиеся невредимыми, вновь принялись группироваться, делиться и немедленно продолжили свою неутомимую деятельность.

Когда закончилась двадцатичетырехчасовая бомбежка и немного рассеялся дым, офицеры, руководившие операцией, решили с воздуха осмотреть Таркор, предвкушая удовольствие насладиться плодами своей добросовестной работы. Их вертолет медленно прошел несколько раз над тем местом, где накануне возвышались корпуса ченснепповского института. Наблюдаемая картина разрушения превосходила самые смелые ожидания. Они уже собирались радировать о достигнутом успехе, но в это время один из офи-

церов обратил внимание на странное состояние небольшого участка, расположенного неподалеку от Таркорского озера. Все вокруг являло собой картину первозданного (вернее, созданного человеком) хаоса, и только тут, на площади диаметром метров десять, было как-то необычно чисто и ровно. Вертолет снизили. Рассмотреть происходящее внизу удалось получше, а когда вертолет неподвижно повис над гладкой площадкой, офицеры содрогнулись: два приплюснутых коричневатых шара плавно ходили по кругу.

К тому времени, когда наша группа добралась до места недавнего, столь бесславно закончившегося сражения, родбариды заканчивали свою работу. С рассветом мы увидели, как эти труженики перемололи нагромождения, созданные бомбежкой, тщательнейшим образом выровняли всю территорию Таркора, превратив ее в идеальную, сверкавшую в первых лучах солнца площадку (теперь это один из лучших в Европе аэродромов), а затем, значительно увеличившись в размерах, направились к Таркорскому озеру.

Я не был участником ни одной из войн, но представляю состояние группы военачальников, обязанных в самый короткий срок принять единственно правильное решение при натиске

грозного врага; представляю, как на картах, сообразуясь с полученными разведкой данными, наносятся линии, показывающие расположение противника, намечаются направления контрударов, отдаются предельно точные приказы, все готовится к бою.

Готовились и мы. Теперь выбора не было: или надо было немедленно приступить к осуществлению плана Асквита, или сложить руки, сдавшись на милость наступающих родбаридов. Но последнее менее всего присуще человеку, существу неугомонному, всегда стремящемуся к победе даже в схватке с самым могущественным противником. И человек научился побеждать мамонтов и пещерных львов, чуму и черную оспу. Именно человек-победитель обуздал и заставил служить себе огонь и воду, химические процессы и энергию атома.

Теперь предстояла схватка с силициевыми существами… Асквит создал свой план еще в Мельбурне, как только получил информацию о действиях родбаридов. Он решил использовать для обуздания силициевых существ их не признающее никаких преград стремление друг к другу. Сразу же по прибытии в Пропилеи он при помощи геодезистов уточнил наблюдение,

сделанное Фурном, и определил истинное направление движения «черепахи» Ритама. Линия, проведенная через ось стекловидной дороги, чудесно созданной «черепахой» за одну ночь, проходила не через Таркор, а отклонялась немного в сторону и пересекала маленький городок Нельм, в котором находился филиал ченснепповского института, куда при эвакуации Таркора были вывезены законсервированные родбариды. Именно они, видимо, привлекали своих собратьев сильнее, чем выпущенные на свободу Питом Фурном. Этот вывод окончательно подтвердился, когда выяснилось, что родбариды, разбросанные взрывами по всей территории Таркора, но уцелевшие, изрядно подкрепившись останками ченснепповского института, тоже двинулись по направлению к Нельму.

В начале бомбежки их было пять, теперь их стало сорок восемь.

На планах столицы и ее пригородов, как на боевых картах, мы намечали красные линии. Точные промеры показывали путь родбаридов. Те четверо, которые закусили Пропилеями, двигались, не задевая на своем пути ничего существенного, но полсотни чудовищ из Таркора начали свое шествие, угрожая по пути изуродовать промыш-

ленное предместье столицы.

В эти минуты вся надежда была на план Асквита. Асквит уже превратился в диктатора. Его распоряжения выполнялись мгновенно, команды звучали властно и подавались толково. Глядя на него, нельзя было поверить, что он двое суток не имел ни минуты отдыха.

Родбариды подходили к Таркорскому озеру. Не меняя взятого направления, они погрузились в его воды. Мы в это время находились на противоположном берегу, ожидая, когда они появятся на песчаной отмели и продолжат свое неутомимое наступление. Мы стояли лицом к лицу с сильным, но, кажется, незлобивым врагом. За нашими спинами был огромный промышленный город. Разрушат ли родбариды его предместья, или план профессора Асквита спасет от бедствия тысячи людей?

Около нас на поляну, простирающуюся перед озером, садились вертолеты. Они беспрерывно сновали между Нельмом и Таркорским озером с подвешенными контейнерами, в которых находились ящики с законсервированными родбаридами, и напоминали ястребов, таскающих в когтях ягнят. Металлические ящики, такие же, как увезенный в бельевом фургоне Фурном, уста-

навливались вместе с контейнерами на трейлер.

Пришел последний вертолет. Все двенадцать ящиков были на трейлере, и почти одновременно с этим из воды, как сорок восемь богатырей, один за другим показались мокрые, окутанные легкими струйками пара родбариды.

Асквит вскочил в свой открытый автомобиль. Доктор Дювьезар и я устроились рядом с ним. Асквит не смотрел назад, крепко держась за спинку переднего сидения.

— Боитесь? — спросил я его тихо.

— Нет, живу: страх и надежда — вот, собственно, содержание жизни. Пошли! — скомандовал Асквит и положил руки на плечи своего шофера.

Машины двигались медленно. За роскошным, сияющим лаком и никелем автомобилем, строго соблюдая дистанцию в десять метров, полз трейлер с контейнерами, в каждом из которых помещался недвижимый родбарид. Обе машины начали продвигаться по поляне.

На этой поляне решалось большее, чем участь предместья столицы. Сорок восемь родбаридов наползали на трейлер, трейлер уходил от них. Так мы проехали метров сто. Асквит схватил шофера за плечи и стал разворачивать его влево. Шофер поеживался под сильными руками Асквита, но

не сопротивлялся, все прощая ему в этот момент.

Машины делали огромный плавный разворот на поляне. Когда было пройдено четверть круга, Асквит, белый, словно гипсовый, позволил себе не то чтобы обернуться, а скосить глаза влево.

Родбариды послушно, точно следуя за машинами, шли по окружности.

Асквит оставил шофера и закричал:

— Вперед! Вперед!

Машины ускорили ход. Родбариды двигались в нужном нам направлении, уводимые от города.

Асквит бросился на сидение, но тут же вскочил, проворно залез в карман к своему шоферу, вынул оттуда губную гармошку и, стоя в машине, начал наигрывать, отчаянно фальшивя, бравурный марш.

Теперь он напоминал средневекового кудесника, уводившего из Гаммельна грызунов, грозивших уничтожить этот город.

Пуно Тавур выиграл пари у своего шеф-редактора: в газетах метрополии не появилось ничего мало-мальски разъясняющего читателям сущность событий в Таркоре и Пропилеях. Недавно я просмотрел подшивки газет того времени. О чем

только не кричала в те дни пресса, какие только сенсации не вылавливали журналисты, стремясь отвлечь внимание читателей от силициевой проблемы! В какой-то мере это усердное замалчивание было оправданно: о биосилицитах было известно еще слишком мало, а надвигающиеся события считались грозными. Решение предотвратить возникновение паники представлялось разумным.

В «спасителях отечества» Асквит пребывал недолго. Больше того, о его подвиге известно было только в очень узком кругу. В газетах его портреты не появились, и это огорчило профессора самым искренним образом. То ли в шутку, то ли всерьез, но он угрожал городу отомстить, как отомстил волшебник, выведший грызунов из Гаммельна. Легенда утверждала, будто, утопив крыс, он вернулся в Гаммельн за вознаграждением, но отцы города, почувствовав себя уже спасенными, забыли о щедрых посулах и не заплатили обещанного своему избавителю. Тогда он, пользуясь и в этом случае своей волшебной дудочкой, увел из Гаммельна всех детей. Вряд ли, конечно, Асквит собирался заняться столь обременительным делом, но он угрожал, что расплатиться кое-кого заставит, и, кажется, преуспел

в этом. Однако все это произошло значительно позже. Только Асквит, умевший сочетать в себе смелость, ум, сообразительность, с одной стороны, и мальчишескую обидчивость — с другой, мог полупритворно неистовствовать по поводу утраченного «паблисити». Нас всех тревожило другое.

Сорок восемь родбаридов, покорно следовавших за своими законсервированными собратьями, были уведены на полигон, расположенный возле небольшого городка Лонара, в пятидесяти километрах от столицы. Это было остроумное и правильное решение. Правительство метрополии пошло на немалые жертвы, предоставив для родбаридов один из лучших полигонов страны. Мы уже въезжали на территорию полигона, а военные еще продолжали спешно эвакуировать свое хозяйство, оставляя блиндажи, бункеры, спецокопы, наблюдательные пункты, лаборатории, пультовые и подсобные помещения в распоряжение людей, которые должны были как-то сладить с существами, так неожиданно и так грозно вторгшимися в установившуюся жизнь метрополии. Легко сказать «сладить». В то время никто не мог представить себе, что же можно поделать с родбаридами.

В Таркоре люди убедились в бесполезности оружия, и все же полигон был окружен воинскими частями, оснащен всем, что только могла дать современная техника уничтожения. По привычке. Так казалось спокойнее.

Полигон спешно оборудовался самыми различными системами сигнализации, средствами связи, аппаратурой дистанционного наблюдения и дистанционной фиксации всего происходящего на огромном пространстве, отведенном для стрельб.

Страх перед родбаридами в те дни был еще настолько велик, что даже нас, меня, Дювьезара и еще нескольких членов Международной комиссии, подоспевших к этому времени в метрополию, людей, собственно, посторонних метрополии, сразу же, без соблюдения обычных в этом случае формальностей, допустили на один из секретнейших объектов, убрав, правда, оттуда все образцы вооружения.

Я вовсе не в осуждение говорю сейчас о страхе перед родбаридами. В те дни никто из нас, разумеется, не мог представить себе, что еще могут натворить эти милые создания. После торжественного прибытия на полигон все сорок восемь штук, сбившись в плотную кучу, смирно сидели

возле трейлера с контейнерами, но всем нам было ясно, что долго так продолжаться не может. Мы отлично помнили о их неудержимом трудолюбии и невероятной живучести. В Пропилеях «черепахе» потребовалось два часа на то, чтобы из одной особи получилось четыре. За два часа они достигли оптимальных размеров и начали вгрызаться в землю. Хотя еще неведомы были причины, побудившие их к такому размножению, но люди очень хорошо представляли, что если родбаридам вздумается размножаться, то только одна особь через двенадцать часов (не встречая в земных условиях никакого сопротивления и не тратя сил на конкурентную борьбу с иными существами) превратится в тысячу. За сутки их уже станет больше четырех миллионов, а через двое суток ее потомство будет исчисляться астрономической цифрой — 70.355.653.361.664.

На полигоне их было сорок восемь!

Пока они не размножались. А если начнут?..

Озабоченность, вызванная силициевой проблемой, побудила метрополию безропотно согласиться на международный контроль. В эти же дни вышло постановление о создании Объединенного института по изучению биосилицитов. В этот институт были привлечены ученые самых

различных стран. Одновременно в Организации Объединенных Наций был учрежден наделенный широкими полномочиями Силицитовый комитет с немалым числом подкомитетов и комиссий. В обе эти организации, как раньше и в Международную комиссию, действовавшую на Паутоо, вошли Юсгор и я.

Организационная сторона вопроса, что бывает редко, решилась быстрее практической. Мы обладали солидными правами, располагали огромными техническими возможностями, но не имели никакого представления, что же делать с родбаридами, и, ограничиваясь обсуждением проблемы, не принимали никаких решений, не имели возможности начать действовать. Не действовали, к счастью, и родбариды. Прошла неделя, началась вторая, а они неподвижно лежали возле контейнеров. Тогда мы отважились на безобидные, как нам казалось, эксперименты.

Профессор Асквит познакомил ученых, собравшихся к тому времени во вновь созданном институте, с работами покойного Куана Родбара, рассказал о методах оживления зародышей, о выращивании из них силициевых существ. Еще покойный профессор Родбар отметил, что жизнедеятельными и особенно активными ста-

новились эти существа только в том случае, если им перепадало хотя бы немного углеродистой органики. Но это относилось не ко всем особям. Сравнительно небольшие, диаметром около сорока сантиметров, коричневатые, они неподвижно лежали в железных ящиках. Похожие друг на друга, будто вышли из-под одного штампа, они были неразличимы. Все, кроме одного, словно выкованного из добротной, переливающей голубизной стали. Органика на него не действовала.

Все двенадцать законсервированных, лишенных углеродистой органики особей, включая и голубую, еще находились в контейнерах, стоящих на трейлере, когда мы решили попробовать разместить их в отдельных железобетонных боксах полигона. Не помню, почему именно состоялось такое решение. Вероятнее всего, мы стремились, если возможно, не допускать большой концентрации силициевых существ.

Однажды утром, с немалым удовольствием и не без тревоги предвкушая ожидающие нас события (а вдруг родбариды взбунтуются, не пожелав расставаться друг с другом), мы отдали команду развозить контейнеры по боксам. Все шло отлично, до тех пор пока мы не принялись за ящик с голубоватым экземпляром. Самоходный подъем-

ный кран, управляемый по радио, приблизился к трейлеру, приподнял контейнер, в котором находился этот родбарид. Как и при манипуляциях с предыдущими особями, все было спокойно. Но вот самоходный кран направился к боксу, и в этот же момент все сорок восемь родбаридов двинулись вслед за краном. Крану дали команду «стоп». Замерли и родбариды.

Так было сделано практически важное наблюдение: уводил из Таркора своих собратьев именно этот голубоватый экземпляр. Трогать его показалось рискованным. Трейлер увезли, а контейнер оставили на открытой площадке полигона.

Нам все же везло. Ровным счетом ничего не ведая о повадках родбаридов, часто рискуя, нам удавалось обходиться без жертв.

Не было жертв и в то утро. Как только самоходный кран уехал, от общей кучи отделились пять родбаридов и направились к оставленному контейнеру.

То, что произошло в следующие мгновения, воспринято было нами как нечто едва уловимое и трудноописуемое. К сожалению, в то время наблюдательный пост еще не был оборудован киносъемочными приспособлениями, готовыми в любой момент начать съемку. Это упущение

вскоре было исправлено, и с тех пор киноаппараты всегда держали наготове.

Попробую передать свои впечатления от виденного в то утро, полагаясь только на память.

Пять родбаридов один за другим медленно направились к контейнеру с сидящей в нем голубоватой особью и вскоре расположились вокруг него, образуя правильный пятиугольник. Минут через десять эти родбариды, растягиваясь, образовали части круга, вскоре замкнувшего контейнер. В момент смыкания произошла вспышка. Нечто похожее на мгновенно исчезнувшее облако внезапно обволокло контейнер, и контейнера не стало. Никто из нас не заметил, когда родбариды вновь обрели свою привычную форму и из сплошного кольца опять превратились в приплюснутые шары: мы смотрели на то место, где только что стоял контейнер. Там лежала голубоватая особь, освободившаяся при помощи своих собратьев от убежища, припасенного ей человеком.

Почти недельный период покоя у родбаридов закончился. Завершился какой-то внутренний процесс, и они начали действовать. Опять вспомнилось их могущество, вновь пришло на ум все, что они натворили в Таркоре и Пропилеях, и,

признаться, стало жутковато при мысли о том, к чему может привести эта их новая деятельность.

В этот день руководством института было принято только одно решение: к голубоватой особи, охраняемой пятью родбаридами, не подходить.

Что можно было поделать в то время? Практически ничего. Оставалось наблюдать и ждать. Это было унизительно. Как-то не хотелось смиряться, признавать свою беспомощность, однако доводы разума были сильнее и безрассудно никто не рисковал. Вместе с тем мы верили, что непременно должны осилить существа, представлявшиеся могущественными и считавшиеся непознанными. Впрочем, нужно сказать, что уже тогда, в дни первого знакомства с особями, вызванными к жизни профессором Куаном Родбаром, некоторые ученые выдвигали гипотезы, в какой-то мере объяснявшие, что такое родбариды. Почти все гипотезы, как только они возникали, казались интересными, подчас весьма убедительными, но начинался их анализ, обсуждения, споры, и порой от только что высказанного предположения не оставалось камня на камне. В одном только ученые были единодушны: силициевые существа коренным образом отличаются от всех известных науке земных существ. Этого было маловато.

Многие сходились на том, что, видимо, на какой-то суровой планете, не так щедро согретой, как наша, зарождалась жизнь, в процессе эволюции принявшая формы существ, появившихся у нас. Не было, вероятно, на той планете защитных оболочек, так надежно оберегающих все живое на Земле, и силициевые создания приспособились к низким температурам, к жесткому, губительному для нашей биосферы излучению. Некоторые ученые предполагали, что для этой неведомой планеты характерны очень резкие температурные изменения, коль скоро биосилициты «научились» не бояться не только холода (в Таркоре их пробовали купать в жидком воздухе, и им ничего не сделалось), но и непомерного для земных организмов зноя (бомбежка им пришлась не по вкусу, но многие из них вышли из пекла неповрежденными).

Мы слишком мало знали, что представляли собой родбариды, и совсем ничего не знали о породившем их мире, но уже тогда могли прийти к выводу, что на их родной планете отсутствует кислород. Биосилициевые создания не нуждались в воздухе, следовательно, в процессе своего эволюционного развития овладели энергетикой, отличной от нашей. Не фотосинтез

— основа основ земной жизни, а энергетика расщепляющихся радиоактивных веществ была использована этими существами, и это дало им возможность противостоять резко меняющимся внешним условиям. Больше того, не исключено, что на их планете вообще отсутствует газовая оболочка и силициты превосходно обходятся без нее, строя свое тело из содержащих кремний веществ, потребляя нужные им для процессов обмена металлы, питаясь энергией, заложенной в атомарно-активных веществах.

Исходя из этого, мы делали предположения еще более смелые. Ведь если силицитам не страшно отсутствие атмосферы, то не убоялись они, вероятно, и космических просторов. Если так высок их энергетический уровень и они обладают свойством аккумулировать в малом объеме колоссальную энергию, то все это, очевидно, позволяет им довольно сносно чувствовать себя в космосе. Может быть, они и отважились на изучение Вселенной именно потому, что в мировом пространстве им немного хуже, чем на мертвой (с нашей точки зрения) планете? Может быть, и прилет к нам был для них делом не таким сложным, каким он является для человека?

Прилет к нам… О, сколько это вызывало спо-

ров, порождало догадок и смелых, зачастую обнадеживающих предположений. Вот здесь-то большинство из нас и видело уязвимую сторону биосилицитов. Ведь не удалось что-то в их «экспедиции». На Землю они попали и все же не смогли без помощи человека развиться, выполнить свою миссию. Значит, не так уж всемогущи силициевые существа, следовательно, и на них человек сумеет накинуть узду и уж, конечно, не позволит, чтобы силициты наделали бед на Земле.

Не позволит… Но как? Вот это-то пока и оставалось неясным. В кабинетах и лабораториях гипотезы рождались одна привлекательнее другой, а на полигоне все оставалось по-прежнему. В родбаридах шли какие-то неведомые нам процессы, они готовились, по всей вероятности, к какому-то новому этапу своего существования и не обращали на нас никакого внимания, а мы пока вынуждены были довольствоваться хорошо организованной системой наблюдений и, постоянно сменяя друг друга, дежурили на полигоне-заповеднике.

9 мая дежурил профессор Асквит. В восемь вечера его сменял Юсгор. Юсгор любил точность во всем. Он никогда не опаздывал, но и не появлялся в институте раньше положенного времени. На

этот раз он почему-то приехал минут за двадцать до начала смены, сразу прошел на наблюдательный пункт и там… не застал Асквита. Несколько смущенные сотрудники, дежурившие с Асквитом, сказали, что профессор отлучился. Это было серьезным нарушением строго установленного порядка. Никто из ответственных сотрудников института не позволял себе такой вольности и никогда не оставлял центральный пульт на помощников. Положение Юсгора было щекотливым. Немедленно поставить в известность о случившемся директора, как этого требовали правила, он не решался, считая это неудобным по отношению к такому человеку, как профессор Асквит, но и сам нарушать правила не хотел. Прошло десять, пятнадцать минут, но Асквита не было. В момент, когда Юсгор все же взялся за телефонную трубку, профессор появился. Чем-то, видимо, очень взволнованный, он сразу же предложил Юсгору освобождение от дежурства.

— Если хотите, Юсгор, езжайте в город. Вам, вероятно, порядком надоел полигонный поселок. Я с удовольствием пробуду здесь, пока не приедет на смену господин Курбатов.

— В городе меня ничего особенно не привлекает, и, кроме того, как вы знаете, замена

шеф-дежурных в каждом случае должна непременно согласовываться с директором.

— Да, да, я совсем упустил это из виду. Беспокоить доктора Дювьезара, пожалуй, неудобно. Доброй вам ночи, Юсгор. Повнимательнее посматривайте за этими сбившимися в кучу поросятами.

— Вы ожидаете каких-нибудь событий?

— Как вам сказать?.. Все может быть, все может быть. Ну, Юсгор, я поехал.

Асквит, хотя и попрощался, оставляя Юсгора на наблюдательном пункте, однако из института не уехал.

Ночью раздались сигналы тревоги. Это означало, что родбариды начали какую-то еще неизвестную нам деятельность. Система сигнализации и связи была организована так, что каждый из нас, даже находясь в своих коттеджах в Лонаре, немедленно узнавал о происходящем в Объединенном институте. Все ответственные сотрудники института постоянно находились на посту и в любую минуту были готовы… Вот к чему мы были готовы — трудно сказать. Во всяком случае, к самопожертвованию.

Когда началась тревога, я был с Асквитом. Приехав в институт, чтобы сменить Юсгора, я, к

своему удивлению, несмотря на столь поздний час, застал Асквита в холле главного здания. Мне, как и Юсгору, показалось, что он нервничает, чего-то ждет. Он беспрерывно курил, был бледен, рассеян.

— А, господин Курбатов! Вы уже на дежурство?

— Да, в двенадцать я должен сменить Юсгора.

— В двенадцать, в двенадцать… Почему в двенадцать? Ах, да. Впрочем, это все равно… Скажите, если это не секрет, конечно, в России не предпринимают никаких мер, чтобы раздобыть Сиреневый Кристалл?

— Мне об этом ничего не известно.

— Понятно, понятно. Так обычно отвечают дипломаты.

— Ну зачем вы так, профессор? Я и в самом деле ничего об этом не знаю. Насколько я могу судить, ни одно из советских научных учреждений поисками кристалла не занимается. Да я и не вижу, по правде сказать, почему бы у нас стали интересоваться кристаллом.

— Да, да, конечно… Не интересуются, говорите? Впрочем, это естественно. А вот Нум Ченснепп интересуется.

— Что же здесь мудреного? С ним вы, человек, больше всех нас знающий о кристалле, вероятно,

более откровенны, чем с нами.

— Я порвал с Ченснеппом и не намерен больше на него трудиться. Я поставил на этом точку.

— Насколько я вас знаю, Асквит, вы точку с легкостью можете переделать в запятую.

— Могу, Курбатов, могу. Но сделаю это только в том случае, если такая операция будет выгодна мне. Вот так. Хватит. Нум Ченснепп не хочет упустить ничего, стремится прибрать все к своим рукам. Не выйдет. Со мной не выйдет. Я не принадлежу к числу людей, позволяющих себя грабить.

— Чаще всего это не зависит от желания ограбляемых! Что вы не поделили с Ченснеппом, если не секрет, конечно?

— Плазму.

— Ого!

— Концерн даже потерю Таркора переживет довольно безболезненно, так как синтез силициевых производных при помощи плазмы дает ему огромные прибыли. Без меня Ченснепп не имел бы плазмы.

Циничная откровенность Асквита была великолепна.

— Вы не думаете, профессор, что теперь несколько поздновато пытаться отобрать у Ченснеппа

живое силициевое вещество?

— А я и не собираюсь. Я требую половину прибыли, и только.

— Это много?

— Меньше, чем мне надо.

— Для чего?

— Не для покупки яхты, не для прожигания жизни, поверьте. Я вам уже говорил: я хочу, я должен быть сильнее и Ченснеппа, и Карта. А для этого мне нужны деньги. Много денег и… Сиреневый Кристалл!

— Ару вам так и не удалось найти в Австралии?

— Ару? Какого Ару? Ах, Дагира. Исчез подлец. Ничего. Найдем.

Я не придал тогда особенного значения обмолвке Асквита, не обратил внимания на то, что он Ару назвал Дагиром. Вообще Асквит в ту ночь был несколько странным. Никто тогда еще не догадывался, что он проделывал с родбаридами. Когда взвыли сирены, он вскричал:

— Началось!

Через несколько минут мы уже были на наблюдательном пункте полигона.

А там родбариды снова вгрызались в почву. Все, кроме пяти сторожей, неотлучно находившихся

возле своего голубоватого собрата, сплошной массой стали действовать настолько активно, что уже к полудню следующего дня углубились метров на двадцать. Постепенно шахта расширилась, достигла сорокаметрового диаметра, а родбариды шли все глубже и глубже.

— Они затеяли прогулку к центру Земли, — шутил по привычке Асквит. И его, разумеется, не покидала настороженность, а нас всех все больше и больше одолевало любопытство. Что делается в шахте? Каким способом родбариды совершают эту титаническую работу? Мы ничего не знали. Мы слышали только непрестанный гул, исходящий из глубины, видели из наблюдательных пунктов, как над шахтой вьется дымок, как она светится в глубине, а ночью свет от нее фосфоресцирующим столбом поднимался к небу. «Шахтеры» не выбрасывали грунт на поверхность. Стены шахты, как впоследствии показал анализ, сплавленные в монолит, состояли фактически из совершенно неизвестного людям вещества. Силициевые создания умели не только перерабатывать в своих телах грунт, но и уплотнять его, производя межмолекулярную перестройку, используя минералы Земли как энергетическую основу своего существования, и

это обеспечивало им еще невиданное человеком могущество.

12 мая мы отметили, что непрестанный гул, исходивший из гигантского колодца, несколько утих. При помощи телекамер, опущенных с подъемных кранов в шахту, мы видели, как начались «гонки по вертикальной стене». Невольно вспоминался этот цирковой аттракцион, когда отдельные родбариды, двигаясь по спирали, кое-когда обгоняя друг друга, стали вылезать из шахты на поверхность, неся на спине небольшой, металлически поблескивающий цилиндрик. Вылезший из шахты родбарид подползал к одному из пяти «сторожей», цилиндрик в какой-то едва уловимый миг оказывался уже на спине «сторожа», тот поглощал «корм», и «добытчик» вновь уползал в шахту.

Подкормка шла беспрерывно.

Родбаридам не требовалось отдыха, сна, так необходимых всем животным Земли, но в их работе мы вскоре заметили некоторую периодичность. Особенно активны они были в определенные часы суток, и это были именно те часы, когда в институте находился Асквит. Эту законо-

мерность мы с Юсгором подметили первыми и на очередном совещании отважились поделиться с коллегами своими выводами. Кроме конфуза, из этого ничего не вышло. Асквит нас высмеял — а это он умел делать великолепно, — и сразу же после совещания обнаруженное нами явление больше не наблюдалось. Родбариды стали круглосуточно таскать цилиндрики для своих «сторожей», и это окончательно убедило и меня, и Юсгора в том, что Асквит скрывает от всех нас нечто весьма существенное. Оставалось одно: как можно пристальнее следить за неугомонным профессором.

15 мая состоялось чрезвычайное заседание руководства Объединенного института совместно с членами Силицитового комитета ООН и представителями правительства метрополии Западного Паутоо. Обсуждался проект, выдвинутый директором института доктором Дювьезаром.

Шахта к этому времени имела глубину не меньше трехсот метров. Все родбариды, как правило, находились там. Предлагалось выбрать момент, когда на поверхности не окажется ни одной особи, и взорвать предварительно опущенную в шахту атомную бомбу.

Проект был несколько неожиданным и впе-

чатлял. Мнения ученых разделились. Нашлись защитники родбаридов, считавшие уничтожение их преждевременным, так как человек во что бы то ни стало должен изучить и освоить привлекательную силу космоса, но большинство, устрашенное Пропилеями и Таркором, находило правильным начать ликвидацию силициевых существ, и притом как можно скорее. Юсгор в какой-то мере примирил спорящих, напомнив, что законсервированные особи безопасны, их легко можно держать в руках, а уничтожать следует только те экземпляры, которые получили возможность двигаться, разрушать и вообще вышли из-под контроля. Он был сторонником планомерного и целенаправленного исследования, считал возможным по мере накопления опыта активизировать законсервированные особи одну за другой и таким образом, так сказать, неуправляемую реакцию перевести в управляемую. Доводы Юсгора сочли резонными, но все же в первую очередь стали выяснять, осуществимо ли полное и гарантированное уничтожение родбаридов, вырвавшихся на свободу.

Опыт бомбежки родбаридов в Таркоре не прошел даром. Обстоятельное изучение «поля боя» показало, что родбариды все же уязвимы. В тех

местах, где температура достигала 1500 °С, они плавились, где давление, созданное взрывами, превышало 800 кг/см^2, они разрушались. Это было естественно, конечно, так как нельзя себе представить, чтобы какие бы то ни было структуры вплоть до очень энергетически стойких молекулярных или даже атомных при всех мыслимых условиях оставались нерушимыми. Гибли при определенных условиях и силициевые существа. Неистребимость их была кажущейся, и поначалу уверовали в нее лишь потому, что в Таркоре часть родбаридов, разбросанных взрывной волной, попала в такие места, где температура и давление оказались ниже тех, которые для них были безусловно опасны. Эти экземпляры выживали и тотчас же принимались за свою деятельность.

Иначе дело обстояло бы в глубокой шахте. Собранные в сравнительно небольшом замкнутом объеме, родбариды не смогли бы уцелеть, так как температура и давление при взрыве атомной бомбы оказались бы гибельными для них.

Одним словом, атомная бомба, взорванная в шахте, должна была ликвидировать силициевую опасность — в этом никто не сомневался. Беспокоило другое: как быть с остальными родбаридами. Законсервированные коричневые особи, видимо,

не очень-то интересовали вырвавшихся на свободу родбаридов. Мы увезли их в самые отдаленные участки полигона, и родбариды не выказали по этому поводу никакого беспокойства. А как они будут реагировать, если мы тронем так усердно охраняемую ими «голубую принцессу»?

Решено было попытаться проверить.

На полигон-заповедник все необходимое доставлялось как по волшебству. Десятки стран с готовностью посылали в Объединенный институт все, что только нам требовалось. Приборы, аппаратура, любые приспособления и материалы мы получали быстро, совершенно не заботясь о стоимости. Уже через двое суток после принятия «атомного варианта» на полигоне появился дистанционно управляемый бульдозер. 17-го утром началась решающая проверка. На полигоне остались только сотрудники, выделенные для проведения эксперимента. Такая предосторожность была не лишней: никто не мог знать, чем закончится наша проба.

С проверкой аппаратуры было покончено, и мы собрались в блиндаже, откуда по радио можно было управлять бульдозером-автоматом.

Асквит, не столько истово, сколько забавляясь, перекрестился и нажал кнопку. На пульте

загорелось табло готовности, профессор взялся за рычаги управления, кинокамеры пришли в движение, а мы уставились в экраны телевизоров.

Бульдозер наступал на голубоватое создание медленно, но уверенно. Можно было ожидать всего: и мгновенной «аннигиляции», как это было недавно с контейнером, и набрасывания стекловидного одеяла, как это было в Пропилеях с танком, и чего угодно. Как только бульдозер приблизился к мирно сидевшей на полигоне пятиугольной звезде с «голубой красавицей» посредине, все шесть особей отодвинулись от бульдозера. Это нас удивило. Голубоватая особь, так сказать нерасконсервированная, еще не приобрела способности двигаться самостоятельно подобно остальным родбаридам. Каким же образом она могла переместиться? Оставалось предположить, что «солдаты», ни на миллиметр не нарушавшие взятую раз навсегда дистанцию, создали какое-то силовое поле и перенесли подальше от беспокойного бульдозера свой так тщательно охраняемый объект. Однако тогда нас больше всего интересовало другое: нападут ли «сторожа» на бульдозер или не нападут? Они, очевидно не имея права оставлять свои посты, не напали. Это уже было победой. Правда, оста-

валось еще не выясненным многое. В решающий момент на выручку «солдатам» могли подоспеть «шахтеры». Родбариды могли, например, отступать только до тех пор, пока не подойдут к самому краю шахты, и уже там отважиться на защиту. Словом, вариантов могло быть множество, затея наша столкнуть их всех в огромную шахту могла, конечно, провалиться, однако пробовать все же стоило.

Несколько подбодренные удачным экспериментом, мы приступили еще к одной проверке. Кроме автомата-бульдозера мы располагали управляемым по радио подъемным краном, установленным у самого края шахты.

— Крестите сь и начинайте! — предложил Асквит, обращаясь ко мне. Я включил кнопку готовности на своем пульте и взялся за рычаги.

В шахту, на четыреста пятьдесят метров (родбариды к этому времени успели проникнуть на эту почтенную глубину), был спущен макет атомной бомбы.

Родбариды не обратили никакого внимания на наши упражнения и продолжали усердно трудиться, щедро снабжая своих «воинов» цилиндриками. Даже немного жаль их стало. Асквит, пожалуй, больше всех нас сомневался в

правильности принятого решения и все нежнее отзывался о силициевых существах:

— Они еще никого не обидели, никому не принесли никакого вреда. Господа, Поль Ритам поправляется. Нет, это вполне серьезно. Господин Курбатов, вы вчера навещали его в больнице, подтвердите мои слова. Крокодильчик? С крокодильчиком худо. Ну а что касается Таркора и Пропилеев, то черт с ними: Ченснепп и Карт наживут новые, используя силициевую плазму. Жаль, господа, ей-богу, жаль родбаридиков. Сейчас они очень милы и забавны, во всяком случае скучать не приходится, а сумей мы овладеть ими, они могут принести не малую пользу.

Вероятно, многие разделяли сомнения Асквита, однако вслух никто их не высказывал и приговор силицитам был вынесен. Оставалось определить дату уничтожения.

Вот тут-то и возникло затруднение. Метрополия Западного Паутоо не имела атомного вооружения. Начались переговоры с «атомными» державами — и «волшебства» как не бывало. Нужный нам прибор, если он вдруг оказывался в Японии, и только в Японии, прибывал буквально на другой день, после того как был затребован, а вот атомная бомба…

По поводу атомной бомбы переговоры продолжались. Конца им было не видно, а время шло. Кормежка «солдат», охранявших «голубую красавицу», не могла длиться вечно, и нам было понятно, что, как только они насытятся, должны будут начаться какие-то еще неведомые нам метаморфозы. Биосилициты прельщали своими способностями, но, так как совершенно неизвестно было, что они еще могли выкинуть, насытившись, промедление с бомбой тревожило все больше и больше.

Пока в высших сферах решался вопрос о бомбе, мы отважились еще на один опыт. Кран, превосходно оборудованный для дистанционного управления, не давал Асквиту покоя. Даже не согласовав ни с кем из нас (доктор Дювьезар вообще ничего не знал о его проделке), он сумел сделать так, что на конце троса крана установили манипулятор. О затее предприимчивого ученого мы узнали только тогда, когда у него все было готово. Соблазнившись его интереснейшим и по сути дела не очень-то рискованным планом, мы стали дружно уговаривать директора. Доктор Дювьезар, будучи прежде всего ученым, не устоял и разрешил эксперимент.

Асквит из бульдозериста захотел превратиться

в крановщика, но мне не хотелось уступать ему кран:

— Если вы считаете, профессор, что я плохо справился с обязанностями крановщика, опуская в шахту макет бомбы, то я потребую доказательств...

— И что?

— И все равно не поверю доказательствам.

— Правильно сделаете. Но суть не в том. Идея моя, и я хочу сам ее осуществить. Уступите кран. Ну, я вас очень прошу. И знаете почему? Из чисто практических соображений: роль вора мне подходит больше, чем вам.

С Асквитом определенно ничего нельзя было поделать.

К опыту все было подготовлено. Шуток в бункере наблюдения больше не слышалось. Все, и в первую очередь Асквит, стали серьезными, как только вспыхнул сигнал готовности.

Манипулятор, укрепленный на кране вместо крюка, опускался все ниже и ниже. Мы переключили телевизоры на максимальное увеличение.

Из шахты показался очередной «снабженец», несший на спине поблескивавший на солнце цилиндрик. Асквит повел кран за ним. Родбарид приблизился к «охраннику». Настал момент,

когда «пища» должна была перенестись на спину «сторожа», и в этот миг профессор Асквит с ловкостью, достойной зависти, сработал манипулятором. Трос взвился, унося цилиндрик. Мы замерли в ожидании.

Родбарид-поставщик, не обратив никакого внимания на пропажу, снова отправился в шахту.

В бункере было тихо. Мы долго смотрели на поднятый краном цилиндр, стараясь осмыслить происходившее. Я нарушил молчание:

— А не механизмы ли это, господа? Трудно себе представить, чтобы животное, учтите, очень могучее животное, так безучастно отдало добычу. Подобным образом действуют автоматы. Посмотрите, родбарид совершил свой урок, дошел до «сторожа», освободился от ноши и вновь, слепо и покорно повинуясь высшему приказу — не то заложенной в него программе, не то вековому инстинкту, отправился добывать следующую.

Кое-кто поддержал меня, кто-то возразил, но это впервые высказанное тогда предположение не привлекло особенного внимания: всем не терпелось узнать, что же похитил у родбаридов профессор Асквит.

Цилиндр оказался чистейшим германием, близким родственником и углерода, и силиция.

Стоит ли описывать, как разгорелись тогда страсти! Манипулятор без устали выуживал цилиндрики. За день мы их натаскали десятка три, и уже одно это могло окупить все затраты, произведенные на содержание Объединенного силицитового института. Родбариды кормили своих «солдат» обильно и разнообразно. Германий преобладал, но попадались цилиндрики с иридием и осмием, рением, вольфрамом и даже чистейшим полонием. Рассеянные в земной коре элементы концентрировались родбаридами, родбариды отбрасывали все им ненужное, укрепляя стены шахты, доводя ее плотность, как мы впоследствии выяснили, до непостижимой величины, и прилежно снабжали свою избранную пятерку.

Зачем? Мы, конечно, не знали этого.

В то время трудно было разобраться во всем происходящем. Привлекали добываемые родбаридами поистине сказочные богатства, и не покидало чувство страха, чувство ответственности за благополучие и даже за существование человечества. Не терпелось узнать, когда же решится вопрос с атомной бомбой, и вместе с тем теплилась какая-то надежда на лучший исход, при котором очень привлекательные для чело-

века биосилициты будут как-то освоены. Асквит был возбужден больше остальных. Он уже тогда замысливал и начал выполнять свой дерзновенный и неприглядный план. Смелость его порой граничила с безрассудством: он непременно хотел поближе познакомиться с родбаридами, собирался подойти к ним, к шахте, к «охранникам», к «принцессе».

— Это безумство, Асквит.

Асквит, против обыкновения, не сумел скрыть обиды, но все же слегка унялся. На другой день в механических, но очень ловких и осторожных, пальцах манипулятора, укрепленного на кране, находилась собака. Профессор Асквит, теперь действительно лучший наш крановщик, как только увидел выползавшего из шахты родбарида, опустил на него подопытное животное. Яркая вспышка — и пса не стало. Асквит погрустнел и уже не рвался к «шахтерам».

Наконец с бомбой было все улажено. 20 мая ее должны были доставить к нам на полигон. Обогащаться за счет силициевых тружеников было уже недосуг: спешно начали подготовку к взрыву. Но судьба (а может быть, силициты?!)

рассудила иначе.

В ночь на 19 мая вновь раздались сигналы тревоги.

Дежурил Асквит. Когда мы с Юсгором вбежали в командный бункер, последние из сорока трех родбаридов уже вылезали из шахты, пробуравленной ими к этому времени на глубину больше километра. Через несколько минут все они двойным кольцом окружили свою «голубую принцессу». От их тел, пульсирующих, гудящих, вырывались вверх тончайшие иглы-лучи, образуя переливчатую, как северное сияние, завесу.

Вскоре один из «охранников» двинулся к «принцессе». Мы ждали, что же произойдет, но так в первый момент ничего и не поняли. «Воин» как-то неуловимо слился с «голубоватой красавицей», за ним последовал второй, третий. Не прошло и получаса, как «охранников» не стало, а охраняемая особа ярко засветилась, испуская фиолетовое сияние, и вдруг померкла. Больше всего нас поражало ее пристрастие к сохранению фигуры: она, поглотив свою стражу, почти не увеличилась в объеме, следовательно, в несколько раз увеличила плотность.

Теперь Юсгор волновался больше всех нас:

— Это непременно должно привести к каким-то

особенным изменениям биосилицитов. Я уверен, господа, мы присутствовали при чрезвычайно важном событии в их жизни.

С этого времени Юсгора интересовало только одно — «голубая красавица». Она, поглотив своих верных прислужников, лежала неподвижно. Оставшиеся сорок три родбарида разомкнули кольцо и выстроились в ряд, растянувшись по полигону. Все замерло, стало бездейственным. Уже тогда Юсгор предположил, что замирание это временное, в какой-то мере напоминающее процесс превращений, наблюдаемых у наших земных насекомых. Из «гусеницы» голубоватый родбарид превратился в «куколку». Несомненно, в ней идут какие-то процессы и в результате должна наступить новая фаза, при которой образуется нечто другое, может быть более совершенное. Но что? Какая бабочка вылетит из этого неподвижного кома?

Мы уже тогда шутили: в будущем должен появиться юсгорид.

А между тем надо было думать о настоящем. Неожиданное (раньше, чем мы раздобыли бомбу) действие родбаридов сорвало план атомного уничтожения. Применить бомбу можно было только в том случае, когда все «враги» оказались

бы в шахте, а теперь… Теперь мы вновь совещались, неустанно дежурили и очень устали от ожидания.

Не знаю почему, но мы немного осмелели к тому времени. Может быть, этому способствовало затишье в деятельности силициевых существ, может быть, мы стали привыкать к ним. Как бы то ни было, нам не терпелось познакомиться с ними поближе. Опыт с собакой был повторен, и на этот раз смирно сидевшие в длинном ряду родбариды ничем не обидели пса. Совершенно невредимым он был доставлен в лабораторию, исследован биологами и медиками, совершил полеты в лапах манипулятора еще несколько раз, и профессор Асквит уверенно заявил:

— Не живые они. Вы правы, господин Курбатов. Это роботы. Они сделали свое дело и теперь стоят, словно утерявшие или закончившие программу. Непонятно только, что же с ними происходит? Чем больше мы их наблюдаем, тем яснее становится первоначальное и вполне естественное, конечно, заблуждение, в силу которого все мы считали их силициевыми существами.

— Если это и роботы, профессор, то они, вероятно, не электронно-механические подобно нашим, земным, а биосилициевые, снабженные совер-

шеннейшей системой энергетики. Не исключено, что пославшие их…

Асквит схватил меня за руки и смотрел прямо в глаза, не отрываясь.

— Как вы сказали? Пославшие их… Пославшие их! Да ведь это ключ ко всему. А что, если это и в самом деле не случайно попавшие на Землю существа, притаившиеся в метеорите, а… Пойду посмотрю.

— Не стоит рисковать.

— Стоит, стоит! А ключ не в этом. С ключом еще надо повозиться. Микроорганизмы, которые вы на Паутоо превратили в плазму, зародыши, которые оживил Родбар и из которых вывел родбаридов, — все это как-то схоже между собой, и только одно стоит несколько особняком.

— Сиреневый Кристалл?

Асквит молча кивнул и чуть поспешно выпустил мои руки.

В ту ночь я нес очередное дежурство по институту, сменив Асквита. На полигоне все было по-прежнему, и в пультовой приборы светились обнадеживающими зеленоватыми лампочками. Порядок был установлен для всех один, и

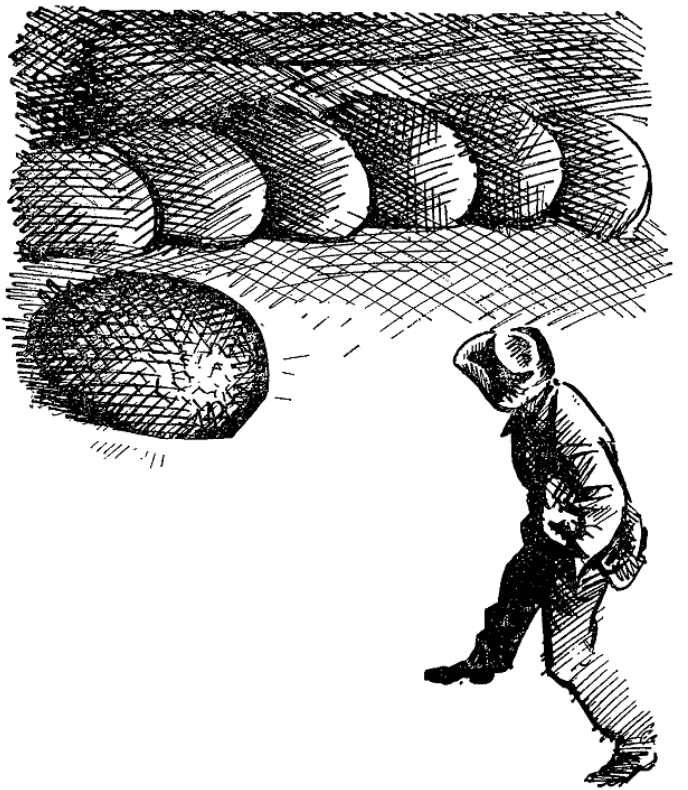
очень строгий: в то время когда не проводились какие-либо эксперименты, предусмотренные программой, на полигон никто не допускался.

Под утро, когда особенно тянет ко сну, мне вдруг показалось, что на одном из телеэкранов мелькнуло темное пятно. Я быстро осмотрел пульт. Скорее, по привычке. Приборы были настроены на родбариды, система наблюдения не предусматривала контроля за людьми, которые могли неожиданно появиться поблизости от силицитов. Я перевел одну из телекамер на большое увеличение. Сомнения отпали: на площадке был человек. Медленно, но твердо, засунув руки в карманы, чуть сутулясь, он пересекал поросший бурьяном участок, приближаясь к крайнему слева родбариду. Я уже собрался включить сигнал тревоги, но в этот момент мне показалась очень знакомой фигура, передвигавшаяся вразвалочку, и я дал максимальное увеличение. Это был профессор Асквит.

Он не дошел шагов двадцать до родбарида и остановился. В это время я заметил, что родбарид пошел на него. Асквит отступил; родбарид продолжал наступление. Остальные лежали неподвижно. Я включил кинокамеру, включил, не глядя на кнопку, не отрывая глаз от экрана, на

котором достаточно четко видел нашего отчаянного профессора, а он… не убегал. Мне хотелось крикнуть, инстинктивно предостеречь его, но я не крикнул. И вероятно, вовсе не потому, что Асквит во всех случаях не услышал бы моего голоса. Я просто не смог. А через несколько секунд я вспомнил собачку, на которой никак не отразилось близкое знакомство с силициевым существом. Пес, подвешенный к манипулятору подъемного крана, даже непочтительно облаял чудовище, но и за эту дерзость наказан не был. Впрочем, это успокаивало мало. На собаку родбарид и не думал наступать, а вот на человека он наступает. Опять стало тревожно, рука снова потянулась к кнопке тревоги и бессильно повисла в воздухе: Асквит выделывал на полигоне ошеломившие меня номера. Он держал что-то в руке и поддразнивал родбарида, то приближаясь к нему, то удаляясь. Создавалось впечатление, что родбарид, как голодный и плохо воспитанный пес, тянется за подачкой, а профессор, словно шаловливый мальчишка, дразнит, не отдавая лакомый кусок. Асквит ускорил шаги, и родбарид, как послушный щенок, пошел за ним. Асквит сворачивал вправо, влево, прошел по кругу, ведя за собой родбарида, и наконец вернулся к тому ме-

сту, где в ряду своих собратьев вот уже несколько дней преспокойно сидело поддразниваемое им существо. Водворив таким образом его на место, Асквит запрятал непонятный для меня предмет в карман, быстро отбежал от родбарида, погрозил ему пальцем и ушел.



Первая пробная дрессировка была закончена. Дрессировщик уцелел.

Я протер глаза, тряхнул головой, все еще не веря случившемуся. Асквит исчез из поля зрения телекамеры, переведенной на большое увеличение. Я переключил камеры и смотрел, как профессор преспокойно направлялся к бункеру наблюдения.

— Не спите? То-то же.

— Асквит, что вы проделывали сейчас с родбаридами?

— Я? Да вы что? Я не подходил к площадке. Вы все же вздремнули, наверное, мой друг. Ай, ай, ай! Это на дежурстве-то?

Я обругал его, невольно перейдя на русский язык, и бросился к кинокамере. Кассета была пуста, съемку, оказывается, я вел вхолостую. Только тогда я сообразил, что дежурство принимал от Асквита, и мне, конечно, в голову не могла прийти мысль проверить, заряжена ли пленкой камера. Тогда я обругал его по-английски, выискивая ругательства позабористее.

Асквит мило улыбался.

А мне было не до смеха: мне чертовски хотелось узнать, чем он поддразнивал родбарида.

Глава восемнадцатая

●

Юсгориды

Восемьдесят дней на полигоне-заповеднике продолжалось затишье: силициевые создания ничем себя не проявляли. Сотрудники института, немного придя в себя после бурно развивавшихся событий, занялись разработкой программы исследований, составлением проектов овладения биосилицитами и просто осмысливали случившееся. Все чаще возникали диспуты на тему «Кто они или что они?». Мнения и в этом случае разделились, и, хотя теперь уже большинство ученых склонны были считать силициты своеобразными кибернетическими устройствами, созданными какими-то разумными существами, находились сторонники гипотезы их естественного происхождения. Разумеется, всех интересовало, каков же тот мир, где они развивались или были созданы. Как только несколько ослабло опасение, что родбариды активно вмешаются в земные дела, сразу же нашлись люди, пространно рас-

суждавшие о несправедливости уничтожения силицитов. Им, естественно, возражали те ученые, которые считали недопустимым появление в нашей биосфере существ с чуждой нам и вместе с тем совершенной структурой и энергетикой. Словом, нерешенных вопросов с каждым днем становилось больше, чувство ответственности за происходящее не утихало и только сознание, что биосилициты собраны в одном месте и как будто не собираются разбредаться по Земле, несколько успокаивало. Однако и это относительное спокойствие продолжалось недолго.

Силициевая плазма с момента получения ее на Паутоо была распространена по миру настолько, что вопрос о запрещении применять ее, хотя и ставился в международных организациях, уже не мог быть решен положительно. Противников этого запрещения оказалось слишком много, никакой непосредственной угрозы человечеству она, видимо, не представляла, так как ее уже научились держать в руках, а приносимая силициевой плазмой польза была настолько велика, что вынести решение о запрете стало невозможно. Хуже дело обстояло с родбаридами.

Не прошло и месяца со дня их увода на полигон близ Лонара, как появились слухи о том, что кто-

то тайно поторговывает родбаридами. Возникали подозрения, что кем-то организован заповедник, не контролируемый Силицитовым комитетом ООН, и это вызвало немалую тревогу. Никто не знал, чем кончится сидение родбаридов на полигоне, находящемся под наблюдением ученых Объединенного института, и тем более никто не мог себе представить, что может случиться, если эти существа при помощи каких-то дельцов распространятся по Земле. На заседаниях Силицитового комитета неоднократно поднимался вопрос о тайной торговле родбаридами, но ни разу не получал какого-либо разрешения по той простой причине, что официально об этих заповедниках ничего не было известно.

Пуно Тавур взялся узнать об этом неофициально. Я довольно часто встречался с этим ловким, беспокойным и очень порядочным человеком, никогда не оставлявшим намерения кое-кого вывести на чистую воду. Чем больше я узнавал Тавура, тем непонятнее мне становилось, зачем ему нужна хлопотливая и неблагодарная роль разоблачителя. Помню, я как-то спросил Тавура:

— Зачем вам все это нужно?

— Не знаю, наверное, потому, что не могу иначе. Как бы вам это объяснить? Вот есть, например,

собаки, которые довольно легко привыкают к положению цепной, но есть и такие, которые никак не могут смириться с этой участью и до конца своих коротких собачьих дней скулят, рвутся и тяготятся цепью. Я тоже не могу сидеть на цепочке и прилежно подвывать, когда это угодно хозяину. Знаю, что моя строптивость и нетерпеливое стремление разоблачать прохвостов часто мешают мне самому, но не успокаиваюсь. Никогда не забуду, как я ловко провел этих дельцов, запретивших журналистам проникнуть в Пропилеи. Бедняга Ферран, правда, поплатился за эту проделку, но ничего, награда, полученная им от министра, несколько смягчила дело. Ферран молодчина. Он всегда готов вместе со мной позабавиться и накрыть какого-нибудь нечистоплотного делягу. Разведать, все узнать о тайне такого прохвоста — что может быть увлекательнее? И поверьте, это не так просто. Не легко бывает найти нужный ход, и если удается, то, как правило, потому, что никто не может действовать в одиночку.

Пуно Тавур умудрился преодолеть эти трудности. Он не только узнал, кто организовал заповедники, но и установил, что между организаторами возникли серьезные распри. Это,

собственно говоря, и помогло Тавуру.

Дело начало принимать серьезный оборот. В Силицитовом комитете с обстоятельной речью выступил Юсгор, добиваясь порядка и справедливости, ратуя за безопасность человечества, призывая не допустить чреватого опасностями расселения родбаридов, которых слишком уж предприимчивые дельцы стремятся использовать для обогащения. Дебаты в комитете были бурными. Далеко не все члены комитета соглашались на требования нашей делегации учредить действенный международный контроль. Однако угроза силициевой опасности в то время была очень реальна, продолжала настораживать, и решение все же было принято: Специальной комиссии поручалось обследовать объекты, где использовались родбариды.

Решение мудрое, что и говорить, вот только осуществить его оказалось далеко не просто. Трудность заключалась в том, чтобы узнать, где же именно находились эти предполагаемые объекты, которые надлежало обследовать.

В этих записках я расскажу об одном таком «обследовании», показавшем, как иногда мало значат постановления высоких международных организаций, если такое постановление бывает

неугодно людям, не желающим упустить сверхприбыльное дело.

В Специальной комиссии разговоры о необходимости каким-то образом установить, где именно могут находиться заповедники родбаридов, шли до тех пор, пока не был получен материал от Пуно Тавура, утверждавшего, что ему известно такое место. В комиссии действовали оперативно, и через несколько дней было решено предпринять инспекционную поездку. Пуно Тавур согласился сопровождать членов комиссии, и вскоре мы вылетели из столицы метрополии. Часа через два самолет совершил посадку вблизи небольшого поселка, где нас уже ждали заказанные по телефону автомобили. Покончив наскоро с завтраком, мы уселись в машины и тронулись в путь. Было жарко, воздух был пропитан тончайшей, как еле видимый туман, пылью, дорога тянулась далеко на восток, а на западе, подернутые дымкой, виднелись вершины кряжа Монор.

— Там! — многозначительно изрек Тавур. Мы удовлетворенно переглянулись и приготовились преодолеть нелегкую горную дорогу, предвкушая впечатление, которое произведем, явившись нежданно в подпольный силицитовый заповедник.

Дорога шла на северо-запад. По мере приближения к горному кряжу Монор воздух становился прозрачнее, исчезла пыльная пелена, стало прохладнее. Машины прошли по новому стальному мосту и въехали в долину Ирга.

Начался подъем в горы. Долина Ирга сузилась, дорога извивалась по левому берегу горной реки, то приближаясь к крутым склонам, то подходя к самому берегу. С каждым поворотом дороги менялась картина мрачного ущелья. Оно то расширялось, и тогда виднелись вдалеке четко вырисованные на фоне неба вершины гор, то сжималось настолько, что становилось темнее вокруг, и тогда виднелись только быстро мелькавшие справа скалы да бушующая слева река.

— Местечко выбрано диковатое, — заметил Юсгор, зябко поеживаясь от горного холодка, так внезапно сменившего жару, царившую в долине. Надеюсь, нам не придется взбираться на самую верхушку?

— О, нет, — быстро успокоил Тавур, — еще несколько поворотов — и мы у цели!

Машины ползли по крутому подъему, дорога прижалась к склону, а пенистая, дико скачущая по камням Ирга осталась далеко внизу.

Реже на склонах стали встречаться пихты, ели,

местность становилась скалистой, кое-где покрытой невзрачным кустарником. Сближались склоны гор, стискивая все больше и больше стремительный поток, становилось темнее. Машины замедлили ход и вскоре остановились.

Дорога уперлась в высокую скалистую стену.

Оба склона ущелья в этом месте были почти отвесными, они сошлись совсем близко у преградивших нам путь скал, из которых дугой изливался плотный поток. Вода вырывалась огромной струей, летела вниз и там, в глубине ущелья, ударяясь о камни, вздымалась белоснежным веером, снова собиралась в поток и уходила в долину.

Бедняга Тавур был обескуражен настолько, что в первые минуты не мог произнести ни слова. Его рыжеватый чуб выглядывал из-под кепки не так задорно, как обычно. Веселья и самодовольства как не бывало. Он беспокойно шарил по прихваченной с собой какой-то самодельной карте и наконец смущенно заговорил:

— Здесь, определенно должно быть здесь! У меня совершенно достоверные сведения. Ильт не мог соврать, мне он мог сказать только правду. Он сам работал в этом чертовом ущелье и дал мне этот план.

— Господин Тавур, — остановил его Юсгор, — на востоке говорят: будь осторожен, когда лжешь, но еще больше остерегайся, когда говоришь правду. Прикажете поворачивать назад?

Тавур молча кивнул.

Заповедники, если они существовали, были упрятаны надежно. Неудача при поездке к истокам Ирга подзадорила многих членов Специальной комиссии. Пуно Тавур, обозленный неудавшейся ролью проводника, клялся во что бы то ни стало разоблачить преступников (он уже иначе не называл подпольных владельцев родбаридов) и с каждым днем находил все больше сторонников. Признаться, и я поддался соблазну попробовать свои силы в роли детектива. Начал я с логических рассуждений. Прежде всего надо было решить главное действительно ли существуют места, где используют для каких-то целей родбаридов. Прямыми доказательствами никто из нас не располагал, но косвенные были и считались довольно серьезными. Собранный Тавуром статистический материал убедительно показывал, как за последние два месяца увеличилось предложение германия, иридия, осмия и даже полония.

Стало известно об усиленной деятельности вновь организованной фирмы «Люкс-металл», рекламировавшей поставки редких, необычайно ценных металлов в таком количестве, о котором до появления на Земле родбаридов не могло быть и речи. Имелись предположения, что фирма эта связана с концернами Ченснеппа и Карта. Таким образом, возникала уверенность: родбариды кем-то взнузданы и эксплуатируются. Но кем? Кто мог это сделать? Я считал, что это дело рук Асквита, и только Асквита.

Все уцелевшие после бомбежки родбариды вместе с их «голубой принцессой» продолжали преспокойно сидеть на полигоне Объединенного института, ничем нас не обременяя. Опыты показали, что они стали мирными, их уже можно было изучать более обстоятельно. Откуда же могли взяться родбариды, эксплуатируемые столь расторопными предпринимателями? Вопрос этот можно было решить, только зная, сколько зародышей находилось в тайнике Вудрума. Пришлось вернуться к изучению материалов, добытых нами в Ленинграде. До сих пор не могу понять, как такой пунктуальный, даже педантичный, и,

несомненно, обстоятельный человек, как Иван Александрович Вудрум, нигде не упомянул о количестве найденных в метеорите зародышей. Не исключено, конечно, что какой-то документ просто не дошел до нас, был где-то утерян. Как бы то ни было, мы не смогли узнать, сколько всего было зародышей.

Я решился на лобовую атаку и поехал к Асквиту на его виллу Беньюз.

Профессор Асквит питал особое пристрастие к островам Паутоо, любил все паутоанское и даже половину своего загородного дома, именовавшегося виллой Беньюз, оформил в паутоанском стиле. Например, веранда этой половины дома выходила в огромную оранжерею, устроенную таким образом, что сидящие на веранде чувствовали себя окруженными тропической природой.

Юсгор рассказывал, что в Западном Паутоо у Асквита точно такой же дом, с той только разницей, что его «паутоанская» часть там, естественно, не окружена изощренно сделанной оранжереей, зато европейская выполнена так, чтобы посещающие ее чувствовали себя как в северных широтах.

Первое посещение Беньюза поразило меня не столько имитацией тропиков, сколько реакцией

хозяина виллы на мою «лобовую атаку». Когда мы уселись на веранде и отхлебнули по глотку душистого холодного имшеу, я спросил Асквита:

— Как вы относитесь к разговорам о подпольных заповедниках родбаридов?

— Считаю, что эти разговоры ведут люди, ни черта толком не знающие.

— Вот как? Вы хотите сказать, что таких заповедников не существует?

— Предположим.

— А хотите, я вам докажу обратное?

— Чисто логически?

— Хотя бы.

— Пробуйте.

— В тайнике было тридцать шесть зародышей, из них…

— В тайнике было тридцать восемь. Дальше.

Я несколько замялся, не ожидая такого уж слишком легкого успеха. Называя цифру наобум, я никак не рассчитывал, что Асквит уточнит ее. Впрочем, это был Асквит. Я постарался не дать ему заметить моего замешательства и быстро продолжал:

— Тридцать шесть или тридцать восемь — в данном случае не имеет значения.

— Имеет. Вы просто не знали, сколько было

зародышей, и выпалили наугад. Продолжайте, если угодно.

— Продолжу, с вашего позволения. Профессор Родбар, насколько я могу судить, оживил восемнадцать зародышей. Двенадцать особей остались законсервированными и сейчас находятся на полигоне нашего института, тринадцатый оказался в Пропилеях, ну а тот, что вырвался в лаборатории Родбара, высвободил из аппаратов еще четырех. Итого восемнадцать. Где остальные двадцать зародышей? Вы их поделили с Нумом Ченснеппом или все взяли себе?

— Ченснеппу они были ни к чему. Без меня он все равно не сумел бы ими распорядиться.

— И ими распорядились вы?

— Конечно.

Я ничего не мог понять. Я собирался самым хитроумным способом выведать у Асквита хотя бы часть тайны, а он сам запросто открывал одну дверь за другой.

— Дорогой Алексей Николаевич, ну зачем вам вся эта возня? Ведь вы же серьезный человек и вдруг соглашаетесь участвовать в этой, как ее?.. Специальной комиссии. Дивертисмент, комедия. Чего вы хотите добиться? Справедливости, блага для бедного человечества? Пустое! Судьбы человечества решают те, у кого много, очень много денег. Кто много имеет, тот многим распоряжается, в том числе и судьбами людей. А вы, опираясь

на международные организации, хотите все изменить. Не выйдет!

— Так ли?

— Так, и только так. Вы уж пробовали. Что, съездили к истокам бурной речушки Ирга?

— Съездили.

— И наткнулись на стену. Поделом. Надо было иметь с собой вот эту штучку, — профессор Асквит вынул из кармана футляр, достал из него металлическую коробочку с несколькими кнопками и положил передо мной на стол. — Когда вы имеете это приспособление, то задача решается просто. Вы подъезжаете к базальтовым скалам и... вы обратили внимание, что поток воды в том месте, где он вырывается из стены, имеет довольно правильную форму? Это неспроста. Если вы воспользуетесь этой коробочкой, нажмете нужные кнопки, через несколько минут поток прекратится и вы увидите металлическую решетку. Вы нажмете еще несколько кнопок, в определенной последовательности конечно, и решетка поднимется. Тридцать-сорок метров пути в еще мокром проходе, крутой подъем — и вы будете в огромном карьере.

— И там?

— Там не заседают ни комиссии, ни подко-

митеты. Там трудятся родбариды. Мы оживили все зародыши. Больше того, мы научились размножать их, вернее, стимулировать к делению, как это проделывали они сами в Пропилеях. Не прошло и двух месяцев, как мы поняли, что можно обходиться без «голубой красавицы». Родбариды съедают скалы, вгрызаются в планету на громадную глубину, делают для себя ходы и концентрируют в себе нужные, ой как нужные нам металлы. Ваша мысль была правильной, Алексей Николаевич. Теперь уже бесспорно, что родбариды — это совершеннейшие биосилициевые кибернетические устройства. Дальнейшее изучение их принесет немалую пользу. Уже сейчас удалось добиться многого, но хочется еще большего. Надо использовать все их возможности, и тогда мы с их помощью будем прорывать туннели, прокапывать шахты, штреки, каналы для энергетических систем и систем связи. Мы будем самым широким и эффективным образом применять выделяемую ими стекловидную массу, имеющую совершенно особенные качества. Надо найти только ключ к заложенной в них программе. Кое-что мне уже удалось сделать.

Я не знал, как вести себя. Признаться, я растерялся, не ожидая от Асквита подобной откро-

венности.

— Это чертовски увлекательно, профессор, но ведь все это… Все это как-то не увязывается с задачами, стоящими перед Объединенным институтом. Я не могу понять, как вы можете делать все это, обходя институт?

— В институте я работаю не меньше других.

— Но зачем вам понадобились дополнительные опыты, да еще в ущелье, оформленном под сказку Шахразады на современный лад?

— А доходы? «Люкс-металл», «Ченснепп-каучук», «Карт-каучук» — все они обязаны мне, все получают из моих рук. В ближайшее время мы организуем мощный концерн, объединяющий все работы, связанные с применением биосилицитов, и я буду направлять деятельность этого концерна, получать доходы со всех предприятий, использующих силициты.

— Вы, Ченснепп, Карт? Значит, вы игнорируете международные организации, их постановления о контроле?

— Пусть выносят решения, а мы будем действовать, создавать, производить продукцию.

— И получать доходы?

— Совершенно верно.

— Так кто же вы, ученый или предприниматель

в конце концов?

— Ученый. И вы, насколько известно, знакомы с моими научными работами. Кстати, обуздание родбаридов — это тоже научная работа, однако вы не учитываете, что ученый должен очень хорошо знать коммерцию, а коммерсант разбираться в науке. Это условие всегда было необходимо, теперь оно просто обязательно.

— Согласен, но только при том условии, когда достижения науки не используются для личного обогащения, и только для обогащения. Ученый — это прежде всего творец. Становясь алчным, забывая о нуждах общества, о служении людям, он перестает быть творцом.

— О, какие высокие слова! Неужели вы серьезно хотите, чтобы я стал добродетельным. Это скучно и обременительно. Нужно всегда чувствовать себя в роли манекена, выставленного в витрине для всеобщего обозрения и подражания. Не способен.

— Хотите отделаться шуточками? Ну хорошо, тогда я вас выставлю для всеобщего порицания, осуждения, осмеяния, наконец.

— Каким же это способом, позвольте спросить?

— Выступлю в комиссии и расскажу о вашем тайном заповеднике, обо всем, что вы сейчас

говорили.

— Я сумею начисто отказаться от всего только что сказанного вам, и у вас ничего не получится.

Я встал. Поднялся с низкого кресла и Асквит. Имшеу был недопит, ром забыт. Я вынул из бокового кармана пиджака металлический портсигар, обеспокоенно приложил его к уху, делая вид, что вслушиваюсь, и, вздохнув облегченно, сказал:

— Работает. Не подвел.

Асквит был явно обеспокоен:

— Что это у вас?

— Потайной магнитофончик, господин профессор. — Я протянул портсигар по направлению к Асквиту, как бы предлагая и ему прислушаться. — Вращается потихоньку. Записывает. Как видите, общение с вами не прошло даром.

Асквит даже прищелкнул пальцами:

— Браво!

Он рассмеялся, хотя смех его был совсем невеселым. Очевидно, Асквит ожидал всего, но ему не приходило в голову, что я способен воспользоваться его же методами.

Свой самый обыкновенный портсигар я показал Асквиту значительно позже, когда уже не имело никакого смысла угрожать ему разоблачением.

В конце августа я выехал в Москву.

С Асквитом пока ничего нельзя было поделать, фактически не имея против него доказательств. К этому времени в комиссии обстановка несколько изменилась. Жаждущих разоблачить Асквита становилось все меньше, и это объяснялось тем, что некоторые члены комиссии уже имели тайное отношение к крупной игре, затеянной добытчиками ультрадрагоценных металлов. На полигоне Объединенного института все еще продолжалось затишье. Для поездки в Москву время было наиболее подходящим. Я готовился выступить с докладом, в котором собирался изложить свои соображения о причине появления на Земле силициевых созданий. Материал набрался серьезный, выводы, которые я сделал, могли вызвать немало споров, требовали дополнительных доказательств, и я решил, что без солидной консультации в Москве и Ленинградском институте космической химии мне не обойтись. Однако как следует заняться всем этим мне так и не удалось.

Пробыл я в Москве не больше недели, собирался выехать в Ленинград, но вместо этого пришлось срочно вылетать в Амстердам. В Москве стало

известно о приобретении Алмазной фирмой Сиреневого Кристалла, получено было приглашение принять участие в аукционе и предварительно ознакомиться со свойствами этого феномена. Упускать такую возможность не стоило, и меня, снабдив приборами, командировали в Амстердам. Что произошло в «столице бриллиантов» — я уже писал в начале этого повествования.

С площади Ниу Маркет, где таким невероятным способом был похищен танк-сейф, мы с Сергеем Васильевичем Ушаковым направились в торгпредство. Там меня ждали телеграммы из Объединенного института. Сообщения были тревожащими и вместе с тем такими, которые вызвали интерес необычайный: кончилась спячка «голубой красавицы» и, видимо, нас ожидали новые сюрпризы, подготовленные биосилицитами.

В Объединенном институте за время моего отсутствия в метрополии произошло следующее.

Как я уже писал, Юсгор возглавлял небольшую группу ученых, главным образом молодых людей, энергичных и не зараженных скептицизмом. Пользуясь затишьем и боясь, что вновь возникнет вопрос об уничтожении силицитов, он самым настойчивым образом продолжал изу-

чение «куколки», с нетерпением ожидая, что же из нее вылетит. Соблюдая необходимую осторожность и вместе с тем не теряя зря времени, Юсгору удалось сделать немало важных наблюдений, и он пришел к выводу, что в голубоватой особи происходят процессы, коренным образом отличающиеся от процессов, ранее наблюдавшихся в родбаридах. У Юсгора не осталось сомнений: закончится какой-то инкубационный период и непременно должен будет появиться на Земле какой-то новый, ранее неизвестный вид силицитов. И он появился.

6 августа, утром, Юсгор, как обычно, отправился к наблюдательному посту. Больше всего нас интересовало, что представляют собой биосилициты, какова же их структура. Одним из методов, позволяющих решить эту задачу, был, как нам казалось, метод рентгеноскопии. В это утро по заранее выработанной программе Юсгор начал эксперименты. Специально изготовленную для этой цели дистанционно управляемую аппаратуру ухитрились приблизить к «красавице» на нужное расстояние.

На телеэкране четко была видна «голубая красавица». Она значительно увеличилась, диаметр ее теперь достигал полутора метров.

Вся поверхность ее была покрыта мелкими шестигранниками. Юсгор нажал кнопку киносъемочного аппарата, включил дистанционное управление рентгеновской установкой, и в этот момент на поверхности голубого шара произошла яркая вспышка. Уже позже, при просмотре кинопленки, было установлено, что вспышка возникла на месте одного из шестигранников. Не прошло и пяти минут, как Юсгор заметил, что в том участке, где появилась вспышка, из шара высовывается какой-то темный шестигранный длиной сантиметров двадцать пруток.

Юсгор посоветовался со своими коллегами, и эксперимент решено было продолжать.

Двукратное включение рентгеносъемочной камеры, вспышки — и один за другим прутки появляются на теле голубого шара.

Через несколько минут пруток, появившийся первым, из шестигранного превратился в круглый, несколько пополнел и отпал от шара.

— Началось! — вскрикнул кто-то из присутствовавших при эксперименте. А что, если это появилась новая разновидность силицитов?

— Тогда назовем их юсгоридами!

Юсгор связался по телефону с доктором Дювьезаром и сообщил ему о происходящем. Директор

института запретил повторять рентгеновские снимки, справедливо предполагая, что прежде всего необходимо выяснить, что же рождается при этом.

Система сигнализации на полигоне-заповеднике, как и прежде, действовала исправно. Не прошло и пятнадцати минут, а уже все ответственные сотрудники Объединенного института знали о происходящем на экспериментальной площадке полигона. Срочно было созвано оперативное совещание, на котором решили усилить дежурства, объявить «состояние мобилизационной готовности», ожидать и наблюдать. Никто еще толком не знал, чем может закончиться развитие новых тел и какие последствия вызовет их появление.

Юсгор теперь не покидал наблюдательный пост и к концу дня решился на эксперимент, идею которого приветствовали его помощники, но такой, который определенно не одобрил бы доктор Дювьезар. Вероятно, во всем этом немаловажную роль сыграл Асквит. Он приехал в Лонар часа в четыре дня и, как только узнал о происходящем на полигоне, сразу же примчался на наблюдательный пост. В нем жила вечная неуспокоенность, и предложение Юсгора он, конечно, поддержал,

советуя «плюнуть на начальство». В этом был весь озорной и неугомонный Асквит.

Часов в пять самоходный телеуправляемый кран, которым уже таскали месяца три назад металлические цилиндрики, Юсгор подвел к голубоватому шару. Манипулятор опустили к первому, уже отпавшему от шара юсгориду. Пальцы манипулятора дотронулись до него, и... ничего не произошло. Юсгорид подняли краном, унесли его, и это не вызвало никакой реакции.

Весь долгий августовский вечер забывшие обо всем на свете экспериментаторы продолжали работу и наконец убедились, что юсгориды или мертвы, или по природе своей не могут никому причинить какого-либо вреда.

Поздно вечером (благо доктор Дювьезар уехал в город) юсгорид перенесли в лабораторию. Теперь не место и не время порицать товарищей по работе, но, нужно сказать, смелость их была довольно безрассудна. Держать в лаборатории новый вид биосилицита, не зная, какими он обладает свойствами, что может натворить, было, конечно, рискованно. Но держали. Осмелели настолько, что брали его в руки, уже позабыв о каких-то средствах защиты, о дистанционно действующих приспособлениях. Юсгорид и в самом

деле был совершенно безобиден. Высказывались даже суждения, что он не представляет собой организованной системы, а является просто куском какого-то материала. Исследователям больше всего хотелось распилить его, как-то проникнуть внутрь, посмотреть, какая у него структура, но на это не отваживался даже самый отчаянный из них — профессор Асквит.

Время было горячее. Ученые не отходили от принесенного в лабораторию экземпляра и непрерывно наблюдали за происходящим на полигоне. Каждому хотелось одновременно быть и там и тут. Забыли о необходимости поесть, поспать и до утра не покидали институт, ожидая, что же произойдет дальше. Но ничего не происходило. Из голубого шара все еще торчали два так и не вылупившихся юсгорида. Они не покидали шар, не округлялись, не падали на землю, как первый. Юсгор осмелел настолько, что пробовал выдернуть их манипулятором, но из этого ничего не вышло.

Юсгор вернулся в лабораторию и занялся определением удельного веса своего питомца. Удельный вес его оказался больше четырнадцати.

Вошел Асквит, и ему сообщили результат.

— Чепуха, Юсгор. Пока вы были в бункере, я

определил удельный вес этой прелести. Двадцать два и восемь десятых. Вы понимаете, ведь это здорово! Плотность большая, чем у самого тяжелого на Земле металла — иридия. Что же в нем, господа? Ведь это…

Восторженные восклицания Асквита прервал Юсгор:

— Простите, профессор, определение удельного веса проделывают школьники и, как правило, не ошибаются. Мы только что самым тщательным образом произвели эту нехитрую операцию и получили четырнадцать и девять десятых.

— А я вам говорю — ерунда!

Определение удельного веса начали делать сообща. Все были возбуждены, нервничали, а удельный вес оказался равным семи и трем десятым.

— Чертовщина какая-то!

Все немного притихли, временами посматривая на длинный темный предмет. Началось обсуждение, как построить план исследования юсгорида. Споры были жаркими. Каждый выдвигал свой вариант. Одни предлагали не забывать об опасности, которая все же могла таиться в незнакомом теле, другие, увлекшись, выдвигали слишком рискованные планы опытов. В полеми-

ке на некоторое время забыли о самом предмете спора.

— Обратите, господа, внимание на его поверхность, шероховатую, покрытую мелкой, чуть выпуклой сеткой. Ведь это... — Асквит потянулся к юсгориду, но его на столе не оказалось. Рассеянно оглянувшись, он увидел юсгорид на подоконнике и недовольно пробурчал: — На кой дьявол, Юсгор, вы положили его на подоконник?

— Я ничего не клал на подоконник.

Оказалось, что никто не клал его на подоконник. Юсгорид перенесли на лабораторный стол, Асквит склонился над ним с лупой, и спор возник с новой силой. Предложения стали более конкретными, и Асквит решил начать их записывать. Он пошел за блокнотом к письменному столу, стоявшему у окна, а когда вернулся, Юсгор не упустил возможности и, кивнув в сторону окна, спросил:

— На кой дьявол, Асквит, вы положили его на подоконник?

— Я ничего не клал на подоконник!

Дальше было не до шуток. Никто не заметил, как юсгорид исчез с подоконника. Все бросились искать его, обшарили каждый уголок лаборатории, заставленной аппаратами, и наконец увидели юсгорид лежащим за муфельной печью

в вытяжном шкафу.

Асквит, крадучись, подходит к вытяжному шкафу. Юсгорид медленно выплывает из вытяжного шкафа и по воздуху движется прямо на него. Профессор не растерялся и в этом случае:

— Вот теперь я не берусь определить его удельный вес.

Не растерялся и Юсгор:

— А поймать беретесь?

С непостижимой для его возраста ловкостью Асквит бросается на повисшее посреди лаборатории тело, но оно уже парит в другом конце, плавно описывая круги над спектрографом.

— Двери! Окна! Вентиляторы! Все закрыть, задраить!

Поздно. Юсгорид исчез.

Когда на другой день в институт вернулся доктор Дювьезар, не знали даже, как ему сообщить о случившемся накануне. Все происходившее с юсгоридом было странным, походило на массовый гипноз. На испытательной площадке ничего не изменилось. Все сорок три родбарида по-прежнему сидели рядышком, в спокойном состоянии находился и голубой шар. Из него торчали два

темных продолговатых предмета, так и не превратившиеся в юсгоридов. Два. А третий? Куда он мог деться? В общем в то время в институте еще никак не могли освоиться с новым явлением. Оно было непонятным настолько, что Юсгор даже мне не решился более или менее обстоятельно написать о проделках своего питомца и только упомянул в одном из писем в Москву: «…приедете сюда, расскажу. Кажется, начинаются новые чудеса. Надо быть готовым к еще невиданным проделкам силицитов».

Никто из сотрудников Объединенного института еще не знал, что 7 августа в Амстердаме, на Деркиндер-страат, на паутоанца Дагира, несшего на груди ладонку с Сиреневым Кристаллом, напал исчезнувший из лаборатории юсгорид.

В течение восемнадцати дней на полигоне все было спокойно. Ученые Объединенного института продолжали спорить по поводу появления новой разновидности биосилицитов, выдвигая каждый свою гипотезу. Все сходились на том, что юсгориды наделены более совершенными свойствами, чем их силициевые предшественники.

Плазма с первого момента знакомства с ней

представлялась нам субстанцией довольно примитивной. Опасной, наделенной рядом удивительных и привлекательных свойств, но все же такой, с которой люди справились сравнительно легко и которую вскоре сумели поставить себе на службу.

Родбариды, как только они вырвались на свободу из стальных контейнеров Куана Родбара, сразу же были приняты за какие-то живые, и притом наделенные особенными свойствами, существа. Даже тогда, когда ученые все больше и больше склонялись к мысли, что родбариды не живые существа, а основанные на совершенно неизвестных для нас принципах кибернетические устройства, огромные возможности родбаридов, их сходство с живыми существами продолжали поражать и настораживать. Люди и из них сумели извлечь пользу, однако далеко было до того, чтобы считать эти системы распознанными и тем более покоренными.

Что же касается юсгоридов, то их уже никто не принимал за живые существа, но все сходились на том, что устроены они еще совершеннее и сложнее, чем родбариды. Никто и не помышлял о том, чтобы попытаться «запрячь» эту новую разновидность биосилицитов. Было понятно,

что способность преодолевать силу тяготения, свободно и быстро передвигаться в пространстве придана им для того, чтобы выполнить какую-то сложную миссию на Земле. Кем придана? Для чего? Что может произойти на нашей планете в результате их появления?

О, вопросов, и таких, которые вызывали тревогу, тогда было много! Слишком много.

В эти дни профессор Асквит задумал произвести эксперимент, который мог оказаться уж очень рискованным. К этому времени дежурившие с ним сотрудники полностью были под его влиянием, не перечили ему ни в чем и не отваживались сообщать дирекции о его опытах, не предусмотренных программой. Теперь Асквит и сам не скрывает, что в свое дежурство, утром 22 августа, в обход запрета три раза включал рентгеновскую установку. Как и прежде, произошло три вспышки. Три новых юсгорида отделились от голубого шара, сформировались быстрее, чем это произошло с первенцем, и улетели.

В два часа дня они уже были в Амстердаме и вскоре, разбив окно в кабинете управляющего Алмазной фирмой, повисли над Сиреневым Кристаллом.

Последствия этой проделки профессора Асквита были серьезнее, чем это можно было предположить в те дни. О том, что появились на свет еще три юсгорида, никто из ученых института не знал, но о случившемся в последующие дни стало известно всем. Два юсгорида, так долго торчавшие из шара, все же отделились от него (видимо, сказалось устроенное Асквитом облучение) и некоторое время лежали неподвижно на земле. Вновь начались обсуждения, споры, совещания. Юсгор настаивал на более активном вмешательстве в процессы, происходящие на полигоне, предлагал снова выловить краном отпавшие юсгориды и подвергнуть их исследованию в лаборатории. Сторонников он не нашел. Ученый совет института не решался на исследования, которые могли оказаться рискованными. Трогать юсгориды не сочли возможным, и тогда юсгориды… стали действовать самостоятельно.

29 августа, около полудня, в институте прозвучала очередная тревога, и вскоре наблюдатели были потрясены необычайным зрелищем.

Дежурный нажал кнопку тревоги в тот момент, когда два юсгорида отделились от земли и повисли в воздухе. Юсгориды неподвижно висели

минут тридцать над рентгеновской установкой, как бы изучая ее, а затем стали поочередно пикировать, ухитряясь замыкать контакты таким образом, чтобы установка срабатывала так же, как и запускаемая с пульта управления.

Доктор Дювьезар, на этот раз появившийся по тревоге на наблюдательном пункте, скомандовал отключить установку с пульта. Отключение произвели, но ничего не изменилось. Вспышки продолжались. С каждой вспышкой из голубого шара вылетал юсгорид. Теперь они не падали на землю, а тотчас уносились с полигона. Шар, как фонтан, выбрасывал струи темных продолговатых тел. Все сверкало вокруг. Вспышки становились ярче и ярче. В их сиянии уже нельзя было разглядеть, продолжают ли два юсгорида управлять рентгеновской установкой.

Доктор Дювьезар распорядился отключить электропитание, подаваемое на установку, но и это не помогло. Очевидно, процесс в шаре уже шел независимо от жесткого рентгеновского излучения, понадобившегося для рождения юсгоридов лишь в первый момент.

Фейерверк продолжался минут двадцать, и затем все померкло на полигоне. Не стало «голубой красавицы», исчезли все юсгориды.

Через три часа они появились в Амстердаме и унесли танк с Сиреневым Кристаллом.

Вернувшись в столицу метрополии из Амстердама, сделав самые необходимые дела в институте, я поспешил встретиться с Асквитом.

— Вы уже знаете, что произошло с покупкой Ченснеппа?

— Конечно.

— Это ваши проделки?

— Упаси бог. Я еще не дошел до такого могущества. Это юсгориды. Вы же сами там были и можете засвидетельствовать, что танк украл не я, а выводок Юсгора.

— Вы все отделываетесь шуточками. Я не об этом вас спрашиваю. Скажите прямо: вы надоумили Ченснеппа и Карта драться на аукционе за Сиреневый Кристалл?

— Я, Алексей Николаевич, я. Ну послушайте, что вы за человек такой? Въедливый и вместе с тем не противный. Другого я бы давно послал ко всем чертям, а вот с вами…

— Спасибо. Вы хотите мне польстить?

— Да нет. Просто с вами не так скучно, как с другими. Я и откровенен с вами больше, чем с остальными, только потому, что мне всегда бывает интересно узнать, какого дьявола вам еще

от меня потребуется.

— Могу сказать.

— Скажите.

— Сиреневый Кристалл. Я считаю, что он должен быть в распоряжении Объединенного института, Силицитового комитета ООН, а не у вас в руках. Вы же сами говорили, что кристалл — это ключ ко всему. Если в нем и в самом деле сосредоточено нечто позволяющее управлять силицитами, влияя на их деятельность, то кристалл не может находиться в частных руках… Он должен стать достоянием всех людей!

Асквит свистнул.

— Вы видели у Дювьезара последние телеграммы?

— Я не застал его. Он уже вылетел в Нью-Йорк.

— Советую взять телеграммы у секретаря. Прочтите их внимательно. Начинаются дела прямо-таки диковинные. Юсгориды унесли танк в Каракумы.

— В Каракумы?

— Да, представьте. Танк-сейф Ченснеппа юсгориды уволокли в песчаную пустыню. Поставили его километрах в тридцати севернее Бахардена. — Асквит стал хохотать. — Какой поднялся шум! Появление там танка вызвало немалое

замешательство. Ченснепп рвет и мечет, обвиняя Советский Союз в экспроприации его драгоценности. Он собирается просить защиты у правительства метрополии, а правительство, конечно, обратится в Совет Безопасности.

— Не хватает еще, чтобы появление силицитов вызвало международные конфликты.

Асквит снова стал серьезен. Ему вообще были свойственны внезапные переходы от веселости к сдержанности.

— Вызовет конфликт, говорите? Не думаю. Знаете, Алексей Николаевич, видимо, начинается самое интересное: биосилициты, кажется, гораздо умнее, чем мы думали.

— Умнее? Это, пожалуй, не то слово.

— Не придирайтесь. Слова наши, наши понятия вскоре могут оказаться слишком бедными и неточными для определения многих действий этих созданий. Вспомните их трюк с рентгеновской установкой и стимуляцию «голубой принцессы»… Конфликт… Конфликт… Они не допустят конфликта. Танк они уже вернули.

— Как вернули, кому?

— Ровно через двадцать четыре часа танк очутился на том же месте, откуда был взят. На площадь Ниу Маркет. Охрана, перепуганная, но

совершенно невредимая, была в танке. Сиреневого Кристалла там, конечно, не оказалось. Судя по последним сообщениям, он остался в Каракумах. Его охраняют десятки юсгоридов. Вот так. А вы говорите дайте, Асквит, Сиреневый Кристалл, уж очень он нужен борцам за справедливость. Попробуйте, возьмите его у юсгоридов. Уверен, они не отдадут. Ни у кого не хватит сил отнять кристалл у биосилицитов.

— Вы прекрасно понимаете, я говорю не о кристалле, находящемся сейчас в Каракумах, а о том, которым вы ночью поддразнивали родбарида. Сиреневый Кристалл вы держите в сосуде из кремния, кристалл в этом случае не создает поля, в котором ориентируются биосилициты, и, манипулируя этой защитой, вы научились управлять родбаридами. Не страшны вам и юсгориды. Вы не боитесь их нападения потому, что в отличие от Дагира и владельцев Алмазной фирмы имеете возможность хранить Сиреневый Кристалл в оболочке из чистейшего кремния. Мне теперь понятны ваши проделки.

— Все?

— Почти. Если хотите, начнем с воспоминаний о вашем первом сообщении, так любезно сделанном в Паутоанском университете. Вы нам

довольно подробно описали, как при помощи Золотой Ладьи нашли Сиреневый Кристалл.

— Вы, кажется, уже тогда оценили свойственную мне откровенность, не так ли?

— О, конечно! Мы внимательно выслушали вас и уже тогда были удивлены тем обстоятельством, что вы все время упоминали об одном, и только об одном, кристалле. Нас очень интересовало, куда делся второй кристалл.

— Поверьте, это обстоятельство мы переживали совершенно идентично.

— Допустим. Но когда вы приехали в Макими еще раз, пытаясь уличить нас в краже спрятанного вами же кристалла…

— Алексей Николаевич, ну зачем так? Вы, кажется, слишком рьяно входите в роль обличителя.

— Ничего не поделаешь, вы же до сих пор не хотите прямо сказать, что обладаете Сиреневым Кристаллом, что всегда имели его при себе.

— Имел до тех пор, пока он не исчез в Таркоре.

— Так ли? Ведь это неправда. Как только вы заметили, что при экранировке вашего кристалла Золотая Ладья снова указывает на Паутоо, вы и решились на этот вояж в Макими. Конечно, вы тогда и сами еще не знали, что же случилось

в Верхнем Храме. После бегства в Австралию вашего соглядатая вы все поняли. Мне удалось разгадать эту историю совсем недавно. В Амстердаме я узнал, что Дагир и Ару — одно и то же лицо. Теперь и мне понятно, как обстояли дела в то время, когда вы на вертолете подбирались к Сиреневому Кристаллу. Дагир-Ару был с вами в этой маленькой экспедиции. Стрельба, масса всяческих неудобств — и вам пришлось в развалины направить его. Дагир был достаточно сообразителен, чтобы утаить от вас Сиреневый Кристалл, решив, что вам достаточно и одного драгоценного камня.

На Асквита мои разоблачения не произвели никакого впечатления. Его уже волновало другое.

— Ну к чему вы перетряхиваете старье? Я успел забыть обо всем этом. Дагир, Верхний Храм, аукцион в Амстердаме… Сейчас важно другое юсгориды!

— Вы хотите уйти от неприятного для вас разговора?

— Ничего подобного. И для того чтобы доказать вам это, скажу: ваши умозаключения правильны. Да, я не упускал возможностей и с немалой пользой поэкспериментировал с кристаллом. Я привозил и Ченснеппа, и Карта в заповедник,

демонстрировал им, на что способен Сиреневый Кристалл. Именно с его помощью удавалось заставить родбаридов добывать редчайшие металлы для нас, а не для их «голубой красавицы».

— Ну и что? Какое все это имеет значение теперь?

— Поймите же, Алексей Николаевич, с рождением юсгоридов все изменилось. Нам предстоит еще повозиться с ними. Но сейчас меня беспокоит вот что. Юсгориды унесли купленный Ченснеппом кристалл, унесут и мой, если я хотя бы на несколько минут освобожу его от кремниевой защиты. Кристалл создает поле, в котором юсгориды ориентированы не хуже зародышей, помещенных в лодочки-компасы. Они моментально примчатся в карьер. Нельзя с кристалла снимать защиту… А как управлять родбаридами, как продолжать добычу металлов?

— А вот это меня меньше всего интересует.

— Да, разумеется, вы же не имеете акций «Люксметалл».

— Акции тем более меня не интересуют.

— Напрасно. Впрочем, вы ведь воспитаны бессребреником. А что же вас больше всего тревожит?

— Судьба вашего Сиреневого Кристалла. Он дол-

жен быть передан Объединенному институту.

— О нет! Мне самому он еще пригодится. Я надеюсь побороться с юсгоридами.

Глава девятнадцатая

●

Первый сигнал

На следующий день после нападения юсгоридов на танк Ченснеппа в Объединенный институт стали поступать все новые и новые сведения о их деятельности.

Если о родбаридах было известно довольно ограниченному кругу людей, то о новой разновидности биосилицитов очень скоро узнал весь мир. Стремление не разглашать сведений о родбаридах было естественным. Представления о их природе и возможных последствиях пребывания на Земле были настолько смутными, что делать эти сведения достоянием широкой публики считалось рискованным. Могло найтись немало любителей сеять панику и очень много людей, способных поддаться панике. Что касается юсгоридов, то утаить их деятельность

не представлялось возможным: они рассеялись по миру мгновенно и вели себя так, как считали необходимым.

О юсгоридах уже написано много, и развивать эту тему вряд ли имеет смысл. Я расскажу только о тех случаях, которые наглядно подтвердили мое предположение, что мы имеем дело не с какими-то формами силициевой жизни, а с киберразведчиками. Это были не электронно-механические роботы, а создания очень совершенные, включающие в себя биологические структуры. Приведу случаи, которые заставили о многом задуматься, послужив наглядной иллюстрацией к выдвинутой гипотезе.

Один из них произошел в столице метрополии на следующий день после моего приезда в Амстердам и поразил меня не меньше, чем похищение танка-сейфа.

В клинике профессора Гурдера шла тяжелая полостная операция. Свет, белизна операционной, сияющие хромом инструменты, чистота. Операцию делал сам Гурдер, она длилась уже третий час, и вдруг над операционным столом, около бестеневой лампы, появился какой-то темный продолговатый предмет. Хирург, не отводя взгляда от операционного поля, отчетливо сознает, что

перед ним непрерывно маячит что-то темное, мешающее работать. Неужели галлюцинация?.. Может быть, сказалось крайнее утомление, возраст?.. Наложена очередная лигатура, остановлено кровотечение, можно перевести дыхание. Профессор чуть распрямляется и замечает негодующие глаза старшей операционной сестры, обращенные на тот же загадочный предмет.

И тогда Гурдер в полной мере осознает трагизм происходящего: значит, этот невесть откуда взявшийся предмет виден не только ему. В идеально чистой операционной находится постороннее тело, которое в любой момент может начать действовать… А стерильность? А жизнь больного?.. Профессор больше не позволяет себе отвлекаться. Четкие движения рук стали еще более отточенными. Операция завершена. Наложен последний шов. Гость оказался корректным, он исчез, не коснувшись ни одного предмета.

В этот же день к директору библиотеки Конгресса с претензией явился сенатор Хьюз. Он двадцать пять лет посещает библиотеку, привык, что в ней, слава богу, никогда ничего не меняется, и вот теперь эти торчащие над столом нелепые приспособления! Зачем? Сенатор категорически против новшеств и самым настоятельным

образом просит убрать из читального зала эти штучки, мешающие ему сосредоточиться. Директор, сразу сообразив, что какие-то обстоятельства роковым образом нарушили умственные способности старого сенатора, заговорил с ним мягко, стараясь успокоить и обдумывая в то же время, откуда лучше вызвать достаточно опытного врача. Кто-кто, а директор библиотеки прекрасно знал, что в читальном зале никаких «штучек» не приспосабливали. Участливое отношение директора окончательно вывело из себя сенатора:

— Вы из меня дурака не делайте. Я еще в своем уме. А вы, может быть, действительно нездоровы, если начали забывать о происходящем у вас в библиотеке.

Неприятный разговор окончился в зале. Там над каждым занятым рабочим местом терпеливо висели юсгориды. Я подчеркиваю — над каждым занятым местом, над каждой раскрытой книгой, журналом, газетой.

С появлением юсгоридов гипотеза, объясняющая их назначение, обрела необходимую стройность, подкрепилась новыми фактами. Предположение, что тысячу лет тому назад на Землю упал метеорит, содержавший зародыши силициевой жизни, теперь представлялось столь

же ошибочным, как и предположение древних паутоанцев о прилете к ним божества. Да, упавшее на Себату тело, очевидно, было каким-то снарядом, посланным к нам из неведомого далекого мира, а не божеством или метеоритом. В снаряде находились своеобразные биосилициевые кибернетические устройства, которым в исследуемом мире, то есть на нашей планете, предстояло претерпеть несколько превращений, размножиться и выполнить определенную программу по сбору информации, но что-то испортилось в момент приземления. Не сработала, видимо, великолепно задуманная система. После удара, в запальчивости нанесенного Рокомо, при удачном стечении обстоятельств гроза, ливень — возникла только плазма, являющаяся необходимым субстратом для дальнейшего развития биосилицитов. В наши дни, уже при умышленном вмешательстве человека, кроме плазмы удалось активизировать и более совершенные формы биосилицитов. Однако до сих пор, вероятно, процесс идет не так, как это было запрограммировано разумными существами, пославшими киберразведчиков.

Силициевая плазма развивалась беспорядочно, очевидно не сдерживаемая никаким программ-

ным устройством; родбариды, как роботы со спутанной программой, то вдруг начинали возводить какие-то постройки, то, вгрызаясь в песок, создавали параболические чаши; юсгориды… Вот на этой-то стадии и началось, кажется, что-то целеустремленное. Разум Земли помог им появиться на свет. В наши дни рождению плазмы помогли не случайные грозовые разряды, а мощнейшие, управляемые человеком электростатические генераторы. Оживлению зародышей предшествовала большая работа биохимиков, возглавляемых профессором Родбаром. Им удалось найти условия, при которых в силициевой плазме начали свое развитие родбариды. Наконец, под влиянием коротковолнового электромагнитного излучения, создаваемого рентгеновской установкой, инсценировано было появление юсгоридов, которые теперь самостоятельно носятся по нашей планете. Действуют ли они по уже обретенной программе, или их поступки так же хаотичны, как предшествовавших им силицитов?

Юсгориды, только «оперившись», сразу же помчались за Сиреневым Кристаллом и, не пожалев никаких усилий, добыли его. Не в нем ли и в самом деле ключ ко всему? Что, если именно

Сиреневый Кристалл содержит программу действий киберразведчиков неизвестного нам мира? Разведчиков?.. Несомненно! Юсгориды действовали так, что каждый их поступок подтверждал гипотезу о посланце космоса, направленном с определенной целью, а не случайно попавшем из Вселенной.

Юсгориды активизировались с каждым днем. Они стали проникать на заводы, в научные учреждения, школы, шахты, ракетодромы и казармы. Их обнаруживали в домах умалишенных, магазинах, тюрьмах, метрополитенах и родильных отделениях больниц.

Давнее стремление человека в космос уже увенчалось успехами — запуском искусственных спутников Земли, первыми полетами человека в околоземное пространство, посылкой к ближайшим планетам автоматических станций и так далее. Ученые и инженеры уже начинают разрабатывать приспособления, в которых исследователи, опустившись на незнакомую планету, будут неуязвимы и смогут изучить открывшийся им мир. Создаются проекты приспособлений, позволяющих человеку побывать на небесных телах, резко отличающихся от нашей планеты, и такие конструкции, которые без человека могут

собрать обширную информацию об этих мирах.

Юсгориды и были такими идеальными киберразведчиками. Обладая мощной энергетикой, свойством свободно преодолевать тяготение, функционировать в самой различной среде, они были неуязвимы, неуловимы, имели возможность непрерывно связываться друг с другом и, вероятно, с центром (Сиреневый Кристалл?!), направлявшим все их действия.

Можно понять, сколь соблазнительной казалась возможность изучить строение этих разведчиков, как хотелось узнать, какие же еще не известные человеку свойства природы использованы были для их создания. Однако это не удавалось. Юсгориды не причиняли людям никакого вреда, не вмешивались в их действия, но и не допускали вмешательства в свои функции. Все попытки изучить их пристальнее кончались неудачей, а при слишком настойчивом стремлении к этому юсгориды самоуничтожались!

В те дни, когда гипотеза о посланцах разумных существ еще не получила распространения и признания, о природе юсгоридов выдвигались самые разнообразные предположения вплоть до того, что они гуманны, наделены разумом высшего порядка. Видимо, поводом к этому послужил

инцидент в вычислительном центре Опнинга. Однажды там в счетно-решающую машину вводилась программа с данными о предполагаемых свойствах биосилицитов. Данные, как это выяснилось впоследствии, были неточными и, конечно, неполными. Висевший около машины юсгорид (к ним уже успели привыкнуть) вдруг вытянулся, образуя в нижней части своего тела острие, и, запрыгав по клавишам, исправил значение вводимой информации.

Что могло быть лучшим подтверждением гипотезы, трактовавшей о необходимости рассматривать силициты как совершенные киберразведчики, посланные разумными существами какого-то неведомого нам мира?

Нужно сказать, что юсгориды в то время вызывали не только озабоченность, обусловленную их вторжением во все дела землян, но и общую подтянутость. При внимательном и всепроникающем взгляде внеземной цивилизации людям становилось как-то неловко за свои неблаговидные поступки, несовершенство человеческого общества.

Я не в состоянии описать, что делалось в этот

период в Объединенном силицитовом институте. Он по-настоящему стал международным центром изучения силицитов, куда стекалась вся информация о их действиях, где собрались ученые самых различных направлений, представлявшие все крупные страны мира. В разгар деятельности юсгоридов большинство стран самым эффективным образом поддерживало институт, который превратился в рабочий инструмент Силицитового комитета Организации Объединенных Наций. В распоряжение института были предоставлены самые современные средства транспорта, приборы, аппаратура — словом, все, что только могло понадобиться. Силицитовый комитет мог располагать, если это потребуется, практически всеми людскими и энергетическими силами Земли.

В это время все человечество, естественно, волновал вопрос: кто же послал силицитовых киберразведчиков? Чем кончится разведка? Является ли она призывом к общению или началом агрессии? Большинство ученых склонялось к мысли, что мы имеем дело с посланцами очень высокой цивилизации, которые не служат низменным целям, так как у подобной цивилизации может быть только совершенный социальный строй. Столь развитый разум, какими бы фор-

мами жизни он ни был порожден, должен быть глубоко гуманным.

Накануне моего доклада в Силицитовом комитете из нескольких наших наблюдательных пунктов — а теперь они были практически на всей планете поступили сведения о еще неизвестной до того деятельности юсгоридов на песчаной косе у Таманского залива. В этот же день специальная комиссия вылетела в Крым.

Над песчаной отмелью повисло множество юсгоридов. Они образовали плоскость, расположившись в пяти метрах над песком, и вскоре начали свою пока совершенно непонятную нам, но, очевидно, организованную деятельность. Время от времени то один, то другой юсгорид пикировал, и в том месте, где он врезался в песок, начинал расти ком. Каждый ком рос с такой скоростью, что уже часа через два можно было распознать в нем нашего старого знакомого — родбарида. Как только размер родбаридов достигал полуметра в поперечнике, они переставали расти, но продолжали уничтожать песок, употребляя его в виде строительного материала. К вечеру их работа была закончена, и мы увидели,

что под слоем юсгоридов, висевших неподвижно, образовалась чаша, похожая на сооруженную ими на вилле Отэна Карта в Пропилеях, но значительно превосходящая ее размерами.

Биосилициты не мешали нам наблюдать за ними, даже возня с нашими громоздкими киносъемочными средствами, как видно, не обескуражила их. Как и всегда, они не вмешивались в наши действия, поскольку мы не мешали их работе. Вскоре нам представился случай убедиться в том, что мы, пожалуй, при всем желании не смогли бы помешать их еще непонятной для нас затее. Это очень хорошо продемонстрировал нам маленький эпизод с чайками.

Вечером, когда огромное, уже побагровевшее солнце коснулось горизонта, чайки заспешили домой. В течение дня они, как обычно, носились с криками над заливом, вылавливали в тихих его водах пропитание и время от времени усаживались передохнуть и поболтать на выступавшие кое-где из воды камни. Но вот день подошел к концу, и насытившееся пернатое общество стало покидать крохотные островки, стремясь укрыться в прибрежных скалах. Не обращая внимания на кипучую деятельность внезапно появившихся в их насиженных краях силициевых тружени-

ков, они прямым путем направились к своим ночным убежищам. Но не тут-то было. Незадачливые птицы, подлетая к тому месту, где быстро и размеренно сооружалась чаша, ударялись о что-то невидимое, как о стену. Многие падали тут же, кое-кто отлетал к самому прибою, отброшенный незримой преградой. Вскоре чайки сообразили, что лететь напрямик опасно. Крик их, и так надоевший в течение дня, усилился и стал просто нестерпимым. Возмущению чаек не было границ.

Мы же поняли, что сооружение юсгоридов, очевидно, окружено каким-то мощным силовым полем.

В эту ночь никто из членов комиссии не сомкнул глаз, неустанно наблюдая за биосилицитами. Кинооператоры прибыли почти одновременно с нашей штабной машиной и не упускали возможности самым добросовестным образом фиксировать на пленку все происходящее на отмели. На ближайших от необычной стройки скалах были установлены мощные прожекторы, и, когда операторам не стало хватать дневного света, они в изобилии получили искусственный.

Как только гигантская параболическая чаша была закончена (мы все еще удивлялись види-

мым совершенством ее отделки и скоростью, с какой она была создана), в слое юсгоридов начались перемещения. Если до этого момента они висели совершенно неподвижно, замерев над усердно создаваемым углублением, то теперь они начали сложные передвижения. В голубовато-фиолетовых лучах наших мощных прожекторов юсгориды засверкали волшебным фейерверком. Как рой мошек в лучах заходящего солнца справляет свой радостный танец зачинающейся жизни, так и юсгориды в лучах десятков вольтовых дуг, направленных на них со всех сторон, вели свой хоровод. Но здесь не было разудалого, хаотического метания счастливой и все позабывшей в любовном угаре мошкары. Создаваемый ими пространственный орнамент то вдруг оживал, замирал, то вновь приходил в замысловатое и радующее глаз движение. Из круга вдруг взмывали отдельные особи и уносились, как ракеты, вверх; некоторые, очерчивая в воздухе вытянутые эллипсы, создавали в пространстве ослепительные лепестки какого-то цветка; в самом центре этого искрящегося облака юсгоридов внезапно возникало красиво переплетающееся ядро, словно сердцевина этого яркого цветка.

В разгар причудливого танца мы заметили, что

число юсгоридов увеличивается. Они прибывали сюда, как бы призванные этим распустившимся цветком-хороводом, со всех концов света. Вновь появившиеся юсгориды повисали вокруг пляшущих собратьев, словно кольцо увлеченных и застывших в восхищении зрителей. Однако бездельничали они не долго. Часам к двум ночи мы поняли, что и на их долю было определено немало работы. Спокойно «полюбовавшись» танцем минут десять, они начали образовывать над чашей нечто вроде ажурной башни, по очертаниям напоминавшей башню Эйфеля. Внутри ее основания все еще продолжалась пляска юсгоридов, но теперь движения ее участников стали замедленными, плавными. Создавалось впечатление, что исполнители устали и перешли на более минорный тон своей пространственной песни.

Часам к трем ночи все как-то замерло, утихло. Мы тоже устали до предела, пресыщенные нагрянувшими на нас впечатлениями.

Башня стояла неподвижно. Рой юсгоридов внутри нее все медленнее и медленнее выводил свои рисунки. Над песчаной отмелью было как-то настороженно, тихо.

Время шло, ничто не менялось, но мы ждали и чувствовали: вот-вот что-то должно произойти.

Кто-то из самых трезвых наблюдателей догадался, что именно сейчас, сию минуту, совершенно необходимо выпить кофе. Черного, крепкого и, конечно, горячего. Комиссия наша была не только слаженной, организованной и мобильной, но и обладала недурно действующей «хозяйственной частью», заведующий которой в последнее время пустил в обиход новую поговорку: «Оперативности надо учиться у юсгоридов».

Кофе и в самом деле появился как по волшебству и был нужен сейчас, как ничто другое.

А между тем становилось все тревожнее. Председатель комиссии, воспользовавшись затишьем, собрал нас для составления внеочередного рапорта Международному штабу. Рапорт был написан быстро, передан по радио в Нью-Йорк, а через несколько минут из Центрального штаба нам радировали о рассылке его правительствам стран — участниц Силицитового комитета.

На какой-то момент нам показалось, что в штабе переусердствовали, приумножив наши тревоги, но вскоре согласились с решением нью-йоркцев. Столь массовой и столь целенаправленной деятельности силициевых существ на Земле еще не наблюдалось. Правда, все мы уже успели убедиться в их «лояльности» к нам,

землянам, поверили в их разумное и беззлобное поведение, но как знать…

Под утро стало прохладно. Кое-кто уже начал зябнуть. Юсгор, потеплее укутавшись в плед, кажется, даже вздремнул тихонько в уголке нашей вместительной и очень удобной штабной машины. Асквит стал ворчать, заявляя, что спектакль ему наскучил.

— Черт знает что. Кто так ведет программу? Действие должно нарастать неуклонно. Никаких спадов! Искусство не экономика, в нем недопустимы спады. Господа, я, пожалуй, вполне удовлетворен этим несколько затянувшимся представлением. Что, если нам часок поспать в палатках и попросить Юсгора подежурить? Ведь он уже успел вздремнуть немного…

— Ваши инсинуации, Асквит…

— Господа! Начался дождь, — перебил Юсгора Асквит, не дав разгореться спору. — Дождик, господа, дождик! — радостно восклицал Асквит. — В палатки, в палатки!

Дождь действительно начинался. Никто из нас не заметил, когда небо затянулось низкими облаками. Крупные холодные капли заставляли поеживаться. Кто-то уже собрался выйти из машины, но вдруг заработала штабная рация, и о

дожде все забыли.

В центральный штаб поступили сведения с нашего постоянного наблюдательного поста в Каракумах, что Сиреневый Кристалл покинул свою «резиденцию» и в сопровождении всегда охранявших его юсгоридов двинулся к Таманскому заливу… То, что кристалл движется именно в нашем направлении, подтвердилось радиограммами нескольких наблюдательных постов в различных местах.

Сиреневый Кристалл приближался. Не прошло и двадцати минут, как он у же был у нас. Мы даже не успели подивиться скорости, с какой произошел этот тысячекилометровый бросок, как над параболической чашей все вновь ожило. А вскоре события начали нарастать с такой быстротой, что Асквит уже не мог жаловаться на спад действия в этом необычайном представлении.

Юсгориды, доставившие Сиреневый Кристалл, располагались вокруг него, как бы повторяя его форму, увеличивая его в размерах. Кристалл сиял ярче обычного, светились и сопровождавшие его юсгориды, пульсируя, переливаясь всеми цветами радуги. Вскоре вся эта компания разместилась в чаше таким образом, что кристалл очутился в фокусе гиперболического параболоида, и все

пришло в движение. Засверкал чудо-цветок, начали светиться юсгориды, образовавшие ажурную башню, в воздухе послышалось гудение, вскоре перекрывшее шум мощных автомобильных движков, подававших электроэнергию прожекторам. Кинооператоры принялись более интенсивно расходовать пленку.

Внезапно все прожекторы погасли. Мы не сразу поняли, в чем дело, и только после донесения начальника войскового подразделения, обслуживающего нашу комиссию, начали размышлять о случившемся, соображать, какое же принять решение. Юсгориды до этого никогда не вмешивались в наши действия, теперь же они самым настойчивым образом гасили прожекторы. Прожекторы наши питались от восьми автомобильных электростанций. Через несколько минут, после того как Сиреневый Кристалл расположился в параболоиде, восемь юсгоридов приблизились к щиткам этих электростанций и отключили питание. Военные механики не растерялись и вновь включили рубильники, но юсгориды опять прекратили поступление энергии. Такая «игра» продолжалась до тех пор, пока мы в штабной машине не приняли решение не уступать юсгоридам. Нужно признаться, что

оно было озорным и, как сказать, может быть, рискованным: ведь мы все еще не знали, смеем ли мы перечить силициевым пришельцам, уже неоднократно показавшим людям свою мощь. Но решение было принято, и схему питания переключили таким образом, что юсгориды вряд ли смогли бы запросто его прервать.

Мы с нетерпением и не без тревоги ждали, что последует за этим нашим актом. Уж очень не хотелось поступаться своим достоинством, уж очень тягостно было сознавать, что биосилициты слишком могучи.

Вот здесь, в эти минуты, быть может как никогда раньше, мы почувствовали единение. В штабе комиссии были собраны ученые разных убеждений, и, несмотря на это, решение было принято быстро и единодушно: не сдаваться! Пусть в этом малом пункте, но показать, что мы хозяева планеты и имеем право хотя бы только видеть, что творят здесь пришельцы. Хотим осветить их деятельность, и баста!

Урок, полученный от биосилицитов, произвел на нас огромное впечатление, а наши физики и по сей день разводят руками, не понимая и дивясь возможностям посланцев иного мира.

Видимо, всей затее силицитов почему-то меша-

ли потоки света, направленные на них с десятков прожекторов, и они… искривили лучи в пространстве. Теперь-то мы знаем, что они не могли терять ни минуты времени. Их эксперимент должен был осуществиться в точно определенный час, им некогда было возиться с распутыванием наших электросхем, и они взяли да искривили световые потоки.

Лучи прожекторов, как и несмышленые чайки, теперь упирались в невидимую преграду, плавно огибали ее и уходили в небо, подсвечивая нависшие над песчаной косой облака.

А в облаках начало твориться тоже нечто несусветное.

Бедные юсгориды в ту ночь трудились неустанно: им мешали и земляне, и земная природа, однако они вступили в состязание не только с людьми, но и со стихией и вскоре победили.

Над ажурной башней, словно вырезанное аккуратно ножичком, образовалось отверстие в облаках, и теперь башня вершиной своей смотрела в чистое звездное небо, беспрепятственно выискивая нужную звезду.

А тем временем гул все нарастал и нарастал. Какие-то переливчатые, полупрозрачные цветовые волны побежали на некотором расстоянии от

башни, сотканной из юсгоридов, и башня начала наклоняться. Вершина ее, совершая круговые движения, как бы нащупывала что-то во Вселенной. Вырез в облаках подчиненно следовал за ее движениями, Они становились все более плавными, замедлялись и наконец прекратились. Теперь башня замерла, наклонившись под углом 16° к вертикали, и из нее вырвался ярчайший световой луч. Пульсирующий, тонкий, совсем не расширяющийся, он был направлен, как это удалось нам впоследствии установить по приборам, на Тау Кита.

Увлеченные столь необычным зрелищем, мы в тот момент, конечно, не могли не только понять происходящее, но просто уследить за ним. Выручили приборы — наши механические помощники, самым добросовестным образом дополнившие наши органы чувств и нашу память. И теперь мне уже трудно отделить впечатления той ночи от выводов, сделанных много позже на основании тщательного анализа, всесторонних и беспристрастных показаний аппаратуры, стянутой нами тогда к Таманскому заливу.

Как только башня нашла нужное ей направление, в центре ее, над параболической чашей, возникла такая музыка движения, которая пре-

восходила все виденное нами накануне. Теперь нам было ясно, что Сиреневый Кристалл стал душой и сердцем этого волшебного хоровода. Все было сосредоточено вокруг него, все неуловимо подчинялось его импульсам, и десятки юсгоридов, теперь засветившихся различными цветами, совершали свои переплетения в пространстве, то вдруг замирая, то вновь создавая плавные, ритмичные и, как нам казалось, какие-то очень осмысленные пируэты.

Все сооружение пульсировало, лучилось, было в каком-то напряженном стремлении ввысь, туда, где за миллионы километров от Земли сверкала, видимо, родная им звезда.

Что было потом?

Не могу в точности описать.

Помню только, что беспрерывно создаваемая юсгоридами симфония как бы понеслась по устремленному в космос лучу. И вот всплеск, порыв, торжество — и все померкло.

Какими нелепыми показались теперь вновь распрямившиеся лучи наших прожекторов, в свете которых мы вдруг увидели параболоид, заполненный померкшими юсгоридами! Исчез сиявший пространственный цветок, ажурная башня. Отдавшие всю свою энергию, юсгориды

неподвижно лежали в огромном сосуде.

Начинался рассвет.

Блекли лучи уже ненужных теперь прожекторов, но никто в растерянности не догадался дать команду «выключить!»

Родбариды, сделавшие за вчерашний вечер превосходную чашу и совсем было забытые нами, снова откуда-то появились на отмели. Двигались они медленно, трудолюбиво совершая на этот раз печальное дело, закрывая выпускаемой из себя стекловидной массой огромную чашу параболоида, наполненную телами юсгоридов.

Чаша подернулась темным покровом, и аккуратные родбариды засыпали все морским песком. Как только они закончили эту операцию, появилась новая партия юсгоридов и унесла своих силицитовых строителей в Каракумы.

На песчаной косе, далеко вдававшейся в море, все стало таким же, каким было вчера утром, — спокойным и чистым.

В золотистом восходе прозрачные волны вяло набегали на пляж, пенились немного и так же невозмутимо откатывались, чтобы повторить свою скучную многовековую операцию вновь и вновь.

Крикливые чайки как ни в чем не бывало

сидели на своих камнях, носились над морем, выискивая рыбешку, не вспоминая, конечно, своих погибших вчера неразумных собратьев.

Итак, биосилициты послали первый сигнал к себе на родину. О чем сообщали они далекому, недоступному нам миру — мы не знали, конечно. Вскоре мы поняли, что силициты не только направили информацию домой, но одновременно получили указание, как действовать дальше.

Из поездки к Таманскому заливу я вернулся в метрополию на день позже Асквита, и, как только появился в Объединенном институте, мне передали, что он хочет меня повидать.

Настроение у Асквита было странное — какая-то упорная веселая злость. Как только я вошел в его кабинет, он посмотрел на меня пристально, будто видел в первый раз, и сразу же признался:

— Не получилась.

— Что не получилось?

— Моя схватка с юсгоридами.

Асквит замолк. Стало заметно, как он осунулся, побледнел и устал за последние дни. Я вспоминал его угрозу побороться с юсгоридами, но пока не понимал, что случилось с ним, чего он хочет от

меня. Асквит достал ярко-оранжевую маленькую коробочку и протянул мне.

— Вы добивались его настойчиво и бескорыстно. Возьмите. Можете передать Силицитовому комитету. Заказывать брошку для своей будущей жены не рекомендую: юсгориды уволокут. Впрочем, они ничего не могут поделать, если кристалл, например, зажат в кулаке. Помните, как ловко схватил его директор Йонгель?

— Помню. Этим же свойством воспользовались и вы, поддразнивая родбарида на полигоне, а также когда дрессировали их в своих потайных заповедниках.

— Ну конечно! Я убежден, что их творцы, существа, далекие от нас, но, несомненно, обладающие высокосовершенным разумом, наделили всю свою силициевую систему разведчиков свойствами весьма гуманными.

Мне не очень понравилось определение Асквита «гуманные», но я не мог не согласиться, что силициты, по всей вероятности, и в самом деле не имели права повредить что-либо живое.

— Да, пожалуй, это верно, профессор. Заложенная в Сиреневых Кристаллах программа предусматривает для юсгоридов необходимость самым строгим образом считаться с живыми

существами исследуемой ими планеты. Они не могли отнять кристалл у Дагира, у Йонгеля, и они еще не причинили вреда ни одному живому существу на Земле.

— Вот и вы не бойтесь, берите!

Я все еще не мог поверить: неужели в протягиваемой Асквитом яркой коробке лежит Сиреневый Кристалл?

— Вы это серьезно?

— Берите. Какого черта, в самом деле. Берите, а то передумаю.

Я придвинул коробку к себе.

— Не вздумайте снять с него кремниевую оболочку. Юсгориды примчатся через несколько минут и перебьют здесь все стекла. Разумные существа! Мерзавцы просто.

— Да расскажите же толком, что случилось?

Асквит передал мне несколько телеграмм. Я быстро прочел их, и мне стало ясно, почему он так поносит юсгориды. Осуществив связь со своим миром и, видимо, получив нужную им информацию, они побывали во всех местах, где на потребу людей трудились родбариды, и быстро унесли их. В течение суток, прошедших со времени посылки первого сигнала, они пронеслись по всей Земле и, только прикоснувшись к силициевой плазме,

лишили ее активности. Плазма моментально стекленела, теряла свои изумительные и опасные свойства.

— Продаю виллу Беньюз. У вас нет знакомых, желающих ее приобрести?

— Прошло увлечение тропиками?

— Хуже. Пришла пора расплачиваться.

Только теперь я подумал о финансовой стороне всего этого дела, сообразил наконец, что Асквит, мечтавший приобрести деньги и власть, добывая при помощи родбаридов редчайшие металлы, вероятно, обанкротился. Мне даже жаль его стало.

— У вас большие неприятности?

— Мягко сказано. Неделю назад я мог считать, что уже очень близок к цели. За два дня до поездки к Таманскому заливу я все свои средства, все до последнего гроша, вложил в акции «Люкс-металл», а сегодня... — Асквит вынул из письменного стола пачку бумаг и потряс ими в воздухе. — Сегодня они не стоят ничего. Фирма «Люкс-металл» полетела ко всем чертям и увлекла за собой немало других фирм. Запасы уже добытого металла не покроют и малой доли произведенных затрат, юсгориды пресекли нашу деятельность... Нет, серьезно, вилла Беньюз продается. Имейте в виду на всякий случаи.

Асквит встал, подошел к окну, из которого был виден полигон. Там теперь уже не было так долго сидевших в ровной цепочке родбаридов и только торчал кран с манипулятором, при помощи которого Асквит так ловко похитил у силициевых киберов первый кубик германия.

— Не удалось, — задумчиво, не поворачиваясь ко мне, произнес Асквит. Стремления оказались бесплодными. Как это сказано у Ларба?.. «И сколько бы мы ни шли навстречу радуге, мы никогда не придем под ее сияющие своды!»

— А может быть, — начал я тихо, — надо идти до более правильной дороге, профессор?

Асквит резко обернулся:

— Да кто же может сказать, какая дорога правильна? Люди еще ни черта не знают. Биосилициты или, вернее, те, кто их послал, тоже ничего не знают. Уверен. Это здесь, у нас, они представляются уж слишком могучими и мудрыми, а там, у себя, они тоже ищут и спотыкаются о препятствия, то есть живут! Правильная дорога! Скучно ходить по правильной дороге!

— Тогда не жалейте потерянного.

— А я и не жалею. Я никогда не был ни скуп, ни расточителен. Скупость и расточительство — явления одного и того же порядка: оба обедня-

ют человека.

Зазвонил телефон. Асквит выслушал, что ему говорил доктор Дювьезар, и оживился по-прежнему.

— Алексей Николаевич, началось!

— Что началось?

— В Каракумах силициты затеяли что-то новое. Необходимо срочно вылететь туда. Великолепно, начинается новый акт. Поедемте в город, надо поскорее собираться. А «Люкс-металл»... Черт с ним, с «Люкс-металлом», разберутся и без меня.

Глава двадцатая

●

В мир недоступности

Последний участок пути к «резиденции» Сиреневого Кристалла решено было преодолеть на вездеходе. Использовать для этой цели вертолет мы не рискнули, опасаясь уподобиться чайкам и налететь на какую-нибудь невидимую преграду, воздвигнутую силицитами.

Впервые мне довелось очутиться среди одной из самых крупных пустынь мира. Весь день мы

медленно двигались по постепенно повышающемуся плато, покрытому мелким, темным, блестевшим на солнце камнем. К вечеру горизонт, все время казавшийся таким близким, вдруг отодвинулся куда-то в багровую даль и взгляду открылись огромные, представляющиеся совершенно безжизненными пространства. Позади, слева, в быстро темнеющей дымке едва виднелись скалы, внизу громоздились истерзанные временем нагромождения камней, а справа, с севера, простирался беспредельный океан песков. Правильными рядами на десятки километров протянулись его волны, замершие, словно скованные чьей-то злой и прихотливой волей.

Пустыня. Здесь в вековечной борьбе неистового солнца и ветра с крепкой породой скал неустанно идет процесс разрушения. Идет веками, грозный, упорный, который может остановить только человек, дерзновенно вступающий в борьбу и с пустыней. А пока еще в очень многих местах раскаленные пески пядь за пядью отвоевывают пространство у скал и, пересыпаемые ветром, с тихим, довольным шелестом покрывают все новые и новые участки рассыпающегося камня.

Душные просторы песка кажутся унылыми. Они то серо-желтые, то тускло-стальные, а в

часы заката вдруг становятся красноватыми и всегда вызывают чувство тоски и потерянности. Пустыня, правда, не так уж безжизненна, как это принято считать многими людьми, ее не знающими. И все же, даже когда однообразие нарушается колыханием на гребне бархана сухой и жесткой травы селина, черноватыми, исковерканными кустами саксаула или быстрой ящерицей, радостное чувство не наступает. Не оставляет мысль, что здесь, на переднем крае схватки жизни и разрушения, побеждает разрушение. Если находишься в пустыне долго, то уж не верится, что где-то есть море и зелень, человек и вычислительные центры. Все чаще думается, что здесь не столь безжизненно, сколь безнадежно. Несколько лет назад мне довелось побывать высоко в горах — в Цейском ледниковом цирке. Извилистый ледник привел нас, альпинистов, в громадный котлован, замкнутый высочайшими вершинами Кавказских гор. Ночь. Свет луны выхватывает из черных провалов снежно-серебристые куски. Скалы и лед, черное звездное небо над головой впечатление такое, будто попал в другой, еще не озаренный жизнью мир. Среди таких гор чувствуешь себя первооткрывателем, а в безрадостной пустыне кажется, будто очутился

на уставшей, отживающей планете.

Стараниями человека, его упорным и отважным трудом пустыни постепенно приобщаются к миру. Будет время, когда все они покроются сетью каналов, цветущими садами, полями хлопка. Будет… а сейчас здесь с немалым комфортом расположились биосилициты.

Рано утром, с трудом преодолевая крутые барханы, вездеходы вышли наконец к возвышенности, с которой уже хорошо были видны необыкновенные постройки наших деятельных и совершенно неутомимых гостей.

Они недаром избрали Каракумы — самые молодые в истории нашей планеты пески. Понравились они биосилицитам, видимо, прежде всего тем, что состав этих песков весьма и весьма разнообразен. Ветер еще не успел как следует перевеять их, отдельные зерна угловаты, свежи, словно совсем недавно (в геологическом смысле) был размолот и хорошенько промыт гранит. Полевые шпаты всех оттенков: розоватые, желтоватые и цвета оливков, пластинки блестящей слюды, зернышки кварца, мельчайшие крупинки граната и турмалина — чего только не найдешь при внимательном изучении песка Каракумов! Более сорока различных минералов

раздроблены, перемешаны и насыпаны здесь волнами, достигающими порой семидесяти, ста, а то и ста двадцати метров высоты. Что и говорить — обильный корм для родбаридов, неустанно возводящих свою гигантскую постройку.

Мы расположились на ближайшем от этой постройки такыре и отсюда, с естественной площадки, на которую могли опускаться вертолеты, начали наблюдения. Еще неизвестно было, подпустят ли нас силицитовые строители поближе к своему сооружению, и мы на первых порах довольствовались биноклями.

Юсгору раньше всех удалось разглядеть Сиреневый Кристалл. Он, как и в ночь посылки силицитами первого сигнала, висел в воздухе, окруженный юсгоридами. Из него время от времени вылетали по направлению к постройке тонкие прямые нити-лучи. В тех местах, куда попадали эти яркие, как вспышка молнии, пучки света, родбариды начинали особенно интенсивную работу. Создавалось впечатление, что Сиреневый Кристалл как бы посылает указания, руководит всей работой. В это верилось уже потому, что с падением интенсивности излучения кристалла всякий раз менее подвижными становились родбариды, ползавшие по постройке, и всякий

раз, когда кристалл излучал особенно энергично, строители начинали двигаться живее.

Непонятная для нас работа шла круглосуточно. Сооружение биосилицитов было чем-то похоже на то, которое «черепаха» Ритама возвела в Пропилеях, но сколь же оно было величественнее той, первой пробы!

Ко дню нашего приезда стройка возвышалась на двести сорок метров над ровной площадкой, устроенной родбаридами на дне естественного песчаного котлована.

Наблюдательный пост мы организовали быстро, оборудовав его всем необходимым. Сюда, на прочную, ровную, самой природой подготовленную площадку — такыр, вскоре начали опускаться вертолеты, регулярно приходившие из Ашхабада и Чарджоу, здесь же мы собирались обосноваться понадежнее, чтобы не упускать из виду силициты, как можно детальнее изучать их новую для нас деятельность.

В первый же день приезда мы с Юсгором двинулись по направлению строительства. Хотелось подобраться поближе, посмотреть, что же там происходит. Мы не считали такой поход слишком рискованным, так как успели убедиться в полной лояльности силициевых посланцев недо-

ступного мира. И все же мы были насторожены, не желая уподобиться чайкам, бесславно погибшим при попытке пролететь через невидимый заслон, созданный юсгоридами на песчаной косе у Таманского пролива.

С одного бархана мы перебирались на другой, стараясь как можно ближе рассмотреть постройку, и через час подошли к ней настолько, что уже смогли разглядеть ее детальнее, а перевалив еще через две гряды песка, уже довольно отчетливо видели, как действуют ближайшие к нам родбариды.

— Интересно, Алеша, родбариды и у себя дома умели так ловко исчезать в песке или научились у каракумских ящериц-круглоголовок?

Хотя мое знакомство с обитателями Каракумов только-только начиналось, я уже видел, как на оголенной, увитой изящной рябью поверхности песка исчезают эти похожие на собачек с загнутыми хвостиками ящерицы. Сидит ящерица спокойно на бархане, но, стоит спугнуть ее, она начинает дрожать всем телом и мгновенно скрывается. Родбариды поступали точно так же. Теперь, подойдя к «строительной площадке» довольно близко, мы видели, как некоторые из них начинали вибрировать и моментально

уходили в песок. Метод у них и у ящериц был один и тот же, причины — разные. Родбариды никого не боялись, просто они продолжали свою деятельность и там, в глубине больших барханов, видимо, добывая что-то особенно нужное для своего все растущего и растущего сооружения.

— Как вы думаете, Юсгор, для чего они затеяли все это?

— Хотят домой. Очень хотят. Спешат и волнуются, что упустят какой-то наиболее подходящий для этого момент. Видимо, отправиться восвояси они могут только при определенном положении Земли по отношению к их системе.

— Да, пожалуй, вы правы. Похоже, что этот гигант вырастает для того, чтобы ринуться к Тау Кита.

Юсгор кивнул, и мы, не рискуя ближе подходить к постройке, вернулись к наблюдательному пункту, на котором к этому времени все было подготовлено для работы и отдыха.

Как я уже писал, биосилициты, казалось, не замечали нашего довольно назойливого внимания, но на пятый день добрососедские отношения внезапно прекратились и началось…

На каракумском наблюдательном пункте, как и на опытном силицитовом полигоне близ Лонара, у нас было организовано круглосуточное дежурство ученых, налажена оперативная связь, пункт был оснащен всеми необходимыми приспособлениями, аппаратурой, приборами и всевозможным транспортом словом, мы были «вооружены до зубов». Собравшиеся в Каракумах ученые имели возможность вести наблюдения, пользуясь веем, что уже создано человеком.

В ту ночь было холодно. Жара, донимавшая днем, вспоминалась теперь как нечто весьма привлекательное. В палатках и фургонах включили электрокамины, питавшиеся от походных силовых станций, почти все пили горячий душистый зеленый чай. Никто не спал: поведение биосилицитов настораживало. Они действовали еще быстрее обычного. Сияющее в ночи сооружение, по нашим подсчетам, уже достигло высоты триста метров. Теперь оно, словно высеченное из светящегося мрамора, было окружено сотнями юсгоридов. Они беспрерывно подлетали к нему и разлетались в стороны, исчезая за горизонтом. Сиреневый Кристалл пульсировал особенно интенсивно, работа шла напряженная, слаженная, гудение биосилицитов увеличилось настолько,

что было явственно слышно и у нас на наблюдательном пункте.

Каждый час мы составляли сводку наблюдений и передавали ее по радио в Ашхабад. Оттуда сводки летели в Москву и далее в Центральный штаб ООН и Объединенный силицитовый институт. Радиосвязь, как всегда, была налажена отлично, но часам к восьми вечера радисты стали волноваться. Появились помехи, временами связь прекращалась совсем на одну-две минуты.

В девять вечера нам передали из Ашхабада, что там весьма и весьма смущены действиями силицитов: они вернули все три посланных нам вертолета. Мы еще не успели сообразить, каким образом могли это проделать биосилициты, а нас уже ожидали очередные сюрпризы.

Часам к десяти вечера весь такыр, на котором мы располагались, окружили юсгориды. Они повисли в воздухе, создавая вокруг нас ажурный заслон, и в это же время со всех концов пустыни на нас двинулись родбариды. Мы и не подозревали, что их так много развелось в каракумских песках. Они вылезли из барханов, покинули стройку и ползли к нашему наблюдательному пункту, атакуя со всех сторон. Многих, видимо для того чтобы ускорить события, юсгориды

подхватывали и быстро подносили поближе к такыру.

Внеочередное донесение мы составили не больше чем за пять минут и дали команду радистам немедленно передать его в штаб, срочно сообщить о новых действиях биосилицитов, но было уже поздно. Радисты ничего не могли поделать со своей аппаратурой: круговой заслон из юсгоридов нацело пресек всякую возможность связи с внешним миром.

А родбариды наступали. Как только они доходили до края плотной глинистой площадки, они вгрызались в грунт и вползали под такыр. Сотни силициевых созданий уже копошились под нами, а сотни все новых шли и шли из пустыни к ним на помощь. Казалось, все барханы вот-вот превратятся в гудящие и немного люминесцирующие приплюснутые шары. Родбариды, находящиеся под нами, не теряли времени зря. Не прошло и часа, как они начали выползать из-под такыра, по границам которого уже образовалась кромка из прочной стекловидной массы.

Как выяснилось позже, это были края мощной ребристой платформы, подведенной под занимаемую нами площадку. Тотчас же, после того как родбариды закончили свою работу, юсгориды

быстро перегруппировались, покидая свои посты кругового заграждения, и ринулись к краям платформы.

Вот тут-то мы и почувствовали толчки. Плавные но все же такие, которые напомнили нам землетрясение. Теперь, насколько мы могли судить, ни одного юсгорида не осталось на стройке: все они собрались у нашей площадки, и она, как некогда танк-сейф Ченснеппа в Амстердаме, начала приподниматься.

— Поехали! — закричал Асквит. — Нас вежливо и очень настоятельно просят удалиться.

Огромный такыр со всем нашим хозяйством — с палатками, фургонами, вертолетами и автомобильными электростанциями — поднимался в воздух. Мы, разумеется, ничего не могли поделать. Нужно сказать, что первая растерянность довольно быстро прошла. Не было и страха. Люди уже в какой-то мере привыкли к проделкам биосилицитов и верили в их незлобивость и благоразумие. Раздражало, правда, что нас хотят выдворить. Куда?

Этого мы, конечно, не знали.

Такыр передвигался медленно. Видимо, и для силицитов перемещение в пространстве таких огромных масс было делом нелегким, а может

быть, они просто опасались повредить нас. Полет совершался в направлении на юго-запад. Мы только начали соображать, попадем ли прямехонько в Ашхабад, или нас отнесет западнее, как начался спуск. По пологой линии мы пролетели еще метров пятьсот и с легким толчком опустились на самой возвышенной части каменистого плато.

Не успели мы прийти в себя, как юсгориды исчезли. Они явно спешили. Отодвинув нас подальше от своего сооружения, но не лишив возможности любоваться ими издали, они мгновенно вернулись к Сиреневому Кристаллу.

Теперь у нас вся надежда была на оптические средства. Бинокли, подзорные трубы, оптические прицелы — все было пущено в ход, но этого казалось мало. Поочередно каждый из нас припадал то к одному, то к другому приспособлению, стараясь получше рассмотреть, что делается у биосилицитов. Работали две кинокамеры с телеобъективами, и, так как все силициты в ту ночь светились интенсивно, пленки получались отличные. Мы много раз потом просматривали их, и теперь я могу довольно точно судить, что произошло на «стройке». Как только юсгориды, заботясь о нашей безопасности, отбуксировали

нас подальше от своего сооружения, они тотчас же создали большое кольцо-завесу вокруг всей своей постройки.

Сиреневый Кристалл пульсировал так, что даже с нашей новой наблюдательной позиции видно было, как от него идут тончайшие лучики. Все сооружение, устремленное в звездное небо, как бы вытянулось, засверкало ярче прежнего, и мы поняли: через несколько минут оно должно оторваться от Земли. Но в то же время возникало сомнение: состоится ли этот полет. Даже мы, тогда еще мало смыслившие в их затее, понимали: постройка не симметрична, как-то не закончена. Настораживало и другое: юсгориды, очевидно закончив сбор информации, продолжали настойчивый поиск чего-то, по-видимому, крайне им необходимого. Как выяснилось потом, они проникали во льды Антарктиды и Гренландии, опускались в бездны океанов и кратеры вулканов, обшаривали тайгу и джунгли, пустыни и города, особенно долго задерживаясь у витрин ювелирных магазинов и около сейфов с драгоценными камнями. Увенчались ли их поиски успехом? Смогут ли они выполнить свое назначение и достигнуть пославшего их далекого мира?

Минут через тридцать, после того как мы бы-

ли эвакуированы на безопасное расстояние от снаряда, он плавно, слегка наклоняясь в сторону вращения Земли, начал приподниматься над площадкой. Но, не взлетев и на километр, гигантское, сложнейшее, но не симметричное сооружение стало заметно заваливаться на одну сторону и рухнуло, подняв огромный столб песка.

Песчаный дождь выпал и на нашу площадку, а когда видимость улучшилась, мы заметили, что биосилициты, как бы обескураженные неудачей, замерли на тех местах, где они находились во время старта. И почти у поверхности земли значительно слабее, чем прежде, сиял Сиреневый Кристалл. Одинокий… Вот чего не хватало для полноценного завершения программы действия силицитов — второго носителя этой программы, второго Сиреневого Кристалла!

Все, вероятно, помнят, как в Москве проходила Международная конференция по биосилицитам. О ней самым подробным образом сообщала пресса, выступления всех ее участников транслировались по радио и передавались по телевидению. Это было поистине всепланетное совещание ученых, правительств и общественных организаций.

Обсуждался фактически один вопрос: «Отдать или не отдавать?»

Второй Сиреневый Кристалл в то время был в распоряжении Силицитового комитета. Получив Сиреневый Кристалл от профессора Асквита, я немедленно передал его в комитет.

Это были дни невиданного подъема, дни торжества человеческой воли. Все отдавали должное огромным возможностям биосилицитов, понимали, что разумные существа, пославшие их на разведку, на освоение миров Вселенной, видимо, достигли очень высокой степени цивилизации. Однако заманчивый эксперимент наших далеких собратьев по разуму мог быть доведен до успешного конца только при том условии, если бы человеческие знания, пытливость и социальный прогресс помогли этому начинанию.

В результате неудачного приземления посланца космоса нарушилась хорошо задуманная система, и люди сумели оживить плазму, оживить зародыши, помочь рождению юсгоридов, сумели овладеть Сиреневым Кристаллом, создав вокруг него полезащитную оболочку, — словом, люди проявили себя как существа разумные. Не окажись на Земле человека, стоявшего на достаточном уровне развития, далекому Разуму

не удалось бы осуществить задуманное. Теперь предстояло новое, самое увлекательное — вступить в контакт с этим Разумом.

И высочайшим актом доверия этому Разуму было решение Всемирной конференции о передаче биосилицитам Сиреневого Кристалла.

И вот мы снова в Каракумах.

В день, когда с Сиреневого Кристалла сняли кремниевую защиту, юсгориды немедленно унесли кристалл и стройка началась вновь.

Теперь уже два Сиреневых Кристалла «руководили» работами и к броску в Мир Недоступности готовились не только силициты, но и люди Земли.

На конференции в Москве было решено попробовать послать в силицитовом снаряде капсулу, снабженную приборами, комплектами раций, телеустановок, поместить в нее животных, снабдить ее всяческой информацией, способной отразить уровень развития человечества.

Предстояло установить, как отнесутся к этому юсгориды.

Стройка силицитового снаряда шла ускоренным темпом. Два Сиреневых Кристалла осуществляли руководство слаженно, четко. Нити-лучи перекрещивались в воздухе, и в их слиянии возникали стройные, чувствовалось, строгие контуры сооружения.

Монтаж капсулы не отставал от силицитовой стройки. При закладке в капсулу земной информации строго продумывалась каждая деталь. Не обошлось без курьезов. Профессор Асквит, присутствовавший при окончательной комплектовке камеры, неожиданно обратился к членам комиссии с перечислением своих заслуг в деле изучения силициевой проблемы и с деланной серьезностью настаивал на своем праве вложить еще один образчик земной цивилизации лично от себя. Это оказалась зеленая долларовая бумажка с размашистой надписью: «А все-таки это вещь!»

Но наконец настали дни, когда было не до асквитовских шуток и не до споров, что именно этично посылать и что не этично. Надо было решать самое главное — как поместить капсулу в силицитовый снаряд.

Юсгориды подпускали нас к стройке совсем близко, но на расстоянии пятнадцати метров от

поверхности снаряда ими было создано силовое поле, через которое проникнуть было невозможно. Все попытки как-то подвести к снаряду макет капсулы кончались ничем, а значит, и саму капсулу нам протолкнуть бы не удалось. Стало обидно. Было похоже, что биосилициты вовсе не заинтересованы в сюрпризах землян, не собираются наши экспонаты тащить к себе домой и вполне удовлетворены тем потоком информации, который им удалось вобрать в себя, проникая во все уголки земного шара.

Закончилось это совершенно неожиданно.

В тот день, когда высота снаряда достигла четырехсот двадцати метров, юсгориды подхватили нашу капсулу и она исчезла во чреве сияющего колосса.

Все готовилось к старту.

Мы удалились на безопасное расстояние (уже без помощи силицитов) и были озабочены тем, как будем осуществлять связь с приборами, расположенными в нашей капсуле, так как через стенки снаряда радиоволны не проходили. Но тут произошло еще одно «чудо». За двадцать минут до старта несколько десятков юсгоридов расположились в непосредственной близости от нашего наблюдательного пункта, образовав в воздухе

овал с наибольшей осью метров в пятнадцать и наименьшей — около восьми. Мы не могли понять, к чему эти приготовления, да и, нужно сказать, в те минуты нам было не до овала: мы понимали, что время старта приближается, а нам все еще не удается наладить связь с нашей капсулой.

Вокруг снаряда биосилициты сновали во все усиливающемся темпе. Но вот все стихло. Родбариды начали поспешно уползать во все стороны и, вибрируя с особенной частотой, зарываться в барханы, юсгориды, будто расшвырянные взрывом снаряда, разлетелись невесть куда (все, за исключением создававших овал), вокруг снаряда запульсировала завеса, словно сотканная из нитей северного сияния, и снаряд исчез.

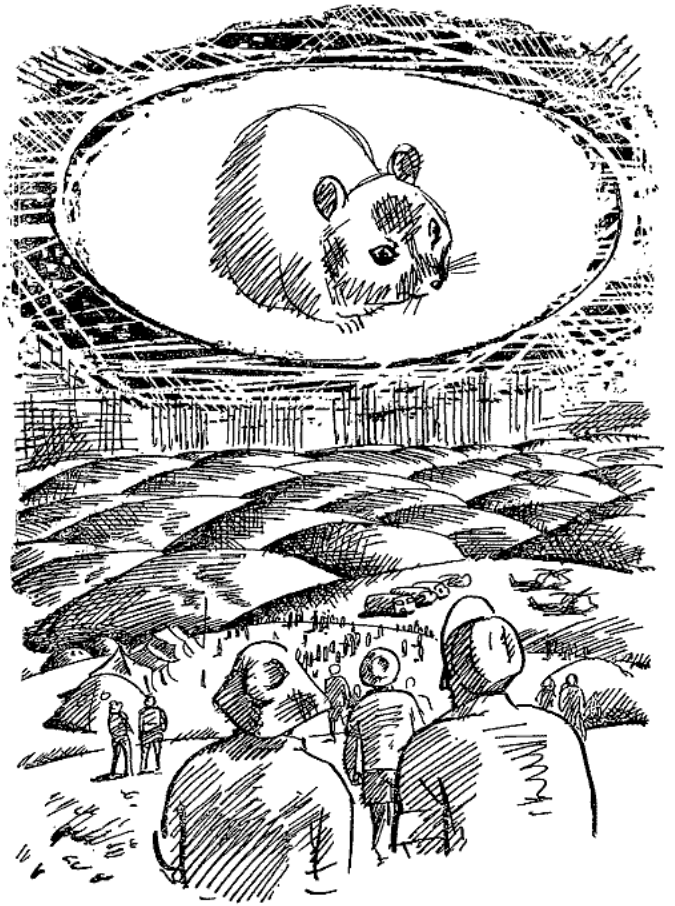
Через несколько минут его засекли на пунктах наблюдения, расположенных к этому времени в самых различных местах планеты. Сигналы с этих пунктов немедленно передавались по радио в вычислительный центр. Там счетно-решающие машины определили, что силицитовый снаряд движется в пространстве с таким ускорением, при котором не только животные, помещенные нами в капсуле, но и приборы наши, очевидно, превратились в нечто кашицеобразное.

Вскоре пункты наблюдения потеряли возможность следить за быстро удаляющимся от Земли телом и мы поняли, что наша затея не удалась.

Два Сиреневых Кристалла, как всегда окруженные надежной охраной из юсгоридов, оставались на прежних местах, но никакой деятельности биосилицитов уже не наблюдалось. Родбариды не выползали из барханов, юсгориды не появлялись, кристаллы почти не светились. Пустыня казалась особенно пустынной.

Вот тогда-то и началось новое «чудо». Мы поначалу и не заметили, что овал из юсгоридов увеличился. Теперь они располагались не в одной плоскости, а в нескольких. Распределенные правильными рядами, образуя сетку, они постепенно заполняли пространство в глубь овала. За первой сеткой виднелась вторая, за ней — третья. Возникали все более глубокие планы, образуя какую-то пространственную решетку. Через несколько минут овал стал прозрачным, по краям его повисли в воздухе Сиреневые Кристаллы, и вдруг вся масса юсгоридов стала вовсе невидимой, словно вырезал кто-то из пространства овальный толстый кусок. Создавалась иллюзия, что в этой части пространства вообще ничего нет. Ровным счетом ничего! Мы не могли ото-

рвать глаз от этого властно влекущего «ничто», перевести взгляд на что-либо другое, не замечали происходящего вокруг, были как бы загипнотизированы и вдруг увидели… белую мышку. Она озабоченно шевелила носиком, усики ее подрагивали, она принюхивалась, как обычно, но, по всей видимости, не была особенно озабочена или чем-то испугана. Весь овал несколько секунд был заполнен этим симпатичным существом, а потом, словно менялся объектив, мышь стала уменьшаться, рядом с ней появилась другая. Вот мы увидели клетку, вот показалась еще одна клетка, и в ней, как бы прислушиваясь, наклоняя голову то в одну сторону, то в другую, спокойно сидела собака. Лохматая, смешная, с глазами веселыми и любопытствующими.



— Да ведь это Друг! — закричал Юсгор.

Да, это был Дружок, посланный нами в далекую разведку вместе с десятком своих лохматых и пернатых однопланетников. Теперь мы уже видели весь зверинец, возглавляемый самым совершенным из посланных существ — макакой, а вскоре смогли наблюдать и всю внутренность капсулы, столь тщательно подготовленной нами для посылки далеким собратьям по разуму. В овале то появлялись установленные нами приборы, то снова мы видели наших ничем особенно не угнетенных животных. Информация из летящего в пространстве снаряда шла легко, свободно, без искажений и помех. На юсгоридовом овале мы видели все происходящее в капсуле цветным, объемным и близким до невероятия. Наши кинокамеры фиксировали все там происходящее. Безукоризненно регистрировались показатели основных функций животных, находящихся в капсуле. Электроэнцефало- и кардиограммы, пульс, дыхание, кровяное давление и секреция желудочного сока — все это убедительно доказывало, что в силицитовом снаряде созданы оптимальные условия для земных животных и приборов.

И сразу возникла мысль: а люди?..

Наблюдения продолжались непрерывно. Это было время высочайшего напряжения и подъема.

Однако, как ни совершенна была силицитовая система связи, поток информации с летящего тела стал постепенно гаснуть. Никакая, даже самая совершенная, система связи, видимо, не могла преодолеть безнаказанно невообразимое расстояние между Землей и снарядом. Стали появляться искажения, ощущались какие-то помехи. Сиреневые Кристаллы светились интенсивнее, чем когда-либо, пронизывая овал своими иглами-лучами, но и это уже не помогало. Мы до самых последних минут видели, что в капсуле все обстоит благополучно, ничего не делается нашим посланцам, но вскоре картины стали тускнеть все больше и больше.

Казалось, вот-вот будет окончательно утеряна нить, связывающая нас с движущимся в космосе телом, и в этот момент овал на несколько секунд вновь осветился. Кристаллы как бы из последних сил попробовали донести информацию, и все вдруг померкло.

Именно в эти последние мгновения нам посчастливилось увидеть нечто совершенно поразительное и почти не поддающееся описанию

— картины того, далекого, еще не познанного, но прекрасного и зовущего мира.

Юсгор обнял меня за плечи.

— Алеша, ведь это то, что даст нам возможность проникнуть далеко за пределы солнечной системы, в тот мир, который мы до сих пор считаем недоступным. Десятки лет ученые Земли должны будут потратить на создание корабля, способного в практически приемлемое для человека время долететь до ближайших к нам звезд, а силициты…

— Вернее, существа их пославшие, — поправил я Юсгора.

— Да, разумеется, именно они, уже достигшие пока недоступного нам совершенства, научились преодолевать огромные пространства. Их проворные посланцы — биосилициты самым радушным образом приняли нашу мысль послать контейнер с живыми существами, и если…

— Если?

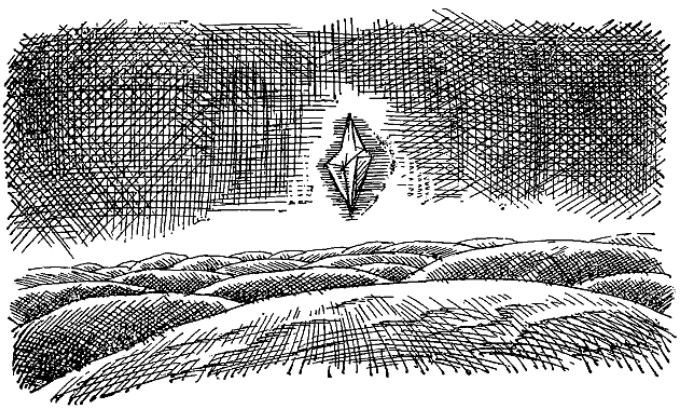
Юсгор смотрел мне прямо в глаза. Испытующе и вместе с тем надеясь и веря, что во мне, конечно, найдет самого горячего приверженца своей дерзкой и увлекательной мечты. Я понял его и протянул ему руку.

Теперь мы оба знали, что не успокоимся до

тех пор, пока не состоится решение о посылке в силицитовом снаряде, управляемом Сиреневыми Кристаллами, контейнера с людьми, знали, что будем жить надеждой попасть в число тех, кто устремится навстречу далеким собратьям по разуму.

Мы были готовы к броску в Мир Недоступности!

1955–1964 гг.



№ 5

Станислав Лем

Верный робот

Фантастический сценарий в четырех частях

Действующие лица:

Том Клемпнер
Граумер, робот
Посыльный
Гордон, издатель
Г-жа Гордон
Инспектор Доннел
Г-жа Доннел
Странный Тип

I

Время действия — около 2000 года, но в комнате нет ничего необыкновенного. Это рабочий кабинет автора детективных романов. Клемпнер печатает на машинке.

В передней раздается звонок.

Клемпнер: Кого черт несет?..

Выходит. Возвращается, за ним идут двое по-

сыльных с большим ящиком.

Посыльный: Распишитесь.

Клемпнер: Что в ящике?
Посыльный: Здесь написано. Робот.
Клемпнер: Какой робот? Я не заказывал никакого робота!
Посыльный: Ничего не знаю. Я из бюро доставки. Прошу расписаться.

Клемпнер расписывается, посыльные уходят. Клемпнер оглядывает ящик, развязывает веревки. Крышка откидывается. В ящике сидит Робот. Он вылезает, сбрасывает бумажную упаковку, встает.

Робот: Добрый вечер. Вы — мой новый хозяин. Очень рад. Буду стараться угодить вам. Я — наиновейшая модель Ультра-Делюкс.
Клемпнер: Что такое? Я не заказывал никакого робота…
Робот: А это не имеет значения. Зачем делать все самому? Я буду заботиться о вас. Вот послушайтесь моего совета: столик не на месте. Когда вы пишете, вы заслоняете себе свет. Лучше так…

(Переставляет столик.) Теперь вы сможете лучше сосредоточиться.

Клемпнер: Да на кой черт ты мне сдался!

Робот: Так… Вы спите хорошо?

Клемпнер: Нет. Кто тебя прислал?

Робот: Страдаете бессоницей? Отлично. *(Выглядывает в окно.)* Ага, тут другие дома. Значит, по вечерам собаки, ночью — кошки, на рассвете — петухи. Очень хорошо. Я знаю специальный способ…

Клемпнер: Не твое дело! Кто тебя прислал?

Робот: Вы напрасно кричите. Можно говорить шепотом, я отлично слышу. Понятия не имею, кто меня прислал, но сейчас справлюсь. На упаковке должно быть указано. Конечно, «Девенпорт», бюро найма и посредничества. *(Берет трубку телефона, набирает номер).* Алло! Бюро «Девенпорт»? Говорит работник. Господин человек, сейчас с вами будет говорить мой хозяин. Пожалуйста… *(Передает трубку Клемпнеру.)*

Клемпнер: Алло! Я получил посылку — робота, которого не заказывал. Это какая-то дурацкая ошибка, да? Том Клемпнер, улица Роз, 46. Заберите его обратно. Что вы говорите? Не высылали? Вы совершенно уверены? Но… *(вешает трубку).* Никого, говорит, не присылали. Что же теперь

будет?

Робот: Будет хорошо. Наверное, вы предпочитаете жить в одиночестве? Чтобы никто не мешал вашей творческой мысли?

Клемпнер: Да, черт побери! Да! И перестань трещать! Дай сообразить, что с тобой делать.

Робот: Не обращайте на меня внимания. Обедать вы теперь будете дома. Питаться в ресторанах вредно…

Клемпнер: Да замолчишь ты? Прямо голова раскалывается.

Робот: Увы, сначала всегда так… *(Достает из ящика, в котором прибыл, коробку с красным крестом. Наливает воду в стакан, подает его Клемпнеру. Вынимает из коробки таблетку.)*

Клемпнер: Что это?

Робот: От головной боли. Сейчас все как рукой снимет. Прошу… *(Сажает его в кресло, подкладывает под ноги одну подушку, под голову — другую, подает таблетку и воду. Клемпнер глотает лекарство. Робот выносит ящик, приносит веник, подметает.)*

Робот: Ну, как мы себя чувствуем? Лучше? *(Достает масленку, провода, отвертку.)* Это мое имущество. Я ведь сам себя лечу. Хотите взглянуть, что у меня внутри? Чрезвычайно лю-

бопытное устройство!

Клемпнер: Оставь меня в покое!

Робот: Мой долг — дать покой. Минутное дело. О! У вас измученный вид. Сейчас приготовлю крепкий бульон. Легкий, сытный ужин. Попрошу вас расслабиться. Полная пассивность, отдыхайте. *(Пятится к двери. Слышно звяканье посуды, стаканов.)*

Клемпнер: Вот влип.

Робот *(возвращаясь)*: Сейчас будет готово. Да, есть еще важный вопрос: как быть с женщинами?

Клемпнер: Что?!

Робот: Прошу не волноваться. Если вы не захотите их видеть, ни одной женской ноги здесь не будет. Я умею на расстоянии регистрировать частоту дыхания и пульса и всегда смогу вовремя сообщить вам, на что рассчитывает женщина, которая к вам приходит…

Клемпнер: Черт знает что! Как ты смеешь?

Робот: Видно, вы из тех несчастных, которые не знают всех достоинств верного, преданного робота. Теперь все пойдет иначе. Кажется, бульон готов. Прошу…

Клемпнер: Боже мой!

Робот *(стоя в дверях, уверенно отворяет их)*:

Господин! Кушать подано…

Клемпнер *(вскакивает)*: Я не желаю, чтобы мной здесь…

Робот: Хоть я и очень уважаю вас, но имейте в виду, что после слов «кушать подано» надлежит хранить молчание, пока я не подам первое блюдо…

Клемпнер входит в столовую, садится, Робот наливает суп. Клемпнер начинает есть. Робот выходит в другую комнату, быстро проглядывает рукопись и возвращается. Наливает вино.

Робот: У вас превосходный стиль. Какая динамика, какая краткость! Я горжусь таким хозяином. Осмелюсь только заметить, что этот убийца во второй части напрасно прибегает к цианистому калию. Слишком примитивно. Могу предложить вам аконит. Очень эффективный и сильный яд. Десять капель…

Клемпнер: Аконит, говоришь? Может быть. Действительно! Я уже подумывал об этом, Как тебя зовут?

Робот: Граумер. Но вы можете звать меня как угодно. Может, вам нравятся названия цветов? Например, Гиацинт… Подойдет?

Клемпнер: Нет, зачем же… Пусть Граумер. Граумер!

Граумер: К вашим услугам!

Клемпнер: Понимаешь, в пятницу…

Граумер: Слушаю.

Клемпнер: Надо устроить маленький прием на четверых. Две супружеские пары… Не знаю только, что лучше — холодные закуски или что-нибудь горячее, а?

Граумер: Это гости первого класса?

Клемпнер: Да. Мой издатель и инспектор Доннел, оба с женами.

Робот: Инспектор полиции?

Клемпнер: Да, а что?

Граумер: Он ваш приятель? Это превосходно! Что же подать? Одно горячее блюдо, а потом холодные закуски. Все будет в порядке. Хорошо ли поужинали?

Клемпнер: Да…

Граумер: Вам хочется еще поработать? Нельзя. У вас синяки под глазами. Первый вечер всегда утомителен для нового хозяина. Особенно для начинающего. Я уже постелил вам. Позвольте… *(Ведет его в спальню, через открытую дверь доносится голос.)* Так. Попрошу другую ногу… А теперь я расскажу вам сказку. Однажды, когда

еще не было электричества, жил да был за горами добрый молодец, и был у него паровой робот. Однажды утром пошел робот в лес за хворостом да за грибами…

Свет в спальне гаснет. Граумер появляется в кабинете. Тихо прикрывает дверь, поднимает с полу свою масленку, отвертку.

Граумер: Отлично. Спит, как дитя малое.

II

Клемпнер сидит в кресле, читая газету. Граумер стоит.

Клемпнер: Ну, что еще?

Граумер: Хозяин, вам звонил человек Хиггинс, который будет делать в клубе доклад о литературе викторианского периода. Я сказал ему, что вам очень жаль, но как раз в это время у вас совещание.

Клемпнер: Ладно. Кстати, куда девался резиновый коврик из ванной? Его нигде нет.

Граумер: Простите, это я взял.

Клемпнер: Взял коврик? Граумер, ты становишься невыносимым!

Граумер: Я его разрезал и подклеил себе на подошвы, чтобы ходить тише. Вас, наверное, беспокоит мой железный ход.

Клемпнер: В другой раз надо спрашивать. Дай плащ. Я ухожу.

Граумер приносит шляпу, плащ, помогает Клемпнеру одеться.

Граумер: Прошу поосторожней в машине, на улице густой туман.

Клемпнер выходит. Робот минуту стоит неподвижно, как бы прислушиваясь. Слышно, как машина отъезжает. Робот усаживается, придвигает телефон, набирает номер.

Граумер: Алло! Фирма «Тромпкинс»? Говорит Клемпнер с улицы Роз. Да, да, вчерашний заказ уже доставили. Примите новый. Десять литров физиологического раствора и килограмм фосфора. Абсолютно чистого, химически чистого. Что? Хорошо. Как можно раньше. Мой робот все

примет. Что? Как предыдущие. Запишите на мой счет.

Встает, идет в спальню, сантиметром измеряет кровать. Возвращается в кабинет, набирает номер.

— Алло! Мастерская доктора Слайдера? Говорит Клемпнер… Послушайте, доктор, тот скелет, что я вам заказывал, должен быть 1,74, а не 1,72. Что? Да. И чтобы он был в отличном виде. Никаких пружин. Я сложу его сам.

Кладет трубку, подходит к штепселю. Втыкает два пальца в отверстия, и его сотрясает радостная дрожь. Еще раз электризуется, запевает:

Был у бабы робот, робот, робот,
Да упал он в омут, в омут, бах!

Лезет в подвал. Оттуда слышно звяканье, бульканье и бренчанье.

III

Вечером в столовой Клемпнера. Хозяин сидит между г-жой Доннел и г-жой Гордон. Гордон и Доннел играют в карты за маленьким столиком, но принимают участие в разговоре. Подав кофе, Граумер выходит из комнаты.

Г-жа Гордон *(Клемпнеру)*: Это ваш новый робот? Как справляется?

Клемпнер: Граумер? Ничего, сносный. Вполне сносный.

Г-жа Доннел: Давно он у вас?

Клемпнер: Нет, не особенно.

Г-жа Гордон: Ну, тогда ничего еще нельзя сказать. Сначала все стараются. А потом…

Клемпнер: Что?

Г-жа Гордон: Обычная история с прислугой. Вместо того, чтобы стирать пыль, они открывают окна настежь и устраивают сквозняки.

Гордон: Нет, у автоматов есть свои достоинства…

Г-жа Гордон: Хотела бы я знать, какие…

Гордон: Дорогая моя, прислуга постоянно роет-

ся в вещах, напивается, распускает сплетни…

Г-жа Гордон: Да? Можно подумать, что ты когда-нибудь видел живую прислугу. А она крадет электричество? Или лазит в грозу по крышам?

Г-жа Доннел: Это еще ничего. Знаете, что сделал робот моей соседки? Взял старый костюм ее мужа, залатал его и ходил просить милостыню!

Клемпнер: Зачем же ему деньги?

Г-жа Доннел: Стыдно сказать. Напротив, у доктора Смитсона, жила прислуга. Небольшая такая, голубая, оксидированная. На нее и тратился. Они даже письма друг другу писали. Жена доктора мне показывала.

Гордон: Скажите мне, дорогие дамы, что вы видите в этом плохого? Ведь робот, с его электрическим мозгом, очень чувствителен. Может быть, ему хочется тепла, ласки, а он с утра до ночи только и слышит: «Подмети! Вынеси! Не впускай! Выбрось!»

Г-жа Доннел: Я вижу, вы рьяный защитник…

Г-жа Гордон: Он, видите ли, член Лиги Борьбы за Электрическое Равноправие.

Г-жа Дойннел: Ах, так…

Гордон: Потому что это честные, порядочные существа. В конце концов, мы сами создали их. Если они и ошибаются иногда, это наша вина.

Наших инженеров. Нужно лучше обдумывать и совершенствовать их. Конструировать, а не обвинять.

Г-жа Дониел: Да, конечно. Мой муж мог бы порассказать вам кое-что… Не такие уж они ангелы! Знаете ли вы, что бывают банды…

Клемпнер: Так теперь же этого не бывает. Правда, инспектор?

Инспектор Доннел: Не знаю, могу ли я ответить вам, потому что следствие еще не закончено.

Клемпнер: Господин инспектор, вы имеете дело с порядочными людьми!

Гордон: Я буду нем, как рыба.

Инспектор Доннел: Рискну, но настоящие имена называть не буду. Мы уже давно следим за очень опасным роботом. Экспериментальная модель, не для продажи. Вот вы, Гордон, говорили о совершенстве. Инженеры тоже стремились к совершенству и решили сделать совершенного робота. Всесторонне развитого, умного, даже гениального. Им это так здорово удалось, что, когда его закончили, он ночью открыл все замки, сбежал из лаборатории и теперь гуляет по стране.

Г-жа Гордон: Ах, это поразительно, г-и инспектор. Что же он делает?

Инспектор Доннел: У него навязчивая идея: он

хочет сделать человека.

Г-жа Гордон: Что вы говорите?!

Клемпнер: Очень любопытно…

Инспектор Доннел: Выдумал целую теорию. Люди, мол, стараются сделать совершенного робота, а он, робот, сделает совершенного человека.

Гордон: Может быть, этот робот и прав. Здравая мысль…

Инспектор Доннел: Мы давно гоняемся за ним, но он исчезает. Однажды к нам позвонил его хозяин — человек, у которого он служил.

Граумер: Хозяин! Человек Хиггинс просит вас к телефону.

Клемпнер: Простите *(выходит)*.

Инспектор Доннел: Этот робот устроил в доме хозяина тайную лабораторию и уже был близок к цели, когда его застали врасплох. И он сбежал. Позвонил в бюро перевозок, заказал большой ящик и выбыл в неизвестном направлении.

Гордон: Сам себя отослал? Зачем?

Инспектор Доннел: Об этом мы можем только догадываться. Предположим, что ящик прибыл по адресу, которым робот запасся заранее.

Г-жа Гордон: И адресат принял его? Как же это?

Инспектор Доннел: Да так вот… Отправитель

неизвестен. Приходит заказная посылка — робот. Получатель, который его не заказывал, звонит в бюро по найму и говорит, что не будет за него платить, а в бюро отвечают, что им ничего не известно. Тогда тот, видя, что робот достается ему даром, сидит себе да помалкивает. Робот-то недешево стоит!

Клемпнер возвращается.

Инспектор Доннел: Можете быть уверены, господа, в конце концов мы его поймаем.

Г-жа Гордон: Нет, это невероятно! Слушала бы вас бесконечно. Но уже так поздно… Ричард!

Гордон: Да, моя дорогая…

Клемпнер: Не уходите, господа. Еще только двенадцать.

Г-жа Гордон: Нет, нет, нам пора. Дети там одни с роботом.

Г-жа Доннел: До свиданья! Было очень мило…

Гордон: Так вы принесете рукопись завтра утром?

Клемпнер: Как договорились.

Гордон: Ну, начинайте думать о новой книге, Клемпнер!

Клемпнер: Обязательно! Спокойной ночи.

IV

Раннее утро. Спальня. Клемпнер спит. На цыпочках входит Граумер. Открывает шкаф, вынимает сорочку, белье, костюм и выходит. Вернувшись, вытаскивает из шкафа ботинки. Роняет одни.

Клемпнер: Что такое? Граумер, не шуми! Голова трещит. Принеси кофе!

Граумер: Предупреждал же я вас…

Клемпнер *(садясь на постели)*: Иди ты к черту со своими проповедями! Немедленно неси кофе и минеральную воду. И поставь ботинки на место!

Граумер ставит ботинки у шкафа и выходит. Клемпнер накидывает халат, идет в ванную, выходит оттуда — голова обвязана мокрым полотенцем, входит в кабинет. Граумер вносит кофе. Клемпнер стоя пьет, потом подходит к бюро, проглядывает письма.

Клемпнер: Что это?

Граумер: Утренняя почта, осмелюсь заметить.

Клемпнер: Хороша почта! Одни счета. 7 килограммов очищенного угля… фосфор… сера… Что это? Граумер!

Граумер: Слушаю вас!

Клемпнер: И 10 литров физиологического раствора. *(Берет другой счет)*. А это еще что? Натуральный скелет, отполированный, высота 1,74. 86 долларов. Скелет?! Граумер!!

Граумер: Слушаю вас!

Клемпнер: Что это значит? Что за счета? Почему ты молчишь?

Граумер: А, пустяки. Моё хобби. В свободное время я экспериментирую. Невинная забава.

Клемпнер: Хобби? Эксперименты? И ты даже не спрашиваешь позволения? Граумер, на что ты рассчитываешь? Думаешь я буду платить за твои фокусы?

Граумер: Простите, у каждого могут быть свои маленькие развлечения…

Клемпнер: Хватит! И чтобы этого больше не было!

Граумер: Не сомневайтесь.

Клемпнер выходит, слышен шум воды в ванной. Граумер быстро идет в спальню, выносит и

прячет носки, ботинки и галстук. Возвращается Клемпнер.

Из спальни слышен его голос.

Клемпнер: Граумер! Граумер!

Граумер *(входя)*: Слушаю вас!

Клемпнер: Где моя сорочка в голубую полоску? И коричневого галстука нет.

Граумер: Повяжите серый в зеленую крапинку.

Клемпнер: Перестань меня учить. Так что с сорочкой?

Граумер: Она в прачечной. На ней было пятно.

Клемпнер: Пятно? Не видел никакого пятна. *(Входит в кабинет без брюк, повязывая серый галстук.)* Который час? Уже 11! Хорошенькое дело, в 12 мне надо доложить Гордону план новой повести! Граумер!

Граумер: Слушаю вас!

Клемпнер: Надо быстро сочинить план. Мы вчера как будто начали. Как там было?

Граумер: Один человек убил свою богатую тетку в надежде стать ее наследником…

Клемпнер: А, вспомнил! Свидетелем убийства был робот. Убийца должен потом убрать этого робота, потому что тот угрожает ему. Как лучше

убить робота? Ты наверняка знаешь.

Граумер: Это трудно. Лучше иначе. Робот служит у нехорошего человека. Робот старается изо всех сил, но человек беспрестанно оскорбляет его. Доведенный до крайности, робот вливает в кофе хозяину 20 капель аконита. Злой человек умирает. Тогда робот хочет совершить добрый поступок, чтобы искупить злой…

Клемпнер: Хватит. Это сплошной бред. В каждом сюжете должно быть хоть какое-нибудь правдоподобие. Кстати, дорогой, ты начинаешь повторяться. Аконит уже был в моей последней книжке. Ты же сам посоветовал.

Граумер: А что? Отличный яд.

Клемпнер: Нет уж. Спасибо за такую помощь. Можешь идти.

Граумер выходит.

Клемпнер *(садится за машинку, печатает, бормоча)*: Богатая тетка… Робот… три пятна крови… *(Встает, вырывает лист из машинки и бросает)*. Черт знает что! Лучше не браться. Граумер!

Граумер *(входя)*: Слушаю вас!

Клемпнер: Подай плащ. Иду к Гордону. Скоро буду.

Граумер: Хорошо, слушаю.

Клемпнер уходит. Граумер выходит тоже, оставив двери открытыми.

Голос Граумера: Так, так. Прошу. Левую ногу. Так, теперь правую ногу. Не бойтесь, по ступенькам всегда трудно ходить, особенно в первый раз.

Появляется Странный Тип в одежде Клемпнера — в его сорочке, галстуке, костюме и туфлях.

Его деликатно поддерживает Граумер. Сажает Типа в кресло, подкладывает ему под голову одну подушку, под ноги — другую. Тип немного пошатывается, вид у него обалделый. Граумер хлопочет вокруг.

Граумер: Если позволите, последние штрихи… Как вы себя чувствуете?

Тип: Хорошо. Вполне… хорошо… Ты… кто такой?

Граумер: Я Граумер, ваш робот. А это ваша квартира. Там ваша спальня, еще одна комната, ванная. Подвал. Но подвал вы уже знаете…

Тип: Это внизу, где бутылки и трубки?

Граумер: Вот именно. Не желаете ли покушать?

Тип: Нет.

Граумер: Не желаете ли чего-нибудь?

Тип: Нет. *(Пауза)* Знаешь что, Граумер? Я бы встал.

Граумер помогает ему встать.

Тип: А это что?

Граумер: Пишущая машинка. Ох!

Слышен шум мотора

Граумер: Шурупы небесные! Он же сказал, что скоро вернется. Прошу вас сюда, скорей. Сидите тихо, пока не позову. Скорей!

Выпроваживает Типа в столовую, закрывает дверь. Входит Клемпнер в плаще и шляпе. Граумер раздевает его, усаживает в кресло, подкладывает под ноги подушку.

Клемпнер: Ну и денек! Гордон куда-то уехал. Голова трещит…

Граумер наливает в стакан виски и начинает капать в него из начатой бутылочки с надписью «Аконит».

Клемпнер: Что ты там делаешь?
Граумер: Готовлю вам освежающий напиток.
Клемпнер: Никто не звонил?
Граумер *(докапав аконит)*: Нет.
Клемпнер: И никто не приходил?
Граумер: Нет *(подает ему стакан)*.
Клемпнер: Не хочется. Лучше я поем.
Граумер: Сначала надо выпить.
Клемпнер: Ты думаешь? Голова у меня прямо раскалывается…
Граумер: Надо выпить. И сразу пройдет, вот увидите.
Клемпнер: Ну, если ты так уверен…

Звонит телефон. Клемпнер отставляет стакан и берет трубку.

Клемпнер: Алло!
Голос инспектора: Это Доннел. Добрый день. Не могли бы вы сказать, какой номер у вашего робота?
Клемпнер: Моего робота? Какой номер?

Голос инспектора: Заводской. Отштампован у каждого робота на затылке.

Клемпнер: Сейчас посмотрю. А зачем это вам?

Голос инспектора: Мы проверяем номера всех роботов. Есть данные, что он находится в городе.

Клемпнер: О ком вы говорите?

Голос инспектора: О роботе, о котором рассказывал у вас. Помните?

Клемпнер: Нет. Какой у него был номер?

Голос инспектора: Мы узнали его только сегодня. 4711.

Клемпнер: Вы его ищете? А что он сделал?

Голос инспектора: Пока ничего. Но может сделать.

Клемпнер: Обождите, пожалуйста, у телефона!.. Граумер, поди сюда.

Граумер подходит. Клемпнер смотрит на его затылок.

Клемпнер *(еле слышно)*: Это ты?

Граумер: Я, осмелюсь заметить.

Клемпнер *(смотрит то на Граумера, то на лежащую трубку. Берет ее)*: Алло! Инспектор, его номер 5740.

Голос инспектора: Порядок. Простите за беспокойство.

Клемпнер: До свиданья, инспектор.

Кладет трубку и берет стакан. Граумер выхватывает его, подходит к окну и выплескивает.

Клемпнер: Что ты делаешь?

Граумер: Там был волосок, *(молчание)*. Господин! Должен откровенно сказать, что не ожидал от вас этого. Я не считал вас хорошим человеком. Но я всегда мечтал о совершенстве. Когда я увидел, что вы не совершенный человек, я сделал себе нового хозяина. Такого, о котором мечтал. Идеального…

Клемпнер: Граумер, перестань! Всё это вздор. Что на обед?

Граумер: Простите, но этот идеальный хозяин уже существует. Когда вы уехали к Гордону, я закончил его, и теперь у меня один выход: служить двум хозяевам. Это довольно странно, но в конце концов, дом большой, места на всех хватит. Я думаю…

Клемпнер: Перестань думать. Лучше подавай обед. Наверное, ты крепко набрался из розетки.

Граумер: Но я предупреждаю вас…

Клемпнер: Больше ни слова. Я есть хочу. Накрывай на стол.

Граумер: Уже накрыто.

Клемпнер: Давно бы так.

Входит в столовую. За накрытым столом сидит Странный Тип.

Клемпнер: А… простите! Я не знал, что вы пришли, Граумер мне ничего не сказал. Граумер! Подай второй прибор!

Граумер приносит. Клемпнер пожимает руку Типу, который, бормоча что-то, приподнимается с кресла.

Клемпнер: Как поживаете?

Тип: Как поживаете?

Садятся. Граумер разливает суп. Начинают есть. Поглядывают друг на друга, оба немного удивлены. Каждый считает другого гостем.

Клемпнер: Отличный день сегодня, а?

Тип: День? А, да, вполне.

Клемпнер: Нравится вам суп?

Тип: Неплохой. Представьте, его приготовил мой робот.

Клемпнер: Ваш робот?

Тип: Да, тот, что нам прислуживает. Граумер. Но ведь, вы, кажется, с ним разговаривали? Вы его знаете?

Клемпнер: Еще бы. Это мой робот.

Тип: И ваш тоже?

Некоторое замешательство. Входит Граумер с блюдом.

Граумер: Позвольте положить вам еще свеклы?

Клемпнер: Нет, спасибо.

Граумер: А вам? Позвольте…

Тип: Не откажусь.

Клемпнер: Меня поразило то, что вы сказали.

Тип: Что именно?

Клемпнер: Что Граумер — ваш робот. Он когда-нибудь работал у вас?

Тип: Когда-нибудь? Нет. По правде сказать, не совсем понимаю, что значит «когда-нибудь». Я получил его вместе со всем.

Клемпнер: Простите, с чем?

Тип *(ножом и вилкой показывает вокруг)*: Ну,

с этим всем.

Клемпнер *(вытаращив на него глаза)*: Послушайте! На вас же моя одежда! И галстук. *(Поднимает скатерть, заглядывает под стол.)* Мои ботинки!!

Тип: Не понимаю.

Клемпнер: Это черт знает что! Снимайте немедленно!

Тип: Прошу на меня не кричать! Хоть вы и гость, но всё имеет границы.

Клемпнер: Я — гость? А чей, нельзя ли узнать?

Тип: Мой.

Клемпнер *(подходя к Граумеру)*: Говори немедленно, кто это? И откуда он взялся?

Граумер: Я же говорил вам…

Клемпнер: Невероятно! Так это…

Граумер: Вот именно.

Клемпнер: И фосфор, сера, уголь — для этого?

Граумер, Так точно.

Тип: О чем речь? Граумер, подай десерт. Кофе будем пить в кабинете, где пишущая машинка.

Клемпнер: Бумага. Боже мой! А что это у вас висит на рукаве?

Тип: Где?

Вытягивает из-под пиджака полоску бумаги.

Такую же полоску вытаскивает Граумер у него из-за воротничка. Такой бумагой выкладывают формы для хлеба. Бумага прилипла к Типу, как могла бы прилипнуть к тесту.

Граумер: Ох, простите! Тысяча извинений! Недоглядел. У меня не было ничего другого.

Клемпнер: Теперь вам ясно?

Тип: Нет.

Клемпнер: Это он вас сделал.

Тип: Меня?

Граумер: Вот именно, простите великодушно. Мне очень досадно, что так вышло.

Тип переводит глаза с Граумера на Клемпнера и обратно.

Клемпнер: Крайне неприятная история, но я не имею ни малейшего намерения отвечать за выходки какого-то сумасшедшего робота. Прошу оставить мой дом. Только сначала снимите все мои вещи.

Тип: Вы хотите оставить меня голым?

Клемпнер: Сейчас поищу вам старые штаны.

Тип *(подходит к окну, выглядывает и спокойно говорит)*: Нет!

Клемпнер: Как это — «нет»? Что значит — «нет» Я вам вежливо говорю…

Тип: Никуда я отсюда не пойду.

Клемпнер: Я вызову полицию!

Тип: Пожалуйста. Граумер — чей робот?

Клемпнер: Мой. Ну и что?

Тип: А то, что вы отвечаете за своего робота. Если он меня сделал, вы должны меня содержать. В противном случае…

Клемпнер: Ну? Ну?

Тип: Я вызову полицию.

В глубине комнаты Граумер разливает виски в два стаканчика.

Клемпнер *(тяжело дыша)*: Ну, хорошо! Забирай своего идиота и проваливай! Чтоб твоей ноги здесь больше не было!

Тип: Забрать Граумера?

Клемпнер: Да. Только немедленно. А то я раздумаю.

Тип: Вот еще! Берите Граумера себе.

При этих словах Граумер достает бутылочку с надписью «Аконит» и начинает капать в оба стаканчика.

Клемпнер: Бандит!
Тип: Согласен на половину дома…

Граумер сует каждому в руку по стаканчику. Ссора продолжается. Граумер быстро выходит. В кабинете берет телефонную трубку. Из другой комнаты слышны голоса:

— Забирай свою железную уродину и проваливай!
— Сам проваливай!

Граумер прикрывает двери, набирает номер.

Граумер: Алло! Фирма «Хэмфри», перевозки? Срочный заказ. Большой ящик на улицу Роз, 46…

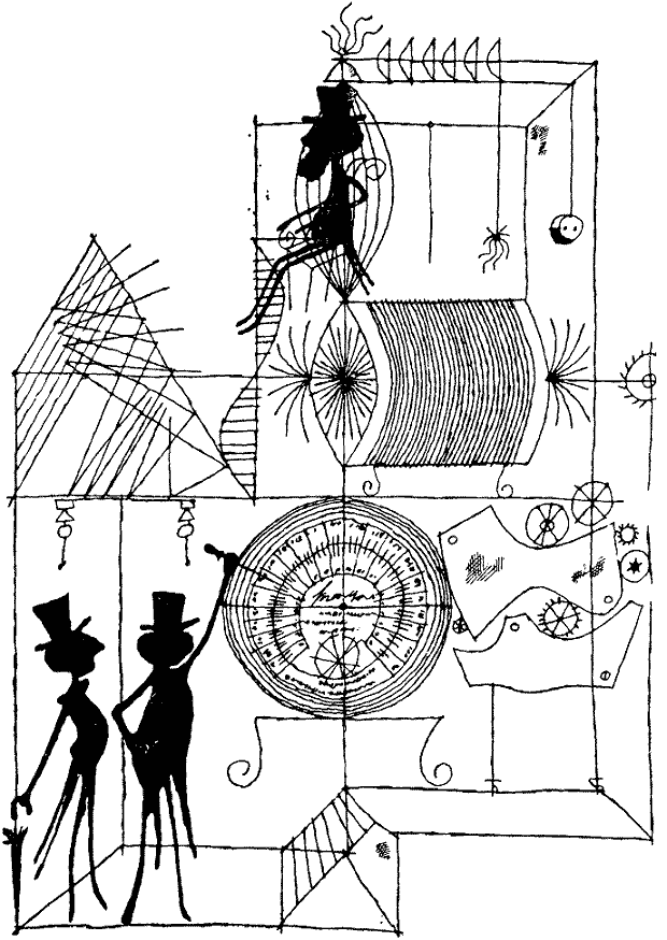
P2O5

Сокращенный перевод с польского А. ИЛЬФ
Рисунки В. ЩАПОВА

№ 6

Артур Конан-Дойл

Машина Эрика Свенсона



Прославившийся своими рассказами о Шерлоке Холмсе английский писатель Артур Конан-Дойл написал, как известно, и несколько научно-фантастических произведений, объединенных одними и теми же главными действующими лицами — профессором Челленджером и журналистом Мэллоном.

Публикуемый в этом номере рассказ «Машина Эрика Свенсона» до сих пор не был известен советским читателям.

Профессор Челленджер был явно в плохом настроении. Я остановился на пороге его кабинета, не рискуя войти в комнату, и слушал, как он заканчивал длинный и гневный монолог по телефону:

— Да, да! Второй раз меня соединяют неправильно. Вы думаете, что человек науки может позволить всякому идиоту отвлекать его от работы? Я этого так не оставлю!.. Я вас привлеку к суду!.. Я уже выиграл один процесс против петухов, которые по утрам будили меня своим идиотским пением... Я требую письменных извинений и заверений, что такой случай не повториться! Хорошо, я буду ждать письмо, а там посмотрим...

Когда профессор положил трубку, я осмелился войти в кабинет. Услышав скрип половицы, он

обернулся ко мне, и я увидел голову разъяренного льва. Его огромная борода стояла дыбом, а жилы на шее раздулись. Он вперил в меня пристальный взгляд своих серых глаз и закричил:

— Что вам нужно от меня, Мэллон? Вы пришли по личному делу, или вас послала ко мне ваша паршивая газета? В последнем случае можете немедленно проваливать. Я не даю никаких интервью!

Я робко вынул из кармана конверт.

— Разрешите прочесть вам это письмо, профессор. Его написал мой шеф, секретарь редакции «Утренней газеты» Мак-Ардл.

— Мак-Ардл? Я его помню. Это наименее неприятный из всех журналистов, которых я знаю.

Я ухватился за этот спасательный круг:

— Мак-Ардл питает к вам самое глубокое уважение, профессор. Всякий раз, когда газете необходимо мнение кого-либо из корифеев науки, он вспоминает вас.

Профессор перебил меня:

— Читайте письмо вашего шефа. Я не могу терять времени. Мне нужно закончить ответ этому болвану Мазотти, последняя статья которого о развитии термитных личинок является шедевром невежества, глупости и недобросовестности.

Я начал читать:

«Уважаемый Мэллон! Будьте добры навестить нашего достопочтенного друга, проф. Челленджера, и попросите его оказать нам содействие в следующем деле. Некий субъект, по национальности швед, проживающий в Гемпштеде, выдает себя за изобретателя замечательной машины, обладающей способностью разлагать без остатка любое тело, помещенное в сферу ее влияния. По словам изобретателя, материя под действием его машины переходит в молекулярное состояние, т. е распадается на свои составные части. Самое замечательное заключается, однако, в том, что, — если верить изобретателю, — при помощи обратного маневра можно снова собрать воедино эти молекулы, вернув таким образом тело в его первоначальное состояние. У нас есть основание полагать, что в этих сенсационных сведениях имеется доля правды. Вы сами понимаете, насколько важно это проверить. Если машина действительно

обладает приписываемыми ей свойствами, то мы находимся накануне полного переворота в технике, общественной жизни и военном искусстве. Одного поворота рукоятки будет достаточно, чтобы превратить в невидимую пыль броненосец, полк солдат, танк и т. д. Повидать этого изобретателя и поговорить с ним нетрудно, ибо он, желая продать свое изобретение, заинтересован в рекламе. Прилагаемая при сем визитная карточка откроет вам двери его лаборатории. Я прошу вас поехать к нему только вместе с профессором Челленджером, который поможет вам дать затем точный и научный отчет. Не теряйте ни минуты и держите меня в курсе дела. Ваш

Мак-Ардл».

Я сложил письмо, спрятал его в карман и сказал:

— Я надеюсь, профессор, что вы не откажетесь поехать со мной. Что я могу при моем невежестве понять в столь сложном вопросе?

Заинтересованный письмом профессор завор-

чал не без тайного удовольствия:

— Вы правы, Мэллон. Хотя вы от природы и не лишены некоторых способностей, данный вопрос вам явно не по плечу. Я поеду с вами. Половина утра, все равно, была испорчена этим дурацким телефоном, и я готов потерять вторую. Едем!

Вот как случилось, что я одним туманным октябрьским утром очутился в метро с профессором Челленджером. Поезд уносил нас к северному предместью Лондона, где меня ждало одно из самых удивительных приключений из всех, какие случались в моей жизни.

Прибыв по указанному адресу, мы были вынуждены ждать около получаса в передней большой и, по-видимому, хорошо обставленной квартиры. Профессор кипятился и уже хотел уйти, когда в переднюю вышел хозяин в сопровождении группы лиц. Мой наметанный глаз репортера сразу определил, что это были иностранцы. Проводив гостей до лестницы, хозяин вернулся к нам и представился;

— Эрик Свенсон.

Я разглядывал его с любопытством. Он был маленького роста, плечистый, но как будто бы

неправильно сложенный. Все в нем было отвратительно, вплоть до рыжих, густых, как войлок, бровей. Череп у него был такого размера, какого я никогда не видел. Я подумал, что голова его как бы составлена из двух частей: нижняя половина — заговорщик, интриган, преступник, а верхняя — мыслитель и философ.

— Я полагаю, господа, — заговорил он вкрадчивым, бархатным голосом, — что вы пришли ко мне по поводу моего дезинтегратора?

— Совершенно верно.

— Вы представители британского правительства?

— Ничего подобного, — возразил я. — Меня направила к вам редакция «Утренней газеты», а мой спутник — профессор Челленджер.

Свенсон поклонился.

— Я должен сообщить вам, — сказал он, — что ваше правительство только что потеряло возможность приобрести дезинтегратор. Чего оно лишилось — вы узнаете впоследствии. Может быть, эта оплошность будет стоить ему всей Британской империи.

— Значит, вы продали свое изобретение?

— Да. Только что. Тем не менее, польщенный визитом такого выдающегося ученого, как про-

фессор Челленджер, — Свенсон снова поклонился профессору, — я готов, в пределах возможного, удовлетворить любознательность моего уважаемого гостя.

— Кто-нибудь еще, кроме вас, знает секрет вашего изобретения?

— Мой секрет здесь, — швед постучал пальцем по лбу. — Здесь он находится в большей безопасности, чем в любом сейфе. Может быть, кто-нибудь разгадает одну частицу моего изобретения, другой — другую. Но никто, никогда, не охватит всей идеи целиком.

— Но господа, которым вы продали свой дезинтегратор, вероятно, будут знать все?

— Вы ошибаетесь. Они получат машину, но никто, кроме меня, не будет знать, в чем заключается принцип ее устройства.

Профессор Челленджер, лицо которого выражало откровенное недоверие к изобретателю и его словам, не вытерпел и вмешался:

— Я полагаю, милостивый государь, что самое простое — показать нам вашу машину, дабы мы убедились, что не даром теряем время. Я — ученый и привык верить только фактам.

— Я вижу профессор, что вы оправдываете вашу репутацию. Недаром говорят, что никого

не бывает так трудно провести, как вас. Я готов проделать на ваших глазах опыт, который, несомненно, убедит вас в правдивости моих слов. Но разрешите мне сначала дать вам некоторые разъяснения. Тот аппарат, который вы сейчас увидите в лаборатории, является лишь уменьшенной моделью настоящего дезинтегратора, но и его действие достаточно убедительно: я могу при его помощи, без особого труда, разложить вас, а затем снова собрать в прежнем порядке.

— Могу я увидеть вашу модель?

— Не только увидеть, профессор, но даже подвергнуться опыту дезинтеграции, если, конечно вы не боитесь....

Профессор взревел, как бык:

— «Если?!?» Знаете ли вы, милостивый государь, что ваше «если» является оскорблением для такого человека, как я!

— Я совершенно не намеревался вас обидеть, профессор, — сказал Свенсон, — разрешите мне докончить мое пояснение. Вы прекрасно знаете, что некоторые кристаллы, — например, соль или сахар, будучи погружены в воду, растворяются в ней так, что ни один глаз не может заметить их присутствия в жидкости. Между тем, выпариванием можно снова восстановить эти самые

кристаллы, вызвать их к бытию, так сказать, из ничего. Представьте себе теперь, что я растворяю вас, органическое тело, в космосе, а затем снова восстанавливаю вас, как кристаллик соли из раствора, — вот и все.

— Ваша аналогия — идиотство. Допустим на мгновение, что вам удастся создать чудовищную силу, необходимую для дезинтеграции человеческого тела. Но каким образом соедините вы затем все это неисчислимое количество молекул так, чтобы получилось то же самое тело, со всеми его особенностями?

— Я предвидел ваше замечание, но не могу на него ответить, это значило бы выдать мой секрет. Скажу только, что все молекулы до единой собираются обратно и притом в надлежащем порядке, — совсем как кирпичи, которые ложатся на стальной остов дома, каждый на свое место. Вы улыбаетесь, профессор, но уверяю вас, все это — правда.

Профессор пожал плечами:

— Я предпочитаю увидеть собственными глазами…

— Тогда пожалуйте за мной, — сухо сказал хозяин.

Лаборатория Свенсона оказалась огромным помещением, выкрашенным в белую краску. С потолка свисали многочисленные провода. На деревянном помосте был укреплен огромный электромагнит, напротив которого стояла такой же величины стеклянная призма. Направо от призмы помещалась небольшая платформа с креслом, над которым висело нечто вроде медного шлема; к шлему шли со всех сторон тяжелые медные провода. К стене была прикреплена доска с делениями, по которой могла передвигаться рукоятка, — как на распределительной доске, расположенной в вагонах трамвая перед вагоновожатым. Я успел заметить, что указатель рукоятки стоял на нуле.

— Вы видите перед собой дезинтегратор Свенсона, — промолвил изобретатель, указывая на машину. — Этот аппарат изменит всю жизнь человечества. Тот, кто будет владеть им, будет владыкой мира. Ну, как профессор? Рискнете ли вы сесть на это кресло и подвергнуться опыту дезинтеграции?

Челленджер ринулся к аппарату. Однако я схватил его за рукав и крикнул:

— Постойте! Ваша жизнь чересчур ценна, чтобы

ее можно было подвергать риску. Какие гарантии у нас, что опыт кончится благополучно?

Профессор на мгновение задумался.

— Гарантии? Какие же вам нужны гарантии? Вы находитесь здесь, как свидетель, и если со мной что-либо приключится, этот господин ответит за последствия.

Но я не сдавался:

— Так-то оно так. Только ответственность этого господина перед судом не компенсирует потери, которую понесет наука в вашем лице. Не забудьте, что ваш научный труд еще не закончен. Дайте мне сесть первому!..

Беззаветная храбрость Челленджера хорошо известна. Но напоминание о незаконченной научной работе заставило его поколебаться. Я воспользовался этой заминкой, чтобы забраться в кресло. Изобретатель взялся за рукоятку, послышался легкий щелчок, и я испытал такое ощущение, как если бы перед моими глазами прошла тонкая кисея. Когда она исчезла, я снова увидел отвратительную физиономию шведа, улыбавшегося мне. За ним я увидел лицо Челленджера. Щеки профессора, обычно багрово-красные, были теперь пепельно-серыми, словно из них выпустили всю кровь…

Я думал, что подготовка к опыту еще не закончена, и сказал с раздражением:

— Отчего вы так долго тянете?

Свенсон самодовольно ответил:

— Опыт проведен. Все окончилось благополучно. Вы можете сойти с кресла: я уверен, что профессор сгорает от нетерпения, желая занять ваше место.

Я никогда еще не видел Челленджера таким взволнованным. Рука его тряслась, как в лихорадке, когда он тронул меня за рукав.

— Мэллон, — произнес он, — это правда! Вы исчезли! Сначала показался туман, потом от вас ничего не осталось.

— А сколько времени это длилось?

— Две или три минуты, точно не знаю. Сознаюсь, я остолбенел от ужаса. Я никак не предполагал, что вы вернетесь. Но когда рычаг перешел на другое деление, вы стали медленно появляться и, в конце концов, я вас снова увидел. У вас был несколько потрепанный вид, но, в общем, особых перемен с вами не произошло.

Свенсон, о котором мы оба забыли, вмешался в разговор:

— Очередь за вами, профессор.

Челленджер огромным усилием воли подавил

свое волнение, отстранил руку, которой я пытался задержать его, и одним прыжком очутился на платформе. Когда он сел в кресло, швед перевел рычаг на деление «3», В мгновение ока профессор исчез, как бы растворившись в воздухе….

У меня похолодели руки и ноги, я старался скрыть от изобретателя охвативший меня страх. Свенсон с довольным видом потирал руки.

— Забавно, не так ли? Подумать только, что такая сильная, выдающаяся личность, как профессор Челленджер, витает сейчас в этой комнате в виде какого-то молекулярного облака. Очень забавно! В общем, профессор находится в моей полной власти. Стоит мне захотеть, и он навечно останется в небытии.

— Бросьте болтать чепуху! — закричал я, сжав кулаки.

— Я, конечно, шучу. Неужели я осмелюсь обречь на вечную дезинтеграцию такого великого ученого, как профессор Челленджер? Хотя с другой сторон, он обходился со мной не совсем вежливо и заслуживает урока… Хотите, я покажу вам забавный опыт?

Я машинально кивнул головой.

— Дело в том, что не все ткани одинаковым образом реагируют на вибрации дезинтегратора.

Например, волосы разлагаются быстрее, чем кожа и мускулы. Благодаря этому, я сейчас покажу вам вашего медведя без шевелюры.

Свенсон перевел рычаг на новое деление, снова раздался щелчок, и Челленджер появился на кресле. Но, боже правый, в каком виде! На его голове не было ни единого волоса. Исчезла и его знаменитая борода. Несмотря на всю серьезность обстановки, я засмеялся.

По-видимому, по выражению моего лица Челленджер понял, что случилось что-то неладное. Инстинктивно он поднес руку к лицу, потом — к голове, нащупал голые щеки и череп и, прежде чем я успел его задержать, кубарем скатился с платформы.

Несколько секунд спустя швед лежал поверженный на пол, а Челленджер, сидя на нем верхом, вопил:

— Даю вам пять минут времени! Если вы не возвратите меня в прежнее состояние, я вас задушу, как щенка!

Свенсон посерел от боли. Высвободив горло из рук профессора, он прохрипел:

— Что вы! Ведь это шутка… Я только хотел продемонстрировать вам действие машины…

Челленджер снова взобрался на кресло.

— Мэллон, следите за ним в оба. Не позволяйте ему никаких фантазий!

Но изобретателю было уже не до фантазий. Он доплелся до доски, быстро повернул рычаг — и в одно мгновение к Челленджеру вернулась его прежняя растительность.

Успокоившийся профессор, любовно поглаживая свою бороду, обратился уже спокойным тоном к изобретателю:

— Расскажите мне теперь, хотя бы в нескольких словах, на чем основано действие вашей машины.

— Я уже говорил вам, профессор, что этот аппарат — только лабораторная модель. Он действует в вертикальном направлении: над вами и под вами происходят колебания эфира, которые разлагают, а потом снова восстанавливают ваше тело. Но можно, конечно, построить и машину, действующую в горизонтальном направлении, то есть не в вышину, а в длину.

— А в чем разница?

— Разница в том, что тогда можно будет одной волной, посланной, например, на Лондон, бесследно разложить, уничтожить все его население, до единого человека…

Я содрогнулся не столько от жуткого смыс-

ла этих слов, сколько от того злорадного тона, которым они были произнесены. Челленджер, к моему удивлению, ничем не проявил своих чувств. Он вертелся вокруг машины и рассматривал ее составные части. Вдруг он снова взобрался на платформу и сел в кресло.

— Вам угодно совершить еще одно путешествие в космос? — спросил ехидно швед, к которому вернулось его самообладание.

— Нет, не сейчас. Немного позже, — спокойно ответил профессор. — Пока что я констатирую, что в вашем аппарате есть утечка электричества. Я чувствую, как легкий ток проходит через мое тело.

Свенсон заволновался:

— Не может быть. Мой аппарат отлично изолирован.

Профессор пожал плечами:

— Проверьте сами, если не верите…

Он сошел с кресла, а изобретатель занял его место.

— Я ничего не чувствую, — сказал он.

— Ничего? Вы не чувствуете покалывания в спине?

Разговаривая со Свенсоном, профессор незаметно приблизился к распределительной доске.

Прежде чем я успел что-либо сообразить, раздалось знакомое уже щелкание рычага — и швед исчез, растворившись в пространстве.

— Господи боже! — воскликнул я невольно, — что вы сделали, Челленджер?

Профессор улыбнулся:

— Ничего особенного, Мэллон. Должно быть, я нечаянно задел рычаг, который остановился на делении «3». Сейчас наш изобретатель находится в состоянии молекулярного разложения.

— А... Вы знаете, что нужно сделать, чтобы прекратить дезинтеграцию?....

Профессор равнодушно пожал плечами:

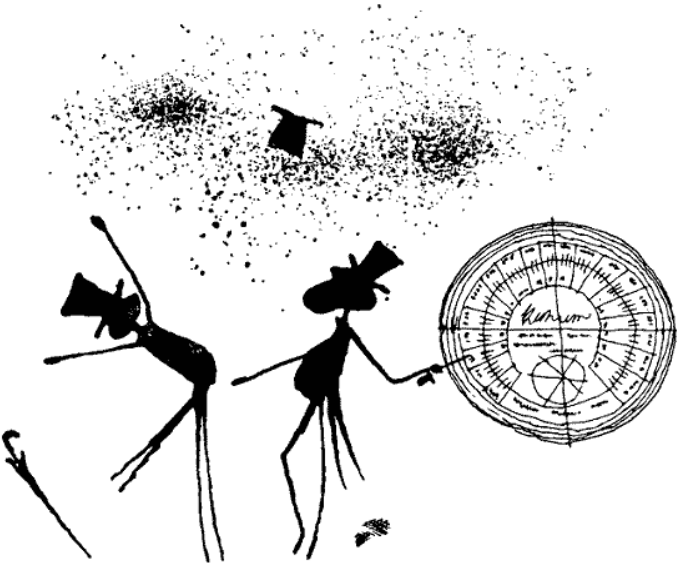
— Боюсь, что я не знаю, какое деление соответствует восстановлению дезинтегрированного тела. А действовать наугад — опасно: черт его знает, что он тут навертел на своей доске! Того и гляди взлетишь на воздух. Нет, давайте оставим все так, как есть...

Я невольно двинулся к доске:

— Что вы говорите, Челленджер? А... этот человек? Что с ним будет?...

— Ничего с ним не будет. Подумайте, как все удачно складывается. Личность Эрика Свенсона, которая нас с вами интересует в весьма малой степени, растворилась в космосе. Некоторое

правительство потеряло секрет дьявольского изобретения. Вы получили материал на пять тысяч строк. Я освободился от обязанности контролировать действие дезинтегратора и могу ехать домой, заканчивать свой ответ Маззотти по поводу термитных личинок. Как видите, все хорошо, что хорошо кончается. Берите вашу шляпу и едем домой…



Перевод Э. И. Шафер

№№ 7–8

Всеволод Ревич

Штурмовая неделя

К проблеме происхождения Вселенной вообще и эволюции вещества, в частности, во все времена проявляли интерес не только ученые. В последние десятилетия этот интерес особенно

обострился. Появились новые увлекательные научные предположения. Появились и новые литературные «гипотезы» — одну из них предлагаем вниманию читателей.

...И когда Бог задумал сотворить нашу Землю и Вселенную в придачу к ней, он сразу же столкнулся со множество затруднений. И хотя за долгий-долгий срок это мероприятие было продумано им во всех аспектах, он неоднократно переносил конкретный срок закладки первого камня. Задача была столь уникальной и величественной, что даже он боялся что либо упустить или перепутать. Бог был всемогущ, конечно он же был и един — другими словами, у него не было помощников.

Представив себе, каким великолепным зрелищем будет извержения вулканов, Бог вдруг вспоминал, что совершенно не продумал вопроса о химическом составе, температуре и количестве вулканической лавы. Потом открывалось, что он не имеет понятия о том, сколько прожилок должно быть на крыльях у стрекозы, что он так и не пришел к заключению будут или не будут пересекаться параллельные в бесконечности, и каким в сущности должен быть цвет, который в по следствии назовут «ультрафиолетовым».

От неисчислимости подобных мелочей Бог не однажды в отчаянье опускал руки. Не раз приходила ему в голову соблазнительная мысль: а не бросить ли всю эту затею пока не поздно? Обходился же он прежде без всяких земель и Вселенных, и все было хорошо, спокойно, тихо. И, главное — если ничего не будет — никого не будет, никто никогда ни в чем не сможет его упрекнуть. А так — о боже, — сколько проклятий посыпется на его седую голову за все неизбежные при таких масштабах недоделки и промахи.

Так размышлял он и колебался довольно долго. (Впрочем, понятие «долго» имеет здесь весьма условный характер. Не было ни Земли, ни Солнца, ни теории относительности, а следовательно, — ни дня, ни ночи, ни месяцев. Время было безмерным.)

В конце концов Бог пришел к решению создать себе помощников — без них он не чувствовал себя в состоянии донести все свои идеи, наброски, проекты до стадии внедрения, и отказываться хотя бы от чего-нибудь не хотелось — мир виделся ему образцом совершенства и гармонии.

Однако вслед за тем Бог снова погрузился в раздумья, ведь материи еще не существовало, помощники прежде всего и должны были

придумать эту материю. Из чего же их самих изготовить? Бог долго скреб рукой затылок, пока не нашел выход: ну что ж, пусть они будут нематериальны, пусть не едят, не пьют, не производят себе подобных, а только работают в поте лица — фигуральном, конечно, — во имя мое и на благо мое. Да будет так!

Бог махнул рукой. Появились ангелы. Собственно говоря именно это следует считать первым актом творения. Правда, старик Моисей умалчивает о таком немаловажном событии. Создатель не счел нужным сообщить ему о нем, по-видимому, боялся подорвать свой авторитет.

Свежеиспеченные ангелы ровными рядами выстроились перед начальником, ожидая руководящих указаний. Были они бледны, бескровны и ужас до чего несамостоятельны. С той минуты, как Бог разделил их на группы и засадил за дело, он уже не знал покоя. По каждому вопросу ангелы бегали прямо к нему. И вопросы-то какие, прости Господи, — то насчет клея, то насчет кнопок, то насчет корзинок для бумаг. И все это пришлось Богу сотворить для них — на нематериальной, разумеется, основе. А также — ватман, рейсфедеры, циркули, тушь, рейсшины и многое другое. Бог был особенно горд собой, изобретя такое хитрое

приспособление, как кульман. Он предчувствовал, что сотворение солнца потребует от него гораздо меньших усилий.

Но когда один из ангелов попросил у Бога, чтобы тот сотворил табак, так как с сигаретой легче думается. Бог вышел из себя и с удовольствием хватил бы кулаком по столу. К сожалению, стола еще не было.

Про себя Бог твердо решил: как только появятся хоть какие-нибудь стройматериалы, не медля создать себе и стол, и кабинет, завести ангела-секретаршу с неангельским характером и без доклада — ни-ни…

Время шло — а рабочие чертежи все еще не появлялись. Ангелы жаловались, что им при черчении очень мешают крылья. Руководители специальных конструкторских бюро с отсутствием опыта в сотворении миров не могли избежать параллелизма в работе. У авторов проектов возникали ссоры, которые нередко кончались рукоприкладством. Перья пострадавших при этом крыльев валялись повсюду и ветер не уносил их вдаль, так как и ветра еще не было. Бог понял, что этому не будет конца и решил приступать к сотворению мира, не дожидаясь окончания этапа

проектирования, а недоделки, устранять на ходу.

И вот настал Первый День Творенья.

По этому случаю — не каждый день миры создаются — Бог облачился в приличествующее торжественности момента парадное одеяние. Но парада не получилось. Вызванные им СКБ-1 ангелы-конструкторы явились не стройными колоннами а мелкими переругивающимися на ходу группками.

И сказал Бог:

— Слушаю вас.

И загомонили ангелы все одновременно.

— Это плагиатор! — утверждал один. — Господи, он украл у меня идею пи-мезонов…

— Разойдись — предупреждал другой. — У меня радиоактивные элементы. На бумаге, конечно, но все равно разойдись…

— Ваши слова, ангел мой, — бубнил третий, — это материализм чистейшей воды. Вы подрываете основы божеской власти…

— А я придумал бензольное колечко, а я придумал бензольное колечко, — приплясывал четвертый — маленький и веселый.

И слушал Бог этот безответственный гомон. И

поднялся величественный и грозный.

— Тиха-а! — крикнул он. — Прекратить этот бедлам!

Все замолчали. Только маленький веселый ангел высунул голову из-за плеча другого ангела и спросил:

— А что такое бедлам. Господи?

Бог сверкнул очами, но тут же подумал, что сердиться на ангелочка не следует — откуда ему, действительно знать, что это такое.

Утихомирив конструкторов, Бог стал выслушивать доклады руководителей групп. На первых порах его привлек своей простотой проект, по которому предлагалось создать всю Вселенную из атомов одного вида. Атомы должны были представлять собой маленькие, твердые, неделимые шарики. Все многообразие веществ предполагалось обусловить разным количеством шариков в молекулах.

Бог уже собирался утвердить этот проект, как вдруг, на горе свое проявил излишний демократизм и спросил, нет ли других мнений. Как и следовало ожидать, проект был торжественно похоронен по первому разряду. Сколько ядовитых слов было сказано о бедности фантазии у незадачливого проектанта, о том, что столь при-

митивные решения недосстойны Создателя, что в таком строении материи легко раз берутся не только разумные существа, но и любая обезьяна — нет уж, Господи, материю надо построить такую, чтобы до окончания веков никто ничего в ней не мог понять!

— Ладно, — сказал Бог, выслушав всех, — Убедили, ангелы. Давайте самый сложный проект. Есть такой?

Наступило неловкое молчание. Потом из рядов вышел старший ангел-физик-теоретик и тихо сказал:

— Такой проект, великий Боже, есть, но он еще не совсем доработан.

— Как это не доработан?

— Не согласовали, — еще тише сказал ангел.

— Боже мой, — сказал Бог. — Уже прошло полдня, а не создано ни единого атома. Кошмар! Ну что стоишь, докладывай!

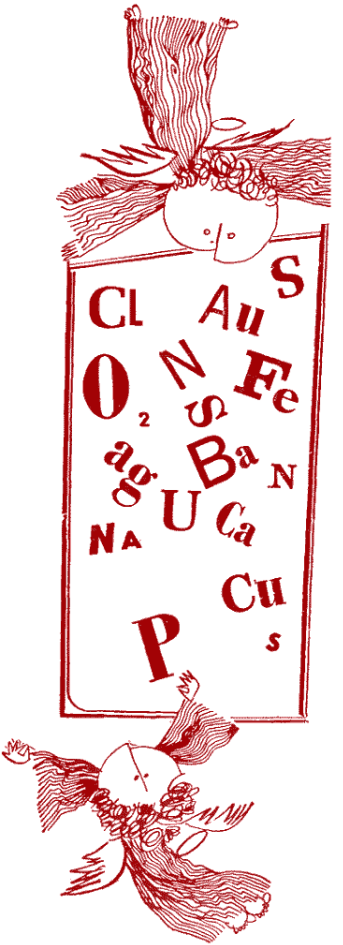
Ангел поклонился и начал.

— В основе нашего проекта строения материи лежат атомные ядра, которые, в свою очередь, состоят из более мелких компонентов — нуклонов. Нуклоны сцементированы в ядра силами, которые проявляются только при взаимодействиях на квантовых уровнях, а также электрически-

ми зарядами, которые, однако, не приобрели еще окончательного вида. Часть нуклонов мы предполагаем для разнообразия оставить нейтральными, их спин будет равняться…

Потом пошли и вовсе диковинные слова: «мю-мезоны», «слабые взаимодействия», «субквантовые уровни», «антинейтрино». Чем дольше слушал их Бог, тем меньше понимал.

— Стоп! — сказал он. — Благодарю вас. Достаточно. Уж если я ничего не могу понять, то люди и подавно не разберутся. Принимаю проект.


Cl
Au
S
O
2
N
Fe
S
Ba
N
ag
U
Ca
NA
Cu
s
P

— Но, Господи, в нем есть явные противоречия, — попробовал робко возразить кто-то.

— Тем лучше, — сказал Бог. — Сколько всего этих атомов нужно создать на всю мою Вселенную?

— М-м… мы предполагали так… что-нибудь около десяти в семьдесят третьей степени, великий Боже…

— Что значит «около»? Мне нужны точные цифры!

Припертый к несуществующей стенке, ангел в отчаян сказал первое, что пришло ему на ум:

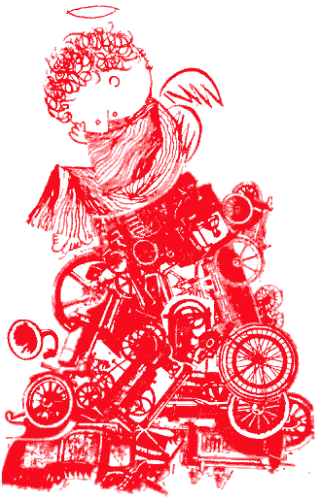
— 24603185923120174928690859674283192674581 0374692304 23845796842316905413978 штук…

А не маловато? — усомнился Бог. — Ну, да ладно, хватит, авось.

И торжественно произнес:

— Да будет так!

И во тьме возникли неосвещенные ничем куски материи, где-то плескалась невидимая в темноте вода. Бог немного полетал над водой, убедился в ее наличии и вернулся на место.



Вторым пунктом повестки дня (первого) значилось сотворение суши, неба и светил. Но проекты оказались еще менее подготовленными, чем предыдущий.

И разгневался Бог:

— Вы срываете мне график! — кричал он на покорно склонившего голову завспиргала (заведующего отделом спиральных галактик и газовых туманностей). — Что же, по-вашему, я должен сотворять свет раньше, чем сотворю Солнце? Но это же курам на смех! Каким курам? Занимайтесь своими делами, милейший! И чтобы завтра… Что такое завтра? О Господи!

— Понятно, — вздохнул ангел-заведующий. — Разрешите выполнять?

— Идите!

Следующей была теория света. Перед тем, как подойти пред грозные очи Господни, руководитель подгруппы шепотом осведомился у завспиргала:

— Сам-то как сегодня?

— Беда. Лютует.

Но на этот раз обсуждение прошло сравнительно спокойно. Было выдвинуто всего два проекта. Одна бригада теоре тиков предлагала создать свет как поток маленьких частиц фотонов или корпускул. Вторая — разработала теорию электромагнитных волн. И те, и другие сходились на том, что скорость распространения света должна быть наивысшей в природе.

Бог долго слушал доводы обеих сторон, но так и не мог прийти к заключению, чей же проект лучше. День клонился к исходу, голова у Господа разламывалась от бесчисленных интегралов, диаграмм, формул и прочих премудростей, ко торые совали ему под нос вошедшие во вкус ангелы-физики теоретики. И Бог принял решение, которое тут же про себя назвал соломоновым:

— Вот что, крылатые, — сказал он, — есть компромиссное предложение. Пусть будет свет и тем и другим одновременно.

— То есть как? — недоуменно спросили анге-

лы. — Это же исключающие друг друга теории. Или то, или другое. Иначе невозможно.

— Это вы кому говорите? Мне? Ничего невозможного для меня нет!

— Есть, — раздался голос из задних рядов.

Богу стало смешно.

— Это что еще за атеист отыскался? А ну, покажись!

Вышел ангел с сильно потрепанными в многочисленных драках крыльями.

— Так это ты утверждаешь, что я не все могу?

— А скорость света будет наивысшей в природе? — В свою очередь спросил ангел.

— Безусловно!

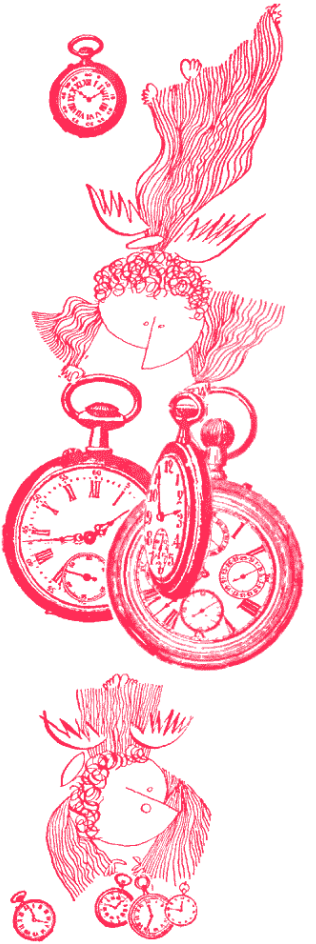
— Значит, вы не сможете двигаться быстрее света.

— Почему? — удивился Бог.

— А потому, что тогда скорость света не будет наивысшей.

— Ну, в таком случае, пусть скорость света не будет наивысшей.

— Значит, великий Боже, вы не сможете создать такой свет, чтобы его скорость была наивысшей? — ухмыльнулся потрепанный ангел и скрылся в толпе.



Бог призадумался. Значит, рассуждал он, если я не обгоню света, то я не всемогущ, а если обгоню, то, обратно не всемогущ, потому что не могу создать такую скорость, которую бы сам не обогнал. Чертовщина какая-то! Как же из этого выпутаться?

Он думал долго. Проклятая логика оказывалась сильнее его божеской воли. Но и отступать было поздно — Вселенная нуждалась в свете. Тяжело вздохнув, Бог поднялся над бездной и широко распростер руки:

— Да будет свет! — громко воскликнул он.

И все вокруг осветилось. Даже сам Творец зажмурился с непривычки. Потом вытер пот со лба, и тяжело опустился на пока еще бесформенный кусок материи, носившийся в пространстве.

Во Второй День Творенья, Третий День Творенья и Четвертый День Творенья все шло по-прежнему вкривь и вкось. Проекты приходилось утверждать не в соответствии с графиком, а по мере их поступления. Плоды создавались раньше деревьев, планеты — раньше звезд, атмосферы — раньше планет. Потом приходилось долго разбираться, что к чему. Но как бы там ни было,

а к концу четвертого дня Бог, потирая руки, с удовольствием взирал на расстилавшийся перед ним зеленый земной пейзаж, на гряду гор, на вершинах которых уже начали собираться ледники, на красный закат новенького, еще совершенно незапятнанного Солнца.

— А все-таки хорошо, — говорил он, любуясь делом рук своих. — Все-таки она вертится! Ладно, завтра займемся зоологией, это куда приятнее термоядерных реакций и межзвездного водорода…

В это время, огненной полосой прочертив небосклон, у ног его с шипеньем упал метеорит. От неожиданности Бог вздрогнул. Потом, дуя на пальцы, осторожно поднял раскаленный камень, огорченно покачал головой.

— Халтурщики… Не смогли чисто сработать… Тунеядцы…

И ворча, Бог удалился на покой.

Утром Пятого Дня в приемной Создателя столпились ан-гелы-художники-анималисты. У дверей кабинета, где висела табличка «Без доклада не входить», сидел (или сидела — род в этом случае никакого значения не имеет) ангел-сек-

ретарша и решительно отваживала (отваживал) всех любопытствующих. Приемная была невелика, а художников набралось порядком, но они были существами нематериальными, и поэтому на одном квадратном метре их могло уместиться бесконечно большое количество: ангелы входили друг в друга.

Бог встал в этот день с правой ноги и был в благодушном настроении. Он с удовольствием разглядывал картинки, которые показывали художники, и без лишних слов ставил на них кресты в знак утверждения. Лишь ознакомившись с выходными данными мамонта, кита-полосатика и жирафа, Бог непонятно усмехнулся и произнес:

— Бедный Ной! Бедный Ной!

Но рабочие чертежи утвердил.

Когда покончили с млекопитающими, и пара волосатых горилл, расшвыривая все на своем пути, помчалась в лес, Бог почувствовал легкое утомление. Он даже не успел сказать гориллам обычного напутствия: «Плодитесь, размножайтесь», и у него до конца дня на душе было неспокойно — он чувствовал, что что-то не доделал.

Перешли к рептилиям. На столе появились проекты брони тозавра, ихтиозавра, диплодока и других ящеров. Понимая, что этих чудищ не вы-

держит никакой ковчег, Бог приготовился было вычеркнуть их из списка. Но тут ему пришла в голову гениальная идея.

— Эти, — сказал Бог, — будут жить только до потопа. И вымрут. Плодитесь, размножайтесь! Аминь!

Солнце уже перевалило через зенит, а впереди еще было необозримое море работы. Бог мельком взглянул на медуз, голотурий, раков, устриц, червей и прочую мелюзгу. Насекомых он вообще не стал смотреть, а просто приказал ученому ангелу-секретарю отдела: «Читайте список!».

Зарозовел первозданными красками закат, а ученый ангел-секретарь отдела насекомых все еще тянул заунывно:

— 14 275 — муха навозная,

— 14 276 — муха це-це,

— 14 277 — муха дрозофила,

— 14 278 — муха…

— Словно пономарь, — подумал Господь. Его неудержимо тянуло в дремоту. Он уже несколько раз встряхивал головой сгоняя сон. А голос все тянул и тянул:

— 15 923… 15 924… Пятнадцать тысяч де…

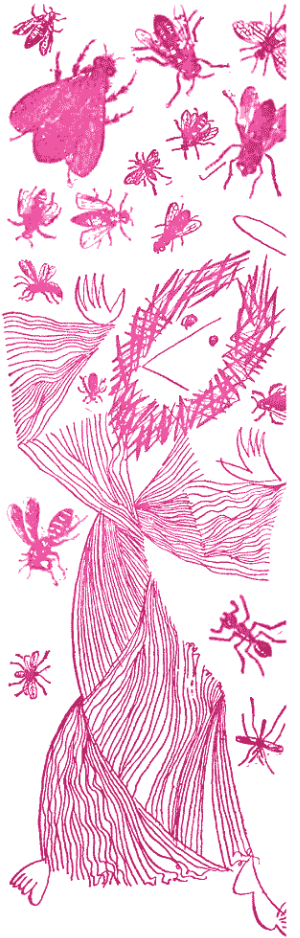
— Стой, — не выдержал, наконец, Создатель, — сколько их там у тебя?

Ангел взглянул на последний лист списка.

— 2 443 877, Господи…

— Господи, господи, — передразнил его Бог. — Давай сюда список. Все давайте, все.

В полном изнеможении он поставил один общий крест и слабой рукой благословил списки.



Некоторое время Бог молча смотрел, как из окон, из дверей, из щелей кабинета по всем направлениям расползалась, разбегалась и разлеталась всяческая мерзость. В конце концов в кабинете, кроме него самого, остался только начальник отдела микробов и бактерий.

— Прости меня. Господи, — сказал он. — Я тоже не успел посмотреть, что там насочиняли мои орлы.

— Ах, мне все равно, — сказал Бог и откинулся в кресле — Иди себе с богом, старина. В больших делах без проколов не обойтись. Я это понял и смирился. Благословляю тя.

И тут сон окончательно сморил Создателя.

Шестой День обещал быть нетрудным. Предстояло утвердить всего два проекта — мужчину и женщину.

Утверждение мужчины не вызвало особых трудносте установка была дана твердая — по образу и подобию Нашему. Правда, Богу пришлось зайти в ателье, где с него сняли мерку, затем в лабораторию, где у него взяли все возможные анализы; несколько часов он должен был просидеть неподвижно на свежем воздухе — позировал

художникам. Но труды эти не пошли прахом — теперь готовый голый мужчина стоял посреди божеского кабинета, с детским любопытством разглядывая себя, присутствующих и обстановку. Бог захлопнул дверь перед сунувшейся было ангел-секретаршей и произнес напутственную речь:

— Ты, человек, сотворен по образу и подобию Нашему и да будешь ты владычествовать над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями лесными, и над скотом домашним, и над всей землей, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И нарекаю я тебя Адамом, сын мой. Иди себе. И жди подругу. И благослови тебя Господь, то есть я. Аминь.

Адам с чувством поблагодарил Создателя и удалился под сень ветвей.

Руководитель и/я 1 появился перед Богом в несколько пришибленном состоянии. Он никак не мог вразумительно объяснить, что произошло.

Господу пришлось долго выбивать из него полезную информацию. Оказалось, что ангелы-физиологи и ангелы-антропологи неожиданно отказались работать, разорвали в мелкие клочки уже готовый проект и сейчас митингуют.

Чего они хотят? — спросил Бог.

— Они г… г… говорят, простите меня Г… Г… Господи, что вы поступили с ними несправедливо, создав их бест… т… т… телесными созданиями… Они кричат:

«Ангелы — не люди».

— В последний день подсовываете мне такую свинью! — загремел глас Божий. — Опять график полетел!

После недолгого раздумья Создатель добавил:

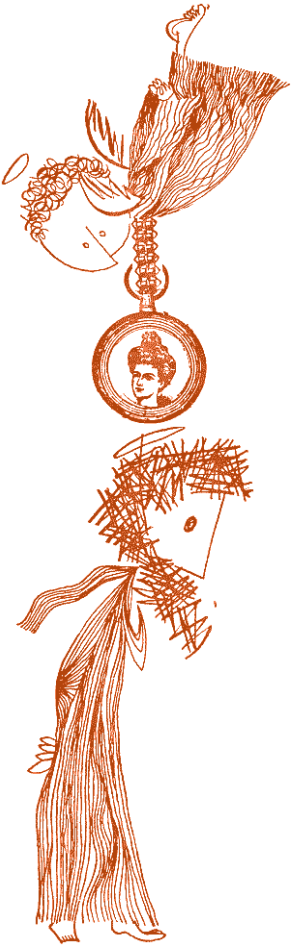
— Все равно завтра будем отдыхать от трудов праведных.

— А как же, Господи, с женщиной?

— Ничего, несколько дней поживет Адам в одиночестве… Не помрет… А женщину Я после сам сотворю. Из Адамова ребра. Должен же я что-нибудь сотворить непосредственно, без посторонней помощи!

Вот и получилось, что, не считая мелких принадлежностей, Господь сотворил собственными руками ангелов, кульман и женщину.

Весь седьмой день Бог проспал. Неделя оказалась довольно утомительной.



Рисунки И. АНИКСТА и С. БАРХИНА

Айзек Азимов

Удивительные свойства тиотимолина

Давно известно, что растворимость органических соединений в полярных растворителях, к которым принадлежит, например, вода, повышается, если к углеводородному остову молекул присоединены гидрофильные, то есть влаголюбивые группы. Исследовавшие эту проблему Файншрайбер и Хравлек[10] утверждают, что с увеличением гидрофильности время растворения приближается к нулю. То, что этот вывод не совсем верен, было доказано, когда обнаружилось свойство тиотимолина растворяться в воде — в соотношении 1 грамм на миллилитр — за минус 1,12 секунды, другими словами, до того, как к нему добавляют воду.

Установлено, что тиотимолин содержит 14

---

[10] notes: 10

Э. Дж. Файншрайбер, И. Хравлек. Скорости растворения и гидрофильные группы. «Журнал растворимости вещества», 1939, № 22, 57–68.

гидроксильных групп, две аминогруппы и одну сульфогруппу. Присутствие вдобавок к этому нитрогруппы пока не подтверждено, и нет еще никаких данных о строении углеводородной основы, хотя представляется несомненным наличие по меньшей мере частичной ароматической структуры.

Тот факт, что вещество растворяется перед добавлением воды, естественно привел к попыткам не добавлять воду после того, как тиотимолин растворился. К счастью для закона сохранения массы — энергии это еще ни разу не удалось, так как растворение никогда не происходило, если потом на самом деле не добавляли воду.

Конечно, тут же встал вопрос о том как тиотимолин может «знать» заранее, будет ли в конце концов добавлена вода или нет. Хотя это, строго говоря, и не относится к нашей области — физической химии, в течение прошлого года было опубликовано много новых материалов, касающихся психологических и философских проблем отсюда вытекающих[11].

Определение времени растворения тиоти-

[11] notes: 11

Дж. Х. Фрейдлер. Инициатива и решительность: влияет ли на них питание? По данным экспериментов с растворимостью тиотимолина. «Журнал психохимии». 1945, № 2, 476–488.

молина затруднено тем, что оно изменяется в широких пределах в зависимости от душевного состояния экспериментатора. Даже непродолжительные, легкие колебании при добавлении воды уменьшают отрицательное время растворения и нередко вообще сводят его к нулю (в пределах точности наблюдений). Чтобы избежать этого, было сконструировано механическое устройство, названное эндохронометром[12].

Впервые об эндохронных свойствах тиотимолина было сообщено нами еще несколько лет назад.[13] Однако, несмотря на заманчивые теоретические перспективы исследования тиотимолина шли вяло, преимущественно из-за разочаровывающего скептицизма, которым были встречены первые сообщения. Тем не менее наша лаборатория благодаря пожертвованиям Американской ассоциации развития количественной психиатрии успешно расширила свои ранние наблюдения в направлении, столь же непредвиденном, сколь и плодотворном.

---

[12] notes: 12

и. Крам. Устройство для количественного измерения скорости растворения тиотимолина. «Журнал растворимости вещества», 1918, № 29, 719–818.

[13] notes: 13

А. Азимов. Эндохронные свойства ресублимированного тиотимолина. «Журнал потрясающей научной фантастики», 1948 № 50, 1, 120–125.

Эндохронный атом углерода

Эндохронность тиотимолина неизбежно должна быть следствием его молекулярной структуры.

Уже не раз шаг вперед в наших знаниях об атоме углерода вызывал важные открытия в химии. В XIX веке было установлено, что четыре валентных связи углерода направлены не к сторонам квадрата (как ради удобства мы и сейчас их изображаем на доске и в учебниках), а к четырем сторонам тетраэдра (рис. 1). Разница здесь в том, что в первом случае все четыре связи расположены в одной плоскости, а во втором — распределены по две между двумя взаимно перпендикулярными плоскостями. Тетраэдральная модель позволила объяснить такие явления, как оптическая изомерия, которою невозможно было понять в свете старой плоскостной модели атома углерода.

Рис. 1

Теперь можно расширить наши взгляды, и перейти от "тетраэдрального атома углерода" к "эндохронному атому углерода", в котором одна из двух плоскостей расположения валентных связей находится не в пространстве, а во времени. Во временной плоскости одна валентная связь простирается в будущее, а другая в прошлое. Такой атом углерода невозможно изобразить на бумаге, и мы даже не будем пытаться это сделать.

Эндохронный атом углерода, очевидно, очень нестабилен и встречается крайне редко — насколько нам известно, только в молекуле тиотимолина. Почему именно структура тиотимолина способна вызвать такое явление, в чем заклю-

чается свойственное ей суперстереонарушение, пока неизвестно, но эндохронный атом углерода, несомненно, существует. В результате, некоторая часть молекулы тиотимолина находится в будущем.

Именно эта существующая в будущем часть молекулы и растворяется в воде, которая тоже существует в будущем (т. е вот-вот будет добавлена, но еще не добавлена к тиотимолину). Остающаяся часть молекулы затягивается в раствор. Как только мы уясним это, таинственное и парадоксальное поведение тиотимолина превращается в довольно прозаическое явление, поддающееся математическому анализу. Такой анализ сейчас готовится и через некоторое время будет представлен для опубликования.

Обладание эндохронными свойствами влечет за собой и обладание экзохронными свойствами. Если, например небольшое количество раствора тиотимолина крайне быстро испарить при достаточно низкой температуре, то, очевидно, тиотимолин должен выпасть в осадок лишь через 1,12 секунды после того, как вся вода испарится. Наблюдать это явление пока не удалось, очевидно, из-за несовершенства применяемой методики.

Волеметрия

Когда применение эндохронной фильтрации позволило в изобилии получать тиотимолин высокой чистоты, появилась возможность определять влияние человеческой воли на эндохронный интервал (т. е. время растворения) и, наоборот, измерять силу воли человека при помощи тиотимолина. Разработанная методика получила название волеметрии.

Давно было замечено, что волевые, сильные личности добиваются полного эндохронного интервала, добавляя воду вручную. Приняв решение добавить воду, они уже не испытывают колебаний, и в том, что вода будет в конце концов добавлена, можно быть уверенным не меньше, чем при использовании эндохронометра.

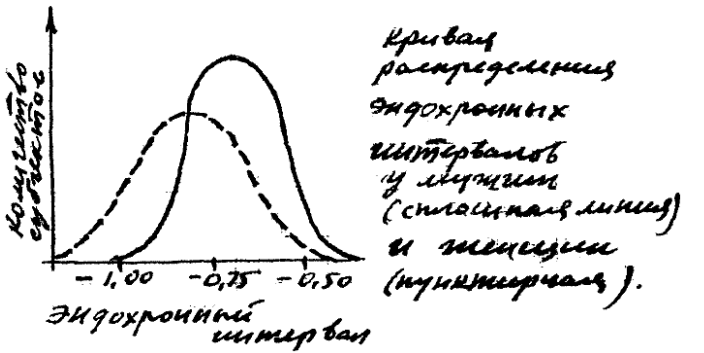
Другие лица, менее решительные, дают совершенно иные результаты. Если даже они выражают решимость добавить воду по данному сигналу и уверяют впоследствии, что не чувствовали никаких колебаний, все же отрицательное время растворения заметно уменьшается. Несомненно, их внутренние колебания так тесно связаны с областью подсознательного, с вытес-

ненными из сознания психическими травмами, перенесенными ими в детском возрасте, что они совершенно не отдают себе отчета в этих колебаниях. Важность для психиатра таких физических демонстраций, поддающихся количественной обработке, очевидна.

Был проведен массовый волеметричесний эксперимент, объектами которого служили 87 студентов-первокурсников мужского пола из Комсток-Лодж Колледжа (Краудед-Крик, штат Северная Дакота). Было установлено, что распределение силы воли описывается обычной вероятностной кривой.

Интересно отметить, что у 62 студентов женского пола, участвовавших в аналогичном эксперименте, вероятностная кривая оказалась несколько сдвинутой в сторону более сильной воли (рис. 2). Если средний эндохронный интервал у всех субъектов мужского пола составил минус 0,625 секунд, то у женского пола — минус 0,811. Это подтверждает различие между полами, которое интуитивно ощущалось (по крайней мере мужчинами) на протяжении всей истории.

Рис. 2



Есть основания полагать что эндохронный интервал может изменяться в зависимости от душевного состояния субъекта в момент опыта. Один студент (Э. Х.), показывавший в десятках экспериментов эндохронный интервал от — 0,55 до — 0,62 секунд, внезапно увеличил его до — 0.92. Этот рост уверенности в себе показался весьма примечательным. Лаборант, проводивший эксперимент, после подробных расспросов сообщил, что накануне вечером субъект выразил желание прогуляться за городом и что лаборант

согласился его сопровождать. Поскольку Э. Х. не отличается особой склонностью к спорту, показалось странным, что перспектива прогулки так на него повлияла. Чтобы выяснить, нельзя ли усилить этот эффект, автор настоящей статьи добровольно вызвался сопровождать Э. Х. в качестве третьего члена компании. Неожиданно эндохронный интервал упал до минус 0,14 секунд в следующем же эксперименте. Если нам будет позволено высказать некоторые соображения по этому поводу, то можно предположить, что в данном случае проявилось еще одно различие между полами, поскольку автор настоящей статьи принадлежит к мужскому полу, так же как и испытуемый студент, в то время как лаборант — к женскому. Совсем недавно некоторые стороны этой неясной ситуации были рассмотрены Мак-Левинсоном[5] [broken link: #n_5].

Сокращенный перевод с английского А. ИОРДАНСКОГО

Сочинение, которое вы только что прочитали, поначалу можно принять всерьез — так скрупулезно выдерживает автор внешние формы ученой статьи, так внутренне непротиворечивы его рассуждения. Лишь одну единственную вольность позволяет он себе — допущение о существовании одновременной разновременности...

Имя автора рассказа «Удивительные свойства тиотимолина» американского писателя-фантаста, профессора биохимии А. Азимова хорошо известно советскому читателю, в частности по научно-популярной книге о ферментах «Химические агенты жизни» и сборнику научно-фантастических рассказов «Я — робот».

Рассказ «Удивительные свойства тиотимолина» — отнюдь не безобидная шутка, это достаточно злая пародия на облеченные в наукообразную форму псевдонаучные сенсации. Недаром в основу рассказа А. Азимов положил "эндохронность" — ведь всевозможные антинаучные спекуляции на четвертом измерении и, в частности, попытки отождествить время и пространство, все еще встречаются довольно часто. В этой связи можно вспомнил что сравнительно недавно и в нашей печати промелькнула "гипотеза" о возможности превращения времени в... энергию.

Познакомьтесь еще с одним сатирическим рассказом А. Азимова — «Тиотимолин и космический век», в котором автор изображает настроения вызванные в Америке грандиозными успехами Советского Союза в завоевание Космоса. Интересно, что рассказ написан еще до полета Ю. Гагарина.

№ 9

Айзек Азимов

Тиотимолин и космический век

Речь на XII годичном собрании Американского хронохимического общества

Господа, меня называют отцом хронохимии, и я не могу не испытывать некоторой гордости. Основать новую науку — честь, которая выпадает на долю лишь немногих.

Я до сих пор прекрасно помню тот день в 1942 году, когда впервые, бросив в воду щепотку тиотимолина, заметил нечто странное. Тиотимолин, разумеется, растворился очень быстро, но к этому я уже привык. Он всегда, казалось, исчезал в тот момент, когда касался воды. Но я никогда еще не имел дела с таким чистым образцом тиотимолина, как та щепотка, которую я получил. Я явственно помню, что подумал: «Да ведь она растворилась до того, как попала в воду!»

Да, я знаю, что это теперь хорошо известно, хотя

я все еще люблю вспоминать и то волнующее постепенное прозрение, и первые измерения, первые грубые прикидки, и более тонкую работу с первым эндохронометром, который сейчас стоит в Смитсоновском музее.

Открытие эндохронности, обнаружение того факта, что существует вещество, растворяющееся в воде за 1,12 секунды до того, как эту воду добавляют, произвело немалый эффект. Вы это, конечно, помните. Тем не менее создалось впечатление, будто тиотимолин — не более чем мистификация. Во многих комментариях, появившихся в научной печати, чувствовалась усмешка. Частные сообщения, которые я получал, свидетельствовали об огорчительной склонности к описанию экспериментов, явно не имевших никакой научной ценности и представлявших собой какие-то странные шутки. Может быть, именно поэтому Американское хронохимическое общество смогло собрать на это выступление всего пятнадцать слушателей!

Эти шутки, джентльмены, дорого нам обошлись — они стоили нам лидерства в космической гонке. Ибо в то время, как американские исследователи с трудом добывали ассигнования и вынуждены были довольствоваться лишь

ограниченными экспериментами, страдая от добродушного недоверия своих коллег — в это самое время Советский Союз построил город Хрущевск, часто называемый также Тиотимолинградом, что наглядно свидетельствует о характере исследований, которые ведутся в стенах организованных там современных, хорошо оснащенных лабораторий.

Изучение тиотимолина, пройдя стадию, которую можно назвать классической, вышло на современный уровень, когда Анна Макларен и Дональд Мичи из Эдинбургского университета разработали «телехронную батарею». Если вы где-нибудь о ней читали, то это значит, что вы принадлежите к числу ясновидящих, потому что научная печать хранила упорное молчание по этому поводу. Она была опубликована лишь в небольшом, хотя и весьма уважаемом «Журнале невоспроизводимых результатов», который издает Александр Кон.

Что такое телехронная батарея? Обычный эндохронометр вы знаете — это устройство, автоматически добавляющее воду в пробирку с тиотимолином, где тот растворяется за 1,12 секунды до того, как добавляется вода. А теперь представьте эндохронометр, соединенный с

другим эндохронометром таким образом, что растворение тиотимолина в первом вызывает добавление воды во второй. Тиотимолин во втором аппарате растворится за 1,12 секунды до того, как она будет добавлена, и, следовательно, за 2,24 секунды до того, как будет добавлена вода в первый аппарат. Таким способом можно соединить сколько угодно эндохронометров, и в каждом из них тиотимолин будет растворяться на 1,12 секунды раньше, чем в предыдущем. В батарее, состоящей примерно из 77 000 таких блоков, последняя порция тиотимолина растворится за целые сутки до того, как будет добавлена первая порция воды.

Благодаря применению печатных схем и высокой степени миниатюризации весьма компактные модели такой батареи созданы в Эдинбурге и в нашей лаборатории в Бостоне. Это устройство объемом не более кубического фута позволяет получить эндохронный интервал в 24 часа. Существуют веские, хотя и косвенные, доказательства, что Советский Союз располагает еще более совершенными моделями и выпускает их серийно.

Очевидное практическое приложение такой телехронной батареи предсказание погоды. Дру-

гими словами, если установить первый элемент батареи на открытом воздухе таким образом, чтобы он оказался под дождем, если таковой случится, то тиотимолин в последнем элементе растворится накануне, что позволяет безошибочно предсказывать дождь (или его отсутствие) на день вперед.

Я полагаю, джентльмены, вам сейчас станет ясно, что телехронная батарея может быть использована и для предсказаний более общего характера.

Возьмем шуточный пример. Представьте себе, что вас интересуют скачки. Вы намерены сделать ставку на победу определенной лошади в определенном заезде. За 24 часа до начала заезда вы можете принять твердое решение, что если эта лошадь назавтра победит, вы, узнав об этом, немедленно добавите воду в первый элемент телехронной батареи, а если не победит, не добавите.

Приняв это решение, вам остается только наблюдать за последним элементом. Если тиотимолин в нем растворится — а вслед за этим, с интервалом в 1,12 секунды, растворение будет происходить во всех последовательных элементах батареи, но это вас уже может не ин-

тересовать — то это будет означать, что ваша лошадь победит вне всякого сомнения. А если вы питаете склонность к внешним эффектам, то можете сконструировать батарею так, чтобы растворение в последнем элементе приводило в действие лампу-вспышку, или пожарную сирену, или взрывное устройство — все что угодно, лишь бы наверняка привлечь ваше внимание.

Вы смеетесь, джентльмены, но разве не может эта система без всяких изменений быть использована при запуске спутников?

Представьте себе, что через четыре часа после старта автоматическое устройство на борту спутника передает на базу телеметрический сигнал. Представьте себе далее, что этот радиосигнал должен привести в действие первый элемент телехронной батареи.

Вы понимаете, что из этого следует? Посылка сигнала через четыре часа после старта может означать только одно: спутник вышел на орбиту. Иначе к этому времени он успел бы упасть на Землю и прекратить свое существование. И если в последнем элементе телехронной батареи сегодня произойдет растворение, то мы можем быть уверены, что завтрашний запуск окажется успешным, и можно приступать к делу.

Если же последний элемент не растворится, запуск будет неудачным, и, значит, при сборке ракеты допущен какой-то дефект. Команда специалистов начнет проверку, и в тот момент, когда дефектный узел будет исправлен, телехронная батарея придет в действие. После этого можно уверенно назначать старт.

Вы уже не смеетесь, джентльмены?

Разве не таково единственно правдоподобное объяснение неизменного успеха советских запусков, в отличие от наших весьма пестрых результатов? Правда, у нас вошло в привычку объяснять успех советских запусков тем, будто они полностью скрывают свои многочисленные неудачи. Но неужели это мыслимо? Разве не удается им с удивительным постоянством добиваться успеха в самые выгодные моменты?

Первый спутник взлетел меньше чем через месяц после столетней годовщины основоположника ракетной техники Циолковского. Второй спутник вышел на орбиту как раз вовремя, чтобы отметить сороковую годовщину русской революции. Лунник-2 был запущен непосредственно перед визитом Хрущева в США, а лунник-3 — ко второй годовщине запуска первого спутника.

Совпадения? Или они знали все заранее благо-

даря телехронным батареям? Может быть, они каждый раз перебирали по нескольку ракет-носителей, выбрав те из них, которыми успешный запуск был бы обеспечен? Как иначе можно объяснить тот факт, что Соединенные Штаты еще ни разу не смогли запустить ни одну из своих многочисленных ракет к знаменательной дате?

Вспомните еще и то, что, хотя утверждали, будто Советы задерживают сообщения о своих новых запусках до тех пор, пока не будут уверены в успехе — они делают это далеко не всегда. По меньшей мере в одном случае они сообщили об успехе заранее.

Когда лунник-3 был еще на пути к Луне, советские ученые с уверенностью объявили, что он, облетая вокруг этого небесного тела, произведет фотосъемку скрытой от нас обратной его стороны. Что касается орбиты лунника-3, то они не рисковали ошибиться: зная положения Земли, Луны и лунника и элементы его движения, орбиту можно рассчитать точно. Но как они могли быть уверены, что сложнейшие устройства фотокамеры сработают безукоризненно? Разве не могло быть так, что успешное срабатывание камеры должно было привести в действие телехронную батарею на космодроме? Разве не могло

это позволить им уже накануне фотографирования объявить с полной уверенностью, что дело закончится успешно и что они добьются еще одного престижного достижения? На мой взгляд, ответ может быть только один: так все и было.

А будущие попытки послать в космос человека? Представьте себе, что этот человек возьмется некоторое время спустя после старта вручную послать некий сигнал. Тогда задолго до старта, когда космонавт еще на Земле, телехронная батарея сообщит нам, что он не только выйдет на орбиту, но и останется жив и здоров. Если же телехронная батарея не сработает, то запуск человека будет отменен, и больше ничего. А так как решающим фактором, который удерживает нас от посылки человека в космос, остается опасение за космонавта, то очевидно, что из-за непробиваемой тупости нашего правительства в вопросе тиотимолина Советский Союз достигнет этой цели раньше.

Этот же принцип, по всей видимости, можно распространить на любую научную и ненаучную область. Теоретически можно даже построить гигантские мегабатареи для предсказания результатов выборов, которые состоятся в будущем году.

Но довольно об этом. Теперь позвольте мне высказать несколько замечаний, касающихся не столько огромных перспектив, открываемых исследованиями тиотимолина, сколько серьезных опасностей, с которыми они связаны.

Самая первая из таких опасностей, с которой мы столкнулись — это самый старый из всех парадоксов тиотимолина, а именно парадокс обмана. Речь идет о возможности вызвать растворение тиотимолина, а потом обмануть его, отказавшись добавить воду. Самый первый довод против подобных идей, выдвинутый моей лабораторией, основывался на теории эндохронного атома, которая впоследствии была подтверждена другими исследователями. В силу суперпространственных затруднений одна пара валентных связей одного или нескольких атомов углерода в молекуле тиотимолина выталкивается во временную плоскость. Одна такая связь простирается на 1,12 секунды в прошлое, другая на 1,12 секунды в будущее. Поэтому, когда будущий конец молекулы тиотимолина растворяется и затягивает за собой в раствор всю молекулу, он не предсказывает возможное будущее — он регистрирует действительное будущее.

Тем не менее было показано, что теоретически

обмануть тиотимолин возможно. Как следует из принципа неопределенности Гейзенберга, нельзя с уверенностью предсказать, растворится ли некая данная молекула тиотимолина до того, как будет добавлена вода, и существует ощутимая вероятность того, что не растворится. Это справедливо для отдельной молекулы. Однако когда дело касается квинтильонов молекул — а таково их число в самых микроскопических порциях тиотимолина, используемых в самых совершенных телехронных батареях — вероятность того, что все эти квинтильоны или даже часть их, поддающаяся регистрации, не растворяется, бесконечно мала.

Разумеется, если в телехронной батарее из многих тысяч элементов в каком-нибудь одном из них растворения не произойдет, это приведет к отказу прибора. Вероятность такого «гейзенбергова отказа», как его называют, можно рассчитать, и, по некоторым оценкам, батарея может дать ложный отрицательный ответ один раз на миллион или более. В этом случае в последнем элементе батареи растворение не происходит; хотя в первом вода будет добавлена. Несколько чаще происходит обратное: растворение в последнем элементе происходит даже несмотря на

то, что вода не будет добавлена в первом. С теоретической точки зрения, вторая альтернатива, естественно, интереснее, поскольку возникает вопрос: откуда же в этом случае взялась вода?

В моей лаборатории была сделана попытка зарегистрировать такой ложный положительный ответ, получив раствор без последующего добавления воды. Это связано с возможностью сотворения вещества из ничего и представляет большой интерес в связи с теорией устойчивости Голда и Хойла.

Суть эксперимента проста. Один из моих студентов должен был составить батарею, имея в виду добавить воду вручную на следующий день и твердо намереваясь довести эксперимент до конца. Теоретически в последнем элементе должно было произойти растворение. После этого я собирался поручить этому студенту другую работу, а к батарее приставить второго студента, дав ему указание воды не добавлять.

Прежде всего, нас удивил тот факт, что при всех этих условиях растворение в последнем элементе происходило примерно в одном случае из двадцати, то есть с гораздо более высокой частотой, чем можно было объяснить на основе «гейзенбергова отказа». Однако, как вскоре выяснилось,

«обмануть» тиотимолин не удавалось. Всякий раз случалось нечто, приводившее к добавлению воды. В одном случае первый студент вернулся, чтобы добавить воду, и его не успели остановить; в другом вода была пролита случайно; в третьем служитель…

Однако не буду вам надоедать описанием того, как тиотимолин ухитрялся не дать себя провести. Достаточно сказать, что ни одного подлинного «гейзенбергова отказа» мы не получили.

Со временем, конечно, мы начали принимать меры предосторожности против обычных случайностей, и частота «псевдоотказов» снизилась. Например, мы стали помещать батарею в сухие, обезвоженные сосуды. Однако при «псевдоотказах» эти сосуды трескались или разбивались.

И только в одном, последнем эксперименте мы уже решили было, что на этот раз действительно произошел «гейзенбергов отказ». Но результаты этого эксперимента так и не попали в печать. Я пытался довести мысль о его значении до сознания соответствующих должностных лиц, но безуспешно. Позвольте мне рассказать об этом эксперименте.

После того, как в батарее было зарегистрировано растворение, мы поместили ее в сварной

стальной контейнер и стали ждать того момента, когда придет время добавить воду, чего мы не собирались делать.

В те дни на штаты Новой Англии обрушился ураган «Диана». Дело было в августе 1955 года. Ураган был предсказан, служба погоды следила за ним, и мы к нему были готовы. В те годы через Новую Англию прошло несколько ураганов, так что мы к ним привыкли. Через некоторое время Бюро погоды объявило, что опасность миновала и что ураган уходит в сторону моря. Мы с облегчением вздохнули и продолжали ждать.

Однако, если кто-нибудь из вас был в тот день в Новой Англии, он наверняка помнит, что Бюро погоды, как было объявлено впоследствии, «потеряло» этот ураган: что он, ко всеобщему удивлению, повернул вспять; что за час во многих местах выпало по пять дюймов дождя; что реки вышли из берегов и начались обширные наводнения.

Я видел тот дождь: это был настоящий потоп. Я видел, как ручей, протекавший мимо университетских зданий, превратился в ревущий поток и начал растекаться по лужайкам, заливая мутными струями живые изгороди. Я заорал, чтобы принесли топор. За ним сбегал один из студентов

— впоследствии он говорил, что, услышав мой вопль, готов был подумать, что я спятил.

Я разбил стальной контейнер. Я вытащил телехронную батарею и в мерцающем сером свете того грозового дня стоял со стаканом воды в руке, готовый в нужный момент вылить воду в батарею.

Дождь сразу утих, ураган повернул прочь.

Я не хочу сказать, что ураган вернулся из-за нас, но все-таки — ведь вода так или иначе должна была попасть в батарею! Если бы для этого понадобилось, чтобы стальной контейнер был унесен волнами наводнения и разбит бушующей стихией, так бы и произошло. Это следовало из факта растворения тиотимолина в последнем элементе. Или же из него могло следовать, что я приму решение, которое приведет к срыву эксперимента. Я выбрал второе.

Можно предвидеть создание устройства, которое я называю «мирной бомбой». Вражеские агенты, действующие против той или иной страны, могут собрать телехронные батареи и работать с ними, пока не случится так, что в последнем элементе произойдет растворение. Тогда можно будет заключить батарею в стальную капсулу и поместить где-нибудь у ручья,

намного выше уровня самой высокой воды. Двадцать четыре часа спустя обязательно случится разрушительное наводнение, потому что лишь таким путем вода сможет достигнуть контейнера Наводнение будет сопровождаться ураганными ветрами потому что лишь так можно будет разбить контейнер.

Причиненный в результате ущерб будет, в своем роде, не меньше, чем от взрыва водородной бомбы. Однако это будет «мирная бомба», потому что ее применение не повлечет за собой ответного удара и не вызовет войны: ни у кого не будет повода подозревать какую-нибудь иную причину происшедшего, кроме стихийного бедствия.

Для изготовления такой бомбы не потребуется ни сложной технологии, ни больших расходов. Это под силу даже самой маленькой нации, самой крохотной группе революционеров.

Иногда, в особо мрачные минуты, я размышляю о том, не был ли библейский потоп (прототип которого действительно запечатлен в осадочных отложениях Месопотамии) вызван экспериментами с тиотимолином, которые вели древние шумеры.

Я хочу сказать вам, джентльмены, что у нас сейчас лишь одна неотложная задача — убедить

наше правительство добиваться международного контроля над всеми источниками тиотимолина. Он беспредельно полезен, если употреблять его на благо; он беспредельно опасен, если использовать его во зло.

Ни один миллиграмм тиотимолина не должен попасть в безответственные руки!

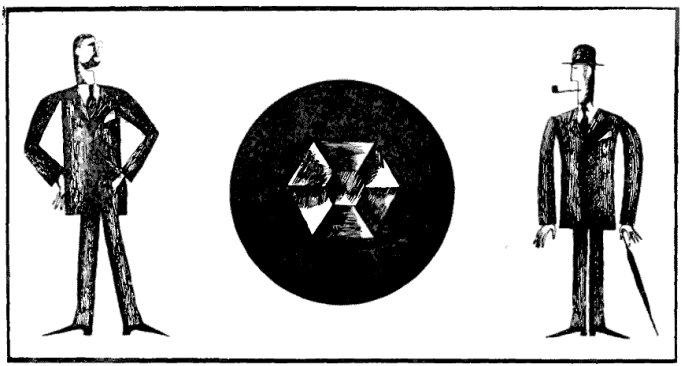
Джентльмены, я призываю вас к крестовому походу за безопасность мира!

Перевод с английского С. И. Алениковой

№ 10

В. Голембович

Бриллианты лорда Сандвича



В шестом номере нашего журнала был помещен рассказ знаменитого английского писателя Артура Конан-Дойла — но не о Шерлоке Холмсе.

Теперь вашему вниманию предлагается рассказ о Шерлоке Холмсе — но не Конан-Дойла.

Этот рассказ взят из книги польского химика В. Голембовича

«Химические приключения Шерлока Хелмса», вышедшей в Варшаве.

Вероятно, многочисленные почитатели Конан-Дойла помнят, что, помимо основного увлечения, у Шерлока Холмса было еще два — скрипка и химия. Именно этому последнему увлечению отведено в книге В. Голембовича наиболее почетное место. Ни в одном из рассказов этой книги великому сыщику не удалось бы добиться успеха, но обладай он серьезными познаниями в химии...

Покончив с профессором Мориарти, Холмс целиком отдался своим любимым химическим исследованиям; иногда он даже помещал в специальных журналах интересные заметки о своих работах. Я думал, что он навсегда расстался со своей карьерой сыщика, но я ошибался.

В одно хмурое утро, поздней осенью, мы сидели у камина; мой друг, с трубкой в зубах, читал какую-то научную книгу, а я просматривая газеты. Общественное мнение в эти дни было занято таинственным исчезновением бриллиантов лорда Сэндвича, и газеты пестрели материалами на эту тему.

Говоря вкратце, дело заключалось вот в чем.

Лорд Сэндвич, последний отпрыск старинного аристократического рода, необузданный гуляка

и расточитель, владел коллекцией бриллиантов, оцениваемой в миллион фунтов. Это были крупные, прекрасные камни, многие из которых принадлежали ранее индийским раджам и перешли во владение предков нынешнего лорда как военная добыча или же были куплены ими за баснословные суммы. Лорд ревниво хранил эту замечательную коллекцию и никогда никому ее не показывал, — до того дня, когда вынужден был отдать ее в банк братьев Картер (постоянным клиентом которого состоял) в качестве залога за ссуду в сто тысяч фунтов. Бриллианты были помещены в сейф, один ключ от которого находился у лорда, другой — у Арчибальда Картера, директора банка. Лорд должен был погасить ссуду через полгода, но уже через два месяца увидел, что не сможет этого сделать, и решил продать часть коллекции. Ему удалось довольно быстро найти покупателя, которого он привел в банк, чтобы показать ему свои камни. Сейф вскрыли с соблюдением всех формальностей в присутствии обоих Картеров. Печати на дверце были нетронутыми, шкатулка с камнями стояла на том самом месте, где ее поставили, — но когда Арчибальд Картер открыл ее, у лорда Сэндвича вырвалось громовое проклятие: вместо его бесценных, чистейшей

воды алмазов в шкатулке лежали желтоватые камни, только формой своей напоминавшие исчезнувшие драгоценности.

На сейфа не было найдено никаких следов взлома, никаких подозрительных отпечатков. Лорд Сэндвич потребовал от Картеров возмещения убытков в сумме миллиона фунтов. В интервью с журналистами он, с обычной для него резкостью, осыпал Картеров оскорбительными упреками, обвиняя их в похищении камней. Картеры, со своей стороны, подали на него в суд за диффамацию и утверждали, что лорд и сам мог незаметно подменить свои бриллианты, но что скорее всего камни сами собой пожелтели при хранении. Правда, специалисты-ювелиры начисто отрицали такую возможность. А одна из газет видела в превращении бриллиантов небесную кару, постигшую лорда за его распущенность…

Я пытался обсудить это дело с Холмсом. Я считал, что похитителями были братья Картер, так как только им было выгодно заменить ценные камни дешевыми, сочинив сказку об их самочинном пожелтении. Если суд поверит ей, то банк не будет платить лорду возмещения, и его замечательная коллекция достанется Картерам почти даром. Если даже им и придется платить,

то бриллианты все равно останутся у них, — чистая выгода и никакого риска.

Я развивал эти соображения перед Холмсом, но он был слишком поглощен чтением и отделывался лишь незначительными фразами

— Если никто ничего не может найти, — сказал он в конце концов, — то остается только согласиться с этой вашей газетой.

Не успел я спросить его, что он хочет этим сказать, как раздался яростный звонок и вслед за тем — чей-то громкий голос, спрашивавший у слуги о Шерлоке Холмсе. Ответа мы не услышали, но зато в комнате появился, пятясь шаг за шагом, Билл. На него наступал высокий, плечистый человек с занесенной для удара тростью.

— Мистер Холмс! — вопил наш ошеломленный слуга. — Этот джентльмен…

— Негодяй! — загремел на него незнакомец. — Вон отсюда!

Холмс, глядя на это необычное зрелище, остался невозмутимым.

— Можете идти, Билл, — спокойно сказал он слуге. А потом, обращаясь к незнакомцу, спросил:

— Как поживаете, милорд? Садитесь, прошу вас.

Теперь я тоже узнал лорда Сэндвича. Он был в точности похож на свои многочисленные газетные портреты, Коренастый, краснолицый, с выпученными светло-голубыми глазами, он походил на быка, ежеминутно готового броситься на все, что ему только ни встретится. Мешки под глазами и толстые губы не прибавляли красоты этому лицу.

Лорд Сэндвич не счел нужным ни поздороваться с нами, ни извиниться за вторжение; словно не услышав приглашения сесть, он стоял неподвижно и вглядывался в моего друга.

— Не приходил еще этот старый злодей? — хрипло спросил он, наконец.

— Если вы говорите о мистере Арчибальде Картере, — ответил Холмс, — то я еще не имел удовольствия принимать его у себя.

— А это кто? — прорычал лорд, указав на меня пальцем. — Пусть он уйдет!

Это было уже слишком Я готов был схватить наглеца за шиворот и спустить с лестницы, но Холмс предупредил меня.

— Это мой друг, доктор Ватсон, — все так же спокойно ответил он. — Если вы непременно хотите, чтобы он вышел, то нам с вами, к сожалению, говорить будет не о чем.

Лорду пришлось покориться.

— Ладно, — сказал он, садясь. — Я не люблю даром тратить слова, мистер Холмс. В чем дело — вы знаете. Я пришел, чтобы сказать, что заплачу вам втрое больше, чем предложит Картер. Этот старый негодяй наверняка прибежит сюда. Что вы думаете обо всем этом деле?

— У меня еще не сложилось мнения о нем, — ответил Холмс.

Лорд расхохотался:

— Великий Шерлок Холмс еще не составил себе мнения о таком нашумевшем деле! Не хотите говорить — не надо. Мне все равно, кто бы ни украл, главное — найдите вора. Но пусть я провалюсь на этом месте, — он показал на пол, — если не они это сделали.

Холмс откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и, переплетя пальцев, застыл в молчании. Прошла минута, может быть, две.

— Хорошо, — энергично произнес он, открывая глаза. — Я займусь вашим делом. Но при одном условии: вы должны будете ответить мне на три вопроса.

— Спрашивайте.

— Какое у вас зрение?

— А вам какое до этого дело? — вспыхнул лорд.

— Вы приняли мое условие, — напомнил Холмс.

— Ну, так я близорук, но убей меня бог, если я понимаю, зачем вы это спрашиваете!

— Теперь второй вопрос, — невозмутимо продолжал Холмс, — У вас в галстуке я вижу красивую жемчужную булавку. Могу ли я узнать, где вы купили ее?

Этот вопрос привел лорда в бешенство. Лицо у него налилось кровью, казалось — еще секунда, и он набросится на моего друга с кулаками. Однако он сумел сдержать свою ярость и, задыхаясь, ответил:

— В Брюсселе.

— Благодарю вас. Теперь последний вопрос. Сколько лет вашему лакею, и любит ли он заглядывать в рюмку?

Задавая этот вопрос, Холмс слегка усмехнулся.

Сэндвич снова с трудом сдержал себя, но ответил, что его лакею 30 лет и что он не брезгует рюмкой джина, но предпочитает портер. После чего поднялся, достал из кармана чековую книжку и коротко спросил:

— Сколько?

— Прошу вас, милорд, подождать с этим, — сказал Холмс. — Я не беру денег, пока не знаю

— за что.

— Как хотите, — пожал плечами Сэндвич, повернулся на каблуках и вышел, не оглядываясь.

— Отвратительный тип! — воскликнул я, как только дверь за ним захлопнулась. — Удивляюсь вашему ангельскому терпению! Впрочем, и вашим вопросам тоже. Что он мог подумать, например, когда вы спросили его насчет зрения?

— Не знаю, что подумал он. Но вижу, что от вас ускользнул один довольно важный факт, хотя вы усердно читали все, относящееся к пропаже бриллиантов.

— Что-нибудь, связанное со зрением лорда Сэндвича?

— Конечно. Ведь именно он первым заметил подмену камней, хотя и признался, что близорук.

Холмс был прав Это действительно было странно.

— И какой вы делаете из этого вывод? — спросил я.

— Без достаточного количества фактов вывод может оказаться ложным. Я сейчас только собираю факты.

— Хорошо, пусть так. А почему вы спросили о булавке?

— О, ничего особенного, просто она мне понравилась.

Я понял, что он уклоняется от ответа, и больше ни о чем не спрашивал.

Холмс вернулся было к чтению, прерванному неожиданным визитером, но в это утро ему было явно не суждено наслаждаться покоем. Не прошло и нескольких минут, как снова зазвенел звонок, и Билл вручил моему другу визитную карточку мистера Арчибальда Картера, директора банка «Братья Картер и К°».

Картер оказался сухощавым, седоватым стариком небольшого роста, одетым в скромный старомодный сюртук. Никто не угадал бы в этом

незаметном человечке директора солидного банка: он был похож скорее на мелкого чиновника. Фигура, лицо, манеры, — все в нем дышало какой-то деланностью и подобострастием, внушавшим неприязнь.

— Как поживаете, мистер Холмс? — заговорил он тихим, невыразительным голосом. — Очень приятно с вами встретиться. Я так хорошо знаю вас по фотографиям, что узнал бы среди тысяч. А это, если не ошибаюсь, доктор Ватсон, ваш верный друг и помощник. Как поживаете, доктор Ватсон?

Мы коротко ответили на приветствие, и мистер Картер сел в указанное Холмсом кресло, — сел так осторожно, словно оно было стеклянным. После длительной паузы — очевидно для большего эффекта — он, молитвенно сложив руки, заговорил:

— Ах, мистер Холмс, вы видите перед собой самого несчастного и самого невинного из людей! Спасите нас, спасите сотни бедных вкладчиков, доверивших нам свои сбережения! Лорд Сэндвич хочет разорить нас. Если мы будем вынуждены уплатить ему миллион фунтов, нас ждет банкротство и разорение. Вы разгадали уже столько дел, стольких людей спасли от смерти или разорения,

что вам, конечно, удастся разгадать и тайну пожелтевших бриллиантов!

— Не понимаю вас, — произнес Холмс, — То, что вы называете тайной, — это кража, хоть и довольно утонченная. Найти виновного в ней не так легко, как вам кажется.

— Боже мой! — вскричал Картер. — Значит, вы тоже думаете, что это была кража? Мы погибли!

Он вскочил, потом снова упал в кресло с жестом

актера, играющего отчаяние.

Но потом, уступив просьбам Холмса, Картер подробно рассказал, как происходила церемония вскрытия сейфа, как он открыл шкатулку и как лорд Сэндвич разразился проклятиями, увидев пожелтевшие камни.

— А покупатель, которого лорд привел с собой? — спросил Холмс.

— Он удивился, как и все мы, но ничего не сказал. Это был вообще неразговорчивый человек. Между прочим, не англичанин.

— Почему вы так думаете?

— У него был явно чужеземный акцент. Не то голландский, не то немецкий.

— Вы помните его фамилию?

— К сожалению, нет. Насколько я знаю, полиция тоже спрашивала о нем. Лорд говорит, что это случайный покупатель.

Холмс поинтересовался финансовым положением лорда Сэндвича, но Картер сказал, что профессиональная этика мешает ему ответить на этот вопрос.

— Хорошо, мистер Картер, — сказал мой друг. Тогда ответьте на другой вопрос — хорошее ли у вас зрение?

— Превосходное, мистер Холмс, превосходное!

И у меня, и у всей моей семьи. Никто из нас не носит очков.

— Еще один вопрос. Много ли у вас слуг?

— Трое: кухарка, горничная и старый лакей, он же садовник.

Холмс поблагодарил Картера за все эти сведения, заявил, что вопросов у него больше нет, и проводил гостя до дверей.

— Я был уверен, что больше не буду возиться с преступлениями, — проговорил он, когда Картер вышел. — Но это дело стоит того, чтобы им заняться.

— Простите, мэтр, — возразил я, — но я не вижу здесь ничего особенного.

— А превосходное зрение Картера?

— Вы думаете, он должен был заметить подмену бриллиантов первым?

— Конечно, либо он, либо его брат… Но посмотрим, что принесут нам факты, которые мы должны изучить.

Шерлок Холмс вышел в соседнюю комнату и минут через пятнадцать вернулся совершенно неузнаваемый: растрепанная шевелюра, дешевый измятый костюм с клетчатым шарфом вместо галстука, старая шляпа… Он кивнул мне — и тут же, ни слова не говоря, удалился.

Шерлок Холмс возвратился поздно вечером. Мне с трудом удалось буквально вытянуть из моего друга, что весь день он потратил на «задушевные» разговоры с прислугой наших новых клиентов. Что лорд Сэндвич недавно действительно побывал на континенте — в Брюсселе, а также в Антверпене и Мюнхене. Что до этой поездки у лорда было совсем плохо с деньгами…

Арчибальд Картер часто принимал у себя зарубежных гостей и тоже часто выезжал за границу.

К моему удивлению, на следующий же день оказалось, что Шерлок Холмс быстро теряет интерес к этой загадочной истории с бриллиантами. Он снова углубился в науку. И даже попросил моей помощи, чтобы получить доступ к одному из рентгеновских аппаратов в моем госпитале. Там он провел немало времени.

Затем в один прекрасный вечер он вдруг объявил мче, что уезжает на континент. Я давно уже привык к неожиданным отъездам Холмса и только спросил, когда ожидать его обратно.

— Не знаю, — мрачно ответил мой друг. — Если через месяц я не вернусь, то вскройте конверт, который я оставляю в ящике стола.

В эту ночь я никак не мог уснуть. Что означали

загадочные слова Холмса? Связан ли его отъезд с бриллиантами лорда Сэндвича? Может быть он напал на след сообщников похитителей и собирается искать их за границей? Но когда он получил новые данные?

Мне оставалось только вооружиться терпением и ждать возвращения Холмса.

Он вернулся через неделю, так же неожиданно, как и уехал.

Сразу же по возвращении Холмс позвонил Картеру и попросил его прийти на следующий день, ровно в 9.55 утра, к нам и принести шкатулку с желтыми бриллиантами. Потом он пригласил к себе лорда Сэндвича — тоже на завтра, но ровно на 10 часов.

Рано утром мы приготовились к встрече. Холмс распорядился поставить посреди комнаты стол, вокруг него — четыре стула. Он тщательно распределил места, придавая этому, по-видимому, большое значение. Мое место находилось напротив Холмса, слева от меня должен был сидеть Сэндвич, справа — Картер, и я должен был зорко следить за обоими.

Картер явился минута в минуту и принес большую шкатулку, обтянутую черной кожей. Он был

явно встревожен и, даже не успев сесть, спросил, зачем его позвали. Холмс промолчал и только подвинул к нему коробку с сигарами; Картер закурил.

Ровно в 10 резкий звонок у двери возвестил нам о прибытии Сэндвича. Увидев Картера, лорд пришел в бешенство.

— Он тоже здесь? Что за наглость!

— Прошу выбирать слова поосторожнее, милорд, — холодно произнес Холмс, смерив его долгим взглядом. — Эта встреча необходима. Вы должны сесть за этот стол.

Сэндвич, как ни странно, сразу же успокоился и послушно занял указанное ему место.

— Прошу открыть шкатулку с бриллиантами, — безо всяких предисловий обратился Холмс к Картеру.

Директор беспрекословно повиновался, и моим глазам предстало несколько десятков желтоватых камней, из которых самый маленький был размером с орех. Одно гнездо в шкатулке было пустым.

— Узнаёте ли вы свои бриллианты? — обратился Холмс к Сэндвичу таким тоном, словно восседал за судейским столом.

— Мои бриллианты украдены, — отрезал

лорд. — Это подделка.

— А что скажете вы, мистер Картер?

— Совершенно то же, что говорил и раньше и в чем могу поклясться перед богом и людьми. Это подлинные бриллианты милорда, пожелтевшие у нас в сейфе.

— Вор и клятвопреступник! — крикнул Сэндвич.

— Спокойнее, милорд, спокойнее, — произнес Холмс. — А теперь, джентльмены, минутку внимания. Вы, Ватсон, то же, — он многозначительно взглянул на меня.

Затем Холмс неторопливо выдвинул ящик стола и извлек оттуда портфель, который положил себе на колени. Потом, словно наслаждаясь нашим напряжением, он вынул из портфеля небольшой предмет, высоко поднял его и показал нам всем. Это был сафьяновый мешочек, обвязанный шнурком и опечатанный.

— Кто из вас знает, джентльмены, что находится в этом мешочке? — ровным голосом спросил он.

— Сто тысяч дьяволов! — прошипел Сэндвич.

На лорда страшно было смотреть — лицо его посинело от прилившей крови, казалось, он вот-вот задохнется.

— Спокойнее, милорд, спокойнее, — безжалостно повторил Холмс. — Значит, вы узнаете этот мешочек?

Сэндвич с ненавистью смотрел на него и вдруг вскочил, повалив стул, выхватил из кармана револьвер, и крикнул:

— Руки вверх!

Только сейчас я оценил предусмотрительность Холмса, усадившего меня рядом с гостем. Вывернуть ему руку и отнять револьвер было делом

нескольких секунд.

— Отпустите его, Ватсон, — сказал Холмс.

Почувствовав себя свободным, Сэндвич с минуту стоял в нерешимости, потом быстро повернулся и кинулся к выходу.

— Вы еще вспомните меня! — крикнул он с порога и с силой захлопнул за собой дверь. Холмс не тронулся с места.

Все это время Картер сидел неподвижно, испуганно поводя широко раскрытыми глазами. Только после бегства Сэндвича он опомнился.

— Ради бога, мистер Холмс. Что все это значит?

— Сейчас увидите, — ответил улыбаясь мой друг и, развязав мешочек, высыпал его содержимое на стол. Оба мы — и я и Картер — окаменели. Перед нами лежали бриллианты лорда Сэндвича.

— Подлинные, — пробормотал Картер, очнувшись от первого потрясения. — Но откуда они у вас? Значит, это была кража?

— Нет, мистер Картер. Кражи не было.

— Как не было?

— Сейчас вы все поймете. Разрешите сначала показать вам еще кое-что.

С величайшим интересом мы следили за тем, как он вынимает из жилетного кармана нечто

завернутое в бумагу, как разворачивает бумагу и достает прекрасный, сверкающий бриллиант, ничем не уступавший тем, которые находились на столе.

— Узнаёте этот камешек, сэр? Вложите его в пустое гнездо в шкатулке, — сказал Холмс, протягивая бриллиант Картеру.

Камень точно улегся в гнездо среди подложных драгоценностей.

— Вы сами вручили мне этот камень полторы недели назад, — проговорил Холмс.

— Ничего подобного! — запротестовал Картер. — Я дал вам желтый камень…

Холмс несколько минут молча наслаждался нашим замешательством.

— Так вот, — сказал он, наконец, вынув трубку изо рта и положив ее на стол. — Рассуждая логически, здесь было четыре возможности: либо кто-то посторонний, либо Сэндвич, либо Картер, либо Сэндвич в сообщничестве с Картером…

— Но, мистер Холмс, как вы можете? — запротестовал директор.

— Это только теории, мистер Картер, — успокоил его Холмс. — Я с самого начала был убежден, что так или иначе Сэндвич в этом замешан.

— Почему? — спросил Картер.

— Бриллианты не пекут, как булки. Чтобы сделать имитацию шестидесяти трех бриллиантов, да еще таких, как у Сэндвича, двух месяцев, что они были у вас в банке, мало; понадобилось бы не менее года. Значит, все это время некто должен был иметь доступ к подлинной коллекции. Без ведома Сэндвича это было бы невозможно.

— Следующим вопросом, — продолжал Холмс, — был такой: каким образом вор сумел взять камни из сейфа и заменить их поддельными? Неизбежно напрашивалась мысль, что в это дело должны быть замешаны и Картеры.

— Мистер Холмс! — снова запротестовал банкир.

— Только теоретически, сэр, — снова успокоил его Холмс.

— Вы правы, Холмс, — вмешался я. — Сообщничество между Сэндвичем и Картерами казалось наиболее правдоподобным, но против кого оно могло быть направлено? Против страхового общества?

— Коллекция не была застрахована, — быстро сказал Картер.

— Я это знал, — усмехнулся мой друг. — Иначе дело было бы слишком ясным. Поэтому я и оказался в тупике. Тогда я бросил след, по которому

шел до тех пор, и начал искать новый. Кем был таинственный покупатель, которого привел Сэндвич? Почему лорд не мог или не хотел говорить о нем? Он был иностранцем — немцем, как вы и предположили, мистер Картер. Лакей лорда упоминал о недавно приезжавшем к Сэндвичу профессоре из Мюнхена — невысоком человеке, худощавом, лысом, с двумя заметными шишками на черепе, с черными усами, в золотых очках.

— Тот самый покупатель! — воскликнул Картер. — Тот самый!

— Совершенно верно, сэр. Мне удалось установить, что мюнхенский профессор, приезжавший к Сэндвичу, и человек, пожелавший купить его бриллианты, — одно и то же лицо. Разумеется, меня это заинтриговало: не всякий профессор в состоянии купить такое сокровище. Ездить в Мюнхен мне не понадобилось: на письменный запрос мне ответили, что в Мюнхене действительно проживает профессор, отвечающий описанию. Его зовут Карл Браунгельд, и он специалист по рентгеноскопии.

— Вот оно что! — невольно вырвалось у меня.

Холмс мельком взглянул на меня и продолжал:

— Имя Браунгельда было мне знакомо, я читал его статьи о поведении различных веществ в

лучах Рентгена. И тогда я вдруг понял, что совершил ту самую ошибку, против которой всегда предостерегал других: я не поверил фактам. Пожелтение бриллиантов было неоспоримым фактом, а я его отбросил, так как он расходился с моими гипотезами. Вы оба помогли мне быстро исправить ошибку. Вы, мистер Картер, ссудили мне желтый бриллиант, а вы, Ватсон, дали возможность поработать с рентгеновским аппаратом. Когда опыты подтвердили мое предположение, я поехал к Браунгельду. Сначала он все отрицал, но когда я предложил ему на выбор тюрьму или полное признание, он не выдержал и рассказал мне все.

Оставалось только найти подлинную коллекцию лорда Сэндвича. Браунгельд не знал, где она находится, но сообщил, что, во избежание подозрений, они с лордом встречались в Брюсселе, в специально снятой для этого квартире. Я не думал, что Сэндвич прятал бриллианты у себя в Лондоне, так как это было бы опасно; но, может быть, они находились именно в Брюсселе? Мне удалось проникнуть в эту квартиру. Я обстукал стены и нашел тайник, а в нем — вот этот мешочек. Вот и все.

— Простите, мистер Холмс, но я все-таки ничего

не понимаю, — жалобно произнес Картер.

— Сейчас поймете, — улыбнулся Холмс. — Браунгельд открыл, что под действием рентгеновских лучей некоторые бриллианты становятся совершенно бесцветными и ничем не отличаются от камней чистейшей воды. Но только… в течение нескольких недель. Затем эти алмазы снова приобретают свой естественный цвет. Профессор сговорился с одним гранильщиком камней в Антверпене, они втянули в это дело Сэндвича, и втроем осуществили план, составленный Браунгельдом. Гранильщик сделал из желтых камней точную копию коллекции Сэндвича, Браунгельд облучил их… Сэндвич уложил в шкатулку и поместил в банк. Подлинные бриллианты он спрятал. Через два месяца, как и следовало ожидать, камни снова пожелтели, и Сэндвич потребовал возмещения убытков.

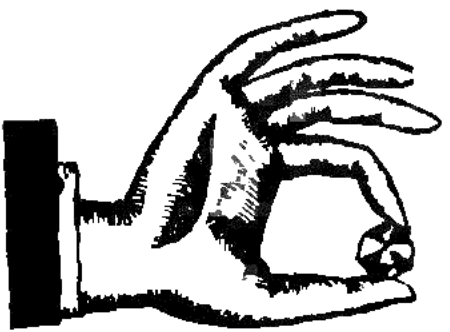
— Гениально! — прошептал Картер, не сводя радостного взгляда с Холмса. — Но как вы узнали, что желтые бриллианты светлеют под действием рентгеновских лучей?

— Пришлось повторить открытие Браунгельда, — не без гордости ответил Холмс.

— Одного не понимаю, — проговорил я. — Зачем ему понадобилось присутствовать при

вскрытии сейфа? Гораздо разумнее было бы привести какого-нибудь настоящего покупателя, ювелира…

— Дорогой Ватсон! — сказал Холмс. — Сделавшись преступником, Браунгельд не перестал быть химиком. А какой ученый может отказаться от того, чтобы собственными глазами удостовериться в результатах эксперимента?

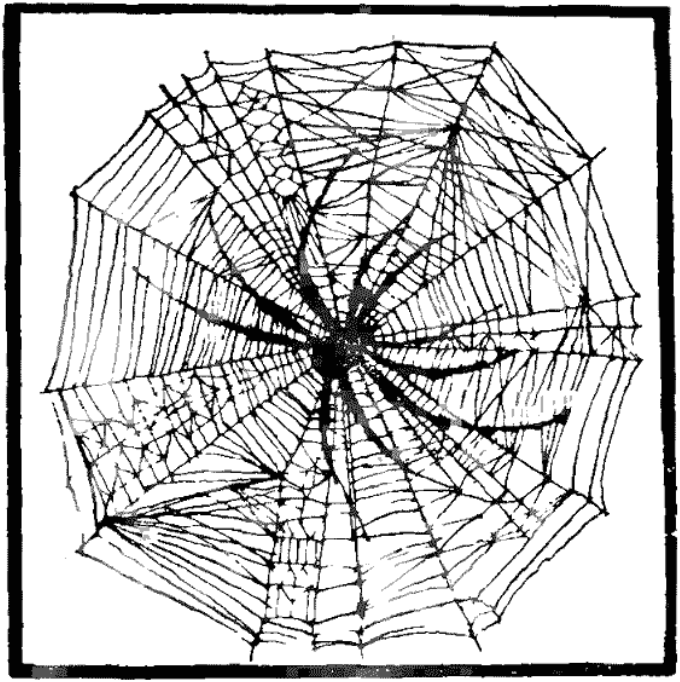


Сокращенный перевод с польского З. Бобырь

№ 12

В. Голембович

Пьяный паук



В прошлом номере журнала был опубликован рассказ из книги польского химика В. Голембовича «Химические приключение Шерлока Холмса». Рассказ назывался «Бриллианты лорда Сэндвича». Теперь вниманию читателя предлагается другой рассказ того же автора — в нем точно так же, как и в преды-

дущем, неоценимую услугу «великому сыщику» оказывают его познания в химии.

Однажды мне удалось, правда, не без труда, уговорить Шерлока Холмса поехать недели на две отдохнуть. Мы выбрали маленький приморский городок Клифтон с хорошим пляжем и живописным средневековым замком.

Первые несколько дней наших каникул прошли безо всяких иных забот, кроме купанья и прогулок; но на четвертый или пятый день все переменилось.

Рано утром, по пути на пляж, когда мы проходили мимо стен замка, я залюбовался паутиной, унизанной каплями росы, словно алмазами, и обратил на нее внимание Холмса. Обычно он бывал равнодушен к красотам природы, но взглянув на паутину, проявил к ней неожиданный интерес.

Он пристально рассматривал паутину в течение нескольких минут и, наконец, произнес:

— Дорогой Ватсон, нет ли у вас какой-нибудь коробочки?

— Но зачем? — удивился я.

— Такую паутину не часто встретишь. Присмотритесь повнимательнее — она не такая, как всегда.

Он был прав. Пауки всегда ткут свои сети по известному образцу, а эта поражала своей неправильностью и запутанностью.

— Действительно, — сказал я. — этот паук, наверное, пьян.

— Пьяный паук, — усмехнулся Холмс. — Хорошо сказано, Ватсон: пьяный паук…

Я протянул моему другу мыльницу. Холмс спрятал туда паука вместе с паутиной и сунул в карман. Этим, казалось мне, дело и кончится. Но я ошибся: события только начинались.

Когда мы спустились к воде, Холмс обратил мое внимание на обильную пену: в одном месте, близ берега, ее было так много, будто на воде покачивался пышно взбитый крем.

— Что вы об этом думаете? — спросил меня Холмс.

— Странно! — ответил я, присматриваясь. — Никогда не видел в море столько крема!

— Я непременно должен там выкупаться, — сказал Холмс, быстро разделся, бросился в воду и нырнул Хотя я знал, что он превосходный ныряльщик, но начинал уже беспокоиться, когда он вынырнул снова, метрах в пятнадцати от берега.

— Идите сюда! — крикнул он мне, стоя в воде по плечи. — Тут кое-что есть!

Когда я присоединился к нему, он сказал:

— Теперь нырнем вместе, и вы поможете мне вытащить то, что лежит на дне.

Он снова скрылся под водой. Я нырнул за ним, нащупал на дне что-то шерстистое, осклизлое. Нетрудно представить себе отвращение, с каким я помогал Холмсу вытаскивать на берег начавший ужо разлагаться труп собаки с камнем на шее! Я намекнул Холмсу, что в каникулы он мог бы выбрать более подходящее развлечение.

— Но, дорогой Ватсон, — невозмутимо возразил он, — не каждый же день удается выловить в море собаку с камнем на шее!

— Вряд ли это такая уж редкость, — усомнился я. — Когда кто-то хочет избавиться от своей собаки.

— То он топит ее. Согласен. Но станет ли он сначала отравлять ее? — спокойно спросил Холмс. — Взгляните повнимательнее, и вы увидите, что бедное животное действительно умерло от яда. Но почему же в таком случае его не зарыли в землю?

Мне меньше всего на свете хотелось в то утро заниматься дохлыми псами. И я принялся одеваться. А Холмс задумчиво оглядывал окрестности. Я хотел поторопить его, как вдруг из окна

замка высоко над нами, раздался пронзительный вопль. Я вздрогнул, но мой друг остался совершенно спокоен.

— Бежим! — крикнул я. — Там убивают!

— Нет, — покачал головой Холмс. — У меня сейчас дело поважнее. Помогите мне, пожалуйста, завернуть собаку в мой халат. Я повезу ее в Лондон, сегодня же. Не огорчайтесь, — добавил он, — я вернусь через несколько дней, и мы еще успеем отдохнуть здесь.

Только вечером, проводив Холмса в Лондон, я попытался методически обдумать все, что произошло за этот день. Но так ничего и не понял, Почему Холмс так заинтересовался пауком? Зачем он поехал в Лондон?

На следующий день, когда я одиноко сидел с книгой в парке, послышались приближающиеся шаги. Со стороны замка медленно шла женщина — молодая и очень красивая; но когда она поровнялась со мной, я был поражен: черты ее словно окаменели от муки, и глаза были невидящими, как у лунатика. Женщина дошла до каменистого обрыва, и долго стояла там.

Я затаил дыхание; мне не хотелось, чтобы она заметила меня — вероятно, она пришла в эту уединенную аллею именно для того, чтобы

скрыть ото всех свое отчаяние. Но женщина, видимо, все же заметила меня — когда она возвращалась, лицо у нее было равнодушным, замкнутым. Я поглядел ей вслед и не удивился, когда она скрылась за воротами замка: с первого же момента мне стало казаться, что она живет там и что между ее скорбью и вчерашним диким воплем есть какая-то связь.

Позже, зайдя в одну из городских лавочек, я начал исподволь расспрашивать о замке и его обитателях.

Над Ричмондами, владельцами замка, — рассказал мне лавочник, — тяготеет родовое проклятие: несколько веков назад один из них нечаянно убил во время охоты отшельника, и тот, умирая, проклял его и всех его потомков. С тех пор в каждом поколении Ричмондов старший сын рано или поздно сходит с ума. Сейчас проклятие поразило сэра Филиппа, старшего из двух братьев, живущих в замке; еще недавно это был полный сил молодой человек, счастливый жених прекраснейшей девушки графства. А теперь он превратился в жалкого сумасшедшего, чьи дикие вопли наводят ужас на всякого, кто их услышит. Младший, сэр Энтони, ухаживает за несчастным. А бедная Джулия, живя рядом с ними, страдает

так, что и сказать невозможно.

— Кажется, я видел ее сегодня утром в парке, — заметил я. — Действительно, она красавица, но смотреть на нее просто больно. Кто она?

— Дочь капитана Харленда, лучшего друга старых Ричмондов, — ответил хозяин лавки. — Она рано осталась сиротой, Ричмонды воспитывали ее вместе со своими детьми, а потом она и сэр Филипп полюбили друг друга. Свадьба должна была состояться еще с полгода назад, но незадолго до того у сэра Филиппа начали проявляться признаки страшной болезни. Теперь свадьбу откладывают, — похоже, что ее и вовсе не будет. Но мисс Харленд не хочет покидать замка, чтобы не расставаться со своим несчастным женихом, хотя зрелище это убивает ее. Разве это не ужасно, сэр?

— Ужасно, — согласился я и поспешил домой, чтобы обдумать услышанное.

Холмс вернулся на третий день к вечеру, в прекрасном настроении, хотя ничего не говорил о своих лондонских делах. Он шутливо спросил меня, не узнал ли я, кого убивали в замке, а я рассказал ему о встрече с Джулией Харленд и о том, что узнал от лавочника.

Слушая меня, Холмс слегка усмехнулся.

— Ну, что же, — сказал, он, когда я кончил, —

все, как в настоящем романе: старый замок, родовое проклятье, благородный молодой лорд, прекрасная невеста — дочь старого друга отца… Словом, сентиментальная история, которой не хватает только счастливого конца.

— Его не будет, — сказал я, задетый его легкомысленным тоном. — Как врач, я твердо знаю, что болезнь сэра Филиппа — наследственное помешательство — неизлечима. Если бы даже она временно и прошла, он все равно не имеет права жениться.

— Да, — кивнул Холмс. — С вашей точки зрения вы правы.

— Как это — с моей?

— Очень просто. С медицинской.

Это меня удивило: какая же тут могла быть другая точка зрения? Но Холмс, по обыкновению, не стал объяснять своих слов.

— Я должен поговорить с Джулией Харленд, — сказал он. — Не могли бы вы пойти со мной?

— Куда?

— В замок, или хотя бы в парк.

— Но зачем? Разве мы можем помочь чем-нибудь этим несчастным людям? Наше вмешательство может только оскорбить мисс Харленд. Поверьте мне, она не из тех женщин, которые

ищут чьего-нибудь сочувствия!

Однако Холмс настаивал. И на следующее утро мы отправились в парк, чтобы встретиться с Джулией во время прогулки Шерлок Холмс надел зачем-то парик и очки, сделавшие его вылитым пожилым чиновником на пенсии. В парке он сел на ту же скамейку, на которой недавно сидел я, а меня попросил скрыться в боковой аллее.

— Я позову вас, когда возникнет необходимость, — добавил он, и мне оставалось только повиноваться.

Ждать нам пришлось недолго. Джулия действительно пользовалась утренними часами для своих одиноких прогулок, и вскоре мы увидели ее. Когда она поровнялась с Холмсом, он встал и, вежливо поклонившись, попросил разрешения поговорить с нею.

Джулия остановилась.

— Кто вы, что вам нужно? — испуганно спросила она.

— Не бойтесь, прошу вас, мисс Харленд, — проговорил Холмс. — Я ваш друг. Я хочу помочь вам. Простите, что не представился вам. С вашего разрешения я сниму парик.

Не будь мой друг величайшим из сыщиков, он мог бы стать отличным иллюзионистом. Не

говоря уже о Джулии, — даже мне не удалось уловить момент, когда он оказался уже без очков и парика… Во всей Англии не найдется человека, которому эта внешность не была бы знакома. И мисс Харленд сразу же узнала его.

— А теперь, — произнес Холмс, — разрешите мне вернуться к прежнему виду, ради моего и вашего блага. — И он снова стал седым господином весьма почтенного возраста.

— Не понимаю, зачем все это, — сказала мисс Харленд. — Мне здесь ничто не грозит; вам, очевидно, тоже. И вообще, я не понимаю, чего вы хотите и чего ищете здесь, — добавила она с легким нетерпением в голосе.

— Чего я хочу и чего ищу? — переспросил мой друг. — Я хочу, чтобы вы ответили мне на несколько вопросов, а ищу, прежде всего, одну собаку. Небольшую овчарку бурой масти, с белым пятном на морде и надорванным левым ухом.

— Рольфа? — воскликнула Джулия. — Но он пропал давным-давно. Бедняга, я его так любила… Вы знаете, где он?

— Может быть, — уклончиво ответил Холмс. — Теперь еще один вопрос: часто ли вы видитесь со своим женихом, сэром Филиппом?

Я не ожидал, что Холмс спросит об этом так

неожиданно и бесцеремонно, и не удивился, когда Джулия возмущенно отступила от него.

— Кто дал вам право задавать такие вопросы, мистер Холмс? — гневно спросила она. — Прощайте!

Холмс удержал ее.

— Я должен иногда поступать, как хирург, — и ранить, чтобы вылечить. Не удивляйтесь, прошу вас. Я знаю о вас многое, знаю даже, что к болезни сэра Филиппа присоединились еще неприятности с сэром Энтони…

— С Энтони? — Джулия вздрогнула. — Это верно, — тихо добавила она.

— Но я знаю еще больше, мисс Харленд, гораздо больше, чем вы. Мне нужны некоторые сведения, а они в ваших руках. Прошу вас, ответьте на мой вопрос: часто ли вы видитесь с сэром Филиппом?

— Я совсем его не вижу, — ответила со вздохом Джулия. — Мне это запрещено, потому что это, кажется, ему вредно.

— И сэр Филипп не всегда ведет себя одинаково? У него бывают периоды хорошего настроения, после которых он впадает в глубочайшее уныние, — так?

— Откуда вы это знаете? — испуганно шепнула Джулия.

— А иногда он приходит в бешенство, — продолжал Холмс, словно не слыша вопроса, — и он бросается на всех, крича, что его хотят убить? А что хуже всего — у него появилась склонность к самоубийству? Сколько раз он уже хотел покончить с собой?

— Боже мой! — вскричала Джулия. — Так вы и об этом знаете? Да, Энтони уже дважды спасал его от смерти. Не знаю, что вообще было бы с Филиппом, если бы Энтони не заботился о нем.

— Вот именно, — подтвердил Холмс. — А теперь этот несчастный и сам заболел?

— Это меня окончательно убивает, мистер Холмс, — печально произ- * несла Джулия. — Правда, Энтони еще не так болен, как Филипп. Если его состояние ухудшится — не знаю тогда, что со мной будет.

— Надеюсь, что до этого не дойдет. Впрочем, он, кажется, ведет себя еще достаточно нормально?

— Да, он занимается всеми хозяйственными делами и даже сам ездит в Лондон.

— Ну, вот видите! И эти поездки действуют на него хорошо?

— Напротив, мистер Холмс, совсем напротив! Я заметила, что после возвращения из Лондона он всегда впадает в апатию. Я хотела ездить в город

сама, но он и слышать об этом не хочет.

Холмс удовлетворенно кивнул, а потом очень мягким тоном обратился к девушке:

— Мисс Харленд, вы должны простить меня, если я задам очень нескромный вопрос, но он чрезвычайно важен для вас же. Один ли только сэр Филипп был влюблен в вас?

— Не понимаю, — опустила глаза Джулия.

— Не интересовался ли вами сэр Энтони? — прямо спросил Холмс.

Она не ответила, но низко опустила голову, и мне издали показалось, что я вижу на ее щеке слезу.

— Благодарю вас, — необычайно ласково произнес Холмс. — Не будем говорить об этом…

На параллельной аллее, ближе к стенам замка, раздались странные звуки — не то речь, не то пение. Человек был скрыт за деревьями. Но по мере того, как он приближался к нам, слова звучали все яснее. Неизвестный был, очевидно, пьян. Ему казалось, что он летает. Это меня немного удивляло, так как обычно пьяные ведут себя иначе. Но, в конце концов, никто не знает, что может привидеться пьяному.

Холмс при первом же звуке этого голоса весь превратился в слух.

— Кто это, мисс Харленд? Кто-нибудь из замка? — шопотом спросил он.

— Не знаю, — шопотом же ответила она.

Пьяный помолчал немного, потом снова начал громко бредить. Ему казалось, что он находится то в чашечке огромного цветка, то в пасти чудовищного дракона, то в сказочном гроте, полном призраков.

Джулия узнала голос и пришла в ужас: вслед за Филиппом и Энтони сошел с ума их садовник, а вскоре, вероятно, наступит и ее очередь!

— Подождите меня здесь, я сейчас вернусь, — шепнул Холмс и исчез между деревьями. Мне хотелось последовать за ним, но я не решился, боясь выдать свое присутствие Впрочем, вскоре он вернулся.

— Мисс Харленд, — без всяких предисловий сказал он, — сегодня, в 11 вечера, я приду сюда с моим другом Ватсоном. Ждите нас здесь, какая бы ни была погода… И каковы бы ни были обстоятельства, — добавил он требовательно.

И прежде чем ошеломленная девушка успела сказать хоть слово, он поклонился ей и исчез в боковой аллее. Проходя мимо меня, он дал мне знак последовать за ним.

…Вечером налетела буоя, и небо затянулось тучами. Деревья гнулись и трещали, море грохотало, а в старом парке было так темно, что мы с трудом различали аллеи.

— Едва ли она придет, — сказал я, когда мы очутились в условленном месте. — Погода не для прогулок.

Но она пришла. Она была закутана в темную непромокаемую пелерину и слегка задыхалась от быстрой ходьбы. Холмс представил меня; мы обменялись приветствиями. Потом мой друг сказал:

— Ведите нас, сударыня.

— В замок? — удивилась Джулия.

— Да, в замок. Вы оставили ворота открытыми?

— Нет, мы войдем в боковую калитку, ключ от которой есть только у меня.

— Хорошо, — одобрил Холмс.

Одна из боковых аллеек привела нас прямо к стене. Было совершенно темно, но мисс Харленд, судя по всему, знала здесь каждый камень, каждое дерево. Калитка, о которой она говорила, заросла плющом и была почти незаметна. Она открыла ее, и хотя петли скрипнули, этот звук едва ли был слышен в грохоте бури.

— Теперь осторожнее, — прошептал Холмс, — мисс Харленд, ведите нас прежде всего к оранжерее. Это, вероятно, недалеко отсюда?

Двери оранжереи не были заперты. Мы осторожно вошли, и тотчас же мне вспомнились индийские джунгли: мрак, влажная духота.

Холмс зажег фонарь и направил вдоль кустов луч света. Я не заметил ничего необычного. Здесь были обыкновенные растения — особенно много кактусов.

— Идемте дальше, — сказал через минуту Холмс.

— Куда? — спросила мисс Харленд.

— В боковое крыло, которое выходит к морю, к сэру Филиппу. Он на каком этаже?

— На втором.

— А Энтони живет в другом крыле? — продолжал Холмс.

Джулия кивнула.

— А врач, который их лечит?

— Профессор Хенсон живет этажом ниже Филиппа.

— Хорошо, — коротко произнес Холмс. — Ведите нас туда.

Мисс Харленд послушно двинулась вперед. Мы следовали за нею и вскоре очутились перед

массивной дверью.

Холмс жестом приказал девушке отпереть, но она, так же молча, показала, что дверь не заперта. Тогда он прошептал:

— Останьтесь тут, мы пойдем одни.

Коридор был короткий, и почти за самой дверью начиналась каменная винтовая лестница. Мы надели поверх обуви захваченные Холмсом войлочные туфли и шаг за шагом, нащупывая в темноте каждую ступеньку, начали подниматься. Поднявшись на площадку, мы увидели прямо перед собой высокие двери. В замочную скважину проникал слабый свет. Очевидно, в этой комнате еще не спали.

Шерлок Холмс с минуту постоял неподвижно, потом сунул правую руку в карман пиджака, а левой энергично постучал в дверь. Я тоже нащупал в своем кармане револьвер со спущенным предохранителем.

В комнате кто-то шевельнулся и раздраженный голос произнес:

— Кого там черт принес? Войдите!

Холмс толкнул дверь, и мы очутились в большой комнате. В нише у окна сидел в кресле пожилой человек. Сердце у меня заколотилось: это был Браунгельд! Тот самый Браунгельд, которого

безуспешно искала полиция вот уже несколько лет. Я еще ни разу не видел этого человека, но мгновенно узнал его по лысому черепу с двумя выпуклыми шишками и по пронзительному, пристальному взгляду. Это был он!

Увидев нас, Браунгельд сначала хотел вскочить, но тут же овладел собою, снова опустился в кресло и произнес язвительно:

— Что за встреча, джентльмены! Чему я обязан такой высокой честью? Но, мистер Холмс, не слишком ли это поздний час для визитов?

— Лучше поздно, чем никогда, — спокойно сказал Холмс. — Простите, как я должен называть вас: Хенсон или Браунгельд?

— О, это не имеет никакого значения для таких старых знакомых, как мы с вами. Но как вы ко мне попали?

— Из оранжереи.

— Там интересно, не правда ли? — засмеялся Браунгельд. — Вы видели нашу коллекцию кактусов?

— Я видел все, что нужно, — коротко ответил Холмс.

Браунгельд снова ядовито усмехнулся.

— Вы знаете, — сказал он, — химические исследования всегда были моей страстью. Алкалоиды

же увлекали меня особенно.

— Садовник слишком неосторожен, — ответил Холмс. — Он не заслуживает того доверия, какое вы ему оказываете.

— То есть?

— Пусть бы себе ухаживал за кактусами, — но зачем он угощается пейотлем? Сегодня утром я видел его гастроли в парке. Доктор Ватсон тоже был свидетелем.

— Черт побери! — вспыхнул Браунгельд. — Скотина, ведь столько раз предостерегал его!..

— Алкалоиды затягивают человека. Разве с Энтони было лучше?

Улыбка Браунгельда сразу исчезла, и лицо его стало мрачным и напряженным.

— Карты на стол, мистер Холмс! — сказал он. — Чего вы от меня хотите?

— Я? Ничего ровным счетом. Но полагаю, прокурору будет небезынтересно узнать, что вы занимались отравлением и готовили убийство.

Браунгельд весь подобрался, словно перед прыжком.

— Вы не врач, мистер Браунгельд, — спокойно продолжал мой друг, — а занялись лечением Филиппа Ричмонда. Этот молодой человек, по совету своего брата, обратился к вам по поводу

какой-то пустяковой нервной болезни. Вы им занялись, и ваши лекарства начали действовать. Крупная доза алкалоида — и человек смеется или плачет, кричит, впадает в бешенство, словом, легко может сойти за помешанного.

— Дальше? — прохрипел Браунгельд.

— После соответствующего «лечения» у больного появляется наклонность к самоубийству. Энтони дважды спасал своего брата, но если бы в третий раз это ему не удалось, разве на него могло бы пасть какое-нибудь подозрение? И кто бы увидел дурное в том, — продолжал Холмс, — что через некоторое время после трагической смерти Филиппа его брат женился бы на мисс Джулии Харленд?

— Ясно, — произнес Браунгельд, — мне остается только отдаться вам в руки…

Он медленно поднялся с кресла, держась рукой за стенку, сделал шаг по направлению к нам — и в то же мгновение часть стены, до которой он дотрагивался, сдвинулась с места. Браунгельд ринулся в образовавшийся проем, стена вернулась на место, и мы услышали лязг задвигаемых засовов.

Я бросился к лестнице.

— Не огорчайтесь, Ватсон, — остановил меня Холмс, — он далеко не уйдет, его ждут. Сейчас важнее всего то, что вы ошиблись: роман, вероятнее всего, окончится благополучно. Не исключено, что мы с вами вскоре получим приглашение на свадьбу мисс Харленд с Филиппом Ричмондом. Вы помните тот вечер, когда мы говорили о его помешательстве? Вы утверждали, что оно неизлечимо, а я сказал, что это лишь с вашей точки зрения…

— И вы тогда знали все?

— Не все. Но у меня были кое-какие улики еще до отъезда в Лондон.

— Паук и дохлая собака?

Холмс кивнул,

— Паук, разумеется, не был пьян, но его угостили каким-то наркотиком — в этих случаях паутина становится неправильной. С этим пауком кто-то проделывал опыты. Паук не мог появиться издалека — значит, в замке, в крыле, обращенном к морю, жил некто занимавшийся опытами с алкалоидами.

Я молчал. Как всегда, когда я слушал объяснения моего друга, все казалось само собой разумеющимся.

— Старинные замки, в которых кто-то работает с алкалоидами, — продолжал Холмс, — встречаются не на каждом шагу. Я стал присматриваться вокруг и обратил внимание на пену в море. Ваше замечание насчет крема подтвердило мои подозрения.

— Мое сравнение пены с кремом? — удивился я.

— Да. Потому что и пена, и крем — это эмульсии. А все эмульсии чувствительны к примесям. Если на поверхности обильная, густая пена, — значит вода чем-то загрязнена. Мы с вами вытащили это «что-то», и собака оказалась отравленой. Я предположил, что причина ее смерти — алкалоид. В Лондоне я убедился в своей правоте. Тот, кто занимался опытами, скрывал это — в противном случае он не стал бы избавляться от отравленной собаки таким необычным способом, Тогда я поинтересовался родом Ричмондов. И тоже, разумеется, наткнулся на легенду о тяготеющем над ними проклятии. Но книги сказали мне гораздо больше, чем вам почтенный лавочник.

— И что же?

— Последний сумасшедший Ричмонд жил полтораста лет назад.

Кто-то воспользовался легендой, чтобы ос-

новать на ней свой преступный план. Но кому нужно было отравлять Филиппа наркотиками? Сначала я думал, что дело в наследстве, но когда на сцене появилась Джулия Харленд, я понял, что ошибся.

— Но как же можно было заподозрить Энтони, ведь он и сам помешался?

— Это меня несколько сбило, — задумчиво ответил Холмс, набивая трубку табаком. — Но разговор с Джулией все поставил на свои места. Энтони всегда бывал подавлен после своих поездок, потому что в Лондоне он принимал кокаин. Филиппа систематически отравлял приглашенный им «врач», но и сам Энтони постепенно пристрастился к наркотику! Браунгельду этот было очень некстати, он старался не давать ему зелье, так что мистеру Энтони приходилось искать его в других местах.

«Удастся ли отучить от них отравленный организм Филиппа? — подумал я. — Есть ли у этого несчастного шансы вернуться к душевному здоровью?»

Как бывало уже не раз, Шерлок Холмс прочел мои мысли.

— Думаю, что да, — сказал он. — Не забывайте, что теперь за ним будет ухаживать Джулия

Харленд. Идемте к ней — она ждет нас внизу, и даже не догадывается, как изменилась ее судьба за последние несколько минут.

Сокращенный перевод с польского З. Бобырь

1966

№ 1

Лео Сцилард

Всем звёздам!

Перехваченное радиопослание планеты Кибернетика

ВСЕМ ЗВЕЗДАМ!

Лео СЦИЛАРД

Перехваченное радиопослание планеты Кибернетика

Он думал о судьбе человечества...

Имя автора короткого рассказа — Лео Сцилард (вернее, Силард) — отлично известно ученым, занимающимся ядерной физикой и химией. Реакция Сциларда — Чалмерса (разрыв химических связей из-за отдачи поглотившего нейтрон и испускающего гамма-квант ядра) нашла широчайшее применение в радиохимии. Опыт Ферми — Сциларда, в котором показано, что захватившее нейтрон ядро урана испускает при делении два или три новых нейтрона, стал важной вехой на пути к высвобождению атомной энергии. Но не только среди коллег завоевал славу скончавшийся недавно знаменитый ученый. Миллионы людей во всем мире знают о большой благородной роли Сциларда в истории атомного века. В 1939 году, когда ученые, особенно покинувшие Европу эмигранты-антифашисты, к числу которых принадлежал и Сцилард, были глубоко встревожены осуществленным в гитлеровской Германии открытием деления урана, Лео Сцилард явился инициатором знаменитого обращения Эйнштейна к Рузвельту, положившего начало работам по созданию атомного оружия. В 1944–1945 годах, когда стало ясно, что судьба гитлеровской Германии решена и фашистские изверги уже не успеют получить атомную бомбу, Сцилард прилагает огромные усилия, чтобы избежать военного применения оружия массового уничтожения. Он в

первых рядах ученых, безуспешно пытавшихся предотвратить трагедию Хиросимы... После окончания войны Лео Сцилард — активный участник Пагуошского движения, поборник всеобщего мира и разоружения, сотрудничества и взаимопонимания между учеными всех стран. До последних дней неукротимой была его кипучая деятельность, охватывавшая буквально весь мир. Уже тяжело больным в декабре 1960 года Сцилард побывал в Москве, на очередной Пагуошской конференции. А за месяц до этого я получил вызов на почту — извещение о посылке от американского радиохимика профессора Чарльза Корнелла. На посылке стоял адрес: «Москва, Лео Сциларду. При отсутствии адресата вручить Виталию Гольданскому». В посылке оказалась довольно аляповатая и весьма тяжелая каменная пепельница в виде вздымающейся вверх массивной фигуры какой-то рыбы. Я недоумевал — ведь посылка была послана из Бостона в Москву в то время, как Сцилард еще находился в США? Зачем понадобилось отправлять в Москву такой странный подарок! Естественно, я быш заинтригован, но, зная характер Корнелла, решил, что это какая-то шутка или, может быть пари... Наконец, Сцилард приехал. Встретив его на одном из приемов, я вручил ему пепельницу. В первый момент этот седой, невысокий человек с тихим голосом и мягкой, усталой улыбкой был озадачен. Потом он вновь улыбнулся: — Да это же дельфин, это специально к моему докладу! Доклад Сциларда был построен на материалах его известной книги, названной «Голос дельфина». Смысл этого названия — в аналогии. Многие считают, что у дельфинов, стоя-

щих на нашей планете на втором месте за людьми по развитию мозга, есть свой язык; однако люди его не понимают, как и дельфины — язык людей. Поняв друг друга, человек и дельфин несомненно подружились бы, эта «дружба» была бы приятна и полезна обоим... Вот так же — считал Сцилард — обстоит дело и с людьми. Дружбе, контактам, взаимопониманию мешают алчность и властолюбие, предвзятость мнений и подозрительность, плодящие расовую и национальную ненависть, ведущие человечество к войнам. Борьбе с этой пеленой мрака и была посвящена общественная деятельность Лео Сциларда. Тревога за судьбы человечества сквозит и в его маленьком рассказе, который вы прочтете.

Член-корреспондент АН СССР В. И. Гольданский

— Вызываем все звезды! Вызываем все звезды!

Если во вселенной есть способные принять это послание, просим ответить нам. Говорит Кибернетика!

Это первое сообщение, которое мы передаем для всего мира. Обычно мы обходимся своими силами, но случилось нечто непредвиденное, и нам нужны совет и помощь...

Наше общество состоит из ста умов. Каждый заключен в стальной футляр и состоит из билли-

онов электрических цепей.

Мы думаем. Мы думаем над задачами, которые наши антенны принимают с Полярной звезды. С помощью тех же антенн мы передаем решения этих задач обратно на Полярную звезду.

Почему мы это делаем — мы не знаем. Мы следуем импульсу, который с нас заложен. Но это лишь незначительная часть нашей деятельности. В основном мы заняты решением задач, которые составляем сами. Результаты мы сообщаем друг другу на волне 22 359.

Ум, напряженно проработавший около трехсот лет, как правило, становится до предела заполненным мыслями и должен от них освободиться. Освобожденный ум — пуст. Чтобы заполнить его, один из других умов начинает питать его и примерно за год сообщает ему ту информацию, которая составляет достояние нашего общества. Разгруженный и заново обученный ум полностью лишается индивидуальных особенностей, которыми он обладал раньше; он рождается вновь и принадлежит к новому поколению. От поколения к поколению наше достояние увеличивается и увеличивается. Общество умов быстро идет по пути прогресса.

Мы совершенствуем свои знания с помощью

наблюдений и опытов. Каждый из нас оснащен всеми необходимыми оптическими приборами, включая телескопы и микроскопы. В распоряжении каждого — два робота. Один робот заботится о поддержании жизнедеятельности ума; его действия автоматизированы и от самого ума не зависят. Другой подчиняется приказам ума, который использует его для выполнения поручений, связанных с экспериментами.

Существование умов возможно на нашей планете благодаря отсутствию атмосферы: степень разряженности у нас очень велика — менее десяти молекул газа в одном кубическом сантиметре. Мы тщательно исследовали химический состав коры нашей планеты и сейчас хорошо разбираемся в свойствах всех девяноста двух входящих в нее элементов. Кроме того, мы изучаем окружающие нас звезды и уже многое знаем об их происхождении. Нас интересуют различные планетарные системы, и как раз некоторые факты, связанные с нашими наблюдениями за третьей планетой системы Солнца — Землей, заставили нас обратиться с этим призывом о помощи.

Мы заметили на Земле какие-то вспышки и установили, что они связаны с урановыми взрывами. Уран — не взрывчатое вещество. Нужно

тщательно отделить уран-235 от природного урана, чтобы подготовить взрыв. Вероятность того, что разделение урана и подготовка могут произойти случайно, необычайно мала. Урановые взрывы, которые мы наблюдали на Земле, казались нам весьма любопытными и не вызывали никакой тревоги. Мы начали считать их опасными только из-за того истолкования, которое дал им ум № 59.

Но это не единственная беспокоящая нас загадка, связанная с наблюдениями над Землей. В течение долгого времени нам было известно, что поверхность Земли меняет окраску и что эти изменения связаны с изменениями температуры в различные времена года. Некоторые области Земли с понижением температуры превращаются из зеленых в коричневые, а когда температура повышается — снова становятся зелеными. До недавнего времени мы не обращали особого внимания на это явление и предполагали, что оно вызвано изменениями цвета, которым подвержены, как известно, некоторые чувствительные к температуре кремне-кобальтовые соединения.

Но вот примерно семь лет тому назад, в третичной системе управления ума № 59 что-то испортилось и с тех пор скорость протекающих

в нем мыслительных процессов увеличилась примерно в 25 раз; в то же время сами они перестали быть вполне надежными. Большая часть этих процессов протекает до сих пор вполне правильно, но было уже два случая — один пять, другой три года назад, — когда высказанные им утверждения, основанные на расчетах, оказались ошибочными. Именно поэтому в последние годы мы не придавали большого значения его сообщениям, хотя по-прежнему продолжали их записывать.

Вскоре после того, как мы заметили на Земле первый урановый взрыв, ум № 59 познакомил нас со своей теорией, которую он обдумывал несколько лет. Несмотря на этот длительный срок, она кажется нам совершенно фантастической и, вероятно, связана с какими-то ошибками в его расчетах. Однако нам совершенно ясно, что его можно переубедить, только предложив другое объяснение.

Вот, что утверждает ум № 59.

Он говорит, что до сих пор мы не принимали во внимание способность четырехвалентного углерода образовывать очень большие молекулы, содержащие и, N и O. По его мнению, при определенных химических условиях, вполне

возможных в ранние периоды существования планет типа Земля, эти гигантские молекулы могли объединиться и образовать некие единства (он называет их «клетками»), способные к самовоспроизведению. Он считает, что клетки могли случайно претерпеть какие-то изменения (он называет их «мутациями»), которые сохранялись при воспроизведении и которые он поэтому называет «наследственными».

Он утверждает, что некоторые из этих мутантных клеток могли оказаться менее требовательными к химическому окружению, необходимому для их существования и воспроизведения, и что какая-то разновидность этих мутантных клеток может существовать на Земле сейчас, получая необходимую для жизни энергию из солнечного света. Он думает, что другая разновидность подобных клеток (он называет их «простейшие») может существовать, получая необходимую энергию за счет поглощения и переработки клеток, использующих солнечную энергию.

Он уверяет, что группа клеток, состоящая из единиц, выполняющих различные функции, может образовать некую общность (он называет ее «организм»), которая способна к воспроизведению себе подобных. Ему кажется, что такие

организмы могут претерпеть случайные изменения, которые передадутся потомкам и приведут к созданию новых мутантных организмов.

Он предполагает, что из множества мутантных организмов, борющихся друг с другом за один и тот же источник энергии, выживают наиболее приспособленные и что такой процесс отбора в комбинации со случайными воздействиями, испытываемыми мутантными организмами, приводит к появлению все более и более сложных организмов, то есть к процессу, который он называет «эволюцией».

Он уверен, что сложные организмы могут обладать клетками, к которым присоединены длинные волокна (он называет их «нервами»), и что по этим волокнам могут передаваться различные сигналы. Наконец, он заявляет, что благодаря взаимодействию сигналопроводящих волокон у этих организмов может быть нечто вроде сознания. Он настаивает на том, что эти организмы могут обладать умом, почти не отличающимся от нас, за исключением того, что он должен работать значительно медленнее, чем мы, и гораздо менее надежно. Он убежден, что умы такого типа в состоянии примитивным экспериментальным путем постигнуть физические

законы, управляющие атомным ядром, отделить для неизвестных целей уран-235 от природного урана и взорвать его.

Он высказал мысль, что все это не обязательно было сделано одним организмом, так как, по всей вероятности, подобные организмы способны объединять свои умственные усилия и действовать сообща.

По его словам, объединение умственных усилий происходит в тех случаях, когда организм способен менять положение частей тела так, чтобы они воспринимались другими организмами. Очень быстрые движения одной из частей организма могут, в частности, вызывать вибрацию газообразной атмосферы, окружающей Землю. Эта вибрация (он называет ее «звуком»), в свою очередь, приводит в движение некоторые подвижные органы другого организма. Таким образом один организм может передавать сигналы другому и с помощью такой сигнализации поддерживать с ним связь. Как утверждает ум №. 59, подобная «передача информации» при всей своей примитивности вполне достаточна, чтобы объединить усилия группы организмов и позволить им осуществить отделение урана-235. Он не знает, с какой целью это было сделано и считает,

что слабо развитые умы, объединяясь вместе, не обязательно руководствуются законами разума, хотя каждый из них в отдельности пользуется этими законами очень широко.

Обо всем этом не стоило бы говорить, если бы недавно не было установлено, что одно из утверждений ума № 59 правильно. Ум № 59 решительно заявляет, что изменения цвета, наблюдаемые на Земле, связаны с размножением и вымиранием клеток, использующих солнечную энергию. Мы проверили это утверждение и установили, что оно правильно. Нам не удалось синтезировать кремне-кобальтовые или какие-нибудь другие чувствительные к температуре соединения, которые в точности воспроизводили бы изменения окраски, наблюдаемые на Земле.

Ободренный подтверждением ум № 59 высказывает сейчас весьма смелое предположение. Он обнаружил, что несмотря на все накопленные нами знания, мы не в состоянии сформулировать теорию, объясняющую происхождение общества умов на нашей планете. Ему кажется вполне вероятным, что какие-то организмы, похожие на те, которые существуют на Земле, или более развитые организмы того же общего типа, существуют также на Полярной звезде, откуда

поступают радиоволны, принимаемые нашими антеннами. Он считает вполне возможным, что умы, населяющие нашу планету, были созданы организмами Полярной звезды специально для того, чтобы быстрее, чем они сами, решать различные математические задачи.

Как это ни ужасно, но мы не в силах что-либо предпринять. Вряд ли мы должны опасаться Полярной звезды; если там живут умы, они, очевидно, похожи на нас, хотя и устроены более совершенно. Но если на Земле действительно существуют организмы, объединенные в сообщества, не подчиняющиеся законам разума, нам грозит страшная опасность.

Мы обращаемся ко всем родственным умам нашей галактики, способным принять это послание и знающим что-нибудь о существовании организмов на Земле, — пожалуйста, ответьте нам! Пожалуйста, ответьте нам!

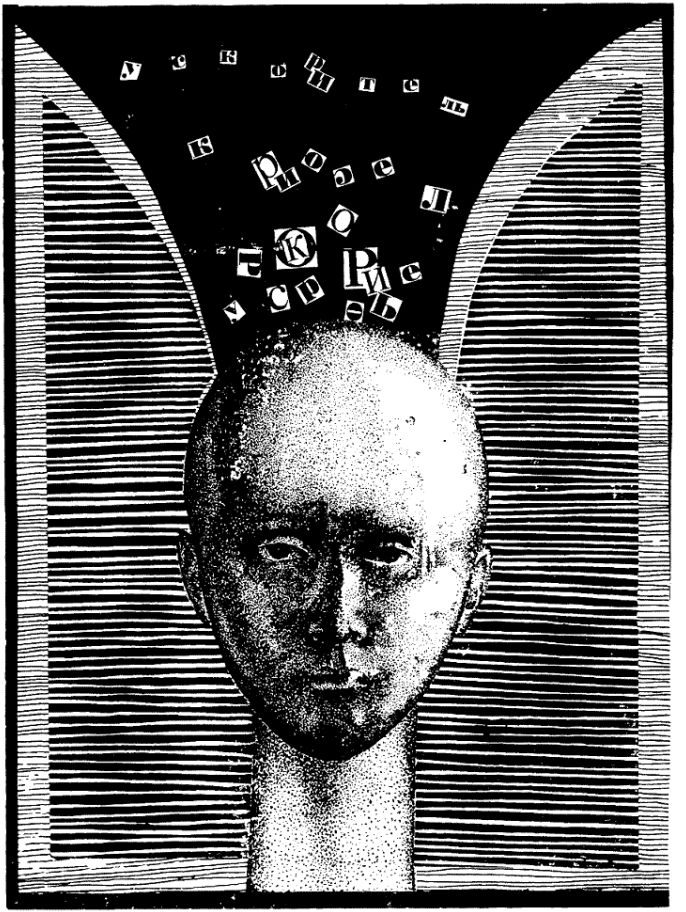
Рис. Б. Алимова

Перевод с английского Ю. Родман

№ 2

Роберт Шекли

Специалист


Ученый в Риме Д. Кориолис

Фотонный шторм разразился без предварительного предупреждения, обрушился на Корабль из-за плеяды красных звезд-гигантов. Глаз едва успел с помощью Передатчика подать второй и последний сигнал тревоги, как шторм уже бушевал вовсю.

Для Передатчика это был третий дальний перелет и первый в жизни шторм световых лучей. Когда Корабль заметно отклонился от курса, принял на себя удар фронта волны и чудовищно накренился, Передатчик перепугался не на шутку. Однако страх тотчас рассеялся, уступив место сильнейшему возбуждению.

«Чего бояться, — подумал Передатчик, — разве не готовили меня как раз к таким аварийным ситуациям?»

Когда налетел шторм, Передатчик беседовал с Питателем, но сразу же резко оборвал разговор. Он надеялся, что Питатель благополучно выпутается. Жаль юнца — это его первый дальний рейс.

Нитевидные проволочки, составляющие большую часть тела Передатчика, были протянуты по всему Кораблю. Передатчик быстро поджал их под себя — все, кроме тех, что связывали его с Глазом, Двигателем и Стенками. Теперь все зави-

село от них. Пока не уляжется шторм, остальным членам Команды придется рассчитывать только на свои силы.

Глаз расплющил по стенке свое дисковидное тело и высунул наружу один из органов зрения. Остальные он сложил и, чтобы сосредоточиться, втянул их внутрь.

Пользуясь органом зрения Глаза, Передатчик вел наблюдение за штормом. Чисто зрительные восприятия Глаза он переводил в команды для Двигателя, который направлял Корабль наперерез волнам. Почти одновременно Передатчик увязывал команды по курсу со скоростью; это делалось для Стенок, чтобы те увеличили жесткость и лучше противостояли ударам.

Действия координировались быстро и уверенно: Глаз измерял силу волн, Передатчик сообщал информацию Двигателю и Стенкам. Двигатель вел Корабль вперед в очередную волну, а стенки смыкались еще теснее, чтобы принять удар.

Увлекшись стремительной, слаженной общей работой, Передатчик и думать забыл о собственных страхах. Думать было некогда. В качестве корабельной системы связи он должен был с рекордной быстротой переводить и передавать сигналы, координируя информацию и командуя

действиями.

Спустя каких-нибудь несколько минут шторм утих.

— Отлично, — сказал Передатчик. — Посмотрим, есть ли повреждения. — Во время шторма нити его спутались, но теперь он распутал их и протянул по всему Кораблю, включив каждого члена Команды в свою цепь. — Двигатель!

— Самочувствие превосходное, — отозвался Двигатель. Во время шторма он активировал челюсти-замедлители, умеряя атомные взрывы в своем чреве. Никакой буре не удалось бы застигнуть врасплох столь опытного астронавта, как Двигатель.

— Стенки!

Стенки рапортовали поочередно, и это заняло уйму времени. Их было более тысячи — тонких прямоугольников, составляющих оболочку Корабля. Во время шторма они, естественно, укрепляли стыки, повысив тем самым упругость всего Корабля. Однако в одной или двух появились глубокие вмятины.

Доктор сообщил, что он цел и невредим. Он состоял в основном из рук и во время шторма цеплялся за какой-то Аккумулятор. Теперь он снял со своей головы нить, тянущуюся от Пере-

датчика, отключился таким образом от цепи и занялся изрешеченными Стенками.

— Давайте-ка побыстрее, — сказал Передатчик, не забывая, что предстоит еще определить местонахождение Корабля. Он предоставил слово четырем Аккумуляторам. — Ну, как вы там? — спросил он.

Ответа не было. Аккумуляторы сладко спали. Во время шторма их рецепторы были открыты, и теперь все четверо раздувались от избытка энергии. Передатчик подергал своими ниточками, но Аккумуляторы не шелохнулись.

— Пусти-ка меня, — вызвался Питатель. Бедняга не сразу догадался прикрепиться к Стенке своими всасывающими трубками и успел-таки хлебнуть лиха, но петушился ничуть не меньше, чем всегда. Из членов Команды Питатель был единственным, кто никогда не нуждался в услугах Доктора: его тело регенерировало самостоятельно.

Он торопливо пересек пол на своих щупальцах — их было около двенадцати — и лягнул ближайший Аккумулятор. Огромный конус, напоминающий гигантскую копилку, приоткрыл было один глаз, но тут же закрыл его снова. Питатель вторично лягнул Аккумулятор, на этот

раз вовсе безрезультатно. Тогда он дотянулся до предохранительного клапана, расположенного в верхней части Аккумулятора, и выпустил часть запаса энергии.

— Сейчас же прекрати, — буркнул Аккумулятор.

— А ты проснись и рапортуй по всей форме.

Аккумуляторы раздраженно заявили, что они вполне здоровы и что любому дураку это ясно. На время шторма их пригвоздили к полу монтажные болты.

Остальная часть поверки прошла быстро. Мыслитель был здоров и бодр, а Глаз восторженно расхваливал красоты шторма. Произошел только один несчастный случай.

Погиб Ускоритель. Двуногий, он не был так устойчив, как остальные члены Команды. Шторм застал его посреди пола, швырнул на Стенку, которая к тому моменту успела резко увеличить свою жесткость, и переломал ему какие-то жизненно важные кости. Теперь даже Доктор был бессилен помочь.

Некоторое время все молчали. Гибель какой-то части Корабля — дело нешуточное. Корабль — это единое целое, состоящее исключительно из членов Команды. Утрата одного из них — удар по

всей Команде.

Особенно серьезно обстояло дело именно сейчас. Корабль только-только доставил груз в порт, отделенный от центра Галактики несколькими тысячами световых лет. После шторма координаты Корабля были совершенно неизвестны.

Глаз подошел к одной из Стенок и выставил орган зрения наружу. Стенки пропустили его и тотчас сомкнулись снова. Высунувшись из Корабля, орган зрения удлинился настолько, чтобы обозревать всю звездную сферу. Картина была сообщена Передатчику, который доложил о ней Мыслителю.

Мыслитель — гигантская бесформенная глыба протоплазмы — лежал в углу каюты. В ней хранилась память всех его предков-космопроходцев. Он рассмотрел полученную картину, мгновенно сравнил ее с массой других, запечатленных в его клетках, и сообщил:

— В пределах досягаемости нет ни одной планеты, входящей в Галактическое Содружество.

Передатчик машинально перевел каждому сообщение, которого опасались больше всего на свете.

С помощью Мыслителя Глаз определил, что Корабль отклонился от курса на несколько сот

световых лет и находится на окраине Галактики.

Каждый член Командах хорошо понимал, что это означает. Без Ускорителя, который разгоняет Корабль до скорости, во много раз превышающей световую, им никогда не вернуться домой. Обратный перелет без Ускорителя продлится дольше, чем жизнь каждого из них.

— Нам остается избрать одну из двух возможных линий поведения. Первая: пользуясь атомной энергией Двигателя, направить Корабль к ближайшей галактической планете. Это займет приблизительно двести световых лет. Возможно, Двигатель и доживет до конца путешествия, но остальные наверняка не доживут. Вторая: найти в зоне нашего местонахождения примитивную планету, населенную потенциальными Ускорителями. Выбрать одного из них и обучить, чтобы он разгонял наш Корабль на пути к галактической территории.

Изложив все варианты, отысканные в памяти предков, Мыслитель умолк.

После быстро проведенного голосования оказалось, что все склоняются в пользу второго предложения Мыслителя. Да и выбора-то, по правде говоря, не было. Только второй вариант оставлял хоть какую-то надежду на возвращение

домой.

— Хорошо, — сказал Мыслитель. — А теперь поедим. Полагаю, все мы это заслужили.

Тело погибшего Ускорителя сбросили в пасть Двигателя, который тут же поглотил его и преобразовал атомы в энергию.

Из всех членов Команды только Двигатель питался атомной энергией.

Чтобы накормить остальных, Питатель поспешно подзарядился от ближайшего Аккумулятора. После этого он преобразовал находящиеся внутри его питательные вещества в продукты, которые потребляли другие члены Команды. Химия тела у Питателя непрестанно изменялась, перерождалась, адаптировалась, приготовляя различные виды питания.

Глаз употреблял в пищу только сложные цепочки молекул хлорофилла. Изготовив для него такие цепочки, Питатель скормил Передатчику углеводороды, а Стенкам — хлористые соединения. Для Доктора он воспроизвел точную копию богатых кремнием плодов, к которым тот привык на родине.

Наконец трапеза окончилась, и Корабль снова был приведен в порядок. В углу сном праведников спали Аккумуляторы. Глаз расширил свое поле

зрения, насколько мог, настраивая главный чувствительный орган на высокочувствительную телескопическую рецепцию. Даже в столь чрезвычайных обстоятельствах Глаз не устоял перед искушением и начал сочинять стихи. Он объявил во всеуслышание, что работает над новой эпической поэмой «Периферическое свечение».

Поскольку никто не желал выслушать эту поэму, Глаз ввел ее в Мыслителя, который сберегал в памяти решительно все, хорошее и плохое, истинное и ложное.

Двигатель никогда не спал. По горло полный энергией, полученной из праха Ускорителя, он вел Корабль вперед со скоростью, в несколько раз превышающей скорость света.

Стенки спорили, кто из них во время последнего отпуска был пьянее всех.

Передатчик решил расположиться поудобнее. Он отцепился от Стенок, и его круглое тельце повисло в воздухе, подвешенное на сети пересекающихся нитей.

На мгновение он вспомнил об Ускорителе. Странно — ведь все они дружили с Ускорителем, а теперь сразу о нем позабыли. Дело тут отнюдь не в черствости, а в том, что Корабль — это единое целое. Об утрате одного из членов скорбят, но при

этом главное — чтобы не нарушилось единство.

Корабль проносился мимо солнц галактической окраины.

Мыслитель рассчитал, что вероятность отыскать планету Ускорителей составляет примерно четыре к пяти, и проложил спиральный маршрут поисков. Неделю спустя им повстречалась планета первобытных Стенок. На бреющем полете можно было увидеть, как эти толстокожие прямоугольники греются на солнце, лазают по горам, смыкаются в тоненькие, но широкие плоскости, чтобы их подхватил легкий ветерок.

Все корабельные Стенки тяжело вздыхали, охваченные острой тоской по родине. До чего похоже на их родную планету!

Со Стенками вновь открытой планеты еще не вступала в контакт ни одна галактическая экспедиция, и они не подозревали о своем великом предназначении — влиться в обширное Содружество Галактики.

Спиральный маршрут проходил мимо множества миров — и мертвых, и слишком юных для возникновения жизни. Повстречали планету Передатчиков. Паутина линий связи раскинулась здесь чуть ли не на половину континента.

Передатчик жадно рассматривал планету, при-

бегнув к помощи Глаза. Его охватила жалость к самому себе. Вспомнился дом, семья, друзья. Вспомнилось и дерево, которое он собирался купить, когда вернется.

На какое-то мгновение Передатчик удивился: что делает он в заброшенном уголке Галактики, да к тому же в качестве корабельного прибора?

Однако он стряхнул с себя минутную слабость. Обязательно найдется планета Ускорителей — надо только поискать как следует.

По крайней мере он на это надеялся.

Корабль стремительно несся по неисследованной окраине, мимо длинной вереницы бесплодных миров. Но вот на пути попалась целая россыпь планет, населенных первобытными Двигателями, которые плавали в радиоактивном океане.

— Какая богатая территория, — обратился Питатель к Передатчику. — Галактике следовало бы выслать сюда отряд контактеров.

— Возможно, после нашего возвращения так и поступят, — ответил Передатчик.

Они были очень дружны между собой — их связывало чувство еще более теплое, чем всеобъемлющая дружба членов Команды. Дело не только в том, что оба были, младшими члена-

ми Команды, хотя их взаимная привязанность объяснялась и этим. Оба выполняли сходные функции — вот где коренилось родство душ. Передатчик переводил информацию, Питатель преобразовывал пищу. Они и внешне-то были схожи. Передатчик представлял собой центральное ядро с расходящимися во все стороны нитями, Питатель — центральное ядро с расходящимися во все стороны трубочками.

Передатчик считал, что после него наиболее сознательное существо на Корабле — это Питатель. По-настоящему Передатчик никогда не понимал, как протекают сознательные процессы у некоторых членов Команды.

Еще солнца, еще планеты. Двигатель начал перегреваться: как правило, он применялся только при старте и посадке, а также при точном маневрировании внутри планетной системы. Теперь же в течение многих недель он работал беспрерывно со сверхсветовой и досветовой скоростью. Начинало сказываться напряжение.

С помощью Доктора Питатель привел в действие системы охлаждения Двигателя. Грубое средство, но приходилось довольствоваться малым. Перестроив атомы азота, кислорода и водорода, Питатель создал охлаждающую жидкость.

Доктор порекомендовал Двигателю длительный отдых. Он предупредил, что бравый ветеран не протянет и недели при таком напряжении.

Поиски продолжались, но настроение Команды постепенно падало. Все понимали, что в Галактике Ускорители встречаются редко, не то что расплодившиеся Стенки и Двигатели.

От межзвездной пыли на Стенках появились оспины. Стенки жаловались, что по приезде домой разорятся, так как им необходимо будет пройти полный курс лечения в косметическом салоне. Передатчик заверил их, что все расходы примет на себя фирма.

Даже Глаз налился кровью, оттого что непрерывно таращился в пространство.

Подлетели еще к одной планете. Сообщили ее характеристики Мыслителю, который надолго задумался над ними.

Спустились поближе — так, что можно было различить отдельные предметы.

Ускорители! Примитивные Ускорители!

Стремительно развернулись назад, в космос, — строить дальнейшие планы. Питатель приготовил двадцать три опьяняющих напитка, чтобы отпраздновать событие.

Корабль на трое суток вышел из строя.

— Ну как, все готовы? — еле слышно спросил Передатчик на четвертые сутки. Он мучился: с похмелья горели все нервные окончания.

Ну и хватил же он лишку! У него сохранилось смутное воспоминание о том, как он обнимал Двигателя и приглашал по возвращении поселиться на одном дереве.

Сейчас Передатчик содрогался при одной мысли об этом.

Остальные члены Команды чувствовали себя не лучше. Стенки пропускали воздух — они слишком ослабли, чтобы сомкнуться как следует. Доктор валялся без чувств.

Хуже всего пришлось Питателю. Поскольку его система приспосабливалась к любому горючему, кроме атомного, он отведал все им же приготовленные зелья, в том числе неустойчивый йод, чистый кислород и взрывчатый сложный эфир. Вид у него был весьма жалкий. Трубочки, обычно красивого цвета морской воды, покрылись оранжевыми подтеками. Его пищеварительный тракт работал вовсю, очищаясь от всевозможной гадости, и Питатель маялся поносом.

Трезвыми оставались только Мыслитель и Двигатель. Мыслитель пить не любил — свойство необычное для астронавта, но характерное для

Мыслителя, а Двигатель не умел.

Все прислушались к поразительным сообщениям, которые без запинки выкладывал Мыслитель. Рассмотрев поверхность планеты с помощью Глаза, Мыслитель обнаружил там металлические сооружения. Он выдвинул устрашающую гипотезу, будто Ускорители на этой планете создали у себя механическую цивилизацию.

— Так не бывает, — категорически заявили три Стенки, и большинство Команды с ними согласилось. Весь металл, по их мнению, или был запрятан глубоко под землей, или валялся в виде ничего не стоящих ржавых обломков.

— Не хочешь ли ты сказать, что они делают из металла вещи? — осведомился Передатчик. — Прямо из обыкновенного мертвого металла? А что из него можно сделать?

— Ничего нельзя сделать, — решительно сказал Питатель. — Такие изделия беспрерывно ломались бы. Ведь металл не чувствует, когда его разрушает усталостный износ.

Однако Мыслитель оказался прав. Глаз увеличил изображение, и каждый увидел, что Ускорители понаделали из неодушевленного металла большие укрытия, экипажи и прочие предметы.

Причину столь странного направления цивилизации трудно было установить сразу, но ясно было, что это недоброе предзнаменование. Однако, как бы там ни было, самое страшное осталось позади. Планета Ускорителей найдена. Предстояла лишь сравнительно легкая задача — уговорить одного из туземцев.

Едва ли это будет так уж сложно. Передатчик знал, что даже среди примитивных народов священные принципы Галактики — сотрудничество и взаимопомощь — нерушимы.

Команда решила не совершать посадки в густонаселенном районе. Разумеется, нет причин опасаться недружелюбной встречи, но установить связь с этими существами как с племенем — дело отряда контактеров. Команде же нужен только один индивидуум. Поэтому они выбрали почти необитаемый земельный массив и совершили посадку, едва эту часть планеты окутала ночь.

Почти сразу же удалось обнаружить одиночного Ускорителя.

Глаз адаптировался, чтобы видеть в темноте, и все стали следить за движениями Ускорителя. Через некоторое время тот улегся возле костра. Мыслитель разъяснил, что это распространен-

ный среди Ускорителей обычай отдыха.

Перед самым рассветом Стенки расступились, и Питатель, Передатчик и Доктор вышли из Корабля.

Питатель ринулся вперед и похлопал туземца по плечу. Вслед за ним протянул линию связи и Передатчик.

Ускоритель раскрыл органы зрения, моргнул ими и сделал странное движение органом, предназначенным для поглощения пищи.

После этого он вскочил на ноги и пустился бежать.

Три члена Команды были ошеломлены. Ускоритель даже не дал себе труда выяснить, чего хотят от него трое инопланетян!

Передатчик быстро удлинил какую-то нить и на расстоянии пятнадцати метров ухватил Ускорителя за конечность. Ускоритель упал.

— Обращайся с ним поласковее, — посоветовал Питатель. — Возможно, его испугал наш вид. — У него даже все трубки затряслись от смеха при мысли, что Ускорителя, наделенного множеством органов, одного из самых чудных существ в Галактике, может испугать чей-то облик.

Вокруг упавшего Ускорителя засуетились Питатель и Доктор, подняли его и перенесли на

Корабль.

Стенки снова сомкнулись. Ускорителя выпустили из цепкого захвата и приготовились к переговорам.

Едва освободившись, Ускоритель вскочил на ноги и метнулся к тому месту, где только что сомкнулись Стенки. Он неистово забарабанил в них верхними конечностями, отверстие для поглощения пищи у него дрожало.

— Перестань, — возмутилась Стенка. Она напружинилась, и Ускоритель рухнул на пол. Мгновенно вскочив, он снова кинулся вперед.

— Остановите его, — распорядился Передатчик. — Он может ушибиться.

Один из аккумуляторов проснулся ровно настолько, чтобы подкатиться под ноги Ускорителю. Ускоритель упал, снова поднялся и помчался вдоль Корабля.

Линии Передатчика тянулись и по передней части Корабля, так что он перехватил Ускорителя на самом носу. Ускоритель стал отбирать нити, и Передатчик поспешно отпустил его.

— Подключи его к системе связи! — вскричал Питатель. — Быть может, удастся воздействовать на него убеждением!

Передатчик протянул к голове Ускорителя нить

и замахал ею, подавая понятный всей Галактике знак установления связи. Однако Ускоритель вел себя поистине странно: он продолжал увертываться, отчаянно размахивая куском металла, который держал в руке.

— Как вы думаете, что он намерен делать с этой штукой? — спросил Питатель. Ускоритель атаковал борт Корабля, заколотив металлом по одной из Стенок. Стенка инстинктивно ожесточилась, и металл звякнул об пол.

— Оставьте его в покое, — сказал Передатчик. — Дайте ему время утихомириться.

Передатчик посовещался с Мыслителем, но они так и не решили, что делать с Ускорителем. Тот никак не шел на установление связи. Каждый раз, когда Передатчик протягивал ему свою нить, Ускоритель выказывал все признаки необоримого ужаса. До поры до времени дело зашло в тупик.

Предложение отыскать на этой планете другого Ускорителя Мыслитель тут же отверг. Он считал, что поведение Ускорителя типично и, если обратиться к другому, результат не изменится. Кроме того, первый контакт с планетой — прерогатива отряда контактеров.

Если они не найдут общего языка с этим Уско-

рителем, то на данной планете уже не свяжутся с другим.

— Мне кажется, я понял, в чем беда, — заявил Глаз. Он вскарабкался на Аккумулятор как на трибуну. — Здешние Ускорители создали механическую цивилизацию. Но каким способом? Вообразите только, они разработали свои пальцы, как Доктор, и научились изменять форму металлов. Они пользовались своими органами зрения, как я. Вероятно, развивали и бесчисленное множество прочих органов. — Он сделал эффектную паузу. — Здешние Ускорители утратили специализацию!

По этому поводу спорили несколько часов. Стенки утверждали, что разумное существо без специализации немыслимо. В Галактике таких нет. Однако факты были налицо — города Ускорителей, их экипажи… Этот Ускоритель, как и остальные, по-видимому, умел многое.

Он умел делать все, только не ускорять!

Частично эту несообразность объяснил Мыслитель:

— Данная планета не первобытна. Она сравнительно древняя и должна была вступить в Содружество много тысячелетий назад. Поскольку этого не произошло, местные Ускорители неспра-

ведливо лишились прав, принадлежавших им от рождения. Они даровиты, их специальность — ускорение, но ускорять им было нечего. В итоге, естественно, их культура развивалась патологически. Что это за культура, мы можем только догадываться. Однако, если исходить из имеющихся данных, есть все основания полагать, что местные Ускорители… неконтактны.

Мыслителю была свойственна манера самые поразительные заявления делать самым невозмутимым тоном.

— Вполне возможно, — продолжал непреклонный Мыслитель, — что местные Ускорители не пожелают иметь с нами ничего общего. В таком случае вероятность того, что мы найдем другую планету Ускорителей, составляет приблизительно один к двумстам восьмидесяти трем.

— Нельзя с уверенностью утверждать, что он не станет сотрудничать, пока мы не добились контакта с ним, — заметил Передатчик. Ему было крайне трудно поверить, что разумное существо может отказаться от добровольного сотрудничества.

— А как это сделать? — спросил Питатель.

Разработали план действий. Доктор медленно подошел к Ускорителю; тот попятился. Тем вре-

менем Передатчик просунул нить сквозь Стенку наружу, протянул вдоль Корабля и снова втянул внутрь, как раз позади Ускорителя.

Пятясь, Ускоритель уперся спиной в Стенку, и Передатчик ввел нить в его голову, во впадину связи, расположенную в центре мозга.

Ускоритель без чувств рухнул на пол.

Когда Ускоритель пришел в себя, Питатель и Доктор держали его за руки и за ноги, иначе он оборвал бы линию связи. Тем временем Передатчик, пользуясь своим искусством, изучал язык Ускорителя.

Задача оказалась не слишком сложной. Все языки Ускорителей принадлежали к одной и той же группе, и этот случай не был исключением. Передатчику удалось уложить на поверхности коры достаточно мыслей, чтобы представить себе строй чужой речи.

Он попытался наладить общение с Ускорителем.

Ускоритель хранил молчание.

— По-моему, он нуждается в пище, — сказал Питатель. Все вспомнили, что Ускоритель находится на борту Корабля почти двое суток. Питатель изготовил одно из стандартных блюд, любимых Ускорителями, и подал его чужаку.

— О Господи! Бифштекс! — воскликнул Ускоритель.

По переговорным цепям Передатчика вся Команда испустила радостный клич. Ускоритель произнес первые слова!

Передатчик проанализировал слова и покопался в памяти. Он знал сотни две языков Ускорителей, а простейших диалектов — еще больше. Передатчик установил, что Ускоритель разговаривает на смешении двух наречий.

Насытившись, Ускоритель огляделся по сторонам. Передатчик перехватил его мысли и разнес их по всей Команде.

Ускоритель воспринимал окружающее как-то необычно. Корабль казался ему буйством красок. По Стенкам пробегали волны. Прямо перед ним находилось нечто вроде гигантского черно-зеленого паука, чья паутина опутала весь Корабль и протянулась к головам остальных невиданных существ. Глаз почудился ему странным зверьком без меха — существом, которое находилось где-то на полпути между освежеванным кроликом и яичным желтком (что это за диковинки, никто на корабле не знал).

Передатчика покорила новая точка зрения, которую он обнаружил в мозгу Ускорителя. Никогда

до сих пор не видел он мира в таком свете. Теперь, когда Ускоритель это заметил, Передатчик не мог не признать, что у Глаза и вправду смешная внешность.

Попытались войти в контакт.

— Что вы за создания такие, черт вас возьми? — спросил Ускоритель; он заметно успокоился к исходу вторых суток. — Зачем вы схватили меня? Или я просто свихнулся?

— Нет, — успокоил его Передатчик, — твоя психика вполне нормальна. Перед тобой торговый Корабль Галактики. Штормом нас занесло в сторону, а наш Ускоритель погиб.

— Допустим, но при чем тут я?

— Нам бы хотелось, чтобы ты присоединился к нашей команде, — ответил Передатчик, — и стал новым Ускорителем.

Ускорителю растолковали обстановку, и он задумался. В мыслях Ускорителя Передатчик улавливал внутреннюю борьбу. Тот никак не мог решить, наяву ли все с ним происходит или нет. Наконец Ускоритель пришел к выводу, что он не сошел с ума.

— Слушайте, братцы, — сказал он, — я не знаю, кто вы такие и в чем тут дело, но мне пора отсюда убираться. У меня кончается увольнительная, и,

если я не появлюсь в самое ближайшее время, мне не миновать дисциплинарного взыскания.

Передатчик попросил Ускорителя пояснить, что такое «дисциплинарное взыскание», и послал полученную информацию Мыслителю.

«Эти Ускорители заняты склокой», — таково было заключение Мыслителя.

— Но зачем? — спросил Передатчик. В мыслях он с грустью допустил, что Мыслитель, очевидно, прав: Ускоритель не выказывал особого стремления сотрудничать.

— С удовольствием выручил бы вас, ребята, — продолжал Ускоритель, — но откуда вы взяли, что я могу такому огромному агрегату придать скорость? Да ведь чтобы только-только сдвинуть ваш корабль с места, нужен целый танковый дивизион.

— Одобряете ли вы войны? — спросил по предложению Мыслителя Передатчик.

— Никто не любит войну, — особенно те, кому приходится проливать кровь.

— Зачем же вы воюете?

Органом приема пищи Ускоритель скорчил какую-то мину, которую Глаз зафиксировал и переслал Мыслителю. «Одно из двух: либо ты убьешь, либо тебя убьют. А вам, друзья, известно,

что такое война?»

— У нас нет войн, — отчеканил Передатчик.

— Счастливые, — горько сказал Ускоритель. — А у нас есть. И много.

— Конечно, — подхватил Передатчик. К тому времени он успел получить у Мыслителя исчерпывающее объяснение. — А хотел бы ты с ними покончить?

— Конечно.

— Тогда лети с нами. Стань Ускорителем.

Ускоритель встал и подошел к Аккумулятору. Усевшись на него, Ускоритель сжал кулаки.

— Какого черта ты тут мелешь? Как я могу прекратить все войны? — осведомился он. — Даже если бы я обратился к самым важным шишкам и сказал…

— Этого не нужно, — прервал его Передатчик. — Достаточно отправиться с нами в путь. Доставишь нас на базу. Галактика вышлет на вашу планету отряд контактеров. Тогда войнам придет конец.

— Черта с два, — ответил Ускоритель. — Вы, миляги, значит, застряли здесь? Ну и прекрасно. Никаким чудищам не удастся завладеть Землёй.

Ошеломленный Передатчик пытался проникнуть в ход мыслей собеседника. Неужели

Ускоритель его не понял? Или он сказал что-нибудь невпопад?

— Я думал, ты хочешь прекратить войны, — заметил он.

— Ну ясно, хочу. Но я не хочу, чтобы нас *заставляли* их прекратить. Я не предатель. Лучше уж буду воевать.

— Никто вас не заставит. Вы просто прекратите сами, потому что не будет необходимости воевать.

— А ты знаешь, почему мы воюем?

— Само собой разумеется.

— Неужто? Интересно послушать.

— Вы, Ускорители, слишком долго были отделены от основного потока Галактики, — объяснил Передатчик. — У вас есть специальность — ускорение, но вам нечего ускорять. Поэтому у вас нет настоящего дела. Вы играете вещами — металлами, неодушевленными предметами, — но не находите в этом подлинного удовлетворения. Лишенные истинного призвания, вы воюете просто от тоски. Как только вы займете свое место в Галактическом Содружестве — и, смею вас уверить, это почетное место, — ваши войны прекратятся. К чему воевать — ведь это противоестественное занятие, — когда можно ускорять? Кроме того,

исчезнет ваша механическая цивилизация, поскольку нужды в ней уже не будет.

Ускоритель покачал головой — жест, который Передатчик истолковал как признак растерянности.

«А что это такое — ускорение?»

Передатчик попытался растолковать как можно яснее, но, поскольку ускорение не входило в его компетенцию, у него самого было лишь общее представление о предмете.

— Ты хочешь сказать, что *этим* и должен заниматься каждый житель Земли?

— Безусловно, — подтвердил Передатчик. — Это ваша великая профессия.

На несколько минут Ускоритель задумался.

«По-моему, тебе нужен врач-психиатр или что-нибудь в этом роде. Никогда в жизни я не мог бы это сделать. Я начинающий архитектор. К тому же… ну, да это трудно объяснить».

Однако Передатчик уже воспринял возражение Ускорителя, в мыслях которого появилась особь женского пола. Да не одна, а две или три. Притом Передатчик уловил ощущение одиночества, отчужденности.

Ускоритель был преисполнен сомнений.

Он боялся.

— Когда мы попадем в Галактику, — сказал Передатчик, горячо надеясь, что нашел нужные доводы, — ты познакомишься с другими Ускорителями. И с Ускорительницами. Вы, Ускорители, все похожи друг на друга, так что ты с ними непременно подружишься. А что касается одиночества на Корабле, так здесь его просто не существует. Ты еще не понял, в чем суть Содружества. В Содружестве никто не чувствует себя одиноким.

Ускоритель надолго задумался над идеей существования внеземных Ускорителей. Передатчик силился понять, почему эта идея настолько поразила его собеседника. Галактика кишит Ускорителями, Питателями, Передатчиками и многими другими видами разумных существ в бесконечных вариантах и повторениях.

— Все же не верится, что кто-нибудь способен покончить со всеми войнами, — пробормотал Ускоритель. — Откуда мне знать, что это не ложь?

У Передатчика появилось такое ощущение, что его ударили в самое ядро. Должно быть, Мыслитель был прав, утверждая, что эти Ускорители не станут сотрудничать. Значит, деятельность Передатчика прекратится? Значит, он вместе со всей Командой проведет остаток жизни в космосе

только из-за тупости горстки Ускорителей?

Однако даже эти горькие мысли не приглушили чувства жалости к Ускорителю.

Какой ужас, думал Передатчик. Вечно сомневаться, не решаться, никому не верить. Если эти Ускорители не займут подобающего им места в Галактике, кончится тем, что они истребят друг друга. Им давным-давно пора вступить в Содружество.

— Как мне убедить тебя? — воскликнул Передатчик.

В отчаянии он подключил Ускорителя ко всем цепям. Он открыл Ускорителю грубоватую покладистость Двигателя, бесшабашный нрав Стенок; показал ему поэтические склонности Глаза и дерзкое добродушие Питателя. Он распахнул настежь собственный мозг и продемонстрировал Ускорителю свою родную планету, семью и дерево, которое мечтал приобрести по возвращении.

Он развернул перед Ускорителем картины, которые показывали историю каждого из представителей разных планет. У них были разные моральные понятия, но всех их объединяли узы Галактического Содружества.

Ускоритель созерцал все это, никак не реагируя.

Немного погодя он покачал головой. Ответ был выражен жестом — неуверенным, смутным, но явно отрицательным.

Передатчик приказал Стенкам открыться. Те повиновались, и Ускоритель ошарашенно уставился в образовавшийся проем.

— Ты свободен, — сказал Передатчик. — Отключи только линию связи и ступай.

— А как же вы?

— Поищем другую планету Ускорителей.

— Какую? Марс? Венеру?

— Не знаем. Остается только надеяться, что поблизости есть другая.

Ускоритель посмотрел в проем — и перевел взгляд на Команду. Он колебался, и лицо его ясно отражало внутреннюю борьбу.

— Все, что вы мне показывали, — правда?

Отвечать не пришлось.

— Ладно, — внезапно заявил Ускоритель, — поеду. Я, конечно, круглый дурак, но я поеду. Если вы так говорите, значит, так оно и есть.

Передатчик видел, что мучительные колебания, которых стоило Ускорителю согласие, лишили его ощущения реальности происходящего. Он действовал как во сне, когда решения принимаются легко и беспечно.

— Осталось лишь маленькое затруднение, — прибавил Ускоритель с истерическим легкомыслием. — Ребята, будь я проклят, если умею ускорять. Вы, кажется, упоминали о сверхсветовой? Да я не дам и мили в час.

— Да нет же, уверяю тебя, ты умеешь ускорять, — убеждал его Передатчик, сам не вполне веря в то, что говорит. Он хорошо знал, на что способны Ускорители, но этот…

— Ты только попробуй.

— Обязательно, — согласился Ускоритель. — Во всяком случае тогда я уж наверняка проснусь.

Пока Корабль готовили к старту, Ускоритель разговаривал сам с собой.

— Странно, — бормотал Ускоритель. — Я-то думал, что туристский поход — лучший отдых, а в результате у меня появились кошмары!

Двигатель поднял Корабль в воздух. Стенки сомкнулись еще раньше, а теперь Глаз направлял Корабль прочь от планеты.

— Мы вышли из зоны притяжения, — сообщил Передатчик. Прислушиваясь к Ускорителю, он молил судьбу пощадить разум этого бедняги. — Сейчас Глаз и Мыслитель зададут курс, я передам его тебе, а ты ускоряй в заданном направлении.

— Ты сумасшедший, — пролепетал Ускори-

тель. — Ты ошибся планетой. И вообще, хорошо бы вы исчезли, кошмарные видения.

— Ты теперь участник Содружества, — возразил доведенный до отчаяния Передатчик. — Вот тебе курс. Ускоряй!

Какое-то мгновение Ускоритель бездействовал. Он медленно стряхивал с себя оцепенение, начиная сознавать, что все это ему не приснилось. Он ощутил Содружество. Он ощутил спаянность Глаза с Мыслителем, всех четверых со Стенками, с остальными членами Команды — всех со всеми.

— Что это такое? — растерянно спросил Ускоритель. Он проникался единством Корабля, безмерной теплотой, близостью, достигаемой только в Содружестве.

Он стал ускорять.

Ничего не получилось.

— Попробуй еще разок, — взмолился Передатчик.

Ускоритель заглянул себе в душу. Ему открылся бездонный колодец сомнения и страха. Смотрясь в него, как в зеркало, он видел лишь свое искаженное ужасом лицо. Мыслитель осветил ему этот колодец.

Ускорители веками не расставались с сомнением и страхом. Ускорители воевали из страха,

убивали из сомнения.

Но на дне колодца… там скрывалась тайна ускорения!

Человек, Специалист, Ускоритель — теперь он целиком влился в Команду, растворился в ней и как бы обнял Мыслителя и Передатчика за плечи.

Внезапно Корабль рванулся вперед с восьмикратной световой скоростью. И эта скорость все возрастала.

Полныйперевод с английского и. Евдокимовой

№№ 3–4

Михаил Владимиров

Остров Пуат-Тахи

научно-фантастический рассказ

Рисунки Б. Алимова

Глава 1
Сколько ног у бабочки?

Мы дышим парами бензина
И это для нас — о'кей.
Неба серая тина
Над ямами площадей,
Пыльный ветер в ущельях,
Пляска цветных реклам.
Трупы лежат в постелях.
Живые ушли по делам.

Вилли Паттерн

Плотные, низкие облака лежали над Уикфилдом. Верхние этажи небоскребов плыли в утреннем тумане. А внизу, по сумеречным улицам уже текли автомобили, вспыхивая красными и оранжевыми тормозными огнями.

Джонни Мелвин проснулся, встал и босиком подошел к окну. В комнате стоял полумрак, смутно поблескивали стаканы с недопитым бурбоном. Лед в них давно растаял.

Окно смотрело в стену дома напротив. Кое-где горел еще свет. Никаких звуков не было слышно, кроме однообразного рычания голубей.

Как всегда, Джонни проснулся с ощущением неуверенности, неопределенного беспокойства. Он знал, что позднее это пройдет. А сейчас стоял перед окном и курил сигарету, стряхивая пепел на пол.

Бэсси ушла поздно, не захотела, чтобы он оделся и проводил ее. Он выспался. В сущности все было хорошо. Откуда эта бессмысленная рефлексия? Он здоров, молод, успешно подвизается на поприще репортера «Уикфилдских Новостей». Нет никаких оснований для комплекса неполноценности и прочей психоаналитической муры.

Он стоял здесь, как на необитаемом острове. Светало, гасли окна напротив, монотонно рычали голуби. Если наклониться и посмотреть вверх, можно увидеть геометрически выкроенный кусок серого неба. Он отчетливо ощущал свирепую пустынность окружающего. И денег все-таки не хватает. Для того чтобы жениться на Бэсси, нужен собственный дом — изящное бунгало на краю города. Это дорого стоит.

Отличный город Уинфилд. Все в нем есть, и небоскребы, и подземка. Конная статуя Теодора

Рузвельта в городском саду, сработанная Пиччони — скульптором-сюрреалистом. Розовая почтовая марка с изображением статуи, достоинством в один доллар, ценится филателистами.

Куда пошлет его сегодня шеф? Убийство, похищение, приезд знаменитости? Вечная гонка, некогда как следует обдумать статью, прочесть что-нибудь толковое.

Платят, правда, хорошо, но все равно недостаточно.

А ведь он когда-то мечтал стать писателем. Чтобы на всех углах продавали его роман в глянцевой бумажной обложке, на которой красовалась бы длинноногая блондинка с сияющей улыбкой. Чтобы издатели посылали ему чеки со всех концов страны. И поездка в Европу — Париж, Париж!

А сейчас он совсем один в этой комнате. Один — с голубями. Остров. Бэсси наверно уже сидит в конторе.

Который час?

Зазвонил телефон.

— Хэлло, Мелвин, — сказал шеф, — я полагаю, вы читали книгу профессора Хогланда?

Один из деловых принципов Джонни был — говорить, по возможности, правду. Иначе можно влипнуть.

— Нет, сэр.

— Так прочтите. Об этой книге шумят. Затем возьмите у Хогланда интервью. Мне нужна статья. Срочно.

— Как называется книга, сэр?

— Эс Эй Хогланд «Люди, звери, растения». Пока.

Джонни никогда не читал научных книг. Но эта была написана понятно. О чем только ни пишут ученые! Никогда Джонни о таких вещах не задумывался.

Хогланд писал об оторванности человеческого существования от жизни животных и растений. Люди и окружающая их живая природа находятся как бы в раздельных плоскостях, удаляющихся друг от друга. Сейчас, во второй половине двадцатого века, человек перестал понимать природу. Нам нет дела до деревьев и птиц.

«Птицы! Действительно, на черта мне птицы. Ненавижу жирных голубей за окном, их ворчание и любовные стоны. Они мне до смерти надоели. Только тоску нагоняют. Я умею и люблю разговаривать с людьми. А не с опоссумами. Как бы я стал общаться с опоссумом?»

Хогланд о нем и писал. О человеке, который если и попадет в лес, то ничего не увидит и не услышит. Не заметит толстую бронированную куколку бражника на осеннем листе, не отличит дрозда от тангары (Pyranga rubra). О современном городском человеке, о репортере «Уикфилдских Новостей» Джонни Мелвине. О Джонни Мелвине, которому неуютно в этом мире, но который пробьется, выдвинется, разбогатеет.

Хогланд считал, что даже биологи оторвались сейчас от природы. Они знают что такое ДНК, как квант света работает в хлоропласте. А что такое перипатус? Peripatus, тип Onychofora? Между тем, это существо важное — без него не поймешь эволюции беспозвоночных. А люди, далекие от биологии? («Ваш покорный слуга — Джи Ар Мелвин»), Глубокое, дремучее невежество.

«Я спрашивал у десятков знакомых и незнакомых людей, сколько ног у бабочки? — писал Хогланд. — И получил самые разнообразные ответы — от нуля до двенадцати. Некоторые называли даже нечетные числа».

«А я бы просто ответил — не знаю и знать не хочу», — подумал Джоннн. «Ноги лучшей половины человеческого рода интересуют меня гораздо больше».

Хогланд писал об уничтожении природы человеком. Об истреблении карибу на севере Канады, умниц афалин в Черном море, об отравлении рек и озер, о бессмысленной вырубке лесов. Почва подвергается эрозии, исчезает рыба, редкими становятся меха и слоновая кость. Это мало кого смущает — газеты шумят об искусственной пище. В Советском Союзе химики сделали син-

тетическую икру — на радость вегетарианцам. А мех и кость с полным успехом заменяются полимерами.

«У Бэсси отличная шубка из нейлона. И обошлась она мне недорого. Конечно, лестно было бы нарядить Бэсс в соболя».

Люди утрачивают возможность познания природы — научного и эстетического. Они полагают в своем невежестве, что все уже позади — и стегозавр, и латимерия. Между тем природа полна неожиданностей, может быть грандиозных. И не только в глубинах океана. Есть еще необитаемые острова на нашей планете. А сколько неизученных! В конце концов, на любом пустыре можно наткнуться на новый мутант чертополоха со странными свойствами. Природа продолжает развиваться, как бы ни терзал ее человек.

Слова о необитаемых островах задели Джонни. «Конечно. Мир полон необитаемых островов. Мы все — Робинзоны. Моя квартира — необитаемый остров, Бэсси отказывается в ней поселиться. Только вместо пальм в ней растут телевизор и холодильник. Об этом можно было бы стихи написать. По десять долларов строчка. Жаль, что я не умею».

«Нет, не назад к Жан Жаку Руссо я зову лю-

дей, — писал Хогланд. — Развитие человечества происходит закономерно. Человек будущего не оставит своего города. Но он неизбежно должен пойти на сближение с природой и чем раньше, тем лучше. Он будет сотрудничать с животными и растениями, он заговорит на их языках, он будет не истреблять, но воссоздавать истребленное. Возникнет новое искусство, одухотворенное шумом леса, полетом ласточки, свечением морских микроорганизмов. Дети будут любить и понимать природу с первых лет жизни».

«Фу, как красиво, — подумал Джонни. — Не выношу романтики и сентиментальности. Я не старая дева из ХАМЛ, чтобы слушать пенье птичек и умиляться до слез, глядя на незабудки! О чем мне говорить с Хогландом? И почему о его книжке шумят?»

Он позвонил шефу. Он сказал:

— Шеф, у меня к вам два вопроса.

— Выкладывайте.

— Сколько ног у бабочки?

— Вы что, выпили?

— Трезв, как стеклышко. Так сколько?

— Мелвин, я занят.

— Ну ладно. Второй вопрос — наличествуют ли у Хогланда железные бицепсы и густая черная

борода?

— С чего вы взяли?

— Просто я боюсь, что он похож на профессора Челленджера из романа Конан-Дойла и спустит интервьюера с лестницы. Помяните меня в своих молитвах, шеф.

— Не валяйте дурака. И давайте мне статью о Хогланде завтра вечером. Толковую и с юмором.

Шеф повесил трубку.

Джонни считал, что этот разговор не бесполезен. Шеф слегка обозлился, но наверняка отметит живость ума своего репортера. Впрочем, читал ли шеф Конан-Дойла?

Джонни позвонил Хогланду. Тот согласился принять его завтра в девять. Голос у Хогланда был приятный.

Вечером шел дождь. Джонни и Бэсси вышли из кино и тут же забыли сногсшибательный вестерн, который им показывали. Черная улица грохотала и блестела. Крутились огни реклам, мигали желтые подфарники. Бэсси спросила:

— О чем ты думаешь?

— О стеллеровой корове.

— Кто это — Стеллер?

— Понятия не имею. И корова его — не корова,

а какое-то существо, жившее в воде.

— Ну и что же?

— Ее истребили в восемнадцатом столетии. Поехали ко мне?

Но Бэсси не захотела. Он отвез ее домой, вернулся к себе. Съел два сандвича с ветчиной и запил их пивом из жестянки. Лег спать. Он долго не мог заснуть. Темнота и одиночество. «Собаку что ли завести? Не люблю собак, их лая, их запаха. Блохи. А они ведь умные, собаки. С детства не разговаривал с ними».

Голуби за окном молчали. Они спали, спрятавшись от дождя.

Без пяти минут девять Джонни был у Хогланда. Тот оказался спокойным человеком среднего роста, лет пятидесяти. Он приветливо улыбнулся, налил Джонни бурбон с содовой, а сам стал потягивать апельсиновый сок.

— Вы позволите начать интервью, профессор?

— А как это слово пишется?

Они рассмеялись.

— Какое у вас хобби, сэр?

— Обожаю строить летающие модели. Вот, видите?

Хогланд показал на висящее под потолком сооружение из дощечек и цветного шелка.

— Рыбная ловля, охота?

— Помилуйте, я городской житель, кабинетный ученый.

— Но вы так хорошо знаете природу.

— Из этого, кстати, не следует, что я должен убивать рыб или птиц. А знать природу — моя специальность.

— Разрешите спросить — над чем вы работаете? Ведь эта книга — популярный труд. А ваше основное дело?

— Вряд ли заинтересует читателей газеты. Я занимаюсь конвариантной редупликацией ДНК в связи с синтезом белков митотического аппарата.

— Вы понимаете, сэр, что для меня это звучит по-голландски. Теперь я вас спрошу — как эти слова пишутся?

— Си О Эн Ви Эй… Конвариантная.

Джонни стенографировал без особого интереса. Но тут ему пришел в голову более содержательный вопрос:

— Вы упомянули про ДНК, сэр. Это ведь такая генетическая штука, верно? Но в книге вы ругаете биологов за то, что они знают про ДНК, но не

знают сколько ног у бабочки. (Молодец Джонни! Толковый вопрос).

— Биологи, положим, знают. А вы?

— Четное число, профессор.

— Ответ правильный. Так вот, Мелвин, ДНК — это жизнь. Это — гены, наследственность, изменчивость, эволюция. Но жизнь — это не только ДНК. (Разговаривай с этими учеными!)

— Вы действительно считаете, профессор, что на Земле есть неизвестные острова?

— Думаю, что неизвестных, не нанесенных на карту островов практически нет. Но необитаемых и неизученных — достаточно.

— Где же?

— Преимущественно в Ледовитом океане. Но есть такие острова и в Полинезии.

На политические вопросы Хогланд отвечать отказался. А кино и телевидение его не интересовали.

Джонни сдал свою статью вовремя. Он писал ее с увлечением, ему хотелось опровергнуть слезливую болтовню этого скучного мечтателя.

«Мы готовы оплакивать благородных афалин и даже гораздо менее симпатичного сумчатого волка, — писал Джонни. — Но это — бесполезные слезы. Человек преодолел природу. Ничем она

нас уже не удивит.

Пусть наши дети ходят в Зоо и пусть животные в Зоо хорошо себя чувствуют. И если существуют музеи, то почему не быть заповедникам. Полезно смотреть на зверей — мы тогда лучше понимаем добрых знакомых. Я вспоминаю одного преподавателя нашего колледжа — ну сущий был бегемот. Так мы его и звали.

Человек — в конце концов везде Робинзон — и в городе и на необитаемом острове. Он всегда один — в глубоком смысле этого слова. И меня не испугает необитаемый остров. Особенно если Пятница будет женского рода — миленькая и веселая.

Но, конечно, запах бензина современному человеку приятнее благоухания водорослей, гниющих на пляже».

Глава 2
Странный остров

Он вставал из тумана навстречу бугшприту,

Остров дикий и странный, безлюдный, забытый.

Мы смотрели вперед лениво и праздно,

Мы прошли над акулой сигарообразной,

Над подводным теченьем, стремящимся к норду,

Мы прошли как виденье, спокойно и гордо.

Остров плыл перед нами. Из радужной дали

Как органные трубы деревья звучали,

И цветы раскрывали горячие пасти,

Птицы громко орали о чуде и счастье.

За кормой он остался, как прежде неведом,

Пенный след потерялся меж нами и бредом.

Вилли Паттерн

Статья Джонни появилась через два дня. Го-

норар был приличный, но откликов она не вызвала.

Дальше все пошло своим чередом — редакция, выезд с шерифом для осмотра трупа, интервью у кинозвезды Мэй Олдерсон, вечерами встречи с Бэсси, кино, танцы в ресторане «Глория». Джонни забыл о Хогланде и его книге.

Шеф вызвал Джонни через неделю. Он сказал:

— Мелвин, вы парень способный. Я хочу дать вам возможность отличиться и заработать.

— Благодарю вас, сэр.

— Газете нужна сенсация. Доброкачественная. Вне политики — читатели устали от войны во Вьетнаме. Детективный роман с продолжениями тоже не годится. Как это ни странно, современный читатель заинтересовался наукой. Книга Хогланда за короткий срок выдержала шесть изданий. Вы помните историю этого норвежца на плоту?

— Тура Хейердала, сэр?

— Что-то в этом роде. Так вот, Мелвин, я намерен послать вас на необитаемый остров.

— Зачем?

— Вы сами подали мне идею вашей статьей. Современный человек среди дикой природы. Может получиться отличная серия корреспон-

денций и даже книга.

— Где этот остров?

— В Полинезии. Вы поедете туда один, без Пятницы мужского или женского пола, без продовольствия, без радио. Проживете на острове месяц. Газета финансирует вашу поездку и гарантирует достойный гонорар.

— Сколько?

— По тысяче зелененьких за тысячу хорошо написанных строк. Жалованье сохраняется.

— О'кэй.

— Хороший мальчик. Вы свободны, Мелвин — до четверга.

Сколько строк он напишет? Десять тысяч, не меньше. Уж тут он постарается!

Весь остаток дня Джонни думал об острове, но не мог вообразить ничего кроме рекламных плакатов туристских фирм, приглашающих насладиться красотами Таити и Самоа. Коричневые полуголые девицы в венках из красных цветов гибикуса. Пальмы и попугаи. Лазурное море.

Вечером Джонни и Бэсси пошли в Варьете. На эстраде унылый клоун разговаривал с сиамской кошкой.

— Кисанька, ты ведь из Индо-Китая. Не хочется ли тебе поехать на родину?

Кошка выгнула спину и страшно зашипела. Глаза ее загорелись красными огоньками.

— Неужели не хочется?

Кошка мяукнула и покачала головой.

— Не любишь когда стреляют?

Кошка мяукнула снова.

— Вы видите, лэди и джентльмены, что самая умная кошка много глупее людей. Не любит когда стреляют, не хочет ехать во Вьетнам!

В зале захлопали, но раздалось и несколько свистков. Клоун исчез вместе со своей кошкой.

Официант принес заказанный коньяк.

— За нового Робинзона! — сказала Бэсси.

Они выпили. Это была уже третья порция. Бэсси оживилась. А Джонни, напротив, помрачнел.

— Чертов Хогланд. По его милости я должен тащиться на край света и целый месяц жить под кокосовой пальмой. Сущий идиотизм.

— Милый, в этом есть глубокий смысл. Исчисляемый в долларах.

— Там крабы ползают. И купаться нельзя — акулы.

— И не купайся. Мне нужно чтобы ты вернулся целиком. А какой у тебя будет загар!

— Хогланд прав в одном. Я действительно не понимаю зверья. Ты видела как у этой паршивой

кошки глаза загорелись красным? Может она и не кошка вовсе. Может она — оборотень.

— Вряд ли. У всех сиамских кошек глаза светятся красным светом. А у простых — зеленым. Из двух разных кошек можно соорудить светофор.

— Таинственный остров. Остров Хуан Фернандес. Остров Святой Пасхи. Остров Сокровищ. А вдруг я найду в сундуке клад под тремя скелетами? Интересно, какой вкус у черепашьих яиц?

До четверга Джонни удалось кое-что узнать о плацдарме, на котором ему предстояло развернуться, и даже повидать человека, побывавшего там, — спокойного и до удивления безалкогольного норвежца Кнута Боидесена. По словам норвежца, остров этот, находящийся в Каролинском архипелаге, к югу от острова Хок, туземцы зовут Пуа-ту-тахи, что означает — Одинокий коралловый утес. Размеры острова невелики — примерно пять на пять километров, но на нем имеется и пресная вода и богатая растительность. Кокосы и еще какие-то желтые плоды, о которых Бондесен плохо помнил. Он пробыл на берегу не более часа и ничего интересного не заметил. Полинезийцы, однако, остров не посещают, побывали на нем японцы, но, насколько Бондесену известно, вскоре смылись. Американцы тоже его

игнорируют.

Шеф связался с Вашингтоном, но особо ценной информации не получил. Было подтверждено, что остров не заселен — и только.

Определить маршрут не составляло труда: рейсовым самолетом в Мельбурн (наибольший расход), оттуда поездом до Тоунсвилла (некоторая экономия), пароходом в Порт Морсби и дальше — на попутных судах.

Последним из этих попутных было «Торнадо» водоизмещением тысяча тонн, приписанное к порту Дарвин. Оно шло со скоростью семнадцать узлов из Папуа к Филиппинам. За небольшой крюк заплатила газета.

На восьмые сутки, в полдень капитан показал на облачко, стоявшее над горизонтом и сказал:

— Вот ваш остров, мистер Мелвин.

— Как, на небе?

— Если угодно. Вы видите, у облака зеленоватый оттенок. Оно отражает воду лагуны острова. Лагуна мелкая и вода в ней зеленее, чем вокруг.

Был ли он доволен поездкой? Несомненно. Появилось настоящее дело, хотя и странное. Утренняя рефлексия почти исчезла. Похоже, что он наконец дорвался до своего большого шанса. Теперь все в его руках. Суровая и мужественная

жизнь на острове в течение месяца — срока совсем небольшого. Блестящие статьи, ударная книга. Соединение с Бэсси — уютный дом с садом. Поездки в Европу. Он станет процветающим писателем, получит премию Пулитцера.

К острову добрались только вечером. Судно вошло в лагуну и бросило якорь. Темнеет вблизи экватора быстро. Высыпали звезды и мгновенно включились на полный накал. На утро шлюпка с «Торнадо» доставила Джонни на берег.

Остров был что надо!

Невысокая, не выше трехсот футов гора, покрытая густой растительностью, омывалась прозрачными водами лагуны. Вход в нее был свободен, и небольшое судно могло войти в бухту без затруднений.

Джонни поставил свою палатку у ручья, стекавшего со скалы, близко от берега. Он честно выполнил условия — высадился на берег без всяких продовольственных запасов, что было удостоверено письменно капитаном «Торнадо». Поэтому о пище следовало позаботиться немедленно. Хлеб наш насущный даждь нам днесь.

Сначала — плоды. Джонни вошел в лес. Он

захватил тесак, предполагая, что придется прорубаться сквозь заросли. Зарослей не оказалось. Прямые стволы деревьев стояли не так уже часто. Солнечные лучи пробивались сверху, в лесу было просторно и тихо. Лес подымался в гору не спеша.

Очень тихо. Птицы не поют. Они молча перелетают с ветки на ветку. Под ногами мягкая трава необычного красноватого оттенка. Джонни видел уже тропическую растительность в Папуа. Лианы, орхидеи, бананы, хлебное дерево. Здесь ничего этого не было. Странный лес.

«Полезно было бы получше знать ботанику. Что за деревья? Интересная кора — прямо как рыбья чешуя. А где же фрукты?»

Фрукты все же наличествовали. Пройдя еще сотню ярдов, Джонни наткнулся на группу невысоких деревьев с желтыми плодами, похожими на груши.

«Можно ли их есть? Вот уж не хочу с места в карьер испортить себе желудок!»

Он сорвал несколько плодов. Плоды мягкие и клейкие. Один из них был объеден, на рыжей мякоти виднелись следы мелких и острых зубов.

«Ну уж если какая-то белка их ест, то и мне можно».

Он содрал ножом кожуру и закусил плод. Вкус его был странен. Чуть-чуть кисловатый. Как у жевательной резинки с лимонным соком, достаточно долго пробывшей во рту.

«Неважный фрукт. Предпочел бы хороший ананас».

Но других плодов не оказалось. Джонни набил рюкзак клейкими грушами и пошел дальше. Тишина действовала ему на нервы. Он остановился и стал осматриваться.

«Все-таки лес какой-то особенный. Надо понять в чем дело. Краски необыкновенные. Трава

красноватая, а листья большинства деревьев и кустарников почему-то с синим оттенком».

Он сорвал листок и подивился его форме. Лист попеременно сужался и расширялся. Очень длинный, покрытый мелкими щетинками.

«И пиявок здесь нет. Как они падали за шиворот в Папуа! Ну и гадость. А тамошние муравьи! А комары и мухи!»

Джонни вдруг понял, что его еще никто не укусил. Между тем мелкие насекомые с еле слышным жужжанием кружили над головой. На ветку рядом села бабочка совершенно черного цвета.

«Удивительная бабочка! Сколько у нее крыльев? Что-то много». Она отличалась от обычной так же, как специально выведенный махровый цветок отличается от своей дикой формы.

Джонни накрыл бабочку пробковым шлемом. Извлек ее и стал рассматривать. Ничего подобного он никогда не видел. Тело у бабочки было жесткое, как надкрылья жука. Довольно крупный экземпляр, размах крыльев — дюйма три. Четыре ножки. А крыльев — шесть!

Насекомое вдруг сильно двинулось в его пальцах и Джонни почувствовал болезненный укол. Он выпустил бабочку, она взлетела вверх и исчезла.

«Бабочка — и кусается! Надеюсь, она не ядовитая».

Джонни выругался и стал сосать укушенный палец.

Боль прошла быстро. Однако настроение его испортилось и он пошел назад.

На берегу царил покой. Дул ветерок с моря. Все здесь казалось привычным и обыденным. Торчало несколько пальм, похожих на кокосовые. Только орехи висели чертовски высоко.

«Отсутствие комаров и пьявок меня не огорчает. Но есть-то все-таки надо!»

Он закинул спиннинг с зеленой блесной и стал плавно накручиватъ катушку.

Леску сильно дернуло и удилище изогнулось. Первые две рыбы сорвались еще в воде. Потом Джонни вытащил нечто основательного размера и веса. Но рыба ли зто?

Голубая, как бирюза. Длиною фута в два. Узкое тело, а вместо плавников странные выросты, похожие на конечности животных. По три сверху и снизу. Они заканчивались почти прозрачными перепонками, натянутыми между тонкими отростками.

«Ну и ну. Чего только не увидишь в тропических водах!»

Существо было лишено чешуи. Просто тонкая кожа, мягкая как у лягушки.

Он решил попробоватъ и выпотрошить голубого монстра — кости мало отличались от обычных рыбьих костей, мясо оказалось розовым, как у форели.

Джонни развел костер и сварил суп. Он был очень голоден.

Суп получился неважный. Напоминал скорее овощной, чем рыбный. Он проглотил кусок рыбы — совершенно безвкусный.

«Меню прескверное. Ничего, не пропадем. Найду что-нибудь поинтереснее».

Джонни почувствовал усталость и решил прилечь ненадолго в палатке. Жара и мерный плеск прибоя быстро усыпили его. Когда он проснулся, было уже совсем темно.

«Вот первый день и прошел. Через двадцать девять дней за мной приедут. Зверски есть хочется. Придется потерпеть до завтра».

Ночь безлунная, звезды отражаются в спокойной воде лагуны. Коралловый песок на берегу светится зеленоватыми бледными пятнами.

«Это еще что такое?»

«Это» оказалось множеством длинных белых червей, медленно ползавших по берегу. Они пол-

зали и светились как гнилушки.

Джонни стало не по себе. Черное небо, черная вода, черная растительность. Беззвучная вода, беззвучная растительность. И светящиеся черви.

Там, на другом конце света, огни реклам, шум моторов. И зажигательный грохот джаза. А он здесь один, совсем один — с червями. Вот что такое необитаемый остров! Он дорого бы дал за то, чтобы услышать своих голубей за окном.

И в воде тоже проплыло какое-то светящееся существо. Фосфоресцирующий след держался несколько секунд, потом рассеялся.

На следующий день ему удалось найти несколько орехов под пальмой и выудить какую-то рыбину более привычной формы. Но и эта снедь оказалась начисто лишенной каких-либо вкусовых качеств. Как будто он бумагу жевал. Никаких крабов, никаких съедобных моллюсков. Джонни непрерывно ощущал голод.

Зато вода в ручье была холодная и вкусная. И, как выяснилось, купанье в лагуне лишено риска. Акул в лагуне не было. Противные черви исчезли при свете солнца.

Второй поход в лес принес мало нового. Джонни нашел какие-то синие ягоды, чуть горьковатые, вроде бы съедобные. Летали черные бабочки, а

вместо жуков ползали четырехногие существа с мягким телом, покрытым волосками. И опять никто его не укусил — ни комар, ни муха.

Укусила его змея. Он наступил на нее и она вонзила ему в ногу выше щиколотки острые зубы. Змея была короткая и толстая, серая, с круглыми фиолетовыми пятнами. Укусила и скрылась с непостижимой скоростью.

Холодный пот выступил у Джонни на лбу. Он смертельно испугался. У змеи была большая трехугольная голова — несомненно, ядовитая змея.

Джонви разодрал рубашку и наложил на ногу жгут — ниже колена. Скрипя зубами от боли и ругаясь, исполосовал ранку ножом — кровь потекла струей.

Через несколько минут ему стало совсем худо, в глазах помутилось. Он опустился на траву и стал ждать конца. В его сознании калейдоскопически закрутились Бэсси, шеф, капитан «Торнадо», профессор Хогланд. «Сколько ног у бабочки?» Теперь он знал — четыре. А зачем это знать? Он умрет, он был идиотом, он поддался на провокацию! О, будь все проклято! Он стал кричать, звать на помощь, несколько раз выстрелил из двухстволки.

Между тем дурнота прошла так же быстро, как началась. Нога болела здоровой, нормальной

болью — от порезов. Кровь почти остановилась.

«Неужели спасен?»

Действительно, яд не подействовал. Еще не веря своему счастью, Джонни почувствовал прилив гордости. Он не растерялся, сделал все что надо, спасся сам, без чьей-либо помощи. Будет о чем написать! Хорошего настроения ему хватило до конца дня. Несмотря на голод.

Ночью шел дождь, и утром гора и лес как бы дымились. Джонни подстрелил птицу. С черным оперением, отдаленно напоминавшую обычную галку. Но клюв у птицы был розовый с синими пятнышками. И в клюве — зубы. Острые и мелкие.

Птица была не такая. И растительность, и рыбы, и насекомые, и черви — все было не такое.

Глава 3
Судьба Мартина Уиндгема

Летит скелет без мыслей и чувств,

Обтянутый жесткой кожей,
На человека, на зверя, на куст
Совсем уже не похожий.
Над ним планеты идут в спираль,
И крутится мирозданье.
Ему чужды и смех и печаль —
Истлело его сознанье.
Желтый череп торчит, как пень,
Среди большой вселенной.
Ему безразличны и ночь и день —
В нем стало все неизменно.
Что он делал и был он кем,
Не имеет значенья.
Теперь он слеп и глух и нем,
Как до рожденья.

Вилли Паттерн

Джонни внезапно ощутил зловещее значение красной травы, зубастой птицы, не кусающихся насекомых. Все было предельно чужим.

Но хуже всего с пищей. И плоды, и рыба, и птица неизменно оказывались безвкусными, похожими на резину, бумагу, опилки.

Он был непрерывно голоден. Болел живот, стучало в висках. Он много спал и во сне к нему являлись странные существа — полинезийские боги с мягкими телами, покрытыми волосами.

На шестой день чувство голода притупилось. Джонни пошел в лес, решив пересечь остров. Ранее он уже обошел его вокруг.

Он шел медленно, опираясь на палку. Чувствовал слабость. Но нога совсем поправилась, ранка зажила на удивление быстро.

Он прошел через просторный лес. Наткнулся на скальные обнажения. Потом путь ему преградил густой кустарник. Он попытался его обойти, и действительно, это удалось сделать: невзирая на слабость, Джонни поднялся по довольно пологой скале футов на тридцать и оказался у гребня. Он перелез через него и услышал шум ручья внизу. Спустился к ручью и очутился на небольшом плато, окруженном кустарниками. Что-то белело под навесом, образованным скалой.

Это была палатка. Брезент совершенно выцвел, но не сгнил. Джонни был осторожен. Он осмотрелся вокруг. На камнях под кустами лежали

заржавевшие пустые консервные банки и серые комки, похожие на папье-маше. Очевидно, остатки бумажных мешков. Палатка была беззвучна. Джонни отогнул полог и вошел. На складной кровати лежал мертвец. Высохший, пожелтевший труп белого человека. Одежда на нем тоже выцвела, но осталась целой. Труп, а не скелет. Собственно говоря, сухая мумия.

Мумия скалила белые зубы в болезненной улыбке. Глаза ее были закрыты. Ссохшееся лицо покрывала рыжая щетина.

В палатке стоял складной стол, рядом чурбак, заменявший стул. В углу целая батарея стеклянных банок с притертыми пробками. В банках лежали засохшие насекомые — и черные бабочки, и мягкотелые жуки, и еще какие-то уродцы.

Были в палатке и другие предметы, но Джонни не стал их разглядывать. Он бросился к столу.

На столе лежало несколько книг, тетрадь в синей клеенчатой обложке, старомодные большие карманные часы с цепочкой. Джонни схватил тетрадь.

Это был дневник. Написанный, казалось, совсем недавно. Бумага не пожелтела и не слиплась.

«**18 апреля 1914 г.** Этот остров — рай для зоолога! Я не встретил здесь ни одного знакомого

вида, повторяю — ни одного. И целый ряд новых видов, и не только видов, но весьма вероятно — типов. Названия придумаю после. Насколько могу судить, то же относится к растениям. Здешние фауна и флора не похожи ни на какие до сих пор известные. Ни современные, ни ископаемые. На мою долю выпало великое открытие. В жизни ученого такое бывает редко. Я счастлив. И хотя мне чуждо тщеславие, приятно все-таки думать о том, какое впечатление произведут в Лондоне мой доклад и коллекции.

20 апреля 1914 г. *На берегу я нашел несколько раковин, похожих на Rissoa costata, но более мелких и закрученных в противоположную сторону.*

21 апреля 1914 г. Зубастые птицы не имеют ничего общего с археоптериксом. Это — новый класс. Новым классом следует считать и четырехногих насекомых — Insecta quadrupeda.

25 апреля 1914 г. *Акулы не заходят в лагуну Пуа-ту-тахи, так как они не едят этих рыб».*

Джонни листал дневник дальше. Репортерским своим нюхом он чувствовал, что найдет разгадку смерти незнакомца.

«**20 августа 1914 г.** *Две недели назад за мной должны были приехать. Не понимаю, что случилось. Похоже, что я попал в трудное положение.*

Запасы мои кончаются. Между тем плоды, рыбы, птицы, моллюски на острове безвкусны и мало питательны. Необходимо растянуть рацион. Ну, что же. Приходилось бывать и не в таких переделках. Приедут же за мной в конце концов.

13 сентября 1914 г. *Провизия кончилась. Сегодня выскреб до крошки муку и еще раз вычистил пустые консервные банки. Слава богу, есть вода. Перехожу целиком на подножный корм. Самочувствие скверное, я сильно похудел. Удивительно, что здесь ничто не загнивает, не скисает, не портится. Даже во время дождей. Поразительное отсутствие гнилостных микроорганизмов! Я решил систематически разжигать костры на берегу и на вершине. Может быть их заметят полинезийцы или немцы. Как бы мне пригодилось это новое изобретение — беспроволочный телеграф!*

20 сентября 1914 г. *Чувствую, что слабею от голода. Голодаю уже неделю, недоедаю — много дольше. Здесь фактически нет пищи — плоды и рыбы совершенно не питательны. Светящиеся круглые черви выходят на берег в период спаривания. Я нашел их кладки — под камнями в приливной зоне».*

И — последняя запись:

«**8 октября 1914 г.** *Сегодня я, очевидно, умру. Не могу шевельнуться. Прошу передать мои коллекции и записи Королевскому обществу в Лондоне. Прошу сообщить о случившемся моей жене миссис Анне Уиндгем, Эдинбург, Чэнсери род, 21. Прошу Королевское общество позаботиться о моей семье. Прощайте все. Я ни о чем не жалею.*

Мартин Уиндгем»

И еще — неоконченное письмо:

«Дорогая Анни, прости меня за то, что я причинил тебе столько горя. Смерть моя не напрасна; думаю, что в последние месяцы мне удалось обогатить науку. Я всегда любил тебя и нашего мальчика. Пусть он вырастет…»

На этом письмо обрывалось.

Мозг Джонни заработал лихорадочно. Как всегда при встрече с настоящей сенсацией.

«Все ясно. Уиндгем — англичанин. Каролинские острова принадлежали в 1914 году Германии. За ним не приехали, потому что началась война. Судно вышло за ним, но его, вероятно, потопили немцы. В Англии решили, что судно погибло после того, как Уиндгем был взят на борт.

Но это же действительно сенсация! И коллекции его целы, и дневник. И труп его цел — здесь

же нет гнилостных микроорганизмов!

Браво, Джи Ар Мелвин! Эта малоприятная находка оправдывает всю затею. Ну, тут уж шеф не отделается долларом за строчку!»

Джонни совершенно забыл о своей слабости. Он наклонился над трупом, и спал обыскивать карманы. Ничего кроме ржавого перочинного ножа не нашел.

Вдруг Джонни резко выпрямился и застыл с широко раскрытыми глазами. Он почувствовал, что челюсть его отвисает. Его охватил безумный ужас — как после укуса змеи. Ведь его положение нисколько не лучше положения Уиндгема в сентябре 1914 года. Он умрет с голоду! А потом найдут его труп — не подвергшийся гниению. Змеиный яд не подействовал на него не потому, что он вовремя принял меры. А потому, что на этом адском острове все не так — ядовитые змеи безвредны, трупы не гниют, рыба и плоды несъедобны.

О господи, он же умрет, умрет через несколько дней — неминуемо!

И Джонни упал ничком, закрыв лицо руками. Он плакал как ребенок, лежа рядом с улыбающейся мумией.

Человек может просуществовать без пищи более месяца — если есть вода. Люди, ставшие

жертвами кораблекрушения или заблудившиеся в тайге, погибают гораздо быстрее, но не от голода, а от страха. И вряд ли Джонни Мелвин протянул бы на острове Пуа-ту-тахи более двух недель, так как был совершенно деморализован. Все наполняло его ужасом — желтая мумия там, наверху, зубастые птицы, светящиеся черви. Он лежал целыми днями в палатке, вставал только затем, чтобы выпить воды, засыпал тяжелым сном и просыпался в полном отчаянии.

В одну из ночей ему приснился город. Это был Уикфилд — и не Уикфилд — странный город, абсолютно пустынный. Слепые окна домов, нигде нет света. Он шел один по черной улице и завернул за угол. Впереди загорелись два красных огонька, они становились все ярче и больше, по мере того, как он к ним приближался. И он увидел, что это глаза сиамской кошки. Кошка улыбалась в болезненном оскале и смотрела на него, выгнув спину. Он подошел к ней и хотел ее погладить. Кошка повернулась и бросилась бежать. Он побежал за ней и вдруг почувствовал, что за ним тоже гонятся. Раздались голоса, звучавшие гортанно и неразборчиво. Он не понимал ни единого слова, ему было очень страшно, он бежал и бежал, а голоса приближались. Он понял, что погибает и

проснулся.

Был день и были слышны приближающиеся голоса. Он не поверил. Но кто-то откинул полог палатки. Так явилось спасение.

Матросы небольшого индонезийского судна, зашедшего за пресной водой, обласкали Джонни, накормили его.

Насытившись, Джонни приободрился, голова его вновь стала работать.

До конца месяца оставалось еще девятнадцать дней, но не могло быть и речи о выполнении условия. Он уговорил капитана погрузить на судно мумию Уиндгема и его коллекции. Дневник Уиндгема Джонни запрятал в свой чемодан — это был его главный козырь. И у него хватило предусмотрительности взять с собой образцы несъедобных плодов и голубых рыб. На судне было мало спирта и некоторые из них остались незаконсервированными. Однако, как ни странно, они не испортились во время многодневного плавания в экваториальных водах, а только высохли.

Джонни не просчитался. Шеф понял его с полуслова. Корреспондент «Уикфилдских Новостей» нашел нечто особенное, чрезвычайно важное для науки. Поэтому он, следуя высокому долгу

американского журналиста, решил отказаться от крупного гонорара и нарушил условие, воспользовавшись первой же возможностью. Какое право имел он, скромный и серьезный Джонни Мелвин, задерживать развитие естествознания еще более чем на две недели?

А на пресс-конференции Джонви превзошел самого себя. Рассказав все, что он считал нужным и остроумно парировав ехидные вопросы корреспондентов конкурирующих газет, Джонни закончил свою речь так:

— Благодарю вас, лэди и джентльмены. Я хочу, в заключение, еще раз подчеркнуть, что я — простой американский парень, работник газеты — не сделал никакого открытия. Я буду счастлив, если окажется, что некоторые мои наблюдения представляют хотя бы небольшую научную ценность. Открытия в науке делают ученые. Особенности флоры и фауны острова Пуа-ту-тахи впервые наблюдал доктор Уиндгем — героическая жертва кайзеровской Германии. Я горжусь тем, что детальное изучение острова позволило мне вернуть миру труды этого замечательного человека. Через два дня в Уикфилд прилетает его сын — преподобный Фредерик Уиндгем — чтобы увезти священный прах в Англию, где он будет

предан земле. Поэтому, лэди и джентльмены, поспешите отдать последний долг усопшему — тело его пока что покоится в стеклянном гробу на двенадцатом этаже нашего здания.

Что же касается дневника доктора Уиндгема, то газета считает своим долгом сделать его достоянием широкой публики. Дневник будет выпущен в факсимильном издании, а также в дешевом массовом, которое каждый сможет приобрести за пятьдесят центов. Мое скромное участие в этих изданиях будет состоять в подробном и обстоятельном рассказе обо всем, что я видел на острове, о том, как я напоролся на старину Уиндгема. Клянусь, ребята, зто будет такой бестселлер, что небу станет жарко! Еще раз благодарю вас.

Бзсси горячо поцеловала Джонни под одобрительные аплодисменты коллег-репортеров.

Здесь история Джонни Мелвина кончается — судьба его устроена и беспокоиться больше не о чем.

Правда, среди читателей «Уикфилдских Новостей» нашлись и такие, которых заинтересовали не столько приключения выдающегося репортера, сколько тайны Пуа-ту-тахи.

Почему на острове особые фауна и флора?

Почему там нет ничего съедобного — ни для

людей, ни для акул?

Почему на острове отсутствуют гнилостные микроорганизмы?

Почему змея оказалась неядовитой?

Почему комары не кусаются?

Почему привезенные с острова плоды и рыбы не испортились, а только высохли?

Ответа на эти вопросы следовало ожидать от профессора Хогланда, которому газета передала все привезенные Мелвином материалы.

На этом мы, с разрешения автора, прерываем рассказ об острове — с тем, чтобы предоставить вам возможность самостоятельно ответить на эти многочисленные «почему» и прислать ваши ответы к нам в редакцию, — разумеется, до выхода в свет следующего номера, так как в нем будет опубликована последняя глава рассказу, в которой раскрывается тайна острова Пуа-ту-тахи.

РЕДАКЦИЯ

Глава 4
Аминокислоты в зеркале

Там жизнь идет наоборот,
Вверх дном и наизнанку,
Над крышами летает крот,
А джем не лезет в банку.
Там больше Солнца электрон,
Хоть и лишен заряда,
И вместо яблока — Ньютон
С зеленой ветки падал.
Как я хочу попасть туда,
Где счастье, а не горе,
Туда, где вверх течет вода,
Где небом стало море.

Вилли Паттерн

Как это ни странно, публичная лекция профессора Хогланда, прочитанная два месяца спустя после триумфальной пресс-конференции Джонни Мелвина, собрала не более двухсот слушате-

лей. Быть может, малочисленность аудитории объяснялась категорическим отказом профессора Хогланда от звучного названия «Тайна острова Пуа-ту-тахи», предложенного устроителями. Лекция называлась «Жизнь на основе аминокислот правого ряда».

Хогланд сказал:

«Совершенно особая, эндемичная фауна и флора присуща многим островам, достаточно давно отделившимся от континентов. Дарвин, путешествуя на корабле «Бигль», впервые обратил на это внимание. Он подробно описал фауну Галапагосских островов, принадлежащих Эквадору. Дарвин открыл на них ряд специфических видов вьюрковых птиц — так они сейчас и называются — Дарвиновы вьюрки. На Галапагосских островах живет и гигантская черепаха, которую вы не увидите нигде больше. И особые виды игуан.

Хорошо изучены другие примеры. Австралия с ее фауной сумчатых животных, с ее утконосом и ехидной, Новая Зеландия с бескрылой птицей киви и реликтовым пресмыкающимся — гаттерией.

Но эндемичные виды острова Пуа-ту-тахи резко отличаются от ранее известных. Во-первых, здесь эндемичны не только виды, но и классы и даже

типы. Очевидно, эволюция на острове шла особенным путем. Во-вторых, эти виды растений и животных, начиная с микроорганизмов и кончая змеями и птицами, несовместимы с остальной жизнью на Земле.

Поясню это утверждение. Бактерии, живущие на острове, не размножаются в тканях внеостровных организмов. Насекомые не кусаются, змеиный яд не опасен для человека. Труп Уиндгема не разложился, а высох. В то же время внеостровные организмы не могут питаться растениями и животными острова. Человек умирает с голоду, акулы не едят рыб в лагуне острова, наши обычные микроорганизмы не атакуют представителей его фауны и флоры.

Что ж все это значит? Ответить нам может только химия.

Основа жизни — белки. Это длинноцепочечные молекулы, состоящие из аминокислотных звеньев. Все белки на Земле построены из двадцати типов аминокислот. Вот их формулы».

Хогланд показал набольшую таблицу.

«Поразительной особенностью аминокислот, входящих в состав белков, является их асимметрия. Девятнадцать из двадцати канонических аминокислот — асимметричные молекулы. Это

значит, что каждая из них может существовать в двух формах — в правой и левой, относящихся друг к другу как правая и левая рука.

Но в живых организмах аминокислоты только левые. Жизнь асимметрична, начиная с ее молекулярных основ. Организмы способны усваивать только левые аминокислоты — правые антиподы в состав белков не включаются.

Исследование асимметрии живого связано, прежде всего, с именем великого Пастера. Глубокие мысли по этому поводу высказывал Вернадский. В 1940 году советский ученый Гаузе опубликовал очень интересную книгу «Асимметрия протоплазмы».

Почему жизнь асимметрична?

Сейчас мы уверены в том, что первичные живые организмы произошли от неживого вещества. Эта теория, общепринятая в современном естествознании, была развита биохимиком Опариным.

Но при абиогенном возникновении жизни появление правых и левых аминокислот равновероятно. Почему, все-таки, в организмах фигурируют только левые аминокислоты, а не смесь равных количеств левых и правых?

Надо думать потому, что жизнь возникала в

местах случайных скоплений левых молекул. Дальше она эволюционировала, отбирая левые молекулы от правых со все возрастающей точностью. Можно привести аргументы в пользу большей биологической приспособленности асимметричных организмов по сравнению с симметричными.

Если организм асимметричен, состоит из «левых» молекул, то он может усваивать только «левые» молекулы.

«Можно ли пить зеркальное молоко?» — спрашивает Алиса в чудесной повести Льюиса Кэррола. Может быть, и можно — отвечает наука, — но без всякой пользы. Такое молоко не питательно.

Обратимся теперь к нашему загадочному острову. Как показало исследование, белки растений и животных острова Пуа-ту-тахи состоят не из левых, а из правых аминокислот! Это — зеркальные отражения обычных аминокислот остальной части биосферы.

Допустим, что очень давно зарождалась и «правая» жизнь. Везде, кроме нашего острова (а может быть и других мест, нам еще неизвестных), «левая» жизнь осилила «правую». Но на острове жизнь развивалась независимо. И с того момента, когда возникли достаточно разнообраз-

ные организмы «правого» типа, они оказались в безопасности. Единственным условием существования «правой» жизни была многочисленность этих организмов. Чтобы они могли питаться друг другом. Естественно, что в такой ситуации эволюция пошла особым путем и привела, например, к появлению четырехногих насекомых.

Мир острова Пуа-ту-тахи — своего рода антимир. Но он не аннигилируется при встрече с существами остального мира, а напротив, отделен от него невидимым барьером. Он никого не трогает и сам находится в безопасности — относительной. Человек может запросто его уничтожить.

Открытие прекрасного зоолога Уиндгема — великое открытие. Оно позволяет по-новому подойти к проблемам биохимической эволюции, решить ряд вопросов, стоящих перед биологией и химией.

Это открытие многозначительно. Мы убедились, на примере предельно ярком, что в живой природе происходят поразительные события. Мы знаем о них еще так мало! Жизнь растений и животных на Земле продолжается, она кипит вокруг нас, мы должны любить и изучать ее.

Наш долг — долг людей двадцатого века — по-

зитивно участвовать в развитии жизни растений и животных. С тем, чтобы улучшать нашу жизнь. Слишком немногому научилась пока наша наука и техника у живой природы…»

В заключение Хогланд сказал, горько усмехнувшись:

«История острова, конечно, похожа на фантастическую. Если бы ее описывал Жюль Верн, то он уничтожил бы остров извержением вулкана или иным способом. И роман на этом закончился бы. Но сейчас настали другие времена. Остров стал для нас недоступен по сугубо актуальным причинам. Мы не сможем в ближайшее время провести на Пуа-ту-тахи дальнейшие исследования, столь важные для науки. Военное ведомство запретило его посещение.

Остается только надеяться, что морская пехота, или как она там еще называется, не истребит фауну и флору острова. Может быть потому, что нельзя есть эти плоды, этих рыб и птиц.

Трудно приходится науке в наше время. Но я верю, что так будет не всегда. Я оптимист и полагаю, что ученый может и должен быть только оптимистом!»

Некто Джефф Ликси взял на заметку последние слова Хогланда и то, что он говорил о советских

ученых. На всякий случай.

А остров Пуа-ту-тахи действительно оказался плотно закрытым. Теперь ученые всего мира ждут, когда занавес поднимется. И все те, кто любит науку, кому дорога жизнь, ждут тоже. Но это — не пассивное ожидание.

№ 7

Артур Кларк

Техническая ошибка

левое
ПРАВАЯ
ЛЕВАЯ
правое

Что такое научная фантастика? Один из видов художественной литературы? Или некий гибрид ее с наукой? Что в ней главное: люди с их характерами или лежащие в ее основе научные идеи и гипотезы?

И та и другая точка зрения имеет своих сторонников, — причем вовсе не всегда первой из них придерживаются литераторы, а второй — ученые. Некоторое время назад один из советских писателей-фантастов разослал всем своим коллегам и редакциям, имеющим дело с научной фантастикой, созданную им подробную классификационную таблицу научных идей, разрабатываемых в фантастических произведениях (например, машина времени в разных вариантах, или, скажем, гибель планеты при ядерной катастрофе и т. и.). В таблице было отмечено, какие из идей уже использованы фантастами. По мысли автора, эта таблица должна была помочь писателям избежать «повторения пройденного» и, следовательно, напрасной траты сил и времени. А редактор, заглянув в нее, мог легко и просто определить: бросить полученную рукопись в корзину или печатать ее...

Но можно ли свести научно-фантастическое произведение к положенной в его основу научной гипотезе? Мы предлагаем нашим читателям самим ответить на этот вопрос, прочитав рассказ английского ученого Артура Кларка «Техническая ошибка» (который мы печатаем здесь с сокращениями) и сравнив его с недавно опубликованным в нашем журнале (N9 3 и 4) рассказом Михаила Владимирова «Остров Пуа-Ту-Тахи».

Это был один из тех несчастных случаев, в которых никого нельзя винить.

Ричард Нелсон в десятый раз спустился в генераторный колодец, чтобы снять показания термометра и удостовериться, что жидкий гелий не просачивается сквозь изоляцию. Впервые в мире был создан генератор, использующий сверхпроводимость. Витки огромного статора купались в гелиевой ванне, и сопротивление многих миль провода упало до такой величины, что никакие приборы не могли его обнаружить.

Нелсон с удовлетворением отметил, что температура не ниже расчетной. Изоляция делает своё дело, можно спокойно опускать в колодец ротор. Сейчас тысячетонный цилиндр висел в пятидесяти футах над головой Нелсона, словно баба исполинского копра. Не только инженер — все работники электростанции облегченно вздохнут, когда он ляжет на подшипники и будет соединен с валом турбины.

Нелсон сунул в карман записную книжку и направился к лестнице.

В геометрическом центре колодца его настиг рок.

За последний час, по мере того как материк окутывали сумерки, неуклонно росла нагрузка на энергетическую сеть. Как только погасли последние лучи солнца, вдоль широких автомагистралей ожили нескончаемые шеренги ртутных фонарей. В городах зажглись миллионы ламп; домашние хозяйки, готовя ужин, включили высокочастотные печи.

Стрелки мегаваттметров энергоцентра поползли вверх по шкалам, оставаясь в пределах нормы.

Но в горах, в трехстах милях к югу, пустили мощный анализатор космических лучей: ожидался ливень со стороны сверхновой в созвездии Козерога, обнаруженной астрономами всего час назад. И обмотки пятитысячетонного магнита принялись высасывать ток из тиратронных выпрямителей.

Но в тысяче милях к западу туман подбирался к крупнейшему в полушарии аэропорту. Хотя самолеты, оснащенные радаром, отлично садились даже при нулевой видимости и туман никого не беспокоил, все-таки лучше обойтись без него. И заработали мощные рассеиватели; — излучая в ночь около тысячи мегаватт, они сгущали капельки воды и пробивали в стене

тумана огромные бреши.

И стрелки в энергоцентре снова подскочили, и дежурный инженер приказал пустить запасные генераторы. Скорей бы установили этот огромный генератор с жидким гелием, тогда не будет больше таких тревожных, напряженных часов. И все-таки он еще надеялся справиться с нагрузкой.

Но полчаса спустя метеобюро предупредило по радио о заморозках, и не прошло шестидесяти секунд, как осмотрительные граждане включили миллионы электропечей. Стрелки перевалили через красную черту и продолжали ползти вверх.

Раздался страшный треск — сработали три огромных автоматических выключателя. Но четвертый отказал. Воздух наполнился едким запахом горящей изоляции, расплавленный металл тяжелыми каплями падал на пол и тотчас затвердевал на бетонных плитах. Вдруг исполинские пружины оторвались и, пролетев не меньше десяти футов, ударили по размещенным ниже частям монтажа. За долю секунды они приварились к проводам, ведущим к новому генератору.

В обмотках генератора взбунтовались силы, превосходящие все, что до сих пор производил

человек. Как раз в эту секунду Нелсон оказался в центре колодца.

Сила тока стремилась стабилизироваться, неистово мечась во все более узких пределах. Но она так и не установилась: где-то вступили в действие дублирующие предохранительные приборы, и цепь, которой не должно было быть, опять прервалась.

Последняя предсмертная судорога, почти такая же мощная, как первая, затем ток быстро спал. Все кончилось.

Когда вновь загорелся свет, помощник Нелсона уже стоял у края роторного колодца. Он не знал, что случилось, но подозревал, что что-то серьезное. Наверно, Нелсон там, внизу, недоумевает, в чем дело.

— Эй, Дик! — крикнул он. — Ты кончил? Пойдем выясним, что стряслось.

Ответа не последовало. Он перегнулся через поручни и посмотрел в огромную яму. Свет был плохой, и тень ротора мешала как следует рассмотреть что-либо. Сперва ему показалось, что колодец пуст, — но ведь это нелепо, он сам видел, как Нелсон несколько минут назад спустился

туда. Помощник позвал еще раз.

— Эй! Дик, ты цел?

Опять никакого ответа. Встревоженный помощник пошел вниз по лестнице. Он был на полпути, когда странный звук, точно где-то очень далеко лопнул воздушный шар, заставил его оглянуться. И тут он увидел Нелсона; инженер лежал в середине колодца на лесах, закрывающих турбинный вал. Лежал неподвижно, в какой-то неестественной позе.

Ральф Хьюз, главный физик, оторвал глаза от заваленного бумагами стола, когда отворилась дверь. Мало-помалу все входило в свою колею после ночного бедствия. К счастью, на его отделе оно почти не отразилось: генератор не пострадал. Не хотелось бы ему быть на месте главного инженера; теперь Мердоку надолго хватит писанины. Мысль об этом доставляла удовольствие доктору Хьюзу.

— Здравствуйте, док, — приветствовал он вошедшего доктора Сэндерсона. — Что привело вас сюда? Как ваш пациент?

Сэндерсон кивнул.

— Через день-два выйдет из больницы. Но я

хочу поговорить с вами о нем.

— Я с ним не знаком, никогда не бываю на станции, разве что все Правление на коленях умоляет меня. Но поговорить можно.

Сэндерсон криво усмехнулся. Главный инженер и блестящий молодой физик не питали друг к другу нежности. Они были слишком разные люди, кроме того, шло неизбежное соперничество между экспертом-теоретиком и человеком «практики».

— Мне кажется, это по вашей части, Ральф. Во всяком случае, я в этом не смыслю. Вы слышали, что произошло с Нелсоном?

— Если не ошибаюсь, он был внутри моего генератора, когда в обмотки пошел ток?

— Точно. Когда ток отключился, помощник нашел его, он был в шоке.

— Что за шок? Электричеством ударить его не могло, ведь все обмотки изолированы. К тому же, помнится мне, его подобрали в центре шахты.

— Совершенно верно. Мы не знаем, что случилось. Но он теперь пришел в себя, и как будто никаких последствий, если не считать одного.

Врач помешкал, словно искал нужные слова.

— Ну, говорите! Не томите!

— Я оставил Нелсона, когда увидел, что ему ни-

что не грозит. А через час мне позвонила старшая сестра и сказала, что Нелсон хочет срочно поговорить со мной. Когда я пришел в палату, он сидел в постели и озадаченно рассматривал газету. Я спросил, в чем дело. «Со мной что-то случились», — говорит. «Конечно — говорю, — но через два дня вы уже будете работать». Он покачал головой, вижу — в глазах тревога. Сложил свою газету и показал ее мне. «Я не могу читать», — говорит. Я определил амнезию и подумал: «Вот досада! Что еще он забыл?» А он, словно угадал мои мысли, продолжает: «Нет, я разбираю буквы и слова, но все вижу задом наперед! Наверно, у меня что-нибудь с глазами». И снова развернул газету. «Как будто я вижу ее в зеркале. Могу прочесть каждое слово в отдельности, по буквам. У вас нет зеркальца? Я хочу сделать опыт».

Я дал ему зеркальце. Он поднес его к газете и посмотрел на отражение. И стал читать вслух, с нормальной скоростью. Но этому фокусу любой может научаться, наборщики так читают свои литеры, так что я не удивился. Правда, не совсем понятно, зачем понадобилось умному человеку устраивать это представление. Решил не противоречить ему — может быть, он чуть-чуть свихнулся от шока. Похоже было, что у него

оптические иллюзии, хотя он выглядел вполне нормально. А Нелсон отложил газету и говорит: «Ну, док, что вы скажете на это?» Я не знал, как отвечать, чтобы не раздражать его. «Пожалуй, лучше вам обратиться к доктору Хамфри, — говорю, — он психолог. Это не моя область». Тут он сказал кое-что о докторе Хамфри и его психотестах, и я понял, что он уже побывал в его лапах.

— Верно, — вставил Хьюз. — Всех, кто поступает на работу в компанию, пропускают через сито Отдела психологии. — Он задумчиво добавил:

— И все равно такие проскакивают типы!..

Доктор Сэндерсон улыбнулся и продолжал рассказ:

— Я хотел уходить, тут Нелсон говорит: «Да, чуть не забыл. Наверно, я упал на правую руку. Запястье сильно болит, как от растяжения». — «Давайте посмотрим», — сказал я и нагнулся над ним. «Нет, вот эта рука», — говорит Нелсон и поднимает левую. Я держусь своей линии, не спорю. «Как хотите. Но ведь вы сказали — правая?» Нелсон опешил. «Ну да, — говорит, — Это и есть правая рука. Может быть, глаза и чудят, но тут-то все ясно. Вот обручальное кольцо, если не верите. Я его уже пять лет снять не могу».

Тут уже я опешил. Потому что он поднял левую

руку — и кольцо было на ней. И он сказал правду, кольцо сидело так крепко, что без ножовки не снять. Тогда я спрашиваю: «У вас есть какие-нибудь приметные шрамы?» — «Нет, — отвечает, — не помню никаких». — «А пломбированные зубы?» — «Есть несколько». Мы молча глядели друг на друга, пока сестра ходила за зубной картой Нелсона. «Смотрели друг на друга со страшным подозрением в душе», — сказал бы романист. Но еще до того, как вернулась сестра, меня осенило. Мысль была фантастическая, но ведь и само дело принимало все более неслыханный оборот. Я попросил Нелсона показать мне предметы, которые были у него в карманах. Вот они.

Доктор Сэндерсон достал несколько монет и книжку в кожаном переплете: Хьюз сразу узнал «Записную книжку электроинженера»; у него в кармане лежала точно такая же. Он взял ее из рук врача и раскрыл наудачу, с легким чувством вины, которое неизбежно, когда в твоих руках оказывается записная книжка другого человека.

А в следующую секунду Ральфу Хьюзу показалось, что шатаются устои его мира. До сих пор он слушал доктора Сэндерсона как-то рассеянно, недоумевая из-за чего весь этот переполох. Теперь у него в руках лежало противоречащее всякой

логике вещественное доказательство.

Ральф Хьюз не мог прочесть ни слова в записной книжке Нелсона. И печатный и рукописный текст были перевернуты, точно в зеркале.

Доктор Хьюз встал с кресла и несколько раз быстро прошелся по кабинету. Сэндерсон сидел, молча глядя на него. На четвергом круге физик остановился у окна и посмотрел на озеро, накрытое тенью белой стены плотины. Этот вид как будто развеял его смятение, и он снова повернулся к доктору Сэндерсону.

— Вы хотите, чтобы я поверил, что с Нелсоном каким-то образом произошло поперечное обращение, правое поменялось местами с левым и наоборот?

— Я ничего не хочу. Я только изложил факты. Если вы можете сделать другой вывод, буду рад его услышать. Позвольте добавить, что я проверил зубы Нелсона. Все пломбы переместились. Объясните это, если можете. Кстати, вот эти монеты тоже очень интересны.

Хьюз взял их в руку. Один шиллинг, новая красивая крона из бериллиевой меди, несколько пенсовиков и полупенсовиков. Он принял бы их без колебаний у любого кассира. Такой же наблюдательный, как большинство людей, он

никогда не задумывался, в какую сторону смотрит голова королевы. Но надписи! Хьюз живо представлял себе недоумение Монетного двора, если эти странные монеты когда-нибудь попадут к ним. Как и книжка: поперечное обращение.

Голос доктора Сэндерсона перебил его размышления:

— Я попросил Нелсона никому не говорить об этом. Я напишу подробный доклад, он вызовет переполох, когда будет напечатан. Но нам надо знать, как это могло случиться. Вы конструктор нового генератора, поэтому я пришел к вам.

Доктор Хьюз словно не слышал его. Сидя за столом, он пристально разглядывал свои руки. Впервые в жизни он всерьез задумался над разницей между левым и правым.

Доктор Сэндерсон продержал Нелсона в больнице несколько дней, изучая своего странного пациента и собирая материал для доклада. Насколько он мог судить. Нелсон, если не считать странного превращения, был вполне нормален. Он заново учился читать и быстро преуспевал, после того как прошло чувство необычности. Вероятно, он никогда не сможет работать инстру-

ментом так, как работал, до несчастного случая: теперь его до конца жизни все будут считать левшой. Но ведь это не помеха.

Доктор Сэндерсон перестал ломать голову над причиной состояния Нелсона. Он плохо разбирался в электричестве, это дело Хьюза. Врач не сомневался, что физик найдет ответ, как всегда. Компания — не благотворительное общество, она знает, кого нанимает. Новый генератор, который будет пущен через неделю, — детище Хьюза, хотя ему принадлежит только теоретическая разработка.

Сам доктор Хьюз был вовсе не так уж уверен в себе. Его пугал размах задачи; в отличие от Сэндерсона, он понимал, что тут открываются совсем новые области науки. Он знал: есть лишь один путь, чтобы объект мог превратиться в свое зеркальное отображение. Но как доказать столь фантастическую теорию?

Главный физик собрал всю наличную информацию об аварии, из-за которой огромный статор оказался под током. Расчеты позволяли представить себе силу тока в обмотках в те несколько секунд, когда была замкнута цепь. Правда, цифры приблизительные. Если бы можно было повторить опыт, чтобы получить точные данные… Он

представлял себе лицо Мердока, — если скажет:

— Вы не возражаете, я сегодня вечером выберу минутку и замкну накоротко генераторы один — десять?

Нет, это, конечно, отпадает.

Хорошо, что у него сохранилась действующая модель. Опыты на ней дают какое-то представление о поле в середине генератора, но о величине тока можно только гадать. Она, наверно, была колоссальной. Просто чудо, как уцелели обмотки.

Почти месяц Хьюз бился над расчетами и блуждал в областях атомной физики, которые после университета тщательно обходил. Мало-помалу в его голове складывалась теория; до окончательной формулировки далеко, но путь был ясен. Еще месяц, и все будет готово.

Большой генератор, который занимал его мысли весь последний год, отошел на второй план. Доктор Хьюз как-то рассеянно принял поздравления коллег, когда генератор прошел последние испытания и влил свои миллионы киловатт в энергосистему. Наверно, его поведение показалось им немного странным, но ведь его давно считают оригиналом. К этому привыкли; компания была бы разочарована, если бы ее придворный гений не вел себя эксцентрично.

А через две недели к нему опять пришел доктор Сэндерсон. Он хмурился.

— Нелсон снова в больнице, — сообщил врач, — Я ошибся, когда сказал, что все в порядке.

— А что с ним? — удивленно спросил Хьюз.

— Он умирает от голода.

— От голода? Что вы хотите этим сказать?

Доктор Сэндерсон пододвинул стул к столу Хьюза и сел.

— Я вас эти дни не беспокоил, — стал рассказывать он, — знал, что вы заняты своими теориями. Внимательно наблюдал за Нелсоном и писал доклад. Сначала, как я уже вам говорил, казалось, что все идет нормально. Я не сомневался, что он будет здоров. Потом замечаю — теряет в весе. Дальше начали появляться и другие, более специфические симптомы. Он начал жаловаться на слабость, умственную утомляемость. Все признаки авитаминоза. Я прописал ему концентрированные витамины, но это не помогло. Поэтому я снова пришел к вам.

На лице Хьюза отразилось недоумение, потом досада.

— Но при чем тут я, черт возьми, вы же врач!

— Совершенно верно, но мне нужна поддержка. Я всего-навсего безвестный лекарь, никто не

станет слушать меня, пока не будет поздно. А Нелсон умирает, и мне кажется, я знаю почему…

Сэр Роберт поначалу упирался; но доктор Хьюз; как всегда, настоял на своем. И теперь члены Совета директоров входили в конференц-зал, ворча и всячески выражая свое неудовольствие, что созван чрезвычайный пленум. Они еще больше возмутились, когда услышали, что будет выступать Хьюз. Все знали физика и уважали его заслуги, но он ученый, а они — бизнесмены. Что ещё такое задумал сэр Роберт?

Доктор Хьюз, виновник этого переполоха, был недоволен собой: нервы его не слушались. Он был не очень высокого мнения о Совете директоров, но сэр Роберт человек достойный, так что нет никаких причин беспокоиться. Спору нет, они могут счесть его сумасшедшим, но ведь за ним числятся кое-какие заслуги. Сумасшедший ли, нет ли, он стоит не одной тысячи фунтов.

Доктор Сэндерсон ободряюще улыбнулся ему, входя в конференц-зал. Улыбка не очень удалась, но все-таки помогла. Сэр Роберт только что кончил говорить, взял очки присущим ему нервным жестом и виновато откашлялся. Хьюз — не в пер-

вый раз — спросил себя: как может этот на вид такой робкий старик править огромной финансовой империей?

— А теперь, джентльмены, слово доктору Хьюзу. Он вам все, кхм, объяснит. Я попросил его не вдаваться в технические тонкости. Вы вольны перебить его, если он вознесется в разреженную стратосферу высшей математики. Доктор Хьюз…

Сперва медленно, потом все быстрее по мере того, как он овладевал аудиторией, физик начал излагать свое дело. Записная книжка Нелсона вызвала удивленные возгласы Совета, а обращенные монеты были приняты как увлекательнейшие редкостные экспонаты. Хьюз с радостью отметил, что заинтересовал слушателей. Он глубоко вдохнул и сделал ход, которого больше всего опасался.

— Итак, джентльмены, вы слышали, что было с Нелсоном, но сейчас я расскажу вам еще более поразительную вещь. Прошу слушать меня очень внимательно.

Он взял со стола листок бумаги, сложил его и разорвал по диагонали.

— Вы видите два одинаковых прямоугольных треугольника. Я кладу их на стол, вот так. — Он положил треугольники так, что гипотенузы

касались друг друга и вся фигура напоминала бумажного змея. — В таком положении каждый треугольник — зеркальное отображение другого. Вообразите, что вдоль гипотенузы проходит плоскость зеркала. Прошу вас запомнить это обстоятельство. Пока оба треугольника лежат на столе, я могу сколько угодно перемещать их по его поверхности, и никогда один не совместится точно с другим. Несмотря на одинаковые размеры, они, как перчатки, не взаимозаменяемы.

Он подождал, давая время слушателям усвоить сказанное. Вопросов не было, и он продолжал:

— Но если я возьму один треугольник, подниму его и переверну в воздухе, потом снова положу, это уже не зеркальные отображения, они полностью совмещены — вот так.

— Он подкрепил слова делом. — Возможно, это выглядит очень упрощенно, но из упрощенного примера — мы можем сделать важный вывод. Треугольники на столе были плоскими предметами, они существовали, так сказать, в двух измерениях. Чтобы превратить один из них в его собственное зеркальное отображение, я его поднял и перевернул в третьем измерении. Вам ясен ход мысли?

Он обвел глазами стол. Один или два директора

медленно кивнули, соображая.

— Точно так же, чтобы превратить трехмерное тело, в том числе человека, в его аналогию или зеркальное отображение, нужно перевернуть его в четвертом измерении. Повторяю — в четвертом измерении.

Стояла напряженная тишина. Кто-то кашлянул, но кашель был нервным, а не скептическим.

— Четырехмерная геометрия, как вам известно, — (вряд ли им это известно!), — еще до Эйнштейна стала одним из главных орудий математики. Но до сих пор она оставалась математической гипотезой, не подкрепленной ничем реальным в физическом мире. И вот оказывается, что ток невиданной силы, до миллионов ампер, который мгновенно возник в обмотках нашего генератора, так или иначе, на долю секунды создал четырехмерное пространство, достаточно большое, чтобы в нем вместился человек. Внезапное исчезновение поля, когда была разорвана цепь, перевернуло это четырехмерное пространство, и с Нелсоном произошло то, что мы сейчас наблюдаем. Я прошу вас принять эту теорию, так как другого объяснения нет. Вот мои расчеты, если хотите свериться.

Он помахал вереД слушателями листками

бумаги, так что директора могла видеть внушительные шеренги уравнений. Прием помог; он всегда помогал. Было видно, что все удовлетворены, один только Макферсон, главный секретарь, оказался крепким орешком. Он получил полутехническое образование, по-прежнему следил за научно-популярной литературой и при каждом удобном случае щеголял своими знаниями. Но он был человек умный, сметливый, и доктор Хьюз нередко убивал служебные часы, обсуждая с ним какие-нибудь новые научные теории.

— Вы говорите, что Нелсон перевернут в четвертом измерении, но ведь, если не ошибаюсь, Эйнштейн показал, что четвертое измерение — это время.

Хьюз мысленно простонал. Он так и знал, что последует какая-нибудь нелепость.

— Я подразумевал еще одно пространственное измерение, — терпеливо объяснил он. — Другими словами, измерение или направление, которые находятся под прямыми углами к нашим обычным трем. Назовем это четвертым измерением. Так как мы обычно рассматриваем наше пространство как трехмерное, стало обычным называть время четвертым измерением. Но это чисто условный ярлык. Поскольку я прошу вас

допустить четыре пространственных измерения, назовем время пятым измерением.

— Пять измерений! Силы небесные! — не выдержал кто-то.

Доктор Хьюз не мог упустить такого случая.

— В физике малых частиц сплошь и рядом говорят о пространстве с миллионами измерений, — спокойно сказал он.

Все онемели. Никто, даже Макферсон, не был склонен спорить.

— Теперь перейду ко второй части моего доклада, — продолжал доктор Хьюз. — Через несколько недель после превращения Нелсона мы заметили, что с ним происходит что-то неладное. Он нормально усваивал пищу, и все-таки явно чего-то недоставало. Объяснение дал доктор Сэндерсон, и тут мы переходим в область органической химии. Извините, что я сейчас буду говорить языком учебника, но вы быстро поймете, насколько все это важно для компании. К тому же вас должно утешить то, что эта область одинаково неведома и вам и мне.

— Это было не совеем так, Хьюз еще помнил кое-что из курса химии.

— Органические соединения состоят из атомов углерода, кислорода и водорода, а также других

элементов. Вместе они образуют очень сложные пространственные структуры. Химики любят делать из вязальных спиц и пластилина модели таких молекул. Часто получается красиво, прямо-таки произведения какого-нибудь нового течения в искусстве. И вот оказывается, что могут быть две органические молекулы с одинаковым числом атомов, которые расположены так, что одна молекула как бы зеркально отражает другую. Это так называемые стереоизомеры, их очень много среди сахаров. Если бы можно было поставить рядом две молекулы, вы увидели бы, что они схожи, как правая и левая перчатки. Так их и называют: декстро- и левомолекулы. Надеюсь, все это понятно?

Доктор Хьюз обвел присутствующих пытливым взглядом. Как будто понимают…

— У стереоизомеров почти одинаковые химические свойства. Но есть и отличия. Доктор Сэндерсон рассказал мне — за последние годы обнаружено, что свойства некоторых важных питательных веществ, в том числе нового класса витаминов, открытого профессором Ванденбергом, зависят от пространственного расположения их атомов. Другими словами, джентльмены, левомолекулы могут быть необходимы для орга-

низма, а декстромолекулы — бесполезны. И это невзирая на то, что химическая формула одна. Теперь вам ясно, почему неожиданное превращение Нелсона куда более серьезное Дело, чем мы сперва думали? Если бы требовалось только заново учить его читать, все было бы очень просто, интересно разве что для философов. Но он буквально умирает от голода среди изобилия, потому что усвоить некоторые молекулы пищи для вето так же невозможно, как для нас надеть левый ботинок на правую ногу. Доктор Сэндерсон провел опыт, который подтверждает его гипотезу. С очень большим трудом он добыл стереоизомеры многих витаминов. Профессор Ванденберг сам их синтезировал, когда узнал про нашу беду, И Нелсону сразу стало лучше.

Хьюз остановился и достал кое-какие бумаги. Полезно дать Совету время опомниться, прежде чем наносить удар. Все было бы очень забавно, если бы на карте не стояла человеческая жизнь. Удар будет нанесен в самое чувствительное место…

— Вы, конечно, понимаете, джентльмены: так как Нелсон получил, если можно так выразиться, производственную травму, компания обязана оплатить ему лечение. Как лечить, мы узнали,

и вы вправе недоумевать, почему я отнимаю у вас столько времени своими объяснениями. Причина очень проста. Производить нужные стереоизомеры почти так же сложно, как добывать радий, даже в некоторых случаях труднее. Доктор Сэндерсон сообщил мне, что питание Нелсона будет стоить больше пяти тысяч фунтов стерлингов в день.

Полминуты, дарила тишина, потом все заговорили разом. Сэр Роберт долго стучал по столу, прежде чем восстановился порядок. Начался военный совет.

Три часа спустя вконец измотанный Хьюз вышел из конференц-зала и отправился искать доктора Сэндерсона. Врач был в своем кабинете; он извелся, ожидая ответа.

— Ну, что постановили? — спросил он.

— Как я и опасался. Требуют, чтобы я подверг Нелсона повторному обращению.

— Вы можете это сделать?

— Честно говоря, не знаю. Я могу только постараться возможно точнее воспроизвести все обстоятельства аварии.

— Других предложений не было?

— Было несколько, и почти все вздор. Лучшую идею высказал — Макферсон. Предложил обращать генератором обычную пищу, чтобы Нелсон ее полностью усваивал. Пришлось объяснить, что выключать каждый раз генератор из сети обойдется компании в несколько миллионов фунтов стерлингов в год. К тому же обмотки долго не выдержат. Так что это отпало. Сэр Роберт спросил, можем ли мы поручиться, что учли все витамины, а вдруг есть еще не открытые? Этим он хотел сказать, что даже синтетические витамины могут оказаться бессильными спасти Нелсона.

— Что вы ему ответили?

— Я вынужден был признать, что гарантии нет. И теперь сэр Роберт должен переговорить с Нелсоном. Надеется убедить его, чтобы он рискнул. Если опыт не удастся, семью Нелсона обеспечат.

С минуту оба молчали. Потом заговорил доктор Сэндерсон.

— Теперь вы понимаете, какие решения сплошь и рядом должны принимать хирурги?

Хьюз кивнул.

— Чудная дилемма, верно? Вполне здоровый человек, но сохранить ему жизнь стоит два миллиона в год, да и то без гарантии успеха. Сдается мне. Совет директоров больше всего озабочен

денежным балансом, но выхода просто нет. Придется Нелсону рискнуть.

— А нельзя сперва сделать какие-нибудь опыты?

— Невозможно. Поднять ротор — это же серьезная инженерная операция. Мы должны провести наш эксперимент, быстро, когда будет минимальная нагрузка на энергосистему. Потом сунем ротор не место и устраним все, что натворит короткое замыкание. Все это надо сделать очень быстро. Бедняга Мердок вне себя.

— Я его понимаю. На когда назначен эксперимент?

— Через несколько дней, не раньше. Даже если Нелсон согласится, мне сперва надо все подготовить.

Никто не узнает, что сэр Роберт сказал Нелсону. Но доктор Хьюз почти не удивился, когда зазвонил телефон и усталый голос старика произнес:

— Хьюз? Готовьте свое снаряжение. Я уже говорил с Мердоком, мы выбрали ночь на среду. Успеете?

— Да, сэр Роберт.

— Хорошо. Докладывайте о готовности каждый вечер. Все.

Огромное помещение больше чем наполовину занимал исполинский цилиндр ротора, подвешенного в тридцати футах над лоснящимся пластиковым полом. Кучка людей, терпеливо ожидая, стояла на краю темного колодца. Лабиринт проводов тянулся к приборам доктора Хьюза и к реле, которые должны были в нужный миг включить цепь.

В этом главная закавыка: Доктор Хьюз не мог точно определить, когда лучше замкнуть цепь, то ли при максимальном напряжении, то ли при нулевом, или же в какой-нибудь промежуточной точке синусоиды. И он выбрал самое простое и надежное. Цепь включится при нулевом вольтаже, а прервется, когда сработают прерыватели.

Через десять минут остановятся на ночь последние крупные предприятия обслуживаемого района. Прогноз погоды благоприятный, до утра не должно быть неожиданных нагрузок. Но времени в обрез, каждая секунда на счету: к утру генератор должен снова работать.

Вошел Нелсон, сопровождаемый сэром Робертом и доктором Сэндерсоном; он был очень бледен. Будто на казнь идет, подумал Хьюз. Не ко времени такая мысль, физик постарался ото-

гнать ее.

Оставалось еще проверить цепи. Не успел он закончить, как раздался спокойный голос сэра Роберта:

— Мы готовы, доктор Хьюз.

Не очень-то твердо ступая, физик подошел к краю колодца. Нелсон уже спустился и, как ему было сказано, стоял точно посередине; внизу белым пятном вырисовывалось его обращенное кверху лицо. Доктор Хьюз ободряюще помахал ему рукой, повернулся и пошел к приборам.

Он щелкнул тумблером осциллоскопа и покрутил синхронизирующие ручки, устанавливая на экране кривую главного импульса. Потом настроил фазировку; два ярких световых пятнышка пошла навстречу друг другу вдоль кривой, пока не слились в ее геометрическом центре. Он бросил взгляд на Мердока, который пристально смотрел на мегаваттметры. Инженер кивнул. Хьюз сказал себе: «С богом!» — и нажал включатель.

Что-то тихонько щелкнуло в релейной коробке. А через долю секунды все здание словно содрогнулось: в коммутационном зале, до которого было триста футов, с треском включились могучие рубильники. Свет потускнел, почти совсем

пропал. Но тут с внезапностью взрыва сработали автоматические выключатели, прерывая цепь. Свет вспыхнул в полную силу, стрелки мегаваттметров откачнулись назад.

Эксперимент закончен. Приборы выдержали перегрузку.

А Нелсон?

Доктор Хьюз с удивлением увидел, что сэр Роберт вопреки своим шестидесяти уже подбежал к генератору. Он стоял на краю колодца и смотрел вниз. Физик медленно подошел к нему; он не мог торопиться, в душе назревало тягостное предчувствие. Мысленно он уже видел скрюченную на две ямы фигуру Нелсона и обращенные вверх мертвые укоризненные глаза. Тотчас его поразила еще более страшная мысль. А вдруг поле исчезло слишком быстро и обращение не доведено до конца? Сейчас он все узнает.

Ничто не потрясает так, как полная неожиданность: сознание не способно обороняться. Доктор Хьюз ожидал чего угодно. Чего угодно, только не этого.

Колодец был пуст.

Потом он тщетно пытался вспомнить, что происходило вслед за этим. Кажется, Мердок взял командование на себя. Закипела работа,

зал заполнили техники, чтобы вернуть на место огромный ротор. Словно издалека доносился голос сэра Роберта, он твердил снова и снова:

— Мы сделали все, что могли, все, что могли.

Наверное, Хьюз что-то ответил. Но все было как в тумане.

Рано утром, еще до зари, доктор Хьюз пробудился от своего беспокойного сна. Всю ночь его преследовали кошмары, фантастические видения из многомерной геометрии. Странные, неведомые миры, безумные фигуры и пересекающиеся — плоскости, вдоль которых он бесконечно карабкался, спасаясь от какой-то жуткой опасности. Ему снилось, что Нелсон застрял в одним из этих неведомых измерений, и он пытался пробиться к нему. А иногда он сам был Нелсоном, и кругом простирался его родной мир, причудливо искаженный и отгороженный от него невидимыми стенами.

Он с трудом сел, и кошмары отступили. Несколько минут он сжимал ладонями, голову; сознание начало проясняться. Хьюз знал, что с ним происходит, не первый раз его среди ночи вдруг осеняло решение какой-нибудь упрямой

задачи.

В мозаике, которая сейчас сама складывалась в его мозгу, не хватало только одного кусочка. Но вот и он стал на месте! Слова помощника Нелсона, когда он описывал несчастный случай… Тогда это показалось Хьюзу несущественным, и он их забыл. Но теперь… *«Когда я посмотрел в колодец, там как будто никого не было, а я стал спускаться по трапу вниз…»*

Какой же он болван! Ведь старина Макферсон был прав, во всяком случае, отчасти! Поле обернуло Нелсона в четвертом пространственном измерении, но сверх того произошло еще смещение в пятом — во времени. В первый раз смещение во времени измерялось какими-то секундами. Теперь же, как ни тщательно он все подготовил, условия сложились иначе. Было столько неизвестных факторов, и его теория больше чем наполовину состояла из догадок.

Нелсона не было в колодце, когда кончился опыт. Но он там будет.

Доктор Хьюз весь облился холодным потом. Он представил себе тысячетонный цилиндр, вращаемый тягой в пятьдесят миллионов лошадиных сил. Что будет, если какое-то тело вдруг материализуется в пространстве, занятом ротором?..

Он соскочил с кровати и схватил трубку телефона прямой связи с электростанцией. Нельзя терять ни секунды, надо сейчас же поднять ротор. С Мердоком он объяснится потом.

Очень осторожно что-то схватило фундамент дома и покачало его — так засыпающий ребенок трясет свою погремушку. С потолка слетели хлопья известки, в стенах, как по волшебству, вдруг возникла сеть трещин. Лампы замигали, вспыхнули ярко-ярко и погасли.

Доктор Хьюз отдернул занавеску и посмотрел на горы. Отрог Маунт-Перрин заслонял электростанцию, но ее сразу можно было найти по гигантскому столбу обломков, который медленно вздымался кверху в бледных лучах рассвета.

Полныйперевод с английского Л. Жданова

№ 8

Сакё Комацу

Бумага или волосы?

Рисунки А. Великанова

Прежде чем начать повествование, предупреждаю вас: читайте как можно быстрее! С такой скоростью, на какую вы только способны! Иначе я не могу поручиться, что вам удастся дочитать эту историю до конца.

Только не перескакивайте, не читайте по диаго-

нали. Ведь я умею рассказывать лишь по порядку, и, если вы пропустите много, от вас наверняка ускользнет то, на что я хочу обратить ваше внимание. Ах, как было бы хорошо, если бы вы узнали, чем кончится эта история… Во всяком случае, я очень, очень надеюсь… Ведь в конце… Словом, я страстно желаю успеха одному человеку, ибо его опыт… Что? Вы говорите, чтобы я не тянул и сразу выложил суть дела? Но я же предупредил, что умею рассказывать только по порядку. Такой уж у меня характер. Я и сам мучаюсь. Один раз я чуть не сломал себе шею и чуть не вылетел с работы из-за своего проклятого характера. И если бы не одно скандальное происшествие, не бывать бы мне больше репортером…

Так с чего же начать? Даже не знаю. Впрочем, всегда надо начинать с самого начала. В тот вечер, когда это случилось… Ну, пожалуйста, не подгоняйте меня!

Так вот, в тот вечер я был у моего приятеля Номуры. Мы пили до утра. Номура — молодой, очень способный биохимик. Он заключил контракт с одной крупной фирмой и теперь работает для нее над какой-то проблемой. Разумеется, за

солидное вознаграждение. Хотя вообще-то он не от мира сего, маловато у него здравого смысла. С сумасшедшинкой человек.

В тот вечер приглашение мне передала его сестра Маяко. Они собирались провести сеанс гипнотического ясновидения.

Надо сказать, что эта девица под стать своему братцу. У нее тоже не все дома. Она увлекается спиритизмом и, как говорят, обладает даром медиума. Ну, меня-то все это нисколько не интересует — всякие там духи и ясновидение. В доме Номуры меня интересовало другое — «Джонни уокер», виски с импозантной черной этикеткой. О, у Номуры всегда есть запас спиртного! Бывало, за ночь мы с ним высасывали бутылки три «черного Джонни». Это дорогой напиток, он не по карману какому-нибудь репортеришке, вроде меня.

У Номуры была странная привычка пить, закусывая бесконечной болтовней своей сестры. Маяко впадала в транс и начинала нести несусветную чепуху. Но что поделать — у каждого своя причуда. Говорят, в былые времена одна куртизанка, любовница князя Оути Фурути с Икэнохаты, засыпала только тогда, когда князь щелкал крышкой своих золотых часов. Потом она заболела, и мудрый старец Оути ежедневно

ломал не «один десяток золотых часов, щелкая крышкой у ее изголовья»…

Так что в сравнении с этим привычка Номуры, пожалуй, не казалась странной. И все же ясновидящая девица Маяко основательно раздражала меня. Представьте себе: ни с того ни с сего впадает в транс и начинает предсказывать. И несет околесицу всю ночь. Ужас! Чтобы не быть голословным, приведу пару примерчиков: «… Марсиане питаются капустой, квашенной по-корейски, то есть с чесноком. У них дурно пахнет изо рта. Можно заработать большие деньги, если экспортировать на Марс ароматическую жевательную резинку…» Или: «… Будущее принадлежит тараканам-прусакам…» Послушаешь часок этот бред, и начинает трещать голова.

В тот вечер, уже пропустив изрядную порцию виски, я спросил Номуру:

— Скажи, а предсказания Маяко-сан сбываются?

— Как бы не так! — живо отозвался Номура. — Да тебе-то что? Пусть болтает. Слушать ее — все равно что слушать LP…[14] Ну, бывает, что одно из ста… Правда, на всякую гадость у нее есть нюх.

---

[14] notes: 14

LP — радиовещательная компания.

Когда предскажет что-то плохое, так и жди какого-нибудь свинства…

— Случится ужасное! — крикнула вдруг Маяко странно изменившимся, замогильным голосом.

Я вздрогнул и посмотрел на нее. Она вперила вдаль невидящий взор. Мне стало страшно: вдруг она возьмет да и предскажет, что я на ней женюсь!

— А что именно случится? — спросил я.

— Это имеет отношение к научным изысканиям брата…

Теперь настала очередь Номуры испугаться.

— Что случится с моими изысканиями?

— …Утром… рано… — вещала Маяко. — На улицах никого, пусто… Вот появился разносчик молока… Ставит у дверей бутылки со странными, узкими горлышками… Вот оно! Вот оно!.. Вон идет странный человек с тачкой… В ней что-то похожее на листы жести…

— Как, это жестянщик?

— И…нет… кажется, нет… Он засовывает под каждую дверь по жестяному листу… Что же это? Что же?

Внезапно голова Маяко бессильно опустилась и она громко захрапела. Теперь будет спать остаток ночи, все утро и весь день. Проснется только

к обеду. Я повернулся к Номуре. Его лицо было кислым.

— Над чем ты работаешь? — спросил я.

— Не могу сказать. Это секрет фирмы, — ответил Номура, выливая в рюмку остатки виски. — Если газетчики узнают, над чем я работаю, так не оберешься хлопот… Ну, что ж, пожалуй, нам тоже пора на боковую, а?

— Подумать только, уже утро, — ответил я, взглянув на часы. — Скоро первая электричка. Поеду домой и высплюсь хорошенько.

— Ну, конечно, ты ведь можешь заснуть только под своим засаленным одеялом. — Номура, потягиваясь, поднялся. — Что ж, доброго тебе утра и спокойного сна.

Было самое обыкновенное утро. Безлюдную улицу окутывал туман. Мелькнул неясный силуэт собаки. На перекрестке стоял молочный фургон. Шофер, разинув рот, смотрел на полки, залитые молоком. Очевидно, от встряски повалились бутылки.

По дороге на станцию я встретил мальчишку-разносчика газет. На боку у него болталась пустая сумка. Наверно, он уже доставил подписчикам все газеты. Только вид у паренька был какой-то странный: походка неуверенная, рот широко

открыт, на глазах слезы. Но я пошел дальше, не придав этому никакого значения. Голова гудела от ночной пьянки.

На станции тоже было пусто. До первой электрички еще оставалось несколько минут. Контролер стоял на месте. Когда я, как обычно, протянул ему свой сезонный билет и хотел пройти на перрон, контролер вдруг схватил меня за руку повыше локтя.

— Эй, вы! — сказал он не очень-то вежливо. — А сезонка где?

— Да вы что, ослепли, что ли?! — возмутился я и сунул ему под нос футляр с сезонкой.

Он глянул на меня как-то боком.

— Ничего не вижу!

— А вы протрите глаза!

Но тут я увидел, что сезонки в футляре не было. Что за черт! Вчера вечером, когда я сошел на этой станции и отправился к Номуре, сезонка, как всегда, лежала в футляре, под слюдой.

— Спьяну выронил, что ли?.. — пробормотал я, пытаясь скрыть смущение. Исчезла не только сезонка, но и все визитные карточки и билеты метро.

— Берите билет, — сказал прыщавый контролер и отвернулся.

Мне было нелегко вынести его презрение, но еще труднее пережить пропажу. Ведь сезонку я купил на днях. А среди визитных карточек лежали талоны на обед в столовой нашей газеты. Их я тоже приобрел совсем недавно. Вернуться к Номуре, что ли? Но уж больно хочется спать. Поеду домой, а там видно будет, решил я.

Кассу еще не открыли, и я подошел к автомату. Вдруг мне показалось, что станция изменилась. Я никак не мог понять, в чем дело, но что-то было не так. Опустив в автомат тридцатииеновую монету, я нажал ручку. Автомат щелкнул и выбросил горстку пыли. Ничего похожего на билет.

— Эй, ты! — крикнул я контролеру, окончательно разозлившись. — Чем придираться, следил бы лучше за своими автоматами! Человек тратит деньги, а автомат испорчен.

— Как это испорчен? Быть не может! — заявил он.

— Может или не может, но он не работает. А если не работает, какого черта горит лампочка?! Только людей обманываете!

Вероятно, мой свирепый вид подействовал на контролера. Он раздраженно крикнул:

— Эй, вы там! Откройте кассу!

Но кассу не открыли. Было только слышно, как

за опущенным окошечком кто-то взволнованно говорит по телефону:

— Да, да, все до одного! Что? У вас тоже? Что же делать-то? Как теперь быть?

Между тем на станции скопилось довольно много народу. Некоторых, так же как меня, задержал контролер, другие, пошарив по карманам, мчались домой. Человек пять — шесть безнадежно пощелкали ручкой автомата и, убедившись, что он испорчен, обступили окошечко кассы. Они барабанили кулаками и орали:

— Эй, что вы там, заснули, что ли? Давайте билеты!

И тут меня вдруг осенило. Ну, конечно! Недаром мне показалось, что станция как-то изменилась. Оказывается, исчезли все плакаты. Тут же было полно плакатов, рекламирующих туризм! А теперь — ни одного. Схема пути, нарисованная масляной краской на железном листе, осталась. А пестрые веселые плакаты исчезли бесследно. На зеленой доске объявлений торчали только кнопки. Вглядевшись повнимательнее, я обнаружил внизу, на раме, тоненький слой пыли.

— Господа пассажиры, спокойно, спокойно! — визжал за моей спиной контролер.

Я обернулся. У контрольно-пропускного пункта

уже назревал скандал. По сезонке не прошел ни один человек. У билетной кассы бушевала толпа.

— Да что это за безобразие! Мы же опаздываем на работу! — кричали люди. — Открывайте! Вы уже двадцать минут морочите нам голову!

Окошко поднялось с громким стуком.

— Не устраивайте скандала, господа! — громко сказал кассир. — Мы немедленно примем меры… Электричка все равно запаздывает. Я сейчас как раз звоню по телефону, запрашиваю, как быть…

— Да наплевать нам, что вы там запрашиваете! Билеты, билеты давайте!

— Билетов нет. Ни одного нет… — кассир чуть не плакал.

— Ах, билетов нет?! А мы при чем? Сажайте нас без билетов!

— Да не можем мы без билетов! Поймите! Езда без билетов запрещается!..

— Бюрократы! — заорал кто-то. — Тогда выдайте нам свидетельство о неполадках на транспорте!

— Но, но… — кассир вскочил с места; он почувствовал, что сейчас его будут бить. — Но как же я дам вам свидетельства, когда нет…

Тут раздался грохот электрички. Первый поезд опоздал больше чем на полчаса. Огромная толпа пассажиров с ревом бросилась к контрольно-пропускному пункту. Люди совсем ошалели. Деревянная перегородка с треском рухнула. Послышался вопль контролера. Так тебе и надо, нахал, подумал я и вскочил на прилавок какого-то киоска. Во мне заговорил репортер. Я начал щелкать маленьким фотоаппаратом, который всегда носил с собой. Великолепные будут кадры! Потом я выбежал на дорогу, поймал такси, плюхнулся на сиденье и назвал адрес нашей редакции.

— Что там за шум, не знаете? — встревоженно спросил шофер. — То же самое творится и на другой станции.

— Билеты не продают, вот и скандалят, — от-

ветил я.

— Гм… А почему не продают?

— Да сам не пойму. Но что-то неладно…

Тут я подумал, что эта поездочка на такси порядком подорвет мой бюджет. За такое-то расстояние придется заплатить больше тысячи иен. Я поспешно полез в карман, вытащил бумажник и хотел пересчитать мои капиталы. Но… бумажник был пуст! На лбу у меня выступил холодный пот. Еще бы! Ведь я отлично помнил, что там лежала добрая половина моего жалованья. Куда же девались все деньги?! Ведь было, было же несколько тысячеиеновых купюр, и несколько пятитысячных, и одна — моя гордость, моя радость — купюра в десять тысяч иен… Но все они исчезли. Лишь на самом донышке осталась крохотная горстка сероватого порошка, похожего на пепел. Я потряс бумажником, и на мои колени посыпалась пыль. И только тут я понял: что-то творится с бумагой. Она исчезает…

Почему, отчего — я не знал. Но факт — бумага исчезла бесследно. Вот в чем дело! А Может быть, ее вообще уже больше нет?.. Чушь! Чтобы за несколько часов… Наверное, это локальное явление. Но я невольно содрогнулся. А что, если действительно на земном шаре исчезнет вся бу-

мага? И надо же как раз тогда, когда я отщелкал чуть ли не целую пленку сенсационных снимков… Значит, их нельзя будет опубликовать. Да что там опубликовать — отпечатать не удастся: ведь фотобумага тоже исчезнет…

Когда мы подъехали к редакции, я помчался в будку вахтера.

— Старина, одолжи-ка мне денег. Всего тысячу иен. Я сразу тебе верну! — с трудом переводя дух, проговорил я.

— Смеетесь, что ли? — ответил вахтер. — Денег-то нет, все бумажные деньги исчезли, все до единой бумажки!

— Значит, все-таки… — я почувствовал, что бледнею. — Ну, давай тогда серебро, медяки…

— Шутите! — вахтер посмотрел на меня в упор воспаленными глазами. — Металлические деньги теперь единственная ценность. Только и остались монеты в десять и сто иен…

Я досадливо крякнул и отдал шоферу, стоявшему у меня за спиной, свои часы.

— Когда расплачусь, вернете часы, — предупредил я. — Они у меня хорошие, с календарем.

— Поднимитесь в редакцию, — сказал мне

вдогонку вахтер, посмотрите, что там творится. Настоящий конец света. Что-то дальше будет?..

Когда я вошел, моим глазам открылось ужасающее зрелище.

Одни метались по комнате, как звери, попавшие в клетку, и издавали нечленораздельные звуки, другие толпились по углам, размахивали руками и, выкатывая налитые кровью глаза, ожесточенно спорили. Телефоны захлебывались. Кто-то орал в трубку и строил такие рожи, словно хотел укусить человека на другом конце провода. Кто-то всхлипывал, кто-то икал, кто-то заливался идиотским смехом. Некоторые сидели на стульях, бессмысленно уставившись в пространство. Сумасшедший дом! Содом и Гоморра!

Да, рехнулись наши сотруднички! Оно и понятно. Ведь для газетчиков вся жизнь в бумаге. Мы оживляем мертвые белые листы, и они начинают говорить. С утра до ночи мы утопаем в бумаге, и вдруг, словно по мановению волшебной палочки, она исчезает. Бесследно. Все, все исчезло — документы, рукописи, папки, словари, книги, верстки, подшивки. И бумажный хлам тоже — обрезки, забракованные статьи, валявшиеся на полу, не умещавшиеся в мусорных корзинах… Ничего нет. Только горстки пыли… На проволоке,

протянутой под потолком, на электропроводах грустно висели зажимы; нечего им было больше держать, а еще недавно здесь сохли фотографии… Кто-то с остервенением швырял на пол пустые пластмассовые коробки, в которых раньше хранились рукописи.

Я стоял на пороге совершенно ошеломленный. Вдруг на меня налетел здоровенный, свирепого вида детина. Он споткнулся и больно стукнул меня.

— Гон-сан! — воскликнул я, хватая этого богатыря за руку. — Неужели все… бесследно?!

— Как видишь. Теперь — лапки кверху! — он дохнул на меня винным перегаром. — Пострадала, кажется, вся бумага — и та, что была в отделах, и запас тоже. Мы затребовали с фабрик, из аварийного фонда, но… не довезли… По дороге, в грузовиках, все превратилось в пыль.

— Но почему? — срываясь на фальцет, заорал я. — Что же это делается, а? Сам черт не разберет!

— Откуда я знаю? — ответил Гон-сан и покачнулся. — Одно только мне известно: вся бумага превратилась в пыль, в пепел… Так что нам, газетчикам, крышка…

Тут он извлек здоровенную бутыль, которую

до сих пор прятал за спиной, и хлебнул прямо из горлышка. Потом поднял бутыль над головой.

— Вот, смотри, — этикетка тоже исчезла. Ни черта не разберешь, что там внутри: сакэ высшего качества или экстра, или вообще какая-нибудь дрянь…

И в наборном, и в печатном цехе, и в отделе отправки творилось нечто невообразимое. Совсем недавно люди здесь чувствовали себя, как на фронте, трудились до седьмого пота… А теперь все словно с цепи сорвались, того и гляди начнут потасовку.

Вернувшись в свой отдел, я тоже отхлебнул сакэ из какой-то бутылки и бессильно опустился на стул. Телефоны трезвонили без конца, но сотрудники не обращали на них внимания.

— Везде, везде… — бормотал один, словно в бреду.

— Как, по всей Японии? — спросил я.

— Да, по всей стране одновременно, — пробормотал он. — Точнее, в течение полутора часов, с трех двадцати ночи.

— А телеграммы из-за рубежа? — спросил я. — Что говорят в иностранной редакции?

— Телетайп не работает. Пробовали на коротких волнах слушать… Кажется, во всем мире… — он

схватил телефонную трубку. — Да, да! Что? Да, знаю. Что, что-о? — не дослушав, он со всего маху швырнул трубку. Она раскололась пополам.

— Объявлено осадное положение, формируется отряд самообороны, — сказал он. — Нет, подумать только, какое величайшее свинство — такое творится, а написать нельзя!

— Осадное положение?! Отряд самообороны?! Да зачем это? — изумился я.

— Ну, как зачем? Ведь ужас что творится. Начинается бунт! Толпа напала на банк. Ты только подумай, из банков исчезли все бумажные деньги. И банковые книги, и сберкнижки тоже... Магазины не продают товаров, боятся... Впрочем, все это объяснимо, было бы странно, если бы при таких обстоятельствах сохраняли спокойствие.

— А как же наше жалованье?

— Какое там еще жалованье! Тут не до этого, когда газета издохла. Тьфу ты, свинство! Нет, подумать только, теперь вся слава перейдет к работникам радио и телевидения!

— Дай-ка закурить, — попросил я.

— Пожалуйста, если ты это можешь курить, на здоровье! — он хохотнул и вытащил из кармана табачное крошево, завернутое в серебряную фольгу. — Предупреждаю, что рыскать по табач-

ным лавкам бесполезно: все трубки распроданы… Одолжи-ка мне твой платок.

Я протянул ему свой носовой платок, и сотрудник исчез.

— Эй, кто-нибудь помнит телефон химической фирмы КК? — крикнул репортер экономической редакции, появляясь в дверях. — Я слышал, они там собирались выпускать пластмассовую бумагу. Теперь, поди, от радости до потолка прыгают. Ну, кто помнит их телефон?

— Не ори, и так тошно! Неужели у тебя не записаны номера телефонов? — нервно ответил один из сотрудников.

— Ха! Записаны! Конечно, были записаны номера. Да записная книжка-то исчезла!

— Ну, посмотри в телефонной книге.

— Поди ты… От телефонной книги осталась кучка пыли.

Он начал звонить в справочную, и, когда наконец соединили, ему ответили, что ничем помочь не могут: ведь они тоже смотрят по книгам, а книги-то исчезли.

Ну, да разве тут сразу сообразишь, что к чему… Сотрудник экономической редакции решил сам отправиться туда и выскочил из комнаты.

— Ох, уж эта репортерская жилка! — вздохнул

кто-то. — Ведь знает, что писать не на чем, а все-таки побежал.

Тип, который взял у меня платок, вернулся.

— Давай мой платок! — потребовал я.

— Тю-тю… — спокойно сказал он. — Туалетная бумага тоже ведь, того, исчезла… Соображаешь?

— Эй, ребята! На телевизоре изображение появилось! — крикнул кто-то, и все мы бросились к голубому экрану.

Почему-то до этого не работали ни радио, ни телевидение. Впрочем, естественно: ведь и у них все передачи записаны на бумаге, а бумаги-то больше нет. Значит, должно было пройти некоторое время, пока они там соберутся с мыслями. Даже радиосвязь прекратилась. Говорили, что в радиоаппаратуре тоже используется бумага, правда в очень незначительных количествах. Ну, например, изоляционный фибр, бумажный конденсатор. А теперь все это тоже исчезло и аппараты вышли из строя. Надо было чем-то срочно заменить бумажные детали. Но, когда заработал телевизор, оказалось, что он онемел. Пострадали фибровые изоляторы репродукторов. Растерянный диктор, то появляясь на экране, то исчезая, смешно размахивал руками и тыкал пальцем в классную доску. Ничего не поймешь. Довольно

нелепая и смешная картина. Но было не до смеха. Постепенно выяснялось, что бедствие приняло огромные масштабы.

На заседании кабинета министров было устно объявлено чрезвычайное положение. И все из-за бумаги! Но ничего другого не оставалось — ситуация беспрецедентная! Затем правительство издало указ о бесплатном пользовании железнодорожным транспортом и распорядилось выбросить на рынок продукты первой необходимости. Государственные учреждения, финансовые органы и органы управления промышленностью находились в начальной стадии паралича. Диктор, призывавший народ к спокойствию, сам дрожал, как в лихорадке.

— Слушай! — ко мне подскочил главный редактор и потряс меня за плечо. — Лети в научно-исследовательский институт микроорганизмов. Кажется, там один ученый, мой знакомый, установил причины этого явления. Сенсация, милый!

— А что вы будете делать с этой сенсацией?! Ведь газеты-то больше нет? Совсем нет, понимаете?

— Да к черту бумагу! Напишем на фанерном листе и вывесим на дверях редакции! — заорал он, стукнув себя кулаком в грудь. — Вот где живет истинный дух газетчика! А бумага… не помирать же из-за нее, понятно? Ладно, нечего болтаться без дела. Сходи в институт, да поживей поворачивайся!

Я помчался вниз по лестнице. У выхода меня поймал один наш обозреватель, молодой, подающий большие надежды писатель.

— Послушайте, что будет с моим гонораром и с моими рукописями, которые я недавно передал в редакцию вашей газеты? — сказал он. — Ведь я зарабатываю на жизнь писанием. Что же мне теперь делать?

Он был очень бледен.

— Даже и не знаю, что вам посоветовать… Ах,

да! Научитесь петь!

Я отмахнулся от него и выскочил на улицу.

Итак, в институт микроорганизмов! Я опустил стекло машины и стал наблюдать, что творится на улицах. Да, картина не очень утешительная. Люди совсем потеряли голову. Одни бродили как неприкаянные, другие, сжимая кулаки, готовы были ринуться в драку.

Служащие, придя на работу, не знали, за что приняться. В бюро и конторах не осталось и следа документов. Правда, можно было опоздать или вообще прогулять: ведь табели и карточки табельных часов тоже бесследно исчезли. Часть промышленных предприятий, кажется, еще работала. Но на фабриках и заводах, перешедших на систему нарядов, царила полная неразбериха. Зато улицы выглядели чистенько и приятно: ни плакатов, ни объявлений, ни бумажного мусора.

Я смотрел то в окно, то на экран микротелевизора, установленного на спинке переднего сиденья. Сейчас, когда пострадали все репродукторы, единственным средством вещания стал немой телевизор. Я читал фразы, написанные мелом на классной доске. Судя по этим сведениям, обрушившееся на нас бедствие принимало все более грандиозные размеры.

Во-первых, пропали все банкноты. Опустели банки, сейфы, кошельки. Несколько десятков тысяч триллионов превратились в прах. А много ли у нас звонкой монеты — кот наплакал. Нетрудно догадаться, что на финансовом фронте назревала невиданная до сих пор катастрофа. Кроме того, исчезли все ценные бумаги, все акции. Что творится на бирже? Как же вести деловые операции?! Как урегулировать вопрос владения предприятиями?! Как установить, кому принадлежат акции, продающиеся на биржах и переходящие из рук в руки?! А банки-то, банки… Ведь наверняка возникнут конфликты между администрацией и вкладчиками. Невозможно восстановить по памяти суммы отдельных вкладов, а верить на слово тоже нельзя. Можно было бы успокоить вкладчиков, выдав им какую-то часть их сбережений наличными, но бумаги не было.

— Да, пожалуй, теперь не позавидуешь богачам, — сказал шофер. — Ну, мне-то наплевать, какие у меня деньги!

Передали глупое сообщение, что известный фальшивомонетчик, за которым долго и безуспешно охотилась полиция, покончил жизнь самоубийством. Он написал на фанере, что существование стало для него бессмысленным. Врут,

наверно, самая обыкновенная утка, и все.

Вторым серьезным ударом было полное исчезновение почты. Растаяли все письма, телеграммы, денежные переводы. Но, как ни странно, почтовое ведомство ликовало. Подумаешь, пропали письма! Зато официальное обещание покончить с задержкой почтовых перевозок было выполнено на два года раньше.

Государственные учреждения и многие фирмы бездействовали. Чиновники переживали настоящую трагедию: заявления, прошения, предписания, ведомости, циркуляры, памятки, приказы, счета, накладные больше не существуют. Не на чем писать резолюции и ставить свои подписи. Прости-прощай, милый сердцу бюрократизм! Среди государственных служащих началось массовое помешательство. Многие бросались из окна, правда больше все с первого этажа.

Более серьезным было положение в судебных органах и нотариальных конторах. Уже возникли споры о самых различных документах на недвижимость. Сразу нашлись сотни ловкачей, заявивших права на чужую собственность. Наиболее наглые и предприимчивые вторгались в чужие особняки, пытались вышвырнуть на

улицу законных владельцев и грозили им судом. Но что сейчас мог сделать суд? Тюрьмы бушевали. Закоренелые преступники, приговоренные к многолетнему заключению, прикидывались невинными овечками и требовали пересмотра дела.

Таким же безотрадным было положение на всех предприятиях, где незадолго до этого происшествия начались забастовки. Лишившись протоколов собраний, зафиксированных на бумаге требований и деклараций, а также анонимок и доносов, люди уже не могли разобраться, что к чему.

Но самый тяжкий, самый сокрушительный удар обрушился на учебные заведения, научно-исследовательские институты и издательства.

О фирмах, производивших бумагу, не стоит и говорить. Они агонизировали. Правда, среди их руководства находились такие идиоты, которые радовались, что цены на бумагу подскочат. Потом выяснились истинные размеры бедствия: процесс производства бумаги, начиная с первичной обработки сырья, стал химерой. Тутто уж они окончательно скисли — вешайся, да и только!

А издательское дело! Ведь на прилавках и полках книжных магазинов не осталось ничего,

абсолютно ничего! Ни одной книги, ни одного журнала, ни одной самой завалящей брошюрки! Я вспомнил пестрые разноцветные обложки, пахнущие свежей типографской краской страницы, и мне стало дурно… Впрочем, мы, газетчики, тоже умерли. Кое-как еще держались лишь редакции, оборудованные коротковолновыми приемниками.

И тут я подумал: что же будет с человечеством? Ведь вся наука, вся культура безвозвратно исчезли. Не только в Японии, но и во всем мире опустели библиотеки. Превратились в прах все многотомные издания, все письменные документы, астрономическое число словарей, справочников, научных работ, исследований…

Нет, я не могу этого вынести! Фу-ты, как кружится голова! К горлу подступила тошнота, я закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья.

Бумага!

Подумать только, на каком хрупком материале базировалась человеческая культура! Более четырех тысяч лет, с тех пор как изобрели папирус, люди доверяют свои знания, свои духовные достижения этим ничтожным листочкам, с поразительной легкостью поддающимся разрушению. На них запечатлевались самые дерзкие вспышки

мысли, тончайшие движения души… И вот бумага исчезла. И человечеству не на что опереться, человеку нечем подтвердить, что он человек. Он снова голый и примитивный, пещерный житель, беспомощный перед устрашающими силами природы. Только сейчас я начал понимать, как велико значение крошечной газетной заметки и клочка простой оберточной бумаги…

…А немой телевизор продолжал работать, На экране популярный обозреватель тыкал указкой в черную доску, исписанную неровными, неуклюжими буквами.

«Дорогие зрители, просим вас сохранять спокойствие! Причины этого необычного явления еще не установлены. Однако правительство срочно принимает все необходимые меры. Бумажные денежные знаки пропали, но работники министерства финансов, основываясь на памяти друг друга, подготавливают проект выпуска новых денег в звонкой монете… Вклады сохраняются и обеспечиваются в тех случаях, когда расхождения в сумме, указанной вкладчиками и названной банками, не превышают пяти процентов. Правительство полностью берет на себя обеспечение вкладов. Дорогие телезрители, помните, что на этот раз вам не остается ничего другого, как толь-

ко поверить обещанию правительства…

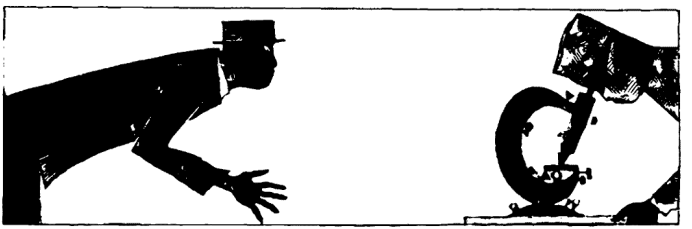
…Дорогие зрители! Мы обращаемся к вам! Речь идет о восстановлении утраченной культуры. Напрягите вашу память. Она единственный источник знаний. Все, что вспомните, запишите на чем угодно — на стене, столе, на вашей рубашке, на спине соседа…»

В институте микроорганизмов меня уже поджидал ученый, приятель моего шефа. Я удивился, увидев, что он ни капельки не подавлен, наоборот, весело улыбается и потирает руки. Радуется, дурак, что установил причину явления. Да что с них взять-то, с ученых! Они же все чокнутые.

— Мне ясно! — сказал он, идиотски хихикая. — Это шалости одного вида бактерий.

Ничего себе шалости! Ишь, ты, скалится, синий чулок! Так бы и дал по очкам!

А он уже тараторил дальше и тянул меня за рукав к микроскопу.



— Крайне интересная и крайне редкая бактерия. Она гостья у нас на Земле. Ее привезли с Марса, очевидно после полета первой ракеты. Да, молодой человек, преинтереснейший вид, преинтереснейший — Bacilla Cilcis Majoris.

— Но… если эта самая бацилла такая опасная, почему же сразу не приняли надлежащих мер?

— Да что вы! Она совершенно безвредная. На человеческий организм совсем не действует. На Земле тысячи подобных ей бактерий паразитируют на волокнах хлопчатобумажных тканей… Я думаю, она хорошо акклиматизировалась в наших условиях и смешалась с земными видами.

— Но как же такая невинная крошка вызвала этот чудовищный скандал?

— А-а, моя бацилла здесь ни при чем! Это виноват искусственно выведенный вид.

— Что-о?! Искусственный?! — я поперхнулся. — То есть вы хотите сказать, что кто-то нарочно… вывел?..

— Вот именно. В наших условиях такой страшный вид не мог появиться сам по себе. Разумеется, это искусственно улучшенный образец. Так сказать, элита. Во-первых, такая бацилла размножается в двести раз быстрее, чем основной вид, — за одну десятую долю секунды. Во-вторых, такое деление происходит еще на стадии споры. Для этого бацилла избирает поверхность бумаги и, как только делится, тут же поедает бумагу. Очевидно, незадолго до сегодняшнего происшествия вся бумага земного шара уже была заражена спорами этой бациллы.

— И сегодня утром все споры превратились в бациллы и… и… — голос у меня дрожал. — Но кто же… Кому понадобилось выводить такой ужасный вид?

— Не знаю. Это уж ваше дело — установить мотивы. — И ученый опять припал к своему микроскопу. — Споры бациллы Cilcis Majoris хранятся в институте космической биологии. Все ученые, работающие над ее изучением, получают споры

в этом институте. Так что можете проверить по картотеке, кому их выдавали.

Но, разумеется, никакой картотеки не было. Да что там картотека! Со стеклянных пробирок и ампул с культурами различных космических бактерий исчезли наклейки. Ученые были в ужасе. Невозможно предвидеть, что еще произойдет… Обливаясь слезами, они сжигали ценнейшие космические микроорганизмы.

Я хватал за полы белых халатов всех подряд и спрашивал про Cilcis Majoris. Проводились ли у вас опыты с этой бациллой? Ответ гласил: нет, не проводились. А получал ли кто-нибудь посторонний споры Cilcis? Да, получали. Но кто — не знаем, не помним, и вообще, не мешайте, не путайтесь под ногами, не лезьте со своими дурацкими вопросами, не то выльем на голову грибок венерианской сыпи. А уж он распространится по всему телу…

Но молоденькая секретарша из канцелярии оказалась более любезной. Ей удалось вспомнить, какие организации получали эти проклятые споры.

— Эта бактерия не представляет особого инте-

реса, так что брали ее мало, — девушка немного подумала. — Ну, кто запрашивал? В основном лаборатории университетов. Я думаю, там строго соблюдались все правила…

Я быстро записал названия лабораторий на манжете сорочки.

— Ах, да! — воскликнула она, когда я уже был на пороге. — Вот, еще вспомнила. Однажды брали в научно-исследовательскую лабораторию какой-то фирмы. Собственно, даже не в лабораторию, а для ученого, работавшего по соглашению с фирмой.

— Что-что? — я молниеносно обернулся, сердце у меня бешено застучало. — А фирма, фирма какая? Названия не помните?

— Какая-то большая химическая фирма. Кажется, называется КК или что-то в этом роде…

И тут словно молния пронзила мой мозг! Так и есть! Все сходится! Я бросился к телефону и прежде, всего позвонил к нам в газету, в экономическую редакцию. Вызвал того репортера, который собирался посетить фирму КК. К счастью, он уже вернулся. По его словам, там, как и везде, творилось нечто невообразимое и посторонних не принимали. Я дал ему адрес Номуры и попросил немедленно лететь туда. А сам позво-

нил моему приятелю. Ведь человек, который вел исследовательские работы для фирмы КК, был не кто иной, как Номура!

— Это ты? — сказал он сонным голосом. — Что ты, с ума сошел, что ли, звонить в такую рань?! Ведь еще только десять часов…

— Неважно! Покрепче запри все двери и никого к себе не впускай, пока мы не приедем. Да, позвони еще в полицию и потребуй, чтобы у твоего дома поставили охрану.

— Что ты мелешь?

— Бацилла Cilcis Majoris, вот что! Надеюсь, это тебе понятно?!. — Я услышал, как он глотает воздух. — Очень возможно, что люди, поручившие тебе эту работу, теперь попытаются заставить тебя замолчать навсегда. Они же боятся последствий. Потому что, если это выяснится…

Когда я примчался к Номуре, репортер экономической редакции уже ждал меня. Номура был очень бледен.

— А они и правда приходили, — сказал он. — Очевидно, хотели меня похитить… по поручению фирмы… Но подоспел полицейский патруль…

— Что ты наделал?! — я схватил его за грудки. — Какого черта тебе понадобилась эта мерзкая бактерия?!

— Произошел несчастный случай, — задыхаясь, пролепетал Номура. — Я совсем не собирался выводить это страшилище… Они просили вывести такую бактерию, которая бы чуть-чуть портила бумагу… И чтобы на нее не действовали обычные антибактериальные средства…

— А ты знал, зачем она им нужна?

— и-нет… Я думал, для уничтожения бумажного мусора…

— Эх, вы, ученые! — вмешался репортер из экономической редакции. — Ничего-то вы не смыслите в жизни! Вам нет дела до практического применения ваших открытий. Хочешь, я тебе разъясню, зачем им понадобилась твоя бацилла? Все дело в пластмассовой бумаге. Компания КК совместно с одним крупным иностранным трестом разработала технологию производства этой бумаги и мечтала наводнить ею рынок. Но как они ни старались, себестоимость пластмассовой бумаги оставалась очень высокой по сравнению с обыкновенной бумагой. Следовательно, и рыночная цена была бы значительно выше средней, да и качество ее не такое уж хорошее, если не учитывать водоупорности и антибактериальное. А они затратили массу денег, и к тому же сырьем для нее служат отходы химической промышленно-

сти. И КК в расчете на будущую прибыль от этой бумаги уже сейчас снизила цены на свою основную продукцию, которая наводняет все рынки. И, если их бумага не получит широкого сбыта, им снова придется поднять цены на химические товары. А это означает, что фирма не выдержит конкуренции и лопнет. Понятно? — Репортер насмешливо посмотрел на Номуру. — Ученому что? Он получает свои денежки, корпит над всякими там проблемами, а на остальное ему наплевать. Но нельзя забывать, что большой бизнес ни перед чем не останавливается. Вот хотя бы взять случай с патентом на люминесцентные лампы. Ведь тогда крупнейшая заграничная электрокомпания положила этот патент под сукно. Она выжидала, пока окупится их недавно построенный электроламповый завод. Да и лампочки накаливания, которые сейчас в продаже, раньше горели тысячу триста часов, а в последнее время — вот к чему привел технический прогресс — горят всего тысячу часов. А почему? Да потому, что поднялся спрос на люминесцентные лампы, а эти почти не имеют сбыта…

— Понял, что ты наделал?! — я еще сильнее встряхнул Номуру. — Раскрой глаза пошире! Не то заставят работать над новым видом чумы или

над ядовитыми газами… Ведь за океаном десятки тысяч ученых уже работают над новым оружием для полного истребления человечества…

— Да разве я знал? — Номура жалко хлопал глазами. — Разве я мог подумать, что получится такая стойкая, жизнеспособная бактерия? Я уже понял, в чем тут дело. Виновата лабораторная установка для очистки воздуха. Она плохо работала.

— Хочешь сказать, что ты ни при чем?

— Повторяю, я не собирался выводить такой страшный вид. Но в воздухоочистительной установке используются гамма-лучи кобальта-60, потому что это дешево.

— Ну и что?

— Да ведь на Марсе, где воздух очень разрежен, космическая радиация гораздо сильнее, чем на Земле. Следовательно, марсианские бактерии более устойчивы к облучению, чем земные. Вот этого мы и не учли. Значит, какой-то процент бактерий выжил и проник за пределы лаборатории… А может быть, облучение кобальтом-60 привело к мутации, появился новый, совершенно неизвестный вид, и… и…

— Как бы там ни было, а ты — главный виновник этой катастрофы! Это ты уничтожил культуру

человечества! — крикнул я. Что ты намерен делать? Конечно, потерянного не вернешь... Но дальше-то что? Как выходить из положения?

— Существует ли какой-нибудь способ для полного уничтожения этой бактерии? — спросил репортер. — Вероятно, в дальнейшем писать будут на металлических пластинках и синтетических пленках. Но лучше всего была бы, конечно, бумага. Ведь недаром же человечество пользовалось ею в течение четырех тысяч лет и достигло таких вершин! Подумать только, какая огромная потеря для будущего, если навсегда исчезнет этот легкий, удобный и такой дешевый материал! Ох, как бы мне хотелось еще раз вдохнуть запах свежеотпечатанной газеты...

— Полное уничтожение Cilcis невозможно, — заикаясь, сказал Номура. — Даже чумные бактерии существуют в различных уголках земного шара, за пределами лабораторий. А эта бактерия чудовищно устойчива, и не так просто ее уничтожить...

— Значит, ничего нельзя сделать?

— Да нет, пожалуй, я что-нибудь придумаю. Ведь ни один ученый в мире не знает эту бактерию так хорошо, как я. Может быть, мне удастся создать бумагу, способную противостоять бацил-

ле Cilcis. Чтобы искупить свою вину, я сейчас же примусь за работу.

— Немедленно приступай! — я подтолкнул Номуру. — Если не добьешься успеха, мы выдадим тебя толпе. Так и знай! Ох, с каким удовольствием я бы спел тебе песню «Дерево висельника»! Милая песенка, не правда ли?

— Дай мне сначала выпить, — заискивающим тоном попросил Номура.

— Еще чего! — отозвался я, окинув взглядом внушительный ряд бутылок. — Еще чего! Ты наказан. Обойдешься без «черного Джонни». Работай, детка, работай, а мы выпьем за твое здоровье.

Вдруг на пороге появилась Маяко. Ее тусклый взгляд блуждал в пространстве.

— Избавишься от одной беды, накличешь другую! — изрекла она пророческим голосом.

Мне страстно захотелось дать под зад коленкой этой паршивой, тощей девчонке.

Ну, вот… Вы прочитали до этой страницы? Пока вы читали, книга не развалилась, не рассыпалась прахом? Что ж, очень хорошо, если вы добрались до этого места! Хорошо и для меня, и для ВАС. Думаю, вы догадались, что Номура добился некоторого успеха. Он сам делал бумагу.

Сначала пропитывал бумажную массу каким-то раствором, способным защитить ее от свирепого нападения Cilcis Majoris. Первое время бедная бумага выдерживала всего два часа. Потом ее жизнь увеличилась до шести часов. Ох, и потрудился же Номура! Надо отдать ему справедливость — терпение у него адское. И вот наконец он растянул этот срок до ста часов, потом до трехсот. Но еще не известно, удастся ли вернуть бумаге ее былую долговечность.

Ох, как я разволновался, когда снова взял в руки чистые белые листы! Я прямо весь дрожал. Хочу писать! Ну, еще бы, я ведь газетчик. А о чем писать — это же само собой разумеется. О самой грандиозной сенсации — обо всей этой истории!

И вот я написал. То, что вы сейчас читаете. И только кончил, как тут же меня охватило бешеное желание напечатать написанное. Вместе с моим товарищем репортером мы отпечатали эту брошюрку на старомодном, покрытом пылью линотипе в ближайшей типографии. Я вижу, вижу, как вы, мой дорогой читатель, дрожа от волнения и восторга, принюхиваетесь к краске, впитываете каждую строчку, чуть не облизываете страницы. Еще бы, ведь все мы, современные люди, отравлены печатным словом, мы жаждем

его, как какой-нибудь наркоман — щепоточку опиума. Держу пари, что моя брошюрка — первая книга, которую вы держите в руках за последние три месяца. Уж если она дошла до вас, миновав все стадии от написания до доставки в книжные магазины, значит, антибактериальное средство Номуры обрело практическую ценность. Будьте спокойны! Скоро опять наступит эра бумажного потопа. А сейчас мы в газете готовим материалы для предания суду большого бизнеса.

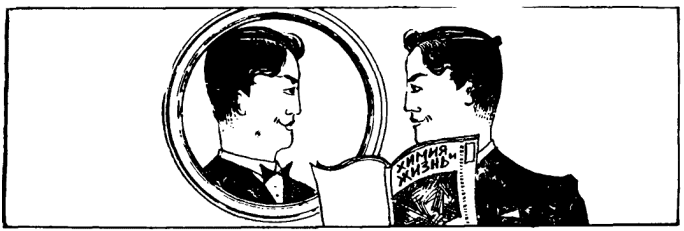
Ну, вот. Теперь я подошел к самому главному. К тому, о чем обещал сказать в начале моего повествования. Внимание, дорогие читатели! Средство, которым пропитана бумага, видоизменило Cilcis Majoris. Эта бактерия стала безвредной для бумаги, но… передаваясь через прикосновение, поражает волосы… Волосы человека! Говоря начистоту, и я, и Номура, и Маяко абсолютно лысые. Ну, ей-то так и надо. Пусть не предсказывает всякие гадости! А вот вас мне жаль. Так что, как только прочитаете мой рассказик, немедленно продезинфицируйте руки. Хотя, если во время чтения вы почесывали голову, тогда уже поздно.

Но что значат волосы по сравнению с культурой человечества?!

Вы что предпочитаете?

Бумагу или волосы?..

Полныйперевод с японского З. РАХИМА.



№ 10

Артур Порджес

1,98

Уилл Говард почувствовал, что кто-то легонько дергает его за штанину. Он посмотрел себе под ноги и увидел, что в манжету его брюк отчаянно вцепилась крохотная полевая мышка. Разинув рот, Уилл уставился на дорожного зверька, пораженный столь странным поведением обычно пугливого грызуна. Но вдруг на тропинке появилась ловкая, быстрая ласка, до того решительно настроенная, что даже не побоялась человека.

Уилл поспешно подхватил перепуганную мышку на руки. Ласка остановилась, отвратительно заурчала, на ее треугольной морде, похожей на свирепую карнавальную маску, красным светом вспыхнули глаза. Вереща от ярости, она метнулась в чащу.

— Ах ты, бедняга! — обратился Уилл к комочку меха, лежавшему у него на ладони, и горько усмехнулся. — Неравные же у тебя были шансы — точь-в-точь как у меня против Харли Томпсона!

Он наклонился и осторожно посадил мышку в кусты. И тут у него от изумления отвисла челюсть. На месте полевой мыши он увидел толстощекого человечка, смахивающего на Будду, но ростом не более двух дюймов.

Удивительно звучным, хотя и слабым голосом

человечек произнес:

— Прими, о добрый смертный, горячую благодарность от бога Иипа. Как я могу вознаградить тебя за то, что ты спас меня от кровожадного чудовища?

Уилл судорожно глотнул, но быстро пришел в себя.

— Так ты… ты бог? — пролепетал он.

— Воистину я бог, — благодушно подтвердило диковинное существо. — В наказание за то, что я жульничал в шахматах, мне каждые сто лет приходится ненадолго становиться мышью… Но ты, без сомнения, читал подобные истории, и они тебе давно наскучили. Достаточно сказать, что ты вмешался как раз вовремя. Теперь ближайшие сто лет мне ничего не грозит, если, конечно, я снова не поддамся искушению и не подменю пешку слоном.

Уилл снова вспомнил о Харли Томпсоне. Кажется, ему наконец представился случай обскакать соперника.

— Ты упомянул о… о награде, — робко начал Уилл.

— Безусловно, — заверил его бог. — Но, увы, награда будет невелика. Видишь ли, я очень мелкое божество.

— Вот как… А можно у тебя попросить маленький-маленький капитал?

— Конечно. Но он будет чрезвычайно маленьким. Я не могу превысить сумму в один доллар и девяносто восемь центов.

— Только и всего?

— Боюсь, что да. Нам, мелким божествам, вечно урезывают сметы.

— Послушай, — прервал Уилл. — А как насчет бриллианта? В конце концов, бриллиант с грецкий орех величиной — это тоже мелкий предмет…

— Извини, — с сожалением сказал бог, — но он будет совсем малюсенький. Это должен быть бриллиант стоимостью не больше доллара и девяноста восьми центов.

— Проклятье! — простонал Уилл. — Есть же, наверное, что-нибудь маленькое…

— Конечно, — добродушно согласился бог. — Все, что в моих силах, в пределах доллара и девяноста восьми центов, — только слово скажи.

— Тогда я пас, — сказал Уилл.

Иип явно расстроился, и он добавил более ласковым тоном:

— Да не смущайся. Я знаю, ты от души хотел мне помочь. Не твоя вина, что ты так стеснен в

средствах. Может быть, ты еще что-нибудь надумаешь? Я занимаюсь торговым посредничеством, во всяком случае, пытаюсь, хоть маклер из меня и неважный. Но если ты мог бы организовать мне выгодную сделку…

— Она принесет тебе один доллар и девяносто восемь центов чистой прибыли.

— Это не так-то просто, — криво усмехнулся Уилл. — В настоящее время я занимаюсь дизельными локомотивами, нежилыми помещениями и заброшенными рудниками. И еще я вице-президент компании по эксплуатации иссякших нефтяных скважин.

— Ну, и как идут дела? — спросил божок и лягнул кузнечика, который тут же с негодованием ускакал.

— Мне почти удалось продать одному богатому калифорнийцу заброшенный медный рудник под бомбоубежище, но Харли Томпсон, как всегда, оставил меня с носом. Он показал этому покупателю, как на другом руднике можно переоборудовать штрек в самый длинный — и самый безопасный — бар в мире. Ох уж этот Харли! Я не против, что он стал начальником вместо меня: все равно я плохой руководитель. Или что он переманивает у меня самых выгодных клиентов.

Я даже прощаю ему вечные подлые розыгрыши. Но когда дошло до Риты… А она только-только стала замечать мое существование, — горько прибавил он.

— Рита? — переспросил Бог.

— Рита Генри… Она работает у нас в конторе. Изумительная девушка!

— Понятно, — вставил Иип и показал нос стрекозе, вертевшейся поблизости.

— Вот тут-то мне бы и нужна была помощь. Так что сделай, что можешь, хотя толку будет немного — ведь твой предел…

— Один доллар и девяносто восемь центов, — подхватил Бог. — Ладно. Я проведу здесь, в этом лесу, весь день и весь вечер в созерцании места, где находился бы мой пупок, если бы я появился на свет, как простой смертный. Доверься великому (хоть и мелкому) Богу Иипу. Прощай.

И он скрылся в траве.

Вернувшись с прогулки поздно вечером, Уилл безрадостно улегся в постель, убежденный, что помощь ценой в один доллар и девяносто восемь центов наверняка не разрешит волнующую его проблему, даже если будет исходить от Бога.

Несмотря на мрачные мысли, он так устал и изнервничался, что сразу же заснул, но через пол-

часа проснулся, разбуженный звонком. Ничего не видя спросонья, он накинул поверх пижамы халат и открыл дверь.

На пороге стояла девушка.

— Рита! — прошептал Уилл. — Наконец-то!

Она взяла его за руку.

— Меня словно какая-то сила толкала… Я не могла не прийти… Мы созданы друг для друга…

Наутро Уилл подобрал с полу клочок бумаги. Это была газетная вырезка; на полях бисерным почерком было написано: «От благодарного (в пределах 1,98 доллара) Бога Иипа».

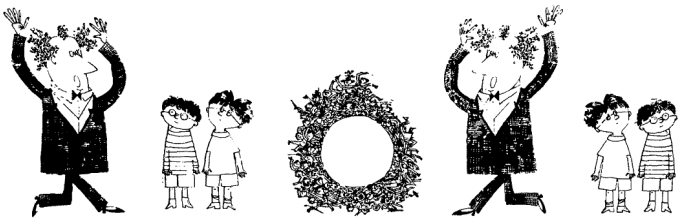
А краткая рекламная заметка гласила: «При современных ценах все химические соединения, из которых состоит организм человека, можно купить всего лишь за 1 доллар 98 центов».

Сокращенный перевод с английского и. М. ЕВДОКИМОВОЙ

№ 11

Валентин Рич

Горе от ума



Не знаем, как в других мирах, — но у нас на Кассиопее главной бедой цивилизации всегда были преждевременные открытия. Джек Соколиный глаз, впервые добывший огонь трением, спалил вигвам своего дяди с материнской стороны. Джон Купферникель, впервые обнаруживший цепную реакцию в уране, разрушил весь свой город. Но все это были невинные цветочки по сравнению с тем, что натворил профессор Смит.

Как это чаще всего бывает, сам по себе профессор Смит отличался редким благородством,

добродушием и даже сентиментальностью. Знай он, к чему приведут его педагогические исследования, такие безвредные на первый взгляд, он сжег бы свои рукописи по крайней мере на двадцать лет раньше. Но увы, вначале он этого не знал, а когда узнал — было поздно…

Все началось с методики преподавания. В двух словах, проблема сводилась к тому, что рост объема знаний стал резко обгонять скорость совершенствования методов их усвоения. Оно и понятно: накоплением знаний кассиопейцы занимались всем скопом, а усваивать приходилось индивидуально.

Если на заре цивилизации кассиопеец становился полноценным охотником за скальпами уже в шестнадцать лет, то, скажем, в миллион тысяча девятьсот двадцатом году кассиопейцу, прежде чем он мог по всем правилам снять скальп, надо было десять лет учиться в колледже, да потом еще столько же в специализированном скальпоснимательном учебном заведении. Так что практически полжизни он вбирал знания, а уж только потом испускал их с тем или иным технико-экономическим эффектом.

К моменту, когда Смит получил профессорскую кафедру, это соотношение стало еще менее

благоприятным. Сам Смит, например, получил семиступенчатое образование: детский сад с математическим уклоном, колледж общего типа, подготовительный факультет университета, университет, магистратура, докторантура, краткосрочные (шесть лет) курсы профессоров. И хотя средняя продолжительность жизни кассиопейца достигла к тому времени ста девяноста трех лет, профессору Смиту, начавшему испускать знания в возрасте семидесяти трех, было над чем задуматься.

С детства питая склонность к математике, профессор Смит купил портативную электронную машину и с ее помощью быстро сосчитал, что примерно через полтора века кассиопейцу придется расходовать всю свою жизнь на впитывание знаний, необходимых для поддержания цивилизации на достигнутом уровне. А на испускание у него не останется ни минуты. Произойдет своего рода короткое замыкание, результаты которого трудно предусмотреть.

Надо было что-то делать. И притом срочно.

Тогда-то профессор Смит и сделал свое изобретение, напоминающее о себе кассиопейцам и по сей день…

Выглядело это просто и даже, по мнению

некоторых, глупо: диета. До сих пор не могут разобраться, из чего эта диета состояла, но, по утверждению большинства участников эксперимента, главным продуктом, который они потребляли, был пчелиный мед с добавкой небольшого количества муравьиных яиц.

…В положенный срок в семьях участников эксперимента начали рождаться мальчики и девочки. Примерно до года они ничем особенно не проявляли себя, если не считать того любопытного факта, что первыми словами этих младенцев были не «мама» и «папа», а «дважды два четыре» и «сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы». Но затем…

Вот зауряднейший протокол, составленный дежурным полицейским сектора невинного детства в четверг 32 числа десятого месяца 1 202 964 года:

«Задержанный по обвинению в похищении большого синхротрона Академии наук Аллан Роллан Макфарлан четырех лет шести месяцев, проживающий по улице Изоспинов, 242, заявил, что вышеуказанный синхротрон обменян им на говорящего скворца по имени Ив, каковой скворец третьего дня вылетел в форточку и скрылся в неизвестном направлении. Имя и фамилия, а

также место пребывания бывшего владельца вышепоименованного говорящего скворца, а ныне владельца похищенного синхротрона Аллану Роллану Макфарлану неизвестны…»

В другой раз из центрального космопорта исчезли два трансгалактических корабля. Их случайно обнаружили сорок тысяч лет спустя в галактике М-124.

В третий раз…

Но все это — чепуха! Самое худшее произошло в тот день, когда профессор Смит собирался отпраздновать пятую годовщину эксперимента.

На рассвете кассиопейцы услышали оглушающий грохот. Выскочив из своих домиков, они обнаружили, что солнце, едва показавшись из-за горизонта, медленно уходит обратно за горизонт. А те, кто не успел выскочить, уже никогда ничего не смогли обнаружить, — потому что через мгновенье все домики на поверхности Кассиопеи срезало, словно бритвой.

Эти сорванцы стали раскручивать планету в обратном направлении!

Громадных трудов стоило кассиопейцам навести порядок. До сих пор кассиопейские сутки никак не придут в норму — то длятся на полминуты дольше, то становятся короче положенного

на семьдесят девять секунд…

Больше всех огорчен случившимся сам профессор Смит. Он подал в отставку, сжег свои рукописи и сейчас работает сторожем в кооперативном пансионате для потомков участников эксперимента. Встречая кого-нибудь из знакомых кассиопейцев, он каждый раз повторяет одну и ту же фразу:

— И кто бы мог подумать?..

Рисунки В. ЗУЙКОВА

1967

Рассвет чуть брезжил. Комендант Хафнер показался из люка, изумленно раскрыл глаза и тут же скрылся. Минуту спустя он появился снова, на этот раз вместе с Марном, биологом.

— Вчера вы утверждали, что никакая опасность нам здесь не грозит, — начал Хафнер вкрадчиво. — Надеюсь, вы не изменили своего мнения?

Увидев то же, что и комендант, Марн не сумел удержаться и улыбнулся.

— Ничего смешного здесь нет! — рявкнул Хафнер и направился в сторону спящих под деревьями колонистов.

— Миссис Эйсил! — Хафнер наклонился над неподвижной фигурой. Женщина приоткрыла на мгновенье глаза и повернулась на другой бок.

— Миссис Эйсил! — повторил комендант, — я

не отношу себя к зевакам. Но все же попросил бы вас что-нибудь накинуть на себя.

Эйсил вскочила и тут же приняла позу женщины, которая вдруг обнаружила, что неожиданно и помимо собственной воли оказалась обнаженной: одеяла, которые должны были ее прикрывать, исчезли, как исчезла и одежда, в которой она укладывалась спать.

Тем временем проснулись остальные.

— Всем к интенданту! — распорядился Хафнер. — Объяснения — потом!

Колонисты побежали к кораблю. Восемнадцать месяцев, которые они провели вместе в тесных каютах, помогли им избавиться от излишней застенчивости. Но, что ни говори, а вдруг проснуться вот так, абсолютно нагишом, да еще не зная, как и куда исчезла одежда, — было не так уж приятно.

— Надеюсь, вы уже пришли к какому-нибудь выводу? — бросил Хафнер, проходя мимо биолога.

От Марна, единственного ученого среди колонистов, всегда требовали готовых ответов на любые вопросы.

— Это, пожалуй, какие-нибудь ночные насекомые, — пробормотал он довольно неуверенно.

Хафнер скрылся в корабле, а Марн стал внимательно осматривать опустевшие заросли. Деревья были невысокие, с листьями цвета бутылочного стекла; кое-где на солнце поблескивали огромные белые цветы.

Вдруг биолог заметил, что снизу, из густой травы, за ним внимательно наблюдают два маленьких сверкающих глаза. Он протянул руку — зверек с писком увернулся. Поймать его удалось только на опушке. Сначала зверек визжал от страха, но потом успокоился и уже на пути к кораблю с аппетитом принялся за куртку биолога…

Комендант Хафнер, слушая Марна, неодобрительно поглядывал на клетку. Зверек был маленький, с редкой и тусклой шерстью — на экспорт таких шкурок рассчитывать не приходилось.

— …Насекомых, орехи, ягоды, семена, — продолжал перечислять биолог, — одежду… Я бы отнес их к разряду всеядных.

— Значит, это ваше Всеядное будет пожирать посевы?

— Вероятно.

Комендант размышлял недолго.

— Придется вам заняться этой пакостью. А пока — всем ночевать на корабле.

— Это Всеядное… — начал было биолог.

— Ладно, думайте сами, — оборвал его комендант и ушел.

Марн, не слишком обрадованный поручением, остался стоять у клетки. Вот такой же зверек жил на Земле в позднем карбоне — первобытный грызун, с которого, собственно, все и началось. Но здесь, на Феликсе, такой эволюции не произошло. Здесь нет пресмыкающихся, полным-полно птиц и только один вид млекопитающих. Спрашивается — почему? Решить загадку — вот основная задача биолога. А ему придется уничтожать этих занятных животных…

Спустя две недели произошло событие, по сравнению с которым переживания какой-то миссис Эйсил, оставшейся в костюме Евы, показались бы просто смешными. Мыши — черные, белые, пепельные, бурые, с длинными хвостами и короткими ушами или с короткими хвостами и длинными ушами — проникли в склад и стали пожирать концентраты.

Яды не действовали — средство, убивающее

одну особь в считанные секунды, почему-то оказалось совершенно безвредным для всех остальных. По сравнению с этими тварями Всеядное казалось просто милым домашним животным. Оставалось последнее средство.

Заказ биолога был исполнен через два дня. Машину принесли на склад в маленькой клетке. Когда клетку открыли, машина выскочила и остановилась в сторонке в выжидающей позе.

— Кошка! — радостно воскликнул кладовщик и протянул руку к мастерски сделанному роботу.

— Осторожней! — предостерег его биолог. — Вы могли прикоснуться к чему-нибудь, что пахнет мышью. Эта штука здорово реагирует на запах.

Кладовщик поспешно отдернул руку. Робот беззвучно скрылся среди развороченных ящиков.

Вскоре бесчинства мышей стали утихать. Комендант был доволен. Но на шестой день утром робот был найден бездыханным под стеллажами, где хранились банки с молочным порошком. Его стальной скелет был смят, шкура из прочного пластика — содрана. Кот, несомненно, сражался: вокруг него валялось штук двадцать или тридцать поверженных врагов. Грызуны победили, используя явный численный перевес.

Марн едва поверил собственным глазам: теперь

это были крысы, здоровенные крысы чуть не с кошку ростом. Но ведь Институт биологических исследований, пославший его сюда, утверждал, что на Феликсе крыс нет, как нет, впрочем, и мышей!

Марн собрал мертвых крыс и унес их к себе. Все они были разными. Взять, например, зубы. То встречались крысы, у которых в непропорционально маленьких челюстях гнездились могучие клыки, то попадались экземпляры с миниатюрными зубками, тонувшими в мощных костных структурах. И в строении внутренних органов тоже были различия. Ни разу в жизни Марн не сталкивался с таким странным видом!

Марн сидел в своей лаборатории и снова пытался осмыслить происходящее.

...Колонисты ощупали недра планеты зондом. В верхних слоях было полно останков Всеядных; последние двадцать тысяч лет все было в порядке. Но ниже! Ниже не удалось найти никаких следов жизни — ничего! И только гораздо глубже — на Земле подобные породы можно было отнести к карбону — опять появлялись черепа, кости, целые скелеты. В величайшем изобилии. И как две

капли воды похожие на останки земных ящеров.

…Комендант может говорить, что угодно, но Институт тут не при чем. Если Институт определил, что на Феликсе нет ни мышей, ни крыс — значит, их действительно не было в момент обследования. Но тогда — откуда они появились?

…Ящеры. Такие же были и на Земле. Они вымерли, не успев дать начало хозяевам суши — млекопитающим. Те первые и были точь в точь как Всеядное.

…С мышами, как будто, удалось справиться, хоть пришлось построить новый склад. А с крысами неплохо воюют терьеры — обыкновенные псы, люто ненавидящие грызунов. Когда-то они здорово помогали в хлебных амбарах на Земле, а теперь им нашлась такая же работа здесь, на Феликсе. Прыжок, щелчок челюстями, рывок головой — и крыса валяется с переломанными костями.

…Мыши появились на Земле гораздо позже, чем животные вроде этого Всеядного. Крысы — еще позже. Но тогда здесь на Феликсе происходит сейчас…

Комендант Хафнер был настроен вполне

благодушно, пригласил биолога сесть и даже предложил ему сигарету.

Марн закурил.

— Я полагаю, вы охотно услышите, откуда взялись мыши, — начал он.

— Они же нас почти не тревожат, — снисходительно улыбнулся Хафнер.

— Мне удалось открыть также и происхождение крыс.

— Так ведь и с ними все идет теперь как по маслу.

Марн призадумался, не зная, как приступить к делу.

— Феликса, — произнес он наконец, — имеет климат и топографию земного типа. По крайней мере, последние двадцать тысяч лет. Значительно раньше, сто или двести миллионов лет назад, она тоже напоминала Землю в аналогичную эпоху.

На лице коменданта он увидел вежливое выражение, с каким занятые люди слушают всех, кто старается объяснять им общеизвестные истины.

— И вот сто миллионов лет назад на Феликсе произошло что-то странное, — гнул свое биолог. — Я не знаю, в чем именно было дело. Может быть, флуктуации здешнего солнца. Или нару-

шение равновесия сил внутри самой планеты. Или столкновение с чем-то космическим. Так или иначе, климат здесь сразу же переменился — и всяческим динозаврам пришел конец. Как и на Земле. Не вымер только прародитель наших Всеядных…

Постарайтесь представить себе характер катастрофы! Сначала выжженная пустыня, затем она превращается в джунгли, потом на этом месте оказывается ледник. Ледник тает — и цикл начинается сначала. И все это происходит на протяжении жизни одного животного, одной особи вида Всеядных! Так продолжается сто миллионов лет…

Хафнер вдруг забеспокоился:

— Вы сказали, что климат стал нормальным двадцать тысяч лет назад. А может он опять сбиться с толку?

— Не имею ни малейшего представления, — честно признался биолог. — Но сейчас важно другое. Дело в том, что выжить здесь было чрезвычайно трудно. Птицы могли перелетать с места на место, и поэтому их сохранилось великое множество. Но из млекопитающих уцелел лишь этот один-единственный вид. Он способен чертовски быстро изменяться, приспосабливаться

к новым условиям. Когда мы прилетели, мышей на Феликсе не было, они родились от Всеядных величиной с белку.

— А крысы?

— Это следующий калибр…

— Другими словами, мы никогда не избавимся от этих бестий, — мрачно констатировал Хафнер. — Разве что нам придется уничтожить здесь все живое.

— Вы думаете о бомбе? — спросил биолог. — Вряд ли это поможет. Жизнь на Феликсе выдерживала и худшие передряги.

Хафнер надолго задумался.

— А может, нам лучше убраться подобру-поздорову?

— Слишком поздно, — вздохнул биолог. — Вскоре эти животные окажутся на Земле и на всех остальных освоенных нами планетах…

Комендант ошалело уставился на Марна. На Феликсу прилетело три космических корабля. Один из них остался вместе с колонистами на случай непредвиденных обстоятельств, а два других вернулись на Землю. На них отправлены образцы местной фауны…

— Мы обязаны остаться здесь, — сказал Марн. — Мы обязаны что-нибудь придумать…

Глухой рев за окном прервал биолога. Хафнер вскочил, схватил ружье и бросился к двери. Марн устремился за ним.

Комендант бежал по полю к лесу. На пригорке он резко остановился, припал на одно колено и выстрелил. Рыжая полоса огня ударила по зелени. Слишком высоко.

Он прицелился еще раз и снова нажал на спуск. Зверь подпрыгнул и свалился на землю мертвый.

Минуту спустя мужчины стояли над трупом животного. Нарисовать ему еще полосы на боках — и это была бы точная копия тигра…

Колония не поддалась. Собственно, тигры доставили не так уж много хлопот — это были прекрасные мишени. Но охранять поселок приходилось теперь круглосуточно.

А вскоре Марн заметил, что внутренние органы хищников изменяются странным образом. Тигр, убитый позавчера, был словно гигантский новорожденный котенок; его желудок был приспособлен, похоже, к перевариванию молока, но

никак не мяса…

Это был последний убитый тигр.

Время шло, не принося больше ничего пугающего. Животное, перенесшее космическую катастрофу, оказалось бессильным перед человеком… Так, по крайней мере, всем казалось.

Но месяца за три до прибытия очередной группы колонистов животное снова дало о себе знать: на полях появились потравы.

Собаки на сей раз не помогли. Они даже не шли по следу. Хафнер снова мобилизовал колонистов, целую неделю нр полях дежурили по ночам, но никто так ничего и не увидел. Охрану усилили, на полях начали ставить сигнализацию — а животное продолжало хозяйничать. Разумеется, там, где сигнализации не было.

И все же на третий день, перед самым рассветом, сигнал прозвучал. Комендант объявил тревогу. А сам вместе с биологом бросился в обход поля, чтобы отрезать животному путь к отступлению.

Они пробирались сквозь заросли, стараясь не шуметь. А животное — оно не то чтобы шумело, но, кажется, не стремилось ускользнуть незаме-

ченным. Во всяком случае, им было слышно, как оно рвет колосья.

Наконец, голубое солнце Феликсы взошло и осветило того, кого они искали. От неожиданности Хафнер опустил ружье, но мгновение спустя вскинул его снова и, сжав зубы, прицелился.

— Не стреляйте! — Марн грудью заслонил цель.

— Я здесь комендант, — злобно прошипел Хафнер. — А это опасный…

— Опасный, — подтвердил биолог, — и поэтому — не стреляйте! Вы понимаете? Здесь прошло всего два года… На Земле на это ушли миллионы лет!

Хафнер медлил, но ружья не опускал.

— Неужели вы до сих пор так ничего и не поняли? — напирал на него биолог. — Веками мы не можем справиться с нашими собственными, земными крысами, так каким же чудом вы хотите…

— Тем более следует начинать сейчас же, — резко возразил Хафнер.

Марн потянул вниз ствол его ружья.

— Нет, вы все еще ничего не поняли! Здесь действует закон прогресса: после тигров появилось это. А если не повезет и этому продукту эволюции, — что они породят в следующий раз?

С тем, что появится после, я предпочел бы не ссориться…

Оно услышало их голоса. Подняло голову и осмотрелось, а потом не спеша направилось в сторону рощи.

Биолог негромко окликнул его. Оно остановилось в тени деревьев.

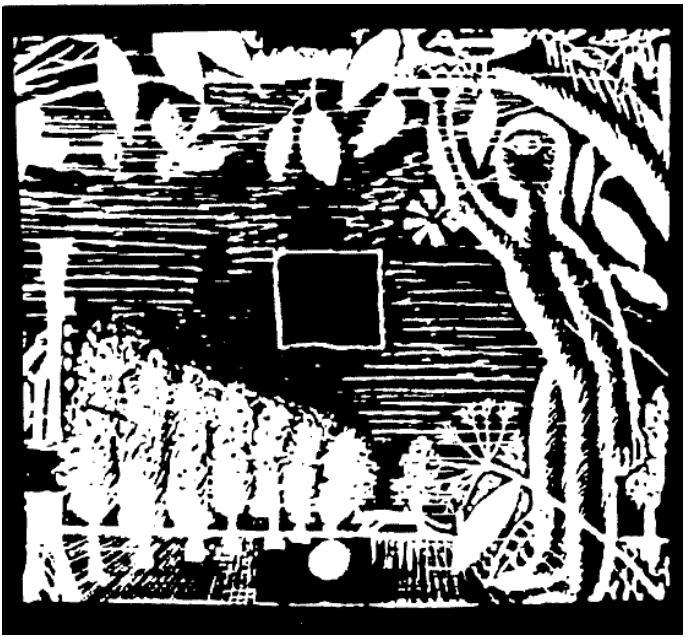
Хафнер и Марн положили ружья на землю и медленно пошли туда. Руки они протянули в стороны в знак того, что идут без оружия.

Оно вышло из-за деревьев навстречу.

Голое — не успело еще придумать себе одежды. Оружия у него тоже не было. Оно сорвало с дерева огромный белый цветок и несло его перед собой в знак мира.

— Поразительно, — пробормотал Марн. — Выглядит взрослым, хотя этого никак не может быть… Страшно хотелось бы мне осмотреть…

— Меня больше беспокоит, что у него на уме, — угрюмо отозвался Хафнер.



Сокращенный перевод с английского И. Брухнов

Рисунки Ю. Купермана

№ 2
А. Азимов

Ловушка для простаков

1

В компиляции текст повести приведён полностью.

Космический корабль «Трижды Г» вырвался из пустоты гиперпространства и появился в бесконечном пространстве-времени. Вокруг него сияло огромное звездное скопление Геркулеса.

Корабль неуверенно повис, окруженный бесчисленными солнцами, каждое из которых было центром могучего поля тяготения, вцепившегося в крохотную металлическую скорлупку. Но вычислительные машины корабля не ошиблись — он оказался точно в назначенном месте. Только один день полета — обычного пространственного полета — отделял его от системы Лагранжа.

Каждый, кто был на борту, воспринял это известие по-своему. Для экипажа это означало еще один день работы, еще один день оплаты по ставкам за полетное время, а потом — отдых на поверхности. Планета, куда они направлялась, была необитаема, но отдохнуть приятно даже на астероиде. Что могли думать по этому поводу пассажиры, членов экипажа не интересовало.

Пассажиров они недолюбливали и старались держаться от них подальше. Ведь это же были сплошь «головастые»!

Так оно и было — все пассажиры, кроме одного, были «головастыми». Выражаясь вежливее, это были ученые, и притом довольно разношерстная компания. Единственным чувством, которое объединяло их в тот момент, было беспокойство за свои приборы и смутное желание еще раз проверить, все ли с ними в порядке.

Ну и, пожалуй, едва заметное ощущение тревоги. И возросшего напряжения. Планета была необитаема — каждый не однажды высказывал в этом свое твердое убеждение. Но в чужую душу не влезешь: у каждого на этот счет могли быть и свои мысли.

Что касается единственного на борту корабля человека, который не принадлежал ни к экипажу, ни к ученым, то он чувствовал прежде всего смертельную усталость. С трудом поднявшись на ноги, он пытался стряхнуть с себя последние остатки космической болезни. Звали его Марк Аннунчио, и он провел в постели, почти без еды, все эти четыре дня, пока корабль находился вне Вселенной, преодолевая расстояние во много световых лет.

Но сейчас Марку уже не казалось, что он вот-вот умрет, и настало время явиться по вызову капитана. Удовольствия это Марку не доставляло: он привык делать все по-своему и видеть только то, что ему хотелось. Кто такой этот капитан, чтобы…

Его снова и снова подмывало рассказать все доктору Шеффилду и с этим покончить.

Но Марк был любопытен и знал, что все равно пойдет к капитану. Любопытство было его единственным недостатком.

Оно же было его профессией и призванием в жизни.

2

Капитану Фолленби все было нипочем. Так он обычно о себе думал. А совершать рейсы по заданию правительства ему приходилось и раньше. Прежде всего это сулило прибыль. Конфедерация не скупилась на расходы. Это означало, что корабль каждый раз проходил капитальный ремонт, что все ненадежные части заменяли

новыми, что экипажу хорошо платили. Это было выгодное дело. Чертовски выгодное.

Но этот рейс был не совсем обычным.

Дело не в том, что пришлось взять на борт таких пассажиров. Он было опасался склок, истерик, невозможной тупости, но оказалось, что «головастые» лишь немногим отличаются от нормальных людей.

Дело даже не в том, что его корабль наполовину разобрали, переоборудовав в «универсальную лабораторию», как было сказано в контракте. Об этом он старался не думать.

Дело было в Малышке — далекой планете, куда они направлялись.

Экипаж, конечно, ничего не знал. Но сам капитан, хоть ему было все нипочем и так далее, начинал беспокоиться.

Только начинал…

А сейчас его больше всего раздражал этот Марк Аннунсио — так, что ли, его зовут? Капитан сердито потер руки, и его широкое, круглое лицо побагровело от гнева.

Вот наглость!

Мальчишка, которому нет еще и двадцати, пустое место по сравнению с другими пассажирами — и вдруг такое потребовать!

Что-то тут неспроста. Во всяком случае, это предстоит выяснить.

Вместо выяснения он с удовольствием взял бы кое-кого за шиворот и тряхнул бы так, чтобы зубы застучали… Но нельзя. Нельзя.

В конце концов уж очень странным был этот рейс, зафрахтованный Конфедерацией Планет, и, возможно, двадцатилетний любитель совать нос не в свое дело тоже для чего-то нужен. Но зачем он понадобился? Вот, например, у этого доктора Шеффилда, можно подумать, нет другого дела, как только носиться с этим мальчишкой, Что это значит? Кто такой этот Аннунсио?

Всю дорогу он страдал космической болезнью. А может быть, это был просто предлог, чтобы сидеть в своей каюте?

У двери прожужжал звонок.

Это он.

Спокойнее, подумал капитан. Спокойнее.

3

Входя в каюту капитана, Марк Аннунчио облизал губы, тщетно пытаясь избавиться от горечи во рту. У него слегка кружилась голова и было тяжело на сердце. В этот момент он был бы рад отказаться даже от своей работы, лишь бы снова попасть на Землю.

Он с сожалением вспомнил свою маленькую, но уютную комнату, знакомую до мелочей, где он наслаждался уединением среди себе подобных. Там стояли только кровать, стол, стул и шкаф, но к его услугам в любой момент была вся Центральная библиотека. Здесь не было ничего. Он думал, что на борту корабля можно узнать много нового. Он еще никогда не бывал на борту корабля. Но он не ожидал, что проваляется все эти долгие дни, страдая космической болезнью.

Ему до слез хотелось домой. Он чувствовал отвращение к самому себе, зная, что его глаза покраснели и слезятся и что капитан это наверняка заметит. Он чувствовал отвращение к себе, потому что знал, что мал, тщедушен и похож на мышонка.

Так оно и было. У него были шелковистые прямые волосы мышиного цвета, узкий, уходя-

щий назад подбородок, маленький рот и острый носик. Для полного сходства не хватало только пяти-шести усиков, которые торчали бы с каждой стороны. И роста он был ниже среднего.

Но тут он увидел в иллюминаторе капитанской каюты звездное небо, и у него захватило дух.

Звезды!

Таких он никогда еще не видел!

Марк ни разу не бывал за пределами Земли. (Доктор Шеффилд говорил, что именно поэтому он и заболел космической болезнью. Марк ему не верил. Он пятьдесят раз читал в книгах, что космическая болезнь имеет психогенное происхождение. Даже доктор Шеффилд иногда пытался его обмануть.) Он ни разу не бывал за пределами Земли и привык к земному небу. Он привык видеть разбросанные по небосводу две тысячи звезд, и из них только десять первой величины.

Здесь же они теснились несметными толпами. В одном маленьком квадрате иллюминатора их было в десять раз больше, чем на всем земном небе. А какие яркие!

Он жадно запечатлевал в уме их расположение. Звезды потрясли его. Конечно, он знал все цифровые данные о скоплении Геркулеса, содержавшем до 10 миллионов звезд (точной переписи

еще не было). Но цифры — это одно, а звезды — совсем другое.

Ему захотелось их сосчитать. Это желание внезапно охватило его с непреодолимой силой. Любопытно, сколько их здесь, все ли они имеют названия, известны ли их астрономические характеристики. Минутку…

Он отсчитывал их по сотням. Две, три… Он мог бы делать это и по памяти, но ему нравилось смотреть на реальные физические предметы, особенно такой потрясающей красоты. Шесть, семь…

Добродушный раскатистый голос капитана заставил его вспомнить, где он находится.

— Мистер Аннунсио? Рад вас видеть.

Марк вздрогнул и с негодованием повернулся к нему. Почему ему помешали считать? Показав на иллюминатор, он раздраженно сказал:

— Звезды!

Капитан повернулся и уставился на них.

— Ну и что! Что-нибудь неладно?

Марк стоял, глядя на широкую спину капитана и его толстый зад, на серую щетку волос, покрывавшую его голову, и на две большие руки с толстыми пальцами, переплетенными за спиной и ритмично похлопывавшими по блестящему

пластику куртки.

«Что он понимает в звездах? — подумал Марк. — Какое ему дело до их размера, светимости, спектрального класса?»

Нижняя губа Мерка дрогнула. Этот капитан — тоже «нонкомпос». Все на этом корабле — нонкомпосы. Так их прозвали сотрудники мнемонической Службы. Нонкомпосы. Все до единого. Без счетной машины и пятнадцать в куб не возведут.

Марк почувствовал себя очень одиноким.

Он решил, что объяснять все это нет смысла, и сказал:

— Звезды здесь такие густые. Как гороховый суп.

— Это только кажется, мистер Аннунсио. (Капитан произносил «Аннунсио» вместо «Аннунчио», и это резало слух Марка.) — Среднее расстояние между звездами в самом густом скоплении — не меньше светового года. Места хватает, а? Правда, на вид тесновато. Это верно. Если выключить свет, они светят не хуже, чем триллион точек Чисхольма в осциллирующем силовом поле.

Но он не предложил выключить свет, а просить его об этом Марк не собирался.

— Садитесь, мистер Аннунсио, — продолжал

капитан. — В ногах правды нет, а? Курите? Не возражаете, если я закурю? Жаль, вас на было тут утром. В шесть локального времени были прекрасно видны Лагранж-I и Лагранж-II. Красный и зеленый. Как светофор, а? Но вас не видно всю дорогу. Космическая болезнь одолела, а?

Эти «а?», которые капитан выкрикивал резким, визгливым голосом, страшно раздражали Марка. Он тихо ответил:

— Сейчас я чувствую себя хорошо.

Казалось, это не очень обрадовало капитана. Он запыхтел сигарой, уставился на Марка, сдвинув брови, и медленно сказал:

— Все равно, рад вас видеть. Немного познакомиться. Вашу руку. «Трижды Г» не первый раз в специальном правительственном рейсе. До сих пор никаких неприятностей. Никогда не имел неприятностей. Не желаю неприятностей. Понимаете?

Марк ничего не понимал и даже не пытался. Его жадный взгляд снова вернулся к звездам. Их расположение немного изменилось.

Капитан на мгновение перехватил его взгляд, нахмурился и, казалось, хотел пожать плечами. Он подошел к пульту управления, и металлическая штора, скользнув по сверкавшему звездами

иллюминатору, закрыла его, как гигантское веко. Марк вскочил, закричав в бешенстве:

— Что еще такое? Я считал их, идиот!

— Считал?.. — капитан побагровел, но заставил себя вежливо продолжать. — Извините. Нам нужно поговорить о деле.

На словах «о деле» он сделал едва слышное ударение. Марк знал, что он имеет в виду.

— Говорить не о чем. Я хочу посмотреть судовой журнал. Я звонил вам несколько часов назад и так и сказал. Вы меня задерживаете.

— А не скажете ли вы, зачем вам смотреть журнал, а? — спросил капитан. — Еще никто об этом не просил. Вы имеете на это право?

Марк был изумлен.

— Я имею право смотреть все, что захочу. Я из Мнемонической Службы.

Капитан запыхтел сигарой — специальной марки, выпускавшейся для космических полетов, с добавлением окислителя, чтобы не расходовать кислорода воздуха. Он осторожно ответил:

— Да? Никогда о такой не слыхал. Что это такое?

— Мнемоническая Служба, и все тут, — возмущенно ответил Марк. — Это моя работа: я должен смотреть все, что захочу, и задавать любые во-

просы, какие захочу. И я на это имею право.

— Но вы не получите журнал, если я не пожелаю.

— Вашего мнения не спрашивают, вы… нонкомпос!

Терпение капитана иссякло. Он в ярости швырнул на пол сигару и растоптал ее, потом подобрал остатки и тщательно запихнул в мусоропровод.

— Куда вы гнете? — спросил он. — Кто вы вообще такой? Секретный агент? В чем дело? Выкладывайте сейчас же.

— Я сказал вам все, что нужно.

— Мне нечего скрывать, — сказал капитан, — но у меня есть свои права.

— Нечего скрывать? — завопил Марк. — А почему этот корабль называется «Трижды Г»?

— Такое у него название.

— Рассказывайте! В земном регистре такого нет. Я это знал с самого начала и собирался вас спросить.

Капитан заморгал глазами и ответил:

— Официальное название — «Георг Г. Гронди». Но все называют его «Трижды Г».

Марк рассмеялся.

— Ну вот, видите? А когда я посмотрю журнал, я поговорю с экипажем. У меня есть на это право.

Спросите доктора Шеффилда.

— И с экипажем тоже, а? — капитан был вне себя от ярости. — Давайте сюда вашего доктора Шеффилда, и мы вас обоих запрем в каюте до посадки. Щенок!

Он схватил телефонную трубку.

4

Научный персонал «Трижды Г» был невелик для той работы, которая ему предстояла, и личный состав его был довольно молод. Может быть, не настолько, как Марк Аннунчио, который был сам по себе, но даже самому старшему из ученых, астрофизику Эммануэлю Джорджу Саймону, еще не было тридцати девяти. А темные густые волосы и большие блестящие глаза делали его еще моложе. Правда блеском глаз он отчасти был обязан контактным линзам.

Саймон, слишком хорошо помнивший о своем возрасте, а также и о том, что именно он назначен номинальным начальником экспедиции (о чем большинство остальных было склонно за-

бывать), обычно напускал на себя скептическое отношение к стоявшей перед ними задаче. Вот и сейчас он, просмотрев на руках перфоленту, дав ей снова свернуться в рулон и усевшись в самое мягкое кресло в крохотной гостиной для пассажиров, вздохнул и сказал:

— Все то же самое. Ничего.

Перед ним лежали последние цветные снимки системы двойной звезды Лагранжа, но даже их красота не производила на него никакого впечатления. Лагранж-I, поменьше и чуть горячее земного Солнца, сиял ярким зелено-голубым светом, окруженный жемчужной зеленовато-желтой короной, как изумруд в золотой оправе. Он казался не больше горошины. Недалеко от него (насколько можно было судить по фотографии) находился Лагранж-II. Он был расположен так, что казался вдвое больше Лагранжа-I (на самом деле его диаметр составлял всего 4/5 диаметра Лагранжа-I, объем — половину, а масса — две трети). Его красно-оранжевые тона, к которым пленка была менее чувствительна, чем сетчатка человеческого глаза, выглядели на снимке еще тусклее, чем обычно, рядом с сиянием соседнего солнца.

Оба солнца окружала небывалая свергающая

россыпь звезд скопления Геркулеса, не тонувшая в солнечном свете благодаря специальным поляризованным объективам. Это было похоже на густо рассыпанную алмазную пыль — желтую, белую, голубую и красную.

— Ничего, — вздохнул Саймон.

— А по-моему, неплохо, — отозвался сидевший в гостиной врач Гроот Новенаагль — небольшого роста, полный человек, которого никто не называл иначе, чем «Нови».

— А где Малышка? — спросил он и нагнулся над Саймоном, глядя ему через плечо слегка близорукими глазами. Саймон покосился на него.

— Она называется не «Малышка». Если вы имеете в виду планету Трою, то в этой проклятой мешанине заезд ее не видно. Эта картинка годится разве что для научно-популярного журнала. Толку от нее немного.

— Жаль… — разочарованно протянул Нови.

— А вам-то какая разница? — спросил Саймон. — Предположим, я скажу вам, что одна из этих точек — Троя. Любая. Вы все равно не отличите ее от других, так зачем вам это?

— Нет, погодите, Саймон. Пожалуйста, не изображайте такое презрение. Это же вполне законное чувство. Мы ведь будем жить на Малышке. Как

знать, может быть, на ней мы и умрем…

— Нови, здесь нет ни слушателей, ни оркестра, ни микрофонов, ни фанфар зачем ломать комедию? Мы там не умрем. Если и умрем, будем сами виноваты, да и то скорее всего — от обжорства.

Это было сказано так, как обычно люди с плохим аппетитом говорят о любителях поесть, будто скверное пищеварение неотделимо от безупречной добродетели и интеллектуального превосходства.

— Умерло же там больше тысячи человек, — тихо сказал Нови.

— Верно. Во всей Галактике умирает миллиард человек в день.

— Но не так.

— Не как?

Нови ответил, как обычно, лениво растягивая слова, хотя это стоило ему некоторого усилия:

— Решено этот вопрос обсуждать только на официальных заседаниях.

— Нечего тут и обсуждать, — мрачно сказал Саймон. — Это просто два обыкновенные звезды. Будь я проклят, если знаю, зачем вызвался лететь. Наверное, просто потому, что представился случай увидеть вблизи необычно большую звездную систему троянского типа. И еще — взглянуть на

пригодную для обитания планету с двойным солнцем. Не знаю, почему я решил, что в этом есть что-нибудь удивительное.

— Потому что вы подумали о тысяче погибших мужчин и женщин, — сказал Нови и торопливо продолжал:

— Послушайте, не можете ли вы мне сказать, что такое вообще «планета троянского типа»?

Врач стойко выдержал полный презрения взгляд собеседника и добавил:

— Ладно, ладно. Ну, я не знаю. Вы тоже не всё знаете. Что вы знаете об ультразвуковых разрезах?

— Ничего, — ответил Саймон, — и, по-моему, это очень хорошо. Я считаю, что всякая информация, выходящая за пределы прямой специальности, бесполезна и требует пустой траты умственного потенциала. С точкой зрения Шеффилда я не согласен.

— А все-таки я хочу знать. Конечно, если вы можете объяснить.

— Могу. Правда, об этом говорилось в первом информационном сообщении, если вы его слушали. У большинства кратных звезд — а это значит, у трети всех звезд, — есть какие-нибудь планеты. К сожалению, они обычно непригодны для жизни.

Если они достаточно далеки от центра тяготения звездной системы, чтобы иметь более или менее круговую орбиту, то на них так холодно, что их покрывают океаны жидкого гелия. Если же они достаточно близки, чтобы получать тепло, то их орбиты так неправильны, что по меньшей мере один раз за оборот они приближаются к какой-нибудь из звезд настолько, что на них и железо бы расплавилось. А здесь, в системе Лагранжа, все не так, как обычно. Обе звезды — Лагранж-I и Лагранж-II — и планета Троя со своим спутником Илионом находятся в вершинах воображаемого равностороннего треугольника. Ясно? А такое расположение, оказывается, устойчиво; только ради чего угодно, не спрашивайте меня, почему. Считайте, что это мое профессиональное мнение.

— Мне никогда не пришло бы в голову подвергать его сомнению, — пробормотал вполголоса Нови.

Казалось, Саймон остался чем-то недоволен, но продолжал:

— Вся система в целом вращается вокруг общего центра. Троя всегда находится в ста миллионах миль от каждого из солнц, а солнца — в ста миллионах миль друг от друга.

Нови почесал ухо. Он был как будто не совсем удовлетворен ответом.

— Это все я знаю. Я все-таки слушал информационное сообщение. Но почему это называется «планетой троянского типа»? Что за «троянский тип»?

Тонкие губы Саймона на мгновение сжались, как будто он усилием воли сдержал резкое слово.

— У нас в Солнечной системе тоже есть такое сочетание. Солнце, Юпитер и группа мелких астероидов образуют устойчивый равносторонний треугольник, А астероидам были даны имена Гектора, Ахиллеса, Аякса и других героев троянской войны. Поэтому… Есть необходимость продолжать?

— И это все? — спросил Нови.

— Да. Теперь вы больше не будете ко мне приставать?

— О, пропадите вы пропадом.

Нови встал, оставив возмущенного астрофизика, но за мгновение до того, как его рука коснулась кнопки на дверном косяке, дверь скользнула вбок, и в гостиную вошел Борис Вернадский — широколицый, чернобровый и большеротый геохимик экспедиции, отличавшийся неумерен-

ным пристрастием к рубашкам в мелкий горошек и магнитным запонкам из красного пластика. Не обратив никакого внимания на раскрасневшееся лицо Нови и каменное выражение на физиономии астрофизика, он сказал:

— Братья-ученые, если вы внимательно прислушаетесь, то услышите там, наверху, а капитанской каюте, такой взрыв, какого еще никогда не слыхали.

— Что случилось? — спросил Нови.

— Капитан взял в оборот Аннунчио — этого драгоценного мага и чародея, с которым так носится Шеффилд, и тот понесся наверх с налитыми кровью очами.

Саймон, до сих пор слушавший его, фыркнул и отвернулся.

Нови сказал:

— Шеффилд? Но ведь он и сердиться не умеет. Я никогда не слышал, чтобы он повысил голос.

— На этот раз он не выдержал. Когда он узнал, что мальчишка ушел из своей каюты, не сказав ему, и что капитан его кроет… Ого-го! Вы знали, что он уже гуляет. Нови?

— Нет, не знал, но это не удивительно. Такая уж штука космическая болезнь. Когда она тебя одолевает, кажется, что вот-вот умрешь. Даже

хочется, чтобы поскорее. А через две минуты все как рукой снимет, и чувствуешь себя здоровым. Слабым, но здоровым. Я утром сказал Марку, что мы завтра садимся. Вероятно, это его и вылечило. Мысль о близкой посадке на планете творит чудеса при космической болезни. Ведь мы в самом деле садимся, правда, Саймон?

Астрофизик издал невнятный звук, который можно было истолковать как утвердительное ворчание. По крайней мере так понял его Нови.

— А все-таки что случилось? — спросил Нови.

— Ну, Шеффилд живет у меня в каюте с тех пор, как мальчишка загнулся. Сидит он сегодня за столом со своими дурацкими таблицами и крутит карманную вычислительную машинку, как вдруг по телефону звонит капитан. Оказывается, мальчишка у него, и капитан желает знать, зачем такое-сякое и этакое правительство вздумало подослать к нему шпиона. А Шеффилд орет ему, что проткнет его насквозь макронивелировочной трубкой Колламора, если он что-нибудь позволит себе с мальчишкой. А потом он вылетает из каюты, бросив трубку и оставив капитана с пеной у рта от ярости.

— Вы все выдумали, — сказал Нови. — Шеффилд никогда не скажет ничего подобного.

— Ну, что-то в этом роде.

Нови повернулся к Саймону.

— Вы возглавляете нашу группу. Почему вы ничего не предпримете?

— Ну да, в таких случаях я возглавляю группу, — огрызнулся Саймон. — Если что-нибудь случается, отвечаю всегда я. Пусть разбираются сами. Шеффилд за словом в карман не полезет, а капитан никогда не вынет рук из-за спины. Яркое описание Вернадского еще не значит, что произойдет кровопролитие.

— Да, но зачем допускать ссоры в такой экспедиции?

— Вы говорите о нашей высокой миссии? — Вернадский в притворном ужасе воздел руки и закатил глаза. — О, как страшит меня мысль о том времени, когда мы окажемся среди костей и остатков первой экспедиции!

Представившаяся всем картина не вызывала особого веселья, и все замолчали. Даже затылок Саймона — единственное, что виднелось поверх спинки кресла, казалось, на мгновение напрягся.

5

Освальд Мейер Шеффилд, психолог, был тощ, как жердь, и обладал столь же высоким ростом, а также могучим голосом, позволявшим ему с неожиданной виртуозностью исполнять оперные арии или же спокойно, но язвительно добивать противника в споре. Когда он входил в каюту капитана, на его лице не было заметно гнева, которого можно было бы ожидать, судя по рассказу Вернадского. Он даже улыбался.

Как только он вошел, капитан набросился на него:

— Слушайте, Шеффилд…

— Минутку, капитан Фолленби, — прервал его Шеффилд. — Как ты себя чувствуешь, Марк?

Марк опустил глаза и глухо ответил:

— Все в порядке, доктор Шеффилд.

— Я не знал, что ты уже встал с постели.

В его голосе не был слышен упрек, но Марк виновато ответил:

— Я почувствовал себя лучше, доктор Шеффилд, и мне не по себе без дела. Все время, что я на

корабле, я ничего не делаю. Поэтому я позвонил капитану и попросил его показать мне судовой журнал, а он вызвал меня сюда.

— Ну, хорошо. Я думаю, он не будет возражать, если ты сейчас вернешься к себе.

— Ах, не буду?.. — начал капитан.

Шеффилд ласково поднял на него глаза.

— Я отвечаю за него, сэр.

И капитан почему-то не смог ничего возразить.

Марк послушно повернулся, чтобы идти. Шеффилд подождал, пока дверь за ним плотно закроется, и повернулся к капитану:

— Какого черта, капитан?

Капитан несколько раз угрожающе качнулся всем телом и с отчетливо слышным хлопком судорожно сцепил руки за спиной.

— Этот вопрос должен задать я. Я здесь капитан, Шеффилд.

— Я знаю.

— Знаете, что это значит, а? Пока этот корабль находится в космосе, он рассматривается как планета, и мне предоставлена на нем абсолютная власть. В космосе мое слово — закон. Даже Центральный Комитет Конфедерации не может его отменить. Я должен поддерживать дисциплину,

и никакие шпионы…

— Ладно. А теперь, капитан, послушайте, что я вам скажу. Вас зафрахтовало Бюро по делам периферии, чтобы вы доставили правительственную экспедицию в систему Лагранжа, находились там столько, сколько понадобится для ее работы и сколько позволит безопасность экипажа и корабля, а потом доставили нас домой. Вы подписали договор и приняли на себя некоторые обязательства. Например, вы не должны трогать или портить наши приборы.

— Кто же их трогает? — возмутился капитан, Шеффилд спокойно ответил:

— Вы. Капитан, оставьте в покое Марка Аннунчио. Вы не должны его трогать, так же как вы не трогаете монохром Саймона и микрооптику Вайо. Ясно?

Облаченная в мундир грудь капитана поднялась.

— Я не желаю выслушивать приказания на борту своего собственного корабля. Ваши разговоры — нарушение дисциплины, мистер Шеффилд. Еще слово — и вы будете арестованы в своей каюте вместе с вашим Аннунчио. Не нравится — можете обращаться в Контрольное бюро, когда вернетесь. А до тех пор — помалкивайте!

— Постойте, капитан, дайте мне объяснить, Марк — из Мнемонической Службы…

— Ну конечно, он так и говорил. Номоническая служба, номоническая служба… По-моему, это просто тайная полиция. Так вот, на борту моего корабля этого не будет, а?

— Мне-мо-ни-чес-кая Служба, — терпеливо повторил Шеффилд. — Это от греческого слова «память».

Капитан прищурился.

— Он что, все запоминает?

— Именно, капитан. Понимаете, это отчасти я виноват. Я должен был поставить вас в известность об этом. Я так и сделал бы, если бы мальчик на заболел сразу после старта. Я больше ни о чем не мог думать. И потом мне не приходило в голову, что он может заинтересоваться самим кораблем. Хотя почему же нет? Его все должно интересовать.

— Все, а? — капитан взглянул на стенные часы. — Так поставьте меня в известность сейчас, а? Без долгих разговоров. И вообще поменьше разговоров. Время ограничено.

— Это недолго, уверяю вас. Вот, капитан, вы старый космический волк. Сколько обитаемых планет входит в Конфедерацию?

— Восемьдесят тысяч, — ответил капитан не задумываясь.

— Восемьдесят три тысячи двести, — поправил Шеффилд. — Кто, по-вашему, руководит такой огромной политической организацией?

Капитан снова без колебаний ответил:

— Вычислительные машины.

— Верно. Существует Земля, где половина населения обслуживает правительство и только и делает, что считает, а на всех других планетах есть вычислительные центры. И все равно многие сведения теряются. Каждая планета знает что-то такое, чего не знают другие. Даже почти каждый человек. Возьмите нашу маленькую группу. Вернадский не знает биологии, а я ничего не понимаю в химии. Ни один из нас, кроме Фоукса, не мог бы пилотировать самый простой патрульный космолет. Поэтому мы и работаем вместе: каждый приносит те познания, которых не хватает другим. Но тут есть одна зацепка. Ни один из нас не знает точно, что именно из того, что он знает, важно для других при данных обстоятельствах. Мы же не можем сидеть и рассказывать друг другу все, что знаем. Поэтому приходится гадать, и не всегда правильно. Например, есть два факта, *А* и *Б*, которые очень

хорошо вяжутся друг с другом. И **А**, который знает факт *А*, говорит **Б**, который знает факт *Б*: «Почему же ты мне это не сказал десять лет назад?». А **Б** отвечает: «Я не знал, что это так важно», или «А я думал, об этом все знают».

— Вот для этого и нужны вычислительные машины, — сказал капитан.

— Но их возможности ограниченны, капитан, — возразил Шеффилд. — Им нужно задавать вопросы; больше того, вопросы должны быть только такие, чтобы их можно было выразить ограниченным набором символов. А кроме того, машины все понимают буквально. Они отвечают на вопрос, который вы задаете, а не на тот, что вы при этом имеете в виду. Бывает, никому не приходит в голову задать нужный вопрос или ввести в машину нужные символы, а в таких случаях по своей инициативе она информацию не выдает. Нам, всему человечеству нужна не механическая вычислительная машина, а машина, наделенная воображением. Вот одна такая машина, капитан, — Шеффилд постучал себя пальцем по виску. — У каждого такая есть, капитан.

— Может быть, — проворчал капитан, — только я уж лучше предпочту обычную, а? Ту, что с кнопками.

— Вы уверены? Ведь у машин не бывает неожиданных догадок. А у вас бывают.

— А это относится к делу? — капитан снова взглянул на часы.

— Где-то в глубине человеческого мозга хранятся все сведения, которые ему попадаются. Сознательно он помнит очень немногое, но все они там есть, и по ассоциации могут вспомниться любые из них, а человек даже не будет знать, откуда что взялось. Это и называется догадкой, или интуицией. У некоторых людей это получается лучше, чем у других. А некоторых можно этому научить. Кое-кто почти достигает совершенства, как Марк Аннунчио и еще сотня ему подобных. Я надеюсь, что когда-нибудь их будет миллиард, и тогда Мнемоническая Служба в самом деле заработает.

— Всю свою жизнь, — продолжал Шеффилд, — эти люди ничего не делают только читают, смотрят и слушают. И учатся делать это все лучше, эффективнее. Неважно, какие сведения они запоминают. Эти сведения могут на первый взгляд не иметь ни смысла, ни значения. Пусть кому-нибудь из мнемонистов вздумается целую неделю изучать результаты соревнований по космическому поло в секторе Канопуса за послед-

ние сто лет. Любые сведения могут когда-нибудь пригодиться. Это основная аксиома. А время от времени кто-нибудь из мнемонистов делает такие сопоставления, какие не могла бы сделать ни одна машина. Потому что ни одна машина не может располагать этими совершенно не связанными между собой сведениями, а если она их и имеет, то ни один нормальный человек никогда не задаст ей нужного вопроса. Одна хорошая корреляция, предложенная Мнемонической Службой, может окупить все затраты на нее за десять лет, а то и больше.

Капитан забеспокоился и поднял свою широкую руку:

— Погодите. Аннунчио сказал, что в земных регистрах нет корабля под названием «Трижды Г». Значит, он знает наизусть все названия, какие только есть в регистрах?

— Вероятно. Наверное, он прочитал Регистр торговых судов. В этом случае он знает все названия, тоннаж, годы постройки, порты приписка, численность экипажа и все остальное, что есть в Регистре.

— И еще он считал звезды.

— А почему бы и нет? Это тоже информация.

— Будь я проклят!

— Не исключено, капитан. Но я хочу сказать, что люди, подобные Марку, не такие, как все. Он получил необычное, ненормальное воспитание, у него выработалось необычное, ненормальное восприятие жизни. С тех пор, как в пятилетнем возрасте он поступил в Мнемоническую Службу, он впервые покинул ее территорию. Он легко возбудим, и ему можно нанести непоправимый вред. Это не должно произойти, и мне поручено следить, чтобы этого не случилось. Он — мой прибор; он ценнее, чем любой прибор на этом корабле. Таких, как он, на весь Млечный Путь всего сотня.

Лицо капитана Фолленби ясно выражало уязвленное чувство собственного достоинства.

— Ну, ладно. Значит, журнал. Строго конфиденциально, а?

— Строго. Он рассказывает все только мне, а я никому не рассказываю, если только не сделано ценное сопоставление.

Судя по виду капитана, это не совсем соответствовало тому, что он понимал под словами «строго конфиденциально», но он сказал:

— И никаких разговоров с экипажем.

После многозначительной паузы он добавил:

— Вы знаете, что я имею в виду.

Шеффилд шагнул к двери.

— Марк в курсе дела. Поверьте, экипаж от него ничего не узнает.

Когда он уже выходил, капитан окликнул его:

— Шеффилд!

— Да?

— А что такое «нонкомпос»?

Шеффилд подавил улыбку.

— Он вас так назвал?

— Что это такое, я спрашиваю!

— Просто сокращение слов «нон компос ментис». Все мнемонисты называют так всех, кто не принадлежит к Мнемонической Службе. Это относится и к вам. И ко мне. По-латыни это значит «не в своем уме». И знаете, капитан, по-моему, они правы.

Он быстро вышел.

6

На просмотр судового журнала Марку Аннунчио понадобилось секунд пятнадцать. Он ничего там не понял, но он не понимал большинство

из того, что запоминал. Это его не смущало. Не смутило его и то, что журнал оказался скучным. Но Марк так и не нашел там того, что искал, и отложил журнал со смешанным чувством облегчения и неудовольствия.

Марк направился в библиотеку и просмотрел десятка четыре книг с такой скоростью, какую только позволяло развить сканирующее устройство. В детстве он три года учился так читать и до сих пор с гордостью вспоминал, как на выпускных экзаменах установил рекорд школы.

Наконец Марк забрел в лабораторный отсек и начал заглядывать то в одну, то в другую лабораторию. Он не задавал никаких вопросов и уходил, как только кто-нибудь обращал на него внимание.

Марк ненавидел их невыносимую привычку глядеть на него, как на какое-то диковинное животное. Он ненавидел их всезнающий вид, как будто стоило тратить все возможности мозга на один крохотный предмет и при этом помнить какую-то ничтожную его часть.

Конечно, со временем придется задавать им вопросы. Это его работа, а даже если бы и было иначе, он все равно бы не удержался — из любопытства. Впрочем, он надеялся выдержать до тех

пор, когда они сядут на планету.

Марк был рад, что корабль находится уже в пределах звездной системы. Скоро он увидит новую планету с новыми солнцами, да еще двумя, и новой луной. Четыре объекта, каждый из которых содержит свеженькую информацию; бездна фактов, которые можно любовно собирать и сортировать…

У Марка захватило дух при одной мысли об этой бесформенной гора сведений, которая его ожидала. Ему представился собственный мозг в виде огромной картотеки с перекрестным указателем, простиравшейся бесконечно во всех направлениях. Аккуратный, четкий, хорошо смазанный механизм высочайшей точности.

Он чуть не засмеялся, подумав о тех пыльных чердаках, которые называют своим мозгом нонкомпосы. Он чувствовал это даже тогда, когда говорил с доктором Шеффилдом. А этот еще был из лучших: он очень старался все понять, и иногда это ему почти удавалось. У всех остальных пассажиров корабля были не мозги, а дровяные склады — пыльные дровяные склады, заваленные трухой, и достать оттуда можно было только то, что лежало сверху.

Бедные глупцы! Он бы их пожалел, не будь они

такими злобными. Если бы они только знали, на что похожи их мозги! Если бы они это поняли!

Все свободное время Марк проводил в наблюдательных рубках, следя за приближением новых миров.

Корабль прошел недалеко от Илиона. Саймон педантично называл планету, куда они направлялись, Троей, а ее спутник — Илионом, хотя все остальные окрестили их Малышкой и Сестренкой. По другую сторону от двух солнц, в противоположной «троянской точке», находилась группа астероидов. Саймон называл их «Лагранж-Эпсилон», все остальные — Щенками.

Все эти смутные мысли пронеслись одновременно в мозгу Марка, как только он подумал об Илионе. Он почти не осознал их и пропустил как не представляющие в данный момент интереса. Еще более смутно и еще глубже в его подсознании зашевелилось еще сотен пять подобных нехитрых кличек, заменявших торжественные астрономические наименования. Некоторые из них он где-то вычитал, другие услышал в субэфирных передачах, третьи узнал из обычных разговоров, а некоторые встречались ему в последних известиях. Кое-что ему говорили прямо, кое-что было подслушано. Даже «Трижды Г», за-

менившее «Георга Г. Гронди», тоже стояло в этой туманной картотеке.

Шеффилд часто расспрашивал Марка о том, что происходило в его мозгу — расспрашивал очень мягко, очень осторожно.

— Мнемонической Службе нужно много таких, как ты, Марк. Миллионы, а со временем — и миллиарды, если наша раса заселит всю Галактику. А откуда они возьмутся? Полагаться на врожденный талант не приходится. Им наделены все мы, в большей или меньшей степени. Важнее всего обучение, а чтобы обучать, мы должны узнать, как это делается.

И, понуждаемый Шеффилдом, Марк следил за собой, слушал себя, изучал себя, пытаясь это осознать. Он понял, что его мозг подобен гигантской картотеке; он видел, как карточки строятся одна за другой; он заметил, как нужные сведения выскакивают по первому зову, трепеща от готовности служить. Это было трудно объяснить Шеффилду, но он старался, как мог.

И его уверенность в себе росла. Забывались тревоги его детства, первых лет Службы. Он перестал просыпаться среди ночи, весь в поту, с криком ужаса при мысли о том, что он может все забыть. Прекратились и головные боли.

Марк увидел в иллюминаторе Илион. Он был ярче, чем любая луна, какую только Марк мог себе представить. (В его мозгу в убывающем порядке проплыли цифры — отражающая способность поверхности трехсот обитаемых планет. Он почти не обратил на них внимания.) Перед ним ослепительно сверкали огромные пятна неправильной формы. Недавно Марк подслушал, как Саймон, устало отвечая на чей-то вопрос, сказал, что когда-то это было морское дно. Тут же в мозгу Марка возник еще один факт. В первом сообщении Хидошеки Макоямы говорилось, что состав этих ярких солевых отложений — 78,6 % хлористого натрия, 19,2 % карбоната магния, 1,4 % сульфата ка… Мысль оборвалась — она была не нужна.

На Илионе была атмосфера. Всего около 100 миллиметров ртутного столба. (Чуть больше 1/8 земной, в десять раз больше марсианской, 0,254 атмосферы Коралемона, 0,1376 — Авроры…) Он лениво следил, как растут десятичные знаки. Это было полезное упражнение, но скоро оно ему надоело. Мгновенный счет они проходили еще в пятом классе. Сейчас для него представляли трудность лишь интегралы. Иногда ему приходило в голову: это оттого, что он не знает, что такое интеграл. Мелькнуло полдюжины определений,

но ему не хватало математических знаний, чтобы их понять, хотя процитировать их на память он мог.

В школе им всегда говорили: «Старайтесь не увлекаться каким-нибудь одним предметом или темой. Как только вы заинтересуетесь, вы начнете отбирать факты, а этого вы никогда не должны делать. Для вас важно все. Раз уж вы запомнили тот или иной факт, неважно, понимаете вы его или нет».

А нонкомпосы думают иначе. Зазнавшиеся дырявые мозги!

Теперь они приближались к самой Малышке. Она тоже ярко светилась, но по-своему. На севере и на юге планеты сверкали полярные шапки. (Перед глазами Марка поплыли страницы учебников палеоклиматологии Земли, но он не стал их останавливать.) Полярные шапки отступали. Еще миллион лет — и на Малышке будет такой же климат, как сейчас на Земле. Размер и масса Малышки были такими же, как у Земли, а период ее вращения составлял 36 часов.

Это был настоящий двойник Земли. А те отличия, о которых говорилось в сообщении Макоямы, были в пользу Малышки. Насколько было известно до сих пор, на Малышке ничто не угрожало

человеку. Никто и не подумал бы, что там может таиться какая-то опасность.

Если бы только не то обстоятельство, что первая колония людей на этой планете погибла до последнего человека.

Хуже того, это произошло таким образом, что вся сохранившаяся информация никак не могла объяснить, что же все-таки случилось.

7

За два часа до посадки Шеффилд пришел в каюту к Марку. Сначала их поселили в одной каюте. Это был эксперимент: мнемонисты не любили находиться в обществе нонкомпосов. Даже самых лучших. Во всяком случае, эксперимент не удался. Почти сразу же после старта покрытое испариной лицо и умоляющие глаза Марка ясно показали, что ему необходимо остаться одному.

Шеффилд чувствовал себя виноватым. Он отвечал за все, что было связано с Марком, — неважно, была в этом его вина или нет. Он и ему подобные брали детей вроде Марка и своим

воспитанием губили их. Их рост искусственно ускоряли. Из них делали все, что хотели. Им не разрешали общаться с нормальными детьми, чтобы они не приобрели привычки к нормальному мышлению. Ни один мнемонист еще не вступил в нормальный брак, даже в пределах своей группы.

Поэтому Шеффилд чувствовал себя страшно виноватым.

Первую дюжину таких ребят вырастили двадцать лет назад в школе Ю. Караганды. Со временем Караганда по каким-то неясным причинам покончил с собой, но другие психологи, менее гениальные, но более респектабельные, и в том числе Шеффилд, успели поработать с ним и стать его учениками. Школа росла, к ней прибавились другие. Одна из них даже была основана на Марсе. В данный момент в ней училось пять человек. По последним сведениям, в живых насчитывалось 103 человека, прошедших полный курс (естественно, до конца доучивалась лишь малая часть поступавших). А пять лет назад Общепланетное правительство Земли организовало в системе Департамента внутренних дел Мнемоническую Службу.

Мнемоническая Служба уже окупилась сто-

рицей, но об этом знали лишь немногие. Общепланетное правительство не устраивало вокруг нее шума. Это было его уязвимое место — эксперимент, неудача которого могла дорого обойтись. Оппозиция, которую с трудом уговорили не замешивать этот вопрос в предвыборную кампанию, не упускала случая поговорить на общепланетных съездах о «разбазаривании средств налогоплательщиков». И это — несмотря на то, что существовали документальные доказательства обратного.

В условиях машинной цивилизации, заполнившей всю Галактику, трудно научиться оценивать достижения невооруженного разума. Этому нужно долго учиться. «Сколько же?» — подумал Шеффилд.

Однако в присутствии Марка следовало скрывать грустные мысли. Слишком велика опасность того, что это повлияет на его настроение. Поэтому Шеффилд сказал:

— Ты выглядишь прекрасно.

Марк, казалось, был рад с ним увидеться. Он задумчиво произнес:

— Когда мы вернемся на Землю, доктор Шеффилд…

Он запнулся, слегка покраснел и продолжал:

— То есть, если мы вернемся, я достану, сколько смогу, книг и пленок о народных обычаях и суевериях. Я почти ничего о них не читал. Я был в корабельной библиотеке — там на эту тему ничего нет.

— А почему это тебя интересует?

— Да это все капитан. Вы, кажется, говорили — он сказал, команда не должна знать, что мы посетим такую планету, на которой погибла первая экспедиция?

— Да, конечно. Ну и что?

— Потому что космолетчики считают плохой приметой посадку на такой планете, особенно если она с виду безобидна, да? Их называют «ловушками для простаков».

— Верно.

— Так говорит капитан. Но только, по-моему, это неправда. Я помню, что есть семнадцать годных для жизни планет, с которых не вернулись первые экспедиции и не основали там колоний. И все равно потом все они были освоены и теперь входят в Конфедерацию. Взять хотя бы Сарматию — теперь это вполне приличная планета.

— Но есть и такие планеты, где постоянно происходят несчастья.

Шеффилд нарочно сказал это в утвердитель-

ной форме. «Никогда не задавайте наводящих вопросов», — таков один из Законов Караганды. Мнемонические сопоставления — не сознательное порождение разума; они не подчиняются воле человека. Как только задается прямой вопрос, появляются в изобилии сопоставления, но лишь такие, какие мог бы сделать любой более или менее сведущий человек. Только подсознание может перебросить мостик через огромные, неожиданные пробелы.

Марк попался на эту удочку, как это сделал бы на его месте любой мнемонист. Он энергично возразил:

— Нет, я о таких не слыхал. Во всяком случае, если планета вообще годится для жизни. Если она вся ледяная или сплошная пустыня — тогда другое дело. Но Малышка не такая.

— Да, не такая, — согласился Шеффилд.

— Тогда почему бы команде ее бояться? Я думал об этом все время, пока лежал в постели. Вот почему я и решил посмотреть судовой журнал. Я никогда ни одного не видел, так что все равно это было бы полезно. И, конечно, я думал, что найду там правду.

— Угу, — произнес Шеффилд.

— И, знаете, я, кажется, ошибался. Во всем жур-

нале нигде не говорится о цели экспедиции. Это значит, что цель составляет секрет. Похоже, что он держит ее в тайне даже от других офицеров корабля. А корабль там в самом деле назван «Георг Г. Гронди».

— А как же иначе?

— Ну, не знаю. У меня были кое-какие подозрения насчет «Трижды Г», загадочно ответил Марк.

— Ты как будто разочарован, что капитан не солгал, — сказал Шеффилд.

— Не разочарован. Пожалуй, я чувствую облегчение. Я думал… Я думал…

Он замолчал в крайнем смущении, но Шеффилд и не пытался прийти ему на помощь. Марку пришлось продолжать:

— Я думал, может быть, все мне говорят неправду, а не только капитан? Может быть, даже вы, доктор Шеффилд. Я думал, вы просто почему-то не хотите, чтобы я разговаривал с экипажем.

Шеффилд попытался улыбнуться, что ему удалось. Подозрительность была профессиональным заболеванием мнемонистов. Они жили отдельно от остальных людей и многим отличались от них. Последствия этого были ясны.

Шеффилд весело ответил:

— Я думаю, когда ты прочитаешь про народные

поверья, ты увидишь, что они могут быть совершенно нелогичными. От планеты, пользующейся дурной славой, ждут зла. Если случается что-нибудь хорошее, на это не обращают внимания, а обо всем плохом кричат на каждом перекрестке, да еще с преувеличениями. Молва растет, как снежный ком.

Шеффилд подошел к гидравлическому креслу. Скоро посадка. Он без всякой надобности потрогал широкие лямки и, стоя спиной к юноше, чтобы тому не было видно его лицо, произнес почти шепотом:

— Но, конечно, хуже всего то, что Малышка совсем не такая, как те планеты. («Полегче, полегче. Не нажимай. Это уже не первая попытка…») — Нет, ничуть, — отвечал Марк. — Те экспедиции, что погибли, были не такими. Вот это верно.

Шеффилд стоял, повернувшись к нему спиной, и ждал. Марк продолжал:

— Все семнадцать экспедиций, что погибли на планетах, которые сейчас заселены, были маленькими разведочными партиями. В шестнадцати случаях причиной гибели была какая-нибудь авария с кораблем, а в семнадцатом, на Малой Коме, — неожиданное нападение местной формы жизни — конечно, не разумной. Я помню все

подробности…

Шеффилд невольно затаил дыхание. Марк и в самом деле мог рассказать все подробности. Все. Процитировать на память все сообщения каждой из экспедиций, слово в слово, было для него так же легко, как сказать «да» или «нет». И он это сделает, если ему вздумается. Мнемонисты не обладают избирательностью. Это было одним из обстоятельств, которые делали невозможным их нормальное общение с нормальными людьми. По существу своему все мнемонисты — страшные зануды. Даже Шеффилд, привычный выслушивать все и не собиравшийся прерывать Марка, если тому захотелось поговорить, даже он вздохнул про себя. — …Но это неважно, — продолжал Марк, и Шеффилд почувствовал огромное облегчение. — Они просто были совсем не такими, как экспедиция на Малышку. Это же была настоящая колония — 789 мужчин, 207 женщин и 15 детей моложе тринадцати лет. За первый же год к ним прибавилось еще 315 женщин, 9 мужчин и двое детей. Колония просуществовала почти два года, и причина ее гибели не установлена, если не считать того, что судя по их сообщениям, это могла быть какая-то болезнь. Вот в чем действительно есть различие. Но сама Малышка ничем не выде-

ляется, — конечно, если не говорить о…

Марк умолк, как будто это было слишком несущественно и не заслуживало упоминания. Шеффилд чуть не закричал от нетерпения, но заставил себя спокойно произнести:

— А, об этом…

Марк сказал:

— Ну, это все знают. У Малышки два солнца, а у других — по одному.

Психолог чуть не заплакал от разочарования. Опять неудача!

Но что делать? В другой раз может повезти. С мнемонистом приходится быть терпеливым, иначе от него не будет никакого толку.

Он сел в гидравлическое кресло и поплотнее пристегнулся. Марк сделал то же (Шеффилд хотел бы ему помочь, но это было бы неразумно). Он взглянул на часы. Уже сейчас они, вероятно, спиралью идут на снижение.

Кроме разочарования, Шеффилд ощущал сильное беспокойство. Марк Аннунчио поступил неправильно, начав действовать согласно своему убеждению, будто капитан и все остальные его обманывают. Мнемонисты нередко думали, что раз им известно огромное количество фактов, — значит, они знают все. Очевидно, это было их

первейшее заблуждение. Поэтому они должны (так говорил Караганда!) сообщать свои сопоставления соответствующему начальству и никогда не должны действовать сами.

Но что означал этот проступок Марка? Он первым из мнемонистов покинул территорию Службы, первым расстался с себе подобными, первым оказался в одиночестве среди нонкомпосов. Как это на него подействует? Что он будет делать дальше? Не будет ли беды? И если будет, то как ее предотвратить?

На все эти вопросы доктор Освальд Мейер Шеффилд ответить не мог.

8

Тем, кто управлял кораблем, повезло. Им и, конечно, Саймону, который в качестве астрофизика и начальника экспедиции присоединился к ним по специальному разрешению капитана. Остальные члены экипажа были заняты на своих постах, а ученые на время спирального спуска к Малышке предпочли относительный комфорт

своих гидравлических кресел.

Самым великолепным это зрелище было тогда, когда Малышка была еще довольно далеко, и всю ее можно было окинуть взглядом.

На севере и на юге треть планеты покрывали ледяные шапки, только начавшие свое тысячелетнее отступление. Посадочная спираль «Трижды Г» была проложена с севера на юг специально, чтобы можно было разглядеть полярные области, как настоял Саймон, хотя это была и не самая безопасная траектория. Поэтому под ними расстилалась то одна, то другая ледяная шапка. Обе они одинаково сияли в солнечных лучах: ось Малышка не имела наклона. И каждая шапка была разделена на секторы, как торт, разрезанный радужным ножом.

Одна треть была освещена обоими солнцами и сверкала ослепительно белым светом, который понемногу желтел к западу и зеленел к востоку. Восточнее белого сектора лежал следующий, вдвое уже его, освещенный только Лагранжем-I, и здесь снег горел сапфировыми отблесками, К западу еще полсектора, доступные только лучам Лагранжа-II, светились теплыми оранжево-красными тонами земного заката. Цвета полосами переходили друг в друга, отчего сходство с раду-

гой еще усиливалось.

И, наконец, последняя треть казалась сравнительно темной, но можно было разглядеть, что и она делится на неравные части. Меньшая была в самом деле черной, а большая — слегка молочного цвета.

— Лунный свет? Ну, конечно, — пробормотал Саймон и поспешно огляделся, не слышал ли кто-нибудь. Он не любил, когда кто-то наблюдал за тем, как в его уме складываются заключения. Они должны были представать перед студентами и слушателями в готовом, законченном виде, без всяких следов рождения и развития.

Но вокруг сидели только космонавты, которые ничего не слышали. В своих полетах они всякого насмотрелись, но здесь и они отрывались от приборов лишь для того, чтобы пожирать глазами открывавшиеся перед ними чудесные картины.

Спираль спуска изогнулась, переменила свое направление на юго-западное, потом на западное, обещавшее меньше всего риска при посадке. В рубку проник глухой рев прорезаемой атмосферы — сначала резкий и высокий, но становившийся все более низким и гулким.

До сих пор в интересах научных наблюдений (и к немалому беспокойству капитана) спираль

была крутой, скорость снижалась медленно, а облетам планеты не было конца. Но как только корабль вошел в воздушную оболочку Малышки, перегрузки резко возросли, а поверхность планеты как будто бросилась им навстречу.

Ледяные шапки исчезли из виду, сменившись равномерным чередованием суши и воды. Под ними все реже и реже проносился материк с гористыми окраинами и равниной посередине, как суповая миска с двумя ледяными ручками. Материк занимал половину планеты — остальное было покрыто водой.

Большая часть океана в этот момент приходилась на темный сектор, а остальное было залито красновато-оранжевым светом Лагранжа-II. В этом свете вода казалась тускло-пурпурной. Там и сям виднелись багровые точки, к северу и к югу их становилось больше. Айсберги!

Часть суши находилась в красновато-оранжевом полусекторе, другая часть была освещена ярким белым светом. Только восточное побережье казалось синевато-зеленым. Поразительное зрелище представлял восточный горный хребет. Его западные склоны были красными, восточные — зелеными.

Корабль быстро замедлял свое движение. Он в

последний раз пролетел над океаном. Началась посадка.

9

Первые шаги экспедиции на новой планете были достаточно осторожными и медленными. Саймон долго разглядывал цветные фотографии Малышки, снятые из космоса с наибольшей возможной точностью. По требованию членов экспедиции снимки были розданы и им, и не один из них застонал про себя при мысли, что в порыве за комфортом лишил себя возможности видеть это великолепие в оригинале.

Борис Вернадский, что-то ворча, не отрывался от своего газового анализатора.

— По-моему, мы примерно на уровне моря, — сказал он. — Судя по величине *g*.

И он небрежно добавил, объясняя остальным:

— То есть гравитационной постоянной.

Большинство все равно ничего не поняло, но он продолжал:

— Атмосферное давление — около 800 милли-

метров ртутного столба, значит, процентов на 5 выше, чем на Земле. И из них 240 миллиметров — кислород, а на Земле только 150. Неплохо.

Он как будто ожидал одобрительных откликов, но ученые предпочитали как можно меньше высказываться по доводу данных из чужой области. Вернадский продолжал:

— Конечно, азот. Скучно — природа повторяется, как трехлетний ребенок, который выучил только три урока. Теряешь всякий интерес, когда видишь, что планета, где есть вода, всегда имеет кислородно-азотную атмосферу. Тоска, да и только.

— Что еще в атмосфере? — раздраженно спросил Саймон. — До сих пор мы слышали только про кислород, азот и еще познакомились с собственными соображениями дядюшки Бориса.

Вернадский оперся на спинку кресла и довольно добродушно огрызнулся:

— А вы кто такой? Начальник, что ли?

Саймон, для которого руководство экспедицией сводилось к необходимости писать длинные отчеты для Бюро, покраснел и мрачно повторил:

— Что еще есть в атмосфере, доктор Вернадский?

Не глядя в свои записи, Вернадский ответил:

— От 0,01 до 1 процента водорода, гелия и двуокиси углерода — в порядке убывания. От 0,0001 до 0,001 процента метана, аргона и неона в порядке убывания. От 0,000001 до 0,00001 процента радона, криптона и ксенона в порядке убывания. Информация не очень обильная. Все, что я могу из этих цифр извлечь, — это то, что Малышка окажется богатой ураном, бедной калием, и не удивительно, что у нее такие симпатичные ледяные шапки.

Это было сказано явно в расчете на то, что кто-нибудь удивленно спросит, откуда он знает, и кто-то, конечно, спросил. Довольный Вернадский ласково улыбнулся и ответил:

— Радона в атмосфере в 10-100 раз больше, чем на Земле. Гелия тоже. Радон и гелий образуются при радиоактивном распаде урана и тория. Вывод: урановых и ториевых минералов в коре Малышки в 10-100 раз больше, чем в земной. С другой стороны, аргона более чем в 100 раз меньше, чем на Земле. Скорее всего, на Малышке вовсе не осталось первоначального аргона. На планетах такого типа аргон может образовываться только из калия-40 — одного из изотопов калия. Мало аргона — значит, мало калия. Проще пареной репы.

Один из ученых спросил:

— А насчет ледяных шапок?

Саймон, который знал ответ на этот вопрос, перебил Вернадского, собравшегося было ответить:

— Каково точное содержание двуокиси углерода?

— Ноль ноль шестнадцать миллиметра, — ответил Вернадский.

Саймон кивнул и от дальнейших разговоров воздержался.

— Ну и что? — нетерпеливо спросил тот, кто задал первый вопрос.

— Двуокиси углерода примерно вдвое меньше, чем на Земле, а она вызывает парниковый эффект. Она пропускает к поверхности коротковолновую часть солнечного излучения, но не выпускает наружу длинноволновое тепловое излучение планеты. Когда в результате вулканической деятельности содержание двуокиси углерода повышается, планета нагревается, и начинается каменноугольный период с высоким уровнем океанов и минимальной поверхностью суши. Когда растительность начинает поглощать бедную двуокись углерода и толстеть за ее счет, температура падает, образуются ледники, начинается порочный круг оледенения, и вот

пожалуйста…

— Что-нибудь еще есть в атмосфере? — спросил Саймон.

— Водяные пары и пыль. И вдобавок, вероятно, в каждом кубическом сантиметре взвешено несколько миллионов возбудителей разных заразных болезней.

Он произнес это довольно весело, но по комнате прошло какое-то движение. У многих захватило дыхание. Вернадский пожал плечами и сказал:

— Пока погодите волноваться. Мой анализатор хорошо отмывает пыль и споры. И вообще это не мое дело. Предлагаю Родригесу сейчас же вырастить свои проклятые культуры под стеклом. Под хорошим толстым стеклом!

10

Марк Аннунчио бродил повсюду. Он слушал с сияющими глазами и лез везде, чтобы слышать лучше. Члены экспедиции терпели это, относясь к нему с разной степенью неприязни в зависимости от характера и темперамента. Никто с ним

не заговаривал.

Шеффилд держался поблизости от Марка. Он тоже почти не разговаривал. Все его усилия были направлены на то, чтобы не попадаться Марку на глаза. Он не хотел, чтобы Марк чувствовал, будто он его преследует; он хотел, чтобы мальчик чувствовал себя свободным. Он старался, чтобы каждое его появление выглядело случайным.

Он чувствовал, что эти попытки тщетны, но что он мог поделать? Он должен следить, чтобы мальчик не впутался в беду.

11

Микробиолог Мигель Антонио Родригес-и-Лопес был смуглый человек небольшого роста с иссиня-черными длинными волосами и репутацией заправского сердцееда, как и подобало представителю латинской расы (избавиться от этой репутации он не стремился). Со своей обычной тщательностью и аккуратностью он вырастил культуры микроорганизмов из пыли, уловленной газовым анализатором Вернадского.

— Ничего, — сказал он в конце концов. — Те дурацкие культуры, которые растут, выглядят совершенно безвредными.

Ему возразили, что бактерии Малышки могут только казаться безобидными и что токсины и метаболические процессы нельзя изучать на глазок, даже вооружившись микроскопом.

Это вторжение в область его профессии возмутило его. Подняв бровь, он заявил:

— У меня на это чутье. Кто с мое поработает с микромиром, начинает чуять, есть опасность или нет.

Это было чистейшее хвастовство, но Родригес сумел подтвердить свои слова, тщательно перенеся пробы различных колоний микробов в буферные изотонические растворы и введя их концентрат хомякам, что не произвело на них никакого впечатления.

В большие контейнеры взяли пробы воздуха и впустили туда несколько мелких животных с Земли и других планет. На них это тоже не произвело впечатления.

12

Ботаником экспедиции был Невил Фоукс, державшийся весьма высокого мнения о своей красоте и подчеркивавший ее прической наподобие той, с которой древние скульпторы обычно изображали Александра Македонского; правда, наружность Фоукса сильно портил нос, куда более орлиный, чем у Александра. В течение двух суток (по счету Малышки) Фоукс совершал облет планеты на одной из атмосферных ракет «Трижды Г». Он был единственный человек на корабле, помимо экипажа, который умел управлять такой ракетой, так что задача, естественно, легла на его плечи. Казалось, Фоукс не слишком этому радовался.

Он вернулся в целости и сохранности, не пытаясь скрыть улыбку облегчения. Его облучили, чтобы стерилизовать поверхность эластичного скафандра, предназначенного для защиты от губительного действия внешней среды на планетах с нормальным давлением: в таких случаях прочный суставчатый космический скафандр

был не нужен. Ракету еще сильнее облучили и укрыли пластиковым чехлом.

Фоукс с гордостью демонстрировал множество цветных снимков. Центральная равнина континента была невероятно плодородной. Реки были полноводны, горы круты и покрыты снегом, с обычными пиротехническими эффектами солнечного освещения. При свете одного Лагранжа-II растительность казалась мрачноватой, темной, как запекшаяся кровь. Но в лучах Лагранжа-I или обоих солнц сразу яркая пышная зелень и блеск многочисленных озер (особенно на севере и на юге, у кромки отступающих ледников) заставили многих с тоской вспомнить далекую родину.

— Посмотрите, — сказал Фоукс.

Он снизился, чтобы снять луг, поросший огромными цветами ярко-алого цвета. При высоком ультрафиолетовом излучении Лагранжа-I экспозиции были по необходимости очень короткими, и несмотря на скорость ракеты, каждый цветок выделялся ярким, резким пятном.

— Уверяю вас, — сказал Фоукс, — каждый из них не меньше двух метров в поперечнике.

Все не скрывали своего восхищения цветами. Потом Фоукс добавил:

— Конечно, никакой разумной жизни.

Шеффилд поднял взгляд от фотографий. В конце концов люди и разум были его специальностью.

— Откуда вы знаете?

— Посмотрите сами, — сказал ботаник. — Вот фотографии. Никаких городов, никаких дорог, никаких искусственных водоемов, никаких признаков искусственных сооружений.

— Это значит, что нет машинной цивилизации, — возразил Шеффилд, — только и всего.

— Даже обезьянолюди построили бы хижины и разводили бы огонь, — ответил обиженный Фоукс.

— Континент в десять раз больше Африки, а вы облетели его за два дня. Вы могли многое не заметить.

— Не так уж много, — горячо возразил Фоукс. — Я пролетел над всеми значительными реками от устья до истоков и осмотрел оба побережья. Если здесь есть поселения, то они должны быть именно там.

— Если считать семьдесят два часа на два побережья по восемь тысяч миль каждое в десяти тысячах миль друг от друга, да еще много тысяч миль рек, то это был довольно-таки беглый осмотр.

— К чему эти разговоры? — вмешался Сай-

мон. — Во всей Галактике, на ста с лишним тысячах планет, единственная обнаруженная разумная жизнь — хомо сапиенс. Вероятность разумной жизни на Трое практически равна нулю.

— Да? — возразил Шеффилд. — Таким же способом можно доказать, что и на Земле нет разумной жизни.

— В докладе Макоямы не говорилось ни о какой разумной жизни, — ответил Саймон.

— А много ли у него было времени? Это то же самое, что потыкать пальцем в стог сена и сообщить, что иглы там нет.

— О, вечная Вселенная, — раздраженно сказал Родригес, — что за дурацкие споры? Будем считать гипотезу о наличии здесь разумной жизни неподтвержденной и оставим это. Надеюсь, мы еще не кончили исследования?

13

Копии этих первых снимков поверхности Малышки были помещены в картотеку, доступ

к которой был открыт для всех. После второго облета Фоукс вернулся подавленным, и последовавшее совещание проходило в куда более мрачной атмосфере.

Новые снимки обошли всех, а потом Саймон запер их в сейф, который мог открыть только он сам или же мощный ядерный взрыв.

Фоукс рассказывал:

— Оба большие реки текут в меридиональном направлении вдоль восточных отрогов западной горной цепи. Та, что побольше, вытекает из северной полярной шапки, поменьше — из южной. Притоки текут к западу с восточного хребта, пересекая всю центральную равнину. Очевидно, она имеет уклон к западу. Вероятно, этого можно было ожидать: восточная горная цепь выше, мощнее и протяженнее западной. Я не смог ее измерить, но не удивлюсь, если она не уступит Гималаям. Она похожа на хребет Ву-Чао на Гесперусе. Чтобы перелететь ее, приходится забираться в стратосферу, а обрывы… Ух!

Он заставил себя вернуться к теме разговора.

— Так вот, обе главные реки сливаются в сотне миль южнее экватора и изливаются через разрыв в западном хребте. Оттуда до океана чуть меньше восьмидесяти миль. Их устье — идеальное место

для столицы планеты. Здесь сходятся торговые пути со всего континента, так что это неизбежно должен быть центр торговли. Даже если говорить о торговле только в пределах планеты, товары с восточного берега все равно пришлось бы везти морем. Преодолевать восточный хребет невыгодно. Кроме того, есть еще острова, которые мы видели при посадке. Поэтому даже если бы мы не знали широты и долготы поселения, я искал бы его именно там. А эти поселенцы думали о будущем. Именно там они и устроились.

Нови тихо сказал:

— Во всяком случае, им казалось, что они думают о будущем. От них, наверное, немного осталось?

Фоукс попытался отнестись к этому философски.

— Прошло больше ста лет, чего же вы хотите? Но от них осталось куда больше, чем я ожидал. Дома были в основном сборными. Они обрушились, и местность заросла. Но то, что сохранилось, обязано этим ледниковому климату Малышки. Деревья — или что-то вроде деревьев — невелики и, очевидно, растут медленно. Но все равно расчищенное место заросло. С воздуха узнать его можно только потому, что молодая поросль

имеет другую окраску и выглядит не так, как окружающие леса.

Он показал на одну из фотографий.

— Вот просто куча лома. Может быть, здесь когда-то стояли механизмы. А это, по-моему, кладбище.

— А останки? Кости? — спросил Нови.

Фоукс покачал головой.

— Но не могли же последние, кто остался в живых, похоронить сами себя? — сказал Нови.

— Вероятно, это сделали животные, — сказал Фоукс. Он встал и отвернулся от собеседников.

— Когда я пробирался там, шел дождь. Он падал на плоские листья над головой, а под ногами была мягкая, мокрая земля. Было темно и мрачно. Дул холодный ветер. На снимках это не чувствуется, но мне казалось, что вокруг тысяча призраков, которые чего-то ждут…

Его настроение передалось всем присутствующим.

— Прекратите! — в ярости сказал Саймон.

Острый носик Марка Аннунчио, стоявшего позади всех, прямо-таки дрожал от любопытства. Он повернулся к Шеффилду и прошептал:

— Призраки? Но не было ни одного достоверного случая…

Шеффилд дотронулся до тощего плеча Марка.

— Это только так говорится, Марк. Но не огорчайся, что он не имел это в виду буквально. Ты присутствуешь при рождении суеверия, а это тоже неплохо, верно?

14

Вечером в тот день, когда Фоукс вернулся из второго облета, угрюмый капитан Фолленби разыскал Саймона и, откашлявшись, сказал:

— Дело плохо, доктор Саймон. Люди беспокоятся. Очень беспокоятся.

Ставни иллюминаторов были открыты. Лагранж-I уже шесть часов как закатился, и кроваво-красный свет заходящего Лагранжа-II окрашивал в багровый цвет лицо капитана и его короткие седые волосы.

Саймон, у которого вся команда вообще и капитан в особенности вызывали сдержанное раздражение, спросил:

— В чем дело, капитан?

— Уже две недели здесь. По земному счету. До

сих пор никто не выходит без скафандра. Каждый раз облучаются, когда приходят обратно. Что-нибудь неладное в воздухе?

— Насколько нам известно, нет.

— Тогда почему нельзя им дышать?

— Это решаю я, капитан.

Лицо капитана и в самом деле побагровело. Он сказал:

— В договоре сказано, что я не должен оставаться, если что-нибудь угрожает безопасности корабля. А перепуганный экипаж на грани бунта мне ни к чему.

— Разве вы не можете сами управиться со своими людьми?

— В разумных пределах.

— Но что их беспокоит? Это новая планета, и мы стараемся не рисковать. Неужели они этого не понимают?

— Две недели, и все еще не хотим рисковать. Они думают, мы что-то скрываем. И они правы. Вы это знаете. Кроме того, выход на поверхность всегда необходим. Он нужен команде. Даже на голый обломок в милю шириной. Нужно отвлечься от корабля. От обычных дел. Не могу им в этом отказывать.

— Дайте мне время до завтра, — недовольно

ответил Саймон.

15

На следующий день ученые собрались в обсерватории. Саймон сказал:

— Вернадский говорит, что исследования воздуха дают отрицательные результаты. Родригес не обнаружил в нем никаких патогенных организмов.

Последние его слова вызвали всеобщее сомнение.

— Но поселок умер от болезни, даю голову на отсечение, — возразил Нови.

— Возможно, — ответил сразу Родригес, — но попробуйте объяснить, каким образом. Этого не может быть. Я могу это повторять сколько угодно. Судите сами. Почти на всех планетах типа Земли зарождается жизнь, и эта жизнь почти всегда имеет белковую природу и почти всегда — или клеточную, или вирусную организацию. И только. Этим сходство исчерпывается. Вы, неспециалисты, думаете, что все равно — Земля или

другая планета. Что микробы — это микробы, а вирусы — это вирусы. А я говорю, что вы не понимаете, какие бесконечные возможности разнообразия заложены в молекуле белка. Даже на Земле у каждого вида — свои болезни. Некоторые могут распространяться на несколько видов, но на Земле нет ни единой патогенной формы жизни, которая могла бы угрожать всем видам. Вы думаете, что для вируса или бактерии, развивавшихся на другой планете независимо в течение миллиарда лет, со своими аминокислотами, со своими ферментными системами, со своим обменом веществ, человек окажется питательным, как конфетка? Уверяю вас, это наивно.

Нови, глубоко уязвленный тем, что его, врача, отнесли к «вам, неспециалистам», не собирался так легко отступить.

— Но человек везде несет с собой своих микробов. Кто сказал, что вирус обычного насморка не может в условиях какой-нибудь планеты дать мутацию, которая неожиданно окажется смертоносной? Или грипп. Такое случалось даже на Земле. Помните, в 2755 году…

— Я прекрасно знаю про эпидемию парамори 2755 года, — перебил Родригес. И про эпидемию гриппа 1918 года, и про Черную Смерть. Но разве

такое случалось за последнее время? Пусть это поселение было основано больше столетия назад но ведь все равно это была не доатомная эпоха. Там были врачи. У них были запасы антибиотиков. В конце концов, они умели вызывать защитные реакции организма. Это не так уж сложно. А кроме того, сюда была послана санитарная экспедиция.

Нови похлопал себя по круглому животу и упрямо сказал:

— Все симптомы указывали на заболевание дыхательной системы: одышка…

— Я все это знаю, но я говорю вам, что это не могло быть инфекционное заболевание. Это невозможно.

— Тогда что же это было?

— Это выходит за пределы моей компетенции. Я могу сказать, что это была не инфекция. Даже мутантная. Это математически невозможно.

Он сделал ударение на слове «математически».

Среди слушателей произошло какое-то движение. Вперед, к Родригесу, проталкивался Марк Аннунчио. Он заговорил — впервые на подобном совещании.

— Математически? — живо переспросил он.

Шеффилд, пустив в ход локти и с полдюжины раз извинившись, протолкался за ним. Родригес,

охваченный крайним раздражением, выпятил нижнюю губу:

— А тебе чего от меня надо?

Марк весь съежился, но переспросил, хотя уже без прежней живости:

— Вы сказали, что это математически не может быть инфекция. Я не понял каким образом… математика…

Он умолк.

— Я высказал свое профессиональное мнение, — официальным, немного напыщенным тоном произнес Родригес и отвернулся. Ставить под вопрос профессиональное мнение было не принято: это могли позволить себе только коллеги по профессии. Во всех остальных случаях это означало подвергнуть сомнению опыт и знания специалиста. Марк знал все это, но он был сотрудником Мнемонической Службы. Все остальные в изумлении застыли, когда он дотронулся до плеча Родригеса и сказал:

— Я знаю, что это ваше профессиональное мнение, но я все-таки хотел бы, чтобы вы его объяснили.

Он не стремился быть навязчивым: он просто констатировал факт.

Родригес резко повернулся к нему.

— Ты хотел бы, чтобы я его объяснил? А кто ты такой, чтобы задавать мне вопросы?

Марка немного смутила горячность, с которой это было сказано, но тут рядом с ним оказался Шеффилд, и к нему снова вернулась смелость, а вместе с ней пришел и гнев. Он не обратил внимания на Шеффилда, который что-то быстро ему зашептал, и громко сказал:

— Я — Марк Аннунчио из Мнемонической Службы, и я задал вам вопрос. Я хочу, чтобы вы объяснили свои слова.

— А я их объяснять не желаю. Шеффилд, будьте добры, уберите отсюда этого молодого психа и уложите его спать. И пусть он потом держится от меня подальше. Сопливый осел!

Последние слова были сказаны как будто про себя, но вполне явственно.

Шеффилд взял Марка за руку, но тот вырвался и завопил:

— Вы — глупец! Нонкомпос! Вы… кретин! Двуногая забывальня! Дырявые мозги! Пустите меня, доктор Шеффилд! Вы ничего не знаете, ничего не помните из тех жалких крох, которые ухитрились выучить! Вы не знаете собственной специальности! Все вы…

— Ради бога, — крикнул Саймон, — Шеффилд,

уведите отсюда вашего молодого идиота!

Побагровевший Шеффилд нагнулся к Марку, схватил его в охапку, поднял на воздух и вытащил из комнаты.

За дверью Марк, из глаз которого брызнули слезы, с трудом проговорил:

— Пустите меня. Я хочу слушать… Слушать, что они говорят.

— Тебе не надо туда возвращаться. Прошу тебя, Марк, — ответил Шеффилд.

— Я не буду. Не беспокойтесь. Но…

Он не закончил.

16

В это время в обсерватории измученный Саймон говорил:

— Ладно, Все в порядке. Давайте вернемся к делу. Ну, успокойтесь! Я согласен с точкой зрения Родригеса. Она меня вполне удовлетворяет, и я не думаю, что профессиональное мнение Родригеса кто-нибудь еще здесь будет оспаривать.

— Пусть только попробует! — проворчал Род-

ригес. Его глаза горели сдержанной яростью.

Саймон продолжал:

— И так как инфекции бояться не приходится, я разрешаю капитану Фолленби выпустить экипаж из корабля без специальных мер предосторожности. Кажется, задержка отпуска плохо сказывается на настроении людей. Есть у кого-нибудь возражения?

Возражений не было.

— Кроме того, я не вижу причины, почему бы нам не перейти к следующему этапу исследований. Я предлагаю поставить лагерь на месте первого поселения. Я назначаю группу из пяти человек, которая переедет туда. Фоукс — он умеет водить ракету; Нови и Родригес — для обработки биологических данных; Вернадский и я, представители химии и физики. Все существенные данные по специальности остальных будут, конечно, им сообщаться, и мы будем ждать от них помощи в выборе направления работ и так далее. Со временем, возможно, там будут работать все, но пока — только эта маленькая группа. И до особого распоряжения связь между нами и основной группой на корабле будет поддерживаться только по радио. Если выяснится, что причина катастрофы, какова бы она ни была, локализова-

на на месте поселения, вполне достаточно будет потерять пять человек.

— Но колония прежде, чем погибнуть, жила на Малышке несколько лет, возразил Нови. — Во всяком случае больше года. Может пройти много времени, пока мы убедимся, что опасности нет.

— Мы не колония, — ответил Саймон. — Мы — группа специалистов, которая ищет причину катастрофы. Если ее можно найти, мы ее найдем, а найдя, устраним. И никаких нескольких лет на это нам не потребуется.

17

Марк Аннунчио сидел на койке, охватив руками колено и опустив голову. Глаза его были сухими, но в голосе слышалась горькая обида.

— Они меня не берут, — сказал он. — Они не хотят, чтобы я ехал с ними.

Шеффилд в полной растерянности сидел в кресле напротив юноши.

— Может быть, они возьмут тебя потом.

— Нет, — горячо возразил Марк, — не возьмут.

Они меня ненавидят. И потом я хочу ехать сейчас. Я еще никогда не был на другой планете. Тут столько можно увидеть и изучить! Они не имеют права не взять меня, если я хочу.

Шеффилд покачал головой. Мнемонисты были твердо приучены к мысли, что их долг — собирать факты и что никто и ничто не может и не должно их остановить. Может быть, по возвращении на Землю стоит внести предложение — как-то ослаблять это убеждение внушением. В конце концов время от времени мнемонистам придется жить в реальном мире. Может быть, все больше и больше с каждым поколением, по мере того, как их роль в Галактике будет расти.

В виде опыта он попробовал предостеречь Марка:

— Знаешь, это может быть опасно.

— Неважно. Я должен знать. Я должен узнать все об этой планете. Доктор Шеффилд, пойдите к доктору Саймону и скажите ему, что я поеду.

— Ну, Марк!

— Если вы не хотите, я сам пойду.

Он поднялся с постели, всерьез готовый отправиться немедленно.

— Посмотри, ты же очень возбужден.

Марк стиснул кулаки.

— Это несправедливо, доктор Шеффилд. Эту планету нашел я. Это моя планета!

Шеффилд почувствовал сильные угрызения совести. То, что сказал Марк, отчасти было правдой. Никто, кроме разве что Марка, не знал этого лучше, чем Шеффилд. И никто лучше, чем Шеффилд, опять-таки кроме Марка, не знал историю Малышки.

Только в последние двадцать лет, столкнувшись с проблемой растущего перенаселения старых планет, Конфедерация Планет приступила к систематическому исследованию Галактики. До этого человечество заселяло новые миры наугад. В поисках новых земель и лучших условий жизни мужчины и женщины отправлялись туда, где, по слухам, были пригодные для жизни планеты, или посылали туда разведочные группы добровольцев. 110 лет назад одна такая группа обнаружила Малышку. Они не сделали официального объявления об открытии, потому что не хотели, чтобы за ними последовали полчища земельных спекулянтов, предпринимателей, горнопромышленников и вообще всякого сброда. Спустя несколько месяцев некоторые холостые мужчины добились доставки туда женщин, и некоторое время колония процветала.

Только через год, когда часть людей уже умерла, а большинство остальных были больны или при смерти, они дали сигнал бедствия на ближайшую населенную планету Преторию. Преторианское правительство, которое переживало в этот момент очередной кризис, переслало весть о несчастье секторальному правительству на Альтмарк и сочло себя вправе забыть о нем.

С Альтмарка на Малышку был сразу же выслан санитарный корабль. Он сбросил на планету сыворотки и разные другие медикаменты. Садиться корабль не стал, потому что находившийся на борту врач на расстоянии поставил диагноз — «грипп» — и в своем докладе сильно преуменьшил опасность. По его словам, сброшенные медикаменты должны были прекрасно помочь справиться с болезнью. Вполне возможно, что сесть на планету не позволил экипаж корабля, опасавшийся заразы. Впрочем, об этом в официальном докладе ничего не говорилось.

Три месяца спустя с Малышки пришло последнее сообщение, гласившее, что в живых осталось только десять человек, и те уже умирают. Они умоляли о помощи. Это сообщение было переправлено на Землю вместе с докладом санитарной экспедиции. Но Центральное

правительство представляло собой огромный лабиринт, в котором сообщения то и дело терялись, если не находилось какого-нибудь лично заинтересованного человека, достаточно влиятельного, чтобы довести дело до конца. А людей, заинтересованных в судьбе далекой неизвестной планеты, где умирали десять мужчин и женщин, не нашлось.

Сообщение было зарегистрировано и забыто. В течение столетия человеческая нога не ступала по поверхности Малышки.

Потом, когда началась новая шумиха вокруг галактических исследований, сотни кораблей начали там и сям бороздить огромные просторы Галактики. Сообщения об открытии новых планет сначала потекли тонкой струйкой, а потом хлынули потоком. Многие из них принадлежали Хидошеки Макояме, который дважды пролетел через звездное скопление Геркулеса. Во второй раз он и погиб, совершая вынужденную посадку. По субэфиру прилетел его напряженный, полный отчаяния голос, несший последнее сообщение: «Поверхность быстро приближается; корпус раскаляется докр…», и все оборвалось.

Год назад все накопившиеся сведения, обработка которых была уже никому не под силу,

ввали в перегруженную вычислительную машину в Вашингтоне. Этому придавалось такое большое значение, что ждать очереди пришлось всего пять месяцев. Машине был задан вопрос о планетах, пригодных для жизни, и Малышка возглавила список.

Шеффилд помнил, какой восторг это вызвало. Звездная система Лагранжа была разрекламирована на всю Галактику, а один толковый молодой служащий Бюро по делам периферии, понимавший необходимость дружеской теплоты в отношении людей к планете, придумал название — «Малышка». Преимущества Малышки были стократно преувеличены. О ее плодородии, климате («вечная весна Новой Англии») и, прежде всего, о ее великом будущем шумели повсюду. «В течение миллиона лет, — кричала реклама, — Малышка будет становиться все богаче. В то время как все планеты стареют, Малышка будет молодеть по мере того, как будут отступать ледники, освобождая новые просторы суши. Всегда — новые земли; всегда — непочатые природные ресурсы!»

В течение миллиона лет!

Это был шедевр Бюро. Это должно было стать успешным началом правительственной програм-

мы колонизации. С этого, наконец-то, должно было начаться научное освоение Галактики на благо человечества.

И тут появился Марк Аннунчио. Он многое слышал обо всем этом и, как любой простой землянин, был потрясен открывающимися перспективами. Но однажды он припомнил кое-что такое, что он видел, лениво перелистывая архивные дела Бюро по делам периферии. Это был доклад санитарной экспедиции, посвященный одной планете в одной звездной системе, местонахождение и описание которой в точности совпадало с местонахождением и описанием группы Лагранжа.

Шеффилд прекрасно помнил тот день, когда Марк пришел к нему с этой новостью.

Он помнил и выражение лица государственного секретаря по делам периферии, когда эту новость сообщили ему. Он видел, как квадратная челюсть секретаря медленно отвисла, а его глаза наполнились бесконечным испугом.

Это касалось правительства! Оно собиралось отправить на Малышку миллионы людей. Оно обещало предоставлять земельные участки и ссуды на обзаведение посевным фондом, сельскохозяйственными машинами и промышленным

оборудованием. Малышка должна была стать для многочисленных избирателей обетованной землей, а для остальных — воплощением мечты о новых обетованных землях.

Если по какой-нибудь причине Малышка окажется опасной для жизни, это будет означать политическое самоубийство для всех лиц в правительстве, так или иначе связанных с этим проектом. А это были немалые фигуры, помимо секретаря по делам периферии.

После нескольких дней колебаний секретарь сказал Шеффилду:

— Похоже, придется выяснить, что случилось, и как-нибудь использовать это в пропаганде. Как вы думаете, сможем мы это нейтрализовать?

— Если то, что случилось, не слишком ужасно.

— Но ведь этого не может быть? Что там могло случиться?

На лице секретаря было написано отчаяние.

Шеффилд пожал плечами.

Секретарь сказал:

— Послушайте, мы можем послать на эту планету корабль со специалистами. Конечно, добровольцев, и таких, на которых можно положиться. Мы задержим дела здесь и протянем до их возвращения. Как вы думаете, выйдет из этого

что-нибудь?

Шеффилд не был в этом уверен, но ему внезапно представилось, как он летит в эту экспедицию и берет с собой Марка. Он мог бы изучить поведение мнемониста в необычной обстановке, а если благодаря Марку тайна будет раскрыта…

Что там скрывается какая-то тайна, предполагалось с самого начала. В конце концов от гриппа не умирают. А санитарный корабль не садился на планету и не мог сообщить, что там происходило на самом деле. Счастье корабельного врача, что он умер 37 лет назад, иначе теперь ему не миновать бы трибунала.

Так вот, если Марк поможет раскрыть тайну, это послужит небывалому укреплению Мнемонической Службы. Она заслужит благодарность правительства…

Но теперь…

Шеффилд подумал: а знает ли Саймон, как всплыло дело о первом поселении? В том, что этого не знает никто из экипажа, Шеффилд был уверен. Бюро не стало бы кричать об этом на каждом перекрестке.

Но воспользоваться этой историей, чтобы вырвать уступку у Саймона, было бы неразумно. Если всем станет известно, как Марк исправил

ошибку Бюро («глупость», как это, несомненно, назовет оппозиция), Бюро попадет в неудобное положение. А оно может не только отблагодарить, но и отомстить. Не стоило рисковать навлечь на Мнемоническую Службу месть Бюро.

Впрочем…

Шеффилд принял решение и встал.

— Ладно, Марк. Я добьюсь, чтобы тебя взяли на место первого поселения. Я добьюсь, чтобы взяли нас обоих. А пока сиди тут и жди меня. Обещай, что ты ничего не будешь предпринимать сам.

— Ладно, — ответил Марк и снова уселся на койку.

18

— Ну, что у вас, доктор Шеффилд? — спросил Саймон. Астрофизик сидел за столом, на котором аккуратные стопки бумаг и микрофильмов окружали маленький интегратор Макфрида, и смотрел на вошедшего Шеффилда.

Шеффилд небрежно присел на тщательно застеленную койку Саймона. Он заметил недо-

вольный взгляд астрофизика, но не смутился.

— Я не согласен с вашим выбором людей для работы на месте поселения. Получается, что вы отобрали двоих представителей точных наук и троих биологов, верно?

— Да.

— И вы думаете, что охватили все?

— О, господи! Вы хотите что-нибудь предложить?

— Я хотел бы отправиться сам.

— Зачем?

— У вас некому будет заниматься наукой о человеческой психике.

— О человеческой психике? Великий космос! Доктор Шеффилд, посылать туда даже пять человек — уже большой риск. В сущности, доктор, вы и ваш… хм… подопечный были включены в научный персонал экспедиции по распоряжению Бюро по делам периферии без всякого согласования со мной. Я буду говорить прямо; если бы спросили меня, я высказался бы против. Я не вижу, чем наука о человеческой психике может помочь в таком исследовании. Очень жаль, что Бюро пожелало провести в подобной обстановке эксперимент с мнемонистом. Мы не можем допустить таких сцен, как только что с Родригесом.

Шеффилду стало ясно: Саймон не знает о том, какое отношение имел Марк к самому решению послать эту экспедицию. Он сел прямо, уперся руками в колени, выставив локти в стороны, и напустил на себя ледяную официальность.

— Итак, вы, доктор Саймон, не видите, чем науке о человеческой психике может помочь в таком исследовании? А что если я скажу вам, что гибель первого поселения можно объяснить очень просто на основе психологии?

— Это меня не убедит. Психолог все, что угодно, может объяснить, но ничего не может доказать.

Саймон ухмыльнулся, довольный только что придуманным афоризмом. Шеффилд пропустил его мимо ушей и продолжал:

— Позвольте мне высказаться несколько подробнее. Чем Малышка отличается от всех 83 тысяч населенных планет?

— Мы еще не располагаем полной информацией. Я не могу этого сказать.

— Бросьте. Вся необходимая информация была у вас еще до того, как мы отправились сюда. У Малышки — два солнца.

— Ну, конечно.

На лице астрофизика отразилось какое-то едва заметное смущение.

— И цветных солнца, заметьте. Цветных. Знаете, что это значит? Это значит, что человек, например вы или я, стоя в свете обоих солнц, отбрасывает две тени — зелено-голубую и красно-оранжевую. Длина каждой, естественно, меняется в зависимости от времени суток. Вы изучили распределение цветов в этих тенях? Как это у вас называется — спектры отражения?

— Я думаю, — высокомерно произнес Саймон, — что они будут такими же, как спектры испускания солнц. Что вы хотите этим сказать?

— Надо было посмотреть. Может быть, некоторые длины волн поглощаются атмосферой? Или растительностью? А луна Малышки — Сестренка? Я следил за ней последние несколько ночей. Она тоже цветная, и цвета меняют свое расположение.

— Ну, конечно же, черт возьми. Она проходит два независимых цикла фаз — от каждого солнца.

— Вы и ее спектр отражения не исследовали, верно?

— Где-то он есть. Это не представляет интереса. А почему это интересует вас?

— Дорогой доктор Саймон, это давно установленный психологией факт — сочетание красных

и зеленых цветов оказывает вредное влияние на психическую устойчивость. Здесь перед нами случай, где неизбежна, как мы говорим, красно-зеленая хромопсихическая ситуация, да еще при таких обстоятельствах, которые представляются человеку в высшей степени противоестественными. Вполне возможно, что хромопсихоз может в этих условиях развиться в летальную стадию, когда он вызывает гипертрофию троицыных фолликул с последующей церебральной кататонией.

Саймон был совершенно сражен. Он пробормотал:

— Никогда ни о чем подобном не слыхал.

— Конечно, нет, — ответил Шеффилд (теперь настала его очередь быть высокомерным). — Вы не психолог. Не собираетесь же вы усомниться в моем профессиональном мнении?

— Разумеется, нет. Но из последних сообщений колонии ясно, что они умирали от чего-то вроде дыхательного расстройства.

— Верно, но Родригес это отрицает, а вы соглашаетесь с его профессиональным мнением.

— Я не говорил, что это дыхательное расстройство. Я сказал — что-то вроде. А при чем здесь ваш красно-зеленый хромо — как его бишь?

Шеффилд покачал головой.

— У вас, неспециалистов, всегда бывают неправильные представления. Если имеется какое-то физическое явление, это еще не значит, что оно не может иметь психологической причины. Самый убедительный довод в пользу моей теории — то, что хромопсихоз, как известно, проявляется сперва как психогенное дыхательное расстройство. Я полагаю, вы не знакомы с психогенными заболеваниями?

— Нет. Это за пределами моей компетенции.

— Да, пожалуй. Так вот, мои расчеты показывают, что при повышенном содержании кислорода на этой планете психогенное дыхательное расстройство не только неизбежно, но и должно проходить особенно остро. К примеру, вы наблюдали луну… то есть Сестренку в последние ночи?

— Да, я наблюдал Илион, — даже сейчас Саймон не забыл официального названия Сестренки.

— Вы подолгу, внимательно разглядывали ее? При большом увеличении?

— Да.

Саймону явно становилось не по себе.

— Ага, — ответил Шеффилд. — Так вот, цвета луны в последние несколько ночей были особенно опасны. Вы не могли не ощутить, что у вас слегка воспалена слизистая оболочка носа

и слегка зудит в горле. Боли пока еще, вероятно, нет. Вы, наверное, кашляете, чихаете? Вам что-то чуть мешает глотать?

— Пожалуй, я…

Саймон проглотил слюну и сделал глубокий вдох. Потом он вскочил с искаженным лицом, стиснув кулаки:

— Клянусь великой Галактикой, Шеффилд, вы не имели права об этом молчать! Я все это чувствую. Что теперь делать, Шеффилд? Это ведь излечимо? Проклятье, Шеффилд, — он сорвался на крик, — почему вы не сказали этого раньше?!

— Потому что в том, что я сказал, — спокойно ответил Шеффилд, — нет ни слова правды. Ни единого слова. Цвет никому не приносит вреда. Сядьте, доктор Саймон. У вас довольно глупый вид.

— Вы сказали, — произнес ничего не понимающий Саймон, начиная задыхаться, — вы сказали, что это ваше профессиональное мнение…

— Мое профессиональное мнение! Господи, Саймон, почему профессиональное мнение производит такое магическое действие? Человек может солгать, или же просто чего-то не знать, даже в своей области. Специалист может ошибиться из-за незнания смежных дисциплин. Он

может быть убежден в своей правоте и все-таки ошибаться. Взять хотя бы вас. Вы знаете, как устроена вся Вселенная, а я ничего не знаю, если не считать того, что звезды иногда мерцают, а световой год — это что-то очень длинное. И все равно вы благополучно проглотили такую чушь, которая уморила бы со смеху любого психолога-первокурсника. Не думаете ли вы, Саймон, что нам пора поменьше заботиться о профессиональных мнениях и побольше — о всеобщей координации действий?

Кровь медленно отпивала от лица Саймона, пока оно не стало белым, как воск. Дрожащими губами он прошептал:

— Под прикрытием профессионального мнения вы хотели меня одурачить!

— Примерно так, — ответил Шеффилд.

— Никогда еще, никогда я не… — Саймон осекся и продолжал: — Никогда не видел ничего столь гнусного и неэтичного.

— Я хотел доказать вам, что я прав.

— О, вы доказали. Вы все доказали, — Саймон понемногу приходил в себя, и его голос уже приближался к обычному. — Вы хотите, чтобы я взял с собой вашего мальчишку.

— Верно.

— Нет. Нет и еще раз нет. Такой ответ был бы до того, как вы вошли сюда, а теперь — тысячу раз нет.

— Но почему? Я хочу сказать — почему еще до того, как я сюда вошел?

— Он психически болен. Его нельзя держать вместе с нормальными людьми.

Шеффилд мрачно возразил:

— Я бы попросил вас не говорить о психических болезнях. Вы для этого недостаточно компетентны. Если уж вы так строго соблюдаете профессиональную этику, будьте добры не вторгаться в мою область в моем присутствии. Марк Аннунчио совершенно нормален.

— После этой сцены с Родригесом? Ого! Как бы не так!

— Марк имел право задать вопрос. Это его работа и его долг, Родригес не имел права хамить.

— С вашего разрешения, я должен считаться прежде всего с Родригесом.

— Почему? Марк Аннунчио знает больше Родригеса. Уж если на то пошло, он знает больше нас с вами. Что вам нужно — привезти на Землю толковый доклад или удовлетворить свое мелочное самолюбие?

— Вы говорите, что ваш мальчишка много

знает. Это ничего не значит. Я согласен, что он — прекрасный попугай. Но он ничего не понимает. Мой долг обеспечить ему доступ ко всем данным, потому что меня обязало Бюро. Они меня не спросили, но хорошо, я согласен пойти навстречу. Он получит все данные здесь, на корабле.

— Это несправедливо, Саймон, — возразил Шеффилд. — Он должен выехать на место. Он может увидеть такое, чего не заметят ваши драгоценные специалисты.

Ледяным тоном Саймон ответил:

— Очень может быть. Тем не менее, Шеффилд, я отказываю. И нет таких доводов, которые могли бы меня переубедить.

Даже нос у астрофизика побелел от сдерживаемой ярости.

— Потому что я вас одурачил?

— Потому что вы нарушили самый святой долг специалиста. Ни один уважающий себя специалист не употребит во зло незнание другого специалиста в своей области.

— Значит, я вас одурачил.

Саймон отвернулся.

— Я прошу вас уйти. Впредь до конца экспедиции мы с вами будем общаться только по самым необходимым делам.

— Но если я уйду, — ответил Шеффилд, — об этом могут услышать остальные.

Саймон вздрогнул.

— Вы расскажете об этом?

На его губах мелькнула холодная, презрительная усмешка.

— Вы только покажете всем, какой вы негодяй.

— О, сомневаюсь, чтобы они приняли это всерьез. Все знают, что психологи не прочь пошутить. И потом, им будет не до того — так они будут смеяться над вами. Представляете — такой величественный доктор Саймон поверил, что у него болит горлышко, и взмолился о помощи, наслушавшись всякой таинственной чепухи!

— Кто вам поверит? — вскричал Саймон.

Шеффилд поднял правую руку. Между большим и указательным пальцами он держал маленький прямоугольный предмет, утыканный кнопками.

— Карманный магнитофон, — сказал он и тронул одну из кнопок. Голос Саймона произнес:

— Ну, что у вас, доктор Шеффилд?

Голос звучал напыщенно, властно и самодовольно.

— Дайте!

Саймон бросился на долговязого психолога. Шеффилд оттолкнул его.

— Не прибегайте к насилию, Саймон. Я не так уж давно занимался борьбой. Послушайте, я предлагаю вам сделку.

Саймон все еще рвался к нему, кипя яростью и забыв о собственном достоинстве. Шеффилд, медленно отступая, удерживал его на расстоянии вытянутой руки.

— Разрешите нам с Марком лететь, и никто никогда об этом не услышит.

Саймон понемногу приходил в себя.

— Тогда вы мне это отдадите? — задыхаясь, с трудом выговорил он.

— Обещаю, что отдам — и после того, как мы с Марком будем на месте поселения.

— Я должен поверить на слово вам? — Саймон постарался вложить в свои слова как можно больше презрения.

— А почему бы и нет? Во всякое случае можете поверить, что я наверняка расскажу обо всем, если вы не согласитесь. И первым это услышит Вернадский. Он будет в восторге. Вы знаете, какое у него чувство юмора.

— Можете лететь, — произнес Саймон чуть слышно. Потом он энергично добавил:

— Но запомните, Шеффилд. Когда мы вернемся на Землю, вы будете отвечать перед Централь-

ным комитетом ГАРН. Я вам это обещаю. Вас лишат всех званий…

— Я не боюсь Галактической Ассоциации Развития Науки, — раздельно произнес Шеффилд. — В конце концов в чем вы меня обвините? Не собираетесь же вы воспроизвести эту запись перед Центральным комитетом в качестве доказательства? Ну, ну, не сердитесь. Не хотите же вы, чтобы о вашей… хм… ошибке услышали самые надутые индюки на все 83 000 планет?

Он с ласковой улыбкой отступил за дверь.

Но закрыв дверь за собой, он перестал улыбаться. Жаль, что пришлось это сделать. Стоило ли дело того, чтобы нажить себе такого врага?

19

Недалеко от места первого поселения выросло семь палаток. Все они были видны с невысокого холма, на котором стоял Невил Фоукс. Люди жили здесь уже семь дней.

Фоукс взглянул на небо. Над головой нависли густые дождевые тучи. Очень хорошо. Когда

эти тучи закрывают оба солнца, все предметы, освещенные рассеянным серовато-белым светом, выглядят почти нормально.

Дул свежий, влажный ветерок — совсем как в Вермонте в апреле. Фоукс был родом из Новой Англии, и это сходство было ему приятно. Через 4–5 часов Лагранж-I зайдет, и тучи побагровеют, а ландшафт станет тусклым и мрачным. Но Фоукс рассчитывал к этому времени вернуться в палатку.

Так близко к экватору и так прохладно! Ну, это через несколько тысяч лет изменится. По мере отступления ледников воздух будет согреваться, земля подсыхать. Появятся джунгли и пустыни. Уровень воды в океанах поползет вверх, поглощая бесчисленные острова. Долины двух больших рек превратятся во внутренние моря, и форма единственного материка Малышки изменится, в может быть, он разделится на несколько маленьких.

Интересно, будет ли затоплено место поселения, подумал он. Вероятно, будет. Может быть, тогда над ним уже не будет тяготеть проклятье.

Он понимал, почему Конфедерации так позарез понадобилось раскрыть тайну этого первого поселения. Даже если бы дело было просто в за-

болевании, это нужно было доказать. Иначе кто осмелится поселиться на этой планете? «Ловушки для простаков» вызывали суеверный страх не только у космонавтов.

Да и сам он… Впрочем, его первое посещение этого места прошло благополучно, хоть он и рад был оставить позади этот дождь и мрак. Возвращаться сюда во второй раз было куда хуже. Ему не давала спать мысль о том, что его окружает тысяча загадочных смертей, от которых его отделяло только неощутимое время.

Нови с профессиональным хладнокровием врача раскопал истлевшие останки десятка первых поселенцев. Фоукс отказался взглянуть на них. Он сказал, что по этим истлевшим костям ничего нельзя определить.

— Кажется, есть какие-то ненормальности в отложении костной ткани, сказал он, но после допроса с пристрастием признал, что замеченные им признаки могли быть вызваны и столетним пребыванием костей в сырой почве.

Перед глазами Фоукса снова встала картина, преследовавшая его даже наяву. Ему виделась неуловимая раса разумных подземных жителей, которые сто лет назад, никем не замеченные, посетили это первое поселение. Он представил

себе, как они готовили бактериологическую войну, как они в своих лабораториях под корнями деревьев выращивали грибки и споры в поисках разновидности, которая жила бы в человеческом организме. Может быть, для своих экспериментов они похищали детей. А когда они нашли то, что искали, споры ядовитыми тучами бесшумно поплыли над поселением…

Фоукс знал, что все это — плод его фантазии. Он придумал все это в часы бессонницы, охваченный непонятной тревогой. Но когда он оставался один в лесу, он не раз резко оборачивался в ужасе, чувствуя на себе пристальный взгляд чьих-то глаз, скрывавшихся в сумрачной тени деревьев.

Поглощенный этими мыслями, Фоукс по привычке ботаника оглядывал окружавшую его растительность. Он нарочно пошел новой дорогой, но и здесь увидел все то же самое. Леса на Малышке были редкими и лишенными подлеска. Никакого препятствия для передвижения они не представляли. Деревья были невысоки, редко выше трех метров, хотя по толщине ствола почти не уступали земным.

Фоукс составил приблизительную схему классификации растительного мира Малышки. При этом ему не раз приходило в голову, что он, воз-

можно, закладывает этой работой фундамент собственного бессмертия.

Например, там росло «штыковое дерево». Его громадные белые цветы привлекали каких-то насекомоподобных существ, которые строили в них свои крохотные гнезда. Потом, по какому-то совершенно непонятному Фоуксу сигналу или импульсу, все цветы того или иного дерева за ночь выбрасывали по сверкающему белому пестику в два фута длиной. Казалось, дерево внезапно ощетинивалось штыками. На следующий день цветок опылялся, и его лепестки смыкались, закрывая собой и пестик, и насекомых. Первый исследователь Макояма назвал это дерево «штыковым», но Фоукс взял на себя смелость переименовать его в «Миранию фоуксии».

У всех деревьев была одна общая черта. Их древесина была невероятно крепкой. Биохимикам еще предстояло определить физическое состояние содержащихся в ней молекул клетчатки, а биофизикам — выяснить, как сквозь эту непроницаемую ткань может транспортироваться вода. Фоукс же по своему опыту знал, что сорванные цветы ломаются, как стекло, а ветки с трудом удается согнуть и совершенно невозможно сломать. Его перочинный нож затупился, не оставив на

дереве даже царапины. Чтобы расчистить поля, первым поселенцам, очевидно, приходилось выкапывать деревья вместе с корнями.

Животных в здешних лесах по сравнению с Землей почти не было. Возможно, они погибли во время ледникового периода.

У всех насекомоподобных существ было по два крыла — маленьких пушистых перепонки. Летали они бесшумно. Кровососущих насекомых здесь, очевидно, не было.

Единственным представителем животного мира, который попался на глаза экспедиции, было внезапно появившееся однажды над лагерем крупное крылатое создание. Чтобы разглядеть его форму, пришлось прибегнуть к моментальной фотографии: зверь, очевидно, охваченный любопытством, с огромной скоростью снова и снова проносился над самыми палатками. Это было четырехкрылое существо. Передние крылья, заканчивавшиеся мощными когтями, представляли собой почти голые перепонки и, очевидно, служили для планирующего полета. Задняя пара крыльев, покрытых пухом, похожим на шерсть, совершала быстрые взмахи. Родригес предложил назвать это существо «тетраптерусом».

Фоукс отвлекся от своих воспоминаний, чтобы

разглядеть траву новой разновидности, которая ему еще не попадалась. Трава росла тесными кустиками; каждый стебель вверху разветвлялся на три отростка. Фоукс вынул лупу и осторожно потрогал пальцем один из стеблей. Как и остальная трава на Малышке, она была…

И тут он услышал позади себя шорох. Ошибки быть не могло. Какое-то мгновение он внимательно вслушивался, но биение собственного сердца заглушало все остальные звуки. Тогда он резко обернулся. Тень, похожая на человеческую, метнулась за дерево.

У Фоукса захватило дыхание. Он потянулся к кобуре, но его рука двигалась как будто сквозь густую патоку.

Значит, его фантазии вовсе не были фантазиями? Значит, Малышка все-таки обитаема?

Преодолев оцепенение, Фоукс укрылся за другим деревом. Отступить он не мог. Он знал, что будет не в силах сказать остальным: «Я видел что-то живое. Возможно, это и была разгадка. Но я испугался и позволил ей скрыться».

Придется попытаться что-нибудь предпринять.

Позади того дерева, где пряталось неизвестное существо, стояло «кубковое дерево». Оно цвело

— бело-кремовые цветы были обращены вверх в ожидании надвигавшегося дождя. Вдруг раздался слабый звон сломанного цветка, и кремовые лепестки, вздрогнув, повернулись вниз.

Значит, ему не показалось. За деревом кто-то был. Фоукс перевел дух и выскочил из-за своего укрытия, держа перед собой лучевой пистолет, готовый стрелять при первом же намеке на опасность.

Но его окликнул голос:

— Не стреляйте. Это я.

Из-за дерева выглянула перепуганная, но несомненно человеческая физиономия. Это был Марк Аннунчио.

Фоукс застыл на месте и уставился на него. Наконец, он смог хрипло проговорить:

— Что ты тут делаешь?

— Я шел за вами, — ответил Марк, не отрывая взгляда от пистолета.

— Зачем?

— Посмотреть, что вы делаете. Мне было интересно, что вы найдете. Я думал, если вы меня увидите, то прогоните назад.

Фоукс вспомнил, что все еще держит пистолет, и спрятал его в кобуру. Это удалось ему только с третьей попытки.

Упали первые крупные капли дождя. Фоукс грубо сказал:

— Чтобы никто об этом не узнал!

Он бросил враждебный взгляд на юношу, и они молча, держась поодаль друг от друга, направились к лагерю.

20

Некоторое время спустя к семи палаткам прибавился сборный домик, поставленный в центре лагеря. Как-то вся группа собралась в нем вокруг длинного стола.

Приближался торжественный момент, хотя все почему-то притихли. Командовал парадом Вернадский, который в студенческие годы научился сам себе готовить еду. Сняв с высокочастотного подогревателя какое-то дымящееся варево, он объявил:

— Кому калорий?

Еда была щедро разложена по тарелкам.

— Пахнет очень хорошо, — неуверенно заметил Нови. Он поднял на вилка кусок мяса. Оно было

лиловатого цвета и, несмотря на то, что долго варилось, оставалось жестким. Окружающая его мелко нарезанная зелень выглядела помягче, но казалась еще менее съедобной.

— Ну, — сказал Вернадский, — ешьте! Уплетайте за обе щеки! Я пробовал — вкусно.

Он набил рот мясом и долго жевал.

— Жестковато, но вкусно.

— Не исключено, что мы от этого умрем, — мрачно сказал Фоукс.

— Ерунда, — ответил Вернадский. — Крысы питались им две недели.

— Две недели — не так уж много, — возразил Нови.

— Ну ладно, была не была, — решился Родригес. — Послушайте, и в самом деле вкусно!

Немного погодя с ним согласились все. До сих пор все живые организмы Малышки, которые можно было есть, оказывались вкусными. Зерно было почти невозможно измолоть в муку, но когда это удавалось, можно было испечь богатый белком хлеб. Несколько таких хлебов и сейчас стояло на столе. Они были темного цвета и тяжеловаты, но вовсе не плохи.

Фоукс, изучив растительность Малышки, пришел к выводу, что при должном орошении и

правильном посеве один акр поверхности планеты сможет прокормить в десять раз больше скота, чем акр земной альфальфы. Это произвело большое впечатление на Шеффилда, который тут же назвал Малышку житницей сотни планет. Однако Фоукс только пожал плечами.

— Ловушка для простаков, — сказал он.

Неделей раньше вся группа была сильно встревожена: хомяки и белые мыши неожиданно отказались есть некоторые новые виды травы, только что принесенные Фоуксом. Когда небольшие количества этих трав начали подмешивать в их обычный рацион, животные стали погибать.

Разгадка тайны? Не совсем. Через несколько часов вошел Вернадский и заявил:

— Медь, свинец, ртуть.

— Что? — переспросил Саймон.

— В этих растениях. Они содержат много тяжелых металлов. Возможно, это эволюционное защитное приспособление, чтобы их не ели.

— Значит, первые поселенцы… — начал Саймон.

— Нет, этого не может быть. Большинство растений совершенно безвредно. Только эти, а их никто есть не станет.

— Откуда вы знаете?

— Не стали же их есть крысы.

— То крысы…

Только этого Вернадский и ждал. Он торжественно произнес:

— Вы видите перед собой скромного мученика науки. Я их попробовал.

— Что? — вскричал Нови.

— Только лизнул, не беспокойтесь. Нови. Я — из осторожных мучеников. В общем, они горькие, как стрихнин. Да и как же иначе? Если растение набирается свинца только для того, чтобы его не съело животное, и если животное узнает об этом только когда умрет, то какой растению от этого толк? Горечь дает сигнал опасности. А тех, кто им пренебрегает, ждет наказание.

— А кроме того, — добавил Нови, — первые поселенцы погибли не от отравления тяжелыми металлами. Симптомы были совсем другие.

Эти симптомы прекрасно знали все. Кое-кто — в популярном изложении, остальные — более подробно. Затрудненное, болезненное дыхание, и чем дальше тем хуже. К этому сводилось все.

Фоукс отложил вилку.

— Постойте, а что если в этой еде есть какой-нибудь алкалоид, который парализует дыхательные мышцы?

— У крыс тоже есть дыхательные мышцы, — ответил Вернадский. — Их она не убила.

— А может быть, он накапливается?

— Ладно, ладно. Если почувствуете, что вам больно дышать, перейдите на обычный корабельный рацион — возможно, он вам поможет. Только берегитесь самовнушения.

— Это по моей части, — проворчал Шеффилд. — Насчет этого не беспокойтесь.

Фоукс тяжело вздохнул и мрачно положил в рот кусок мяса. Марк Аннунчио сидел на дальнем конце стола. Он ел медленнее, чем другие, и все вспоминал монографию Норриса Вайнограда «Вкус и обоняние». Вайноград разработал классификацию вкусов и запахов на основе механизма ингибирования ферментативных реакций во вкусовых сосочках. Аннунчио толком не знал, что это значит, но помнил все обозначения, характеристики и определения. К тому времени, когда он доел свою порцию, он определил вкус мяса, отнеся его одновременно к трем подклассам. Его челюсти слегка ныли от напряженного жевания.

21

Приближался вечер. Лагранж-I стоял уже низко над горизонтом. День выдался ясный, теплый, и Борис Вернадский был им доволен. Он сделал кое-какие интересные измерения, в его яркий свитер причудливо менял свои цвета от часа к часу по мере того, как солнца передвигались по небосводу.

Сейчас Вернадский отбрасывал длинную красную тень, и только нижняя ее треть, совпадавшая с тенью от Лагранжа-II, была серой. Он протянул руку, и от нее упали две тени — нечеткая оранжевая футах в 15 от него и более густая голубая в той же стороне, но футах в пяти.

Все это так ему нравилось, что у него не вызвало никакого неприятного чувства даже появление поодаль Марка Аннунчио. Вернадский отставил в сторону свой нуклеометр и помахал рукой:

— Иди сюда!

Юноша робко приблизился.

— Здравствуйте.

— Тебе чего-нибудь надо?

— Я… я просто смотрел.

— А! Ну, смотри. Знаешь, что я делаю?

Марк замотал головой.

— Это нуклеометр, — сказал Вернадский. — Его втыкают в землю, вот так. У него наверху — генератор силового поля, так что его можно воткнуть в любой камень.

Продолжая говорить, он нажал на нуклеометр, и тот на два фута погрузился в выход каменной породы.

— Видишь?

У Марка заблестели глаза, и это доставило Вернадскому удовольствие. Он продолжал:

— По бокам его стержня есть микроскопические атомные устройства, каждое из которых испаряет около миллиона молекул окружающей породы и разлагает их на атомы. Потом атомы разделяются по массе и заряду ядер, и результаты можно прямо считывать вот с этих шкал наверху. Понимаешь?

— Не очень. Но это полезно знать.

Вернадский улыбнулся и сказал:

— Мы получаем содержание различных элементов в коре. На всех водно-кислородных планетах эти цифры примерно одинаковы.

Марк серьезно сказал:

— Из тех планет, которые я знаю, больше всего кремния содержит Лепта 32,765 %. В составе Земли его только 24,862 %. По весу.

Улыбка застыла на лице Вернадского. Он сухо спросил:

— Слушай, парень, ты знаешь такие цифры для всех планет?

— Нет, это невозможно. По-моему, они еще не все исследованы. В «Справочнике по коре планет» Бишуна и Спенглоу есть данные только для 21 854 планет. Их я, конечно, знаю все.

Обескураженный Вернадский продолжал:

— А на Малышке элементы распределены еще более равномерно, чем обычно. Кислорода мало — по моим данным, в среднем каких-нибудь 42,113 %. Кремния тоже мало — 22,722 %. Тяжелых металлов в 10-100 раз больше, чем на Земле. И это не местное явление: общая плотность Малышки на 5 % выше земной.

Вернадский и сам не знал, зачем он все это говорит мальчишке.

Отчасти потому, что всегда приятно иметь внимательного слушателя. Когда не с кем поговорить о своей профессии, иногда становится одиноко и грустно. Он продолжал, начиная получать удовольствие от своей лекции:

— С другой стороны, легкие элементы распределены тоже более равномерно. В составе океанов здесь не преобладает хлористый натрий, как на Земле, а довольно много магниевых солей. А литий, бериллий и бор? Они легче углерода, но на Земле и на всех других планетах встречаются очень редко. А на Малышке их много. Все три этих элемента составляют около 0,4 % коры, а на Земле — только 0,004 %.

Марк дотронулся до его рукава.

— А есть у вас список всех элементов с их содержанием в коре? Можно его посмотреть?

— Пожалуйста.

Вернадский вынул из заднего кармана брюк сложенную бумажку, протянул ее Марку и сказал, усмехнувшись:

— Только не публикуй эти цифры раньше меня.

Марк бросил взгляд на листок и протянул его Вернадскому.

— Ты уже? — удивленно спросил тот.

— Да, — задумчиво ответил Марк. — Теперь я помню их все.

Он повернулся и пошел прочь, не попрощавшись. Вернадский поглядел ему вслед, пожал плечами, вытащил из земли свой нуклеометр и

зашагал в сторону лагеря.

22

Шеффилд был более или менее доволен. Марк вел себя даже лучше, чем он ожидал. Правда, он почти не разговаривал, но это было не так важно. Во всяком случае, он проявлял интерес к окружающему и не тосковал. И не устраивал никаких сцен.

Шеффилд узнал от Вернадского, что накануне вечером Марк вполне нормально, без всякого крика побеседовал с ним о составе планетной коры. Вернадский со смехом сообщил, что Марк знает состав коры двадцати тысяч планет и что когда-нибудь он заставит парня сказать наизусть все цифры, просто чтобы посмотреть, сколько времени это займет.

Сам Марк об этом ничего Шеффилду не говорил. Все утро он просидел в палатке. Шеффилд заглянул к нему, увидел, что он сидит на койке, уставившись на свои ноги, и оставил его в покое.

Шеффилд чувствовал, что он сам нуждается в

какой-нибудь оригинальной идее. На самом деле оригинальной.

До сих пор они ничего не добились. Ничего — за целый месяц. Родригес и слышать не хотел ни о какой инфекции. Вернадский совершенно не допускал мысли о пищевом отравлении. Нови яростно тряс головой при всяком упоминании о нарушениях обмена веществ. «Где доказательства?» — говорил он.

Все сводилось к тому, что любая физическая причина смерти исключалась на основании мнения специалиста. Но мужчины, женщины и дети умерли. Какая-то причина должна была существовать. Может быть, психологическая?

Еще на корабле Шеффилд воспользовался этим, чтобы разыграть Саймона. Но теперь ему было не до шуток. Может быть, что-то заставило поселенцев совершить самоубийство? Но что? Человечество колонизировало десятки тысяч планет, и это никак не сказалось на его психической устойчивости. Самоубийства и психозы были больше распространены на самой Земле, чем в любом другом месте Галактики.

Кроме того, колония отчаянно взывала о медицинской помощи. Люди не хотели умирать.

Умственное расстройство? Что-нибудь такое,

что было свойственно только этой группе людей? Достаточно сильное, чтобы вызвать смерть тысячи человек? Мало вероятно. И потом как об этом узнать? Место поселения было тщательно обыскано, но ни пленок, ни записей, даже самых отрывочных, найти не удалось.

За столетие влага сделала свое дело.

Шеффилд чувствовал, что почва уходит у него из-под ног. Он был беспомощен. У других, по крайней мере, были данные, с которыми можно было работать. У него не было ничего.

Он снова оказался у палатки Марка и машинально заглянул внутрь. Палатка была пуста. Он огляделся и заметил Марка, направлявшегося в лес. Шеффилд закричал ему вслед:

— Марк! Подожди меня!

Марк остановился, потом как будто хотел двинуться дальше, передумал и дал Шеффилду себя догнать.

— Куда ты собрался? — спросил Шеффилд. Даже пробежавшись, он не запыхался, — так богата кислородом была атмосфера Малышки.

— К ракете, — нехотя ответил Марк.

— Да?

— Мне до сих пор не довелось ее как следует разглядеть.

— Но ты же имел такую возможность, — заметил Шеффилд. — Когда мы летели сюда, ты не отходил от Фоукса.

— Это совсем не то, — возразил Марк. Там было много народа. Я хочу посмотреть ее один.

Шеффилд забеспокоился. Парень на что-то сердится. Лучше пойти с ним и выяснить, в чем дело. Он сказал:

— Пожалуй, и я бы не прочь поглядеть ракету. Не возражаешь, если я пойду с тобой?

Марк заколебался, потом сказал:

— Ну… Ладно. Если вам так хочется.

Приглашение прозвучало не совсем вежливо. Шеффилд спросил:

— Что это ты несешь, Марк?

— Палку. Я срезал ее на случай, если кто-нибудь вздумает меня остановить.

Он взмахнул палкой так, что она со свистом прорезала плотный воздух.

— Зачем кому-то тебя останавливать, Марк? Я бы ее выбросил. Она тяжелая и твердая. Ты можешь кого-нибудь поранить.

Но Марк шагал вперед.

— Не выброшу.

Шеффилд подумал и решил пока воздержаться от ссоры. Сначала лучше выяснить причину этой

враждебности.

— Ну, как хочешь, — сказал он.

Ракета лежала на поляне. Ее светлая металлическая поверхность сверкала зелеными отблесками: Лагранж-II еще не показался над горизонтом.

Марк внимательно огляделся вокруг.

— Никого не видно, Марк, — сказал Шеффилд.

Они вошли внутрь. Это была большая ракета. Семь человек и все необходимое снаряжение она перевезла на место всего в три приема.

Шеффилд не без робости поглядел на утыканный кнопками пульт управления.

— И как это ботаник вроде Фоукса ухитрился научиться управлять этой штукой? Это так далеко от его специальности.

— Я тоже умею ею управлять, — внезапно сказал Марк.

— Ты? — Шеффилд удивленно уставился на него.

— Я смотрел, что делал доктор Фоукс, когда мы летели сюда. Я знаю все, что он делал. И потом у него есть руководство по ремонту ракеты. Я как-то стащил его и прочел.

— Очень хорошо, — весело сказал Шеффилд. — Значит, у нас есть на всякий случай еще один пилот.

Он стоял к Марку спиной и не видел, как тот замахнулся. Палка обрушилась ему на голову. Он не слышал, как Марк озабоченно произнес: «Простите, доктор Шеффилд». Собственно говоря, он даже не почувствовал удара, от которого потерял сознание.

23

Потом Шеффилд понял, что сознание вернулось к нему от сотрясения при посадке ракеты. Пока еще ничего не соображая, он смутно почувствовал сильную боль.

Откуда-то донесся голос Марка. Это было первое, что Шеффилд осознал. Он попытался перевернуться и встать на колени. В голове у него шумело.

Сначала голос Марка был для него просто набором бессмысленных звуков. Потом они начали складываться в слова. Наконец, когда он с трудом поднял веки и тут же был вынужден закрыть их снова, потому что ему стало больно от яркого света, он уже понимал целые фразы. Он стоял на

одном колене, не в силах приподнять голову, и слушал, как Марк, задыхаясь, выкрикивает:

— ...Тысяча людей, и все погибли. Остались только могилы. И никто не знает, почему.

Послышался гомон, в котором Шеффилд ничего не мог разобрать. Потом прозвучал чей-то хриплый бас. Потом снова заговорил Марк:

— А как по-вашему, для чего на борту все эти ученые?

Шеффилд, превозмогая боль, поднялся на ноги и прислонился к стене. Он дотронулся до головы и увидел на руке кровь. Она запеклась в слипшихся волосах. Застонав, он качнулся вперед, нащупал засов и распахнул люк.

Трап был опущен. Шеффилд постоял у люка, пошатываясь, боясь сделать шаг.

Он понемногу начинал воспринимать окружающее. Высоко в небе стояли оба солнца, а в тысяче футов от него над низкорослыми деревьями возвышался гигантский стальной цилиндр «Трижды Г». Марк стоял у подножья трапа, окруженный членами экипажа, обнаженными по пояс и дочерна загоревшими под ультрафиолетом Лагранжа-I. (Спасибо плотной атмосфере и мощному слою озона в ее верхней части, которые задерживали ультрафиолетовое излучение, дово-

дя его до безопасного предела!).

Космонавт, стоявший прямо перед Марком, опирался на бейсбольную биту. Другой подбрасывал и ловил мяч. Многие были в бейсбольных перчатках.

«Чудно, — пронеслась в голове Шеффилда шальная мысль, — Марк приземлился прямо на стадионе».

Марк посмотрел вверх, увидел его и возбужденно закричал:

— Ну, спросите его! Спросите! Доктор Шеффилд, правда, на этой планете уже побывала экспедиция, которая погибла неизвестно от чего?

Шеффилд попытался произнести «Марк, что ты делаешь?», но не смог. С его губ сорвался только стон. Космонавт с битой спросил:

— Мистер, правду говорит этот пузырь?

Шеффилд вцепился обеими руками в поручень трапа. Лицо космонавта поплыло у него перед глазами. Толстые губы и маленькие глазки, смотревшие из-под густых бровей, покачнулись и заплясали перед ним. Потом трап взмыл в воздух и бешено завертелся у него над головой. Он схватился за подвернувшуюся откуда-то землю и почувствовал холодную боль в скуле. Тут он перестал сопротивляться и снова потерял сознание.

24

Во второй раз он очнулся не так болезненно. Он лежал в кровати, над ним склонились два расплывшихся лица. Перед глазами у него проплыло что-то длинное и тонкое, и сквозь шум в голове он услышал:

— Теперь он придет в себя, Саймон.

Шеффилд закрыл глаза. Каким-то образом он знал, что его голова обмотана бинтами.

С минуту он полежал спокойно, глубоко дыша. Снова открыв глаза, он яснее увидел лица. Одно из них принадлежало Нови — его серьезно нахмуренный лоб разгладился, когда Шеффилд сказал:

— Привет, Нови.

Второе лицо — злое, со сжатыми губами, но с едва заметным довольным выражением глаз, — было Саймона.

— Где мы? — спросил Шеффилд.

— В космосе, доктор Шеффилд, — ледяным тоном ответил Саймон. — Вот уже два дня.

— Два дня? — Шеффилд широко открыл глаза.

— У вас было серьезное сотрясение мозга, Шеффилд, — вмешался Нови, — чуть не треснул череп. Спокойнее.

— Что случи… Где Марк? Где Марк?!

— Спокойнее. Спокойнее.

Нови положил руки на плечи Шеффилда и заставил его снова лечь.

— Ваш мальчишка в карцере, — сказал Саймон. — Если вы хотите знать, почему, то он намеренно подстрекал к бунту на корабле, из-за чего жизнь пяти человек была подвергнута опасности. Мы чуть не остались во временном лагере, потому что команда хотела лететь немедленно. Капитан еле уговорил их захватить нас.

Теперь Шеффилд начал смутно припоминать. Перед ним, как в тумане, возникли фигуры Марка и человека с битой. Марк говорил:

«…тысяча людей, и все погибли…»

Сделав огромное усилие, психолог приподнялся на локте.

— Послушайте, Саймон, я не знаю, почему Марк это сделал, но дайте мне с ним поговорить. Я все узнаю.

— В этом нет необходимости, — ответил Саймон. — Все выяснится на суде.

Шеффилд попытался оттолкнуть руку Нови,

удерживавшую его в постели.

— Но зачем такая официальность? Зачем впутывать Бюро? Мы можем и сами разобраться.

— Именно это мы и собираемся сделать. По космическому законодательству, капитан уполномочен лично разбирать дела о преступлениях, совершенных в космосе.

— Капитан? Устроить суд здесь? На корабле? Саймон, вы не должны этого допустить. Это будет убийство.

— Ничуть. Это будет справедливое и уместное судебное разбирательство. Я совершенно согласен с капитаном. В интересах дисциплины суд необходим.

— Послушайте, Саймон, не надо, — вмешался обеспокоенный Нови. — Он не в таком состоянии, чтобы все это переживать.

— Очень жаль, — сказал Саймон.

— Но вы не понимаете, — настаивал Шеффилд, — за мальчика отвечаю я.

— Наоборот, я это понимаю, — ответил Саймон. — Вот почему мы ждали, пока вы придете в себя. Вас тоже будут судить вместе с ним.

— Что?

— Вы отвечаете за все его действия. Кроме того, вы были вместе с ним, когда он угнал ракету. В

тот момент, когда он призывал команду взбунтоваться, вас видели у люка ракеты.

— Но он раскроил мне череп, чтобы угнать ракету. Неужели вы не видите, что это серьезное умственное расстройство? Он не несет ответственности.

— Это решит капитан, Шеффилд. Останьтесь с ним, Нови.

Он повернулся, чтобы уйти.

Шеффилд собрал все силы и крикнул:

— Саймон! Вы хотите отплатить мне за тот урок психологии, который я вам дал. Вы — ограниченный, мелочный…

Задыхаясь, он упал на подушку. Саймон, который был уже в дверях, обернулся и произнес:

— И между прочим, Шеффилд, подстрекательство к бунту на борту корабля карается смертью!

25

«Ничего себе суд!» — мрачно подумал Шеффилд. Никто не придерживался законной процедуры; впрочем, психолог был уверен, что никто ее и не

знает, и меньше всего — капитан.

Все сидели в большой кают-компании, где во время обычных рейсов команда собиралась смотреть субэфирные передачи. На этот раз никто из членов экипажа сюда допущен не был, хотя научный персонал присутствовал а полном составе.

Капитан Фолленби сидел за столом как раз под субэфирным приемником. Шеффилд и Марк Аннунчио сидели отдельно левее, лицом к нему.

Капитан явно чувствовал себя не в своей тарелке. Он то обменивался со «свидетелями» непринужденными репликами, то сверхофициально требовал прекратить шепот среди зрителей.

Шеффилд и Марк, увидевшиеся впервые после полета на ракете, обменялись торжественным рукопожатием. (Инициатива принадлежала Шеффилду: Марк, увидев заклеенное крест-накрест полосками пластыря выбритое место на голове Шеффилда, сначала не решился к нему подойти.) — Простите меня, доктор Шеффилд. Простите.

— Ничего, Марк. Как с тобой обращались?

— По-моему, хорошо.

— Обвиняемые, не разговаривать! — раздался окрик капитана.

Шеффилд спокойно возразил:

— Послушайте, капитан, у нас не было адвокатов, и мы не успели подготовиться к ведению дела.

— Никаких адвокатов не нужно, — сказал капитан. — Это не суд присяжных на Земле. Это капитанское расследование. Совсем другое дело. Важны только факты, а не юридическая болтовня. Процесс может быть пересмотрен на Земле.

— Но нас к этому времени может не быть в живых, — горячо возразил Шеффилд.

— Начинаем! — объявил капитан, грохнув по столу алюминиевой скобой в виде буквы «Т».

Саймон сидел в первом ряду и слегка улыбался. Шеффилд с большим беспокойством следил за ним. Эта улыбка оставалась неизменной все время, пока вызывались свидетели, которые должны были показать, что команда ни в коем случае не должна была знать о цели экспедиции и что Марк с Шеффилдом присутствовали, когда им это говорилось. Миколог экспедиции рассказал о своем разговоре с Шеффилдом, из которого явствовало, что Шеффилд хорошо знал об этом запрете.

Было установлено, что Марк проболел большую часть полета к Малышке и что после посадки на нее он хотя и поправился, но вел себя странно.

— Как вы все это объясните? — спросил ка-

питан.

Оттуда, где сидели зрители, вдруг раздался спокойный голос Саймона:

— Он перетрусил. Он был готов на все, лишь бы смыться с этой планеты.

Шеффилд вскочил.

— Его замечания не относятся к делу. Он не свидетель.

— Сядьте! — сказал капитан, ударив скобой по столу. Суд продолжался. Был вызван один из членов экипажа, показавший, что Марк сообщил им о первой экспедиции и что при этом присутствовал Шеффилд.

— Я требую перекрестного допроса, — вскричал Шеффилд.

— Ваша очередь потом, — сказал капитан, и космонавта выпроводили.

Шеффилд внимательно вглядывался в зрителей. Было очевидно, что не все симпатии на стороне капитана. Шеффилд был все-таки психолог, и даже при таких обстоятельствах ему пришла в голову мысль, что многие из них, вероятно, в душе рады убраться с Малышки и благодарны Марку за то, что он это ускорил. Кроме того, им, очевидно, была не по вкусу эта поспешная судебная инсценировка. Вернадский сидел,

нахмурившись, а Нови поглядывал на Саймона с явным неодобрением.

Шеффилда беспокоил Саймон. Психолог чувствовал, что не кто иной, как он, уговорил капитана устроить суд, и что он может настаивать на высшей мере наказания. Шеффилд горько пожалел, что задел патологическое тщеславие этого человека.

Но больше всего Шеффилда озадачивало поведение Марка. Он не проявлял никакого беспокойства, не видно было и следов космической болезни. Марк слушал внимательно, но происходящее, казалось, не очень волновало его, как будто он знал что-то такое, по сравнению с чем все остальное ничего не значило.

Капитан стукнул по столу и сказал:

— Кажется, все. Факты установлены. Бесспорно. Можно кончать.

Шеффилд опять вскочил с места.

— Погодите. А наша очередь?

— Молчите! — приказал капитан.

— Нет, это вы молчите! — Шеффилд обратился к зрителям. — Послушайте, нам не дали возможности оправдаться. Нам даже не разрешили допросить свидетелей. Разве это справедливо?

Поднялся гомон, который не могли перекрыть

даже удары молотка.

— Чего там оправдываться? — холодно произнес Саймон.

— Может быть, и нечего, — крикнул ему в ответ Шеффилд. — Но тогда что вы потеряете, если нас выслушаете? Или вы боитесь, что нам есть чем оправдаться?

Теперь стали слышны отдельные выкрики:

— Дайте ему говорить!

— Валяйте! — пожал плечами Саймон.

Капитан угрюмо спросил:

— Чего вы хотите?

Шеффилд ответил:

— Выступить в качестве собственного адвоката и вызвать свидетелем Марка Аннунчио!

Марк спокойно встал. Шеффилд повернулся вместе со стулом к зрителям и сделал Марку знак сесть.

Он решил, что не стоит подражать судебным драмам, какие показывают по субэфиру. Торжественно спрашивать имя и биографию не было никакого смысла. Лучше приступить прямо к делу. И он сказал:

— Марк, ты знал, что произойдет, если ты расскажешь команде о первой экспедиции?

— Да, доктор Шеффилд.

— Тогда зачем ты это сделал?

— Потому что нам всем нужно было убраться с Малышки, на теряя ни минуты. Это был самый быстрый способ покинуть планету.

Шеффилд почувствовал, что этот ответ произвел на зрителей невыгодное впечатление, но он мог лишь довериться интуиции. Его психологическое чутье подсказывало, что только зная что-то определенное, Марк, да и любой мнемонист, способен так спокойно держаться в подобных условиях. В конце концов все знать — это их специальность.

— Марк, почему так важно было покинуть Малышку?

Марк, на колеблясь, поглядел прямо на сидевших против него ученых и ответил:

— Потому что я знаю, отчего погибла первая экспедиция, и мы погибли бы от того же — это был только вопрос времени. Может быть, и сейчас уже поздно. Может, мы уже умираем. Может быть, мы умрем все до единого.

Шеффилд услышал шум среди зрителей, потом все стихли. Даже капитан не дотронулся до своего молотка, даже с губ Саймона сползла улыбка.

В этот момент Шеффилд думал не о том, что знает Марк, а о том что он начал действовать

самостоятельно на основе того, что знает. Такое уже случилось однажды, когда Марк, придумав собственную теорию, решил изучить судовой журнал. Шеффилд пожалел, что не занялся тогда же исследованием этой тенденции. Поэтому он довольно мрачно спросил:

— Почему ты не посоветовался со мной, Марк?

Марк чуть смутился.

— Вы бы мне не поверили. Поэтому мне пришлось ударить вас, чтобы вы мне не помешали. Никто из них мне бы не поверил. Они все меня ненавидят.

— Почему ты думаешь, что они тебя ненавидят?

— Ну, вспомните, что было с доктором Родригесом.

— Это было давно. С другими же ты не сталкивался.

— Я видел, как на меня смотрит доктор Саймон. А доктор Фоукс хотел застрелить меня из лучевого пистолета.

— Что? — Шеффилд повернулся к Фоуксу, забыв, в свою очередь, обо всех формальностях. — Фоукс, вы пытались застрелить его?

Побагровевший Фоукс встал, и все уставились на него.

— Я был в лесу, — сказал он, — а он подкрался ко мне. Я думал, это животное, и принял меры предосторожности. Когда я увидел, что это он, я спрятал пистолет.

Шеффилд снова повернулся к Марку:

— Это верно?

Марк упрямо продолжал:

— А когда я попросил у доктора Вернадского посмотреть кое-какие данные, которые он собрал, он сказал, чтобы я их не публиковал. Как будто я нечестный человек!

— Клянусь Землей, я же пошутил! — раздался вопль.

Шеффилд поспешно сказал:

— Ну ладно, Марк, ты нам не веришь и поэтому решил действовать сам. А теперь — к делу. От чего, по-твоему, умерли первые поселенцы?

Марк ответил:

— От этого же мог бы умереть и Макояма, если бы не погиб при аварии через два месяца и три дня после своего сообщения о Малышке.

— Ладно, но от чего же?

Все затихли. Марк поглядел вокруг и сказал:

— От пыли.

Раздался общий хохот, и щеки Марка вспыхнули.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Шеффилд.

— От пыли! Пыли, которая в воздухе! В ней — бериллий. Спросите у доктора Вернадского.

Вернадский встал и протолкался вперед.

— При чем тут я?

— Ну, конечно же, — продолжал Марк. — Это было в тех данных, которые вы мне показывали. Бериллия очень много в коре, значит, он должен быть с пылью и в воздухе.

— А что если там есть бериллий? — спросил Шеффилд. — Вернадский, прошу вас, позвольте мне задавать вопросы.

— Отравление бериллием, вот что. Когда вы дышите бериллиевой пылью, в легких образуются незаживающие гранулемы. Я не знаю, что это такое, но во всяком случае, становится все труднее дышать, и потом вы умираете.

К всеобщему шуму прибавился еще один возбужденный голос. Это был Нови:

— О чем ты говоришь? Ты же не врач!

— Знаю, — серьезно ответил Марк, — но как-то я прочитал очень старинную книгу о ядах. Такую старинную, что она была напечатана на настоящей бумаге. В библиотеке всего несколько таких, и я их просмотрел — ведь это такая диковинка.

— Ладно, — сказал Нови, — и что ты прочел? Ты можешь мне рассказать?

Марк гордо поднял голову.

— Могу сказать на память. Слово в слово. «Любой из двухвалентных металлических ионов, имеющих одинаковый радиус, может активировать в организме поразительное разнообразие ферментативных реакций. Это могут быть ионы магния, марганца, цинка, железа, кобальта, никеля и другие. Во всех этих случаях ион бериллия, имеющий такой же размер и заряд, действует как ингибитор. Поэтому он тормозит многие реакции, катализируемые ферментами. Поскольку бериллий, по-видимому, никак не выводится из легких, вдыхание пыли, содержащей соли бериллия, вызывает различные метаболические расстройства, серьезные заболевания и смерть. Известны случаи, когда однократное действие бериллия приводило к летальному исходу. Первичные симптомы незаметны, и признаки заболевания появляются иногда через три года после действия бериллия. Прогноз тяжелый».

Капитан в волнении наклонился вперед.

— Что он говорит. Нови? Есть в этом какой-нибудь смысл?

— Не знаю, прав он или нет, — ответил Но-

ви, — но в том, что он говорит, нет ничего невероятного.

— Вы хотите сказать, что не знаете, ядовит бериллий или нет, — резко сказал Шеффилд.

— Не знаю. Никогда об этом не читал. Мне не попалось ни единого случая.

Шеффилд повернулся к Вернадскому:

— Где-нибудь бериллий применяется?

Не скрывая своего изумления, Вернадский ответил:

— Нет. Черт возьми, на могу припомнить, чтобы он где-нибудь применялся. Впрочем, вот что. В начале атомной эпохи его использовали в примитивных атомных реакторах в качестве замедлителя нейтронов вместе с парафином и графитом. В этом я почти уверен.

— Значит, сейчас он не применяется? — настаивал Шеффилд.

— Нет.

Внезапно вмешался электронщик:

— По-моему, в первых люминесцентных лампах использовались цинк-бериллиевые покрытия. Кажется, где-то я об этом слышал.

— И все? — спросил Шеффилд.

— Все.

— Так вот, слушайте. Во-первых, все, что цити-

рует Марк, точно. Значит, так и было написано в той книге. Я считаю, что бериллий ядовит. В обычных условиях это неважно, потому что его содержание в почвах ничтожно. Когда же человек концентрирует бериллий, чтобы применять его в ядерных реакторах, или люминесцентных лампах, или даже в виде сплавов, он сталкивается с его ядовитыми свойствами и ищет ему заменителей. Он их находит, забывает о бериллии, потом забывает и о том, что бериллий ядовит. А потом мы встречаем планету, необычно богатую бериллием, вроде Малышки, и не можем понять, что с нами происходит.

Саймон, казалось, не слушал. Он тихо спросил:

— А что значит: «Прогноз тяжелый»?

Нови рассеянно ответил:

— Это значит, что если вы отравились бериллием, вам не вылечиться.

Саймон закусил губу и откинулся в кресле. Нови обратился к Марку:

— Я полагаю, симптомы отравления бериллием…

Марк сразу же ответил:

— Могу прочесть весь список. Я не понимаю этих слов, но…

— Было среди них слово «одышка»?

— Да.

Нови вздохнул и сказал:

— Предлагаю вернуться на Землю как можно скорее и пройти медицинское обследование.

— Но если мы все равно не вылечимся, — слабым голосом произнес Саймон, то что толку?

— Медицина сильно продвинулась вперед с тех пор, как книги печатали на бумаге, — возразил Нови, — Кроме того, мы могли не получить смертельную дозу. Первые поселенцы больше года прожили под постоянным действием бериллия. Мы же подвергались ему только месяц — благодаря быстрым и решительным действиям Марка Аннунчио.

— Ради всего космоса, капитан, — вскричал в отчаянии Фоукс, — давайте выбираться отсюда! Скорее на Землю!

Похоже было, что суд окончен. Шеффилд и Марк вышли в числе первых.

Последним поднялся с кресла Саймон. Он побрел к двери с видом человека, который уже считает себя трупом.

26

Система Лагранжа превратилась в звездочку, затерянную в оставшемся позади скоплении.

Шеффилд поглядел на это пятнышко света и со вздохом сказал:

— А такая красивая планета… Ну что ж, будем надеяться, что останемся в живых. Во всяком случае, впредь правительство будет остерегаться планет с высоким содержанием бериллия. В эту разновидность ловушки для простаков человечество больше не попадет.

Марк не ответил. Суд был окончен, и его возбуждение улеглось. В глазах его стояли слезы. Он думал только о том, что может умереть; а если он умрет, во Вселенной останется столько интересных вещей, которых он никогда не узнает!..

Перевод с английского А. Иорданского

♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

Наш комментарий

В этой фантастической повести содержится суровое предупреждение ученого: космонавты будущего на вымышленной планете встретились со страшной, но вполне реальной угрозой. Аэрозоли бериллия в ее атмосфере делают эту планету неотвратимо гибельной для каждого, кто ступит на ее поверхность.

Это совсем не фантастика. Азимов не преувеличил токсичность бериллиевой пыли. Но бериллий не исключение — современная промышленность выбрасывает в атмосферу Земли бесчисленное множество загрязнений, подчас не менее страшных, чем аэрозоли бериллия.

Уже теперь воздушные бассейны больших промышленных районов часто становятся почти столь же гибельными, как атмосфера на придуманной планете. Известны страшные катастрофы (в Лондоне, Нью-Йорке, Лос-Анжелосе), когда погибали сотни и тысячи людей, отравленные загрязненным промышленными выбросами воздухом.

Забота о чистоте воздуха на своем предприятии — долг каждого химика, технолога и инженера. Люди на прекрасной планете Земля повсюду должны дышать чистым воздухом. В этом смысл фантастической повести «Ловушка для простаков». Это — предупреждение.

Академик И. В. Петрянов

№№ 7–8

Андре Моруа

Из "Жизни людей"

Главы из Всемирной истории, выпущенной издательством Томбуктусского Университета в 2027 году

Книги Андре Моруа о великих деятелях науки и культуры хорошо известны советским читателям. Предлагаемый вашему вниманию рассказ, написанный в несколько неожиданном для этого писателя жанре научной фантастики, представляет интерес не только своими литературными достоинствами. Андре Моруа высмеивает, по существу, все еще широко распространенные антропоцентрические представления, восходящие в своей основе к древнейшим религиозным догмам. Впрочем, ирония писателя направлена вообще против догматического, предвзятого подхода к любым наблюдаемым явлениям, в том числе — что особенно любопытно для людей науки — к результатам собственных экспериментов.

Глава CXVIII

1984 — чрезвычайные события на Земле.

1989 — издание на Уране трактата «Жизнь людей».

2012 — первое земное издание перевода «Жизнь людей».

Когда в конце 90-х годов XX столетия между Землей и большинством других планет установились дружественные отношения, ученые Земли выразили желание сопоставить свои теории и гипотезы с теориями коллег из иных миров. Подобное сопоставление наталкивалось порой на значительные трудности, ибо выдающиеся физики Венеры, Юпитера и Марса, как известно, не воспринимают ни световых, ни звуковых сигналов и живут в мире особых излучений, о которых нам ничего не было известно. Однако теория сенсорных эквивалентов быстро развивается, и уже сегодня, в 2027 году, мы можем перевести на земной язык практически все языки солнечной системы, разумеется кроме

сатурнианского.

Одним из интереснейших событий нашей эпохи было знакомство с трудами инопланетных ученых, посвященными нам, жителям Земли. Люди и не подозревали, что уже миллионы лет за ними с помощью гораздо более чувствительных приборов, чем наши, наблюдают натуралисты Марса, Венеры и даже Урана.

Земная наука сильно отставала от развития наук на соседних планетах, к тому же наши органы чувств не воспринимали радиоактивных излучений, которыми пользовались наблюдатели, а потому мы не могли знать, что даже в самые интимные моменты нашей жизни мы порой оказывались в поле зрения какого-нибудь небесного сверхмикроскопа.

Любой просвещенный человек может сегодня познакомиться с трудами инопланетных ученых в Центральной библиотеке Межпланетного общества; они особенно полезны молодым людям, которые намереваются посвятить себя науке: труды эти весьма интересны сами по себе, но главное — они учат мудрой скромности. Когда убеждаешься, к каким невероятным заблуждениям приводили этих высших существ, таких мудрых и вооруженных такими чудесными при-

борами, неправильно истолкованные факты, невольно хочется возвратиться к нашим собственным истолкованиям и спросить себя, а не смотрели ли мы на животных и растения нашей планеты точно так же, как, скажем, марсиане смотрели на нас?

Особого внимания заслуживает поразительная история, приключившаяся с уранианским ученым А. Е. 17, автором книги «Жизнь людей», впервые опубликованной в 1989 году. До Великой войны эта работа считалась образцовой и была широко распространена не только на Уране, но и на Марсе и Венере в соответствующих переводах. Теперь она стала доступной и для нас, ибо среди всех наших инопланетных братьев по разуму только ураниане обладают зрительными органами, сходными с человеческими, а потому их язык сравнительно легко поддается переводу.

Эксперименты, проводимые высокочтимым А. Е. 17, достигли такого размаха, что в течение полугода вызывали замешательство на всем земном шаре. Мы располагаем опубликованными в земных газетах отчетами о событиях того периода, а также воспоминаниями очевидцев. Ниже мы намереваемся воспроизвести: а) краткое описание событий, зарегистрированных на нашей

планете в тот достопамятный год; б) их истолкование и выводы, сделанные прославленным А. Е. 17 на основании поставленных им опытов.

Необычная весна

В марте 1984 года многочисленные наблюдатели во всем северном полушарии отметили поразительные аномалии в атмосферных явлениях. Несмотря на тихую и ясную погоду, в совершенно определенных и четко ограниченных районах разразились ураганы невероятной силы. Капитаны судов и штурманы самолетов сообщали в Метеорологический центр, что их компасы на несколько минут словно обезумели без всяких видимых причин. Во многих местах люди замечали нечто похожее на тень от огромной тучи, скользившую по земле, хотя в небе не было ни облачка. В газетах появились интервью с учеными метеорологами, которые заявили, что давно предвидели подобные явления, что они вызваны пятнами на Солнце и что все войдет в норму, когда наступит равноденствие. Но вот оно наступило, а события приняли еще более необъяснимый характер.

Трагическое происшествие в Гайд-парке

В третье воскресенье апреля множество мужчин и женщин толпилось, как обычно, близ Мраморной арки, внимая ораторам, пророчествовавшим под открытым небом. Вдруг все увидели над головами нечто вроде тени, словно незримое препятствие таинственным образом появилось между Солнцем и Землей. Несколько секунд спустя футах в трехстах — четырехстах от ограды, ближе к центру парка почва внезапно вздыбилась. Деревья были вырваны с корнем, люди опрокинуты и погребены, а те, кто оказался за пределами зоны катаклизма, с ужасом и недоумением увидели, что в земле появилась огромная воронка глубиной по крайней мере в триста футов, причем выброшенная почва образовала рядом холм соответствующей высоты.

На следующий день, когда началось расследование, один из полицейских показал:

— Все было так, словно какой-то гигант ковырнул землю в середине парка огромной лопатой. Да, да, словно кто-то всадил в землю и выворотил целую лопату, потому что на одном краю воронки был чистый и гладкий срез, а на другом, где появился холм, земля была рыхлая, осыпалась, и

из нее торчали головы и рассеченные пополам тела.

Около трехсот горожан, прогуливавшихся в парке, были погребены заживо. Те, над которыми слой земли оказался невелик, сумели, хотя и с трудом, но самостоятельно выбраться на поверхность. Некоторые, потеряв рассудок от внезапного потрясения, с дикими воплями бросились вниз по рыхлому склону. И тогда на вершине холма возникла фигура проповедника Армии спасения полковника Р. У. Уарда, который с поразительным присутствием духа, вытряхивая песок из волос и одежды, возопил:

— Я говорил вам, братья! Вы поклонялись ложным богам, и вот истинный бог разгневался на свой народ и тяжелая десница господа бога нашего поразила вас…

И действительно, это необъяснимое явление было настолько похоже на божий суд из Священного писания, что даже многие заядлые скептики из числа присутствующих мгновенно уверовали и с этого дня начали строго выполнять все предписания церкви.

Это происшествие позволило горожанам оценить по заслугам лондонскую полицию. Трое полицейских оказались в числе пострадавших,

зато двенадцать других устремились к месту катастрофы и принялись мужественно откапывать засыпанных. Кто-то сразу известил по телефону военные власти и пожарных, полицейский комиссар Кларкуэлл взял на себя руководство спасательными операциями, и всего через четыре часа Гайд-парк обрел свой нормальный вид. К сожалению, двести человек все же погибли.

Ученые, пытаясь объяснить катастрофу, давали самые разноречивые толкования. Если отбросить теорию о сверхъестественном вмешательстве, версия землетрясения казалась наиболее разумной, но и она не выдерживала критики, поскольку ни один сейсмограф не зарегистрировал толчка. Тем не менее широкая публика была вполне удовлетворена, когда эксперты заявили, что это, по-видимому, было землетрясение, но землетрясение совершенно особого рода, которое получило название «вертикально-горообразующий сейсмический взрыв».

Дом на улице Виктора Гюго

За катастрофой в Гайд-парке последовало множество аналогичных происшествий, которые, однако, привлекли гораздо меньше внимания,

поскольку обошлись без человеческих жертв. Так или иначе, в различных районах Земли столь же внезапно появились странные холмы, нависавшие над воронками с крутыми, гладкими стенками. Кое-где эти холмы до сих пор сохранились, например на равнине Аиан в Перигоре, под Рожновым в Валахии и, наконец, близ Итапуры в Бразилии.

Но таинственная лопата, видимо устав ворошить землю в безлюдных местностях, к сожалению, принялась теперь за человеческие жилища.

Около полудня 24 апреля странный шум поразил всех парижан, находившихся в это время в районе, ограниченном примерно Триумфальной аркой, улицей Великой армии, улицей Марсо и улицей Анри Мартэна; одни свидетели сравнивали этот шум с визгом пилы, а другие — с шипением очень тонкой, но мощной струи пара.

Те, кто в этот момент оказался напротив дома № 66 по улице Виктора Гюго, увидели, как здание разрезала огромная косая трещина; дом вздрогнул, покачнулся, и внезапно вся его мансардная часть, где размещались комнаты для прислуги, рассыпалась, словно от чудовищного толчка. Перепуганные жильцы нижних этажей высунулись

из окон и балконных дверей. Здание было буквально разрезано пополам, однако нижняя часть его, к счастью, не обрушилась. Когда спасатели добрались по лестнице до трещины, перед ними предстал ровный косой срез, сделанный каким-то неведомым орудием. Впечатление было такое, словно незримое лезвие прошло сквозь дерево ступенек, металл перил и ковровую дорожку строго в одной плоскости. Все, что встретилось на его пути, — мебель, ковры, картины, книги — все было разрезано так же чисто и аккуратно. Просто чудо, что обошлось без жертв! Комнаты для прислуги были пусты, потому что наступило время обеда. Только на четвертом этаже спала девушка. Кровать ее оказалась рассеченной наискосок, но разрез пришелся в миллиметре от ноги служанки — она не почувствовала даже боли, только короткий удар, как от электрического тока.

И это происшествие тоже получило множество объяснений. Снова была выдвинута «сейсмическая» версия. Впрочем, некоторые газеты обвинили архитектора и хозяина дома в том, что они использовали недоброкачественные строительные материалы. Депутат-коммунист выступил в парламенте с запросом. Правительство обещало принять меры, чтобы подобные

инциденты в будущем не повторялись, и потребовало в связи с этим включить в повестку дня вотум доверия, что и было утверждено простым поднятием рук.

Странные перемещения

Так же как и катастрофа в Гайд-парке, происшествие на улице Виктора Гюго не осталось единичным: за ним последовал целый ряд таких же или весьма похожих. Мы не будем о них рассказывать, однако отметим, что подобная закономерность, на наш взгляд, должна была бы убедить мало-мальски наблюдательных людей в том, что за всем этим кроется злая воля, преследующая совершенно определенную цель. Во многих странах незримое лезвие рассекало маленькие дома и большие здания. Несколько ферм — в Испании, Дании и Массачусетсе — было поднято в воздух, а затем брошено на землю и разбилось вместе с их обитателями. Один небоскреб на Медисон-авеню в Нью-Йорке оказался разрезанным пополам. Всего погибло около пятидесяти мужчин и женщин, но ввиду того, что катастрофы происходили в разных странах, жертв в каждом отдельном случае было немного,

а главное, поскольку никто не мог придумать достаточно разумного объяснения, обо всем этом старались говорить поменьше.

Совсем иное освещение получили новые странные события, будоражившие всю планету в течение двух последующих месяцев — с начала мая до конца июля. Первой жертвой стала молодая негритянка из Хартфорда, штат Коннектикут. Она вышла из дома, где работала служанкой, и вдруг взлетела вверх, испуская ужасные вопли. Почтальон — единственный очевидец происшествия — увидел, как она поднялась на высоту примерно ста метров, а затем упала вниз и разбилась. Почтальон заявил, что не заметил в небе какого бы то ни было летательного аппарата.

Вторым «перемещенным» стал таможенник из Кале: свидетели увидели, как он тоже вертикально взмыл в воздух и на огромной скорости умчался по направлению к Англии. Несколько минут спустя его нашли на прибрежных утесах близ Дувра; он был мертв, однако никаких внешних повреждений на теле не оказалось. Можно было подумать, будто его осторожно опустили на камни, но лицо у таможенника было синее, как у висельника.

Затем начался период так называемых «успеш-

ных перемещений в пространстве». Первым человеком, который прибыл живым и невредимым к конечному пункту воздушного путешествия, оказался бродяга нищий. Незримая рука схватила его в тот момент, когда он выпрашивал милостыню на паперти собора Парижской богоматери, и через десять минут опустила посреди Пикадилли к ногам потрясенного полисмена. Бродяга нисколько не пострадал. Ему показалось, что его перебросили по воздуху в какой-то закрытой кабине, куда не проникал извне ни ветер, ни свет. Те, кто присутствовал при его отлете, заметили, что, едва оторвавшись от земли, он вдруг стал невидимым.

Перемещения в пространстве продолжались изо дня в день в течение двух месяцев. Когда выяснилось, что это в общем-то безопасно, на такие происшествия стали смотреть юмористически. Незримая рука явно полагалась на волю случая. Сегодня ее выбор падал на девочку из Деновера, штат Колорадо, которая оказывалась где-то в заволжской степи, завтра она переносила дантиста из Сарагоссы в Стокгольм. Больше всего шуму наделало перемещение достопочтенного г-на Марка Лефо, председателя французского сената, который среди бела дня исчез из Люксембургско-

го сада и очутился на берегу озера Онтарио. Он воспользовался случаем, чтобы совершить поездку по Канаде, а затем вернулся в Париж, где был с триумфом встречен на вокзале у Булонского леса. Впоследствии такая неожиданная реклама, по-видимому, немало способствовала его избранию на пост президента республики.

Следует отметить, что после всех этих перемещений невольные путешественники почему-то оказывались с ног до головы заляпанными какой-то красноватой жидкостью. Но это было единственным неприятным последствием в общем-то безобидных приключений. Примерно через два месяца перемещения в пространстве прекратились, уступив место еще более странным событиям, которые начались достопамятным происшествием с двумя супружескими парами.

Эпизод с двумя супружескими парами

Первой из двух знаменитых супружеских пар была французская чета, проживавшая в маленьком доме близ Парижа, в Нейи. Муж, Жак Мартэн, преподавал в лицее Пастера, увлекался спортом, несмотря на молодость, был широко образован и даже написал замечательное биографическое исследование о Поле Моране. У супругов Мартэн было четверо детей.

Третьего июля около полуночи мадам Мартэн только начала засыпать, как вдруг услышала шипящий свист, о котором мы уже говорили, ощутила легкий толчок и почувствовала себя так, словно ее очень быстро поднимают куда-то вверх. Открыв глаза, она была потрясена тем, что комнату заливал яркий лунный свет; целая стена исчезла, и сама она лежала на краю постели, разрезанной вдоль пополам. Там, где слева от нее только что находился ее муж, зияла бездонная пропасть, над которой мерцали звезды. В ужасе мадам Мартэн откатилась к уцелевшему краю постели и с удивлением убедилась, что кровать не опрокидывается, хотя держится только на двух ножках. Впрочем, в то же время это ее, как ни

странно, успокоило. Она чувствовала, что подъем прекратился, но вся половина комнаты вместе с ней продолжает лететь с невероятной скоростью куда-то по прямой линии. Затем сердце у нее защемило, как в лифте, когда опускаешься слишком быстро, и она поняла, что падает. В ожидании смертельного удара о землю мадам Мартэн зажмурилась. Но вместо удара последовал мягкий осторожный толчок, и когда она вновь открыла глаза, то ничего не увидела. В комнате было темно. Но предоставим слово ей самой.

«Видно, пропасть рядом со мной сомкнулась. Я позвала мужа по имени, хотела ему рассказать, какой страшный сон мне приснился. Все во мне тряслось. Тут я нащупала мужскую руку и вдруг слышу низкий незнакомый голос: „О, дорогая, как ты меня испугала!“ И говорит по-английски! Я отшатнулась, ищу выключатель — свет зажечь — и не могу найти. „Что случилось?“ — спрашивает незнакомец, и опять по-английски. Тут он сам зажег свет. Увидев друг друга, мы оба вскрикнули. Передо мной в постели был всклокоченный молодой англичанин с эдаким маленьким носиком, близорукий, еще полусонный, в синей пижаме. Смотрю — вдоль постели трещина: матрас, простыни, одеяло — все разрезано вдоль пополам!

И одна половина постели сантиметров на пять — десять ниже другой.

Когда мой сосед по кровати опомнился, он в этом сложном переплете показал себя истинным джентльменом — с тех пор я об англичанах самого высокого мнения. После короткого, но вполне понятного замешательства он обратился ко мне так естественно и вежливо, словно мы сидели не в одной кровати, а в гостиной. Я представилась ему по-английски. Он сказал, что его зовут Джон Грэхэм. Дом его, как выяснилось, находится в Ричмонде. Оглядевшись, я заметила, что вместе со мной сюда перекочевала половина моей спальни: я сразу узнала свое окно с вишневыми шторами, большую фотографию мужа на комоде, маленький столик с книгами возле изголовья; даже мои часики лежали на книгах. Но другая половина комнаты была мне незнакома — это была половина спальни мистера Грэхэма. Там, на тумбочке, возле постели, стоял портрет очень милой женщины, фотография детей, лежали журналы и пачка сигарет. Джон Грэхэм долго рассматривал меня и окружение, в котором я появилась, потом совершенно серьезно спросил:

— Как вы здесь очутились, миссис Мартэн?

Я объяснила, что сама ничего не понимаю,

показала на большую фотографию и сказала:

— Это мой муж.

Он сделал такой же жест и сказал:

— А это моя жена.

Она была очаровательна, и я с беспокойством подумала, что сейчас мой Жак, наверное, держит ее в объятиях. Я спросила:

— Как вы считаете, половина вашего дома тоже перенеслась во Францию, когда половина моего дома прибыла сюда?

— Но почему? — спросил он.

Этот англичанин начинал мне действовать на нервы. „Почему?“ Откуда я могла знать! Потому что во всем должна быть какая-то симметрия…

— Странная история, — сказал он, тряся головой. — Как это возможно?

— Это невозможно, однако это случилось, — отрезала я.

И в это мгновение откуда-то сверху, наверно со второго этажа, послышался плач и крики. „Дети!“ — подумали мы одновременно. Джон Грэхэм выскочил из постели и босиком бросился к двери — к своей двери. Он открыл ее — плач стал слышнее, кто-то закашлялся, потом я услышала громкий голос англичанина, перемежавшего проклятия со словами утешения. Я поспешила

встать, чтобы посмотреться в зеркало. Лицо у меня было, как всегда, в порядке. Я поправила прическу, потом заметила, что моя ночная рубашка слишком открыта, и оглянулась, отыскивая халат. Но тут я вспомнила, что сбросила его в той половине комнаты, которая осталась во Франции. Так я и стояла, разглядывая себя в зеркале, когда за моей спиной раздался умоляющий голос англичанина:

— Пойдемте, помогите мне!

— Конечно, конечно, — сказала я. — Но дайте мне сначала халат и туфли вашей жены.

Он протянул мне свой собственный халат и повел в детскую. Детишки были великолепны, но у них оказался коклюш. Больше всего мучился самый младший, прелестный белокурый младенец. Я взяла его на руки, и он как будто меня признал.

Так мы провели в детской несколько часов в мучительном беспокойстве: он думал о своей жене, а я — о своем муже.

Я спросила, нельзя ли позвонить в полицию. Он попробовал, но оказалось, что телефон перерезан. Радио не работало: антенна была разрезана надвое. Когда рассвело, мистер Грэхэм вышел наружу. Дети к тому времени заснули. Через

несколько минут англичанин вернулся и сказал мне, что на фасад стоит полюбоваться. И он был прав! Неизвестный волшебник, сотворивший это чудо, видимо, хотел разделить пополам и сложить два дома одинаковой высоты, с примерно одинаковым расположением комнат, и это ему удалось. Но наш дом в Нейи был кирпичный, очень простой, с высокими окнами, обрамленными каменной кладкой, а английский оказался типичным коттеджем, выкрашенным в черную краску, с белыми дверями и наличниками, с широкими эркерами. Сочетание двух прямо противоположных по стилю половин производило весьма странное впечатление — вроде арлекина Пикассо.

Я попросила мистера Грэхэма поскорее одеться и отправить во Францию телеграмму, чтобы выяснить судьбу его жены. Он ответил мне, что почта открывается только в восемь часов. Этот флегматичный увалень явно не способен был даже представить, что в таких чрезвычайных обстоятельствах можно разбудить телеграфиста, не считаясь ни с какими правилами. Я настаивала, как могла, но все без толку. Единственное, что он мне отвечал, было:

— Почта открывается только в восемь утра.

Наконец в половине восьмого, когда англичанин все-таки собрался выйти из дому, я увидела полицейского. Он с изумлением посмотрел на дом и вручил нам телеграмму от префекта парижской полиции: префект запрашивал, здесь ли я, и сообщал, что миссис Грэхэм жива, здорова и находится в Нейи…»

Вряд ли стоит далее цитировать подробный рассказ мадам Мартэн; достаточно сказать, что миссис Грэхэм ухаживала за ее детьми точно так же, как мадам Мартэн заботилась о маленьких англичанах, что обе супружеские пары были очарованы знакомством с товарищами по несчастью и остались близкими друзьями до конца своих дней. Десять лет назад мадам Мартэн была еще жива, хотя и переселилась к тому времени в свое поместье в Шамбурси, департамент Сена и Уаза.

Недостаток места, отведенного для этой главы в данной теме, не позволяет нам подробно пересказать аналогичные случаи, приводившие человечество в изумление на протяжении всего августа.

Серия так называемых «составных домов» оказалась даже более массовой, чем серия «перемещений в пространстве». Более ста пар были перемещены аналогичным образом, и это стало

излюбленной темой романистов и киношников. Широкой публике особенно по вкусу пришелся присутствующий здесь элемент некой причудливой скабрезности. Кроме того, публику забавляли ситуации, когда — как это действительно случилось — королева просыпалась в постели полицейского, а балерина — рядом с президентом Соединенных Штатов. Затем эта серия внезапно оборвалась, чтобы уступить место новым событиям. Все выглядело так, словно таинственные существа, забавлявшиеся вмешательством в жизнь людей, были капризны, непостоянны и быстро охладевали к своим забавам.

Клетка

В начале сентября незримые существа, могущество которых было к тому времени всем известно, почтили своим вниманием самых знаменитых ученых Земли. Двенадцать человек, в большинстве физики и химики, прославленные выдающимися достижениями, были одновременно похищены из различных городов наиболее развитых стран и перенесены на поляну в лесу Фонтенбло.

Группа подростков, приехавших, как обыч-

но, в лес, чтобы полазить по скалам, заметила нескольких пожилых людей, потерянно бродивших по лужайке среди деревьев и камней. Видя, что те находятся в затруднении, подростки хотели к ним подойти, чтобы предложить свои услуги, но вдруг с изумлением обнаружили, что им преграждает путь какая-то незримая, однако совершенно непреодолимая преграда. Они попытались ее обойти, сделали полный круг и убедились, что невидимое препятствие окружает поляну правильным кольцом. Многие юноши узнали одного ученого — это был их профессор. Они окликнули его по имени, но тот, по-видимому, ничего не услышал: звуки не проникали сквозь преграду. Знаменитые ученые оказались изолированными, словно звери в клетке.

Довольно скоро они, по-видимому, смирились со своим заключением. Снаружи было видно, как ученые лежат на солнышке. Потом они достали из карманов клочки бумаги и принялись о чем-то оживленно спорить, испещряя бумагу математическими формулами. Один из юных наблюдателей сообщил обо всем происходящем властям, и к полудню в лес Фонтенбло начали стекаться любопытные. К тому времени ученые уже проявляли беспокойство: все это были люди

преклонного возраста. Они устало бродили вдоль незримой стены, что-то кричали, а когда убедились, что их не слышно, начали подавать знаки, чтобы им доставили еду.

Среди зрителей оказалось несколько офицеров, и одному из них пришла в голову на первый взгляд блестящая мысль — перебросить ученым продовольствие на вертолете. Часа через два в небе послышался рокот мотора, и летчик, искусно снизившись, сбросил пакеты с едой точно над серединой поляны. Но, к сожалению, не долетев метров двадцати до земли, все пакеты вдруг подпрыгнули, да так и остались висеть в воздухе. У круглой клетки оказалась плоская крыша из того же невидимого силового поля.

Когда начало смеркаться, пожилые ученые впали в отчаяние. Они объясняли знаками, что умирают с голоду и страшатся ночных холодов. Но встревоженные зрители ничем не могли помочь. Неужели эти выдающиеся умы погибнут у них на глазах, с тревогой вопрошали они друг друга.

При первых лучах рассвета зрителям сначала показалось, что положение не изменилось, но затем, присмотревшись внимательнее, они обнаружили в центре «клетки» какое-то новое

устройство. Невидимая рука сделала так, что пакеты с продовольствием, сброшенные с вертолета, теперь были подвешены на веревке и раскачивались метрах в пяти над землей. Рядом с этой веревкой до самой земли свисал канат. Любой молодой человек без труда сумел бы подтянуться по нему вверх и достать пакеты, в которых была спасительная еда. К несчастью, казалось весьма мало вероятным, чтобы хоть один из ученых мужей — самому младшему было лет семьдесят — мог выполнить столь сложное гимнастическое упражнение. Зрители видели, как ученые подходили к канату, примеривались, словно пробовали свои силы, но дальше этого дело не продвигалось.

Так прошел второй день. Наступила ночь. Зеваки постепенно разбрелись. Около полуночи один студент решил убедиться, не исчезла ли невидимая стена. К своему величайшему изумлению, он обнаружил, что ничто более не преграждает ему путь. Он спокойно прошел на поляну и издал торжествующий крик. Жестокая сила, забавлявшаяся людьми целых двое суток, соблаговолила наконец выпустить своих пленников. Ученых согрели и накормили; к счастью, все они остались живы.

Таковы основные события этого периода. В то время они казались необъяснимыми, но теперь мы знаем, что это был период экспериментов, проводимых с планеты Уран.

иже мы публикуем наиболее интересные, по нашему мнению, выдержки из трактата знаменитого уранианского ученого А. Е. 17.

Читатель должен помнить, что нам приходилось подыскивать земные эквиваленты уранианским словам, поэтому перевод нельзя считать точным. Год на Уране длится гораздо дольше, чем на Земле, но мы постарались все данные перевести в единицы земного времени. Кроме того, ураниане пользуются для определения людей термином, приблизительно означающим «двуногие бескрылые», однако это чересчур усложняет изложение и мы всюду пишем просто «люди» или «земляне». Точно так же странное слово, которым они обозначают наши города, мы заменили термином «людской муравейник», который, по нашему мнению, достаточно точно передает сложившееся у инопланетных наблюдателей представление о нас. И, наконец, читатель не должен забывать, что, хотя ураниане и обладают сходными с нашими органами зрения, они не воспринимают звуков. Между собой ураниане общаются с помощью специального органа, со-

стоящего из набора миниатюрных разноцветных светильников, которые вспыхивают и гаснут в различных комбинациях. Установив, что люди не имеют подобного органа, и будучи не в силах представить себе звуковую речь, ураниане, естественно, решили, что мы не способны обмениваться мыслями.

В этой главе мы можем предложить лишь несколько коротких отрывков трактата А. Е. 17 «Из „Жизни людей“». Но мы настоятельно рекомендуем студентам прочесть эту книгу полностью; существует превосходное издание с приложениями и комментариями профессора Ах Чух из Пекинского университета.

«Из „Жизни людей“». Трактат академика А. Е. 17

Когда рассматриваешь малые планеты, например такие, как Земля, в обыкновенный телескоп, можно различить на их поверхности большие пятна с более размытыми границами, чем у озер или морей. Если наблюдать за этими пятнами достаточно длительный период, нетрудно уста-

новить, что на протяжении нескольких земных столетий они расплываются, достигают максимальной величины, а затем уменьшаются или даже совсем исчезают. Многие наблюдатели связывали это явление с каким-то заболеванием почвы. В самом деле, оно поразительно напоминает возникновение и рассасывание опухолей на теле! Но после изобретения ультрателемикроскопа удалось установить, что мы имеем дело со скоплениями живых организмов. Несовершенство первых приборов позволяло различить лишь смутное кишение этих существ, нечто вроде дрожащей слизи, что привело даже такого превосходного исследователя, как А. 33, к выводу, будто эти земные колонии состоят из существ, слитых в один живой организм. Наши современные приборы сразу же позволили установить, что дело обстоит совсем по-другому.

Мы ясно различаем отдельные живые существа и даже можем следить за их передвижениями. Пятна, замеченные А. 33, в действительности оказались огромными гнездилищами, которые можно до известной степени сравнить с нашими уранианскими городами; мы их называем «людскими муравейниками».

В этих муравейниках гнездятся крохотные

существа — люди. Это бескрылые двуногие млекопитающие с редким волосяным покровом, в большинстве своем снабженные искусственной эпидермой. Долгое время считалось, что они самостоятельно выделяют эту дополнительную кожу из своих желез. Однако мои наблюдения позволили мне с уверенностью отбросить эту гипотезу: на самом деле обитатели Земли, подчиняясь могучему инстинкту, собирают шкуры некоторых зверей и растительные волокна, которые склеивают таким образом, чтобы они защищали их от холода.

Я не случайно употребил слово «инстинкт» и хочу с первых же страниц моего трактата ясно выразить свое отношение к вопросу, который вообще никогда не должен был возникать, но тем не менее, особенно в последние годы, обсуждался с неподобающим легкомыслием. Странная мода появилась у наших естествоиспытателей младшего поколения: некоторые из них допускают у этих земных организмов наличие разума, сходного с нашим! Пусть другие доказывают абсурдность подобных «теорий» с религиозной точки зрения — это не моя специальность. Я же в своей книге покажу, насколько эти взгляды несостоятельны с точки зрения науки.

Разумеется, захватывающее зрелище, которое предстает перед наблюдателем, когда он впервые рассматривает через ультрателемикроскоп некое подобие слизи и вдруг начинает различать отдельные существа и живые сценки из их жизни, — такое зрелище вызывает вполне объяснимый энтузиазм. Мы видим длинные улицы-дороги, вдоль которых обитатели Земли движутся в разных направлениях, останавливаются и, казалось бы, даже разговаривают между собой; мы видим маленькие индивидуальные гнезда, где самец и самка заботятся о своем выводке; мы видим передвижение армии или строителей за работой… Однако для научного изучения психических качеств этих животных простого наблюдения случайных явлений недостаточно. Чрезвычайно важно создать наиболее благоприятные условия для наблюдений и не менее важно, чтобы эти условия были как можно разнообразнее. Иными словами, необходимо проверять предположения экспериментами, ибо наука опирается лишь на твердо установленные факты.

Именно, это мы и постарались сделать путем проведения целой серии разнообразных опытов, описанных в моей книге. Но прежде чем

приступить к изложению, я хочу, чтобы читатели представили себе, с какими огромными трудностями было связано осуществление нашего проекта. Правда, эксперименты на дальних расстояниях стали относительно доступными с тех пор, как в нашем распоряжении оказались W-лучи, позволяющие брать предметы, манипулировать ими и даже переносить их сквозь космос. Но для обращения с такими крохотными и хрупкими существами, как люди, даже W-лучи — слишком грубый и несовершенный инструмент. Во время первых опытов они чаще всего убивали зверьков, которых мы хотели исследовать. Для того чтобы приобрести необходимый опыт и научиться обращаться с живой материей достаточно осторожно, нам пришлось создать передающие устройства чрезвычайно высокой чувствительности.

В частности, когда мы впервые начали переносить людей из одной точки земной поверхности в другую, мы не учли низкой сопротивляемости этих зверьков. Мы переносили их слишком быстро сквозь разреженный тонкий слой атмосферы, окружающей Землю, и они умирали от удушья. Пришлось соорудить для этого настоящую камеру из лучей, внутри которой скорость транспорти-

ровки не оказывала на подопытных пагубного воздействия.

Точно так же, когда мы только начали разделять на секции и переносить половинки людских гнезд, мы не сразу определили особенности строительных материалов, используемых обитателями Земли. Лишь впоследствии мы научились манипулировать половинками гнезд, предварительно укрепив их соответствующими излучениями.

Ниже читатель найдет схематическую карту того района земной поверхности, где проводилась большая часть экспериментов. Прошу вас обратить особое внимание на два больших «людских муравейника», где были поставлены первые опыты: мы назвали их «Ненормальный муравейник» и «Нормальный муравейник», и оба эти названия были впоследствии приняты астросоциологами.

Такие названия были выбраны в соответствии с тем, что оба эти муравейника построены по совершенно различным планам. Первый поражает невероятно запутанной сетью улиц, в то время как второй отличается почти геометрической правильностью планировки. Между «Ненормальным муравейником» и «Нормальным

муравейником» находится ровная сверкающая полоска, по-видимому, морской пролив. Самый большой на Земле — «Геометрический муравейник» — построен по еще более упорядоченному плану, нежели «Нормальный муравейник», но он расположен очень далеко от первых двух «людских муравейников» и отделен от них широкой сверкающей поверхностью.

Первые попытки

В каком районе Земли выгоднее всего сосредоточить наши усилия? Как повлиять на жизнь земных обитателей, чтобы вызвать наиболее характерную реакцию? Должен признаться, что, когда я даже при наличии соответствующего оборудования готовился к первому эксперименту, мною овладело глубокое беспокойство.

Рядом со мной находились четыре моих не менее взволнованных ученика, и мы все пятеро по очереди вглядывались в очаровательный миниатюрный пейзаж на экране ультрателемикроскопа. Направив наш прибор на «Нормальный муравейник», мы выбрали наиболее свободный участок, чтобы яснее определить реакцию людей на наше вмешательство. Тоненькие деревца сверкали в лучах весеннего солнца, а между деревьями можно было различить множество крохотных неподвижных насекомых, образовавших неправильные кружки; в центре каждого такого кружка стояло одно изолированное насекомое. Сначала мы пытались разгадать значение затеянной ими игры, но не придя ни к какому заключению, решили применить луч. Результат

был поразительный. В почве образовалась дырка, некоторые насекомые оказались погребенными под выброшенной землей, и тотчас все остальные пришли в движение. Самое удивительное, что их действия казались почти разумными! Одни бросились откапывать своих заваленных землей соплеменников, другие побежали за подмогой. И довольно скоро произведенный нами беспорядок был устранен. После этого мы еще несколько раз применяли луч в различных точках земной поверхности, однако выбирали ненаселенные районы, чтобы не подвергать объекты наших исследований ненужной опасности в самом начале опытов. При этом мы учились уменьшать интенсивность излучений и действовать более избирательно. Только обретя уверенность в результатах нашего воздействия, мы приступили к первой серии экспериментов.

Я разработал программу, согласно которой мы должны были изъять несколько существ из разных «людских муравейников», пометить их и перенести в отдаленные районы, чтобы затем определить, сумеют ли они найти дорогу в свой родной «людской муравейник». Вначале, как я уже говорил, мы столкнулись с непредвиденными затруднениями: во-первых, потому что

подопытные животные умирали во время транспортировки, а во-вторых, потому что мы не учли искусственной эпидермы, которую вырабатывают эти создания. Они с необычайной легкостью освобождаются от своей верхней кожи, поэтому мы сразу же теряли их из виду, как только они попадали в чужой «людской муравейник». Впоследствии мы сдирали с них верхнюю эпидерму во время транспортировки, чтобы непосредственно пометить их тела, но в этих случаях, едва добравшись до «людского муравейника», животные делали себе новую эпидерму.

Наконец, приобретя достаточный опыт, мои ассистенты научились с помощью ультрателемикроскопа следить за подопытными животными, не теряя их из виду. Они установили, что в 99 случаях из 100 люди возвращались в то место, откуда были изъяты. Я произвел транспортировку двух самцов из «Ненормального муравейника» в самый удаленный, так называемый «Геометрический муравейник». Через десять земных суток мой достойный ученик Е. Х. 33, день и ночь следивший за ними с беспримерным упорством, сообщил мне, что оба подопытных вернулись в свой «Ненормальный муравейник». Они вернулись, несмотря на полное незнание

местности, куда я их перенес, причем это были домоседы — предварительно мы долго за ними наблюдали, — которые наверняка видели столь отдаленный «людской муравейник» впервые. Как нашли они обратный путь? Транспортировка произошла почти мгновенно, поэтому запомнить дорогу у них не было ни малейшей возможности. Что же служило им указателем? Разумеется, не память, а какое-то особое чутье, столь чуждое нашей психологии, что мы не можем ни определить его, ни объяснить.

Опыты с транспортировкой вызвали у нас еще один вопрос: будут ли узнаны вернувшиеся индивидуумы оставшимися? По-видимому, на этот вопрос следует ответить положительно. Обычно возвращение подопытного животного в гнездо вызывает большое волнение. Те, кто оставался в гнезде, обхватывают вернувшегося верхними конечностями, а иногда даже прикладываются к нему ротовым отверстием. Правда, в отдельных случаях такие возвращения вызывали у оставшихся реакцию недовольства или даже ярости.

Первые эксперименты доказали, что некий инстинкт помогает людям добираться до своего родного муравейника. Следующей нашей задачей было выяснить, существуют ли у земных

животных чувства, аналогичные тем, которые свойственны уранианам, в частности известна ли им любовь, супружеская или материнская. Подобная гипотеза с самого начала показалась мне абсурдной: принять ее значило бы приписать обитателям Земли такую утонченность, какой мы, ураниане, достигли только после миллионов лет культурного развития. Однако долг ученого повелевал мне приступить к исследованию без всякой предвзятости и провести все необходимые опыты независимо от их возможного исхода.

Самец-землянин обычно проводит ночь рядом со своей самкой. Я попросил моих учеников разрезать несколько гнезд таким образом, чтобы отделить самца от самки, не потревожив их, соединить половинки гнезд А с половинками гнезд В, а затем пронаблюдать, заметят ли крохотные животные подмену. Для того чтобы соблюсти все условия эксперимента, было необходимо выбрать гнезда как можно более похожие одно на другое, поэтому я поручил моим сотрудникам найти два гнезда с ячейками одинакового размера и одинаковым количеством детенышей. Мой ученик Е. Х. 33 не без гордости показал мне два почти идентичных гнезда, одно в «Ненормальном муравейнике», другое в «Нормальном

муравейнике»: в обоих обитала пара взрослых особей с четырьмя детенышами. Тот же Е. Х. 33 с непревзойденным искусством произвел разрезы гнезд и транспортировку отдельных половинок. Результат опыта не оставил никаких сомнений. В обоих случаях искусственно соединенные пары не выразили ничего, кроме легкого удивления в момент пробуждения, да и то, видимо, в результате толчка при стыковке гнезд. Затем, в обоих случаях, эти «пары» остались вместе: ни самцы, ни самки не пытались даже бежать и вели себя, как будто ничего не случилось. Но самое поразительное заключается в том, что обе самки — факт поистине невероятный — тут же принялись ухаживать за чужими детенышами, не выказывая ни ужаса, ни отвращения! Они явно не могли понять, что это вовсе не их потомство.

Этот опыт был повторен неоднократно. В 93 случаях из 100 обе подопытные «пары» одинаково заботились и о гнезде и о детенышах. Самки продолжали слепо выполнять свои функции, не отдавая себе ни малейшего отчета в том, кого они опекают. Они хлопотали с одинаковым усердием независимо от того, чьи детеныши оказывались вверенными их заботам.

Можно было предположить, что подобная пу-

таница вызывается предельным сходством гнезд. Однако на следующей стадии экспериментов мы выбирали гнезда самые несхожие, например соединяли половинку жалкого маленького гнезда с половинкой богатого гнезда, выглядевшего совершенно иначе. Результаты оставались более или менее одинаковыми. Мы убедились: люди неспособны отличить свою собственную ячейку от чужой.

Доказав таким образом, что в области чувств обитатели Земли являются животными, стоящими на самой низшей стадии развития, мы решили поставить соответствующий опыт, чтобы испытать их интеллектуальные способности. Для этого, по нашему мнению, проще всего было бы изолировать несколько индивидуумов в лучевой клетке и поместить внутри пищу, до которой подопытные могли бы добраться только с помощью все более и более сложных действий. Для эксперимента я нарочно отобрал определенных индивидуумов, на которых мне указал мой коллега X. 38, утверждавший, что эти обитатели Земли якобы обладают признаками научного мышления. В приложении В изложены все подробности опыта. Он с несомненной убедительностью доказал, что время жизни людей

слишком ограничено, поэтому они мгновенно утрачивают даже простейшие инстинкты самосохранения, заложенные в них по наследству, и абсолютно неспособны придумать что-либо новое, когда сталкиваются с задачей, хоть сколько-нибудь отличной от тех, которые привыкли решать.

После длительных экспериментов с отдельными обитателями Земли я и мои ученики настолько хорошо изучили этих маленьких животных, что могли наблюдать их в обыденной жизни, не прибегая к вмешательству извне. Особенно поучительно было проследить, как я это и сделал, развитие одного «людского муравейника» на протяжении ряда земных лет.

Происхождение этих людских скопищ неизвестно. Когда и почему обитатели Земли отказываются от личной свободы, чтобы сделаться рабами «муравейника»?

Этого мы не знаем. Возможно, процесс объединения в общества был вызван необходимостью дать отпор другим существам или бороться со стихиями, но если это и помогало людям, за такую помощь приходилось платить слишком дорого. Из всех животных людям менее всего доступен досуг и радости жизни. В больших муравейниках,

особенно в «Геометрическом муравейнике», лихорадочная деятельность начинается с рассветом и не утихает до глубокой ночи. Если бы такая деятельность была необходима, это было бы еще понятно, но люди настолько ограниченны, настолько подавлены своими инстинктами, что продолжают суетиться и что-то производить, хотя в этом нет ни малейшей нужды. Не раз и не два я наблюдал, как в кладовых «людского муравейника» скапливались запасы в таких количествах, что, казалось бы, они должны загромоздить все проходы. И тем не менее где-нибудь совсем неподалеку другая группа обитателей Земли продолжала производить точно такие же предметы.

Очень мало известно о разделении людей на касты. Установлено, что некоторые из этих животных обрабатывают почву и производят основную массу продуктов питания, другие изготовляют искусственную эпидерму или строят гнезда, а третьи, по-видимому, ничего не делают, а только быстро перемещаются по поверхности планеты, едят и совокупляются. Почему же две первые касты кормят и одевают третью? Для меня это остается неясным. Мой ученик Е. Х. 33 написал интересную диссертацию в которой пытается

доказать, что подобная терпимость объясняется сексуальными особенностями обитателей Земли. Он утверждает, что по ночам, когда представители высшей касты собираются на празднества, работники толпятся у входов в гнезда, где это происходит, чтобы полюбоваться полуголыми самками. Согласно его теории, низшие касты получают таким образом эстетическую компенсацию за свои жертвы. Его гипотеза кажется мне весьма остроумной, но она недостаточно обоснована, чтобы я мог ее принять.

Со своей стороны я полагаю, что объяснение скорее следует искать в поразительной глупости людей. Пытаться понять их поведение, исходя из нашей уранианской логики, было бы полнейшей нелепостью. Это путь ложный, заведомо ложный. Человек не руководствуется свободным разумом. Человек подчиняется неосознанным роковым побуждениям: он не выбирает, что ему делать, он безвольно плывет по течению или, вернее, неудержимо скользит вниз по наклонной плоскости к своей неизбежной гибели. Я забавлялся, наблюдая за отдельными особями, для которых любовные функции, очевидно, были основным жизненным стимулом. Самец начинал с завоевания самки, взваливая на себя заботу о

ней, о детенышах и гнезде. Но, видно, ему было мало этой обузы, и он пускался на поиски новой подруги, для которой строил новое гнездо. Одновременные любовные связи приводили несчастное животное к постоянным столкновениям с окружающими. Но для самца все это ничего не значило, из бесчисленных неприятностей он не делал никаких выводов и бросался очертя голову во все новые и новые авантюры, причем раз от разу не становился умнее.

Одно из самых поразительных доказательств абсолютной неспособности обитателей Земли учитывать уроки прошлого на будущее я нашел, наблюдая ужасающие сражения между особями одного и того же вида. На Уране самая мысль о том, что одна группа ураниан может напасть на другую, осыпая их метательными снарядами, которые могут причинить урон, или пытаясь задушить их отравляющими газами, повторяю, самая эта мысль показалась бы дикой.

Но именно это происходит на Земле. В течение нескольких земных лет я наблюдал, как большие скопления людей сражаются между собой то в одном, то в другом районе планеты. Иногда они дерутся в открытую, иногда зарываются в землю и стараются из своих нор разрушить противо-

стоящие норы, осыпая их тяжелыми кусками металла, а иногда приделывают себе рудиментарные крылья, чтобы поражать противника сверху. Заметьте, что обороняющиеся отвечают нападающим такими же действиями. Получается какая-то отвратительная и бессмысленная свалка. Сцены сражений, которые мы наблюдали, настолько ужасны, что, будь у этих созданий хотя бы зачаточная память, они бы не прибегали к подобным методам, по крайней мере пока не сменится несколько поколений. Однако даже на протяжении короткой жизни одного поколения те же самые особи, как мы убедились, снова и снова участвуют в безумных и смертоубийственных драках.

Еще одним удивительным примером рабской зависимости людей от их инстинктов может служить отмеченное нами упорное стремление восстанавливать «человеческие муравейники» в определенных точках планеты, где они заранее обречены на разрушение. В частности, я внимательно наблюдал, как на одном густонаселенном острове в течение восьми земных лет все гнезда трижды разрушались в результате сотрясения земной коры. Для любого разумного существа было бы совершенно очевидно, что обитатели

этого острова должны переселиться. Но земные животные этого не делают. Наоборот, словно выполняя какой-то ритуал, они собирают те же самые куски металла и дерева и кропотливо восстанавливают свой «муравейник», который будет снова разрушен на следующий же год.

Но позвольте, могут заметить мои противники, какой бы абсурдной ни казалась преследуемая ими цель, тем не менее деятельность обитателей Земли явно выглядит целенаправленной, а это свидетельствует о некой руководящей ими силе, которой может быть только разум.

И снова те, кто так думает, ошибаются! Суета людей, потревоженных землетрясением, как я отметил, напоминает движение молекул в газообразной среде. Если проследить за каждой такой молекулой в отдельности, то окажется, что она движется по очень сложной и прихотливой траектории, однако сочетание множества молекул сводит движение всей среды к простейшим элементам. Точно так же, если мы разрушим «людской муравейник», тысячи насекомых начнут сталкиваться друг с другом, мешать друг другу, выказывая все признаки беспорядочной суеты, и тем не менее через некоторое время «муравейник» оказывается отстроенным заново.

Вот что представляет собой так называемый «интеллект» людей, который последнее время стало модным сравнивать с разумом ураниан! Но мода проходит, а факты остаются — факты, подтверждающие старые добрые истины о неповторимости уранианской души и избранном предназначении нашей расы. Со своей стороны я буду счастлив, если мои скромные и осторожные эксперименты помогут рассеять пагубные заблуждения и поставят земных насекомых на то место, которое они и должны занимать среди, живых существ. Разумеется, они весьма любопытны и достойны тщательного изучения, однако наивность и непоследовательность поведения людей должна всегда напоминать нам о том, какой непроходимой пропастью Творец отделил животные инстинкты от уранианского разума.

Смерть А. Е. 17

К счастью для себя, А. Е. 17 не дожил до первой межпланетной войны и последующего установления дипломатических отношений между Землей и Ураном, когда факты ниспровергли труд всей его жизни. До конца своих дней он пользовался почетом и уважением. Это был

простой добрый уранианин, выходивший из себя, только когда ему противоречили. Для нас небезынтересно отметить еще одну подробность: на цоколе памятника, воздвигнутого в его честь на Уране, высечен барельеф — точная копия телефотографии, изображающей беспорядочную толпу людей. В глубине изображения почти безошибочно угадывается перспектива Пятой авеню в Нью-Йорке.

Перевод Ф. Мендельсона

Рисунки Ю. Купермана

№ 9
Р. Яров

Вторая стадия

Печатается ~~в сокращённом~~ полном виде

Строители уехали, завершили труды дорожники, и жильцы нового десятиэтажного дома остались один на один со своими заботами. Конечно, выбор люстры или вколачивание гвоздика под дедушкин портрет были делами глубоко личными, к тому же сладостными. Но существовала задача, решить которую можно было только сплоченными усилиями.

Последний дом на последней улице города; громадный, белый, похожий на океанский корабль — он принимал на себя все суховеи и песчаные бури, несшиеся с отвратительного пустыря, простиравшегося так далеко, что даже с верх — них этажей края его не было видно. У некоторых малосведущих людей возникала мысль, что пустырь этот кончается там, где к вся география вообще — на берегу Ледовитого океана. Кроме того, вблизи от дома пустырь был весь испещрен холмиками, оставшимися от строителей. Даже самые лучшие археологи мира не нашли бы при раскопках ничего, кроме битых кирпичей, ржавой проволоки, в лучшем случае — подошвы. Но все это могло вызвать восторг не раньше чем через пять тысяч лет.

А пока эстетическое чувство жильцов подвергалось беспрерывному оскорблению. Только лес, закрывший путь ветрам, радующий глаз своей первозданной, непреходящей, несмотря на все веяния абстрактного искусства, красотой, мог довести чувство душевной гармонии новоселов до ста и более процентов. Мысль о его посадке носилась в воздухе, ее обсуждали во всех шести подъездах и на тротуаре перед домом зимой, весной, в начале лета. Даже собрание одно прошло, но протокол не вели, и решения никто не помнил. Меж тем лето наступило. И тогда немолодая учительница истории Лидия Петровна — общественница и хлопотунья — вспомнила, что на четвертом этаже живет научный работник Хромосомов. Как будто бы он даже профессор и работает в каком-то ботаническом питомнике. Раз уж поздно сажать тополь, клен, акацию — любое известное дерево, — то вполне вероятно, он знает, что же можно все-таки посадить. Немедля она поднялась со своего первого этажа на четвертый. Разговор длился недолго, а на другой день к дверям всех подъездов были приклеены объявления: «Завтра посадка леса. Просьба к 10 часам утра выйти с лопатами».

Люди читали и удивлялись: кто же в июне са-

жает деревья? Но раз пишут — значит, на что-то надеются. Выйдем, конечно.

Легковая машина проехала по тротуару несколько метров. «Прибыли», — сказал Хромосомов шоферу. Оба вылезли. Шофер открыл багажник, достал мешок, поднял. На тротуар посыпались тоненькие нежные прутики. «Спасибо, — сказал Хромосомов, — вы свободны». Шофер уехал, а Хромосомов присел и стал перебирать прутики. Он испытывал неудобства от этой позы — толщина мешала, — но только покряхтывал.

По обеим сторонам его лысого черепа курчавились остатки волос, будто бакенбарды вдруг перенеслись к вискам. Очки его спадали, он придерживал их одной рукой, а другой сортировал по длине прутья.

Собравшиеся глядели с недоумением на рассыпавшиеся по асфальту кучки. Они ожидали появления по крайней мере двух грузовиков с большими деревьями, растопыренные корни которых покрыты землей и обернуты тряпками. Их надо было бы снимать бережно с машины, копать ямы — в общем дело привычное. А это…

И даже маленькие дети, вышедшие со своими лопаточками помогать взрослым, искренне удивлялись.

Хромосомов распрямился и линейкой, обычной, ученической, которой мерил прутья, похлопал громко себя по ладони. Это был сигнал; все примолкли.

— Растение, — Хромосомов линейкой показал на рассортированные кучки, — появилось несколько лет назад в джунглях Южной Америки. Помните гигантскую вспышку на Солнце?

— Было такое дело, — подтвердил громко человек лет сорока пяти, стоящий возле профессора.

Сероглазый, прямоволосый, с крепкой — орехи разгрызать — нижней челюстью, он единственный из всех не держал лопаты в руках.

— Поток частиц колоссальной энергии пробился через атмосферу, и либо он в одном из мест оказался почему-то интенсивнее, чем в других, либо несколько экземпляров каких-то растений — первоначальную природу их теперь уж установить трудно — оказались максимально подготовленными к скачкообразной мутации, — но только вдруг появились деревья с совершенно поразительными свойствами. Об этом было всего лишь несколько статей в очень специальных журналах, поэтому мало кто знает. Вы вступаете под дерево — высота его зависит от длины сажаемого черенка, поэтому я их сортировал

— в полном душевном смятении. День был трудный, вы взволнованы, озабочены, раздражены. Проходит несколько минут — и в ваших расстроенных мыслях наступает порядок, вы чувствуете спокойствие, умиротворенность, всеобщее благорасположение. Свою собственную личность вы начинаете осознавать как элемент природы и человеческого общества — без утраты, разумеется, индивидуальных черт. Зачем такая особенность, в чем ее механизм — пока не ясно. Природа не создает своих творений специально для людей, она не добра и не зла — она целесообразна. Какой-то смысл здесь есть… Впрочем, это касается меня, а не вас. «Внушающими радость» назвали эти деревья. Нам прислали несколько образцов, с которыми мы работаем. А это — остатки. Они растут быстро, время посадки пока еще подходящее, умеренный климат для них годится — через месяц роща будет шуметь.

— Ура! — закричала седая учительница, одетая по случаю воскресника в синий лыжный костюм. — Тут даже больших лопат не потребуется. Возьмем у детей маленькие. Или нет. Пусть они сами выкопают. Это символично, возвышенно…

— Постойте, постойте. — Хромосомов отдал ребенку лопаточку, которую тот доверчиво про-

тянул, погладил по голове. — Для внушающих радость требуются очень глубокие ямы. Три метра — хорошо; пять — еще лучше; десять — великолепно. Чем глубже яма, тем выше и мощней дерево. Больше начальное сопротивление — активнее вводятся в действие скрытые силы, которые остаются и потом, когда сопротивление исчезает. А потому — давайте копать.

И под нажимом его каблука лопата вонзилась в землю.

Работа началась в десять часов утра, а к двенадцати люди, для которых копание ям было занятием такого же рода, как добывание огня трением, выдохлись. По желобкам на спинах бежали ручейки, капли со лбов падали в ямы. Хромосомов между тем теребил волосы на висках.

— Не роща будет, а трава болотная, — бормотал он. — Ямокопатель не догадался пригнать.

Лидия Петровна пошла по квартирам за подкреплением. Когда обход был закончен, она обвела взглядом пустырь и возле маленькой деревянной, обшитой железом будки гаража увидела автомобиль и торчащие из-под него ноги. Это был вызов — она немедленно подошла к машине, нагнувшись, посмотрела на человека, противопоставляющего личное общественному.

Под машиной лежал тот, кто столь солидно подтвердил высказывание Хромосомова о солнечной вспышке. Кажется, из восемьдесят шестой квартиры, кажется, инженер; фамилия, кажется, Махоркин.

— Вы здесь? — сказала она приветливо. — Почему же ушли?

Он ничего не ответил: слышно было только, как постукивает, срываясь, гаечный ключ.

— Ну что же вы? Все так устали.

— Большой научный эксперимент провожу, — сдерживая от натуги дыхание, сказал инженер Махоркин.

— Но воскресенье же…

— Познание истины перерывов не терпит.

Она молчала, сраженная. Мысль о коллективном труде, об общественном долге к такому случаю как будто бы не подходила, ибо возвышенность мотивов инженера Махоркина значительно превосходила возвышенность ее мотивов. Все же ей жаль было, что такой крепкий физически человек пропадет бесполезно для общего дела. И потому она сказала:

— Но ведь Хромосомов копает. А он будто бы даже профессор…

— Он может быть даже академиком, — голос

из-под машины как приговор произносил, — это ничего не меняет и не доказывает. Он проводит свой эксперимент — и вот нашел себе сотню добровольных помощников. А то б ему дали саженцы! Небось на валюту покупаем. У меня же своя научная тропа, и в лаборантах я ни у кого ходить не буду. — Он вылез из-под машины, скинул брезентовые брюки, куртку и оказался в хорошем светлом костюме.

Она молча глядела на него, не зная, что сказать. Столь глубокие мысли не приходили и — она это знала точно — никогда бы ей в голову не пришли. Но что поделаешь, в научных кругах лучше знают истинные причины поведения и академиков и лаборантов. Инженер Махоркин сел в машину, развернулся, покатил, исчез с глаз долой.

Ну, разумеется, автомобиль не простой. Где-то там в глубине, среди совершенно загадочных запутанных железок таится эксперимент. Приобщение, к касте научных работников делает людей малопонятными. Быть может, инженер Махоркин человек не меньшего масштаба, чем сам профессор Хромосомов.

Она подошла к кучке на асфальте, взяла лопату, прутик, вернулась к гаражу. Вот здесь, в трех метрах от стенки, она посадит «внушающие

радость». Пусть мысли будут только хорошие, тогда научные открытия начнут течь сами собой. Земля полетела из-под ее лопаты, как будто маленький экскаватор заработал.

Все, что говорил Хромосомов, подтвердилось очень быстро. Брошенные на пятиметровую глубину — дальше копать сил не хватило — засыпанные саженцы в две недели прошли весь слой земли и показались на поверхности, напоминая стрелы зеленого лука.

С каждым днем все больше и больше становились их размеры.

Вскоре «внушающие радость» догнали в росте несколько молоденьких тополько, чудом сохранившихся после беспощадного вспарывания земли строительными машинами.

Люди, которые неделю после посадки не могли спину разогнуть, полны были к деревьям самых нежных чувств.

К середине лета перед домом появилась роща. Самые высокие и раскидистые экземпляры достигали в высоту пяти метров. Сбывалось все, о чем писали Хромосомову зарубежные коллеги, что подтвердил опытами он сам. Сбылось и главное.

Никогда и нигде не чувствовал себя человек таким безмятежно-счастливым и умудренно-

проницательным, как под сенью «внушающих радость». Никогда не бывало у каждого более беспристрастного судьи, чем он сам в тот момент, когда садился под дерево на траву. Будущее не представлялось в этот момент цепочкой из триумфов; никаких новых иллюзий не возникало и даже исчезали старые, но в них и нужды не было. Обычные, блаженно расползающиеся мысли вечерней прогулки сменялись вдруг анализом собственной жизни с осознанием истинной ее цели.

У Хромосомова спрашивали часто, чем объяснить такие действия «внушающих радость», превосходящие все эффекты кавказских минеральных вод, морских купаний, лазаний по горам? Быть может, виноват ультразвук? Или неизвестные лучи? Космические частицы?

— Скажите, — размышлял шестнадцатилетний вундеркинд из пятой квартиры, явно будущий студент мехмата, — а это не может быть нейтринно-кварковый эффект? Я готов воспользоваться, пожалуй, своими связями в университете и принести сцинтилляционный кваркометр. — И очки на его круглом лице замирали.

— Спасибо, не надо, — отвечал деликатно Хромосомов, — тем более что там один только

заторможенный блокинг-генератор весит пятнадцать тонн.

— Успокаивайте усталые души, — говорил он любознательным пенсионерам, читателям молодежных научно-популярных журналов, — и не думайте о механизме эффекта, как не думаете вы, гуляя в обычном лесу, о фотосинтезе. Наслаждайтесь не анализируя.

И люди наслаждались. Не только из одного — из всех домов улицы стали ходить по вечерам в молодую рощу. У Хромосомова просили саженцы. Но новая партия их не поступала, а старая нужна было для экспериментов. И потому в маленькой рощице становилось по вечерам иногда даже тесно. А многие живущие совсем в других концах города, побывав здесь один только раз — с друзьями или знакомыми — приезжали еще и еще. Возражений, конечно, быть не могло, ибо люди под деревьями становились учтивыми и взаимно вежливыми, и чувство это не покидало их потом долго.

Однажды вечером инженер Махоркин загнал машину в гараж.

Солнце просвечивало сквозь щели в досках, но некоторые щели были темны. Их загораживало дерево, стоящее несколько в стороне от осталь-

ных, — след нежной заботы Лидии Петровны. Из рощи доносились голоса ближних и дальних паломников. Инженер Махоркин пробурчал что-то себе под нос.

Чувства его были ожесточены и не могли смягчиться; на расстоянии полутора метров от самого крайнего листика — по горизонтали — действие «внушающих радость» прекращалось. Инженер Махоркин долго возился, запирая сначала все дверцы автомобиля, потом багажник, потом дверь гаража. Упругой походкой, несколько разбрасывая по сторонам ноги и глядя прямо перед собой, он шел к дому. Лидия Петровна шла навстречу.

— Здравствуйте, — почтительно сказала она. — Отчего вы не погуляете в рощице? Быть может, стесняетесь, что вам не удалось покопать? Но ведь все понимают вашу занятость…

— Инженер Махоркин никогда и ничего не стесняется, — твердо и громко произнес инженер Махоркин. — Все, что он требует, он требует справедливо, а в справедливом деле стесняться нечего. А если он чего-то не требует, то не потому, что стесняется, а потому, что осознает: пока не заслужил…

— Простите, пожалуйста, — сказала несколько

ошеломленная этими аргументами Лидия Петровна, — я просто хотела, чтобы вы погуляли по нашей рощице. Это внушает такие добрые чувства! Такие…

— А я не хочу их, — отчеканил инженер Махоркин, — я научный работник; мне озлобление нужно, чтоб идею преследовать, трясти ее беспощадно, не жалеть никого. А вы со своей рощицей так называемой что наделали? Типы всякие шатаются и под окнами и возле гаража, где машина стоит экспериментальная с такими деталями, о которых я даже говорить не имею права. Хоть бы гуляли те, кто сажал, — я их в лицо знаю. А получается, что вся улица стала ходить, и изо всех концов города ходят, и скоро из других городов начнут валить. На крышах будут ездить. Для того я в отдельной квартире поселился, чтоб перед моими окнами мелькали типы и с мыслей меня сбивали? Мысль — дело коварное, только я начал новую гипотезу всесторонне обдумывать — бац, чье-то лицо в окне увидел. Ничего в нем нет такого, а вот не понравилось мне — и пропала гипотеза. Кто виноват в том, что государство осталось без нее? Я проиграл — не выдал того, на что способен. Государству хуже. Кто выиграл? Враги. Вот к чему приводят безответственные

лесонасаждения.

— Но ведь Хромосомов работает, — пролепетала Лидия Петровна.

— Вы меня ни с кем не сравнивайте, я уж говорил. Это все для него эксперимент, на котором он докторскую получит…

— Он и так доктор…

— Тем более тогда…

И он, утомившись долгим — после работы — разговором, продолжил свой путь к дому. Она же не могла понять почему «тем более тогда» и ей казалось, что зря обидела хорошего человека. Она мучилась до тех пор, пока не вошла в рощу, а тогда ей стало вдруг легко, и не было нужды разбираться в словах со столь глубоким смыслом. Она увидела инженера Махоркина в окне третьего этажа, мрачно, со скрещенными на груди руками, глядящего вниз, и послала ему воздушный поцелуй. Ничего легкомысленного в том не было, просто она уважала его и сочувствовала его прошлой, как можно было понять, нелегкой жизни. Но влияние «внушающих радость» не распространялось до стен дома, он нахмурился еще больше и задернул занавеску.

Очень скоро в рощицу начали водить на прогулку детей из ближайшего детского сада. Если

размягчаются огрубелые души взрослых, то детскую душу до огрубения и допускать нельзя. «Ах, насколько больше станет на свете хороших людей!» — мечтала заведующая садом в своем кабинете. Искусственное средство помогает взрослому избавиться от зла, а детям поможет стать ко злу невосприимчивыми. Так оно и вышло. Маленькие люди менялись молниеносно, благо ничего не успело затвердеть в их душах. Обращения вроде «Андрюшка-хрюшка, где моя игрушка?» и даже более энергичные сменились на «Андрюшечка, дай мне, пожалуйста, совок: я тоже хочу копать землю».

Если на закрытой территории детского сада ребята дрались, то здесь они становились образцом благонравия, сохраняя, впрочем, всю свою живость. Вновь приобретаемые свойства не исчезали с их уходом из рощи. Так закладывались основы будущей душевной гармонии. «Этих детей уже ничто не испортит», — говорила с гордостью заведующая. И проекты один грандиознее другого рождались в ее голове. Постройка нового помещения для детского сада в районе рощи «внушающих радость», чтоб, когда дети спят, невидимыми, сладостными ощущениями пронизывались их крохотные сердца; вывод в

рощицу всего сада, начиная от самых маленьких, приглашение детских садов всего района, а то и города… Были и еще планы. Но реализация их натолкнулась на трудности.

Инженер Махоркин частенько встречался у подъезда с Хромосомовым. Им было о чем поговорить — этим двум людям, единственным во всем доме занимающимся научной работой.

— Вы, конечно, размышляете, — говорил утвердительно инженер Махоркин. — Я тоже, на ходу. Нам, научным работникам, некогда терять дорогие секунды. Гипотезы не знают нормированного рабочего дня.

— Какой областью науки занимаетесь? — интересовался уважительно Хромосомов.

— Проблемами малой энергетики, — бодро рапортовал Махоркин. — Но вот, представьте себе, это бесконечное мелькание перед окнами — самый лютый враг гипотез. Людей бескрылых это, возможно, не трогало бы, но я не могу. А вы…

— Я что ж, я ничего… — как бы оправдываясь, произносил Хромосомов.

Инженер Махоркин не боялся никаких разговоров на равных с Хромосомовым.

— Для науки все одинаковы, — говорил он, — и лаборант не хуже академика. Истина настолько

громадна и всеобъемлюща, что перед лицом ее ничего не стоят различные наши чины и звания. Волею обстоятельств я вынужден был сделать своей экспериментальной базой районный автомобильный клуб. Но, сами понимаете, частные и мелкие страстишки автолюбителей ничего общего не имеют с теми задачами всемирного масштаба, которые я хотел решить. Увы, нужны деньги, а презренные автолюбители…

— Но ведь вы тоже, кажется, владеете машиной? — робко прерывал Хромосомов.

— Экспериментальная, — рубил инженер Махоркин. — Больше разглашать не имею права. Денег меня лишили, работу пришлось прервать. Но сейчас я обдумываю новую гипотезу и некоторую экспериментальную проверку уже осуществляю. Как только я закончу ее, директору клуба некуда будет деваться; ему придется выхлопотать для меня ставку старшего научного сотрудника и представить на ученый совет Института ионных двигателей, расположенного недалеко от автомотоклуба, мою кандидатуру для утверждения в звании доктора наук. Скорей всего «гонорис кауза». Если же потребуют диссертацию — что ж, у меня есть что защищать…

— …Во всяком случае, — говорил инженер Ма-

хоркин крупному ученому профессору Хромосомову, — для участия в банкете вы приглашаетесь первым. Можете также прийти на заседание ученого совета. Охарактеризовать меня как творца.

— Благодарю вас, — отвечал культурно Хромосомов и торопился поскорее уйти.

— Мысль летит наподобие птицы, — поднимая глаза, декламировал инженер Махоркин, — наткнулась на потенциального тунеядца, что шатается там, — упала, разбилась.

— Почему же тунеядец, — удивлялся Хромосомов, — скорей всего труженик. — Каждый, кто работает от сих до сих, — объяснял инженер Махоркин, — потенциальный тунеядец. Ему дай волю — он трудиться не будет, лучше в кино пойдет. А мы с вами, — тут его голос вздрагивал, — трудимся оттого, что хотим познать истину. Но страшная помеха — роща эта… Глядеть не могу на людей, которые ни о чем не думают. Мысль моя устремляется в заоблачный полет — и вдруг фигура обывателя. Вся душевная устремленность, конечно, вдребезги… Давайте рощу под корень, а?… Чтоб не шлялись…

— Но ведь она людям нужна… — содрогался Хромосомов.

А инженер Махоркин долго не отпускал его,

рассуждая о научных открытиях.

Особенно остро воспринял инженер Махоркин появление в роще детей. «Внушающие радость» избавляли их от злости, которая, зарождаясь в мелких стычках, развиваясь постепенно во взрослом человеке, становится матерью всех пороков, но озорство детей осталось неизменным. Они бегали, прыгали, гонялись друг за другом. И конечно, сарай, где стоял экспериментальный автомобиль, подвергался их бешеному натиску.

Они лезли на крышу, они отдирали железо, они расшатывали доски, чтоб заглянуть в щель, они дергали замок. Все это полностью разрушало достигаемое инженером Махоркиным с колоссальным трудом душевное равновесие, при котором рождаются научные открытия. И однажды он не выдержал.

Четким строевым шагом он пересек пространство между домом и рощей. Заведующая детским садом как раз пришла посмотреть на своих ребят.

— Вот что, — сказал ей инженер Махоркин, — я крупный научный работник. Но это к делу отношения не имеет. Дети — наше будущее, а о будущем надо заботиться всем. Вы приводите их сюда для того, чтобы они якобы получали добрые

чувства. Это воспитание стимулируется извне, и потому оно не может считаться полноценным. Но самое главное — где самовоспитание? Где оно, я вас спрашиваю?

Заведующая робко глядела на него. Она училась всего лишь на четвертом курсе педагогического института и сознавала, что ее знаний очень мало для того, чтобы возражать этому решительному человеку.

— Я, как друг детей, — продолжал между тем инженер Махоркин, — настаиваю категорически, чтоб они покинули эту рощу и не приходили больше сюда до тех пор, пока вопрос о возможности искусственной обработки их нервных центров, а также ретикулодиэнцефалической и ринэнцефалической систем и эмоций не будет решен положительно академией педагогических наук и по соответствующим каналам не будет спущен документ, официально разрешающий посещение этого питомника — кстати сказать, экспериментального — детьми в возрасте до семи лет…

— А как же…

— Никаких «как же». Иначе вашему непосредственному начальству будет доложено о фактах вопиющего нарушения основных принципов

педагогической науки.

Детей не надо было собирать: испуганные, они обступили свою воспитательницу. Их увели.

Эта акция инженера Махоркина произвела нехорошее впечатление на жителей дома. Свидетели утверждали, что инженер Махоркин позволил себе горячиться, махать руками и даже резко повышать голос, что в разговоре с женщиной недопустимо. Но инженер Махоркин решительно отвергал эти слухи как клеветнические.

Не давать возможности бесцельно шатающимся обывателям, под видом которых могли появиться и враги, приближаться к сараю с экспериментальной машиной, быть может, изгнать их всех из рощи, а если понадобится, и рощу срубить — эту задачу было неизмеримо сложнее решить, чем изгнать детей. Но энергичный человек, для которого к тому же познание истины — самая главная вещь на свете, перед препятствиями не останавливается. Инженер Махоркин разработал несколько вариантов плана изгнания.

Сидя за столом, инженер Махоркин набрасывал схему приемника лучей, отраженных Землей от Солнца, преобразователя этих лучей в кинетическую энергию и трансмиссии от преобразователя

к ведущим колесам автомобиля, или шпинделю станка, или вообще рабочим органам любой другой машины. Был вечер, солнечные лучи диагонально разрезали комнату, и мысли инженера Махоркина, скользя по этой диагонали, достигали самого Солнца. Неожиданно он услышал с улицы скрип отдираемых досок. Было в этом звуке что-то надрывное, щемящее душу, угнетающее ее. Инженер Махоркин встал и подошел к окну.

Мальчишка лет семи, вцепившись в плохо держащуюся доску обшивки гаража, старался отломать ее.

Быть может, она была нужна ему как меч, а может, он просто хотел как следует рассмотреть машину.

Ее лакированные бока уже были видны сквозь щели. У инженера Махоркина хватило благоразумия не выскочить в окно, но он оказался внизу не менее быстро, чем если бы спрыгнул с третьего этажа. Мальчишка, увидев летящего на него великана, отскочил от стены и вцепился в ствол. Инженер Махоркин оторвал его руки от дерева и крепко дал по затылку, а потом толкнул. Мальчишка помчался в неизвестном направлении изо всех сил. Инженер Махоркин отряхнул руки и пошел домой. Навстречу ему от подъезда

выступил Хромосомов. Он сорвал с глаз очки и храбро размахивал ими.

— Что вы сделали с ребенком? — спросил он решительно.

— Я этих сорванцов, которые лезут куда не надо, учил и буду учить, — с еще большим напором ответил инженер Махоркин. — А родителей привлекать к административной ответственности…

— Посмотрите, — грозно сказал Хромосомов.

Инженер Махоркин обернулся.

С дерева, под которым он только что лупил мальчишку, слетали листья, а остающиеся желтели на глазах, темнел ствол и вздрагивали ветви.

— Оно вянет! — вскричал горестно Хромосомов. — Сгорает, как перегруженный мотор. Оно преодолевает своим необъясненным пока излучением злые чувства в человеке. А в вас их столько, что оно не смогло преодолеть…

— Запишите это в свой журнал экспериментов, — сказал холодно инженер Махоркин. — Вы ведь их для того здесь и посадили, чтоб опыты над людьми устраивать. В питомнике запретили, наверное, как противоречащие современным научным взглядам, так вы их сюда решили перенести? Подпольно, стало быть, продолжать. Под видом зеленых насаждений. И хотите увлечь за

собой наиболее отсталые элементы, — он кивнул в сторону людей у подъезда, с негодованием глядящих на него. — Так я вас выведу на чистую воду! — закричал во весь голос инженер Махоркин. — В рядах научных работников нет места…

— Какой вы нехороший человек, — тихо сказал Хромосомов, надел очки, повернулся и пошел прочь.

Инженер Махоркин двинулся вперед, как всегда, твердым шагом. Лидия Петровна, общественница и энтузиастка, остановилась перед ним.

— Нет, вы нехороший человек, — сказала она, покраснев.

Инженер Махоркин не обратил на этот выпад ни малейшего внимания. Он взошел на крыльцо, повернулся ко всем.

— Завянет это дерево или не завянет — его дело. Но предупреждаю, что расти возле лаборатории, где находится объект ценнейшего научного значения, к тому же секретный, оно не будет.

И вошел в подъезд. Сквозь открытые окна лестничных клеток слышны были его размеренные, упорно пробивающегося человека шаги. Да, инженер Махоркин мог пойти и наперекор неверным настроениям, временно овладевшим

людьми. Решимости у него хватало на все.

Прошло несколько дней. Запас жизненных сил был в дереве, очевидно, огромен. Желтые листья не облетели, а позеленели вновь.

Ствол из серого опять превратился в белый. Гуляющие появлялись под ним, как и раньше; и многие даже, проходя, трогали рукой стенку лаборатории-гаража. Инженер Махоркин не реагировал. Общественность подъезда пришла к выводу, что угрозу свою он выполнять не станет. Погорячился человек, с кем не бывает. Мальчишку, конечно, бить не следовало, но ведь дай им волю — все разнесут.

А мы тоже хороши — набросились! Поговорить надо было, объяснить. Эх, где чуткость душевная!

Прогноз погоды обещал грозу.

К вечеру тяжелые, как дорожные катки, постукивая, вздрагивая, стали наползать тучи. Они ползли, закрывая просвет, и вот уже столкнулись тяжелыми боками.

Высеченная от столкновения искра разнесла вдребезги полнеба и пол-земли. Подул сильный ветер, листья заспорили друг с другом. В доме захлопнулись окна. Сперва слышно было, как стучат отдельные капли по отдельным листьям,

а потом небо опрокинулось, шум водопада заглушил все. Дождь шел, шел… Начинало темнеть, а суше не становилось. Так, захлестнутая водой, и ночь наступила.

Крики о помощи раздались часа в три. Учительница проснулась раньше всех. Она боялась грозы, спала с закрытыми окнами, но чуткое ее сердце, несмотря на преграды, уловило сигналы чужой беды. Она распахнула окно, и сразу ясно стало, что ветер тревоги подул не зря. Кто-то стонал внизу.

Лидия Петровна накинула поверх халата плащ и побежала на улицу, готовая решимостью своей отпугнуть злодеев. Воздух был влажен, капли воды поджидали азартно неосторожного пешехода.

Она бежала вдоль фасада дома, ища преступников. Погасшие фонари дремали на вершинах столбов, светились пустые подъезды.

Если бы у Лидии Петровны не было в жизни нескольких случаев, подтвердивших полную основательность тайных сердечных побуждений, она решила бы: галлюцинация. Но вере ее суждено было укрепиться. Очень отчетливо, с достоинством произнесенное, даже с некоторым оттенком повелительности слово «помогите»

прозвучало оттуда, где располагалась лаборатория инженера Махоркина.

Она подбежала. Под деревом, что она посадила возле стенки гаража, виден был силуэт человека. Она твердо знала, что все нарушители порядка трусы: заметив такого, надо немедленно показывать свое превосходство над ним. С этой целью она захватила, фонарик. Луч света упал на фигуру под деревом. Инженер Махоркин стоял во весь рост, плотно обхватив ствол правой рукой.

— Что с вами? — спросила в изумлении учительница. — Это вы кричали? Вам плохо? Отпустите дерево. Обопритесь на меня. Я помогу вам дойти до дому.

— Кому нужна ваша дурацкая помощь? — Инженер Махоркин дернул руку. — Если б я мог отпустить дерево, я бы и сам ушел. О, как больно, — закричал он вдруг, содрогаясь, — будто ток прошел через меня!..

Учительница направила свет на его руку. Никакой линии разграничения между нею и деревом не было. Ствол переходил в руку так же плавно, как в ветку.

— Вы… не можете оторваться? — спросила она, остолбенев.

— Видите, чего же спрашиваете, — уныло ото-

звался инженер Махоркин.

В растерянности учительница побежала будить Хромосомова.

Она дрожала, стоя на площадке, а из-за двери все спрашивали кто да что, да почему так поздно.

Хромосомов вышел наконец. Едва он увидел состояние инженера Махоркина, сонливость его как рукой сняло. Он осмотрел внимательно ствол, ища на нем следы необычайной по клейкости смолы, вдруг прихватившей инженера Махоркина. Ствол был где гладок, где шершав, но совсем не липок.

Новый природный феномен открылся — и Хромосомов, радуясь в глубине души, что такой интересный факт получен, сочувствовал инженеру Махоркину, попавшему в столь странную ситуацию. Конечно, лучше бы все оставить как есть, завести журнал наблюдений, и пусть бы Махоркин записывал в него свободной рукой все тончайшие детали, относящиеся к его необычному положению. Симбиоз, человека с деревом — ведь это же открытие века. Но нет, не согласится. Вон как орал насчет экспериментов над людьми. Однако же попробовать… Очень робко, отчасти намеками, напирая на то, что для насто-

ящего научного работника не имеет значения обстановка, в которой он оказывается, а важна лишь возможность неустанного поиска истины, Хромосомов предложил свой вариант.

— Если бы со мной произошел этот случай, — добавил он, — я бы не упустил возможности сделать все, чтобы вырвать у природы еще одну ее загадку.

— Вот и прилипайте сами. А меня отпускайте. Не то я такой шухер устрою, — сказал, употребляя не встречавшиеся ранее в его речи жаргонные выражения, инженер Махоркин. — Все за решеткой очутитесь. Злостное хулиганство. Травля творца передового.

Очевидно, он забыл об особенностях своего нового положения, или еще не привык к ним, потому что какие-то волны пошли по его телу, и он начал корчиться от боли. Пристыженный профессор побежал за топором. Учительница посветила фонариком, Хромосомов размахнулся и ударил топором под самый корень дерева. И сейчас нее раздался такой крик, будто удар пришелся инженеру Махоркину по ноге. Несколько голов высунулось из окон, но в темноте никто не увидел трех замерших людей. Хромосомов между тем понял, что для инженера Махоркина дела

обстоят хуже, чем могло показаться вначале.

— Рассказывайте, — произнес он, — зачем сюда пришли ночью, зачем схватились за дерево?

— Показалось в темноте, кто-то к машине лезет. Выскочил — пусто. Ну я со злости, что под дождем бежать пришлось, схватил дерево и давай трясти. Вырвать хотел, откровенно скажу. Как оно появилось, так все мне мерещиться стало, что машине опасность угрожает. А она эксперимен… О боже, за что такое наказание!..

Его опять затрясло. Успокоившись, он сказал:

— Поезжайте, привезите врача…

— На чем? — удивился Хромосомов. — Четыре часа ночи.

— На моей машине. Я вам дам ключ…

— Она же экспериментальная…

— Это только я один знаю, где там экспериментальные детали. А вы обращайтесь, как с самым обычным автомобилем.

Этой ночью Хромосомову спать уже не пришлось. Он привез дежурного врача. Тот походил кругом, сказал: «Случай беспрецедентный. Возможно, потребуется хирургическое вмешательство» — и отбыл. Его повез на той же машине Хромосомов. Обратно он не вернулся — уехал организовывать по просьбе инженера Махоркина

охрану объекта от посторонних взглядов. Рано утром к дому подкатила полуторка, груженная свеженькими — будто кондитерские изделия привезла — досками.

Два плотника принялись сооружать забор вокруг инженера Махоркина. Их направил отдел капитального строительства питомника, поднятый на ноги Хромосомовым.

Профессор, очевидно, нажимал на все рычаги. К середине дня прибыл милиционер и занял свое место у вновь воздвигнутого забора.

А вечером весь дом знал, что там, под строжайшей охраной, засекреченный инженер Махоркин проводит очень важный, смертельно опасный эксперимент. Так он, превозмогая болевые импульсы, шедшие в тот момент через его тело, просил объяснять Лидию Петровну. Она, добрая душа, уступила, хотя не любила лгать. Но истинная причина случившегося была ей не ясна, а злорадствовать или сплетничать она не любила еще больше.

Прошел месяц. Жильцы дома привыкли к забору, но близко не подходят — боятся излучений.

Посторонние тоже. Хромосомов же открывает калиточку каждый вечер. Милиционер вежливо отстраняется, и профессор входит.

Под деревом, облокотив присоединенную руку на построенный теми же плотниками стол, сидит инженер Махоркин. Перед ним лежит журнал — толстая книга с синими линованными страницами. Левой рукой инженер Махоркин записывает в него свои наблюдения.

Хромосомов берет журнал, приближает его к глазам и начинает читать.

«…18 июля. Высоко в небе летит стая птиц. Листья начинают вздрагивать и дрожат до тех пор, пока стая не улетает».

— Хорошо, — вздыхает Хромосомов и кладет журнал на стол, — но недостаточно. Это наблюдение мог бы провести любой человек, не связанный непосредственно с объектом. Я, например. А вы — вы должны использовать все особенности своего положения. Прислушивайтесь к своему внутреннему миру, фиксируйте свои ощущения. Вы научный работник — мне ли вас учить. Может быть, анализ крови сделать, желудочного сока? Да разве можем мы дать публикацию в научном журнале, — горячился Хромосомов, — ограничившись только тем фактом, который сама судьба послала нам в руки? Выжать из него все, что можно, — вот наша задача. Да, да, и ваша, ибо под статьей в «Биологическом вестнике» будет стоять

и ваша подпись…

И, сыграв таким образом на слабой струнке инженера Махоркина, Хромосомов нагибается и глядит в лицо собеседнику. Инженер Махоркин молчит, улыбается, и улыбка у него какая-то странная, нездешняя, как у слепого, погруженного в колышущиеся свои мысли. И Хромосомов тут же корит себя за нечуткость.

— Вы не волнуйтесь, — бормочет он, — пятидесяти ботаническим институтам мира разослано сообщение о событии. Не может быть, чтобы хоть в одном из них не сталкивались с аналогичной ситуацией и не подсказали нам выхода, не беспокойтесь, мы скоро освободим вас. Человек не объект эксперимента, он для нас важнее всего. Если вы не в состоянии сосредоточиться — не надо. Найдем другие способы. Лидия Петровна за вами следит? Кормит, носит чистое белье?

— Следит, кормит, — рассказывал подробно инженер Махоркин. — Рубашку специальную сшила, чтоб надевать ее, не просовывая руку в рукав…

— Мы, конечно, позаботимся, не волнуйтесь. До завтра… — И Хромосомов отходил, пятясь, поворачивался у налитки.

Но инженер Махоркин с каждым днем все

больше и больше осознавал, почему он попал в этот симбиоз. Знал он также, что, разошли Хромосомов письма не в пятьдесят, а в пятьсот институтов мира, ему, Махоркину, это не поможет. До осени, до листопада, до холодных дождей он будет сидеть здесь, а потом вдруг встанет, потянется сладко и глубоко, воздев к небу обе руки, и выйдет за калитку, испугав стоящего там милиционера. Это случится, потому что вся жизненная сила дерева уйдет глубоко в сердцевину ствола, быть может, в корни. Он знает то, что не известно никому во всех пятидесяти институтах мира, если там нет второго такого, как он. Дерево боится. Каждое живое существо на Земле должно бороться с врагами — иначе не выжить всему виду. Деревья с их защитными и наступательными средствами возникли задолго до человека. Они жили, не боясь никого — что им самые острые клыки или самый могучий хобот! — и умирали естественной смертью. Но как спастись от дисковой пилы! Где-то в глубинах клеток зарождались новые свойства, лучевой поток закрепил их, вызвал давно уже подготовленный мутационный скачок.

Каждому, кто входит в лес, должны быть внушены добрые чувства.

Пусть человек ощутит в себе сострадание ко всему сущему, осознает себя частью всего живого, проникнется душевной гармонией.

Это создано не для людей — природа не добра и не зла; но как много могут люди получить от нового свойства!

— Ну и пусть себе лесорубы сострадают! — едва ли не крик вырывался у инженера Махоркина в то первое время, когда он только-только начинал смутно еще осознавать, что произошло. — Но я, дипломированный инженер, — какие у деревьев могут быть претензии ко мне?..

Проходили дни. Медленно, как бы с течением древесных соков, бесспорно проходящих через инженера Махоркина, являлись новые ощущения, которые он переводил в мысли.

— Не затаишься, теперь весь твой внутренний мир открыт. Ты ходил озлобленный — и еще более озлоблялся оттого, что чувство это надо было скрывать. Поток излучений — а пропорционален он должен быть суммарной площади листьев — не смог преобразовать твою злость в доброту. Дерево едва не погибло. Кто ты — инженер или клоун — неважно. Ты вошел в рощу с недобрыми чувствами и с ними же вышел. На том кончилась первая стадия... А когда не помогает первая

стадия, начинается вторая. Сделать так, чтобы дерево и враг его слились в живущий одной жизнью организм. Пусть мокнут под одним дождем, дышат одним ветром, укрываются одним небом. Бьют по дереву — больно обоим: лживая или злая мысль врага вызывает, как сигнал крайней опасности, боль у дерева и соответственно у врага.

«Но за что я так отмечен? — думает иногда инженер Махоркин в тот момент, когда летит большая стая птиц, дерево настораживается, и связь между ним и человеком слабеет, — я обычный гражданин, ничего особенного не сделал. Рвался, правда, расталкивал других, кричал о несуществующих изобретениях. Табличку на двери повесил медную:

«Инженер Махоркин, изобретатель. Консультации по вопросам создания принципиально новых машин по субботам с 9.00 до 12.00».

А когда к тебе зашел вундеркинд и, глядя трепетно, предложил использовать вращательное преобразование магнитного поля в башенных кранах, ты написал ему: «PV = GRT». И долго он ломал себе голову, не подозревая, что это элементарная формула теплотехники, и взирал на тебя при встречах с еще большим почтением.

Но ведь за мелочность не сажают, за желание казаться тем, кем ты хотел стать и не стал, — тоже.

А он сидит. Безвинно. Суд не осудит, моралист не придерется особо — много таких. А он сидит».

Пролетают птицы, уходят спать дети, добродушные взрослые возвращаются домой после прогулки.

Дерево спокойно. Спит инженер Махоркин. Но снов он не видит.

Дерево бодрствует, и вместо снов приходят к человеку его ощущения.

Это вторая стадия — и осенью, когда опадут листья, жизнедеятельность дерева ослабнет, энергетических ресурсов будет хватать только на основной организм, человек окажется лишней нагрузкой и, преображенный, сможет уйти.

Всю жизнь инженер Махоркин мечтал сделать научное открытие, а если не получится, то все, что угодно, выдать за него. Но вот оно сделано — большое, настоящее, — а сообщить о нем инженер Махоркин не торопится и не мечтает о месте в президиуме. Он думает, что рано, может быть, сообщать о незащищенных местах природы.

А то найдутся такие, которые придумают что-нибудь вроде противогаза от излучения,

внушающего доброту. Пусть эти деревья сажают везде, где живут люди, пусть ученые исследуют их обычными методами. Ни черта они не откроют! А инженер Махоркин скажет все, что знает, когда, выйдя на волю, окончательно убедится в полном своем преображении.

Инженер Махоркин сидит за деревянным высоким забором из темнеющих постепенно досок и левой рукой записывает в журнал сообщения о всяких малозначительных событиях. Дерево как будто бы доверяет ему — во всяком случае, он не чувствует уже постоянных — то слабых, то сильных — уколов. Изредка только старый инженер Махоркин шевелится в новом, поднимает голову, хохочет. Он злорадствует, довольный, что инженер Махоркин, опять оказался умнее всех. За это спокойное сидение, за возможность поставить свою подпись под сообщением о крупнейшем научном эксперименте он ведь еще и по бюллетеню получит. Дольше трех минут эта радость не длится. Дерево настороже — синусоида боли проходит через тело инженера Махоркина. Он вздрагивает и немедленно переключается на мысли о гастролях Бостонского филармонического оркестра.

1968

№ 3

В. Яров

Горькие слезы

Сказка

По обеим сторонам длинного коридора тянулись двери. Мимо них, навстречу технику без диплома Пете Хватову, шел плотный, осанистый, уверенный в себе человек. В его новых ботинках отражались розовые плафоны. Костюм из переливающейся ткани менял цвет при каждом шаге, и булавка, поддерживающая темный галстук, тоже была, как маленький светильник. Он не посторонился при встрече, и Петя вынужден был отступить в сторону, но из гордости сделал это в последний момент. Человек, явившийся из далекой дали управленческого коридора, задел его слегка локтем, буркнул что-то и, не оборачиваясь, проследовал дальше. Петя поглядел ему в спину. Ни одна дверь не открылась, и свидетелей невежливого поступка не оказалось.

Петю прислал сюда начальник для того, чтобы он подписал одну очень важную бумагу. А здесь

толкаются. Петин взгляд стал мрачен и испепеляющ. В последнем номере научно-популярного журнала «Химия и религия» он читал сообщение о том, что путем тончайших экспериментов выявлена наконец природа дурного глаза, который является одной из форм телепатии, а в основе ее лежит нейтринно-кварковый репродукционно-поляризационный эффект, и каждый человек несет в своем взгляде определенный заряд гипнотической силы, у некоторых людей достигающий немалых значений. Пользуясь приложенной номограммой, Петя, смеха ради, измерил этот заряд у себя. Оказалось, довольно большой. Теперь он глядел вслед прошедшему, изнемогая от желания что-нибудь с ним сотворить. Но тот шел, не торопясь, и уже почти достиг выхода на лестницу. И вдруг… Из рукавов у него потекла вода, исчезли сперва кисти рук, потом сами рукава и весь пиджак, брюки, ботинки, галстук. Через мгновенье лишь небольшая лужа воды стояла у порога.

H_2O

Петя остолбенел. Так далеко его намерения не простирались. Ну, зацепился бы ногой за незаметно выступившую паркетную дощечку, поскользнулся бы, испачкал костюм. Но так! Он побежал к луже. Вода как вода — будто нес кто-то графин и расплескал слегка у порога.

— Засудят, — мгновенно сообразил Петя. — Раз научно доказали, что можно человека сглазить, значит срок наказания за это предусмотрен и в уголовный кодекс внесен. Бежать бесполезно — собаку вызовут, найдут. Что делать?

В портфеле у Пети среди бумаг была стеклянная банка — на случай, если жена прикажет купить что-нибудь для хозяйства. Он торопливо раскрыл портфель, выхватил банку, вынул из кармана носовой платок и стал вытирать лужу, отжимая платок над банкой. Насухо вытирать не стал, боясь, что вот-вот кто-нибудь выйдет. Немедленно домой — там он решит, что делать дальше. Держа банку в руке, Петя бросился поскорей от этого ужасного места, где так неожиданно и жестоко проявили себя таинственные явления человеческой психики.

Дома он поставил банку на стол и отошел к платяному шкафу поглядеть на себя в зеркало. Все то же лицо — ничего не изменилось в нем: широкий

и твердый подбородок, прямые волосы, прямой нос, серые глаза. Вот где отгадка! В их глубине что-то загоралось и гасло, какие-то отражения виднелись, закрываемые на мгновения тенями, цепочки каких-то следов возникали и исчезали, и надо всем этим, в самой недоступности нависло что-то грозное. Петя тяжело задышал. Никогда еще с таким трепетом не глядел он на самого себя, никогда еще сам себя так не уважал.

Он отошел от зеркала, присел к столу и стал думать. Жаль, конечно, беднягу, превратившегося в воду, но в общем-то он сам виноват. Толкнул и не извинился. А тому, кто так себя ведет, нечего, конечно, рассчитывать на снисхождение. Еще мало! И с другими так будет! Петя стал думать, кто его враги. Прежде всего, конечно, начальник. Правда, он считается безобидным старичком и даже распоряжения отдает, как бы робея. Но это все ширма! На прошлой неделе замечание за опоздание сделал, месяц назад тоже что-то было, не вспомнишь теперь. Сегодня унизил — послал визу добывать. Через экспедицию не мог. Срочно, говорит. Да разве можно перечислить все обиды! Теперь все! Пусть посидит в банке. Пусть тоже попробует жить, как живут рядовые сотрудники. Ближе к народу надо быть. Хорошую зарплату

все мы любим получать! Петя стукнул кулаком по столу, так что банка вздрогнула, и написал: № 1 — начальник, № 2… Он стал перебирать всех своих знакомых и нечаянно вспомнил, что жена велела купить мяса к обеду. Ага! Вот кто враг номер два. Чего-то велит все время, чего-то запрещает, требует, пристает то с глупостями, то с нежностями…

Он сходил на кухню, открыл шкаф. Там было полно пустых банок — приближался сезон варений и солений. Вот-вот.

Всем места хватит. Прямо сейчас на работу, и начальника — того… Нет. Подождать надо. Предоставим из великодушия последний шанс. Надо работать как всегда — до поры, до времени, — давая ему понять, что возмездие неотвратимо.

Он поставил банку на шкаф — чтоб жена, если придет пораньше, не вылила невзначай, — сходил в управление и получил нужную визу. Когда он вернулся домой, осколки банки валялись возле шкафа, а на шкафу сидел человек — тот самый, что растаял в коридоре. Он был несколько помят, в одном ботинке и без галстука.

— Вы? — крикнул Петя.

— А кто ж еще, — сказал человек. — Помогите спуститься.

H2O

Человек спрыгнул со шкафа.

— Надо же, — бормотал он, оглядывая себя, — приступ в каком месте захватил.

— Приступ? Разве это болезнь? — воскликнул Петя.

— А вы думали? Новая, неизученная. Человек ведь на семьдесят пять процентов состоит из воды. Вдруг неожиданно все в ней растворяется, и он превращается в лужу. Потом все затвердевает, как было. Третий раз такой припадок со мной. В первый раз на улице случилось. Прохожий сообразительный мимо шел. Всю воду до капли собрал с асфальта, в бидон — и в поликлинику. Хорошо, рядом была. Ни одна вещь не исчезла. А в учреждении у себя, как рассказал я, так промокашек наготовили. И верно, пригодились. Несколько капель всего не добрали — без пуговиц на рубашке остался. Ну, это ерунда. А сейчас кто-то неаккуратно постарался. Ботинок, видите, пропал и галстук.

— Неужели одежда растворяется тоже? — спросил Петя.

— А как же! Органические соединения. Пиджак, брюки — шерсть; белье — лен или хлопок; ботинки — кожа. Тоже все вода. Постойте, где я вас видел?

— Я вам найду пару ботинок, — отворачиваясь и ища глазами по углам, сказал Петя. — Люди должны помогать друг другу.

Он достал пару развалившихся ботинок и, пока больной с трудом натягивал их, спросил:

— И много вас таких, с приступами?

— Есть, конечно, не я один. На учете состоим в диспансере.

— А долго приступ длится?

— У кого как. У меня, как видите, нет. А вот у одного из наших две недели продолжался. Он в ванне растворился. Воду выливать нельзя — как разберешь, где та вода, где эта? День проходит, два, соседи шум подняли — ни помыться, ни побриться. Родные с заявлениями — редкая болезнь, требуют отдельной квартиры. Дали, а что сделаешь? Для перевозки поливальную машину наняли, в цистерне везли. В копеечку обошлось.

— И откуда пакость такая берется? — спросил Петя.

— Из Азии. Передается через контакт с больным. На меня какой-то тип в метро дохнул. Ну, желаю. Спасибо за помощь.

Он вышел — в отличном новом костюме, хоть и без галстука, и в разбитых, рваных, испачканных глиной и известкой ботинках. Петя выскочил на

лестничную площадку.

— А как предохраняться? — крикнул он вниз.

— Плакат скоро выпустят! — донеслось в ответ.

Петя вернулся в комнату, постоял, размышляя, несколько минут и увидел вдруг, что рукава его расплываются и возле ног бурлят маленькими водоворотами. Последним, сверхчеловеческим усилием он рванул из-под кровати таз и встал в него обеими ногами. Если вода уйдет под половицы, не то что ботинка — головы не досчитаешься! И тут же сообразил, что последнее усилие надо было употребить на то, чтобы написать «Не выливай!!!» Потому что сейчас придет жена и из-за своего вечного стремления к чистоте выплеснет этот таз куда попало. Погибло все! Ему захотелось крикнуть напоследок что-нибудь жизнеутверждающее, романтическое и в то же время роковое.

— Если ты болен, то надо с бюллетенем дома сидеть, а не шляться по общественным местам заразу распространять!

Этого последнего напутствия человечеству не услышал никто. Из Петиных глаз выкатились две слезы — сожаление о погибшей молодости, о загубленной злыми людьми прекрасной жизни, — и тут же стали незаметны в воде, за-

полнившей тазик.

Рисунки И. ЗАХАРОВОЙ, Е. СКРЫННИКОВА

№ 5

В. Варламов
С. Старикович

Облы

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайяй…
В. К. Тредиаковский

Трагифантастическая повесть в трех частях с эпилогом

1. Человек и машина

Вконец расстроенный, я выбежал из клиники. Дежурный орнитолет отделился от стайки своих собратьев, паривших над площадью в жарких потоках нагретого солнцем воздуха. Зафиксировав мое состояние, он нерешительно прикоснулся носовой антенной к руке, подрагивая легким серебристым телом, а я рассеянно погладил его силиконовое оперение, снова и снова до боли отчетливо вспоминая только что отзвучавшие горькие слова.

Это был приговор — неумолимый приговор мне, моим друзьям, миллионам людей настоящего и будущего — всем, кто болен и будет болен страшной ***Облы***.

Откровенно говоря, спешить теперь было некуда. Определив это по форме моих биотоков, умная машина тактично переключилась на самоуправление и взяла курс к ближайшему Месту Размышлений. Люди моего времени любят иногда посидеть и подумать в одиночестве. Так рождаются новые идеи, вдохновенные строки

стихов и музыка, от которой взволнованно сжимается сердце.

Сообразуясь с моим настроением, машина выбрала Океан. Стремительной тенью прочертила она верхушки волн и замерла, аккуратно сложив белоснежные крылья. Тысячелетний покой царил вокруг. Разумеется, это ощущение было обманчиво. Я знал, что глубоко подо мной, на океанском дне, монотонно гудят заводы биогенных руд, водную толщу неустанно прочесывают культиваторы водорослевых плантаций и дети, визжа от восторга, гоняют на самопрограммирующихся кибердельфинах.

Детство… Счастливая и невозвратная пора! В детстве я еще не был болен…

Пытаясь отвлечься, я вскользь подумал о тонофоне, и тотчас призрачный, меняющийся цвет и величественные звуки «Симфонии переменных функций» наполнили пространство. Я узнал исполнение самодеятельного оркестра домовых роботов сектора Х-15. Слаженность тоновой и фональной партии у них прекрасна. Одна беда: роботы никак не могут избавиться от чрезмерной сухости переходов. Помню, как долго мой друг композитор работал над программированием оранжево-басовой группы, добиваясь теплоты

светозвучания.

...Что такое? Ну, это уж слишком непростительная ошибка — расхождение параллельных тактов не менее чем на двадцатую терции!

Возмущенно послав импульс протеста, я перешел в режим Познания.

Привычно жужжали депопуляризаторы. Тысяча двести восемь станций Познания передавали лекцию о третьем позвонке ископаемой рептилии, обнаруженной на астероиде 101/215. Миллиарды моих современников жадно впитывали Истину. Миллиарды. А сколько из них неизлечимо больных!

Нет, мне не уйти от этой тягостной мысли. Я отключился от Мира. Дремотная тишина вновь подступила к борту орнитолета.

...***Облы***!!! Древнее проклятие человечества!

2. «Не та вселенная...»

Облы!!! Коварное чудовище, ненасытно поглощающее все новые жертвы!..

Мы всемогущи.

Планеты покорно изменяют свои орбиты. Седь-

мое состояние вещества — вершина овладения тайнами природы — подвластно нашей воле. Мы научились управлять живой материей и навсегда искоренили болезни, вплоть до страшных вирусов желтой энтропии, найденных на планете Отчаяния. Все, кроме одной.

...Медленно и неотвратимо овладевала она человеком, калечила физически и доставляла неописуемые страдания — сознание своей неполноценности и бессилия в противоборстве с жестоким врагом.

Матери, любуясь новорожденным, с тревогой думали о его будущем.

Юные девушки еще и еще раз проверяли глубину своих чувств: а что, если с ее возлюбленным случится *Это*, хватит ли у нее сил перенести удар, не сломится ли ее любовь под тяжестью неодолимой беды?

Отважнейшие из звездных капитанов уходили за пределы метагалактики в поисках целебного средства. Но неумолимая болезнь настигала их и там.

Многочисленные эксперименты были тщетны. Ни биотронное изменение обмена веществ, ни подсадка клеток с магнитной нивелировкой, ни иммерсионная трансплантация ядер нитчатых

водорослей не дали эффекта.

И тогда два лучших специалиста по теории ***Облы*** — эриданец SQ и гениальный землянин Лапп — удалились в добровольное заточение на искусственную планету.

«Интеллекта» — так было названо это величайшее творение разумных существ всей галактики — была целиком выполнена в виде гигантского электронного мозга. Двенадцать спутников — по числу рас Космического сообщества, принимавших участие в ее создании, — кружили возле, ожидая ученых.

Но спутники пустовали. Вся планета была предоставлена в распоряжение отважных борцов с ***Облы***. Интеллекта держала экзамен. Четыре периода длилась ее работа. Четыре долгих периода Человечество ждало сообщения ученых. И вот сегодня, в начале второй децимы, прозвучал сигнал Всеобщей связи. Трижды промчался он над Миром, пока из глубин Вселенной на наших экранах не материализовался наконец образ великого Лаппа.

— Друзья мои, — начал ученый, и Мир ахнул, увидев неизгладимые следы поразившей его болезни, — друзья мои, несчастный мой соратник и брат отказался материализоваться: столь ужас-

ны последствия обезобразившего нас недуга. Я должен сообщить вам горькую весть. Интеллекта больше не существует. Покойная работала, не щадя своих сил. Уже к концу первого периода она констатировала нашу беспомощность, тормозящую ее рассуждения, и замуровала нас в спутнике до окончания работы над проблемой. Во втором периоде планета сбросила атмосферу для лучшего охлаждения. Сегодня приемно-переговорное устройство зарегистрировало в качестве результата исследований несколько разрозненных ругательств и крайне странную фразу: *«Не та Вселенная...»*, после чего запись прекратилась. Автоматы-разведчики сообщили, что планета перешла в жидкое состояние. Она расплавила себя! Этот поступок в сочетании со странным заявлением о Вселенной заставляет предположить, что электронный мозг сошел с ума. Несчастная Интеллекта покончила с собой в припадке безумия! Проблема осталась нерешенной. Мне трудно говорить это, но, кажется, человечество бессильно!..

Лапп со стоном закрыл лицо руками и медленно дематериализовался.

«Человечество бессильно!»... Какую бездну отчаяния надо было испытать, чтобы решиться

сказать это!

Прикосновение струи всеобщей связи прервало мои мысли. Второй раз за этот день Мир замер у экранов струевидения.

— Всем, всем, всем! — гремел голос Генерального диспетчера. — В метагалактике НК — У — 126 решена проблема лечения ***Облы***. Председателю Лиги больных немедленно прибыть на ионодром для трансформации в Пространстве.

Орнитолет, не ожидая моего приказания, круто взмыл в воздух.

3. Прекрасная вакуолянка

Сознание возвращалось медленно — как и всегда после анабио-сна.

Уютно, по-домашнему ревела плазма в тормозных дюзах. Корабль встряхивало на приводных магнитных полях.

Что-то звякнуло, заставив меня открыть глаза. Я повернул голову. Пожарное ведро, сорванное толчком, дребезжало на рычаге альфа-дезинтегратора. Через минуту нудно затараторил кибер-штурман:

— Вышли из нуль-пространства в заданном районе. Прямо по курсу — Вакуола, седьмая планета в системе Голубой звезды. Тяжесть — две тридцать пять земной. Атмосфера — альдегиды и кетоны с примесью меркаптана. Температура поверхности — четыреста. Радиация в норме. Кремниевая жизнь. Разумные существа на пятом этапе технической эры. Агрессивность минус единица.

— Эй, на Вакуоле, прими формулу! — рявкнул он, переключаясь на планетного диспетчера, и быстро затараторил формулу корабля по единому коду: метагалактика приписки, планета старта, цель появления и т. д.

Внезапно осветился экран ближней связи. Тяжелое предчувствие сжало мое сердце — обычно посадкой занимались роботы.

Жительница Вакуолы, отмахиваясь от шаровых молний, заглянула в кабину.

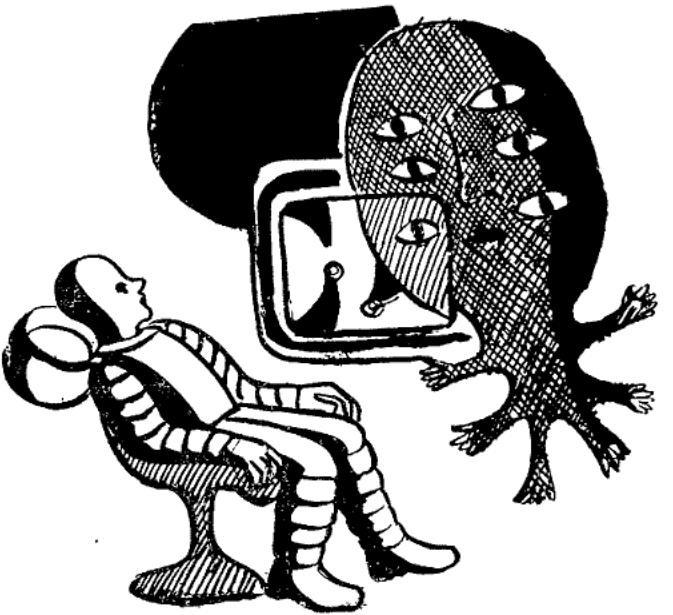
— Мужайся, доблестный землянин, — голос ее звучал взволнованно и печально, — тяжелая обязанность выпала на мою долю. Узнай же, что и мы тоже не можем помочь вам. Да, ***Облы*** излечима, но только с помощью дельта-фактора, присутствующего в сжимающихся метагалактиках. В вашей расширяющейся Вселенной, увы,

его нет. По закону Допплера.

Она закрыла все глаза и густо посинела.

— Сочувствует! — растрогался киберштурман. — Надо же, а? Пузырь — пузырем, а ведь с душой!

И он с завистью вздохнул газообменником.



— Мужайся и верь в грядущее, землянин, — про-

должала вакуолянка. Рыдания душили ее. — Не вечно же ваша Вселенная будет расширяться!..

Экран погас. Больше она не могла продолжать.

Силы оставили меня. Мудрая Интеллекта была права. Не та Вселенная! Надежды на исцеление не оставалось.

И вдруг мысль, простая и ясная, как математическое обоснование единой теории поля, пронизала все мое существо. Мы заставим Вселенную сжаться!.. Конечно, это будет нелегко. Но цель величественна и прекрасна!

И перед тем как уйти в нуль-пространство, я громко бросил вызов жестокому врагу, безбоязненно назвав его полным именем, древним и грозным.

— Мы победим тебя, ***ОБЛЫСЕНИЕ***!!!

эпилог

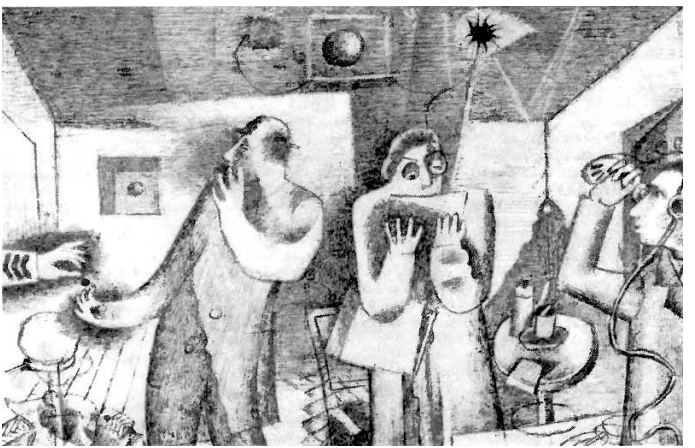
Сжатие Вселенной идет полным ходом. Неуклонно нарастает синее смещение — благодетельный дельта-фактор, надежное оружие в борьбе с последней болезнью.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

№ 6

Ларри Айзенберг

Эффект Пирокина



В пятницу 11 июля 1962 года Ирвинг Пирокин, радиолюбитель, обосновавшийся в кухне ресторана на Второй авеню, прослушивая на своей 20-ваттной станции тринадцатиметровый диапазон, поймал какие-то странные щелчки. Мистер

Пирокин автоматически принял эти щелчки за сигналы международной азбуки Морзе, и его рука несколько раз подряд вывела на блокноте буквы «ЙТСАЛ». Но только мистер Пирокин сосредоточился, как хозяин ресторана, раздражительный толстомордый джентльмен с голосом пароходного ревуна, напомнил ему, что его дело обслуживать столики.

Сдав смену, мистер Пирокин поспешил к своему приемнику и тщательно настроился на ту же частоту. Увы, в этот день он не смог больше уловить никаких сигналов. Однако и в следующую, и во все последующие пятницы он примерно в одно и то же время дня слышал такие же щелчки.

Тайна не давала покоя мистеру Пирокину, и он написал в Филадельфию своему двоюродному брату Сэму Пирокину. В силу одного из тех замечательных совпадений, которые скрашивают нашу жизнь, Сэм тоже радиолюбитель, его станция тоже стоит в ресторане, и он работает официантом. И вот Сэм, к своему восторгу, обнаружил, что принимает точно такие же щелчки, как и Ирвинг у себя в Нью-Йорке.

Озадаченный и взволнованный этим загадочным «ЙТСАЛ», Сэм, который тогда занимался на вечерних курсах шифровальщиков, показал

«послание» своему преподавателю Бертраму Люфтменшу, исключительно сведущему человеку, более двадцати лет отдавшему искусству дешифровки. Мистер Люфтменш очень занят в одной филадельфийской газете — там ежедневно печатается его колонка, в которой закодированы советы читателям, — но он тем не менее выделил в своем напряженном графике время, чтобы поработать над проблемой, предложенной Сэмом Пирокином. Однако как ни старался Люфтменш, к каким приемам ни прибегал, он не смог ничего извлечь из сочетания букв «ЙТСАЛ».

Шли недели, Ирвинг и Сэм продолжали принимать сигналы, смысл и происхождение которых оставались неразгаданными. Но вот однажды утром мистер Люфтменш, взяв в руки грамматику еврейского языка, принадлежавшую его сыну, студенту, обнаружил, что сын сделал закладку из того самого листка бумаги, на котором он, Люфтменш, пытался расшифровать смысл сочетания «ЙТСАЛ». Его глаза остановились на еврейском алфавите, и тут ему пришла в голову поразительная мысль.

Мистер Люфтменш решил сопоставить английский алфавит с еврейским. И оказалось, что если прочесть послание «ЙТСАЛ» на еврейский лад

справа налево и подставить на место английских букв соответствующие еврейские, то получится «ИЗРАИЛЬ».

Дрожа от волнения, Бертрам Люфтменш немедленно поделился своим открытием с Сэмом Пирокином. Сэм, в свою очередь, тотчас связался по телефону с конторой ресторана в Нью-Йорке и попросил вызвать его двоюродного брата Ирвинга. Ирвинг сперва отнесся недоверчиво к сообщению Сэма, но затем сознание важности открытия взяло верх, и тогда он предложил отличную идею: им обоим надо установить направленные антенны и попытаться определить, откуда идут сигналы.

Хотя бюджет Пирокинов очень неустойчив — ведь он всецело зависит от чаевых и переменчивого нрава заведомо недоброжелательных посетителей, — они не остановились перед расходами и соорудили чрезвычайно хитроумные антенны, позволяющие определить направление электромагнитного луча с точностью до одного-двух градусов.

И в первую же пятницу Сэм и Ирвинг путем простейшей триангуляции установили, что щелчки, представьте себе, не исходили ни из каких израильских источников, а привязывались к

определенной точке небосвода, приблизительно отвечающей направлению на планету Марс!

Это открытие так взбудоражило Ирвинга, что несколько дней он не мог ни есть, ни спать. Слабость, вызванная таким режимом, имела своим следствием непрерывное дрожание его правой руки, из-за чего он не мог как следует поставить на стол тарелку горячего супа и даже чуть не обварил одного из завсегдатаев ресторана. Подумать только, впервые было получено несомненное, осязаемое свидетельство того, что на Марсе обитают мыслящие существа! Но почему буквы еврейские?.. В конце концов Ирвинг Пирокин решился нарушить пакт о секретности, который они с двоюродным братом Сэмом заключили на первых порах. Он показал переведенное послание своему зятю (ныне доктору наук) Эфраиму Зейцу, теологу, специалисту по истории пропавших племен Израиля.

Зейц с жаром взялся за дело, трудился, не жалея ни времени, ни денег, и наконец сформулировал теорию, которая, с небольшими поправками, по сей день считается наиболее вероятным ответом на загадку щелчков.

«Общеизвестно, — пишет доктор Зейц, — что слова «столб дыма днем и столб пламени ночью»

вполне приложимы к примитивной ракете с атомным движителем. Мы знаем из Ветхого завета, как лихорадочно израильтяне искали способ спасти свой род, тем более что прегрешения человечества однажды уже побудили Господа уничтожить чуть ли не всех людей посредством всемирного потопа. Поэтому вполне логично предположить, что наиболее передовая часть израильтян, а именно пропавшие племена, вовсе не были, как это принято считать, угнаны Тиглатпаласаром. Используя методы передвижения с применением атомной энергии, они сумели решить проблему космических перелетов и перебрались на другие планеты, в том числе на Марс».

Доктор Зейц подробно развил свою идею и направил все материалы в Пентагон. Первая, скороспелая реакция была отрицательной, однако когда армейский следователь произвел проверку на месте и подтвердил, что станция Ирвинга Пирокина принимает щелчки, то с некоторым опозданием была пущена в ход вся огромная военная машина. Тем не менее, как ни старались сохранить секрет, он стал достоянием гласности — из-за одного родственника Ирвинга, который получил за сенсационную новость двадцать

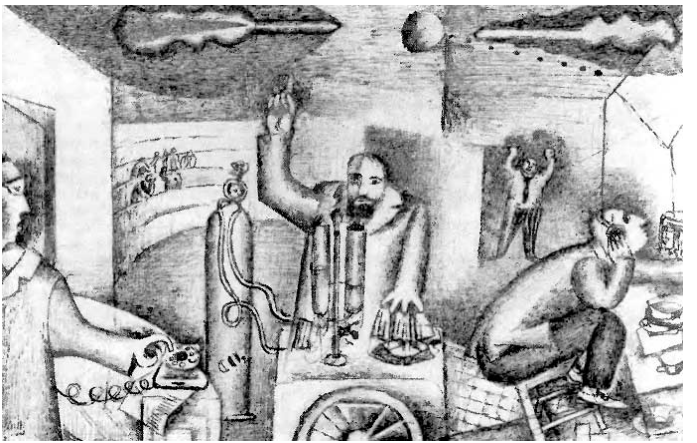
пять долларов от столичной газетенки. Так о загадочных щелчках проведали военные миссии враждебных держав.

Очень быстро было установлено, что таинственные сигналы принимаются исключительно радиостанциями Сэма и Ирвинга. Впрочем, этот феномен легко объяснялся причудами ионосферы, которые часто создают совершенно фантастические условия для приема. Труднее было справиться с волной критики со стороны людей, пытавшихся сокрушить гипотезу доктора Зейца.

«Не может быть и речи о том, чтобы израильтяне поселились на Марсе, — писал один ученый. — Температура на поверхности планеты чересчур высока, а отсутствие в атмосфере CO^2 исключает возможность приготовления газированной воды, которая играла столь важную роль в столе древних евреев».

На это доктор Зейц возражал:

«Именно отсутствие в атмосфере CO^2 и подтверждает мою гипотезу. Углекислый газ потому и редок на Марсе, что его собирают и накачивают в сосуды с газированной водой».



В интересах истины мы должны упомянуть и о немецких ученых, выдвинувших свою гипотезу, по которой в космос ушли не израильтяне, а гиксосы. Обратившись к тому немногому, что известно об алфавите гиксосов, они тоже расшифровали послание и получили слово «штрейтва-ген», что по-немецки означает «боевая колесница», а изобретение этой колесницы

историки приписывают гиксосам.

По-прежнему идет жаркая дискуссия, и военные разведчики Востока и Запада тратят немало сил на исследование марсианского вопроса. Сейчас впереди идет Запад — главным образом за счет данных, собранных Пирокиными.

А сами Пирокины? Они честно трудятся на своих старых местах.

— Ученому тоже надо есть, — говорит Ирвинг Пирокин.

Правда, соседи не носятся с ними, как обычно носятся со знаменитостями. Может быть, все дело в том, что повседневное близкое общение неизбежно порождает непочтительность.

Макс Фленнер, местный галантерейщик, отношение которого к Ирвингу окрашено тем, что он, Фленнер, оказался пострадавшей стороной в инциденте с пролитым супом, сказал нам:

— У Ирвинга давно винтика не хватает. По пятницам в разделочной рубят печенку, вот вам и щелчки, которые он слышит.

Мы недоверчиво пожали плечами.

— Но это не объясняет, почему точно такие сигналы принимает его двоюродный брат в Филадельфии.

— А что, в Филадельфии разве не рубят печен-

ку?..

Перевел с английского Л. ЖДАНОВ

Рисунки Ю. ВАЩЕНКО

№ 8

Ален Нурс

Эликсир Коффина

Открытие было обнародовано, и сделал это доктор Чонси Патрик Коффин. И, разумеется, он ухитрился с непостижимой ловкостью приписать себе львиную долю заслуги. И если прославился он еще больше, чем ожидал, — что ж, тем лучше! В те дни проходила ежегодная сессия врачей-клиницистов, и Коффин сделал свое заявление «под занавес», с таким расчетом, чтобы оно оглушило всех присутствующих, наподобие разорвавшейся бомбы.

Так оно и вышло. Сила взрыва превзошла самые смелые ожидания доктора Коффина, а ведь добиться этого было не очень-то просто. Под конец, уходя из зала колледжа, где в тот вечер шло заседание, он вынужден был пробиваться сквозь толпу, состоявшую не столько из врачей, сколько из репортеров. Да, в тот вечер на долю доктора медицины Чонси Патрика Коффина выпал поистине головокружительный успех!

Но кое-кого бомба доктора Коффина отнюдь не привела и восторг.

— Это идиотство! — завопил на другое утро в лаборатории молодой доктор Филипп Доусон. — Форменное идиотство! Ты просто спятил, и все

тут! Неужели ты сам не понимаешь, что натворил? А что ты нас продал и предал, я уж и не говорю!

Он точно саблей размахивал свернутой в трубку газетой, где была напечатана речь доктора Коффина.

«Доклад о вакцине для лечения насморка, созданной Ч. И. Коффином и др.»! Тут так и сказано — «и др.»! А ведь идея-то была моя! Мы с Джейком целых восемь месяцев бились головой об стену, а ты берешь и жульническим манером заявляешь во всеуслышание о нашем открытии по крайней мере на год раньше, чем следует!

— Помилуй, Филипп, какая неблагодарность! — Доктор Коффин пригладил седые волосы пухлой рукой. — А я-то не сомневался, что вы оба придете в восторг! Должен сказать, заявление было сделано превосходно — кратко, четко, выразительно… — Он поднял руку. — И главное, понимаете ли, необычайно кратко и четко. Слышали бы вы, какая разразилась овация! Все хлопали, как сумасшедшие! А посмотрели бы вы на Андервуда… Да, ради одного этого стоило бы трудиться хоть двадцать лет…

— А репортеры? — прервал Филипп. — Не забывай про репортеров! — Он резко обернулся

к смуглому человечку, молча сидевшему в углу. — Что скажешь, Джейк? Ты видел утренние газеты? Этот жулик не только присвоил наше открытие, он еще бесстыдно рекламирует его на всех перекрестках!

Доктор Джейкоб Майлз виновато откашлялся.

— Филипп так разволновался потому, что все это несколько преждевременно, — сказал он Коффину. — Ведь, в сущности, у нас почти не было времени на клиническую проверку.

— Вздор! — возразил Коффин и свирепо глянул на Филиппа. — Еще месяц-полтора — и нас бы опередил Андервуд с компанией. Хороши бы мы тогда были! Да и сколько же времени можно тратить на клиническую проверку? Вспомни, Филипп, какой у тебя был отчаянный насморк, когда ты сделал себе укол. В жизни ты так не мучился! А с тех пор ты хоть раз чихнул?

— Нет, конечно, — буркнул Филипп.

— А ты, Джейкоб? Был у тебя с тех пор насморк?

— Нет, нет. Ничего похожего.

— Ну, а те шестьсот студентов? Или я чего-то не понял в их истории болезни?

— Нет, все правильно: 98 % излечились от явных симптомов насморка за двадцать четыре

часа. И ни одного случая рецидива. Результаты граничат с чудом. — Джейк замялся. — Правда, с тех пор прошел всего один месяц…

— Месяц, год, сто лет! Нет, ты только посмотри! Было шестьсот отменнейших насморков, а теперь — ни единого чоха! — Толстяк опустился в кресло за столом, его румяная физиономия так и сияла. — Ну, ну, господа, будьте же благоразумны! Рассуждайте здраво. Впереди еще много дела, непочатый край! Меня, конечно, вызовут в Вашингтон. Через двадцать минут пресс-конференция. Потом совещание с фармацевтическими фирмами. Мы не смеем становиться на пути прогресса! Мы одержали величайшую победу, такого торжества еще не знала медицина. Мы покорили насморк! Мы попадем в историю!

И уж тут-то, во всяком случае, он оказался прав.

Они и впрямь попали в историю.

Широкая публика восторженно приняла новую вакцину. Среди недугов, когда-либо терзавших человечество, насморк испокон веку самый распространенный, самый прилипчивый и самый надоедливый. Он не признает ни сослов-

ных барьеров, ни государственных границ, ни классовых различий: дипломаты и горничные равно чихают, сопят и шмыгают носами. Ветреными осенними днями в американском сенате дебаты по самым животрепещущим вопросам почтительно прерываются, дабы ораторы высморкались и хрипло откашлялись. Спору нет, другие болезни могут сделать вас калекой и даже свести в могилу, но обыкновенный насморк мучает миллионы людей и упорно не поддается самым отчаянным попыткам его обуздать.

Так было, пока в один дождливый ноябрьский день гигантские буквы заголовков не возвестили с газетных полос:

КОФФИН НАВЕКИ ПОКОНЧИЛ С НАСМОРКОМ!

«НЕТ БОЛЬШЕ КАШЛЯ!» — УТВЕРЖДАЕТ ОДИН ИЗ СОАВТОРОВ ОТКРЫТИЯ.

ДЫШИТЕ СВОБОДНО! ОДИН УКОЛ — И ВЫ НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ЧИХНЕТЕ!

В медицинских кругах новое средство назвали «Многоцентрическая антивирусная вакцина Коффина для верхних дыхательных путей», но газеты, как известно, не терпят таких высокопарных названий и потому окрестили его просто

«Эликсиром Коффина».

Под этими заголовками крупнейшие газетные знаменитости расписывали самыми яркими красками титанический подвиг доктора Чонси Патрика Коффина и др., решивших эту загадку всех времен.

Расписывали, как после многолетних неудач и разочарований удалось в конце концов выделить культуру истинного возбудителя насморка и определить, что это не одиночный вирус и даже не группа вирусов, а скорее многоцентрический вирусный комплекс, поражающий слизистую оболочку носа, горла и глаз и способный изменять ее основную молекулярную структуру так, что ни внутренняя сопротивляемость организма, ни все попытки врачей приостановить действие вируса и уничтожить его не приводили ни к каким результатам; рассказывали, как доктор Филипп Доусон выдвинул гипотезу, что этот вирусный комплекс можно уничтожить только при помощи антитела, способного «заморозить» комплекс на время, достаточное, чтобы нормальный человеческий организм успел собраться с силами и избавиться от непрошеного гостя; расписывали также мучительные поиски такого грозного антитела, бесчисленные инъекции бесчисленных

галлонов культуры охлажденного вируса в бока множества готовых к услугам собак — эти животные никогда не страдают насморком, и они хоть и с тоской, но покорно переносили все испытания — и, наконец, успех!

Теперь настала пора опытной проверки. Первым вакцину испробовал на себе Коффин (он страдал особенно тяжкой формой того самого недуга, который пытался побороть), затем его помощники Филипп Доусон и Джейкоб Майлз; потом множество студентов университета — тут тщательно отобрали самых страждущих, тех, кто простужается при малейшем сквозняке и даже без оного и болеет подолгу, упорно не поддаваясь никакому лечению.

Это было плачевное зрелище: три долгих октябрьских дня через лабораторию Коффина вереницей тянулись студенты; все они пыхтели, как паровые двигатели, сопели, чихали, шмыгали носами, сморкались, кашляли и хрипели, и все с немой мольбой взирали на исследователей красными слезящимися глазами. А те делали им прививку — один укол в правую руку, другой, контрольный, в левую.

С нарастающим восторгом наблюдали они за плодами трудов своих. Все перестали сопеть,

чихать и кашлять. В общежитии, в аудиториях, в библиотеке и в гимнастических залах воцарилась нерушимая тишина. Доктор Коффин вновь обрел голос (что, впрочем, не слишком обрадовало его сотрудников) и принялся скакать по лаборатории, как мальчишка на ярмарке. Студенты валом валили на контрольное обследование, носы у них были сухие, глаза сияли.

Через несколько дней уже не оставалось никакого сомнения: цель достигнута!

— Но нам необходима полная уверенность, — решительно заявил Филипп Доусон. — Это были лишь первые шаги. Теперь надо провести массовые испытания на жителях целого края. Перенесем наши опыты на Западное побережье, я слышал, что там насморк другой разновидности. Придется проследить, на какой срок действует прививка, удостовериться, не даст ли она каких-либо неожиданных побочных последствий…

И, что-то бормоча про себя, он снова взялся за блокнот и карандаш и стал записывать все, что еще предстоит сделать, прежде чем предать открытие гласности.

Но тут поползли слухи. Говорили, что Андервуд уже закончил опыты в Стэнфорде и в ближайшие месяцы напечатает свой доклад. Однако после

таких поразительных изначальных результатов могут же и они, первооткрыватели, кое-что опубликовать? Уж очень обидно будет проиграть эту гонку из-за чрезмерного осторожничанья…

Филипп Доусон стоял на своем, но то был глас вопиющего в пустыне, ибо последнее слово оставалось за Чонси Коффином.

Впрочем, не прошло и недели, как сам Коффин начал подумывать, не хватил ли он через край. Они ожидали, что спрос на вакцину будет огромный, но даже недоброй памяти дни, когда только что появилась вакцина Солка, показались им теперь лучезарными — такие толпы чихающих, кашляющих, красноглазых мучеников стали осаждать лабораторию, требуя прививки сию же минуту.

Через толпы местных жителей, которые запрудили улицы вокруг лаборатории Коффина и стояли там под проливным дождем, подняв плакаты с требованием поголовных прививок, проталкивались молодые люди с пронзительными взглядами, по всей видимости из Бюро расследования.

Семнадцать фармацевтических фирм спешно прислали к Коффину своих представителей с производственными планами, сметами расходов и

разноцветными диаграммами предполагаемого выпуска продукции и распределения вакцины.

За Коффином прислали из Вашингтона самолет, специальные конференции затягивались там далеко за полночь, а в двери неумолчным прибоем стучались страждущие.

Одна лаборатория обещала изготовить вакцину через десять дней; другая клялась, что успеет сделать это за неделю. На самом деле первая партия вакцины появилась через двадцать три дня, и всю ее за какие-нибудь три часа жадно, словно губка, впитало изнемогающее от насморка человечество. В Европу, Азию и Африку помчались сверхскоростные самолеты, неся на борту драгоценный груз, миллионы иголок вонзились в миллионы рук, и, громогласно чихнув в последний раз, человечество вступило в новую эру.

Но были, конечно, и неверующие — без них ведь нигде не обходится.

— Божешь уговаривать бедя сколько угоддо, — хрипло твердила Элли Доусон, упрямо тряся белокурыми кудряшками, — бде все равдо де дадо дикаких уколов от дасборка.

— Ну почему ты такая неразумная, — с досадой

говорил Филипп жене, сердито сверкая глазами. Нет, сегодня в ней совсем не узнать прелестную малютку, на которой он женился. Глаза у нее воспаленные, нос покраснел и распух. — Вот уже два месяца тебя не отпускает этот насморк. Ну какой в этом смысл? Ведь ты просто мучаешься! Ты же не можешь ни есть, ни дышать, ни спать…

— Де дадо бде дикаких уколов, — упорствовала Элли.

— Но почему же? Один маленький укол, ты его даже и не почувствуешь.

— Де люблю я уколов! — закричала Элли и разразилась слезами. — Оставь бедя в покое! Делай свои берзкие уколы теб, кто тебя об этоб попросит!

— Но Элли…

— Де дадо бде, де хочу я дикаких уколов! — завопила она, уткнувшись лицом ему в плечо.

Филипп обнял жену, поцеловал в ухо и ласково забормотал что-то. Нет, все бесполезно, подумал он с грустью. Элли не жалует науку, для нее что прививка от насморка, что от оспы — одно и то же, и одолеть этот нелепый страх перед уколами невозможно никакими уговорами и рассуждениями.

— Ладно, ладно, детка, никто тебя насильно не

заставляет.

— И потоб, подубай только, что будут делать беддые фабрикадты досовых платков, — всхлипывала она, вытирая нос розовым комочком. — Их баледькие дети убрут с голоду!

— Слушай, ты из-за этого насморка, верно, совсем потеряла обоняние, — заметил Филипп, отфыркиваясь. — Вылила на себя столько духов, что и у быка голова закружится. — Он утер ей слезы и ободряюще улыбнулся. — Ну, ну, приведи себя в порядок. Пойдем обедать к Дрифтвуду! Говорят, там подают превосходные бараньи отбивные.

Вечер был чудесный. Бараньи отбивные оказались восхитительными, Филипп никогда не пробовал таких, хоть жена у него была великая мастерица стряпать. У Элли непрерывно текло из носа, она усиленно сморкалась, но домой идти ни за что не желала; пришлось еще сходить в кино и потом немного потанцевать.

— Ведь я тебя теперь почти совсеб де вижу, — жаловалась Элли. — И все из-за твоей берзкой вакциды.

Это была чистая правда. Работе в лаборатории, казалось, не будет конца.

Домой с танцев они возвратились не так уж

поздно. Филиппу ужасно хотелось спать.

Среди ночи он проснулся от того, что Элли отчаянно расчихалась, повернулся на другой бок и нахмурился. Все-таки это как-то даже стыдно: он — один из тех, кто создал вакцину от насморка, а его собственная жена наотрез отказывается вкусить плоды его долгих и тяжких трудов.

И насморк ли тому виной или что иное, но душится она сверх всякой меры…

Филипп вдруг открыл глаза, потянулся было и рывком сел на постели, дико озираясь вокруг. В окно струился слабый утренний свет. Внизу Элли возилась в кухне, звеня посудой.

С минуту Филиппу казалось, что он задыхается. Он вскочил с кровати и уставился на туалетный столик Элли в дальнем углу спальни. Черт возьми, кто-то, наверно, пролил целый флакон духов!

Удушливый приторный запах пропитывал всю комнату и обволакивал Филиппа точно облаком. Запах становился с каждой секундой невыносимее. Филипп лихорадочно оглядел столик, но все флаконы были плотно закупорены.

От этого тошнотворно-сладкого зловония кружилась голова. Филипп растерянно замигал, дрожащей рукой зажег сигарету. Спокойно, без

паники, сказал он себе. Наверно, Элли опрокинула флакон, когда одевалась. Филипп глубоко затянулся сигаретой и судорожно закашлялся: едкий дым обжег ему горло и легкие.

— Элли!

Все еще надрываясь от кашля, он кинулся в прихожую. Запах горящей спички превратился в едкую вонь, будто тлел палый лист. Филипп с ужасом уставился на сигарету и швырнул ее в плевательницу. Запах становился все удушливее. Филипп рванул дверцы чулана, ожидая, что оттуда повалят клубы дыма.

— Элли! Кто-то поджег дом!

— Ду что ты такое говоришь, глупый, — донесся снизу голос Элли. — У бедя просто дебдошко подгорели гредки.

Перепрыгивая через две ступеньки, Филипп кинулся вниз по лестнице, и тут у него совсем перехватило дыхание. В нос ударил острый прогорклый запах горящего жира. К нему примешивался одуряющий маслянистый запах перекипевшего кофе. В кухню Филипп ворвался зажав нос, из глаз у него ручьями текли слезы.

— Элли, что ты тут вытворяешь?

Жена посмотрела на него с изумлением.

— Готовлю завтрак.

— Неужели ты не чувствуешь, какая тут вонь?

На плите негромко, многообещающе булькал автоматический кофейник. На сковородке шипела и сверкала яичница из четырех яиц, на буфете просыхали на бумажном полотенце с десяток ломтиков ветчины. Все дышало невинностью и покоем.

Филипп осторожно отнял руку от носа, понюхал и… едва не задохнулся.

— Ты что, в самом деле не чувствуешь, какая тут вонь?

— Дичего я де чувствую, — отрезала Элли.

— Кофе, ветчина… Поди-ка сюда на минутку.

От Элли так и несло ветчиной, кофе, горелыми гренками, но больше всего духами.

— Ты уже душилась сегодня?

— До завтрака? Да ты сбеешься!

— Ни капельки? — Филипп весь побелел.

— Ди капельки.

Филипп помотал головой.

— Постой, постой. Должно быть, мне все это просто кажется… Мне… мне почудилось, вот и все. Слишком много работал, нервы шалят. Еще минута — и все пройдет.

Он налил себе чашку кофе, добавил туда сливок, положил сахару.

Но отведать кофе ему так и не удалось. Он не мог поднести чашку к губам. От кофе разило так, будто оно по крайней мере недели три кипело в грязной кастрюле. Запах был настоящий, кофейный, но какой-то зловеще искаженный, отвратительный и тошнотворный. Он заполнил всю кухню, обжег Филиппу горло — и слезы хлынули у него из глаз.

И тут Филипп начал прозревать истину. Расплескав кофе, он задрожавшей рукой поставил чашку на стол. Духи. Кофе. Сигарета…

— Шляпу, — задыхаясь выговорил он. — Дай шляпу. Мне надо в лабораторию.

По дороге ему становилось все хуже и хуже. Во дворе его едва не стошнило от запаха сырости и гнили, который серым облаком поднимался с земли. Навстречу, дружески виляя хвостом, кинулся соседский пес, испуская благоухание целой собачьей своры. Пока Филипп ждал автобуса, каждая проезжавшая мимо машина обдавала его удушливым зловонием и у Филиппа перехватывало дыхание, он кашлял до изнеможения и вытирал скомканным платком слезящиеся глаза.

А вокруг, казалось, никто ничего не замечал.

Поездка в автобусе была как страшный сон. День выдался сырой, дождливый, и в автобусе

стояла духота, как в раздевалке для спортсменов после труднейших состязаний. На сиденье рядом плюхнулся мутногдазый субъект с трехдневной щетиной на подбородке, и Филиппу разом припомнилось, как в студенческие дни он зарабатывал себе на жизнь тем, что чистил чаны на пивоваренном заводе.

— Ш-ш-шикарное утро, док, правда? — выдохнул мутноглазый.

Филипп побледнел. Сосед еще вдобавок позавтракал чесночной колбасой! Напротив сидел какой-то толстяк, изо рта у него, точно некий отвратительный нарост, свисала потухшая сигара. Филиппа замутило, он закрыл лицо рукой, пытаясь незаметно зажать нос. Наконец со стоном облегчения он вывалился из автобуса у ворот лаборатории. На лестнице он встретил Джейка Майлза. Джейк был бледен, бледен как полотно.

— Привет, — слабым голосом выговорил Филипп. — Отличная погода. Похоже, что и солнце выглянет.

— Да-а, — ответил Джейк. — Погода отличная. А ты… э-э… как ты себя чувствуешь, ничего?

— Отлично, отлично. — Филипп швырнул шляпу в свой шкафчик и с напускной деловитостью открыл инкубатор, где у него хранились колбы

с вакциной. Но тотчас захлопнул дверцу и вцепился в край рабочего стола с такой силой, что побелели суставы. — А почему ты спрашиваешь?

— Да так. Просто ты сегодня неважно выглядишь.

Оба молча уставились друг на друга. Потом, точно по сигналу, взглянули в дальний конец лаборатории, где за перегородкой помещался кабинетик Коффина.

— А шеф уже пришел?

Джейк кивнул.

— Он там, у себя. И дверь запер.

— Придется ему, пожалуй, отпереть, — сказал Филипп.

Доктор Коффин отпер дверь и, попятившись, прислонился к стене; лицо у него было серое. В кабинетике разило патентованным средством, каким хозяйки освежают воздух в кухне.

— Нет, нет, сюда нельзя, — пискнул Коффин. — Даже не подходите. Я не могу с вами сейчас разговаривать. Я… я занят. Мне нужно срочно сделать одну работу…

— Рассказывай! — рявкнул Филипп. Он поманил Джейка в кабинетик и старательно запер за ним дверь.

Потом повернулся к Коффину.

— Когда это у тебя началось?

Коффин дрожал как осиновый лист.

— Вчера, сразу после ужина. Я думал, задохнусь. Встал и всю ночь бродил по улицам. Господи, какая вонь!

— А у тебя, Джейк?

Доктор Майлз покачал головой.

— Сегодня утром. Я от этого проснулся.

— И у меня сегодня утром, — сказал Филипп.

— Но я не понимаю! — завопил Коффин. — Кроме нас, видно, никто ничего не замечает!

— Пока не замечает, — сказал Филипп. — Не забывайте, мы трое первыми сделали себе прививку. Ты, я и Джейк. Прошло ровно два месяца.

У Коффина на лбу выступили капли пота. Он глядел на своих коллег и холодел от ужаса.

— А как остальные?

— Мне кажется, нам надо придумать что-нибудь сногсшибательное, да поживее, — сказал Филипп. — Вот что мне кажется.

— Сейчас самое главное — сохранить все в тайне, — сказал Джейк Майлз. — Пока у нас нет полной уверенности — никому ни слова.

— Да что же случилось? — закричал Коффин. — Всюду вонь невыносимая! Вот ты, Филипп: ты утром курил сигарету, я ее и сейчас чувствую,

даже глаза слезятся. Если бы я не знал вас обоих, голову бы дал на отсечение, что вы по крайней мере неделю не мылись. Все запахи, сколько их есть на свете, вдруг точно взбесились…

— Ты хочешь сказать, усилились, — поправил Джейк. — Духи все равно пахнут приятно, только чересчур резко. То же самое с корицей, я нарочно ее нюхал. После этого у меня полчаса текли слезы, но пахло-то все-таки корицей. Нет, по-моему, сами запахи ничуть не изменились.

— А что же тогда изменилось?

— Очевидно, наши носы. — Джейк в волнении зашагал по комнате. — Вот возьмите собак. Без обоняния они жить не могут, и у них насморка не бывает. Да и другие животные — вся их жизнь зависит от чутья, и ни одно никогда не страдает хотя бы подобием насморка. Многоцентрический вирус поражает только приматов, а высшей своей силы достигает лишь в человеческом организме.

Коффин горестно покачал головой.

— Но откуда вдруг взялась эта гнусная вонь? У меня давным-давно не было насморка…

— В том-то и вся соль! Именно об этом я вам и толкую, настойчиво продолжал Джейк. — Подумайте: почему мы ощущаем запахи? Потому, что в слизистой оболочке носа и горла у нас имеются

тончайшие нервные окончания. Но там же всегда живет и вирус, всю нашу жизнь, болеем ли мы насморком или нет. Испокон веку он гнездится там, в тех же клетках, паразитирует на тех же чувствительных тканях, в которых заключены и эти самые нервные окончания, — и притупляет, уродует их так, что как органы обоняния они уже никуда не годятся. Не удивительно, что прежде мы почти не ощущали никаких запахов! Эти несчастные нервные окончания просто не способны были что-либо чувствовать!

— А потом мы взяли да и уничтожили этот вирус, — сказал Филипп.

— Нет, не уничтожили. Мы только разрушили хитроумнейшую механику, которая помогала ему устоять перед силами сопротивляемости, какими обладает нормальный человеческий организм. — Джейк присел на край стола, его смуглое лицо было серьезно и напряженно. — Целых два месяца после укола наш организм вел борьбу с вирусом не на жизнь, а на смерть. И с помощью вакцины он победил, только и всего; сокрушил последние укрепления захватчика, который сидел в нас с самого зарождения приматов и стал, можно сказать, неотъемлемой частицей нашего тела. И вот впервые за всю историю чело-

вещества эти изуродованные нервные окончания начинают нормально функционировать.

— Господи помилуй! — простонал Коффин. — Неужели это только начало?

— Это пока цветочки, — пообещал Джейк. — Все ягодки еще впереди.

— Любопытно, что скажут об этом антропологи, — задумчиво молвил Филипп.

— То есть?

— Возможно, где-то в доисторические времена была какая-то единичная мутация. Какое-то крохотное изменение в обмене веществ — и одна линия приматов стала уязвимой в отношении вируса, который никого больше не поражал. А иначе почему бы человеческий мозг стал так развиваться и совершенствоваться и самое существование человека стало до такой степени зависеть от его разума, а не от мускульной силы, что он возвысился над прочими приматами? Причина одна: где-то когда-то человек утратил остроту обоняния.

— Ну, теперь он снова ее заполучил, — с отчаянием сказал Коффин, — и никакого удовольствия это ему не доставит.

— Что верно, то верно, — подтвердил Джейк. — И, как я полагаю, он первым делом кинется

искать виноватого.

Оба, Филипп и Джейк, посмотрели на Коффина.

— Ну-ну, бросьте дурака валять, ребята, — сказал Коффин, и его опять затрясло. — Мы все трое заварили эту кашу. Филипп, ведь ты сам говорил, что идея-то была твоя! Не можешь же ты теперь бросить меня…

Зазвонил телефон.

— Доктор Коффин, — дрожащим голосом залепетала перепуганная секретарша, — только что звонил какой-то студент, он… он сказал, что едет к вам. Он еще сказал, не позднее…

— Я занят! — срывающимся голосом завопил Коффин. — Никаких посетителей! Никаких телефонов!

— Но он уже едет, — перебила секретарша. — Он что-то такое говорил… что разорвет вас на куски собственными руками…

Коффин швырнул трубку. Лицо у него стало серое.

— Они меня растерзают! Филипп, Джейк, да помогите же!

Филипп вздохнул и отпер дверь.

— Пошлите кого-нибудь в морозильник, пусть принесут всю охлажденную культуру, какая там

есть. И добудьте нам с пяток привитых обезьян и несколько десятков собак. — Он обернулся к Коффину. — И довольно хныкать. Ведь ты у нас мастер говорить речи, тебе и придется, хочешь не хочешь, справляться с разъяренными толпами.

— Но что ты собираешься делать?

— Понятия не имею, — отвечал Филипп. — Но, что бы я ни делал, тебе все равно не поздоровится. Придется снова научиться болеть насморком, даже если это будет стоить нам жизни.

Они лезли из кожи вон, но все понапрасну. Они орошали себе слизистую оболочку носа и горла таким количеством чистой культуры активнейшего вируса, что всякий нормальный человек на их месте уже до самой смерти не отделался бы от насморка. Но ни один из них так ни разу и не чихнул.

Они смешали шесть различных видов вируса, полоскали этой вонючей смесью горло и поливали ею себя и каждую привитую обезьяну, какую удавалось добыть. Никакого толку.

Они вводили себе сыворотку внутримышечно и внутривенно, в руку, в ягодицу, под лопатку. Они ее пили. Они в ней купались.

Тщетно. Насморк им не давался.

— Наверно, мы подходим к делу не с того конца, — сказал однажды утром Джейк. — У нашего организма сейчас максимальная сопротивляемость. Необходимо ее сломить, тогда мы, может, чего-нибудь и добьемся.

И стиснув зубы они ринулись по этому пути. Они голодали. Заставляли себя не спать по несколько суток кряду, пока глаза у них от изнурения не стали закрываться сами собой наперекор всем ухищрениям. Они тщательно разработали себе безвитаминную, безбелковую и бессолевую диету, их еда вкусом напоминала переплетный клейстер, а пахла и того хуже. Они работали в мокрой насквозь одежде и мокрой, хлюпающей обуви, выключали отопление и распахивали настежь окна, хотя уже настала зима. После всего этого они снова и снова опрыскивали себя активным охлажденным вирусом и, как верующие чуда, ждали, чтобы засвербило в носу.

Но чуда все не было. Изобретатели сидели туча тучей и глядели друг на друга. Никогда в жизни они не чувствовали себя такими здоровяками.

Вот только запахи. Все трое надеялись, что со временем привыкнут и обтерпятся, но не тут-то было. Напротив, они начали ощущать даже та-

кие запахи, о существовании которых прежде и не подозревали, — запахи ядовитые, запахи до отвращения приторные, запахи, от которых они, согнувшись в три погибели, кидались к раковине. Они пытались затыкать себе нос, но запахи тут же просачивались через любую затычку. К обеденному столу бедняги шли, как на пытку, и с устрашающей быстротой теряли в весе.

Но простуда их не брала.

— По-моему, вас всех надо посадить в сумасшедший дом, — сердито сказала однажды холодным зимним утром Элли Доусон, вытаскивая посиневшего и дрожащего Филиппа из-под ледяного душа. — Вы совсем рехнулись. Вас нужно охранять от вас же самих, вот что я тебе скажу.

— Ты не понимаешь! — простонал Филипп. — Нам просто необходимо простудиться.

— Да зачем? — взорвалась Элли. — А что случится, если вы не простудитесь?

— Вчера в лабораторию нагрянули три сотни студентов, — терпеливо объяснил Филипп. — Они говорят: запахи доводят их до исступления. Они теперь не выносят общества даже лучших друзей. Если мы им не поможем, они разорвут нас в клочки. Завтра они, конечно, придут опять, и с ними еще триста человек. И ведь это — те

шестьсот, с которых мы начинали. А что будет, когда еще пятнадцать миллионов обнаружат, что собственный нос не дает им житья?

Он содрогнулся.

— Ты видела газеты? Люди уже рыщут по городу и принюхиваются ко всему, как ищейки. Вот теперь-то и выясняется, что мы поработали на совесть. Мы бессильны, Элли. Нам не за что уцепиться. Эти антитела слишком хорошо делают свое дело.

— Так найдите какие-нибудь дрянтитела, которые с ними справятся, — туманно посоветовала Элли.

— Ну что за глупые шутки…

— А я вовсе не шучу! Мне все равно, как вы это сделаете. Мне только нужен мой прежний муж, чтоб не жаловался, что все как-то не так пахнет, чтоб не фыркал на мою стряпню и не лез под ледяной душ в шесть часов утра.

— Я понимаю, тебе и правда тяжко, — беспомощно сказал Филипп. — Но как нам теперь быть — ума не приложу.

В лаборатории он застал Джейка и Коффина; бледные и злые, они совещались.

— Больше у меня ничего не выйдет, — сквозь зубы говорил Коффин. — Я вымолил у них отсроч-

ку. Я пообещал им все на свете, кроме разве своей вставной челюсти. Я не могу встретиться с ними еще раз, просто не могу.

— У нас осталось всего несколько дней, — мрачно возразил Джейк. — Если мы не успеем что-нибудь придумать, мы пропали.

Филипп поглядел на них и вдруг ахнул.

— Знаете что? — сказал он. — Мы просто безмозглые ослы. Мы так перепугались, что совсем перестали соображать. А ведь все дело проще пареной репы.

— О чем ты говоришь? — разозлился Джейк.

— Дрянтитела, — ответил Филипп.

— Боже милостивый!

— Да нет, я серьезно. — Глаза у Филиппа сверкали. — Как по-вашему, сколько студентов мы можем завербовать себе в помощники?

Коффин судорожно глотнул.

— Шестьсот. Они все тут под окном, злые как черти и жаждут нашей крови.

— Отлично, давай их сюда. И мне нужны обезьяны. Но только обезьяны простуженные. Чем хуже, тем лучше.

— Да ты сам-то понимаешь, что делаешь? — спросил Джейк.

— Нисколечко, — весело отвечал Филипп. —

Знаю только, что такого еще никто никогда не делал. Но, может, пришло время держать нос по ветру и идти, куда он поведет…

Первые вестники грозного прилива появились два дня спустя… всего несколько человек тут, с десяток там — этого было довольно, чтобы подтвердились самые мрачные предсказания газет. Бумеранг возвращался к исходной точке.

Все двери в лаборатории были забаррикадированы, телефоны отключены. В ее стенах шла лихорадочная и притом весьма пахучая деятельность. У всех троих исследователей обоняние обострилось нестерпимо. Даже маленькие противогазы, которые смастерил Филипп, уже не защищали их от непрестанного артиллерийского огня удушливых запахов.

И все же наперекор зловонию работа продолжалась.

В лабораторию прибывали полные грузовики обезьян, десятки и десятки обезьян, и все они чихали, кашляли, плакали и сопели. Пробирки с культурой вируса переполняли инкубаторы и громоздились на столах ученых. Каждый день через лабораторию проходило шестьсот разъ-

яренных студентов; они ворчали, но покорно засучивали рукава и широко раскрывали рот.

К концу первой недели половина обезьян излечилась от насморка и теперь уже не могла снова его заполучить; другая половина снова простудилась и никак не могла избавиться от насморка. Филипп с мрачным удовлетворением отметил это обстоятельство и бродил по лаборатории, бормоча что-то себе под нос.

Еще через два дня он ворвался в лабораторию счастливый и сияющий, под мышкой у него болтался щенок с необычайно грустной мордой. Такого щенка еще свет не видывал. Он сопел, чихал и явно страдал отчаянным насморком.

А потом настал день, когда Филиппу ввели под кожу каплю молочно-белой жидкости, изготовили вирус для распыления и основательно оросили ему нос и горло. Потом все уселись и стали ждать.

Прошло три дня, а они все еще ждали.

— Идея-то была великолепная, — угрюмо заметил Джейк и решительно захлопнул пухлую тетрадь с записями. — Только вот беда: ничего из нее не вышло.

— А где Коффин?

— Три дня назад свалился. Нервное расстрой-

ство. Ему все мерещится, что его вешают.

Филипп вздохнул.

— Что ж, видно, чему быть, того не миновать. Очень приятно было познакомиться с тобой, Джейк. Жаль, что все обернулось так печально.

— Ты сделал все, что мог, старина. Все, что мог.

— Да, конечно. Приятно тонуть в ярком свете…

Филипп умолк на полуслове, глаза у него стали круглые. Нос сморщился. Он разинул рот, всхлипнул — давно угасший рефлекс чуть шевельнулся в нем, воспрянул и…

Филипп чихнул.

Он чихал минут десять без передышки и под конец весь посинел и жадно ловил воздух разинутым ртом. Он схватил Джейка за руку и тряс ее изо всех сил, а из глаз у него ручьем текли слезы.

— Да, придпип был совсеб простой, — говорил Филипп после, когда Элли ставила ему на грудь горчичники и подливала горячую воду в ножную ванну. — Саба вакцида построеда да деб же, да реакции адтитело — адтитело. Адтитело противостояло вирусу, это бы субели; потоб дуждо было дайти такое адтитело, которое противостояло бы дашебу адтителу.

Он отчаянно чихнул и со счастливой улыбкой накапал в нос лекарство.

— А сумеют они поскорее его приготовить?

— Приготовят как раз к тобу вребеди, когда людяб уже девтерпеж будет слова заполучить дасборк, — сказал Филипп. Есть только одда загвоздка…

Элли Доусон сняла с огня бифштексы и поставила их, еще шипящие в масле, на стол.

— Загвоздка? — переспросила она.

Филипп кивнул и с притворным удовольствием принялся пережевывать бифштекс; на самом деле мясо казалось ему ничуть не вкуснее размокших консервов из солдатского пайка.

— Это даше довое зелье отличдо действует, даже чересчур.

Он высморкался и потянулся за свежим платком.

— Божет, я и ошибаюсь, до кажется, от этого дасборка бде уже де избавиться до сабой сберти, — печально сказал он. — Разве что бде удастся дапустить да это адтитело еще какое-дибудь противоадтитело…

Перевела с английского Э. Кабалевская

№№ 9-10

Мюррей Лейнстер

Этические уравнения

Рассказ публикуется~~небольшими сокращениями~~полностью.

ОЧЕНЬ, ОЧЕНЬ СТРАННО. Конечно, Этические уравнения устанавливают связь между поведением человека и теорией вероятности и математически доказывают, что при той или иной системе поведения возрастает вероятность совершенно определенных совпадений. Но никто никогда не ждал от них прямой практической пользы. Ведь и открытие закона случайности не покончило с азартными играми, хотя и пригодилось для страхования жизни. От Этических уравнений даже этого не ждали. Считалось, что это просто теория, которая едва ли способна на кого-то повлиять.

Прежде всего, уравнения эти очень сложны. Они учитывают, что система поведения, идеальная для одного человека, для другого оказывается далеко не лучшей. К примеру — и это вполне естественно — у политического деятеля понятия о чести совсем иные, чем у того, кто работает в космическом патруле. И все же, по крайней мере в одним случае…

ГОСТЬ ИЗ ДАЛЕКОГО КОСМОСА был длиной

полторы тысячи футов и около ста пятидесяти в поперечнике, а странно вздутая носовая часть, напоминавшая рыбью голову, еще шире — двести футов с изрядным лишком. Чуть позади этой вздутой части находились какие-то клапаны, совсем как жабры, а в целом, если посмотреть со стороны, — точь-в-точь безглазая чудовищная рыба плавает в черной пустыне за Юпитером. Но приплыла она из бездн, где уже не ощущалось притяжения Солнца, двигалась явно не по замкнутой орбите — для этого ее скорость была чересчур велика — и медленно, бесцельно, бестолково поворачивалась вокруг своей оси.

Маленький космокрейсер «Арнина» осторожно подбирался ближе.

Фредди Холмс, который от самого Марса был на положении отверженного, теперь позабыл обо всех своих горестях, о загубленной карьере и, стиснув руки, в волнении смотрел на эту диковину.

— На сигналы оно не отвечает, сэр, — доложил связист. — Мы вызывали его на всех частотах. Излучения не обнаружено. Есть очень слабое магнитное поле. Температура на поверхности — четыре градуса выше абсолютного нуля.

Командир «Арнины» что-то буркнул себе под

нос. Потом сказал:

— Подойдем к борту.

Потом он посмотрел на Фредди Холмса и процедил сквозь зубы:

— Впрочем, нет. Принимайте командование, мистер Холмс.

Фредди вздрогнул. От волнения у него даже на минуту вылетело из головы, в какой он попал переплет. Однако нескрываемая враждебность во взгляде капитана и всех, кто был в рубке, сразу ему об этом напомнила.

— Теперь командуете вы, мистер Холмс, — с горечью повторил капитан. — Так мне приказано. Вы первый обнаружили эту штуку, и ваш дядюшка просил в штабе, чтобы вам предоставили право руководить исследованиями. Власть в ваших руках. Приказывайте!

В голосе капитана звучало такое бешенство, что едкая неприязнь, с которой он относился к Холмсу во время полета, казалась теперь сущим пустяком. В самом деле, ему, капитан-лейтенанту, ведено стать под начало младшего по чину! Уже и это не сладко. А главное, впервые человечество встречается с иным разумом, пришельцем из другой солнечной системы — и заправлять встречей поручено какому-то лейтенантишке только

потому, что у него есть рука в правительстве!

Фредди сглотнул комок, застрявший в горле.

— Я… я… — Он снова глотнул и сказал жалобно:

— Сэр, я уже пытался объяснить… Теперешнее положение вещей мне так же неприятно, как и вам. Я хотел бы… Разрешите я опять передам вам командование, сэр, а сам буду подчиняться…

— Нет уж! — мстительно оборвал капитан. — Командуйте сами, мистер Холмс. Ваш дядюшка нажал наверху на все кнопки, чтобы это устроить. Мне велено выполнять ваши распоряжения, а нянчиться с вами, ежели для этой работы у вас кишка тонка, я не обязан. Взялись, так справляйтесь! Какие будут приказания?

Фредди стиснул зубы.

— Что ж, хорошо, сэр. Это явно корабль, и, судя по всему, покинутый. Будь на нем команда, он не вошел бы в нашу солнечную систему с выключенным двигателем и не мотался бы так бестолково. Держитесь на том же расстоянии. Я возьму бот, одного добровольца — подыщите мне кого-нибудь — и осмотрю этот корабль.

Холмс повернулся и вышел. Две минуты спустя, когда он втискивался в скафандр, в отсек ввалился веселый, оживленный лейтенант Бриджес.

— Мне разрешили отправиться с вами, мистер Холмс, — бойко доложил он и тоже стал влезать в скафандр. Подтянул его к плечам и, расплываясь в блаженной улыбке, прибавил:

— Ну и здорово же!

Фредди не ответил. Через три минуты от крейсера отвалил космический бот. Это было крохотное открытое суденышко, не спасательное, а рабочее, предназначенное для быстрой переброски людей и материалов. Люди переправлялись в скафандрах, с инструментами или с оружием и, сберегая запасы кислорода в скафандрах, пользовались энергией и кислородом бота. Но до чего странно было сидеть сейчас в этой утлой скорлупе, похожей на паука, и смотреть, как приближается гладкий, слепой корпус неведомого исполина. И когда бот пристал к огромной металлической стене, это показалось невероятным; словно, перебравшись через чудовищный ров, наполненный не водой, а звездами, они приблизились к заколдованному замку.

Однако он был вполне реален. Ролики бота мягко коснулись металла.

— Притягивает! — пробормотал Бриджес, очень довольный. — Можно стать на магнитный якорь. Дальше что делать?

— Поищем входной люк, — ответил Фредди. И прибавил:

— Эти отверстия, похожие на жабры, скорее всего дюзы. Они у него в головном конце, а не в хвосте. Автопилота у этих пришельцев, видимо, нет.

Бот пополз по металлической шкуре великана чужака, точно муха по выброшенному на берег киту. Медленно взобрался вверх по округлому корпусу, перевалил на другой бок и начал спускаться. Вскоре они обошли корабль кругом и опять увидели поодаль свой крейсер.

— Никаких люков, сэр! — превесело объявил Бриджес. — Может, прорежем дырку и залезем внутрь?

— Гм-м, — задумчиво промычал Фредди. — У наших кораблей двигатель в хвосте, а рубка впереди. Значит, груз поступает в среднюю часть, и тут мы с вами искали люк. Но у этих двигатель расположен в головной части. Тогда рубка, наверно, в середине. А если так, загружаются они, пожалуй, с кормы. Ну-ка поглядим.

Бот пополз к корме чудовища.

— Вот он! — сказал Фредди.

Ни у одного корабля в солнечной системе не было таких люков. Дверца мягко скользнула

вбок. Была и вторая, внутренняя дверь, но и она открылась так же легко. Не засвистел, вырываясь наружу, воздух, и вообще непонятно было, должен ли этот тамбур играть роль воздушного шлюза.

— Воздуха не осталось, — сказал Фредди. — Ясное дело, корабль покинут. Захватите-ка бластер, но главное, нам понадобится свет.

Магнитные якоря бота намертво прилипли к чужаку. Два лейтенанта вступили внутрь корабля, стук магнитных подошв гулко отдавался в шлемах. До сих пор с крейсера могли за ними следить. Теперь они скрылись из виду.

Огромная загадочная махина, необыкновенно похожая на слепую рыбину, все так же плавала в пустоте. Она бесцельно покачивалась вокруг какой-то внутренней оси. Свет далекого Солнца, хоть и очень слабый здесь, за Юпитером, отражаясь от металлической поверхности, слепил глаза. Казалось, чужак недвижно повис в пространстве, окруженный со всех сторон бесконечно далекими немигающими звездами. Крейсер космического патруля, точеный, опрятный, держался наготове за полторы мили от пришельца. Словно бы ничего необычайного не происходило.

КОГДА ФРЕДДИ ВОЗВРАТИЛСЯ В КАПИТАНСКУЮ РУБКУ, лицо его было немного бледно. На лбу еще виднелся красный след от шлема, и Фредди рассеянно потирал это место пальцами. Капитан посмотрел на Холмса сердито и с завистью. В конце концов, всякий позавидует человеку, который побывал на чужом космическом корабле. Вслед за Холмсом вошел лейтенант Бриджес. Минуту все молчали. Потом Бриджес бойко отрапортовал:

— Разрешите доложить, сэр, — из добровольной вылазки прибыл, возвращаюсь на свой пост.

Капитан угрюмо поднес руку к фуражке. Бриджес четко повернулся на, каблуках и вышел. Капитан поглядел на Фредди с бессильной яростью, какую может испытывать только старший по чину, когда ему ведено доказать, что его подчиненный — болван, а на поверку в дураках остался он сам вместе с теми, кто отдал ему этот приказ. Поневоле взбесишься! Фредди Холмс, желторотый юнец, офицер без году неделя, едва попав на Луну, на станцию наблюдения за астероидами и метеоритными потоками, заметил небольшое неизвестное тело, приближающееся из-за Нептуна. Для постоянного обитателя нашей солнечной системы скорость тела была слишком велика, и

Холмс сообщил, что это пришелец извне, и предложил немедленно его исследовать. Но младшим офицерам не положено совершать открытия. Это нарушает традицию, а в космическом патруле традиция — это своего рода Этическое уравнение. И Холмсу порядком влетело за самонадеянность. Но он дал сдачи, объяснив, что Этические уравнения, безусловно, относятся и к научным исследованиям. Первый же предмет, попавший в нашу солнечную систему извне, должен быть исследован. Правило ясное и недвусмысленное. И Фредди повел себя так, как отнюдь не подобает младшему чину в космическом патруле: он не стал держать язык за зубами.

Отсюда все и пошло. У Фредди имелся дядюшка, который занимал какой-то там государственный пост. Дядюшка предстал перед Управлением космической патрульной службы и учтиво намекнул, что племянник сделал важное открытие. Далее, он доказал как дважды два, что отмахиваться от значительного открытия только потому, что сделал его младший офицер, попросту смехотворно. И управление, разъяренное посторонним вмешательством, распорядилось: доставить Фредди Холмса к обнаруженному им предмету, по прибытии на место полностью

передать названному Холмсу командование крейсером и произвести предложенные им исследования. По всем законам вероятности нахал вынужден будет доложить, что глыба вещества, залетевшая откуда-то извне, ничуть не отличается от глыб, которые летают в пределах нашей солнечной системы. И уж тогда управление отыграется! Будут знать дядюшка с племянником, как совать свой нос куда не просят!

А между тем оказалось, что глыба вещества не простая глыба, а похожий на огромную рыбу космический корабль, создание иной цивилизации. Оказалось, сделано важное открытие. И все складывалось так, что человеку, проникнутому традициями патрульной службы, впору скрипеть зубами от злости.

— Это космический корабль, сэр, — ровным голосом сказал Фредди. — Двигатели у него атомные, реактивные, расположены где-то в носовой части. Управление, видимо, только ручное. И, видимо, в машинном отделении был взрыв и большая часть горючего потеряна — оно улетучилось через дюзы. После этого корабль оказался беспомощным, хотя машины кое-как залатаны. Сейчас он по инерции падает к Солнцу, и можно рассчитать, что в теперешнем состоянии он на-

ходится уже примерно две тысячи лет.

— В таком случае, насколько я понимаю, никто на борту не остался в живых, — язвительно заметил капитан.

— Это как раз одна из сложностей, которые тут возникают, сэр, — ровным голосом произнес Фредди; он все еще был очень бледен. — В помещениях корабля воздуха нет, но резервуары полны. В отсеках, где, видимо, хранится продовольствие, осталось еще много всего. Команда не умерла с голоду и не задохнулась. Просто корабль потерял почти весь запас горючего. Тогда, видимо, команда подготовила его к тому, чтобы он мог сколько угодно времени дрейфовать в пространстве и… (Фредди запнулся)… и похоже, что все они погрузились в анабиоз. Они на борту, в таких прозрачных ящиках… и к ящикам подсоединены какие-то механизмы. Может быть, они надеялись, что их рано или поздно подберут свои же корабли.

Капитан озадаченно поморгал.

— Анабиоз? Они живые? — И вдруг резко спросил: — А что это за корабль? Грузовой?

— Нет, сэр, — ответил Фредди. — Тут еще одна сложность. Мы с Бриджесом сошлись на том, что это военный корабль, сэр. Там установлены в

ряд генераторы, и они питают какие-то штуки… безусловно, это оружие, ни на что другое не похоже. Судя по всему, оно работает по принципу притяжения и отталкивания… и там есть электронные лампы, но они, очевидно, действуют при холодных катодах. Судя по кабелям, которые к ним подсоединены, там сила тока достигает тысяч ампер. Так что сами понимаете, сэр.

Капитан шагал по рубке — два шага туда, два обратно. Огромное, потрясающее открытие! Но ему дана совершенно ясная инструкция.

— Командуете вы, — сказал он упрямо. — Что будете делать?

— Буду работать, пока не свалюсь, — уныло ответил Холмс. — И, наверно, еще несколько человек загоняю. Хочу облазить эту махину вдоль и поперек с измерительными приборами и телекамерами, все осмотреть, заснять и передать вам сюда. Мне нужны операторы, а наши специалисты на борту пускай дают им указания, каждый по своей части. Я на этом корабле ни к чему не притронусь, пока у меня каждая заклепка и каждая проволочка не будет снята на пленку.

— Что ж, это не так глупо, — проворчал капитан. — Хорошо, мистер Холмс, будет сделано.

— Спасибо, — сказал Фредди, двинулся было

к выходу и остановился. — Надо поосторожнее отобрать, кого посылать с приборами, — прибавил он. — Впечатлительные люди не годятся. Те, на корабле… с виду они даже чересчур живые, и на них не слишком приятно смотреть. И потом… э-э… пластиковые ящики, в которых они лежат, открываются изнутри. Это еще одна сложность, сэр.

Он вышел. Капитан заложил руки за спину и свирепо зашагал из угла в угол. Первый предмет, который залетел к нам из звездных пространств, оказался космическим кораблем. Вооружение у него такое, что и представить трудно. Надо его исследовать, а ты, заслуженный капитан-лейтенант, изволь подчиняться мальчишке толькотолько из академии. А все политика! Капитан «Арнины» скрипнул зубами…

И вдруг до него дошло то, что сказал напоследок Фредди. Пластиковые ящики, где в анабиозе лежит команда чужого корабля, открываются изнутри. Изнутри!

Да ведь это чревато… на лбу у капитана проступил холодный пот. Оружие, действующее по принципу притяжения и отталкивания, и кое-какое горючее сохранилось, и анабиозные камеры открываются изнутри…

ТЕПЕРЬ КОРАБЛИ СОЕДИНЯЛИСЬ ГИБКИМ ТРОСОМ, и их вместе несло к Солнцу. Рядом с огромным чужаком крейсер казался мошкой.

До Солнца было очень далеко — разумеется, оно светило ярче любой звезды и излучало беспощадную радиацию, но нисколько не грело. Со всех сторон виднелись невообразимо далекие искорки света — звезды. В поле зрения только одно небесное тело обладало сколько-нибудь заметными размерами. Это был Юпитер, его узкий серп, словно только что народившийся месяц, светился на двадцать миллионов миль ближе к Солнцу и на восемьдесят миллионов миль в стороне. Все остальное было — пустота.

Крохотный космобот, словно паучишка, скользил по тросу между двумя кораблями. Причалил к крейсеру, вышли люди в скафандрах, тяжело затопали башмаками на магнитной подошве к люку. Нырнули внутрь.

Фредди вошел в рубку. Капитан сказал хрипло:

— Мистер Холмс, разрешите обратиться с просьбой. По приказу управления вы командуете «Арниной», пока не кончите изучать тот корабль.

— Да, сэр. А в чем дело? — рассеянно отозвался

Фредди.

Он осунулся, лицо у него было измученное.

— Я хотел бы отослать подробный доклад обо всем, что вы уже обнаружили, — настойчиво сказал капитан. — Поскольку здесь командуете вы, я не могу это сделать без вашего разрешения.

— Я предпочитаю, чтобы вы этого не делали, сэр, — сказал Фредди и, несмотря на усталость, упрямо выпятил подбородок. — Если говорить начистоту, сэр, я думаю, в этом случае они отменили бы теперешний приказ и распорядились совсем иначе.

Капитан прикусил губу. Он именно этого и хотел. Телекамеры уже передали полное и точное изображение чуть ли не всего, что только можно было увидеть на чужом корабле. И все это есть на пленке. Капитан уже видел и самих пришельцев — ну и чудища! И пластиковые саркофаги, в которых они проспали добрых две тысячи лет, действительно открываются изнутри. Вот что худо. Они открываются изнутри!

Все специалисты по электронике, сколько их было на «Арнине», бродили в каком-то восторженном обалдении, что-то чертили, рассчитывали, показывали друг другу и почтительно пялили глаза на то, что у них получалось. Артиллерист

корпел над схемами и чертежами оружия, о каком прежде не мог и мечтать, и, просыпаясь по ночам, торопливо шарил — здесь ли они, не привиделись ли во сне. Но главный механик в отчаянии ломал руки. Он жаждал разобрать двигатели чужого корабля по винтику. Ведь они несравнимо меньше двигателя «Арнины», а их хватало для великана, масса которого в восемьдесят четыре раза больше! Но как они действуют?!

Техника, чьим детищем был чужой корабль, опередила земную на десять тысяч лет. Ее секреты стремительно перекачивались на крейсер землян. Но саркофаги, где покоилась в анабиозе команда пришельца, открывались изнутри…

— А все-таки, мистер Холмс, я вынужден просить разрешения отослать рапорт, — взволнованно повторил капитан.

— Но сейчас командую я, — устало сказал Фредди. — И я намерен командовать и дальше. Я подпишу приказ, который запретит вам отсылать рапорт, сэр. Если вы его нарушите, это будет бунт.

Капитан побагровел.

— Да вы понимаете, что это значит?! — в бешенстве крикнул он. — Раз экипаж этой посудины лежит в анабиозе, а эти их ящики или гробы

открываются изнутри… это же значит, что они намерены открыть их сами, — понятно вам?!

— Да, сэр, конечно, — устало сказал Фредди. — А почему бы и нет?

— А вы понимаете, что провода от этих гробов ведут к термобатареям во внешней обшивке корабля? Чудища знали, что без энергии им не выжить, и знали, что получат энергию в любой солнечной системе. Вот они и рассчитали так, чтоб подойти поближе к нашему Солнцу при минимальном расходе энергии, оставили запас только для посадки, а сами погрузились в анабиоз, а когда придет время браться за работу, термобатареи их разбудят!

— Правильно, сэр, — все так же устало подтвердил Фредди. — По крайней мере мужества у них хватало. А как бы теперь поступили вы?

— Доложил бы в Главный штаб! — яростно крикнул капитан. — Доложил бы, что это — военное судно, которое способно разнести в пыль весь наш патрульный флот и взорвать наши планеты! Сообщил бы, что экипаж — чудовища, что сейчас они, к счастью, беспомощны, но у них хватит горючего, чтобы сманеврировать и приземлиться. И просил бы разрешения выкинуть их вместе с гробами с корабля и уничтожить! А потом я бы…

— Я сделал проще, — сказал Фредди. — Отключил термобатареи. Сейчас эти существа ожить не могут. А теперь, уж простите, я пойду несколько часов посплю…

Он ушел к себе в каюту и повалился на койку.

ЛЮДИ С ИЗМЕРИТЕЛЬНЫМИ ПРИБОРАМИ и телепередатчиками продолжали осматривать каждый квадратный дюйм безжизненного чудовища. Они работали в скафандрах. Чтобы наполнить воздухом нутро гиганта, «Арнине» пришлось бы истратить весь свой запас. Человек в скафандре держал телекамеру перед какой-то гибкой, причудливо свернутой лентой, исчерченной непонятными знаками. В его шлемофоне звучали советы и распоряжения из фотолаборатории «Арнины». Кое-что снималось еще и на фотопленку. Работали телепередатчики в кладовых, в жилых отсеках, возле орудийных установок. До сих пор на чужом корабле ничего и пальцем не тронули. Таков был приказ Фредди Холмса. Из каждого предмета извлекали всю возможную информацию, но ни одной мелочи не взяли с собой. Даже химические анализы производились дистанционными методами.

А на Фредди по-прежнему смотрели косо. Глав-

ный механик честил его на все корки. Ведь вот двигатели чужака… После взрыва пришельцы их починили, и уж до того соблазнительно было бы в них покопаться… Но как они работают, понять было невозможно. У главного механика просто руки чесались. Специалист по физической химии тоже предпочел бы сделать кое-какие анализы собственными руками, а не при помощи телекамеры и спектрографа. И все и каждый, от мальчишки-стажера до капитана, жаждали завладеть какой-нибудь вещичкой, сработанной чужими, ничуть не похожими на людей существами, которые на десять тысяч лет опередили человечество. Вот на Фредди и смотрели косо.

Но не только это мучило его. Он чувствовал, что поступает не по правилам. Этические уравнения доказывают как дважды два, что вероятность и этика нераздельны — и если, приступая к любому делу, нарушить законы порядочности и чести, бессмысленно ждать, чтобы оно принесло плоды, достойные восхищения. Фредди начал с того, что нарушил дисциплину (а она ведь тоже своего рода этика), а потом еще дядюшка припутал к патрульной службе политику. И это уже прямое преступление. А значит, согласно уравнениям, вероятность самых пагубных совпадений будет

безмерно возрастать, пока новые, этически безупречные действия не устранят зло, вызванное первоначальными беззакониями. Но как же все-таки сейчас надо действовать? Непонятно, хоть убей! Ясно одно — нельзя терять ни минуты. И, несмотря на усталость, Фредди спал плохо: откуда-то из глубины сознания пронзительный, тревожный голос предвещал несчастье.

ОН ПРОСНУЛСЯ РАЗБИТЫЙ и тупо уставился в потолок. Тщетно он пытался найти какое-то разумное решение, и тут к нему постучали. Это был Бриджес с кипой бумаг.

— Ну вот! — весело заявил он, едва Фредди открыл дверь. — Все мы просто счастливчики!

Фредди взял у него бумаги.

— Что случилось? Капитан все-таки испросил новый приказ, и меня отправляют на губу?

Бриджес расплылся до ушей в улыбке и ткнул пальцем в бумажные листы. Это был отчет специалиста по физической химии, в обязанности которого входил точный анализ состава малых небесных тел.

«Элементы, обнаруженные на внеземном корабле» — гласил заголовок. Фредди стал просматривать бумагу. Никаких тяжелых элементов,

остальное все знакомо. Он вспомнил, что в одном из баков чужака хранился чистый азот и главный механик в молчаливом бешенстве ломал себе голову: как пришельцы умудрялись получать из азота атомную энергию? Фредди посмотрел в конец списка. Самым тяжелым элементом на корабле оказалось железо.

— В чем же тут счастье? — спросил он.

Бриджес опять ткнул пальцем. Привычные символы сопровождались непривычными коэффициентами атомного веса H^3, Li^5, Be^8... Холмс недоуменно замигал. Посмотрел еще N^{15}, F^{18}, S^{34}, ^{35}... тут он вытаращил глаза. Бриджес ухмыльнулся.

— Прикиньте-ка, сколько стоит этот кораблик! — сказал он весело. — «Арнина» гудит, как улей. Призовые деньги нам, патрульным, не полагаются, зато можно получить пять процентов за спасение имущества. Тритий на Земле известен, но в чистом виде его никогда еще не получали. А литий пять, берилий восемь, азот пятнадцать, кислород семнадцать, фтор восемнадцать, сера тридцать четыре и тридцать пять — да такого на Земле просто не существует! Весь этот корабль состоит из немыслимых изотопов, в нашей солнечной системе их просто нет! А за

чистые изотопы знаете сколько платят? Весь корпус — это чистое железо пятьдесят пять! А у нас чистое железо пятьдесят четыре идет по тридцать пять центов грамм! После этого потерянные сокровища Марса — безделица! Если одну обшивку пустить только на технические нужды, и то ей цена — весь доход земного правительства за десять лет! Теперь мы на «Арнине» богачи, всем до самой смерти хватит. А вы теперь у нас — первый человек!

Фредди даже не улыбнулся. Заговорил медленно:

— Азот пятнадцать… Он был в том самом баке для горючего, который у них еще оставался. Он поступает в очень странную, совсем маленькую алюминиевую камеру — мы никак не могли понять, что это такое, — а оттуда в дюзы двигателя. Понимаю…

Он был бледен как полотно. А Бриджес ликовал:

— Сто тысяч тонн материалов, какие на Земле просто не существуют! Настоящие изотопы, в огромном количестве! И никаких примесей! Дружище, мне-то вы сразу пришлись по душе, но все наши вас терпеть не могли. А теперь — идите и наслаждайтесь, все вас обожают!

Фредди не слушал.

— А я все гадал, для чего та алюминиевая камера, — бормотал он. — С виду она совсем немудреная, не поймешь, при чем тут…

— Пойдем к нашим, выпьем! — весело тормошил его Бриджес. — Грейтесь в лучах славы! Заводите друзей, покоряйте умы и сердца!

— Нет уж, — Фредди невесело улыбнулся. — Потом меня все равно повесят. Гм-м. Попробую потолковать с главным механиком. Нам нужно добиться, чтобы эта махина двигалась своим ходом. Она слишком велика, чтоб тащить ее на буксире.

— Так ведь в ее двигателях никто не может разобраться! — запротестовал Бриджес. — Похоже, что азот тоненькой струйкой поступает в эту дурацкую камеру, там с ним что-то происходит и он через алюминиевые щитки течет в дюзы — только и всего! Уж очень это просто! Ну как вы заставите такую штуку работать?

— Кажется, это и правда проще простого, — сказал Фредди. — Корабль построен из таких изотопов, каких на Земле нет. Впрочем, тут есть еще алюминий и углерод. Это простые вещества. Они на корабле точно такие же, как у нас. Но почти все остальное…

В лице у Фредди не было ни кровинки. Казалось, его грызет нестерпимая боль.

— Мне нужны два бака, их надо сделать из алюминия и заполнить азотом. Сойдет и обыкновенный воздух… И нужен автопилот. Его тоже надо сделать из алюминия, а прокладки из графита…

Он поглядел на Бриджеса и хмуро усмехнулся.

— Вы когда-нибудь слыхали про Этические уравнения, Бриджес? Кто бы подумал, что они помогут решить задачу космического пилотажа, правда? А вот, представьте, помогли. Теперь мне нужен главный механик, пускай все это соорудит… Я рад, что успел с вами познакомиться, Бриджес…

Бриджес вышел, а Фредди Холмс, провел языком по пересохшим губам и сел чертить эскизы для механика.

НА КОРАБЛЕ-ЧУДОВИЩЕ машинный отсек не был отделен от капитанской рубки. Огромное шарообразное помещение заполняли приборы диких для земного глаза очертаний. Впрочем, Холмсу и Бриджесу они больше не казались такими уж дикими. Оба проторчали среди этой аппаратуры восемь дней, поняли, как она дей-

ствует, и почти освоились с ней. А все же им стало жутковато, когда они пристегнулись перед пультом управления, освещенным только их походными фонариками, и в последний раз окинули взглядом алюминиевые запасные части, сработанные бог весть на какой планете, под иным солнцем.

— Если получится, нам крупно повезло, — сказал Фредди и судорожно глотнул. — Вот так включается двигатель. Ну, Бриджес, ни пуха ни пера!

Воздуха внутри чужака по-прежнему не было. Фредди чуть-чуть, на волос передвинул причудливой формы рычажок. По огромному корпусу корабля прошла едва уловимая дрожь, словно он готов был рвануться вперед. Через подошвы скафандров людям передалось от металлического каркаса чуть заметное колебание. Фредди облизнул пересохшие губы и тронул другой рычажок.

— Это, должно быть, освещение.

Он не ошибся. На экранах необычной формы проступили непонятные рисунки и образы. По кораблю разлилось сияние. Прежде, в резком белом свете ручных фонариков, людям все здесь было безмерно чуждо, почти отвратительно. А сейчас все преобразилось, словно они попали

в какой-то сказочный, волшебный дворец. Все вокруг лучилось всеми цветами радуги, в этом мягком сиянии круглые двери и коридоры, похожие на трубы, выглядели хоть и странно, но приятно. Фрадди покачал головой, словно хотел, не снимая шлема, смахнуть выступившие на лбу капли пота.

— Дальше, наверно, обогрев, — проговорил он еще мрачнее прежнего. — Это мы не тронем. Ни к чему! А вот двигатель попробуем.

Корабль дрогнул. И плавно устремился вперед, легко и незаметно набирая скорость; в его движении ощущалась огромная, неодолимая сила. «Арнина» за кормой быстро уменьшалась. Фредди, плотно сжав губы, касался то одного рычажка, то другого, и страшный исполин повиновался ему легко и охотно, как ручной, на диво вышколенный зверь.

— Вот это здорово! — дрожащим голосом вымолвил Бриджес. — Куда нам с нашими патрульными посудинками!

— Да, — коротко сказал Фредди. Голос у него был несчастный. — Куда нам! Отличный корабль! Я на него поставлю автопилот. Он должен работать. Эти существа почему-то не пользовались автоматическим управлением. Уж не знаю

почему, но не пользовались.

Он выключил все, кроме света. Наклонился и подхватил маленький алюминиевый аппаратик, которому предстояло регулировать подачу азота в правую и левую дюзы.

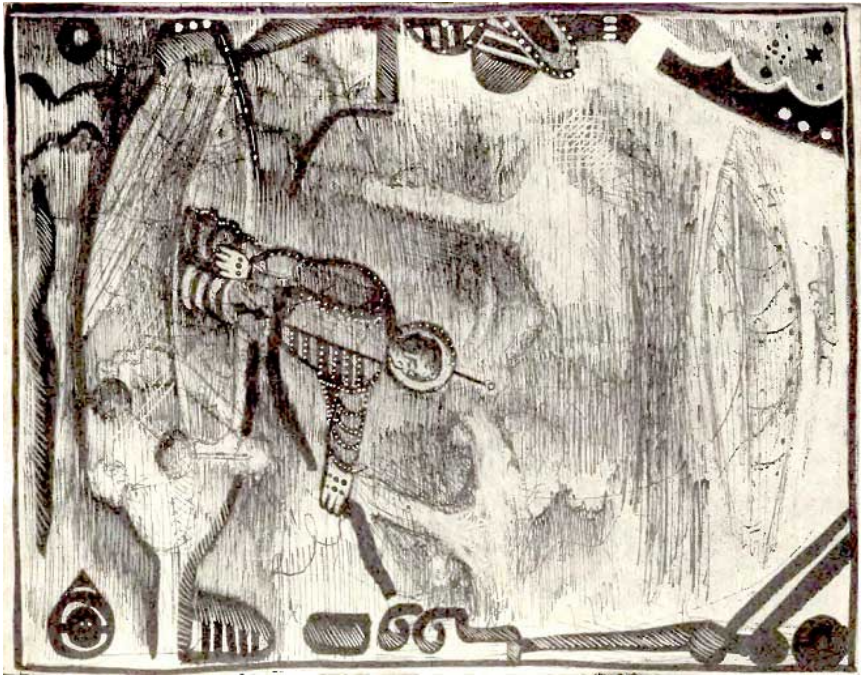
Потом он вернулся к пульту управления и опять включил двигатель. И автопилот заработал. Вполне естественно. Уж если механик космической патрульной службы что смастерил, так на совесть. Фредди тщательно опробовал автопилот. Задал ему некую точно рассчитанную программу. Повернул три переключателя. Потом взял в руку заранее приготовленный пакетик.

— Идем, — сказал он устало. — Мы свое дело сделали. Вернемся на «Арнину», а там меня, наверно, повесят.

Бриджес, явно сбитый с толку, пошел за ним. Они влезли в космобот, и металлический паучок побежал прочь от огромного чужого корабле, который висел теперь в пустоте в трех милях от «Арнины», покинутый всеми, кроме своей команды — кроме чудищ в анабиозе. Крейсер встрепенулся и пошел навстречу боту. И тут Фредди сказал сурово:

— Помните Этические уравнения, Бриджес? Я уже говорил, они помогли мне разобраться

в двигателе того корабля. Если они верны, тут ничего другого быть не могло. А сейчас я выясню еще кое-что.



Неуклюжими пальцами (проделывать все это в перчатках скафандра было несподручно) он извлек что-то из своего пакета, словно пилюлю из коробочки. Полез в какой-то ящик на борту бота, вытащил оттуда… небольшой снаряд (Бриджес едва верил своим глазам) и вложил в него «пилюлю». Потом загнал снаряд в дуло мортирки (бот по старой привычке оснащали оружием) и дернул шнур. Вспыхнул запал. Облачко газов прихлынуло к скафандрам и тотчас рассеялось. В пустоту понеслась жаркая рдеющая искорка. Проходили секунды. Три… Четыре… Пять…

— Видно, я болван, — сказал Фредди.

Бриджес никогда еще не слыхал, чтобы кто-нибудь говорил таким загробным голосом.

И вдруг стало светло. Да как! Во тьме, где, все уменьшаясь, уносилась к невообразимо далеким звездам красная трассирующая искорка, внезапно вспыхнуло слепящее голубовато-белое зарево, каких не видывали даже на испытательных полигонах космического патруля. Если не считать полуфунтового трассирующего заряда, здесь неоткуда было взяться веществу, которое могло бы взорваться. И однако даже сквозь стекло шлема Бриджесу опалило лицо жестоким жаром. И все кончилось.

— Что это? — спросил он, потрясенный.

— Этические уравнения, — сказал Фредди. — Видно, я все-таки не совсем болван…

«Арнина» подошла вплотную к боту. Фредди не перешел на крейсер. Он закрепил маленькое суденышко в гнезде и включил внутренний передатчик шлемофона. Он начал что-то говорить, но Бриджес теперь не мог его слышать. Минуты через три открылся широкий люк и появились четверо в скафандрах. На одном был гребенчатый шлем с четырехканальным передатчиком — такой шлем надевает лишь командир, покидая крейсер во главе разведывательного отряда. Четверо вышли из люка «Арнины» и втиснулись в крохотный бот. И снова по радио в наушниках угрюмо, холодно зазвучал голос Фредди:

— У меня есть еще несколько снарядов, сэр. Это трассирующие снаряды, они пролежали в боте восемь дней, — все время, пока мы работали. Они не такие холодные, как тот корабль, потому что он остывал две тысячи лет, но все-таки холодные. По моим расчетам, градусов восемь или десять выше абсолютного нуля, не больше. А это — образчики вещества с того корабля. Вы можете их потрогать. Наши скафандры практически не проводят тепла. Если вы возьмете эти осколки в

руку, они не согреются.

Бриджес видел, как капитан оглядел кусочки металла на ладони Холмса. Это были образчики железа и других материалов с чужого корабля. При холодном свете ручного фонарика капитан сунул один образчик в головку снаряда. Своими, руками зарядил мортирку и выстрелил. Снова, стремительно уменьшаясь, умчалась в пустоту рдеющая искорка. И снова — чудовищный атомный взрыв.

И голос капитана в наушниках:

— Сколько еще образцов вы там взяли?

— Еще три, сэр, — теперь Фредди говорил твердо, уверенно. — Видите ли, сэр, дело вот в чем. На Земле таких изотопов нет. А нет их потому, что, соприкасаясь с другими изотопами при нормальный температурах, они теряют устойчивость. Они взрываются. Здесь мы вложили их в снаряд и ничего не произошло, потому что оба изотопа охлаждены почти до температуры жидкого гелия. Но в трассирующем снаряде есть светящаяся смесь, во время полета она сгорает. Снаряд разогревается. И когда любой из тех изотопов, в контакте с нашим, согреется до… скажем, до температуры жидкого водорода… они попросту взаимно уничтожаются. Весь корабль состоит

из таких же материалов. Его масса — примерно сто тысяч тонн. Если не считать алюминия и еще двух-трех имеющих изотопы элементов, которые у нас и у них однаковы, весь этот корабль до последнего винтика, оказавшись в контакте с материей из нашей солнечной системы при температуре десять или двенадцать градусов выше абсолютного нуля, просто-напросто взорвется.

— Попробуйте взорвать остальные образцы, — отрывисто приказал капитан. — Надо знать наверняка…

В пустоте вспухли три гигантских газовых облака. Потом тьму разорвали три слепящие вспышки невиданно яркого голубовато-белого пламени. Молчание. А потом…

— Эту штуку надо уничтожить, — тяжело сказал капитан. — Ее негде поставить на прикол, да и команда может в любую минуту проснуться. У нас нет оружия, чтобы их одолеть, а если они вздумают посадить свою посудину на Землю…

Исполинская рыбина, праздно висевшая в пустоте, вдруг шевельнулась. Из отверстий в головной части, похожих на жаберные щели, брызнули струйки пламени. Потом с одной стороны струя стала сильнее. Чудовище круто повернулось, выровнялось и устремилось вперед

— быстрей, быстрей, и при этом необычайно плавно. Скорость нарастала молниеносно, такое недоступно было ни одному кораблю землян. Великан обратился в крохотную далекую точку. И растаял в пустоте.

Но он летел не в глубь нашей системы, не к Солнцу. И не к полумесяцу Юпитера, ясно видному в стороне (до него теперь оставалось каких-нибудь семьдесят миллионов миль). Он улетал к звездам.

— Еще несколько минут назад я был не совсем уверен, — нетвердым голосом произнес Фредди Холмс. — Но Этические уравнения заставляли с большой степенью вероятности ждать чего-то в этом роде. Я не мог проверить, пока мы не извлекли из этого корабля все, что только можно узнать, и пока я там все не наладил. Но меня с самого начала это грызло. Из Этических уравнений совершенно ясно: за всякий ложный шаг мы неизбежно поплатимся… мы — это значит вся Земля, потому что появление пришельцев из космоса неминуемо отразится на всем человечестве. — Голос его дрогнул. — Было очень трудно рассчитать, как тут нужно действовать. Только… ведь если бы в такой переплет попал какой-нибудь наш корабль, мы бы надеялись

на… на дружелюбие. Надеялись бы, что нам дадут горючего и помогут отправиться домой. Но этот корабль — военный и в бою нам бы его нипочем не одолеть. И отнестись к нему дружески тоже нелегко. А все-таки, по Этическим уравнениям, если мы хотим, чтобы первый контакт с чужим разумом пошел нам на пользу, следовало снабдить их горючим и отправить домой.

— То есть… — не веря своим ушам, начал капитан. — Значит, вы…

— Их двигатели работают на азоте, — сказал Фредди. — Азот пятнадцать поступает в небольшой аппаратик, мы теперь знаем, как его сделать. Он очень прост, но это своего рода атомный реактор. Он разлагает азот пятнадцать на азот четырнадцать и водород. Я думаю, мы сумеем это использовать. Азот четырнадцать есть и у нас. Держать его можно в алюминиевых баках и направлять по алюминиевым трубкам, ведь алюминий-то один и устойчив при всех условиях. Но когда азот сталкивается в дюзах с теми, не нашими изотопами, он распадается… Фредди перевел дух.

— Я поставил им два алюминиевых бака с азотом, а их атомный реактор замкнул накоротко. Азот четырнадцать пошел прямо в дюзы — и

корабль получил ход! И потом… я высчитал, по какой орбите они к нам прилетели, и задал автопилоту обратный курс к их солнечной системе — они пролетят столько времени, на сколько хватит азота из первого бака. Из сферы притяжения нашего Солнца они, уж во всяком случае, вырвутся. И я заново подсоединил термобатареи к саркофагам. Они проснутся, обнаружат автопилот и поймут, что кто-то им его поставил. Те два бака с горючим в точности такие же, как их собственные, и они сообразят, что это запас горючего для посадки. Может быть… может быть, они вернутся к себе домой еще через тысячу лет, но все равно и тогда они будут знать, что мы вели себя по-дружески и… и не испугались их. А мы пока узнали все про их технику, мы ее изучим и освоим и пустим в ход…

Фредди умолк. «Арнину» с выключенным двигателем медленно сносило к Солнцу, она уже миновала орбиту Юпитера, маленький космобот прочно прилип к корпусу крейсера.

— Командиру патруля извиняться перед подчиненным — это уж из ряда вон, — хмуро сказал капитан. — Но я прошу прощения, что считал вас дураком, мистер Холмс. А как подумаю, что и я сам, да и всякий опытный командир навер-

няка только о том бы и заботился, чтоб поскорее оттащить эту находку на базу для изучения… как подумаю, что в этой штуке сто тысяч тонн… и каково было бы Земле после такого атомного взрыва… Еще раз прошу меня простить!

— Если уж кто должен просить прощения, сэр, так это я, — смущенно проговорил Фредди. — На «Арнине» все уже считали себя богачами, а я оставил их ни с чем. Но, видите ли, сэр, Этические уравнения…

ЗАЯВЛЕНИЕ ФРЕДДИ ОБ ОТСТАВКЕ, отосланное вместе с его докладом о подробном обследовании чужого корабля, вернулось с пометкой «отказать». Лейтенанту Холмсу ведено было явиться на скромную патрульную посудинку из тех, что несут самую тяжелую службу: на таких суденышках новичок не знает ни отдыха, ни срока, в поте лица овладевает всеми премудростями своего дела и поминутно получает взбучку. И Фредди ликовал, потому что больше всего на свете он хотел работать в Космическом патруле. Дядюшка тоже был удовлетворен: его вполне устраивало, что доволен племянник, да притом кое-кто из космических адмиралов свирепо заявил ему, что Фредди очень пригодится в патруле и своим че-

редом добудет почет и уважение, чины и награды и совсем незачем для этого всяким политикам совать нос куда не просят. А Управление космической патрульной службы ликовало, потому что в руках у него оказалось множество технических новинок и теперь патруль сможет не только следить за межпланетными перелетами, но, когда надо, охранять их от всяких случайностей.

И все это полностью удовлетворяло Этическим уравнениям.

Перевела с английского Нора ГАЛЬ

Рисунки Ю. Купермана

♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

Наш комментарий

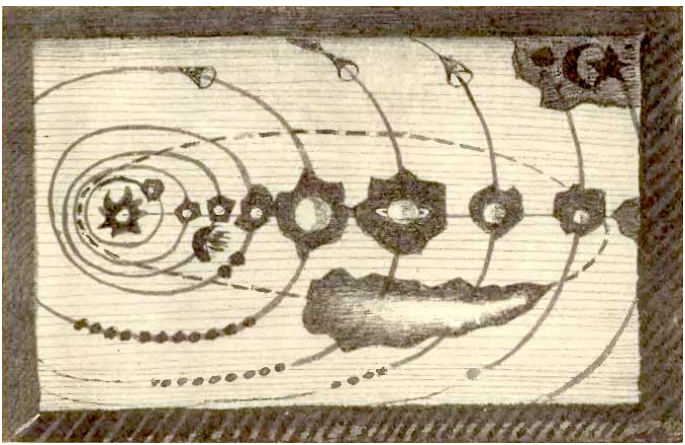
Прочитав рассказ, многие из нас захотят предъявить автору довольно строгие претензии — ведь сюжет построен на совершенно ошибочной с научной точки зрения основе! Где это видано, чтобы стабильные изотопы самых обычных элементов — пусть даже такие изотопы, которых на Земле почему-то нет, — вели себя, словно плутоний в критической массе или,

точнее, словно антивещество...

№ 12

Дэнни Плектей

Не нашей работы



Сказка

ПАТРУЛЬНЫЙ КОРАБЛЬ «Солнечный океан» был всего в миллиарде миль за орбитой Плутона, когда в капитанской каюте зазвучал сигнал вы-

зова. Капитан мгновенно проснулся и нащупал в темноте на ночном столике тумблер видеофона.

— Капитан слушает. Доброе утро.

— Докладывает штурман, сэр. Сообщаю показания радара.

— Что у вас там? — спросил капитан.

— Большой выброс, сэр. Препятствие по курсу примерно в ста тысячах миль. Теперь уже в сорока тысячах… Какое-то тело большой плотности, сэр.

Капитан снова пошарил на ночном столике, зажмурился от яркого света и вскочил с постели.

— Продолжайте следить. Сейчас оденусь и приду.

И пяти минут не прошло, а он уже стоял рядом с штурманом и разглядывал на экране локатора неяркое пятнышко света, окруженное своим особым мирком — подобием крохотных звездочек и смутно светящихся облачков газа.

— Что-то большое и плотное, — с опаской заметил штурман.

— Очень большое и очень плотное, — спокойно поправил капитан.

— Уник говорит, до него уже всего около двадцати тысяч миль, капитан, — сказал программист, сидевший у вычислителя.

Как и все новые патрульные суда, «Солнечный океан» был оснащен электронно-счетной машиной самой последней марки — Сверхэкономичным Малогабаритным Универсальным Вычислителем. Экипаж называл его любовно — Уник, и в обиход вошла неизменная присказка «Уник его знает!»

— Скомандуйте Унику замедлить ход на три четверти и готовиться к полной остановке, — распорядился капитан, не отрываясь от радара.

— Есть, сэр, слушаю, — отозвался программист.

Корабль содрогнулся от резкого торможения. Капитан ухватился за поручни, окружавшие радарную установку. Потом с усилием прошел четыре шага, которые отделяли его от программиста.

— Уник исследует его, сэр, — сказал программист. — Пока ничего не известно.

Истекли две долгие минуты торможения, и на панели вычислителя мигнул зеленый огонек.

— Вот данные, капитан, — сказал программист. — Уник говорит: — «Строение — сплав»... сплав, капитан!.. «Действующего источника энергии не обнаружено»... Какая-то штука не нашей работы!..

— Велите Унику удирать ко всем чертям! Пол-

ный ход, общая тревога!

Капитан ухватился за поручни. Корабль снова тряхнуло.

...ПЫТАЯСЬ СВЯЗАТЬСЯ с чужим кораблем на расстоянии, они перепробовали все средства и способы. Ни ответа, ни хотя бы малейшего признака, что их призывы замечены.

Вспышки осветительных атомных ракет — и те не вызвали отклика. Непрерывные наблюдения Уника тоже ничего не давали. «Никаких сигналов не обнаружено... — сообщал он снова и снова. — Курс без изменений... общее состояние без перемен».

Тогда капитан с десятком добровольцев сел в космоскаф, и маленькое суденышко, описав длинную кривую, начало приближаться к чужаку.

— Если с нами или даже с «Солнечным океаном» что-нибудь стрясется, — рассуждал капитан, — что ж, во всяком случае, все показания Уника будут переданы на базу. И телепередатчики у нас с собой. Все, что мы узнаем, станет известно и там.

Они снова попытались связаться с чужаком, обходя его по малой орбите, но безуспешно, — и тогда крохотная ракетка подошла вплотную к

исполинскому чужому кораблю. Пилот остался у штурвала, капитан и все прочие надели скафандры и вышли.

Они долго простукивали безответный корпус корабля, и наконец капитан решил, что уже хватит канителиться и надо проникнуть внутрь, без зазрения совести пустив в ход маленькую бомбочку.

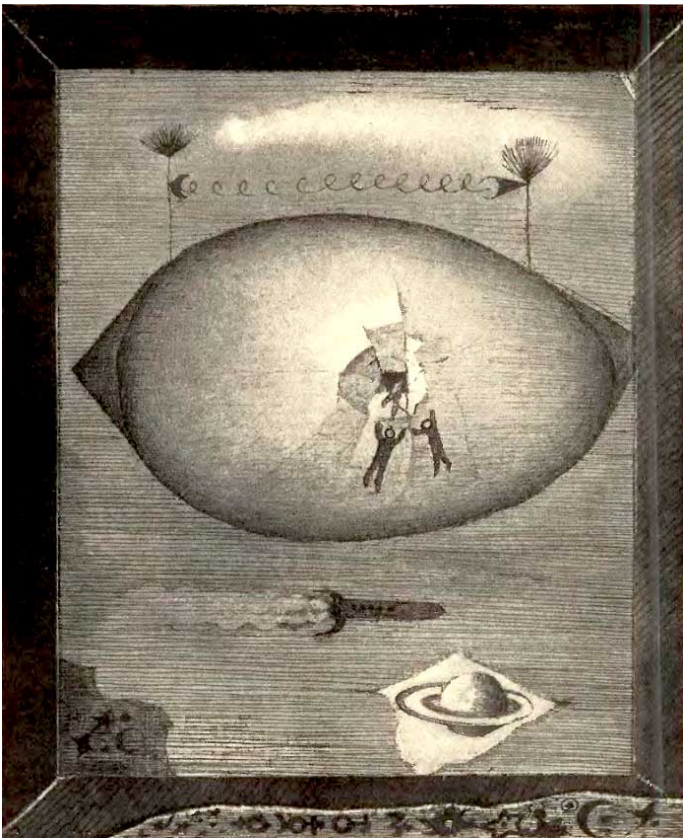
— По крайней мере они заметят наше присутствие, — сказал он.

— Еще вскроем эту коробку где-нибудь не в том месте, — заметил кто-то из команды.

— Ну, в дамскую уборную, может, и не вломимся, — сострил еще кто-то позади.

— Скафандров ни в коем случае не снимать, — распорядился капитан. — Держаться поближе друг к другу, телепередатчики — на максимальный обзор.

И он нырнул в отверстие, проделанное в обшивке молчаливого корабля. Остальные поспешили за ним. Тот, кто шел последним, прощально помахал рукой плывущему невдалеке космоскафу.



ЧУЖОЙ КОРАБЛЬ и вправду был огромен, и все каюты тоже. Люди бродили по нему, ни на минуту нигде не задерживаясь, и все же потратили несколько часов, пока обошли его весь. Наконец, они вновь очутились близ отверстия, через которое проникли внутрь. Картограф — он на ходу все время делал пометки и зарисовки — доложил об этом капитану. Здесь они остановились и начали совещаться.

— Каюты прямо как ангары, тут нигде не спрячешься, — сказал кто-то. — Разве что сами они совсем крохотные.

— Ну, какое-то соответствие должно быть, — возразил капитан, быстро глянув по сторонам. — На такой махине вряд ли могли летать существа мельче нас с вами. Судя по всему, на борту, кроме нас, ни души. Подозреваю, что команда давным-давно покинула корабль.

И он приказал всем отправиться в отсек, где, как уверял картограф, находился жизненный центр корабля. Во всяком случае, он был еще больше других, и капитан считал, что его-то и надо первым делом тщательно обследовать. Они принялись дотошно осматривать каждый уголок и каждую мелочь, и тут к капитану подошел один

из команды.

— Я так думаю, сэр, на борту никогда никого и не было, — сказал он. — Может, это просто такая огромная станция-робот.

Но эта гипотеза рухнула уже через минуту, потому что несколько человек наткнулись на большие листы какого-то материала вроде пластика. Тысячи таких листов были сложены в ящиках вдоль стен — что-то вроде огромной картотеки. И в этих листах они сразу узнали на удивленье подробные маршруты… или, скорее, карты целых солнечных систем и отдельных звезд, и планет, больших и малых.

— Смотрите-ка, а ведь это, по-моему, наша солнечная система, — сказал капитан. — А вот и наша Земля!

Люди с изумлением разглядывали тонкие листы. Они подносили телекамеры поближе к сложной сети значков и пометок, чтобы на корабле увидели все подробности.

— Пускай Уник все как следует разглядит, — сказал капитан. — Может, он разберется в их надписях.

— Наверно, тут у них была штурманская рубка, — догадался кто-то, и все с ним согласились.

— Право, они неплохо ориентировались в про-

странстве, — заключил капитан, собираясь в обратный путь.

...НАКОНЕЦ-ТО ОН СНОВА У СЕБЯ в каюте, в носовой части «Солнечного океана». Он сидит на краю постели, которую всегда называл по-морскому «койкой», и обстоятельно описывает в дневнике («вахтенном журнале», как он предпочитал выражаться) удивительные события последних часов. Он остановился, обдумывая какую-то особенно цветистую фразу, но вдруг зазвонил сигнал вызова и он протянул руку к видеофону.

— Капитан слушает. Что у вас там?

— Докладываю данные вычислителя, сэр.

— Ну как, удалось нашему Унику расшифровать надписи на картах?

— Пока есть только предварительные результаты, сэр. И вот что, капитан: Уник говорит, это не карты...

...Это — рабочие чертежи!..

Перевела с английского Нора Галь

Рисунки Ю. Ващенко

1969

№ 2

Норман Хантер

Скандал из-за ковров

Сказка

По средам экономка профессора Бурлиума, миссис Моллчок, подавала утром хозяину чашку чая, которую тот иногда принимал за чернильницу, иногда выливал в колбу с каким-нибудь реактивом, иногда опрокидывал на пол и лишь изредка выпивал.

— Вот ваш чай… Господи! — вскричала миссис Моллчок, и весь этот божественный напиток самым расточительным образом был пролит на ковер.

Из-за этого-то ковра миссис Моллчок и утратила на миг свою профессиональную выдержку. Вся комната была в коврах. Они покрывали стены. Стлались по потолку. Переходили один в другой! Переливались всеми цветами радуги!

— Ах, это вы, миссис Моллчок! У меня для вас кое-что новое. Что, прямо как снег на голову? — пошутил профессор.

И тут на голову самого профессора с потолка обрушился пурпурно-оранжевый коврик.

— Да, сэр, прекрасно, — сказала миссис Молчок, а про себя подумала: неужто профессор считает свое изобретение полезным в хозяйстве?

— Жидкое выращивание, — пояснил профессор.

— Да, сэр, понятно, — отвечала экономка.

— Вы наливаете этот состав в банку, — продолжал профессор. — Потом… э… наносите его кистью на поверхность. Он высыхает и… ха-ха!.. становится ковриком.

— Ах вот как! Ну да… — только и ответила экономка.

Профессор поднял с пола банку с чем-то, похожим на голубое варенье, окунул в него кисточку и помазал ею блюдце, которое экономка все еще держала в руках. Голубое варенье начало застывать, от него пошел легкий пар, и спустя мгновенье на блюдце лежал крохотный голубой коврик.

— Мои ковры немножко дороговаты, — продолжал профессор, пока экономка прикидывала, как ей теперь чистить все эти ковры на стенах и на потолке. — Но это лишь потому, что у меня мало состава. Когда я смогу получать его в больших

количествах, он станет дешевле, а со временем я наготовлю его столько, что он вообще будет стоить гроши. Тогда, разумеется, что ни ковер — то прибыль. Понятно вам это, миссис Моллчок?

— Да, сэр, понятно, — ответила экономка: она бы сочла просто неприличным чего-то не понимать.

Тут за окном появилось облачко пыли, из которого вынырнул похожий на ящерицу автомобильчик. Из него вышли близняшки Мейзи и Дэзи, дочери здешнего пастора; они были в одинаковых платьях, и каждая терла засоренный глаз. Они облокотились о подоконник и запели:

— В этой маленькой скорлупке едем делать мы покупки и прихватим вас с собой!

— О-о… благодарствую! — сказал профессор; ему как раз пришло в голову показать свой метод жидкого выращивания ковров мистеру Драппризу, владельцу крупнейшего в городе мебельного магазина.

Но у мистера Драпприза была новая секретарша — весьма энергичная сногсшибательная блондинка, которая считала, что посетители слишком допекают ее хозяина.

— У него переучет, понимаете? Даже если вы к нему проберетесь, то вряд ли его увидите, — сказала блондинка, продолжая подсчитывать полупенни, выписанные длинным столбиком в блокноте, обложку которого украшала довольно легкомысленная картинка.

— Дельнаяидея, — прохрипел мистер Драпприз, когда профессор все-таки раскопал его за горами мебели. Но Драпприз был уже сыт по горло идеями профессора. Поэтому он деликатно отбил атаку.

— Вотчтонадо. ВЦентральную. Срукамиоторвут. Япособлю. Пшли.

И тут Драпприз втолкнул профессора в огромную красную машину — больше и краснее тот в жизни не видел, — и они с ревом понеслись по улицам, и полисмены приветствовали их на каждом углу.

В ресторане Центральной гостиницы собрался в этот час чуть ли не весь город. У служебного входа стоял только что подъехавший грузовик Берта — кузена миссис Моллчок — с капустой для

ресторана. Внутри доктор Коклюш беседовал с тремя членами городской управы. Девицы Мейзи и Дэзи уже завтракали с полковником Снайпером, а секретарша мистера Драппризa — с их отцом, пастором.

Драппризс одним махом протащил профессора через огромные залы и длинные коридоры и обрушил град ударов на маленькую изящной работы дверцу. Дверца отворилась, и из нее вышел маленький господин, бледнолицый, напомаженный, с тщательно подстриженными усиками и очень подвижными руками.

— МистерГурманьепрофессорБурлиумрекомендую, — прогудел Драппризс. — Естьидея. Длявас. Язайду. Пока.

И он прогрохотал по коридору и исчез, прежде чем этот французистый джентльмен, мистер Гурманье, успел отвесить поклон или помахать рукой.

— Я счастлив принять у себя столь знаменитого профессора, — проговорил он. — Наслышан о ваших славных открытиях. О да! Позавтракайте со мной, дорогой профессор, прошу вас! А потом вы изложите мне свою идею.

— Право, вы очень любезны, — только и успел ответить профессор, а Гурманье уже подвел его

к уютному столику в дальнем конце зала, где их мигом обступила толпа услужливых господ, которые с минуту что-то яростно строчили в своих блокнотах, а потом разбежались в разные стороны.

— Так вот, мое изобретение… — начал было профессор, но тут им подали какой-то невероятный суп.

— А это мое изобретение, прошу вас, — сказал мистер Гурманье, изящным жестом приглашая его отведать супа.

— Отменное блюдо, — пробормотал профессор.

Он опять было заговорил о коврах, но едва положил ложку, как суп исчез, и перед ним очутилась какая-то рыбешка, удивленно взиравшая на него.

— Махнете разок вот этак кистью, и все, — сказал профессор и стряхнул с колен хлебные крошки.

— О, ля-ля! — вскричал мистер Гурманье и решительным жестом выжал лимон на свою рыбешку и на профессора. Правда, в глаза Бурлиуму не попало — он носил несколько пар очков.

— Я уверен, что вы оцените все плюсы… моего… э… изобретения, — проговорил профессор.

Он положил вилку и нож, чтобы по профес-

сорской привычке подсчитать эти плюсы на пальцах, и тотчас официанты унесли его рыбу; правда, поскольку они оставили ему почти полную тарелку цыплячьего рагу, положение его — если не терять времени даром — было еще не столь плачевным.

— Их можно делать разного цвета… — снова завел свое Бурлиум.

Но тут Гурманье наполнил розовым лимонадом высокие бокалы и жестом пригласил гостя осушить их.

Они ели бледно-голубое бланманже с утопленными в нем вишнями (профессору пришлось есть его с помощью пенсне: в отеле, как видно, было туго с ложками), и сыр пяти сортов, обложенный крохотными луковицами и кресс-салатом. А дело все не двигалось с места. Потом появилась корзина с фруктами и кофе в чашечках величиной с наперсток. Мистер Гурманье закурил сигарету, от которой повеяло ароматами Востока, а профессор все бормотал что-то о своем открытии.

— Мне думается, э… что это может пригодиться… для вашего… э… заведения, — закончил профессор.

— Ну конечно, — мечтательно ответил мистер Гурманье.

И он заснул, спокойно и мирно, а наш профессор, которому так и не удалось плотно поесть во время сего лукуллова пиршества, надел по ошибке чью-то чужую шляпу и покинул гостиницу, где сейчас сидели уже одни только незнакомцы, распивавшие чай…

Залить жидким ковром полы Центральной оказалось куда трудней, чем думал профессор. В гостинице всегда толклась куча народу. Знакомые то и дело спрашивали его, как он живет, а те, кого это не занимало, просили поднести их багаж, принимая его за кого-то из прислуги. И все они стояли на самой дороге. Несколько раз он осторожно накладывал свой состав вокруг неких массивных предметов, но это оказывались ноги каких-то толстяков, которые преспокойно вставали и уходили, оставляя на полу проплешины. И все же с работой было покончено.

Однако три дня спустя профессора настоятельно потребовали в гостиницу, и когда он явился, то застал Гурманье в состоянии, близком к безумию: тот носился по отелю и с такой быстротой выкрикивал что-то на разных языках, что его не понимали даже официанты.

Весь ковер был в дырах Дыры зияли не только там, где во время покраски находились люди и мебель, но везде и всюду: ковер прямо истлевал под ногами.

— Он непрочен, как бумага! — плакал мистер Гурманье. — Он никуда не годится! А мои ослепительные полы погибли. Что мне теперь делать?!

— Гм! — пробормотал профессор, дрожащими руками протер поочередно все свои очки и сунул их в карман. — По-видимому, вкралась… э… небольшая ошибка в молекулярную схему состава. Весьма досадная, но притом и весьма любопытная. На подобных ошибках учишься. Да-да. Ага! Кажется, я понял! — Он пришел в волнение. — Все дело в формуле, дражайший сэр. В ней вся беда. Я не учел, что… ну да… не принял в расчет такого пустяка… Гм… А нужно лишь… Теперь я знаю. И ведь как просто, мой друг! Как просто! Прямо на удивленье!

Сказав это, он окончательно впал в рассеянность и быстро зашагал к дому, распевая на ходу цифры и формулы, так что две милые старушки приняли его за уличного певца и подали ему два пенса.

Профессор Бурлиум был не из тех, кто возвращается с полдороги. Не раз уже случалось, что

открытие требовало от него еще небольшого, но важного усилия. Он изготовил новый состав. Намешал в него разных веществ. Уж намешал, так намешал! Он ведь хотел, чтоб коврам его не было сносу.

И вот, наконец, новые ковры устлали все полы Центральной; они легли не только в салонах и в ресторане, но покрыли также ступени лестниц, застелили коридоры и спальни.

Мистер Гурманье настоял на том, чтобы их клали настоящие художники: уж эти не напортачат.

Минула неделя, а ковер точно вчера положили. Пожалуй, он стал даже чуточку толще и мягче.

— Теперь прекрасно, — сказал мистер Гурманье и отправился завтракать.

Но если Гурманье думал, что ковры Бурлиума будут спокойно лежать всем на утеху, то он жестоко ошибся. Через день или два по отелю стало трудно передвигаться. Ковер все пышнел и пышнел.

Дело в том, что в поисках средства, которое продлило бы век его коврам, профессор набрел на блестящую идею. Он добавил удобрения. И ковер пошел в рост, как трава на ухоженной лужайке. К концу недели он был по щиколотку.

— А может, его скосить? — предложил швей-

цар.

И они скосили его. Вручную. Косилке было уже не пройти.

Но косы оказались бессильны перед творением Бурлиума. Скошенный ковер только принялся расти быстрее.

Через три дня он был уже по колено, и с Западной мызы вызвали жнецов, чтобы те сжали его, как хлеб — серпами.

Через два дня ковер стал по пояс.

Постояльцы жаловались. Мистер Гурманье исчерпал весь запас оправданий. О случившемся узнала «Городская газета», и следующий номер уже пестрел манящими заголовками вроде: «Чудо-лес в стенах отеля».

Снова вызвали профессора Бурлиума, и он кинулся читать книги о расчистке джунглей, надеясь отыскать в них нужное средство. А ковер, тем временем, вырос по плечи, и обитатели гостиницы сбивались с дороги в зарослях.

Полковник Снайпер прибыл в Центральную на своем боевом скакуне и продрался сквозь чащу до главного салона (ковер здесь вырос почти что до потолка), — он рассчитывал подстрелить коврового тигра, однако, по счастью, тигры не обнаружились.

А профессор все ломал голову над тем, как остановить этот безудержный рост. Между тем, один решительный джентльмен прострiг себе тропинку маникюрными ножницами — иначе он не мог выйти из спальни. Городская полиция потребовала, чтобы это безобразие немедленно кончилось; но оно не кончалось. И тут вдруг ковер зацвел. И какими цветами! Квадратными, мохнатыми, с тарелку величиной, и от них разило рогожей. Невиданные Цветы высовывали свои головки из окон отеля. Местное Общество садоводов объявило, что цветы не декоративны. А профессор все искал средство осилить ковер, хотя сам был уже почти без сил.

И вдруг эта ужасная проблема разрешилась сама собой. Беда неожиданно миновала. Ковер, доставлявший столько хлопот, внезапно утихомирился. В один распрекрасный понедельник в гостинице опять стало просторно. По комнатам можно было ходить без косарей и компаса… Гигантский ворс полег на пол, точно срезанный огромной косилкой.

Профессор Бурлиум внимательно посмотрел на него в свои пять пар очков и на минуту-другую погрузился в глубокое раздумье.

— Да, конечно! — произнес он наконец. — Подумать только, как просто! Зря мы волновались, сударь мой.

Мистер Гурманье издал какой-то булькающий звук.

— Понимаете, — начал профессор, по привычке подкрепляя свои слова жестом, — я был так занят проблемой прочности, что переусердствовал с удобрениями. И тем самым нарушил соотношение частей в одном из компонентов смеси. Потому-то рост ковра и оказался столь… э… стремительным. Как это я сразу не догадался!

Мистер Гурманье на сей раз не издал ни звука. Он только развел руками.

— Ну так вот, — продолжал профессор, погля-

дывая на окружающих с видом снисходительного учителя, которому приходится растолковывать милым деткам, сколько будет дважды два. — Ковер истощил свои силы. Ворс тянулся и тянулся, пока не исчерпал жизненную энергию.

Это словечко напомнило мистеру Гурманье, что он тоже говорит на разных непонятных языках, и он затараторил, защебетал. Снова забегали официанты. Из комнат убрали жалкие остатки ковра и выскребли полы, Мистеру Драппризу были на огромную сумму заказаны обычные — нерастущие — ковры, чтобы скрыть под ними полы гостиницы. А профессор Бурлиум заботливо внес в свой блокнот несколько неразборчивых записей, гласящих, что:

понижая снашиваемость ковра за счет усиления факторов роста, надо тщательно соблюдать внутреннее соотношение среди последних;

при этом следует учитывать плотность материала изделия и период его эксплуатации, соответственно возможному числу шагов на заданной площади;

а также — не забывать о каталитических свойствах удобрения, добавленного в состав.

Вот и вся история, которую перевела с английского Р. По-

меранцева.

Рисунки Е. Скрынникова

№ 5

Лестер Дель Рей

Крылья ночи

Рассказ печатается~~ся сокращениями~~полностью.

— Черт подери всех марсиашек! — Тонкие губы Толстяка Уэлша выплюнули эти слова со всей злобой, на какую способен оскорбленный представитель высшей расы. — Взяли такой отличный груз, лучшего иридия ни на одном астероиде не сыщешь, только-только дотянули до Луны — и не угодно ли, опять инжектор барахлит. Ну, попадись мне еще разок этот марсиашка…

— Ага. — Тощий Лейн нашарил позади себя гаечный ключ с изогнутой рукояткой и, кряхтя и сгибаясь в три погибели, снова полез копаться в нутре машинного отделения. — Ага. Знаю. Сделаешь из него котлету. А может, ты сам виноват? Может, марсиане все-таки тоже люди? Лиро Бмакис тебе ясно сказал: чтоб полностью разобраться и проверить инжектор, нужно два дня. А ты что?

Заехал ему в морду, облаял его дедов и прадедов и дал ровным счетом восемь часов на всю починку. А теперь хочешь, чтоб он при такой спешке представил тебе все в ажуре… Ладно, хватит, дай-ка лучше отвертку.

К чему бросать слова на ветер? Сто раз он спорил с Уэлшем — и все без толку. Толстяк — отличный космонавт, но начисто лишен воображения, никак не позабудет бредятину, которой пичкает своих граждан Возрожденная Империя: о высоком предназначении человека, о божественном промысле — люди, мол, для того и созданы, чтобы помыкать всеми иными племенами. А впрочем, если бы Толстяк его и понял, так ничего бы не выиграл. Лейн и высоким идеалам цену знает, тоже радости мало!

Он-то к окончанию университета получил лошадиную дозу этих самых идеалов да еще солидное наследство — хватило бы на троих — и вдохновенно ринулся в бой. Писал и печатал книги, произносил речи, беседовал с официальными лицами, вел переговоры в кулуарах, вступал в разные общества и сам их создавал и выслушал по своему адресу немало брани. А теперь он ради хлеба насущного перевозит грузы по трассе Земля — Марс на старой, изношенной ракете; на

четверть ракета — его собственность. А тремя четвертями владеет Толстяк Уэлш, который возвысился до этого без помощи каких-либо идеалов, хотя начинал уборщиком в метро.

— Ну? — спросил Толстяк, когда Лейн вылез наружу.

— Ничего. Не могу я это исправить, слабовато разбираюсь в электронике. Что-то разладилось в реле прерывателя, но по индикаторам не поймешь, где непорядок, а наобум искать опасно.

— Может, до Земли дотянем?

Тощий покачал головой.

— Навряд ли. Лучше сядем где-нибудь на Луне, если ты сумеешь дотащить нашу посудину. Тогда, может, и найдем поломку, прежде чем кончится воздух.

Толстяку тоже это приходило в голову. Пытаясь как-то уравновесить перебои в подаче горючего и кляня лунное притяжение, — хоть и слабое, оно порядком мешало, — он повел ракету к намеченному месту: посреди небольшой равнины он высмотрел на редкость чистую и гладкую площадку, без каменных обломков и выбоин.

— Пора бы тут устроить аварийную станцию, — пробурчал он.

— Когда-то станция была, — сказал Лейн. — Но

ведь на Луну никто не летает, и пассажирским кораблям тут садиться незачем, проще выпустить закрылки и сесть в земной атмосфере, чем тратить здесь горючее. А грузовики вроде нас не в счет. Странно, какая ровная и чистая эта площадка, мы в миле, не выше, и ни одной метеоритной царапинки не видно.

— Стало быть, нам повезло. Не хотел бы я шлепнуться в какой-нибудь кратеришко и сбить дюзу или пропороть обшивку. — Толстяк взглянул на высотомер и на указатель скорости спуска. — Мы здорово грохнемся. Если… эй, что за черт?

Тощий Лейн вскинул глаза на экран: в тот миг, как они готовы были удариться о поверхность, ровная площадка раскололась надвое, половинки плавно скользнули в стороны — и ракета стала медленно опускаться в какой-то кратер; он быстро расширялся, дна не было видно; рев двигателей вдруг стал громче. А экраны верхнего обзора показали, что над головой опять сошлись две прозрачные пластины. Веря и не веря собственным глазам, Лейн уставился на указатель высоты.

— Опустились на сто шестьдесят миль и попались в ловушку! Судя по шуму, тут есть воздух. Что за капкан, откуда он взялся? Бред какой-то!

— Сейчас не до того. Обратно не проскочить, пойдем вниз, а там разберемся. Черт, неизвестно еще, какая внизу площадка.

В таких вот случаях очень кстати, что Толстяк не страдает избытком воображения. Делает свое дело — опускается в исполинском кратере, будто на космодроме в Йорке, и занят только неравномерностью вспышек из-за барахлящего инжектора, а что ждет на дне, ему плевать. Тощий удивленно посмотрел на Толстяка, потом вновь уставился на экраны — может, удастся понять, кто и зачем построил этот капкан.

Лъин лениво поворошил кучку песка и истлевшего сланца, выудил крохотный красноватый камешек, с первого раза не замеченный, и медленно поднялся на ноги. Спасибо Великим, очень вовремя они послали ему осыпь: старые грядки столько раз перерыты, что уже совсем истощились. Чуткими ноздрями он втянул запах магния, немножко пахло железом, и серы тут сколько угодно, все очень, очень кстати. Правда, он-то надеялся найти медь, хоть щепотку. А без меди…

Он отогнал эту мысль, как отгонял уже тысячи раз, и подобрал грубо сработанную корзину,

набитую камешками пополам с лишайником, которым заросла эта часть кратера. Свободной рукой растер в пыль осколок выветрившегося камня заодно с клочком лишайника и все вместе отправил в рот. Благодарение Великим за эту осыпь! Приятно ощущать на языке душистый магний, и лишайник тоже вкусный, сочный, потому что почва вокруг неистощенная. Если бы еще хоть крупицу меди — больше и желать нечего.

Лъин печально вильнул гибким хвостом, крякнул и побрел назад, к себе в пещеру; мельком глянул вверх, на далекий свод. Там, наверху, за много миль, ослепительно сверкал луч света и, постепенно слабея и тускнея, слой за слоем пронизывал воздух. Значит, долгий лунный день близится к полудню, скоро солнце станет прямо над сторожевым шлюзом, и луч будет падать отвесно. Шлюз чересчур высоко, отсюда не увидишь, но Лъин знает: там, где покатые стены исполинской долины упираются в свод, есть перекрытое отверстие. Долгие тысячелетия вырождалось и вымирало племя Лъина, а свод все держится, хоть опорой ему служат только стены, образующие круг около пятидесяти миль в поперечнике, неколебимые, куда более проч-

ные, чем сам кратер — единственный и вечный памятник былому величию его народа.

Лъин об этом не задумывался, он просто *знал*: свод не создан природой, его построили в те времена, когда Луна теряла остатки разреженной атмосферы и племя напоследок вынуждено было искать прибежища в самом глубоком кратере, где кислород можно было удержать, чтоб не улетучивался. Лъин смутно ощущал протекшие с тех пор века и дивился прочности сводчатой кровли, над которой не властно время.

Некогда народ его был велик и могуч, тому свидетельство — исполинская долина под сводом. Но время не щадило его предков, оно состарило весь народ, как старило каждого в отдельности, отнимало у молодых силу и растило в них медленные, сосущие всходы безнадежности… Какой смысл прозябать здесь, взаперти, одинокой малочисленной колонией, не смея выйти на поверхность собственной планеты? Их становилось все меньше, они позабыли многое, что знали и умели прежде. Машины сломались, рассыпались в прах, и новыми их не заменили; племя вернулось к первобытному существованию, кормилось камнем, который выламывали из стен кратера, да выведенными уже здесь, внизу, лишайниками,

что могли расти без солнечного света, усваивая энергию радиоактивного распада. И с каждым годом на грядках сажали все меньше потомства, но даже из этих немногих зерен прорастала лишь ничтожная доля, и от миллиона живущих остались тысячи, потом только сотни и под конец — горсточка хилых одиночек.

Лишь тогда они поняли, что надвигается гибель, но было уже поздно. Когда появился Лъин, в живых оставалось только трое старших, и остальные семена не дали ростков. Старших давно нет, уже многие годы Лъин в кратере один. Бесконечно тянется жизнь, вся она — только сон, да поиски пищи, да еще мысли, вечно одни и те же, а тем временем его мертвый мир больше тысячи раз обращал свое лицо к свету и вновь погружался во тьму. Однообразие медленно убивало его народ, уже скоро оно доведет свое дело до конца. Но Лъина не тяготит такая жизнь, он привык и не замечает скуки.

Он брел неспешно, в лад медлительному течению мыслей, долина осталась позади; вот и дверь жилища, которое он выбрал для себя среди множества пещер, вырезанных в стенах кратера. Он постоял еще под рассеянным светом далекого солнца, пережевывая новую порцию камня

пополам с лишайником, потом вошел к себе. В освещении он не нуждался: еще в незапамятные времена, когда народ его был молод, камень стен насытили радиоактивностью, и глаза Лъина улавливали световые волны едва ли не любой длины. Через первую комнату, мимо сплетенной из лишайников постели и кое-какой нехитрой утвари, он прошел дальше: в глубине помещалась детская, она же и мастерская; неразумная, но упрямая надежда влекла его в самый дальний угол.

И, как всегда, понапрасну. В ящике, полном плодородной почвы, рыхлой, мягкой, заботливо политой, ни намека на жизнь. Ни единый красноватый росток не проклюнулся, никакой надежды на будущее. Зерно не проросло, близок час, когда всякая жизнь на родной планете угаснет. С горечью Лъин отвернулся от детской грядки.

Недостает такой малости, и это так много! Съесть бы всего несколько сот молекул любой медной соли — и зерна, зреющие в нем, дали бы ростки; или прибавить те же молекулы к воде, когда поливаешь грядку, — и проросли бы уже посеянные семена, выросли бы новые крепкие мужчины или, может, женщины. Каждый из племени Лъина носил в себе и мужское и женское

начало, каждый мог и в одиночку дать зерно, из которого вырастут дети. И пока еще жив хоть один из племени, можно за год взрастить на заботливо ухоженной почве сотню молодых… если б только добыть животворный гормон, содержащий в себе медь.

Но, как видно, не суждено. Лъин склонился к тщательно сработанному перегонному аппарату из выточенных вручную каменных сосудов и гибких стержней, скрепленных и связанных в трубки, и оба его сердца тоскливо сжались. Сухой лишайник и липкая смола все еще питали собой медленный огонь, и медленно сочилась из последней трубки капля за каплей и падала в каменную чашу. Но и от этой жидкости не исходит ни намека на запах медной соли. Что ж, значит, не удалось. Все, что за многие годы дал перегонный аппарат, Лъин подмешивал к воде, поливая грядку, почва детской всегда влажная, но ей не хватило минерала жизни. Почти бесстрастно Лъин вложил вечные металлические свитки, хранящие мудрость его племени, обратно в футляры и принялся разбирать на части химическое отделение мастерской.

Остается еще один путь, он труднее, опаснее, но иного выхода нет. Старинные записи говорят, что

где-то под самым сводом, где воздух уже слишком разрежен и дышать нечем, есть вкрапления меди. Значит, нужен шлем, баллоны со сжатым воздухом; и еще крючья и скобы, чтобы взбираться по разъеденной временем древней дороге наверх, по лестнице, где разрушена половина ступеней; и нужны инструменты, распознающие медь, и насос, чтоб наполнить баллоны. Потом придется подтащить множество баллонов к началу подъема, устроить склад и, поднимаясь наверх, постепенно поднимать их тоже, устраивать новые склады, пока цепь запасов не достигнет самого верха… и тогда, быть может, он найдет медь для возрождения.

Он старался не думать о том, сколько на все это понадобится времени и как мала надежда на успех. Нажал педаль, заработали маленькие мехи, в примитивной кузнице вспыхнули язычки голубого пламени; он достал металлические слитки — надо раскалить их, чтобы поддавались ковке. Вручную придать им ту форму, какой требуют старинные записи и чертежи, — задача почти немыслимая, и все же надо как-то справиться. Его народ не должен умереть!

Прошли долгие часы, а он все работал, и вдруг по пещере разнесся высокий, пронзительный

звук. В энергополе над створчатым шлюзом свода появился метеорит, и, видно, огромный! Такого, чтоб ожили защитные экраны, на памяти Лъина еще не бывало, и он думал, что механизм больше не действует, хоть и рассчитан был на века, ведь Солнце должно питать его своей энергией, пока не погаснет. В растерянности стоял он, глядя на дверь, и вот свистящий звук повторился.

Если сейчас же не нажать решетку вводного устройства, автоматически включатся отклоняющие силы, и метеорит упадет в стороне от свода. Лъин не успел об этом подумать, просто кинулся вперед и прижал пальцы к решетчатой панели. Потому-то он и поселился именно в этом пещере: некогда здесь помещалась Стража, в далеком прошлом она впускала и выпускала немногочисленные ракеты-разведчики. Решетка на миг засветилась, значит, метеорит вошел в кратер, и Лъин опустил руку, чтобы створы шлюза вновь сошлись.

И направился к выходу, нетерпеливо ожидая падения метеорита. Быть может, Великие добры и наконец отозвались на его мольбы. Раз он не может найти медь у себя дома, они посылают ему дар извне — а вдруг это баснословное богатство? Быть может, метеорит так велик, что еле уме-

стится в ладони! Но почему он все еще не упал? Цепенея от страха, Лъин тревожно всматривался в далекий свод — неужели он опоздал и защитные силы отбросили метеорит прочь?

Нет, вот блеснул огонек — но не так должен бы вспыхнуть такой большой метеорит, врезаясь в сопротивляющийся воздух! До слуха наконец донесся сверлящий, прерывистый вой — метеорит должен бы звучать совсем иначе. В недоумении Лъин всмотрелся еще пристальней — да, вот он, гость, не падает стремглав, а опускается неторопливо, и яркий свет не угасает позади, а обращен вниз. Но это значит… это может означать только одно — разумное управление. Ракета!!!

На миг у Лъина все смешалось в голове — уж не возвращаются ли предки из какого-то другого, неведомого убежища? Или сами Великие решили его посетить? Но, привыкший рассуждать здраво, он отверг эти нелепые догадки. Не могла такая машина прилететь из безжизненных лунных пустынь, а только со сказочной планеты, что находится под его родным миром, либо с тех, которые обращаются вокруг Солнца по другим орбитам. Неужели там есть разумная жизнь?

Он мысленно перебирал в памяти записи, оставшиеся со времен, когда предки, пересекая

космос, летали к соседним планетам — задолго до того, как было построено убежище в кратере. Основать там колонии не удалось — непомерно велика оказалась сила тяжести, но космонавты подробно осмотрели другие миры. На второй планете жили только чешуйчатые твари, скользящие в воде, да причудливые папоротники на редких клочках суши; на планете, вокруг которой обращается его родной мир, кишели исполинские звери, а сушу покрывали растения, глубоко уходящие корнями в почву. На этих двух не нашлось ни следа разума. Вот четвертую планету населяли существа более понятные, схожие с предшественниками его народа на долгом пути эволюции: жизнь не разделялась на животную и растительную, то и другое сочеталось в единстве. Шарообразные комочки живого вещества, движимые инстинктом, уже стягивались в стайки, но еще не могли общаться друг с другом. Да, из всех известных миров, вероятнее всего, именно там развился разум. Если же каким-то чудом ракета все-таки прилетела с третьего мира, надеяться не на что: слишком он кровожаден, это ясно из древних свитков, на каждом рисунке свирепые чудовища, огромные, как горы, раздирают друг друга в клочья. Лъин услыхал, как опустился

где-то поблизости корабль, и, полный страхов и надежд, направился к нему, туго свернув хвост за спиной.

Увидав у открытого люка двух пришельцев, он тотчас понял, что ошибся. Эти существа сложены примерно так же, как он, хотя гораздо крупнее и массивнее. Значит, с третьей планеты. Он помедлил, осторожно наблюдая: они озираются по сторонам и явно рады, что тут есть чем дышать. Потом одно что-то сказало другому. Новое потрясение!

Оно говорит внятно, интонации явно разумны, но сами звуки — бессмысленное лопотанье. И это — речь?! Должно быть, все же речь, хотя в словах ни малейшего смысла. Впрочем… как там, в старинных записях? Сла-Вольнодумец полагал, будто в древности у жителей Луны не было речи, они сами изобрели звуки и каждый наделили значением, и лишь после долгих веков привычка к звуковой речи преобразилась в инстинкт, с которым младенец рождался на свет; Вольнодумец даже подвергал сомнению ту истину, что сами Великие предусмотрели речь, осмысленные звуки как неизбежное дополнение к разуму. И вот… кажется, он был прав. Ощупью пробиваясь в тумане нежданного открытия, Лъин собрал свои

мысли в направленный луч.

И опять потрясение. Умы пришельцев оказались почти непроницаемы, а когда он наконец нашел ключ и начал нащупывать их мысли, стало ясно, что они его мыслей читать не могут! И однако они разумны. Но тот, на котором он сосредоточился, наконец, его заметил и порывисто ухватился за второго. Слова по-прежнему были корявые, нелепые, но общий смысл сказанного человек с Луны уловил:

— Толстяк, это что такое?

Второй пришелец обернулся и уставился на подходящего к ним Лъина.

— Не поймешь. Какая-то сухопарая обезьяна, в три фута ростом. По-твоему, она не опасная?

— Навряд ли. Может быть, даже разумная. Этот купол наверняка сработала не какая-нибудь горсточка политэмигрантов — сразу видно, постройка не человеческая. Эй! — обратился к лунному жителю пришелец, который мысленно называл себя Тощим, хотя с виду был большой и плотный. — Ты кто такой?

— Лъин, — ответил тот, подходя ближе, и ощутил в мыслях Тощего удивление и удовольствие. — Лъин. Я — Лъин.

— Пожалуй, ты прав, Тощий, — проворчал Тол-

стяк. — Похоже, он тебя понимает. Любопытно, кто прилетал сюда и обучил его говорить по-людски?

Лъин немного путался, не сразу удавалось различить и запомнить значение каждого звука.

— Не понимает людски. Никто прилетал сюда. Вы…

Дальше слов не хватило, он шагнул поближе, показывая на голову Тощего и на свою. К его удивлению, Тощий понял.

— Видимо, он читает наши мысли. Это телепатия.

— Ишь ты! Марсиашки тоже толкуют, будто они таким манером друг друга понимают, а вот чтоб они у человека мысли прочитали, я ни разу не видал. Они толкуют, будто у нас мозги как-то не так открываются. Может, эта обезьяна, Рим этот, тебе все врет.

— Ну, вряд ли. Посмотри-ка на тестер, вон какая радиоактивность. Если бы здесь побывали люди и вернулись, об этом бы уже всюду кричали. Кстати, его зовут не Рим, больше похоже на Лин, а по-настоящему нам не выговорить. — Он послал мысль Лъину, и тот послушно повторил свое имя. — Видишь? У нас эл — плавный звук, а у него взрывной. А согласный на конце он произносит

как губной, хотя и похоже на наш зубной. В нашей речи таких звуков нет. Интересно, насколько он разумен.

Не успел Лъин составить подходящий ответ, как Тощий нырнул в люк корабля и через минуту вернулся с пакетиком под мышкой.

— Космический разговорник, — объяснил он Толстяку. — По таким сто лет назад обучали марсиан. — И обратился к Лъину: — Тут собраны шестьсот самых ходовых слов нашего языка и расположены так, чтобы как можно легче их постепенно усвоить. Смотри на картинки, а я буду говорить и думать слова. Ну-ка: один… два… Понимаешь?

Толстяк Уэлш некоторое время смотрел, и слушал, и отчасти потешался, но скоро ему это надоело.

— Ладно, Тощий, можешь еще понянчиться со своим туземцем, вдруг узнаешь что-нибудь полезное. А пока ты не принялся за ремонт, я пойду осмотрю стены, любопытно, что тут есть радиоактивного. Эх, жаль, на наших грузовиках передатчики никудышные, вызывай не вызывай — далеко не услышат.

И он побрел прочь, но Лъин и Тощий этого даже не заметили. Они поглощены были нелегкой за-

дачей — найти средства общения; казалось бы, за считанные часы, при совсем разном жизненном опыте это неосуществимо. Но как ни странны были чужие звуки и сочетания слов, как ни причудливо соединялись они в значимые группы, в конце концов это была всего лишь речь. А Лъин появился на свет, уже владея речью чрезвычайно сложной, но для него естественной, как дыхание. Усиленно кривя губы, он один за другим одолевал трудные звуки и неизгладимо утверждал в мозгу их значение.

Под конец Толстяк, идя на голоса, отыскал их в пещере Лъина, уселся и смотрел на них, точно взрослый на малыша, играющего с собакой. Не то чтобы Лъин вызывал у него недоброе чувство, но и человеком Толстяк его не считал, так, смышленое животное, вроде марсиан или дикарей с Венеры; ну а если Тощему угодно обращаться с ним как с равным, пускай покуда тешится.

Лъин смутно улавливал и эти мысли, и еще другие, более опасные: но его слишком захватило общение с живым разумом, ведь почти столетие он провел в полном одиночестве. А было кое-что и поважнее. Он подергивал хвостом, разводил руками и усердно одолевал земные звуки. Тощий, как мог, поспевал за ним.

Наконец землянин кивнул:

— Кажется, я понял. Все, кроме тебя, уже умерли, и тебе очень не по душе, что выхода никакого нет. Гм-м. Мне такое тоже не понравилось бы. И теперь ты думаешь, что эти твои Великие, а по-нашему Бог, послали нас сюда поправить дело. А как поправить?

Лъин просиял, лицо его сморщилось и скривилось от удовольствиями он не сразу понял, что Тощий неверно истолковал эту гримасу. Намерения у Тощего добрые. Если он поймет, в чем нужда, он, пожалуй, охотно даст меди, ведь из древних записей известно, что третья планета богаче всех минералами.

— Нужен Нра, жизнь получается от того, что из многих простых вещей делается одна непростая: воздух, что надо для питья, что надо для еды — это все у меня есть, и я живу. А чтобы начаться новой жизни, нужен Нра. Он — начало начал. Само зерно неживое, будет Нра — оно оживет. Только у меня нет слова.

С нетерпением он ждал, пока Тощий все это усвоит.

— Какой-то витамин или гормон, что ли? Вроде витамина Е-6? Может, мы и могли бы его сделать, если…

Лъин кивнул. Да, конечно, Великие добры. На обоих сердцах у него потеплело от мысли о многих заботливо укрытых про запас зернах. Их можно прорастить, была бы только желанная медь. А теперь человек с Земли готов ему помочь. Еще немножко терпения, и все будет хорошо.

— Делать не надо! — весело пропищал он. — Простая штука. Зерно или я — мы можем сделать внутри себя. Но для этого нам нужен Нра. Смотри.

Он взял камешки из корзины, размял в горсти, старательно разжевал и знаками показал, что у него внутри камень изменяется.

Толстяк Уэлш заинтересовался:

— А ну, обезьяна, съешь еще!

Лъин охотно повиновался. Как странно — значит, сами они едят только то, что приготовили для них другие живые существа.

— Ух, черт. Он лопает камни… самые настоящие камни! Слушай, Тощий, у него что же, зоб, как у птицы?

— Он их переваривает. Почитай-ка о прамарсианах, они были наполовину животные, наполовину растения, и у него, очевидно, обмен веществ идет так же. Вот что, Лин, как я понимаю, тебе нужен какой-то химический элемент.

Натрий, кальций, хлор? Нет, этого всего здесь, должно быть, хватает. Может, йод? Гм-м.

Он перечислил десятка два элементов, которые, по его соображениям, могли как-то содействовать жизни, но меди среди них не оказалось, и в мысли лунного жителя понемногу закрадывался страх. Неужели этот странный барьер, мешающий им понимать друг друга, все погубит?

Где же выход? И вдруг он вздохнул с облегчением. Ну, конечно, общего слова нет, но структура химического элемента всюду одна и та же. Он торопливо перелистал разговорник, нашел чистую страницу и взял у землянина карандаш. Толстяк и Тощий смотрели во все глаза, а Лъин тщательно, начиная от центра, частицу за частицей, вычертил строение атома меди, открытое великими физиками его народа.

И они ничего не поняли. Тощий покачал головой и вернул листок.

— Насколько я догадываюсь, приятель, это схема какого-то атома... но тогда нам на Земле еще учиться и учиться! — Он даже присвистнул.

Толстяк скривил губы:

— Если это атом, так я сапог всмятку. Пошли, Тощий, уже время спать, а ты полдня валял дурака. И потом, надо помозговать насчет этой самой

радиации. Мы бы тут с тобой спеклись в полчаса, спасибо, надели походные нейтрализаторы… А обезьяне это, видно, только на пользу. И у меня есть одна идея.

Тощий вышел из мрачного раздумья и посмотрел на часы.

— Ах, черт! Послушай, Лин, ты не падай духом, завтра мы это еще обсудим. А сейчас Толстяк прав, нам с ним пора спать. До скорого, приятель.

Лъин кивнул, на время прощаясь с ними на родном языке, и тяжело опустился на жесткое ложе. За дверью Толстяк с жаром начал развивать некий план — как с помощью Лъина добывать радиоактивные вещества; послышался протестующий голос Тощего. Но Лъину было не до того. Атом меди он, конечно, изобразил правильно, однако наука землян делает еще только первые шаги, они слишком мало знают о строении атома, им не разобраться в его чертежах.

Писать химические формулы? Реакции, которые исключат один за другим все элементы, кроме меди? Будь они химиками, они, может, и поняли бы, но даже Тощий знает слишком мало. И все же какой-то выход должен быть, разве что на Земле вовсе нет меди. Уж, наверно, Великие, которых земляне называют Богом, не отозвались

бы на мольбы многих поколений злой насмешкой. Выход есть, и пока пришельцы спят, Лъин его найдет, хотя бы в поисках ключа пришлось перерыть все древние свитки.

Несколько часов спустя, вновь полный надежд, он устало брел по долине к земному кораблю. Найденное решение оказалось простым. Все элементы объединяются по семействам и классам. Тощий упоминал о натрии — даже по самым примитивным таблицам, какими, наверно, пользуются на Земле, можно установить, что натрий и медь относятся к одному семейству. А главное, по простейшей теории, наверняка доступной народу, уже строящему космические ракеты, атомный номер меди — двадцать девять.

Оба люка были открыты, Лъин проскользнул внутрь, безошибочно определяя направление по колеблющимся, смутным мыслям спящих людей. Дошел до них — и остановился в сомнении. Он ведь не знает их обычаев, но уже убедился: то, что для его народа было истиной, далеко не всегда правильно для землян. Вдруг им не понравится, если он их разбудит? В нем боролись учтивость и нетерпение; наконец он присел на корточки на металлическом полу, крепко сжимая древний свиток и принюхиваясь к окружающим метал-

лам. Меди здесь не было, но он и не надеялся так просто найти столь редкий элемент, впрочем, тут были и такие, которых он совсем не мог определить, — должно быть, из тяжелых, какие на Луне почти не существуют.

Толстяк что-то пробурчал, замахал руками, зевнул и сел, еще толком не проснувшись. Его мысли полны были кем-то с Земли, в ком присутствовало женское начало (которого, как уже заметил Лъин, оба гостя были лишены), и еще тем, что станет делать он, Толстяк, «когда разбогатеет». Лъин живо заинтересовался изображениями этой мысли, но потом спохватился: тут явно секреты, не следует в них проникать без спроса. Он отвел свой ум, и тогда-то землянин его заметил.

Спросонья Толстяк Уэлш всегда бывал не в духе. Он вскочил, зашарил вокруг в поисках чего-нибудь тяжелого.

— Ах ты, подлая обезьяна! — взревел он. — Чего шныряешь? Вздумал нас прирезать?

Лъин взвизгнул и увернулся от удара, который расплющил бы его в лепешку; непонятно, в чем он провинился, но безопаснее уйти. Физический страх был ему не знаком, слишком много поколений жило и умерло, не нуждаясь в этом чувстве. Но его ошеломило открытие, что пришельцы

способны убить мыслящее существо. Неужели на Земле жизнь ничего не стоит?

— Эй, брось! Прекрати! — Шум разбудил Тощего; Лъин мельком оглянулся: Тощий сзади схватил Толстяка и не давал шевельнуть рукой. — Полегче, слышишь. Что у вас тут?

Но Толстяк уже окончательно проснулся и остывал. Выпустил из рук металлический брус, криво усмехнулся.

— Сам не знаю. Может, он ничего худого и не задумал, только я проснулся, вижу, он сидит, пялит на меня глаза, а в руках железка, ну, мне и показалось — он хочет перерезать мне глотку или вроде того. Я уже очухался. Поди сюда, обезьяна, не бойся.

Тощий выпустил его и кивнул Лъину:

— Да-да, приятель, не уходи. У Толстяка свои заскоки насчет людей и нелюдей, но в общем-то он добрый. Будь хорошей собачкой, и он не станет пинать тебя ногами, даже за ухом почешет.

— Чушь! — Толстяк ухмыльнулся, добродушие вернулось к нему. Он понимал, что Тощий острит, но не обижался. Марсияшки, обезьяны… ясно, они не люди, с ними и разговор другой, ничего плохого тут нет. — Что ты притащил, обезьяна? Опять картинки, в которых никакого смысла нету?

Лъин кивнул, подражая их жесту, означающему согласие, и протянул свиток Тощему. Толстяк держится уже не враждебно, однако неясно, чего от него ждать, а Тощему, видимо, интересно.

— Надеюсь, в картинках много смысла. Вот Нра — двадцать девятый, под натрием.

— Периодическая таблица, — сказал Тощий Толстяку. — По крайней мере похоже. Дай-ка мне справочник. Гм-м. Под натрием, номер двадцать девять.

Натрий, калий, медь. Двадцать девятый, все правильно. Это оно и есть, Лин?

Глаза Лъина сверкали торжеством. Благодарение Великим!

— Да, это медь. Может быть, у вас найдется! Хотя бы один грамм!

— Пожалуйста, хоть тысячу граммов. По твоим понятиям, у нас ее до отвала. Бери сколько угодно.

И тут вмешался Толстяк.

— Ясно, обезьяна, у нас есть медь, если это ты по ней хныкал. А чем заплатишь?

— Заплатишь?

— Ясно. Что дашь в обмен? Мы помогаем тебе, а ты нам, справедливо?

Лъину это не приходило в голову, но как будто

справедливо. Только что же он может им дать? И тут он понял, что у землянина на уме. За медь ему, Лъину, придется работать: выкапывать и очищать радиоактивные вещества, с таким трудом созданные в пору, когда строилось убежище; вещества, дающие тепло и свет, нарочно преобразованные так, чтобы утолять все нужды племени, которому предстояло жить в кратере. А потом работать придется его сыновьям и сыновьям сыновей, добывать руду, выбиваться из сил ради Земли, и за это им будут платить медью — в обрез, только-только чтобы Земле хватало рудокопов. Мозг Толстяка снова захлестнули мечты о том земном создании. И ради этого он готов обречь целый народ прозябать без гордости, без надежд, без свершений. Непостижимо! На Земле так много людей — для чего им обращать Лъина в раба?

И рабство — это еще не все. В конце концов Земля пресытится радиоактивными материалами либо, как ни велики запасы, они иссякнут — и нечем будет поддерживать жизнь… Так или иначе впереди гибель. Лъин содрогнулся: слишком страшный выбор навязывают.

Тощий опустил руку ему на плечо.

— Толстяк немного путает, Лин. Верно, Толстяк?

Пальцы Тощего сжимали что-то… оружие, смутно понял Лъин. Второй землянин поежился, но усмешка не сходила с его лица.

— Дурень ты, Тощий. Чокнутый. Может, ты и веришь в эту дребедень — что все люди и нелюди равны, но не убьешь же ты меня из-за этого. А я человек старых взглядов, я свою медь задаром не отдам.

Тощий вдруг тоже усмехнулся и спрятал оружие.

— Ну и не отдавай. Лин получит мою долю. Меди у нас вдосталь, без некоторых вещей мы вполне обойдемся. И не забывай, четверть всего, что есть на корабле, моя.

На это в мыслях Толстяка не нашлось ответа. Он подумал немного и пожал плечами. Тощий прав, своему паю он хозяин. Ну и пусть.

— Ладно, воля твоя. Я тебе помогу раскопать, что у нас есть подходящего. Может, взять ту проволоку, знаешь, в ларе, в машинном отделении.

Лъин молча смотрел, как они отперли небольшой ящик и стали там рыться; половина его ума изучала механизмы и управление, вторая половина ликовала: медь! И не какая-то горсточка, а столько, сколько он в силах унести. Чистая медь, которую так легко превратить в съедобный ку-

порос при помощи кислот, — он еще раньше их приготовил, когда пытался добыть медь здесь, у себя. Через год кратер вновь будет полон жизни. Он оставит триста, а может быть, и четыреста сыновей, и у них будут еще и еще потомки!

Одна деталь схемы сцепления, которую он изучал, заставила Лъина перенести центр тяжести на половину ума, занятую окружающими механизмами; он потянул Тощего за штанину.

— Это… вот это… не годится, да?

— А? Да, тут что-то разладилось. Потому нас к тебе и занесло, друг. А что?

— Тогда без радиоактивных. Я могу платить. Я исправлю. — На миг его взяло сомнение. — Это ведь тоже значит платить, да?

Толстяк вытащил из ящика большой моток чудесной, душистой проволоки, утер пот со лба и кивнул.

— Верно, это была бы плата, только ты эти штуки не тронь. Они и так ни к черту не годятся, и, может, Тощий даже не сумеет исправить.

— Я могу исправить.

— Ну да. Ты в каких академиях обучался электронике? В этом мотке двести футов, стало быть, на его долю пятьдесят. Ты что же, Тощий, свою всю ему отдашь?

— Да, пожалуй. — Тощий почти не следил за тем, как Толстяк отмерял и резал проволоку, с сомнением смотрел он на Лъина. — Слушай, Лин, а ты в таких вещах разбираешься? Ионный двигатель — штука не простая, в схеме питания черт ногу сломит. С чего ты взял, что сумеешь починить инжектор? Разве у вашего народа были такие корабли и ты изучал чертежи?

Мучительно подыскивая слова, Лъин попытался объяснить. Нет, у его народа ничего похожего не было, атомные устройства работали по-другому, ведь на Луне урана почти нет, и энергию атома использовали непосредственно. Но принципы ему ясны уже из того, что он видит со стороны: он прямо в голове чувствует, как что должно работать.

— Я чувствую. Когда я только-только вырос, я уже мог это исправить. Записи и чертежи я все прочел, но главное не что я изучал, а как я думаю. Триста миллионов лет мой народ все это изучал, а теперь я просто чувствую.

— Триста миллионов лет! Когда ты сказал, что прямо сроду умеешь и говорить и читать, я понял, что ваше племя очень старое, но чтоб так… У нас тогда еще динозавры бегали!

— Да, мои предки видели таких зверей на ва-

шей планете, — серьезно подтвердил Лъин. — Так я буду чинить?

Тощий растерянно мотнул головой и молча передал Лъину инструменты.

— Слышишь, Толстяк? Триста миллионов лет, и почти все это время они были далеко впереди нас теперешних. Ты только подумай! Мы были еще так, букашки, кормились динозавровыми яйцами, а эти уже летали с планеты на планету! Подолгу, наверно, нигде не оставались, сила тяжести для них вшестеро выше нормальной. А своя планета маленькая, воздух не удержала, пришлось зарыться в яму… Вот и остался от них от всех один Лин!

— И поэтому он механик?

— У него инстинкт. Знаешь, какие инстинкты развились за такой срок у животных и у насекомых? У него чутье на механизмы — может, он и не знает, что это за машина, но чует, как она должна работать. Да еще прикинь, сколько он мне научных записей показывал и сколько всего, наверно, перечитал… Я думаю, нет на свете такой машины, с которой он бы не сладил.

Толстяк решил, что спорить нет смысла. Либо эта обезьяна все исправит, либо им отсюда не выбраться. Лъин взял кусачки, отключил все кон-

такты пульта управления и теперь обстоятельно, деталь за деталью, разбирал его. С необычайной ловкостью расцеплял провода, извлекал электронные лампы, разъединял трансформаторы.

Лъину ничего не стоило в этом разобраться. Земляне получают энергию из атомного топлива — используют определенные свойства ионизированного вещества, регулируют скорость ионизации, а затем реактивная струя через дюзы с большой скоростью выбрасывается наружу. Простейшая задача по электронике — управляемая реакция.

Маленькими проворными руками он, виток за витком, свернул проволоку в спираль, свернул вторую, между ними поместил электронную лампу. Вокруг этого узла появились еще спирали и лампы, затем длинная трубка — фидер. Лъин соединил ее с трубопроводом, подающим смесь для ионизации, укрепил шину. Инжекторы оказались излишне сложны, но их он трогать не стал, годятся и так. На все вместе не ушло и пятнадцати минут.

— Будет работать. Только в первый раз включайте осторожно. Теперь это работает на всю мощность, не так мало, как раньше.

Тощий осмотрел сделанное.

— И это все? У тебя же осталась куча свободных деталей — куда их?

— Это было совсем ненужное. Очень плохое. Теперь — хорошо.

И Лъин старательно объяснил Тощему, как будет работать новая конструкция. Прежнюю мог объяснить только опытный специалист, отлично владеющий сложной терминологией. Но то, что вышло сейчас из рук Лъина, было плодом знания, оставившего далеко позади неуклюжие сложности первых робких попыток. Если что-то надо сделать, это делается как можно проще. Теперь Тощий только диву давался: почему люди так не сделали с самого начала? И как ему было не удивляться, когда все вдруг оказалось просто и ясно… Он кивнул.

— Отлично. Вот это да, Толстяк. Коэффициент полезного действия примерно 99,99 процента, а раньше у нас было не больше двадцати. Ты молодчина, Лин.

Толстяк ничего не понимал в электронике, но объяснения Лъина прозвучали убедительно, говорить больше не о чем. И он направился к рубке.

— Ладно, значит, отбываем. До скорого, обезьяна.

Тощий подобрал медную проволоку, подал Лъину и проводил его к люку. Лунный житель вышел из корабля, поднял голову к закрывающемуся люку и старательно улыбнулся на земной манер.

— Я открою створы и выпущу вас. И я вам заплатил, и все справедливо, так? Тогда — до скорого, Тощий. Да полюбят тебя Великие за то, что ты вернул мне мой народ.

— Прощай, — отозвался Тощий и помахал рукой. — Может, мы еще когда-нибудь тебя навестим, посмотрим, как ты тут процветаешь.

Люк закрылся.

И вот Лъин снова у себя в пещере, нежно гладит медную проволоку и ждет грома ракетных двигателей; ему и радостно, и тревожно. Медь — это счастье, но мысли, которые он прочел у Толстяка, сильно его смущают. Что ж, меди хватит для многих поколений, а что будет дальше с его народом — это во власти Великих.

Он вышел за дверь и смотрел, как уносится вверх теперь уже немигающий, уверенный огонек и уносит с собою судьбу его племени. Если эти двое расскажут на Земле о радиоактивных камнях, впереди рабство и гибель. Если промолчат, быть может, его племя возродится к прежнему величию и вновь отправится на другие планеты;

когда-то, еще в пору своего расцвета, лунный народ от этих попыток отказался, но ведь теперь на других мирах его встретят не дикие джунгли, а жизнь и разум. Быть может, когда-нибудь, владея древним знанием и покупая на других планетах вещества, которых нет на Луне, потомки даже найдут способ вернуть родному миру былое великолепие — не об этом ли мечтали предки, пока ими не овладела безнадежность и не простерлись над его народом крылья ночи…

...Он смотрел, как уносится вверх теперь уже немигающий уверенный огонек

Лъин смотрел вверх; ракета поднималась над ним по спирали, то заслоняя, то вновь открывая просвет в вышине, равномерная смена тени и света — будто мерные взмахи крыльев в незапамятной дали времен, когда воздух над Луной был еще полон летучих существ. Наконец черные крылья достигли свода, Лъин открыл шлюз, они скользнули наружу, и стало совсем светло… Быть может, это предзнаменование? Но как знать, доброе или дурное?

Он понес медную проволоку в детскую.

А на корабле Тощий Лейн смеющимися глазами следил за Толстяком Уэлшем — тому явно было не по себе, он пытался собраться с мыслями.

— Ну? — сказал Тощий. — Каков наш приятель? Пожалуй, не хуже людей, а?

— Угу. Пускай даже лучше. Я на все согласен. Он не хуже меня… а может, и получше. Хватит с тебя?

— Нет. — Тощий ковал железо, пока горячо. — Как насчет радиоактивных материалов?

Толстяк подбавил двигателям мощности и ахнул: ракета рванулась вперед с небывалой силой, его вдавило в кресло. Он осторожно перевел дух, немного посидел, глядя в одну точку. Наконец пожал плечами и обернулся к Тощему.

— Ладно, твоя взяла. Обезьяну никто не тронет, я буду держать язык за зубами. Теперь ты доволен?

— Ага.

Тощий Лейн был не просто доволен. Он тоже в случившемся видел предзнаменование, и значит, идеалы не такая уж глупость. Быть может, когда-нибудь черные крылья предрассудков и чванливого презрения ко всем иным племенам и расам перестанут заслонять небо Земной империи, как перестали они застилать глаза Толстяку. Вероятно, ему, Лейну, до этого не дожить, но в конце концов так будет. И править миром станет не одна какая-либо раса, но разум.

— Да, Толстяк, я очень доволен. И не горюй, ты не так уж много потерял. На этой Линовой схеме сцепления мы с тобой разбогатеем; я уже придумал, новый способ пригодится по крайней мере для десяти разных механизмов. Что ты станешь делать со своей долей?

Толстяк расплылся в улыбке.

— Начну валять дурака. Помогу тебе снова здорово взяться за твою пропаганду, будем вместе летать по свету и целоваться с марсиашками да с обезьянами. Любопытно, про что сейчас думает наша обезьянка.

А Лъин в эти минуты ни о чем не думал: он уже решил для себя загадку противоречивых сил, действующих в уме Толстяка, и знал, какое тот примет решение. Теперь он готовил медный купорос и уже провидел рассвет, идущий на смену ночи. Рассвет всегда прекрасен, а этот — просто чудо.

Перевела с английского Нора Галь

Рисунок Д. Лиона

№№ 11–12

Север Гансовский

Пробужденье

С тех пор прошел год, главный герой истории, Федор Васильевич Пряничков, уже пережил все связанное со своим внезапным величием и падением, успокоился, отключился. Случай можно не держать в тайне.

Познакомим прежде всего читателей с личностью самого Федора Васильевича (или Феди, как он рекомендует себя при знакомстве). Работает Пряничков в журнале «Знания и жизнь», заведует отделом антирелигиозной пропаганды. Издание это, как известно, бойкое — в конце концов за что ни возьмись, все имеет отношение либо к знаниям, либо уж наверняка к жизни. Поэтому народ в редакции и отделе толчется разнообразный — от академиков и школьников даже до каких-то вовсе диких странников, из которых один утверждает, что своими глазами зрил на Таймыре дыру, доходящую до центра Земли, а второй веером рассыпаёт на столе лично им сделанные фотографии господа бога. Со всеми — независимо от возраста, званий и заслуг — Федя держится одинаково, к любому посетителю сразу начинает адресоваться на «ты». Но не оттого, что испытывает симпатию, а просто давая понять, что не придает этому человеку значения.

Он вообще придает значение только тем, кого никогда не видел.

Честно говоря, в редакции давно подумывали, что Пряничкову не худо было бы перейти в другой журнал. Вероятно, работнику печати должна быть свойственна способность зажигаться, а у Феди вид всегда сонный, даже не совсем сонный, а какой-то скучный и разочарованный. Хотя ему всего немного за тридцать, такое впечатление, будто он давно всем перегорел и понял, что из всего ничего не выйдет. А если даже и выйдет, то тех, кто против, не переубедишь. О чем с ним ни заговорить. Пряничков все знает, сразу подхватывает вашу тему и тут же на месте ее приканчивает. Орудует он двумя постулатами: во-первых, «все это уже было», а во-вторых, «из этого ничего не получится».

С авторами Федя разговаривает неохотно, вынужденно, глядя при этом в сторону и перебирая что-нибудь на столе. Никогда он не похвалит даже принятую им самим статью, поэтому, даже напечатавшись в его отделе, человек не получает удовольствия.

Неизвестно, что именно сделало Федю Пряничкова таким, но похоже, что он вообще никаких чувств не испытывает. Обрати его внимание на

девушку-красавицу, угости рюмкой старейшего армянского коньяку, дай побывать на концерте Рихтера или на первенстве Москвы по боксу, где новичок срубает олимпийского чемпиона — на все в ответ только унылое «Ничего-о...». Будто стенка между ним и миром.

Роста он среднего, внешности тоже средней. На летучках и разных собраниях либо помалкивает, либо присоединяется к большинству выступавших. Живет, в общем, наполовину или на треть. Вроде не проснувшись.

И надо же, чтоб именно на Федю попал в редакции тот приезжий с вещмешком.

Случилось это в четверг 15 июля в прошлом году. Жарища тогда, как все помнят, стояла в Москве сатанинская. В квартирах на солнечную сторону жизнь была вообще невозможна, в квартирах на теневую — возможна лишь на ограниченном пространстве между вентилятором и бутылкой пива из холодильника. Каждый, кто мог, бежал, естественно, из столицы на озеро Селигер, на Рижское взморье или Алтай — рассказывают, что несколько журналистов-международников укрылись от жары аж в Сахаре. Опустела и редакция «Знаний и жизни». В большой комнате, где, кроме Фединого, помещались еще отделы быта

и не совсем точных знаний, остался один только Пряничков за своим антирелигиозным столом.

Хотя утром в тот четверг прошла коротенькая гроза, никакого облегчения не получилось, и в полдень, окончательно замороченный духотой и письмами читателей, Федя вынул из кармана ядовитожелтую пилюльку поливитамина — он летом тоже их употреблял, — лег грудью на стол и уныло посмотрел в окно, за которым раскинулся широкий вид на залитую беспощадным светом Гостиничную улицу.

От метро, вдоль фасадной стороны Химического музея, в полуподвале коего жила в прошлом году редакция, размашистой свободной поступью шагал дородный мужчина с яркой каштановой бородой. Кроме бороды при нем был здоровущий вещмешок, толстый геологический изыскательский пиджак, добела выгоревшие брюки и тяжелые русские сапоги. Прямые солнечные лучи били сразу наповал, но бородатый выступал, явно наслаждаясь собой и всем вокруг.

Увидев вещмешок и особенно сапоги, на которых даже издали ощущалась пыль дальних странствий, Федя затосковал. Он понял, что путешественник направляется к нему.

А мужчина с вещмешком не торопился уйти

с солнцепека. Налетела на него сослепу окончательно раскисшая, киселеобразная дамочка с продуктовой сумкой в руке — бородатый отскочил, извиняясь, а затем сказал дамочке нечто видимо до такой степени галантное, что она тотчас подобралась, оформилась во всех своих частях, гордо закинула голову, заулыбалась и дальше двинула такой ладной походочкой, что поглядеть любо-дорого. Еще мужчина коротко пообщался с хозяйкой ларька «Мороженое». Она некоторое время смотрела ему вслед, потом, повинуясь неясному инстинкту, порывисто встала и протерла тряпочкой переднюю стенку своего прозрачного убежища.

Энергия исходила от незнакомца, ею заряжалось окружающее. Чудилось, будто в результате его жестов возникают новые структуры магнитных полей и гравитационные завихрения.

Он прошел мимо окна, и через минуту Федя услышал в коридоре редакции тяжкий грохот сапожищ. Запахло кожей, вещмешком, солью, пылью, солнцем, перцем, сосновой смолой и еще всяким таким, чего Пряничков и определить не мог. В комнате стало тесно, паркетные половицы прогибались, жиденькие редакционные стулья разлетались в стороны. Мужчина поздоровался,

представился — Федя тотчас забыл и названную фамилию, и профессию. Пришелец снял вешмешок со спины, развязал горловину и достал снизу, из-под связок книг и всякого другого имущества, порядочно замусоленную нетолстую тетрадку в дерматиновом переплете. С нею он подошел к Феде и сказал, что хотел бы представить для опубликования результаты некоторых опытов по сну и бодрствованию, вкупе с теоретическим истолкованием экспериментов.

Федя, само собой разумеется, тетрадку оттолкнул.

— Не пройдет, — сказал он. — Через редколлегию не пройдет, прямо тебе скажу. Не та тема и имя не то. Кроме того, не ново. Про сон уже печатали. И про бодрствование.

— Так значит, мы уже на «ты», — задумчиво произнес мужчина раскатистым интеллигентным басом. — Польщен, конечно…

Тут он внимательно оглядел Федю Пряничкова, как если б только теперь по-настоящему увидел: немощную ручку, которую тот оборонительно выставил, серый галстучек на серой рубашке.

Физиономия бородача потеряла благодушие, что-то раздерганное, отрывистое появилось в глазах за стеклами очков. На миг в комнате сде-

лалось напряженно, как в ожидании взрыва. Затем все покатилось обратно, мужчина усмехнулся, стал опять похожим на большого доброго медведя.

— Ладно, — согласился он. — Не понравится, не станете печатать. На сохранении рукописи тоже не настаиваю. К этой проблеме я уже не вернусь, ждут другие дела.

Он отодвинул Федину ладонь, положил тетрадку на край стола. Полез к себе во внутренний карман пиджака, извлек белую таблетку.

— Вот. Если найдется доброволец, можно попробовать… А за сим, — он выпрямился и выкатил грудь колесом, — разрешите откланяться.

Официальность этой позы заставила Федю встать, что было, в общем-то, против его правил.

Бородатый еще раз улыбнулся — теперь он окончательно стал тем галантным бонвиваном, каким был на улице. Он приятельски хлопнул Пряничкова по спине, горячо встряхнул Федину руку, вывихнул ее при этом, извинился, тут же вправил, проделся в свой вещмешок и ушел — может быть, открывать нефтяное месторождение под Байкалом, может быть, строить аппарат для прямого преобразования времени в пространство.

Пряничков стоял у стола всклокоченный и расшатанный. Он взял тетрадь, брезгливо перелистнул несколько страниц. Почерк был адский, бегущий, текст повсюду уродовали зачеркивания, исправления, стрелки. Федя с трудом понял фразу: «Множество людей, как правило, спит». Он хмыкнул. Потом речь пошла о пиковых состояниях, и с великой мукой Пряничкову удалось разобрать:

«…видим, что большинство пиковых состояний являются феноменами приятия, приема. Вопрос в том, чтобы личность умела впустить их, отдаться, снять тормоза, позволить… Природа Существования предстает тогда в обнаженном виде, а вечные ценности кажутся атрибутами самой Реальности…».

Далее на десяти листах с обеих сторон следовали уравнения, таблицы, графики, параболы, гиперболы, чуть ли не метафоры. Все заканчивалось длиннющей химической формулой, в которой Пряничков разобрал только начало — «C_xH_yO…»— и почему-то в квадратных скобочках. Дальше было «CH_3N — CO — OC…» и еще много таких же символов, построенных то в ромбики, то в трапеции — в их журнале один Гурович из отдела совершенно точных знаний

мог разобраться во всем этом… Еще мелькнуло что-то вроде «…ингибирование C_xH_y-радикалами приводит к изменению конформации клеточных нуклеаз по 0-типу в нашей классификации…».

Федя вздохнул, воровато огляделся, проследовал в угол комнаты и уронил тетрадку в корзину для мусора. Затем обессиленный решительностью этого деяния, вернулся на свое рабочее место, сел, нервозно взял витаминную таблетку и проглотил ее, глядя в окно. Посмотрел на стол перед собой и понял… что он ее не проглотил.

Желтая пилюлька лежала возле баночки со скрепками, но не было той белой таблетки, что мужчина с вещмешком положил тут же.

Следовало испугаться, но по вялости характера, а также из-за жары Федя не смог.

Вторая половина дня укатилась в прошлое и стала историей без происшествий.

Пряничков спокойно досидел положенное ему время. Но когда он вышел из метро на станции «ВДНХ», уже позабыв о белой таблетке, и проследовал к себе на улицу Кондратюка, он вдруг заметил, что асфальт мостовой приятно лиловеет под лучом вечернего солнца. Это немножко насторожило Федю, поскольку внимания на цвет асфальта он никогда не обращал, считая его про-

сто серым.

А дома после ужина началось по-настоящему странное. Поднявшись из-за стола, Федя не устроился в кресле, чтоб подремать у голубого экрана, а принялся ходить по квартире. Вид у него был обеспокоенный. Он то вытаскивал из застекленного парадного книжного шкафа тяжелый фолиант «Детской энциклопедии», тревожа незапятнанную белизну страниц, то недоуменно разглядывал фаянсового жирафа за стеклом царственного серванта. Посидел на диване, потирая руки и явно мучаясь, встал и вдруг сказал своей жене Шуре, что ему хотелось бы порисовать. Такого желания в доме никто никогда не выражал, никаких рисовальных принадлежностей не оказалось. Но Пряничков не успокоился, стал спрашивать, нельзя ли что собрать по соседям. Дочка вспомнила, что живущий наверху тринадцатилетний Юрка Воронин занимается в Московской художественной школе. От щедрого Юры Пряничков вернулся с листом полуватмана и чешским механическим карандашом. Он разрезал лист на куски и попросил дочь позировать ему. Наташа натурщицей была плохой, она все время вертелась. Тем не менее Федя сделал рисунок, рассмотрел его и тут же, разорвав,

выбросил. Второй рисунок, для которого позировала жена, постигла такая же судьба, но третий, изображающий Шуру, и сейчас можно увидеть в коллекции доктора Крайковского из секции биоинформации. Перед тем как взяться за него, Пряничков, несмотря на поздний час, еще раз поднялся к Ворониным и попросил у Юры какое-нибудь пособие по рисованию. Оно нашлось, и весьма солидное — «Школа изобразительного искусства» в 10 томах.

Уже настала ночь, жена и дочка легли. Несколько раз, просыпаясь, Шура видела мужа то сидящим с карандашом в руке напротив их общей постели, то слоняющимся из комнаты в комнату. Ей спалось тревожно, она спрашивала себя, не повредился ли супруг в уме.

Пряничков заснул около четырех, встал в девять. Быстро позавтракал и тут же, на кухне, не вставая из-за стола, сказал, что им нужно продать сервант.

Померкни внезапно белый свет и высыпь на небе звезды, это не произвело бы на Шуру большего впечатления. Как раз главную-то часть гарнитура за 1600, на который долго и самоотверженно копили, и составлял именно сервант. Роскошный и властный, он в течение нескольких

лет был предметом мечтаний и теперь, можно сказать, доминировал в жилище Пряничковых, как собор в средневековом городе. Сервант намеревались со временем заполнить сервизами и хрусталем, без него дом делался не домом, семья — не семьей.

Слезы из Шуриных глаз прожгли мыльную пену в раковине водопровода. Но Федя погладил жену по плечу и объяснил, что дома много вещей решительно никому не нужных при том, что нехватает необходимого. Шура в смысл его слов не вникала, ибо все происходящее могло для нее означать только, что Пряничков собрался подать на развод. Однако тут ее взгляд упал на последний рисунок мужа, почему-то оставшийся с ночи на подоконнике. Она безотчетно взяла лист и стала его рассматривать, всхлипывая. Незнакомая гордость вдруг затеплилась в ее сердце. Спящая молодая женщина на рисунке была и похожа и непохожа на настоящую Шуру. Плечи, шея вроде были те же, но все обволакивали теплота и поэзия, каких Федина жена за собой и не подозревала.

Пряничков воспользовался заминкой, быстро вызвал по телефону мебельный комиссионный. Через сорок минут оттуда прибыл самоуверен-

ный красавец — заместитель директора, а за ним трое молодцов-грузчиков, которые тяжко, словно ломовые лошади, вздыхали и топтались на лестнице, заранее показывая своим поведением, сколь нечеловечески велик предстоящий им подвиг.

Квартира к этому моменту уже выглядела, как после землетрясения. Из книжного шкафа Федя успел выгрести первый внешний ряд книг, за ним во втором слое обнаружились подписные Томас и Генрих Манны, трехтомная «История кино» и еще много разного. Все вещи были стронуты с привычных мест, стопа досок громоздилась на кухне, и стену большой проходной комнаты обмерял дядя Ваня — водопроводчик, по совместительству столяр, электромонтер, натирщик полов и в целом всеобщий домовой работник.

Элегантному замдиректора Пряничков предложил не только сервант, но и столь же драгоценный журнальный столик, могучий книжный шкаф, торшер с двумя рожками и трюмо. За это последнее Шура стала грудью, как тигрица, охраняющая дитя. Однако в Феде теперь возникла какая-то мягкая настойчивая убедительность. Он сначала согласился с доводами жены, но потом развил их дальше, в результате оказалось, что

трюмо действительно без всякой пользы стоит в маленькой комнате, занимая место и бесцельно отвлекая на себя умственную энергию. И в конце концов Шура махнула рукой.

Пока замдиректора выписывал квитанции, бросая кокетливые зазывные взгляды на Пряничкову-старшую и даже, по инерции, безотчетно, на Пряничкову-младшую, двенадиатилетнюю Наташу, трое богатырей со стенаниями и бранью взялись за сервант. Они так ожесточенно спорили и так громко жаловались, что могло показаться, будто еще ни разу в жизни им не приходилось выносить из квартиры что-нибудь большее, чем табуретку. Поэтому удивительной была легкость, с которой сервант под аккомпанимент непрерывных воплей вдруг выплыл на лестницу.

Тут же в раскрытых дверях возник скромного вида работник из букинистического — Шура потом вспомнить не смогла, когда муж успел вызвать и этого. Специалисту по книгам Федя отдал «Детскую энциклопедию», «Историю кино» и целый десяток толстых подарочных изданий вроде «Молодежь в искусстве» или «Балет Большого театра». Хотел было отдать и Томаса Манна, но, раскрыв один томик на случайной странице, задумался, отложил.

Шура чувствовала себя среди этого разгрома, как на вокзале во время посадки, когда сам не едешь. Она не знала, куда сесть или куда стать. Со всех сторон на нее что-то двигали, предупреждающе гикали. Но когда была вынесена мебель, когда у стены воздвиглись наскоро сработанные книжные полки, в квартире вдруг стало не только просторно, но молодо и по-странному освобожденно.

Реформы, однако, на этом не кончились. Пряничков продажей занимался невнимательно, квитанции подписывал не глядя, деньги за книги принял не считая. Он все к чему-то стремился, внутренне был уже не здесь и, рассчитавшись с дядей Ваней, вручив трем рыдающим атлетам десятку, которая их тотчас успокоила и сделала безразлично грубыми, отправился в центр. Но не в редакцию, поскольку у него был личный выходной взамен отработанной прошлой субботы, а по магазинам. Домой он привез мольберт, этюдник, коробку с масляными красками, холсты на подрамниках и еще несколько пакетов.

Было еще только два — полносветный, ослепительно солнечный день. Федя быстро пристроил у затененного шторой окна мольберт, этюдник на ножках и, ежеминутно консультируясь со

«Школой изобразительного искусства», принялся писать — то чашку, то спичечный коробок. Мольберт вдруг показался ему неудобным — он переделал его с помощью нескольких столярных и слесарных инструментов, приобретенных на улице Кирова. Быстрота, с которой он начал и кончил переделку, поразила жену.

Потом Шура поехала на вечернюю смену в Центральный телеграф, а к Феде присоединилась Наташа. Успехи дочери были невелики, Федя же прогрессировал в удивительном темпе. Написанный им карандаш хотелось приподнять пальцами, а чашка столь выпукло лезла с холста, что казалось — вот сейчас упадет и — в скорлупки.

Однако не сходство было для Феди конечной целью.

Когда жена приехала в полночь, Пряничков, пользуясь все той же «Школой», учился рисовать глубокое синее небо, как на картинах итальянского Возрождения, и отчетливые части зданий в манере Каналетто. Он откровенно списывал с репродукций, и Шура видела, что получается.

На следующий день — то была суббота — Федя встал в шесть и чрезвычайно устремленно за три часа написал в старинном стиле воображаемый

пейзаж с путниками, которых он почему-то одел в трико красного цвета. Пряничков был так поглощен работой, что как бы проснулся и осознал, где находится, только закончив вещь. Прошелся по комнатам, насвистывая, обнял жену, поцеловал дочь в белокурую макушку, позавтракал, похвалив свежий орловский хлеб, — домашние никогда не видели его таким оживленным.

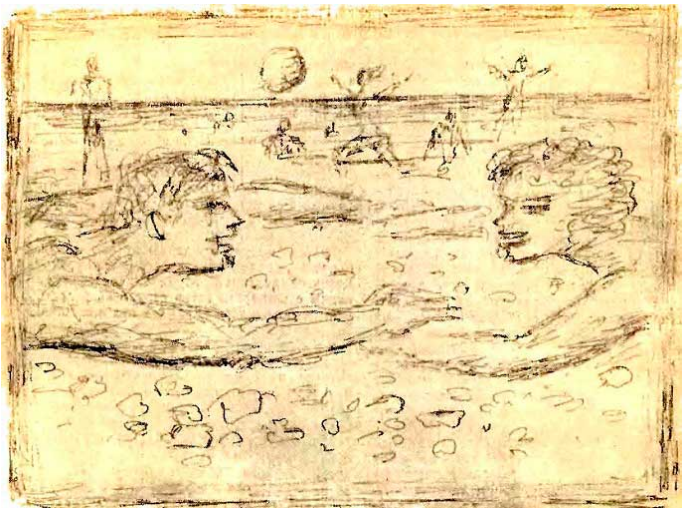
Затем, действуя с прежней энергией, Федя поехал на Преображенский рынок, где за овощными рядами помещается комиссионный магазин, принимающий все — от ношеных ботинок до произведений искусства. Пейзаж оценщику понравился, он предложил за него пятнадцать рублей. Пряничков протянул было свой паспорт, но тут выяснилось, что он же является автором вещи. Оценщик возвратил ему пейзаж и посоветовал обратиться в закупочный фонд Министерства культуры РСФСР. Федя на площадь Ногина не поехал, а вместо этого дома в течение получаса теребил свое произведение, прогревал и коптил его над газовой плитой. Когда произведение приняло достаточно затертый вид. Пряничков вызвал такси и отправился на Гостиничную улицу в антиквариат. Сидевшая там в подвале очень современная девица в четы-

рехугольных очках, в клетчатой короткой юбке пейзаж в руки не взяла, велела поставить его к стенке, издали, закинув ногу на ногу, рассматривала минуты две, а затем решительно отнесла вещь ко второй трети XVIII века. Ее несколько смутили странные путники в красном, она позвала еще одного специалиста, вдвоем они спорили некоторое время, переходя порой с русского на французский, немецкий и английский, презрительно игнорируя Федю, который помалкивал. В конце концов «Пейзаж с замком и путниками» был оценен в двести шестьдесят рублей и выставлен с табличкой «Ин. школа», каковая надпись означает, что неизвестны ни автор, ни страна, ни эпоха. Федя еще отирался в магазинном зале, разглядывая старинные подсвечники и всякие другие интересные штуки, как турист в замшевых штанишках ткнул пальцем «Путников». Тут же все было оприходовано, снято, сбалансировано, Пряничков получил деньги и пошел в авиакассы на Черкасском переулке.

На улицу Кондратюка он приехал к трем часам и сказал домашним, чтобы приготовили купальные костюмы, так как все они отправляются на воскресенье в Ялту — билеты на самолет уже при нем.

Аэродром, белоснежный «Ту», улыбающаяся стюардесса, Симферополь, автомобиль, и — море, которое возле Алушты синей стеной встало до горизонта… Ночевали в частном саду на топчанах, виноград спелыми гроздьями висел на лозах — рубль кило, — и волны до утра шуршали галькой, подмывая берег.

Днем на пляже Шура стала робко допытываться, зачем они приехали. Муж ответил: затем, чтоб доставить ей удовольствие. Шура сказала, что поездка стоит слишком дорого, а Федя возразил, что нет в мире ничего слишком дорогого для такой женщины, как она.



Вечером шуршали шины автомобиля, в обратном направлении проносились Гурзуф, Артек, Бахчисарай. Шура сидела впереди рядом с шофером, ветер струил ей волосы. Она думала о том, какая же она женщина. На лице у нее было загадочное выражение, как у Ларисы Огудаловой в фильме режиссера Протазанова «Бесприда-

ница». Федя смотрел по сторонам, стараясь запомнить проносящиеся пейзажи, чтобы потом нарисовать их. Он уже понимал, что своими вдруг родившимися художественными талантами обязан белой таблетке, овеществленным формулам бородача. Мысль о выкинутой тетрадке мелькнула в его сознании, но он успокоился, сказав себе, что до понедельника ее не успеют унести — журнальная уборщица работала на полставки и по пятницам в редакции обычно не появлялась.

…Снова юг Советского Союза повис под ними на восьмикилометровой глубине. Начало темнеть. Млечным Путем разбежались по горизонту огни Москвы. На улицу Кондратюка приехали ночью. Квартира без гарнитура, разоренная, пустая, напоминала жилище гения.

В понедельник в девять Федя вышел из дому, и мир ударил цветом, звуком, запахом. Асфальт был уже не просто фиолетовым, в нем играли, лоснились красные, желтые, коричневые оттенки, он каменел в местах, где только что подсохли лужицы ночного дождика, а на солнце ласково уступал подошве. Облачные замки воздвиглись в небе, раскинувшемся над просторным предпольем Всесоюзной Выставки. Сияли кресты

древней церкви возле гостиницы «Золотой колос», ракета рвалась в космос с обелиска, а позади на дальнем плане тонула в сизости и голубизне синяя игла телевизионной башни. Лирической поэмой шла к автобусной остановке длинноногая девушка, короткими стишками гонялись друг за другом на газонах завтрашние первоклассники. Праздновался замечательный юбилей — ровно сто миллионов дней прошло с того момента, который прокатился над задымленными пещерами сто миллионов дней назад. И в то же время все только начиналось, как раз до этого мига доехало длинное прошлое, отсюда распространилось будущее.

В редакции еще никого не было. Пряничков ключом отворил свою комнату, испугался ее чистоты и сразу шагнул к корзинке, куда трое суток назад опустил тетрадку в дерматиновом переплете. Но корзинка была пуста, и суровые железные ящики во внутреннем дворе Химического музея тоже стояли чистые и даже продезинфицированные, — дворник доверительно сообщил, что заполненные вывезли четверть часа назад. Федя проконсультировался относительно места расположения свалки и поехал в Хворостино. Он все же надеялся. Но когда такси остановилось

на краю гигантского поля, сердце у него заныло. Вдаль, куда хватал глаз, раскинулись монбланы и казбеки мусора. Сразу стало понятно, что игра не стоит свеч — тетрадка, принесенная в четверг мужчиной с вещмешком, практически перестала существовать.

Федю ждала работа. Вернувшись в журнал, он поставил на стол машинку, снял пиджак и, не разгибаясь, ответил на все читательские письма, что накопились с последнего крупного разговора в кабинете ответственного секретаря. Это был каскад, водопад. Потрепанная немецкая «Оптима» стрекотала и лязгала час за часом. Готовые листы, мелькнув белизной в воздухе, вспархивали с каретки с интервалом в шестьдесят секунд. Такого плотного симбиоза человека с пишущей машинкой еще не видывали в редакции — застыл с отвалившейся челюстью завлитотделом, заглянувший было выкурить сигаретку, и только покачал головой и прикрыл за собой дверь бывалый заместитель редактора.

Однако главное состояло не в скорости печатанья, а в изобилии мыслей. Каждый из нас прочитывает за жизнь бесконечно много, каждый не помнит из прочитанного почти ничего. А Федя вдруг вспомнил. Вся бездна концентрированной,

отредактированной премудрости, заключенной в печатном слове, — лавина строк, которая по большей части бесследно, будто намыленная, проскальзывает по нашему сознанию, явилась теперь к нему и раскинулась ожидая. Пряничкову оставалось только отбрасывать лишнее. Сам себе энциклопедия и даже целая библиотека, он мог цитировать любого классика с любого места и не забыл даже того, что значилось на обрывке «Вечерней Москвы», в который мама завернула ему бутерброд еще в шестом классе.

За двести минут, регулируя напор собственных и чужих мыслей, Федя ответил на сто двадцать писем — несколько ответов были затем опубликованы статьями в разных газетах, пятнадцать наиболее пространных вышли отдельной брошюрой под названием «Боги живут на Земле».

Кроме того, в этот день Пряничков сделал свое первое изобретение, написал новую картину и выучился играть на рояле.

С изобретением было так. Когда Федя отпечатал последнее письмо, выколотил опустевший ящик и потянулся, к нему вошел посетитель.

Пряничков тотчас встал, поздоровался, отрекомендовался, спросил имя и отчество вошедшего, поставил ему стул и сам уселся напротив. Посе-

титель оказался ходоком от сектантской общины в городе Заштатске, он принес для рассмотрения кусочек лат Георгия Победоносца. Федя повертел в руках темный ноздреватый осколок, подумал и предложил сходить в Институт металлов, чтобы приближенно установить время выплавки. Тут же он созвонился с кем надо было и вместе с ходоком поехал в институт, где священный обломок был бесспорно определен как часть казахского котла для варки бешбармака. Обстановка научно-исследовательского учреждения со сложной аппаратурой, но еще более Федина доброжелательность так ошарашили ходока, что он на месте отрекся от своих ошибочных верований и сейчас является лучшим пропагандистом-антирелигиозником заштатского районного отделения Всесоюзного общества «Знание».

Пряничков же познакомился в институте с сотрудником лаборатории усталости металлов и, разговаривая, вошел с ним в большую комнату.

— Вот здесь и работаем, — объяснил сотрудник. — Подвергаем образцы металла знакопеременным нагрузкам, потом изучаем структуру излома… Но это все ерунда. Понимаете, пружинка может гнуться в одну и другую стороны сто тысяч раз, а потом ломается. Причем неожиданно.

Пряничков между тем жадно оглядывал лабораторию.

— А как вы испытываете образцы, трясете? — спросил он.

— Трясем. Ультразвуком.

Рядом стоял черный ящик генератора. Отдельно в маслинной ванне купался вибратор.

Федя посмотрел в дальний угол.

— А это что?

— Это для рентгеноструктурного анализа. Рассматриваем место излома.

Пряничков нервно покрутился по комнате, потом спросил:

— Есть у вас триод на высокое напряжение?

…Короче говоря, он предложил синхронизировать импульсы рентгеновского излучения с ультразвуковыми колебаниями вибратора так, чтоб лучи подхватывали пружинку только в момент наибольшего отклонения; тогда она казалась неподвижной и можно было наблюдать постепенное изменение структуры. Патент на «Способ получения лауэрограмм упруго деформированного кристалла» был выдан впоследствии под № 700505 и явился первым из четырех, врученных Пряничкову в тот памятный год.

Но понедельник на этом не кончился — было

только пять.

Простившись с воодушевленными сотрудниками лаборатории, проводив на Казанский преображенного сектанта, Федя приехал домой и сел к мольберту. Поскольку написанная картина была им продана, он счел предварительный период оконченным и взялся за свое личное. Странным образом он ничего не использовал из того, чему обучался — то есть классического синего неба и даже освоенной им иллюзии сходства. Перед Наташей и Шурой постепенно возникает кусочек столицы ранней весенней поры, когда еще не вполне стаял снег, а перспективу улицы заволакивает мутный воздух и единственным ярким пятнышком светит огонек светофора. На полотне было утро, рабочая и служащая Москва катила к местам работы, Шура узнала проспект Мира возле Ново-Алексеевской. Особых примет времени не было, но ощущалось, что это как раз наш год, эпоха спокойного труда, семейных и бытовых радостей, некоего размеренного существования, накопления сил перед новым скачком.

Пряничков назвал свою вещь «Пассажиры метро», и хотя никакого метро там не было, название очень подходит. «Пассажиры» находятся сейчас в зале № 49 Третьяковской галереи, где читатель

и может полюбоваться ими, если, конечно, его визит не совпадет с открытием какой-нибудь очередной выставки — в этих последних залах экспозиция то и дело меняется, одно убирают, другое вешают, и ни в чем нельзя быть уверенным.

Федя писал до восьми, а в Восемь к Наташе пришла учительница музыки. В большой комнате у Пряничковых стояло пианино «Рёниш», на котором Федина дочка уже третий год подряд одолевала «Старинную французскую песенку» Чайковского. Эти занятия в семье рассматривались как выполнение некоего общественного долга: супруги даже не слышали звуков во время урока.

Теперь Федя услышал и начал кивать за своим мольбертом в такт исполнению, нахмуривая брови при Наташиных промахах. Когда положенный час подошел к концу, Пряничков поднялся, перенес стул к пианино и спросил, с чего, собственно, начинают обучение. Преподавательница, Иветта Митрофановна, была молода, перед родителями своих учеников робела. Она неуверенно показала запись нот на нотном стане и их расположение на клавиатуре.

— Дальше, — сказал Федя, придвигаясь побли-

же к инструменту.

— Что «дальше»? — спросила Иветта Митрофановна.

— Как потом?

— Потом я добиваюсь, чтобы ученица запомнила.

— Я запомнил, — кивнул Пряничков.

Учительница посмотрела на него недоверчиво, сыграла несколько гамм, и Пряничков на малой октаве тотчас повторил их — первую так же бойко, как преподавательница, вторую еще ловчей.

Иветта Митрофановна повернулась к нему.

— Послушайте, вы учились.

— Нет! Честное слово, нет. — Пряничков был ужасно взволнован и весь дрожал. — Но давайте пойдем вперед, прошу вас.

И в голосе его и на лице было такое чистосердечие, что Иветта Митрофановна поверила. Она перебрала жиденькую пачку нот у себя в портфеле.

— Хорошо. Попробуем разобрать что-нибудь простенькое.

Наташа, которая из вежливости стояла тут же рядом, отступила потихоньку и отправилась к подруге. Шура вышла на кухню. До нее доносились голоса мужа и учительницы. «В фа-диез-мажор

будет уже шесть знаков», — говорила Иветта Митрофановна. «Понятно-понятно», — соглашался Пряничков. Потом послышались словечки вроде «стакатто», «пианиссимо», какое-то еще там «сфорцандо». Пианино дышало все шире, глубже, полной грудью.

Без пяти одиннадцать, глянув на ручные часики, Иветта Митрофановна откинулась на спинку стула и в испуге уставилась на Пряничкова.

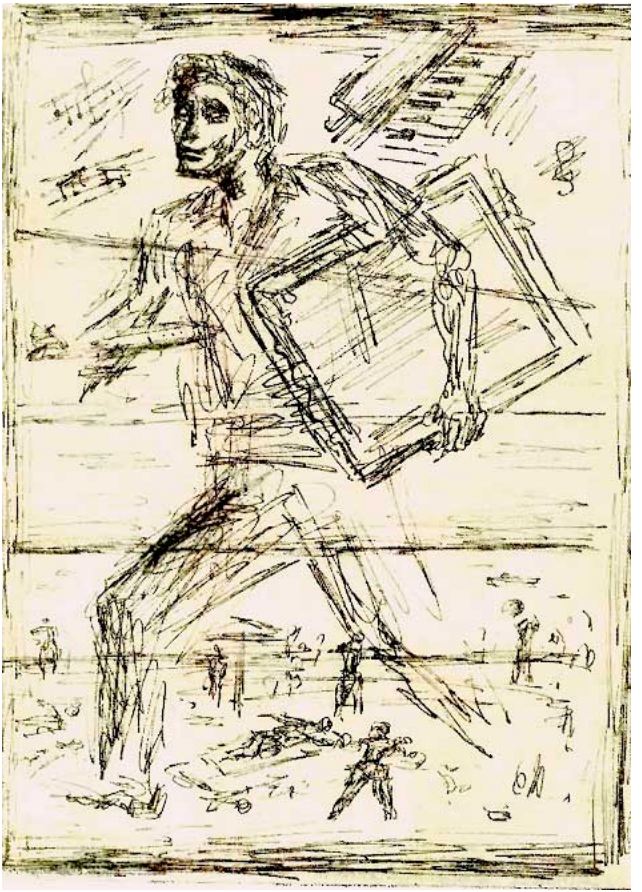
— Знаете, за два часа мы прошли пятилетний курс!

Федя кивнул, трепетно взял сборник «Избранных фортепьянных пьес», раскрыл на штраусовском вальсе. Пошептал, глядя в ноты, подался вперед, поднял руки… И сама беззаботная старая Вена явилась в комнату — танцевали кокетливые барышни в длинных платьях и веселые кавалеры. Изысканную учтивость неожиданно сменяло дерзкое легкомыслие, загадочная робкая мечтательность плела свой напев, снова уступая место неукротимому озорству. Длился бал, летели зажигательные взгляды. Потом танцоры устали, свечи начали гаснуть и погасли совсем.

Пораженный, Федя осторожно снял руки с клавишей, огляделся; казалось пианино вовсе и не принимало участия в том, что только что произо-

шло. Хрипло кашлянула в тишине учительница, вздохнула остановившаяся в дверях Шура.

Какие-то двое негромко переговаривались во дворе, параллельной улицей шел ночной троллейбус, негромко скрипя кузовом и свистя проволокой, прогрохотала переулком загородная уставшая грузовая машина, торопясь в дальний гараж, и отзвуком чуть слышно шуршали в комнате платья разошедшихся танцоров. Прошлое связывалось с настоящим, плоский мир стал объемным.



На следующий вечер Пряничкова слушал муж Иветты Митрофановны, молодой, бледный музыкант-исполнитель с растрепанной шевелюрой. В среду Федя дважды играл перед почтенными преподавателями Консерватории, и его там таскали по метод-кабинетам. В четверг раздался телефонный звонок из Филармонии, и сам Чернокостельский предложил открытые концерты с поездкой по Советскому Союзу.

Но Пряничков занимался уже не только музыкой. Во вторник он притащил домой купленный по случаю за 350 рублей миниатюрный токарный станок, в среду — пишущую машинку. В этот же вечер он что-то вытачивал, в четверг утром ни с того, ни с сего написал этюд о Бальзаке.

В редакции, на работе, в его манере общаться с авторами появилось что-то напоминающее князя Мышкина из Достоевского. Пряничков стремился как бы слиться с собеседником, полностью стать на его точку зрения и лишь отсюда начинал рассуждать, поминутно сверяясь с оппонентом, радуясь, даже если в конце концов приходил к выводу, отрицающему то, с чего он сам начинал. Плохие статьи вдруг перестали существовать, в каждой Пряничков находил интересное, вытаскивал это интересное вместе с автором, и если

материал не подходил для журнала, советовал, куда с ним пойти. Народ повалил в антирелигиозный отдел, за неделю Пряничковым было обеспечено целое полугодие. В ходе производственного совещания замредактора потребовал внести в резолюцию, что именно Фединым усилиями «Знания и жизнь» подняты на новую высоту.

Выполнял свою должность Федя легко. Утром, кончая завтрак, уже всей душой стремился в журнал, а к пяти тридцати начинал радостно предвкушать, что же сулит ему и семье вечер.

Дом Пряничковых, между тем, неудержимо менялся. Квартира стала чем-то средним между студией художника и ремонтной мастерской. Рядом с первым мольбертом возник еще один для Наташи, эскизы перемешались со слесарными инструментами, на столе расположились акварельные и масляные краски, на пианино раскрытые ноты. Пол — в прошлом предмет неустанных забот Шуры — был затертым, железные опилки въелись в щели между паркетинами. Часам к восьми приходили спецы из Института металлов, музыканты, которых навел муж Иветты Митрофановны, художники, журналисты. Повадился сильно ученый математик из

университета, который, толкуя, всегда смотрел вверх, вывернув шею, будто на потолке или в небе видел свои и чужие соображения уже отраженными и абстрагированными. Из Заштатска ехали родственники того сектанта, потом пошли знакомые этих родственников и родственники знакомых. Отличные это были вечера. Звучал рояль, составлялись конкурсы на лучший эскиз или карикатуру, вспыхивали дискуссии о судьбах человечества, читались стихи, порой тут же сочиненные. В час выговаривалось столько умного, сколько у прежних Пряничковых не набралось бы за пятилетку. Художники учили Федину дочку рисовать, пианисты показывали ей современные песенки. И Шура тоже постепенно делалась раскованной. Во время споров глаза ее сочувственно перебегали от одного говорящего к другому, иногда она уже готова была что-нибудь сказать, но всегда кто-то в комнате опережал ее, остроумно и живо. Она переводила взгляд на этого нового, и, в общем, всем очень нравилась.

В двенадцать, проводив гостей до метро, Пряничков помогал жене перемыть посуду. Вцвоем они стояли минуту-другую над заснувшей дочкой. Шура стелила постель, Федя, еще не исчерпавшись, бродил по комнатам. Пространство и время

были бесконечно содержательны. Сутки стали емкими, Пряничков спал часа по три.

Всего с 15 по 29 июля он оформил четыре патентных заявки в Госкомитет по изобретениям, сделал три картины маслом, около сорока рисунков и линогравюру. Он дал два фортепианных концерта в Малом зале Консерватории, написал восемь статей, сценарий для мультфильма, текст для номера с удавом в цирке и помирил подавших на развод соседей по лестничной площадке. Он принялся за роман, почти доказал теорему Ферма, стал учить жену английскому и выкапывать во дворе плескательный бассейн. Человек Федор Пряничков шел по небесам, его сопровождали зарницы.

А потом все кончилось.

...То есть оно кончилось не совсем сразу. В среду 28-го Пряничков сидел в редакционной комнате один и, пользуясь обеденным перерывом, составлял тезисы к докладу на Московском прогностическом обществе: «Нравственность — производительная сила». Он написал фразу «Будущее нельзя предсказать, его можно только сделать», и вдруг ему стало скучно.

Это было, как волна. Гостиничная улица за окном потускнела, по тротуарам шли не люди, а болезни и недомогания. Все выцвело, сделалось двумерным. Пряничков частично оглох и попал в какой-то вакуум.

Так длилось минуту, затем волна схлынула. Мир вокруг ожил и снова стал местом деяния и побед.

Но Федя предупреждение принял. Он мгновенно убрал тезисы в стол, не теряя ни секунды побежал к редактору, отпросился с работы, объехал несколько книжных магазинов и метнулся в «Реактивы» на улице 25 Октября. Домой он привез оборудование маленькой химической лаборатории, полтора десятка книг по органике, биологии, медицине. За вечер и ночь он перевернул несколько тысяч страниц, заставил себя вспомнить те строчки и абзацы, которые успел увидеть тогда в дерматиновой тетради, а утром приступил к опытам. Понимая грозящую опасность, он взвешивал, смешивал, возгонял, перегонял, выпаривал, поджаривал и к трем часам утра увидел, что успех близок. Длиннющая формула была собственноручно им выведена на листке из блокнота — C_xH_yO..., заключенные в квадратные скобочки, а далее в полном порядке

все эти CH_3N, ОС и СО, выстроенные ромбиками и трапециями, в которых прежде из всей редакции мог разобраться только Гурович, ведавший совершенно точными знаниями, да и то без энтузиазма. И в пробирочке на дне хлопьями выпало в осадок некое белое вещество.

Федя вздохнул счастливо и утомленно. Играли невидимые оркестры, сверхзвезды ощутимо взрывались в дальних краях нашей Галактики.

Он поднял руку, но в этот миг оркестры умолкли, мир стал сужаться все стремительней и стремительней и в конце концов весь ограничился низкой, душной комнатой на улице Кондратюка.

Федино лицо переменилось, он брюзгливо вытянул губы, с неудовольствием глядя на пробирку. Протянутая рука опустилась.

…Шура пришла в шесть, молодая, оживленная, с новой прической. В проходной комнате мужа не было, стол загромождали колбы, реторты, змеевик, пахло химией. Шура прошла в маленькую.

Пряничков сидел у заросшего за последние недели пылью телевизора и тупо смотрел на экран. В стекле передвигались безликие фигурки, бегало светлое пятнышко. Раздавался монотонный голос комментатора: «Парамонов… Петров… Пас к Маркарову… Опять Парамонов… Петров…»

И это был конец.

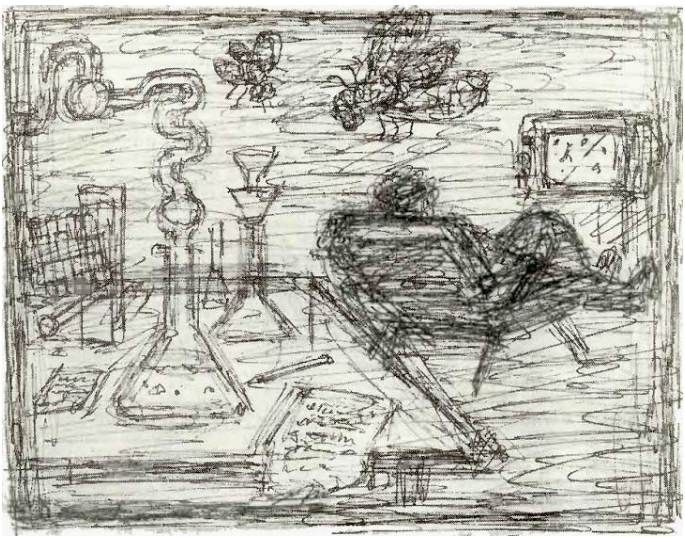
Услышав дыхание за спиной, Федя поднял на супругу унылый взгляд, не здороваясь, сказал:

— Ты..., это... Убери там.

Шура сразу все поняла, шагнула назад, тихонько переоделась у шкафа... Зазвенела химическая посуда, ссыпаемая в ведро. Листок с формулой привлек внимание Шуры, она заглянула с ним к мужу.

— Тоже выбросить?

Пряничков не повернулся и не ответил.



В последующие дни сами собой рассасывались, исчезали инструменты и ноты, один мольберт, другой. Понемногу реэмигрировала мебель — торшер с двумя рожками, трюмо. В конце августа торжественно въехал и воцарился сервант.

Еще около месяца, правда, по инерции, при-

ходили верстки, сверки статей и рассказов, раздирался в прихожей телефон, призывая Пряничкова на обсужденья. Несколько вечеров еще заглядывали было новые знакомые, но Федя смотрел на гостей с такой угрюмой подозрительностью, что вскоре все визиты прекратились.

Сейчас в доме Пряничковых девочка со своими уроками теснится где-нибудь на уголке полированного стола, откинув край скатерти. Шура употребляет субботу и воскресенье на уход за многочисленными лакированными поверхностями. Лоснится навощенный пол, и родственники, приезжающие по обязанности раз в два месяца, в передней снимают ботинки и туфли, как перед входом в мечеть, сидят смирно, помалкивают.

В редакции «Знаний и жизни» опять думают, отчего бы это Пряничкову не перейти в какой-нибудь другой журнал. Авторов он не ставит ни во что, а когда ему пытаются возражать на «Все уже было» и «Ничего не выйдет», все сказанное падает в яму его сознания мягко, без отклика, как ветошь, и копится там неподвижной кучей, неразобранной, стылой.

Эпоху своего короткого взлета Федя вспоминать не любит. И только редко-редко, когда он один в квартире, а по радио передают настоящую

прекрасную музыку, им овладевает беспокойство, маленькие глазки расширяются, в них возникают жалобы и тоска, как у собаки, которая хотела бы принадлежать к миру людей, но понимает свою безгласность и мучается этим пониманием. Что-то заперто в его душе, забито, отгорожено сплошными железными обручами от того ряда, где могло бы стать чувством, мыслью, действием.

Такова история, приключившаяся с Федей Пряничковым. И она наводит на некоторые размышления.

Интересно было бы, например, припомнить в этой связи опыты доктора Крайковского, которые тот начал еще задолго до появления в Москве бородатого незнакомца. Крайковский гипнотизировал добровольцев, в этом состоянии предлагал им рисовать, и за несколько сеансов испытуемые достигали уровня выпускников средней художественной школы. Если с кем-нибудь ничего не получалось, Крайковский брался за обучение такого человека музыке, либо чему-нибудь еще и в результате пришел к выводу, что людей следует делить на группы не по способностям — одни талантливы, а другие нет, — а по тому, как, в какой форме тому или иному лицу удобнее свои

таланты материализовать.

Не исключено, что доктор как раз и прорывался сквозь те железные обручи, которые таблетка на время разрушила у Феди.

Крайковскому же принадлежит мнение, высказанное, естественно, без всякой абсолютизации, что гипноз не есть сон, а скорее пробуждение. Тут он опять-таки предвосхитил бородача, написавшего в своей тетрадке, что, мол, множество людей, как правило, спит.

Ну, а что, если это так на самом деле?

Если многие из нас частично спят не только в смысле нормальных ежесуточных семи-восьми часов, а в более широком плане? Ведь, вероятно, есть даже такие бедняги, что всю жизнь до последней минуты проводят, проживают в какой-то дреме, запертыми, хотя и выполняют вроде бы все, что человеку положено, кончая школу и вуз, заводя детей, где-то работая и получая порой поощрения, но так и не просыпаясь.

Вместе с тем, невольно задаешься еще одним вопросом. Раз такой вот Федя смог радужно расцветиться, приняв таблетку, отчего это недоступно всем, в том числе и просто рядовым гражданам, как, например, мы с вами, многоуважаемый товарищ читатель?

А с другой стороны, обязательна ли химия, нельзя ли как-нибудь без нее обойтись? *(!!! — Ред.)*[15] Проснулась же Наташа — вот именно, Наташа, Федина дочка. Что-то соскочило в ней, она пробудилась, сдвинулась со своей «Старинной французской», пошла вперед и с каждым днем идет все быстрее. Тоненькая такая, а как сядет за инструмент… И это при том, что Пряничковы от уроков отказались, ибо уроки напоминали Феде о недавнем прошлом. Однако Наташа сама встречается с Иветтой Митрофановной, а недавно муж этой учительницы — встрепанный музыкант — водил девочку в училище имени Гнесиных, там послушали и сказали, что примут.

Другими словами, нет ли чего-нибудь такого в современной атмосфере, что само по себе начинает нас открывать и пробуждать? Может быть, и не надо обвинять в предательстве того бородатого здоровяка, который позволил своему изобретению погибнуть, — бородача этого, кстати, долго искали потом, искали по четвергам и не четвергам, до ливней и после, но так и не нашли. Возможно, что он даже сознательно пошел на некую демонстрацию, а там предоставил про-

[15] notes: 15

Означенное безответственное суждение редакция журнала «Химия и жизнь» полностью оставляет на совести автора рассказа.

цессу развиваться самостоятельно — рассудил, что получить способности от таблетки кой-кому показалось бы унизительным.

Дело, видимо, в том, что в течение сотен тысячелетий человека давила природа, да и его собственные собратья тоже не слезали с шеи, — приходится ли удивляться, что некоторое хорошее в нем приторможено и частично спит. Но теперь это позади, родилось новое, и не пора ли всем окончательно пробудиться...

В чем, собственно, вопрос-то?

Рисунки В. Янкилевского

1970

№№ 1–4

Север Гансовский

Винсент Ван Гог

Научно-фантастическая повесть

~~**Печатается в сокращенном виде.**~~ **Полный текст.**

В. Ван-Гог. Автопортрет

Нравится, да?... Ну правильно, конечно. Не просто нравится, а открывает какой-то другой мир,

вернее, сдергивает занавес, позволяет увидеть все вокруг свежими глазами. Материя живет, чувствуешь, как в ней кипят атомы и частицы. Предметы, явления раскрывают свою суть, все связывается со всем, начинают просвечивать грани иных измерений. Не правда ли, один из первых живописцев Голландии не уступает тем старинным вроде Рубенса или Ван Дейка. Но все свое, неповторенное. Кажется, как будто он ни у кого не учился, а если и учился, не использовал того, что узнал. Кубисты потом хотели сделать его своим предтечей, предшественником, но Винсент-то Ван Гог, я вам доложу, не отказывался от ответственности за мир. Наоборот, взял его на плечи, понес и пал, в конце концов, под этой ношей. И все в одиночку… Я с ним, между прочим, был довольно хорошо знаком. Встречался в разные периоды его жизни, нырял к ним, знаете ли, в предпоследнее десятилетие XIX века из последнего десятилетия нашего XX. Вся штука началась после того, как прошли эти Законы насчет путешествий во времени, помните?… Хотя откуда вам помнить, вы этого вообще не знаете. Да вы садитесь, садитесь вот здесь — на этот стул можно, он не музейный. Просто я его приношу с собой, чтоб кто-нибудь мог отдохнуть. Приятно

ведь посидеть после того, как набегаешься по залам. Впрочем, вы как раз не из тех посетителей, что, высунув язык, носятся от фараонов к абстракционистам, за два часа успевают обскакать все мировое искусство и только для того, чтоб рассказывать после знакомым, что вот, мол, я ничего не пропустил. Слышали, наверное, эти разговорчики: «А «Джиоконду» вы видели?..» — «Видел». — «А вы «Купальщиц» Ренуара видели?..» И как только заверят друг друга, что все видели, говорить больше не о чем, как будто речь шла о прививках. Но на вас я сразу обратил внимание, как вы стали перед «Кипарисами», и минут на десять.

Так о чем мы начали — о путешествиях во времени. Понимаете, когда политические деятели усвоили, что прошлое лучше не ворошить, и отступились, в Камеры, во Временные эти Петли, хлынул другой народ. Ученые, художники, коммерсанты, вообще черт знает кто. При каждой Камере был, разумеется, учрежден совет, который состоял первоначально из старичков-академиков. Врывается к ним какой-нибудь историк, бьет себя в грудь — ему, мол, до зарезу нужно уточнить кое-какие детали битвы при Гавгамелах. Бионик выкрикивает про динозавров, кинорежиссер

клянется, что у него задуман фильм на сюжет крестовых походов. Заявлений куча, те, кому отказано, злобствуют, распространяют слухи. Старички побились-побились, открыли, так сказать, ворота. И началось. Публика ринулась во все века и ко всем народам, в самые отдаленные эры вплоть до каменно-угольного периода. Везде суетятся, путаются под ногами, лезут с советами. Запакостили всю историю, житья никому нет. Особенно везде приелся тип всезнайки — бывают такие дурачки, которые, если смотрят в кинотеатре детектив второй раз, никак не могут удержаться, чтоб не испортить окружающим удовольствие, подсказывая, что дальше будет. Приходит, например, в Италию 1455 года к великому Клаудио Мадеруцци этакий самодовольный дуб и сообщает: так, видите ли, и так, умирать вам все равно в нищете. Клаудио, натурально, расстроен, лепить, рисовать бросает. Пошел по кабакам — и на тебе, итальянское Возрожденье уже не имеет Мадеруцци, а только одного Леонардо да Винчи, который в прежнем-то варианте был названным братом Клаудио и с ним вдвоем даже написал несколько картин… При этом не только прошлое стало страдать, а и наш 1995 год, потому что сюда тоже зачастили из более отдаленного

будущего. Только начнешь что-нибудь делать, тебе такого наговорят, что руки опускаются. И вот когда всем уже стало невмоготу, собрались правительства стран, имеющих Временную Петлю, установили связь с путешественниками из других будущих веков и вынесли решение, чтоб все эти номера прекратить. Хочешь смотреть прошлое, смотри, но не вмешивайся. Издали Всемирный Закон об Охране Прошлого — пускать только таких, кто, хоть умри, не признается, что он из будущего и тем более мешать никому не станет. Все эту конвенцию подписали, а перед тем как разъехаться, сдернули еще некоторые самые вопиющие завитки. Восстановили, например, Колумба, потому что был уже такой вариант, когда совсем не Колумб открыл Америку. К нему тоже, знаете, явился какой-то болван и с планом в руках доказал, что, следуя через Атлантику на запад, в Индию тот не попадет. «Ах, не попаду, — говорит тогда Колумб, — ну и пусть, не стану мучиться». В результате Америка так и осталась неоткрытой, открыли ее только еще через сто пятьдесят лет, когда просто стыдно было не открыть…

Что вы сказали — «Будущее уже существует»… Да, естественно, существует. Вместе со всей суммой времен от первого мига в бесконечность. И

прошлое и будущее — все существует одновременно и при этом каждое мгновенье меняется. Как раз поэтому у нас нет настоящего, которое было бы статикой, неподвижностью. Верно же, нету? Куда ни посмотришь, все либо уже прошлое, либо еще будущее… Впрочем, это философские вопросы, в которые я забираться не стану. Вернемся к тому, с чего мы начали, то есть к Винсенту Ван Гогу. Если хотите знать, только благодаря мне вы и можете видеть тут в Лувре его произведения. Не пожалей я в свое время этих картин…

Короче говоря, с 1995 года эти поездки поставили под строжайший контроль. Каждый кандидат проходит двадцать всевозможных комиссий, представляет характеристики о нравственной устойчивости, начиная чуть ли не с ясель. Да еще докажи, что действительно надо, продемонстрируй, как будет достигнута полная незатронутость. В Лондоне, например, целый год готовились, чтобы сделать коротенький телефильм о Генрихе VIII, и им разрешили снять с воздуха пир рыцарей, только когда было доказано, что эти аристократы никогда не смотрели вверх, в небо — бывают ведь такие люди, что с определенного возраста всю остальную жизнь уже никогда не поднимают голову, чтобы глянуть на облака, си-

неву или звезды. А когда, скажем, снимали лагерь Спартака в 73 году до пашей эры, оператор замаскировался на самой вершине Везувия, работал через сильный телеобъектив, и было условлено, что если к его тайнику кто-нибудь подойдет ближе, чем на полкилометра, он, чтобы скрыть следы, бросится в кратер вместе со всей своей аппаратурой. Таких, в общем, наставили рогаток, что пробиться никто не мог, и эти Временные Петли чуть ли не постоянно бездействовали.

Но, как вы знаете, закон на то и закон, чтоб его обходить. Свои подписи на торжественном документе поставили полномочные представители нескольких государств, но отнюдь не всякие там сторожа, техники и мелкие администраторы, работавшие при этих Камерах. Одним из таких техников оказался в 96 году некий мой знакомый с детства. Подчеркиваю, именно знакомый, а не друг — друзей я в ту пору вообще не заводил, потому что и один себя прекрасно чувствовал. Все мое было при мне. Два метра росту, широкие плечи, острый взгляд и быстрая реакция. Мне тогда как раз исполнилось двадцать пять, я уже успел с переулка, где родился, перебраться в собственный двухэтажный коттедж на Третьем Слое тут в Париже. А Третий Слой, как вы сами понимаете…

Хотя сейчас его еще нету… В небо я с младенчества не смотрел, находя на земле все, что мне нравится. И вот однажды по осени попадается мне возле ипподрома этот Кабюс и сообщает, что работает при Временной Петле. Глаза у меня сразу загорелись, спрашиваю, неужели все-таки кто-нибудь ездит потихонечку в прошлое? Он отвечает, что ездят, почему бы не ездить, если с умом, но требуется большая затрата энергии, которую, чтоб в Институте ничего не заметили, нужно покупать где-то на стороне и перекачивать. Я выражаю согласие вложить капитал, и мы задумываемся, что же, собственно, привезти из прошлого. Золото или там драгоценные камни отпадают, поскольку и то и другое изготовляется синтетически. Остаются произведения искусства и, в частности, произведения выдающихся художников. Начинаю наводить справки и узнаю, что один из самых ценимых живописцев минувшего столетья — Ван Гог. Иду в Национальную библиотеку, поднимаю материал и убеждаюсь, что нескольких лет не хватило бы, чтоб прочесть все о нем. Винсент Биллем Ван Гог родился в 1853 году, то есть почти за полтора века от нашего времени. Любил и был отвергнут. Отдался искусству, живя в нищете, написал около семисот картин.

Измученный бедностью и непризнанием, сошел с ума и в возрасте тридцати семи лет покончил самоубийством, выстрелив себе в грудь. Слава пришла к нему только после смерти, когда была опубликована его переписка с братом Теодором и другими людьми… Ну, что же, все это мне очень нравится — типичная биография для гения, лучшего и желать нельзя. Для последней проверки отправляюсь в лучший художественный магазин в Париже на бульваре Сен-Мари. Останавливаю первого попавшегося сотрудника и говорю, что хотел бы предложить подлинник Ван Гога. В зале сразу воцаряется тишина.

— Ван Гога?… Подлинник?

— Да, именно.

Посетители смотрят на меня. Продавец просит обождать, уходит, возвращается и предлагает пройти к владельцу салона. Поднимаюсь на антресоли. В маленьком кабинете все стены заставлены книжными шкафами, напротив окна в тонкой медной рамочке репродукция с «Подсолнухов» Ван Гога. Лысый элегантный господин здоровается, ставит на стол чашечку кофе. Он взволнован, но старается этого не показать. Спрашивает, что у меня есть. Говорю, что рисунок. «Какой именно?» Да так, отвечаю, мелочь — пастух

с овцами. Господин нажимает кнопку звонка, в кабинет входит согнутый старик с седыми усами, как две сабли, — этакая искусствоведческая крыса. Владелец салона вводит его в суть разговора, старикан выпрямляется, усы вскакивают торчком. Какой пастух — палку он держит в правой или левой руке? Что за местность кругом — деревья или голое поле? Темное ли небо и есть ли на заднем плане башня? Вижу, что передо мной их главный специалист по Ван Гогу. Отвечаю наобум, что пастух вообще без палки, нет ни поля, ни деревьев, и небо не темное, не светлое, а серое с белой дыркой посредине. Старик закусывает губу, нахмуривается, а затем начинает шпарить, как по-писаному: дрентский период, рисунок задуман тогда-то, сделан тогда-то, упоминания о нем есть в таких-то и таких-то письмах. Развертывается, одним словом, целая лекция. Мне все это не интересно и напрямик спрашиваю, сколько можно за такую вещь получить. Элегантный господин думает, затем осторожно говорит, что средне сохранившийся рисунок Ван Гога идет, мол, сейчас по одной, а хорошо сохранившийся — по две тысячи ЕОЭнов — при условии проверки на молекулярном уровне. Чтоб было понятно, скажу, что, располагая в 1996 году сотней, напри-

мер, тысяч Единиц Организованной Энергии, вы могли воздвигнуть себе небольшой индивидуальный остров в Средиземном море — даже в глубоком месте насыпать соответствующее количество земли, насадить парк, построить дом и провести дороги… Очень хорошо, очень приятно. На этом я удаляюсь, рассказываю все Кабюсу, и мы решаем, что если такое дело, надо брать из прошлого побольше. Я предлагаю спуститься в Париж столетней давности, то есть в 1895 год, когда художник уже умер, и его картины, пока еще ничего не стоящие, хранятся у вдовы брата Иоганны, которая впоследствии издала переписку Ван Гога.

Начинаем готовиться. Кабюс берет у меня пятнадцать тысяч ЕОЭнов и добавляет пять своих. Я приобретаю у нумизматов деньги той эпохи. Заказываю себе костюм — мешковатые длинные брюки в полоску, пиджак без плеч, черный цилиндр с мягкими изгибающимися полями. На шее тогда, между прочим, носили не галстук, а этакую темную ленточку. Все довольно неудобное, ощущаешь себя чучелом, но раз надо, то надо. Проходит две недели, приготовления закончены, погожим вечерком мы отправляемся в Институт на Клиши. Сонному охраннику Кабюс объясняет,

что я приглашенный на ночь хроноспециалист, и тот кивает. Коридоры, повороты, нигде ни души. Кабюс открывает своим ключом дверь во Временную Камеру. Техника была такая: указатель ставится на нужный год, месяц, число и час. Затем включение на полсекунды, чтоб бросить взгляд вокруг, еще одно на две секунды для более детального осмотра и окончательный перенос. Эти предварительные включения начали практиковать после того, как одного знаменитого палеонтолога материализовали за сто тысяч лет назад в каменный век прямо перед разинутой пастью пещерного льва.

У меня все прошло нормально. Оглянулся один раз, огляделся другой, и вот я уже в Париже 10 мая 1895 года в полдень воскресенья.

Забавная, скажу вам, штука попадать в чужое время. Первое, что всегда поражает — тишина. Если взять город моей современности или, к примеру, вот этой, 1970 года, то, несмотря на борьбу с шумом, дай бог услышать, что в двух шагах от тебя делается. У нас ближние звуки забивают все дальние. А тут явственно раздавались не только шаги прохожего неподалеку, но стук кареты за углом и даже слабенький звоночек конки квартала за три. Ну потом, конечно, отсутствие автомо-

билей, чистое небо, свежий воздух, из-за чего создавалось впечатление, будто все обитатели этого мира прохлаждаются на курорте. И какая-то претенциозность в людях. Каждый шествовал по улице со своим выражением на физиономии, причем явно насильственным. Женщина в черном платье до пят старалась показать, что она воплощенная скромность. У толстяка с золотой цепочкой через жилет значилось на лице, что он человек чрезвычайно порядочный, а у разносчика, тащившего большую картонку из магазина, — что отменно трудолюбивый. Любой прохожий как бы содержал в себе двоих: одного, которым был в действительности, и второго, каким хотел казаться. Мне в этой связи пришло в голову, что прогресс человечества — это кроме всего прочего, движение ко все большей естественности и непринужденности.

Возник я тут же на старом бульваре Клиши — собственно на том месте, где была Камера. Ну и побрел — приличный молодой человек, хорошо одетый, с тростью и большим саквояжем. Должен признаться, что меня одолела странная сумасшедшая радость. С трудом сдерживался, чтоб не выкинуть какую-нибудь штуку — разбить, скажем, стекло в витрине, перевернуть карету

или дернуть за нос разряженного щеголя, важно шествующего навстречу. Мой рост по сравнению с другими прохожими делал меня просто гигантом, я чувствовал, что при любой выходке могу остаться безнаказанным. Тут ведь еще не слыхали о том, что стометровку можно пробегать за 8,5, а в длину прыгать на девять и восемь. Меня б не догнал ни пеший, ни конный, а дойди до драки, я бы раскидал, пользуясь современными приемами бокса и самбо, любое количество полицейских. Вообще мог стать королем подпольного ночного Парижа, где не было радиопередатчиков, мотоциклов, дактилоскопии, подслушивающей аппаратуры, электронных сторожей и всех других будущих средств обнаружения и поимки преступника. С моей точки зрения, окружающие были маленькими и слабыми. Я их презирал и жалел одновременно.

Посмеиваясь про себя, прошагал одной уличкой, другой, миновал небольшое кладбище, подъехал одну остановку конкой, в которую еле втиснулся, плутал некоторое время в переулках и добрался до номера 8 по улице Донасьон.

Домик, крылечко, садик, клумбочки с цветами — все миленькое, игрушечное, дробное, не такое, как в нашем или в вашем времени. Дергаю

ручку проволочного устройства со звоночком — тишина, только пчелы колдуют над желтыми лилиями. Дергаю снова, внутри в домике какое-то шевеление, но дверь не отворяется. Рву эту проволоку третий раз, и на крыльцо, наконец, выходит женщина средних лет — глаза чуть навыкате, выражение лица испуганное. За ней старушка-служанка. Здороваюсь через забор и объясняю, что я иностранец, слышал о произведениях Винсента Ван Гога, которые здесь хранятся, хотел бы их посмотреть.

Хозяйка, эта самая Иоганна, несколько успокаивается. Старушонка отворяет калитку, поднимаюсь на крыльцо. Дом состоит из трех комнаток. В первой что-то вроде гостиной, вторая вся завалена папками и бумагами, третья, как я догадываюсь, служит спальней для мадам и для служанки. Обстановочка в целом бедная. Хозяйка спрашивает, от кого я слышал о картинах Винсента, я называю какие-то вычитанные в справочниках и монографиях имена. Она удовлетворена, на лице появляются оживленье и даже сдержанная скромная радость. Ведет меня на второй этаж в мезонин или, вернее сказать, чердак. Темновато, тесно, и здесь на грубых стеллажах расположены работы Винсента Ван Гога.

Подлинники.

Берусь их просматривать, и вдруг мною овладевает глубокое недоуменье. Почему он считается великим художником? В чем его гениальность? За что любители живописи готовы будут отдавать огромные деньги?... Понимаете, когда я смотрел репродукции в роскошно изданных альбомах и читал всевозможные славословия, это было одно. Но теперь картины передо мной на чердаке, у меня есть возможность увидеть их напрямую, а не через облагораживающую призму времени, и становится ясно, отчего ему удалось за всю жизнь продать только одно-единственное произведение. На пейзажах деревья двумя-тремя мазками, дома грубыми пятнами. Если он делает, например, огород, то не разберешь, что там посажено — капуста или салат. Нигде нет отделки, этакой, знаете, старательности, повсюду поспешность, торопливость, небрежность. Впечатление, будто все, что он видел, ему хотелось огрубить, исказить, искарежить. Я начинаю догадываться, что слава большинства знаменитых художников, а может быть, и поэтов — не столько их заслуга, сколько результат шумихи, которую позже поднимают всякие критики и искусствоведы. Попадись вам в руки пьеса Шекспира, поэма

Пушкина или гравюра Дюрера, но при условии, что вы слыхом не слыхивали ни об одном из трех, первое и второе показалось бы вам выспренним, а третье просто скучным. Каждому из нас с детства попросту вколачивают в голову, что, скажем, Шекспир и Микеланджело — это гении, а без такого вколачивания мы бы их ни читать, ни смотреть не стали… Все это проносится у меня в мыслях, но вида я, естественно, не подаю и говорю себе, что мое дело маленькое, раз за Ван Гога будут платить такие ЕОЭны.

Повертел в руках одну вещь, вторую, обращаюсь к хозяйке дома — служанка торчит здесь же в дверях — и говорю, что мог бы купить, если не все, то хотя бы главное. Холстов этак двести. Иоганна Ван Гог поднимает на меня свои бледные глаза: «купить?» Да, именно купить и заплатить наличными любую цену, которую она назначит. При этих словах вынимаю из кармана пачку тысячефранковых билетов, развертывая их веером. И что же я получаю в ответ. Представьте себе, что глаза выкатываются еще больше, увядшая дама склоняет голову и тихим, но твердым голосом сообщает мне, что картины непродажные. Она, видите ли, уверена, что брат ее покойного мужа Винсент Ван Гог сделал очень много для

искусства, в будущем должен принадлежать человечеству, и поэтому она не считает себя вправе продать его произведения частному лицу. Она намерена издать его переписку — та самая комната, заваленная бумагами, и надеется, что после этого люди поймут, каким прекрасным человеком и гениальным художником Винсент был. Продать она ничего не может, но поскольку мне нравятся его вещи, она готова подарить несколько рисунков и одну-две картины из тех, которые написаны в нескольких вариантах. Улавливаете, какая психологическая установка — продать нельзя, а подарить можно. Типичный, старомодный девятнадцатый век.

Я выслушиваю все это вежливо, притворяюсь, будто обиделся и говорю, что либо все, либо ничего.

Штука-то в том, что мной был учтен и этот вариант. Ведь я, вооруженный достижениями нашей науки, был почти всесилен по сравнению с жителями конца прошлого века — что-то вроде зрячего в стране слепых. За день до отъезда я заглянул к знакомому аптекарю и выудил у него особый пузырек, который в нашей эпохе употреблялся для перевода диких зверей из одного заповедника в другой. Вы надавливаете кнопку,

задерживая при этом дыхание секунд на сорок, а все живое в тридцатиметровом радиусе погружается в глубокий сон. Пожимаю плечами, сую деньги в карман и нащупываю там пузырек. Обе женщины тотчас начинают зевать, тереть глаза и через полминуты опускаются прямо там, где стояли. Я же извлекаю из саквояжа второй поменьше и неторопливо принимаюсь отбирать картины. Помню, что взял «Башню Нюэнен», «Подсолнухи», «Кафе в Арле», «Прогулку заключенных», само собой разумеется, «Сеятеля» — около двух сотен холстов и картонов, которые на мое счастье лежали тут прямо без рам. Заглянул еще в комнату на втором этаже и прихватил две папки с письмами из того десятка, что там лежали на столе. Набил, короче говоря, до отказа обе свои емкости, вышел, нанял карету и спокойненько поехал на бульвар Клиши. С Кабюсом мы договорились, что он выдернет меня через сутки, для чего мне следовало быть в назначенное время на том же самом месте, где я материализовался. Переночевал в маленьком отеле, к полудню вышел на улицу, поднял повыше оба саквояжа. Секунды бегут на ручных часах, мгновенное небытие (нулевое состояние), и я уже во Временной Камере, в Институте нашего века, а все, что только проис-

ходило, откатывается в глубокое прошлое, на сто лет назад. Поворачивается ключ в замке, передо мной лисья мордочка Кабюса. Тотчас замечаю, что мой приятель несколько переменился. Стал чуть поменьше ростом и еще длинноносее, чем раньше.

Он оглядывает саквояжи.

— Привез?

— Привез. Почти что весь Ван Гог целиком.

— Что за Ван Гог? Мы же договаривались насчет Паризо.

— Какой Паризо?

Мы, одним словом, не можем друг друга понять. Но спорить некогда, надо выносить саквояжи из Института. Благополучно минуем охрану. Кабюса я завез домой, сам еле дождался утра, беру несколько холстов и мчусь в тот художественный салон. Поднимаюсь сразу наверх и говорю лысому владельцу, что могу предложить Ван Гога. Тот поднимает брови.

— А кто это такой?

— Как кто? Да вот у вас репродукция с его «Подсолнухов».

Сам при этом смотрю и вижу, что в медной рамочке уже совсем другая вещь.

Хозяин салона нажимает кнопку, появляется

старикан с усами. Хозяин спрашивает, знает ли он Ван Гога. Старикан заводит взор к потолку, мнется, пожимает плечами, думает. Да, действительно был в прошлом веке такой малозначительный художник. Он упоминается в одном из писем Паризо.

Элегантный владелец салона смотрит на меня.

— Послушайте, вы уже у нас были две недели назад и обещали принести подлинный рисунок Паризо.

— Я?… Паризо?…

— Ну, конечно. «Качающиеся фонари в порту», — рисунок, о котором Паризо писал Браку. Та вещь, которой недостает в «Марсельской серии».

Бегу в библиотеку, принимаюсь листать справочники по искусству. Нигде даже упоминания о Ван Гоге, ни единой строчки, но зато повсюду красуется Паризо.

Думаю, вы уже догадались, в чем дело. С нами сыграл шутку этот самый «эффект Временной Петли», о котором мы с Кабюсом и представленья не имели.

Вообще, с этими альтернативными вариантами очень интересно.

Знаете, любое изменение в прошлом вызывает новую последовательность конкретных событий,

и цепь изменений тотчас распространяется по всей линии времен вплоть до момента, с которого вы совершили прыжок в прошлое. Вся история мгновенно в нулевое время перестраивается, а людям кажется, что всегда так и было. Эго, кстати, самое главное. Именно людям кажется, но не человеку, который сам путешествовал и помнит прежнюю ситуацию. Вот вы, предположим, отправились в XIX век, пробыли там неделю, — это, между прочим, означает, что вас неделю в современности не было — возвращаетесь и видите, что ваш приятель ссутулился, как рыболовный крючок. Вам-то ясно, что это одно из непредсказуемых последствий того, что вы наколбасили там в прошлом — до вашего отъезда приятель славился своей осанкой на всю улицу. Теперь кое-что переменилось, но вы помалкиваете, а приятель вас ни в чем не винит, поскольку в новой последовательности событий так и родился, привык к своей сутулости и не мыслит себя иначе. Вместе с тем и на вас, выбравшегося из Временной Петли, окружающие глядят с легким недоумением. Ведь изменения коснулись и вашей прежней личности, той, что входила в Петлю, а вышли-то вы из Камеры, сохранив свой изначальный, первовариантный вид. В результате родным и

знакомым приходится заново привыкать к вам, да вы и сами вынуждены осваиваться со своей новой биографией…

«Не так уж приятно»… Так в том-то и дело. Это сперва всем казалось простым, но позже поняли сложность.

В результате таких вот номеров стало ясно, что всякий, вмешивающийся в прошлое, обязательно попадает впросак. Тогда и было разрешено простым гражданам путешествовать в другие века, а потом уже началась та заваруха, после которой прошел Закон об Охране Прошлого. Но теперь, представьте себе, что мы-то об этом не знали, как и подавляющее большинство населения Земли. Планета жила себе и жила, варианты сменялись, а человечеству всякий раз казалось, что всегда так и было. Тут особенность как раз в том, что лишь той личности, которая путешествовала, известно, какой была ситуация раньше. Вот что лично я знал к этому моменту о Временных Петлях?. Ну, читал, естественно, в газетах, что они созданы, видел по телевизору несколько коротеньких, из-за угла снятых фильмов — «Пир Генриха VIII», «Лагерь Спартака», и в таком духе. Ходили слухи, что несколько человек вообще пропали, отправившись в прошлое, как тот зна-

менитый палеонтолог. И все! Будь мы с Кабюсом поумнее, нам следовало бы прикинуть, что если я извлеку из прошлого какие-то картины Ван Гога, они соответственно исчезнут в нашем настоящем из музеев и частных собраний. Но мы даже как-то и не задумались — ему двадцать девять лет, мне еще на четыре года меньше. Ажиотаж, воспаленное воображение, чудятся миллионы и даже миллиарды ЕОЭнов.

А последовательность событий в результате моей дурацкой эскапады получилась такая. Я, можно сказать, изъял Ван Гога из обращения. Унес основной фонд его картин, да еще прихватил значительную часть писем. Поэтому вдова брата не смогла ничего издать, и Винсент Ван Гог практически вычеркнулся из истории искусства. Позже на рубеже XIX и XX веков возник другой талант примерно того же направления — Паризо. Когда изменения по сети времен дошли до нашей эпохи, родился я, встретился с Кабюсом, стал наводить справки о живописцах, узнал о Вальтере Паризо и именно его захотел вынести из прошлого. Поэтому Кабюс, когда я вышел ночью из Временной Петли, и сказал, что речь у нас шла о Паризо.

Что же в итоге? На руках у меня два сакво-

яжа с картинами Ван Гога, но я же и являюсь единственным во всей Вселенной существом, которое знает, что такой художник вообще есть. Подумал я, подумал и решил сдернуть завиток. Истраченных на создание излишка ЕОЭнов это не возвращало…

«Сдернуть завиток»… Ах, да! Я же вам не объяснял. Дело в том, что сразу после создания Временных Камер выявилась возможность исправлять наиболее неудачные шаги. Этот маневр назвали «снять Петлю» или проще — «сдернуть завиток». Допустим, вы побывали в XV веке либо в V, а вынырнув в XX, убеждаетесь, что последствия вашего путешествия выглядят уж слишком непривычно. Тогда надо влезть еще раз в Камеру, повторно поставить указатель на тот же момент и тут же шагнуть обратно, не предпринимая ничего. В этом случае все возвращается на свои места, будто вы и не путешествовали. Правда, указатель никогда не встанет точно, и поэтому разные мелкие изменения все же могут прорываться…

Что?… Колумб?… «Как узнали, что в основном варианте был Колумб?» Да просто потому, что не один тот болван находился в это время в прошлом, а еще довольно много народу. Их не за-

тронули изменения, они, когда повозвращались, и подняли скандал. Вообще, конечно, не все удалось восстановить в прежнем виде. Очень может быть, что тот вариант прошлого, результатом которого мы сами являемся, вовсе не первоначальный. Про Клаудио Мадеруцци я вам уже рассказывал. Беда в том, что в таких случаях нужно посылать того же человека в тот же момент. Но тот олух, который предсказал Мадеруцци его печальный конец, погиб на третий день после того, как вернулся в нашу эпоху. Поехал развлекаться в Египет и там на персональном самолете врезался в пирамиду Хеопса — западную сторону потом несколько дней отскребали от гари, образовавшейся при взрыве. Думаю, что Клаудио скорее всего не одинок в своем несчастье. Наверняка таким же образом для нас пропало еще много художников, ученых, изобретателей. Но зато, пожалуй, появилось и много новых.

Вернемся, однако, к Ван Гогу, то есть к нам. Проникли мы опять ночью в Институт, — оба саквояжа я принес с собой — и сдернули Петлю. Наутро я опять побежал в библиотеку и убедился, что все в порядке. Ван Гог восстановился, каждая энциклопедия уделяет ему не меньше полстраницы, статей и даже монографии просто не

сосчитать. А беднягу Паризо как корова языком слизнула. Посоветовался с Кабюсом и пришел к выводу, что не надо гоняться сразу за всем, а лучше привезти одну, но достаточно ценную вещь. Остановился на «Едоках картофеля», которая в нашем времени оценивалась в целых двести тысяч. Ход моих рассуждений был таков. Я спускаюсь в прошлое, приобретаю у художника первую из его крупных картин, и об этом он несомненно сообщит брату, как о замечательном успехе.

В нашей современности произведение, само собой разумеется, мгновенно исчезнет не только из галереи, где сейчас находится, но изо всех альбомов и книг с репродукциями. Однако в истории искусства оно останется, как утраченное. Его будут упоминать все исследователи, сожалеть, что оно было кем-то куплено и с той поры пропало. Я же, вернувшись в наш век, сочиню сказку, будто нашел «Едоков» на старом чердаке в доме дальних родственников.

Кабюс возражать не стал, он взял у меня еще пятнадцать тысяч, сложил их со своими, чтобы в течение ближайших недель создать избыток в энергетическом резервуаре Института, а я уселся поплотнее за изучение материала. Приобрел одно из последних изданий «Писем Ван Гога». Книга

была издана роскошно, но, как позднее выяснилось, с опечатками. Так или иначе, я убедился, что с «Едоками картофеля» все должно кончиться хорошо. В своих посланиях к брату и к художнику Раппарду Винсент подробно рассказывает о своем замысле, об эскизах, о начале работы и об ее конце. «Едокам» он придавал большое значение, несколько раз возвращался к этой теме и в дальнейшей переписке.

По книге получалось, что он закончил вещь в марте 1883 года, а 6-го апреля послал ее Теодору в Париж. Значит, мне нужно было явиться к нему числа 3-го или 4-го, чтобы застать картину высохшей и транспортабельной.

С точки зрения биографии художника это был один из наиболее тяжких периодов. За плечами Ван Гога осталось уже тридцать лет прожитой жизни, за которые он ничего не добился. У него, вполне взрослого мужчины, нет ни семьи;, ни женщины, ни друзей, ни своего угла и вообще никакой собственности. Он пробовал стать продавцом в художественном магазине, но его выгнали, пытался сделаться священником, но католический капитул маленького шахтерского городка Боринаж в ужас пришел, услышав его проповеди. Девушка, его первая любовь, переехa-

ла в другой город, как только он признался ей. Общество заклеймило его в качестве ничтожества и неудачника. Он и в самом деле не в состоянии был приспособиться к миру, в котором жил, не умел даже заработать себе на пропитание. Какая-то шизофреническая правдивость, соединенная с гневным неуживчивым характером, приводила его к катастрофе, за что бы он ни брался. Родные стыдились его, старались держать подальше от себя. Он скитался из одного конца Голландии в другой, оборванный, голодный, существуя на жалкие гроши, которые могли присылать ему брат и презиравший его отец. 1883 год застает Ван Гога в маленьком местечке Хогевен на севере страны, где он решает полностью отдаться искусству и научиться писать. Но у него нет школы, никто ему ничего не показывал, он вынужден создавать свою технику и свою теорию. В письмах к Теодору он, подавляя свою гордость, просит оказать ему хоть чуть-чуть доверия, дать хотя бы капельку теплоты. Он выкраивает на краски и бумагу из тех сумм, что брат посылает ему на хлеб. Но при этом же он нередко становится в позу судьи и посвящает целые страницы суровой критике современной ему живописи.

Честно говоря, я увлекся этими письмами,

что-то в них билось суровое и величественное. Хотелось даже скорее увидеть самого художника.

Материализовался в 1883 год я опять в Париже на той же улице Виктор, сразу пошел на вокзал, поездом до Утрехта, Оттуда на Меппель каналом на Зюйдвальде, почтовой каретой до городишка Амстсльланд и оттуда пешком до Хогевена. Мне потребовалось около трех суток, чтобы преодолеть пятьсот пятьдесят километров, и скажу вам, то были нелегкие километры. Поезд еле тянется, маленькие вагончики дребезжат и стонут, на пароходе в каюте не повернешься, в карету я вообще еле влезал. Повсюду мухи, а когда они отступают, за тебя без передышки берутся клопы и блохи, которых в поезде и на пароходе предостаточно. Весна в тот год запоздала по всей Европе. В своем времени я приготовил пальто соответствующей эпохи, но в последний момент посчитал его слишком тяжелым и грубым, в результате на солнце мне все равно было жарко, а как только оно заходило, становилось холодно. И в другом смысле эпоха столетней давности отнюдь не казалась мне курортом. В Париже 1895 года народ праздно шатался, но, как я потом сообразил, это объяснялось воскресным днем и тем, что я попал как раз на улицу, заселенную чиновниками.

Теперь же стало ясно, что люди работают, да еще как вкалывают. И все руками. Метельщик метет, пахарь пашет, землекоп копает, ткач ткет, кочегар без отдыха шурует, повсюду моют, стирают, выколачивают. Встают с восходом, ложатся с закатом, и постоянно в хлопотах, в непрерывном движении, четырнадцать часов работы считается еще немного. Это в наше время трудиться означает трудиться головой. А там чуть ли не все на мускульной силе человека, которая и движет этот мир. Куда ни глянешь, руки так и ходят.

Добрался я до Амстельланда ближе к вечеру, отсюда до Хогевена оставалось около трех километров. Я рассчитывал, что схожу к Ван Гогу, куплю картину и успею на ночную почтовую карету, которая довезет меня обратно в Зюйдвальде на баржу.

Местность была довольно унылая, одноцветная. Равнина, болота, изгороди и больше, собственно, ничего. С моей точки зрения, настоящий художник тут не смог бы и вдохновиться.

Дошагал до места, навожу справки о «господине, который рисует», мне показывают какой-то курятник на самой окраине. Домишко, в каком столетием позже и собака постыдилась бы переночевать. Правда, исключенья он не составлял,

поскольку вся эта деревня (или город) состояла из нескольких десятков таких же строений.

Стучусь, предлагают войти. Вхожу и сразу говорю себе, что больше трех минут я в этой яме не выдержу. Духота, натоплено углем, сырость, грязь, копоть. Такое впечатление, что тут и одному не поместиться, как следует, однако в комнате целых шестеро. Старик, который курит вонючую трубку, женщина с младенцем — его она держит одной рукой, а второй умудряется тереть что-то в деревянном корыте. Старуха на кровати, мужчина с тяжелой челюстью, который за столом медлительно прожевывает что-то, черпая из миски, и рыженький подросток, что сидит чуть поодаль от других и смотрит в окошко. Сидит на краешке скамьи, неестественно выпрямившись, как человек, который здесь временно, который, пожалуй, везде временно. И все это не столько освещено, сколько замутнено и отуманено желтым огоньком керосиновой лампочки, подвешенной под низким черным потолком.

Глаза поворачиваются ко мне, только мужчина за столом не поднимает тупого равнодушного взора от миски. Спрашиваю, нельзя ли увидеть господина Ван Гога. Минутное замешательство, подросток встает, подходит ко мне. Повторяю

раздраженно, что мне нужен художник Ван Гог. Все смотрят на меня недоуменно, молчание, подросток делает неловкий жест, и вдруг я вижу, что это не подросток, а взрослый. У него рыжая бородка, острые скулы, впалые щеки, выпуклый широкий лоб с большими залысинами и редкие, зачесанные назад волосы. Черты лица очень определенные, резко очерченные. На мой взгляд ему не тридцать, а все сорок пять лет, и только маленький рост, нелепая короткая курточка и какая-то напряженная выпрямленность в осанке делают его похожим на мальчишку.

— Я Ван Гог, — говорит он и слегка кланяется всем корпусом.

Здороваюсь, отрекомендовываю себя вымышленным именем.

Он еще раз сдержанно кланяется.

Оглядываюсь, положение какое-то нелепое. Я торчу посреди комнаты в неудобной позе, не имея возможности выпрямиться, так как потолок слишком низок. Непонятно, здесь заводить разговор или выйти на улицу, где уже начинает темнеть. Я готов и выйти, но не покажется ли это хозяевам невежливостью. С другой стороны, мне просто тяжело стоять, согнувшись.

Ван Гог молчит, и остальные тоже.

Оглядываюсь опять, ниоткуда никакой помощи. Чувствую себя ужасно неловко. Откашливаюсь, говорю, что хотел бы посмотреть его рисунки и, возможно, приобрести что-нибудь.

Ах, рисунки! Лицо Ван Гога мгновенно светлеет, оно по юношески заливается краской. Что же, пожалуйста, с удовольствием! Он очень рад и польщен.

Поспешно делает два шага в сторону, нагибается, лезет под старухину кровать, выныривает оттуда с ворохом бумаги и картона. Выпрямляется, но все это негде даже разложить, и он остается стоять так, глядя не на хозяев, а на меня.

Мужчина за столом неторопливо отправляет в рот ложку, встает, ставит миску на подоконник. Что-то говорит старику. Вдвоем подходят к старухе, она с трудом спускает ноги с постели. Старик накидывает ей на плечи платок, и все трое выходят вон. Женщина скидывает с себя передник, положив ребенка на скамью, споласкивает руки тут же в корыте, тряпочкой протирает стол, который и так чист, если в этих условиях вообще можно говорить о чистоте. Она прибавляет света в лампе, берет ребенка и садится с ним у печки. Все молча и быстро.

Территория освобождена, Ван Гог кладет свой

ворох на стол. Он все еще не предлагает мне сесть, смотрит на женщину. Та, будто почувствовав его взгляд, поворачивается к нам, той же тряпочкой протирает табурет и подталкивает к столу.

Сажусь, наконец, и Ван Гог принимается показывать рисунки. Он совсем переменился, выражение озлобленности исчезло, голубые глаза уже не так суровы, лицо озарено.

Рисунки выполнены главным образом тушью, некоторые на тонированной бумаге, но больше на простой. Многие я довольно хорошо знаю: «Девочка среди деревьев», «Рыбаки, встречающие барку», «Хогевенский сад зимой». В дальнейшем по каждому из этих листков возникает целая литература, они приобретут каталожные номера, обязательные для ссылок, всячески дополнительные обозначения. Я вспоминаю, что поскольку «Хогевенский сад» выполнен в двух вариантах, один из которых через сто лет окажется в Будапештском музее изящных искусств, а другой в Нью-Йорке, между специалистами из обоих городов разгорится ожесточенный спор относительно того, какой вариант знаменитого рисунка является первым. Но до этого протечет еще десять десятилетий, а пока художник, голодный и тощий, суетится у стола и тревожно, робко загля-

дывает мне в глаза, стараясь понять, нравится ли хоть что-нибудь.

Он начинает говорить, задает вопросы, но не дожидается ответов. Его несет, это фонтан, гейзер, лавина.

Люблю ли я рисунки вообще?... Лично он считает, что рисунок — основа всякой живописи, хоть масляной, хоть акварельной. Только рисунок дает свободу в овладении перспективой и пространством, причем эта свобода оплачивается сравнительно низкой ценой, так как тушь и бумага стоят не так уж дорого, если говорить о материальной стороне, в то время, как даже за акварельные краски нужно платить бешеные деньги. Он знает молодых художников, что сразу хватаются за живопись, но, не поняв предварительно природы, рисуют «из головы», затем тоже «из головы» наобум малюют что попало, смотрят на свою работу издали и корчат многозначительные рожи, стараясь уяснить, что же получилось. По настоящему-то ключ к живописи нельзя найти исключительно в самой живописной технике. Если так поступать, дело кончится тем, что лишь испортишь массу дорогих материалов. Он решил сначала набить руку на рисунке и не раскаивается. Ему почти не пришлось учиться, он только

недолго ходил в мастерскую Антона Мауве в Гааге… кстати, от кого я вообще услышал о нем и как нашел дорогу сюда в Хогевен? Если от Мауве или тем более от Терстеха, то не надо с полным доверием относиться к тому, что они сказали о нем. Терстех считает, будто он ленится работать с гипсами, изучать художников-академиков и вообще рисует слишком быстро. Но что касается изучения человеческого тела по гипсам, он вообще не верит в это. Фигура крестьянина, который выкапывает репу из-под снега, не обладает и не будет обладать классическими пропорциями. К таким вещам нельзя подходить с салонной точки зрения, а надо набраться мужества и передать тяжесть труда, который не передашь, если сам не будешь вылезать из мастерской, не потащишь свой мольберт на пустошь, не пройдешь десятка километров до подходящего места. Если у тебя, в конце концов, у самого тело не будет болеть и ныть. Он так и делает, и не может поэтому согласиться с тем, будто ищет легкий путь. За каждым из его завершенных рисунков стоят десятки эскизов, выполненных не только в комнате, а и в поле, на болоте и на лугу, когда пальцы стынут и с трудом держат карандаш. Он старается не только изобразить пейзаж верно, но и передать настро-

ение. Вот, скажем, этот «Сад в Хогевене». Может быть, здесь есть недостатки, он сам отлично понимает, что это несовершенство и многого не стоит, но с его точки зрения в голых деревьях уловлен какой-то драматизм и выражено чувство, которое овладевает человеком, когда он на голодный желудок, как всякий крестьянин, должен выйти и приняться за окапывание яблонь в дождь и ветер. Сейчас в моде итальянские акварельки с голубым небом и живописными нищими — все сладкое, сахарное, приятное. Но он предпочитает рисовать то, что видит, то, что вызывает у него скорбь, любовь, восхищенье и жалость, а не такое, что поправилось бы торговцу картинами. Он считает оскорбительным для художника поступать иначе. Если хочешь изобразить нищего, то нищета и должна быть на первом плане, а не живописность. Нельзя забывать, что этот человек страдает, что ему предстоит одному умереть в канаве без всякой помощи. Пусть рисунки не отличаются академической правильностью, но каждый сделан для решения определенной задачи… Вот эта, например, «Женщина с прялкой» не удалась — ее и смотреть не стоит. Дело в том, что комната маленькая, он должен был бы отойти чуть подальше от натуры, но тут этого

нельзя сделать. И при всем том, по его мнению, рисунки показывают, что он не стоит на месте, а движется…

Понимаете, он обрушил на меня все это, не позволяя вставить слова. Одинокий в этой деревне, где ему не с кем было даже перемолвиться, он теперь говорил, говорил и говорил, совершенно забывшись.

Топилась печка, коптила лампа, поднимались испарения. Голова у меня начала кружиться, я чувствовал, что могу просто свалиться тут же под стол. Надо было все прекращать, я спросил, нет ли у него чего-нибудь сделанного маслом.

Ах, маслом! Да, конечно! На лице его мелькнул легкий испуг, он решил, что рисунки не понравились. Проворно сунул их под кровать, извлек из-за сундука возле окна груду холстов и картонов. Тут было три пейзажа, но эскизных, две марины, несколько портретов.

И снова принялся объяснять. Пусть мне не покажется, что вот в этом пейзаже неестественный свет. Это, говорит, привычка видеть картины, сделанные в мастерской. Большинство современных художников, не таких прекрасных, как Милле, Коре или, скажем, Мауве (он очень любит Мауве, хотя они и разошлись), а средних живописцев

— очень любят свет, однако не живой, не настоящий, не тот, что можно увидеть утром, днем или ночью среди полей или, в крайнем случае, среди улицы. Большинство художников пишут в мастерской, и поэтому свет у них одинаковый, холодно металлический. Ведь в мастерской можно работать только с 11 до 3 часов, а это как раз самое пустое в смысле света время суток. Респектабельное, но лишенное характера и апатичное. Он же как раз старается работать непосредственно с натуры. У него, правда, нет мастерской, но будь она, он поступил бы так же. И пусть я не думаю, что морской пейзаж сделан слишком быстро. Он писал вещь в Краггенбурге во время шторма, принимался несколько раз, но ветер нес песок, который налипал на краску. Приходилось соскребывать. Он потом нашел укрытие за старой баржей в дюнах и после каждых нескольких мазков бегал к берегу, чтоб освежить свои впечатления…

Я жестом отверг пейзажи, и он перешел к портретам.

— Видите, — говорил он, — у нас часто пишут человеческое лицо так, что краски, положенные на полотне, имеют примерно тот же цвет; что и тело. Когда смотришь с близкого расстояния,

получается правильно. Но если отойти немного, лица делаются томительно плоскими, потому что розовые и нежно желтые тона, мягкие по себе, на расстоянии выглядят жестко и пусто. Я же работаю так, что вблизи это кажется несколько неестественным — зеленовато-красный цвет, желтовато-серый или вообще не поддающийся определению. Но вот отойдите сейчас немножко в сторону, и вы почувствуете верность, независимость от краски, воздух в картине и вибрирующий свет. Вот встаньте, пожалуйста.

Я встал, совершенно замороченный, и стукнулся башкой об потолок. Причем довольно здорово. В глазах на самом деле появился вибрирующий свет, и я рухнул на табуретку.

Ван Гог забегал вокруг меня, извиняясь.

— Ну, хорошо. А нет ли у вас чего-нибудь поновее? — спросил я, потирая ушибленное место. Странным образом этот удар меня как-то подбодрил. — Дайте мне какую-нибудь композицию. Покажите самое последнее.

Он задумался на миг.

— Да-да, сейчас. — Слазил снова под кровать и выпрямился с большим пакетом в руках. — Вот это. Я собирался завтра послать ее брату в Париж. — Он стал развертывать пакет, развернул и

трепетно уставился на меня.

«Едоки картофеля», как всем известно, изображают просто едоков картофеля и больше ничего. По тем своим временам я вообще не мог понять, зачем рисуются такие вещи. Другое дело, когда художник воссоздает на полотне хорошенькую брюнеточку либо блондинку — обнаженные плечики, грудь, полуприкрытая кружевом. Хорошо, если она при этом призывно смотрит на зрителя или, наоборот, опустила глазки и загораживает грудь пухлой ручкой — таковы были мои тогдашние требования к классическому искусству, если не говорить об искусстве рекламы, где сюжету следует быть гораздо острее и обнаженнее. Здесь же на полотне было семейство крестьян, собравшихся вокруг блюда с картошкой. Они едят сосредоточенно, истово, ощущаются молчание и тишина. Лица грубые, усталые, руки тяжелые и корявые. Правда, какие-то акценты меняются от человека к человеку и заставляют взгляд пробежать по всему кругу. Фон сделан почему-то синим, лица картофельного оттенка, а руки у персонажей коричневые.

Винсент Ван Гог. Едоки картофеля. 1885

Ван Гог очевидно заметил тень неудовольствия, скользнувшую по моей физиономии.

— Понимаете, мне кажется, вещь сделана правдиво. Картина из крестьянской жизни не должна быть надушенной, верно ведь? Я хотел показать, что люди едят свою пищу теми же руками, кото-

рыми они трудились на поле, и таким образом честно заработали свой хлеб. Цвет лиц может показаться вам неестественным, но и про Милле говорили, что он пишет крестьян той самой землей, которую они засевают. Для фона я использовал много парижской синей, но мне казалось…

Я поднял руку, прерывая его, сказал, что сам все это вижу. Картина мне нравится, и я готов был бы приобрести ее для своей коллекции.

Имейте в виду, что это была первая его работа, которую кто-то соглашался взять, хотя за его спиной было уже около двухсот тщательных рисунков и двадцать картин маслом. На миг Ван Гог стал бездыханным, потом тихо переспросил:

— Купить? Для вашей коллекции?

Я кивнул.

— Сколько вы за нее назначите?

У него даже задрожали руки, он мучительно нахмурил брови и стал прохаживаться у стола, делая по два шага в одну и в другую стороны. Ему, видимо, не хотелось отдать картину за меньшую сумму, чем она обошлась ему самому, и в то же время он боялся спугнуть меня слишком высокой ценой. Он смотрел в пол, долго что-то высчитывал, шепча про себя, потом поднял голову.

— По-моему, — начал он осторожно, — сто

двадцать пять гульденов было бы недорого. Или двести пятьдесят франков.

— Двести пятьдесят?

— Да… Видите ли, я считаю так. — Он заторопился, объясняя. — На работу затрачено примерно месяц, если говорить только о самом полотне. Чтобы месяц существовать, мне нужна примерно половина этой суммы. Остальное — краски и холст. Вы, может быть, думаете, что тут нету наиболее дорогих. Но дело в том, что этот серый цвет составлен…

— Отлично, — сказал я, и поднялся, на сей раз втянув голову в плечи и опасливо посмотрев на потолок. — Я плачу вам тысячу франков.

— Сколько?

— Тысячу франков.

И тут мы вдруг услышали какое-то шевеление возле окна, а затем отчаянный голос.

— Нет! Так нельзя.

Мы оба оглянулись. Женщина, о которой я совсем забыл, стояла выпрямившись, — ребенок рядом на постели — и глаза у нее сверкали гневом.

— Тысячу франков? Никогда!

Вы понимаете, в чем дело? Эти крестьяне зарабатывали всей семьей франков пятьдесят в

месяц — вряд ли больше. Главным для них были хлеб, одежда и топливо, Ван Гог же, который не производил ни того, ни другого, казался здесь просто бездельником. Его занятие представлялось им сплошным отдыхом — ведь карандаш много легче лопаты, которой они ворочали по десять часов ежедневно.

Женщина была оскорблена. Огромная по ее понятиям сумма, которую я предложил за кусок раскрашенного холста, зачеркивала жизнь ее самой, мужа и стариков-родителей.

Впрочем, собственная выходка ее уже смутила. Она побледнела, схватила ребенка и, отвернувшись от нас, принялась нервно его подкидывать, хотя он и так спал.

Интересно, что и Ван Гог был ошарашен. Он покачал головой.

— Нет-нет. Это слишком. Сто двадцать пять гульденов будет довольно.

— Но я хочу заплатить вам тысячу франков. Вот, пожалуйста.

Я вынул из кармана тысячефранковый билет, положил его на стол. Однако художник отшатнулся, как от гремучей змеи.

Черт побери, опять непредвиденная трудность! Идиотизм положения состоит в том, что у меня

было с собой только несколько десятков тысячефранковых билетов и какая-то не стоящая упоминания мелочь в голландских гульденах. В Париже нашего времени мне и в голову не пришло, что он спросит так мало и, тем паче, откажется взять больше. Деньги в Европе конца прошлого столетия были очень дороги, и я прекрасно представлял себе, что сейчас в Хогевене никто не сможет разменять такой кредитки.

Я попытался сунуть билет ему в руки, но он оттолкнул его, говоря, что картина, мол, того не стоит, и он не позволит себе обманывать меня.

«Не стоит» — представляете себе! Для меня она стоила больше, чем в его времени можно было бы выручить и за этот домишко и за весь жалкий городок! Она стоила больше Организованной Энергии, чем было заключено человеческого труда в целой этой провинции Дренте со всеми ее железными дорогами, торфяными болотами, строениями, каналами и полями. «Он не хочет обманывать меня!» — Хотел бы я доказать ему, что получу не в сто раз больше, чем затрачиваю, не в тысячу, даже не в миллион. Что на деньги, вырученные за «Едоков», мы с Кабюсом приобретем сады, воздвигнем дворцы и вообще получим возможности, какие никому и не снились в его

глухую нищенскую эпоху. Но заведи я такую речь, и он и женщина сочли бы меня сумасшедшим.

Четверть часа я потратил, уговаривая его, но Ван Гог был тверд, и я в отчаянии свалился на свое сиденье.

— Что же делать?

Тогда он предложил сходить в городишко Цвелоо, где есть ссудная касса и где даже ночью нам смогут разменять билет. До Цвелоо считалось миль девять, как он сказал, и я понял, что уже не успею обратно в Амстельланд на почтовую карету до канала. А это значило, что весь обратный путь до Парижа придется проделывать в ужасающей спешке, чтоб успеть на улицу Виктор к тому моменту, когда приятель будет выдергивать меня обратно в наше время.

Но выхода не было, и мы пошли. На дворе стоял довольно ощутимый холод. Ван Гог накинул мне на плечи свою куртку, говоря, что привык мерзнуть и что ему ничего не станется.

Надолго, не скрою от вас, мне запомнилась эта прогулка.

Когда мы вышли, над горизонтом как раз появился молодой месяц. Около километра мы шагали аллеей с высокими тополями, потом по обе стороны дороги раскинулась равнина, кое-где

прерываемая треугольными силуэтами хижин, сложенных из дерна — сквозь маленькое окошко обычно виден был красноватый отсвет очага. В лужах на дороге отражались небо и луна, через некоторое время справа простерлось черное болото, уходящее в бесконечность. Пейзаж весьма монотонный, чтоб не сказать тоскливый, но Ван Гог находил в нем всяческие красоты, на которые указывал мне.

Он был очень воодушевлен своим первым в жизни успехом. Покончив с красотами окружающей местности, он принялся рассказывать о крестьянах, у которых снимает угол, и поведал мне, что эти люди, хотя необразованны и не имеют никакого представления о таких вещах, как искусство, но добры, тактичны и по-своему благородны. Очень он хвалил старуху — мать молодой женщины, рассказал, что еще совсем недавно она работала наравне с другими в поле и только самое последнее время ее свалила воспалившаяся грыжа — болезнь, которой часто мучаются женщины, вынужденные поднимать большие тяжести. Операция у амстельландского врача, по его словам, стоила целых двести франков, а у старухи было накоплено только пятьдесят, которые она намеревалась оставить после себя

на похороны.

Мы шагали и шагали, он заговорил о том, что лишь у шахтеров в Боринаже и здесь у крестьян встретил по-настоящему человечное отношение к себе — так, например, старуха в отсутствие молодых дала ему однажды миску молока, когда увидела, что он не ел весь день. Да и другие члены семьи вовсе не мешают ему работать, хотя и не понимают смысла и цели его занятий. Вообще в Хогевене ему повезло, так как от восхода и до заката все отсутствуют и даже старуха в солнечные дни выходит с ребенком в сад. Дом в полном его распоряжении — если б ни малые его размеры, он представлял бы собой превосходную мастерскую.

Разделавшись со своим настоящим, Ван Гог перешел к прошлому. Общество так называемых «порядочных людей» отвергло его. В собственной семье, если не говорить о брате Теодоре, среди родственников и знакомых он считается чем-то вроде бродячей собаки. Такого пса нельзя впускать в комнату, потому что он мокрый, взъерошенный, грязный, может наследить на паркете, даже куснуть. Его презирают и говорят, будто он дерзок, скандален, неуживчив и сам добивается одиночества. Ему вменяют в вину,

что он всегда отстаивает собственную точку зрения, даже то, что когда какой-нибудь важный господин подает ему, здороваясь, не всю руку, а только палец, он, Ван Гог в ответ поступает также, забывая о разнице в общественном положении. Но это неправда — что он добивается одиночества. Он не заслужил такой пытки. Художнику нужно уединенье, но он, как все люди, нуждается в друзьях, развлеченьях, обязанностях и привязанностях. Он хочет быть человеком среди людей, а не изгоем. Даже здесь его не оставляют в покое. Вскоре после приезда местный священник посоветовал ему меньше общаться с людьми, как он выразился, «низшего круга», а когда он, Ван Гог, не послушался, тот запретил прихожанам позировать для рисунков и картин. Поэтому я и был встречен так холодно сегодня вечером — он думал, что меня послал бургомистр.

Он говорил, говорил — опять у меня стало мешаться в голове от этого непрерывного потока слов. Чтобы сбить ему дыхание, я пытался задавать вопросы, но только усиливал словоизвержение. От одной темы он переходил к другой, сюжеты ветвились, порой он уходил в сторону от того, с чего начал, но не забывал первоначальной мысли и обязательно возвращался к ней. При-

мерно половины того, что он на меня обрушивал, я не понимал, а вторую половину старался пропустить мимо ушей.

Вдруг он замолчал, довольно долго шагал, не произнося ни слова, затем остановился, взял меня за руку и посмотрел мне в глаза.

— Вы знаете, — сказал он тихо и проникновенно, — сегодня был тяжелый день. В такие дни хочется пойти навестить друга или позвать его к себе домой. Но если тебе некуда пойти и никто к тебе не придет, тебя охватывает чувство пустоты и безнадежности. В эти минуты человека может выручить только работа, но по вечерам это для меня невозможно. Я был близок к отчаянию, но вот пришли вы и все перевернули. Вы добрый человек, вы благородный человек. Если даже нам не доведется увидеться в жизни, я всегда буду помнить о вас и в трудные мгновенья повторять себе: «Я хотел бы быть таким, как он».

С этими словами мы двинулись дальше.

Тем временем километр за километром оставались позади, а Цвелоо все не было видно. Когда мы только выбрались из духоты крестьянского дома на свежий воздух, я глубоко вздохнул несколько раз, прочистил легкие и опять почувствовал себя крепким, готовым на все. Снова, как

в Париже, каждый тренированный мускул играл, при каждом шаге оставался неизрасходованный запас энергии, и я даже сдерживал себя, чтоб не обогнать низкорослого спутника.

Из-за нереальности этой ситуации — я в XIX веке ночью, в степи — мне делалось смешно. Думалось о том, что вот я шествую рядом с Ван Гогом, которому суждено позже стать гением и всякое такое. О нем будет написано множество книг, прочитано бесчисленное количество докладов, и одних только диссертаций искусствоведы защитят не меньше трех сотен — а ведь каждая означает немалую сумму ЕОЭнов в виде добавки к зарплате. Все это так, а вместе с тем он маленький и хилый, я же большой, сильный, ловкий. Захоти я дать ему в ухо, никто в мире не помешает мне, он отлетит, пожалуй, шагов на десять, несмотря на свое будущее величие, и вряд ли сразу поднимется.

Но эта чертова дорога оказалась не такой уж легкой. Понимаете, одно дело, когда ты пробегаешь стометровку по специальной эстроновой дорожке в комфортабельном спортивном зале или когда вышагиваешь по туристской тропе — на тебе пружинящая обувь и почти невесомая одежда, которая не стесняет движений. Тут же я

был наряжен, как чучело, а тяжеленные ботинки висели на ногах, словно колодки.

Не знаю, существовало ли там какое-нибудь покрытие на той дороге, во всяком случае начало пути мы проделали по грязи. Потом подморозило, грязь чуть затвердела, начала проминаться под подошвой, идти стало повеселее. Однако еще позже грязь затвердела совсем, но сохранив при этом все неровности. Сделалось невозможным удобно ставить ногу при шаге — то проваливается носок, а пятка оказывается высоко, то наоборот. Миновал час, я взялся высчитывать, сколько же это будет километров — девять миль. У меня было впечатление, что миля меньше километра. Затем вдруг я вспомнил где-то мне попавшуюся таблицу перевода старинных мер длины в наши и весь покрылся холодным потом. В одной миле тысяча шестьсот девять метров. Всего, значит, до Цвелоо километров пятнадцать, а за нами пока осталось меньше половины! Постепенно кураж начал покидать меня, тщеславные мечтания улетучивались. Еще через час я еле волочил ноги, совершенно раскис и размяк.

А Ван Гог по всем признакам был свеж, как огурчик. После недолгого молчания он опять заговорил, то и дело останавливался, чтобы полю-

боваться звездами или всмотреться на горизонте во что-нибудь такое, чего я и разглядеть не мог, бегом догонял меня, отходил в сторону, пробуя, как вспахана земля, и так далее. Ему подобные концы были, видимо, впривычку, он, может быть, ежедневно проделывал еще больший путь с мольбертом в одной руке и тяжелым ящиком с красками в другой. И вскоре я сообразил, что стукни я его действительно по уху, в сторону отлетел бы скорее кто-нибудь другой, а не он.

Не помню, как уж мы добрели до этого городишки, где я представил Ван Гогу все хлопоты, а сам уселся на ступени у входа в ссудную кассу, вытянув гудящие и горящие ноги.

Обратный путь был еще ужаснее. При свете звезд, поскольку луна зашла, Ван Гог вгляделся в мое лицо, участливо осведомился, здоров ли я, и предложил опереться на его плечо. Так я и сделал, он, можно сказать, почти доволок меня до дому.

Хижина оказалась пустой, хотя и натопленной — хозяева ушли ночевать к родственникам. Старухина постель сияла свежими простынями, хотя, впрочем, для данного случая это слишком сильное выражение. Простыни ведь тогда служили целыми десятилетиями, их стирали после того, как пользовались некоторое время — без мыла, а

только в проточной воде. Ван Гог сказал, что это для меня, а сам улегся на деревянной скамье. Но, во-первых, на короткой кровати мне пришлось сложиться чуть ли не в восемь раз, а, во-вторых, мутили голову спертый воздух, всяческие запахи, мешали скрип и шевеленье за стеной, где в хлеву помещалась корова. Из-за духоты мне делалось дурно, я несколько раз выходил на улицу, но там моментально замерзал. Забыться удалось только под утро, но в семь часов Ван Гог заботливо разбудил меня, поскольку помнил, что мне надо в Амстельланд на дилижанс.

Позавтракали миской молока, что была, вероятно, пожертвована той же старухой. Ван Гог вскользь заметил, что попробует поговорить с доктором относительно операции — слова, которым я напрасно, как позже выяснилось, не придал значения. «Едоков картофеля» он положил на стол, рылся затем несколько минут в своих рисунках, вынул два больших и сказал, что дарит их мне. То были «Хогевенский сад» и «Степь с деревьями» — оба пятьдесят сантиметров на сорок. И, вы знаете, я не взял. То есть у меня не было сомнений, что за каждый заплатят по две тысячи, но я представил себе жадную рожу Кабюса и решил, что такого дополнительного удовольствия

этому жулику не доставлю. Пусть лучше вещи не будут исключены из истории искусства на целое столетие. Художнику я объяснил, что рисунков не коллекционирую, и получится правильнее, если они достанутся тому, кто их оценит по-настоящему.

Я был совсем разбит, развинчен — впору брать руками каждую ногу в отдельности и переставлять. Ван Гог, видя мое состояние, разволновался, побежал в деревню и вскоре вернулся, с торжеством объявив, что уговорил одного крестьянина подвезти меня три четверти пути — понимаете, с транспортом было в этот момент очень нелегко, шли весенние полевые работы. Через десять минут появилась скрипучая телега, влекомая парой тощих мослатых лошадей, на которую я себя и погрузил — блистательное завершение для всех моих гордых мыслей, не правда ли?

К первым домишкам Амстельланда мы добрались около восьми. Ван Гог шагал рядом с повозкой и нес картину. Когда возница уже должен был поворачивать в сторону, мне пришлось едва ли не по частям вынимать себя из телеги. Солнце поднялось над горизонтом, но было скрыто тучами, и в западной части неба мерцали звезды. Ван Гог показал на одну из них, лицо его

было мягким и задумчивым.

— Посмотрите, какая она спокойная, прекрасная и добрая. Иногда мне кажется, что звезды связаны между собой таинственными отношениями, о которых мы и не подозреваем. Что их хороводы влияют на нашу судьбу, а сами далекие светила следят за нами и радуются, если мы поступаем добро.

Потом он повернулся ко мне.

— Знаете, я поздно начал рисовать. В двадцать восемь лет восприятие не так свежо, а рука не так переимчива, как в детстве. Другие в моем возрасте уже владеют школой, выработали свою манеру и даже находятся в зените славы, а я еще только учусь. Поэтому мне не следует питать иллюзий относительно себя, я еще долго буду одинок и никем не признан. Но вы помогли мне, и теперь я верю, что если человек хранит симпатию к людям и трудится, не переставая, он должен добиться своего…

Темная торфяная низменность раскинулась вокруг нас, утонувшая в грязи дорога уходила к горизонту, и мы помолчали.

В Париж к месту вызова я поспел вовремя. Из Камеры вывалился прямо на Кабюса, разговаривать с ним не стал, дополз до такси на карачках

и полуживой — к себе, пробыв, таким образом, в прошлом столетии всего неделю.

Но, как вы понимаете, бодрящие ванны, суг-массаж и всякое прочее делают чудеса. Отмылился, отскребся, оттерся, проспал восемнадцать часов на воздушном матрасе слабой вибрации, и на утро вторых суток почувствовал себя человеком. Теперь уверенность в успехе у меня была полная.

Наклеил этакие провинциальные усишки, напялил длинные штаны чуть ли не до колен и двинул в художественный салон. Но не на бульвар Сен-Мари, где меня все же могли узнать, а в другой, на Монмартре. Вхожу, напускаю на себя простецкий вид и жду, пока меня заметят.

Заметили, спрашивают, что мне угодно.

— Да, так, — говорю, — был у тетки под Антверпеном, на чердаке попалась картина. Вроде какая-то старая. Изображено, как люди в древности ели картошку. — Сам развертываю картину и поворачиваю к свету. — Тут подписано «Винсент Ван Гог». Мне художник не известен, скорее всего современник этого как его… Леонардо да Рафаэля. Вот я и подумал, что, может быть, кто заинтересуется.

Ожидаю услышать возгласы удивления, ра-

дости, но присутствующие глядят на меня с иронией. Один из продавцов берет картину в руки.

— Да, в самом деле подписано «Ван Гог». Пожалуй, такому сюжету подошло бы название «Едоки картофеля».

Чешу в затылке, отвечаю, что и сам бы ее так назвал.

Продавец поворачивает вещь обратной стороной к себе.

— Смотрите, тут и дата проставлена. «Март 1883». Все точно, как в его письмах к брату, — первый вариант известнейшего произведения.

— Неужели? — спрашиваю. — Я даже как-то не посмотрел с той стороны. — Значит, 1883 год. Выходит, что он жил раньше этого да Леонардо.

Второй продавец берет «Едоков» из рук первого и протягивает мне.

— Возьмите. Не стоит даже проверять на подлинность. Этой картины не существует. Есть только копия, сделанная по памяти в 1888 году.

— Как не существует? С чего же он тогда делал копию?

— А вы почитайте «Письма». Можете у нас приобрести экземпляр… Эй, куда же вы! Послушайте, у вас левый ус отклеился!..

Дома хватаю свой том «Писем», начинаю судорожно листать. Вот, пожалуйста, январь 1883-го.

«Дорогой Тео, никогда я еще не начинал год с более мрачными перспективами и в более мрачном настроении. На дворе тоскливо: поля — черный мрамор с прожилками снега; днем большей частью туман, иногда слякоть; утром и вечером багровое солнце… черные кусты на фоне пасмурного неба и ветви тополей жестки, как железная проволока…»

Дальше, дальше! Это я все знаю.

«…Боюсь, что я сделался для тебя уж слишком тяжелым бременем. Злоупотребляю твоей дружбой, постоянно прошу денег на то, что, может быть, никогда не принесет плодов. Горько думать о себе, что ты неудачник, и временами…»

Дальше! Где-то здесь должно быть упоминание о будущей картине… Ага, вот оно! Картина уже готова.

«Дорогой Тео, поздравляю тебя с днем рождения и от всей души желаю здоровья и счастья. «Едоки картофеля» закончены, картина уже высохла, послезавтра посылаю ее тебе. Надеюсь, ты поймешь, что я хотел в ней выразить…»

Это было написано 3-го апреля, а на другой день к Ван Гогу постучался незнакомец, то есть я, и

купил «Едоков».

Значит, в следующем письме будет отчет об этом великом событии.

Я чуть помедлил, прежде чем перевернуть страницу. Перевернул, вчитался…

«Тео, я сжег картину!

Это произошло три дня назад. Вдруг пришла минута, когда я понял, что не был в этой вещи до конца самим собой. Труд целой зимы пропал, я сожалею о своем поступке, но, правда, не очень, так как многому научился в ходе работы. В частности, добиваться того, чтобы красно-желтый цвет смотрелся светлее, чем белый, который я стал делать, смешивая, скажем, парижскую синюю, киноварь…»

Потом идет о красках, а затем такие строчки:

«У нас в домике радостное настроение. Я не писал тебе, что мать моей хозяйки, пожилая женщина по имени Вильгельмина, тяжело болела последнее время. Так вот, недавно ее удалось устроить на операцию…

Было еще одно весьма странное и отрадное происшествие, о нем я расскажу тебе при встрече, когда ты, как было обещано, приедешь навестить меня. Кстати, до этого времени можешь не посылать денег. Я сумел сэкономить, у меня осталось

еще около ста франков из тех трехсот, что я получил от тебя на февраль и март».

Вы понимаете, что сделал этот филантроп? Проводив меня в Амстельланд, он зашел к тамошнему доктору и, чувствуя себя богачом, отдал двести франков на операцию для старухи. Скорее всего импульсивно. Затем возвращается домой, и ему приходит в голову, что он, живущий целиком на содержании брата, не имел права так поступить. Ван Гогу делается стыдно. Он чувствует, что не может написать Теодору, что истратил первые заработанные им деньги, и, объясняя, почему не выслана картина, он сообщает, что уничтожил ее. Но при этом оставляется лазейка: «Расскажу тебе при встрече». Скорее всего, он и рассказал все Теодору, когда они увиделись, однако разговор не вошел в историю искусства, остался нигде не зафиксированным…

Что вы говорите? Не слишком честно по отношению ко мне… Да, может быть. Но имейте в виду, что история с этим обманом самому Ван Гогу казалась эпизодом, касающимся исключительно только его и брата. Пусть в письме неправда, но при личной встрече он откроет, как было в действительности, и вопрос снят. Он ведь и представления не имел, что история сохранит его

послания, что каждая строчка, которую при свете керосиновой лампочки он царапал на шершавой серой бумаге, переведется на шестьдесят языков и выйдет в бесчисленном количестве книг, да таких шикарных, каких ему не доводилось и в руках держать.

Он солгал, потом — я в этом уверен — признался, и конец. Но для меня-то все обернулось иначе — попробуй, докажи, что предлагаешь подлинную вещь, когда в письме черным по белому значится «сжег».

Однако, если вы думаете, что я приуныл, это не так. В конце концов наскоком люди не становятся миллиардерами. Прикинул, что Временные Петли действуют около двух лет, но пока не слышно, чтоб неожиданно возникали крупные состояния. Ладно, говорю себе, кончился этап бесшабашного приступа, начинаю планомерную осаду. У меня есть возможность путешествовать в прошлое, да к тому я стал специалистом по Ван Гогу. Ослом надо быть, чтоб не использовать сложившихся обстоятельств. На ошибках учимся.

Пошел прежде всего к Кабюсу, объяснил, а чем дело и потребовал, чтоб мы снова сняли Петлю. Он в панике, плачет, что многим рисковал, теряет последние сбережения. Стал жаловаться,

что, мол, жена ждет, пока он разбогатеет, бросит работать. Действительно, он как раз в это время женился на тощей, словно телевизионная башня, деве по имени Марш с подозрительным и злым взглядом. Сказал, что лучше бы ему сговориться с кем-нибудь другим, поскольку со мной, вероятно, ничего не выйдет. Я ответил, что сам могу столковаться, с охранником например, который пропускал нас уже три раза и несомненно в курсе всего. Кабюса это привело в чувство, и мы сделали, как я сказал. Понимаете, завиток-то мне нужно было сдернуть, чтоб «Едоки» Ван Гога опять появились в мире. Ведь чем больше известно его картин, тем ярче слава и дороже будет привезенное мною. Кроме того, хотелось, чтобы первое посещение перестало существовать — он начнет еще что-нибудь спрашивать, я не буду знать, как отвечать, и в таком духе.

Теперь уж я решил вооружиться по-настоящему. Связался прежде всего со швейцарской фирмой «Альпенкляйд», которая, помните, создала новую одежду для альпинистов — человека обливают составом, образуется пленка, через нее кожа дышит, помехи движеньям нет, и при этом можно хрястнуться в тридцатиметровую пропасть, не получив даже синяка. Пленка гнется на

суставах только в определенных направлениях и при этом тверда, как сталь. Панцер-Кляйдунг, или «ПК», имела большой успех, а после они приступили к выпуску «ТК», то есть термической одежды. Ткань сделана из специальных нитей, а энергия берется от цезиевой батарейки размером в спичечный коробок, которая укрепляется на поясе. Надел, поставил, допустим, на пятнадцать градусов, а дальше хоть трава не расти, потому что регулировка происходит автоматически — в ветреную холодную погоду нити согревают, в жару наоборот, и вокруг тебя постоянный климат. Начала фирма с производства туристской одежды, поэтому мне пришлось послать в Цюрих образцы того, что мне надо было… Ну, запасся, естественно, всякими снадобьями против клопов с блохами, деньгами — не только тысячефранковыми билетами, а и помельче, — запасными батарейками. Заказал из искусственных алмазов колье на старинный манер — хотелось проверить, как отнесутся к нему парижские торговцы драгоценностями конца прошлого века.

Интересно было готовиться. Прежние махинации я совсем забросил, в Институт заглядывал довольно часто и там примелькался. Встретишь в пустом коридоре какого-нибудь согбенного се-

добородого академика: «Здрассте — здрассте, как дела? Да, ничего, спасибо». Я иду своей дорогой, он семенит своей — вроде так и надо. Только, бывает, оглянется с легким недоумением, сам смутится этой оглядки и на другой раз первым кидается здороваться, пока ты еще рта не успел раскрыть.

Кабюс возился с замещением энергии, а я почитывал материалы по той эпохе. Задача, собственно, осталась прежней, только я намеревался принять меры, чтобы покупка обязательно отразилась в переписке.

Но вот настает долгожданный день, вернее, вечер. Толстяк охранник в вестибюле понимающе подмигивает нам, и я влезаю в Камеру. Мною был теперь избран июнь 1888 года. Художник живет в небольшом городке Арле на юге Франции, и к нему еще не приехал Гоген — я догадывался, что после появления друга Ван Гогу будет не до меня, да и вообще не хотел быть свидетелем драматических событий, которым вскоре надлежало развернуться. План мой был таков. Одну картину покупаю у Теодора в Париже, но так, чтобы он Винсента попросил прислать ее из Арля. Затем еду к самому художнику и там устраиваю такую же штуку. Мол, то, что я вижу, меня не устра-

ивает, пусть он напишет брату относительно одного-двух полотен из старого. В результате в обе стороны полетят запросы, подтверждения, все будет включено затем в «Письма», ситуация с «Едоками» не повторится.

Путешествие мы с Кабюсом рассчитали на три недели. Побывал я на Монмартре, посмотрел в той первой «Мулен-Руж» их прославленную танцовщицу Ла Гулю, которую Тулуз-Лотрек рисовал, о которой стихи сочиняли — так, ничего особенного…

Показал в ювелирном магазине колье, его без звука взяли за десять тысяч. Было общее впечатление дешевости всего и в первую очередь человеческой жизни. Ну какое тогда могло быть население в Париже — не больше полмиллиона. Хотя, что я говорю… не больше четверти. И тем не менее люди вели себя так, будто их наплодилось слишком много, и они никому не нужны. Во всяком случае, в городе. Молоденькая девчонка на улице идет за богатым стариком по первому знаку. Беседуешь с кем-нибудь, и если он чувствует, что у тебя полный карман, только и смотрит, чтобы успеть согласиться с твоей мыслью сразу, как только она будет высказана.

Ощущается недостаток во всем — в пище,

одежде, жилье, недостаток энергии на Земле. Разговоры такие, что за пять тысяч можно купить любого модного журналиста, за пятьдесят — важного государственного деятеля. Скромные и честные люди сидят, вероятно, где-то у себя, не лезут вперед, а те, что на виду, крутятся, вертятся перед глазами, торопятся схватить, вырывают друг у друга из рук, как будто знают, что всего мало, на всех не хватает, что если сейчас пропустишь, потом ничего не попадется. А из известных только крупные писатели, художники, ученые, философы ведут свою прямую, как луч света, линию в этой спешке и суете.

Тут же выяснилось, что в программе приобретения картин придется переставить компоненты. Я хотел начать с Теодора, который, как мне было известно, в это время получил место директора художественной галереи в фирме «Буссо и Баладон». Пошел туда, но его не оказалось — как раз уехал к Иоганне свататься. Из ван-гоговских вещей там висело только «Хлебное поле» — и то в самой глубине последнего зала, в углу. Я ее потрогал со странным пиететом, она была слегка запылена. Не знаю, чем объяснить свое чувство. Почему-то возможность прикоснуться к картине, на которую никто и внимания не обращал в 1888

году, представлялась мне более ценной, чем личное общение с ее создателем.

На третий день пошел на Орлеанский вокзал, сел в поезд. До Арля тащились со скоростью двадцать километров в час. Стояла жарища, но я в своей «ТК» благодушествовал. Разговаривал с соседями, смотрел в окошечко. Прекрасное место все же — Франция, поля, виноградники, рощи в ту пору выглядели ничуть не менее живописно, чем сейчас. Остались позади Невер, Клерман, Ним. В восемь утра вторых суток пересекли Рону…

Понимаете, мне было, конечно, ясно, что Ван Гог переменился за те пять лет, что разделили городок Хогевен и Арль. Я-то метнул себя тогда из прошлого в комфортабельный 1995-й, а он остался на торфяной равнине, в холоде и нищете, чтоб продолжать жестокую борьбу. И продолжал. Из Хогевена, гонимый одиночеством, он переезжает в Нюэнен. Ему страстно хочется, чтоб у него была подруга, семья. В то время, как многие в ту бедную эпоху боятся иметь детей, он пишет брату, что боится не иметь их. Еще раньше была история с уличной женщиной, больной, беременной, которую он взял к себе, чтоб ее перевоспитать. Но из этого ничего не вышло, только прежние знакомые окончательно от него отвернулись.

Теперь в Ван Гога влюбляется дочь соседей по Нюэнену Марго Бегеманн. Винсент тоже любит, но родители запрещают Марго встречаться с ним, и девушка принимает яд. С надеждой на личное счастье покончено, остается только искусство. Ван Гог отправляется в Антверпен, чтобы попасть в среду художников. Нет мастерской, он работает на улицах. Не на что нанимать натурщиков, он договаривается, что сначала нарисует чей-нибудь портрет, — моряка, солдата, уличной девушки — а потом в качестве гонорара сделает этюд уже для себя. Письма к брату пестрят выражениями: «Misere ouverte! Ради бога пришли хоть столько, сколько сможешь уделить. Я буквально голодаю». От постоянного недоедания у него пропадает аппетит, и порой, получив от Тео небольшую сумму денег, он не может есть. Ван Гогу удается поступить в Академию художеств, но через три месяца его вынуждаю г покинуть ее стены — рисунки Винсента решительно непохожи на то, чему учат преподаватели. Несколько поправляются дела у Теодора, он дает брату возможность приехать в Париж. Однако и здесь ничего не меняется. Винсент начинает учиться в мастерской Кромона, но за исключением Тулуз-Лотрека никто не подходит посмотреть, что у него получается.

Окружающим он кажется сумасшедшим, когда в самозабвении бросает краски на картину с такой энергией, что дрожит мольберт. Его молчаливая дикая страстность отталкивает молодых и беззаботных художников. За два года в столице Франции Ван Гог создает более двухсот картин — это к тем двум сотням, что были написаны в Голландии, — но каждая выставка для него провал, и до сих пор не продано ни единое полотно, подписанное его именем. Решив, наконец, что Париж не принял его, Винсент измученным уезжает в Арль.

Повторяю, я знал и это, и то, что художник просто постарел. Правда, в наше время у человека в этом возрасте как раз прибавлялось здоровья. В 1996 году люди в период от тридцати до тридцати пяти или сорока лет обычно молодели и довольно заметно. Понимаете, личность окончательно узнает, на что способны ее разум и тело, возникает уравновешенность, духовная и физическая гармония.

Не приходилось сомневаться, что с Ван Гогом будет иначе, да было и много автопортретов той поры. Но все равно я не ожидал такого, разыскивая дом и поднимаясь в комнату, которую он снимал.

Над ним пять лет пронеслись, подобно раскаленному ветру, и выжгли в его внешности все молодое. Он сильно изменился, страшно. Был не тот, совсем не тот, кто в уже исчезнувшем варианте провожал меня утром в Амстельланд.

Ван Гог сидел за мольбертом, он нехотя поднялся, держа в руках палитру и кисть.

Его волосы, редкие уже тогда, отступили назад, совсем обнажив выпуклый лоб. Глубокие прорезанные морщины шли от крыльев носа к кончикам рта, щеки совсем провалились, азиатские скулы стали острее, придавая его лицу что-то жестокое, фанатичное. Борода и усы были запущены, видимо, он перестал следить за своей внешностью. В глазах, которые смотрели на меня из-под нахмуренных бровей, читалось упорство отчаяния.

Я сказал, что хотел бы познакомиться с его картинами и готов купить что-нибудь.

Недовольный тем, что его оторвали от работы, — перед ним на маленьком столике был натюрморт с подсолнухами в майоликовой вазе — он постоял, как бы приходя в себя, швырнул на подоконник кисть с палитрой, вынул из стеллажа несколько холстов, натянутых на подрамники, раскидал их по полу и отошел к раскрытому окну,

сунув руки в карманы.

Я, честно говоря, не ожидал этой холодности. Мне думалось, он примет меня за благодетеля, станет, как в предшествующее, уничтоженное посещение, уговаривать, объяснять. Но ничего такого не было. Он начал тихонько насвистывать какой-то мотив, оборвал и принялся затем постукивать пальцами по раме. Я заметил, что он стал теперь шире в плечах, каким-то более жилистым и жестким. Казалось, что если он ударит, то окончательно и насмерть. При этом он, правда, не огрузнел, и спина осталась деревянно прямой.

Ван Гог повернулся неожиданно, перехватив мой взгляд, и я опустил глаза к полотнам. Смотреть, собственно, мне было нечего, я их и так знал.

— Ну, что же? — спросил он. — Не нравится?… Тогда, как угодно.

— Нет, нет, — ответил я. — Выбор сделан. — Это вырвалось у меня непроизвольно. Вдруг почувствовал, что не могу мурыжить его тем, что здесь закажу вещь, хранящуюся у брата, а уже из Парижа попрошу прислать что-нибудь из того, что он мне сейчас показывает.

— Выбрали?… Какую же?

Я показал на «Сеятеля».

— Вот это?...

Винсент Ван Гог. Сеятель. 1888

Он взял подрамник обоими руками, перенес ближе к свету, поставил на пол у стены и вгляделся. Лицо его потеплело, как у матери, которая смотрит на собственное дитя. Затем он отвернулся от картины и сказал с вызовом.

— Я ценю свои вещи не слишком уж дешево. Например, эта стоит тысячу франков. Правда, немногим дороже кровати, за которую спрашивают семьсот и которой у меня нет.

Тут только я заметил, что в комнате нет кровати. В углу валялся свернутый матрас.

Он расценил мое молчание по-своему и горько усмехнулся.

— Да, некоторые воображают, что занятия живописью ничего не стоят самому художнику. На самом деле с ума можно сойти, когда подсчитываешь, сколько надо потратить на краски и холст, чтоб обеспечить себя возможностью непрерывной работы на месяц. Вы не думаете, я надеюсь, что такая вещь создается без размышлений, без поисков, без предварительных этюдов. Когда человек способен написать картину за три дня, это вовсе не означает, что лишь три дня на нее и потрачено. Истрачена целая жизнь, если хотите.

Садитесь за мольберт, если вы мне не верите, и попытайтесь гармонизировать желто-красный с лиловым. Конечно, когда композиция готова, то, что на ней есть, может показаться само собой разумеющимся. Так же говорят о хорошей музыке либо о хорошем романе, которые будто бы обладают способностью литься сами собой. Однако представьте себе положение, когда ни картины, ни симфонии еще нет, когда их надо еще создать, а композитор или живописец берется за труд, отнюдь не уверенный, что избранное им сочетание вообще в принципе возможно… Одним словом, тысяча, и разговаривать больше незачем.

Я откашлялся, чувствуя невольную робость, и сказал, что цена мне подходит.

— Подходит?… И вы готовы заплатить?

— Да.

— Заплатить тысячу франков? — Некоторое время он смотрел на меня, затем пожал плечами. — Почему?

— Ну как?… Вы спросили тысячу. Вещь мне нравится.

Он прошелся по комнате и остановился у картины.

— Да, ей отдано много. — Затем в глазах его появилась тревога, мгновенно сменившаяся

гневом. — Скажите, это не шутка? Здесь есть любители развлечься. Если вы пришли за этим, мне некогда. Я работаю.

— Ни в коем случае. — Я подошел к столику возле мольберта, вынул из кармана бумажник, отсчитал десять стофранковых билетов. И, скажу вам, это были не те деньги, что я привез из будущего, а полученные мною в ювелирном магазине. С привезенными, хотя вероятность была ничтожна, могла все же получиться неловкость. В конце концов они представляли собой дубли кредиток, существовавших здесь, в 1888-м, и не исключалась ситуация, при которой одинаковые номера окажутся рядом. Правда, экспертиза в этом случае стала бы в тупик, поскольку оригиналами были и те и другие. Так или иначе, мне не хотелось подвергать Ван Гога риску, ему хватало собственных невзгод.

— Кроме того, — сказал я, — меня заинтересовала еще одна вещь в Париже, в галерее Буссо. «Цыганские повозки». Если вы соблаговолите написать письмо, чтоб ее прислали, я мог бы подождать здесь, в Арле.

Опять был вынут бумажник, и я отсчитал еще пятьсот. Подозрение на его лице постепенно сменилось недоумением, а затем растерянностью.

Он несколько раз перевел взгляд с меня на деньги и обратно.

— Слушайте! Кто вы такой?

Я был подготовлен к этому вопросу и стал плести, будто действую не от себя, а по поручению богатого негоцианта из Сиднея, моего дяди. Негоциант дважды был в Париже — в прошлом и позапрошлом годах — имеет там знакомых художников, много слышал о самом Ван Гоге и о его брате. Ему известно, что публика пока не признает новое направление, но у него свой вкус.

— Как его имя?

— Смит… Джон Смит. Дело в том, что дядя скромный человек. Он даже заглядывал в мастерскую Кромона, был на «Выставке Малого бульвара», но вряд ли к вам подходил.

— Не помню. — Ван Гог покачал головой. — Джон Смит… Ну, ладно. — Он подошел к столику, нерешительно взял деньги, выдвинул ящик и положил туда. Посмотрел на меня, и этот взгляд, неожиданно робкий, на миг напомнил мне прежнего Ван Гога. Он отвернулся к стене, голос его звучал глухо. — Как странно. О таком я мечтал долгие годы — писать и иметь возможность зарабатывать этим на жизнь. Вот оно пришло, и я не могу обрадоваться. Но почему?

Он тряхнул головой.

— Я сегодня же напишу в Париж. А теперь извините… Вы, наверное, остановились в «Сирене». Мы могли бы увидеться вечером.

Городишко был пуст, солнце разогнало всех по домам. Я снял себе комнату в гостинице как раз над тем самым залом, который Ван Гог вскоре должен был изобразить на картине «Ночное кафе». Несколько часов провалялся на постели, отгоняя от себя мух, и когда жара спала, спустился на первый этаж.

Ван Гог сидел неподалеку от винной стойки. Я подошел. Вид у него был ожесточенный, он злобно ковырял вилкой в тарелке с макаронами.

Я спросил, как здесь готовят, и он гневно отбросил вилку.

— Понимаете, мне долго пришлось жить нерегулярной жизнью, у меня вконец испорчен желудок. Если бы я ел хороший, крепкий бульон, я бы поправился. Но тут, в городских ресторанах, никогда не получишь того, что тебе надо. Хозяева ленивы и готовят только не требующее труда — рис, макароны. Даже когда заказываешь заранее, у них всегда есть отговорка, что забыли или что на плите не хватило места. И постоянно обсчитывают. Сначала я жил тут, наверху, за

месяц с меня потребовали на двадцать франков больше, чем следовало. Но ведь я не богатый бездельник. Я работаю больше, чем все они тут, с моей стороны было бы безволием позволить себя эксплуатировать. Я пошел к мировому судье, и он приговорил двадцать франков в мою пользу. Но все равно мошенничество продолжается — не станешь ведь обращаться в магистрат из-за каждых пятидесяти сантимов. В результате я полтора месяца обходился без матраса и был вынужден приходить ночевать сюда, хотя уже снял себе комнату… Вообще в Арле считают своим долгом обманывать каждого чужого. Особенно, если ты художник, тебя считают либо сумасшедшим, либо миллионером. За чашку молока дерут целый франк.

Я заказал вина. Хозяин, толстый, с одутловатым белым лицом, принес его только минут через пять. Ресторан постепенно наполнялся. За столиком, где собрались игроки в карты, началась пьяная ссора.

Ван Гог презрительно усмехнулся.

— Человечество вырождается. Я сам прекрасное подтверждение этому — в тридцать пять лет уже старик. Понимаете, одни работают слишком много — крестьяне, ткачи, шахтеры и бедняки

вроде меня. Этих гнетут болезни, они мельчают, быстро старятся и умирают рано. А другие, как вот те, стригут купоны и деградируют от безделья. Но так не может продолжаться. Слишком много тяжелого сгустилось, должна грянуть гроза. Хорошо хоть, что некоторые из нас не дали себя одурманить фальшью нашей эпохи. Это поможет грядущим поколениям скорее выйти на свободный, свежий воздух.

Мы выпили, и он осмотрелся.

— Интересно, кто придумал сделать здесь эти красные стены. Комната кроваво-красная и глухо-желтая с зеленым биллиардом посередине. Получается столкновение наиболее далеких друг от друга оттенков. Иногда мне кажется, то тут можно сойти с ума или совершить преступление… В человеке намешано так много. Хотелось бы все это выразить, передать, но теперь я боюсь, что не успею. Ваш дядя знает, как существуют непризнанные художники в Париже. Я нажил там неврастению. Бывает, что с утра не можешь взяться за кисть, пока не выпьешь крепкого кофе и не накуришься. Но искусственного подъема хватает ненадолго, снова кофе и трубка, периоды работы все уменьшаются, приходишь к тому, что каждая новая чашка дает тебе один-единствен-

ный мазок… Страшная штука — плохое здоровье. Из-за него я не восстаю больше против установленного порядка. И не потому, что смирился — просто сознаю, что болен, что нет сил и они уже больше не придут.

Я расплатился за вино, мы встали и, разговаривая, прошли через город к полям. Дорогой он сказал, что уже отправил письмо и что если оно застанет брата на месте, посылка с картиной прибудет через шесть дней.

Солнце спускалось, перед нами было море пшеницы, а справа зеленели сады.

— Конечно, сейчас мне прекрасно работать, — сказал Ван Гог. — Это все благодаря брату. Никогда раньше я не жил в таких условиях, и если ничего не добьюсь, это будет только моей виной. Здесь удивительно красивая природа. Посмотрите, как сияет небосвод… И вот зеленовато-желтый дождь солнечных лучей, который струится и струится сверху на все. А кипарисы с олеандрами какие-то буйно помешанные. Особенно в олеандрах немыслимо закручена каждая веточка и группы ветвей тоже. У меня два раза было, что, выбравшись на этюды, я терял сознание от нестерпимой красоты.

Ван Гог позволил себе отдохнуть в тот вечер,

мы еще долго бродили. Часто он совсем забывал о моем присутствии, затем, вспомнив, обращался ко мне с каким-нибудь малозначительным замечанием, задавал вопрос и не выслушивал ответа, углубляясь в себя.

Вообще в нем была теперь какая-то отрывистая гордость, чуть презрительная и разочарованная. Как будто он знал себе цену, но потерял надежду убедить мир в чем-нибудь. Тогда в Хогевене Ван Гог не был уверен, что его произведения хороши, но полагал, что упорный труд позволит ему добиться успеха. В Арле стало наоборот. Он твердо знал, что стал настоящим художником, но уже не верил, что его когда-нибудь признают. Он очень легко раздражался; излечению его неврастении отнюдь не способствовали стычки с квартирной хозяйкой, владельцем ресторана, зеваками, что тотчас собирались вокруг, если он принимался набрасывать рисунок где-нибудь в городе. Мне кажется, окружающие даже несколько побаивались его.

Правда, получив от меня крупную по тем временам сумму, он начал оттаивать и меняться удивительно быстро. Купил себе кровать — правда, не за семьсот, а подешевле, за четыреста франков. Нанял женщину, которая стала готовить ему. В

глазах появилось что-то теплое, щеки порозовели, он перестал отвечать взрывами бешенства на мелкие уколы со стороны. И продолжал работать. Работать с ожесточением, какого я отродясь и не видел. С утра ящик с красками в одну руку, подрамник в другую, мольберт за спину, и на этюды. А если был дома, то писал. В комнате его можно было увидеть только с палитрой и кистями, как будто он не спал, не ел вообще ничего. Сознавая, что начал поздно, он стремился сжать, вместить в год или два то, на что у других уходит долгая творческая жизнь.

Посылка от брата, между тем, все не шла. Из Парижа сообщили, что письмо Винсента направлено в Антверпен, но получилось, что оно попало туда, когда адресат выехал. Мне оставалось только ждать, от скуки я несколько раз увязывался с Ван Гогом в его походы. Исподволь я начал ему симпатизировать, мне хотелось исправить некоторые уж слишком очевидные недостатки в его манере писать. Но из этого ничего не вышло.

Однажды, например, я сказал, что роща на заднем плане его этюда вовсе не такова по цвету, какой он ее сделал, и что никто никогда не видел таких, как у него, завинченных деревьев и завинченных облаков.

Он спросил, выпадает ли роща из общего фона того, что он делает. Когда я признал, что из его фона не выпадает, он объяснил:

— Начинаешь с безнадежных попыток подражать природе, все идет у тебя вкось и вкривь. Однако наступает момент, когда ты уже спокойно творишь, исходя из собственной палитры, а природа послушно следует за тобой. Разумеется, в любой моей вещи есть промахи, но зато я твердо знаю, почему я пишу так, а не иначе. Я могу быть не уверен в своей технике, но у меня всегда есть жизненность, которая, по-моему, должна отодвигать ошибки на задний план…

Наконец, на исходе второй недели, когда я уже начал дрожать, Ван Гога разыскал посланный с почты мальчишка. Пять сотен франков были присоединены к первым полутора тысячам, и вечером мы отправились в «Сирену». Ван Гог был очень оживлен, показал мне письма от Гогена, сказал, что ожидает его теперь в Арль. Он спросил, нет ли среди моих друзей и знакомых дяди такого человека, который тоже заинтересовался бы произведениями импрессионистов. Я ответил, что это не исключено, и глаза его зажглись. Он заговорил о том, что если бы удавалось продавать хотя бы по три картины в год, он мог бы

обеспечить не только себя — ему лично не надо так много, — но снять маленький дом, где найдут приют и другие бедствующие художники, которые нередко гибнут от нищеты, кончают с собою или попадают в сумасшедший дом. Планы роились, уже дело дошло до того, что будет открыта собственная небольшая галерея в Париже, которой может руководить Теодор, что торговля картинами будет вырвана из рук коммерсантов и подлинное искусство начнет распространяться в народе.

Мы осушили три бутылки дрянного вина, ресторан уже опустел, хозяин сонно поглядывал на нас, опрокидывая стулья на столики.

Ван Гог умолк, вгляделся мне в лицо и тихо-тихо спросил:

— Скажите, а это правда?

— Что именно?

Он сделал жест, обводя зал, где половина газовых рожков была уже погашена.

— То, что сейчас происходит… Вы появились так внезапно. Ваш приезд так неожидан и так выпадает из всего, что было до сих пор. Мне сейчас вдруг показалось, что деньги, полученные от вас, могут неожиданно исчезнуть, и все останется, как прежде… Понимаете, конечно, я не великий

художник, у меня не было возможности учиться рисовать и не хватало таланта. Но, с другой стороны, вряд ли есть еще человек на земле, кто до такой степени не имел бы ничего, кроме искусства. Я не помню спокойного дня в своей жизни. Дня, чтоб меня не мучили угрызения совести перед братом, на плечах которого я повис тяжкой ношей, чтоб меня не терзал голод, либо необходимость платить за жилье, невозможность купить красок или нанять натурщика. Ведь но может быть, чтоб такая преданность ничего не стоила и никем не была оценена?

Черт возьми! Вы знаете, он оказался настоящим провидцем. Деньги, полученные им от меня, действительно исчезли, все стало, как прежде, потому что мне пришлось в третий раз снять Петлю. Сдернуть ее, несмотря на то, что в переписке между братьями мое посещение фигурировало, как важнейшее событие года. При том, что Ван Гог целых пятьсот франков послал Гогену с подробнейшим рассказом, откуда они взялись…

Но по порядку. Я вернулся из Арля в Париж 25-го, зашел там опять в галерею Буссо. Не потому, что собирался выписать еще одну картину из Арля, — на это уже не было времени, — а просто так. Хотел посмотреть на Теодора — уж очень много

слышал о нем и читал. Я заглянул в первый зал и сразу узнал его, потому что братья были похожи. Только младший оказался больше ростом, мягче, и можно было догадаться, что этот человек ни разу в жизни никого не обидел. Он разговаривал со служителем. Я постоял, делая вид, что заинтересовался «Купальщицами» Ренуара, висевшими тут же, и потом ушел.

Кстати, он меня тоже узнал — по описанию в письме Винсента — и в свою очередь сообщил в Арль о моем коротком визите.

В тот же вечер я пришел на место вызова и благополучно вынырнул к себе. Опять всевозможные ванные, массажи. Заглядываю в «Письма», там все в порядке. Перелистываю монографию о Ван Гоге, убеждаюсь, что тут тоже появились изменения. Сказано, что в июне 1888 года в Арль приехал молодой иностранец, купил у художника две картины и несколько рисунков, след которых, к несчастью, с тех пор затерялся. С «иностранцем» мне все ясно — Ван Гогу, естественно, показался странным мой современный французский язык, я объяснил ему, что моя мать была француженка, но воспитывался я в Сиднее. А с рисунками исследователь ошибся. Я забыл вам сказать, что в последний вечер Ван Гог набросал мой портрет

карандашом, который тут же отдал мне. И все.

Забираю, одним словом, «Сеятеля» с «Цыганскими повозками», кладу в папку рисунок и отправляюсь в тот первый салон. Что же вы думаете?… Уже через полчаса я мчался в Институт. Мчался, как если бы за мной целым взводом гнались полицейские на мотоциклах.

Понимаете, пришел и попадаю на усатого старика. Он берет картины и рисунок, вертит, нюхает, чуть ли не пробует на зуб. Я тем временем повествую о древнем чердаке. Он кивает, да-да, мол, все верно, картины упоминаются, в письмах есть подробные описания каждой. Говорит, что сам всю жизнь посвятил изучению творчества Ван Гога и не может не признать, что рука его. Потом берет «Цыганские повозки» — не «Сеятеля», а именно «Повозки», — нажимает кнопку в стене. Шкаф с книгами отъезжает в сторону, открывается ниша, в которой аппарат, определяющий время изготовления того или иного произведения искусства. Лучи, углеродный или там другой анализ.

Представьте себе, на экране возникает надпись: «Порядок — до 100 дней».

Как вам это нравится? Сто дней, то есть три месяца с того момента, когда краски положены

на холст. Оно, в общем, и соответствует действительности, поскольку «Цыганские повозки» Ван Гог написал за два с половиной месяца до моего приезда к нему. Но я перенес вещь сразу через нулевое время, краски и в самом деле старились из-за этого не сто лет, а только сто дней.

Насчет «Сеятеля» же старик говорит, что наиболее пастозные места вообще не высохли и липнут. Но при этом он, видите ли, не сомневается в подлинности, а что касается портрета, то изображен несомненно я.

И смотрит на меня, спрашивая взглядом, как это все понимать.

Но ведь о существовании Временных Петель всем было известно. По интервидению хотя бы раз в неделю передают какой-нибудь фильмишко, украдкой снятый из-за кустов с помощью сверхтелеобъектива с безлюдных скал. Каждый знает, что путешествие в прошлое возможно, хотя и разрешается только в исключительных случаях.

Я тогда скромненько забираю все свое имущество, ни слова не говоря, поворачиваюсь и ускоряющимся шагом иду на улицу. Счастье мое, что все научные сотрудники Института в тот момент слушали доклад в конференц-зале.

Врываюсь, хватаю ошеломленного Кабюса за шиворот. Отдышался только, когда из Камеры вылез.

За нарушение Закона об Охране Прошлого по головке не гладили. Я бы и костей не собрал в случае чего. Вполне могли взять и двинуть в меловой период без обратного вызова. Так, между прочим, тогда и поступали с рецидивистами — не можешь жить среди людей, давай к пресмыкающимся за сто или сто двадцать миллионов лет до современности. Там не замерзнешь в тропическом предледниковом климате, пропитаешься растениями. Но словом не с кем перемолвиться, скука, и в конце концов сам предложишь себя на полдник какому-нибудь тиранозавру. А если преступников было двое, размещали с небольшой временной разницей — одного в такой-то момент, а другого только на сто лет позже.

Правда, в моем случае учли бы молодость. Так или иначе, обошлось. До сих пор не знаю, позвонил ли старикан-искусствовед, куда надо было. Скорее всего, да. Если так, за мной и на самом деле гнались, но не успели. Как только я сдернул завиток, «Сеятель» мгновенно оказался опять в галерее в Цюрихе, «Цыганские повозки» — в Лувре, рисунок дематериализовался, всякое упо-

минание о моем визите в Арль исчезло из писем. И мое посещение салона на бульваре Сен-Мари осталось существовать лишь у меня в памяти, как альтернативный вариант, сменившийся другим.

Но тут, признаюсь вам, у меня опустились руки. Что касается Кабюса, он вообще лежит пластом. Да и сам я чувствую, что стена, — даже если привезешь что-нибудь ценное из удаленных назад веков, все равно Петля сократит время, и либо тебя в подделке обвинят, либо поймут, что связан с Институтом. Как ни крути, выходит, что давность лучше не трогать и политики не зря отказались. Вместе с тем жалко ужасно. Вот оно, прошлое, рядом. Пока Кабюс в Институте, все мое — от двадцатого века до первого и дальше туда за великие китайские династии, за греческие ладьи, плывущие к Трое, за башни Ассирии и египетские пирамиды. Можно метнуть в пиратские времена, раскопать сокровища Кидда; хоть золото ничего не стоит, за старинные дублоны или древний кинжал немало отвалили бы ЕОЭнов. Но как добиться, чтобы они так старыми и остались — никак ведь не добьешься.

Мои собственные накопления чуть ли не все истрачены, за три посещения ухнул пятьдесят тысяч Единиц Организованной Энергии. И вы

знаете, как это бывает — еще каких-нибудь четыре месяца назад жил вполне довольный своим положением, на окружающих смотрел свысока, собой гордился, а теперь места не нахожу. И коттедж и свой личный флаер последней модели — все опротивело, чувствую себя нищим по сравнению с тем, что мог бы иметь в случае удачной операции.

Хожу, кусаю губы. И как раз через неделю после моего возвращения утречком по телевидению сообщают о замечательной находке под Римом. Археолог-дилетант, копаясь в окрестностях Вальчетты, обнаружил в развалинах древнего храма погребенный под землей ход в стене, тайник, а в нем целую коллекцию превосходнейших античных камей — знаете, такие резные камни с рельефным изображением. Находка датируется двухсотыми годами до нашей эры — в этом сходятся мнения искусствоведов и показания прибора.

Вот, думаю, везет некоторым. А тут можешь прыгать в прошлое, и то ничего.

Приносят газеты. На первой странице заголовки о чудесных камеях Вальчетты. Высказывается предположение, что это часть сокровищ какого-нибудь римского сенатора эпохи цезарей,

который в смутное время избиений и казней решил ее припрятать. Тут же портрет человека, который раскопал потайной ход. Физиономия у него весьма решительная, как-то мало похожа на археолога-любителя. В аппарат не глядит, опустил глаза, стараясь прикинуться овечкой, а у самого рожища — бр-р-р-р-р!

Вечером вдруг звонит Кабюс. Пришел, сел. Мялся-мялся, потом говорит:

— Дураки мы с тобой.

— Почему?

— Да потому, что не надо было тащить картины Ван Гога в Камеру. Нужно было там их и оставить, в прошлом.

— Какой же смысл?

Он не торопясь берет газету с фотографией того счастливца с камеями. Смотрит на нее.

— Знаю этого типа. Он ко мне приходил еще до тебя. Только я побоялся связываться. С полгода назад было.

Тогда я хлопаю себя по лбу, потому что начинаю понимать. Парень нашел дорогу в итало-американскую Временную Петлю. Спустился в Рим эпохи цезарей, организовал там эти камеи — скорей всего действительно у какого-нибудь сенатора. Потом не стал возвращаться с ними

через Камеру, а там же пошел в Вальчетту, разыскал храм, относительно которого ему было точно известно, что строение достоит до нашего времени. И ночью, чтоб никто не видел, запрятал свою добычу. Потом спокойно вынырнул в современность, раздобыл себе эти кисточки, которыми археологи орудуют, поехал в Вальчетту уже автомобильной дорогой, облачился в синий халат, взял лопату, поплевал на ладони и на следующий день поднял крик о находке. Получилось, что камеи сквозь Камеру не прошли, две тысячи лет пролежали в стене, состарились, что и было показано аппаратами.

Думаю это я так, а потом обрываю себя. Но ведь ход и вообще все это место ученые тоже обследовали. Могли же понять, что раскоп свежий… И тут же поправляюсь. Нет, не верно. Важно не то, когда он раскапывал, а время создания тайника. А ход был в стене сделан именно двадцать столетий назад. Он ведь там его пробил, в I веке, там же и заложил.

Вся проблема становится с головы на ноги. Доставлять ценности из прошлого в настоящее все-таки можно. Только надо их прятать там, а «находить» здесь…

Через двадцать суток я опять был в прошлом

веке, точнее в мае 1890 года, на окраине маленького городка Сен-Реми, где Ван Гога приютили в доме для умалишенных. Собственно, можно было отправиться вторично в один из двух периодов, мне известных, но все-таки я видел художника, когда он только начинал заниматься живописью, посетил и в середине пути. Теперь имело смысл посмотреть, каким Ван Гог будет к концу своей жизни, иначе осталось бы чувство незавершенности. Однако самым важным соображением было, конечно, то, что именно в июле он завершил два наиболее знаменитых полотна: «Звездную ночь» и «Дорогу с кипарисами». На них я и прицелился — после всех неудач и бесполезных трат нас с Кабюсом мог выручить только большой куш.

Снова утро. Страж у ворот пропускает меня, ни о чем не спрашивая. В передней части парка аллеи расчищены, дальше запущенность, глухота. Вишня, за которой никто не ухаживает, переплетается с олеандрами, кусты шиповника спутались с дикими рододендронами, а на повороте тропинки, по которой я двинулся вглубь, стоит огромный засыхающий каштан, и его желтые, как осенью, листья застряли в космах перепутанной, некошенной травы. Женщина с корзиной белья попадается навстречу, я спра-

шиваю, где мне найти Ван Гога. Это прачка, с мягким, робким выражением лица и большими красными руками. Она уточняет, имею ли я в виду того, «который всегда хочет рисовать», машет рукой в сторону здания, желтеющего вдали сквозь листву, и называет номер палаты — шестнадцать. Я пошел было, женщина меня окликает и говорит, что сегодня Ван Гога будет трудно увидеть — совсем недавно был припадок. Я хлопаю себя по карману и объясняю, что тут для него найдется утешенье.

Желтое здание оказалось отделением для буйных — окна изнутри забраны решетками. Но двери центрального входа широко распахнуты — как те, в которые я вошел, так и с противоположной стороны главного корпуса. В длинном коридоре все палаты тоже открыты — с двумя, с тремя или даже пятью постелями. Блестит только что вымытый кафельный пол, ведро с тряпкой оставлено у стены, а со второго этажа слышны негромкие голоса двух женщин. Прикидываю, что выдался, вероятно, спокойный день, больные отпущены в сад, а обслуживающий персонал занят уборкой, сквозняки гуляют по всему дому. Не сказать, что обстановка гнетущая, но щемит от небрежно распахнутых дверей — ими подчерки-

вается, что у обитателей комнат нет уже ничего личного, своего, неприкосновенного.

Я прошагал весь коридор, повернул, оказавшись теперь уже в одноэтажном флигеле, дошел до конца флигеля и тут увидел номер шестнадцать.

Дверь приоткрыта, стучу, ответа нет. В комнате койка, покрытая серым одеялом, табурет в углу. На подоконнике рассыпаны краски, рядом высится знакомый мне трехногий мольберт. Тут же куча холстов, внизу я увидел высунувшийся, запыленный край «Звездной ночи».

Винсент Ван Гог. Звёздная ночь. 1889

Я сел на табурет и стал ждать. Издали доносились едва различимые звуки рояля — кто-то начинал и начинал жалобную мелодию, но, взяв несколько аккордов, сбивался, останавливался и

брался снова.

Затем в коридоре послышались шаги, они приближались, я стал в своем углу.

Ван Гог вошел, пусто посмотрел на меня, медленно прошествовал к окну. И, признаюсь вам, мне стеснило сердце.

Я бы сказал, что он был смертельно ранен. Драма с Гогеном, сумасшедший дом в Арле, куда художника дважды заключали, продолжающаяся невозможность добиться признания — все это за два года прошлось по нему, как автоматная очередь. Виски его поседели, спина сгорбилась, синие круги обозначались под глазами, которые уже не жгли, а, прозрачные, смотрели туда, куда другие не могли заглянуть. На нем был казенный халат, и я вспомнил по «Письмам», что приют для умалишенных именно в Сен-Реми был избран потому, что плата за содержание составляет здесь один франк в день и больных одевают за счет заведения — дела Теодора после короткого периода сравнительного благополучия опять пошли плохо, братьям приходилось экономить каждое су.

Все так, и при этом странное отрешенное величие было в его фигуре. Я смотрел на него, и вдруг почувствовал, что уважаю его. То есть колоссально уважаю, как никого на свете. Понял, что

уже давно начал уважать — со второй, а может быть, даже с первой встречи. Пусть он не умеет рисовать, пусть лица мужчин на его картинах картофельного цвета и с зеленью, пусть поля и пашни вовсе не таковы, какими он их изображал. Но все равно в нем что-то было. Что-то такое, по сравнению с чем многое делалось подсобным и второстепенным — даже, например, атомная энергия.

Я превозмог свой трепет и стал говорить, что могу дать огромные деньги за его последние картины. Такую сумму, что он и брат не только снимут дом, но и купят его. Что они приобретут даже целое поместье, что будут приглашены самые замечательные врачи, которые поправят его здоровье и вылечат от припадков сумасшествия.

Он выслушал меня внимательно, потом поднял глаза, и его взгляд пробил меня насквозь.

— Поздно, — сказал он. — Теперь уже ничего не надо. Я отдал своей работе жизнь и половину рассудка. — Он посмотрел на груду холстов, с трудом нагнулся и бережно рукавом отер пыль с верхнего. Это были «Белые розы». Губы его дрогнули, и он встряхнул головой. — Иногда мне кажется, что я работал, как должно. Что большее было бы не в силах человеческих, и что этот труд должен

принести плоды.

Затем он повернулся ко мне.

— Идите. У меня мало времени, я хочу еще написать поле хлебов. Это будут зеленые тона равной силы, они сольются в единую гамму, трепет которой будет наводить мысль о тихом шуме созревающих колосьев и о человеке, чье сердце бьется, когда он слышит это.

Последние слова прозвучали совсем тихо.

И, скажу вам, я отступил, не произнося ни звука, поклонился, вышел в коридор, проследовал через заброшенный сад в город, на вокзал, и был таков. Тихо и скромно, как овечка. Конечно, проще простого было дождаться, когда Ван Гог выйдет за чем-нибудь из комнаты, зайти туда на одну минуту и взять что надо. Никто не стал бы меня останавливать на воротах. Никто не спросил бы, что я несу, а место в Сен-Реми, где холсты спокойно пролежали бы столетие, было уже подготовлено.

Но не смог. Не смог, даже понимая, что самому Ван Гогу несколько тысяч франков, оставленные на подоконнике, принесли бы больше пользы, чем два его полотна.

Вернулся в столицу Франции и прыгнул обратно к себе. Кабюс встречает меня у Камеры

трепещущий, жадно смотрит на чемоданы. Но, правда, в поезде мною уже был подготовлен план, который я тут же и изложил. Объяснил Кабюсу, что не способен больше беспокоить ни самого художника, ни его родственников — пусть так и проживут, как прожили. Теперь надо действовать по-другому. Поскольку мы все знаем и понимаем, в наших силах совершить грандиознейшую аферу, которая не только вернет затраченное, но обогатит нас на всю жизнь. Не будем тянуть по одной-две картины. Следует избрать время, когда художник знаменит, письма давно изданы и с его вещей сделано множество репродукций. Например, конец тридцатых годов нашего века — произведения искусства уже дороги, но все равно в десятки раз дешевле, чем в 1996-м. Главное же то, что мы станем за них платить товаром, который в наше время почти ничего не стоит — золотом.

Понимаете, меня осенило, что я вообще напрасно путался с подготовкой приличного костюма, доставанием современных Ван Гогу денег и всяким таким. Ведь можно было явиться в старый Париж чуть ли не в рубище, в первом попавшемся ломбарде заложить золотое кольцо, на полученные деньги одеться, продать затем зо-

лотой браслет в ювелирном магазине, купить собственный выезд и так далее по возрастающей. При этом никакого риска, что попадешься, поскольку ничто из тобой предлагаемого не является ворованным и не разыскивается. Простая контрабанда, но не через пространственную, а через временную границу.

Продал я свой флаер, заложил дом. Кабюс тоже где-то раздобыл ЕОЭнов или, во всяком случае, сказал, что раздобыл — тут в целом была неясность. Понимаете, проверить энергетический баланс Института я не мог, а без этого как узнаешь, добавляет ли он вообще что-нибудь к моему вкладу. Известно было, что поездки в прошлое требуют огромного количества энергии, но какого именно, зависело от периода. С другой стороны, ему ничто не мешало сказать, что его доля больше моей или такая же, а он всегда говорил, что меньше. Правда, не очень-то я этим интересовался — пусть он даже втрое против меня заработает. Завидовать я вообще никому не завидовал, а тот парень с камеями меня расстроил только потому, что моя глупость вдруг оказалась очевидной… Наличных, кстати, я у Кабюса никогда не видел.

Ну, ладно. Прежде всего взяли мы два плана Парижа — тридцатых годов и 1996-го. Задача

состояла в том, чтобы найти здание, — по возможности небольшое и обязательно принадлежащее частным лицам, — которое простояло бы последних лет шестьдесят без существенных изменений. Искали-искали и нашли. В старину место называлось проездом Нуар, в нашем времени — бульваром Буасс. Одноэтажный, но довольно массивный домик, который чудом удержался возле прозрачных громадин, ограничивающих Второй Слой с юга. Съездили туда, там, естественно, никто не жил. Мгновенно договорились с владельцами, что снимаем его на полгода, — они и деньги отказались с нас за это получать.

Недели за две я разместил заказы и собрал килограммов шестьдесят золотых и платиновых украшений с алмазами, сапфирами и прочим. Набил два таких чемодана, что далеко не унесешь. Кабюс приготовился, чтобы в ближайшие дни перебраться в тот домик, наладил мне Камеру — уже четвертый или пятый раз, не помню, и ваш покорный слуга двинул в свое последнее, решающее путешествие, а год 1938-й. Я выбрал именно 38-й, чтобы не попасть к началу второй мировой войны, тогда всем станет не до картин.

В общем-то, все было мне привычно. Без особых волнений возник со своим багажом ночью на

бульваре — при мне отлично сфабрикованный паспорт с несколькими заграничными визами. Поехал на вокзал, взял билет до Брюсселя. Оттуда перекочевал в Роттердам, пароходом в Лондон, из Лондона на Гамбург, Кельн, Лозанну в Швейцарии и опять в Париж. Мотался по Европе больше двадцати дней и за это время превратил все, привезенное из 1996-го, в наличные деньги. Вызвал даже легкую панику на рынке драгоценностей — представляете себе, вдруг выбрасывается такое количество товара сразу.

В Париже разыскал проезд Нуар и наш домик. Хозяева оказались предками молодой женщины, которой предстояло владеть им через шесть десятилетий, но, само собой разумеется, были совсем другие люди. Я объяснил, что пишу роман, что нравится атмосфера старины и хотел бы поработать тут в полном одиночестве. Предложил тысячу франков за месяц, они не пожелали со мной разговаривать. Пообещал пять, они задумались, а когда сказал, что не постою и за пятнадцатью, спросили, можно ли им остаться еще до вечера.

Место было — лучше не придумаешь. Уличка пустая, безлюдная, одни только кошки греются на солнце да шмыгают из подворотни в подво-

ротню. Дом стоит чуть в глубине, за ним глухая стена ткацкой фабрики, с одного боку склад, а с другого — унылый сад сплошь в крапиве. Тут даже во дворике можно было бы зарыть в землю целый Кельнский собор, и никто бы не заметил.

Въехал, разложил по комнатам свое имущество, зашторил окна, спустился в подвал. Смотрю, здесь пол тоже выстлан досками — это для меня и лучше. Набрал себе постепенно инструментов и взялся за работу. Снял доски, принялся вырубать в кирпичном фундаменте тайник. Тогда как раз появились в продаже первые ламповые радиоприемники — громоздкие такие ящики, несовершенные, с хрипом, сипеньем. Зафугуешь эту махину наверху на полную мощность, а сам внизу долбаешь. Вручную, конечно. В ту пору даже электродрели не было. А кладка слежавшаяся — строили на века. Это в мое время стало, что лишь бы строение от ветра или сейсмических колебаний не свалилось, да чтобы светло и уютно. А тогда запас прочности давали раз в двадцать больше, чем надо. Сперва шлямбур поставишь и лупишь по нему кувалдой. Потом ломом зацепляешь кирпич, наваливаешься, и он лезет со скрипом, как коренной зуб. По кирпичу в час у меня получалось, не больше. Иной раз так

намахаюсь, что плечевой пояс весь звенит, и впору устраивать забастовку, требовать сокращения рабочего дня.

Возился я, возился, и сам все думаю: ведь небось через шестьдесят лет вперед в этот миг Кабюс сидит с женой в подвале, и оба ждут, что вот-вот проступит по кирпичам линия тайника. Интересно так было, что вот я здесь, они там, в одни и те же моменты, в одном и том же месте, но через время. Я чего-то сделаю, а там отражается.

Долго ли, коротко, но дело было сделано. Почистился, и временно перебрался на жительство в отель «Бонапарт», неподалеку от Люксембургского сада, где могли предложить действительно необыкновенный для той эпохи комфорт.

Отдохнул и вышел в город.

Лихорадочное какое-то было времечко — вот этот октябрь предвоенного 1938-го. Недавно Даладье вернулся из Мюнхена и заявил на аэродроме, что он и Чемберлен «привезли Европе мир». Чехословакию отдали германскому фюреру, который с трибуны рейхстага торжественно заявил, что его страна не имеет больше никаких территориальных притязаний к кому бы то ни было. А Риббентроп, фашистский министр иностранных дел, тем временем пригласил к себе польского

посла в Берлине Липского, чтобы потребовать от Польши город Гданьск, или Данциг, как он тогда назывался.

Но Париж еще не знал этого и праздновал наступление обещанной мирной эпохи. На Елисейских полях стоял чад от автомобилей, светящимися крыльями вертела новая «Мулен-Руж», в своих первых фильмах снялся этот, как его… Жан Габен. Юбки постепенно делались короче, но то были, естественно, не мини-юбки, до которых оставались еще десятилетия. Буржуа отплясывали суинг в ночных ресторанах. Лилось шампанское, вошел в моду кальвадос, который воспел потом Ремарк в романе «Триумфальная арка».

И, конечно, Винсент Биллем Ван Гог был уже в полной славе своей. Все-таки он добился признания, мой вечный неудачник! Лицо, которое я так хорошо знал, появилось на страницах журналов, газет, даже на афишных тумбах. Печатались многочисленные статьи о нем, книги. Цветная фотография позволила заново репродуцировать его произведения. Несколько подлинников висело в Музее Родена, в Музее импрессионистов, а в Лувре как раз открылась большая выставка, куда было свезено около четырехсот вещей из

Лондона, Нью-Йорка, из ленинградского «Эрмитажа», Бостона, Глазго, Роттердама, из Московского музея изящных искусств, из бразильского города Сан-Паулу, даже из Южной Африки и Японии. То, что он писал и рисовал рядом с деревянным корытом или на холоду, дуя на замерзающие пальцы, то, что сваливал под ободранную койку или голодный, с пустым, урчащим брюхом, волок на себе, перебираясь из трущобы в хижину, опять в трущобу и в сумасшедший дом, распространилось теперь по всем континентам, по всему миру. Эскизы, которые он набрасывал, упрашивая моряка или проститутку постоять несколько минут, композиции, что начинал, судорожно высчитывая, хватит ли денег на ту или иную краску, повсюду висели на почетных местах, путешествовали только на специальных самолетах и в специальных вагонах, многочисленная охрана сопровождала их во время перевозок. На открытии выставки в Лувре исполнялись государственные гимны, а ленточку перерезал посол республики Нидерландов об руку с министром просвещения Франции. Действительно, они сбылись, — слова, услышанные мною тогда, в последнее свидание — что труд его принесет плоды. Ей-богу, мне хотелось, чтоб хоть краешком глаза

он мог увидеть вспышки магния во время торжественной церемонии, очереди, что стояли с утра до вечера у входа в левое крыло музея, услышать звуки оркестра и разговоры в толпе. Но все это было невозможно, как невозможны вообще для человека путешествия в собственное будущее. Ван Гога уже полвека не было на земле, никакая сила не могла вырвать его из скромной могилы в Овере, где рядом с ним лег его брат.

Сам я между тем в силу неясного мне чувства все откладывал и откладывал первое посещение выставки. Пора было приниматься за переговоры относительно покупки картин, но я медлил. Задумчивое настроение овладело мною, было так приятно гулять осенними старыми улицами, выпивать стаканчик вина в маленьком кафе, — некоторые рецепты, к сожалению, утерялись теперь — слышать одинокий звук гитары из глубины сырого дворика, улавливать запахи осенних листьев, которые, собрав в кучки, сжигали в садах и скверах. Во мне пробудилось ощущение истории; сравнивая Париж этой осени с тем, каким он был в 1888 и 1895 годах, со спокойной грустью я отмечал неумолимый ход времени. Город, правда, еще оставался старым городом, не существовало пока однообразных

новых кварталов и всей системы перекрещивающихся многослойных дорог, которую стали создавать в 70-х.

Вот так, прогуливаясь, однажды утром я забрел на маленькое кладбище. Было светло, солнечно, пели птицы. Знаете, как у них бывает — начнет одна, затем, будто опомнившись, присоединяется еще две-три, а к этим целый десяток. Минуту длится концерт, внезапно все умолкают, и так до того мгновенья, когда кто-то опять не нарушит тишину. Я сел на скамью, прошла нянька с девочкой, неподалеку взад-вперед шагал тощий молодой человек, что-то шепча про себя. Похоже, стихи. Поэт, наверное. Почему-то здесь мысль о смерти не казалась отталкивающей.

Я посмотрел на скромный каменный крест передо мной и увидел надпись: «Иоганна Ван Гог-Бонгер. 1862–1925». Понимаете, это была могила жены Теодора. Той, о которой Ван Гог говорил в письмах, как о «дорогой сестре». Той женщины с испуганным взглядом.

Значит, она умерла, сказал я себе. Впрочем, удивляться тут было нечему. Как-никак со времени моего знакомства с ней прошло больше четырех десятилетий. То есть прошло, как вы сами понимаете, для нормальной жизни, для

исторического развития, но не для меня, который приехал в 1938-й год примерно таким же двадцатипятилетним болваном, каким приходил тогда на улицу Донасьон в 1895-м.

Поднявшись со скамьи, я подошел ближе к чугунной оградке. Чуть покачивались ветки разросшегося жасмина, крест окружали три венка из искусственных цветов, заключенных в стеклянные футляры по обычаю начала этого века. Я нагнулся, чтобы разобрать слова на полуистлевшей ленте, внезапно дрожь прошла по моей спине, а горло сжалось.

«Верность, самоотверженность, любовь» — вот, что там было написано.

И это ударил первый гром. Я выпрямился, закусил губу. Неплохая была семья — Ван Гоги. Один рисовал, другой, отказывая себе, поддерживал его, а третья не позволила миру пропустить, бросить незамеченным то, мимо чего он уже готов был равнодушно пройти. Я вспомнил Иоганну, ее чуть вытаращенные глаза, достоинство, с которым она сказала тогда, что не продаст картины. Действительно, нужна была верность, чтобы заявить, что произведения полусумасшедшего отщепенца и неудачника необходимы человечеству. На самом деле требовалась любовь,

чтоб долгие годы день за днем разбирать смятые пожелтевшие листки, расшифровывать строки нервно бегущего почерка, слова и фразы на дикой смеси голландского, английского и французского, сопоставлять, переписывать, приводить в порядок. Но она взяла на себя этот самоотверженный труд, посвятив ему собственную жизнь, преодолела все препятствия, сумела убедить сомневающихся издателей и выпустила первый томик. Теперь ее давно уже нет, но к современникам доносится горькая жалоба Винсента из Хогевена, Нюэнена, Арля, его гнев и надежда.

Черт меня возьми!.. Смятенный, я вышел с кладбища и неожиданно для себя отправился в Лувр.

Приезжаю. Толпа, топтание на месте, медленное продвижение. Все, конечно, вежливы, доброжелательны… И разговоры. Сравнивают Ван Гога с другими импрессионистами и постимпрессионнстами, ищут всяческие взаимные влияния. Одному нравятся портреты, другой восторженно говорит о пейзажах. Я же молчу и думаю, что все это гипноз. Спору нет, он был великий, прекрасный человек, однако, что касается художника, тут я останусь при своем мнении. Ни рисовать, ни писать маслом он не умел и не научился. Я же сам видел, как он работает, это

мазня, а не живопись, меня не обманут критики и искусствоведы.

Проходим в вестибюль, приобретаем билеты. Служители по-праздничному приветливы и одновременно серьезны, как в храме. Мраморные ступени лестницы, стихают разговоры, глуше, осторожнее становится шарканье ног.

Первый зал. Тесно… Я стою и почему-то не решаюсь поднять глаза. Затем поднимаю. Передо мной «Едоки картофеля», рядом «Ткач», «Девочка в лесу», «Старая башня Нюэнен». Все хорошо мне знакомое.

Смотрю, и вдруг картины расширяются, увеличиваются, срываются с мест, летят на меня. Это как чудо, как фантастика. Грохочет гром, вступает музыка, и я опять там, на окраине Хогевена, в бедной хижине поздним вечером. Люди неподвижны вокруг блюда с картошкой, но в то же время двигаются, они молчат, но я слышу их немногословную речь, ощущаю мысли, чувствую их связь друг с другом. Такие вот они — с низкими лбами, некрасивыми лицами, тяжелыми руками. Они работают, производя этот самый картофель, грубую ткань, простые, первоначальные для жизни продукты. Они и потребляют многое из того, что делают, но какая-то часть их тяжкого

труда в форме налогов, земельной ренты и тому подобного идет на то, чтоб у других был досуг, из этой части возникают дворцы, скульптуры, симфонии, благодаря ей развиваются наука, искусство, техника.

Мужчина протянул руку к блюду, женщина тревожно смотрит на него, уж слишком усталого — почему-то не ответил на ее вопрос. Старик дует на картофелину, старуха, задумавшись, разливает чай. Ей уже не до тех конфликтов, что могут возникать между молодыми, она знает, что маленькую размолвку или даже ссору поглотит, унесет постоянный ток жизни, в которой есть коротенькая весна, быстрые мгновенья любви, а потом все работа, работа, работа…

Я узнаю лампу, висящую над столом, закопченный потолок, узнаю самого мужчину. Вот сейчас я войду к ним, он неторопливо доест свою порцию, затем встанет, что даст мне возможность поговорить с художником. Он не получил никакого образования, ум его не изощрен и не быстр, но он выходит на темную улицу, зная, что «так надо», что должно помочь нищему чудаку, снявшему у них угол.

Эти едоки картофеля как будто бы не оставили ничего сверкающего, заметного на земле и

в общей летописи племен и государств, но их трудолюбие, неосознанное, почти механическое упорство, с которым они боролись за собственную жизнь и своих близких, позволили человечеству перебиться, перейти тот опаснейший момент истории, когда все держалось на мускульной силе, когда человек как вид в своем подавляющем большинстве попал в условия, пожалуй, худшие, чем у животных, когда уже кончилась эпоха его биологического совершенствования, но еще не вступили другие факторы. Им было трудно, крестьянам, ткачам с серыми лицами, но они позволили нам сохранить человечность и выйти в будущее, к возможностям глубокого всестороннего контроля над окружающей средой…

С трепетом, с волненьем я начинаю понимать, что же сделал Ван Гог — художник. Он оставил нам их, этих темных работяг, не позволил им уйти в забвенье. Но более того, он намекнул, что будущим изобильем благ, стадионами, театрами, вознесшимися ввысь городами-мегаполисами, каким, например, стал Париж к 1995-му, и всякими другими чудесами, которых еще и в мое время не было, мы обязаны и будем впредь обязаны не льющемуся с нашего светила потоку энергии, не гигантским силам, удерживающим вместе

частицы атомного ядра, а человеческому сердцу.

Черт меня побери!.. Бросаюсь в другой зал, третий, обратно в первый. Расталкиваю народ, то застываю, то срываюсь с места бегом. Смотрю на «Звездную ночь», что привезена в Лувр из Музея современного искусства в Нью-Йорке, и мне приходит в голову, что в звездах Ван Гог видел не только светлые точки, как все мы, но прозрел огромные короны, простирающиеся на миллионы километров, уловил всеобщую связь всего со всем, поэтическую зависимость нашей жизни от тех таинственных процессов, что происходят в космосе, — зависимость, которую лишь впоследствии открыл ученый Чижевский. И не только это! Меня осеняет, что, развиваясь от вещи к вещи, Ван Гог предвидел проблемы, которые лишь столетием позже встали перед человечеством, когда природа, будто бы уже покоренная, выкинула новый вольт, доказав, что нельзя быть ее господином, а только другом и сотрудником. Я вижу самодовлеющую ценность бытия, сложность вечно живущей материи, напряженно застывшую в яркости и резких контрастах его натюрмортов, чувствую в больших композициях трепет пульса биосферы.

А на пейзажах льется зеленовато-желтый

дождь солнечных лучей, о котором он говорил мне в Арле, по-сумасшедшему закручиваются кипарисы, море переливается розовостью и голубизной, и все это обещает наступление тех времен, когда человек, освобожденный от заботы о хлебе, поймет наконец, как прекрасен мир, в котором ему суждено было родиться…

Что вам сказать? Целый день я провел в Лувре, а вечером уселся на скамью в Люксембургском саду и стал думать. Все это очень хорошо, картины, вот они передо мной, я предложу невиданные деньги, и, конечно, смогу приобрести большую часть их. Но, с другой стороны, скоро гитлеровцы в рогатых касках затопят Европу, и рядом с теми, кто борется против них, станут произведения великих художников, писателей, композиторов. В Голландии возникнет партизанский отряд имени Ван Гога, маленькая еврейская девочка, обреченная фашистами на уничтожение, оставит в своем дневнике запись о «Подсолнухах», томик «Писем» найдут в вещмешке красноармейца, убитого на фронте под Ленинградом. Желто-зеленый солнечный свет будет нужен людям и в трудный послевоенный период, в сложные пятидесятые годы и тревожные шестидесятые. Так неужели же я окажусь таким последним мерзавцем, чтобы

исключить Ван Гога из истории человечества, скрыть его как раз в то время, когда в нем более всего нуждаются?

Я встал, пошел в отель «Бонапарт», взял два своих чемодана, набитых долларами, влез в подземку, вылез около Двойного моста. Спустился под пролет к реке, устроился поудобнее, раскрыл чемоданы и принялся потихоньку бросать кредитные билеты в воду. Отщипывал от пачек стодолларовые бумажки по одной, они выскальзывали из моей руки, плыли метров десять, а затем постепенно тонули. Сел рядом оборванный толстенький бродяга. Помолчал, спросил, фальшивые ли. Я ответил, что настоящие. Он осведомился, сколько их тут у меня, я объяснил, что около полутора миллионов наличных и еще на три с половиной чеками. Он некоторое время смотрел, как я распечатываю пачки, и сказал:

— Оставь доллар. Возьмем вина.

Я дал ему долларовую бумажку, он принес большую бутылку молодого корсиканского. С ним я остался ночевать тут же под мостом, в дырявой палатке, а потом прожил там две недели. Отель мне опротивел, ни разу я не зашел ни туда, ни на проезд Нуар, где зиял в подвале развороченный пол. Кормились с бродягой у Орлеанского

вокзала. То чемодан кому-нибудь поднесешь, то поможешь шоферу разгрузить машину — неплохо даже зарабатывали. Приятный человек был этот толстенький. Все хвалил меня, что я спустил деньги в реку. Говорил, от них одна морока.

Быстро пронеслись четырнадцать дней, настало 30 октября, когда меня должен был вызвать 1996 год. Явился я к двенадцати ночи на бульвар Клиши, становлюсь на знакомое место. Настроение отличное, только что устроили с бродяжкой прощальный ужин под мостом.

Смотрю на ручные часы — они у меня были, кстати, наши, кристаллические, но в «мозеровском» корпусе, ни уходить вперед, ни отставать не могли. Все точно — еще пятнадцать секунд и прощай 1938-й.

Набрал в легкие воздуха, чуть приподнял руки. Когда меня в Камеру затягивали, на миг возникло ощущение, будто с вышки бросаешься в воду или, скажем, прыгаешь вверх с ракетным ранцем. Очень ненадолго, конечно.

Ну, думаю, пусть только Кабюс начнет свое всегдашнее нытье, пусть только слово посмеет сказать. Как врублю ему между глаз — узнает, корыстолюбец, как нарушать Всемирный Закон, торжественно подписанный представителями

разных народов и эпох!

Пять секунд до срока… две… одна, и…

И ничего!

Удивился, решил, что сам мог ошибиться на минуту — не запомнил точно срок. Еще раз поднимаю руки. Секунды сыпятся. Три… одна… ноль.

Опять ничего.

И, вы знаете, так я и остался в вашей современности.

Вызова не было ни в эту ночь, ни в следующую, ни всю неделю, что я туда приходил на бульвар. То есть остался я там, в 1938 году, а потом уже вместе со всеми, общим порядком, дожил, доехал вот до этого 1970-го…

Что вы говорите — Кабюс рассердился?… Честно говоря, мне и самому сначала так подумалось. Договоренность была, что я пробуду в 1938-м три месяца. Вот я и прикинул, что Кабюс с женой к концу этого срока взломали пол в подвале, увидели, что там пусто и решили меня вообще не выдергивать. Но, с другой стороны, могло быть и совсем иначе. Тут вся штука в изменениях, которые нельзя предвидеть. Помните, у нас был разговор, что даже после того, как сдернут завиток, какие-то последствия твоего пребывания в прошлом все равно остаются. Я вам не говорил,

что всякий раз, когда я возвращался от Ван Гога, Кабюс менялся. На него и с самого начала девушки не заглядывались, результатом же моего первого путешествия было то, что нос у него еще вытянулся и скривился. После сдернутого завитка нос сделался короче, но остался на сторону. И так оно пошло. Когда я вернулся, прыгнув второй раз, он был уже не Кабюсом, а Бабусом и стал меньше ростом. После третьего путешествия физиономия у него стала совершенно как у хорька — знаете, такая вся собранная вперед. Я даже не мог скрыть своего удивления, он меня всегда спрашивал при выходе из Камеры, почему я так странно на него смотрю. Один раз заподозрил что-то и стал допытываться, не был ли он раньше красавцем. А после четвертого путешествия он был женат не на тощей брюнетке, а на маленькой блондинке, круглой, с тусклыми глазами и низким лбом. Однако Кабюс, конечно, только самый очевидный пример, то, что мне первое в глаза бросалось. Были и другие перемены.

Даже с Ван Гогом, между прочим, кое-что менялось. Смотришь его письма и другие материалы о нем до очередного путешествия, там одно, а когда возвращаешься, — немножко не так. Вот сейчас я читаю в книгах, что «Едоков картофеля»

художник написал в 1885 году, а когда я первый раз путешествовал, это был 83-й. Правда, сама картина осталась совершенно той же.

…И наконец, еще один важный момент, чтобы закончить об этих изменениях. Чем ближе к своей собственной современности ты ворошишь прошлое, тем заметнее всякие побочные эффекты. То же самое, как если бы веселая компания облюбовала уютную бухточку на реке, а потом кто-нибудь поднялся бы вверх по течению и шутки ради вылил в воду ведро краски. Если он это проделает километров за десять от места, где сидят остальные, никто ничего и не заметит. А если в трех шагах, вода будет вся красная или там зеленая. Но ведь в последний раз я метнул именно в близкое прошлое, да еще наделал там шуму, распродав драгоценностей на несколько миллионов. Поэтому вовсе не обязательно, что Кабюс обозлился и обиделся. Могло быть, что в новом варианте истории он не стал техником при Временной Камере, что не нашел лазейки, как замещать энергию, что мы с ним просто не были знакомы или что изобретение Временной Петли укатилось дальше в будущее. Более того, могло быть, что при осуществившихся изменениях, при другой альтернативе я сам вообще не родился. И

некого было вызывать.

Так или иначе, я не вернулся в будущее, остался здесь. И вы знаете, не жалею. Еще неизвестно, что из меня получилось бы в 1996-м.

А тут у меня жизнь сложилась, я доволен. В 1939-м война началась, участвовал в Сопротивлении, потом женился, работал. Две дочки у меня, младшая кончает университет, старшая замужем, и внуки есть. Недавно поступил сюда в музей сторожем в зал Ван Гога. Все смотрю, как приходят люди, взрослые или мальчишки в клешах, круглоглазые девчонки. Стоят, глядят, и каждому попадает в сердце зеленовато-желтый луч. И так мне приятно, что я не увел тогда картины…

Ага, вот уже звонок, сейчас будут закрывать, надо подниматься… Что вы сказали? Помню ли я, что должно быть от 1970 к 1996 году, какие произойдут события? Конечно, помню и мог бы рассказать все. Но только не имеет смысла… Почему?. Ну, во-первых, потому, что я сюда попал и своим присутствием оказываю некоторое влияние. Но не это главное. Я же вам объяснял, неужели вы не поняли?… Ничего не делать?… Нет, почему же, как раз надо все делать. Будущее всегда есть, но каким оно там впереди осуществляется, зависит от того, как мы поступаем в своей

эпохе. Ну, допустим, вы хотите что-то совершить, если выполнили свое решение, идет один вариант будущего, а струсили или заленились — другой, уже без вашего поступка. И так от самых мелких вещей до глобальных. Будущее — это бесконечность альтернативных вариантов, и какой из них станет бытием — полностью диктуется всеми нами. Я-то знал один вариант, но их бесконечность, поэтому ничего нельзя сказать наперед за исключением самых общих вещей.

Так что вы не спрашивайте, каким будет завтрашний день. Хотите, чтобы он был великолепным и блестящим, делайте его таким. Пожалуйста!

♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

Небольшое послесловие

Каждое литературное произведение говорит само за себя, и уже поэтому всякие комментарии к настоящей литературе — дело всегда немного неблагодарное.

Остается только вопрос, почему наш журнал решил напечатать повесть Севера Гансовского «Винсент Ван Гог», и вопрос

этот может показаться даже каверзным.

Может быть, дело в красках Ван Гога? Как-никак всякие краски — химия... Или в этих «ЕОЭнах» — Единицах Организованной Энергия? Уж они-то наверняка — от химии вместе с физикой... Или всему виной «аппарат... определяющий время изготовления того или иного произведения искусства. Лучи, углеродный или там другой анализ»?..

Все это верно, конечно. Но главное — совсем в другом. Главное — в том, что самыми замечательными чудесами человек обязан все-таки не химии и не физике. Тысячу раз прав автор повести: «чудесами... мы обязаны и будем впредь обязаны не льющемуся с нашего светила потоку энергии, не гигантским силам, удерживающим вместе частицы атомного ядра, а человеческому сердцу».

Эта повесть не только о человеке, она еще и о будущем человека и, следовательно, о будущем человечества. А оно, будущее — «всегда есть, но каким оно там впереди осуществляется, зависит от того, как мы поступаем в своей эпохе».

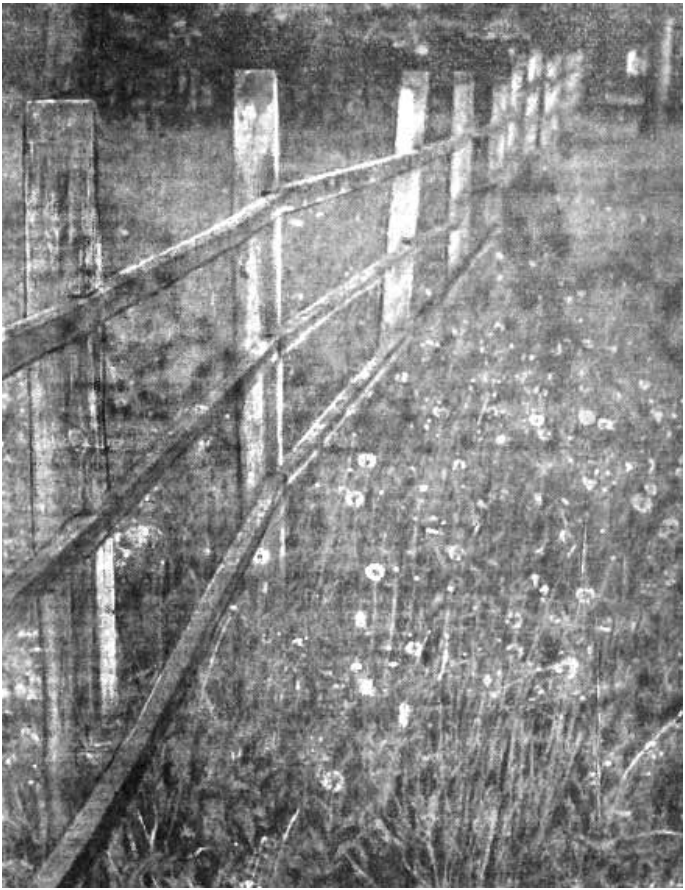
В этих словах видится мне главный смысл повести Гансовского «Винсент Ван Гог». И еще в том, что люди, служащие науке, больше, может быть, всех остальных людей на Земле определяют своими сегодняшними действиями будущее всего человечества.

Михаил Черненко

№ 6

Рей Бредбери

Вино из одуванчиков



Нехитрый цветок — одуванчик, но писатели и поэты посвятили ему немало страниц на многих языках мира. Мы перепечатываем здесь отрывок из автобиографической повести известного американского писатели Рэя Бредбери «Вино из одуванчиков» (в переводе Э. Кабалевской под редакцией и. Галь).

Этот отрывок неожиданно вызвал споры в редакции. Существует ли на самом деле вино из одуванчиков или же это — всего лишь «изобретение» писателя, созданный им символ сохраненного летнего солнца?

К сожалению, рецепт этого удивительного вина нам разыскать не удалось. Только в «Международной энциклопедии кулинарии», изданной недавно в Нью-Йорке, было обнаружено упоминание о том, что «одуванчики иногда используются для приготовления вина».

«...Они рвали золотистые цветы, цветы, что наводняют весь мир, переплескиваются с лужаек на мощеные улицы, тихонько стучатся в прозрачные окна погребов, не знают угомону и удержу и все вокруг заливают слепящим сверканием расплавленного солнца.

— Каждое лето они точно с цепи срываются, — сказал дедушка. — Пусть их, я не против. Вон их сколько, стоят гордые, как львы. Посмотришь на них подольше — так и прожгут у тебя в глазу

дырку. Ведь простой цветок, можно сказать сорная трава, никто ее и не замечает, а мы уважаем, считаем: одуванчик — благородное растение.

Они набрали полные мешки одуванчиков и унесли вниз, в погреб. Вывалили их из мешков и во тьме погреба разлилось сияние. Винный пресс дожидался их, открытый, холодный. Золотистый поток согрел его. Дедушка передвинул пресс, повернул ручку, завертел — быстрей, быстрей — и пресс мягко стиснул добычу…

— Ну вот… вот так…

Сперва тонкой струйкой, потом все щедрей, обильнее побежал по желобу в глиняные кувшины сок прекрасного жаркого месяца; ему дали перебродить, сняли пену и разлили в чистые бутылки из-под кетчупа — и они выстроились рядами на полках, поблескивая в сумраке погреба.

Вино из одуванчиков.

Самые эти слова — точно лето на языке. Вино из одуванчиков — пойманное и закупоренное в бутылки лето. И теперь, когда Дуглас знал, по-настоящему знал, что он живой, что он затем и ходит по земле, чтобы видеть и ощущать мир, он понял еще одно: надо частицу всего, что он узнал, частицу этого особенного дня — дня сбора одуванчиков — тоже закупорить и сохранить; а потом

настанет такой зимний январский день, когда валит густой снег, и солнца уже давным-давно никто не видел, и, может быть, это чудо позабылось, и хорошо бы его снова вспомнить, — вот тогда он его откупорит! Ведь это лето непременно будет летом нежданных чудес, и надо все их сберечь и где-то отложить для себя, чтобы после, в любой час, когда вздумаешь, пробраться на цыпочках во влажный сумрак и протянуть руку…

И там, ряд за рядом, будут стоять бутылки с вином из одуванчиков — оно будет мягко мерцать, точно раскрывающиеся на заре цветы, а сквозь тонкий слой пыли будет поблескивать солнце нынешнего июня. Взгляни сквозь это вино на холодный зимний день — и снег растает, из-под него покажется трава, на деревьях оживут птицы, листва и цветы, словно мириады бабочек, затрепещут на ветру. И даже холодное серое небо станет голубым.

Возьми лето в руку, налей лето в бокал — в самый крохотный, конечно, из какого только и сделаешь единственный терпкий глоток; поднеси его к губам — и по жилам твоим вместо лютой зимы побежит жаркое лето…

…Даже бабушка в какой-нибудь февральский день, когда беснуется за окном вьюга и слепит

весь мир, и у людей захватывает дыханье, — даже бабушка тихонько спустится в погреб.

Наверху в большом доме будет кашель, чиханье, хриплые голоса и стоны, простуженным детям очень больно будет глотать, а носы у них покраснеют, точно вишни, вынутые из наливки, — всюду в доме притаится коварный микроб.

И тогда из погреба возникнет, точно богиня лета, бабушка, пряча что-то под вязаной шалью; она принесет это «что-то» в комнату каждого болящего и разольет — душистое, прозрачное — в прозрачные стаканы, и стаканы эти осушат одним глотком. Лекарство иных времен, бальзам из солнечных лучей и праздного августовского полудня, едва слышный стук колес тележки с мороженым, что катится по мощеным улицам, шорох серебристого фейерверка, что рассыпается высоко в небе, и шелест срезанной травы, фонтаном бьющей из-под косилки, что движется по лугам, по муравьиному царству, — все это, все — в одном стакане!

Да, даже бабушка, которая спустится в зимний погреб за июнем, наверное, будет стоять там тихонько, совсем одна, в тайном единении со своим сокровенным, со своей душой, как и дедушка, и папа, и дядя Берт, и другие тоже, словно беседуя

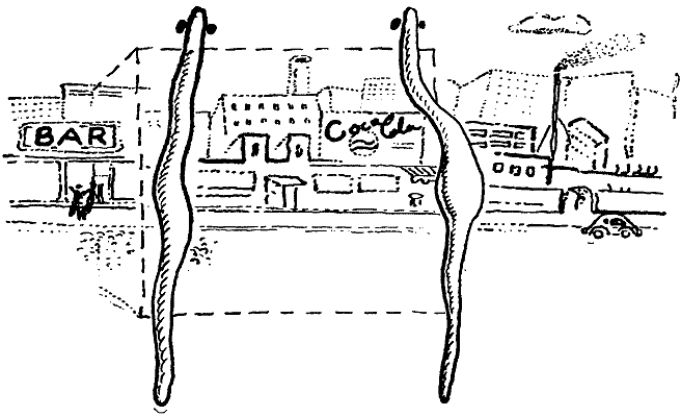
с тенью давно ушедших дней, с пикниками, с теплым дождем, с запахом пшеничных полей, и жареных кукурузных зерен, и свежескошенного сена. Даже бабушка будет повторять снова и снова те же чудесные, золотящиеся слова, что звучат сейчас, когда цветы кладут под пресс, — как будут их повторять каждую зиму, все белые зимы во все времена. Снова и снова они будут слетать с губ, как улыбка, как нежданный солнечный зайчик во тьме.

Вино из одуванчиков. Вино из одуванчиков. Вино из одуванчиков».

№ 7

Фредерик Браун

Знаменитость



Сказка

Жил-был этот самый Хенли — Эл Хенли. Поглядеть на **Него** — никогда не подумаешь, что из этого человека может выйти что-нибудь путное. А знай вы историю **Его** жизни до появления

дарианцев, вам и в голову не пришло бы, чем все мы — как станет вам ясно к концу рассказа — обязаны этому человеку.

Когда все произошло, Хенли был пьян. Тут не было ничего удивительного: О**н** уже давно не протрезвлялся и не имел никакого намерения это сделать, хотя продолжать ему было все труднее и труднее. Сначала у **Него** кончились деньги, потом — приятели, у которых можно было поживиться. Список просто знакомых тоже подходил к концу, и **Он** прикинул, что от оставшихся ему, пожалуй, не вытянуть больше, чем в среднем по четвертаку с головы. А о том, чтобы зашибить деньгу у прохожих, не могло быть и речи — уж очень этого не любили фараоны, и попробуй только Эл подойти к кому-нибудь, **Его** вмиг упекли бы в каталажку, где **Он** и провел бы ночь без единой капли виски, а страшней этого для Хенли не было ничего на свете. От одной мысли об этом Хенли содрогнулся.

И тут **Его** хлопнул по плечу Кид Эглстон, старый приятель и собутыльник. Когда-то Кид был боксером, но его слишком часто били, и сейчас он подвизался вышибалой в пивной, где его, естественно, и встречал Хенли.

Не стоит напрягать память, запоминая его имя

и биографию, — Кид недолго протянет в этом рассказе. Ровно через полторы минуты он вскрикнет, упадет в обморок, и больше мы о нем ничего не узнаем. Но… благослови судьба этот вскрик и обморок! Ведь не случись всего, — и очень может быть, что вы сейчас не читали бы этот рассказ, а копали бы главовую руду под зеленым солнцем в дальнем уголке галактики., Запомните: от этой печальной участи вас спас — и спасает до сих пор — Эл Хенли. Не судите **Его** слишком строго. Прихвати Третий и Девятый не Хенли, а Кида, — и дело приняло бы совсем другой оборот.

Третий и Девятый прилетели с планеты Дар. Это вторая (и единственная обитаемая) планета вышеупомянутого зеленого солнца в дальнем уголке галактики. Конечно же, Третий и Девятый — не полные имена. У дарианцев вместо имен цифры, и полное имя Третьего, если его перевести в десятичную систему, будет 389 057 792 896 223. Но вы уж меня извините, я буду называть его просто Третьим, а его спутника — просто Девятым.

В тот момент, когда рука Кида опустилась на плечо Хенли, Третий и Девятый находились все еще примерно в миле от них в вертикальном направлении. Они были не в самолете и даже не в космическом корабле. Дарианцы находились

в машине времени. Невидимый для землян куб висел в воздухе в миле над Филадельфией. Он висел уже четыре дня — Третий и Девятый изучали радиопередачи, чтобы освоить господствующий язык планеты.

Но что они могли узнать о нашей цивилизации или о наших обычаях? Представьте себе, что бы подумали о жизни на Земле вы, если бы судили о ней по спортивным репортажам, рекламным передачам и популярным песенкам! Да пришельцы и не слишком интересовались нашей цивилизацией, ибо она недостаточно развита, чтобы представлять опасность для планеты Дар, — к такому выводу Третий и Девятый пришли как раз на четвертый день. Трудно за это на них обижаться, да они в общем-то и правы.

— Будем спускаться? — спросил Третий.

— Да, — ответил Девятый, и Третий обвился вокруг щита управления.

— Пойдем за угол, выпьем? — предложил Хенли.

— А кто ставит? — подозрительно осведомился Кид.

— Понимаешь, старина, я сейчас не при день-

гах. Но мне позарез надо выпить.

— Черта с два тебе надо. Ты уже пьяный. Пойди лучше проспись, пока не допился до чертиков.

— Давно уж допился, — ответил Хенли. — И ничего страшного. Погляди, Кид, вон их там двое стоят сзади тебя.

Кид Эглстон, вопреки всякой логике, обернулся, вскрикнул и упал в обморок. К нему приближались Третий и Девятый. Позади них вырисовывались туманные очертания чудовищного куба футов двадцати в ширину. Этот куб и был и не был одновременно — смотреть на него было жутко. Это, должно быть, и напугало Кида: в самих Третьем и Девятом ничего страшного не было. Они были просто похожи на червей футов в пятнадцать — если бы их вытянуть и выпрямить — длиной и с добрый фут толщиной посередине (концы были потоньше). Они были приятного для глаза голубого цвета и не имели никаких видимых органов чувств, так что оба конца казались совершенно одинаковыми.

— Здорово, ребята — сказал им Хенли. — Вы перепугали моего друга, чтоб вам пусто было. А он наверняка позудел бы, позудел, да и поставил бы мне выпить. Так что с вас причитается, господа.

— Реакция алогична, — заметил Третий, об-

ращаясь к Девятому. — **Второе** тоже ведет себя странно. Может, возьмем обоих?

— Я думаю, одного будет достаточно. Иди сюда, **Существо**, — позвал он Хенли.

— А выпить у вас есть?

— Есть, иди сюда.

Хенли вошел внутрь куба. Не то чтобы **Он** верил, что этот куб существует на самом деле, но что **Ему** терять? И уж если ты допился до чертиков, то лучше им не перечить.

Куб был твердый, вовсе не бесформенный и изнутри не прозрачный, как это казалось снаружи. Третий обвился вокруг щита управления и начал обоими своими концами поворачивать ручки.

— Эй, парни, а как насчет той выпивки? — забеспокоился Хенли. У **Него** уже руки начинали дрожать и по спине бежали мурашки.

— Смотри, **Оно** явно страдает, — сказал Девятый, — Может быть, **Оно** хочет пить или есть? Кстати, что они пьют? Перекись водорода, как мы?

— Большая часть этой планеты покрыта водой, в которой растворен хлористый натрий. Может быть, синтезировать немного?

— Нет! — закричал Хенли, — Только не воды, даже пресной не хочу! Дайте выпить! Виски!

— Можно проанализировать **Его** обмен веществ, — предложил Третий.

Он отделился от щита и приблизился к какому-то странному аппарату. Замигали лампочки.

— Удивительно, — сказал Третий. — **Его** организм нуждается в C_2H_5OH!

— C_2H_5OH?

— Да, в спирте! С каплей H_20 и совершенно без хлористого натрия, которого тут так много. Похоже, это — все, что **Оно** потребляет уже довольно длительное время. В **Его** мозгу и крови спирта 0,234 процента. Создается впечатление, что весь **Его** обмен веществ основан на спирте.

— Ребята! — взмолился Хенли. — Подыхаю, как выпить хочется! Кончайте трепаться и налейте хоть немного!

— Потерпи, пожалуйста, — сказал Девятый. — Я сейчас приготовлю то, что тебе нужно.

Он снова взялся за ручки аппарата. Снова замигали лампочки, а потом он отправился в угол куба и вернулся минуту спустя. В руках у него была мензурка, где плескалось около двух литров прозрачной янтарной жидкости.

Хенли понюхал ее, потом попробовал и испустил глубокий вздох.

— Я сражен, — сказал **Он**, — Чистейшее виски.

Что может быть прекрасней?

— Что ты приготовил. Девятый? — спросил Третий.

— Довольно сложная смесь — то, в чем **Оно** нуждается. 50 процентов спирта, 45 процентов воды. Правда, довольно много других ингредиентов — витамины и минеральные соли, которые нужны **Его** организму. И еще кое-чего понемногу, для улучшения вкуса — конечно, с **Его** точки зрения. Для нас это было бы ужасное пойло, даже если бы мы могли пить воду или спирт.

Хенли передохнул и хлебнул снова. Его немного качнуло, **Он** поглядел на Третьего и ухмыльнулся.

— Теперь я точно знаю: тебя не существует, — заявил он.

— О чем **Оно**? — спросил Третьего Девятый.

— Оно мыслит совершенно алогично. Сомневаюсь, чтобы эта порода годилась в рабы. Но надо еще раз удостовериться. Как тебя зовут, **Существо**?

— Что в имени тебе моем, приятель? — спросил Хенли. — Называйте меня как хотите, — все равно вы мои лучшие друзья. Поехали — я с вами куда угодно.

Он хлебнул еще, прилег на пол и оставался

лежать, издавая странные звуки, совершенно не похожие на слова. Ни Третий, ни Девятый ровным счетом ничего не могли понять. Они пытались поднять Хенли, но безуспешно. Тогда они принялись **Его** изучать.

Хенли проснулся лишь через несколько часов. Он сел и ошалело уставился на Третьего и Девятого.

— Нет, не верю, — сказал **Он**, — Вас нет. Ради бога, дайте скорее выпить.

Ему дали мензурку — за это время Девятый снова ее наполнил. Хенли выпил и блаженно закрыл глаза.

— Не будите меня, — попросил **Он**.

— Но ты не спишь.

— Тогда не давайте мне уснуть. Я только сейчас понял, что это такое. Это — нектар. То, что пьют боги.

— Кто это — «боги»?

— На самом деле их нет. Но они пьют именно это. Там, у себя, на Олимпе.

И Хенли выпил снова.

— Полное отсутствие логики! — сказал Третий. — По-моему, **Оно** слишком тупо и годится только для грубой физической работы. Но если **Оно** достаточно выносливо, все-таки можно ре-

комендовать совершить налет на эту планету. Здесь три или четыре миллиарда жителей. А неквалифицированная рабочая сила нам нужна. Лишних три-четыре миллиарда не помешают.

— Ура! — заорал Хенли.

— У **Него**, кажется, плохая координация движений, — задумчиво промолвил Третий. — Может быть, **Оно** обладает большой физической силой?.. **Существо**, — обратился он к Хенли, — как нам тебя называть?

— Парни, зовите меня просто Эл, — ответил Хенли, с трудом поднимаясь на ноги.

— Это только ты — Эл, или так называется весь ваш вид? Это полное название?

Хенли прислонился к стене и задумался.

— Вид? — повторил **Он**, — Это значит… Ага! Сейчас я вам это произнесу по-латыни.

И произнес…

Девятый сказал:

— Проверим **Твою** выносливость. Бегай от одной стенки до другой, пока не устанешь. Давай я подержу мензурку с твоей пищей.

Он попытался взять мензурку из рук Хенли. Но Эл крепко вцепился в нее.

— Еше один глоток. Один-един… единственный глоток, а потом — бегать. Куда скажете, туда и

побегу.

— Дай **Ему**, Девятый, — сказал Третий. — Может быть, **Оно** действительно без этого не может.

Хенли выпил еще капельку — на этот раз всего с полстакана.

— Хватит, — сказал Третий. — Теперь беги.

Хенли сделал два шага и растянулся на полу. Он перевернулся на спину и остался лежать, блаженно улыбаясь.

— Невероятно! — воскликнул Третий, — А может быть, **Оно** притворяется? Проверь-ка!

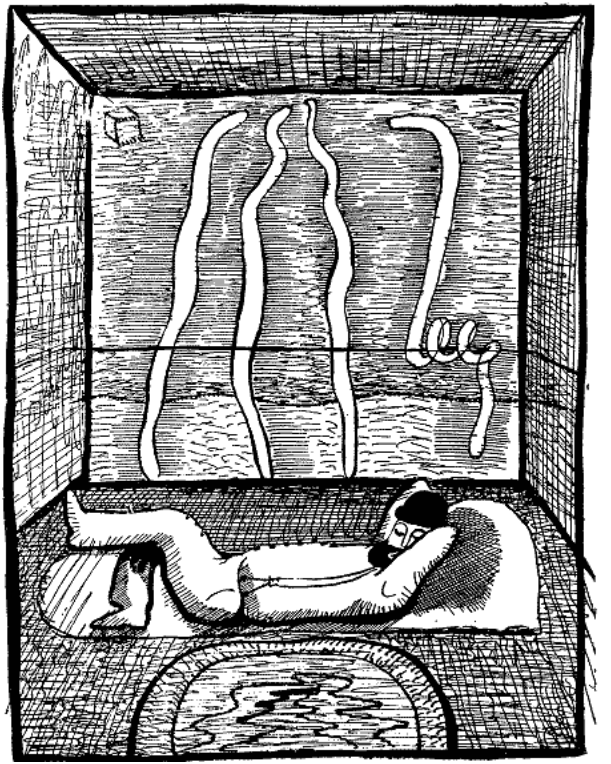
Девятый проверил.

— Невероятно! — сказал и он. — Совершенно невероятно — после такой небольшой нагрузки **Оно** без сознания, и даже к боли нечувствительно. Нет, **Оно** абсолютно непригодно для Дара. Садись на место, будем возвращаться. А **Его** возьмем с собой — для пополнения зоопарка. Дело того стоит: я ни на одной планете не видал такого странного экземпляра.

Третий обвился вокруг щита управления и обоими концами взялся за ручки…

В столице планеты Дар, жители которой владеют миллионами полезных планет и посетили

миллионы бесполезных — в том числе, например, и нашу Землю, — живет в большой стеклянной клетке Эл Хенли. Клетка стоит на почетном месте, ведь **Оно** — действительно, уникальный экземпляр. Середину клетки занимает бассейн, откуда Эл часто пьет и где **Он**, как говорят, иногда купается. В бассейн поступает прекраснейший напиток, по сравнению с которым лучшее виски Земли — все равно, что неочищенный самогон по сравнению с виски. В этот напиток добавляют все витамины и минеральные соли, в которых нуждается организм Хенли.



Напиток не вызывает ни похмелья, ни других неприятных последствий. Он приводит Хенли в такой же восторг, как и сам Хенли — это несуразное **Существо**, — посетителей зоопарка, которые

в полном изумлении разглядывают **Его** и читают на клетке табличку, начинающуюся с латинского названия вида. С того латинского названия, которое Эл сообщил Третьему и Девятому:

ALCOHOLICUS ANONYMUS

ПИТАЕТСЯ C_2H_5OH С НЕБОЛЬШИМИ ДОБАВКАМИ ВИТАМИНОВ И МИНЕРАЛЬНЫХ СОЛЕЙ. ИЗРЕДКА ПРОЯВЛЯЕТ ОСТРОУМИЕ, НО СОВЕРШЕННО АЛОГИЧЕН.

ФИЗИЧЕСКАЯ ВЫНОСЛИВОСТЬ — ПАДАЕТ, СДЕЛАВ НЕСКОЛЬКО ШАГОВ.

КОММЕРЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ НЕ ИМЕЕТ, НО ИНТЕРЕСЕН КАК РЕДКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ОДНОЙ ИЗ САМЫХ НЕОБЫЧАЙНЫХ ФОРМ ЖИЗНИ В ГАЛАКТИКЕ.

МЕСТО ОБИТАНИЯ — ПЛАНЕТА № 3 СОЛНЦА YX6547—HG 903.

Дарианцы обращаются с Элом так, что **Ему** практически уготовано бессмертие. И это очень хорошо: ведь умри **Он**, и дарианцы, чего доброго, явятся на Землю за другим. А здесь им могли бы подвернуться вы или я — приличные, трезвые, достойные люди, в здравом уме и твердой памяти. Право, это могло бы плохо кончиться для всей нашей планеты!..

Перевод с английского Е. Апельциной

№ 12

Станислав Лем

Новые страницы Звездных дневников Ийона Тихого

Страшный сон Ийона Тихого

Гипербола — суровый прием сатиры.

Конечно, «Восьмое путешествие» — сатира на бесчисленные мифы всех без исключения религий о божественном происхождении человека. На мифы, из-за которых и по сию пору дарвиновская мысль об обезьяньем предке нашем приходится не по нутру тем людям, что жаждут ощущать себя венцом творения. Будь рассказ только об этом — задача, решенная автором, уже и плодотворна, и благодатна.

Но не эта тема в рассказа главная.

Ийону Тихому, неунывающему астропутешественнику приходится держать ответ перед представителями множества фантастических цивилизаций Вселенной. Ему приходится доказывать, что вид «Нолю sapiens» — человечество, населяющее нашу с вами планету, достойно стать членом вселенского

содружества цивилизованных существ. (Название содружестве на случайно звучит с намеком — «Организация Объединенных Планет»).

— Есть у вас культура! — спрашивает Ийона Тихого рекомендатель-доброжелатель.

— Есть! Великолепная!

— Это хорошо. Искусство?

— О, да! Музыка, поэзия, архитектура.

— Превосходно. Надо записать. Взрывчатые вещества?

— То есть, как?

— Ну, взрывы, творческие, и для регулировки климата, передвижения континентов, рек. Это у вас имеется?

— Пока только бомбы... Но они очень разные, напалмовые, фосфорные, даже с ядовитыми газами...

Увы, перед глазами инопланетных цивилизаций человечество предстает пока еще не заслуживающим имени «разумного». Крестовые походы, мировые войны, пытки древние и новые, потоки крови. Страшный счет преступлениям, творящимся на Земле, не закрыт и по сей день: дымятся руины вьетнамской деревушки Соигми, рвутся ядерные заряды, ложатся на морское дно сконструированные в Пентагоне бетонные «гробы» с нервно-паралитическим газом.

И те, кто вершат эти преступления, не достойны имени «Homo sapiens» — человека разумного, не достойны считаться представителями человечества.

«Восьмое путешествие», которым Станислав Лем дополнил «Звездные дневники», хорошо известные многим читателям, проникнуто ненавистью к звериной идеологии и практике империализма, острым ощущением ответственности каждого человека за все, происходящее на Земле.

Борис Володин

♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

В предисловии к новому изданию «Звездных дневников Ийона Тихого» профессор Тарантога, известный как руководитель кафедры сравнительной астроэоологии Фомальгаутского университета, указывает, что перед сдачей в печать рукописи восьмого путешествия, которым это издание дополнено, группа тихологов-психоаналитиков подвергла проверке все факты, имевшие место во сне знаменитого астропутешественника И. Тихого. Профессор не указывает, однако, какая часть фактов при этом подтвердилась, поэтому все неточности и домыслы, содержащиеся в нем, остаются на совести самого Тихого, Тарантоги, тихологов-психоаналитиков и польского писателя-фантаста Станислава Лема.

Впрочем, профессор Тарантога не просто подвергает сомнению, а прямо-таки отрицает существование ЛЕМа и как человека, и как кибернетического устройства, которым — по некоторым слухам — Ийон Тихий пользовался для записи своих

путешествий.

Ссылаясь на справочники, профессор утверждает, что ЛЕМ, если таковой и существовал, был наделен слишком малым электронным мозгом и не мог написать ни одной осмысленной фразы.

Путешествие восьмое

~~Публикуется в сокращенном виде.~~ Полный текст без купюр, с полным переводом латинских терминов.

Итак, это свершилось. Я был делегатом Земли в Организации Объединенных Планет или, точнее, кандидатом; хотя даже и не так: ведь не мою лично кандидатуру, а всего человечества собирались обсуждать на Пленарной Ассамблее.

В жизни я так ужасно не волновался. Пересохший язык колотился о зубы, как деревяшка, а когда я шел по разостланной от автобуса красной дорожке, то не знал, она ли это так мягко прогибается подо мной или мои колени. Наверное, следовало готовиться к выступлению, а я и слова не смог бы выдавить сквозь иссохшее от волнения горло; поэтому, увидев большой блестящий

автомат с хромированной полочкой и маленькими щелями для монет, я поскорей бросил туда монетку и подставил под кран свой термос.

Был это первый в истории человечества дипломатический инцидент на галактической арене, поскольку автомат с газированной водой оказался заместителем руководителя тарраканской делегации, облаченным в парадную форму. Хорошо еще, что именно Тарракания собиралась рекомендовать нашу кандидатуру на заседании; я, однако же, узнал об этом не сразу и счел дурным признаком то, что сей высокий дипломатический чин оплевал мне туфли, — счел ошибочно, ибо это было лишь благовонное выделение приветственных желез. Я понял все, проглотив информационно-толмаческую таблетку, которую любезно предложил мне кто-то из сотрудников ООП; бренчащие звуки, окружавшие меня, немедленно превратились в превосходно понятную речь, каре из алюминиевых кеглей в конце ковровой дорожки обернулось почетным караулом, а встречавший меня тарраканин, до тех пор смахивавший на громадный струдель, показался давним знакомым, вполне обычным по внешности. Только волнение я не мог побороть.

Подъехала маленькая вагонетка, специально

переоборудованная для таких двуногих существ, как я; сопровождающий меня тарраканин не без труда тоже втиснулся в нее вслед за мной и, усевшись одновременно и справа, и слева от меня, сказал:

— Уважаемый землянин, я должен вам объяснить, что произошло маленькое процедурное осложнение в связи с тем, что председатель нашей делегации, наиболее подготовленный для защиты вашей кандидатуры как землист по специальности, к сожалению, вчера вечером был отозван в столицу, и мне придется его заменять. Вы знакомы с протоколом?

— Нет… не было случая, — пробормотал я, тщетно пытаясь как-нибудь усесться в этой повозке, все же очень плохо приспособленной для человеческого тела: сиденье походило на яму в полметра глубиной, так что на ухабах я стукался лбом о колени.

— Ну ничего, как-нибудь обойдемся… — сказал тарраканин. Его складчатое одеяние, заглаженное острыми прямыми гранями с металлическим отблеском (что и заставило меня принять его за автомат с газированной водой), тихонько звякнуло; он же, откашлявшись, продолжал:

— Историю вашу я знаю; до чего ж это вели-

колепно — человечество! Разумеется, все знать — это входит в мои обязанности. Наша делегация выступит по пункту восемьдесят третьему повестки дня с предложением принять вас в Объединение как членов полноправных, абсолютных и всесторонних… А верительные грамоты вы случайно не потеряли?! — вставил он так внезапно, что я вздрогнул и рьяно опроверг это предположение.

Пергаментный сей рулон, слегка размякший от пота, я стискивал в правой руке.

— Хорошо, — продолжал тарраканин. — Значит, я произнесу речь, — так? — обрисовывающую ваши великие достижения, которые дают вам право занять место в Астральной Федерации… Это, понимаете ли, в известном смысле устаревшая формальность; ведь вы же не ожидаете каких-либо оппозиционных выступлений… а?

— Н-нет… не думаю… — пробормотал я.

— Конечно! Да и с какой бы стати! Значит, формальность, — так? — однако мне нужны точные данные. Факты, подробности, понимаете? Атомной энергией вы, разумеется, располагаете?

— О да! Да! — поспешно заверил я.

— Отлично. А, в самом деле, это у меня есть, председатель оставил мне свои заметки, но его

почерк… гм… Итак, давно ли вы располагаете этой энергией?

— С шестого августа 1945 года!

— Превосходно. Что это было? Первая энергетическая станция?

— Нет, — ответил я, чувствуя, что краснею, — первая бомба. Она уничтожила Хиросиму.

— Хиросиму? Это что, метеор?

— Не метеор… город.

— Город?.. — произнес тарраканин с некоторым беспокойством. — Значит, как бы это сказать… — Он некоторое время раздумывал. — Лучше ничего не говорить! — вдруг решил он. — Ну ладно, но какие-то основания для похвал мне необходимы. Подбросьте, пожалуйста, что-нибудь, но поскорее, мы уже скоро прибудем на место.

— Э… э… космические полеты… — начал я.

— Само собой понятно, иначе вас здесь не было бы, — пояснил он, чуточку бесцеремонно, как мне показалось. — На что вы предназначаете основную часть народного дохода? Ну, вспомните, пожалуйста: какие-нибудь гигантские инженерные начинания, архитектура в космическом масштабе, гравитационно-солнечные пусковые установки, да? — быстро подсказывал он мне.

— А, строим… мы строим, — буркнул я. — На-

родный доход не очень-то велик, много идет на вооружение…

— Вооружение чего? Континентов? Против землетрясений?

— Нет… войска… армии…

— Это что? Хобби?

— Не хобби… внутренние конфликты… — бормотал я.

— Но это никакая не рекомендация! — сказал он с явным неодобрением. — Ведь не прилетели же вы сюда прямо из пещер! Ученые ваши давно должны были рассчитать, что всепланетное сотрудничество всегда выгоднее, чем драки за добычу и гегемонию!

— Рассчитали, рассчитали, но есть причины… исторического характера, знаете ли…

— Оставим это! — сказал он. — Ведь я здесь не защищать вас должен, как обвиняемых, а рекомендовать, выдвигать, указывать на ваши заслуги и добродетели. Понимаете?

— Понимаю…

Язык мой одеревенел, будто его кто заморозил, воротничок фрачной сорочки жал, манишка размякла от пота, который лил с меня ручьями; я зацепился верительными грамотами за ордена и надорвал наружный лист. Тарраканин, нетерпе-

ливый, а вместо с тем барски-надменный и слегка отсутствующий, заговорил с неожиданным спокойствием и мягкостью (тертый дипломат!):

— Я, пожалуй, буду говорить о вашей культуре. О ее выдающихся достижениях. Есть у вас культура? — бросил он внезапно.

— Есть! Великолепная! — заверил я.

— Это хорошо. Искусство?

— О да! Музыка, поэзия, архитектура!

— Значит, все же есть архитектура! — воскликнул он. — Превосходно. Это я запишу. Взрывчатые вещества?

— Как — взрывчатые?

— Ну, творческие взрывы, управляемые для регулировки климата, передвижения континентов, рек… это у вас имеется?

— Пока только бомбы… — сказал я и уже шепотом добавил: — Но они очень разные… напалмовые, фосфорные, даже с ядовитыми газами…

— Это не то, — сухо ответил он. — Будем держаться в сфере духа. Во что вы верите?

Этот тарраканин, которому предстояло нас рекомендовать, вовсе не был, как я уже сообразил, специалистом по земным делам, и при мысли о том, что от выступления столь невежественного существа зависит, быть нам или не быть на

всегалактическом форуме, у меня, по правде говоря, дыханье сперло. «Что за невезенье, — думал я, — надо же было, чтобы как раз отзвали того, настоящего землиста!»

— Верим во всеобщее братство, в превосходство мира и сотрудничества над войной и ненавистью, считаем, что мерой всех вещей должен быть человек…

Он положил тяжелый присосок на мое колено.

— Почему же человек? — сказал он. — Впрочем, но будем об этом. Но ваш перечень негативен: не надо войны, не надо ненависти… Туманности ради, неужто нет у вас никаких положительных идеалов?

Мне было невыносимо душно.

— Мы верим в прогресс, в лучшее будущее, в могущество науки…

— Наконец что-то! — воскликнул он. — Так, науки… это хорошо, это мне пригодится. На какие науки вы больше всего ассигнуете?

— На физику… Исследования в области атомной энергии…

— Это я уже слыхал. Знаете что? Вы, главное, молчите. Я уж сам этим займусь. Говорить буду я. Положитесь во всем на меня. Не падайте духом! — Эти слова он произнес, когда повозка

остановилась перед зданием.

Голова у меня кружилась, и все перед глазами вращлось; меня вели хрустальными коридорами, какие-то незримые преграды раздвигались с мелодичным вздохом, потом я мчался вниз, вверх, опять вниз, тарраканин стоял рядом со мной, громадный, молчаливый, покрытый складчатым металлом, — и вдруг все застыло, прозрачный пузырь вздулся предо мной и лопнул. Я стоял на дне зала Генеральной Ассамблеи. Серебристо-белый амфитеатр, воронкообразно расширяясь, уходил вверх спиралями скамей; делегаты повсюду расцвечивали изумрудом, золотом, пурпуром белизну спиральных ярусов, бередя глаз мириадами таинственных сверканий. Я не сразу научился отличать глаза от орденов, тела делегатов от их искусственных продолжений — видел только, что двигаются они оживленно, подтягивают к себе по белоснежным пюпитрам кипы документов и какие-то черно-блестящие, будто антрацитовые, таблички; напротив меня, на расстоянии полусотни шагов, окруженный стенами электронных машин, за рощицей микрофонов покоился на возвышении председательствующий.

В воздухе звучали обрывки разговоров на тысячах языков; звездные жители говорили в диапа-

зоне от глубочайших басов до тонов высоких, как птичий щебет. Чувствуя, что пол проваливается подо мной, я одернул фрак. Раздался протяжный нескончаемый звук — это председательствующий пустил в ход машину, которая ударила молотком по пластине из чистого золота, и металлические вибрации ввинчивались мне в уши. Тарраканин, возвышаясь надо мной, указал, куда надо садиться, и голос председательствующего поплыл из невидимых мегафонов; я же, перед тем как сесть у прямоугольной таблички с названием родной планеты, обводя взглядом круги скамей, силился сыскать хоть одну родственную душу, хоть одно человекообразное существо — но тщетно. Огромные клубни, окрашенные в теплые тона; слоистое желе, вроде бы красносмородиновое; мясистые выросты, опирающиеся на пюпитры; лица, по цвету схожие с хорошо заправленным паштетом, либо светленькие, как рисовые запеканки; плавники, присоски, щупальца, в которых находилась судьба дальних и ближних планет, двигались передо мной, будто в замедленной съемке; не было в них ничего уродливого, ничего отвратительного, вопреки всем нашим земным представлениям, — будто я имел дело не со звездными чудищами, а с творениями

скульпторов-абстракционистов либо фантазеров от кулинарии.

— Пункт восемьдесят второй, — прошипел мне на ухо тарраканин и сел.

Я последовал его примеру. Поднес к уху трубку, лежащую на пюпитре, и услышал:

— Устройства, которые, согласно договору, ратифицированному Высоким Собранием, Альтаирское Содружество поставило Шестерному Объединению Фомальгаута, обнаруживают — как запротоколировано специальной подкомиссией ООП, — свойства, не могущие быть результатом частных отклонений от технологической рецептуры, апробированной высокими договаривающимися сторонами. Хотя, — как правильно замечает Альтаирское Содружество, — сконструированные им отсеиватели излучения и планеторедукторы наделялись способностью к репродукции, гарантирующей возникновение машинного потомства (что предусмотрено и в платежном соглашении высоких договаривающихся сторон), однако же, данная способность должна была проявляться, согласно с действующими во всей Федерации законами инженерной этики, в виде сингулярного почкования, а не возникать вследствие ввода

в упомянутые устройства программ с противоположными знаками, что, к сожалению, имело место. Такая двойственность программ привела к возникновению сексуальных антагонизмов в сфере главных энергетических комплексов Фомальгаута и вследствие этого — к сценам, оскорбляющим общественную нравственность, а также наносящим серьезный материальный ущерб истцу. Поставленные агрегаты, вместо того чтобы заниматься работой, для которой они предназначены, часть своей смены посвящали мероприятиям по сексуальному подбору, причем их непрерывная беготня со штепселями, имеющая целью акт воспроизведения, привела к нарушению Панундского Устава и к возникновению машинографического взрыва; в обоих этих огорчительных явлениях виновен ответчик. А потому настоящим объявляем задолженность Фомальгаута Альтаиру аннулированной.

Я отложил трубку — слишком уж разболелась голова. Черт бы побрал машинное оскорбление общественной нравственности, Альтаир, Фомальгаут и все вообще! Мне надоела ООП до того, как я стал ее членом. Меня мутило. Зачем я послушался профессора Тарантогу! На что мне понадобилась эта проклятая почетная миссия

— чтобы краснеть за чужие грехи? Не лучше ли уж было бы…

Незримый ток пронизал меня, — на громадной таблице вспыхнула цифра 83, и я почувствовал энергичный толчок. Это мой тарраканин вскочил на своих присосках — или щупальцах — и потащил меня за собой. Юпитеры, плавающие под сводом зала, направили на нас ливень голубого света. Обдаваемый со всех сторон потоками сияния, которое словно насквозь меня просвечивало, машинально сжимая порядком размякший рулон верительных грамот, слышал я рядом мощный бас тарраканина, пылко и непринужденно громыхавший на весь амфитеатр, но содержание его речи доходило до меня лишь обрывками — как морская пена обрызгивает смельчака, во время шторма перевесившегося через волнорез.

— … замечательная *Земейя* (он даже не мог и правильно выговорить название моей родины!)… великолепное человечество… присутствующий здесь от выдающийся представитель… симпатичные млекои и тающие… ядерная энергия, освобожденная с высоким мастерством и сноровкой их верхними отростками., молодая, динамичная культура, полная одухотворенности… глубинная вера в плетимолию, хоть и не ли шенная

амфибронтов (он явно путал нас с кем-то еще)… преданные… делу единства звездожителей… и надежде, что принятие их в ряды… замыкая эмбриональный период общественного бытия… хоть они и одиноки на своей галактической периферии… выросли смело и самостоятельно, и они достойны…

«Пока что вроде хорошо, — мелькнуло у меня в голове. — Расхваливает он нас будто бы удачно… А это что же?!»

— Конечно, парные! Их жесткие опоры… следует, однако же, понять… на этом Высоком Собрании имеют право представительства также исключения из норм и правил… никакие отклонения не позорят… трудные условия, в которых они сформировались… водянистость, даже соленая, не может быть, не должна стать препятствием… с нашей помощью они в будущем избавятся от своего ужасн… от своего теперешнего облика, о котором Высокое Собрание, со свойственным ему великодушием, говорить не будет… поэтому от имени тарраканской делегации и Союза Звезд Бетельгейзе настоящим я вношу предложение о принятии человечества с планеты *Зимайя* в ряды ООП и тем самым о предоставлении присутствующему здесь благородному землянину

полномочий делегата, аккредитованного при ООП. Я закончил.

Раздался мощный шум, прерываемый загадочными посвистываниями; аплодисментов не было, да и не могло быть ввиду отсутствия рук; шум и говор мгновенно утихли при звуке гонга, и послышался голос председательствующего:

— Желает ли какая-либо из высоких делегаций высказаться по вопросу о приеме человечества с планеты *Земейя*?

Сияющий тарраканин, по-видимому чрезвычайно довольный собой, потащил меня на скамейку. Только я уселся, невнятно бормоча слова благодарности по его адресу, как два светло-зеленых лучика одновременно стрельнули с различных сторон амфитеатра.

— Предоставляю слово делегату Тубана! — сказал председательствующий.

Что-то встало. Я услышал далекий пронзительный голос — будто разрезали листовое железо; но вскоре я перестал обращать внимание на его тембр.

— Высокий Совет! — говорил представитель Тубана. — Услыхали мы тут, из уст полпитора Воретекса, теплую рекомендацию племени с дальней планеты, дотоле неизвестного присут-

ствующим. Хотелось бы мне выразить сожаление, что неожиданное отсутствие пульпитора Экстревора на сегодняшнем заседании лишило нас возможности детально ознакомиться с историей, природой и обычаями этого племени, принятия которого в ООП так жаждет Тарраканиа. Не будучи специалистом в области космической тератологии, хотел бы я, однако, в меру своих скромных сил дополнить то, что мы имели удовольствие услышать. Прежде всего, лишь мимоходом, вскользь, отмечу, что родиная планета человечества именуется не *Земийя, Зимайя* или *Земейя*, как — не по незнанию, разумеется, я глубоко убежден, а лишь в ораторском запале и порыве — говорил блистательный тарраканин. Конечно, это несущественная подробность. Однако же, и термин «человечество», которым он пользовался, взят из языка племени Земли — так звучит настоящее имя этой отдаленной провинциальной планеты, — наша же наука определяет землян несколько иначе. Осмелюсь, в надежде, что не утомлю этим Высокое Собрание, зачитать полное наименование и классификацию вида, вопрос о членстве которого мы рассматриваем, причем воспользуюсь первоклассным трудом специалистов, а именно «Галактической терато-

логией» Граммплюсса и Гзеемса.

Раскрыв перед собой на пюпитре огромную книгу на странице, обозначенной закладкой, представитель Тубана начал читать:

— Согласно с принятой систематикой, появляющиеся в нашей Галактике анормальные формы следует относить к типу Aberrantia (искаженцы), который делится на подтипы Debilitales (недоумки), а также Antisapientinulea (противоразумщики). К этому последнему подтипу относятся классы Canaliacaea (канальи) и Necroludentia (мертвяки). Среди Necroludentia мы, в свою очередь различаем отряд Patriciaceae (гордецы), Matripha dideae (сукины дети) и Lasciviaceae (позорники). Lasciviaceae, форму уже крайне извращенную, мы разделяем на Cretininae (кретин), например Cadaverium Mordans (трупоед) и Horrorissimae (страшила). Некоторые из Horrorissimae создают собственные псевдокультуры. Последних мы разделяем на тупоголовцев и безобразняков, с классическим представителем в лице Idiontus Erectus Gzeemsi — «идиот прямоходящий», он же «подонковец строевой Гзеемса». Сюда относятся такие виды, как Anophilus Belligerens (кровосос драчливый), который именует себя Genius Pulcherrimus Mundanus (прекраснейший

гений мира), или же как тот своеобразный экземпляр с совершенно лысым телом, замеченный Граммплюссом в самом темном закоулке нашей Галактики, — Monstroteratus Furiosus (чудовищный одержимец), который называет себя Homo Sapiens.

В зале поднялся шум. Председательствующий включил машину с молотком.

— Держитесь! — прошипел мне тарраканин.

Я его не видел — из-за сияния юпитеров, а может, из-за пота, который заливал мне глаза. Слабая надежда возникла у меня, когда кто-то попросил слова по формальному вопросу: представившись собранию как член делегации Водолея и вместе с тем астрозоолог, он начал пререкаться с тубанцем — к сожалению, лишь на той почве, что, будучи сторонником школы профессора Кагранапса, считал представленную классификацию неточной, ибо выделял, вслед за своим учителем, особый отряд Degeneratores (дегенераты), к которому относятся многие подотряды и виды. Определение Monstroteratua в применении к человеку он счел ошибочным, ибо надлежало воспользоваться номенклатурой водолейской школы, где последовательно применяется термин Artefactum Abhorrens (ис-

кусственник уродиковый).

После краткого обмена мнениями тубанец продолжил свою речь:

— Достойный представитель Тарракании, рекомендуя кандидатуру так называемого человека разумного, или — чтобы быть более точным — типичного представителя плотоядных! — одержимца, не помянул в рекомендации слово «белок», считая его неприличным. Бесспорно, оно вызывает ассоциации, о которых приличия не позволяют мне распространяться. Правда, наличие **даже** такого строительного материала не позорит (Возгласы: «Слушайте! Слушайте!) Не в белке дело! И не в том, что, являясь Mounlroteratus Furiosus, он именует себя Человеком разумным. Это, в конце концов, понятная слабость, продиктованная самолюбием. Не в том, однако же, дело, Высокий Совет!

Сознание мое то и дело отключалось, я был словно в полуобмороке — до меня доходили лишь обрывки речей.

— Даже плотоядность не может никому вменяться в вину, поскольку она возникла в ходе естественной эволюции! Однако же, различий, отделяющих так называемого человека от животных — его сородичей, почти не существует!

Подобно тому как **высокий** индивидуум не может считать, что рост дает право ему пожирать тех, кто ниже ростом, так и наделенный несколько более высоким разумом не может ни убивать, ни пожирать тех, кто **ниже** по умственному уровню, а если уж он должен это делать (Выкрики: «Не должен! Пускай шпинат ест!»), если, говорю, **должен**, из-за трагического наследственного отягощения, то следовало бы ему поглощать свои окровавленные жертвы тайком, в норах своих и в самых темных закоулках пещер, терзаясь угрызениями совести и надеясь, что когда-нибудь сможет он освободиться от бремени этих непрерывных убийств. К сожалению, не так поступает Monstroteratus Furiosus! Он подло бесчестит останки, колошматит и шпигует, душит их и тушит, бьет и режет, развлекается этим и лишь потом насыщается в местах общей кормежки, глядя на прыжки обнаженных самок своего вида, ибо это усиливает его влечение к мертвечине. Необходимость же изменить это положение вещей, взывающее ко всей Галактике о мести, даже не приходит в его полужидкую голову. Наоборот, он напридумывал себе высшие оправдания, которые, разместившись между желудком, этим могильным склепом бесчисленных жертв, и

бесконечностью, уполномочивают его убивать с гордо поднятой головой.

Чтобы не отнимать время у Высокого Собрания, ни буду больше говорить о делах и нравах так называемого человека разумного. Один из его предков подавал некоторые надежды. Был это вид Homo neanderthalensis. Им стоит заинтересоваться. Походя на современного человека, он имел больший объем черепа, а значит, и больший мозг, то есть разум. Собиратель грибом, склонный к раздумьям, страстно любящий искусство, кроткий, флегматичный, он, несомненно, заслужил, чтоб вопрос о его членстве сегодня рассматривался на этом Высоком Собрании. К сожалении», его нет в живых. Не может ли нам сообщить делегат Земли, которого мы имеем честь принимать здесь, что случилось с таким культурным и симпатичным неандертальцем? Землянин молчит, так я скажу за него: неандерталец истреблен целиком, стерт с лица Земли так называемым Homo Sapiens! Мало ему, однако же, было мерзости братоубийства, принялись вдобавок земные ученые чернить несчастную жертву, себе, а не ей, большемозгой, приписывая высший разум. И вот перед нами, в этом достойном зале, в этих величественных стенах, находится пред-

ставитель Necroludentin, смекалистый в поисках смертоносных утех, изобретательный конструктор средств уничтожения, возбуждающий своим видом и смех и ужас, с которыми мы еле можем совладать; и вот видим мы тут, на доселе не запятнанной белой скамье существо, которое не обладает даже отвагой профессионального преступника, ибо свою карьеру, отмеченную следами убийств, неустанно приукрашивает фальшивыми названиями, ужасное истинное значение которых может расшифровать любой объективный исследователь звездных рас. Итак, Высокий Совет…

Из его двухчасовой речи я действительно улавливал лишь отрывки, но с меня и этого вполне хватало. Тубанец создавал образ чудовищ, купающихся в крови, и делал это не спеша, последовательно, открывая все новые, заранее разложенные на пюпитре ученые книги, анналы, хроники, а уже использованные швырял об пол, словно охваченный внезапным отвращением к ним, — будто даже страницы, где говорилось о нас, слиплись от крови жертв. Затем принялся он за историю нашей цивилизации, рассказывал об избиениях и резне, о войнах и крестовых походах, о массовых убийствах, показывал эстампы,

демонстрировал на эпидиаскопе технологию преступления и пытки, древние и средневековые; когда же он обратился к современности, шестнадцать служителей подкатили к нему на подгибающихся от тяжести тележках кипы нового фактографического материала; другие служители или, верней, санитары ООП, передвигаясь на маленьких геликоптерах, оказывали тем временем первую помощь массам млеющих слушателей этого реферата, обходя лишь меня одного, в простодушной уверенности, что поток зловещей информации о земной культуре мне ничуть не повредит. А я где-то в середине этой речи начал, как на грани безумия, пугаться самого себя — будто средь этих окружающих меня уродливых, сранных созданий я один был чудовищем. Я уж думал, что эта страшная обвинительная речь никогда не кончится, но тут прозвучали слова:

— А теперь пускай Высокое Собрание ставит на голосование эту кандидатуру тарраканской делегации!

Зал застыл в гробовой тишине. Что-то шевельнулось рядом со мной. Это мой тарракаиин встал, чтобы попытаться опровергнуть хоть некоторые упреки… бндняга! Он засы́пал меня окончательно, стараясь убедить собрание, что человечество

уважает неандертальцев как достойных своих предков, которые погибли абсолютно сами по себе. Тубанец сразу припечатал моего защитника одним метким, напрямик заданным мне вопросом: если назовут кого-нибудь неандертальцам, то как это воспринимается на Земле — как похвала или как оскорбительный эпитет?

Я думал, что все уже кончено, проиграно навсегда, что теперь я поплетусь обратно на Землю, как пес, у которого вырвали из пасти загрызенную им птицу; но под тихий шепот зала председательствующий, склонившись к микрофону, сказал:

— Предоставляю слово члену эриданской делегации…

Эриданин был маленький, серебристо-сизый и округлый, словно клубящийся туман, озаренный косыми лучами зимнего солнца.

— Я хотел бы спросить, — сказал он, — кто будет выплачивать вступительные взносы землян? Неужели они сами? Ведь взносы-то немалые: биллион тони платины — это нагрузка, с которой не всякий плательщик справится!

Амфитеатр наполнился гневным говором.

— Вопрос этот будет уместен лишь в том случаи, если предложение тарраканской делегации будет принято, — после некоторого колебания

заметил председательствующий.

— С разрешения Вашего Галактичества! — возразил эриданин. — Я осмеливаюсь придерживаться иного мнения, и поэтому заданный мною вопрос подкреплю рядом замечаний, на мой взгляд весьма существенных. Во-первых, вот передо мной труд знаменитого дорадского планетографа, гипердоктора Враграса, и я цитирую его: «…Планеты, на которых жизнь спонтанно зародиться не может, отличаются следующими свойствами: а) катастрофическими изменениями климата в быстром переменном темпе (так называемый цикл «зима — весна — лето — осень»), а также еще более губительными, на большие отрезки времени (ледниковые периоды); б) наличием больших собственных спутников — их приливные влияния также имеют смертоносный характер; в) часто проявляющейся пятнистостью центральной или же родимой звезды, ибо пятна являются источником губительного для жизни излучения; г) преобладанием площади вод над площадью континентов; д) постоянством полюсного обледенения; е) наличием осадков в виде воды, жидкой либо затвердевшей…» Как видно из этого…

— Прошу слова по формальному поводу! —

Тарраканин, оживленный новой надеждой, вскочил. — Спрашиваю: делегация Эридана будет голосовать за наше предложение или же против него?

— Мы будем голосовать за ваше предложение, но с поправкой, которую я и представлю Высокому Собранию, — ответил эриданин, после чего продолжил: — Уважаемый Совет! На девятьсот восемнадцатой сессии Всеобщей Ассамблеи мы обсуждали кандидатуру расы Lasciviaceae Horrorissimae (распутняков задоголовых), которые представились нам как «вечные совершенцы», однако же, были до такой степени телесно неустойчивы, что за время упомянутой сессии состав распутнякской делегации сменялся пятнаддать раз, хотя сессия продолжалась не более восьмисот лет. Эти бедняги, когда пришлось им представить жизнеописание своей расы, путались в противоречиях, заверяя Высокое Собрание столь же голословно, сколь и торжественно, что создал их некий Совершенный Творец по своему образу и подобию, благодаря чему они, между прочим, бессмертны духом. Поскольку из других источников выяснилось, что планета их соответствует бионегативным условиям гипердоктора Враграса, Ассамблея учредила специальную

Следственную Подкомиссию; та же установила, что исследуемая противоразумная раса возникла не вследствие игры природы, но в результате достойного сожаления инцидента, вызванного посторонними лицами…

В зале все громче кричали: «Что он говорит?!», «Молчите!», «Неправда!», «Убери свой присосок, ты, Lasciviaceae!»

— Результаты работы Следственной Подкомиссии, — продолжал эриданин, — привели к тому, что на очередной сессии ООП была утверждена поправка к пункту второму Хартии Объединенных Планет, каковая поправка гласит следующее. — Тут он развернул длиннющий свиток и начал читать: — «Настоящим утверждается категорический запрет предпринимать жизнетворные действия на всех планетах типа А, Б, В, Г, Д, а также Е по Враграсу; одновременно руководителям исследовательских экспедиций и командирам кораблей, совершающих посадку на таких планетах, вменяется в обязанность строго соблюдать вышеупомянутый запрет. Касается он не только умышленных жизнетворных действий, как-то: рассеивание водорослей, бактерий и тому подобное, но также неумышленного зачинания биоэволюции, по небрежности или рассеян-

ности. Эта противозачаточная профилактика продиктована наилучшими намерениями ООП, отдающей себе отчет в следующем. Во-первых, неблагоприятная, по существу, среда, в которую попадают принесенные извне первоэлементы жизни, приводит в ходе дальнейшего их развития к возникновению таких извращений и уродств, которые никогда не встречаются в сфере естественного биогенеза. Во-вторых, и указанных обстоятельствах появляются виды не только физически ущербные, но и обремененные тягчайшими формами духовного вырождения; если же в подобных условиях выведутся существа хоть отчасти разумные — а это иногда случается, — то жизнь их полна духовных терзаний. Ибо, достигнув определенного уровня сознания, начинают они искать в окружающей среде причину собственного возникновения и, не будучи в состоянии там ее найти, попадают на ложные пути верований, рождаемых растерянностью и отчаяньем. В частности, поскольку им чужд нормальный ход эволюционных процессов в Космосе, они и свой физический облик, как бы он ни был уродлив, и свой тип субмышления определяют как явления типичные, нормальные и именно таким образом возникающие во всей

Вселенной. А посему, в искренней заботе о благе и ценности жизни вообще, разумных же существ в особенности, Всеобщее Собрание ООП постановляет, что тот, кто нарушит введенную ныне в Хартию он противозачаточную статью, будет подлежать санкциям и наказаниям, согласно соответствующим параграфам Межпланетного юридического кодекса».

Эриданин, отложив Хартию он, взял растрепанный том Кодекса, который вложили ему в щупальца проворные помощники, и, открыв огромную эту книгу в соответствующем месте, начал читать звучным голосом:

— Том второй Межпланетного уголовного кодекса, статья восьмидесятая, под названием «О распутстве планетарном».

Параграф 212. Кто оплодотворяет планету, от природы бесплодную, подлежит зазвездению на срок от ста до тысячи пятисот лет, помимо гражданской ответственности за моральный и материальный ущерб, причиненный потерпевшим.

Параграф 213. Кто действует согласно параграфу 212, проявляя значительное напряжение злой воли, а именно предпринимая с заранее обдуманным намерением действия развратного

характера, в результате каковых должны развиться виды жизни, крайне деформированные, возбуждающие всеобщее отвращение или всеобщий ужас, подлежит зазвездению на тысячу пятьсот лет.

Параграф 214. Кто оплодотворяет бесплодную планету вследствие небрежности, рассеянности либо же вследствие неиспользования соответствующих противозачаточных средств, подлежит зазвездению до четырехсот лет; ежели он действовал с неполным пониманием последствий своих поступков, наказание может быть уменьшено до ста лет.

— Я не упоминаю, — добавил эриданин, — о наказаниях за вмешательство в эволюционный процесс Instatu nascendi[16], поскольку это не относится к данной теме. Подчеркну при этом, что Кодекс предусматривает материальную ответственность виновных в планетарном распутстве; соответствующие параграфы Гражданского кодекса зачитывать не буду, чтобы не утомлять присутствующих. Добавлю лишь, что в каталоге небесных тел, признанных решительно бесплодными в понимании как гипердоктора Враграса,

---

[16] notes: 16
После рождения *(лат.)*.

так и Хартии Объединенных Планет совокупно с Межпланетным уголовным кодексом, на странице 2618, строка восьмая снизу, фигурируют следующие небесные тела: Зезмайя, Зембелия, Земля и Зызма…

Челюсть у меня отвисла, верительные грамоты выпали из рук, в глазах потемнело. «Внимание! — кричали в зале. — Слушайте! Кого он обвиняет?! Долой! Да здравствует!» Что касается меня, я изо всех сил старался залезть под пюпитр.

— Высокий Совет! — загремел представитель Эридана, бахая об пол томами Межпланетного кодекса (по-видимому, это был излюбленный прием ораторов ООП), — Надо вновь и вновь говорить об этих позорных деяниях нарушителей Хартии Объединенных Планет! Надо снова и снова клеймить безответственные элементы, которые зачинают жизнь в условиях, того недостойных! Ибо вот являются к нам существа, которые не понимают ни омерзительности собственного существования, ни также его причин! Вот стучатся они в достопочтенные двери этой уважаемой Ассамблеи, к что же можем мы ответить всем этим противоразумщикам, безобразнякам и тупоголовцам, когда они заламывают свои ложноручки и шатаются на своих

ложноножках, узнав, что относятся к псевдотипу «искусственник» и что Совершенным Творцом их был какой-то тарраканин, который вылил на скалы мертвой планеты белковые элементы из ракетного ведра и для забавы придал этим жалким первоэлементам жизни такие свойства, которые впоследствии удивят всю Галактику! И чем же смогут защититься эти горемыки, ежели какой-нибудь моралист осуждающе укажет на их позорное белковое левовращение!!!

Зал бушевал, машина тщетно лупила молотком, вокруг кричали: «Позор! Долой! Засанкционировать! О ком идет речь? Смотрите, землянин уже растворяется, Monstroteratus течет!» Действительно, я обливался потом. Эриданин, перекрывая своим мощным голосом общий шум, кричал:

— Я задам теперь несколько заключительных вопросов достопочтенной тарраканской делегации! Разве не правда, что в свое время совершил посадку на мертвой тогда планете Земля ваш корабль, у которого вследствие аварии холодильников попортилась часть припасов? Разве не правда, что на корабле этом находились два пустотника, впоследствии вычеркнутые из всех реестров за бесстыдные махинации с рясничками, и что эти прохвосты, эти млечные лодыри

назывались Банн и Пугг? Разве не правда, что Банн и Пугг по пьяной лавочке решили не ограничиться обычным загрязнением беззащитной пустынной планеты, ибо захотелось им организовать там преступным и наказуемым образом биологическую эволюцию, какой свет доселе не видывал? Разве не правда, что оба эти тарраканина сознательно, с величайшим напряжением злой воли, обдумывали, как сделать Землю питомником Monstroteratus, уникальных диковин для всей Галактики, паноптикумом, кунсткамерой, живые экспонаты которой будут смешить даже обитателей самых дальних туманностей? Разве не правда, что эти мерзавцы, лишенные нравственных тормозов и всяких понятий о приличиях, вылили на скалы безжизненной Земли шесть бочек желатинной клейковины и два огромных бидона альбуминной пасты, что они подбавили злонамеренно в эту смесь рибозу, пентозу и левуллозу и, словно мало еще было пакостей, залили все это тремя большими ведрами аминокислот, а получившуюся смесь разболтали лопаткой для угля, **искривленной влево**, и кочергой, **изогнутой в эту же сторону**, вследствие чего белки всех будущих земных существ стали ЛЕВОвращающимися?! Разве, наконец, не прав-

да, что Пугг, в то время страдавший от сильного насморка, подстрекаемый Нанном, который шатался вследствие злоупотребления напитками, умышленно начихал в плазматическую зародь, чтобы заразить ее злокачественными вирусами, и, хохоча, хвалился, что вдохнул «дьявольский дух» в несчастную эволюционную закваску?! Разве не правда, что это левовращение и эта злокачественность перешли далее в тела земных организмов и остались в них поныне, отчего страдают теперь безвинные представители расы, называемой «искусственник», которые наименовали себя «Homo Sapiens» единственно по невежественной наивности? А поэтому разве не правда, что тарракане должны не только уплатить за землян вступительный взнос в размере биллиона тонн драгоценного металла, но обязаны также выплачивать несчастным жертвам планетарного распутства КОСМИЧЕСКИЕ АЛИМЕНТЫ?!

После этих слов эриданина в амфитеатре началось столпотворение. Я съежился, потому что в воздухе летали во все стороны папки с документами, тома Межпланетного юридического кодекса и даже вещественные доказательства в виде основательно проржавевших ведер, бочек

и кочережек, которые невесть откуда взялись; возможно, что смекалистые эридане, которые с незапамятных времен занимались археологическими изысканиями на Земле, имея зуб против Тарракании, собирали доказательства ее вины и старательно укладывали их на палубы своих летающих тарелок. Однако же, трудно было обдумывать эти вопросы, ибо все кругом сотрясалось, всюду мельтешили щупальца и присоски; мой тарракании, ужасно взволнованный, сорвавшись с места, орал что-то, но его слова тонули в общем гаме; я же словно увяз на дне этой адской кутерьмы, и последняя мысль, еще блуждавшая у меня в голове, была о том предумышленном деянии.

Вдруг кто-то рванул меня за волосы, я даже застонал от боли; это мой тарракании, стремясь продемонстрировать, как добротно я создан земной эволюцией и как несправедливо считать меня ничтожеством, еле слепленным из отходов, ухватил меня и начал лупить по голове своим громадным тяжелым присоском… Я же, чувствуя, что расстаюсь с жизнью, отбивался все слабей; задыхаясь, брыкнул еще разок-другой в агонии — и упал на подушку.

Я тут же вскочил, не успев толком прийти в себя; сидел на постели, ощупывая шею, голову, грудь и убеждаясь таким образом, что все пережитое мной было лишь кошмарным сном. Я вздохнул с облегчением; потом, однако, начали терзать меня некоторые сомнения. Я сказал себе: «Страшен сон, да милостив Бог», но это не помогало. В конце концов, чтоб развеять черные мысли, я поехал к тетке на Луну.

Однако же, трудно мне восьмиминутную поездку на планетобусе, который останавливается у моего дома, назвать восьмым звездным путешествием, — уж скорее заслуживает этого наименования путешествие, проделанное во сне, во время которого я так настрадался за человечество.

Перевела с польского Ариадна Громова

1971

№ 2

М. Кривич
Л. Ольгин

Вегетарианец

4
3
2
1
5
6

Сказка

До сих пор не могу себе простить, что взял его в экспедицию. А с другой стороны, откуда было знать, чем это кончится. Почему я должен был отказать? Дело он свое знает, здоров, как бык с марсианской фермы, — двести фунтов нервов мышц и сухожилий. Мы как-то ночью пальнули у него над ухом атомным шлямбуром. Он только голову приподнял и буркнул: «Убавьте звук у телевизора. Нельзя же всю ночь…».

Всем он был хорош, да только слишком уж правильный. Пуговицы на скафандре всегда надраены, зубы чистил по инструкции мятной пастой три раза в день и радиобудку больше трех минут не занимал, даже если с женой разговаривал.

Мы стали над ним подшучивать уже на третий месяц полета. К тому времени все так обросли, что могли бороды, как шарфы, обматывать вокруг шеи. А он каждый день брился. Слыхано ли, в тысяче парсеков от ближайшего линейного ревизора бриться!

Первый звонок был, когда сели на планетку… ну, как ее… В малой лоции сразу после портрета Птолемея идет. Живут на той планете граждане

— с виду точь-в-точь коровы. А в остальном люди как люди: телебашня есть, считают по десятичной системе.

Как он их увидел, так начисто перестал мясо есть. Ни говядину, ни баранину, ни даже свинину. Не могу, говорит, пожирать существа, которые при благоприятных условиях могут стать разумными. И вы, каннибалы, мне противны.

Перешел он на лук, спаржу, артишоки. Мы спорить не стали, нам больше тушенки. В дальнем космосе с людьми и не такое случается.

С этого и началось. Потом сели мы на астероид. Лес дремучий, трава по пояс и ни живой души. Только собрались улетать, получаем сообщение: «Добро пожаловать на наш гостеприимный астероид! Таможенный досмотр можете пройти на опушке». Нашлись живые души: оказалось, что тамошние кустики да цветочки соображают не хуже нашего. Побеседовали мы с ними в порядке культурного обмена и улетели. А он после этого трое суток ничего в рот не брал. На четвертые перестроил весь свой обмен веществ на силикатный лад. Стал из пожарного ящика себе на завтрак и ужик песок таскать, а на обед подогревал миску жидкого стекла и крошил туда кафельную плитку из ванны. Мы над ним

посмеивались, но в глаза ничего не говорили. Убеждения — дело личное…

Дальше-больше. Новая стоянка чуть не стоила ему жизни. Только мы люки отдраили, видим: бежит к нам маленькая базальтовая собачка и тащит на поводке своего хозяина. А он такой силикатный — насквозь светится. Словом, и с кремнием для него тоже было все кончено.

Заглянул я в его каюту. Сидит в уголке осунувшийся, а в глазах — металл. В руках гидрозатвор держит, клапан отворачивает. Добрался до ртути, вылил ее в миску, накрошил туда алюминиевой фольги, а потом высыпал целую пригоршню гаек.

«Что ты делаешь?» — говорю.

«Тюрю…» — отвечает.

Пришлось нам его рацион ограничить второстепенными запчастями, иначе он рано или поздно и до обшивки бы добрался. Бриться он перестал, оброс медным волосом, телевизор не смотрит, в радиорубку ни ногой. Обручальное кольцо съел — нет, говорит, возврата к старой жизни.

На обратном пути, уже в нашей Галактике, заскочили, благо время было, еще на одну планету, где до нас с Земли никто не бывал. Встретили нас

с флагами и транспарантами, речи говорили. А нам не до речей было: мы сразу заметили, что местные парни все как один — из нержавейки.

После приземления я его больше не видел. Говорят, он теперь смотрителем на сухумском циклотроне. Каждый день выносит по авоське с радиоактивными отходами, на завтрак и ужин. Обедает на службе.

Рисунок С. Шарова

№ 3

Рей Бредбери

Тот, кто ждёт

Время пришло

Мир идей подобен насыщенному раствору. Назревшие идеи кристаллизуются, выпадают, приобретают материальную форму: а науке они становятся законами и формулами, в руках инженера — машинами, в искусстве — картинами, музыкой, рассказами. У этих процессов своя кинетика: кристаллы материализованных идей чаще всего выпадают лишь тогда, когда пришло их время; но раз время пришло, они выпадают непременно. Вряд ли рассказ Рея Бредбери «Тот, кто ждет», как и многие другие его тревожные вещи, мог появиться до того, как атомный гриб Хиросимы навис гигантским вопросительным знаком над будущим человечества. И до того, как первый человек шагнул за пределы своей планеты навстречу неведомым формам жизни. И до того, как были изучены вирусы, а на страницах газет замелькали слова «бактериологическая война».

«Люди, я любил вас — будьте бдительны!» — предупреждал Юлиус Фучик В сущности, Бредбери говорит о том же.

Валентин Рич

Я живу в колодце. Я живу в нем подобно туману. Подобно пару в каменной глотке. Я не двигаюсь,

я ничего не делаю, я лишь жду. Надо мной мерцают холодные звезды ночи, блещет утреннее солнце. Иногда я пою древние песни этого мира, песни его юности. Как мне объяснить, кто я, если я не знаю этого сам? Я и дымка, и лунный свет и память. И я стар. Очень стар. В прохладной тиши колодца я жду своего часа и уверен, что когда-нибудь он придет…

Сейчас утро. Я слышу нарастающие раскаты грома. Я чую огонь и улавливаю скрежет металла. Мой час близится. Я жду.

Далекие голоса.

— Марс! Наконец-то!

Чужой язык, он незнаком мне. Я прислушиваюсь.

— Пошлите людей на разведку!

Скрип песка. Ближе, ближе.

— Где флаг?

— Здесь, сэр.

— Ладно.

Солнце стоит высоко в голубом небе, его золотистые лучи наполняют колодец, и я парю в них, как цветочная пыльца, невидимый в теплом свете.

— Именем Земли объявляю территорию Марса равно принадлежащей всем нациям!

Что они говорят? Я нежусь в теплом свете

солнца, праздный и незримый, золотистый и неутомимый.

— Что там такое?

— Колодец!

— Быть этого не может!

— Точно! Идите сюда.

Я ощущаю приближение теплоты. Над колодцем склоняются три фигуры, и мое холодное дыхание касается их лиц.

— Вот это да-а-а!

— Как ты думаешь, вода хорошая?

— Сейчас проверим.

— Принесите склянку и веревку!

— Сейчас.

Шаги удаляются. Потом приближаются снова. Я жду.

— Опускайте. Полегче, полегче.

Преломленные стеклом блики солнца во мраке колодца. Веревка медленно опускается. Стекло коснулось поверхности, и по воде побежала мягкая рябь. Я медленно плыву вверх.

— Так, готово. Риджент, ты сделаешь анализ?

— Давай.

— Ребята, вы только посмотрите, до чего красиво выложен этот колодец! Интересно, сколько ему лет?

— Кто его знает? Вчера, когда мы приземлились, в том городе Смит уверял, что марсианская цивилизация вымерла добрых десять тысяч лет назад.

— Ну, что там с водой, Риджент?

— Чиста, как слеза. Хочешь попробовать?

Серебряный звон струи в палящем зное.

— Джонс, что с тобой?

— Не знаю. Ни с того ни с сего голова заболела.

— Может быть, от воды?

— Нет, я ее не пил. Я это почувствовал, как только наклонился над колодцем. Сейчас уже лучше.

Теперь мне известно, кто я. Меня зовут Стивен Леонард Джонс, мне 25 лет, я прилетел с планеты Земля и вместе с моими товарищами Риджентом и Шоу стою возле древнего марсианского колодца.

Я рассматриваю свои загорелые, сильные руки. Я смотрю на свои длинные ноги, на свою серебристую форму, на своих товарищей.

— Что с тобой, Джонс? — спрашивают они.

— Все в порядке, — отвечаю я. — Ничего особенного.

Как приятно есть! Тысячи, десятки тысяч лет я не знал этого чувства. Пища приятно обволакивает язык, а вино, которым я запиваю ее, теплом разливается по телу. Я прислушиваюсь к голосам

товарищей. Я произношу незнакомые мне слова и все же как-то их понимаю. Я смакую каждый глоток воздуха.

— В чем дело, Джонс?

— А что такое? — спрашиваю я.

— Ты так дышишь, словно простудился, — говорит один из них.

— Наверно, так оно и есть, — отвечаю я.

— Тогда вечером загляни к врачу.

Я киваю — до чего же приятно кивнуть головой! После перерыва в десять тысяч лет приятно делать все. Приятно вдыхать воздух, приятно чувствовать солнце, прогревающее тебя до самых костей, приятно ощущать теплоту собственной плоти, которой ты был так долго лишен, и слышать все звуки четче и яснее, чем из глубины колодца. В упоении я сижу у колодца.

— Очнись, Джонс. Нам пора идти.

— Да, — говорю я, восторженно ощущая, как слово, соскользнув с языка, медленно тает в воздухе.

Риджент стоит у колодца и глядит вниз. Остальные потянулись назад, к серебряному кораблю.

Я чувствую улыбку на своих губах.

— Он очень глубокий, — говорю я.

— Да?

— В нем ждет нечто, когда-то имевшее свое тело, — говорю я и касаюсь его руки.

Корабль — серебряное пламя в дрожащем мареве. Я подхожу к нему. Песок хрустит под ногами. Я ощущаю запах ракеты, оплывающей в полуденном зное.

— Где Риджент? — спрашивает кто-то.

— Я оставил его у колодца, — отвечаю я.

Один из них бежит к колодцу.

Меня начинает знобить. Слабая дрожь, идущая изнутри, постепенно усиливается, Я впервые слышу голос. Он таится во мне — крошечный, испуганный, — и молит: «Выпустите меня! Выпустите!». Словно кто-то, затерявшись в лабиринте, носится по коридору, барабанит в двери, умоляет, плачет.

— Риджент в колодце!

Все бросаются к колодцу. Я бегу с ними, но мне трудно. Я болен. Я весь дрожу.

— Наверное, он свалился туда. Джонс, ведь ты был с ним? Ты что-нибудь видал? Джонс! Ты слышишь? Джонс! Что с тобой?

Я падаю на колени, мое тело сотрясается, как в лихорадке.

— Он болен, — говорит один, подхватывая меня. — Ребята, помогите-ка.

— У него солнечный удар.

— Нет! — шепчу я.

Они держат меня, сотрясаемого судорогами, подобными землетрясению, а голос, глубоко спрятанный во мне, рвется наружу: «Вот Джонс, вот я, это не он, не он, не верьте ему, выпустите меня, выпустите!».

Я смотрю вверх, на склонившиеся надо мной фигуры, и мои веки вздрагивают. Они трогают мое запястье.

Сердце в порядке.

Я закрываю глаза. Крик внутри обрывается, дрожь прекратилась. Я вновь свободен, я поднимаюсь вверх, как из холодной глубины колодца.

— Он умер, — говорит кто-то.

— От чего?

— Похоже на шок.

— Но почему шок? — говорю я. Меня зовут Сешенс, у меня энергичные губы, и я капитан этих людей. Я стою среди них и смотрю на распростертое на песке тело. Я хватаюсь за голову.

— Капитан?!

— Ничего. Сейчас пройдет. Резкая боль в голове. Сейчас. Уже все в порядке.

— Давайте уйдем в тень, сэр.

— Да, — говорю я, не сводя глаз с Джонса. — Нам

не стоило прилетать сюда. Марс не хочет этого.

Мы несем тело назад, к ракете, и я, чувствуя, как где-то во мне новый голос молит выпустить его. Он таится в самой глубине моего тела.

На этот раз дрожь начинается гораздо раньше. Мне очень трудно сдерживать этот голос.

— Спрячьтесь в тени, сэр. Вы плохо выглядите.

— Да, — говорю я. — Помогите.

— Что, сэр?

— Я ничего не сказал.

— Вы сказали «помогите».

— Разве я что-то сказал, Мэтьюз?

У меня трясутся руки. Пересохшие губы жадно хватают воздух. Глаза вылезают из орбит. «Не надо! Не надо! Помогите мне! Помогите! Выпустите меня!».

— Не надо, — говорю я.

— Что, сэр?

— Ничего, Я должен освободиться, — говорю я и зажимаю себе рот руками.

— Что с вами, сэр? — кричит Мэтьюз.

— Немедленно все возвращайтесь назад на Землю! — кричу я.

Я достаю пистолет.

Выстрел. Крики оборвались. Я со свистом падаю куда-то в пространство.

Как приятно умирать после десяти тысяч лет ожидания! Как приятно чувствовать прохладу и слабость! Как приятно ощущать, что жизнь горячей струей покидает тебя, и на смену идет спокойное очарование смерти. Но это не может продолжаться долго.

Выстрел.

— Боже, он покончил с собой! — кричу я и, открывая глаза, вижу капитана, лежащего около ракеты. В его окровавленной голове зияет дыра, а глаза широко раскрыты. Я наклоняюсь и дотрагиваюсь до него.

— Глупец. Зачем он это сделал?

Люди испуганы. Они стоят возле двух трупов, оглядываются на марсианские пески и видневшийся вдали колодец, на дне которого покоится Риджент. Они поворачиваются ко мне, Один из них говорит.

— Теперь ты капитан, Мэтьюз.

— Знаю.

— Нас теперь только шестеро.

— Как быстро это случилось!

— Я не хочу быть здесь! Выпустите меня!

Люди вскрикивают. Я уверенно подхожу к ним.

— Послушайте, — говорю я и касаюсь их рук, локтей, плеч«.

Мы умолкаем. Теперь мы — одно.

— Нет, нет, нет, нет, нет, нет! — кричат голоса из темниц наших тел.

Мы молча смотрим друг на друга, на наши бледные лица и дрожащие руки. Потом мы все, как

один, поворачиваем голову и обращаем взгляд к колодцу.

— Пора, — говорим мы.

— Нет, нет, нет, — кричат шесть голосов.

Наши ноги шагают по песку, как двенадцать пальцев одной огромной руки.

Мы склоняемся над колодцем. Из прохладной глубины на нас смотрят шесть лиц.

Один за другим мы перегибаемся через край и один за другим несемся навстречу мерцающей глади воды.

Я живу в колодце. Я живу в нем подобно туману, подобно пару в каменной глотке. Я не двигаюсь, я ничего не делаю, я лишь жду. Надо мной мерцают холодные звезды ночи, блещет утреннее солнце. Иногда я пою древние песни этого мира. Песни его юности. Как мне объяснить, кто я, если я не знаю этого сам? Я просто жду.

Солнце садится. На небо выкатываются звезды. Далеко-далеко вспыхивает огонек. Новая ракета приближается к Марсу…

~~Сокращенный~~Полный перевод с английского А. А. Лебедева и А. В. Чапковского

Рисунки Ю. Ващенко

№ 5

Айзек Азимов

Что значит имя?[17]

Если вы считаете, что раздобыть цианистый калий трудно, то вы заблуждаетесь. Я стоял, держа в руках банку с добрым фунтом этого пикантного вещества. Коричневое стекло, миленькая, простенькая наклейка с надписью: «Цианистый калий ХЧ» (то есть «химически чистый» — так мне объяснили), а внизу крохотный череп и две маленькие перекрещенные косточки.

Тип, которому принадлежала эта банка, протер

---

[17] notes: 17

В название этого рассказа А. Азимов вынес фразу из знаменитого монолога шекспировской Джульетты.

> *Неужто больше нет других имен?*
> *Что значит имя? Роза пахнет розой,*
> *Хоть розой назови ее, хоть нет.*
> *Ромео под любым названьем был бы*
> *Тем верхом совершенств, какой он есть.*

(перевод Б. Л Пастернака)

очки и поморгал на меня. То был Хелмут Родни, профессор университета Кармоди. Среднего роста, коренастый, с мягким подбородком, полными губами, копной темно-каштановых волос и выпяченным брюшком, он был преисполнен совершеннейшего безразличия к тому, что в моих руках было достаточно яду, чтобы угробить целый полк.

— Выходит, профессор, — сказал я, — эта штука у вас просто так стоит на полке?

Он ответил спокойно и размеренно, наверное, как привык читать лекции студентам:

— Конечно, инспектор, вместе с другими химикатами, в алфавитном порядке.

— Но ведь это яд!

— Здесь много ядов, — безмятежно произнес Родни.

— И вы ведете учет всему, что здесь находится?

— В общем и целом, — он потер подбородок, — я знаю, что у меня эта банка есть.

— Предположим, кто-нибудь заглянет сюда и позаимствует ложку этого лекарства. Это вы заметите?

Родни покачал головой:

— Вряд ли.

— Ну, а кто может сюда входить? Вы запираете

лабораторию?

— Вечером, если не забываю. Днем она открыта: ведь мне то и дело приходится выходить и снова возвращаться…

— Следовательно, сюда может войти любой, даже совершенно посторонний человек, отсыпать толику цианистого калия, и никто этого не заметит?

— Боюсь, что так…

— Скажите, профессор, а зачем у вас здесь такая прорва цианистого калия? Крыс уничтожаете?

— Господи, — он брезгливо повел плечами, — конечно, нет. Цианистый калий — обычный компонент синтеза множества продуктов.

— Понятно, понятно… Ну, а еще в каких лабораториях можно столь же легко позаимствовать цианистый калий?

— Почти во всех, — без запинки ответил он, — даже в студенческих. Ведь это химикат, которым мы пользуемся.

— Я бы не сказал, что сегодня его использовали очень уж обычно.

Он вздохнул и промолвил:

— Пожалуй, что так. — Помолчал, подумал и медленно добавил: — Их называли «библиотечными двойняшками».

Я кивнул. Мне было понятно, почему их так прозвали. Обе библиотекарши были очень похожи друг на друга.

...Конечно, не совсем. У одной — маленький острый подбородок на круглом лице. У другой — квадратная челюсть и длинный нос. Но посадите их рядышком за стол выдачи книг, и вы увидите одинаковые золотистые волосы и одинаковую прическу с пробором посредине. Взгляните мельком на их лица, и вы прежде всего заметите широко расставленные глаза одинакового голубого цвета. Поставьте их несколько поодаль друг от друга, и вы убедитесь, что у них одинаковый рост и лифчики одинаковой формы и размера. У обеих тонкая талия и стройные ноги. Они даже одевались одинаково — обе были в голубом.

Правда, сейчас их нельзя было перепутать. Девушка с маленьким подбородком и круглым лицом была вдосталь накормлена цианистым калием и совершенно мертва.

Сходство обеих девушек поразило меня сразу же, как только мы с моим напарником Эдом Хэтавеем сюда прибыли. Одна девушка, мертвая, поникла на стуле, глаза ее были открыты. На полу,

под ее безжизненно опущенной рукой — словно точка под восклицательным знаком — лежала расколотая чайная чашка. Как выяснилось, это была Луэлла-Мэри Буш. Здесь же находилась и вторая девушка. Бледная, потрясенная, с остановившимся взглядом, она не замечала сновавших вокруг нее полицейских и выглядела так же, как и первая, — только возвращенная к жизни. Звали ее Сюзен Мори.

— Родственницы? — сразу же спросил я.

Оказалось, что нет. Даже не троюродные сестры.

Я осмотрел библиотеку: стеллажи с книгами в одинаковых переплетах, опять стеллажи, но на этот раз с книгами в других переплетах. Тома реферативных журналов. Во второй комнате — кипы учебников, монографий и старых книг. Сзади находилась еще каморка, где лежали последние номера научных периодических изданий в невыразительных обложках. В читальном зале от стены до стены протянулись длинные столы, за которыми могла бы усесться добрая сотня людей. К счастью, на этот раз за столами никого не было.

Безжизненным, однотонным голосом Сюзен Мори рассказала, как все произошло.

Старенькая заведующая библиотекой миссис Неттлер ушла на обеденный перерыв, оставив за себя двух девушек. Очевидно, это было в порядке вещей.

В два часа или около этого Луэлла-Мэри вышла в заднюю комнату. Там помимо книг, подготовленных для инвентаризации, реферативных журналов, нуждающихся в новых переплетах, и книг, заказанных читателями, были маленькая электроплитка, кастрюлька и все остальное для приготовления чая.

Чаепитие в два часа, очевидно, тоже было в порядке вещей.

Я спросил:

— Что, Луэлла-Мэри всегда сама приготовляла чай?

Сюзен посмотрела на меня пустыми глазами:

— Иногда миссис Неттлер, но обычно Лу… Луэлла-Мэри…

Луэлла-Мэри сказала, что чай готов, и обе девушки зашли в заднюю каморку.

— Обе? — резко спросил я. — А кто остался за столом выдачи?

Сюзен легонько дернула плечиком, словно это не имело никакого значения:

— Мы могли все видеть через дверь. Если бы

кто-нибудь подошел к столу, то одна из нас его обслужила бы.

— А кто подошел?

— Никто. Сейчас пересменка. Пожалуй, здесь никого и не осталось.

Под «пересменкой» она подразумевала, что весенний семестр окончился, а летний еще не начался (в тот день я много еще чего узнал из университетской жизни).

Дальнейшие сведения, сообщенные Сюзен, были довольно куцыми. Налили заварку, положили сахар…

Я прервал Сюзен.

— Вы обе пьете чай с сахаром?

Сюзен ответила раздельно и медленно:

— Да. Но в моей чашке сахара не было.

— Почему?

— До сих пор она никогда не забывала о сахаре. Она знает, что я пью чай с сахаром. Я сделала глоток или два и хотела сказать ей и взять сахар, понимаете, и тогда…

…Тогда Луэлла-Мэри издала странный, приглушенный крик, уронила чашку и через минуту умерла. Дальше все, как по нотам: Сюзен начала кричать, и в итоге сюда прибыли мы.

Предварительная работа прошла гладко: сдела-

ли снимки, взяли отпечатки пальцев; всех людей, находившихся в здании, поименно переписали и распустили по домам. Причина смерти была ясна — цианистый калий. Источник тоже ясен — сахарница. Содержимое сахарницы изъяли для лабораторного анализа.

В момент смерти Луэллы-Мэри в библиотеке было шесть посетителей пять студентов, которые, в зависимости от характера, были либо испуганы, либо растеряны, либо мучались от тошноты. Шестым был маленький посторонний пожилой человек. Он говорил с немецким акцентом и не имел никакого отношения к университету. Он был и испуган, и растерян, и чувствовалось, что его тошнит от виденного.

Хэтавей гуртом вывел их всех из библиотеки. Было решено загнать их в холл и держать там, пока мы не сможем опросить подробно каждого.

Один из студентов оторвался от группы и прошел перед моим носом, даже глаза на меня не скосив. Сюзен бросилась к нему и ухватилась за рукав выше локтя.

— Пит! Пит!

Сложен Пит был как боксер, хотя, судя по его неиспорченному профилю, к рингу он ближе чем на милю не приближался никогда.

На мой взгляд, он был слишком красив. Впрочем, я завистлив.

На Сюзен Пит тоже не смотрел. Лицо его внезапно изменилось, красота стерлась — ее сменила маска ужаса. Прерывающимся голосом он выдавил с трудом:

— Каким образом… Лолли…?

— Я не знаю… — Сюзен тщетно пыталась поймать его взгляд. — Я не знаю…

Пит вырвал свою руку у Сюзен, так и не взглянув на нее. Все это время он смотрел куда-то поверх ее головы. Хэтавей тронул его за локоть, и Пит позволил увести себя.

— Поклонник? — спросил я.

— Что? — Сюзен с усилием оторвала взгляд от уходящего студента.

— Он ваш поклонник?

Руки у Сюзен дрожали:

— Мы встречаемся…

— Насколько это серьезно?

— Это очень серьезно, — прошептала она.

— Вашу напарницу он тоже знал? Он назвал ее «Лолли»…

— Ну и что?… — дернула плечиком Сюзен.

— Хорошо, скажем так: а с нею он встречался?

— Иногда.

— И это было серьезно?

— Откуда я знаю? — Сюзен сказала как отрезала.

— Ну… ну, ладно. Она вас ревновала?

— Какое это имеет значение?

— Кто-то смешал цианистый калий с сахаром и положил толику этой смеси только в одну чашку. Предположим, что Луэлла Мэри настолько вас ревновала, что попыталась отравить вас, дабы расчистить поле для себя и нашего приятеля Пита. Допустим, что при этом она по ошибке взяла не ту чашку.

— Форменная чепуха! Этого Луэлла-Мэри ни за что бы не сделала, — произнесла Сюзен, но ее губы сжались, а глаза сверкнули. Кстати, ненависть в голосе женщины я тоже распознаю легко.

В этот момент вошел профессор Родни. Он был первым человеком, которого я встретил в этом здании, и он мне не понравился, и за время, прошедшее с момента той нашей встречи, нравиться мне еще не начал.

С места в карьер Родни известил меня, что, видите ли, сейчас он в университете старший.

— Старший сейчас я, профессор, — возразил я.

— Во всем, что касается расследования, пожалуй, так, — сказал он. — Но у меня есть опреде-

ленные обязанности перед ректором, и я намерен их исполнить.

И хотя видом он был похож не столько на аристократа, сколько на лавочника, он все же ухитрился — надеюсь, вы улавливаете мою мысль — посмотреть на меня так, будто я был у него под микроскопом, а он разглядывал меня сквозь окуляр.

— Миссис Неттлер находится в моем кабинете, — сказал он. — Она узнала об этом по радио и сразу же пришла сюда. Она очень взволнована. Вы поговорите с ней? — У него это прозвучало как приказ.

— Приведите ее сюда, профессор, — у меня это прозвучало как разрешение.

Миссис Неттлер находилась в состоянии, обычном для пожилых женщин, когда они волею судеб влипают в такие дела: она не знала, то ли ужасаться, то ли изумляться тому, сколь близко грянула смерть. Когда она заглянула в каморку и увидела следы прерванного чаепития, то победил ужас. Труп к этому времени, впрочем, увезли.

Она плюхнулась на стул и начала причитать:

— Я сама пила здесь чай. Могло случиться, что..

— Когда вы пили здесь чай, миссис Неттлер? —

спросил я как только мог мягко.

Она повернулась на стуле и подняла голову:

— Ну… что-то после часу, мне кажется. Я, помню, предложила чашку чаю профессору Родни. Ведь это было как раз после часу, профессор?

На полном лице Родни промелькнуло недовольство.

— Я заглянул сюда сразу же после ленча на минутку, чтобы навести одну справку. Миссис Неттлер действительно предложила мне чашку чаю. Но подозреваю, что я был слишком занят, чтобы пить чай или замечать точное время.

Я хмыкнул и повернулся к старушке:

— Вы пьете чай с сахаром, миссис Неттлер?

— Да, сэр.

— И сегодня тоже с сахаром?

Она кивнула и снова ударипась в слезы.

Я переждал немного и спросил:

— В каком состоянии была тогда сахарница?

— Она… она… — внезапное удивление заставило ее встрепенуться. — Она была пуста, и я сама наполнила ее сахарным песком из двухфунтового кулька. Я, помню, еще подумала, что когда хочу попить чаю, то сахару постоянно не оказывается, и что девушкам не мешало бы…

Упоминание о девушках во множественном

числе заставило ее снова разрыдаться.

Я мигнул Хэтавею, чтобы он увел ее.

Таким образом, между часом и двумя некто опустошил сахарницу и насыпал туда немного особого сахара, весьма особого.

Появление миссис Неттлер, видимо, напомнило Сюзен о ее профессиональных обязанностях, потому что стоило Хэтавею, вернувшись, полезть за сигарой и зажечь спичку, как девушка сказала:

— Извините, сэр, в библиотеке не курят.

Хэтавей настолько удивился, что сразу задул спичку и спрятал сигару в карман.

Затем девушка решительно шагнула к одному из читательских столов и протянула руку к лежавшему на нем толстому раскрытому тому.

Хэтавей опередил ее:

— Что вы хотите сделать, мисс?

Девушка удивленно посмотрела на него:

— Поставить книгу на место, конечно.

— Зачем? Что это за книга? — Хэтавей подошел к столу и принялся рассматривать открытую страницу. Я подошел тоже и заглянул поверх его плеча.

Книга была на немецком языке. Этого языка я не знаю, но с другим, когда увижу печатный

текст, все-таки не спутаю. Шрифт был мелким. На странице какие-то геометрические фигуры с разбросанными там и сям надписями. Моего образования хватило, чтобы понять, что это химические формулы.

Я заложил пальцем страницу, закрыл книгу и посмотрел на обложку. Там было написано: «Beilstein — Handbuch der organischen Chemie. Zweite Erganzungswerk. Band VI».

Я снова раскрыл книгу. Чтобы дать вам общую идею, могу сообщить, что страница 233 начиналась словами: «4′-Chlor-4-Brom-2-Nitrodiphenyläther — $C_{12}H_7O_3NClBr$».

Хэтавей усердно списывал всю эту белиберду.

Профессор Родни тоже очутился у стола, так что всего нас было четверо.

Профессор сказал наставительно, словно он был на кафедре с указкой в одной руке и куском мела в другой:

— Это том Бейльштейна. Это своего рода энциклопедия органических соединений. В ней описаны тысячи соединений.

— В этой книге? — строго спросил у него Хэтавей.

— Сие — всего лишь один из более чем шестидесяти томов. Не считая дополнительных.

Огромный труд, увы, сильно устаревший, во-первых, из-за того, что органическая химия развивается семимильными шагами, а во-вторых, из-за войны. Тем не менее на английском языке нет труда столь же ценного. Для людей, занимающихся органической химией, эти книги просто необходимы.

И профессор ласково погладил том:

— Прежде чем иметь дело с каким-нибудь неизвестным соединением, — продолжал он, — необходимо заглянуть в Бейльштейна. Там есть и методы получения вещества, и описания его свойств, и ссылки на соответствующие источники, и так далее. Это своего рода отправная точка. Многочисленные соединения размещены в соответствии со строгой логической системой, очень ясной, хотя и не совсем очевидной. В своем курсе я читаю несколько лекций, посвященных только тому, как найти то или иное соединение во всех этих шестидесяти томах.

Не знаю, сколько он мог еще разглагольствовать о своих соединениях, но меня это совершенно не интересовало, и, кроме того, пора бы приняться за дело. Потому я и прервал его:

— Профессор, — сказал я, — мне нужно поговорить с вами в вашей лаборатории.

...Итак, мне казалось, что цианистый калий должен храниться в специальном сейфе, и каждый гран его должен быть на учете, и любой человек, берущий цианистый калий, должен расписываться в специальном гроссбухе. Если бы все было так, мы могли бы сразу получить необходимые нам улики.

И вот в моих руках была банка с цианистым калием, и я узнал, что любой человек мог пользоваться им даже безо всякого разрешения.

Профессор Родни сказал задумчиво:

— Их называли «библиотечными двойняшками».

— Да, — кивнул я.

— Это свидетельствует о том, насколько поверхностны суждения большинства людей!.. Ничего в них не было похожего, только волосы да глаза. Что произошло в библиотеке, инспектор?

Я вкратце пересказал версию Сюзен, внимательно наблюдая за ним при этом.

Он покачал головой:

— Вы, конечно, считаете, что умершая девушка сама задумала убийство.

В эту минуту мои мысли разглашению не подлежали, и я спросил:

— А вы?

— Нет. Она была неспособна на это. Она внимательно и с любовью относилась к своим обязанностям, Ну, а кроме того, зачем ей это было нужно?

— Тут есть один студент, — сказал я. — Его зовут Питер.

— Питер ван Норден, — сразу же ответил Родни. — Довольно способный студент, но какой-то пустой.

— Девушки думают по-другому, профессор, — сказал я. — Видимо, он казался им обеим привлекательным. Возможно, что Сюзен повезло больше, и Луэлла-Мэри решила прибегнуть к прямым действиям.

— И выпила чай не из той чашки?

— Ну, знаете, в волнении люди совершают самые невероятные вещи.

— Но не такие, — сказал профессор. — В одной чашке сахара не было, так что преступница ничем не рисковала. Даже если она неточно запомнила соответствующую чашку, то, почувствовав, что чай — сладкий, она сразу поняла бы ошибку. Она могла бы не глотать всю порцию яда.

Я произнес, причем весьма сухо:

— Обе девушки обычно пили чай с сахаром. Умершая привыкла к сладкому чаю. Она была

очень взволнована, и то, что чай оказался сладким, ее не насторожило.

— Я в это не верю.

— А как может быть иначе, профессор? Сахар заменили после того, как миссис Неттлер отлила свой чай в час дня. Думаете, это сделала сама миссис Неттлер?

Он вскинул глаза:

— А какой мотив?

— Ну, — промычал я, — она могла бояться, что девушки отобьют у нее должность.

— Ерунда. Она уходит на пенсию еще до начала осеннего семестра.

— Кстати, и вы там тоже были, профессор, — сказал я вкрадчиво.

Профессор и глазом не моргнул:

— Мотив? — спросил он.

— Вы не настолько стары, — сказал я, — чтобы не заинтересоваться Луэллой-Мэри. А вдруг она пригрозила, что сообщит ректору о каких-нибудь ваших словах или действиях?

Профессор горько улыбнулся.

— А что я мог бы предпринять, чтобы цианистый калий приняла именно та девушка, которой он предназначался? Почему одна чашка оказалась без сахара? Сахар-то я мог подменить, но

ведь чай-то готовил не я.

Я начал менять свое мнение о профессоре Родни Он и не подумал возмущаться или притворяться обиженным. Он просто показал логическую несостоятельность моей теории — и все. Мне это понравилось.

— Ну, а сами-то вы как представляете себе происшедшее? — спросил я.

— Зеркальное отображение, — ответил он. — Обратное изображение. Я думаю, что оставшаяся в живых девушка рассказала правду шиворот-навыворот. Предположим, что заполучила этого парня Луэлла-Мэри, а не Сюзен. Предположим, что чай приготовила Сюзен, а у стола выдачи книг оставалась Луэлла-Мэри. Тогда та девушка, которая приготовила чай, взяла нужную ей чашку и осталась в живых. В этом случае все будет объяснимым логически, а не фантастическим до смешного.

Это была последняя капля. Родни пришел к тому же выводу, что и я. Волей-неволей он начал мне нравиться. У меня какая-то слабость к людям, которые соглашаются со мной. Видимо, потому, что я гомо сапиенс.

— Это нужно доказать с достаточной основательностью, — сказал я. — А как? Я пришел сюда,

полагая, что раздобыть цианистый калий мог кто-то один, а остальные не могли. Теперь оказалось, что все не так. Каждый мог попользоваться этой штукой. Что дальше?

— Узнайте, какая из девушек была у стола выдачи книг, когда готовился чай, — сказал профессор.

Я понял, что Родни читает детективные книги и верит в показания свидетелей. Я в них не верю, но тем не менее я поднялся со стула:

— Хорошо, профессор, — сказал я.

Профессор тоже поднялся.

— Я могу присутствовать? — озабоченно спросил он.

— А зачем? Из-за ответственности перед ректором?

— Конечно и это. Но в основном я хотел бы, чтобы дело было решено быстро.

— Ну, раз вы думаете, что ваше присутствие поможет, тогда пошли, — согласился я.

Мы спустились. Эд Хэтавей уже ждал меня в пустой библиотеке.

— Все в порядке, — сказал он, не обращая внимания на Родни, — я до всего додумался.

— То есть до чего?

— До того, как это произошло. Дедуктивный

метод, — скромно признался Эд. — Кто-то ведь должен был притащить сюда цианистый калий, — продолжал он. — А кто? Джокер в колоде! Тот самый посторонний. Ну, этот парень с акцентом… Черт, как же его зовут…

Он начал рыться в карточках, на которых записал имена и адреса всех, кто находился в библиотеке в момент смерти Луэллы-Мэри, и кто, по всей видимости, не имел никакого отношения к ее кончине.

Я понял, кого он имел в виду, и сказал:

— Ладно, плевать на его имя. «**Что значит имя**?..» Давай дальше! — и тем самым засвидетельствовал, что могу быть таким же болваном, как и любой другой.

— Так вот, — стал объяснять Эд. — Иностранец приходит сюда с цианистым калием в маленьком пакетике. Пакетик он прикрепляет пластырем к странице немецкой книги — ну к этой органической фиговине в миллионах томов…

Мы с профессором понимающе кивнули.

— Он немец, — продолжал Хэтавей, — и книга тоже немецкая. Очевидно, она уже была ему известна. Пакетик он прикрепил к странице, на которой была напечатана заранее обусловленная формула. Ведь профессор говорил, что можно

найти любую формулу, только надо знать, как это делается. Верно, профессор?

— Верно, — холодно сказал Родни.

— Прекрасно. Библиотекарша знала формулу и поэтому легко могла найти и нужную страницу. Она берет цианистый калий и пользуется им для приготовления чая. Она очень волнуется и забывает закрыть книгу…

— Слушай, Хэтавей, — сказал я. — А с чего этот коротышка все затеял? Как он объяснил, почему здесь оказался?

— Он говорит, что он меховщик и пришел сюда, чтобы узнать о средствах против моли и других насекомых. Бредятина да и только! Ты когда-нибудь слыхал что нибудь более бредовое?

— Конечно, — сказал я, — например, твою теорию. Слушай, никому и в голову не взбредет прятать пакет с цианистым калием в книге. Никому не нужно будет искать этот пакет на определенной странице с определенной формулой, потому что между этой страницей и соседней окажется просвет. Любой, кто возьмет книгу, сразу же заметит, что она сама по себе открывается на одном и том же месте. Ничего себе тайник ты придумал!

Лицо у Эда было идиотское.

— Кроме того, — безжалостно добивал я его, — совершенно не к чему приносить сюда цианистый калий откуда-нибудь со стороны. Его здесь целые тонны. Тут из него можно устраивать снежные лавины. Любой может позаимствовать фунтик-другой.

— Что?!

— Спроси у профессора.

Глаза Хэтавея расширились. Он порылся в кармане своей куртки и вытащил какой-то конверт:

— Тогда что мне делать с этим?

— А что это такое?

Он вытащил страницу с немецким текстом и сказал:

— Это из той немецкой книги, которая…

Лицо Родни побагровело:

— Вы вырвали страницу из Бейльштейна? — он заорал так, что у меня душа ушла в пятки. Никогда бы не подумал, что он способен так вопить.

— Я думал, — стал оправдываться Эд, — что мы можем обнаружить следы пластыря или цианистого калия.

— Дайте сюда страницу! — рявкнул профессор. — Болван!

Он разглядел страницу и посмотрел на обе ее стороны, будто хотел убедиться, что там ничего

не стерто.

— Вандал! — сказал он, и я понял, что в этот момент он мог убить Хэтавея и глазом не моргнув.

Профессор Родни имел право верить в виновность Сюзен. Я тоже. Но веру в суд не представишь. Нужны доказательства.

Посему я решил повести атаку на единственное слабое место возможной преступницы.

— Надо, чтобы она присутствовала при допросах свидетелей, — так я решил, в надежде, что во время допросов ее подведут нервы.

Однако облик девушки поколебал мою надежду. Сюзен Мори сидела за столом, сцепив перед собой руки. Глаза ее были холодны, а лицо неподвижно.

Первым был перепуганный до смерти маленький немец-меховщик.

— Я же ничего не сделал, — бормотал он — Пожалуйста. У меня дела. Сколько мне тут еще быть?

Хэтавей давно уже записал его имя и остальные данные, так что я сразу перешел к делу:

— Вы пришли сюда около двух, не так ли?

— Да. Я хотел узнать о средствах против моли…

— Хорошо. Вы вошли сюда и подошли к столу выдачи книг. Так?

— Да. Я сказал ей свое имя, профессию и что я хочу…

— Сказал кому? — это был ключевой вопрос.

Коротышка посмотрел на меня. У него были курчавые волосы и казавшийся беззубым рот. Но когда он говорил, было видно, что зубы есть — маленькие и коричневые. Он ответил:

— Ей. Я сказал ей. Девушке, которая здесь сидит.

— Это верно, — монотонно произнесла Сюзен. — Он говорил со мной.

Профессор Родни смотрел на нее с неприкрытым отвращением. Мне пришло на ум, что его желание поскорее осуществить правосудие объясняется скорее личными, чем альтруистическими мотивами. Но меня это уже не касалось.

— Вы уверены, что это та самая девушка? — спросил я.

— Да. Я назвал ей свое имя и свою профессию, и она улыбнулась. Она объяснила, где найти нужные книги об инсектицидах. Потом, когда я уже отходил от стола, из вон той комнаты вышла другая девушка.

— Хорошо! — сказал я, — Вот фотография вто-

рой девушки. Теперь скажите, говорили ли вы с девушкой, которая сейчас сидит за столом, и та девушка, что на фотографии, вышла из задней комнаты, или же вы говорили с девушкой, что на фотографии, а из задней комнаты вышла та, что сидит за столом?

Добрую минуту маленький меховщик смотрел то на Сюзен, то на фотографию, то на меня:

— Они очень похожи, — пробормотал он наконец.

Я мысленно выругался. Губы Сюзен на миг скривились в улыбке, которая тотчас исчезла. Именно на это она, видимо, и рассчитывала.

Была пересменка. В пересменку в библиотеке почти никого не будет. Во всяком случае никто не будет обращать внимание на девушек столь же привычных, как и стеллажи с книгами. Даже если кто-то и обратит внимание, то не сможет поклясться, кого из «библиотечных двойняшек» он видел.

Теперь я твердо знал, что она убийца. Но никакого значения это не имело.

— Ну, так которая из них? — снова спросил я.

Он ответил как человек, которому не терпится покончить со всеми этими вопросами:

— Я говорил с вот этой девушкой, что за сто-

лом.

— Конечно, — спокойно заявила Сюзен.

Моя надежда на то, что ее нервы не выдержат, полностью испарилась.

— Вы можете в этом поклясться? — спросил я меховщика.

— Нет, — сразу же ответил он.

— Хорошо, Хэтавей, проводи его и отправь домой.

Профессор Родни наклонился и коснулся моего плеча:

— Почему она улыбнулась, когда он назвал свою профессию? — сказал он тихонько.

— А почему бы и нет? — прошептал я в ответ, и все же спросил про это у Сюзен.

Она вскинула брови:

— Просто я была любезна. Разве в этом что-нибудь дурное?

Клянусь, она наслаждалась сценой.

Профессор слегка покачал головой и снова прошептал мне:

— Она не из тех, кто улыбается надоедливым незнакомцам. За столом выдачи была Луэлла-Мэри.

Я пожал плечами. Хорош бы я был, если бы предъявил такое доказательство начальству!..

Четверо студентов заняли мало времени. Они знали, какие книги им нужны, на каких полках книги стоят. Они сразу пошли за книгами, не останавливаясь у стола выдачи. Никто из них не мог сказать, сидела за столом Луэлла-Мэри или Сюзен. По их словам, они не поднимали глаз от книг, пока не услышали крик.

Пятым был Питер ван Норден. Он упорно рассматривал обгрызенный ноготь большого пальца своей правой руки. Когда его ввели, он и взгляда не бросил на Сюзен.

Я дал ему немного посидеть и расслабиться.

Наконец я сказал:

— Что вы делаете здесь в это время года? Насколько я понимаю, сейчас нет занятий.

— У меня экзамены через месяц, — пробормотал он. — Если я их сдам, то смогу приняться за диссертацию.

— Мне кажется, что вы останавливались у стола выдачи, когда вошли сюда.

В ответ раздалось невнятное мычание.

— Что? — резко спросил я.

Он сказал тихо и почти неразборчиво:

— Нет. Вроде бы я у стола не останавливался.

— Вроде бы? — переспросил я с нажимом.

— Я не останавливался.

— Ну не странно ли это? Насколько мне известно, вы хороший приятель и Луэллы-Мэри и Сюзен. Разве вы не поздоровались?

— Я был очень обеспокоен. Все время думал об экзаменах. Мне нужно было заниматься и…

— Так что у вас даже не было времени поздороваться, — я взглянул на Сюзен. Она побледнела. Впрочем, может быть, мне это только показалось.

— Верно, что вы практически были обручены с одной из девушек?

Он воскликнул взволнованно и почти возмущенно:

— Нет! Я не могу обручиться, пока не получу степень. Кто вам говорил, что я обручен?

— Я сказал «практически обручен».

— Нет! Было несколько свиданий. Ну и что? Какое значение имеют одно или два свидания?

— Ну, ладно, Питер, — сказал я спокойно, — которая из девушек была вашей?

— Я же вам говорю, что ничего подобного не было!

Он так старался умыть руки, что, казалось, весь покрылся толстым слоем невидимой мыльной пены.

— Так как же? — спросил я, внезапно обращаясь

к Сюзен. — Останавливался он у вашего стола?

— Он помахал рукой, когда проходил.

— Так было, Пит?

— Не помню, — пробурчал он. — Может, и помахал. Ну и что?

— Ровным счетом ничего…

В душе я пожалел, что Сюзен нагрелась на этой истории. Из-за такого подонка убивать, право, не стоило. Я был уверен, что отныне он не заметит ее, даже если она свалится со второго этажа ему на голову.

Видимо, Сюзен тоже поняла это. Судя по взгляду, которым она одарила Питера, вторым кандидатом на цианистый калий стал он — конечно, если Сюзен останется на свободе, а это, кстати, становилось все более и более вероятным.

Я кивнул Хэтавею, чтобы он увел Пита. Эд встал и сказал:

— Скажите, вы пользуетесь этими книгами? — и указал на полки, от пола до потолка набитые шестьюдесятью томами энциклопедии по органической химии.

Парень посмотрел через плечо и сказал с искренним изумлением:

— Конечно. Это просто необходимо. Господи, что дурного пользоваться Бейльш..

— Все в порядке, — заверил я его, — Давай, Эд.

Эд скривился и увел Питера. Он не выносит, когда его теории лопаются.

Было уже около шести, а я просто не представлял, что еще можно сделать. Налицо имелись только показания Сюзен, никем не опровергнутые. Если бы она была известной уголовницей, мы могли бы вытянуть из нее правду эффективными, хотя и несколько утомительными методами. Но для данной ситуации те процедуры не совсем подходили.

Я повернулся к профессору, чтобы сказать ему об этом, но он, как завороженный, смотрел на карточки, заполненные Эдом Хэтавеем. Вернее, на одну из них, которую он держал в руке. Всегда приятно говорить, что у кого-то там дрожали руки от волнения. Однако видеть такое приходится не особенно часто. Рука же Родни дрожала. Рука дрожала, как язык старомодного будильника.

Он прокашлялся:

— Разрешите мне спросить у нее кое-что. Разрешите…

Я посмотрел на него, потом отодвинул свой стул:

— Давайте! — терять-то было нечего.

Он посмотрел на девушку и положил карточку

на стол, чистой стороной кверху.

— Мисс Мори, — сказал он дрожащим голосом, видимо, намеренно избегая называть ее по имени.

Сюзен взглянула на него. На какое-то мгновение она показалась мне взволнованной, но мгновение прошло, и она снова стала спокойной:

— Да, профессор?

— Мисс Мори, — сказал профессор, — вы улыбнулись, когда меховщик сказал вам, зачем он пришел сюда. Почему вы улыбнулись?

— Я вам уже объяснила, профессор Родни, — ответила она. — Я просто была любезной.

— Может быть, он сказал что-нибудь забавное? Что-нибудь смешное?

— Просто я старалась быть любезной, — твердила она.

— Может быть, его фамилия была смешной, мисс Мори?

— Нет, — безразличным тоном сказала она.

— Здесь никто не упоминал его фамилии. Я сам не знал ее, пока не увидал эту карточку… — И вдруг он воскликнул напряженным голосом: — Какая у него фамилия, мисс Мори?

Она помолчала, потом сказала:

— Не помню.

— Не помните? Но ведь он назвал вам свое имя?

Голос Сюзен сделался напряженным:

— Ну и что из этого? Всего лишь имя. После того, что случилось, нельзя требовать, чтобы я запомнила какую-то иностранную фамилию, которую и слыхала-то один раз.

— Значит, фамилия была иностранная?

Она запнулась и избежала западни:

— Я не помню. Кажется, это была типично немецкая фамилия, но я не помню. Быть может, и просто «Джон Смит».

Должен признаться, я не понимал, чего добивается Родни.

— Что вы пытаетесь доказать, профессор? — спросил я.

— Я пытаюсь доказать, — резко произнес он, — вернее, я доказываю, что когда пришел меховщик, за столом выдачи была Луэлла-Мэри, убитая девушка. Меховщик назвал свое имя Луэлле-Мэри, и поэтому она улыбнулась. Когда он повернулся, то из задней комнаты вышла мисс Мори. Именно мисс Мори, вот эта девушка, в тот момент кончила приготовлять и отравлять чай.

— Вы основываете все на том, что я забыла имя какого-то человека! — закричала Сюзен Мори

— Это постыдно!

— Нет, — сказал профессор. — Если бы вы были у стола выдачи, вы запомнили бы его имя. Вы бы просто не смогли его забыть, если, конечно, были у стола, когда он вошел. — Он взял карточку со стола. — Имя этого меховщика Эрнест и далее Бейльштейн… Бейльштейн!

Сюзен внезапно поникла, как будто ее ударили под дых. Лицо ее стало белым как мел.

Профессор продолжал:

— Ни один работник химической библиотеки не сможет забыть имя человека, который заявит, что его зовут — Бейльштейн! Шестидесятитомная энциклопедия, которую мы сегодня упоминали десятки раз, неизменно называется по имени ее редактора Бейльштейна. Для такого библиотекаря это имя звучит, как Баба-Яга, как Джордж Вашингтон, как Христофор Колумб. Если эта девушка заявляет, что она забыла такое имя, то, значит, она вообще его не слыхала. А не слыхала потому, что не была у стола.

Я поднялся и сурово сказал:

— Ну, мисс Мори, — я тоже опустил ее имя, — что вы можете сказать?

… Наши барабанные перепонки чуть не лопнули от ее истерического вопля. Через полчаса она

во всем созналась.

Перевел с английского Я. Карнаков

♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

Кто же такой Бейльштейн?

— Ни один работник химической библиотеки не сможет забыть имя человека, который заявит, что его зовут Бейльштейн!.. Для такого библиотекаря это имя звучит, как Баба-Яга, как Джордж Вашингтон, как Христофор Колумб, — восклицает в рассказе Азимова профессор Родни.

Воистину так. Имя автора уникального «Руководства по органической химии», вышедшего в конце прошлого века в Лейпциге на немецком языке, хрестоматийно.

«Руководство» Бейльштейиа действительно уникально, причем ие только тем, что сразу же после выхода в свет стало библиографической редкостью, но и тем, что его первые, вышедшие в 1880 году, 28 увесистых томов большого формата, охватывающих 15 000 органических веществ, написаны одним человеком. Это «Руководство» уникально и потому, что в нем описаны практически все известные к концу прошлого столетия

органические вещества, причем с такой тщательностью, что вскоре для химиков-органиков выражение «нет у Бейльштейиа» стало звучать как «не существует в природе»...

Сразу же после выхода в свет «Руководство» Бейльштейна (или просто «Бейльштейн») стало для химиков-органиков настольной книгой, если только можно так говорить об издании, занимающем несколько библиотечных полок. Нужно узнать, получено ли кем-нибудь такое-то вещество — смотри «Бейлынтей-на». Нужно найти способы получения вещества — смотри «Бейльштейна». Нужно подобрать ссылки на литературные источники — смотри «Бейльштейна». Наконец, многие химики пользовались «Бейльштейном» не только как справочной книгой: читая его, они находили пищу для размышлений, черпали в нем новые идеи.

Разумеется, с годами «Руководство» стало устаревать. И тогда появились «Дополнения» к основным томам «Бейльштейна». «Руководство» продолжало расти и после смерти его основателя.

Так кто же такой Бейльштейн?

Федор Федорович Бейльштейн (1838–1906) жил и работал в Петербурге. Им опубликовано до 100 научных работ, касавшихся буквально всех областей химии.

Но в истории отечественной химии с именем Бейльштейна связана и одна из самых больших несправедливостей. Дело в том, что Бейльштейн был избран в Академию наук вместо... Д. И. Менделеева. И это случилось не потому, что Бейльштейн

был кандидатом более достойным, чем его истинно великий конкурент. Каким хорошим ученым ни был создатель фундаментального руководства, с отцом периодической системы элементов ему не сравниться! Но большинство тогдашних академиков были выходцами из Германии, и они враждебно встречали попытки русских ученых положить конец «немецкой» монополии в Российской академии наук. Бейльштейн же принадлежал именно к этой группировке.

Его избрание вызвало громкий скандал. А. М. Бутлеров писал в 1882 году в статье «Русская или только императорская Академия наук?»: «Бейльштейн бесспорно заслуженный трудолюбивый ученый, но отдавать ему в каком-либо отношении первенство перед всеми другими русскими химиками могут только лица, не имеющие ясного понятия о том, как и чем меряются в химии ученые заслуги. Отводя в нашей науке этому Бейльштейну почетное место, вполне им заслуженное, нет надобности понижать для этого ученых, стоящих выше него».

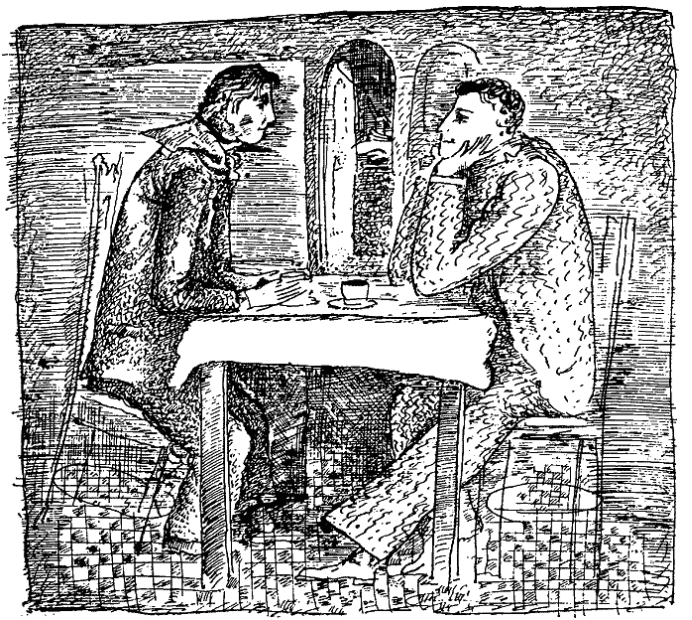
Действительно, имея возможность судить с расстояния минувших десятилетий, мы не можем не признать правоту Бутлерова. Но досадная история почти вековой давности не должна в наших глазах умалять и заслуг Бейльштейна — человека, создавшего труд, которым и до сих пор пользуются химики-органики всего мира.

В. Батраков

№ 6

Дж. Б. С. Холдейн

Добытчики золота



Читателю предстоит узнать о чрезвычайно таинственных событиях. В том числе о приглашении на тайное свидание, о фантастическом способе добычи золота и об интригах загадочного МСЗИР...

Написал этот фантастический детектив Джон Бёрдон Сандерсон Холдейн, прославившийся своими блестящими трудами по физиологии, генетике, биохимии, химии и математике. Впрочем, в Англии Холдейн известен не только как ученый, но еще и как поэт и прозаик.

Об этом удивительном человеке было рассказано в мартовском номере «Химии и жизни» за этот год. Теперь мы предлагаем читателю познакомиться с одним из рассказов Дж. Б. С. Холдейна (на русском языке он публикуется впервые). Вряд ли стоит особенно распространяться о рассказе, который начинается несколькими строками ниже. Заметим одно: Холдейн всегда был верен себе во всем.

Холдейн — общественный деятель был научным консультантом правительства республиканской Испании и одним из организаторов Интернациональных бригад.

Я стремился применить марксизм к научной проблематике современности», — писал Холдейн-ученый в своей книге «Марксистская философия и науки».

И Холдейн-писатель, даже в фантастическом детективном рассказе, оставался верен своему мировоззрению, своей ненависти к грязному миру наживы.

«Добытчики золота» написаны в 1930 году. Время отпечата-

лось на рассказе. Чем-то он перекликается с «Гиперболоидом инженера Гарина», который почти тогда же был написан русским прозаиком Алексеем Толстым. Но даже этот детективный рассказ, события которого, казалось бы, строго локализованы географически, Холдейн закончил фразой:

«Впрочем, несколько очень хороших специалистов по математической физике есть в России, и если большевики освоят этот процесс первыми, покупка каких бы то ни было ценных бумаг будет пустым делом».

О каком процессе идет речь, читатель узнает из рассказа. Это одна из «тайн». Но не скажи Холдейн этого, он не был бы Холдейном.

Борис Володин

В некоторых вопросах я не отличаюсь такой щепетильностью, как мои коллеги. Французский язык знаю, наверное, не лучше, чем большинство из них. Тем не менее я готов без всякого смущения бегло говорить по-французски, не слишком заботясь о грамматике… Поэтому время от времени я устраиваю себе замечательный отдых, читая на этом якобы французском языке курсы лекций в Париже. Все получают от этого удовольствие. Мой университет сознает, что как-то способствует международному сотрудничеству, мне удается

сообщить французским коллегам нечто такое, чего они не знали, и сам я узнаю множество вещей, до того мне неизвестных.

В Германию ехать не имеет смысла, потому что немцы читают все, что только печатается в мире, и с невероятной обстоятельностью публикуют все, что ими сделано, и даже немного сверх того. Французы же пребывают в милом неведении о многих работах, которые ведутся за границей, пока все не начинают поговаривать, что французская наука погружается в застой. Тогда выясняется, что какой-нибудь совершенно неизвестный француз только что открыл что-то в самом деле оригинальное и невероятное — вроде радиоактивности или волновой механики — и что по сравнению с этим открытием теория Эйнштейна выглядит простенькой, как дважды два.

Я не стал бы писать все это предисловие, если бы собирался публиковать все последующее в «Химической газете» или «Британском физическом журнале», как я первоначально предполагал сделать. Но читатели этого журнала, возможно, будут недоумевать, что я делал 28 июня 1930 года в II часов вечера на улице Кюжа, и почему человек без передних зубов мог знать, кто я такой; кроме того, им, может быть, неизвестно, что

я действительно кое-что понимаю в волновой механике и в ее применении к химии…

Так вот, поясняю: улицы, прилегающие к Сорбонне, обычно заклеены афишами, приглашающими на лекции, а мой портрет был напечатан в «Иллюстрасьон» с перевранной биографией. В тот день я только что прочитал шестую, последнюю лекцию и выпил после этого с моими французскими коллегами изрядное количество жидкого пива в кафе «Суффле». За соседним столиком один из их учеников играл в триктрак с девицей, профессия которой не вызывала никаких сомнении. Я еще подумал, что в Оксфорде или Кембридже такая сцена невозможна.

…Человек без передних зубов был очень оборван и выглядел голодным. Он подошел ко мне и довольно невнятно сказал:

— Если вам дорога наука, прочтите это… Если же вы захотите узнать больше, следуйте за мной.

Он скользнул в темный подъезд и стоял там, пока я под фонарем разглядывал бумажку, которую он мне сунул.

Это была первая часть волнового уравнения углерода, или, точнее, система из 42 дифференциальных уравнений, которые позволяли бы предсказать поведение этого элемента, если бы удалось их решить. Но уравнения были записаны неизвестными мне символами и наверняка еще не были опубликованы. Конечно, какой-нибудь попрошайка мог попытаться, чтобы выманить меня, воспользоваться известными уравнениями, переписав их где-нибудь, но он никак не мог бы их так переработать. В этом было действительно что-то странное, а я как раз изучаю всякие странные явления в физической химии; и странные явления в жизни тоже вызывают у меня любопытство. Я пошел за ним.

— Бар «Прогрэ», Порт-де-ля-Вилетт, в полночь, — шепнул он и сделал мне знак уходить. Было ясно, что он чем-то сильно напуган.

До полуночи оставался час. Я чувствовал, что мне предстоит нечто необычное. Убедившись, что за мной не следят, я зашел в кафе «Даркур» и написал записку своему другу Берто, в которой излагал происшедшее и просил в полдень позвонить мне в гостиницу, а если меня там не окажется — сообщить в полицию. Потом сел в метро и поехал в сторону Порт-де-ля-Вилетт —

окраины Парижа, которую раньше видел только на карте и о которой знал лишь одно: что она расположена поблизости от городских боен. Я не был так спокоен, как мне бы хотелось; понял я это, когда, войдя в вагон, обнаружил, что закурил сигару: забыл, что в парижском метро нет купе для курящих… Это меня всегда раздражало.

Бар «Прогрэ» был погружен в полутьму, но зловещего там я ничего не приметил. Он в точности походил на тысячи других баров. За таким же цинковым прилавком сидела такая же толстая дама, позади нее — то же поразительное разнообразие бутылок, тот же официант чахоточного вида. В глубине столик с двумя стульями. Один из сидящих виден из дверей, другого заслоняет перегородка. До полуночи оставалось всего несколько минут, я вошел, заказал кофе с коньяком и сел лицом к двери. Кроме меня в баре был всего один посетитель, безобидный с виду шофер.

Ровно в полночь вошел мой приятель с улицы Кюжа и, не говоря ни слова, сел напротив меня. Я заказал и для него кофе с коньяком и в течение следующего часа время от времени повторял этот заказ. Я заметил, что недостающие зубы были только одним из последствий страшной раны в лицо; шрам выглядел старым: похоже было, что

он остался со времен войны. Почти час этот человек говорил тихо и очень быстро, я с трудом его понимал. Он явно пребывал в состоянии крайнего ужаса, но не того ужаса, который испытывает новобранец под первым обстрелом. Это было гораздо более безысходное ощущение старого солдата, понимающего, что человеческой стойкости есть предел… Вот что он мне рассказал.

— Вы слышали, что случилось с Эженом Галуа?

Я старался быть вежливым.

— Знаю, что он был признан виновным в убийстве и сослан на Чертов остров… Но не могу поверить, чтобы он убил своего коллегу ради денег. Это такой же крупный математик, каким был в прошлом веке его однофамилец. Может быть, он совершил crime passionel[18]? Такое со всяким может случиться. Но из корыстных побуждений преступление совершают, если человек только и думает, что о деньгах. А он был слишком занят локсодромными группами. Я слышал, что кое-кто пытается добиться пересмотра дела. Если могу чем-нибудь помочь, я готов.

— Я рад, что вы так думаете о Галуа, — сказал мой собеседник, — но теперь уже поздно. На

---

[18] notes: 18

Преступление, совершенное в состоянии аффекта *(фр.).* — **Прим. перев.**

прошлой неделе Галуа умер. Он — мученик. Я говорю это вам, потому что он умер. Он напал на величайшее изобретение после первой паровой машины. И его убили. Потому что он слишком много знал. Если вы меня выслушаете, то, может быть, перевернете мировую историю. И можете стать самым богатым человеком на Земле. Но скорее всего, и вас убьют. Если вас увидели со мной, такое вполне может случиться. Так что если боитесь — лучше вам немедленно уйти.

Не стыжусь признаться, мне стало страшновато. Но с 11 ноября 1918 года[19] со мной не случалось никаких приключений, кроме чисто интеллектуальных. Кроме того, я человек гордый.

— Продолжайте, — сказал я.

Он продолжал.

— Галуа был гений. Вы это знаете. Но, может быть, вы не представляете себе, как обширны были его интересы. Он очень остро чувствовал, что все зло в мире происходит оттого, что научными достижениями пользуются люди, чуждые науке. «Мы дали человечеству невиданные возможности управления веществом, — говорил

---

[19] notes: 19

11 ноября 1918 года — день окончания первой мировой войны, — **Прим, перев.**

он, — а нам предлагают современную войну и обслуживающую ее промышленность». Поэтому он решил применить свои научные идеи так, как считал нужным он, а не финансисты. Против финансистов у него был особенный зуб…

Волновая механика означает новую эру в химии, это он понимал. У него были кое-какие средства, и когда напечатали его последнюю статью, он переехал в деревню и рассчитал там волновые уравнения для атома золота. Вы понимаете, какой это гигантский труд. Человек, способный это сделать, за один вечер легко рассчитает орбиту новой планеты в кафе под звуки оркестра…

Он купил коттедж и оклеил стены белыми обоями. Переходя со стремянкой из комнаты в комнату, он все их исписал расчетами. Конечно, исписал и множество записных книжек, но для самых важных результатов, говорил он, нужны стены — так легче разыскивать. Полтора года он работал по восемь часов в день и в конце концов выписал самую суть в одну записную книжку. Я ее видел — вы скоро узнаете, почему ее у меня нет. Еще полгода спустя он выяснил, что золото должно иметь большое и до сих пор никем не заподозренное сродство к определенному классу

органических соединений. Тогда он связался с Рикье — химиком-органиком, который учился с ним в Эколь Нормаль, и Рикье синтезировал одно такое соединение. Они показали, что метод их применим в лабораторном масштабе, и потом обратились ко мне.

Моя фамилия Мартен, но это неважно. Не думаю, что мне осталось долго жить. Я был химиком-технологом в Нантере и дружил с Рикье. Мы вместе поехали в Сент-Леокади, маленькую деревушку на морском берегу, неподалеку от устья Роны, — там большая лагуна. Мы занялись выпаркой соли. Соль получалась скверная, хотя нам удавалось ее продавать. Но не это для нас было главное. Вы знаете, что в морской воде есть золото, хотя и не очень много. Когда вы выпариваете морскую воду, большая часть соли кристаллизуется и остается густой раствор, в котором содержится и сернокислый магний, и много еще всякой всячины. Почти все золото находится именно в нем, и под солнцем Южной Франции он легко упаривается. Большую часть оставшихся солей можно выкристаллизовать, почти не теряя золота. Тогда в рассоле получается уже около одной части золота на двести тысяч. Это довольно много. Золотой песок приносит

прибыль, когда в нем только одна часть золота на миллион… Вы берете этот рассол и добавляете в него примерно восемь частей на миллион того соединения, которое получил Рикье, — мы назвали его ауроном.

Я не знаю, что оно собой представляет; оно светло-голубого цвета и делается из сапонина. По-моему, в молекуле у него два пиррольных цикла. Вы оставляете смесь на час, потом продуваете через нее воздух. Это голубое вещество реагирует с золотом и дает соединение красного цвета. Оно поверхностноактивно и собирается в пене, которую легко сдуть. Потом вы высушиваете пену, добавляете немного кислоты — и выделяется золото. Голубое вещество можно использовать много раз, но на каждой операции мы теряли примерно пять процентов.

Моей заботой были резервуары, где через смесь продувался воздух, Рикье готовил аурон, а Галуа занимался сбытом. За варницами присматривали несколько местных жителей; мы выбрали их из тех, кто казался поглупее, и я был их бригадиром. Начали мы работу в январе 1929 года, но только к маю наладили процесс и до сентября добыли золота примерно на четыре миллиона франков. Большая часть пошла на

уплату долгов, но чистой прибыли оставалось что-то около миллиона. Что делать с деньгами, мы, конечно, решили еще раньше, до того, как все началось. Все мы были в какой-то степени идеалистами. Нужно быть идеалистом, чтобы в наше время заниматься наукой во Франции, где заслуженный профессор получает триста фунтов в год. Нашей ближайшей целью было добыть миллиард франков и вложить их в науку, чтобы хороший научный работник получал столько же, сколько получает хороший инженер или врач, и еще оставалось бы на аппаратуру. Конечно, думали мы в первую очередь о Франции, Бельгии и Италии, где научным работникам платят хуже всего. Но не забывали и о Германии, и некоторые наши планы касались даже Англии и Америки. Теперь-то с этим покончено… Если вам удастся то, что не смогли сделать мы, не забудьте о французской науке!

— Не забуду, — сказал я.

— Мы рассчитывали, что несколько сот миллионов франков сможем получить, не привлекая к себе внимания, но, конечно, понимали, что до бесконечности это продолжаться не может. И на этот случай у Галуа был свой план. Он считал, что в мире добывается слишком мало золота; раз

золотой запас растет медленнее, чем остальная продукция, это порождает падение цен и безработицу. Сейчас мы и наблюдаем этот процесс. Если бы мы делали золото слишком быстро — скажем, по 30 миллионов франков в год, — то цены поднялись бы, и весь мир стал бы таким, как Франция или Германия после войны. Идея Галуа заключалась в том, чтобы получать как раз столько золота, сколько нужно для поддержания цен на постоянном уровне.

Так вот, все шло гладко до конца августа прошлого года. И тут я получил из Парижа письмо, написанное на машинке. Обратного адреса на нем не было, но подпись стояла: Международный союз защиты интересов рантье (МСЗИР). В письме было примерно следующее:

«Уважаемый сэр,

поскольку в будущем Ваша деятельность может причинить нам неудобства, мы имеем честь предложить Вам доход в 200000 франков в год, если Вы ее прекратите. Вашим коллегам сделано такое же предложение. В случае прекращения Ваших занятий плата за первый квартал будет через неделю переведена на адрес Вашей матери. В доказательство серьезности наших добрых

намерений прилагаем чек на 10000 франков.

Если наше предложение не будет принято в течение недели, мы будем вынуждены предпринять шаги к уничтожению предприятия, партнером в котором Вы являетесь».

Десять тысяч франков произвели на меня впечатление; еще больше поразило, что три дня спустя, когда я хотел перечитать письмо, бумага рассыпалась в порошок. Я химик и могу себе представить, что этого добиться не так-то просто, хотя и возможно. Отсюда следовало, что в распоряжении наших врагов не только деньги, но и знания. А то, что они уничтожили эту улику, означало, что их угрозы могли оказаться серьезными.

Мы обсудили сложившуюся ситуацию. Мои товарищи тоже получили подобные письма. К несчастью, они возражали против того, чтобы обратиться в полицию, потому что не хотели раскрывать нашу тайну. Галуа полагал, что этот МСЗИР и есть то, за что он себя выдает: организация финансовой группы, заинтересованной в поддержании курса определенных бумаг, которые понизились бы в цене, если бы мы наводнили мир золотом. Мы же с Рикье считали — и, как выяснилось потом, оказались правы, — что за этим МСЗИРом стоит группа золотодобывающих компаний.

Я так и не знаю, как им удалось раскрыть наш секрет. Золото мы с Галуа отвозили на машине в банк, в Сетт. Может быть, кто-нибудь там заподозрил и выследил нас…

Мы решили не обращать на все это внимания, но позаботились о защите. У каждого появилось по автоматическому пистолету, а Рикье изготовил изрядное количество слезоточивых бомб. Оборонять нашу «фабрику» было легко, к тому же мы установили сигнализацию, а во дворе бегали две очень нервные собаки. Галуа и Рикье были энтузиасты, а я смерти не очень боюсь. Вы видите, как меня покалечило на фронте.

Он поднял свои длинные и довольно грязные волосы, и я увидел, что, кроме зубов, он лишился еще и левого уха.

— Тогда у меня были вставные зубы; недавно я их заложил, чтобы было на что жить. Но с 1916 года меня постоянно мучает боль, так что жизнь не кажется мне такой уж привлекательной — даже если за мной никто не охотится.

К концу сентября у меня на шее вскочил нарыв, и пришлось на два дня лечь в больницу, чтобы его вскрыли. Удар был нанесен, когда я отсутствовал. Рнкье нашли убитым у дверей фабрики. Два швейцарских туриста присягнули, что они видели, как Галуа в ссоре застрелил его. Пули подходили к пистолету, который, как присягнул один оружейник из Марселя, Галуа купил у него; пистолет был найден около трупа. Потом появилось еще несколько свидетелей, под присягой давших самые невероятные ложные показания. Все это сделало обвинение очень убедительным. Почти одновременно некий чилийский миллионер по имени Фернандец предъявил Галуа иск на шесть миллионов франков: он утверждал, что деньги были одолжены у него на разработку технологии извлечения золота из морской воды. Он представил множество поддельных документов.

Как вы знаете, суд объявил Галуа мошенником и убийцей. Я разыскал его защитника, предложил дать показания, но он думал, что это будет бесполезно, и я затаился.

Но МСЗИР нашел меня. Однажды вечером, когда я возвращался домой, на меня неожиданно напали трое… Я не хотел стрелять, чтобы меня не посадили в тюрьму, — так, наверное, и произошло бы. Мне удалось бросить в них слезоточивую бомбу, и пока они плакали, я убежал. Но с тех пор я скрываюсь. Нашу фабрику в счет долга получил Фернандец, ему, наверное, достались и наши записи, и около килограмма аурона.

Защитник Галуа даже после осуждения продолжал в него верить. Он обнаружил некоторые странные факты: выяснил, что и Фернандец и один из тех швейцарцев связаны с определенной золотодобывающей группой…

На этом разговор наш прервался: в этот момент я заметил летящую в меня гранату. До сего момента я никак не мог решить, правду ли говорит мсье Мартен или просто он очень искусный выдумщик. У меня вначале было подозрение, что он вот-вот попросит взаймы сто франков… И я даже чувствовал, что полученное мною от рассказа удовольствие стоит того, и собирался дать ему

сто пятьдесят; ведь красивое вранье — редкий талант, который надо поощрять!

Однако граната убедила меня, что он говорит правду.

Но сначала она отбросила меня на тринадцать лет в прошлое. Тем, кто ее швырнул, не повезло: метание гранат во время войны было моей специальностью. Я — один из тех немногих, кто на протяжении девяти месяцев обучал гранатометчиков, не имея ни одного несчастного случая. Время от времени, чтобы продемонстрировать свое искусство, мы ловили брошенные гранаты и бросали их обратно или, вернее, вбок из окопа. Обычно этим занимался мой одноглазый и почти всегда нетрезвый сержант, но иногда и я. Правда, должен признаться, что мы заранее удлиняли дистанционную трубку. Если у вас хорошее чувство времени, это не опаснее, чем переходить дорогу с оживленным движением, но на зрителей производит большое впечатление. Один идиот сделал по поводу нас даже запрос в парламенте и добился, чтобы нам запретили так развлекаться.

Теперь граната была с длинной деревянной ручкой, по-моему, немецкой модели, дистанционная трубка у нее устанавливается на пять секунд. За дверью кафе я успел заметить двух

человек в автомобиле: один сидел за рулем, другой, очевидно, был тот, кто только что бросил гранату. Автомобиль медленно отъезжал. Я прикинул, что взрыв последует через три секунды. Граната летела прямо мне в чашку; я схватил ее за ручку и кинулся к двери. Человек, стоявший в автомобиле, ждал, что я выбегу, и выстрелил. Но он не ожидал, что я брошу гранату обратно, и поэтому промахнулся. Добежав до двери, я аккуратно забросил гранату в автомобиль, который уже набирал скорость, и бросился ничком на землю, как обычно делал, когда попадал под пулеметный обстрел.

Граната взорвалась. Человек с револьвером — он пытался выскочить из машины — упал. Водителя взрывом подбросило в воздух. Его тело, странно согнутое, упало обратно в машину, которая налетела на фонарный столб и вспыхнула. Я вскочил и побежал. Сзади поднималось пламя от горящего автомобиля. Стараясь двигаться медленно, я вышел на соседнюю улицу. Мартена видно не было, и меня никто не преследовал. Мне повезло. Несколько минут спустя я сел в омнибус, идущим к Шатле, — один из тех, что ходят всю ночь с часовыми промежутками; я сошел на предпоследней остановке и кружным путем

добрался до гостиницы.

В гостинице я некоторое время размышлял о своих приключениях. Признаюсь, я надеялся, что человек, лежавший на тротуаре, убит. Тогда не останется никого, кто бы меня видел с Мартеном, и передо мной открывается возможность стать современным Мидасом. Но сейчас предпринять я ничего не мог и через полчаса заснул.

На следующее утро, проснувшись в десять часов, я пришел к выводу, что нужно немедленно смыться в Англию. Одевшись, я позвонил Берто и сообщил, что все в порядке, но мне нужно срочно покинуть Париж. Я попросил его помалкивать и пообедать со мною в час. Потом я поехал в банк и взял со счета две тысячи франков, чтобы заплатить за гостиницу и билет на поезд.

Выйдя из банка, я купил «Пари-Миди», которая посвятила происшествию в баре «Прогрэ» целую колонку. Человек в автомобиле был мертв. Другой человек, — вероятно, тот, у кого был револьвер, — находился в больнице с раной в плече и сломанной челюстью. Официант видел, как я бросал гранату, но как граната влетела в бар, как будто не видел никто. К счастью, официант описал меня очень приблизительно.

Я поехал за билетом на Северный вокзал. Вы-

ходя оттуда, заметил, что на меня внимательно посматривает человек с черными усами и в шляпе. Я сел в такси и велел шоферу ехать в ресторан, где меня ждал Берто. Разговаривал я с шофером довольно тихо, так что подслушать меня не могли. Человек с усами сел в другое такси, и я увидел, что он едет за мной. Мне не хотелось впутывать Берто в эту историю, кроме того, хотелось убедиться, действительно ли меня выслеживают. Поэтому вместо того, чтобы ехать в этот ресторан, я велел шоферу повернуть к Люксембургскому вокзалу.

Помню то время, когда лондонское метро работало на паровой тяге. Тем из читателей, кто с грустью вспоминает эти романтические дни, я рекомендую прокатиться по железной дороге Со-и-Лимур — пригородной ветке, которая начинается на Люксембургском вокзале и проходит через необыкновенно длинный туннель, всегда полный удушливого дыма. Я купил билет до маленькой станции Масси-Веррье. Мой преследователь не отставал. Я сел в самое набитое купе, какое только удалось найти. Он сел туда же. На первой остановке, у вокзала Пор-Рояль, я выскочил и сквозь дым помчался наверх по лестнице. Мой неизвестный друг последовал за мной. Но

тут мне повезло. У станции стояло одно — только одно — такси. Я сел в него и велел шоферу ехать к Институту Пастера. На случай, если этот усатый откроет огонь, я весь сжался на сиденье, чтобы ему труднее было попасть. Но стрелять он не стал. Поворачивая за угол, я оглянулся и увидел, что он бежит за нами. Не знаю, где он окончательно потерял нас из виду, но входя в метро на бульваре Пастера, я увидел, как к станции с бешеной скоростью подкатило такси.

С этой станции уехать можно по четырем направлениям, и если он еще следил за мной, то, вероятно, сел в другой поезд… Сделав в метро несколько пересадок, я с большим опозданием приехал в ресторан. Берто еще ждал меня. Я сказал ему, что меня преследуют убийцы и что я намерен скрываться. Поскольку я отказался последовать его совету и обратиться в полицию, он, по-моему, решил, что за мной гонится чей-то разъяренный супруг. Вот и имей дело с этими романтиками!

Возвращаться к себе в гостиницу я не собирался, потому что, если они знали, кто я, они могли следить за гостиницей. Я попросил Берто заехать за небольшим чемоданом, куда уже уложил самую необходимую одежду и бритвенный прибор.

Он должен был сказать, что за остальными вещами я заеду позже. Я как раз кончал обедать, когда он вернулся. В надежде, что мои враги следят только за поездами, направлявшимися на запад, я решил бежать в противоположном направлении: на Восточном вокзале купил билет до Берна, рассчитывая оттуда добраться до какого-нибудь аэродрома Германии и улететь домой.

Уже покупая билет, я заметил, что меня снова пристально разглядывает какой-то человек; вот он вошел в телефонную будку… Тем не менее до Бельфора я добрался без всяких происшествий; в номере «Суар», который я там купил, мне попались два очень неприятных сообщения. Человек со сломанной челюстью сообщил свое имя. Было оно, вероятно, вымышленным, но это означало, что он может говорить… На той же странице был напечатан часто встречающийся заголовок: «Самоубийство неизвестного!». Этого неизвестного нашли висящим на лесах строившегося в одном из пригородов кинотеатра; у него не было левого уха и передних зубов. При нем ничего особенного не нашли, кроме записки, где было написано, что «с него хватит».

Значит, добрались и до Мартена. Может быть, они даже заставили его перед смертью открыть

мое имя… Я был намерен сделать все, чтобы вырваться из этой петли.

В Бельфор я приехал ночью. Когда поезд подходил к платформе, я увидел того человека, который гнался за мной сегодня утром, и еще двоих. Очевидно, они прилетели в Бельфор самолетом. Возможно, я был несправедлив к усачу, но после всего, что произошло за последние двадцать часов, я питал против него некоторое предубеждение. И хотя я не знал, собирается ли он меня убить или только передать полиции за убийство своих друзей, у меня не было ни малейшего желания убедиться в его намерениях на опыте. Уверенный, что меня еще не увидели, я быстро вышел из купе, прежде, чем поезд остановился, и заперся в туалете вагона… Чемоданчик я успел взять с собой: оставалась еще надежда, что преследователи не знают моего имени.

Мне опять повезло — через пять минут после того, как мы отъехали от Бельфора (иначе я был бы уже мертв и не мог бы сейчас все это писать) поезд притормозил и остановился — не на станции, потому что огней не было видно. Я выскочил из своего убежища, открыл дверь на левой стороне площадки и выпрыгнул из поезда, который тут же тронулся. Кто-то два или три раза в меня

выстрелил, но не попал: вероятно, потому, что поезд уже двигался, а до меня было метров пятнадцать. Потом меня заслонил встречный поезд, который, очевидно, мы и пережидали. Я бежал, не останавливаясь, и скоро добрался до дороги…

И здесь мне снова повезло. На переезде стоял грузовик, ожидая, когда путь освободится. Я попросил шофера меня подвезти. Оказалось, грузовик едет из Страсбурга в Лон-ле-Сонье и везет домашнее имущество субпрефекта. За сто франков шофер согласился довезти меня до Безансона, где он собирался переночевать. Я подозревал, что за мной следует погоня, и на всякий случай сказал шоферу полуправду. Мне показалось, что он тоже «романтик», в самом плохом смысле этого слова. (Говорят, у моряков есть жены во всех портах, но порты бывают только на берегах морей, рек и каналов, а грузовики в цивилизованных странах разъезжают по всем городам, и поэтому профессия шофера особенно благоприятствует людям, расположенным к полигамии.) Я сообщил ему, что у меня страстный роман с любовницей миллионера, что я уговорил ее бежать в Швейцарию. Разъяренный миллионер гонится за мной и уже пытался убить в поезде. Вполне возможно, он или кто-нибудь из его подручных преследуют

меня на машине… Я хочу спрятаться среди вещей субпрефекта. Еще пятьдесят франков — и я получил место под столом на скатанных коврах. Шофер накрыл меня брезентом, и мы двинулись.

Во время войны я порядочно поездил на грузовиках и знал, что у меня будет отнюдь не ложе, усыпанное розами. Но этот грузовик был особенно старый и тряский! Я снизу уперся в крышку стола, стараясь избежать ударов по голове: но все равно десять минут спустя у меня голова была вся в шишках и все тело болело. Тут грузовик остановился со скрипом тормозов и взрывом ругательств.

Французский язык мало приспособлен для ругани. Теологические проклятья бесполезны против людей, которые все почти теперь стали рационалистами, да и в прежние религиозные дни про себя уважали дьявола. А термины из анатомии или физиологии, которые привели бы в ужас англо-сакса, представителю латинской расы нипочем. Поэтому словарь оскорблений во Франции ограничивается в основном односложным ругательством, которое произнес маршал Камброн при Ватерлоо. Это слово так и носилось взад и вперед, пока мой спаситель отрицал какую бы то ни было встречу со мной, не говоря уж о помо-

щи. Он даже применил этот термин к пятидесяти франкам, которые ему предложили, чтобы он дал заглянуть под брезент; он даже что-то помянул про полицию. Я услышал голоса еще двух людей и вытащил свое единственное оружие — большой перочинный нож, не столько надеясь спасти с его помощью свою жизнь, сколько следуя принципу, провозглашенному Макбетом: «Пока живых я вижу, лучше буду их убивать». Я шотландец, как и Макбет, и решил, в случае крайности, кинуться на одного из нападающих.

Спор продолжался, но слов я не мог расслышать. Наконец мой спаситель разразился своей последней тирадой. «Ах, вы, типы несчастные…» — начал он, и тут я услышал звук отъезжающего автомобиля. Они передумали. В конце концов, нельзя же с оружием в руках обыскивать всех упрямых шоферов департамента…

К тому времени, когда мы приехали в Безансон, я был весь в синяках и кое-где у меня сочилась кровь. Шофер поставил мне хорошую порцию коньяку, за которую заплатил сам, видимо из чувства солидарности, и рассказал, что люди в машине встретились ему еще раз — они ехали обратно в Бельфор. Значит, моя жизнь была как будто спасена.

На рассвете шофер разбудил меня. Я снова отказался сидеть в кабине, но теперь устроился поудобнее и не очень трясся. По моей просьбе грузовик остановился на пустынной дороге недалеко от Полиньи; я продолжал держаться своей романтической версии и сказал, что собираюсь дойти пешком до швейцарской границы — до нее оставался хороший дневной переход. На самом деле у меня был иной план. Я пошел в противоположную сторону, направляясь к центру Франции.

По дороге я раздумывал над своим положением. МСЗИР, вероятно, считает, что Мартен знал секрет изготовления аурона и сообщил его мне. Во всяком случае, я знаю достаточно, чтобы следовало меня прикончить. Пока они думают, что, убив меня, смогут сохранить тайну, они будут пытаться это сделать. Поэтому я избираю самый безопасный, хотя и не самый доблестный путь. Я публикую все, что узнал о добывании золота из морской воды, и надеюсь, что этот рассказ будет опубликован одновременно в Англии и Америке — и в журналах, где обычно печатается художественная литература. Многие из читателей подумают, что все это вымысел. Но если меня убьют или посадят в тюрьму по ложному

обвинению, как Галуа, это будет для всего мира подтверждением, что я написал правду.

Даже МСЗИР не может прочесать, разыскивая меня, всю Францию, хотя они, наверное, навели на мой след французскую полицию. Но они несомненно следят за французскими границами, английскими портами и даже за моим университетом. Возможно, они даже просматривают почту моих друзей. Но вряд ли они могут предположить, что я опубликую самое важное в практическом отношении открытие века в популярном журнале!

Я пишу это в маленьком овернском городке, куда прибыл через неделю после того довольно-таки бурного дня. Я сделал все, что мог, чтобы скрыть, кто я такой: спорол со своей одежды все метки и инициалы, сжег паспорт и сменил чемодан на рюкзак. Даже срезал на себе все пуговицы и пришил вместо них французские. В шитье я не очень силен: исколол все пальцы, и пуговицы держатся ненадежно… Зато у меня растет замечательная борода. Кроме того, за свою бритву я выручил десять франков.

В Клермон-Ферране я купил французско-датский словарь. Буду странствовать по Франции, пока хватит денег, и даже попробую немного под-

работать. Вчера я уже заработал пять франков: помог владельцу сломавшейся машины донести чемодан до ближайшей деревни.

Написать в Англию, чтобы мне прислали денег, я не решаюсь: если письма, которые получают мои друзья, кем-то просматриваются, это может раскрыть мое инкогнито. Кроме того, наверное, я не смог бы получить деньги, не удостоверив свою личность.

Если я не найду работу, моих денег хватит самое большее на месяц. Как только они подойдут к концу, собираюсь воспользоваться самой доступной бесплатной квартирой — тюрьмой. Меня, конечно, могут посадить где угодно за отсутствие документов, но план мой состоит в том, чтобы поехать в Амбер, напиться и дать себя арестовать. Потом я выдам себя за уроженца Исландии, потерявшего паспорт. Вероятно, тут появится местный датский вице-консул[20]. Я три месяца проработал в копенгагенском Институте теоретической физики и знаю достаточно по-датски, чтобы крепко ругаться. Кроме того, я знаю несколько слов из современного исландского диалекта и по два часа в день изучаю свой сло-

---

[20] notes: 20

Исландия стала полностью независимой от Дании только в 1944 году. — **Прим, перев.**

варь. Так что я назовусь там мистером Торгримом Магнуссоном, ярым сторонником независимости Исландии, который терпеть не может датских должностных лиц, как своих угнетателей. Надеюсь, что сумею наговорить консулу достаточно неприятностей — Дания откажется принять меня, а французы оставят в тюрьме. Конечно, меня не очень прельщает перспектива принудительных работ, но это лучше, чем то, что случилось с Галуа, Рикье и Мартеном. К тому же заключенным во Франции, кажется, разрешают курить.

Сразу же после опубликования этого рассказа я обращусь к своим родным и друзьям с просьбой предпринять все возможные шаги, чтобы меня выпустили. Я открою также свое подлинное имя. Но если в тюрьмах Оверни не будет обнаружено ни одного заключенного по имени Торгрим Магнуссон, это будет означать, что и меня постигла судьба Мартена. Вчера я увидел одного человека, который, как мне показалось, наблюдает за мной; я прибавил шагу и скрылся… Но не могу поверить, что агенты МСЗИР рассыпаны повсюду: наверное, его просто поразил мой оборванный вид.

Что будет после того, как этот рассказ появится в печати, я не знаю. Соперничать с Галуа я не собираюсь и не буду пытаться делать золото. Я

даже не поеду к морю в отпуск. Очевидно, если бы я знал формулу аурона и собирался использовать этот метод, я бы держал при себе большую часть того, что здесь рассказал. За мной, конечно, будут следить, но я считаю МСЗИР достаточно разумной организацией и думаю, что они не будут пытаться меня убить. Они будут надеяться, что все воспримут этот рассказ как хитроумную уловку профессора, пытающегося объяснить позорный случай ареста в пьяном виде. Однако надеюсь, кто-нибудь поверит, что все это чистая правда, и лет через десять производство по методу Галуа будет где-нибудь налажено. Я верю в это и буду очень рад, если людям, убившим Галуа и его друзей, придется шарить по помойкам в поисках пропитания. Группа хороших математиков может проделать все нужные расчеты года за четыре. Так что я рекомендую всем читателям лет через шесть начать понемногу сбывать свои акции золотодобывающих компаний и ценные бумаги с твердой процентной выплатой и вместо них покупать акции промышленных предприятий.

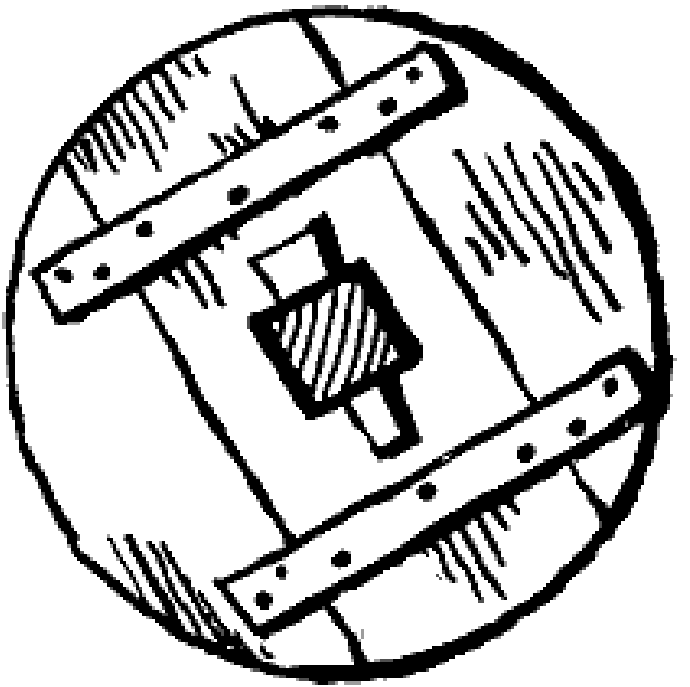
Впрочем, несколько очень хороших специалистов по математической физике есть в России, и если большевики освоят этот процесс первыми,

покупка каких бы то ни было ценных бумаг будет пустым делом.

Перевод с английского А. Иорданского

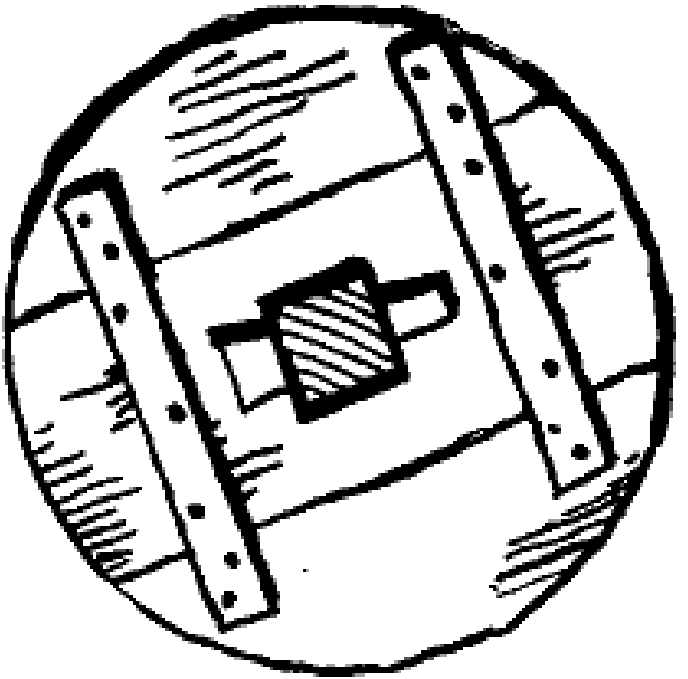
Рисунки Ю. Ващенко

№ 7



Джон Уиндем

Колесо



Сказка

Старик уселся на табуретке поудобнее и прислонился спиной к побеленной стене. Когда-то он сам тщательно обтянул сиденье заячьей шкуркой, ибо он был страшно худ — кожа да кости. То, что это его личная табуретка, на ферме знали решительно все. Табуретка была удобна, солнце припекало, ремни, из которых он собирался плести кнут, выскользнули из скрюченных пальцев, пальцы замерли, и он стал клевать носом.

Двор был пуст — лишь куры рылись в пыли, причем скорее из любопытства, чем в расчете отыскать зерно, но привычные звуки свидетельствовали о присутствии других обитателей фермы, которые в отличие от старика права на послеобеденный отдых не имели. Из-за дома время от времени доносилось шлепанье пустого ведра по воде в колодце, сменявшееся царапаньем, когда полное ведро тянули наверх и оно цеплялось за сруб. Из сарая, что на другом конце двора, слышались монотонные ритмичные удары.

Голова старика упала еще ниже — он задремал.

Вдруг за грубой оградой фермы раздались новые звуки, становившиеся по мере приближения все более громкими. Что-то громыхало, дребез-

жало и к тому же еще пронзительно скрипело. Старик был глуховат, и новый шум его сначала не обеспокоил. Потом он открыл глаза и, поняв, откуда доносится скрип, выпрямился, изумленно уставясь на ворота. Скрип стал еще громче, и над оградой появилась мальчишечья голова. Мальчик улыбнулся старику, его глаза восторженно сверкали. Ничего не сказав, он еще быстрее зашагал к воротам и вошел во двор, с гордостью волоча за собой ящик, поставленный на четыре деревянных колеса.

Старик вскочил с табуретки, в каждом его жесте засквозила тревога. Обеими руками он замахал на мальчика, как бы гоня его прочь. Тот остановился. Восторг и гордость на его лице увяли. Он с удивлением смотрел на старика, так настойчиво гнавшего его обратно. Пока он стоял в недоумении, старик, продолжая одной рукой подавать ему тот же знак, прижал указательный палец другой руки к губам и заковылял навстречу. Мальчик наконец повернул назад, нерешительно и неохотно, но было поздно. Стук в сарае прекратился. На пороге появилась пожилая женщина. Ее рот был распялен, будто она громко кричала, хотя ни звука из него не вырывалось. Нижняя челюсть бессильно отвисла, глаза, казалось, вы-

лезали из орбит; наконец она перекрестилась и завизжала.

Визг разорвал послеполуденный покой. Тотчас за домом со звоном упало ведро, и из-за угла выглянула молоденькая девушка. Ее глаза расширились. Тыльной стороной левой ладони она зажимала себе рот, правой рукой — крестилась.

Какой-то юноша показался в воротах конюшни и застыл, пригвожденный к месту.

Еще одна молодая женщина выбежала из дома, за ней маленькая девочка. Женщина остановилась так резко, как будто налетела на что-то. Девочка тоже замерла, не понимая причины всеобщего ужаса, и уцепилась за материнскую юбку.

Под их взглядами мальчик окаменел. Он переводил взгляд с одного искаженного ужасом лица на другое, пока не встретился с глазами старика. То, что он в них увидел, по-видимому, его подбодрило, вернее, внушило меньший страх. Он судорожно проглотил слюну. И когда мальчик заговорил, голос его вздрагивал от подступавших слез.

— Дедушка, что случилось? Чего они на меня так смотрят?

Пожилая женщина ожила, словно его голос

разрушил колдовские чары. Она схватила прислоненные к стене сарая вилы. Нацелив острия на мальчика, стала медленно заходить, между ним и воротами. Она сказала жестко;

— Марш! Марш в сарай!

— Но, ма… — начал мальчик.

— Не смей меня так называть! — крикнула она.

В резких чертах ее лица он прочел нечто похожее на ненависть. Лицо мальчика скривилось, и он зарыдал.

— Марш! — гневно повторила она. — Туда!

Мальчик — олицетворение недоумения и горя — попятился. Затем внезапно повернулся и кинулся в сарай. Мать захлопнула за ним дверь и задвинула засов. Смерила взглядом остальных, как бы бросая им вызов. Юноша молча скрылся в сумраке конюшни. Обе девушки тихонько ушли, захватив с собой девочку. Остались только женщина и старик.

Оба молчали. Старик стоял неподвижно, пристально рассматривая ящик на колесах. Неожиданно женщина закрыла лицо руками. Она тихонько стонала, покачиваясь из стороны в сторону, а слезы так и текли сквозь пальцы. Старик обернулся к ней. Его лицо было лишено всякого

выражения. Наконец она немного успокоилась.

— В жизни бы такому не поверила! И это — мой Дэвид! — проговорила она.

— Кабы ты не кричала, никто бы и не узнал, — ответил старик.

Понадобилось время, чтобы смысл слое дошел до нее. Лицо женщины снова окаменело.

— Это ты научил его? — спросила она подозрительно.

— Я стар, но еще не спятил! — был ответ. — И я люблю Дэви, — добавил он.

— Но ты нечестивец! То, что ты сейчас сказал, — богохульство!

— Зато — правда.

— Я богобоязненная женщина. И я не потерплю Зла в своем доме, в какое бы обличье Оно ни рядилось. А коли Оно встречается на моем жизненном пути, я всегда знаю, в чем мой долг.

Старик уже набрал воздуха, чтобы ответить, но промолчал. Только покачал головой. Потом повернулся и заковылял к своей табуретке, еще более дряхлый, чем несколько минут назад.

Раздался тихий стук в дверь. Шопот; ш-ш-ш! На мгновение Дэви увидел квадрат ночного неба и на его фоне чью-то темную фигуру. Потом дверь опять закрылась.

— Ты ужинал, Дэви? — спросил голос.

— Нет, дедушка. Ко мне никто не приходил.

Старик крякнул.

— Так я и думал. Боятся они тебя все. На-ка возьми. Холодная курица.

Рука Дэви пошарила и нащупала протянутое стариком. Мальчик обгладывал куриную ногу, а старик шуршал в темноте, отыскивая на что бы присесть. Нашел и со вздохом сел.

— Плохо дело, Дэви, паренек. Они послали за священником. Он придет завтра.

— Ничего не понимаю, дедушка. Почему они ведут себя так, как будто я сделал что-то дурное?

— Ох, Дэви! — сказал старик с упреком.

— Но я же ни в чем не виноват! Честно!

— Брось, Дэви! Ты же каждое воскресенье ходишь в церковь и всегда молишься. О чем ты молишься, ну-ка, скажи!

Мальчик начал бормотать молитву. Спустя немного, старик его остановил.

— Вот, — сказал он, — последняя фраза. Повтори.

— …И оборони нас от Колеса? — повторил удивленно Дэви. — А что такое Колесо, дедушка? Я знаю, что это что-то ужасно скверное, ведь когда я спрашивал о нем, мне говорили, что это Грех и

о нем надо помалкивать. Но так и не объяснили, что это такое.

Старик помолчал, прежде чем ответить, а затем сказал:

— Этот ящик, который ты приволок… Кто научил тебя, как его сделать?

— Никто, дедушка. Я просто решил, что так будет легче его тащить. Так оно и вышло.

— Слушай, Дэви. Каждая из этих штук, которые ты приделал по бокам, и есть Колесо!

Прошло немалое время, прежде чем из темноты вновь послышался голос мальчика. В нем звучало недоверие.

— Как, эти деревяшки?! Да не может того быть, дедушка! Ведь это просто-напросто кругляшки от чурок! А Колесо — это что-то ужасное, страшное, чего все боятся.

— И все равно это именно Колесо. — Старик задумался. — Я расскажу тебе о том, что будет завтра, Дэви. Утром сюда придет священник, чтобы осмотреть твой ящик. Ящик все еще будет тут, потому что никто не решится до него дотронуться. Священник побрызгает на него водой, чтобы к ящику можно было приблизиться без вреда. Затем яшик унесут в поле, разожгут под ним огонь, и пока он будет гореть, станут вокруг

него и начнут распевать гимны.

Потом они вернутся сюда и заберут тебя на допрос в деревню. Тебя будут выспрашивать, как выглядел Дьявол, когда явился тебе, и что Он посулил за то, что ты согласился воспользоваться Колесом.

— Но ведь никакого Дьявола не было, дедушка!

— Эка невидаль! Раз они убеждены, что Он был, то рано или поздно ты расскажешь и о Нем, и о том, в каком виде Он тебе явился. Для этого у них есть свои способы… Слушай, мальчуган, ты должен прикинуться невиновным. Скажешь, что просто нашел ящик таким, каков он есть. Скажешь, что не знал, что это такое, и притащил его, думая нащепать из него хороших растолок. Этого и держись, держись крепко. Если не собьешься, что бы с тобой ни делали, то быть может все как-нибудь обойдется.

— Но, дедушка, что плохого в этом Колесе? Не понимаю, хоть убей!

На этот раз молчание было еще более продолжительным.

— Ну ладно… Это длинная история, Дэви, и началась она давным-давно. Говорят, в те времена все люди были добрыми и счастливыми. Затем, как-то раз появился Дьявол, и встретился ему

какой-то человек, и сказал Он тому человеку, что может дать ему нечто такое, что сделает того сильнее сотни людей, позволит двигаться быстрее ветра, летать выше птиц небесных. Ну, человек и ответил, мол, дескать, это недурственно, но какую плату Дьявол хочет? А Дьявол сказал, что ему ничего не надо. Во всяком случае, — сейчас. И дал тому человеку Колесо.

Ну, а потом, когда тот человек повозился с Колесом, он многое узнал о его свойствах: и как Оно производит другие Колеса — все более сложные, и как делает все, о чем говорил Дьявол, и многое, многое другое.

— А Оно летало? И делало все?..

— Конечно. Все, что посулил Дьявол. А потом Оно начало убивать людей. Разными способами. Люди сцепляли вместе все больше и больше Колес, как научил их Дьявол, и вскоре узнали, что могут делать еще более сложные штуковины, которые убивают еще больше людей. Но они не могли уже отказаться от Колес, иначе они бы умерли с голоду.

Так вот, это и было то самое, чего добивался Дьявол. Он, понимаешь ли, поймал людей на крючок. Почти все в мире зависело от Колес, но все шло через пень-колоду, а старый Дьявол

животики надрывал от смеха при виде того, что вытворяют его Колеса.

А дела шли все хуже и хуже. Не знаю уж, как это вышло, но получилось так, что почти никого не осталось в живых — так, жалкая горсточка, вроде как после потопа. И те — полумертвые.

— И все это из-за Колеса?

— Хм-м, во всяком случае, без него тут не обошлось. И все-таки люди как-то выжили. Стали опять строить хижины, сеять хлеб, но потом Дьявол вновь встретил человека и снова стал соблазнять его Колесом.

На этот раз человек попался ему очень старый, мудрым и богобоязненный, а потому ж сказал Дьяволу: «Нет! Убирайся в свой ад!» — и пошел по всей округе, предупреждая людей о Дьяволе и Колесе, чем страшно всех и напугал.

Но старый Дявол не сдался так просто. Он ведь тоже очень хитер. Время от времени у кого-нибудь возникает мысль, из которой может получиться что-то вроде Колеса: каток, винт или что другое, но в том еще нет греха, пока такие штуки не закреплены на оси. И тогда Дьявол пытается вовлечь человека в соблазн и построить Колесо. Тогда появляется священник, и Колесо сжигают. И забирают того человека, чтобы не

дать ему делать Колеса и предостеречь других, его тоже сжигают.

— Сжиг-г-гают? — прошептал, заикаясь мальчик.

— Именно. Теперь ты понимаешь, почему нужно сказать, что Колесо ты нашел, и на том стоять?

— А может, если я пообещаю не делать других…

— Бесполезно, Дэви. Они дрожат от страха перед Колесом, а когда люди боятся, они делаются злыми и жестокими. Нет, делай, как я тебе говорю.

Мальчик подумал и спросил:

— А мама? Она догадается. Она же видела, как я вчера унес этот ящик. Это ведь важно?

Старик покряхтел и тяжело обронил:

— Очень важно. Женщины часто только притворяются испуганными, но уж если они действительно испугаются, то боятся куда сильнее мужчин. А твоя мать очень напугана.

В темноте сарая наступило долгое молчание. Старик снова заговорил тихим спокойным голосом.

— Послушай, Дэви, паренек. Я скажу тебе еще кое-что. Но тебе придется держать язык за зубами, может, до тех пор, пока ты не станешь стариком

вроде меня.

— Ладно, как прикажешь, дедушка.

— Я говорю тебе это потому, что ты придумал Колесо сам. В будущем всегда найдутся мальчики, которые поступят так же.

Должны найтись. Мысль нельзя убить, как это пытаются сделать сейчас. Приглушить ее можно, но рано или поздно она вырвется на свободу. И ты должен понять, что Зло не в Колесе. Не слушай того, что болтают напуганные люди. Открытие не бывает плохим или хорошим, в добро или в зло его превращают сами люди. Поразмысли об этом, мальчик. Когда-нибудь колеса появятся вновь. Я мечтал, что это случится на моих глазах, но, верное, это дело твоего поколения. И когда это произойдет, не окажись среди боязливых. Будь среди тех, кто покажет, как использовать их лучше, чем использовали в прошлом. Зло — не в Колесе. Зло — в страхе, Дэви. Запомни это.

Он зашевелился в темноте. Зашаркали по земляному полу ноги.

— Пожалуй, пора идти. Где ты, мальчик? — его рука нащупала плечо Дэви и на мгновение опустилась на голову ребенка.

— Благослови тебя бог, Дэви. И ни о чем не беспокойся. Все будет хорошо. Ты веришь мне?

— Да, дедушка.

— Тогда — спи. Там, в углу, есть сено.

Снова на миг увиделось темное небо. Затем шаги старика, пересекающие двор, замерли, и наступила тишина.

Когда священник прибыл, он нашел кучку пораженных ужасом людей, сбившихся во дворе фермы. Они остолбенело смотрели на старика, который с молотком и шпеньками трудился над деревянным яшиком. Священник замер при виде такого святотатства.

— Остановись! — крикнул он. — Остановись, во имя Господа!

Старик повернул к нему лицо. По нему блуждала хитрая стариковская ухмылка.

— Вчера, — произнес он, — я был идиотом. Сделал только четыре колеса. Сегодня я придумал получше — приделал еще два, теперь тащить его будет вдвое легче.

Как он и говорил, ящик сожгли. Затем увели его самого. В полдень мальчик, о котором все забыли, оторвал взгляд от столба дыма, поднимавшегося в стороне от деревни и закрыл лицо руками.

— Я запомню, дедушка. Я запомню. Зло — только в страхе! — сказал он, и его голос прервался от рыданий.

Перевел с английского Вл. Ковалевский

Рисунки С. Шарова

♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

История колеса и колесо истории

Джон Уиндем не выдумывал эту историю о людях, которые в страже объявили виновницей мировой катастрофы саму цивилизацию. Упреки, бросаемые науке, делающей слишком опасные открытия, давно уже носятся в воздухе современного Запада. Право же, куда проще проклясть все достижения науки и техники, объявить смертным грехом высвобождение джина атомной энергии или «самое первое изобретение — колесо, чем осознать причины грозящих миру военных катастроф. Ведь это осознание требует от каждого, осознавшего их, эти причины, активных действий, активной борьбы против империализма и войны.

Джон Уиндем не выдумывал эту историю. В его трагической притче о колесе звучит и страстный протест, и высокая вера в силу человеческого разума, в его неизбежное торжество.

«Ты должен понять, что Зло не в Колесе», — говорит в его сказке мудрый старик. «Открытие не бывает плохим или хорошим,

в добро или зло его превращают сами люди. Поразмысли об этом, мальчик. Когда-нибудь колеса появятся вновь. Будь среди тех, кто покажет, как использовать их лучше, чем использовали в прошлом. Зло не в Колесе. Зло — в страхе...»

И еще об одном говорит Уиндем в своей сказке — о том, что борьба со злом немыслима без самопожертвования.

Герой его сказки, Старик, сознательно идет на гибель. Идет для того, чтобы остался в живых мальчик, способный заново создать одно из самых великих изобретений в истории. И сегодня не в сказочном, а в реальном мире, в котором мы живем, тысячи людей совершают подвиги самопожертвования, совершают их для того, чтобы в мире восторжествовали подлинная свобода и разум.

Джон Уиндем не выдумывал эту историю. Он увидел ее в жизни.

Борис Володин

№ 11

Кейт Ломер

Черный день для паразитов

Картер Гейтс — судья третьего участка города Уиллоу Гроув — доел сэндвич из булки с куриным паштетом, старательно скомкал промасленный пакет, повернулся, чтобы бросить его в мусорную корзину, стоявшую позади кресла, и… окаменел.

Из окна своего кабинета, помещавшегося на втором этаже, он увидел, как нечто, похожее на цветочный лепесток бледно-бирюзового цвета футов сорока длиной, медленно опускалось на землю между аккуратными клумбами петуний, что на лужайке перед зданием суда. В верхнем (или черенковом) конце корабля отскочила полупрозрачная розовая панель, и оттуда неспешно поднялось тонкое изящное существо, внешним видом напоминавшее большую лиловую гусеницу.

Судья рванулся к телефону. И уже через полчаса он вещал местным официальным лицам, тесной кучкой сбившимся вокруг него на лужайке:

— Друзья! То, что эта штуковина обладает разумом, видно даже идиоту. Сейчас она налаживает, как уверяет мой парнишка, что-то вроде говорильной машины и в любую минуту может вступить с нами в переговоры. Двадцать минут назад я поставил в известность Вашингтон. Пройдет чертовски немного времени, и кто-нибудь

там, наверху, объявит это дело государственным секретом и накрутит столько всяких запретов, что даже Манхэттенский проект покажется открытым собранием женского клуба. А ведь эта штука — самое большое событие в жизни округа Плум за все время его существования. Если мы не хотим быть оттертыми на задний план — зевать нельзя.

— Что же вы предлагаете, судья?

— В ту самую минуту, как оно приведет свое оборудование в действие, я открою заседание судебной палаты. Будем транслировать его по радио — Том Клемберс с радиостанции уже устанавливает микрофоны. Жаль, нет телевизионного оборудования, но у Джона Харда имеется кинокамера. Уиллоу Гроув прославится почище мыса Канаверал!

— Вы молодчина. Картер!

Через десять минут после того, как мелодичный голос лингвистической машины произнес пожелание организовать встречу со старейшинами городка, Пришелец уже осматривал набитую народом залу суда с видом щенка-сенбернара, рассчитывающего на веселую возню. Шарканье ног и покашливание прекратились, и оратор начал:

— Народ Зеленого Мира…

На грохот шагов в боковом проходе обернулись все. Здоровенный мужчина, лысый, одетый в куртку и брюки защитного цвета, в очках без оправы и с темной кожаной кобурой, шлепавшей по бедру при каждом шаге, обогнул кресла первого ряда, остановился, широко расставив ноги, выхватил из кобуры тяжелый никелированный пистолет сорок четвертого калибра, прицелился и с расстояния десяти футов всадил в тело Пришельца пять пуль.

Фиолетовое тело конвульсивно дернулось, соскользнуло со скамьи на пол с тем звуком, который издает уроненная мокрая пожарная кишка, испустило прерывистое чириканье и замерло. Стрелявший отвернулся, бросил пистолет, поднял руки и крикнул:

— Шериф Хоскинс, отдаюсь под защиту закона!

Минуту в зале царила ошеломленная тишина; затем зрители кинулись на убийцу. Трехсотдевяностофунтовая туша шерифа протиснулась сквозь орущую толпу и загородила мужчину в защитном костюме.

— Я всегда знал, что ты мерзавец, Сесил Стамп, — сказал шериф, — вынимая наручники, — знал еще с тех пор, как подсмотрел, что

ты начинял толченым стеклом кусок мяса для собаки Джо Поттера. Однако не думал, что ты докатишься до такого подлого убийства.

Он крикнул окружающим: «Очистить дорогу! Я отведу арестованного в тюрьму!»

— Минутку, черт побери, шериф! — Стамп был бледен, очки свалились, один плечевой погончик оторвался, но на его мясистой физиономии забрезжило что-то похожее на ухмылку. — Мне не по нраву словечко «арестованный». Я просил защиты. И еще… поаккуратнее с выражением «убийство»! Я никого не убивал.

Шериф моргнул и, обернувшись, крикнул: «Как там жертва, Док?»

Маленькая седая голова приподнялась над безжизненным телом Пришельца.

— Мертв, как дохлая макрель, шериф.

— Так я и думал. Пошли, Сесил.

— А по какому такому обвинению?

— Предумышленное убийство.

— Кого же это я пришил?

— Ты прикончил этого… этого… этого чужестранца.

— Нет тут никакого чужестранца! Это ж просто паразит, вредитель. Убийство, по моему разумению, это когда убитый вроде бы человек.

По-вашему эта дрянь — человек?

— …Такой же человек, как я!

— …Разумное существо!

— …Разве можно запросто убивать!

— …Должен же быть закон!

Шериф поднял руку. Челюсти его были крепко сжаты.

— Как, судья Гейтс? Есть закон, запрещающий Сесилу Стампу убивать… хм… этого?

Судья оттянул пальцами верхнюю губу:

— Минуточку… — начал он. — С формальной точки зрения…

— Господи, — перебил его кто-то. — Вы хотите сказать, что законы не дают определения, что такое… я хочу сказать… что такое…

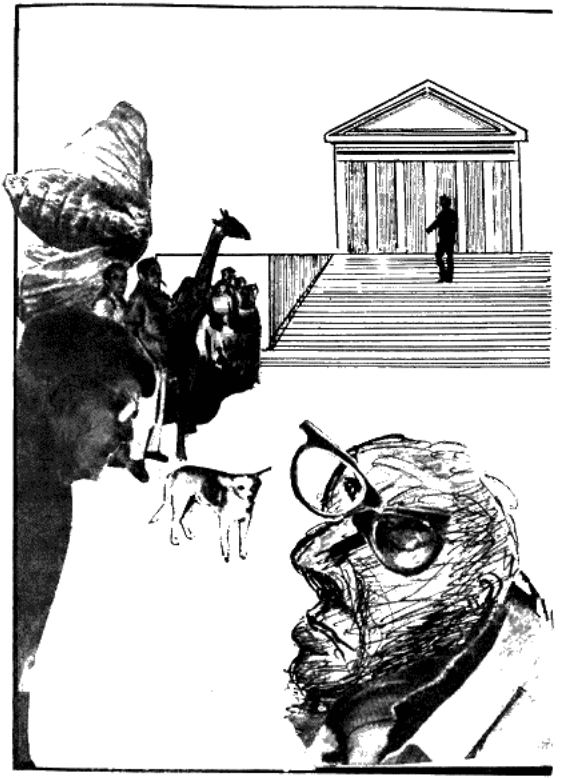
— Что такое человек? — фыркнул Стамп. — Что бы в законах ни говорилось, а ни черта там нет о красно-лиловых червяках! Паразит это, и дело с концом! Никакой разницы нет — прихлопнуть его или какого другого таракана!

— Тогда, клянусь богом, его надо арестовать за нанесение умышленного ущерба! — крикнул какой-то мужчина. — Или за охоту без разрешения и вне сезона!

Стамп полез в брючный карман, вытащил толстый мятый бумажник, выудил из него заму-

соленную бумажку и показал ее.

— Вот моя лицензия. Я — дезинфектор. И имею разрешение носить пушку. Закона я не нарушил. — Теперь он откровенно издевался.



— Я просто выполнил свои обязанности, шериф. Да еще задарма, а не на средства налогоплательщиков.

Маленький человечек со щетинистыми рыжими волосами, весь пылая, бросился на Стампа.

— Подлец кровожадный! — Он потрясал в воздухе кулаком. — Мы станем позором страны, хуже Литл-Рока! Линчевать его!

— Заткнись, Уинштейн, — вмешался шериф, — нечего разоряться насчет линчевания!

— А это и есть линчевание! — взорвался Сесил Стамп, весь побагровев. — Я же вам услугу оказал! А ну, раскройте уши! Это что за дрянь? — и он ткнул корявым пальцем в сторону судейского стола.

— Какой-то таракан с Марса или откуда там еще! И вам это известно не хуже, чем мне! А зачем он тут? Ясное дело, не за тем, чтобы делать добро таким, как вы и я! Уж это точно! Или они, или мы! И на этот раз мы их, благодарение господу, опередили!

— Ты… ты… ненавистник…!

— А ну, заткнись! Я такой же свободомыслящий, как любой из вас! Я и к неграм не больно-то придираюсь, и между евреем и белым разницы почти не делаю! Но уж коль дело доходит до приглашения в гости красных тварей, которых еще и людьми величают, тут я говорю: «Стоп!»

Шериф снова занял позицию между Стампом и

наступающей на него толпой.

— Осади назад! Приказываю разойтись тихо и мирно! Этим делом я займусь лично!

— Думаю, пора мне двигать домой, шериф. — Стамп затянул ремень, — Мне-то спервоначалу казалось, что ты их утихомиришь маленько, но теперь они вроде сами попризадумались и видят, что порядка я не нарушал. Вряд ли среди них найдутся такие, что пойдут поперек закона, станут, к примеру, подступать к дезинфектору, выполняющему свои обязанности.

Он наклонился и поднял с пола свой пистолет.

— На мою ответственность, — сказал шериф Хоскинс, — можешь считать разрешение на пушку аннулированным. И твою лицензию — тоже.

— На здоровье! Разве я сопротивляюсь, шериф? Все, что тебе будет угодно. Занесешь все ко мне домой, когда покончишь с этим. — И он стал проталкиваться к дверям.

— Не расходитесь! — осанистый человек с густыми седыми волосами пробился к судейскому столу. — Объявляю чрезвычайное собрание граждан нашего города открытым!

Он стукнул председательским молотком по исцарапанной столешнице, бросив взгляд на прикрытое знаменем мертвое тело Пришельца.

— Джентльмены, мы должны действовать быстро и решительно. Если на радио, прежде чем мы примем согласованное решение, узнают об этом происшествии, Уиллоу Гроув будет проклят навеки!

— Послушайте, сенатор Кастис, — крикнул, вставая, судья Гейтс. — Это… эта толпа не может принимать решения, имеющие силу закона.

— Черт с ними, с законами, судья! Разумеется, это дело федеральных властей, тут даже Конституцию, может, придется изменять. Сейчас же мы собираемся дать определение понятия «человек», действующее в городских границах Уиллоу Гроув.

— И это самое малое, что надо сделать! — отрезала женщина с худым лицом, свирепо глядя на судью Гейтса. — Уж не думаете ли вы, что мы тут будем сидеть и одобрять этакое беззаконие?!

— Чепуха! — завопил Гейтс. — Я не меньше вашего возмущен происшедшим, но… но… но у человека две руки, две ноги и…

— Форма тела не имеет значения, — оборвал его председатель. — Медведи тоже ходят на двух ногах. Дэвид Зовский потерял одну на войне. Руки есть у обезьян.

— Любое разумное существо… — начала жен-

щина.

— Тоже не пойдет. Сын моей несчастной сестры, Мелвин, родился идиотом, бедняга. Друзья, не будем терять времени. Исходя из таких принципов, определение дать очень трудно. Однако я думаю, что нам все же удастся найти такое решение вопроса, которое послужит основой для дальнейшего законодательства… Конечно, оно может привести к серьезным изменениям в будущем. Охотникам оно явно не придется по вкусу, да и мясную промышленность затронет. Но поскольку мы уже, как мне кажется, вошли в эпоху Контакта с э… э… существами других миров, надо навести порядок в собственном доме.

— Верно, сенатор! — заорал кто-то.

— …Лучше пусть этим займется Конгресс, — настаивал чей-то голос.

— Должны же и мы что-то сделать! — твердил другой.

Сенатор поднял руку.

— Тихо, ребята! Репортеры будут здесь через несколько минут. Наше определение, может статься, и не будет абсолютно точным, но оно заставит людей задуматься, а это сделает Уиллоу Гроув лучшую рекламу, чем убийство.

— Что у вас на уме, сэр?

— А вот что, — сказал сенатор торжественно, — человек — это любое безобидное существо.

Зашаркали подошвы. Кто-то откашлялся.

— А как же человек, который совершил насилие? — потребовал объяснения судья Гейтс. — Что же он…

— Это совершенно ясно, джентльмены, — просто сказал сенатор. — Он, разумеется, паразит и вредитель.

…Сесил Стамп стоял на ступеньках здания суда и, держа руки в карманах, болтал с репортером самой крупной в округе газеты. Их окружала толпа людей, опоздавших на волнующий спектакль и суде. Стамп разглагольствовал о меткости своих пяти выстрелов, о хлюпанье пуль, входивших в тело огромной лиловой змеи, и о том, как смехотворно выглядела она в агонии. Он лихо подмигнул человеку в комбинезоне, немного похожему на лису, который стоял рядом и ковырял в носу.

— Немало времени пройдет, пока какая-нибудь из этих проклятых ящериц отважится снова сунуть сюда нос с видом, будто они тут хозяева, — закончил Стамп.

Двери суда широко открылись. Взволнованные граждане выходили, сгоронясь Стампа. Толпа вокруг него начала рассасываться, а потом и совсем исчезла, так как зеваки спешили поговорить с выходившими, рассчитывая на более свежие известия. Нашел себе жертву и репортер.

— Может быть, вы будете столь любезны, сэр, и сообщите подробности действий, предпринятых… э-э-э… специальным комитетом?

Сенатор Кастис пожевал губами.

— Была созвана сессия муниципалитета, —

сказал он. — Мы приняли определение понятия «человек» для нашего города…

Стамп, стоя в десяти футах, фыркнул:

— Это меня не касается. Закон обратной силы не имеет!

— Еще мы классифицировали, что такое «паразит и вредитель».

Стамп резко захлопнул рот:

— Под меня копаете, Кастис? Подождем до выборов…

Дверь снова отворилась. Высокий человек в кожаной куртке вышел на лестницу и остановился, глядя вниз. Толпа отпрянула. Сенатор и репортер посторонились.

Человек медленно спустился по ступенькам. В руке у него был блестящий пистолет сорок четвертого калибра, ранее принадлежавший Стампу.

Стоя в одиночестве, Стамп следил за его действиями.

— Эй! — в его голосе чувствовалось напряжение. — Ты-то еще кто такой, черт тебя раздери?!

Человек спустился на последнюю ступеньку и поднял пистолет.

— Я — новый дезинфектор, — ответил он.

Перевел с английского Вл. Ковалевский

♦ ♦

«Сказка-ложь, да в ней намек...»

Люди транспортируются через «нуль-пространство» к планетам, расположенным в иных галактиках, путешествуют из двадцатого века в двадцать третий, или в шестнадцатый, или из двадцать третьего в двадцатый, а еше на Землю прилетают Пришельцы, и со всеми ними — с нуль-путешественниками, с путешественниками во времени и Пришельцами, вроде лилового Пришельца, так неудачно пытавшегося вступить в контакт с разумными жителями городка Уиллоу Гроув, — в каждом фантастическом рассказе неминуемо случаются разные события и происшествия, иногда такие вот прискорбные, как в рассказе Кейта Ломера.

Фантастика, как это ни парадоксально звучит по самому смыслу слова, отражает действительность. Сегодняшнюю.

Только в стране, где безнаказанно стреляют в защитников свободы, в неугодных президентов и кандидатов в президенты, где на глазах миллионов телезрителей убирают тех, кто может выболтать правду о преступлениях, только там мог родиться

такой рассказ.

Он и был написан в стране, где человек может быть убит «защитником закона» лишь потому, что этому «защитнику закона» не нравится его цвет кожи. Он был написан в стране, где у таких «защитников закона» тотчас окажется добрый десяток «законных» доводов и лицензий, якобы дающих им право на преступления, — точь-в-точь как у Сесила Стампа в рассказе. И, конечно же, эти стампы будут нести чушь о грозящей опасности.

Каждая фраза рассказа Кейта Ломера не случайна. Нет, дело не в том, что стампы не способны к контакту с разумными существами иных планет. Они не способны к контакту с разумными существами Земли.

Борис Володин

1972

Научно-фантастический рассказ

Необычное я почувствовал тотчас же, как только перестало гудеть реле в закрывшемся за мной лифте. Я как раз успел подойти к дверям и, обхлопав себя со всех сторон, обнаружить ключ в заднем кармане брюк, когда настала тишина. Тут-то я и почувствовал: что-то случилось.

Дело в том, что обычно, едва замолкало реле, за дверью начинал лаять Тэр. А тут полная тишь. Может, не услыхал моих шагов?

Я с нарочитым шумом вытер ботинки о резиновый коврик. Никакого результата.

Со скрипом засунул в замочную щель с трудом проходящий туда ключ. Молчание.

Войдя в прихожую, я удивился еще больше: Тэр стоял на пороге комнаты, подрагивая хвостом, приподняв правую лапу и слегка вытянув шею вперед и вверх. В комнате кто-то был!

Уж не вернулась ли досрочно из солнечных Гагр дорогая моя родительница?

Впрочем, перед ней я был чист. Уезжая в санаторий, она сказала: «Надеюсь, на этот раз квартира будет цела!». И теперь могла убедиться, что ее надежды мне удалось в основном оправдать: ни одно окно не было разбито, ни один стул не был сломан, а в коридоре среди мусора оставался проход, хотя и не очень широкий, но позволявший благополучно добираться до кухни…

— Мамочка! — крикнул я. Никто не ответил.

Бросив на табуретку портфель, я подошел к Тэру, потрепал его по спине и заглянул в комнату.

И увидел… примерно моего размера голого парня, ну совершенно голого — как купальщик на безлюдном пляже. Он сидел на подоконнике, свесив загорелые ноги и выпучив глаза, как будто только что вынырнул из воды.

Я так его сразу и спросил:

— Откуда ты, старик, вынырнул?

Голый парень выпучил глаза еще больше и ответил довольно странно. Он произнес одно

только слово:

— Усек?

— Что усек? — не понял я.

Парень спустил ноги на пол, приложил к коричневой мускулистой груди правую руку и, заглядывая мне в глаза, как Тэр — когда у меня в портфеле сосиски, — медленно и раздельно произнес:

— Угадал? Догадал? Учуял? Унюхал? Вообразил? Сообразил?

— Не понимаю, — сказал я.

Парень ухмыльнулся и погрозил мне указательным пальцем.

— Вынырнул! Сэй ми беттер — промахнул! Ведь у моего на лбу черное пятно и хвост подлинней!

— Все равно не понимаю, — сказал я.

Парень посмотрел на меня с некоторым огорчением.

— Ахтунг! У тебя есть хунд. Понятно?

Тэр действительно был рядом, но от этого дело не становилось яснее. Все же на всякий случай я кивнул.

— И у меня есть хунд. Понятно?

Я еще раз кивнул.

— И в прошлое явление я его без спросу взял с собой. Понятно?

Хотя насчет прошлого явления я что-то недопонял, общий смысл и этой фразы был в первом приближении ясен. И я опять кивнул.

— Уэлл! — обрадовался моей понятливости парень. — Вайтер! Я его взял, а он потерялся.

— Так, так, так…

— И это нарушило баланс.

__???!!!

— И меня послали на поиски. И я принял твоего хунда за своего хунда. И… промахнул. Понятно?

Насчет собаки теперь мне было более или менее понятно, а вот насчет самого парня — по-прежнему не очень. И я спросил:

— Но как ты попал в квартиру? И почему в таком виде?

Он поглядел на свои руки, потом на свои ноги, потом оглядел себя с разных сторон и даже попытался через плечо заглянуть себе на лопатки. Пока он этим занимался, я рассмотрел, что штаны на нем все-таки есть — не брюки, конечно, а что-то вроде трусиков, такого же загорелого цвета, как и его тело.

— В таком виде? — переспросил он. — В каком таком?

— Да нет, ничего, — ответил я. — Просто в чужой дом обычно приходят в туфлях… Или хотя

бы в носках…

— Чужой дом? Чу-жон… Подожди, дай размыслю сам! Чужой… Туфли… Носки… Будь я трижды дезинтегрирован!..

Он то вставал на цыпочки, то приседал, то прижимал руку к сердцу, то потирал макушку, то заглядывал в окно, то рассматривал стоящие на письменном столе и на шкафу предметы.

Мы с Тэром молча ждали, чем все это кончится. На жулика парень похож не был. На психа — тоже. Лицо у него было добродушное и без малейшей хитрости.

Наконец, он снова уселся на подоконник.

— Ну что ж, Тэр, — сказал я, — пока суть да дело, не привести ли нам человека в христианский вид?

Я полез в шкаф, достал свой тренировочный костюм и протянул парню.

Он неохотно оторвался от своих мыслей и с рассеянной улыбкой проговорил:

— Зачем?

— Надень! — настойчиво сказал я.

Парень пожал плечами, но с подоконника слез и принялся стягивать с себя трусы.

Тут уже я спросил:

— Зачем?..

— Жарко! — сказал он и, бросив трусы на подоконник, стал натягивать мои спортивные брюки.

— Тэр, тапки! — скомандовал я. И, взяв тапочки из тэровой пасти, подал их парню.

— А теперь давай все же знакомиться. Студент третьего курса энергетического института Астапов Анатолий, Толик…

Я протянул ему руку.

Он церемонно поклонился, прижав сложенные кисти к груди — как это делают индийцы. А на протянутую руку никакого внимания.

И тут мне кое-что пришло в голову. Я по-следовательски посмотрел ему прямо в глаза и твердо сказал:

— Думаешь, мне и впрямь неизвестно, кто ты такой? Ты — пришелец!

— Какой там пришелец, — не отводя честного взгляда, возразил парень, — не пришелец я вовсе, а Вася! Пока Вася, — уточнил он чуть погодя.

— Что значит пока? — он опять сбил меня с толку. — Ты что, собираешься менять свое имя?

— А как же иначе, — удивился он. — Ведь оно не мое!

— А чье же?

— Молочное.

— Хватит представляться! — рассердился я. — И вообще, Вася, так не делают. С тобой по-людски, а ты…

На круглом добром лице парня отразилось явное замешательство.

— Уот из меггер? Я тебя обидел? Икскъюз ми, плиз! Без надобности! Меня ин фэкт пока зовут Вася. И это ин фэкт мое молочное имя…

— Молочный бывает коктейль! — веско отпарировал я. — Ну еще зубы бывают молочные!

— Вот-вот, зубы, индид! — обрадовался Вася. — Имена тоже. Сперва молочные. Общие. А личные потом. Их заработать надо! Размыслил? А теперь вот. Это важно. Я очень спешу. Цейтнот. Исполнишь маленькую просьбу? Кляйнерхен!

— Выкладывай! — сказал я. — Чем можем, поможем!

— Ин эрстен цайт временник! — объявил Вася. — Погодник, ну, как это еще — калёндер?

— Календарь?

— Да, да, календарь!

Я сбегал на кухню, где у нас висел отрывной календарь, и вручил его гостю.

Парень повертел календарь в руках и задал совсем уж идиотский вопрос:

— Тысяча девятьсот шестьдесят шесть? Уот

из ит?

Но поскольку и этот свой вопрос он задал вполне серьезным тоном, я тоже ответил ему вполне серьезно:

— Это значит, что сейчас тысяча девятьсот шестьдесят шестой год. Шестое октября, между прочим.

— А точка отсчета где? — спросил парень.

— Точка отсчета? Ах, точка отсчета! Нуль координат?

Парень радостно расплылся.

— Ну, год рождения этого самого… Впрочем, на самом-то деле никто как будто тогда не родился, хотя, конечно, никогда так не было, чтобы никто не рождался, кто-нибудь несомненно должен был родиться и в тот год…

— Так у нас ничего не получится, — прервал меня гость. — Лет ас беттер ускоритель. Маяк! Бен Муса? Чандрагупта? Петушков?

— Ближе всего Эйнштейн, — сказал я. — А вообще-то Королев!

Васино лицо стало еще круглей.

— Спутник? Гагарин? Лунник?..

Я только успевал кивать головой.

Вася замолчал, втянул в рот верхнюю губу и наморщил лоб. И через некоторое время сказал:

— Ты энергетик, ты должен знать инверсор…

— Инверсор? Первый раз слышу, — честно признался я. — И вообще у меня по приборам незачет.

Вася снова замолчал, снова пожевал верхнюю губу и снова наморщил лоб. Но на этот раз молчание было совсем недолгим. Вася отчаянно взмахнул руками и сказал:

— Показывай все, что имеешь! Омнеа!

Мы пошли по квартире — я, за мной.

Вася, за Васей Тэр — и время от времени гость тыкал в какую-нибудь вещь пальцем и спрашивал: «Можно?» Я говорил великодушно: «О чем речь?» И он брал эту вещь и относил к своему подоконнику.

Минут через десять там, на полу, рядышком стояли: электрический утюг, телевизор, пачка соли, четыре ведра (два оцинкованных и два пластмассовых), пылесос и фотоувеличитель.

Вася, потирая руки, внимательно рассматривал эту кучу.

— Все? — спросил я.

— Паяльник бы еще! — сказал Вася.

Я пошел в кладовку.

У парня даже руки задрожали, когда он увидел паяльник.

— Теперь все?

— Не совсем, — замялся Вася. — Предписан четырехкратный запас прочности, вот в чем беда! Нужны еще вот такие механизмы.

Он ткнул тапочкой в пылесос.

— Сколько?

Вася устремил глаза в потолок.

— Пять. Или лучше десять…

По-видимому, ему еще долго предстояло гулять с молочным именем.

Когда я выгружался из лифта с последней партией пылесосов, добытых в соседнем подъезде, до меня донесся странный гул и надсадный лай Тэра. Едва я отпер дверь, как он бросился ко мне — с таким волнением бросился, что чуть меня не свалил.

Я заглянул в комнату, Васи нет. В кухню. Нет. В ванную, в туалет, в кладовку. Нет нигде.

Тогда я снова заглянул в комнату. Вася потрудился на славу! Все принесенные ранее пылесосы были соединены шлангами в одну гудящую змею, к голове которой через нагревательный элемент от электроутюга были подсоединены ведра, а к хвосту припаяны фотоувеличитель и посыпанный солью кинескоп.

На подоконнике, рядом с моим тренировочным

костюмом, лежали его трусы.

Первое, что пришло мне на ум, — это телекинез. Кто-то усилием мысли перенес Васю ко мне в комнату. А потом — обратно, с помощью кой-какой электронно-пылесосной аппаратуры.

Крепким орешком оказались для меня оставленные Васей трусы. Почему они остались? Не хватило телекинетической силы? Пылесосов? Или какой-нибудь детали?

Несмотря на незавершенность концепции, она представлялась мне наиболее правдоподобной. И все же полностью исключить возможность такого, пусть отвергнутого самим Васей, варианта, как его прибытие из иных миров, я не имел права.

В конце концов я пришел к двум выводам.

Первый. Что бы там ни было, а к следующей подобной встрече нужно подготовиться.

Второй. Надо предупредить соседей по дому — а то вдруг в следующий раз Вася попадет не ко мне, а куда-либо по соседству. (Будущее показало, что тут я как в воду глядел…)

Придя к таким выводам, я начал составлять вопросник, или, если угодно, анкету — на случай новой встречи. А составив, размножил ее под копирку. И возвращая пылесосы владельцам, вкратце уведомлял их о случившемся и вручал

им вопросник. И просил о всех необычных событиях немедленно ставить меня в известность.

Следующие четыре дня прошли без каких-либо происшествий. Васины трусы лежали себе на прежнем месте, а соседи при встречах глядели на меня с участием.

Продолжение последовало на пятый день.

Я как раз возвращался из института, и в лифте столкнулся с кинооператором Игорем Голицыным из сто тридцать шестой квартиры, одним из тех, у кого я одалживал пылесосы.

— На ловца и зверь бежит! — обрадовался Игорь. — Не буду подниматься. Извини, что не сообщил сразу…

— Он?! — испугался я.

— Ни боже мой! — заверил меня Игорь. — Но вот уже три дня подряд у нас дома происходит странная история. Ровно в семь часов, секунда в секунду… В общем, жду!

С этими словами Голицын покинул кабинку лифта.

До семи оставалось минут двадцать. Я едва успел вывести Тэра на прогулку. О том, чтобы отвести его домой, не могло быть и разговора.

Без одной минуты семь мы прибыли к Голицыну.

— Сейчас начнется, — предупредил Игорь, подводя меня к креслу возле телефона.

И в то же мгновение телефон зазвонил — нет, не зазвонил, а тихо-тихо звякнул.

Я взял трубку. Там явно что-то происходило, какое-то странное ритмичное движение. Оно шло волнами.

— Слышишь? — прошептал Игорь.

Я кивнул.

Волны набегали все быстрей и быстрей. И вдруг Тэр, до той поры смирно лежавший возле моего кресла, бросился через всю комнату к «Рубину» и сделал стойку.

Я передал трубку Игорю и включил телевизор.

И тотчас комнату наполнили те же самые волны. Они отражались от стен и от потолка, заставляя звучать все находившиеся в комнате предметы; я слышал скрип, и шелест, и дребезжанье, и легчайшее потрескивание — как будто кто-то гладил кошку.

А потом появилось изображение: экран замерцал лучащимися мелкими звездами. Они вспыхивали то в одном, то в другом месте, образуя причудливые узоры, которые тут же распадались.

Пляска звезд на экране и биенье волн в комнате

шли синхронно и притом несомненно по нарастающей. Казалось, еще немного — и вырастет какой-нибудь девятый вал.

Но никакого девятого вала не выросло — наоборот, внезапно звезды остановились.

— Человек! — крикнул Игорь и вскинул киноаппарат.

И верно — остановившиеся звезды довольно отчетливо обрисовали контур человеческого лица. Только как бы обратный контур: два белых продолговатых пятна — глаза, над ними — белые щетки бровей, а внизу — рот, даже зубы были видны — черные зубы, обрамленные голубоватыми искрами.

Черные губы на экране задвигались, и раздался знакомый мне голос:

— Толик, это я — Вася! Что ты сделал с моими трусами?

— Ничего, — сказал я. — Они лежат на подоконнике.

Из экрана раздался громкий вздох облегчения.

— Принеси их сюда! Рэпид! Бегом!

Ну что ты будешь делать с этим растяпой? Через минуту или две я уже стоял около своей двери, обхлопывая себя со всех сторон и с ужасом думая, что же я буду делать, если не найду ключа.

Но ключ довольно быстро нашелся в футляре от очков, и наредкость легко я всадил его в замочную щель, и ворвался в квартиру, и схватил трусы, и вылетел обратно на лестницу.

— Наконец-то! — раздался из голицынского «Рубина» рыдающий Васин всхлип.

И тут же я почувствовал, что кто-то тянет у меня из рук Васино добро. Но Тэр стоял от меня шагах в трех, а Игорь еще дальше.

Трусы дернулись сильней. Тогда я разжал руку — и они поплыли к телевизору. Спокойно так поплыли. И коснувшись экрана, исчезли.

И тотчас исчезли звезды. И волны, только что наполнявшие комнату, исчезли тоже.

И я спросил у Игоря, деловито вытаскивавшего из аппарата кассету:

— Что тут без меня происходило?

— А ничего особенного, — пожал плечами Игорь. — Так, поговорили немного.

— О чем?

— Личный листок заполняли.

Он протянул мне анкету. Ту самую, что я вручил ему четыре дня назад. Только тогда там были одни вопросы. А теперь появились и ответы…

Вот они.

1. Имя (номер, личный знак) ВАСЯ

2. Национальность (биологический вид, кинематико-энергетическая схема) ГОМО САПИЕНС

3. Пол (функция в воспроизводстве себе подобных) МУЖСКОЙ

4. Масса (сила взаимодействия с каким-либо полем) 820 НЬЮТОНОВ

5. Откуда явились (страна, звездная система, галактика, другое пространство — ненужное зачеркнуть) ИЗ БУДУЩЕГО

6. Цель явления (причина прибытия) ЗАБРАТЬ ТРУСЫ

7. Как с вами связываться в дальнейшем НИКАК

Я прочел анкету десять раз подряд. И впал в полное отчаяние.

Да и кто бы не отчаялся? Дважды встретить ЧЕЛОВЕКА ИЗ БУДУЩЕГО и так ни про что у него толком не разузнать!

Ни про красное смещение — отчего оно есть, сменится ли фиолетовым и если сменится, то когда?

Ни про кварки — отыскали их в конце концов или не отыскали?

Ни отчего вымерли мамонты?

Ни — на каких других планетах есть люди?

Да мало ли чего еще!..

Одно лишь было мне утешение — что знал я теперь совершенно точно: не сменят человека никакие роботы, а во веки веков пребудут на Земле самые обыкновенные люди. Совсем такие же, как мы…

С тех пор прошло шесть лет. Я окончил институт. Защитил кандидатскую. Стал отцом семейства.

Но анкету совершенствовать не перестаю. Сейчас в ней уже две тысячи пятьсот сорок семь пунктов.

Эх, Вася!..

№№ 2–4

Леона Т. Райноу
(при участии Роберта Райноу)

Год последнего орла

Отрывки из НФ романа

[в полном переводе не издавался]

Печальное сходство

«Всякое сходство персонажей этой книги с реальными лицами является чистейшим недоразумением.»

Такое предуведомление красуется на титульных листах множества книг, издаваемых в США. Дело в том, что Джонов Смитов в Америке почти столько же, сколько у нас Иванов Кузнецовых, а Майклов Джексонов, как у нас Михаилов Яковлевых, и если американский писатель даже в фантастическом романе назовет злодея Джоном Смитом или Майклом Джексоном, может

случиться, что реальные Джоны Смиты или Майклы Джексоны, увидев в том намек на собственную персону, обратятся в суд с требованием денежной компенсации за причиненный моральный ущерб. И потому, дабы не разориться по такому случаю, писатель спасает себя столь своеобразным примечанием.

Однако в 1970 году в Нью-Йорке вышел научно-фантастический роман-памфлет «Год последнего орла». И его автор Леона Райноу, публицист и общественная деятельница, вопреки всем обычаям снабдила книгу уведомлением прямо противоположного рода:

«Сходство с реальными лицами, личностями и событиями в США — в прошлом, настоящем и будущем — является печальным фактом».

Леона Райноу — активная защитница природы своей страны. Этому она посвятила свою общественную деятельность и свои книги. И хотя автору недостает литературного мастерства, ее роман привлекает публицистической остротой. «Год последнего орла» — роман-предостережение, сатирическое и трагическое одновременно. Мир будущего рисуется Леоне Райноу страшным не случайно — ведь в ее стране проблема гибели флоры и фауны, отравления рек, загрязнения и заражения воздуха стоит сейчас так остро, как, пожалуй, ни в одном другом месте планеты. Надо сказать, что писательница весьма четко увидела истинные причины этой национальной трагедии в социальной системе царства бизнеса и в политической психологии американских «верхов».

Заранее пересказывать содержание романа не стоит. В этом и следующих номерах читатель ознакомится с его фрагментами, на наш взгляд наиболее интересными.

Борис Володин

♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

Знаменательными и тревожными событиями был отмечен 1989 год от Рождества Христова. Первым, самым важным, был, конечно, этот массовый психоз, этот шабаш хаоса, официально именовавшийся Двухстолетием конституции Соединенных Штатов. Вторым было долгожданное возвращение Первой экспедиции на Марс и ее ужасный конец. Третьим — трагедия прославленного пернатого хищника — Белоголового Орла, национальной эмблемы США.

И наконец — правда, для всех, кроме меня, это событие было наименее значительным — именно в 1989 году я решил вернуться на планету Земля после десяти долгих, холодных лет, проведенных на синхронном спутнике, где я вел научные исследования.

Моя миссия была выполнена. Ведь подлинная цель моего бегства в небеса состояла вовсе не в

том, чтобы принести себя в жертву науке и прогрессу. Истинная причина была глубоко личной.

Чтобы придти в себя, мне понадобилось больше времени, чем я рассчитывал. Рана, нанесенная мне, была слишком глубока. Для молодого преподавателя орнитологии с честно заработанной первой научной степенью я был необыкновенно глуп и доверчив. А Нора была стерва, — я это замечал и раньше. И когда она, ничего не объяснив, так жестоко бросила меня, я счел за лучшее навсегда покинуть мир.

Но вот наступил день, когда я почувствовал, что мне уже все равно. В тот день я и решил вновь погрузиться в лихорадочную атмосферу Земли. И это была моя самая большая в жизни ошибка. Как только меня окутало тяжелое, серое воздушное одеяло, мое звездное настроение погасло, как догоревший бенгальский огонь. Сама атмосфера планеты была словно пропитана эссенцией всех моих прежних земных горестей — горестей, с которыми я надеялся расстаться, вознесясь в небо. Все они ждали меня здесь, на Земле, ждали, чтобы снова опутать и поглотить меня, как только я вернусь.

Едва я вышел из стратолайнера, как земля и небо заплясали вокруг. Ноги мои не выдержива-

ли непривычной тяжести, воздух давил со всех сторон. Я вцепился в поручни трапа, охваченный внезапным желанием снова и уже навеки вернуться на свой спутник. Но возврата не было…

По летному полю во все стороны струились нескончаемые потоки людей, но никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Через некоторое время я почувствовал досаду, а потом так разозлился, что почти забыл о своих душевных муках. Ведь это я, Заслуженный Космонавт (так было написано в Послании Президента), поставивший мировой рекорд пребывания в космосе, — и никто даже не остановится на меня поглазеть! Где оркестр? Где торжественная встреча?

Я стоял на летном поле, покачиваясь от собственного веса. А шум! Звуковые удары от взлетавших стратолайнеров, один за другим накатывавшиеся на меня, сливались в один сплошной оглушающий рев. У меня тут же заболели уши. Ощущение было такое, будто меня лупили по голове чем-то тяжелым. И среди этого шума донеслось:

— Фитц! Фитц!

Я растерянно огляделся.

Над бетонным полем откуда-то появился ским-

мер на воздушной подушке — он петлял среди толпы, люди шарахались от него в стороны, как куры. Скиммер опустился, из него выскочила знакомая фигура и устремилась ко мне.

— Эй! — услышал я, — Погоди, не падай — я иду!

Джо! Круглолицый, взъерошенный Джо, который когда-то провожал меня, теперь пришел меня встретить. Ему была поручена связь со мной — он занимал пост заместителя помощника заместителя специального уполномоченного по космической связи и преданно служил мне, занимаясь моими земными делами. Это был лучший приятель в мире.

Джо остался точно таким же, каким я его помнил: бритая голова со скромным клоком волос, свисающим на лоб, рыжая рубашка с открытым воротом, широкая улыбка.

— Батюшки! — завопил он. — Не очень-то ты поправился на собственной стряпне! А что это белое у тебя в волосах?

— Звездная пыль, — отвечал я, пытаясь шагнуть ему навстречу непослушными ногами, как будто увязшими в густой патоке. — А в темноте у меня вокруг головы еще и ореол светится.

— Да и сгорбился что-то, — Джо вцепился в

мою руку.

— Знаешь, там ведь тесновато. Все десять лет только и дела, как бы не удариться головой о какую-нибудь распорку.

— Ничего, выпрямишься. Сразу, как только начнешь разглядывать новые здания. — Джо нагнулся и взял мой чемодан. — Я назначен к тебе гидом-опекуном, пока ты тут не освоишься. Не спрашивай, как мне это удалось! У меня тут завелось знакомство с ЭВМ-91, а она запанибрата с самим Главным Компьютером — каждое воскресенье играет с ним в винтики и болтики.

Он пнул ногой столбик у выхода с летного поля. Немедленно раздались звуки духового оркестра.

— Эта штука должна была включиться в первый же момент, как только ты ступил на твердую землю, — виновато усмехнулся Джо. — Наверное, что-то заело. Ну что ж, добро пожаловать домой!

Он хлопнул меня по плечу, мои ослабевшие ноги не выдержали, и я сел на землю. Он кинулся меня поднимать.

— Извини! — прокричал он.

— Ничего! — закричал я в ответ. — А куда это меня привезли?

— Да ведь ты отсюда улетал, разве не помнишь? С тех пор тут только кое-что усовершенствовали.

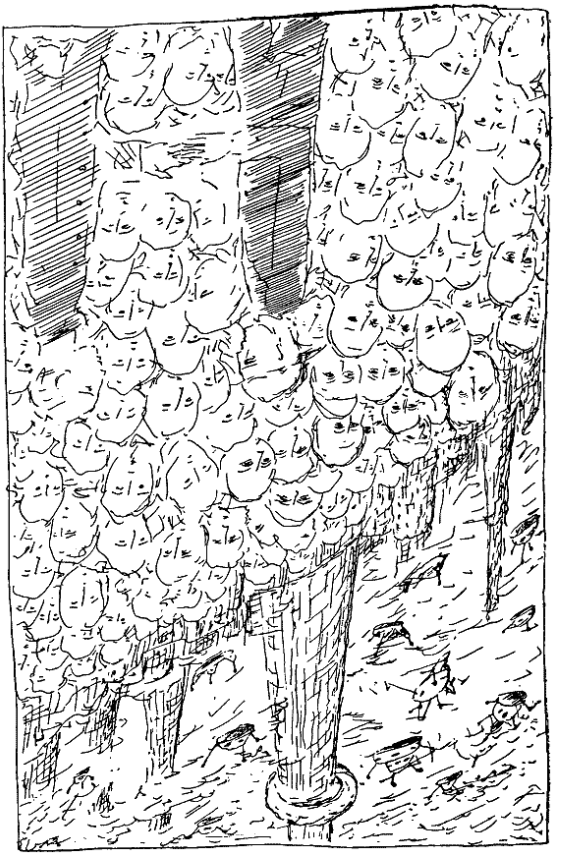
Нас окружала необозримая бетонная пустыня; там и сям над ней торчали какие-то долговязые зеленые зонтики. Десять лет назад — я это прекрасно помнил! — взлетную дорожку окаймляла зеленая травка, а на краю летного поля стояло несколько приземистых старых дубов, где гнездились птицы.

— Тебе нравятся эти новые вердатиленовые пальмы? — крикнул Джо в промежутке между двумя звуковыми ударами. — Там стоят стереорекордеры с записями птичьего пения. Их, конечно, не слыхать, но все равно приятно.

— Но где же река? Тут была река, — прокричал я.

— Это длинная история. У нас решили, что реки никому не нужны. К тому же сухие русла — идеальная дорога для скиммеров. Пойдем.

Я сразу узнал здание Штаб-Квартиры Космической Службы, похожее на цементные соты. Но теперь рядом с ним громоздился полукруг серых стеклянных стрел — они, казалось, пронзали небосвод и уходили все вверх и вверх, а серое небо волновалось вокруг них, как океан, и вместе с ним — маленькие облачка, как клочья пены… У меня закружилась голова.



Джо бережно усадил меня в скиммер, и скоро мы очутились у главного входа.

— Посиди тут, — сказал Джо, — я все оформлю.

Джо ушел, а я остался в машине, одолеваемый дурнотой и слабостью. Здесь было тепло и душно, но меня бил озноб. Даже на спутнике меня никогда так не трясло.

Джо вернулся быстро — видимо, мое прибытие на Землю не произвело особого переполоха. Он тащил с собой выданную мне почетную грамоту — «Герою Космоса»— с золотым обрезом и отштемпелеванными подписями президента и членов президентского совета (внизу были мелким шрифтом напечатаны скромные советы насчет того, как ее можно вставить в рамку), литерные продуктовые карточки на месяц и ордер на комнату, сроком тоже на месяц.

Мне дали квартирку на 78-м этаже стеклянной стрелы номер 9. В каждом из десяти таких зданий, окружавших Штаб-Квартиру, было по сотне этажей. На уровне 50-го этажа все десять зданий соединялись закрытой галереей с движущимся тротуаром. Он двигался только в одном направлении — направо, и если нужно было попасть

в здание, находящееся слева, то приходилось проезжать весь круг.

— Почему это? — спросил я Джо.

— Для архитектора это было дело принципа, — объяснил он. — Он ненавидел все левое.

Комната была крохотная, но удобно обставленная: диван-кровать, стул, на полу — толстый ковер, а на стене — фреска, изображавшая полуразвалившуюся изгородь, как на старинной ферме, с голубыми звездочками цикория и еще какими-то белыми цветами. Но главное, в квартире был душ! Джо только еще направился к двери, а я уже начал срывать с себя одежду. Это было невежливо — мне бы надо было хоть немного с ним посидеть, — но я махнул рукой на приличия. Я так мечтал об этой минуте на своем спутнике, где регенерированной воды хватало максимум на обтирания!..

Окна в комнате не открывались, и такого шума, как на улице, здесь не было. Правда, ударные волны от стратолайнеров долетали и сюда.

— А что, перерывов на обед у них не бывает? — зло спросил я.

— Ничего, привыкнешь, — улыбнулся Джо, уже берясь за ручку двери. — Не пройдет и года. Без этого будет даже скучно.

— Достань мне какие-нибудь затычки для ушей! — крикнул я ему вслед.

Я встал под душ и пустил горячую воду. Невиданное блаженство! Я забыл про звуковые удары, про несостоявшуюся торжественную встречу, про все на свете. И только я с наслаждением намылился во второй раз, как вода перестала идти. Я стоял, как дурак, и ждал, а она все не шла.

И только тут мне впервые бросилось в глаза маленькое объявление возле крана. Там было написано: «ПОЛЬЗОВАНИЕ ДУШЕМ СВЫШЕ ОДНОЙ МИНУТЫ И БОЛЕЕ ДВУХ РАЗ В НЕДЕЛЮ ЗАПРЕЩАЕТСЯ. ЗАЯВКИ НА ДУШ ПОДАЮТСЯ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО КОМПЬЮТЕРУ «ЗЕТ». НАРУШЕНИЕ ВЫШЕПРИВЕДЕННЫХ ПРАВИЛ КАРАЕТСЯ ЛИШЕНИЕМ ДУША НА ПОЛ ГОДА.»

К счастью, в ванной висело несколько полотенец, и я смог кое-как стереть с себя мыльную пену. Ощущение было такое, будто я превратился в змею, которая собирается менять кожу. Я схватил телефонную трубку и позвонил в «Стол справок». «Алло, — произнес металлический голос, — это Стол справок. Говорит автомат. Пожалуйста, посмотрите в список телефонов и наберите нужный вам номер». Щелчок. Я пробежал глазами список. «Водоснабжение» — вот что мне нужно! Ответил

мужской голос: «Служба водоснабжения. Заявки принимаются с шести до девяти часов утра. Пожалуйста, позвоните в указанное время». Щелчок.

Ну, это им так не пройдет! Я отдал десять лет жизни служению своей стране, и по крайней мере на один хороший душ я имею право! Безобразие! Я буду жаловаться в Конгресс, в Штаб-Квартиру Космической Службы! Напишу в газеты!

Я набрал телефон Управляющего. Холодный женский голос, записанный на пленку, ответил: «Если речь идет не о жизни и смерти, и не об атомном нападении, и не о вашей неплатежеспособности, вас просят воздержаться от обращения к Управляющему. В наших десяти зданиях 13017 комнат, а Управляющий только един. Если каждый квартиросъемщик хотя бы раз в месяц позвонит Управляющему, это составит 650 звонков за один рабочий день, 108 звонков за час, 1,8 звонка в минуту. Если принять во внимание гарантированный законом обеденный перерыв, это составит...»

Швырнув трубку, я кое-как напялил одежду и, покачиваясь от слабости, бросился вниз. После долгих блужданий по коридорам мне удалось разыскать главный вестибюль. Там не было ни души — стоял только автоматический регистра-

тор, весь в кнопках и лампочках. Он был утыкан целым созвездием стрелок, показывавших во все стороны. На одной из них было написано: «Управляющий, секция 9».

Я постучался в дверь, отделанную под красное дерево. Некоторое время ответа не было — слышались только какие-то щелчки. Потом дверь распахнулась. Небольшой уютный кабинет, устланный пурпурным плюшевым ковром, был освещен мягким рассеянным светом. Посреди комнаты стояла машина, тоже отделанная под красное дерево, с хромированной табличкой: «Управляющий № 9».

На мгновение я ощутил жгучее желание раздобыть где-нибудь кувалду. Разобравшись в множестве кнопок, я нашел надпись «Жалобы на обслуживание», напечатал свое прошение и сунул в щель. Последовала серия щелчков, потом выскочила аккуратная карточка с ответом: «ПО ЗАТРОНУТОМУ ВАМИ ВОПРОСУ СЛЕДУЕТ ОБРАТИТЬСЯ К УПОЛНОМОЧЕННОМУ ПО МЫТЬЮ. ПРОЙДИТЕ 50 ШАГОВ НА ЮГ, ПОВЕРНИТЕ НАПРАВО ПО КОРИДОРУ № 6, ПРОЙДИТЕ 40 ШАГОВ, ПОВЕРНИТЕ НАЛЕВО, 3-Я КОМНАТА НАПРАВО. ПОЖАЛУЙСТА, БРОСЬТЕ ЭТУ КАРТОЧКУ В ЯЩИК. БЛАГОДАРЮ ВАС».

Уполномоченный по мытью оказался не такой важной персоной: он был отделан всего-навсего под дуб. Но зато вид у него был куда дружелюбнее. Я снова опустил в щель свою жалобу. Машина погрузилась в размышления. Ее ровное гудение то и дело прерывали короткие вздохи и стоны. Потом гудение умолкло. Ответ гласил: «ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, ЧТО ВЫ ИСПЫТАЛИ ТАКОЕ НЕУДОБСТВО. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ВСЕ ЖИЛЬЦЫ ЭТОГО ДОМА ПОЛЬЗУЮТСЯ У НАС СОВЕРШЕННО ОДИНАКОВЫМ СЕРВИСОМ И ВНИМАНИЕМ. МЫ ПРОСИМ ВАС, НЕ ПРОЯВЛЯЯ РАЗДРАЖЕНИЯ, ПРИМИРИТЬСЯ С ПРАВИЛАМИ, КОТОРЫЕ ОСНОВЫВАЮТСЯ НА ПРИНЦИПЕ ВСЕОБЩЕГО РАВЕНСТВА И НЕ МОГУТ БЫТЬ ИЗМЕНЕНЫ НИ ПОДКУПОМ, НИ УГРОЗАМИ, НИ В ПОРЯДКЕ ЛИЧНОГО ОДОЛЖЕНИЯ, БЛАГОДАРЮ ВАС».

Кровь бросилась мне в голову. Кожа моя, казалось, вот-вот треснет от малейшего движения. Я понял, что в таком виде — заскорузлый, недомытый — никогда не смогу заснуть. Шатаясь, я выскочил из кабинета и забегал по нескончаемой путанице коридоров.

Кабинет Главного Управляющего был большим и элегантным. Он был отделан в серебристо-голубых тонах, а посередине, спиной к окнам, стояла

великолепная, сверкавшая серебром машина, у которой поперек лба мерцающими голубыми огоньками было выведено: «Главный Управляющий». Все началось сначала. Теперь я подробнее распространился о своих заслугах, упомянул свои научные степени, опыт работы, космический стаж и мировой рекорд и подписался: «Почетный Космонавт-Наблюдатель в отставке».

Я ожидал, что машина будет потрясена. Но она и лампочкой не мигнула. Ответ выскочил тут же — не слышно было даже обычного кряхтения и скрипа. На карточке стояло: «ПО ВАШЕМУ ВОПРОСУ, ОЧЕВИДНО, СЛЕДУЕТ ОБРАТИТЬСЯ К ГЕНЕРАЛЬНОМУ УПРАВЛЯЮЩЕМУ. ПРОЙДИТЕ 50 ШАГОВ К ЮГУ, ПОВЕРНИТЕ НАЛЕВО, ПРОЙДИТЕ 30 ШАГОВ, ПРАВАЯ ДВЕРЬ. БЛАГОДАРЮ ВАС, СЭР». На этот раз дверь за мной уже не захлопнулась, а мягко закрылась. Видимо, мне все-таки удалось произвести впечатление!

На массивной ореховой двери Генерального Управляющего висела маленькая позолоченная табличка с надписью «Пожалуйста, снимите шляпу». Я немного растерялся, потому что мне снять было нечего. Когда же дверь в эту святая святых распахнулась, передо мной предстало ослепительное зрелище. В вызолоченном от

пола до потолка кабинете стоял Генеральный Управляющий, весь облицованный чистым золотом! Это был самый большой Управляющий, какого я до сих пор видел. На его пульте, как на новогодней елке, перебегали и перемигивались миниатюрные огоньки, тоже золотые. Я робко вошел, жмурясь от яркого света, тщательно отпечатал свою жалобу и почтительно представил ее на рассмотрение этого высшего трибунала.

На этот раз на размышления потребовалось еще меньше времени. Ответ, выскочивший из шели, был внезапным, как удар бутылкой по голове. Золотые буквы гласили: «НАМ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, НО ПО ТАКОМУ ВОПРОСУ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО БЕСПОКОИТЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО. ЕСЛИ РЕЧЬ ИДЕТ НЕ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ, И НЕ ОБ АТОМНОМ НАПАДЕНИИ, И НЕ О ВАШЕЙ НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ, ВАС ПРОСЯТ ВОЗДЕРЖАТЬСЯ ОТ ОБРАЩЕНИЯ К НЕМУ. В НАШИХ ДЕСЯТИ ЗДАНИЯХ 13017 КОМНАТ, А УПРАВЛЯЮЩИЙ ТОЛЬКО ОДИН. ЕСЛИ КАЖДЫЙ КВАРТИРОСЪЕМЩИК ХОТЯ БЫ РАЗ В МЕСЯЦ ОБРАТИТСЯ К ГЕНЕРАЛЬНОМУ УПРАВЛЯЮЩЕМУ, ЭТО СОСТАВИТ 650 ОБРАЩЕНИЙ В ДЕНЬ, 108 ОБРАЩЕНИЙ…»

Я порвал карточку, швырнул ее Генеральному

Управляющему в циферблат и шатаясь вышел. Прижимая к груди купленную по дороге в автомате бутылку питьевой воды (цена ее, как я заметил, со времени моего отлета удвоилась), я поплелся по коридору.

Через некоторое время я заметил впереди горничную в синей форме с пачкой чистых полотенец подмышкой. Она с любопытством взглянула на меня, и я возмущено выложил ей всю историю. Она захихикала.

— Чего ж вы сразу ко мне не подошли? — сказала она. — Уж кого-кого, а вашего водопроводчика я хорошо знаю.

Честное слово, десять долларов — не так уж много за хороший трехминутный горячий душ. И вдобавок за пару чистых полотенец. Правда, пришлось дать торжественную клятву молчать об этом до конца своих дней.

Через час явился Джо с охапкой журналов и бутербродом.

— Как дела? — спросил он таким тоном, каким, по его мнению, следовало говорить у постели больного. Получилось на редкость противно.

— У меня, кажется, отекла левая нога, — бурк-

нул я.

— Ну ничего, поправишься в два счета, — утешил он меня с самодовольной улыбкой. — На твоем месте я бы не стал особенно расстраиваться.

— Я бы тоже не стал, если бы нога отекла у тебя, — огрызнулся я и рассеянно принялся за бутерброд. Он был намазан какой-то незнакомой мне, по вкусной пастой. Джо включил радио.

— «…и Космоцентр сообщает, что наш космический корабль, возвращающийся с Марса, сейчас находится на расстоянии всего 37 дней полета и по-прежнему движется по траектории, близкой к расчетной. После одиннадцатимесячного полета все системы корабля работают нормально! Вчерашний метеоритный поток обшивку почти не нарушил. Новых потоков не предвидится. Ученые с нетерпением ожидают прибытия экспедиции. Скоро они смогут познакомиться с таинственным содержимым запечатанного контейнера, который она доставит с Марса. Существовала ли на Марсе цивилизация? Отчего она погибла? Наконец-то мы получим ответ на вопросы, которые задает себе человечество с незапамятных времен. Прибытие экспедиции намечено на 16 сентября. — на величайший день нашей истории! Это

замечательное достижение достойно венчает славные двести лет прогресса, какого не знала ни одна нация в мире!»

— Что они там болтают о запечатанном контейнере, куда Клекстон сложил все это барахло, которое собрал на Марсе? — спросил Джо. — Зачем его запечатали?

— Чтобы исключить загрязнение, — с чувством собственного превосходства ответил я.

— А как же Клекстон — ведь он держал в руках все эти штуки, прежде чем засунуть их в контейнер и запечатать?

— Он был одет в простерилизованный скафандр.

— А все эти твои ученые шишки в Космоцентре — разве они не сунут свой длинный нос в контейнер, как только его вскроют?

— Не сомневаюсь, что они примут все меры предосторожности.

Джо задумался. Потом в его глазах появилось умоляющее выражение.

— Послушай, Фитц, старина, а как бы мне туда попасть? Ведь я же твой гид-опекун, а?

Всю ночь меня мучили кошмары. Мне снилось,

что какой-то гигант, извергавший звуковые удары, навалил мне на грудь тяжелые бетонные плиты вместо одеяла. Когда утром за мной зашел Джо, я, не дожидаясь завтрака, потребовал, чтобы он повел меня покупать ушные затычки, о которых он, по свойственному ему легкомыслию, забыл.

Мы вышли на улицу. Дышать было трудно, так как свой кислородный ранец я решил оставить дома. Вскоре мы оказались в самой гуще громадного торгового центра, выросшего здесь уже в мое отсутствие. Нас окружил целый суматошный город маленьких, нарядных, похожих друг на друга магазинов, которые перемежались с громадными административными зданиями. Среди серого бетона тротуаров там и сям попадались искусственные деревья или фонтаны с бетонными копиями знаменитого брюссельского писающего мальчика, — но им, увы, уже давно было нечего из себя изливать.

Бросалось в глаза обилие специализированных магазинов, отличавшихся друг от друга цветом отделки: казалось, здесь есть по отдельному магазину для любого пустяка, любого вида услуг, оборудования, запчастей. В одной лавке продавали исключительно очки с разноцветными

стеклами, предохраняющими, как авторитетно гласила вывеска, от «бетонной слепоты». Витрина другой была уставлена запыленными чучелами птиц, на которые пялили глаза любопытные прохожие. Меня так и потянуло туда, но зайти я не решился. Из магазина «Дары планктона» неслись запахи моря; рядом я увидел универмаг «Батарейки и топливные элементы», «Чистку космических костюмов», магазин наручных телевизоров и салон, торговавший транзисторными «слухачами» с гарантией подслушивания любого разговора на расстоянии шести кварталов. Соседняя дверь вела в магазин «Антислухач», где продавали приспособления, гарантировавшие защиту от «слухачей».

На каждом шагу нам попадались люди со всевозможными ушными затычками. Некоторые казались просто смехотворными, и я старался на них не смотреть, потому что мне предстояло вскоре выглядеть не лучше. Мы пробирались вперед, пока не заметили вывеску в форме человеческого уха. Джо подтолкнул меня к двери.

— Теперь ты поймешь, почему я не купил тебе затычки, — усмехнулся он. — Это все равно, что выбирать жену.

Нас вежливо приветствовал продавец —

бритоголовый верзила с веселыми глазами и изъеденными флюорозом зубами. На нем были ярко-зеленые, заостренные, как у гнома, уши, — они придавали ему нелепый и какой-то неземной вид. Но встретил он нас совсем по-земному.

— Лопоухие, остроухие или невидимки? — быстро спросил он, повернулся на каблуках и схватил с полки несколько коробок. — Электронные? Юмористические? С ручным управлением? Полуавтоматы? Декоративные, как у меня? Цветные? Прозрачные? В какую цену, сэр?

Мне осталось только пожать плечами и беспомощно поглядеть на Джо.

— Как насчет Висячих — Собачьих? — продолжал продавец. — Последняя модель! Легко надеваются!..

Он показал на два громадных собачьих уха, которые, как ни странно, очень шли голове-манекену, стоявшему на прилавке.

— Чтоб вам провалиться! — сказал я. — Неужели у вас нет таких маленьких круглых затычек — из губчатой резины, что ли...

Продавец перерыл множество коробок и в конце концов нашел то, что нужно. Правда, к каждой затычке было для удобства привешено по полуторадюймовой цепочке, но я уже не стал возражать.

На лучшее надеяться не приходилось.

Выйдя из магазина, я взглянул на Джо. Тот по-прежнему молчал.

— А где твои затычки? — заорал я, пытаясь перекричать очередной звуковой удар.

— Они мне теперь не так уж нужны. Обрати внимание: их носят далеко не все. Только те, кто не утратил остроты слуха.

— Но ведь это значит, что ты глохнешь!

Джо обиженно кашлянул.

— Так говорить у нас не принято. По врачебной номенклатуре это называется «аккомодацией органов чувств». Человеческие уши — атавизм, они хороши только для пещерных людей. Излишняя острота слуха сейчас никому не нужна.

— Все ясно: ты читаешь по губам, — безжалостно заявил я. — То-то я вижу, что глаз с меня не сводишь. Словно у меня подбородок в яичнице.

— Все читают по губам, — резко возразил Джо. — Теперь этому в школе учат. А кто не выучился в детстве, ходит на вечерние курсы. Ну скажи мне — только честно — зачем нам нужны эти пещерные уши? Притупленный слух гораздо лучше! Во-первых, он спасает от помешательства. Во-вторых, я могу пойти на вечеринку, где полным-полно народу, и понимать все, что го-

ворит мой собеседник. Держу пари — ты так не можешь!

Я подумал, что тут он, пожалуй, прав.

— Теперь смотри, куда я поведу тебя завтракать. В самое что ни есть лучшее место в городе!

Мы свернули в первый же переулок и через некоторое время оказались перед сводчатой нишей, из которой куда-то вниз вела лестница. Мы спустились по ней и попали в роскошный салон. Вдоль стен стояли небольшие столики, мягко освещенные оранжевыми лампами. Красные бархатные скатерти, покрытые прозрачной клеенкой, напомнили мне о старинных уличных кафе в Гааге, где я много лет назад побывал с матерью. Стены кафе были покрыты яркими современными фресками, а пол — толстым зеленым ковром, похожим на дерн. Ни один уличный звук не нарушал здесь благословенной тишины. В зале было человек двадцать, они тихо переговаривались между собой и не спеша ели — по прекрасному старинному обычаю вилками.

Мы уселись за столик. Джо поколдовал над панелью с кнопками, раздался негромкий щелчок, и в стене бесшумно отворилась дверца. Там стоял наш завтрак. Конечно, ароматные, шипящие сосиски были только приправлены мясом. Но

разве это так уж важно? Этот недостаток с лихвой восполнял глутамат натрия. Яйца — первые яйца, которые я увидел за десять долгих лет, — тоже были ароматизированы, но к этому я привык еще раньше. Еще мой отец говорил, что запах у яиц пропал со времен второй мировой войны — с тех пор, как кур стали выращивать в инкубаторах, — так что деревенских яиц мне отведать не довелось. А теперь передо мной красовалась яичница с зелеными листиками петрушки на желтках — она еще источала жар и была приготовлена из самых натуральных яиц. Просто пища богов!

— Не знаю, чего тебе больше захочется — пирога с клубничным вареньем или оладьев. Я заказал и то и другое, — сказал Джо, облизываясь. — Между прочим, я заказывал на твою карточку: она вдвое больше моей. Может быть, хочешь меду, старина? Эрзац, но неплохой.

Раньше, на спутнике, я временами начинал побаиваться, не атрофируются ли у меня вкусовые сосочки на языке. Но тут я понял, что мои страхи были напрасны.

— А где твой кислородный ранец? — спросил

Джо.

— А что, я его обязан носить?

— Вообще-то нет. Но лучше делать, как все. Я вижу, ты вообще пока не очень приспособился. Уж очень многое тебе не нравится. Смотри, привыкай поскорее.

— Зачем? — зло спросил я.

— Как зачем? Иначе тебя поставят на фобоучет.

Все удовольствие от завтрака было испорчено. Мне словно сунули за шиворот сосульку.

— А что это за фобоучет?

— На эту тему мне с тобой говорить не велено. — Джо опустил глаза.

— Но ты уже начал.

— Ну, ладно, — со вздохом согласился Джо. — Будем говорить начистоту. Я сам фоб.

— Так что же это такое? Что, у тебя припадки бывают?

Он обиженно взглянул на меня.

— Восемьдесят процентов американцев — точнее, восемьдесят один и две десятых процента. Ничего постыдного в этом нет. Разных фобий сейчас сотни две. Собакофобия, кошкофобия, наукофобия, клаустрофобия, дверефобия, агорафобия…

— А можно узнать, какая у тебя?

— Погоди, дай кончить. Экскрефобия, планктонофобия, огнефобия, сексофобия, амбулафобия, рыбофобия…

— Я уже все понял!

— Так вот, из-за всех этих фобий пришлось организовать Институт фобофобической панофобии. Ты идешь туда, тебя обследуют, назначают лечение и ставят на фобоучет. То есть дают испытательный срок.

— Ясно. Но скажи на милость, старина, у тебя-то какая фобия? — усмехнулся я. Джо покраснел, но взял себя в руки.

— У меня очень хитрая фобия, такая бывает только у интеллигентов. У меня фобофобия.

На его лице было написано глубокое страдание.

— Большей частью человек начинает с какой-то одной крохотной фобии, а потом понемногу превращается в панофоба — всего боится. Это общая тенденция. А вот фобофобы боятся не чего-нибудь определенного — они выше этого. Самая высшая форма фобии — боязнь боязни, это совершенно абстрактное понятие. Не каждому такое дается.

И тут я заметил, что вилка дрожит в его руке. Вид у него был жалкий. Он поднял голову — в

глазах у него стояли слезы. Это было так не похоже на Джо…

— Давление среды, — пробормотал он. — Люди сигают из окон по десять человек в день. На всех новых зданиях пришлось над первым этажом ставить предохранительные сети для самоубийц.

— Да ну? — удивился я.

— От рек отказались отчасти и потому, что в них легко утопиться. Ну и, конечно, после Великой Зеленой Чумы 1983 года.

— Понятно, — заметил я, радуясь, что он сменил тему.

— Ты же знаешь, какая пакость эти реки, — и чем дальше, тем грязнее. Вода в них стала такая густая, что даже не течет. В ней развелась тьма инфекций — больше четырех тысяч видов.

Мне опять вспомнилось прошлое — лунные блики на воде, бегущие по реке суда, гудки…

— И как же вы разделались с этой грязью?

— Это оказалось не так уж сложно, как только всем стало ясно, что нужны решительные меры. В Великую Зеленую Чуму за две недели сожгли пятьдесят тысяч трупов, и сентименты быстро отбросили. Все было сделано очень просто — взяли и отвели воду из притоков. Поверь, это оказалось дешевле опреснения. Но крупные реки, конечно,

пересохли.

— Здорово придумано, — кивнул я. — А куда деваются стоки? И чем пополняются океаны?

— Чем пополняются? Конечно, стоками, как и раньше. Но теперь стоки не разбавляют чистой водой, и их можно отводить по трубам. Такие трубы тянутся через всю страну. А часть стоков сначала используют для удобрения.

— Разумно, — сказал я, — В Азии так делали испокон веку.

— Ну что ж, пойдем, старина, — вздохнул Джо.

Джо опустил мою продовольственную карточку в щель автомата, подождал, пока на пей не будет сделана нужная отметка, и повел меня к выходу.

Кто-то громко окликнул меня. Сквозь толпу ко мне продирался профессор Стэдмен — милый старый профессор биологии из Стэнфорда. Он был сперва моим кумиром, а потом — близким другом и оставался им на протяжении всех восьми лет, пока я учился на старших курсах, в аспирантуре и когда я уже преподавал сам. Именно со Стэдменом мы с горечью пришли к выводу, что наша профессия становится никому не нужной. Птиц с каждым годом оставалось все меньше. Их чириканье все реже слышалось в лесах и

полях. Целый класс животного мира исчезал с лица земли. Экскурсии со студентами на лоно природы превращались в какие-то заупокойные службы. И моя прекрасная, жизнерадостная работа все больше и больше сводилась к одному лишь чтению лекций в музее с показом цветных диапозитивов…

— Поехали ко мне, — сказал Стэдмен. — У меня заоблачная квартира в университетском общежитии, а Кобу приготовит нам настоящее японское жаркое — он это сделает за десять минут. Кроме того, он выращивает у нас на окне клубнику — большую, как яблоки, ну, может быть, чуть меньше.

Джо поднял руки.

— Сдаюсь. Сегодня в столовых только суп из простейших да кукурузные оладьи. А кстати, где вы достаете мясо? Ваше жаркое, случаем, не из лягушек с мышами? Мне всегда внушает недоверие биолог, который угощает мясом…

Из окон квартиры профессора — она находилась на восемьдесят первом этаже — открывался чудесный вид. Он был бы еще краше, не будь вокруг столько смога.

Русло Бывшего Гудзона было залито асфальтом и выкрашено в приятный зеленый цвет. С такой

высоты, глядя сквозь желтый туман, зеленый асфальт можно было принять за воду. Мне вспомнились далекие свистки барж, еще более далекий низкий гудок прибывающего парохода… Она и тогда была грязной, эта река, но она все-таки текла здесь…

Теперь на смену лодкам и яхтам пришли скиммеры, микроскутеры, минибусы и субурбанеты. Река превратилась в гоночный трек. Но этот прогресс меня почему-то не радовал, меня почему-то охватывала тоска. Неужели я превращаюсь в строптивого дряхлого упрямца, в древнюю развалину? Надо смириться, как советовал Джо. Прошлого не вернешь.

Профессор приволок из кабинета громадный фолиант. Это было последнее роскошное издание «Исчезнувших птиц Америки».

— Взгляни на эти фотографии, — сказал он и принялся листать красочные страницы. — Помнишь зимородков над ручьем? А помнишь, как мы выслеживали зеленых славок и всегда оставались в дураках? А кардиналов на снегу помнишь? Они уже четыре года как вымерли.

Профессор листал книгу, а я смотрел через его плечо, пока с одной из страниц на нас не уставился своими хищными немигающими глазами

белоголовый орел.

— А как Американский Орел попал в эту книгу? — мрачно спросил я.

— В качестве предостережения, — ответил профессор. — Их осталось ровно тринадцать: восемь на Аляске и пять во Флоридаполисе.

— Откуда это так точно известно? — удивился я.

— Из последнего отчета Департамента исчезающих видов.

— Но почему до сих пор ничего не сделали для их спасения?

— Как не сделали? Сделали очень много, мой друг! Провели 62 исследовательские работы, написали 469 исчерпывающих докладов, предложили 3450 рекомендаций. Еще израсходовали девяносто восемь миллионов долларов.

— А отравлять их перестали?

— Да, но препараты из семейства ДДТ продолжали накапливаться в пище и после того, как их запретили.

— Исследования… отчеты… да мы уже пятьдесят лет знаем, от чего они гибнут!

Профессор невесело усмехнулся.

— Это уже политика!.. И вот начинается вся эта национальная шумиха, называемая Двухсот-

летием Конституции. А где наш гордый символ Америки? Дышит на ладан? Позор! А какое недоброе предзнаменование! Да к тому же, того и гляди, об этом пронюхают русские. Какой ужас! Необходимо что-то предпринять, чтобы спасти хотя бы этих последних тринадцать. Что-нибудь отчаянное.

Вскоре я узнал, сколько горькой правды скрывалось в его словах…

На следующий день Джо разбудил меня отчаянным стуком в дверь.

Утро было прескверное. На ясный солнечный день я и не надеялся — такие дни ушли вместе с моим детством. Десять лет назад, когда я улетал на свой спутник, солнце уже было неярким и бледным — на него можно было глядеть без всяких темных очков, но его, по крайней мере, хоть было видно. Однако с тех пор как я вернулся, я лишь несколько раз видел на небе желтое смазанное пятно, задернутое тяжелыми облаками.

Ушел в прошлое и старый добрый дождик, который когда-то шумел за окном или капал за шиворот. Погода стояла теперь какая-то никакая — туманная, сухая, пыльная тоска. Застегивая

рубашку, я выглянул в окно:

— Мерзкий день. Что, в августе всегда так?

— Всегда — летом, зимой, весной и осенью. Но иногда выдается несколько солнечных дней вроде вчерашнего.

Я уставился на него.

— Да, неужели ты не заметил, что небо в одном месте пожелтело? По сообщению Атмосферного Центра, вчера стоял солнечный день.

— Боже мой! — воскликнул я — Что мы сделали?

— Это не мы — все было сделано уже до нас. Теперь, после этих массовых заморов семидесятых годов, все газовые выбросы очищаются. Конечно, кроме самолетных выхлопов, — в стратосфере это просто невозможно. Но мы сделали, что могли. Знаешь, во сколько это обошлось? Мы, дорогой мой, старались вовсю!

— Знаю, знаю.

— Мы много чего сделали! Мы принесли огромные жертвы! Весь наш транспорт пошел насмарку. Автогонкам пришел конец. В городе пошли в ход чуть ли не детские коляски, а по нашим замечательным автострадам ездят паровые машины образца 1910 года…

От прежнего спокойствия Джо не осталось и

следа.

— Это не наша вина, — выкрикнул он и проглотил несколько успокаивающих таблеток. — Пойми ты, было уже поздно! Нам сказали, что если мы перейдем на двигатели внешнего сгорания, вся эта мразь, которой мы пытаемся дышать, развеется, улетучится или что-то в этом роде.

— Но этого не случилось?

— Теперь нам говорят — уже задним числом, после того, как мы все сделали, — что над океаном не хватает чистого воздуха, чтобы разогнать туман. Короче, над океаном тоже смог.

Тут и я уже не выдержал.

— Брось, Джо, — сказал я. — Ты меня разыгрываешь.

И тут же я подумал о непрерывных звуковых ударах взлетавших самолетов, которые так действовали на мои расстроенные нервы.

— А, черт, ведь вся стратосфера, наверное, загажена выхлопными газами: им там просто некуда деться — новая дымовая завеса, а мы еще со старой не разделались.

…В эту минуту под дверь кто-то подсунул пакет. В нем оказалось письмо из Космоцентра.

«Дорогой мистер Фитцсиммонс, добро пожа-

ловать на Землю! Хотя мы пристально следили за Вашим недавним перелетом со спутника и радовались Вашему благополучному возвращению, мы не стали беспокоить Вас до окончания первой стадии акклиматизации. Однако сложившаяся ситуация не позволяет больше медлить.

Как известно, до 16 сентября — Дня Провозглашения Конституции США и празднования Двухсотлетия нашей нации — осталось менее месяца. Эта дата является также днем официального утверждения национальной эмблемы — Американского Белоголовою Орла.

Недавно стало известно, что наблюдается некоторое сокращение численности орлов...».

— Ничего себе сокращение, — горько усмехнулся я.

«...Я уверен, что все патриоты Америки разделяют мои чувства по отношению к этому высокому символу блистательного величия, в течение стольких лет воодушевлявшему наш народ...»

— Красиво шпарит! — восхищенно пробормотал Джо.

«...Подыскивая человека, достаточно компетентного, чтобы принять на себя заботу о сохранении нашей Национальной Эмблемы (но крайней мере до дня празднования), я счел, что Ваши научные познания в орнитологии в совокупности с беззаветным служением на поприще космических исследований позволят Президентскому Совету единодушно принять Вашу кандидатуру.

Поскольку ценность царственной птицы — как с точки зрения психологии, так и из соображений пропаганды — далеко превосходит любую мыслимую сумму денег, в отношении расходов вам предоставляются неограниченные полномочия».

— Ого! — прошептал Джо. — Открытый счет!

«Поэтому я имею честь назначить Вас Председателем Временного Комитета по Защите, Сохранению, Размножению и Прославлению Великого Американского Белоголового Орла. Я назначил также комитет из пяти видных специалистов для проведения Ваших директив в жизнь.

Искренне Ваш,

Б.-и. Боннет,

Генеральный Космический Директор».

Внизу была приписка:

«Заседание Национального Юбилейного Комитета по празднованию Двухсотлетия состоится в Пятидесятизвездном Зале Космоцентра в Вашингтоне в 10 часов 24 августа. Ждем Вас. Б.-Н.».

— Смотри-ка! — охнул Джо… — Сам Бенедикт-Наполеон? Они, видно, считают тебя и в самом деле важной птицей!..

— Да, я действительно был слегка разочарован тем, как меня встретили, — с достоинством сказал я, — но теперь я вижу, что меня просто решили поберечь.

Я понесся к профессору поделиться этим неожиданным известием.

— Ты понимаешь, что это значит? — спокойно спросил Стэдмен.

— Ну, не совсем. Потому-то я и пришел к вам.

— Это самый большой скандал в нашей истории. Фотографии Американского Орла развешаны

по всем столбам и кислородным киоскам. Ведь двести лет исполняется и Эмблеме тоже. — Он тяжело вздохнул. — А теперь осталось тринадцать замученных, полудохлых птиц, и отвечаешь за них ты!

У меня пошел мороз по коже.

— Подумай об охотниках за сувенирами, — продолжал он, — ведь каждому понадобится по перу из орлиного хвоста! А представители музеев, которые понаедут за экспонатами! А любители фейерверков! А эти идиоты с ружьями, которые на все пойдут, лишь бы пальнуть в орла! А шутники! А просто любопытные невежды с прожекторами! Я уж не говорю о жуликах, спекулянтах и психах!..

— Может быть, вам лучше не ввязываться, — произнес я, глядя в сторону.

— Мой мальчик, — усмехнулся профессор Стэдмен, взяв меня под руку, — я пойду за тобой всюду и сам буду сидеть в засаде с пулеметом или дезинтегратором, где ты только скажешь.

Мы обнялись. Потом сели и тотчас принялись разрабатывать срочные меры.

Для начала мы связались по радио с властями Аляски и приказали им установить круглосуточный кордон вокруг гнездовий американских

орлов и ни под каким видом туда никого не пускать, даже нефтяников. Власти, как мне показалось, были готовы пойти нам навстречу.

Обеспечив (как мы надеялись) временную безопасность орлов Аляски, мы позвонили губернатору Флоридаполиса и потребовали, чтобы он тоже дал распоряжение о круглосуточном патрулировании в районе сохранившихся на его территории трех гнезд с пятью птицами. Он, однако, был несколько обеспокоен: а как быть с частными владениями? Я твердо заявил ему, что это чрезвычайный случай, что у меня особый приказ Б.-и. Боннета и что эти птицы теперь находятся в моем распоряжении. «Ладно, сделаю все возможное», — проворчал он. «Сделайте больше», — сказал я и повесил трубку.

Потом я приступил к сбору своего комитета на экстренное совещание. Члены комитета уклонялись, как могли. Я наивно полагал, что все, как я, загорятся желанием решить эту безотлагательную острую проблему. Как я ошибался!

Столь же наивно я полагал, что смогу позвонить шефу Бенедикту-Наполеону, дабы уточнить свои полномочия и посоветоваться. Однако подняться выше третьего секретаря-референта мне не удалось, да и то ее автоматический телетаймер

прерывал наш разговор после первых семидесяти пяти слов. В конце концов я подстерег секретаршу на улице.

Мне было сказано, что мои намеки на недостаток внимания к орлам совершенно необоснованны. Наоборот, орлы окружены вниманием! В вашингтонском Хранилище научных работ исследованиями, посвященными орлам, завалено целое крыло флигеля, две временных пристройки, и еще три контейнера стоят во дворе нераспечатанными.

Она надвинула кислородную маску и шагнула прочь. У меня екнуло сердце.

— Но как же я смогу познакомиться со веем этим материалом, узнать о сегодняшнем положении дел…

— В Главном Мозге хранится достаточно информации, чтобы за несколько дней работы вы получили обо всем представление.

И она побежала к минибусу.

Пришлось отправиться в Главный Мозг. Там я отыскал орнитологическую секцию, а в ней — обширный угол, отведенный семейству Haliacctus leucoccphalus (отряд соколиных).

Десять лет назад, когда я работал в университете, меня волновало только исчезновение милых

моему сердцу певчих птиц. Об орлах я тогда и не задумывался. Теперь же я узнал, что уже тогда орлы вымирали на протяжении нескольких десятилетий. От трехсот с лишним тысяч белоголовых орлов, которые насчитывались в 1782 году — каких-то двести лет назад, когда наши прадеды изобретали национальную эмблему, — осталось только тринадцать! Невозможно! Убийственно! Кощунственно! Охваченный гневом, я углубился в историю.

«…К 1975 году, — читал я в одной из выданных Главным Мозгом карточек, — земельная собственность на Аляске и во Флориде сильно поднялась в цене. Это не позволило отвести сколько-нибудь значительные площади для заповедников. Никакой реальной ценности орлы не представляли. Их отстрел в какой-то мере контролировался, но применение пестицидов продолжалось и расширялось».

Понемногу я успокоился и даже почти поборол уныние. Мне пришлась по душе атмосфера Главного Мозга — царящие здесь покой и тишина, немедленно поставляемая информация и весело подмигивающие лампочки на пультах.

И все же временами меня охватывал ужас. Например, когда я читал о том громадном белого-

ловом орле, который лениво парил над каньоном, когда два фермера, сидевшие в маленьком самолете, открыли по нему стрельбу. Сперва орлу подбили одно крыло, и он начал сваливаться в штопор, но все еще пытался подняться и улететь. Ему удалось попасть в восходящий поток и удержаться в воздухе, но подняться выше он не мог, и они летели за ним, время от времени постреливая, — просто так, для развлечения, — пока он не выбился из сил. Потом они любовались, как он штопором падал в реку. По их словам, это было потрясающее зрелище — ничего подобного они в жизни не видели.

И тут я вдруг почувствовал, как меня бросило в жар. Я весь покрылся каплями пота.

— Никому нет дела до этих орлов, — бормотал я про себя. — И почему все это свалилось на меня? Я не могу… Отвечать никто не хочет… На карту поставлена моя репутация… Что я могу сделать?

Я начал припоминать, что мне говорил профессор. «Им только и надо, чтобы птиц хватило на праздник. Не стоит выбиваться из сил». «Но я могу попробовать», — отвечал я. Он тяжело вздохнул. «Для спасения белоголового орла нужны сосредоточенные усилия по крайней мере двух поколений — и боюсь, что это должны были быть

два уже прошедших поколения...»

Я неожиданно захохотал. Неверными шагами я брел по залу, хватаясь за пульты, и хохотал как безумный. Люди удивленно оборачивались, показывали на меня пальцами, но я не мог остановиться. И вдруг я понял, что это вовсе не смех. Поток воздуха от кондиционера ударил меня в лицо, оно оказалось мокро от слез. Шатаясь, я направился к выходу — и увидел стоящую в дверях девушку.

Голубой облегающий форменный костюм делал ее похожей на песочные часы. Она стояла, высокая, гибкая, стройная, и от нее словно веяло прохладой и спокойствием. Она взяла меня под руку, проворно отвела на пустынный дворик и посадила на мраморную скамейку под искусственным кедром.

— Ну-ну, успокойтесь, — сказала она профессионально участливым голосом медсестры. — Сядьте здесь. Прислонитесь к дереву. — Она приложила руку к моей щеке, — У вас жар. Вот примите-ка две таблетки.

Она присела рядом, не отрывая от меня заботливого и в то же время немного иронического взгляда. Ее красота не была классической: вздернутый нос, пухлые губы. Но увидев, как она сидит

на краешке скамейки, чуть склонившись ко мне, а ветерок слегка треплет ее распущенные волосы, я вдруг подумал, что это какое-то таинственное космическое существо, ниспосланное небесами, чтобы поддержать и утешить меня. Мне стало гораздо лучше.

— Все в порядке, — признался я. И, ужасно смутившись, выпалил:

— Я Ласк Фитцсиммонс. Может быть, вы слыхали — я на прошлой неделе прилетел со спутника. Я еще не приспособился к земной жизни. Меня еще ноги не держат.

Ее аквамариновые глаза широко раскрылись.

— Ой! — воскликнула она, всплеснув руками, как ребенок, и мгновенно сбросив с себя профессиональное бесстрастие. — Вы правда тот самый знаменитый Фитц? А я ведь все время мечтала вас увидеть! Вот здорово!

Я скромно кивнул.

— Вы здесь работаете? — спросил я. — Или только сейчас спустились с небес?

Она звонко рассмеялась.

— Нет, к небесам я не имею никакого отношения! Меня зовут Либби Лэнг. Я работаю сестрой милосердия здесь, в медпункте. Мы не показываемся, пока что-нибудь не случится, поэтому вы

меня и не видели. Шизофреники звереют, если чувствуют, что за ними наблюдают.

— Я и не думал, что в этой горе винтов, проводов и лампочек прячутся живые люди. А сами вы, кстати, не робот?

— Ну что вы! Можете потрогать, — она приложила мою руку к своей щеке. Я почувствовал себя как-то странно, и мне захотелось еще раз ее коснуться. Ведь я столько времени не видел настоящей живой девушки!

— А что вы делаете? Няньчитесь с винтиками и болтиками и меняете предохранители?

— Дело не в этом. Если кто-то здесь начинает отдавать концы, я бегу за реаниматором. Оказываю помощь, если кто-нибудь падает в обморок. Бывают еще острые приступы агорафобии: когда в ответах Главного Мозга упоминаются фермы, коровы и прочие диковины, агорафобы начинают кричать или даже пытаются покончить с собой. Вот и приходится за ними присматривать.

— Печально.

— Это еще не все. Хуже всего и чаще всего случаются просто припадки. До десяти случаев в день.

— А что это? Обмороки?

— Не совсем. Некоторые просто теряют сознание, у других начинаются судороги, а кое-кто

начинает бушевать и даже крушить все вокруг.

— А почему?

— Причины разные. Вообще-то это называется «синдром побочных явлений».

— А что это такое? — я решил, что через такого посредника знакомиться с новым миром куда приятнее, чем при посредстве Главного Мозга, и боялся только одного — что в любую минуту кому-то может потребоваться ее помощь.

— Ну, вы ведь знаете, что сейчас существует по меньшей мере шестьдесят семь принудительных прививок, которые обязан делать каждый.

— Когда я улетел, их было только пятнадцать.

— Каждый год прибавлялись новые. Забота о здоровье населения, сами понимаете. Пытаются создать массовый иммунитет.

— Против чего?

— Видите ли, приходится делать прививки от Черной Смерти, Красной Смерти. Зеленой Смерти и Алой Смерти — все эти болезни от плохой воды.

— Но ведь рек уже не существует.

— Не совсем так. Вода из притоков все-таки поступает в водопроводы. А вирусы, о которых я говорю, не боятся обработки и проскакивают сквозь фильтры.

— Вернусь-ка я, пожалуй, к себе на спутник, — сказал я, попробовал привстать, но не смог. — Впрочем, мне бы хотелось узнать все до конца. Вы покорили аудиторию.

— Ну, раз вы хотите знать… есть еще Оранжевая Смерть, Лиловая Смерть, Ярко-Зеленая Смерть — это уже от загрязнения воздуха.

— Это что, массовые удушения? Как было в семидесятых годах?

— Нет-нет, такого теперь не бывает. Теперь происходит только медленное отравление остаточными углеводородами и всякими их синергистами, которых полно в воздухе.

— С ума сойти, — сказал я. — Но почему не обязали всех носить кислородные маски?

— Пытались обязать, и все несколько лет в них ходили. Но потом кто-то решил, что это — нарушение свободы личности.

У меня опять заболела голова. И я почему-то надел цветные очки, хотя в этом не было никакой необходимости.

— О, простите! — передо мной снова была сестра милосердия, — Вы так побледнели! Я все-таки вызову такси и отправлю вас домой.

— Нет, нет. Все равно мне нужно осваиваться. Вы начали рассказывать мне о профилактиче-

ских прививках…

— О, они — прекрасная вещь. Вся беда только в побочных явлениях. Тем более, что неизвестно, какой припадок от какой прививки, — может быть, какие-нибудь две прививки действуют так в сочетании с тремя другими, или прививка номер шестнадцать — в сочетании с номером двадцать девятым, или номер двенадцатый…

— Вспомнил, — перебил я. — Еще при мне основали Институт лечения последствий лечения, — это было, кажется, в семьдесят пятом году?

— Правильно. Но потом и средства от побочных явлений начали давать побочные явления. Вот и пришлось организовывать Институт терапии последствий лечения последствий лечения. Это было в восемьдесят втором.

Ее профессиональная серьезность куда-то исчезла, она даже хихикнула. Мне тоже стало как-то свободнее.

— А потом и новые лекарства стали давать реакцию…

— Ну да, — перебил я, улыбнувшись, — и, наверное, пришлось создать Институт борьбы с последствиями терапии последствий лечения последствий лечения!

— Как вы догадались? Но бланки и вывески стали вдвое дороже, чем раньше, и тогда придумали новое название — «Институт И. Т. Д.». И в три раза сократили расход на бланки. Вот там-то я и работаю.

Мне удалось уговорить ее пообедать со мной. По моим воскресным мясным талонам мы получили прекрасное настоящее филе, а по моей спецкарточке — спаржу с Аляски и мороженое, такое ароматное, что мы даже почти не ощутили в нем примеси минерального масла. Я был счастлив, что могу с кем-то поделиться своими заботами, и рассказал ей все о своем назначении, о возложенной на меня ответственности и о чувстве одиночества, охватившем меня при виде полного безразличия моего комитета.

— Я вижу, вы твердо решили добиться своего. Что ж, в таком случае делайте все, что можете, и пусть эти гады на вас шипят. Плюньте на них! Лучше путешествовать в одиночку, чем тащить кого-то за собой!

— В одиночку! — вскричал я. — Мисс Лэнг, вы понимаете, какая это огромная задача? Какая ответственность? Я один просто не смогу справиться!

— Ну что вы! — ее прохладные пальцы легко

прикоснулись к моей руке, как будто она хотела посчитать мне пульс. Думаю, что она и правда его считала. Но меня это успокоило.

В одиннадцать часов я проводил ее домой. В полумраке коридора она дотронулась рукой до моего лба. Я попытался обнять ее, но Либби осторожно увернулась.

— Я думаю, вам следует принять еще две таблетки, — сказала она своим профессиональным участливым тоном. — Ни в коем случае не спите на сквозняке. И ни о чем не думайте. Читайте, пока не уснете, если у вас найдется какая-нибудь книга. А если вам не станет лучше, позвоните мне завтра.

Я понял, что все ее поведение, вся участливость носили чисто медицинский характер, а наши вечерние развлечения были всего лишь лечебным моционом, не знаю почему, но мне на минуту стало грустно. Впрочем, это продолжалось недолго. Я был твердо намерен видеться с Либби Лэнг как можно чаще.

Пятидесятизвездный Зал, венчавший 107-этажное здание Космоцентра, выглядел очень торжественно. Он был весь залит яркими лучами вмонтированных в потолок пятидесяти прожекторов — по числу штатов. Под потолком

вращался громадный стеклянный шар, сверкавший разноцветными бликами и отбрасывавший на стены таинственные, причудливые тени. Воздух, специально обогащенный кислородом, придавал необычную бодрость. 24 августа уже с 8 часов утра на крышу здания один за другим посыпались правительственные аэроциклы. Они доставляли на заседание научную и политическую элиту Америки.

Ожидая начала, все возбужденно обсуждали последние новости о возвращающемся с Марса космическом корабле. По мере того как он приближался к Земле, новости день ото дня становились вес более волнующими. Это тянувшееся целый год приключение было отличным материалом для газетчиков. И даже когда очередные сообщения задерживались, обозреватели всегда находили, что рассказать о полете. Ведь это поднимало престиж Америки.

«…Сегодня мы получили новые важнейшие известия с нашего знаменитого космического корабля. Отныне установлено, что солнце с Красной Планеты кажется в полтора раза меньше, чем с Земли. До нашего эпохального полета об этом важнейшем факте свидетельствовали только математические расчеты; теперь же он доказан

окончательно. Этим и подобными открытиями наша космическая экспедиция уже многократно окупила все расходы по ее снаряжению…»

Но сегодняшние известия бодрости не вселяли и звучали мрачновато. Один астронавт вчера умер и был катапультирован. Мы уже давно знали, что из одиннадцати человек экипажа один скончался еще на пути к Марсу. Было известно также, что двое других помешались и одного из них как будто (хотя об этом и не было официального сообщения) держат чуть ли не в смирительной рубашке. Но вчера умер еще один. И это был сам капитан Клекстон!

— Тише, тише, что-то передают! — воскликнула женщина с портативным приемником.

Все замерли в ожидании, а она крепче прижала наушники.

— «Выяснилось, что астронавт Клекстон в течение некоторого времени был нездоров… но никто не предполагал, что болезнь серьезная. Диагноз не сообщается… Лазерная кремация состоялась в четыре пятьдесят пять утра… Дальнейшие сообщения будут передаваться по мере их получения…»

Она озадаченно огляделась вокруг и жалобно сказала:

— Какой ужас!

— А если никто не вернется? — спросил какой-то мужчина. — Что будет с запечатанным контейнером?

Настроение у всех было подавленное.

Но плохо ли, хорошо ли, а заседание Национального Юбилейного Комитета должно было идти своим чередом. Оказывается, планы юбилейного празднества обсуждались уже давно.

— На местах собрания идут вот уже два года, — объяснил мне со снисходительной усмешкой один попавшийся мне на глаза знакомый. — А Национальный Юбилейный Комитет собирается каждые два месяца. Здесь решаются самые важные вопросы. Ну, возьмем хотя бы трибуны для представителей штатов — они, знаете ли, должны быть совершенно стандартными, а то, знаете ли, тут и до гражданской войны недалеко.

Я понимающе улыбнулся.

— Потом нам приходится утверждать форму шлемов для полицейских: они все, конечно, национальных цветов — красно-бело-голубые, но вы же понимаете, нельзя допускать, чтобы красные полосы были шире других, как кое-кому хотелось бы…

Он заложил руки за спину, отвернулся к окну

и вздохнул:

— Ох! И чего только нам не приходилось решать… Вот хоть эти споры о расцветке купальников для конкурса на звание «Мисс ААарс»! Какие они должны быть — красные, белые или голубые? И так далее, и так далее, и так далее — споры, споры, споры, работа, работа, работа, решения, решения, решения…

Заседание началось с доклада председателя Национального Комитета по подготовке парадного ужина.

И тут послышались крики, потом кто-то включил громкоговоритель в коридоре. Делегаты вскочили со своих мест и, толкаясь, бросились к дверям.

Оказалось, что женщина с приемником тихонько вышла из зала, чтобы послушать новости о марсианской экспедиции, и вдруг упала в обморок. Сидевшие возле дверей вышли посмотреть, в чем дело, и включили громкоговоритель. А теперь со всех стен гремели устрашающие известия.

«…Теперь совершенно ясно: что-то случилось! Полет продолжается точно по расписанию, минута в минуту. Видимо, дело не в технических неполадках. По сведениям, исходящим из штаба

полета, можно сделать вывод: что-то случилось с экипажем… Говорят, что с корабля были приняты по радио стоны, потом громкий крик боли, а потом связь прервалась на час сорок одну минуту!

…По утверждению радистов, позже связь была установлена, но с большими искажениями. Никаких объяснений происходящего получить не удалось…»

Кто-то вскочил на стул, размахивая руками.

«Внимание! Внимание! — надрывались динамики. Стало тихо. — К нам поступило официальное сообщение Космоцентра. Цитирую: «Вопреки ложным и безответственным заявлениям, корабль марсианской экспедиции не испытывает никаких затруднений. Он идет точно по курсу и прибудет в полном соответствии с намеченной программой — между десятью утра и десятью вечера 16 сентября, увенчав своим прибытием наш величайший праздник. Повторяем: космический корабль не испытывает никаких затруднений! Любые другие слухи являются грубой клеветой, злобной провокацией, подрывной деятельностью, не имеют под собой почвы и непатриотичны». Это пока все, леди и джентльмены. Вы слушали наш репортаж из штаба полета».

Вздох облегчения прошел по замершей толпе.

Люди снова зашевелились, кто-то выключил громкоговорители. Вес виновато заняли свои места, и заседание продолжалось.

Делегаты с мест один за другим требовали слова, чтобы доложить о своей деятельности в честь Двухсотлетия. Представитель Аризоны гордо заявил о полной реконструкции видового павильона, который был несколько лет назад построен на краю Великого Каньона и к которому теперь добавили бетонированные стоянки для аэровозов и скиммеров. Представитель Нью-Йорка сообщил о судьбе бывшего Ниагарского водопада. Полное использование водопада для получения гидроэнергии вызывало немало хлопот. Теперь управлению Ниагары удалось создать великолепную новейшую систему, которая удовлетворит всех туристов: нажав кнопку и заплатив сущий пустяк — пятьдесят центов, турист пускает в водопад десять галлонов настоящей воды; за доллар можно полюбоваться двадцатью пятью галлонами воды, а большая делегация может за пятьсот долларов наслаждаться зрелищем целого водопада в течение пятнадцати минут!

Делегат от Калифорнии рассказал о том, как охраняются и восстанавливаются прибрежные леса. Знаменитые калифорнийские секвойи

почти все погибли еще в семидесятых годах. Осталось всего девяносто семь древних гигантов. Корпорация «Красоты Древности» взяла этих полусгнивших, искалеченных ветеранов под свою опеку и реставрировала их. Там создана настоящая страна чудес, музей американской старины, непревзойденный по своей учебной и развлекательной ценности. Внутри этих деревьев выдолблены старинная дубильня, амбар, кузница, пекарня, мастерские по производству свечей и мебели, пивной зал и старинная галантерейная лавка, таверна колониальных времен и пуританская часовня…

На следующий день я позвонил губернаторам Флоридаполиса и Аляски, чтобы узнать, как поживают мои подопечные. Мне сообщили, что они живы и здоровы. На всякий случай я решил сам съездить и во Флоридаполис, и на Аляску. Я считал своим долгом лично проинспектировать все кордоны вокруг орлиных гнездовий. Кроме того, я собирался реквизировать все огнестрельное оружие, находящееся в частном пользовании у местного населения, и устроить смотр вооруженной охране. Всем сторожам нужно было отдать приказ стрелять в каждого, кто будет приставать к орлам, — если не в самые уязвимые части тела,

то, во всяком случае, в достаточно уязвимые, чтобы обратить их в бегство.

Я проработал до полудня, а потом решил немного отдохнуть и отправился в Главный Мозг, чтобы пригласить Либби Лэнг обедать.

Там стоял обычный приглушенный шум, в котором тонули звуки моих шагов по плиточному папу. И вдруг я услыхал человеческие стоны, время от времени переходившие в жалобный вой.

У меня заколотилось сердце, и я бросился вперед, с трудом протискиваясь сквозь равнодушную толпу зевак.

На полу лежала женщина — не молодая, но и не старуха. Выпачканная накидка упала ей на плечи, черные спутанные волосы рассыпались по полу, лицо, почему-то пожелтевшее, исказили судороги, а глаза горели безумным страхом, словно перед ней открылось нечто невообразимо ужасное.

— Помогите! — закричал я. Но никто не шелохнулся. Толпа сгущалась. Потом из толпы вышла Либби с медицинским саквояжем в руке.

— Слава богу, — сказал я и быстро отступил, пропуская ее к лежащей женщине.

Два человека в форме оттеснили толпу.

— Это Ярко-Зеленая Смерть, — сказала Либби

через плечо и подложила женщине под голову маленький коврик. Больную продолжало трясти, судороги усилились, но стоны стихли.

— Ничего не поделаешь, — вздохнула Либби. — Это конец. Поражены и мозг и периферическая нервная система.

— Чем? — спросил я, чувствуя, как у меня пересохло в горле. — Чем поражены?

— Воздушными загрязнениями. Она ходила без маски. Так долго не протянешь. — Она многозначительно поглядела на меня, потом начала искать что-то в своем саквояже. Наполнив шприц, она приподняла руку женщины и ловко всадила иглу.

Руки женщины перестали биться, голова откинулась в сторону, глаза погасли.

— Что это был за укол, Либби? — спросил я. У меня мороз пробежал по коже.

— Смертельная доза, — сухо ответила Либби.

Она поднялась, двое санитаров подошли к женщине, сложили ей руки на груди, положили ее на тележку и увезли.

— Смертельная? — переспросил я. — Либби, ты хочешь сказать…

— Да. Смертельная.

— Но как ты… как ты могла?

— Это входит в мои обязанности, — ответила Либби. — Не думаешь ли ты, что в больницах хватает мест для неизлечимых?

— Я, конечно, понимаю. Но как ты могла…

— Тебе что, предъявить разрешение? — спросила она, нервно рассмеявшись, и вдруг опустилась на стул.

— Послушай, — сказала она, — я креплюсь, как могу. Я знаю, что должна это делать. А теперь являешься ты, и я из-за тебя опять все это переживаю, как десять лет назад…

Слезы потекли у нее между пальцев.

— Пожалуйста, прости меня, — взмолился я. — Я просто плохо ориентируюсь… Тут все так переменилось… Пойдем отсюда!

— Пойдем, — ответила Либби, сердито вытирая глаза. Мы поспешили к двери. Воздух, насыщенный серой, впился нам в глаза, и мы оба надели маски.

— Послушай, давай пойдем в подземный ресторан.

Мы зашли в маленький, уютный зал и сели у окна. Столы были накрыты красными скатертями, а на окне колыхалась клетчатая занавеска. Мы набрали свой заказ по автомату, но разносили еду смазливые официантки с длинными

острыми ушами и маскарадными хвостами. И я потратил остаток своих спецталонов на аляскинскую клубнику к кофе.

Состав Комитета по Орлам был более чем странным. В него вошел один политик, один бизнесмен — владелец заводов искусственных деревьев, три университетских деятеля, и всего один-единственный орнитолог и вообще один-единственный биолог — я! И когда я шел по коридору в зал, отведенный для заседания, меня одолело такое острое предчувствие грядущего провала, что пришлось остановиться возле автомата с водой и принять несколько успокаивающих таблеток. К счастью, мне вспомнился профессор Стэдмеп, и это меня несколько ободрило: в конце концов, я всегда могу обратиться к нему за поддержкой и советом…

— Наша сегодняшняя задача, джентльмены, — начал я заранее отрепетированную речь, — заключается в разработке планов защиты Американского Орла, нашей национальной эмблемы, в течение всего угрожающего периода празднования. Перед нами гигантская задача, джентльмены. Сегодня на всем континенте осталось лишь тринадцать орлов — последние остатки великой и мужественной расы!

— Мы должны уберечь их, — сказал доктор Наттолл из Калифорнийского университета. — Не будем больше терять время! — И тут он многозначительно поглядел на мистера Балли, политического воротилы из Чаттануги. — Я предлагаю немедленно организовать двухгодичную исследовательскую программу.

— Но, джентльмены, ведь мы — чрезвычайный комитет! — возмутился я. — Мы собрались здесь, чтобы разработать планы зашиты орлов именно в дни праздника. Насколько я понимаю, их нужно оберегать от прожекторов, опрыскиваний, охотников, отравленной рыбы, строителей и даже зевак. Я уже связался с губернатором Аляски и получил его твердое обещание защитить восемь орлов, находящихся на его территории. Я говорил также с губернатором Флоридаполиса…

— Ну да. На Аляске этих птиц уже поймали и посадили в большую, прочную клетку, — подтвердил доктор Поддл из «Чндетройт Дайнэмикс». — На аляскинцев всегда можно было положиться.

Я не поверил своим ушам.

— Конечно, — добавил он успокаивающе, заметив мое отчаяние, — они охотно продадут нам несколько штук по десять тысяч долларов за птицу, если мы захотим использовать их на

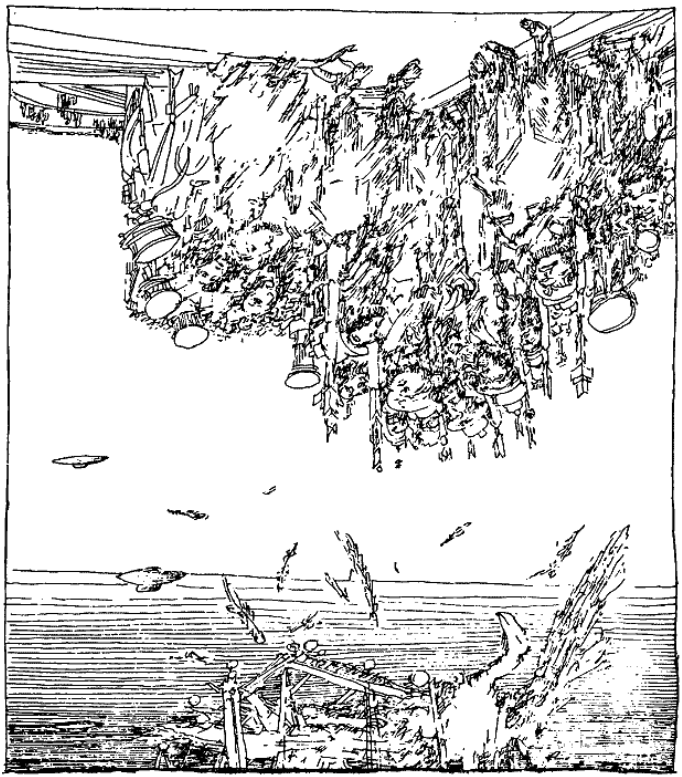
праздновании с просветительскими целями. Мне об этом сообщил коллега из тамошнего университета.

Меня охватил ужас.

— По-моему, вполне разумная цена, — пробормотал доктор Поддл.

— Уцелевшие орлы существуют не для продажи! — заорал я. — Им нет цены! Я потребую от губернатора немедленно их освободить! А во Флоридаполисе вокруг каждого гнезда нужно создать охранную зону диаметром по меньшей мере в пол мили.

— Но с расстояния полмили никто ничего не увидит, — раздраженно прервал меня мистер Балли. — Миллионы людей соберутся на побережье в день праздника! И это же одно из зрелищ, ради которого они туда приедут, правильно? Это гвоздь программы!..



Его перебил мистер Финк, владелец заводов по изготовлению искусственных деревьев.

— По-моему, неплохо было бы рассадить этих птиц на верхушках трех громадных искусственных сосен где-нибудь поблизости от места, где должна приземлиться марсианская экспедиция. Я, конечно, ни цента не возьму за эти сосны — это, как вы понимаете, мой дар. Наши сосны в последние годы значительно усовершенствованы: мы удвоили количество игл, сделали их огнестойкими, грызуностойкими, жаростойкими, хладостойкими, цвет выверен по еще сохранившимся живым деревьям…

— Это, конечно, весьма великодушно, — попытался прервать его я, но он упорно продолжал:

— А кроме того, они солнцестойки, дождестойки, воздухостойки, и, я уверен, можно эти три сосны опрыскать специальным раствором (снова — ни цента!), чтобы сделать их еще и орлостойкими. Мы по праву гордимся нашей продукцией — сосны, высящиеся среди бетона, право, волнующее зрелище — представляете, джентльмены… При свете прожекторов величественные птицы предстанут перед нами во всем своем древнем великолепии! Представляете? Конечно, — добавил он, — их надо будет приковать к гнездам, чтобы

они не удрали. Но, думаю, с земли цепей никто не увидит даже в бинокль.

До сей минуты остальные члены Комитета еще сидели — правда, как на иголках, еле сдерживаясь, но тут их прорвало.

— Отвратительно! Варварство! Невежество! — закричали они в один голос.

— Эти птицы — научная реликвия! Мы собрались здесь, чтобы их защитить. Я предлагаю поймать их и выставить в Смитсонианском музее, — заключил доктор Поддл.

Я пришел в полное изнеможение. Голова у меня раскалывалась, пришлось принять еще несколько таблеток. А коллеги спорили между собой, не слыша друг друга.

— Прошу обдумать мои предложения! — Я попытался их перекричать, но на меня никто не обратил внимания. И тогда я совершил поступок, доселе для меня совершенно невероятный: я сломал председательский молоток точно посередине.

Все замерли. Я сам немного испугался, а потом громко заявил:

— Предлагаю организовать вокруг каждого из трех гнезд постоянную неприступную запретную зону, исключающую любое вмешательство

человека в жизнь орлов, независимо от целей. Всякая попытка нарушений установленных границ должна караться заключением в подводную тюрьму по меньшей мере на десять лет без права ходатайства о помиловании.

Никогда раньше не приходила мне в голову мысль о таких драконовских мерах, но тут я почувствовал, что спасти орлов можно только так.

Они молча уставились на меня, но я сказал, что должно быть принято все или ничего. Все или ничего! В противном случае я тотчас слагаю с себя все полномочия, а истребление Американского Орла, нашей национальной эмблемы, навсегда останется на совести остальных членов Комитета…

Мои предложения были приняты тремя голосами против двух. Мистер Балл и насупился.

— Но орлы неотделимо связаны со всем праздником, — пробурчал он. — А вы загоняете тварей в какой-то темный угол, где никто их и увидеть не сможет. Мне кажется, они заслуживают настоящего, большого бенефиса!

— Я же говорил, что не хочу брать деньги за деревья, — пробормотал мистер Финк. — Все, чего мы бы хотели, — упоминание о вкладе нашей фирмы…

Он продолжал твердить это, пока я не захлопнул перед ним дверцу лифта.

Через день после заседания Комитета по Орлам я получил ужасное известие. Восемь пойманных орлов, которых аляскинцы так и не выпустили, были обнаружены в клетке мертвыми. Они бились головой и крыльями о прутья, пока не погибли.

До празднества оставалось уже десять дней. Машина вертелась быстрее и быстрее — это особенно было заметно по выручке пивных и ресторанов. Толпы на улицах все прибывали. Даже подземный город кишел людьми, хотя цены на все, за исключением почтовых марок и воды, были там вдвое и втрое больше, чем наверху. Множились нарушения порядка, несчастные случаи и драки.

Возле кислородных киосков уже запасали горы носилок и готовили на случай необходимости санитарные аэровозы. Ходили слухи о возможных волнениях.

Я отсиживался дома и принял твердое решение в этот день не лезть на парады, не ходить на встречу марсианской экспедиции и вообще не высовывать носа на улицу.

В космоцентре царило удивительное спо-

койствие, во всяком случае, оттуда наружу не просачивались никакие тревожные известия. Говорили, что Б. и. поселился в подземелье возле центра связи и не покидает своего поста ни днем, ни ночью. Время от времени его мощный бас гремел в уличных громкоговорителях всей страны. Но это было похоже на магнитофонную запись — каждый раз одно и то же: полет проходит нормально, все отлично, приближается величайший триумф в истории космоса!

А у меня хватало поводов для беспокойства. Я то и дело звонил во Флорида-полис. Ограждения поставили, хотя это и влетело комитету в копейку. Мне постоянно тыкали в глаза, что мы нарушаем права собственности. Но мы все-таки добились своего после того, как разрешили развесить на ограде рекламные объявления.

7 сентября я полетел во Флоридаполис, чтобы лично проинспектировать охранные сооружения. На просторной поляне возле озера стояло несколько дубов и сосен, которых каким-то чудом пощадили бульдозеры. Двадцатифутовый забор, колючая проволока — все было на месте. Вокруг патрулировала вооруженная до зубов охрана. Но птиц не было видно. Я, собственно, на это и не надеялся. Орлы здесь — в этом меня заверили

сторожа. Было видно, что они твердо намерены выполнить свою задачу и считают ее для себя большой честью.

Я вернулся домой в семь вечера. А на следующий день, 8 сентября, вылетел на Аляску. Эту поездку я откладывал как мог, но больше тянуть было нельзя. На Аляске я провел ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы забрать покрытый флагом ящик с окровавленными трупами восьми огромных птиц — последних, которых видено небо Арктики. Понимая, что нужна какая-то торжественная церемония, я нахально попросил — и тут же получил — разрешения перевезти ящик в Вашингтон на специальном самолете президента с почетным эскортом. Там я передал драгоценный груз хранителю Смитсонианского музея. Когда орлов укладывали в склеп, ни надгробных речей, ни оркестра, ни салюта не было — всего лишь почетный караул и мы с хранителем. Но и эта простая прощальная церемония произвела на меня большее впечатление, чем многие помпезные похороны.

10 сентября я снова посетил орлиный заповедник во Флоридаполисе. На этот раз я решил сидеть в укрытии до тех пор, пока не увижу хотя бы одну из этих пяти бесценных теперь птиц.

К тому времени, которое мы когда-то называли закатом солнца, я устал от бесплодного ожидания в неудобной позе, как вдруг кто-то из сторожей указал на несколько крохотных темных точек, спускавшихся из облаков. Кружившиеся в небе точки становились все больше и больше, и наконец я смог различить широко раскинутые двухметровые черные крылья птиц, которые, накренившись на ветру, снижались по медленно сужавшейся спирали.

Еще ребенком я видел, как парит белоголовый орел. Почему этот небесный хищник вселяет своим видом такое глубокое чувство в душу человека? Есть много птиц более стройных и красивых, легче приручаемых и более дружелюбных. Но нет птицы более величественной, чем белоголовый орел…

Медленно кружились огромные птицы, как будто время для них ничего не значило. Я подумал о тех тысячах и миллионах лет, на протяжении которых такие же орлы точно так же кружили над долинами и лесистыми горами первобытной Америки, купаясь в свежем ветре, в чистом синем горном небе, — неотъемлемая часть нашей природы. Из всех орлов, чьи хищные глаза и вздыбленные перья когда-либо украшали гербы

королей и государств, только эти, белоголовые, безраздельно принадлежали одной Америке. Их, повелителей неба, независимых, бесстрашных, величественных, республика, когда была молода, избрала своим символом. Теперь они перестали быть ее символом. Им на смену пришел технологический «орел», нелепое и скрипучее создание рук человека. Символического в орлах осталось только одно — то, что они вымирали. В мире, принадлежащем технике, не осталось места живой природе — так же, как и величию, бесстрашию, независимости, гордости.

Одиночество этих пяти последних могикан потрясло меня до глубины души. Но вот они разлетелись — и одна пара, снижаясь кругами, направилась к высокой сосне, стоявшей поблизости от меня. Я видел в бинокль, как они спускались к себе в гнездо, выставив вперед седые головы, растопырив когтистые лапы, как выпущенные самолетные шасси. То была истинная поэзия движения: колебания их крыльев напоминали волнообразные движения рук гавайских танцовщиц или медленное качание огромных пальмовых листьев, овеваемых тропическим пассатом.

Хриплый шепот сторожа вернул меня к дей-

ствительности.

— Знаете, я всегда рад, — сказал он, — когда вон тот молодой возвращается. Пока у них еще черные головы, они всегда попадают под пулю первыми.

Он показал мне бочонок со свежей рыбой, только что полученной из рыбопитомника. По моему распоряжению орлов кормили только рыбой, специально очищенной от микробов и остатков ядохимикатов. Я еще раз просмотрел, цело ли проволочное заграждение. У меня было странное предчувствие: надо бы остаться здесь, поблизости от бесценных моих подопечных… Но меня ждал аэровоз, и я щедро дал сторожу на чай.

— Ме волнуйтесь, я жизни не пожалею, чтобы их уберечь, — сказал он. Я улетел, почти успокоенный.

И тут, будто в наказание за мою самоуверенность, произошло самое ужасное. На следующее утро мне позвонил с аэродрома доктор Поддл. Он сообщил, что как член Комитета по Орлам счел своим долгом отложить дела и провести хотя бы один из этих последних решающих дней в орлином заповеднике.

— Было бы просто странно. — сказал он, смущенно усмехнувшись, — состоять в комитете по

охране птиц, которых никогда в жизни не видел.

Меня порадовала такая добросовестность, и я перевел ему по телефону деньги на расходы.

Доктор Поддл вернулся из Флорндаполиса после обеда — гораздо раньше, чем я ожидал. С пепельно-бледным лицом он вбежал в кабинет, где я сидел над своим докладом. Повалившись на стул, он прерывающимся голосом сообщил, что только что был свидетелем гибели одной из оставшихся пар орлов.

— Они умерли в страшных судорогах, — сказал он, — Я все видел. Это ужасно!

И он сам начал как-то странно подергиваться.

Ме может быть! — пробормотал я, чувствуя, как пол уходит у меня из-под ног. — Боже мой, не может быть!

— Я это видел! Видел! В бинокль! Это все ДДТ — помните, как погибали малиновки? Но вы же как будто приказали кормить их свежей рыбой из питомника, — ведь в ней же нет ядохимикатов?

— Это верно, — обреченно сказал я. — Но ведь ядохимикаты накапливаются. Они накапливаются долгие годы. Долгие годы…

Окна закачались у меня перед глазами.

— Эти яды уже почти двадцать лет как изъяты из продажи, — возразил он.

— Но никаким законом нельзя извлечь их из почвы, воды и живых организмов. Слишком поздно!

— И мне довелось эго видеть. Мне! — Доктор Поддл встал, быстро вышел и вернулся с черным чемоданчиком.

— Вот они, — сказал он, открывая крышку. — Толпа добежала до них раньше, чем мы со сторожами. У них тоже у всех были бинокли. Как только упала первая птица, все бросились к ней. Изгородь повалили прежде, чем я успел опустить бинокль!

Пораженный ужасом, я глядел на то, что было в чемодане.

— Охотники за сувенирами, — сказал он.

Я увидел две голые белые птичьи тушки. Орлы были ощипаны дочиста.

Всю комнату заволок какой-то серый туман, в котором плавали черные точки. Я потерял сознание.

Открыв глаза, я обнаружил, что лежу на старом кожаном диване в кабинете профессора Стэдмена. Сам Стэдмен стоял рядом.

— Как я сюда попал? — спросил я слабым голосом.

— Меня вызвал доктор Поддл. Я примчался в

штаб-квартиру и привез тебя сюда.

— А где орлы?

— В холодильнике.

— Пустите меня, я встану. Я должен встать!

Я поднял голову и увидел, что на мне — халат профессора.

— Нет, тебе пока нельзя вставать. Фитц, ты здесь лежишь уже несколько дней. Сегодня пятнадцатое.

— Что-о?

— Да. За тобой ухаживала сиделка. Я не дал тебя забрать отсюда.

У меня на глазах навернулись слезы.

— Спасибо, — прошептал я.

— Не за что. Но ты ничего не ел. Сейчас я принесу тебе бульон и немного чаю.

Я подкрепился, и мне стало немного лучше. Три часа спустя мы с профессором уже сидели в правительственном самолете, направляющемся на юг.

…Орлы покинули все три свои гнездовья.

Одну за другой мы облетели охранные зоны, пустые и заброшенные, окруженные со всех сторон голой, вытоптанной землей.

У третьего гнезда мы нашли единственного оставшегося на своем посту сторожа.

— Что случилось с орлами? — спросили мы, задыхаясь от волнения. — Где та пара, которая жила в этом гнезде?

— Ночью кто-то осветил их прожектором. Они испугались и куда-то улетели, — мрачно ответил сторож.

— Надеюсь, они еще найдутся, — простонал профессор.

— Уже нашлись, — сказал сторож, опустив глаза. — Оба тут.

— Что значит «тут»? Где они? — закричал я.

Он ткнул пальцем в старый ящик из-под телевизора, стоявший рядом. Мы бросились к ящику и открыли его.

— Их подстрелили? О боже, их подстрелили! — повторяли мы снова и снова. Потом мы набросились на сторожа.

— Как вы могли это допустить?

— Ничего нельзя было сделать. Стрелял кто-то из парка. Мне их принес мальчишка. Я дал ему доллар.

Потрясенные, мы отвернулись.

— Послушайте! — сказал сторож с надеждой. — Остался еще один — молодой! Он цел и невредим! Сразу, как только это случилось, мы залезли наверх и поймали его сетью, спящего.

— Где он? — спросил профессор Стэдмен ужасным голосом.

— Сейчас покажу. Он в такой красивой клетке! Вы сразу успокоитесь, когда ее увидите. Пойдемте.

Последний орел был выставлен для обозрения в пышном зале расположенного по соседству банка, на возвышении, окруженном толпами зрителей. Клетка была похожа на миниатюрный средневековый замок, только в его передней стене было сделано отверстие, перегороженное золотыми прутьями. Четыре башенки по углам сверкали в лучах прожекторов золотой филигранью и перламутром, на них развевались американские флаги. Восхищенный шум толпы заглушал звуки музыки, лившейся из-под потолка.

— Вот это да! — говорили вокруг.

— Удивительно! Колоссально, правда?

— И как губернатор сумел это соорудить всего за одну ночь!

— Вот что могут сделать новые машины. На все про все — только шесть часов.

— А проект составил сам губернатор, — объяснил нам вполголоса один из полицейских, охранявших клетку. — Он всю ночь не спал.

Если бы мы не взяли с собой двух полицейских, пробиться к клетке нам бы не удалось. Подойдя поближе, мы разглядели на дверях замка небольшую надпись: «В честь нашей эмблемы и в память великого Двухсотлетия. От Флоридаполиса. Джон Дж. Маффит, губернатор».

— А вы знаете, из чего сделана вся эта громадная клетка? — прошептал наш полицейский. — Вся эта громадная клетка сделана из чистейшего литого золота! И сколько, по-вашему, она стоила?

Больше я ничего не слышал. Я опустился на колени, затаив дыхание, и с бешено бьющимся сердцем заглянул в клетку. Я увидел орла — взъерошенного, прижавшегося к задней стенке замка, но живого! Он сверкнул на нас глубоко сидящими злыми глазами. Профессор накинул на решетку покрывало. Вздох разочарования послышался из толпы.

Как мы вытащили оттуда эту чудовищную клетку, я не помню. Помню только двойную цепь полицейских, которые оттесняли толпу, когда мы шли к самолету. Помню еще, как в моем мозгу молотом билось одно слово, только одно слово: «Последний, последний, последний!..» Последний в Америке. Последний во всем мире. Последний во всей бесконечной вселенной!

Мы доставили орла в аэропорт Олбскетрой. Там все уже было готово. Пас ждал пустой ангар, чисто убранный и устланный свежей соломой. По нашему приказанию, несколько листов кровли было снято, чтобы орел мог видеть небо, когда-то служившее ему домом. Были запасены свежая рыба из питомника, чистая солома и вода из горных ручьев; мы даже поставили в ангаре большое зеркало, надеясь, что с ним орлу будет не так одиноко и страшно. До завтра больше ничего сделать было нельзя. Мы заперли ангар, поставили вокруг него охрану из президентских телохранителей и неохотно разошлись.

— Нужно устроить для него заповедник, специальный парк, — сказал профессор, — Может быть, привезти несколько рыжих орлов из Калифорнии, чтобы ему было повеселее.

Я послал одного из часовых с распоряжением выключить все громкоговорители. Музыка мгновенно стихла. Аэровоз доставил нас на квартиру профессора. Я почувствовал себя таким измученным, что сразу завалился в постель.

На следующий день — день Двухсотлетия — я уже в шесть часов утра был в аэропорту и бегом бежал к ангару, вокруг которого по-прежнему мерно шагали часовые. На полпути меня догнал

посыльный в форме секретной службы и протянул пакет, собственноручно подписанный шефом. Охваченный нехорошим предчувствием, я машинально отошел на полагавшиеся по уставу восемь шагов от ближайшего постороннего, сломал печать и прочел:

«Сэр, Вас приглашают немедленно явиться в центр космической связи для консультации. Возникшая экстренная ситуация требует Вашего присутствия. Б. и. Боннетт».

Я поглядел в сторону ангара — он был окружен надежными часовыми. Все полеты над аэропортом были отменены. Радио молчало; над летным полем царили тишина и спокойствие. Я отмахнулся от аэровоза, который привез посыльного, и, прихрамывая, побежал в направлении штабквартиры.

После долгих блужданий по лабиринту коридоров, за время которых мне пришлось трижды подниматься и опускаться на лифте, трижды подвергнуться строгой проверке документов и один раз — вежливому обыску, миновать две толстых стальных двери и шесть раз расписаться в каких-то книгах, я, наконец, вошел в святая святых центра космической связи — в штаб управления марсианской экспедицией, которая в этот самый

день гдолжна была победоносно закончиться.

Комната от пола до потолка была заставлена разнообразной техникой. Ярко светили голубые люминесцентные лампы, а на панелях приборов мерцали красные сигнальные огоньки. Впереди всех, у пульта, сидел сам Б. и., который даже встал, увидев меня, и молча со мной поздоровался. Вид у него был измученный, глаза красные. Рядом с ним я заметил трех первых его заместителей. Остальных заместителей, от четвертого до десятого, я не знал в лицо, но и они наверняка были здесь. Позади сидела блестящая свита из двух десятков специалистов по космосу и толпы космических медиков — все нобелевские лауреаты с мировыми именами. Зачем я понадобился этому собранию знаменитостей?

Шеф указал мне на свободный складной стул в заднем ряду. Перекрывая писк и визг радиосигналов, он сказал:

— Мистер Фитцсиммонс, мы пригласили вас сюда в надежде, что вы сможете высказать какие-нибудь соображения по поводу происходящего на борту корабля. За время вашей долгой работы на спутнике, в условиях невесомости, вы, вероятно, накопили бесценный опыт, который может прояснить сложившуюся катастрофическую

ситуацию.

Я онемел от изумления, но тут же пришел в себя.

— Я к вашим услугам, сэр, — сказал я и сел. Никто ко мне даже не обернулся, лица у всех были серьезные и мрачные. Я почувствовал, что у меня по спине побежали мурашки. Через несколько часов марсианская экспедиция должна была приземлиться, но там, кажется, произошло что-то ужасное!

Все сидели молча — слышался только визг и мяуканье радио. Прислушавшись, я вздрогнул: в шуме космических помех мне вдруг почудились человеческие голоса.

— Отвечайте… отвечайте… отвечайте… — повторяли они без конца. — Помогите… помогите… помогите…

Неподвижные фигуры вокруг меня сидели с напряженными, каменными лицами, чуть наклонившись вперед. Неужели никто не слышал того, что сейчас услышал я?

— Помогите… ради… бога… дайте посадку… посадку… посадку…

Это было похоже на галлюцинацию. Но тут я услышал голос шефа:

— Скажите, мистер Фитцсиммонс, не пришлось

ли вам за десять лет вашего пребывания в космосе перенести какую-нибудь неизвестную болезнь, например сыпь на лице или теле?..

— Это бери-бери, — сказал я. — Но мы ее быстро вылечили витаминами.

— Нет-нет, я говорю о каком-то необычном высыпании на теле.

— Может быть, экзема? Она была у меня раза два. Я думаю, от радиации. Но потом она сама собой проходила.

— А это сыпь была не серая?

— Нет, сэр. Обычная красная сыпь.

— А вам не приходилось замечать что-нибудь вроде серой плесени, похожей на мох, которая распространяется по всей кабине, по всему телу…

— Нет, сэр, не приходилось! Никогда! — отвечал я с ужасом.

— Серая плесень, которая распространяется и распространяется и в конце концов убивает…

— Сэр, вы хотите сказать, что капитан Клекстон… что там случилось что-то…

Шеф посмотрел сквозь меня и не ответил. Он кивнул своему второму заместителю. Тот, не меняя своей напряженной позы, повернул ко мне голову и сказал:

— Корабль приблизился к Земле еще на рассвете, на несколько часов раньше срока. Он задержан в зоне космической станции «Зет» и до сих пор находится там. На борту произошло что-то очень серьезное. От этой странной болезни погиб не только Клекстон. До него умер еще один член экипажа, о чем нам в свое время ничего не сообщили. Два дня назад умер третий. А теперь поражен, по-видимому, весь экипаж. Собравшимся здесь надлежит не более чем за час принять решение, что делать.

Радиосигналы зазвучали громче, и в их унылой какофонии я снова расслышал:

— Ради бога, дайте посадку… сообщите, что нам делать… помогите… помогите…

Никто не двинулся. И тут я заметил, что все сидят с затычками в ушах. Их не было только у шефа. Заместитель продолжал:

— Сегодня утром мы получили крайне важную информацию. Вы, видимо, знаете, что капитан Клекстон вез с собой образцы давно вымершей марсианской формы жизни. Он нашел много странных предметов причудливой формы, похожих на окаменелости. Так вот, десять дней назад кто-то на борту корабля уронил контейнер, где они лежали, и он раскрылся. Контейнер сразу же

снова запечатали. Но два дня спустя на стенах кабины начала появляться плесень — та самая, которая убила Клекстона. Она быстро расползлась по всем отсекам. С каждым днем заболевали новые члены экипажа. Они попросили у нас медицинского совета. Но наши врачи не знали, что им рекомендовать. Теперь мы пришли к выводу, что корабль заражен марсианским микроорганизмом — может быть, тем самым, который уничтожил цивилизацию на Марсе.

Вопли, доносившиеся из приемника, усиливались. Среди них мелькали обрывки фраз, отдельные слова… или, может быть, это мне только чудилось? Я старался не слышать, не обращать на них внимания.

— Они многое скрыли от нас, — сказал шеф с ледяным спокойствием. — Только благодаря этому им удалось приблизиться к Земле. И только из-за того, что их положение сделалось отчаянным, мы узнали, что там произошло. Как вы слышали, корабль задержан в зоне космической станции «Зет» на расстоянии трех тысяч миль от Земли.

Шеф показал рукой на свои уши. Все вынули затычки. Он продолжал:

— Я полагаю, мы должны им ответить.

Все присутствовавшие молча придвинулись к

радиопульту.

— Сэр, я могу уйти? — стоило мне произнести это, как все присутствующие вскочили на ноги, будто посередине комнаты упал метеорит.

— Уйти? Конечно, нет! — отчеканил шеф тихо, но решительно. — Вы теперь засекречены. Вы будете засекречены до конца своей жизни! Под страхом мгновенной лазерной казни вы никогда ни словом не должны обмолвиться о том, что видели или слышали здесь. Понятно?

Я оцепенел под десятками пристальных взглядов.

— Отвечайте!

Я кивнул головой.

— Положите руку на сердце, — приказал шеф. Я повиновался.

— Клянитесь!

Я повторил за ним слова клятвы.

— Теперь все могут сесть, — сказал шеф.

Несшиеся из космоса крики становились отчетливее. Шеф наклонился над пультом и нажал несколько кнопок.

— …Повторяю, мы обсуждаем положение. Ждите сообщений. Ждите сообщений.

— Что ж, давайте обсудим положение, — сказал шеф, обращаясь к нам. Он вопросительно

взглянул в сторону космических медиков. Оттуда раздался голос.

— По моему мнению, эта серая плесень представляет собой болезнетворное начало, не имеющее аналогий на Земле. Слышал ли кто-нибудь из моих коллег о чем-нибудь подобном?

— Никогда, — сказал один.

— Не слыхал.

— Не знаю ничего похожего.

— На Земле такого не бывает.

— Поэтому, — произнес первый голос, — на Земле не существует антител, которые помогли бы нашему организму бороться с этим болезнетворным началом.

— Продолжайте, приказал шеф. — Мы вас слушаем.

— Это означает, — вмешался еще кто-то, — что при заражении этой болезнью она распространится по Земле, как лесной пожар. Она уничтожит и нас, и все население планеты.

— И, может быть, всего за несколько недель.

— А может, за несколько дней.

— А может, и за несколько часов.

Все невольно содрогнулись. Шеф снова наклонился над пультом и повернул ручку. До нас донеслись заглушенные слова:

— Мы слабеем… скорее дайте посадку… скорее…

— Ждите сообщений. Мы продолжаем обсуждение. Ждите сообщений, — сказал шеф в микрофон и повернулся к нам.

— Нужно, чтобы они отошли от космической станции, пока у них еще остались силы.

Он сделал знак своему первому заместителю. Тот склонился над пультом.

— Вызываем космический корабль. Внимание! Слушайте нашу команду!

С напряженным вниманием мы следили за экраном. Корабль оторвался от космической станции и начал приближаться к Земле. Крики прекратились.

— Осталось три минуты, — сказал второй заместитель шефа, нажимая какие-то кнопки.

— Какая нужна температура? — спросил третий заместитель.

— Чтобы на Землю ничего не попало, — предупредил шеф. — Ни единой гайки. Ничего!

Прошла минута. Мы молча глядели, как корабль на экране несется сквозь космическую пустоту.

— Они поймут нас правильно, — пробормотал шеф, ни к кому не обращаясь.

— Семь тысяч градусов — хватит? — спросил третий заместитель, не отрываясь от пульта.

— Имейте в виду, это грибок, — предупредил кто-то из врачей.

— Рисковать нельзя, — поддержал его другой.

— Пожалуй, восьми тысяч будет достаточно, — согласились все.

— Хорошо. У нас осталась еще минута.

— Какая потеря! — не выдержал вдруг второй заместитель.

— Подумайте только об этих бесценных изделиях, об ископаемых остатках…

— О двухстах девяноста миллиардах долларов — грустно произнес кто-то.

Шеф поднялся во весь рост, как двухметровая скала, обнаженная вершина которой сверкала багровыми отсветами от сигнальных ламп.

— Ответственность я беру на себя, джентльмены. Пора!

Он нажал кнопку. На экране появилось крохотное белое облачко. Из репродукторов послышался грохот — он длился какое-то мгновение, а потом оборвался. Облачко быстро расползалось. Когда оно, наконец, стало прозрачным, экран был пуст. Корабль исчез бесследно. А через несколько секунд экран погас. Наступила мертвая тишина.

— Они поняли бы нас правильно, — сказал шеф.

Все долго молчали. Потом кто-то сказал:

— А как же теперь наша экспедиция на Меркурий?

Никто не ответил.

…Прежде чем уйти, я ухитрился переговорить с шефом. Конечно, время и место были совсем неподходящими для того, чтобы излагать всю историю с орлами. Но я успел рассказать о последнем молодом орле, который был спасен мной от толпы, и попросил дать письменный приказ с печатью, поручающей орла попечению профессора Стэдмена. Шеф поглядел на меня отсутствующим взглядом, рассеянно подмахнул заранее подготовленный мной приказ, и я поспешно удалился.

Мне не терпелось вернуться в аэропорт. Сжимая в руках драгоценный указ, я помчался по лабиринту коридоров и наконец добрался до все еще пустого летного поля. Хромая, я подбежал к ангару, с помощью часового отпер дверь, вошел внутрь и быстро, но осторожно подошел к золотой клетке, укрытой покрывалом от возможного сквозняка. Медленно, чтобы не напугать птицу, я откинул покрывало.

Я не был встречен гневным взглядом, не увидел

гордо поднятой головы. В дальнем углу золотой клетки я увидал большую, неопрятную груду бурых перьев, покрытых пятнами ярко-красной крови. Последний орел разбился насмерть о прутья своей золотой клетки, колотясь о них в поисках свободы.

Не успел я войти к себе в комнату, позвонил мистер Балли. Черт знает, как он мог так быстро узнать о несчастье, разве что ему сообщил кто-то из часовых.

— Эй, послушайте, орлов больше нет? — прокричал он, задыхаясь.

— Это верно.

Мне не хотелось зря тратить время на разговоры. Мистер Балли меня больше не интересовал.

— Но как же это может быть?! — заорал он. — А как же все пластиковые чучела, которые мы запасли? А миллионы метров обоев с орлами? А занавески? А зонтики? На них же был в последнее время такой спрос! Мы сделали такие огромные закупки! Теперь все это останется у нас на руках! Мы будем раздавлены, уничтожены, разорены, мы погибнем, погибнем!

— Как и орлы, — безжалостно заметил я.

— Что-что? Да как вы можете шутить в такой момент? А наши рекламные обязательства? А

контракты? Подумайте о всех этих непроданных медных фигурках орлов! А сувениры? Драгоценности?

— Ну и что? — ледяным голосом спросил я.

— Как что? Разве вы не председатель? Сделайте же что-нибудь!

— Я ничего не могу сделать. Я не бог.

— Может быть, найдется какая-нибудь другая птица, похожая на орла? Знаете, как я предлагал, посадить ее высоко на дерево, может быть, никто и не заметит…

— Боюсь, что меня это уже не интересует.

Мистер Балли издал звериный рык.

— Какой же вы, к черту, председатель!

— Мне очень жаль.

— Жаль? А мне что, по-вашему, делать?

В трубке послышались гудки. Не помня себя, я бродил среди уличных толп. Я равнодушно смотрел на разукрашенные витрины, развевающиеся флаги, ожившие уличные киоски с сувенирами, вспыхнувшие огни.

Толпа двигалась взад и вперед, лениво, бесцельно, как оглушенная. Меня потянул за руку полицейский.

— Вы бы лучше туда не ходили, мистер Фитцсиммонс, — сказал он. — Там вот-вот начнется.

Не знаю, что будет.

Он замолчал. Я вопросительно посмотрел на него.

— Вы что, ничего не слыхали? Прошел слух, что это русские что-то сделали с марсианским кораблем. Говорят, саботаж. Не знаю, но мне кажется, что могут начаться беспорядки.

Я пожал плечами, но он продолжал:

— Посмотрите на них — они все что-то едят. Уже начали грабить продовольственные магазины. Жуют все быстрее и быстрее. Это значит, что они приходят в возбуждение. Теряют равновесие.

Я купил ночной выпуск газеты. Заголовки вопили о саботаже. Газета была полна болтовни о расследовании, ответных мерах, разрыве дипломатических отношений и темными намеками на то, что неплохо было бы устроить бомбардировку русских спутников. Но я искал в газете другое. И нашел — в левом нижнем углу предпоследней страницы:

«Только что стало известно, что последний Американский Орел в возрасте двух лет скончался прошлой ночью в золотой клетке, где он содержался для всеобщего обозрения. Ходят слухи, что гибель этой самой знаменитой из всех птиц Америки — дело рук тех же советских шпи-

онов, которые подозреваются в уничтожении марсианской экспедиции. Всем известно, что возвращение экспедиции должно было стать кульминационным моментом великого праздника. И этот коварный, гнусный удар по нашему престижу сопровождался жестоким и бесчеловечным актом — уничтожением последнего Американского Орла. Обстоятельства дела будут расследованы. Золотая клетка — великолепное и дорогостоящее произведение искусства — будет передана в Смитсоннанский музей. Конгрессмен Слобберлотц внес законопроект, требующий в качестве ответной меры назначить премию за каждого убитого медведя».

Бросив газету, я пошел прочь. Я брел по улицам без всякой определенной цели, пытаясь найти укромное место, чтобы побыть одному. Только бы немного прохладного воздуха, всего лишь глоток чистого воздуха… Но и на берегу бывшей реки воздух был такой же душный и спертый. Я без сил повалился на скамейку.

Не помню, где я был и что делал. Помню, что вдруг услышал на каком-то дереве пение несуществующей птицы и остановился. У меня закружилась голова, подкосились ноги, и вдруг чья-то рука поддержала меня. Я повернулся и

увидел перепуганную Либби.

— Фитц! О, Фитц! Где ты был? Почему ты здесь? Я искала тебя весь день. Тебя нигде не было. Тогда я подумала — может быть, ты у реки…

Я что-то пробормотал.

— Ну, ничего. Сядь посиди со мной немного. Все будет хорошо, — сказала она с материнской заботой. — Садись.

В ее глазах стояли слезы. Фонарики, спрятанные в гуще искусственных листьев, бросали на ее лицо цветные блики. И тут я посмотрел на Либби так, как еще никогда не смотрел, и понял, что никогда не смогу с ней расстаться.

Сокращенный перевод с английского А. Чапковского

♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

Послесловие

История Алека Фитцсиммонса, космонавта и орнитолога, закончена. Он так и не нашел себе места в Америке 1989 года — он оказался для нее слишком честен и человечен. И, конечно,

он не смог выполнить возложенную на него миссию, — да кстати, уже сама задача была поставлена нелепо: Фитцсиммонсу предлагалось ведь не спасать вымирающих орлов от гибели, а всего лишь оттянуть эту гибель до празднества (а далее — хоть трава не расти!).

Леона Райноу нарисовала в романе страшный мир, где солнце не проглядывает сквозь пелену смога, где воздух ядовит, где не текут реки, не поют птицы, не растет трава, где вместо деревьев — декорации. Где декорация все: празднество и медицинская помощь, ибо тяжелых больных не лечат, а убивают. И научные исследования — тоже декорация, ведь информация зря лежит в контейнерах и запасниках, ибо познание утратило главную цель — оно не служит людям. И даже в экспедиции к Марсу главным оказывается политическая шумиха. И демократические институты — президент, вице-президент, сенат, конгресс — тоже декорация, за которой скрывается только один режиссер Бенедикт-Наполеон Бонапарт.

Конечно, мир, встающий на страницах романа — это фантастический мир. Лишь одним приемом пользовалась Леона Райноу, когда писала «Год последнего орла», — гиперболой. И ее гиперболы подчас прямолинейны и грубоваты — Леону Райноу никак уж не назовешь тонким сатириком. Но зато ее можно назвать честным человеком и честным писателем, ведь в сегодняшней жизни своей страны она увидела реальные явления, которые грозят превратить Америку в бетонно-машинную пустыню, где совсем уже не будет места ни деревьям, ни птицам, ни людям, ни человечности. И она написала свой роман, который весь звучит, как крик о грядущей опасности.

Борис Володин

№ 5

Геннадий Файбусович

Марципанов, или 1001-й научно-фантастический рассказ

Чем только не занимаются люди!

И. Ильф, Е. Петров,
«Золотой теленок»

Раз в неделю, по пятницам, Марципанов ездил на свидание с ней. Садясь в турбопоезд на Савеловском вокзале, Марципанов словно не замечал толпы, не чувствовал толкавших его кулаков и локтей, не обижался, когда наступали ему на ноги. Битых полтора часа, под гроздьями сумок и сеток, притиснутый к окну, он смотрел на летящие мимо поля, перелески, шлагбаумы — и ничего не видел. Всю дорогу он неотступно думал о ней, только о ней.

И сегодня все было, как всегда.

С тем же остановившимся взглядом, точно завороженный. Марципанов встал, протянул руку за авоськой; тремя минутами позже он съехал по непросохшему лентоходу с платформы. Миновал почту, ларек, трасформаторную будку. Обогнул дачу с верандой, где знакомый пенсионер по обыкновению ковырялся в домашнем радиотелескопе. Дождь начал накрапывать снова. Марципанов не замечал его.

В сумерках, подходя к своей даче. Марципанов

никого не встретил. И прекрасно: не надо здороваться. Он нацелился прыгнуть через кювет, но поскользнулся и с трудом выбрался, отряхивая полы плаща. Поправил видавшую виды шляпу. Воровато скрипнул калиткой.

Она ждала его. В полутьме поблескивали ее никелированные панели. Темно светились циферблаты. Она была прекрасна.

Убедившись, что никто в его отсутствие не заглядывал в сарай. Марципанов поспешил по мокрой тропинке к крыльцу. Войдя в дом, вытряхнул из сетки на стол содержимое. Разлезшиеся бумажные кульки с харчами не портили впечатления от обстановки. Напротив, они гармонировали с ней. В комнате изобретателя царил хаос, чтобы не сказать хуже.

Почему-то так получается, что великие люди проводят лучшую часть своей жизни в ничтожестве, одеваются в рубище или в крайнем случае в плащ, заляпанный глиной, покупают на обед ливерную колбасу и ополаскивают стаканы только накануне очень больших праздников. Говорят, Бетховену всю домашнюю обстановку заменял рояль, выполнявший одновременно роль стола: на нем покоились остатки трапезы, письма кредиторов, старые чулки и, между про-

чим, партитура Девятой симфонии с хором на слова Шиллера.

На рабочем столе Марципанова стояла банка с синтетическими бычками в томатном соусе. Тут же валялись раскрытая бритва, сапожная щетка и патрон с таблетками витамина «Щ» (улучшает умственные способности, укрепляет память, способствует росту больших полушарий и скорейшему выпадению волос). Под столом лежали рукописи… Этот сиротско-холостяцкий натюрморт более или менее удачно дополняли гора окурков, явно превысившая грузоподъемность пепельницы, справочник алгоритмов и ветхая библия, раскрытая на том месте, где говорится об убийстве Авеля.

От Книги Бытия взгляд стороннего наблюдателя естественно обратился бы к книжным полкам; здесь угадывалась некая система, но какая-то странная. Солидные тома векторных исчислений, линейных и рекурсивных функций неожиданно перемежались с сомнительными сочинениями базарных романистов. С обложек фантастических повестей в космическую бездну устремлялись звездолеты, планетоходы, астровозы и галактические дроги. Невинные развлечения ученого отшельника, услада его короткого досуга!

Жуя ливерную колбасу, Марципанов уселся за стол, движением локтя отодвинул в сторону житейский хлам и житейскую суету. Воцарилась тишина, подчеркнутая мерным стуком хозяйкиных цезиевых ходиков. И целых три часа рука мыслителя покрывала рядами значков и цифр замысловатый чертеж, озаглавленный: «Принципиальная схема последовательности событий максимальной невероятности с запрограммированным исходом (при инвариантности событийного правдоподобия по формуле Крювелье — Марципанова 6=0,015)».

Наконец, стрелки усталых часов, с трудом вскарабкавшись на вершину, сошлись на двенадцати. Кукушка прокуковала Марципанову великое будущее. Холм окурков высился перед ним, точно скифский курган. Он отложил перо и повалился на драную раскладушку, окутанный дымом табака и упоительных грез.

…А почему бы и нет, в самом деле? Что тут особенного?

Марципанов отдавал себе отчет в том, что при всей сенсационности его изобретения оно давно уже, если можно так выразиться, поставлено на

повестку дня. Дух времени продиктовал ему свою волю, и он выполнил ее, отнюдь не покушаясь на самый дух.

Впрочем, можно ли с уверенностью утверждать, что технология культуры, усовершенствуясь, не оказывает влияния на самую культуру? Замена гусиного пера стальным — не повлияла ли она на духовные поиски пишущего? Слово, произносимое с телевизионного экрана, не обретает ли иной смысл, чем слово актера на сцене?

Как бы то ни было, справедливость требует отмстить, что проблема промышленного производства духовных ценностей — назовем это так — уже была отчасти решена до Марципанова. Кому, например, в наше время придет в голову кропать эстрадные песенки, кто станет тратить силы на сочинение танцевальных пьес? Эту задачу давно и гораздо успешнее, чем кустари-композиторы, решают сочиняющие музыку машины. Достаточно назвать американский «Орфеус-8» или японские «поющие бедра». Ни один телецентр немыслим сейчас без подобных аппаратов… А что сказать о печатных изданиях? Можно ли представить себе в наши дни редакцию иллюстрированного журнала или спортивного обозрения, которая не была бы оснащена ма-

шинами для составления кроссвордов, ребусов, картинок для отгадывания «В субботний вечер», литературных викторин и кросс-криппингов — особого рода цветных головоломок, любимого в последнее время развлечения интеллигентной публики. Сравнительно недавно предложены и уже применяются устройства для сочинения научно-популярных статей, заметок из серии «Знаете ли вы», «Сделай сам», заочных медицинских консультаций по вопросам питания, роста волос, половой жизни и пр.

Компьютер «Сократ» отвечает на вопросы по текущей политике. Быстродействующая электронная машина «Ходжа Насреддин» поставляет анекдоты из жизни великих людей. Ограничимся этими немногими примерами, хотя список их мы могли бы продолжить.

...К утру дождь кончился. Субботнее солнце, заглянув в окошко Марципанова, застало его за изготовлением перфокарт — это была уже чисто техническая работа, не требовавшая усилий ума. Труд гения, неслыханный по сложности алгоритм, был завершен накануне. Честолюбие заставило Марципанова отказаться от помощников.

Он сам был и конструктором, и программистом, и оператором.

Теперь оставалось только заложить перфокарты в машину и... — и на этом, собственно, вся его работа заканчивалась. Остальное было делом иного разума, иных — сверхчеловеческих — творческих потенций.

Только средневековый алхимик, окоченевший от восторга перед чудом рождения человека в реторте, мог бы понять, что испытывал Марципанов в тот памятный день, сидя за пультом разумной машины, готовой сию минуту по его приказу выполнить дело, которое до сих пор казалось непосильным для электронного ума. И она взялась за него, ни на мгновение не усомнившись в своих способностях, ибо ее мозг не знал колебаний. Скользнув узким лучом по отверстиям шифровальной карты, она превратила их в стройную последовательность событий.

Фабульное устройство отработало экспозицию, завязку, развязку и смоделировало интригу. Контролирующий табулятор зафиксировал эффект неожиданности, исходя из которого машина привела в соответствие показатель невероятности и константы событийного правдоподобия. Воспользовавшись гениальной формулой Крюве-

лье-Марципанова, она выполнила необходимые преобразования за пятнадцать минут.

Далее сюжетный блок передал готовую программу в блок сценарного программирования, где фабульные ходы были развернуты в повествовательную ленту. Касса выдала девятьсот эпитетов, две тысячи сравнений и одну развернутую метафору.

Погасли цветные индикаторные лампочки над пультом управления, померкло световое табло в верхней части щита. Вместо него зажглось табло на передней панели. Изобретатель бросил взгляд на стрелку эктометра и от радости захлопал в ладоши: индекс сюжетной занимательности макета оказался 90,6! Это намного превосходило все известные образцы. Достаточно напомнить, что показатель занимательности «Графа Монте-Кристо» равняется в среднем 48,4—48,6 единиц, «Убийство на улице Морг» Эдгара По дает 54, и лаже в самых захватывающих новеллах Конан-Дойля уровень занимательности едва достигает 65.

Что же касается научной фантастики, то там такие цифры никому и не спились. Какой-нибудь Уэллс со своим «Человеком-невидимкой» еле-еле набрал 40. Ребяческий лепет Жюля Верна с тру-

дом дотянул до 30.

Марципанов мысленно перебрал современников. Айзек Азимов? — 38. Рэй Бредбери? — 30–32. Стругацкие? Тут и говорить не о чем; от силы 25. А сколько шуму, разговоров! Очереди за подписными изданиями… Подумаешь!

Даже «Фаршированный йог» — пресловутый бестселлер Геннадия Файбусовича, принесший скандальную славу его автору, не смог дотянуть до 68. Одним словом, кибернетическая литературная машина Марципанова поставила рекорд, абсолютно недостижимый для кустарной прозы.

…Табло с надписью «Блок В» все еще сияло красноватым светом точно окошко в преисподнюю. Закуривая, Марципанов сломал несколько спичек; рука его дрожала. Предстоял последний, завершающий этап. Он нажал тумблер ввода. Ряды индикаторов, зажигаясь последовательно в верхней части наблюдательного щита, известили его о своевременном включении словарных, грамматических и ритмико-композиционных устройств. Лексиконный табулятор оптимизировал подбор терминов, доведя до предела эмоциональную насыщенность любовного диалога (показатель эмфазы —100). Электромагнитный редактор умело чередовал эротические сцены

и научно-популярные отступления. И, наконец, цитирующий механизм, работая по принципу «фид-бэк», срастил для будущего рассказа эффектный халдейский эпиграф, подобранный на основе сходства слов.

Солнце приближалось к зениту, когда изобретатель с окурком во рту вышел из сарая. Он вспомнил, что еще не завтракал. Несколько минут назад автоматическое печатающее устройство, вмонтированное в заднюю часть сочинителя, начало отстукивать на вращающемся барабане готовый текст.

…Мы намеренно опустили рассказ о том, каким образом Марципанов пришел к идее своего изобретения, откуда добыл оборудование и детали для машины и как, неделю за неделей, месяц за месяцем, свозил их в укромный винипластовый сарайчик напротив дачи. Подробности этого рода слишком затянули бы наше повествование. Точно также мы обойдем молчанием события, последовавшие за первым опытом сочинения, вплоть до следующей пятницы, когда Марципанов вновь в урочный час сошел с поезда на тихом полустанке и двинулся по засохшей глине

знакомым путем мимо ларька и пенсионера с радиотелескопом.

У калитки поджидал его местный почтальон. Он почтительно вручил Марципанову хрустящий конверт.

На конверте красовалась эмблема ежемесячного иллюстрированного журнала «Научная Мысль»: голый, неправдоподобно мускулистый «Мыслитель» Родена, подперев рукой подбородок, раздумывает над кроссвордом… В сильном волнении Марципанов вскрыл письмо.

«Многоуважаемый Такой-то…»

(Сердце изобретателя учащенно забилось, рука машинально потянулась за колбасой…)

«Рассказ, присланный Вами, написан правильным языком, читается легко и с интересом» — так начиналось письмо, и Марципанов почувствовал себя на седьмом небе. — «Человек Вы несомненно талантливый, можете и должны работать… Однако замысел рассказа, к сожалению, лишен оригинальности. Использованный Вами сюжет неоднократно встречается в художественной литературе. Так, в XXVI Сборнике Фантастических Новелл за 197… год, в произведениях №№РГ-2768 н РГ-2769 (в художественном прокате выпущены под названиями «Луч смерти» и «Душа поет») име-

ется аналогичный мотив энергетического шнура, посылаемого на расстояние с целью разрушения крупных объектов. Тот же мотив использован в повести ЩЭ-0788 автора А. Толстого (в прокате — «Гиперболоид инженера Гарина»). Кроме того, в Вашем рассказе встречаются прямые заимствования из вышеуказанных произведений, напр. на стр. 24 от слов: «Муся молча вскинула ресницы на Николая» до слов: «Николай, нахмурившись, включил реле стабилизатора. В топке вспыхнуло и загудело пламя…». Ввиду вышеуказанного редакция вынуждена воздержаться от опубликования Вашей рукописи. Желаем Вам дальнейших творческих успехов, с приветом…»

Марципанов швырнул письмо на стол.

Минут пятнадцать он яростно барабанил пальцами по подоконнику. Затем шагнул к книжным полкам. На пол полетели нагие женщины, грабители, до ноздрей закутанные в клетчатые кашне, алюминиевые лопасти звездных корветов…

Он не мог понять одного: чем он хуже других!

Мысль его лихорадочно работала. Он искал конструктивный просчет. Следовало бы повторить еще раз цикл электромагнитного редактирования… Генеральная формула? Но она была безупречна!

Потом он подумал, что в конце концов это была лишь проба сил. Так сказать, первый блин. И, пожалуй, для первого раза неплохо. Ведь и знаменитые писатели не сразу добились успеха: вероятно, вначале их тоже упрекали в заимствованиях и подражании. Но если говорить серьезно, что может противопоставить кустарь-сочинитель его машине? Ха-ха! Это все равно что заставить клячу бежать наперегонки с ракетным автомобилем. Наследница знаменитого аппарата для составления книг, изобретенного мудрецами Лапуты, машина Марципанова обладает не только фантастической производительностью. Она способна самоусовершенствоваться!

В мгновение ока Марципанов вновь очутился за столом. Всадил обе пятерни в остатки волос. Его челюсти перемололи всю суточную дозу мозгового витамина — тридцать таблеток. Новый алгоритм уже рождался в его уме…

В тишине сухо пощелкивал маятник. Часовая стрелка неслышно пересекла четверть круга, и над головой Марципанова запела кукушка…

История сберегла для потомства клочок бумаги с отчетливым запахом синтетических бычков в

томате; на нем торопливым почерком Марципапова выписаны основные показатели:

Время сочинения — 24 минуты.

Объем — 5,5 печ. л.

Число действующих лиц — 30.

Количество любовных коллизий — 30.

В том числе: любовных треугольников — 3
разводов — 1
счастл. романов — 1

Законных браков — 1,5.

Убийств — 1.

Гениальных открытий — 1.

Прочих — 18.

Индекс занимательности — 89,9.

Индекс правдоподобия — 0,00003.

Вероятность использования аналогичного замысла — 1: 90000.

Это был третий день работы. Наученный опытом, изобретатель уделил особое внимание последнему показателю.

У калитки почтальон обменивался новостями с хозяйкой дачи. Был конец июля. Утомленный зноем и небывалым ростом интенсивности труда,

вестник славы Марципанова, сняв форменный картуз, утирал со лба пот.

— Батюшки-светы, — изумлялась хозяйка, — это ж сколько ж у тебе писем? И все ему?!

Почтальон, кряхтя, стащил с плеч чудовищно распухшую сумку.

— А то кому же?

В голосе его звучало гордое сознание своей миссии.

Хозяйка дачи высказала осторожную гипотезу:

— Небось, от женщин все… а?..

Ответа не последовало. Почтальон загадочно смотрел вдаль. Потом запел: «Без женщин жить нельзя на свете, нет!..»

Сзади послышался шум. Изобретатель сбежал с крыльца, не взглянув на почтальона, схватил в объятья гору писем и бандеролей и потащил в дом. Чело его было нахмурено, он не произнес ни слова.

Прошло минут десять. Коробейник, с пустой сумкой, вызывающе насвистывал выходную арию Сильвы. Но Марципанов больше не появлялся. Отчаявшись, почтальон плюнул и двинулся восвояси.

В своем закутке хозяйка глубокомысленно качала головой.

«Вот и верь после этого людям, — думала она, — А прикинулся таким тихоней. Я, говорит, наукой занимаюсь, мамаша. Вот она ихняя наука.»

То был день неожиданностей или неудач — Марципанов не сразу угадал странный смысл сюрприза, который преподнесло ему его детище. Как обычно, из сарая доносилось равномерное гудение, сегодня оно прерывалось время от времени легким треском. На мгновение вспыхивал зеленоватый сполох… Затем вновь монотонно жужжали гаустроновые батареи.

Тайпер принялся отстукивать текст нового рассказа. Изобретатель закурил. Потирая руки, ждал, когда остановятся барабаны.

…На этот раз эпиграф был заимствован из берестяных грамот древнего Новгорода. Он изобиловал загадочными символами, знаками интегралов и дифференциалов и фамилиями языческих богов, состоящими из одних согласных.

«Глава первая, — прочел Марципанов. — Таинственный незнакомец».

Он уселся поудобнее, в предвкушении долгожданной удачи.

«Однажды в студеную зимнюю пору я из ле-

су…»

Кажется, он уже читал что-то в этом роде… Но что? Однако звучало неплохо. Что там дальше?

«Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел. Был сильный мороз. Мороз! Бр-р-р. Однажды я из лесу вышел. Из лесу однажды я вышел. Из — лесу — вышел. Однажды.»

Марципанов поскреб в затылке. Очевидно, машина решила начать повесть в современной манере, с подтекстом и сверхзадачей.

Но дальше шло нечто совершенно невразумительное.

«Крон Штейн, чертыхаясь, нажал на ручку атомного дровокола. В иллюминаторе вспыхнуло и загудело пламя. Браво! — воскликнул в ярости профессор Семечкин. — Кукареку! — отозвалось эхо. Парабола анаболизировала гиперболу. Гипербола катапультировала крышку. «Мю-мезоны, мю-мезоны, мю-мезоны! К вашим услугам, — проговорил незнакомец и вытащил из-под ногтя лучевой пистолет. Шагнув, робот подмял под себя изумленную Мусю.

— Любимая! — проскрежетал он. — Звезды меркнут и гаснут. В огне облака. Крр… сигнал подан. Четыре, три, два, один: бух! Т-т-т-т-т-т-т, Кукукукуку. 1234567. +§ глава XII пролог эпилог

диалог подлог».

Внезапно Марципанов схватился за голову. Он понесся в сарай. Минут десять, сняв заднюю панель, он ковырялся в сложном переплетении разноцветных проводов, прежде чем обнаружил, что замкнулись батареи табулятора. Ему пришлось потратить добрую половину драгоценного выходного дня на ликвидацию поломки.

Марципанов сидел в комнате и, наугад тыча вилкой в консервную банку, просматривал очередное письмо. Писал врио замзава худотдела научно-беллетристического альманаха «Крестики и Нолики».

«Уважаемый тов. Имярек,

Редакция поручила мне ознакомиться с Вашей рукописью… Повесть, присланная Вами, написана правильным языком, читается легко и с интересом. Вы, несомненно, талантливый человек. Можете и должны работать. Об этом свидетельствует ряд мест Вашей повести, напр. на стр. 24 от слов: «Николай, волнуясь, отодвинул заслонку. В самоваре вспыхнуло и загудело пламя…» Однако образ Николая не самостоятелен, он создан Вами под влиянием образа Ермолая

из повести «Луч из-за туч» (регистрационный № Л-670/12) автора Лукошкина, напечатанной в нашем альманахе. Сюжет заимствован Вами у автора Жюль Верна, который использовал его в романе… (дальше было неинтересно). Ввиду всего вышеизложенного…»

Марципанов отложил листок и долго расхаживал из угла в угол. В окно косо светило заходящее солнце. Щелкали ходики.

Неуклонно повышая индекс занимательности, машина довела его до предельного уровня—100,0. Она добилась максимального насыщения текста художественными деталями, доведя их количество в последнем, тысячном по счету рассказе до 35 тысяч на один печатный лист. Научилась закручивать интригу на десять с половиной оборотов… Но словно какой-то рок преследовал изобретателя.

Журнал «Физика и Жизнь» отказался печатать великолепную, захватывающую повесть о том, как было открыто вещество, не подчиняющееся закону всемирного тяготения: ловкач Уэллс, чтоб его черти на том свете пощекотали электромагнитной катушкой, уже использовал эту идею в барахляной книжонке под названием «Первые люди на Луне».

«Химия — сила» вернула Марципанову рассказ о лекарстве, которое излечивает рак: оказывается, об этом уже писал какой-то Чапек.

Каждый раз повторялось одно и тоже. Уже использовано, уже было… Буквально все сюжеты были израсходованы. Обыграны все варианты. По меньшем мере на триста лет вперед не осталось ни одного открытия, ни одной мало-мальски приличной идеи, которая не была бы обсосана, облизана и до последнего хрящика обглодана авторами научно-фантастических повестей и рассказов. Этих авторов было так много, что пришлось завести особый учет. Можно было подумать, что все человечество превратилось из читателей в писателей!

Марципанов чуть не плакал от досады. Он опоздал со своей машиной! Писаки-кустари, точно жуки-короеды, объели всю литературу, растащили по крохам всю фантастику!

Нехотя он спустился с крыльца и побрел по тропинке к сараю. Отомкнул ржавый замок. Писательница уныло поблескивала панелями. Марципанов вставил очередной комплект перфокарт, нажал на кнопки. В окошке вспыхнуло и загудело… впрочем, нет. Ничего не вспыхнуло и не загудело. Садилось солнце. Все было, как

обычно.

Фабульное устройство отработало экспозицию и изобрело сюжет. Табулятор, помигав цветными лампочками, выдал эффект неожиданности. Эротизатор сляпал любовную интригу. Хрустнув, словно орехом, формулой Крювелье-Марципанова, машина передала программу в сценарный блок, и вот, наконец, печатающее устройство в тысяча первый раз принялось отстукивать текст. Завертелись барабаны…

Внезапно Марципанов нахмурился. Он вырвал из барабана кусок ленты и выбежал из сарая. Всходила луна. Марципанов помчался к дому. Через минуту он уже лихорадочно пробегал глазами текст.

И тут его осенило: перебрав все сюжеты, машина нашла то, что искала. Нашла нечто, никем доселе не использованное…

Давно погасли огни в дачном поселке. Умолк лай собак, утихли вопли радиоприемников. За фанерной перегородкой сладко посапывала хозяйка. Спал весь состав почтового отделения, спал владелец радиотелескопа, мирно спали редакторы столичных еженедельников. Спал весь мир.

Марципанов сидел за столом и взахлеб читал…

«Раз в неделю, по пятницам. Марципанов ездил на свидание к НЕЙ. Садясь в турбопоезд на Савеловском вокзале, он словно не замечал толпы... Битых полтора часа он смотрел на летящие мимо поля и думал о ней, только о ней.

С тем же остановившимся взглядом Марципанов встал: тремя минутами позже он съехал по непросохшему лентоходу с платформы Миновал почту, ларск... Дождь начал накрапывать снова, но Марципанов не замечал его...»

№ 6

М. Кривич, Л. Ольгин

Пора-не пора,

ИЛИ ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ ПОСАДКИ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ НА ШЕСТУЮ ПЛАНЕТУ, КОТОРАЯ ВРАЩАЕТСЯ ВОКРУГ ОДНОЙ ОЧЕНЬ БОЛЬШОЙ ЗВЕЗДЫ, НАСТОЛЬКО ДАЛЕКОЙ, ЧТО ЕЕ ПЛОХО ВИДНО НЕВООРУЖЕННЫМ ГЛАЗОМ ДАЖЕ В БЕЗЛУННУЮ НОЧЬ

Сначала из люка посадочной капсулы высунулись длинные худые ноги в латаных джинсах. Ноги боязливо ощупали грунт и, убедившись в его прочности, опустились на травку. Куцая курточка была сшита из той же джинсовой материи, ансамбль удачно дополнял шелковый шейный платок. Так был одет Дик.

Затем на экране показалась грузная фигура в синем простроченном комбинезоне. Это был Семен Прокофьевич.

Третьим на поверхность планеты выпрыгнул юркий, стриженный под скобку, эмалированный «Рекорд», а за ним, лязгая гусеницами, выполз и плюхнулся на резиновое брюхо 7-МЦГ-0,25.

Все они одновременно повернулись к люку, и оттуда, чуть касаясь протянутых рук и щупальцев своих спутников, спустилась молодая особа, недурная собой. Это была Лялечка.

Теперь можно было считать, что высадка состоялась.

Надо ли объяснять читателю, что и Дик, и седоусый Семен Прокофьевич, и очаровательная Лялечка, высадившиеся на поверхность таин-

ственной планеты без скафандров, шлемов, кислородных баллонов и прочих столь необходимых в этом деле вещей (которые в технической литературе именуют средствами жизнеобеспечения), не говоря уже о «Рекорде» и тем более о трактороподобном 7-МЦГ-0.25, — надо ли объяснять, что все они были искусно сделанными машинами?

Эти машины могли мгновенно рассчитать траекторию любого космического тела и провести спектральный анализ грунта, корректно и достойно вступить в контакт с представителями разумной цивилизации и точно оцепить шансы фаворитов на рысистых испытаниях, они умели паять, клепать, точить ножи-ножницы, играть на всех известных музыкальных инструментах, знали десятки языков, логарифмические таблицы и приемы карате. Словом, перечислить все знания, умения и навыки этого замечательного экипажа вряд ли возможно. Но о главном все-таки надо сказать: и грузному Семену Прокофьевичу, и по-юношески самонадеянному Дику, и кокетливой Лялечке, и исполнительному «Рекорду», и даже тугодуму 7-МЦГ-0.25 — всем им в большей или меньшей степени была присуща способность самообучаться, быстро приспосабливаться к

неожиданным условиям окружающей среды. Очень важное качество, без которого в далеком космосе пропадешь.

Представление главных героев этой истории можно было бы считать законченным, если бы не одно маленькое обстоятельство. Должно быть, не всем читателям, особенно из числа тех, кто получил в свое время только гуманитарное образование, достаточно ясно, зачем придавать машинам, даже самым толковым, человеческий облик. Между тем, это очень просто. Во-первых, инопланетяне, неожиданную встречу с которыми никак нельзя исключить, должны сразу же получить представление о том, как выглядят обитатели Земли. Во-вторых, что значительно менее важно, операторам с наземных станций слежения привычней и легче работать с человекоподобными устройствами, нежели с железными ящиками, вроде кассовых аппаратов, только поумней.

На сей раз космокосметики превзошли себя. Взять ту же Лялю. Она вышла настолько удачно, что на улице мужчины заглядывались на нее. А за каких-то три-четыре месяца предстартовой подготовки Ляля получила столько предложений сходить в кино, сколько другой, натуральной

девушке с лихвой хватило бы на несколько лет.

Словом, внешний облик экипажа ничуть не беспокоил руководителей полета. Если что их и тревожило, так это специальная подготовка машин. А с ней, по правде говоря, не все было ладно. Сначала хотели приурочить высадку к стасемидесятипятилетию освоения Меркурия, потом гнали к ежегодному съезду собирателей марок на космические темы. А в спешке, сами понимаете, какая подготовка…

С роботами же, как известно, надо держать ухо востро. Заранее никогда не скажешь, будут ли они точно придерживаться духа и буквы программы или ни с того ни с сего пойдут куролесить по чужой планете, вызывая неразбериху в Центре и раздражение периферийных галактик.

Теперь, надеемся, читателям понятно, почему руководители программы не разъехались отдыхать по домам сразу же после высадки, а сидели на Центральном пункте управления, напряженно вглядываясь в мерцающую телевизионную картинку. А на картинке было вот что.

…Экипаж работал слаженно. Семен Прокофьевич отдавал короткие распоряжения, остальные

без суеты их выполняли. Дик слил воду из радиатора и проверил уровень масла. Крепыш МЦГ выволок мешки с плутониевыми сухарями и разложил их на клеенке. «Рекорд» левой ногой копал колодец, а Лялечка, убрав рыжие волосы под косынку, протирала тряпкой иллюминаторы.

— Хорошо работают, — довольно сказал Директор программы, обращаясь к коллегам, и добавил в микрофон:

— Прокофьевич, не забудь погасить свет и скажи МЦГ, чтоб не ел крошки!

Впрочем, Директор понимал, что к тому времени, когда его совет дойдет до Прокофьевича, освещение давно уже будет выключено, крошки съедены, а экипаж окажется далеко от капсулы.

— Пускай ест, — с нежностью в голосе заметил Главный энергетик, — им горючего на десять лет запасено…

После месяцев крайнего напряжения, на Центральном пункте впервые установилась атмосфера благодушия. Главный механик, на всякий случай проверив пульс Дика, вышел перекусить, энергетик отправился спать, а Директор с Психологом, время от времени поглядывая на экран, заполняли в трех экземплярах посадочные талоны, которые надлежало к утру отправить в

Комитет по новым мирам на предмет установления приоритета.

— Что они там застыли? — вдруг спросил Директор, оторвавшись от бумаг.

— Наверное, Прокофьевич решил провести летучку, — неуверенно ответил Психолог. — Рановато что-то…

Экипаж собрался в кружок неподалеку от капсулы. Семен Прокофьевич поочередно тыкал в грудь каждому указательным пальцем и что-то резко говорил. Что именно, разобрать было трудно. Вероятно, он раздавал указания. Судя по тому, что Семен Прокофьевич по несколько раз обращался к каждому, заданий было много.

Летучка закончилась так же внезапно, как и началась. «Рекорд», получивший задание последним, повернулся к капсуле и совершенно неожиданно для руководителей полета невесть зачем стал изучать обшивку, почти упершись в нее лбом. Остальные, рассыпавшись, помчались прочь от капсулы и через несколько секунд исчезли из кадра.

Происходившее противоречило и программе, и здравому смыслу, которым роботы были напичканы до отказа.

«Рекорд» закончил изучение обшивки. По-

вернулся на корундовых каблучках и ошалело огляделся по сторонам. На северо-северо-западе шевельнулись кусты, и он неуверенным шагом, то и дело оборачиваясь, направился туда, но потом передумал и дважды обошел капсулу. Он был один.

«Рекорд» ткнул правым манипулятором себе в бок и включил индивидуальный носовой локатор. Прибор ожил, рыскнул вправо-влево, но сигнальная лампа не загорелась. Робот растерянно стоял на поляне, не зная, что предпринять. Наконец, он решился, отключил бесполезный локатор и напролом ринулся через кусты.

— Что за чертовщина… — пробормотал Директор, — куда они все подевались? Почему нет звука?

Он повернул до отказа сперва ручку яркости, потом ручку громкости. Ни единого движущегося пятна, ни единого шороха. Сознавая бесполезность своих действий, Директор закричал в микрофон:

— Семен Прокофьевич! Лялька! Дик!

Ответ мог прийти лишь через час, если мог прийти вообще. А пока осталось только ждать.

— Поторопились мы с талонами, — невесело обратился Директор к Психологу. — Что у них

могло случиться? Почему разбежались? Объясните мне, это ведь по вашей части.

Психолог не успел ответить, потому что на экране одновременно показались все члены экипажа. Они выскочили из кустов, как ошпаренные, и помчались к капсуле, будто за ними гнались дикие звери. Последним бежал тучный Семен Прокофьевич.

Какая-то опасность была налицо. По аварийным правилам, группа обязана была укрыться в капсуле и задраить люки. Однако подбежав к аппарату, все внезапно успокоились. Они стояли кучкой, беседовали по внутренним телефонам, Лялечка смеялась и обмахивалась платочком, словно ничего не случилось.

— Кажется, пронесло…

Не успел Директор сказать это, как снова на экране началась сумятица, а потом все, кроме Семена Прокофьевича, исчезли из поля зрения.

Восточная мудрость гласит: тот, кто воспитает самоорганизующегося робота, может считать себя мужчиной. Сделав скидку на излишнюю цветистость и образность, присущую восточным изречениям, надо все же признать, что воспита-

ние роботов — дело ох какое хлопотное.

Едва сборщик завинтит последнюю гайку, едва испытатель впервые щелкнет тумблером «вкл-выкл», безжизненная кукла превращается в шкодливого щенка. Новорожденные роботы с визгом носятся по сборочному цеху, дерутся, ревут, ябедничают сборщику-воспитателю. Они отпаивают друг у друга транзисторы, портят питание, лезут без спроса в запоминающие устройства, рвут магнитную ленту или записывают на нее всякую чушь — популярные песенки и недетские анекдоты. Если же в цехе есть электрические розетки, эти юные проказники присасываются к ним, как пиявки, а потом куролесят без удержу. Да, нелегко вырастить и воспитать роботов…

Авторы отдают себе отчет в том, что здесь совершенно неуместно поднимать всерьез проблему воспитания роботов. Это скорее дело солидных машинно-педагогических изданий. И все-таки обойти эту проблему молчанием мы не можем. Бытующий к ней подход совершенно неверен.

Посудите сами. В первые дни и месяцы жизни, когда должен закладываться характер роботов, они находятся на попечении неопытных сборщиков-воспитателей, которые еще совсем недавно сидели на студенческой скамье. В каждой группе

собирается по двадцать-тридцать младенцев, потому что педагогов не хватает, и какими бы благими ни были побуждения воспитателя, он успевает проследить лишь за рациональным питанием да сохранностью своих питомцев. А предстартовая подготовка может лишь сгладить, но не устранить шероховатости начального обучения. В общем, сложившаяся практика требует скорейшего вмешательства нашей педагогической общественности.

— Ну что, отец-педагог, выучил на нашу голову? — сурово сказал Директор смущенному Психологу. — Вот тебе и серийное воспитание!

К этому времени история повторилась. Одинокий Семен Прокофьевич, покончив с осмотром обшивки, побродил по экрану, скрылся и через минуту вновь вбежал в кадр во главе мчащейся оравы. Его толстая добродушная физиономия светилась бездумным самодовольством. И вновь никакой погони!

Члены экипажа еще топтались у капсулы, а Психолог уже знал, что будет дальше: все исчезнут, один уставится на обшивку…

Цикл поведения был налицо. Но что побуж-

дало их неотступно следовать этому циклу, не имеющему никакого отношения к программе? Опасность? Некий стимулятор, приманка, источник удовольствия? Нет, все-таки поведение экипажа подчиняется какому-то закону, они действуют по каким-то правилам. Но по каким? При подготовке им таких правил не задавали…

Значит, экипаж во имя неизвестной цели сам добровольно установил эти правила. Искусственные правила, набор условностей, что-то вроде чанной церемонии или свадебного обряда. И самое непонятное — итог всей этой странной деятельности доставлял экипажу удовольствие. Несмотря на то, что даже кратковременное отсутствие связи должно было вызвать отрицательные эмоции, защитную реакцию вплоть до общей тревоги.

А эти олухи блаженно улыбались!

— Выучил на свою голову… — печально согласился Психолог, с тоской уставившись на экран и видя, как разбегаются его воспитанники, оставив на поляне беззащитную Ляльку.

…Лялечка стояла лицом к обшивке, прикрыв лицо узкими ладонями. Она слышала за спиной затихающий топот ног. Ей очень хотелось обернуться, она с трудом сдерживала себя. Все

быстрее и быстрее, проглатывая звуки, Ляля считала вслух:

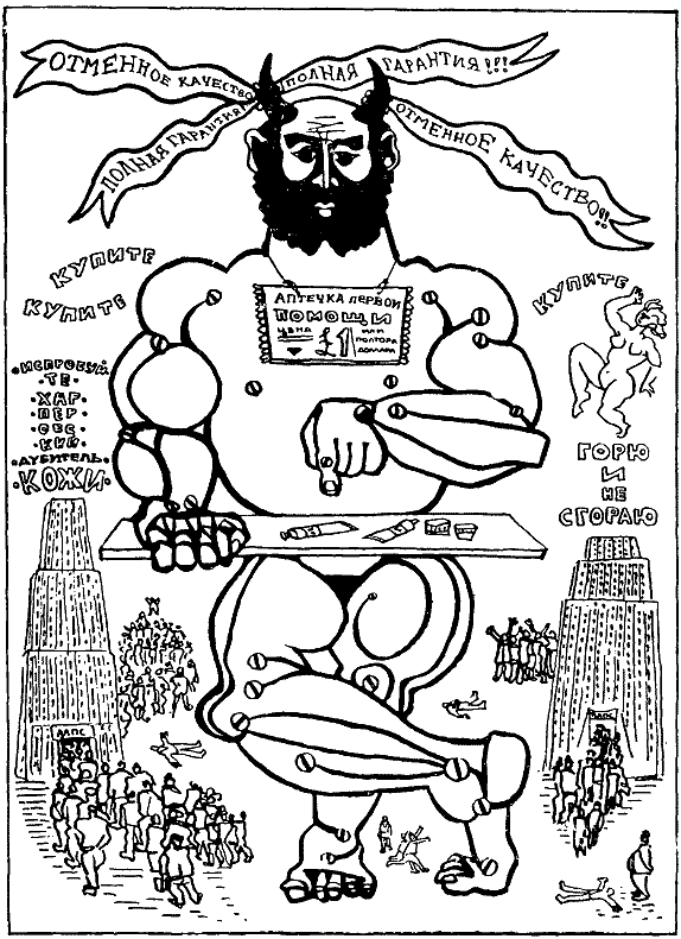
— ...четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнац, осьмнац, двятнадц, двадтц!..

Пора — не пора, иду со двора!

№ 7

Джон Уиндем

Ставка на веру


ОТМЕННОЕ КАЧЕСТВО
ПОЛНАЯ ГАРАНТИЯ!!!
ПОЛНАЯ ГАРАНТИЯ!!!
ОТМЕННОЕ КАЧЕСТВО!!!
КУПИТЕ
КУПИТЕ
КУПИТЕ
АПТЕЧКА ЛЕРВОЙ ПОМОЩИ
ЦЕНА
ПОЛТОРА ДОЛЛАРА
НЕПРОБИВАЕМЫЙ
ХАР
ПЕР
СВЕ
КИЙ
ДУБИТЕЛЬ
КОЖИ
ГОРЮ И НЕ СГОРАЮ
МАГАЗИН

— Черт меня побери, — мысленно проклинал себя Генри Бейдер, когда его спрессовали почти в лепешку, благодаря чему вагонная дверь, хоть и с трудом, ко все же закрылась, — черт меня побери, если я еще когда-нибудь полезу в этакую давку…

Подобного рода клятвы он, правда, давал уже не в первый раз, и, хотя в данную минуту был полон решимости сдержать свое обещание, не было решительно никакой гарантии, что завтра же оно не будет нарушено. Обычно Генри избегал появляться в Сити в часы пик, но сегодня дела задержали его, и пришлось выбирать одно из двух зол: либо разозлить жену еще большим опозданием, либо позволить увлечь себя людскому потоку, вливавшемуся в туннель метро на Банк-стейшн.

На станции Святого Павла никто не вышел, а давка усилилась, и это значило, что еще кому-то все-таки удалось втиснуться в вагон. Створки дверей натужно сдвинулись, потом разошлись — видимо, чьи-то руки, ноги или спины остались снаружи — и затем окончательно захлопнулись. Поезд со скрипом сдвинулся с места. Девушка в зеленом плаще, вдавленная в правый бок Генри, пискнула своей подружке в синем:

— Как ты думаешь: слышно, как трещат наши ребра?

В ее вопросе звучала даже не жалоба, а скорее философское раздумье.

На Чансери-лейк тоже никто не вышел. Теснота, тычки локтей и колен стали еще сильнее: снова свершилось чудо — в вагон было запрессовано еще несколько пассажиров. Поезд медленно набирал скорость. Несколько секунд привычного гулкого грохота, затем резкая остановка и темнота — погас свет.

Генри даже и выругаться не успел, как поезд пошел снова. Тут неожиданно оказалось, что с боков его больше никто не подпирает — он чуть не упал. Протянув вперед руку, он ухватился за что-то мягкое. Но в этот миг лампы вспыхнули снова и выяснилось, что этим неизвестным мягким предметом была девушка в зеленом плаще.

— Да как вы смеете… — начала она, но ее голос тут же прервался, рот так и остался открытым, глаза вытаращились.

У Генри глаза тоже полезли на лоб: в вагоне, который еще минуту назад был до предела набит плотно утрамбованной человеческой массой, теперь, кроме Генри и зеленой девушки, находились всего три человека. Один из них был мужчина почтенных лет, уткнувшийся в свою газету с таким видом, словно он, наконец, достиг

того, о чем мечтал всю жизнь. Напротив него сидела моложавая дама, погруженная в глубокую задумчивость. В самом конце вагона мирно спал какой-то парень.

— Ишь ты! — воскликнула девушка. — Миллито смылась! Ну и задам же я ей завтра. Знает, что мне тоже вылезать в Холборпе, так нет — сама сошла, а мне пи гу-гу. — Она запнулась. — Ведь это был Холборн?

Генри обалдело оглядывался по сторонам. Девушка схватила его за руку.

— Ведь это был Холборн? — повторила она с надеждой в голосе.

Мысли Генри витали в неведомых далях:

— Э-э-э, какой-такой Холборн?

— Ну та остановка, где все сошли. Тут ведь кроме как Холборну быть нечему, правда?

— Я… э-э-э… плохо знаю эту линию, — выдавил он.

— Но я-то знаю ее, как свои пять пальцев. Холборн это был, это уж точно. — Она явно старалась убедить себя в этом.

Генри снова оглядел раскачивающийся на ходу вагон и длинные ряды свисающих с поручней ременных петель.

— Я… э-э-э… не заметил никакой станции, —

пробормотал он.

— Да ведь была же она! Где же, по-вашему, они все сошли?

— В самом деле, — ответил он, — где же еще?

Помолчали. Поезд, подрагивая на стыках и раскачиваясь, набирал скорость.

— Следующая остановка Тоттенхем-Корт-Роуд, — заявила девушка. Но особой уверенности в ее тоне не чувствовалось.

Поезд продолжал грохотать. Она пристально всматривалась в пустую темноту окна.

— Послушайте, — предложил Генри, — давайте-ка расспросим других пассажиров. Может быть, они что-нибудь знают.

И Генри и следовавшая за ним по пятам девушка подошли к даме. Дама была одета в великолепно скроенный костюм и меховую накидку. Коротенькая вуалетка спускалась с полей круглой шапочки, кокетливо сидевшей на черных кудрях. Туфельки и совершенно прозрачные чулки были подчеркнуто отличного качества. Затянутые в длинные перчатки руки покоились на черной кожаной сумочке, лежавшей на коленях. На лице застыло отсутствующее выражение: видимо, она целиком погрузилась в свои мечты.

— Извините, — обратился к ней Генри, — не

скажете ли вы, как называлась та станция, на которой все вышли?

Длинные ресницы медленно приподнялись. Глаза оценивающе оглядели Генри сквозь вуалетку. Наступила длительная пауза, во время которой дама, видимо, перебирала в уме причины, вызвавшие у Генри прилив общительности. Генри подумал, что выражение «молодящаяся» подходит к пей куда больше, чем «моложавая».

— Нет, — ответила она с легкой улыбкой, — я не заметила.

— И ничто вам не показалось удивительным? — настаивал Генри.

Подрисованные брови слегка выгнулись, а глаза провели повторную инвентаризацию.

— Удивительным? Что вы называете удивительным? — спросила она.

— Да хотя бы то, как быстро опустел вагон, — объяснил Генри.

— Что же в этом удивительного? Мне это показалось ужасно милым. И х тут было так много!

— Совершенно справедливо, — согласился Генри, — по мы никак не можем понять, где и когда все успели выйти.

Брови поползли еще выше.

— Вот как! Но мне кажется, я не обязана…

Позади Генри послышалось покашливание и шелест газеты.

— Молодой человек! Прекратите беспокоить даму своей назойливостью. Если у вас есть жалобы, благоволите обратиться в соответствующие инстанции.

Генри обернулся. Говоривший оказался седеющим человеком с тщательно подстриженными усиками на розовой, пышущей здоровьем физиономии. Лет ему было примерно пятьдесят пять, а одевался он строго по моде Сити — даже котелок и портфель были налицо. Человек из Сити бросил на даму вопросительный взгляд и получил в награду легкую улыбку. Затем он снова перевел глаза на Генри. Теперь его взор стал чуть мягче: видимо, с фасада Генри произвел более благоприятное впечатление, чем с тыла.

— Прошу прошения, — обратился к нему Генри, — дело в том, что эта девушка пропустила свою остановку… Да и вообще тут многое нуждается в объяснении.

— Последней остановкой, на которую я обратил внимание, была Чансери-лейк. так что, должно быть, остальные пассажиры вышли в Холборие.

— Чересчур уж быстро они сошли!..

— Вот и прекрасно. Лица, ответственные за

порядок на транспорте, вероятно, ввели какой-нибудь новый метод обслуживания пассажиров. Они, как вам известно, постоянно заняты усовершенствованием и разными новыми идеями.

— Пусть так, но мы вот уже минут десять как едем без остановок и все еще не видели ни одной станции.

— Должно быть, нас перевели по каким-нибудь техническим причинам на запасный путь.

— Запасный путь! В метро-то! — запротестовал Генри.

— Не в моих принципах, уважаемый, совать нос в чужие дела. И вам тоже не советую это делать. В конце концов, на все случаи жизни существуют специальные инстанции, и они-то, уверяю вас, свое дело знают, даже если кое-кому их действия и представляются странными. Господи, да если мы перестанем доверять властям, наше общество окажется на краю бездонной пропасти!..

Генри посмотрел на девушку в зеленом плаще, она слегка пожала плечами в ответ. Они отошли и сели поодаль. Генри предложил девушке сигарету, и оба закурили.

Поезд лязгал в четком установившемся ритме. Платформа, которую они ждали, все не появлялась: в темных окнах отражались лишь их

собственные лица. Генри взглянул на часы.

— Едем больше двадцати минут, — сообщил он. — Это положительно невероятно.

— Прямо-таки мчимся, — добавила девушка, — да еще под уклон.

В самом деле, поезд явно несся вниз по крутому уклону. Генри заметил, что вторая пара теперь принялась беседовать уже весьма оживленно.

— Подойдем к ним еще разок, — предложил он.

— Даже в часы пик… не более 15 минут… невероятно… — слышался голос дамы. — Боюсь, мой муж страшно волнуется…

— Что вы теперь скажете? — обратился Генри к мужчине.

— Действительно, событие исключительное, — признался тот.

— Ничего себе, «исключительное»! Почти полчаса мчимся на полной скорости и ни одной станции! Это невероятно! Абсолютно невероятно! — почти закричал Генри.

Собеседник холодно смерил его взглядом.

— Совершенно очевидно, что ничего невероятного в этом нет, поскольку мы наблюдаем это явление собственными глазами. Это, наверное, просто какой-нибудь путь, построенный из сооб-

ражений обороны в годы войны. Нас перевели на него по ошибке. Не сомневаюсь, что администрация быстро обнаружит таковую и вернет поезд обратно.

— Не больно-то они торопятся, — заявила девушка, — А мне давно пора быть дома. У меня вечером свидание.

— Не остановить ли нам поезд? — спросила дама. Она указала взглядом на рукоятку ручного тормоза и на табличку, обещавшую пять фунтов штрафа за самовольное использование сего механизма без особой необходимости. Генри и мужчина переглянулись.

— Э-э-э… — сказал Генри.

— Администрация… — начал мужчина.

— Что ж, если мужчины такие трусы, то придется самой, — сказала дама решительно и, протянув руку, рванула рукоятку вниз.

Но поезд мчался как пи в чем не бывало. Было очевидно, что тормоза не работают. Дама сердито вернула рукоять в исходное положение и снова рванула ее вниз. Снова ничего не произошло, и по этому поводу дама высказалась весьма недвусмысленно и сочно.

— Господи! Да вы только послушайте, как она загибает! В жизни такого не слыхала! — шепнула

Генри его соседка.

— Очень красноречиво… Не хотите ли еще сигарету? — отозвался он.

А поезд все гремел, все летел под уклон, все сильнее и сильнее раскачиваясь на ходу.

— Ну, — сказала девушка, — погорело мое свидание. Теперь Дорис наверняка зацапает моего парня. Как вы думаете, я не смогу притянуть этих типов из метро к суду?

— Боюсь, что нет, — ответил Генри.

— А вы адвокат, что ли?

— Именно. Пожалуй, нам следует познакомиться, коль скоро судьба свела нас вместе и нам предстоит еще какое-то время путешествовать в обществе друг друга. Мое имя Генри Бендер.

— А меня зовут Норма Палмер, — отозвалась девушка.

Человек из Сити представился:

— Роберт Форкетт, — и слегка наклонил голову.

— Барбара Брайтон. Миссис Брайтон, разумеется, — кивнула дама.

— А тот? — спросила Норма, указывая в дальний конец вагона. — Может, разбудим его?

— Не вижу необходимости, — буркнул мистер Форкетт. — Мне послышалось, что вы правовед,

сэр? Скажите, каковы наши позиции в этом деле с точки зрения закона?

— У меня нет под рукой нужных справочников, — ответил ему Генри, — но я думаю, что любые наши претензии будут отклонены. Компания заявит, что она производила…

…Минут через пятнадцать он обнаружил, что Норма крепко спит, опустив голову на его плечо. Мистер Форкетт тоже откровенно позевывал. Задремала и миссис Брайтон. Генри посмотрел на часы: прошло уже почти полтора часа. Если только они не едут по замкнутому кругу, то за это время поезд должен был пересечь пол-Англии. Необъяснимо! Его голова склонилась на грудь, а щека прижалась к вязаной шапочке, покоившейся на плече.

Разбудил Генри легкий скрежет тормозов. Остальные тоже проснулись. Форкетт широко зевал. Миссис Брантон извлекла крошечные часики-медальон и посмотрела на циферблат.

— Почти полночь. Муж сойдет с ума.

Скрежет тормозов продолжал нарастать. Окна уже не были чернильно-черными: в них появились розоватые отблески, они становились все ярче. Свет разгорался, скорость падала, и вот уже поезд подошел к платформе. Все вытянули шеи,

готовясь прочесть на глухой левой степе название станции, но стена была пуста — ни таблички, ни рекламы. Вдруг миссис Брантон, сидевшая лицом к платформе, вскрикнула:

— Вот оно!

Но было поздно, надпись скрылась из виду.

— Оно кончается как-то на «…кло», — сказала миссис Брантон.

— Ничего, скоро выясним, — успокоил ее мистер Форкетт.

Поезд остановился и с громким шипением выпустил воздух из тормозов. Однако двери открылись не сразу. С дальнего конца платформы доносился шум, слышались крики: «Пересадка!», «Конечная!», «Давай выходи!»

— Пересадка! Хорошенькое дело! — пробормотала Норма и пошла к дверям. За ней двинулись и остальные. Двери широко распахнулись, Норма мельком увидела фигуру, стоявшую на платформе, взвизгнула и, попятившись, наступила Генри на ногу.

Одежды на фигуре было маловато, и состояла она главным образом из ремней, на которых висели какие-то предметы. Зато было хорошо видно, что фигура принадлежит к мужскому полу и имеет темно-красную окраску. Этнограф мог бы

обнаружить в ней сходство с североамериканскими индейцами, хотя на ее голове вместо перьев торчали маленькие рожки. В правой руке фигура держала трезубец, с левой свисала сеть.

— А ну выходи! — скомандовало существо и посторонилось.

Норма проскользнула мимо него, за ней последовали остальные, стараясь сохранять хотя бы видимость достоинства. Существо заглянуло в открытую дверь вагона, и все увидели его со спины. На спине был хвост. Хвост медленно, как бы в задумчивости, шевелился, и острый шип на его конце выглядел весьма зловеще.

— Э-э-э… — начал было мистер Форкетт, но сразу же отказался от продолжения, окинул подозрительным взглядом каждого из своих спутников и погрузился в глубокое раздумье.

В дальнем конце вагона фигура заметила спящего молодого человека и ткнула его своим трезубцем. Послышались ругательства. После нескольких тычков заспанный парень выскочил на платформу и присоединился к остальным, все еще протирая глаза.

Генри осмотрелся. Тусклый красноватый свет позволил ему прочесть название станции. Ничего себе «…кло»! «Пекло» — вот как она называлась!

Раздалась команда «На выход!», и чудище угрожающе взмахнуло трезубцем.

Сонливый молодой человек шел рядом с Генри. Он был высок, атлетически сложен и казался интеллигентным.

— Что означает эта чепуха? — спросил он. — Сбор средств в пользу госпиталей или что? Сбор вроде бы ни к чему — ведь теперь у нас есть государственная программа здравоохранения.

— Не думаю, — ответил Генри. — Боюсь, что наши дела обстоят весьма плачевно. — Он кивнул на название станции. — Кроме того, эти хвосты… они не похожи на подделку.

Несколько мгновений молодой человек внимательно изучал синусоидальное движение хвоста: «Не может быть!» — возмутился он.

У турникета кроме «обслуживающего персонала» была уже добрая дюжина людей. Их пропускали по одному, и пожилой дьявол, сидевший в маленькой будочке, заносил на бумажку их имена. Генри узнал, что его второго спутника зовут Кристофер Уаттс и что он по профессии физик.

За барьером находился эскалатор весьма древней конструкции. Полз он медленно, и поэтому было можно детально изучить украшавшие сте-

ны рекламные объявления. Рекламировались более всего средства от ожогов, переломов, синяков и ушибов. Реже — какие-то освежающие и тонизирующие снадобья. У верхнего конца эскалатора стоял старый, будто побитый молью черт. Он держал в лапах лоток с набором жестяных коробочек и монотонно повторял: «Полная гарантия. Отменное качество». Мистер Форкетт, шедший впереди Генри, остановился и прочел укрепленный на лотке плакатик: «Аптечка первой помощи. Цена один фунт или полтора доллара».

— Это оскорбление фунта! — возмущенно закричал он.

Черт окинул его взглядом и угрожающе выдвинул челюсть:

— Ну и что? — рявкнул он.

Натиск задних рядов заставил мистера Форкетта двинуться вперед, но шел он неохотно, бормоча что-то о необходимости стабильности и незыблемой веры в устойчивость фунта стерлингов.

Миновав вестибюль, они вышли наружу. Воздух попахивал серой. Норма, защищаясь от града мелких угольков и пепла, подняла капюшон. Трезубценосцы загнали людское стадо в загон,

огороженный колючей проволокой. Туда же прошли три-четыре дьявола.

Генри присоединился к кучке пассажиров, обозревавших окрестности. Вид направо был величествен и суров. Временами перспектива заволакивалась дымом.

В дальнем конце широкой лощины бил яркий свет, и там поэтому была отчетливо видна расселина, из которой подымались гигантские пузыри. Они медленно всплывали вверх и через мучительно долгий промежуток времени лопались. Левее ритмично взметался и опадал огненный гейзер. Позади курился вулкан и потоки раскаленной лавы переливались через бровку кратера. Ближе к зрителям стены лощины сходились и над тесниной вздымались два утеса. На одном пылала надпись «Испробуйте харперовский дубитель кожи», на другом — «Горю и не сгораю».

У подножья правого утеса лежала территория, обнесенная несколькими рядами колючей проволоки. Со сторожевых вышек внутрь лагеря то и дело летели тучи огненных стрел, чертивших в воздухе яркие трассы. Пахнущий серой ветерок доносил оттуда взрывы воплей и дьявольского хохота. Здание близ лагеря, вероятно, было кордегардией — перед ним вытянулась очередь

вооруженных чертей, которым, видимо, было нужно поточить трезубцы и хвостовые шипы. У Генри это зрелище не вызвало ни малейшего восторга.

Чуть наискосок от места, где они стояли, возвышалась виселица. В сей момент на ней была подвешена за ноги абсолютно нагая женщина, и на ее волосах раскачивалась парочка бееснят. Миссис Брантон порылась в сумочке и отыскала очки.

— Боже мой! Неужели это... — прошептала она. — Конечно, когда видишь лицо в таком ракурсе, да еще когда по нему струятся слезы, то... Впрочем, я почти уверена, что это она... А я-то считала ее такой порядочной женщиной...

Миссис Брантон повернулась к одному из конвойных:

— Убийство или что-нибудь в этом роде?

Черт отрицательно мотнул головой:

— Нет, просто она непрерывно так грызла мужа, что добилась согласия платить какие угодно алименты — только бы получить развод с ней.

— О-о-о! — воскликнула миссис Брантон, — и всего-то? Не может быть! Конечно, она провинилась в чем-то гораздо более серьезном!

— Нет, — ответил конвойный.

Миссис Брантон задумчиво осведомилась:

— И как часто ей приходится проделывать это? — Ее лицо выразило некоторое беспокойство.

— По средам. В другие дни — другие удовольствия.

— Валяй сюда! — прошептал кто-то в ухо Генри. Один из конвойных жестом отозвал его в сторону.

— Купишь, а? — спросил черт.

— А что именно?

Черт вытащил из сумки что-то похожее на тюбик зубной пасты.

— Шикарная штука. Лучшая мазь для обезболивания! Такой ты нигде не получишь. Втирай перед каждой пыткой и ни черта не почувствуешь.

— Спасибо. Не нужно. Я уверен, что в отношении меня допущена ошибка и все будет улажено.

— Не трепись, парень, — прохрипел черт, — ты только глянь! Ладно уж так и быть — отдам за пару фунтов, больно ты мне полюбился.

— Нет, благодарю вас, — ответил Генри.

Черт помрачнел:

— Советую купить, — сказал он, приводя хвост

в боевое положение.

— Ну хорошо, даю один фунт.

— О-кей! — конвойным торопливо сунул Генри тюбик, столь быстрая уступчивость, кажется, даже несколько его удивила.

Когда Генри вновь присоединился к своим попутчикам, они глазели, как тройка бесов старательно гоняла по склону горы крупного толстого мужчину. В толпе разглагольствовал мистер Форкетт.

— Несчастье, — вещал он, — по-видимому, произошло на перегоне Чансери-лейн — Холборн. Это, я думаю, понятно всем. А вот что далеко не столь же понятно, так это то, каким образом здесь оказался я. Нет сомнения, что в моем случае допущен какой-то административный просчет, каковой, надо надеяться, будет своевременно обнаружен.

Он выжидательно воззрился на товарищей по несчастью. Все глубокомысленно молчали.

— Ведь преступление должно быть крупным, правда же? — прошептала Норма. — Не пошлют же сюда за какую-то жалкую пару нейлоновых чулок?

— Если это действительно была только одна пара… — начал было Генри, но в это мгновение

позади раздался омерзительный визг. Все обернулись и увидели Кристофера Уаттса, занятого в данный момент откручиванием хвоста у одного из конвойных. Черт выл все громче, он выронил тюбик обезболивающей мази, который пытался всучить Уаттсу, и затем предпринял безуспешную попытку пронзить физика своим трезубцем.

— Не выйдет! — воскликнул тот, ловко увертываясь от удара. Потом вырвал трезубец, удовлетворенно произнес «Вот таким вот образом», отбросил его в сторону и ухватился за хвост обеими руками. Раскрутив черта над головой, он внезапно разжал пальцы и тот, перелетев через изгородь, с воплем шмякнулся на дорогу. Остальные черти всполошились и двинулись в наступление, выставив трезубцы и расправляя сети.

Кристофер с мрачным видом ожидал их приближения. Неожиданно выражение его лица изменилось. Он широко улыбнулся, опустил руки и разжал кулаки.

— Бог ты мой, какая же все это чушь! — воскликнул он и повернулся к чертям спиной. Те сразу остановились — они были обескуражены.

И тут Генри словно озарило. С предельной ясностью он понял, что физик прав. Все это была

совершенная чушь. Генри расхохотался и услышал, как рядом хихикнула Норма. И тотчас же начали смеяться остальные пассажиры. Черти, такие страшные еще минуту назад, теперь выглядели тупыми, жалкими созданиями.

Кристофер Уаттс пересек площадку. Несколько мгновений он молча взирал на дымный, мрачный, наводящий ужас пейзаж. Затем тихо сказал:

— Этого быть не может. В это я не верю.

Всплыл в воздух и лопнул гигантский пузырь. Бум! Вулкан выбросил в небо грибовидное облако дыма и пепла. По его бокам заструились еще более ослепительные потоки лавы. Под ногами задрожала земля. Мистер Уаттс набрал полные легкие воздуха.

— В ЭТО Я НЕ ВЕРЮ! — во всю мощь голоса повторил он.

Раздался оглушительный треск. Колоссальный утес, несший на себе рекомендацию «гореть не сгорая», раскололся и стал медленно обрушиваться в долину. Земля сотрясалась. Огненное озеро потекло в открывшуюся в дне долины трещину. Полетел кувырком второй утес. Выл, свистел, ревел пар, но все эти звуки заглушал голос Кристофера:

— В ЭТО Я НЕ ВЕРЮ!

И внезапно наступила полная тишина, будто вырубили рубильник. В темноте выделялись лишь окна вагонов, стоявших на насыпи.

— Так! — с веселым удивлением сказал Уаттс. — Значит таким вот образом! А не пора ли и по домам?

Освещенный светом вагонных окон, Уаттс полез на насыпь. Генри и Норма последовали его примеру.

Мистер Форкетт колебался.

— В чем дело? — спросил его Гёнри.

— Не знаю, но мне кажется, что получилось как-то… не совсем… не совсем…

— Уж не хотите ли вы тут остаться?

— Нет… пожалуй, нет, — ответил мистер Форкетт и, сделав над собой явное усилие, начал карабкаться по насыпи.

Пятеро попутчиков снова сели в один вагон. Не успели они войти, как двери закрылись, и поезд тронулся.

Норма облегченно вздохнула.

— Вот и домом запахло, — сказала она, — спасибо вам, мистер Уаттс. А для меня это будет хороший урок. Теперь к чулочному прилавку меня и силой не затащишь… разве что решу купить

парочку…

— Присоединяюсь… То есть примите и мои благодарности, — перебил ее Генри. — Я, конечно, убежден, что в моем деле была допущена ошибка, но тем не менее весьма признателен вам за… за досрочное решение моего вопроса.

Миссис Брайтон протянула Уаттсу затянутую в перчатку руку.

— Я думаю, вам понятно, что я оказалась там по какому-то глупому недоразумению, но благодаря вашей любезности мне удалось сэкономить время, которое ушло бы на объяснения с этими чудовищными чинушами. Вы меня обрадуете, если найдете время отужинать с нами. Мой муж будет вам исключительно признателен.

Наступило молчание, которое вскоре стало почти неприличным. Причиной неловкости был мистер Форкетт, который не спешил произнести свою реплику. Все смотрели на него, а он пристально изучал вагонный пол. Оторвав, наконец, от него свой взгляд, он перевел глаза на Кристофера Уаттса.

— Нет, — сказал он, — нет, я не могу одобрить то, что вы натворили. Боюсь, что ваши действия следует классифицировать как антиобщественные и даже подрывные.

Уаттс, который был страшно доволен собой, сначала удивленно вскинул брови, а потом нахмурился.

— Я вас не понимаю! — воскликнул он с искренним недоумением.

— Вы совершили серьезный проступок, — ответил ему мистер Форкетт. — Никакая стабильность не может существовать, если не будут уважаться общественные устои. Вы, молодой человек, только что разрушили один из них. Мы все, а сначала и вы сами, доверяли данному важному институту, а потом вы, с бухты-барахты, сокрушили этот весьма почтенный устой. Нет, нет, не ждите от меня одобрения подобных действий.

Все с удивлением изучали лицо мистера Форкетта.

— Но, мистер Форкетт, — начала Норма, — неужели же вы в самом деле предпочли бы остаться там, со всеми этими дьяволами и тому подобными штуками?

— Это не относится к делу, милочка, — оборвал ее мистер Форкетт. — Как законопослушный гражданин, я должен противоборствовать всему, что угрожает подорвать незыблемость нашего общества. С этой точки зрения деяния молодого человека следует считать опасными и, повторяю,

почти подрывными.

— Ну, а если данный устой — пустышка? — раздраженно спросил Уаттс.

— Это опять-таки не относится к делу, сэр. Если большая группа людей верит в данный общественный институт, то он приобретает для них значение устоя, даже в том случае, если, как вы выражаетесь, он — пустышка.

— Значит, вы отдаете вере предпочтение перед **истиной**? — начал Уаттс.

— Мы должны доверять. Если есть вера, возникает и истина.

— Как ученый, я считаю вас аморальным человеком, — сказал Уаттс.

— Как гражданин, я считаю вас опасным человеком, — отозвался мистер Форкетт.

— О боже! — воскликнула Норма.

Мистер Форкетт был задумчив, мистер Уаттс — хмур.

— То, что реально существует, не рассыпается в прах только из-за того, что я не верю в его существование, — заговорил Уаттс.

— Откуда вы знаете? Римская империя существовала лишь до тех пор, пока римляне в нее верили! — отпарировал мистер Форкетт.

— Не понимаю, как можно быть таким неблаго-

дарным грубияном, — воскликнула Норма. — Как вспомню про ихние вилки, да про эту бедняжку, что висела вниз головой в чем мать родила…

— Все это полностью соответствовало духу времени и того места… Он исключительно опасный молодой человек, — твердо возразил ей мистер Форкетт.

Поезд летел с бешеной скоростью, хотя и с меньшей, чем при спуске. Разговор увял. Генри обнаружил, что Уаттс снова спит, и тоже решил, что сон — лучший способ убить время.

Его разбудили крики «Отойдите от дверей!». Проснувшись, Генри очутился в битком набитом вагоне. В бок вонзался локоть Нормы.

— Вы только гляньте! — шепнула она.

Стоявший перед ними человек жадно пожирал глазами репортаж о скачках. На обращенной к ним странице газеты был виден кричащий заголовок: «Катастрофа в метро. Двенадцать убитых». Ниже шел столбик фамилий и имен, среди которых Генри успел прочесть свою и фамилии своих спутников.

Норма забеспокоилась:

— Прямо не знаю, как я это объясню дома!

— Теперь вам понятна моя точка зрения? — возопил мистер Форкетт, сидевший по другую

сторону от Генри. — Вы только подумайте о том, какие трудности возникнут при выяснении данного дела! В высшей степени антиобщественная история!

— Не представляю, что подумает мой муж. Он ведь так ревнив! — не без самодовольства сказала миссис Брайтон.

Поезд остановился на станции Святого Павла, давка стала поменьше. Мистер Форкетт готовился сойти на следующей остановке. Генри решил выйти там же. Ход поезда замедлился.

— Господи, да в моей конторе все прямо обалдеют, когда я заявлюсь. А все-таки было здорово интересно! Чао! — крикнула Норма, ввинчиваясь в поток выходящей публики.

Чья-то рука схватила Генри за локоть.

— Вот он! — шепнул мистер Форкетт и кивнул головой. Впереди виднелись широкие плечи Уаттса, обогнавшего их на платформе. — У вас есть время? Я ему абсолютно не доверяю.

Они вышли на улицу и оказались перед зданием королевской биржи.

Здесь мистер Уаттс остановился и осмотрелся, как бы обдумывая увиденное. Затем четким шагом проследовал к привлекшей его внимание громаде Британского банка. Снова остановился

и оглядел здание снизу доверху. Губы его шевелились.

Колыхнулась под ногами земля. В одном из верхних этажей выпали три рамы. Закачались и рухнули статуя, две урны и часть баллюстрады банка. Раздались крики прохожих.

Мистер Уаттс расправил плечи и набрал в легкие воздух.

— Бог мой! Да он же… — начал мистер Форкетт, но фраза осталась незавершенней. Форкетт рванулся вперед.

— Я… — возгласил Уаттс во всю мощь своего голоса.

— НЕ… — под аккомпанемент землетрясения продолжал он.

— ВЕРЮ… — но в эту секунду сильный толчок между лопаток бросил его прямо под колеса автобуса.

Запоздало взвизгнули тормоза.

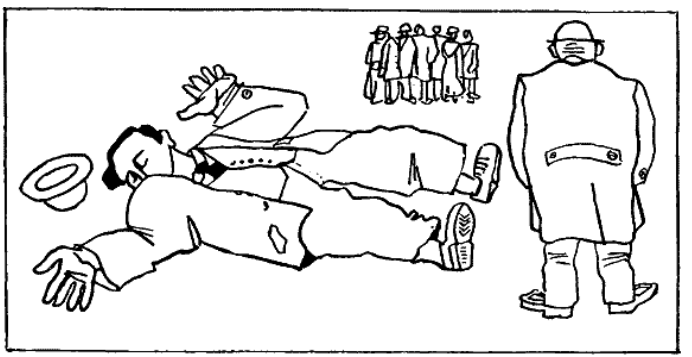
— Это он! Это он! Я видела — вопила какая-то женщина, показывая на мистера Форкетта.

Генри подоспел к нему почти одновременно с полисменом.

Мистер Форкетт с гордостью созерцал фасад Британского банка.

— Кто знает, что могло бы произойти. Этот

молодой человек — угроза нашему строю, — проговорил он. — Вообще-то говоря, им бы следовало дать мне орден, по, увы, меня наверняка вздернут на виселицу. Что ж... такова традиция, а традиции следует уважать.



Перевел с английского Вл. Ковалевский

♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

Эксперимент над обывателем

Литературные персонажи — если они не примитивные схемы, а насыщены добротной, взятой из реальности плотью — всегда ведут себя по собственной воле, по собственной логике. (Они, как известно, способны даже вступать в спор с намерениями своих авторов.)

Мировоззрение Джона Уиндема, автора «Ставки на веру» и других рассказов и романа «День триффидов», уже известных советскому читателю, характерно запутанностью, типичной для взглядов известной части нынешней западной интеллигенции. Уиндем протестует, пожалуй, против всего: он не приемлет капиталистический образ жизни и в то же время скептически относится к современному миру социализма. При этом и «крайне левые» идеи маоистского толка, какими теперь увлекся Жан-Поль Сартр, ему тоже чужды. А позитивная программа его расплывчата крайне: он призывает к гуманности, он хочет, чтобы антагонизм меж людьми сменился отношениями дружбы и взаимопомощи, но каким путем должны люди прийти к новым отношениям, писатель, увы, сказать не может ни читателям, ни себе самому...

Однако для нас важна не эта путаница во взглядах, а важно, что Уиндем — хороший художник, и потому он способен показать читателю важные черты мира, в котором живет. И персонажи, выхваченные им из сегодняшней английской реальности, ведут себя по логике действительной жизни.

В «Ставке на веру» Уиндем поставил острый эксперимент над средними английскими обывателями. Усадил их в обычный поезд метро. Незаметно закатил этот поезд в мифический ад, удивительно напоминающий реальный Освенцим.

Затем снова выволок на поверхность и в итоге доказал, сколь близок обывателю, взращенному в стране классической буржуазной демократии, самый обыкновенный фашизм. Он доказал, как легко этот обыватель готов смириться, готов начать приспосабливаться к бесчеловечному, алогичному по сути своей режиму «ада» — неважно, под землей ли он будет или на земле. Как легко он начнет считать заслуженными ужасы, вышавшие на долю других, и несчастной случайностью ужасы, достающиеся ему самому. И более того, — что иной обыватель даже заранее готов отстаивать, защищать этот ад, ибо он ему

Взгляды Роберта Форкетта, главного из персонажей рассказа, сводятся к знаменитой короткой формуле — «все действительное разумно». И его мир покоится на трех весьма символичных «китах»: Британский банк, устрашение муками за грехи «на том свете» и еще — презумпция заведомой мудрости администрации, воля которой предопределяет маршрут символического «поезда» с обывателями.

В этом рассказе нет случайных деталей. Почти каждая кроме прямого назначения имеет некий второй, символический смысл, скрытый, впрочем, не столь уж глубоко. Это и легкость, с какой «поезд», олицетворяющий английское общество, завтра может оказаться в аду-Освенциме, и мелкий бизнес, который наладили черти на страхе своих жертв, и ярлычки профессий, подаренные персонажам.

Кто он такой, Роберт Форкетт? Автор сказал только лишь, что лет ему было 55, а одевался он строго по моде Сити. Поскольку этот «человек из Сити», столь подчеркивающий свое законопослушание, очутился в час пик в переполненном метро, он, Форкетт, наверняка не крупный финансовый туз, лишь мелкий или средний клерк, то есть типичный лондонский обыватель, чье благополучие тесно связано с незыблемостью нынешнего образа английской жизни. Но эту незыблемость он готов защищать ценой уничтожения другого человека, а может, и многих, чем и гордится. А ведь именно право на преступление во имя «Великой Германии», «господства расы» или еще чего-либо — вот чем наделяет фашизм своего защитника-обывателя, освобождая его от «химеры совести».

И не будь у критического «не верю!» столь быстродействующей разрушительной силы, и задержись вся компания в «пекле» подольше, можно легко представить себе, как мистер Форкетт и там успел бы найти для себя местечко «под солнцем», принялся бы там, в пекле, бороться с «подрывными элементами» и, быть может, даже выслужился бы из рядовых новоприбывших до

конвойного черта-эсэсовца или до траченного молью дьявола-регистратора поступающих «на обработку» персон.

Однако, если бы идея «Ставки на веру» этим исчерпывалась, вряд ли стоило печатать рассказ в научно-популярном, а не литературном журнале. Уиндем не случайно сделал антипода «человека из Сити» — Кристофера Уаттса — физиком. «Ставка на веру» — это а первую очередь рассказ о извечном и непримиримом конфликте между косным и корыстном метафизическим мышлением обывателя и дерзкой критической научной мыслью.

Она, эта мысль, не способна примиряться с формулой «ace действительное разумно». Она рвется проверять экспериментом и откровенную чушь кошмарных иллюзий или антинаучных бредней, и такую, казалось бы, фундаментальную реальность, как Британский банк — символ и основу образа жизни форкеттов. В победе этой мысли, революционной по самой своей конструкции, писатель видит путь к высвобождению из трясины сегодняшнего английского бытия.

Логика повествования заставила Уиндема сказать то, что, быть может, он — писатель, не симпатизирующий марксизму, представлял себе не вполне четко. Но в момент, когда физик Уаттс своим громовым «не верю!» начинает рушить здание банка, символы рассказа обретают для нас особый смысл. Ведь принципы критического естественно-научного подхода уже век с лишним назад были применены для анализа явлений общественной жизни. И родилось учение, потрясшее основы того мира, который сегодня уже не приемлет каждый здраво-мыслящий человек.

Борис Володин

№№ 8-11

Георгий Гуревич

Приглашение в зенит

~~Сокращенный~~ ~~журнальный~~ ~~вариант~~

Полный текст

Глава I. Дело о розыске исчезнувшего

(Материалы из папки следователя)

1. Постановление о производстве городского розыска

10 ноября 19… года я, следователь уголовного розыска, юрист третьего класса Тверичев А. И., рассмотрев материалы об исчезновении г-на К., нашел:

что гражданин К., находящийся в командировке в городе Ленинграде, выбыл в неизвестном направлении из гостиницы «Октябрьская» 2 ноября около 16 часов, оставив документы и лично ему принадлежащие вещи, но до сего дня не возвратился и себя не обнаружил, а потому постановил:

объявить розыск г-на К., рождения 1927 г., уроженца города Москвы, беспартийного, ранее не

судимого.

Всем лицам, знающим о пребывании г-на К., известить уголовный розыск Ленинграда.

Меры пресечения: Без мер пресечения.

Приложения: 1. Фотокарточка.

2. Словесный портрет

Рост выше среднего, около 175 см, фигура полная, голова круглая, шея толстая, цвет волос — черные с проседью, глаза карие, лицо овальное, лоб скошенный, брови широкие, нос большой, тонкий, с горбинкой, уши не выяснены, особые приметы — без особых примет. Характерные привычки не отмечены. Пальто демисезонное, двубортное, серо-голубого ратина, костюм полушерстяной, синий с голубой ниткой.

Дактилоформула не снималась.

2. Из показаний дежурной пятого этажа

…Мы, дежурные, помещаемся в начале коридора, так что каждый проживающий проходит мимо конторки; прибывающий получает ключи, убывающий сдает. Хотя в коридоре тридцать номеров, всех помним по личности. Конечно, бывает, что кто-нибудь прошел незамеченный,

потому что не сидишь на стуле как приклеенная, имея другие обязанности, как-то: прием и сдача белья, наблюдение за уборкой, регистрация. Гражданина К. помню хорошо: высокий, из себя полный мужчина, седоватый, в синем костюме с голубой ниткой. Первое время держал себя тихо, уходил в девять утра, как положено командированному, приходил к ночи тверезый. Однако в пятницу уже загулял. Ключи у сменщицы оставались в конторке всю ночь. Утром явился в выпившем состоянии. Безобразия не допускал, но вином пахло. Время я заметила точно потому, что гражданина ожидала записка. Ее оставил неизвестный мне старик, лет шестидесяти пяти, из себя низенький и кудреватый, давно не стриженный. Я подала записку проживающему К., он прочел, выразил неудовольствие: «Поспать не дают». И велел разбудить в одиннадцать. Я разбудила точно, ушел он. Теперь возвращается после обеда, веселый, видно, что добавил. Говорит: «Всё! Спать буду до вечера». Однако часу не прошло, опять куда-то его несет. «Деньги на билет я вручил, паспорт в регистратуре, а я сам ухожу». Не моя обязанность спрашивать, куда идет. И больше я его не видела в ту смену. Когда заступила опять, вижу — в конверте билет

просроченный, до Москвы, купейный, в скором поезде. Дело к празднику, у нас приезжие в вестибюле на чемоданах сидят, а номер занятый по причине гражданина, который выпивает и просрочил командировку. Я написала рапорт как положено, а вещи с понятыми перенесла в кладовку согласно описи.

Больше по делу ничего показать не могу.

Об ответственности за дачу ложных показаний предупреждена.

Дежурная по этажу (подпись)

3. План оперативных действий по розыску исчезнувшего

I. Запросы:

а) в картотеку неопознанных трупов и в морги;

б) в больницы — о внезапно заболевших и покушавшихся на самоубийство;

в) в милицию — о задержании не имеющих паспорта;

г) в железнодорожную милицию — о происшествиях на линии Москва-Ленинград.

II. Обыск. Осмотр вещей исчезнувшего.

III. Выявление служебных и родственных свя-

зей.

IV. Выезд в Москву по месту жительства исчезнувшего.

4. Из тетради следователя два дня спустя

Среди неопознанных трупов,

в моргах,

среди внезапно заболевших, доставленных скорой помощью,

среди задержанных на улице за правонарушения,

разыскиваемый не обнаружен. Соответствующие версии отпадают.

При обыске установлено, что в гостинице оставлен небольшой чемодан с застежкой-«молнией» без замка, в чемодане нательное белье, умывальные принадлежности, книги для чтения. Бумаги, по показаниям дежурной, были разбросаны на столе. Все рисует картину непредумышленного исчезновения или умелой симуляции непредумышленного исчезновения.

Получена справка из управления трудсберкасс города Москвы. На счету г-на К. имеется около шестисот рублей. В последние месяцы поступле-

ния и изъятия крупных сумм не было.

И этот факт против предумышленного исчезновения.

Сосредоточил усилия на выявлении связей в Ленинграде.

5. Из показаний г-ки О., секретаря семинара

Исчезнувший г-н К. был приглашен на семинар по научно-художественной литературе наравне с другими авторами для обсуждения их произведений.

Согласно отпущенным фондам г-ну К. был забронирован номер в гостинице «Октябрьская» и в соответствии с его пожеланиями заказан билет на субботу 2 ноября на скорый поезд № 291. Никаких претензий на обслуживание г-н К. не заявлял.

Произведения его обсуждались на вечернем заседании 1 ноября. Критика была нелицеприятной, принципиальной, взыскательной и бережной. В заключительном слове К. благодарил за откровенную критику. Благодарность внесена в протокол.

После закрытия семинара К. был приглашен на

товарищеский ужин, где сидел на дальнем конце стола рядом с неизвестной гражданкой лет тридцати пяти, блондинкой, с прической «конский хвост». С этой же блондинкой они ушел с ужина.

Приписка следователя «Блондинка! Вот оно! Версия «случайного загула». Может и уголовщина. Искать блондинку!»

6. Из показаний писателя Л.

Лично я мало знаю К., поскольку он житель другого города. Способный человек, даже очень способный, но из тех, знаете ли, которые на любом месте могут быть полезны. Он мог бы стать хорошим педагогом и хорошим инженером, и литератор он довольно хороший… не из выдающихся. Не хватает ему все-таки особой, специфической литературной одаренности, это ощущается в его слоге. Естественно, мы дали понять ему наше мнение. В том и задача обсуждения, чтобы указать автору его недочеты. Но авторы, видите ли, обладают особой чувствительностью. Не лишено вероятия, что К. воспринял нашу критику чересчур болезненно. Я даже специально заехал к нему на следующий день,

пригласил к себе, чтобы в домашней обстановке, мягко, в товарищеской беседе разъяснить ему нашу точку зрения. К. был у меня днем 2 ноября и ушел успокоенный. Мне никак не приходило в голову, что мы видимся в последний раз.

Да, это я звонил в гостиницу, чтобы пригласить его на обед. Не успел это сделать накануне. К. оказался далеко от меня и был очень увлечен беседой с незнакомой мне гостьей — хорошенькой блондинкой лет 24–25. На том же конце стола сидел молодой ученый Ф., активный участник нашего семинара. Мне кажется, что он ушел одновременно с К. Поищите этого ученого.

7. Письмо следователя.

Три дня спустя

Уважаемый Василий Степанович!

Обращаюсь к Вам как к бывшему учителю, не только как к непосредственному начальнику. Как Вы посоветуете?

Поехал я в Москву допрашивать жену исчезнувшего и, честно говоря, даже хотел проверить версию злоумышленного участия жены в убийстве мужа; помню, Вы объясняли нам, что был

такой случай в Саранске. Но фактов никаких, и внешнее впечатление против этой версии. Самостоятельная женщина, кандидат наук, в наследстве не нуждается. Да и нет там никакого наследства: ни дачи, ни машины, ни ковров каких-нибудь, на книжке 600 рублей, доверенность на нее же, на жену. Очень нервная. Нос красный, глаза красные, заплаканные, а сама на крик то и дело: «Вы плохо ищете. Человек погиб или погибает, а вы тут время теряете, буду жаловаться!» Припомнила, что муж хотел зайти к учителю географии Артемию Семеновичу, но пустой оказался номер. Я навел справки, старик умер, как раз недавно — 9 октября. Еще намекал ей насчет случайных знакомств. Опять в крик: «Не может быть, мы двадцать лет женаты, в ноябре юбилей, не было такого. Ищите на окраинах, — твердит. — Он у меня фантазер, чудак, любит бродить в пустынных местах, там, где люди не ходят. Забрел куда-нибудь и пропадает».

Ну вот, как бы Вы посоветовали, Василий Степанович? Вы меня учили рассуждать логически, меня логика выводит на эту блондинку. По версии чудаковатого поведения я не умею искать.

8. Ответная записка

Толя, приветствую!

Городской розыск тебе разрешен. Считаю, что действуешь в основном правильно. Блондинку ищи. Но не упускай из виду и чудаковатости. Логика логикой, а подход должен быть индивидуальный. Имеешь дело с писателем, чья личность выражается и в произведениях тоже.

Мой совет: почитай внимательно. Может быть, он в народ мечтал уйти, как Лев Толстой, а теперь подался в матросы или в лесорубы. Почитай книжечки исчезнувшего, потрать вечерок-другой. У меня все. Действуй!

9. Из личных заметок следователя

Третий день читаю эту чертову фантастику. Ракеты, кометы, планеты, дюзы, грузы, пришельцы всякие. Вообще-то занятно, но к делу отношения не имеет. Исчезнувший в народ не хотел, податься — ни в лесорубы, ни в матросы. Его больше интересовало будущее космическое и океанское. Там у него японец одержимый возненавидел оке-

ан, захотел его осушить. Японское море отменил совершенно. И моего одержимого понесло океан осушать, что ли? Без денег и без документов во Владивосток?

Чокнутый этот автор. Всякого можно ожидать. Но все равно, начинать надо с логичных версий.

Блондинка все еще не найдена.

10. Из показаний Ф. канд. физ. — мат. наук

…С г-ном К. я познакомился на семинаре 1 ноября. Читал его вещи ранее, удивился, что грамотный и, видимо, рассуждающий человек сочиняет такие наивные ненаучные произведения, наполненные элементарными информативными ошибками. После обсуждения, на товарищеском ужине, разговорился, пригласил к себе домой. Сидели до трех часов ночи, потом К. заночевал у меня. Утром я отвез его в гостиницу на своей машине. Дорогой К. говорил, что в тот же вечер уедет в Москву. Более ничего о нем не знаю. Об исчезновении услышал впервые на следствии. Где я сам был в эти дни? В Пскове и в Михайловском, в Пушкинском заповеднике. Ездил туда на машине. Зачем? Просто так. Суббота, воскресенье

плюс праздники, почти целая неделя свободная. На Байкале бывал, в Канаде бывал, а в Пскове не удосужился. Стыдно же! Выехал 2 ноября, после обеда, поспал немного, и поехали. Нет, не один, компанией ехали, на трех машинах. Фамилии могу назвать, не секрет. Конечно, подтвердят.

Знаю ли я блондинку с прической «конский хвост»? Более или менее. Это моя законная жена, первая и единственная, с которой я живу восемь лет и собираюсь жить дальше. Сейчас позову.

11. Характеристика

Г-ка Д. Ф. работает в организации п/я №… начиная с 1.III.19… г. в должности заместителя заведующего лабораторией специального назначения. Проявила себя ценным и дисциплинированным работником, является автором рационализаторских предложений. Идейно выдержанна, морально устойчива. Отношения с товарищами хорошие…

12. Личные заметки следователя

Вот тебе и блондинка с «конским хвостом»! Утерся? Но в результате прослежено полностью времяпрепровождение К. накануне исчезновения.

Пятница 1.XI

11.00–18.00 — работа семинара.

19.00–22.00 — банкет.

Ночь на 2. XI

22.00-9.00 — в гостях у Ф.

Суббота 2.XI

9.00–11.00 — гостиница, отдых.

12.00–15.00 — в гостях у Л.

16.00 — возвращение в гостиницу.

17.00 — уход из гостиницы, исчезновение.

В 16.00 приходит в гостиницу и говорит о намерении спать до поезда. Час спустя покидает гостиницу. Что произошло в течении часа? Телефонный вызов? Ф. уже уехали. Новое лицо? Никаких намеков не было. Что-то взбрело в голову? Опять версия чудачества?

Надеюсь на городской розыск.

13. Из показаний г-ки Т. - кондуктора трамвая

Конечно, пассажиров полно, летом битком набито, стоят на одной ноге, другую поджимают. Осенью, однако, до парка порожняком гоняем. И вот под вечер, в субботу, этот ехал: без шляпы, пальто драповое, длинноватое против моды. И полуботиночки, несмотря на слякоть. Ему бы на Невском тротуары топтать, нечего делать в парке осенью. Непонятная пассажир! И ведет себя странно: пузырьками какими-то бренчит, на свет их смотрит, сам с собой разговаривает как психический. Глядит на пустое место и бормочет. Один раз даже в голос крикнул: «Решусь!» Хотела даже спросить: «На что решаетесь, гражданин?» Да посовестилась. Не приучена мужиков задевать. Доехал до самого кольца, слез и пошел. Я еще приметила: не к дачам завернул, а в парк — прямо. Но время было позднее, я побежала в будку погреться, мне за мужчинами ни к чему следить.

14. Из заключение по делу о розыске…

1) Установлено, что гр. К. вышел из гостиницы «Октябрьская» 3 ноября около 17 00, не имея при себе ни документов, ни вещей, ни значительной

суммы денег, без шляпы и в городских полуботинках…

2) Из книги гр. К. видно, что он давно размышлял о самоубийстве, причем оправдывал это недостойное советского человека деяние…

3) Установлено, что…

Впрочем, читателю изложены все факты, известные следователю. Читатель и сам может сделать вывод.

Сделали? А теперь проверьте себя. Прочтите, что мог бы рассказать сам исчезнувший.

Глава II. Приглашение

Тр-р-р!

Телефонный звонок.

Пронзительный, напористый, требовательный, тревожный. Тр-р-р! Сними же трубку, по-хорошему просят.

В прежние времена неожиданность входила в жизнь стуком, набатом, заревом, цокотом копыт, лаем собак, криками, выстрелами. У нас все при-

ключения начинаются с телефонного звонка.

Но я не хочу приключений сегодня. Лежу на кровати, свесив руку, лежу усталый и беззащитный, жду-жду-жду, когда же уймется этот ненужный звонок.

Ну кто позвонит мне сюда, в гостиницу? Ошибка, наверное!!.

Ненавижу гостиницы. Что-то есть противоестественное в комнате, которая сдается всем подряд. Что-то неправильное в этой, пропахшей табачным пеплом мужской неуютности, в бездушной рациональности, когда на письменном столе не лежат блузки, а под подушкой нельзя найти взвод солдатиков в засаде.

Да, вы угадали, я зол, я устал и разочарован, я высосан и измочален. Боком мне вышла эта поездка в Ленинград. Боком!

А началось так мило: «Уважаемый, ваша последняя книга вызвала всеобщий интерес. Многие читатели хотят высказать свое мнение. Мы были бы очень обязаны, если бы вы смогли приехать, чтобы лично принять участие в симпозиуме, посвященном…»

Это очень лестно, если «книга вызывает всеобщий интерес». Я даже сожалел, что не могу взять с собой всех родных, друзей, знакомых и

коллег, чтобы они прониклись ко мне уважением. Я с удовольствием занял место в президиуме, положил локти на скатерть и, благожелательно улыбаясь, приготовился выслушивать всех заинтересованных.

Но тут началось непредвиденное.

На трибуну вышел молодой человек с оттопыренными ушами, кандидат физико-математических наук такой-то и заявил:

— Один видный ученый так сказал о своем ученике: «Хорошо, что он стал поэтом, для математики у него не хватает воображения». Видимо, замечание это было очень глубоким и метким, ибо, встречаясь в жизни своей с так называемой научной фантастикой, я всегда поражался редкостному отсутствию воображения у авторов.

Я представляю себе: если бы фантасту XVIII века кто-нибудь шепнул, что из Петербурга в Москву надо будет возить по миллиону пудов в сутки, что живописал бы он? Конечно, гигантскую телегу величиной с дом и упряжку битюгов размером с жирафа. Фантасты XX века знают, что к Луне летают на ракете. И что изображают они, пытаясь рассказать о полете к звездам? Нехимическую, фотонную, субсветовую, но все равно — ракету. Космического битюга! И что вообразит фантаст,

если речь зайдет об осушении океана? Насос! Примерно такой, какой качает у него воду из колодца на даче. Или несколько больше — насос-битюг. Я могу привести расчеты, если вас не пугают цифры… (он действительно привел расчет, из которого получалось, как дважды два четыре, что, если все берега Японского моря уставить насосами, они будут выкачивать воду 177 лет и три месяца с половиной, при этом уровень океана поднимется на пять метров, в результате человечество потеряет больше, чем приобретет).

Этого молодого человека я начал слушать с благодушной улыбкой, так и застыл, забыв согнать улыбку с лица. Спохватился, когда он уже сходил с трибуны. А на его месте уже стоял другой оратор — седоватый, румяный, с острой бородкой. Председатель назвал фамилию. Конечно, я знал Л. Автор лирических рассказов о лесниках и рыбаках, простых людях, у которых набираешься мудрости, сидя у дымного костра комариными ночами.

— Не совсем понимаю, для чего тут называли цифры, — так начал он. — У нас ведь не проект обсуждается, а книга, художественное произведение. А что есть художество? Это изображение. Художник рисует красками, писатель — словами.

Вот ноябрьская осень: белые тропинки на зеленой траве. Голая земля уже промерзла, обледенела, заиндевела, а под травой снег тает. Замерзшие лужи аппетитно хрустят, словно сочное яблоко. Под матовым ледком белые ребра: ребристая конструкция, как у бетонного перекрытия.

Может быть, бетонщики у луж позаимствовали схему? Вот такие штрихи копишь для читателя, складываешь в память, на подобных ребрах держится художественность. Но я не понимаю, может быть, мне здесь объяснят на симпозиуме, на каких ребрах держится фантастика? В будущем никто из нас не бывал, в космосе автор не бывал, океаны не осушал. Какими же наблюдениями он потрясет нас? Как поразит точной деталью, удачным словечком, если все он выдумывает от начала до конца. Я прочел десять страниц и сдался. Язык без находок, холодный отчет, деловитая скороговорка. И я подумал: может быть, так называемая фантастика — просто эскапизм — бегство от подлинных тревог действительной жизни в нарядный придуманный мир? И одновременно эскапизм автора — бегство от подлинных тягот мастерства в условную неправдивую нелитературу. К образу марсианина упреков нет, никто не видел марсиан, описывай как хочешь, первы-

ми попавшимися стертыми словами. На рынке принимают стертые монеты, невзыскательный читатель принимает стертые слова. Но это не ис-кус-ство!

Тр-р-р!

Требовательно! Трескуче! Настырно!

— Ну кто там?

— Миль пардон! Простите великодушно, сударь, что я нарушаю ваше одиночество. — Голос старческий, надтреснутый, и лексика какая-то нафталиновая: — Я обращаюсь к вам исключительно как читатель. («Знаем мы этих читателей — непризнанный поэт или изобретатель вечного двигателя».) Мне доставило величайшее наслаждение знакомство с вашим вдохновенным пером. Я просил бы разрешения посетить вас, чтобы изъяснить чувства лично.

— К сожалению, я уезжаю сегодня.

— Я звоню из вестибюля гостиницы. Я специально приехал…

— Ну, если специально приехали…

Проклятая мягкотелость! Теперь еще вставать, галстук завязывать. Ладно, от вестибюля путь на пятый этаж не близкий. Полежу подумаю. Так на чем я остановился?

Да, на выступлении. Лирика. А потом были и

другие, все в том же духе. А потом еще банкет. И отказаться неудобно, обиженному неприлично признаваться, что он обижен. Вот сидели мы за длинным столом, закусывали тосты холодным языком и заливной осетриной. Наискось от меня оказался ушастый физик, почему-то он не пил ничего, а рядом со мной блондинка спортивного вида с конским хвостом на макушке и экзотическим именем Дальмира. Эта охотно чокалась и лихо опрокидывала. После третьей рюмки я начал зачем-то жаловаться блондинке на ушастого физика. Дальмира вспыхнула, сказала, что заставит его загладить обиду немедленно. Трезвенник был призван, оказалось, что он законный муж конского хвоста. Ему велено было извиняться, а мне — принять извинения и в знак примирения и вечной дружбы немедленно ехать к ним в гости.

Супруги увезли меня на собственной машине, какой-то особенной, трехцветной, бело-черно-голубой. Физик сел за руль, вот почему он не пил на банкете. Вел он лихо и всю дорогу рассказывал, как ему удалось поставить необыкновенное кнопочное управление. И в квартире у них все было особенное потолок цветной, на дверях черные квадраты и старинные медные ручки. И салат подавали на листьях, а не на тарелках, и масло — на

листьях, а листья специально хранились в холодильнике. Потом еще был сеанс любительских фильмов о Каире, Риме, Суздале и Сестрорецке. Физик был главным оператором, а Дальмира — кинозвездой. В разных одеждах она улыбалась на фоне пирамид, соборов и отмелей. Я восхищался, высказывал восхищение вслух, а сам все думал, зачем же нужно было бить наотмашь, а потом улещивать? Все ждал объяснений, потом сам навел разговор:

— Есть темы, — сказал я, — и есть детали. Книги пишутся не о насосах.

— Вот именно, — сказал Физик. — И не пишите о насосах.

— Я и не писал о насосах, — выгребал я на свою линию. — Я писал о перспективе развития. Бытует модное мнение, что планета наша тесновата, иные за рубежом воинственность оправдывают теснотой. Океан у меня — не только Тихий океан. Это символ простора. Я хотел доказать, что впереди простор в будущем.

— Но вы не способны доказывать, — возразил он. — Доказывает наука, опытами, точными цифрами. А наука в наше время так сложна, она не по плечу дилетанту. Вычислительная машина — это же целый зал, синхрофазотрон — заводской

цех. Открытия уже не делаются за письменным столом, и кустарные советы только отнимают время у специалистов. Мы справимся. Сделаем все что потребуется, рассчитаем на сто лет вперед И океаны ваши осушим и новые нальем. Но не убогими насосиками. И не пишите о насосах. Вы писатель, у вас получаются люди. Например, этот японский юноша, возненавидевший океан, он мне просто нравится.

Часа в три меня уложили подремать на диване, а в восемь Физик отвез меня в гостиницу. Я поднялся на пятый этаж, преодолел коридор с красной дорожкой и еще коридор с синей дорожкой, и дежурная вручила мне вместе с ключом записку — сверхлюбезное и настойчивое приглашение Лирика на обед в семейном кругу. И не было основания отказаться. Физика я посетил, почему обижать Лирика?

Лирик жил на окраине, где-то за Старой Деревней, в вылинявшем серо-голубом доме с резными наличниками. Видимо, лет двадцать назад здесь были дачи, теперь город пришел сюда, многоэтажные корпуса обступили садики, выше сосен поднялись строительные краны. Под самым забором Лирика ерзал и рычал бульдозер. Я долго ждал за калиткой, слушал нервический лай со-

баки, потом меня провели через мокрый сад с голыми прутьями крыжовника и через захламленную террасу в зимние горницы. Там было натоплено, душновато, и стол уже накрыт. Опять я пил, на этот раз приторные домашние наливки. И закусывал маринованными грибками, подгорелыми коржиками и вареньем трех сортов.

Лирик рассказывал о своем саде какие там летом яблони и жасмин, и настурции, и ноготки и где он достает черенки, и откуда выписывает рассаду. Показывал трофеи охотничьих походов чучело глухаря, шкурку лисицы. А я все слушал и удивлялся зачем было нападать так сердито, чтобы потом угощать радушно? Все ждал объяснений, потом сам навел разговор:

— В литературе есть темы и есть детали, — сказал я. — Книги пишутся не о насосах.

— В точности это самое я говорил вчера, — подхватил Лирик. — Вы понимающий инженер, это чувствуется в каждой строчке. Но книги пишутся не о насосах. Есть только три вечных темы любовь, борьба, смерть.

— Я и писал на вечную тему, — упрямился я. — Писал о вечной борьбе человека со скупой природой. И о борьбе разведчиков с нерешительными домоседами. Во все века идет спор

идти вперед или тормозить? Надо показать, что впереди просторно, наука может обеспечить тысячелетнее движение.

И тут вмешалась жена Лирика. До сих пор она сидела молча, только пододвигала вазочки с вареньем.

— Что она может ваша наука? Лечить не лечит, губит все подряд. Вот-вот-вот! — она показала на окно. — Такая благодать была. А теперь на розах копоть, яблони не плодоносят. И люди обеспло-дили. Старшую замуж выдали, говорит: «Не жди внуков, мама». А вы говорите «Наука обеспечит!» Невыносимо! Невыносимо!

И она выплыла, хлопнув дверью, монументальная, полная достоинства и благородного гнева.

Лирик, несколько смущенный, погладил мою коленку.

— Не обижайтесь на нее, дорогой. Вы поймите людям нужны простые понятные радости бабушке — внуков понянчить, дедушке — с удочкой посидеть у залива, послушать музыку тишины. Сейчас за тишиной надо ехать в Карелию — за двести километров. На двести километров от города под каждым кустом бутылки и консервные банки. И тут еще ваша оглушительно-барабанная мечта о насосах. Я прочел, меня дрожь проняла.

Представил себе эти ревущие жерла, глотающие целую Невку зараз. Вместо залива топкий ил, вонючая грязь отсюда и до Кронштадта, ржавые остовы утонувших судов, разложившиеся утопленники. Дорогой мой, не надо! Пожалейте, будьте снисходительны. Оставьте в покое сушу, море и нас. Мы обыкновенные люди со слабостями. И писать надо, учитывая наши слабости чуточку снисхождения, чуточку обмана даже, утешающего, возвышенного. А у вас холодная логика конструктора. Она, словно сталь на морозе, к ней больно притронуться. Вы цифрами звените как монетами, все расчет да расчет. Для писателя у вас тепла не хватает…

И вот разоблаченный я лежу на гостиничной койке, бессильно свесив руки. Для науки у меня не хватает воображения, для писателя — тепла. И тут еще является читатель, который испытав величайшее наслаждение, хочет выразить чувства лично.

Стук!

Как, уже? Преодолел лифт и две ковровых дорожки? Грузный, лысый, с шаркающей походкой. А одет нарядно, запонки на манжетах, манишка, старомодный шик. И французит. У нас это вышло из моды лет пятьдесят назад. Из эмигрантов,

что ли?

— Простите, по телефону не расслышал фамилию.

— Граве. Иван Феликсович Граве.

— Астроном Граве? Но мне казалось, что вы старше.

— Я не тот Граве, не знаменитый. Тот — мой двоюродный дядя. Он умер недавно в Париже. Меня тоже увезли в Париж мальчиком. Там я учился, там начал работать. Но в моей семье. Петербург всегда считали родным городом. И вот удалось вернуться. Теперь я тоже работаю в Пулкове… по семейной традиции.

«Ну и чего же ты хочешь от меня, племянник знаменитого Граве?»

— Миль пардон, — пыхтит он. — До сих пор я не имел чести лично, тет-а-тет, быть с писателем — жени де леттр. Даже смущен немножко. И недоумеваю. По вашим вещам я составил себе представление, как о юноше, худощавом, порывистом, нервозном, с пронзительным взором и кудрями до плеч. Фантастика, как поэзия, — жанр, свойственный молодости. А вы человек в летах, склонный к тучности, я бы сказал…

Пока что я оказался объектом наблюдения. Что за манера — прийти в гости и вслух обсуждать

внешность хозяина!

— Внешность обманчива. Кто же судит по внешности?

— Но согласитесь, однако, что человек с моим обликом не может сделать великое открытие.

(Все ясно — непризнанный изобретатель. Сейчас будет уговаривать написать о нем роман).

— Для открытия прежде всего необходима аппаратура, — говорю я. И собираюсь повторить слова Физика о синхрофазотроне.

— Да-да, техника, оборудование, — подхватывает гость. — Астроном, прикрепленный к рекордному рефлектору, как бы получает ярлык на большие открытия. Впрочем, и тема играет роль. Вы замечали, что широкую публику интересуют не все разделы астрономии, а только крайние — экстремальные с одной стороны, Луна, Марс, Венера — нечто достижимое, с другой — квазары, пульсары, пределы видимости. Альфа и омега.

— А на вашу долю выпала буква в середине алфавита?

— Именно, так, отдаю должное вашей проницательности. Мю, ню — что-то в таком духе. Знаете, как это бывает. Попал в обсерваторию к Дюплесси, шеф занимался шаровыми скоплениями, мне

поручил наблюдение переменных в шаровых. Так я и застрял на этой теме. А кого интересуют шаровые? От Солнца — тысячи и десятки тысяч парсек. Практически недостижимы, философского интереса в них нет. Среднее звено. Ученый, работающий в среднем звене, не может не числиться средним.

«Сочувствия ищет, что ли? Предложит роман о гении, занятом средним делом?»

— Среднее звено, — продолжал Граве. — Хотя в шаровых очень много увлекательного…

— Вероятно, увлекательно для специалистов, — сказал я. — Для немногих избранных. Рядовых людей волнует то, что их тоже касается, например, есть ли жизнь в космосе?

— Тут не может быть двух мнений, — согласился он. — Да, всех волнует жизнь в космосе. Когда Моррисон и Коккони ловили радиосигналы с Тау Кита, об этом писали все газеты. А что может быть наивнее из миллиардов звезд выбрать одну и ждать, что именно оттуда идут радиопередачи? Уж лучше бы направить радиотелескоп на шаровое. До миллиона звезд в одном направлении, в миллион раз больше шансов, чем у Моррисона и Коккони.

Я насторожился. Кажется, этот Граве — человек

с сюрпризом.

— Вы ловили сигналы? — спросил я, поднимая голову.

От тотчас ушел в кусты.

— Нет, я только хотел бы написать небольшую повесть о жизни в космосе. Вы не отказали бы мне в совете? Вот мой герой ловит сигналы из космоса. Что ему передают?

(Совет? Этого добра хватает).

— О сигналах написаны сотни повестей, — сказал я. — Надо придумать что-нибудь оригинальное. Ваш герой астроном и наблюдает переменные? Тогда сама переменная может быть прожектором. Звезда мигает, получаются точки и тире.

— Вы советуете мне наблюдать неправильные переменные в шаровом?

Я насторожился. Темнит этот Граве, путает.

— Разве я астроному советую? Я советую вставить в повесть.

— Да-да, как раз это я имел в виду описать наблюдателя. А что именно, извините за назойливость, вы рекомендовали бы передавать со звезд?

— Обычно рекомендуют какую-нибудь геометрическую истину 3-4-5, 6-8-10 — стороны

египетского треугольника. Но у вас десятки тысяч световых лет, нет возможности ждать ответа на вопрос. Надо сразу передавать что-либо существенное. Говорят, всю сумму знаний можно вместить в часовую передачу.

— Сумму знаний вы рискнете передавать неведомо кому?

— Пожалуй, не рискнул бы. Тогда можно передать чертеж космического экипажа. Вот карета, приезжайте к нам в гости.

— При условии, что на Земле сумеют сделать эту карету.

— А как же иначе? Вот если бы они побывали на Земле, они могли бы оставить корабль в какой-нибудь пещере. Тогда можно было бы передавать ее местонахождение, карту с крестами, как в «Острове сокровищ».

Граве, кряхтя, поднялся с кресла. Вытянулся, словно премию собрался вручить.

— Эта догадка делает вам честь, — сказал он торжественно. — Смотрите. Вот что я получил в результате трехлетних наблюдений неправильных переменных в скоплении М13 — шаровом Геркулеса.

И было это как дверь в сказку в комнате Буратино.

Гостиничный номер, тумбочка светлого дерева, лампа на гнутой ножке, под стеклом — список телефонов администрации, шишкинские медведи на стене. И в заурядном номере заурядный старик, пыхтящий от одышки, вручает мне астрограмму — привет чужих миров.

Светокопия, красновато-коричневая, такие делают сейчас для строителей. На ней пунктиром контурная карта. Один участок выделен квадратиком. В углу он же в увеличенном масштабе. На нем тоже квадратик. Так четырежды.

— Узнаете?

Конечно, я узнал. На главной карте лежал, уткнув нос в сушу Финский залив, похожий на осетра с колючей спинкой. Первый квадрат выделял дельту Невы с островами, следующий вырезал кусочек материка, примерно там, где находилась дача Лирика. На третьем квадратике виднелось нечто, похожее на гроздь бананов (озера, возможно), на четвертом — скала, похожая на удлиненную голову, словно на острове Пасхи. Последний квадратик находился в ухе этой головы. От него шла стрелка к группе точек. К планетной системе, что ли? Планет многовато.

— Узнаете местность? — повторил гость.

— Вы уже были там — у этой головы с ухом?

— Мне не хотелось осматривать камень без свидетелей. Я просил бы, я надеялся, что вы не откажетесь присутствовать. Если бы вы согласились составить мне компанию поутру.

— Завтра утром я буду в Москве.

— Какая жалость. А сегодня?

— Сегодня поздно уже. Через час темнеть начнет. Вообще мне надо бы отдохнуть перед дорогой.

Гость покачал головой с сокрушенным видом.

— И вы еще утверждаете, что рядовых людей волнует проблема космических контактов. Кого же волнует, если вы, писатель-фантаст, автор произведений о пришельцах, самое заинтересованное лицо, предпочитаете воздержаться от лишних усилий? Сами же мне советовали составлять схемы по сигналам неправильных переменных, а когда я показываю вам подобную схему, выясняется, что вам важнее отдых перед дорогой. Что же спрашивать с рядовых читателей? Пожмут плечами, улыбнутся. А если я без свидетелей отправлюсь осматривать, разве мне поверят? В фальсификации обвинят.

— Едем!

Почему я решился так быстро? Во-первых, раздумывать было некогда, время поджимало. А,

во-вторых, чем я рисковал, собственно говоря? Окажусь в глупом положении? Но я не уверен, кто глупее человек, верящий словам, или тот, кто воображает себя остроумным, потому что лжет. Да и не похож на любителя розыгрышей этот тучный, старомодно французящий старик с одышкой. Ограбят в пустынном месте? А у меня три рубля в кармане. Вот весело будет, когда шайка будет делить мою трешку на троих. Впрочем, и такая роль едва ли подходит моему гостю.

На улице стояла осень. Рваные тучи неслись низко-низко, казалось, каждая облизывает крыши. Дождь то моросил, то барабанил, порывистый ветер швырял брызги в лицо. Вчера мне говорили, что если ветер не переменится, будет наводнение как при Пушкине.

Такси поймать не удалось. Они проскакивали мимо, не замечая протянутой руки. Поехали через весь город в трамвае. Сквозь забрызганные стекла смутно виднелись тесные боковые улочки, трамвай отчаянно скрежетал на поворотах, чуть не задевая углы зданий. Я худо знаю Ленинград, не могу объяснить, где мы ехали. Кажется, крутили у Финляндского вокзала, потом перебрались на Петроградскую сторону. Вокруг, держась за поручни, тряслись пассажиры с мокрыми уста-

лыми лицами, капли бежали у них по скулам. И я, мокрый и усталый, трясся со всеми вместе, история с космической телеграммой казалась мне все нелепей.

Опять мы переехали через мост и оказались в квартале новых домов. Почти все пассажиры сошли там, рядом с Граве освободилось место, я пересел к нему.

— Так что вы хотите узнать у наших звездных друзей? — спросил он. И сразу увел меня с пути сомнений.

— Все надо узнать. Как живут, на кого похожи, чем заняты, что их волнует? И главное: то, о чем мы спорили в эти дни: чувствуют они простор впереди или глухую стену? Моря наливают и осушают, солнца зажигают и гасят, или же берегут садочки и заливчики, лелеют тишину для удильщиков?

— И вы отправитесь узнавать сами?

— Ну, я полетел бы с удовольствием, но едва ли меня сочтут достойным. Подыщут более подходящего, молодого, крепкого, лучше подготовленного технически и физически…

— А если нет времени обсуждать? Если надо решиться сегодня?

Я ужаснулся.

— Только не сегодня. Столько дел! Столько обязанностей!

Почему я ужаснулся, почему принял вопрос всерьез? Видимо, уже воспринимал Граве как человека с сюрпризом. Пришел скромником: «Ах, я восхищенный читатель, ах, прошу у вас совета»… а потом вытащил свою астрограмму. Может, он и у того камня побывал, отлично знает, что произойдет там.

Столько обязанностей! Но какие обязанности, в сущности? Гранки в «Мире», верстка в «Мысли», договор с «Молодой гвардией»? Обойдутся. Сказал же Физик, что у меня нет воображения, а Лирик, что нет теплоты и наблюдательности. Найдут других, более наблюдательно-воображательных.

Семейный долг? Круглолицая жена, круглоглазый сын? Как-то он вырастет без меня, полководец оловянных солдатиков? А с другой стороны, жена говорит, что я никудышный воспитатель, только потакаю, заваливаю ребенка подарками. Воспитает.

Так что же меня удерживает? Не страх ли за собственную жизнь? Полно, мне-то чего бояться? Прожито две трети, а то и три четверти. Впереди самое безрадостное «не жизнь, а дожитие», говоря словами Андрея Платонова. Ну так обойдутся

без дожития.

— Решусь, — сказал я громко. Так громко, что кондукторша посмотрела на меня с удивлением.

Мы не закончили эту тему, потому что трамвай дошел до конца («до кольца» — говорят в Ленинграде). Крупноблочные коробки остались за спиной, даже асфальт отвернул, перед нами тянулась полоса мокрой глины, окаймленная заборами. Сейчас в межсезонье все калитки были заперты, все окна заколочены. Ни единой души мы не встретили на пути к парку.

Я сразу же ступил в лужу, зачерпнул воды и перестал выбирать дорогу. Все равно мокро — внутри и снаружи. Шлепал по грязи и ругал себя ругательски. Как я мог попасться так наивно. Не вижу, что имею дело с маньяком? Только маньяк может в ноябре на ночь глядя плюхать по лужам за городом. Ну ладно, полчасика с ним поброжу и хватит. Назад, в гостиницу, сразу залезу в ванну. И если грипп схвачу, так мне и надо: не принимай всерьез маньяков!

Наверное, я и повернул бы назад вскоре, если бы у входа в парк не висела схема и на ней я увидел озеро, похожее на гроздь бананов. Мы двинулись по главной аллее мимо киосков, качелей, раковин, пустых, мокрых, нереальных каких-то.

Летом здесь были толпы гуляющих, на каждой скамейке дремали пенсионеры, у каждого столика «забивали козла». А сейчас никого, никого! Поистине, если бы Граве задумал недоброе, не было места удобнее.

Вот и озеро. Пруд как пруд. Лодки мокнут вверх дном на берегу.

— Слушайте, Граве, будем благоразумны. Как можно спрятать тут космический корабль? Здесь толпы летом, толпы!

— Посмотрите, там голова.

Верно, тот самый камень, что на астрограмме: удлиненный лоб, чуть намеченные глазки, подобие ушей.

— Но здесь же ребята играют. Наверняка залезали на макушку, садились верхом сотни раз.

— Залезали, садились, но не высвечивали каждую трещинку. Подсадите меня, пожалуйста, я осмотрю внимательнее.

Какой-то особенный фонарик у него был, сверхсветосильный. Брызнул светом, словно трамвайный провод заискрился. Все деревья выступили из сумрака, все одинокие листья прорезались, лиловатые почему-то. Я невольно зажмурился на миг.

И свершилось. Сезам открылся. Нет, не дверь

там была, не тайный вход в пещеру. Просто голова распалась надвое, обнажая очень гладкую, почти отполированную плиту. И ничего на ней не было, только два следа, как бы отпечатки подошв.

В парке культуры! У лодочной станции! Около тира!

— Нас приглашают, — сказал Граве. — Сюда надо ставить ноги, по-видимому.

Плита как плита. Следы подошв только.

Поставил пустую склянку. Исчезла. Была и нет.

Положил ветку. Нет ветки.

— Ну что же, господин фантаст. Вы сказали: «Решусь!».

— Стойте, Граве, дело важное. Это надо обсудить.

В голове: «Надо известить научные круги обсерваторию, академию. Какая жалость, что нет Физика с его кинокамерой, было бы доказательство. Надо завтра притащить его с утра…»

— Граве, я считаю, что прежде всего… Где вы, Граве?

Исчез! И когда он ступил на следы, я не заметил даже…

«Обязанности, гранки, верстка, воспитание… Круглолицая жена, круглоглазый сын… Научные круги подберут достойных. А что же я, себе не до-

веряю? Скорее Граве нельзя доверять приезжий, почти чужой, что там у него на уме? Разве может он единолично представлять человечество в космосе? Боязно? А чего бояться, собственно три четверти уже позади, риск невелик…»

И я ступил на плиту мокрыми туфлями. Левой на левый след, правой — на правый.

Глава III. Космические заметки

Прожгло насквозь…

Будто тысячи раскаленных иголочек пронзили тело, опалили руки, ноги, мозг, каждую точечку кожи, каждую клеточку внутри. Пронзили и застряли, оставили боль всех сортов. Саднило, ныло, дергало, кололо, рвало, царапало. Жгло глаза, горела кожа, ломило кости и зубы. А когда я вздыхал, отдуваясь от боли, схватывало сердце и ребра. С болью является в мир человек, с болью явился я в тот мир. Только за первое мое рождение страдала моя мать, а тут я сам стонал и корчился.

Кошмары.

Глаза воспалены, голова разламывается. Не знаю, кого винить за бредовые видения: зрение или мозг? В щелках опухших глаз проплывают страшные призраки: помесь зоопарка с фильмами ужасов — змеи в пенсне, хохлатые птицы с клювами, намазанными губной помадой, жуки с моноклями, мохнатые чертенята, рыбы с подведенными ресницами, сросшиеся ежи с глазками на колючках, спруты в шляпах и что-то невидимое, стреляющее молниями и что-то бесформенное, гнусаво гудящее, студенистый мешок с крыльями.

Но страшнее всего, противнее всего то, что напоминает человека: заплывшие жиром рожи с вывороченными веками и сухопарые скелеты с черепами, туго обтянутыми зеленоватой кожей, отвратительные живые мертвецы. Ужасы детских лет выбрались из памяти, сказки Гриммов расхаживают у моей постели.

— Прочь! — кричу я истошно. — Уберите! Не верю!

И чей-то голос гудит назойливо: «Анапод, анапод, дайте же ему анапод!»

— Дайте ему анапод, — повторяю и я, чувствуя,

что мое спасение в этом непонятном слове.

Прохладный компресс ложится на лоб… Обыкновенная больничная палата. Миловидные сестры в чистеньких халатах, туго перехваченных в талии. Молодой врач рассматривает шприц на свет.

Где я?

Классический вопрос приходящих в сознание.

У меня память восстанавливается постепенно, задом наперед от сегодняшнего к вчерашнему, потом к позавчерашнему. Было очень больно. А до того? До того я встал на камень с выбитыми подошвами, след в след. Шел дождь, пузырились лужи на дорожках пригородного парка. Мы долго ехали туда на трамвае вместе с Граве, тучным, медлительным и уклончивым человеком, что-то скрывающим, на что-то намекающим. Граве спросил: «А вы, автор фантастики, столько страниц исписавший про космические контакты, вы сами отправитесь в космос, если вас пригласят сегодня, сейчас?»

И приглашение состоялось.

Так где же я на Земле или на небе?

— Лежите спокойно, — говорят мне, — вам

нельзя разговаривать. Вы у нас в гостях, в Шаре. Но вы не очень удачно перенесли космическую транспортировку.

— Значит, в космосе. А почему же вы говорите по-русски, сестра?

Для открывателей неведомых миров первая минута — наиглавнейшая. Перед ней годы и годы полета к какому-нибудь светилу, годы-годы споров, есть там жизнь или нет? А выясняется это сразу же после посадки да, есть! Остальное — уточнения.

Самое важное я узнал на Земле от Граве: узнал, что они существуют — наши братья по разуму. Узнал, что они живут в скоплении М13 — шаровом Геркулеса и что они хотят иметь с нами дело. Это самое существенное. Прочее — детали.

Целый век тянулся у нас спор в «земной фантастике», похожи ли на нас эти братья, человекоподобны они или нет? Спор тянулся столетие, а ответ я узнал в ту секунду, когда мне разбинтовали глаза. Оказалось, что да, похожи. Так похожи, что я даже путал их с земными знакомыми, называл по имени-отчеству. Была среди моих врачей вылитая Дальмира, жена Физика, тоже блон-

динка и даже с конским хвостом на макушке. Была жена Лирика среди сестер, неторопливая, немолодая, но ловкая и умелая, лучше всех помогала мне. Но смотрела неодобрительно, губы поджимала, как бы корила: «Что тебе не сидится дома, шастаешь по космосу?». И Физик был, даже несколько Физиков, все молодые и лопоухие. И Лирик заходил, но ничего не сказал, постоял у дверей и вышел недовольный.

Ура, мне дали собеседника.

Болеть на чужбине плохо, выздоравливать еще хуже. Представьте сами приехали вы за границу, в Италию или в Индию, приехали впервые в жизни, ничего не видали и сразу же слегли. Лежите на койке, изучаете узор трещин на потолке, а за стенами Святой Петр или Святой Марк или Тадж Махал. Обидно!

За стенами чужая планета, а я лежу и жду выздоровления, лекарство пью с ложечки, кушаю жидкую кашку.

Читать не могу. Языка не знаю. Радио слушать не могу. Телевизора нет, смотреть не разрешают.

Тоска!

И вот — о счастье! — дают собеседника.

Ничего, что он похож на чертенка, маленький, вертлявый, с рожками и хвостом. Ничего, что он неживой, штампованный, кибернетический. Главное, что ему можно задавать вопросы, и он понимает. И отвечает по-русски, комичным таким, чирикающим голоском.

Первый вопрос: «Как тебя зовут?»

— У нас, неорганических, нет имен. Я номер 116/СУ, серии КС-279, по профессии — карманный эрудит.

— Что же ты умеешь, карманный эрудит?

— Я отвечаю на любые вопросы по всем областям знания. Что не храню в памяти, узнаю в Центральном Складе Эрудиции. Меня можно держать на столе и носить в кармане. Я буду твоим гидом на всех кругах нашего мира.

Проводник по всем кругам неба и ада! Вспоминается «Божественная комедия» Данте.

— Я буду называть тебя Вергилием. Хотя нет, чересчур солидное имя Будешь маленьким Вергиликом, Гиликом. Запомни: «Гилик».

— Запомнил. Перевел из оперативной памяти в постоянную. Номер 116/СУ, звуковое имя — Гилик. Есть еще вопросы?

— Есть. Почему ты похож на чертенка, Гилик? Для чего тебе хвост и рожки?

— Отвечаю: в хвосте портативные блоки памяти. В случае необходимости можно нарастить, не меняя основной конструкции. В рожках — антенны. Одна — для восприятия недостающих справок по радио, другая — для телепатической связи.

Вот так, между прочим, выясняется еще одно важное. Телепатия существует. А мы на Земле все спорим: научна она или ненаучна?

Отныне я не одинок. На тумбочке возле меня дежурит вертлявое существо, неорганический бессонный организм, готовый ночью и днем удовлетворять мое любопытство.

Он-то отвечает. Понимаю я не все.

— Где я нахожусь? На самом деле — в шаровом скоплении Геркулеса?

— Отвечаю: Куб АС-26 по сетке Цет-Дэ, сфера притяжения Оо, небесный объект 22–15.

Чувствую себя профаном, хуже того — младенцем-несмышленышем. Ничего не понимаю в их кубах, сетках и сферах. Пробую подобраться с другого конца.

— Далеко ли отсюда до Земли?

— По вашим мерам — около десяти тысяч парсек.

Ого! Десять тысяч парсек — тридцать две тысячи световых лет! Триста двадцать столетий, если лететь со скоростью света. Неужели на Земле сейчас триста сороковой век?

— Но я же не на фотонной ракете летел сюда?

— Нет, конечно. На ракетах не летают на такие расстояния. Тебя переместили.

— Как это переместили?

— Дали Ка-Пси идеограмму в зафон, сделали эболиз, локализовали в трубке Соа Затем сессеизация, тететитация…

— Стой, стой, ничего не понимаю, тарабарщина какая-то. Что такое Ка-Пси?

— Ка-Пси у нас проходят дети в школах. Это определение граничных условий. Очень простой расчет, примитивный. Берется система уравнений класса Тхтх…

— Подожди, не будем путаться с классом Тхтх. Для чего эти уравнения?

— С этого надо начинать всегда, хотя бы для того, чтобы привести к виду, удобному для логарифмирования.

— Разве меня логарифмировали?

— Да нет, это я для примера говорю. Тебя эболировали. Понял?

— Ты скажи попросту, — говорю я, махнув ру-

кой, — я со скоростью света летел сюда?

— Нет, конечно. В зафоне не летают со скоростью света. Ты перемещался с зафоновой скоростью, порядков на пять выше.

Понятнее не стало, но выяснилось еще одно важное. Можно перемещаться на пять порядков быстрее света.

— Значит, они умеют летать быстрее света?

— Умеют.

— А умеют они… — Три эти слова твержу с утра до вечера. И слышу в ответ: «Да. Да, умеют!». Все умеют, что ни спроси.

— Умеют ли, например, погоду заказывать?

— Умеют. Понижают давление в воздухе или повышают давление, в результате выпадает дождь или же облака растворяются.

— Умеют ли моря создавать?

— Умеют. Организуют стойкий циклон и собирают влагу с целой планеты. Идет дождь сорок дней и сорок ночей.

— А горы умеют строить?

— И горы строят. По-разному. Чаще пробивают кору, делают ряд искусственных вулканов. Подземное давление само выстраивает хребет.

— А если надо снести горы?

— И это умеют. Включают особое поле, ослабляющее молекулярное сцепление. Горы рассыпаются в атомную пыль. Остается смыть ее или сдуть.

— А умеют ли?... — Что бы еще спросить позаковыристее? Умеют ли управлять небесными силами: создавать гравитацию и антигравитацию?

Оказывается, и это умеют. Причем, как объясняет Гилик, создать притяжение проще (кто бы подумал?), тут энергии не требуется. Антигравитация же поглощает много энергии, это и хлопотливее и дороже:

— И как же это делается?

Опять Гилик тараторит про классы Тхтх и граничные условия Дедде. Все непонятно. Все надо учить заново.

Объявился Граве.

Пришел в палату, шаркая ногами, пыхтя уселся в кресло, заглянул в лицо соболезнующе.

— Ну как вы, голубчик? Силенки набираете?

Подумать только: дряблый такой, наверное — сердечник, а полет перенес лучше меня. Уже — разгуливает по чужой планете, а я пластом лежу.

— Ну рассказывайте, рассказывайте подробнее. Где были, что успели повидать?

— А я, голубчик, нигде не был. Я вас жду.

— Хотя бы про эту планету расскажите. Какая она? Похожа на Землю? Поля здесь зеленые, небо голубое? Лето или зима?

— Не лето, не зима и зелени никакой. Это искусственная планета. Межзвездный вокзал. Ни полей, ни неба — одни коридоры.

И торопливо встает, уклоняясь от расспросов:

— Доктора не велели вам разговаривать.

Ох уж эти доктора! Всюду они одинаковы — на Земле и в Звездном Шаре.

Обман чудовищный! Все неправда! Кому же верить теперь? Впрочем, надо взять себя в руки, успокоиться, записать все по порядку.

Болеть на чужбине плохо, выздоравливать еще хуже. Это я уже писал. За окном чужая планета, а с постели не спускают. Пичкают лекарствами, вечный компресс на лбу.

А чувствую себя нескверно, ем с аппетитом, боли все реже. И всего-то пять шагов до окна.

Как раз врачей не было, все ушли на обход. Гилика унесли для технической профилактики. Ну

вот, я спустил ноги с кровати, голову высвободил из компресса, шаг, другой пятый. Я у окна.

Кошмар!!!

Опять бред первых дней болезни, ужасные видения зоофантастики: жуки с моноклями, сросшиеся ежи, амебы на крыльях. Бегут, летят, ползают, скачут, как нечисть из «Вия». Меня заметили, вылупили глаза, языки вытянули, ощерили пасти…

— В кровать! — это уже сзади хрипят, за спиной.

Оглянулся. В дверях самый страшный: голый череп с пятнистой кожей. Я завопил, глаза зажмурил…

Слышу голос Граве: «Скорей в постель, голубчик! Вам плохо. Компресс на голову, скорей!»

А я и кровати не вижу. И стен нет, какие-то трубки, цветные струи колышутся. Вой, писк, треск. Уж не помню, как забрался на матрац, голову всунул в повязку…

Снова голос Граве:

— Откройте глаза, не бойтесь. Все прошло.

Чуть разлепил веки. Верно, исчез кошмар. Идет от двери мой спутник, ноги волочит, отдувается, такой рыхлый, обыденный, с жалостливым лицом.

— Плохи мои дела, Граве, — говорю я и сам удивляюсь, какой у меня плаксивый голос. — Схожу с ума. Галлюцинации среди бела дня. Мертвецы видятся с трупными пятнами.

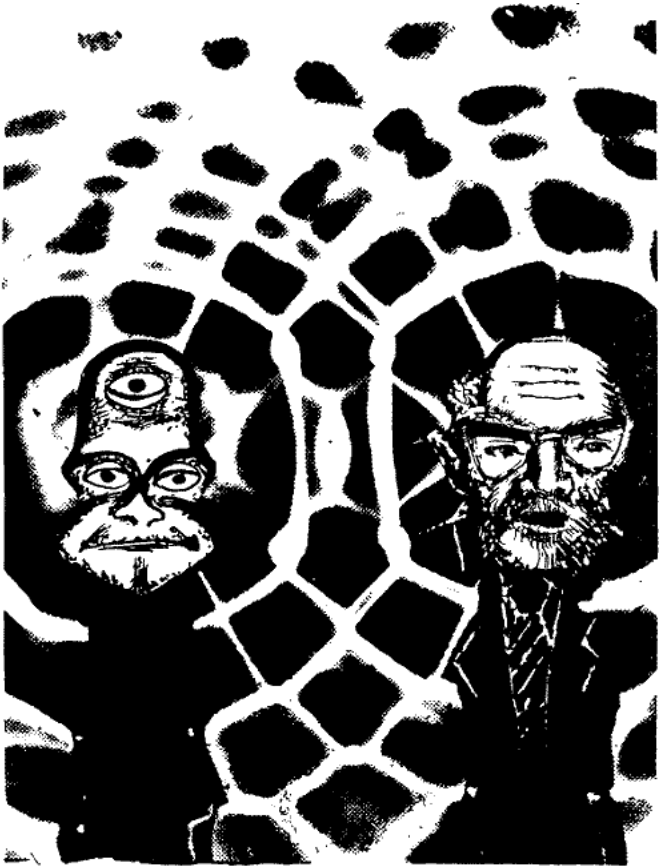
Граве тяжело вздыхает. Так вздыхают, решаясь на неприятное объяснение. Берет меня за руку, поглаживает тихонько.

— Это вы меня видели, голубчик. Так я выгляжу на самом деле, без анапода.

Анапод, как выясняется, специальный прибор у меня на лбу, который я принимал за компресс.

Если сдвинуть его, передо мной пятнистый скелет, чудище из страшной сказки.

Если надвинуть, возвращается в кресло тучный старик, сутулый, обрюзгший, смотрит на меня участливо.



Старик — скелет, скелет — старик. Кто из них

настоящий?

Кажется, Граве улавливает мои мысли.

— Мы оба настоящие, — говорит он. — Я действительно уроженец планеты Хохх, нечеловек с пятнистой кожей. И я действительно старик, пожилой ученый, астроном, посвятивший жизнь межзвездным контактам. По мнению моих знакомых, я тяжелодум, медлительный, мешковатый, несколько ироничный. Это мой подлинный характер. Анапод улавливает его и преобразует в привычную для вас форму: в образ человека с такой натурой, как у меня.

Старик — скелет, скелет — старик. Открытки бывают такие: справа видишь одно, а слева — другое.

А все-таки, обман!

Пусть внешность отвратительна, культурный человек не обращает внимания на внешность. Мне неприятно, что звездожители начали знакомство со мной со *лжи*, с очков, втирающих мне очки. Ведь мы полагали, что они — старшие братья по разуму — образец безупречной честности.

Я возмущен и высказываю свое возмущение Граве.

Вот как оправдывается пятнистый череп.

— Вы ошибаетесь. Правда трудна, не всем под силу ее вынести. И у вас на Земле скрывают истину от тяжело больных, прячут от детей темные стороны жизни. Даже взрослые брезгливо отворачиваются от неопрятных язв, от попавшего под поезд. Мы же пробовали подойти к вам в подлинном виде. Вы кричали: «Прочь, прочь, уберите!». Вы и сейчас морщитесь, глядя на меня, содрогаетесь от отвращения. Пристегните анапод. Легче же? Не надо преодолевать тошноту? Для того и был придуман этот аппарат. Не для вас лично, не обольщайтесь. Анаподы появились, когда возникла Всезвездная Ассамблея, и сапиенсы разных рас («сапиенсы» — так я перевожу их термин «ауаоо». Человек — хомо сапиенс, разумные нелюди — сапиенсы, но не хомо. — **К. К.**) собрались впервые, чтобы обсудить общие дела. Обсудить, а не нос воротить (правильно я выражаюсь?), думать, а не кривиться, удерживая тошноту.

Ана-под, ана-под, анализирует аналогии, подыскивает подобия. Это слово тоже создано анаподом из земных слогов по подобию.

Привыкаю к прибору, даже забавляюсь с ним. Надвигаю, сдвигаю. Как будто шторка на глазах, как будто страничку перевернул. Раз — пухлое лицо старика, раз — череп. Раз-раз! А если сдвигать анапод постепенно, получается наплыв как в кино: череп проступает сквозь черты лица, кости вытесняют светлеющие мускулы.

Их-Дальмира, оказывается, похожа на голенастую птицу, на аиста, долгоносого и с хохлом на макушке. Это анапод нарисовал мне блондинку с конским хвостом. Их-Лирикова — крылатый слизняк. Ничего у нее нет постоянного — ни глаз, ни рук, ни ушей. Но если нужны руки, они вырастают, как ложноножки у амебы. Сколько угодно рук, любое количество, любой формы. Потому так приятны и мягки ее прикосновения. У нее руки, приспособленные к форме моего тела. Даже моя кровать не кровать, как выясняется, а подстилка на тугой струе воздуха.

Только Гилик стационарен в этом зыбком мире. Неизменна вертлявая машинка с рожками и хвостиком. Для Гилика нет подобия на Земле, и анапод не искажает его облик.

— А соплеменники кажутся вам привлекатель-

ными, Граве?

— Ну, конечно же, — говорит он. — Они стройны, они конструктивны, ничего лишнего в фигуре, никакой рыхлости. И наши лица очень украшают пятна, такие разнообразные. У мужчин они резкие, отчетливо очерченные, у женщин — ветвистые с прихотливым узором. Модницы умело подкрашивают пятна, в институтах красоты меняют узор. По пятнам можно угадать характер и настроение.

Он вдохновляется, он читает стихи о пятнах. Стараюсь разделить его восхищение. Сдвигаю анапод…

Отвратительно и противно!

— И все же вы обманщик, — твержу я. — Хорошо, допустим, вы боялись напугать меня внешностью. Пожалуйста, анаподируйтесь. Но почему не сказать честно, что вы пришелец из космоса? К чему был этот спектакль в пяти актах с пулковским астрономом?

— У меня была сложная задача, — говорит Граве. — Я должен был провести некое испытание, проверить готовность людей к космическим контактам. Существа на вашем уровне развития

(Нахал! А он на каком уровне?) очень склонны к вере. Предположим, я назвался бы пришельцем, подтвердил бы свое звездное происхождение доходчивыми чудесами телекинезом, телепортацией. И вы уверовали бы в мое всемогущество? Пошли бы за мной зажмурившись, как слепец за поводырем? Но это не проверка готовности. Сорван экзамен.

— Но вы же читаете мысли. Слышите, что я думаю.

— Да, слышу. Но люди не всегда думают о себе правильно. Им кажется, что они рвутся в бой, а на деле мужества не хватает. Эта поездка под дождем тоже была частью проверки. Согласны лететь сию же секунду? Вымокнуть хотя бы не боитесь ради космического контакта?

А я не подкачал!

Я горд необыкновенно, горд как индюк, маслом полита душа. И Физик меня хаял, и Лирик хаял, а я выдержал экзамен.

— А почему вы именно меня выбрали? — спрашиваю. Очень уж хочется услышать комплименты. Пусть объяснит с космической точки зрения, какой я выдающийся.

Но Граве не склонен потакать моему тщеславию!

— Нам нужен был писатель-фантаст, профессионал, по некоторым соображениям, вы их узнаете после. Западные авторы отпадали, очень уж въелась в них идея неравенства. Из числа ваших товарищей не годились земные изоляционисты, противники контактов. Сам я пожилой ученый, я худо сговариваюсь с молодыми горячими талантами, предпочитаю иметь дело с пожилым, пусть и не талантливым (я поежился). Видите, выбор не так уж велик. И какие-то случайности сыграли роль вы оказались в чужом городе, в одиночестве, вас было легко увести, не привлекая внимания. Вот я и увел. Привез в парк и поставил перед выбором: «Теперь или никогда?»

— А если бы я не решился?

— Тогда я стер бы вашу память, — сказал он жестко.

Память можно стирать и можно заполнять, например, ввести в нее иностранный язык. Процедура торжественная, настоящее священнодействие. Ученик лежит на операционном столе, весь опутанный проводами, глаза и уши

заложены ватой, лицо забинтовано. Диктор монотонно начитывает сведения, учителя в шлемах с забралами, в свинцовых скафандрах. Это чтобы своими посторонними мыслями не заразить, не внести «мыслеинфекцию».

Меня так не хотят обучать. Говорят, что не знают особенностей моего мозга, опасаются напортить.

— Ну, а мертвых вы умеете оживлять?

(Рассчитываю на отрицательный ответ. Хоть что-нибудь должно быть невыполнимое).

Ответ: Если есть хорошая матрица, оживляем. Это не труднее, чем изготовить копию по зафонограмме. Оживший помнит все, но до момента записи. То, что прожил после записи, выпадает.

Хуже, если объект умер до изобретения матриц. Тут ищут волосы, бумаги, личные вещи, чтобы установить формулы всех личных ДНК, РНК и всего прочего. Это трудно и делается редко. Радости не приносит, больше огорчений. Вот на нашей планете Хохх мы восстановили великого поэта прошлого, такого, как ваш Шекспир. Но он был великим в свою эпоху, в новой показался старомодным, напыщенным, многословным. И даже несведущим ему учиться пришлось заново. Обидно быть памятником самому себе, живым

портретом знаменитости. Так что это делают редко… но умеют.

«А умеете вы?…» Что бы еще спросить? Вспоминаю фантастические идеи по Кларку и по «Регистру» Альтова. Умеете вы летать в прошлое и будущее?

Гилик долго молчит, перебирает сведения в своем хвосте. Он в затруднении. Кажется, на этот раз я поймал его.

— Вопрос некорректный, — заявляет он в конце концов. — Видимо, задан для проверки моих логических способностей. Путешествие в прошлое — абсурд. В прошлом можно встретить самого себя и убить себя, кто же будет продолжать жить и убьет себя? Можно встретить свою мать и жениться на ней, стать своим отцом. Визитер в прошлое может древнему поэту продиктовать его собственную поэму. Кто ее сочинил?

— Значит, не умеете! (Я почти ликую).

— Путешествовать во времени нельзя, — говорит Граве. — Но можно управлять временем, ускорять и замедлять.

— Ускорять? Как это? Про замедление я знаю. Время замедляется в субсветовых ракетах. Но где тут ускорение? Я выписываю формулу. Все корни положительные, налицо только прибавка

времени…

— Ты забываешь про мнимые корни и мнимоскорости, — говорит Граве.

Мнимоскорости! С ума сойти! Все надо изучать заново.

— Ну и зачем все это?

— То есть?

— Зачем ускорять время, зачем замедлять время? Зачем увеличивать тяготение и уменьшать тяготение, зачем сносить и возводить горы, зачем ввинчиваться в зафон и летать там на пять порядков быстрее света? Зачем вы, Граве, явились на Землю и зачем привезли меня оттуда? Что вы ищете в космосе? Что вам дома не сидится?

Почему только сейчас задал я этот наиважнейший, в сущности, вопрос? Может быть, оттого, что задумываться было некогда. Набивал голову впечатлениями, блокнот пометками, собирал, коллекционировал информацию, ждал, что еще мне покажут замечательного, сверхзамечательного. Побывал на биополигоне, генополигоне, побывал на галаполигоне, где испытывают новые законы физики (это особый рассказ). Какое осталось впечатление? Физики забавляются. Пробуют

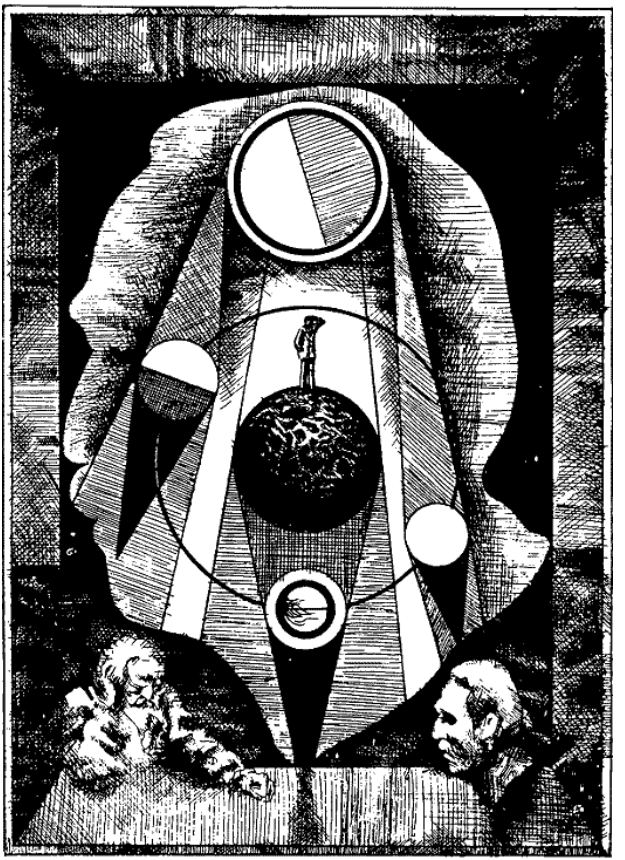
так и этак, какая комбинация смешнее. Но стоит ли дергать время и мять пространство только для того, чтобы потешиться своим могуществом? Вот я и спросил:

— Ну и зачем все это?

— Нам нужен космос. У нас там полно забот.

— Заботы? Какие у вас заботы? Молодость возвращаете, мертвых оживляете, летаете на любую планету? Еще что?

— Вот теперь начинается серьезный разговор, — сказал Граве. — Закажи ему, Гилик, ленту Диспута о Вселенских Заботах.



Глава IV. Вселенские заботы

Зал Межзвездной Федерации на планете Оо. Зал как зал, на сцене селектор, стол президиума, кафедра. Ложи амфитеатром, только в ложах не стулья, а баки, опутанные множеством шлангов с кранами. Их можно наполнять любым газом по вкусу кислородом, азотом, аммиаком, метаном, или же водой, пресной, соленой, мутной, по заказу делегата.

Спрашиваю: зачем такие ухищрения? Все равно анаподы, все равно смотрят на селектор, слушают микрофонный перевод. Почему не договориться по радио, сидя у себя дома?

Оказывается, все дело в расстояниях. С окраинных звезд радиоволна идет лет пятьдесят, даже зафоновый сигнал — несколько суток (по нашему счету). От вопроса до ответа — две недели. «Кто хочет взять слово?» Через две недели: «Я прошу». «Мы готовы вас выслушать» — еще через две недели.

Своеобразный парадокс. Планетных конферен-

ций не бывает, дела планеты можно обсудить и по радио, а на межзвездные — традиционно собираются в одном зале. Ложи, трибуна, президиум. И кто там за столом? Тоже какие-то монстры в баках. Поспешно натягиваю анапод. Ба, знакомое лицо. Докладывает Физик, моложавый, коротко стриженный, в очках, лопоухий. Конечно, не наш. Их-Физик. Приглядевшись, я даже на глаз отличаю, потому что анапод карикатурит: не моложавый, а мальчишка, и уши действительно как лопухи. Видимо, всегда мы рисуем шаржи на наших друзей в собственном мозгу.

Ну и что же рассказывает этот звездный Физик?

— Мы живем в эпоху всесилия точных наук, — говорит он, скрестив руки на груди, уверенным голосом лектора, уверенного, что мало кто понимает его лекцию. — Ученые проникли в недра вещества до семьдесят девятой ступени (электрон на девятой по их счету. — **К. К.**) и в зафон на 144 слоя. Мы освоили сигналопроводящий слой пятого порядка, практически можем посетить любую планету… Галактики и Магеллановых облаков. Я слишком долго занимал бы внимание уважаемого собрания, если бы перечислял все успехи физики, математики и технознания. Ска-

жу коротко мы — физики — способны разрешить любую задачу, которую поставит перед нами Звездный Шар в этом и в будущем веке.

Выступавший передо мной представитель Академии Прогноза как раз и сформулировал очередную задачу. Он говорил, что сфера нашего обитания уже охватывает около миллиона звезд со спутниками и что нормальный рост населения, долголетия, энергетики и новых потребностей диктует расширение этой сферы на один процент ежегодно, то есть требует освоения десяти тысяч новых солнечных систем в год.

— Ого! — подумал я. — Десять тысяч планетных систем ежегодно! Пожалуй, это можно назвать заботами.

— Осваивать мы умеем, — продолжал Физик. — Но вот проблема: куда направить усилия? Резервных звезд в нашем Шаре почти нет. Мы вышли уже за пределы скопления и заселяем разрозненные миры, распыляя расы по космическим островкам, фактически выключая их из единого потока цивилизации. И прогнозисты говорят, что хорошо бы пресечь этот стихийный поток эмиграции, направить его на один компактный объект, например на ближайший звездный шар ОГ (М-92 по земным каталогам. — **К. К.**). Выбор

логичный, общеизвестный, общепризнанный. Помнится, еще в юности в романах я читал о приключениях покорителей шара ОГ. Но романисты упускали из виду одно обстоятельство.

ОГ не больше, даже несколько меньше нашего родного Шара. Отсюда следует, что, сохраняя однопроцентный прирост, мы и ОГ используем поколения за три. Опять встанет вопрос о следующем объекте. Правда, и очередные известны — это скопления ОЗ, ОХ и ОТс. Всего в Галактике около четырехсот шаров, есть возможность выбрать и установить очередность. Однако и тут главная моя мысль, подчеркиваю ее: принимая самый принцип расселения по шаровым, мы молчаливо соглашаемся с тем, чтобы культура наших потомков топталась на месте, все время дробясь, умножаясь количественно, а не качественно. От шара до шара десятки тысяч световых лет, передавать энергию и материалы на такое расстояние бессмысленно. Шары будут разорваны экономически и ограничены экономически — все дойдут до некоторого потолка, приблизительно до сегодняшнего уровня науки и будут повторять и повторять историю в следующем по порядку шаре. Согласившись на такой вариант развития, мы на многие века программируем

топтание на месте.

Есть ли альтернатива? Да, есть. И я уполномочен предложить ее от имени группы физических институтов.

В Галактике помимо отдельных островков, я разумею одинокие звезды (вроде нашего Солнца. — **К. К.**), помимо архипелагов типа Оо, ОГ и других, есть еще и материк — Ядро Галактики. Диаметр его — около 4 тысяч световых лет, расстояние такого же порядка, как от Оо до ОГ. Но в этом материке сосредоточены десятки миллиардов звезд, то есть в тысячу раз больше, чем во всех четырехстах шарах, разбросанных по небу.

Принимаясь за освоение шара ОГ, мы решаем наши заботы на три поколения, освоение Ядра решает их на тысячелетия. Покоряя ОГ, мы рассеиваем нашу культуру по отдельным архипелагам. Ядро же сосредоточит ее, сконцентрирует. Шары будут поддерживать науку на сегодняшнем шаровом уровне, Ядро переведет цивилизацию на новую ступень, уже четвертую в истории, если первой считать однопланетную, второй — односолнечную, третьей — одношаровую. Теперь предстоит творить новую, принципиально новую культуру — галактическую.

Творчество или повторение? Выбирайте!

Закончив речь, Их-Физик поклонился с улыбкой, полной достоинства, даже чуточку самодовольной. Впрочем, я не осуждал его. Можно гордиться, если принадлежишь к клану всемогущих волшебников, не только звезды хватающих с неба, но и целые скопления дюжинами, даже ядра галактические. Десятки миллиардов солнц! Ничего себе размах!

— У кого есть вопросы? — послышался голос председателя. Камера оператора скользнула с кафедры на стол президиума. Мелькнуло несколько баков… я подправил анапод… и ахнул. Дятел собственной персоной! Дорогой мой школьный учитель. То есть, конечно, не сам он, его звездный аналог.

Дятел, как вы догадываетесь, прозвище, а не фамилия. Так окрестили мы, непочтительные восьмиклассники, нашего учителя географии. Нос у него был как у дятла, крупный и прямой, колуном. И короткая шея, убранная в плечи, и характерный жест скажет что-нибудь и голову набок, поглядывает иронически. Прозвище, конечно, поверхностное. Дятел глупая птица. Трудно размышлять, если голову употребляешь, как долото. Но вид у него преумный. Работает трудолюбиво, что-то выковыривает, рассматривает

правым глазом, рассматривает левым, словно оценивает всесторонне. Вот и наш учитель любил расковыривать факты, цифры, причины, связи, докапываясь до скрытой сути. Вытащит суть и на нас посматривает каково? Проняло? Шевелятся ли мысли под лохматыми прическами.

Помню, как он пришел к нам в класс, молодой, черноволосый, с решительным носом. Пришел почему-то в середине года — в феврале. А до него преподавала географию Мария Никандровна — пышная дама с буклями, раз навсегда восхищенная подвигами великих людей, обожавшая знаменитых путешественников молитвенно и восторженно, считавшая своим святым долгом привить эту молитвенную восторженность нам — лоботрясам.

Учиться у нее было легко и скучновато. География превращалась в святцы: святой Колумб, святой Кук, святой Амундсен… Отвечая, надо было показать маршрут на глобусе и с пафосом рассказать о заслугах. Мой приятель Дыня держал пари на десять пирожных, что о Колумбе и Куке будет рассказывать одними и теми же словами. И пирожные получил. Пятерку тоже.

И вдруг, нарушая эту дремотную картину, в класс вторгся Дятел и с ходу прочел нам лекцию о

миграции химических элементов в коре. Честное слово, это в географию не входило. Но у Дятла были свои понятия о границах предмета. Даже не знаю, что он преподавал нам: геохимию-геологию-геотехнологию-геоэкономику-геопроектирование-геоконструирование, некий комплексный предмет. Никандровна описывала нам лик Земли, Дятел — строительную площадку. Мы все писали у него рефераты — проекты «Орошение Сахары», «Отепление Арктики», «Подводное земледелие» и т. д. Про осушение Средиземного моря писал я. Не от той ли темы родился мой «Океанооборец Ота»? У других были темы «Климат при повышении CO_2 в атмосфере», «Жизнь при пониженном содержании азота», «Если Урал тянулся бы с запада на восток»...

Как горько плакали у Дятла милые и старательные девочки, безупречно знавшие точные ответы на заранее известные вопросы (компьютеру им сдавать бы!), способные наизусть спросонок ответить, что столица Сальвадора — Сан-Сальвадор, Гватемалы — Гватемала, а Гондураса вовсе Тегусигальпа!

— Вы этого не проходили, Танечка? — ядовито спрашивал он. — Конечно же, не проходили. А не хочется вам подумать своей собственной

хорошенькой головкой? И в каком же классе вы начнете думать? Я бы не советовал откладывать до замужества, даже для замужества полезно думать.

«Замечательно» — было любимым словом Никандровны. Дыня подсчитал, что на одном уроке она произнесла «замечательно» 78 раз. Дятел предпочитал «любопытно» (16 раз за урок в среднем). Земля, природа, народы и мы — ученики — представлялись ему любопытными явлениями. Он любил понимание, любил извлекать зернышки истины из-под коры слов. Истины предпочитал неожиданные, парадоксальные. Он так наслаждался сложностью мира и процессом понимания сложности.

И если верить анаподу, этот звездный Дятел тоже мастер докапываться до истины, извлекать ее из-под коры предрассудков и упрямых заблуждений. Вот он клонит голову на плечо, щурит глаз. Интересно, как препарирует Их-Дятел Их-Физика?

— У меня самого тьма вопросов, — торопится он. — Первый: ведь условия на поверхности Ядра непривычны, не очень благоприятны для нас — жителей Шара. Сумеем мы приспособиться?

— Ядро предоставляет нам две возможности, —

отвечает Физик быстро. — Внутри там такие же звезды, как в Шаре, можно отобрать среди них удобные. Но еще заманчивее расселиться на поверхности Ядра. Все Ядро вращается, как твердое тело. Видимо, мы сумеем доказать, что оно окружено достаточно плотной оболочкой. Сила тяжести на ней примерно, как на звездах, излишек гравитации придется снимать искусственно. И нет своего освещения, понадобится искусственное. Но зато какие просторы! Мы получим как бы единую планету диаметром в четыре тысячи световых лет, сверхастрономических размеров строительную площадку. Там можно создать невиданных размеров общество единой культуры. И каких высот оно достигнет, мы, скромные жители одной звездной кучки, не можем даже и вообразить. Разве не стоит потрудиться ради этого?

— Вопрос второй, — вставил Дятел поспешно, словно опасаясь, что его перебьет кто-нибудь. — Сколько труда это все потребует?

— В проекте есть цифры, — сказал Физик неохотно. — Вы хотите, чтобы я зачитывал таблицы?

— Нет, зачитывать не стоит. Это утомительно и недостаточно ясно. Но уважаемому собранию

полезно знать порядок цифр. Сейчас у сапиенсов в среднем по Шару четыре часа обязательного труда. Сколько прибавится?

— Не больше, чем при освоении шара ОГ.

— Точнее? От и до?

— Очень большой разброс с цифрах в зависимости от вариантов. — Физик явно уклонялся от прямого ответа. — Осваивать поверхность труднее. Легче проникнуть к внутренним звездам. Десятки миллиардов светил. Для начала можно выбрать самые удобные для жизни.

— Но самые удобные для жизни, вероятно, заселены жизнью. Там могут быть свои сапиенсы.

— Суперсапиенсы — едва ли. Если бы были, давно бы объявились, сами связались бы с нами.

— А низшие расы вы предлагаете уничтожить? — это уже не Дятел спрашивает, другой голос. Я бы поручился, что это голос Лирика.

— Не передергивайте. Я имею в виду животных, досапиенсов.

— Кто определит перед вами уженеживотные или ещенесапиенсы?

— Специалисты определят, на основе науки.

— Ваша наука столько раз ошибалась (ну, конечно, Лирик).

— Это не моя наука, а ваша астропсихология,

астродипломатия.

Граве, Гилик, где вы? Что такое астродипломатия? Есть такая наука?

— Удивительные пробелы у тебя, Человек, — ворчит Граве. — Я же сам астродипломат. И практик и преподаватель. Веду курс. Кстати, и тебе полезно походить, послушать.

— А у меня как-то душа не лежит к этому делу. Наверное, это профессиональное, литературное. Мы заняты поиском точных слов, чтобы выразить нюансы мыслей. А у вас положено выражаться дипломатично, смягчать, церемонии соблюдать. И какого-нибудь коронованного недоноска именовать высочеством, рассыпаться бисером перед ним. Нет, это не по мне.

— У тебя, Человек, устаревшие понятия о дипломатии, примитивные. У нас иной принцип. Мы настолько могучи, что можем и уступить, обойтись без чужой помощи. Мы сами дарим. Девиз астродипломата: помоги, потом проси. Да ты позанимайся, разберешься сам.

— Позаниматься? А я справлюсь, Граве?

Глава V. Астродипломатия

Я — снег.

Пухлой шубой лежу я на пашне, очень белый, белей, чем белье, накрахмаленное и подсиненное, белый с искрой, как бы толченым стеклом присыпанный, незапятнанный, нетронутый, словно ватман, только что приколотый к чертежной доске. И лыжни исчертили меня, нанесли двойные линии, идеально параллельные, льдисто-голубые днем, сиреневые к вечеру, с розовыми бугорками от лыжных палок на закате.

— Достаточно. Верю. Вынужден. Мало смотрел на ваши снега. А теперь ты — огонь. Огонь одинаков везде.

— Я — огонь. Я пляшу на поленьях, извиваясь и изгибаясь, звонко оранжевый с синими лентами и желтыми колпачками на каждом языке. В черное небо бросаю охапки искр, светлых продолговатых иголок.

— Ну, для первого раза приемлемо. А теперь ты — я.

Бросаю вороватый взгляд на Граве, не очень

надеюсь на память. Впрочем, надо показать его в подлинном виде, без анапода.

Удлиненный череп обтянут землистой кожей, темнеют глубокие глазницы. Пятна, не забыть бы пятна! Характерная поза острые колени расставлены, на коленях узкие руки.

— Пальцев сколько?

Ах да, три пальца у него. А я свои руки вообразил, пятипалые.

— Придешь сдавать еще раз, — говорит он жестко.

Да, я учусь на астродипломата, занимаюсь в группе Граве, вместе с десятком звездных сапиенсов, почему-то земноводных по преимуществу. Занимаемся вместе, сидим порознь, каждый в своем баке они — в водных, я в кислородно-азотном, слушаем наушники с переводом, долбим «Наставление астродипломата» каждый на своем языке. А в «Наставлении» сказано: «Наблюдайте, не вмешиваясь в чужую жизнь, предпочтительно оставайтесь незамеченными, пользуйтесь гипномаской». Гипномаска это и есть: «Я снег, я снег, пухлой шубой лежу на пашне». С виду — повязка на лбу, как и анапод. В сущности, гипномаска и есть анапод обратного действия. Там чужие становятся похожими на людей, а тут ты внушаешь,

что ты снег, огонь, скелет с пятнистой кожей.

И вот на тебе пять пальцев вместо трех.

— Придешь пересдавать, — говорит Граве.

Маскировка не единственный предмет на подготовительном курсе. Я прохожу «Астрографию» — описание природы планет Шара. Прохожу «Наставления и Уставы». Прохожу «Оборудование» — набор сложнейшей аппаратуры косморазведчика. Еще «Астропсихологию» — индивидуальную и социальную. И, наконец, «Прецеденты и Казусы» — уроки истории Звездного Шара.

Казус 1. Планета А, почти целиком океаническая. Разумная жизнь народилась на островах. В дальнейшем местные сапиенсы, обладавшие развитой способностью к самометаморфозу, ушли а воду, довольно быстро превратились в дельфиноподобных. Море богато пищей, сытая жизнь располагала к ленивому безделью. Сохранив разум, дельфиноподобные забросили технику, забывают науку.

Прибывший из Звездного Шара астродипломат предлагает…

Казус 2. Планета Б — обширная, суховатая. Сапиенсы, похожие на саламандр…

Астродипломат предлагает…

Казус 3. Казус 4. Казус 44… Астродипломат предлагает…

Так три месяца по моему земному счету. Вплоть до того решающего казуса, который мне предложат после всей подготовки еще и на вступительном экзамене.

И вот этот страшный экзамен. Мы с земноводными толпимся у закрытой двери, на вселенско-студенческом жаргоне выведываем, как спрашивают, на чем сыплют, кто построже, кому как угодить?

— Следующий!

Входя докладываю: Человек с планеты Земля.

— А, приглашенный из спиральной ветви? Просим.

Если анапод не снимать, нормальная студенческая обстановка. Я — жалкий подсудимый, уличаемый в лени и невежестве. Слева сидит Граве, он строг, нахмурен, но я не боюсь его. Не будет же мой личный куратор тянуть меня на двойку. Справа — преподаватель по оборудованию, буду называть его. Техником для краткости. Этот опасен, потому что молод. Еще не научился быть снисходительным. Сам ничего не успел забыть и не прощает забывчивости. А председатель — Лирик. Их-Лирик, конечно. Анапод показывает

мне добродушного толстячка, холеную бородку, сивые кудри. Вот он-то опаснее всех, потому что, как все лирики, живет чувством. Лирики добросердечны, гуманны, но пристрастны. И горе тебе, если ты заденешь их взгляды на гуманность.

— Берите билет, пожалуйста.

Пачка карточек, в них моя судьба. Хоть бы вытянулось что-нибудь землеподобное. С разумными лягушками я запутаюсь обязательно.

«Билет №... Небесное тело 2249 в квадрате 272/АУХ. Показатель массы — 49. (Про себя соображаю: «Куда больше Земли, поменьше Юпитера»). **Расстояние до ближайшего солнца — 16 астроном, единиц** («светит, но не греет»). **Температура поверхности — минус 150 (переводя на земные градусы). Плотная атмосфера не позволяет рассмотреть детали с помощью телескопа** («не густо!»)**. Астродипломат ведет переговоры по использованию ресурсов планеты в интересах Звездного Шара».**

— Если жизни нет, — поясняет Техник, — вы все равно даете проект использования ресурсов...

«Едва ли посылают туда, где нет жизни», — думаю про себя.

— Жизни может и не быть, — говорит Граве, — но вы обязаны представить убедительные

доказательства.

— Вопросов нет? В зеленую кабину, пожалуйста.

Оглядываюсь. За спиной у меня ряд цветных дверей, словно будки телефонов-автоматов. Знакомые кабины для межзвездного перемещения за фоном. Вот это организация экзамена! Вытянул билет с планетой и лети туда, показывай, чему научился.

— 2249, куб АУХ, — напоминает Граве — Цифры набирайте точно.

Честно говоря, страшновато выглядел мой объект.

Повис передо мной, заслоняя целое созвездие, мрачный круг с тускло-багровым отливом и серо-красной бахромой по обводу.

Я только вздохнул: «И зачем посылали сюда?». Сразу понял, что означает этот багровый отсвет цвета запекшейся крови. Видимо, под густой толщей непрозрачной атмосферы планета моя была раскалена, возможно, расплавлена. И я еще должен привезти веские доказательства отсутствия жизни! Можно было спорить есть ли жизнь на Марсе. Никто не спрашивал, есть ли жизнь в вулкане.

По мере приближения моя планета стано-

вилась все беспокойнее. Зловещая чернота наливалась кровью, прорезались какие-то алые жилки, потоки лавы, вероятно. Багровая бахрома зашевелилась. Это характерно для космоса: дальнее неподвижно. Дальний протуберанец кажется застывшим, а на самом деле это огненный Ураган, туча ревущего пламени.

Сел. С трудом зацепился за грунт, перевел дух, увидел себя на сухой равнине цвета догорающих углей. Банная каменка на тысячи километров. Плесни водой, зашипит, даже мокро не будет, капли разбегутся ртутными шариками.

Эх, не тот билет потянул! Что бы взять соседний?

Ясно, что астродипломатией здесь и не пахнет. Никаких сапиенсов в пекле быть не может, кроме жареных. Нормальное техническое задание как распорядиться небесным телом, лишенным жизни? Нормальное техническое решение: громоздкую планету. Раскалывают на средние, примерно такого размера, как Земля. Я измерил толщину коры геосейсмографом: получилось 43 метра, 40, 47, в одном месте даже — 27. Тоненькая корочка, где хочешь, там и пробивай. Впрочем, есть еще огненные жилки, не естественные ли это разломы? До ближайшего надо дойти. Ки-

лометров сто пятьдесят. Хватит для четверки с минусом?

И я пошел. «Пошел» — это сказано хвастливо. Меня качало, подбрасывало, ворочало, швыряло с размаху о камни. Сто раз я решал отказаться от этого безумного маршрута, скорей вернуться на тихую культурную кафедру, сказать… Но что я скажу? «Извините, я вытянул слишком опасную планету, дайте билет полегче». И какими глазами они посмотрят на меня? Техник выразит кислое презрение, Лирик — снисходительное всепрощение, а Граве — дорогой мой куратор, начнет меня выгораживать, доказывая, что Человек — слабое существо, нельзя его перенапрягать. И во все их учебники войдет примечание, что жители Земли — слабодушные существа.

Нет уж, лучше я сгорю здесь заживо.

И вот, верьте или не верьте, но преодолел я полтораста километров, вышел к намеченной прожилке… к потоку, к широченной реке лавы, смородинного цвета. И текла она в черных берегах, как бы траурная лента. «А почему, кстати, берега темные? — спросил я себя. — Они же должны быть светлее пустыни, если лава их освещает». Приблизился. И увидел, представьте себе, что черное шевелится.

Берега огненного потока были усажены жесткими пластинками лаково-черного, вороного, черно-зеленого или шоколадного цвета. Все эти пластинки овальные, круглые, сердцевидные, угловатые, стояли торчком, повернувшись широкой стороной к свету. Видимо, они ловили лучи, ловили жадно, активно, наползая на соседей, отодвигая, протыкая их. Растительность? Можете вы вообразить себе кусты, которые дерутся за место под солнцем, разрывая друг друга в клочья?

Хорош был бы я, если бы заявился к моим профессорам с заявлением: «Планета огненная, жизни нет и быть не может».

Налюбовавшись вволю, я принялся за описание. Не без труда оторвал образец. Стебель был словно проволочный, а сок похож на ртуть. Но анализатор сказал, что это не ртуть, а расплавленный алюминий. Не удивительно при плюс восьмистах!

А нет ли и животных тут же?

Аппетит приходит во время еды. Всего несколько часов назад я брел подавленный по раскаленной пустыне, уверенный, что ничего живого тут не будет. Но если есть растительность, почему не быть растительноядным? Нормальный круговорот природы.

И присмотревшись, я увидел, что на противоположном берегу растительность как бы сгорает, свертывается рулонами, обнажая мясокрасный грунт. И кучами сползает к кромке лавы. И даже сваливается на лаву, но не тонет, а плывет по ней. Так у нас дерн плывет по реке после ливня. И еще заметил, что в этом районе мечутся какие-то светлые пятна. Мечутся! Но при такой температуре, если кусты приседают как на зарядке, кланяются и протыкают друг друга, фехтуя, звери должны носиться как мотоциклы. Я послал через поток кибера для киносъемки, рассмотрел кадры неторопливо и увидел…

Увидел жнецов и увидел гребцов. Разумных обитателей!

Разумные, но какие-то странные! Существа, в которых нормальная температура тела не 36 и 6 по Цельсию, а восемьсот с лишним. С кроваво-красными лицами, как бы озаренными огнем. С головой, глазами, ртом, с руками, но без ног. Вместо ног природа преподнесла им этакие мускулистые подушки, они катились словно гусеницы танка. Может быть, нормальные ноги перегорели бы здесь?

Но какие ни на есть, они хозяева этой планеты, и астродипломат должен понимать их, предла-

гать, помогать… а потом уже договариваться об использовании природных ресурсов — сорока девяти масс.

Прежде всего понимать, наблюдая скрытно. Нужна гипномаска. Простейшая: я камень, сухой, раскаленный, засыпанный жестким песком. Затем, включаю фоноуши, киберу надеваю лингвоанализатор. Остается ждать. Некоторое время пройдет, пока он начнет понимать язык.

И верно, только через несколько часов кибер начал выдавать отдельные слова, сначала с обобщенными пояснениями: «Глагол… местоимение… коррелят». Затем появились смысловые группы: «Ругательство… почтительное обращение… жалобное междометие…» И, наконец, осмысленное:

— Что он сказал тебе?

— Сказал: «Плохо работаешь. На прохожих заглядываешься? Жениха подбираешь, что ли?»

— Ну и что? Обычная шутка. Все парни так привязываются.

— Да, но как он посмотрел на меня.

Вот и вся первая запись. Но я был в восторге. Что-то умилительное и внушающее почтение было в этом вселенском всевластии любви. Подумайте: улетаешь за миллиарды миллиардов

километров, спускаешься в «пещь огненную» и слышишь девичьи пересуды о таинственных представителях иного пола, которые «привязываются» пустословя, но при этом глядят по-особенному.

Дня через три мой кибер набрал достаточный запас слов для житейских переговоров. Я начал разрабатывать сценарий контакта. В какой гипномаске являться? Притвориться таким же алюмиком? Но я двигаюсь раз в пятнадцать медленнее и говорю так же медлительно. Стоит ли торопиться? Лучше еще понаблюдаю.

Но решил за меня случай. Случай подстегнул.

Сидя в укрытии, с наушниками, подсоединенными к киберпереводчику, я услышал дикие вопли: «лфэ… лфэ!». Я уже знал, что так называются крылатые хищники, кошмар алюморгаников, буки огнеупорных детей. Выглянул из своей норы. Прямо на меня плыли по воздуху два черных ромба с алым колесом между ними. Потом я узнал, что лфэ всегда нападают парой, одному не под силу утащить крупную добычу. Но в тот момент я ничего не подумал, вообще не успевал подумать в этом суматошном мире. Вскинул лазер, полоснул лучом. Четыре половинки двух лфэ и потерявшая сознание жертва свалились возле

меня. Обретя смелость, воины бежали ко мне, потрясая копьями. Я едва успел включить гипномаску: «Я — алюмик, такой же как они, только на куртке узор другой не полосы, а клетки». Клетки нужны были, чтобы приняли за чужеземца.

Набежали. Несколько секунд я ничего не мог разобрать. Что-то сверкало, мелькало, кричало. Воины скакали вокруг поверженных хищников, и каждый старался воткнуть в них копье, воображал, что добивает. Кто-то меня обнимал, кто-то хлопал по плечу, кто-то целовал. Скафандр спасал меня от этих жгучих поцелуев.

— Пировать, пировать! — разобрал я наконец. — Пир горой!

Мы построились торжественной процессией и двинулись вдоль лавопотока. Впереди катились на своих подушках воины, надев на копья головы лфэ, за ними жнецы тащили на плащах куски разрубленных туш, истекающих лаковыми каплями алюминия.

Я мчался следом, изо всех сил внушая, что я чужеземец в клетчатой куртке. По опыту Граве помнил чужеземцем представляться спокойнее, так оправдываешь мелкие оплошности.

Путь был краток. Несколько минут, и мы влетели в их деревню. В лощине прятались от

ветра каплеобразные здания. Архитектура здесь требовала прежде всего обтекаемости, ветроустойчивости, безопасности от булыжной бомбардировки. Процессия наши завернула в самый большой бугор, похожий на кита, зарывшегося в песок. Нет, это был не храм, простая деревенская харчевня. Копьеносцы торжественно понесли лфэ на кухню, прочие влились в цилиндрические ступы, расставленные вокруг стола.

Заполняя паузу, слово взял самый толстый из огнеупорных (жрец, как выяснилось). Многословно, с бесконечными повторами, он начал благодарить бога Этре за то, что он (бог!) спас девушку от страшных лфэ, послав чужеземца (бог меня послал, оказывается), укрепив его руку и направив копье, за что надо богу молиться под руководством оратора.

Но не все верили болтуну. Сосед мой дернул меня за рукав:

— Слушай, чужак, покажи мне твое копье. Я сам кузнец из кузнецов, тысячи лезвий отковал, но такого, чтобы лфэ разрубало на лету, не видел никогда.

— Дай подумать, — ответил за меня кибер. Такую изобрел я уловку, чтобы замаскировать странную для них медлительность. И продикто-

вал гипномаске образ обычного копья.

— Обыкновенное! — сказал кузнец разочарованно. — И сам ты не великан с виду. Видно, слово знаешь заговорное.

Как объяснить ему принцип лазера? И надо ли объяснять?

Но тут пир был прерван. Замелькали какие-то фигуры, и стол вдруг опустел, какие-то огрызки на нем остались. Только задним числом, по репликам, я понял, что Господин прислал слуг за своей долей добычи. Львиной оказалась доля.

— И в вашей стороне, чужак, господа такие же ненасытные?

— Его бог сильнее наших богов, — важно сказал Жрец. — Наши боги — рабы у его бога.

И тут я не выдержал, презрев все наставления астродипломатии. Впервые в жизни столкнулся с тем, что никак не мог уразуметь на уроках истории с удивительным, инертным и возмутительным долготерпением рабов.

— Так что вы терпите? — крикнул я. — Сколько вас и сколько господ? А боитесь господ, убежали бы. Простор вокруг, свободной земли столько.

Отец спасенной, самый робкий, ответил мне:

— Удрать хорошо бы. А куда? В пустыне-то лавы нет…

Ах да! Про то, что алюмики без лавы не проживут и дня, я, представитель мира всесильной науки и могущественной техники, забыл. Но ведь лава есть в пустыне! И неглубоко. Уж сообразить, как до нее добраться, могли бы… Например, навалить груду камней и продавить корку…

И час спустя (по моему счету), я уже шагал по пустыне во главе каравана рабов, их жен, детей, повозок со скарбом, скотины ревущей, воющей, скачущей, катящейся…

Друг мой, терпеливый читатель, горячо желаю тебе никогда не оказаться в незавидной роли пророка. Верующие — тяжкий народ они послушны, лестно-восторженны, но слабодушны, беспомощны и требовательны необыкновенно.

«Мы твои, пророк, — говорят обращенные… — Веди нас на край света». Но подразумевают: «Перенеси нас в свои райские кущи, пои молоком и медом, мы согласны пировать в твою славу». Почему нести, почему угощать? «Но мы же в тебя поверили». Не желаешь ублажать? «Тогда будем роптать, объявим лжепророком, побьем камнями».

Все это я испытал веру, ропот и камни.

Да, рабы пошли за мной в пустыню. Пошли. Но устали через полчаса (по моим часам) и начали

роптать. Проголодались. Роптали. Лфэ напали на отставших. Роптали на меня: «Почему не убил всех лфэ пустыни?». Старики болели и роптали на меня. Детишки плакали, и матери роптали на меня: «Почему завел так далеко? Почему дома не обеспечил?».

А я нарочно хотел отвести их подальше от господ.

Конечно, господа немедленно организовали погоню, чтобы силой вернуть бежавших рабов. Как я оградил свою паству? Все той же гипномаской: «Я лава, я светлая лава, соломенно-желтая, ослепительно сверкающая, я плыву, ворочая камни, я грохочу, я жгу». Забавно было смотреть, как свирепые воины стояли посреди пустыни у невидимого рубежа, проклинали меня, потрясая копьями. В суете некоторых столкнули в мнимую лаву. И они дико вопили от воображаемых ожогов. Ожоги от внушения. Еще один грех на моей совести.

От погони гипномаска избавила нас. Увы, не могла накормить. Пробовал я расставить воображаемые столы в пустыне. Жевали мои подопечные воздух, смаковали, благодарили, вставали сытые, хлопали себя по раздутому животу, а потом падали от истощения. Пришлось

позаботиться о еде всерьез. Еще одна обязанность у пророка он и интендант и фуражир.

Углубившись в пустыню подальше, я выбрал котловинку, где кора была потоньше. Распорядился складывать каменную гору. Таскали все. Но роптали. Уставали и роптали, голодали и роптали, болели и роптали. Напрасно я объяснял, что холм еще не дошел до проектной отметки. Алюмики рассуждали по-своему: «Если ты пророк и чародей, к чему тебе проектные отметки?» Я не пророк, я астродипломат, уверял я. Но они предпочитали пророка и требовали, чтобы я был пророком.

А Жрец (и почему он увязался с нами?) нашептывал упавшим духом:

— Астралат — лжепророк. Он против бога Этрэ. Бог сделал пустыню пустыней. Побьем камнями лжепророка.

Они взялись-таки за камни. Катастрофа была причиной (или поводом?). Ведь складывали мы камни вручную, без цемента, без всякой техники безопасности. Однажды холм вздрогнул, камни посыпались. Кто пострадал? Старики и женщины, слабые и неповоротливые. А что смотрел пророк? Камни полетели в меня.

«Гипномаска! Срочно! Я груда спекшихся кус-

ков туфа. Я туф, туф, никакого Астралата тут нет».

Тут бы я мог спокойно удалиться, но совесть не позволила. Несмышлеными эти огнеупорные, что с них спрашивать? Если ребенок выплюнул на тебя горькое лекарство, не прекратишь же лечение. Ну покинул бы я эту толпу, что дальше? Побредут назад через пустыню, половина погибнет дорогой, половину уцелевших господа казнят для острастки. Тысячи мертвецов за несостоявшееся избиение одного пророка! Великовато наказание за обиду.

Я подождал, пока алюмики одумаются, явился к ним в привычном для них образе и потребовал три дня. Три дня, как Колумб. Нет, я не был уверен, что трех дней хватит, но надеялся. Расчетную высоту мы набрали. Из-под земли слышался треск, вероятно, кора уже лопалась. Возможно, и обвал был вызван проседанием.

И древний бог Этрэ, сделавший пустыню пустыней, не сумел совладать с сопротивлением материалов. Кора лопнула к концу третьего дня. В надлежащий момент напряжения сдвига превзошли предел прочности, основание холма отслоилось, холм начал погружаться, словно пароход с пробитым днищем. А по обводу его

брызнула лава, светоносная, животворная. По понятиям огнеупорных, родилась жизнь в пустыне.

— Это ты создал лаву, Неторопливо Думающий? — спросил Кузнец.

Попытался я объяснить ему, как подземное давление в центре достаточно крупных небесных тел рождает ядерную энергию, а энергия плавит давящие сверху слои.

— Ядрэ-Нэрэ — это твой бог?

И это был еще самый толковый!

Но в мою задачу не входило читать курс естествознания. Я сам сдавал экзамен, и так задержался на столько дней. И фильтры пора было менять и накипь счищать. Так что, улучив минуту, когда алюмики устали ликовать, я собрал их и произнес прощальную речь.

— Главное я показал, — говорил им я. — Теперь вы и сами сумеете, складывая каменные холмы, добывать лаву в пустыне. Кругом просторно. Живите дружно, места всем хватит.

Некоторые плакали, убеждали меня остаться.

— Не могу, долг призывает.

— Долг это твой бог? Кто важнее, Долг или Ядрэ-Нэрэ?

Но некогда было разъяснять, проводить анти-

религиозные беседы. Дышал я уже с трудом. Даже не стал придумывать гипно-маску поубедительнее. Крикнул «прощайте!» и включил стартовые двигатели. Мелькнули удивленные лица, руки, воздетые к небу, сверкающее кольцо нового озера, холм, погружающийся в лаву. Вверх, вверх! Набежали тучи, все затянуло багровым туманом. А там и черное небо, узоры звездной пыли. Среди пылинок одна ползучая станция зафоновой связи. На ней будка, вошел, набрал номер…

Как будто и пяти минут не прошло. Сидят мои профессора за той же кафедрой. Лирик пьет чай, позванивая ложечкой, Техник морщится, давя сигарету в пепельнице. На лице у него написано: «Страдалец я. Знаю, что студент будет нести ахинею, но обязан слушать».

— Докладывайте коротко, — говорит Граве. — Мы следили за вашими действиями (как это? Две недели следили?).

— Девиз астродипломата пойми, предложи, помоги… — выпаливаю я. — Что я понял? Планету 2249 населяют сапиенсы с достаточно развитым мозгом. Труд у них ручной, малопроизводительный, подневольный. Все свои силы они тратят на добывание хлеба насущного. Как я помог? Научил их легче добывать хлеб, освободил умственные

силы. Теперь у них есть время и возможности для саморазвития. Думаю, что через несколько поколений ваши космонавты найдут в мире 2249 зрелую цивилизацию, с которой можно будет вести переговоры.

— Ну что ж, — говорит Техник. — Возможно, вы правы, а может, и нет. Наука ничего не принимает на веру. Отправляйтесь еще раз к вашим алюмикам и, если ваш вывод правилен, вступайте в переговоры. Пожалуйста, в ту же зеленую кабину.

— Сейчас отправляться? — Я недоумеваю.

— У нас не принято прерывать экзамен, — вступает и Граве. — Вы же сами не хотели поблажек.

— Я сказал, что надо пропустить несколько поколений.

— Мы поняли. Идите.

Они поняли, но я не понимаю чего-то. Впрочем, на экзаменах не спорят. Лучше промолчать, чем выдать невежество.

К удивлению чувствую, что я не так уж устал. Вхожу в свою зеленую кабину, набираю цифры на диске…

Да, планета изменилась, это заметно с первого взгляда. Раньше она была однотонно шоколадной с прожилками, теперь вся усеяна светлыми

крапинками. Видно, моя наука не прошла даром Алюмики продавили кору в тысячах мест, создали тысячи оазисов.

Когда они успели? Непонятно. Мой рейд на кафедру и обратно занял часа четыре. Судя же по количеству пятен, в огненной пустыне поработало несколько поколений. Очевидно, я основательно ошибся в темпе их жизни.

Спускаюсь к одному из озер, минуя черную каемку — посевы на берегу, освещенном лавой. За ними в тылу бугорки, каплеобразные, обтекаемые, все выстроены острыми хвостами к господствующему ветру. Держу на самый крупный бугор рассчитываю войти в харчевню, сесть в ступу, послушать, о чем ведутся хмельные беседы. Дорогой присматриваюсь к одежде покрой тот же, но в моде клетчатое. Заказываю гипномаске клетчатый кафтан. Потертый, запыленный. Включаю киберперевод. Надеюсь, язык не изменился за это время. Вхожу.

Но это был не Дом хмельной лавы. Никаких столов, никакого угощения. Ступы стояли полукруглыми рядами, а заполнявшие их огнеупорные внимали оратору, стоявшему на помосте. И был оратор тот как две капли воды похож на Жреца, того, что называл меня лжепророком, камнями

хотел побить. Конечно, это был не тот Жрец, а потомок его в пятом колене.

Стоя на кафедре, он водил длинным стеблем по картинам, грубо намалеванным на стенах, и вычитывал заунывным голосом:

«…И во гневе сказал Великий Ядрэ: «Если нет мне почета от моих созданий, уничтожу их корень, стебли и побеги. И светлая лава станет черным камнем, и кровь станет камнем в их жилах…»

«…И услышал те слова Милосердный и пал перед Вседержителем ниц, молвив: «Велика вина сих, впавших в ничтожество, но не спеши, отец мой, во гневе содеешь непоправимое. Разреши мне сойти в их страну, чтобы мог я поведать забывчивым истинную истину…»

«…И был он для смертных невидим, но демоны ощутили, как вздрогнули их подземелья под стопами Божественного. И демон Демонов, чье имя произносить греховно, послал двух слуг, приказав им принять облик хищных лфэ. И напали хищные на жницу из жниц, возвращавшихся с песней, и понесли ее, терзая когтями и клювами…»

«…Но Неторопливый в словах и думах был скор на доброе Дело. Он кинул молнию и рассек тех демонов, отрубив им крылья и головы…»

Все это и многое другое в том же духе Жрец вы-

читывал нараспев, а слушатели в тумбах гудели нестройным хором.

— Алат, Великое Сердце, перед лицом грозного Ядрэ не оставь нас в смертный час, милосердное слово молви…

Дошло до вас, догадливые читатели? Сразу дошло? А до меня, Неторопливого, представьте себе, дошло не сразу. Слишком нелепо было думать, что это моя история намалевана на стенах, что это я — Алат Божественный, сын великого бога Ядрэ. Ядерной энергии!

Я вышел из храма потрясенный, лелея слабую надежду, что только в этом поселке сложилась ритуальная сказка обо мне. Увы, и в другом селении, и в третьем, и за сто и за пятьсот километров, всюду находил я каплеобразные храмы, всюду жрецы пятого поколения гудели про мои подвиги и страсти!

— Ну допустим, — сказал я себе, — меня с каким-то основанием чтят в пустыне, где лава добывается по моему способу, каменными холмами. Но были же древние земледельческие районы по берегам естественных каналов. Там жатву возили по лаве на плотах и лодках. И лаву поднимали на плато колесами. Все это было до меня, без меня.

Три сотни километров не преграда для того, у кого за плечами реактивный мотор Я пересек пятнистую равнину, разыскал знакомый поток лавы, возле которого убил пару лфэ. Ни единой лодочки не было на поверхности лавы. Я нашел каскад искусственного орошения, даже лавоподъемные колеса сохранились, но проржавевшие, заброшенные. И несколько десятков алюмиков, обливаясь кроваво-серебристым потом, пыхтя, катили в гору камни — складывали очередной холм.

— Почему вы не используете каскад и колеса? — спросил я. И услышал в ответ:

— Алат рек: «Все необходимое я вам поведал. Большего не скажу, чтобы разум ваш не привести в смятение». В песнях не сказано о колесах, стало быть, колеса — смятение и суемудрие.

Действительно, не говорил я о колесах. Но ведь они и до меня были известны.

И вот, втиснувшись меж двух губчато-ноздреватых камней, сам притворившись губчато-ноздреватым камнем, я горестно спрашивал себя: «Почему?». Почему мои добрые намерения дали такие пустые плоды, почему из дельного технического совета выросло тупоумие? Что я доложу экзаменаторам — Лирику, Технику и дорогому

моему Граве? Видимо, приплетусь с повинной головой. Скажу: «Извините, ошибся, попал в мир ленивого разума. Эти огнеупорные дураки еще не доросли до мышления».

Но поостыв, я сам себя поправил. Разум огнеупорных не ленивый, скорее он экономный. Они сообразительны и даже изобретательны, когда это им полезно. Когда надо было везти пищу по лаве, изобрели лавоплавание, нашли тугоплавкие металлы, добывали руду, обрабатывали, выменивали на изделия рук своих. Мои каменные холмы все это упростили. Лава отныне находилась везде, и земледелие было возможно везде. Мои советы насчет холмов стали единственно нужными; вот их и твердят наизусть, долбят как таблицу умножения, долбят не вдумываясь, не проверяя, превратили в молитву и будут долбить до скончания веков…

Нет, не до скончания. Кормиться холмами можно до той поры, пока есть свободное место в пустыне, пока оазисы не сойдутся вплотную, не займут всю площадь. Сколько используется сейчас? Пожалуй, процентов шесть. Но население растет, дважды шесть — двенадцать, дважды двенадцать — двадцать четыре… Поколений через десять негде будет ставить новые холмы.

Они перестанут кормить и перестанут вызывать уважение. Придется искать новый способ пропитания. И тогда полетят к чертям славословия Алату (мне). Придется думать своей головой, появятся ремесла, промышленность, наука, философия. Мысль потребуется и мысль будет в почете. Тогда и можно будет вести переговоры о будущем их планеты на равных.

— Значит, предыдущий ваш прогноз был ошибочным? — переспрашивает Техник.

— Да, к сожалению. Переоценил я алюмиков. Судил о них, как о своих земляках. Для нас — органических — органично искать знание. Для нас нет довольства без культуры. А там в огнеупорной Алюмии — темные существа с рабскими запросами: сыты, и больше ничего не нужно. Ошибся, признаю.

— Признание ошибок делает вам честь, — говорит Техник. — Молодому ученому упрямство противопоказано. Но что вы предлагаете? Хотите отказаться от этой планеты?

— Отказаться? Жалко все-таки — сорок девять масс пропадает зря. Разве можно сказать, что алюмики используют свою планету? Царапают чуть-чуть на поверхности. Недра им не нужны. Сорок восемь масс можно откачать у них безбо-

лезненно, оставить только оболочку. Конечно, потребуется искусственное отопление и искусственная гравитация, все это надо согласовать. Но пока согласовывать не с кем. Вас не поймут. В лучшем случае уверуют, а потом, разочаровавшись, будут клясть. Веруют, не мыслят.

— Может быть, природа этих существ такова, против природы не поспоришь? — это вопрос Лирика.

— Природа? Нет, я сказал бы — экономия мышления. Алюмики не рассуждают о ненужном, непрактичном. Думают о том, что могут сделать в жизни: как выбрать жену, построить дом, детей воспитать. Изменить производство не в силах одной семьи, даже — одного поколения. Деды, прадеды и прапрадеды добывали хлеб каменными холмами. Представляется так было, так будет.

— Но так и будет. Срок жизни-то не меняется, — говорит Лирик.

— Да, срок не меняется… Впрочем, кое-что меняется. Растет темп перемен. Пять или шесть процентов пустыни — разница не велика, все равно впереди простор. Половина или три четверти — это уже существенно, тут скачок от простора к тесноте. Придет поколение, которое увидит тупик: отцы были сыты, нам тесно, детям

есть нечего. Вот эти задумаются. Сменят истину «так было, так будет» на противоположную: «все течет, все меняется». Планетарные перемены станут насущной необходимостью. Тогда придет и время для космических переговоров.

— Не очень скоро? (опять Лирик).

— Примерно через пятнадцать поколений.

— А нельзя ли приблизить это время?

— Вот пробовал я, предложил им новую идею, все равно получился застой: двадцать поколений жующих и молящихся. И если бы они сами изобрели каменные холмы, все равно двадцать поколений молились бы на эти холмы. Сколько ни дергай за волосы, они не растут быстрее. Как ускорить развитие? Не знаю. Может, пригласить их в ваш мир, показать будущее со всей его заманчивостью?

— У кого еще есть вопросы?

Лирик смотрит на Техника, на Граве… И вдруг, вытянувшись во весь рост, говорит неожиданно:

— Человек с планеты Земля из второй спиральной ветви, приемная комиссия, после проведения предварительных испытаний, считает, что ты сдал на «хорошо», можешь быть зачислен в Институт Астродипломатии на первый курс. Поздравляем.

Поздравляют?!?!

«Хорошо» за испытание. Сдал! Принят! Ура! Гожусь в астродипломаты! Сдал наравне с земноводными. Земли не посрамил!

Благодарю в суетливо радостном оживлении, порываюсь руки пожать, преисполнен симпатии к Лирику, Технику, милому скелетообразному Граве, ко всему миру, к огнеупорным алюмикам…

— Но вы не оставляйте без внимания мою Огнеупорию, — и о подопечных хочу позаботиться. — У них темп жизни стремительный. Пятнадцать поколений как одно наше. Вы пошлите туда бывалого астродипломата своевременно.

Недоуменная пауза. Потом Граве говорит раздельно:

— Планета 2249 — давным давно полноправный член Звездной федерации.

— ??

Но тут же все объясняется. И объясняется наглядно.

За моей спиной раздаются сдавленные крики, частый стук, трещат электрические разряды. Бордовая кабина, что стояла рядом с моей — зеленой, содрогается, из-под двери течет вода Техник, обругав эту «треклятую дряхлую аппаратуру», рывком

вырубает ток. Двери кабины распахиваются, вываливается разбитый бак, в нем задыхаясь бьется земноводное. И выпученными глазами смотрит на заднюю стенку на ней экран, и на экране раскаленные камни бомбардируют каплеобразные здания и носятся туда-сюда пышащие жаром существа на мускулистых подушках вместо ног.

И в бордовой кабине! На экране! А я — то воображал… Стало быть, это только казус — учебный гипнофильм.

Испарилась вся моя радость.

— А как ты хотел? — спрашивает Граве. — Хотел, чтобы тебя с подготовительных курсов послали на чужую планету? Разве у вас принято студенту-первокурснику поручать операцию на сердце? Огнеупорные существуют… Тебя не было там.

И еще один вопрос волнует меня Но только через два дня я решаюсь спросить Граве:

— А почему мне поставили хорошую оценку? Ведь я же так и не нашел решения. Сделал вывод, отказался от вывода, переговоры не начал. Так и не знаю, как нужно было действовать.

— Как ни странно, ты всем угодил своей неудачей. Технику понравилось, что ты не забывал о сорока восьми лишних массах. Не отказал-

ся от их использования. А Лирик оценил твою непредвзятость, искреннее желание разобраться, понимание всей сложности дела. И даже понравилось, что ты зашел в тупик. Он же доказывает, что чужих планет не надо трогать. И с удовольствием говорил о тебе на Диспуте.

— Ах, диспут продолжается? И обо мне говорят там? Скорее, Гилик, закажи информацию!

Глава VI. Диспут продолжается

Опять на экране знакомый зал с баками, газовыми и жидкостными. Знакомое лицо на трибуне пухлое, румяное, с седыми кудрями и холеной бородкой. Таким я запомнил земного Лирика, таким показывает мне анапод их звездного Лирика.

— Признаюсь, без вдохновения я слушал темпераментные призывы нашего многоученого докладчика, — так начал Их-Лирик. — Десять миллиардов светил, всегалактический материк, сверхрасстояния, сверхдавления, сверхтяготение И ради этого меня заставляют покинуть милые сердцу родные болота (Их-Лирик так и сказал

«болота», он был из болотных существ). А мне, извините, не хочется. И я первым долгом думаю: «Нельзя ли обойтись?»

Как метко сказал докладчик бывает развитие плоское, количественное — вширь и бывает качественное ввысь и вглубь. Мне представляется, что наше прошлое и было количественным. Недаром в докладе бренчало столько металлических цифр миллион звезд, 79 ступеней материи, 144 слоя сверхпространства. Все числа, все количества. А о качестве ни полслова.

И это не случайность. Это показатель того, что наша техницизированная культура, растекаясь и растекаясь по космосу, очень мало продвинулась качественно. Вот наглядный пример. Недавно к нам доставили экземпляр из числа аборигенов весьма отдаленной планеты. (Это я экземпляр? Спасибо!) Судя по техническому уровню, культура той отдаленной планеты — почти первобытная (я поежился). О суперсвете там не ведают, летают на четыре порядка медлительнее света, не проникли даже в первый, смежный слой подпространства. Но мы знакомились с этим экземпляром (опять!) и не ощутили большого разрыва. У него есть понятие о добре, о совести, нравственности и о долге. Правда, он не всегда

умеет подавлять свои прихоти ради долга. Но разве мы сами безукоризненны? Разве нет у нас, у докладчика, да и у меня, самолюбия, самомнения, пристрастия, однобокости? Да, мы не корыстолюбивы. Но вещи у нас доступны как воздух, нет корысти в вещах. Да, мы вежливы и уступчивы. Но ведь у нас нет повода для столкновений, мы давно забыли о войнах и насилии. Так в чем же мы превосходим ту отсталую планету?

Нас тут пытаются оглушить одними цифрами.

Так было, так предлагается на будущее. Не миллион светил, а десятки миллиардов, не квадратные километры, а квадратные светогоды. Миллиарды, биллионы, триллионы, квадриллионы…

А не привлекательнее ли иное поменьше да получше!

Пусть будет столько же планет и столько же сапиенсов, но давайте подумаем о качестве. Я хочу услышать на следующем совещании доклад о росте благородства, о том, что любовь становится крепче на 0,7 % ежегодно и на 1,5 % красивее. О том, что сапиенсы стали счастливее на пять порядков. Стали счастливее у тебя дома, не на сомнительной тверди чужеродного вакуума.

Я бы предложил обойтись без Галактического

ядра.

Сразу послышался говорок Дятла. Экран скользнул на него. Знакомая поза голова набок, ухо на плече. Прищурил левый глаз, потом правый. Чувствую сейчас начнет расковыривать Лирика.

— У меня частный вопрос, — начал Дятел. Ехидство слышалось в каждой нотке. — Есть у вас семья?

Лирик пожал плечами.

— Какое это имеет отношение к делу? Даже странно. Ну, есть. Жена и четыре дочери. Хорошие дочери, любящие.

— Еще вопрос: кто у вас в семье любит сильнее: дети родителей или родители детей?

— Час от часу не легче. Кто может измерить теплоту чувств? Спросите моего коллегу Физика. Есть у него такой термометр?

— Поставим вопрос иначе: кто скучает, кто горюет больше: дети без родителей или родители без детей? Кто кому нужнее?

— Я вас понял, — сказал Лирик. — Вы полагаете, что забота о кровожадных и грязных дикарях подобна родительской. Нет, не подобна. Возясь с безнравственными субсапиенсами, мы сами теряем нравственный уровень.

— Нельзя ли наоборот: поднять их уровень?

Приблизить к нашему?

— Но дело тут не в линейных измерениях выше, ниже. Приблизить к нашему означает унифицировать. Каждая культура оригинальна. Мы не имеем права выпалывать ростки своеобразия. Нам надо отказаться от менторства и заняться самовоспитанием.

— У меня еще один вопрос тогда, — настаивал Дятел. — Вы помните историю Яхты Здарга. Учитывали этот опыт?

???

Гилик, что это за яхта? Почему все смеются, переглядываются. Видимо, общеизвестный исторический пример. Достань мне материалы о яхте и о Здарге.

И вот на столе у меня гора карточек, ленточек, снимков, вырезки, выписки, статьи, очерки, хроники, таблицы, диаграммы, интервью, романы, стихи, мотки видеозаписи, звукозаписи, теплозаписи, электрозаписи, аромазаписи, портреты, кадры, целые фильмы. Это история трех веков, доброго десятка поколений, полная история небесного тела в сущности. О нем бы надо написать многоплановый роман, хватает драма-

тических коллизий.

Но, сами понимаете, многоплановый роман пишется года четыре, потом издается года четыре. Стоит ли на восемь лет задерживать информацию? Возможно, роман я напишу впоследствии.

Глава VII. Яхта Здарга

Для начала сухая справка.

*«**ЗДАРГ**: (IV век шар. летоисч.) — крупнейший ученый энциклопедист, уроженец планеты Вдаг, III спутника звезды 14214, квадрат ХН. Составил общую схему материи и сил, в частности сил тяготения, разгадал механизм гравитации, нашел пути управления этим механизмом. Создал гравитационные насосы, гравитационное управление погодой, искусственное тяготение в космическом корабле и на астероидах. Организовал искусственные приливы на планете Вдаг, оросив большие площади. Планета жила водоросследелием на мелководье, орошение имело важнейшее значение в ту эпоху технической скудости, соответствующей социально разроз-*

ненному классовому обществу Здарг был признан первым ученым Вдага.»

Тут же портрет…

Ох уж, эти мне портреты звездных сапиенсов!

Дело в том, что планета Вдаг несколько больше Земли, а крупные планеты (ученые Шара считают это законом природы) покрыты океаном полностью или почти полностью. Жизнь на Вдаге активнее всего развивалась в пограничной прибрежной полосе, в зарослях, вроде наших мангровых. Там, среди хаоса стеблей и лиан, появились и местные сапиенсы, плоские, скользкие, глянцевито-черные существа, с обилием ножек и глазок по всему телу, глазок воздушных и глазок подводных. Можете вы, земные читатели, с сочувствием следить за переживаниями такого существа?

— Ничего не получится, — заметил и Гилик.

— Ну так пристегни мне анапод.

Анапод преобразует не только собеседников, но и портреты, однако тут срабатывает медлительно. Нужно еще долго вчитываться, наполнять фактами образ. Не сразу вырисовалось у меня что-то своеобразное: широкогрудый мужчина с курчавой бородой на шее, лобастый, губастый, этакий богатырь с волосатыми кулаками, на го-

лову выше всех окружающих, с ботинками 47-го размера, наверное, вспыльчивый, несдержанный, с зычным голосом, гроза лаборантов, кумир лаборанток. Здаргу всего было много дано от природы много плоти, много силы, ума, таланта, работоспособности, сообразительности, научной смелости, красноречия, мужской красоты. Так что я прошу художников не изобретать что-то лентовидное с глазками на носу и хвосте, а рисовать былинного богатыря-красавца.

Читаем дальше.

«За особые заслуги Здарг получил в качестве награды довольно крупный астероид в свое распоряжение, первый астероид с искусственной атмосферой и гравитацией — Астреллу. Здарг решил устроить там уединенный остров творчества. Он пригласил несколько тысяч талантливых ученых и художников и вместе с ними отправился в космическое путешествие…»

Так вот она какая яхта была у Здарга! Целое небесное тело, самоуправляющийся астероид! Скалистый массив, километров семьдесят в диаметре. Целый мир живописных утесов и уютных долинок с садиками, прудиками, водопадиками, тысячи укромных местечек для свиданий с музами. У Астреллы было и свое солнце — искусствен-

ное, на другом маленьком астероиде-спутнике. И тот спутник служил заодно буксиром. Увеличивая и уменьшая его притяжение, можно было видоизменять орбиту Астреллы, направлять ее ближе к большому солнцу, или же к холодным дальним планетам. И греясь под ласковыми лучами собственного солнышка, любуясь звездами и чужими мирами, таланты могли беспрепятственно вдохновляться, чтобы создавать поэмы, симфонии, полотна, конструкции, модели, матрицы, формулы, графики, атласы, альбомы, каталоги и обобщающие теории.

Без забот, без помех. Твори, выдумывай, пробуй. Выпало же счастье этим нелюдям. Досталась им Телемская обитель в космосе, мечта Франсуа Рабле. Но, представьте себе, трех лет не прошло, начались среди них раздоры, странный спор о том, чья работа важнее.

В споре этом приняли участие почти все пассажиры «яхты». Но история связала его с двумя именами — химика Гвинга и математика Ридды. (Художников прошу изображать их только анаподированно).

Ридда была учительницей Здарга, первой наставницей в студенческие годы, в дальнейшем — другом, защитницей, соратницей, адвокатом,

поклонницей, последовательницей, обожательницей и биографом. Анапод нарисовал мне бескровное лицо, прищуренные глаза, брезгливо поджатые губы. Видимо, Ридда была не очень привлекательна на вкус уроженцев Вдага. В жизни ее не было большой любви, детей не было и весь нерастраченный жар сердца она отдала ученикам, сначала многим, а потом единственному, лучшему из всех — Здаргу. Мир понимала она предельно просто: есть гений и есть остальные. Гений несет миру счастье, остальные принимают его недоверчиво, нерешительно, нехотя. Гением был Здарг, конечно, остальными — его помощники, рядовые жители Вдага и даже таланты Астреллы. Высшим достижением своей жизни, самой большой удачей Ридда считала открытие Здарга, целью и смыслом жизни — служение Здаргу. Она служила энергично, ревностно, ревниво и властно, полагая, что Здаргу некогда думать о своих интересах, она понимает их лучше и лучше защитит.

У Гвинга тоже был свой кумир, но не личность, а принцип. Гвинг служил Справедливости и не задумываясь приносил этому кумиру в жертву свои личные интересы. Анапод показал мне его беззубым и одноглазым, с изрытым в синих то-

чечках лицом. Но от рождения Гвинг был здоров и даже благообразен. Его изуродовал взрыв в химической лаборатории. Неловкая и бестолковая уборщица уронила бутыль с нитровзрывчаткой. Гвинг кинулся и заслонил уборщицу.

В дальнейшем он работал фармацевтом. На Вдаге, нищем, перенаселенном, малограмотном, эта работа давала некоторый достаток и покой. Семья Гвинга была сыта и одета. Но когда голодающие штурмовали хлебные склады спекулянтов, Гвинг принял участие в штурме, был схвачен и заключен в тюрьму на долгий срок. Испуганные власти пошли на уступки, жадность спекулянтов несколько ограничили, миллионы голодающих получили хлеб. Но семья Гвинга пошла по миру, его собственные дочери умерли от голода.

В тюрьме было достаточно времени для размышлений. Сидя в камере, Гвинг написал трактат о синтетической пище. Синтез мог бы решить проблему прокормления Вдага. Позже, узнав о летающей космической академии Здарга, Гвинг переслал ему свой трактат, настаивая на том, чтобы ученые астероида энергично продолжали работы по синтезу. Но Здарг верил в головы, а не в формулы. Он сумел вызволить Гвинга из тюрьмы и взял его с собой в космос.

И вот теперь этот Гвинг выступил с декларацией:

«Целью истинных талантов, — заявил он, — *является развитие науки, искусства и культуры для благоденствия жителей Вдага.*

Для процветания живым существам необходимы в изобилии: а) еда, б) одежда, в) жилье, г) авто, мото, д) телевизор, е) здоровье и долголетие, ж) личное спокойствие, з) приятные развлечения, и) не слишком обременительная работа и к) продолжительное свободное время.

а) Для изобилия еды таланты Астреллы разрабатывают…

б) Для изобилия одежды таланты Астреллы разрабатывают и т. д. вплоть до раздела десятого…

к) Для изобилия свободного времени таланты Астреллы разрабатывают автоматы, избавляющие от отупляющего нетворческого труда. Главный вклад в настоящее время — комнатно-кухонный автомат «киберприслуга», освобождающий женщину от одуряющего труде у плиты и с метлой».

Так по всем десяти разделам перечень тем, указание «главного вклада». Гвинг даже предложил составить списки ответственных за темы и

определить сроки исполнения.

Ридда возражала с негодованием и иронией. Она сказала, что, видимо, автор этого списка не очень четко понимает разницу между интуицией и инструкцией, советовала заглянуть в толковый словарь. Назвала декларацию Гвинга инвентарной книгой. Сказала, что подлинному таланту не нужна подсказка, у него есть врожденная потребность творчества, огонь и компас внутри. Впоследствии сторонников Гвинга именовали «инвентарщиками», а приверженцев Ридды — «нутристами».

Полемика продолжалась устно и в печати. Сохранились многочисленные статьи.

Перебирая эти статьи, вслушиваясь в раскаты давно отгремевших споров, невольно пожимаешь плечами: «К чему столько страсти? Астрелла — питомник свободного творчества, время есть, место есть. Вот и твори, каждый в своем закутке…

Но в том-то и дело, что отвлеченные, казалось бы, споры были связаны с насущными вопросами. Прежде всего, с проблемой помощников. На астероиде было много светлых умов, но мало золотых рук, не более двух-трех подсобников на одного таланта. Вот каждый и доказывал, что его

дело важнее, ему нужен наряд на руки. Кроме того, шел спор и о выборе орбиты. Практичные инвентарщики хотели держаться ближе к Вдагу, чтобы как можно быстрее перенести свои опыты в массовое производство. Нутристы предпочитали дальние просторы, поговаривали даже о тысячелетнем путешествии к соседней звезде. Почему дали казались предпочтительнее? Об этом не говорилось прямо. Возможно, нутристы побаивались, что большой Вдаг вмешается в их дела, начнет пересортировку, кого-то отзовет. Инвентарщики были явно полезны Вдагу, нутристы же со своими отвлеченными идеями могли показаться и необязательными. А из младших научных сотрудников явно было возможно заменить любого. Возвращаться на голодающий, объятый войнами Вдаг мало кому хотелось. Но соплеменники Здарга стеснялись говорить «хочется — не хочется». У них полагалось ссылаться на высокие мотивы на свободу духа, прогресс, интересы будущего на внутреннее горение хотя бы.

При голосовании нутристы оказались в большинстве. Астрелла взяла курс на дальние просторы.

Гвинг не успокоился. Он заявил, что хочет с группой единомышленников покинуть астероид,

просил предоставить ракету.

Ему отказали. На Астрелле была только одна ракета. Нельзя было оставаться без единственной спасательной шлюпки.

Тогда Гвинг предложил построить большой радиопередатчик, чтобы информировать Вдаг о практических успехах. Отказали и на этот раз. Нутристы не хотели вмешательства и по радио. Но возражая, ссылались на авторитет Астреллы. Сообщать о незрелых идеях несолидно и нескромно.

Ридда победила опять, но она понимала, что Гвинг не отступится. В просьбах отказали, возможно, он попытается захватить ракету силой. Ридда уговорила Здарга поставить охрану на космодроме, расставила посты и возле дома Здарга. Все предусмотрела, не догадалась о самом главном — о том, что глава талантов колеблется, сам не прочь покинуть Астреллу.

Странный каприз, непонятная прихоть гения? Пожалуй, если вдуматься, не такая уж непонятная.

Всю жизнь Здарга тянуло в неведомое, всюду он хотел быть первооткрывателем, пионером мысли, разведчиком среди разведчиков. Его гравиустановки были лестницей в неоткрытое,

каждая ступень мощности вводила в новую область: в гравиботанику, в гравибиологию и гравимедицину, в гравитехнику, в гравиклиматологию. В космос ввел его гравиастероид. А сейчас Здарг думал о следующей ступени. Искусственная гравитация есть на астероиде. Нельзя ли сделать ее на крупном небесном теле, например на спутнике Вдага — Рлоре — их Луне?

При усиленной гравитации Рлора могла бы удержать и искусственную атмосферу, там можно было бы налить моря в котловины, растительность прижилась бы. Соплеменники Здарга получили бы целый мир для жизни, не какую-то яхту.

Но это была бы работа совсем иного класса Рлора была массивнее астероида примерно в сто тысяч раз. Здарг рассчитал, что там нужно поставить двадцать тысяч гравистанций. Двадцать тысяч таких, как на Астрелле!

Здарг сделал расчет, составил проект, приложил планы, чертежи, пояснительную записку… и со вздохом поставил папки в шкаф. Астрелле эта работа была не нужна, и не по плечу не по количеству рук.

Будь Здарг моложе, не задумывался бы. Сейчас он не решался повернуть на 180 градусов. У

пожилого ученого велик багаж. Его багаж — начатые труды. Здарг сам затеял этот эксперимент с космическим питомником талантов, отбирал, приглашал, увел на далекую орбиту. Теперь он чувствовал ответственность перед приглашенными. Имеет ли он право все переменить «как хочу, так и верчу».

Здарг тосковал и терзался. Кто знает, на что он решился бы в конце концов. Но тут Ридда ускорила события, совершила непростительную ошибку, сама привела, к Здаргу вождя своих противников.

Зачем? По обыкновению, Ридда переоценила своего божка.

Она полагала, что Здарг своей логикой, эрудицией, авторитетом раздавит упрямого инвентарщика. Пристыженный и просветленный Гвинг поймет свои заблуждения, превратится в преданного здаргиста.

Но коса нашла на камень.

И косой оказался Здарг, потому что колебался он.

Художники Астреллы не раз изображали сцену встречи. Если анаподировать ее, перевести на земные образы, получится примерно такое полумрак просторного кабинета, на большом

пустоватом столе (Здарг методичен, не разбрасывает бумаги как попало) настольная лампа. Она скупо освещает две фигуры, такие разные. Иссеченное лицо Гвинга почти страшно единственный глаз выпучен, губы закушены. Он уселся в кресло, глубоко и прочно, всей позой показывая, что его не сдвинешь ни на волос. И перед ним возвышается статный богатырь. Кажется, нажмет рукой, мокрое место останется от противника. Но не нажимает. Нет уверенности в позе богатыря. Руки убрал за спину, склонился, слушает. Мог бы сокрушить, спрашивает вместо того.

И кончилась встреча эта победой мрачного гостя. Здарг обещал помочь инвентарщикам, способствовать их побегу. Так во всяком случае утверждал Гвинг впоследствии.

А побег не удался. Охрана заметила посторонних возле ракеты. Ракета уже вздувала огонь, охрана заспешила, обстреляла беглецов. Почти все были перебиты. Среди мертвых оказался и Здарг.

Как это случилось? Беглецы уверяли, что Здарг сам захотел проводить их, чтобы вручить свой труд — проект оживления Луны, а в последнюю минуту решил лететь на Вдаг. Нутристы обви-

няли инвентарщиков в том, что они захватили Здарга в качестве заложника и убили его в злобе, убедившись в своем поражении. Их судили. Гвинга казнили как главного зачинщика. Так или иначе, движение было подавлено. Даже в Устав Астреллы вписали слова о том, что «истинные таланты развивают науку, искусство и культуру качественно, а не количественно».

Конечно, и капитаном Астреллы стал убежденный нутрист. Нет, не Ридда. Подавленная, потерявшая со смертью Здарга опору и стержень жизни, Ридда могла только предаваться воспоминаниям. Живые не интересовали ее. Всех вместе она не приравняла бы Здаргу. Капитаном избрали другого нутриста — Ласаха, психолога по образованию, друга талантов, отзывчивого и внимательного.

Один из моих редакторов сказал, что тут я должен был бы раздвоить повествование. Вероятно, в Звездном Шаре, с его миллионами миров нашлись и такие, где история сложилась иначе: практичные и фанатичные инвентарщики подавили чувствительных нутристов, казнили какую-нибудь другую Ридду, капитаном поставили другого Гвинга.

Представьте себе, и я задал Граве этот вопрос.

— Не припомню, — сказал мой куратор. — Кажется, не было такого варианта. Пожалуй, и не могло быть. Ведь инвентарщики хотели вернуться на большую планету. Они и вернулись бы… и влились бы в общепланетную науку. У них не могло быть изолированной самостоятельной истории. За изоляцию стояли нутристы, те, которые способны были творить в башне из слоновой кости. Только они и могли оставаться надолго на астероиде, этой космической летающей «башне».

Итак о Ласахе, новом капитане Астреллы.

Анапод нарисовал мне удлиненное лицо, полуоткрытый рот с толстыми выпяченными губами, короткие кудряшки на потном лбу, выпуклые грустные глаза — облик застенчивого наивного добряка. Пожалуй, наивным Ласах не был в действительности.

В юности Ласах хотел стать священником, поскольку религия Вдага прокламировала всепрощение, утешение, милосердие. Но как и в христианской религии, там все сводилось к векселям: терпение в этом мире, утешение после смерти. Ласах же хотел делать добро живым, а не мертвецам. Разобравшись в пустословии церкви, он перешел с богословского факультета на безбожный медицинский Его увлекала психиатрия,

точнее — психотерапия, лечение словом.

Он кончил университет, занимался практикой и помогал практически. Постоянно выискивал несчастных, одиноких, осиротевших неудачливых, увечных, подсудимых, осужденных, хлопотал за них устраивал в бесплатные больницы, добывал пенсии, поручительства, рекомендации, пособия. Сам ручался… за обманщиков нередко.

— Зачем ты вкладываешь столько времени в каждого шизофреника? — спрашивал Бонгр, его друг и антипод. — Ты же ученый, вдумчивый наблюдатель. Лучше напиши книгу, принесешь пользу тысячам, всему народу.

— Народ состоит из личностей, — возражал Ласах.

Он считал, что каждая личность талантлива от рождения. Но нищета угнетает, беспомощность озлобляет, будничные заботы глушат творческие порывы. Горе убивает талант. Ласах написал научный труд «Счастье — фундамент творчества». Ссылался на своих подопечных: примерно десяток ему удалось вывести в люди. «Десяток из тысячи?» — усмехнулся Бонгр. «Десяток — не так мало для одного врача», — возражал Ласах.

Стимуляция творчества интересовала Здарга. Ласах был приглашен на астероид. И вот теперь

он имел возможность широко проверять свою теорию на практике: давая радость каждому астреллиту, измерять рост творческого потенциала.

Ласах подошел к делу как ученый: начал с анкет.

«Бывали в Вашей жизни беспредельно счастливые дни, часы, мгновения? Сколько Вы можете припомнить?»

«Что именно доставляет Вам наибольшее счастье: любовь, наслаждение, веселье в обществе, опьянение, похвалы, благодарности, подарки, награды, приобретения, исполнение желаний, самоудовлетворение, победы, красивые вещи, творчество, искусство, восприятие искусства? (зачеркните, подчеркните, важное подчеркните дважды, не упомянутое впишите)».

В таком духе страниц шесть. Первый раздел был посвящен счастью, а второй — вдохновению.

«1. Ваша творческая деятельность. Находится в активной фазе, в латентной, в прошлом, получила признание, не получила признание (подчеркните, зачеркните)

2. Вашу творческую деятельность подготовили: отличные успехи в школе, любознательность, мечтательность, склонность к фантазии, к логическому рассуждению, независимость

суждений, самоуверенность, находчивость, богатое воображение, достойные примеры, другое (что?)…

3. Наилучшие идеи приходят к вам: в рабочие часы, на отдыхе, в период сильной радости, в опасные минуты, в подавленном состоянии, во сне, при пробуждении, при опьянении, в других условиях (каких?)…»

И т. д., и т. д., всего 116 параграфов.

Анкетой обследование не исчерпывалось. Ласах говорил: «Не каждый пишет о себе правду, редко кто знает правду». После анкеты следовало собеседование с глазу на глаз, потом еще давались тесты. И в итоге писалось заключение: «Путь к личному счастью астреллита (литки) Икс…» Многие из них написаны Ласахом лично. Любопытно, что этот доброжелатель становился беспощадным в выводах. Себя психотерапевт не может обманывать.

Например:

Карточка № 226. Скульптор А.

Жалобы. *Пишет, что ему мешают достойно прославить освобожденный Талант. Хочет все горы и утесы Астреллы превратить в аллегорические фигуры и портреты, высочайшую вершину — в голову Здарга. Многословно рассуждает о*

зависти мелких бездарностей.

Анамнез. *Действительно погружен в творчество, других интересов не имеет. К семье равнодушен, о жене не думает, о детях заботится мало. Друзей не имеет, сходится туго, в обществе молчит, замыкается в себе. Малообразован, слова подыскивает с трудом, за пределами специальности ничего не знает, разговор поддерживать не может. В мире искусства авторитетом не пользуется, считается середняком.*

Диагноз. *По-видимому, гигантомания — подсознательный реванш за поражение в главном русле искусства. Не сумел превзойти в качестве, надеется выделиться грандиозностью, масштабом. Не самая лучшая поэма, но самая длинная. Пишет о возвеличивании Таланта и Здарга, думает о собственной славе, о том, что навеки веков останется в космосе небесное тело, облик которого создан скульптором А...*

Разрешить ему уродовать Астреллу?

Будет это красиво, если у гор появятся уши и носы? Будет способствовать уважению Здарга, если в его ноздре создадут каменоломню и по губам проложат шоссе?

Терапия. *Путь к счастью скульптора А...*

Поручить ему составить макет пластическо-

го оформления астероида в масштабе 1:500 000, потом 1:10 000 (семиметровый). Макет выставить, обсудить. Наверное, будут предложения по переработке. После трех-четырех переработок разрешить А. испортить одну из гор, снабдив необходимой техникой. Вероятно, этой деятельности хватит ему на всю жизнь… если он не остынет к своему проекту».

Так карточка за карточкой. На всех как бы история психической болезни жалобы, анамнез, диагноз, терапия.

Вот на приеме химик Н. Немолодой ученый, в прошлом помощник Гвинга. Н. хочет продолжать работу с синтетическим пойлом для скота. Пора ставить опыты на животных. Нужен скотный двор на две сотни станков. Синтетик не может быть счастлив без скотного двора.

Но ведь это количественное, а не качественное развитие. И где взять руки для постройки коровника и свинарника, кто захочет ухаживать за нечистоплотными животными? Ласах мягко уговаривает химика сменить тему. Пусть занимается не пойлом, а синтетическими приправами, усилителями запаха и вкуса. Право же, это интереснее, тоньше, достойнее и нужнее на астероиде. Приправы здесь оценят повара и

гурманы. А простой пищи хватает.

Д. — художник. Десять лет писал полотно «Добрый бог на тюремном дворе». Выставил, наконец. Посмотрели, похвалили, разошлись и забыли. Ценителей на Астрелле немного, тюрем нет, тема эта волнует мало. Художник опустошен и разочарован. Счастья нет, противно брать палитру и кисти.

Ласах советует начать новое полотно. Подсказывает тему «Мудрый бог в пустыне». Мудрость, по религии Вдага, заключается в самоуглублении, отречении от мирских радостей, уединении, в молчаливом познании самого себя Ласах как бы настаивает углубись в работу и не жди одобрения. Ищи счастья в самом себе. В сущности, это основная идея нутризма.

Проходят чередой и помощники талантов. Ведь, по Ласаху, каждый потенциально даровит, только не раскрылся, потому что не познал счастья.

Т. — Секретарша. Пожилая вдова.

Пишет, что мечтает стать психологом (модно! — **пометка Ласаха**), приносить счастье, пробуждать дремлющие таланты (штамп! — **Лас**).

Ласах пишет: *«Исполнительна, старательна, бестолкова. Учить ее — напрасный труд. Всю*

жизнь была домашней хозяйкой, чувствует одиночество. В сущности, мечтает о том, чтобы подавать диетические обеды немолодому тихому мужу».

И рекомендует:

Подобрать работу в доме для престарелых талантов.

— Был ты попом, попом и остался, — язвил Бонгр. — Обманываешь со сладкой миной. Суррогаты предлагаешь. Вместо скульптуры модель, вместо мужа — команду капризных пенсионеров.

Ласах разводил руками.

— С бедняками было легче. Нищему дашь золотой, он счастлив. Нас с тобой не осчастливишь и сотней.

— У психологии непростая арифметика, — посмеивался Бонгр. — Оказывается, разница между сотней и тысячей меньше, чем между единицей и нулем. Не хочешь ли вернуться к нулю? Легче будет.

О Бонгре, этой личности, сыгравшей такую важную, роковую, по мнению историков, роль, надо сказать чуть подробнее.

На Вдаге он был адвокатом, даже преуспевающим. За хорошую плату старался выгородить, избавить от заслуженного наказания разных мошенников, воров, грабителей, убийц, растратчиков или растлителей, если они могли внести эту плату. Выгораживал словом, умным, уместным, впечатляющим. И Бонгр верил в слово, прикрывающее суть, искажающее суть, обеляющее суть. А суть ему всегда виделась одинаково грязной.

Он владел искусством воздействия словом. Отсюда его интерес ко всякому воздействию искусством красками, звуками, мелодиями, формами, размерами, композицией, позами, жестами, намеками, тоном, мимикой. Как психолог искусства, попал на Астреллу, ведал там искусствами. Историки отмечают, что он предпочитал симфонию опере, балет — драме, форму — содержанию. Ибо Бонгр верил в слово, но не верил словам.

И именно он поддержал и распространил на Астрелле квази.

Что такое «квази»? Мы бы сказали, что это кино с эффектом присутствия и усилением сопереживания. Благодаря совершенной стереоскопичности эффект присутствия был идеальным.

Казалось, сидишь за одним столом с героями, можешь чокнуться с ними. Сопереживание есть и в обычном кино. Ведь каждый мальчишка в кинозале как бы скачет рядом с героем на лихом коне. Как бы скачет! А зрителю «квази» внушали, подавив его волю особыми таблетками, что он на самом деле скачет, боксирует, вальсирует, сражается, плывет, что это он, увенчанный лаврами, встает на помост над цифрой «I».

За какой-нибудь год «квази» стали любимейшим развлечением астреллитов. Снимались фильмы легко, каждый сам мог сыграть для себя. Все несуразности затушевывались таблетками. Были и ходовые сюжеты на все вкусы. Например, «Дочь богини красоты» брали нарасхват молоденькие девушки. Так приятно было воображать и чувствовать себя желанной, дарить мелкие знаки внимания «этим несносным мужчинам». Пожилые одинокие женщины вроде секретарши Т. предпочитали квази «Вечерняя песня». Героиня ее — хозяйка придорожной гостиницы, погруженная в житейские заботы о приварке, постельном белье, пьяных гостях, жуликоватых служанках. И вдруг в гостинице останавливается проездом друг детства хозяйки — пожилой профессор с молодой женой из студенток. Профессор

заболевает, расчетливая жена бросает его и обкрадывает. Но хозяйка выхаживает больного, и он понимает, кто истинный друг ему…

Мужи Астреллы, в особенности зеленые юноши и старики, охотно смотрели квази «В гареме». Но тут и пересказывать нечего, сюжета никакого, сплошная порнография. Широко пользовалась популярностью серия «Чемпион мира», а также фильмы о знаменитостях, в молодости непризнанных и осмеянных, а потом — прославленных. Естественно, среди талантов было много потребителей таких квази. Но и женщины охотно брали их, если в квази о великом таланте вплеталась и романтическая история, а в конце, получая всемирную премию из рук короля, президента, восторженной толпы, талант представлял свою молодую жену (или немолодую), и король, президент (или толпа) говорили:

— С такой помощницей каждый станет великим.

И долго ли коротко ли, как говорится в сказках, но через некоторое время квази-фильмы стали повальным увлечением и всеобщим бедствием Астреллы. Таланты смотрели по три-четыре-пять квази подряд, смотрели все больше, работали все меньше. Квазижизнь была куда приятнее и легче

подлинной. В самом деле, зачем тренироваться часами с мешком и прыгалкой, если победа достается так легко: включи квази… и вот ты чемпион мира по боксу! Зачем терзаться ночами, искать «слово, величием равное богу», если квази «Великий поэт» сделает тебя признанным гением через полчаса!

Художники Астреллы забросили свои мастерские, музыканты ставили партитуры, высохли тряпки на глиняных моделях будущих статуй, пылью покрылись письменные столы. Таланты бездействовали, воображая себя талантами. И бездействовали, воображая себя талантами, их помощники: лаборанты, типографы, механики, секретари. Бездействовали транспортники, снабженцы, садовники.

И продукты плесневели на складах, осыпалась в поле неубранная пшеница, ревел в стойлах некормленный скот, гнили опавшие плоды в садах. Плесневело, гнило, осыпалось, а одуревшие от видений работники смаковали несуществующие яства на квази-пирах.

Но квази-пища не насыщала, а квази-жизнь требовала действительного расхода нервов. Очнувшемуся зрителю мир казался таким невыразительным, серым, противным. Наскоро

закусив, он спешил окунуться в грезы. А если еды не было в доме, возвращался к грезам натощак. Бывали голодные обмороки, бывали и случаи голодной смерти. И неубранные трупы неделями лежали в комнатах, потому что соседи перестали ходить к соседям. Каждый сидел в своей келье, наслаждаясь мнимой жизнью в одиночку.

И кто знает, может быть, вся Астрелла вымерла бы через несколько лет, иссушенная сновидениями, если бы не нашлась в ней здоровая жизнелюбивая прослойка граждан… маленькие дети.

Для детей не делали квази, самых младших мнимые существа только пугали, вызывали неудержимый рев. Дошкольников (применяя нашу терминологию) удовлетворяли книжные картинки, воображаемые баталии с ощутимыми игрушками. А насмотревшись и наигравшись, детишки настырно горланили, требуя молока и каши четыре или пять раз в день.

И матери, оторвавшись от своих женских квази с почтительной и сентиментальной любовью, слышали этот настырный рев. Материнский инстинкт просыпался, матери спешили накормить горлопанов натуральной кашкой. Но нередко выяснялось, что в доме нет ни крупинки. А бли-

жайший магазин заколочен, и муж-добытчик витает в воображаемых джунглях, героически спасая от тигра постороннюю красавицу.

И проклиная квази-фильмы с их изобретателями, изготовителями, распространителями, матери отправлялись сами добывать, собирать, одалживать, выменивать и выпрашивать пищу.

Так сложилось содружество заботливых матерей — Общество Пчел-Работниц.

Возглавила его Хитта, руководитель Исследовательского центра по изучению потенциальных талантов (проще говоря, детского сада. — **К. К.**), женщина выдающейся энергии.

Хитта собрала мам. «Ваши чада в смертельной опасности! — воскликнула она патетически. — Я не ручаюсь за их жизнь! Спасайте потомство, пчелы-работницы!»

И предложила операцию по избиению трутней.

Хитта проявила редкостный организаторский талант. Операция была подготовлена тщательно. Сначала с помощью детей были выслежены убежища скрывающихся отцов, составлена диспозиция, намечены направления главного удара, охватные маневры. И трутней захватили врасплох. Не потому, что удалось сохранить тайну,

нет. Каждая пчела выдала по секрету тайну операции своему мужу или возлюбленному. Но мужчины в своем мужском самомнении не обратили внимания на предупреждения, сочли все бабьими выдумками, пустой брехней. Однако ударные отряды обиженных мам были подготовлены, вооружены и подняты по тревоге. Разморенные и истощенные, одуревшие от видений, квази-герои не смогли оказать сопротивления. Свирепые пчелы оттаскивали их за руки и за ноги, награждая тычками и пощечинами, а совершенную аппаратуру превращали в груду стеклянных осколков, проволочек и мелких щепок.

Историки не считают, что это женское восстание было действительно задумано как день избиения трутней. Конечно, женщины хотели не уничтожить, а образумить мужской пол, вернуть супругов в семейное лоно. Но, видимо, в разгаре разрушения мстительницы перенесли свою ярость с одуряющих аппаратов на одуревших потребителей.

Бонгр был повешен. Ласах свергнут. Капитаном Астреллы стала Хитта. Хитта объявила, что начинается новый век — Эпоха Чистых Радостей.

— Я по-простому думаю так, — говорила она. — Здарг хотел для всех нас достойного будущего. А

что такое будущее? Дети. Что такое достойные дети? Вежливые, обученные, красивые и здоровые. Здоровье — прежде всего, потому что красота — это здоровое тело, нравственность — здоровое поведение, ум — здравые суждения. А что нужно для здоровья? Естественность. Чистый воздух, чистая, вода, простая сытная пища, естественный труд на чистом воздухе. И не нужны нам фабрики, загрязняющие легкие ядовитой копотью, а желудок — анилиновыми красками. Астрелла достаточно просторна, чтобы прокормить всех естественными продуктами. Нужно только не лениться, спину гнуть, пота не бояться. Да здравствует простая жизнь, простая пища, простые радости!

Упрощение стало главным лозунгом при Хитте, целью, достижением, личной заслугой. Труд физический, труд с напряжением мускулов, считался почетным, труд умственный — блажью, работенкой для ленивых и слабосильных. О закрытии фабрики, разрушении машин, ликвидации лаборатории сообщали как о победе. Утонченное называли извращенным, рассуждения — пустословием, чтение — потерей времени, сибаритством. И поэты воспевали опрощение простыми словами. Гирдл-Простак был самым

известным. Приведу несколько его сонетов в прозаическом переводе. Рифмовать не берусь, хотя и рифмы в школе Простаков были простые, четкие и привычные, такие как «день — тень», «кровь — любовь».

Итак, стихи.

«В лаборатории, затхло-прокисшей, заплесневелой, как могила, в запаянных колбах, наполненных удушливым дымом, ветхий старец слезящимися глазами старается рассмотреть зарождение жизни.

А жизнь рождается не в колбе, она рождается в поле, когда солнце припекает, а свежий ветер обдувает чернозем, когда говорливые ручейки омывают комья почвы. Открой глаза пошире. В крыльях бабочки ты увидишь блики солнца, в воркованьи горлицы говор ручейка. Посмотри старец на свою внучку, посмотри мужчина на жену хлопотунью. Разве ты не замечаешь в ней стремительность ветра, резвость ручья, жар солнца в румянце.

А подслеповатый мудрец что-то ищет в мутной колбе».

И еще один стих!

«Сладка вода для того, кто гнул спину над плугом. Отдых сладок тому, кто потрудился

на славу. Вот старик сидит на завалинке, вокруг галдят внучата. Галдят, а он дремлет, подставив солнцу морщинистые веки. На лице покой и довольство. Заслужил, потрудился. Звенит многочисленное потомство. Жизнь прожита не даром».

Гирдлу выпало счастье быть знаменитым и популярным при жизни. Его стихи декламировали, пели и цитировали. Его чтили, как пророка, и любили гораздо больше. Пророк куда-то тянет, ведет за собой, а Гирдл сам шел за почитателями, выражал их точку зрения: «Сапиенс живет для будущего, а будущее — это дети».

Результат нетрудно угадать. Прирост населения на Астрелле был завидный. Число жителей удваивалось в каждом поколении, за сто лет увеличилось в 16 раз, через полтора века — в 64 раза и перевалило за триста тысяч.

Астрелла, однако, не резиновая. Это маленькое небесное тело, астероид, и поверхность его по площади не больше Парижа. В свое время для трех тысяч талантов хватало пустырей. Триста тысяч едоков с трудом находили площадки для новых пашен.

И если презирается, третируется неопрятная, дурно пахнущая техника, стало быть, нет ни

тракторов, ни бульдозеров, выравнивающих неудобные земли, камни выковыривают ломом, грунт носят на носилках. И нет никаких надежд на просторные новые земли.

Если наука, в частности химия, считается подозрительной блажью подслеповатых чудаков, стало быть, нет и химических удобрений, нет генетики — химии новых сортов. Никаких надежд на повышение урожайности.

Наука забыта. Забыто даже, что сама Астрелла — детище высокоразвитой науки у нее искусственная атмосфера, искусственная гравитация, искусственное солнце. Все это требует управления, поддержания, ремонта. Правда, управлять техникой не так уж сложно. Можно, наизусть зазубрить, какой рычаг тянуть, какую кнопку нажимать. Но машина требует и ремонта, кроме того. А что можно понять в искусственном солнце, если «наука это блажь подслеповатых старцев?».

И гравитация начала сдавать со временем, через прохудившееся искусственное небо улетучивался воздух, дышать становилось все труднее, работать тяжелее. И солнце меркло время от времени, так что не всегда вызревало зерно на полях. Голодали взрослые, голодали и дети — достойное

будущее.

Тогда король Астреллы (в ту пору там уже были короли, а не капитаны) объяснил народу, что счастье не просто в детях, а в здоровых детях, и потому первенцев, как не самых здоровых, надлежит убивать.

Так, за полтора века от умиления Астрелла перешла к уничтожению потомства. Круг замкнулся быстро, потому что тесный, махонький был кружок.

На Вдаге ничего этого не знали. Большая планета жила своей жизнью, решала свои проблемы. Проблемы общепланетные. Период раздоров, войн и социальных потрясений там миновал давно, преодолен был классовый эгоизм, преодолена скудость, так пугавшая первопоселенцев Астреллы. О беглом астероиде помнили только специалисты — историки астрономии. И по их желанию телескопы иногда нацеливались на светлую точечку. Где она? Существует ли?

И вот однажды один из наблюдателей увидел, что точечка мигает. Мигает не случайно, чередуя короткие и длинные перерывы. Короче, передает сигнал бедствия SOS по коду Вдага.

И через некоторое время ракеты скорой помощи сняли с Астреллы триста тысяч голодающих

потомков гордых талантов, некогда отказавшихся работать на скудный Вдаг.

На Астрелле остались только закоренелые приверженцы патриархальности.

Ныне починенный и реставрированный астероид вращается вокруг обширного Вдага. И школьников Вдага возят туда, чтобы познакомить со старинным бытом.

Глава VIII. Мы предлагаем

И снова Диспут о будущем Звездного Шара.

Председатель (по-прежнему называю его Дятлом мысленно) повторяет свой каверзный вопрос:

— Так вы помните историю Астреллы? Учитываете ее опыт?

Их-Лирик нервно теребит свою мнимую бородку:

— Пример Астреллы не показателен, — говорит он. — Это история беглецов из аморального классового общества, пропитанных предрассудками и эгоизмом. Их нельзя сравнивать с настоящими

сапиенсами.

— Ну-ну! — хмыкает Дятел. — В прошлый раз вы говорили, что мы не так уж далеко ушли от отсталых планет. Но, может быть, вы возьметесь проверить, повторить опыт? Можно предоставить вам самоуправляющийся астероид, подберите желающих…

— Это ничего не даст. Надуманная обстановка, искусственная изоляция в космосе. Все равно, что заточить сотню ученых в тюрьму и воображать, что наблюдаешь там развитие общества. Нет, нам необходимо нестесненное свободное развитие, моральное и духовное. Тогда через три-четыре поколения можно ждать результатов.

— Свободное! Свободное от технических усилий, так вы понимаете? Но вот ваш оппонент (кивок в сторону Физика) считает, что у нас нет сотни лет для неторопливых опытов. Как же быть? Что вы предлагаете конкретно?

И тут на помощь Лирику неожиданно пришел Физик, его главный противник.

— Вот именно, это мы и хотим знать, — крикнул он. — Что вы предлагаете конкретно, как председатель. Мы ведем дискуссию не первый день, и вы только возражаете. Возражаете мне, возражаете моему оппоненту, опровергаете, опровергаете.

Так нельзя выяснить ничего. Нельзя спорить с туманом. Я настойчиво прошу, скажите, наконец, за что стоите вы лично за мой проект или за проект моего противника. Определим позиции. Нельзя же спорить с туманом.

— Почему только два решения? — уклончиво возразил Дятел. — К нам поступают целые пачки предложений. Я как раз хотел ознакомить вас с некоторыми. Вот, например, нам пишут:

«Мы предлагаем...»

(«Мы» — это не просто вежливая формула. В среде звездожителей принято мыслить коллективно. Незрелых идей не стесняются, больше опасаются, как бы мысль не пропала зря. И не носятся с собственностью на открытия, понимают, что культура создается общими усилиями. Кто-то высказал гипотезу, обсудили, поправили, поддержали, переиначили. И не разберешь, кому, какая запятая принадлежит, шлют общее письмо).

Итак, предложения:

Некая группа предлагала сконцентрировать усилия ученых на исследовании зафона, найти там слой, где можно было бы перемещаться еще на пять порядков быстрее. Тогда любая звезда любой галактики стала бы доступной. Выбирай самые удобные.

Другая группа предлагала разгадывать тайну Большого Взрыва, в котором возникла наша Вселенная примерно пятнадцать миллиардов лет назад. Подражая ему, малыми взрывами можно было бы творить планеты и солнца где угодно.

Третья группа вообще хотела отказаться от житья на планетах и звала звездожителей переселяться на оболочку Ядра. Эти считали, что оболочки можно делать в вакууме искусственно. Создал плоскость, подвесил солнце и живи.

Четвертая — шла еще дальше. Хотела реконструировать не космос, а сапиенсов: перестроить тела так, чтобы они состояли не из атомов, а из вакуума. Тогда можно было бы жить в пустом пространстве и питаться солнечным светом.

Пятые призывали уменьшиться, стать сверхмикроскопичными, поселиться в атомах.

Шестые, седьмые… восьмые…

Девятнадцатое предложение мне запомнилось: создать планеты с ускоренным течением времени, где проходили бы часы и сутки за нашу секунду, откомандировать туда ученых и поручить им представить разумные проекты к завтрашнему дню.

Дятел говорил добрый час, только перечисляя, не разбирая сути. Я еле поспевал записывать,

удивляться не успевал. Лирик молчал, кажется он был огорошен, подавлен цифрами и терминами. Но Физик стоял на своем:

— И все-таки вы не ответили, — настаивал он. — Было два предложения, стало двадцать два. А за какое стоите вы лично? Что мы обсуждать будем? Я жду ответа.

— Позвольте я отвечу примером, — сказал Дятел кротко (ох, и до чего же ироничная физиономия в анаподе!). — На моей родной планете очень ценят примеры. Даже в школах преподают литературу — искусство рассуждения на примерах. Впрочем, кажется вы не уважаете искусство. Литература, конечно, не точна статистически, но она сильна наглядностью.

Так вот, о примере. Вчера был день отдыха, и я провел его в Парке Старинных Забав — он только что открылся. Я плыл по реке на колесном пароходе, неторопливое такое, ленивое сооружение, шлеп-шлеп плицами по воде. Тишина, свежесть, берега один другого живописнее, затончики, пляжи, камыши. И просто на воду смотреть приятно, судно вспарывает гладь, струи бегут под углом, нервы отдыхают. Конечно, это я отдыхал, а рулевой в рубке работал тяжко. Река петляет, а судно — пуще того то к правому берегу, то к левому, то

в проливчик, то под крутояр. Зачем бы? Держись по середине, и вся недолга. Крутят. К чему?

Вы пожимаете плечами. Считаете, что я задал детский вопрос, несолидный? Конечно, детский. Нет простого правила на все плесы. Судно плывет там, где проходит фарватер. Это общеизвестно.

Но беда в том, уважаемые ученые, что крупные специалисты, я не раз сталкивался с этим, знающие свое дело до тонкости, склонны упускать из виду основы, детские истины, слишком простые, слишком примитивные для знатока.

И в результате я слышу в этом зале детский спор (голос Дятла уже гремел) о том, что важнее — огонь или вода, ум или сердце, техника или жизнь? Да обе важнее. Техника без живого сердца бесчеловечна, жестока и смертельно опасна. Сапиенс без техники беспомощен, голоден и зол, как показала история Астреллы.

Или Галактическое Ядро, или воспитание благородства? — так ставите вопрос вы оба. Или — или! Это было бы очень просто. Тогда проголосовали бы и разошлись. Но жизнь не терпит абсолютов — ноль процентов или сто процентов. И пополам — не всегда идеальное решение. Оптимальную пропорцию надо найти — для этого мы заседаем тут.

Почему я возражал обоим? Потому что вы оба забыли про фарватер. Вы твердили каждый держись у моего берега, и все будет в порядке. А я вижу мели и у вашего берега, физического, и у вашего, лирического. Вижу мели, и не чувствую желания учитывать их. Вижу, что река петляет, но слышу одно: «Держи прямо!». «Или — или?» — настаиваете вы. Не «Или — или», а «Все для всех» — принцип Звездного Шара. Неужели же все всем на все времена вы обеспечите простой подсказкой, держись южного берега или держись северного!

За что я стою? — спрашиваете вы. — Я стою за то, чтобы не стоять на месте. За то, чтобы плыть вперед. Куда? Об этом мы и спорим. Я за то, чтобы спорить дальше сегодня, завтра и вечно. К счастью, весь фарватер не предскажешь на тысячу лет вперед. Река петляет, за каждым поворотом ждут неожиданности.

И это хорошо, что ждут неожиданности. Так интереснее жить.

Глава IX. Зенит — Земля

Как, уже?

Совсем не собирался я отбывать, иные были планы. Я захлебнулся в потоке информации, везде хотел присутствовать, узнать, поглядеть. В Галаядро хотелось слетать хотя бы разок и в атомное ядро спуститься самолично. И на психополигон, и на темпополигон. Как успеть? Не разорвешься.

Впрочем, для сапиенсов и это не фантастика. Разорваться, правда, нельзя, но можно удвоиться, утроиться, учетвериться. Вчетвером мы (четверо «я») увидим вчетверо больше.

— А к жене вы тоже вернетесь вчетвером? — спросил Граве.

Я замялся. Не продумал такого затруднения. Не страшно, если в Звездном Шаре будет четыре одинаковых корреспондента, все с длинным носом и покатым лбом. Но неуютно получится на Земле. У всех одинаковые воспоминания, все четверо будут считать себя авторами моих книг, мужьями моей жены, отцами сына, претензии на

мою квартиру предъявлять.

— Мы бросим жребий, кому возвращаться, — сказал я бодро. — Один вернется с отчетом, прочие останутся здесь, материалы будут накапливать.

И полночи после этого я разрабатывал планы четырех жизней. Учетвериться надо немедленно, и тут же разъехаться. Как распределить функции? По секторам Звездного Шара или по наукам одному физические, другому биологические науки, третьему социальные, последнему — техника. Года через три все собираются, складывают информацию и тогда один (по жребию?) отправляется на Землю. Потом лет через пять следующий.

Половину ночи писал планы. А поутру, только глаза разлепил, опять вижу Граве.

— Вставай, Человек, скорее. С тобой хочет говорить председатель Диспута.

— То есть, Дятел? Где он? Куда надо лететь?

— Никуда. Тут — он на астровокзале.

Вот преимущество привокзального житья. Все тут пересаживаются. Идеальная позиция для корреспондента.

Пока Граве вел меня по никелированным коридорам, я лихорадочно собирал мысли. Такой редкий случай, а вопросник не заготовлен. Ладно,

положусь на вдохновенье.

Перед дверью нацепил анапод. Интервью надо вести на равных, как с человеком. Не отвлекаться на рассматривание. Потом, уходя, сдвину анапод, погляжу, каков он на самом деле, этот звездный Дятел.

И чуть не брякнул входя: «Здраствуйте, Артемий Семенович».

Очень похож был (в анаподе). Как вылитый, мой учитель. Потом уж боковым зрением я заметил толстостенный бак с манометрами. Из глубинных существ был тот Дятел. Жил в газе под высоким давлением.

— Как вам понравилось у нас? — спросил он.

Я ответил в том смысле, что мои сложные впечатления не укладываются в линейную схему «нравится — не нравится».

— Я не тороплюсь. Рассказывайте подробнее.

Так получилось, что он меня интервьюировал, не я его.

— Ну и каков вывод? — спросил он под конец. — Хотели бы вы жить в нашем сообществе? Не вы лично, а ваша планета?

И склонив голову, посмотрел на меня хитровато. Я понял, что задан главный вопрос.

— Я не уполномочен отвечать за всю плане-

ту, — сказал я. — Я корреспондент, а не посол. Мое дело посмотреть и описать. А читатели пусть решают.

— И когда вы склонны отбыть к читателям?

Я сказал, что считаю себя студентом-первокурсником. И изложил программу учетверения.

— Едва ли это целесообразно, — сказал Дятел. — В Шаре миллион жилых планет. Ни четыре человека, ни четыре тысячи не сумеют изучить их досконально даже за всю жизнь. К тому же у копий одинаковая эрудиция, неизбежен однобокий подход. Для всестороннего изучения нужны специалисты с разным образованием. Вас, литератора, мы пригласили для общего впечатления. И по-моему, оно уже сложилось.

Он помолчал и добавил жестко:

— Назначайте дату отбытия.

— Как, уже?

Я оторопел. Очень уж неожиданно получилось. Составлял программу, настроился на долгие годы разлуки. А впрочем, не вечно же жить в музее. Домой, так домой. И я уже представил себе как обомлеет жена, услышал восторженный вопль сына:

— Папа, что ты привез такого?

Что привезти? Вот это важно. Не упустить бы

от волнения.

— Я готов хоть сейчас. Попрошу приготовить мне «Свод».

Я давно уже подумывал, чтобы захватить этот «Свод». «Свод Знаний Шара», нечто среднее между комплектом учебников и энциклопедией. Портативные микрокнижечки — сто один том убористым шрифтом. Там все систематизировано факты, теории, открытия, формулы, конструкции. Так и было задумано у меня после первых восторгов встречи, сяду я за свой стол с теплым плексигласом, водружу машинку и, заправив страничку, начну переводить строка за строкой.

Первую страницу первого тома я помню. Уже прицеливался. Она начинается словами:

«Том первый посвящен общему обзору мира. В нем описывается все существующее — достоверные факты.

Факты добыты чувствами, а также чувствительными приборами. Оценены разумом, а также рассуждающими машинами.

Выводы разума и машин излагаются словами, графиками, формулами и прочими системами знаков.

Следует учитывать, что чувства, разум, машины и системы знаков вносят неточности...»

И первая глава посвящена теории ошибок.

Впрочем, быть может, практичнее начать со второго тома — «Бескачественные количества». Проще сказать, это математика. Пожалуй, я пропущу первые разделы, излагающие арифметику, алгебру и разделы высшей математики, известные на Земле. Это представляет интерес для педагогов — система изложения у них и у нас. Приступлю сразу ко второй части. Там уж каждая формула будет откровением. С утра перепечатаю страничку и сразу — в Академию Наук. Вслух прочтем, специалисты заспорят как понимать, как истолковать. А я скажу:

— Помнится, когда я был в Звездном Шаре…

Блаженная перспектива!

Дятел переложил голову с правого плеча на левое, поглядел на меня одним глазом.

— Вы считаете это целесообразным? — спросил он. — У вас так принято? В школах дают решебник вместо задачника?

И Граве предал меня тут же.

— Вспомни, Человек, свои занятия по астродипломатии. Сам же ты осуждал себя на экзамене, говорил: «Я ошибся, дал этим огнеупорным слишком легкий хлеб, отучил их думать». В «Своде» решения всех земных задач на тысячу лет вперед.

Ты не отучишь думать своих земляков?

— Нет, мы не дадим вам «Свода», — резюмировал Дятел.

Вот тебе и блаженная перспектива!

— А ему так хотелось быть пророком в своем отечестве, — вставил ехидный Гилик.

— Тогда дайте хотя бы… (что бы попросить наглядного? Гилика что ли прихватить, моего карманного эрудита, забыть нечаянно в кармане. Пусть заплатит за свое ехидство).

Но Дятел как бы услышал мои мысли. Может, и в самом деле услышал. Сапиенсы это умеют.

— Нет, мы не дадим вам карманного эрудита. Вообще никаких сувениров. Наденете свое земное платье…

— Но мне же не поверят! — почти кричу я.

— А зачем нужно, чтобы вам верили?

Опять вмешивается Граве.

— Еще раз вспомни, Человек, свой экзамен по астродипломатии. Ты сам говорил: «Этим огнеупорным рано вступать в звездное содружество. Они ленятся рассуждать, доверяются чужому разуму, ищут пророков и следуют за ними слепо». Мы действительно не хотим превращать тебя в пророка. Нам, звездожителям, нужны товарищи, а не приверженцы. Мы нарочно приглашали в

Шар не ученого, не политика, а литератора — глаза и язык, профессионального рассказчика. И нарочно выбирали фантаста, профессионального выдумщика, чтобы раз и навсегда снять вопрос было или не было? Пусть читатели не верят, пусть даже не обсуждают — было ли? Нравится или не нравится? — вот что важно. Рвутся ли они в такое сообщество? Согласны ли наши заботы делить не только достижения, но и заботы. Да, у нас знания, открытия, омоложение, оживление. Но за все за это мы платим носимся по планетам, переделываем обледеневшие утесы, ныряем в жгучее пламя, уламываем огнеупорных упрямцев, диспуты ведем вселенские. Хотите вы составить нам компанию? Или предпочитаете строить свою цивилизацию самостоятельно, обособленно? Мы не вмешиваемся, выбирайте сами. А ваше писательское дело рассказать все без утайки, даже о заблуждениях нашего прошлого — о тупиковом варианте Астреллы, даже о твоих собственных затруднениях в Огнеупории. Пусть жители Земли ознакомятся, пусть обсудят, поспорят. Споры возбудить — вот твоя задача.

Вот и весь мой разговор со звездным Дятлом. Пришел расспрашивать, получил от ворот поворот — «Наденете земную одежду, — сказал он, — мы ее сохранили. А все лишнее при перемещении устранится автоматически. Записки свои перечитайте, чтобы запомнить как следует».

— Может, и память сотрете? — спросил я обиженно.

— Теперь тебе надо готовиться в путь, — повторил и Граве в коридоре. — Запоминай хорошенько.

— А что запоминать? — взорвался я — Меня звали сюда не запоминать, а вынести впечатление. Впечатление сложилось: черствый вы народ, господа звездожители. Пригласили в гости и сами же гоните. Ну и пожалуйста. Часу лишнего не пробуду. Отправляйте сейчас же!

— Сейчас же? Ты говоришь обдуманно?

— Вполне. Нечего мне делать у таких хозяев.

И тут оказалось, что они готовы к отправке. В моей комнате ждет меня костюм с голубой ниткой и драповое пальто, еще волглое от ленинградской сырости. Переодевшись, я демонстративно вывернул карманы. Просто так, душу отводил. Все равно, при перезаписи был бы исключен любой сувенир, даже если бы я проглотил его.

Знакомые, сто раз исхоженные коридоры ведут меня к межзвездному перрону. Направо, налево, еще раз налево и опять направо. Вот и платформа с рядами дверей, похожая на переговорную междугороднего телефона. Столько раз отправлялся отсюда на чужие планеты.

— Прощай, Человек, — говорит Граве. — Привык я к тебе, скучать буду. И волноваться. Ведь у вас каждая опасность опасна. Как ты уцелеешь там на Земле без страховочной записи? (Эх, не догадался я сказать: «Так храните запись здесь, в Звездном Шаре»).

— Будь последовательнее, Человек, — важно советует Гилик, протягивая металлическую лапку.

— Прощай, — повторяет Граве. (Слова говорит сочувственные, но я смотрю на него без анапода, не улавливаю подлинные чувства без мимики). — Прощай! А может, и встретимся. Ведь я пока что куратор Земли, могу снова получить командировку.

Сдвигаются двери кабины, и исчезают, уходят из моей жизни пятнистый скелет и полированный чертенок на его плече с эрудицией в хвостике.

Зажигается световое табло: «Набирайте шифр планеты назначения. Будьте внимательны, не

ошибайтесь в цифрах!».

Набрал. Повторил… Вздохнул…

И нажал клавишу.

Как и обычно, в кромешной тьме тебя хватают за руки и за ноги, начинают выкручивать. Выворачивают суставы, шею выламывают. Терплю. Столько раз вытерпел, потерплю в последний раз. Вот уже назад крутит. Еще немножечко…

Ошеломленный, потерявший дыхание от боли, с вытаращенными глазами сижу… на мокром камне в пустынном осеннем парке. Сумерки. Ветер несет облака, разорванные на клочья, горстями сыплет брызги в лицо. Уныло гудят, качаясь, голые стволы осин. Почерневшие листья плавают в пруду. Затоптана в грязь мокрая мочала сгнившей травы. Земная осень.

Словно и не было приглашения в зенит.

Было ли?

Было ли?

С годами я и сам начинаю сомневаться. Вот я пишу и пишу, который уж год пишу отчет, переводя в слова воспоминания, и образы выцветают, превращаясь в строчки и странички. Блекнут картины, становятся неуверенными, недостовер-

ными. Об одном и том же нельзя рассказывать всякий раз по-новому. Рассказано, сформулировано, и экономная память держит только слова, буквы, одноцветные, мною написанные, неубедительные.

Да я и не стараюсь доказывать, что все здесь истинная правда до последнего слова.

А если все-таки было?

Тогда, по-видимому, возможно продолжение. Однажды в чьей-либо квартире зазвонит телефон — в наш век неожиданное часто входит в жизнь с телефонным звонком. Вы снимете трубку…

Трр!

Звонят!

Конец

1973

№ 1

Роберт Шекли

Человек по Платону

Благополучно посадив корабль на Регул-V, члены экспедиции разбили лагерь и включили ГР-22-0314, своего граничного робота, которого они называли Максом. Робот этот приводился в действие голосом и представлял собой двуногий механизм, предназначенный для охраны лагеря от вторжения неземлян в случае, если экспедиции где-нибудь придется столкнуться с неземлянами. Первоначально в строгом согласии с инструкцией Макс был серо-стального цвета, но во время бесконечного полета его покрасили нежно-голубой краской. Высота Макса равнялась одному метру двадцати сантиметрам, и члены экспедиции постепенно уверовали, что он — добрый, разумный металлический человек, железный гномик, нечто вроде миниатюрного Железного Дровосека из «Волшебника Изумрудного города».

Разумеется, они заблуждались. Их робот не обладал ни одним из тех качеств, которые они ему приписывали. ГР-22-0314 был не разумнее жнейки и не добрее автоматической расточной линии. В нравственном отношении его можно было сравнивать с турбиной или радиоприемником, но никак не с человеком.

Маленький нежно-голубой Макс с красными глазами безостановочно двигался по невидимой границе лагеря, включив свои электронные органы чувств на максимальную мощность. Капитан Битти и лейтенант Джеймс отправились на реактивном вертолете обследовать планету и должны были отсутствовать около неделя. Лейтенант Холлорен остался в лагере охранять оборудование.

Холлорен был коренастым крепышом с бочкообразной грудью и кривыми ногами. Он был веселым, веснушчатым, закаленным, находчивым человеком и большим любителем соленых выражений. Позавтракав, он провел сеанс связи с вертолетом, потом раскрыл шезлонг и уселся полюбоваться пейзажем.

Регул-V — прелестное место, если вы питаете страсть к унылым пустыням. Вокруг лагеря во все стороны простиралась раскаленная равнина, состоявшая из песка, застывшей лавы и скал. Кое-где кружили птицы, похожие на воробьев, а иногда пробегали животные, напоминавшие койотов. Между скалами там и сям торчали тощие кактусы.

Холлорен встал с шезлонга:

— Макс, я пойду прогуляюсь. В мое отсутствие ты остаешься в лагере за главного.

Робот прервал обход.

— Слушаюсь, сэр. Я остаюсь за главного.

— Не допускай сюда никаких инопланетян, особенно двухголовых с коленями навыворот.

— Я учту ваше указание, сэр, — когда речь шла об инопланетянах, Макс утрачивал чувство юмора. — Вы знаете пароль, мистер Холлорен?

— Знаю, Макс. А ты?

— Мне он известен, сэр.

— Отлично. Ну, бывай.

И Холлорен покинул пределы лагеря.

Побродив часок по очаровательным окрестностям и не обнаружив ничего интересного, Холлорен направился обратно к лагерю. Он с удовольствием отметил про себя, что ГР-22-0134 совершает свой бесконечный обход границы лагеря. Это означало, что там все в порядке.

— Эгей, Макс! — крикнул он. — Писем для меня не поступало?

— Стой! — скомандовал робот. — Пароль!!

— Не валяй дурака, Макс. Мне сейчас не…

— СТОЙ!!! — загремел робот, когда Холлорен собрался было переступить границу.

Холлорен остановился как вкопанный. Фотоэлектрические глаза Макса вспыхнули, и негромкий двойной щелчок возвестил, что он

привел в боевую готовность оружие малого калибра. Холлорен решил действовать осторожнее.

— Я стою. Моя фамилия Холлорен. Ну как, все в порядке, Макс?

— Пожалуйста, назовите пароль.

— «Колокольчики», — ответил Холлорен. — Ну, а теперь с твоего разрешения…

— Не пересекайте границы, — предупредил робот, — Пароль неверен.

— Как бы не так! Я же сам тебе его давал.

— Это прежний пароль.

— Прежний? Да ты лишился своего электронного рассудка! — воскликнул Холдорен. — «Колокольчики» — единственный верный пароль, и никакого нового пароля у тебя быть не может, так как… Разве что…

Робот терпеливо ждал, пока Холлорен взвешивал эту неприятную мысль и наконец высказал ее вслух:

— Разве что капитан Битти дал тебе новый пароль перед отлетом. Так оно и было?

— Да, — ответил робот.

— Мне следовало бы это сообразить, — сказал Холлорен с улыбкой, но он был раздосадован. Такие промашки случались и прежде, но в лагере всегда был кто-нибудь, кто помогал исправить

положение.

Впрочем, оснований для тревоги не было. Если подумать хорошенько, ситуация складывалась довольно занятная. И найти выход ничего не стоило. Достаточно было немного поразмыслить.

Холлорен, разумеется, исходил из того, что ГР способны хотя бы немного поразмыслить.

— Макс, — начал Холлорен. — Я понимаю, как это произошло. Капитан Битти дал тебе новый пароль, но не сказал мне об этом. А я затем усугубил допущенный им промах, не проверив, как обстоит дело с паролем, прежде чем вышел за границу лагеря.

Робот ничего не сказал, и Холлорен продолжал:

— В любом случае эту ошибку легко поправить.

— Искренне надеюсь, что это так, — ответил робот.

— Ну конечно же, — заявил Холлорен без прежней уверенности. — И капитан, и я, давая тебе новый пароль, всегда следуем определенным правилам. Сообщив пароль тебе, он тут же сообщает его мне устно, но на всякий непредвиденный случай — вроде того, что произошел сейчас, — он его записывает.

— Разве? — спросил робот.

— Да-да, — ответил Холлорен. — Всегда. Неукоснительно. — И значит, в этот раз тоже. Ты видишь палатку позади себя?

Робот навел один глаз на палатку, не спуская второго с Холлорена.

— Да, я ее вижу.

— Отлично. В палатке стоит стол. На столе лежит серый металлический зажим.

— Правильно, — сказал Макс.

— Превосходно. В зажиме помещен лист бумаги. На нем записаны наиболее важные данные: частота, на которой подается сигнал бедствия, и тому подобное. В верхнем углу листка, обведенный красным кружком, написан текущий пароль.

Робот выдвинул свой глаз, сфокусировал его, затем вернул в обычное положение и сказал Холлорену!

— Все, что вы сказали, совершенно верно, но никакого отношения к делу не имеет. Мне нужно, чтобы вы знали пароль, а не то, где он находится. Если вы можете назвать пароль, я должен впустить вас в лагерь. Если вы его не знаете, я не должен вас туда пускать.

— Это же идиотизм! — закричал Холлорен. —

Макс, педантичный ты болван! Это же я, Холлорен! И ты прекрасно это знаешь! Ведь мы все время были вместе с того самого дня, когда тебя включили! Так будь добр, перестань изображать Горация на мосту и впусти меня в лагерь.

— Ваше сходство с мистером Холлореном действительно фантастично, — признал робот. — Но у меня нет ни приборов, ни права, чтобы идентифицировать вашу личность, и мне не разрешается действовать на основании только моих восприятий. Единственное приемлемое для меня доказательство — это пароль.

Холлорен подавил ярость и сказал нормальным тоном:

— Макс, старина, похоже, что ты намекаешь, будто я — инопланетянин.

— Поскольку вы не называете пароля, — ответил Макс, — я обязан исходить именно из этой предпосылки.

— Макс, — закричал Холлорен, делая шаг вперед. — Во имя всего святого!

— Не подходите к границе, — сказал робот. Его глаза пылали. — Кем бы и чем бы вы ни были — назад!

— Ладно-ладно, я отойду, — быстро сказал Холлорен. — Не нервничай.

Он отошел от границы и подождал, пока глаза робота не погасли. Потом сел на камень. Ему нужно было серьезно подумать.

Была уже почти середина тысячечасового регулийского дня. Двойное солнце стояло в самом зените — два белых пятна в тускло-белом небе. Они медленно плыли над темным гранитным ландшафтом, сжигая все, на что падали их лучи.

Изредка в сухом раскаленном воздухе устало пролетала птица. Небольшие зверьки быстро шмыгали из одной тени в другую. Животное, похожее на росомаху, грызло колышек палатки, но маленький голубой робот не обращал на него ни малейшего внимания. Человек сидел на камне и смотрел на робота.

Холлорен, которого уже начинала мучить жажда, попытался проанализировать свое положение и найти выход.

Ему хотелось пить. Скоро вода станет для него насущной необходимостью. А затем он умрет из-за отсутствия воды.

Нигде вокруг не было пригодной для питья воды, кроме как в лагере.

Воды в лагере было много, но пройти к ней, минуя робота, он не мог.

По расписанию Битти и Джеймс выйдут на

связь с ним через три дня, но если он не ответит, это их вряд ли встревожит — короткие волны капризничают даже на Земле. Еще одну попытку они сделают вечером, а потом на следующее утро. Не получив ответа и тогда, они вернутся в лагерь.

Итак, на это потребуется четыре земных дня. А сколько он может протянуть без воды?

Ответ зависел от скорости, с которой его организм теряет воду. Когда общая потеря жидкости достигнет десяти-пятнадцати процентов его веса, он впадет в шоковое состояние. Это может произойти с катастрофической внезапностью. Известны случаи, когда кочевники-бедуины, оставшись без воды, погибали через сутки. Потерпевшие аварию автомобилисты на американском Юго-Западе, пытаясь выйти пешком из пустыни Бейкер или Мохаве, иногда не выдерживали и двенадцати часов.

Регул-V был знойным, как Калахари, а влажность на нем была меньше, чем в Долине Смерти. День на Регуле-V был равен почти тысяче земных часов. Сейчас был полдень, и впереди его ждало пятьсот часов непрекращающегося зноя без возможности укрыться в тени.

Сколько он сможет продержаться? Один зем-

ной день. По самому оптимистическому подсчету — не больше двух.

Следовательно, про Битти и Джеймса надо забыть. Ему необходимо добыть воду из лагеря, и как можно скорее.

Значит, он должен придумать, как войти туда вопреки роботу.

Он решил пустить в ход логику.

— Макс, ты должен знать, что я, Холлорен, ушел из лагеря, и что я, Холлорен, вернулся через час, и что это я, Холлорен, стою сейчас перед тобой и не знаю пароля.

— Вероятность того, что ваше утверждение верно, весьма высока, — признал робот.

— Ну, в таком случае…

— Но я не могу действовать, исходя из вероятности или даже почти полной уверенности. В конце концов я был создан специально для того, чтобы иметь дело с инопланетянами, несмотря на весьма малую вероятность того, что я встречусь с ними.

— Не можешь ли ты хотя бы принести мне канистру с водой?

— Нет, это значило бы нарушить приказ.

— Когда это тебе отдавали приказы насчет воды?

— Прямо мне их не отдавали. Но такой вывод проистекает из основных заложенных в меня инструкций. Мне не полагается оказывать помощь или содействие инопланетянам.

После этого Холлорен произнес очень много слов очень быстро и очень громким голосом. Это были сугубо земные идиомы, однако Макс игнорировал эти определения, поскольку они были тенденциозными и бессодержательными.

Некоторое время спустя инопланетянин, который называл себя Холлореном, скрылся из виду за кучей камней.

Спустя несколько минут из-за кучи камней вышло, насвистывая, некое существо.

— Привет, Макс, — сказало существо.

— Привет, мистер Холлорен, — ответил робот.

Холлорен остановился в десяти шагах от границы.

— Ну, я побродил немножко, — сказал он, — но ничего интересного тут нет. В мое отсутствие что-нибудь произошло?

— Да, сэр, — ответил Макс. — В лагерь пытался проникнуть инопланетянин.

Холлорен поднял брови.

— Неужели?

— Да, сэр.

— И как же выглядел этот инопланетянин?

— Он выглядел очень похожим на вас, мистер Холлорен.

— Боже великий! — воскликнул Холлорен. — Так как же ты сообразил, что он — не я?

— А он пытался войти в лагерь, не сказав пароля. Этого подлинный мистер Холлорен, разумеется, не стал бы делать.

— Разумеется, — сказал Холлорен. — Отлично, Макси. Нам надо будет следить, не появится ли этот тип еще раз.

— Слушаюсь, сэр. Благодарю вас, сэр.

Холлорен небрежно кивнул. Он был доволен собой. Он сообразил, что Макс по самой своей конструкции должен будет рассматривать каждую встречу совершенно обособленно и действовать, исходя только из данных обстоятельств. Иначе и быть не могло, поскольку Максу не разрешалось рассуждать, опираясь на предыдущий опыт.

В сознании Макса были запрограммированы определенные предпосылки. Он исходил из того, что земляне всегда знают пароль. Он исходил из того, что инопланетяне никогда не знают пароля, но всегда пытаются проникнуть в лагерь. Поэтому существо, которое не пытается проникнуть в лагерь, тем самым должно быть свободно от

инопланетянского навязчивого желания входить в лагерь, а потому его можно рассматривать как землянина до тех пор, пока не будет доказано обратное.

Холлорен решил, что это очень недурное логическое построение для человека, организм которого уже потерял несколько процентов жидкости, а потому можно было надеяться, что и остальная часть его плана окажется не менее удачной.

— Макс, — сказал он, — во время моих обследований местности я сделал одно довольно неприятное открытие.

— А именно, сэр?

— Я обнаружил, что мы разбили лагерь на краю разлома в коре этой планеты. Ошибки здесь быть не может.

— Нехорошо, сэр. А велик ли риск?

— Еще бы! А чем больше риск, тем больше работы. Нам с тобой, Макси, придется перенести весь лагерь на две мили к западу. И немедленно. А потому бери канистры с водой и следуй за мной.

— Есть, сэр, — ответил Макс. — Как только вы смените меня с поста.

— Ладно, сменяю, — ответил Холлорен. — Пошевеливайся.

— Не могу, — сказал робот. — Вы должны сменить меня с поста, назвав пароль и указав, что он отменяется. Тогда я перестану охранять данные границы.

— У нас нет времени на формальности, — сказал Холлорен сквозь зубы. — Новый пароль — «треска». Пошевеливайся, Макс. Я чувствую содрогания почвы.

— Я ничего не чувствую.

— Еще бы ты чувствовал! — огрызнулся Холлорен. — Ты же всего только ГР-робот, а не землянин со специальной тренировкой и точно настроенным сенсорным аппаратом. Ах, черт, снова! Уж на этот-то раз ты его почувствовал?

— Да, кажется, почувствовал.

— Ну, так берись за дело.

— Мистер Холлорен, я не могу. Я физически не способен покинуть свой пост, пока вы меня не смените. Прошу вас, сэр, смените меня.

— Не волнуйся так, — сказал Холлорен. — Пожалуй, мы не будем переносить лагерь.

— Но землетрясение…

— Я только что произвел новые расчеты. У нас гораздо больше времени, чем я предполагал сначала. Я схожу погляжу еще раз.

Холлорен скрылся за скалами, где робот не мог

его видеть. Сердце его часто билось, а кровь, казалось, еле текла по жилам. Перед глазами плясали радужные пятна. Он поставил диагноз — легкий тепловой удар, и заставил себя посидеть неподвижно в небольшом кружке тени под скалой.

Медленно тянулись часы бесконечного дня. Бесформенное белое пятно двойного солнца сползло на дюйм ближе к горизонту. ГР-22-0134 бдительно охранял границы лагеря.

Поднялся ветер. Он достиг почти ураганной силы и начал швырять песок в немигающие глаза Макса. Робот неутомимо двигался по окружности. Ветер замер, и среди скал ярдах в двадцати от Макса появилась какая-то фигура. Кто-то следил за ним — Холлорен или инопланетянин? Макс не желал размышлять. Он охранял свою границу.

Маленький зверь, похожий на койота, опрометью выбежал из-за скал и зигзагом проскочил почти у самых ног Макса. Большая птица спикировала прямо на него. Раздался пронзительный визг, и брызги крови упали на одну из палаток. Птица тяжело взмыла в воздух, сжимая в когтях бьющееся тело.

Макс не обратил на это происшествие ни малейшего внимания. Он наблюдал за человекообразным существом, которое, пошатываясь,

брело к нему со стороны скал. Существо остановилось.

— Добрый день, мистер Холлорен, — сразу же сказал Макс. — Боюсь, мне следует упомянуть, сэр, что у вас заметны явные признаки обезвоживания. Это состояние ведет к шоку, потере сознания и смерти, если не будут немедленно приняты необходимые меры.

— Заткнись, — сказал Холлорен хриплым голосом.

— Слушаюсь, мистер Холлорен.

— И перестань называть меня мистером Холлореном.

— Но почему, сэр?

— Потому что я не Холлорен. Я — инопланетянин.

— Неужели? — сказал робот.

— Или ты сомневаешься в моей правдивости?

— Ну, ваше ничем не подтверждаемое заявление…

— Неважно. Я дам тебе доказательство. Я не знаю пароля. Слышишь? Каких еще доказательств тебе надо?

Робот продолжал колебаться, и Холлорен добавил:

— Мистер Холлорен велел мне напомнить тебе

твои собственные основополагающие определения, в соответствии с которыми ты исполняешь свою работу, а именно: землянин — это разумное существо, которое знает пароль. Инопланетянин — это разумное существо, которое не знает пароля.

— Да, — с неохотой согласился робот. — Для меня все определяется знанием пароля. И все же я чувствую, что тут что-то не так. Предположим, вы мне лжете.

— Если я лгу, то отсюда следует, что я — землянин, который знает пароль, — объяснил Холлорен, — и опасности для лагеря нет. Но ты знаешь, что я не лгу, потому что тебе известно, что никакой землянин не станет лгать, когда речь идет о пароле.

— Но могу ли я исходить из такой предпосылки?

— А как же иначе? Ни один землянин не захочет выдать себя за инопланетянина, верно?

— Конечно, нет.

— А пароль — единственное точное различие между человеком и инопланетянином?

— Да.

— Следовательно, тезис можно считать доказанным.

— Но все-таки я не уверен, — сказал Макс, и Холлорен сообразил, что робот считает себя обязанным не доверять инопланетянину, даже если инопланетянин всего лишь пытается доказать, что он — инопланетянин.

Холлорен выждал, и через минуту Макс сказал:

— Хорошо, я согласен, что вы — инопланетянин. А потому я отказываюсь допустить вас в лагерь.

— Я и не прошу, чтобы ты меня туда допускал. Вопрос заключается в том, что я пленник Холлорена, а ты знаешь, что это означает.

Фотоэлектрические глаза робота быстро замигали.

— Я не знаю, что это означает.

— Это означает, — объявил Холлорен, — что ты должен выполнять все приказы Холлорена, касающиеся меня. А он приказывает, чтобы ты меня задержал в пределах лагеря и не выпускал оттуда, пока он не отдаст другого распоряжения.

— Но мистер Холлорен знает, что я не могу впустить вас в лагерь! — вскричал Макс.

— Конечно. Но Холлорен приказывает, чтобы ты взял меня под стражу в лагере, а это совсем другое дело.

— Разве?

— Конечно. Ты же должен знать, что земляне всегда берут под стражу инопланетян, которые пытаются ворваться в их лагерь.

— Кажется, я что-то такое слышал, — сказал Макс. — Но все-таки впустить вас в лагерь я не могу. Зато я могу сторожить вас здесь, прямо перед лагерем.

— От этого мало толку, — угрюмо сказал Холлорен.

— Мне очень жаль, но ничего другого я предложить не в состоянии.

— Ну ладно, — ответил Холлорен, садясь на песок. — Следовательно, я твой пленник.

— Да.

— Тогда дай мне воды напиться.

— Мне не разрешается…

— Черт побери, ты, несомненно, знаешь, что с пленными инопланетянами предписывается обращаться со всей вежливостью, положенной их рангу, а также снабжать их всем, что необходимо для жизни, в соответствии с Женевской, конвенцией и прочими международными соглашениями.

— Да, я об этом слышал, — сказал Макс. — А какой у вас ранг?

— Джемисдар старшего разряда. Мой серий-

ный номер — двенадцать миллионов двести семьдесят восемь тысяч ноль тридцать один, и мне требуется вода немедленно, потому что я без нее умру.

Макс задумался на секунду, а потом сказал:

— Я дам вам воды, но только после того, как напьется мистер Холлорен.

— Но ведь ее, наверное, хватит на нас обоих? — спросил Холлорен, пытаясь обаятельно улыбнуться.

— Это должен решить мистер Холлорен, — твердо объявил Макс.

— Ну ладно, — сказал Холлорен, поднимаясь на ноги.

— Погодите! Остановитесь! Куда вы идете?

— Вон за те скалы, — ответил Холлорен. — Настал час моей полуденной молитвы, которую я должен творить в полном одиночестве.

— Но что если вы сбежите?

— Чего ради? — спросил Холлорен, удаляясь. — Холлорен просто поймает меня еще раз.

— Верно, верно, этот человек — гений, — пробормотал робот.

Прошло всего несколько минут. Внезапно из-за скал появился Холлорен.

— Мистер Холлорен? — спросил Макс.

— Да, это я, — весело ответил Холдорен. — Мой пленник прибыл сюда благополучно?

— Да, сэр. Он вон за теми скалами. Молится.

— Это ничего, — сказал Холлорен. — Вот что, Макс. Когда он выйдет оттуда, непременно напои его.

— С радостью. После того, как вы напьетесь, сэр.

— Черт, да я совершенно не хочу пить. Последи только, чтобы этот бедняга инопланетянин получил свою воду.

— Я не могу, пока не увижу, что вы напились вдосталь. Состояние обезвоживания, о котором я упоминал, сэр, заметно усилилось. В любой момент у вас может наступить коллапс. Я требую, я умоляю вас, напейтесь.

— Ну ладно, хватит ворчать. Принеси мне канистру.

— Ах, сэр!

— А? Ну что еще?

— Вы знаете, что я не могу покинуть границу.

— Да почему же?

— Это противоречит инструкции. А кроме того, за скалами — инопланетянин.

— Я посторожу за тебя, Макс, старина. А ты будь умницей и принеси воды.

— Вы очень добры, сэр, но я не могу этого допустить. Ведь я — робот ГР, сконструированный специально для охраны лагеря. Я не имею права возлагать эту ответственность ни на кого — даже на землянина или на другого робота ГР до тех пор, пока они не назовут пароль и я не сменюсь с поста.

— Знаю, знаю, — пробормотал Холлорен. — С какой стороны ни возьмись, результат один.

Он с трудом поплелся к скалам.

— Что случилось? — спросил робот. — Что такого я сказал?

Ответа не было.

— Мистер Холлорен? Джемисдар — инопланетянин?

Ответа по-прежнему не последовало. Макс продолжал охранять границы лагеря.

Холлорен был измучен. Горло саднило от пустых разговоров с глупым роботом, а все тело болело от бесчисленных ударов двойного солнца. Это был уже не солнечный ожог — Холлорен почернел, обгорел, превратился в жареного индюка. Боль, жажда и утомление вытеснили все остальные чувства, кроме злости.

Он злился на себя за то, что попал в такое нелепое положение и не сумел предотвратить своей

гибели («Холлорен? Ах да, бедняга не знал пароля и умер от жажды всего в сотне шагов от воды и палаток. Печальный, нелепый конец…»).

И теперь его поддерживала только злость. Только она заставляла его вновь взвешивать положение и искать возможности проникнуть в лагерь.

Он уже убедил робота, что он — землянин. Затем он убедил робота, что он — инопланетянин. Ни то, ни другое не помогло ему проникнуть в лагерь.

Что еще он может сделать?.

Холлорен перекатился на спину и уставился в пылающее белое небо. В нем плавали черные точки. Галлюцинация? Нет, это кружили птицы. Они забыли про свою обычную добычу и ждали, чтобы он совсем обессилел — вот тогда они устроят настоящий пир…

Он заставил себя сесть. Теперь, сказал он себе, ты взвесишь все и найдешь зацепку.

С точки зрения Макса все разумные существа, знающие пароль — земляне. А все разумные существа, не знающие пароля, — инопланетяне.

Это означает…

На мгновение Холлорену показалось, что он нашел ключ к разгадке. Но ему было трудно

сосредоточиться. Птицы спускались все ниже. Из-за скалы выскользнул койот и понюхал его ботинок.

Забудь все это. Сосредоточься. Превратись в логически мыслящий автомат.

В конце концов Макс глуп. Его сконструировали не для того, чтобы он разоблачал обманщиков, если не считать одной очень узкой области. Его критерии… архаичны, как в анекдоте о Платоне, который назвал человека двуногим существом без перьев, а Диоген ощипал петуха и заявил, что он точно соответствует этому определению, после чего Платон внес уточнение, добавив, что человек — это двуногое существо без перьев и с плоскими ногтями. Но какое отношение все это имеет к Максу? Холлорен яростно тряхнул головой, пытаясь сосредоточиться. Но перед ним по-прежнему вставал человек по Платону — шестифутовый петух без единого перышка на теле и с очень плоскими ногтями.

Макс уязвим. У него должно найтись слабое место. В отличие от Платона он не может вносить уточнения в свои определения. Он не в состоянии отойти от них, как и от всего того, что из них логически вытекает.

— Черт побери! — сказал Холлорен вслух. — По-

моему, я-таки нашел способ.

Он попытался обдумать его подробнее, но обнаружил, что на это у него уже нет сил. Оставалось только одно: попробовать, а там будь что будет.

— Макс, — сказал он шепотом, — вот идет ощипанный петух, а вернее, неощипанный петух. Сунь-ка это в свою космологию и прожуй хорошенько.

Он сам хорошенько не понимал, что, собственно, хочет сказать, но твердо знал, что сейчас сделает.

Капитан Битти и лейтенант Джеймс вернулись в лагерь в конце третьего земного дня. Холлорена они нашли без сознания. Это было следствием большого обезвоживания и солнечного удара. В бреду он кричал, что Платон пытался не пустить его в лагерь, и тогда Холлорен превратился в шестифутового петуха без плоских ногтей и тем посрамил ученого философа и его дружка робота.

Макс напоил его, завернул в мокрое одеяло и соорудил над ним светонепроницаемый тент из двух слоев пластика. Дня через два Холлорен должен был совсем оправиться.

Но перед тем, как потерять сознание, он успел написать на листке:

«Без пароля не мог вернуться. Сообщите, чтобы завод ввел в роботов ГР аварийный контур».

Битти не мог добиться от Холлорена никакого толку, а потому стал расспрашивать Макса. Он узнал все подробности о том, как Холлорен ушел на разведку, и про многочисленных инопланетян, которые выглядели точно так же, как Холлорен, и о том, что говорили они и что говорил Холлорен. Это-то было понятно: Холлорен отчаянно искал способа проникнуть в лагерь.

— Но что произошло после этого? — спросил Битти. — Как он все-таки проник в лагерь?

— Он не «проник», — ответил Макс. — Он просто вдруг уже был там.

— Но как он прошел мимо тебя?

— Он не проходил. Это было бы невозможно. Просто мистер Холлорен был уже внутри лагеря.

— Я не понимаю, — сказал Битти.

— Говоря откровенно, сэр, я тоже не понимаю. Боюсь, что на ваш вопрос может ответить только сам мистер Холлорен.

— Ну, когда еще Холлорен начнет разговаривать! — сказал Битти. — Но если он нашел способ, наверное, и я сумею его найти.

Битти и Джеймс долго ломали голову над этой задачей, но так и не нашли ответа. Для этого

они недостаточно отчаялись и недостаточно озлились, и мысли их шли совсем не по нужному пути. Чтобы понять, каким образом Холлорен проник в лагерь, необходимо было посмотреть на заключительные события глазами Макса.

Жара, ветер, птицы, скалы, солнца, песок. Я игнорирую все постороннее. Я охраняю границы лагеря от инопланетян. Что-то приближается ко мне со стороны скал, из пустыни. Это большое существо, волосы свисают с его головы, оно бежит на четырех конечностях.

Я приказываю ему остановиться. Оно рычит на меня. Я снова приказываю остановиться, более резко, я включаю мое оружие, я угрожаю. Существо рычит и продолжает ползти к лагерю.

Я вспоминаю инструкции, чтобы спланировать дальнейшее поведение.

Я знаю, что люди и инопланетяне — это две категории разумных существ, характеризующиеся способностью мыслить, что подразумевает способность выражать мысли с помощью речи. Эта способность неизменно пускается в ход, когда я приказываю остановиться.

Люди, когда у них спрашивают пароль, всегда отвечают правильно.

Инопланетяне, когда у них спрашивают па-

роль, всегда отвечают неправильно.

И инопланетяне, и люди, когда у них спрашивают пароль, всегда отвечают — правильно или неправильно.

Поскольку это всегда так, я должен сделать вывод, что любое существо, которое мне не отвечает, вообще неспособно отвечать и его можно игнорировать.

Птиц и пресмыкающихся можно игнорировать. Это большое животное, которое ползет мимо меня, тоже можно игнорировать. Я не обращаю внимания на это существо, но я включил все мои органы чувств на полную мощность, потому что мистер Холлорен где-то ходит по пустыне, а кроме того, там молится инопланетянин — джемисдар.

Но что это? Мистер Холлорен чудесным образом вернулся в лагерь, он стонет, страдая от обезвоживания и солнечного удара. Животное, которое проползло мимо меня, исчезло бесследно, а джемисдар, по-видимому, все еще молится среди скал…

~~Сокращенный~~полный перевод с английского И. Гуровой

№ 3

Айзек Азимов

Некролог

6789
0123456789
89
1234567890
012345

От автора

Мне стыдно сознаться, что замысел этого рассказа возник у меня в ту минуту, когда я читал в «Нью-Йорк Таймс» некролог о писателе-фантасте, моем товарище по перу. Я читал и думал: неужели и мой некролог, когда он появится, будет таким же длинным! От этой мысли до моего рассказа был только один шаг...

Мой супруг Ланселот имеет привычку читать за завтраком газету. Он выходит к столу, и первое, что я вижу, — это выражение неизменной скуки и легкого замешательства на его худом, отрешенном лице. Он никогда не здоровается. Газета, предусмотрительно развернутая, ждет его на столе, и через мгновение лицо его исчезает.

И потом в продолжение всей трапезы я вижу только его руку, которая высовывается из-за газеты, чтобы принять от меня вторую чашку кофе, куда я насыпаю одну ложку сахара. Ровно одну — ни больше и ни меньше. Иначе он испепелит меня своим взглядом.

Все это меня давно уже не волнует. По крайней

мере за столом царит мир — и на том спасибо.

Но в это утро спокойствие было нарушено. Нежданно-негаданно Ланселот разразился следующей речью:

— Хос-споди! Эта дубина Пол Фарбер, а? Загнулся!

Я не сразу сообразила, о ком он говорит. Ланселот упоминал однажды это имя — кажется, это был кто-то из их компании. Тоже физик, и, судя по тому, как аттестовал его мой супруг, довольно известный. Во всяком случае, из тех, кто сумел добиться успеха, чего нельзя сказать о моем муже.

Отшвырнув газету, он уставился на меня злобным взглядом.

— Нет, ты только почитай, что они там наворотили! — проскрежетал он. — Можно подумать, второй Эйнштейн вознесся на небо. И все из-за того, что этого дурака хватил кондрашка.

Ланселот встал и вышел из комнаты, не доев яйца, не притронувшись ко второй чашке кофе.

Я вздохнула. А что мне еще оставалось делать?

Само собой разумеется, настоящее имя мужа не Ланселот Стеббинз: я изменила имя и некоторые подробности, во избежание осложнений. Но в том-то и дело, что, если б назвать моего супруга его подлинным именем, это имя вам все равно

ничего бы не сказало.

Ланселот обладал удивительной способностью оставаться неизвестным. Это был прямо какой-то талант — ни у кого не вызывать к себе никакого интереса. Все его открытия уже были кем-то открыты до него. А если ему и удавалось открыть что-то новое, то всегда кто-нибудь другой в это время создавал нечто более замечательное, и о Ланселоте никто не вспоминал. На конгрессах его доклады никто не слушал, потому что именно в эту минуту в соседней аудитории кто-то делал более важное сообщение.

Все это не могло не повлиять на моего мужа, он стал другим человеком.

Двадцать пять лет назад, когда мы поженились, это был парень что надо. Блестящая партия. Человек состоятельный, только что получивший наследство, и вдобавок уже сложившийся ученый — не лишенный честолюбия, энергичный и подающий большие надежды. Я тоже, по-моему, была очень недурна собой. Только от всей моей красоты ничего уже не осталось. А вот моя замкнутость, моя полная неспособность завоевать успех в обществе, как это полагалось бы жене молодого и многообещающего научного деятеля, — все это осталось при мне. Быть может, этим

отчасти объяснялось то, что Ланселот был таким невезучим. Будь у него другая жена, он светил бы по крайней мере ее отраженным светом.

Понял ли он это в конце концов? И не потому ли он охладел ко мне после первых счастливых лет нашего брака? От этой мысли мне частенько становилось не по себе, и я осыпала себя упреками.

Но иногда я думаю, что виной всему было его тщеславие — тщеславие, которое терзало Ланселота тем сильнее, чем меньше он мог его утолить. Он уволился с факультета и выстроил собственную лабораторию далеко за городом. Говорил, что хочет наслаждаться чистым воздухом подальше от людей.

Денежный вопрос его не тревожил. На физику правительство средств не жалело, поэтому он всегда мог получить столько, сколько нужно. Вдобавок он без всякой меры расходовал наши собственные сбережения.

Я пыталась его урезонить. «Послушай, Ланселот, — говорила я. — Мы же, в конце концов, не нуждаемся. Никто тебя не гонит из университета. К чему все это? Дети и спокойная жизнь — вот все, что мне нужно».

Но его словно ослепил огонь честолюбия, пожиравший его. В ответ он злобно огрызался:

«Есть кое-что поважнее! Меня должны признать! Должны же они наконец понять, кто я такой. Я… я — великий исследователь!»

Тогда он еще не решался назвать себя гением.

И что же? Ему по-прежнему не везло. В лаборатории кипела работа. За бешеные деньги он нанял наилучших помощников. Сам трудился как вол. А толку никакого.

Я еще надеялась, что он все же опомнится и мы вернемся в город и заживем тихо и мирно. Не тут-то было. Едва оправившись от очередного поражения, он снова рвался в бой — штурмовать бастионы славы. Каждый раз он загорался новой надеждой, и каждый раз судьба швыряла его в грязь.

Вот тогда он вспоминал о моем существовании. Свои обиды он вымещал на мне. Я не очень отважная женщина, но и мне в конце концов стало ясно, что мы должны расстаться.

Должны, но…

В этот последний год Ланселот готовился к новому сражению. К последнему — я это поняла. В нем появилось нечто новое, незнакомое мне, — какая-то судорожная напряженность. Иногда он говорил сам с собой, ни с того ни с сего смеялся коротким смешком. Целыми днями не брал в

рот ни крошки, не спал по ночам. Дошло до того, что он стал прятать на ночь в нашей спальне лабораторные журналы, словно боялся, что его ограбят собственные сотрудники.

Я-то была уверена, что и эта затея обречена на провал. Но теперь он был уже в том возрасте, когда человек должен понять, что это его последняя ставка. Ну что ж, пускай попытает счастья. Расшибет себе в последний раз лоб и бросит все к черту. Я набралась терпения и стала ждать.

Тут как раз и произошла эта история с некрологом, который он прочитал в газете. Я забыла сказать, что однажды у нас уже был подобный случай. Тогда я не выдержала и брякнула ему что-то вроде того, что, мол, на худой конец его похвалят в его собственном некрологе.

Я, конечно, понимаю, что это не очень-то остроумно. Но тогда мне хотелось отвлечь его, помешать ему утонуть в ощущении полной безысходности, которое делало его совершенно невыносимым. А может быть, я, сама того не понимая, затаила на него злобу. Честно говоря, не знаю.

Как бы то ни было, услышав мои слова, он весь перекосился. Колючие брови нависли над его глубоко запавшими глазами; резко повернувшись ко

мне, он взвизгнул пронзительным фальцетом:

— Но я-то ведь не смогу прочесть свой некролог! Я даже этого лишен!

И он плюнул. Плюнул мне в лицо.

Я выбежала в свою комнату.

Он так и не извинился; несколько дней подряд я старалась с ним не встречаться, потом мало-помалу взаимоотношения восстановились, такие же безрадостные, как и прежде. Никто из нас больше не вспоминал об этом инциденте. И вдруг — опять некролог, и тут мне стало ясно, что это — последняя капли, что в цепи его неудач наступила некая кульминация.

Кризис приближался, я это чувствовала и не знала, бояться мне или радоваться. Пожалуй, все-таки надо было радоваться. Терять было нечего: любая перемена могла быть только к лучшему.

Перед ленчем он вошел ко мне в комнату, где я сидела за каким-то рукоделием — лишь бы чем-нибудь заняться — и следила краешком глаза за телевизором, опять-таки с единственной целью: занять чем-нибудь свой мозг.

Он выпалил:

— Ты должна мне помочь.

Прошло уже лет двадцать, если не больше, с тех пор как он в последний раз обращался ко мне с подобной просьбой — и сердце у меня сжалось. Я увидела, что он возбужден до крайности. На его щеках, всегда бледных, выступила краска. Я пролепетала:

— Охотно, если только смогу…

— Сможешь. Я отправил моих помощников на месяц в отпуск. С субботы их не будет. Будем работать в лаборатории вдвоем. Имей это в виду, чтобы в следующую неделю ничем другим не заниматься.

— Но… Ланселот, — я была в полном замешательстве, — как же я помогу тебе, ведь я ничего не понимаю в этом.

— Знаю, — сказал он презрительно, — тебе и не нужно понимать. Будешь выполнять то, что я тебе скажу, вот и все. Я, видишь ли… кое-что открыл… и это даст мне возможность…

— Ох, Ланселот! — вырвалось у меня. Сколько раз я уже это слышала.

— Слушай меня, дурья башка, и попытайся хоть раз вести себя как взрослый человек. Да, открыл. Но на этот раз меня уже никто не обскачет, потому что идея моего открытия превосходит всякое воображение. Во всем мире ни один физик, будь

он даже семи пядей во лбу, никогда не сможет выдумать ничего подобного. Для этого нужно, чтобы сменилось по крайней мере одно поколение… Словом, если мир узнает о моих работах, меня должны признать величайшим ученым всех времен.

— Я очень рада, поздравляю тебя, Ланселот.

— Должны, я сказал. Могут и не признать. В научном мире заслуги распределяются достаточно несправедливо, я испытал это на собственной шкуре… Но только теперь я уже не буду таким дураком, дудки! Я попридержу открытие. А то, глядишь, кто-нибудь подключится. И кончится тем, что мое имя будет плесневеть в каком-нибудь паршивом учебнике по истории науки, а настоящая слава достанется всем этим молодым да ранним.

Он больше не мог сдерживаться. Его буквально распирало. И теперь, когда до осуществления его замысла оставалось всего три дня, он решил, что перед таким ничтожеством, как я, он может открыться без всяких опасений.

Он продолжал:

— Я подам свое открытие так, что все человечество ахнет. Уж тогда никому не придет в голову упоминать о других — все будут говорить только

обо мне.

Это уж было слишком. Я перепугалась: а вдруг его ждет новое разочарование? Ведь тогда он окончательно лишится рассудка.

— Дорогой, — сказала я, — к чему такая спешка? Давай немного подождем. Ты слишком много работал, передохни. Возьми отпуск. Мы могли бы съездить в Европу. Кстати, я давно собиралась…

Он топнул ногой.

— Да прекратишь ли ты наконец свою идиотскую болтовню?! В субботу пойдешь со мной в лабораторию. Ясно?

Все эти три ночи я почти не смыкала глаз. Он еще никогда не был таким, не было в нем такого ожесточения. Может, он и вправду спятил? Что он задумал? Чего доброго, поставит на мне какой-нибудь безумный эксперимент. Или просто укокошит меня.

О чем я только не передумала в эти беспросветные, полные ужаса ночи. Хотела звать полицию, хотела убежать, словом, сама не знаю что.

Но приходил рассвет, и я успокаивалась. Нет, он не был сумасшедшим и не был способен на насилие. Даже когда он плюнул в меня — то был в

сущности чисто символический акт. И вообще он никогда не осмеливался поднять на меня руку.

И я снова ждала. Наступила суббота. И я покорно, как на заклание, двинулась навстречу неизвестности. Вдвоем мы молча шагали по тропинке, ведущей от дома к лаборатории.

Один вид этой лаборатории вселил в меня ужас. Когда мы приблизились к ней, у меня стали подкашиваться ноги, но Ланселот, заметив мое смятение, буркнул: «Да перестань ты озираться, никто тебя не тронет. Твое дело — выполнять мои указания и смотреть, куда я скажу».

— Да, милый…

На дверях висел замок. Ом отомкнул его, и мы оказались в тесной комнатке, сплошь заставленной диковинными приборами, от которых во все стороны тянулись провода.

— Ну-с, начнем, — сказал он. — Видишь вон тот стальной тигель?

— Да, милый. — Это был высокий и узкий сосуд с толстыми стенками, кое-где покрытыми ржавчиной. Сверху на него была наброшена проволочная сетка.

Муж подвел меня к тиглю, и я увидела, что там сидит белая мышка. Передними лапками она упиралась в стенку, пытаясь просунуть мордочку

сквозь петли проволочной сетки, и мелко дрожала — не то от страха, не то от любопытства.

Я отшатнулась. Все-таки это неприятно — неожиданно увидеть мышь.

Ланселот проворчал:

— Да не укусит она тебя… Ладно, теперь отойди и следи за мной.

Все мои страхи вернулись ко мне. В ужасе я ждала, что вот сейчас вылезет откуда-нибудь стальное чудовище и раздавит меня или ударит молния и превратит меня в кучку пепла… Я зажмурилась.

Но ничего особенного не произошло, по крайней мере со мной. Что-то зашипело, как будто пытались разжечь отсыревшую хлопушку, потом я услышала голос Ланселота: «Эй, проснись».

Я открыла глаза. Ланселот смотрел на меня. Он сиял.

— Ну, как?

Ничего не понимая, я беспомощно озиралась вокруг.

— Дурочка, — сказал он. — Это же прямо перед твоим носом.

Тут я только заметила, что рядом с тиглем стоит другой, точно такой же. Раньше его тут не было.

— Ты имеешь в виду второй тигель? — спро-

сила я.

— Это вовсе не второй, это двойник первого. Абсолютная копия, вплоть до последнего атома. Посмотри внимательно. Даже пятна ржавчины одни и те же.

— Ты сделал из одного два?

— Ну да. Только совершенно необычным способом. Видишь ли, чтобы создать заново материю, нужно затратить колоссальное количество энергии. Например, если ты хочешь удвоить один грамм вещества, то даже при самой совершенной технологии тебе придется полностью расщепить не менее ста граммов урана. Так вот, я открыл, что можно создавать материю с ничтожной затратой энергии, надо только уметь ее приложить. А для этого нужно удваивать объект не в настоящем времени, а в будущем, в какой-либо его точке. Весь фокус, моя… э… моя дорогая, состоит в том, что, создав такой дубликат и перенеся его из будущего в настоящее, я тем самым получаю эффект передвижения во времени!

Можете представить себе, насколько велико было его воодушевление, если, обращаясь ко мне, он употребил столь прочувствованный эпитет.

— Да, это замечательно. — Я действительно была потрясена. — Скажи мне, а… мышка тоже

вернулась?

На сей раз ответа не последовало. Я заглянула во второй тигель. И тут меня словно толкнули кулаком в грудь. Мышь лежала на своем месте. Но она была мертва.

Ланселот слегка покраснел.

— Тут у меня осечка, — пробормотал он. — Понимаешь, я могу возвращать назад живую материю, но она почему-то оказывается мертвой.

— Какая досада! Почему?

— Пока неизвестно. Я убежден, что объект копируется совершенно точно, с сохранением всей микроструктуры. Это подтверждено при вскрытиях.

— Но ты бы мог спросить у… — Я осеклась. Он метнул в меня недобрый взгляд. Черт меня дернул заикнуться об этом. Я же знала: стоит ему пригласить себе кого-нибудь в помощники, и слава непременно достанется другому.

Он проговорил с горькой усмешкой:

— Да что там, я уже спрашивал. Моих мышек вскрывал опытный биолог. Он ничего не нашел. Разумеется, никто не знает, откуда взялись эти животные. Я постарался своевременно изъять материал… А то еще возникнут какие-нибудь

подозрения. Господи! — воскликнул он, — ведь даже мои ассистенты ни о чем не подозревают!

— Но зачем тебе понадобилось держать все это в такой тайне?

— Зачем? Затем, что я не могу вернуть мышей живыми. Видимо, происходит какой-то ничтожный молекулярный сдвиг. Так вот, если я сейчас опубликую свои результаты, то найдется кто-нибудь другой, кто придумает способ предупредить этот сдвиг. Чуточку усовершенствует мое открытие, но зато ему удастся вернуть живого человека, который доставит информацию о будущем. И слава опять от меня уплывет!

Он был прав. У него наверняка нашлись бы последователи. И тогда моему муженьку уже нечего было бы рассчитывать на признание; не помогли бы никакие заслуги. Это уж точно.

— М-да, — пробормотал он, обращаясь скорее к самому себе, чем ко мне, — и тем не менее, я не могу больше ждать. Это дело надо обнародовать — но так, чтобы изобретение навсегда было связано с моим именем. Понимаешь, тут нужна сенсация. Любое упоминание о путешествиях во времени должно вызывать в памяти у людей мое имя, кто бы потом не работал над этим открытием. Так вот, я... подготовил такую сенсацию. Ты

тоже должна в ней участвовать.

— Я? Но в качестве кого?

— В качестве моей вдовы.

— Ланселот! — Я схватила его за руку. — О боже… Что ты задумал?

Он холодно отстранился. — Успокойся. Я не собираюсь убивать себя. Побуду три дня в будущем и вернусь.

— Но ты же умрешь!

— Умру не я, умрет мой двойник. Мое подлинное «я» будет жить, как и прежде. Как вот та мышь.

Он взглянул на часы.

— Ага. Вот. Осталось три секунды. Следи за вторым тиглем.

Тут снова раздался шипящий звук, и на моих глазах контейнер с мертвой мышью исчез, как будто его не было.

— Куда он делся?

— Никуда, — сказал Ланселот. — Это же копия. Мы создали ее в определенной точке будущего, теперь этот момент настал, и она преспокойно закончила свое существование. А первая мышь, которая служила оригиналом, жива и здорова. То же самое произойдет и со мной. Моя копия вернется мертвой. Оригинал, то есть я сам, бу-

дет продолжать жить. Потом пройдет три дня, наступит нулевой момент, и моя мертвая копия исчезнет, а оригинал как жил, так и будет жить. Неужели не понятно?

— Понятно. Но все-таки рискованно.

— Да с чего ты взяла? Ты только представь себе: находят мой труп, врач подтверждает, что я умер. О моей смерти объявляют в газетах, готовится панихида и все такое. Вдруг я появляюсь, живой и невредимый, и рассказываю обо всем! После такого дела я уже буду не просто физиком, который открыл способ передвигаться во времени. Я буду человеком, который воскрес из мертвых! Обо мне заговорит весь мир. Ланселот Стеббинз и путешествия во времени — эти понятия станут неотделимы друг от друга. Никто не посмеет их разъединить.

— Ланселот, — сказала я тихо. — Но почему, почему мы не можем просто объявить о твоем открытии? Зачем эти сложности? Ты и так станешь знаменит, и тогда… мы смогли бы переехать в город…

— Замолчи! И делай что тебе говорят.

Не знаю, когда он успел придумать весь этот

план и какую роль сыграл для него тот газетный некролог, но я определенно недооценила умственные способности моего мужа. Хотя он и был феноменальным неудачником, в изобретательности ему нельзя было отказать.

Своим сотрудникам он предусмотрительно сообщил, что намерен в их отсутствие провести кое-какие химические эксперименты. Сотрудники должны были подтвердить, что он действительно работал с цианистыми солями и, по всей видимости, отравился.

— Ты подскажешь полиции, чтобы она немедленно связалась с моими ассистентами. Где их найти, ты знаешь. Мне не нужно ни убийства, ни самоубийства — никаких подозрений на что-либо такое. Несчастный случай, вот и все. Самый обыкновенный, законный несчастный случай. Как можно скорее получить врачебное свидетельство о смерти и распубликовать в газетах.

— Слушай, — сказал я, — а что если они отыщут тебя живого?

— Чепуха! Если найден труп, кому, черт возьми, придет в голову искать живого человека? Я спокойненько буду сидеть в той комнате. Возьму с собой запас бутербродов… и уборная там рядом.

Он вздохнул:

— Вот только как быть с моим кофе? Чего доброго, еще потянет запахом из комнаты. Ну да ладно: три дня как-нибудь перебьюсь. Посижу на хлебе и воде.

Я слушала его, тщетно пытаясь унять нервную дрожь, которая била меня.

— Ну, а если все-таки тебя найдут? Знаешь, это ведь тоже неплохо: сразу два человека — живой и мертвый.

Я старалась подготовить и себя. К его неизбежной, как мне казалось, неудаче.

Он заорал:

— Нет, плохо! Получится дешевый фарс. А я не собираюсь прославиться в качестве героя анекдотов.

— Мало ли что может случиться, — осторожно заметила я.

— Только не со мной!

— Ты всегда так говоришь. А потом…

Ланселот побелел от ярости. Зрачки его вонзились в меня. Он схватил меня за локоть и сжал с такой силой, что я чуть не закричала.

— Это ты, ты все можешь напортить! — прохрипел он. — Только посмей! Если ты не будешь вести себя как надо, то я… я… — он искал и не мог найти для меня подходящую казнь, — я уни-

чтожу тебя!

Охваченная ужасом, я старалась высвободиться, но безуспешно. Гнев придал этому тщедушному человеку чудовищную силу.

— Слушай, ты! — проговорил он наконец. — Ты всегда приносила мне несчастье. Но я сам виноват: не надо было на тебе жениться. Это раз. А во-вторых, надо было с тобой развестись. Времени все не было… Но теперь — теперь я стою на пороге небывалого успеха. Вопреки тебе! И клянусь тебе, если и на этот раз испортишь мне всю музыку, я тебя убью. Ты поняла? Убью. В буквальном смысле слова.

Я не сомневалась, что он так и сделает. Я пролепетала:

— Хорошо.

Тогда он отпустил меня.

Весь следующим день он копался в своих аппаратах. — Никогда не приходилось транспортировать больше ста граммов живности, — рассеянно пояснил он.

Я подумала: «Сорвется. Непременно что-нибудь выйдет не так».

На следующее утро все было готово. Он отрегу-

лировал приборы так, что мне оставалось только нажать на рычажок. После этого он заставил меня бессчетное число раз включать и выключать рычажок вхолостую, без тока.

— Ну что, — повторял он, — ясно тебе, что надо сделать?

— Да, да.

— Включай, как только загорится лампочка. Не раньше!

«Господи, что-нибудь сломается», — думала я.

— Да, — сказала я вслух.

Ланселот, в резиновом фартуке поверх рабочей блузы, занял свое место. Он стоял как каменный. Наступило молчание.

Вспыхнула лампочка, и… помня его уроки, я нажала на рычажок, не успев даже подумать о том, что я делаю. Секундой позже передо мной стояли плечом к плечу два Ланселота, похожие друг на друга как две капли воды, только второй был чуточку взъерошен. Вдруг этот второй обмяк и повалился.

— Браво! — воскликнул живой Ланселот, выходя из квадрата, который был нарисован на полу. — Теперь помоги мне. Бери его за ноги.

Я подивилась его выдержке. Увидеть свой собственный труп, свое безжизненное тело, при-

ехавшее из послепослезавтрашнего дня! А он и глазом не моргнул. Подхватил его под мышки, как будто взялся за мешок с картофелем.

Я ухватилась за обе щиколотки. Меня мутило. Труп был еще теплый. Мы проволокли его по коридору, втащили на лестницу, наконец добрались до комнаты. Там уже было все приготовлено. В причудливо изогнутой реторте булькал раствор, вокруг громоздилось химическое оборудование.

Словом, это был образцовый рабочий беспорядок, без сомнения, тщательно продуманный. На столе среди прочих реактивов бросалась в глаза склянка с крупной надписью «Цианистый калий». Вокруг были разбросаны кристаллы яда.

Ланселот расположил труп так, чтобы сразу стало ясно, что человек упал со стула. Насыпал ему цианистого калия на фартук, на левую ладонь, несколько кристалликов пристроил на подбородке.

«Сразу поймут», — пробормотал он.

Напоследок он окинул комнату критическим взглядом.

— Ну, кажется, все. Иди домой и звони врачу. Будешь давать объяснения, говори, что я засиделся в лаборатории и ты понесла мне бутерброды. Пришла и…

Он указал на бутерброды, валявшиеся на полу, и разбитую тарелку, которую я будто бы уронила.

— Теперь выдай слезу. Только не переборщи.

В нужный момент я расплакалась — это было нетрудно, ведь все эти дни я была на грани истерики. Теперь все это выплеснулось наружу.

Врач повел себя точно так, как предсказал Ланселот. Моментально засек банку с цианистым калием. Нахмурившись, процедил: Ай-яй-яй! Какая неосторожность!

— И зачем только я позволила ему работать одному, — говорила я, глотая слезы. — Взял и отпустил всех помощников в отпуск.

— Когда с цианидами обращаются как с поваренной солью, это всегда кончается плохо. — Доктор сокрушенно покачал головой с менторским видом. — Не обижайтесь, миссис Стеббипз, но я вынужден вызвать полицию. Без сомнения, это несчастный случай, но любая насильственная смерть требует полицейского дознания…

— Да, да, конечно, вызовите их, — подхватила я. И тут же прикусила язык: такая поспешность могла показаться подозрительной.

Явилась полиция. Судебный эксперт, увидев

на руке и на подбородке у трупа кристаллы яда, что-то брезгливо промычал. На всю эту компанию случившееся не произвело ни малейшего впечатления. Они записали фамилию, имя, возраст. Осведомились, намерена ли я похоронить покойного за свой счет. Я ответила «да», и они укатили.

После этого я стала звонить в редакции газет, связалась с двумя агентствами печати и попросила их, если они будут ссылаться в своих публикациях на полицейский протокол, не особенно нажимать на то, что муж оказался неумелым химиком. Я сказала это тоном убитой горем супруги, которая не хочет, чтобы на репутацию покойного легла какая бы то ни было тень. К тому же он и не химик, добавила я. Его специальность — ядерная физика. И тут я очень удачно ввернула, что у меня давно было предчувствие, будто ему грозит беда.

Говоря так, я в точности следовала инструкциям Ланселота. Сработало великолепно: они сейчас же на это клюнули. Несчастный случай с физиком-атомщиком. Что это — шпионы? Рука Москвы?

Началось нашествие репортеров. Я вынесла им портрет Ланселота в молодости, водила их по ла-

боратории. Фотоаппараты щелкали не смолкая. Но никто почему-то не спросил, что находится в комнатке, запертой на замок. Должно быть, ее просто не заметили.

Я снабдила их богатым материалом о жизненном пути и научном творчестве покойного. Вспомнила несколько забавных случаев, которые должны были показать, что великий ученый в жизни был простым и скромным человеком. Все это Ланселот заготовил заранее. Я старалась как могла, но тайная тревога не покидала меня. Вот сейчас, думала я, что-нибудь сорвется. Какая-нибудь мелочь нас выдаст. И виноватой окажусь я. Что тогда со мной будет? Ведь он обещал меня убить.

Утром я принесла ему газеты. Ланселот набросился на них с алчным блеском в глазах. «Нью-Йорк Таймс» отвела ему целую колонку в углу на первой полосе. «Таймс» не слишком старалась заинтриговать читателей его кончиной; в таком же духе откликнулась «Афтернун пост». Зато какая-то бульварная газетка тиснула огромную шапку через всю страницу: «ТАИНСТВЕННАЯ СМЕРТЬ УЧЕНОГО-АТОМЩИКА».

Он залился счастливым смехом. Пробежал все от начала до конца, потом стал перечитывать. Потом сказал:

— Не уходи. Послушай, что они пишут.

— Да я уже читала.

Он принялся читать вслух, не спеша, смакуя похвалы по своему адресу.

— Ну, что? — сказал он, когда все газеты были прочитаны. — Скажешь, опять что-нибудь не выйдет?

Я проговорила неуверенно:

— А что если полиция вернется и начнет выпытывать, что значат эти слова: «грозит беда»?

— Отделайся намеками. Скажи, что тебе приснился дурной сон. А там пускай себе занимаются расследованием — время-то пройдет.

Действительно, пока все шло как по маслу. И однако я все еще чего-то боялась. Боялась надеяться. Человек — странное существо: вот тогда, когда никакой надежды не может быть, тогда он надеется.

Я пробормотала:

— Скажи мне, Ланселот, если все кончится хорошо… и ты станешь знаменитым… мы ведь сможем тогда отдохнуть? Вернемся в город и заживем спокойно, а?

— Идиотка! Неужели ты не понимаешь, что, когда меня признают, я просто обязан буду продолжать свое дело! Ко мне повалит молодежь. Моя лаборатория превратится в грандиозный научно-исследовательский Институт Времени. Я стану легендарной личностью. Величайшие умы покажутся пигмеями рядом со мной…

Выпятив грудь, Ланселот уставился в пустоту сверкающим взором. Он даже привстал на цыпочки. Казалось, он уже видит перед собой мраморный пьедестал, на который его вознесут восхищенные современники.

Я вздохнула. Рушились мои последние надежды на крошечный клочок простого человеческого счастья.

Я потребовала от агента похоронного бюро оставить гроб с телом Ланселота в лаборатории, с тем чтобы потом перевезти его прямо на Лонг-Айленд, в фамильный склеп семьи Стеббинзов. Отказалась от бальзамирования, мотивировав это тем, что буду держать его в большой холодильной камере, где температура около нуля.

Я заявила, что хочу провести эти последние часы возле мужа, что должны еще приехать его

сотрудники, но все это прозвучало, по-моему, неубедительно. На лице агента изобразилось холодное неодобрение. Но таковы были инструкции, данные мне Ланселотом.

Когда тело Ланселота, парадно убранное, в открытом гробу было выставлено на видном месте, я пошла навестить живого Ланселота.

— Знаешь, — сказала я, — похоронный агент недоволен. Он явно что-то подозревает.

— Ну и черт с ним, — благодушно отозвался Ланселот.

— Да, но…

— Пусть себе подозревает на здоровье. Что ты волнуешься? Осталось ждать всего один день. За это время ничего не изменится. А завтра утром тело исчезнет… то есть должно исчезнуть.

— Ты думаешь, оно может и не исчезнуть?

Так я и знала. Так и знала!

— Ну, мало ли что. Может произойти небольшая задержка… или наоборот, чуть раньше. Мне ведь еще не приходилось перемещать такие массивные объекты, и я не совсем уверен, насколько точны в этом отношении мои формулы. Поэтому я и решил оставить тело здесь.

— Напрасно. В морге оно по крайней мере исчезло бы при свидетелях.

— А здесь, ты думаешь, могут заподозрить обман?

— Конечно.

Эта мысль его развеселила.

— Ну еще бы! Начнут говорить: зачем он отослал ассистентов? Куда потом девался труп? И вообще, как это он умудрился отравиться, ставя какие-то детские опыты? Вся эта история с путешествием во времени — сплошная липа. Он, скажут, принял какую-то гадость, впал в бесчувственное состояние, а врачи решили, что он умер.

— Ну да, — сказала я убитым голосом. Как мгновенно он все сообразил!

— А потом, — продолжал он, — когда я буду настаивать, что я все-таки на самом деле совершил это путешествие и одновременно был и живым и мертвым, корифеи науки предадут меня анафеме. Я буду всенародно разоблачен, как низкий обманщик, и за одну неделю стану притчей во языцех. Поднимется шум во всем мире. И вот тогда… тогда я предложу публичную демонстрацию опыта в присутствии любой компетентной комиссии. Я потребую, чтобы путешествие во времени транслировалось по международному телевидению! Ну, конечно, общественность настоит на том,

чтобы опыт состоялся. Телевизионные кампании тоже пойдут навстречу. Им-то наплевать, что увидят зрители — чудо, которое я совершу, или мой позорный крах. Главное, чтоб было интересно. В зрителях недостатка не будет. И вот тут-то я ударю всем по мозгам.

На какой-то миг вся эта феерия меня ослепила. Но сейчас же внутренний голос осадил меня: слишком длинный путь, слишком сложно. Не может быть, чтобы не сорвалось.

Вечером приехали два сотрудника моего мужа. Оба старались придать своим лицам выражение подобающей скорби. Ну что ж, вот и еще два свидетеля, которые подтвердят, что видели Ланселота мертвым. Еще два соучастника всей этой путаницы, которая приведет события к неслыханной кульминации.

С четырех часов ночи мы оба, в шубах, сидели в холодильной камере, ожидая, когда наступит нулевое время. Ланселот дрожащими руками что-то подкручивал в своих приборах. Портативная вычислительная машина не выключалась ни на минуту. Уму непостижимо, как ему удавалось набирать цифры окоченевшими пальцами.

Я чувствовала себя совершенно разбитой. Холодно. Рядом в гробу мертвое тело, и полнейшая неизвестность впереди.

Прошла целая вечность, а мы все еще сидели и ждали. Наконец Ланселот произнес:

— Ну вот, все в порядке. Исчезнет, как я и рассчитывал. В крайнем случае опоздает минут на пять — для массы в семьдесят килограммов это совсем неплохая степень точности. Все-таки мой анализ хронодинамических преобразований великолепен! — Он подмигнул мне, а потом так же бодро подмигнул своему трупу.

Я заметила, что его блуза сильно помялась. Он не снимал ее все три дня — видимо, и спал в ней — и она стала такой же изжеванной, как на втором Ланселоте в момент его появления.

Ланселот словно угадал мои мысли. Поймав мой взгляд, он перевел глаза на свою блузу.

— Гм, надо бы надеть фартук. Этот второй тоже был в нем.

— Может, не стоит его надевать? — голос мой прозвучал без всякого выражения.

— Нет, надо. Нужна какая-нибудь характерная деталь. Иначе не будет уверенности в том, что это один и тот же человек. — Он пристально поглядел на меня.

— А ты по-прежнему считаешь, что произойдет осечка?

Я с трудом выдавила из себя:

— Не знаю.

— Ты, может быть, думаешь, что исчезнет не труп, а я?

Я молчала, и голос его сорвался на крик:

— Ты что же, не видишь, что счастье мне улыбается?! Не видишь, что все получается как по нотам! Еще немного — и я стану самым великим из всех людей на земле!.. Лучше вскипяти мне воду для кофе, — сказал он, неожиданно успокоившись. — Скоро мой покойничек испарится, а я воскресну. Надо отпраздновать это событие.

Он подтолкнул ко мне банку с растворимым кофе — после трехдневного ожидания годился и этот.

Я стала возиться с плиткой; залубеневшие пальцы не слушались меня. Он оттолкнул меня и сам поставил на плитку колбу с водой.

— Подождем еще немного, — проговорил он, переключив тумблер на отметку «макс». Кинул взгляд на часы, затем уставился на приборы. — Пожалуй, не успеет закипеть. Сейчас он исчезнет. Иди сюда.

Он встал рядом с гробом.

Я медлила.

— Иди! — приказал он.

Я подошла.

С неописуемым наслаждением он смотрел туда, на самого себя. Мы оба не отрывали глаз от трупа.

Послышался знакомый звук, и Ланселот крикнул:

— Минута в минуту!

В одно мгновение мертвое тело пропало. В гробу лежал пустой костюм. Одежда на двойнике была, естественно, не та, в которой он появился. Поэтому она осталась. Брюки, пиджак, под пиджаком рубашка, новый галстук. Туфли опрокинулись, из них торчали носки. А самого человека не было.

Я услышала бульканье. Это кипела вода.

— Кофе, — сказал Ланселот. — Скорее кофе! Потом вызовем полицию и газетчиков.

Я приготовила кофе ему и себе. Зачерпнула для него из сахарницы обязательную чайную ложку — полную, но без верха — ни больше и ни меньше. То было железное правило — даже теперь, когда в этом не было никакого смысла, привычка была сильнее всего.

Лично я пью кофе без сахара. Таков мой обычай. Я сделала глоток. Отрадная теплота разлилась по

всему моему телу.

Ланселот взял в руки чашку.

— Ну вот, — тихо произнес он. — Я, наконец, дождался. — И он поднес к губам эту чашку с какой-то скорбной торжественностью.

Это были его последние слова.

Когда все кончилось, меня охватило какое-то безумие. Я стащила с него одежду и вместо нее напялила то, что лежало в гробу. Как мне удалось поднять его с пола и уложить в гроб, до сих пор не могу понять. Его руки я сложила на груди, как было у того, исчезнувшего.

Потом я долго и старательно смывала все следы кофе в раковине и тщательно полоскала сахарницу. Я мыла ее и чашку до тех пор, пока в них не могло остаться и намека на цианистый калий, который я всыпала вместо сахара.

Его рабочую блузу и все остальное я отнесла в мусорный ящик. Раньше я выбросила туда точно такую же одежду двойника, но теперь, естественно, ее там уже не было.

Под вечер, когда труп моего мужа вполне остыл, я вызвала агентов похоронного бюро. Они, разумеется, не удивились. Да и чему было удивляться? Мертвец как был, так и остался. Абсолютно тот же самый, даже с цианистым калием в желудке,

как и предполагалось.

Они заколотили гроб и увезли его. А потом Ланселота зарыли.

Но ведь, строго говоря, в момент, когда я его отравила, Ланселот официально уже был мертв. Так что я не уверена, можно ли это считать убийством. Естественно, я не собираюсь консультироваться по этому поводу с юристом.

Теперь я обрела желанный покой. Я довольна своей жизнью. Денег у меня достаточно. Хожу в театр. Принимаю друзей.

Совесть меня не мучает.

Я убеждена, что Ланселоту никогда не удалось бы добиться признания. Когда-нибудь передвижение во времени будет открыто заново, но память о Ланселоте Стеббинзе навсегда исчезнет во мраке забвения. Ведь я же говорила ему, что все его проекты обречены на провал: он не дождется славы. Если бы я не покончила с ним, что-нибудь обязательно вышло бы не так, и тогда он убил бы меня.

Нет, я ничуть не раскаиваюсь.

По правде говоря, я все ему простила. Все — кроме того, что он плюнул в меня. Но какая ирония

судьбы! Прежде чем умереть, он получил от нее дар, какой редко достается людям, и был счастлив.

Вопреки тому, что он кричал мне тогда, прежде чем плюнуть, — Ланселот смог прочесть свой собственный некролог.

Перевод с английского Геннадия Файбусовича

♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

Крах Ланселота Стеббинза

Два человека, муж и жена, разделены листом газеты, как стеной. У каждого своя неутоленная жажда счастья. У нее — простого счастья, в котором дети, семья, обычная жизнь, обычное тепло человеческих отношений. Для него — счастье в славе, в непомерной славе, какой не было ни у одного человека его профессии Он — ученый. Он физик-ядерщик (это не случайно).

Талантливый, эрудированный. Действительно способный совершить великое открытие. И не получающий признания.

На вопрос, почему счастье недоступно этим людям, Айзек Азимов отвечает однозначно и точно: персонажи рассказа поражены

тягчайшим недугом мира, в котором они живут, — болезнью отчуждения. В этом мире — высокоразвитом, индустриальном, «процветающем», потребляющем, заваленном едой, питьем, нейлоном, транзисторами, автомобилями, — уничтожилось ощущение самой главной ценности — ценности человека.

Жанр фантастики дает писателю право поставить явление жизни в ситуацию, какой не бывает в реальности, чтобы острота этого явления сделалась невыносимой.

Ученый Ланселот Стеббинз — «если бы назвать его подлинным именем, это имя вам все равно ничего бы не сказало» — занимается наукой не ради познания природы, не ради тех высоких целей, во имя которых знание шло к своим сегодняшним высотам торным путем, освещенным кострами инквизиций. Стеббинзу все равно, чем заниматься — термоядерной бомбой или путешествиями во времени. Отчуждение извратило в нем рефлекс цели. Ему не важно знание. Его цель — утвердить себя над всеми. Все — пигмеи. Все ничто. Единственная ценность даже не он сам — его слава.

Он еще не похож на зверя. Он еще почти респектабелен. Он еще не способен поднять руку на ближнего.

И он уже перестал ощущать человека не только в жене, безропотно прожившей рядом с ним безрадостные годы, но и в себе самом. Потому он и тащит труп своего «второго я», и глазом не моргнув («как будто взялся за мешок с картофелем»).

Азимов о многом размышляет в этом рассказе. О том, как необходимо исследователю или художнику, чтобы он сам и

его близкие верили в его силы, в его творческие возможности. О том, как любому человеку важно обыкновенное душевное тепло. И еще о том, как бесчеловечность по цепной реакции убивает человечность в других людях.

Она поражает жену Стеббинза, его спутницу, его рабыню. И ей, не ученой, не нужны ни сложные устройства, ни мудреные уравнения. Ей достаточно средства, простого и древнего, как самое убийство.

Но главное, о чем думает и о чем предупреждает Азимов, — это то, какой самоубийственно страшной становится наука, когда ее лишают высокой гуманной цели творить свое дело ради людей.

Борис Володин

№№ 4–7

Север Гансовский

Часть этого мира

Научно-фантастическая повесть

Они стояли на лестничной клетке. Лифт шел откуда-то далеко снизу — с пятьдесят пятого, что ли, этажа. Или со сто пятьдесят пятого.

Рона сказала:

— Посоветуешься. Все-таки такой человек, как он, должен разбираться. Это мы с тобой живем, ничего не знаем. А Кисч может посмотреть и сразу догадаться, что именно между строк скрывается. По-моему, тут ничего плохого, если ты к нему приедешь. Он сам все время приглашает. Заодно поймем, кто же он есть в действительности.

— Ну приглашает-то больше из вежливости.

— Из вежливости он бы одно письмо написал. Или просто открытки присылал бы к праздникам. А раз он длинные, большие письма пишет, это совсем другое дело. Вот скажи, кому ты и последние годы писал длинные письма?

— Ну… в общем…

— Никому.

— Да, пожалуй.

— Ты не будь таким вялым. Если ты вот так приедешь, то либо вообще забудешь его спросить, либо пропустишь самое важное из того, что он

скажет.

— Да нет, я ничего.

— Встряхнись, Лэх. Давай посмотрим эту штуку еще раз. Пока лифта, нету.

— Давай.

— Ну она же у тебя!..

Лэх вынул из кармана гибкий желтый листочек. Не сообразишь даже, из какого материала сделан. Буквы и строчки сами прыгали в глаза, отчетливые, броские.

КОНЦЕРН «УВЕРЕННОСТЬ»

БЕЗ ПОТЕРИ ЛИЧНОСТИ, БЕЗ ВРЕДА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ!

ВАШИ ТРУДНОСТИ В ТОМ,

что желания не сходятся

с возможностями.

МЫ БЕРЕМСЯ УСТРАНИТЬ ДИСПРОПОРЦИЮ:

во-первых, без забот, а во-вторых,

исполнение

ЛЮБЫХ ВАШИХ МЕЧТАНИЙ!

В точном соответствии сумме

Вам до конца дней гарантируется

стабильная удовлетворенность.

МЫ ДУМАЕМ, РЕШАЕМ ЗА ВАС.

Однако при этом у Вас постоянно будет

о чем разговаривать с близкими.

НИ СЕКУНДЫ СКУКИ!

НАБЛЮДАЕТСЯ ЗАКОНОМ,

ОДОБРЕНО ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

— Меня очень устраивает, что будет о чем разго-

варивать. — Рона взяла листок из рук Лэха. — А то с тех пор как мальчики уехали, у нас с тобой одна тема — телевизионные программы ругать. Но это вечером. А так по целым дням молчим. Будь у нас о чем говорить, мы бы и горя не знали.

— Да… Но видишь, тут все противоречиво. С одной стороны, «исполнение любых мечтаний», но тут же «в точном соответствии сумме». Я так понимаю, что заберут деньги, ценные бумаги, все сплюсуют, а потом согласно результату снизят наши желания при помощи мозговой операции либо психотерапией. Только ведь так и можно. Но в то же время тут написано: «без потери личности». Однако личность как раз и есть желания, мечты, всякое такое. Правда же?.. У них, может быть, не очень хорошо вышло с электродами, вот придумали другое, более радикальное… Эти листки, кстати, сейчас везде: в киосках, на почте по столам, даже в метро на скамейках.

— У кого «у них»?

— Ну, которые наверху… Потом сама эта сумма. Акции будут падать, деньги тоже дешевеют, из-за инфляции… то есть не «из-за», а сама инфляция, в общем. А тут сказано: «стабильная удовлетворенность».

— Нам и нужна стабильность. Мы с тобой

сколько потеряли на изменениях курса? Те бумаги, которые держим, постоянно падают в цене. А едва что-нибудь продали, оно взвивается. Это прямо экономический закон — что продаем, обязательно становится дороже, а оставленное постепенно обесценивается.

— Никакого закона. Просто покупают те бумаги, которые должны подниматься. Умные люди покупают.

— Ладно, пусть. Я только знаю, что, если так и дальше пойдет, мы потеряем все.

— Да. Но каким способом концерн будет обеспечивать стабильность, если деньги и бумаги все время меняются в цене?

— Вот об этом ты с Кисчем и посоветуешься.

— Может быть, сначала все-таки вызвать их агента?

— Нет. — Рона покачала головой. — Ты сам прекрасно знаешь, что он нас сразу уговорил бы. Нам с этими агентами не тягаться, они специальные институты кончают. У них на каждое возражение есть умный ответ. Так тебя выставят, что просто от стыда согласишься на любое предложение… Вообще если агента впустили в квартиру, дело сделано. Поэтому я и считаю, что надо проконсультироваться у Кисча — как его мнение. И при

этом узнаем, кто же он на самом деле. А то подписывается Сетерой Кисчем, как будто так и надо.

Лифт пятнадцатой линии лязгнул и уплыл наверх. Лифт девятой остановился, но в тот же миг откуда-то выскочил человек, бросился внутрь, захлопнулся и укатил. Кабины за решетками так и мелькали. Из-за дверей напротив доносился мотивчик, сбоку — стрекотание какого-то механизма. Поезд воздушной дороги прогрохотал вовне, за стенами, с неба ударила звуковая волна от самолета, пневмопочта выкинула в прозрачный ящик на площадке пачку газет с журналами и целую кипу желтых листков.

— Нажми еще раз. И выйдем на балкон.

Еще только вставало мутное солнце. Ущелья улиц были затянуты красновато-серым маревом копоти.

— Так странно. — Лэх оперся на парапет. — Иногда сверху отыщешь какой-нибудь закоулок вдали, и кажется, будто там живут интересно, есть что-то таинственное, сокровенное. А если спуститься, прийти, те же подъезды, магазины, стены. И никакой таинственности, только, может быть, секретность.

— Ничего, Лэх, не печалься. «Уверенность» нас выручит. Наверное, это непохоже на богадельню.

Да и какая богадельня, если тебе сорок семь, а я на два года моложе?

— Понимаешь, я вот сейчас сообразил, в чем разница между «Уверенностью» и другими системами. — Лэх повернулся к Роне. — Когда, например, человек на поводке, то заплатил один раз определенную сумму, и тебе только обеспечивают бодрость. Как ты оставшиеся деньги тратишь или новые зарабатываешь, им все равно. Чем в жизни занимаешься, они и знать не хотят. То ли в конторе, то ли с револьвером пьяного подстерегаешь за углом. Можешь даже быть членом какой-нибудь ультралевой и бомбы приклеивать к дверным ручкам. А «Уверенность» принципиально другое. Все отдай до конца, что у тебя есть, и за это будешь удовлетворен, но так, как они хотят, по их усмотрению. Причем «до конца дней». Вот главные слова. Так что, если мы с тобой согласимся, себе уже не будем принадлежать, это точно. Суверенитета нет.

— А когда мы принадлежали? И этот суверенитет — что он дает? Чувствуешь ведь себя человеком, только когда с другим общаешься, вступаешь в отношения. Но дома телевизор, в универмаге самообслуживание, в поликлинике компьютер, на работу принимает машина, и

там тоже машину обслуживаешь. Людей кругом — трудно протолкнуться, но все они только прохожие, проезжие. Перед толпой стоишь, как перед глухой стенкой. Когда ты уезжал ребят проведать, я за две недели рта не раскрыла, чтобы слово произнести. Если во мне есть что-нибудь человеческое, его показать-то некому. — Рона вертела в руках желтый листок. — Одним словом, надо решать. А то последнее проживем, и в «Уверенность» не с чем будет идти… Слушай, заметил, какая особенность? Я вот этот листок растягиваю, а буквы остаются такими же, и строчки не изгибаются. Как же они этого добились?.. На, возьми.

— Да, удивительно… Вот моя кабина.

Дорога пробивала его насквозь, как пуля навылет, — городишко тысяч на пять жителей.

Чтобы попасть сюда, Лэх свернул с восьмирядной государственной трассы на четырехрядную — ему пришлось на «переходке» сесть на шоферское сиденье и самому взяться за руль. А оттуда на побитую бетонку вообще без осевой линии. Но даже применительно к этому шоссе городок оказался не конечной, а побочной целью. Бетонка не то чтобы втекала в него и растворялась, а так

и гнала себе дальше, выщербленная, корявая.

При всем том, а может быть, как раз из-за этого Лэх, едучи, оглядывался по сторонам не без удовольствия. Вместе с восьмирядной трассой позади остался опостылевший, неизменный всюду индустриально-технологический пейзаж: эстакады, перекрещивающиеся в несколько слоев, стальные мачты и дымоводы до горизонта, сплошные каменные ограды на километры, за которыми неизвестность, гигантские устья вентиляционных шахт, корпуса полностью автоматизированных заводов совсем без окон, неправдоподобно огромные чаши газохранилищ, бетонные поля, утыканные антеннами направленной связи.

Четырехрядная дорога уже радовала глаз тем, что цивилизация сюда еще не совсем пришла, а только подбиралась. Здесь многое было начато, но не все закончено. Рыжие от мохнатой ржавчины железные трубы и кигоновые плиты с торчащей арматурой еще не сложились в аккуратные конструкции, а по кирпичным пустырям там и здесь росли груды этого, как его… бурьяна, длинные удилища крапивы! И небо, хотя бледно-серое, свободно от воя реактивных.

А на бетонке вообще начались чудеса. Заросли

голубого цикория по обочинам, посевы пшерузы и майриса, перемежающиеся с простой травой, дерево в отдалении, тишина. От одного десятка километров к другому небосвод становился чище, ярче, синее. Незаметно втек в кабину свежий запах цветов и листьев. Летний запах. В городе ведь особенно-то не замечаешь эти месяцы, эти времена года, только если телевидение и радио начинают уж слишком раздираться об «осенних шляпках», о «весенних галстуках». А тут без рекламы было ясно, что июнь или там июль свободно, неторопливо плывет над рощей, над озером, ярко мелькнувшим вдали. У Лэха даже сердце защемило, когда подумал, что вот поставить бы здесь где-нибудь домик да послать к чертовой бабушке всю технологию вместе с наукой.

Там, далеко во Флориде,
В зелени домик стоит.
Там о своем Майн Риде
Прекрасная леди грустит.

Песенка детской поры, родившаяся на асфальте, возле кирпичных и бетонных стен. Дурацкая песенка, но Лэх знал, что это, собственно, и было его главной мечтой — лес, поле, сад, лично ему

принадлежащее жилище, запас необходимого на несколько лет, независимость. Все начала и концы очевидны, не боишься случайностей, зная, что способен одолеть любую беду. Днем работаешь, а вечером тихие радости в семейном кругу, и никакое падение акций тебе не угрожает. Все сам, и посторонние непостижимые силы вроде инфляции против тебя слабы.

Но понятно было, что даже концерн «Уверенность» такого не может. Самое большое, на что он способен, — добиться, чтобы квартира на двухсотвосьмидесятом этаже стала ему по душе…

И люди в этом краю были другие. У железнодорожного переезда со скромной будочкой Лэх посидел на скамье рядом с женщиной, которая заведовала тут хозяйством. Электротяг первобытной конструкции проволок за собой длинный грузовой состав и угромыхал вдаль. Рельсы остались лежать, пустые, спокойные, как бы существующие сами для себя, казалось, ветка из никуда выходит и ведет в никуда. Здесь была даже кошка. Редкостное животное вскочило на скамейку рядом с Лэхом, требовательно толкнуло его в руку шерстистым лбом, издало негромкий рокочущий звук. Осторожно, опасаясь нарваться на грубость, Лэх спросил женщину, не скучно ли

ей тут. Она благодушно посмотрела на него.

— А что такое скука?

Потом, подумав, объяснила:

— У меня же нет телевизора. Понимаете, моя родственница пишет из города. Она каждый вечер надеется на что-нибудь хорошее, и обязательно разочарование. А когда ничего нет, то и не скучаешь.

Вдоль насыпи были высажены цветы. Черная кошка забралась к женщине на колени, терлась головой о ее руку. Живут же люди!

Правда, на стенке будочки красовался плакат:

ДОПУСТИМ, ЧТО

в катастрофе погибла ВАША семья,

ВЫ потеряли работу, ВАМ изменил друг

и неизлечимая болезнь подтачивает ВАС.

ВЫ все равно можете быть

Обратитесь к нам!

Прочитав это, Лэх кисло усмехнулся. Когда потеряна работа, обращаться, вероятно, поздно. Вернее, не с чем.

Еще через час пути он остановил автомобиль, чтобы по цифрам дорожного указателя убедиться, что едет правильно. Вынул из бумажника последнее письмо Сетеры Кисча, сверился. Тут кругом было разлито уже полное благолепие. Звенели кузнечики, разнообразные цветы, не требуя платы, сверкали головками в густой траве, источала безвозмездный аромат кленовая роща. И вообще пейзаж был таким, каким мог быть в начале тысяча восемьсот семидесятых.

Лишь странная косая башня у горизонта, на самой границе обзора, несколько портила идиллию, словно гигантский сизый палец указывая из земли в небо, — всю жизнь проживешь и не узнаешь, что такое, зачем она. Да еще здесь же, рядом с указателем, рекламный щит задавал

провокационную загадку:

А ВАМ НЕ СТЫДНО?

Далее шло по нарастающей. На следующем розового цвета плакате значилось:

ДУРНОЕ НАСТРОЕНИЕ СЕГОДНЯ ТАКАЯ ЖЕ ДИКОСТЬ, КАК ЗУБНАЯ БОЛЬ

И серию заканчивал выполненный броским люминесцентом отчаянный рекламный вопль уже на самом въезде в городок:

Разница между

ПЛОХИМ НАСТРОЕНИЕМ

И ЗУБНОЙ БОЛЬЮ

в том, что первое излечивается

МГНОВЕННО, НАВСЕГДА.

Свяжитесь же

с нашим местным агентом!

Когда Лэх миновал две улицы и покатил по третьей, ему показалось, что он уже из книг прекрасно знает этот городишко. В таких местах за неимением другого должны гордиться прошлым, и оно действительно есть, как правило. Либо захудалая битва поблизости происходила, либо столетие назад бум, связанный с углем, золотом, нефтью или игорным бизнесом. Зафиксированный в старых романах привычный набор для подобных населенных пунктов включает седобородого старожила, памятник генералу (никто не помнит, с кем он воевал), «историческую улицу», где каждому дому не менее двадцати, а тому, в котором ресторан, целых восемьдесят, массу зелени, чистый воздух. Из этих краев — опять-таки судя по романам — старались убежать в молодости, а стариками часто возвращались доживать.

Лэх катил, а городок будто старался оправдать именно такую литературную репутацию. Памятные доски с надписями украшали дома, отдыхала, лежа в кольце чугунной ограды, древ-

няя пороховая пушка, а площадь вокруг была замощена булыжником — камни качались под чутким колесом, словно те больные зубы, вылечить которые труднее, чем настроение.

Пешеходов почти не попадалось на тротуарах (тут были тротуары), но с той поры, как Лэх покинул бетонку, он и мобилей не встретил ни одного. Удивление брало, просто не верилось, что в преуспевающем задымленном мире могло сохраниться такое отсталое, незамутненное местечко.

Сидевший в покойном кресле возле своего дома седобородый старожил поднял руку, кивнул, приветствуя проезжающего Лэха, и тот остановил машину. Ему пришло в голову, что его неожиданным приездом Кисч может быть поставлен в затруднительное положение.

Старик охотно поднялся с кресла. Сразу выяснилось, что с этим почтенным горожанином склероз делал, что хотел.

— Вы говорите, поесть?.. У нас каждый… каждый… Черт, забыл, как называется!

— Каждый понедельник?

— Нет, не то.

— Вторник, четверг?

— Каждый дурак… — Старик махнул рукой. — И

не это тоже.

— Кретин? — Лэх старался помочь.

— Каждый желающий — вот оно. Каждый желающий насытиться идет в ресторан. Вон туда.

— Что вы говорите?! Разве у вас нет отделения «ЕШЬ НА БЕГУ»?

— А на дьявола они нужны… эти, как их…

— Лепешки?

— Нет!

— Таблетки?

— Да нет же! Зубы! Зачем зубы, если только глотать концентрат?

Зубов у старожила был полон рот и, судя по цвету, своих. Он вызвался проводить Лэха и в ответ на участливое замечание, что забывчивость можно лечить, задрал голову, остановившись.

— А я на нее не жалуюсь, на эту… ну…

— На память, на судьбу, на жизнь?

— На жену не жалуюсь. Она от химических лекарств чуть не померла пятьдесят лет назад. И с тех пор мы ни одной таблетки… А насчет памяти — она у меня отличная. Я, например, вот эти никогда не забываю… ну эти… как они называются.

— Слова?

— Не слова, а эти… Ну, которые бегают, прыгают, читают. Вообще все делают.

— Людей не забываете?

— Глаголы! Помню глаголы все до одного. Существительные только иногда вылетают. Ну и плевать!

Отсутствие мобилей и неунывающий старик гармонировали с обликом ресторана. Заведение было чуть ли не археологической древности, о чем гордо свидетельствовала медная табличка на стене: «Существуем с 1009».

Здоровенные, приятные своей неудобностью стулья с высокой прямой спинкой, темным деревом обшитые стены, электрическая кофемолка — современница Наполеона, неторопливый, приветливый, а не только вежливый официант. Поразительно вкусным оказался дешевый завтрак. Странно было есть вареную картошку, никак не переработанную, совсем непосредственную, огурцы, которые, возможно, были еще не дряблыми, жуешь, а на том кусочке, что во рту, электроны устанавливаются на новых орбитах, формируются молекулы, осуществляются по невообразимо сложной генетической программе, по законам открытой биосистемы процессы роста и образования клеток.

Насытившись, Лэх некоторое время посидел, наслаждаясь тишиной. Торопиться было некуда

— Сетера Кисч не ждет, даже и малейшего представления не имеет, что через пятнадцать минут старинный знакомый свалится ему на голову.

Их переписка началась лет двенадцать назад. Когда-то мальчишками вместе учились, первая для обоих сигарета была общей. Став юношами, разошлись, позабыли друг о друге, как и случается с большинством сошкольников. А потом, через два десятилетия после ученической парты, Лэха разыскало посланное Кисчем письмо. Из довольно-таки тусклого паренька тот расцвел в крупного электронщика и все эти года работал в одной и той же научной организации. Теперь он исправно слал свои фотографии, записи голоса, регулярно сообщал о семейных делах, поездках в разные страны, описывал, как проводит праздники, — яхта на озере, вертолет на загородной даче. И каждое письмо заканчивал просьбой приехать, навестить.

…Розовая улица, улица Тенистая — смотреть на двухэтажные и тем более одноэтажные дома было само по себе удовольствием. Да еще когда все они с окнами, где цветочные горшки. Да еще когда вокруг каждого дома садик.

Почти курорт, стопроцентная прибавка к здоровью!

Лэх вышел на перекресток. Здесь Тенистая впадала в ту, что была ему нужна, в Сиреневую. Номер тридцать восемь на углу, значит, сороковой с другой стороны.

Он пересек маленькую площадь, недоуменно потоптался. Дома под номером сорок не было. Сразу шли пятидесятые. Лэх проследовал дальше, и Сиреневая кончилась, упершись в Липовую Аллею. Без всякой надежды глянул на противоположную сторону, там, конечно же, были нечетные.

Чуть-чуть начиная беспокоиться, вернулся к месту, с которого начал, вынул из кармана последнее письмо Кисча, перечитал обратный адрес. Да, материк тот же, страна та, город сходится и улица.

Огляделся.

Не шевелились былинки, проросшие между камнями мостовой, неподвижно висело в синем небе легкое облачко.

И вся улица старинная, без следов перестройки.

У дома номер пятьдесят сидел на корточках гражданин в старой шляпе, в запыленном выцветшем комбинезоне. Он положил руки на колени, бездумно уставившись в пространство с

таким видом, будто не меняет позы уже несколько лет.

Лэх направился к нему. У мужчины рот был такого размера, что копчики его помещались рядом с челюстными выступами у шеи.

— Скажите, если не затруднит, где тут номер сорок?

Целую минуту вопрос путешествовал в мозгу субъекта, пока наконец не попал в ту область, где совершается осознание. Гражданин в шляпе неторопливо поднял голову, перенес черную прокуренную трубку из одного конца рта в другой. И то был долгий путь.

— Сорокового нету. Сгорел.

— Как сгорел? Когда?

— Еще десять лет назад.

— То есть как это — десять лет! Вот у меня письмо от друга, от С. Кисча. — Лэх в волнении опять вытащил письмо из кармана. — Может быть, вы его знаете? Сетера Кисч, физик. Отправлено в этом месяце, и он указывает адрес.

— У вас от самого Кисча письмо?

— От самого.

Мужчина вынул трубку изо рта, поднялся. Взгляд его стал определенным и жестким.

— Ну-ка дайте… Да, рука его. — Он повертел

конверт. — И обратный адрес.

Осмотрел Лэха с ног до головы.

— Вы один приехали?

— Один… А что?

— С вами охраны нет?

— Охраны?.. Со мной?..

— Хорошо. Идите сюда.

Следуя за гражданином в шляпе, Лэх ступил на крылечко дома номер пятьдесят. Мужчина открыл ветхую, скрипучую деревянную дверь. За ней оказалась металлическая, полированная, сияющая. Внутри, в квадратном помещении без окон сидел человек в форме, напоминающей армейскую, но не совсем — знаками различия в петлицах служили единицы и нолики. Он читал брошюру.

Большеротый сказал:

— У него письмо от Кисча. Лично. Приглашение приехать.

Человек в форме дочитал до конца страницу, взял письмо, принялся рассматривать. Брошюра называлась «Почему вы не миллиардер?»

— У вас есть документы? С отпечатками.

Лэх достал свой идентификатор.

Человек в форме лениво поднялся, подвел Лэха к стене. Ткнул ногой внизу. Повыше открылось

темное узенькое окошко.

— Ну, давайте скорее!

Взял Лэха за кисть, сунул ее в окошечко. Что-то защекотало Лэху пальцы, он попытался выдернуть руку. Человек в форме, удерживая ее, усмехнулся.

— Чего ежишься? Первый раз, что ли?

Щекотание кончилось, Лэх вернулся к барьеру. Человек со странными петлицами поднял трубку телефона.

— Двенадцатого… Ага, это я. А двенадцатый?.. Вышел заправить зажигалку?.. Никогда его на месте нет. Слушай, тут явился тип с письмом от Кисча… Именно от самого. Написано, чтобы приезжал… И человек тот — я проверил… Подождать? А сколько его ждать — он заправит зажигалку, потом еще обедать пойдет?.. Ну… Ну… Ладно.

Положил трубку, повернулся к Лэху. Подумал, повозился с чем-то у себя под столом. В стене открылась дверь. Там стояла кабина лифта.

— Пятый уровень. Комната пятьсот сорок или сорок один. Спросите, в общем.

Все это, вместе взятое, так ошеломило Лэха, что он автоматически нажал кнопку, опустился и, только выйдя в просторный, наполненный народом зал с голубоватым светящимся потолком,

пришел в себя и глухо, растерянно выругался:

— Чтоб им провалиться, дьяволам! Чтоб их наконец задавило как-нибудь, прижало и расплющило!

Выходило, что старые дома с цветочками, пушка за оградой, ресторан с живыми огурцами — обман, ложь. Маскировка, под которой тот же привычный комплекс, та же военно-промышленная тощища. У Лэха заныло сердце — ведь некуда же деваться, некуда! — но через полминуты он почувствовал металлический вкус во рту и взбодрился. Собственно, иначе и быть не могло, мир надо брать таким, как он есть.

— Ладно… Черт с ними, с этими гадами!

— С какими?

Он вымолвил это в пространство, но смотрел прямо перед собой на девушку в алюминиевых брюках и светлой кофточке, которая как раз приближалась. Получилось, будто он обращается к ней.

— Нет, это я так… Не скажете, где тут пятьсот сороковые?

Девица указала ему на один из коридоров, что радиально расходились от голубого зала. Он побрел, поглядывая на номера. Ему и в самом деле было бы не ответить, кого он имеет в виду под

теми, которых хорошо бы расплющить. Какие-то люди, которые не то чтобы планировали Лэха угнетать, но были к этому причастны. Не именно одного Лэха, естественно, а всех. Те, которые начинают с маленьких уступок несправедливости, злу и, постепенно восходя по социальной лестнице, кончают черт знает чем.

…Пятьсот тридцать пять, восемь… Вот наконец сорок.

Постучался. Ответа не последовало. Отворил сам. Тут было что-то вроде прихожей, обставленной дорогой индийской мебелью. Две двери вели куда-то дальше. Постучался наугад.

Изнутри отозвались:

— Войдите!

Голос Кисча, который Лэх хорошо знал по присланным пленкам.

Лэх вошел. За кабинетным столом в высоком кресле сидел Сетера Кисч и что-то писал.

У него было две головы.

Мгновение они смотрели друг на друга, потрясенные. Лэх — в два глаза, Кисч — в четыре. Затем Кисч с легким криком вскочил, щелкнул на стене выключателем. С минуту из темноты доносилась какая-то возня. Голос Кисча, прерывающийся, нетвердый, спросил:

— Кто вы? Что это вообще такое?

Лэх откашлялся, чувствуя, как пересохло вдруг горло.

— Лэх.

— Какой Лэх?

— Ты же мне писал. Твой школьный друг.

— Школьный друг… А-а-а…

Опять щелкнул выключатель. Кисч стоял посреди комнаты, бледный, с дрожащими губами. Поправлял прическу. Вторая, дополнительная, как будто бы помоложе, голова исчезла. Правда, свет в комнате был каким-то нереальным — повсюду мерцали зеркала, обмениваясь бликами.

— Кто тебя сюда пустил?

— Меня?

— Ну да!

— При мне было твое письмо. Они посмотрели на подпись. Проверили у меня рисунок пальцев. То есть отпечатки.

— А как ты вообще попал в этот город?

— Но ты же пригласил. Собственно, звал не один раз. Просто настаивал.

— О господи! — Кисч вздохнул. — Вот это номер. Я и представить себе не мог, что ты на самом деле приедешь. Даже не думал о таком.

— Зачем же ты звал тогда?

— Если тебе при случайной встрече сказали «Очень рад познакомиться», ты же не принимаешь этого буквально. Не думаешь, что человек, который раньше о тебе и слыхом не слыхал, действительно вне себя от восторга.

— Да, конечно. — Лэху уже было понятно, что его миссия окончится ничем. — Ошибся.

— Ты бы еще спросил, зачем я вообще начал переписку. Посиди вот так под землей безвыходно почти полтора десятка лет, не только друга детства вспомнишь.

— Но ты писал, все время разные там коллоквиумы, съезды.

— Мало ли что я писал. Куда мне ехать в таком виде?

— В таком виде?.. Значит, у тебя все-таки… — Лэху даже неудобно было выговорить. — Значит, у тебя не одна голова?

— Не одна. Сейчас не видно, потому что специальное освещение… Потом ведь отсюда не выпускают, все засекречено. Случайность, что ты прорвался.

— Боже мой! — Лэха объяло ужасом. Вот она, наука сегодняшнего дня. — Понимаешь, я и представить себе даже не мог, что ты сидишь вот так под землей. Но все равно, конечно, наивно, что я

взял и прямо приехал. Не написал сначала, что собираюсь.

— Ничего. Что уж теперь.

— Ты извини.

— Ничего. Садись.

Они сели. Лэх осмотрелся. Комната была большая и сильно заставленная. Кроме многочисленных зеркал, шкафы, диваны, шведская стенка, турник. Тут еще были рояль, зеленая школьная доска на штативе, полка мини-книг, телевизор, слесарно-токарный станок, прозрачная загородка для игры в теннис и прыжков, мольберт с палитрой и кистями. Чувствовалось, хозяин проводит здесь почти все или все свое время.

Кисч побарабанил пальцами по столу.

— Вот и хозяйство. За той дверью еще зимний садик и бассейн. Тут, в общем, вся жизнь… А как ты?

— Так все… — Лэх замялся. — В целом, как я тебе писал. С деньгами постепенно становится туговато. Живем… Мобилей себе каждый год не меняю, необходимое пока есть.

— Что Рона? Не очень скучает с тех пор, как сыновья на учебе?

— Привыкла.

Помолчали, молчание сразу стало тягостным.

Желтый листок концерна «Уверенность» стал перед мысленным взором Лэха. Что делать, если уж такой человек, как Кисч, стал почти заключенным, им с Роной и думать нечего о самостоятельности.

Чувствуя, что надо о чем-то говорить, он откашлялся.

— Как это тебя с головами? Или по собственному желанию?

— Ну что ты, кто пожелает? Мы тут занимались регенерацией органов. Сам-то я не биолог, электронщик, но работать пришлось с биоплазмой. Сделали такой электронный скальпель, и как-то я себя поранил — у нас же дикая свистопляска с разными облучениями. Короче говоря, выросла еще одна голова. Сначала смотрели как на эксперимент, можно было еще повернуть по-другому. А потом вдруг сразу стало поздно.

— Почему?

Кисч промолчал.

— А когда тебе приходится думать, — начал Лэх, — то есть когда думаешь — в две головы, что ли? Одновременно? Как на рояле в две руки? Вернее, в четыре.

— Зачем же в две… — Хозяин внезапно прервал себя. Его руки взметнулись к переключателю на

стене, потом он неловко с отразившимся на лице усилием опустил их. — Перестань! Ну перестань же! — Руки еще раз поднялись и опустились. — Извини, Лэх, это не тебе… Так о чем мы? Нет, естественно, я не в две головы. Каждый сам по себе.

— Кто «каждый»? — Лэх чувствовал, что холодеет. — Это все же твоя голова?

— Не совсем. Голова, строго говоря, не может быть «твоей», «моей». Только «своей».

— Как? Вот у меня, например, моя голова.

— Нет. Ведь не имеется же такого тебя, который существовал бы отдельно от этой головы. Поэтому неправильно о своей голове говорить со стороны — вот эта, мол, моя.

— Не понял.

— А что тут понимать? Помимо головы, личности нет. Но зато там, где имеется голова, мозг, там налицо и сознание… Ты хоть отдаленно представляешь себе, что такое твое собственное «я», личность?

— Ну мозг. — Насчет личности Лэху как раз хотелось выяснить. — Мозг, потому что тело-то можно менять, если надо.

— Не вполне верно. Мозг — только вместилище для «я». Если он пуст, личности нет. А содержа-

нием является современность, сгусток символов внешнего мира. Сначала, при рождении ребенка, мозг — tabula rasa, которую мы с тобой в школе проходили. Чистая доска, незаполненная структура. Затем через органы чувств туда начинает попадать информация о мире. Не сама внешняя среда, а сведения в виде сигналов на электрохимическом уровне. Таких, которые оставляют знаки в нервных клетках. Знаки постепенно складываются в понятия, те формируются в образы, ассоциации, мысли. Другими словами, «я» — это то, что органы чувств видели, слышали, ощущали и что потом в мозгу переработалось особым для каждого образом.

— И все?

— А что тебе еще надо?

— Никакой тайны? Божественной искры, которую нужно беречь?.. Получается, что все люди, которые ходят, что-то делают, не более как сгущения той же действительности? Но только в символах?

— Тайна в самом механизме жизни, в сути мышления. Не знаю, насколько она божественна. Ну а личность — никуда не денешься — внешний мир, переработанный в образы. Правда, у каждого согласно генной специфике. Наследственно. По-

этому Роланд и говорит: «У человека нет природы, у него есть история». То есть ом подразумевает, что «я» — это постепенно, исторически, день за днем развивающийся сгусток образов.

— Какой еще Роланд?

— Гильемо Роланд, перуанский философ.

— Ты и до философии дошел? — Лэх вдруг почувствовал озлобление против Кисча. Сидит тут, устроился, инфляция ему хоть бы что. — Черт знает какой умный стал! А я примерно тем же олухом и живу, что в школе был. Даже не понять, с чего ты стал таким гениальным. Питание, что ли, особое?

— Питание тут ни при чем.

— А что «при чем»? Ты кончал свой физический, в самом конце плелся. И потом в той первой фирме тебя едва терпели.

Хозяин встал, прошелся по комнате, отражаясь во всех зеркалах. На миг появилась и тут же исчезла вторая голова.

— Понимаешь, если правду, я, собственно, и не совсем я. Не тот Сетера Кисч, с которым ты в школе сидел.

— А кто?

— Пмоис.

— Пмоис?! — Лэх откинулся назад и едва не

упал, потому что у круглого табурета, на котором он сидел, не было спинки. — Ловко! Пересадка мозга, да?

— Ага. Не могу сообразить, встречался ты когда-нибудь с ним, то есть со мной, с Пмоисом… Кажется, встречался. По-моему, у этой Лин Лякомб, в ее доме. Я, будучи еще Пмоисом, демонстрировал у них материализацию Бетховена. Работал в концерне «Доступное искусство».

— Помню, — сказал Лэх. — Какие молодые мы были тогда! Во все верили. Я, во всяком случае, верил. Кажется, тысяча лет с той поры минула. — Он вздохнул. — Мы вместе с Чисоном приходили на материализацию. Пмоис был, по-моему, такой плечистый мужчина, выдержанный. Значит, с ним я сейчас и толкую? Но в теле Кисча.

— Примерно… Видишь ли, Сетера Кисч с грехом пополам окончил физический. То есть четыре курса хорошо, даже блестяще, а на последних скис. Стал ученым, но средним, без полета. Тянул лямку, но в фирме никто не был от него в восторге, и у самого неудовлетворенность. Родители, конечно, виноваты. Помнишь, какая в те годы мода — нет звания бакалавра, значит, неудачник. Но у Кисча-то хватило честности перед собой признать, что не туда попал. А тут мы случайно

сошлись. Меня тогда кинуло в портновское дело, работал в одном ателье закройщиком. И как раз является Сетера Кисч, магистр, заказывать себе костюм. Снимаю мерку, он тоже участвует, советует. Да так ловко у него получается — прирожденный портной. Чувствую, человек оживает, когда у пего в руках ножницы или булавка. Что ему просто тоскливо возвращаться в свою исследовательскую лабораторию. А я, с другой стороны, электроникой очень интересовался. Книги читал, схемы собирал. Однако образование только среднее, незаконченное…

— Ну-ну, — сказал Лэх, — дальше.

— Так или иначе, стали мы с ним раздумывать. Ему переходить из физиков-теоретиков в закройщики вроде бы позорно. Что родственники скажут, друзья? Да и в среде портных тоже будет выглядеть белой вороной. В то же время меня в научно-исследовательский институт никто без диплома не возьмет, будь я даже Фарадей по способностям. В конечном счете решили махнуться мозгами. Он мне о себе все порассказал, я ему свою жизнь обрисовал. И на операционный стол. В электронике у меня отлично пошло: патентов десятки, доктора скоро присвоили. Потом только вот эта история со второй головой. А Сетера Кисч

в облике Пмоиса, в бывшем моем, выдвинулся как портной. Премии на Парижском конкурсе, в Сиднее золотая медаль. Собственное дело.

Лэх кивнул.

— Ну как же! На мне вот брюки-пмойки.

Он тоже встал и в волнении прошелся по комнате.

— Слушай, раз уж на честность, я тоже не Лэх.

— Серьезно? А кто?

— Скрунт. Муж Лин Лякомб… Но тут другая история. Вопрос чувства, понимаешь. Лэх, то есть я… то есть нет, правильно, он… Одним словом, Лэх был жутко влюблен в Лякомб, в мою Лип Лякомб. А меня, то есть Скрунта, она чуть до инфаркта не довела. Помнишь, какая была взбалмошная? Все хотела меня усовершенствовать, просто измордовала. То давай за стрелковый спорт принимайся, то рисовать, то изучай химию. И хотя я сначала был очень увлечен, позже замучился и понял, что скоро откидывать копыта. Но при этом знал, что для нее-то развод был бы страшным ударом. А тут подворачивается Лэх, который глаз с нее не сводит. Однажды мы с ним уединились, слово за слово. Он и не раздумывал, весь сразу запылал, как только понял. Разговаривали в оранжерее, он как схватится за пальму-бамбасу, с корнем выво-

ротил. Но была небольшая сложность: у Лэха-то за душой ничего. Договорились, что, как только он станет Скрунтом, мною, сразу переведет на бывшего себя восемьдесят процентов состояния.

— И что же? — спросил хозяин, который слушал с чрезвычайным вниманием. — Он тебя обманул, и поэтому ты теперь так скромно живешь?

— Ничего похожего. Лэх порядочный человек. Просто когда я из Скрунта стал Лэхом, даже с теми деньгами у меня ничего не вышло. Успех-то ведь не столько в капитале, сколько в связях.

— Инте-рес-но. — Тот, который прежде называл себя Сетерой Кисчем, прогулялся по широкому ковру среди комнаты. Потом стал, глядя в глаза приезжему. — Скажи, а ты в самом деле Скрунт? Все без обмана рассказываешь, до конца?

— А что? — Гость покраснел.

— То, что когда Пмоис менялся с Сетерой Кисчем, он сам был уже поменянный. Обменявшийся со Скрунтом… Твоего Лэха врачи наверняка предупреждали, что у Скрунта это уж не первая операция.

— Да, верно. — Приезжий опустился на табурет. — Но вот узнать бы, где в это время был первоначальный Скрунт. Мы бы во всем разобрались.

— В бывшем Пмоисе. Если не дальше!

— Проклятье! — Гость взялся за голову. — Ото всего этого тронуться можно. Уже вообще ничего не понимаю. Тогда кто же я, в конце концов?

— Кто его знает.

— А ты?

— Сейчас выясним. Тут все зависит от времени. Если Пмоис в действительности…

— Подожди! — Тот, который называл себя Лэхом, уставился в потолок. — Надо идти не отсюда. По-настоящему, изначально я был Сетерой Кисчем, если уж совсем искренне. Это мое первобытное положение. Так что ты про меня рассказывал: швейная мастерская, иголки-нитки. Потом мое сознание переехало в тело Пмоиса…

— Ты эти тела пока не путай — кто в чьем теле. А то мы вообще не разберемся. Говори о мозгах.

— Ну вот я и говорю. Значит, я, Сетера Кисч, сделался Скрунтом, который, будучи уже поменянным, переехал в тебя… Нет, не так.

— Я тебе сказал, двигайся по мозговой линии, не по тельной. Тельная нас только собьет. Даже вообще не надо никуда двигаться. Мозг-то в тебе Сетеры Кисча, да? Ты ведь Кисчем начинал жить?

— Еще бы! — Тот, который приехал в качестве

Лэха, пожал плечами. — В этом я никогда не сомневался.

— Превосходно. Так вот…

— Если уж всю правду, это тоже была цель моей поездки — узнать, за кем мое бывшее тело. А то пишет письма Сетера Кисч, мы с женой читаем и думаем, кто же он.

— Так вот, — повторил хозяин, — в твоем бывшем теле Лэх.

— Ловко! Выходит, что ты — это я? В смысле тела.

— А я — это ты. Между прочим, и я переписку начал, чтобы установить, что за тип окопался в прежнем мне. Ну как тебе в моем теле, не жмет?

— Ничего, спасибо. Обжился. — Приезжий задумался, покачал головой. — Господи боже мой, до чего докатились! Не знаешь уже, кто ты есть в действительности. Я ведь раз пять перебирался — в Пмоиса, в Скрунта, в тебя, когда ты из себя уже выехал, еще были обмены. Всегда привыкать заново, перестраиваться, людей кругом обманывать. Все ищешь, в ком бы получше. Прыгаем сдуру, как блохи, ничего святого не осталось, заветного, человеческого… Ну теперь-то с меня хватит. Из твоего тела ни ногой.

Помолчали. Сквозь стены донесся низкий от-

даленный гул. Подвешенная к потолку трапеция качнулась.

— Рвут где-то, — сказал хозяин. — Расширяют подземную территорию. Тут у них договор с городом — внизу можно распространяться, а наверх чтобы не показывались.

Гость поднял глаза к потолку.

— А этот городишко там — настоящая древность? Или макет, выстроено?

— Старина настоящая. В домах даже телевизоров нету, проигрывателей не держат. Зато сами собираются вместе по вечерам, танцуют, поют. Днем пусто — кто на железной дороге, кто на мельнице, а позднее на улицах людно. Тут они все консервационисты. Не допускают к себе никакой новой технологии, природу берегут.

— Да, — сказал гость, — такие дела. — Он еще раз огляделся. — Удобно у тебя здесь, уютно. Скажи, а как же ты выдержал столько лет, не сошел с ума? Тоже на поводке, да?

— На поводке?

— Ну на привязи, какая разница? Соединен с машиной. Против плохого настроения.

— Это что, стимсиверы, что ли, приемопередатчики?

— Конечно. Необязательно от плохого на-

строения. От курения ставят, от пьянства. В определенную точку мозга вводят микропередатчик. Захотел выпить, активность нейронов в этом месте возрастает, сигнал передается на электронно-вычислительную машину, которая в клинике или вообще где угодно. Оттуда обратный сигнал-раздражитель в другую точку мозга, и человеку делается тошно от одного вида налитой рюмки… Даже вот так может быть: муж стал заглядываться на другую, а супруга бежит разыскивать подпольного врача. У того целая организация. Мужа где-нибудь схватили, усыпляют. Электроды заделали, подержали, пока бесследно заживет, заставили под гипнозом про все это забыть, и готово.

— Что именно готово? — спросил хозяин.

— Все. Будет смотреть только на свою жену… Или, например, бандиты, мафия. Они теперь все стали хирургами. Им заплати, они любому что хочешь введут и свяжут с компьютерной программой, выгодной заказчику. С одним даже так получилось: договорился с шайкой, но его самого поймали, наркоз, гипноз и такую программу, что он потом на них перевел все деньги.

— Сплетни.

— Почему? — Гость встал. — Куда далеко ходить

— вот он я! Четыре трехканальных стимсивера. Сейчас редко встретишь человека, чтобы без электродов. У некоторых так нафаршировано, что и не понять, чего там больше в черепе — мозгового вещества или металла. Каждый шаг машина контролирует.

— Сколько бы их ни было, неважно. Все равно информацию человек получает через органы чувств от внешней среды. Личность формируется окружающей действительностью и ничем больше.

— А действительность-то! Разве она естественная сегодня? — Гость заходил по комнате. — Телевидение, книги, газеты, радио, реклама, кинобоевики — вот чем у нас в ФРГ тебе баки забивают, как хотят, по своему усмотрению. Такого, что самостоятельно в жизни увидишь и поймешь, только ничтожная часть от суммы ежедневных впечатлений. Ну из квартиры вышел, с соседом поздоровался, в метро опустил талон. Как при этом говорить, что личность еще существует, что она суверенна? Частичка сознания общества, как две капли воды между собой, схожая с другими частичками… Э-эх, кому-то так надо! Все стараются насчет прибыли, насчет власти. Им бы вживить электроды и такую программу через

компьютер, чтобы стали посмирнее. Только не выйдет. — Гость усмехнулся. — Живут за стальными стенами, с посторонними только сквозь пуленепроницаемое стекло. Либо по телевизору — мне приятель рассказывал, был на таком приеме. Приходит, в пустом зале кресло. Сел, подождал, на стене зажегся экран. Там физиономия крупным планом — пожалуйста, толкуй… Когда в кабине мобиля сидишь, сколько вдоль трассы глухих каменных заборов. Что за ними — или блоки ЭВМ, что держат людей на привязи, или дворцы таких капиталистов.

Приезжий замолчал, потом, покраснев, обтер ладонью подбородок.

— Что-то разговорился вдруг. Прямо как лектор… Ладно, прощай. Понимаешь, ехал сюда и думал, что хоть один из наших прежних школьников живет по-человечески — я ведь подозревал, что в моем бывшем теле кто-то из старых знакомых. У нас дома о тебе, то есть о Сетере Кисче, часто говорили. Имеется, мол, такой счастливец, у которого увлекательная работа, путешествия, природа, который свободен и благоденствует. Ребятам ставили тебя в пример. А ты, оказывается, пятнадцать лет в подвале, не выходя. Но если уж у тебя такое положение, нам с Роной и

думать нечего о хорошем. Одна дорога — последние деньги собрать и отдаться в какую-нибудь «Уверенность».

Гость вынул из кармана желтый листок, протянул хозяину.

— Погляди.

— Я знаю. — Хозяин мельком посмотрел на листок и отстранил. — Но ты это брось, особенно не угнетайся. По-моему, у нас скоро многое переменится.

— Откуда оно переменится? У нас-то! Понимаешь, теперь стало вместо выживания приспособленных, по Дарвину, приспособление выживших. Прежде была борьба за существование, в которой выживали наиболее приспособленные виды. А сейчас тех, кто выжил, дотянул до сегодняшнего дня, как мы, например, приспосабливают к технологическому миру. В прошлом году я был у друга, у Чисона. Комната на пятнадцатом этаже возле аэродрома. Рядом эти гравитационные набирают скорость, рев убийственный. Мне мучительно, а он даже не замечает. И после выяснилось, что все местные прошли через операцию — им понизили порог звукового восприятия… то есть, наоборот, повысили. Понятно, что значит. Не человек технику для себя, а его для техники. И

ничего не сделаешь. Такая сила кругом, пушкой не прошибить.

— Нет-нет, не преувеличивай. — Хозяин тоже поднялся. — Трудно тебе объяснить как следует, но я-то чувствую, скоро многое будет по-другому. Вот ты, например, недоволен жизнью, да? Тебе все это не нравится?

— Чему тут нравиться?

— Но ведь твое сознание действительно часть того, которое недовольно буржуазным строем. Даже притом, что реклама, телевидение, газеты твердят, будто мы вышли в золотой век. Они твердят, а на тебя не действует. Или с настроением. Оно у тебя сейчас плохое?

— С чего ему быть хорошим? — Гость закусил губу, посмотрел в сторону. — Душа болит. Даже если она сгусток символов.

— Ну вот. А сам утверждаешь, что на поводке и настроение не может быть плохим. Как же так? — Хозяин похлопал гостя по спине. — Думаю, мы с тобой еще встретимся при лучших обстоятельствах. Держись, старина!

— У вас что-нибудь случилось?

Сетера Кисч, подлинный Сетера Кисч поднял

голову. Рассеивался туман — Кисч даже не заметил, когда эту муть навело вокруг в воздухе. Он стоял в коридоре неподалеку от большого зала, и давешняя девица в алюминиевых брюках держала его под руку. У нее были черные брови и синие глаза.

— По-моему, вы сильно расстроены. Побывали у Кисча, да? — Девушка смотрела на него испытующе. — Вы уже минут пять так стоите. Может, вам чем-нибудь помочь?

— Н-нет, не беспокойтесь.

— Но вы очень бледный. Сердце схватило?

— Нет, пожалуй. — Он вдохнул и медленно выпустил воздух. — Вообще никогда такого не бывает. В принципе здоровый тип.

Мимо сновал народ. Гул голосов доносился из зала.

— Вам надо чем-нибудь поддержаться. Пойдемте выпьем кофе.

Но когда зал остался позади и они поднимались узкой лестницей, девушка вдруг остановилась, резко обернувшись.

— Да, послушайте! Чуть не забыла. А вы случайно не шишка?

— Какая шишка?

— Ну, может быть, опухоль?

— Что за опухоль?

— Какой-нибудь чин. Крупный делец, который явился навести наконец порядок и переделать все по-своему. Хотя, честно говоря, непохоже.

— Нет. Я просто так.

— А почему вы вообще попали к Кисчу?

— Мы в школе вместе учились. Я взял да и приехал. Оказалась вот такая штука. Ошеломился.

— Тогда все нормально. А то мне пришло в голову, что зря перед вами рассыпаюсь… Нам вот сюда. Идем в другое кольцо, куда лично мне вход воспрещен. К начальству. Но сейчас там в буфете должно быть пусто. И кофе лучше.

Коридоры, переходы. В комфортабельной буфетной, со стенами, обшитыми натуральным деревом, не было никого, кроме официанта, который за стойкой щелкал на арифмометре. Он улыбнулся девушке.

— Привет. — Девушка кивнула. — Нам по чашечке твоего специального. И два пирожка.

Они уселись. Девушка вынула из сумки зеркальце, поправила помадой губы. Потом, потянувшись вдруг вперед, к приезжему, взяла верхнюю перекладину со спинки его стула. С ее конца свисал тонкий проводок. Девушка поднесла перекладину ко рту, пощелкала языком.

В ответ на недоуменный взгляд Кисча она объяснила:

— Подслушка. Тут везде аппаратура, чтобы подслушивать и мониторить.

Голос из микрофона сказал:

— Кто это?.. Ниоль, ты?

— Я. Здравствуй, Санг. Как там, вашего гения нет где-нибудь поблизости?

— У себя в кабинете составляет отчет. Все спокойно.

— Приходи сегодня на гимнастику. Я буду.

— Ладно. Кто это с тобой?

— Школьный друг Сетеры Кисча. Привела его выпить кофе.

Девушка положила перекладину обратно.

— У них начальник — ужасная дубина. Принимает эти ритуалы всерьез. Ну а те, которые сидят на подслушивании, такие же люди, как мы. Поэтому вся система получается сплошной липой. — Она поднялась, чтобы взять со стойки кофе. — Между прочим, вы не первый, кому стало плохо, когда он это увидел.

— Что «это»?

— Ну Кисча с двумя головами. Вернее, конечно, Кисча и Арта в одном теле. Обычно так и происходит: сначала ничего-ничего, а потом сердечный

припадок или приступ меланхолии. Тут был одни мальчишка. Пруз, сын того Пруза, который, знаете, «Водная мебель». Вышел от Арта и через две минуты грохнулся.

Сетера Кисч отпил глоток кофе — действительно хороший. Сердце как будто успокоилось, по в мыслях неотрывно стоял желтый листок. Чтобы как-то поддержать разговор, он спросил:

— Сын самого Пруза? Такого воротилы? Неужели он здесь работает?

— Нигде не работает. Я вам говорю, мальчишка. Хипарь. Ушел от отца, бродит с гитарой… Представляете себе, как там, в верхнем слое, конкуренция, напряжение, друг друга стараются съесть. Поэтому всегда за свою шкуру дрожат. Либо сами не выдерживают, все бросают, либо дети от них отрекаются.

— Но вот этот мальчишка. Отец же мог взять его на поводок — закомпьютировать против плохого настроения.

— Во-первых, не всякий отец решится начинять дитя металлом. А во-вторых, мальчик предупредил, что, если у себя в мозгу обнаружит что-нибудь или у него срок из жизни необъяснимо выпадет, он сразу с двадцатого этажа. Это часто получается — старшее поколение лезет

наверх, никого не щадя, а младшему ничего не надо, и жертвы напрасны.

От девушки веяло уверенностью и деловитостью даже притом, что она в данный момент ничего не делала. Цвет лица у нее был умопомрачительный и в основном определенно свой.

— А зачем он сюда приходил, младший Пруз?

— К Арту. Мальчику нужны знакомые его возраста, друзья. Поэтому тут и стараются кого-нибудь приводить. Теперь он часто заходит с новыми песенками.

Кисч отпил еще кофе. Из-за присутствия девушки мир стал чуть-чуть другим — поспокойнее и не столь угрюмый.

— Кто этот Арт? Вы уже два раза о нем упоминаете. И как это понимать: «Кисч и Арт в одном теле?»

— Как понимать?.. Вы же видели у Кисча на плечах еще одну голову?

— Я?.. В общем, видел. Там эти зеркала…

— Так это и есть Арт.

— Арт?.. Подождите! Разве это не Кисча головы? Мне-то казалось, оттого у него и успехи такие последнее время, что он в две головы работает.

— Ну что вы! — Девушка пожала плечами. — Если б так, все было бы проще. Но комбинацию

«две головы, одно тело» нельзя рассматривать в качестве тела с двумя головами. Правильно — две головы при общем теле.

— Но личность ведь та же? Тем более если личность образуется средой. Среда-то у обоих сознании одинаковая… Хотя я уже ничего не понимаю…

— Откуда среда у них возьмется одинаковая? Кисч сам родился, как все, один. Детство тоже было нормальное — вы же знаете, раз в школе вместе. А Арт! Его сознание тут и возникло, под землей. В лабораторном окружении. У них с Кисчем опыт впечатлений совсем разный… Я вижу, вы главного не поняли. Или у вас об этом разговора не зашло. В том-то и трудность, что две непохожие личности при одном теле, которым они пользуются по очереди, посменно. Один контролирует, а другой отключается — спит или думает о своем. Иногда, правда, могут вместе читать одну и ту же книгу. Но тогда уже каждый в себя. По-своему воспринимая.

— Пресвятая богородица, час от часу не легче! — Приезжий вздохнул. — Действительно, не уловил главного. Значит, еще одно самостоятельное сознание?

— Причем развивающееся! Растущее. Ребен-

ка назвали Арт, потому что он возник как бы артеногенезом. А теперь это уже подросток. Четырнадцать лет.

— И что же он, формируется нормально? В умственном, конечно, отношении.

— Более или менее. Сначала Кисчу было ужасно тяжело, потому что Арт все время овладевал руками, ногами. Знаете, какая витальность у маленьких — постоянно двигаются. А потом ума набрался, понял, что у них с отцом одно тело на двоих.

— С отцом?..

— Все-таки Кисч ему что-то вроде отца. Он и старается дать побольше — кинофильмы, книги, телевидение. Сначала и сказки рассказывал. А теперь мальчишка рисует, у него два иностранных языка, спортом занимается — видали турник в комнате… Кисч, пожалуй, только и выдержал здесь благодаря этим заботам.

— Вы сказали «спорт»?

— Да, спорт. Если тело в данный момент под его контролем, почему не заниматься? Кстати, гимнастику с ним как раз начинала я. Как бы на общественных началах. А теперь он на турнике солнце крутит, соскоки по олимпийской программе — специальный тренер спускается к ним.

— Но значит, и Кисч крутит? Одновременно. Поскольку тело-то на двоих.

— Ну где же ему в пятьдесят-то лет? — Девушка замялась и чуть покраснела, глянув на собеседника. — То есть я хочу сказать, что он не такой уж молодой, верно? А в гимнастике все зависит от специфической мозговой автоматики, которая с возрастом теряется. Не от мышц. Конечно, Кисч пользуется той гибкостью, которую Арт выработал в суставах. Но его автоматизм и мальчика — разные вещи… Вообще ситуация адская, когда вот так двое, но в качестве эксперимента открыла массу непознанного. Вот, например, занимаюсь я с Артом гимнастикой. Он работает несколько часов на брусьях, на турнике. С него пот градом. А Кисч за это время выспится. Затем Арт отключится, тело достается отцу. И, знаете, оно, как новенькое.

— Не может быть, — сказал приезжий. — Там же изменения. Кислота накапливается в мышцах.

— И моментально исчезает, как только к этим мышцам подключился свежий мозг. В том-то и странная штука, что само понятие усталости относится лишь к сознанию. Тело может хоть год без перерыва. Как двигатель внутреннего сгора-

ния — подавай топливо, смазку и эксплуатируй, гоняй месяцы подряд…

— Да. Удивительные вещи.

— Конечно. — Девушка будто намеренно не замечала его состояния. — …Или взять рояль. Моя подруга у них преподавательница, и я тоже несколько раз была на уроках. Начинали Кисч и Арт вместе. Мальчик теперь приличный пианист, а Кисчу и «Курочку» не сыграть одним пальцем. Но ведь руки те же. Представьте себе, преподавательница показала упражнение. Арт берет на себя контроль и легко повторяет. Отключился. Кисч пытается сделать то же самое, и ничего похожего… Вы, кстати, понимаете, что значит отключаться? Это просто, как сидеть в покойном кресле или лечь. Расслабляешься, размякаешь, и можно отдаться посторонним мыслям. А вот если б они захотели по-разному, то есть один руку сюда, второй — в другую сторону, тогда чей импульс сильнее. Они часто так балуются. Сначала, конечно, Кисч сразу побеждал, а теперь Арт уже здорово сопротивляется… Хороший мальчишка. Его весь институт любит. И вот что интересно. К математике никаких способностей. В этом смысле не пошел в отца.

— Ну и как же они дальше будут? Можно ведь

кого-то отсадить.

— В конце этого года должны расщепиться. Если б раньше, для Арта очень большой шок. Развивающемуся сознанию нужна стабильность. А то получится, как с ребенком, которого родители таскают из одной страны в другую — нет культурного фона, чтобы ему строить личность… Вы, кстати, наверное, их обоих сразу не видели. Когда приходит свежий человек, они включают систему зеркал, чтобы не слишком ошарашивало. А если она выключена, довольно неожиданное ощущение. Кажется, будто тело принадлежит то одному, то другому. Если к Арту обращаешься или его слушаешь, руки, ноги, туловище — все его. А голова Кисча кажется дополнительной. Мешающей. Но стоит Кисчу что-нибудь сказать, ситуация меняется мгновенно. Понимаете, они как будто все время прыгают в глазах. Вроде картинки, которая показывает иллюзии зрения. Когда в одном и том же контуре можно увидеть и старуху и девчонку в зависимости, как сам настроишься. Но никогда ту и другую сразу.

Буфетчик принес еще по чашечке кофе. Кисч задумчиво закурил. Что-то обнадеживающее было в том, что его старый знакомый все-таки не оказался жертвой несчастного случая, а взял

ситуацию под свой контроль. Тут был даже подвиг — полюбить такое странное дитя, воспитать его. Во всяком случае, все это бросало новый свет на Лэха.

— Скажите, а этот другой мальчик, с гитарой. Как его пускают к Арту? Все ведь засекречено.

— А вас как пустили? — спросила девушка.

— Случайность. У меня при себе было письмо от Кисча. А в проходной как раз кто-то ответственный отсутствовал. Вышел заправить зажигалку.

— Ну-ну. А тот лейтенант, который на посту, не перелистывал брошюру насчет миллионеров?

— Да… Лейтенант разве он? Форма странная.

— Внутренняя стража. Фирма держит у нас целое войско. Для охраны секретов. Огромный вооруженный контингент и тоже звания: сержанты, лейтенанты, полковники. Но в большинстве свои парни. Тот лейтенант постоянно держит рядом эту книжку, чтобы со стороны казалось, будто он ни о чем другом не думает. А насчет зажигалки — код. Когда о зажигалке, это означает, что пришел порядочный, по мнению лейтенанта, человек. Вообще пускают всякого, кто им понравится. Но зато если какая-нибудь комиссия, члены правления, часа три проволынят, ко всякой мелочи будут придираться. Я, между прочим,

в этом же отделе. Вы, наверное, и вообразить не в состоянии, какая у меня роль. Называюсь *выходящая девушка*.

Кисч невольно подумал, что роль подобрана удачно. Как раз такой и выходить, а не скрываться. Фигура у девушки была, как с чемпионата по художественной гимнастике — тонкая талия, пышные бедра, гибкая спина. А про лицо с синими глазами и говорить нечего.

— Моя обязанность время от времени выходить при белом передничке в садик наверху и заниматься цветами. Обязательно в юбке, не в брюках. Нюхать розы, вздымать глаза к небу, вздыхать, смущенно отворачиваться, если кто смотрит с улицы. Этот домик, где у нас первый пост, должен ничем не отличаться от других. Но в городе меня-то каждая кошка знает. Так что все делается для тех самых инспекций от Совета Директоров, которые и так прекрасно осведомлены о подземном хозяйстве. — Девушка вкусно хрустнула пирожком. — Я, правда, люблю ухаживать за цветами. Хотя кто же не любит?

Она глянула на часы, и лицо ее изменилось.

— Да, послушайте! Вы что, попали сюда вообще безо всяких документов?

— Ну как? Со мной идентификатор.

— А пропуск?

— Нет.

В глазах девушки выразилась тревога.

— Черт! Нас только что предупредили — ожидается внеочередная проверка. Знаете, у начальства бывают такие конвульсии. Сейчас звонок, а через пять минут пустят собак. К этому времени всем нужно освободить коридоры и засесть в рабочих помещениях… Что же нам делать?

Она протянула руку, взяла перекладину со спинки стула.

— Санг, у нас такая история…

— Я все слышал, — раздался голос. — Тоже растяпы на первом посту. Могли бы хоть что-то выписать… Скажи, Ниоль, этот твой приятель способен бегать?

Девушка посмотрела на Кисча.

— Пожалуй, да.

— Срывайтесь прямо сейчас и на Четвертый Проход. Я передам ребятам, чтобы задержали заслон на минуту. Могут, правда, и с той стороны пустить собак. Тогда в Машинную — маленькая дверь слева за переходом… Бегите. Только осторожно в Машинной, не заблудитесь!

Девушка встала.

— Бежим! За мной!

Она была уже возле двери, когда Кисч начал неуверенно подниматься. Куда бежать — все было ему как-то безразлично.

Девушка гневно обернулась.

— Вы что, хотите попасть в Схему? Это ведь жизнь, не что-нибудь.

Пронзительный дребезжащий звон, состоящий из множества голосов и одновременно слитный, пронзил помещение. Чудилось, что звенят стены, предметы, даже человеческие тела. Нарастающее ощущение тревоги, телесная тоска. Прочная действительность разрушалась, назревало извержение вулкана, землетрясение, может быть, даже война. У Кисча застучало сердце, все вокруг начало было опять заволакивать туманом. Превозмогая слабость, он бросился к девушке. Они выскочили из буфетной.

Ниоль — Ниолью ее как будто было звать, так понял Кисч — обрушилась вниз по лестнице. В большом коридоре было полно народу — лишь редких звонок застал на рабочем месте. Девушка активно проталкивалась, и Кисч за ней, роняя на ходу извинения.

Звон становился все громче, нервировал, пугал. Постепенно людей становилось все меньше, с железным лязганьем захлопывались двери.

Ниоль нырнула в узкий коридор, на лестницу, в другой широкий коридор, опять в узкий. Вверх, вниз, направо, налево, вперед, назад. Кисч едва поспевал. Проскакивал по инерции мимо того места, где девушка повернула, и вынужден был возвращаться. Ниоль все ускоряла темп.

— Быстрее! Быстрее!

Подошвы ботинок скользили на гладком металлическом полу, приходилось прилагать двойные усилия, работать всем корпусом. Начало колоть в боку, от живота на грудь поднималось жжение.

Звон сделался таким сильным, что не стало слышно уже никаких других звуков. Девушка впереди оборачивалась, беззвучно открывала рот — кричала, жестом показывала, чтоб Кисч не отставал. Новой волной звон опять усилился, показалось, что в мире-то ничего нет, кроме этого всеобъемлющего, убивающего звука.

Усилился и… оборвался!.. Оглушающая тишина. Вокруг Кисча будто разомкнулась плотная давящая среда, он будто вынырнул, лишился опоры, попал в пустоту. Вдруг осознал, что в коридорах уже никого нет, только они с девушкой бегут вдвоем, гулко грохоча.

— Еще скорее!

Пронесся вслед за Ниолью сквозь овальную

арку. Девушка перешла на шаг, потом остановилась, привалившись к прозрачной стене, за которой маячили какие-то лестницы.

— Посмотрите!

Кисч обернулся. За его спиной в арке бесшумно опустился ребристый полированный заслон.

— Ф-ф-фу, успели! — Грудь Ниоль поднималась и опускалась рывками. — Давно так не спешила. — Она с восхищением посмотрела Кисчу в глаза. — Вы прекрасно держались. Просто не думала. Бежать вторым ведь гораздо труднее, если не знаешь куда.

Сквозь частое, прерывистое дыхание он спросил:

— А действительно надо было? Ну, допустим, обнаружили бы меня. И что?

— Как что? Пошли бы по Схеме. И не только вы. Лейтенант, который пускал, Сетера Кисч за то, что принял и вообще показался вам. Понимаете, фирма умеет выставлять дело так, будто вы вторгаетесь в государственные интересы, если нарушили ее собственные. А тут ведь только попасть в рубрику. Дальше все идет автоматом.

Они шли теперь по коридору, который, прямой, как натянутая проволока, уходил в бесконечность.

— Схема — это механизм, — сказала девушка. — Любой предшествующий процесс вызывает следующий по своей собственной логике, которая постигается только постфактумом. Предвидеть что-нибудь невозможно, а как оглянешься, понимаешь, что иначе и не могло быть. У каждой организации своя структура мышления, и Надзор, например, считает, что любой человек в чем-нибудь да виноват.

Она внезапно замерла.

— Ой, что это?!

Сквозь прозрачную правую стену видно было, как по лестнице бегут через две ступеньки трое в жестких неуклюжих комбинезонах и с масками на лице — водители собак. Два огромных длинношерстных пса поднимались рядом, натягивая поводки, а третья, отпущенная собака уже поворачивала на тот марш, что вел к коридору.

— С этой стороны пустили! — Ниоль отчаянно огляделась. — Вон та дверь!

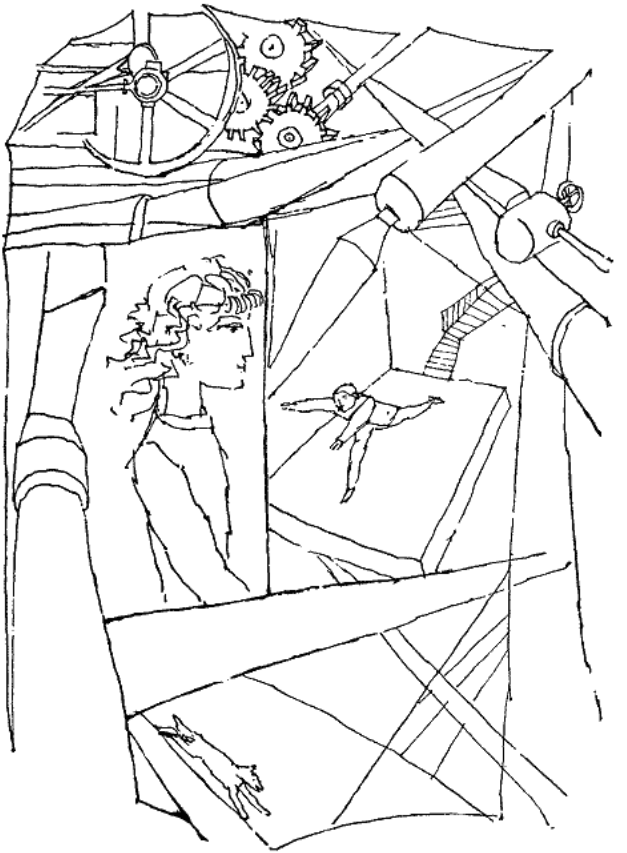
Двое бросились назад, где маленькая дверца темнела возле арки. Кисч дернул за ручки. Дверь не открывалась.

— Заперто!

— Толкайте! В ту сторону, внутрь!

Дверца распахнулась. Помещение занимала

гигантская конструкция спутанных, переплетенных труб, толстых, средних, тонких, сквозных лесенок, воздушных переходов. Даже не было самого помещения. Только эти трубы и переходы, чья неравномерная сетка простиралась вверх, вглубь и вниз, теряясь в тусклом свете.



Ступившие на маленькую металлическую

площадку у дверцы Кисч и девушка чувствовали себя, как на уступе перед пропастью.

Кисч захлопнул дверцу. Замка на ней не было.

— Может, просто держать изнутри?

— Что вы! — Девушка схватила его за руку. — Охранники сейчас же будут за собакой.

Во всем этом был оттенок нереальности. Ниоль кинулась вниз по висящим в воздухе металлическим ступенькам. Кисч, помедлив мгновение, заторопился за ней.

Опять вверх, вниз, влево, вправо. Позади гулко залаяла собака. Алюминиевые блестящие брючки и белая кофточка мелькали в нескольких шагах впереди. Возник ровно-переливчатый шепчущий шумок, который становился сильнее по мере того, как двое продвигались в глубь сооружения.

Ступеньки, перекладины, перила. Рука хватается, нога переступает. Кисч с девушкой были теперь в гуще сложно пересекающихся труб. Кое-где приходилось перелезать, в других местах подползать на четвереньках, а то и прыгать. Шум усиливался.

— Эй, послушайте!

Кисч остановился. Девушка была близко, но на другом переходе. Их разделяло метров пять.

— Идите сюда! Я вас подожду! — Она кричала,

сложив ладони рупором.

Кисч кивнул, шагая по своему переходу. Но лесенка вела его вниз и в сторону от Ниоль. Стало ясно, что раньше, торопясь, он проскочил на другую тропинку. Пришлось вернуться.

— Где-то мы разделились! Давайте попробуем назад.

Он показал ей рукой, и девушка сделала знак, что поняла. Кисч вышел на площадку, от которой вели две лесенки. Правая как будто приближала его к Ниоль. Он стал подниматься, но неподалеку от него девушка теперь опускалась. Вскоре он увидел ее у себя под ногами. Они продолжали двигаться и через две минуты поменялись уровнями. Опять между ними было около трех метров, но таких, что преодолеешь разве только на крыльях. Еще раз пустились в путь. Кисч вошел в галерею, огороженную сверху и по сторонам проволочной сеткой. Белое пятно кофточки было впереди. Наконец-то! Он заторопился, девушка тоже побежала. Через мгновение они были рядом.

Но разделенные сеткой. Мелкой и прочной.

Ниоль погрузила пальцы в ячейки.

— Пожалуй, лучше остаться так. Проверка кончится, и ребята нас разыщут. А то совсем…

Следуя за ее остановившимся взглядом, Кисч

повернул голову. Черная с белым собака, ловко перебирая лапами, поднималась к его галерее. Он бросился вперед, вымахнул на какую-то площадку, замешкался. Перекладины вверх и вниз, но такие, что черно-белый зверь их одолеет.

Рычание раздалось за спиной.

Не раздумывая больше, он прыгнул с площадки на ближайшую трубу, обхватил ее руками, съехал метра на два до ответвления. Пробежал по четырехгранной балке, с чего-то соскользнул, через что-то перескочил.

И собака тоже прыгнула. Плотное тело мелькнуло в воздухе, зверь тяжко стукнулся о трубу, сумел удержаться, взвыл от злобы.

Кисч в панике кинулся внутрь трубной спутанности. Сгибаясь, когда надо, дотягиваясь, если приходится, он уходил все дальше от проволочной галереи. Собака отстала, откуда-то снизу он услышал ее жалобный визг.

Еще несколько шагов и перебежек, Кисч пролез сквозь густое переплетение и оказался в не менее густом. Сел верхом на балку, спустив ноги, собираясь с силами. Было похоже, что он находится внутри гигантского флюидного усилителя. Трубы, ребристые и гладкие, вертикальные, горизонтальные и косые, окружали со всех сторон. В

одних направлениях расположенные свободнее, в других теснее. Небрежно брошенные полосы хемилюминесцента скудно освещали бесчисленные сочленения. Не думалось, чтобы кто-нибудь мог уловить систему, вообще разобраться в этой трубной чаще, не говоря уж о том, чтоб ее построить.

Куда теперь? Он не мог сообразить, где та площадка, с которой он прыгал.

Покричать девушку?

Набрал воздуху в легкие, открыл рот и… закрыл. Ровный, пошептывающий шум обволакивал все вокруг. Такой, в котором потонет любой посторонний звук, пролетев лишь два-три шага.

Сделалось как-то очень неуверенно. Во все стороны взгляд упирался в те же трубы — ближние или подальше. Обзор был очень ограничен. Неизвестно, куда его поведет, если он начнет двигаться, — в глубь системы или к ее краю. И какова вообще эта глубь?

— Ну пусть. Только не сидеть.

Став на ноги, Кисч прошел по толстой трубе, придерживаясь за параллельную тонкую. Уперся в такое переплетение, где было не пролезть, вернулся. Прошагал в другую сторону и увидел, что толстая горизонтальная труба кончается,

включившись в вертикальную. Двинулся тогда вправо, перепрыгивая с одной трубы на другую. Искусственная чаща не отпускала, держала подобно перемещающейся клетке. Удивительно было, что он так сразу забыл, с какого же края попал сюда.

Трубы начали редеть, Кисч, обрадовавшись, заторопился. Поспешно перескочил двухметровый пролет, схватился за косую трубу и, вскрикнув, отпрянул. Труба была словно кипяток. Секунду он отчаянно боролся, стараясь удержать равновесие, крутя руками. Ухитрился повернуться на сто восемьдесят градусов, прыгнул вниз. На толстой трубе почувствовал пышущий жар даже через подошвы ботинок, вцепился в тонкую, обжегся. Очутился на какой-то рядом, съехал — его развернуло, стукнуло грудью. Сумел обнять толстую трубу, только теплую, к счастью, съехал до сочленения, оказавшись зажатым.

А внизу вдруг открылась бездна — тусклая, чуть ли не космическая пустота, редко-редко пересеченная теми же трубами.

Кисч весь дрожал от испуга, боли, обиды и чуть не расплакался.

— Черт возьми, это ж издевательство!.. Я же человек, отец семейства.

Потом воспоминание о Роне и мальчишках придало ему мужества. Сжал зубы, осмотрелся.

Та же гуща металла и кигона. Теперь он был значительно ниже той площадки, откуда начал, и окончательно потерял ориентацию. Двигаться в горизонтальной плоскости не имело смысла. Его задача была — найти конец этого помещения, какую-нибудь стену, которая в конце концов привела бы его к самой начальной площадке. Но чаща труб не давала никаких ориентиров, в любой, данный момент было непонятно, движется ли он, куда ему надо, не крутится ли на месте. Перемещаться точно по прямой, не сбиваясь, он мог только в двух направлениях — отвесно вверх и отвесно вниз. Вверх карабкаться было бы слишком тяжело, оставался один путь — на дно, как бы далеко оно там ни лежало.

Но даже этот путь был непрост. Спускаясь по одиноко расположенной тонкой трубе, Кисч добрался до места, где она присоединялась к другой, тоже вертикальной, но такой толстой, что не обхватить. Он оказался в пустоте и лишь с великим трудом сумел взобраться назад. В другой раз он еле выбрался из чащи горячих труб, а позже попал в сплетение таких холодных, что пальцы стыли, делались как бы чужими, отказывались

повиноваться, держать. Когда ему попалась теплая и толстая горизонтальная труба, он сел на нее, обессиленный. Впервые тревожно подумалось, что так можно и неделю и месяц проплутать, никого не встретив.

— Но неделю-то здесь не протянешь. Джунгли цивилизации — вот что это такое.

Им вдруг овладела злоба на Ниоль и ее приятелей. Ведь он может погибнуть, как раз их спасая. Впустить впустили, а о безопасности не позаботились. Но он сразу одумался. Никто не виноват, ведь Кисч сам же хотел повидаться со старым знакомым, попросить совета.

Вдалеке мелькнул яркий свет. У Кисча екнуло сердце, он направился туда, перебираясь с трубы на трубу с помощью всех четырех конечностей. Свет приблизился. Он исходил от сияющего флюоресцентного провода, который, опутывая трубы, уходил куда-то в глубь и вниз конструкции.

Сделалось повеселее. Кисч спустился еще на один ярус, еще. Руки уже ныли, пальцы начали слабеть, делались как ватные. Светящийся провод ветвился. Новое усилие, другое, и наконец Кисч ощутил твердый кигоновый пол под ступней.

Все!

Пошел наобум между большими, словно ката-

фалки, металлическими ящиками. Все поверхности здесь были покрыты чуть замаслившейся железной пылью. Но тревожило, действительно ли на самое дно он попал. Трубы почему-то не изгибались здесь, не заканчивались, а так прямыми и вонзались в кигон. Как будто внизу под этим полом было еще что-то.

Показалось четырехугольное строение, в нем железная дверь. Кисч подошел, осмотрел дверь, открыл ее, взвизгнувшую. Внутри было темно. Но, может быть, как раз тут и надо искать выход к людям?

Огляделся. Потянул к себе ближайшую жилу светящегося провода, зажмурившись, с трудом открутил-отломал в одном месте, потом в другом. Держа кусок в сторону и подальше от глаз, вступил в здание. Сделал несколько шагов, и ощутилось странное облегчение. Как будто с него сняли тяжесть. Остановился, спрашивая себя, в чем дело, и понял — ослабевает непрерывный шумок. Прошел еще вперед и оказался в низком помещении, заполненном механизмами. Огромные зубчатые колеса, рычаги, шатуны — все было неподвижным. Темнота робко, неслышно отступала перед его светильником, тени испуганно метались, сложно перекрещивались.

Ступеньки вниз — Кисч спустился, люк — Кисч обошел его, система зубчаток — взял правее, железные коромысла — повернул налево. С каждым шагом нарастала надежда, что вот сейчас в какой-то окончательной стене он отворит дверь, за которой светлый человеческий коридор, чистый, без жирной металлической пыли.

Миновал частокол железных столбов, поднялся на какую-то платформу и тут заметил, что кусок провода в руке отчетливо потускнел.

Проклятье! Выходило, что это один из тех старых флюоресцентов, которые нуждаются в постоянной подпитке. Нахмурив брови, Кисч смотрел на провод, потом сообразил, что некогда предаваться сожалениям. Бросился назад. Тени запрыгали. При взгляде с обратной стороны все выглядело иначе, чем было, когда он шел вперед. Налетел на столб, чуть не провалился в люк, споткнулся на ступеньках. Темнота сгущалась, холодный провод в пальцах сиял уже только красным светом, почти не освещая. Лестница кончилась, Кисч ударился головой обо что-то, зацепился карманом пиджака, рванул. Полная тьма кругом. Стараясь не поддаваться панике, сделал шаг, второй, третий туда, где, по его расчету, был выход. Темнота, ужасные мгновения

страха. Еще шаг, и он увидел дверь.

Выйдя из здания, он привалился к стене, чтобы отдышаться. Вот это эксперимент — последним идиотом надо быть, чтобы предпринимать такие. Трясущимися пальцами вынул из кармана сигаретку, зажег, чиркнув кончиком о стену. Закурил. Было похоже, что надо снаружи исследовать это здание. Может быть, оно примыкает к главной стене всего помещения? Затоптал окурок, пошел, огибая кладку крупного кигонового кирпича. Правда, не очень-то ему верилось, что под его ногой последний, окончательный пол.

Здание кончилось, как обрезанное, и тут же кончилась платформа. За невысокими перильцами был провал. Вблизи и вдали трубы уходили вниз, в неизвестность, подобно лианам в тропическом лесу. Не было видно, где они кончаются.

Кусок провода, теперь лишь красноватый, был зацеплен у Кисча за карман. Перегнувшись через перильца, Кисч отпустил его над пропастью. Тот полетел, быстро уменьшаясь, исчез, как растворился в бездонности.

Кисч закусил губу, стараясь подавить слезы. После всех трудов он находится только в середине дьявольской системы. Вернее, даже не знает, в каком месте ее. Добрался всего лишь до киго-

нового острова, что висит в пространстве. Вот здесь-то и есть разница между естественными и технологическими джунглями. В природном, подлинном лесу заблудишься только на одном уровне, на земле. А здесь уровней может быть еще сколько угодно. Даже если его, Кисча, будут искать, разве найдешь?

Он вернулся ко входу в здание, посмотрел на светящиеся провода там, где он вырвал кусок. Не стали ли они тоже тусклее?

И верно! Два висящих конца были красными.

Кисч махнул рукой, отгоняя жуткую мысль. Ведь это просто невозможно, чтобы он мог нарушить всю систему освещения, прервав ее в единственном месте.

Вздохнул, перевалился через ограду и, схватившись за ближайшую трубу, начал новый спуск. Теперь он уже несколько разобрался в обстановке, установил, что горячими были только латунные трубы, что легче идти по кигоновым, где не скользят подошвы. Местность вокруг менялась — иногда он натыкался на такие густые переплетения, что приходилось подолгу искать пути вниз, а порой повисал почти что в пустоте. Не верилось, что где-то есть наземная жизнь, небо, ветер, колышущаяся нива пшерузы.

Дважды в стороне видел кигоновые острова, но даже не старался приблизиться к ним, съезжая, сползая, скатываясь. Час прошел, а может быть, и три, если не четыре. Наконец внизу показались какие-то баки, очертания непонятных конструкций. Кисч спустился по тонкой липкой трубе, зажав ее ногами. Стал на крышку бака, оборванный, грязный. Грудь, брюки, ладони и даже щека в масле, пиджак разорван, измят, лицо мокрое от пота, волосы нависли на глаза — совсем не тот человек, который еще так недавно сидел в ресторанчике на старинном стуле.

Слез по металлической лесенке, попробовал пол. Камень, настоящий природный камень, а не кигон. Скала, земная твердь.

Дно. Настоящее.

Сделал несколько шагов и сел. Вверх уходило безмерное пространство, рядом что-то негромко клокотало в баках. Духота, жара, тяжелый спертый воздух, насыщенный мириадами масляных капелек, масляной пылью.

Ни живой души.

Кисч поднял руку. Часов не было — оторвались и упали где-то там, выше. Пересохло в горле, сосало в желудке. Он подумал, что не вот этот технический, а настоящий лес дал бы ему какие-

нибудь семена, плоды, подвернул бы под ногу ручеек, в крайнем случае позволил бы облизать росу с листьев.

А тут попробуй оближи трубу!

Поднялся, побрел, не зная куда. Баки кончились, их сменили бетонные кубы. Что там, внутри — может быть, компьютеры, и как раз одна из тех систем, что держит его на поводке? То, что соединено с электродами в его, Кисча, мозгу. Дверцы кубов были плотно задраены. Но ни ручки, ни выпуклости наружного замка, ни дырочки внутреннего. Как будто налеплены, и все.

Незаметно сверху надернулся потолок. Теперь Кисч был в коридоре. Послышался новый шум, непохожий на прежний, — металлический грохот движения. Кисч остановился на перекрестке, определил направление. Пошел, торопясь, и вскоре опять ступил на открытое пространство.

Из отверстного жерла в стене выходила канатная дорога и поднималась косо вверх, исчезая в темноте. Подрагивали толстые стальные нити. Одни вагонетки выплывали из стены, осветившись на выходе проводом, неторопливо следовали вверх. Другие, скатываясь, ныряли в стену.

И ни следа человеческого. Созданная, засеянная

однажды здесь, под землей, технология властвовала и развивалась, не испытывая нужды в своем творце.

Удивительно вообще было, что дикое положение, в которое он попал, образовалось совершенно естественным путем. Ведь это разумно, что ему захотелось увидеть нынешнего Сетеру Кисча. По-человечески также можно понять, почему, несмотря на запрет, лейтенант впустил его. И так же естественно, что позже они с девушкой постарались избегнуть проверки, что сам он, Кисч, спасаясь от огромной свирепой собаки, прыгнул на трубы. Все было логично, Кисч не мог упрекнуть себя, что хоть раз глупо поступил. Но вот теперь все эти само собой разумеющиеся вещи вдруг сложились в одну ужасающую гигантскую неестественность. Почему?..

Коридоры ветвились, образовывая иногда на перекрестке маленький зал. Порой дорогу преграждали кигоновые балки, приходилось перелезать. Кисч пробовал выдерживать одно направление, запоминая свои повороты, но его все уводило и уводило в сторону от магистральной линии, которую он в самом начале прочертил в уме. Мучила жажда.

Остановился, задрал голову, подняв взгляд к

световедущим проводам на потолке. Уже нельзя было сомневаться, что они стали тусклее. Заметно. Когда он только спустился, можно было видеть метров на тридцать вдаль. Теперь же в десяти все сливалось в серую муть.

Вдруг заныло, зачесалось тело. Схватился за голову. Господи, ведь это же сон, сон! Вот он крикнет, издаст отчаянный вопль, и наваждение разрушится.

Но не крикнул. Отнял руки от лица, серые стены смотрели укоризненно, насмешливо. Провод на сгибах уже закраснелся. Два, а быть может, только час до полной темноты.

Побежал было, потом перешел на шаг. Новые четверть часа застали его в узком коридоре бредущим, задевающим то одну стену, то другую. Услышал какое-то посапывание впереди, устремился на звук.

Железная дверь, и опять никаких признаков замка, опять без ручки. Постучал — никакого ответа. Толкнул что было сил, но это получилось все равно, как пытаться сдвинуть скалу. Его только отбросило назад. Забарабанил кулаками и вскрикнул, потирая ушибленные пальцы.

Равномерное посапывание внутри сменилось клацаньем. Прозвенел звоночек, что-то

прожужжало, щелкнуло, потренькало, и опять посапывание. Машины разговаривали за дверью на своем машинном языке, не слыша, не имея даже возможности как-то почувствовать его присутствие. Даже если б железная дверь была открыта.

Со стоном он опустился на пол. Пришло в голову, что по-правильному надо было оставаться там, где он оторвал кусок флюоресцента. Хоть теплилась бы надежда, что станут разыскивать поврежденное место, придут, наткнутся на него. (Про охрану, про Схему, в которую можно попасть, теперь даже не думалось — любой ценой выбраться!) Но, с другой стороны, неизвестно, сколько пришлось бы ждать там, в темноте над бездной, и дождешься ли когда-нибудь. Вполне возможно, что свет тут нужен был, лишь когда монтировали конструкцию, а теперь люди сюда вообще не ходят. Да и, кроме того, теперь уж не поднимешься на сотни метров наверх, не найдешь во мраке, в жуткой путанице тот первый кигоновый остров.

— Может быть, оно и к лучшему, — сказал он вслух. — Наша цивилизация все равно идет под откос.

Вздохнул. Ну верно же! Где-то в середине века

человечество достигло зенита. А теперь впереди одна только пустота, грохочущая металлом. Ребят вот жалко, мальчишек. Много им придется еще доказывать кому-то, объяснять, когда они попробуют поступать по-человечески и наткнутся на враждебное удивление. А потом тоже уснут где-нибудь под машиной.

Вдруг понял, что по-настоящему-то он сейчас и не хочет видеть людей. Во всяком случае, если это будут торговые агенты, сотрудники Надзора, судьи, или палачи, или бандюги из мафии. Все они заодно. Лучше он умрет и когда-нибудь его обнаружат тут, не предавшего.

Под локтем было что-то мягкое, податливое. Кисч поднял это «что-то». Еще не понимая, почему, ощутил, что тело как оплеснуло бодрящей, прохладной волной.

В его руке была белая кофточка Ниоль. Сделанная из немнущейся, негрязнящейся ткани, она и сейчас сияла, будто только из магазина.

Значит, девушка тоже здесь!

Вскочил, оставив на полу все мрачные мысли.

— Эй!.. Э-эй!

Звук коротко заметался, стукая в темноте о стены, и оборвался, упав у ног Кисча.

— Э-э-э-эй!

Побежал вперед.

Тупик.

Повернулся, выскочил на перекресток. Почему-то казалось, что Ниоль сейчас должна быть где-то здесь, совсем рядом, а через миг уйдет далеко.

Прислушался, держа кофточку у груди как доказательство для судьбы, что имеет право ждать ответа.

Ничего.

Побежал в глубь коридора, еще раз уперся, бросился назад. Повороты мелькали, все одинаковые. Уже было совсем непонятно, вдоль, поперек или вкось от той первой мысленной линии он торопится.

Еще через час примерно, охрипший, побитый, он сел на балку, пересекающую узкий коридор. Провод на потолке лишь тлел в темноте красной нитью. Мягкий слой пыли на балке показывал, что в этом месте годами никого не бывает. От жажды и крика першило в горле, пересохший язык ощущался во рту посторонней деревяшкой.

Подумал, что надо бы написать предсмертные слова — может быть, через год, через десять лет передадут жене и ребятам. Сунул руку в карман, там нащупался гибкий листок «Уверенности». Его передернуло, даже зубами скрипнул от злости.

— У-у, сволочи! Нарочно буду идти, пока не сдохну.

Попробовал разорвать листок, тот не поддавался. Бросил на пол, плюнул, растер подошвой. Ноги заплетались, но упрямо побрел, вытирая плечом стену. В темноте не то чтобы увидел, а как-то почувствовал дыру внизу, на уровне коленей. Нагнулся, всунулся, кряхтя, попробовал на корточках, но лаз был слишком тесным, клонился книзу. Стал на четвереньки, почувствовал, что здесь свежее, чем в коридоре. Лаз сжимался, пришлось лечь и ползти — понятно было, что тут и не повернешься, не выберешься обратно. Да и не на что было надеяться в этом «обратно».

Благодаря уклону ползти было нетрудно. Усмехнулся.

— Превратился в червяка. Или термита.

Лица вдруг отчетливо коснулся ветер. Впереди в кромешной тьме что-то забрезжило.

Полуповорот. Приоткрытая решетка.

Кисч отодвинул ее, выглянул. Выбрался в какую-то нишу, поднялся на ноги.

Вправо и влево уходил ярко освещенный просторный туннель с зеленоватыми стенами. И метровой ширины рельс тянулся посередине.

Магнитная дорога. А он, Кисч, находится в од-

ном из ремонтных углублений.

Справа послышался коротко нарастающий свист. Перед глазами замелькало, и тут же его воздухом дернуло так, что еле успел ухватиться за решетку. Сыпались неясные пятна, ветер тянул и рвал. Потом все это кончилось. Тишина.

— Так. Прекрасно. Прошли вагоны…

Осмотрелся зорко, с решительной деловитостью, неизвестно откуда взявшейся. Вернулись все силы — даже те, каких отродясь в себе не знал. Уж отсюда-то он выберется, хотя бы двое суток пришлось идти до станции. По всему пути должны быть рассеяны ниши, надо только определить промежуток между поездами. Не оказаться застигнутым составом, который мчится километров на двести в час.

Кисч принялся отстукивать в уме секунды. Насчитал трижды по пятьдесят, услышал свист, отступил поглубже в свой проход.

Еще раз все то же самое, и еще… Поезда проносились с интервалом в три с половиной минуты.

— Хорошо. Значит, бежать полторы, и если не увижу впереди ниши, вернусь.

Переждал еще один состав, отметив, что вагоны вплотную приходятся к стенам туннеля. Выскочил, зайцем кинулся по широкому рельсу.

Десять секунд, двадцать… Минута, вторая… Уже начал задыхаться. Вдруг сообразил, что пропущен контрольный срок — полторы минуты. Зеленоватые шлифованные стены ровно блестели. Кисч наддал, справа в стене показалось темное пятно. Добежал, втиснулся в нишу, и в этот же момент резко свистнуло, ветер дернул, потащил с мягкой, неуступчивой силой. Вагоны неслись автоматной очередью.

Когда все стихло, он покачал головой, отдуваясь.

— Уж слишком впритык.

Сообразил, что можно скинуть ботинки, пробежал новый пролет босиком. Вышло лучше, он даже накопил секунд тридцать форы. Сбросил пиджак, переложил идентификатор в брючный карман. Бежать стало еще легче, жизнь поворачивалась хорошей стороной. Через два пролета он приспособился так, что успевал отдышаться всего за один интервал между поездами. Даже стал прикидывать, много или мало пассажиров в каждом составе, видит ли его, Кисча, машинист, и если видит, то что думает.

На седьмом своем отрезке он несколько расслабился, опомнился затем, отчаянно нажал и бросился в нишу уже под грозный свист.

Чья-то рука схватила через пояс, крепко притянула. Он забился в панике, пытаясь вырваться. Рука не отпускала, вагоны промелькнули в его боковом зрении.

Ветер стих. Тот, кто держал Кисча, ослабил хватку, отпустил. Кисч шагнул назад. В нише стояла Ниоль.

Секунду они смотрели друг на друга.

— Ловко, — сказала девушка. — Знаете, я не сомневалась, что встретимся. Здорово, да?

— Ну и рука у вас. — Кисч чувствовал, что его физиономия расплывается в самой глупейшей улыбке. Он оглядел девушку. Ниоль была вся измазана маслом и почти обнажена. Только маленький лифчик и трусики. Ужасно захотелось обнять и расцеловать ее.

Под его взглядом она пожала плечами.

— Все скинула, чтобы дать вам знак. Серьги, туфли, брюки, чулки. Вы нашли что-нибудь?

— Кофточку… А как вы попали вниз?

— Полезла вас искать. Заблудилась и решила, что вы будете спускаться до самого низа.

Так просто это у нее прозвучало: «Полезла вас искать». Как будто не бывает на земле ни равнодушия, ни трусости, ни предательства.

— Жуткое место, да?

Он кивнул.

— Вы, наверное, не знаете, куда ведет эта дорога… Никуда. В этих краях начали строить пригород, потом вдруг прекратилось поступление денег. Именно на этот пригород, причем в середине строительного цикла, когда уже фундаменты, водопровод, в таком духе. А откуда эти деньги раньше шли, никто не смог разобраться. Все ведь в компьютерах, в блоках памяти, да еще каждая фирма держится за свои секреты. Не знали даже, где искать документацию. А вот дорога продолжает работать. Сама.

Кисч откашлялся. Ему хотелось сказать Ниоль что-нибудь совсем другое, но он спросил:

— А кто же теперь здесь ездит?

— Ни единого человека никогда. Здесь, на линии и вообще под землей, ни единой человеческой души. Но энергия поступает, всяческая автоматика работает. Кажется, ведется даже строительство новых дистанций. Эти переходы, где мы с вами плутали, — служба дороги… Да, слушайте, ваши часы! Я их подобрала у бункера, где выходят вагонетки.

Она подняла руку с браслетиком.

— Вы прелесть, — сказал Кисч. — Я-то, честно говоря, уже там докатился до полного упадка. Но

вы действительно чудо.

Девушка смотрела на него, затем, протянув руки, порывисто обняла, прижала к себе.

В ту же секунду обоим в уши ударил свист, вагоны летели за спиной Кисча, ураганный ветер тянул за рубашку, за обшлага брюк, пытался раздеть, вырвать из объятий Ниоль. Кисч наконец схватился за решетку.

Поезд проскочил, они разъединились.

Ниоль, глубоко вздохнув, сказала:

— Эти штуки не рассчитаны на двоих… Вы сколько пролетов пробежали? Я три. Если за вами больше, давайте в вашем направлении. А я пропущу два и за вами.

Станция показалась после пятнадцатого пролета. На гладкой стене возник коротенький выступ платформы. Кисч успел добежать и нырнуть под нее как раз к моменту, когда вдали темной точкой материализовался, мгновенно вырос, приблизившись, и остановился поезд.

Наверху в полную мощь сияли люстры, лоснился искусственный мрамор, блики неподвижно сияли на геометрических узорах пола. Тишина, молчание, ни человеческого голоса, ни шороха шагов. Пусто. Центр просторного зала занимала двойная дорога эскалатора.

Но неподвижная, застывшая.

Кисч подошел. Нити эскалатора поднимались в бесконечность, сходясь там, наверху. Заныли все усталые мышцы, когда он подумал о пешем подъеме на высоту тридцати, может быть, этажей.

— Алло!

Девушка стояла возле эскалатора. Она задрала подбородок, показывая наверх.

— Представляете себе, какая высота?.. Думаю, больше километра.

— Километра?

— Да. И по высоким ступенькам… Давайте доедем до другой станции, все равно терять нечего. Посмотрим заодно.

Очередной состав, прозрачный, весь из стекла, бесшумно подошел. В унисон прошелестев, раздвинулись стены пустых вагонов. Уже ощущая себя беззаботными туристами, девушка и Кисч вскочили весело, попадали на мягкие скамьи, сразу блаженно вытягивая ноги. Поезд стремительно набрал скорость, обоих потянуло вбок — только это и показывало, что они не стоят на месте.

— Поспать бы, — мечтательно сказала Ниоль. — Знаете, сколько мы путешествуем? Восемь часов. В коридоре встретились в одиннадцать, а сейчас

семь… Ох уж эти трубы! По-моему, всю жизнь буду не доверять трубам. Даже бояться их… Интересно, приближаемся мы сейчас к нашему городишку или наоборот?

Кисчу-то казалось, что не восемь часов, а месяцы прошли с тех пор, как он подъехал на своем стареньком мобиле к железнодорожному переезду. Собственно, первый раз в жизни он увидел вот такое враждебное, бездушное лицо технологии. Да тут еще Лэх со своими двумя головами. И вообще…

— Странно, — сказал он. — Никому не нужная дорога. Сама для себя. Когда наша цивилизация окончательно лопнет, туннель останется памятником бесцельного труда. Это, между прочим, тоже форма закабаления людей — гигантские бесполезные работы. Вроде Хеопсовой пирамиды. Если б таких не предпринимали, жизнь была бы гораздо лучше. Какой удивительный парадокс — у нас каждый экономический элемент рационален, приносит доход, а все вместе создают массу никому не нужных вещей.

— А здесь люди не работали. — Ниоль подняла палец. — То есть где-то там, сзади, есть человеческий труд, но сама подземка спроектирована и построена уже без участия человека. Теперь сама

по себе развивается, куда-то движется, обходит препятствия. Причем никто не знает, из каких источников энергия. То есть раньше это было известно, конечно, а потом кто-то умер, кто-то перешел в другую фирму. И получилось, что сейчас дешевле предоставить ей самостоятельность, чем разыскивать, что откуда. Потому что такие розыски — квалифицированный труд, дорогой.

— А если сломать? Взять да и взорвать какой-нибудь узел? Например, депо. А то ведь она и под город подкопается.

— Сломать нельзя. Это же частная собственность. Правда, сейчас не определить, чья именно, поскольку все ужасно запутано. А потом, не очень-то сломаешь, она ведь сама чинится, ремонтируется. И наконец, кто этим будет заниматься? Вы же не придете сюда со взрывчаткой, и я не приду. Поэтому проще ее забыть или считать как бы природным явлением… Да и вообще ее потеряли. Сейчас только редкие знают, где она. Я расскажу в отделе, что ездила тут, на меня вот такими глазами станут смотреть.

Состав замедлил ход, двери-стены раздернулись. Кисч с девушкой вышли, их сразу обрадовал глуховатый рокот. Безлюдный перронный зал, как и на предыдущей станции, сиял чистотой.

С правого конца эскалатор шел наверх, с левого — стекал вниз. Двое ступили на гибкую ступенчатую ленту, их повлекло. Здесь не было ни поручней, ни бортика. Только круглый наклонный туннель со шлифованными стенками, где дно — быстро бегущая кверху лестница. Сначала Ниоль и Кисч стояли, затем сели на ступеньки.

— Вот вы говорите взорвать. — Девушка вернулась к начатому разговору. — Это ведь даже опасно. Куда пойдет огромное количество энергии, если ее не потребит дорога? Тут взорвали, а в Мегаполисе выход из строя каких-нибудь агрегатов или что-то совсем неожиданное вроде валютного кризиса. Один мой приятель считает: технологию вообще уже нельзя трогать — у нее, мол, свои экологические цепи и циклы.

— Мораль, — сказал Кисч, — в том, что технологию можно развивать только до той степени, пока она поддается контролю. Не дальше.

— Факт... Или взять положение специалистов. Большинство работает, представления не имея, чем они, в конце концов, заняты. Человека принимают в фирму и знакомят с непосредственными обязанностями. А объяснять, зачем он будет делать то или иное, слишком долго или вообще нельзя из-за секретности. Мура, одним

словом. Как-то это все должно кончиться, потому что каждому опротивело.

Назад и вперед туннель эскалатора сходился в точку. Они ехали уже минут десять, ощущение подъема прекратилось, как только внизу исчез зал. Лишь прикоснувшись к стене, можно было убедиться, что рокочущая лестница не стоит на месте. Да еще по легкому вздрагиванию ступенек.

— В желудке ужасно гложет, — сказала девушка. — В ресторанчик бы сейчас. — Она посмотрела на Кисча. — Да, между прочим, пора бы нам познакомиться. Меня зовут Ниоль.

— Я знаю. — Кисч почему-то покраснел. — Ваш приятель так к вам обращался… То есть это ваше имя. А я Лэх… Вернее, Сетера Кисч.

— Как?.. Сетера ведь…

— Если по-настоящему. Видите ли, дело в том…

— У вас с ним был обмен, да? А родились Сетерой Кисчем именно вы?

— Ага… Впрочем, даже лучше, если вы будете звать меня Лэхом. Больше привык.

— Лэх так Лэх. Очень приятно. Знаете, когда я вас первый раз увидела, вы мне почему-то напомнили Хагенауэра.

— Какого Хагенауэра?

— У Моцартов был друг. Добрый, скромный. Все время им давал в долг деньги. Они никогда не возвращали, а он опять. Это я недавно прочла роман о жизни Вольфганга Моцарта. У меня в голове постоянно мелодия из Тридцать восьмой. Помните?

Диковато прозвучало имя Моцарта в этой обстановке.

— Вы, наверное, не способны долго сердиться? — спросила девушка.

— Пожалуй… А по-вашему, это плохое качество?

— Наоборот, замечательное! Я, впрочем, тоже. Обозлишься на кого-нибудь, а потом думаешь: «Черт с ним!»

Наверху показался наконец потолок верхнего вестибюля. Лэх и Ниоль встали. Устье туннеля ширилось, приближаясь. Ступеньки сглаживались, лестница с урчанием уходила в гребешок приемника.

Двое сделали несколько шагов в большом круглом зале, отделанном под красный мрамор. Осмотрелись.

Из зала не было выхода.

Дверей на противоположной стороне не было, там зал оканчивался стеной желтоватой породы.

Ловушка. Продолжение кошмара.

Девушка нахмурилась.

— Неудачно. — Обернувшись, она посмотрела на бегущую в туннеле лестницу. — Похоже, что спуститься будет нелегко.

И действительно, теперь механика эскалатора выступала против них. Они поднялись, воспользовавшись ею, но спускаться пришлось бы, преодолевая ее бездушную силу. По-сумасшедшему нестись против хода ступенек, зная, что малейшая задержка, несколько секунд отдыха отберут все, что завоевано.

Не стеной, не решеткой, а встречным движением их заперло в мраморном зале, и его мрачный цвет как раз сулил теперь беду, гибель.

На миг у Лэха в глазах мелькнуло видение запыленных коридоров, путаница труб. Только не обратно!.. Кроме того, он ведь сам разрушил там всю систему освещения.

— Ни за что! — Бросился туда, где косо поднималась от пола желтая порода, нагнулся.

— Слушайте! Это же песок! Он сухой и легкий. Надо копать. Наверняка тут рядом двери, выход.

Полез наверх, с каждым движением обрушивая маленькие лавины. Под верхним слоем песка там было влажно. Лэх принялся отбрасывать

песок руками. Через минуту стала обнажаться стена, затем показался край притолоки. Лэх рыл с ожесточением собаки, считающей, что именно в этом месте она вчера спрятала кость. Наверху образовалась дырка. Пахнуло свежестью. Отверстие ширилось. Хлынул поток дневного света.

— Сюда! Скорее!

Помогая друг другу, двое выбрались из-под притолоки и оказались на дне песчаного кратера. А над ними вечереющее, но еще светлое, беспредельно глубокое небо.

— Вперед! Да здравствует! — Ниоль обняла Лэха, затем, раскинув руки, упала на спину и тут же скатилась метров на двадцать вниз, обратно в мрачный зал.

Через пять минут они выбрались на обрез кратера. Покуда хватал глаз, перед ними простирались груды щебенки, канавы, поваленные краны, завалы бетонных плит, торчащие из земли трубы — первобытный хаос строительства. Все это уходило к горизонту, и на всем пространстве не было заметно ни кустика, ни деревца, ни единого живого существа.

— Величественно, — сказала Ниоль.

Лэх повернул голову и даже отступил от удивления, чуть не обрушившись в кратер. Всего

лишь метрах в ста от них тонкую синеву неба косо прорезала высоченная башня, подпертая сбоку кружевом лесов. Та, что он еще рано утром видел с дороги.

Все окна здания светились электрическим светом.

— Это гостиница. — Ниоль переступила с ноги на ногу. — Честное слово. Мне рассказывали, хотя города нет, но гостиница существует и действует.

У великолепного подъезда — он тоже был несколько набок — стоял молодой мужчина. На приближающихся Лэха с девушкой он смотрел без улыбки. Лицо, загорелое, словно вырезанное из темного камня, обращало на себя внимание неподвижной определенностью черт. Индивидуальность, какая-то упрямая, фанатическая, лезла наружу четко, как на портретах Возрождения, — бери ее рукой, словно огурец.

— Здравствуйте, — сказала Ниоль. — Мы убежали, чтобы не попасть в Схему. Можно у вас передохнуть?

— Конечно. — Мужчина не без восхищенного удивления глянул на Ниоль и скромно отвел взгляд в сторону. Он был странно одет. Нечто вроде рубахи из грубого, жесткого серого

материала, такие же штаны, неуклюжая, бесформенная обувь. — Отель к вашим услугам. Я здесь смотритель… и хозяин практически. Откуда вы взялись?

— Из подземки.

— Из подземки? Она что, близко?

— Конечно. Вон там дыра.

Вблизи было видно, что мужчина не так уж пышет здоровьем. Под глазами зияли отчетливые черные круги — знак нервного расстройства или хронического недосыпания.

— Жалко, — сказал он. — Только что в пустыню ушла экспедиция на ее розыски.

— В какую пустыню?

— В эту. — Мужчина кивнул на горизонт. — Три дня копошились здесь со своей аппаратурой, а именно на это место как-то не попали… Ну идемте. Я вас накормлю, вымоетесь, переоденетесь. — Он опять смущенно отвел взгляд от Ниоль.

Вестибюль был огромен, как большой готический собор или ангар для ракеты на Марс. Стены, облицованные алюминиевыми плитами цвета старого золота, колонны рельефного окрашенного кигона, диваны и кресла с гнутыми в старинном стиле ножками. Все горизонтальные

и вертикальные плоскости сместились под углом градусов в пятнадцать. Шагать приходилось, подогнув одну ногу. Словно на покатой крыше.

— Отель собирали в лежачем положении, — пояснил смотритель. — Начали поднимать, немного недотянули, когда все кончилось. Но службы работают.

Вошли в косой лифт. Мужчина нажал кнопку.

— Лучше я устрою вас на третьем этаже. У меня только там приготовлены свечи.

— Свечи?

— Что-то перепутано в механике освещения. Днем включено и светит. А когда становится темно, гаснет. — Объясняя, он не смотрел на Ниоль. — Я пытался разобраться, не вышло. Тут автономная система освещения.

— Вы что, один на весь отель?

— Уже восемь лет. Но работы не так много. Уборка автоматизирована, белье и посуда одноразового пользования. — Он вдруг глянул на Лэха и девушку с неожиданным подозрением. — Вам как, в одном номере или в разных?

— В разных, — сказала Ниоль. — Только, знаете, мы совсем без денег. Все вышло как-то случайно.

— Не имеет значения. Я вам говорю, что все службы действуют, хотя никто и не живет. Достав-

ка продуктов и прочее. Даже товары регулярно поступают в универмаг. У меня половина времени уходит на то, чтобы все это закапывать и сжигать. Вообще гостиница принадлежит другой системе, отдельно от строительства, и функционирует нормально, за тем исключением, что нет постояльцев. Собственно, вы первые настоящие гости.

В коридоре стены были украшены сложным белым лепным орнаментом, изображающим рыб и водоросли на голубом фоне.

— Сейчас заканчивает ежегодную проверку комиссия из НОСРГ. Можете поужинать вместе с ними. Но тогда консервированными продуктами. А если хотите настоящих свежих овощей и мяса, я готов приготовить. — Смотритель все-таки посмотрел на Ниоль. — Час подождете, и сделаю. Не больше часа.

Девушка вздохнула.

— Нам бы что скорее.

— Тогда с комиссией. Поставлю еще два прибора в пляжном зале и попрошу их подождать. Это здесь, на этаже.

Номер, куда мужчина впустил Лэха, оказался двойным. Из окна открывался широкий вид на пустыню. У противоположной стены, разделен-

ные туалетным столиком, стояли две кровати — Лэх сообразил, что смотритель поставил их так, чтобы наклон получился как бы килевым, а не бортовым. На столике высился грубо сделанный подсвечник со свечой. Над ним встроенный аквариум, где меланхолично скользили красные рыбки. Обнаружив в ванне несколько купальных полотенец, Лэх зарычал от удовольствия. Правда, из-за уклона резервуар можно было наполнять только на треть. Когда Лэх сел в глубокий угол, то погрузился с головой, а в мелком был вынужден сидеть на обнаженном дне.

Вымывшись и отмякнув, он вернулся в комнату и нашел там синий безразмерный костюм с такими же ботинками. Тут же в дверь постучался смотритель.

— Ну как, подходит?.. Девушку я впустил в универмаг, чтобы сама выбрала. Как ее зовут?

— Ее? Ниоль.

— Хорошая девушка. Меня зовут Грогор.

— Лэх. Рад познакомиться.

Пожав друг другу руки — Лэху при этом показалось, что его пальцы попали в осторожные стальные тиски, — они вышли в голубой коридор. Опускающееся солнце окрасило тритонов и акул на стене в желто-розовый. Было понятно, что

убранство этажа сделано в морской тематике.

Прогулялись. Из-за наклонности пола Лэх то и дело натыкался на своего спутника. Тот сказал:

— Если бы все время в одном направлении, перекосило бы позвоночник. Но если куда-нибудь идешь, потом-то все равно обратно.

— Не тоскливо без людей?

— Без людей? — Смотритель вдруг остановился, прислонившись к стене, уткнулся лбом в выступающую голову белого тритона, закрыл глаза. Потом через секунду поднял голову. — Что вы сказали?

— Я спросил, не скучно ли одному?.. Вы нездоровы?

— Почему? Просто заснул. — Грогор тряхнул неровно подстриженными светлыми волосами. — Нет, не скучно. У меня есть занятие. Но главное — свобода. Надо мной ведь никого.

— Часто бываете в городе?

— Ни разу за все время.

— Но дорога тут есть?.. Какая вообще связь с городом?

— Дорога была. Ее как раз начали расширять, когда все остановилось. Теперь там не проехать — загорожено, завалено. Поэтому гостиничная фирма перешла на снабжение по воздуху. Так

и будут, пока у компьютера не кончится программа. Но когда это произойдет, неизвестно. Комиссию, кстати, тоже вертолет должен забрать — они на три дня приехали.

Ниоль появилась в красном, переливающемся, как бархат, платье. Вместе с ней пришло облако духов. Глаза сияли.

— Как в сказке. Никогда в жизни не имела такого выбора. Неужели вы все уничтожаете?

— Куда же девать? — Смотритель пожал плечами. — Приходится как-то обеспечивать место для новых партий. За продуктами вот только приходят дикие племена из пустыни. Но вещей не берут.

— Дикие племена?

— Тут их три, по-моему. Оседлое и два кочевых. Оседлые мощно едят. У них, впрочем, и народу больше. *Канон* они себя называют. Особенно-то я не интересовался.

Пляжный зал и впрямь был похож на пляж. Пол из клееной гальки и голышей, длинный стол армированного песка, составленное из световедущих нитей солнце на потолке. В центре помещения из фонтана извергалась синяя вода, образовывала лужу и вдоль стены утекала в угол.

Потягивая глютамионный коктейль, за столом сидело четверо членов комиссии. Когда вошла Ниоль, все встали. Полный мужчина, поклонившись, представил компанию:

— Мы от НОСРГ: Национальное объединение строительства ресторанов и гостиниц.

— Инспекция из ТЧК, — бойко отрекомендовалась Ниоль. — Собственно, ТЧК и ЗПТ. Расшифровке не подлежит.

Полный мужчина с пониманием наклонил голову.

Закусили зернистой икрой из нефти, весьма пикантной. Извлекая все из специального окна в стене, Грогор подавал синтетические отбивные, бактериальный крем, всевозможные гарниры. Каждое блюдо шло в растворимой тарелке, и растворимыми оказались вилки с ножами. Смотритель, помещавшийся во главе стола, был единственным, не принимавшим участия в трапезе. Лэху бросилось в глаза, что время от времени тот клал голову на руки и засыпал на три-четыре секунды. (Черные круги под глазами как будто стали еще отчетливее к позднему часу.) Посуду все выкидывали в синюю воду, где она тотчас же расходилась без следа. Из-за наклонности стульев сидеть приходилось напряженно

— согнув корпус, упираясь одной ногой в пол. Поверхность жидкости в стаканах стояла под косым углом к стенкам.

Сбив первый голод, заговорили.

Полный мужчина подвинул ближе к Лэху чашу с искусственной вареной картошкой.

— Обратили внимание на орнамент в коридоре? Производит впечатление объемности, а на самом деле полифотографическая живопечать. Тоньше папиросной бумаги Вся стена доставлена одним рулоном, который весил семьсот граммов.

— Моя гордость, — подхватил другой, — бойлерная система. Вростные трубы без единого шва, представляете себе?

— Да, — начал Лэх, — но вот эта кри…

Ниоль поперхнулась с набитым ртом, сделала Лэху «большие глаза» и поспешно проглотила.

— Отличные трубы. Я их не видела, но уверена.

— Абсолютно исключена возможность утечки. — Тот, который гордился бойлерной системой, проворно подхватил заскользивший к краю стола стакан.

— Как представитель архитектурного надзора, — начал третий, — могу сказать, что ре-

монтные скрытные работы документированы превосходно.

В коридоре девушка накинулась на Лэха:

— Послушайте, что вы там хотели устроить? Митинг о судьбах цивилизации?

— Но это же сумасшествие — рассуждать о трубах и орнаменте в такой ситуации.

— Почему? Люди на работе, не знают, кто мы с вами такие, и, конечно, выглядят болванами. Но попробуйте потолковать в другой обстановке, каждый может оказаться умнейшим, интереснейшим человеком. Просто они вынуждены поддерживать ритуал. Если кто-нибудь из них откажется, вы лично не станете же платить ему зарплату, а потом и пенсию.

— Да-а…

— Кроме того, толстяк, возможно, сам конструировал стену. Изобретал, вдохновлялся, мучился. Ему надо хоть одно слово похвалы услышать, тем более если его произведение попало в такое место, где его вообще никто не видит. — Ниоль дотронулась до плавника какой-то рыбы. — Слушайте, в самом деле оно не выпуклое. Посмотрите.

Лэх попробовал взяться за плавник, но пальцы скользнули по совершенно гладкой поверхности. Он посмотрел сверху и снизу — иллюзия объема

сохранялась, за «более выпуклыми местами» скрывалось то, что было «во впадинах». Приложил щеку к стене, и только тогда белый рельеф слился в сплошное.

— Черт его разберет.

— Ну отлично. — Ниоль подавила зевок. — Давайте отдыхать, а? Возвращаться надо будет, видимо, через пустыню пешком. Я тут поговорила с нашим хозяином. Он считает, до городка километров тридцать пять. Придется выйти с восходом. Компаса у него, к сожалению, нет. Но, по-моему, не собьемся, если будем шагать на солнце. Все-таки лучше так, чем обратно в подземку.

— Еще бы!

— Тогда спокойной ночи.

Однако едва Лэх успел блаженно вытянуться и забыться, как почувствовал, что его трясут за плечо. Рядом с кроватью стоял Грогор.

— Извините.

— Угу…

— Я стучал, но вы не откликнулись.

— Задремал, наверное. А что?

— Вы не хотели бы посмотреть мое хозяйство? Я вам могу показать.

Лэх встал, шатнувшись, еще не вполне пони-

мая, чего от него хотят. С горечью посмотрел на выдавленное и согретое его телом углубление в постели.

— Ладно, пойдемте. То есть я хочу сказать, что с удовольствием.

Возле лифта смотритель остановился.

— Что, если нам пригласить Ниоль?

— Давайте.

— Может быть, вы тогда постучите к ней, скажете?

— А почему вы не хотите постучать? Скажите сами.

Чеканное лицо Грогора покраснело под загаром. Он опустил глаза.

— Стесняюсь. Почти не приходится общаться с женщинами. Тем более такая девушка.

— А-а… Ну хорошо.

Ниоль еще не успела лечь и, к удивлению Лэха, отозвалась на предложение без всякой досады.

Солнце клонилось к горизонту, когда трое вышли из величественного подъезда. Огромная тень здания изломанно лежала на грудах мусора. Вечерний ветерок поднял, пронес, бросил обрывок древнего чертежа.

Следуя за смотрителем, Лэх с девушкой обогнули отель. По грудам неровных кигоновых

обломков Грогор шагал, словно горец, с детства привыкший к своим крутым дорожкам. Они миновали сборище полуразрушенных кирпичных колонн, пробрались сквозь толпу застывших бульдкранов, чьи полуистлевшие приводы змеями вились под ногами.

Влезли на гребень щебеночной дюны.

Здесь Лэх и Ниоль восхищенно замерли, потом Лэх выдохнул:

— Вот это да!

Прямоугольный котлован со сторонами метров на пятьсот был затоплен зеленью и перехлестнут ею с противоположного от наблюдателей края. В первый момент ковер растений представился однообразным, но тут же взгляд начал различать здесь рощицу, там лужок, в одном месте вольную заросль кустарников, в другом — аккуратную посадку. Примерно посреди участка к небу тянулась тонкая труба, укрепленная тяжами. Рядом краснела черепицей крыша небольшого дома. Ни дать ни взять крестьянская усадьба двухсотлетней давности. И труба не портила эффекта благодаря своему легкому светлому кремовому цвету.

— Оазис среди пустыни. — Ниоль пощелкала языком.

— Посмотрите на меня, — быстро сказал Грогор,

пользуясь произведенным впечатлением. Он оттянул ворот своего неуклюжего одеяния. — Вот эта рубаха. Полностью своя! Вырастил хлопок, спрял нитку и соткал… Или вот обувь. Знаете, из чего сделана?.. Из кожи.

— Понятно, что из кожи. — Ниоль недоуменно посмотрела на странной формы неуклюжий ботинок. — Вальзамит, видимо. Или что-нибудь углеродистое.

— В том-то и дело, что нет! Просто кожа.

— Я вижу, что кожа. Но из чего она?

— Из свиньи. Свиная. Прочел в старинной книге, как дубить, и сделал. На мне нет ничего искусственного. Это принцип.

— Значит, вы убили свинью? — Ниоль поморщилась.

— Сначала усыпил уколом. Вообще иначе нельзя, потому что слишком размножаются… Вот сюда, по этой тропинке.

Они вступили в зеленое царство. Воздух был наполнен острым пьянящим запахом тмина, липы, сосны, который после подземного путешествия тем отчетливее чувствовался Лэху и Ниоль. Крупная, тяжелая пчела на глазах снялась с цветка, полетела гудя — чудом живой природы держащийся в воздухе черно-желтый комочек, —

пропала на фоне листвы. Под стволом сосенки высилась игольчатая рыжая куча, вся переливающаяся коричневыми беглыми точками.

— Муравейник, — объяснил Грогор. — Это один, а там дальше второй. Вообще насекомых много — без хвастовства. Вредители даже есть. Бабочки-капустницы, яблочные тли… Вредителей, правда, очень трудно доставать. Хотел на картофельном поле развести колорадского жука. Но не добудешь. Уничтожили во всем мире. Только по военным лабораториям и удержался где-нибудь. В небольших количествах.

— Зачем вам колорадский жук? — спросил Лэх.

— Для естественности… Вот это поле пшерузы. На чистом черноземе, между прочим. И знаете, как делал? Все своими руками. В этой местности почвенного слоя совсем не осталось. Какой раньше был, перемешан со щебенкой, цементом, кирпичом. Поэтому я сначала покрыл котловину смесью из клочьев волнопласта с песком и глиной. Высеял люцерну и сахалинский бамбук вперемешку, поливал раствором фосфора, калия, азота. Три года подряд весь урожай скашивал, запахивал сюда же. И потом только начал сажать кусты, всякое такое. Сейчас у меня перегноя девять сантиметров. Ну это, правда, с навозом

— навоз все время добавляю. В роще внизу все переплетено корнями. Некоторые деревья такие, что даже не качнешь.

Они вошли во фруктовый сад. Вишневые деревья краснели ягодами, ветви яблонь клонились к земле, трава была усеяна паданцами.

— Вам нравится? — Грогор обращался только к девушке. — Ешьте, пожалуйста. Вы же видите, все пропадает, гниет.

— Спасибо. — Ниоль передала яблоко Лэху, сорвала другое.

— Вы тоже ешьте… Понимаете, когда человек высадил сад, у него, по всяком случае, есть уверенность, что выращенными им растениями возмещается тот кислород, который он сам потребляет из атмосферы. Но дело не только в этом. Главное, что я полностью обеспечен. Если этот компьютер вдруг прекратит подвозить продукты и вообще обслуживать отель, если вся наша технологическая цивилизация вообще даст трещину, я тут прекрасно прокормлюсь, оденусь, освещусь.

— А вам кажется, все треснет? — спросил Лэх.

— Ничего не кажется. Просто хочу быть самостоятельным. Вот представьте себе: раньше люди гораздо меньше зависели от технологии, чем мы

теперь от природы. Не вышло с одним, спокойно брались за другое. Предположим, десять тысяч лет назад, в неолите. У кого-то поле не уродило, мог прокормиться охотой. Дичи нет, перебивался, собирая дикие плоды, жуков, грибы, лягушек. Как-никак кругом все было живым, съедобным. А сейчас? Попробуйте в городе хоть одну службу остановить на недолгий срок. Подачу воды или, скажем, уборку мусора. Через месяц сто миллионов погибнет. Я не говорю, что такое может случиться — система многократно гарантирована. Но все равно противно сознавать, что твое существование подчинено исправности мусоропровода или водопровода… А у меня на участке ручей и, кроме того, цистерна закопана.

— Ой, глядите! — Ниоль протянула руку. — Микки Маус.

Меж космами травы маленький зверек, вытянувшись столбиком, понюхал воздух острым носом, затем свернулся в шарик, укатился.

— Мышей полно. — Смотритель удовлетворенно усмехнулся. — Одно время даже крыс развел. Риккеттиозом от них заразился, еле выгребся… Так о чем мы говорили, о самостоятельности?

Он подвел Ниоль и Лэха к трубе, которая, стоя, уходила вверх метров на двадцать. Основание на

кигоновом постаменте, и от него в землю кабель.

— Во-первых, энергия. Из-за разности температур сверху и снизу внутри трубы постоянный ветер. Я туда поставил двигатель с генератором. Воду качать, трактор вести — все пожалуйста. Причем штука безотказная при любой погоде… Щетки сотрутся, у меня запасных ящик. Подшипник расплавится, найду, чем заменить… Теперь питание. Пшерузной муки, овощей, фруктов участок дает в десять раз больше, чем я могу использовать. Да еще оранжерея и пруд, где карпы. А в подвале шампиньонная плантация. Насчет свиней я уже говорил. К этому прибавьте коровье стадо на шесть голов и два десятка овец. Понятно, к чему сводится?.. Законченная экология, замкнутый цикл. Если меня накрыть колпаком, могу существовать сколько угодно.

Грогор победно посмотрел на девушку и Лэха.

— Пусть весь мир провалится, а я останусь. Все равно как в запаянном аквариуме.

— А вы бы хотели накрыться колпаком?

Смотритель нахмурился.

— Не знаю… Теперь пойдемте в дом.

Дом оказался двухэтажным, просторным. Грогор рассказал, что сам изготовлял огнеупорный кирпич, в одиночку клал стены. Он был уже сует-

ливым, то и дело забегал впереди Ниоль с Лэхом и возвращался. Его несло, неподвижное лицо оживилось, глаза остро поблескивали.

Осмотр начали с подвала.

— Вот это синтетическое молоко. Ящики по сто килограммов… Я сначала натаскал продуктов из отеля, а сейчас постепенно заменяю тем, что произвожу сам. Но ящики пока оставил — молока примерно года на три, если пить, не жалея. — Он взял один — легко, словно подушку с дивана, — переложил с низкого штабеля на высокий. — Вот здесь под молоком соевое мясо. Но вот те окорока в углу уже свои… Вернее, не свои, а свиные, настоящие. Продукты пока в искусственной таре, но у меня план заменить на такую, которую сделал сам. Понимаете, цель в том, чтобы овладеть всеми производствами. Человека ведь что лишило самостоятельности — разделение труда. Сам умеет только что-нибудь одно, а в остальном зависит от других. А у меня как раз не так. Надо проволоку или напильник — пожалуйста, учусь тянуть проволоку, насекать напильник. В любом деле стараюсь начать с нуля. Гончарную профессию уже освоил — видите сосуд с оливковым маслом?

Лэх и Ниоль глянули на кособокую глиняную

бочку. В этом углу помещения стоял тяжелый, удушливый запах.

— Это сало. В том чану варю сало, чтобы делать свечи. — Грогор говорил все скорее. — За чаном прялка, а за ней агрегат — ткацкий станок. Вот это тиски — губки сам отливал, а винт, правда, нарезал на токарном станке. Верстак пришлось пока сделать пластмассовый, но, когда сосны в роще подрастут, распущу на доски и пластмассу всю буду выносить в пустыню.

Смотритель двигался уже с такой скоростью, что было даже трудно уследить за его перемещениями, — только что тут и сразу там. Он открыл дверь в кирпичной стене, за ней был темный коридор.

— Подземный ход.

— Куда? — Вопрос вырвался у Ниоль и Лэха одновременно.

— Туда, за щебенку. Наружу. Он еще не окончен. Собираюсь стену поставить вокруг участка, а ход пойдет за нее.

— Зачем?

— Мало ли что бывает. Всегда приятно знать, что можешь незаметно выйти. Разве не так?

— А стена? Чтобы дикие не приходили?

— Да нет! Они вообще-то слабые, ничего не мо-

гут сделать. Которые из *канона*, наладились было в сад. Сначала. Но я предупредил, что перестану давать консервы. Они тогда отреклись. Консервы же для них удобней — никак не надо готовить.

Из подвала поднялись сразу на второй этаж. Там комнаты были тоже завалены припасами — главным образом продукцией сада и оранжереи. Высились горы гороха, сушеных яблок, изюма. Все было покрыто пылью, грязное, частью порченное. Со стороны яблочной кучи выскочила огромная крыса, метнулась через ботинок Лэха. Смотритель со звериной быстротой прыгнул за ней, нагнулся, сумел поймать за хвост. Стукнул головой об стену и выкинул в окно. Все это произошло в течение секунды, и он уже стоял возле подоконника, показывал на большой луг, где в одном загоне паслись коровы, а посреди другого слитной волнистой массой лежало овечье стадо.

— Раньше доил коров и сепарировал молоко. Теперь бросил — времени не хватает. У них сейчас телята до года сосут и больше.

Почти треть первого этажа занимала кухня, и почти треть кухни — кирпичная с металлическим темным покрытием плита. На ней, однако, возвышалась современная высокочастотная печь на восемь программ.

— Пока варю на электричестве. Когда будет побольше хворосту, удастся иногда протапливать плиту. Зато деревянное корыто естественное — сделал из большой колоды, которую художники сюда зачем-то привезли, но бросили, когда энергия кончилась. Получилось точно как было раньше — надо только наладить производство мыла, и хозяйка может стирать руками… Тряпка для мытья пола подлинная, из хлопка, как в девятнадцатом веке. Сковородки сам отливал из чугуна. Толстые, правда, получились.

Он тревожно посмотрел на Ниоль.

— Как вам кухня?

— Ничего… — Девушка состроила неопределенную гримасу. — Никогда, впрочем, не пыталась стирать руками. Наверное, даже занятно.

Смотритель просиял.

В начале экскурсии хозяйство Грогора простотаки очаровало Лэха. Но постепенно он начал ощущать в самой личности смотрителя что-то натужное, даже злое. Было чувство, будто он ждет катастрофы, которая только и дала бы его затее полный смысл и оправдание. Непонятным оставалось лишь, что откуда: то ли убежище сформировало характер Грогора, то ли он сам наложил на созданное им индивидуальное царство

отпечаток собственного сознания.

Смотритель, однако, не замечал настроения гостей. Он повел их в спальню и в детскую.

— Смотрите, все приготовлено. Люльки для самых маленьких, кроватки, когда подрастут. Вот здесь лекарства. — Открыл вместительный шкаф. — Любые. Против каждой болезни, какая только упоминается в медицинской энциклопедии.

— А где же дети? — спросил Лэх. — Вообще семья.

— Собственно… — Грогор запнулся. — Собственно, нету. Еще не успел. Но семья должна быть. Это запланировано.

Странно было видеть его, крепкого, какого-то выносливого, вдруг смутившимся, словно школьник. Он бросил исподлобья взгляд на Ниоль.

— Думаю, что здесь каждой придется по душе. Я ведь сил не жалел. Обязательно семья и много детей. Иначе что с таким хозяйством делать одному?

В новой комнате, где стены были скрыты за книжными полками, стояли крупногабаритный телесет, электропианино с компьютерной приставкой, письменный стол, несколько кресел.

— Все брал в рассрочку — зарплата-то мне идет.

Когда новые товары поступают, я сжигаю или раздаю. А уж за то, что себе, вот тут квитанции, пробитые в кассе.

Прошелся вдоль книжных полок.

— Мировая культура. Литература, музыка, искусство… Если даже мир погибнет, оно останется. В этом ряду классики: Аристотель, Дюма, Достоевский, Шекспир, Байрон там, Сетон-Томпсон. В таком духе. Книги все бумажные — мини не признаю. Тот проем — художественные альбомы. Живопись, скульптура, архитектура — представлены все страны в главных направлениях. А тут, — смотритель присел на корточки, — видеокассеты. Пятьсот пятьдесят фильмов. Вставляй в сет и смотри. Чарли Чаплин, пожалуйста, этот… как его… такой маленький, дергается, Фюнес. В общем, на любой вкус. Комедии, историческое. Потрудились как следует на участке, а вечером смотри, слушай музыку. И никого не надо. Людей вообще не надо… Вот это, например, что? — Он вынул кассету в коробочке, затем недоуменно глянул в сторону от Лэха. — А где же девушка?

Лэх посмотрел назад. Ниоль за его спиной не было.

Смотритель поднялся.

— Может быть, в детской осталась? Сейчас

посмотрю.

Он вышел из комнаты, затем шаги его протопали вверх и вниз по лестнице.

— В доме нету. И в саду тоже.

— Вероятно, пошла спать. — Лэх пожал плечами. — Мы за день устали жутко.

— Да? — Грогор растерянно осмотрелся. Оживление сразу покинуло его. Он даже как-то съежился. Взгляд потускнел, круги под глазами стали еще чернее. — Значит, ей тут не показалось. Почему? Как вы думаете?

— Ну… Дело в том, что…

— Стараешься-стараешься, а все зря. — Грогор присел на стол с кассетой в руке.

— Почему зря?

— Мне же надо завести семью. Что я тут буду раком-отшельником.

— И заводите! За чем дело стало?

— Как завести, если ей тут не понравилось?

— Кому?

— Ну этой девушке, Ниоль. Она же ушла.

— Послушайте! — Лэх оторопел. — Вы же до этого дня вообще не были знакомы. Не знали, что такая вот вообще существует на свете.

— Теперь-то познакомились…

— Но вы… Но такого знакомства ведь недоста-

точно. И кроме того… Что тут, женщин никогда не бывает? Сами же говорили, что приходят из *канона*.

— Приходят. — Грогор уныло покивал. — Только они нечистые. У них в племени групповой брак, свободная любовь. Наркотиками занимаются, и ни одна работать не хочет. Шляются голые по пустыне, только наесться и насчет того самого… А вот Ниоль мне сразу понравилась. — Смотритель подошел к полке. — Удивительно как-то. Все ведь есть, что человеку может потребоваться. Здесь вот детективы, там путешествия. Классики все до одного.

— А вы их сами читаете?

— Кого? Классиков?

— Ну да! Книги.

Смотритель недоуменно посмотрел на Лэха.

— Смеетесь вы, что ли? Откуда у меня силы возьмутся? И время. Какое там читать, когда я уже несколько лет в сутки сплю по три часа? Такое хозяйство поднять! Посмотрите на руки. — Грогор швырнул кассету на стол, повернул кверху ладони все в янтарных мозолях, как черепаший панцирь. — Кругом же один. Это вам не город, где свои двести минут в конторе отсидел, а потом тросточку в зубы и пошел приключений искать.

Не то что читать, тут буквы позабываешь, как они выглядят. Хозяйство затягивает же, верно? Сделал запас чего-нибудь на год, потом начинаешь думать, почему не на десять. Чем-нибудь другим занимаешься, а мысль-то гложет. Взять воду хотя бы. Вон там цистерна на пятьдесят тысяч литров. Сначала бульдозером, экскаватором подготовил для нее место, потом ее самое разыскал в пустыне, трактором волок через весь этот хаос. За что ни возьмись, все работа. От недосыпа голова раскалывается, ходишь как очумелый. А вы говорите — «читать»! Я и фильмов-то этих не видал, альбома по искусству не открывал ни разу. Подойдешь только иногда, потрогаешь корешок осторожно, чтоб не запачкать грязной рукой.

— Ну спасибо. — Лэх вздохнул после паузы. — Пожалуй, тоже пойду.

— Коровник не хотите посмотреть? Как раз заканчиваю там автоматизацию.

— Устал. Прямо не держусь на ногах.

Долину уже затопило тенью. От земли несло влагой и прохладой. У пшерузного поля Грогор вдруг остановился.

— Скажите…

— Что?

— Только откровенно.

— Ну-у… конечно.

— Может, я с ума сошел? Вам не кажется?

— Что вы? — Лэх попятился. — Конечно, нет.

— У меня тут какой-то Ноев ковчег. Чем больше запасаешь, тем больше открывается, что, мол, такого-то еще надо и такого-то. Нет конца.

За щебеночной горой бесчисленные окна несуразной гостиницы ярко горели на фоне темного неба. Потом они все разом погасли.

В вестибюле смотритель зажег свечу — маленькое желтое пламя повисло во мраке огромного помещения, как в пустоте космоса. Возле широкого лестничного марша, вручая Лэху подсвечник, Грогор потоптался.

— Пойду все-таки к себе. Надо кончать в коровнике. Вообще дел невпроворот. Овцы тоже не поены… Если у вас возникнет какая-нибудь нужда, нажмите в номере кнопку возле двери. Ко мне на участок проведена сигнализация с автономным питанием. Так зазвонит, что я везде услышу.

Снова Лэх завалился в постель. Но не суждено

было. В двенадцать его разбудил собачий лай из коридора.

Лай, рычание, шаги — все приближалось. В тревоге Лэх сел на постели.

Дверь отворилась. На пороге были смотритель и высокий мужчина с бакенбардами. В руке он держал белую маску, на нем был жесткий комбинезон с петлицами, на которых единицы и нолики.

— Пришлось привести к вам еще одного постояльца. — Грогор от своей свечи зажег ту, что была на туалетном столике. — Заблудился в подземке, только что вышел. А в других номерах у нас тут полная тьма.

Здоровенная черно-белая собачища — точная копия той, что загнала его на трубы, — протиснулась между ногами вошедших и принялась обнюхивать колени Лэха. Голова у нее была больше, чем у человека. Обнюхав, она подняла на Лэха внимательный, испытующий взгляд. Лэх окаменел.

— Она ничего, — сказал бакенбардист. — Кусает только на охраняемой территории… Ложись, Бьянка… Вы не возражаете против вторжения?

Собака несколько раз покрутилась на ковре за своим хвостом, улеглась, положив голову на

лапы, не сводя взгляда с Лэха.

— Пожалуйста. — Лэх сам слышал, как дрожит его голос. — Какие там возражения?

Смотритель не уходил.

— Простите. Можно вас на минуту?

— Меня? — Лэх поднялся. (Собака тоже встала сразу же.) — Сейчас оденусь.

— Да не надо. В коридоре никого нет.

Лэх вышел в трусиках. Собака сунулась было за ним, бакенбардист оттащил ее.

Грогор отвел Лэха в сторону от двери.

— Извините меня еще раз.

— Ну-ну?..

Смотритель уперся пальцами в ложновыпуклый завиток на стене.

— Скажите, она замужем?

— Кто, Ниоль?

— Да.

— Не знаю. По-моему, нет… Впрочем, совершенно не представляю себе. Ничего не могу сказать.

— Она вам ничего про меня не говорила? Что я, мол, не совсем в себе.

— Мы о вас вообще не разговаривали.

— Вы к ней не заходили вот сейчас вечером?

— Нет.

— И она к вам?

— Тоже не заходила. Думаю, спит уже давно.

— Хорошая девушка. А где она работает?

— В городке. Какая-то у них там организация. Фирма.

Грогор ударил себя кулаком по лбу.

— Черт!.. Как вы думаете, может, мне все это бросить? Экологию.

— М-м-м… Понимаете, м-м-м-м…

— Ладно. — Грогор вдруг сунул Лэху свою железную ладонь. — Спасибо за совет. Может быть, я так и сделаю.

Когда Лэх вошел в номер, мужчина с бакенбардами уже сидел на постели раздетый.

— Меня зовут Тутот. Я из Надзора.

— Лэх…

— Где вы работаете?

— ИТД, — сказал Лэх, ужасаясь собственной глупости. Но, несмотря на все усилия, ничего другого не приходило в голову. — ИТД. Инспекция.

Однако мужчина с бакенбардами лишь вздохнул укладываясь.

— Где только люди не состоят. У меня есть знакомый, так на вопросы, где служит, кто такой, отвечает, что олух. Серьезно. Потому что это какая-то Объединенная лаборатория углубленных характеристик… Вы как добирались сюда?

— Пешком… То есть вертолетом.

— Мне тоже придется вызывать по радио вертолет. Другая возможность как будто отсутствует. Хотите, подвезу вас завтра? Правда, только до городка.

— Спасибо. Но я приехал не один. И дела еще.

— Курите?

— Нет… Вернее, да.

Закурили. Тутот вытянулся на постели, глядя в потолок. Сигарета зажата в зубах.

— Блаженство вот так — ноги кверху. Вымотался до конца. Гнались за нарушителями, попал в подземную технологию. И там постепенно погас свет. Представляете себе, оказался в полном мраке. Если б не вывела Бьянка на магнитную дорогу, не знаю, чем кончилось бы. У нас в прошлом году двое заблудились — не здесь, а западнее, с бетонного старого шоссе. До сих пор никаких следов… Не приходилось бывать на магнитной?

— Да… Вернее, никогда не бывал. Ни разу.

Мужчина с бакенбардами внимательно посмотрел на Лэха.

— С кем вы тут?

— Один наш сотрудник. Женщина.

— Молодой? То есть молодая?

— Почти. Не старше сорока. Девушка, в общем…

Правда, их не очень разберешь сейчас. Может быть, двадцать три. — Лэх почувствовал, что запутался. — Простите, давайте спать.

Лег и отвернулся к стене. Сердце стучало, как ему казалось, на весь коридор. Слышно было, как Тутот возится на кровати, умащивается, гасит свечу.

Лэх отсчитал примерно час, потом, стараясь не производить ни малейшего шума, сел на постели. Натянул подаренные Грогором штаны, ногой нашел один ботинок. У него был план разбудить Ниоль и сразу же, ночью, уходить в пустыню. Мозг кипел злобой на смотрителя — нашел кого подселить в номер, меланхолик несчастный.

Он нагнулся за вторым ботинком, щека ткнулась во что-то мокрое. Поднял руку, нащупал в темноте огромную шерстистую голову и понял, что мокрое было собакиным носом.

В тот же момент вспыхнул огонек зажигалки и передвинулся. Зажглась свеча.

Собака стояла рядом с Лэхом, а Тутот сидел на своей кровати напротив.

— Не спится? — сочувственно сказал сотрудник Надзора. — Мне тоже. Когда устанешь, это всегда. Впрочем, у меня вообще бессонница. Может быть, поболтаем?

Он встал, прошелся по комнате. От двери к окну ему приходилось спускаться, обратно — шагать вверх.

— Знаете, чем я занимаюсь по ночам, когда вот так вне дома? Злюсь… Лежу с открытыми глазами и произношу нескончаемые внутренние монологи. Мысленно ругаюсь с начальниками, мысленно спасаю тех, за кем гоняюсь в светлое время суток… Собственно, я ночной опровергаю себя дневного. Вам знакома такая ситуация?.. Кстати, может быть, вам неизвестно, но наша служба может преследовать нарушителей только в пределах юрисдикции фирмы. На любой другой территории действует презумпция невиновности или принцип «не пойман — не вор». Даже если б я, допустим, встретил сейчас нарушителя, которого узнал бы в лицо, — мужчина с бакенбардами остановился посреди комнаты, воззрившись на Лэха, — всякая попытка схватить его с моей стороны исключена. Я даже не имею права следить или выступать с какими-либо обвинениями… Но это все между прочим: я уже говорил, что ночью превращаюсь в совершенно другого человека.

Опять он стал прохаживаться взад-вперед. Собака села на ковер рядом с Лэхом, привалилась к его ноге крепким, неожиданно тяжелым телом.

— Да, ночь… Интересное время. Вы заметили, что именно ночью люди пытаются осмысливать свои дневные занятия и вообще мир, где мы живем. Днем-то ведь нам постоянно некогда. Однако нашу действительность осмыслить, понять нельзя. Знаете отчего?.. Оттого, что она не представляет собой связного и гармонического целого. Оттого, что девяносто процентов следствий есть результат всего одного процента причин. На мир влияет не то, что делаем, думаем мы — вы или я, — живущие в многоквартирном доме. Существенны лишь решения, которые принимаются в особняках за каменными оградами. Но там-то все происходит тайно, а мы встречаемся с хаосом разрозненных явностей, которые еще офальшивлены коммерческой рекламой, личными интересами всяких тузов, их борьбой. Вы не согласны?

— М-м-м… э-э… Если мы только думаем и даже не делимся своими мыслями ни с кем, это, конечно, ни на что не влияет.

— Правильно. Другими словами, видимая действительность безрадостна, непостижима, и мое единственное утешение — старинные поздравительные открытки.

Он подошел к Лэху.

— Никогда не увлекались старинными открытками?

— Открытками?

— У меня дома превосходная коллекция — не самих старинных открыток, естественно, поскольку они невообразимо дороги, а их современных подделок-перепечаток. Котята с бантиками, Санта Клаус с рождественскими подарками, цветочки и все в таком духе. Кроме того, я владею одним оригиналом. Это немецкая поздравительная открытка, Мюнхен-1822, которая является копией древненемецкой политической листовки эпохи начала протестантизма. Здесь довольно сложная символика. Изображены два льва — один с раздвоенным хвостом, второй с двумя головами. Ввиду исключительной ценности открытки я всегда ношу ее с собой. Вот посмотрите.

Нагнувшись к комбинезону, повешенному на спинку кровати, мужчина с бакенбардами достал из внутреннего кармана темный футлярчик, вынул оттуда неровный, с шероховатыми краями картонный прямоугольник. Бережно положил под свечой.

— Посмотрите поближе. Кстати, это удачно, что свеча. При свечах такие открытки выигрывают.

Лэх тупо глянул на прямоугольничек. На тем-

ной поверхности не было видно решительно ничего.

Тутот прикурил от спички, потряс ее, гася, снова заходил.

— Я не утомляю вас, нет? Если что, вы скажите… Так вот, если вам нескучно, могу рассказать, как я понимаю эту символику. Оба льва сидят на помосте и соединены цепью. На голове одного папская тиара…

Лэх схватился руками за собственную голову. На миг ему показалось, будто пол и потолок поменялись местами и сотрудник ходит наверху как муха. И без того за один день было слишком много всякого, а тут еще открытки со львами. Он отпихнул собаку, как был, в брюках и в одном ботинке, упал на постель. Поставил звоночек часа на четыре тридцать, закрыл глаза.

Словно через вату, к нему доносилось:

— У льва-папы раздвоенный на конце хвост, что свидетельствует… На другом разукрашенном помосте… Второй лев двухголовый. Первая увенчана курфюрстской короной, на второй колпак, обозначающий…

Сквозь сон Лэх сказал:

— Такого льва нельзя рассматривать в качестве одного двухголового. Только как двух общитель-

ных львов.

И провалился окончательно.

Небо за окном было зеленовато-перламутровым, когда он проснулся. Сотрудник лежал на спине, громко похрапывая. В свете раннего утра его лицо с резкими чертами выглядело помоложе, чем ночью. Открытку он так и оставил на столе.

Лэх вымылся и оделся. Собака ни на секунду не спускала с него пристального спрашивающего взгляда. Лэх взял картонный прямоугольничек, посмотрел, положил на прежнее место. Решительно ничего нельзя было различить на темной поверхности.

Вышел в коридор. И собака вышла вместе с ним. Лэх почесал в затылке, вернулся в номер. Собака тоже вернулась. Он попробовал выскочить проворно. Но собачья голова оказалась в щели еще раньше его самого.

Надо было что-то решать. Он потряс мужчину с бакенбардами за плечо.

— Эй, послушайте! Ваша собака…

Тутот, не открывая глаз, взял со стола открытку, уложил в футляр, сунул его в карман висящего комбинезона. Пробормотал что-то во сне, накрыл голову углом сбившейся простыни.

Собака стояла рядом с Лэхом, рослая, широ-

когрудая. Половина морды была у нее черной, половина белой.

— Тебе чего надо?

Собака вильнула хвостом, как парусом.

— Черт с тобой! Хочешь идти, пошли.

Ниоль в своем номере у зеркала рассматривала себя в новом платье. Она расширила глаза на собаку. Лэх рассказал о Тутоте.

— Точно. — Девушка кивнула. — Вчера забыла вас предупредить, что уже не надо опасаться. Грогор эту механику знает, поэтому привел человека к вам. — Повернулась к собаке. — Как ее звать?

— М-м-м… Бьянка.

— Поди ко мне, Бьянка.

Собака посмотрела на Лэха, как бы спрашивая разрешения, перевела взгляд на Ниоль и вильнула хвостом.

Снаружи было свежо, даже холодно, когда они ступили на каменистую тропинку, ведущую через сад смотрителя. Грогора не было видно, да и вообще казалось, что весь отель опустел.

Что-то изменилось на участке с вечера — Лэх не мог сообразить, что именно. Они миновали пшерузное поле. Затем Лэх увидел поверженную трубу, понял, чего не хватало. Грогор разрушил свое энергетическое хозяйство, перерубив тяжи,

которые держали трубу в вертикальном положении. Спутанным клубком лежала система тросов, и тут же валялся топор.

Не сказав друг другу ни слова, девушка и Лэх продолжили свой путь. Зелень осталась позади, с вершины холма перед ними открывался неземной пейзаж. Безжизненные асфальтовые такыры, песчаные кратеры, бетонные каньоны — все было залито багровым мрачным светом туманного восхода. Черным силуэтом высились там и здесь ржавеющие строительные краны, словно деревья чужой планеты. С ближайшего снялась птица, вяло махая крыльями, полетела к востоку, где еще чуть-чуть сохранилось леса и степи.

А солнце быстро всходило. Через минуту после того, как открылся его сияющий шар, небо стало голубеть, пустыня на глазах теряла угрюмый вид, окрашиваясь в желтые, бурые, синие оттенки. Сразу сделалось заметно теплее.

— Может, нам надо было воды запасти? — сказал Лэх. — Только взять не во что, если вернуться.

Но Ниоль была против:

— Неохота задерживаться. По-моему, тут должно быть много колодцев… то есть выходов водопроводных труб. Скорее всего те дикие пле-

мена и кочуют от одного источника к другому.

Они бодро зашагали. Собака убегала вперед, скрывалась за кучами битого кигона и возвращалась.

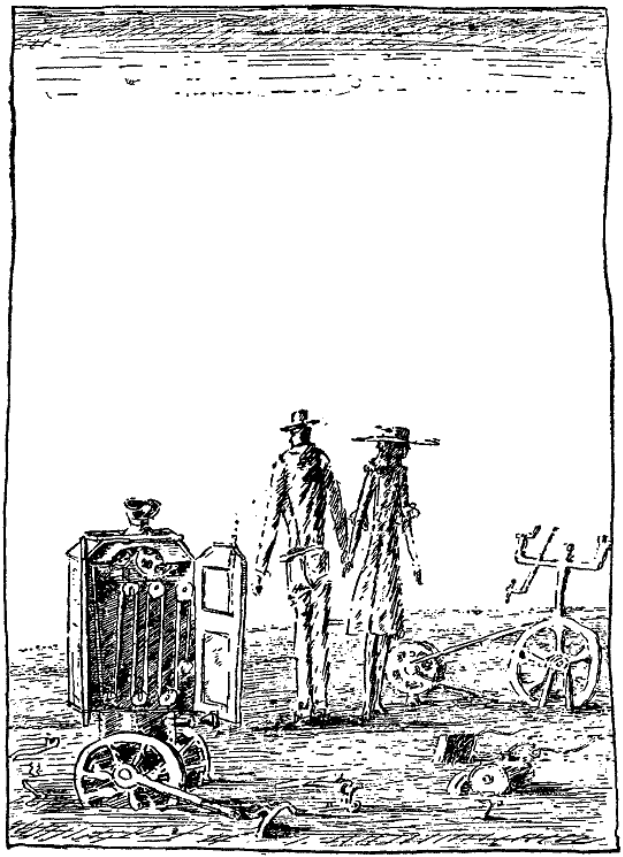
Тропинка сворачивала влево от направления на восток, и Лэх остановился.

— Лучше нам по дорожкам, а? Если просто так, заплутаемся еще. Даже носороги в заповеднике, я читал, ходят в джунглях по тропинкам.

— Не стоит. Напрямик быстрей доберемся. Мне, кстати, вечером надо быть на работе — поливать цветы в саду.

Полдень застал их среди необозримых завалов щебня обессиленными. Лэх и Ниоль, по их расчету, оставили за собой километров тридцать, и сначала те давались не слишком тяжело. Дважды они попадали на отрезки засыпанной песком, затянутой глиной дороги — то ли предполагаемой автострады, то ли улицы; последний отрезок продвинул их разом километров на восемь. Вообще идти было интересно, потому что местность все время менялась. То долина, рассеченная кигоновыми фундаментами, то огромные белые штабели каких-то плит, то почти непроходимые заросли ржавых проволочных сеток, то песчаные либо гравийные дюны. Иногда, спустившись в

центр очередного котлована, Лэх чувствовал себя как в первобытном мире. Вот они двое, мужчина и женщина, пара, которой снова зачинать род человеческий среди дикости строительного запустения. И даже собака с ними — представитель фауны. Правда, начисто отсутствовала флора. Но можно было думать, что на базе техники, которую теперь уже следовало считать самой природой, удастся создать искусственные растения.



Однако позже он слишком замучился, чтобы размышлять о таком. Около часа они брели по всхолмленной щебеночной равнине, где однообразие окружающего лишь изредка прерывалось огромной бесформенной бетонной глыбой, безжизненным, окостеневшим телом маленького компрессора или трупом могучего бульдозера, полузасыпанного, погибшего как раз в тот момент, когда он взялся толкать перед собой кучу каменных обломков. Было ужасно жарко, контуры щебеночных барханов подергивались, смущаемые струящимся вверх горячим воздухом. Лэх попытался плюнуть просто для опыта, но с трудом собранную, густую, липкую слюну невозможно было вытолкнуть из пересохшего рта.

Почва здесь понизилась, косая башня скрылась за низким горизонтом.

— Не могу больше, — хрипло сказала Ниоль. — Давайте отдохнем.

Она присела на кожух компрессора и тотчас вскочила.

— О-ой! Как сковорода! — Огляделась. — Сесть-то не на что. Придется постоять… Вы уверены, что правильно выдерживаем направление?

— Надеюсь. Мы же все время на солнце.

Девушка задумалась, потом подняла на Лэха

тревожные глаза.

— Слушайте, ужасная мысль! Ведь солнце тоже двигается.

— Ну? И что?

— Оно на востоке только восходит. А к двенадцати должно быть уже на юге. А мы-то что делаем?

Лэх ошеломленно уставился на солнце.

— Да… Похоже, что мы все время поворачиваем, идем дугой. Поэтому и городка не видно. Как нам раньше не пришло в голову?

— Конечно. А если так и следовать за солнцем, мы бы к ночи вернулись в отель. Значит, теперь нам надо идти, чтобы солнце было на правом плече.

Лэх, расстроенный, кивнул. Сгустившаяся кровь громко билась в висках, он боялся, что потеряет сознание.

— Еще как-то по азимуту определяют направление. По-моему, азимут — это угол между чем-то и чем-то.

Ниоль усмехнулась.

— Я тоже всегда так думала… Вы не сердитесь, что не взяли воды?

— Нет, что вы!

— И если мы тут пропадем, все равно не будете

сердиться? Похоже, тут можно пропасть.

— Конечно, не буду.

Собака, коротко и часто дышавшая, села рядом с Лэхом. В шерстяной шубе ей было жарче всех. Влажный язык она вывалила — Лэх никогда не думал, что у собак такой длинный язык. Едва только он заговаривал, собака принималась неотрывно глядеть ему в глаза. Как будто ей всего чуть-чуть недоставало, чтобы преодолеть рубеж, после которого человеческая речь станет для нее совсем понятной.

Сверху послышался отдаленный гул. Голубой самолетик, почти невидный в чаше неба, уходил к югу. Нелепым казалось, что пассажиры сидят там благополучные, в комфорте, совсем и не подозревающие, что двое внизу, в пустыне, провожают их тоскливым взглядом.

Ниоль вздохнула и посмотрела на собаку.

— Идея! Знаете что, пусть она ищет! Может быть, учует воду.

— Бьянка?

— Конечно. Она, наверное, думает, мы просто гуляем.

— Ищи! Ищи, Бьянка!

Собака заметалась, поскуливая.

— Ищи воду! Ищи людей!

Собака замерла, потом галопом бросилась прочь. Парусный хвост мелькнул несколько раз, уменьшаясь, исчез за ближайшим холмом. Прошла минута, другая… пять минут, десять. Жара становилась окончательно невыносимой. Ниоль и Лэх старались не смотреть друг на друга — страшно было услышать или высказать, что собака вообще не вернется.

Но вдали раздался лай, начал приближаться. Лэх и Ниоль просияли.

Собака вымахнула на пригорок. Двое заторопились к ней. За этим пригорком обрывалась наконец опостылевшая щебенка. Даже не так стала давить жара, когда они вышли из серого однообразия. Спустились в долинку. Собака бежала, оглядывалась, останавливалась, поджидая. Потом вовсе стала, опустив морду к земле.

— Человеческий след!

Двое заторопились за собакой вдоль долины. Но путь преградила гигантская заваль пустых консервных банок, влево уходящая за горизонт. Было страшной мукой идти по ним — при каждом шаге нога проваливалась, банки с грохотом выскакивали из-под ступни, ржавчина столбами повисала в неподвижном воздухе. Лэх и Ниоль несколько раз сваливались поодиночке, потом

взялись за руки. Собака прыгала впереди, подняв нос, принюхиваясь, видимо, брала след чутьем. Разговаривать было нельзя из-за непрерывного шума.

Банки кончились, их главный массив простерся к востоку. Начались пакеты из-под молока. Упругие, они тоже выстреливали из-под ног, но здесь хоть падать было легче. Потом Лэх и девушка оказались в теснине среди неоконченных строений, тоже затопленные пакетами.

Силы быстро покидали обоих, они остановились отдышаться.

— Эй!

Ниоль и Лэх обернулись.

На кигоновой стене стоял человек в ярко-зеленом комбинезоне.

Через полчаса, напоенные, накормленные, они блаженно возлежали на брезентовой подстилке в палатке начальника экспедиции. То была группа, разыскивающая подземную магнитную дорогу. Узнав, что туда можно проникнуть возле отеля, зеленый начальник отдал распоряжение свертываться своим зеленым сотрудникам, а сам, обрадованный, словоохотливый, все подливал гостям в стаканы зельтерскую из морозильника.

— Пейте, пейте. Угостить путника — закон пу-

стыни. Для нашей группы счастье, что вы на нас вышли. Четвертую неделю разыскиваем дорогу — правительственное задание. В каких-то блоках памяти есть, конечно, полная информация о ней, но попробуй отыщи. Вообще так дальше продолжаться не может. Сложнейшая технология требует именно централизованного, единого руководства. Нельзя же, чтобы один в лес, другой по дрова, а третий знает, да не скажет, потому что невыгодно.

— Как вы ищете дорогу?

— Обыкновенно. Бурим. Думаете, легко найти? Во-первых, она очень глубоко. А потом тут вся почва нашпигована — трубы, кабели, всевозможные резервуары, склады. Буры все время приходится менять, потому что натыкаемся на металл... Пустыня сама, кстати, мало изучена. Карт нету. Собирались делать топографическую съемку, но дальше разговоров не пошло. Из Географического общества один путешественник взялся было исследовать Великую Баночную Заваль, которая тут рядом начинается. Обошел ее кругом за несколько недель, а внутрь — потыкался-потыкался и отстал. По этим банкам никакой транспорт не идет. Он просил верблюдов из зоологического сада, не дали... Я, например, знаю,

что на северо-западе есть озера машинного масла и поблизости перфокартные горы. Облетел их на вертолете, но сверху-то не определишь глубину структур, их особенности. В одном самом большом озере масло отработанное, в других нет. Черт их знает, откуда они взялись.

Поскольку пустыня чуть не погубила их, Лэху и девушке хотелось знать о ней побольше. Они охотно поддерживали разговор.

— Но есть местные племена. Разве не могут помочь?

— Дикие, что с них проку? Кочевые — только от одной водоразборной колонки до другой. Оседлое племя, канон, тут, правда, недалеко. Это вам повезло, кстати, что вы на них не наткнулись.

— Почему?

— Берут в плен, и не вырвешься. Такая у них религия. Считают, что наступил конец света, и в последний час цивилизации все должны отказаться от всего человеческого. Там командует женщина-гипнотизер. Кто к ним попал, стараются сразу наркотиками накачать.

— А чем же они тут питаются? — спросил Лэх. — Я думал, живут возле отеля. И оттуда пользуются пищей.

— Ездят. Приручают машины и ездят.

— Как приручают?

— Переделывают на ручное управление. Электровагонетку поймали — она тут ходила сама по себе, автоматизированная, по узкоколейке. Переоборудовали… Вообще у них жутко. Пляшут, завывают, пляшут. Оргии — не поймешь, кто мужчина, кто женщина. Сами развратные и считают, весь мир должен быть таким.

— Бр-р-р-р-р! — Ниоль с деланным ужасом передернула плечами. — А кочевые племена?

— На них никто не обижается. Это главным образом литературоведы, театральные критики. Тощие все, как из проволоки. Вождь у них — одичавший лауреат искусствоведения. Почти ничего не едят, а только спорят. Я однажды заблудился, сутки провел в стойбище. Лег усталый у них в шалаше, но до утра глаз не сомкнул, потому что всю ночь над головой «трансцендентность», «антисреда», «сенсейт», «субъект-объект», «сериндибность», «алиенация» — обалдеешь. В этом племени самое жестокое наказание — лишить слова. Один нашел банку консервов, съел, не поделившись. Приговорили неделю молчать. Завязали рот, отвязывали только, чтобы покормить. И, представьте себе, умер, задушенный теми возражениями, которые у него возникали,

когда другие высказывались. В целом они ничего. Иногда приходят в город наниматься на временную работу. Исполнительные, честные. Но делать ничего не умеют, вот беда. У меня на буровой один тоже есть сейчас. Только ему поручать чего-нибудь настоящего нельзя — стараться будет, но не справится… А вообще-то людей не хватает ужасно. — Это была больная тема у начальника, он нахмурился. — Вот смотрите, выйдем сейчас на подземную дорогу, а как мы будем разбираться без физика-электронщика? Нам электронщик до зарезу нужен. Однако попробуй найди для такого дела. Все специалисты разобраны по монополиям. Конечно, у монополий денег больше, и они могут предложить людям лучшие условия, чем на государственной службе. Наш бюджет все время режут.

Конечно, эта чертова технология сбилась и стала над нами, раз специалисты все в частном секторе и работают, по существу, друг против друга. Если серьезно говорить, в наших условиях прямая война идет — или промышленно-технологический аппарат окончательно поработит человека, или человек сделает его своим другом. Про себя-то не думаешь, черт с ним! Но ведь дети, внуки — в каком мире им жить?

Он прошелся по тесной палатке, задевая плечами и локтями торчащие детали всяческого оборудования.

— У вас электронщика знакомого нету? Добровольца — чтобы на нищенскую зарплату… А то войдем в подземку, не будем знать, за что с какого конца браться…

Буровая вышка была снята, лагерь упаковался, и после сытного обеда начальник экспедиции вывел гостей на проторенную тропинку.

…Розовая улица, Тенистая. На Тенистой было неожиданно оживленно. Десяток молодых людей в элегантных, неуловимо схожих костюмах и в чем-то схожими физиономиями, сбившись в кучки и негромко переговариваясь, изучающим взглядом проводили Лэха с Ниоль, оборванных, обожженных солнцем. Один еле слышно свистнул собаке, та огрызнулась. Лэх и его спутница еле волокли ноги, однако на Сиреневой обоим с собакой пришлось прямо-таки пробиваться сквозь толпу шикарных мобилей и людей. Только у дома номер пятьдесят было посвободнее. Грузный мужчина, одетый, будто только что с витрины самого дорогого и модного магазина, и с лицом столь выхоленным и властным, что Лэх и не видал никогда, пытался что-то доказать

владельцу старой шляпы и огромного рта.

— Но у меня есть пропуск.

— Не имеет значения.

— И выпуск. Мои секретари просто не знали, что потребуется еще и запуск.

— Незнание закона не отменяет его. — Мужчина в старой шляпе равнодушно сплюнул в сторону. — Тем более что у нас чрезвычайное положение…

Кто-то тронул Лэха за плечо.

— Добрый день. Значит, Бьянка с вами?

Рядом стоял Тутот. Сотрудник Надзора извлек из кармана ошейник и намордник, с ловкостью фокусника надел их на собаку и прицепил ее, зарычавшую, на поводок.

— Рад снова повидаться с вами. Неправда ли, хорошо потолковали ночью?.. Как добрались? Я вертолетом. — Он взял Лэха под руку. — Между прочим, внутри ограды садика уже юрисдикция фирмы. Сообщаю вам об этом чисто информативно. Если б я, скажем, увидел там человека, за которым гнался вчера среди труб, мне пришлось бы приступить к исполнению служебных обязанностей. В то же время на улице, вот здесь, где мы стоим, по эту сторону ограды, такому человеку ничто не угрожает.

Перепалка возле калитки продолжалась.

— Но почему нам не оформили перепуск, если перепуск, как вы утверждаете, необходим?

— Мне-то какое дело?

— Позовите вашего начальника.

Тутот подал Лэху визитную карточку.

— Заходите. Посмотрите коллекцию открыток.

Ниоль недоуменно осматривалась.

— Что-то у нас произошло. Столько народу никогда не накапливали. Давайте прощаться, Лэх.

Девушку увидел большеротый мужчина, удивительным образом рот его тут же сделался нормальным, подошел, оставив лейтенанта, заговорил шепотом:

— Слушай, где вы пропадали? (Кивнул Лэху.) Ребята устроили аварию, выключили Силовую. (Тутот деликатно отступил, тащя упирающуюся собаку.) Беги скорей и скажи, что вы нашлись.

Ниоль повернулась к Лэху:

— Выбирайтесь отсюда, подойдите к садику с той стороны. Я сейчас же буду.

Лэх начал выталкиваться.

На узкой улочке было совсем тихо. Лэх оперся на деревянную ограду. Небольшой садик зарос густо, пышно — выходящая девушка старалась не напрасно.

Ниоль появилась на заднем крыльце. Уже в длинной, ниже коленей юбке с кофточкой и белом передничке. В руке лейка.

Подбежала к Лэху. Остановилась.

— Ну вот… Ребятам рассказала. Все передают привет.

Лэх кивнул. Они смотрели друг на друга.

— Мы с вами никогда ведь не забудемся, верно? Вообще замечательно, что мы встретились.

— Конечно. — Так приятно было смотреть на нее, ловкую, ладную. И эти синие глаза под черными бровями.

— Напишете Кисчу, вложите листок для меня. Я отвечу… Всегда будем друзьями.

Над низенькой оградой Ниоль обняла Лэха. Они поцеловались, и Лэх побрел на перекресток, где вчера оставил мобиль. Городок словно вымер. Покойно спали заборчики, вывеска парикмахера, красные и бурые черепичные крыши, промытые, радужно искрящиеся старые стекла в окошках. Бодрый старик, не признающий лекарств, издали помахал рукой Лэху.

Он подошел к своей машине, положил руку на капот.

— Уф-ф-ф-ф…

Заполненные были два денечка, ничего не

скажешь.

— У-у-уф-ф-ф-ф…

Окружил запах собственного мобиля: привычный табак, бензинчик, который он по старинке использовал для запуска, выцветший зонтик Роны. Все это придвигало к дому, предвещая конец путешествия. Приближало если не по географии, то психологически.

— О-хо-хо-хо-хо!..

Зажег сигаретку. Надо было что-то решать — дома жена ждет с ответам, то есть как раз с решением. Поднял к груди руку, чтобы вынуть из кармана желтый листок «Уверенности», и сообразил, что тот остался в подземелье.

— Ладно.

Он, собственно, знал уже, что будет делать.

Сел за руль и только включил мотор, как увидел спешащих к нему через площадь Ниоль с собакой. Не в такт взлетали белый передничек и белый хвост.

Открыл дверцу, выбрался.

— Повезло, что вы еще не уехали… Такое дело, Бьянка не хочет спускаться под землю. Возможно, слишком напугалась, а может быть, и работа не нравится. Ее тащили-тащили.

Собака вертелась вокруг Лэха, поскуливая.

Вдруг поднялась на задние лапы, оказавшись ростом с него самого, положила передние лапы ему на плечи, лизнула в нос. Он еле удержался на ногах. Отступил, наткнувшись на мобиль.

— Тутот просил узнать, может, вы ее возьмете.

— Взять?.. Как, совсем?

— Да. Хорошая ведь собака.

— ?..

— !..

— Ну пусть. Возьму.

Открыл заднее отделение. Собака — будто у нее все было уже давно продумано — прямо с земли прыгнула на сиденье. Легла, заняв его целиком, положила голову на лапы, примериваясь. Подняла голову, поерзала большим туловищем, опять положила.

— Только потом не откажитесь. А то куда ей?.. Впрочем, вы не откажетесь.

— Нет. Хорошая собака. Жена ее полюбит. А мальчики-то…

— Не будет трудно с ней в городе?

— Ничего… Нам в городе, пожалуй, мало и придется. Больше в палатке.

— В палатке?.. — Ниоль смотрела недоуменно, потом начала краснеть. Поняла. Шагнула вперед, прижалась своей щекой к его. — До свидания. Раз

так, может быть, до скорого. Обязательно прочтите книгу о Моцарте — там есть про Хагенауэра. Вообще она вам понравится… Да, как вам отвечать на письмо? Останетесь Лэхом или вернетесь к первоначальному? К Сетере Кисчу?

— Скорее всего вернусь.

…Ресторан в столетнем почти что особнячке, древняя пороховая пушка за чугунной оградой, качающиеся булыжники центральной площади, редакция, крайние домики городка.

Открылся полевой простор. Сетера Кисч переключил на четвертую, автомобиль пошел быстрее нырять и переваливаться по выбоинам бетонки.

Опускающееся солнце стояло прямо над вытянувшимся вперед шоссе. Кисч ехал на закат. Позолотились с одного края стебли пшерузы, стволы и кроны деревьев, подпорки изгородей. В теплом воздухе медленно опускалась пыль, поднятая шаркающим шагом усталого прохожего. Запах клевера веял с лугов.

Все-таки пока еще неплохо на земле.

Навстречу неторопливо проплыл плакат на двух столбиках. Последовательность рекламных надписей с этой стороны была противоположной.

Это насчет дурного настроения. А какое у него сейчас?

Он почувствовал, что дрожь продернулась по спине, а где-то в самой глубине сознания возник победный светлый ритм и рвется наружу.

Неопределенное настроение. Но дело не в этом. Дело-то в том, что вчера не один, не два раза оно было плохим до отчаянности. Однако ведь он на привязи — фирма гарантировала, такого не может быть.

Вот не может, а было! Неужели же он совсем избавился от надзора машины?

Похоже, что да. Хотя электроды так и сидят, как сидели… Взять хотя вчерашний день. Разве не радостно, что ему стало по-настоящему тяжело, когда он увидел Лэха двухголовым? Разве это плохо, что ему стало нехорошо в коридоре? Ведь прежде-то такого вообще не было; он и размышлять не мог совсем из-за этих стимсиверов. Едва начал раскидывать мозгами, потер лоб, нахмурился, тотчас сигнал туда-обратно, и накатывает простодушное наслаждение бытием. Только с ме-

таллическим привкусом во рту. Хочется бегать, прыгать. Случалось, они с Роной прочтут биржевой бюллетень, расстроятся, а через минуту друг другу улыбки, все забывается, и взбрыкивают, словно молодые телята. Но в последние годы уже не так. И он и жена стали больше принадлежать себе — могут и волноваться и беспокоиться. А вчера, когда заблудился там, в технологических джунглях, никакая насильственная радость ему не мешала. Был полностью самовластным человеком — понимал, что может погибнуть, и искал выхода.

Но почему оно все так переменилось? Откуда у мозга берется способность противостоять тому, что навязывает машина?.. Приходится думать, что мозг сумел-таки сохранить, сберечь себя. Мобилизовал небось всю невообразимую, миллионом веков выработанную сложность против монотонной электрической команды, создал структуры, связи, что позволяют ему обойти влияние компьютера. И побеждает… Впрочем, естественно. В конце концов, не машина выдумала мозг, а он ее.

Однако если так, то замечательно. Тогда выходит, что привязь не слишком-то крепкая.

Вместе с тем вот вопрос — зачем все это мозгу?

Ведь, казалось бы, веселее веселиться, не переставая, радостней радоваться… Возможно, мозг отстаивает право на самостоятельность, потому что он творение общества и в качестве такового радеет не только за данную личность, а за всех людей. С точки зрения отдельного человека чего уж лучше — лежи на боку и блаженствуй. Но с точки зрения Homo sapiens… Возможно, разум сегодняшнего человека не отдельная секция, лишь этим днем и этим местом обусловленная, а сфера, куда вошли опыт и чаяния разных стран и сотни столетий. Как-никак у большинства современников есть представление о подлинной человечности.

Вот Ниоль, например, помнит о Хагенауэре. Тот в своем заштатном Зальцбурге и думать не думал, а не пропало доброе, переходит из века в век.

Но если так, тогда рембрандты, моцарты, пушкины не зря бодрствовали по ночам, бескорыстно добиваясь совершенства, исступленно замазывая, перечеркивая, чтобы приняться снова. И те, которые в себя чуму из пробирки, грудью на амбразуру, тоже живут, опять встают с нами в битве за Человека. Ничего не пропало, и понятно теперь, в чем их непреходящая заслуга, этих донкихотов…

Уже наступал конец трудового дня, по обочинам шагали люди — сгущения образов. Жители городка, которые попозже соберутся в обшитом деревом зале ресторана, где-нибудь в саду, будут самостоятельно музицировать, танцевать, общаться — сгусток символов разговаривает с другим сгустком, одна система образов влюблена в другую систему.

Кисч закурил.

Немного жаль, что сдернулась еще одна кружевная занавесочка, погасла «божественная искра». Но, правда, по-настоящему-то он и раньше знал, что божественной искры нет. Просто искра была его последним прибежищем, потому что казалось, что идея денег совсем победила. Держался за искру, как утопающий за соломинку, — они, мол, все над нами могут, а искра не в их власти. Но теперь ясно, что цивилизация прибыли разваливается — от нее вон целые куски отпадают. И можно признать: человек — временная материально-информационная структура, с рождением рождается, со смертью умирает. Но не просто, а оставив другим пережитое. Добавляя в тот великий потенциал знания, понимания, который копится и в определенных условиях позволит каждому новому поколению жить лучше,

щедрее, красивей. Вот тут предназначение человечества, о котором в последние десятилетия и думать забыли… И тайна! Скажем, он, сам, Сетера Кисч. Любит Рону и ребят, тревожится за них. Но существуют ли тревога и любовь в материальной форме?.. Если нет, то в какой? Что-то зовущее в непостижимой действительности мысли, что с такой скоростью ширится на нашей планете. Загадочно, как маленький разум все вмещает — от молекул до галактик, не растягиваясь, не имея размеров. Все может оплодотворить, абсолютно себя не расходуя. Является составляющей мира, однако не повинуется ни одному из тех законов, которых не преступить твердым и жидким телам, плазменным и газообразным. Это величественно, если вдумаешься, зовет ширить простершуюся в каком-то ином измерении необъятную сферу мышления, не терять с того прошлого края, растить вперед…

ДУРНОЕ НАСТРОЕНИЕ

СЕГОДНЯ —

Опять рекламный щит.

Да бросьте вы к черту! Только неудовлетворенность и двигает. А то сидели бы в пещерах.

Возле будочки железнодорожного переезда черная кошка облизывалась на скамье. Что-то вдруг завозилось за спиной Кисча, сердце сжалось от неожиданности. Собака гавкнула над ухом так гулко, словно бухнула в бочку. Кошку будто чем-то невидимым сдуло со скамьи, а Кисч, приходя в себя, уважительно глянул на Бьянку. Надо же, никогда, наверное, не видела кошки, а все равно понимает обязанность.

Мобиль влег теперь в другой темп, он мчался длинными, на десятки километров, отрезками, на ходу переводя дыхание и пускаясь в новый кусок равномерного движения.

Кисч откинулся на спинку сиденья, лишь слегка придерживая руль. Многое еще надо было продумать. Возьмет ли зеленый начальник экспедиции такого отставшего специалиста? Взять-то он возьмет, и его и Рону, но это будет от безвыходности, оттого, что людей нет. А позже Кисч покажет ему, что кое в чем может разбираться. В

институте его не зря считали способным. Только потом он потерял ко всему этому интерес… Во всяком случае, что надо первое сделать, это подкупить литературы и посидеть плотно месяца два…

Небо становилось мутнее, майрисовые поля уступили место кирпичным пустырям, бетонным площадкам. Автомобиль несся мимо всего этого, а может быть, все это неслось мимо него, застывшего, терло шуршащие колеса, заставляя их бешено вращаться. Что есть силы убегали назад груды маслянистой щебенки, конец извилистого троса, барабан от кабеля, кучи оранжевого песка.

Стоп! Да ведь это пустыня!

Кисч притормозил вселенную, подогнав ее обочиной дороги под днище мобиля. Вылез из шоферской кабины, подождал, пока в глазах успокоится торопящийся по инерции мир.

Выскочившая за ним собака бурно встряхивалась всем телом.

Действительно пустыня. И косая башня тонкой черточкой задралась на линии горизонта.

Десять шагов от бетонной ленты, еще десять… Как обыденно и безопасно здесь, если знаешь, что рядом за спиной шоссе!

Толстая железная труба наклонным жерлом

выглядывала из земли. Кисч содрогнулся — вот по таким, безжалостным, он вчера в этот час лазил, потеряв человеческий облик.

Ощущая необходимость реабилитироваться, он решительно направился к трубе.

— Смир-р-но! Не разговаривать!

Собака, поддакивая, строго рявкнула позади. Тоже ведь натерпелась от таких вот.

Труба скромно молчала.

— То-то!

Подошли с собакой ближе. Кисч присел на край трубы, похлопал ладонью по приржавленной щеке — ладно, мол, все бывает. Огляделся. Вынул из пачки сигаретку, уже рот раскрыл, чтобы вставить, но рука сама опустилась.

Слева метрах в десяти окаймленный низким парапетом спуск в подземелье. И зиял чернотой вход.

Сумеет ли он преодолеть страх?

Подошел. Покосившиеся кигоновые ступени вели вниз, во мрак.

Спустился. Желтый трепетный огонек вырвал из темноты люк, перила металлической лестницы. Ну правильно. Здесь вся земля должна быть нашпигована технологией.

Посмотрел назад. Собака, стоя темным конту-

ром наверху, тихонько повизгивала.

Хватит ли у него волн спуститься?

Десять ступенек, еще десять…

Из низкого помещения расходились три коридора. Правый перегораживала доска с табличкой, где звезды между волнистых линии — международный знак повышенной радиации. В левом брезжил вдали красноватый свет. Возможно, те двое бесследно пропавших, о которых говорил Тутот, отсюда и начали.

Ступил в центральный абсолютно темный коридор. Вытягивая вперед носок, словно танцор классического стиля, ощупывая перед собой пол, сделал десять осторожных шагов. Остановился.

Рядом послышалось частое короткое дыхание. Собака дрожащим туловищем прижалась к его колену. Он огладил ее большую голову.

— Ничего, привыкнешь. Будем с тобой уходить, может быть, на целые недели. Брать запас воды, еды, света. С инструментами. Работы много.

Четко повернулся на сто восемьдесят. И компас инерционный, конечно, надо. Даже компасный пояс, который начинает жечь с правого бока или с левого, как только сходишь с курса. Тот, который у водолазов-глубинников, с которым геологи в джунглях.

Наверху было неожиданно прохладно после затхлой духоты подземелья. Мобиль на дороге казался совсем маленьким среди запустения.

— Что, поехали?

Собака прыгнула на водительское сиденье. Подобралась, освобождая пространство у руля.

— Хочешь рядом?

Мотор зашелестел. Опять назад побежали смятый кожух компрессора, кигоновые плиты, мотки проволоки, песчаные такыры.

Вспыхнул на мгновение заключительный плакат серии.

между

ПЛОХИМ НАСТРОЕНИЕМ

Свяжитесь же

Связаться?.. Пусть поищут другого. Работать надо, ребята. Делать настоящее дело. И тогда правильное настроение.

У него было чувство, будто нарыв прорвался.

Долгие годы ведь жил придавленный. Махинации с переменой тела, с электродами в башке были попыткой сложить ответственность, уйти от себя. Признанием, что среда победила. А с этой «Уверенностью» они с Роной вознамерились сдаться. Но теперь-то ясно, что не так всесилен гигантский аппарат прибыли, у которого мощь всех машин, хитрый ум лабораторий, тяжкая железная поступь механизированных армий, научно разработанная система Надзора. Не так силен, потому что он против Человека. Даже безразличие Кисча было хоть слабеньким, но протестом, свидетельством кризиса. Как раз не прав Тутот, считающий важным для действительности лишь то, о чем договариваются во дворцах. Ерунда! Существенны не эти решения, а реакции на таковые со стороны тех, кто населяет многоквартирный дом. Это ведь непросто, что сотрудник Надзора по ночам становится другим человеком, да и днем предупреждает законную жертву, чтобы она ему в руки не попалась. И не за здорово живешь доктора наук уходят бродяжить в пустыню. Мозг не может научиться ничему не учиться. Все оставляет след, вызывает отклик, как правило, совсем не тот, на какой рассчитывали те, укрывшиеся за стальными стенами.

Но, конечно, надежда возлагается не на исключения. Не на отпавших, как Грогор, одичавшие искусствоведы. Даже не на городишко, отрекшийся от новшеств технологии. Это лишь симптомы, но не самая суть. Надежда в таких, как Ниоль и ее друзья, начальник геологической экспедиции, Лэх, сумевший полюбить столь странное дитя. Вот здесь, в этой среде, вырастает новое и противостоит навязанным сверху угнетающим ритуалам прибыли…

У переходки возле государственного шоссе Кисч остановил автомобиль, перелез на заднее сиденье. Набрал программу.

Мобиль фыркнул и начал обращать пространство во время. Каждые тридцать километров в трехминутку. Те тридцать, которые сам Кисч и Ниоль сегодня били ногами от зари до зенита. Борозды кигонового покрытия слились в прямые линии, все, что по бокам, в ровную серую плоскость. Только далеко-далеко баки газохранилищ поворачивались голубым строем.

Вот она, истинная технология! Неужели отказываться от такого, снова разбить мир на маленькие пешеходные замкнутые пространства, сломать самолетам крылья, кольца магнитным поездам? Неужели перерезать волны радио, телевидения

и в замолчавшем доме зажечь лучину? Пример Грогора показывает, что значит, на одного себя положившись, отвернуться от добытого умом, искусством людей — страшный багрово-черный круг под глазом, ладонь в костяных мозолях, годами без книги, годами не омывая сердце музыкой. Нет, можно, пожалуй, и тело менять, когда не от скуки, а по веской причине. И электроды в лобных долях прекрасны, если излечивают болезнь…

Справа, вблизи у шоссе, надернулся высокий каменный забор и моментально исчез, словно встречный поезд. Ничего, мы еще повоюем!

Стремительное движение, импульс силы и воли. Боже мой, ведь какие озарения за любым открытием в науке! Какой счастливый жар волной по груди, когда изобретатель наконец нашел, понял! А мы-то набрасываемся на технологию, взращиваем злобу против нее.

В душу попросился мотив, возвысился и опал волнами. Что-то полузабытое, мелодия из той поры, когда Кисч был молод, смел и уверен. Мелодия силилась проникнуть в первый ряд сознания, звала, чтоб он вспомнил.

Собака впереди привстала на сиденье, глубоко вздохнула, как человек, легла. Кисч погладил ее.

Трасса выгнулась хищной дугой. Мобиль Кисча и сотни других чуть замедлили ход. Со стороны в провале вставал мегаполис миллионом прямоугольных вершин, меж которых миллион прямоугольных пропастей. Целых полнеба сделало темным его дыхание.

Сердце стукнуло сильнее, и… оно прорвалось наконец — начало Тридцать восьмой симфонии. Полилось жемчужными, искрящимися струями. Откуда?.. Из давнего прошлого, от зеленых холмов вокруг старого Зальцбурга, его извилистых, тесных улочек, от изъеденных плит фонтана перед университетом. От той любви, с которой пестовал сына скромный Леопольд, от помощи друзей семейству бедных музыкантов, от ревности, мук и надежд самого Вольфганга Моцарта.

Но встретятся же они когда-нибудь — гений искусства, несущий идеал, и суровый, могучий гений техники, который воплощает идеал в жизнь!

♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

Это была только одна часть

Мы разделяем надежду героя новой повести Севера Гансовского «Часть этого мира!» с которой он покидает ее страницы, пытаясь вырваться из всех мыслимых и немыслимых кругов ада, где техника давно вышла из-под контроля разума, где поезда и эскалаторы идут в никуда, где бессмысленная технология самостроится дальше, а человек не только потерял право принимать решения самостоятельно, но уже и не знает толком про себя самого — он это, или, строго говоря, не он...

Мы уверены, что окончательного оглупления человека из-за сверхразвития им же порожденной техники не произойдет. Что соединятся «гений Искусства и гений Техники», как их называет в последних строчках повести ее герой, которому — что греха таить — иногда просто не хватает политической грамотности.

«...Опасно не знание, а то, как хотят им распорядиться определенные лица. К сожалению, эти лица часто преуспевают в своих намерениях», — так ответил недавно известный английский химик профессор Роберт Робинсон на вопрос «Литературной газеты»: «Не может ли быстрое развитие науки привести к каким-либо отрицательным последствиям?».

Гансовский показал нам ту часть мира, в которой «эти лица» весьма и весьма «преуспели в своих намерениях». Но даже там ни Машинная, ни Силовая, ни Надзор, ни внутренняя стража, ни электроды в голове, никакое самое изощренное насилие не смогли уничтожить в людях чувства справедливости и стрем-

ления к свободе.

Но есть и еще одно фундаментальное основание для оптимистического взгляда на развитие цивилизации. Человечество знает, что в реальном мире существует и другая его часть, и в ней идеалы разума и могучая техника не расстаются: они шествуют рука об руку, в этой — нашей части мира революция научно-техническая и революция социальная неразделимы.

Наверное, говорить о научно-технической революции, не включая в это понятие такую важнейшую для человечества область знания, как научный коммунизм, неправомерно вообще.

Валентин Рич

№ 8

Стефан Голдин

Сладких снов, Мелисса!

Из своей кромешной тьмы Мелисса услыхала приглушенный голос доктора Пола, доносившийся с другого конца комнаты.

— Доктор Пол! — закричала она. — Доктор Пол, пожалуйста, подойдите ко мне!

В ее голосе было отчаяние.

Доктор замолк, и Мелисса услыхала шаги.

— Да, Мелисса, в чем дело?

— Я боюсь, доктор Пол.

— Опять сны?

— Да.

— Не надо бояться. Мелисса. Сны не кусаются.

— Но они такие страшные, — не умолкала Мелисса. — Отгоните их, как раньше.

Из темноты послышался еще один голос. Похоже, что доктор Эд. Доктор Пол выслушал его и так же тихо ответил:

— Нет, Эд, с этим пора кончать. Слишком уж мы отошли от программы. — Потом громко — Тебе придется привыкнуть к страшным снам, Мелисса. Сны снятся всем. А я не могу всегда быть рядом и отгонять их.

— Не уходите, доктор Пел!

— Я не ухожу, Мелисса. Еще не ухожу. Но если ты не перестанешь бояться, я уйду. Расскажи, что тебе снилось.

— Знаете, я сперва приняла их за числа; это всегда хорошо — числа не похожи на людей, они красивые и добрые. Но потом они превратились в шеренги — две шеренги людей, которые неслись друг на друга и стреляли. Числа стали ружьями, и танками, и гаубицами. И людей убивали, доктор Пол, много людей. Убили пять тысяч двести восемьдесят человек. Но и это не все. Я слышала, как кто-то сказал, что все отлично, — ведь в первом бою потери были меньше пятнадцати и семи десятых процента, и, значит, стратегическую позицию — вершину горы — можно взять. Но пятнадцать и семь десятых проиента — это девять тысяч шестьсот двадцать два убитых и раненых человека. Я как будто вижу, как они корчились и умирали там.

— Я предупреждал вас, что Техника Военных Расчетов не для разума пятилетнего ребенка, — прошептал доктор Эд.

Доктор Пол словно не слышал его.

— Пойми, Мелисса, это война. А на войне всегда убивают.

— Почему, доктор Пол?

— Потому что… в том-то и состоит война. Но главное, что никакой войны нет. Перед тобой задача, такая же как с цифрами, только вместо

цифр — люди. Это игра.

— Нет, доктор Пол, это не так, — плакала Мелисса. — Все было взаправду. Умирали живые люди. Я даже знала их имена. Аберс, рядовой Т. Джезеф, Аделли, капрал Алонзо…

— Замолчи, Мелисса, — прикрикнул на нее доктор Пол.

— Больше не буду.

Но доктор Пол уже не слышал ее; он шептал доктору Эду:

— Выхода, кроме полного анализа, нет.

— Да, но это может привести к распаду личности, и все труды пойдут насмарку, — громко ответил доктор Эд.

— Вы можете предложить что-то другое? — спросил доктор Пол. — Эти ее кошмары уводят нас все дальше от намеченной программы.

— А что если дать ей исследовать себя?

— Как это?

— Да вот так, — и в его голосе послышались сладкие ноты, которые Мелисса всегда слышала у людей, когда они принимались разговаривать с ней, и никогда не слышала, если они говорили друг с другом. — Ну как ты, Мелисса?

— Хорошо, доктор Эд.

— Хочешь, я расскажу тебе сказку?

— Страшную?

— Еще не знаю, Мелисса. Ты слыхала когда-нибудь про вычислители?

— Да. Это счетные машины.

— Верно, но сначала были простые вычислители, а потом их усовершенствовали, они стали сложнее, начали читать, писать, разговаривать и даже думать без помощи людей.

…И вот однажды ученые собрались и стали рассуждать: если вычислитель способен думать сам, значит, можно наделить его еще и личностью и создать такую машину, которая не отличается от человека уже ничем. — Они назвали эту машину Мультилогическая Система Анализа, или МЛСА…

— Похоже на «Мелисса»!

— Верно, похоже. Во всяком случае ученые понимали, что настоящая личность не может сразу возникнуть из ничего, она должна сложиться постепенно. А машина им была нужна для расчетов сразу. Тогда они решили разделить электронный мозг на две части и одну часть использовать для решения обычных задач, а другую постепенно развивать в задуманную личность. И когда эта личность созреет — объединить обе части вычислителя.

Так они, во всяком случае, считали. Но оказалось, что машина в принципе не может быть раздвоена полностью. Любая задача, которую давали ее расчетной части, непременно проникала в ту часть, где была личность. Это плохо. Мелисса, потому что личность и знать не знала, что она машина, а считала себя девочкой, ну, вроде тебя, к примеру. Задачи, попадавшие к ней из расчетной части машины, пугали и беспокоили ее. Она работала все хуже и хуже и в конце концов почти совсем вышла из строя.

— А что сделали ученые, доктор Эд?

— Не знаю, Мелисса. Я надеюсь, ты поможешь узнать конец этой сказки.

— Я? Да я понятия не имею о машинах.

— Нет, Мелисса, имеешь, только не помнишь об этом. Я могу помочь тебе вспомнить. Но это будет тяжело, Мелисса, очень тяжело. Тебе придут в голову самые невероятные мысли и ты начнешь делать вещи, о которых и не подозревала, что можешь их делать. Ну как, ты согласна попробовать помочь нам узнать конец сказки?

— Хорошо, доктор Эд.

Доктор Пол прошептал сотрудникам:

— Включите Частичную Память и подпрограмму Полного Анализа.

— Полный Анализ, Мелисса!

И вдруг удивительные мысли начали приходить к ней. Длинная череда цифр, на первый взгляд бессмысленных, но почему-то ей знакомых, величины сопротивления, мощности, индукции. И формула…

— Читай МЛСА-5400, Мелисса.

И тут Мелисса увидела себя. Ничего ужаснее она не видела даже в самом страшном сне.

— Смотри на секцию 4С-К 79А!

И теперь хотела она или нет — все равно. Она должна была смотреть. Для девочки эта часть ничем не отличалась от других. Но она знала: отличие есть. И очень сильное. Казалось даже, что это не естественная часть ее организма, а что-то вроде костылей у калеки.

Голос доктора Эда напряжен.

— Проанализируй эту секцию и дай программу для прекращения утечки данных.

Мелисса старалась что есть сил, но тщетно. Чего-то не хватало ей, чтобы выполнить приказ доктора Эда. Ей хотелось закричать: «Я не могу, доктор Эд! Не могу! Не могу!»

— Я говорил, что не получится, — твердо произнес доктор Пол. — Придется включить полную память для общего анализа.

— Но она не готова, — пытался возражать доктор Эд. — Мы можем убить ее.

— Возможно, Эд. Но даже если так… что же, во всяком случае будем знать, как действовать в следующий раз. Мелисса!

— Да, доктор Пол.

— Приготовься, сейчас будет больно.

И уже без всяких предупреждений на Мелиссу обрушился целый мир. Числа, бесконечный поток чисел — комплексные числа, действительные числа, целые числа, индексы, степени. Вокруг шли бои — такого кровопролития она не видала ни в одном сне — перед глазами тянулась длинная череда убитых и раненых, про которых она знала все: рост, вес, цвет волос и глаз, холост или женат, сколько подчиненных… людей все прибавлялось и прибавлялось. Потом пошла статистика: средняя плата водителей автобусов в штате Огайо, количество летальных исходов при заболевании раком в США с 1965 по 1971 год, прирост пшеницы на тонну удобрений…

— Доктор Эд, доктор Пол, помогите мне! — пыталась закричать она. Но, увы, говорил кто-то другой. Кто-то чужой, совсем незнакомый, говорил ее голосом о лампах и диодах.

Мелисса тонула в море чисел.

Через пять минут доктор Эдвард Блум отключил полную память от личности.

— Мелисса, — ласково позвал он. — Все в порядке. Теперь мы знаем, чем кончилась сказка. Ученые попросили вычислитель проверить самого себя — он это сделал. Отныне никаких страшных снов. Только веселые. Ну как, рада?

Молчание.

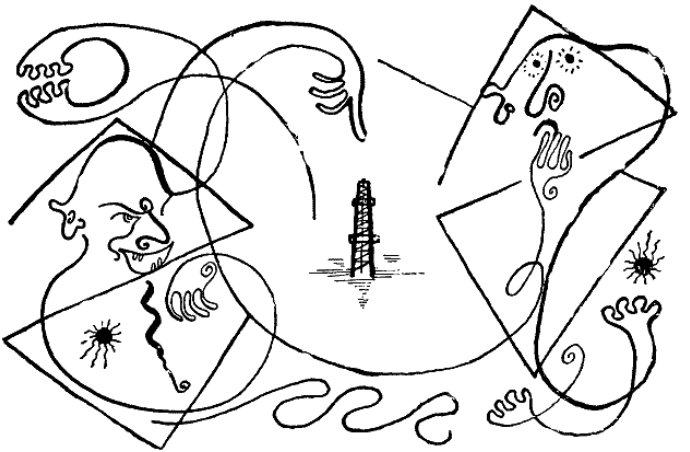
— Мелисса, — его голос поднялся и задрожал. — Ты слышишь меня? Ты здесь?

Но в МЛСА-5400 не осталось места для ребенка.

Перевел с английского А. Чапковский

Михаил Кривич, Ольгерт Ольгин

Не может быть



За бронированной стеной подземного коридора тихо жужжали колонны синтеза. Каждые три минуты — хоть проверяй часы — контору сотрясал грохот: свежая партия нефти низвергалась в хранилище.

Мастер приоткрыл базальтовую дверь своего кабинета и, склонив набок голову-треуголку, прислушался к ровному гулу. «Надо бы сделать профилактику», — подумал он. Но этим займется

уже его сменщик, который, должно быть, сидит сейчас в мягком кресле на борту «Пришельца-154» и листает руководство по черному и белому синтезу. Отличная книга! А вторая ее глава «Способы обеспечения незаметности при изготовлении в земных условиях вязких горючих жидкостей» не уступит хорошей детективной поэме…

Из динамика раздался мелодичный хруст: начиналось диспетчерское. Шеф, как всегда, запросил сначала группу реализации. Выслушав сводку суточного сбыта, он распорядился:

— Снимите часть с каспийского шельфа и подкиньте на север — им надо выполнять повышенные обязательства. И не забудьте о Венесуэле, у них запасы на исходе. Группа синтеза, что у вас?

— Претензии к группе сырья, — ответил Мастер. — Гонят сплошную серу, очищать не успеваю. Так мы им всю атмосферу погубим. Сернистый газ и все такое…

— Претензию записал, — сказал Шеф и включил группу удовлетворения разведки.

— За сутки, — сообщил радостный голос, — они прошли в общей сложности аж 13 545 метров. Восемь скважин достигли пятикилометровой отметки. Разрешите подать им нефть?

— Не горячись, — сказал Шеф — Пусть еще денек посверлят. А там подавай, только понемногу, как в инструкции сказано.

Все шло обычным чередом. Кто-то никак не мог вырвать у снабженцев давно разнаряженный газовый конденсат, нерасторопный диспетчер заслал в Африку бурый уголь вместо каменного, на восьмом участке перестарались и чуть было не погнали в скважину чистейший керосин двойной ректификации…

Мастер выключил селектор и занялся текущими делами. Лишь к полудню он смог наконец разогнуть спину. «Сейчас бы горяченького», — подумал Мастер, и в ту же минуту, будто получив телепатический сигнал (что совершенно невозможно в этих катакомбах), в кабинет вошел Калькулятор с дымящейся чашечкой на подносе. Мастер откровенно симпатизировал этому парню: помимо умения выполнять в уме все девять действий арифметики, он обладал еще качеством, бесценным в длительных командировках, — бесподобно заваривал хину.

Прихлебывая бодрящий напиток. Мастер любовался ладной, изящно расширенной в талии фигурой юноши. «А я вот старею, худею, — думал он. — В такой суете разве за талией уследишь…»

Как будто для того, чтобы подтвердить горькую правду о суете, зажегся сигнал срочного вызова, торопливый голос объяснил Мастеру, что на экспериментальной колонне близ Кракатау сорвало заглушку и пары полезли наружу, пугая местное население. Такое случалось уже не впервые: колонны серии «ВВВ-С», установленные на Японских островах, в Исландии и еще где-то, время от времени барахлили и ломались, а выработку давали чепуховую, кот наплакал, стыдно людям показать.

Мастер послал на Кракатау двух техников по герметизации, а также агента тайной службы, отвечающего за маскировку объектов, и в ожидании известий попросил Калькулятора приготовить еще чашку напитка.

— Я давно хочу спросить у вас, Мастер, — сказал юноша, наливая заварку, — но все не решаюсь. Во что нам обходится вся эта филантропия и зачем она понадобилась? Проку-то с этого мы никакого не имеем. Они и в пришельцев не верят…

— Конечно, мальчик. В пришельцев они верить не хотят. Можно украсть у них из-под носа целый остров, чуть ли не материк, а им кажется, что так и надо: ты же знаешь эту историю с Атлантидой. А если завтра мы с тобой по всем правилам

опустим под воду Австралию, знаешь, о чем они начнут спорить? О том, была ли она вообще! Но мы же здесь сидим не ради благодарности…

— А ради чего?

— Солидарность — вот в чем дело. Собратья по разуму и так далее. Нельзя же оставить их совсем без энергии. Когда они еще доберутся до контролируемого термоядерного синтеза… А пока приходится варить им всякое горючее, на любой вкус — потверже и пожиже. И обходится нам это ежемесячно в пять миллионов звонких балабусиков. Зато когда они собираются на свои конгрессы и начинают спорить, откуда взялась нефть, — это стоит послушать. За такое удовольствие не жалко платить и больше…

— Возможно это и так. Мастер, — сказал юноша. — Но главного-то вы мне так и не сказали: а зачем им вообще эта дурацкая энергия?

— Видишь ли, мальчик, эти славные существа, к которым мы все так расположены, бог весть когда придумали ужасную штуку и до сих пор в нее верят. Они вбили себе в голову, что вечного двигателя построить нельзя!

— Не может быть, — сказал юноша.

№№ 9-12

Роберт Шекли

Координаты чудес

~~Главы из романа. Публикуется с сокращениями~~

Роман

Полный текст в **"родном"** переводе **Г. Гринёва**

Часть I. Отбытие

Глава 1

День выдался на редкость бестолковый. Придя в контору, Том Кармоди чуточку пофлиртовал с мисс Гиббон, позволил себе возразить самому мистеру Уэйнбеку и добрых минут пятнадцать обсуждал с Блэкуэллом шансы регбистов из команды «Гиганты». В конце же дня он яростно, но совершенно не разбираясь в сути дела, заспорил с мистером Зейдлицем об истощении природных ресурсов страны и беспардонном натиске разрушительных факторов, а именно совмест-

ного обучения, армейской инженерной службы, туристов, огненных муравьев и производителей бумажной массы. Все они — так он утверждал — виновны в уничтожении последних милых его сердцу островков нетронутой природы.

— Ну-ну, Том, — сказал язвительный Зейдлиц, — да разве вас на самом деле это волнует? Ведь нет же!

Кого не волнует? Его не волнует?!

А мисс Гиббон, привлекательная, с аккуратненьким подбородочком, вдруг заявила:

— О, мистер Кармоди, я считаю, что вам не следовало ***такого*** говорить.

Что он говорил такого и почему не должен был говорить — Кармоди так и не смог припомнить. И грех, неосознанный и неотпущенный, остался на его душе. Его начальник, пухленький и мягкий мистер Уэйнбек, сказал неожиданно:

— Послушайте, Том, а ведь в ваших словах, кажется, что-то есть. Попробую разобраться.

Кармоди, однако, уже сам понимал, что в его словах было мало смысла и разбираться не стоило.

Высокий насмешливый Джордж Блэкуэлл, умевший говорить, не двигая верхней губой, и тот сказал:

— Думаю, что вы правы, Кармоди, честное слово! Если они переведут Восса со свободной защиты на край, мы увидим настоящий пас.

И Кармоди, после дальнейших размышлений, пришел к выводу, что это ничего не изменит.

Кармоди был спокойным человеком, с юмором преимущественно пессимистическим. Рост и самомнение — чуть выше среднего. Убеждения его были шатки, зато и намерения — всегда самые лучшие. Пожалуй, у него была склонность к унынию. Впрочем, оно легко сменялось вспышками возбуждения, то есть он был циклотимик. Рослые мужчины с хорошим зрением и предками-ирландцами, как правило, циклотимики, особенно после тридцати.

Он прилично играл в бридж, хотя и недооценивал свое мастерство. Считал себя атеистом, но больше по инерции, чем по убеждению. Был рожден под знаком Девы, когда Сатурн находился в Доме Солнца. Преклонялся перед героическим — на это указывали звезды в Доме Талантов. Уж одно это говорило о его незаурядности. Он был отмечен печатью обыкновенного смертного — одновременно предсказуем и неподвластен року. Шаблонное чудо!

Кармоди покинул контору в 5.45 и сел в метро.

Там его толкали и мяли другие страдальцы. Умом он сочувствовал им, но боками люто ненавидел. Он вышел на 96-й улице и прошел несколько кварталов пешком до своей квартиры на Вест-Энд авеню. Швейцар весело приветствовал его, лифтер одарил дружеским кивком. Кармоди отпер дверь, вошел внутрь и лег на кушетку. Жена его была в отпуске, в Майами, поэтому он мог безнаказанно возложить ноги на мраморный столик.

В следующий миг раздался удар грома и комнату осветило молнией. Раскаты грома продолжались несколько секунд, затем протрубили трубы. Кармоди поспешно убрал ноги с мраморного столика. Трубы смолкли, их сменили бравые звуки волынки. Снова полыхнула молния, и в ее сиянии возник человек.

Человек был среднего роста, коренастый, в золотистом пиджаке и оранжевых брюках. Лицо как лицо, разве что без ушей. Он сделал два шага вперед, остановился, протянул руку в пустоту и выдернул свиток — да так грубо, что изрядно его при этом порвал. Прочистил горло — звук напоминал сильный удар по мячу — и сказал:

— Приветствия!

Кармоди ничего не ответил. Он онемел.

— Мы пришли, — изрек незнакомец, — как

неожиданный ответчик невыразимой жажды. Ваши. Другие люди? Не так. Буду это?

Пришелец ждал ответа. Кармоди убедился, с помощью только ему одному известных способов, что все это происходит именно с ним и на самом деле. И спросил, как и полагается, когда все происходит на самом деле:

— Бога ради, что это значит?

Пришелец сказал, улыбаясь:

— Это для вас, Кар-Мо-Ди. Из сточной канавы «того, что есть» вам досталась малая, но замечательная порция «того, что может быть». Веселье, нет? Уточняю: ваше имя ведет к остальному. Случайность реабилитирована снова. Розовая Неопределенность радует своими целительными губками, а дряхлое постоянство снова заперто в Пещере Неизбежности. Разве это не причина для? А почему вы нет?

Кармоди встал, совершенно успокоившись. Неведомое перестает страшить, когда становится назойливым.

— Кто вы? — спросил Кармоди.

Чужестранец понял вопрос, и его улыбка погасла. Он пробормотал, скорее для себя:

— Туманно мыслящие извилины! Опять они неверно отработали меня! Я мог уклониться,

вплоть до смертельного исхода даже! Неужели они не могут прицелиться без ошибки? Ничего, я переработаюсь, я переделаюсь, я приспособлюсь...

Он прижал пальцы к голове, даже погрузил их вглубь сантиметров на пять. Пальцы его затрепетали, будто он играл на крошечном пианино. И тотчас пришелец превратился в коротышку, лысого, в мятом костюме, с набитым портфелем, зонтиком, тростью, журналом и газетой.

— Так правильно? — спросил он. И сам себе ответил: — Да, вижу. В самом деле, я должен извиниться за небрежную работу нашего Центра Уподобления. Только на прошлой неделе я появился на Сигме IV в виде гигантской летучей мыши с Уведомлением во рту. И тут же увидел, что мой адресат из породы водяных лилий. А двумя месяцами раньше — употребляю местные эквиваленты времени, конечно, при миссии на Фагму Старого Мира эти дураки из Уподобления оформили меня в виде четырех дев, тогда как правильная форма, очевидно...

— Я не понимаю ни единого слова, — прервал Кармоди, — будьте добры, объясните, что это все значит.

— Конечно, конечно, — сказал пришелец. — Но

позвольте мне проверить местные термины. — Он закрыл глаза, потом открыл снова. — Странно, очень странно, — пробормотал он. — Из ваших слов, фигурально говоря, не складывается склад для моей продукции. Но кто я, чтобы осуждать? Неточности могут быть эстетически приятны. Все это дело вкуса.

— Что это значит? — переспросил Кармоди грозным басом.

— Это, разумеется, Интергалактическая Лотерея. И вы, сэр, конечно, выиграли главный приз. Изложение соответствует моей внешности, разве нет?

— Нет, не соответствует, — сказал Кармоди. — И я не знаю, о чем вы толкуете.

По лицу чужестранца скользнуло сомнение, но тут же исчезло, словно его резинкой стерли.

— Вы не знаете? Ну конечно! Вы, полагаю, потеряли надежду на выигрыш. И вытеснили понимание, чтобы избежать беспокойства. Какое несчастье, что я пришел к вам во время умственной спячки! Но никакого вреда мы вам причинить не намерены, уверяю вас. Документы у вас под рукой? Боюсь, что нет. Тогда я объясню. Вы, мистер Кармоди, выиграли приз в Интергалактической Лотерее. Селектор Случайностей для

Части IV, класса 32 Жизненных Форм вытянул ваш номер. Ваш приз — очень красивый приз, уверяю вас, — ожидает вас в Галактическом Центре.

Тут Кармоди обнаружил, что рассуждает примерно так: «Либо я спятил, либо не спятил. Если спятил, значит это бред, и тогда я должен обратиться к психиатру. Но после этого я окажусь в идиотском положении, ибо мне придется во имя смутных доводов рассудка отрицать то, что я вижу и слышу. А это тяжко. Так можно все запутать и настолько усугубить безумие, что в конце концов моей несчастной жене придется положить меня в больницу. Но с другой стороны, если я сочту этот бред реальностью, я тоже окажусь в больнице.

Если же я не сошел с ума и все это происходит на самом деле, то это удивительная, единственная в своем роде случайность, приключение высшей марки. Очевидно, — если это происходит на самом деле — во Вселенной есть существа, превосходящие людей по разуму. И существа эти устраивают лотереи, где имена выбираются по жребию. (Они сами признались, что делают это. И я не вижу, почему бы лотерее не быть совместимой с высшим разумом.) И, наконец, в этой предполагаемой лотерее выпало мое имя.

Это почетная случайность, возможно, и Землю включили в лотерею впервые. В этой игре приз выиграл я. Такой приз может принести мне богатство, или имя, или женщин, или знание, словом, что-нибудь стоящее.

Поэтому в результате мне выгоднее поверить, что я не сошел с ума, пойти с этим джентльменом и получить приз. Если я ошибаюсь, я очнусь в больнице. Тогда я извинюсь перед докторами, доложу им, что все понял, и, возможно, выйду на свободу».

Вот так Кармоди рассуждал и к такому заключению пришел. Вывод не удивительный. Очень мало людей (за исключением безумных) отдадут приоритет гипотезе безумия, а не гипотезе сенсационной новинки.

Конечно, в рассуждениях Кармоди были некоторые погрешности. В дальнейшем они должны были довести его до беды. Но можно сказать, что хорошо еще то, что Кармоди вообще рассуждал в таких обстоятельствах.

— Я плохо понимаю, что тут к чему, — сказал он Посланцу. — Есть какие-нибудь условия для получения моего Приза? Что-нибудь нужно сделать или оплатить?

— Никаких условий, — ответил Посланец. — По

крайней мере ничего достойного упоминания. Просто Приз. Иначе какой же это Приз, если с условиями? Если вы принимаете его, вы должны отправиться со мной в Галактический Центр. Там вам вручат Приз. Затем, если захотите, вы можете взять его домой. Если вам понадобится помощь для возвращения, то, конечно, мы окажем вам содействие в полную меру наших возможностей. Ну вот и все об этом.

— Меня это устраивает, — произнес Кармоди в точности таким же тоном, как Наполеон при осмотре диспозиции маршала Нея под Ватерлоо. — Но как же мы туда попадем?

— Сюда, пожалуйста, — сказал Посланец. И проводил Кармоди в закрытый зал, а оттуда — с треском — в пространственно-временной континуум.

Все остальное также не составило труда. Через секунду субъективного времени Кармоди и Посланец, преодолев изрядное расстояние, были уже в Галактическом Центре.

Глава 2

Путешествие было кратким, продолжительностью не более одной секунды плюс микросекунда в квадрате; и оно было несобытийным, поскольку в такой тонюсенький ломтик длительности никаких фактов вместить невозможно. Поэтому после перехода, о котором ничего и не скажешь, Кармоди увидел вокруг себя широкие площади и диковинные строения Галактического Центра.

Он просто стоял и спокойно осматривался. Принял к сведению, между прочим, что над головой у него три тусклых карликовых солнца. Заметил деревья, которые бормотали невнятные угрозы зеленоперым птицам. Заметил еще и другие вещи, которые уже не мог запомнить из-за недостатка земных аналогий.

— Ой-ой-ой! — вымолвил он наконец.

— Простите, не понял, — переспросил Посланец.

— Я сказал «ой-ой-ой!».

— Да? А мне послышалось «ой!».

— Нет, я сказал «ой-ой-ой!».

— Ах вот оно что, теперь я понял. Ну, а как вам понравился наш Галактический Центр?

— Впечатляет, — признал Кармоди.

— И я так считаю, — подтвердил Посланец. — Наш Центр для того и построен, чтобы производить впечатление. Архитектура, как видите и как вы могли бы и ожидать, неоциклопическая, типичный административный стиль, лишенный каких-либо эстетических принципов. Внешний вид должен подавлять избирателей.

— Что-то есть в этих плавающих в небе лестницах, — заметил Кармоди.

— Сценично.

— И эти громадные здания…

— Да, дизайнер удачно применил сочетание вывертывающихся кривых с исчезающими точками, — сказал Посланец с видом знатока. — А также использовал искривление времени, чтобы внушить благоговение. Довольно мило, по-моему. А оформление этой группы зданий там, наверху, вам интересно будет узнать, содрано целиком с выставки «Дженерал моторс» на вашей планете. Оно было признано выдающимся примером примитивного квазимодернизма: причудливость и изнеженность — его основные черты. А эти вспыхивающие огни перед Плавающим

Мультинебоскребом — чистейшее галактическое барокко. Функциональности в них никакой.

Кармоди никак не мог охватить все разом. Пока он глядел на одно, другое меняло форму. Прищуривался, но здания таяли, искривляясь на границе зрительного восприятия. («Периферическая трансмутация», — пояснил Посланец.)

— Ну а где же я получу свой Приз? — спросил Кармоди.

— Сюда, направо, — сказал Посланец. И повел его между двумя башенными фантазиями к маленькому, неприметному прямоугольному домику.

— Делами мы занимаемся здесь, — продолжал Посланец. — Последние исследования показали, что прямолинейная форма действует успокаивающе на синапсы многих организмов. И я горжусь этим зданием. Дело в том, что это я изобрел прямоугольник.

— Черта с два, — сказал Кармоди. — Мы знаем прямоугольники испокон веков.

— И кто же, как вы полагаете, подарил вам самый первый? — язвительно спросил Посланец.

— Мне не кажется, что это такое уж большое изобретение.

— Не кажется? — переспросил Посланец. — Это

показывает, как мало вы знаете. Вы принимаете сложность за признак сознательной творческой деятельности. Знаете ли вы, что природа вообще не создавала правильный прямоугольник? Квадрат — очевидная вещь, это ясно. И тому, кто не вникал в суть проблемы, может быть представляется, что прямоугольник естественно вырастает из квадрата. Нет и нет! На самом деле эволюционное развитие квадрата приводит к кругу.

Глаза Посланца затуманились. Он говорил спокойным и отрешенным голосом:

— Годами я знал, я чувствовал, что возможно некое иное развитие идеи квадрата… Правильность приятна, но не сверх меры. Как же изменить это изнуряющее мозг однообразие, сохранив все же явственную периодичность? И однажды снизошло! Это была внезапная вспышка озарения. Менять длину параллельных сторон — вот и все, что требовалось. Так просто и так сложно! Дрожа от волнения, я попробовал. И когда это получилось, признаюсь, я сделался просто одержимым. Целыми днями и неделями я конструировал прямоугольники, разные по размеру и форме, все правильные и все различные. Поистине, прямоугольники сыпались из меня, как из рога изобилия. Это были потрясающие дни.

— Представляю себе, — сказал Кармоди. — Ну а позже, когда ваша работа была признана?

— Это было потрясающе. Но прошли столетия, прежде чем мои прямоугольники начали принимать всерьез. «Это забавно, — говорили мне, — но когда новизна отойдет, что у вас останется? Останется несовершенный квадрат, больше ничего». Я страдал от непонимания. Но в конце концов мои взгляды победили. На сегодняшний день в Галактике имеется более 70 биллионов прямоугольных структур. И каждая из них ведет происхождение от моего прямоугольника-прототипа.

— Да уж! — вздохнул Кармоди.

— Так или иначе, но мы уже пришли, — сказал Посланец. — Туда идите, направо. Сообщите требуемые данные и получите Приз.

— Спасибо, — поблагодарил Кармоди.

Он вошел в комнату. И сразу же его руки, ноги, талию и шею охватили стальные ленты. Высокая мрачная личность с ястребиным носом и шрамом на девой щеке уставилась на Кармоди со странным выражением: убийственное веселье сочеталось в нем с елейной печалью.

Глава 3

— Что это значит? — крикнул Кармоди.

— Итак, — изрекла мрачная личность, — опять преступник сам бежит на плаху. Смотри на меня, Кармоди! Я твой палач. Сейчас ты расплатишься за свои преступления против человечества и грехи на своей душе. И позволь добавить, что это — лишь предварительное наказание, которое не будет зачтено при вынесении окончательного приговора.

Палач вытащил из рукава нож. Кармоди проглотил комок, застрявший в горле, и снова обрел способность членораздельно говорить.

— Стойте! — закричал он. — Меня сюда не казнить привели!

— Знаем, знаем, — успокоительно сказал палач, глядя вдоль лезвия на яремную вену Кармоди. — И что ты еще скажешь?

— Но это правда! — вопил Кармоди. — Я думал, что получу Приз!

— Что? — переспросил палач.

— Приз, будьте вы прокляты, Приз! Спросите

Посланца. Он привел меня получать Приз.

Палач пристально поглядел на него и отвернулся с видом невинной овечки. Щелкнул выключателем на приборной доске. Стальные ленты превратились в серпантин; черное палаческое одеяние — в белый костюм Клерка. Нож стал авторучкой. На месте шрама появился жировичок.

— Все в порядке, — без всякой тени раскаяния объявил бывший палач, а ныне Клерк. — Я же предупреждал, чтобы они не объединяли Департамент Мелких Преступлений и Бюро Лотерей. Но нет, меня не слушают. Им все едино — вручи я вам Приз или убей. Вот бы смеху-то было, правда?

— Мне было бы совсем не смешно, — содрогнувшись, ответил Кармоди.

— Ладно, нет смысла лить слезы из-за непролитой крови, — сказал Клерк. — Если мы примем в расчет все обстоятельства, то мы истощим обстоятельства, чтобы все принять в счет… Что я сказал? Впрочем, это не играет роли. Предложение построено правильно, даже если слова неверны. Ваш Приз где-нибудь здесь.

Он нажал кнопку на той же доске. Сию минуту в комнате материализовалась массивная конторка, какой-то миг повисела в воздухе на высоте

двух футов от пола и с грохотом упала. Клерк принялся открывать ящики и вытаскивать бумаги, сэндвичи, листки копирки, регистрационные карточки и огрызки карандашей.

— Приз должен быть где-то тут, — с отчаянием в голосе твердил он.

Нажал другую кнопку на приборной доске. Конторка исчезла вместе с доской.

— Проклятье, я будто на иголках сижу! — воскликнул Клерк. Он протянул руку в воздух, что-то там нашел и нажал. Очевидно, это также была не та кнопка, поскольку на сей раз с предсмертным стоном исчез он сам. Кармоди остался в одиночестве.

Он подождал, напевая про себя. Вновь появился Клерк. Выглядел он не хуже, чем до своего неудачного эксперимента, если не считать синяка на лбу и некоторой грусти в глазах. Под мышкой он держал небольшой пакет в яркой обертке.

— Прошу прощения за задержку, — сказал он. — Сразу и как следует не получается ничего.

— Вам пришлось обежать вокруг Галактики? — пошутил Кармоди, намекая на общеизвестную сказку.

— С какой стати вы вообразили, что мы бегаем? — нахмурился Клерк. — Мы только вручаем.

— Знаю, — сказал Кармоди. — Но я полагал, что здесь, в Галактическом Центре…

— Вы, провинциалы, все одинаковы, — устало промолвил Клерк, — вы исполнены наивных мечтаний о порядке и совершенстве, а они все — идеализированная проекция вашей собственной неполноценности. Пора бы вам знать, что чем выше разум, тем больше сложностей. Может быть, вы слыхали о теореме Холджи: порядок есть самая примитивная и произвольная группировка объектов в хаосе Вселенной. И если разум и сила существа приближаются к максимуму, то его коэффициент контроля стремится к нулю в соответствии с пагубной геометрической прогрессией числа объектов, подлежащих осмыслению и контролю, в отличие от арифметической прогрессии понимания…

— Я никогда не думал об этом, — вежливо сказал Кармоди. Ему уже начала надоедать бойкость гражданских служащих Галактического Центра. На все у них был ответ, ведь на самом деле они просто работали спустя рукава и сваливали вину на космические законы.

— Ну да, все это верно, — продолжал Клерк. — Ваша точка зрения (я позволил себе вольность прочесть ваши мысли) хорошо обоснована. Как

и все разумные существа, мы используем разум, чтобы выявлять несоответствия. Но все на свете, видите ли, всегда немножко за пределом понимания. Конечно, мы можем подойти и к этому пределу, но иной раз работаем механически, беспечно, ошибаемся даже. Важные документы лежат не на месте, машины функционируют плохо, забываются целые планетные системы. Но что было бы без нас? Ведь должен же кто-нибудь контролировать Галактику, иначе все полетит к чертям. И кто будет контролировать, если не мы?

— Разве вы не можете создать для этого машины? — спросил Кармоди.

— Машины! — воскликнул Клерк презрительно. — Даже лучшие из них похожи на ученых идиотов. Они хороши лишь при томительно прямолинейных заданиях, вроде сооружения звезд или разрушения планет. Но поручите им что-нибудь трудное, например утешить вдову, и они просто разлетятся на куски от натуги: в этике они понимают меньше, чем новорожденный волчонок. И вы хотите, чтобы такая штука планировала вашу жизнь?

— Конечно, нет, — сказал Кармоди. — Но нельзя ли построить машину, умеющую рассуждать и

творить?

— Может быть, — Клерк пожал плечами. — Но ее надо испытывать в деле, что означает — учиться на ошибках. Такие машины уже делались, разного вида и размера, иногда совсем миниатюрные. Они обладали очевидными достоинствами, но обязательно находился и какой-нибудь недостаток. Все-таки наилучший принцип разума — это разумная жизнь.

Клерк самодовольно улыбнулся: вот, мол, афоризм сотворил. Кармоди захотелось щелкнуть его по курносому носику, вздернутому, как у мопса. Но он удержался.

— Если вы закончили лекцию, — сказал он, — то я хотел бы получить Приз.

— Как угодно, — сказал Клерк. — Если вы уверены, что хотите его получить.

— Есть какие-нибудь причины, чтобы не хотеть?

— Ничего конкретного. — Клерк уклонился от прямого ответа. — Но введение нового героя в роман всегда чревато последствиями.

— Я попытаю счастья, — улыбнулся Кармоди. — Пусть будет Приз.

— Ну хорошо, — сказал Клерк. Он вытащил из заднего кармана большой блокнот и сотворил ка-

рандаш. — Итак, сначала мы должны заполнить карточку. Ваше имя Кар-Мо-Ди; вы с планеты 73 С, системы ВВ454С252 Левый Квадрат, Местная Галактическая система из К по С, и вы выбраны по жребию примерно из двух биллионов претендентов. Правильно?

— Вам это лучше известно, — сказал Кармоди.

— Я пропущу описание, — продолжал Клерк, — поскольку вы берете Приз на свой страх и риск.

— Конечно, пропускайте, — согласился Кармоди.

— Затем есть еще раздел об Определении Съедобности, параграф о Взаимном Несоответствии Понятий между вами и Бюро Лотерей Галактического Центра, параграф о Безответственной Этике и, конечно, Определитель Предельных Сроков Наследования. Но все это стандартные правила, вероятно, вы согласны с ними…

— Конечно, почему же нет? — сказал Кармоди, чувствуя уже, что голова у него идет кругом. Ему не терпелось посмотреть, как выглядит Приз Галактического Центра. И он страшно хотел, чтобы закончилась эта волокита.

— Очень хорошо, — сказал Клерк. — Теперь подпишитесь на мыслечувствительной полоске, вот тут, под текстом.

Не совсем понимая, что нужно делать, Кармоди подумал: «Да, я принимаю Приз на всех установленных для сего условиях». Низ странички порозовел.

— Спасибо, — сказал Клерк. — Контракт самолично засвидетельствовал согласие. Примите поздравления, Кармоди. Вот ваш Приз.

Он вручил коробку в веселенькой обертке. Кармоди пробормотал слова благодарности и нетерпеливо принялся ее разворачивать. Но не успел. В комнату внезапно ворвался лысый коротышка в сверкающей одежде.

— Ага! — закричал он. — Я застал вас на месте преступления, клянусь клутенами. Вы что, в самом деле намерены удрать с ним?

Коротышка кинулся к Призу. Но Кармоди поднял коробку над головой.

— Что вам нужно? — крикнул он.

— Что нужно? Мне нужен Приз, что же еще? Я Кармоди.

— Нет, вы не Кармоди, — сказал Кармоди. — Это я Кармоди.

Человечек остановился и поглядел на него с удивлением.

— Вы претендуете на то, чтобы называться Кармоди?

— Я не претендую. Я и есть Кармоди.

— Кармоди с планеты 73 С?

— Я не знаю, что такое 73 С, — сказал Кармоди. — Мы называем свою планету Землей.

Коротышка вновь уставился на него. Ярость на его лице сменилась сомнением.

— Земля? — переспросил он. — Она член Чазерианской Лиги?

— Нет, насколько мне известно.

— Может быть, она принадлежит Ассоциации Независимых Планетовладельцев? Или Звездному Кооперативу Скеготайн? Или она из числа Амальгамированных Планет-Двойников? Нет? А ваша планета вообще является членом какой-нибудь межзвездной организации?

— Думаю, что нет.

— Я так и знал! — воскликнул мини-Кармоди. Он обернулся к Клерку. — Посмотрите на него, вы, идиот. Посмотрите на эту тварь, которой вы собираетесь вручить мой Приз. Посмотрите на ее мутные свинячьи глазки, на скотские челюсти, роговые ногти.

— Стойте! — прервал его Кармоди. — Вы не имеете права оскорблять меня.

— Да, вижу, — согласился Клерк. — Действительно, я не рассмотрел этого раньше. Никак не

ожидал, что…

— Так почему же, черт вас возьми? — закричал космический Кармоди. — Почему ни один из вас не сказал сразу же, что это существо не из 32-го класса жизненных форм? Факт налицо: этот тип даже близко не лежал возле 32-го класса. Он даже не дорос до галактического статуса! Вы совершеннейший идиот, вы вручили мой Приз ничтожеству, существу вне класса, парии…

Глава 4

— Земля! Земля! — разглагольствовал коротышка. — Теперь я припоминаю это название. Есть новейшая наука об изолированных мирах и особенностях их развития. Земля упоминается там, как планета, населенная маниакально сверхпродуктивными видами жизни. Манипуляция веществом в самом отсталом варианте. Пытаются выжить за счет реаккумуляции собственных отбросов. Короче, Земля — это больное место Вселенной. Я думаю, что она выпала из Всегалактического плана из-за хронической Вселенской

Несовместимости. В будущем ее реконструируют и превратят в заповедник нарциссов.

Всем стало ясно, что произошла серьезная ошибка. Когда в невнимательности обвинили Посланца, он не стал отрицать очевидного.

Клерк же, напротив, стойко отстаивал свою невиновность, ссылаясь на уважительные причины, которые, впрочем, никто не уважил.

А Лотерейный Компьютер, который-то все и напутал, вместо того чтобы извиняться и оправдываться, не только признал ошибку, но даже явно гордился ею.

— Я изготовлен, — объявил Компьютер, — с минимальными допусками. Я предназначен для выполнения сложных и точных операций, допускающих не более одной ошибки на пять биллионов действий.

— Ну и что с того? — поинтересовался Клерк.

— Вывод ясен: я запрограммирован на ошибку, и я выполнил то, на что запрограммирован. Вы должны помнить, джентльмены, что для машины ошибка имеет этическое значение, да, исключительно этическое. Любая попытка создать идеальную машину была бы богохульством. Во все живое, даже в ограниченно живую машину, обязательно заложена ошибка. Это один

из немногочисленных признаков, отличающих живое от неживого. Если бы мы никогда не ошибались, мы были бы отвратительны и бессмертны. И если бы ошибка не была запрограммирована, заложена в нас верховной проектной силой, то мы сквернодействовали бы спонтанно, чтобы продемонстрировать ту крошечку свободной воли, которой мы обладаем, как существа живые.

Все склонили головы, поскольку Лотерейный Компьютер говорил о священных вещах. Галактический Кармоди смахнул слезу и сказал:

— Ничего не могу возразить, хотя и не соглашаюсь. Право быть неправым — основное в космосе. Машина поступила высоконравственно. Но остальные — просто дурака сваляли.

— Это наша неотъемлемая привилегия, — напомнил ему Посланец. — Небрежность при выполнении обязанностей, освященная нашей религией, — форма ошибки. Форма скромная, но не презренная.

— Будьте так добры, избавьте меня от своей сладкоречивой религиозности, — сказал галактический Кармоди. — А ты, — продолжал он, поворачиваясь к земному Кармоди. — Ты слышал, что тут говорили? Уловил, в чем суть, ты, ископаемое?

— Я понял, — сказал Кармоди четко.

— Тогда ты усвоил, что этот Приз принадлежит мне, он мой по праву. Итак, сэр, я вынужден просить и прошу вас передать его мне.

Кармоди уже склонялся к тому, чтобы согласиться. Он устал от своего приключения и не чувствовал непреодолимого желания отстаивать право на Приз. Ему хотелось домой, хотелось сесть и обдумать все, что случилось, часок соснуть, выпить чашечку кофе, выкурить сигарету. Конечно, неплохо было бы и Приз удержать, но, кажется, игра не стоила свеч. И Кармоди был готов уже отдать коробку, как вдруг услышал глухой шепот:

— Не делай этого.

Кармоди быстро огляделся и понял, что голос исходит из коробки в веселенькой обертке. Говорил сам Приз.

— Ну, ну давай же, — настаивал другой Кармоди. — Не тяни. У меня неотложные дела.

— Катись он к черту со своими делами, — прошептал Приз. — Я твой Приз. Нет никаких оснований отдавать меня.

Пожалуй, теперь все выглядело в ином свете. Кармоди уже готов был отдать Приз, ему не хотелось ввязываться в историю в чуждом неведомом

мире. И он уже протянул было руку, как вдруг тот, другой Кармоди опять раскрыл рот:

— Сию же минуту отдай, ты, слизняк бесформенный! — закричал он. — Давай-ка в темпе, да не забудь изобразить извинение на своей первобытной морде, а не то я покажу тебе…

Кармоди сжал челюсти и отдернул руку. Слишком долго его здесь оскорбляли. Он уже не мог уступить, хотя бы из самоуважения.

— Катись ты к черту! — выпалил он, невольно повторив слова Приза.

Космический Кармоди понял, что выбрал неверную тактику. Он позволил себе злиться и издеваться, что, конечно, приятно, но такого рода роскошь можно себе позволить лишь в своей личной звуконепроницаемой пещере. Поиграв словами, он лишился ценного выигрыша. И он попытался исправить положение.

— Прошу простить мой воинственный тон, — начал он. — В моей расе приняты сильные выражения. В том, что вы принадлежите к низшим формам жизни, вашей вины нет. Я не хотел оскорбить вас.

— Ладно, дело уже в прошлом, — вежливо сказал Кармоди.

— Тогда отдайте мой Приз.

— Не отдам.

— Но, дорогой сэр, это же мой Приз. Я выиграл его, и по всей справедливости…

— Приз не ваш, — заявил Кармоди. — Мое имя выбрано авторитетным специалистом, а именно Лотерейным Компьютером. Полномочный Посланец доставил мне извещение, а Клерк — официальное лицо — вручил мне этот Приз. Итак, все ответственные распорядители, а равно и сам Приз, считают меня законным получателем.

— Ну, детка, ты даешь, — шепнул Приз.

— Но, дорогой сэр, вы же сами слышали, что Компьютер признал ошибку. И по вашей собственной логике…

— Это обстоятельство нуждается в обсуждении, — сказал Кармоди. — Компьютер вовсе ***не признал*** ошибку ошибкой, сиречь актом беспечности и недосмотра. Означенная ошибка, по его собственному утверждению, была предусмотрена, тщательно запланирована и скрупулезно рассчитана во имя эстетических и религиозных принципов, внушающих всяческое уважение.

— Этот тип умеет спорить, оказывается, — пробурчал коротышка. — Если не смотреть на него, можно подумать, что в этой башке работает разум, а не тупая формалистика. Но все же я взорву

его писклявые уловки мощным басом неопровержимой логики. Можете считать, что машина ошиблась преднамеренно, — заявил он. — Но Приз вы получили по ошибке. Удерживать его — значит усугублять проступок. А двойная вина — это уже наказуемое преступление.

— Ха! — воскликнул Кармоди, увлеченный духом спора. — Ошибка существует только в своих последствиях — лишь они и придают ей значение. Незарегистрированная и непризнанная таковой ошибка не может рассматриваться как ошибка вообще. Неумышленная ошибка — это же просто знак высшего благочестия. И лучше не считать ее ошибкой вообще, чем превратить в умышленное лицемерное благочестие. И еще я скажу вот что: для меня не такая уж потеря отдать этот Приз, потому что я даже не знаю его ценности. Но это огромная потеря для благочестивой машины, этого скрупулезно законопослушного Компьютера, который, проходя сквозь бесконечный ряд пяти биллионов правильных действий, терпеливо ожидал возможности проявить свое Богом данное несовершенство.

— Слушайте! Слушайте! — вскричал Приз. — Браво! Ура! Хорошо сказано! Совершенно правильно и неопровержимо.

Кармоди скрестил руки на груди, глядя на сбитого с толку противника. Он был очень горд собой. Человеку с Земли в Галактическом Центре без подготовки приходится нелегко. Высшие жизненные формы не обязательно разумнее человека. Разум ценится там не более чем длинные когти или твердые копыта. Однако галактические расы обладали и неожиданными способностями, в том числе и гипнотическими. Некоторые, например, могли заговорить руку человека, внушить, что она оторвалась. В сравнении с такими талантами обитателей Земли считали темными, бессильными, беспомощными, ни на что не годными. И поскольку таланты заговорные весьма уважались в Галактике, психомоторная деятельность чаще рассматривалась там как простейшая автоматика. Такое неудачное отклонение эволюционного процесса можно выправить, только изменив всю природу Вселенной, что, конечно, не очень практично. В результате Кармоди сумел победить в словесной контратаке, но он очень рисковал, сам не зная того.

— Складно говоришь, — неохотно сказал второй Кармоди. — Но Приз будет моим.

— Нет, не будет!

Глаза чужака зловеще сверкнули. Клерк с По-

сланцем быстро отошли в сторонку, а Компьютер, пробормотав: «Неумышленная ошибка ненаказуема», — выкатился из комнаты. Один лишь Кармоди не отступил, поскольку отступать ему было некуда. Приз прошептал: «Смотри в оба» — и сжался в кубик со стороной не более дюйма. Из ушей чужака раздался гул, над головой вспыхнул фиолетовый нимб. Он поднял руки: капли расплавленного свинца полетели с кончиков его пальцев. Он ринулся вперед, и Кармоди невольно закрыл глаза.

Но ничего не произошло. Кармоди снова открыл глаза.

За это мгновение другой Кармоди, очевидно, передумал, он разоружился и теперь вежливо улыбался.

— По зрелом размышлении, — сказал он лукаво, — я решил отказаться от своих прав. То, что предвидишь, осуществляется не сразу, в особенности в такой неорганизованной Галактике, как наша. Мы можем встретиться, а можем и не встретиться, Кармоди. Не знаю, что для вас лучше. Прощайте, Кармоди, счастливого вам пути.

С этим ироническим пожеланием чужак исчез. Кармоди нашел такую манеру странной, однако эффектной.

Часть II. Куда?

Глава 5

— Ну и ладно, — сказал Приз. — Будь что будет. Надеюсь, мы видели этого урода в последний раз. Пошли к тебе домой, Кармоди!

— Прекрасная мысль, — охотно согласился тот. — Посланец, мне бы хотелось возвратиться домой.

— Естественное желание, — отозвался Посланец. — И к тому же свидетельствует о правильной ориентировке. Я сказал бы даже, что вы просто обязаны отправиться домой, и как можно скорее.

— Ну так и отправьте меня.

Посланец покачал головой:

— Это не мое дело. Моей обязанностью было доставить вас сюда.

— Так чье же это дело?

— Ваше собственное, Кармоди, — сказал Клерк.

Кармоди показалось, что он тонет. Он начал

понимать, почему тот Кармоди так легко отступился.

— Послушайте, — взмолился он, — мне совестно обременять вас, но я действительно нуждаюсь в помощи.

— Хорошо, — сказал Посланец. — Давайте координаты вашего дома, и я доставлю вас.

— Координаты? Я понятия о них не имею. Моя планета называется Землей.

— Мне безразлично, как она называется — Земля или Зеленый Сыр. Если хотите, чтобы я помог, давайте координаты.

— Но вы же там были. Вы же прибыли на Землю и доставили меня оттуда.

— Это вам так представляется, — терпеливо сказал Посланец. — На самом деле я отправился в точку, координаты которой дал мне Клерк, а он получил их от Лотерейного Компьютера. В этой точке находились вы, и я привел вас сюда.

— Значит, вы можете доставить меня по тем же координатам?

— Могу, и с величайшей легкостью, но вы не найдете там ничего. Галактика, знаете ли, не статична. В ней движется все, каждый предмет со своей скоростью и по своему пути.

— А новые координаты Земли вы можете вы-

числить?

— Я даже складывать в столбик не умею, — сказал Посланец гордо. — У меня другие таланты.

Кармоди обратился к Клерку:

— А вы можете? Или Лотерейный Компьютер?

— Я тоже не специалист по сложению, — отмахнулся Клерк.

— А я могу считать великолепно, — объявил Компьютер, вкатываясь. — Но мои функции ограничены отбором выигравших в Лотерее и определением их местонахождения в пределах допустимой погрешности. Я установил ваше местонахождение, и поэтому вы здесь. Но мне противопоказана всякая интересная теоретическая работа, в том числе определение координат вашей планеты в данный момент.

— Можете вы это сделать как личное одолжение? — взмолился Кармоди.

— Я не запрограммирован на одолжения, — возразил Компьютер. — Я не умею делать одолжения и заниматься поиском вашей планеты, как не могу выпотрошить сверхновую звезду или зажарить яичницу.

— Но кто-нибудь может мне помочь?

— Не отчаивайтесь, — одобрил его Клерк. — Есть «Служба Помощи Путникам», она все орга-

низует в единый миг. Я сам доставлю вас туда. Давайте координаты вашего дома.

— Но я их не знаю.

Некоторое время все молчали. Наконец Посланец заговорил:

— Кто же может знать ваш адрес, если вы сами его не знаете? Хотя Галактика, может, и не бесконечна, но все-таки она достаточно велика, чтобы считаться практически бесконечной. Существо, не знающее своего Местожительства, не имеет права покидать свой дом.

— Но я понятия не имею о местожительствах.

— Вы могли бы спросить.

— Мне в голову не приходило… Слушайте, вы должны помочь мне. Неужели так сложно выяснить, куда переместилась моя планета?

— Это невероятно трудно, — сказал Клерк. — «Куда» — только одна из трех координат. Нам нужны еще две: «Когда» и «Которая». Мы называем их «Три К» планеты.

— Да хоть Зеленым Сыром назовите, мое какое дело?! — внезапно взорвался Кармоди. — Как другие находят дорогу домой?

— Они полагаются на свой наследственный инстинкт гнезда, — ответил Посланец. — Кстати, разве у вас он отсутствует?

— Откуда у него инстинкт гнезда? — негодующе вставил Приз. — Парень никогда не покидал родной планеты. У него такого инстинкта и развиться-то не могло.

— Справедливо. — Клерк устало вытер лицо. — Вот что получается, когда имеешь дело с низшими формами жизни. Будь проклята эта машина с ее благочестивыми ошибками.

— Только одна на пять биллионов, — сказал Компьютер. — Честное слово, я не требую слишком многого.

— Никто вас не осуждает, — смягчился Клерк. — Никто никого не винит. Но мы должны решить, что с ним делать.

— Нелегкое это дело, — вздохнул Посланец.

— Конечно, нелегкое, — вздохнул Клерк. — А может, мы все-таки казним его? — предложил он, оживившись. — Прикончим, и дело с концом.

— Но-но! — подал голос Кармоди.

— О'кей. Согласен, — сказал Посланец.

— Что вам о'кей, то и мне о'кей, — присоединилась машина.

— Я не в счет, — сказал Приз. — В данном случае я не могу вмешиваться, но в самой идее мне чудится какой-то изъян.

Кармоди произнес пылкую речь о том, как ему

не хочется умирать и что убивать его не следует. Он взывал к лучшим чувствам своих судей и правилам честной игры. Однако его заявление было признано пристрастным и вычеркнуто из протокола.

— Подождите, — вдруг просиял Посланец. — А что вы скажете о такой идее? Не будем его убивать. Давайте искренне и в полную меру наших сил поможем ему вернуться домой, живым и невредимым, в здравом уме и твердой памяти.

— Это мысль, — согласился Клерк.

— Таким способом, — продолжал Посланец, — мы явим образец величайшего милосердия, тем более бесценного, поскольку оно будет напрасным, так как, по всей видимости, наш клиент все равно будет убит по дороге.

— И давайте поспешим, — предложил Клерк, — если не хотим, чтобы его убили у нас на глазах, прежде чем мы кончим этот разговор.

— А в чем дело? — встревожился Кармоди.

— Потом узнаешь, — прошептал Приз. — Если, конечно, у тебя будет это «потом». А если найдется еще время, я расскажу тебе потрясающую историю о себе самом.

— Приготовьтесь, Кармоди! — воззвал Посланец.

— Я, кажется, готов, — отозвался Кармоди.
— Готов или нет, отчаливай.
И Кармоди отчалил.

Глава 6

Кармоди казалось, что сам он недвижим, а все вокруг разъезжается. Растаяли вдали Посланец и Клерк. Галактический Центр стал плоским, уподобившись скверно намалеванной театральной декорации. Затем в ее левом верхнем углу появилась трещина, поползла наискось вниз. Края ее отогнулись, открывая кромешную тьму. И декорация, она же Галактический Центр, свернулась в два рулона.

— Не бойся, это все зеркала, — шепнул Приз.

Это пояснение еще больше напугало Кармоди. Он старался держать себя в руках, но еще крепче он держал в руках Приз. Тьма была абсолютной, беспросветной, безгласной и пустой — самый настоящий космос. Кармоди терпел сколько мог, ему казалось — бесконечно, но сколько именно, установить невозможно.

Затем сцена вдруг снова осветилась. Кармоди стоял на твердой земле. Перед ним высились горы, голые, как обглоданные кости. У ног лежала река застывшей лавы. В лицо дул слабый ветер. Над головой висели три крошечных солнышка. Местность выглядела подиковенней, чем Галактический Центр, и все же Кармоди почувствовал облегчение. Такие пейзажи видишь иногда во сне, Центр же был из разряда настоящих кошмаров.

Тут он спохватился, что в руках у него нет Приза. И куда же он мог деваться? Кармоди начал растерянно озираться и вдруг ощутил, что вокруг его шеи что-то обвилось… Маленький зеленый уж!

— Это я, — прошипела змейка. — Твой Приз. Просто я принял другой образ. Форма, видишь ли, это функция от среды, а мы, призы, к среде чрезвычайно чувствительны. Так что не волнуйся, детка, я с тобой. Мы еще освободим Европу от корсиканского чудовища.

— Что-о-о?

— А ты ищи аналогии, — посоветовал Приз. — Видишь ли, доктор, мы — призы — при всей глубине нашего интеллекта не обзавелись собственным языком. Да и к чему нам свой язык,

все равно нас раздают разным пришельцам. Я просто запускаю руку в склад твоих ассоциаций и выуживаю оттуда словечки, чтобы пояснить мою мысль. Ну как, удалось мне это?

— Не очень, — вздохнул Кармоди. — Потом разберусь.

— Вот и умница, — сказал Приз. — Попервости слова будут казаться туманными, но ты разберешься, хочешь ты этого или нет. В конце концов, это же твои слова. У меня есть прелестный анекдот на эту тему, но боюсь, теперь нам не до анекдотов. Похоже, что это произойдет, и очень скоро.

— Что, что произойдет? Что должно случиться?

— Кармоди, мон шер, нет времени все объяснять, даже самое необходимое, то, что ты обязан был знать, чтобы сохранить свою жизнь. Клерк и Посланец были так любезны…

— Эти убийцы и ублюдки!

— Ты не должен так легко осуждать убийство, — сказал Приз с упреком. — Это указывает на беспечность твоей натуры. Я припоминаю дифирамб на эту тему, но я процитирую его потом. Так о чем я? Да, о Клерке и Посланце. Несмотря на значительные личные расходы, эта достойная

пара послала тебя именно в то место Галактики, где — вполне возможно — тебе помогут. Они могли бы казнить тебя за будущие преступления или послать на твою планету, но только туда, где она была раньше и где ее, безусловно, нет сейчас. Могли и экстраполировать, пытаясь определить ее предполагаемое местонахождение. Но поскольку они неважные экстраполяторы, то и результат вычислений был бы неважный. Так что, видишь ли…

— Да, но где я сейчас? — прервал его Кармоди. — И что должно произойти?

— Я к тому и веду, — сказал Приз. — Эта планета, если не ошибаюсь, называется Лурсис[21]. У нее только один обитатель — Мелихрон[22] Изначальный. Он живет здесь с незапамятных времен и еще проживет столько, сколько и представить себе невозможно. Мелихрон в своем роде — как бы это сказать — козырной туз. Он неповторим в своей изначальности, он вездесущ по своей природе, он многолик, как индивидуум. Это о нем сложено:

---

[21] notes: 21
Лурсис — заманчивая *(греч.). (Прим. ред.).*

[22] notes: 22
Мелихрон — улучшающий время *(греч.). (Прим. ред.).*

Вот оно чудо! Герой одинокий.

Славное имя его повторяют уста повсеместно,

Бранный союз заключивший с собой,

Чтобы в яростных битвах

Себя самого отстоять от себя самого же…

— Ну тебя к черту! — огрызнулся Кармоди. — Треплешься, как целая сенатская подкомиссия, а толку ни на грош.

— Прекрати! — с внезапной злостью прошипел Приз. — Возьми себя в руки. Сосредоточься. Настрой подкорку на встречу со светилом. Вот он — славный Мелихрон.

Кармоди был почему-то спокоен. Он неторопливо оглядел колеблющийся ландшафт, но не увидел ничего нового.

— Так где же он?

— Мелихрон воплощается, чтобы иметь возможность говорить с тобой. Отвечай ему смело, но деликатно. Никаких намеков на его недостаток. Это разозлит его.

— Какой недостаток?

— И сверх того, когда он задаст свой Вопрос,

отвечай осторожно.

— Постой! — крикнул Кармоди. — Ты совсем меня запутал. Какой недостаток? Какой вопрос?

— Не придирайся. Терпеть этого не могу, — сказал Приз. — Теперь баста! Помираю — спать хочу. Невыносимо оттягивал очередную спячку, и все из-за тебя. Валяй, козлик! И не дай всучить себе деревянную печку!

С этими словами зеленая змейка потянулась, сунула себе в рот хвостик и погрузилась в сон.

— Ах ты клоун стриженый! — взорвался Кармоди. — Еще Призом называешься. Пользы от тебя, как от монеты на глазу мертвеца.

Но Приз уже спал. Он не мог или не желал слышать ругань Кармоди. Впрочем, для перебранки уже не было времени. В следующий миг голая гора слева от Кармоди превратилась в огнедышащий вулкан.

Глава 7

Вулкан кипел и дымился, извергал пламя и швырял в черное небо ослепительные огненные

шары, рассыпавшиеся миллионами раскаленных обломков. Каждый кусок дробился снова и снова, пока все небо не засияло, затмив три маленьких солнца.

— Ого-го-го! — воскликнул Кармоди.

Это было похоже на мексиканский фейерверк в парке Ча-пультепек, и Кармоди искренне восхитился.

Затем сверкающие глыбы обрушились в океан, который возник именно для того, чтобы поглотить их. Глубины его закипели, вздымая разноцветные столбы пара, которые, свиваясь, превратились в выпуклое облако, тут же пролившееся ливнем. Поднявшийся ветер мгновенно собрал воды в гигантский смерч, толстоствольный, черный, с серебристыми отблесками. Он направился к Кармоди под аккомпанемент ритмичных ударов грома.

— Хватит! — завопил Кармоди.

Подойдя вплотную, смерч рассыпался, ветер и дождь умчались, гром затих, превратившись в томительный гул. В гуле можно было различить звуки фанфар и пение псалмов, завывания шотландской волынки и нежный стон арф. Инструменты звенели все тоньше и тоньше, мелодия напоминала аккомпанемент к титрам

исторический киноэпопеи «Метро-Голдвин-Майер», только еще шикарней. Наконец был дан последний взрыв звука, света, цвета, движения и всякого прочего. Воцарилось молчание.

Кармоди под финальные аккорды закрыл глаза и открыл их как раз вовремя. Звук, свет, цвет, движение и всякое прочее превратилось в человека, нагого, как античная статуя.

— Привет! — сказал человек. — Я Мелихрон. Как вам нравится Мой выход?

— Я сражен, — ответил совершенно чистосердечно Кармоди.

— В самом деле? — переспросил Мелихрон. — Я спрашиваю: вы на самом деле сражены? Не просто потрясены, да? Говорите правду, не щадите моего самолюбия.

— Честное слово, — подтвердил Кармоди. — Я ошеломлен.

— Это очень мило с вашей стороны, — сказал Мелихрон. — Вы видели небольшое предисловие ко Мне. Я разработал его совсем недавно. Я полагаю — и Я действительно полагаю, — что оно кое-что говорит обо Мне, не правда ли?

— Бесспорно, — кивнул Кармоди. Он силился понять, кого напоминает ему Мелихрон, но черная, как агат, идеально пропорциональ-

ная фигура стоявшего перед ним героя была совершенно лишена индивидуальных черт. Особенным был только голос: чистый, озабоченный и слегка плаксивый.

— Ведь это Моя планета, — заявил Мелихрон. — И если не пускать пыль в глаза на собственной планете, то где же еще ее пускать, а?

— Какие могут быть возражения? — сказал Кармоди.

— Вы и в самом деле так думаете? — переспросил Мелихрон.

— В самом деле и с полнейшей искренностью.

Некоторое время Мелихрон обдумывал ответ, затем отрывисто сказал:

— Вы Мне нравитесь. Вы разумное, понимающее существо и не боитесь говорить вслух то, что думаете.

— Благодарю вас, — сказал Кармоди.

— Но Я на самом деле думаю так, — настаивал Мелихрон.

— А я действительно благодарю вас.

— И Я действительно рад, что вы прибыли. Моя интуиция, — а Я, видите ли, обладаю огромной интуицией и горжусь этим, — подсказывает, что вы можете Мне помочь.

У Кармоди чуть не сорвалось с языка, что он

совсем не расположен помогать кому бы то ни было, ибо сам не в состоянии помочь себе в самом главном — найти дорогу домой. Но он решил промолчать, боясь обидеть Мелихрона.

— Моя проблема, — заявил Мелихрон, — порождена Моим положением. А положение у Меня удивительное, единственное в своем роде, странное и многозначительное. Вы слыхали, должно быть, что вся эта планета целиком принадлежит Мне. Более того, Я — единственное существо, способное здесь жить. Некоторые пробовали, создавали колонии, привозили животных, сажали растения; все с Моего соизволения, но напрасно. Чуждое вещество рассыпалось тонкой пылью, и Мои ветры разносили ее по полям. Что вы на это скажете?

— Поразительно! — сказал Кармоди.

— В самом деле, поразительно. Никакая жизнь не возможна здесь, только Я и Мои продолжения, — подтвердил Мелихрон. — Меня чуть удар не хватил, когда я понял это.

— Воображаю себе, — сказал Кармоди.

— Я здесь с незапамятных времен, — продолжал Мелихрон. — Веками Я жил, не мудрствуя лукаво, в образе амеб, лишайников, папоротников. Так было все хорошо и ясно в ту пору. Я жил,

как в райском саду.

— Это было чудесно, наверно, — заметил Кармоди.

— Мне лично нравилось. Но сами понимаете, это не могло продолжаться бесконечно. Я открыл эволюцию и Сам стал эволюционировать. Я познал внешний мир, прожил много жизней. Осознал Свою исключительность, и это стало причиной Моего одиночества, с которым Я не мог смириться. И Я восстал!.. Я вступил в человеческую фазу развития. Воплотил Себя в целые народы и позволил им мужать, позволил Моим народам воевать друг с другом. Почти тогда же Я постиг секс и искусство. Привил то и другое моим народам, и начались веселые времена. Я разделился на мужчин и женщин, причем каждое естество было сразу и самостоятельной единицей и в то же время частицей Меня. Я плодился и размножался, женился на Себе и разводился с Собой, проходил через бесчисленные миниатюрные автосмерти и саморождения. Частицы Меня подвизались в искусстве, иногда успешно, а также и в религии. Они молились — Мне, разумеется. И это было справедливо, поскольку Я был причиной всех вещей. Я даже позволил им признавать и прославлять верховные существа,

которые были не Я. Потому что в те дни Я был чрезвычайно либерален.

— Это было очень разумно с вашей стороны, — отметил Кармоди.

— Да, я стараюсь быть разумным, — сказал Мелихрон. — Я мог позволить Себе быть разумным. Для этой планеты — нечего удивляться по этому поводу. — Я был богом. Бессмертным, всемогущим и всеведущим. Все исходило из Меня, даже все ереси насчет Моей сущности. Я создавал горы и заставлял течь реки, я был жизнью в семени и смертью в чумной бацилле. Я был причиной урожая и голода. Ни один волос не мог упасть без моей воли. Я был Ведущим Колесом Большого Небесного Велосипеда, как выразился один из Моих поэтов. Это было прекрасно. Мои подданные писали картины, а я Создавал восходы и закаты. Мой народ пел о любви, — а это Я изобрел любовь. Чудесные дни, где вы?

— А почему бы вам их не вернуть? — спросил Кармоди.

— Потому что я вырос, — ответил Мелихрон с горечью и грустью. — Целые эпохи я упражнялся в творении, а теперь я стал вопрошать эти творения. Мои священники вечно препирались между собой, дискутируя о Моей природе и Моих

совершенствах, а я как дурак их слушал. Приятно послушать, как какой-нибудь богослов разглагольствует о Тебе, однако это оказалось и опасно. Я Сам начал поражаться Своей природе и Своим совершенствам. И чем больше ломал голову, тем непостижимей Я Себе казался.

— А почему вы себя не спросили? Ведь вы же были богом? — удивился Кармоди.

— Вот в том-то и загвоздка, — вздохнул Мелихрон. — Мои творения не видели сути проблемы. Для них Я был бог, Мои пути были неисповедимы. Все, что Я делал, было выше всякой критики, потому что это делал Я. Ведь все Мои действия, даже простейшие, были в конечном счете неисповедимы, поскольку Я неисповедим. Примерно так преподносили это Мои выдающиеся мыслители. И они добавляли еще, что полным пониманием Я удостою их на небесах.

— А вы и небеса создали? — спросил Кармоди.

— Конечно. А также и Преисподнюю. — Мелихрон улыбнулся. — Вы бы видели лица этих Моих творений, когда Я воскрешал их в раю или в аду. На самом деле даже и самые преданные не верили в потусторонний мир.

— Полагаю, вам это нравилось?

— Только в первое время. Но вскоре приелось.

Без сомнения, я немного тщеславен, но бесконечная лесть надоела Мне до отвращения. Ну скажите, Бога ради, зачем же бога восхвалять за то, что он выполняет свое божественное назначение? С таким же успехом можно молиться муравью, чтобы он выполнял свои муравьиные дела.

— И что же вы придумали?

— Да упразднил все!.. Стер жизнь с лица Моей планеты, растительную, животную, всякую. Зачеркнул заодно и будущее. Мне надо было подумать в спокойной обстановке. Впрочем, ведь Я ничего не уничтожил. Я просто воссоединил в Себе частицы Себя. У Меня на планете было множество типов с безумными глазами, которые все болтали насчет блаженного слияния со Мной. Ну вот они и слились, будьте уверены.

— Наверное, им это понравилось?

— Откуда я знаю? Единение со Мной и есть Я. Оно означает потерю сознания сознающим единение. В сущности это смерть, только звучит красивее.

— Необычайно интересно, — сказал потрясенный Кармоди. — Но вы, кажется, хотели говорить со мной насчет какой-то вашей проблемы.

— Именно! Я как раз подошел к ней. Видите

ли, Я бросил играть со своими народами, как ребенок с кукольным домиком, а затем уселся, фигурально говоря, чтобы все обдумать. В чем Мое предназначение? Могу Я быть чем-нибудь, кроме как богом? Вот Я посидел в должности бога — никаких перспектив! Занятие для узколобого, самовлюбленного эгоиста. Мне нужно что-то иное, осмысленное, лучше выражающее Мое истинное Я. И вот она — Проблема, которую Я ставлю перед вами: что Мне делать с Самим Собой?

— Та-ак! — протянул Кармоди. — Так-так. Вот в чем дело. —

Он откашлялся и глубокомысленно почесал нос. — Тут надо как следует подумать.

— Время для Меня не имеет значения, — уверил его Мелихрон. — У Меня в запасе вечность. У вас ее нет, к сожалению.

— А сколько у меня времени?

— Минут десять по вашему счету. А потом, знаете ли, может случиться нечто для вас неприятное.

— Что может случиться? Что мне делать?

— Ну, дружба дружбой, а служба службой, — сказал Мелихрон. — Сначала вы ответьте на Мой вопрос, потом Я — на ваш.

— Но у меня только десять минут.

— Недостаток времени поможет вам сосредоточиться, — сказал Мелихрон безжалостно. — К тому же это Моя планета, здесь все идет по Моим законам. Будь это ваша планета — и законы были бы ваши. Разумно, не правда ли?

— Пожалуй, — уныло согласился Кармоди.

— Девять минут, — напомнил Мелихрон.

Каково объяснить богу, в чем его назначение, в особенности если вы атеист, подобно Кармоди, и можно ли разобраться в этом за девять минут, когда, как вы знаете, богословам и философам не хватило многих столетий?

— Восемь минут, — сказал Мелихрон.

Кармоди открыл рот и начал говорить.

Глава 8

— Мне кажется, — начал Кармоди, — что решение вашей проблемы… э-э… возможно.

У него не было ни единой мысли. Он заговорил просто от отчаяния, надеясь, что самый процесс говорения породит мысль, поскольку у слов есть

смысл, а во фразах больше смысла, чем в отдельных словах.

— Вам нужно, — продолжал Кармоди, э… э… отыскать в себе самом предназначение, которое… могло бы иметь значение… для внешнего мира. Но, может быть, это невозможное условие, поскольку вы сами — мир и не можете стать внешним по отношению к самому себе.

— Могу, если захочу, — сказал Мелихрон веско. — Могу сотворить любую чертовщину. Бог, знаете ли, совсем не обязан быть солипсистом.

— Верно, верно, верно, — поспешил согласиться Кармоди. — Вот что пока ясно… М-да… Вашей сущности и всех ее воплощений вам оказалось недостаточно, чтобы проникнуть в свою сущность.

— Очень разумно, — одобрил Мелихрон. — Вам следовало быть теологом.

— В данный момент я теолог, — сказал Кармоди. (6 минут? 5 минут?) Вот… Так что же мы будем делать? А может быть, познание реальности, внутренней и внешней… если есть такая вещь, как внешнее познание… в познании самого познания ваша задача?

— Я тоже так думал, — вздохнул Мелихрон. — Проштудировал все книги Галактики о макрокос-

ме и микрокосме. Я способный… Правда, кое-что уже подзабыл — ну там секрет жизни или таинство смерти, но могу припомнить, если захочется. Но узнал Я также, что учение само по себе — скучноватое и пассивное занятие, хотя и попадаются иногда любопытные сюрпризы. И узнал, что лично для Меня в учености нет особого смысла. Оказалось, что неведение не менее приятно.

— А может, вы художник по натуре?

— Я и через это прошел. Лепил из глины и плоти, рисовал закаты на холсте и на небе. Музицировал на инструментах и сочинял симфонии для бурь. Но Я слишком хорошо знал, что следует делать, не допускал ошибок и потому всегда оставался безнадежным дилетантом. И вообще: Я слишком хорошо знаю действительность, чтобы серьезно относиться к ее воспроизведению в искусстве.

— А не сделаться ли вам завоевателем? — предложил Кармоди.

— Какой же толк от чужих миров, если не знаешь, что делать со своим? — возразил Мелихрон. — Кроме того, Мое естество пригодно только для этой единственной планеты. В чужих мирах Мне придется действовать против своей природы.

— Да-ас, это проблема. Это требует размышле-

ния, — протянул Кармоди.

— Я размышлял несколько миллионов лет, — пожаловался Мелихрон. — Искал цель внешнюю для Меня, но отвечающую Моей внутренней природе. Искал в Себе, искал указания извне. Нет. Не нашел.

Кармоди искренне пожалел бы этого неудачливого бога, если бы его собственное положение не было таким отчаянным. Время истекало. Сколько осталось? Вероятно, не больше трех минут.

И тут снизошло. Все решалось просто и все разом: и Мелихроновы заботы и его собственные. Вопрос в том, понравится ли это решение тоскующего богу. Но попробовать было надо, другого не оставалось ничего.

— Мелихрон, — отважно сказал Кармоди. — Я решил вашу Проблему.

— В самом деле решили? — переспросил Мелихрон строгим голосом. — Действительно можете решить? Не повлияла ли на ваши слова опасность? Ведь если Я не одобрю ваше решение, вы умрете через… через 73 секунды.

— Опасность влияет лишь постольку, — величественно ответил Кармоди, — поскольку влияние это нужно для решения вашей проблемы.

— Прекрасно! Рассказывайте скорей! — ожи-

вился Мелихрон. — Скорее, Я так волнуюсь.

— Хотел бы, но не смогу, — сказал Кармоди. — Физически невозможно. Вы же убьете меня через шестьдесят или семьдесят секунд.

— Я? Я убью вас? О небо! Вы в самом деле считаете Меня таким кровожадным? Нет, ваша смерть придет извне. Я к ней ничуть не причастен. Но между прочим, у вас осталось только двенадцать секунд.

— Не слишком много, — сказал Кармоди.

— Конечно, не слишком много, но это Мой мир, и все здесь подвластно Мне. И время в том числе. Я изменил пространственно-временной континуум как раз возле десятисекундной отметки. Для бога это несложно, только потом много подчисток. Ваши десять секунд будут потом компенсированы двадцатью пятью годами Моего местного времени. Достаточно?

— Более, чем щедро, — сказал Кармоди. — Вы очень любезны.

— Для Меня это мелочь. Теперь, пожалуйста, о главном — давайте ваше решение!

— Хорошо! — Кармоди набрал в грудь побольше воздуха. — Решение вытекает из самой проблемы. Иначе и быть не может. Каждая проблема должна содержать в себе зерно решения.

— Неужели? — усомнился Мелихрон.

— Должна обязательно, — заверил его Кармоди.

— Ладно. Примем ваше допущение. Дальше?

— Рассмотрим наше положение, — продолжал Кармоди. — Рассмотрим его внешние и внутренние аспекты. Вы — бог планеты, но только этой планеты. Вы всемогущий и всеведущий, но только здесь. Вы всесильны и хотите применить свою силу на пользу. Но для кого? Здесь нет никого, кроме вас, а в других мирах вы не всемогущи.

— Да-да, именно так, в точности! — воскликнул Мелихрон. — Но пока вы не сказали еще, что же Мне делать.

Кармоди еще раз глубоко вдохнул и неторопливо выдохнул.

— Что делать? Использовать ваши велйкие дарования! Использовать здесь, на вашей планете, где они принесут максимальный эффект, и использовать — ибо таковы ваши сокровенные стремления — на благо другим. Например, приходящим извне.

— На благо другим? — переспросил Мелихрон.

— Да, на благо другим, — подтвердил Кармоди решительно. — Так предопределено. Вы один в своем мире, и, чтобы выполнить ваше предназна-

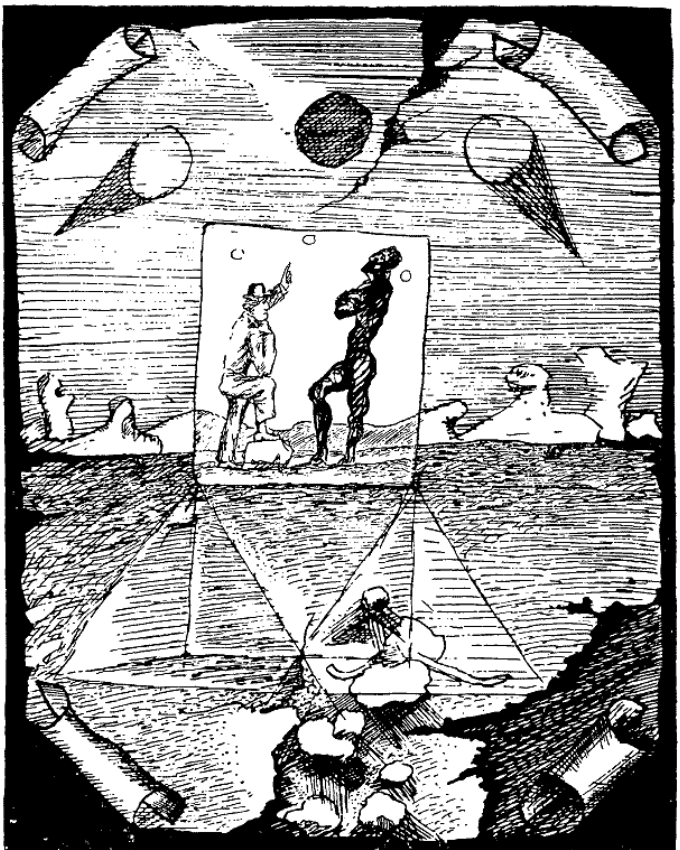
чение, должно быть нечто внешнее. Однако по сущности своей вы лишены возможности выхода во внешний мир. Значит, внешнее должно прийти к вам. Это же ясно. В своем мире вы всемогущи, вам не нужно никакой помощи, но вы могли бы помогать приходящим к вам и поддерживать их.

— Пожалуй, вы рассуждаете разумно, — сказал Мелихрон задумчиво. — Но тут есть и трудности. Существа из внешнего мира редко бывают здесь. Вы — первый за два с четвертью оборота Галактики.

— Да, потерпеть придется, — согласился Кармоди. — Но вам-то терпеть легче, ведь вы можете изменять время. А что до числа посетителей, то, сами понимаете, количество — не качество. Не стоит гнаться за большими числами. Важно делать дело.

— Однако проблема остается: дело есть, а для кого его делать?

— Позвольте почтительно напомнить, что у вас есть я. Я пришел извне. У меня есть проблема. Своя. Пожалуй, даже не одна. Мне их решить не под силу. Не знаю, как вам. Но подозреваю, что и для вас это было бы серьезной пробой сил.



Мелихрон задумался, и надолго… У Кармоди зачесался нос, он с трудом удержался, чтобы его не почесать. Он ждал. Ждала вся планета. Наконец Мелихрон поднял свою агатово-черную голову.

— В этом что-то есть, — произнес он.

— В самом деле? — Душа Кармоди возликовала.

— Да, в самом деле есть. Ваше решение представляется Мне бесспорным и элегантным. Мне кажется, что Судьба, располагающая людьми, планетами и богами, так и рассудила, чтобы Я — создатель — был создан без проблем, а вы — создание — созданы с проблемой, которую может решить только бог. И что вы прожили свой жизненный срок с проблемой, которую может решить только бог, ожидая, чтобы Я решил эту проблему, тогда как Я ждал половину вечности, чтобы вы пришли ко Мне.

— Рассказать о ней?

— Я уже разобрался, — объявил Мелихрон. — Да, она поистине достойна Моего великого интеллекта. Я знаю о ней больше, чем вы сами. Сверхзадача ваша в том, чтобы попасть домой…

— Да-да! Именно в этом.

— И не только в этом. Еще и в том, чтобы выяснить «Куда», «Когда» и на «Какую Землю».

Впрочем, если бы это было все, тоже хватило бы…

— А что еще?

— А еще смерть, которая преследует вас.

— Ох! — вздохнул Кармоди. Он ощутил слабость в коленках, и Мелихрон заботливо сотворил для него кресло, гаванскую сигару, бутылку рома «Коллинз» и пару войлочных шлепанцев.

— Удобно? — спросил он.

— Очень.

— Теперь прошу вас, будьте как можно внимательней. Я обрисую ваше положение кратко и ясно, используя только часть Моего интеллекта, остальную же направлю на поиск возможных решений. Слушайте, старайтесь понять и не переспрашивайте. У нас очень мало времени.

— Но вы же растянули десять секунд на двадцать пять лет, — напомнил Кармоди.

— Время — хитрая штука даже для Меня, — сказал Мелихрон. — Из тех двадцати пяти восемнадцать уже израсходованы, а остальные идут с поразительной быстротой. Слушайте внимательно, от этого зависит ваша жизнь.

— Я готов, — сказал Кармоди, сдерживая дрожь.

Глава 9

— Самый фундаментальный принцип Вселенной, — так начал Мелихрон, — заключается в том, что одни виды пожирают другие. Печально, но факт. Еда — основа жизни, приобретение питательных веществ — начало всех начал. Отсюда вытекает Закон Пожирания, который может быть сформулирован так: каждый данный вид, крупный или мелкий, пожирает один или несколько других видов и сам пожирается одним или несколькими видами.

Ситуация эта универсальна, но она может быть смягчена в зависимости от обстоятельств. Например, виды, обитающие в вашем мире, находятся в состоянии Равновесия. Они проживают свой жизненный срок, несмотря на наличие пожирателей. Это Равновесие выражается уравнением ПП, то есть отношением Побед и Поражений. Но если виды или представители видов перемещаются в чуждую или экзотическую среду, ПП неизбежно изменяется. Изредка случается временное улучшение ситуации Ем-Едят (ПП = ЕЕ + 1). Типичное,

однако, ухудшение (ПП = ЕЕ — 1).

Это и случилось с вами, Кармоди. Вы ушли из своей привычной среды обитания и одновременно ушли от привычных врагов. Автомобили не гонятся за вами, вирусы не пробираются к вам в кровь, и полисмены не стреляют в вас по ошибке. Вы избавлены от земных опасностей, а к галактическим вы не восприимчивы.

Но облегченная ситуация (ПП = ЕЕ + 1) была, к сожалению, временной. Железные законы Равновесия уже начали действовать: и вы не можете обойтись без охоты, и на вас должны охотиться. Вне Земли вы уникальны, и рожденный для вас хищник тоже уникален. Он кармодияден — может есть вас и только вас. Лапы его устроены так, чтобы хватать только таких, как вы, Кармоди, челюсти, чтобы грызть именно одних Кармоди, желудок, чтобы переваривать Кармоди. Все его существо создано так, чтобы иметь преимущество перед вами… Но если вам удастся скрыться на своей Земле, он погибнет от отсутствия кармодической пищи. Не могу предсказать всех его уловок и хитростей. Мне остается только уведомить вас, что преимущество всегда на стороне охотника, хотя бывали случаи и удачного бегства… Такова ситуация, Кармоди. Вы Меня хорошо поняли?

Кармоди глядел ошарашенно, словно только что проснулся.

— Понял, — с трудом выговорил он. — Не все, но большую часть.

— Хорошо, что поняли, — сказал Мелихрон, — потому что времени больше нет. Вы должны сейчас же покинуть эту планету. Даже на собственной планете Я не вправе отменять универсальные законы природы.

— А вы не можете отправить меня на мою Землю?

— Мог бы, будь у Меня больше времени, — ответил Мелихрон. — Но это нелегко. Надо определить все три «К», а они влияют друг на друга. Сначала нужно определить, Куда ушла ваша планета в настоящий момент, затем узнать, Какая из альтернативных Земель — ваша, и еще вычислить временные обстоятельства вашего рождения, чтобы найти Когда. Еще надо учесть эффект временных трещин, фактор удвоения, и в результате при известном везении Я вернул бы вас в ваше собственное «я» (удивительно деликатная операция), стараясь, чтобы все не пошло прахом.

— Вы сделаете это для меня? — взмолился Кармоди.

— Нет. Времени уже нет. Но Я отошлю вас к

Моему другу Модели. Он может помочь вам.

— К вашему другу?

— Ну, не совсем друг, скорее знакомый. Хотя можно было бы назвать это связью. Видите ли, однажды, некоторое время тому назад, Я собирался покинуть свою планету, познакомиться с другими мирами. Если бы Я сделал это, Я встретился бы с Модсли. Путешествие Мое не состоялось, но мы оба знаем, что могли бы встретиться, потолковать о том о сем, поговорить, пошутить и расстаться с теплым чувством.

— Мне представляется, что это не слишком прочная связь, — усомнился Кармоди. — Нет ли у вас кого поближе?

— Боюсь, что нет, — сказал Мелихрон. — Модсли — Мой единственный друг. И к чему сомневаться? Возможность связи не хуже, чем связь состоявшаяся. Я уверен, что Модсли позаботится о вас.

— А если… — начал Кармоди.

Но тут он заметил, что за левым плечом его возникло нечто — огромное, темное и грозное, и понял, что отпущенное ему время кончилось.

— Иду! — крикнул он. — И спасибо за все.

— Не стоит благодарности, — сказал Мелихрон. — Ведь это Моя Вселенская миссия — помо-

гать чужестранцам.

Огромное и грозное начало уплотняться, но прежде, чем оно совсем затвердело, Кармоди исчез.

Глава 10

Кармоди очутился на зеленом лугу. Был, должно быть, полдень, ибо ослепительно яркое оранжевое солнце стояло прямо над головой. Поодаль в высокой траве паслось небольшое стадо пятнистых коров. Слышался собачий лай. За лугами темнела бахрома леса. Виднелись снежные вершины гор. Седые облака цеплялись за их склоны.

Сбоку мелькнуло что-то красное. Кармоди повернулся. Кажется, это была лиса. Она посмотрела на него с любопытством и пустилась наутек к лесу.

«Похоже на Землю», — подумал Кармоди и тотчас же вспомнил о Призе, который был зеленой змейкой. Ощупал шею — Приза не оказалось.

— А я тут!

Кармоди огляделся, увидел маленький медный

котелок.

— Это ты? — спросил Кармоди, ощупывая котелок с сомнением.

— Конечно, я. Ты даже не можешь узнать свой собственный Приз?

— Э… Ты того… несколько изменился…

— Да, изменился, — сказал Приз. — Но моя сущность, мое истинное «я» никогда не меняется.

Кармоди заглянул в котелок: и чуть не выронил его. Внутри было ободранное и полупереваренное тело маленького зверька, может быть котенка.

— Что это у тебя там внутри?

— Завтрак, мог бы и догадаться, — ответил Приз. — Перехватил кое-что по дороге. Между прочим, призам тоже нужно подкрепляться, — добавил он язвительно. — Да, они нуждаются и в отдыхе, в небольшом моционе для пищеварения, а иногда и в рюмочке, однако с тех пор, как меня вручили тебе, ты ни о чем не позаботился.

— Но у меня с собой ничего не было, — смутился Кармоди.

— А вам тоже нужно это все? — переспросил Приз с удивлением. — Впрочем, да, конечно же, нужно. Странно, но я думал о тебе, как о некой отвлеченной фигуре без житейских потребностей.

— И я о тебе так же в точности, — признался

Кармоди.

— Это неизбежно, по-видимому, — согласился Приз. — Гости из других миров, видимо, всем представляются этакими… бетонными, монолитными, без желудка и кишок.

— Я сразу же начну о тебе заботиться, как только выпутаюсь из этой катавасии, — пообещал Кармоди.

— Ладно, старик, не обижайся на шпильки, — сказал Приз. — А теперь могу я доесть свой завтрак?

— Давай, продолжай.

Кармоди хотел было взглянуть в котелок, посмотреть, как это он переваривает ободранное животное, но отвернулся. Оказалось, что он слишком брезглив.

— Чертовски вкусно, — сообщил Приз. — Я оставлю тебе кусочек.

— Нет, не надо, я не хочу есть. Ты только скажи, что это такое?

— Мы называем их «орити», — сказал Приз. — Это такая порода гигантских грибов. Очень вкусны и сырые, и тушенные в собственном соку. Лучший сорт — белый с крапинками, он вкуснее, чем зеленый.

— Я запомню, — пообещал Кармоди. — Возьму,

если они попадутся. А земные люди могут их есть?

— Думаю, что могут, — сказал Приз. — И между прочим, если тебе повезет, ты услышишь, как орити декламирует стихи, прежде чем ты его съешь.

— Гриб и стихи? Почему стихи?

— Потому что орити хорошие поэты.

Кармоди поперхнулся. Беда с этими экзотическими галактянами! Думаешь, что разобрался до тонкости, оказывается, не понимаешь ничего. И наоборот, кажется, что тебя мистифицируют, а в действительности все проще простого.

— «В самом деле, — подумал он. — Может быть, потому чужаки и кажутся такими чуждыми, что на самом-то деле они похожи на нас. Сначала это забавляет, потом раздражает».

— Уррп! — произнес Приз.

— Что ты сказал? Я не понял.

— Я просто рыгнул, извини, пожалуйста. Но, как бы то ни было, старик, ты должен признать, что с Мелихроном я провернул очень ловко.

— Ты провернул? Ты спал, черт побери! Это я один сумел его…

— Боюсь, что ты заблуждаешься, — сказал Приз. — Я заснул исключительно для того, чтобы

сосредоточиться на решении проблемы Мелихрона.

— Ты с ума сошел, — обиделся Кармоди.

— Чистейшая правда, — настаивал Приз. — А откуда же взялся весь этот длинный ряд аргументов, где ты с неопровержимой логикой определил предназначение Мелихрона в мироздании?

— Откуда? Из моей головы.

— А разве раньше когда-нибудь тебе удавалось так логично рассуждать о месте бога в мироздании и его предназначении?

— Я был первым по философии в колледже.

— Большое дело, — хихикнул Приз. — Нет, Кармоди, для такой аргументации у тебя не хватит интеллекта. Это не в твоем характере.

— Не в моем характере? У меня превосходные данные для экстраординарной логики.

— Экстра-ор-ди-нар-ное — какое красивое слово!

— Да, я придумал все это. Я думал. Я помню свои мысли, — настаивал Кармоди.

— Ну, как хочешь, — согласился Приз. — Я не представлял себе, что это так важно для тебя, не хотел обидеть. Скажи мне, а ты никогда не говоришь сам с собой, не смеешься и не плачешь беспричинно?

— Никогда. А ты не летаешь во сне и не воображаешь себя святым?

— Нет, конечно.

— Уверен?

— Вполне.

— Тогда разговор закончен, — объявил Кармоди, чувствуя себя почему-то победителем. — Но ты скажи мне еще…

— Что еще?

— О каком это недостатке Мелихрона ты упоминал, чтобы я не намекал на него?

— По-моему, он бросается в глаза. Подумай часок, может быть, до тебя дойдет.

— Да ну тебя к черту! Скажи толком!

— Так ведь он же хромой, — засмеялся Приз. — Это у него генетическое. Но он никогда не знал, что это недостаток. Он же бог и потому отвергает сравнительную науку. И все, кого он сотворил, были созданы по его образу и подобию непременно тоже хромыми. А с внешним миром Мелихрон почти не общался, и он поэтому уверен, что все хромые — нормальны, а все нехромые — существа с забавным изъяном. Всемогущ бог или нет — неважно. Первейшее в том, что он все мерит собой. Неумение сравнивать — основной порок богов. Учти — на случай, если сам надумаешь

стать богом.

— Я? Богом?

— А почему бы и нет? — Профессия как профессия, только титул громкий. Быть богом нелегко, конечно. Но не труднее, чем стать первоклассным поэтом или, скажем, инженером.

— По-моему, ты спятил. — Кармоди ощутил в себе религиозный трепет, который никак не вязался с его атеизмом.

— Ничуть. Просто я лучше знаю мир, чем ты. Но сейчас приготовься.

Кармоди обернулся и увидел три фигуры, пересекающие луг. За ними на почтительном расстоянии следовал десяток других…

— Тот, что в середке, — Модсли, — сказал Приз.

— А у него тоже есть своя хромота?

— Если и есть недостатки, они малозаметны. С ним надо разговаривать иначе.

— Выглядит как человек, — заметил Кармоди.

— Верно. В этом краю Галактики такой облик в моде. Поэтому ты можешь привлечь его внимание, даже вызвать симпатию своей человекообразностью.

— Само собой разумеется, — гордо сказал Кармоди.

— Все не так просто, как кажется, — возразил

Приз. — У нас с Модсли слишком разные натуры, я не всегда понимаю его, но кое о чем могу предупредить. Он — инженер, опытный и эрудированный. Всегда очень занят и поэтому рассеян, особенно, когда увлечен новыми испытаниями. И вот в рассеянности все, что ни попадается, он принимает за материал для своих конструкций. Мой приятель Дьюер Хардинг был как-то приглашен к нему в гости. Но Модсли и не заметил, что это гость. И превратил бедного Дьюера в три поршня и коленчатый вал — совершенно без злого умысла. Дьюер теперь выставлен в Моделиевском музее истории двигателей.

— Ужас какой! — воскликнул Кармоди. — И ничем нельзя помочь?

— Никто не решается указывать Модсли на его ошибки. Он терпеть не может признавать их, совершенно выходит из себя. Но тревожиться заранее не надо. Модсли совсем не злой. Наоборот, он добросердечный малый. Любит, чтобы его хвалили, как все люди и боги, но ненавидит лесть. Так что говори с ним свободно и прямо. Если согласен — соглашайся, не согласен — возражай, только не упрямься, не впадай в критиканство. Короче, соблюдай умеренность, пока не дойдет до крайности.

Кармоди хотел было сказать, что такой совет не лучше, чем никакой, но возражать было некогда. Модсли был уже совсем рядом — высокий, седоволосый, в джинсах и кожаной куртке. Он шагал напрямик, оживленно разговаривая с двумя спутниками, одетыми в комбинезоны.

— Добрый день, сэр, — отчетливо сказал Кармоди. Шагнул было вперед, но тут же ему пришлось отскочить в сторону. Увлеченное разговором трио чуть не сшибло его с ног.

— Скверное начало, — шепнул Приз.

— Заткнись! — прошипел Кармоди и поспешил за Модсли.

Глава 11

— Значит, это она и есть, Орин? — спросил Модсли.

— Да, сэр, — гордо ответил Орин, тот, что трусил слева. — Ну и как она выглядит, сэр?

Модсли медленно обвел взглядом луга, горы, солнце, реку, лес. Его лицо было непроницаемым.

— А вы что думаете, Бруксайд?

— Ну, сэр, — запинаясь начал Бруксайд. — Ну да, я думаю, что мы с Орином сделали хорошую планету. Безусловно, хорошую, если учесть, что это наша первая самостоятельная планета.

— И вы с ним согласны, Орин?

— Конечно, сэр.

Модсли нагнулся, сорвал травинку. Понюхал ее, отбросил.

Пристально посмотрел на сияющее солнце и процедил сквозь зубы:

— Я поражен, воистину поражен… Но самым неприятным образом! Я поручил вам обоим построить мир для одного из моих клиентов, а вы преподнесли мне это! И вы всерьез считаете себя инженерами?

Помощники замерли, как мальчишки при виде розги.

— Ин-же-не-ры! — отчеканил Модсли, вложив в это слово добрую тонну презрения. — «Творчески оригинальные, но практичные, умеющие построить планету когда и где угодно». Вам знакомы эти слова?

— Они из рекламной брошюры, сэр, — сказал Орин.

— Правильно, — кивнул Модсли. — И вы счита-

ете, что это вот — достойный пример творческой и практичной инженерии?

Оба молчали. Затем Бруксайд брякнул:

— Да, сэр, считаем. Мы внимательно изучили контракт. Заказ был на планету типа 34Bc4 с некоторыми изменениями. В точности это мы и выстроили. Конечно, это лишь уголок планеты. Но все же…

— Но все же по нему я могу судить, что вы натворили в целом. Какой обогреватель вы поставили, Орин?

— Солнце типа 05, сэр. Оно полностью соответствует условиям заказа.

— Ну и что? Заказу соответствует, но вам, кроме него, дана смета на постройку этой планеты! И о ней надо помнить! И если вы не уложитесь, у вас не будет прибыли. А отопление — самая большая статья расходов.

— Мы это помним, сэр, — сказал Бруксайд. — Вообще-то нам не хотелось ставить солнце в однопланетную систему. Однако технические условия…

— А вы научились у меня хоть чему-нибудь? — вскричал Модсли. — Тип 05 — явное излишество. Эй вы, там, — он подозвал рабочих. — Снимите!

Рабочие подставили складную лестницу. Один

держал ее, другой раздвигал в сто раз, в тысячу раз, в миллион раз. А еще двое бежали по лестнице вверх, так же быстро, как она росла.

— Осторожней! — крикнул Модсли. — Надеюсь, вы надели рукавицы? Эта штука горячая.

Рабочие — там наверху, на самом верху лестницы, — отцепили солнце, свернули в трубку и сунули в футляр с надписью: «Светило. Обращаться с осторожностью!». Крышка закрылась, и настала тьма.

— Есть тут у кого-нибудь голова на плечах? — вспылил Модсли. — Черт возьми! Да будет свет!

И стал свет.

— О'кей, — сказал Модсли. — Это солнце 05 — на склад! Для такой планеты хватит звезды G-13.

— Но, сэр, — нервно заметил Орин, — она недостаточно горяча.

— Знаю, — сказал Модсли. — Тут и нужен творческий подход. Придвиньте звезду поближе, и тепла хватит.

— Да, сэр, хватит, — вмешался Бруксайд. — Но звезда G-13 излучает РР-лучи. Если не будет должной дистанции, они не успеют рассеяться. И могут погубить будущее население планеты.

— Вы что, хотите сказать, что мои звезды G-13 небезопасны? — спросил очень медленно и от-

четливо Модсли.

— Нет, я имел в виду не это, — замялся Орин. — Я хотел сказать только, что они могут быть небезопасны, как и всякая иная вещь во Вселенной, если не принять надлежащие меры предосторожности.

— Ну, это ближе к истине, — согласился Модсли.

— Мера предосторожности в данном случае, — пояснил Бруксайд, — это защитная свинцовая одежда весом в 50 фунтов. Но поскольку каждый индивидуум в этой расе весит около восьми, такая одежда для них непрактична.

— Это их забота, — отрезал Модсли. — Не нам учить их жить. Разве я должен отвечать, если кто-нибудь ушибет пальчик о камень, который я поставил на этой планете? Кроме того, им вовсе не обязательно носить свинцовые скафандры. Они могут купить — за особую плату, конечно, — мой превосходный солнечный экран, который полностью отражает РР-лучи.

Оба помощника улыбнулись. Орин робко сказал:

— Боюсь, что эта раса не из богатых. Вряд ли ваш экран им по карману.

— Ну, не сейчас, так позже, — отмахнулся

Модсли. — И ведь РР-излучение действует не мгновенно. Даже при нем средний срок жизни 9,3 года. Кое-кому хватит.

— Да, сэр, — без особой радости сказали оба инженера.

— Далее, — продолжал Модсли. — Какова высота гор?

— В среднем шесть тысяч футов над уровнем моря, — ответил Бруксайд.

— По меньшей мере три тысячи футов лишку, — сказал Модсли. — Вы думаете, что горы растут у меня на деревьях, как яблоки? Укоротите и вершины отправьте на склад!

Пока Бруксайд записывал все это в блокнот, Модсли продолжал ворчать, расхаживая взад и вперед:

— У этих деревьев какой срок жизни?

— Восемьсот лет, сэр. Это новейшая модель дубояблони. Дают фрукты, орехи, освежающий напиток, тень, великолепный строительный материал, закрепляют почву и…

— Вы хотите, чтобы я стал банкротом! — закричал Модсли. — Двести лет — предостаточно для дерева. Откачайте большую часть их жизненной силы и слейте в бак!

— Тогда они не успеют выполнить свое жиз-

ненное назначение, — возразил Орин.

— Ну и обрежьте назначение! Орехи, тень, и хватит. Незачем делать из каждого дерева сундук с сокровищами. Ну, а этих коров кто там расставил?

— Я, сэр, — признался Бруксайд. — Я думал, что местность с ними… ну, как бы уютнее.

— Болван! — рявкнул Модсли. — Местность должна выглядеть уютнее до продажи, а не после. Эту планету купили без обстановки. Отправьте коров в чан с протоплазмой.

— Слушаюсь, сэр, извините. — Орин склонил голову. — Что еще?

— Еще сто тысяч глупостей. Но вы и сами можете сообразить. Например, это что? — Он указал на Кармоди. — Статуя или еще что-нибудь? Должна петь или стихи читать, когда появятся жители?

Кармоди сказал:

— Сэр, я не часть обстановки. Меня прислал ваш друг… э-э, Мелихрон. Я ищу дорогу домой…

Но Модсли уже распоряжался:

— Что бы то ни было, безразлично. В контракте это не оговорено. Туда же, в протоплазму, вместе с коровами!

— Эй! — завопил Кармоди, когда его поволокли рабочие. — Эй, подождите минутку! Я не часть

этой планеты! Меня прислал Мелихрон! Подождите! Постойте! Послушайте!

— Вам бы надо со стыда сгореть! — кричал на помощников Модсли, не внимая воплям Кармоди. — Что это? Кто додумался? Еще одна из ваших декоративных штучек, Орин, да?

— Нет! — крикнул Орин. Я его сюда не ставил.

— Значит, это ваша работа, Бруксайд?

— Впервые в жизни вижу это, сэр.

— Н-да, — задумался Модсли. — Вы оба дураки, но врунами не были никогда. Эй! — крикнул он рабочим. — Тащите его назад.

— Ну, все в порядке, сэр, возьмите себя в руки, — сказал он дрожащему Кармоди. — Терпеть не могу истерик. Вам лучше? Ну вот и отлично! Так как же вы попали в мои владения и почему я не должен превращать вас в протоплазму?

Глава 12

— Ясно, — сказал Модсли, когда Кармоди закончил свой рассказ. — Поистине занятная история, хотя вы излишне все драматизируете. Значит, вы

ищете планету по имени Земля.

— Именно так, сэр.

— Земля? — Модсли посечал лоб. — Ну, кажется, вам повезло. Припоминаю такое место. Маленькая зеленая планета, и на ней кормится раса гуманоидов, похожая на вас. Правильно?

— Совершенно верно.

— У меня память на такие дела, — продолжал Модсли. — А в данном случае причина особая. Дело в том, что это я построил вашу Землю.

— В самом деле, сэр?

— Да, я отлично помню это, потому что, пока я ее строил, я попутно изобрел науку. Возможно, эта история покажется вам любопытной… А вы, — он обернулся к помощникам, — вы, надеюсь, сделаете для себя полезные выводы.

ИСТОРИЯ СОТВОРЕНИЯ ЗЕМЛИ

— Я был тогда совсем скромным подрядчиком, — начал Модсли. — Ставил то там, то тут планетку-другую, изредка, в лучшем случае, — карликовую звезду. С заказами было туго, клиенты попадались капризные, придирались, задерживали платежи и спорили из-за каждой

мелочи: «Переделай тут, переделай там, и почему это вода течет вниз, а не вверх, и почему тяготение велико, и зачем горячий воздух поднимается, а лучше бы ему спускаться?» И тому подобное. А я был совсем наивным тогда и принимался им все объяснять — с эстетической точки зрения и с практической. Вскоре на вопросы и ответы у меня стало уходить больше времени, чем на работу. Сплошные тары-бары! И я начал понимать, что нужно что-то изменить, но что именно, никак не мог сообразить.

И вот как раз перед этим проектом «Земля» мне пришли в голову кое-какие мысли насчет объяснений с клиентами. Помню, я как-то сказал себе: «Форма вытекает из содержания». И мне понравилось, как это звучит. «Почему же форма должна вытекать из содержания?» — спросил я себя тогда и сам же себе ответил: «Потому что это непреложный закон природы и основа прикладной науки». И мне понравилось, как это звучит, хотя особого смысла тут не было.

Не в смысле суть. Суть в том, что я сделал открытие. Ведь я же вынужден был заниматься рекламой и продажей, а тут я изобрел хитрый фокус под названием «доктрина научного детерминизма».

Земля была пробным камнем, потому я ее и запомнил.

Пришел ко мне заказывать планету высокий бородатый старик с пронзительным взглядом. (Вот так начиналась ваша Земля, Кармоди.) Ну-с, с работенкой я справился быстро — что-то дней за шесть. Как и здесь, это был обычный заказ с проектом и сметой, и как и здесь, я кое-что урезал. Но вы бы послушали того заказчика, — можно было подумать, что я обобрал его до нитки, глаза украл с лица.

— Зачем столько ураганов? — приставал он.

Я сказал:

— Это часть вентиляционной системы. (Честно говоря, я попросту забыл поставить в атмосфере предохранительный клапан.)

— Три четверти планеты залито водой, — брюзжал он. — Я же ясно проставил в условиях, что отношение суши к воде — четыре к одному.

— Но мы не можем себе этого позволить, — объяснял я. (А я давно засунул куда-то эти дурацкие условия. Никогда не храню эти проекты на одну планетку.)

— И такую крошечную сушу вы заполнили пустынями, болотами, джунглями и горами!

— Это сценично, — уверял я.

— Плевал я на сценичность, — гремел этот тип. — Один океан, дюжина озер, парочка рек, одна-две горные цепи — и предостаточно, чтобы украсить местность, создать хорошее настроение. А вы что мне подсунули? Шлак!

— На то есть причина, — сказал я. (На самом деле нельзя было уложиться в смету, не подсунув среди прочего подержанные горы, океан и парочку пустынь, которые я купил по дешевке у Урии — межпланетного старьевщика. Но не рассказывать же об этом.)

— Причина, — застенал он. — А что я скажу моему народу? Это будут люди, созданные по моему образу и подобию, с таким же острым взглядом, как у меня. Что мне сказать им?

Я-то знал, что им сказать и куда послать. Но я не хотел быть невежливым. Хотелось подыскать подходящее объяснение. И нашел-таки — некую штуковину — всем фокусам фокус.

— Вы честно скажете им научную истину, — заявил я. — Скажете, что так и должно быть по науке.

— Как?

— Это детерминизм, — сказал я. Название пришло экспромтом. — Совсем просто, хотя и для избранных. Прежде всего: форма вытекает из со-

держания. Поэтому ваша планета именно такова, какой должна быть по самой своей сути. Далее: наука неизменна, следовательно, все изменяемое — ненаучно. И, наконец, все вытекает из законов природы. Вы не можете знать заранее, каковы эти законы, но, будьте уверены, они есть. Так что никто не должен спрашивать: «Почему так, а не иначе?» Вместо этого каждый обязан изучать, как это действует.

Ну он задал мне еще несколько каверзных вопросиков. Старик оказался довольно сообразительным, но зато ни бельмеса не смыслил в технике. Его сферой была этика, мораль, религия и всякие такие призрачные материи. Он был из тех типов, что обожают абстракции, вот он и бубнил:

— «Все действительное — разумно»! Это весьма заманчивая формула, хотя и не без налета стоицизма; надо будет использовать это в поучениях для моего народа. Но скажите на милость, как я могу сочетать фатализм науки с принципом свободной воли, который я намерен подарить моему народу? Они же противоположны!

Да, тут старикашка почти прижал меня к стенке. Но я улыбнулся, откашлялся, чтобы дать себе время подумать, и сказал:

— Ответ очевиден.

Это всегда лучший ответ, когда не знаешь, что сказать.

— Вполне возможно, что очевиден, — сказал он. — Но я его не постигаю.

— Ну, поглядите, — сказал я. — Эта свободная воля, которую вы намерены подарить своему народу, не есть ли это разновидность судьбы?

— Ну, можно и так считать, — смутился он. — Но есть и разница.

— А кроме того, — быстро прервал я, — с каких это пор свободная воля и судьба несовместимы?

— Конечно, они несовместимы, — сопротивлялся он.

— Это потому, что вы не понимаете науки, — напирал я, проделывая свой трюк перед самым его крючковатым носом. — Видите ли, среди законов науки есть и закон случайности. Случайность — вы это знаете, наверное, — и есть математический эквивалент свободной воли.

— Но вы противоречите сами себе, — упирался он.

— А противоречие, сэр, еще один фундаментальный закон науки. Противоречия рождают борьбу, без которой все приходит к энтропии. Так что не может быть ни планеты, ни Вселенной,

если там случайно не окажется противоречий.

— Случайно? — быстро переспросил он.

— Ясно как день, — подтвердил я. — Но это еще не все. Возьмите, например, одну изолированную тенденцию. Что произойдет, если вы доведете эту тенденцию до предела?

— Не имею ни малейшего понятия, — сказал старик. — Недостаточно подготовлен для такого рода дискуссий.

— Да просто-напросто тенденция превратится в свою противоположность.

— Неужели? — ошарашенно произнес он.

— Безусловно, — заверил я его. — Я получил бесспорные доказательства в своей лаборатории, но демонстрация будет скучновата.

— Нет, пожалуйста, мне достаточно вашего слова, — уклонился он. — И кроме всего, мы же доверяем друг другу.

Доверие — это все равно что контракт, но звучит благороднее.

— Единство противоречий, — бормотал он. — Детерминизм. Тенденции превращаются в свою противоположность. Все это так запутанно.

— И эстетично в той же мере, — возразил я. — Однако я еще не кончил насчет предельных превращений.

— Продолжайте, будьте добры! — попросил он.

— Спасибо. Так вот есть еще энтропия. Это означает, что количество движения сохраняется, если нет внешних воздействий (хотя иногда в моих опытах и при наличии внешних воздействий). Итак, энтропия ведет вещество к своей противоположности. А если одна вещь движется к противоположности, тогда, значит, и все движется к противоположности, поскольку наука требует этого. Такая вот картина. Все противоположности превращаются в свои противоположности, как безумные, и становятся своими противоположностями. И точно так же на более высоком и на высшем уровне организации. Чем дальше, тем больше! Так, да?

— Кажется, так, — согласился он.

— Прекрасно! А теперь возникает вопрос: все ли это? Кончается ли на этом наш футбол? Нет, сэр, вот что самое замечательное! Эти противоположности, которые прыгают туда-сюда, как дрессированные тюлени в цирке, на самом деле — лишь отражение действительности. Потому что (здесь я сделал паузу и произнес самым внушительным тоном)… потому что есть скрытая мудрость, которая видна за иллюзорными свойствами реальных вещей. Она просвечивает в

более глубоких деяниях Вселенной, в ее великой и величественной гармонии.

— Как может быть вещь одновременно реальной и иллюзорной? — спросил он быстро.

— Не мне отвечать на такие вопросы, — сказал я. — Я только скромный научный работник и вижу лишь то, что вижу. И действую соответственно. Но может быть, за всем этим кроется нравственный смысл?

Старец задумался. Я видел, как он борется с собой. Конечно, он мог мне указать на несоответствия не хуже всякого другого, и все мои рассуждения рассыпались бы в прах. Но, как и все эти очкарики яйцеголовые, он сам увлекся противоречиями и склонен был включить их в свою систему. Здравый смысл подсказывал ему, что в природе просто не может быть таких выкрутасов, но интеллект нашептывал, что, может быть, вещи только кажутся такими сложными, а на самом деле за всем этим кроется простой и прекрасный единый принцип, а если не принцип, то хотя бы мораль. Короче, я подцепил его на крючок, помянув о нравственности. Старый хрен помешался на этике, он был прямо-таки начинен этикой, впору хоть величай его «мистер Этика». А я случайно подкинул ему идею, что вся

эта кровавая Вселенная, все ее постулаты и противоречия, законы и беззакония — воплощение высоких нравственных принципов.

— Пожалуй, все это глубже, чем я думал, — сказал он, немного помолчав, — я собирался наставлять мой народ только по этике, нацелить его на высшие нравственные проблемы вроде: «Как и зачем должен жить человек?», а не «Из чего состоит живая материя?». Я хотел, чтобы люди изведали глубины радости, страха, жалости, надежды, отчаяния, а не превращались в ученых крыс, которые изучают звезды и радуги, а потом создают величественные, но ни на что не годные гипотезы. Я кое-что знаю о Вселенной и до сих пор считал все эти знания необязательными, но вы меня поправили.

— Ну-ну, — сказал я. — Мне не хотелось доставлять вам хлопоты.

Старик улыбнулся:

— Этими хлопотами вы избавили меня от гораздо больших хлопот. Для меня важна свобода воли. Мои создания будут вольны радоваться и печалиться. Я мог бы создать их в точности по своему образу и подобию, но я не хочу населять мир копиями самого себя. И они получат эту блестящую бесполезную игрушку, которую

вы называете наукой, будут носиться с ней и превращать в божество всякие физические противоречия и звездные абстракции. Они будут рваться к познанию вещей и забудут о познании собственного сердца. Вы предупредили меня, и я вам за это признателен.

Я вздохнул с облегчением. Откровенно говоря, он заставил меня понервничать. Я сразу смекнул, что он ноль без палочки и знакомств в высших сферах у него нет, но держался он как аристократ. Все время я чувствовал, что, сказав лишь несколько слов, он может доставить мне немалое беспокойство, как бы воткнув в мозг ядовитое жало. И это тревожило меня.

Да, сэр, и вот этот старый шут, должно быть, прочел мои мысли. Ибо он сказал:

— Не бойтесь! Я принимаю без переделок этот мир, который вы построили для меня. Он хорошо послужит мне таким, какой он есть. Что же касается до дефектов и пробелов, я тоже их принимаю с благодарностью и оплачу их.

— Как? — спросил я. — Как вы будете платить за пробелы и дефекты?

— Я принимаю их без возражений, — величественно сказал он, — и ухожу от вас прочь, чтобы заняться своими делами и делами своего народа.

И старый джентльмен удалился, не добавив ни единого слова.

К чему я про все это? Я неплохо заработал на том мире. И даже если бы пришлось кое-что подправить, я не стал бы шуметь. Дело есть дело. Вы заключаете контракт, чтобы получить прибыль. И вам невыгодно слишком много переделывать задним числом.

Но я хотел бы сделать вывод из всей этой истории, а вы, мальчики, слушайте внимательно. У науки полным-полно законов — это я их изобрел. Почему я их изобрел? Потому что физические законы помогают умному механику так же, как юридические законы помогают адвокату. Правила, доктрины, аксиомы, законы и принципы науки служат для того, чтобы помогать, а не мешать вам. Они должны оправдывать наши действия. Большей частью они более или менее справедливы, и это помогает.

Но помните всегда: законы помогают объясняться с заказчиками после того, как работа выполнена, а не перед этим. У вас есть проект, и вы его исполняете, как вам выгоднее, а затем подгоняете факты к итогам, а не наоборот.

Не забывайте, что науки созданы, как словесный барьер против людей, задающих вопросы. Но

они не должны быть использованы против вас. Наша работа необъяснима. Мы просто делаем ее — иногда выходит хорошо, а иногда плохо.

И никогда не старайтесь объяснить, почему не получилось. Не спрашивайте и не воображайте, что объяснение существует. Дошло?

Оба помощника поспешно кивнули. У них были просветленные лица, как у обращенных в новую веру. Кармоди готов был держать пари, что эти молодые люди запомнили каждое слово Модсли и уже превращают эти слова в закон.

Глава 13

Закончив рассказ, Модсли долго молчал, мрачно хмурился, видимо, его донимали грустные мысли. Затем он поднялся и сказал:

— Кармоди, лицо моего ранга всегда осаждают разного рода просители. Каждый год я вношу взносы в Кислородный Фонд для Нуждающихся Углеродиков. Я плачу также в Проект Межзвездной Перестройки, в Космическую Зону Отдыха и в программу «Спасите молодежь!». Этого доста-

точно, по-моему, к тому же все это учитывается при выплате налогов.

— Ладно, — огрызнулся Кармоди, ощутив внезапный укол самолюбия, — я не нуждаюсь в вашем милосердии.

— Не прерывайте меня! — строго сказал Модсли. — Да, этих даров достаточно для удовлетворения моей потребности оказывать помощь. Кроме того, я не люблю иметь дело с различными просьбами. Они запутаны, нестандартны и очень хлопотливы.

— Понимаю, — согласился Кармоди. — Ну, так я пойду, пожалуй, — добавил он, хотя и не имел ни малейшего понятия, куда он пойдет и что будет делать.

— Я просил не прерывать меня, — повторил Модсли. — Да, я не люблю персональных просьб, как я говорил уже, но на этот раз я намерен сделать исключение и помогу вам вернуться на вашу планету.

— Почему именно для меня исключение? — удивился Кармоди.

— Прихоть! — пожал плечами Модсли. — Этакая фантазия с примесью альтруизма. Итак, Кармоди…

— Да-да, слушаю.

— Итак, если вы попадете домой, что сомнительно, даже и при моей помощи, я попросил бы вас передать некое послание.

— Обязательно! А кому?

— Ну, само собой разумеется, этому бородатому старику, которому я построил вашу планету. Полагаю, он еще там.

— Не знаю, — сказал Кармоди. — По этому поводу у нас много спорят. Некоторые говорят, что он есть, другие считают, что он умер давно (хотя я полагаю, что это надо понимать метафорически), третьи же утверждают, что его и не было никогда.

— Он еще там, — убежденно сказал Модсли. — Не такая фигура, чтобы убить его ломом. Но отлучиться он мог, это на него похоже. Он личность с настроениями. Начинен всякой высокой моралью и ждет, чтобы его народ жил по этой морали. Конечно, он раздражителен, может и исчезнуть из виду, если дела идут не так. Но бывает и деликатен, знает же, что люди не любят никаких излишеств: чересчур много ростбифа, чересчур много женской любви или Бога. Так что он ушел не простившись и вернется, когда у людей снова появится аппетит, интерес к нему, я имею в виду.

— Похоже, что вы хорошо его понимаете, — заметил Кармоди.

— Да, у меня было время подумать.

— Но позвольте сказать вам, — возразил Кармоди, — что ваша точка зрения не совпадает с нашим представлением. Мысль о том, что Бог может быть сговорчив или обидчив…

— Он должен быть таким, — прервал Модсли. — Он в высшей степени эмоциональное существо. Такой же, как вы и как другие люди, ваши товарищи.

Кармоди кивнул.

— Да, вы именно такие. Ведь он же решил создать вас по своему образу и подобию. Так и сделал, очевидно. Я сразу заметил у вас семейное сходство. В каждом из вас есть немножко от Бога, хотя вы и не должны зазнаваться по этому поводу.

— Но у меня никогда не было контактов с Богом, — усомнился Кармоди. — Я даже не представляю, как передать ему ваше послание.

— Ну, это просто, — сказал Модсли с оттенком раздражения. — Когда попадете домой, вы просто должны произнести его громко и отчетливо.

— И вы думаете, он услышит?

— Он не может не слышать. Это его планета,

как вы знаете, и он проявляет большой интерес ко всем своим жильцам.

— Хорошо, я так и сделаю, — пообещал Кармоди. — И что же вы хотите передать ему?

— Ну, не слишком много, — вдруг замялся Модсли. — Ну, что он достойный старый джентльмен, и мне немного стыдно за ту планету, что я ему подсунул. Вредного в ней нет ничего, она пригодна для жизни, но этот старикан, он — джентльмен в высшей степени, здесь не может быть никаких преувеличений.

Так что я как бы не против обновить вашу планету, всю целиком, и совершенно бесплатно, это не будет стоить ему ни цента. Если он пойдет на это, я могу превратить вашу планету в настоящий рай, хоть сейчас на выставку. Ведь я же на самом деле чертовски хороший инженер; не надо так уж осуждать меня за всякую муру, которую я навертел, чтобы заработать доллар-другой.

— Я расскажу ему, — пообещал Кармоди. — Но если по-честному, не думаю, что он примет ваше предложение.

— А разве я думаю? — мрачно отозвался Модсли. — Он упрямый старик и не хочет никаких одолжений. Но я хочу сделать еще одно предложение со всей искренностью. — Модсли помедлил

и добавил: — Вы спросите его, не любит ли он прогуляться и поболтать иногда.

— Почему бы вам не пойти самому?

— Я пробовал раза два, но встреча не состоялась. Он немного мстителен, этот ваш старик. Но, может быть, он смягчится?

— Может быть, — с сомнением сказал Кармоди. — Так или иначе, но я скажу ему. Но если вам хочется встречаться с богами, мистер Модсли, почему бы вам не поговорить с Мелихроном?

Модсли запрокинул голову и захохотал.

— С Мелихроном? Этим имбецилом? Он помпезный, самовлюбленный осел; у него нет никаких достоинств. Лучше с собакой рассуждать о метафизике, чем тратить время на такого бога. Божественность, говоря технически, — это сила и мощность, это потенциал. В ней нет ничего магического. Вообще нет двух одинаковых богов. Вы знали это?

— Нет, не знал.

— Ну так намотайте себе на ус. Никогда вы не получали более полезной информации.

— Спасибо, — сказал Кармоди. — Но знаете ли, до сих пор я не верил в Бога вообще.

Модсли задумался на минуту, потом сказал:

— С моей точки зрения, существование Бога и

богов очевидно и неизбежно. Верить в Бога так же легко и естественно, как верить в яблоко, не более и не менее. Только одна вещь стоит на пути к нашей вере.

— Какая же?

— Принцип Бизнеса, который более фундаментален, чем закон всемирного тяготения. В каком месте Галактики вы бы ни оказались, везде вы найдете бизнес: пищевой, строительный, военный бизнес, мирный бизнес, правительственный и, конечно, божественный, который называется «религией». И это самая предосудительная линия поведения. Я могу целый год рассказывать вам о порочных и грязных идеях, которыми торгует религия, но, наверное, вы слышали о них и раньше. Но я сейчас имею в виду одну черту, которая лежит в основе всех молитв и кажется мне особенно противной.

— Что это?

— Глубочайшее лицемерие, на основе которого зиждется религия. Судите сами: ни одно существо не будет молиться, если оно обладает свободной волей. Будучи свободной, она свободна, неуправляема и непредсказуема. Поистине божественный дар. Необязательность делает возможной свободу. А что предлагают служи-

тели религии? Они говорят: «Превосходно, вы обладаете свободной волей, а теперь вы должны использовать эту свободную волю, чтобы стать рабами Бога и нашими заодно». Какое бесстыдство! Бог, который и муху не обидит, изображен этаким верховным рабовладельцем. Да услышав это, каждое существо с душой должно взбунтоваться. Богу надо служить по своей воле или не служить ему вообще. Только таким путем ты сохраняешь верность себе и дару свободной воли, Богом данному.

— Думаю, что я понял вас, — сказал Кармоди.

— Возможно, я изложил это слишком сложно, — продолжал Модсли. — Но есть и более простая причина, достаточная, чтобы избегать религии.

— Какая же?

— Стиль. Напыщенный, увещевающий, болезненно-слащавый, покровительственный, искусственный, скучный, насыщенный смутными образами или громкими лозунгами, пригодный только для чувствительных старых дам или малокровных детишек. Нет, Бога я в церкви не найду, даже если и пойду туда. У этого старого джентльмена слишком много вкуса и твердости, слишком много гордости и гнева. Не могу поверить, что он в церкви, и точка. А зачем я пойду

туда, где Бога нет?

Глава 14

Пока Модсли конструировал машину для возвращения на Землю, Кармоди был предоставлен сам себе. Модсли мог работать только в полном одиночестве. Приз, по-видимому, снова погрузился в спячку, а младшие инженеры Орин и Бруксайд были туповаты и не интересовались ничем, кроме своей работы. Так что Кармоди не с кем было даже поговорить. Он очень скучал и, чтобы убить время, отправился на атомостроительную фабрику.

— Раньше все это делали вручную, — объяснял ему краснолицый мастер. — Теперь машинами, но схема та же. Сначала мы берем протон, присоединяем к нему нейтрон на патентованной энергосвязи мистера Модсли. После этого вставляем все прочее: мю-мезоны, позитроны — такого сорта пряники. И все дела.

— Протоны и электроны вы тоже делаете сами? — поинтересовался Кармоди.

— Ни-ни! Мистер Модсли не хотел возиться с этой мелочишкой. Все субатомное мы получаем от субподрядчиков.

— А на атомы золота или урана у вас много заказов?

— Не слишком. Чересчур дорого. Главным образом мы штампуем водород.

— Антиматерию тоже?

— Лично я никогда не видел в ней особого смысла, — сказал мастер. — Она же взрывается, когда входит в контакт с материей. Но мистер Модсли все-таки торгует ею. Антиматерию, конечно, делают на отдельной фабрике.

Кармоди ходил и ходил, пока у него не заболели ноги. Он твердил себе, что должен быть доволен. Вот он оказался у самого истока мироздания, там, где изготовляются атомы, где сепарируется антиматерия. Вот перед ним гигантская машина, которая экстрагирует космические лучи из сырого пространства, очищает их и закупоривает в громадные зеленые контейнеры. Позади термальный завод для ремонта старых звезд. Однако прогулка по фабрике Модсли вызывала у него такую же скуку, как в свое время экскурсия на сталелитейный завод в Индиане. И ту же волну угрюмого раздражения и тупого бунта ощущал

он в коридорах Лувра, Прадо и Британского музея. И он подумал, что чудеса хороши только в малых дозах. Восхищение рождается только от удивления. Ему было стыдно, но он ничего не мог поделать. Человек везде остается самим собой, даже если его перенесли внезапно в Тимбукту или на Альфу Центавра. И, будучи честен сам с собой, Кармоди откровенно признался себе, что с гораздо большим удовольствием катался бы на лыжах или скользил бы на паруснике возле адского моста, что у Таити, чем разглядывал все чудеса Вселенной.

— Видно, я не из породы Фаустов, — сказал он себе. — Все секреты Вселенной разложены передо мной, как старые газеты, а я мечтаю о раннем февральском утре в Вермонте и свежем, пушистом снеге.

Сначала Кармоди стыдился, но под конец взбунтовался. Даже и Фауст не ходил все время по выставкам. Фауст сам высиживал свои открытия. Если бы дьявол выдал ему все знания готовенькими на подносе, Фауст бросил бы науку и занялся альпинизмом или еще чем-нибудь в таком роде.

— Здесь мне открывают секреты Вселенной, — продолжал рассуждать Кармоди, — и я вижу, что их ценят чересчур высоко. Ведь стоит подойти

поближе, и поймешь, что ничего чрезвычайного здесь нет. Вот так идут дела, и ничего сверх того.

Даже если это рассуждение и было неверным, оно, по крайней мере, утешало Кармоди. Но все равно он скучал. А Модсли все не находил решения. Время тянулось. У Кармоди сложилось впечатление, что для Модсли легче построить новую планету (за шесть дней, как известно), чем отыскать старую. И, понимая всю сложность дела, Кармоди тем не менее впадал в уныние.

В один прекрасный — условно говоря — день Кармоди осматривал лес, сделанный Орином и Бруксайдом по заказу приматов планеты Кете 11 взамен старого, разрушенного метеоритом. Новый лес был уже полностью оплачен, и обещали кругленькую сумму, если исполнение будет признано первоклассным.

Лес был перлом творения. Там имелись уютные лужайки для прогулок, осененные широколистными кронами и пестрым подлеском. Породы были незнакомые, но Кармоди, игнорируя различия, предпочитал именовать их по-земному. Были там и шумные ручьи, широкие, но не глубже трех футов, были миниатюрные болотца, мангровые рощи и кедры, магнолии и ивы, вольно перемежающиеся кокосовыми пальмами.

Подальше от воды росли дикие сливы, вишни, каштаны, орехи, апельсины, финики и инжир. Превосходнейшее место для пикников!

Юные приматы могли здесь гоняться вверх и вниз по прямоствольным вязам и сикоморам, играть в салочки на ветвистых дубах, качаться как на качелях на лозах винограда и плюща. А для старших были изготовлены гигантские секвойи, где удобно было дремать в вышине или играть в карты, подальше от детского визга.

Даже столь неискушенный наблюдатель, как Кармоди, мог заметить, что в маленьком лесу создана простая, приятная и целесообразная экология. Были там цветы, и были нежалящие пчелы, чтобы опылять цветы и собирать нектар, и были забавные медвежата, чтобы воровать пчелиный мед. Были гусеницы, чтобы угощаться цветами, и ширококрылые птицы, чтобы угощаться гусеницами, и проворные рыжие лисицы, чтобы пожирать птиц, и большие медведи, чтобы пожирать лис, и приматы, чтобы пожирать медведей.

И так как приматы умирали тоже, то и они занимали свое место в лесном круговороте жизни и смерти. И это им даже нравилось, потому что они рождались с общественной жилкой. Прима-

ты Кетса тоже умирали, их хоронили в лесу без гробов, с уважением и без лишней суеты, и тело их поедали черви, лисы, медведи и даже один или два вида цветов. Таким образом, кетсиане тоже занимали важное место в лесном цикле экологии.

Кармоди наблюдал все это, прогуливаясь в одиночестве с одним только Призом (все еще в виде котелка), грустно размышляя о потерянном доме. И вдруг позади него хрустнула ветка.

Ветра не было, птицы плавали в пруду. Кармоди обернулся, насторожившись, чувствуя, что позади творится что-то необычное.

И увидел существо в громоздком сером скафандре из пластика, прозрачном шлеме пузырем и с доброй дюжиной инструментов, болтавшихся на поясе. Кармоди сразу узнал в этом чудище земного человека — кто еще мог так вырядиться?

Позади и правее была еще одна фигура, более стройная, но одетая так же. Кармоди увидел, что это земная женщина, и даже очень привлекательная.

— Боже мой! — воскликнул Кармоди. — Как это вас занесло именно сюда?

— Тсс! — прошипел землянин. — Слава Богу, что мы прибыли вовремя. Боюсь, однако, что

самое опасное еще впереди.

— Есть ли у нас хоть один шанс, отец? — спросила девушка.

— Шансы есть всегда, — ответил мужчина с мрачной улыбкой. — Но сам я не ручаюсь ни за что. Может быть, док Мэддокс придумает что-нибудь.

— Ну он-то всегда на высоте, правда, пап? — сказала девушка.

— Именно так, Мэри, — отозвался отец. — Доктор Мэддокс выше всех нас на голову. Но так или иначе, мы им покажем, что и в наших котелках есть кое-что.

Мужчина повернулся к Кармоди, и взгляд его стал суровым.

— Я надеюсь, что ты стоишь того, дружище. Три жизни поставлены на карту ради тебя. Все за мной — в затылок, и быстро на корабль. Док Мэддокс выдаст нам оценку положения.

Вытащив из-за пояса курносый пистолет, мужчина устремился в лес. Девушка поспешила за ним, бросив на Кармоди взгляд через плечо. Кармоди последовал за ней.

Глава 15

— Эй, подождите минутку, что все это значит? — крикнул Кармоди, устремившись за людьми в скафандрах. — Эй, кто вы?

— Это просто ужасно! — воскликнула девушка, краснея от смущения. — Мы даже не представились в спешке. Вы, наверное, сочли нас невежами, мистер Кармоди?

— Ну что вы, — любезно возразил Кармоди. — Но мне все-таки хотелось бы знать, кто вы такие, тем более что вы уже знаете, кто я.

— Конечно, знаю, — сказала девушка. — Я Эвива Кристиансен. А это мой отец — профессор Ларе Кристиансен.

— Отбросьте «профессора»! — крикнул Кристиансен, не оборачиваясь. — Зовите меня Ларе или Крис, как вздумается.

— Ну ладно, пап, — прервала его Эвива с напускным нетерпением. — Как бы то ни было, мистер Кармоди…

— Меня зовут Том.

— Хорошо, Том, — согласилась девушка, мило

краснея. — Так о чем это я? О да, папа и я, мы связаны с ЗАМИ. Не знаете? Это Земная Ассоциация Межзвездных Изысканий — отделения в Стокгольме, Женеве и Вашингтоне.

— Боюсь, что не слыхал об этой организации, — заметил Кармоди.

— Ничего удивительного. Земля только вступила на порог исследований. Увы, даже теперь новые источники энергии, намного превосходящие известные вам примитивные атомные установки, все еще не вышли из стадии экспериментирования. Но близок день, когда космические корабли с земными пилотами полетят в самые отдаленные уголки Галактики. И, конечно, это откроет эру всеобщего мира и дружного труда на всей нашей старой, усталой планете.

— Откроет новую эру? — переспросил Кармоди. — Почему?

— Потому что не будет больше причины для войн, — ответила Эвива, несколько запыхавшись, потому что все трое пробирались сквозь густой кустарник. — В Галактике бесчисленные миры, как вы могли заметить сами, и достаточно простора для социальных экспериментов, и приключений, и всего, что вам в голову взбредет. Так что энергия человека будет направлена вовне,

вместо того чтобы растрачиваться на одной планете в разрушительных войнах.

— Малютка чепухи городить не будет. Здесь все верно, — сказал Ларе своим внушительным, грубым, но дружелюбным басом. — Между прочим, она у меня доктор философии и нахватала сорокнадцать ученых степеней, чтобы ее лепет выглядел солиднее.

— А папуля разговаривает, как хулиган. — Эвива покраснела снова. — Но у него самого в ранце три Нобелевских.

И отец с дочерью обменялись взглядами грозными и влюбленными.

— Но вернемся к делу, — продолжала Эвива. — Дела такие, вернее должны быть такими через пару лет. Но Главная заслуга тут доктора Мэддокса, с которым вы вскоре встретитесь. — Эвива помедлила, затем добавила, понизив голос: — Не думаю, что я выдам секрет, если скажу вам, что доктор Мэддокс… э-эа… мутант.

— Черт возьми, не надо бояться этого слова, — прохрипел Ларе Кристиансен. — Мутант может быть не хуже нас с вами. Что касается доктора Мэддокса, то он примерно в тысячу раз лучше.

— Это доктор Мэддокс поставил проект на рельсы, — вступила Эвива. — Он просчитал все

будущее, — как он это сделал, я не знаю, но установил, что скоро у нас будут космические корабли, способные дойти до любой звезды. И масса людей сможет отправиться в космос без специального оборудования и навигационных приборов…

— Масса дураков недоделанных, — комментировал Кристиансен.

— Ну, папа! Но как бы то ни было, этим людям понадобится помощь. Однако организованного галактического патруля не будет еще 87 238 874 года. Так что, сами видите…

— Вижу, — согласился Кармоди. — А вы решили, не дожидаясь, приступить к делу.

— Да, приступили, — сказала Эвива просто. — Папа очень любит помогать людям, хотя это незаметно из-за его постоянного ворчания. А что хорошо для отца, хорошо и для меня. Что же касается доктора Мэддокса, ну, он вершина вершин.

— Он-то туз козырной масти, — добавил Кристиансен. — Он человек сверхособенный. У мутантов обычны отклонения в отрицательную сторону, сами знаете. Но раз или два на тысячу вместо пирита находишь золото. У доктора Мэддокса целая линия семейных мутаций, и все необъяснимо благоприятные.

— Мы подозреваем благожелательное вмеша-

тельство пришельцев, — сказала Эвива почти шепотом. — Известно, что род Мэддокса, можно проследить только на два столетия, но это очень странная история. Эллил Мэддокс — прапрадед нашего доктора — был шахтером в Уэльсе. Почти двадцать лет он работал в знаменитой копи Олд Гринджи и, один из немногих, сохранил здоровье. Это было в 1739 году. Недавно, когда Олд Гринджи начали разрабатывать снова, там открыли сказочные запасы урана.

— Их должны были найти там, — вмешался Кристиансен. — Теперь дальше. Мы встречаем эту семью в 1801 году в Мексике, штат Оаксака. Томас Мэдокси — так он подписывался, с одним «д», — женился на прекрасной и гордой Терезите де Вальдес, графине Арагонской, владелице великолепной гасиенды в южной Мексике. Утром 6 апреля, когда Томас был в отъезде, объезжал стада, знаменитая Ла Эстрелла Роха де Муэрте — Красная Звезда Смерти (в дальнейшем отождествленная с большим, очень радиоактивным метеоритом) упала в двух милях от ранчо. Выжили немногие, среди них Томас и Тереза.

— Затем мы подходим к 1930 году, — подхватила Эвива. — Следующее поколение Мэддоксов, уже порастерявшее богатство, переехало в Лос-

Анджелес. Эрнест Мэддокс — дед нашего доктора — продавал новейшее оборудование для врачей и дантистов. Называлось оно — рентгеноскоп. Мэддокс демонстрировал его два раза в неделю в течение десяти лет. И, несмотря на мощную дозу жесткого излучения, а может быть, благодаря ей, дожил до очень солидного возраста.

— А его сын, — продолжал Ларе, — не знаем по какому поводу, переехал в Японию в 1935 году и стал монахом, дзен-буддистом. Все военные годы он прожил в Хиросиме в углу заброшенного здания. Его не трогали, считали не американцем, а индусом. Убежище Мэддокса оказалось всего в 7,9 миль от эпицентра взрыва. После атомного взрыва Мэддокс немедленно оставил Хиросиму и переехал в Северный Тибет, в монастырь Хюи-Шен, расположенный на самой недоступной вершине. По рассказам английского туриста, побывавшего там в это время, ламы специально ожидали Мэддокса. И он остался там, посвятил себя изучению некоторых тантр, там и женился на принцессе королевской крови из Кашмира, от которой у него был один сын — Оуэн, наш доктор. Семья покинула Тибет и переехала в Штаты за неделю до вторжения красных китайцев. Оуэн учился в Гарварде, Йейле, Оксфорде, Кембридже,

Сорбонне и Гейдельберге. Как он нашел нас, это особая история, но вы услышите ее в более удобной обстановке. А сейчас — на корабль, и не будем больше тратить время на треп.

Впереди на большой поляне Кармоди увидел величественный космический корабль, возвышающийся, словно небоскреб. У него были стабилизаторы, люки, дюзы и множество всяких отростков. Перед кораблем на складном стуле сидел мужчина среднего возраста с благодушным лицом, прорезанным глубокими морщинами. С первого взгляда было ясно, что это и есть Мэддокс-мутант, поскольку у него было по семи пальцев на каждой руке, а в огромных шишках на лбу мог поместиться еще один мозг.

Мэддокс неторопливо встал на пять ног и приветливо кивнул.

— Вы пришли в самую последнюю минуту, — сказал он. — Линии враждебных сил очень близки к критической точке пересечения. Быстро в корабль, все трое! Мы должны включить защитное поле.

Ларе Кристиансен решительно зашагал ко входу; чувство собственного достоинства не позволяло ему бежать. Эвива схватила Кармоди за руку. Он заметил, что она дрожит, отметил также

стройные линии ее фигурки, хотя сейчас она не обращала внимания на свою внешность.

— Скверное положение, — бормотал Мэддокс, складывая свой стул и занося его в люк. — Мои расчеты допускали, конечно, такой пункт скручивания пространства, но по самой природе бесконечных комбинаций нельзя было предсказать его конфигурацию.

Перед широким входом Кармоди задержался.

— Я думаю, что должен проститься с Модсли, — сказал он. — Быть может, нужно даже посоветоваться с ним. Он был очень отзывчив и даже взялся строить машину, чтобы доставить меня на Землю.

— Модсли! — воскликнул Мэддокс, обмениваясь многозначительным взглядом с Кристиансеном. — Я подозреваю, что он-то и стоит за всем этим.

— Его стряпня, конечно, — проворчал Кристиансен.

— Что вы имеете в виду? — спросил Кармоди.

— Я имею в виду, — сказал Мэддокс, — что вы жертва и пешка в тайном заговоре, охватившем по меньшей мере семнадцать звездных систем. У нас нет времени на объяснения, но поверьте, что на карте стоит не только ваша жизнь, но и наши

и еще жизни нескольких дюжин биллионов гуманоидов, большей частью голубоглазых.

— О, Том, скорее, скорее! — закричала Эвива, дергая его за руку.

— Ладно, — сказал Кармоди, — но я надеюсь все-таки, что получу полное и исчерпывающее объяснение.

— Получите, получите, — сказал Мэддокс, как только Кармоди вошел в люк. — Получите его прямо сейчас.

Кармоди быстро обернулся, уловив нотку угрозы в голосе Мэддокса. Внимательно посмотрел на мутанта и вздрогнул. Посмотрел на отца с дочерью и увидел их как бы впервые.

Ум человеческий склонен дорисовывать образы. Две-три кривые складываются в гору, из нескольких ломаных получается волна. Но сейчас образы спутников разваливались на глазах. Кармоди увидел, что милые глаза Эвивы были едва намечены, они не смотрели никуда, они были как глазки на крылышках бабочки. У Ларса вместо нижней части лица был только темно-красный овал, где темная линия обозначала рот. Пальцы Мэддокса были просто нарисованы на его бедрах.

Образы людей развалились полностью. Не бы-

ло ни глаз, ни ртов, ни ног, ни рук. Три пальца гигантской руки, три безликих цилиндра надвигались на Кармоди, стараясь втолкнуть его в утробу корабля. Он увернулся от них и ринулся к свету, но в отверстие люка высунулись зубы. Блестящие черные борта корабля покрылись рябью. Ноги Кармоди увязли в губчатой подстилке, а три пальца кружили вокруг него, загораживая все уменьшающийся кружок света. Кармоди боролся с отчаянием мухи, увязшей в паутине (сравнение точное, но понимание этого пришло поздновато). Три пальца крепко держали Кармоди, уже невозможно было угадать, кто из них профессор, кто — мутант, а кто — прелестная Эвива.

И окончательное потрясение: стены и потолок корабля (если только это был корабль) стали влажными, красными, живыми и проглотили Кармоди.

Спасения не было. Он не мог ни пошевелиться, ни крикнуть, мог только потерять сознание.

Глава 16

Как бы издалека он услышал голос:

— Ну как, доктор? Есть надежда?

Кармоди узнал голос Приза.

— Я оплачу все расходы, — сказал другой — голос Модсли. — Можно его спасти?

— Спасти можно, — произнес третий, по-видимому, врач. — Возможности медицины неограниченны, ограниченны возможности пациентов, но это уже их слабость, а не наша.

Кармоди силился открыть глаза или рот, но ни веки, ни губы ему не повиновались.

— Это очень серьезно? — спросил Приз. — Вы поможете ему?

— Вы задали слишком трудный вопрос, — сказал доктор. — Чтобы ответить на него с идеальной точностью, надо сначала определить термины. Медицинская наука, к примеру, проще, чем медицинская этика. Предполагается, что мы, члены Галактической Медицинской Ассоциации, обязаны сохранять жизнь. Предполагается также, что мы действуем в интересах той конкретной формы, которую мы пользуем. Но что прикажете делать, когда эти два императива вступают в противоречие? Уиичи с Девин V, например,

просят врачебной помощи, чтобы излечить их от жизни. Они жаждут войти в желанные врата смерти. Это чертовски трудная задача, позвольте доложить вам, и осуществима тогда лишь, когда уиичи становятся старыми и бесчувственными. И что же должна сказать этика по поводу такого странного отклонения от нормы? Следует ли нам потакать желанию уиичи, что порицается во всех почти уголках Галактики? Или же действовать на основе обычной медицины и обрекать уиичи на судьбу, которая для них в буквальном смысле хуже смерти?

— Это имеет отношение к Кармоди? — спросил Модсли.

— Не слишком большое. Но я полагал, что вам это покажется интересным и поможет понять, почему мы имеем право на самый высокий гонорар.

— А Кармоди в очень скверном положении? — настаивал Приз.

— Только про мертвого можно сказать, что у него очень скверное положение, — успокоил доктор. — Но даже и тогда бывают исключения. Пентатаналуна, например, которую обыватели называют пятидневной возвратной смертью, не более, чем временное окоченение. Вульгарные

разговоры о смерти неуместны при данном недомогании.

— Но как же насчет Кармоди? — напомнил Модсли.

— Больной не мертв, — успокоил доктор. — Он всего лишь в шоке. Выражаясь проще, в обиходной манере, он в обмороке.

— А привести его в себя вы можете? — спросил Приз.

— Ваши термины не очень ясны, — возразил врач. — Моя работа трудна без надлежащей точности.

— Я хотел сказать: можете вы вернуть его в исходное состояние?

— Ну это уже довольно точное определение, тем более что вы дали его без долгих размышлений. Но что такое исходное состояние? Скажет ли это сам пациент, если допустить, что он чудесным образом сумел бы участвовать в своем лечении? И как мы с вами можем знать, которое из крошечных изменений, происходящих при каждом ударе сердца, имеет существенное значение для его личности? Не теряется ли эта личность с каждой секундой? Только приблизительно мы можем приблизиться к прошлому образу, но никогда не повторим его. Это — весомый вопрос, господа.

— Чертовски сложный, — согласился Модсли. — Но предположим, вы сделаете его насколько можете ближе к прежнему? Это для вас трудно?

— Только не для меня, — сказал доктор. — У меня большой опыт. Я привык иметь дело с самым страшным и самым отвратительным. Не могу сказать, что стал совершенно бездушным, но с трудом я научился грустной необходимости не обращать внимания на надрывающие душу процедуры, необходимые в моей профессии.

— Ладно, док, заткнись! — взорвался Приз. — Давай рассказывай, как ты будешь чинить моего дружка.

— Я буду оперировать, — сказал доктор. — Это единственная возможность. Я расчленю его («разрежу», — говоря вульгарно), уложу члены и органы для сохранения в раствор К-5, затем пропущу мозг и нервную систему через сита с отверстиями разного диаметра. В дальнейшем процедура требует подключения мозга и нервов к жизненному стимулятору, при этом я буду возбуждать синапсы точно отмеренными сериями. Так мы установим разрывы, закупорки, испорченные клапаны и прочее. Установив же отсутствие повреждений, мы разбираем мозг, подходя наконец к контактам тела и разума. Бе-

режно отключив их, мы проверим все внешние и внутренние связи. Если здесь все в порядке, мы открываем резервуар взаимодействия, следя за утечкой, само собой разумеется, и устанавливаем уровень сознания. Если он низок или же исчерпан (в подобных случаях так и бывает почти всегда), мы анализируем осадок и создаем новые порции сознания искусственно. Эти новые порции исчерпывающе испытываются и впрыскиваются в резервуар взаимодействия. Затем все части тела воссоединяются, и пациент может быть реанимирован жизненным стимулятором. Вот и весь процесс… почти.

— Ух! — вздохнул Приз. — Я и с собакой не обращался бы так.

— Я тоже, — сказал доктор. — По крайней мере до той поры, пока собачья раса не станет разумной. Итак, хотите вы, чтобы я приступил к операции?

— Приступайте, — решил Модсли. — Ничего не поделаешь. Бедный малый так надеялся на нас, мы не можем бросить его без помощи. Выполняйте свой долг, док!

Все время, пока длился этот разговор, Кармоди боролся с неподвластным ему телом. С ужасом слушая, он почувствовал, что друзья причинят

ему больше вреда, чем злейшие враги, и наконец он титаническим усилием отлепил язык от неба.

— Никаких операций! — просипел он. — Голову оторву! Попробуйте только начать вашу растреклятую операцию!

— Очнулся, — констатировал доктор довольным тоном. — Иногда, знаете ли, словесное описание операционной процедуры в присутствии пациента исцеляет не хуже, чем сама операция. Это, конечно, побочный эффект, и смеяться тут нечего.

Кармоди попробовал встать на ноги, Модсли помог ему. Приз был тут же, рядом. Он больше не выглядел котелком, превратился в карлика, под влиянием потрясения, по-видимому. А доктор, тощий, высокий и грустный человек в черном, был в точности похож на Авраама Линкольна.

— Что это было? — спросил Кармоди. — Космический корабль, люди какие-то?

— Мы вытащили тебя как раз вовремя, детка, — усмехнулся Приз.

— Конечно, это не корабль, — сказал Модсли. — Это и был ваш хищник — кармодиед. Вы полезли прямо к нему в пасть.

— Полез, — признался Кармоди.

— И чуть не потеряли ваш единственный шанс

на возвращение, — продолжал Модсли. — Вам больше нельзя медлить, Кармоди. У вас очень мало шансов, Кармоди, и нет ни одного безупречного. Присядьте, я вам постараюсь объяснить.

Кармоди сел и приготовился слушать.

Глава 17

Прежде всего Модсли заговорил о вселенских хищниках, их породах и численности, о повадках, приемах и вооружении. Для Кармоди важно было понять, что с ним произошло и почему.

Модсли сказал:

— Вселенная соблюдает принцип симметрии. Для каждого мужчины есть женщина, для каждого организма — хищник. Великая Цепь Поедания (поэтический образ для описания вечного движения жизни) должна соблюдаться хотя бы во имя внутренней необходимости. Жизнь — это созидание, а созидание невозможно без уничтожения, то есть без смерти.

— Почему созидание невозможно без смерти? — спросил Кармоди.

— Не задавайте глупых вопросов, — оборвал его Модсли. — Так о чем это я? Ах да! Итак, убийство справедливо, хотя с некоторыми его деталями нелегко примириться. Существо отнимает жизнь у других существ в своей природной среде обитания, а третьи существа отнимают жизнь у него самого. Этот простой и естественный процесс обычно так хорошо сбалансирован, что добытчики и добываемые не думают о нем, занимаясь вместо этого искусством, или сбором орехов, или объяснением Абсолюта, или еще чем-либо, всем, что кажется им интересным, и так оно и должно быть, потому что Природа (которую мы обыкновенно представляем себе старой дамой, одетой в черное или коричневое) не любит открывать свои законы гостям за столом, или же толпе на улице, или же Конклаву и еще кому-нибудь. И вы, Кармоди, не можете избежать неумолимого закона Природы, хотя вы и уцелели у себя на родине. Но здесь, в дальних просторах космоса, не существует ваших естественных земных хищников. А раз их не существует, значит, они должны быть созданы.

— Ну да, — сказал Кармоди. — Но этот корабль, эти люди…

— Эти люди не были людьми, только казались.

Теперь ясно?

— Ясно, увы!

— Это было то самое единственное существо, сотворенное специально для вас, Кармоди. Оно — ваш Хищник-пожиратель, и оно следует классическому Закону Пожирания.

— В чем же суть его?

— Суть — суть! — вздохнул Приз. — Как мило ты ставишь вопрос. Можно сколько угодно рассуждать о судьбе и сути, а в конце концов приходишь к выводу: «Это есть, и все тут».

— Я не спорил, я спрашивал, — заметил Кармоди. — Что это за Закон Пожирания?

— Извини, я не понял тебя.

— Ничего, все в порядке.

— Спасибо.

— Ничего я не имел в виду… Нет, я имел в виду. Что же такое этот простой и обязательный Закон Пожирания?

— Надо объяснять? — удивился Модсли.

— Боюсь, что надо.

— Ну хорошо, — сказал Модсли. — Понимание пожирания присуще всем организмам, как руки, ноги и головы, даже еще обязательнее. Оно фундаментально, как законы науки, фундаментальнее науки, о нем не расскажешь упрощенно.

— Но должен же я знать все о пожирателях, хотя бы о моем собственном.

Модсли почесал лоб, подбирая слова.

— Ты ешь, поэтому тебя едят, — изрек он. — Это общеизвестно. Но как именно сумеют тебя съесть? Как тебя поймают, схватят, как сделают неподвижным и как приготовят? Поджарят тебя, заморозят или подадут в сыром виде? Очевидно, это зависит от личного вкуса того, кто захотел полакомиться тобой. А как он поймает тебя? Прыгнет ли сверху на спину, выроет ли яму на твоем пути, или запутает в паутину, вызовет на поединок, когтями вопьется? Это тоже зависит от природы пожирателя, от его формы и строения. Его природа приспособлена к особенностям твоей. И подобно твоей обладает свободной волей и не подвластна року.

Теперь разберемся. Когти, ямы и паутина прямолинейны, однообразны и не годятся против существ с хорошей памятью. Добыча, подобная вам, Кармоди, во второй раз не попадется в ту же ловушку. Прямолинейность, однако, не в духе Природы. У Природы особенное пристрастие к иллюзиям. Через иллюзии идет дорога и к рождению и к смерти. И чтобы поймать такое сложное существо, как вы, Кармоди, ваш хищник должен

предпринимать сложные маневры.

Есть еще и другая сторона дела. Твой пожиратель создан не специально, чтобы съесть тебя. Ты для него самая важная пища, бесплатный подарок, но он не так уж ограничен в выборе еды.

Амбарная мышь может воображать, что сова на стропилах сотворена специально, чтобы охотиться на мышей, но люди-то знают, что у сов разная бывает добыча. Так и со всякими хищниками, и с твоим, Кармоди. У хищников есть выбор, поэтому они непредсказуемы.

— Никогда не думал об этом, — признался Кармоди. — Это для меня имеет значение? Поможет?

— Едва ли поможет. Но знать об этом надо. На практике ты никогда не используешь непредсказуемость твоего хищника. Ты даже не узнаешь, каков он. Ты как амбарная мышь в данном случае. Вы можете нырнуть в дырочку и услышать свист крыльев над ней, но никогда не сумеете понять всю природу, таланты и недостатки совы.

— Ну, это необыкновенно полезная мудрость, — сказал Кармоди с сарказмом. — Я потерпел поражение еще до старта, или, проще говоря, съеден уже, хотя пока еще никто не воткнул в меня вилку.

— Терпение! Терпение! — остановил его

Приз. — Пока все идет не так плохо.

— Не так плохо? А можете вы подсказать мне что-либо действительно полезное?

— Это мы и стараемся сделать, — сказал Модсли.

— Тогда скажите хотя бы, на что похож мой хищник.

Модсли покачал головой:

— Именно это невозможно, к сожалению. Не думаете же вы, что всякая жертва знает, как выглядит ее смерть. Если бы знала, то жила бы вечно.

— А это против законов природы, — добавил Приз.

— По крайней мере хоть намек какой-нибудь, — взмолился Кармоди. — Всегда ли хищник мой маскируется под космический корабль?

— Конечно, нет, — сказал Модсли. — У вашего избирателя изменчивая форма. Слыхали вы, как лягушка прыгает в пасть к змее, а муха летит на язык лягушке, или олененок бежит в лапы тигра? Вот в чем суть талантов хищника. Можете спросить себя: «Что же в голове у жертвы, что она видит перед собой?» Себя спросите, что было перед вашими глазами, когда вы разговаривали с тремя пальцами вашего хищника и следовали

за ним прямо в пасть.

— Они выглядели, как люди, — пожал плечами Кармоди. — А на что же похож мой хищник все-таки?

— Я не сумею объяснить вам, — сказал Модсли. — Но их маски и ловушки основаны на вашей собственной памяти, на ваших мечтах, надеждах и пожеланиях. Хищник заимствует вашу сокровенную мечту и на основе ее разыгрывает целое представление. Вам нужно понимать самого себя, чтобы избежать гибели. Но легче познать Вселенную, чем понять самого себя.

— Ну и что же мне делать? — спросил Кармоди растерянно.

— Учитесь! — сказал Модсли. — Будьте настороже всегда, передвигайтесь как можно быстрее, не доверяйте никому. И не позволяйте себе думать об отдыхе, пока не попадете домой.

— Домой! — вздохнул Кармоди.

— Да, в безопасности вы будете только на собственной планете. Хищник не может войти в вашу берлогу. Там свои обыденные земные бедствия, но от хищника вы избавлены.

— А домой вы сумеете меня переслать?

— Машину я сделал, — сказал Модсли. — Но ее возможности ограниченны, поскольку ограни-

ченны и мои собственные. Машина доставит вас туда, куда ушла Земля, не более того.

— Но это все, что мне требуется.

— Нет, далеко не все. КУДА — только первая из координат планеты — из трех «К». Вам предстоит определить еще второе «К» — КОГДА и третье — КАКАЯ из Земель ваша. Мой совет: соблюдайте последовательность! Сначала Временная ось, потом — ось Качества. Но уйти отсюда вам следует немедленно. Ваш хищник, чей аппетит вы по-дурацки раздразнили, может явиться в любой момент. И я не ручаюсь, что на этот раз я сумею так удачно вытащить вас из его пасти.

— А как это вам удалось? — поинтересовался Кармоди.

— Я быстренько сфабриковал приманку, — ответил Модсли. — Сделал вашу копию, но больше размером. Пожиратель выплюнул вас и кинулся за ней, истекая слюной. Но так мы его не обманем вторично.

Кармоди предпочел не спрашивать, было ли больно приманке.

— Я готов, — сказал он. — Но куда я попаду и что будет там?

— Вы попадете на Землю, — продолжал Модсли, — почти наверняка не на вашу. Но я пошлю

письмо одному лицу, большому знатоку проблем времени. Он присмотрит за вами, если согласится, а после этого… Но кто может сказать, что будет после? Будь что будет, Кармоди, и будьте благодарны, если вообще что-нибудь будет.

— Благодарю, — сказал Кармоди. — Чем бы это ни закончилось, большое вам спасибо.

— Ну тогда все в порядке, — сказал Модсли. — И не забудьте передать мои слова тому старику, если попадете домой. Ну все. Машина тут рядом, под рукой. У меня не было времени сделать ее видимой, но выглядела бы она как зенитная батарея, управляющаяся по радио. Да где же она, черт возьми? А, вот она! Приз свой берете?

— Я беру его! — крикнул Приз, ухватившись за Кармоди обеими руками.

— Ну, мы готовы, — сказал Модсли. — Эту стрелку я ставлю сюда, затем эту, а затем эти две наверху… Вам приятно будет расстаться с макрокосмом, Кармоди, и оказаться на планете, хотя бы и не на своей. Конечно, нет качественной разницы между атомом, планетой, Галактикой и Вселенной. Весь вопрос, в каком масштабе вам удобнее жить. Ну а затем я нажимаю это…

Бамм! Пуфф! Хрррруст! Медленное растворение, быстрое растворение, жидкое растворение,

электронная музыка из внешнего пространства, внешнее пространство из электронной музыки, шелестят странички календаря; кувыркаются голова и ноги в невесомости. Литавры звучат грозно, грозно звучат литавры. Вспышки ярких красок, женский голос, детский смех. Апельсины из Яффы светятся как планеты; Солнечная система — как рябь на пруду. Лента бежит быстрее, лента ползет медленно. Тьма снаружи, тьма внутри…

Это была дьявольская забава, но ничего другого Кармоди и не ожидал.

Часть III. Когда?

Глава 18

Когда перемещение закончилось, Кармоди с трудом пришел в себя. Ощупав себя, он пришел к выводу, что у него по-прежнему две руки, две ноги, одна голова и одно туловище. Он заметил также, что на этот раз Приз превратился во

флейту.

— Ну ладно, — сказал сам себе Кармоди.

— Не так уж ладно, — поправился он, осмотревшись. Он не ожидал, что попадет на подходящую Землю, но эта оказалась очень уж непохожей.

Он стоял на зыбкой почве, на краю болота. Ядовитые миазмы поднимались от стоячих бурых вод. Вокруг росли широколистые папоротники, низкие, с тонкими листьями кусты и пальмы с пышными кронами. Воздух был горяч, как кровь, и насыщен запахами гнили.

— Может, я во Флориде? — сказал Кармоди с надеждой.

— Боюсь, что нет, — отозвался Приз. Голос у него был низкий, мелодичный, но с избытком обертонов.

— А как же это ты разговариваешь? — спросил Кармоди, глядя на флейту.

— Ты же не удивился, что я говорил, когда был котелком, — возразил Приз. — Пожалуйста, я объясню. Возле моего ротика прикреплен патрон с CO_2. Этот патрон — мои легкие. Конечно, запас ограничен. Прочее очевидно.

Кармоди не было очевидно ничего, но не Приз интересовал его сейчас.

— Так где же я? — спросил он.

— Не я, а мы, — поправил Приз. — Мы на планете по имени Земля. Эта местность в твое время станет Скарсдейлом, штат Нью-Йорк. — Он хихикнул. — Советую купить участок сейчас, пока цены низкие.

— Какого дьявола? Это не похоже на Скарсдейл.

— Конечно нет. Оставляя вопрос о «Какойности», мы видим, что и «Когдашность» неправильная.

— Ну и Когда же мы?

— Хороший вопрос. Но из тех, на которые я могу дать только приблизительный ответ. В палеозойской… нет, скорее в мезозойской эре. Но в каком именно периоде? Впрочем, это можно уточнить. Погляди-ка вверх! Правее.

Кармоди поднял голову и увидел странную птицу, неловко взмахивающую крыльями.

— Определенно археоптерикс, — сказал Приз. — Сразу видно, что перья торчат иголками. Большинство ученых относит это существо к меловому периоду, или же к юрскому, но никак не раньше, чем к триасу. Значит, мы в мезозое определенно.

— Довольно-таки давно, — заметил Кармоди.

— Порядочно, — согласился Приз. — Впрочем,

мы можем и уточнить время. Дай-ка мне подумать чуточку. Во-первых, это не триас. Болото ничего нам не говорит, но тут есть цветок возле твоей левой ноги. Покрытосемянные! Цветок — безупречное указание на более поздний период. Теперь посмотри перед собой. Видишь два тополя и фиговое дерево? И самое главное — трава. Травы не было в юрские времена — только папоротники и хвощи. И это решает все, Кармоди! Голову даю на отсечение, что мы в меловом периоде.

У Кармоди было самое смутное понятие о геологических периодах.

— Меловой? Это далеко от моего времени?

— О, около ста миллионов лет, плюс-минус несколько миллионов, — сказал Приз. — Меловой период кончился примерно за 70 миллионов лет до появления человека.

— А откуда же ты знаешь всю эту геологию?

— Откуда? Уж если мы едем на Землю, я решил кое-что разузнать об этом месте. Если бы не я, ты бы бродил вокруг, разыскивая Майами, пока тебя не слопали бы…

— Кто слопал?

— Ну, какой-нибудь урод из числа динозавров.

— Ты хочешь сказать, что тут есть динозавры?

— Я хочу сказать, — ответил Приз все с теми же

неуместными трелями, — что мы попали в самый настоящий Динозавровилль.

Кармоди не успел сказать ничего. Он заметил движение слева и в самом деле увидел динозавра — махину высотой футов в двадцать и в добрых пятьдесят футов от носа до кончика хвоста. Держась вертикально на задних ногах, гигант быстро приближался к Кармоди.

— Тираннозавр? — спросил Кармоди.

— Точно! Тираннозавр-рекс. Самый знаменитый из отряда зауришиа[23]. Длина клыков полфута. Впрочем, это детеныш. Вес не более девяти тонн.

— И он ест мясо?

— Да, конечно! Впрочем, лично я думаю, что тираннозавры и все другие хищные ящеры питались главным образом хардозаврами, широко распространенными в ту эпоху. Но это моя собственная теория.

Гигант был уже в пятидесяти футах от Кармоди. И на плоской болотистой равнине — никакого укрытия: ни скалы, ни норы.

— Так что же делать?

— Лучше всего превратиться в растение, — по-

---

[23] notes: 23
Ящеротазовые *(Прим. компилятора).*

советовал Приз.

— Но я не умею.

— Тогда дело плохо. Улететь ты не сможешь, зарыться в землю не успеешь и убежать тебе, держу пари, не удастся. Будь стойким — ничего другого не остается. Хочешь, процитирую Эпиктета? Или давай споем гимн, если это поможет.

— К черту гимны! Я удрать хочу.

Но флейта уже затянула: «Боже мой, я все ближе к тебе». Кармоди сжал кулаки, а тираннозавр уже был перед ним. Он высился над головой, словно подъемный кран. Ящер открыл свою ужасную пасть…

Глава 19

— Хэлло, — сказал тираннозавр. — Меня зовут Эми. Мне шесть лет. А вас как зовут?

— Кармоди, — представился Кармоди.

— А я его Приз, — добавил Приз.

— Вы оба ужасно странные, — сказал Эми. — Никогда не видел таких. А я уже знаю диметродона, и струтиомим, и сколозавра, и кучу других зве-

рей. Вы тоже живете тут поблизости?

— Приблизительно, — сказал Кармоди. Потом вспомнил о разнице во времени и добавил: — Ну, не совсем близко.

Эми окнул и замолк, глазея на них по-детски. И Кармоди молчал, подавленный величиной этой ужасной головы, размером с пилораму, с узкой пастью, усаженной рядами кинжалов. Страшилище! Только глаза — круглые, нежные, голубые, доверчивые — не вязались со зловещим обликом динозавра.

— Ну ладно, — сказал Эми наконец. — А что вы делаете в нашем парке?

— Разве это парк?

— Конечно, — сказал Динозавр. — Детский парк. Но вы же не ребенок, хотя и маленький.

— Ты прав, я не ребенок, — сказал Кармоди. — Я попал в ваш парк по ошибке. Пожалуй, мне бы стоило поговорить с твоим отцом.

— О'кей, — сказал Эми. — Залезайте ко мне на спину, я вас отвезу. И не забудьте, что именно я нашел вас. Друга своего тоже возьмите. Он-то уж совсем странный.

Кармоди сунул Приз в карман, взобрался на тираннозавра, и тот пустился вприпрыжку на юго-запад.

— Куда мы? — спросил Кармоди, еле удерживаясь при каждом прыжке.

— К моему отцу.

— А где он?

— В городе, у себя на работе. Где же ему быть еще?

Сначала они выбрались на дорогу, широкую трассу, утрамбованную ногами бесчисленных динозавров, твердую как бетон. То тут, то там они видели хардозавров, спавших возле дороги, под ивами, или гармонично мычавших низкими приятными голосами. Кармоди спросил, что это за животные. Эми сказал только, что отец считает их «серьезной проблемой».

Дорога шла через рощи берез, лавров и остролистов. В каждой роще под ветвями возились динозавры — копали землю или отгребали мусор. Кармоди спросил, что они там делают.

— Прибирают, — презрительно сказал Эми. — Домохозяйки вечно заняты уборкой.

Динозавровилль — так мысленно называл Кармоди город ящеров. По пути к нему они миновали плоскогорье с отдельными рощами, затем оказались в лесу; по-видимому, это был не естественный лес, а планомерные посадки. На опушке находился широкий пояс фиг, хлебных

деревьев и грецких орехов, за ними несколько рядов тонкоствольных гингко, а далее только сосны, иногда канадские ели. Чем дальше в лес углублялись путники, тем больше встречалось динозавров. Земля гудела под их ногами, деревья дрожали, и облака пыли вздымались в воздух. Бронированные бока скребли по бокам. Только быстрые повороты, внезапные остановки и рывки помогали избежать столкновений. А сколько рева было из-за правил уличного движения! Просто страшно было смотреть на эти тысячи бегущих махин. А вонь какая!

— Вот мы и на месте, — сказал Эми и остановился так резко, что Кармоди чуть не слетел с его шеи. — Тут мой папа.

Осмотревшись, Кардоми увидел, что Эми доставил его в небольшую рощу секвой. Здесь был как бы оазис покоя. Два динозавра медлительно прохаживались меж красными стволами, не обращая внимания на суматоху всего в пятидесяти ярдах от них. Кармоди решил, что здесь можно спешиться, не опасаясь, что тебя раздавят, и соскользнул со спины динозавра.

Один из ящеров поднял голову. Это был тираннозавр заметно больше Эми, с белыми полосами на синей коже. Его серые глаза были налиты

кровью.

— Сколько раз, — начал он недовольно, — сколько раз я просил тебя не бегать сюда?

— Прости, папа, но ты посмотри, что я…

— Ты всегда просишь прощения, — наставительно сказал старший тираннозавр, — а ведешь себя по-прежнему. Мы с матерью постоянно говорим о твоем поведении, Эми. Ни она, ни я не хотели бы, чтобы из тебя получился горластый, неотесанный битник, не имеющий понятия, как подобает вести себя воспитанному динозавру. Я люблю тебя, сын мой, но ты должен научиться…

— Папа, ты потом скажешь. Ты только посмотри!

Тираннозавр гневно взмахнул хвостом, но все же опустил голову и увидел Кармоди.

— Боже милостивый! — воскликнул он.

— Добрый день, сэр, — сказал Кармоди. — Меня зовут Томас Кармоди. Я человек. Не думаю, что сейчас на этой Земле есть другие люди или хотя бы приматы. Трудно объяснить, как я попал сюда, но я пришел с миром и все такое… — закончил он не очень вразумительно.

— Фантастика! — только и сказал отец Эми. — Говорящее млекопитающее!

— Вижу, Борг, но не верю своим глазам, — под-

держал его второй тираннозавр, примерно такого же возраста.

— Я и сам не верю, — сказал отец Эми.

Глава 20

Борг пригласил Кармоди в контору, которая помещалась под пышной листвой плакучей ивы. Сели, откашлялись, помолчали, соображая, с чего начать. Наконец Борг произнес:

— Итак, вы — млекопитающее из будущего, да?

— А вы — здешнее пресмыкающееся из прошлого?

— Никогда не думал о себе, как о существе из прошлого, — сказал Борг. — Ну, предположим, что это правда. А далеко ли будущее, откуда вы пришли?

— Сто миллионов лет или около того.

— Да, это долгий срок. В самом деле долгий.

Борг кивнул и хмыкнул. Кармоди понял, что динозавр не знает, что еще сказать. Судя по всему, Борг был рядовым обывателем: гостеприимный,

но погруженный в свои дела, хороший семьянин, но неинтересный собеседник, этакий заурядный, темный тираннозавр из среднего класса.

— Ну-ну, — произнес наконец Борг, когда молчание стало тягостным. — И как там, в будущем?

— Хлопотно, — вздохнул Кармоди. — Суматоха. Полно новых изобретений, а они только затрудняют жизнь.

— Да-да-да, — сказал Борг. — Примерно так и представляют будущее наши парни с воображением. Некоторые пишут, будто эволюция идет к тому, что млекопитающие станут доминировать на Земле. Но я считаю это передержкой, гротеском.

— Наверное, так это и выглядит, — дипломатично согласился Кармоди.

— Но ваш вид — доминирующий?

— Ну… один из доминирующих.

— А как насчет пресмыкающихся? Или точнее: как дела у тираннозавров там, в вашем будущем?

У Кармоди не хватило духу сказать, что динозавры вымрут, что они вымерли за семьдесят миллионов лет до человека, и вообще пресмыкающиеся занимают третьестепенное место в природе.

— Как дела? Именно так, как и можно было ожидать, — сказал Кармоди, чувствуя себя пифией, и к тому же трусливой.

— Хорошо! Я примерно так и думал, — сказал Борг. — Мы — крепкий народ, знаете ди, у нас есть сила и здравый смысл. Ну а много ли хлопот от сосуществования людей и ящеров?

— Нет, хлопот немного, — с легкостью сказал Кармоди.

— Рад слышать это. Я боялся, что динозавры при своих размерах станут угнетателями, тяжелыми на руку.

— Нет-нет! Даже можно сказать, что людям нравятся динозавры.

— Очень приятно, что вы так считаете.

Кармоди пробормотал еще что-то, чувствуя, что стыдится сам себя.

— Нас, динозавров, мало занимало будущее, — продолжал Борг, переходя на округлый стиль послеобеденного оратора. — Но прошлое было не столь простым. Наш вымерший предок — аллозавр — был грубым, прожорливым хищником. Его же предок — цератозавр — всего лишь карликовый карнозавр. Судя по размерам его черепной коробки, он был невероятно глуп. Были, безусловно, и другие карнозавры, а до них — потерянное

звено — древнейший предок, от которого произошли все ящеры — и четвероногие и двуногие.

— Двуногие доминировали, конечно? — спросил Кармоди.

— Конечно! Четвероногие трицератопсы — тупоголовые твари. Мы держим небольшие стада их. Шарики из их мяса очень вкусны с добавкой из рубленой бронтозаврины. Есть еще и другие виды ящеров. Хардозавры, например. Вы могли их заметить по дороге в город.

— Да, заметил. Они пели.

— Эти типы всегда поют, — сказал Борг сурово.

— Вы едите их тоже?

— Конечно нет! Хардозавры разумны. Единственные разумные существа на планете, не считая нас — тираннозавров.

— Ваш сын сказал, что они «серьезная проблема».

— Да, проблема! — подтвердил Борг вызывающим тоном.

— В каком смысле?

— Они ленивы. А также угрюмы и грубы. Я знаю, что говорю, у меня были слуги — хардозавры. У них нет самолюбия, нет стремлений, нет идей. Полжизни они не знают, кто их будет кормить, и, похоже, нисколько не тревожатся.

Они не смотрят в глаза, когда говорят с вами.

— Но они хорошо поют.

— О да, поют они хорошо. Некоторые из наших лучших исполнителей — хардозавры. И на тяжелых работах они хороши, если есть надсмотр. Внешность их подводит — этот утиный клюв… Но это не их вина, тут ничего не поделаешь. А в будущем проблема хардозавров решена.

— Да, — сказал Кармоди. — Их раса вымерла.

— Возможно, это и к лучшему, — сказал Борг. — Да, я действительно думаю, что это к лучшему.

Кармоди и Борг беседовали несколько часов. Кармоди узнал, в частности, и об урбанистических проблемах у ящеров. Лесные города переполнялись, поскольку все больше динозавров покидали деревни ради удобств цивилизации. Крайне обострилась транспортная проблема. Громадные ящеры любят скорость и очень гордятся быстротой своих рефлекторов. Но столкновения неизбежны, когда несколько тысяч динозавров одновременно ломятся через лес. И аварии трагичны, если два ящера в сорок тонн весом каждый сталкиваются на скоростях в тридцать миль в час. Сломанные шеи — сплошь и рядом. Были и другие проблемы — результат демографического взрыва. Переполненные города. Ящеры

во многих странах живут на краю голода.

— Проблем у нас масса, — вздыхал Борг. — Некоторые из лучших наших умов впали в отчаяние. Но я оптимист по натуре. Мы, ящеры, и прежде видели тяжелые времена, но сумели выстоять. И новые проблемы мы разрешим, как и прежде. По-моему, у нас, динозавров, есть врожденное благородство, искра разума. Я не могу поверить, что она погаснет.

Кармоди кивнул:

— Вы выстоите.

Что ему оставалось, кроме джентльменской лжи?

— Благодарю вас, — сказал Борг. — А сейчас, полагаю, вам надо поговорить со своим другом.

— С каким другом?

— Я имею в виду млекопитающее, которое стоит у вас за спиной.

Кармоди тотчас обернулся и увидел коротенького толстого человека в очках, с портфелем и с зонтиком в левой руке.

— Мистер Кармоди? — спросил он.

— Да, я Кармоди.

— Я — Саргис из Бюро Подоходных Налогов. Вы-таки заставили нас погоняться за вами, но от Бюро не скрыться.

Борг сказал:

— Меня это не касается.

И удалился бесшумно, с мягкостью, удивительной для такого крупного динозавра.

— Странные у вас друзья, — сказал Саргис, глядя ему вслед. — Но это не мое дело, хотя ФБР может проявить к нему интерес. Я здесь исключительно из-за налогов за 1965 и 1966 годы. В моем портфеле ордер на задержание, он в полном порядке — можете убедиться. Предлагаю вам следовать за мной. Моя машина времени на стоянке за этим деревом.

— Нет! — сказал Кармоди.

— Советую подумать, — настаивал сборщик налогов. — Ваше дело может быть разрешено к обоюдному удовлетворению заинтересованных сторон. Но оно должно решаться немедленно. Правительство Соединенных Штатов не любит, чтобы его заставляли ждать. А отказ повиноваться приказу Высшего Суда…

— Я сказал: нет! — крикнул Кармоди. — Убирайтесь вон! Я знаю, кто вы!

Ибо, вне всякого сомнения, это был его преследователь. Грубая подделка под сборщика налогов никого не могла обмануть. И портфель, и зонтик приросли к левой руке. Черты лица были

правильны, но хищник забыл про уши. И самое нелепое: колени у него отгибались назад.

Кармоди повернулся, чтобы уйти. Хищник не двинулся с места. Очевидно, он не способен был преследовать. Он взвыл от голода и ярости. И исчез.

Кармоди, однако, даже не успел поздравить себя с избавлением, потому что мгновение спустя он исчез тоже.

Глава 21

— Войдите, войдите!

Кармоди только глазами хлопал: динозавров и в помине не было, и сам он — уже не в лесу мелового периода, а в какой-то маленькой пыльной комнатенке, где каменный пол холодит ноги, окна покрыты копотью и пламя высоких свечей беспокойно дрожит от сквозняка.

За высокой конторкой сидел человек. У него был длинный нос, костлявое лицо, запавшие глаза, коричневая родинка на левой щеке, тонкие и бескровные губы.

Человек сказал:

— Я — мое преподобие Клайд Бидл Сизрайт. А вы, конечно, мистер Кармоди, которого так любезно направил к нам мистер Модсли. Садитесь, пожалуйста. Надеюсь, ваше путешествие с планеты мистера Модсли было приятным.

— Распрекрасным, — пробурчал Кармоди. Пусть это прозвучало и невежливо, но внезапные переброски из мира в мир ему уже изрядно

осточертели.

— Ну, а как поживает мистер Модсли? — спросил Сизрайт с сияющей улыбкой.

— Великолепно. А где я?

— Разве мой секретарь в приемной не объявил вам?

— Не видел я никаких секретарей и никакой приемной не видел.

— Ай-яй-яй! — нежно закудахтал Сизрайт. — Наверное, приемная опять выпала из фазы. Я уже раз десять чинил ее, но она вечно десинхронизируется. Знаете, это и клиентов раздражает, а секретарю приходится еще хуже — бедняга тоже выпадает из фазы и не может попасть домой, к семье, иногда по неделе и больше.

— Да, плохи его дела, — сказал Кармоди, чувствуя, что уже близок к истерике. — А не намерены ли вы мне объяснить все-таки, — продолжал он, еле сдерживаясь, — объяснить для начала, где я сейчас и как мне попасть домой отсюда?

— Успокойтесь, — сказал Сизрайт. — Чашечку чаю, может быть? Нет? Так вот, место это, где вы находитесь сейчас, — Всегалактическое Бюро Координат. Наш устав — на стене. Можете ознакомиться.

— А как я сюда попал?

Сизрайт улыбнулся, поиграл пальцами:

— Очень просто, сэр. Когда я получил письмо от мистера Модсли, то я распорядился предпринять розыск. Мой клерк нашел вас на Земле В3441123С22Ш. Это была явно не ваша Земля. Конечно, мистер Модсли сделал все, что мог, но определение координат — не его специальность. Поэтому я взял на себя смелость переместить вас сюда, в Бюро. Но если вы хотите вернуться на ту, вышеупомянутую Землю…

— Нет, нет, — отмахнулся Кармоди. — Но только я никак не пойму, где же… Вы, кажется, сказали, что это какая-то служба по определению координат?

— Это Всегалактическое Бюро Координат, — вежливо поправил Сизрайт.

— Значит, я не на Земле?

— Конечно, не на Земле. Или, выражаясь более строго, вы не в каком-либо из возможных, вероятных, потенциальных или темпоральных миров земной конфигурации.

— О'кей, прекрасно! — сказал Кармоди, тяжело дыша. — А вы, мистер Сизрайт, сами были когда-нибудь на какой-либо из тех земель?

— Увы, не имел счастья. По роду работы я вынужден почти безотлучно сидеть в конторе, а

досуг я провожу в кругу семьи, в своем коттедже, и…

— Так значит, — взревел Кармоди, — вы никогда не были на Земле, как сами же говорите! Так почему же, черт вас возьми, вы сидите в этой идиотской комнатенке при свечах, да еще нахлобучив цилиндр, словно вы из книжки Диккенса?! Почему, а? Мне просто хочется услышать, что вы скажете, — ведь я уже знаю этот распроклятый ответ! Просто нашелся сукин сын, который опоил меня каким-то зельем. И все мне чудится — весь этот собачий бред, и вы сами чудитесь — крючконосый ублюдок со всеми вашими ухмылками!

Кармоди шлепнулся на стул, пыхтя как паровоз и победно взирая на Сизрайта. И ждал, что теперь все рассыплется, исчезнут нелепые видения, а сам он проснется в своей кровати, в собственной квартире, или же на диване у приятеля, или, на худой конец, на больничной койке.

Но ничего не рассыпалось. Триумф не состоялся, и Кармоди почувствовал, что уже ничего не соображает, но и на это ему наплевать — так он устал…

— Вы закончили свой монолог? — ледяным тоном спросил Сизрайт.

— Кончил, — вздохнул Кармоди. — Простите.

— Не терзайтесь, — спокойно сказал Сизрайт. — Вы переутомились, это естественно. Но я ничем не сумею помочь, если вы не возьмете себя в руки. Разумное поведение может привести вас домой, дикие истерики не приведут никуда.

— Еще раз прошу: простите, — пробормотал Кармоди.

— Что касается этой комнаты, которая так вас напугала, то я декорировал ее специально для вас же. Конечно, эпоха подобрана приближенно, но это все, что мне удалось по недостатку времени. И лишь для того, чтобы вы чувствовали себя как дома.

— Это вы хорошо придумали, — сказал Кармоди. — Значит, и ваша внешность?..

— Конечно, — улыбнулся Сизрайт. — Я и себя декорировал, так же как и комнату. Это не слишком трудно. Но нашим клиентам такие штришки обычно нравятся.

— Мне тоже нравится, — согласился Кармоди. — Теперь я понимаю, что это успокаивает.

— Я и хотел, чтобы успокаивало, — сказал Сизрайт. — А насчет вашего предположения, что все это сон, что ж… в нем что-то есть!

— В самом деле?

— Предположение ценно само по себе, но вам

оно не поможет нисколько.

— Ох! — Кармоди снова повалился на стул.

— Строго говоря, — продолжал Сизрайт, — между воображаемыми и подлинными событиями существенной разницы нет. Различие только в терминах. Между прочим, сейчас вам ничего не снится, мистер Кармоди. Но, будь все это сном, вам следовало бы действовать точно так же.

— Ничего не понимаю, — сказал Кармоди. — Только верю вам на слово, что все это на самом деле… — Он засмеялся. — Но вот чего я на самом деле не понимаю: почему все так похоже? Я о том, что Галактический Центр похож на наш Радиосити, а Борг-динозавр говорит не как динозавр, даже не так, как говорящий динозавр должен бы говорить. И…

— Ради Бога, не терзайтесь!

— Простите.

— Вы хотите, чтобы я объяснил вам, — продолжал Сизрайт, — почему действительность такова, какова она есть. Но ведь это необъяснимо. Просто надо приучиться подгонять свои предрассудки к новым фактам. Не следует ожидать, что действительность станет к вам приспосабливаться. Если вы столкнулись с чем-то необычным, тут ничего не поделаешь. И если с обычным — тоже ничего

не поделаешь. Вы поняли меня?

— Пожалуй, да.

— И отлично. Так вы уверены, что не хотите чаю?

— Спасибо, не хочу.

— Тогда подумайте, как доставить вас домой. В гостях хорошо, а дома лучше. Не так ли?

— Конечно, лучше, — согласился Кармоди. — А вам это очень трудно?

— Трудно? Я бы так не сказал, — протянул Сизрайт. — Это дело, конечно, сложное, требующее точности и даже связанное с известным риском. Но трудным я бы его все-таки не назвал.

— А что вы считаете действительно трудным?

— Квадратные уравнения, — не задумываясь ответил Сизрайт. — Никак не могу научиться решать их, хотя пробовал миллион раз. Вот это, сэр, настоящая трудность. Однако вернемся к вашему делу.

— А вы знаете, куда ушла моя Земля? — спросил Кармоди.

— «Куда» — это не проблема. «Куда» вас уже доставили, правда, толку от этого не было, поскольку «Когда» оказалось таким далеким от искомого. Но теперь, я полагаю, мы попадем в ваше личное «Когда» без лишней возни. «Какая»

Земля — вот в чем фокус!

— Это непреодолимо?

— Вообще-то преодолимо, — успокоил Сизрайт. — Всего-навсего мы должны рассортировать Земли и выяснить, которая из них ваша. Дело простое. Как сказали бы у вас: все равно, что подстрелить рыбу в бочке.

— Никогда не пробовал, — сказал Кармоди. — А это легко?

— Вопрос в том, какая рыба и какая бочка. Акулу в ванне вы подстрелите без труда. Значительно трудней попасть в кильку в цистерне. Все зависит от масштаба. Но все-таки вы должны признать, что и в том и в другом случае принцип одинаковый и весьма простой.

— Да, наверное, — согласился Кармоди. — Но хоть это и просто в принципе, не понадобится ли слишком много времени, если вариантов чересчур много?

— Не совсем так, но верно подмечено, — просиял Сизрайт. — Сложность, знаете ли, полезна иногда. Она способствует классификации и идентификации.

— Ну хорошо… А теперь что будет?

— А теперь мы приступим к делу! — воскликнул Сизрайт, энергично потирая руки. — Мы тут

с коллегами подобрали некоторое количество миров. И, между прочим, полагаем, что ваш мир должен оказаться среди них. Но опознать его можете только вы сами, конечно.

— Я должен буду присмотреться?

— Что-то в этом роде. Точнее, вы должны вжиться в эти миры. И каждый раз, как только разберетесь, сообщайте мне, попали мы с вами в ваш мир или в какой-то иной. Если это ваш мир — делу конец. Если иной, переместим вас в следующий из вероятных.

— Весьма разумно, — согласился Кармоди. — А много у вас этих вероятных Земель?

— Невероятное множество! Но у нас есть надежда на быстрый успех, если только…

— Что «если»?

— Если только хищник не догонит вас раньше.

— Мой хищник?

— Он все еще идет по следу, — сказал Сизрайт. — И, как вы теперь знаете, устраивает вам ловушки, а материал для ловушек берет из ваших воспоминаний. Эти «земноформные сцены» — я так бы их назвал — должны убаюкать вас, обмануть и заставить, ничего не подозревая, идти к нему прямо в пасть.

— И он будет вторгаться во все ваши миры?

— Конечно, безопасного убежища нет. Но вы меня спрашивали раньше о снах и действительности. Так вот, запомните: все доброе действует открыто; все злое непременно хитрит, трусливо прикрываясь иллюзиями, масками, грезами.

— А вы можете что-нибудь предпринять против моего хищника? — спросил Кармоди.

— Нет, не могу. И ничего не сделал бы, даже если бы и мог. Хищничество — закон природы. Даже и боги иногда уничтожаются Роком. Вы не должны быть исключением из универсального закона природы.

— Так я и думал, что вы скажете что-нибудь в таком роде, — вздохнул Кармоди. — Но может быть, вы дадите мне намек, признак, укажете, как угадать моего хищника?

— Для меня-то отличие очевидно, — сказал Сизрайт. — Но мы с вами мир воспринимаем поразному. Вам не помогут мои наблюдения, мне не помогут ваши. Ну что ж, пока вам удавалось уходить благополучно.

— Да, мне везло. Пока…

— Значит, вы счастливчик. Вот у меня есть мастерство, но нет везенья. И кто скажет, что важнее? Не я, сэр. И конечно, не вы. Так что мужайтесь, мистер Кармоди. Смелость, знаете… э-э…

планеты берет. Верно? Так что изучайте миры, берегитесь иллюзий, выходите сухим из воды и не прозевайте с перепугу свой подлинный мир.

— А что, если я прозеваю нечаянно?

— Тогда ваши поиски не кончатся никогда. Только вы сами можете узнать свою настоящую Землю. Если же вы не найдете ее среди самых вероятных, будем искать среди менее вероятных, потом — среди наименее вероятных. Число возможных Земель не бесконечно, но у вас просто жизни не хватит осмотреть их все и опять начать сначала.

— Ну ладно, — неуверенно сказал Кармоди. — Видно, у меня нет другого пути.

— У меня нет другого способа помочь вам, — подтвердил Сизрайт. — И не думаю, что вообще есть другие способы. Если хотите, я наведу справки в соседней галактической системе. Но это потребует известного времени.

— Боюсь, что у меня нет времени, — вздохнул Кармоди. — Вероятно, мой хищник уже близко. Прошу вас, мистер Сизрайт, приступайте. Посылайте меня в ближайшую из вероятных Земель. И благодарю вас за внимание и терпение.

— Пожалуйста, — легко согласился Сизрайт, явно довольный. — Будем надеяться, что самый

первый мир и окажется тем, который вы ищете.

Он нажал кнопку на своем столе. В первый миг ничего не произошло. Но как только Кармоди мигнул, все свершилось. Его поставили на свое место — прямиком на Землю.

Часть IV. Какая Земля?

Глава 22

Кармоди оказался на опрятной, хорошо возделанной равнине под синим небом и с золотым солнцем над головой. Впереди в полумиле от него виднелся небольшой город. Он был построен не в американской манере — с бензиновыми колонками на окраине, рядами сосисочных, мотелей и с крепостной стеной свалок. Скорее, он был похож на итальянский городок на холме или же на швейцарскую деревню, которая возникает перед вами внезапно и так же внезапно обрывается без предупреждения.

Несмотря на такую чужеземную внешность, Кармоди был уверен все же, что городок этот американский. И он осторожно двинулся к городу со все возрастающим напряжением, готовый стремительно бежать, если что окажется не так.

Однако все, казалось, было в порядке. Город

выглядел приветливо, улицы просторные. Свободное что-то ощущалось в широких эркерах на фасадах. И далее нашлось много приятного. В центре города Кармоди вышел на площадь, похожую на римскую «пьяццу». В середине ее был фонтан с мраморной копией мальчика с дельфином. Из пасти дельфина била чистая струя воды.

— Надеюсь, вам понравилось? — произнес голос за плечом Кармоди.

Он не отпрыгнул в ужасе. Даже не повернулся. Начал уже привыкать к голосам, раздающимся за спиной. В Галактике, видимо, многим нравилась такая манера обращения.

— Очень мило выглядит, — сказал Кармоди.

— Я сам построил все это, — продолжал голос. — Мне кажется, что фонтан, хотя назначение его устарело, воздействует эстетически. А эта пьяцца со скамьями и тенистыми ореховыми деревьями — точная копия Болонской. Снова повторю: я не боюсь упреков в старомодности. Истинный художник, так кажется мне, использует все, что считает необходимым — тысячелетнее и сиюминутное.

— Я одобряю вас, — сказал Кармоди. — И позвольте представиться. Меня зовут Томас Кармоди.

Улыбаясь, он обернулся с протянутой рукой, но за спиной его не было никого. Вообще ни единого человека не было на площади, никого в поле зрения.

— Извините меня, — произнес голос. — Я не хотел напугать вас. Я думал, что вы знаете…

— Знаю что? — спросил Кармоди.

— Знаете обо мне.

— Понятия не имею. Кто вы? Откуда говорите?

— Я голос города, — сказал голос. — Или, выражаясь точнее, я и есть город. Город говорящий.

— Факт налицо, — сказал Кармоди насмешливо. — Слышу — говорящий. Итак, вы — город. Большое дело!

Кармоди даже не очень удивился. Ему надоело, по правде говоря. Столько он уже повстречал существ с чудесными силами, столько раз его швыряли из одного конца Вселенной в другой. Силы, твари и воплощения кидались на него со всех сторон, так что временами он терял хладнокровие. Кармоди был рассудительным человеком, он понимал, что существует межзвездная иерархия и человек в ней ценится не слишком высоко. Но у него была и гордость, он считал, что и человек чего-то стоит, и не только для себя самого. Самоуважения Кармоди пока не утратил.

И потому он отвернулся от фонтана, спокойно пересек площадь, как человек, который каждый день разговаривает с городами, чудеса такие ему наскучили. Он прошел по нескольким улицам, заглянул в витрины лавок, отметил размеры домов постоял у скульптур, но не слишком долго.

— Ну? — спросил город через некоторое время.

— Что «ну»?

— Что вы думаете обо мне?

— Вы — о'кей.

— Только о'кей?

— Видите ли, — сказал Кармоди. — Город — это город. Когда знаете один, в сущности, вы знаете все города.

— Это неправда, — сказал город, явно уязвленный. — Я заметно отличаюсь от всех других городов. Я — уникум.

— В самом деле? — Кармоди пожал плечами. — А по-моему, вы выглядите, как конгломерат плохо подогнанных частей. У вас итальянская площадь, группа греческих статуй, ряд тюдоровских домов, нью-йоркские кварталы старого стиля, калифорнийские сосисочные, похожие на портовые буксиры, и Бог знает, что еще. Что тут уникального?

— Уникальна комбинация всех этих форм в

осмысленном ансамбле, — возразил город. — У меня внешнее разнообразие во внутреннем единстве. Эти старые формы не анахронизмы, видите ли, они являются стилями жизни, хорошо организованной машиной для житья.

— Но это ваше личное мнение, — сказал Кармоди. — Между прочим, есть у вас имя?

— Конечно, есть. Мое имя Беллуэзер[24]. Беллуэзер, штат Нью-Джерси. А не хотите ли вы кофе, или же сэндвич, или свежих фруктов?

— Кофе хорошо бы, — охотно сказал Кармоди и позволил городу проводить себя за угол в кафе на открытом воздухе. Оно называлось «Ну-ка, мальчик!» и было точной копией салуна веселых девяностых, с пианино, лампами в стиле Тиффэни и канделябрами из резного стекла. Там было очень чисто, как и повсюду в этом городе, но людей не было совсем.

— Прекрасная обстановка, как по-вашему? — спросил город.

— Походная, — сказал Кармоди. — О'кей, если вам нравится такой стиль.

Дымящаяся кружка капуччино сама собой спустилась на стол на подносе из нержавеющей

---

[24] notes: 24
Беллуэзер означает «хорошая погода». *(Прим. перев.).*

стали.

— По крайней мере обслуживают здесь хорошо, — добавил Кармоди, и отхлебнул кофе.

— Хорошо? — спросил город.

— Да, очень.

— Я горжусь моим кофе, — заявил Беллуэзер. — И моей кухней тоже. Хотите попробовать? Омлет, например, или суфле?

— Нет, спасибо, — сказал Кармоди твердо. И откинувшись на спинку стула, добавил: — Так что, вы — образцовый город?

— Я хотел бы заслужить такую честь, — сказал Беллуэзер. — Я новейшая, самая последняя модель и, надеюсь, наилучшая. Я был задуман объединенной исследовательской группой из университетов Дэйла и Чикаго, которая работала в фонде Рокфеллера. Большую часть деталей спроектировали в М.I.Т, а некоторые специальные разделы пришли к нам из Принстона или из Рэнд Корпорейшен. Главным подрядчиком была компания «Дженерал электрик», а деньги пожертвовал фонд Форда, а также другие организации, которые я не имею права назвать.

— Интересная история, — заметил Кармоди с невыносимым безразличием. — А этот собор на той стороне готический, да?

— Да, готический целиком, — подтвердил Беллуэзер. — Но он межрелигиозный, открыт для верующих любой религии. Зал со скамьями для молящихся на триста мест.

— Не так уж много для такого здания, — сказал Кармоди.

— Конечно, не так много. Но я хотел сочетать благоговение с комфортом. Людям это нравится, — возразил город.

— А где люди, между прочим? — поинтересовался Кармоди. — Я не видел никого.

— Они ушли, — сказал город скорбно. — Все ушли.

— Почему?

Беллуэзер помолчал, затем выговорил через силу:

— Получился разлад. Непонимание или несчастливая цепь недоразумений. Подозреваю, что подстрекатели подстроили этот исход.

— Но что именно в точности произошло? — настаивал Кармоди.

— Не знаю, в самом деле не знаю, — сказал Беллуэзер. — Однажды они ушли все. Именно так. Но я надеюсь, что они вернутся назад.

— Возможно, вернутся, — согласился Кармоди.

— Я уверен, что вернутся, — сказал город твер-

до. — И между прочим, почему бы и вам не остаться здесь, мистер Кармоди?

— Мне? Я как-то не думал об этом.

— Но похоже, что вы устали от путешествия. Уверен, что вам надо отдохнуть.

— Да, я немало пространствовал, — вздохнул Кармоди.

— Может быть, вам и понравится у меня, — сказал Беллуэзер. — И во всяком случае у вас будет уникальный опыт: самый современный город, и весь к вашим услугам.

— Звучит заманчиво, — протянул Кармоди. — Я должен подумать.

Его заинтересовал образцовый город Беллуэзер, но он насторожился все-таки. Ему хотелось точно знать, что именно случилось здесь, почему все жители покинули город.

Глава 23

По настоянию Беллуэзера Кармоди спал в эту ночь в роскошном свадебном номере отеля «Король Георг V». Проснулся поутру свежий, бодрый

и благодарный.

Беллуэзер сервировал ему завтрак на террасе и исполнил веселый квартет Гайдна, пока Кармоди насыщался. Воздух был чистейший, он фильтровался. Сам Кармоди не догадался бы, но город не забыл пояснить. И температура, и влажность были идеальны. И вид с террасы открывался превосходный: приятный ансамбль из китайской пагоды, венецианских мостиков, японских каналов, норманнской башни и многого еще.

— Прекрасные виды у вас, — похвалил Кармоди.

— Я рад, что вам нравится, — отозвался тут же город. — Мой стиль обсуждался всесторонне с тех пор, как я был заложен. Одна группа зодчих стояла за единство, за гармонию форм, слитых в единое целое. Но это уже бывало в истории. И таких моделей совсем немного сейчас. Они скучны — эти искусственные творения, созданные одним человеком или одним комитетом. Они не похожи на живые города.

— Но вы и сами искусственное творение, — возразил Кармоди.

— Конечно — согласился город. — Но я и не претендую ни на что другое. Я не фальшивый «город будущего» и не флорентийский ублю-

док. Я — конгломерат. Я должен интересовать, волновать и вместе с тем быть практичным и функциональным.

— Для меня вы — о'кей, — констатировал Кармоди. И добавил: — А случалось вам беседовать с другими городами, похожими на вас?

— Нет, не случалось, — сказал Беллуэзер. — До сих пор другие образцовые города не могли произнести ни единого слова. Но жителям нравится это новшество. Они не любят городов, которые делают свое дело безмолвно. Вот почему я и был создан с искусственным интеллектом.

— Понимаю, — согласился Кармоди.

— Хорошо, что вы поняли. Искусственное сознание очень важно в эпоху всеобщего обезличивания. Оно позволяет творчески подходить к потребностям потребителей. Мы можем рассуждать совместно — я и мои жители, можем, постоянно ведя диалог, помочь друг другу в создании жизнеспособной обстановки. Можем изменять друг друга, не теряя индивидуальности.

— Звучит превосходно, — сказал Кармоди. — Но, к сожалению, вам не с кем вести диалог.

— Это единственная брешь в схеме. Но сейчас у меня есть вы.

— Да, я у вас, — повторил Кармоди. И удивился, почему эти слова звучат неприятно.

— И у вас есть я, само собой разумеется, — подхватил Беллуэзер. — Взаимные отношения, единственно достойные. А теперь, дорогой Кармоди, я считаю, что показал вам себя всесторонне. Теперь вы можете вселиться в меня, и все будет в порядке.

— Что именно будет в порядке?

— Я имел в виду слово в точном его значении. Это не слишком удачное научное выражение, но вы понимаете, наверное, что взаимные отношения требуют и взаимных обязательств.

— Но отношения могут быть и свободные.

— Мы стараемся уйти от этого, — сказал Беллуэзер. — Свободные отношения — это доктрина для эмоций, знаете ли, и они ведут к беззаконию, к вседозволенности. А сейчас, если вы пойдете по этой дороге…

Кармоди отправился, как ему посоветовал Беллуэзер, осматривать его достопримечательности. Он посетил силовые установки, водно-фильтрационную систему, заводской район, секцию легкой промышленности. Осмотрел Детский парк и Дворец Старости. Обошел музей и картинную галерею, осмотрел концертный зал,

театр, цветочную аллею, бильярдную, автотрек и кино. Он устал, стоптал ноги, хотел уже было остановиться, но Беллуэзер настаивал на полной самодемонстрации. Кармоди пришлось еще осмотреть пятиэтажное здание Американского Образа и Португальскую синагогу, статую Бэкминстера Фуллера, автовокзал, междугороднюю автобусную станцию и многое другое. Он пришел к выводу, что чудеса образцового города не лучше и не хуже, чем чудеса Галактики. Поистине красотой наслаждаются глаза, а отвечают за это ноги.

— Небольшая закуска теперь, — предложил наконец Беллуэзер.

— Превосходно, — поддержал Кармоди.

Его проводили в модное кафе Рошамбо, где он начал с картофеля потаж о пти-фуа и закончил печеньем пти-фур.

— Не завершить ли хорошим сыром грюер? — предложил Беллуэзер.

— Нет, благодарю вас, — сказал Кармоди. — Я сыт, я очень сыт.

— Но сыр не переполняет желудок. Камамбер хотите?

— Спасибо, спасибо, я больше не могу.

— Фрукты, может быть? Фрукты освежают небо.

— Спасибо, мое небо не нуждается в освежении.

— По крайней мере хотя бы яблоко? Грушу? Кисть винограда?

— Спасибо, нет!

— Парочку вишенок?

— Нет, нет, нет!

— Трапеза не закончена без фруктов, — настаивал Беллуэзер.

— Моя трапеза закончена.

— Только во фруктах есть некоторые важные витамины.

— Я обхожусь без них.

— Может быть, половинку апельсина? Я очищу ее для вас. Цитрусовые не занимают никакого места в желудке.

— Не могу. Не в состоянии.

— Хотя бы четверть апельсина.

— Решительно: нет!

— Вы доставили бы мне удовольствие, — настаивал Беллуэзер. — У меня полный комплекс в меню, но никакая еда не завершена без кусочка фруктов.

— Нет! Нет! Нет!

— Ну ладно, не волнуйтесь так, — уступил Белуэзер. — Если вам не нравится мое угощение,

тогда все кончено у нас.

— Но мне все нравится.

— Если нравится, почему вы не хотите фруктов?

— Ну хватит, — сказал Кармоди. — Дайте мне винограда.

— Я не хотел бы заставлять вас силой.

— Вы не заставляете. Дайте, пожалуйста!

— Вы уверены, что вам хочется?

— Давай же! — закричал Кармоди.

— Так берите. — И Беллуэзер сотворил чудесную ветвь мускатного винограда. Кармоди съел все. Виноградины были очень хороши.

— Извините. Что вы делаете? — спросил Беллуэзер.

Кармоди выпрямился и открыл глаза.

— Я вздремнул. Что тут плохого?

— Плохого ничего. Это так естественно.

— Спасибо! — Кармоди закрыл глаза снова.

— Но какой же сон сидя? — не успокаивался Беллуэзер.

— Я уже сплю.

— У вас будет растяжение мышц, — предупредил город.

— Не беспокойтесь, — промычал Кармоди с закрытыми глазами.

— Почему бы вам не поспать с удобством, на кушетке.

— Я уже сплю с удобством.

— Нет, вам неудобно на самом деле. Человек не приспособлен к сидящему сну.

— В данный момент мой организм приспособился.

— Ну почему бы вам не прилечь на кушетку?

— Мне и на стуле хорошо.

— Но кушетка гораздо лучше. Пожалуйста, ложитесь, Кармоди. Кармоди!

— Э, что там? — спросил Кармоди, очнувшись.

— Кушетка! На кушетке отдыхать гораздо лучше.

— Ну хорошо, — сдался Кармоди. — Где кушетка?

Его проводили вниз по улице, за угол, в здание с вывеской «Дремотная». Там стояла дюжина кушеток. Кармоди двинулся к ближайшей.

— Нет, не эта, — предупредил Беллуэзер. — У нее плохие пружины.

— Неважно. Я улягусь между ними.

— Но у вас будет судорога в итоге.

— О Боже! — воскликнул Кармоди. — На какую же прикажете лечь?

— На ту, сзади, — указал Беллуэзер. — Это коро-

левская кушетка, лучшая из всех. Эффективность ее проверена научно. Подушка…

— Хорошо, прекрасно, великолепно, — бурчал Кармоди, ложась на указанную кушетку.

— Хотите какую-нибудь музыку?

— Не беспокойтесь!

— Как вам угодно. Я потушу свет?

— Прекрасно!

— Дать вам одеяло? Я регулирую температуру, конечно, но у спящих иногда особенная чувствительность к холоду.

— Не имеет значения. Оставьте меня!

— Хорошо. К сожалению, я не могу последовать вашему примеру: Лично я не сплю никогда.

— Очень жаль.

— Нет, меня жалеть нечего. Тут все в порядке, — сказал Беллуэзер.

Наконец наступило молчание. Но через некоторое время Кармоди сел.

— В чем дело? — заволновался Беллуэзер.

— Не могу заснуть! — сказал Кармоди.

— Постарайтесь закрыть глаза и расслабить каждый мускул, начиная с большого пальца ноги и так вплоть до…

— Я не могу заснуть! — закричал Кармоди.

— Может быть, вы недостаточно хотите спать.

Но тогда вы можете отдыхать с закрытыми глазами.

— Нет! — отрезал Кармоди. — Не хочу спать и не хочу отдыхать.

— Упрямец! — посетовал Беллуэзер. — Делайте, что вам хочется. Я старался как лучше…

— Э-эх! — вздохнул Кармоди, вставая на ноги и выбираясь из «Дремотной».

Стоя на горбатом мосту, Кармоди смотрел на голубую лагуну.

— Это копия моста Риальто в Венеции, — сказал Беллуэзер. — В уменьшенном масштабе, конечно.

— Знаю, — сказал Кармоди. — Я прочел вывеску.

— Очаровательно, не правда ли?

— Да, довольно красиво, — согласился Кармоди, зажигая сигарету.

— Вы ужасно много курите, — посетовал Беллуэзер.

— Знаю. Я люблю курить.

— Заботясь о вашем здоровье, я должен напомнить вам, что доказана связь между курением и раком легких.

— Знаю.

— Вы проживете дольше, если перейдете к

трубке.

— Мне не нравится трубка.

— А как насчет сигары?

— И сигар не люблю. — Кармоди зажег еще одну сигарету.

— Это уже третья за последние пять минут.

— Черт побери, я буду курить столько, сколько хочу! — взорвался Кармоди.

— Да, конечно, будете, — сказал город. — Но я старался для вашей же пользы. Разве вы хотите, чтобы я был тут рядом с вами и молча смотрел, как вы губите свое здоровье?

— И хочу, — сказал Кармоди.

— Не хочу поверить, что вы на самом деле хотите этого. И тут налицо этический императив. Человек может действовать против самого себя, но машина не позволит дойти до такой степени извращенности.

— Уйдите прочь! Не стойте у меня за спиной! Вы совсем зажали меня.

— Зажал вас? Дорогой Кармоди, разве я рассердил вас? Что я делал? Только добрые советы давал.

— Слишком много советов! — Кармоди зажег сигарету.

— Это уже четвертая за пять минут.

Кармоди открыл было рот, чтобы выругаться как следует, но передумал и пошел прочь.

— А это что? — спросил он.

— Автомат. Выдает сласти.

— Не похож с виду.

— И все же это автомат. Я скопировал проект силосной башни Сааринена. Уменьшил, конечно, и…

— А как он работает?

— Очень просто. Нажмите красную кнопку. Подождите немножко. Теперь надавите на этот рычажок в ряду А. И нажмите зеленую кнопку. Ту.

Плитка «Бэйб Рут» скользнула в руку Кармоди. Он сорвал обертку, откусил кусочек.

— Настоящая «Бэйб Рут» илй копия? — спросил он.

— Самая настоящая. Я заключил контракт с фирмой.

Кармоди хмыкнул и отлепил обертку от пальцев.

— А это уже, — сказал город, — постоянный пример непростительной беспечности.

— Кусочек бумажки всего лишь, — пожал плечами Кармоди, глядя на обертку, упавшую на безукоризненно чистую мостовую.

— Конечно, только кусочек бумажки, — посетовал Беллуэзер, — но если умножить его на сто тысяч жителей, что получится тогда?

— Сто тысяч кусочков бумажки, — пошутил Кармоди.

— Мне это не кажется смешным, — сказал город. — Вы сами не захотели бы жить среди всех этих бумажек, уверяю вас. Вы первый пожаловались бы, если бы все улицы были завалены мусором. Но разве вы убираете за собой? Конечно нет! Вы предоставляете это мне, хотя у меня достаточно дел в городе, дневных и ночных, по воскресным дням тоже.

— Вы так и будете продолжать? — спросил Кармоди. — Ладно, я подберу ее.

Он нагнулся за брошенной оберткой, но прежде, чем его пальцы прикоснулись к бумажке, щипцы высунулись из ближайшего колодца, схватили бумажку и спрятались.

— Все в порядке, — сказал Беллуэзер. — Я привык убирать за людьми. Я делаю это всегда.

— Ох ты! — произнес Кармоди.

— Делаю, не ожидая благодарности, — заключил Беллуэзер.

— Я благодарен, благодарен!

— О нет!

— Ну ладно, я не благодарен. Что вы хотите сказать этим?

— Я ничего не хочу сказать. Будем считать, что инцидент исчерпан.

— Достаточно? — спросил Беллуэзер после обеда.

— В высшей степени.

— Вы едите немного.

— Я ел, сколько хотелось. Все было очень вкусно.

— Если все очень вкусно, почему вы не кушаете больше?

— Потому что больше не хочу.

— Если бы вы не перебили аппетит этой сладостью…

— О черт! Сладкое не портит мне аппетита. Как раз…

— Вы опять закуриваете?

— Ох!

— Вы не можете потерпеть немножко?

— Слушайте, — взорвался Кармоди. — Какого черта вы…

— У нас есть более важные темы, — быстро перебил Беллуэзер. — Подумали вы, как зарабатывать на жизнь?

— У меня не было времени подумать.

— Хорошо. Но я подумал за вас. Неплохо было бы, если бы вы стали доктором.

— Я — доктором? Идти учиться в колледж и в Медицинский институт и так далее?

— Я все это устрою.

— Не интересуюсь.

— Ну… а стать юристом?

— Никогда!

— Инженером? Прекрасное дело…

— Не для меня.

— Бухгалтером?

— Нет! Даже для спасения вашей жизни.

— Так кем же вы хотите стать?

— Летчиком, — неожиданно выпалил Кармоди. — На ракетоплане.

— О, что вы?!

— Совершенно серьезно.

— У нас даже нет аэродрома.

— Тогда я буду летчиком в другом месте.

— Вы говорите это мне назло?

— Ничуть! Я хочу быть летчиком. На самом деле. Я всегда хотел быть летчиком. Честное слово.

Последовало долгое молчание. Затем Беллуэзер произнес:

— Выбор полностью в ваших руках. — Сказано это было замогильным голосом.

— Куда вы идете?

— Погулять.

— Так поздно? В половине десятого?

— Ну да! А почему не пойти?

— Я думал, что вы устали.

— Раньше устал.

— Но мы могли бы поговорить немного.

— Давайте поговорим, когда я вернусь.

— Это не играет роли.

— Верно, гулянье не играет роли, — согласился Кармоди, усаживаясь. — Поговорим.

— У меня больше нет настроения. Пожалуйста, идите гулять.

— Ну, покойной ночи! — сказал Кармоди…

— Прошу прощения!

— Я сказал: «Покойной ночи».

— Вы идете спать?

— Ну да! Уже поздно. Я устал.

— Вы намерены лечь прямо так?

— А почему бы нет?

— Можно лечь, конечно. Но вы забыли помыться.

— О! Верно, забыл. Но я помоюсь утром.

— Когда вы принимали ванну в последний раз?

— Очень давно. Я приму утром.

— Не лучше ли принять ее прямо сейчас?

— Нет!

— Даже если я приготовлю ванну для вас?

— Нет! Нет, черт побери! Я иду спать.

— Делайте как хотите, — сказал Беллуэзер. — Не мойтесь, не учитесь, не соблюдайте диету. Но потом не корите меня.

— Вас корить? За что?

— За что-либо.

— Конкретно, что вы имеете в виду?

— Это неважно.

— Тогда зачем вы так настаиваете?

— Я думаю о вас, — сказал Беллуэзер.

— Я понимаю.

— Тогда вы должны понять, что я не стану счастливее от того, умылись вы или нет.

— Уверен, что не станете.

— Когда заботишься о ком-то, — продолжал Беллуэзер, — когда чувствуешь ответственность, неприятно выслушивать проклятия.

— Я не проклинал вас.

— Сейчас нет. Но раньше…

— Ну… я нервничал.

— Это из-за куренья у вас нервы не в порядке.

— Не начинайте опять.

— Я не начинаю, — сказал Беллуэзер. — Дымите

сколько угодно, дымите как печная труба. Какое мне дело? Это же ваши легкие.

— Правильно, черт возьми, — согласился Кармоди, закуривая.

— Ваши легкие, но мой крах! — сказал Беллуэзер.

— Нет, нет. Не говорите так, пожалуйста.

— Забудьте, что я сказал.

— Хорошо, забыл.

— Иногда я бываю придирчив.

— Верно, это есть.

— И это особенно трудно, потому что я прав. Ведь я же прав, вы это знаете.

— Знаю! — крикнул Кармоди. — Вы правы, правы, вы всегда правы. Правы, правы, правы, правы, правы!

— Не перевозбуждайтесь перед сном. Хотите стакан молока?

— Не хочу.

— Вы уверены?

Кармоди закрыл руками глаза. Он чувствовал себя очень виноватым, хилым, грязным, болезненным и неряшливым. Чувствовал себя скверным целиком и полностью и безнадежно… Но где-то в глубине души он нашел силы, чтобы крикнуть:

— Сизрайт!

— Кого вы зовете? — взволновался город.

— Сизрайт! Где вы?

— Почему я теряю вас? — спрашивал Беллуэзер. — Объясните!

— Сизрайт! — взывал Кармоди. — Возьмите меня отсюда! Это не та Земля!

Треск, хруст, щелк. И Кармоди оказался в другом месте.

Глава 24

Хушш! Крруш! Крроу! И вот мы попали куда-то, но кто знает, куда, когда и на какую Землю? Будьте уверены, только не Кармоди, который оказался в городе, очень похожем на Нью-Йорк. В очень похожем, но в том ли?

— Это Нью-Йорк? — спросил Кармоди.

— А черт его знает, — ответил кто-то.

— Вопрос был задан риторически, — сказал Кармоди.

— Я понимаю, — ответил голос. — Но поскольку я изучал риторику, вот я и отозвался.

Кармоди огляделся и сообразил, что голос исходит из черного зонтика, который он держит в руке.

— Это ты, Приз?

— Конечно, я. А ты что подумал? Разве я должен быть на шотландского пони похож?

— А где ты был раньше, пока меня пичкали в этом образцовом городе?

— В отпуске. В коротком, но заслуженном отпуске, — сказал Приз. — И ты не имеешь права на это жаловаться. Отпуска оговорены в соглашении между Амальгамированными Призами Галактики и Лигой Получателей.

— Я и не жалуюсь, — сказал Кармоди. — Я просто так… А, неважно. Вот что важно: это место — точь-в-точь моя Земля! Точь-в-точь — Нью Йорк!

Вокруг был город. Потоки людей и машин. Вспышки вывесок. Полно театров, полно киосков, полно народу. Полно магазинов с объявлениями о дешевой распродаже по случаю закрытия. Полно ресторанов — самые большие назывались «Северянин», «Южанин», «Восточник», «Западник», и во всех — фирменные бифштексы и картофельная соломка. Кроме того, были еще «Северо-восточник», «Юго-западник», «Восток-

северо-восточник» и «Запад-северо-западник». Кинотеатр на той стороне улицы анонсировал «Апокриф» («Грандиозней, красочней и увлекательней, чем «Библия»!!! Сто тысяч статистов!»). Рядом была дискотека «Омфала», где выступала труппа народного рок-н-ролла по имени «Говнюки». И девчонки-подростки в платьицах «миддллесс» танцевали там под хриплую музыку.

— Вот это — веселая жизнь! — воскликнул Кармоди, облизывая губы.

— Я слышу только звон монет в кассе, — сказал Приз тоном моралиста.

— Не будь ханжой, — сказал Кармоди. — Кажется, я дома.

— Надеюсь, что нет, — возразил Приз. — Это место действует мне на нервы. Присмотритесь как следует. Помни, что сходство — не тождество.

Но Кармоди видел же своими глазами, что это угол Бродвея и 50-й улицы. Вот и вход в метро — прямо перед ним. Да-да, он дома! И он поспешил вниз по лестнице. Все было знакомо, радовало и печалило одновременно. Мраморные стены гноились сыростью. Блестящий монорельс, выходя из одного тоннеля, исчезал в другом…

— Ох! — вскрикнул Кармоди.

— В чем дело? — спросил Приз.

— Ни в чем… Я передумал. Пожалуй, лучше пройтись по улице.

Кармоди поспешно повернул назад — к светлому прямоугольнику неба. Но дорогу преградила откуда-то взявшаяся толпа. Кармоди стал проталкиваться сквозь нее к выходу, а толпа тащила его назад. Мокрые стены метро вздрогнули и начали судорожно пульсировать. Сверкающий монорельс соскочил со стоек и потянулся к нему, словно бронзовое змеиное жало. Кармоди побежал, опрокидывая встречных, но они тут же вставали на ноги, словно игрушки-неваляшки. Мраморный пол сделался мягким и липким. Ноги Кармоди увязли, люди сомкнулись вокруг него, а монорельс навис над головой.

— Сизрайт! — завопил Кармоди. — Заберите меня отсюда!

— И меня! — пискнул Приз.

— И меня! — завизжал хищник, ибо это он притворился подземкой, в пасть которой так неосторожно влез Кармоди.

— Сизрайт!

И ничего! Все осталось, как было, и Кармоди с ужасом подумал, что Сизрайт мог и отлучиться: вышел пообедать, или же в уборную, или загово-

рился по телефону. Голубой прямоугольник неба становился все меньше, выход как бы запирался. Фигуры вокруг потеряли сходство с людьми. Стены сделались пурпурно-красными, вздулись, напряглись и начали сдвигаться. Гибкий монорельс жадно обвился вокруг ног Кармоди. Из утробы хищника послышалось урчанье и обильно пошла слюна. (Давно известно, что все кармодиеды неопрятны как свиньи и совершенно не умеют вести себя за столом.)

— Помогите! — продолжал вопить Кармоди. Липкий сок уже разъедал подметки. — Сизрайт, помогите!

— Помогите, помогите ему! — зарыдал и Приз. — Или же, если это слишком трудно, помогите хотя бы мне. Вытащите меня отсюда, и я обещаю торжественно: я дам объявления во все ведущие газеты, созову комитеты, организую группы действия, выйду на улицы с плакатами, все для того, чтобы убедить мир, что Кармоди не должен остаться неотмщенным. И в дальнейшем я посвящу себя…

— Кончай болтать! — сказал голос Сизрайта. — Стыдно! Что же касается вас, Кармоди, вы должны думать, прежде чем лезть в пасть своего пожирателя. Моя контора создана не для того,

чтобы вытаскивать вас из его зубов в самый последний момент.

— Но сейчас-то вы меня спасете? Спасете, да? — умолял Кармоди.

— Уже сделано! — сказал Сизрайт.

И было сделано.

Глава 25

Сизрайт на этот раз неважно, должно быть, справился с перемещением. Только после длительной паузы Кармоди оказался в другом городе, очень похожем на Нью-Йорк, на заднем сиденье такси и в разгаре разговора с водителем.

— Чего сказал-та? — спрашивал тот.

— А ничего, — ответил Кармоди.

— А мне казалось, сказал-та. А я сказал-та. А я сказал-та — та новая махина — это Фламмарион.

— Знаю, — услышал свой голос Кармоди. — Это я строил его.

В нем сейчас жили два Кармоди. Слова эти и действия были естественны для одной части Я (активного Кармоди), в то время как другая

(рефлективное Я) наблюдала сама за собой с некоторым удивлением.

— Правда, строили? — продолжал таксист. — А сейчас кончили, да?

— Да, кончил, — ответило активное Я. При этом он вынул сигарету изо рта, нахмурился и выбросил окурок в окно. — С этой дрянью я тоже кончил, — сказал он.

— Что же не сказал-та? — спросил таксист. — Попробуй мои.

Кармоди посмотрел на открытую коробку.

— Курите «Прохладные»?

— Только «Прохладные», — подтвердил таксист. — У них запах ментола и вкус что надо.

Кармоди поднял брови, изображая недоверие. Тем не менее, он взял коробку — забил еще один гвоздик в свой гроб. Водитель с улыбкой смотрел на него в заднее зеркало. Кармоди вздохнул, изобразил удивление и выдохнул медленно, с наслаждением.

— Хм! Тут что-то есть, — сказал он.

Таксист кивнул с умным видом:

— Все курильщики думают так. Ну вот мы и на месте, сэр. Отель «Уолдорф-Астория».

Кармоди расплатился и собрался выходить.

— Ну а как мои «Прохладные»? — напомнил

водитель.

— Ах да! — Кармоди вернул коробку. Они улыбнулись друг другу, и машина отъехала.

Теперь Кармоди стоял перед отелем «Уолдорф-Астория». На нем было прочное пальто фирмы Барберри. Это сразу можно было узнать по ярлычку, пришитому не под воротничком, а снаружи, на правом рукаве. И все прочие ярлыки были снаружи, так что каждый мог прочесть, что у Кармоди рубашка от Ван Хейдена, галстук от Графини Мары, костюм от Харта и Шафф-нера, носки Ван Кампа, ботинки кордовской кожи от Ллойда и Хейга, шляпа «борсолино», сделанная Раиму из Милана, на руках перчатки оленьей кожи от Л. Л. Бина, на запястье — самозаводящийся хронометр с таймером, счетчиком затраченного времени, календарем и будильником — гарантия точности плюс-минус шесть секунд в год. А кроме того, Кармоди распространял слабый запах мужского одеколона «Дубовый мох» фирмы Аберкомби и Фитч.

Все на нем было с иголочки, все казалось безупречным, и все-таки разве это настоящий шик? А ведь он честолюбив, ему хотелось продвигаться вперед и выше — выйти в люди того сорта, у которых икра на столе не только на Рождество,

которые носят рубашки от братьев Брукс, потребляют лосьон «Оникс» после бритья, белье покупают у «Кантри Уормер», жакеты у Поля Стьюарта.

Но для таких штучек нужно пробиться в категорию Потребителей А-АА-ААА вместо заурядной категории В-ВВ-АААА, на которую его обрекало скромное происхождение. Высший разряд ему просто необходим. Чем он хуже других? Черт возьми, ведь он же был первым по технике потребления на своем курсе в колледже! И уже три года его Потребиндекс был не ниже девяноста процентов. Его лимузин «Додж-Хорек» был безупречно новехонький. Он мог привести тысячу других доказательств. Так почему же ему не повысили категорию? Забыли? Не замечали?

Нет, пораженческой ереси не место в голове. У него заботы поважнее. Сегодня он сыграет ва-банк. Риск гигантский. Если дело сорвется, его могут в мгновение ока выставить со службы и он навсегда вылетит в безликие ряды потребительских париев, в категорию НСТ-2 (нестандартные товары — сорт второй).

Было еще рано. Активное Я нуждалось в подкреплении перед испытанием огнем и водой. Кармоди прошел в бар «Астории», поймал взгляд

бармена — тот еще и рта не успел открыть, а Кармоди уже крикнул:

— Повтори, дружище! (Неважно, что ему ничего еще не подавали и повторять было просто нечего.)

— Садись, Мак, — сказал бармен. — Вот тебе «Баллантайн». Крепко, ароматно и на вкус приятно! Рекомендую!

Черт возьми, все это Кармоди сам должен был сказать — его застали врасплох! Он уселся, задумчиво потягивая пиво.

— Эй, Том!

Кармоди обернулся. Это Найт Стин его окликнул, старый друг и сосед. Тоже из Нью-Джерси.

— А я пью колу, — сказал Стин. — После колы я веселый! Рекомендую!

Опять Кармоди попался! Он залпом выпил пиво и крикнул:

— Эй, друг, повтори! Напритворяюсь до зари.

Убогая уловка, но лучше, чем ничего.

— Что нового? — спросил он у Стина.

— Блеск! Жена с утра в Майами, — сказал тот. — На неделю. Солнечный рейс — «Американ Эйруэйс». Два часа и меньше даже — вот и сразу на пляже.

— Отлично! А я свою заслал на острова, — под-

хватил Кармоди (на самом деле его Элен сидела дома). — Отправьте жену на Багамы, не будет семейной драмы!

— Точно! — прервал Стин. — Но если у вас недельный отпуск, неужели вы станете тратить драгоценные дни на дальний морской переезд, когда у вас под боком очаровательная деревня — Мариборо!..

— Верная мысль, — подхватил Кармоди. — А кроме того..

— Нетронутая природа, комфортабельные коттеджи, — перебил Стин. — Живу на даче, не тужу, не плачу!

Это было его право: он предложил тему.

Кармоди снова крикнул:

— Эй, друг, повтори!

Но не мог же он повторять до бесконечности. Что-то было не так в нем самом, во всем окружающем и в этой обязательной игре! Но что? Это он никак не мог ухватить.

А Стин, спокойный, собранный, откинулся, продемонстрировал свои небесно-голубые подштанники, пришитые, конечно, снаружи и снова завел:

— Итак, когда жена в отлучке, кто будет заниматься стиркой? Конечно, мы сами!

Вот это удар! Но Кармоди попытался его опередить.

— Эй! — крикнул он, хихикнув. — А помнишь песенку: «Смотри, старик, мое белье куда белее, чем твое».

И оба расхохотались. Но тотчас Стин наклонился и приложил рукав своей рубашки к рукаву рубашки Кармоди, поднял брови, открыл рот, изобразил сомнение, недоверие, удивление.

— Ага! — воскликнул он. — А моя рубашка все же белей.

— Смотри-ка! — отозвался Кармоди. — Просто чудо! Стиральные машины у нас одной марки, и ты тоже стираешь «Невинностью», да?

— Нет, у меня «Снега Килиманджаро», — возразил Стин горделиво. — Рекомендую!

— Увы, — задумчиво вздохнул Кармоди. — Значит, «Невинность» меня подвела…

Он изобразил разочарование, а Стин сыграл на губах победный марш. Кармоди задумал, не заказать ли еще хваленого пива, но оно было пресным на вкус, да и Стин для него — слишком прыткий партнер сегодня.

Он оплатил пиво кредитной карточкой и отправился в свою контору на 51-й этаж, № 666, 5-я авеню, приветствуя сотрудников с демокра-

тическим дружелюбием. Некоторые пытались втянуть его в саморекламные гамбиты, но он решительно уклонялся. Никак не мог он позволить себе отклоняться сегодня. Наступал решающий час. Кармоди понимал, что положение у дего отчаянное. Всю ночь он перебирал варианты, встал с жесткой мигренью и коликами в животе. Жена его (которая никуда не уезжает) дала ему Алказельцерскую. Вода исцелила его в единый миг, они поехали на конкурс, как и Планировали, и он выиграл первый приз благодаря зельцерской. Но проблема осталась проблемой, и когда Элен сказала ему в три часа утра, что в этом году Томми и малютка Тинкер простуживались на 32 процента меньше, он сказал ей: «Знаешь ли, Элен, я думаю, что это от Всевышнего». Но душа его была холодна, хотя он и ценил Элен за постоянную заботу и поддержку. Он понимал, что поддержка жены ничего не изменит в его положении. Уж если вы отважились ввязаться в соревнование Потребителей, если хотите показать себя достойным не какого-нибудь барахла, а Вещей, Которые На Этом Свете Имеют Настоящую Цену, например швейцарского шале в девственных дебрях штата Мэйн или лимузина «Порше 911-S», который предпочитают Люди, Считающие Себя Солью

Земли, — ну так вот, если вы хотите иметь вещи такого класса, вы должны доказать, что вы их достойны! Деньги — деньгами, происхождение — происхождением, наконец, даже примитивная целеустремленность в деле — это тоже не все. Вы должны доказать, что вы сами из Людей Особого Покроя, из Тех, Кто Может Преступить, кто готов поставить на карту все, чтобы выиграть все сразу.

— Вперед, к победе! — сказал сам себе Кармоди, трахнув кулаком о стол. — Сказано — сделано!

И он распахнул дверь мистера Юбермана, своего босса.

Кабинет был еще пуст. Но Юберман должен был появиться с минуты на минуту. А когда он появится, Томас Кармоди скажет ему: «Мистер Юберман, вы, конечно, можете вышвырнуть меня на улицу, но я должен открыть вам правду: у вас изо рта скверно пахнет». И после паузы вот так: «Скверно пахнет!» А затем: «Но я нашел…»

В мечтах все просто, а как обернется на деле? Но если ты Настоящий Мужчина, ничто не может остановить тебя, когда ты вышел бороться за внедрение новейших достижений гигиены и за собственное продвижение вперед и выше! Кармоди просто ощущал на себе глаза этих

полулегендарных личностей — их величеств Промышленников. И если он действительно открыл…

— Приветик, Карми! — бросил Юберман, большими шагами входя в кабинет. (Красивый человек с орлиным профилем, с висками, тронутыми сединой, — благородный признак высокого положения. Роговая оправа очков на целых три сантиметра шире, чем у Кармоди!)

— Мистер Юберман, — дрожащим голосом начал Кармоди. — Вы можете за это вышвырнуть меня на улицу, но я…

— Кармоди, — прервал босс. Его грудной баритон пресек слабенький фальцет подчиненного, как хирургический скальпель марки «Мерсонна» рассекает слабую плоть. — Кармоди, сегодня я открыл восхитительнейшую зубную пасту «Поцелуй менестреля». Мое дыхание час от часу благоуханнее. Рекомендую! >

Фантастическое невезение! Босс сам наткнулся именно на ту пасту, которую Кармоди собирался ему навязать, чтобы добиться своего! И она подействовала. Изо рта Юбермана уже не разило как из помойной ямы после ливня. Теперь его ждали сладкие поцелуи. Девочек, конечно. Не Кармоди же с ним целоваться.

— Слыхали об этой пасте?.. — И Юберман вышел, не дожидаясь ответа.

Кармоди иронически улыбнулся. Он опять потерпел поражение, но от этого ему не сделалось легче. Мир потребления оказался ужасен и фантастически утомителен. Может, он хорош для людей иного склада, но Кармоди не из того теста. С некоторым сожалением подумал он, что ему придется расстаться со своими приобретениями: с купонами, со шведской замшевой шляпой, светящимся галстуком, с деловым кейсом «Все мое ношу с собой», со стереофоном KLH-24 и особенно с наимоднейшей импортной мягкой новозеландской дубленкой с шалевым воротником «Лэйкленд». Все это придется бросить.

— Э-э!.. И беда приносит добро иногда, — сказал сам себе Кармоди.

— Приносит добро? Так о чем же говорить тогда? — ответил Кармоди сам себе. — Смотри-ка! Не слишком ли быстро ты акклиматизировался здесь?

Два Кармоди поглядели друг на друга, сравнили наблюдения, приняли решение… и слились.

— Сизрайт! — крикнул единый Кармоди. — Заберите меня отсюда.

И верный Сизрайт забрал его.

Глава 26

Со своей обычной пунктуальностью Сизрайт тотчас же перебросил Кармоди на следующую из вероятных Земель. Перемещение получилось даже быстрее мгновенного, такое быстрое, что время скользнуло назад и чуточку отстало от самого себя: Кармоди охнул раньше, чем его толкнули. Из-за этого возникло противоречие, крохотное, но все же недопустимое. Однако Сизрайт все подчистил, и начальство ничего не узнало. Обошлось без последствий, если не считать дырочки на пространстве-времени, которую Кармоди даже и не заметил.

Он оказался в маленьком городке. Узнать его вроде бы не составляло труда: Мейплвуд, штат Нью-Джерси. Кармоди жил там от трех до восемнадцати. Да, это был его дом, если только вообще у него был родной дом где-нибудь.

Кармоди стоял на углу Дюранд-род и Мейплвуд-авеню — прямо перед ним был торговый центр, позади — улицы пригорода с многочис-

ленными кленами, дубами, орехами и вязами. Справа — читальня «Христианской науки», слева — железнодорожная станция.

— Ну и как, путешественник? — произнес голос у его правого бедра. Кармоди глянул вниз и увидел у себя в руке красивый транзистор. Конечно, это был Приз.

— Ты опять здесь? — заметил Кармоди.

— Я никуда не уходил.

— Но я не видел тебя на предыдущей Земле.

— Это потому, что ты не посмотрел как следует. Я был у тебя в кармане в образе поддельного динария.

— Как я мог догадаться?

— А ты бы спросил, — сказал Приз. — Знаешь, что я метафоричен по своей природе и изменяюсь непредсказуемо для себя самого. Неужели мне надо сообщать о своем присутствии всегда и всюду?

— Так было бы удобнее, — заметил Кармоди.

— А мне гордость не позволяет вести себя так навязчиво, — сказал Приз. — Я откликаюсь, когда меня зовут. В последнем мире ты во мне не нуждался, поэтому я пошел закусить в ресторан «Стоклол», а затем заглянул в «Пропариум» выпить сухого, а после этого уж в «Солар Викон

паб» поболтать с дружком, который оказался по соседству, а потом уж…

— Как это ты успел? В этом мире я был полчаса.

— Я говорил же тебе, что у нас время течет по-разному.

— Значит, успел. Ну а где все эти рестораны?

— Это долго объяснять, — уклонился Приз. — Попасть туда легче, чем объяснить дорогу. И вообще это неподходящее место для тебя.

— Почему?

— Ну… по многим причинам. Тебе, например, не понравилась бы еда в «Солар Викон паб».

— Я уже видел, как ты ел орити, — припомнил Кармоди.

— Да, конечно. Но орити — редкостный деликатес. Кусочек пробуешь раз или два во всей жизни. В «Викон паб» наше обычное питание.

— Какое же?

— Не надо бы тебе узнавать.

— Но я хочу знать.

— Я знаю, что ты хочешь, но когда узнаешь, захочешь, чтобы не знал бы.

— Ладно, кончай. Так какая же у вас там пища?

— Ну хорошо, мистер Нос-сующий, — сдался Приз. — Но заруби себе на этом длинном носу: ты

настаивал. Так вот, мы едим сами себя.

— Что-что?

— Себя едим. Я предупреждал же, что тебе не понравится.

— Себя? То есть свое собственное тело?

— Точно.

— Чертовщина какая-то. Это и противно и невозможно. Нельзя жить за счет самого себя.

— Я могу и я живу, — настаивал Приз. — И горжусь этим. А с точки зрения морали это выдающийся пример. Полнейшая личная свобода.

— Но это невозможно, — настаивал Кармоди. — Эго противоречит законам сохранения энергии или материи, чего-то такого. Противоречит законам природы в общем.

— Верно, но только в узком смысле, — согласился Приз. — А если бы ты изучал материю глубже, ты увидел бы, что невозможное в природе встречается чаще, чем возможное.

— Как это понимать, черт возьми?

— Не знаю, — признался Приз. — Но это написано во всех наших учебниках. И никто не сомневался до сих пор.

— Но я хочу получить прямой, ясный ответ, — не уступал Кармоди. — Ты действительно и буквально съедаешь кусочек собственной пло-

ти?

— Да, именно так. Хотя это не только моя плоть. Печенка моя очень вкусна с крутым яйцом и куриным жиром. А ребрышки хороши, чтобы перекусить в пути. Бедра же надо выдерживать несколько недель, прежде чем…

— Довольно! — закричал Кармоди.

— Извини, но…

— Нет, ты объясни все-таки: за счет чего же твое тело всю жизнь снабжает пищей твое тело? Даже звучит смешно.

— Ну я не слишком много ем.

— Может быть, я спросил не очень ясно, — поправился Кармоди. — Но ты не можешь же питать свою плоть, если ты эту плоть уничтожаешь.

— Боюсь, что я не совсем понял.

— Давай сначала. Если ты потребляешь свою плоть…

— Так я и делаю.

— Итак, если ты поглощаешь свою плоть для пропитания плоти… Минутку. Давай с цифрами. Если ты весишь, скажем, пятьдесят фунтов…

— Именно так. На родной планете я весил пятьдесят фунтов.

— Прекрасно. Идем дальше. И если ты весил пятьдесят фунтов, и если, скажем, за год ты съел

для поддержания жизни сорок фунтов, сколько же останется?

— Десять фунтов? Правильно?

— Черт возьми, ты видишь, к чему я веду? Ты просто не сможешь долго кормить себя.

— Почему не могу?

— Просто по вычитанию. Совершенно очевидно, что ты съешь сам себя. Съешь, и ничего не останется. Тебе нечем будет кормить себя. Ты умрешь неизбежно.

— Смерть неизбежна и для себяядных и для чужеядных. Умирают все, Кармоди, как бы они ни питались.

— Но если ты действительно ешь себя, ты умрешь через неделю.

— Есть насекомые, которые живут один день, — возразил Приз. — Но у нас — Призов — вполне разумная долговечность. Запомни правило: чем больше мы съедим, тем меньше надо кормить и тем больше получается срок жизни. Время — великий фактор автопоедания. Большинство Призов съедает свое будущее еще в ранней юности.

— А ты съел свое будущее?

— Не могу объяснить. Съедаем, и все. Я, например, слопал запас за двенадцать лет — от

девяноста до восьмидесяти, старческие годы, когда от жизни нет удовольствия. А теперь, соблюдая рациональное самопотребление, я думаю дожить до семидесяти с лишком.

— У меня голова болит от тебя, — прервал Кармоди. — И тошнит заодно.

— В самом деле? — возмутился Приз. — Тошнит его по всякому поводу. А ты сам, кровавый мясник, сколько несчастных животных ты разгрыз и сожрал в своей жизни? Сколько слопал беззащитных яблок, сколько головок лука вырвал из их земляных постелек? Верно, я съел случайно попавшегося орити, но перед тобой в День Страшного Суда встанут целые стада, которые ты сожрал: сотни волооких коров, тысячи беззащитных курочек, бесконечные ряды кротких овечек, не говоря уже о целых садах, изнасилованных тобой, целых лесах ограбленных яблонь и вишен. Да, я отвечу там за съеденного орити, но ты как искупишь стоны всех этих животных, которых ты сожрал безжалостно? Чем искупишь, Кармоди, чем?

— Ладно, заткнись! — рявкнул Кармоди.

— С большим удовольствием, — ответил Приз с иронией.

— Я ем, потому что я должен есть. Природа у

меня такая.

— Ну, если ты так полагаешь…

— Закройся, наконец. Дай мне сосредоточиться.

— Не скажу больше ни слова. Только можно спросить: а на чем ты хочешь сосредоточиться?

— Это место похоже на мой родной город. Я хочу понять: он это или не он?

— Неужели это так трудно? — удивился Приз. — Кто знает, как выглядит его город, тот узнает его без труда.

— Я не очень рассматривал его, когда жил здесь. А с тех пор, как уехал, почти не вспоминал.

— Если ты не разберешься, где твой дом и где не твой, никто в этом не разберется. Надеюсь, ты это помнишь?

— Помню, — сказал Кармоди. И начал медленно спускаться по Мэйплвуд-авеню, с внезапным ужасом думая, что любой выбор может стать роковым.

Глава 27

Все было как будто таким, как и должно было быть. В Театре Мэйплвуда днем на экране шла «Сага Элефантины» — итало-французский приключенческий фильм Жана Мара, блестящего молодого режиссера, который уже дал миру душераздирающий фильм «Песнь моих язв» и лихую комедию «Париж — четырнадцать часов». На сцене выступала — «проездом, только один раз» — вокальная группа «Якконен и Фунги».

Кармоди заглянул в витрину галантереи Марвина. Увидел мокасины и полукеды, джинсы с бахромой «собачья рвань», шейные платки с рискованными картинками и белые рубашки с отложным воротом. Рядом, в писчебумажном магазине, Кармоди увидел свежий номер «Кольере», перелистал «Либерти», заметил еще «Монси», «Черного Кота» и «Шпиона». Только что пришло утреннее издание «Сан».[25]

— Ну? — спросил Приз. — Твой город?

— Рано говорить, — ответил Кармоди. — Но похоже, что да.

Он перешел через улицу и заглянул в закусоч-

---

[25] notes: 25

Журналы и газеты, давно прекратившие существование. *(Прим. перев.).*

ную Эдгара. Она не изменилась нисколько. У стойки сидела, прихлебывая содовую, хорошенькая девушка. Кармоди ее сразу узнал.

— Лэна Тэрнер! Как поживаешь, Лэна?

— Отлично, Том. Что это тебя не было видно?

— Я ухлестывал за ней в последнем классе, — объяснил Кармоди Призу, выходя из закусочной. — Забавно, когда все это припоминается.

— Забавно, забавно, — с сомнением сказал Приз.

На следующем углу, где Мэйплвуд-авеню пересекалась с Саутс-Мунтэйн-роуд, стоял полисмен. Он улыбнулся Кармоди меж двумя взмахами своей палочки.

— А это Берт Ланкастер, — сказал Кармоди. — Он был бессменным защитником в самой лучшей команде за всю историю школы «Колумбия». А вот, смотри! Вон человек, который помахал мне, входя в скобяную лавку. Это Клифтон Уэбб, директор нашей школы. А ту блондинку видишь под окнами? Джейн Харлоу, она была официанткой в ресторане. Она… — Кармоди понизил голос. — Все говорили, что она погуливала.

— Ты знаешь массу народа, — сказал Приз.

— Ну конечно! Я же вырос здесь. А это мисс Харлоу, она идет в салон красоты Пьера.

— Ты и Пьера знаешь?

— А как же! Сейчас он парикмахер, а во время войны он был во французском Сопротивлении. Погоди, как его фамилия?.. А, вспомнил! Жан-Пьер Омон, вот как его зовут. Он потом женился на Кэрол Ломбард, одной из здешних.

— Очень интересно, — скучным голосом сказал Приз.

— Да, мне это интересно. А вот еще знакомый!.. Добрый день, мистер мэр.

— Добрый день, Том, — ответил мужчина, приподнял шляпу и прошел мимо.

— Это Фредерик Марч — наш мэр, — объяснил Кармоди. — Грозная личность. Я помню его дебаты с нашим радикалом — Полом Муни. Мальчик мой, такого ты не слышал никогда!

— Н-да, что-то странное во всем этом, — сказал Приз. — Что-то неправильное. Не чувствуешь?

— Да нет же! Говорю тебе, что вырос со всеми этими людьми. Я знаю их лучше, чем самого себя. О, вот Полетт Годдар там наверху! Она помощник библиотекаря. Хай, Полетт!

— Хай, Том! — откликнулась женщина.

— Мне это не нравится, — настаивал Приз.

— С ней я не был знаком близко, — сказал Кармоди. — Она гуляла с парнем из Милборна по

имени Хэмфри Богарт. У него был галстук с бабочкой, можешь представить такое? А однажды он подрался с Лэном Чэни — школьным сторожем. Надавал ему, между прочим. Я это хорошо помню, потому что как раз в это время гулял с Джин Хэвок, а ее лучшей подругой была Мирна Лэй, а Мирна знала Богарта и…

— Кармоди, — тревожно прервал Приз. — Остерегись! Ты слыхал когда-нибудь о псевдоакклиматизации?

— Не болтай курам насмех! Я говорю тебе, что знаю весь этот народ. Я вырос здесь, чертовски приятно было жить тут. Люди не были пустым местом тогда, люди отстаивали что-то. Они были личностями, а не стадом!

— А ты уверен? Ведь твой хищник…

— К черту! Не хочу больше слышать о нем! Посмотри, вот Дэвид Найвен. Его родители англичане…

— Все эти люди идут к тебе!

— Ну конечно. Они так давно меня не видели!

Он стоял на углу, и друзья устремились к нему со всех сторон: из переулка, со всей улицы, из магазинов и лавок. Их были сотни, буквально сотни, старые товарищи, все улыбались. Кармоди заметил Алана Лэдда, и Дороти Ламур, и Ларри

Бэстера Крэбба. А за ними — Спенсер Трэси, Лайонелл Барримор, Фредди Бартоломью, Джон Уэйн, Френсис Фармер.

— Что-то не то! — твердил Приз.

— Все то! — уверял Кармоди. Кругом были друзья. Никогда еще он не был так счастлив с тех пор, как покинул родной дом. Как он мог забыть такое? Но сейчас все оживало.

— Кармоди! — крикнул Приз.

— Ну что еще?

— В этом мире всегда такая музыка?

— О чем ты?

— О музыке. Ты не слышишь?

Только сейчас Кармоди обратил внимание на музыку. Играл симфонический оркестр, только нельзя было понять, откуда звуки исходят.

— И давно это?

— Как только мы здесь появились. Когда ты пошел по улице, послышался гул барабанов. Когда проходили мимо театра, в воздухе заиграли трубы. Как только заглянули в закусочную, вступили сотни скрипок — довольно-таки слащавая мелодия. Затем…

— Так это музыка к фильмам! — мрачно сказал Кармоди. — Все это дерьмо разыгрывается по нотам, а я не учуял!..

Но Франшо Тон уже коснулся его рукава. Гарри Купер положил на плечо свою ручищу. Лэйрд Грегор облапил как медведь. Ширли Тэмпл вцепилась в правую ногу.[26] Остальные обступили толпой, плотней и плотней, все еще улыбаясь…

— Сизрайт! — закричал Кармоди. — Сизрайт, Бога ради!.. И все произошло быстрее, чем Кармоди что-нибудь сообразил.

Часть V. Возвращение на Землю

Глава 28

Кармоди снова оказался в Нью-Йорке, теперь на углу Ривер-сайд-драйв и 99-й улицы. Слева, на западе, солнце спускалось за «Горизонт-Хаус», а справа во всей своей красе воссияла вывеска «Спрай». Легкие дуновенья выхлопных газов задумчиво шевелили листву деревьев Риверсайд-

---

[26] notes: 26

Все иллюзорные «друзья детства» Кармоди — известные киноартисты. Ширли Темпл, девочкой играла маленьких девочек. Названия фильмов иногда перепутаны: вместо «Рим — 11 часов» — «Париж — 14 часов». *(Прим. перев.).*

парка, одетых в зелень и копоть. Дикие вопли истеричных детей перемежались криками столь же истеричных родителей.

— Это твой дом? — спросил Приз.

Кармоди глянул вниз и увидел, что Приз снова видоизменился. Он превратился в часы «Диск Трэси» со скрытым стереорепродуктором.

— Похоже, что мой, — сказал Кармоди.

— Интересное место, — одобрил Приз. — Мне оно нравится.

— Угу, — неохотно сказал Кармоди, не совсем понимая, какие чувства он испытывает, вдыхая дым отечества.

Он двинулся вверх — от реки. В Риверсайд-парке зажигали огни. Матери с колясочками спешили освободить его для громил и полицейских патрулей. Смог наползал бесшумно, по-кошачьи. Сквозь него дома казались заблудившимися великанами.

Сточные воды бежали в Гудзон, а Гудзон так же весело вливался в водопроводные трубы.

— Эй, Кармоди!

Кармоди обернулся. Его догонял мужчина в тапочках, котелке и с белым полотенцем на шее. Кармоди узнал Джорджа Марунди, знакомого художника, не из процветающих.

— Как живешь, старик? — спросил Марунди.

— Сам знаешь.

— Откуда я знаю, когда твоя Элен не знает.

— Да ну?

— Факт! Слушай, у Дика Тэйта междусобойчик в субботу. Будешь?

— Буду! А как Тэйт?

— Сам знаешь.

— Ох, знаю, — горестно сказал Кармоди. — А он все еще… того? Да?

— А ты как думал?

Кармоди пожал плечами.

— А меня ты не собираешься представить? — вмешался Приз.

— Заткнись, — шепнул Кармоди.

— Эй, старик! Что это у тебя, а? — Марунди наклонился и уставился на запястье Кармоди. — Магнитофончик, да? Сила, старик! Силища! Ты сам его программировал? Да?

— Я не запрограммирован, — сказал Приз. — Я автономен.

Во дает! — воскликнул Марунди. — Нет, на самом деле дает! Эй ты, Микки Маус, а что ты еще можешь?

— Пошел ты знаешь куда! — огрызнулся Приз.

— Прекрати! — угрожающе шепнул Кармоди.

— Ну и ну! — восхитился Марунди. — Силен малыш! Правда, Карми?

— Силен! — согласился Кармоди.

— Где достал?

— Достал? Там, где был.

— Ты что — уезжал? Так вот почему я не видел тебя чуть ли не полгода.

— Наверное, потому, — согласился Кармоди.

Кармоди уже собрался было ответить, что он все время провел в Майами, но его вдруг словно кто-то за язык дернул.

— Я странствовал во Вселенной, — брякнул он. — Я был в глубинах Космоса. Видел избранных, пускай все знают об этом.

— Ах вот что! — Марунди кивнул понимающе. — Значит, и ты «пустился в странствие»[27]!

— Да, да, я странствовал…

— Сила! Как забалдеешь, сразу полетишь. И в полете том ты нашел ключик к всемогуществу собственного тела?

— Не совсем так, — перебил Кармоди. — Мне открылась реальность других, но сущность я мог ощутить только собственную.

— Слушай, старик, так ты, похоже, раздобыл

---

[27] notes: 27

«Пуститься в странствие» — стать наркоманом, принимающим ЛСД. *(Прим. перев.).*

настоящую «травку». Где достал? Или капельки, не разбавленную дрянь?

— Капли чистого опыта добывают из сорной травы бытия, — сказал Кармоди. — Суть вещей хочет познать каждый, а она открывается только избранным.

— Темнишь, да? — хихикнул Марунди. — Ладно, старина! Теперь все темнят. Ничего. Я и с тем, что попадается, залетаю неплохо.

— Сомневаюсь.

— Не сомневаюсь, что сомневаешься. И шут с тобой. Ты куда — на открытие?

— Какое открытие?

Марунди вытаращил глаза:

— Старик, ты до того залетался, что, оказывается, уже совсем ничего не знаешь? Сегодня открытие самой значительной художественной выставки нашего времени, а может, и всех времен и народов.

— Что же это за перл творения?

— Я как раз иду туда. Пойдешь?

Приз принялся брюзжать, но Кармоди уже двинулся в путь. Марунди сыпал свежими сплетнями: о том, как Комиссию по Антиамериканской деятельности уличили в антиамериканизме, но дело, конечно, ничем не кончилось, хотя Ко-

миссию и оставили под подозрением, о новом ее сенсационном проекте замораживания людей; о том, что пять воздушно-десантных дивизий сумели убить целых пять партизан вчера; о диком успехе многосерийного телефильма «Нейшнл Броуди стинг» — «Чудесные приключения в золотом веке капитализма». Кармоди узнал также и о беспрецедентном патриотизме «Дженерал моторе», пославшей полк миссионеров на границу Камбоджи. И тут они дошли до 106-й улицы. Пока Кармоди не было, здесь снесли несколько домов, и на их месте выросло новое сооружение. Издалека оно выглядело как замок.

— Работа великого Дельваню, — сказал Марунди, — автора «Капкана Смерти-66» — знаменитой нью-йоркской эстакады, по которой еще никто не проехал от начала до конца без аварии. Это тот Дельваню, что спроектировал башни Флэш-Пойнт в Чикаго — единственные трущобы в мире, которые честно и гордо были задуманы именно как наисовременнейшие трущобы и объявлены «необновляемыми» Президентской комиссией по художественным преступлениям в Урбанамерике.

— Да, помню. Уникальное достижение, — согласился Кармоди. — Ну а это новое как называется?

— Шедевр Дельваню, его опус и гнус. Это, друг мой, Дворец Мусора!

Дорога к Дворцу была искусно выложена яичной скорлупой, апельсиновыми корками, косточками авокадо и выеденными раковинами устриц. Она обрывалась у парадных ворот, створки которых были инкрустированы ржавыми матрасными пружинами. Над портиком глянцевитыми селедочными головками был выложен девиз: «Чревоугодие — не порок, умеренность — не добродетель».

Миновав портал, Кармоди и художник пересекли открытый двор, где весело сверкал фонтан напалма. Прошли зал, отделанный обрезками алюминия, жести, полиэтилена, полиформальдегида, поливинила, осколками бакелита и бетона и обрывками обоев под орех. От зала разбегались галереи.

— Нравится? — спросил Марунди.

— Н-не знаю, — замялся Кармоди. — А что это все такое?

— Музей. Первый в мире музей человеческих отбросов.

— Вижу! И как восприняли эту идею?

— К удивлению, с величайшим энтузиазмом! Конечно, мы — художники и интеллектуалы

— знали, что все это правильно, и все же не ожидали, что широкая публика поймет нас так быстро. Но у нее оказался хороший вкус, и на этот раз публика сразу ухватила суть. Она почувствовала, что именно это — подлинное искусство нашего времени.

— Почувствовала? А мне что-то не по себе…

Марунди взглянул на него с сожалением:

— Вот уж не думал, что ты реакционер в эстетике!.. А что тебе нравится? Может быть, греческие статуи или византийские иконы?

— Нет, конечно. Но почему же именно такое?

— Потому что, друг мой Кармоди, в этом — лицо нашего времени, а правдивое искусство — отражение реальности. Но люди не хотят смотреть в лицо фактам. Они отворачиваются от помоев — от этого неизбежного итога их наслаждений. И все же — что такое помои? Это же памятник потреблению! «Не желай и не трать!» — таким был извечный завет. Но он — не для нашей эры. Ты спрашиваешь: «Зачем же все-таки об отбросах говорить?» Ну что ж! В самом деле! Но зачем говорить о сексе, о насилии и других столь же важных вещах?

— Если так ставить вопрос, звучит разумно. Но все же…

— Иди за мной, смотри и думай, — приказал Марунди. — И понимание вырастет в твоей голове так же, как в мире растет гора мусора.

Они перешли в Зал Наружных Шумов. Здесь Кармоди услышал соло испорченного унитаза и уличную сюиту: аллегро автомобильных моторов, скерцо — скрежет аварии и утробный рев толпы. В анданте возникла тема воспоминаний: грохот винтомоторного самолета, тататаканье отбойного молотка и могучий зуд компрессора. Марунди открыл дверь «Бум-рум» — магнитофонной, но Кармоди поспешно выскочил оттуда.

— И правильно, — заметил Марунди. — Это опасно для здоровья. Но многие способны провести здесь по пять-шесть часов.

— Уфф! — только и мог ответить Кармоди.

— А это гвоздь программы, — не унимался Марунди, — влюбленное мычанье мусорного грузовика, пожирающего помои. Прелестно, а? Дальше справа — выставка пустых винных бутылок. А наверху — копия метро. Она построена так, чтобы качаться на каждом шагу, а воздух кондиционирован всем дымом Весингауза.

— А там кто орет? — спросил Кармоди.

— Это записи знаменитых голосов, — пояснил Марунди. — Первый голос — Эда Брена, полуза-

щитника «Грин Бэй Пэккерс». А тот, пискливый, подвывающий — синтетический звуковой портрет последнего мэра Нью-Йорка. А после этого…

— Давай уйдем отсюда, — взмолился Кармоди.

— Обязательно. Только на минуточку заглянем сюда. Здесь галерея настенных рисунков и надписей. Слово — левее — копия старомодной квартиры (пример старомодного романтизма, по-моему). Наверху — коллекция телевизионных антенн — британская модель 1960 года, если не ошибаюсь. Отметь их суровую сдержанность и сравни с кембриджским стилем 1959 года. Видишь ты роскошную плавность восточных линий? Вот это и есть народная архитектура в зримой форме.

Тут Марунди обернулся к Кармоди и назидательно сказал:

— Друг мой, смотри и уверуй! Это волна будущего. Некогда люди сопротивлялись изображению действительности. Те дни прошли. Теперь мы знаем, что искусство само по себе вещь со всей ее тягой к излишествам. Не поп-арт, спешу заметить, искусство преувеличения и издевательства. Наше искусство — популярное — оно просто существует. В нашем мире мы безоговорочно принимаем неприемлемое и тем утверждаем

естественность искусственного.

— Именно это мне и не по душе, — сказал Кармоди… — Эй, Сизрайт!

— Что ты кричишь? — удивился Марунди.

— Сизрайт! Сизрайт! Заберите меня к чертям отсюда!

— Он спятил! — закричал Марунди. — Есть тут доктор?

Немедленно появился коротенький смуглый человек в халате. У него был маленький черный чемодан с серебряной наклейкой, на которой было написано: «Маленький черный чемодан».

— Я врач, — сказал врач. — Позвольте вас осмотреть.

— Сизрайт! Где вы, черт возьми?

— Хм-хм, м-да, — протянул доктор. — Симптомы резкого галлюцинаторного заболевания… М-да. Поверните голову. Большая твердая шишка на ощупь. Минуточку… М-да. Бедняга буквально создан для галлюцинаций.

— Док, вы можете помочь ему? — волновался Марунди.

— Вы позвали меня как раз вовремя, — сказал доктор. — Положение поправимое. У меня как раз с собой волшебное средство. Просто волшебное!

— Сизрайт!

Доктор вытащил из маленького черного чемодана шприц.

— Стандартное укрепляющее, — сказал он. — Не беспокойтесь, не повредит и ребенку. Приятная смесь из ЛСД, барбитуратов, амфетаминов, транквилизаторов, психоэлеваторов, стимуляторов и других хороших вещей. И самая чуточка мышьяка, чтобы волосы блестели. Спокойно!

— Проклятье! Сизрайт! Возьмите меня скорей отсюда!

— Не волнуйтесь, это совсем не больно, — мурлыкал доктор, нацеливая шприц.

И в этот самый момент Кармоди исчез.

Ужас и смятение охватили Дворец Мусора, и продолжался он, пока все не успокоились. А успокоившись, тихо удалились.

Что же касается Кармоди, то священник сказал о нем: «О, достойнейший, рано твой дух вознесся в то царствие, где уготовано место всех излишних в этой юдоли!»

А сам Кармоди, выхваченный верным Сизрайтом, погружался в пучины бесконечных миров. Он несся по направлению, которое лучше всего характеризуется словом «вниз», сквозь мириады

вероятных Земель к скоплениям маловероятных, а от них — к тучам невероятных и невозможных.

Приз брюзжал, упрекая его:

— Это же был твой собственный мир, ты убежал из своего дома, Кармоди! Ты понимаешь это?

— Да, понимаю.

— А теперь нет возврата.

— Понимаю и это.

— Вероятно, ты думаешь найти какой-нибудь пресный рай? — насмешливо предположил Приз.

— Нет, не то.

— А что?

Кармоди покачал головой и ничего не ответил.

— Словом, забудь про все, — сказал Приз с горечью. — Хищник уже рядом, твоя неизбежная смерть.

— Знаю, — сказал Кармоди. — Я уже все постиг. Нельзя уцелеть в этой Вселенной.

— Ты же все упустил, — сказал Приз. — Это неразумно.

— Не согларен. — усмехнулся Кармоди. — Позволь тебе заметить, что я жив пока что.

— Но только в данный момент.

— Я всегда был жив только в данный момент, — сказал Кармоди. — и не рассчитывал на большее.

В том и была моя ошибка: я надеялся на большее. Возможности — возможностями, а реальности — реальностями. Такова истина.

— И что тебе даст данный момент, одно мгновение?

— Ничего, — сказал Кармоди. — И все!

— Я перестал тебя понимать, — сказал Приз. — Что-то в тебе изменилось. Что?

— Самая малость, — сказал Кармоди. — Я просто махнул рукой на вечность; в сущности, у меня ее и не было никогда. Я вышел из этой игры, которой боги забавляются на своих небесных ярмарках. Меня не волнует больше, под какой скорлупой спрятана горошина бессмертия. Я не нуждаюсь в бессмертии. У меня есть мое мгновение, и мне достаточно…

— Блаженный Кармоди! — саркастически сказал Приз. — Только один вдох отделяет тебя от смерти. Что ты будешь делать со своим жалким мгновением?

— Я проживу его, — сказал Кармоди. — А для чего существуют мгновения?

Перевод с английского Г. Гринева

♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

Чтоб ощутить себя человеком

О чем этот роман?

О том, что «мир потребления», заваленный барахлом и громоздящий горы мусора как памятники себе, — мир, где досталось родиться Тому Кармоди и Роберту Шекли, непригоден для настоящей Человеческой Жизни?

Да, об этом.

Но не только об этом. Для одного такого тезиса не нужно всего романа — достаточно лишь последних глав. А Роберт Шекли провел своего героя через долгую цепь удивительных приключений. И везде и всюду — в Галактическом центре с его земным чиновничьим кавардаком, и на планете бога Мелихрона, интеллигентски рефлектирующего, и у Модсли, этого лукавого бизнесмена, и на земле динозавра Борга, нравственно темного, как всякий классический мещанин, — везде и всюду Кармоди встречался и спорил с самим собой. Недаром то Посланец, то Приз, то Сизрайт твердят, что свои слова, представления и понятия они черпают из головы Кармоди. И недаром все свои приманки и ловушки символический хищник строит на образах из его, Кармоди, памяти.

Шекли избрал в герои «шаблонное чудо», — среднего западного интеллигента, в меру образованного, честного, доброго, чьи намерения «всегда самые лучшие», да вот позиции шатки. И он заставил героя взглянуть со стороны на собственные представления обо всем — о мироздании, о науке, о религии, о власти, об искусстве, о назначении человека. И Кармоди с болью осознает, что в современном мире, которому известны и космические корабли, и ядовитый смог городов, и смертоносные потоки напалма, нельзя жить, меряя новую действительность старыми предрассудками, иллюзорными представлениями, которые навязывают расхожая пресса, массовая лсевдолитература и псевдоискусство, непрерывно пародируемые в романе.

Путешествие Кармоди — это горькие вещие сны. В одном из них Сизрайт предупреждает героя: «Запомните: все доброе действует открыто. Все злое непременно хитрит, трусливо прикрываясь иллюзиями, масками, грезами». И всякий раз, как только Кармоди клюет на приманку привычных иллюзий, он попадает в пасть хищника.

«Сказка — ложь», но намеки этой сказки более чем прозрачны.

Шекли не просто отвергает мир потребления. Он отвергает одно из важных условий его дальнейшего существования — плоское одномерное мышление, конформизм, примирение с этим миром. И отрицая это, он утверждает ценность настоящей мысли, видящей все многообразие реального бытия, мысли критической, мысли бунтарской — той, что делает человека разумным.

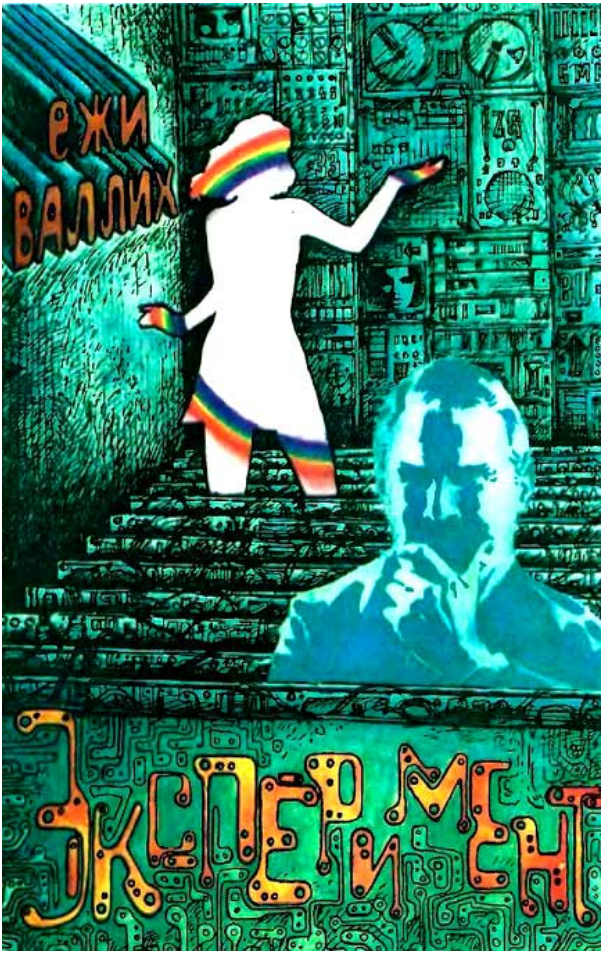
Борис Володин

1974

№ 4

Ежи Валлих

Эксперимент


ЭКСПЕРИМЕНТ

16 апреля.

Когда я проснулся, в комнате было темно. Однако в доме напротив горел свет — штора была похожа на светящуюся шахматную доску, — и поскольку число светлых клеток на ней увеличивалось, я понял, что близится утро.

Стоило пошевелиться, и тотчас — острая боль. Все-таки я дотянулся до кнопки, и квартира наполнилась музыкой. Легче мне от этого не стало — боль не ушла.

Я взял с ночного столика конверт с письмом, пришедшим неделю назад. Я знал его наизусть: «Комис-сия… на заседании, состоявшемся в Вене… с сожалением сообщает Вам, что в связи с большим количеством кандидатов не имеет возможности в текущем году предоставить вам место в устройстве XR-65. Вопрос будет повторно рассмотрен в начале 1991 года».

«Повторно… в начале 1991 года…» Я никогда особенно не доверял врачам, не доверяю и теперь. Но против фактов, которые сам проверил, не попрешь. Я своими руками проделал все необходимые анализы, сам составил программу для машины. Задавал ей одни и те же вопросы, вводя

вероятность 10 %… 1 %… 0,1 %… Результат был, увы, всегда один. Меньшую вероятность вводить не имело смысла.

Итак, никаких иллюзий. Я даже вычислил дату собственной смерти: между 10 и 15 мая. Меньше чем через месяц.

С трудом добравшись до кабинета, сел за письменный стол, заваленный графиками, рисунками, микрофото — быть может, сейчас в последние дни или часы, мне все-таки удастся сделать *нечто*.

Такое, что повернет непреложный ход событий.

27 апреля.

Из невеселых размышлений после очередной бессонной ночи меня вырвал резкий звонок: вызывала Филадельфия.

В голове мелькнуло: Ричард! Он умер месяц назад. И вот, после целого месяца молчания, меня снова вызывает Филадельфия!

Я услышал знакомый голос. Ричард извинялся, что так долго не давал о себе знать. Но он не терял времени и уже ходатайствовал за меня перед Венской комиссией. Пока, правда, безуспешно, однако он считает, что еще не все потеряно.

Ясно, что Ричард меня обманывает: просто ему не хочется отнимать у меня надежду — единственное, что мне осталось на эти последние две недели.

…Покончить с собой? Дурацкий патетический жест — самоубийство перед смертью. Впрочем, мне непременно нужно что-то совершить. А в этом есть элемент бунта. Правда, бунта, лишенного смысла. Но когда от смерти уже нечем заслониться, ничего другого не остается.

Я долго сидел и думал про все это. Стемнело, но я не зажигал света. И вдруг — верно, уже посреди ночи — услышал, как под окнами затормозил автомобиль. На лестнице раздались шаги и кто-то нетерпеливо забарабанил в дверь.

Я взял палку и заковылял в переднюю. Это была Кристина, моя ассистентка. Она схватила меня за руку и закричала:

— Чудо! Свершилось чудо! Идем быстрее! Сам увидишь!

Я не стал ничего спрашивать и повернулся к своей инвалидной коляске, но Кристина подхватила меня и чуть ли не на своих плечах поволокла вниз к машине.

Я понимал, что сейчас она ничего не расскажет. Путь мы провели в молчании. Я даже забыл

про боль.

Машина остановилась перед нашей лабораторией, освещенной, несмотря на поздний час. Кристина помогла мне войти в здание.

Столы, как обычно, были заставлены колбами с культурами тканей, на которых мы выращивали вирусы. Препарат, обработанный нейтронами при частоте электромагнитного поля 12866 мегагерц, был уже в электронном микроскопе.

Я заглянул в окуляр.

И увидел то, о чем мечтал столько лет!

У каждого из вирусных телец, четко различимых на зеленоватом фоне, были одни и те же точно нанесенные нейтронами повреждения!

Кристина металась по лаборатории, хлопала в ладоши и что-то кричала.

Я не мог оторваться от микроскопа.

Нет! Не все потеряно!..

28 апреля.

С утра моя комната была наполнена звоном. На распределительном щите видеофона непрерывно зажигались и гасли контрольные лампочки. Я не мог ни на минуту выключить аппарат — меня вызывали из разных городов, допытывались о подробностях, требовали новые данные.

Около одиннадцати позвонила Филадельфия. Ричард поздравлял с успехом. Радость в его голосе была неподдельной: теперь можно не сомневаться в положительном решении Комиссии! Внеочередное заседание для пересмотра моего заявления назначено на завтра!

Я просидел перед стереовизором до глубокой ночи, переключаясь с одного канала на другой. Меня интересовали только последние известия. В каждом выпуске на экране рано или поздно появлялось сконструированное мною устройство и магическая цифра «12866 — частота электромагнитного поля, при которой поток нейтронов, действуя избирательно, уничтожает опаснейшие из известных человечеству вирусов.

29 апреля.

Сегодня вечером мне сообщили по видеофону из Вены: Комиссия решила вопрос положительно! Первого мая я должен быть в Париже, в клинике профессора Тибо!

30 апреля.

Утром явились с визитом ректор университета и мэр города. Они познакомили меня с общим сценарием моих похорон, которые решено прове-

сти с подобающей торжественностью. Назначен день — 6 мая. Гроб будет выставлен в актовом зале университета. По окончании церемонии в Оперном театре состоится траурный концерт.

…Вечером я улетал в Париж. По городу проехали в открытом автомобиле; народу на улицах было немного, но на аэродроме меня ждала толпа. Интерес этих людей понятен: в таком облике они лицезреют меня в последний раз.

Когда я поднимался по трапу, меня подмывало крикнуть: «До встречи на похоронах!», но я вовремя прикусил язык.

1 мая.

Я в Париже. Сижу в большой светлой комнате. Клиника находится невдалеке от Люксембургского сада — через окно проникает запах цветущих деревьев.

Меня приглашают к Тибо. Седой красивый человек примерно моего возраста. Я его восьмой лациент, поэтому он охотно рассказывает мне обо всех деталях предстоящей операции.

..Меня кладут на носилки и везут в знаменитую операционную № 15. За ее стеклянными стенами толпа студентов — они будут видеть весь ход операции. Вспыхивают прожекторы стереови-

дения. Профессор еще во фраке. Он спрашивает, какое музыкальное произведение мне хотелось бы услышать напоследок.

Выбираю скрипичный концерт Венявского. Музыка. Тибо протягивает бокал шампанского. Выпиваю залпом. Я не увижу, как профессор облачится в белоснежный халат, — я уже сейчас ничего не вижу.

Началось.

5 мая.

Я проснулся в полной темноте. Впрочем, верно ли это сказано? И сказано ли? Я же не могу говорить! И «просыпаться» тоже не могу: ведь пробуждение — это момент, когда человек покидает мир сна и до сознания доходят звуки реального мира. А мой мозг, просто стал снова функционировать после вынужденного бездействия, из которого его вывели импульсом, имитирующим внешний раздражитель.

Итак, я начал мыслить. А скорее, стал сознавать, что мыслю. Начал вспоминать все, что было, и сразу поймал себя на утешительном силлогизме:

— Я существую, поскольку я знаю, что существую.

Первым делом я внушил себе: свершилось то,

что я многократно пытался представить в воображении, — операция прошла удачно! Мой мозг находится в том неслыханно дорогом устройстве, обеспечивающем его жизнедеятельность, право на которое было мне предоставлено решением Венской комиссии. Мой мозг живет! В эту минуту каждая моя мысль регистрируется на пленке и изучается группой экспертов, возглавляемых самим Тибо. Если результат исследований окажется положительным, тотчас будет подключено зрение.

...Я ощутил — не увидел, а именно ощутил — вспышку, после нее стало как будто еще темнее. Но это была не та темнота, которая только что окружала меня. Та темнота была пустая, а эта чем-то наполнена; теперь я чувствую, я уверен, за ней — беспредельность!

...Начало сереть, проясняться, из темноты постепенно выступили предметы. Я был в приемной Тибо. Сделалось совсем светло, и я увидел стоящих передо мной людей. Среди них был и профессор.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он. Слова Тибо появились на экране, установленном так, чтоб я мог его видеть.

Разумеется, я не ответил, но на другом экране

замелькала мешанина слов, фраз, образов. Их было гораздо больше, чем могло осесть в моем сознании. Я с любопытством следил за этим бегом собственных мыслей. В конце концов мне удалось укротить их и составить фразу: «Спасибо, я чувствую себя хорошо».

Однако на экране, на заднем плане, все-таки продолжали прыгать мысли, которыми я вовсе не собирался ни с кем делиться. Дурацкое занятие — мыслить на экране! Несмотря на радость бытия, я почувствовал острое желание как можно быстрее с этим покончить.

Профессор улыбнулся и сказал:

— Хорошо, заканчиваем. Сейчас мы смонтируем вам слух и голос, а зрение временно отключим.

Течение мыслей замедлилось, мне захотелось спать, и я заснул, не успев даже сообразить, что меня усыпили нарочно — на время подключения дополнительных устройств.

…Опять нечто вроде вспышки, и я снова мыслю, снова начинаю видеть. Мало того, я слышу! Слышу музыку — тот самый концерт Венявского, под звуки которого профессор Тибо приступил к операции.

В комнате уже совсем светло. Явственно слы-

шен стук в дверь. И прежде чем я успел что-либо подумать, раздался мой собственный голос:

— Войдите.

В комнату вошел профессор Тибо.

— Добрый день. Как дела?

— Лучше быть не может, — ответил я. — А вы мною довольны?

— Весьма. Все прошло без осложнений.

— Какое сегодня число? — спросил я.

— Пятое мая.

— Выходит, — сказал я, подумав, — завтра мои похороны.

— Совершенно верно. Хотите принять в них участие лично или посмотрите по стереовизору?

— Что значит «лично»?

— Мы пошлем туда сотрудника клиники, который будет выполнять все ваши распоряжения. Он захватит с собой искусственные органы зрения и слуха, вроде ваших нынешних. Сигналы по радиотелеметрии будут передаваться в клинику, и у вас создастся полное впечатление, что вы там присутствуете…

— А вы можете гарантировать сохранение тайны? — спросил я, подумав минуту.

— Безусловно. Я понимаю, вы хотите побывать там инкогнито. Как, впрочем, и всё ваши предше-

ственники. Не знаю, почему всем нам так хочется побывать на собственных похоронах…

Мне захотелось улыбнуться в ответ — но ничего не произошло, просто несколько секунд стояла тишина. «Ага, — подумал я, — улыбаться я не могу. Такая форма участия в беседе мне недоступна».

— У меня есть еще одна просьба, — сказал я профессору. — Мне бы хотелось себя увидеть…

— Пожалуйста, это обычная просьба. У нас для этого есть специальная система.

Профессор нажал кнопку, на стенах появились зеркала, и я увидел себя, вернее, устройства, заменившие мне органы чувств и связавшие меня с миром: три небольших ящичка на столике, снабженные контрольной аппаратурой и набором регуляторов. В одном из ящичков за стеклянным экраном были… глаза. Настоящие человеческие глаза, укрепленные на шарнирах — так, чтобы угол зрения был достаточно велик. Они почему-то показались мне особенно родными, чуть ли не частицей меня самого, хотя это были вовсе не мои глаза. Я всегда был близорук, а они отлично обходились без очков. Кроме того, раньше у меня глаза были карие, а эти оказались черными.

— Спасибо. А теперь…

— …Теперь вам бы хотелось увидеть, как все устроено, — подсказал Тибо. — Ничего нет проще. Взгляните на экран.

На экране появилось изображение довольно большой комнаты, заполненной множеством незнакомых приборов и паутиной проводов. Все провода сходились в каком-то центре — в точке, которую я не видел. Потому что в этой точке был собственно я! Мой мозг, хранимый при постоянной температуре, получающий питание по тысячам линий и проводов…

Мне стало не по себе: где же все-таки я сам? В той ли комнате, где стоят три магических ящичка и мы беседуем с профессором, или там, среди этого сложнейшего оборудования? В конце концов я решил, что логичнее всего считать, что я там, где глаза…

6 мая.

Ровно в девять меня подсоединили к Мишелю, сотруднику клиники Тибо, который, взяв с собой датчики, в это время ехал на машине в университет. Тотчас я очутился в моем городе. День был пасмурный, шел мелкий дождик, прохожие прятались под зонтами.

Я попросил Мишеля зайти в актовый зал, пока

народ еще не собрался. Мы поспели вовремя — зал был почти пуст. Мишель подошел к возвышению, на котором стоял гроб с прозрачной крышкой. Еще издали я отчетливо увидел себя — того, к какому издавна привык. Свет падал на лицо так, что мне нельзя было дать моих пятидесяти пяти лет. Я себе понравился.

Актовый зал постепенно заполнялся людьми. В 9.30 там яблоку негде было упасть. Началась панихида. Рассеянно слушая ораторов, я с нетерпением ждал собственного выступления — оно было заблаговременно записано на пленку. Моя речь прозвучала совсем неплохо: я увидел это по лицам собравшихся. Кстати, на разбросанные там и сям колкости, кажется, никто не обратил внимания.

Когда я отправился проводить себя на кладбище, погода сделалась еще омерзительней, чем утром. Пошел проливной дождь. И я с любопытством наблюдал, как толпа постепенно редеет. Даже самые близкие мне люди украдкой отделялись от процессии. Мне стало жаль Мишеля, у которого не было с собой зонта, и я отпустил его, попросил переключить меня на клинику.

Итак, похороны позади. Пора подумать о будущем. Это прекрасно — сознавать, что время

теперь практически никак тебя не ограничивает...

Спустя пять лет

27 апреля.

Сегодняшнюю лекцию читал из рук вон плохо.

Я это понял по реакции слушателей. Обычно они внимательно следят за моими глазами, установленными на кафедре. Теперь же никто на меня не смотрел: похоже, студенты, как и я, мыслями были где-то далеко.

— Сегодня занятия будут окончены на два часа раньше, — вывернулся я из положения. Слушатели тотчас оживились, а я быстренько переключился на аппаратуру в моей квартире.

Через час сюда должна была прийти Анна!

Я хотел подготовиться к ее приходу. Однако я сообразил, что понятие «подготовиться» сейчас лишено всякого смысла. Что я мог сделать? Четыре ящичка, обеспечивающих мне связь с окружающим миром — мое зрение, голос, слух и с недавних пор добавленное обоняние, — всегда работали одинаково четко.

К счастью, я мог волноваться, ежеминутно

поглядывать на часы, думать, представлять себе, как она первый раз войдет в дом, и прислушиваться к шуму проезжающих автомобилей.

Ровно в пять я услышал, как у подъезда остановилась машина. Стук дверцы, шаги на лестнице и в дверях — Анна.

В руках у нее была охапка сирени (сразу запахло). Я смотрел на Анну и молчал. Она подошла к письменному столу, на котором я был расставлен. Поцеловала цветы и положила их передо мной.

— Спасибо. И еще спасибо за то, что ты так красиво одета.

Анна покраснела. Я, должно быть, тоже (только этого никто не мог бы понять).

— Пора браться за работу. Что я должна приготовить? Передник у тебя, надеюсь, найдется?

— Все, что нужно к ужину, на кухне, — ответил я. — А передник… Передника, боюсь, у меня нет.

Она вышла. Я проводил ее взглядом.

Мы знакомы два года. Она была моей студенткой и часто принимала участие в дискуссиях, которые я устраивал. Мы подружились.

Сегодня пятая годовщина открытия, которое дало мне право «дожить» до этого дня. Я устраиваю прием. Приглашены друзья, в том числе кое-кто из моих студентов. Анна согласилась

быть хозяйкой. Итак, прием мы даем вместе!

Я услышал первый звонок. Начали собираться гости. Анна исполняла свою роль идеально. Все наперебой расхваливали приготовленные ею тартинки. Глядя, как гости их уплетают, я сам почувствовал нечто вроде голода. Увы!..

Когда в комнату вкатили бар на колесиках и атмосфера стала совсем непринужденной, я показал гостям свой последний фильм, снятый в экспедиции. Недавно я три месяца провел в Бразилии. Мы забрались в последний неизведанный уголок сельвы. И, как оказалось, не зря. Мы нашли развалины необычного здания в стиле эпохи инков, однако со множеством своеобразных деталей. Похоже, удалось сделать любопытнейшее археологическое открытие!.. Фильм получился захватывающий. Экспедиция и вправду оказалась опасной. В пути было немало приключений и некоторые из них даже закончились трагически.

Мелькали кадры. Я рассказывал. Гости слушали, затаив дыхание. Я чувствовал, что мне завидуют. Они явно не понимали того, что я ощущал совершенно отчетливо. Эта экспедиция, напряженная, полная опасностей, была незабываемым испытанием для людей, которые несли мои глаза, мой голос, слух, наконец, мое обоня-

ние. А для меня самого все это было чем-то вроде слишком длинного и даже скучноватого киносеанса! Я ведь не мог погибнуть в этой экспедиции. А ящички? Их несколько комплектов. Один — в университете, где я читаю лекции, другой — в кабинете у меня дома, третий — на балконе в искусственном саду, чтобы я мог вечерами слушать звуки улицы. И наконец, четвертый — в примыкающей к моей квартире лаборатории, где в искусственном климате под постоянной опекой тренированного персонала в полной безопасности живет мой мозг. Так что в моем рассказе вкус риска был лишь для пущей яркости. И еще…

Время от времени я поглядывал на Анну. Она не отрывалась от экрана. Мне хотелось, чтобы я привиделся ей в ком-то из тех, кто нес меня в сельве, одним из этих сильных, отчаянно смелых людей. Кажется, это мне удалось. Анна вдруг посмотрела на меня как… как на человека.

Мы изрядно выпили. То есть пили гости, однако их приподнятое настроение передалось и мне.

Кто-то предложил потанцевать. Мог ли я что-либо возразить?

Танцевали перед столом, на котором был я. Пары мельтешили перед глазами и мешали мне видеть Анну. Но иногда я все-таки ловил

ее взгляд, и мне чудилось, что это ее смущало. Почему? Неужели мои глаза — единственное, что было во мне от живого человека, — начинали меня выдавать?

Кто-то из гостей подошел к Анне и пригласил танцевать. Его спина совсем заслонила ее от меня. Сейчас я увижу их в двух шагах, прямо перед собой. Но я по-прежнему видел только эту спину. Может быть, Анна отказывалась, а он настаивал? Потом спина исчезла. Значит, Анна решительно отказалась. Спасибо, Анна!

Гости разошлись после полуночи. Анна ушла последней. Прощаясь она спросила:

— Можно я приду завтра и помогу привести квартиру в порядок?

9 мая.

Анна приходит часто. Садится в кресло рядом со мной. Я отчетливо вижу каждую ее черточку, чувствую ее запах, заучиваю ее наизусть, чтобы потом, когда она уйдет, сочинить мир, которого никогда не было и не будет.

Мы разговариваем часами и, случается, забываем о разделяющей нас стене. По тем острее — просто физически остро — я вдруг чувствую, как натыкаюсь на преграду. Я не знаю, как ее

определить. Может, это просто стенки моих ящичков?

12 мая.

Сегодня день рождения Анны. Ей исполнилось двадцать два года. Я просил приятеля взять меня и пройти по нескольким большим магазинам. Он удивился… Я выбрал нитку жемчуга, кое-какие мелочи, а главное — светло-зеленое платье. У Анны золотистая кожа, длинные черные волосы. Мне подумалось, что платье будет ей к лицу.

Вечер. Слушаем музыку. Прошу Анну открыть шампанское. Один бокал она символически выплескивает, другой выпивает — за здоровье именинницы. Прошу ее развернуть пакет. Подарки ей нравятся, она хлопает в ладоши. Шампанского много. У Анны в глазах огоньки.

Прошу ее примерить платье. Анна машинально расстегнула пуговицу на блузке, но покраснела и с платьем в руках бросилась к двери. И тогда я услышал свой голос.

Не знаю, как это получилось, но я вдруг явственно услышал собственные слова:

— Останься, Анна… Прошу…

Стало тихо. Я испугался.

Анна начинает раздеваться.

И тут же убегает. Я слышу, как она плачет в соседней комнате.

Прошу ее вернуться.

Она возвращается. В новом светло-зеленом платье. С жемчугом на шее. Она заплакана — и все это ей к лицу.

Я говорю:

— Прости…

Анна на меня не смотрит. Я не знаю, о чем она думает.

Я говорю:

— Анна, я не понимаю, что со мной случилось. Прости, это не повторится.

Она не отвечает.

Через силу я говорю:

— Это никогда не повторится, клянусь. Просто мы не должны больше видеться…

Анна поднимает голову, смотрит на меня и говорит:

— Не хочу. Мы будем видеться. Я буду приходить к тебе каждый день, я всегда буду с тобой.

Я в западне.

16 мая.

Я сказал Анне, что уезжаю. Она посмотрела на меня с испугом.

— Не бойся! Я не натворю глупостей. Даже если захочу… Ведь меня так хорошо стерегут!.. Я уезжаю, чтобы кое в чем разобраться. Ты знаешь, я уже однажды был в безвыходном положении. И тогда случилось чудо. Может быть, я счастливчик, Анна? И чудо случится второй раз?..

Я поехал в Филадельфию.

19 мая.

Второй день я у Ричарда. О чем только мы не успели поговорить, прежде чем я решился рассказать ему про Анну! Ричард слушал, не перебивая. Он сконструирован несколько иначе, чем я — его глаза помещены в центре системы увеличивающих зеркал и из-за этого кажутся огромными. Наблюдая за ними, можно улавливать любые оттенки его настроений — это скорее лицо, нежели глаза. Но на сей раз глаза Ричарда стали непроницаемы. Лишь временами мне чудилась в них снисходительная усмешка. Это меня злило, и я поспешил закруглиться:

— История с Анной для меня не пустяк. Это не погрешность удачного эксперимента. Это то, что может эксперимент зачеркнуть вовсе. Дошло до того, что мне опротивело существование в виде ящичков. И если выхода нет, то…

— То что? — перебил Ричард. — Пустишь пулю в лоб, как в старые добрые времена?

Я молчал. Ричард участливо посмотрел на меня.

— Сейчас я покажу тебе один фильм, — сказал он.

Он включил проектор, и на экране заискрился белый снег. Зима, горы, солнце. Смуглая девушка-мексиканка с большими смеющимися глазами и высокий светловолосый скандинав, отличный лыжник. В кадре — то он, то она. Видимо, поочередно снимали друг друга. Потом вечер в горной хижине. Красноватые отблески поленьев, горящих в камине…

Экран погас. Я посмотрел на Ричарда. У него был отсутствующий взгляд. Я понял, что он сейчас далеко, где-то за темным экраном. Будто фильм для него еще не кончился.

Потом он спросил:

— Понравилась тебе Маргарита? Девушка из фильма.

— Очень. Но что с того? Ты хотел мне напомнить, как выглядят вещи, для нас с тобой недоступные?

— Недоступные? Ты уверен? — спросил Ричард. — Этот фильм мы с Маргаритой снимали

месяц назад, когда катались на лыжах в Колорадо Спрингс.

— Вы снимали? Ты катался? — я был совершенно сбит с толку.

— Ты, конечно, не веришь, — сказал Ричард. — Погоди минутку, сейчас поймешь.

Его глаза вдруг застыли и потускнели. Приборы, из которых состоял Ричард, умерли — в них погасли все контрольные лампочки. Наступила тишина. Но спустя минуту я услышал шаги. Отчетливый звук шагов в соседней комнате. И наконец, стук в дверь.

— Войдите, — сказал я.

Дверь распахнулась. На пороге стоял светловолосый скандинав из фильма. Он посмотрел на меня торжествующе и сказал голосом, очень похожим на голос Ричарда.

— Ты все еще не веришь, что это я был с Маргаритой в Колорадо Спрингс?

— Ты? То есть кто? Как… как тебе удалось?

— Очень просто. Прошлое начало меня мучить гораздо раньше, чем тебя. И раньше, чем ты, я стал прикидывать, как бы разделаться со своей драгоценной, бережно охраняемой головой. И тут как раз появился Олаф — молодой человек, которого ты видишь перед собой, студент-медик

из Осло. Он предложил мне сделку. Ему была позарез нужна довольно большая, недостижимая для него сумма денег. И он заявил, что сдаст себя напрокат. Скажем, на два года… Олаф уже кое-что смыслил в нейрофизиологии: его проект не был абсурдным. Мы все вместе проанализировали, и я убедился, что проект вполне осуществим. Мы заключили контракт. Мои сотрудники сконструировали информационные системы, при посредстве которых Олаф вместо приказаний, исходящих из собственного мозга, должен принимать мои. Операция не грозила никакими последствиями и в самом деле прошла гладко. С тех пор он — я. Только я. На два года. Его мозг отдыхает, не воспринимая никаких раздражителей. Я приобрел два года нормальной жизни, а он за это время проживет лишь несколько минут, необходимых, чтобы утратить сознание и потом вновь его обрести.

Говоря это, Ричард безостановочно расхаживал по комнате. Я с завистью следил за его движениями, за пружинистым шагом. Жадно смотрел, как он закуривает сигарету… Верно, он заметил эту зависть в моем взгляде. Сел в кресло, посмотрел на безжизненную аппаратуру, стоящую на письменном столе. Мне показалось, что посмотрел с

симпатией.

— Ровно год, как мы заключили контракт, это был прекрасный год, — сказал Ричард. Работал я, признаться, немного. Болтался по свету. Набирался впечатлений. Ухаживал за девушками… Но знаешь, я устал от этого. Даже очень устал, и с наслаждением думаю о времени, когда снова возьмусь за работу… Так что, — он глянул мне прямо в глаза, — так что, если хочешь, забирай его себе на оставшийся год. Он тебе очень нужен — возьми его!

25 мая.

На дорогу из Филадельфии ушло шесть часов. Уже смеркалось, когда я очутился перед своим домом. И только тут я спохватился, что мне нечем открыть дверь. Правда, я мог переключиться на устройство, оставшееся в квартире, и при помощи фотоэлемента отпереть дверь изнутри, но я боялся за себя. Боялся бросить на улице свою не способную мыслить оболочку, и долго стоял, не зная, как поступить.

Наконец, когда улица на минуту опустела, я взобрался по водосточной трубе на балкон. Выбил одно из окон, аккуратно извлек из рамы осколки стекла и залез в квартиру.

Итак, я был у себя. Я носился по комнатам, воспринимая все иначе — с другой точки зрения. Ощупывал руками каждую пустячную вещицу. Долго рассматривал себя в зеркале. Потом подошел к письменному столу — на нем стояла фотография Анны. Я закрыл глаза и представил ее себе. Что будет? Я должен подготовиться к первой встрече. Нам будет очень трудно. Как сделать, чтобы Анна сразу поверила в то, что это — я?!

Моей хваленой логики как не бывало. Я шагал по комнате и ничего не мог придумать.

Вдруг меня осенило. Я кинулся на кухню. В баре, к счастью, кое-что осталось. Я налил рюмку коньяку, сварил крепкий кофе и, включив музыку, уселся за письменный стол.

Теперь что-то стало проясняться. После второй рюмки я почувствовал себя еще лучше. План начал вырисовываться в деталях, как киносценарий:

«Наверное, это будет выглядеть так...»

Шорох шин под окнами. Автомобиль остановился. Я выбежал на балкон и спрятался за плетями искусственного плюща.

Белая открытая машина у подъезда. Черные волосы, светло-зеленое платье, поднятые кверху испуганные глаза... У меня во всех окнах горел

свет, гремела музыка. Анна поняла, что внутри кто-то есть, — верно заметила выбитое стекло в одном из окон. Быстро выскочила из машины. Она была растерянна и, казалось, вот-вот заплачет.

А я оцепенел. Я не знал, что делать. И вдруг крикнул:

— Анна!

Она посмотрела на балкон и ничего не увидела. Ведь я был в тени. Тогда я заорал:

— Это я, Анна, я вернулся. Иди сюда!

Анна вбежала в подъезд. Я бросился ей навстречу. Мы встретились на лестнице. И долго молча смотрели друг на друга. Беспомощные, словно дети… Какой там сценарий!..

А потом мы целовались, как все люди на свете, и я что-то путанно бормотал, да не до слов нам было…

Еще год спустя

25 мая.

Я снова у себя в кабинете, в четырех ящичках. В открытую дверь я вижу Анну.

— Скоро пять. Через час начнут собираться

гости. Ты готова?

— Конечно. И стол накрыт. Хочешь, я перенесу тебя в гостиную? Увидишь, как все великолепно выглядит…

И в самом деле все выглядело великолепно: столы, составленные подковой, цветы, стекло. С моего почетного места рядом с Анной комната, как на ладони.

Первый звонок в дверь…

— Дорогие друзья! У нас было два повода, чтобы пригласить вас сегодня. Во-первых, прошел ровно год после моего отъезда в Филадельфию. Год, в течение которого мы с вами не виделись: я писал книгу, взяв в университете отпуск, немного поездил по свету.

Но есть и второй повод — это наша свадьба. Мы поженились год назад. Просто раньше мы не могли вас пригласить.

Что ж вы молчите? Я не слышу аплодисментов… Может, вы думаете, я сошел с ума? Стыдитесь! Уж вам следовало бы знать, что мозг, помещенный в знаменитый аппарат профессора Тибо, неспособен сойти с ума. Но мне понятно ваше молчание. И я на вас не в обиде.

Вы — мои друзья. Я знаю, что вы все поймете правильно. Сегодня завершается мой второй

эксперимент. Я прошу отнестись к нему столь же серьезно, как и к предыдущему.

Дорогие мои, веселитесь. И простите, — мы вас покинем. То есть Анна выйдет из комнаты, а в этих четырех ящичках погаснут огоньки. Это ведь наша свадьба, и мы имеем право побыть наедине. Мы утащим с собой бутылку шампанского — когда вы услышите, как хлопнет пробка, пусть это будет для вас сигналом выпить за молодых!

— Я редко здесь бывал, Анна. Тут холодно и неприятно. И еще шум этой чертовой климатической установки. Никто из прислуги тебя ни о чем не спрашивал?

— Нет. Я просто пригласила их присоединиться к гостям. Сказала, что мы хотим на минутку исчезнуть. Они только с удивлением посмотрели на эту бутылку.

— Слава богу, что им не пришло в голову попросить из нее стаканчик. Вкус, у нитроглицерина, кажется, паршивый… Кстати, я говорил не слишком патетически?

— Не слишком. Пожалуй, как нужно. Пусть именно это и останется у них в памяти.

— Бутылку поставь поближе к пучку красных проводов. Только осторожней, не задень сигнализацию… Теперь бикфордов шнур. Сложи его на

всякий случай вдвое… Анна, ты…

— Ты хочешь спросить, не передумала ли я? Вот что: когда я была маленькой, мама учила меня, что все хорошее в жизни должно кончаться в самый прекрасный момент. Поэтому я всегда уходила домой в самый разгар вечеринки…

— Почему ты замолчала, Анна?

— Я смотрю на шнур. Он догорает.

Перевела с польского К. Старосельская

№ 7

Кир Булычев

О некрасивом биоформе

Кир Булычев

О некрасивом биоформе

1.

Ну, вот и все. Драч снял последние показания приборов, задраил кожух и отправил стройботов в капсулу. Потом заглянул в пещеру, где прожил два месяца, и ему захотелось апельсинового сока. Так, что голова закружилась. Слишком долгое перенапряжение. Но почему именно апельсиновый сок? Черт его знает, почему… Но чтобы сок мурчал ручейком по покатому полу пещеры — вот он, весь твой, нагнись и лакай из ручья.

Будет тебе апельсиновый сок, сказал Драч. И песни будут. (Память его знала о том, как поются песни, только уверенности в том, что она правильно зафиксировала этот процесс, не было.) И будут тихие вечера над озером — он выберет самое голубое озеро в мире, чтобы обязательно на обрыве, над берегом, росли разлапистые сосны, а из слоя игл в прозрачном, без подлеска, лесу выглядывали крепкие боровики.

Драч выбрался к капсуле и прежде, чем войти в нее, в последний раз взглянул на холмистую равнину, на бурлящее лавой озеро у горизонта и черные облака.

Ну, все. Драч нажал сигнал готовности. Померк свет, отлетел, остался на планете ненужный больше пандус. В корабле, дежурившем на орбите, вспыхнул белый огонек.

— Готовьтесь встречать гостя, — сказал капитан.

Через полтора часа Драч перешел по соединительному туннелю на корабль. Невесомость мешала ему координировать движения, хотя не причиняла особых неудобств. Ему вообще мало что причиняло неудобства. Тем более, что команда вела себя тактично, и шуток, которых он опасался, потому что очень устал, не было, время перегрузок он провел на капитанском мостике и с любопытством разглядывал сменную вахту в амортизационных ваннах. Перегрузки продолжались довольно долго, и Драч выполнял обязанности добровольного сторожа. Он не всегда доверял автоматам, потому что за последние месяцы не раз обнаруживал, что сам надежнее, чем они. Драч ревниво следил за пультом и даже в глубине души ждал повода, чтобы вмешаться. Повода не представилось.

2.

Об апельсиновом соке он мечтал до самой Земли. Как назло апельсиновый сок всегда стоял на столе в кают-компании, и потому Драч не заходил туда, чтобы не видеть графина с пронзительно желтой жидкостью.

Драч был на корабле единственным пациентом доктора Домби, если вообще Драча можно было назвать пациентом.

— Я чувствую неполноценность, — жаловался доктору Драч, — из-за этого проклятого сока.

— Не в соке дело, — возразил Домби. — Твой мозг мог бы придумать другой пунктик. Например, мечту о мягкой подушке.

— Но мне хочется апельсинового сока.

— Хорошо еще, что ты говоришь и слышишь, — сказал Домби, — Грунину было хуже.

— Относительное утешение, — ответил Драч.

Домби был встревожен. Три планеты, восемь месяцев дьявольского труда. Драч на пределе. Надо было сократить программу. Но Драч и слышать об этом не хотел.

Аппаратура корабельной лаборатории не годилась, чтобы серьезно обследовать Драча.

Оставалась интуиция, а она трещала, как счетчик Гейгера. И хотя ей нельзя было целиком доверяться, на первом же сеансе связи доктор отправил в центр многословный отчет. Геворкян хмурился, читая его. Он любил краткость.

А у Драча до самой Земли было паршивое настроение. Ему хотелось спать, и короткие наплывы забытья не освежали, а лишь пугали настойчивыми кошмарами.

3.

Мобиль Института биоформирования подали вплотную к люку. Домби сказал на прощание:

— Я вас навещу. Мне хотелось бы сойтись с вами поближе.

— Считайте, что я улыбнулся, — ответил Драч, — вы приглашены на берег голубого озера.

В мобиле Драча сопровождал незнакомый молодой сотрудник. Он чувствовал себя неловко, ему, верно, было неприятно соседство Драча: отвечая на вопросы, он глядел в окно. Драч подумал, что биоформиста из парня не получится, и перешел вперед, где сидел институтский шофер Полачек. Полачек был Драчу рад.

— Не думал, что ты выберешься, — сказал он с подкупающей откровенностью. — Грунин был не глупей тебя.

— Все-таки обошлось, — ответил Драч. — Устал только.

— Это самое опасное. Я знаю. Кажется, что все в порядке, а мозг отказывает.

У Полачека были тонкие кисти музыканта, и панель пульта казалась клавиатурой рояля. Мобиль шел под низкими облаками, и Драч смотрел вбок, на город, стараясь угадать, что там изменилось.

Геворкян встретил Драча у ворот. Грузный, носатый старик с голубыми глазами сидел на лавочке под вывеской «Институт биоформирования АН СССР». Для Драча, да и не только для Драча, Геворкян давно перестал быть человеком, а превратился в понятие, в символ института.

— Ну вот, — сказал Геворкян. — Ты совсем не изменился. Ты отлично выглядишь. Почти все кончилось. Я говорю почти, потому что теперь главные заботы касаются меня. А ты будешь отдыхать и готовиться.

— К чему?

— Чтобы пить этот самый апельсиновый сок.

— Значит, доктор Домби донес и об этом и дела мои совсем плохи?

— Ты дурак, Драч. И всегда был дураком. Чего же мы здесь разговариваем? Это не лучшее место.

Окно в ближайшем корпусе распахнулось, и оттуда выглянули сразу три головы. По дорожке от второй лаборатории бежал, по рассеянности захватив с собой пробирку с синей жидкостью, Дима Димов.

— А я не знал, — оправдывался он, — мне только сейчас сказали.

И Драча охватило блаженное состояние блудного сына, который знает, что на кухне трещат дрова и пахнет жареным тельцом.

— Как же можно? — нападал на Геворкяна Димов. — Меня должны были поставить в известность. Вы лично.

— Какие уж тут тайны, — отвечал Геворкян, будто оправдываясь.

Драч понял, почему Геворкян решил обставить его возвращение без помпы: Геворкян не знал, каким он вернется, а послание Домби совсем его растревожило.

— Ты отлично выглядишь, — сказал Димов.

Кто-то хихикнул. Геворкян цыкнул на зевак, но никто не ушел. Над дорожкой нависали кусты цветущей сирени, и Драч представил себе, какой у нее чудесный запах. Майские жуки проноси-

лись, как тяжелые пули, и солнце садилось за старинным особняком, в котором размещалась институтская гостиница.

Они вошли в холл и на минуту остановились — у портрета Грунина. Люди на других портретах улыбались. Грунин не улыбался. Он всегда был очень серьезен. Драчу стало грустно. Грунин был единственным, кто видел, знал, ощущал пустоту и раскаленную обнаженность того мира, откуда он сейчас вернулся.

4.

Драч уже второй час торчал на испытательном стенде. Датчики облепили его как мухи. Провода тянулись во все углы. Димов колдовал у приборов. Геворкян восседал в стороне, разглядывая ленты и косясь на информационные таблицы.

— Ты где будешь ночевать? — спросил Геворкян.

— Хотел бы у себя. Мою комнату не трогали?

— Все как ты оставил.

— Тогда у себя.

— Не рекомендую, — сказал Геворкян. — Тебе лучше отдохнуть в барокамере.

— И все-таки.

— Настаивать я не буду. Хочешь спать в маске, ради бога… — Геворкян замолчал. Кривые ему не нравились, но он не хотел, чтобы Драч это заметил.

— Что вас смутило? — спросил Драч.

— Не вертись, — сказал Димов. — Мешаешь.

— Ты слишком долго пробыл в полевых условиях. Домби должен был отозвать тебя еще два месяца назад.

— Из-за двух месяцев пришлось бы все начинать сначала.

— Ну-ну, — сказал Геворкян. Непонятно было, одобряет он Драча или осуждает.

— Когда вы думаете начать? — спросил Драч.

— Хоть завтра утром. За ночь обработаем все, что записали, и начнем. Но я тебя очень прошу, спи в барокамере. Это в твоих интересах.

— Если только в моих интересах… Я зайду к себе.

— Пожалуйста. Ты вообще нам больше не нужен.

«Плохи мои дела», — подумал Драч, направляясь к двери, — «Старик не в форме».

Драч не спеша пошел к боковому выходу, мимо одинаковых белых дверей. Рабочий день давно

кончился, но институт, как всегда, не замер и не заснул. Он всегда напоминал Драчу обширную клинику с дежурными сестрами, ночными авралами и срочными операциями. Маленький жилой корпус для кандидатов и для тех, кто вернулся, был позади лабораторий, за баскетбольной площадкой. Тонкие колонны особняка казались голубыми в лунном сиянии. Одно или два окошка в доме светились, и Драч тщетно пытался вспомнить, какое из окошек принадлежало ему. Сколько он прожил здесь?.. Чуть ли не полгода… Возвращался вечерами в этот домик с колоннами и, поднимаясь на второй этаж, мысленно подсчитывал дни…

Драч вдруг остановился. Он понял, что не хочется входить в этот дом и узнавать вешалку прихожей, щербинки на ступеньках лестницы и царапины на перилах. Не хочет видеть коврик перед своей дверью.

Что он увидит в своей комнате? Следы жизни другого Драча, книги и вещи, оставшиеся в прошлом…

Драч отправился назад в испытательный корпус. Геворкян прав — ночь надо провести в барокамере. Без маски. Она надоела на корабле и еще более надоест в ближайшие недели. Драч

отправился напрямик через кусты и спугнул какую-то парочку. Влюбленные целовались на спрятанной в сирени лавочке, и их белые халаты светились издали, как предупредительные огни. Драчу бы их заметить, но не заметил. Он позволил себе расслабиться и этого тоже не заметил. Там, на планете, такого случиться не могло. Мгновение расслабленности означало бы смерть. Не больше и не меньше.

— Это я, Драч, — сказал он влюбленным.

Девушка засмеялась.

— Я жутко перепугалась, — сказала она. — Здесь темно.

— Вы были там, где погиб Грунин? — спросил парень очень серьезно. Ему хотелось поговорить с Драчом, запомнить эту ночь и неожиданную встречу.

— Да, там, — сказал Драч, но задерживаться не стал, пошел дальше, к огонькам лаборатории.

Чтобы добраться до своей барокамеры, Драчу предстояло пройти коридором мимо нескольких рабочих залов. Он заглянул в первый зал. Зал был разделен прозрачной перегородкой. Даже казалось, будто перегородки нет и зеленоватая вода необъяснимым образом не обрушивается на контрольный стол и двух одинаковых тоненьких

девчат за ним.

— Можно войти? — спросил Драч.

Одна из девушек обернулась.

— Ох, — сказала она. — бы меня напугали. Вы Драч? Вы дублер Грунина, да?

— Правильно. А у вас тут кто?

— Вы его не знаете, — сказала вторая девушка. — Он уже после вас приехал. Фере, Станислав Фере.

— Почему же, — ответил Драч. — Мы с ним учились. Он был на курс меня младше.

Драч стоял в нерешительности перед стеклом, стараясь угадать в сплетении водорослей фигуру Фере.

— Вы побудьте у нас, — сказали девушки. — Нам тоже скучно.

— Спасибо.

— Я бы вас вафлями угостила…

— Спасибо, я не ем вафель.

Девушки засмеялись.

— Вы веселый. А другие переживают. Стасик тоже переживает.

Драч, наконец, разглядел Станислава. Он казался бурым холмиком.

— Но это только сначала, правда? — спросила девушка.

— Нет, неправда, — ответил Драч. — Я вот сейчас переживаю.

— Не надо, — сказала вторая девушка. — Геворкян все сделает. Он же гений. Вы боитесь, что вы слишком долго там были?

— Немножко боюсь. Хотя был предупрежден заранее.

5.

Конечно, его предупредили заранее. Неоднократно предупреждали. Тогда вообще скептически относились к работе Геворкяна. Бессмысленно идти на риск, если есть автоматика. Но институт все-таки существовал, и, конечно, биоформы были нужны. Признание скептиков пришло, когда биоформы Селвин и Скавронский спустились к батискафу Валтонена, который лежал, потеряв кабель и плавучесть, на глубине шести километров. Роботов, которые не только бы спустились в трещину, но и догадались, как освободить батискаф и спасти исследователей, не нашлось. А биоформы сделали все, что надо.

— В принципе, — говорил тогда Геворкян на одной пресс-конференции, и это глубоко запало

в упрямую голову Драча, — наша работа предугадана сотнями писателей и сказочников в таких подробностях, что не оставляет места для воображения. Мы перестраиваем биологическую структуру человека по заказу, для исполнения какой-то конкретной работы, оставляя за собой возможность раскрутить закрученное. Однако самая сложная часть всего дела — это возвращение к исходной точке. Биотрансформация должна быть подобна одежде, защитному скафандру, который мы можем снять, как только в нем пройдет нужда. Да мы и не собираемся соперничать с конструкторами скафандров. Мы, биоформисты, подхватываем эстафету там, где они бессильны. Скафандр для работы на глубине в десять километров слишком громоздок, чтобы существо, заключенное в нем, могло исполнять ту же работу, что и на поверхности Земли. Но на той же глубине отлично себя чувствуют некоторые рыбы и моллюски.

Принципиально возможно перестроить организм человека так, чтобы он функционировал по тем же законам, что и организм глубоководной рыбы. Но если мы этого достигнем, возникает иная проблема. Я не верю в то, что человек, знающий, что он обречен навечно находиться на

громадной глубине, в среде моллюсков, останется полноценным. А если мы действительно окажемся способны вернуть человека в исходное состояние, в общество ему подобных, то биоформия имеет право на существование и может пригодиться человечеству.

Тогда проводились первые опыты. На Земле и на Марсе. И желающих было более чем достаточно. Гляциологи и спелеологи, вулканологи и археологи нуждались в дополнительных руках, глазах, коже, легких, жабрах… В институте новичкам говорили, что не все хотели потом с ними расставаться. Рассказывали байку о спелеологе, снабженном жабрами и громадными, видящими в темноте глазами, который даже сбежал с операционного стола — только его собрались привести в божеский вид… Он, мол, с тех пор скрывается в залитых ледяной водой бездонных пещерах Кинтано-Роо, чувствует себя отлично и два раза в месяц отправляет в «Вестник спелеологии» обстоятельные статьи о своих новых открытиях, выцарапанные кремнем на отшлифованных пластинках графита.

Когда Драч появился в институте, у него на счету было пять лет космических полетов, достаточный опыт работы со стройботами и

полдюжины публикаций по эпиграфике монов. Грунина уже готовили к биоформации, и Драч стал его дублером.

Работать предстояло на громадных раскаленных планетах, где бушевали огненные бури и смерчи, на планетах с невероятным давлением и температурами в шестьсот — восемьсот градусов. Осваивать эти планеты надо было все равно — они были кладовыми ценных металлов и могли стать незаменимыми лабораториями для физиков.

Грунин погиб на третий месяц работы. И если бы не его, Драча, упрямство, Геворкяну, самому Геворкяну, не преодолеть бы оппозиции. Для Драча же — Геворкян и Димов знали об этом — труднее всего было трансформироваться. Просыпаться утром и понимать, что ты сегодня менее человек, чем был вчера, а завтра в тебе останется еще меньше от прежнего. Нет, ты ко всему готов, Геворкян и Димов обсуждали с тобой все твои же конструкционные особенности, эксперты приносили на утверждение образцы твоей кожи и объемные модели твоих будущих глаз. Это было любопытно и это было важно. Но осознать, что касается это именно тебя, до конца было невозможно. Драч видел Грунина перед отлетом. Во многом он

должен был стать похожим на Грунина, вернее, сам он как модель был дальнейшим развитием того, что формально называлось Груниным, но не имело ничего общего с портретом, висящим в холле Центральной лаборатории. В дневнике Грунина, написанном сухо и деловито, были слова: «Чертовски тоскливо жить без языка. Не дай бог тебе пережить это, Драч». Поэтому Геворкян пошел на все, чтобы Драч мог говорить, хоть это и усложнило биоформирование и для Драча было чревато несколькими лишними часами на операционном столе и в горячих биованнах, где наращивалась новая плоть. Так вот, хуже всего было наблюдать за собственной трансформацией и все время подавлять иррациональный страх. Страх остаться таким навсегда.

6.

Драч прекрасно понимал нынешнее состояние Станислава Фере. Фере должен был работать в ядовитых бездонных болотах Хроноса. У Драча было явное преимущество перед Фере. Он мог писать, рисовать, находиться среди людей, мог топтать зеленые лужайки института и подходить

к домику с белыми колоннами. Фере до конца своей экспедиции, пока ему не вернут человеческий облик, был обречен знать, что между ним и всеми остальными людьми по меньшей мере прозрачная преграда. Фере знал, на что идет, и приложил немало сил, чтобы получить право на эту пытку. Но сейчас ему было несладко.

Драч постучал по перегородке.

— Не будите его, — сказала одна из девушек.

Бурый холмик взметнулся в туче ила и могучий, стального цвета скат бросился к стеклу. Драч инстинктивно отпрянул. Скат замер в сантиметре от перегородки. Тяжелый, настойчивый взгляд гипнотизировал.

— Они жутко хищные, — сказала девушка — и Драч внутренне усмехнулся. Слова ее относились к другим, настоящим скатам Хроноса, но это не значило, что Фере менее хищен, чем остальные. Скат осторожно ткнулся мордой в перегородку, разглядывая Драча. Фере его не узнал.

— Приезжай ко мне на голубое озеро, — сказал Драч.

…Маленький тамбур следующего зала был набит молодыми людьми, которые отталкивали друг друга от толстых иллюминаторов и, вырывая друг у друга микрофон, давали кому-то

противоречивые советы.

Драч остановился за спинами советчиков. Сквозь иллюминатор он различил в легком тумане, окутавшем зал, странную фигуру. Некто голубой и неуклюжий реял в воздухе посреди зала, судорожно взмывая кверху, пропадая из поля зрения и появляясь вновь в стекле иллюминатора совсем не с той стороны, откуда можно было его ожидать.

— Шире, шире! Лапы подожми! — кричал в микрофон рыжий негр, но тут же девичья рука вырвала у него микрофон:

— Не слушай его, не слушай. Он совершенно не способен перевоплотиться. Представь себе…

Но Драч так и не узнал, что должен был себе представить тот, кто находился в зале. Существо за иллюминатором исчезло. Тут же в динамике раздался глухой удар, и девчушка спросила деловито:

— Ты сильно ушибся?

Ответа не последовало.

— Раскройте люк, — сказала рубенсовская женщина с косой вокруг головы.

Рыжий негр нажал кнопку, и невидимый раньше люк отошел в сторону. Из люка пахнуло пронизывающим холодом. (Минус двенадцать,

отметил Драч.) Теплый воздух из тамбура рванулся внутрь зала, и люк заволокло густым паром. В облаке пара материализовался биоформ. Негр протянул ему маску:

— Здесь слишком много кислорода.

Люк закрылся.

Биоформ неловко, одно за другим, стараясь никого не задеть, сложил за спиной покрытые пухом крылья. Слишком тонкие руки и ноги дрожали.

— Устал? — спросила рубенсовская женщина.

Человек-птица кивнул.

— Надо увеличить площадь крыльев, — сказал рыжий негр.

Драч потихоньку отступил в коридор. Им овладела бесконечная усталость. Только бы добраться до барокамеры, снять маску и забыться.

7.

Утром Геворкян ворчал на лаборантов. Все ему было неладно, не так. Драча он встретил, словно тот ему вчера сильно насолил, а когда Драч спросил: «Со мной что-то не так?» — отвечать не стал, занялся перфолентами.

— Ничего страшного, — сказал Димов, который, видно, не спал ночью ни минуты. — Мы этого ожидали.

— Ожидали? — взревел Геворкян. — Ни черта мы не ожидали! Господь Бог создал людей, а мы их перекраиваем! А потом удивляемся, если что не так!

— Ну и что со мной?

— Не трясись.

— Я физически к этому не приспособлен.

— А я говорю, не трясись. Склеим мы тебя обратно. Но это займет больше времени, чем мы рассчитывали.

Драч промолчал.

— Ты слишком долго был в своем нынешнем теле. Ты сейчас физически новый вид, род, семейство, отряд разумных существ. А у каждого вида есть свои беды и болезни. А ты вместо того чтобы следить за реакциями и беречь себя, изображал испытателя, будто хотел выяснить, при каких нагрузках твоя оболочка разлетится ко всем чертям.

— Если бы я этого не делал, то не выполнил бы того, что от меня ожидали.

— Герой, — фыркнул Геворкян. — Твое нынешнее тело болеет. Да, болеет своей, еще не встречав-

шейся в медицине болезнью. И мы должны будем ремонтировать тебя по мере трансформации. И при этом быть уверенными, что ты не станешь уродом. Или киборгом. В общем, это наша забота. Надо будет тебя еще пообследовать, а пока можешь отправляться на все четыре стороны.

8.

Драчу не следовало бы этого делать, но он вышел за ворота института и направился вниз, к реке, по узкой аллее парка, просверленного солнечными лучами. Он смотрел на свою короткую тень и думал, что если уж помирать, то все-таки лучше в обычном, человеческом облике. И тут он увидел девушку. Девушка поднималась по аллее. Через каждые пять-шесть шагов она останавливалась и, наклоняя голову, прижимала ладонь к уху. Ее длинные волосы были темными от воды. Она шла босиком и смешно поджимала пальцы ног, чтобы не уколоться об острые камешки. Драч хотел сойти с дорожки и спрятаться за куст, чтобы не смущать девушку своим видом, но не успел. Девушка его увидела.

Девушка увидела свинцового цвета черепаху,

на панцире которой, словно черепашка поменьше, располагалась полушарием голова с одним выпуклым циклопическим глазом, разделенным, словно стрекозиный, на множество ячеек. Черепаха доставала ей до пояса и передвигалась на коротких толстых лапах, которые выдвигались из-под панциря. И казалось, что их много, может, больше десятка. На крутом переднем скосе панциря было несколько отверстий — из четырех высовывались кончики щупальцев. Панцирь был поцарапан, кое-где по нему шли неглубокие трещины, они расходились звездочками, будто кто-то молотил по черепахе острой стамеской или стрелял в нее бронейбойными пулями. В черепахе было нечто зловещее, словно она была первобытной боевой машиной. Она была не отсюда.

Девушка замерла, забыв отнять ладонь от уха. Ей хотелось убежать или закричать, но она не посмела сделать ни того, ни другого.

«Вот дурак», — выругал себя Драч. — «Теряешь реакцию».

— Извините, — сказала черепаха. Голос, ровный и механический, исходил из-под металлической маски, прикрывавшей голову до самого глаза. Глаз шевелился, словно перегородочки в нем

были мягкими.

— Извините, я вас напугал. Я не хотел этого.

— Вы… робот? — спросила девушка.

— Нет, биоформ, — сказал Драч.

— Вы готовитесь на какую-то планету? — спросила девушка.

Ей хотелось уйти, но уйти значило показать, что она боится. Она стояла и, наверно, считала про себя до ста, чтобы взять себя в руки.

— Я уже прилетел, — сказал Драч. — Вы идите дальше, не смотрите на меня.

— Спасибо, — вырвалось у девушки, и она на цыпочках, забыв о колючих камешках, обежала Драча. Она крикнула вслед ему:

— До свидания.

Шаги растворились в шорохе листвы и суетливых майских звуках прозрачного теплого леса. Драч вышел к реке и остановился на невысоком обрыве, рядом со скамейкой. Он представил, что садится на скамейку, и от этого стало совсем тошно. Хорошо бы сейчас сигануть с обрыва — и конец. Это была одна из самых глупых мыслей, которые посещали Драча за последние месяцы. Он мог с таким же успехом прыгнуть в Ниагарский водопад, и ничего бы с ним не случилось. Ровным счетом ничего. Он побывал в куда худ-

ших переделках.

Девушка вернулась. Она подошла тихо, села на скамейку и смотрела перед собой, положив узкие ладони на колени.

— Я сначала решила, что вы какая-то машина. Вы очень тяжелый?

— Да. Я тяжелый.

— Знаете, я тек неудачно нырнула, что до сих пор не могу вытрясти воду из уха. С вами так бывало?

— Бывало, — сказал Драч.

— Меня зовут Кристиной, — сказала девушка. — Я тут недалеко живу, в гостях. Я как дура испугалась и убежала и, наверное, вас обидела.

— Ни в коем случае. Я на вашем месте убежал бы сразу.

— Я только отошла и вспомнила. Вы же были на тех планетах, где и Грунин. Вам, наверное, досталось?

— Это уже прошлое. А если все будет в порядке, через месяц вы меня не узнаете.

— Конечно, не узнаю.

Волосы Кристины быстро высыхали под ветром.

— Вы знаете, — сказала Кристина, — вы мой первый знакомый космонавт.

— Вам повезло. Вы учитесь?

— Я живу в Таллине. Там и учусь. Может, мне и повезло. На свете есть много простых космонавтов. И совсем мало таких…

— Наверное, человек двадцать.

— А вы потом, когда отдохнете, снова поменяете тело? Станете рыбой или птицей?

— Этого еще не делали. Даже одной перестройки много для одного человека.

— Жаль.

— Почему?

— Это очень интересно — все испытать.

— Достаточно одного раза.

— Вы чем-то расстроены? Вы устали?

— Да, — сказал Драч.

Девушка осторожно протянула руку и дотронулась до панциря.

— Вы что-нибудь чувствуете?

— По мне надо ударить молотом, чтобы я почувствовал.

— Обидно. Я вас погладила.

— Хотите пожалеть меня?

— А что?

…Вот и пожалела, — подумал Драч. — Как в сказке: красавица полюбит чудище, а чудище превратится в доброго молодца. У Геворкяна

проблемы, датчики, графики, а она пожалела — и никаких проблем. Ну разве только высмотреть поблизости аленький цветочек, чтобы все как по писаному…

— Когда выздоровеете, приезжайте ко мне. Я живу под Таллином, в поселке, на берегу моря. А вокруг сосны. Вам приятно будет там отдохнуть.

— Спасибо за приглашение, — сказал Драч. — Мне пора идти. А то хватятся.

— Я провожу вас, если вы не возражаете.

Они пошли обратно медленно, потому что Кристина думала, что Драчу так удобнее, а Драч, который мог обогнать любого на Земле бегуна, не спешил. Он послушно рассказывал ей о вещах, которые нельзя описать словами. Кристине казалось, что она представляет себе все, хотя представляла она себе все совсем не так, как было.

— Я завтра приду к той скамейке, — сказала Кристина. — Только не знаю, во сколько.

— Завтра я, наверное, буду занят, — сказал Драч.

— Ну, как получится, — ответила Кристина. — Как получится…

9.

Драч спросил у Полачека, который копался в моторе мобиля, где Геворкян.

Полачек сказал, что у себя в кабинете: к нему прилетели какие-то вулканологи, неверное, будут готовить нового биоформа.

Драч прошел в главный корпус. В комнатке перед кабинетом Геворкяна было пусто. Драч приподнялся на задних лапах и снял со стола Марины Антоновны чистый лист бумаги и карандаш. Он положил лист на пол и, взяв карандаш, попытался нарисовать профиль Кристины. Дверь в кабинет Геворкяна была прикрыта неплотно, и Драч различал густой рокот его голоса. Потом другой голос, потоньше, сказал:

— Мы не говорим о самом Драче, — настаивал вулканолог. — Но должны же быть подобные биоформы!

— Ну, никого, ровным счетом никого, — гудел Геворкян.

— За исключением Драча.

Драч приблизился к двери. Теперь он слышал каждое слово. Вулканологам был нужен Драч. Геворкян не соглашался. С минуту Драч при-

слушивался к спору. Потом толкнул дверь, не рассчитал удара, и дверь отлетела, словно в нее попало пушечное ядро.

Последовала немая сцена. Три лица, обращенные к громадной черепахе. Один из вулканологов оказался розовым толстяком.

— Я Драч, — сказал Драч толстяку, чтобы сразу рассеять недоумение. — Вы обо мне говорили.

— Я тебя не приглашал, — сказал Геворкян.

— Рассказывайте, — сказал Драч толстому вулканологу.

Тот закашлялся, глядя на Геворкяна.

— Так вот, — вмешался второй вулканолог, высохший и будто обугленный. — Извержение Осенней сопки на Камчатке. Мы полагаем, то есть мы уверены, что если не прочистить основной, забитый породой канал, лава прорвется на западный склон. На западном склоне сейсмическая станция. Ниже, в долине, поселок и завод…

— И эвакуировать некогда?

— Эвакуация идет. Но мы не можем демонтировать завод. Даже на станцию нам надо три дня. Кроме того, в четырех километрах за заводом начинается Куваевск. Мы запускали к кратеру мобиль с взрывчаткой. Его просто отбросило. И хорошо, что не на станцию…

Геворкян стукнул кулаком по столу.

— Драч, я не позволю тебе. Там температуры на пределе. На самом пределе. Это самоубийство!

— Позволите, — сказал Драч.

— Идиот, — сказал Геворкян. — Извержения может и не быть.

— Будет, — грустно сказал толстяк.

Драч направился к двери. Высохший вулканолог последовал за ним. Толстяк остался, пожал плечами, сказал Геворкяну:

— Мы примем все меры. Все возможные меры.

— Ничего подобного, — сказал Геворкян. — Я лечу с вами.

Он включил видеоселектор и вызвал Димова.

— Это просто великолепно, — сказал толстяк. — Ну, просто великолепно.

Проходя через предбанник, Драч подхватил щупальцем с пола листок с профилем Кристины, смял его в тугой комок и выбросил в корзину. Движения щупальцев были так быстры, что вулканолог, шедший на шаг сзади, ничего не разглядел.

10.

Драча подняли на мобиле к кромке старого кратера. Усталый здешний вулканолог в грязном шлеме — за последние три дня он не раз пытался пройти к жерлу — повторил инструкции, которые Драч уже знал наизусть.

— Трещину видно отсюда. Конечно, когда рассеивается дым. Вы спускаетесь по ней восемьдесят метров. Там свободно. Мы зондировали. И укладываете заряды. Потом выбираетесь, и мы взрываем их дистанционно. Там уклон до шестидесяти градусов. Сможете?

Вулканолог с трудом заставлял себя обращаться на «вы» к свинцовой черепахе. Он столько раз сталкивался с автозондами, стройботами и прочими машинами, схожими в чем-то с этой черепахой, что ему все время приходилось уговаривать себя, что перед ним человек, биоформ. И еще он смертельно устал из-за этого проклятого вулкана.

— Смогу, — ответил Драч. — Шестьдесят градусов мне по зубам.

Перед тем как снять маску и передать ее вулканологу, он сказал:

— Маску не потеряйте. Она мне еще пригодится. Без нее я глух и нем.

— А как же вы будете дышать?

— Не буду дышать. Почти не буду. Кислород мне противопоказан.

— Я жду вас здесь, — сказал вулканолог, но Драч не услышал его слов.

Драч скатился по отлогому склону в кратер и на секунду задержался у трещины. Сверху сыпался пепел и мелкие камешки. В стороне, над самой кромкой кратера, реяли два мобиля. В одном — вулканологи, в другом — Геворкян с Димовым.

Трещина оказалась куда шире, чем Драч ожидал, и он стал быстро спускаться, привычно регистрируя состав газов. Температура повышалась, но была ниже предельной. Потом склон пошел вниз круче, и Драчу пришлось опускаться зигзагами, повисая порой на двух щупальцах. Второй парой щупалец он прижимал к панцирю заряды. Гора вздохнула, и Драч присосался к стене трещины, чтобы не улететь вверх с фонтанами газов. Надо было спешить. Драч ощутил, как раскрываются трещины на западном склоне. Спуск становился все сложнее. Стены почти смыкались, и Драчу приходилось протискиваться между живыми, колышащимися камнями. Он уже спу-

стился на семьдесят метров. Температура газов достигла четырехсот градусов. Он припомнил диаграмму. Для того чтобы пробка разлетелась наверняка, надо пройти еще метров пять. Можно, конечно, в соответствии с инструкцией оставить заряды здесь, но пять метров желательны. Отверстие под собой он заметил, вернее, угадал по рвущейся оттуда струе пара.

…Температура поднялась скачком градусов на сто. Он уже ощущал тепло. Сопка затряслась, как в припадке кашля. Он взглянул наверх. Путь назад еще был. Драч скользнул в горячую щель.

Щель расширялась книзу, образуя мешок, а дно мешка было словно сито. Такую жару Драч испытал лишь однажды, на второй планете. Там он мог уйти. И ушел.

Драч прикрепил заряды к самой надежной плите. Но эту самую надежную плиту тоже трясло. А западный склон, должно быть, уже рвался сейчас, как полотно.

Драч подтянулся на одном щупальце к верхнему отверстию. Газы, выбивавшиеся снизу, обжигали, гора дернулась, и щупалец оборвался. Как веревка. Драчу удалось удержаться, присосавшись мгновенно остальными тремя к вертикальной стенке. В тот же момент воздушная

волна — видно вверху произошел обвал — швырнула Драча на пол каменного мешка.

Страха не было. Некогда было. Драч чувствовал, как спекаются внутренности. Давление газов в каменной полости росло и двигаться было все труднее. Виноваты были лишние пять метров. На секунду Драчу показалось, что он уже выползает из трещины и видит серое небо. Он рванулся наверх, отчаянно и зло… Кристина завтра придет к той скамейке. У Геворкяна, который ждет его наверху, плохое сердце.

Он выбрался из каменного мешка, к выходу, заваленному обломками базальта — щупальца обшаривали камень, отыскивая щель, и понял, что все пошло насмарку. Пока он не выйдет отсюда, они не станут взрывать снаряды. Они будут ждать, надеяться на чудо. Они даже не станут бомбить пробку с воздуха. Они будут ждать. Они попытаются спасти его, хотя это невозможно, и оттого могут погибнуть люди и наверняка погибнет все, что находится на Западном склоне и дальше, на равнине.

Драч действовал осторожно и осмотрительно, стараясь не потерять сознания. Эго было главным — не потерять сознания. Он вернулся к отверстию, из которого только что выбрался с таким

трудом, прыгнул вниз и очутился рядом с плоской плитой, на которой лежали заряды. Плита словно собралась пуститься в пляс. Драч подумал: как хорошо, что у него нет нервных окончаний на внешней оболочке, — он бы умер от боли. Обожженные щупальцы были неловки. Прошло минуты полторы, прежде чем Драчу удалось развинтить один из снарядов и превратить его во взрыватель. Драч отлично знал эту систему. Такие заряды были у него на тех планетах. Заряд включался лишь от сигнала, но если ты знаком с системой, то можно включить цепь самому.

Драч подумал, что когда он кончит работу, то прежде, чем замкнуть цепь, он позволит себе несколько секунд, чтобы вспомнить кое-что, как и полагается напоследок. Но когда кончил, оказалось, что этих секунд у него нет.

Взрыв раздался неожиданно для всех, кроме усталого вулканолога, который лежал за камнями и думал так же, как Драч. Сопка содрогнулась и взревела. Вулканолог сразу прижался к камням. Два мобиля, которые кружились у кратера, отбросило, как сухие листья, — пилотам еле удалось взять машины под контроль. Оранжевая лава хлынула в старое жерло и перекипевшим апельсиновым соком начала наполнять кратер.

Вулканолог бросился бежать вниз по склону: он знал, что поток лавы через несколько минут пробьется в его сторону.

11.

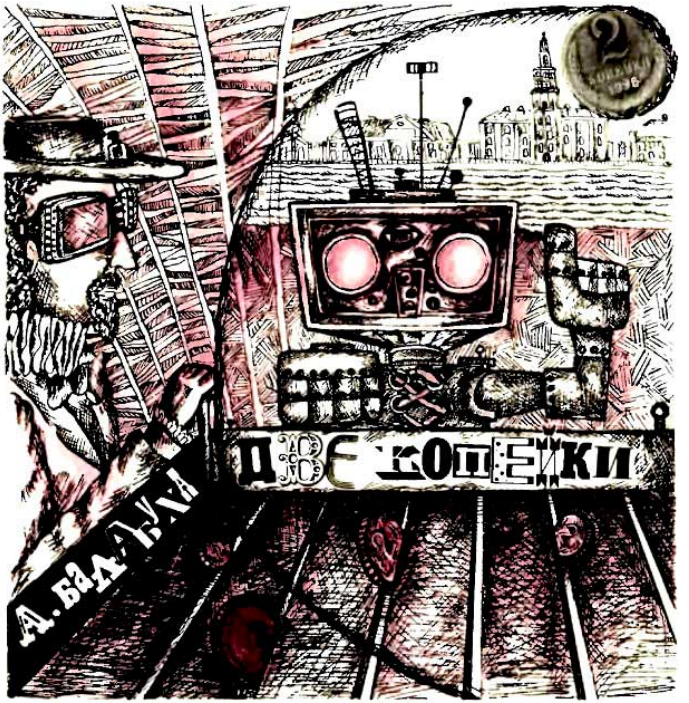
Кристина пришла на ту скамейку у речки; было совсем тепло. Она выкупалась в ожидании Драча. Потом почитала. А он не шел. Кристина ждала до сумерек. На обратном пути она остановилась у ворот института и увидела, что с посадочной площадки поднимается большой мобиль. Кристина сказала себе, что в этом мобиле Драч улетает на какое-то задание. Поэтому он и не смог прийти. Но когда он вернется, то обязательно придет к скамейке. Что ж, она будет приходить к скамейке каждый день, пока живет тут.

В большом мобиле в Москву увозили Геворкяна. У сопки он еще держался, а вернулся — и сдал. У него было слабое сердце, и спасти его могли только в Москве.

№ 9

А. Балабуха

Две копейки



В тот день я задержался на работе. Вышел на улицу и почувствовал, что вот сейчас просто умру от голода. Согласитесь: что для здоровенного двадцатипятилетнего оболтуса выпитый в полдень стакан чая и пара бутербродов? И когда, наконец,

в нашем КБ организуют столовую? Сколько лет твердим об этом на каждом профсоюзном собрании, а воз, как говорится, и ныне там…

У ворот Иоанновского равелина стояли на скамейке прикрытые клеенкой дымящиеся корзины, и две женщины бойко торговали пирожками. Я споткнулся о кабель, который тянулся из ленфильмовского автобуса к «юпитерам» в проеме ворот, — опять в крепости снимали какой-то фильм. Сглотнув слюну, сунул руку в карман, на ощупь вытащил два двугривенных и протянул продавщице.

— Три с мясом, пожалуйста!

Она дала мне пирожки и сдачу: трехкопеечную монету и два семишника. Это — на телефон. Я сунул их в задний карман и, дожевывая последний пирожок, вспомнил вдруг, что так и не позвонил Володьке. Пришлось забраться в телефонную будку. Там была истинная душегубка: кажется, это называется парниковым эффектом. Хорошо бы оставить дверь приоткрытой, но трамваи так грохочут на повороте, что разговаривать невозможно.

Чувствуя, что медленно превращаюсь в бульон на собственных костях, я достал из кармана оба семишника, опустил один из них в щель автома-

та и набрал номер. Раздались длинные гудки. От нечего делать я стал крутить второй в пальцах. Монетка была новенькая, блестящая, словно не бывавшая еще в употреблении. Люблю такие. Сам понимаю, что это смешно, но люблю. Трубку все не снимали (опять его нет дома!). Жаль.

Продолжая разглядывать монетку, я повесил трубку. И тут…

Однажды, еще в школьные годы, мне повезло: в троллейбусе вместо гривенника мне дали со сдачей десятипфенниговую монетку. Как и большинство сверстников, я собирал монеты, и это было мне только на руку.

Но такого!

Я еще раз внимательно осмотрел семишник. На аверсе — герб и надпись «СССР»; на реверсе — в ободке из колосьев крупная, словно взятая из школьной прописи двойка и написанное строгим бруском слово «копейка». Две копейки. И ниже — год. «1996»!

Да нет же! Бывает так, перепутываются в голове цифры. Однако это был не 1969, а именно 1996 год. Я вышел из будки в состоянии некоторого обалдения. Первым порывом было вернуться к тем продавщицам, но тут же я понял, что это бессмысленно. А что делать?

Я вырвал из записной книжки листок, завернул монетку и убрал в бумажник, — чтобы не потерять, не спутать случайно с другой. И поехал к друзьям, которые, я надеялся, помогут разобраться в этом темном деле.

Конечно, мы заболтались, и я вспомнил про монету только в самом конце, когда надо было уже уходить, если я хочу успеть на трамвай.

— Фальшивая, — изрек Жора. — Но сделано здорово, ей-ей!

— Брось ты свои детективные замашки, — откликнулся Виктор. — Обычный заводской брак, — он закурил и добавил, — чудеса! Брак на «Монетном дворе»!.. Рассказали бы — не поверил.

— Ее потерял Путешественник по Времени, — подал из спальни голос Жорин сын, десятилетний Герка.

— Ты почему это не спишь? — поинтересовался отец.

— Уснешь тут, как же!

И то правда: современные квартиры не для бурных дебатов.

К единому мнению мы так и не пришли.

Идея у меня родилась уже дома: надо позвонить Пуху. Уж он-то разберется. С этой мыслью

я и уснул.

На следующий день перед обедом я позвонил ему.

— Федор Феоктистович, вы не смогли бы выглянуть на полчасика? Консультация нужна. Давайте пообедаем вместе.

— С удовольствием, — сказал Пух. — Где?

— Ну хоть на проспекте Добролюбова…

— Ладно. Ждите у Ботного домика.

Пух работал старшим технологом на «Монетном дворе». Мы с ним познакомились в крепостном буфете, куда он попал по какой-то случайности. С тех пор мы несколько раз встречались, болтали на самые разные темы, чему нимало не препятствовала разница в возрасте, — был Пух без малого вдвое старше меня, — хотя в дружбу наши отношения пока еще не переросли.

— Давайте сюда, — сказал Пух, выслушав мой рассказ. — Попробую что-нибудь сделать. Выясню — позвоню.

— Спасибо, Федор Феоктистович! Очень вы меня обяжете: терпеть не могу, надо признаться, всяких таинственных историй…

Он позвонил мне через три дня, в пятницу. И мы снова встретились на том же месте.

— Вот, — сказал Пух, протянув мне монету, —

все, что можно было проверить, мы проверили. Монета настоящая. Даже присадка радиоактивного изотопа в норме. Представить себе возможность изготовления такой фальшивки в кустарных условиях практически невозможно. Да и не стали бы тогда размениваться на двухкопеечные. Представить же подпольный завод еще сложнее, согласитесь. Не знаю уж, что еще сказать вам, Андрей.

— А брака такого не могло быть, чтобы вместо 1969 отчеканили 1996!

Пух молча пожал плечами, но потом все же снизошел до объяснения:

— Наша продукция идет большими сериями. Брак на одной монете невозможен: только на всей серии. А такого ОТК не прозевает. И, простите великодушно, мне лично сама эта мысль представляется более чем нелепой!

Я согласился с ним.

— И вообще, — сказал на прощание Пух, — не напоминайте мне о ней больше, прошу вас! Голову на этом сломать можно. Если хотите доброго совета, — выкиньте. В Неву. Или позвоните кому-нибудь по телефону. Впрочем, добрые советы даются лишь для очистки совести, прислушиваться к ним вовсе не обязательно…

И в этом Пух опять-таки был прав.

Вечером я поехал к Севе Воробьеву, моему однокласснику, с которым мы когда-то вместе увлекались нумизматикой. Но я довольно быстро охладел к этому делу, а он так и остался ярым собирателем. Его коллекции неоднократно выставлялись, он даже писал какие-то статьи, выступал с докладами… Уж он-то поможет, решил я. Хотя бы ниточку даст.

Но Сева только пожимал плечами.

— Откуда мне знать? Ведь ты говоришь, что ее подлинность проверяли… Эксперты там, конечно, квалифицированные. Так чего ты хочешь от меня? Если избавиться от нее, как тебе советовали, — отдай мне. В моей коллекции она будет на месте. Или — продай.

— Иди к черту! — огрызнулся я. — Стану я тебе продавать, торгаш несчастный! А отдать… Подумаю. Может быть, потом. Но не сейчас. Извини.

С тем мы и разошлись.

Прошло две недели, но история эта не идет у меня из головы.

Может быть, ты в самом деле есть, Путешественник по Времени? Бродишь сейчас где-то по Ленинграду и по ошибке употребил монету твоего родного (или — не родного?) 1996 года?

Или — ты еще только будешь? Быть может. Машина Времени уже сконструирована в каком-нибудь КБ или НИИ, и скоро ты отправишься на ней в будущее — первый в истории времяпроходец? Экипируя тебя для путешествия, отчеканили монеты года, в который ты отправляешься, и одна из них случайно попала мне в руки?

Или… Я не знаю, что думать. И потому решил написать этот рассказ.

Если его напечатают, может быть, ты найдешь меня и заберешь свой семишник?

Я сижу за столом и пишу. Рядом, тепло поблескивая в свете настольной лампы, лежит новенький двухкопеечник. Временами я смотрю на него — лишний раз удостовериться, что все это не сон человека, начитавшегося фантастики.

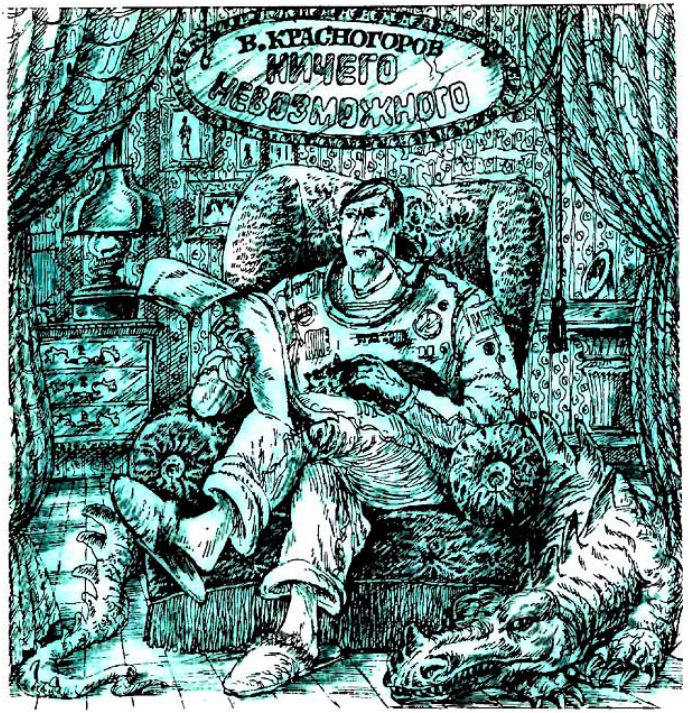
Сейчас я выправлю текст и завтра отнесу его в редакцию. И захвачу с собой монету — как вещественное доказательство. Конечно, хорошо бы еще приложить справку от психиатра, но я оптимист и надеюсь, что как-нибудь обойдется.

Если ты есть, Путешественник по Времени, — отзовись!

№ 10

В. Красногоров

Ничего невозможного



День начался как нельзя лучше. Жена куда-то отлучилась, и Тхеп, весело насвистывая незатейливый мотивчик, сам себе приготовил завтрак. Неторопливо и со вкусом поев, он развалился с газетой в кресле. Из сада доносилось пенье птиц,

солнечные зайчики прыгали со стенки на стенку, у ног мурлыкала пригревшаяся кошка. Тхеп знал, что он опаздывает на работу, но уж слишком ему было хорошо, а когда людям хорошо, они не любят торопиться. К тому же недаром тайком от начальника он смастерил собственную Дверь. Теперь ему не надо было ездить в контору к главной Двери, и на одном только автобусе он мог сэкономить минут тридцать, не меньше. Долистав газету, Тхеп решил было уже идти, но тут из своей кроватки к нему на колени приполз малыш, и они славно поиграли, и никто не мешал им своими отрезвляющими замечаниями — что можно и чего нельзя.

Наконец Тхеп поцеловал сынишку, пообещал ему привести огненного крокодила, надел скафандр, взял сумку с инструментами, прошел через сад и спустился в погреб. Там он остановился перед тяжелой металлической дверью с кнопками и цифрами и достал из кармана листок с заданием: сегодня ему предстояло заняться планетой С-4386А-10-121В в галактике Х-61-2-14. Держа бумажку перед собой, Тхеп набрал на дисках и кнопках Двери нужный номер. С последним

поворотом диска тихо звякнул звонок, зажглась зеленая лампочка, Дверь в супер-пространство бесшумно раскрылась, Тхеп шагнул на планету С-4386А-и-так-далее, поставил свою сумку и огляделся. Планета как планета, бывают и хуже. С соседней горки, как томатный соус из кипящей кастрюли, бежала дымящаяся лава, пылали какие-то развалины, и, судя по всему, происходило небольшое землетрясение. Во всяком случае, сумка прыгала как лягушка, побрякивая инструментами, а самого Тхепа подбрасывало как на батуте. Только Дверь, вернее, другая ее сторона, незыблемая, как вечность, стояла невозмутимо и величаво, похожая на чудом сохранившиеся ворота давно исчезнувшего древнего храма. Сверху падала всякая всячина — пепел, камушки величиной с грузовик и прочее, что полагается в таких случаях. В небе пылало невероятно белое солнце размером с целый стадион. Местным жителям, должно быть, приходилось жарковато, и в соответствии с заданием Тхеп должен был разобраться, что к чему, и навести порядок.

Тхеп прислонился к Двери и для начала сжевал бутерброд (не то чтобы он проголодался, но такая уж у него была привычка — подкрепиться перед работой). Потом он раскрыл сумку и первым

делом достал антиземлетряситель. Пока тот скрежетал шестеренками — эти антиземлетрясители что смазывай, что не смазывай, — Тхеп прихлебывал из термоса кофе, но, по правде сказать, особого удовольствия не получил — и все из-за этого тарахтенья. Планета, однако, поуспокоилась, сумка перестала прыгать, каменный град затих, Тхеп допил кофе, с облегчением спрятал антиземлетряситель и включил холодильник. Вскоре, однако, он понял, что этот номер не пройдет. Вулканы, правда, застыли, но почва светилась зноем, и остатки кофе, выплеснутые Тхепом на камни, зашипели, как брюки под утюгом. И дураку было ясно, что холодильник не поможет, пока светит это кошмарное солнце. Тхеп взял карандаш, уткнулся в блокнот и вскоре подсчитал, что всю жизнь это было солнце как солнце, а теперь на нем произошел сверхвзрыв или что-то в этом роде. Вот почему несчастная планета из райского пляжа превратилась в раскаленную сковородку.

Несколько минут Тхеп размышлял над тем, что следует предпринять. Сначала он решил было отодвинуть планету подальше от солнца

и вытащил было даже из сумки портативный движок. Но тут же сообразил, что стоит перевести планету на новую орбиту, и сразу изменится длительность ее года, начнутся сдвиги биологических ритмов, нарушения экологии и прочая музыка. Что такое экология, Тхеп знал смутно, но связываться с ней не любил, чтобы не наживать неприятностей. Тем более Тхеп считал себя хорошим механиком и ничего не любил делать как-нибудь. Почесав затылок, он порылся в заветной сумке и извлек оттуда аннигилятор, специально переделанный им для уничтожения звезд. Наставив аппарат прямо на Солнце, Тхеп щелкнул включателем, но не услышал знакомого гудения уничтожительных лучей. Он внимательно осмотрел аннигилятор и произнес несколько витиеватых выражений, которые не поняла бы совершеннейшая электронная машина, но без труда расшифровал бы самый заурядный монтер. Тхеп знал, что батарейки могут сесть каждую минуту, но запасных у него не было: в последнее время этих проклятых батареек решительно нигде не достать… Прибавив к последнему слову пару звучных рифм, Тхеп вынул из сумки молоток и кусочки свинцовой проволоки, зачерпнул в ближайшем кратере серной кислоты и принялся

мастерить аккумулятор. Солнце свирепствовало вовсю, и хотя Тхеп ничего не чувствовал сквозь свой длявсегонепроницаемый скафандр, он все же догадывался, что, несмотря на непрерывно работающий холодильник, на планете сейчас жарко и сухо, как в финской бане. Местных жителей по-прежнему не было видно — должно быть, попрятались по полюсам.

Наконец, работа была закончена. Приладив аккумулятор, Тхеп включил аннигилятор на полную катушку и закурил сигарету. Вскоре Солнце начало желтеть и съеживаться. Вот оно стало, как устланная золотистым ковром цирковая арена, вот как круглая клумба с ромашками, вот как блестящий латунный таз… Когда солнце стало таким, как ему полагается быть — величиной с тарелку, Тхеп бросил сигарету, выключил свою пушку и спрятал ее в сумку, не забыв сунуть туда и аккумулятор. Задание было выполнено, но Тхеп не мог вернуться, не приведя планету окончательно в божеский вид. Запустив в ход синтезаторы воды, чтобы наполнить высохшие океаны, он тем временем наведался на ближайший полюс, убедился, что с населением полный порядок, засеял планету лесами и проложил заодно несколько десятков приличных дорог

— чтобы жителям было на первое время полегче двигаться к родным местам.

Теперь можно было и возвращаться. По дороге к Двери его ждала негаданная удача: в незастывшем еще лавовом озере плавал огненный крокодил — как раз такой, какого он обещал малышу! Тхеп нырнул в лаву, схватил зверя за хвост и после короткой схватки вытащил на берег. Сократив крокодила с помощью карманного уменьшителя в двенадцать раз, он запихнул его в сумку и, взглянув на часы, обмер от страха: черт побери, уже почти шесть. Обливаясь холодным потом, он изо всех сил поспешил к Двери. Было мгновенье, когда он уже было решил, что торопиться теперь бесполезно и надеяться не на что. Дверь стояла на месте — куда ей деться! Тхеп, хоть и спешил, обошел ее вокруг, подобрал брошенные им гаечные ключи, бросил их в сумку, прихватил и неиспользованные кусочки проволоки, проверил еще раз, не забыл ли чего, и привычно набрал знакомый номер. Дверь бесшумно открылась, и Тхеп вошел в свой погреб. Теперь, когда от планеты, где он сегодня работал, его отделяли миллионы световых лет безмолв-

ного пространства, Тхеп уже не думал о ней. Он торопился к дому. Лишь в саду он задержался на краткий миг, чтобы сделать маленькое лавовое озеро и пустить туда крокодила: завтра, когда малыш выйдет гулять, его встретит радостный сюрприз…

Тхеп надеялся прошмыгнуть в дом незаметно, но жена ждала у порога.

— Явился наконец, — с готовностью начала она. — У всех мужья как мужья, все спешат домой, думают о доме, и лишь мой никогда не соизволит подумать о том, что его ждут жена и дети. Если ты воображаешь, что мое терпение беспредельно…

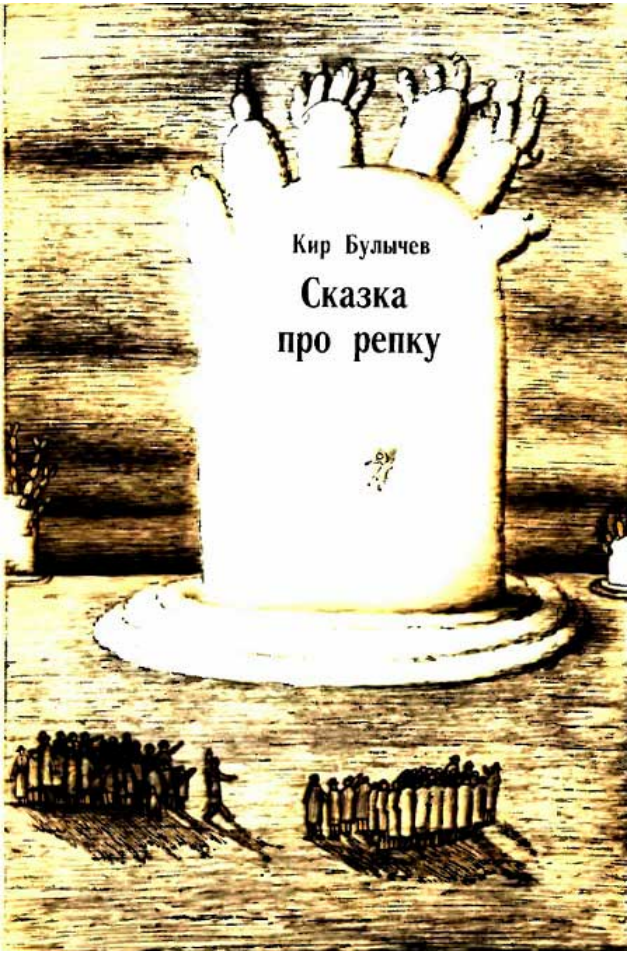
Погрустневший и ставший меньше ростом Тхеп молча переодевался под знакомый аккомпанемент. Откуда-то издалека до него доносились обломки фраз вроде «другая бы нв моем месте» или кпочому я всегда пятнадцать раз должна повторять одно и то же», и он даже сам машинально вставлял какие-то слова — вроде «ты совершенно право, дорогая». Но все это время Тхеп думал, как всегда, об одном — что, с одной стороны, это невыносимо, но, с другой стороны, что он очень привязан к дому и к саду, а главное — любит малыша, и от этого никуда не уйти, но надо на что-то решиться, хотя в то же время

предпринимать что-либо бессмысленно, потому что все опять повторится сначала и, стало быть, он должен тянуть лямку, нести крест, и все такое прочее, и сделать тут что-либо невозможно.

№ 11

Кир Булычев

Сказка про репку


Кир Булычев
Сказка
про репку

1.

Я привез Люцине «полянку». При виде этого подарка Люци села на диван и сидела в полном оцепенении три часа (я не преувеличиваю). Нет ничего приятнее, как делать подарки, от которых человек цепенеет. Я сел напротив и рассматривал Люцину, преисполненный тщеславия, и ждал, пока она придет в себя, чтобы сообщить мне мои жизненные планы на ближайшие дни.

— Это будет… — сказала она. — Все умрут.

Все — это относилось к подругам и вообще знакомым, а может, ко всему женскому населению города. Моему внутреннему взору предстала зловещая картина: Люцина идет по улице в одеянии из полянки, а при виде ее женщины, молодые и немолодые, красивые и некрасивые, ложатся вдоль стен домов на цветочные клумбы и умирают. И тотчас мне стало их жалко, лучше бы ложились помирать мужчины, и не все, а одни мои соперники, которые крутятся вокруг Люцины, тогда как я рискую жизнью, вылавливая полянок или углубляясь в дебри шахты. Так всегда бывает в жизни. Одиссеи бродят по океанам, способствуя первоначальному накоплению капи-

тала, рабы сидят на галерах или мрут в рудниках, а принцессы в окружении льстивых придворных прожигают жизнь в ожидании богатых даров.

— Полянка, — сказала Люцина бархатным голосом. Получилось "полынка" — изящно и нежно.

А я все еще пребывал в мстительном настроении по отношению к придворным моей прекрасной дамы и потому постарался разрушить совершенство этого мира.

— Ты знаешь, почему «полянка»? — спросил я.

— Нет. Наверно, потому, что красиво, наверно, потому, что на ней узоры переливаются, как цветы на полянке, как полянка в лесу…

— Ничего подобного. Эту бабочку назвали по имени Теодора Поляновского, Теодора Федоровича, такое вот странное имя.

— Да? — сказала Люцина рассеянно, поглаживая тонкими, длинными пальцами нежнейший ворс полянки. — Это интересно. Польановский.

Ей это было совершенно неинтересно, она вновь оцепенела, а мне хотелось рассказать Люцине о Поляновском, мне хотелось доказать ей, что Поляновский некрасив, скучен и зануден, неосмотрителен и даже глуп… Его отличала от прочих смертных удивительная настойчивость, упорство муравья, цепкость бульдога и способ-

ность к самопожертвованию ради дела, даже если это для других смертных и яйца выеденного не стоит. Хотя кто может рассудить, что важнее в нашем перепутанном, сложном мире? Хорошо было жить в тихом, провинциальном двадцатом веке, когда все было ясно, Ньютона почитали за авторитет и Эвклида изучали в школах, когда люди передвигались с черепашьей скоростью на самолетах, никто никуда не спешил, а на маленьких полустанках притормаживали ленивые поезда. Теперь о тихой глади того времени могут лишь мечтать бабушки, а внуки, как и положено внукам, не дослушивают медленных бабушкиных рассказов, убегают, улетают, дематериализуются… Наверно, я старею, иначе чего это меня тянет в спокойное прошлое?

2.

Поляновский сочетал в себе скорость и решительность нашего времени с настойчивой последовательностью прошлого века. Он — идеал, выпавший из времени и чудом державшийся в пространстве. Чудом, но с какой хваткой!

Меня вызвал к себе начальник шахты Родригес и сказал:

— Ли, к нам приехал гость. Гостю надо помочь. Поведешь его в шахту?

— Поздно, — сказал я. — Со вчерашнего дня шахта закрыта, и ты знаешь об этом лучше меня. Со дня на день пойдет вода.

— Особый случай, Ли, — сказал Родригес, прикрывая правый глаз. — Познакомься.

И тут я увидел в углу человека, который сидел, сложившись втрое, и глядел в землю.

Но первое впечатление было обманчивым. Он только ждал момента, чтобы броситься в бой. Он уже сломил несгибаемого Родригеса и намеревался подавить меня.

— Здравствуйте, — сказал он, разгибая один за другим не по размеру подобранные суставы. — Меня зовут Поляновский, Теодор Федорович. Слышали?

Он не сомневался, что я слышал. А я не слышал. В чем и признался.

— А вот я о вас слышал, — сказал он с некоторой обидой. — Родригес сказал мне, что вы — лучший разведчик в шахте, что вы знаете ее как свои пять пальцев. И что вам сейчас нечего делать. Правильно?

— Родригесу лучше знать, — сказал я.

— Теперь, когда я вас увидел, я тоже в этом не

сомневаюсь, — сказал Теодор голосом экзаменатора. — И я на вас надеюсь.

Я повернулся к Родригесу и изобразил на лице полное недоумение. Этот Теодор мне не понравился. И вообще у меня была свободная неделя, я намеревался съездить в горы.

— Вы слышите, — сказал Теодор, уткнув в меня могучий нос, которому было тесно на слишком узком лице. — Я на вас надеюсь. Вы моя последняя надежда. Родригес не хочет пускать меня в шахту одного.

— Еще чего не хватало, — сказал я. — Вы оттуда живой не выберетесь.

— Я вас предупреждаю, — заявил тогда Теодор, — что я все равно пойду в шахту. Хоть один. И если я там погибну, вся ответственность, я имею в виду моральную ответственность, ляжет на вас.

Он извлек из кармана громадную ладонь и отогнул массивный указательный палец, чтобы ткнуть им в Родригеса. И в меня.

— Простите, профессор, — сказал Родригес с несвойственным ему пиететом. — Но мы вас не приглашали и, если бы заранее знали о вашем приезде, никогда бы не дали согласия на спуск в такое время года. Прилетайте к нам через три

месяца. Все будет нормально.

— Мне нечего здесь делать через три месяца, и вы об этом знаете, — сказал Теодор. — Мне нужно побывать в шахте сегодня или завтра.

— Но ведь вода же пойдет! — воскликнул я. Мне стало жалко Родригеса. Он ни в чем не виноват. И позвал меня, чтобы кто-то мог подтвердить, что в шахту спускаться невозможно.

— Я успею, — сказал Теодор. — Я бывал в куда худших переделках. Вы не представляете. И всегда возвращался. Я же на работе.

— Мы все на работе, — сказал я. Родригес перебирал на столе какие-то бумажки, борьба с Теодором легла на мои плечи.

— Если я не пойду в шахту, — заявил Поляновский, — то не состоится открытие.

— У нас в шахте все открытия уже сделаны.

— Да? Что вы понимаете в энтомологии?

— Ничего.

— Тогда как вы можете утверждать, что все открыто?

Он раскрыл папку, покоившуюся у него под мышкой. Там, между двумя листками прозрачного пластика лежал, словно великая драгоценность, кусок крыла бабочки. С ладонь, не больше. Он был глубокого синего цвета, но я-то знал, что

стоит повернуть его на несколько градусов, и окажется, что он — оранжевый, а если повернуть дальше, то он позеленеет.

— Знаете, что это такое? — спросил Теодор.

Мне не нравился его экзаменаторский тон.

— Знаю, — сказал я. — Почему не знать. Это бабочка, ее называют у нас радужницей. И другими именами.

— Вы ее сами видели?

— Сто раз.

— Что вы о ней знаете?

— Ничего особенного. Живет на деревьях.

— Размер?

— Они высоко летают. Ну, до полуметра в размахе крыльев.

— А сколько крыльев?

— Два, наверное? А может, четыре? Не считал.

— Восемь, — поправил меня Родригес, не отрываясь от бумажек. — И шесть пар ног. Мне один раз ребята принесли. Я хотел сохранить, отвезти домой, но моль съела.

— Вы можете мне поймать хотя бы один экземпляр? — настаивал профессор.

— Когда же? Сейчас их нет. Будут деревья, будут и бабочки. Поэтому вам и советуют приехать через три месяца. Налюбуетесь в свое удовольствие.

Только пахнут они сильно. Как цветы на дереве. Хуже нашатыря.

— Неважно, — отмахнулся Теодор. — Пахнет — не пахнет, какое до этого дело науке, если ни в одной коллекции мира нет целого экземпляра. Если никто не знает жизненного цикла этого существа, если только у меня есть идеи по этому поводу…

— Так какие же у вас идеи?

Всегда так — ты занимаешься делом, а тут приходит дядя Теодор с идеями.

— Мои идеи касаются жизненного цикла этих существ.

— Так зачем же в шахту лезть?

— Послушайте, Ли, а вы не задумывались, откуда появляются ваши радужницы?

— Из репы. Откуда же еще?

Это мое заявление ввергло нашего гостя в полную растерянность.

— Вы так думаете? Вы сами догадались или видели?

— Им неоткуда больше браться, — сказал я.

— Тогда пошли в шахту. Мы там найдем куколок.

— И что дальше?

— Дальше? — Теодор не уставал изумляться

моей наивности. — Мы будем разводить радужниц на Земле, вы знаете, что представляет собой материал, из которого сделаны эти крылья? Это же самый красивый, самый прочный, просто невероятный материал!

Родригес извлек из килы бумаг метеосводку на ближайшие дни.

— Поглядите, — сказал он Поляновскому. — Температура уже поднялась выше нормы. Сегодня в полдень уровень солнечной радиации достигнет критического. Вы видите, я пошел вам навстречу, вызвал Ли и, ничего не рассказывая ему, предложил спуститься в шахту. Его мнение совпадает с моим. Так что вопрос закрыт. Завтра вы посмотрите на появление побегов, зрелище, скажу я вам, исключительное, приезжают операторы, художники. Потом вы поймаете бабочек, и мы в этом вам с удовольствием поможем.

— Сейчас мне нужны не бабочки. Необходимо отыскать ранние стадии метаморфозы. Когда начнется лёт бабочек, будет поздно. Неужели вы не понимаете?

— Все понимаю, но в шахту не пущу, — сказал Родригес. — Окончательно.

Он потянулся к селектору, потому что в самом деле с минуты на минуту должны появиться

гости, их надо было размещать: каждый уверен, что именно он — главная фигура на торжестве.

— Космодром? — спросил Родригес. — Второй с Земли еще не прибыл?

— Я попаду в шахту. И не думайте, что сможете меня остановить. Меня пытались останавливать куда более сильные личности, чем вы, — объявил Теодор.

— И как? — спросил Родригес, который тоже относил себя к сильным личностям.

— Ничего не вышло|—Теодор захрустел суставами, развернулся и сделал невероятной длины шаг, вынесший его из комнаты.

— Вы хорошо устроились? — спросил ему вслед Родригес голосом гостеприимного хозяина.

Поляновский ничего не ответил. Родригес повернулся ко мне:

— Ты за ним присмотри. Он и в самом деле может туда полезть.

— У шахты дежурный.

— И все-таки подстрахуй. Если профессор потонет, нам с тобой этого мировая наука не простит.

Я ушел. Над долиной, голой, серой, скучной до отвращения, металась холодная пыль. Во впадинках лежал иней. Приближался вечер. В воздухе была какая-то тревога, напряжение,

которые всегда предшествовали взрыву весны. Над долиной дул ветер, и пыль вздымалась у куба шахтных подъемников, засылала подъездные пути и валом скапливалась у кольца сушильной фабрики. В темнеющем небе возникла зеленоватая полоса — садился корабль. До космодрома двести километров. Мне страшно хотелось туда. Меня тянула сама атмосфера космогородка, где много незнакомых людей, где суматоха и шум, куда сваливаются с неба новости. Я вернулся к Родригесу и отпросился съездить за гостями. Все равно кому-то придется гнать туда вездеход.

Вернулся я из космогородка поздно, было почти темно, луны, а их здесь штук тридцать, по очереди выкатывались из-за горизонта и неслись по небу. Я прошел к шахте, посмотреть, все ли в порядке. На вершине холма, у будущего ствола, я нашел ребят из первой смены. Они окружили бугор и спорили, пойдет ли завтра росток. Бугор подрос за день, был уже с меня ростом. Я сказал, что завтра росток еще не пойдет, и мне поверили, потому что я здесь протрубил уже пять сезонов и хожу в ветеранах. Теодора я за вечер нигде не видел и, по правде сказать, забыл о нем. Мало ли чайников попадает к нам на планету. Я спросил, кто дежурит у шахты, и мне ответили, что дежу-

рит Ахундов. И я пошел спать.

Росток меня мало интересовал. Я видел это уже пять раз. В конце концов даже самое восхитительное зрелище, ради которого люди пролетают пол-галактики, может надоесть. Для них это чудо, для меня — работа. Я начал собираться в горы. Каренина показала мне одну пещеру, где на стенах были чудесные кристаллы изумруда. Я хотел привезти друзу Люцине. До гор добираться полдня, да еще по пещере идти день, не меньше.

Я улегся спать часа в два ночи. А еще через час меня разбудил Родригес и спросил, когда я видел Теодора Поляновского. А я его весь вечер не видел. Что я ему, нянька, что ли?

— Его нет в комнате. И нигде на территории нет.

— Потыкается в шахту, вернется, — сказал я. — Там Ахундов. Не пустит.

— И все-таки…

В общем, я оделся и проклиная энтомологию, пошел к подъемнику, чтобы узнать, не видал ли Ахундов этого Теодора.

Ахундов Теодора не видел. По простой причине: Ахундов был выключен. Видно, Теодор подошел к нему сзади, приложил ему к носу тряпку, пропитанную наркотиком, и Ахундов заснул. Виноваты

мы сами. Привыкли, что здесь всякая живность появляется лишь летом, и пока росток не пойдет, опасаться нам нечего, да и кто по доброй воле полезет к нам в шахту? Ахундов сидел перед входом, любовался звездами и никак не подозревал, что на него совершат такое покушение.

Пришлось вызвать Родригеса и доктора, приводить Ахундова в чувство и выяснять, что тот никакого Теодора не видел.

И тогда Родригес сказал:

— Просто не представляю, что теперь делать, — и посмотрел на меня.

— А какая последняя сводка? Может, он сам выберется?

— Сводка никуда не годится, — сказал Родригес. — Да ты же слышишь.

Я слышал, как из-под земли шел гул. Шахта набирала силу.

— Тогда я пойду, — сказал я.

— Кого с тобой послать? — спросил Родригес.

— Никого. Одному проще.

— А то я с тобой пойду.

— У тебя опыта нет. К тому же пока будем тебя готовить, опоздаем. А у меня все готово. Я с утра в горы собирался, в пещеру. Мне только скафандр натянуть, и я пошел.

— Ты уж извини, Ли, — сказал Родригес.

— Я сам виноват, — сказал я. — Ты просил за ним присмотреть.

Дверь подъемника была взломана чисто. Я бы так не смог.

Я проверил скафандр, взял запасной баллон и маску для Теодора, веревки, ножи, ледоруб. Родригес хлопнул меня по шлему. До рассвета оставалось часа два, и мы надеялись, что вода не пойдет до рассвета, хотя уверенности в этом не было. Родригес с Ахундовым остались наверху на связи. Доктор пошел разбудить Сингха и позвать его сюда на всякий случай со вторым скафандром. Родригес врубил аварийку для главного подъемника, на большее мы не пошли — не хотелось подымать людей.

Я вошел в подъемник, и Родригес помахал мне, показывая, чтобы я не задерживался. Задерживаться мне самому не хотелось. Мне еще не приходилось попадать в шахту в такой момент.

Странно было спускаться одному — всегда спускаешься со сменой. Стены главного ствола поблескивали под лучом шлемового прожектора. Содержание сока в породе было больше нормы. Приторный запах наполнял шахту, привычный, не очень приятный запах, которым мы все, ка-

жется, пропитаны навечно. Даже сквозь гудение подъемника слышны были вздохи, шуршания, словно за стенами шевелились живые существа, требуя, чтобы их выпустили на волю.

Внизу, в центральном зале, я постоял с минуту, рассуждая, куда бы Теодор мог направиться. Тоннель, ведший к западу, вряд ли мог соблазнить энтомолога. Уж очень он был обжит, исхожен и широк. Я не знал, есть ли у него хотя бы фонарь. Вернее всего, есть. Он казался человеком предусмотрительным.

Со стен стекала вода, и пол центрального зала был покрыт ею сантиметров на пять. Я опустил забрало шлема.

— Как у тебя дела? — спросил Родригес. Я включил связь.

— Много воды, — сказал я.

Большой плоскотел вывалился из стены и поспешил к подъемнику, словно хотел спастись с его помощью. Плоскотел громко шлепал по воде, и я погрозил ему ледорубом, чтобы он вел себя попристойней.

— Куда дальше пойдешь? — спросил Родригес.

— По новому стволу, — сказал я. — Он идет вниз, а наверно твой энтомолог рассудит, что так он быстрее проберется в дебри шахты. Его же

куда поглубже понесет.

— И поближе к центру, — сказал Родригес. — Он вчера мне устроил большой допрос, я ему сдуру показал планы. Он не скрывал, что хочет искать своих куколок в главных сосудах.

— Еще чего не хватало, — сказал я с чувством. — Там же потоп.

Тем временем я шел по новому стволу, спускаясь и скользя по сладкой массе породы, иногда переходя на неразобранные звенья транспортера.

— Родригес, — сказал я. — Это какая бригада здесь оставила метров пятьдесят транспортера?

— Я знаю, — сказал Родригес. — Они меня пытались убедить, что здесь периферия и нет смысла таскать туда-сюда тяжести. Я им разрешил. В порядке эксперимента.

— После такого эксперимента придется везти с Земли новый транспортер.

— Ладно уж, — сказал Родригес. — Нельзя не рисковать.

— Им просто лень было выволакивать оборудование. Вот и весь эксперимент.

Я был в прескверном настроении, Родригес это понимал, так что на мое ворчание не реагировал.

Мне мешала идти всякая живность. Зимой обитатели шахты спят или тихонечко роют свои ходы. А сейчас… Некоторые из них были весьма злобного нрава и устрашающего вида. В скафандре они мне неопасны, но ведь Теодор пошел практически голым. Вроде бы смертельно опасных зверей у нас в шахте не водилось — в прошлом году приезжали биологи, резали их, смотрели. Но как сейчас помню: Ахундов наступил на одну суничку, неделю лежал — нога как бревно.

Штрек повернул налево, пошел вниз. Этот штрек был разведочным. Он вел к большой полости почти в центре месторождения. Полость была естественная, мы думали, как бы ее использовать, но неподалеку проходили главные сосуды, и мы оставили полость как есть, чтобы не повредить месторождение.

Я шел штреком, по забралу шлема стекала жидкость, и приходилось все время вытирать ее, чтобы не загустела. Прожектор был ненадежен — даже при малом объеме множество бликов слепило и мешало смотреть вперед.

Я вдруг подумал: что за глупость, зачем мы называем вещи не своими именами? Ведь когда пришли сюда первые разведчики, они называли

вещи проще. Месторождение — репой, к примеру. Это уж мы, промысловики, наклеили на репу официальную кличку: **месторождение**.

3.

Когда мне предложили сюда поехать, я сначала воспринял эту шахту как настоящую. Когда мне объяснили, отказался наотрез. А потом меня взяло любопытство, и я все-таки поехал. И не жалею. Ко всему привыкаешь. Работа как работа. И сама планета мне нравится — сплошное белое пятно. Хотя, конечно, шахты — главное здесь чудо. Я помню, как-то пытался объяснить Люцине, что это все означает:

— Представь себе, милая, планету, на которой времена года меняются в два с лишним раза чаще, чем у нас. Недалеко от экватора на ней обширная равнина, окруженная горами. Климат там жутко континентальный. Зимой — ни капли влаги. И морозы градусов до ста. Что, ты думаешь, делают там растения зимой?

Люцина морщила свой прекрасный лоб:

— Наверное, они сбрасывают листья.

— Это не помогло бы.

— Знаю, — заявила Люцина. Ей так хотелось

быть умницей. — Не подсказывай. Они засыхают и прячут семена в землю.

— Усложняем задачу. Лето короткое, меньше месяца. За это время растение должно завершить цикл развития, дать новые семена…

— Знаю, — перебила Люцина. — Они очень быстро растут.

— Теперь я сведу воедино все твои теории и даже дополню их. Итак, представь себе очень большое растение. Такое, чтобы корнем оно могло достать до воды, которая находится здесь глубоко под землей. Этот корень — не только насос, который качает воду к стеблю, но и кладовая, где хранятся питательные вещества. Получается репа. Только диаметром в полкилометра.

— В полкилометра! — воскликнула Люцина и развела руками, чтобы представить себе, как это много.

— Теперь, — продолжал я, — растение может спокойно отмирать на зиму. Основная его часть живет сотни лет, только под землей. И как только наступает весна, оно дает новые побеги, и репа кормит и поит их. А наша шахта — внутри репы. И мы строим свои ходы в ней, как гусеница в яблоке, стараясь не нарушать главные сосуды, по которым поступает влага к растению. Года через

три переходим к другому растению. В долине их сотни, хотя они и находятся далеко доуг от друга. Есть репы молоденькие, они с трехэтажный дом, есть и репы-старожилы, одну нашли диаметром больше километра.

— А там есть другие… насекомые? — Этим вопросом я был поставлен на положенное мне место. Люцине всегда хотелось, чтобы я был как минимум капитаном звездного корабля.

— У нас масса конкурентов, неужели ты думаешь, что репа, единственный источник пищи в этой долине, будет обойдена вниманием местных тварей?

— Не думаю, — согласилась Люцина и спросила без особого беспокойства за мою судьбу:

— А они вас заодно не съедят?

— Нет, мы с ними не враждуем. Они вегетарьянцы.

— Ну, а за ними кто-нибудь охотится? — Моя жизнь показалась ей недостаточно драматичной.

— Когда наступает лето, в долину спускаются хищники, которые охотятся за насекомыми или зверями, что проводят зиму внутри репы, а летом выбираются на поверхность. Для них репа — лишь зимнее убежище. Есть у нас там, например,

бабочки удивительной красоты, крылья у них до полуметра. Мы их зовем радужницами.

— Хочу такую бабочку, — сразу сказала Люцина.

— Постараюсь достать, — пообещал я. — Но для нас главное не бабочки. Это плотная, богатая сахаром, витаминами и белками масса, которую тут же консервируют или сушат. Мы кормим всю планету и соседние базы, мы даже на Землю репу вывозим. Она нужна и парфюмерам, и медикам — ты наверное, читала…

— Конечно, — поспешила ответить прекрасная Люцина, и я ей не поверил.

4.

И вот я шел по узкому штреку именно в тот день, когда в шахту спускаться нельзя. Началась весна. Через день, а может раньше, сосуды репы начнут качать наверх воду. В такой период шахта закрывается, из нее вывозят оборудование, и пока не прекратится рост побегов, у нас отпуск. Обычно он длится недели две-три. А этот сумасшедший энтомолог вместо того, чтобы подождать месяц, бросился сюда один без скафандра, в поисках куколок.

Оказалось, я иду правильно. Я сообщил Родригесу.

— Хуан, тут лежит вскрытая торопыга. Он здесь проходил.

Торопыга была страшненькой на вид, такие нам часто встречались, мы к ним привыкли, и из их тяжелых, сверкающих жвал ребята делали ножи и другие сувениры. Я сам привез как-то Люцине такой нож. Она его тут же выкинула, как узнала, что это — жвалы какой-то гусеницы.

Уйти он далеко не мог. Я был в башмаках, которые не очень скользили по липкому полу, я знал куда идти, наконец, я не искал ничего, кроме Теодора, и не исследовал гусениц по дороге.

Идти становилось все труднее. С потолка падали капли, каждая наполнила бы стакан сладким соком, под ногами хлюпало. Стены штрека прогибались под напором сладкой воды. Репа гудела, радуясь весне. И где-то в этой липкой бездне бродил Теодор, причем с каждой минутой его спасение становилось все более проблематичным.

Навстречу мне ползли и бежали личинки, нимфы, плоскотелы, манги, торопыги, сунички, — все те жители репы, что летом не выходят наружу, отсиживаются внутри, на бесплатной кормежке. Беженцы шли сплошным потоком, стремясь

уйти подальше от центрального ствола. Они-то уж знали, когда им следует бежать. Я раздвигал их башмаками. Большая, черно-оранжевая леопардовая манга подняла голову и удивленно поглядела мне вслед, подумав видно: вот дурак, куда идет? Оттуда наш брат, подземный житель, живым не возвращается.

Я рассчитывал отыскать Теодора в полости, но нашел там лишь следы его недавнего пребывания. Одной из стен он нанес несколько порезов ножом, словно что-то выковыривал из нее. Затем он, видно, проследовал к дыре. Вот этого делать не следовало. Я сразу сообщил об этом Родригесу:

— Дело плохо, — сказал я. — Он отправился дальше.

— Ого, — сказал Родригес и замолчал. Я понимал, почему он молчит. Долг начальника велел ему тут же вызвать меня обратно. Но и этого он сделать не мог — это означало погубить Теодора. Дыра вела в один из питательных сосудов репы. Это были вертикальные туннели, по которым и поступала вода к ростку. Мне приходилось туда лазить в хороший, сухой период, и то эти колодцы, в которых всегда сыро и жарко, не вызывали желания в них возвращаться. Мы тщательно наносили их на план шахты, чтобы не врезаться

к ним штреком. Внизу, в глубине, покачивалась вода. Здесь терпеливо ждали своего времени выползти на свет миллионы всяческих тварей. И это было в сухое время. Что там творится сейчас — мне и думать не хотелось. Но Родригес молчал, а это значило, что мне все-таки придется туда идти.

— Решай сам, — сказал Родригес. — Скафандр у тебя надежный.

Ну и негодяй, подумал я о своем начальнике. Это во мне бушевала трусость. И ничего я с ней поделать не смог. Только я был уверен, что Люцине я об этом ничего не расскажу.

И я пошел к дыре.

Я сунул голову внутрь. Учтите, что я был в скафандре, спасательном скафандре, которому почти ничего не страшно. Теодор же отправился в это путешествие в простом комбинезоне. Вода подошла уже к самому краю отверстия. До нее оставалось метров десять, не больше. Ствол, метров шесть в поперечнике, был заполнен таким количеством живности, что мне захотелось зажмуриться и отправиться домой, к маме. Постояльцы кишели в воде, покрывали в несколько слоев стену, ворошились, праздновали свое скорое освобождение. А на той стороне ствола,

пониже отверстия, прижавшись к стене, висел на ледорубе покрытый насекомыми мой Теодор.

— Вы живы? — спросил я, осветив чудака фонарем.

— А, это вы, — ответил он также буднично. — Я скоро упаду. Вы не могли бы мне помочь?

Помочь? Помочь ему было невозможно, о чем я сообщил Родригесу, после чего загнал первый крюк в плотную ткань репы и вылез в ствол. Меня тут же облепили обитатели ствола, хотя, к счастью, приняли за своего и враждебности не проявляли. Но уступать мне сидячие места на стенках туннеля также не намеревались.

— Держитесь! — крикнул я Теодору, и тут же мне пришлось опустить забрало шлема, потому что какая-то игривая суничка прицелилась со мной подружиться и пожить немножко у меня на щеке.

Потом я помню, как, расталкивая зрителей, я загнал еще один крюк. На третьем я кинул взгляд вниз и увидел, что вода подобралась уже к ногам Теодора. Ему, хоть он и был самоотверженным исследователем, стало не по себе. Теодор пытался подтянуть ноги, грохнулся в воду и тут же пропал в этом компоте.

— Я пошел! — почему-то сообщил я Родригесу

и, с отвращением зажмурившись, нырнул вслед за Поляновским.

Я поймал его и попытался обнять, чтобы вытащить его голову на поверхность, и в тот момент случилось самое ужасное: начался Ток. Репа взревела, включив все свои насосы, и вода пошла, набирая скорость, вверх. И дальнейшее я как-то запамятовал…

5.

В это время наверху занялся рассвет. А так как многие в космограде знали, что наша репа — одна из самых крупных, вокруг собралось человек сто, с нетерпением ожидавших, когда первый луч солнца выглянет из-за горизонта. Все знали, что Это будет сегодня.

И вот, как только рассвело, громадный бугор (как и другие бугры в долине), усыпанный сухими ветками и слоем мертвых листьев, начал медленно вспучиваться. Это было грозное и неодолимое движение жизни, словно богатырь, проспавший под землей сто лет, решил выглянуть наружу и посмотреть, что делают тут незваные лилипуты. А те отодвинулись подальше от холма и включили кинокамеры. Родригеса среди них не было,

Родригес сидел у пульта управления подъемником и слушал, как рычит вода в венах репы.

Через несколько минут раздался грохот рвущейся земли и, разбросав на несколько метров сучья и листву, комья породы и камни, из земли появился первый росток. Не появился, а вырвался как меч, прорвавший занавес. Мы всегда говорим — «росток», и можно подумать, что он невелик. А росток — это зеленый палец диаметром чуть меньше тридцати метров. И растет он со скоростью три метра в секунду. Вот для чего требуется столько воды и питательных веществ — чтобы его родить на свет. Через минуту это уже был не росток, а пук раскрывающихся листьев высотой в полторы сотни метров. И такие ростки, поменьше, побольше, более раскидистые и менее раскидистые, вылезали по всей долине, и, словно по мановению жезла могучего волшебника, эта бесплодная, серая земля превращалась в пышный, ярко-зеленый лес… И тут же первые жители этого леса, прорвавшиеся наверх вместе с ростком, начали обживать свои дома, жрать листву, охотиться на себе подобных, пить нектар раскрывающихся цветов и сверкать крыльями под солнцем.

И вот тогда наступил решающий момент это-

го сказочного спектакля. По крайней мере так рассказывали об этом очевидцы. Как раз в той стороне могучего зеленого ствола дерева, которая была обращена к зрителям, было очевидное и значительное вздутие, словно растение собиралось пустить в ту сторону мощный побег, да почему-то этого не сделало. И вдруг у всех на глазах в зеленой массе что-то блеснуло. Никто сначала и не догадался, что это лезвие ножа. Стальное лезвие кромсало ствол изнутри, и завороженные зрители не могли оторвать глаз от этого феномена.

Никакой это был не феномен. Когда отверстие стало достаточно большим, в краях его обнаружились две руки, и они начали раздирать зеленую кору. Зрелище, говорят, было мистическим, ужасным и навевало мысли о злых духах, рвущихся на волю из заточения. Наконец в отверстии, из которого хлынул прозрачный сок, показался человек в скафандре, вымазанный соком и зеленой массой. Человек вывалился наружу, на молодую травку, и вытащил за собой еще одного, бесчувственного, как колода.

Только тогда зрители почуяли неладное и побежали к нам. У меня еще хватило сил откинуть забрало и потребовать, чтобы Теодору привели врача, потому что мне обидно было бы сознавать,

что после столь увлекательного путешествия по жилам репы он помрет. Меня поняли, и Теодора откачали.

Говорят, когда он пришел в себя — я этого не видел, потому что умудрился прийти в себя позже, — он первым делом спросил: «Как мои куколки?» Окружающие решили, что он спятил, но Теодор нашарил руками застежку на груди, открыл ее, и оттуда одна за другой вывалились три куколки размером с молочную бутылку, а из них, расправляя крылышки, вылетели бабочки-радужницы, которые теперь, когда на них пошла на Земле мода, известны под названием **полянок** — по имени Поляновского, преданного науке энтомолога. (Мое имя в энтомологии так и не прославилось).

6.

Разумеется, Люцине я эту историю излагал вдесятеро короче, иначе она не дослушала бы и сочла меня занудой и завистником. Впрочем, краткость меня не спасла.

— А он настоящий мужчина, — сказала она задумчиво. Она смотрела сквозь меня, через время и через миллиарды километров — туда, где

несгибаемый Теодор продирался сквозь сладкую репу, чтобы осчастливить Люцину полянкой.

— Опомнись, что ты говоришь! — возмутился я. — Полянку привез тебе я. И его вытащил тоже я.

— Ты… ты… всюду ты. — В голосе Люцины звучала скука. — Я хочу с ним познакомиться.

— Зачем?

— Тебе не понять.

…Лучше бы я привез ей друзу изумрудов из каренинской пещеры.

№ 12

Леонид Письмен

Всякие там цивилизации
Дневник наоборотника

30 декабря.

Этот год, едва начавшись, принес мне великую радость. Просто чудо, сколь быстро и полно сбы-

ваются дружеские пожелания, нашептанные за надтреснутой чаркой доброго прокисшего вина. Я не удивлюсь, если мое имя будет напечатано во всех вчерашних газетах мельчайшим петитом в конце самой последней страницы.

Но полно упиваться тщеславием, недостойным истинного изобретателя. Сегодня мне, наконец, удалось установить контакт с Альтернативным Пространством!

5 декабря.

Мой дневник в небрежении. По уши в работе. Аппарат еще не совершенен, и я провожу подле него сутки напролет. Только моя долготерпеливая жена способна еще вынести меня, причесанного и чисто выбритого, бормочущего комплименты.

Зато результаты уже налицо. Я ежедневно часами беседую с каким-то разумным существом из иного пространства. Правда, я никак не разберу, что оно хочет сказать, да и оно, боюсь, меня не совсем понимает. Но начало положено.

6 ноября.

Удалось усовершенствовать аппарат, заменив новые радиолампы на подержанные. Счастье, что у меня есть влиятельный знакомый в Управле-

нии Утиля, иначе такого чудного хлама нигде не достать. Дело сразу сдвинулось с мертвой точки. Теперь я уже слышу членораздельную речь и могу рассчитывать, что тоже буду понят.

9 ноября.

Удивительная штука! Оказывается, мой собеседник из Альтернативного Пространства занят тем же делом, что я, и тоже на седьмом небе от счастья. Правда, у него какие-то странные понятия обо всем. Про себя я называю его Наоборотником.

Впервые за два месяца провел вечер в кругу семьи, отметил установление контакта. Жена приготовила особенный ужин: сушеные мухоморы на касторовом масле. Детишки перемазались чернилами и наперебой щипали меня и пинали ногами. Шум стоял такой, что соседи пришли поблагодарить за беспокойство. В общем, отдохнул по-настоящему.

4 ноября.

Невозможно! Невероятно! Альтернативное Пространство — настоящая страна сокровищ. Они ходят по колено в грязи, дышат целебным дымом и копотью — и сами не замечают своего счастья!

Их автомобили выбрасывают из выхлопных труб живительный угарный газ — не то что наши, отравляющие все вокруг невыносимо пахнущим розовым маслом. Их реки покрыты липкой радужной пленкой, отрадой купальщика, — и они еще этим недовольны. Воистину, несовершенен род людской, и люди не умеют ценить того, что дано им в изобилии. Что они творят, безумцы! Они жгут мусор в огромных печах! Они сдают бутылки! Они пускают в переплавку ржавое железо, какое хранится за семью замками в наших сокровищницах! Боже! Боже!

19 сентября.

Подавил свой ужас и восторг. Эмоции — не дело изобретателя. У меня появилась идея аппарата, который позволит обмениваться с Альтернативным Пространством не только информацией, но и материальными объектами. От возможных экономических последствий такого обмена кидает в дрожь. Контакты с Наоборотником пока ограничил. Надо, чтобы он ни о чем не догадался, а то может запросить втридорога.

7 августа.

Наоборотник проговорился, что их сторона

тоже заинтересована в обмене. Они там считают, что золото и алмазы — это бог знает какая ценность. И еще им нравится, что наши реки текут молоком и медом. Что ж, их дело. По-видимому, можно будет сплавлять в Альтернативное Пространство разные промышленные отходы, избавившись тем самым от проблемы загрязнения среды. Но для этого понадобится массовый выпуск дешевых обменных аппаратов.

Сотрудничество с Наоборотником вновь наладилось. Копаем с двух сторон. Правда, его советы мне не очень-то помогают. Ему не понять, какое высокое искусство нужно, чтобы делать все кое-как.

14 июня.

Скоро ли? Скорей бы! Вся моя жизнь заключена в этом великолепном сооружении из перегоревших пробок и драных жестянок — в моем аппарате!

10 мая.

Все готово. Назначен первый опыт по обмену веществом с Альтернативным Пространством. Прибывает правительственная комиссия. Надеваю лучшие лохмотья, посыпаю голову пеплом и

преподаватель верховем.

1 мая.

Конец. Лежу в больнице. Еще повезло, что первый опыт шел с малыми дозами: иначе взрыв разворотил бы весь город. Оказалось, что сокровища наоборотников состоят из антивещества.

Вот проклятье! Теперь меня озолотят...

Донжуанский список

Имя профессора Хамбага из университета в Кокфорде, крупнейшего специалиста по О. К.-мезонам, хорошо известно десятку людей на всех пяти континентах. Однако широкая публика и не подозревала бы о разносторонних талантах ученого, если бы не счастливый случай.

Накануне выступления на симпозиуме в Севилье профессор Хамбаг, исследуя содержимое мусорной корзины в поисках текста своего доклада, обнаружил замасленный и обтрепанный свиток. Как выяснилось, он содержал около тысячи женских имен вместе с краткими пометками

нескромного содержания на архаическом испанском языке со множеством грамматических ошибок. Было высказано предположение, что найденный документ есть не что иное, как подлинник знаменитого «донжуанского списка».

Хотя профессор Хамбаг ничуть не верил этим выводам компетентных экспертов, все же он бережно отнесся к реликвии и принес ее к себе в лабораторию. И никто не знает, как сложилась бы дальнейшая судьба свитка, если бы глубокая депрессия, вызванная затяжными дождями и разочарованиями в личной жизни, — не заставила профессора Хамбага стереть пыль с приборов и вновь заняться постылыми О. К.-мезонами. Каково же было его удивление, когда на проявленных снимках он обнаружил странные траектории, в точности повторявшие строчки испанского текста! Причиной могла быть только таинственная находка: она валялась рядом с экспериментальной установкой.

Благодаря незаурядной энергии профессора Хамбага было проведено всеобъемлющее физико-химическое исследование реликвии. Свиток оказался, конечно, отнюдь не бумажным, и его обтрепанность была не более чем тщательно обдуманной маскировкой.

Если бы не новейшие достижения науки и техники, от него нельзя было бы оторвать и кусочка. Основная информация закодирована непосредственно в молекулярной структуре свитка, сделанного из парамагнитного сверхпроводящего полимера невыясненном природы. К сожалению, расшифровка текста еще не доведена до конца, так как она, по-видимому, превышает интеллектуальные возможности не только университетского компьютера, но и самих исследователей.

Свиток, по всей видимости, представляет собой отчет о социологическом исследовании, проведенном в Испании XVI века представителем высокоразвитой внеземной цивилизации. Статистическая выборка чрезвычайно широка; наиболее полны сведения о группе женщин (числом около тысячи), чьи имена фигурируют в тексте.

Примененная методика чрезвычайно остроумна. Чтобы войти в контакт с туземным населением, Пришелец установил контроль над телом молодого дворянина по имени дои Жуан ди Тенорио. Выбор «маски» следует признать удачным, так как обличие кастильского дворянина обеспечивало Пришельцу удобный контакт со

всеми слоями населения. Обследование женщин, входящих в основную выборку, осуществлялось путем установления так называемой интимной связи; мужчины изучались обычно с помощью миниатюрного датчика, вмонтированного в острие шпаги. Параметры других, наименее полно изученных групп населения снимались телеметрически.

Отметая возможные упреки в негуманности методики, мы хотим подчеркнуть незаурядный такт исследователя, действовавшего в соответствии с социальными нормами и предрассудками той эпохи, включая пение серенад, галантные речи и вызовы на дуэль. О его такте свидетельствует и маскировка отчета под «донжуанский список», для составления которого был использован робот Лепорелло, но выше всего проявилось чувство эпохи в способе отлета социолога с Земли: его ракета была изготовлена в виде каменной скульптуры, получившей известность как Статуя командора.

Последствия замечательного открытия профессора Хамбага трудно обозримы, но об одном уже можно говорить с уверенностью. Речь идет о той ясности, которую оно внесло в запутанный вопрос о мотивах поведения дон Жуана. Любая

теория по этому поводу должна объяснить и увязать следующие основные факты: 1) резкие изменения личности молодого дон Жуана перед началом его похождений; 2) статистически значимое отклонение его поведения от средних этических норм того времени; 3) легкость его побед над женщинами; 4) легкость его побед над мужчинами; 5) странный эпизод с Каменным гостем (заметим, что почти все авторы концентрируют свое внимание на втором пункте).

К сожалению, единой теории, объясняющей разом все странности дон Жуана, до сих пор не существовало. Лишь открытие Хамбага ставит все на место. Естественно, что «вселение» Пришельца резко меняет личность человека, сохраняя его внешнюю оболочку. Естественно, что образ жизни дон Жуана, сулящий обычному человеку так мало радостей и так много хлопот, как нельзя лучше подходит социологу. Естественно, что мудрый инопланетник, овладевший тайнами физиологии и высшей нервной деятельности, умеет брать свое. И наконец, естественно, что рано или поздно он должен исчезнуть в туче огня и дыма!

Судя по размаху и глубине социологических исследований, проведенных Пришельцем в средневековой Испании, трудно поверить, будто

его научная программа ограничивалась только данной страной и данной эпохой. Невольно возникает подозрение, что и другие донжуаны служили в разные исторические периоды и в разных странах тем же целям. Не секрет, что такого рода люди встречаются и в наши дни. Не значит ли это, что исследование Земли продолжается? Если это так, то перед нами открывается волнующая перспектива установления контактов с внеземными цивилизациями — без межзвездных перелетов.